

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СѪІІ.

1*

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СVII

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕНЪ ПЕР., Д. 13
1907

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

**ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ЯНВАРЬ, 1907 Г.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1907 г.

СТРАН.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. I—VIII. Н. А. Энгельгардта	7
II. Изъ дневника помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича, Н. И. Литвинова	41
III. Заговорщикъ. Историческій разсказъ. I—XIV. В. Г. Авсеенко	52
IV. Группы и портреты. (Листочки воспоминаній). Д. И. Стахъева	81
V. Воспоминанія о П. Л. Лавровѣ. I—V. Н. И. Фирсова (Рускина)	95
VI. Подъ думскимъ режимомъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	120
VII. Смутное время въ Харьковѣ. (Матеріалы для исторіи русской революціи). I—III. Князя М. Л. Шаховскаго	142
VIII. Воспоминанія о В. А. Гольцевѣ. Князя В. А. Щетинина	185
IX. Записная книжка П. А. Каратыгина. Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ	200
X. Памяти Н. П. Барсукова. В. В. Глинскаго	209
Иллюстраціи: Николай Платоновичъ Барсуковъ.	
XI. Тибетскій Далай-Лама. П. К. Коалова	230
Иллюстраціи: 1) Монастырскій флигель, въ которомъ проживалъ далай-лама, будучи въ Ургѣ.—2) «Ламзъ-хамбо». Галсанъ. «Сойбонъ-хамбо».—3) Галсанъ. Н. Д. Дыдыколь.—4) Домъ Ургинскаго богдо-гегена.—5) Группа тибетцевъ изъ свиты далай-ламы.—6) Восточно-монгольскія княгиня Ахай, княгиня Катунь, княгиня Нэнэ.—7) Монгольскій князь Шандуръ-гуяъ съ двумя адъютантами.	
XII. Полярная обитель. А. Д. Григорьева	250
Иллюстраціи: 1) Монастырская гостиница на берегу р. Княжухи.—2) Часовня надъ могилами убитыхъ нвоковъ.—3) Храмъ монастыря.—4) Мстность около монастыря.	
XIII. Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. I. Ликвидация Николаевскаго режима. В. В. Глинскаго	262
Иллюстраціи: 1) Михаилъ Александровичъ Бакушинъ.—2) Александръ Ивановичъ Герцель.—3) Николай Платоновичъ Огаревъ.	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	288
XV. Критика и библиографія	317

1) Краткое описаніе новаго владѣнія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ городѣ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. Съ 29 фототипіями работы К. А. Фишера. Москва. 1906. А. Р—снаго.—2) Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія его императорскаго высочества. Въ двухъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Составилъ Д. П. Струковъ. Сиб. 1906. В. Рудакова.—3) А. Соболевскій. Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906. А. н—о.—4) Профессоръ П. Жуковичъ. Селмоная борьба православнога западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1809 г.). Третій выпускъ (1820—1821 г.г.). Сиб. 1906. А. Ив—ича.—5) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. ч. императорскаго русскаго археологическаго общества И. А. Вахромѣву. Выпускъ пятый. М. 1906. В. Рудакова.—6) В. Ф. Милдери. Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Спб. 1906. А. я.—7) В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литера-

(См. слѣд. стран.).

туры. Часть I. История древней русской литературы. Спб. 1906. А. И. Яцимирского. — 8) Вирюковъ П. Л. Н. Толстой. Биография. Т. I. М. 1906. А. Ф.—на. — 9) С. П. Никоновъ, профессоръ Харьковскаго университета. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Харьковъ. 1906. В. Гр—снаго. — 10) Материалы по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Залиска члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, В. Э. Фриша, командированнаго за границу для изученія некоторыхъ вопросовъ по охраненію государственнаго и общественнаго порядка и свойствъ въ западно-европейскихъ государствахъ. X, ч. I. Франція, Ч. 2. Австрія, Ч. 3. Германія, Ч. 4. Работные дома. Спб. 1906. В. И. Музиева. — 11) Н. Л. и Г. Вутли. Фран-масонство и государственная измѣна. Вып. I. Спб. 1906. А. Нечволодовъ. Отъ разоренія къ достатку. Спб. 1906. А. Б.—12) Викторъ Обнинскій. Полгода русской революціи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (октябрь 1905 г.—апрѣль 1906 г.). Вып. I. Спб. 1906. А. Б.—ва.—13) М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному. Томъ II—III. М. 1906. Г. Кохъ. Очеркъ по исторіи идей и государственнаго управленія. Спб. 1906. П. Б.—14) Вопросы религіи. Религіозно-общественная библіотека. Серия I. Выпускъ I. М. 1906, 8° стр. 1—334. П. В. В.—15) М. А. Грибовская. Римъ и его окрестности. Спб. 1906. В.—16) Юліанъ Булаковскій. Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906. Б. В.—17) Анна Догановичъ. Три. Бытовые рассказы. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1906. И—аго.—18) Н. Ф. Сумцовъ. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ писателей XVII столѣтія. Спб. 1906. А. Я. — 19) Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Т. VIII. Письма. Примѣчанія П. О. Морозова и В. В. Каллаша. Спб. 1906. М. м.—20) М. Довнаръ-Запольскій. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1905. А. Ив—ича.—21) Jgn. Chrzanowski. Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa. 1906. in 8, стр. 280. (Игн. Хржановскій. Мартинъ Вѣльскій. Литературный этюдъ. Варшава). Г. А. Воробьева.—22) Gomułicki, W. Rewolucja 1830—1831 r. Warszawa i Lwów. 1906. Pawłowski, Bronisław. Szkoła podchorążych piechoty a wybuch rewolucji 29 listopada 1830. Lwów. 1906.—23) Tadeusz Korzon. Kościuszko, biografia z dokumentow wysnuta w Krakówi. Warszawa. 1906. Г. В.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 352

1) Еще о Гомерѣ.—2) Популярная исторія Христофора Колумба.—3) Четырехсотлѣтіе Джорджа Буканана. — 4) Корсиканскій король Теодоръ I.—5) Исторія знаменитой фразы генерала Камбрана.—6) Романъ въ музыкальной мелодіи.—7) Маркс—плагиаторъ.—8) Письма графа Гацфельда во время Французско-германской войны.—9) Влюбленный Ибсенъ. — 10) Религія Японіи.—11) Религіозная политика Вильгельма II.—12) Смерть графа Шеста, Юліана Клячко и Фердинанда Брюнетьера.

XVII. Смѣсь 381

1) Юбилей англійскаго собранія. 2) Чествованіе памяти Н. И. Пирогова. 3) Чествованіе Н. И. Каразина. 4) Юбилей А. Н. Альмедингена. 5) Литературный юбилей А. А. Плещеева. 6) Освященіе памятника А. Р. Шуляченко. 7) Общее собраніе кассы взаимопомощи писателямъ и ученымъ. 8) Антропологическая и этнографическая выставка въ академіи наукъ. 9) Кружокъ любителей русскаго языка въ Вѣнѣ. 10) Вахрушинскіе пожертвованія.

XVIII. Некрологи 390

1) Астафьевъ, Н. А. — 2) Гаринъ, Н. Г. (Михайловскій) — 3) Гольцевъ, А. В.—4) Игнатьевъ, А. П.—5) Клименко, В. В.—6) Клокова, К. С.—7) Коноваловъ, М. И. — 8) Лентовскій, М. В. — 9) Пугкаревъ, П. Л. — 10) Соколовскій, П. А.—11) де-Скороховскій, К. О.

XIX. Замѣтки и поправки 398

1) Къ воспоминаніямъ М. И. Худякова. Мих. Соколовскаго.—2) Письмо въ редакцію.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ П. Л. Лаврова. — 2) Записки герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магской. I—II.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1907 году

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ПЕТРЪ ЛАВРОВИЧЪ ЛАВРОВЪ

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго.

— — —

Сядьте, лорды,
Со мной на землю, поведемте рѣчь
О бѣдныхъ короляхъ. Взгляните, сколько
Ихъ свергнуто съ престоловъ, пало въ битвахъ,
Измучено явленьемъ страшныхъ тѣней..
Смерть царствуетъ въ коронѣ королей!
Тамъ, тамъ она, смѣясь и скаля зубы,
Насмѣшливо даритъ ничтожный мигъ
Имъ почестей и славы, и безумцы
Грозятъ съ своихъ престоловъ...

Шекспиръ. Король Ричардъ второй.

Дѣйств. II. Сц. II.

— — —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

— Ah! monsieur l'auteur, quelle belle occasion vous avez là de faire des portraits! Et quels portraits! Vous allez nous mener au château de Madrid, au milieu de la cour. Et quelle cour!..

— Hélas! monsieur le lecteur, que me demandez-vous là?.. Ye voudrais bien avoir le talent d'écrire une Histoire de France; je ne ferais pas de contes..

— Ah! je le m'aperçois que je ne trouverai pas dans votre roman ce que j'y cherchais.

— Je le crains.

Prosper Mérimée.

(— Ахъ, г. авторъ, какой прекрасный поводъ дать рядъ портретовъ! И какихъ еще! Вы поведете насъ въ испанскій замокъ, ко двору. И какому!.. — Ахъ, г. читатель, что вамъ отъ меня угодно?.. У меня, кажется, хватитъ способности написать исторію Франціи, но я не умѣю рассказывать сказки... — Ахъ! Кажется, я не найду въ вашемъ романѣ того, что ищу. — Боюсь, что не найдете.)

Просперъ Мериmé. Хроника царствованія Карла IX. Гл. VIII. Разговоръ между читателемъ и авторомъ.)

А ПОСЛѢДНІЕ два года явилась возможность обнародовать многіе документы, проливающіе яркій свѣтъ на трагическую личность императора Павла Петровича, его дворъ и роковыя мартовскія событія, завершившія краткое царствованіе «коронованнаго Гамлета». До сихъ поръ сокрытое подъ спудомъ цензурнаго запрета, стало достояніемъ научной критики. Но уже въ капитальномъ трудѣ покойнаго Шильдера, истиннаго художника исторической монографіи, возникла необыкновенно сложная и противорѣчивая фигура монарха, до тѣхъ поръ, въ ходячихъ анекдотахъ и пошлыхъ эниграммахъ, слышнаго вульгарнымъ тираномъ и ограниченнымъ полубезумнымъ депотомъ. Оказалось, что въ личности Павла I художникъ можетъ найти неизсякаемый матеріалъ чертъ высокихъ, рыцарски благородныхъ, политическаго генія, самой утонченной образованности, самой нѣжной чуткости и, рядомъ съ этимъ, дикіе

взрывы необузданнаго гнѣва, тиранства, слѣпота самовластія, и все это, переплетенное трагическимъ юморомъ и буффонадою, достойною, быть можетъ, родителя его, Петра III. Художникъ, вглядываясь въ павловскую эпоху, найдетъ въ ней всѣ элементы великой трагедіи, самую романическую обстановку; онъ признаетъ, что Павелъ и окружавшія его историческія личности достойны и подѣ силу только шекспировской хроникѣ. Въ Павлѣ—скопленіе всѣхъ противорѣчій, искривленій, несуразностей петербургскаго періода русской исторіи. Онъ былъ наслѣдникомъ всѣхъ кровавыхъ переворотовъ XVIII вѣка; но въ роковыхъ мартовскихъ дняхъ—истокъ и всѣхъ переворотовъ XIX-го. «Освободители», наполнившіе спальню Михайловскаго замка въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г., были, несомнѣнно, прадѣдами всѣхъ послѣдующихъ «освободителей».

Прагматическая нить исторіи XVIII столѣтія увидитъ въ Павлѣ I логическое послѣдствіе трагической смерти несчастнаго царевича Алексѣя, и, въ свою очередь, именно ночь 11 марта является клубкомъ прагматической нити исторіи XIX вѣка и даже нашихъ дней. Декабристы, первое марта и современное «освободительное движеніе»—все это зародилось тамъ, въ мрачномъ замкѣ-крѣпости, по плану укрѣпленій Вобана, со рвами, подъемными мостами, потайными ходами, люками бездонныхъ колодезь, лабиринтомъ дворовъ, лѣстницъ, коридоровъ, съ намерзшимъ инеемъ и льдомъ по стѣнамъ сказочно роскошныхъ залъ, съ плѣсенью, поѣдающей драгоценную живопись, гобелены, бархатъ, съ туманомъ отъ непросяхающей сырости. Отсюда и весь мракъ, весь ужасъ русской революціи, совершающейся рядомъ взрывовъ у ступеней окровавленнаго трона уже два вѣка. Кровь царевича Алексѣя повела къ крови несчастнаго Иоанна Антоновича, Петра III, Павла Петровича. Кровь Павла Петровича отозвалась кровью 14 декабря и 1 марта, и нынѣ всходитъ кровавымъ посѣвомъ «конституціоннаго» 1906 года. Кровь рождаетъ кровь. Страшный посѣвъ рукою Петра Великаго, начавшаго казнями стрѣльцовъ и кончившаго пытками и умерщвленіемъ роднаго сына, по сей день кровавой жатвой роетъ по Руси. Преступленіе на тронѣ падаетъ на весь народъ. Таковы роковые законы исторіи, такова ея кровавая прагматика.

Центральное положеніе фигуры Павла I на порогѣ двухъ столѣтій давно бросалось въ глаза авторамъ мемуаровъ того времени. Перешагнувъ одиннадцатое марта, оставивъ за собою обезображенное тѣло, съ разбитымъ вискомъ, подѣ осѣняющей огромной треугольной шляпой, на торжественномъ катафалкѣ, антично-прекрасный златокудрый юноша, императоръ Александръ не стряхнулъ, однако, съ плечъ своихъ груза преступленій XVIII столѣтія и, вступая въ Успенскій соборъ, за шлейфомъ горностаевой мантии влекъ цѣлую свиту потрясающихъ фигуръ усердныхъ «слугъ» своихъ предшественниковъ. Объ этомъ говорить въ своихъ «Anecdotes»

графъ Теодоръ Головкинъ: «On vit au sacre d'Alexandre I-er des gens de tous les régnes, des complices de toutes les revolutions» («На коронаціи Александра I видны были дѣятели всѣхъ царствованій, сообщники всѣхъ революцій», — подразумѣвается, XVIII вѣка). И, далѣе, графъ Теодоръ приводитъ слова изъ перехваченнаго въ Вѣнѣ французской полиціей письма г-жи Нуассевиль, эмигрантки, оставшейся въ Россіи, къ графу Одоннель. Онъ находитъ эту фразу достойной Тацита: «J'ai vu ce jeune prince marchant à la cathédrale, précédé des assassins de son aïenl, entouré de ceux de son père et, selon toute apparence, suivi des siens». Хотя современная свобода печати и позволяетъ намъ перевести эти слова на русскій языкъ, но, изъ чувства деликатности, изъ уваженія къ мертвымъ, мы ихъ не переведемъ, а только прибавимъ: не каждый ли разъ за два вѣка петербургскаго періода русской исторіи, неограниченные властители неудержимо разросставшейся колоссальной имперіи вступали въ Успенскій соборъ съ такою свитой, видимой глазамъ посвященныхъ въ дворцовыя тайны, для толпы простецовъ неуловимой?!...

Но, изучая дворъ самого Павла I, мы находимъ въ немъ обломки всѣхъ революціонныхъ переворотовъ, потрясшихъ Европу съ 1789 г. Тутъ и французскіе эмигранты, и принцъ Конде, и развѣнчанный польскій король, тутъ мальтійскіе рыцари, тутъ масоны и якобинцы подъ благочестивыми масками, тутъ и Адамъ Чарторыйскій, и нѣмецкіе принцы, и наслѣдники политики герцога Юганна Бирона—курляндскія лисицы съ сердцами тигровъ! Тутъ и іезуиты, и улыбающіеся итальянцы! Какая разнообразная смѣсь эпохъ, вѣрованій, понятій!

И надъ всѣмъ этимъ пестрымъ людскимъ фараономъ—монархъ отъ головы до ногъ, гросмейстеръ мальтійскаго ордена, угаданный значеніе перваго консула Наполеона Бонапарта и провидѣвшій въ немъ, если и не короля, то кого-то не ниже въ отношеніи искусства самовластія, въ византійскомъ злато-аломъ далматикѣ, съ перевязью, на коей вышиты Страсти Христовы, въ трехрогой шляпѣ и ботфортахъ, съ гнѣвомъ на челѣ, съ прекрасной грустью, искаженнаго природою, генія въ большихъ глазахъ, съ змѣящейся улыбкой буфона на устахъ,—самъ Павелъ Петровичъ, самодержецъ все-россійскій! Дѣло исторіи произнести безпристрастный и окончательный судъ надъ нравственной личностью и дѣлами его. Тѣмъ болѣе, что краткому царствованію Павла предшествовалъ многолѣтній, подготовительный, «гатчинскій» періодъ, мало изученный и давшій начало цѣлой системѣ, гражданской и военной, сохранявшейся въ два слѣдующія царствованія. Прошло время пошло-либеральнаго, короткоумнаго и верхогляднаго высмѣиванія Павла Петровича, вертѣвшагося на обвиненіяхъ его... въ перемѣнѣ екатерининскаго обмундированія гвардіи на старо-прусскіе кафтаны,

косички и бублики!.. Мы знаемъ, что армія и простой народъ любили Павла. Мы знаемъ, что развращенность и изнѣженность гвардейцевъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины превосходили всякое вѣроятіе. Мы уже съ иныхъ точекъ смотримъ на многое въ царствованіе Павла I, и въ особенности на «пьяныхъ режиссидовъ», «освободителей» ночи одиннадцатаго марта. Конечно, вѣсы исторіи еще долго будутъ колебаться, склоняясь то вправо, то влево. Еще долго будутъ спорить, рѣшая загадку Павлова царствованія. Но художника, но беллетриста, но драматурга будетъ всегда привлекать романическая фигура духовидца, рыцаря и Гамлета Россійской имперіи, дающая для пера и кисти, для искусства актера самые яркіе и благодарные контрасты.

Если мы сказали, что личность Павла и вся его эпоха, люди его окружавшіе, трагедія, совершившаяся въ Михайловскомъ замкѣ достойны и подъ силу шекспировской хроникѣ, то этимъ опредѣлили всю скромность той задачи, которой хотѣли достигнуть въ нашемъ трудѣ. Воскресить хотя нѣсколько въ болѣе наглядныхъ картинахъ, въ болѣе живописныхъ портретахъ, чѣмъ тѣ, которые даютъ историческія монографіи, отодвинутую отъ насъ столѣтіемъ, эпоху— вотъ все, чего мы хотѣли достигнуть. Предметъ еще новъ подъ перомъ беллетриста. И нашъ первый абрисъ средствами художественнаго слова дастъ удовлетвореніе первому свѣжему любопытству читателей. Но мы не сомнѣваемся, что личность Павла скоро станетъ въ ряду излюбленныхъ романомъ и драмой сюжетовъ изъ нашей исторіи и тогда болѣе сильное перо дастъ образамъ ту шекспировскую силу, о которой не дано мечтать обыкновеннымъ способностямъ беллетриста. Опредѣлимъ нашъ трудъ словами остроумнаго автора «Chronique du règne de Charles IX», котораго такъ любилъ Пушкинъ и отрывокъ изъ довольно неучливой пикировки котораго съ читателемъ мы поставили эпиграфомъ этого предисловія: «Je venais de lire un assez grand nombre de mémoires... J'ai voulu faire un extrait de mes lectures, et cet extrait, le voici»,— то-есть: «я прочелъ довольно большое число воспоминаній... Я задумалъ составить экстрактъ изъ прочитаннаго мною; и этотъ экстрактъ передъ вами».

Николай Энгельгардтъ.

19 октября 1906 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Que de choses dans un menuet! Recommencez votre révérence, et que vos titres de noblesse vous accompagnent dans vos moindres actions, madame!

Marcel, danseur (mort en 1759).

...Тутъ тихо, тихо, словно изъ далека,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелеститъ осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ въ шумѣ ихъ полета
И вьолончеля звуки и фагота.
И вотъ, держася за-руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстоянн,
Подъ музыку мы двинулись...

Гр. А. К. Толстой. Портретъ.

I.

Старая фаворитка и «бриллиантовый» князь.

— Ахъ, дорогой князь, не говорите мнѣ ничего въ пользу вашего друга. Я могу чувствовать наклонность только къ благородному сердцу, и всѣ поступки, ему чуждые, внушаютъ мнѣ неодолимое отвращеніе!

Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова сказала эти слова давнему пріятелю, «бриллиантовому» князю, Александру Борисовичу Куракину.

Они сидѣли въ небольшой гостиной покоевъ верхняго этажа Смольнаго монастыря, куда уже не разъ удалялась отъ двора Ека-

терина Ивановна, теперь, видимо, навсегда утратившая фаворъ. Императоръ Павелъ Петровичъ былъ увлеченъ новой привязанностью.

Окно было открыто. Жаркій юльскій день только еще начинался. Свѣжее дыханіе водъ и растений увлажяло воздухъ. Испещренный цвѣтами зеленый коверъ муравы спускался отъ самыхъ стѣнъ бѣлаго, квадратнаго зданія до Невы, съ прихотливой сѣтью узкихъ дорожекъ. Посрединѣ луга помѣщались мраморные солнечные часы и прелестная группа: Амуръ, съ крылышками бабочки, какъ бы летящій за тѣнью квадранта, но связанный по рукамъ и ногамъ цвѣточными цѣпями, конецъ которыхъ держитъ Разумъ. На часахъ была и надпись:

«L'amour réduit à la raison».

— Вы знаете нашего друга, — мягко возразилъ князь Куракинъ, — вы знаете, что когда новое чувство овладѣваетъ его сердцемъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, господствуетъ надъ всѣми его помыслами. Тогда все то, что раньше имѣло для него значеніе, все то, что было для него полезно, дорого, пріятно, перестаетъ существовать для него. Но и новое — старѣется. Время излѣчить нашего друга отъ увлеченія и основныя чувства возьмутъ верхъ. Но я только о томъ говорю, дорогая, что вы имѣете еще достаточно власти надъ императоромъ, чтобы смягчить опалу, постигающую вашихъ друзей. Душа у него прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны!

— Сердце! — съ горестной восторженностью воскликнула сорокалѣтняя смолянка, — сердце Павла! О, кто же лучше меня можетъ знать все возвышенное благородство этого сердца! Но... слуга Иван, отвратительный Иван! Знаете, князь, Иванъ Кутайсовъ поклялся передъ людьми, которыхъ считаетъ своими клеветами, и сказалъ точно въ этихъ выраженіяхъ, что онъ сумѣетъ дать чувствамъ своего господина, какое будетъ угодно ему, направленіе.

— Негодяи бываютъ болтливыми, — замѣтилъ Куракинъ. — Это, можетъ быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыхъ змѣй погремущками.

Нелидова не слышала остроумнаго сравненія князя. Негодованіе увлекло ее. Она говорила:

— Слуга заронилъ и укрѣпилъ мысль завести связи совсѣмъ инныя, чѣмъ тѣ, которыя его господинъ имѣлъ со мною. Стремясь воспалить воображеніе господина порочнымъ удовольствіемъ, онъ нашелъ сообщниковъ въ этой дѣвушкѣ и ея услужливомъ отцѣ! Я удаляюсь съ ихъ пути. Что же еще вы хотите отъ меня?

— Я уже это объяснялъ вамъ, — сказалъ Куракинъ. — Посѣщеніе Смольнаго императоромъ въ день тезоименитства государыни даетъ возможность вамъ видѣть его.

— Почему вы хотите, чтобы я видѣлась съ нимъ?—съ досадою возразила Нелидова.—Встрѣча съ нимъ возбудила бы во мнѣ только непріятныя чувства. Въ его поступкахъ проявилась низость,—да, не спорьте, князь, низость—la bassesse.

И, какъ будто это французское слово имѣло особую силу доказательности, фрейлина умолкла и съ рѣшительнымъ видомъ поднесла къ слегка вздернутому носику флакончикъ съ солью.

Въ небольшой гостиной, заставленной прихотливой мелкой мебелью, ширмами, фарфоровыми фигурками, миниатюрная Нелидова сама казалась фарфоровой маркизой, съ крошечными ножками въ башмачкахъ съ высокими красными каблучками, съ ручками ребенка, съ старомодной прической поднятыхъ высоко пудренныхъ волосъ.

«Бриллиантовый» князь получилъ это названіе въ екатеринины дни, когда являлся въ кафтанахъ, усыпанныхъ бриллиантами, съ бриллиантами на башмакахъ, шпагѣ, табакеркѣ. Павелъ заставилъ вельможу скрыть свои роскошные вкусы. Не широкаго охвата умъ, но старый, опытный придворный, изяществомъ полной фигуры, оклада бритаго лица, движеніями и словами поддерживавшій славу екатерининскаго двора, при которомъ воспитался, онъ былъ чуждъ утонченностямъ чувствъ, свойственнымъ старой смолянкѣ, представлявшей невиданное еще въ исторіи дворовъ Европы явленіе—платонической фаворитки монарха! Только рыцарственная фантазія Павла могла годы питаться такою эфемерною связью. Совершенный эгоистъ, высокій цѣнитель благъ тѣльныхъ, гастрономъ, любитель роскоши, драгоценныхъ камней, искусствъ, прекрасныхъ женщинъ, въ застольной мужской бесѣдѣ циникъ,—князь Куракинъ понималъ, что именно въ этой отвлеченности и безплотности узъ, связывавшихъ императора и фрейлину—основаніе того, что и онъ самъ, и всѣ лица, связанные съ нимъ и Нелидовой, въ сущности, держались при дворѣ на тончайшихъ паутинахъ. Дунулъ знойный вѣтеръ чувственности, и эти паутины оборвались.

«Иванъ», изъ брадобрѣвъ шагнувшій въ оберъ-гардеробмейстеры, а наконецъ, и въ оберъ-шталмейстеры, рассчиталъ вѣрно, противопоставивъ старѣющей Дульцинеѣ государя меланхолическую чувственность знаменитой московской красавицы дѣвицы Лопухиной.

Положеніе князя Куракина было чрезвычайно трудное. Онъ просилъ отставку. Императоръ, съ страннымъ хохотомъ и непонятными жестами, сказалъ, что онъ самъ знаетъ, когда князь ему болѣе не понадобится. Но братъ князя, генераль-прокуроръ Алексѣй Куракинъ уже былъ отставленъ. Финансовыя операціи, вспомогательная касса для дворянства, имъ задуманная, и различныя предположенія, настоящими авторами которыхъ были Сперанскій, молодой, даровитый поповичъ, выдвинутый княземъ Алексѣемъ и таившійся въ его канцеляріи, и прожекторъ Робертъ Вудъ, ко-

миссіонеръ голландскаго банкира Гопа, возбудили противъ генераль-прокурора канцлера Безбородко и государственнаго казначея графа Васильева—лицъ, пользовавшихся чрезвычайнымъ довѣріемъ государя. По мнѣнію Безбородко и Васильева, генераль-прокуроръ садится не въ свои сани и подалъ планы неудобныя и корыстолюбивыя.

Князь Алексѣй Куракинъ былъ смѣщенъ, а мѣсто его занялъ отецъ новой фаворитки, князь Лопухинъ.

Отставлены были одновременно баронъ Бугсевденъ и генераль Ховенъ, женатыя на интимныхъ институтскихъ подругахъ Нелидовой. Мало того, опала обрушилась и на барона Гейкинга, президента юстицъ-коллегии, женатаго на дочери престарѣлой начальницы Смольнаго, статсъ-дамы Делафонъ, прозванной всѣми воспитанницами монастыря—«Guten Mama».

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ рассчитывалъ на содѣйствіе близкихъ къ Нелидовой французскихъ эмигрантовъ. Этихъ лицъ онъ ожидалъ сегодня къ опредѣленному часу въ гостиной Нелидовой, къ которой пріѣхалъ заранѣе, чтобы приготовить ее къ предполагаемому совѣщанію. Но—болѣе чѣмъ когда—онъ нашелъ старую монастырку полной восторженно-благородныхъ чувствъ, со-всѣмъ не отзывчивую къ практическимъ планамъ придворнаго. Тѣмъ не менѣе, онъ терпѣливо продолжалъ обработку почвы въ нужномъ ему направленіи. Въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 іюля, императоръ съ приближенными вельможами долженъ былъ пожаловать въ Смольный на «полдникъ» и увеселенія воспитанницъ. Въ эти посѣщенія Павелъ Петровичъ проявлялъ всѣ обаятельнѣйшія стороны противорѣчиваго характера своего, какъ будто общество прелестныхъ малютокъ и цѣломудренныхъ дѣвушекъ-дѣтей отгоняло отъ него мрачныя фантомы больного воображенія. Это была лучшая минута для объясненія Екатерины Ивановны со своимъ прежнимъ коронованнымъ рыцаремъ-поклонникомъ.

Екатерина Ивановна была слишкомъ умна, чтобы не понимать намѣреній «бриллиантоваго» князя. Но гордость ея была возмущена.

— *Quelle bassesse! Quelle bassesse!*—съ горечью повторяла она про себя полюбившееся слово.

— Не возмущайте моего уединенія!—въ то же время говорила она.—Здѣсь, въ миломъ монастырѣ, я найду себѣ тысячу радостей въ жизни съ людьми, которые меня воспитали.

— Но m-me Делафонъ чрезвычайно стара, и едва-ли долго можетъ служить вамъ охраной,— попытался возразить Куракинъ.

— Меня переживутъ нѣкоторыя изъ дамъ здѣшняго чрезвычайно пріятнаго общества!

— Монастырь все-же монастырь. Ядовитыя жала престарѣлыхъ ось оттачиваютъ скука.

— У меня прекрасная библіотека, у меня моя арфа, мои карандаши,— всѣ предметы, которые такъ хорошо служили мнѣ къ развлеченію въ моменты, когда мнѣ приходилось страдать. У меня, милостью моего императора, достаточныя средства, чтобы благотворить забнувшей, нагой и голодной нищетѣ, которая находитъ тропинку въ эти монастырскія стѣны. Какое наслажденіе въ милосердіи къ страждущимъ человѣчества, неистощимое наслажденіе! И, наконецъ, главное— вѣра, утѣшеніе религіи, ничѣмъ не развлекаемыхъ размышленій о величіи Божества, о ничтожествѣ и суетѣ всего земного. Посмотрите, князь—поднимаясь на красныхъ каблучкахъ и граціозно протягивая ручку къ окну, продолжала Нелидова,—посмотрите, на той сторонѣ Невы—тихое пристанище. Тамъ, въ тѣни плакучихъ березъ, я найду послѣднее убѣжище, такъ близко отъ родного монастыря, гдѣ я была такъ счастлива, такъ безконечно счастлива!..

Князь посмотрѣлъ въ направленіи, въ которомъ простирала ручку Екатерина Ивановна, и на другомъ, Охтенскомъ берегу, съ большимъ неудовольствіемъ, увидѣлъ между кудрявыми березами мелькающіе кресты кладбища.

«Бриллиантовый» князь, преданный тлѣннымъ прелестямъ красоты рисованной и красоты живой, честолюбію и утонченностямъ стола, терпѣть не могъ напоминаній смертнаго часа.

Онъ не сказалъ ни слова, только крикнулъ и понюхалъ табакъ изъ драгоценной табакерки, которую держалъ въ рукахъ.

Лукавый блескъ мелькнулъ въ умныхъ глазахъ миниатюрной фаворитки, но сейчасъ же и погасъ.

Она опустилаь опять въ кресло, безнадежно бросивъ ручки на пестренькое свое платьице.

— Мнѣ не должно его видѣть, нѣтъ, не должно!—по дѣтски складывая плаксиво губки, прошептала она.—Его счастье будетъ всегда однимъ изъ предметовъ самыхъ горячихъ моихъ молитвъ. Но это все, чѣмъ я могу и хочу ему содѣйствовать.

— Нунцій его святѣйшества, графъ Литта! — возвѣстилъ, появляясь, лакей.—Ея высочество, принцесса Тарантъ и его сіятельство, графъ Шуазель-Гуфье.

II.

Обломки королевской Франціи.

Братъ чрезвычайнаго посла Мальтійскаго ордена, нунцій Литта, высокій молодой человѣкъ, съ идеально правильнымъ итальянскимъ лицомъ, въ черной сутанѣ и башмакахъ съ пряжками, какъ духовная особа, входилъ первымъ, но въ дверяхъ онъ посторонился и, съ глубокимъ поклономъ, пропустилъ въ гостиную престарѣлую принцессу, шедшую подъ руку съ Шуазелемъ.

Бывшая статсъ-дама несчастной королевы Маріи-Антуанеты, пережившая ужасы революціи, принцесса являлась живой реликвіей стараго Версальскаго двора и былой славы королевской Франціи. Она была одѣта такъ же, какъ и во дни величія Людовиковъ, но голова ея, отягощенная высокою пудреною прической, постоянно дрожала, такъ что принцесса, чтобы скрыть это сколь возможно, подносила руку съ кружевнымъ платкомъ и незамѣтно поддерживала подбородокъ.

Графъ Шуазель-Бопре, принявшій имя Шуазель-Гуфье, послѣ женитьбы на послѣдней изъ фамилиі Гуфье, происходившей отъ славнаго адмирала эпохи Франциска I, былъ посланникомъ въ Константинополь, когда разразилась революція. Онъ нашелъ убѣжище въ Россіи, обласканный Екатериной въ Царскомъ Селѣ, какъ авторъ прелестнаго сочиненія «*Voyage pittoresque de la Grèce*». Императрица даже хотѣла назначить графа президентомъ академіи на мѣсто Дашковой, но его смѣшныя увлеченія одной извѣстной кокеткой высокаго полета заставили ее отмѣнить это рѣшеніе. Императрица лишь купила замѣчательные серебряные сервизы графа. Императоръ Павелъ покровительствовалъ графу. Онъ былъ допущенъ въ интимный кругъ императора, какъ знатокъ, дѣйствительно несравненный, искусствъ, назначенъ былъ президентомъ академіи художествъ, — постъ, который привлекалъ и русскихъ знатоковъ и покровителей искусствъ, и, прежде всего, графа Александра Сергѣевича Строганова. Мало того, императоръ довѣрилъ Шуазелю знаменитую бібліотеку Варшавы и пожаловалъ обширныя земли въ Самогитіи.

Маленькаго роста, съ громадными черными бровями, съ носомъ попугая, съ краснымъ цвѣтомъ лица, причесанный съ буклями и косою, какъ требовала «гатчинская» мода, введенная Павломъ Петровичемъ, въ долгополомъ старо-прусскомъ кафтанѣ, онъ носилъ только маленькій крестъ Людовика въ бутоньеркѣ.

Нелидова встала и пошла навстрѣчу гостямъ. Три низкихъ реверанса, которыми она привѣтствовала принцессу, вызвали отвѣтный реверансъ принцессы Тарантъ, послѣ чего онѣ взяли другъ друга за руки и съ безмолвнымъ умиленіемъ посмотрѣли взаимно другъ на друга.

— Принцесса, при какихъ обстоятельствахъ мы видимся съ вами! — сказала Нелидова. — Какъ еще недавно кажется то время, когда мы впервые узнали другъ друга! Какъ свѣжо воспоминаніе о путешествіи графа и графини Сѣверныхъ! Тысяча семьсотъ восемьдесятъ первый годъ!

Голова принцессы Тарантъ задрожала отъ внутренняго волненія еще замѣтнѣе, такъ что она изо всей силы схватила себя за подбородокъ, снисясь поддержать ее.

— Весь міръ измѣнился съ тѣхъ поръ въ немного лѣтъ, дорогая mademoiselle, весь міръ! Гнѣвъ Божій постигъ Францію и потрясъ престолы королей Европы. Безуміе народовъ готовитъ имъ гибель. Но какіе прекрасные дни напомнили вы мнѣ, какіе прекрасные дни!

Принцесса усаживалась въ кресло. Улыбка восхищенія порхала возлѣ ея тонкихъ губъ, озаряя отцвѣтшее, но нарумяненное лицо.

— Прелестныя воспоминанія! Счастливыя времена!—отозвался графъ Шуазель.

— Помните, князь, наше путешествіе? — обращаясь къ Куракину, оживленно заговорила Екатерина Ивановна.—Вы вѣдь были тогда въ свитѣ великаго князя... Ахъ, онъ былъ тогда еще великій князь! Помните Вишневецъ, гдѣ насъ принималъ польскій король Станиславъ-Августъ? И онъ уже не король... А потомъ — Вѣна, Неаполь, Римъ, древности, художества, самая пріятная погода, и этотъ милый, добрѣйшій папа Пій шестой! И потомъ Миланъ, Туринъ и, наконецъ, Парижъ—водоротъ людей, вещей и событій, какъ сказалъ тогда его высочество!

На всѣхъ, бывшихъ въ гостиной, кромѣ нунція Литты, нахлынули, видимо, такія волнующія воспоминанія, что нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Въ умахъ собесѣдниковъ быстро сверкающей вереницей прошли картины недавнихъ еще, но безвозвратно былыхъ, пріемовъ, празднествъ, баловъ въ Версалѣ, Трианонѣ, Шантильи, которыми чествовали Людовикъ XVI и Марія-Антуанета русскихъ гостей—сына сѣверной Астреи, съ прекрасной супругой, incognito объѣзжавшихъ дворы Европы. Дѣйствительно, старая французская монархія представлялась тогда цесаревичу Павлу во всемъ блескѣ своего величія, невыразимой прелести, утонченной роскоши, нравовъ, обхожденія, просвѣщенія.

— Павелъ Петровичъ очаровалъ французское общество. Въ Версалѣ, да,—въ Версалѣ онъ производилъ впечатлѣніе, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный,—сказалъ князь Куракинъ.

— А въ мастерскихъ нашихъ художниковъ,—замѣтилъ графъ Шуазель,—онъ обнаружилъ такое знаніе искусствъ, которое могло только сдѣлать его похвалу болѣе цѣнною для художниковъ. Я могу это засвидѣтельствовать, потому что король...—онъ внезапно остановился и, закрывъ руками лицо, прошепталъ:—ахъ! то былъ король Людовикъ XVI!—повелѣлъ мнѣ сопровождать графа Сѣвернаго въ его посѣщенія мастерскихъ,—докончилъ, открывая лицо, графъ.—Въ особенности, онъ осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ мастерскія Грѣза и Гудона.

— Въ нашихъ лицахъ, академіяхъ,—сказала принцесса Тарантъ,—своими похвалами и вопросами Павелъ Петровичъ дока-

залъ, что не было ни одного рода таланта и работы, который не возбуждалъ бы его вниманія, и что онъ равно зналъ всѣхъ людей, знанія или добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣды и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаружили не только весьма проникательный, образованный умъ, но и утонченное пониманіе всѣхъ оттѣнковъ нашего языка. Это было общее мнѣніе.

— Во время придворнаго бала въ Версалѣ,—въ свою очередь разсказалъ князь Куракинъ,—толпа придворныхъ окружала короля. Тутъ же находился цесаревичъ, и, на замѣчаніе Людовика XVI, что ихъ тѣснятъ, великій князь сказалъ: «извините, ваше величество, я въ эту минуту считалъ себя за одного изъ подданныхъ вашихъ и, подобно имъ, находилъ, что, чѣмъ ближе къ вамъ, тѣмъ лучше».

Улыбка восхищенія появилась на устахъ старыхъ куртизановъ, такъ былъ въ стилѣ Версаля этотъ утонченный образецъ лести, напоминовенный Куракинымъ.

Опять помолчали, погруженные въ сладкія воспоминанія.

«Бриллиантовый» князь воспользовался минутой, чтобы перевести бесѣду на событія дня. Лица всѣхъ выразили крайнюю озабоченность.

— Знаете ли вы, князь,—сказалъ Шуазель,—кому собственно вашъ братъ обязанъ немилостью? Графъ Федоръ Головкинъ сумѣлъ представить планы Роберта Вуда своекорыстными...

— Графъ Федоръ? Якобинецъ? Пріятель Платона Зубова? А!..—слегка вскрикнулъ пораженный князь. — Да, да,—обращаясь къ нунцію, продолжалъ онъ,—всѣ Головкины—якобинцы. Но неужели вы не могли бы разъяснить вашему брату Юлію, приобретающему столь сильное вліяніе на императора, что наше общее дѣло—борьба съ якобинствомъ и возстановленіе потрясенныхъ революціей основъ общества—можетъ пострадать, если происки такихъ лицъ, какъ Федоръ, увѣнчаются успѣхомъ?

Молчавшій до сихъ поръ, нунцій пожалъ плечами.

— Мое вліяніе на брата ограничено,—сказалъ онъ.—Тѣмъ болѣе, что онъ всецѣло поглощенъ орденомъ и своей женитьбой на вдовѣ Скавронской.

— Онъ женится на Скавронской?! На племянницѣ покойнаго Потемкина? И государь соглашается на этотъ бракъ?

— На-дняхъ графиня Скавронская, невѣста моего брата, будетъ принята при дворѣ и даже включена въ число особъ высочайшей фамиліи.

— Невѣроятно!—изумился князь Куракинъ.—Все, что связано съ именемъ Потемкина, до сихъ поръ было ненавистно императору! Графинѣ пришлось покинуть столицу... А теперь!..

Нунцій не сказалъ ничего на послѣднее восклицаніе князя, при всей придворной опытности, сбитаго съ толку на этотъ разъ неожиданностью событія.

— Вы забыли, князь,—тихо напомнила Нелидова,—что покойный супругъ графини Екатерины Васильевны—внучатный братъ Петра III.

— Я долженъ вамъ сообщить нѣчто еще болѣе важное,—сказалъ графъ Шуазель.—Графъ Бугсгевденъ ссылается въ его эстляндскій замокъ Лоде.

Зловѣщее молчаніе охватило всѣхъ, сидѣвшихъ въ гостиной.

Екатерина Ивановна вдругъ рѣшительно поднялась на красные каблучки. Тонкія брови ея свела глубокая морщинка.

— Теперь, когда честный Бугсгевденъ удаляется въ изгнаніе, я знаю свой долгъ,—сказала она рѣшительно.—Я должна раздѣлить это изгнаніе съ нимъ и съ его женой, моей дорогой подругой. Да, князь, я согласна видѣть вашего друга завтра на нашемъ монастырскомъ праздникѣ, но лишь для того, чтобы высказать ему мою увѣренность, что онъ не воспользуется своей властью воспрепятствовать мнѣ послѣдовать за моей добродѣтельной подругой въ ссылку, куда онъ ее отправляетъ!

— Но, моя милая Екатерина Ивановна,—заговорилъ растерянно «бриллиантовый» князь,—такое заявленіе можетъ вызвать крайній гнѣвъ государя. А вы знаете, что въ припадкахъ гнѣва онъ забываетъ все и... и вы напрасно кладете голову въ пасть льва!

— Вы забыли, князь, что императоръ—рыцарь,—сказала маленькая фаворитка.—Еще не было примѣра, чтобы онъ обошелся хотябы только невѣжливо съ дамой!

— Какъ?! А его поступокъ съ г-жей Жеребцовой? — возразилъ Куракинъ.—Говорятъ, она написала письмо къ государю на другой день по восшествіи его на престолъ. Письмо было прелестно. И что же? Императоръ распечаталъ его, плюнулъ на бумагу и велѣлъ Кутайсову такъ отдать ей.

Нунцій и графъ Шуазель улыбнулись.

— Фуи, князь, какъ вамъ не стыдно передавать такую низкую сплетню!—въ негодованіи сказала Нелидова.—Возможно ли, чтобы императоръ поступилъ такъ съ письмомъ женщины, хотя бы это и была низкая куртизанка и сестра Платона Зубова!

— Однако, Жеребцова сама рассказывала это лѣтомъ и прибавляла, что не проститъ государю такого поступка съ ней,—настаивалъ Куракинъ, озлобленный на то, что фантастическое рѣшеніе старой монастырки губило всѣ его надежды на завтрашній день.

— Если это сдѣлалъ, то, вѣроятно, слуга, а не господинъ. Этотъ презренный Иванъ именно способенъ на такую лакейскую выходку! Но... довольно объ этомъ, князь! Мое рѣшеніе вамъ извѣ-

стно, оно неизмѣнно. Ибо это—мой долгъ. Дорогой графъ,—обратилась она къ Шуазелю,—вы хотѣли посмотрѣть мои рисунки, чтобы исправить погрѣшности вашимъ несравненнымъ карандашомъ?...

III.

Сердце фрейлины Нелидовой.

— Дорогая mademoiselle,—сказала, поднимаясь, принцесса Тарантъ.—Теперь я оставлю васъ.—Князь,—обратилась она къ Куракину,—вы не откажетесь проводить меня къ г-жѣ Делафонъ?

— О, да, принцесса, я долженъ засвидѣтельствовать свое почтеніе высокой начальницѣ и воспитательницѣ прелестныхъ монастырокъ!—отвѣчалъ князь.

Начались взаимные реверансы и поклоны.

— Идемте, князь; припомнимъ былое прекрасное время съ г-жею Делафонъ!

Съ этими словами, старая статсъ-дама Маріи-Антуанеты удалась изъ покоевъ фрейлины Нелидовой.

Екатерина Ивановна, между тѣмъ, передвигаясь быстро и неслышно на высокихъ каблучкахъ, собрала рисунки и карандаши и все это представила на судъ Шуазеля.

Это были виды различныхъ мѣстъ: Павловска, Гатчины, Петергофа и Царскаго Села, пасторальные сцены къ идилліямъ французскихъ поэтовъ и нѣсколько изображеній императора Павла Петровича въ домашней обстановкѣ.

Шуазель разсматривалъ съ улыбкой неизмѣннаго восхищенія рисунки и рассыпался въ самыхъ утонченныхъ комплиментахъ.

Нелидова предлагала ему карандаши, но Шуазель отстранялъ ихъ, увѣряя съ полной искренностью, какъ казалось, что поправлять въ этихъ прелестныхъ рисункахъ рѣшительно нечего.

Онъ передавалъ рисунки нунцію, который, съ самыми разнообразными ужимками нѣмой адораціи на подвижномъ лицѣ, каждый разъ, взглянувъ на бумагу, кланялся художницѣ.

Это привело Екатерину Ивановну въ дѣтскій восторгъ. Забывъ всѣ горести, она весело улыбалась.

Одинъ изъ рисунковъ особенно заинтересовалъ графа.

Онъ изображалъ лунную ночь, стремительно текущія воды рѣки, темныя деревья надъ нею и обломленную колонну на берегу. Въ то время, какъ другіе рисунки, съ тщательной тушовкой и вырисовкой всѣхъ мелочей, казалось, были начерчены перышкомъ беззаботной колибри, въ этомъ изображеніи проявилась неожиданная сила скорбнаго выраженія и движенія.

— Это прекрасно!—сказалъ нунцій.

Но Екатерина Ивановна послѣшно взяла изъ рукъ его рисунокъ. Брови ея свелись болѣзненно и опять набѣжала морщинка между ними.

— Ахъ, какъ попалъ сюда этотъ рисунокъ!—сказала она.— Это изображеніе ужаснаго призрака моего несчастнаго дѣтства! Ses eaux si dien ombragées d'arbre toufus qui effrayaient mon enfance!... Это рѣка въ Смоленскомъ селѣ нашемъ, Климатнинѣ, съ глубокими, черными стремительными водами, съ мрачными, старыми, тѣнистыми деревьями. Мнѣ рассказали о духахъ, живущихъ въ черной водѣ... Какъ это? Водяники, сѣдые, злые старики и дѣвушки съ зелеными волосами, которыя увлекаютъ прохожихъ и топятъ ихъ... И тамъ была еще одна несчастная, крестьянская дѣвушка, лишившаяся разсудка отъ жестокаго обращенія своихъ господъ. Она часто бродила въ рѣчныхъ тростникахъ, плакала и хохотала... Ахъ! и теперь часто мнѣ снится все это и я просыпаюсь съ бьющимся сердцемъ, въ слезахъ!...

Екатерина Ивановна взяла рисунокъ и послѣшно заперла его въ одинъ изъ пазухъ, съ инкрустаціями и толпою фарфоровыхъ фигурокъ на верхней крышкѣ, шкафиковъ на ножкахъ, тѣсвившихся среди другой прихотливой мебели гостиной.

— Дорогой графъ, лучше оцѣните вотъ эти рисунки,—продолжала она, отбирая нѣсколько листковъ.—Государыня императрица Марія Ѳедоровна дала мнѣ мысль для нихъ — стихъ Люцілія: «Гдѣ можно чувствовать себя лучше, какъ не въ нѣдрахъ собственной своей семьи?» Я полагаю поднести эти рисунки высокимъ гостямъ нашего монастырскаго праздника.

Она задумалась на мгновеніе и сидѣла, подперши пудреную головку. Графъ и нунцій съ особеннымъ выраженіемъ разсматривали идиллическія семейныя сцены, поднесеніе которыхъ Павлу Петровичу теперь имѣло значеніе весьма яснаго намека.

— Гнѣвъ Юпитера есть гнѣвъ вселенной,—сказала маленькая фаворитка.—Когда онъ улыбается—вся природа радостно блещетъ, щебечуть птицы, сверкаютъ ручейки, цвѣты умильно раскрываютъ вѣнчики и благоухаютъ, люди согласно, мирно предаются трудамъ и заботамъ. Но, когда отецъ боговъ и людей въ гнѣвѣ — сверкаютъ молніи, ревутъ вѣтры, клубятся тучи, природа въ смятеніи и ужасѣ, столѣтніе дубы падаютъ, вырванные съ корнями, подавляя при паденіи гнѣзда птичекъ съ ихъ малютками, и въ сердцахъ людскихъ бушуютъ дикія страсти, зависть и вражда, все нестройно, все несчастно!. Ужели не высокая заслуга, найдя путь къ сердцу владыки, охранять въ немъ безмятежный миръ и тѣмъ самымъ благотворить всей вселенной?... Павелъ улыбается—и ликуютъ подвластные ему безчисленные народы, Павелъ въ гнѣвѣ—все трепещетъ и ужасается. Что говорю! Развѣ вся Европа не отражаетъ малѣйшее движеніе русскаго царя?

Единая опора чести, порядка, законной власти, троновъ всей Европы—Павель!... Хранительница сердца Павлова, смирительница бурь въ немъ зрѣющихъ—есть хранительница и блага народовъ, блага всей Европы! Вотъ высокій жребій, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Что же будетъ теперь, когда сердце Павла въ рукахъ низкой куртизанки, направляемой своекорыстными интриганами, пробудившими въ немъ желанія чувственныхъ удовольствій?... Но будетъ объ этомъ! Скажите, графъ, вы еще не окончили ваше прелестное сочиненіе, ваше живописное путешествіе въ Грецію? Какъ восхитительны были послѣдніе отрывки, прочтенные нами. Императрица была чрезвычайно ими заинтересована.

— Моя работа подвигается постепенно. Надѣюсь, что она будетъ окончена,—скромно отвѣчалъ графъ Шуазель.—Во всякомъ случаѣ, возможность окончанія этого труда въ моихъ рукахъ. Но безумный вихрь революціи, развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, поправшіе законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, лишивъ лучшихъ людей Франціи ихъ отечества, изгнали и меня. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я лишенъ возможности кончить мой прекрасный домъ въ Парижѣ—*pavillon d'Idalie dans l'avenue de Neuilly*. Повѣрите ли, *mademoiselle*, тамъ все было сработано по античнымъ образцамъ древнихъ Аѳинъ съ совершенной точностью, изяществомъ, высокимъ искусствомъ!...

И графъ съ увлеченіемъ пустился въ подробное описаніе павильона Идалии.

Нунцій, уже не разъ слышавшій эти описанія, вѣжливо скулчалъ, терпѣливо ожидая ихъ окончанія.

Нелидова вставляла свои замѣчанія, показывавшія, что она обладаетъ значительными свѣденіями въ искусствѣ и жизни античной древности.

IV.

Сердце виконта Талейрана.

— Садись въ мою карету, нунцій,—говорилъ графъ Шуазель, выходя изъ Смольнаго.—Я тебя довезу до палаццо Юлія. А дорогой мы поговоримъ о многомъ.

Теперь онъ особенно походилъ на злого попугая, со своимъ крючковатымъ носомъ, насмѣшливыми глазами и ѣдкой улыбкой на губахъ, маленькій и быстрый въ движеніяхъ.

Онъ выпрыгнулъ въ карету, какъ птица въ клѣтку, за нимъ нунцій занесъ свой квадратный экклезіастическій башмакъ.

Графъ приказалъ опустить занавѣски оконъ и ѣхать медленно, какъ будто карета была пустая.

— Кажется, можно считать несомнѣннымъ, нунцій, что эта роза, въ пріятномъ обществѣ которой мы только что были, отцвѣла и

увяла навсегда. Въ ней нѣтъ благоуханія, и замокъ Лоде будетъ для нея гербаріемъ.. Видѣлъ-ли свѣтъ что-либо подобное?!—съ злой усмѣшкой продолжалъ Шуазель.—Старая дѣва—платоническая фаворитка императора... Съ этимъ покончено, и навсегда! Черные глаза Лопухиной, ея двадцать одинъ годъ и свѣжесть бѣленькаго личика, по законамъ природы, не могли не возобладать надъ сорока годами и чувствительнымъ прекрасодушіемъ, этимъ — какъ говорятъ тяжелые нѣмцы — *Schönseligkeit* нашей пріятельницы. Что дѣлаетъ теперь графъ Юлій?—спросилъ Шуазель нунція.

— Братъ устраиваетъ свои дѣла. Вдова Скавронская облагаетъ двумя милліонами ежегоднаго дохода,—отвѣчалъ нунцій,—она еще прекрасна; какъ вдова внучатнаго брата Петра Третьяго, отца императора, она въ фантазіи его заняла мѣсто родственницы и будетъ считаться принадлежащей къ высочайшей фамиліи. Приготовляя все для торжества бракосочетанія, братъ запирается съ художникомъ и поэтомъ Тончи и они вмѣстѣ сочиняютъ торжественную кантату,—*cantata a eseguirsi all'occasione delle faustissime nozze di sua eccellenza la signora contessa con sua eccellenza il signor conte*,—переходя съ французскаго на итальянскій языкъ, съ улыбкой говорилъ нунцій.

— Когда же будетъ свадьба?

— Осенью, въ октябрѣ.

— А какъ же съ обѣтомъ безбрачія балы и командора ордена?

— Примѣненіе къ обстоятельствамъ! — пожалъ плечами нунцій.— Два командорства приносятъ брату 300 тысячъ франковъ дохода. Къ тому же, самъ будущій гротмейстеръ ордена, императоръ Навелъ, не исполняетъ обѣта. Развѣ что ему захотѣлось бы избавиться отъ опеки прекрасной супруги.

— Когда приметъ гротмейстерство государь?—спросилъ графъ.

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, скоро. Мальтійскій орденъ, вмѣщая въ себѣ древнѣйшіе дворянскіе роды всей Европы, явится оплотомъ противъ якобинства и безбожія, потрясающихъ монархіи. Но, кромѣ того, святѣйшій отецъ возлагаетъ большія надежды, что когда императоръ-схизматикъ станетъ во главѣ ордена, подчиненнаго римскому престолу, когда, такимъ образомъ, и самъ онъ подчинится его святѣйшеству, то это будетъ шагомъ къ соединенію церквей—событіе радостное и давно ожидаемое всѣмъ христіанствомъ. Святѣйшій отецъ готовъ даже переселиться на Мальту, подъ охрану русскаго отряда, и предпринять паломничество въ Петербургъ для личной бесѣды съ императоромъ. Надъ этой особой задачей работаетъ аббатъ Губеръ, столь счастливо излѣчившій мучительную зубную боль императрицы Маріи Федоровны, предъ которой оставалось безсильнымъ искусство придворныхъ врачей.

— Аббатъ Губеръ! Иезуитъ!—изумился Шуазель.—Но вѣдь онъ въ сношеніяхъ съ первымъ консуломъ Наполеономъ Бонапартомъ, якобинскимъ исчадіемъ адскаго заговора, погубившаго престолъ Капетовъ.

— Послушай, графъ,—сказалъ нунцій, взявъ его за руку.—Ты, вѣдь, знавалъ когда-то виконта Талейрана?

— Талейранъ!—вскричалъ Шуазель.—О, это товарищъ моего дѣтства, интимный другъ юности и первыхъ шаговъ моихъ при дворѣ! Но вѣдь то было давно. Я еще знавалъ епископа Талейрана. Съ тѣхъ поръ онъ, увлеченный вихремъ революціи...

— Былъ послѣдовательно министромъ иностранныхъ дѣлъ Конвента, Директоріи и, наконецъ, перваго консула Бонапарта. Милый другъ, я видѣлъ его въ Вѣнѣ и виконтъ Августъ Талейранъ-Перигоръ шлетъ тебѣ со мною дружескій привѣтъ и напоминаетъ о нѣжныхъ чувствахъ былыхъ дней. Онъ живы въ сердцѣ виконта!

— Очень радъ, нэ... орудіе Бонапарта! Я—легитимистъ, приверженецъ монархіи Капетовъ, имѣя законнаго короля Людовика XVIII...

— Въ Митавѣ,—подсказалъ, улыбаясь, нунцій.

— Пока—въ Митавѣ,—строго сказалъ Шуазель.—Но мощное покровительство императора Павла, коалиція монарховъ Европы и золото Англіи скоро возвратятъ несчастному отечеству законный порядокъ, а трону Франціи и Наварры наслѣдника Святого Людовика.

— И я первый буду привѣтствовать это счастливое событіе,—сказалъ съ важностью молодой нунцій.

— Но Бонапартъ и виконтъ Талейранъ!?

— Конечно, они не станутъ работать на осуществленіе плановъ коалиціи. Виконтъ Талейранъ занятъ иной идеей—видѣтъ Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Это величайшая тайна, величайшая!—прошепталъ нунцій онѣмѣвшему отъ изумленія Шуазелю.

— Виконтъ Талейранъ напоминаетъ поэтому о юношескихъ дняхъ и узахъ дружбы графу Шуазелю-Гуфье!—сладко улыбаясь, вкрадчивымъ шепотомъ сказалъ нунцій на ухо своему спутнику.

Красное отъ природы лицо графа стало пламеннымъ.

— Какъ же согласить съ дружбой Талейрана дѣло, которому я преданъ?—спросилъ графъ.

— Очень просто,—беззаботно отвѣчалъ нунцій: поднявшись на высоту святого престола, на холмы Рима и Ватикана. Съ этой всемірной высоты все примиряется и объединяется! Благое дѣло—преклоненіе выи императора-схизматика и съ нимъ миллионъ дикихъ руссовъ подъ иго единой спасающей церкви, подъ власть первосвященника Рима и вселенной! Благое дѣло—коалиція монар-

ховъ противъ массоновъ и якобинцевъ и адскаго духа времени, потрясающаго и разрушающаго основы европейскихъ обществъ! Благое дѣло и реставрація монархіи Капетовъ! Но благимъ же дѣломъ съ высоты святаго престола явится и то, когда чистѣйшія руки святѣйшаго отца папы Пія VII возложатъ корону на императора французовъ, нынѣ перваго консула Наполеона Бонапарта и, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвратятъ клирикамъ Франціи ихъ права и имущество!

Нунцій торжественно умолкъ. И графъ нѣсколько мгновений хранилъ молчаніе, пораженный грандіозностью плановъ, развернутыхъ предъ его воображеніемъ нунціемъ.

Вдругъ попугай тряхнулъ клювомъ, острый пламень соображенія оварилъ его круглые глазки и, съ жаромъ пожавъ руку нунціа, онъ сказалъ:

— Проѣзжая черезъ Вѣну, передай виконту Талейрану выраженія самыхъ пламенныхъ дружескихъ чувствъ отъ товарища невинныхъ игръ дѣтства графа Шуазель-Гуфье! Прелестныя воспоминанія! Счастливыя времена! Лѣса, поля прекрасной Франціи! Пріютъ невинности и мира! О, моя мать! О, невинность! Прелестныя, прелестныя воспоминанія! Вы были для меня источникомъ самыхъ чистыхъ наслажденій! Благоговѣю передъ вами!

V.

Монастырскій праздникъ.

22 іюля, въ день ангела державной покровительницы императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ ранняго утра Смольный кипѣлъ жизнью. Хотя уже наканунѣ все было заготовлено, а обдуманно за цѣлые мѣсяцы раньше, хотя императорская чета и августѣйшіе гости должны были прибыть только къ монастырскому полднику, а солнце еще не высоко поднялось надъ вершинами парка, всѣ, начиная съ начальницы, Софіи Ивановны Делафонъ, до послѣдней воспитанницы изъ «мелюзги коричневой», самаго младшаго возраста, хлопотали, волновались, суетились, оглашая дортуары и длинныя галереи монастырскаго зданія щебетомъ французскаго языка.

За мѣсяць до празднества вышелъ императоръ зкій указъ, позволяющій дамамъ обѣихъ столицъ и въ провинціи отъ извѣстнаго чина носить платья, сшитыя по новѣйшей модѣ французской, и Софія Ивановна спѣшно заказала праздничныя платья монастырокъ моднаго покроя. Было извѣстно, что разрѣшеніе дано императоромъ въ угоду и по просьбѣ новой фаворитки Лопухиной. Многочисленные роялисты французской эмиграціи увидѣли въ этомъ опасный для ихъ плановъ политическій шагъ императора. Якобинская мода узурпаторовъ власти древняго престола Франціи полу-

чала права гражданства въ монархической Россіи! Мало этого, императоръ, опять-таки по просьбѣ Лопухиной, разрѣшилъ танцовать вальсъ, до сихъ поръ ему ненавистный танецъ революціоннаго мѣщанства. Это были какъ бы первые признаки какого-то новаго курса, входившаго съ новой фавориткой и стоявшей за нею партіей. Правда, французскіе эмигранты Петербурга не встрѣтили въ опасеніяхъ своихъ сочувствія среди дамъ и любовницъ, находившихъ, что политика—политикой, а мода—модой. Дамы приняли съ восторгомъ разрѣшеніе, благословляли императора, и Лопухина сразу приобрѣла среди нихъ сочувствіе. Ея фаворъ принесъ дамамъ освобожденіе отъ старыхъ, ужасныхъ модъ. Если главной причиной недовольства среди мужского населенія было введеніе мундировъ и кафтановъ старо-прусскаго образца, смѣшныхъ косичекъ-гарбейтелей и безобразныхъ буклей, если и для мужчинъ было несносно одѣваться старомодно, то что же чувствовали дамы?

Начальница Смольнаго собрала совѣтъ изъ воспитательницъ, едва обнародованъ былъ указъ. На совѣтѣ присутствовала и Екатерина Ивановна Нелидова. Она, со всей силой и жаромъ присущаго ей краснорѣчія, возстала противъ мысли шить праздничныя платья по новой модѣ и поспѣшно обучить, сколько можно за короткій срокъ, вальсу воспитанницъ старшаго возраста. Нелидова находила, что указъ не можетъ касаться Смольнаго, гдѣ дѣвицы должны одѣваться по формѣ, а не по модѣ. Однако, кромѣ двухъ-трехъ, преданныхъ Нелидовой, старыхъ воспитательницъ, она ни въ комъ не нашла сочувствія. Всѣ хоромъ возстали, указывая, что цвѣта ленъ останутся установленные, а въ этомъ и все; покрой же платьевъ надо новый, такъ какъ императрица, великія княгини и княжны, и всѣ дамы, которыя придутъ съ ними, будутъ одѣты въ эти чудные, прелестные, восхитительные греческіе хитоны и блестящіе «эшарпы». Что касается вальса, то большинство воспитанницъ и учить не нужно, такъ какъ онѣ сами какъ-то давно успѣли ему выучиться.

Софія Ивановна Делафонъ колебалась. Она знала, что на праздникъ придеть и Лопухина со своимъ отцомъ, только что получившимъ княжескій титулъ. Она знала, что исполненіе указа будетъ пріятно императору, и, по долгомъ обсужденіи, рѣшила противъ Нелидовой.

Екатерина Ивановна ужасно разсердилась, топнула ножкой и заявила, что, хотя бы весь свѣтъ шелъ за новой модой, она не надѣнетъ неприличнаго хитона и не станетъ танцовать еще болѣе непристойной пляски нѣмецкихъ мѣщанокъ съ деревенскихъ ярмарокъ и базаровъ. Она будетъ одѣта по старому. Съ этимъ Нелидова вышла. Многія насмѣшливо посмотрѣли вслѣдъ развѣнчанной фавориткѣ, понимая ея состояніе. Особенно не любившія ее, подумали про себя: «ну, и будь выражена чучелой гороховой, если тебѣ этого хочется!»

Почтенная начальница Смольнаго заявила, что такъ какъ она и болѣе преклонныхъ лѣтъ дамы явятся, конечно, въ старинномъ нарядѣ, приличномъ ихъ возрасту, то Екатерина Ивановна будетъ не одна. Это замѣчаніе еще болѣе порадовало враждебныхъ «маленькому монстру», какъ онѣ прозывали Нелидову, воспитательницъ.

Приготовленія были уже закончены, когда во всѣхъ соборахъ и церквахъ зазвонили и торжественный красный звонъ понесся надъ широкимъ лономъ Невы. Звонили и въ Смольномъ. Парадно одѣтыя дѣвицы всѣхъ возрастовъ, прелестныя въ легкихъ, новыхъ платьяхъ и лентахъ, отслушали богослуженіе въ монастырскомъ храмѣ.

Вскорѣ начался и сѣздъ вельможъ, приглашенныхъ на празднество. Одни въ каретахъ прибывали со стороны Невской перспективы, но большинство причаливало съ Невы къ пристани монастырскаго парка на гребныхъ судахъ и шлюпкахъ.

Между тѣмъ, воспитанницы по возрастамъ выстроились въ тѣни подстриженныхъ деревь широкой аллеи, осѣненной темной зеленью мощныхъ вѣтвей. Въ рукахъ ихъ были корзины съ цвѣтами. Впереди, у самой пристани, помѣстились — начальница, воспитательницы, дѣвицы съ арфами, долженствовавшія составлять аккомпаниментъ хоровому пѣнію всѣми стами воспитанницъ привѣтственнаго гимна державной покровительницѣ. Среди арфъ находилась и лучшая арфистка института, Екатерина Ивановна, выдѣлявшаяся пудреной головкой, старомоднымъ платьемъ, шнуровкой и башмачками на красныхъ каблучкахъ. Но она была ни мало не смѣшна и напоминала фарфоровую куколку временъ Версаля и Трианона, граціозная, исполненная скромнаго достоинства. Странное смѣшеніе глубокой печали, чувства и задорнаго улыбающагося ума въ ея личикѣ дѣлало его замѣчательнымъ даже среди юныхъ, прелестныхъ, цвѣтущихъ дѣвушекъ, греческіе хитоны которыхъ, вольными струящимися складками и какъ бы облачными узлами подобранные разноцвѣтными лентами, выгодно выставляли стройный станъ и всю прелесть дѣвственно круглившейся груди и обнаженныхъ рукъ.

Среди вельможъ и дамъ, толпившихся на мраморной, украшенной статуями и цвѣтущими померанцевыми деревьями, пристани, находился и поэтъ Державинъ. Подойдя къ госпожѣ Делафонъ, онъ высказалъ восхищеніе собраніемъ столькихъ благородныхъ и благовоспитанныхъ дѣвицъ и сравнивалъ ихъ съ стаей бѣлыхъ птицъ, весною собирающихся на берегахъ Волги. Загрохоталъ императорскій салютъ надъ Невою. Вельможи и дамы раздѣлились на двѣ группы по бокамъ пристани. Госпожа Делафонъ орлинымъ взглядомъ полководца, готоваго къ сраженію, окинула ряды воспитанницъ. Дѣвицы съ арфами попробовали еще разъ строй инструментовъ и дрожащія звуки струнъ, словно испуганные, проле-

петали и умолкли. Воспитательницы въ послѣдній разъ обошли ряды, оправляя волосы и ленты дѣвицъ. Старичокъ-итальянецъ, отставной сопрано папской капеллы, преподаватель пѣнія, сталъ на ступенькѣ пьедестала мраморнаго фавна, дувшаго въ семиствольную флейту, подъ тѣнью дуллистой, живописной липы, и поднялъ руку, готовясь дать знакъ хору и арфисткамъ. Все затанцось. Въ каждой груди колотилось и замирало сердце. Глаза всѣхъ были устремлены на пристань и широкое лоно рѣки, все горѣвшее ослѣпительными искрами отраженнаго въ немъ июльскаго солнца. Одна изъ воспитательницъ зажгла куреніе на двухъ античныхъ треножникахъ по угламъ пристани и серебряный дымокъ, поднявшись облачками, сталъ ароматными струйками разноситься чуть вѣявшимъ теплымъ вѣтеркомъ. Но это куреніе было напрасно. И такъ весь садъ благоухалъ. Благоухали роскошные цвѣтники партеровъ, цвѣтуція деревья. Благоухали и рои прелестныхъ дѣвушекъ всѣхъ возрастовъ отъ 12 до 17, а можетъ быть и выше, судя по формамъ, такъ какъ точность въ сообщеніи лѣтъ поступавшихъ воспитанницъ не соблюдалась. Благоухали ихъ корзинки съ цвѣтами. Благоухала и толпа вельможъ и дамъ на пристани.

Салютъ грохоталъ.

Императорскій катеръ вдругъ выдвинулся среди рѣчного плеса и сталъ заворачивать къ пристани. Весла гребцовъ, сверкая, поднимались и опускались и, казалось, катеръ налетитъ на мраморныя ступени. Но онъ вдругъ подошелъ плавно бортомъ.

VI.

Вѣнценосные гости.

Невысокая, но стройная и величественная фигура императора Павла Петровича въ шляпѣ о трехъ рогахъ, украшенной страусовымъ плюмажемъ и брилліантовой розеткой, обрисовалась въ группѣ августѣйшей фамиліи и приближенныхъ вельможъ.

Императоръ, какъ всегда при посѣщеніи Смольнаго, былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Большіе, прекрасные глаза его сіяли «Фебовымъ лучемъ» ума, юмора и невыразимой благосклонности, скрадывая негармоничность и некрасивость прочихъ чертъ въ высшей степени страннаго, подвижнаго лица. Опираясь на руку государя, рядомъ стояла императрица Марія Ѳеодоровна, въ блескѣ полного расцвѣта строгой красоты. Великія княгини, Елисавета и Анна, какъ ни были прелестны, затмѣвались классической красотой императрицы; античное тѣло ея, обвитое блестящей тканью хитона, блистало брилліантовыми уборами; но открытыя руки, плечи, грудь соперничали съ блескомъ камней, а зубы улыбающихся устъ съ перлами ожерелья.

Великіе князье были въ пурпурныхъ мундирахъ мальтійскаго ордена и Александръ казался застѣнчивой дѣвушкой, переодѣтой рыцаремъ. Нѣжное, правильное лицо его, въ рамкѣ золотыхъ локоновъ, освѣнялъ легкій, блестящій шлемъ; только свойственная ему манера слегка горбиться портила высокій, стройный станъ великаго князя. Павла, по странному выбору этого властителя, всегда окружали вельможи противоположнаго возраста—почти мальчики и сѣдые старцы. Такъ, былъ тутъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, приверженецъ Петра III, замогильное видѣніе, сѣдой, глухой, дрожащій, огромный и костлявый нѣмецъ-генералъ, истый Харонъ причалившаго судна. Противоположность ему составлялъ графъ Ливень, юноша двадцати двухъ лѣтъ, но уже военный министръ. Въ свитѣ императора находились: развѣнчанный польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій, на выходахъ, однако, всегда шедшій сзади царской фамиліи подъ золотою порфиною на горностаѣ; принцъ Конде, недавно прибывшій въ Россію съ цѣлымъ корпусомъ аристократовъ французской эмиграціи; фельдмаршалъ Суворовъ, вызванный императоромъ изъ деревенскаго изгнанія; рядомъ съ птичьей фізіономіей фельдмаршала, выдѣлялась низенькая, сухопарая и скорченная фигура остряка, тонкаго знатока и покровителя искусствъ, екатерининскаго вельможи, графа Александра Сергѣевича Строганова; а высокій, въ пурпурномъ мальтійскомъ мундирѣ, съ бѣлымъ тупеомъ и турецкимъ носомъ, брадобрѣй императора, графъ Кутайсовъ смотрѣлъ совершеннымъ попугаемъ. Былъ на катерѣ и новопожалованный князь, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, отецъ фаворитки, которую Павелъ считалъ необходимымъ имѣть, въ силу этикета, подражая Франциску I, Генриху IV и Людовику XIV.

Свиту императрицы составляли только мать военнаго министра, гофмейстерина графиня Шарлота Карловна Ливень, подруга дѣтства императрицы, баронесса фонъ-Бенкендорфъ, рожденная Шиллингъ фонъ-Копштадтъ и новая фрейлина, юная княжна Анна Петровна Лопухина, украшенная шифромъ и звѣздой—невиданная для столь юной придворной особы почеть!..

Среди прислуги катера выдѣлялся сѣдой старикъ съ горбатыми лопатками, давно бритой щетиной на провалившихся губахъ и остромъ подбородкѣ, въ нестромъ нарядѣ, въ колпакѣ съ бубенчиками, съ проницательнымъ и замѣчательно умнымъ, смѣющимся взглядомъ блестящихъ, живыхъ, бѣгающихъ, плутовскихъ глазокъ, новопожалованный шутъ императора, привезенный Лопухинымъ, извѣстный всей боярской Москвѣ, Иванушка.

Едва императоръ сошелъ съ катера и вступилъ на мраморъ пристани, на коверъ-дорожку изъ искусно расположенныхъ въ сложный узоръ живыхъ цвѣтовъ, какъ стоявшіе на ней дамы, вельможи, престарѣлая начальница Смольнаго, воспитательницы и рой воспитанницъ въ аллеѣ преклонили колѣна.

Гармоничные, кристальные звуки понеслись съ большихъ арфъ, изъ подъ быстрыхъ рукъ склонившихся надъ ними дѣвушекъ, а всѣ воспитанницы залѣли гимнъ въ честь высокихъ гостей:

Вступи, царица, въ домъ пріятный,
Царя-отца введи подъ кровъ,
Черезъ лугъ тропкою ароматной
Средь розъ, цвѣтущихъ безъ шиновъ.

Ты нашъ разумъ озарила!
Ты украсила нашъ нравъ!
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О, царица благодатна!
Сколь жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Дѣвъ днесъ благодарность зри.

О, Боже, зри
Мольбы сердечны —
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
Укрой отъ золь,
Пролей отраду,
Цари, престоль,
Прими въ ограду
И насъ храни —
Дай свѣтлы дни...

Императоръ, снявъ шляпу, кланялся, съ улыбкой чрезвычайной благосклонности, всему собранію. Марія Ѳедоровна, подъ звуки гимна, приблизилась къ престарѣлой начальницѣ, Софіи Ивановнѣ Делафонъ, склоненной въ низкомъ реверансѣ, подняла ее и, облобызавъ старуху, сказала, что искренно рада видѣть въ полномъ здравіи почтенную и милую guten Mama, а всю семью ея въ вождѣлѣнномъ благополучіи.

— Какъ я счастлива провести время въ миломъ Смольномъ, — продолжала императрица, протягивая руки для поцѣлуя воспитательницамъ, — какъ я счастлива вновь поклониться мелюзгѣ коричневой, приласкать малютокъ голубыхъ, поцѣловать сѣрыхъ сестеръ и обвиться руками вокругъ шен пилигримокъ бѣлыхъ, моихъ старыхъ пріятельницъ!

Императоръ предложилъ руку начальницѣ и повелъ ее по аллеѣ, раскланиваясь съ воспитанницами, восторженно бросающими подъ ноги Павла Петровича цвѣты изъ корзины.

Императрица, между тѣмъ, похваливъ игру арфъ, подошла къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелцовой, съ нѣжностью обняла ея талию и увлекла съ собою. Но эта чрезвычайная милость не покорила

оставную фаворитку. Она приняла ее съ полнымъ достоинствомъ, хотя и съ признательнымъ смиреніемъ. Великія княгини, княжны, великіе князья Александръ и Константинъ, все вельможи, дамы, слѣдую примѣру императрицы, вмѣшались въ рои прелестныхъ дѣвшекъ-дѣтей. Воспитанницы цѣловали руки, колѣни, платье императрицы, тѣснясь къ ней, а маленькія, съ дѣтской непосредственностью, тянулись обнимать и цѣловать ее и великихъ княгинь въ губы, такъ что имъ приходилось низко наклоняться къ дѣвочкамъ. Вельможи взяли подъ каждую руку по обнаженной ручкѣ и сыпали утонченными комплиментами. Молодой военный министръ, графъ Ливень, отыскалъ четырнадцатилѣтнюю прелестную невѣсту свою Дашеньку Бенкендорфъ — союзъ, апробованный и матерью его, и государемъ, и императрицей, — и дѣвочка шла, гордая и алая отъ смущенія. Въ бѣлой колоннадѣ, на широкой террасѣ были поставлены столы. Тамъ монастырки должны были угощать высокихъ гостей полдникомъ. Но еще на этихъ столахъ ничего не было. По обычаю, воспитанницы все должны были дѣлать сами, безъ какой-либо помощи прислуги. Отъ колоннады разстилались партеромъ цвѣтники, изумрудныя луговины съ широкими дорожками. Внизу били каскады по уступамъ горокъ изъ ноздреватаго туфа. Здѣсь часть воспитанницъ заняла разбившихся на группы гостей, показывая издѣлія рукъ своихъ.

Для императрицы и великихъ княгинь были принесены монастырками кресла. Онѣ показывали свои рисунки, шитье, токарныя издѣлія. Между тѣмъ, другія принесли скатерти и покрыли столы въ прохладной колоннадѣ, принесли въ корзинахъ, въ прорѣзномъ фарфорѣ, въ разноцвѣтныхъ кувшинахъ, на золоченыхъ и серебряныхъ блюдахъ сочные, багровые и желтые, вкусные и спѣлые плоды, ягоды, холодные, сладкіе напитки въ хрустальныхъ кувшинахъ съ плавающими искрометными льдами, всевозможныя печенья, торты, конфекты, — все издѣлія своихъ рукъ. Накрывъ полдникъ, монастырки повели за столъ гостей. За каждымъ стуломъ стало по дѣвицѣ съ зелеными вѣтвями березы, чтобы обмахивать отъ жары и июльскихъ мухъ. Другія подавали напитки и яства. Старшія и особенно привлекательныя воспитанницы въ легкихъ, какъ облака, подобранныхъ въ узлы разноцвѣтными лентами, платьяхъ, сановито и спокойно ходили вокругъ гостей, подходя къ каждому, съ благородной улыбкой склонивъ отягченную локонами головку, милой, свободной поступью и подчивали. Между тѣмъ, гостей улаживали концертомъ, танцами, пѣніемъ, веселыми прыжками, играми «мелюзги коричневой».

VII.

Иезуитскій шоколадъ.

Полная непринужденность, казалось, была въ этомъ обществѣ. Императоръ полдничалъ какъ-бы въ семейномъ кругу своемъ. Си невѣстья тѣни наполняли бѣлую колоннаду. Казалось, олимпійцы сошли на землю и пировали въ роѣ прелестныхъ дѣвушекъ и дѣтей. Императрица, дѣйствительно, походила на Аѳину-Пилладу, а великая княгиня Елизавета, въ бѣломъ простенькомъ платьѣ, съ золотыми, рассыпающимися изъ подъ повязки, локонами, напоминала Гебу. Великій князь Александръ, въ пурпурѣ, снявшій теперь шлемъ, какъ Фебъ, юный и прекрасный, застѣнчиво принималъ ухаживанья монастырокъ, особенно неотступно толпившихся около него, угощая, поднося напитки, плоды, конфекты. Вельможи славнаго екатерининскаго вѣка составляли каждый картину. Между тѣмъ, цвѣтники и лугъ передъ колоннадой кипѣли жизнью. Среди цвѣтовъ, сами похожія на розы и лиліи, дѣвушки вились гирляндой, изображая древне-греческіе танцы, дѣвочки-подростки и златовласыя и чернокудряя малютки играли, оглашая садъ визгомъ. А, между тѣмъ, напряженное вниманіе старшихъ, императрицы, князей и княгинь, вельможъ, къ малѣйшему слову, жесту, измѣненію лица императора не ослабѣвало ни на мгновеніе. Всякій ждалъ грома и бури изъ яснаго неба, зная характеръ властителя. Всякій зналъ, что можетъ и не вернуться сегодня домой, а черезъ какойнибудь часъ уже нестись въ телѣжкѣ съ фельдъегеремъ въ страны, отдаленнѣйшія отъ столицы. И если-бы можно было заглянуть въ сердца этихъ изящныхъ, безпечныхъ, обаятельно остроумныхъ и любезныхъ царедворцевъ, изумительна была-бы противоположность сіяющей свѣтлости и угрюмага, холоднаго ужаса, замирающаго страха и подозрительной тоски внутренней. Но самая эта противоположность съ особою полнотою заставляла ощущать полножизненное мгновеніе. Скользя на краю черной бездны, ежеминутно готовой поглотить, смѣялось, пѣло, дрожало всею прелестью бытія чудное это мгновеніе. И каждый жилъ удесятеренной жизнью. И впивалъ истинную беззаботность ничего не ожидавшихъ, ни о чемъ не вѣдавшихъ, наивныхъ, невинныхъ, восторженныхъ дѣвушекъ-дѣтей. Монастырскій садъ былъ какъ-бы древнимъ парадизомъ-садомъ сладости, куда еще не вошелъ черный грѣхъ, гдѣ не вѣдали страданій, темноты и скуки земной. А, между тѣмъ, самыя сложныя политическія интриги, заговоры, комплоты разнообразно связывали гостей, самыя черныя, неукротимыя страсти кипѣли въ ихъ груди.

Императоръ веселился искренно. Общество монастырокъ всегда отгоняло отъ него мрачныхъ демоновъ. Среди дѣтей, которымъ онъ могъ довѣрять, онъ самъ становился ребенкомъ. Истомлен-

ная многолѣтней подозрительностью, душа отдыхала и какъ-бы расправляла крылья и вырывалась изъ темницы невыразимыхъ терзаній разстроеннаго и потрясеннаго существа властителя. Марія Теодоровна хорошо знала это дѣйствіе Смольнаго на царственнаго супруга, но, все-же, не могла быть совершенно увѣренной въ слѣдующей минутѣ. Императоръ говорилъ утонченнѣйшія любезности дѣвицамъ, шутилъ и дурачился съ необыкновенной граціей и чувствомъ мѣры. Но порою имъ овладѣвалъ какъ-бы припадокъ громкаго, страннаго хохота. Онъ подмигивалъ сидѣвшему противъ него аббату Губеру, произносилъ непонятныя фразы, потиралъ руки, переставлялъ стоявшіе передъ нимъ предметы и опять успокаивался; гримасничавшее лицо его озарялось лучистымъ взоромъ прекраснѣйшихъ большихъ глазъ и онъ становился изящентъ, какъ принцъ стараго Версаля. Простодушныя дѣвушки и особенно малютки, поминутно просовывавшія кудрявыя головки свои подъ руки императора, который ихъ отечески съ нѣжностью гладилъ, смѣялись этимъ выходкамъ Павла Петровича, думая, что онъ шалить. Но императрица, августѣйшія особы и царедворцы знали, что такія странныя выходки хотя еще и не грозили опасностью, но часто являлись предвѣстіемъ страшнаго состоянія безпричиннаго неудержимаго гнѣва.

Императоръ съ особой благосклонностью бесѣдовалъ съ аббатомъ Губеромъ, вспоминая свое посѣщеніе Рима и Италіи и покойнаго папу. Лукавый іезуитъ незамѣтно наводилъ императора на идею соединенія церквей, распространяясь о невѣрїи, развратившемъ вѣкъ и бывшемъ причиной столь ужасныхъ потрясеній и преступленій. Мальтійскій орденъ, во главѣ котораго становится русскій императоръ, повелитель милліоновъ, въ то-же время осѣненъ благословіемъ святѣйшаго отца. Пусть-же древнее раздѣленіе смѣнитъ любовью и черезъ императора и папу всѣ христїане Европы соединятся для отстаиванія алтарей и престоловъ.

Императоръ подмигнулъ аббату и захохоталъ.

— Іезуитскій шоколадъ!— вдругъ крикнулъ онъ и, обернувшись къ императрицѣ, крѣпко схватилъ ее за руку, пристально глядя въ ея величаво-спокойное, прекрасное лицо.

— Іезуитскій шоколадъ! — съ новымъ взрывомъ хохота повторилъ императоръ.

— Его величество вспоминаетъ, полагать должно, — сказала императрица, — тотъ особый шоколадъ, которымъ насъ угощали отцы іезуиты при посѣщеніи нами коллегїи въ Вильнѣ на обратномъ пути нашемъ; то былъ неподражаемый напитокъ!

— Именно! именно! — въ совершенномъ восторгѣ отъ догадливости супруги, вскричалъ Павелъ Петровичъ, нѣсколько разъ съ благодарностью пожимая ея руку. — Неподражаемый напитокъ! Какой ароматъ! И пѣна какая! Я нигдѣ не пивалъ такого и тщетно

наши кафешенки съ Кутайсовымъ пытались приготовить что либо подобное.

— Если ваше величество прикажутъ, — скромно сказалъ аббатъ Губеръ, — то я могу приготовить даже сейчасъ настоящій шоколадъ отцовъ іезуитовъ.

— Аббатъ! — закричалъ императоръ въ восторгѣ. — Ты умѣешь готовить настоящій іезуитскій шоколадъ! Рымникскій! — подмигнулъ онъ фельдмаршалу Суворову, сидѣвшему недалеко отъ Губера, — обними аббата за меня. Мнѣ далеко тянуться до него черезъ столъ.

Фельдмаршалъ Суворовъ, въ свою очередь, подмигнувъ императору и потирая руки, съ ужимками выскочилъ изъ за стола и обнялъ аббата, обхвативъ его руками сзади и крича:

— Виватъ, Лойола!

Императоръ замахалъ руками и прыснулъ со смѣху, увлекая и обступившихъ его дѣвочекъ, тоже звонко разсмѣявшихся.

— Если ваше величество прикажутъ... — сказалъ, съ достоинствомъ поднимаясь, аббатъ Губеръ.

— Вари, братъ! ха! ха! вари! вари! ха! ха! — хохоталъ императоръ.

Всѣ вельможи почли необходимымъ послѣдовать примѣру императора и тоже захохотали. Смѣхъ заразилъ монастырокъ и сталъ беззаботными серебрястыми волнами перекатываться по саду.

И подъ этотъ смѣхъ, аббатъ Губеръ, не теряя достоинства, но показывая, что понимаетъ милую шутку, съ пристойной духовной особѣ важностью, отправился на монастырскую кухню варить шоколадъ.

Еще смѣхъ продолжалъ звенѣть въ группахъ рѣзвившихся въ цвѣтникахъ дѣвушекъ, а виновникъ его, совершенно успокоившись, завелъ бесѣду о живописи Рафаэля съ королемъ Августомъ, поражая даже такого знатока, какимъ въ Европѣ считался Понятовскій, глубиной сужденій. Аббатъ Губеръ возвратился черезъ полчаса, съ важностью неся на золоченомъ подносѣ серебряный шоколадникъ, изъ носика котораго распространялся ароматическій паръ. За нимъ сама почтенная начальница, Софія Ивановна Деллафонъ, несла подносикъ съ двумя севрскими, чудной работы, чашками и горкой бріошей. Она понимала всю значительность взятой на себя аббатомъ задачи попотчивать императора настоящимъ іезуитскимъ шоколадомъ. Что, если императоръ будетъ не удовлетворенъ и разгнѣвается на хвастовство аббата? Что будетъ съ нимъ? Еще хорошо, если онъ вышлетъ его на западъ, а если на востокъ? И что станется съ обширными планами, основанія которымъ уже положены аббатомъ?

Но аббатъ несъ свой шоколадъ съ горделивой увѣренностью.

в*

— Сварилъ?! — крикнулъ Павелъ Петровичъ, опять раздражаясь смѣхомъ. — Давай, давай сюда! посмотримъ!

— Извольте попробовать, государь, — сказалъ аббатъ.

Софія Ивановна поставила подносъ съ чашками передъ императоромъ, аббатъ-же, съ ловкостью опытнѣйшаго кафешенка, высоко поднявъ шоколадникъ, тонкой струйкой напѣнилъ темную, ароматную жидкость въ обѣ чашки.

— Извольте попробовать, государь, — повторилъ онъ, почтительно склоняя голову съ тонзурой, прикрытой фіолетовой шапочкой.

— Постой, — сказалъ императоръ серьезно, — выпей сначала самъ чашечку.

— Если прикажете, государь...

Аббатъ взялъ чашку и приложился къ ней.

— До дна, аббатъ, до дна, — строго сказалъ императоръ, пристально глядя въ лицо іезуита.

Аббатъ выпилъ, обжигая губы и языкъ пламенной жидкостью, съ стоическимъ терпѣніемъ чашку до дна и низко поклонился императору.

Среди общаго молчаливаго вниманія, Павелъ Петровичъ поднесъ другую чашку къ устамъ, отвѣдалъ и тоже поклонился аббату.

— Господинъ аббатъ Губеръ, — торжественно сказалъ императоръ, — вашъ шоколадъ есть точно настоящій іезуитскій шоколадъ. Marie, отвѣдай! — обратился онъ къ императрицѣ, подавая чашку.

Государыня пригубила шоколадъ и поспѣшила сказать, что напитокъ превосходенъ и совершенно такой, какимъ ихъ угощали виленскіе отцы.

— Господинъ аббатъ Губеръ, — повторилъ, съ прежнею торжественностью, низко кланявшемуся іезуиту, императоръ, — жалую васъ мальтійскимъ крестомъ и командорствомъ, кромѣ того, имѣете вы получить отъ трезорьера нашего шестьсотъ шестьдесятъ шесть душъ и табакерку, брилліантами украшенную съ портретомъ нашимъ, и впредь имѣете доступъ въ кабинетъ нашъ во всякое время безъ особливаго доклада. Есмь вамъ благосклоннымъ!

VIII.

Горѣлки.

Полдникъ кончился. Императоръ, императрица и всѣ августѣйшіе и высокіе гости сошли въ цвѣтники. Было уже пять часовъ и дневной жаръ нѣсколько спалъ. Напоенный благоуханіемъ цвѣтовъ, воздухъ освѣжали брызги каскадовъ. Изъ аллей, боскетовъ, куртинъ и рощицъ обширнаго парка вѣяло тѣнью и свѣжестью. Вельможи окружили сіяющаго аббата Губера, поздравляли съ монар-

шей милостью и умоляли сообщить имъ секретъ варки іезуитскаго шоколада.

— О, это совсѣмъ просто, господа, совсѣмъ просто!—уклоняясь, съ любезностью отвѣчалъ лукавый іезуитъ.

Тѣнь опасенія и недовольства легла на лица нѣкоторыхъ изъ французскихъ роялистовъ. Принцъ Конде, видимо, былъ разстроены, но это не помѣшало ему взять аббата подъ руку и, прогуливаясь, развѣивать предъ нимъ идеи спасенія алтарей и престоловъ единеніемъ всѣхъ людей доброй воли, преданныхъ богоучрежденнымъ порядкамъ. Будучи недалеко отъ императора, принцъ громко сказалъ:

— *La cause du roi de France est celle de tous les rois!* (Дѣло французскаго короля есть дѣло всѣхъ королей!)

Но императоръ не обратилъ вниманія на фразу принца. Онъ направился къ тѣсной группѣ монастырокъ. Онѣ окружили придворнаго шута Иванушку. Шутъ гремѣлъ бубенчиками. Звонкій дѣвичій смѣхъ сопровождалъ остроумные отвѣты шута на обычный вопросъ: — «что отъ кого родится?»

Иванушка былъ бритый, плѣшивый, маленькій старичокъ; узкіе глазки его сверкали замѣчательнымъ умомъ.

Павелъ Петровичъ приблизился. Цвѣтникъ смѣющихся монастырокъ разступился. Вельможи слѣдовали за Государемъ. Подъ пріятными улыбками у враговъ Лопухинской партіи скрывалась уже зародившаяся ненависть къ злему и остроумному Лопухинскому шуту, знавшему слабости и причуды каждаго и всю скандальную хронику двора и обѣихъ столицъ. Милость къ Лопухиной озаряла всѣхъ, съ нею связанныхъ, даже и шута Иванушку. Придворная челядь завидовала быстрой карьерѣ старикашки. Вельможи видѣли въ немъ Лопухинскаго шпіона. Сторонники Лопухиныхъ, наоборотъ, сладко, заискивающе хихикали, подмигивая пріятельски дураку.

— Господа, — обратился императоръ къ окружавшимъ его, — не пренебрегайте Иванушкой. Въ доброе старое время голова подъ колпакомъ съ бубенчиками нерѣдко видѣла дальше головы, осѣненной вѣнцомъ!

— Что отъ меня родится, Иванушка? — желая угодить монарху, спросилъ и «бриллиантовый» князь Куракинъ.

— Отъ тебя: обѣды, ужины, бутылки, рюмки, браслеты, запонки, манжеты, табакерки, корсеты, подвязки! — отвѣчалъ шутъ.

Императоръ и всѣ вельможи улыбались. И Куракинъ снисходительной миной старался скрыть досаду.

— А что отъ меня родится, шутъ? — спросилъ фельдмаршалъ Суворовъ.

— Правда, честь, походы, побѣды, слава, слава, слава! — отвѣчалъ шутъ и, снявъ колпакъ съ бубенчиками, подбросилъ его и подхватилъ преловко опять на свою острую, плѣшивую голову.

— А еще что? — сказала Павелъ Петровичъ.

— Ревность, женины дрязги, салопы, туфли, рога, рожки!

— Лови! — крикнулъ Суворовъ, бросая шуту червонецъ.

Всѣ знали нелады и ревность великаго полководца къ женѣ, ему измѣнявшей, нѣсколько разъ уже затѣвавшаго съ нею разводъ и вновь мирившагося.

— А отъ меня? сказалъ король Августъ Понятовскій.

— Старое венгерское, векселя, польскія фляки, подагра, паутина!

— Дерзкій шутъ! — покраснѣвъ и надувшись, сказалъ развѣнчанный король и отошелъ.

Государь потиралъ руки отъ удовольствія. Вельможи улыбались.

— Ну, а вотъ отъ этого? спросилъ государь, указывая на поэта и сенатора Державина.

— Оды, лесть, ябеды, кляузы, рифмы, стопы, реестры, мемури, тропы, фигуры, наказы, указы, синегдохи, гиперболы, архивная моль!

— Что отъ меня родится, Иванушка? спросила хорошенькая, бѣлокурая монастырка съ родинкой на щекѣ.

— Капризы, стрекозы, лиліи, розаны, леденчики, пастила, тряпки, башмачки, бантики!

— А отъ меня? спросила другая смуглянка съ огненными глазами.

— Ядъ, ревность, кинжалы, змѣи, драконы, черныя маски, червонцы!

— А отъ меня, Иванушка? спросила полная, высокая дѣвица.

— Варенье, соленье, печенье, пряженье, четырнадцать котятъ!

— Ну, Иванъ, теперь и мнѣ скажи, что отъ меня родится? сказалъ, наконецъ, и Государь.

Всѣ съ интересомъ ожидали отвѣта шута. А онъ сморщился, подперши одною рукою голову, а другою растирая подъ ложечкой:

— Ой! Ой! животъ болитъ! — взвыль, наконецъ, шутъ.

— Говори! Говори, братъ! — требовалъ императоръ. — Назвался груздемъ — пользай въ кузовъ.

Шутъ повѣсилъ на сторону голову и плачевнымъ тономъ забормоталъ:

— Отъ тебя, государь, родятся: чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторги, кнуты!

Услыша такой дерзкій отвѣтъ государю, придворные помертвѣли отъ ужаса, ожидая грозы, въ то же время одни радуясь, другіе горя, что вызвалъ ее именно шутъ временщика Лопухина и его дочери. И гроза уже приближалась. Императоръ сталъ пыхтѣть, отдуваться, откидывать голову назадъ, лицо его потемнѣло и перекосилось судорогой... Еще мгновение и страшный припадокъ слѣпотоу гнѣва уничтожилъ-бы смѣлаго шута, да и тѣхъ, можетъ быть, кто подвернулся бы при этомъ. Но, къ счастью, четырнадцатилѣт-

няя прелестная Дашенька Бенкендорфъ и нѣсколько другихъ монастырокъ подошли къ государю и, съ низкими реверансами, просили его пожаловать на лугъ, посмотрѣть игру въ горѣлки. Мгновенно настроеніе императора измѣнилось. Онъ расцвѣлъ улыбкой и, предложивъ руку Дашенькѣ, пошелъ на обширный лугъ, гдѣ уже игра была въ полномъ разгарѣ и монастырки, съ звонкими криками и смѣхомъ, неслись, словно античныя нимфы, лова другъ друга.

Императоръ пожелалъ принять участіе въ игрѣ съ нѣкоторыми особами. По жребію горѣть пришлось фельдмаршалу Суворову. Въ парѣ за нимъ стали Понятовскій и принцъ Конде. Далѣе сталъ государь и Дашенька Бенкендорфъ ¹⁾. Въ третьей парѣ были графъ Ливенъ и поэтъ Державинъ. Становясь въ пару, Державинъ съ улыбкой читалъ начало одной изъ своихъ одъ:

На скользкомъ шиподромѣ свѣта
Всѣ люди — бѣгатели суть.

По данному знаку, Понятовскій и Конде побѣжали, настигаемые Суворовымъ.

— Тотъ, кто взялъ Варшаву, неужели не плѣнить польскаго короля! — сказалъ императоръ.

Но Понятовскаго нечего было и ловить. Съ изряднымъ брюшкомъ, съ подагрой въ ногахъ, онъ сѣменилъ, виляя изъ стороны въ сторону и испуская легкіе вскрики:

— Ахъ! ахъ!

Суворовъ, съ самыми потѣшными ужимками, сталъ гоняться за нимъ, подражая жестамъ старой птичницы, ловящей вкочущую курицу. Онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ поймать Августа. Сцена была такъ комична, что общій смѣхъ распространился на лугу. Игра въ другихъ горѣлкахъ остановилась. Всѣ смотрѣли на покорителя Варшавы, Суворова, ловащаго послѣдняго развѣнчаннаго польскаго короля. Принцъ Конде остановился и тоже съ улыбкой наблюдалъ суету. Вдругъ фельдмаршалъ, какъ барсъ, сдѣлалъ огромный, достойный лучшаго гимнаста, прыжокъ въ сторону принца Конде. Увертливый французъ успѣлъ, однако, отскочить и помчался отъ Суворова. Но тотъ не отставалъ и насѣдалъ по пятамъ француза.

— Ату его, ату! — закричалъ, хлопая въ ладоши, государь. — Русакъ-ли не подобѣтъ француза!

¹⁾ Въ своихъ запискахъ кн. Д. Х. Ливенъ рассказываетъ, что Павелъ I «нерѣдко наѣзжалъ» въ Смольный; «его забавляли игрою маленькихъ дѣвочекъ, и онъ охотно самъ даже принималъ въ нихъ участіе». Ливенъ вспоминаетъ, что играла въ жмурки съ императоромъ, Понятовскимъ, Конде и Суворовымъ. Допустимо, что играли и въ горѣлки.

Примѣч. автора.

— Ахиллесъ преслѣдуетъ Гектора, — замѣтилъ поэтъ Державинъ.

Между тѣмъ, король Станиславъ-Августъ возвращался, задыхаясь, охая и прихрамывая. Императрица приняла живѣйшее участие въ его печальномъ положеніи, велѣла принести для короля кресло и какого нибудь прохладительнаго напитка. Монастырки побѣжали, но, вмѣсто кресла, притащили нѣсколько диванныхъ подушекъ. Короля усадили на зыбкое сѣдалище. Принесенъ былъ малиновый, пѣнистый квасъ и дѣвицы поили стараго короля, отирали платочками потъ съ чела его и обмахивали вѣерами. Король сыпалъ комплиментами, восхищаясь прелестными проказницами.

Между тѣмъ, бѣгъ Суворова и принца Конде продолжался. Какъ ни ловокъ былъ французъ, но фельдмаршалъ настигъ его и съ торжествомъ повелъ плѣнника.

— Быть плѣнникомъ великаго Суворова почетно! — любезно сказалъ Конде, подойдя къ императору.

— Вивать, Конде! — закричалъ фельдмаршалъ, махая шляпой.

— Вивать, Суворовъ! — отвѣчали государь и принцъ Конде.

Принцъ долженъ былъ горѣть.

Теперь изъ за его спины прынули, какъ двѣ стрѣлы изъ тугого лука, Дашенька Бенкендорфъ и Павелъ Петровичъ.

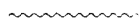
Дашенька неслась, какъ цушинка, гонимая вѣтромъ. Императоръ, звонко поражая землю ногами, бѣжалъ съ изумительнымъ искусствомъ. Казалось, упругій мячикъ, подскакивая на неровностяхъ, катится по лугу.

Императоръ Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени, съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ и артистически изучилъ всѣ роды физическихъ игръ. Поймать такого ристателя было не легко. Пренебрегая дѣвочкой, принцъ всѣ усилія употреблялъ плѣнить государя, настигалъ его нѣсколько разъ, но тотъ уносился и ускользалъ въ сторону и, наконецъ, подалъ руку подбѣжавшей, раскраснѣвшей Дашенькѣ.

Принцъ Конде отвѣшивалъ низкіе реверансы императору, а всѣ, бывшіе на лугу, аплодисментами и восторженными криками привѣтствовали доблестнаго ристателя. Императрица попросила принести двѣ сосновыя вѣточки и увѣнчала державнаго супруга, переплетя ихъ съ цвѣтами, на символическомъ языкѣ цвѣтовъ, выражавшими — побѣду, вѣрность, сердечное восхищеніе и семейное благополучіе.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. П. ЛИТВИНОВА,

помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ Николай Павловичъ Литвиновъ, отрывки изъ дневника котораго мы печатаемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», происходилъ изъ дворянъ Тульской губернии, Алексинскаго уѣзда. Родился 11 февраля 1833 года. По окончаніи курса въ Михайловской артиллерійской академіи и академіи генеральнаго штаба, въ 1861 году былъ назначенъ помощникомъ воспитателя (воспитателемъ состоялъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій) при ихъ императорскихъ высочествахъ великихъ князьяхъ Александрѣ Александровичѣ (впослѣдствіи императорѣ Александрѣ III) и Владимірѣ Александровичѣ. На этомъ посту оставался до исполненія совершеннолѣтія великихъ князей. Во время службы былъ флигель-адъютантомъ и свиты генераломъ. Съ 1881 по 1885 гг. состоялъ комендантомъ императорской главной квартиры.

Съ 1881 года онъ началъ увлекаться сельскимъ хозяйствомъ и принимать близкое участіе въ общественной уѣздной жизни въ качествѣ почетнаго мирового судьи, и уѣзднаго и губернскаго гласнаго по Каширскому уѣзду, Тульской губернии, гдѣ онъ имѣлъ очень благоустроенное имѣніе. Онъ воплощалъ въ себѣ истинный типъ почетнаго мирового судьи; рѣдкій день къ нему не обращались со своими дѣлами за совѣтомъ и очень много дѣлъ кончалось примиреніемъ, не доходя до суда. Въ уѣздной земской жизни онъ составлялъ центръ, вокругъ котораго группировались болѣе прогрессивные изъ земцевъ, и имъ пришлось вести очень трудную борьбу съ господствующей въ этомъ земствѣ рутинной. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ поражений на выборахъ, прогрессивные элементы восторжествовали и дѣла уѣздной жизни оживились; но ему, къ сожалѣнію, уже не удалось долго поработать. Онъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ и умеръ 26 ноября 1891 года въ Москвѣ, гдѣ и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ С.-Петербургскаго императорскаго техническаго общества,

гдѣ состоялъ председателемъ одного изъ его отдѣловъ. Послѣ покойнаго осталось нѣсколько томовъ его дневника, многіе отрывки котораго представляютъ общественный интересъ и могутъ быть напечатаны въ настоящее время.

А. П. Гаденко.

1863 г. 28 ноября. «...Александръ Александровичъ ¹⁾ былъ у наслѣдника, у котораго, кажется, новый нарывъ, и онъ почти не ходитъ».

1864 г. 9 апрѣля. «...Потомъ поѣхали съ Владимиромъ Александровичемъ ²⁾ въ jeu de paume, гдѣ застали уже давно игравшаго Александра Александровича, такъ какъ Николай Александровичъ боленъ...»

10 апрѣля. «...Александръ Александровичъ былъ у наслѣдника, который все еще страдаетъ флюсомъ, и Александръ Александровичъ, оставшись у него съ государемъ, гулять не пошелъ...»

14 апрѣля. «...Александръ Александровичъ сидѣлъ до 11^{1/2} часовъ у Николая Александровича, у котораго былъ князь Мещерскій ³⁾. Послѣдній терпѣлъ почему-то насмѣшки отъ Александра Александровича. Я удивился этому и спросилъ Александра Александровича, что это ему вздумалось приставать; онъ пренаивно отвѣтилъ, что такъ Никсъ ⁴⁾ дѣлаетъ. — Вотъ ужъ ни на шагъ отъ авторитета!»

16 апрѣля. «...Послѣ обѣда всѣ великіе князья собрались у Николая Александровича; тамъ были Николай Максимиліановичъ и Евгений Максимиліановичъ. Разговоръ принялъ было игривый оттѣнокъ, но, къ счастью, Николай Александровичъ остановилъ его, напомнимъ о принятіи Св. Тайнъ...»

9 мая. «...Были у Николая Александровича, у котораго, отъ напряженія мускула въ спинѣ, были спазмы, стягиванье мышцъ живота, и онъ страдалъ...»

18 іюня. «...Въ 10^{1/2} час. собрались въ церковь, гдѣ отслужили напутственный молебенъ по случаю отъѣзда наслѣдника. Тотчасъ послѣ обѣда, несмотря на протесты Николая Александровича, великіе князья надѣли парадную форму, и мы всѣ, путешественники и провожавшіе, поѣхали на станцію желѣзной дороги, гдѣ простились съ Николаемъ Александровичемъ и съ отъѣзжавшими.

«Александръ Александровичъ теперь остался одинъ! Дай Богъ, чтобы лишеніемъ брата, къ которому онъ такъ привязался... чтобы лучшаго его друга не замѣнили ложные или вредные друзья!»

¹⁾ Великій князь, потомъ императоръ Александръ III.

²⁾ Великій князь.

³⁾ Издатель «Гражданина».

⁴⁾ Великій князь Николай Александровичъ.

22 августа. «Государь съ великими князьями Александромъ Александровичемъ и Владимиромъ Александровичемъ поѣхалъ въ Дармштадтъ, гдѣ была императрица съ младшими великими князьями».

16 сентября, среда (въ Дармштадтѣ). «...Къ 8 часамъ мы были приглашены въ собраніе къ императрицѣ. Такъ какъ на другой день предполагали ѣхать, то мы думали проститься съ государемъ и императрицей, что, въ самомъ дѣлѣ, и сдѣлали; но только что вышли изъ комнаты, какъ государь позвалъ Бориса Алексѣевича ¹⁾ и объявилъ ему, что получена депеша отъ Николая Александровича, изъ которой явствовало, что онъ сдѣлалъ предложеніе принцессѣ Дагмарѣ и что шлетъ молодого Барятинскаго съ дальнѣйшими подробностями. Разумѣется, при этомъ выставлено было на видъ, что Александру Александровичу нельзя ѣхать, не выдавши Барятинскаго, и нашъ отъѣздъ отложенъ былъ на неопредѣленное время».

Письмо покойнаго наслѣдника Николая Александровича изъ Флоренціи къ Н. П. Литвинову.

Флоренція.

22 ноября (4 декабря) 1864 г.

«Воскресенье.

«Любезный Николай Павловичъ!

«Такъ какъ я съ дѣтства держусь правила—лучше поздно, чѣмъ никогда, то позвольте мнѣ поблагодарить Васъ отъ души за поздравительное письмо Ваше. Радостно отзывались во мнѣ искренніе привѣты съ родины, я вѣрю, что они приносятъ счастье.

«Хорошія я пережилъ минуты и искренно благодарю Бога, что нашелъ то, чего такъ желалъ, о чемъ такъ долго мечталъ: любить и быть любиму. Лишь бы по плечу пришлось счастье!

«Давно я не имѣю извѣстій изъ родного гнѣзда и рѣшительно не знаю, что у Васъ дѣлается. Хоть бы Вы заставили братьевъ писать мнѣ изрѣдка. Я и не надѣюсь на Владимира и Алексѣя, но больно, что Саша мнѣ не пишетъ. Очень люблю ему писать и писалъ ему довольно въ послѣднее время, но онъ молчитъ и отбиваетъ этимъ охоту къ перепискѣ. Неужели это лѣнь? Пожалуйста, скажите ему это; онъ вѣдь знаетъ теперь куда посылать письма. Про мое путешествіе не много могу рассказать любопытнаго. Мы попали въ Италію въ самое неблагоприятное время года; въ Венеціи застали дожди и холодъ, и должны были отказаться отъ поѣздки на озеро, одно изъ лучшихъ мѣстъ всей Италіи. Миланъ и Туринъ осмотрѣли мы только слегка, Геную видѣлъ я лишь вскользь. Въ

¹⁾ Графъ Перовскій, воспитатель великихъ князей.

Парму и Болонью мы совсѣмъ не попали, благодаря порчѣ желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ, я пріѣхалъ во Флоренцію какъ нарочно, чтобы снова схватить сильный lumbago, который меня держитъ взаперти болѣе недѣли. Несносно, до сихъ поръ почти ничего и не видѣлъ здѣсь. Но, что всего досаднѣе, это то, что мы не можемъ ѣхать въ Римъ, куда меня, да и всѣхъ насъ, давно тянуло.

«Стоитъ ѣхать въ Италію и не видѣть Рима. Итакъ, Вы не удивитесь, если я скажу Вамъ, что скучаю и съ охотою вернулся бы въ Россію на зиму. Хочется домой, и это чувство, я думаю, весьма понятно. Мысль такъ долго оставаться за границей мнѣ просто неприятна. Тянетъ на родину. Но, дастъ Богъ, вернусь къ Вамъ и не одинъ, а съ будущею женою, которую прошу любить и жаловать.

«До свиданія, любезный Николай Павловичъ, крѣпко жму Вамъ руку.

«Кланяюсь Г. Т. ¹⁾, К. Н. ²⁾, Ив. Вас. ³⁾ и Ал. Ив. ⁴⁾).

«Не забывайте любящаго Васъ.

«Николай».

1865 г. 2 апрѣля. Пятница. «...Мы удивлены были прибытіемъ графа Бориса Алексѣевича (Перовскаго); за нимъ послалъ государь, чтобы объявить ему новость, которая производитъ сильное разстройство въ нашемъ быту: въ воскресенье, на Святой, Александръ Александровичъ ѣдетъ съ графомъ Борисомъ Алексѣевичемъ въ Ниццу къ Николаю Александровичу. Александръ Александровичъ, конечно, очень радъ; нельзя также не радоваться за наслѣдника, которому это будетъ очень пріятно».

5 апрѣля. Понедѣльникъ. «В. К. Владимиръ Александровичъ обѣдалъ сегодня съ государемъ у великой княгини Елены Павловны. Я поѣхалъ за нимъ въ 6^{1/2} часовъ, и уже засталъ его на подѣздѣ въ ожиданіи меня. Меня ужъ удивило то, что онъ такъ рано былъ готовъ, тогда какъ у Елены Павловны засиживались обыкновенно довольно долго; но мое удивленіе обратилось въ испугъ, когда я увидѣлъ, что на Владимирѣ Александровичѣ, какъ говорится, лица не было.

«Онъ встрѣтилъ меня словами: «какую телеграмму мы только что получили:—Никсъ (наслѣдникъ Николай Александровичъ) опасно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, и неизвѣстно, приведетъ ли еще Богъ застать его въ живыхъ. Завтра въ 11 часовъ утра мы ѣдемъ

¹⁾ Георгій Тимофѣевичъ Бокъ, помощникъ воспитателя великихъ князей.

²⁾ Константинъ Николаевичъ Посыеть.

³⁾ Иванъ Васильевичъ Рождественскій.

⁴⁾ Александръ Ивановичъ Чевилевъ—профессоръ.

въ Ниццу». Это меня, какъ громомъ, поразило; многіе и давно уже беспокоились за состояніе его здоровья, но мнѣ никогда и въ голову не приходило, что эта болѣзнь можетъ кончиться такъ ужасно... Владимиръ Александровичъ былъ сильно потрясенъ, онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ надъ молитвенникомъ и заливался слезами».

«6 апрѣля утромъ было молебствіе о здравіи милаго нашего Николая Александровича, много слезъ было пролито присутствующими. Часа въ два государь ѣздилъ съ Владимиромъ Александровичемъ въ Казанскій соборъ приложиться къ иконамъ. (Александръ Александровичъ уѣхалъ въ Ниццу 4 апрѣля, съ графомъ Б. А. Перовскимъ). Весь остатокъ дня проведенъ былъ въ укладываньи вещей и приготовленіяхъ къ отъѣзду. Въ 11 часовъ вечера поѣздъ двинулся. Мы летѣли съ ужасной быстротой и въ три дня и четыре ночи достигли цѣли путешествія.

«Въ Берлинѣ насъ встрѣтилъ король. Во время дороги получали непрерывно денеши съ извѣстіемъ о состояніи здоровья наследника цесаревича; такъ какъ человѣкъ хватается въ опасности за соломинку, то нѣкоторыя изъ нихъ казались намъ утѣшительными. Въ особенности докторъ Каррель много придавалъ намъ надеждъ своими толкованіями докторскихъ донесеній. Въ Парижѣ встрѣтилъ насъ Наполеонъ. Съ нашимъ государемъ обмѣнялись визитами—государь вышелъ къ нему на дебаркадеръ, а потомъ Наполеонъ вошелъ въ вагонъ. Лицо его выражало скорбное участіе, но каждый инстинктивно сознавалъ, что тутъ было больше соблюденія приличій, нежели истиннаго сочувствія».

«10 апрѣля, въ субботу, мы прибыли въ Ниццу къ 5 часамъ. Множество русскихъ встрѣтили государя. Всѣ были съ заплаканными глазами или очень печальными лицами, что составляло поразительный контрастъ съ блестящими нарядами тѣхъ же плачущихъ дамъ и шитыми мундирами печальныхъ мужчинъ. Первымъ государя встрѣтилъ Александръ Александровичъ; онъ былъ очень блѣденъ и худъ, глаза красны и распухли.

«На дебаркадерѣ была такая тишина, какъ будто рядомъ лежалъ трудный больной. Всѣ говорили шепотомъ и на всѣхъ устахъ было имя наследника.

«Я забылъ прибавить, что по дорогѣ, а именно въ Дижонѣ, къ намъ присоединилась королева датская съ принцессой Дагмарой.

«У нея прेमилое лицо, и хотя на всѣхъ портретахъ она очень недурна собой, но, въ дѣйствительности, она гораздо лучше.

«Опять обращаюсь къ Ниццѣ.

«Бѣдный Александръ Александровичъ, пріѣхавшій сюда третьяго дня, не видѣлъ еще своего брата; онъ цѣлый день сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ его голосъ, видитъ его кровать и ноги, а въ комнату его не пускаютъ; боятся, дескать, растрезвожить больного.

«Императрица все время не отходила отъ Николая Александровича. Когда государь прѣхалъ, то она, желая приготовить Николая, сказала ему, что государя ожидаютъ съ часа на часъ; бѣдный наслѣдникъ съ какою-то особенною чуткостью, необыкновенно развившейся въ послѣдніе дни болѣзни, сразу отгадалъ въ чемъ дѣло и объявилъ, что: «папа здѣсь, въ другой комнатѣ,—пусть онъ войдетъ». Тутъ же вошелъ и Александръ Александровичъ. Наслѣдникъ очень обрадовался, всѣхъ узналъ и всѣхъ перецѣловалъ.

«Онъ часто впадалъ въ забытѣе, но большею частью былъ въ памяти. Къ тому же, какъ я сказалъ, у него развилась замѣчательная чуткость, нѣчто вродѣ двойного зрѣнія; такъ, напримѣръ, не поворачивая головы въ сторону вошедшаго, онъ сейчасъ узнавалъ, кто входитъ. Отъ него не ускользало ничего, что дѣлалось кругомъ. Когда Здекауэръ сидѣлъ подлѣ него, то, думая, что больной уснулъ, онъ вышелъ въ другую комнату и, вмѣсто фрака, надѣлъ черный пиджакъ, который впотьмахъ рѣшительно нельзя было отличить отъ фрака. Какъ только онъ вернулся, наслѣдникъ, не поворачивая головы, сказалъ: «а, вы переодѣлись и надѣли пиджакъ». Потомъ, пользуясь минутнымъ спокойствіемъ наслѣдника, Здекауэръ вышелъ немного покурить. Когда вошелъ обратно въ комнату, наслѣдникъ сказалъ: «А, вы курили папирсы, отчего же не сигары? Попробуйте мои сигары, кажутся-ли онѣ вамъ крѣпки?» Еще замѣчательнѣе у него былъ бредъ. Разъ ему показалось, что ему представляется депутація, и онъ произнесъ, обращаясь къ ней, такую рѣчь, что хоть сейчасъ въ печать. Докторъ Рехбергъ, сидѣвшій подлѣ, очень жалѣлъ, что не успѣлъ ее записать; въ ней былъ смыслъ весьма правильный, и хорошій слогъ. Другой разъ онъ вдругъ обращается къ тѣмъ, которые были въ его комнатѣ, и спрашиваетъ громкимъ голосомъ,—какъ нравятся имъ черноторцы? Потомъ прибавилъ, что это прекрасный народъ, что они стоятъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе. По мѣрѣ того, какъ онъ слабѣлъ, бредъ его становился менѣе связнымъ и, уже вмѣсто длинныхъ фразъ, онъ произносилъ отрывистыя командныя слова, воображая себя передъ строемъ. Такъ, онъ произнесъ довольно громко, но отрывисто—«впередъ,—за мною,—честь». Последнее его слово въ бреду было морское—онъ скомандовалъ: «навались». Но, какъ я уже сказалъ, онъ гораздо болѣе былъ въ памяти, и въ эти свѣтлыя минуты то, что онъ говорилъ, было истиннѣ трогательно и непремѣнно утѣшительно хорошимъ родителямъ-христіанамъ, таковымъ, какъ нашъ государь и императрица. Говорятъ, что еще въ первый день болѣзни, въ понедѣльникъ, когда мы еще были въ Петербургѣ и когда императрица предложила цесаревичу пріобщиться Св. Тайнъ, то онъ на исповѣди сказалъ, что чувствуетъ за собой одинъ важный грѣхъ—недостатокъ терпѣнія. Вѣдняжка такъ много страдалъ физически и нравственно,

что нужно удивляться, какъ онъ мало стѣснялъ окружающихъ видомъ своихъ страданій.

«Когда къ больному жениху подошла принцесса Дагмара, то лицо Николая Александровича просіяло радостью, онъ громко засмѣялся отъ удовольствія, поцѣловалъ у нея руку и, обращаясь къ государю, сказалъ: «не правда-ли, какъ она мила, папа?»

«Здекауэръ и Пироговъ подавали еще надежды и говорили, что стоитъ ему только хорошенько заснуть и можно будетъ надѣяться на выздоровленіе. У кровати больного назначено было сидѣть по очереди одному изъ докторовъ и по одному изъ свиты наслѣдника; въ число этихъ послѣднихъ вошли великіе князья Александръ Александровичъ и Николай Максимиліановичъ, которые показали себя въ эти дни какъ нѣжные братья и самые искренніе друзья.

«Въ субботу вечеромъ, въ 11 часу, въ день рожденія Владимира Александровича, мы разошлись по своимъ комнатамъ, унося съ собою слабый лучъ надежды, которому суждено было недолго ласкать насъ. Въ 5^{1/2} часовъ утра, 11 апрѣля, на нашей виллѣ Verdier послышались тревожные шаги оторопѣвшихъ людей, и насъ разбудили страшными словами, что Николай Александровичъ кончается. Графъ Перовскій побѣжалъ не мытый и не бритый, еле накинувъ на себя платье. Я тоже скоро послѣ него прибѣжалъ на виллу Пеліонъ. Въ ночь Николаю Александровичу сдѣлалось гораздо хуже и переѣмна была такая быстрая, что всѣ ожидали близкой кончины. Въ 7 часовъ послали за принцессой Дагмарой. Наслѣдникъ всѣхъ еще узнавалъ и со всѣми поздоровался. Въ 12 часу ему предложили приобщиться Св. Тайнъ, что онъ исполнилъ съ полнымъ сознаніемъ. По окончаніи священнаго обряда, онъ началъ со всѣми прощаться. Онъ каждого присутствующаго называлъ по имени и говорилъ по два раза: «прощай, прощай». Когда онъ со всѣми простился, подлѣ него остались только свои; въ головахъ съ правой стороны стоялъ Александръ Александровичъ, а съ лѣвой принцесса Дагмара; наслѣдникъ все время держалъ ихъ за руки; принцесса часто становилась на колѣни и впивалась въ лѣвую руку умирающаго жениха. Государь и императрица стояли по обѣ стороны больного въ ногахъ; такимъ образомъ, отецъ и мать какъ будто уступали первенство подлѣ больного его другу и его невѣстѣ. Цесаревичъ все еще бллѣ въ полной памяти и говорилъ ясно. Такъ, послѣ минутнаго забытья, онъ открылъ широко глаза, взялъ за руку Александра Александровича и, обращаясь къ государю, сказалъ: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хорошій человекъ». Въ забытїи онъ часто поминалъ его имя. Вообще, онъ очень любилъ Александра Александровича; онъ часто говорилъ императрицѣ, что онъ никому не нищетъ такихъ нѣжныхъ писемъ, какъ «Сашѣ», и даже, что онъ не можетъ дать себѣ отчета, кого онъ больше любитъ—«Сашу или Дагмару». Часу

въ третьемъ онъ поднятъ руки и правой рукой поймалъ голову Александра Александровича, а лѣвой искалъ какъ-будто голову принцесы Дагмары. Тутъ языкъ у него сталъ значительно слабѣть и скоро онъ произнесъ послѣднюю фразу, сказанную съ полнымъ сознаниемъ, а именно, взявъ за руку императрицу и указывая на нее Гартману, сказалъ: «*Soignez... la... bien*». Послѣ этого онъ ничего больше не говорилъ связнаго; это было въ 4 часа, и съ этого времени до самой кончины онъ только бормоталъ что-то въ носъ, или произносилъ: «бра, бра, бра». Въ этотъ день великіе князья почти ничего не ѣли съ утра; въ шесть часовъ они пришли къ столу, приготовленному подлѣ виллы Пеліонъ для кавалеровъ, и, проглотивъ немного пищи, снова побѣжали къ больному брату. За исключеніемъ этого, Александръ Александровичъ не отходилъ отъ постели. Цѣлый вечеръ сидѣли мы въ томительномъ ожиданіи въ комнатахъ, смежныхъ со спальней наслѣдника. Доктора безпрестанно собирались въ консиліумъ, толкуя о томъ, сколько осталось жить больному и какого рода болѣзнью онъ боленъ. Докторъ Опольцеръ, пріѣхавшій изъ Вѣны сегодня утромъ, прежде нежели быть допущеннымъ къ наслѣднику, приглашенъ былъ на совѣщаніе докторовъ. Говорятъ, что первое его слово было: «господа, разумѣется, намъ, прежде всего, нужно быть согласными во мнѣніяхъ». Затѣмъ, увидавъ больного, онъ объявилъ, что мнѣніе Здекауэра было справедливо и что у Николая Александровича дѣйствительно *meningitis cerebro-spinalis*, но къ этому прибавилъ еще—*tuberculosa*. Онъ сказалъ, что это такая болѣзнь, которой симптомы обнаруживаются всегда поздно и когда уже нѣтъ спасенія больному. Самъ Опольцеръ знаетъ только 7 примѣровъ такой болѣзни и то по исторіи медицины, а на практикѣ еще никогда не видалъ подобныхъ больныхъ.

«Николаю Александровичу безпрестанно давали мускусъ по настоянію Пирогова, который, со свойственной ему энергіей, утверждалъ, что доктора не должны терять надежды до тѣхъ поръ, пока въ больномъ не перестанетъ биться сердце. Однако мускусъ только мучилъ больного. Въ 4 часа у него началась икота, и его безпрестанно рвало мускусомъ. Бѣдная принцесса Дагмара, стоя на колѣняхъ передъ умирающимъ женихомъ, все время вытирала ему ротъ и подбородокъ. Часовъ въ 8 я пошелъ на виллу *Verdier*, чтобы напиться чаю, и вдругъ встрѣчаю принца Николая Петровича Ольденбургскаго. Онъ выразилъ желаніе войти въ комнаты съ тѣмъ, чтобы дождаться конца агоніи. Не считая себя въ правѣ быть допущеннымъ къ государю, онъ только хотѣлъ вмѣшаться въ толпу придворныхъ. Этого ему, конечно, никто не могъ бы запретить, и его пригласили войти въ покои наслѣдника. Владимиръ Александровичъ выпелъ ему навстрѣчу и ввелъ въ комнаты. Послѣ чаю, разумѣется, мы снова пошли на виллу Бер-

монъ. Наслѣдникъ часъ отъ часу былъ слабѣе и слабѣе; разумѣется, всякая надежда пропала даже у самыхъ упорныхъ. Всѣ разошлись по маленькимъ комнатамъ виллы и расположились группами. У всѣхъ, конечно, былъ одинъ и тотъ же нескончаемый разговоръ о наслѣдникѣ и его болѣзни. Крайнее напряженіе силъ съ 5 часовъ утра такъ утомило всѣхъ, что нѣтъ ничего естественнѣе, что всѣхъ клонило ко сну; дѣйствительно, часу въ первомъ ночи всѣ, которые были со мною въ комнатѣ, въ томъ числѣ и я, задремали, каждый въ томъ положеніи, какъ разговаривали. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и графъ Строгановъ съ палкою въ рукахъ выходитъ изъ комнаты наслѣдника и произноситъ: «все кончено», и затѣмъ быстро скрывается. Мы всѣ вскочили и перекрестились; я посмотрѣлъ на часы—было безъ 10 минутъ часъ ночи, слѣдовательно, 12 числа апрѣля или 24 по новому стилю. Всѣ, бывшіе на виллѣ, безъ всякаго разрѣшенія, хлынули въ комнату, гдѣ лежалъ наслѣдникъ; оттуда неслись раздирающіе душу стоны и рыданія. Громче всѣхъ плакалъ Владимиръ Александровичъ, меньше всѣхъ императрица; она была очень тверда. Принцессу Дагмару насилу оттащили отъ трупа и вынесли на рукахъ. На бѣднаго Александра Александровича было жалко смотрѣть. Черезъ часъ стали омывать тѣло; Александръ Александровичъ все время при этомъ присутствовалъ и самъ надѣвалъ чистое бѣлье на покойника.

«12 апрѣля, въ 10 час. утра—панихида. Священникъ и діаконъ не могли отъ слезъ начать службы. Всѣ плакали навзрыдъ. Великіе князья пожелали войти въ очередь дежурныхъ флигель-адъютантовъ при тѣлѣ покойника.

«14 апрѣля (среда) въ 7 час. вечера, послѣ литіи, тѣло наслѣдника перенесено было въ русскую церковь, и затѣмъ были первыя панихиды въ церкви¹⁾.

16 апрѣля (пятница). «Перенесеніе тѣла въ Вилла-Франка (въ гор. Вильфраншъ) и на фрегатъ «Александръ Невскій».

«17 апрѣля въ 7 час. вечера мы выѣхали изъ Ниццы въ Дармштадтъ.

21 апрѣля (среда). «Ѣздили въ Дармштадтъ на панихиду, которую служили въ одной изъ комнатъ дворца.

¹⁾ Вилла Бермонъ, въ которой скончался цесаревичъ Николай Александровичъ, была приобретена въ собственность государемъ императоромъ Александромъ II, и на мѣстѣ той комнаты, въ которой цесаревичъ скончался, въ 1868 году сооружена часовня въ византийскомъ стилѣ. Въ настоящее время, съ разрѣшенія государя императора, въ саду близъ часовни сооружается роскошный православный храмъ, такъ какъ старая церковь не можетъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ молящихся, особенно въ большіе праздники. Новый храмъ заложенъ 12 апрѣля 1903 года, и въ настоящее время работы по постройкѣ этого роскошнаго памятника русскаго зодчества въ полномъ ходу.

«истор. вѣстн.», январь, 1907 г., т. сѣм.

23 апрѣля (пятница). «Цѣлый день не видѣлъ великихъ князей. Александръ Александровичъ весь день пробылъ съ принцессой Дагмарой и императрицей.

25 апрѣля (воскресенье). «Изъ Дармштадта вернулись въ Юнгенгеймъ, живо собрались въ путь и въ три часа поѣхали изъ Бакенбаха въ Петербургъ. Провожали насъ государь, Марія Александровна (великая княгиня), принцъ и принцесса Батенбергъ.

1 мая (суббота). «Послѣ обѣда Александръ Александровичъ позвалъ меня къ себѣ и предложилъ почитать съ нимъ письма покойнаго Николая Александровича. Всѣ 18 писемъ были прочитаны подрядъ; чтеніе—полное интереса и глубоко трогательное. Предпоследнее письмо, кажется, писанное въ мартѣ мѣсяцѣ, Александръ Александровичъ читалъ, заливаясь слезами; кажется, родной отецъ не можетъ дать такихъ прекрасныхъ совѣтовъ, какими было наполнено письмо покойнаго наслѣдника... Гр. Борисъ Алексѣевичъ засталъ насъ за чтеніемъ.

«Послѣ чаю великіе князья отправились опять къ Евгеніи Максимиліановнѣ. Лучшаго общества нельзя имъ отыскать, да и самой Евгеніи Максимиліановнѣ они составляютъ не послѣднее утѣшеніе въ нынѣшнее горестное для нея время.

21 мая (пятница). «... Въ 11^{1/4} час. утра Владимиръ Александровичъ поѣхалъ со мною на станцію желѣзной дороги для того, чтобы ѣхать въ Кронштадтъ; мы все-таки опоздали, такъ какъ государь только-что передъ нами пріѣхалъ... Прибыли въ Петербургъ, сѣли на пароходъ «Стрѣльна» и, при сквернѣйшей погодѣ, пошли въ Кронштадтъ, подходя къ которому погода чуть поправилась, и мы проходили вдоль эскадры броненосцевъ; на Большомъ рейдѣ стояли винтовья суда.—Отрядъ, шедшій съ тѣломъ покойнаго наслѣдника, показался вдаль, и «Стрѣльна» пошла ему настрѣчу за Большой рейдъ. Встрѣтившись съ «Александромъ Невскимъ», пересѣли на него и дошли до Малаго рейда, гдѣ онъ остановился; съ этимъ вмѣстѣ прекратились и почести, которыя отдавала покойному эскадра на рейдѣ. Отслужили панихиду и пересѣли на «Стрѣльну» для обратнаго пути въ Петербургъ и Царское Село.

25 мая (вторникъ) «... Въ 8^{1/2} часовъ утра поѣхали въ Петербургъ, оттуда на пароходѣ въ Кронштадтъ для сопровожденія тѣла покойнаго Николая Александровича.—Отъ Англійской набережной печальная процессія тронулась въ Кронштадтъ.

27 мая (четвергъ) «... Великіе князья отъ обѣда государева пришли въ 7 часовъ, а въ исходѣ 8-го поѣхали въ крѣпость. По окончаніи панихиды, остались тамъ ожидать прибытія императрицы, которая въ 9 часовъ пріѣхала съ государемъ съ тѣмъ, чтобы проститься навсегда со своею утратою...

28 мая (пятница) «... Въ 9 часовъ попли въ комнаты покойнаго Николая Александровича разбирать съ Рихтеромъ вещи и бумаги. Къ 11^{3/4} час. государь приказалъ быть великимъ тѣямъ на его половинѣ, чтобы ѣхать на погребеніе.—Церемонія началась въ 1-мъ часу, и государь съ великими князьями поѣхалъ въ Зимній дворецъ. Александръ Александровичъ много плакалъ и отъ этого у него цѣлый день болѣла голова.

9 іюня (вторникъ). «Великіе князья послѣ утреннихъ классовъ, въ исходѣ 11-го, поѣхали въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ, гдѣ они съ государемъ и императрицею разбирали и раздѣляли между собою вещи покойнаго наслѣдника».

1866 года.

12 апрѣля (вторникъ). «... Были въ соборѣ Зимняго дворца. Какой ужасный, томительный день былъ прошлаго года въ эту пору въ Ниццѣ!

«Въ 12^{1/2} часовъ вышли на Іорданскую пристань и на катерѣ отправились въ крѣпость. Насъ было: Александръ Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Марія и Николай Максимиліановичи, Шиллингъ. Панихида, память объ утраченномъ юношѣ, растрогали всѣхъ, въ особенности бѣднаго Александра Александровича, лучшаго его друга».

ЗАГОВОРЩИКЪ.

Историческій разсказъ.

I.

ИЗЛОЖЕННАЯ преобразованиями Петра, старая Москва продолжала упорно отстаивать свое значеніе великаго русскаго города. Наѣзды петербургскаго двора, иногда очень долговременные, позволяли думать, что развѣнчанная столица можетъ вновь сдѣлаться царскою резиденціей. Опустѣвшіе дворцы словно стояли въ ожиданіи; а кругомъ, въ ближнихъ и дальнихъ окрестностяхъ, разметались монастыри и села съ царскими домами—Воскресенскій монастырь, село Софьино, «забавный домъ» Перово, и много другихъ.

Городъ раздвигался. Въ Кремлѣ было тѣсно, грязно и стоялъ отвратительный воздухъ. Если Петръ Великій находилъ, что «Парижъ зѣло воняетъ», то легко себѣ представить, какую заразою вѣяло въ старыхъ кремлевскихъ стѣнахъ. Поэтому населеніе тянулось въ сторону, къ рѣкѣ Яузѣ, гдѣ возникли новыя городскія части, съ дворянскими и купеческими домами, рядами, фабриками. Заведенная въ Петербургѣ новая промышленность отчасти бѣжала въ Москву; тамъ не было такой дороговизны, какъ въ новой столицѣ, производство обходилось дешевле, да и рабочихъ рукъ было больше. По Яузѣ развернулись суконныя, шелковыя, ткацкія фабрики. Лучшій въ Россіи суконщикъ, Болотинъ, не выдержавъ петербургской дороговизны, перевелъ свое

главное производство въ Москву, гдѣ уже работали Третьяковъ, Еремѣевъ, Сѣриковъ, Солодовниковъ. Выгодное положеніе Москвы, какъ промышленнаго и торговаго центра, ясно сказывалось, въ ущербъ медленно развивавшейся послѣ Петра новой столицѣ.

Развѣнчаная Москва дышала, создавая свою особую, безпорядочную, отчасти дикую жизнь, непрерывно питавшуюся притокомъ свѣжихъ силъ. Распушенная солдатчина стоящихъ по пригородамъ полковъ часто грабила лавки и дома. Безопасности никакой не было, добрые люди не рѣшались выходить ночью на улицу и спозаранку ложились спать, запирая ворота и спуская собакъ. Иногда, словно поднятое налетѣвшимъ вихремъ, вспыхивало волненіе среди рабочихъ суконныхъ фабрикъ и раздражалось безпощаднымъ бунтомъ. Плохо накормленные желудки дѣйствовали на безтолковыя головы, понимавшія только одно — что ихъ тутъ много вмѣстѣ, что хозяевамъ съ ними не справиться, и что полиція не сунется, опасаясь быть избитой.

Домовъ, гдѣ ночью сквозь щели ставней прорѣзывался свѣтъ, обличая притаившуюся за стѣнами жизнь, было немного. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій майору бутырскаго полка Увалову, былъ извѣстенъ всему околотку тѣмъ, что тамъ каждый вечеръ собиралось офицерство и играло до поздней ночи въ карты. Лѣтомъ 1749 года, когда дворъ жилъ въ Москвѣ, вечера у гостепріимнаго майора отличались особымъ оживленіемъ, такъ какъ въ числѣ гостей бывали и пріѣзжіе изъ Петербурга, и игра велась иногда широкая.

II.

Въ угловой комнатѣ, одной стороною выходившей въ садъ, а другой въ переулочекъ, самъ хозяинъ дома металъ банкъ. Вокругъ стола тѣснились офицеры бутырскаго полка, прибывшіе вмѣстѣ съ императрицею изъ Петербурга преобразкенцы, и двое уже молодыхъ лейбъ-кампанцевъ. Старшій изъ послѣднихъ, Чирковъ, рослый и плечистый, съ раскраснѣвшимся лицомъ и растрепавшимся огромными усами съ просѣдью, былъ въ порядочномъ выигрышѣ. Онъ гнулъ карту за картой, сгребалъ въ кучу золотые, и когда кучка нарастала, перекладывалъ ее въ боковой карманъ своего зеленого камзола. Подъ рукой у него сидѣлъ на табуретѣ подпоручикъ бутырскаго полка, лѣтъ двадцати семи, средняго роста, съ очень обыкновенными, мало красивыми чертами лица, незначительность которыхъ выкупалась блестящими, дерзкими глазами и густымъ загаромъ смуглой кожи, придававшимъ наружности подпоручика рѣшительный и воинственный видъ. Немного курчавые черные волосы, шапкой стоявшіе надъ низкимъ лбомъ, и короткіе усы усиливали впечатлѣніе рѣзкости.

Подпоручику не везло. Онъ уже спустилъ бывшіе у него два десятка червонцевъ, и теперь игралъ на мѣлокъ. На лбу у него раздулись толстыя складки и на нихъ выступалъ потъ.

— Ну, Асафъ Ивановичъ, ты сегодня сплеховалъ,— обратился къ нему сверху Чирковъ.— Совсѣмъ тебя съѣлъ нашъ майоръ. нъ, развѣ выручить тебя? Мажь на мою карту, такъ и быть.

Подпоручикъ взялъ въ руки мѣлокъ. Ему непріятно было обзыватья лейбъ-кампанцу. Но предложеніе представлялось соблазнительнымъ, и онъ записалъ надъ картой свою ставку.

Карта была убита.

— А вѣдь я такъ и зналъ! — прокричалъ Чирковъ и расхохотался веселымъ, раскатистымъ смѣхомъ. — Вѣдь зналъ, что только онъ дохнетъ на мою карту, и убуютъ.

Майоръ смѣялся, окружающіе тоже смѣялись. Подпоручикъ всталъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и злыми глазами.

— Сколько за мной? — обратился онъ къ Увалову.

— Двѣсти сорокъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Значить, до завтра?

— Пріятно будетъ, если завтра принесете.

Подпоручикъ отошелъ.

— Плохо, Батуриный, — произнесъ надъ нимъ другой подпоручикъ, по фамиліи Тыртовъ, товарищески хлопнувъ его по плечу. — Не везетъ, такъ не надо было на рожонъ лѣзть.

— Поди ты къ чорту, — грубо огрызнулся Батуриный.

Лейбъ-кампанецъ, тоже отошедшій отъ стола, подмигнулъ стоявшимъ всторонѣ молодымъ людямъ: прапорщику Ржевскому и двумъ пикерамъ дворцовой псовой охоты.

— Боюсь, какъ бы онъ на чемъ другомъ не отыгрался, по пословицѣ: кто несчастливъ въ картахъ... — сказалъ онъ насмѣшливо.

Батуриный быстро обернулся. Лицо его теперь покраснѣло, глаза сдѣлались еще злѣе.

— Бойтесь? И впрямь, имѣете къ тому всѣ основанія. Несомнительно потщусь доказать вамъ, — произнесъ онъ такимъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Вонъ-оно, какіе мы нынче фуфыри стали! — отозвался пренебрежительно Чирковъ и, подбоченясь, остановился прямо передъ Батуринымъ. Тотъ пожалъ плечами и прошелъ, оттолкнувъ его. Къ общему удивленію, лейбъ-кампанецъ только выразительно махнулъ рукою и засмѣялся. Бутырцы и преображенцы переглянулись: они не любили лейбъ-кампанцевъ, которые, по ихъ словамъ, были наглы только тамъ, гдѣ не ожидали получить сдачи. А отвѣтъ Батурина вызвалъ на ихъ лица веселыя улыбки: они знали, что Чирковъ сватается къ дочери суконщика Кенжина, и что Батуриный старается отбить у него эту невѣсту. И они желали успѣха молодому подпоручику.

III.

Съ уходомъ Чиркова крупная игра оборвалась. Майоръ пригласилъ гостей закусить. Хозяйство у него шло на холостую ногу—неряшливо и пьяно. Бутылокъ на столахъ было больше, чѣмъ тарелокъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ уже сильно подогрѣли себя. Разговоры шли «вольные», политическими пересудами не стѣснялись. Больше всѣхъ доставалось фельдмаршалу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, завѣдомому любимцу императрицы, который какъ разъ въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и былъ предметомъ придворныхъ чествованій.

— Понаѣхали къ намъ хохлы и величаются, словно они теперь первые люди въ царствѣ, — говорилъ хриплымъ голосомъ гренадеръ Худышкинъ товарищу своему Кетову.—Дай имъ волю, они все къ рукамъ приберутъ. Будетъ надъ нами всякая чубатая старшина изыматься... Кутейники!

— Лейбъ-кампанцы, и тѣ нынче передъ ними спину гнутъ,— поддакивалъ Кетовъ.—Большую силу Разумовскій взялъ.

Сидѣвшій тутъ же вахмистръ Урнежевскій проглотилъ рюмку водки, закинулъ въ ротъ кусокъ донского балыка и выругался.

— Ужъ правда! — подхватили пикеры дворцовой охоты, разсмѣявшись крѣпкому слову вахмистра. — Вчера, на псовой охотѣ, на него одного и смотрѣли. Выѣхалъ, эта, онъ въ своей польской епанчѣ, шляпа на немъ—что твоя бадья, чепракъ раззолоченный, уздечка жалованная съ бирюзой,—ну, прямо, идолъ татарскій, Мамай. Великій князь посмотрѣлъ, покривился, да и вильнулъ въ сторону: не хотѣлъ у него подъ стремянемъ ѣхать.

— Великій князь терпитъ отъ Разумовскаго всякія утѣсенія, — сказалъ молодой прапорщикъ Ржевскій.—Вотъ, Асафъ Ивановичъ знаетъ про то.

Батуринъ, услышавъ свое имя, подошелъ къ разговаривавшимъ.

— Знаю. У меня и въ Питерѣ, и здѣсь своихъ людей довольно, — подтвердилъ онъ.—Есть отъ кого услышать про все, что дѣлается. Хорошаго только мало слышно. Разумовскій дѣлаетъ, что захочетъ, и пока онъ въ силѣ, коронаціи его высочеству не будетъ, хотя Петръ Ѳедоровичъ непреложно наслѣдникомъ престола почитается.

— Его высочество, сказываютъ, къ нѣмцамъ довольно тянетъ, — вставилъ вахмистръ Урнежевскій. — Не больно-то хорошо его въ Питерѣ аттестуютъ.

— Великій князь—молодой, и при немъ все по иному повелось бы, — возразилъ Батуринъ, — тогда и мы свой случай имѣли бы. Не все этому хохлацкому борову Разумовскому, да Шуваловымъ, да Бестужеву, за императрицу править. И такъ до чего

ужь они довели царство: народъ истомился, грабежи да голодовки, по Москвѣ доброму человѣку вечеромъ пройти безъ опаски нельзя. Между рабочими, слышали, какое волненіе идетъ. Да что рабочіе—сами хозяева крикомъ-кричатъ: за казенныя поставки не могутъ деньги получить. И все изъ-за Разумовскаго, который не допускаетъ коронаціи великому князю. А я знаю многихъ такихъ, которые за великаго князя готовы головы сложить. Понадобится, такъ тысячь тридцать людей сейчасъ встанутъ.

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ одинъ изъ пикеровъ.

— Стало быть такъ, — подтвердилъ Батуриный. — Не мѣсто здѣсь толковать, а только за великаго князя многіе охочи постоять.

— Можетъ быть и охочи, только руки коротки. У императрицы силы большія, она всему народу любезна, — замѣтилъ гренадеръ Худышкинъ.

— А велика-ли была сила лейбъ-кампанцевъ, когда они Елисаветъ Петровну на престолъ возводили?—возразилъ Батуриный.— За то же и милостей на нихъ просыпано выше всякой мѣры. Была она въ утѣшеніи, и тѣмъ пріобрѣла всеобщую пріязнь. А нынѣ великій князь съ супругою въ такомъ же утѣшеніи содержатся. Вотъ и понимай, коли умъ въ головѣ есть.

— Да ты это къ чему говоришь?—значительнымъ тономъ спросилъ подпоручикъ Тыртовъ.

Батуриный подозрительно взглянулъ на него и на другихъ.

— Мало-ли что къ чему говорится,—произнесъ онъ. — Не мѣсто здѣсь. Будетъ случай, потолкуемъ. А у меня отъ вина, да съ проигрыша, голова будто не крѣпка уже. Вотъ, изволь завтрашній день двѣсти сорокъ рублей майору нашему приготовить. А всякихъ другихъ долговъ нѣшто у меня мало? Такъ тутъ и не такое еще полѣзетъ въ голову.

Батуриный всталъ, и грубо проталкиваясь между офицерами, нетвердой походкой вышелъ изъ комнаты, отыскалъ свой киверъ и спустился по скрипѣвшей подъ ногами лѣстницѣ.

IV.

Хотя былъ еще очень ранній часъ утра, но жизнь въ этой отдаленной окраинѣ города уже просыпалась. Въ окошечкахъ одноэтажныхъ домиковъ брезжилъ свѣтъ лучины. Изъ калитокъ, то и дѣло, выходили люди, крестились и направлялись по нѣскольку человѣкъ къ оврагу, за которымъ неряшливо чернѣли фабричныя трубы и откуда доносились короткіе, пронзительные звуки гудковъ.

Батуриный не въ первый разъ шелъ здѣсь въ это раннее время, и зналъ въ лицо многихъ изъ рабочихъ. Нѣкоторые ему издали кланялись

— Мы, вотъ, на работу, а твое благородіе никакъ съ гулянки?—обратился къ нему одинъ изъ нихъ, молодой парень въ синей холстинковой рубахѣ, съ примятой шанкой на свѣтлыхъ, какъ лень, кудряхъ.—Съ выигрышемъ, что-ли, поздравить?

Батуринъ, вмѣсто отвѣта, мрачно сплюнулъ.

— Ой-ли? Почитай, продулся, твое благородіе? — продолжалъ фабричный. — А я ужъ того... думалъ, намъ Богъ счастья посылаетъ. Кабы теперича, спозаранку, поднести стаканчикъ — лучше этого и не надо.

— Провались ты къ чорту, — огрызнулся Батуринъ. — Вамъ, болотинскимъ, самъ хозяинъ, должно быть, поднесеть. 'Баловникъ онъ у васъ, сказываютъ.

Осклабленное лицо парня приняло сразу злое выраженіе.

— Поднесеть, это точно... Аспидъ поганый, чтобъ ему пусто было,—выругался онъ. — Третьяковскимъ, да сѣриковскимъ, хоть для Свѣтлаго Христова Воскресенья угощеніе бываетъ, а отъ нашего и того не увидишь. Мнѣ, говорить, нечего ихъ угощать, потому моя фабрика первая на Москвѣ, и ко мнѣ всякій народъ безъ посула пойдетъ.

Шагавшіе рядомъ другіе рабочіе одобрительно подкинули головами.

— Онъ такой и есть, скаредъ анаѣемскій,—подтвердили они.— Затѣмъ и фабрику изъ Питера на Москву перевелъ, что тутъ голоднаго народа больше.

— Какъ къ нему народу не итти, когда у него получка правильная,—замѣтилъ пожилой, рыжебородый и лысый мужикъ. — А на другихъ фабрикахъ по мѣсяцамъ люди задаромъ кланяются—нѣтъ разчета, хоть плачь. Пождите, говорятъ, вотъ изъ царской казны за прошлогодній подрядъ деньги придутъ, тогда разсчитаемся.

— Держи карманъ. Казна-то забирать охоча, а платить не торопится,—замѣтилъ первый парень.

— Въ казнѣ и денегъ нѣтъ, всѣ деньги забираетъ графъ Алексѣй Разумовскій, да раздаетъ своимъ хохламъ,—сказалъ Батуринъ.—Отъ Разумовскаго всѣ утѣсенія идутъ. Какъ понаѣхали къ нему хохлы, да начали всякія свои волшебства творить, тутъ и пошли на насъ всяческія бѣды.

— Какія-такія волшебства? — полюбопытствовалъ одинъ изъ рабочихъ.

— Да всякія! У нихъ—что ни старикъ, то колдунъ,—отвѣтилъ Батуринъ. — Зелья разныя, нашептыванья. Хохоль съ чортомъ всегда въ дружбѣ. Разумовскій и великаго князя Петра Ѳедоровича околдовалъ, и отъ великой княгини Екатерины Алексѣевны отворотилъ. Попустить, такъ онъ и совѣмъ изведетъ великаго князя.

— Вся бѣда пошла, какъ извели прирожденнаго царевича Алексѣя Петровича, — вставилъ лысый мужикъ съ русой боро-

дой. — Кабы живъ былъ царевичъ, стояло бы благочестіе нерушимо до конца вѣковъ.

— И съ нынѣшнимъ царевичемъ тоже будетъ, — продолжалъ Батуринь. — Императрица по женской слабости совсѣмъ предалась Разумовскому, а онъ великаго князя всячески извести хочетъ, чтобы силу свою сохранить. Вѣдомо вѣдь всѣмъ, что какъ только коронуютъ Петра Фѣдоровича, тутъ Разумовскому конецъ. А онъ тѣмъ временемъ и казну грабить, и императрицу. Не токма деньгами, а даже всякія драгоценности выбралъ изъ дворца и отослалъ къ матери, а та переслала ихъ въ Польшу. И какъ только рускіе люди терпятъ этого лиходѣя? Приѣхалъ теперь въ Москву, величается въ своей раззолоченной униформѣ, а великій князь подлѣ него оципаннымъ голштинцемъ выглядить.

Батуринь отдулся, утомленный скорой ходьбой и страстной рѣчью. На лбу у него выступилъ потъ.

— Топорами бы его зарубить, вотъ что, — закончилъ онъ. — И отъ великаго князя благодарность была бы за такое дѣло.

— Ой-ли? — съ сомнѣніемъ спросилъ молодой парень.

— А ты какъ думаешь? Вру я, что-ли? Я, можетъ быть, съ самимъ его высочествомъ разговоръ имѣлъ, — солгалъ Батуринь. — Ну, да это дѣло еще сдѣлается. Люди у меня есть, которые рады постоять за законнаго царевича. Вотъ кабы рабочихъ вашихъ подбить, мы съ хохлами прикончили бы.

— Есть еще, которые стоятъ за вѣру... — раздумчиво произнесъ рыжій мужикъ.

Онъ не совсѣмъ понималъ, какое отношеніе имѣетъ Разумовскій къ стоянію за вѣру, но складъ его ума самъ собою требовалъ, чтобы всякое бунтованіе вело къ торжеству древляго благочестія.

— Наши суконщики — воровской народъ, — сказалъ, шагавшій рядомъ съ Батуринымъ, парень. — Имъ только свисни, а особенно, ежели съ выпивкой. Потому, первое дѣло, народъ очень изголодался.

Батуринь усмѣхнулся.

— Неужто мы, замысливъ такое дѣло, стоимъ за угощеніемъ? — сказалъ онъ. — Его высочество и самъ охочъ пображничать; ужъ мнѣ этого какъ не знать.

Закопѣлыя фабричныя ворота были уже близко. Батуринь остановился, и снявъ шляпу, помахалъ ею надъ головой.

— Вотъ такъ-то, братцы. Держите мое слово въ памяти, — сказалъ онъ. — Зря не болтайте, а, между прочимъ, линію эту ведите. Только, чуръ, меня не называть, потому что до времени мнѣ открывать себя не гоже. Надо, чтобы Разумовскому ничего такого и на умъ не впадало.

— Знамо дѣло, — откликнулись рабочіе и, не оглядываясь, степеннымъ шагомъ вошли въ ворота.

V.

Вернувшись къ себѣ, Батуриный сбросилъ полукафтанье, стянулъ сапоги и завалился спать. Глубокій, тяжелый сонъ, знакомый игрокамъ послѣ крупнаго проигрыша, овладѣлъ имъ до полудня. Разметавшись на жесткой постели, онъ храпѣлъ, дергалъ ногой и произносилъ какія-то ругательства. Все время ему грезилось что-то несвязное — не то обрывки воспоминаній, не то призраки фантастическаго будущаго. Онъ на кого-то бросался, бѣшеная лошадь носила его въ горахъ Кавказа, гдѣ онъ служилъ въ ширванскомъ полку; потомъ, на красивомъ парадерѣ, онъ ѣхалъ по улицамъ Москвы у стремени великаго князя, и многотысячная толпа привѣтствовала ихъ, подкидывая шапки и склоняя хоругви. Потомъ грезилось что-то неясное, несообразное: какіе-то маленькіе желтолицые люди, странный бамбуковый городокъ, цвѣтушіе холмы, покрытые незнакомой растительностью, и безбрежная даль океана.

Проснувшись, Батуриный увидѣлъ подпоручика Тыртова, сидѣвшаго надъ его изголовьемъ.

— Ты меня будилъ?—спросилъ Батуриный.

— Гдѣ разбудить: ты во снѣ чертыхался, какъ пьяный ефендрикъ,—отвѣтилъ Тыртовъ.—Стрѣлялъ въ кого-то, рубилъ, чортъ тебя знаетъ. Хотѣлъ ужъ изъ ковша на тебя плеснуть.

— И плеснулъ бы. Съ проигрышу, что-ли, только голова страсть какъ трещить. Ѳомка, умываться!

Молодой денщикъ внесъ тазъ съ кувшиномъ. Батуриный, разстегнувъ воротъ рубашки, съ наслажденіемъ подставилъ голову подъ холодную струю.

— Чаю, водки, селедки!—скомандовалъ онъ, вытираясь и отфыркиваясь.—Въ камзолѣ, кажется, была какая-то мелочь.

— А я къ тебѣ, братецъ, по нарочному дѣлу,—сказалъ Тыртовъ, когда они остались одни.—Получилъ я нѣкое посланіе отъ бывшаго моего товарища, прапорщика Попова...

— Кюменеровскаго полка?

— Вотъ, вотъ. Пишетъ многое пространное, и о предметахъ нарочито важныхъ, такъ что, прочтя, въ большое сомнѣніе приведенъ былъ.

— О чемъ же такомъ?

— А вотъ, я захватилъ съ собою. Ты по этой части свѣдущъ. Вотъ, прислушай, что пишетъ Ивашка Поповъ.

Тыртовъ вынулъ изъ подъ камзола большой листъ сѣрой бумаги, развернулъ его и сталъ читать:

«А великій князь Петръ Ѳедоровичъ возлюбилъ нынѣ людей стараго благочестія, и воинъ при немъ не будетъ. А будетъ у него сынъ, также Петръ, воинъ сильный, и будетъ царствовать въ Мосохѣ, сирѣчь въ Москвѣ»...

— Это на какомъ же языкѣ Москва Мосохоомъ называется?— перебилъ свое чтеніе Тыртовъ.

— Это именованіе пророческое, — отвѣтилъ Батуриный. — Ну, дальше.

«И будетъ Петръ называться княземъ Розгимосохоомъ, — продолжалъ Тыртовъ.—Жена у него будетъ Елена, рожденная близъ моря-окиана, въ сѣверной странѣ, изъ простого народа. Потомства же Петра не будетъ, потому что жена Елена не будетъ съ нимъ жить по брачному обычаю, и скоро умретъ; а Петръ другой жены себѣ не возьметъ, станетъ ходить по заповѣдямъ Господнимъ. Будетъ и въ Ерусалимѣ, но умретъ въ Россіи. При Елисаветѣ же малое число избранныхъ гонимо будетъ едва не въ конецъ».

Тыртовъ сложилъ листъ, прихлопнулъ по немъ рукой, и уставилъ глаза на Батурина.

— Какое по сему предмету твое мнѣніе?—спросилъ онъ.

Батуриный быстро выхватилъ листъ изъ рукъ Тыртова.

— Ты это оставь у меня,—сказалъ онъ.—Посланіе это пророческое, и надо, чтобъ оно достигло многихъ. Также и для избранныхъ предостереженіе, ибо гонимы будутъ, пока не вступитъ на престолъ цесаревичъ Петръ на мѣсто Елисаветы.

— А что такое князь Розгимосохъ?—любопытствовалъ Тыртовъ.

— До точности я этого не разумѣю, но полагаю, что не безъ соотношенія тутъ съ графомъ Разумовскимъ, — не задумываясь, объяснилъ Батуриный.—Имя Розгимосохъ должно означать того, кто низвергнетъ Разумовскаго. Не иначе, какъ такъ.

— Вотъ, ты все это понимаешь,—почти завистливымъ тономъ сказалъ Тыртовъ. — И вѣдь вправду, на Разумовскаго многіе у насъ зубы точатъ. Великаго князя хоть и мало знаютъ, а жалѣютъ его.

Батуриный провелъ рукою по своимъ волнистымъ волосамъ.

— Погоди, придетъ часъ и для великаго князя,—сказалъ онъ.— Въ нашемъ полку у него много приверженцевъ. Захотѣть бы—не хуже лейбъ-кампанцевъ сдѣлали бы дѣло. И были бы мы съ тобой гвардіи капитанами, а то и полковниками. Да червонцы, да помѣстья жалованья... А и дѣло-то не Богъ вѣсть какое трудное. Вотъ только на первыхъ порахъ раздобыть бы сколько-нибудь денегъ... Да что, развѣ нельзя? Постараться, такъ и добуду.

Тыртовъ сомнительно покачалъ головою.

— Гдѣ ихъ раздобыть? У нашего майора, что ли?—сказалъ онъ.

— Къ чорту его, майора... Я, братецъ, знаю мошну потолка, чѣмъ его,—возразилъ Батуриный.—Майору еще долгъ отдать нужно, дьяволъ бы его побралъ. И купцу Сѣрикову долженъ. И князя Алиханова нелегкая принесла въ Москву, про старый долгъ вспомнилъ. А ужъ что я тутъ по мелочамъ задолжалъ, такъ и не

вспомнишь сразу. Да погоди, будутъ и у насъ червончики звенѣть въ карманахъ.

Батуринъ посвисталъ, позвалъ Оомку и велѣлъ подавать одѣваться.

— Ты теперъ куда?—спросилъ Тыртовъ.

Батуринъ опять посвисталъ.

— Не взыщи, братъ, не по дорогѣ,—загадочно отвѣтилъ онъ.

VI.

Суконная фабрика купца Третьякова стояла на высококомъ берегу рѣки Яузы, спускаясь къ ней глинистыми откосами съ одной стороны, и большимъ, неряшливо содержимымъ садомъ съ другой. Садъ окружалъ и деревянный флигелекъ, гдѣ жилъ, съ семьєю и старшимъ приказникомъ самъ Тихонъ Алексѣевичъ Третьяковъ.

Батуринъ поднялся къ флигельку, обогнулъ его и вышелъ къ обсаженной акаціями и смородинными кустами дорожкѣ. Отъ тянувшихся за кустами березъ и кленовъ на дорожку падала узорчатыми пятнами тѣнь. На одномъ изъ этихъ пятенъ Батуринъ сейчасъ же разглядѣлъ двѣ женскія фигуры. Молоденькая дѣвушка въ голубомъ ситцевомъ платьѣ, свѣтлорусая, съ пробывавшимся сквозь загаръ румянцемъ, большими, ясными, голубыми глазами и падавшей вдоль спины тяжелой косой, стояла посреди дорожки и подбрасывала шарикъ бильбока. Пожилая женщина, съ толстымъ, дряблымъ лицомъ, одѣтая въ старинный холстинковый капотъ, сидѣла подлѣ нея на почернѣвшей скамьѣ и вязала чулокъ.

Батуринъ еще издали помахалъ шляпой. Дѣвушка тотчасъ его узнала, и, словно спасаясь, подскочила къ нянѣ.

— Ольгѣ Тимофѣевнѣ добраго дня. И вамъ, Ненилушка, здравствовать!—звонко произнесъ поручикъ, раскланиваясь.—Имѣлъ увѣренность васъ здѣсь застать, и радъ, что не обманулся.

— По такой чудесной погодѣ и мѣста другого нѣтъ, какъ здѣсь въ саду,—отозвалась дѣвушка, краснѣя и уже совсѣмъ безтолково подкидывая бильбока.—Хотите, такъ присядьте. А впрочемъ, мы сейчасъ пойдемъ въ комнаты.

— Зачѣмъ же сейчасъ? Въ комнатахъ и въ дурную погоду насидитесь,—возразилъ Батуринъ.—Теперъ, мнѣ кажется, лучше всего погулять въ укромной тѣни. Позвольте предложить вамъ руку.

Дѣвушка передернула плечами, точно отмахиваясь отъ него.

— У меня даже нѣтъ никакого расположенія. Лучше сядьте да посидите,—предложила она.

— На прогулкѣ гораздо занимательнѣе разговаривать,—настаивалъ Батуринъ.

— Какой же можетъ быть разговоръ? И во всякомъ случаѣ, разговаривать можно, сидя на скамейкѣ.

— Позвольте предложить вамъ руку.

И Батуринъ снова подставилъ локоть. Дѣвушка еще больше покраснѣла и отвернулась.

— Нѣтъ, ужъ пойдемте такъ; незачѣмъ руками цѣпляться,— возразила она, и пошла впередъ.— Ненилушка, ты не уходи,— обернулась она къ нянѣ.

— Куда идти-то,— отозвалась старуха.

Батуринъ, выпрямляя грудь и пристукивая каблуками, поравнялся съ Ольгой.

— Премного обрадованъ, что на сей разъ не засталъ съ вами Чиркова,— сказалъ онъ.— Не могу выразить, въ какой мѣрѣ частыя посѣщенія его къ вамъ мнѣ докучны.

— Почему такъ докучны?—спросила Ольга.

— Потому что мнѣ извѣстны надежды, которыя онъ питаетъ.

— Что-жъ такое надежды! Этого онъ не можетъ лишить себя.

— Въ какомъ смыслѣ я долженъ понять васъ?

— Ахъ, Боже мой, да въ такомъ же. Вѣдь и вы, по видимости, о томъ же предполагаете въ своихъ мысляхъ.

— Несомнительно. А какъ мы оба питаемъ одинаковыя мысли, то я такъ разсуждаю, что отъ вашего рѣшенія зависить судьба каждаго изъ насъ.

Дѣвушка отвернулась и пошла скорѣе.

— Вовсе тутъ никакого моего рѣшенія не можетъ быть,— сказала она.— А что онъ не кто нибудь, и тятенька его уважаетъ, такъ это дѣйствительная правда.

Батуринъ снялъ шляпу и дернулъ руками по волосамъ.

— Тятенька вашъ и со мною состоитъ въ пріятеляхъ,— возразилъ онъ.— Только Тихонъ Алексѣевичъ, какъ торговый чловѣкъ, судить обо мнѣ— вотъ какой я есть передъ нимъ сейчасъ:— бутырскаго полка подпоручикъ, и больше ничего. А обо мнѣ надо иначе судить.

— Какъ же это иначе?

— А такъ, что сегодня я подпоручикъ, а завтра могу стать превеликой особой.

Глаза Ольги оглянули Батурина съ недовѣрчивымъ любопытствомъ.

— Что еще за сказки рассказываете?— молвила она.

— Иная сказка и на быль похожа,— отвѣтилъ Батуринъ и, наклонясь къ ней, вдругъ съ силою схватилъ и сжалъ ея руку.— Послушайте, я давно ждалъ этого разговора. Я и хотѣлъ, и боялся вамъ открыться. Но видно ужъ приходится все сказать. Такъ вотъ, знайте: дѣло у меня затѣяно большое. Такое, больше котораго и нѣтъ ничего. Выгорить—буду я первымъ лицомъ у новаго царскаго престола. А не выгорѣть оно не можетъ.

Лицо дѣвушки выразило испуганное недоумѣніе.

— Какое же такое дѣло вы затѣяли? Ужъ не противъ-ли царицы что нибудь?—проговорила она, оглядываясь.

— У царицы есть законный преемникъ, великій князь Петръ Ѳедоровичъ,— отвѣтилъ Батуриный.—По проискамъ Разумовскаго его отгѣсняють и хотятъ извести. Разумовскій самъ мыслить сѣсть на царство. Но я и мои сообщники не допустимъ того, и возвратимъ великому князю его законныя права. Теперь можете судить, какова должна быть награда мнѣ отъ его высочества.

Ольга смотрѣла на Батурина, точно хотѣла соразмѣрить его фигуру съ дерзостью его замысла. Но этотъ замыселъ уже представлялся ей въ томъ самомъ, почти рыцарскомъ смыслѣ, въ какомъ объяснялъ его молодой подпоручикъ.

— И вы не страшитесь, что дѣло вамъ не удастся, что васъ могутъ выдать, убить?..— сказала она.

Батуриный еще крѣпче сжалъ ея руку.

— Успѣхъ подготовленъ, я жду только рѣшимости самого великаго князя,— отвѣтилъ онъ. — А если меня убьютъ, я умру съ мыслью о васъ, такъ какъ къ вашимъ ногамъ я льщусь принести почести и богатства, которыя меня ожидаютъ. Я умру съ вашимъ именемъ на устахъ, именемъ моей невѣсты!

Онъ опустился на одно колѣно и прижалъ губы къ пухленькой, розовой рукѣ дѣвушки. Эта рука дрожала.

— Вѣдь ты позволишь мнѣ называть тебя своей невѣстой? — продолжалъ Батуриный и въ его звонкомъ, грудномъ голосѣ прозвучала непривычная нѣжность.—Батюшкѣ твоему я, можетъ быть, сегодня же откроюсь, и уповательно, что онъ мнѣ въ рукѣ твоей не откажетъ, и даже дѣлу моему будетъ пособникомъ. Вѣдь и для него произойдутъ отсюда великія выгоды. Но, тѣмъ временемъ, ты никому о томъ ни полслова. Такъ-ли, принцесса моя?

Батуриный быстро поднялся, обхватилъ Ольгу за талію и крѣпко поцѣловалъ ее въ самыя губы.

— Чтожъ это такое! Какъ вы смѣете! — закричала дѣвушка, но въ голосѣ ея не слышалось гнѣва.

Вся покраснѣвшаяся, съ разстроенной косой, она вырвалась изъ державшихъ ее рукъ и побѣжала къ скамьѣ, гдѣ задремавшая Ненила выпустила на колѣни свое вязанье.

Батуриный неспѣшными, мѣрными шагами прошелъ мимо нихъ, бросилъ на Ольгу замысловатый взглядъ и свернулъ къ дому.

«Ну-съ, теперь пойдемъ поглядимъ старую купецкую бороду», — сказалъ онъ самъ себѣ.—«И тогда пусть сунется мой лейбъ-кампанецъ — не много тутъ возьметъ!»

VII.

Тихона Алексѣевича Батурина засталъ въ палисадникѣ. Старикъ только что вернулся съ фабрики, и освѣжался квасомъ, стоявшимъ передъ нимъ въ большомъ мѣдномъ жбанѣ. Потное лицо его, съ строгими глазами и плутоватой усмѣшкой на тонкихъ губахъ, имѣло хмурое выраженіе. Завидѣвъ подпоручика, онъ съ неохотой привсталъ.

— Желаемъ здравствовать. Съ чѣмъ пожаловали?—привѣтствовалъ онъ гостя.

— Съ добрымъ утромъ. Случилось въ вашихъ мѣстахъ быть—какъ не зайти?—сказалъ Батуринъ. — А это у васъ квасъ?

Онъ налилъ себѣ изъ жбана большую кружку, и съ жадностью, не отрываясь, выпилъ ее.

— Чудесное дѣло. А у васъ какъ? Фабрикуете, да богатѣете? Храброму воинству на портки, да себѣ въ мошну?—пугливо освѣдомился онъ.

— Вашими-бъ устами... Мошна-то у насъ вонъ какъ раздулась какъ бы не лопнула,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Третьяковъ.— И какъ это людямъ языки чесать не надоѣло. Купецъ, фабрика, подряды ставить—ну, стало быть, деньги лопатой загребаешь. Держи карманъ! Загребешь тутъ, когда еще за прошлогоднюю поставку изъ казны недополучено. Вотъ бы ты, ваше благородіе, поворожилъ какъ нибудь у вашихъ генераловъ, чтобы утѣсенія не дѣлали.

— И поворожу. У меня не токма къ генераламъ, а къ самымъ первымъ особамъ ходы есть,—смѣло заявилъ Батуринъ. — А подождете, такъ не то еще увидите.

— И впрямь поворожилъ бы. Ты подумай, у фабрики-то тоже брюхо есть, напихать его требуется. Рабочимъ подай, нѣмецкимъ мастерамъ подай, за шерсть подай, подати подай—а откуда взять-то, если сама казна не платитъ?—продолжалъ ворчливо Третьяковъ.— А тутъ еще Болотинъ забиваетъ—надо было ему, вишь ты, изъ Питера Москву захватить. Болотину хорошо, онъ еще при царѣ Петрѣ Первомъ дѣло свое завелъ, успѣлъ нажиться. А тутъ на однихъ затычкахъ, да поборахъ, да утѣсеніяхъ въ раззоръ войти можно. Тоже, вотъ, и съ рабочими сладу нѣтъ. Имъ вынь да положь, не то сейчасъ бунтовать начнутъ. Не глядѣлъ бы на нихъ, псовъ проклятыхъ. Того и жди, что со злобы аглицкіе станки поломають. Нѣтъ, ваше благородіе, наше дѣло трудное—ой, трудное.

Батуринъ съ значительнымъ видомъ кивнулъ головой.

— Не отъ васъ перваго слышу,—сказалъ онъ.—Всѣ жалуются, всѣмъ плохо. Вотъ, хотя бы у насъ: наѣхали хохлы, имъ офицерскія мѣста раздають, награды жалуютъ, а нашего брата обходятъ.

И все это идетъ отъ Разумовскаго. А въ казнь почему денегъ нѣтъ? Онъ же, Разумовскій, для своихъ хохловъ выгребаетъ. Отъ него и великій князь съ супругою большое утѣсненіе терпятъ. Надо бы всему этому конецъ положить.

— Какъ ты его положишь!—проворчалъ Третьяковъ.

— А такъ, что пора великому князю сѣсть на царство. Убратъ Разумовскаго съ дороги, вотъ и все,—отвѣтилъ Батуриный.

Третьяковъ вскинулъ на него своими пронизательными глазами.

— Это твое благородіе уберетъ, что-ли?—спросилъ онъ.

— А хоть бы и такъ,—рѣшительнымъ тономъ отозвался подпоручикъ, выпрямляясь на стулѣ.—Чай, слыхали про лейбъ-кампанцевъ? А у насъ и побольше людей найдется. Тогда узнаете, что такое Асафъ Батуриный, и какъ его новый царь пожалуетъ.

— Вишь ты, соколъ какой нашелся!—произнесъ старикъ, и снова покосился на него пронизательнымъ и недовѣчивымъ взглядомъ.—Дивно даже мнѣ, что ты безъ опаски объ этомъ толкуешь со мной.

— А потому безъ опаски толкую, что почитаю васъ за человека довольнаго ума,—отвѣтилъ Батуриный.—Сказать на меня «слово и дѣло»—значитъ самому же запутаться. А посмотрѣть да подождать, какъ этотъ Батуриный въ случай выйдетъ, да вашу хлѣбъ-соль припомнить,—сдается мнѣ, будто это для вашей милости не безвыгодно. Ась, какъ полагаете, Тихонъ Алексѣевичъ?

Третьяковъ усмѣхнулся.

— Вонъ ты какъ разсудилъ!—произнесъ онъ, поглаживая бороду.—И впрямь, каждаго на свое мѣсто поставилъ. Дерзкая у тебя голова, ваше благородіе,—какъ бы только снести.

— Ну, не снесемъ, тогда и рѣчи эти забудутся,—сказалъ Батуриный.—А только моя звѣзда еще въ гору идетъ. Будетъ на нашей улицѣ праздникъ, вотъ вамъ мое слово. Теперь ничего не прибавлю; полагаю, что вы сами уже домекнулись, чего ради я вамъ открылся.

Третьяковъ прищурился совсѣмъ хитро.

— Не гораздъ я домекать-то,—сказалъ онъ.

— Ладно. Теперь мнѣ говорить—на похвальбу похоже будетъ. А какъ все этс содѣется, тогда и разговоръ настоящій произойдетъ. Съ тѣмъ-то Батуринымъ, пожалуй, и породниться согласны будете.

— Вотъ-оно куда закинулъ!—смѣясь, молвилъ Третьяковъ.—Издадека, ваше благородіе, подходись.

Онъ всталъ, положилъ руку на плечо подпоручика, и глядя на него не то насмѣшливо, не то ободрительно, покачалъ головой.

— А ловкую ты мнѣ загадку загнулъ,—сказалъ онъ.—Что жъ, коли подождать да поглядѣть, на это мы согласны. Надъ нами

не каплетъ, наше дѣло терпитъ. А съ Олей-то, небось, пошущу-каться успѣлъ?

Батуриный скромно улынулся.

— Это дѣло родителямъ рѣшать, а не намъ,—сказалъ онъ.

— Ну, рѣшеніе еще далеко не dospѣло,—произнесъ Третьяковъ.—Я тебѣ вотъ что скажу, ваше благородіе: что будетъ, про то я ничего не знаю, а разговора промежъ насъ никакого не было. Такъ ты и понимай. Началь ты мнѣ сказку сказывать, стало быть, за тобой и досказать ее.

VIII.

Батуриный, уходя отъ Третьякова, усмѣхался и что-то подпѣвалъ съ очень довольнымъ видомъ. Онъ находилъ, что «дѣло» его налаживается. Ольга почти влюблена въ него и влюбится окончательно, мечтая о его сказочномъ будущемъ. Старикъ, очевидно, тоже клюнулъ. Про свои малыя прибыли онъ навѣрное вретъ, по купеческому обычаю; денегъ у него довольно, а жадности еще больше. Породниться съ человѣкомъ, который выйдетъ въ случай, онъ всегда будетъ радъ. Если Батуриный станетъ теперь волновать рабочихъ, Третьяковъ посмотритъ на это сквозь пальцы; а его старшій мастеръ, Кенжинъ, надняхъ сказывалъ, что прельстить суконщиковъ будетъ не трудно—всѣ они люди своевольные, голодные и недовольные хозяевами.

Во всякомъ случаѣ, если теперь лейбъ-кампанецъ Чирковъ вздумаетъ отбивать у него невѣсту, то отѣдетъ ни съ чѣмъ.

Самолюбивому подпоручику было пріятно объ этомъ думать. Но мысль о Чирковѣ наводила его также на воспоминаніе о вчерашнемъ проигрышѣ и долгѣ майору.

«Шутка сказать—двѣсти сорокъ рублей. Этихъ денегъ мнѣ не достать,»—думалъ онъ.—«Развѣ обыграть когонибудь. Но къ майору нельзя идти отыгрываться, не принеся долга. Да и никуда нельзя показаться—вездѣ долженъ. Эхъ, да я и дома игру могу завести. Свисни только—охотники на огонекъ сбѣгутся».

И Батуриный на нѣкоторое время засѣлъ дома. Въ его маленькую квартиру, которую онъ нанималъ у царскаго егеря, нѣмца Рейзе, днемъ и вечеромъ заглядывали пріатели: подпоручикъ Тыртовъ, прапорщикъ Ржевскій, вахмистръ изъ дворянъ Урнежевскій, гренадеры Худышкинъ и Кетовъ, русскіе и иноземные пикеры дворцовой псовой охоты, кое-кто изъ офицеровъ бутырскаго полка. Появлялся и суконный мастеръ Кенжинъ, которымъ Батуриный очень дорожилъ ради его связей со всѣмъ фабричнымъ народомъ. Игра шла каждый день; за закуской и чаемъ толковали о политикѣ, ругали Разумовскихъ, сплетничали объ императрицѣ и о придворныхъ особахъ. Батурину его затѣя представлялась все болѣе простой и легкой.

— Много ли нужно, чтобъ схватить Разумовскаго?—говорилъ онъ, ероша свои густые волосы.—Я однихъ сукончиковъ сколько тысячь приведу. А Разумовскому самъ, своею саблею разрублю голову. Потомъ заставлю архіереевъ вѣнчать великаго князя; а заупрямятся, я и архіереевъ рубить буду.

Когда ему возражали, что до Разумовскаго трудно добраться, онъ говорилъ, что подстережетъ его на охотѣ.

— Я и лейбъ-кампанцевъ подговорю: жалованные-то червонцы свои они давно ужъ пропили да промотали. И преображенскій батальонъ, который теперь въ Москвѣ.

Но въ картахъ Батурина не везло: онъ постоянно проигрывался, перехватывалъ у пріятелей по мелочамъ, отдавалъ въ закладъ оставшіяся у него вещи. Ѳомка, то и дѣло, бѣгалъ по всѣмъ лужскимъ лавочникамъ, доставая въ кредитъ водку, вино, закуски, и жалуясь подпоручику, что въ лавкахъ его бить грозятъ.

— Ну, и пусть бьютъ, мнѣ же меньше дѣла будетъ,—спокойно заявлялъ ему на это Батуринъ.

Разъ Худышкинъ и Кетовъ затащили къ нему молодого купца Севастьянова, собиравшагося на ярмарку и имѣвшаго при себѣ деньги. Купца напоили, обыграли и вытолкали въ шею. Онъ пошелъ жаловаться, къ Батурина явилась полиція, переписала всѣхъ, и представила по начальству донесеніе.

«Ладно, ужъ припомню я имъ всѣмъ, собачьимъ дѣтямъ»,— грозился подпоручикъ, и, встрѣтивъ разъ въ сумерки того самаго комиссара, который къ нему являлся, сильно поколотилъ его. Тотъ подалъ на него новую жалобу и клялся, что дойдетъ до самого графа Разумовскаго, а ужъ взыщетъ и за обиду, и за разорванный мундиръ. Все это грозило слѣдствіемъ и арестомъ, тѣмъ болѣе, что Батуринъ былъ на дурномъ счету у своего начальства, аттестовавшаго его не иначе, какъ «праздношатающимся подпоручикомъ».

Постоянно проигрывался также и вахмистръ Урнежевскій. Рослый, съ плоскимъ рябымъ лицомъ и закрученными усами, почти всегда пьяный, онъ привязался къ Батурина, какъ къ человѣку, поражавшему его своимъ умомъ и находчивостью. Онъ гнулъ подковы, поднималъ одною рукою тяжелый дубовый столъ, разрубалъ кортикомъ штуку солдатскаго сукна, и, сознавая свое полное неумѣнье сдѣлать чтонибудь изъ своей необычайной силы, готовъ былъ во всякую минуту отдать ее въ полное распоряженіе подпоручика. Но въ картахъ ему не везло, и хотя онъ рвалъ колоды, стучалъ объ столъ и ругался невѣроятнѣйшимъ образомъ, проигрыши его неизмѣнно росли подъ мѣлкомъ банкмета.

— Надо чтонибудь придумать, тысячу чертей!—сказалъ онъ разъ Батурина.—Вѣдь ты, Асафъ Ивановичъ, на выдумки хитеръ. А безъ денегъ пропадемъ.

Батуринъ, со злостью грызшій себѣ ногти, метнулъ на него своимъ дерзкимъ взглядомъ.

— Придумаль,—сказаль онъ.

— Насчетъ денегъ?— съ загорѣвшеюся живостью спросилъ Урнежевскій.

— Приходи ко мнѣ завтра поутру. Да нѣтъ-ли у тебя мундира поновѣе? Я тебя важнымъ лицомъ сдѣлаю,—объявилъ Батуринъ.

— Это что же будетъ?—удивился вахмистръ.

— Увидишь.

— Ладно,—отозвался Урнежевскій.—Я и мушкетъ возьму съ собою: можетъ быть, вышибать когонибудь будемъ.

— Никого мы вышибать не будемъ, а явимся съ секретнымъ порученіемъ отъ его высочества; самыхъ тонкихъ особъ представимъ изъ себя,—пояснилъ Батуринъ.

— Вонъ что!—пробурчалъ Урнежевскій, видимо сомнѣваясь въ своей способности преобразиться въ тонкую особу.

Но такъ какъ онъ безусловно полагался на своего друга, то и не встрѣтилъ надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ.

IX.

Домъ купца Лукина считался однимъ изъ лучшихъ въ Китай-городѣ. Двухъэтажный, съ толстыми стѣнами и затѣйливымъ крылечкомъ, онъ рѣшительно подавлялъ жавшіяся вокругъ него тѣсныя деревянныя строенія. И самъ Ефимъ Петровичъ Лукинъ считался однимъ изъ степеннѣйшихъ московскихъ купцовъ, и молва сильно преувеличивала его и безъ того значительные капиталы.

Къ этому-то Лукину въ яркій августовскій день подъѣхали на наемной линейкѣ двое молодыхъ людей въ военной формѣ. То были Батуринъ съ Урнежевскимъ.

Подстриженный въ скобку малый, на вопросъ о хозяинѣ; провель посѣтителей въ большую свѣтлую залу, одинъ уголъ которой былъ занятъ громадною голландскою печкой, другой—кіотомъ съ образами и лампадами, а остальные—старинною неуклюжею мебелью изъ корельской березы.

Лукинъ вскорѣ появился. Высокій, сутуловатый, съ голымъ черепомъ и длинной сѣдой бородой, онъ подозрительно оглянулъ гостей прищуренными глазами.

— Милости просимъ. Хоть и не приводилось встрѣчаться, но мы гостямъ рады,—сказаль онъ, указывая на стоявшія передъ круглымъ столомъ кресла.—По какому-такому дѣлу?

— Дѣло наше нарочито важное,—отвѣтилъ Батуринъ, и, подойдя къ двери во внутреннія комнаты, плотно притворилъ ее.—Требуется оно большой тайности, такъ какъ являемся мы присланными отъ самого великаго князя Петра Ѳеодоровича.

— Гм!—крикнулъ, какъ бы въ подтвержденіе, Урнежевскій.

Лукинъ посмотрѣлъ на обонхъ еще болѣе подозрительнымъ взглядомъ. Онъ былъ болѣе озадаченъ, чѣмъ встревоженъ, тѣмъ, что слышалъ.

— По торговой части, или какъ?—спросилъ онъ.—И чѣмъ могу васъ подчивать? Закусочки, или чайку не прикажете?

Батуринъ отказался.

— Я оберъ-кабинетъ-курьеръ его высочества, а это камеръ-егерь великаго князя, данный мнѣ для сопутствія,—отрекомендовался онъ за обонхъ.—А порученіе, коимъ удостоилъ меня великій князь, весьма деликатное, и передать я его могу только со всякою осторожностью.

Лукинъ почтительно наклонилъ голову.

— Дивно мнѣ, коимъ образомъ его высочество могъ помыслить обо мнѣ?—сказалъ онъ.

— Его высочество знаетъ всѣхъ и во все вникаетъ, какъ и подбавляетъ наслѣднику російскаго престола, къ которому во всякій часъ можетъ перейти самодержавная власть и всѣ заботы правленія,—объяснилъ Батуринъ.—Между прочимъ же, и о васъ имѣетъ онъ свѣдѣніе, какъ о первостепенномъ лицѣ среди московскаго купечества.

Лукинъ еще ниже склонилъ голову. Важный тонъ посѣтителя начиналъ на него дѣйствовать.

— Коли могу чѣмъ служить его высочеству, радъ былъ бы оправдать себя,—сказалъ онъ.

— Всенепремѣнно можете оказать великому князю знатную услугу, и тѣмъ снискать особое благоволеніе будущаго императора,—продолжалъ Батуринъ.—Дѣло сіе въ томъ, что, по нѣкоторымъ тайнымъ обстоятельствамъ, требуется его высочеству значительная сумма денегъ, пять тысячъ рублей. А какъ въ настоящее время великій князь находится въ размолвкѣ съ ея величествомъ, государыней Елисаветъ Петровной, то и пожелалъ онъ обратиться за симъ одолженіемъ къ вамъ, и приказалъ мнѣ сумму эту отъ васъ получить и въ тотъ же часъ оную ему представить.

— Уфъ!—неожиданно вырвалось изъ широкой груди Урнежевскаго, который съ такимъ напряженіемъ вслушивался въ слова своего пріятеля, точно самъ тащилъ неимоверную тяжесть.

Лукинъ, какъ только зашла рѣчь о деньгахъ, сразу словно съежился; узкіе глаза его совсѣмъ сощурились, губы поджались, спина точно еще больше сгорбилась. Онъ не былъ увѣренъ, что къ нему явились мошенники, но чутье торговаго человѣка подсказывало ему, что въ порученіи великаго князя было что-то подозрительное.

— Такъ-съ...—молвилъ онъ протяжно, накручивая на палецъ кончикъ бороды.—У васъ, само собою, и письмецо его высочества есть?

— Развѣ такія дѣла письменно дѣлаются? — сказалъ Батуриный. — Это порученіе келейное, и великій князь потому и избралъ меня, что я—лицо вполне довѣренное. А чтобъ у васъ не было сомнѣнія, приказалъ мнѣ явиться къ вамъ вмѣстѣ съ его камеръегеремъ.

— Гм... вотъ именно...—отозвался Урнежевскій.

— Такъ-съ...—повторилъ еще болѣе подозрительнымъ тономъ Лукинъ. — Для его высочества мы бы съ превеликимъ удовольствіемъ. Однако пять тысячъ—сумма не малая, и у насъ такихъ денегъ даже и нѣтъ сейчасъ.

— Полноте, Ефимъ Петровичъ, кому вы говорите!—сказалъ Батуриный. — Про ваши капиталы вся Москва знаетъ.

— Врутъ тоже много на Москвѣ,—возразилъ Лукинъ. — И притомъ же, я всѣхъ этихъ придворныхъ обстоятельствъ не знаю. Я, вотъ, недавно только изъ Питера вернулся, великаго князя съ какихъ поръ не видалъ даже. Ежели бъ его высочество мнѣ лично сказалъ, тогда другое дѣло. Потому—отчего же не постараться.

Батуриный отрицательно покачалъ головой.

— Не съ руки, Ефимъ Петровичъ,—сказалъ онъ. — Великому князю, чтобы съ вами свидѣться, надо случая ждать. А дѣло это весьма спѣшное.

Лукинъ, какъ бы съ видомъ сожалѣнія, развелъ руками.

— Воля ваша, а безъ приказа великаго князя дать не могу,—сказалъ онъ. — Сами понимаете: дѣло денежное.

— Удивляюсь, какъ вы можете не довѣрять. Мнѣ же камеръегерь свидѣтелемъ,—настаивалъ Батуриный.

— Мы ни о чемъ объ этомъ неизвѣстны. Вотъ, если бы его высочество лично...—повторилъ Лукинъ.

Батуриный съ досадою всталъ. Вахмистръ Урнежевскій тоже поднялся во весь свой огромный ростъ.

— Смотрите, чтобъ послѣ не пожалѣть,—пригрозилъ подпоручикъ. — Его высочество не сегодня-завтра можетъ на престолъ вступить...

— Инако не могу,—подтвердилъ Лукинъ, и тоже всталъ.

Батуриный круто повернулся на каблукахъ и вышелъ, не поклонившись хозяину. Урнежевскій, звеня шпорами, послѣдовалъ за нимъ.

— Старая жила!—выругался, сходя съ крылечка, Батуриный. — Не выгорѣло наше дѣло. Ну, да мы еще посмотримъ...

Х.

Отъ Лукина Батуриный, простившись съ вахмистромъ, пошелъ домой. Онъ отыскалъ на столѣ листокъ хорошей почтовой бумаги и написалъ на немъ латинскими буквами:

«Преданный слуга вашего высочества замыслилъ, не щадя своей головы, приготовить нѣкое дѣйство. Съ помощью вѣрныхъ людей, Разумовскій будетъ схваченъ, и путь къ престолу будетъ вамъ открытъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется уже пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Б.»

Свернувъ листокъ и запечатавъ его серебрянымъ рублемъ, Батуричь постучался къ своему хозяину, голштинскому пикеру Рейзе.

— Хотите, герръ Рейзе, оказать большую услугу великому князю?—обратился онъ къ нему.

— Ja wohl! Warum nicht?—отозвался голштинецъ.

— Ну, такъ передайте это письмо великому князю. Но совершенно потайно, съ глазу на глазъ, потому что дѣло это нарочито важное и секретное.

— So?—произнесъ нѣмецъ, и положилъ письмо въ широкій карманъ своего кафтана.—Каррашо, герръ лейтенантъ.

Утромъ на другой день великій князь, по обыкновенію, пришелъ на псарню. Тамъ было его любимое мѣстопробываніе, гдѣ въ послѣднее время онъ проводилъ цѣлые дни. Псарня помѣщалась недалеко отъ села Раёва, на троицко-сергіевской дорогѣ, въ сторонѣ отъ маленькаго деревяннаго дворца, отведеннаго для велико-княжеской четы. Наслѣдникъ престола завелъ тамъ двѣ большія псовыя своры—одну изъ нѣмецкихъ и французскихъ собакъ, другую изъ русскихъ. Первую обучалъ самъ Петръ Ѳеодоровичъ, съ помощью берейтора-француза и Рейзе; второю завѣдывалъ камергеръ Чоглоковъ. Между обоими отдѣленіями шло ревнивое соперничество; великій князь выбивался изъ силъ, чтобъ доказать превосходство чужеземныхъ собакъ надъ русскими. Чоглоковъ не хотѣлъ уступить, и старался подобрать самыхъ опытныхъ псарей, какіе только были въ Москвѣ. Каждая сторона вела свое дѣло скрытно, и Чоглоковъ не имѣлъ права заглядывать туда, гдѣ распоряжался великій князь. Съ дрессировкой торопились, потому что осень въ тотъ годъ начиналась рано, и лучшее время для охоты могло наступить очень скоро.

Появленіе Петра Ѳеодоровича было, какъ всегда, привѣтствовано неистовымъ визгомъ и лаемъ хорошо знавшихъ его четвероногихъ. Собаки рвались, прыгали и кидались на шею своему высокому хозяину, норовя лизнуть его въ самыя губы. Великій князь отбивался, щелкалъ арапникомъ и стрѣлялъ изъ пистолета холостыми зарядами. Французъ-берейторъ, наконецъ, обрушился на собакъ ударами толстаго бича.

— C'est ça, c'est ça,—одобрилъ его высочество. И, тотчасъ повернувшись къ Рейзу, сказалъ по-нѣмецки съ сильнымъ голштинскимъ акцентомъ:

— Не сдѣлать-ли намъ примѣрную охоту? Утро сегодня очень хорошее, и я готовъ проскакать двадцать верстъ.

— Ja wohl, --пропѣлъ Рейзе.

Черезъ полчаса великій князь съ псарями уже скакалъ по триицкой дорогѣ. Рейзе выждалъ минуту, когда псари унеслись впередъ, и подалъ его высочеству письмо Батурина. Петръ Ѳедоровичъ оглянулся, разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Онъ съ трудомъ понималъ написанное. Латинскія буквы были ему извѣстны, но русскихъ словъ онъ зналъ мало. Точный смыслъ письма остался для него загадкой; онъ только смутно понялъ, что дѣло идетъ о какомъ-то тайномъ политическомъ замыслѣ, обширномъ и опасномъ. Некрасивое, землистое лицо его поблѣднѣло.

— Кто вамъ далъ это письмо?--спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Мой постоялецъ, лейтенантъ Батуринъ, бутырскаго полка,—отвѣтилъ Рейзе.—Очень преданный вамъ молодой человекъ и, какъ я понимаю, большой Schelm. Онъ очень не любитъ графа Разумовскаго и всегда говоритъ, что вамъ давно пора вступить на престолъ.

— Тс! — прошепталъ великій князь, снова пугливо озираясь.

Онъ разстегнулъ камзолъ, засунулъ письмо во внутренній карманъ и далъ шпоры лошади. Минуты двѣ и князь, и Рейзе скакали молча.

— Вы знаете, что насъ обоихъ ожидаетъ? Плаха!—вдругъ громкимъ шопотомъ произнесъ Петръ Ѳедоровичъ.—Я никакого письма не получалъ!

— Gewiss,—равнодушно отозвался егеръ.

XI.

Только къ ночи великій князь вернулся домой въ Раёво. Запершись въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, онъ раздѣлся, вынулъ изъ камзола письмо Батурина, и принялся внимательно перечитывать его. Теперь онъ уже нѣсколько больше понималъ въ немъ; но нѣкоторыя слова все-таки затрудняли его. Въ особенности загадочными представлялись ему слова «замыслилъ» и «дѣйство».

«Gut, у меня есть жена, которая дьявольски легко выучилась этому русскому языку»—вспомнилъ онъ, и подставивъ письмо къ восковой свѣчѣ, старательно сжегъ его. Затѣмъ, накинувъ епанчу, онъ вышелъ изъ кабинета, пробрался впотьмахъ по холодному корридору, и отворилъ дверь въ спальню великой княгини.

Ея высочество, лежа въ постели, читала, при свѣтѣ маленькой лампочки, комедію Мольера. При входѣ Петра Ѳедоровича, она съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Вы, наконецъ, вернулись домой!—сказала она по-нѣмецки слегка насмѣшливымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорила съ супругомъ наединѣ.

Великій князь, не отвѣчая, присѣлъ на ея постель.

— Можете вы мнѣ сказать, что значить по-русски «дѣйство»?—спросилъ онъ на томъ же языкѣ.

— Дѣйство?—повторила великая княгиня.—Мнѣ кажется, это должно значить: une action. Но, можетъ быть, это слово имѣеть разный смыслъ.

— So ist... А что значить «замыслилъ»?—снова спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Екатерина Алексѣевна перевела.

— Schön...—сказалъ великій князь, и вставъ, принялся ходить взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ, стуча своими толстыми ботфортами. Это мельканье и этотъ стукъ дѣйствовали на великую княгиню раздражающимъ образомъ.

— Вамъ не приходитъ въ голову, что я могу хотѣть спать?—сказала она.—Вы являетесь ко мнѣ, когда я уже въ постели, заставляете переводить вамъ какія-то глупыя слова, и затѣмъ шагаете тутъ мимо меня, забывая, что вы въ моей спальней. Позволяю себѣ замѣтить, что это не совсѣмъ любезно.

— Ну, вы никогда не бываете мною довольны. У меня просто привычка ходить изъ угла въ уголь, когда я думаю о чемънибудь важномъ,—пожелалъ оправдаться великій князь.

— А, вы начинаете думать о чемъ-то важномъ...—можетъ быть, объ этомъ самомъ «дѣйствѣ», которое кто-то «замыслилъ»?—произнесла Екатерина Алексѣевна, и на красивомъ лицѣ ея отразилась нѣкоторая тревога.—Вы получили какое-то письмо?

— Откуда вы знаете?—всполошился великій князь.

— Достаточно на васъ взглянуть, чтобы кое-что понять,—отвѣтила ея высочество.—Берегитесь, я не совѣтовала бы вамъ пускаться въ политическія авантюры. Кто вамъ писалъ?

— Почему я знаю. Дѣло касается вовсе не меня, а графа Разумовскаго. Вы знаете, что у него много враговъ.

Великая княгиня взглянула на супруга проницательными, недо-вѣрчивыми глазами.

— Теперь не время заниматься Разумовскимъ,—сказала она.

— Почему?—удивился Петръ Ѳедоровичъ.

— Потому что его звѣзда закатилась. Боже мой, вы считаетесь наслѣдникомъ престола, и ничего не знаете, что дѣлается при дворѣ. Неужели вамъ никто не шепнулъ великой тайны нашихъ дней?

Петръ Ѳедоровичъ остановился, насторожась.

— Какой тайны?—переспросилъ онъ.

— Такой, что Москва и Петербургъ могутъ поздравить себя

съ новымъ фаворитомъ. Разумовскій надо́бль. Еще бы! Онъ по-старѣль, обрюзгъ, необразованъ и глупъ, какъ закормленный индюкъ. Тогда какъ Шуваловъ молодъ, интересенъ, уменъ и довольно начитанъ.

— Шуваловъ! Иванъ?—воскликнулъ великій князь.

— Конечно, Иванъ. Новый камеръ-юнкеръ императрицы. Поэтому я боюсь, что вашъ таинственный корреспондентъ, имѣющій въ виду Разумовскаго, очень отсталъ отъ нашихъ новостей, и можетъ ввести васъ въ глупую исторію. Я совѣтовала бы вамъ больше осторожности.

Великій князь снова заходилъ по комнатѣ. Потомъ опять сѣлъ на постель и сталъ жаловаться на Разумовскаго, который, по его словамъ, все равно будетъ тѣснить его. Рѣчь его становилась все безсвязнѣе и общала тянуться безконечно. Великая княгиня, не стѣсняясь его присутствіемъ, взяла книжку Мольера и попыталась продолжать чтеніе.

XII.

Прошло нѣсколько недѣль. Рано наступившая осень стояла холодная, съ дождями и ночными заморозками. По утрамъ грунтовыя дороги вокругъ Москвы покрывались льдомъ, а обнаженные сады и рощи бѣлѣли серебристымъ инеемъ.

Въ царскомъ домикѣ въ Раевѣ время тянулось скучно. Великій князь былъ, видимо, чѣмъ-то озабоченъ. Онъ уже не пропадалъ цѣлыми днями на псарнѣ, а все вертѣлся около великой княгини, словно собирался что-то сказать ей и не рѣшался. Она, съ своей стороны, не вызывала его на разговоръ, и только въ душѣ слегка подсмѣивалась, выжидая, что будетъ дальше.

Изъ Петербурга Петру Ѳедоровичу прислали ящикъ выписанныхъ имъ нѣмецкихъ книгъ. Великая княгиня полюбопытствовала взглянуть на нихъ и пришла въ полное недоумѣніе. Тутъ были лютеранскіе молитвенники всевозможныхъ изданій, судебные отчеты о необычайныхъ уголовныхъ процессахъ, романы изъ жизни разбойниковъ, каторжныхъ, повѣшенныхъ и колесованныхъ. Этими книгами великій князь зачитывался съ наслажденіемъ, а въ сумеркахъ бралъ скрипку и разыгрывалъ на ней свои любимыя упражненія.

Среди дня къ великому князю приходили егеря дворцовой охоты, и не только нѣмцы, но и русскіе. Съ послѣдними его сблизало то, что онъ могъ разспрашивать ихъ о Батуричѣ. Все, что касалось «праздношатающагося подпоручика», чрезвычайно занимало Петра Ѳедоровича. Отзывы о подпоручикѣ получались самые благоприятныя: это человѣкъ отважный, рѣшительный и горячо преданный великому князю. И среди рабочихъ, и среди солдатъ бугарскаго полка онъ пользуется завидной извѣстностью; кликнетъ

кличь — и за нимъ пойдутъ. Надо бы великому князю лично узнать Батурина и познакомиться съ его намѣреніями; а самъ Батурина только и ждетъ случая ему представиться.

Выслушавъ эти сообщенія, великій князь волновался, блѣднѣлъ и потомъ вдругъ убѣгалъ къ великой княгинѣ, которая съ насмѣшливымъ любопытствомъ наблюдала за его тревогой.

«Gott, если-бъ я могъ все ей рассказать и узнать ея мнѣніе, — думалъ все болѣе терявшійся Петръ Ѳедоровичъ. — Въ ея головѣ больше ума, чѣмъ у всѣхъ моихъ егерей. Но не слѣдуетъ посвящать женщину въ политическую тайну. А все-таки чертовски любопытно было бы знать, что она объ этомъ думаетъ. Нѣтъ, лучше пусть сначала все совершится безъ нея. Занимательно будетъ посмотрѣть, какое она сдѣлаетъ лицо, когда узнаетъ, что я самъ себя возвелъ на престоль. Это будетъ ловкая штука. Eins, zwei, drei—und vivat!»

Русскіе егеря, повидимому, сами вѣрили въ Батурина. Они видѣли, что рабочіе сильно волнуются, и считали, что отважный подпоручикъ легко увлечетъ ихъ за собою. Суконщикъ Кенжинъ клялся, что именно такъ и будетъ. Съ другой стороны, бутырскіе солдаты ругали во всѣхъ кабакахъ свое старшее начальство и говорили, что были бы рады всякой перемѣнѣ. Кутежи и наглость лейбъ-кампанцевъ возбуждали ихъ зависть и поддерживали проявившуюся въ полку разнузданность.

— Бутырскій полкъ весь на сторонѣ вашего высочества, — говорили егеря великому князю. — И рабочій народъ тоже. У Батурина уже есть тысячь тридцать приверженцевъ, и еще тысячь двадцать собрать можно. Но надо вашему высочеству увидѣться съ нимъ. Случай найти не трудно: онъ можетъ поджидать на троицкой дорогѣ и улучить минуту, когда вы отстанете отъ прочихъ.

Петръ Ѳедоровичъ колебался: онъ боялся всемогущества императрицы, по одному слову которой его могутъ схватить, пытать, заточить въ Шлиссельбургъ, послать на плаху.

Но неужели онъ откажется даже взглянуть на человѣка, который не жалѣетъ для него своей головы и можетъ приблизить тотъ невѣдомый часъ, когда откроются передъ нимъ ступени русскаго престола?

«Tausend Teufel, я долженъ его видѣть», — рѣшилъ, наконецъ, великій князь.

И онъ объявилъ, что по первой порошѣ выѣдетъ на охоту.

XIII.

Морозное утро наполнило воздухъ блескомъ инея и крутящихся снѣжинокъ. Хотя солнце не показывалось, но большая троичкая дорога, бѣлая и ровная, словно свѣтилась. Даже въ лѣсу, по сторонамъ ея, казалось свѣтло среди обнаженныхъ стволовъ и опушенныхъ снѣгомъ сучьевъ, на которыхъ чернѣли вороньи гнѣзда.

Дорога была почти пуста: крестьяне ждали новаго снѣга, чтобы лошади не страдали отъ гололедицы и замерзшихъ рытвинъ.

По опушкѣ, между деревьями, уже съ часъ бродилъ Батуриный. Завернувшись въ толстый плащъ и надвинувъ на брови шляпу, онъ безпрестанно оборачивался къ сторонѣ Раѣва, приглядываясь и прислушиваясь. Онъ былъ увѣренъ, что сейчасъ изъ-за поворота мелькнетъ за стволами знакомая ему маленькая фигура въ зеленомъ охотничьемъ камзолѣ, съ зелеными перьями на высокой тульѣ, и слышится нетерпѣливый топотъ копытъ по промерзшему грунту.

Если онъ увидитъ сегодня великаго князя, все будетъ рѣшено. Онъ откроетъ ему свой замыселъ, сообщитъ ему свою собственную отвагу, и получитъ приказъ дѣйствовать. И тогда высоко взлетитъ его счастливая звѣзда, и настанетъ праздникъ жизни, котораго онъ такъ долго, такъ жадно ждетъ.

«Да, покажетъ себя тогда Батуриный» — думалась молодому подпоручику. «Потягается онъ и съ Разумовскими, и съ Шуваловыми, и самъ войдетъ въ знать. Имѣнья, дома, деньги, почести... дешево я своей услуги не продамъ. И Ольга съ купеческимъ чистоганчикомъ... да что Ольга, мы тогда и не такую еще невѣсту найдемъ. Торопиться не надо; можетъ быть, и какая-нибудь нѣмецкая принцесса не откажетъ въ своей рукѣ... То-то Фомка глупую рожу скорчить!»

И Батуриный усмѣхнулся, блеснувъ изъ подъ нахлобученной шляпы своими дерзкими глазами.

А между тѣмъ за поворотомъ скакалъ всадникъ, опередившій саженой на сто группу егерей съ собаками. Этотъ всадникъ самъ озабоченно оглядывался и всматривался; онъ какъ будто ожидалъ кого-то встрѣтить на пустынной, бѣлой дорогѣ.

И вдругъ передъ нимъ словно выросъ кто-то, въ военномъ плащѣ и шляпѣ, и сталъ на краю дороги.

Всадникъ осадилъ лошадь и принагнулся въ сѣдлѣ. Въ то же время офицеръ сдѣлалъ шагъ къ нему и упалъ на колѣни.

— Ваше высочество, предъ вами человекъ, рѣшившійся отдать за васъ душу и тѣло, — произнесъ Батуриный. — Я давно ждалъ этого радостнаго случая, чтобъ открыться вамъ.

Великій князь молча смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ на снѣгу, на колѣняхъ, молодого поручика. Блѣдное лицо его, съ покраснѣвшимъ на морозѣ кончикомъ носа, выражало испуганное любопытство.

— Мнѣ извѣстны утѣшенія, которыя ваше высочество терпите въ своемъ высокомъ положеніи, — продолжалъ Батуринъ. — Преданные и вѣрные друзья ваши не въ силахъ болѣе малодушно сносить ваше несчастье. Вы нашъ законный государь и мы хотимъ видѣть васъ на престолѣ. Государыня Елисавета Петровна могла царствовать, пока вы были въ малолѣтствѣ. Нынѣ престолъ російскій принадлежитъ вамъ, какъ законному преемнику мужскаго пола.

— Что вы хотите сдѣлать?—негромко спросилъ великій князь. — И зачѣмъ вы на колѣняхъ? Встаньте!

— Нѣтъ, я долженъ на колѣняхъ дать вамъ священную клятву, наполняющую мою душу,—произнесъ напыщеннымъ тономъ Батуринъ.—Клянусь именемъ всемогущаго Бога не признавать другого государя, кромѣ васъ. Клянусь исполнить, не щадя головы своей, все, что вы разсудите повелѣть.

Батуринъ торжественно поднялъ руку и всталъ.

Великій князь оглянулся: ѣхавшіе за нимъ егеря были уже близко. Они, очевидно, нарочно сдерживали лошадей, чтобы не помѣшать разговору.

— Что вы хотите сдѣлать?—повторилъ совсѣмъ тихо его высочество.

— Все, что вы прикажете,—въ свою очередь повторилъ Батуринъ. — Со мной уже сговорились нѣсколько офицеровъ нашего полка и еще нѣкоторые преображенцы и гренадеры, все люди вѣрные и рѣшительные. За ними пойдутъ и солдаты, и рабочіе—ихъ будетъ тысячъ тридцать, пятьдесятъ. Мы подстережемъ на охотѣ графа Разумовскаго, и я заколю его вотъ этой шпагой.

Батуринъ хлопнулъ рукой по мѣдному эфесу. Великій князь еще разъ оглянулся.

— Und weiter?—спросилъ онъ, не найдя сразу русскаго слова.

— Затѣмъ мы разставимъ стражу, пойдѣмъ во дворецъ и арестуемъ государыню, а архіереевъ заставимъ вѣнчать ваше высочество на царство,—объяснилъ Батуринъ.

Онъ не успѣлъ еще договорить этихъ словъ, какъ вдругъ великій князь выпрямился, пришпорилъ лошадь и поскакалъ бѣшеннымъ галопомъ. Подоспѣвшіе егеря бросились за нимъ. Не прошло и поль-минуты, какъ поднятая снѣжная пыль скрыла всадниковъ.

Батуринъ остался одинъ на дорогѣ, ошеломленный, словно пришибленный.

— Что-жъ это такое? — въ полномъ недоумѣннн повторялъ онъ, ворочая глазами.

И долго онъ не могъ придти въ себя.

XIV.

Спустя нѣсколько дней, въ сумерки, молодой курляндскій егеръ пробрался во дворъ дома въ Раёвѣ, занимаемаго велико-княжеской четой, и заглянулъ въ окна людской. Увидавъ тамъ знакомаго слугу, онъ поманилъ его, и когда тотъ вышелъ на крылечко, спросилъ:

— Дома его высочество? Мнѣ всенепремѣнно надо его видѣть. Слуга отвѣтилъ, что его высочество играетъ на скрипкѣ.

— Ну, такъ скажите: егеръ отъ Рейзе прибѣжалъ по важному дѣлу.

Черезъ минуту егеря ввели въ маленькій кабинетъ Петра Оедоровича. Великій князь на-крѣпко притворилъ дверь.

— Какія новости? — спросилъ онъ по нѣмецки.

— Плохія, — отвѣтилъ на томъ же языкѣ егеръ. — Батурина взяли подъ стражу, и изъ нашихъ нѣсколько человѣкъ. А еще арестовали Тыртова и двухъ гренадеровъ. Мастера Кенжина тоже взяли.

Великій князь поблѣднѣлъ.

— И что же они показываютъ? — спросилъ онъ.

— Еще не было допроса. Наши егеря говорили, чтобъ ваше высочество не беспокоились, ваше имя не будетъ произнесено, — отвѣтилъ курляндецъ.

Но великій князь не былъ спокоенъ. Его лицо подергивало, колѣни у него дрожали. Онъ опустился на стулъ и стиснулъ руки.

— Если ихъ арестовали, то, значить, все извѣстно, — произнесъ онъ глухо. — Я погибъ.

Онъ вскочилъ и заметался по комнатѣ. Его воображенію представлялись всякіе ужасы.

«Теперь нельзя скрывать, надо сказать женѣ. Она что нибудь придумаетъ», — мелькнуло въ его умѣ.

Онъ отпустилъ егеря и прошелъ къ великой княгинѣ.

Ея высочество, незадолго передъ тѣмъ, возилась съ зубною болью. Она лежала на кушеткѣ, прикрытая мѣховымъ одѣяломъ и съ отвращеніемъ смотрѣла на маленькія окна, отъ которыхъ нестерпимо дуло, и за которыми простиралась печальная поляна, покрытая снѣгомъ. Присланная императрицей Чоглокова безъ успѣха старалась развлечь вниманіе великой княгини придворными сплетнями и пересудами.

— Какъ я завидую вашему высочеству, — сказала Екатерина Алексѣевна, не безъ удивленія взглянувъ на вошедшаго супруга.

— Почему? — спросилъ великій князь.

— Разумѣется потому, что у васъ никогда не болятъ зубы, — отвѣтила великая княгиня.

Петръ Ѳедоровичъ, недовольный тѣмъ, что засталъ Чоглокову, сѣлъ въ кресло и вытянулъ ноги.

— У васъ чертовски холодно, — проворчалъ онъ.

— Я ужъ отвыкла на что нибудь жаловаться, — замѣтила Екатерина.

Чоглокова, обрадованная, что можетъ оставить ее съ великимъ княземъ, вскорѣ ушла. Петръ Ѳедоровичъ, захлопнувъ за нею дверь, тотчасъ принялся быстро шагать изъ угла въ уголъ.

— Если вы пришли только за этимъ, то дурно выбрали время, — сказала Екатерина Алексѣевна.

— Нѣтъ, я пришелъ говорить съ вами, — объявилъ великій князь. — Но вы всегда въ такомъ дурномъ настроеніи, что мнѣ трудно начать.

Великая княгиня мелькомъ взглянула на него. И его лицо, и походка, и голосъ, выражали такое безпокойство, что она сама готова была встревожиться,

— Что случилось? — спросила она.

Великій князь, по обыкновенію, чувствовалъ затрудненіе прямо отвѣтить на вопросъ. Поэтому онъ сталъ пространно жаловаться на свое положеніе, на то, что стараются очернить его предъ императрицей, и на дурной характеръ русскихъ людей.

— Но вы не объ этомъ пришли сообщить мнѣ, — прервала его великая княгиня. — Не можете ли вы гдѣ нибудь сѣсть?

Великій князь присѣлъ на кончикъ кушетки въ ногахъ супруги.

— Не знаю, долженъ ли я вамъ сказать; вы никогда не были добры ко мнѣ, — заговорилъ онъ. — Но если я погибну, то это и васъ коснется.

— Вы попались въ какой нибудь... неосторожности?

— Я не попался, но меня могутъ запутать. Ну, хорошо, я расскажу вамъ. Тутъ есть какой-то подпоручикъ бутырскаго полка, Батуричъ. Онъ сталъ посылать ко мнѣ, чтобы я назначилъ ему встрѣтиться со мною, такъ какъ онъ чрезвычайно мнѣ преданъ. Я долго отказывался, но на дняхъ онъ подстерегъ меня на охотѣ. Въ ту минуту я былъ одинъ. Онъ бросился передо мной на колѣни и поклялся, что считаетъ меня своимъ государемъ. Я не хотѣлъ, чтобы егеря меня видѣли, и тотчасъ ускакалъ, не отвѣтивъ ему ни слова. Сегодня этого Батурина арестовали, и еще нѣскольکو человекъ.

Великая княгиня молча смотрѣла то на супруга, то на противное, темное окно, отъ котораго дуло.

— Въ чемъ я виноватъ? — продолжалъ великій князь. — Но на меня могутъ Богъ знаетъ что нагать. Можетъ быть, егерей будутъ пытать...

— Вы, конечно, не все рассказали, — произнесла послѣ молчанія великая княгиня.

— Что же еще? Батурина не внушалъ мнѣ довѣрія. Я даже предостерегалъ егерей, чтобы они были осторожны, такъ какъ этотъ человѣкъ можетъ втянуть ихъ въ бѣду.

— Но какія были его намѣренія?

— Я не знаю. Онъ, конечно, могъ Богъ знаетъ что болтать. Теперь его увезли въ Преображенское. Тамъ, вѣроятно, его будутъ пытать, а вы знаете, что способенъ наврать человѣкъ подъ пыткой.

Лицо Екатерины сдѣлалось очень серьезно. Она почти не сомнѣвалась, что великій князь себя выгораживаетъ, опасаясь ея неудовольствія. Но онъ, очевидно, былъ такъ перепуганъ, что ей не хотѣлось еще больше смущать его.

— Если все было такъ, какъ вы передаете, то я не вижу тяжелой вины съ вашей стороны, — сказала она. — По моему, вы виноваты только въ томъ, что неблагоразумно связались съ людьми такого дурного общества. Но, къ сожалѣнію, подобное общество вамъ всегда нравилось.

Великій князь, немного успокоенный, ушелъ къ себѣ, чтобы на всякій случай пересмотрѣть свои бумаги и уничтожить всякіе слѣды сношеній съ Батуринымъ.

Тревога великаго князя была, впрочемъ, неосновательна: егеря сдержали слово и не назвали его при допросѣ. Батурина пытали въ Преображенскомъ приказѣ, и хотя онъ далъ весьма важныя показанія, но не упомянулъ имени великаго князя. Послѣдній, узнавъ о томъ, «прыгалъ отъ радости», по выраженію императрицы Екатерины.

Судъ покаралъ немногихъ: подпоручикъ Тыртовъ и суконщикъ Кенжинъ были сосланы въ Сибирь на вѣчное житіе, гренадеры Худышкинъ и Кетовъ приговорены къ крѣпостнымъ работамъ въ Рогервикѣ, а самъ Батурина — къ вѣчному заключенію въ Шлиссельбургѣ.

Но Батурина былъ не изъ тѣхъ людей, которые спокойно подчиняются судьбѣ. Похожденія его не закончились за стѣнами шлиссельбургской крѣпости; напротивъ, съ той поры онъ приобретаетъ совершенно легендарный характеръ. Отважный подпоручикъ, уже въ царствованіе Екатерины II, пытался бѣжать изъ Шлиссельбурга, былъ поэтому пересланъ въ Камчатку, скрылся оттуда вмѣстѣ съ знаменитымъ Бензовскимъ, составилъ сообщество пиратовъ, разграбилъ островъ Формозу и направился далѣе, но былъ убитъ гдѣ-то въ Тихомъ океанѣ.

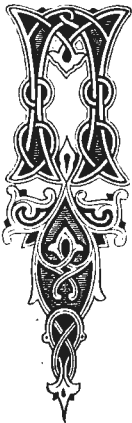
Возможно, что онъ и его товарищи были первыми русскими жертвами, павшими отъ руки желтолицыхъ японцевъ.

В. Авѣенко.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки воспоминаній).

РЕДЛАГАЕМЫЕ листочки заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, воспоминанія о Н. Н. Страховѣ, о многолѣтнемъ сожительствѣ съ которымъ я намѣревался написать больше и подробнѣе, о чемъ даже и упоминалъ въ моей статьѣ «Станиславъ первой степени и енотова шуба» («Историческій Вѣстникъ», февраль 1904 г., т. ХСV). Намѣренія своего я, однако, не могъ выполнить, и именно потому, что въ рассказѣ «Пустынножитель» (Мои сочиненія, т. 2-й, изданіе Вольфа) Страховъ былъ уже мною описанъ, хотя и безъ означенія его фамиліи. Писать о немъ вновь у меня не достало рѣшимости. Пользуясь симъ случаемъ, еще разъ скажу, что онъ былъ человѣкъ необычайно рѣдкой душевной чистоты. Относительно того, что въ рассказѣ «Пустынножитель» описанъ Н. Н. Страховъ, заявилъ Е. Л. Радловъ въ своей статьѣ о немъ, напечатанной вскорѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей 24 января 1896 г. Радловъ, такъ сказать, подтвердилъ справедливость евангельскихъ словъ о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего тайнаго, которое бы не сдѣлалось явнымъ.

Изъ многихъ другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и упоминаемыхъ въ предлагаемыхъ листочкахъ, уже никого нѣтъ въ живыхъ, за исключеніемъ только одного Л. Н. Толстого, который тоже въ значительной степени озаренъ лучемъ заката. Озаренъ имъ и я, оканчивающій мой многотревожный путь жизни,

«ИСТОП. ВѢСТН.», ЯНВАРЬ, 1907 Г., Т. СVII.

6

Оглядываюсь по сторонамъ и вижу, какъ порѣдѣло кругомъ, какъ мало уже остается спутниковъ изъ многочисленной когда-то группы современниковъ, шедшихъ по одной со мною дорогѣ.

«Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
 Моихъ друзей разсѣявъ тѣсный кругъ...
 Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ,—
 Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мѣрѣ».

I.

О нѣкоторыхъ писателяхъ и о старцѣ-схимникѣ.

Оптина пустынь, находящаяся въ Козельскомъ уѣздѣ, въ 4 верстахъ отъ этого города, была когда-то облюбована нѣкоторыми нашими крупными писателями, ѣздившими туда... не знаю, впрочемъ, съ какою цѣлью, можетъ быть, и съ религіозною, а можетъ быть, и просто такъ, для развлечения и отдыха послѣ утомительныхъ литературныхъ трудовъ.

Вотъ по поводу этого обстоятельства, т. е. посѣщенія Оптиной пустыни нашими извѣстными писателями, я и имѣю намѣреніе кое-что поразсказать. О самой пустыни, конечно, рѣчи не будетъ, ибо я никогда въ ней не бывалъ и не имѣю намѣренія когда-либо посѣтить ее. Конечно,—воля Божія, и закаиваться ни въ чемъ нельзя.

Такъ вотъ эту самую пустынь облюбовали когда-то, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, наши писатели. Кто первый изъ нихъ направился туда—не знаю. Вѣроятно, графъ Л. Н. Толстой, онъ же тамъ, въ Тульской губ., старожилъ, онъ, вѣроятно, слышалъ, что пустынь интересна и по мѣстоположенію, и образу жизни монашеской въ ней братіи. Побывали въ ней и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, и Владимиръ Соловьевъ, и Николай Николаевичъ Страховъ, котораго графъ Толстой заманилъ туда. Несомнѣнно, онъ заманилъ.

Высказываю это предположеніе утвердительно и на томъ именно основаніи, что Страховъ, пользуясь лѣтними каникулами (онъ занималъ въ то время въ публичной библиотекѣ въ Петербургѣ мѣсто библиотекаря), не разъ живалъ у Толстого въ Ясной Полянѣ, а отъ Ясной Поляны до Оптиной пустыни дорога недалняя.

Замѣчу, между прочимъ, что мѣсто библиотекаря въ императорской публичной библиотекѣ Страховъ занималъ недолго, всего лѣтъ семь-восемь, не болѣе, и оставилъ его, тяготясь службой. Тяготился онъ ею отчасти потому, что сухой воздухъ въ библио-

текъ (при особомъ отопленіи снизу по трубамъ) дѣйствовалъ вредно на его здоровье, а отчасти и потому, что служба тяготила его своею безсодержательностью и отвлекала при этомъ отъ уединенныхъ кабинетныхъ занятій. Оставить службу ему было, конечно, не легко при той маленькой пенсіи—триста пятьдесятъ рублей,—которую онъ имѣлъ по прежней службѣ (онъ былъ когда-то учителемъ гимназіи), но онъ все-таки, хотя и не безъ колебанія, рѣшился оставить мѣсто въ библиотекѣ.

— Ну, что-жъ, доживу какъ-нибудь остатки дней моихъ, — передавалъ онъ мнѣ,—думаю, что ужъ не очень далеко и до пристани... Да много ли мнѣ нужно? Заработаю кой-что писательствомъ...

Къ чести его нужно сказать, что онъ, будучи товарищемъ покойнаго министра финансовъ, И. А. Вышнеградскаго, никогда однако же не заикнулся о томъ, что вотъ, молъ, какая у меня крохотная пенсія. А могъ бы и, конечно, получить бы...

Но объ этомъ только, такъ сказать, къ слову.

Извѣстный авторъ книги «Востокъ, Россія и Славянство», Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, даже жилъ въ этой пустыни,—долго ли—не знаю,—и готовился принять въ ней монашество. Монашества онъ, какъ извѣстно, не принялъ, какъ не принялъ его и на старомъ Аѳонѣ, который тоже посѣтилъ и тоже жилъ тамъ, отыскивая своей тревожной душѣ тихое пристанище—и не нашелъ его нигдѣ, пока не успокоился въ могилѣ.

Кстати сказать, Леонтьевъ метался по бѣлому свѣту долго и всю жизнь томился, не зная, куда себя приспособить. Служилъ онъ и на государственной службѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, занималъ мѣсто при посольствѣ въ Аѳинахъ, но потомъ, по безпокойному своему характеру, службу оставилъ и отправился на Аѳонъ, гдѣ тоже пробылъ недолгое время. Было у него наследственное имѣніе, съ хозяйствомъ котораго онъ справиться не могъ, и имѣніе было продано за долги съ публичнаго торга. Пробовалъ онъ свои силы и въ литературныхъ работахъ и, кромѣ книги «Востокъ, Россія и Славянство», имъ было помѣщено не мало статей по общественнымъ вопросамъ въ журналѣ «Гражданинъ» и въ газетѣ Краевскаго «Голосъ». Помню, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена его повѣсть изъ современной греческой жизни, но помѣщена не вся. Почему она имъ не была окончена—не знаю.

Можетъ быть, съ повѣстью Леонтьева то же случилось, что и съ моей повѣстью «Коть», которую когда-то приобрѣлъ отъ меня покойный профессоръ Любимовъ, завѣдывавшій въ редакціи «Русскаго Вѣстника» литературнымъ отдѣломъ и напечатавшій лишь

часть моей повѣсти, прекративъ печатать продолженіе именно только потому, что повѣсть не понравилась издателю журнала, М. Н. Каткову.

Катковъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ самовластный и не только съ нашимъ братомъ-писателемъ, но и съ лицами, стоявшими на высокихъ ступеняхъ общественной и государственной жизни, не церемонился. Да проститъ его Богъ за тѣ скорби, которыя я отъ него перенесъ...

Однако не обо мнѣ и не о Катковѣ, и не о редакціи «Русскаго Вѣстника»—рѣчь.

Главнымъ образомъ, такъ сказать, гвоздемъ въ этихъ моихъ краткихъ воспоминаніяхъ будутъ не тѣ писатели, о которыхъ я выше упомянулъ, а ветхій старецъ, монахъ-схимникъ, жившій въ Оптиной Пустыни въ великомъ уединеніи, чуждомъ міра и всего «яже въ мірѣ».

Имѣю я дерзновеніе рассказать о томъ, какъ этотъ старецъ-схимникъ, побѣдившій, повидимому, всѣ человѣческія страсти, вдругъ, во время душеспасительной бесѣды съ однимъ изъ посѣтителей его келии, обнаружилъ въ себѣ присутствіе нѣкоего бѣса, именно одного изъ тѣхъ, «коихъ родъ ничѣмъ же изымается, токмо молитвою и постомъ». Смѣю думать, что нѣкоторыхъ бѣсовъ изъ этого рода, болѣе другихъ упорныхъ и строптивыхъ, даже ни молитвы, ни посты побѣдить не могутъ. Вотъ объ одномъ изъ такихъ бѣсовъ я и дерзаю нѣчто рассказать, а именно о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ, неожиданно-негаданно, высунулъ свой хвостикъ изъ самага дна душевныхъ глубинъ схимника и заявилъ о себѣ его устами.

Объ этомъ любопытномъ обстоятельстве я и хочу рассказать «старымъ людямъ на послушаніе, молодымъ—ради памяти».

Старецъ-схимникъ жилъ въ Оптиной пустыни, какъ рассказывали посѣтившіе его писатели, въ великомъ уединеніи, въ особомъ домикѣ, находившемся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другихъ монастырскихъ построекъ. Вотъ именно этотъ домикъ, точнѣе говоря—тѣсную келью, изъ которой одной, собственно, и состоялъ онъ, посѣтили разновременно всѣ вышеупомянутые писатели.

Каждый изъ писателей, разумѣется, по своему относился къ старцу, слушалъ и понималъ его поучительныя рѣчи, по своему обсуждалъ ихъ и обсуждалъ не только по уходѣ изъ его кельи, оставаясь наединѣ съ самимъ собой, но даже въ присутствіи самага старца, возражая на его рѣчи и оспаривая ихъ, развивая и поясняя.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы послушно и съ должнымъ смиреніемъ внимать поучитель-

нымъ рѣчамъ старца-схимника, самъ говорилъ больше, чѣмъ онъ, волновался, горячо возражалъ ему, развивалъ и разъяснялъ значеніе произносимыхъ имъ словъ и, незамѣтно для самого себя, изъ человѣка, желающаго внимать поучительнымъ рѣчамъ, обращался въ учителя.

По рассказамъ Владимира Соловьева (онъ былъ въ Оптиной пустыни вмѣстѣ съ Достоевскимъ), таковымъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ въ сношеніяхъ не только съ монахомъ-схимникомъ, но и со всѣми другими обитателями пустыни, старыми и молодыми, будучи, какъ передавалъ Соловьевъ, въ то время, т. е. во время пребыванія въ Оптиной пустыни, въ весьма возбужденномъ состояніи, что обыкновенно проявлялось въ немъ каждый разъ при приближеніи припадка падучей болѣзни, которой онъ страдалъ. Предъ приближеніемъ припадка—дней за пять, за семь—онъ дѣлался необычайно нервенъ и раздражителенъ, говорилъ много, ни на минуту не умолкая.

Посѣщая по временамъ Николая Николаевича Страхова,—съ которымъ мы прожили въ одной квартирѣ восемнадцать лѣтъ,—онъ изумлялъ меня своей необыкновенной возбужденностью. Сижу, бывало, слушаю, какъ онъ, не умолкая, говоритъ въ продолженіе цѣлаго вечера, и со страхомъ думаю, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ съ ума сойдетъ, такъ возбужденна бывала его рѣчь и такъ быстро, самъ того не замѣчая, онъ перескакивалъ съ одного предмета разговора на другой.—Помню,—разсказывалъ Страховъ,—какъ однажды Ѳедоръ Михайловичъ, будучи въ подобномъ нервномъ возбужденіи, вдругъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ и повалился на полъ въ припадкѣ падучей болѣзни.

Такъ равно и въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ, напечатанныхъ—помнитея—въ журналѣ «Заря», Страховъ разсказывалъ, какъ Достоевскій, въ припадкѣ падучей болѣзни, свалился на полъ въ то время, когда только что вошелъ въ комнаты, возвратясь изъ церкви послѣ совершенія его второго бракосочетанія.

— Невѣроятно тяжелое впечатлѣніе произвела тогда на меня его болѣзнь,—разсказывалъ мнѣ Николай Николаевичъ,—представьте себѣ—залъ, полный гостей, приглашенныхъ на свадебный пиръ, веселая музыка встрѣчаетъ входящую отъ вѣнца парочку, лакеи суетятся около обѣденнаго стола съ подносами и съ бокалами шампанскаго, слышатся привѣтственные возгласы поздравляющихъ, и вдругъ Ѳедоръ Михайловичъ роняетъ изъ рукъ бокалъ съ виномъ, падаетъ на полъ и начинаетъ биться въ припадкѣ падучей. Каково положеніе бѣдной невѣсты и всѣхъ собравшихся на свадебный пиръ! Признаюсь, грѣшный человѣкъ, я не разъ обвинялъ мысленно Ѳедора Михайловича, затѣявшаго такъ торжественно справлять свою свадьбу. Уже не говорю о томъ, что онъ зналъ о своей болѣзни и могъ предполагать о возможности при-

падка при первой возбужденности,—это само собою разумѣется. Но вѣдь и то нужно принять во вниманіе, что при тогдашнихъ его денежныхъ средствахъ вовсе некстати было роскошествовать и устраивать свадебный пирь... Да, да! Онъ вообще въ денежныхъ своихъ дѣлахъ былъ весьма неостороженъ...

Такъ рассказывалъ Николай Николаевичъ, задумчиво, по обыкновению, покачивая сѣдой головой и, не торопясь, свертывая папиросу.

Федоръ Михайловичъ бывалъ у насъ нельзя сказать, чтобы часто, вѣрнѣе—рѣдко. Въ восемнадцать лѣтъ нашего общаго со Страховымъ житья онъ былъ у насъ, можетъ быть, разъ съ десятокъ, не болѣе. Надо сказать откровенно, собесѣдникъ онъ былъ неудобный, не любилъ, чтобы ему возражали и не только не терпѣлъ возраженій, но даже и вообще прерывать его рѣчь и под-сказывать что-либо не позволялъ. Оборветъ, бывало, каждаго, рѣшившагося вставить въ его рѣчь свое слово. «Молчите! Не умничайте!» рѣзко броситъ ему въ отвѣтъ и гнѣвно сверкнетъ глазами. Однажды какъ-то случилось, попалъ онъ къ намъ въ то время, когда у насъ сидѣлъ Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Федоръ Михайловичъ былъ въ мирномъ настроеніи, говорилъ тихимъ тономъ и съ большою медлительностью произносилъ слово за словомъ, что, какъ я сказалъ выше, всегда замѣчалось въ немъ въ первые дни послѣ припадка падучей болѣзни. Владимиръ Сергѣевичъ что-то рассказывалъ, Федоръ Михайловичъ слушалъ, не возражая, но потомъ придвинулъ свое кресло къ креслу, на которомъ сидѣлъ Соловьевъ, и, положивъ ему на плечо руку, сказалъ:

— Ахъ, Владимиръ Сергѣевичъ! Какой ты, смотрю я, хорошій человекъ...

— Благодарю васъ, Федоръ Михайловичъ, за похвалу...

— Погоди благодарить, погоди,—возразилъ Достоевскій,—я еще не все сказалъ. Я добавлю къ своей похвалѣ, что надо бы тебя года на три въ каторжную работу...

— Господи! За что же?..

— А вотъ за то, что ты еще недостаточно хорошъ: тогда—то, послѣ каторги, ты былъ бы совсѣмъ прекрасный и чистый христіанинъ...

Достоевскій, какъ извѣстно, испыталъ каторгу и могъ говорить о ней съ полнымъ знаніемъ дѣла. Соловьевъ засмѣялся и не возражалъ, принимая его замѣчаніе за шутку, но могу предположить, возрази что нибудь Владимиръ Сергѣевичъ, то Достоевскій развилъ-бы свою шутиливую мысль до серьезнаго и подробнаго объясненія и, пожалуй-бы, до того разволновался, что при первой же попыткѣ вставить въ его рѣчь замѣчаніе, нервно прошипѣлъ бы:

— Молчите, не возражайте... Не умничайте!..

Вообще, Федоръ Михайловичъ иногда въ разговорахъ своихъ былъ рѣзокъ и даже грубъ.

— Такъ, однажды,—разсказывалъ Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ,—зашелъ къ нему Федоръ Михайловичъ на вечерній чай и уединился съ нимъ въ кабинетъ. Онъ любилъ именно такія уединенныя съ глазу на глазъ бесѣды. Просидѣли они такъ минутъ десять, пятнадцать, вдругъ—звонокъ. Федоръ Михайловичъ встрепенулся.

— Гость? прошипѣлъ онъ, мрачно нахмурясь.

Майковъ пожалъ плечами.

— Поджидаете кого?

— Нѣтъ... Случайно ктонибудь. Можетъ быть, къ женѣ...

— Терпѣть не могу этихъ случайныхъ...

Достоевскій, оживленно до звонка разговаривавшій, вдругъ какъ-то осунулся, сгорбился и, точно улитка, спрятавшаяся въ свою раковину, замолкъ.

Въ залѣ послышались шаги по направленію къ кабинету.

— Къ вамъ кто-то! прошепталъ Достоевскій и быстро поднялся съ кресла.

— Куда вы? Сидите. Можетъ быть, ктонибудь минуты на двѣ...

— Ничего, ничего. Я пережду вотъ здѣсь.

Онъ указалъ на двери, за отворенной половинкой которыхъ стоялъ стулъ.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, вы скоро гостя спроводите,—шепотомъ добавилъ онъ, и, спрятавшись за дверь, сѣлъ тамъ на стулъ.

Кто былъ вошедшій—объ этомъ помолчу. Добраго слова о немъ сказать нельзя, а худого говорить не хочется,—Богъ ему судья. Былъ онъ человѣкъ, примазавшійся къ литературѣ, достаточно безцеремонный, умѣвшій пробираться во всякія щели и именно только для того, чтобы болѣе легкимъ и скорымъ путемъ чтонибудь и гдѣнибудь извлечь для своей особы. Ни служебныхъ правъ, ни литературнаго таланта, ни университетскаго образованія онъ не имѣлъ и околачивался около литературы, перебиваясь то маленькими статейками въ журналахъ, куда пролѣзалъ съ протекціей сильныхъ людей, то услугами редакторамъ, часто даже непрощеннымъ и нежелательнымъ.

Вошелъ онъ въ кабинетъ Майкова и, съ перваго же слова, началъ заливаться льстивыми рѣчами.

— Пришелъ къ вамъ, Аполлонъ Николаевичъ, извините, можетъ быть, и не во время, но не могъ удержаться. Простите! Вотъ, какъ предъ престоломъ самого Господа-Вседержителя говорю—не могъ удержаться: прочиталъ ваше послѣднее стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—и умилился. Этакая прелесть! Пойду, думаю, самолично выскажу великому поэту свои искренніе душев-

ные восторги! Превосходное стихотвореніе, Аполлонъ Николаевичъ! Необыкновенное!.. Очень, очень хорошее!.. И Гете, и Шекспиръ охотно подписались бы подъ такимъ стихотвореніемъ... Да что—Гете! Что—Шекспиръ!.. Пусть они тамъ на Западѣ прославляются! Вы—Майковъ и этимъ все сказано! Вы—наша слава, наша гордость...

И долго и много еще выпалилъ восторженныхъ отзывать этотъ неожиданно пришедшій гость.

Какъ держалъ себя при этомъ Аполлонъ Николаевичъ—не могу точно сказать. Знаю, что онъ при подобныхъ льстивыхъ рѣчахъ хмурился, видимо стѣсняясь похвалами, и молчалъ, внимательно всматриваясь при этомъ въ свои морщинистыя руки. Случалось мнѣ лично видѣть его въ такомъ смущеніи и слышать, какъ онъ въ подобныхъ случаяхъ шепотомъ замѣчалъ льстецу: «Ну, будетъ, будетъ! Довольно!» Такъ и при льстивыхъ рѣчахъ пришедшаго гостя онъ тоже зашепталъ ему: «Довольно, голубчикъ, довольно»!.. Достоевскій-же, сидѣвшій за дверью, не выдержалъ льстивыхъ рѣчей. Быстро выступивъ изъ за дверей, онъ нервно взмахнулъ обѣими руками и, потрясая ими въ воздухѣ, сердито прошипѣлъ.

— Что это за подлець говорить?!...

Таковъ былъ въ своихъ нервныхъ порывахъ Федоръ Михайловичъ.

Гость, разумѣется, растерялся, огорошенный появленіемъ Достоевскаго и его привѣтливымъ восклицаніемъ. Возражать что-либо, оправдываться и объясняться онъ не посмѣлъ и поспѣшилъ, насколько возможно скорѣе, ступеваться.

— Извините, Аполлонъ Николаевичъ,—пробормоталъ онъ, схватившись за фуружку,—мнѣ, признаться, некогда, я только на минутку забѣжалъ...

Не смѣя даже взглянуть на Федора Михайловича, онъ, какъ заяцъ, юркнулъ изъ кабинета на-утекъ, оправдывая ту кличку, подъ которою извѣстенъ былъ въ литературныхъ кружкахъ, именно, кличку—заяцъ.

Какъ велъ себя въ бесѣдѣ со старцами Оптиной пустыни и съ монахомъ-схимникомъ Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ—не знаю. Смѣю предположить, по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ, что онъ, слушая благочестивые разговоры обитателей пустыни и тихую рѣчь старца-схимника, скучалъ и позѣвывалъ, лѣниво оглядывая стѣны и потолокъ его тѣсной кельи. Увидѣвъ книгу (конечно, таковая должна была у схимника находиться), положимъ, Евангеліе, онъ навѣрное сталъ ее перелистывать и, незамѣтно для самого себя, углубился въ чтеніе.

Говорю объ этомъ не въ шутку, а именно на томъ основаніи, что часто видалъ Владимира Сергѣевича углубившимся въ чтеніе въ то время, когда онъ бывалъ гостемъ въ нашей квартирѣ и приходилъ къ покойному Страхову «побесѣдовать».

Владимиръ Сергѣевичъ бывалъ у насъ, положимъ, не часто, а такъ въ мѣсяцъ разъ или два. Бывалъ онъ, впрочемъ, во время того періода своей ученой и литературной дѣятельности, когда еще не прерывалъ отношеній съ Аксаковымъ и Катковымъ. Потомъ онъ, какъ извѣстно, отсталъ отъ нихъ и вообще прекратилъ всякія сношенія съ литературой такъ называемаго консервативнаго направленія и со всѣми лицами, къ ней принадлежащими, и перекочевалъ въ «Вѣстникъ Европы».

Съ этого времени онъ пересталъ бывать у Страхова, и остались у насъ о немъ только однѣ воспоминанія, въ числѣ которыхъ было памятно и то, какъ онъ иногда, посѣтивъ нашу квартиру, вмѣсто бесѣды, погружался въ чтеніе подвернувшейся ему подъ руку книги и погружался, бывало, настолько глубоко, что даже не слышалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Случалось, кто-нибудь изъ гостей, одновременно съ нимъ посѣтившихъ Страхова, обратится къ нему съ вопросомъ, и, не получивъ отвѣта, повторить вопросъ; онъ не отвѣчаетъ, не обращая на него вниманія, и, уткнувшись носомъ въ книгу, продолжаетъ читать.

— Владимиръ Сергѣевичъ!—громче прежняго восклицаетъ спрашивавшій.

Онъ молчитъ.

— Владимиръ Сергѣевичъ! Ау! Слышите?

Страховъ улыбается и, оглядывая Владимира Сергѣевича, склонившагося надъ книгой, говорить:

— Оставьте его. Развѣ вы не знаете, что онъ, какъ уткнется въ книгу носомъ, такъ и слухъ потеряетъ, и къ близорукости его надо въ это время прибавить и другой еще недостатокъ, а именно:— глухоту.

— Владимиръ Сергѣевичъ!—уже кричитъ гость.

Владимиръ Сергѣевичъ, наконецъ, слышитъ возгласъ, изумляется, не понимая, чему смѣется гость Страхова и онъ самъ, и, наконецъ, узнавъ о причинѣ смѣха, самъ начинаетъ визгливо смѣяться.

Такъ, можетъ быть, и въ кельѣ Оптинскаго монаха-схимника онъ увлекался чтеніемъ и смѣялся потомъ самъ надъ собой.

Какъ относился къ поучительнымъ словамъ старца-схимника Леонтьевъ—тоже не знаю. Судя по тому, каковымъ я зналъ Константина Николаевича въ бесѣдахъ съ другими (со Страховымъ, напримѣръ, и съ гостями, посѣщавшими его), могу предположить, что и онъ, по складу своего нервнаго и порывистаго характера,

не могъ спокойно слушать старческія поученія и, вѣроятно, тоже, подобному Достоевскому, волновался, возражалъ на нихъ, развивалъ, разъяснялъ и, можетъ быть, даже оспаривалъ смыслъ и значеніе словъ, приносимыхъ схимникомъ. Онъ, Леонтьевъ, какъ и Достоевскій, бывалъ нерѣдко въ возбужденномъ состояніи, говорилъ горячо и много, при этомъ часто, съ большою порывистостью, оставлялъ кресло и, быстро шагая по комнатѣ, волновался и размахивалъ руками.

Помню одинъ его разговоръ со Страховымъ о чемъ-то, касавшемся достоинствъ русскаго дворянства, помню, какъ, во время этого разговора, онъ разволновался до того, что близко подскочилъ къ креслу, на которомъ сидѣлъ Страховъ, и, горячо жестикулируя, сказалъ:

— Вамъ не понять этого, Николай Николаевичъ, никогда не понять!

— Но почему же? Позвольте васъ спросить, Константинъ Николаевичъ, почему мнѣ не понять?

— Потому что вы... извините,—вы все-таки семинаристъ...

Страховъ замолчалъ, покачалъ головой и сталъ свертывать съ обычною, свойственною ему, медлительностью папиросу.

Разговоръ этотъ, кончившійся, какъ и слѣдовало, безъ всякихъ пререканій, произвелъ однако же на Страхова неприятное впечатлѣніе—онъ, видимо, обидѣлся за слово «семинаристъ» и не разъ впоследствии при разговорѣ о Леонтьевѣ укоризненно покачивалъ головой и тихо замѣчалъ:

— Да, да. Онъ дворянинъ... но разговариваетъ, хе, хе... не по дворянски.

Кстати сказать, Константинъ Николаевичъ частенько увлекался своими дворянскими привычками, и, да проститъ ему Господь Богъ, высказывалъ иногда не мало претензій, казавшихся даже смѣшными въ его положеніи. Такъ, въ послѣдніе годы своего земного бытія, перенося матеріальные недостатки, граничащіе иногда съ нищетою, онъ ревниво старался сохранить привычки, унаслѣдованныя отъ родителей, имѣвшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Занимая помѣщеніе гдѣ-то въ глухомъ углу въ крестьянской избѣ и будучи въ такомъ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ, казалось бы, ему вовсе было не до дворянскихъ привычекъ, онъ все-таки озабоченно слѣдилъ, чтобы въ его помѣщеніи все было, говоря его словами, «по дворянски». Такъ, на примѣръ, онъ требовалъ настоятельно и строго, чтобы босоногая дѣвчонка, подававшая ему по утрамъ кофе, кланялась, входя въ его помѣщеніе, и—главное—кланялась лично.

— Ты, босоножка, — внушалъ онъ, грозя ей пальцемъ, — ты привыкай вести себя такъ, какъ слѣдуетъ при господахъ. Понимаешь?

— Не... я не понимаю... — потупясь, отвѣчала дѣвчонка.

— Понимай. Учись! — вразумлялъ Константинъ Николаевичъ, — я тебѣ говорю, ты слушай и запоминай. Слышишь?

— Конечно, слышу. Чай, я не глухая, пошто не слышать?...

— Ты не разговаривай. Ты слушай. Во первыхъ, ты не должна-бы являться ко мнѣ въ такомъ обтрепанномъ видѣ, — но Богъ съ тобой: чего нѣтъ, того и требовать нельзя, а во вторыхъ, — и это вотъ самое важное, — ты должна, войдя ко мнѣ, почтительно поклониться и, прежде чѣмъ ставить кофейникъ и посуду на столъ, покрыть столъ скатертью... Ну, положимъ, скатерти у меня нѣтъ, ну — салфеткой, непременно салфеткой и непременно — чистой. Грязную не смѣй на глаза показывать — этого я не могу видѣть!... Бѣдность — бѣдностью, порока въ этомъ нѣтъ, но чистота обязательна при всякомъ положеніи... И относительно поклона тоже скажу тебѣ, слушай. Не нужно такъ низко кланяться, сгибать спину, — кланяйся легче и изящнѣе, голову наклоняй чуть-чуть...

Такъ обучалъ онъ дѣвочку манерамъ.

Онъ даже нищихъ, стоявшихъ съ протянутой рукой на папертахъ у московскихъ церквей, училъ, какъ они должны просить милостыню.

— Не нойте, не протягивайте пѣвуче своихъ просительныхъ словъ, — внушалъ онъ, обдѣляя ихъ грошиками, — довольно молчаливаго поклона и легкаго наклоненія головы... Старайтесь сохранить и въ самой бѣдности сознание человѣческаго достоинства!...

Такъ говорилъ онъ, вразумляя нищету держать себя «благо-родно.»

О бѣдственномъ своемъ положеніи онъ жаловался въ письмахъ къ пріятелямъ, напечатанныхъ потомъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» въ тѣ годы, когда его редактировалъ Анатолій Александровъ.

Но извиняюсь. Я нѣсколько увлекся подробностями...

Николай Николаевичъ Страховъ, такъ сказать, тишайшій изъ литераторовъ и ученыхъ, и графъ Левъ Ник. Толстой, предъ которымъ слѣпые поклонники готовы падать ницъ и ползать на брюхѣ въ знакъ безграничнаго почитанія его, — оба они, т. е. Страховъ и Толстой, представляли собою совершенную противоположность Достоевскому и Леонтьеву. Достоевскій и Леонтьевъ были большіе говоруны, а Страховъ въ разговорахъ былъ сдержанъ, никогда не волновался и былъ великій мастеръ слушать и молчать.

Не могу сказать, бывалъ-ли разговорчивъ Толстой. Судя по по рассказамъ Страхова объ ихъ общей поѣздкѣ въ Оптину пустынь, можно, кажется, причислить его тоже къ числу лицъ, умѣющихъ хорошо помолчать. Говорю объ этомъ предположительно, ибо съ

Толстымъ никогда разговоровъ не велъ и, каюсъ, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, такъ какъ многое въ немъ самомъ и въ его писаніяхъ, послѣ «Войны и мира» и «Анны Карениной», было мнѣ не по душѣ. И когда, случилось, онъ посѣщаль нашу общую со Страховымъ квартиру, я намѣренно уходилъ изъ дому по черному ходу, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ.

Въ Оптиной пустыни онъ былъ одновременно со Страховымъ; вмѣстѣ, они помнитса, и пріѣхали туда въ одномъ экипажѣ изъ Ясной Поляны.

Въ полутемную тѣсную келью старца-схимника они вошли съ нѣкоторою даже робостью, какъ передавалъ Страховъ.

— Необычное впечатлѣніе, — говорилъ онъ, — пахнетъ ладномъ и воздухъ такой спертый, отъ лампадъ тоже запахъ удушливый — тяжело. Какъ старецъ въ такой духотѣ проводитъ цѣлые дни и ночи — удивительно!

Старецъ ласково принялъ ихъ, усадилъ на скамью, замѣнявшую ему кровать и спросилъ:

— Богомольцы?

— Да... отчасти и богомольцы... — не безъ смущенія отвѣтилъ Николай Николаевичъ, чувствуя, что даетъ неточный отвѣтъ.

— Почему — отчасти?

— Да такъ... потому что не богомолье главная цѣль нашего пріѣзда...

— А какая-же, скажи мнѣ, ваша главная цѣль?

— Да такъ... собственно, трудно и опредѣлить... Простите, мы проѣздомъ здѣсь, отчасти даже и по свойственной намъ, грѣшнымъ, слабости — изъ любопытства...

— Такъ, такъ... Что-же, — въ этомъ грѣхѣ не великъ. Обитель посѣтить — это даже похвально... достойно одобренія. Побываете въ храмѣ и помолитесь — вотъ и выйдетъ богомолье. Да... Кто же вы такіе будете? По званію вашему?.. Кто вы?

Николай Николаевичъ съ обычной улыбкой взглянулъ на Толстого, какъ бы ожидая его отвѣта на вопросъ старца, но Толстой молчалъ и внимательно вглядывался въ блѣдное, истомленное лицо старца-схимника.

Страхова, кстати сказать, иначе нельзя себѣ и представить, какъ съ улыбкой, и не только въ то время, когда онъ хлороформированный лежалъ подъ ножомъ оператора въ Николаевскомъ сухопутномъ госпиталѣ (ему отрѣзали часть языка, пораженного болѣзнию рака), на лицѣ его оставалось обычное добродушное выраженіе улыбки, но даже и тогда, когда онъ былъ разлученъ съ своими книгами и уложенъ въ гробъ, — на лицѣ его сохранилась улыбка.

Взглянувъ на Толстого въ ожиданіи его отвѣта на вопросъ старца и не дождавшись, онъ отвѣтилъ самъ:

- Вы, святой отецъ, изволите спрашивать, кто именно мы?
- Охъ, не святой я, не святой! — тревожно возразилъ старецъ, — не называй меня такъ... Не подобаешь.
- Извините... Прошу прощенія.
- Господь тебя простить... Не называй такъ. Гдѣ мнѣ! Господи помилуй!... Но кто-же вы, скажи, такіе? Купцы вы, предполагаю, торговцы, а можетъ быть, не торговцы, а фабриканты московскіе?
- Нѣтъ, мы не торговцы и не фабриканты...
- Купцы часто ко мнѣ просятъ, да... Иной разъ, по слабости человѣческой, утомляюсь съ ними... Мужички-крестьяне тоже, и въ великомъ множествѣ, приходятъ. Да—а!... Много скорбныхъ, много... Господи помилуй!... И женскъ полъ... Плачущіе и рыдающіе...
- Старецъ вздохнулъ, перекрестился и сталъ опять перебирать тощими пальцами косточки четокъ, все время остававшихся у него въ рукахъ.
- Такъ вы не фабриканты и не торговцы? — переспросилъ онъ, — стало бытъ, чиновники.
- Да, я... собственно, изъ Петербурга, — отвѣтилъ Страховъ, — я—по ученой части, науками занимаюсь...
- А-а! Такъ-такъ! — протянулъ старецъ и въ его тускломъ взорѣ отразилось выраженіе недоумѣнія.
- Какою-же наукою, ты, возлюбленный братъ мой, занимаешься?
- Философіей.
- Такъ, та-а-къ!—задумчиво произнесъ старецъ,—любомудріемъ, стало-бытъ... Что-же! Это изрядно! Ученье, сказано, свѣтъ... Да-а! Ну, а этотъ, кто-же такой?—спросилъ онъ, взглядываясь въ Толстого, — этотъ молчаливый спутникъ твой—кто?
- Николай Николаевичъ опять вопросительно посмотрѣлъ на Толстого, но тотъ уклонился отъ его взгляда и, понуривъ голову, сталъ смотрѣть себѣ подъ ноги.
- Левъ Николаевичъ, — проговорилъ Страховъ, — что-же вы молчите? Старецъ желаетъ знать, кто вы.
- Онъ васъ спрашиваетъ, вы и отвѣчайте, — шепотомъ проговорилъ Толстой, повидимому, недовольный тѣмъ, что старецъ не съ нимъ первымъ заговорилъ.
- Страховъ улыбнулся въ отвѣтъ на его шепотъ и, съ той-же улыбкой, взглянулъ на старца, въ недоумѣніи смотрѣвшаго на Толстого.
- Этотъ мой спутникъ, — отвѣтилъ онъ на вопросъ старца, — писатель всѣмъ извѣстный и не только въ Россіи, но и за границей.
- А-а! — протянулъ старецъ, — и за границей? Вотъ какъ!...
- Да, и за границей, и даже далеко за морями, въ Америкѣ, онъ очень извѣстенъ.

— Ишь ты какой!... А какъ по фамиліи?

— Графъ Толстой.

— Вотъ какъ! Гр-а-фъ! — задумчиво протянулъ старецъ смотря на Толстого, — это хорошо... Гра-а-фъ!... Очень хорошо!

Потомъ помолчалъ нѣкоторое время, началъ, было, опять перебирать тощими пальцами косточки четокъ, но вдругъ какъ-то странно и совершенно неожиданно оживился и проговорилъ:

— А у меня братъ былъ генераль. Родной мой братъ былъ генераль...

Разсказывалъ мнѣ объ этой поѣздкѣ въ Оптину пустынь покойный Николай Николаевичъ Страховъ. Помню, какъ онъ, свертывая папиросу, уныло покачивалъ при этомъ головой.

— Да, да, — сказалъ онъ въ заключеніе своего разсказа, — тщеславіе живуче. Къ чему-бы, кажется, ему—старцу-схимнику, удалившемуся отъ міра и всѣхъ дѣлъ его, генеральство брата, а вотъ пойдѣ-же ты—хвалится имъ. Да, тщеславіе преслѣдуетъ человѣка иногда съ такимъ упорствомъ, что не оставляетъ его даже и въ послѣднія минуты жизни.

Д. И. Стахѣвъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О П. Л. ЛАВРОВѢ.

I.

УВИДѢЛЪ впервые Петра Лавровича Лаврова въ январѣ 1853 г. (ему было тогда 30 лѣтъ) въ пансіонѣ барона Константина Карловича Клодта (родного брата извѣстнаго скульптора), гдѣ я готовился къ поступленію въ артиллерійское училище.

Пасмурное петербургское утро; въ классѣ сумрачно и зябко. Мы, 12—13-тилѣтніе воспитанники, ожидали перваго урока алгебры, для преподаванія которой былъ приглашенъ учитель математики артиллерійскаго училища, штабсъ-капитанъ Лавровъ. О непреклонной строгости его, даже жестокости, до насъ доходили изъ артиллерійскаго училища самыя тревожныя слухи. Юнкера намъ рассказывали, что онъ не только суровъ, но и золъ, что онъ требовалъ отъ учениковъ, вообще, непосильнаго; на экзаменахъ рѣзалъ безъ милости. Обуздать его юнкерскими «скандалами и бенефисами»¹⁾ не удалось доселѣ, въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ его учительства.

Намъ было извѣстно также, кѣмъ-то изъ юнкеровъ сочиненное, подражаніе Лермонтову. Оно начиналось такъ:

¹⁾ Классные безпорядки, грубо направленные противъ недюбимаго учителя

«Какъ возгóворить нашъ Пётро Лавровичъ,
«Что закаркаетъ ворона во поднебесьи,
«Зашевелятся его усы рыжіе... и т. д.

Правда, ко всёмъ этимъ свѣдѣніямъ нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, юнкера добавляли: «за то ужъ и знаетъ онъ, собака, свое дѣло».

Не удивительно, что мы, пансіонеры барона Клодта, поживались на нашихъ скамьяхъ не отъ одной утренней прохлады, но и отъ непріятной перспективы попасть въ ежовыя рукавицы «рыжей собаки».

Дверь отворилась, мы встали. Въ классъ вошелъ очень крупный свѣтло-рыжій офицеръ, съ пушистыми нехолеными усами, едва причесанными—видимо на-скоро—волосами, съ прямымъ крупнымъ носомъ и голубовато-сѣрыми выпуклыми глазами, которые не-то недоумѣвали, не-то плохо видѣли. Онъ не безъ труда ориентировался въ классѣ, отыскалъ насъ, отвѣтилъ слабой ухыбкой на нашъ поклонъ. Глаза разглядѣли черную классную доску и каеэдру между нею и столомъ.

Его военный просторный сюртукъ былъ лучше сшить, чѣмъ вычищенъ, и на одномъ сапогѣ не хватало шпоры, чего онъ, несомнѣнно, не замѣчалъ. Панталоны почти волочились по полу. Присѣвъ къ учительскому столу и низко приклонивъ голову, онъ ошарилъ большой фоліантъ класснаго журнала; а раскрывъ его, буквально водилъ концами усомъ по страницамъ, читая списокъ учениковъ. Вызывая ихъ, для ознакомленія съ внѣшнимъ видомъ, онъ упорно, какъ-то безпомощно разглядывалъ насъ.

Когда онъ заговорилъ, мальчики переглянулись между собой, нѣкоторые захихикали. Кто-то прошепталъ: «Что закаркаетъ ворона во поднебесьи»...»

Петръ Лавровичъ, можетъ быть, и слышалъ это, но не обратилъ вниманія. Онъ произносилъ букву «р» не то что картавая, но какъ-то широко грассируя. Вообще, онъ говорилъ внятно, сочно. Манера его рѣчи подѣйствовала на насъ даже успокоительно, особенно, когда онъ, подойдя къ доскѣ и вооружась мѣломъ, приступилъ къ лекціи.

Первые четыре правила алгебры, конечно, не могутъ заинтересовать 12—13-лѣтнихъ дѣтей, но цѣлый часъ его говора и поступиванія мѣломъ по доскѣ—для меня, по крайней мѣрѣ—прошелъ почти пріятно. Объясненіе было такъ ясно, просто.

Руки его, на которыхъ мы мнили видѣть ежовыя рукавицы, оказались словно женскія: красивыя, съ нѣжной, бѣлой, почти прозрачной кожей. А на мизинцѣ лѣвой руки красовался рубиновый перстенокъ.

Когда онъ уходилъ изъ класса, то добродушно чему-то разсмѣялся въ нашу сторону. И этотъ смѣхъ былъ такой хорошиій, сочный, что мы недоумѣвали: тотъ-ли это свирѣпый Лавровъ, ко-

того артиллерійскіе юнкера бесплодно угощали скандалами ради его перевоспитанія въ ихъ собственныхъ вкусахъ.

Съ этого памятнаго дня, когда я узналъ отъ Петра Лавровича, что $a \div b = c$ и $a - c = b$, вплоть и включительно до ознакомленія съ математическими тайнами небесной механики, которую къ моему времени Лавровъ читалъ въ военной артиллерійской академіи, я чуть не каждый день видалъ его во время класснаго періода года; а, по малой мѣрѣ, два раза въ недѣлю, въ теченіе 6 лѣтъ, съ небольшими перерывами, слушалъ его лекціи; встрѣчалъ его въ частныхъ домахъ и нѣсколько разъ бывалъ у него. Словомъ, я имѣлъ достаточно случаевъ свѣрить свирѣпаго легендарнаго «Лавриноху» 40-хъ гг. съ симпатичнымъ профессоромъ математики, съ почти идеально-хорошей, интересной личностью, съ Петромъ Лавровичемъ годовъ послѣдующихъ.

Онъ производилъ на меня, какъ и на большинство моихъ сверстниковъ—его слушателей, впечатлѣніе, которое, безъ преувеличенія, можно назвать обаятельнымъ, хотя и былъ всегда требователенъ относительно знаній своихъ учениковъ. Предо мной постепенно разъяснялось, почему предшествовавшія нашему курсу поколѣнія конца 40-хъ гг. и начала 50-хъ относились къ нему недружелюбно; почему мы, ихъ непосредственные преемники, полюбили того же самага человѣка и профессора.

II.

Несомнѣнно, что юнкерскіе нравы 40-хъ гг. были грубоваты вообще. Они формировались подъ вліяніемъ суровости Николаевской дисциплины въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и грубости крѣпостныхъ традицій. Въ артиллерійское училище принимались только сыновья потомственныхъ дворянъ. Несомнѣнно, что въ наше училищное и академическое время (1854 по 1860 г.), и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, совершился, послѣ крымской войны, подъ вліяніемъ камертона свыше, крутой поворотъ къ лучшему. Смягчились нравы, юнымъ мозгамъ предоставлена была значительная свобода мысли, которою обусловливалась возможность правильно оцѣнивать знанія преподавателей и умѣлость ихъ передавать науку. Кромѣ того, благоприятная переменна обусловливалась улучшеніемъ, освѣженіемъ, такъ сказать, всей системы, дотолѣ рутиннаго, преподаванія. Здѣсь мы не будемъ распространяться о преподаваніи у насъ другихъ предметовъ и остановимся только на математикѣ, преподаваніе которой непосредственно касалось отношеній учениковъ къ П. Л.

Онъ, по окончаніи курса въ артиллерійской академіи (тогда офицерскіе классы), въ 1844 г. былъ назначенъ репетиторомъ математики. Положеніе молодого репетитора незавидное, несамостоятель-

ное. Репититору рѣдко приходится читать самостоятельно цѣльный годичный курсъ въ какомъ-либо классѣ.

Имъ затыкали прорѣхи, заставляли временно замѣнять заболѣвшаго или уѣхавшаго въ отпускъ какого-либо, оброспаго мохомъ, профессора; на экзаменахъ репетиторъ являлся послѣдней спицей въ колесницѣ. Когда же ему, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ искуса, представлялся случай заняться полностью курсомъ какого-либо класса, то приходилось имѣть дѣло съ учениками, подготовленными или вѣрнѣе неподготовленными другими учителями, большей частью, плоховатыми, старыми, отсталыми.

Плохая подготовка вообще обусловливалась строемъ всей учебной системы Николаевского времени. Я поступилъ въ училище во второй половинѣ 1853 г. и засталъ большинство учителей, которые при моемъ отцѣ еще (т. е. четверть вѣка назадъ) считались уже отсталыми въ наукѣ.

Такая важная для артиллериста отрасль знанія, какъ математика, чистая и прикладная, преподавалась больше чѣмъ неудовлетворительно. Напримѣръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Киндеревъ при мнѣ, какъ и при моемъ отцѣ, читалъ аналитическую геометрію въ юнкерскихъ классахъ (3-мъ и 2-мъ)¹⁾ и, не помню, какую отрасль математики въ офицерскихъ классахъ. Онъ былъ до того ветхъ, что едва передвигалъ ноги и не различалъ фізіономій учениковъ. Читалъ онъ усыпительно, слово въ слово, буква въ букву, по древнѣйшему, имъ составленному, учебнику; задавалъ «отсюда вотъ, досюда»; любилъ зубрежные отвѣты. Вызывалъ всегда почти по списку, по порядку. Каждый юнкеръ зналъ, послѣ какого товарища его вызовутъ, а такъ какъ Киндеревъ, вызвавъ ученика къ каедрѣ, всегда самъ указывалъ въ книгу пальцемъ «отсюда вотъ, досюда» и вызванный долженъ былъ отвѣчать непосредственное продолженіе того, что отвѣчалъ предыдущій, то угодить ему было не трудно, въ особенности, если при отвѣтѣ повторять, время отъ времени, «ваше превосходительство». Однажды одинъ и тотъ же ученикъ отвѣчалъ, въ одинъ и тотъ же урокъ, сначала за себя, а потомъ за товарища. Киндеревъ по списку вызвалъ сначала знающаго воспитанника, Графа. Такая фамилія; старый баронъ Клодтъ, читавшій начертательную геометрію, любилъ побалагурить съ юнкерами и называлъ его «несіятельный графъ». Киндеревъ, спросивъ послѣ Графа двухъ другихъ, вызвалъ Ивашева (сына декабриста), который хронически ничего не зналъ. А на этотъ разъ онъ заранѣе просилъ, если его вызовутъ, отвѣтить за него, того же Графа. Графъ наскоро подвязалъ щеку и горло бѣлымъ платкомъ, будто бы нездоровъ и только что пришелъ изъ лазарета, и выступилъ къ доскѣ. Профессоръ не замѣтилъ подмѣны, остался очень

¹⁾ Младшій классъ у насъ считался пятымъ, а самый старшій первымъ.

доволенъ отвѣтомъ и поставилъ Ивашеву хороній баллъ за отвѣтъ Графа. Подсказывать же при немъ товарищамъ мы могли вволю.

Весьма подобные Киндереву по отсталости и древности были: Анкудовичъ (баллистика въ офицерскихъ классахъ), баронъ Клодтъ (начертательная геометрія), полковникъ Тихоновъ, преподававшій то тригонометрію, то статистику, въ теченіе 30 лѣтъ, по своимъ, отдававшимъ плѣсенью, запискамъ. Какъ Гулливеръ среди лиллипутовъ, высился надъ этой плеядой сомнительныхъ, допотопныхъ «полезностей», академикъ М. В. Остроградскій, европейская извѣстность, знаменитый авторъ «Теоріи волнъ». Онъ читалъ въ концѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ высшую (чистую) математику въ академіи и двухъ старшихъ юнкерскихъ классахъ. Несмотря на не всегда удобныя для учениковъ странности, послѣдніе его любили за яркій умъ, за простоту обращенія и за хохлацкій юморъ. Разсказывали, что Остроградскій на экзаменахъ бывалъ капризенъ, покровительствовалъ уроженцамъ Малороссіи, своимъ землякамъ; что у него были личныя симпатіи и антипатіи.

Существовала, дошедшая до нашего времени, легенда, будто бы одному юнкеру, который зналъ предметъ хорошо съ внѣшней стороны, но никакихъ способностей для пониманія внутренняго смысла высшей математики не имѣлъ, на выпускномъ экзаменѣ Остроградскій предложилъ такую альтернативу:

— По вашему отвѣту надо бы поставить 10 балловъ. Но тогда вы попадете въ академію, гдѣ вамъ рѣшительно нечего дѣлать. Дайте мнѣ слово, что вы выйдете во фронтъ и въ академію не поступите, тогда я вамъ поставлю 10. А если не дадите этого обѣщанія, то я влѣплю вамъ восьмерку.

Впрочемъ, все это о М. В. я только слышалъ, проходя же самъ черезъ его руки, не могъ подмѣтить ничего подобнаго. Хотя его пренебреженіе къ усерднымъ «зубриламъ» безъ способностей было всегда очевидно. Способныхъ же къ математикѣ учениковъ онъ мало спрашивалъ, но любилъ бесѣдовать съ ними о предметѣ, испытывать ихъ степень пониманія. Иногда, казалось, любовался ихъ дарованіемъ. Когда спрашивалъ зубрилъ, то терпѣливо, благодаря, полагаю, своей прирожденной лѣни, наблюдалъ, какъ они исписывали всю доску выводами, безъ сучка, безъ задоринки, требуемую формулу или рѣшеніе, и восклицалъ иногда «ишь, какъ ловко росписался...; выдать ему патентъ на селедочной бумагѣ!»

Его сверстники-коллеги, которыхъ онъ умѣлъ не давить превосходствомъ своего ума и знаній (развѣ что отъ острой шуточки надъ какимъ нибудь Киндеревымъ не воздержится), благоговѣли передъ нимъ. Онъ и самъ умѣлъ цѣнить въ другихъ дарованія. Къ нѣкоторымъ молодымъ даровитымъ математикамъ, особенно къ Лаврову, онъ относился съ искреннимъ интересомъ и уваженіемъ.

Баллы онъ вообще ставилъ скупю и говаривалъ:

— Полный балль—12, я, по совѣсти, могу поставить только Господу-Богу, себѣ—11, а затѣмъ выше 10—никому.

— А Петру Лавровичу сколько?—однажды спросилъ его одинъ юнкеръ.

— Ну, Лаврову, кажется, надо будетъ поставить то же, что и мнѣ.

Колоссаленъ былъ Михаилъ Васильевичъ не однимъ умомъ. Вся виѣшность его была массивна, крупна и нескладна. Платье на немъ сидѣло мѣшкомъ и ноги напоминали слона. Широкое лицо было освѣщено только однимъ глазомъ (другой—не знаю, когда и почему,—вытекъ), но зато умнымъ, проницательнымъ, даже лукавымъ глазомъ. Въ классъ онъ не входилъ, а грузно вваливался. На кафедре не поднимался, а присаживался на приготовленное кресло, къ одной изъ переднихъ партъ. Онъ избѣгалъ имѣть дѣло съ классной черной доской. Понятно: съ такой грузной массой человѣческаго тѣла было обременительно держаться на ногахъ и передвигать ихъ. Онъ и за лекцію принимался лѣнливо. Любилъ сначала поболтать, побалагурить; нерѣдко рассказывалъ занятно эпизоды изъ своихъ заграничныхъ скитаній, преимущественно о жизни въ Парижѣ, о зародышевомъ періодѣ работъ, создавшихъ его славу, о пережитой бѣднотѣ, и даже проговаривался о столкновенияхъ съ властями на политической почвѣ. Разговоры эти иногда затягивались такъ долго, что наиболѣе ретивые ученики сами деликатно напоминали профессору о лекціи. Тогда онъ со вздохомъ прерывалъ свою бесѣду, бралъ мѣлъ и начиналъ излагать, что слѣдовало. Писалъ онъ выводы и формулы прямо на партѣ, предъ которой сидѣлъ, благо онѣ у насъ были широкія, горизонтальныя и черныя. Не нашаривъ губку, когда въ ней являлась надобность, онъ, случалось, стиралъ написанное своею шапкой или рукавомъ. Во время лекціи онъ иногда макалъ пальцы въ стоявшій около стаканъ съ водой, чтобы освѣжить свой кривой глазъ. А бывало—сознательно или по разсѣянности, не знаю—вышивалъ ту же воду.

Слѣдить за его лекціей могли далеко не всѣ; только сидѣвшіе передъ нимъ на партѣ или вплотъ окружавшіе его кресло. Остальные въ классѣ дѣлали, что хотѣли. Профессоръ не интересовался ими, развѣ что очень зашумятъ, но это бывало рѣдко, потому что М. В. всѣ уважали, а если и случалось, то онъ умѣлъ прекратить безпорядокъ шуткой, иногда грубой, но всегда остроумной и добродушной.

Общее же, и главное, неудобство его лекцій составляла медленность, съ которой онъ проходилъ курсъ. Часто увлекшись какой-нибудь мыслью, онъ блестяще читалъ намъ увлекательную лекцію, только, къ сожалѣнію, относительно курса совершенно эпизодическую. А время уходило. Да и манкировалъ отъ часто,

Во второй половинѣ учебнаго года становилось яснымъ, что Остроградскій курса до экзамена прочитатъ не успѣтъ. Лаврову не разъ случалось проходить наскоро въ концѣ года почти двѣ трети курса имъ недочитаннаго.

Когда Остроградскому не безъ сожалѣнія намекали о неудобствѣ такой спѣшки, М. В. увѣренно возражалъ: «съ Лавровымъ не пропадутъ. Онъ еще прыгче меня».

III.

Мы не будемъ вдаваться въ сравненіе Остроградскаго съ Лавровымъ; замѣтимъ только, что (по нашему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію) суммы ихъ умственного богатства были по малой мѣрѣ равны. Лавровъ, правда, не внесъ ничего новаго въ развитіе математики, но зато имѣлъ умъ разносторонній, широко захватывавшій другія отрасли знанія. Онъ, едва-ли менѣе Остроградскаго, любилъ и понималъ математику, но все-таки видѣлъ въ ней средство для достиженія высшихъ цѣлей общественнаго благоустройства.

Если бы Лавровъ появился на кафедрѣ сразу, какъ знаменитость, вооруженный, подобно Остроградскому, «Теоріей волнъ», на примѣръ, то сразу возможно, что къ нему и прислушивались бы серьезнѣе и относились бы съ большимъ уваженіемъ. Но онъ поступилъ репетиторомъ, когда ему было едва 21 годъ, а до изданія имъ «Историческихъ писемъ» (которыя по общественной пользѣ, распространенности и популярности стоятъ выше «Теоріи волнъ») оставалось еще чуть не двадцать лѣтъ. Кромѣ того, когда онъ выступилъ на педагогическое поприще, то среди воспитанниковъ училища были еще свѣжи воспоминанія о немъ, какъ о товарищѣ.

Нѣкоторые воспитанники конца 40-хъ гг. помнили, что, когда онъ былъ юнкеромъ-новичкомъ, его безжалостно травили и за его рыжіе волосы, и за близорукость, и за «карканье», и даже за любовь къ чтенію, и «глупое фантазерство».

Фантазеромъ же называли его потому, что онъ еще юнкеромъ, въ бесѣдахъ съ болѣе близкими товарищами, высказывалъ для того времени очень смѣлыя воззрѣнія на общественные и даже философскіе вопросы.

Будучи младшимъ сыномъ зажиточной семьи, онъ росъ одиноко. Много читалъ, дома заимствуя книги изъ отцовской бібліотеки, составленной въ концѣ Екатерининскаго и началѣ Александровскаго царствованія, когда энциклопедисты и, вообще, западный либерализмъ были въ модѣ. Поступивъ 14-ти лѣтъ въ артиллерійское училище, онъ продолжалъ интересоваться сочиненіями, какъ старыми, такъ и вновь появившимися, въ томъ же направленіи, и читалъ много историческаго. Надо замѣтить, что, по части интереснаго къ литературѣ, наше Михайловское артиллерійское учи-

лице, и въ тѣ отдаленныя времена Николаевскаго царствованія, было едва ли не передовымъ. Значительная часть юнкеровъ любила читать, конечно, многіе безъ толку, но нѣкоторые съ толкомъ и пользой, какъ, напримѣръ, Лавровъ, А. Н. Энгельгардтъ. Въ нашей казенной библиотекѣ можно было найти и получить для чтенія книги, которыя, 40 лѣтъ спусти, на рубежѣ XIX и XX вѣка, были изъяты изъ всѣхъ библиотекъ учебныхъ заведеній. Существовало, правда, правило, воспрещавшее юнкерамъ читать постороннія книги безъ просмотра начальствомъ. Но оно почти не соблюдалось. У моего отца (около 1834 г.) одинъ дежурный офицеръ увидалъ «Contrat Sociale» Руссо; заглянулъ въ книгу и возвратилъ, сказавъ: «читайте». У меня самого и у моихъ товарищей, около половины 50-хъ гг., водились иногда прямо запрещенныя книги. Дежурные офицеры¹⁾ знали это и глядѣли сквозь пальцы. Лондонское изданіе стихотвореній Огарева одинъ изъ офицеровъ, В. А. Кремпинъ, впоследствии издатель журнала «Разсвѣтъ», попросилъ меня одолжить ему для прочтенія и добросовѣстно возвратилъ.

Недаромъ императоръ Николай Павловичъ презрительно называлъ «студентами» юнкеровъ артиллерійскаго училища.

Лавровъ, будучи юнкеромъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ его товарищей пользовался чтеніемъ. Читалъ онъ много, много думалъ, и, нерѣдко, толково высказывалъ формулировавшіяся въ головѣ его мысли. Занимался онъ и сдавалъ экзамены очень успѣшно.

Нѣкоторые юнкера, бывшіе при немъ въ младшихъ классахъ, еще не успѣли сойти съ училищной скамьи, когда «зубрила» и фантазеръ появился передъ ними въ качествѣ учителя и требовательнаго экзаменатора. Петръ Лавровичъ самъ былъ по преимуществу человѣкомъ долга, а долгомъ считалъ всегда неуклонное приближеніе къ намѣченной цѣли. Онъ, и въ положеніи репетитора, старался добросовѣстно исполнять свой долгъ, и того же требовалъ отъ учениковъ.

Они же, какъ мы видѣли выше, вовсе не привыкли ранѣе къ такой требовательности, даже отъ самого Остроградскаго. Лавровъ былъ ровень и пріятень въ обращеніи, покуда, однако, его не выводили изъ терпѣнія. Человѣкъ онъ былъ нервный и впечатлительный, хотя пользовался хорошимъ здоровьемъ. Понятно, что въ первые годы учительства его не долубливали и устраивали ему «бенефисы» и скандалы, которые его, желавшаго быть строгимъ и требовательнымъ, въ видахъ пользы для учениковъ, не желавшихъ этого понять, потрясали иногда до раздраженія. Раздраженіе же было на руку мальчикамъ. *Jugend hat keine Tugend!*

¹⁾ Они у насъ замѣняли такъ называемыхъ воспитателей другихъ учебныхъ заведеній.

Я, впоследствии, отъ самаго П. А. слышалъ (и, конечно, онъ, какъ всегда, былъ искрененъ), что онъ болѣзненно скорбѣлъ о такомъ отношеніи учениковъ, а длилось оно около 7—8 лѣтъ и стало ослабѣвать только въ пятидесятыхъ годахъ. Зато къ концу десятилѣтія оно перешло постепенно въ самыя теплыя отношенія между профессоромъ и большинствомъ его слушателей.

Этому переходу способствовало и общее смягченіе педагогическихъ приѣмовъ заведенія и улучшенная подготовка учениковъ молодыми преподавателями, постепенно замѣнявшими старыхъ ветерановъ, выбывавшихъ изъ строя.

Когда ми поступили въ училище, Лавровъ уже читалъ цѣлые курсы послѣдовательно и былъ въ данномъ классѣ хозяиномъ. Бенефисовъ ему болѣе не «закапывали», лекціи его начинали возбуждать не только научный интересъ, но и симпатіи къ его личности.

Тѣ же самыя факты, которые прежде ставились ему въ укоръ, теперь возвышали его въ глазахъ учениковъ. Мы еще не упоминали, что въ первые годы своего репетиторскаго искусства въ артиллерійскомъ училищѣ, Лавровъ одновременно давалъ частныя уроки въ другихъ заведеніяхъ (преимущественно, въ приготовительныхъ пансіонахъ) по довольно разнообразнымъ предметамъ, повидимому, не имѣвшимъ связи съ математикой; напримѣръ, французскаго языка (и, кажется, нѣмецкаго), исторіи. Такая разбросанность приписывалась прежде погонѣ за грошами и поверхностному отношенію къ отрасли знаній, которой онъ какъ бы посвятилъ себя официально.

Въ наше же время дѣло объяснилось иначе. Въ училищѣ распространились нѣкоторыя подробности о его семейныхъ обстоятельствахъ (весьма близкія къ правдѣ), которыя придавали упомянутымъ фактамъ иную окраску.

Говорили, что Лавровъ родился и былъ воспитанъ въ весьма зажиточной дворянской семьѣ, что, почти одновременно съ причисленіемъ къ училищу, въ качествѣ репетитора математики, онъ женился, когда ему было едва 22 года. Женился онъ по взаимной любви на достойнѣйшей женщинѣ. Но, какъ рассказывали, его жена была старше его, вдова и имѣла дѣтей отъ перваго брака. Бракъ этотъ, счастливый для вступившихъ въ него, былъ неприятенъ отцу Петра Лавровича, человѣку отчасти либеральныхъ взглядовъ, вычитанныхъ изъ Дидро, Руссо, Вольтера, но, конечно, болѣе чѣмъ не чуждаго барскихъ предрасудковъ. Послѣ женитьбы сына отецъ пересталъ высылать ему деньги. Репетиторскаго жалованья молодому человѣку не хватало на самое скромное содержаніе семьи; и вотъ онъ добавлялъ свой приходъ уроками, пользуясь своими, ранѣе приобретенными, знаніями языковъ и исторіи. Память у него была феноменальная и логичность ума, если можно

такъ выразиться, непреодолимая. Онъ не только ясно помнилъ добытое чтеніемъ, но умѣлъ группировать все прочитанное въ стройно-идейныя перспективы, улавливать, не замѣчаемую другими, связь между различными отраслями человѣческаго знанія. Передавать свои познанія при этихъ условіяхъ ему не составляло труда, а передавать онъ умѣлъ мастерски.

Я не учился у него исторіи, но слыхалъ отъ его учениковъ, которые 12—13-тилѣтними мальчиками слушали его историческія лекціи въ другихъ заведеніяхъ, что онѣ были ясны, осмысленны и при томъ картинны, поэтичны. Они какъ бы отпечатывались въ памяти слушателей.

Словомъ, современные мнѣ юнкера и офицеры академіи объясняли начало педагогической дѣятельности Лаврова не тѣмъ, что онъ, гоняясь за грошами, какъ бы размѣнивалъ свою научную специальность на пяточки, а тѣмъ, что онъ своимъ трудомъ поддерживалъ и воспитывалъ чужихъ дѣтей, хотя это и были дѣти любимой имъ и любящей его женщины.

Даже его ранняя женитьба, по слухамъ, обставленная романическими подробностями, придавала характеръ симпатичной чистоты нравственному облику этого человѣка. Впослѣдствіе долгая жизнь П. А. показала, что юношеское чутье не вводило насъ въ заблужденіе: онъ до самой смерти оставался образцомъ этической чистоты; училъ не только словомъ, но и примѣромъ.

IV.

Знанія его ставили уже и въ наше время очень высоко, и, можетъ быть, нѣсколько преувеличивали. Напримѣръ, мнѣ рассказывали въ концѣ 50-хъ гг., что германскіе теологи обращались къ Лаврову за разъясненіемъ нѣкоторыхъ философскихъ выраженій какого-то нѣмецкаго писателя. Можетъ быть, это—«*si non è vero, è ben trovato*» (если и выдуманно, то подходяще), но несомнѣнно, что къ тому времени запасъ приобрѣтенныхъ имъ познаний былъ очень внушителенъ.

Языки французскій и нѣмецкій онъ зналъ хорошо еще дома, но довелъ знакомство съ ними до совершенства самостоятельно въ училищѣ, и выучился англійскому языку, о которомъ, живя въ семьѣ, получилъ только первоначальныя понятія. Знаніе же языковъ онъ считалъ какъ бы ключомъ къ «обширной библіотекѣ», т. е. къ иностраннымъ сочиненіямъ, какъ онъ самъ однажды замѣтилъ. Тонкое и глубокое изученіе чистой математики развило и укрѣпило богатыя природныя способности его логическаго ума.

Эта способность помогала ему идейно разбираться въ историческихъ фактахъ и философскихъ системахъ, дѣлать изъ нихъ выводы для опредѣленія наиболѣе практическаго пути къ усовер-

шенствованію на благо человѣчества, общественнаго и государственнаго строя.

Онъ не сочувствовалъ непосредственному примѣненію къ жизненной практикѣ одной данной науки въ отдѣльности. Напримѣръ, будучи идеальнымъ преподавателемъ и знатокомъ рациональной и небесной механики, П. Л. словно игнорировалъ практическую механику.

Все, сказанное нами, относится къ тому времени, когда мы слушали его лекціи высшей математики. Общія взгляды его еще не вылились въ ту систему, которая породила его «Историческія письма». Однако, эта система подготавливалась настолько явственно, что основы вырабатываемыхъ имъ его научныхъ принциповъ рельефно проглядывали въ его математическихъ лекціяхъ. Это придавало имъ большой интересъ. А онѣ и безъ того были увлекательны, и по формѣ, и по содержанію;—и въ общемъ, и въ частности.

Излагалъ онъ увѣренно, плавно, спокойно. Въ спокойствіи слышалось что-то глубоко ласкающее мысль. Если кто-либо останавливалъ его, прося разъясненій, онъ не выказывалъ ни малѣйшей досады, съ добродушной улыбкой своихъ близорукихъ глазъ старался вглядываться въ лицо вопрошавшаго, чтобы знать, хорошо ли тотъ усваиваетъ разъясненіе. Его чтеніе, если можно такъ выразиться, было очень красиво.

Красота обуславливалась въ значительной степени глубиною мысли, сознательной любовью къ предмету, и прирожденной ему, строгой, широкой логичности, а также, вѣроятно, и эстетическимъ инстинктамъ его натуры.

Каждая лекція была интересна сама по себѣ. Онъ развивалъ ея содержаніе изъ предыдущей, которою уже намѣчалъ научныя неизбѣжныя перспективы слѣдующей. И эта новая лекція приводила тоже неизбѣжно, логично, къ результату, воспринятіе котораго являлось часто высокимъ умственнымъ удовлетвореніемъ.

Онъ не пренебрегалъ, подобно нѣкоторымъ профессорамъ, (и—увы! — М. В. Остроградскому), юношами съ ограниченными математическими способностями. Требовалъ и отъ нихъ, какъ и отъ способнѣйшихъ, выполненія учебнаго долга и такъ же строго относился къ первымъ, какъ и ко вторымъ. Но, въ то же время, онъ старался облегчить каждому исполненіе долга, возможно болѣе заинтересовывая предметомъ. И въ значительной степени успѣвалъ. Къ его лекціямъ постепенно стали прислушиваться почти все наши сверстники. Нѣкоторыя лекціи производили сильное впечатлѣніе даже на самыхъ незавидныхъ математиковъ.

Были и такія, что, буквально, вызывали восторгъ. Я не говорю уже объ академіи, въ которой аудиторія состояла изъ болѣе зрѣлыхъ и отборныхъ, такъ сказать, молодыхъ людей. Восторгъ я

подмѣчалъ и въ двухъ старшихъ классахъ училища, среди воспитанниковъ 16 — 17-ти лѣтъ, половина которыхъ училась, вообще, только для того, чтобы, надѣвъ эполеты, поступить во фронтъ.

Мнѣ особенно памятна лекція П. А. по небесной механикѣ, направленная къ выводамъ законовъ Кеплера. Уже предшествовавшей онъ возбуждилъ въ насъ аппетитъ къ изысканіямъ этого ученаго. А въ данной развивалъ ходъ мысли его при помощи неизбежно длинныхъ исчисленій, мелко убѣлившихъ большую класную доску. У другого профессора, отъ этихъ мѣловыхъ строкъ, слушателей клонило бы ко сну. А у Лаврова мы не могли не слѣдить за ихъ развитіемъ почти съ жадностью. Онѣ были сложны, но такъ неустранимо логичны, «вкусны» для ума. Въ нихъ передъ нами развивалась мысль того, кто впервые ихъ начерталъ, и развивалась, благодаря нашему профессору, такъ искусно, что казалось, мысли исходятъ изъ нашей собственной головы, что иначе и не должно и не можетъ идти. Лавровъ обладалъ великимъ искусствомъ заставлятъ слушателей «усваивать съ наслажденіемъ».

Когда всѣ эти длинные исчисленія и изысканія, постепенно стираемые съ доски, привели, наконецъ, къ тремъ-четыремъ формуламъ, выражавшими каждая четырьмя-пятью знаками непоколебимые мировые законы, то мы взирали на эти, отчетливо бѣлѣвшія среди черной доски, начертанія, какъ на откровенія, добытыя не какимъ-либо мистическимъ путемъ, а работой человѣческаго разума—работой, въ которой мы сами принимали горячее участіе. Словомъ, мы испытывали высокое чувство умственного удовольствія.

Передъ нами открывались не только новые горизонты, въ насъ не только усиливалось желаніе ознакомиться съ дальнѣйшимъ, но мы положительно чувствовали въ себѣ подъемъ духа и мысли, мы глубоко вѣрили въ силу человѣческаго разума.

Я говорю «мы», ибо даже наиболѣе апатичные къ математикѣ товарищи, какъ они сами потомъ сознавались, испытывали нѣчто подобное. Многие изъ нихъ, пріохоченные Лавровымъ къ наукѣ, стали усерднѣе заниматься ею и добились правъ на поступленіе въ академію, не загубили своей молодости гдѣ нибудь въ армейской глуши и сами потомъ послужили наукѣ. На юнкеровъ же, и безъ того интересовавшихся предметомъ, подобныя лекціи Лаврова производили такое впечатлѣніе, что они сознавались и, конечно, юношески искренно, что «просто влюбились» въ математику, что для нихъ нѣтъ высшаго наслажденія, какъ знакомиться съ дальнѣйшими изслѣдованіями и, если можно, самимъ развивать новыя. Конечно, эта влюбленность, какъ и всякая юношеская, у большинства стиралась жизнью. Но это уже не по винѣ профессора. Обаяніе Лавровскаго преподаванія не ограничивалось его манерой излагать программныя свѣдѣнія. Онъ умѣлъ обобщать науку—точнѣе науки.

Въ извѣстные моменты курса, онъ какъ бы дѣлалъ передышку; прочитывалъ намъ одну или двѣ лекціи, имѣвшія обобщающій характеръ: частью ретроспективный, и частью указующій впередъ, напримѣръ, по исторіи математики—о значеніи математики въ ряду наукъ, ведущихъ къ уясненію культурныхъ задачъ; о зависимости естественныхъ наукъ отъ рациональной математики, и проч.

Такія лекціи онъ читалъ намъ, время отъ времени, въ 1856—1859 г. Въ это самое время онъ готовилъ къ печати свои «Историческія письма». Не мудрено, что лекціи эти предотвражали изложенныя въ «письмахъ» мысли, которыя, будучи напечатаны въ 1860 г., произвели такое глубокое впечатлѣніе, особенно на молодежь, даже на ту, которая и не знавала ранѣе о Лавровѣ.

Еще въ 1857 г. П. Л. пояснялъ намъ съ каедръ свои взгляды на отношеніе математики къ естествознанію. Онъ съ уваженіемъ и интересомъ относился къ изслѣдованіямъ явленій природы, согласно указаніямъ матеріалистическаго метода, но утверждалъ, что, безъ яснаго знакомства съ чистой математикой, изслѣдователи не могутъ выяснитъ міровыхъ законовъ.

«Большинство ихъ признаетъ—и основательно—что ключъ кроется въ движеніи,—говорилъ онъ,—а развѣ возможно ясно разбираться въ явленіяхъ частичнаго движенія и связи послѣднихъ съ міровыми законами, не имѣя ясныхъ понятій о послѣднихъ, обладая, вообще, смутными свѣдѣніями, даже о дифференцированіи и интегрированіи».

Ко многимъ, моднымъ въ то время, естествоиспытателямъ, напримѣръ, Бюхнеру, Мошоту, онъ, какъ въ послѣдствіи и Энгельсъ, относился скептически, усматривая въ ихъ работахъ метафизическую подкладку, опасную для строго вѣрнаго развитія матеріалистическаго метода.

«На одной анатоміи лягушки наука не можетъ далеко уйти», помнится, выразился онъ.

Своими вставными, внѣ-программными лекціями П. Л. старался уяснить намъ, что чистая математика, какъ ни важно ея значеніе, есть только средство для прогрессированія человѣческихъ знаній, направленныхъ къ общественному благоустройству, однако средство дѣйствительное только тогда, когда его свойства, способы примѣненія знакомы до тонкости тому, кто имѣетъ въ виду ихъ примѣнять.

Понятно, что въ лекціяхъ Лаврова (официально только математическихъ) проступала масса пріобрѣтенныхъ имъ иныхъ знаній, уже приведенныхъ имъ и тогда въ систему, настолько стройную, что она легко воспринималась юношескими умами, которые надъ ней задумывались и черпали въ указаніяхъ Лаврова стремленіе къ самоусовершенствованію, къ утилизованію себя, своихъ познаній и своей будущей дѣятельности въ самомъ широкомъ и лучшемъ смыслѣ.

Вліяніе такого учителя было глубоко благотворно даже внѣ собственно научной сферы—въ сферѣ нравственной.

Лавровъ былъ замѣчательно чистый и правдивый человѣкъ, образцовый семьянинъ. Онъ велъ и въ то время, какъ послѣ въ изгнаніи, регулярно распредѣленную жизнь; умѣлъ пользоваться каждой минутой, не упуская никогда изъ виду главной цѣли своей жизни. При этомъ онъ былъ во всякую минуту добродушенъ и жизнерадостенъ, не взирая на нѣкоторую нервность и чуткую воспримчивость, свойственную лицамъ, сосредоточенно работающимъ умомъ.

Надо замѣтить, что въ то время, которое я описываю, П. Л. въ матеріальномъ отношеніи былъ вполне обеспеченъ. Онъ уже прошелъ искусь репетиторства, имѣлъ званіе профессора академіи. Около этого же времени, послѣ кончины отца, онъ получилъ нѣкоторыя частныя средства. У него чаще, чѣмъ прежде, появлялись новые сютуки, но онъ, по прежнему, жилъ умѣренно, скромно, избѣгая всякихъ излишествъ.

Дорогъ онъ былъ всѣмъ намъ. Помню, какъ я и три-четыре моихъ товарища по академіи послѣ экзаменовъ, перенесшихъ насъ на послѣдній ея (практической) курсъ, зашли къ П. Л., передъ отъѣздомъ изъ Петербурга на практическія занятія.

Мы спросили его, есть ли надежда, что онъ будетъ читать у насъ въ будущемъ году.

— Вы, господа, въ практику перешли, а я совсѣмъ, какъ вамъ извѣстно, не практикъ,—отвѣчалъ онъ намъ.

Лицо его привѣтливо улыбалось, и добрые, выпуклые глаза пристально глядѣли на насъ; мнѣ и моимъ товарищамъ сдѣлалось вдругъ такъ грустно при мысли, что мы не будемъ болѣе слушать лекціи этого дорогого учителя: словно изъ нашего существованія вырвали что-то для него необходимое, горячо любимое.

Петръ Лавровичъ былъ въ то время не только интереснымъ ученымъ, но, при случаѣ, и весьма пріятнымъ общественнымъ, даже свѣтскимъ человѣкомъ. Конечно, у него не было времени (да едва ли и охоты) много выѣзжать, но, иногда, сопровождая жену, онъ появлялся на вечеринкахъ и обѣдахъ въ семейныхъ домахъ, иногда со свѣтскимъ пошибомъ. Дамы и дѣвицы очень любили его бесѣду. Я даже видѣлъ его раза два танцующимъ кадрили. Манеры его были мягки, просты, разговоръ ясенъ, тоже просто, но увлекателенъ. Вѣроятно, именно потому, что онъ вовсе не старался разыгрывать никакой роли, а всегда оставался самимъ собой. А тѣмъ, что называется тактомъ (свѣтскимъ или общечеловѣческимъ), Лавровъ обладалъ въ совершенствѣ. Свойство это—природное всякому изъ ряда выходящему умному человѣку, если онъ не развиваетъ въ себѣ искусственно напускной оригинальности, къ чему П. Л. рѣшительно не былъ способенъ. Въ свѣт-

скихъ кружкахъ оцѣнка его выражалась такой формулой: «изумительно, что, при такомъ интересномъ умѣ и познаніяхъ, въ Лавровѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на педанство».

Часто коротко знакомые Лаврова просили его читать стихи. Въ то время онъ уже написалъ самъ не мало стихотвореній. Но объ нихъ знали только немногіе, близкіе друзья. Между тѣмъ, нѣкоторыя его произведенія ходили въ Петербургѣ по рукамъ безъ подписи. Однажды, какой-то знакомый въ гостяхъ предложилъ П. Л. «ознакомиться съ прекраснымъ стихотвореніемъ неизвѣстнаго, вѣроятно, начинающаго автора». «Оно—дескать—доставитъ П. Л. истинное наслажденіе». Лавровъ, по желанію присутствующихъ, прочелъ стихотвореніе вслухъ, не сморгнувъ глазомъ. А это были его собственные стихи.

Вообще, въ то время онъ свое очень рѣдко читалъ. Но за то чужое всегда декламировалъ дамамъ также обаятельно, какъ намъ объяснялъ законы Келлера.

Однажды, на jour fixe-ѣ у г-жи В— и мы слушали, какъ онъ декламировалъ «Кобзаря» Шевченки въ русскомъ переводѣ. Мягко, переливчато, съ искорками грассировки, лились слова и проходили отчетливо, рельефно мысли и образы передъ нами. Онъ читалъ уже довольно долго. Въ горлѣ какъ будто пересохло, его лѣвая рука стала шарить что-то на столѣ... добралась до большой фарфоровой пепельницы, почти полной окурковъ и сигаръ, и красивые, женственные пальцы съ рубиновымъ перстенькомъ, захватили одинъ изъ окурковъ—чтеніе все продолжалось, окурокъ достигъ до рта чтеца, и вдругъ чтеніе прекратилось... Лицо П. Л. изобразило непріятное изумленіе... окурокъ совершилъ очень быстро обратное путешествіе въ пепельницу, и комната огласилась веселымъ, сочнымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ Лаврова.

— А я думалъ, что это шеколадинка,—пояснилъ онъ намъ.

Онъ не курилъ, и любилъ сладкое; около него, во время чтенія, ставили вазочку съ конфектами, за которую на этотъ разъ онъ принялъ, по своей феноменальной близорукости, пепельницу. Хозяинъ успѣшилъ пододвинуть къ нему вазочку съ шеколадными конфектами. Чтеніе возобновилось.

Меня поразило при этомъ, что анекдотъ, разсмѣшившій самого виновника, почти не былъ замѣченъ слушающими чтеніе. Такъ было сильно обаяніе его декламации, подъ которымъ мы всѣ находились.

V.

У Лаврова было двѣ племянницы, Паша и Саша (Прасковья и Александра Степановны). Около 1860 года послѣдняя была еще ребенкомъ, а первой, если не ошибаемся, было около 13—14 лѣтъ. Семья отца, въ которой онѣ росли, была зажиточная, заурядно

образованная, добрая. Къ оживленію, обнаружившемуся среди русскаго общества въ началѣ новаго царствованія, относилась не безъ симпатій, но безъ особаго сочувствія. По отношенію къ дѣтямъ держалась направленія рутиннаго, отзывавшагося домостроемъ Николаевскаго времени.

П. Л. очень любилъ своихъ племянницъ. Особенно Пашу, можетъ быть, потому, что она начинала уже осмысленно относиться къ окружающей обстановкѣ, была очень даровита и любознательна. Дѣвочка, конечно, легко воспринимала вліяніе дяди, привязалась къ нему едва-ли не болѣе, чѣмъ къ отцу. Воспитаніемъ домашнимъ она начинала тяготиться. Дядя провидѣлъ, что при складѣ семейной жизни, въ которой живетъ Паша, она недалеко уйдетъ въ своемъ умственномъ и этическомъ развитіи. Послѣ ряда довольно обычныхъ въ тѣ годы семейныхъ осложненій, Паша покинула стцовскій кровъ, а Петръ Лавровичъ пристроилъ ее у Марьи Арсеньевны Богдановой.

Лучшіе люди того времени высоко цѣнили эту замѣчательную женщину, съ которой я былъ впоследствии близко знакомъ, и даже породнился. Она сама была еще молода, ей едва исполнилось 25 лѣтъ, но ея характеръ и основы міровоззрѣнія были прочно установлены. Имѣя прекрасное сердце, отзывчивое на все доброе, она обладала яснымъ и глубокимъ умомъ, какъ тогда говорили, «мужскимъ». Родилась она, какъ и Паша, въ заурядно хорошей помѣщичьей семьѣ (Костромской губерніи). Такъ же рано покинула родныхъ, чтобы учиться и жить своимъ трудомъ. Впрочемъ, это произошло безъ семейныхъ потрясеній: ея мать-вдова была умная, любящая женщина, глубоко любимая своей дочерью и горячо любившая ее. Мар. Арс. едва-ли была не первой русской студенткой, но, во всякомъ случаѣ, первой русской женщиной, выступавшей публично въ роли—болѣе или менѣе политической—оратора. Когда, во время попечительства генерала Путятина, студенты петербургскаго университета протестовали противъ знаменитыхъ матрикулъ и учинили внушительную демонстрацію, Богданова на сходкѣ, устроившейся около университета, на прилегавшемъ къ нему дворѣ, влѣзла на казенные дрова, которые тутъ складывались, и произнесла рѣчь, какъ разъ бывшую въ надлежащую цѣль. Говорила она спокойно, твердо, увѣренно, ясно и, можно сказать, красиво.

Какъ извѣстно тѣмъ, кто знакомъ съ исторіей начала 60-хъ г.г., послѣдствіемъ этой сходки была длинная процессія—въ ней участвовали почти все петербургскіе студенты—протянувшаяся отъ университета по мосту, черезъ Неву, по Невскому, ко Владимірской, гдѣ жилъ попечитель округа. Затѣмъ переговоры, столкновенія съ полиціей, массовые аресты, насильственное передвиженіе большей части студентовъ, подъ наблюденіемъ полиціи, въ Кронштатъ и продолжительное заключеніе ихъ въ казармахъ; разби-

рательство, разслѣдованіе; массовое исключеніе изъ университета молодежи, длинные списки надзираемыхъ полиціей. Цѣлое поколѣніе русскихъ юношей было лишено права продолжать занятія наукой, многіе не могли даже добывать себѣ пропитаніе и потеряли возможность трудиться на пользу родины.

Для М. А. Богдановой, конечно, тоже закрылись двери университета. Однако, ей удалось кой-какъ устроиться въ Петербургѣ, хотя, разумѣется, подъ попечительнымъ окомъ полицейскихъ аргусовъ. Дѣвушка твердая, стойкая, она сумѣла охранить свою личность настолько, что могла самостоятельно продолжать систематично заниматься наукой. Чтобы поддерживать свое существованіе, она давала уроки и воспитывала у себя на дому двухъ—трехъ дѣвочекъ-подростковъ. Впрочемъ, послѣднее едва-ли многимъ увеличивало ея доходы: она рѣдко брала плату съ этихъ воспитанницъ, по разнымъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ первое было ея глубокая, сердечная, разумная привязчивость къ дѣтямъ, надъ которыми она педагоговала.

Дѣти это чуяли и сами привыкали считать ее своимъ лучшимъ другомъ. А изъ такого сдѣленія взаимныхъ привязанностей сама собой возникла у Марьи Арсеньевны привязанность къ педагогіи. Однимъ изъ ея ближайшихъ друзей и сотрудниковъ былъ въ то время А. Я. Гердтъ. Богданову хорошо знали: Петръ Лавровичъ, Елизавета Прокофьевна Сулова (первый русскій врачъ-женщина), Эвальдъ (эмигрировавшая съ старшимъ Утинымъ въ Швейцарію и вышедшая за него замужъ), П. С. Боткинъ и др., и были ея друзьями. Вообще, ее окружали лучшіе люди, подобно ей стремившіеся къ знанію (или уже обогатившіеся имъ) и такъ же, какъ она, свѣтло глядѣвшіе на будущность русскаго общественнаго строя и умѣвшіе стойко переносить невзгоды и не падать духомъ въ виду препятствій.

Такова была женщина, въ руки которой П. Л. отдалъ свою племянницу-подростка. Паша пробыла у ней нѣсколько лѣтъ до того времени, когда Марья Арсеньевна (въ 1866 году) получила приглашеніе занять мѣсто начальницы женскаго двухкласснаго училища въ уѣздномъ городкѣ сѣверной Россіи. Паша Лаврова осталась въ Петербургѣ. Если не ошибаюсь, ей было тогда лѣтъ 19. Однако, на видъ она казалась гораздо моложе: менѣе чѣмъ средняго роста, стройная, худенькая, гибкая. Русые, подстриженные, завитые волосы, изъ подъ которыхъ выглядывали бойкіе и, по лавровски, умные глаза; почти всегда ясная, жизнерадостная улыбка. Эта милая улыбка освѣщала ея лицо даже позднѣе, когда ей случалось болѣть, когда она была измучена уроками. Одѣвалась она очень просто: ситцевое короткое платье съ чернымъ кожанымъ поясомъ, но всегда была прирожденно граціозна и опрятна.

Въ это время она, не смотря на свою физическую хрупкость, много работала и училась, однако одиночество ее тяготило: Петръ Лавровичъ жилъ уже въ изгнаніи; прочный и полезный другъ, Марья Арсеньевна, съ одной изъ лучшихъ подружекъ Паши, жила въ глуши, за 700 верстъ. Кружокъ друзей ея дяди и Богдановой порѣдѣлъ. А Прасковья Степановна, по глубинѣ натуры, по впечатлительности, привязчивому сердцу, да и по своей юности, испытывала, конечно, потребность въ тепломъ сердечномъ чувствѣ. Между лицами, дававшими ей уроки еще при Богдановой и руководившими, въ сферѣ данной специальности, ея учениемъ, былъ одинъ молодой человекъ, выдающійся во многихъ отношеніяхъ, тогда еще начинающій, а впоследствии весьма извѣстный ученый. Уроки его были интересны, содержательны и завлекательны; обращеніе съ ученицей простое, откровенное, очень внимательное, ласковое. Ласковость иногда впадала въ нѣжность настолько, что могла затронуть свѣжее дѣвичье сердце. Окружающіе почти не сомнѣвались, что Паша привязалась къ своему учителю, что любовь дѣлала ее счастливой, освѣщала ея будущее и скрашивала настоящее, особенно, когда она осталась одинока. Объясненій между молодыми людьми не происходило, но казалось яснымъ, что они другъ друга любятъ. Человекъ онъ былъ безусловно хорошій, какъ и доказала впоследствии его долгая жизнь. Можетъ быть, его ласковость и нѣжность исходили не изъ любви, какъ тогда многіе полагали, а просто изъ симпатіи и юношескаго добродушія. Какъ бы то ни было, случилось неожиданное: онъ почти внезапно женился на другой дѣвушкѣ (дочери уже и тогда высокоцѣнимаго русскаго писателя) и женился по любви. Въ послѣднемъ нельзя было сомнѣваться. Бракъ былъ счастливый; его жена—отличная женщина и мать.

Прасковья Степановна была поражена; горько тосковала она; не жаловалась, но изъ писемъ ея къ моему женѣ нельзя было не прозрѣвать ея глубокихъ страданій. Наѣзжая изрѣдка въ Петербургъ, я видѣлъ, что она борется съ собой, старается по прежнему храбро относиться къ жизни, плодотворно работать. Однако, теперь ея жизнерадостность отзывалась самонасилованіемъ, научныя занятія менѣе спорились; къ здоровью же, къ стѣсненнымъ обстоятельствамъ она относилась не только стойко, равнодушно, какъ было и прежде, но даже съ какимъ то злорадствомъ. Будь ея физическій организмъ болѣе крѣпокъ, вѣроятно, она поборола бы свою нравственную униженность, тѣмъ болѣе, что научные вопросы продолжали ее интересовать съ прежней силой. Но ужъ очень ея здоровье было незавидно и расшатано. Естественно, одиночество при такихъ обстоятельствахъ давало себя чувствовать еще жестче.

Около этого времени ей случилось встрѣчаться съ нѣкимъ Гончаровымъ (имени его я не помню; во всякомъ случаѣ, знаю, что

онъ не былъ родственникомъ автора «Обломова»). Гончаровъ полюбилъ Пашу искренно и добивался взаимности. Она сначала относилась къ нему индифферентно, но, постепенно, года черезъ полтора—два послѣ женитьбы перваго любимаго ею человѣка, согласилась быть женой Гончарова. Близкіе, хорошо знающіе ея лица не могли допустить, чтобы Прасковья Степановна уже вырвала изъ сердца свою первую любовь. Вѣришь она хотѣла заглушить ея новыми впечатлѣніями и заботами о доставленіи возможнаго счастья Гончарову, сильную любовь котораго не могла тогда не цѣнить. Но все-таки трудно было предполагать, чтобы при такихъ условіяхъ ихъ союзъ былъ счастливъ.

Въ первые же годы ея супружеской жизни ей случалось изрѣдка проводить въ нашемъ домѣ (она, какъ я уже сказалъ, была дружна съ моей второй женой) по нѣсколько дней. Я имѣлъ случай наблюдать ее и приходилъ къ заключенію, что она глубоко несчастна. Сквозь ея обычное пренебреженіе къ своему здоровью и вообще къ своей личности теперь просвѣчивало сдерживаемое отчаяніе. Дѣйствительно, оказалось, что ея усилія сдѣлать счастливымъ Гончарова не увѣнчались успѣхомъ. А это всегда глубоко горько для женщины съ добрымъ сердцемъ, даже менѣе чуткимъ, чѣмъ сердце Паша. Если же при этомъ у предмета заботъ раскрываются прежде неподмѣченныя непріятныя личныя свойства, то положеніе нерѣдко становится трагическимъ. Самаго Гончарова я лично не зналъ; однако, слыхалъ отъ общихъ знакомыхъ, что онъ былъ человѣкъ недурной, но нрава рыхлаго, дряблага, неуживчивый, легко увлекаемый и увлекающійся, впадающій легко въ уныніе. Онъ всегдѣ говорилъ, что любилъ жену безмѣрно. Но, очевидно, оцѣнить ее и быть ей настоящимъ другомъ—не сумѣлъ. По развитію же стоялъ ниже ея. Ея усилія помогать ему жить часто раздражали его. Когда же отъ постоянныхъ неудачъ у ней опустились руки, то онъ сталъ приходитъ въ отчаяніе, жалуясь на ея къ нему охлажденіе.

Въ это время, кажется, въ 1870 г. (или около), въ Петербургѣ кто-то сталъ распространять революціонныя прокламаціи. И распространялъ наивно, неуклюже. Листки подсовывались подъ двери квартиръ, подъ полости извощичьихъ саней, наматывались на ручки дверныхъ колокольчиковъ, совались въ карманы прохожихъ на улицахъ. Если распространитель желалъ быть пойманнымъ—то цѣль его была скоро достигнута. Оказалось, что это—Гончаровъ (мужъ Пр. Степ.). Его арестовали. Онъ сознался въ распространеніи прокламацій и въ ихъ авторствѣ.

Либеральные (что вовсе не означаетъ непремѣнно нигилистическіе, какъ многіе и доселѣ у насъ полагаютъ) петербургскіе кружки были озабочены выборомъ лицъ для защиты обвиняемаго и планомъ защиты.

Между прочимъ, два знакомыхъ намъ лица заявили о желаніи взять дѣло на себя. Только въ основахъ защиты они расходились.

Одинъ былъ Ник. Фед. Жоховъ, юристъ по образованію и мѣсту служенія, сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (редактированныхъ въ либеральномъ направленіи В. Ѳ. Коршемъ). Какъ журналистъ—онъ былъ специалистомъ по земскимъ вопросамъ¹⁾. Жоховъ былъ раньше знакомъ съ Лавровой и продолжалъ свое знакомство съ ней послѣ выхода ея замужъ. Многіе говорили, что онъ глубоко любилъ ее. Мы пишемъ не романъ и не желаемъ вступать на скользкій путь психологическаго анализа. Однако, должны замѣтить, что, лично зная Жохова, мы (и не одни мы) всегда считали его за человѣка этически честнаго, твердаго, умнаго, развитога и искренняго. Что онъ любилъ ее—мы готовы допустить, какъ и то, что Прасковья Степановна, цѣня его личность и дружбу, въ трудныя минуты жизни обращалась къ нему за совѣтами. Но, во всякомъ случаѣ, ни мы лично, ни наши общіе знакомые никогда не подмѣчали ничего, подтверждающаго инсинуаціи, которыхъ оба они стали вскорѣ жертвой.

Планъ защиты, проэктированный Жоховымъ, заключался въ томъ, что обвиняемый скажетъ правду: сознается, что прокламаціи его—и одного его—дѣло; что онъ написалъ ихъ подъ вліяніемъ искренняго, хотя, можетъ быть, излишняго увлеченія революціонными идеями. Защитѣ тогда, по мнѣнію Жохова, не трудно будетъ доказать, что революціонныя мѣры, которыя указаны обвиняемымъ, вовсе не особенно страшны и разрушительны, что какъ содержаніе, такъ и способъ распространенія прокламацій, такъ и самъ чистосердечный обвиняемый,—вовсе не опасны государству. Правда, политическая реакція въ правительственныхъ сферахъ принимала въ то время суровое направленіе. Но общее настроеніе судовъ, общественнаго мнѣнія и прессы было еще таково, что жоховскій проэктъ имѣлъ шансы привести къ относительно благопріятнымъ для Гончарова результатамъ.

Другое лицо, желавшее взять на себя непосредственно защиту Гончарова, былъ Евг. Ис. Утинъ (родной братъ вышеупомянутаго Утина, эмигрировавшаго въ Швейцарію и женившагося на Эвальдѣ). Евг. Ис. былъ присяжный повѣренный, писатель и считалъ себя выдающимся либераломъ.

Его планъ защиты былъ иной, а именно: Гончаровъ сознается въ составленіи и распространеніи прокламацій, но добавитъ—а защита докажетъ,—что онъ вовсе не исповѣдуетъ революціонныхъ идей, и прибѣгнувъ къ ихъ распространенію не съ какими-либо разрушительными цѣлями, а потому что невыносимо несчастенъ

¹⁾ См. мою статью: «Первый земскій съѣздъ». «Историческій Вѣстникъ», Май, 1906 г.

въ семьѣ, что отношеніе къ нему безконечно любимой жены довело его до отчаянія. Защитникъ выяснитъ, что, по слабости характера, Гончаровъ не имѣлъ духа наложить на себя руки; и поэтому намѣренно, безъ какихъ бы то ни было политическихъ видовъ,—которымъ, въ сущности, не сочувствуетъ вовсе,—совершилъ дѣяніе, наказаніе за которое неминуемо должно погубить его и разорвать связи съ женой.

Евг. Ис. Утинъ выражалъ убѣжденіе, что такой способъ защиты можетъ спасти его кліента. Однако этого убѣжденія не раздѣлялъ ни Жоховъ, ни многочисленные друзья обоихъ кандидатовъ на защиту, обсуждавшіе дѣло. Большинство не симпатизировало утинскому проекту, который разсматривался въ разныхъ кружкахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Однажды Утинъ, въ пылу спора, позволилъ себѣ отозваться о жоховскомъ планѣ оскорбительно. «Дескать, Жоховъ предлагаетъ все это, сознавая, что его система защиты (т. е. чистосердечное сознаніе обвиняемаго въ революціонныхъ тенденціяхъ) приведетъ послѣдняго неминуемо на каторгу. А тогда, по закону, бракъ послѣдняго будетъ расторгнутъ; и жена его можетъ выйти замужъ за другого. Т. е., самъ Жоховъ тогда и женится на Прасковѣ Степановнѣ».

Жоховъ не присутствовалъ при спорѣ. Но слова его противника были къ-мъ-то ему переданы, и, конечно, возбудили въ немъ глубокое негодованіе. Н. Ф. Жоховъ чрезъ общихъ знакомыхъ потребовалъ, чтобы Утинъ отказался отъ своихъ словъ и извинился, или же стрѣлялся съ нимъ. Посредники между двумя врагами употребляли всѣ усилія, чтобы миролюбиво уладить дѣло. Писались разныя письма, велись сложные переговоры. Но, къ сожалѣнію,—какъ это нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—все-таки выяснилась неизбѣжность поединка.

Однимъ изъ секундантовъ Н. Ф. Жохова былъ, помнится, Евг. Вал. Де-Роберги, а другимъ Эд. Карл. Ватсонъ (литераторъ, помощникъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), который и рассказывалъ мнѣ о подробностяхъ дуэли. Онъ очень любилъ Жохова и, между прочимъ, многіе годы хранилъ свой зонтикъ, которымъ было отмѣрено мѣсто рокового барьера. Дуэль была на пистолетахъ.

Жоховъ, пріѣхавъ на мѣсто поединка, былъ серьезенъ и спокоенъ. Утинъ весьма оживленъ, или старался казаться оживленнымъ. Утро было свѣжее; становясь къ барьеру, онъ подкинулъ себѣ подъ ноги плѣдъ, замѣтивъ секундантамъ: «а то еще, пожалуй, насморкъ схватишь».

Раздались выстрѣлы. Утинъ остался невредимъ. Жоховъ рухнулъ на-земь: онъ былъ раненъ въ лобъ. Врачи опредѣлили, что пуля проникла въ мозгъ и извлечь ее невозможно—рана была

смертельна. Они однако предвидѣли, что жизнь въ раненомъ можетъ протянуться нѣсколько дней и даже недѣль, покуда снарядъ, въ силу своей тяжести, не опустится постепенно до извѣстнаго, рокового пункта въ мозгу.

Ужасъ этого положенія заключался въ томъ, что во все время долгой агоніи больной оставался въ памяти. Его уши все слышали, его страдальчески открытые глаза все видѣли, мысль могла работать. Но ни говорить, ни даже шевелиться, онъ не могъ.

Жохова помѣстили въ отдѣльную комнату Маринской больницы. Друзья ходили за нимъ; лучшіе петербургскіе врачи, въ томъ числѣ, помнится, и С. П. Боткинъ, употребляли всѣ усилія, чтобы облегчить его страданія. Усерднѣе же всѣхъ, непрерывно и неустанно, до самаго момента его кончины, заботилась о немъ Прасковья Степановна. Неутомимость ея, при ея потрясенномъ здоровьи и вообще слабомъ организмѣ, поражала окружающихъ, но никто не изумлялся ея самоотверженію.

Она—и по натурѣ, и по принципу—была способна отдавать свои силы на облегченіе страданія ближнихъ. Воспитаніе дяди и Богдановой культивировало это свойство. Кромѣ того, съ Жоховымъ она была несомнѣнно дружна, а теперь сознавала, что онъ погибаетъ какъ бы за нее. Ей усердно помогала ея сестра Александра Степановна, въ это время уже взрослая дѣвушка. (Благодаря усиліямъ старшей сестры, друзьямъ дяди Петра Лавровича и М. А. Богдановой ее извлекли изъ семьи и помогали ей заниматься своимъ развитіемъ).

Жоховъ черезъ нѣсколько дней скончался.

Я мало помню подробности дѣла Гончарова. Меня тогда не было въ Петербургѣ. Но, кажется, не ошибаюсь, что защита Утина, веденная по его первоначальному, мало смягченному плану, не спасла обвиняемаго отъ Сибири, но, разумѣется, довела нравственные страданія его молодой жены до высшей степени и сильно потрясла ея здоровье.

Немного спустя были привлечены къ суду Утинъ—за убійство на поединкѣ—и секунданты обоихъ противниковъ. Какъ между всѣми этими лицами, такъ и между свидѣтелями состоялся рѣшительный уговоръ, чтобы на судебномъ слѣдствіи при вопросахъ о причинахъ дуэли не касаться даже отдаленно никакихъ обстоятельствъ, относящихся до Прасковьи Степановны и даже не упоминать ея имени: было достаточно иныхъ поводовъ, вызванныхъ столкновеніями дуэлянтовъ на профессиональной почвѣ.

Къ сожалѣнію, Е. И. Утинъ не воздержался. Онъ въ своихъ отвѣтахъ упоминалъ на судѣ о женѣ Гончарова, окрашивая ея личность неблагоприятнымъ оттѣнкомъ. Все это она сама слышала, ибо, вопреки просьбамъ друзей, проникла въ судъ и сидѣла среди публики. Она переживала нравственную пытку, была же-

стоко потрясена, а придя домой, застрѣлилась. Однако, ей не удалось покончить разомъ со своей разбитой жизнью. Она цѣлила себѣ въ сердце, но пуля только слабо коснулась его. Зато легкое было непоправимо поражено. Близкая кончина была неизбежна, хотя право на нее надо было добыть нѣсколькими днями тяжелыхъ физическихъ страданій, которыя—въ совокупности съ нравственными—создавали адскую агонію. Однако, эта хрупкая женщина выносила свои муки съ рѣдкимъ терпѣніемъ.

Моя жена, нарочно прїѣхавшая въ Петербургъ, навѣщала ее неоднократно за эти горькіе дни. Я же видѣлъ больную только одинъ разъ. Она не могла скрывать своихъ мученій, но была твердо спокойна, даже привѣтлива; не забывала, по возможности, заботиться о своей младшей сестрѣ, которая отъ нее не отходила. Ея видъ напоминалъ хилаго, больного, но добраго, кроткаго, любящаго своихъ окружающихъ, ребенка. Она сознавала, что должна умереть, и не жаловалась на это. Только глубокая грусть стояла часто въ ея прекрасныхъ, умныхъ глазахъ. Иногда она устремляла ихъ сосредоточенно въ одинъ пунктъ, словно что-то прозрѣвала или чего-то ждала. Можетъ быть, смерти. Можетъ быть, Жюхова. Весьма возможно, что именно тогда въ ея, на смерть раненомъ, сердцѣ, развилась та сила любви къ покойному, которую мало знавшіе ее люди приписывали Пашѣ при жизни Жюхова.

Жестоко мучителенъ разгаръ любви и страсти послѣ смерти любимаго человѣка.

Мученической кончиной Прасковьи Степановиѣ не закончилась, къ сожалѣнію, описываемая нами трагедія.

По дѣлу о поединкѣ Жюхова съ Утинымъ судъ не призналъ виновными секундантовъ. Было ясно, что они принимали все, зависящія отъ нихъ, мѣры для миролюбиваго исхода, а когда это оказалось неосуществимымъ—для устраненія тяжелыхъ результатовъ дуэли.

Самъ Утинъ былъ присужденъ къ заключенію въ Петропавловской крѣпости на одиннадцать мѣсяцевъ, гдѣ, повидимому, ему жилось, можетъ быть, скучновато, но, вообще, недурно. Онъ тамъ много читалъ и писалъ статьи для «Вѣстника Европы».

Ошибочно было бы полагать, что содержаніе въ крѣпости за преступленія, подобныя тому, которое было совершено Утинымъ, имѣетъ хотя бы малѣйшее сходство съ содержаніемъ политическихъ. Мнѣ съ однимъ общимъ знакомымъ случилось одинъ разъ навѣстить Утина въ его заточеніи. Собственно, въ камеру его постоянного пребыванія посѣтителі не допускались, но, какъ мнѣ говорили, она была удобна, даже частью обставлена—съ разрѣшенія тюремнаго начальства—мебелью, принесенной изъ собственной квартиры заключеннаго. Обѣдъ ему присылался отъ отца, тогда извѣстнаго петербургскаго богача, жившаго широко и хлѣбосольно

Книгъ онъ могъ получать изъ дому, сколько хотѣлъ. Онъ подвергались просмотру. Но это была одна формальность. Посѣтителей онъ могъ принимать нѣсколько разъ въ недѣлю въ извѣстные дни и часы. Комната, въ которой онъ съ нами бесѣдовалъ, была обширная, съ низкимъ потолкомъ, сумрачная зала, съ небольшими окнами, продѣланными въ массивныхъ крѣпостныхъ стѣнахъ. Въ одномъ углу, гдѣ мы съ нимъ сидѣли, стояли мягкіе диванъ и кресла. При нашемъ свиданіи, какъ и при всякомъ другомъ, присутствовалъ какой-то сѣденькій, преклонныхъ лѣтъ, гарнизонный офицеръ. Онъ былъ очень вѣжливъ, и, надо полагать, тоже изъ вѣжливости, «я, дескать, не подслушиваю», все время сидѣлъ въ противоположномъ по діагонали углу зала, гдѣ онъ, дѣйствительно, едва-ли могъ слышать разговоръ.

Словомъ, обстановка, въ которой отсиживалъ свой срокъ Утинъ, была относительно комфортабельна. Самъ же онъ для узника имѣлъ очень веселый, и даже цвѣтущій видъ.

Когда онъ, отсидѣвъ срокъ, былъ выпущенъ изъ крѣпости, то тотчасъ же оповѣстилъ о томъ своихъ знакомыхъ, приглашая ихъ на холостой ужинъ, которымъ желалъ отпраздновать свое освобожденіе. Получилъ приглашеніе и я, но не воспользовался имъ. А на слѣдующій день, встрѣтивъ Утина у знакомыхъ, услышалъ отъ него самого приблизительно такой рассказъ о происшествіи, о которомъ уже говорили въ городѣ.

— Я,—разсказывалъ мнѣ Утинъ,—на другой день послѣ того, какъ у меня ужинали добрые знакомые, только что всталъ, какъ мой слуга, давно живущій въ нашей семьѣ и преданный мнѣ старикъ, доложилъ, что меня желаетъ видѣть какая-то дама. Я не былъ удивленъ, потому что съ этого дня имѣлъ въ виду официально возобновить, прерванную заключеніемъ въ крѣпости, адвокатскую практику, и, слѣдовательно, могъ ожидать появленія клиентовъ. За клиентку принялъ я и даму, о которой мнѣ доложили. Я тотчасъ же вышелъ къ ней. Она показалась мнѣ незнакомой. Кромѣ того, съ ея шляпки спадалъ на лицо густой вуаль.

— Я Лаврова, — сказала она съ удареніемъ на произнесенной фамилии.

— Но эта фамилія мнѣ ничего не напоминала, хотя я вскользь слышалъ раньше ее гдѣ-то. Я совершенно не сообразилъ въ эту минуту, что Пр. Ст. Гончарова была урожденная Лаврова, и что у нея была сестра. Моя посѣтительница откинула вуаль: это была очень молоденькая женщина, вѣроятно, дѣвушка, какъ я подумалъ. Но все-таки ея лицо не вызывало во мнѣ никакихъ конкретныхъ воспоминаній, хотя кого-то смутно напоминало.

— Я сестра Прасковьи Степановны Гончаровой и пришла отомстить за ея смерть,—проговорила дама.

— И прежде, чѣмъ я успѣлъ слово сказать, откуда-то вынула револьверъ и выстрѣлила въ меня, какъ мнѣ показалось, въ упоръ. Все, что у меня осталось въ умѣ за этотъ мигъ, было, что я упалъ на полъ, потерявъ сознание. Очнулся я, еще лежа на полу. Старикъ-слуга приводилъ меня въ чувство. Едва я открылъ глаза и сталъ приподниматься, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, слава Богу, хоть вы живы. А барышня-то убита.

— Какая барышня убита? Убить я самъ,—еще не вполиѣ овладѣвъ собой, воскликнулъ я. Но тутъ же на полу увидѣлъ распростертый трупъ молодой посѣтительницы».

Я передаю въ весьма краткихъ словахъ рассказъ Утина, но послѣдняя фраза такъ врѣзалась въ мою память, что я могу поручиться за ея точность.

Словомъ, дѣвушка была сама Лаврова, родная сестра Прасковьи Степановны. Несомнѣнно, она сказала правду, что пришла отомстить за сестру. И, какъ надо полагать, выстрѣливъ въ Утина, и видя, что онъ упалъ, она не замѣтила, въ своемъ сильномъ волненіи, что промахнулась (пуля была потомъ найдена гдѣ-то въ комнатѣ); она сочла его мертвымъ и немедленно убила себя наповаль изъ того же револьвера.

Впечатлѣніе, произведенное на Лаврова гибелью двухъ молодыхъ существъ, которыхъ онъ любилъ и о которыхъ заботился, какъ мы узнали, свидѣвшись съ нимъ за границей, было потрясающее, хотя онъ не былъ свидѣтелемъ описанныхъ нами событій. Когда его племянницы переживали свои муки, его не было въ Петербургѣ; а застрѣлились онѣ, когда дядя уже былъ за границей.

Н. Н. Фирсовъ (Рускинъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДЪ ДУМСКИМЪ РЕЖИМОМЪ.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

НАМЕНАТЕЛЬНЫЕ мѣсяцы 1906 г.—май и іюнь, когда мы находились, такъ сказать, подъ режимомъ перваго русскаго парламента, я провелъ въ провинціи, сначала въ одномъ изъ уѣздовъ Владимирской губерніи, достаточно мнѣ знакомомъ (см. мои очерки тамошней смуты въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1906 г., №№ 4, 6, 7), а затѣмъ въ поѣздкѣ по Волгѣ, Камѣ и Бѣлой. Въ этомъ плаваніи я захватилъ предѣлы нѣсколькихъ губерній (Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Вятской и Уфимской), сталкиваясь на пути съ сотнями лицъ разныхъ общественныхъ положеній и профессій, изъ населенія какъ указанныхъ губерній, такъ и многихъ другихъ, почти со всѣхъ концовъ Россіи. Вездѣ я прислушивался къ настроенію провинціи въ тотъ любопытный моментъ, обращая преимущественное вниманіе на рядовую массу, толпу, народъ. Психологію послѣдняго въ описываемое время пытаются разгадать какъ прежніе мои очерки нашей смуты, такъ и настоящіи.

I.

Сваливши съ плечъ новую обузу, «выдуманную господами»—хождение по выборамъ въ Государственную Думу, Володимирскіи мужикъ опочилъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ. Не до того ему было, когда неожиданно на-

двинулась такая ранняя и радостная весна. Уже въ половинѣ апрѣля ребятишки начали купаться въ рѣченкахъ, таскать раковъ, ловить рыбу. Древніе старики и старухи только ахали да охали, глядя на такую невидаль въ той сторонѣ, и пророчески шамкали: «не къ добру то...» Не прошла еще Пасха, какъ приходилось уже начинать весеннюю пахоту и сѣвъ яровыхъ. Настроение мужика было трудовое, мирное, совсѣмъ чуждое всякой политики. Землевладѣльцы ожили и усиленно принялись за сельскохозяйственную дѣятельность, не предчувствуя, что для многихъ изъ нихъ это будетъ лебединою пѣсню...

Среди сѣшныхъ хозяйственныхъ работъ и до мужика мелькомъ доходили слухи и толки о начавшейся дѣятельности Государственной Думы, но это чистѣйшая и тенденціозная ложь, будто мужики какъ-то «тренетно, жадно и страстно» слѣдили за думской работой, какъ увѣряли потомъ заднимъ числомъ слѣпые поклонники Думы...

Правда, въ самые первые дни думскаго режима мужики было заинтересовались Думой, но съ чисто мужицкой точки зрѣнія. Они наивно полагали, что Дума «первѣющимъ дѣломъ» займется самымъ важнымъ дѣломъ на свѣтѣ—удовлетвореніемъ мужицкихъ аппетитовъ насчетъ земли. Каждый день они ждали, что вотъ-вотъ Дума кликнетъ имъ такой кличъ:

— Господа мужички! вамъ желательно землицы?... сдѣлайте одолженіе! берите сейчасъ же и даромъ, гдѣ хотите и сколько хотите...

Только этого и ждали отъ Думы «господа мужички»!.. Но, когда ничего подобнаго не случилось—вышла непонятная мужику «заминка на счетъ землицы», а Дума, вмѣсто того, занялась безконечнымъ «толковищемъ» о разныхъ матеріяхъ, не представлявшихъ для мужика ни малѣйшаго интереса, у него сразу же пропало всякое вниманіе къ Думѣ, какъ къ «зрѣнному дѣлу» и «дѣлу господскому».

Послѣ этого продолжали интересоваться Думою только самые развитые мужики, но въ томъ же мужицкомъ духѣ. Въ той усадьбѣ, гдѣ я жилъ, садовникъ Степанъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, довольно развитой, и въ «прогрессивномъ» духѣ, вдумчивый, не мало читавшій на своемъ вѣку и «по божественной части», и «рѣмановъ» и проч., даже газету раньше выписывавшій, теперь, въ такое горячее время, не получалъ газеты и чуть не каждый день приставалъ къ намъ съ разспросами:

— А что газеты пишутъ о Думѣ? скоро-ли она порѣшитъ насчетъ земли?

— Скоро не ждите... Но о землѣ она уже начала толковать...

Черезъ день Степанъ опять вопрошаетъ:

— Что въ газетахъ пишутъ? толкуетъ Дума про землю?

— Какъ же! и долго протолкуеть... вѣдь въ Думѣ до 500 депутатовъ...

— Да, скорого конца нельзя ждать,—соглашается Степанъ,—каждому оно лестно похлопотать насчетъ землицы... (Коро-ли всѣ 500 переговорають!..

И все-таки, проходилъ день-два, а Степанъ не могъ воздержаться и снова приставалъ съ тѣмъ же вопросомъ:

— Какъ же въ Думѣ насчетъ земли?

— Толкують...

— Да, и долго протолкують...—меланхолически говорилъ Степанъ.

Наконецъ, мнѣ надоѣли эти вѣчные разспросы и я заявилъ Степану, что ему и его землякамъ нечего разсчитывать на прирѣзку земли, такъ какъ у нихъ имѣется на душу по 6—7 десятинъ и больше, а вотъ у тамбовскихъ, рязанскихъ и др. мужиковъ мѣстами дошло до полъ-десятины и не на душу, а на дворъ. Значить-де, не только вамъ прибавки не будетъ, а еще у васъ же должны отрѣзать половину земли, когда пойдетъ общее «поравненіе», да на вашу землю переселятъ тамбовскихъ и др., дѣйствительно голодныхъ, мужиковъ...

Степанъ опѣшилъ, узнавши такую неожиданную для него новость, но, какъ дипломатъ, промолчалъ и больше уже не возвращался къ думскимъ работамъ по аграрному вопросу. Но когда приходилось высказывать ту же мысль о «поравненіи» другимъ мужикамъ, болѣе откровеннымъ, они приходили въ нескрываемое негодованіе и цинически отвѣчали:

— А намъ какое дѣло до рязанскихъ мужиковъ?!. Пусть ищутъ земли, гдѣ угодно, а мы своей не отдадимъ никому!... Шалишь!..

А между говорившими были и «соціалисты» (какъ они сами себя величали) разныхъ «фракцій»... Да, «россійскій соціализмъ»—не чета европейскому: «новое слово» мы и тутъ сказали, еще разъ «удививши» имъ Европу...

Помимо этихъ «политическихъ» разговоровъ, ничего серьезнаго, въ сущности, не представлявшихъ, настроеніе мужика въ началѣ мая было вполне «благополучное», даже съ точки зрѣнія нашего урядника. Разные «оброки» на землевладѣльцевъ (вывозка навоза и т. п.) за арендуемые у нихъ выгоны, луга и проч., мужики отработывали исправно, хотя придирчивые управляющіе и экономическіе старосты и жаловались, что теперь мужики «не такъ добросовѣстно работаютъ, какъ прежде», да хозяева пожимались, что обязательно приходилось давать мужикамъ на водку, что въ нѣкоторыхъ экономіяхъ раньше было совсѣмъ изгнано, о чемъ даже вносились въ письменные договоры спеціальныя статьи. А теперь, безъ подачки на водку, мужики совсѣмъ не хотѣли ничего отработывать...

Вообще, мужики страшно много пили въ это время, особенно на Пасху и въ сплошные праздники 7—11 мая. Одна деревня въ 120 дворовъ вылакала за пасхальную недѣлю 80 ведеръ водки т. е. на 320 рублей!.. Въ уѣздномъ городѣ 4 монополюшки ежедневно выручали въ началѣ мая по 4 тысячи рублей, тогда какъ обычный дневной заработокъ ихъ въ это время 500—600 рублей. И почти все это количество водки потреблялось не горожанами, а приѣзжавшими на городскіе базары крестьянами.. Рядовой мужикъ одной деревни, изъ небогатаго дома (единственная дочь его служить въ кухаркахъ), истратилъ 30 р. на покупку къ праздникамъ (7—11 мая) водки, мяса, рыбы, пшеничной муки и проч.

Да, деньги у мужика были вольныя, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что онъ упорно не вносилъ ни казенныхъ, ни земскихъ налоговъ, а не вносилъ ихъ вовсе не изъ-за «протеста», какъ наивничали младенчествующіе политиканы, а по другой, совершенно простой причинѣ:

— Зачѣмъ вносить налоги, коли ихъ никто не требуетъ?— нахально замѣтилъ какъ-то одинъ богатый мужикъ, мѣстный кулакъ и церковный староста.

И дѣйствительно, финансовая администрація уѣзда, какъ растерялась отъ мужицкаго духа еще зимою, такъ и продолжала оставаться растерянною и весною, пальца о палецъ не ударяя для того, чтобы потребовать отъ мужика исполненія его гражданскаго долга... И это, несмотря на то, что мѣстами въ уѣздѣ цѣлыя деревни добровольно вносили сполна всякіе текущіе налоги и прошлыя недоимки, а вездѣ вообще было извѣстно, что «лучшіе» мужики берегутъ деньги для взноса недоимокъ, «когда ихъ потребуетъ начальство», чтобы не подводить себя подъ аукціонную распродажу имущества, штрафы и т. п. Но администрація спала и не знала того, что знали всѣ обыватели...

Мѣстный урядникъ, человѣкъ очень толковый, дѣльный, большой знатокъ всякихъ настроеній и въ деревнѣ, и въ своемъ городѣ, такъ объяснялъ этотъ вопросъ, пожимая плечами:

— Видите ли... администрація ждетъ, что скажетъ Государственная Дума... да и не хочетъ раздражать народъ...

Какъ будто Государственная Дума могла додуматься до отрицанія того, что составляетъ нервъ государственной жизни!.. Нѣсколько понятнѣе другой мотивъ: нежеланіе «раздражать народъ» начинавшій привыкать къ нелѣпой мысли о «свободѣ отъ налоговъ», т. е. боязнь администраціи, что тишь да гладь уѣзда смѣнятся нѣкоторымъ броженіемъ среди крестьянъ, недовольныхъ изъятіемъ у нихъ денегъ, предназначенныхъ у большинства на выпивку... Разумеетсяъ, разъ тѣ же деньги возвращались въ казну чрезъ монополюшки, о чемъ было тутъ хлопотать?!.. Развѣ это обязанность администраціи—преподавать мужику уроки государственнаго права?!..

Но кто тутъ терялъ несомнѣнно, такъ это уѣздное земство, окончательно бы захирѣвшее. если бы не получало сборовъ съ крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ предприятий, да не пустилось бы въ займы у губернскаго земства. Все-же оскуднѣніе земской казны стало ощутительно даже для мужика, который очень нахально началъ негодовать на то, что, напримѣръ, земскія аптеки перестали отпускать ему касторку... Самъ гроша ломаного не вносить въ земство, а касторки, да еще въ «лошадиныхъ порціяхъ», обязательно требуетъ!..

Такъ выходило по мужицкой логикѣ, доведившей мужика, между прочимъ, и до такихъ... разсужденій изъ области того же «государственнаго права»:

— Нѣтъ! мы за царя, — толковалъ одинъ мужикъ, изъ числа такъ называемыхъ «хозяйственныхъ мужиковъ» (т.-е. будущій кулакъ въ первой стадіи развитія), — а вотъ самодержавію не надо!.. А то что же это за порядки?! присудятъ тебя къ высадкѣ, или тамъ къ штрафу за что—и не смѣй прекословить!.. хочешь не хочешь, а садись въ каталажку, или плати штрафъ... Не надо намъ самодержавія!..

Такъ мы благодумствовали почти до половины мая, когда какъ-то вдругъ начали обнаруживаться несомнѣнные признаки вновь зародившагося воинственнаго настроенія мужика, словно его укусила какая-то ядовитая муха... И правда, такія мухи вновь появились въ немаломъ количествѣ и начали жалить мужика... Вскорѣ, подъ вѣяніями думскаго режима и не безъ участія одного изъ самыхъ «начальныхъ людей» Думы, былъ выпущенъ изъ-подъ ареста подъ залогъ нашъ главный агитаторъ изъ столбовыхъ дворянъ г. Слюнинъ (см. мои предыдущіе очерки смуты), затѣмъ и всѣ его «агенты», и другіе дѣятели мѣстной «революціи».

На одномъ крупномъ заводѣ — главномъ очагѣ революціи еще съ прошлой зимы—вновь начали появляться пріѣзжіе изъ Москвы «ораторы» самыхъ модныхъ и новѣйшихъ партій и фракцій. Рассказывали, что заводскіе рабочіе собираются «по выстрѣлу» на митинги, происходящіе въ сосѣднихъ лѣсахъ (не на территории завода, директоръ котораго былъ, поэтому, «правъ», когда утверждалъ, что «у него на заводѣ нѣтъ митинговъ»)... Съ завода посылались по уѣзду прокламаціи, что-то болтавшія о «близкой республикѣ», когда-де «рабочіе будутъ надо всѣми властвовать»...

Разумѣется, новая волна «россійской революціи», такъ неожиданно снова откуда-то нахлынувшая на нашъ уѣздъ, выразилась прежде всего въ сильномъ подъемѣ мужичьяго озорничества и хулиганства...

Началось съ мелочей: то толпы парней начали ходить «на гулянки» въ помѣщичьи усадьбы — въ парки и сады, съ пѣснями, гармошкой и сквернословіемъ, то вдругъ изъ сельскаго табуна исче-

заетъ поповскій конь и пропадаетъ больше недѣли, то въ ночномъ кто-то спугнулъ уже крестьянскихъ коней и они разбѣжались по лѣсамъ, и тому подобныя ребячьи выходки.

А дальше пошло серьезнѣе. На «гулянкѣ» около желѣзнодорожной станціи, въ какой-то праздникъ, молодежь страшно безобразничала, издѣвалась надъ слабо-представленной полиціей, пѣла похабныя и революціонныя пѣсни («Вся Расеюшка бастуетъ» и др.) и т. п. Одинъ пьяный мужикъ, сильно пошатываясь и дико озираясь кругомъ, растопыривши руки, оралъ въ источникъ голоса:

— Все наше будетъ!.. и эти лѣса, и дома, и станція, и дорога— все наше!.. Первымъ дѣломъ—всѣ мосты взорвемъ на дорогѣ... А тамъ...

Но, что будетъ дальше — онъ и самъ не зналъ, и умолкъ... Для «свободнаго гражданина» было «лестно» хоть день «погулять власть» и показать свою «силушку» надъ мостами и т. п.

Когда въ одной деревнѣ «отцы» напустились на «дѣтей» за ихъ озорничества, случившійся тутъ одинъ изъ «агентовъ» г. Слюнина—глупый «исправникъ» (такъ его прозвали за то, что онъ предназначалъ себя при торжествѣ революціи на должность исправника) Кондрашка неожиданно проговорился:

— Да вѣдь намъ были приказы, чтобы мы озорничали...

— А! вотъ какъ!—набросились на него «отцы»,—такъ ты пришелъ и насъ подбивать на озорничество?! Нѣтъ! мы на это не поидемъ...

Правда, «отцы» были противъ озорничества «дѣтей» и вообще относились къ «новизнѣ» послѣднихъ то недоувѣрчиво, то совсѣмъ отрицательно. Особенно возмущало стариковъ и отталкивало отъ «новаго ученія» то, что оно «идетъ противъ Бога и царя»... Этого они искренно не могли переварить. Но когда радикальная молодежь твердила, что «старики—дурачье», не умѣющее устроить свою жизнь «по хорошему», а она, молодежь, знаетъ, какъ повести новую, лучшую жизнь, старики задумывались и опускали руки, гадая: а! ну, какъ дѣти правы и сумѣютъ вывести насъ на широкую дорогу?!.. Оттого и выходило такъ, что на словахъ старики возмущались озорничествомъ дѣтей, а фактическаго противодѣйствія ему не чинили, хотя средства на то у нихъ были. Старики рѣшительно дипломатничали, вели «свою линію», ожидая результатовъ революціонной дѣятельности молодежи, но сами воздерживаясь отъ всякой активной поддержки послѣдней...

Такъ было и прошлою зимою, послѣ «17 октября», тоже самое повторялось и теперь—въ маѣ и іюнѣ (и дальше) 1906 г., хотя и тогда мечты молодежи не пошли дальше «праздныхъ мечтаній», и теперь дѣло поворачивалось къ такимъ же точно результатамъ.... Но мужикъ упоренъ, «что быкъ»—отчего и еще разъ не попробывать? авось кривая вывезетъ на этотъ разъ...

Однако, гг. революціонеры ухитрились еще разъ доказать, что они совсѣмъ не знаютъ мужика... Оттолкнувши его раньше своей пропагандой «противъ Бога и царя», они постарались и дальше не считаться ни съ мужицкой психикой, ни съ его воззрѣніями «соціальными» и всякими иными. Они лѣзли на проломъ и добились того, что внесли въ мужицкій міръ явную «междоусобную брань»... Да, бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ...

Въ концѣ мая, въ описываемой мѣстности уже нерѣдко были такія явленія, что, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, «умѣренные» мужики избивали «радикальные» элементы деревни. На «гудьянкѣ» у станціи, 28 мая, заводскіе парни изъ сосѣднихъ сель устроили шествіе съ красными флагами. Но явились «отцы» изъ ближайшаго села и здорово вздули парней, прогнали ихъ со станціи, а флаги порвали.

Пошла рознь и между разными «фракціями» гг. радикаловъ... Въ одномъ селѣ радикалы побили стекла въ избѣ бывшаго волостного писаря, полгода сидѣвшаго въ тюрьмѣ за свою революціонную дѣятельность...

Молодежь стала угрожать «отцамъ», за ихъ косность въ дѣлѣ революціи:

— Вотъ ужъ погодите! Скоро всѣ деревни спалимъ, чтобы всѣхъ поравнять...

Мужики затрепетали, ибо и они глубоко вѣрятъ въ принципъ «священной собственности», даже поискрениѣе и поглубже, чѣмъ злосчастные помѣщики и др. «капиталисты». Пока мужики будутъ существовать—не найдется болѣе убѣжденныхъ сторонниковъ «капиталистическаго строя». И если деревенскіе «пролетаріи» идутъ якобы противъ этого строя, то единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы грабежомъ чужихъ капиталовъ самимъ превратиться въ «капиталистовъ». Въ этомъ весь смыслъ «соціального движенія» деревни.

Дѣйствительно, скоро начались пожары въ деревняхъ «отъ неизвѣстной причины». Въ одной богатой деревнѣ какой-то «проходящій старецъ» напрозорилъ, что она будетъ «завтра горѣть», и бѣдные мужики всю ночь не спали, вытаскивая свои «животы» въ сады и на поля. Но предсказаніе старца не сбылось и, вѣроятно, потому, что весь день шелъ дождь. Но съ тѣхъ поръ мужики стали устраивать по ночамъ добровольные караулы на задахъ селеній, а многіе спали, не раздѣваясь, и принимали другія мѣры въ ожиданіи пожарной тревоги.

Солоно приходилось мужику и отъ своей же радикальствующей братіи (изъ заводскихъ и фабричныхъ преимущественно), но положеніе землевладѣльцевъ было посерьезнѣе. Горой стоя за свою собственность, мужики вдругъ стали превращаться въ «соціалистовъ» относительно чужой...

Начались поправки луговъ и пашенъ, отказы отработывать или платить за арендныя статьи, предъявленія фиктивныхъ правъ на помѣщичьи столѣтніе парки, на ихъ лѣса и т. д. Повѣстки на вызовъ къ судебнымъ слѣдователямъ по этимъ аграрнымъ дѣламъ мужики возвращали обратно, а администрація успокаивала землевладѣльцевъ однимъ возгласомъ: «потерпите!..» И терпѣли все отъ мужика—ничего болѣе не оставалось...

Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были покушенія «снимать» экономическихъ рабочихъ, но эта затѣя не имѣла успѣха: за очень рѣдкими исключеніями, рабочіе не пошли на то, блюдя свои кровныя интересы. Гораздо успѣшнѣе прошелъ «бойкотъ» арендаторовъ разныхъ оброчныхъ статей въ имѣніяхъ, но бойкотъ своеобразный... Приходила «бумага революціоннаго комитета» (съ вышеупомянутаго завода), чтобы въ такомъ-то имѣніи «прекратить работы» мужиковъ на помѣщика, за арендуемые у него выгоны, пашни и пр. Мужики охотно прекращали всякія «оброчныя» работы, пользуясь арендными статьями попрежнему. Но нѣкоторыя, болѣе добросовѣстныя селенія не отказывались отъ отработки за аренду, не обращая вниманія на угрозы «бумаги»—«сжечь деревню»!.. И никто не жегъ такихъ деревень!.. Помѣщики тоже получали «бумаги», съ приказомъ—«не требовать съ крестьянъ отработки за аренды», но, разумѣется, этихъ приказовъ не исполняли, если была на то милость гг. арендаторовъ-мужиковъ...

По адресу землевладѣльцевъ и другихъ собственниковъ шли всякія угрозы... Заводскіе радикалы открыто бахвалились:

— У насъ все готово, ждемъ только сигнала, чтобъ начать погромы всѣхъ помѣщиковъ, купцовъ, поповъ... Есть у насъ, на заводѣ, и «пельсины» съ «лимонами», найдутся и пулеметы (sic!)... Много крови будетъ пролито!.. Скоро увидите...

Одинъ скверный мужиченко, пьяница, живущій на труды работающей жены, а пьющій на подачки разныхъ благодѣтелей, между прочимъ, жителей станціи и поселка около, угрожалъ послѣднимъ поджогами, если они не будутъ давать ему благостыню. Теперь и этотъ шантажистъ сталъ «радикаломъ» и говорилъ, указывая на станцію и поселокъ:

— Все начисто тутъ сожгу—и станцію, и лавки, и дома, чтобы ровно было!.. Чистое будетъ поле... ничего не надо!..

И все сожгутъ такіе «радикалы», если дать имъ «свободу»—все «поравняетъ» эта дикая орда, и снова заживетъ въ землянкахъ и шалашахъ, вернувшись къ «каменному вѣку»...

Одинъ мужикъ, ухаживавшій за усадьбой сосѣда-землевладѣльца, увѣрялъ, что заводскіе «пельсины» и «лимоны» не мнѣтъ, и что даже ему, за его близость къ усадьбѣ, угрожаютъ «бомбами». Заводскіе изъ мѣстныхъ сельчанъ говорили ему:

— Бросили бы въ твой домъ бомбу, да жаль твоихъ сосѣдей... Бомбы у насъ такія, что сразу разнесутъ три дома...

Но до фактическаго появленія бомбъ дѣло не доходило, такъ какъ, очевидно, заводскіе только бахвалились своими «бомбами» и даже «пулеметами»... Зато начало выступать на сцену «последнее слово» россійской революціонной науки—методъ «экспроприаціи», сирѣчь разбойничество... Было въ сосѣднемъ уѣздѣ неудачное покушеніе ограбить одного фабриканта, а у насъ гг. революціонеры начали съ низовъ, грабя больше зазѣвавшихся пролетаріевъ: то отнимутъ сапоги у рабочаго, возвращающагося съ городского базара, то, честь-честью, пряча за спиной дубинки, выклянчатъ у прохожаго денегъ на «мерзавчика», то напугаютъ бабъ эротическими покушеніями, то учинятъ засаду, поджидая мелкаго лавочника съ грошами, и т. п.

Не мудрено, что администраціи, наконецъ, надоѣло спать и она принялась чинить аресты по деревнямъ, на заводахъ, фабрикахъ, да изгонять гг. революціонеровъ изъ предѣловъ губерніи. Настроеніе мужика сразу понизилось, особенно же послѣ неудачнаго покушенія крайнихъ устроить революціонный бенефисъ въ самомъ городѣ...

Фабричные г. Иваново-Вознесенска какъ-то встрѣтились съ фабричными нашего скромнаго городка и посмѣялись надъ ними:

— Да у васъ, чай,—шутили ивановцы,—и жалованье выдается мукой да горохомъ... Вы и озорничать-то не умѣете какъ слѣдъ!..

— А вы пріѣзжайте къ намъ, да научите, какъ надо озорничать...

— Ладно! Пріѣдемъ... Ждите гостей...

Ивановцы сдержали слово—пріѣхали въ началѣ іюня, въ праздничный и базарный день, когда въ городѣ совершается по какому-то поводу ежегодный самый большой крестный ходъ. Народу собралась масса, но ходъ прошелъ благополучно, и только къ вечеру, когда заработали монополюшки, произошла въ трактирѣ пьяная свалка между городскими хулиганами и стражниками, перешедшая затѣмъ на улицу и подхваченная мѣстными и пріѣзжими фабричными и заводскими (крестьяне разѣхались послѣ базара и крестнаго хода). Раздались выстрѣлы, 2—3 человекъ ранили слегка, побили окна въ земской управѣ и въ нѣкоторыхъ домахъ, были красные флаги, пѣли марсельезу и къ ночи все затихло... Единственною серьезною потерей для уѣзда было то, что контуженный камнемъ въ голову исправникъ долженъ былъ уѣхать въ отпускъ для леченія, оставивъ въ такой опасный моментъ уѣздъ на рукахъ новаго человѣка, совсѣмъ съ нимъ незнакомаго.

Послѣ этого несуразнаго бои и прибытія казаковъ въ городъ, настроеніе мужика еще болѣе понизилось, тѣмъ болѣе, что приходилось подумывать о наступившемъ уже раннемъ сѣнокосѣ. Воспользовавшись этимъ затишьемъ, я рѣшилъ отдохнуть «отъ мужика»—проѣхаться по Волгѣ, Камѣ и Бѣлой, да кстати посмо-

трѣть—какъ «дѣлается революція» въ другихъ мѣстахъ и правы ли гг. Аладьины, Аникины, Жилкины и др. новоиспеченные лидеры «крайней лѣвой» въ Думѣ (какъ и крайнія партійныя газеты), увѣряющіе, будто «пожаръ революціи» охватилъ всю Русь и она ждетъ только сигнала гг. Аладьиныхъ и т. д., чтобы поднять «знамя пугачевщины»? Особенно-де на чеку знакомое мнѣ Поволжье...

И я поѣхалъ искать «настоящей революціи», ибо въ томъ, что происходило въ нашемъ уѣздѣ, не было, въ сущности, ничего революціоннаго, а было какое-то нелѣпое броженіе, собственно грабительское и озорническое, да шелъ несуразный галдежъ, якобы на политическія темы, поднятый стараніями мѣстныхъ «маратиковъ» и «робеспьериковъ» изъ столбовыхъ дворянъ и мужиковъ...

Подъ звуки марсельезы, только что разученной тогда парнями нашего села и такъ нелѣпо раздававшейся вечерами около усадьбы, я собирался въ дорогу, съ наслажденіемъ подумывая, что вотъ-вотъ вырвусь изъ-подъ «мужицкаго режима», начинавшаго охватывать уѣздъ, и уѣду туда, гдѣ хоть чуточку тянетъ европейскимъ духомъ...

II.

Выѣхалъ я 6 іюня. Въ поѣздъ нашей вѣтви желѣзной дороги пришлось сѣсть ночью. Вагонъ мирно спалъ, не помышляя о рыцаряхъ революціоннаго ордена «руки вверхъ!...», уже начинавшихъ тогда выступать на сцену. Съ трудомъ я нашелъ мѣстечко и самъ сталъ подремывать подъ мѣрный стукъ колесъ и храпъ пассажировъ. Горькія мысли о «мужикѣ» сразу же стали испаряться и уходить куда-то въ туманную даль. Такъ легко и хорошо чувствовалось, когда я очутился подалеже отъ мужика...

Передъ Иваново-Вознесенскомъ публика стала просыпаться, начались разговоры, но самые житейскіе, обыденные, въ которыхъ и запаха не было революціоннаго. Напугала было одна анемичная барышня, которая, проснувшись, первымъ дѣломъ вытанила изъ сумки огромный какой-то трехъ-этажный красный галстухъ, который по нуждѣ можно было развернуть въ цѣлый флагъ, и принялась укрѣплять его на груди. Ну,—подумали многіе,—этотъ нелѣпый галстухъ, несомнѣнно, революціонная эмблема и барышня, пожалуй, удержитъ что-нибудь этакое революціонное.. Публика очень косилась на красный диковинный галстухъ, особенно женская. Нѣкоторыя дамы, наконецъ, не выдержали и приступили къ барышнѣ съ разспросами. Дарчикъ открылся просто: барышня ѣхала изъ Москвы и везла самую модную новинку дамскаго туалета... Всѣ въ вагонѣ вздохнули, убѣдившись въ своей ошибкѣ: приняли безобидную барышню, слѣдящую за модами, за революціонную эмиссарку...

Въ Ивановѣ пересѣлъ на поѣздъ, идущій въ Кинешму, и очутился среди ивановской публики—фабрикантовъ, купцовъ, комиссіонеровъ и т. п. Народъ дѣловой, чувствовавшій себя очень бодро, жизнерадостно, весело. Еще бы! Одинъ ситцевый фабрикантъ, потирая руки, говорилъ другому:

— А вѣдь никогда мы такъ хорошо не торговали... нечего везти въ Нижній, на ярмарку!.. вся заваль--и та бойко расходится...

— Да, — продолжалъ другой, — и это несмотря на то, что расходы фабричные увеличились больше, чѣмъ вдвое... Прежде баба на ситцевой фабрикѣ получала 6 руб., теперь 14 рублей.

Вотъ тебѣ и революція! — подумалъ я. Но революціи долго не затрагивали ивановцы, толкуя о своихъ фабричныхъ дѣлахъ, ивановскихъ новостяхъ и всякой житейской обыденщинѣ. Одинъ комиссіонеръ похвалился, что наканунѣ поѣлъ въ Ивановѣ хорошихъ стерлядокъ.

— Откуда вы ихъ достали?—изумились ивановцы.

— Изъ Кинешмы привезли... Видите ли: въ Вицугѣ и Кинешмѣ сталъ переводиться богатый купецъ... ну, волжская стерлядь и начала попадать въ Иваново: чуесть, шельма, гдѣ денегъ много...

Публика добродушно смѣялась, какъ много хохотала по поводу надписи на домѣ одного ивановскаго фабриканта-археолога, часто горячаго и «очень удачно». Шутники сдѣлали на его домѣ такую надпись: «отъ огня возрождается» (какъ легендарная саламандра).

Многіе пассажиры ѣхали въ дачные приволжскіе городки, Плесь и Юрьевецъ, излюбленные ивановцами, особенно послѣ разгрома въ прошломъ году дачъ подъ Ивановымъ. Впрочемъ, такіе дачные пункты подъ городомъ, какъ с. Богородское и дер. Поповская, были и теперь густо населены ивановскими дачниками.

Дамская публика больше толковала то о дачной жизни, то о недавно скончавшемся извѣстномъ схимникѣ Троицкой лавры, о Варнавѣ, то о другихъ святостяхъ... Одинъ купецъ рассказывалъ, какъ самъ о. Варнавва подсмѣивался надъ вѣрою народа въ его прозорливость и чуть ли не чудотворность. Схимникъ много смѣялся надъ такимъ случаемъ: какъ-то у него собралась большая толпа поклонниковъ, загромоздившая всю приемную келью. Въ концѣ пришелъ архитекторъ, строившій что-то въ скиту, и сталъ у самыхъ дверей, ожидая очереди. Но Варнавва замѣтилъ его и подозвалъ къ себѣ: «ступай ко мнѣ, архитекторъ!..» Народъ, не подозрѣвая давняго знакомства схимника съ архитекторомъ, такъ и ахнулъ: «вотъ онъ какой прозорливецъ—батюшка!.. только глянулъ и угадалъ, что за человѣкъ стоитъ...»

Любопытно, какъ о. Варнавва объяснялъ притокъ къ нему денегъ: «некуда богатой старухѣ денегъ дѣвать, мучится она надъ ними, тратитъ ихъ зря... ну, а я ихъ на доброе дѣло и выклянчу у ней...»

Въхавшая въ вагонъ юркая монахиня откровенно заявила:

— Нѣтъ! не люблю я людей прозорливыхъ, боюсь ихъ... такого иногда наговорятъ—жизни не будешь рада!..

Слушая всѣ эти и подобные разговоры, я недоумѣвалъ:—Господи! «вся Россія объята революціей», если вѣрить гг. Аникину и т. д., а они—ивановцы—занимаются благодушными разговорами объ о. Варнавѣ и т. п.!.. Неужели такъ и не заговорятъ на злобу дня?!

Нѣтъ, скоро и они заговорили, но—Боже!—такъ шутливо, съ кондачка—что называется, и совершенно мелькомъ, мимоходомъ... Разказали, какъ въ Шуѣ, въ воскресенье, 4 іюня (въ тотъ же день, что и въ нашемъ городкѣ), «малость поозорничали» мѣстные и прїѣзжіе «свободомыслящіе», причемъ одинъ изъ участниковъ—мужикъ такъ жаловался:

— Поди — угоди на нихъ!.. два раза меня побили на одинъ день... Одна партія въ городѣ отдула... бросился за желѣзную дорожку, а тамъ другая партія вздула... И чортъ ихъ разберетъ!..

Но ивановцы хорошо разбирались во всякихъ партіяхъ и фракціяхъ, и не вѣрили въ осуществленіе замышлявшейся тогда «всеобщей», или чуть ли даже не «всемирной забастовки...» Они горѣрили:

— Очень ужъ много толкуютъ про нее и что-то долго собираются... ничего не выйдетъ... пустое дѣло!.. Наши рабочіе добились значительнаго улучшенія своего матеріальнаго положенія, а больше ни о чемъ не хлопочуть... Боятся, какъ бы пріобрѣтенное не потерять, дрожать за него... А до политики большинству ихъ ровно никакого дѣла нѣтъ и ни аза въ ней они не смыслятъ, кромѣ маленькой кучки «сознательныхъ» главарей...

Очевидно, и у фабричныхъ происходило то же самое, что среди мужиковъ: и тѣ, и другіе одинаково были далеки отъ настоящей революціи, хлопоча лишь о своихъ «животахъ...»

Только одинъ ивановецъ, меланхолически настроенный, высказалъ такую сентенцію про нынѣшнія времена:

— Нѣтъ, теперь не то, что было прежде!.. Тогда за годъ впередъ можно было все разсчитать: и то сдѣлаешь, и другое, и третье... Такъ оно и выходило на дѣлѣ... А теперь и за одинъ день нельзя ручаться... и ничего впереди не угадаешь...

За три часа оживленной бесѣды, отъ Иванова до Кинешмы, брошено было о Государственной Думѣ ровно 4 слова:

— А ядовито говоритъ Аладьинъ...—промычалъ какой-то господинъ, читавшій газету.

Никто не подхватилъ этой благодарной темы и она такъ и растаяла въ воздухѣ...

Въ Кинешмѣ, очень крупномъ фабричномъ и приволжскомъ центрѣ, тоже что-то нигдѣ не слышно революціоннаго духа... Ста-

рикъ—извозчикъ, доставившій меня со станціи на пристань, дорогою рассказывалъ:

— У насъ спокойно, слава-те Господи... На одной фабрикѣ рабочіе бастовали одну недѣлю, и то утихомирились... а больше ни-ни!.. Студенты было задумали побаловаться—съ краснымъ флагомъ пройдгись, да какъ увидѣли казаковъ—прыснули живо по домамъ... А чтобы грабежи да воровство, какъ по другимъ мѣстамъ, у насъ ни-ни!..

Если не было въ Кинешмѣ тогда ни грабежей, ни воровства, то какая же это «революція?!» И дѣйствительно, на Волгѣ и на пристаняхъ нормально шла такая кипучая, оживленная работа—что кто же тутъ могъ «дѣлать революцію?!»

На пристаняхъ масса пассажировъ, ожидающихъ верховыхъ и низовыхъ пароходовъ. Толпа бодро толкуетъ про свои личныя дѣла, о чемъ то весело гогочетъ, перебрасывается шуточками, а о политикѣ ни звука!..

И дальше, гдѣ ни приходилось сталкиваться съ толпою народа, нигдѣ, за самыми рѣдкими исключеніями (вездѣ отмѣченными), я не натыкался, даже—если хотите—не подслушивалъ ровно никакихъ политическихъ разговоровъ. Всѣ заняты своими дѣлами, заботами, интересами, а всякая политика гдѣ-то всторонѣ, какъ что-то навязанное и насильно вторгнувшееся въ личную жизнь простыхъ обывателей... О ней иногда и потолкуютъ, и газету не прочь прочитать, и у «хорошаго господина» попросятъ объясненій, спросятъ даже о новостяхъ, политично займутъ его «сурьезнымъ» разговоромъ и т. п. Но все это какъ-то мимоходомъ, между прочимъ, чтобы чѣмъ нибудь занять себя въ дорогѣ, да разузнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Никакой страсти, одушевленія, политическаго жара, горячихъ преній и столкновеній—хоть шаромъ покати... Всѣ эти «политическіе разговоры» такіе вялые, безжизненные, ничѣмъ не одухотворенные—чистая мертвечина. А заговоритъ та же толпа о своихъ личныхъ, кровныхъ, будничныхъ интересахъ—откуда берется пылъ, страсть, горячка!..

Но среди этой мирной и мирно настроенной толпы невольно бросались въ глаза какіе-то подозрительные субъекты, какъ-то украдкою шмыгавшіе межъ народомъ, вѣчно оглядывавшіеся по сторонамъ и бесѣдовавшіе другъ съ другомъ только шепотомъ, который тотчасъ прекращался, когда къ нимъ подходили сторонніе люди. Эти «таинственные незнакомцы» и «загадочныя натуры», больше изъ зеленой молодежи, поражали своимъ мрачнымъ видомъ, озлобленными взглядами, обтрепаннымъ платьемъ. Видимо, это были люди не столько какихъ-то неопредѣленныхъ профессій, сколько лишеные всякаго дѣла неудачники, болтавшіеся зря, пока не налетѣла волна революціи, для которой понадобились и эти російскіе санкюлоты. Они охотно пошли «дѣлать революцію»,

такъ какъ терять имъ было нечего, а «заработать» могли немало. Изъ нихъ-то образовались основные «кадры» революціонныхъ «боевыхъ дружинъ», начавшихъ вскорѣ активно выступать, подъ руководствомъ и съ участіемъ профессиональныхъ революціонеровъ, въ погромахъ, покушеніяхъ съ бомбами, подлыхъ убійствахъ изъ-за угла, грабежахъ не только казны, но и самихъ пролетаріевъ и т. п.

Но все это развилось позже, а пока эти мрачные незнакомцы шныряли въ толпѣ, что-то разнохивали, выслѣживали, а можетъ быть уже и «работали» кое-что. Народъ сторонился ихъ, но они нахально пролѣзали всюду, напрашиваясь на знакомство и панибратство.

И если эти подонки народа признавать также народомъ, тогда, конечно, можно утверждать, что и «народъ дѣлаетъ революцію...»

III.

Очутившись на волжскомъ пароходѣ, я широко и облегченно вздохнулъ, не чувствуя тутъ надъ собою ни «мужика», ни «фабричнаго», съ ихъ озорничествомъ и всякими иными прелестями... Тѣ же мужики и фабричные превращались здѣсь въ обыкновенныхъ обывателей, съ которыми пріятно было имѣть дѣло. Волгали такъ дѣйствовала, или всѣхъ облагораживала уже замѣтный тутъ европейскій духъ, но даже самые «крайніе» дѣлались здѣсь какъ-то мягче и спокойнѣе.

Помню особенно два разговора. Молодой приказчикъ одного изъ ивановскихъ фабрикантовъ, человѣкъ развитой и убѣжденный «красный», врагъ капитализма, вдругъ рассыпался самымъ краснорѣчивымъ дифирамбомъ по адресу своего хозяина-милліонера, давшаго ему 2-мѣсячный отпускъ, съ сохраненіемъ жалованья и прибавкою 100 р., для поѣздки на кумысь... Молодой, интеллигентный еврей изъ Минска, не знаю какой профессіи, но также несомнѣнный «красный», толкуя со мною о еврейскихъ погромахъ, говорилъ о нихъ въ самомъ легкомъ, шутливомъ тонѣ, бойко труня надъ своими же «бѣдными еврейчиками...»

Невольно думалось: вотъ такихъ бы «революціонеровъ» побольше! съ такими не страшно... Но и такихъ, и всякихъ иныхъ революціонеровъ черезчуръ мало попадалось на Волгѣ, да и революціи-то нигдѣ не было ни видно, ни слышно. На пароходѣ шла обычная жизнь и сутолока, кто дѣломъ занимался, а большинство коротало дорожный досугъ, какъ умѣло и хотѣло. Шли нескончаемая бесѣды во всѣхъ углахъ парохода, толковали рѣшительно обо всемъ и — всего менѣе именно о политикѣ... Видимо — она всѣмъ уже прискучила до тошноты, и всѣ были страшно рады отдохнуть отъ нея на волжскомъ просторѣ, среди прелестей волжской природы.

Даже единственный студентъ на нашей «Дворянкѣ» забылъ о провиденціальномъ назначеніи россійскаго студенчества и, вмѣсто того, чтобы заниматься пропагандой, спокойно себѣ флиртовалъ разомъ съ двумя барышнями—очень юной и очень пожилой. Последняя вечеромъ такъ отпарировала студенту:

— О! она влюблена въ васъ... но ей 16 лѣтъ!.. А мы, пожившія дѣвушки, мы не такъ поспѣшны...

И она гордо замолчала. Не нашелся и студентъ, видимо, ошѣившій...

Въ Нижнемъ, какъ всѣ увѣрили—«давно уже, съ прошлаго января, все спокойно»... И только часовые съ ружьями у подъѣздовъ банковъ (кромѣ безденежнаго Крестьянскаго...), да городовые внутри банковскихъ помѣщеній, нѣсколько расхоложивали это впечатлѣніе. Въ гастрономическомъ магазинѣ на Большой Покровкѣ («Невскій» Нижняго) хозяинъ бѣгалъ домой, чтобы размѣнять мои 25 рублей, опасаясь держать въ магазинѣ и такую маленькую сумму: «знаете, опасно»...—говорилъ онъ. Да, это были самые серьезные за весь мой долгій путь признаки нашей «революціи»...

Но на Самолетскомъ пароходѣ до Казани—снова ни малѣйшаго запаха революціи. Правда, два поляка, завтракавшихъ въ общей рубкѣ I класса, битыхъ два часа проговорили о русской революціи, да пожилой татаринъ на балконѣ столько же протолковалъ съ какимъ-то русскимъ казанцемъ о прошлыхъ выборахъ въ Государственную Думу въ ихъ губерніи. Но русская публика совсѣмъ изгоняла политику изъ своихъ разговоровъ, если не считать сомнительный рассказъ кого-то о томъ, какъ какіе-то студенты, взявшіе билеты на «волжскій» пароходъ, носящій имя очень высокой особы, «запротестовали» и отказались, якобы «по принципу», ѣхать на этомъ пароходѣ только за одно его названіе...

На нашемъ пароходѣ не было такихъ «принципіальныхъ» студентовъ: тройка нашихъ студентовъ, въ «офицерскихъ» кителяхъ «кавалерійскаго образца» и «рейтузахъ», обтянутыхъ «по балетному», разгуливала по балкону, охорашиваясь, какъ молодые пѣтушки, передъ барышнями, да мирно толкуя объ экзаменахъ, «зачѣтахъ» и другихъ «академическихъ» темахъ.

Какой-то чинуша судебного вѣдомства, очень плюгавенькій на видъ, специально изучалъ женскую публику, косясь на всѣ окна каютъ, гдѣ мелькали женскія лица. Ему вторилъ бравый офицеръ какой-то резервной части.

Солідные волгари толковали о пароходахъ, баржахъ, фрахтахъ, поставкахъ. Одинъ изъ нихъ, зорко глядя на чуть виднѣвшіяся вдали на рѣкѣ суда, за 5 верстъ опредѣлилъ, да еще за песками и изгибами плёса, что мы догоняемъ буксирные пароходы Башкирова съ 4 баржами и Стахѣва съ 1 баржей. И не ошибся...

И только самая зеленая молодежь — гимназисты, реалисты и т. п. — крайне озабоченно и таинственно о чемъ-то шептались и какъ-то украдкой перелистывали какія-то замусленные брошюрки. Подойдешь къ нимъ — шепотъ стихаетъ, книжки прячутся. Заговоришь на какуюнибудь дорожную тему — они отвѣчаютъ неохотно, вяло, какъ бы спросонокъ. Въ ихъ глазахъ такъ и стоялъ вопросъ: да какъ же возможно интересоваться какой-то Волгой, когда на свѣтѣ есть Каутскій, Жилкинъ и т. д.?!. Да, эти юнцы если не «дѣлали революцію», то, несомнѣнно, топтались около нея, не смущаясь тѣмъ, что изъ ихъ несуразнаго топтанья ровно ничего не вышло... Бѣдные галчата!..

Спускаясь внизъ, гдѣ кишмя кишѣла публика III и IV классовъ, долго брожу тамъ, прислушиваюсь къ людскому гомону, самъ завожу «наводяще» на политику разговоры — нѣтъ! никто не говоритъ о ней и не хочетъ заниматься ею... Но со всѣхъ сторонъ летятъ такія фразы знакомящихся между собою пассажировъ изъ самаго кореннаго народа:

— Слава Богу! и у насъ стало спокойно... Побаловались малость и зашабашили!.. Неколи намъ озорничать!.. Чего лучше, коли станетъ больше порядку!..

И т. д., и т. д. — такъ и брызжетъ со всѣхъ сторонъ одно страстное желаніе: больше порядка и покоя!.. Только этого и требуютъ одинаково и общество, и народъ, страшно уставшіе отъ всякихъ экспериментовъ г. г. революціонеровъ, такъ нагло изгадившихъ самую идею «освободительнаго движенія»... Къ чистому дѣлу нельзя идти нечистыми путями...

Нельзя было безъ негодовація слушать рассказы казанцевъ, самарцевъ и др. о варварствѣ мужиковъ (прошлою зимой), напшигованныхъ «свободнымъ ученіемъ» разныхъ «эсдековъ», «эсэровъ» и т. п.: какъ въ посадѣ Мелекесѣ (Ставроп. уѣзда, Самарской губерніи) уничтожали хлѣбъ, бросая его въ рѣки, овраги, болота... какъ у казанскаго помѣщика Казембека сожгли цѣнную (больше 40 тысячъ рублей) и рѣдкую библіотеку его отца, извѣстнаго профессора-ориенталиста... какъ въ Саратовской губерніи тысячами вырѣзали овецъ, коровъ, лошадей, не пользуясь ими... какъ гдѣ-то вырѣзали языки у лошадей помѣщичьяго табуна... и т. д. и т. д.

Особенно были сильны погромы въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, гдѣ всего больше пострадали имѣнія барона Притвица, Рота, Ермолаева и др. У Притвица разграбили болѣе 20 тысячъ пудовъ хлѣба и весь скотъ частью порѣзали, частью разобрали по дворамъ. Долго не могли разыскать, куда припрятаны туши овецъ, коровъ и пр. Но какъ-то, уже въ декабрѣ, пришлось управляющему заѣхать въ глухую часть лѣса и видѣть: всѣ деревья увѣшаны замороженными тушами, какъ рождественскія елки подарками...

Одинъ самарець удивилъ такимъ наблюденіемъ, находившимъ подтвержденіе и въ другихъ мѣстахъ:

— Помѣщиковъ и кушцовъ у насъ грабили не бѣднота, а зажиточные мужики: прѣзжали на 5—10 собственныхъ подводахъ, насыпали хлѣбъ, уводили скоть и тащили все, что возможно...

Но все это были рассказы о прошломъ, а въ описываемое время ничего подобнаго не замѣчалось въ Поволжьѣ. Только одинъ велгужанинъ поразилъ, рассказывая, какъ «бунтуютъ» сейчасъ «адуи» (бурлаки, сплавщики плотовъ) на рѣкѣ Велгугѣ... Они учинили забастовку, требуя повышенной платы и, не получивши удовлетворенія, побросали массу плотовъ у села Воскресенскаго, а сами разбрелись по домамъ. Сплавить плоты на Волгу, до города Козмодемьянска, удалось немногимъ лѣсопромышленникамъ, успѣвшимъ удовлетворить бурлаковъ увеличеніемъ платы вдвое. Ждали, что лѣсъ сильно вздорожаетъ на низахъ Волги.

Тотъ же велгужанинъ рассказывалъ, что и «прокламаціи» и «агитаторы» еще въ прошломъ году проникали даже на берега озера Свѣтлояра, въ дни извѣстныхъ тамошнихъ народныхъ сборищъ (22—24 іюня), на которыхъ теперь идутъ уже не одни религіозныя цренія старовѣровъ съ православными, но поднимаются и злободневныя политическія рѣчи. Нарушенъ вѣковой покой даже «великаго града Китежа»!...

IV.

Въ Казани я перешелъ на пароходъ Якимовой «Златоустъ», идущій на рѣку Бѣлую. Погода была отчаянная—холодная, дождливая, и тянулась такъ по Камѣ, вплоть до устья Бѣлой. Публикѣ мрачно настроенной было совсѣмъ не до политики, тѣмъ болѣе, что и публика въ большинствѣ была специальная—ѣдущая на кумышъ въ Уфимскую губернію.

Единственнымъ живымъ напомниманіемъ революціоннаго режима была почтенная парочка уфимцевъ—членъ тамошняго окружнаго суда съ супругой. На томъ же «Златоустѣ» они прѣехали въ Казань, чтобы ѣхать дальше, на кавказскія минеральныя воды, но что-то въ Казани имъ показалось неладно насчетъ политики, особенно смутили ихъ толки о готовящейся якобы «всеобщей забастовкѣ» и—они порѣшили съ тѣмъ же пароходомъ вернуться домой, не солоно хлѣбавши... Они почувствовали потомъ, что сдѣлали большую глупость, испугавшись революціи, и всю дорогу толковали про нее, оправдывая себя всячески. Ея превосходительство нервничала и дѣлала маленькія сцены супругу, такъ нетѣно воспользовавшемуся своимъ отпускомъ...

На Бѣлой погода улучшилась, публика оживла и не стала отворачиваться отъ политики, даже пустилась въ воспоминанія о стародавнихъ смутахъ, посѣтившихъ эти мѣста. Любопытное преданіе, касающееся великаго Смутнаго времени начала XVII вѣка, рассказалъ одинъ помѣщикъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи. Есть въ томъ уѣздѣ село Добромыль (съ почтовымъ отдѣленіемъ), въ странномъ названіи котораго лежитъ историческій фактъ. Въ 10 верстахъ отъ села, въ гористомъ берегу рѣчки Шишмы, находится большая пещера (изъ 10 отдѣленій), о которой мѣстные чувашинъ передаютъ, какъ слышанное отъ отцовъ и дѣдовъ, что тамъ когда-то давнымъ давно прожила нѣсколько мѣсяцевъ, отъ кого-то спасаясь—«царица больно добрая Мариска Мышка, убѣжавшая съ казаками изъ Москвы... Проживши въ пещерѣ, она побѣжала на Самару»...

Несомнѣнно, рѣчь идетъ о Маринѣ Мнишекѣ, которая могла этимъ путемъ бѣжать на низовья Волги.

Въ томъ же Мензелинскомъ уѣздѣ есть пригородъ Заинскъ, не возведенный, по волѣ Екатерины II, въ рангъ уѣздныхъ городовъ, единственно за то, что посѣтившій городъ Пугачевъ продѣлалъ тутъ такую буффонаду: войдя въ соборъ, онъ шлепнулся на престолъ въ алтарѣ и изрекъ:

— Эхъ! давненько таки я не сидѣлъ на престолѣ!.. надо посидѣть...

Заинцы до сихъ поръ не могутъ простить Пугачеву, что, изъ-за его минутнаго удовольствія «посидѣть на престолѣ», они навѣки лишились благъ уѣзднаго города...

Въ переживаемую же нами смуту никакихъ серьезныхъ волненій не было въ Уфимской губерніи, хотя, на примѣръ, Мензелинскій уѣздъ примыкаетъ къ самому неспокойному Бугульминскому уѣзду, Самарской губерніи. Но грабительскіе аппетиты, разумѣется, разгорались и здѣсь, хотя смѣшно и говорить о «земельномъ голодѣ» по здѣшнимъ мѣстамъ, гдѣ 8 десятинъ на душу минимальная норма. Замѣчательно, что и тутъ грабили всего больше русскіе и именно самые богатые мужики!.. Одинъ мужикъ, владѣющій капиталомъ до 20 тысячъ, пріѣзжалъ за помѣщичьимъ хлѣбомъ на 8 собственныхъ подводахъ... Меньше грабили татары, а башкиры, коренные аборигены края, совсѣмъ не грабили, спокойно говоря пришельцамъ-грабителямъ:

— Лучше не берите!.. вся земля наша!.. всю отберемъ въ свое время...

Кромѣ этихъ разсказовъ о прошлой смутѣ, возникали на нашемъ «Злотоустѣ» и политическія пренія, касавшіяся иногда и текущей дѣятельности Государственной Думы, къ которой большинство простыхъ смертныхъ, изъ людей уравновѣшенныхъ и знающихъ жизнь, относились съ рѣшительнымъ отрицаніемъ...

Дума производила не малый фуроръ только среди зеленой молодежи, да у кое-кого и постарше, но изъ тѣхъ, кто далекъ отъ настоящей «гущи жизни».

Какъ-то сбѣнился съ однимъ уравновѣшеннымъ земцемъ бывший земскій начальникъ и бывший помѣщикъ, удачно освободившійся отъ своего имѣнія еще до смуты, теперь страшный радикаль и врагъ капитализма, хотя свой капиталъ отъ продажи имѣнія лежитъ въ банкѣ... Онъ горой стоялъ за мужиковъ, оправдывалъ погромы помѣщиковъ (самъ-то ушелъ отъ нихъ!..), какъ «своеобразную форму протеста» и т. п. Земецъ, наоборотъ, видѣлъ въ этихъ погромахъ одинъ изъ печальныхъ признаковъ «вырожденія, умиранія націи»...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ «бывшій», памятуя о своемъ капитальцѣ,—мы умирать не хотимъ... мы еще поживемъ... и сладко поживемъ...

Одинъ молодой и интеллигентный крестьянинъ, служачій въ фирмѣ Ушковыхъ (химическіе заводы на Камѣ и въ Казани), собралъ около себя массу слушателей, съ горячимъ сочувствіемъ внимавшихъ его одушевленнымъ рѣчамъ, направленнымъ противъ нынѣшнихъ «безобразій и озорничества, прикрывающихся флагомъ свободы»... Его оппонентами были двѣ какія-то темненькія личности лакейскаго типа, одѣтыя черезчуръ по-модному и «страшно радикальныя». Но ихъ убогія реплики скоро умолкли предъ голосомъ жизненной правды и сами они быстро ступшевались куда-то.

Помимо этихъ разговоровъ, о революціи говорила иногда и музыка на пароходѣ. Какой-то юный господинъ изъ г. Бирска всю дорогу до Уфы тщетно и много разъ старался подобрать на піанино мотивы «рабочей марсельезы» и моднаго «похороннаго марша»...

А на самой рѣкѣ—и по берегамъ ея, и вдали отъ нихъ—вездѣ шла спокойно нормальная жизнь, работникамъ которой и во снѣ не снилась никакая революція... Намеки на послѣднюю можно было видѣть развѣ только въ вооруженныхъ стражникахъ, дежурившихъ почему-то на нѣкоторыхъ большихъ пристаняхъ—Топорнинѣ, Дуванѣ и др.

Въ г. Уфѣ было также спокойно. Извощикъ, показывая мнѣ городъ, обязательно подвезъ и къ часовнѣ на томъ мѣстѣ въ Центральномъ саду, гдѣ былъ убитъ губернаторъ Богдановичъ, и къ другому саду, гдѣ былъ раненъ губернаторъ Соколовскій. Но это было въ прошломъ, а сейчасъ Уфа была смущена трагической смертью временнаго вице-губернатора Архангельскаго, погибшаго, вмѣстѣ съ сыномъ-докторомъ, по собственной неосторожности. Они ловили рыбу на Бѣлой, усѣвшись подъ обрывомъ гористаго берега. Вдругъ спустился громадный оползень горы и задушилъ ихъ... Не везетъ Уфѣ насчетъ губернаторовъ...

На обратномъ пути, на томъ же «Златоустѣ», обнаружались вдругъ въ III классѣ юные агитаторы, открыто раздававшіе пассажирамъ какія-то старыя прокламаціи. На пароходѣ имъ не мѣшали, но когда они вздумали раздавать листки на первой же пристани (Благовѣщенскій заводъ), присутствовавшій тамъ приставъ сейчасъ же ихъ арестовалъ... На пароходѣ же они просвѣщали больше татаръ, незнакомыхъ съ русской грамотой. Татары приходили съ листками къ русскимъ и просили почитать, а выслушивши, бросали листки за бортъ... Такъ «крамола» и погибла на днѣ Бѣлой...

О крамолѣ пришлось еще вспомнить въ г. Бирскѣ, гдѣ сѣла на пароходъ учебная команда Старооскольскаго полка, изъ 32 дивизіи, обычно стоящей на Воляни. Вотъ куда забросила ихъ революція!.. Команда возвращалась въ г. Вольскъ, къ своему полку, передвинутому съ Воляни, по случаю волненій въ Саратовской губерніи, а въ Бирскъ была командирована для обученія ратниковъ, за нехваткою мѣстныхъ войскъ. Учебная команда, представлявшая цвѣтъ полка, вела себя чисто по-джентльменски, самымъ безукоризненнымъ образомъ, и заслужила общее расположеніе пассажировъ. Особенно восхищало послѣднихъ хоровое пѣніе солдатъ, преимущественно малороссовъ, съ отличными голосами и репертуаромъ малорусскихъ пѣсень. Послѣднимъ они угостили насъ на пристани Дютюрли, никогда, конечно, не слыхавшей до того малорусской музыки...

Состоявшій при командѣ вольноопредѣляющійся, очень симпатичный юноша, изъ хорошей русско-польской семьи, живо ориентировался на пароходѣ и сейчасъ же вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей—умѣло сталъ ухаживать рѣшительно за всѣми дамами и дѣвицами, отъ 50 до 14 лѣтъ безразлично. Скучившая женская публика сразу повеселѣла, послѣ тошнотворныхъ политическихъ разговоровъ мѣстныхъ штатскихъ кавалеровъ, а милый военный юноша черезъ 2—3 часа сталъ всеобщимъ любимцемъ...

V.

Такъ мирно мы добрались снова до Камы. Здѣсь какъ будто опять стало больше политики, какъ и подобаетъ на большой дорогѣ. Но и тутъ шли чаще успокоительныя вѣсти, говорившія прямо о начинающемся оздоровленіи деревни.

Одинъ ланшевецъ, хорошо знающій свой уѣздъ (Казанской губерніи), рассказывалъ, что мѣстные мужики относятся отрицательно къ «новымъ затѣямъ», а особенно ихъ возмущаютъ толки о равноправіи женщинъ. Кто то пошутилъ въ одной деревнѣ:

— Вотъ выберемъ бабу и посадимъ ее на мѣсто исправника...

— Какъ бабу?!—загадѣли мужики,—да она-те такіе порядки

заведетъ, что жизни не радъ будешь!.. Этакъ-то насъ, мужиковъ, заставитъ, пожалуй, блины печь, да дѣтвору нянчить?! Нѣтъ, мы не согласны!..

Но насчетъ земли лаишевскіе мужики стоятъ твердо: «земля нужна и подавай!..» И дѣйствительно, мѣстами прирѣзка земли крайне необходима, особенно, гдѣ даны были эти проклятые «даровые надѣлы». Къ тому же, уѣздъ страдаетъ отъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ.

Когда одинъ земскій начальникъ сталъ склонять мужиковъ къ переселенію, съ однимъ изъ стариковъ произошелъ у него такой діалогъ:

— Сколько найдется охотниковъ переселяться?—спрашиваетъ земскій.

— Да человекъ семь наберется...

— Въ вашемъ селѣ?

— Зачѣмъ?! А я считаю вотъ Ивана Петровича, Семена Павлыча...

И онъ насчиталъ еще нѣсколько именъ окрестныхъ помѣщиковъ...

— Да ты шутишь?—недоумѣваетъ земскій.

— Каки-таки шутки? Дѣло говорю... Вѣдь мужиковъ на селѣ наберется поболѣ 400 душъ, а чего будетъ стоить казнѣ переселить такую уйму народа?.. А баринъ... вотъ хоть и ты!.. взять узелокъ подъ мышку и готово, и казна безъ убытка: тебѣ способія не надо...

Одинъ чистопольскій купецъ, возмущенный озорничествомъ народа въ послѣднее время, передавалъ, что въ деревняхъ тѣмъ же возмущаются, кромѣ вообще «стариковъ», особенно бабы, которыя даже тамъ высказываются:

— Лучше бы голодный годъ, а то испропьются мужики наши...

У одного казанскаго помѣщика есть кирпичный заводъ, о которомъ онъ спрашиваетъ мужиковъ:

— Ну, землю у меня отберете, а заводъ оставите мнѣ?

— Зачѣмъ же! и заводъ отберемъ...

— На что онъ вамъ?

— Эвона! на что?.. да тебѣ же станемъ сдавать въ аренду... чудака какой!..

Въ Казани, въ каютѣ Любимовской пристани, мирная бесѣда наша съ русскимъ инокомъ Аѳонской горы была прервана жестокимъ преніемъ между двумя педагогами: умѣреннымъ филологомъ и радикальнымъ учителемъ рисованія... Правило о евреяхъ и—о ужасъ!—радикаль (изъ Бѣлоруссіи) былъ противъ евреевъ и даже не прочь былъ... бить ихъ...

Вотъ ужъ подлинно—«чортъ ихъ разберетъ», какъ выразился одинъ шуйскій мужикъ, избитый двумя фракціями радикаловъ (см. выше).

На большихъ пароходахъ «Кама» и «Графъ», на которыхъ я возвращался въ Нижній (съ остановкою въ г. Васильсурскѣ, гдѣ дачниковъ въ это лѣто было вдвое больше обычной нормы), биткомъ набитыхъ публикою, нашелъ только двухъ охотниковъ до политики. На «Камѣ» миловидная евреечка, сама заговорившая о политикѣ, пришла въ ужасъ отъ моихъ непочтительныхъ отзывовъ о г.г. Аникинѣ, Жилкинѣ и т. д., которыхъ «она очень любить», и попросила меня «помолчать о нихъ, иначе мы расстроимся...»

Мрачный матросъ на «Графѣ»—наоборотъ—страшно бранилъ тѣхъ же г.г. Жилкина и т. д. за то, что они «тянутъ канитель» насчетъ земли, которой у него, матроса, нѣтъ, а онъ такъ жаждетъ ея... Тотъ же матросъ очень сознательно требовалъ для мужиковъ, по крайней мѣрѣ, «5-тиклассныхъ училищъ», резонно говорилъ противъ смертной казни («въ животѣ воленъ единъ Богъ...») и проч.

Въ Нижнемъ, на пристаняхъ, замѣтно прибавилось безработныхъ. Какъ толпа ихъ окрысилась на меня, когда я отказался отъ ихъ услугъ по переноскѣ багажа до гостинницы и взялъ извозчика...

Тамъ же безносая баба, продающая невозможную снѣдь около монопошки, на пристани, такъ говорила городовому про босяковъ:

— Вотъ народъ! все сожретъ, что ни подай... на иное и глядѣть-то страшно, а не то что 4 копѣйки брать!.. А все слопаютъ...

Городовой, стоявшій тутъ на посту, поддакнулъ, выбирая глазами на лоткѣ бабы кусокъ поаппетитнѣе, чтобы закусить только что поднесенный ему кѣмъ-то стаканчикъ водки...

Въ Рыбинскѣ подошелъ ко мнѣ босякъ, развернулъ на ладони кучку мѣдяковъ и, показывая на пустую посудину, откровенно сказалъ:

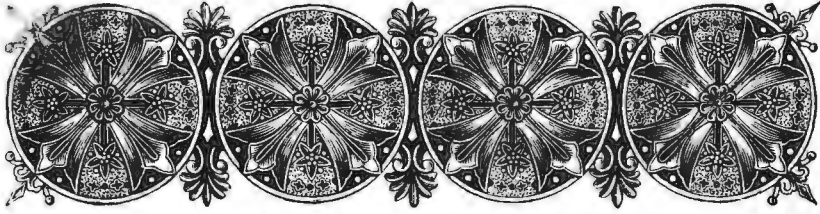
— Не хватаетъ, господинъ!.. человекъ я рабочій... не думайте что другое... больше не могу заработать...

Я охотно добавилъ, повѣривши ему.

Отъ Нижняго я проѣхался до Рыбинска и обратно до Кинешмы и, также нигдѣ не видѣлъ революціи, и не слышалъ про нее. Вездѣ шла обычная жизнь и кипѣла обычная лѣтняя работа.

Съ грустью разставался я съ Волгой, возвращаясь снова подъ тотъ же «мужицкій режимъ», отъ котораго отдохнулъ было на нашей великой рѣкѣ...

Н. Н. Оглобинъ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

(Материалы для исторіи русскої революціи).

ОБЫТІЯ, такъ неожиданно нахлынувшія на наше отечество, всколыхнули общество отъ низу до верху. Безпечальное житье, которымъ была такъ полна наша жизнь, смѣнилъ хаосъ—неизбѣжный спутникъ переходного времени. Вдаваться въ анализъ причинъ я не имѣю намѣренія; это было бы непосильнымъ для меня трудомъ, да и нѣтъ подъ рукой матеріала. Въ предлагаемомъ изложеніи я даю очеркъ революціоннаго движенія въ г. Харьковѣ, гдѣ передъ моими глазами происходили мятежныя волненія, закончившіяся вооруженнымъ возстаніемъ. Событія, о которыхъ будетъ идти рѣчь, относятся къ послѣднимъ четыремъ мѣсяцамъ 1905 года. Самое описаніе основано на официальныхъ документахъ, на свѣдѣніяхъ мѣстной и столичной печати, провѣренныхъ по этимъ документамъ, на письменныхъ удостовѣреніяхъ частныхъ и официальныхъ лицъ, а также на личныхъ наблюденіяхъ. Излагая только факты, я игнорировалъ слухи и заносилъ въ эти скорбные листы только то, что имѣло доказательную достовѣрность. Однако, этотъ приемъ не даетъ мнѣ права назвать мою работу историческимъ изслѣдованіемъ. Весьма возможно, что нѣкоторыя событія разсматриваемаго періода, могли пройти мною недостаточно обслѣдованными, недостаточно освѣщенными, другія незамѣченными, хотя, можетъ быть,

весьма характеристичными, а потому я и назвалъ настоящее изложение матеріалами для исторіи революціоннаго движенія.

Съ цѣлью наилучше выяснить событія, имѣвшія мѣсто въ разсматриваемое время, я раздѣляю ихъ характеристику по группамъ тѣхъ частей населенія, которыя принимали въ нихъ участіе и излагаю подготовительныя дѣйствія этихъ группъ къ вооруженному возстанію, задуманному, какъ впоследствии оказалось, для всей Россійской Имперіи по одной схемѣ, по одному плану, что вполне подтверждается даже отрывочными данными, попадавшими въ печать. Сознаю, что оставаться вполне объективнымъ въ настоящей работѣ, стоитъ многихъ усилій. Гнетъ насилія, распущенность правовъ, отрицаніе всего, какъ девизъ самаго движенія, никакъ не могутъ настроить на спокойное обсужденіе фактовъ. Это насиліе надъ обществомъ, надъ отдѣльными личностями, нетерпимость ко всему тому, что не стало въ ряды революціи, до сихъ поръ давятъ душу, заставляютъ нервно содрогаться сердце и вызываютъ гнѣвный протестъ разума.

За долгій періодъ моей сознательной жизни, почти безъ перерыва проведенной въ общественной дѣятельности, всегда сопровождавшейся изученіемъ, въ предѣлахъ для меня возможнаго, историческаго развитія нашей государственности, нашей самобытности, я никакъ не могъ помириться съ необходимостью для русскаго народа повторять ужасы прошлаго Западной Европы. Я былъ убѣжденъ, что не черезъ потоки крови и разстрѣлы мы должны завоевать свободу, не разореніемъ государства и народа должны бороться съ Россіей чиновничьей, съ этимъ тормазомъ общественнаго развитія, а мирнымъ завоеваніемъ человѣческихъ правъ. Этотъ путь я считалъ единственнымъ. И потому, когда передъ моими глазами полилась кровь, когда ежедневная хроника наполнялась убійствами изъ-за угла, насиліями надъ трудомъ, грабежомъ народнаго и частнаго достоянія, то я только воочию убѣждался въ ненужности всего этого безразсуднаго дебоша, смѣшавшаго все, чѣмъ долженъ жить человѣкъ-христіанинъ, въ безформенную массу, въ которой исчезли элементарныя нравственныя понятія о свободѣ, о неприкосновенности личности, о Богѣ, какъ источникѣ любви, добра и милосердія.

Это мое личное настроеніе нисколько не помѣшало мнѣ держаться фактической стороны разсматриваемаго періода и дать читателю правдивую картину того, что пришлось пережить для неизвѣстнаго загадочнаго будущаго. Но къ дѣлу.

I.

Учебныя заведенія.

Сходки, обструкціи, уличныя манифестаціи студентовъ Харьковскаго университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ, во второй половинѣ академическаго 1904—1905 года, не давали никакого основанія предположить, что первая половина слѣдующаго академическаго года можетъ пройти при нормальныхъ условіяхъ. Никто изъ слѣдившихъ за ходомъ мятущейся жизни молодежи высшихъ учебныхъ заведеній не предполагать возможности возобновленія занятій. Всѣ знали, съ университетскимъ начальствомъ во главѣ, что студенты соберутся къ началу учебнаго года для продолженія обструкціи, пропаганды, агитацій, манифестацій и т. п., но не для слушанія лекцій. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ о томъ свидѣлствуютъ конфиденціальныя распоряженія, направленные попечителямъ учебныхъ округовъ, само не вѣрило въ возможность успокоенія, хотя поспѣшно отзывалось на различныя академическія требованія, имѣвшія, впрочемъ, характеръ и значеніе компромиссовъ, больше и больше укрѣплявшихъ учащуюся молодежь въ томъ, что она представляетъ собою силу, съ которой не только необходимо считаться, но къ которой нужно подлаживаться, явно обнаруживая при этомъ полнѣйшій отказъ отъ власти, прерогативы которой перешли къ профессорамъ изъ лагеря «освободительнаго движенія», совмѣстно съ учащейся молодежью. Тактика министерства народнаго просвѣщенія удивляла даже крайнихъ. Въ стѣнахъ университета созывались совѣты, на которыхъ разсматривались вопросы, выдвинутые революціонною жизнью. Умѣреннымъ элементамъ, стоявшимъ за локализацию университета въ предѣлахъ прямого его назначенія, безцеремонно зажимали ротъ криками «молчать», «довольно», «вонъ». Оппозиція оказалась малочисленной и настолько слабой, что признала болѣе полезнымъ стусеваться, получать каждое 20-ое число присвоенное содержаніе, предоставивъ крайнимъ партіямъ хозяйничать, какъ имъ вздумается. Устранивъ такъ легко съ пути своихъ программныхъ дѣйствій профессоровъ, стоявшихъ за правильный ходъ академической жизни, профессора-реформаторы стали хозяевами положенія, тѣмъ смѣлѣе и отважнѣе, что попечитель учебнаго округа, М. М. Алексѣенко, зная о томъ, что дѣлается въ совѣтѣ, ни однимъ дѣйствіемъ не проявилъ какого-либо участія къ университетской жизни— все, что ни совершалось въ совѣтѣ, какъ бы санкціонировалось строгимъ его невмѣшательствомъ. Когда же единицы возвышали голосъ осужденія такой тактикѣ, то попечитель учебнаго округа успокаивалъ извѣстнымъ изрѣченіемъ—«laissez faire, laissez passer». Иными словами, практиковалъ приемъ, усвоенный всѣми, власть

имѣвшими въ дни революціонныхъ подготовительныхъ дѣйствій и въ самые дни мятежей.

6 сентября вновь поступившіе студенты университета, послѣ молебна, были приглашены въ актовъй залъ, гдѣ и. д. ректора, А. С. Брио, обратился къ нимъ съ рѣчью, изъ которой привожу болѣе яркія мѣста: «Харьковскій университетъ, — говорилъ ректоръ, — въ 1905 году вступаетъ во второе столѣтіе своего существованія. Цѣлый вѣкъ служилъ онъ свою достойную службу государству и обществу. Въ знаменательный день, 27 августа 1905 года, его императорскому величеству благоугодно было даровать россійскимъ университетамъ всѣ преимущества самоуправленія... Такой автономный принципъ, внесенный въ жизнь университетовъ, обѣщаетъ многія блага дальнѣйшаго процвѣтанія. Берегите и лелѣйте это свѣтлое учрежденіе и всѣми, зависящими отъ васъ, средствами храните, оберегайте это лучшее достояніе государства».

Въ технологическомъ институтѣ въ тотъ же день въ торжественномъ залѣ, въ присутствіи профессоровъ, преподавателей и студентовъ, былъ отслуженъ молебенъ передъ началомъ занятій. Священникъ о. В. Добровольскій сказалъ слово на тему о томъ, «что нужно подразумѣвать подъ свободой и кого нужно считать свободнымъ человѣкомъ». И. д. директора института, профессоръ П. М. Мухачевъ, обратился ко вновь принятымъ студентамъ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что, въ виду предстоящихъ выборовъ, изъ среды профессоровъ, директора и его помощника, которые займутъ извѣстное время, начало лекцій на I курсѣ откладывается до 9 сентября. Поздравляя вновь вступившихъ «съ крупнымъ шагомъ» въ ихъ жизни, и. д. директора высказалъ слѣдующее пожеланіе: «Желаю вамъ проникнуться убѣжденіемъ, что высшія учебныя заведенія предназначены служить исключительно однимъ научно-просвѣтительнымъ цѣлямъ и что истинный залогъ счастья и внутренняго довольства заключается въ самоусовершенствованіи путемъ постоянной работы надъ самимъ собою».

Въ ветеринарномъ институтѣ въ тотъ же день также былъ отслуженъ молебенъ передъ началомъ чтенія лекцій, въ присутствіи директора института, И. И. Гумилевскаго, профессоровъ, студентовъ и фельдшерскихъ учениковъ. Протоіерей О. В. Добровольскій сказалъ слово «о христіанской свободѣ».

Казалось, что все идетъ нормально. Но это казалось только. Въ рѣчахъ и. д. ректора университета, А. С. Брио и и. д. директора технологическаго института, М. П. Мухачева проглядывало стараніе подчеркнуть прямыя задачи высшихъ учебныхъ заведеній, что указывало на существованіе иныхъ взглядовъ среди студентовъ и давало основаніе опасаться нарушенія правильнаго хода академической жизни, не взирая на данную автономію. Какъ и слѣдовало ожидать, автономія оказалась однимъ изъ могущественныхъ средствъ для профессоровъ и сту-

дентовъ освободительнаго направленія къ развитію революціи. Университеты и институты широко открыли двери для всеобщихъ митинговъ, пропаганды къ уничтоженію государственнаго строя. На первыхъ же порахъ выяснилось, что добровольцы агитаторы изъ разныхъ слоевъ населенія, специально приставленные для возбужденія молодежи, за вознагражденіе, какими-то тайными исполнительными комитетами, стремились превратить высшія учебныя заведенія въ публичныя сборища и, въ это же время, центральное вѣдомство спѣшило идти на всевозможныя уступки, признавая за ними лучшее средство къ умиротворенію. «Тамъ, гдѣ преступная агитація ловкими приѣмами стремится подкопаться подъ государственный строй,—говоритъ Верди-де-Вернуа,—правовое государство можетъ быть приведено въ полное разстройство, если правительство вздумаетъ придерживаться ложной политики, заключающейся въ предупредительной уступчивости, въ чаяніи того, что аномальное броженіе массъ уляжется само собой». Дарованіе автономіи, какъ и многіе другіе законодательные акты смутнаго періода, производили впечатлѣніе компромиссовъ между обществомъ и властью. Сами по себѣ, будучи закономъ справедливой необходимости и отвѣчая запросамъ жизни, въ это ненормальное время, они получали значеніе чего-то завоеваннаго, вынужденнаго, исторгнутаго силою, а потому и расширявшаго требовательность оппозиціонныхъ элементовъ по пословицѣ «L'appetit vient en mangeant», что и доказывали послѣдующія событія.

10 сентября прибылъ въ Харьковъ профессоръ М. М. Ковалевскій, а 11 въ актовомъ залѣ, въ засѣданіи юридическаго общества, былъ имъ сдѣланъ докладъ о законѣ 6 августа, разумѣется, безпощадно критическій. Аудиторія была настолько полна, что невозможно было спокойное слушаніе доклада. На лѣстницѣ, на крыльцѣ, на улицѣ стояли толпы народа. Профессоръ едва могъ окончить чтеніе, по необходимости сокративъ программу. Въ толпѣ, стоявшей на улицѣ, раздавались протесты на невозможность попасть въ залъ. Волненіе толпы увеличилось, потребовалось вмѣшательство полиціи. Часть толпы направилась по Сумской улицѣ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, чѣмъ, впрочемъ, инцидентъ былъ исчерпанъ. Лекцію профессоръ кое-какъ дочиталъ.

12 сентября, въ 10 часовъ утра, въ актовомъ залѣ университета состоялась сходка студентовъ свыше 1.400 человекъ. Сюда явились и фармацевты, вольнослушатели, а подъ ихъ видомъ и постороннія лица. На сходкѣ присутствовали профессора исключительно изъ устроителей революціи, съ новымъ ректоромъ Л. В. Рейнгартомъ и нѣкоторыми деканами факультетовъ. До 6 часовъ вечера актовъ залъ дрожалъ отъ громовыхъ рѣчей. Одинъ ораторъ смѣнялъ другого. Возбужденное состояніе аудиторіи выражалось или долго несмолкавшими криками, аплодисментами, или свист-

ками и шиканьемъ. Главный предметъ обсужденія состоялъ въ томъ, начинать-ли занятія или продолжать обструкцію. Результатъ сходки выразился въ резолюціи такого содержания: «Признать открытіе университета возможнымъ, но, въ виду того, что условія русской жизни остались тѣ же, что и были до закона 27 августа, что эти условія могутъ угрожать прекращеніемъ академической жизни, необходимо дѣйствовать въ направленіи достиженія ихъ улучшенія, въ смыслѣ болѣе широкой академической свободы, стоящей въ зависимости отъ проведенія въ жизнь широкихъ политическихъ свободъ». Въ технологическомъ и ветеринарномъ институтахъ также состоялись сходки, вынесшія тождественную резолюцію. Сходки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ продолжались до 15 сентября почти непрерывно. Въ технологическомъ институтѣ онѣ имѣли болѣею частью совѣщательный характеръ, причемъ, главнымъ образомъ, обсуждалась форма, въ которой слѣдовало бы выразить протестъ противъ событій изъ недавняго прошлаго института, ознаменовавшагося, вслѣдствіе безпорядковъ и партійности профессорскаго персонала, удаленіемъ и уходомъ нѣсколькихъ профессоровъ, а также и увольненіемъ студентовъ. На сходкѣ 14 сентября произошло такое оригинальное обстоятельство. Только что избранный директоромъ института, профессоръ П. М. Мухачевъ, сдѣлалъ демонстративное заявленіе, что онъ не состоитъ уже членомъ Харьковскаго отдѣла русскаго собранія. Профессоръ Мухачевъ, какъ онъ объяснилъ, желаетъ разсѣять возможные недоразумѣнія на этой почвѣ. Студенты встрѣтили сообщеніе г-на Мухачева не совсѣмъ одобрительно. Приводимая подробность, во всякомъ случаѣ, весьма характерна...

Между тѣмъ, и въ преподавательской средѣ далеко не мирно протекала жизнь. Вначалѣ на сходкахъ въ частныхъ квартирахъ, а затѣмъ и въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, обсуждались политическіе вопросы, результатомъ чего появилась слѣдующая резолюція младшихъ преподавателей учебныхъ заведеній Харькова: «Политическія условія страны не даютъ достаточной гарантіи только что введенной въ наши высшія учебныя заведенія академической автономіи. Поэтому, въ настоящемъ засѣданіи, считаемъ долгомъ сдѣлать слѣдующее постановленіе:

1) Товарищи наши, подвергнушіеся, благодаря административному произволу, устраненію отъ преподавательской дѣятельности, должны быть возвращены на свои мѣста (объ этомъ мы подаемъ особое заявленіе).

2) Двери высшихъ учебныхъ заведеній должны быть немедленно открыты для студентовъ, уволенныхъ прежней учебной администраціей за участіе въ политической жизни страны въ борьбѣ за академическую (?) свободу.

3) Признавая, что университетъ и другія высшія школы страны должны играть крупную роль въ смыслѣ развитія политическаго самосознанія и объединенія общественныхъ силъ, особенно въ настоящее время, и находя, что прекращеніе въ весеннемъ семестрѣ занятій въ высшихъ школахъ сыграло свою роль, и, при теперешнихъ измѣнившихся условіяхъ, не можетъ считаться всеми пріемлемымъ оружіемъ въ борьбѣ за академическія и гражданскія права, — мы рѣшаемъ приступить къ нашимъ профессиональнымъ занятіямъ, и готовы всегда бороться за условія, обеспечивающія неприкосновенность академической автономіи и по отношенію къ студентамъ и по отношенію къ намъ самимъ.

4) Такъ какъ причины академическихъ настроеній лежатъ внѣ академіи, мы повторяемъ, что и автономная высшая школа, доколѣ не устранены эти причины, не можетъ принять на себя отвѣтственность за нормальное теченіе занятій».

Занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не возобновлялись. Учащаяся молодежь сходилась для дебатовъ по разнымъ политическимъ вопросамъ; курсовыя собранія какъ бы стремились не выходить изъ области студенческихъ нуждъ, но разъ студенты собирались на общія совѣщанія, все, кромѣ политики, отходило на задній планъ. Такъ, 17 сентября, на сходкѣ юристовъ было рѣшено приступить къ государственнымъ экзаменамъ 20 сентября, но 22 сентября все рѣшенія радикально измѣнились, — студенты нашли несвоевременнымъ заниматься наукой, когда «отечество въ опасности». Въ этотъ же день въ химической аудиторіи студентъ Гофманъ читалъ докладъ о результатахъ занятій съѣздовъ городскихъ и земскихъ дѣятелей. Аудиторія была переполнена самой разнообразной публикой: тутъ были студенты, рабочіе, интеллигенты, въ лицѣ врачей и адвокатуры, много «барышень», преимущественно евреекъ. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, какъ замѣчали на другой день мѣстныя газеты. Ораторы, главнымъ образомъ, обсуждали государственное устройство, признавая необходимымъ однопалатную систему управленія. Вторая палата, говорили они, явилась бы буржуазнымъ учрежденіемъ, несогласующимся съ демократическими принципами. А такъ какъ земскіе дѣятели признаютъ двухпалатную систему, то имъ было высказано недовѣріе, особенно въ виду того, что въ ихъ программѣ отсутствуетъ признаніе необходимости восьмичасоваго рабочаго дня. Одинъ изъ ораторовъ, реалистъ VI класса, въ особенности горячо защищалъ прямую, тайную, равную и всеобщую подачу голосовъ. Профессора аплодировали, видя передъ собой, какъ они высказывались, яркое выраженіе развитія политическаго самосознанія въ юношествахъ. Сходка, или лекція — не знаю, какъ ее соотвѣтственно назвать — закончилась пѣніемъ марсельезы толпой, вышедшей на Университетскую улицу.

Въ тотъ же день, т. е. 22 сентября, какъ и наканунѣ, студенты-технологи обсуждали вопросы о возвращеніи уволенныхъ профессоровъ и ихъ товарищей и постановили предъявить требованія въ этомъ направленіи. Постановлено было также требовать удаленія инспекціи въ недѣльный срокъ. Студенты 5-го курса при этомъ заявили, что они отказываются подавать проекты въ комиссіи до тѣхъ поръ, пока въ составъ учебнаго комитета будетъ профессоръ Немолодышевъ. На сходки всегда являлись постороннія лица, евреи по преимуществу, произносили тамъ зажигательныя рѣчи, что вызвало со стороны дирекціи необходимость вывѣсить на дверяхъ института объявленіе отъ учебнаго комитета, предлагающаго студентамъ «оградить институтскія помѣщенія отъ доступа постороннихъ лицъ, присутствіе которыхъ въ стѣнахъ института совершенно противорѣчитъ уставу». Эти распоряженія мало помогали. Носили онѣ характеръ обычныхъ полицейскихъ объявленій, за исполненіемъ которыхъ никто и не слѣдилъ, что объясняли, несвоевременностью раздражать студенчество. Между тѣмъ, постороннія лица, большею частью командируемыя разными революціонными организаціями въ качествѣ агитаторовъ, стремились вконецъ разрушить академическую жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Рѣчами, призывавшими къ борьбѣ за свободу, возбуждали молодежь и безъ того волнующуюся, выбившуюся изъ колеи. На сходкѣ 22 сентября хотя и было постановлено возобновить учебныя занятія громаднымъ большинствомъ голосовъ, но въ возможность этого никто не вѣрилъ, даже и тѣ, кто дѣлалъ эти постановленія.

Занятія нигдѣ не открывались. Сходки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принимали все болѣе и болѣе острый характеръ. Студенты университета, обсуждая разные вопросы внутренней системы управленія, какъ-то — объ уничтоженіи инспекціи, о свободѣ преподаванія, объ организаціи своего суда, кассъ и т. д., перешли къ обсужденію политической дѣятельности нѣкоторыхъ профессоровъ, объявивъ бойкотъ профессорамъ, членамъ русскаго собранія, Денисову и Буцынскому. Студенты-медики рѣшили отправить депутацію въ правленіе университета съ требованіемъ удалить профессора Патенко. Вопросъ этотъ возникъ по заявленію формацевтовъ и аптекарскихъ учениковъ, въ громадномъ большинствѣ евреевъ, недозвольныхъ имъ, какъ экзаменаторомъ.

Резолюціи, выработывавшіяся на сходкахъ, вносились въ подлежащіе совѣты высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ встрѣчали предупредительное отношеніе со стороны профессоровъ. 26 сентября мы уже встрѣчаемся съ особо организованнымъ совѣтомъ въ ветеринарномъ институтѣ, состоявшимъ изъ профессоровъ и делегатовъ студентовъ. Здѣсь обсуждаются такіе вопросы: «о допущеніи въ совѣтъ института младшихъ преподавателей съ пра-

вомъ рѣшающаго голоса». Въ этомъ же засѣданіи совѣтъ постановляетъ «по всѣмъ академическимъ дѣламъ приглашать на засѣданія совѣта выборныхъ отъ студентовъ». Тогда же состоялось постановленіе открыть институтъ 3 октября для занятій, но, какъ и въ университетѣ, осталось неисполненнымъ.

На общихъ сходкахъ студентовъ къ этому времени были выработаны резолюціи, принятія всѣми учебными заведеніями. Сущность ихъ сводилась къ слѣдующему: указывалось на необходимость общихъ реформъ государственнаго устройства: 1) представительство съ законодательными функціями, 2) свобода слова, печати, союзовъ и собраній, 3) отмена усиленной охраны, 4) непремѣнное возвращеніе въ учебныя заведенія, уволенныхъ за безпорядки, товарищей, 5) доступъ въ высшія учебныя заведенія женщинъ, 6) неограниченный пріемъ евреевъ, 7) уничтоженіе инспекціи. Исполненіе этихъ требованій постановлено было какъ *sine qua non*, безъ котораго студенты начать ученіе не желаютъ. Мѣстное начальство—профессора стремились идти навстрѣчу требованіямъ; вездѣ собирались экстренныя засѣданія учебныхъ комитетовъ, совѣтовъ, поспѣшно удовлетворявшія то, что было въ предѣлахъ ихъ компетенціи, а то, что принадлежало вѣдомству центральнаго управленія, направлялось по телеграфу въ Петербургъ. Такъ, въ ветеринарномъ институтѣ совѣтъ выработалъ такой проектъ: «должность инспектора и его помощника, и педелей упразднить»; учредить должность помощника директора, избираемаго изъ среды профессоровъ, которому должно быть поручено завѣдываніе канцеляріею. Какъ только будетъ получено разрѣшеніе, тотчасъ же приступить къ коренной реорганизаціи. Принять въ институтъ всѣхъ, подавшихъ объ этомъ заявленія, студентовъ, уволенныхъ въ послѣдніе годы изъ института по политическимъ дѣламъ.

Въ числѣ домогательствъ совѣта университета относительно общихъ реформъ были требованія еврейскаго равноправія и неограниченнаго поступленія евреевъ въ высшія учебныя заведенія. Министру народнаго просвѣщенія была послана слѣдующая телеграмма: «Петербургъ. Господину министру народнаго просвѣщенія. Принимая во вниманіе постановленіе совѣта, общественное мнѣніе и желаніе студентовъ, считаю удовлетвореніе ходатайства евреевъ одной изъ важнѣйшихъ мѣръ къ успокоенію, почему убождительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство разрѣшить пріемъ въ число студентовъ и на провизорскіе курсы всѣхъ евреевъ, подавшихъ прошенія и удовлетворяющихъ законнымъ требованіямъ. Очень прошу отвѣта телеграммой. Ректоръ университета Рейнгардтъ». Вотъ какого страха нагнали евреи. Въ засѣданіи совѣта университета 29 сентября состоялись слѣдующія постановленія: «принимать въ университетъ женщинъ вольнослушательницами и ходатайствовать о пріемѣ ихъ студентками на равныхъ условіяхъ.

съ мужчинами. Рѣшено ходатайствовать о приѣмѣ въ число студентовъ семинаристовъ и вообще окончившихъ среднія учебныя заведенія. По предложенію ректора, послѣ доклада его о фактическомъ положеніи дѣлъ въ университетѣ, рѣшено войти съ представленіемъ въ министерство о томъ, что университету можетъ быть обезпеченъ правильный и спокойный ходъ его жизни лишь при условіи предоставленія всѣмъ гражданамъ свободы слова, печати, собраній и неприкосновенности личности». Рѣшеніе это было принято совѣтомъ единогласно. Затѣмъ совѣту были доложены студенческія заявленія касательно профессоровъ, принадлежащихъ къ составу русскаго собранія. Заявленія эти вызвали продолжительныя дебаты, не приведшіе, однако, ни къ какому рѣшенію. 30 сентября ректоръ университета, В. Рейнгардтъ, послалъ министру народнаго просвѣщенія, съ одобренія совѣта, слѣдующую телеграмму: «Петербургъ. Его высокопревосходительству г-ну министру народнаго просвѣщенія. Совѣтъ Харьковскаго университета еще въ февралѣ опредѣленно заявилъ, что нормальное теченіе академической жизни невозможно безъ общей политической свободы русскаго народа. Въ настоящій моментъ совѣтъ, вынужденный силою событій, въ засѣданіи 29 сентября единогласно постановилъ: университетъ въ обществѣ, лишенномъ свободы слова, печати, собраній и личности, по необходимости, служить мѣстомъ, куда стихійно устремляется сознавшее свои права общество, какъ воздухъ разрушительнымъ вихремъ несется къ мѣсту наименьшаго давленія. Совѣтъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать все, что въ его силахъ, для поддержанія нормальнаго хода академической жизни, но силы, лежація внѣ его, могущественнѣе, и противостоятъ ихъ давленію нѣтъ никакой возможности; отвѣтственность за результаты дѣйствія внѣшнихъ причинъ, обусловливаемыхъ ходомъ историческаго процесса, совѣтъ не можетъ и не имѣетъ права принять на себя. Предупредить катастрофу можно лишь въ томъ случаѣ, когда русскому народу будутъ гарантированы священныя права всякаго русскаго человѣка: неприкосновенность личности, свободы слова, печати, союзовъ и собраній. Ректоръ Рейнгардтъ».

Изъ сопоставленія дѣйствій учащейся молодежи съ мѣропріятіями администраціи высшихъ учебныхъ заведеній вполнѣ опредѣленно выступаетъ полная солидарность между ними. Казалось бы, надлежало заключить, что совѣты университета и ветеринарнаго института и учебный комитетъ технологическаго института проникнуты одинаковыми желаніями, но на самомъ дѣлѣ такого единомыслія не было. Если ближе присмотрѣться къ событіямъ разсматриваемаго періода, то требованія учащейся молодежи, подкрѣпляемыя ежедневными беспорядками, насиліями надъ меньшинствомъ, висѣли дамокловымъ мечемъ надъ администраціей высшихъ учебныхъ заведеній. Угнетенная, растерянная, а потому лишенная

всякаго авторитета, власть, ничего не находила лучшаго, какъ поддакивать молодежи и забрасывать телеграммами министерство народнаго просвѣщенія. Среди совѣтскаго состава было не болѣе пяти профессоровъ, открыто присоединившихся къ беспорядочному нарушенію академической жизни. Профессора, примкнувшіе къ этой группѣ, все-же не могли бы составить большинство въ томъ случаѣ, если бы оппозиція была талантливѣе, не занималась только срываніемъ засѣданій, или же прямо уклонялась отъ ихъ посѣщенія. Но вставляю это замѣчаніе только между прочимъ.

Событія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принимали все болѣе и болѣе обостренный характеръ. Университетъ и ветеринарный институтъ стали мѣстомъ сходокъ и митинговъ всѣхъ, кто только пожелалъ. Сюда стекались профессора, студенты, адвокаты, рабочіе, гимназисты и реалисты. Ораторы произносили рѣчи на темы о ниспроверженіи существующаго порядка. Крики: «долой царя», «долой самодержавіе» стали обычными. Митинги заканчивались шествіями съ красными флагами, подъ звуки «дубинушки» и «марсельезы». Волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ скоро были перенесены и на среднія учебныя заведенія. Въ реальномъ училищѣ, еще въ началѣ академическаго года, въ VI и VII классахъ, съ значительнымъ процентомъ учениковъ изъ евреевъ, замѣчалось движеніе, выразившееся въ формѣ различныхъ петицій, коллективныхъ протестовъ, obstructій, и т. д. Во второмъ полугодіи движеніе разрослось до геркулесовыхъ столбовъ.

Въ началѣ сентября одинъ изъ учениковъ назвалъ своего товарища шпиономъ. Послѣдній, возмущенный несправедливымъ обвиненіемъ, оскорбилъ клеветника дѣйствіемъ. Въ другое время все бы ограничилось примиреніемъ путемъ разныхъ уступокъ съ той и другой стороны, но часть учениковъ VII класса сдѣлали изъ этого инцидента цѣлую исторію, чреватую послѣдствіями. Они потребовали исключенія своего товарища Култашова, одного изъ первыхъ учениковъ, работоспособнаго, изъ прекрасной семьи. Култашовъ не хотѣлъ подчиниться приговору, чувствуя себя безусловно правымъ уже потому, что ни назвавшій шпиономъ, ни примкнувшіе къ нему товарищи, не представили ни единаго факта, хотя бы косвенно подтверждающаго жестокое обвиненіе. Единственно было доказано, что Култашовъ распространялъ въ реальномъ училищѣ книги и брошюры консервативнаго направленія. Требованіе объ исключеніи Култашова изъ училища исполнено не было; вслѣдъ затѣмъ наступилъ цѣлый рядъ безобразныхъ явленій, изъ которыхъ вполнѣ выяснилось, что инцидентъ съ этимъ ученикомъ имѣетъ весьма отдаленное отношеніе ко всему тому, чѣмъ стала полна жизнь реальнаго училища. Конфликты между учениками и группой преподавателей, державшихся необходимости правильнаго теченія учебныхъ занятій при условіяхъ порядка и дисциплины,

стали обыкновенными явленіями. Обструкціи, вызывающія протесты, направленные по адресу директора Шихова, человѣка безупречнаго, но неустойчиваго, съ требованіями оставленія имъ должности, сдѣлались главнымъ занятіемъ реалистовъ. Въ дѣйствіяхъ учащихъ обнаружилось явное намѣреніе стать въ ряды мятежнаго движенія.

Какъ въ послѣдствіи выяснилось, такое направленіе не только поддерживали нѣкоторые изъ родителей и преподавателей, но и въ значительной мѣрѣ имъ принадлежала ихъ инициатива. Зараза этого движенія проникла даже въ младшіе классы. Вотъ что говорятъ факты:

Отказъ исключить Култашова изъ училища вызвалъ сходку не только реалистовъ, но и учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній Харькова. На этой сходкѣ, во главѣ съ г-жею Десятовой, сынъ которой, ученикъ реальнаго училища, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ оппозиціи, было рѣшено силою прекратить занятія путемъ химической обструкціи. Дѣйствительно, 15 сентября въ классахъ была разлита зловонная жидкость; со многими изъ учениковъ младшихъ классовъ сдѣлалось дурно. Окна въ училищѣ были разбиты. Виновники, въ числѣ трехъ, были исключены изъ училища, а съ 17 сентября занятія въ немъ прекратились. Педагогическій совѣтъ того же 17 сентября собралъ родителей учащихъ для ознакомленія съ событіями, имѣвшими мѣсто за послѣдніе дни въ училищѣ и для совмѣстнаго изысканія мѣръ возстановленія школьной жизни. Это совѣщаніе омрачилось многими инцидентами. Постороннія лица врывались въ него и произносили рѣчи, возбуждавшія аудиторію. Ученики аплодировали ораторамъ. Ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ совѣщаніе не пришло. Между тѣмъ, въ университетскомъ саду и на городскомъ кладбищѣ происходили чуть не ежедневныя сходки учащихъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, вырабатывавшія свои отношенія къ родительскимъ совѣщаніямъ, обсуждавшія свою роль въ охватившемъ общество освободительномъ движеніи. 27 сентября родители, совѣщаясь въ реальномъ училищѣ, высказали свои мнѣнія въ постановленіяхъ, изъ которыхъ и беру наиболѣе существенныя: Совѣщаніе родителей категорически высказалось: 1) о совершенной несовмѣстности положенія ученика средней школы съ какою бы то ни было политической дѣятельностью; 2) такъ какъ изъ совокупности всѣхъ данныхъ, обнаружившихся на совѣщаніи, выяснилось, что въ волненіяхъ учениковъ принимали дѣятельное участіе отдѣльные политическіе дѣятели и даже кружки, то совѣщаніе высказалось, что дѣятельность означенныхъ лицъ и кружковъ, направленная къ достиженію ихъ политическихъ цѣлей черезъ посредство учениковъ-дѣтей, является преступною; 3) собраніе нашло необходимымъ открыть занятія въ училищѣ. Призна-

вая, что приемы обструкції не могут быть ничѣмъ оправданы и являются вредными для здоровья, собраніе, тѣмъ не менѣе, нашло желательнымъ, не привлекать къ отвѣтственности никого изъ виновныхъ, но предупредить, что если, по возобновленіи занятій, будетъ сдѣлана попытка вновь помѣшать ихъ правильному ходу, педагогическій совѣтъ поступитъ въ этомъ случаѣ съ виновными со всею строгостью; 4) входя въ разсмотрѣніе мѣръ возстановленія занятій, въ случаѣ ихъ новаго нарушенія, совѣщаніе, находя, что лишь небольшая группа учениковъ является помѣхою правильному ученію въ столь многолюдномъ заведеніи, признало необходимымъ, въ видахъ возстановленія правильной жизни училища, просить педагогическій совѣтъ, не прибѣгая къ исключенію, какъ въ крайней мѣрѣ, предложить родителямъ и воспитателямъ виновныхъ взять ихъ дѣтей или воспитанниковъ изъ заведенія. Въ случаѣ же, если родители не живутъ въ Харьковѣ, то, не ожидая ихъ прибытія, временно удалить ихъ дѣтей изъ заведенія».

Но это постановленіе не подѣйствовало успокоительно, напротивъ, оно вызвало протесты въ 1, 2, 3 и 4 мужскихъ и въ 1 и 2 женскихъ гимназіяхъ. Что странно, — во 2 женской гимназіи, прежде отличавшейся замѣчательной корректностью и серьезностью, обостреніе отношеній ученицъ къ преподавательскому персоналу выразилось съ наибольшей интенсивностью. Классныя помѣщенія наводнялись прокламаціями, призывавшими къ вооруженной борьбѣ за свободу. Составлялись петиціи съ цѣлымъ рядомъ безобразныхъ требованій, содержаніе которыхъ исключало всякое представленіе о женственности, о стыдѣ, такъ присущихъ молодому поколѣнію. Очевидно, что все это заносилось извнѣ тѣми революціонными кружками или отдѣльными агитаторами, о которыхъ сказано въ постановленіяхъ совѣщанія родителей учениковъ реального училища. Въ одной изъ такихъ прокламацій, доказывавшей необходимость добиваться равноправности женщины, говорилось «о свободномъ бракѣ, какъ истинной формѣ свободной любви». Далѣе говорилось, что «зачатіе въ періодъ учебной жизни не должно служить основаніемъ къ исключенію изъ учебнаго заведенія ученицы, такъ какъ оно есть результатъ свободнаго влеченія, законеннаго природой». Эта прокламація лежитъ предъ моими глазами, она возмущаетъ своимъ развратомъ мысли, отчаянной безнравственностью, посягательствомъ на разрушеніе самыхъ священныхъ, чистыхъ основъ семьи, и, разумѣется, никто ни на одну минуту не можетъ предположить, чтобы она могла исходить отъ молодежи.

Въ 1-й мужской гимназіи, отличавшейся, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, строго-разумнымъ педагогическимъ направленіемъ, волненія были начаты VI и VII классами, требовавшими возвращенія въ реальное училище уволенныхъ. На этой почвѣ появи-

лись дикіе протесты, а затѣмъ была выработана петиція, въ которой ученическія требованія были смѣшаны съ политическими. Въ совѣщаніи родителей, при обсужденіи вопроса о началѣ прекратившихся занятій, петиція эта не была принята педагогическимъ совѣтомъ, но родители оказались другого мнѣнія—петицію приняли и постановили выслушать приглашенныхъ ими делегатовъ гимназистовъ, представившихъ цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ требованій. Тутъ, неизвѣстно съ какими цѣлями, демонстративно оказался разладъ между педагогическимъ совѣтомъ и родителями, или, лучше сказать, той ихъ группой, которая, прикнувъ къ водворенію «свободы» въ странѣ, не гнушалась никакими средствами для деморализаціи даже дѣтей.

Въ 3-й гимназіи также было неладно: въ субботу, 24 сентября, во время большой перемѣны, подъ влияніемъ слуховъ объ арестованіи троихъ реалистовъ, была разлита въ корридорѣ и нѣкоторыхъ классахъ зловонная жидкость—сѣрнистый углеродъ, а въ одномъ классѣ насыпанъ въ чернильницы карбитъ. При такихъ условіяхъ занятія не могли продолжаться, и ученики были отпущены домой. По выходѣ изъ гимназіи, группа учениковъ направилась къ Вознесенской женской гимназіи, которая расположена вблизи 3-й гимназіи и пыталась проникнуть въ нее, но, послѣ объясненій съ начальницей гимназіи и инспекторомъ 3-й гимназіи, Фроловымъ, въ помѣщеніе гимназіи не вошла. Въ Маріинскую женскую гимназію, къ которой затѣмъ направилась группа учениковъ, ей удалось проникнуть со двора въ то время, когда шли уроки, и разлить въ верхнемъ корридорѣ, гдѣ помѣщаются старшіе классы, зловонную жидкость. Ученицы старшихъ классовъ начальницею были распущены.

Представленные здѣсь данныя далеко не исчерпываютъ всѣ подробности, но только отмѣчаютъ существенно главныя, достаточно характеризующія настроеніе нѣкоторой части общества и учащихся въ дни, предшествовавшіе октябрьскому и декабрьскому мятежамъ, разразившимся въ Харьковѣ и унесшимъ совершенно безцѣльно въ большинствѣ невинныя человѣческія жертвы. Что же дѣлала власть въ этомъ эпизодѣ къ кровавымъ событіямъ?.. Попечитель учебнаго округа, М. М. Алексѣенко, заболѣлъ и тѣмъ самымъ устранилъ свое участіе въ тяжелыя минуты жизни высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Совѣты университета и ветеринарнаго института занимались не устраненіемъ ненормальныхъ условій академической жизни, а разсужденіями о политическомъ настроеніи общества. На цѣлый рядъ телеграфическихъ сношеній, министръ прислалъ обширное письменное указаніе начальствамъ высшихъ учебныхъ заведеній, изъ содержанія котораго вытекали слѣдующія предложенія: «Начальства высшихъ учебныхъ заведеній не должны входить въ непосредственныя сношенія съ мини-

стерствомъ по всѣмъ дѣламъ, минуя попечителя учебнаго округа, не должны возбуждать ходатайствъ, превышающихъ компетенцію совѣта, размѣры которой опредѣляются уставомъ 1884 года, и не должны возбуждать ходатайствъ, превышающихъ компетенцію самаго министерства народнаго просвѣщенія».

Совѣтъ университета, обсудивъ эти предложенія, нашель, что ихъ исполненіе встрѣчаетъ существенныя затрудненія, и при тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ въ настоящее время страной, можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Затѣмъ совѣтъ комментируетъ этотъ выводъ слѣдующими, не лишенными интереса, соображеніями:

«Особенность текущихъ событій часто требуетъ рѣшительныхъ и не терпящихъ ни малѣйшаго замедленія дѣйствій, что можетъ быть достигнуто только при прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ совѣтовъ съ министерствомъ. Тѣсная связь академической жизни съ общими политическими условіями страны, особенно въ настоящее время, по необходимости заставляеть совѣты университетовъ возбуждать ходатайства, превышающія иногда не только узкія рамки компетенціи совѣтовъ, очерченныя отжившимъ уставомъ 1884 года, но и компетенцію самаго министерства. Естественность и допустимость такого порядка при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ въ настоящее время страна, неоднократно признавались самимъ министерствомъ (пріемъ депутацій, отвѣты на телеграфныя запросы ректоровъ и т. п.). Наконецъ, именной высочайшій указъ отъ 27 августа 1905 года, не отмѣняя власти попечителя, въ то же время предоставляетъ исключительно компетенціи совѣта и возлагаетъ на него отвѣтственность и заботы поддержанія правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ, предоставляя совѣту принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или чрезъ избранную для сей цѣли комиссію, а потому въ дѣлахъ этого рода сношенія совѣтовъ съ министерствомъ чрезъ попечителя, по мнѣнію совѣта, отнюдь не являются обязательными». Въ странѣ идетъ обостренное броженіе учащейся молодежи, вполне революціоннаго характера, и въ такое-то время центральное вѣдомство вступаетъ на бюрократическій путь, ограничивается разъясненіемъ порядка сношеній, указываетъ на нарушенія такихъ-то и такихъ-то правилъ и законовъ. Учебное начальство по этому поводу возбуждаетъ канцелярскія пререканія, и дѣло, отъ котораго страдаетъ молодежь, расшатывается семья, уничтожаются элементарныя понятія о нравственности, о школьной дисциплинѣ и т. д., переходитъ въ область предложеній, отношеній, увѣдомленій за многочисленными номерами.

Когда министерство требуетъ «безотлагательно представить свои заключенія о мѣрахъ» для водворенія необходимаго порядка въ

учебныхъ заведенійхъ и возстановленія правильного хода занятій въ нихъ, на это вотъ что отвѣчаетъ совѣтъ университета: «Жизнь университета, какъ и всякой другой части государственнаго механизма, опредѣляется двумя факторами, тѣснѣйшимъ образомъ связанными другъ съ другомъ общими политическими условіями, въ которыхъ живетъ страна, и тѣми условіями частнаго характера, которыя характеризуютъ строй университетовъ въ данное время. Сообразно съ этимъ, мѣропріятія, могущія установить нормальное теченіе академической жизни, распадутся на двѣ категоріи: мѣропріятія общаго характера, обезпечивающія нормальное развитіе обще-политической жизни страны, и мѣропріятія частнаго характера, касающіяся непосредственно университетовъ.

«Причины тяжелаго кризиса, переживаемаго теперь Россіей, заключаются въ нарушеніи равновѣсія между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла формы существующаго строя и стремится къ строго правому.» (Всеноданнѣйшій докладъ С. Ю. Битте).

«Чтобы разрѣшить этотъ кризисъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать возможной и нормальной жизнь университетовъ, необходимо возстановить нарушенное равновѣсіе, т.-е., прежде всего и не медля, на дѣлѣ осуществить начала гражданской свободы. Это первая и необходимая мѣра».

Вотъ какими общими мѣстами отличается отвѣтъ ученаго ареопага и только въ концѣ упоминается, какъ бы вскользь, о необходимости установить нормальный правовой порядокъ и въ самомъ университетѣ.

Мѣстная администрація, въ лицѣ губернатора и полиціи, не проявила никакой активной разумной дѣятельности. Сходки и митинги учащихъ происходили безпрепятственно. На нихъ говорили рѣчи, имѣвшія единственное намѣреніе возбудить толпу. Сходки происходили вездѣ—и на открытомъ воздухѣ и въ зданіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Постороннія лица не удалялись изъ этихъ храмовъ науки, обращенныхъ въ мѣста агитаціи и пропаганды. Во время одной изъ такихъ сходокъ, около зданія университета находился мѣстный участковый приставъ и нѣсколько полицейскихъ нижнихъ чиновъ, что не помѣшало постороннимъ и учащимся среднихъ учебныхъ заведеній ворваться въ зданіе университета, гдѣ митингъ потребовалъ удаленія полиціи. Приказъ отъ митинга былъ вынесенъ студентомъ, и полиція, съ приставомъ во главѣ, немедленно оставила свой постъ. Такіе случаи соблюденія строгаго принципа невмѣшательства повторялись каждый разъ, при всякомъ скопищѣ, а не рѣдко полиція просила не стѣсняться ея присутствіемъ и продолжать обсуждать мѣропріятія, клонящіяся къ избавленію общества отъ той же полиціи. Полицейскій

чиновникъ, извѣщенный о сходкѣ учащихся въ университетскомъ саду и туда прибывшій, сказалъ рѣчь, выражая соболѣзнованіе, что учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній не имѣютъ помѣщенія для митинговъ и должны рѣшать важные политическіе вопросы на открытомъ воздухѣ. Все это было извѣстно губернатору. Но онъ держался тактики высшихъ петербургскихъ сферъ, которая сводилась къ знаменитому изрѣченію князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго, въ бытность его министромъ внутреннихъ дѣлъ: «освободительному движенію необходимо дать естественное теченіе, дабы выяснитъ его настоящій характеръ». Занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то возобновлялись, то прекращались. Такъ проходило до 9 декабря, когда ученики были распущены по домамъ до 9 января 1906 года. Теперь посмотримъ, что творилось въ другихъ сферахъ общественной жизни.

II.

Среди рабочихъ.

Въ Харьковѣ насчитывается, по даннымъ мѣстнаго статистическаго комитета, 240 фабрикъ, заводовъ и торговопромышленныхъ заведеній, въ которыхъ занято 18000 рабочихъ. Заводы расположены на окраинахъ. Наибольшій по числу рабочихъ паровозостроительный заводъ, гдѣ до 1904 года было занято до 7.000 рабочихъ. Вслѣдъ за кризисомъ южной металлургической промышленности наступило сокращеніе производства, а за нимъ и уменьшеніе числа рабочихъ, такъ что къ началу «освободительнаго движенія» на заводѣ работало до 3.000 человекъ. На остальныхъ заводахъ и фабрикахъ число рабочихъ значительно меньше и колебалось между 50—600. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ трехъ дорогъ харьковскаго узла насчитывалось до 2.300 рабочихъ. Я останавливаюсь на числѣ рабочихъ въ Харьковѣ, съ цѣлью показать какую силу обладало «освободительное движеніе», такъ какъ въ этой средѣ оно нашло дѣятелей, которые не только ему сочувствовали, но и представляли собою активныхъ участниковъ въ разныхъ демонстраціяхъ, манифестаціяхъ, до вооруженнаго возстанія включительно.

Еще задолго до 1905 года паровозостроительный заводъ былъ центромъ, откуда исходила инициатива забастовокъ, сначала не выходившихъ за предѣлы экономическихъ требованій. Условія труда и жизни рабочихъ на этомъ заводѣ дѣйствительно были таковы, что не могли способствовать нормальной жизни завода. Паровозостроительный заводъ, по фирмѣ принадлежащій русскому паровозостроительному и механическому обществу, на самомъ дѣлѣ основанъ и работаетъ на иностранные капиталы, преимущественно

бельгійскіе. Администрація состояла и состоитъ изъ иностранцевъ и поляковъ. Иностранныя предпріятія, которыхъ достаточное число въ сосѣднемъ съ Харьковской губерніей Донецкомъ Бассейнѣ, не особенно заботились улучшить положеніе русскихъ рабочихъ, полагая, что это какая-то низшая раса, по сравненію съ рабочими изъ ихъ соотечественниковъ. Нерѣдко можно было наблюдать неравномѣрную расцѣнку труда. Иностранецъ всегда получалъ больше, хотя бельгійцы и французы сами утверждали, что большинство русскихъ слесарей по продуктивности труда не уступаютъ иностранцамъ. Экономическія требованія почти никогда не удовлетворялись, создавая глухое броженіе среди рабочихъ. Недостатки нашего рабочаго и фабричнаго законодательства сводили дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ скорѣе къ полицейскимъ мѣрамъ, чѣмъ къ разумному и законному посредничеству между предпринимателемъ и рабочими, въ защитѣ нарушенныхъ интересовъ. Такъ, что къ общимъ причинамъ, такъ сказать, соціального порядка и строя, присоединились частныя—специфическаго, чисто русскаго свойства. Со времени провозглашеннаго «довѣрія», Харьковъ сталъ населяться евреями, прибывавшими преимущественно изъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго краевъ. Особенно много появилось, какъ впоследствии оказалось, «бундистовъ». Они проникали всюду: въ учебныя заведенія, въ различныя общественныя организаціи. Напримѣръ, въ городской общественной библиотекѣ былъ открытъ особый отдѣлъ, «Юдаика» и «Гебраика», члены котораго имѣли отдѣльныя собранія и засѣданія и вершали тамъ дѣла, далеко не относившіяся къ нуждамъ просвѣтительнаго учрежденія. Въ городѣ, состоящемъ внѣ черты еврейской осѣдлости, въ учрежденіи, т. е. въ общественной публичной библиотекѣ, созданномъ на городскія средства, на средства русскаго населенія, евреи получили руководящее господствующее положеніе. Такое же положеніе они заняли въ обществѣ грамотности, въ обществѣ вспоможенія учительницамъ, въ обществѣ взаимнаго страхованія жизни, и, разумѣется, вошли въ рабочую среду всѣхъ заводовъ и фабрикъ, болѣе или менѣе значительныхъ, а мелкія промышленныя заведенія ими были монополизированы.

Уже въ началѣ весны 1904 года на мѣстныхъ крупныхъ заводахъ время отъ времени собирались митинги. «Паровозники» и «гельферихцы» составляли ядро этихъ сходокъ. Гельферихцами называютъ рабочихъ завода земледѣльческихъ орудій Гельферихъ-Саде. На этихъ митингахъ ораторами являлись пріѣзжіе и мѣстные гастролеры изъ евреевъ, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы возбудить рабочихъ къ активной борьбѣ «съ существующимъ государственнымъ устройствомъ». Не говоря о прокламаціяхъ, сыпавшихся какъ изъ мѣшка, призывавшихъ рабочихъ встать въ ряды революціоннаго движенія, близость котораго наступать,

агитаторы врывались въ домашнюю жизнь рабочаго и тамъ подстрекали къ открытой борьбѣ, суля какое-то райское будущее. Однимъ словомъ, тутъ, въ этой средѣ, почва была подготовлена вполне, культура революціи была весьма успѣшна. Въ періодъ, мною разсматриваемый, забастовки начались со второй половины сентября; имъ предшествовали митинги съ зажигательными рѣчами ораторовъ, вслѣдъ зачѣмъ рабочіе шайками направлялись на сосѣдніе заводы, гдѣ угрозами и насиліемъ снимали рабочихъ. Для всѣхъ было очевиднымъ, что экономическія требованія представляютъ только декорацию, за которой разгорается политическое движеніе.

Распространяемая формула требованій была точной копіей земскихъ резолюцій, обнародованныхъ послѣ съѣзда 6 — 8 ноября 1904 года, во множествѣ разосланныхъ вездѣ, не только, гдѣ считывали встрѣтить единомышленниковъ и исполнителей, въ видѣ грубой силы, которая могла бы быть выдвинута на разгромъ и разрушеніе, но и въ деревни, гдѣ земскія резолюціи были безпросвѣтнымъ лѣсомъ. На многихъ заводахъ экономическія требованія были удовлетворены въ предѣлахъ допустимаго, что рабочихъ не успокаивало. Работы, правда, начинались, но опять сходы, митинги, а за ними забастовки. Такъ продолжалось до утра 10 октября. Въ этотъ день начала несчастій и невинно пролитой крови, утромъ, часовъ въ 11, на желѣзнодорожномъ телеграфѣ Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги были получены телеграммы отъ центрального стачечнаго комитета и отъ совѣта рабочихъ депутатовъ: «Начинать немедленно общую забастовку». Телеграфисты тотчасъ же передали содержаніе телеграммъ по линіямъ Харьковскаго узла, а также на сосѣднія дороги. Тѣ же телеграфисты отправились на различныя службы дороги и тамъ, чрезъ посредство особыхъ делегатовъ, требовали прекращенія работъ и занятій. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ полученное распоряженіе было немедленно приведено въ исполненіе. Работы были остановлены. Тревожные гудки призывали линейныхъ служащихъ на сходку. Особые отряды изъ рабочихъ, по заранѣ составленному плану, начали съ разрушенія. Тушили паровозы, приготовленные для отходящихъ поѣздовъ. Паръ выпускался, топки заливались водой, паровозы переворачивались для загражденія пути. Станція Харьковъ перестала работать; рабочіе направлялись къ паровозному депо съ пѣніемъ «марсельезы» и «дубинушки», гдѣ долженъ былъ состояться митингъ «товарищей». Начальство дорогъ Харьковско-Николаевской и Харьковско-Севастопольской попряталось или выказывало такой индифферентизмъ, что его слѣдовало принять за пассивный нейтралитетъ, весьма вредный для всякой борьбы. Въ то же время на паровозостроительномъ заводѣ раздались тревожные гудки. Вскорѣ ихъ подхватилъ сосѣдній заводъ Гельфе-

рихъ-Саде. Стало какъ-то жутко. Отрывочные гудящіе звуки наполняли всѣ окрестности и явственно долетали въ городъ, вѣщая что-то недоброе. Это былъ какой-то особый набатъ, призывавшій къ чему-то насильственному. Одинъ изъ мастеровъ рассказываетъ такъ: «Всеобщая забастовка предрѣшена была заранѣе. Еще лѣтомъ говорили открыто, что она состоится въ октябрѣ. Къ ней готовились. Составляли планы дѣйствій. Куда-то посылали ихъ на утверждение. Нужно было, чтобы вездѣ и по всей Россіи было одинаково. Производили пропорціональныя отчисленія изъ жалованья рабочихъ въ распоряженіе стачечнаго комитета для выдачи рабочимъ денежнаго вспоможенія на время забастовки, а также на приобретеніе оружія. Собирались пожертвованія, устраивались даже увеселительные вечера, сборъ съ которыхъ предназначался для той же цѣли. Кромѣ того, получены были суммы изъ Петербурга, точной цифры которыхъ, разумѣется, рассказчикъ не зналъ, «но, надо полагать, не маленькія»,—говорилъ онъ. Все-же, несмотря на то, что на время забастовки семья кое-какъ обезпечивалась отъ голода, громадное большинство рабочихъ ей не сочувствовало, и не потому, что лишалось заработка на неопредѣленное время, а потому, что не могло дать себѣ яснаго отчета, изъ-за чего все это происходитъ, а также изъ страха передъ ея послѣдствіями. Въ подробности посвящались немногіе: только тѣ, на обязанности которыхъ лежало приводить въ исполненіе постановленія означеннаго комитета, руководить толпой. Тотчасъ по прекращеніи работъ состоялся митингъ, собравшій до 5.000 человекъ. Ораторы говорили о наступленіи знаменательнаго момента, когда рабочій свергнетъ рабское иго капитала. «Для достиженія этой цѣли,—ораторствовалъ маленькій, но голосистый еврейчикъ,—прежде всего нужно идти рука объ руку съ тѣми, кто возьметъ на себя добывать «свободу», т. е. съ социаль-революціонерами». Затѣмъ начинался пересказъ общественныхъ требованій политическаго характера, безъ немедленнаго исполненія которыхъ рабочіе на работу не стануть. Протестовать противъ рѣшенія, въ сущности, меньшинства не приходилось: оно было вооружено браунингами. Вотъ въ такой обстановкѣ началось забастовочное движеніе, наиболее характерныя подробности котораго представляются въ такомъ видѣ. Рабочіе и служащіе Балашевскаго вокзала, мастерскихъ и литейныхъ позже другихъ примкнули къ забастовкѣ и движеніе на этой дорогѣ отъ Харькова до ближайшихъ станцій кое-какъ производилось, но туда явились забастовщики другихъ дорогъ. Кондукторская бригада, возвращавшаяся съ вокзала домой, была такъ избита, что одинъ изъ кондукторовъ умеръ отъ побоевъ. На перегонѣ станцій «Харьховъ-товарная», Балашевской, и «Харьковъ», Севастопольской дороги забастовщики, во имя достиженія «свободы», положили на рельсы шпалы, и, только благодаря машинисту, во время остано-

вившему переполненный пассажирский поезд, катастрофы не произошло... Движение после всех этих инцидентов и тут прекратилось. Дороги бездействовали. Харьковский вокзал подвергся разгрому. Электричество погасло. Попытки восстановить его ни к чему не приводили. Рабочие, желавшие работать, справедливо опасались насилья, а присланные солдаты не умели справиться с машинами. В течение пяти дней, т. е. до 15 октября, не был отправлен ни один поезд. 16 октября вышли из Харькова два поезда на север и юг с делегатами от линейных служащих. Этот эпизод требует разъяснения. В Харьков, как узел трех дорог, заседал исполнительный орган совета рабочих депутатов и местный стачечный комитет. Сюда стекались с линий делегаты от служащих для получения разных распоряжений и для беседы с губернской администрацией, которая только в этих беседах и проявляла свое существование. Делегаты в конечных пунктах своими распоряжениями наряжали поезда и совершенно свободно прибывали в Харьков, а затем, получив распоряжения о дальнейшем ходе забастовки, также свободно возвращались на места.

Между тем, на станции Харьков скопилось масса поездов, наполненных пассажирами. Вокзальная прислуга разбжалась, в пассажирском зале I класса мебель была перебита, буфет разнесен, — все это во имя «освободительного движения», так что многие пассажиры с детьми принуждены были жить в вагонах. Погода была настоящая осенняя, пронизывающая насквозь. Безпрерывные дожди, рано наступившие холода. Вагоны не топились, как не отапливался и вокзал. Всякую попытку поставить рабочих для топки печей забастовщики немедленно прекращали насильем, избивая и руками и железными прутьями тех, кто ршался помочь замерзавшим пассажирам. Начальник станции Харьков, И. О. Тустановский, всеми любимый за его корректность и строгое исполнение обязанностей, вышел из затруднительного положения таким образом: нашел 22 человека из пассажиров III класса, которые, под руководством старшего агента службы тяги и под охраною войск, начали отапливать вагоны. Пассажиры повеселели, но, разумется, трудно передать все то, что им довелось испытать. Число скопившихся пассажиров достигло 2.800. Дорога выдавала на продовольствие каждого пассажира I и II класса по 1 руб., а III—по 50 коп. в сутки. За 14 дней было израсходовано 25.000 руб.

Прошло шесть дней бездействия и только после этого срока начальник дороги, инженер Д. А. Кригер, дал депешу по линии принять меры к открытию движения с 7 часов утра 17 октября, предложив развести пары во всех необходимых для того паровозах. Служащим были разосланы на квартиры по-

вѣстки объ обязательной явкѣ на службу. Но никто не отозвался на это приглашеніе. «До тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ приказъ стачечнаго комитета, работать права не имѣемъ», вотъ что отвѣчали служащіе и рабочіе. И этотъ отвѣтъ, вѣроятно, признавался вполне пріемлемымъ, такъ какъ вся дѣятельность начальства ограничилась указаннымъ приглашеніемъ. Служащіе являлись за полученіемъ жалованья, безпрепятственно имъ удовлетворялись, а когда ихъ увѣщевали стать на работу, они подавали такія реплики: «Не мы первые забастовали, и не мы обязаны начинать первыми движеніе». Когда мнѣ пришлось спросить по поводу такого отвѣта одного изъ желѣзнодорожныхъ тузовъ: «что же дальше»? то я получилъ такой отвѣтъ: «Нужно ждать, что скажетъ Московскій узель». О положеніи дѣлъ была освѣдомлена центральная власть. Министръ путей сообщенія зналъ, что всеобщая забастовка носитъ всѣ признаки одного изъ вѣрныхъ способовъ терроризованія населенія и разоренія страны. Начальники дорогъ ежедневно сообщали телеграммами о положеніи дѣла и не могли не поставить въ извѣстность министра, что экономическія требованія только декорация. Вотъ какой отвѣтъ былъ полученъ отъ князя Хилкова: «Въ виду поступившихъ отъ начальниковъ и управляющихъ желѣзныхъ дорогъ сообщеній о предъявленныхъ къ нимъ отъ служащихъ и рабочихъ различныхъ заявленіяхъ и требованіяхъ политическаго и экономическаго характера, симъ сообщаю, что никакія политическія заявленія обсужденію не подлежатъ. Что же касается заявленій экономическаго характера, предлагаю начальникамъ и управляющимъ желѣзныхъ дорогъ, независимо отъ послѣдовавшихъ уже на сей предметъ ассигнованій, твердо поддерживать представленія, внесенныя ими, согласно даннымъ мною уже ранѣе указаніямъ, въ смѣты расходовъ на 1906 г. Относительно суммъ, необходимыхъ на улучшеніе быта низшихъ служащихъ, въ случаѣ возникновенія разногласій при послѣдующемъ разсмотрѣніи таковыхъ предположеній, вновь подтверждаю начальникамъ и управляющимъ желѣзныхъ дорогъ оставаться при особыхъ мнѣніяхъ. Съ своей стороны, согласно полученнаго мною соизволенія, буду всемѣрно поддерживать представленія по симъ вопросамъ начальниковъ и управляющихъ желѣзныхъ дорогъ. Прошу неотлагательно сдѣлать изъ смѣты расходовъ на 1906 годъ выборки суммъ, представленныхъ для улучшенія быта низшихъ служащихъ, и срочно выслать эти свѣдѣнія непосредственно на мое имя, для личнаго моего ознакомленія».

Эта телеграмма была получена въ разгаръ возбужденія служащихъ и рабочихъ, которые не могли не почувствовать правоты своихъ требованій и вытекающихъ изъ нихъ дѣйствій, т. е. правоты забастовки. Дѣйствія мѣстнаго желѣзнодорожнаго начальства нельзя всецѣло отнести къ невмѣшательству по личной иници-

тивѣ въ происходящія на ихъ глазахъ событія. Прежде всего, оно было бессильно проявить въ чемъ-либо свою дѣятельность для борьбы съ забастовочнымъ движеніемъ,—центральная власть также не стояла на высотѣ своего положенія. Напротивъ, ея распоряженія и взгляды, доходившіе на мѣста въ формѣ телеграммъ, прямо указывали на растерянность и даже заигрываніе съ забастовщиками, скорѣе подливали масла въ огонь и безъ того горѣвшій бурнымъ пламенемъ. Такъ, наприимѣръ, делегаты забастовочной организаціи на сходкахъ 18—20 октября, разсматривая дальнѣйшую тактику своихъ дѣйствій, рѣшили послать и послали графу Витте слѣдующую телеграмму: «Петербургъ. Графу Витте. Собраніе выборныхъ служащихъ и рабочихъ линіи управленія Харьковско-Николаевской желѣзной дороги постановило въ засѣданіи 18-го октября выразить вамъ общій протестъ по поводу неправильнаго и оскорбительнаго для всѣхъ желѣзнодорожниковъ освѣщенія вами причинъ и цѣлей общей желѣзнодорожной забастовки, стремящейся вызвать, будто бы, лишніе расходы правительства путемъ обложенія немущихъ классовъ, главнымъ образомъ крестьянъ. Какъ бывший желѣзнодорожникъ, вы знаете, что подавляющая часть служащихъ и рабочихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ собою пролетаріатъ. Какъ бывший министръ финансовъ, вы знаете, что большинство дорогъ—чистаго типа капиталистическія предпріятія, дающія крупный доходъ, который поглощается бездоходными и убыточными дорогами, построенными со стратегическими цѣлями, въ коихъ неповинна желѣзнодорожная армія работниковъ. Ваша рѣчь на указанную тему служитъ авторитетнымъ средствомъ вооружать бѣдную часть населенія противъ забастовщиковъ, съ чѣмъ всѣ желѣзнодорожники будутъ бороться всѣми средствами».

Что же дѣлаетъ премьеръ, получивъ телеграмму совсѣмъ неприличнаго содержанія, заканчивающуюся явной угрозой—... «съ чѣмъ всѣ желѣзнодорожники будутъ бороться всѣми средствами»? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ телеграмма Витте, гласящая вотъ что: «Люботинъ. Делегатскій съѣздъ. Вы выражаете протестъ противъ мыслей, мною не высказанныхъ; именно, какъ бывший желѣзнодорожникъ, я не могъ высказать то, что мнѣ приписано. Надѣюсь, что настоящая телеграмма вамъ это доказываетъ. Я знаю истинныя нужды желѣзнодорожныхъ труженниковъ и, съ своей стороны, буду содѣйствовать ихъ удовлетворенію. Графъ Витте».

Люботинъ, это станція въ 26 верстахъ отъ города Харькова, въ Валковскомъ уѣздѣ, куда делегатскія собранія были перенесены. Надо замѣтить, что съ 14 октября въ Харьковѣ и его уѣздѣ было объявлено военное положеніе. О томъ, что его вызвало, будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ воспрещались всякія собранія и делегаты были вынуждены перенести свои занятія въ Люботинъ.

Наконецъ, въ Петербургѣ начали прозрѣвать, но и то больше на почвѣ компромиссовъ. Начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ 21 октября отдалъ по всѣмъ забастовавшимъ линіямъ такой приказъ, также по телеграфу: «Отъ имени министра объявите всѣмъ, что, съ соизволенія его императорскаго величества, правительствомъ будутъ приняты рѣшительныя и безотлагательныя мѣры къ улучшенію быта низшихъ служащихъ дорогъ. вмѣстѣ съ симъ, по распоряженію министра, объявите служащимъ и рабочимъ, что если въ понедѣльникъ, 24 октября, или черезъ сутки послѣ полученія этой телеграммы они станутъ на работу и нормальное теченіе дѣятельности на дорогахъ возобновится, то проступки ихъ, вызвавшіе замѣшательство на дорогахъ, преслѣдоваться не будутъ, а жалованье имъ будетъ уплочено. При неисполненіи вышеизложеннаго въ указанный срокъ, уплаты жалованья не производить. Объ исполненіи прошу срочно телеграфировать».

Это распоряженіе было вывѣшено на стѣнахъ станціонныхъ зданій всѣхъ линій, въ мастерскихъ и вскорѣ возымѣло дѣйствіе, впрочемъ, еще и потому, что было получено распоряженіе отъ делегатовъ московскаго узла: «24 октября забастовку прекратить. Стать на работы». Въ виду этого приказа, низшіе агенты службы начали появляться въ канцеляріи. Неразрѣшаемые митинги вызывали еще протесты, но уже не столь рѣзкіе. Очевидно, происходилъ переломъ... Начали приходить поѣзда мѣстнаго сообщенія, но пока дальше Харькова не отправлялись. По Харьковско-Николаевской дорогѣ прибылъ поѣздъ изъ Кіева, доставившій въ Харьковъ Луцкій пѣхотный полкъ. Воинскій поѣздъ шелъ изъ Кіева 6 сутокъ при оригинальной обстановкѣ. Впереди его отправлялся развѣдочный поѣздъ для провѣрки пути и, когда въ мѣстѣ остановки поѣзда получалась успокоительная телеграмма, онъ слѣдовалъ дальше. 22 октября началась отправка поѣздовъ съ помощью войскъ по Харьковско-Николаевской и Харьковско-Севастопольской дорогамъ. На паровозахъ стояли жандармы и пѣхотные солдаты съ ружьями. Поѣзда, подходящіе къ станціямъ, гдѣ были желѣзнодорожныя мастерскія, встрѣчались отрядами казаковъ. Замедляли ходъ и поѣздъ подъ охраною казачьяго эскорта входилъ на станцію. Такая предосторожность не была лишней. Вблизи станціи Люботинъ, резиденціи делегатовъ отъ рабочихъ, были сняты рельсы на пространствѣ 35 погонныхъ саженой. При входѣ на станцію Полтава, въ пассажирскій поѣздъ, развозившій задержанныхъ забастовкой пассажировъ, стрѣляли. Тамъ же «вооруженные товарищи» засѣли подъ мостомъ и намѣревались сдѣлать нападеніе на поѣздъ, но были замѣчены и скрылись. Во всѣхъ случаяхъ преступныхъ покушеній обыкновенно виновные оставались незадержанными. 23 октября всѣ служащіе мѣстныхъ дорогъ явились къ занятіямъ и съ этого числа приступленс къ возстановле-

нію правильного движенія, что представило не совѣмъ легкую задачу. Нужно было поднять опрокинутые паровозы, къ тому же оказавшіеся попорченными, исправить поврежденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стыки рельсовъ, вывороченныя стрѣлки. Недоставало пассажирскаго подвижнаго состава. Такъ, напримѣръ, изъ Севастополя, несмотря на открывшееся движеніе, почтовый поѣздъ отправиться не могъ: тамъ не было вагоновъ. 24 октября открыто частичное движеніе. Въ этотъ же день пришло нѣсколько почтовыхъ вагоновъ изъ Москвы и привезли почту, которая не доставлялась въ теченіе четырнадцати дней.

На заводахъ, фабрикахъ и въ типографіяхъ также начались работы. На митингѣ паровозостроительнаго завода 16 октября собралось до 3.000 человекъ. Сюда явились ораторы, убѣждавшіе «стоять крѣпко», не поддаваться угрозамъ бюрократіи и продолжать забастовку, — не вѣрить никакимъ манифестамъ. Среди ораторовъ появлялся какой-то господинъ въ офицерскомъ платьѣ. Онъ посылалъ упреки своимъ товарищамъ, опозорившимъ имя воина во время усмиренія мятежа 10, 11 и 12 октября (о мятежѣ рассказано будетъ ниже). Выслѣдившіе этого офицера, агенты сыскаго отдѣленія арестовали его, когда онъ возвращался съ митинга. Оказалось, что это былъ переодѣтый еврей Борухъ Ставицкій, бѣжавшій на другой день изъ-подъ стражи и неизвѣстно куда скрывшійся. Съ 24 октября заводская жизнь также начала вступать въ нормальную колею, по крайней мѣрѣ по видимому. Только мелкія типографіи и мастерскія продолжали бастовать.

Двухнедѣльная желѣзнодорожная забастовка, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала во всей жизни населенія сильныя затрудненія. Она отразилась прежде всего на каменно-угольной промышленности. На заводахъ запасы угля истощились, многіе изъ нихъ принуждены были временно приостановить работы. На рудникахъ Донецкаго бассейна добыча минеральнаго топлива прекратилась. Всѣ складочныя мѣста были завалены добытымъ углемъ, а вагоновъ для отправки не доставало. Цѣна угля на мѣстахъ возвысилась съ 17-ти до 30-ти коп. за пудъ, что въ особенности было тяжело бѣдному населенію. Многіе скоропортящіеся грузы, захваченные въ пути забастовкой, испортились, а многіе неизвѣстно куда исчезли. Керосинъ, сахаръ вздорожали на 50⁰%, за израсходованіемъ запасовъ и за невозможностью, даже послѣ окончанія забастовки, въ короткій срокъ возстановить правильное движеніе товарныхъ поѣздовъ. Не говоря уже объ убыткахъ самихъ дорогъ, дошедшихъ до колоссальныхъ размѣровъ, заводскіе и фабричныя рабочіе и служащіе, а также рабочіе харьковскаго узла, потеряли до 230 тысячъ рублей. Оцѣнить же потери частныхъ лицъ нельзя; эту учету не поддается.

Нужно ли считаться въ данномъ случаѣ съ горемъ и страданіями тѣхъ, кто ѣхалъ, напримѣръ, проститься съ умирающимъ отцомъ или матерью? Думаю, что для того, кто видѣлъ раздирающія душу картины на Харьковскомъ вокзалѣ, когда одна дама чуть не дошла до безумія лишенная возможности сказать послѣднее «прости» умирающей матери,—да, нужно... Когда несчастныя дѣти и взрослые, скученные въ вагонахъ, мерзли отъ холода, заболѣвали и голодали, когда ораторы, вродѣ делегата отъ рабочихъ, присяжнаго повѣреннаго Говорова, произносили рѣчи о свободѣ, о завоеваніи политическихъ правъ, подѣ аккомпаниментъ рыданій женщинъ и дѣтей, то становилось жутко. Путь къ свободѣ путемъ отрицанія всѣхъ человѣческихъ чувствъ представлялся ужаснымъ. Какъ же не считаться со всей этой безсердечностью, съ этой ужасной диктатурой, съ этимъ безшабашнымъ самовластіемъ и самоуправствомъ, приведшимъ страну къ экономическому разоренію, а общество и отдѣльныхъ лицъ къ страданіямъ, которыя никакъ не могутъ быть оправданы стремленіемъ высшаго порядка. Во что, наконецъ, одѣнить увѣчья тѣхъ, кто былъ избитъ или израненъ забастовщиками за иной образъ мыслей? Чѣмъ вознаграждать тѣ семьи, которыя потеряли своихъ кормильцевъ, получивъ, взамѣнъ работоспособныхъ людей, калѣкъ, требующихъ призрѣнія?..

Возобновившееся движеніе на мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ продолжалось недолго—снова начали ходить настойчивые слухи о забастовкѣ. Рабочая среда такъ была распропагандирована, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вновь начать разрушительную работу. Но этотъ періодъ, т.-е. начало ноября, выдвинулъ открытые протесты противъ правовѣрныхъ поклонниковъ забастовки. Изъ Воронежа, изъ Кочетовки (Рязанско-Уральской дороги), съ нѣкоторыхъ станцій Курско-Севастопольской дороги въ мѣстный стачечный комитетъ поступали рѣшительныя требованія не бастовать. Въ нихъ протестующіе просятъ всѣхъ служащихъ сознать нравственную отвѣтственность за грядущія событія и продолжать занятія и работы до созыва Государственной Думы, «которая выведетъ на путь процвѣтанія угнетенную жизнь». Другіе признавали забастовку гибельной. Наконецъ, многіе прямо требовали «покойной работы на благо изстрадавшейся родинѣ». Такого содержанія просьбъ и протестовъ было получено 38 съ различныхъ станцій желѣзнодорожной сѣти. Появленіе призывовъ къ порядку вызвало среди революціонированныхъ рабочихъ возмущеніе. Посыпались обвиненія въ провокаторствѣ, въ измѣнѣ общему дѣлу. Въ отвѣтъ на стремленіе къ умиротворенію, 11 ноября состоялась сходка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. На эту сходку рабочіе, ей не сочувствующіе, выгонялись силою. Отказаться было нельзя, такъ какъ приведеніе угрозъ въ исполненіе уже имѣло мѣсто въ нѣсколькихъ случаяхъ и мирные рабочіе въ должной мѣрѣ были терроризованы.

Сходка затянулась такъ, что въ этотъ день къ опредѣленнымъ результатамъ не пришли. На слѣдующій день временный организаціонный комитетъ служащихъ на Курско-Харьково-Севастопольской дорогѣ вынесъ такую резолюцію: «Если Харьковскій генераль-губернаторъ не отмѣнитъ въ теченіе трехъ дней распоряженія не допускать сходовъ, то комитетъ немедленно будетъ вынужденъ обратиться къ «товарищамъ» мѣстныхъ дорогъ съ призывомъ присоединиться къ продолженію объявленной и принятой условно до полученія отвѣта забастовки управленій и линіи, такъ какъ подобное распоряженіе «товарищи» считаютъ явнымъ нарушеніемъ манифеста 17 октября». Эта резолюція была подписана предсѣдателемъ временнаго организаціоннаго комитета, Говоровымъ, тѣмъ самымъ присяжнымъ повѣреннымъ, о которомъ уже упоминалось выше.

Удовлетворительнаго отвѣта «организаціонный комитетъ», замѣнившій «стачечный», и не разсчитывалъ получить, предрѣшивъ, такимъ образомъ, вопросъ о забастовкѣ. 16 ноября служащіе и рабочіе станціи Харьковъ были сняты съ работъ и забастовка вновь началась. По распоряженію генераль-губернатора, станція Харьковъ перешла въ распоряженіе военнаго начальства. «Насилія со стороны забастовщиковъ,—говорилось въ вывѣшенномъ объявленіи,—по отношенію къ служащимъ, желающимъ продолжать работу, допущено не будетъ». Вокзалъ снова погрузился въ мракъ. Свѣтъ, поставленныхъ послѣ октябрьской забастовки, керосиновыхъ фонарей былъ слишкомъ недостаточенъ для освѣщенія путей и станціи. У входа² были поставлены вооруженные часовые, а во дворѣ станціи, напротивъ входа, два пулемета. Публика, застигнутая забастовкой, ютилась на вокзалѣ. Въ залѣ 3-го класса скопилась такая масса народа, что проходить можно было съ великимъ трудомъ. Весь полъ былъ устланъ вещами и людьми. Общее любопытство возбуждала группа киргизовъ, ѣхавшихъ изъ Омска въ Мекку на богомолье. Человѣкъ 25 въ оригинальныхъ костюмахъ и въ чалмахъ оживленно жестикулировали, мало понимая, почему поѣзда стали, а они задержаны на станціи.

Весьма скоро выяснилось, что причина забастовки кроется не въ запрещеніи созывать митинги. Съ 12 ноября начали получаться частнымъ путемъ тревожные слухи о севастопольскихъ событіяхъ, сначала о броженіи среди матросовъ, затѣмъ о бунтѣ. 15 ноября забастовали въ Харьковѣ почта и телеграфъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, временный организаціонный комитетъ этого же числа получилъ отъ совѣта рабочихъ депутатовъ изъ Петербурга предписаніе о частичной забастовкѣ на станціяхъ Харьковъ, Люботинъ, Лозовая, съ цѣлью не допустить подвозъ войскъ къ Севастополю, гдѣ для подавленія мятежа ихъ оказалось недостаточно, что въ точности и было

¹⁾ Описаніе почтово-телеграфной забастовки—ниже.

исполнено. Надо замѣтить, впрочемъ, что прибывшія изъ Симферополя войска возстановили порядокъ въ Севастополѣ 15 ноября и въ дальнѣйшихъ подкрѣпленіяхъ надобность миновала, такъ что ноябрьская забастовка явилась безцѣльной. Распускаемые мѣстными газетами слухи о новой всеобщей забастовкѣ не имѣли основанія. На мѣстѣ, т.-е. въ Харьковѣ, служащіе уже послѣ октябрьской забастовки начали протестовать противъ насилія меньшинства, которое только этимъ путемъ могло подчинить мирное большинство своимъ вооруженнымъ приказамъ. Въ письмѣ, напечатанномъ въ «Южномъ Краѣ», № 8.629, служащіе службы сборовъ Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги прямо заявляли, что если забастовка состоится, то не по почину служащихъ. Большинство изъ нихъ делегату, явившемуся объявить приказъ «новаго правительства», отвѣтили, что, «послѣ здраваго обсуждения предложенія, они нашли его не только неприемлемымъ, но противорѣчащимъ ихъ убѣжденіямъ». Отъ линейныхъ служащихъ также получились протестующія возраженія противъ забастовки. Среди рабочихъ явственно обнаруживалось недовольство дѣйствіями «организаціоннаго комитета», такъ что очевидно было, что ноябрьская забастовка не можетъ имѣть общаго успѣха, что вполнѣ и подтвердилось. На первой станціи отъ Харькова на Севастополь и Ростовъ, Мерефѣ, рабочіе присоединились къ рабочимъ станціи Харьковъ, гдѣ испортили паровозы и пути; на станціи Люботинѣ продѣлали тоже, но дальше движеніе не прерывалось. Въ Люботинѣ забастовка сопровождалась насиліемъ, разгромомъ станціонныхъ зданій и всякими безобразіями. Безпрестанныя сходки, собиравшіяся здѣсь, по инициативѣ студентовъ, евреевъ и нѣкоторыхъ служащихъ, выносили самыя воинственныя резолюціи и эта станція долѣе другихъ бездѣйствовала. Къ началу этой же забастовки возвратились делегаты совѣта рабочихъ депутатовъ изъ Петербурга, командированные для зондированія почвы къ предполагавшейся всеобщей забастовкѣ. Привезли они неутѣшительныя для революціонеровъ извѣстія. Московскій, Екатеринославскій, Кременчугскій и друг. «организаціонные комитеты» отнеслись отрицательно къ забастовкѣ до Рождественскихъ праздниковъ, исходя изъ тѣхъ соображеній, что «рабочему нужно подкормиться». Делегаты увѣрили, что январьская забастовка въ принципѣ рѣшена, но увѣренія ничѣмъ подкрѣплены не были. Эти же делегаты находили, что необходимо осуществить частичную забастовку на намѣченныхъ станціяхъ, о чемъ мною уже указано выше.

22-го ноября началось правильное движеніе по дорогамъ Харьковскаго узла. Войска были сняты съ территоріи вокзала и путей. Казалось, все успокоилось. Но это только могло казаться нѣсколько оживившемуся обывателю. Лица же начальствующія и административная власть знали, что на 23 ноября готовится

революціонная манифестація, съ участіемъ войскъ мѣстнаго гарнизона, къ которой примкнутъ и рабочіе. Что это была за манифестація, мною будетъ изложено въ главѣ о мятежныхъ волненіяхъ въ Харьковѣ. Дѣйствительно, въ 12 часовъ дня, 23 ноября, послѣ тревожныхъ свистковъ въ мастерскихъ Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги, рабочіе бросили работу. Опять перевернутые паровозы, опрокинутые вагоны; на вокзалѣ паника. Поезда съ сѣвера и юга на станцію войти не могли; движеніе снова было прервано, впрочемъ, на одинъ только день.

Въ рабочей средѣ мѣстныхъ заводовъ волненія продолжались. Сходки въ разныхъ мѣстахъ происходили ежедневно, отличаясь отъ октябрьскихъ сборищъ тѣмъ, что казаки, окружая собравшихся, препятствовали совершать демонстративныя шествія въ городъ. Наиболѣе внушительныя сходки были 17 и 23 ноября. На первой изъ нихъ, подъ руководствомъ ораторовъ изъ интеллигенціи, было сдѣлано такое постановленіе: «Дѣйствія правительства за текущій мѣсяць находятся въ полномъ противорѣчій съ началами, провозглашенными манифестомъ 17 октября, и потому побуждаютъ населеніе Россіи къ необходимой борьбѣ за свободы». Ораторы изъ интеллигенціи въ особенности настаивали на снятіи военнаго положенія въ Польшѣ. Многихъ эти заботы о полякахъ удивляли. Раздались протестующіе голоса, но большинство поддерживало доводы ораторовъ встать на защиту поляковъ, крича: «вѣрно», «вѣрно». Когда одинъ изъ умѣренныхъ началъ говорить на тему невмѣшательства въ распоряженія правительства, то толпа также кричала: «вѣрно», «вѣрно». Тогда агитаторъ-еврей вскочилъ на импровизированную трибуну и сталъ поносить участниковъ митинга, громя ихъ за одобреніе совсѣмъ противоположныхъ мнѣній—«назвать-бы я васъ дураками, и вы начали бы кричать: «вѣрно», «вѣрно». Толпа, очевидно, не разобравъ въ чемъ дѣло, загалдѣла: «вѣрно», «вѣрно». Тѣмъ не менѣе, митингъ продолжался пять часовъ и гг. интеллигенты вынесли рабочимъ слѣдующую резолюцію: «1) требовать отмены военнаго положенія и снятія усиленной охраны; 2) требовать освобожденія арестованнаго наканунѣ делегата желѣзнодорожныхъ служащихъ, г. Говорова».

Резолюція была покрыта тѣми-же возгласами: «вѣрно», «вѣрно».

Министръ путей сообщенія, Немѣшаевъ, на основаніи указа правительствующаго сената отъ 3-го декабря, которымъ «воспрепятствовано самоуправное, по взаимному соглашенію, прекращеніе работъ и занятій въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное и государственное значеніе, подъ угрозою уголовныхъ каръ за участіе въ сообществѣ, направившемъ свою дѣятельность къ возбужденію служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ къ самовольному, по соглашенію между собою, прекращенію, приостановленію или невозобновленію работъ», — сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

«1) По имѣющимъ свѣдѣніямъ за послѣднее время, на нѣкоторыхъ дорогахъ возникли организаціи, поставившія себѣ, между прочимъ, задачею устройство забастовокъ для поддержанія, предъявляемыхъ ими къ администраціи дорогъ, требованій. Совѣтъ министровъ, войдя въ обсужденіе этого вопроса, призналъ необходимымъ указать: чтобы мѣстныя начальствующія на желѣзныхъ дорогахъ лица не принимали никакихъ заявленій отъ служащихъ, именующихъ себя членами подобнаго рода организацій и не входили съ ними въ соглашеніе; 2) чтобы всѣмъ служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ было объявлено, что участіе въ подобнаго рода противозаконныхъ организаціяхъ имъ воспрещается; 3) чтобы никакія распоряженія, исходящія отъ отдѣльныхъ лицъ или организацій, клонящихся къ нарушенію правильнаго хода желѣзнодорожной эксплуатаціи и къ неисполненію служебныхъ требованій желѣзнодорожнаго начальства, не приводились въ исполненіе служащими на желѣзныхъ дорогахъ, и 4) чтобы не допускались приѣмъ и передача по желѣзнодорожнымъ проводамъ всякаго рода телеграммъ по всѣмъ или отдѣльнымъ станціямъ, равно, какъ адресованныхъ начальствующимъ лицамъ высшей администраціи, поданнымъ отъ имени упомянутыхъ организацій или отъ имени лицъ, называющихъ себя представителями послѣднихъ».

Но, какъ увидимъ дальше, это распоряженіе мало кого утратило и мало кѣмъ исполнялось.

7-го декабря въ Харьковѣ комитеты депутатовъ Курско-Харьково-Севастопольской и Харьковско-Николаевской дорогъ получили телеграммы изъ Москвы отъ центрального бюро всероссійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ увѣдомленіемъ, что, на состоявшейся конференціи депутатовъ отъ 29 дорогъ, рѣшено объявить на 10 декабря всеобщую политическую забастовку. На собраніи делегатовъ Харьковско-Николаевской дороги было рѣшено начать забастовку съ 8-го декабря. Собраніе же делегатовъ Курско-Харьково-Севастопольской дороги вынесло такую резолюцію: «Курско-Харьково-Севастопольская дорога присоединится къ забастовкѣ въ томъ случаѣ, если забастовка явится всеобщей, политической и пролетарской. Харьковская забастовка должна быть опредѣлена по сношенію съ федеративнымъ совѣтомъ». Присутствовавшіе въ засѣданіи представители федеративнаго совѣта заявили, что такъ какъ до сихъ поръ предложеніе о забастовкѣ исходитъ отъ центральной организаціи желѣзныхъ дорогъ, а отъ соціально-демократической партіи ничего не получено, то отъ забастовки слѣдуетъ пока воздержаться.

Это характерное постановленіе свидѣтельствуетъ, что требованіе «бюро» было встрѣчено далеко не сочувственно. Охота бастовать значительно ослабѣла. Надо имѣть въ виду, что центральное бюро, куда входили и члены соціально-демократической партіи, значительно порѣдѣло, вслѣдствіе произведенныхъ арестовъ въ Пе-

тербурѣ. Объ этомъ знали мѣстные представители названной партіи, какъ знали и то, что подбивать на забастовку, въ виду приведеннаго выше постановленія мѣтнаго организаціоннаго комитета, высказавшаго въ своемъ постановленіи о ноябрьской забастовкѣ, что рабочіе передъ праздниками Рождества бастовать не желаютъ, что имъ нужно «подкормиться»,—было не такъ легко.

На Балашевской дорогѣ [Харьковъ-Балашевъ] до 8 декабря поѣзда ходили исправно. Екатерининская дорога начала съ 7 декабря осуществлять забастовку постепенно. Московско-Курская остановилась. Такъ что изъ Харькова курсировали поѣзда только на Севастополь. Нѣкоторые поѣзда и по забастовавшимъ линіямъ пропускались рабочими. «Товарищи» рѣшили безпрепятственно производить перевозку запасныхъ нижнихъ чиновъ и войска, эвакуируемыхъ въ Россію съ Дальняго Востока. Кромѣ того, было также рѣшено доставлять пассажировъ, захваченныхъ забастовкою, къ мѣсту назначенія. Съ 12 декабря весь Харьковскій узелъ прекратилъ движеніе. Телеграфъ пересталъ работать,—хотя на промежуточныхъ, между главными станціями, поѣзда ходили. Но и тутъ 13 декабря движеніе вовсе прекратилось. Руководство рабочими снова было перенесено на станцію Люботинъ, Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, гдѣ засѣдалъ комитетъ и производилъ разные дебоши, завладѣвъ станціей и удаливъ станціонное начальство. «Люботинская республика», по крайней мѣрѣ на территоріи вокзала, была осуществлена. 14 декабря сюда были командированы сотня казаковъ и 200 человекъ пѣхоты съ 2-мя орудіями. Подходя къ Люботину и не имѣя свѣдѣній, что будетъ предпринято противъ нихъ рабочими, а также не зная мѣста нахождения послѣднихъ, начальникъ отряда приказалъ дать одинъ пушечный выстрѣлъ по направленію къ станціи. Снарядъ, пущенный наудачу, попалъ въ зданіе депо, гдѣ именно въ это время находились всѣ забастовщики, рабочіе и прочіе служащіе, во главѣ съ руководителями. Снарядъ этотъ ударилъ въ верхнюю часть депо и разрушилъ часть карниза, другихъ поврежденій не причинилъ.

Послѣ выстрѣла, всѣ находящіеся въ депо мастеровые-забастовщики въ паническомъ страхѣ разбѣжались, куда кто могъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, былъ сдѣланъ по станціи второй; снарядъ ударилъ въ товарный вагонъ, въ которомъ былъ, очевидно, какой-то легковоспламеняющійся грузъ. Вагонъ моментально загорѣлся и огонь перешелъ на другіе вагоны. Черезъ какой нибудь часъ сгорѣло 39 вагоновъ, бывшихъ на путяхъ станціи; большинство изъ нихъ—съ грузами. Кромѣ вагоновъ, отъ огня ничего не пострадало. Станціонныя постройки остались цѣлы. Зарево этого огромнаго пожара было видно даже въ Харьковѣ и здѣсь предположили, что горитъ весь

Люботинъ. Паника обуяла все населеніе Люботина. Плачь, крики, какое-то безумное бѣгство, куда глаза глядятъ. По прибытіи войскъ, станціонная территория оказалась забаррикадированной сброшенными съ рельсъ вагонами. Путь въ нѣсколькихъ мѣстахъ разобранъ. Между тѣмъ, на станціи было до 2000 запасныхъ, требовавшихъ отправки, угрожая начать избіеніе всѣхъ, кого попало. Вечеромъ 15 декабря удалось раздобыть паровозъ, кое-какъ составить поѣздъ и кружнымъ путемъ, черезъ Лозовую на Полтаву, отправить запасныхъ. Делегаты-главари, съ предѣдателемъ комитета, Кирстой, служившимъ въ управленіи Харьково-Николаевской дороги, были арестованы. Телеграфное сообщеніе тотчасъ было возстановлено и приступлено къ исправленію пути и паровозовъ. 22 декабря движеніе по всѣмъ линіямъ возобновилось. Я не останавливаюсь подробно на декабрьской забастовкѣ рабочихъ заводовъ и фабрикъ. Какими явленіями онѣ ознаменовались, будетъ видно въ главѣ о мятежныхъ волненіяхъ и вооруженномъ возстаніи, о которыхъ рѣчь впереди.

Фактическій матеріалъ, здѣсь приведенный, свидѣтельствуешь, что движеніе рабочихъ разныхъ профессій было всецѣло подчинено группѣ агитаторовъ-революціонеровъ, воздѣйствовавшихъ разными средствами на массы. Изъ нихъ самыми успешными оказалось терроризованіе рабочей среды и бойкотъ, какъ отдѣльных лицъ, такъ и цѣлыхъ службъ. Постановленія митинговъ и сходокъ, если и заключали экономическія требованія, то только для виду, такъ какъ всѣ резолюціи сводились къ политическимъ домогательствамъ демонстративнаго характера, имѣвшимъ одну цѣль—возмутить населеніе. Такіе митинги разрѣшались или имъ не препятствовали, хотя и знали, что они прямо вызываютъ смуту. Успѣхъ, которымъ сопровождались забастовки, выбивавшія жизнь изъ колеи, поселявшія и недовольство и страхъ среди мирнаго населенія, привлекалъ многихъ рабочихъ стать въ ряды революціонеровъ, число ихъ увеличивалось, подчиняя своей силѣ напуганное общество, склонившееся къ выводу, что рабочіе—это сила. Какъ только обнаружилось такое настроеніе, главари движенія не преминули вступить въ роль правителей. Комитетъ рабочихъ паровозостроительнаго завода занялъ верховное положеніе. Онъ сталъ выслушивать жалобы тѣхъ, кто почему-либо считалъ свои права нарушенными и въ нѣкоторыхъ случаяхъ принималъ на себя роль судебного трибунала, вершавшаго дѣла, исполнявшаго свои собственныя рѣшенія, иногда съ жестокостью временъ инквизиціи. Всѣ, начиная съ губернатора, объ этомъ знали, но не проявляли никакого вмѣшательства. Разскажу нѣкоторые изъ эпизодовъ. Жены запасныхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ на войнѣ, явились въ Харьковскую уѣздную земскую управу съ требованіемъ выдачи пособія, задержаннаго по причинѣ неимѣнія на этотъ

предметъ соотвѣствующихъ суммъ въ данный моментъ. Получивши разъясненія о причинахъ задержки въ выдачѣ пособия, бабы не удовлетворились и гурьбой отправились въ комитетъ «паровозниковъ», который принялъ ихъ жалобу и постановилъ: «бойкотировать уѣздную управу». Правда, это постановление не могло быть приведено въ исполненіе за неотысканіемъ способовъ бойкота. Но случилось такъ, что пособие было скоро выдано и жены запасныхъ ушли, въ полной увѣренности, что удовлетвореніе ихъ домогательствъ слѣдуетъ отнести къ содѣйствію власти «паровозниковъ». Двѣ дамы, г-жи Пересвѣтова и Разумнова, были ограблены среди бѣлаго дня, проѣзжая на извозчикахъ въ глухой части города обыкновенными громилами. Они также явились съ жалобами въ тотъ же новый судебно-административный органъ. Крестьяне села Рогани, Харьковскаго уѣзда, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ съ управляющимъ имѣнія г. Шидловскаго, подали жалобы тому же комитету и онъ постановилъ поддержать крестьянъ. Въ чемъ выразилась эта поддержка, осталось неизвѣстнымъ. Но вотъ случай, одинъ изъ многихъ, свидѣтельствующій, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаль пресловутый «комитетъ».

16 ноября, въ 9 часовъ вечера, вооруженные злоумышленники напали возлѣ Харькова на поѣздъ № 233, стоявшій на 227 верстѣ, у семафора. Револьвернымъ выстрѣломъ ранили кондуктора и похитили изъ вагоновъ разный товаръ. Комитетъ «паровозниковъ» командировалъ отрядъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ на харьковскій вокзалъ. Вооруженные прутьями, рабочіе явились въ залъ III класса и заперли его за собой. Это было вечеромъ, 16 ноября. Присматриваясь къ народу, въ большомъ числѣ находившемуся въ залѣ III класса, рабочіе мановеніемъ руки выдѣляли подозрительныхъ лицъ и, въ числѣ 14, арестовали въ одной изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, приставивъ къ нимъ свою стражу. На другой день прибылъ сюда «комитетъ», произвелъ допросъ арестованныхъ и постановилъ положить каждого изъ нихъ поочередно подъ паровой молотъ и, такимъ образомъ, вынудить признанія и указанія виновниковъ кражи. Эта ужасная операція была начата съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Арестованные сначала не вѣрили, что угроза будетъ приведена въ исполненіе и упорно молчали. Но когда первый очутился въ положеніи, угрожающемъ немедленно обратить его въ безформенную массу, то сейчасъ же выдалъ воровъ товара, который и былъ розысканъ и возвращенъ по принадлежности. Революціонные элементы чуть не ашплодировали «новому правительству». Спрашивается, какимъ бы негодованіемъ огласилась вся печать, если бы что-нибудь подобное устроило законное правительство. При уличныхъ манифестаціяхъ, которыя, за описываемый періодъ, не прекращались, толпы рабочихъ, по отношенію мирныхъ обывателей, держали себя вызы-

вающе. Отпускали различныя неприличныя выраженія и даже дѣйствія съ женщинами, попадавшимися на встрѣчу, били окна и избивали среди дня купца Д. П. Леонова, ограбивъ при этомъ у него 750 рублей. Такова логика освободительнаго движенія, у рабочихъ по крайней мѣрѣ.

Кажется, не было ни одной отрасли труда, которая, въ этотъ періодъ разгулявшейся улицы, не предъявляла бы какихъ-либо требованій къ хозяевамъ, къ администраціи. Всѣ многочисленныя петиціи разныхъ рабочихъ группъ заканчивались резолюціями съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года. Кучера и кондуктора конно-желѣзной дороги первые открыли октябрьское забастовочное движеніе, предъявивъ петицію бельгійскому обществу, состоящую изъ 24 пунктовъ. 18 изъ нихъ обнимали всю ихъ служебную жизнь, до вѣжливаго обращенія съ служащими включительно, остальные 6 говорили о свободѣ совѣсти, слова, печати, союзовъ, собраній и заканчивались требованіемъ народнаго представительства на основаніи всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосовъ. Когда я поинтересовался узнать, какое число кучеровъ конки грамотны, то получилъ справку, что 42 кучера грамотныхъ, а 30 не умѣютъ ни читать, ни писать, хотя ихъ фамиліи стояли подъ петиціей. Служащіе «конки» бастовали по своей инициативѣ десять дней. Отъ бельгійцевъ ровно ничего не добились, потеряли заработокъ за время забастовки и когда хотѣли стать на работы, то тутъ вмѣшались «товарищи» изъ другихъ группъ рабочаго класса, у которыхъ забастовка продолжалась и требовали поддержки. Попытки воспротивиться этому приглашенію вызвали насилія со стороны «товарищей». Они переворачивали вагоны, а непослушныхъ «коллегъ» попросту избивали.

27 ноября забастовали официанты и прислуга 24 заведеній разнаго рода. Тутъ, рядомъ съ экономическими требованіями, стояли и политическія. Не примкнула къ нимъ по началу женская прислуга, но рѣшительный бойкотъ, доходившій въ нѣкоторыхъ гостиницахъ до браунинговъ, сломилъ упрямство женщинъ и живущія въ гостиницахъ и меблированныхъ комнатахъ также бросили работу. 1 ноября официанты стали на работу, выговоривъ себѣ нѣкоторыя улучшенія ихъ быта, но это ихъ не успокоило и 20 ноября они вновь требовали улучшить ихъ положеніе. Собранное совѣщаніе хозяевъ и 18 делегатовъ не привело ни къ какому соглашенію и 23 ноября забастовка была вновь объявлена и продолжалась три дня.

Бастовали и типографіи въ теченіе описываемыхъ четырехъ мѣсяцевъ нѣсколько разъ. Ихъ забастовки всегда совпадали съ забастовками фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Типографскіе рабочіе оказывали дружную поддержку «товарищамъ». И эта группа рабочихъ добилась многихъ улучшеній труда, его обстановки, уве-

личенія платы и взаимоотношеній съ хозяевами. Но все это не удовлетворяло рабочихъ.

29 ноября въ зданіи завода Гельферихъ-Саде состоялось собраніе рабочихъ типографій. Много постороннихъ, не исключая и дѣвиць-пропагандистокъ, наполняли залъ. На обсужденіе собранія былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи къ цензурѣ. Одинъ изъ ораторовъ указывалъ на тяжесть положенія, когда приходится набирать и печатать только то, что пропускаетъ цензура. «Работая подъ давленіемъ цензуры, способствуешь правительству отнятію у общества, у всего народа свободы слова». Другой ораторъ указывалъ на то, что «правительство все время съ особымъ упорствомъ уклоняется дать народу то, что можетъ дать успокоеніе странѣ», причемъ сдѣлана была ссылка на новый законъ о печати. «Устранено административное преслѣдованіе,—говорилъ этотъ ораторъ,—но въ то же время администрація можетъ преслѣдовать изданія судомъ, вооруженнымъ драконовыми карами». Другіе ораторы говорили о департаментѣ полиціи, о жандармахъ и, наконецъ, о Севастопольскомъ бунтѣ. Причемъ, очевидно, не знали истины и рисовали передъ слушателями такія картины ужаса, которыхъ въ дѣйствительности не было. Мало кто разумѣлъ, какая существуетъ связь между нуждами типографскихъ рабочихъ, для выясненія коихъ они сюда собрались, и беспощадной ругней правительства. На собраніи былъ и полицейскій чиновникъ, но по тѣмъ временамъ соблюдалъ строгій нейтралитетъ. Съ 12 ноября началось броженіе среди домашней прислуги. Появились «делегаты» и «делегатки» съ цѣлью снять горничныхъ, кухарокъ, прачекъ, нянекъ. Но попытка устроить общую забастовку въ этой группѣ не удалась. Въ тотъ же день на паровозостроительномъ заводѣ состоялся митингъ прислуги. Помѣщеніе мастерскихъ, для этого занятое, было полно, но больше посторонней публикой. Первый ораторъ изъ юнцовъ старался разъяснить собранію значеніе союзовъ, забастовокъ и стачечной кассы и приглашалъ организовать союзъ. Затѣмъ на трибуну влѣзла «товарищка». Говорила о нравственномъ гнетѣ, о безвыходномъ положеніи прислуги, закончила свою рѣчь такъ: «Товарищки, намъ необходимо бороться и мы побѣдимъ, довольно уже издѣвались надъ нами хозяйки». Не обошлось и безъ инцидента. Одна изъ дѣвушекъ, весьма прилично одѣтая, подскочила къ столу и начала весьма энергично доказывать, что нужно быть честной, нужно работать и знать свое мѣсто. Долго длилась ея рѣчь, довольно стройная и энергичная, несмотря на крики: «довольно, довольно, долой оратора». По окончаніи митинга, прислуга была приглашена записываться въ члены союза, но подписалось только пятьдесятъ лицъ, остальные разошлись по домамъ и забастовка прислуги не состоялась, къ удовольствію хозяекъ, которыя, въ ожиданіи этого сюрприза, чувствовали себя очень скверно...

III.

Почтово-телеграфная забастовка.

Матеріалами для исторіи возникновенія и теченія почтово-телеграфной забастовки, кромѣ указанныхъ документальныхъ данныхъ, въ моемъ распоряженіи находились какъ свѣдѣнія мѣстнаго почтово-телеграфнаго начальства, а также прошенія и записки почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, къ ней не примыкавшихъ, поданныя временному Харьковскому генералъ-губернатору Сѣницкому,—такъ и свидѣтельства тѣхъ, кто участвовалъ въ забастовочномъ движеніи.

Я не буду останавливаться на дѣйствительно бѣдственномъ положеніи этой группы служащихъ, совершенно необезпеченной. Не буду говорить о тяжести ихъ труда. Это общеизвѣстныя истины. Скажу только, что угнетенное матеріальное положеніе и непосильный трудъ чиновниковъ почты и телеграфа создали весьма благодарную почву для возбужденія въ ихъ средѣ рѣзкаго недовольства. Не требовалось особыхъ усилій для вовлеченія этой группы служащихъ въ такъ называемое «освободительное движеніе». Агитаторы знали, что тутъ они найдутъ самый подходящій матеріаль для нанесенія весьма чувствительнаго удара правительству и, главнымъ образомъ, странѣ и обществу. Они хорошо были освѣдомлены, что здѣсь встрѣтятъ массовое сочувствіе. Изобильныя нападки на правительство—съ одной стороны, а съ другой, развившееся враждебное къ нему отношеніе, поддерживаемое нежеланіемъ удовлетворить въ предѣлахъ возможнаго справедливыя ходатайства объ улучшеніи положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ, были лучшимъ союзникомъ революціонеровъ, цѣль которыхъ для даннаго случая состояла въ томъ только, чтобы, путемъ прекращенія внутреннихъ и вѣншихъ сношеній, разстроить страну, усугубить тяжелыя послѣдствія смуты, терроризовать мирное населеніе.

Видимое движеніе въ почтово-телеграфномъ мірѣ Харькова началось въ послѣднихъ числахъ сентября 1905 года. Сначала, какъ и въ другихъ однородныхъ случаяхъ, оно выражалось сборищами на частныхъ квартирахъ, гдѣ разсуждали о необходимости не оставаться безучастными «къ общему дѣлу». Впрочемъ, нѣкоторые думали иначе. Элементарныя требованія этики должны были имъ внушить не затѣвать борьбы за матеріальныя блага въ періодъ все разгоравшагося и разгоравшагося пожара. Но таковыхъ было меньшинство. Малограмотные, съ низшимъ образованіемъ, недоразвитые до правильнаго уразумѣнія понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ, исполненіе которыхъ было необходимо въ этотъ моментъ больше чѣмъ когда либо,—почтовые чиновники были послушнымъ

стадомъ ихъ вожаковъ. Агитація, заманчивые посулы, вотъ тотъ главный двигатель, который способствовалъ къ забвенію элементарныхъ началъ порядка и законности, захватилъ ихъ въ бурный потокъ «освободительнаго движенія», причемъ, опять-таки, какъ это указали событія, большинство изъ нихъ было вовлечено частью противъ воли, а частью—за отсутствіемъ правильнаго пониманія всего, вокругъ происходившаго. Если бы тѣ, кто пообразованнѣе, кто повыше въ служебномъ отношеніи, участливѣе отнеслись къ начинавшемуся конфликту, проявили бы разумное отношеніе къ массѣ, среди которой появились ловкіе агитаторы и ретиво, съ небывалой энергіей толкали ее на опасный путь, къ массѣ безсознательной, можетъ быть, и не случилось бы всего того, что произошло. Но, къ сожалѣнію, на основаніи фактическихъ документальныхъ данныхъ, я долженъ установить не только полнѣйшій индифферентизмъ образованныхъ и обеспеченныхъ своимъ служебнымъ положеніемъ элементовъ, но и явное попустительство съ ихъ стороны къ зарождавшемуся движенію.

Въ Харьковѣ почта и телеграфъ управляются отдѣльными начальниками, подчиненными начальнику Харьковскаго почтово-телеграфнаго округа.

25 октября начальникъ округа, по требованію служащихъ телеграфа, разрѣшилъ собраніе (сходку) для выясненія ихъ нуждъ. Нужно помнить, что весь октябрь въ Харьковѣ, какъ это видно и изъ предыдущаго изложенія, проходилъ въ демонстраціяхъ и беспорядкахъ. Всѣ были достаточно возбуждены, наэлектризованы. Каждый не могъ ручаться за то, что дастъ завтрашній день. Всякія сходки, въ виду военнаго положенія, объявленнаго 14 октября, были генераль-губернаторомъ запрещены, подъ угрозой лишенія свободы, штрафовъ и другихъ репрессивныхъ мѣръ. Но и въ этомъ случаѣ, одна власть издавала приказы и распоряженія, а другая считала себя вправѣ ихъ нарушать. Начальству округа было извѣстно, что нѣкоторые чиновники телеграфа, ставшіе руководителями «движенія», примкнули къ всероссійскому почтово-телеграфному союзу. Члены этого союза имѣли своихъ представителей въ «Союзѣ союзовъ» и въ «Советѣ рабочихъ депутатовъ» — организаціяхъ явно революціонныхъ. Извѣстно было также, что экономическія требованія выставлены, какъ терпимый предлогъ для сборищъ, по существу чисто политическихъ. На собраніи 25 октября было рѣшено привлечь на сходку почтовыхъ чиновниковъ. Одинъ изъ телеграфистовъ, нѣкто Боцаевъ, членъ мѣстнаго комитета, уже къ этому времени организовавшася, ворвался въ контору почтамта съ требованіемъ, чтобы чиновники почты присоединились къ сходкѣ служащихъ телеграфа. На другой же день, т. е. 25 октября, въ отвѣтъ на это требованіе, служащіе почтовой конторы собрались, якобы для разсмотрѣнія своихъ матеріальныхъ

нуждѣ. Программа занятій этого собранія была одобрена начальникомъ округа. Въ ней, между прочимъ, значилось: «Необходимость коллегіальнаго управленія округомъ, а не единоличное», «необходимость товарищескаго суда». Пунктомъ 6-мъ программы требовалось присоединенія къ «Всероссійскому почтово-телеграфному союзу». Большинство на этой сходкѣ высказалось отрицательно, полагая, что, до выхода разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, организовать какой бы то ни было «союзъ» было бы преждевременно, тѣмъ болѣе, что, кромѣ очень темнаго по содержанію листка съ массой двусмысленныхъ недомолвокъ, въ рукахъ собравшихся ничего не было. Пока почтовые чиновники на этомъ и успокоились. Каково же было ихъ удивленіе, когда 28 октября въ канцелярію центральной почтовой конторы явилась служащая А. и потребовала отъ имени начальника округа присоединиться къ «Союзу», предъявивъ листъ съ такимъ заголовкомъ: «Списокъ служащихъ харьковской почтовой конторы, изъявившихъ согласіе, съ разрѣшенія начальника округа, на присоединеніе къ «почтово-телеграфному всероссійскому союзу». Начальникъ почтовой конторы сталъ разъяснять служащимъ, что такого разрѣшенія начальникъ округа дать не могъ, ибо оно незаконно. Но служащіе ему возражали: «разъ это предлагаетъ г-жа А., то никакихъ сомнѣній быть не можетъ». «На мои разъясненія и увѣщанія», пишетъ въ запискѣ начальникъ почтовой конторы, «уже никто не обращалъ вниманія». Большинство росписалось въ своемъ согласіи. Иногородніе почтово-телеграфные чиновники были увѣдомлены о необходимой солидарности съ губернскими подъ девизомъ «Всѣ за одного», а также и о вступленіи въ союзъ, телеграммами, а 29 октября мы уже имѣемъ дѣло съ большимъ митингомъ въ помещеніи управленія округа, на который прибыли многіе иногородніе служащіе. На этомъ собраніи было рѣшено добиваться улучшенія экономическаго положенія, присоединиться къ «Союзу» и установить сборъ на посылку делегатовъ въ Москву. 10 ноября начали взыскивать этотъ сборъ со всѣхъ служащихъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, съ вѣдома мѣстнаго почтово-телеграфнаго начальства, а 12 числа во всѣхъ службахъ было вывѣшено объявленіе отъ делегатовъ, за подписью г. Подольскаго, которымъ оповѣщалось, что «экономическія требованія будутъ сопровождаться политическими». Я не передаю программы экономическихъ требованій — она такъ стереотипна, что врядъ-ли заслуживаетъ вниманія. Политическая программа была взята цѣликомъ изъ резолюціи съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 г. 13 ноября Харьковскіе делегаты, снабженные деньгами изъ тощаго кармана почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и инструкціями, выѣхали въ Москву. Въ Москвѣ всѣ постановленія «Союза» относительно всеобщей забастовки были уже готовы до пріѣзда делегатовъ,

такъ что невольно задаешься вопросомъ: для чего они отправлялись на съѣздъ, тратили послѣдніе гроши бѣдняковъ товарищей, когда тамъ и безъ нихъ все уже было предрѣшено. Въ составъ депутаціи вошли: инженеръ Подольскій, бухгалтеръ управления округа Оболонкинъ, почтово-телеграфный чиновникъ Бѣлецкій, почтальонъ Калашниковъ и разсылный Александровъ. 14 ноября, на первомъ засѣданіи съѣзда въ Москвѣ было объявлено, что организаторы почтово-телеграфнаго союза, инженеръ Двужильный и Парфиненко, уволены со службы по 3 пункту. Съѣздъ постановилъ: «выразить по этому поводу протестъ правительству, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, и требовать принятія на службу уволенныхъ, а въ случаѣ неудовлетворенія этого требованія, объявить въ 12 часовъ дня 15 ноября всероссійскую почтово-телеграфную забастовку». Постановленіе это было сообщено телеграммой графу Витте. 15-го же ноября, въ 5^{1/2} часовъ вечера, въ Харьковѣ отъ центрального комитета получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: «Отвѣта Витте не получено. Шестъ часовъ бастуйте»: Утромъ же въ этотъ день, часовъ въ 10, начальникъ округа сообщилъ начальнику конторы, что въ 6 часовъ вечера начинается всероссійская почтово-телеграфная забастовка. Сопоставляя эти два свѣдѣнія, основанныя на документахъ, слѣдуетъ заключить, что начальнику округа рѣшеніе «Союза» было извѣстно ранѣ полученной телеграммы и начальникъ округа только ограничился официальнымъ сообщеніемъ о времени начала забастовки. Настроеніе служащихъ въ этотъ день было приподнятое. Работа не клеилась. Въ 6 часовъ 10 минутъ вечера, какъ это видно изъ записки начальника почтовой конторы, подтвержденной установленнымъ дознаніемъ, въ контору явился начальникъ округа Корженевскій, въ сопровожденіи телеграфныхъ чиновниковъ, которые заявили здѣсь-же, что они требуютъ прекращенія занятій на почтѣ. Раздались голоса: «мы бастовать не желаемъ». «Въ экспедиціи почтальоны уже бросили занятія», возражали забастовщики; тогда и чиновники почтамта начали оставлять работу. Человѣкъ 30 оставалось еще на мѣстахъ. Въ 6 часовъ 40 минутъ была получена вновь телеграмма на имя мѣстнаго комитета о забастовкѣ почтово-телеграфныхъ учреждений Кавказа, Самары, Одессы — «бастуемъ», которая тотчасъ была предъявлена и этимъ 30-ти Служащіе всѣхъ городскихъ отдѣленій прекратили работу, забастовалъ телефонъ, впрочемъ, временно. Харьковъ оказался отрѣзаннымъ отъ всего міра. Желѣзныя дороги, какъ мы знаемъ, также бастовали. Чиновникъ Гольцъ съ 4-мя почтальонами съ чиновниками губернскаго правленія, командированными генераль-губернаторомъ, 16 ноября еще производилъ вскрытіе почты. Они же продавали марки и производили разборку простой корреспонденціи. Но ихъ работѣ мѣшала неопытность чиновниковъ губернскаго правленія. Про-

стое, казалось, дѣло требовало знаній и навыка. Руководство одного чиновника и 4-хъ почтальоновъ было недостаточно и не могло долго продолжаться, да и мѣстное почтовое начальство не одобрило вторженія пришлыхъ элементовъ. Вечеромъ въ этотъ же день въ квартиру Гольца явились три почтово-телеграфныхъ чиновника и объявили женѣ его, что, если мужъ ея немедленно не прекратитъ занятій на почтѣ, то будетъ убитъ. Съ этимъ предостереженіемъ нужно было считаться. Случай приведенія въ исполненіе угрозъ такого характера были нерѣдки. Бойкотъ ослушниковъ производился энергично. Не желавшіе бастовать были поставлены прямо въ невозможное положеніе. Такъ, въ одной изъ докладныхъ записокъ, поданныхъ генералъ-губернатору, по уполномочію 50 служащихъ, рассказывались весьма изумительные факты.

Почтово-телеграфный чиновникъ Яременко, по просьбѣ своихъ товарищей, 20 ноября пошелъ въ зданіе почтамта, охранявшагося часовыми, не допускавшими никого на телеграфъ, узнать, когда начнется работа. «Воспользовавшись оплошностью часового, стоявшаго съ внутренней стороны, я вошелъ въ аппаратную», пишетъ онъ въ докладной запискѣ, «но въ ту же минуту былъ схваченъ бывшими въ аппаратной забастовщиками и сброшенъ съ лѣстницы». «Забастовщики день ото дня становились нахальнѣе,—удостоверяетъ въ письменномъ заявленіи другой чиновникъ... Онъ говоритъ, что его, случайно зашедшаго въ почтамтъ для полученія свѣдѣній—будутъ ли занятія, встрѣтилъ сторожъ временнаго комитета и объявилъ, что если онъ останется еще здѣсь, то сейчасъ придутъ паровозники и разорвутъ его на части. Паровозники—это рабочіе паровозостроительнаго завода, центра всякихъ исполнительныхъ распоряженій по революціонному движенію. Всѣхъ, непримкнувшихъ къ забастовкѣ, т.-е. тѣхъ, кто протестовалъ и изъявлялъ желаніе приступить къ работѣ, преслѣдовали всевозможными способами. При встрѣчахъ обзывали «черносотенцами», «измѣнниками», нерѣдко ругали площадными словами и «даже сторожа и разсыльные, проѣзжая мимо насъ,—пишетъ одинъ изъ чиновниковъ,—на рысакахъ, нанятыхъ на деньги, собранныя для надобностей временнаго комитета, пускали по адресу нашему самыя оскорбительныя замѣчанія». «Мы находились на положеніи отверженныхъ,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—а приходя домой, насъ ждала тяжелая нужда и полуголодная семья». Передъ 20 числомъ было объявлено, что жалованье выдано не будетъ. Разумѣется, всѣхъ это распоряженіе привело въ смущеніе. Изъ чего слѣдовало заключить, что почтово-телеграфные чиновники полагали, что могутъ отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей безъ потери права на содержаніе. Такое предположеніе было основано на томъ, что, по мнѣнію многихъ, забастовка произошла съ вѣдома ихъ начальства, а потому низшіе служащіе лишены жалованья быть не мо-

гуть. Но когда вопросъ выяснился не въ пользу этого предположенія, то «временный комитетъ» открылъ выдачу пособій изъ его средствъ. Средства эти, помимо процентныхъ отчисленій, вносимыхъ всѣми, добывались довольно безцеремонно; по выраженію одного изъ чиновниковъ, «сборщики прибѣгали къ самымъ пошлымъ и низкимъ приѣмамъ: ходили по магазинамъ, лавкамъ, врывались въ частныя квартиры, въ театры и вездѣ требовали денежной помощи». Ихъ единомышленники изъ другихъ группъ населенія содѣйствовали притоку пожертвованій, и не въ силу бѣдственнаго положенія чиновниковъ, а для поддержанія забастовки, какъ средства терроризовать населеніе. Даже городское общественное управленіе предположило выдать десять тысячъ рублей въ пособіе почтово-телеграфнымъ чиновникамъ. Выдача не была осуществлена только потому, что самое постановленіе состоялось въ незаконномъ составѣ городской думы. Впрочемъ, объ этомъ инцидентѣ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Лица, которымъ «комитетъ» выдавалъ пособія,—а выдавалъ онъ только сочувствующимъ движенію, — встрѣчая «черносотенцевъ», объявляли: «ну, мы получили деньги отъ своего царя, идите вы къ своему».

На одномъ изъ митинговъ, собиравшихся ежедневно, было рѣшено упорно протестующихъ противъ забастовки передать въ руки боевой организаціи Харьковскаго паровозостроительнаго завода, которая, по свидѣтельству одного изъ телеграфныхъ чиновниковъ, должна была вступить въ управленіе всѣмъ городомъ, о чемъ и разсылала письменныя извѣщенія.

20 ноября большинство почтовыхъ чиновниковъ и до двадцати человекъ почтальоновъ явились въ контору и выразили желаніе приступить къ занятіямъ. Но въ контору явился чиновникъ Портяный и сообщилъ, что къ конторѣ подходятъ рабочіе и чиновники телеграфа. Тѣмчасъ было сдѣлано распоряженіе удалиться изъ конторы. Дѣйствительно, къ зданію почтамта подошло 150—200 человекъ рабочихъ и другихъ лицъ изъ различныхъ группъ населенія. Толпа держала себя вызывающе и, убѣдившись, что почта бездѣйствуетъ, направилась далѣе. 21 ноября временный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе пригласить всѣхъ чиновниковъ почты и телеграфа повѣстками явиться на занятія. 22 ноября, къ 9 часамъ утра, за исключеніемъ пяти человекъ, чиновники явились въ контору. Изъ почтальоновъ явилась только половина. Открывшіяся занятія шли безъ перерыва до 5 часовъ вечера, затѣмъ чиновники разошлись, рѣшивъ завтра явиться на работу. Но 23 ноября служащіе не были допущены къ занятіямъ, по распоряженію начальника округа, на томъ основаніи, что упорные слухи утверждали «о готовящемся нападеніи рабочихъ, во главѣ съ бунтовщиками изъ почтовыхъ чиновниковъ, съ цѣлью разнести контору».

24 ноября чиновники почты и телеграфа явились съ требованіемъ выдать имъ жалованье, но, получивъ отказъ, рѣшили продолжать забастовку. За время съ 20 ноября по 1 декабря занятія не производились. Продажа марокъ и пріемъ корреспонденціи былъ возложенъ на военныхъ писарей. Безпрестанно происходили уличныя сборища почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Предъявлялись требованія созыва собранія для выясненія своихъ нуждъ, но, въ силу военнаго положенія, не разрѣшались. Приходилось разгонять забастовщиковъ этой группы военною силою: такъ случилось, когда толпа телеграфистовъ явилась прекратить работы на телефонѣ, начавшемъ работать. 1 декабря, на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, было объявлено, что всѣ почтово-телеграфныя служащіе увольняются отъ службы. Распоряженіе это вызвало слѣдующія репрессіи со стороны главарей движенія: многіе изъ чиновниковъ пожелали подать прошенія о зачисленія вновь на службу, но руководители забастовки, во главѣ съ механикомъ Гнилицкимъ, оцѣпили всѣходы въ контору и управленіе округа и угрожали «снять голову тому, кто рѣшится пойти съ прошеніемъ». Большинство разошлось по домамъ. Даже и тѣмъ, кто проникнуть въ контору или управленіе, прошеній подать лично не удалось, а таковыя принимались чрезъ дежурнаго. На телеграфѣ всѣ аппараты были перепорчены, провода перепутаны и къ исправленію ихъ никто приступать не думалъ, хотя механики и техники посѣщали аппаратныя, но для наблюденія за тѣмъ, чтобы все оставалось негоднымъ къ употребленію. Тѣмъ не менѣе, Харьковъ все-же не совсѣмъ былъ изолированъ отъ остальнаго міра. По проводу Залочевъ (защатный городъ)—Курскъ передавались денешні должностныхъ лицъ жандармскаго управленія, но, какъ это ни странно, ни губернаторъ, ни генералъ-губернаторъ объ этомъ не знали. Въ бытность мою въ Петербургѣ, мнѣ указывали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ на эту странность.

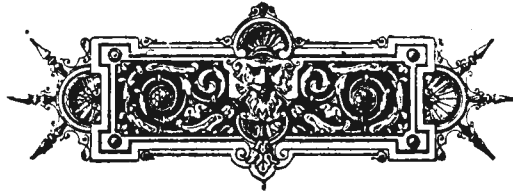
За время почтово-телеграфной забастовки въ Харьковѣ происходили такіе инциденты, о которыхъ въ Петербургѣ должны были быть освѣдомлены. Вообще, администрація принимала только палліативныя мѣры. Распорядилась охранять зданіе почтамта и его отдѣленій вооруженными войсками, не позволяла сборищъ, но совершенно безучастно смотрѣла, какъ почтово-телеграфныя чиновники забирались въ разныя помѣщенія конторы и телеграфа, съ цѣлью не допускать тѣхъ, кто бы пожелалъ стать на работу. Не препятствовала производству сборовъ для поддержанія забастовки, что происходило нерѣдко съ грубыми нарушеніями общественной тишины, спокойствія и порядка. Въ антрактахъ во время театральныхъ представленій телеграфисты врывались въ партеръ и довольно безцеремонно вымогали пожертвованія. Полиція безучастно наблюдала и какъ бы узаконяла такой порядокъ. Дѣйствія

администраціи и мѣстнаго почтово-телеграфнаго начальства были таковы, что чиновники имѣли право считать забастовку дѣломъ законнымъ или, по крайней мѣрѣ, находящимся подъ покровительствомъ ихъ начальниковъ, которые участвовали пассивно въ «освободительномъ движеніи». Только такими дѣйствіями мѣстныхъ властей можно объяснить допущеніе засѣданія почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ Оболонкина, на которомъ было опредѣлено послать телеграмму начальнику главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, слѣдующаго содержанія: «Петербургъ. Севастьянову, копія Дурново. Пенсія для Дурново и Севастьянова будетъ исходатайствована на всероссійскомъ почтово-телеграфномъ съѣздѣ». Другая телеграмма графу Витте гласила слѣдующее: «На какомъ основаніи власть перешла отъ царя къ Дурново». Телеграммы эти были посланы, хотя телеграфъ для остальныхъ, кромѣ забастовщиковъ, не дѣйствовалъ.

Только 8 декабря почта и телеграфъ начали правильно отправлять свои обязанности.

Князь Михаилъ Шаховской.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О В. А. ГОЛЬЦЕВѢ.

В ОКРУГѢ имени, недавно скончавшагося въ Москвѣ, Виктора Александровича Гольцева, какъ и слѣдовало ожидать, поднялся газетный шумъ, чему весьма благопріятствовало на этотъ разъ наступившее въ русскомъ обществѣ затишье и подавленное настроеніе: немудрено, что на сѣренькомъ фонѣ потускнѣвшей общественной жизни грустное событіе обрисовалось сугубо яркимъ пятномъ.

Если прислушаться къ нестройному хору возгласовъ и истерическихъ всхлипываній, доносящихся изъ лѣваго лагеря нашей періодической печати, то получится впечатлѣніе, что вотъ умеръ человекъ, котораго необходимо причислить къ лику святыхъ. Оказывается, что это—и «многострадальный борецъ за счастье родины», и «благородный рыцарь, съ аннибаловой клятвой и съ поднятымъ мечемъ выступившій на смертный бой съ врагами», и «мученикъ», и «апостоль правды и любви», и т. д.—все въ такомъ же родѣ. А «правые», между тѣмъ, кликушествуютъ по своему—это, говорятъ они, самый что ни на есть зловредный человекъ, котораго когда-либо видѣла Россія; онъ систематически, изо дня въ день, революціонировалъ нашу «бѣдную» учащуюся молодежь своими публичными лекціями и «крамольнымъ» журналомъ «Русская Мысль», онъ вливалъ губительный, тлетворный ядъ въ нѣжныя, молодые души...

Смѣшно все это читать человѣку, хорошо знавшему В. А. Гольцева. Фигура, несомнѣнно, яркая и крупная, имѣющая занять въ исторіи русскаго освободительнаго движенія одно изъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ, Гольцевъ не былъ ни идеально-чистымъ, а тѣмъ болѣе «святымъ» человѣкомъ, ни, еще менѣе, революціонеромъ. Возводить его на пьедесталъ какого-то «многострадальнаго борца» или «мученика» можно только по недоразумѣнію. Надѣленный отъ природы слишкомъ большой жизнерадостностью для того, чтобы быть «мученикомъ», онъ сплеховалъ бы, несомнѣнно, и въ роли стойкаго борца или смѣлаго пропагандиста «рискованныхъ» идей, будучи для этого черезъ чуръ мягкимъ, осторожнымъ и даже, пожалуй, боязливымъ. Гольцевъ былъ просто необыкновенно страстной, увлекающейся, талантливой натурой. Подвижной, какъ ртуть, суетливый, юркій и, надо сказать правду, въ достаточной мѣрѣ тщеславный,—онъ всюду любилъ блистать своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, вездѣ стремился первенствовать. Ни одного ученаго засѣданія, ни одного литературнаго вечера не обходилось безъ его участія,—имя Гольцева обязательно фигурировало въ каждой изъ афишъ или программъ. Выступить ли онъ въ качествѣ чтеца или оратора, непременно займетъ самую видную позицію, привлечетъ къ себѣ всеобщее вниманіе,—такъ живо и интересно умѣлъ онъ всегда освѣтить трактуемый предметъ, задѣтъ, какъ бы шутя, самую сердцевину вопроса.

Но было бы ошибкой думать, что Гольцевъ обладалъ большой научной эрудиціей или глубиной мысли,—то и другое у него отсутствовало; скорѣе его можно было бы назвать блестящимъ диллетантомъ науки, умѣвшимъ импонировать большимъ апломбомъ и краснорѣчіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось «съ ученымъ видомъ знатока коснуться до всего слегка», и въ этой области онъ едва-ли имѣлъ соперниковъ.

Знакомство мое съ Гольцевымъ началось въ 1889 г., когда я былъ еще студентомъ. Я написалъ небольшой беллетристическій этюдъ подъ заглавіемъ «Два поколѣнія», гдѣ обрисовалъ въ двухъ параллельныхъ картинкахъ студенчество 30-хъ и 80-хъ годовъ. Этюдъ предназначался, такъ сказать, для домашняго обихода, и у меня даже въ мысляхъ не было отдавать его въ печать, но, когда я, однажды, рискнулъ прочитать свое произведеніе въ пріятельскомъ кружкѣ товарищей-студентовъ, мнѣ посоветовали (нѣтъ такой гадости, которой не посоветовали бы «пріятели»!) немедленно снести его къ Гольцеву для напечатанія въ «Русской Мысли».

— Что вы, господа! Развѣ можно въ эдакій журналъ совѣтаться? возражалъ я, чувствуя на лицѣ невольную краску смущенія.—Я ни за что не рѣшусь... Да и не примуть!

Надо замѣтить, что среди московскаго студенчества того времени журналъ «Русская Мысль» и газета «Русскія Вѣдомости» пользовались необычайной популярностью. Въ сущности, это были второй университетъ, вліявшій на молодежь ужъ, конечно, въ неизмѣримо большей степени, нежели казенное зданіе на Моховой, гдѣ благоухали цвѣты новаго полицейскаго режима, усердно охраняемаго приснопамятнымъ инспекторомъ Брызгаловымъ.. Выхода въ свѣтъ толстаго ежемѣсячника въ сѣрой (тогда еще не блѣдно-голубой) обложкѣ съ черной каймой, студенты ожидали, какъ праздника, и онъ въ сотняхъ экземплярахъ быстро расходился по рукамъ, роняя въ молодыя, воспріимчивыя души живыя сѣмена знанія добра и дѣятельной любви къ ближнимъ.

Понятно, что перспектива сотрудничества въ подобномъ журналѣ должна была казаться мнѣ, начинающему автору, чрезвычайно заманчивой и потому совершенно невѣроятной. Однако, лестные отзывы товарищей о «Двухъ поколѣніяхъ» порядочно таки вскружили мнѣ голову и я уже не на шутку сталъ воображать себя писателемъ, которому, какъ говорится, самъ чортъ не братъ. «Хоть только бы съ Гольцевымъ познакомиться,—размышлялъ я,—а тамъ уже дѣло пойдетъ на ладъ!» Но какъ познакомиться съ Гольцевымъ? Для этого представлялось два пути: или сходить къ нему на квартиру, или побывать въ редакціи «Русской Мысли», гдѣ онъ ежедневно принималъ посѣтителей въ качествѣ негласнаго редактора. Первый путь мнѣ казался почему-то болѣе осуществимымъ и я рѣшилъ имъ воспользоваться.

Какъ сейчасъ помню, былъ прескверный осенній день. Мелкій дождикъ лилъ точно сквозь сито. Пасмурная, сѣрая погода наводила тоску. Въ душѣ я испытывалъ безпокойство и тревогу, которыя усиливались по мѣрѣ приближенія моего къ конечной цѣли путешествія. Вотъ и Арбатъ. Здѣсь неподалеку, въ одномъ изъ переулковъ, кажется, Успенскомъ, пріютился небольшой одноэтажный домикъ Н. А. Гольцевой—жены Виктора Александровича. Я робко подошелъ къ парадной двери и долго не рѣшался звонить. Въ переулкѣ было пустынно, тихо и какъ-то совѣмъ безлюдно, такъ что я долго могъ постоять, никѣмъ не замѣченный. Сердце мое учащенно билось, рука судорожно сжимала свернутую въ трубочку рукопись... Какъ вдругъ за дверью послышался шорохъ, чьи-то легкіе шаги, и дверь сама растворилась передо мной, выпустивъ какую-то особу женскаго пола, очень некрасивую и съ коротко остриженными волосами. Я невольно отпрянулъ назадъ, но горничная уже замѣтила меня и тотчасъ же потребовала къ отвѣту.

— Вамъ кого угодно?

— Я.. я хочу видѣть Виктора Александровича...—залепеталъ я смущенно.—Онъ дома?

— Они не принимаютъ, больны!— довольно грубо кинула мнѣ въ отвѣтъ горничная и передъ самымъ моимъ носомъ захлопнула дверь.

Эта первая неудача до такой степени обезкуражила меня, что я рѣшилъ больше не ходить къ Гольцеву на домъ, а ограничиться свиданіемъ съ нимъ въ редакціи «Русской Мысли», занимавшей тогда роскошное помѣщеніе въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Прихожу туда черезъ нѣсколько дней. Судьба мнѣ благопріятствовала на этотъ разъ и я очень скоро былъ принятъ Гольцевымъ, который вышелъ или, вѣрнѣе, выбѣжалъ ко мнѣ въ приемную, гдѣ, кромѣ меня, не было никого изъ постороннихъ посѣтителей.

— Здравствуйте! Ну, что, что скажете? Чѣмъ могу служить?— быстро заговорилъ онъ своимъ мягкимъ, бархатнымъ теноромъ.— А! Вижу: рукопись? И, кажется, довольно солидныхъ размѣровъ? Надѣюсь, не поэма и не драма?

— Нѣтъ, небольшой беллетристическій этюдъ...

— А! Ну, давайте сюда!

И, развернувъ рукопись, Гольцевъ прочиталъ вслухъ заглавную страницу.

— Гм... — промычалъ онъ многозначительно и поднялъ на меня свои черные, живые, безпокойно бѣгающіе, какіе-то «ныряющіе» глаза.—Что за странная параллель: студенты 30-хъ и 80-хъ годовъ? Почему именно 30-хъ, а не 40-хъ, 50-хъ или, еще лучше, 60-хъ годовъ? Что это вамъ вздумалось?

Я началъ было пространно объяснять идею своего произведенія, но, разсѣянно слушавшій меня, Гольцевъ, перелиставъ нѣсколько страницъ рукописи, вдругъ оборвалъ мою рѣчь на полусловѣ.

— Видите-ли,—обратился онъ ко мнѣ,—очень вѣроятно, что ваша повѣсть можетъ быть напечатана, но, если вы хотите, чтобы это было скоро, лучше не отдавайте ее намъ—заморозимъ!

— А когда вы можете напечатать?—полюбопытствовалъ я.

— Да не раньше, какъ черезъ годъ, а то и черезъ полтора!

И Гольцевъ устремилъ на меня свой ироническій, смѣющийся, «ныряющій» взглядъ.

Я почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Какъ черезъ годъ, черезъ полтора? Вы шутите?

— Говорю совершенно серьезно.

— Вы просто хотите отдѣлаться отъ меня, я это вижу,—вломился я въ амбицію,—а чтобы пилюля не вышла черезчуръ горькой, спѣшите ее позолотить... Очевидно, вамъ нужны крупныя литературныя имена!

— О, нѣтъ, нисколько,—мягко возразилъ Гольцевъ.—Я лично готовъ привѣтствовать всякій молодой талантъ, если таковой окажется, и дать ему мѣсто на страницахъ журнала, но вы представить себѣ не можете, какъ мы завалены, какъ мы баснословно

завалены всякаго рода матеріаломъ... Вѣдь у насъ цѣлыя вороха принятыхъ и одобренныхъ къ печати рукописей, а ужъ про макулатуру я и не говорю: отъ нея шкафы ломаются... Увѣряю васъ, что, если-бы пришелъ сейчасъ Левъ Толстой и потребовалъ, чтобъ его рукопись немедленно была напечатана, мы бы ему отказали.

Я стоялъ передъ Гольцевымъ въ нерѣшительности, хотя и слегка ободренный, а онъ устремилъ на меня вопросительный взглядъ.

— Викторъ Александровичъ,—началъ я тономъ полнѣйшаго смиренія и кротости, — я васъ очень прошу, независимо отъ того, будетъ ли мой этюдъ напечатанъ въ «Русской Мысли» или нѣтъ, внимательно его прочитать: мнѣ хотѣлось бы выслушать о немъ вашъ отзывъ, который будетъ для меня окончательнымъ приговоромъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—пообѣщавъ Викторъ Александровичъ.—Черезъ недѣлку пожалуйста къ намъ и получите отвѣтъ... самый обстоятельный и точный!—прибавилъ онъ съ улыбкой и, въ знакъ прощанія, подалъ мнѣ руку.

Прошло около двухъ недѣль, а я все еще не заглядывалъ въ редакцію «Русской Мысли», не шелъ узнавать о судьбѣ своего литературнаго дѣтища, точно опасался, что услышу непріятную вѣсть, и нарочно отдалялъ отъ себя этотъ роковой моментъ. И дѣйствительно, когда я думалъ о предстоящемъ объясненіи съ Гольцевымъ, я испытывалъ нѣчто похожее на страхъ. «А вдругъ откажетъ?» безпрестанно приходила мнѣ въ голову тревожная мысль.—Въ какомъ я буду тогда положеніи? Что, если вещь окажется совершенно бездарной, никуда негодной? Какими глазами онъ на меня посмотритъ, когда будетъ отдавать рукопись? Съ состраданіемъ, съ участіемъ или, можетъ быть, съ насмѣшкой? О, я готовъ буду провалиться сквозь землю отъ стыда!»

И я не шелъ въ редакцію, я все чего то ждалъ. Мало того, я избѣгалъ даже ходить по Леонтьевскому переулку, чтобы не встрѣтиться какъ-нибудь случайно съ Гольцевымъ. Наконецъ, я придумалъ слѣдующее: я написалъ ему письмо, въ которомъ, притворившись больнымъ, просилъ увѣдомить меня, какая участь постигла мою рукопись. Гольцевъ отвѣтилъ мнѣ на другой же день. Воспроизвожу его письмо дословно:

«Милостивый Государь,

«князь Борисъ Александровичъ!

«Прочелъ Вашъ «эюдъ» и, долженъ сознаться, впечатлѣніе, которое я получилъ отъ него, далеко превзошло мои ожиданія. Прежде всего я не ожидалъ встрѣтить у васъ столь зрѣлыхъ мыслей, которыя могли бы сдѣлать честь увѣленному сѣдинами

старцу... Положительно, я забывалъ иногда, что авторъ совѣмъ еще молодой человѣкъ, носящій студенческую форму! Этюдъ написанъ, въ общемъ, живо и интересно. Это дѣйствительно «этиюдъ», не самый романъ, а только канва его, планъ, набросанный, хотя и мѣткими, но черезъ-чуръ легкими и быстрыми штрихами. Идеалисты 30-хъ годовъ обрисованы вами въ основныхъ своихъ чертахъ довольно жизненно и правдиво: замѣтно, что вы внимательно изучили относящіяся къ той эпохѣ источники. Что же касается современнаго студенчества, то здѣсь вами чрезмѣрно сгущены краски, причемъ вы особенно не поспешили на черные цвѣта, въ ущербъ психологической правдѣ. Конечно, Багрянцевы и Ковровы встрѣчаются среди студентовъ, но развѣ они типичны именно для современной студенческой молодежи? Развѣ не встрѣчаются эти господа, и еще въ большемъ количествѣ, среди юнкеровъ, приказчиковъ изъ галантерейныхъ магазиновъ e tutti quanti? Притомъ-же, они изображены Вами слишкомъ схематично, безъ тонкой художественной обработки, безъ достаточнаго воплощенія въ живые образы... наконецъ, въ вашемъ произведеніи есть и чисто техническіе недочеты, вполне естественные у начинающаго автора.

«Несмотря на указанные недостатки, я считаю, что этюдъ заслуживаетъ быть напечатаннымъ, какъ потому, что въ немъ заложена глубокая нравственная идея, такъ и потому, главнымъ образомъ, что многія страницы его будятъ и шевелятъ мысль, заставляютъ работать мозгъ читателя.

«Примите и проч.

«В. Гольцевъ».

Помнится, весь охваченный радостью, восторгомъ, счастьемъ, я прочиталъ это письмо, написанное тонкимъ женскимъ почеркомъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять или шесть подрядъ. Кажется, никогда еще я не былъ такъ счастливъ и гордъ сознаниемъ собственного достоинства. Одно меня огорчало лишь въ письмѣ Гольцева— это *post scriptum*, стоявшее внизу и даже не сразу мною замѣченное. Въ немъ сообщалось лаконически: «я передалъ рукопись М. Н. Ремезову».

Приписка имѣла въ моихъ глазахъ зловѣщій смыслъ. Ремезовъ былъ вторымъ негласнымъ редакторомъ «Русской Мысли» и, слѣдовательно, рѣшеніе вопроса о напечатаніи статьи въ значительной степени зависело и отъ него. Такъ какъ мнѣ хорошо было извѣстно недоброжелательное отношеніе Ремезова къ начинающимъ авторамъ, въ особенности, беллетристамъ, то понятно, что я уже не ждалъ теперь ничего хорошаго. Кстати сказать, Ремезовъ самъ мнилъ себя выдающимся беллетристомъ, хотя един-

ственная повѣсть, напечатанная имъ въ «Русской Мысли», подъ заглавіемъ «Нашихъ полей ягоды», была изъ рукъ вонъ плоха; но онъ очень любилъ о ней говорить и въ близкомъ кругу знакомыхъ нерѣдко цитировалъ изъ нея отдѣльныя мѣста. Вообще, онъ обладалъ колоссальнымъ самолюбіемъ и всѣ свои сужденія и замѣчанія имѣлъ обыкновеніе какъ-то «изрекать» съ сознаниемъ собственной непогрѣшимости. Впрочемъ—странное противорѣчіе!—въ моемъ присутствіи онъ, однажды, рассказывалъ, какія муки доставляетъ ему такъ называемое художественное творчество, что нѣчто подобное, вѣроятно, испытываютъ только женщины во время тяжелыхъ родовъ, и я чувствовалъ, что его признаніе было вполне искреннимъ.

Такъ вотъ, стало быть, отъ кого зависѣла судьба моего литературнаго дебюта—отъ Митрофана Ниловича Ремезова! («Журнальнаго Митрофана», какъ впоследствии называлъ его А. П. Пятковский, полемизируя съ «Русской Мыслью» на страницахъ своего, нынѣ уже покойнаго, «Наблюдателя»), Я былъ въ уныніи. И вотъ, когда, дней черезъ десять послѣ полученія мною письма отъ Гольцева, я направилъ стопы въ Леонтьевскій переулокъ и рѣшился заглянуть въ редакцію, чтобы узнать окончательный отвѣтъ, и неожиданно наткнулся на Ремезова, въ самыхъ дверяхъ пріемной.

— А! Кого я вижу!—воскликнулъ Митрофанъ Ниловичъ.—Зачѣмъ къ намъ пожаловали?

Я ему отвѣтилъ.

— Ахъ, да!—вспомнилъ онъ.—Какъ же, какъ же-съ, прочиталъ-съ...

И онъ пристально посмотрѣлъ на меня сквозь очки своимъ холоднымъ, стальнымъ взглядомъ изъ-подъ густо нависшихъ сѣдыхъ бровей.

— Ну, что? Каковъ же результатъ?—робко освѣдомился я и почувствовалъ, что покраснѣлъ безъ всякой причины.

Губы у Ремезова скривились въ ироническую улыбку.

— Молодо-зелено, батенька,—вотъ что я вамъ скажу!—оголошилъ онъ меня вдругъ.—Поработать надо малость, а потомъ уже печататься... Вотъ вы, юноши, всѣ таковы: состряпаете разсказецъ или повѣстущку въ два вершка, и уже воображаете себя геніями! Терпѣніе нужно, батенька, терпѣніе великое-съ... Знаете ли, сколько я порвалъ и побросалъ мелко исписанной бумаги, прежде чѣмъ напечатать свой романъ «Нашихъ полей ягоды»? Вотъ какую кучу! А вы хотите сразу: тяпъ да ляпъ—и готово...

— Виноватъ,—съ досадою прервалъ я Ремезова.—Насколько мнѣ извѣстно, мой этюдъ «Два поколѣнія» одобренъ такимъ компетентнымъ критикомъ, какъ В. А. Гольцевъ,—слѣдовательно, ваши замѣчанія едва ли могутъ ко мнѣ относиться!

У Митрофана Ниловича опять скривились губы.

— Викторъ Александровичъ у насъ добрый человѣкъ!—сказалъ онъ не безъ ехидства и мотнулъ головою въ сторону редакціоннаго кабинета, куда была отворена дверь, позволявшая видѣть часть огромнаго, заваленнаго бумагами стола, за которымъ сидѣлъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, вѣроятно, самъ редакторъ-издатель журнала В. М. Лавровъ, и отъ смѣха безпрестанно подпрыгивалъ въ креслѣ. Гримасничая и жестикулируя, суетился около него Гольцевъ и, повидимому, рассказывалъ ему что-то очень смѣшное. Замѣтивъ, что я ему поклонился издали, Викторъ Александровичъ тотчасъ же, со свойственной ему живостью, устремился ко мнѣ, ласково протягивая руку. А Ремезовъ въ это время отошелъ отъ насъ и сталъ разговаривать съ какой-то дамой. Мы остались съ Гольцевымъ вдвоемъ.

— Что же это значить, Викторъ Александровичъ,—обратился я къ нему съ жалобой,—вы одобрили мою рукопись, а вотъ Митрофанъ Ниловичъ, кажется, находитъ ее неподходящей для журнала? Отвѣтите мнѣ категорически: будетъ она напечатана или нѣтъ?

— И да, и нѣтъ; видите ли...—пытался Гольцевъ увильнуть отъ прямого отвѣта и его «ныряющіе» глазки безпокойно забѣгали по сторонамъ. Очевидно, что онъ не игралъ первенствующей роли въ редакціи, но, какъ человѣкъ самолюбивый и тщеславный, не желалъ, чтобы знали это другіе, въ данномъ случаѣ и я.

— Я не понимаю вашего отвѣта,—возразилъ я ему.

Гольцевъ продолжалъ:

— Собственно, вѣдь не я здѣсь полномостный редакторъ,—оправдывался онъ,—а другое лицо... Конечно, съ моимъ мнѣніемъ привыкли считаться и я имѣю здѣсь вѣсь, но... tempora mutantur: я не знаю, что будетъ черезъ годъ, а между тѣмъ ваша повѣсть не можетъ быть помѣщена раньше, ибо редакція завалена матеріаломъ... Потерпите—атаманомъ будете!—закончилъ онъ съ улыбкой.

«Терпѣть» я, однако, не пожелалъ и взялъ свою рукопись обратно, а мѣсяца черезъ три она была издана отдѣльной книжкой книгопродавцемъ А. А. Карцевымъ.

Разскажу здѣсь кстати о курьезныхъ цензурныхъ придирикахъ, которыя мнѣ пришлось испытать во время печатанія книжки. Волею судебъ моя книжка попала на предварительный просмотръ къ цензору П. Е. Астафьеву, человѣку весьма образованному и даже философу, напечатавшему нѣсколько туманныхъ трактатовъ по вопросамъ метафизики. Этотъ философъ, между прочимъ, состоялъ членомъ Московскаго психологическаго общества и отличался здѣсь поразительной словоохотливостью: его рѣчи длились безъ конца. При этомъ, онъ говорилъ такимъ монотоннымъ голосомъ, что нѣкоторые изъ его слушателей буквально засыпали на своихъ мѣстахъ.

Въ качествѣ подцензурнаго автора я лично познакомился тогда съ Астафьевымъ. Сначала все шло гладко. Книжка быстро набиралась, гранки отсылались къ цензору и безъ помарокъ возвращались въ типографію. Въ цензурномъ отношеніи книжка представлялась до такой степени безобидной, какъ мнѣ, такъ и издателю, что мы рѣшились печатать ее, не дожидаясь цензурнаго разрѣшенія. Какъ вдругъ, — о ужась! — посланный листъ возвращается, измаранный красными чернилами, — а между тѣмъ листъ уже давно отпечатанъ полностью! Что тутъ дѣлать? Бѣду къ Астафьеву объясняться. Онъ занималъ казенную квартиру въ лицей цесаревича Николая, гдѣ состоялъ, кажется, воспитателемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Принялъ меня Астафьевъ весьма любезно и даже наговорилъ кучу любезностей, осыпая похвалами мой литературный дебютъ. Но стоило мнѣ обратиться, такъ сказать, къ его цензорскому милосердію, какъ онъ тотчасъ же сдѣлался строгъ и неприступенъ.

— Нѣтъ, ужъ это я не могу вамъ разрѣшить, ни подъ какимъ видомъ!—отказалъ онъ на-отрѣзъ.

— Помилуйте, Петръ Евгеньевичъ, вы меня ставите въ крайне затруднительное положеніе: листъ уже отпечатанъ, типографія несетъ убытки... Это невозможно...

Но никакіе мои доводы не дѣйствовали. Астафьевъ былъ непреклоненъ.

Въ наше время относительной свободы печати крайне любопытна эта маленькая экскурсія въ область недавняго прошлаго, отъ котораго насъ отдѣляетъ всего какихъ-нибудь 16 лѣтъ. Мы увидимъ сейчасъ, какія идеи могли не понравиться тогда цензору, — да еще какому цензору-то!—Ученому психологу и философу, съ мнѣніями котораго считалась даже такая крупная умственная величина, какъ покойный Владимиръ Соловьевъ.

Объ одной изъ дѣйствующихъ въ моемъ рассказѣ женщинъ было сказано у меня слѣдующее: «она быстро прочитала Чернышевскаго, потомъ принялась за Писарева и Добролюбова. Передъ ней раскрылся широкій, невѣдомый дотолѣ, горизонтъ такихъ идей и понятій, о которыхъ она раньше и не слыхивала». Невинныя фразы эти показались Астафьеву черезчуръ либеральными, и, чтобы уничтожить ихъ «вольнодумный» смыслъ, онъ прибавилъ собственоручно: «но эти писатели не могли удовлетворить ея пытливаго ума». Такимъ образомъ, «неблагонадежные» русскіе авторы получили легкій щелчокъ по носу отъ ученаго цензора, который, повидному, лишь «добросовѣстно» исполнялъ свои обязанности.

Въ другомъ мѣстѣ книжки говорится о героѣ рассказа (Ковровѣ), что онъ потерялъ всякую охоту къ наукамъ, благодаря плохой системѣ преподаванія въ гимназій. «Случилось это по винѣ

учителей, которые относились къ дѣлу съ чисто формальной стороны и нисколько не заботились о духовномъ развитіи своихъ питомцевъ». Всю эту послѣднюю фразу Астафьевъ перечеркнулъ и написалъ вмѣсто нея слѣдующее: «произошло это по той причинѣ, что онъ случайно попалъ подъ руководство двухъ-трехъ учителей, которые относились къ дѣлу...» и т. д. Словомъ, выходило, что не «система» виновата, а какіе-то два-три учителя, подъ руководство которыхъ попалъ Ковровъ, да и то только случайно.

Вотъ до какихъ абсурдовъ доходила наша цензура въ совѣмъ еще недавнее время, подъ гнетомъ полицейскаго режима въ государствѣ! «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...»

Курьезно, что, послѣ выхода книжки въ свѣтъ, Н. К. Михайловскій, подробно разбирая мой этюдъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», весьма энергично нападалъ на меня какъ разъ за тѣ самыя мысли, авторомъ которыхъ являлся, противъ моей воли, цензоръ Астафьевъ. Помнится, я даже написалъ по этому поводу письмо въ редакцію, желая возстановить истину, но почтенная газета не рискнула его напечатать, — такъ страшны были тогда цензорскіе громаы!

Послѣ описаннаго инцидента съ «Русской Мыслью», я много разъ встрѣчался съ Гольцевымъ и наши встрѣчи были вполне дружелюбны. Чаще всего мы видѣлись на ученыхъ засѣданіяхъ, которыя я усердно посѣщалъ въ то время, въ особенности, засѣданія психологическаго общества. Мнѣ очень нравились его словесные турниры съ Н. Я. Гротомъ, блиставшіе одинаковымъ остроуміемъ и находчивостью съ той и другой стороны, причѣмъ иногда приходилось быть свидѣтелемъ, какъ оба оратора, въ сущности, защищали одну и ту-же точку зрѣнія, а между тѣмъ получалось впечатлѣніе, что они вели между собой ожесточенный споръ. Припоминается по этому поводу, какъ покойный князь С. Н. Трубецкой, однажды, громко обратился къ нимъ съ соответствующимъ увѣщаніемъ, по обыкновенію, сохраняя на лицѣ самое серьезное и даже строгое выраженіе, и какъ увлекшіеся «противники», спохватившись, добродушно разсмѣялись.

— Сегодня у меня будетъ жаркая схватка съ Соловьевымъ, — какъ-то разъ заявилъ мнѣ Гольцевъ передъ началомъ засѣданія. — Мы вѣдь съ нимъ по вопросу о свободѣ воли кореннымъ образомъ расходимся...

— Интересно, кто кого побьетъ! — замѣтилъ я въ шутку.

— А вотъ увидите, — улыбнулся Гольцевъ и поспѣшилъ прибавить: — я, батенька, не дамъ себя въ обиду!

И дѣйствительно, зрѣлище вышло интересное. В. С. Соловьевъ первый открылъ кампанію противъ Гольцева и обрушился на него всею тяжестью своей страстной діалектики, какъ убѣжденный де-

терминистъ. Гольцевъ, наоборотъ, защищалъ теорію индетерминизма, замѣтно уступая своему оппоненту въ философской эрудиціи. Соловьевъ такъ и сыпалъ цитатами изъ первоисточниковъ, тогда какъ Гольцевъ обнаруживалъ довольно поверхностное съ ними знакомство; но онъ поразительно ловко умѣлъ изворачиваться и жонглировать словами, такъ что, напримѣръ, поймать его въ какихъ-нибудь противорѣчійхъ, запутать, привести высказанное имъ положеніе ad absurdum не было никакой возможности. Часа полтора состязался съ нимъ Соловьевъ; минутами казалось, что вотъ-вотъ Гольцевъ совсѣмъ припертъ къ стѣнѣ и долженъ едаться,—не тутъ-то было! Онъ вывертывался, какъ ужъ, и «ныряюще» глаза его то побѣдоносно взглядывали на противника, то самодовольно окидывали залъ, переполненный публикою.

Въ послѣдующей моей жизни Гольцевъ не разъ являлся для меня добрымъ совѣтчикомъ и руководителемъ. Когда, въ концѣ 1897 года, я задумалъ основать въ Москвѣ дешевый народный журналъ и высказалъ свою идею Гольцеву, то онъ, съ чисто юношескимъ жаромъ, принялся ее развивать, указывая мнѣ пути для ея осуществленія.

Онъ же, между прочимъ, придумалъ и самое названіе журнала: «Народное Благо».

— Младенецъ еще родиться не успѣлъ, а ужъ мы его окрестили! — состригъ онъ, смѣясь, и тутъ же прибавилъ: — а много вѣдь будетъ съ нимъ заботъ, много горя...

— Почему? — спросилъ я наивно.

— Видите ли, для того, чтобы подобный журналъ имѣлъ успѣхъ, онъ долженъ издаваться по самой широкой программѣ, которая только возможна, и по самой дешевой цѣнѣ: напримѣръ, еженедѣльникъ не долженъ стоить больше двухъ рублей въ годъ, а между тѣмъ, вамъ не разрѣшать ни того, ни другого... Конечно, если у васъ есть тамъ, въ «сферахъ», надлежащая заручка, тогда другое дѣло, въ противномъ же случаѣ—вамъ откажутъ во всѣхъ вашихъ домогательствахъ. Вы хотите завести у себя въ журналѣ политическій отдѣлъ—вамъ его не разрѣшать, скажутъ: «мужику политика не нужна, онъ еще не доросъ до политики», вамъ нуженъ отдѣлъ внутренняго обозрѣнія или общественной хроники— и этого не дадутъ, скажутъ, что простому человѣку незачѣмъ набивать голову разными сомнительными свѣдѣніями, вводитъ его въ соблазнъ... Ну, и что же остается? Сказочки да анекдотки изъ газетной «смѣси»: «на, молъ, тебѣ, милый простолоудинъ, кушай на здоровье, голубчикъ, пока не стошнитъ!» А мужикъ-то теперь умнѣе сталъ, его не надуешь: если вы не дадите ему интереснаго чтенія, т. е. такого, которое отвѣчало бы на всѣ его духовные запросы, то онъ вашего журнала и въ руки не возьметъ. Расскажите ему, какъ люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ и когда они бываютъ сыты,

довольны, счастливы, и отъ чего это зависитъ, — расскажите все это простымъ, но непремѣнно чистымъ литературнымъ языкомъ, отнюдь не подлаживаясь подъ его мужицкую рѣчь, — и я васъ увѣрю, что успѣхъ вашему журналу будетъ обезпеченъ...

— Но вы забыли, Викторъ Александровичъ, еще объ одномъ важномъ условіи: для успѣха журнала нуженъ хорошій подборъ сотрудниковъ... А гдѣ ихъ взять? Не всякій вѣдь пойдетъ сотрудничать въ маленькомъ, неизвѣстномъ журнальчикѣ, — не такъ ли?

Гольцевъ немного помолчалъ и раздумчиво произнесъ:

— Отчасти это такъ...

— Вотъ вы, напримѣръ, — продолжалъ я, — согласились ли бы вы сотрудничать въ «Народномъ Благѣ»? Я думаю — нѣтъ?

У Гольцева промелькнула на лицѣ хитрая улыбка.

— Отчего же нѣтъ? — возразилъ онъ. — Вотъ вы сначала хлопочите себѣ надлежащую программу, а потомъ мы поговоримъ...

— Ну, хорошо! Ловлю васъ на словѣ, — сказалъ я, — я, съ своей стороны, сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, а вы помните, что обѣщали ваше сотрудничество!

Вскорѣ послѣ этой бесѣды я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы заблаговременно «позондировать почву», гдѣ слѣдуетъ. Въ то время начальникомъ управленія по дѣламъ печати былъ М. П. Соловьевъ, чистѣйшій реакціонеръ и бюрократъ до мозга костей. Отъ такого человѣка, конечно, ничего путнаго нельзя было ожидать, но я заручился къ нему письмомъ отъ весьма высокопоставленнаго лица въ Москвѣ, и, преисполненный надеждъ, подѣхалъ въ одинъ прекрасный день къ казенному желтому зданію близъ Театральной площади.

— Начальникъ здѣсь? Принимаетъ? — освѣдомился я внизу у сѣдого, какъ лунь, старика-швейцара.

— Пожалуйте, — былъ отвѣтъ.

Я раздѣлся и быстро поднялся наверхъ, въ третій этажъ. Въ приемной было немного посѣтителей, человѣка три-четыре, и въ числѣ ихъ какой-то пожилой господинъ въ виць-мундирѣ и со звѣздой. Я подалъ курьеру письмо, свою визитную карточку и просилъ доложить обо мнѣ начальнику. Прошло минутъ пять. Я въ волненіи прохаживался мимо дверей кабинета, откуда доносились звуки чьихъ-то раздраженныхъ голосовъ. Звуки все усиливались, переходя въ неприятный крикъ. Какъ вдругъ дверь отворилась и изъ нея выскочилъ еврейскаго типа пожилой субъектъ, съ блѣднымъ, искаженнымъ злобою лицомъ.

— Это издѣвательство! Я буду жаловаться министру! — какъ-то взвизгнувъ онъ на всю залу и побѣжалъ къ выходу, возбужденно махая руками.

Какъ я потомъ узналъ, это былъ «извѣстный» О. К. Нотовичъ, издатель газеты «Новости» и авторъ «глубокомысленныхъ» фило-

софскихъ трактатовъ: «Немножко философіи» и «Еще немножко философіи».

Вслѣдъ за тѣмъ, я тотчасъ же, видѣ очереди, былъ принять М. П. Соловьевымъ, который, къ удивленію моему, былъ уже совершенно спокоенъ и очень привѣтливо улыбался.

— Радъ познакомиться съ вами и, чѣмъ могу, готовъ служить,— обратился онъ ко мнѣ, подавая руку и жестомъ приглашая сѣсть.

Я усѣлся противъ него за огромнымъ письменнымъ столомъ.

— Скажите,—продолжалъ Соловьевъ, вертя въ рукахъ поданное мною письмо,—почему NN принимаетъ въ васъ такое участіе?

Я удовлетворилъ его любопытство.

— А!—промычалъ онъ.—Ну, что-жъ, я съ удовольствіемъ исполню желаніе глубокоуважаемаго NN, но только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это допустимо закономъ...

Я немедленно заговорилъ о программѣ журнала. Соловьевъ насторожилъ уши.

— Что такое?!—вдругъ перебилъ онъ меня.—Политика въ народномъ журналѣ? Ни подъ какимъ видомъ! Никакой политики, никакой-съ!

— Михаилъ Петровичъ, я просилъ бы васъ разрѣшить мнѣ политическій отдѣлъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, хотя бы въ видѣ перепечатокъ изъ «Правительственнаго Вѣстника»... Неужели и этого нельзя?

Соловьевъ отрицательно мотнулъ головой.

— Ни политики, ни рѣсужденія текущихъ событій внутренней жизни, ничего этого не должно быть въ народномъ изданіи,—проговорилъ онъ.—Простому народу нужна серьезная духовная пища, а не та обычная либеральная дребедень, которой полны наши жидовскіе и жидовствующіе органы печати; вамъ нужно позаботиться о томъ, чтобы дать ему религіозно-нравственное чтеніе,—вотъ что самое главное-съ,—а вы хотите ему политикой голову забить, вы хотите преподнести ему камень вмѣсто хлѣба?!

— Я просто хочу дать въ своемъ журналѣ интересное и разнообразное чтеніе для народа, а не одно только религіозно-нравственное, поэтому я и хлопочу о разрѣшеніи мнѣ возможно большаго количества отдѣловъ... Если такого разрѣшенія получить нельзя, то придется сузить свою задачу и довольствоваться малымъ...

— Имѣйте въ виду,—перебилъ меня Соловьевъ,— что ваше «Народное Благо» должно быть строго-патріотическимъ изданіемъ, поэтому вамъ слѣдуетъ озаботиться приглашеніемъ сотрудниковъ. У васъ есть они на примѣтѣ?

— Да, кое-кто,—отвѣчалъ я уклончиво.—Вотъ Гольцевъ общался...—вдругъ какъ-то нечаянно слетѣло у меня съ языка.

— Гольцевъ?!— вскричалъ Соловьевъ и даже подпрыгнуть въ креслѣ. — Этотъ революционеръ?! Хорошій сотрудникъ для народнаго журнала, нечего сказать!

— Положимъ, Гольцевъ не станетъ сотрудничать въ «Народномъ Благѣ», хоть и обѣщалъ, — тотчасъ-же поправился я. — Вѣдь онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ иную программу журнала...

— Ну, то-то и есть, — усмѣхнулся Соловьевъ. — А я вамъ вотъ что посоветую: обратитесь къ В. А. Грингмуту, если хотите, отъ моего имени, — это мой хорошій пріятель, — онъ вамъ! рекомендуетъ отличныхъ сотрудниковъ...

Я поблагодарилъ Соловьева за «совѣтъ» и поспѣшилъ встать съ мѣста. Онъ тоже поднялся и протянулъ мнѣ руку. Аудіенція кончилась.

По возвращеніи въ Москву, я немедленно отыскалъ Гольцева и передалъ ему содержаніе моего разговора съ Соловьевымъ. В. А. очень смѣялся.

— Я васъ предупреждалъ, — говорилъ онъ мнѣ потомъ, — я зналъ, что вы потерпите фiasco. Развѣ отъ такого палача и душителя мысли, какъ Соловьевъ, можно было ожидать иного отвѣта? Развѣ онъ понимаетъ, что нужно народу, — и онъ, и всѣ они тамъ, наверху сидящіе? Многие изъ нихъ и мужика-то никогда въ жизни не видали. Они думаютъ, что нашъ «бѣдный мужикъ» до сихъ поръ еще глупъ, какъ малое дитя, а онъ ужъ давно запрещенныя книжки читаетъ. По наивности своей или, вѣрнѣе, по наглости и безстыдству они воображаютъ, что можно продержатъ мужиковъ въ скотскомъ состояніи хоть цѣлую вѣчность и что онъ все будетъ только покорно мычать, изображая изъ себя добродушнѣйшую «дойную коровку». Нѣтъ, голубчики, ошиблись! Дойная корова-то уже давно издаетъ медвѣжій ревъ, который скоро донесется и до вашихъ петербургскихъ канцелярій!

Гольцевъ хотѣлъ еще что-то сказать, но вдругъ замолкъ и только махнулъ рукой. Этотъ жестъ можно было перевести словами: «довольно, не стоитъ портить себѣ кровь».

Послѣ небольшой паузы онъ спросилъ меня:

— Ну, какъ-же вы рѣшили? Мысль о журналѣ бросить, какъ несбыточную?

— Нѣтъ, Викторъ Александровичъ, я все-таки думаю не бросать этого дѣла: пусть журналъ выходитъ; можетъ быть, и въ узкихъ рамкахъ удастся сдѣлать кое-что полезное...

— Напрасно! Ничего не выйдетъ, — сказалъ В. А. — А впрочемъ... желаю вамъ успѣха!

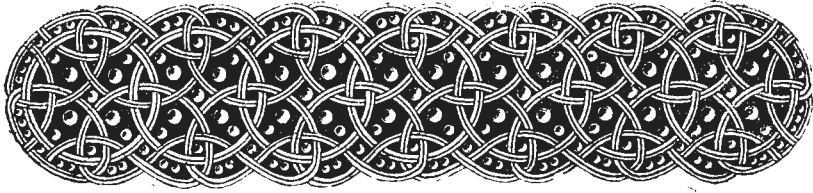
И Гольцевъ оказался правъ. Хотя журналъ «Народное Благо» и появился въ свѣтъ, но, — увы! — анемичное изданіе, рожденное въ сумеркахъ злѣйшей реакціи, просуществовало недолго: оно зачало отъ вполне заслуженнаго равнодушія читающей публики.

Я не порывалъ связи съ Гольцевымъ почти до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Мы неизмѣнно встрѣчались съ нимъ, какъ добрые знакомые, подолгу бесѣдуя о разныхъ жгучихъ вопросахъ современности. Но—странное дѣло!—съ той поры, какъ въ Россіи поднялся вихрь освободительнаго движенія, я замѣтилъ въ Гольцевѣ значительную перемену къ худшему. Онъ какъ будто растерялся, подавленный громадою развертывавшихся передъ нимъ событій, и попятился назадъ. Куда дѣвалась прежняя его энергія и живость! Онъ сталъ апатиченъ и вялъ, и это настроеніе его, по видимому, отражалось и на журналѣ «Русская Мысль», который быстро шель подь-гору...

Грустно было за Гольцева. Грустно было смотрѣть, какъ этотъ выдающійся человѣкъ, привыкшій идти всегда въ авангардѣ освободительнаго движенія, очутился теперь въ его хвостѣ: несомнѣнно, что онъ переживалъ въ душѣ тяжелую драму...

Князь Б. А. Щетининъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА П. А. КАРАТЫГИНА.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время на книжномъ рынкѣ довольно распространень особый видъ литературы подь названіемъ «Мысли» такого-то писателя (имя рекъ). Обыкновенно, это выборки изъ его произведеній, разбитыя на категоріи: мнѣнія писателя о жизни, искусствѣ, политикѣ, женщинахъ и т. д. Они собраны какимъ нибудь любителемъ литературы, или просто ради спекулятивныхъ цѣлей и, очевидно, имѣють успѣхъ, потому что раскупаются. Гораздо рѣже встрѣчаются тѣ же «Мысли», собранныя самимъ писателемъ, такъ сказать, интимная сторона его творчества. Писатель, какъ золота арфа, бессознательно реагировалъ на «впечатлѣнія бытія». Подъ вліяніемъ окружающаго, онъ заноситъ въ свой дневникъ какую нибудь отдѣльную мысль, остроумную фразу, красивый оборотъ рѣчи... Можетъ быть, это и не пригодилось впослѣдствіи, но въ данный моментъ оно соотвѣтственно настроенію автора и, какъ таковое, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Предлагаемая читателю выборка изъ «Записной или запасной книжки» П. А. Каратыгина, названной имъ, кромѣ того, еще «Дело мыслей и куплетовъ», представляють именно такого рода явленіе. Оригиналъ принадлежитъ П. Я. Данкову, которому, пользуясь случаемъ, мы приносимъ искреннюю благодарность за разрѣшеніе воспроизвести текстъ книжки. Мы не давали себѣ гигантскаго труда пересмотрѣть всѣ 68 пьесъ Каратыгина и установить, что изъ приводимыхъ ниже отрывковъ попало въ

печать и что осталось неиспользованнымъ? Въ сущности, такая экскурсія не привела бы ни къ какимъ результатамъ. Обыкновенно, то ново, что хорошо забыто. Комедіи Каратыгина, когда-то не сходившія со сцены, теперь появляются въ видѣ исключенія¹⁾. Авторъ ихъ, даровитый писатель и актеръ, въ представленіи публики—только историческая личность, яркая фигура на свѣтломъ фонѣ артистическаго прошлаго нашего театра. Познакомивъ съ его остроуміемъ молодое поколѣніе, мы можемъ косвенно содѣйствовать возстановленію каратыгинскаго репертуара, до сихъ поръ не утратившаго основныхъ качествъ стараго водевильнаго жанра: веселости и жизненности своихъ положеній.

Для удобства читателя, содержаніе «Записной или запасной книжки» П. А. Каратыгина разбито на нѣсколько отдѣловъ.

I. Взгляды на жизнь.

Вездѣ грязь.—только въ карманахъ чисто.

* * *

Кто обиженъ отъ природы,
Тотъ всѣмъ обидѣться готовъ.

* * *

Не тотъ грѣшный, кто грѣшитъ, а кто не умѣетъ скрыть грѣхи.

* * *

Живя подъ нашимъ свинцовымъ небомъ, нужно имѣть желѣзное здоровье.

* * *

Шампанское похоже на дурного человѣка, котораго чѣмъ чаще видѣть, тѣмъ онъ болѣе становится противенъ.

* * *

Старость не болѣзнь, а отъ нея все болитъ.

* * *

Есть люди, которые къ себѣ привязываютъ, есть, которые отъ себя отвращаютъ, но есть отвратительно привязчивые.

* * *

Будь ко всему равнодушенъ, какъ будочникъ.

* * *

— Не можешь ли ты разобрать, что это за слово, премудренное: справ... не справ... Справедливость?...

* * *

¹⁾ Напримѣръ, «Будочная или петербургскій вѣмецъ», «Виць-мудиръ» и др.

Другъ мой!—Другъ по русски ничего на значить. Это имя существительное, которое въ натурѣ никогда не существуетъ,

* * *

Вольтеръ сказалъ, что разумный долженъ быть свободенъ. Жаль, что онъ не училъ свободу быть разумной¹⁾.

* * *

Блаженъ, кто не просилъ начальниковъ по службѣ,
Кто не топталъ порога у вельможъ
И кто неллициемъ дружба
Не вѣрилъ ни на грошь.

* * *

Силою своею хвастаютъ только слабодушные. Сила физическая дана Богомъ, сила моральная—человѣкомъ. И ту и другую можетъ отнять только тотъ, кто ее далъ.

* * *

Мой другъ, не надобно дурного
Брать у другого:
Въ тебѣ довольно своего.

* * *

La première partie de la vie se passe a désirer la seconde, la seconde a regretter la première²⁾.

* * *

— Гдѣ вы воспитывались? Въ самомъ лучшемъ училищѣ: въ школѣ несчастій.

* * *

Старики, давая хорошіе совѣты, утѣшаются тѣмъ, что не могутъ служить болѣе дурнымъ примѣромъ.

* * *

Наука жизни!—А развѣ нельзя жить безъ этой науки?

* * *

Отчего молодое поколѣніе старается разрушить старыя репутаціи?—А отчего дѣти ломаютъ игрушки? Вѣдь онѣ лучше не сдѣлаютъ. А такъ, чтобы передѣлать по своему.

* * *

А какъ поближе поглядѣть,
Такъ мы куда какъ недалеко.

* * *

¹⁾ Въ скобкахъ «Погодинъ».

²⁾ Въ скобкахъ «Альф. Карръ».

Пьяный лишень самостоятельности.

* * *

— Какъ живешь?—По маленьку.—Живи по больше!

* * *

Знаменитый гастрономъ Делареньеръ полагаетъ, что число 13 тогда только опасно за столомъ, когда обѣдъ бываетъ приготовленъ на 12 человѣкъ.

* * *

Игрокъ, какъ гражданинъ всемірный,
Глядитъ съ презрѣніемъ на свѣтъ.
Онъ ходитъ съ важною козырной:
Лицомъ—король, душой—валетъ.

* * *

На чужія деньги всякій
Нынче любитъ погулять.
Только сдѣлайся гулякой,
Такъ друзей легко сыскать.
Если нужно пить, да ѣсть,
Туть друзей не перечесть.

Если также заведется
Кто молоденькой женой,
Отъ друзей не отобьется—
Набѣгутъ тотчасъ толпой.
Туть услужливыхъ друзей
Не отгонишь отъ дверей.

Но случилось несчастье,
Хочешь броситься къ друзьямъ,
Какъ извозчики въ ненастье,
Всѣ убрались по дворамъ.
Кличь къ себѣ того, сего,
Не найдешь ни одного.

II. Искусство.

Въ театры собираются зрители. Стало быть, надо хлопотать, чтобы было что смотрѣть. Нынѣшняя публика только смотреть.

* * *

«Водевиль—чужое растеніе, пересаженное на нашу почву. От-того-то оно не принимается у насъ». Такъ говорятъ тѣ, которые неудачно принимались писать водевили, и потому плоды ихъ трудовъ не принимались публикой.

* * *

Гдѣ быть актеру не случится,
 Съ нимъ каждый вечеръ чудеса:
 То въ адъ кромѣшный провалится,
 То залетитъ на небеса.
 То всѣ четыре части свѣта,
 Пути, играя, обойдетъ,
 Пока казенная карета
 Его домой не отвезетъ.

III. Наука и литература.

Нынче труднѣе попасть въ коллежскіе регистраторы, нежели въ гении.

* * *

Невѣжество — потемки, ночь; ложное просвѣщеніе — свѣча.
 Огонь— стихія, добываемая на землѣ. Свѣчу гасятъ — когда взойдетъ солнце. Истинное просвѣщеніе нисходитъ свыше.

* * *

Меня бранятъ, зачѣмъ я много пишу. Но я нахожу, что эта брань лучше всякой похвалы.

* * *

Книжная лавка—кладбище ума.

* * *

— Можно-ли въ одно время быть и толстымъ и сухимъ?
 — Можно, возьми любой журналъ.

* * *

За трудъ—затрутъ.

* * *

Если это писано въ первый разъ—хорошо, если въ послѣдній—еще лучше.

IV. Мужья и жены.

Я прежнихъ радостей ищу,
 Ищу, но только попустому,
 О первомъ мужѣ все грущу...
 Какъ это весело второму ¹⁾.

* * *

¹⁾ Чуфаринъ. Вѣроятно, фамилія дѣйствующаго лица въ какой-нибудь пьесѣ? Н. Д.

Мужъ, остави самовластье
Будь уступчивъ, терпѣливъ,
Будь слѣпой, слѣпого счастья,
Если хочешь быть счастливъ.

* * *

Кокетка похожа на скупца, который только самъ любитъ на свое богатство и ни съ кѣмъ не хочетъ подѣлиться.

* * *

Старуха и дѣва часто страдаютъ бессонницей.—Одна отъ прошедшаго, другая отъ будущаго, и обѣимъ недостасть настоящее.

* * *

— У нея небесные глаза!—Т. е. сѣрые? —Ну-да, въ Петербургѣ развѣ бываютъ другого цвѣта?

* * *

Когда хорошенькую дѣвушку выдаютъ за старика, это похоже на розу, которую крѣпко привязываютъ къ палкѣ. Она засохнетъ преждевременно.

* * *

— Умъ—мужъ, сердце—жена. Оттого-то они и живутъ вѣчно въ разладѣ. Когда же умъ уживается съ сердцемъ?

* * *

Какъ она его принимаетъ?—Какъ лѣкарство!

* * *

Любовь—свѣжій огурецъ, дружба—соленый, который сберегается на зиму. То-то, иной по дружбѣ такъ насолить.

* * *

Рвите розы любви, а мнѣ такъ все трынъ-трава.

V. Эпиграммы.

Пусть по людскому правосудью
Ты вынче равень сталь со мной,
Но то, что заслужилъ я грудью,
Ты выслужилъ своей спиной,

* * *

Бывало она сводила съ ума, а теперь надо самому сойти съ ума, чтобы въ нее влюбиться.

* * *

Затянута въ рюмочку, только невинную.

* * *

Его нечего уничтожать, онъ самъ по себѣ ничтоженъ.

* * *

— Ей подѣ старость стыдно ребячиться.—Въ старость то и впадаютъ въ дѣтство.

* * *

Этотъ занка говоритъ безъ чувства и безъ толка, но съ разстановкой.

* * *

Дарованіе его прозябало въ холодныхъ драмахъ или засыхало въ сухихъ комедіяхъ.

* * *

У него есть ухо, да на правду глухо.

* * *

У него все кругло, какъ 0 (нуль).

* * *

Немудрено ему быть жирнымъ. Онъ какъ сыръ въ маслѣ катается.

* * *

Играть и картами и честью
Онъ одинаково готовъ.
Притворной дружбою и лестью
Къ себѣ сзываетъ игроковъ.

—

Онъ мастеръ своего искусства,
Попробуй кто, свяжися съ нимъ:
Въ немъ подтасованы все чувства,
Тебя надуетъ онъ любымъ.

* * *

Его перо остро, какъ сабля... въ мирное время.

VI. Отдѣльныя мысли, афоризмы и остроты, не имѣющія опредѣленнаго назначенія.

— И это дошло до начальства?

— Нѣтъ, донесли.

* * *

— Какъ онъ похожъ на мать, ну, просто, живая покойница!

* * *

И это развлеченіе далеко завлечетъ.

* * *

Иное дѣльное, а сѣло,
Другое пошло, а пошло.

* * *

— Въ Египетъ, въ Вавилонъ ты ѣхалъ сухимъ путемъ?

-- Нѣтъ, мокрымъ, послѣ дождя.

* * *

Онъ служить въ департаментѣ и, можно сказать, служить украшеніемъ...

* * *

Вотъ, братъ, милліонами вертитъ, а намъ такъ жизнь—копѣйка.

* * *

Въ Петербургѣ стрѣляютъ изъ пупекъ, если царского дома прибыло, если важная особа прибыла, или, просто, вода прибываетъ.

* * *

Разсѣянъ, какъ жидовскій народъ.

* * *

Москва и Петербургъ дѣти одной матери, но разныхъ воспитаній. Вотъ причина ихъ ссоры.

* * *

— Онъ глубокаго ума.—Да, у него такъ глубоко умъ запрятанъ, что и не видать.

* * *

Жалуются, что его не жалуютъ (въ чинѣ).

* * *

Я съ нимъ знакомъ по отношеніямъ.—Я ихъ сегодня 20 написалъ.

* * *

Прошедшей зимой онъ получилъ теплое мѣсто.

* * *

— Я вамъ это говорю по должности.—А я вамъ говорю, что эта должность не по васъ.

* * *

Въ Москвѣ на все обычай свой,
Тамъ за своихъ стоять горой,
Хоть славны бубны за горами...

* * *

— Я моей совѣсти не продавалъ.— Немудрено, она гроша не стоитъ.

* * *

Ко мнѣ рѣшительно никто не ходитъ. Я поставилъ себя слишкомъ высоко. Я живу въ 5 этажѣ.

* * *

У него какой столъ отличный. Я говорю про департаментъ.

* * *

Тебѣ нечего бояться грозы. Молнія падаетъ только на острия вещи, а на плоскости никогда.

* * *

Игроки для удовольствія и для продовольствія.

* * *

Тотъ кричитъ: играйте эдакъ,
А другой—играйте такъ,
И выходитъ напоследокъ,
Что играютъ кое-какъ.

* * *

Нынѣшнія засѣданія французскаго національнаго собранія похожи одно на другое, какъ яйца. Разбей любое, получишь — болтуна.

* * *

Когда я говорю, всѣ слушаютъ, разиня ротъ.—Да, отъ зѣвоты.

* * *

Одинъ франтъ наступилъ на ногу и, въ извиненіе, началъ крѣпко жать руку.—Вы для того мнѣ жмете руку, чтобы не было завидно ногѣ.

* * *

— Онъ ругалъ меня—я перенесъ, потомъ сталъ ругать начальство.

— Вы тоже перенесли?

— Нѣтъ, не перенесъ... а, по долгу службы, просто донесъ объ этомъ.

* * *

Я выбрался на улицу безъ памяти, безъ чувствъ и безъ шляпы.

Сообщилъ: баронъ Н. В. Дризень.

ПАМЯТИ Н. П. БАРСУКОВА.

В 12 ЧАСОВЪ 30 минутъ пополудни 23 ноября минувшаго года скончался, послѣ продолжительной болѣзни, Николай Платоновичъ Барсуковъ, о трудахъ котораго по жизнеописанію Погодина читатели «Историческаго Вѣстника» встрѣчали ежегодно мои замѣтки. Для меня эта смерть вдвойнѣ тяжела: я разстался навсегда съ писателемъ, котораго высоко ставилъ и чтилъ, которому обязанъ многими хорошими часами при чтеніи его трудовъ, я потерялъ добраго знакомаго, котораго зналъ съ дѣтства и съ именемъ и образомъ котораго соединяются у меня дорогія воспоминанія о давно-быломъ, о всемъ томъ, миломъ и близкомъ сердцу, что отошло въ настоящее время въ область однихъ лишь грустныхъ воспоминаній. Хоть и не часто приходилось, но я любилъ бывать въ удивительной по своей обстановкѣ квартирѣ, занимаемой обоими братьями Барсуковыми, Н. П. и А. П., какъ значилось на ихъ дверной досчкѣ. Здѣсь, въ легкомъ полумракѣ, при тихомъ сіяніи лампадъ передъ иконами, въ окруженіи полками съ книгами и портретами и видами изъ русской жизни, какъ-то становилось тихо и спокойно на душѣ, мысль отрывалась отъ злободневной суеты и переносилась въ прошедшее историческое и бытовое, о которомъ у меня съ Николаемъ Платоновичемъ всегда находилось что поговорить, и въ особенности, о бытовомъ, гдѣ для насъ обоихъ были похоронены дорогія воспоминанія. Объ этомъ бытовомъ быломъ покойный съ особенною любовью распространялся, возстановляя въ памяти и дорогіе, отошед-

шіе въ вѣчность, образы и тѣ, въ своемъ родѣ провинціальныя, культурныя центры, тѣ дворянскія гдѣзда, отъ которыхъ всеокужающее время не оставило нынѣ почти никакого слѣда. Въ этихъ центрахъ Николаю Платоновичу видѣлась историческая Россія во всемъ ея органическомъ цѣломъ, отсюда на него вѣяли разныя эпохи и чѣмъ далѣе уходила историческая перспектива, тѣмъ какъ бы ярче возставали передъ нимъ разные представители родовъ, слуги государевы и вѣрные сыны Россіи, стоявшіе на стражѣ ея чести, могущества и силы.

Покойный Барсуковъ мнѣ былъ дорогъ еще по совершенно особому обстоятельству: онъ былъ первымъ ученымъ писателемъ, съ которымъ на зарѣ моей жизни судьба меня поставила лицомъ къ лицу, и притомъ, въ такой средѣ и обстановкѣ, которая рѣшительно не имѣла ничего общаго ни съ наукой, ни съ литературой. Я живо вспоминаю тѣ шумныя праздничныя дни—канунъ новаго года и ночь Свѣтлаго Воскресенія,—когда въ довольно богатомъ домѣ одного Петербургскаго крупнаго чиновника, гдѣ собиралось въ эти ночи за праздничной трапезой большое общество, интересы котораго сосредоточивались по преимуществу въ большихъ и малыхъ шлемахъ, въ городскихъ слухахъ и въ будничныхъ интересахъ веселаго характера, вдругъ появлялись, послѣ церковной ночной службы, Н. П. Барсуковъ, въ сопровожденіи своего брата, Александра Платоновича. Средняго роста, сухощавый и сутуловатый, съ головою, какъ нѣкоторые говорили, «Николая Чудотворца древняго письма», въ старомодномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, помятомъ фракѣ, изъ подъ обшлаговъ котораго высовывались борты чистыхъ рукавчиковъ, но обязательно обтрепанные и съ бахромкой,—вошедшій въ комнату новый гость являлся полной противоположностью свѣтско-чиновному обществу. Нѣсколько скользкая, старомодная походка, съ почтительными поклонами, Николай Платоновичъ всегда приближался къ своему родственнику-хозяину дома съ обычнымъ привѣтствіемъ: «По приѣру прошлыхъ лѣтъ, сочли долгомъ...»

— А, братъ Николай, Александръ, здравствуйте! Ну, здоровайтесь скорѣе и догоняйте,—таковъ былъ и обычный отвѣтъ.

Все общество съ любопытствомъ озирало совѣмъ не свѣтскую фигуру уже ставшаго тогда извѣстнымъ археолога и историка, съ образомъ котораго у всѣхъ присутствовавшихъ соединялось смутное представленіе о какихъ-то тамъ Строевыхъ, Кубаревыхъ, Погодиныхъ и разныхъ архіереяхъ и русскихъ святыхъ, которымъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ извѣстные моменты жизни ставили свѣчи, но о которыхъ затѣмъ старались поменьше вспоминать. Вскорѣ по приходѣ, Николай Платоновичъ устранился гдѣ-либо сбоку, недалеко отъ центра хозяйскаго стола, и не проходило какого-нибудь часа, какъ около него закипалъ горячій споръ. Тамъ, около

столовой, въ большомъ бѣломъ залѣ, лились звуки вальса, шелкали шпоры и рѣяли цвѣтныя праздничныя дѣвичьи платья, кружились юныя пары влюбленныхъ, слышался смѣхъ и игривый разговоръ, а тутъ, въ столовой, чудакъ-археологъ, потрясая протянутымъ впередъ сжатымъ кулакомъ (любимый жестъ Николая Платоновича во время спора), уже доказывалъ громко и горячо собесѣдникамъ о подлости поступка какого-нибудь ученаго или литератора, позволившаго себѣ безъ достаточнаго почтенія и съ неподходящимъ легкомыслиемъ огнестисъ къ авторитету выдающагося изслѣдователя церковной жизни. Нѣсколько запинаясь въ рѣчи, слегка картавя, Барсуковъ, въ доказательство своей правоты, скандировалъ любимыя стихи стариннаго русскаго поэта, приводилъ цитаты изъ лѣтописи или поученія того или иного русскаго святителя. Собесѣдники взирали съ удивленіемъ и порою съ нескрываемою усмѣшкою на разгорячившагося ученаго оригинала, а тотъ, забывая окружающую его обстановку и ея характеръ, продолжалъ метать громы и молніи въ своихъ враговъ и наносилъ имъ—и словами, и жестами—сокрушительные удары... И уже тогда, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, я, молодой гимназистъ, чувствовалъ, что между мною, тогда еще и не дерзавшимъ мечтать о литературномъ поприщѣ, и этимъ спорщикомъ завязываются какія-то духовныя нити, прочность которыхъ скажется лишь впоследствии.

Меня, тогда «либерала и нигилиста», какъ въ томъ меня упрекалъ Николай Платоновичъ, въ особенности прельщала его оригинальность ума, смѣлость имѣть по предметамъ свое особое сужденіе, совершенно не модное и противорѣчивое установившимся банальнымъ мнѣніямъ, его запасъ свѣдѣній о русской жизни въ ея историческомъ развитіи и глубокая и горячая любовь къ родинѣ. Никогда не забуду одного горячаго спора, относящагося ко времени русско-турецкой войны, когда все собравшееся общество выражало, на-перерывъ, горячее сочувствіе славянству и негодование по поводу турецкихъ звѣрствъ и коварной политики Альбіона. Одинъ Барсуковъ оставался непреклонно при особомъ мнѣніи. По его словамъ, намъ нечего соваться въ балканскія дѣла; славяне намъ не заплатятъ признательностью за «освобожденіе», намъ достаточно своего дѣла и дома; онъ говорилъ, что Европа намъ не проститъ громкихъ побѣдъ, что Россія войною будетъ ослаблена и извнѣ, и изнутри, что турки вовсе не такъ плохи, какъ ихъ рисуютъ славянофилы и либеральная пресса, что славяне еще покажутъ себя въ настоящемъ свѣтѣ и т. д., и т. д. Всѣ громко негодовали противъ говорившаго, готовые объявить его чуть-ли не измѣнникомъ отечества, а онъ стойко, противъ общаго теченія, оставался при своемъ и въ тотъ часъ являлся дѣйствительнымъ пророкомъ и Берлинскаго конгресса, и Стамбуловской политики, и террористическихъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, и той

путаницы въ дѣлѣ внѣшней политики, которую мы не можемъ развязать и поднесь.

Николай Платоновичъ не плылъ по теченію и не скрывалъ никогда и ни при какой обстановкѣ своихъ взглядовъ и убѣжденій, имѣя всегда мужество высказывать свое исповѣданіе—политическое, общественное и научное—громко и откровенно. Зная, напримѣръ, о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ профессору Оресту Федоровичу Миллеру, Барсуковъ возставалъ противъ этой близости, утверждая, что руководство профессора не пойдетъ мнѣ въ прокъ, отобьетъ лишь отъ науки и приучитъ къ политиканству, чего онъ не допускалъ въ дѣлѣ научнаго знанія. Популярность Миллера, его преданность основамъ русской жизни, въ данномъ случаѣ не останавливали говорившаго и не подкупали нѣкоторымъ, какъ бы кажущимся, общимъ исповѣданіемъ вѣры. Во всемъ славянофильствѣ ему чужалось нѣчто излишне шумное и крикливое, онъ видѣлъ въ немъ слишкомъ мало церковнаго элемента и древне-русской исторической пластики. Его сердцу болѣе говорили «дни минувшіе и рѣчи, ужъ замолкшія давно», чѣмъ «малиновый звонъ» современной рѣчи главарей неославянофильства. Отсюда и его несочувствіе Миллеру, и его нападки на меня.

При всемъ частомъ нашемъ несходствѣ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, покойный Барсуковъ, однако, относился, въ общемъ, сочувственно къ избранному мною литературному поприщу и сердился, если узнавалъ, что я отвлекаюсь отъ пера и чернилницы ради какихъ-нибудь, по его мнѣнію, эфемерныхъ жизненныхъ благъ. Для него наука и литература были вся жизнь и когда, бывало, судьба меня занесетъ въ его уютную и тихую обитель, онъ радушно и привѣтливо встрѣчалъ своего рецензента, такъ долго исчезавшаго съ его горизонта. «А!» всегда привѣтствовалъ Николай Платоновичъ, какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ, мой приходъ и тотчасъ же завязывалъ интересную бесѣду о моихъ литературныхъ работахъ или пускался въ объясненія по поводу моей послѣдней рецензіи на его трудъ о Погодинѣ, переходившія часто съ его стороны въ горячіе монологи, направленные противъ современнаго направленія литературы, вообще, и ея представителей, въ частности. Но эта горячность, переходившая порою въ рѣзкость, приправленную сильнымъ словцомъ, не являлась источникомъ глубокой и непримиримой злобы. Вдругъ, въ самый разгаръ своей сердитой тирады, онъ вспоминалъ, что сокрушаемый имъ авторъ обронился добрымъ словомъ по адресу того или другаго изъ близкихъ сердцу Николая Платоновича дѣятелей науки, и онъ сразу какъ-то смягчался и, ради этого добраго слова, готовъ былъ простить ему его прочія продерзости.

Посѣщеніе квартиры братьевъ Барсуковыхъ, помимо интереса бесѣды, привлекало и тою, во-истину музейной, обстановкой, въ

Н. Барсуковъ

Николай Платоновичъ Барсуковъ.

Съ портрета, рисованнаго художникомъ Н. П. Богдановымъ-Вѣльскимъ.

которую приходилось погружаться. Все здѣсь говорило о Россіи, о ея жизни, ея исторіи, ея былыхъ дѣятеляхъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Сами обитатели этой обстановки какъ-то уходили на второй планъ, а на первый выступало то идейное и историческое, чему эти обитатели служили всю свою жизнь. «Какіе мы съ братомъ квартирныя хозяева, мы—скромные «музейскіе сторожа», служители вотъ этого, долгими трудами и годами собраннаго, историческаго музея»—говаривалъ покойный Барсуковъ. И, дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго можно было убѣдиться, что личному элементу въ квартирѣ отведено до-нельзя мало. Достаточно сказать, что Николай Платоновичъ даже не имѣлъ собственной спальни и собственной кровати и, несмотря на свой пожилой возрастъ, по необходимости требующій покоя и комфорта, которые онъ такъ заслужилъ, ограничивался скромнымъ небольшимъ кожанымъ диванчикомъ, служившимъ ему мѣстомъ ночнаго отдыха и расположеннымъ въ углу первой комнаты прямо отъ входа, являвшейся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его рабочимъ кабинетомъ, гдѣ имъ было восстановлено и освѣщено передъ потомствомъ столько памятниковъ родной старины. Въ «музеѣ» не было заведено и обычнаго домашняго хозяйства—не было собственной кухни на потребу невзыскательныхъ старыхъ холостяковъ-братьевъ. Обѣдъ и ужинъ, очень скромные и невзыскательные, приносились въ опредѣленные часы изъ ближайшаго ресторана или клуба, и такъ это практиковалось во все тѣ сорокъ слишкомъ лѣтъ жизни, что «скромные музейскіе сторожа» прожили въ бывшемъ домѣ Тура, на Большой Морской.

Да, все въ этой обстановкѣ и этомъ обиходѣ было оригинально, своеобразно, не отъ вѣка сего. И не то, чтобы установитель этого обихода отличался какими-нибудь аскетическими наклонностями или стремился къ оригинальничанью ради его самого. Нѣтъ, Николай Платоновичъ далеко не былъ аскетомъ—онъ любилъ и добрый стаканъ вина, и дружескую партію въ вистъ и полуночную веселую бесѣду съ пріятелемъ, но все это были тѣ мелкіе и какъ бы случайные моменты повседневной жизни, которые совершенно исчезли въ широкой и глубокой области его духовной жизни. Эта духовная жизнь стояла превыше всего и ей-то отведенъ былъ каждый уголокъ, каждый простѣнокъ въ квартирѣ-музеѣ. Полки, безконечныя полки книгъ, вдоль стѣнъ, а тамъ, гдѣ только оставался хоть вершокъ свободнаго отъ книгъ или мебели мѣста, тамъ длинными рядами, отъ потолка и до самаго пола, висѣли живые памятники русской жизни—образы тѣхъ ея представителей, которые были близки уму и сердцу Барсукова. Вотъ стѣна, сверху до низу увѣшанная портретами русскихъ ученыхъ и писателей—Державинъ, Крыловъ, Жуковский, Вяземскій, Пушкинъ, Гоголь, Аксаковъ, Погодинъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Вычковъ и пр., и пр.,—это одна галерея. Вотъ простѣнокъ—и на немъ портреты разныхъ представителей русскихъ родовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ,

и въ одиночествѣ, и группами; вотъ уголь съ карточками родни; вотъ старинныя усадьбы, изображенія церковныхъ обителей, церквей и монастырей, древнихъ и новѣйшихъ. А вотъ и послѣдняя комната квартиры—знаменитая «патріаршая палата». Не знаю, найдется-ли такой дѣятель нашей современной церковной жизни, который бы съ такою любовью, такимъ стараніемъ и такою полнотою собралъ у себя столь обширную галерею портретовъ русскихъ іерарховъ и дѣятелей православной церкви, какъ то сдѣлалъ Николай Платоновичъ. Сомнѣваюсь. Эта, служившая столовою, комната только серединнымъ обѣденнымъ столомъ и скромнымъ маленькимъ буфетнымъ шкафчикомъ напоминала о своемъ прямомъ назначеніи; въ остальномъ, это была часть обширнаго русскаго историческаго музея, отведенная подъ церковную жизнь. Святители, митрополиты, архіереи, архимандриты, настоятели монастырей, представители блага духовенства, начиная съ столичныхъ именитыхъ и кончая скромными провинціальными и сельскими, разныхъ вѣковъ и эпохъ, глядятъ на васъ со всѣхъ сторонъ и вы начинаете понимать ту дѣйствительно органическую связь, тѣсную и нерушимую, которою запечатлѣвались труды Николая Платоновича, между нимъ, какъ авторомъ и чело-вѣкомъ, и тою областью духовной русскаго жизни, которая такъ выразительно глядѣла на васъ со стѣнъ «Патріаршей палаты». Онъ тщательнѣ собиралъ эти дорогія ему изображенія, надписывалъ ихъ, отмѣчалъ здѣсь нужныя даты и прикрѣплялъ къ стѣнѣ, стараясь какъ можно полнѣе охватить этими изображеніями столь родную ему сторону отечественной жизни, которой онъ былъ вѣрнымъ и любящимъ сыномъ. Мнѣ доподлинно извѣстно, что нѣкоторые изъ тѣхъ представителей церковной іерархіи, которые украшали собою «Палату», совершенно даже не знали объ этомъ. Ученый хозяинъ квартиры, наслышавшись о дѣятельности этого лица, будь то въ области научнаго знанія или религіозно-философскаго просвѣщенія, и находя эту дѣятельность согласною съ историческими основами русскаго жизни, спѣшилъ пріобрѣсти портретъ этого лица, не будучи даже совершенно съ нимъ знакомъ, и помѣщалъ его въ своей портретной галереѣ. На другой стѣнѣ той-же столовой комнаты, вперемежку между церковными дѣятелями, помѣщались имъ и наиболѣе близкіе ему посѣтители его «палаты», съ шутиливою надписью, какъ, напримѣръ, «соборный старецъ (имя рекъ) патріаршей палаты»; третья стѣна украшена была видами и сценами изъ церковной жизни и тутъ-же помѣщались и церковные остатки старины, которые ему удавалось пріобрѣсти во время своихъ многочисленныхъ странствованій по Россіи.

Библіотека Николая Платоновича представляла собою все наиболѣе выдающееся въ нашей литературѣ по части русскаго исторіи, церковной жизни, археологій, классической отечественной литературы. Бульварныхъ и новѣйшихъ романовъ, политическихъ памфлетовъ и бро-

пюрь сюда не приобщалось; все было систематизировано въ строгой и серьезной послѣдовательности, и на всѣхъ полкахъ лежалъ отпечатокъ настроенія ума и мысли хозяина квартиры. Но высшую его гордость составляла та полка, на которой, въ дорогихъ и изящныхъ переплетахъ расположены были труды его собственные и его братьевъ, Александра и Ивана Платоновичей. Длинная вереница томовъ о Погодинѣ, разныя другія его работы, до брошюръ включительно, обширные томы «Рода Шереметевыхъ», книги о Муравьевѣ-Амурскомъ и Иннокентіи Сибирскомъ—вотъ тѣ вещественные памятники, которые свидѣтельствовали о многолѣтнихъ и неустанныхъ трудахъ «музейскихъ сторожей». Николай Платоновичъ съ особенною любовью подводилъ посѣтителей къ этой полкѣ и, торжественно указывая на корешки книгъ, говорилъ: «Не даромъ прожили свой вѣкъ, внесли и свою лепту въ сокровищницу русской мысли. Будетъ чѣмъ помянуть!» И въ этихъ словахъ чувствовалась не гордость пустого тщеславія, а сознательное отношеніе къ своимъ жизненнымъ обязанностямъ и своему долгу передъ родиной. И что всего умильнѣе было въ данномъ случаѣ, что говорившій совершенно откровенно и чистосердечно приписывалъ и свою, и своихъ братьевъ способность къ труду и работѣ той суровой жизненной школѣ, которая, по волѣ его родителя, выпала имъ на долю.

— Вотъ-съ, — говорилъ онъ, — задругими нашими сверстниками ходили, съ ними носились и къ нимъ приставляли разныхъ гувернеровъ и учительницъ. И что-же вышло? Ничего. А вотъ нашъ папаша, — и онъ съ почтеніемъ обращался къ портрету своего отца, Платона Александровича, висѣвшему на видномъ мѣстѣ серединной комнаты, — далъ намъ, что могъ: своекоштное воспитаніе въ корпусѣ, поставилъ, такъ сказать, на ноги, и затѣмъ отпустилъ на всѣ четыре стороны: учитесь, молъ, сами жить! И научились, выбились и вотъ доказательство». И онъ опять съ любовью взиралъ на завѣтную фамильную полку.

Въ этихъ словахъ, обнаруживающихъ сыновнюю преданность и признательность и служащихъ какъ бы выполненіемъ заповѣди: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на земли»—для меня, на примѣръ, знавшаго довольно близко покойнаго Платона Александровича, конечно, слышалось преувеличеніе и приписываніе чловѣку того, чего онъ сознательно не заслужилъ. Если Николай Платоновичъ достигъ чего въ жизни и для себя лично, и для своихъ братьевъ, то этимъ, вѣдь всякой педагогической семейной системы, онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, своей настойчивости и тому чудесному и таинственному, которое является источникомъ силы воли, таланта и любви къ труду. Покойный Барсуковъ, что называется, собственнымъ горбомъ взялъ жизнь, создалъ себѣ почетное имя въ наукѣ, поставилъ на ноги братьевъ, приохотилъ ихъ къ литературному труду и тѣмъ самымъ создалъ и имъ добрыя имена въ памяти поколѣній. Все

онъ и онъ одинъ; своеобразно сложилъ онъ свою жизнь, создалъ свое оригинальное міросозерцаніе, вылился въ опредѣленную общественную величину съ бѣльшимъ еще историческимъ будущимъ и, по собственному выбору, наполнилъ эту жизнь такимъ содержаніемъ, для котораго въ родительскомъ домѣ и въ той средѣ, откуда онъ вышелъ, не было матеріала. Сыновній идеализмъ создавалъ произвольно опредѣленную легенду, въ которой умалялось его личное «я», и въ этомъ опять-таки сказывалась своеобразность его природы, которая вѣчно искала историческихъ традицій и создавала картины цѣлостности русской бытовой жизни. Иногда, впрочемъ, въ шутку, когда заходила рѣчь о наслѣдственности его литературныхъ дарованій и вкусовъ, онъ говорилъ: «Нѣтъ, я—не въ Барсуковыхъ и не въ Бартеневыхъ, а въ Перепечинныхъ», связывая, такимъ образомъ, свою работу въ области печатнаго слова съ именемъ стихотворца Перепечина, писавшаго въ XVIII вѣкѣ и приходившагося ему съ материнской стороны роднымъ дѣдомъ.

Я далеко не исчерпалъ въ этой части своего очерка личныхъ воспоминаній о покойномъ Николаѣ Платоновичѣ, но боюсь загромоздить статью деталями личнаго характера, а потому перехожу къ фактической сторонѣ жизни Барсукова, какъ она вырисовывается изъ его литературнаго послужнаго списка и изъ содержанія его многочисленныхъ трудовъ.

Родъ Барсуковыхъ—древній и «начало его теряется во мракѣ таинственной мещеры», какъ утверждалъ покойный Николай Платоновичъ. Первые документальныя свѣдѣнія объ этомъ родѣ почерпаются изъ отказныхъ книгъ, гдѣ значится, что мещеракамъ Самойлѣ Степанову и Степану Семенову была отказана въ 1671—1674 г.г. въ Шацкомъ уѣздѣ, въ Борисоглѣбскомъ станѣ, деревня Матюнино, Макасаково-тожъ, на рѣчкѣ Писурѣ. Эта вотчина впоследствии получаетъ наименованіе «Барсуки» и сохраняется во владѣніи Барсуковыхъ вплоть до крестьянской эмансипаціи, когда Платонъ Александровичъ ее продалъ ради поддержанія имѣнія своей второй супруги, Варвары Герасимовны, принесшей ему въ приданое имѣніе Ивановку, въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Большая часть Барсуковыхъ, до Платона Александровича включительно, служила въ военной службѣ и только его сыновья начинаютъ собою служеніе по гражданскому вѣдомству¹⁾. Платонъ Александровичъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ на Апполиаріи Ивановнѣ, урожденной Бартеневой, и вторично на сказанной Варварѣ Герасимовнѣ, изъ рода Каратѣевыхъ. Отъ второго брака у него потомства не было, а первая супруга подарила ему четырехъ сыновей: Николая, Александра, Ивана и Михаила. Всту-

¹⁾ Впрочемъ, А. П. Барсуковъ нѣсколько лѣтъ служилъ офицеромъ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ.

пленіе отца во второй бракъ не принесло особеннаго счастья юнымъ Барсуковымъ, и мачеха, какъ бы на живомъ примѣрѣ, подтвердила народныя преданія объ отношеніяхъ мачехи къ пасынкамъ. Я близко зналъ покойную Варвару Герасимовну, эту умную женщину съ мужскими замашками, державшую подъ крѣпкимъ башмакомъ своего тучнаго и нѣсколько легкомысленнаго супруга, бывшаго армейскаго гусара, любившаго жить воспоминаніями о холостой полковой жизни и о своихъ походахъ въ разныхъ захолустьяхъ Польши. Когда супругъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь хмѣльной браги, ужъ слишкомъ, бывало, разоткровенничается, Варвара Герасимовна, вынимая изо рта длинный черешневый мундштукъ, изъ котораго она постоянна курила, вскидывала свои строгіе глаза на мужа и рѣзко обрывала его легкомысленныя воспоминанія. Супругъ тотчасъ ступшеывался, а окружающіе получали отсюда обильную пищу для шутокъ надъ семейною парюю обывателей Ивановки. Держа въ ежовыхъ рукавицахъ мужа, мачеха не очень-то раскрывала свое сердце для пасынковъ, которые также въ ея присутствіи не особенно чувствовали себя привольно на своихъ сыновнихъ мѣстахъ¹⁾. По обычаю помѣщиковъ стараго времени, мальчики, когда подросли, были опредѣлены на свой коштъ въ ближайшій Воронежскій кадетскій корпусъ, который старшіе два—Николай и Александръ—благополучно и кончили.

По окончаніи въ 1859 г. курса въ корпусѣ и въ Константиновскомъ училищѣ, Николай Платоновичъ не былъ принятъ за свое сложеніе на военную службу, и вотъ, 21 года отъ роду (онъ родился 18 ноября 1838 г.), онъ оказался предоставленнымъ самому себѣ, почти безъ всякой поддержки изъ дому и отъ родственниковъ. Наступилъ страшно трудный періодъ жизни, когда пришлось бороться каждый день за существованіе и собственными единичными силами пробиваться и опредѣлять себѣ жизненный путь. Въ это-же время его потянуло къ научнымъ занятіямъ и въ августѣ 1859 г. онъ зачислился вольнымъ слушателемъ въ Петербургскій университетъ. «На мое счастье, каѳедру русской исторіи занялъ Н. И. Костомаровъ, — повѣствуетъ Барсуковъ въ брошюрѣ «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ»,—и съ ноября того-же 1859 года началъ свои вдохновенныя лекціи. Всѣ онѣ, отъ первой до послѣдней, были мною записаны. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ и славы Костомарова, и захожденія этой славы въ 1862 году.

«Иныхъ, какъ говорятъ, лекціи Костомарова влекли на площадь; меня же неудержимо потянули онѣ къ «Полному Собранію Лѣтописей», изданному по высочайшему повелѣнію археографической комиссіей; а потому я и до сей минуты съ благодарностью и благо-

¹⁾ Послѣ ея смерти, Ивановка была отбазана въ родѣ не Барсуковыхъ, а Сальковыхъ.

словеніемъ поминаю и буду поминать до скончанія моеи жизни это почтенное имя...

«31 марта 1861 года Костомаровъ прочелъ свою послѣднюю лекцію въ университетѣ, а въ самомъ началѣ мая я уѣхалъ въ Тамбовскую деревню моихъ родителей, въ село Ивановку. Такъ какъ Костомаровъ предполагалъ читать въ слѣдующій 1861—1862 академическій годъ о Московскомъ государствѣ, то я счелъ полезнымъ пробить нѣкоторое время въ Москвѣ, чтобы на мѣстѣ сколько-нибудь ознакомиться съ кремлевскими древностями; но, не имѣя въ то время въ Москвѣ ни руководителей, ни нужныхъ книгъ, я и въ половину не могъ достигнуть своей цѣли. Пробывъ въ Москвѣ съ 8 до 20 мая, я уѣхалъ въ деревню, а тамъ занялся приведеніемъ въ порядокъ записанныхъ мною лекцій Костомарова».

Проживая въ деревнѣ, Н. П. случайно узналъ изъ газетъ о закрытіи университета и о срокѣ подачи новыхъ прошеній для поступленія туда, каковой срокъ имъ, однако, былъ уже значительно пропущенъ. Онъ посылаетъ ректору Плетневу прошеніе о своемъ приѣмѣ, съ указаніемъ причинъ запозданія прошенія; вслѣдъ за письмомъ, шлетъ другое, своего родственника, подтверждающее первое, но не дожидается отвѣтовъ и спѣшитъ скорѣе лично къ Невскимъ берегамъ.

«На другой день по приѣздѣ,—продолжаетъ Барсуковъ свое повѣствованіе,—побѣжалъ я въ университетъ, но на дверяхъ прочелъ безотрадное:

Оставь надежду навсегда!

«Вхожу и что-же вижу? Безжизненную пустыню на мѣстѣ оживленнаго храма науки, и мерзость запустѣнія воцарилась на святомъ мѣстѣ! Въ университетскомъ правленіи отыскали, по моей просьбѣ, мое письмо, на которомъ я прочелъ своеручную резолюцію П. А. Плетнева: Исполнить желаніе г. Барсукова, т. е. получить матрикулы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чиновники университетской канцеляріи сказали мнѣ, что университетъ закрытъ и неизвѣстно, когда откроется...

Удадитесь, улетите
Пылкой юности мечты!

«Итакъ, собравъ крупицы, добытыя мною двухлѣтнимъ усиленнымъ трудомъ съ трапезы науки, я положилъ беречь ихъ и по возможности приумножить...

«14 января 1862 года, я рѣшилъ написать слѣдующее письмо къ Н. И. Костомарову: «Имѣя честь быть послѣдніе два академическіе года однимъ изъ постоянныхъ вашихъ слушателей, я рѣшилъ обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой: не откажите мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ для бесѣды, касающейся

науки. Но, зная, во 1-хъ, что вы постоянно заняты, во 2-хъ, что къ вамъ безпрестанно являются посѣтители, подобные мнѣ, я, изъ боязни помѣшать вамъ, осмѣливаюсь просить, назначить мнѣ день и часъ, когда я могу явиться къ вамъ».

«Въ непродолжительномъ времени послѣдовалъ отвѣтъ Костомарова:

«Милостивый Государь,

«Николай Платоновичъ!

«Если я чѣмъ-нибудь могу вамъ быть полезнымъ, то прошу васъ пожаловать ко мнѣ завтра, между 8 и 9^{1/2} часами утра; если же почему-либо вамъ такъ рано нельзя, то въ публичную библиотечку, гдѣ я буду съ десяти часовъ утра до сумерекъ. Если же и такъ вамъ нельзя будетъ, то въ пятницу въ тѣ-же утренніе часы ко мнѣ на домъ.

«Имѣю честь рекомендоваться вашему вниманію и просить принять увѣреніе въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Н. Костомаровъ».

«Само собою разумѣется,—говоритъ Барсуковъ,—что 18 января, въ 8 час. утра, я явился къ Костомарову, и результатомъ нашего свиданія было то, что онъ засадилъ меня за азбучный указатель къ Нестору, а этотъ указатель привелъ меня къ благодѣтелю моему, Аванасію Ѳедоровичу Бычкову, опредѣлившему меня на службу въ археографическую комиссію...»

Такъ началась научная дѣятельность Николая Платоновича и съ этого момента опредѣляется вполне рѣшительно и безповоротно его жизненный путь, кругъ его знакомыхъ, кругъ интересовъ и вкусовъ. Близость къ Костомарову приводитъ его къ знакомству съ поэтомъ А. Н. Майковымъ; онъ совершаетъ лѣтомъ въ 1862 г. съ обоими названными дѣятелями нашей литературы поучительную поѣздку по Новгородскимъ святынямъ, вдыхаетъ въ себя, такъ сказать, пылъ русской древности, набирается, подъ руководствомъ знаменитаго историка, живыхъ историческихъ впечатлѣній и уѣзжаетъ въ Тамбовскую губернію съ опредѣленными научными порученіями и отъ Бычкова, и отъ Костомарова. Первый поручаетъ ему составить указатель къ 8-му тому «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», второй проситъ его провѣрить по лѣтописямъ всѣ ссылки на нихъ, которыя встрѣчаются въ работѣ историка о Новгородѣ и Псковѣ. На почвѣ научныхъ работъ, между нимъ и Костомаровымъ завязывается переписка, обнаруживающая любовное отношеніе маститаго ученаго къ своему ученику. Вотъ оригинальное письмо историка къ своему молодому Тамбовскому другу:

«Чадо Николае, благородный сыне честнаго родителя именемъ Платона! Се азъ, худый и многогрѣшный старецъ, недостойный лѣтописатель Великаго Новгорода и Пскова, цѣлую тебя вселю-

безно и реку ти: радуйся и здравъ буди! Что убо твориши и коего ради орудія сѣдеши далече въ предѣлахъ Тамбовскія страны? Имѣеши ли нѣкое дѣло или покою предаешися, покой же къ лѣности грѣху приводитъ. Еще бо младъ еси и всяческія крѣпости душевныя и тѣлесныя исполненъ: поработай о Господѣ изученію книжну, наипаче же въ бытописаніи земли Русскія упражняйся, да Богу споспѣшествующу, плоды мнози принесеши въ пользу братіи и земли своей.

«Оставихъ науковѣцательницу, понеже пала ся есть и уподобше храминѣ раззореннѣ отъ супостатъ, окрестъ же мене, аки бѣси пакости дѣютъ, рыкающе мя и поносяще туне и всякъ золь глаголь лжуще на мене: овии убо не вѣдаютъ, яко азъ ума изступихсе и изумленъ сотворивсе; друзіи же глаголютъ, яко азъ проклятымъ княземъ службу творю и ина многая повѣдаютъ, хотяще ми пакость сотворити и поругатися мнѣ довольно. Обаче азъ, яко неповиненъ, ни во что видимо суетная и ложная и предаю тисненію дѣписанія Великаго Новгорода и Пскова, еже уже близъ конца есть и скоро въ свѣтъ изыдутъ на прочитаніе благимъ. Да чтуще и малоумію моему прощающе, аще что не дописахъ или переписахъ, со благолюбіемъ исправляютъ, а не клинютъ, памятующе, яко страстенъ есмь человекъ.»

«Да благословитъ Господь все входы и исходы твоя, чадо Николае, да исполнитъ желанія сердца твоего. Не презирай мя, чадо, худаго и недостойнаго, и паче всѣхъ человекъ грѣшнѣйшаго, старца Николая, еже на Невѣ рѣцѣ суца, въ дому Карманова, на островѣ св. Василія, во градѣ Петроградѣ, нѣмецки же Петербургѣ.

«Ноемврія 24, въ день субботній, св. великомученицы Екатерины, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1862...»

Опредѣлившись въ 1863 г., благодаря А. Ф. Бычкову, сотрудникомъ въ археографическую комиссію, Барсуковъ черезъ пять лѣтъ былъ назначенъ помощникомъ начальника синодальнаго архива и бібліотеки, а въ 1883 г. переходитъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ и занимаетъ мѣсто начальника архива министерства вплоть до своей смерти. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своимъ научнымъ трудамъ, которые приобрѣтаютъ ему широкую извѣстность въ мірѣ ученыхъ, его избираютъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, гдѣ онъ является виднымъ и активнымъ дѣятелемъ по вносимымъ въ эти общества своимъ работамъ, преимущественно въ области русской старины. Такъ, въ 1870 г. онъ избирается членомъ археографической комиссіи, въ 1872 г.— членомъ-корреспондентомъ общества древней письменности, въ 1878 г.—дѣйствительнымъ членомъ общества древне-русскаго искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ, въ 1879 г.— членомъ-сотрудникомъ императорскаго археографическаго общества, въ 1880 г.—дѣйствительнымъ членомъ церковно-археологическаго

общества при Кіевской духовной академіи, въ 1881 г.—дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, въ 1886 г.—почетнымъ членомъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей.

Археографическая комиссія высоко цѣнила дѣятельность своего преданнаго и энергичнаго члена и, начиная съ 1880 года, онъ почти каждое лѣто получалъ отъ нея спеціальныя командировки въ разныя губерніи для занятій въ тамошнихъ архивахъ присутственныхъ мѣстъ. Спокойно протекала его служба въ должности начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ, въ теченіе 23 лѣтъ службы, онъ съ малаго чина достигъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ награжденіемъ орденами и звѣздами. Послѣдняя награда—звѣзда Анны 1-й степени была имъ получена въ 1905 г. Съ 1874 года онъ становится извѣстенъ и при дворѣ, послѣ поднесенія государю и государынѣ своего изданія—«Дневникъ Храповицкаго». Въ 1900 году, за свои труды по жизнеописанію Погодина онъ былъ пожалованъ государемъ табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ имени его императорскаго величества. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что когда состоялось это пожалованіе, то Барсуковъ, какъ ни дорогъ ему былъ этотъ подарокъ, и самъ по себѣ, какъ актъ высочайшаго вниманія, передъ которымъ онъ почитательно и отъ полноты чувствъ склонялся, и какъ опредѣленная историческая цѣнность, имѣвшая въ его глазахъ большое значеніе, онъ, однако, этимъ подаркомъ не воспользовался. Біографъ Погодина, испытывавшій постоянно матеріальныя затрудненія по изданію своего обширнаго труда, который продажою далеко не окупался, скромно свезъ дорогой подарокъ въ кабинетъ его величества съ просьбою замѣнить его опредѣленною денежною суммою по цѣнности табакерки, необходимою ему для выпуска слѣдующаго тома своей монументальной работы по исторіи русскаго общества, каковою и было на самомъ дѣлѣ его жизнеописаніе Погодина. Для себя же, въ память милаго его сердцу подарка, онъ снялъ художественную копію съ табакерки, которая и висѣла на видномъ мѣстѣ его гостиной-кабинета. Свой долгъ и обязанности передъ наукою и литературою онъ въ данномъ случаѣ поставилъ выше соображеній личной пріятности и радовался, что, благодаря высочайшей поддержкѣ, имѣетъ возможность не прекращать своей работы о возсозданіи лѣтописи русской жизни за XIX столѣтіе.

Главнѣйшіе труды Н. П. Барсукова въ ихъ исторической послѣдовательности изданій располагаются такъ:

1. «Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ бібліотекѣ святѣйшаго правительствующаго синода». 1871.
2. «Указатель къ 8 томамъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей». 1875. Составленъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ, изданъ по высочайшему повелѣнію археографической комиссіей.

3. «Дневникъ А. В. Храповицкаго». 1782—1793. По подлинной его рукописи, съ біографической статьей и указателемъ. Спб. 1874 г.
4. «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878 г.
5. Изданіе 1-го тома подъ его главной редакціей «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго», относящихся къ 1810—1827 г. Всѣхъ томовъ было издано 12, причеиъ первый томъ вышелъ въ 1878 г., а послѣдній томъ появился въ свѣтъ въ 1896 г.
6. «Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима» (по рукописи Московскаго публичнаго музея). 1879 г.
7. «Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ». 1880 г. (переписка И. В. Сахарова съ А. М. Кубаревымъ и В. М. Ундольскимъ; письма О. М. Бодянскаго къ В. И. Сахарову).
8. «Письма А. И. Тургенева и князя М. А. Оболенскаго, съ примѣчаніями Н. Барсукова». 1881—1882 г.г.
9. «Источники русской агиографіи». Спб. 1882 г.
10. «Азбучный указатель лицъ и разныхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ запискахъ Семена Порошина». Спб. 1882 г.
11. «Сборникъ Едомскаго». Сообщилъ Н. Барсуковъ. 1882 г. (изд. О. Л. Д. П.).
12. «Рукописи археографической комиссіи». Описаніе Николая Барсукова. 1882 г.
13. «Письма Погодина къ Шевыреву», съ примѣчаніями Н. Барсукова. 1882—1883 г.г.
14. «Жизнь и труды В. Г. Барскаго», сочиненіе Николая Барсукова. Спб. 1885 г.
15. «Странствованіе Василя Григорьевича Барскаго по Святѣмъ мѣстамъ востока съ 1723 по 1774 г.». Изданіе Православнаго Палестинскаго общества по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. Барсукова. I—IV ч.ч. (I ч.—1885 г. и IV—1887 г.).
Здѣсь данъ указатель малопонятныхъ словъ.
16. «Павель Строевъ. Описаніе рукописей монастырей: Волоколамскаго, Ново-Іерусалима, Саввино-Старожевскаго и Пафнютія-Боровскаго»; сообщилъ архимандритъ Леонидъ. Съ предисловіемъ и указателемъ Н. Барсукова. Спб. 1891. (О. Л. Д. П.).
17. «Вевейская рябина», стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. Съ примѣчаніями Н. Барсукова. 1892 г.
18. «Письма Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому. 1810—1826 г. (Изъ Остафьевскаго архива). Изданы съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Барсукова. 1897 г.
19. «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ». 1898 г.
20. «Письма Филарета, впоследствии архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, къ Н. Н. Шереметевой». 1839—1849 г.г. (Изъ архива села Покровскаго). Изданіе съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Барсукова. 1900 г.

21. «Родъ Колюбакиныхъ. Описаніе 22 актовъ, пожертвованныхъ о. Григоріемъ Яковцевскимъ въ археографическую комиссію министерства народнаго просвѣщенія». Составилъ Н. Барсуковъ. 1901 г.

22. «Жизнь и труды М. П. Погодина», Николая Барсукова. Первая книжка вышла въ 1888 г., и послѣдняя—20-я—въ 1906 г.; 21-й томъ выйдетъ зимою и явится посмертнымъ трудомъ автора.

23. «Памяти моего брата Ивана Платоновича Барсукова». 1906 г.

Уже одинъ простой перечень работъ Николая Платоновича показываетъ, въ какомъ направленіи сложились его вкусы и симпатіи по изученію былыхъ судебъ русской жизни. Онъ почерпалъ темы для своихъ работъ изъ такихъ историческихъ областей, которыя не могли привлекать къ себѣ особаго вниманія широкихъ круговъ читателей и ограничивалъ свою аудиторію немногочисленнымъ подборомъ специалистовъ, находившихъ въ его изысканіяхъ дѣйствительно драгоцѣнныя данныя, тщательно подобранныя, провѣренныя и обоснованныя достовѣрнымъ фактическимъ матеріаломъ. Всѣ свѣдѣнія по части родословной, хронологической и топографической обставлены имъ въ совершенной полнотѣ, каждая его работа сопровождалась цѣнными указателями, помогавшими легко разбираться въ интересующемъ вопросѣ. Кромѣ того, благодаря своему знакомству съ провинціальными и, по преимуществу, монастырскими книгохранилищами, онъ вводилъ въ литературу обслѣдуемаго предмета массу новыхъ данныхъ, до него невѣдомыхъ самымъ заправскимъ специалистамъ. Въ этомъ отношеніи особую цѣнность имѣютъ его работы: «Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ св. синода», гдѣ авторъ ввелъ въ нашу библіографію нѣсколько десятковъ до того неизвѣстныхъ старопечатныхъ книгъ; «Источники русской агіографіи», гдѣ авторъ указалъ всѣ первоисточники для біографіи даннаго святаго, въ каковыхъ цѣляхъ имъ указаны не только печатныя описанія рукописей, но и непосредственно самыя рукописи, дотолѣ неописанныя; этотъ трудъ можетъ считаться настоящимъ словаремъ православныхъ святыхъ и исторіей обрѣтенія мощей; далѣе слѣдуетъ отмѣтить «Жизнь и труды М. П. Строева», гдѣ не только сдѣлано обзорѣніе работъ знаменитаго археографа, но дана его живая біографія, полностью исчерпывающая жизнь и дѣятельность этого ученаго. По поводу послѣдней работы, историкъ С. Соловьевъ заявилъ автору: «Вашу книгу можетъ оцѣнить только тотъ, кто работалъ по первоисточникамъ. Будьте увѣрены, я передъ вами въ долгу не останусь». Выдающимися работами по обилію матеріала, разработкѣ и освѣщенію ихъ должны считаться: «Странствованіе по святымъ мѣстамъ Василя Григорьевича Барскаго» и «Жизнь и труды В. Г. Барскаго». Уже съ семидесятихъ годовъ Николай Платоновичъ заявляетъ о себѣ, какъ выдающійся

редакторъ-издатель разныхъ научныхъ историческихъ трудовъ. Имъ издается въ 1874 году по рукописи, принадлежавшей извѣстному собирателю русской старины, князю П. А. Вяземскому, «Дневникъ А. В. Храповицкаго», вводящій насъ во внутренніе покои и интимную жизнь Екатерины II и рисующій ея взгляды на дѣло управленія государствомъ; въ 1889 г. имъ было издано упомянутое уже «Странствованіе» Барскаго. Костомаровъ первый подмѣтилъ научную добросовѣстность Барсукова, поручивъ ему провѣрку лѣтописныхъ указаній, такъ же высоко ставилъ его и А. О. Бычковъ, а еще выше князья Петръ Андреевичъ и Павелъ Петровичъ Вяземскіе. Поэтъ Вяземскій еще при жизни назначилъ Николая Платоновича «особеннымъ душеприказчикомъ и издателемъ своего домочадства», каковой завѣтъ онъ блестяще и выполнилъ, тщательно выпустивъ въ свѣтъ, подъ своимъ редакторствомъ, всѣ 12 томовъ полнаго собранія его сочиненій. Близость къ Вяземскимъ сыграла въ жизни нашего историка-археолога значительную роль: онъ пользовался многими указаніями князя П. А. Вяземскаго по части научныхъ занятій, выполнялъ, по его порученію и совѣту, не мало работъ и особенно дѣятельно помогалъ князю П. П. Вяземскому въ дѣлѣ основанія «Общества любителей древней письменности» и немало своими работами потрудился для процвѣтанія этого общества. Давъ уже въ 70-хъ годахъ нѣсколько полныхъ біографій русскихъ дѣятелей, онъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи представилъ живыя характеристики «русскихъ палеологовъ сороковыхъ годовъ» — А. М. Кубарева, И. П. Сахарова, В. М. Ундольскаго и О. М. Бодянскаго, — которыя были имъ напечатаны на страницахъ «Древней и Новой Россіи».

Таковъ былъ циклъ и характеръ работъ Барсукова до конца восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ приступилъ къ изданію центрального труда своей жизни — «Жизни и трудамъ М. П. Погодина», — который выдвинулъ его имя изъ узкой, сравнительно, сферы специалистовъ и создалъ изъ него единственнаго пока у насъ обстоятельнаго бытописателя русской жизни въ XIX-мъ столѣтіи. По широтѣ замысла, по количеству обработаннаго и собраннаго матеріала, работа Барсукова представляетъ собою выдающееся явленіе нашей исторической литературы послѣднихъ годовъ. Двадцать изданныхъ уже томовъ жизнеописанія московскаго историка обнимаютъ собою громадный періодъ времени и могутъ быть разсматриваемы, какъ полная животрепещущаго интереса лѣтопись новѣйшей русской жизни, составленная умѣло и любящею рукою на основаніи многочисленныхъ рукописныхъ источниковъ.

Начиная съ 1888 года, Николай Платоновичъ ежегодно выпускалъ по тому своей громадной работы и появленіе на книжномъ прилавкѣ столь знакомой книжки въ свѣтло-зеленомъ переплетѣ для меня лично, по крайней мѣрѣ, составляло настоящій праздникъ. Я не

знаю въ нашей литературѣ труда, который бы постоянно, изъ году въ годъ, доставлялъ мнѣ столько отрадныхъ часовъ чтенія, какъ именно это сочиненіе Барсукова. Вся русская жизнь XIX-го столѣтія (со второй ея четверти) развертывалась передо мною въ ея пестромъ разнообразіи, съ ея жгучимъ интересомъ, съ ея болями и радостями. Чтò въ томъ, что иногда я не соглашался съ авторомъ по нѣкоторымъ вопросамъ и взглядамъ на значеніе того или иного лица, того или иного момента нашей общественной жизни... Важны не частности и особенно частности въ изложеніи и освѣщеніи такого оригинальнаго автора, какимъ былъ Барсуковъ, и въ такой широкой области, какъ сама описываемая русская жизнь въ ея полномъ объемѣ. Важно было то цѣльное и общее, что глядѣло на тебя изо всѣхъ двадцати томовъ, и въ чемъ виднѣлось свое настоящее родное, которое тебя порою радовало, порою злило, порою приводило въ восторгъ и умиленіе, порою въ грусть и уныніе. И часто, когда я кончалъ книгу, помимо помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ея рецензіи, у меня была потребность лично повидаться съ Барсуковымъ, или написать ему письмо, чтобы поблагодарить его за громадное доставленное удовольствіе и умилиться передъ его любовью и къ своей работѣ, и къ той родинѣ, которую онъ съ такою видимою любовью живописалъ.

Я столько разъ писалъ о «Жизни и трудахъ Погодина» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», что повторять свои мысли и слова не нахожу удобнымъ. Ограничусь лишь тѣмъ общимъ замѣчаніемъ для тѣхъ, кто незнакомъ еще съ этою замѣчательной работой, что не слѣдуетъ пугаться ея ближайшаго наименованія. Погодинъ, его жизнь и труды явились для автора точкой отправленія, побудительной, такъ сказать, причиною для написанія исторіи русскаго общества; въ нѣкоторыхъ книгахъ самому Погодину даже отведено очень немного мѣста и повѣствованіе автора развертывается далеко за предѣлами Дѣвичьяго поля, гдѣ жилъ московскій историкъ. Быть можетъ, когда Барсуковъ принялъ предложеніе вдовы историка о написаніи біографіи ея мужа и когда въ его распоряженіе поступилъ весь Погодинскій громаднй архивъ, то мысль объ исторіи русскаго общества еще не закрадывалась въ его голову; но, когда онъ приступилъ къ работѣ и перешелъ за предѣлы, которые были ему отведены, эта мысль сама собою окрѣпла и получила свое развитіе и осуществленіе. Николай Платоновичъ вышелъ изъ роли біографа и обратился въ историка, историка настолько безпристрастнаго, что ему приходилось иногда говорить о многомъ такомъ, что не служило въ пользу его героя и что не могло быть никоимъ образомъ разсматриваемо, какъ похвальное ему слово. Кажется, это обстоятельство не послужило къ упроченію добрыхъ отношеній между біографомъ Погодина и наслѣдниками послѣдняго, и Барсукову пришлось выдержать въ данномъ случаѣ немалую борьбу. Но онъ

не склонялся — материалы были въ его распоряженіи, и, пренебрегая соображеніями финансоваго характера, онъ, на свой страхъ и рискъ, упорно выполнялъ намѣченную задачу. Часто и очень часто приходилось ему трудно при достиженіи этой цѣли: издавъ одинъ томъ, который еле покрывалъ расходы, онъ совершенно не зналъ, какъ и на какія средства будетъ изданъ послѣдующій; но находились добрые люди (А. Н. Мамонтовъ, М. П. Барсуковъ (его братъ), К. А. Губастовъ, С. Т. Филиповъ) или случайныя обстоятельства складывались благоприятно, и Барсуковъ снова видѣлъ вышедшею въ свѣтъ послѣдующую книжку своего «Погодина» и весело восклицалъ:

«Пою, дондеже есмь!»

Многотомная работа Николая Платоновича въ настоящее время по справедливости оцѣнена съ самой лучшей стороны нашими историками-спеціалистами и о ней мы имѣемъ рядъ такихъ компетентныхъ отзывовъ, каковы — академика М. И. Сухомлинова, профессора Д. А. Корсакова, академика А. Н. Пыпина, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора И. В. Помяловскаго и др. На основаніи отзывовъ первыхъ двухъ изъ названныхъ лицъ, нашему ученому дважды присуждалась полная Уваровская премія, которая неизмѣнно опять-таки употреблялась имъ, какъ фондъ на изданіе слѣдующаго тома. Отмѣчая достоинства и недостатки работы Барсукова, Казанскій профессоръ Д. А. Корсаковъ писалъ: «Достоинства книги заключаются въ добросовѣстной разработкѣ цѣннаго и малодоступнаго историческаго матеріала по весьма важнымъ, можно сказать даже, основнымъ вопросамъ русской образованности XIX-го вѣка, — недостатки же состоятъ въ излишней детальности многихъ вставныхъ эпизодовъ и въ своеобразномъ освѣщеніи лицъ и событій». Этотъ указанный недостатокъ, на который указывали, кромѣ профессора Корсакова, и другіе рецензенты, не признавался, однако, авторомъ за недостатокъ и по настоящему вопросу онъ всегда горячился и волновался.

Помню, въ публичной библіотекѣ, однажды, покойный А. Θ. Бычковъ, въ моемъ присутствіи, также любовно журилъ Барсукова за вставные эпизоды, не имѣющіе, въ сущности, никакого отношенія къ жизни Погодина. Шла рѣчь именно о приведенныхъ имъ въ какомъ-то томѣ полностью нѣкоторыхъ церковныхъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ по тому или иному случаю. Барсуковъ, въ оправданіе себя, говорилъ:

— Что-же, что не относится къ Погодину! Пусть читатели прочтутъ и церковную проповѣдь. Это имъ полезнѣе, нежели чтеніе современныхъ фельетоновъ или передовицъ.

И дѣйствительно, знакомясь съ работою біографа Погодина, вы постоянно видите, какъ онъ, нѣсколько волнуясь и торже-

ственно, раздвигаетъ ряды дѣйствующихъ въ повѣствованіи лицъ, чтобы дать мѣсто тому или другому представителю церкви и просить почтительнаго вниманія къ слову и рѣчи уважаемаго имъ пастыря. Это вливаніе церковной жизни въ свѣтскую было своеобразною особенностью работы Барсукова и придавало ей оригинальный колоритъ, благодаря которому всѣ сословные элементы русской жизни были имъ рельефно выведены на сцену и гдѣ военные мундиры и статскіе фраки смѣшивались въ одну общую русскую толпу съ рясами бѣлаго духовенства и лиловыми мантиями представителей монастырскаго начала.

Двадцатый томъ, если читатели «Историческаго Вѣстника» помнятъ мою рецензію, оканчивается 1864-мъ годомъ и посвященъ польской смутѣ и обрисовкѣ дѣятельности Муравьева. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Николая Платоновича оставалось почти 12 лѣтъ жизни Погодина, что требовало еще нѣсколькихъ лѣтъ работы и издательства. И вдругъ, весною минувшаго года, прошелъ слухъ, что Барсуковъ сильно захворалъ и его поразилъ первый ударъ. Узнавъ объ этомъ, я поспѣшилъ его навѣстить и хотя нашелъ больного уже нѣсколько оправившимся, но на его лицѣ сказывалась тяжесть переносимаго недуга, рѣчь была затруднена и въ глаза рѣзко бросалось отсутствіе обычной кипучести почтеннаго ученаго. На мои слова, что онъ долженъ поберечься и хорошенько полечиться, какъ нашъ, его читателей, должникъ по выпуску еще нѣсколькихъ томовъ Погодина, онъ заволновался, какъ-то затоптался по комнатѣ и, нервно ударяя рукою объ руку, сталъ неявно говорить: «Да, вотъ, вотъ...!» Я спохватился, что задѣлъ больное мѣсто, и поспѣшилъ отретироваться. Послѣ того мнѣ пришлось еще два повидаться съ Николаемъ Платоновичемъ и, казалось, что бѣда еще не такъ близка, но вотъ печальное извѣстіе—его не стало 23 ноября, и, каюсь, одна изъ первыхъ мыслей, которая у меня блеснула въ головѣ, была мысль эгоистическая: а что-же станется съ описаніемъ послѣднихъ годовъ жизни Погодина? Потомъ, на панихидѣ, присутствовавшіе узнали, что какъ ни тяжелъ былъ недугъ больного, какъ ни близка была къ его изголовью смерть, дума и забота о дорогомъ трудѣ, въ который вложено было столько лѣтъ жизни и столько силъ и борьбы, не ослабѣла въ изслѣдователѣ. Онъ успѣлъ привести въ порядокъ матеріалъ и для двадцать перваго тома, послѣдними его дѣйствіями и словами передъ кончиною было—передать папку съ этимъ матеріаломъ неотлучно около него находившемуся брату, Александру Платоновичу, съ распоряженіемъ: «отвези завтра!» т. е. отвези въ типографію и сдай къ печати: таково было значеніе этого лаконическаго распоряженія, произнесеннаго съ болѣзненнымъ трудомъ.

Итакъ, еще одинъ томъ Погодина увидитъ свѣтъ, а что будетъ съ остальнымъ матеріаломъ? Несомнѣнно, авторъ «Рода Ше-

реметевых», т. е. А. П. Барсуковъ, приметъ по данному вопросу зависящія отъ него мѣры и возможное будетъ сдѣлано. Но что будетъ съ тою русскою историческою обстановкою, которую собралъ и создалъ въ шумномъ центрѣ столичнаго города неутомимый работникъ? Это вопросъ и очень большой важности. Конечно, пока живъ его братъ, приложившій и съ своей стороны въ этомъ дѣлѣ немало труда и заботъ, настоящій вопросъ неумѣстенъ. Ну, а послѣ него? Вѣдь всѣ смертны... что будетъ съ этимъ историческимъ музеемъ послѣ Александра Платоновича? Сомнительно, чтобы родственники озаботились достаточнымъ увѣковѣченіемъ того, что было собрано съ такою патриотическою любовью. Тутъ заботу объ этомъ должны принять на себя всѣ тѣ, кто любитъ русскую жизнь, умѣетъ быть благодарнымъ ея достойнымъ сынамъ и кому дорого все родное и русское. Мы уже съ такимъ легкомысліемъ растратили и растеряли всѣ свои историческія достоянія, что будетъ обидно и горько за память Николая Платоновича, если и на его наслѣдіе ляжетъ слѣдъ этого нашего легкомыслія.

Однимъ изъ эпиграфовъ къ труду Барсукова о Погодинѣ были слова самого историка: «Цари и вельможи! Покровительствуйте музамъ: онѣ благодарны». При своей жизни, кажется, Николай Платоновичъ за свою во-истину патриотическую дѣятельность не Богъ вѣсть сколько видѣлъ этого покровительства, хотя, по свойству своей благодарной натуры, умѣлъ быть признательнымъ и за то малое, что на его долю иногда выпадало. Ну, а теперь, когда его не стало: неужели и теперь не пробьетъ часъ признательности ему за все то многое, что онъ сдѣлалъ для русской жизни, за все то цѣнное, что онъ любовно собралъ въ своемъ музеѣ? Хотѣлось-бы вѣрить и надѣяться, что въ этомъ отношеніи справедливость будетъ осуществлена и, средствами общественными или государственными, наслѣдіе Николая Платоновича будетъ сохранено въ назиданіе потомству, какъ образецъ любви къ родинѣ и ея историческому прошлому, образецъ, достойный подражанія и вѣчной памяти.

Б. Глинскій.

ТИБЕТСКИЙ ДАЛАЙ-ЛАМА.

КАКЪ извѣстно, интересъ попасть въ «запретную столицу», какою была до послѣднихъ лѣтъ столица Тибета — Лхаса, съ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтiя развивался все больше и больше. Въ сердце Тибета, въ таинственную Лхасу, стремились не только европейцы-путешественники, изслѣдователи, но даже и подготовленные въ научномъ отношенiи туземцы, въ качествѣ паломниковъ. Больше всѣхъ интересовались, да, вѣроятно, и будутъ интересоваться Тибетомъ, конечно, англичане и русскiе. Первые слѣдили и слѣдятъ за дѣйствiями вторыхъ, вторые за—дѣйствiями первыхъ. Почти одновременно съ послѣднимъ, неосуществившимся, вслѣдствiе преждевременной кончины, по крайней мѣрѣ, въ первоначальномъ проектѣ, путешествiемъ Н. М. Пржевальскаго въ Тибетъ, англичане заключили съ тибетцами торговый договоръ и считали себя до нѣкоторой степени удовлетворенными, пока тибетцы не отправили посольства въ Россiю въ 1900 году, во главѣ съ умнымъ совѣтникомъ далай-ламы, старшимъ цанимъ-хамбо-лхарамбо Агванъ Доржiевымъ.

Властный, энергичный вице-король Индiи, лордъ Керзонъ, усматривая въ послѣднихъ послышкахъ Россiи (до скромной миссiи Г. Ц. Цыбикова включительно) нежелательное для Англии стремление къ упроченiю русскаго влiянiя, рѣшился, повидному, на необычайный шагъ — снаряженiе военной экспедицiи въ Тибетъ. Наименованiе «Missiou», по справедливому замѣчанiю нашего академика С. Ѳ. Ольденбурга, является только иронiей—во владѣнiя

государства, состоящаго въ самомъ прямомъ подчиненіи дружественному Англии Китаю.

О самомъ походѣ англичанъ въ Тибетъ въ свое время писалось не мало; при экспедиціи состояли спеціальныя корреспонденты, которые, какъ теперь выяснилось, были очень односторонними и крайне сдержанными, въ особенности тамъ, гдѣ приходилось характеризовать отрицательныя качества англійскихъ войскъ—насилія, проявляемыя надъ беззащитными тибетцами. Главныя члены экспедиціи, перенося невзгоды зимы и разрѣженного воздуха, понимали трудности похода и смотрѣли на многое въ отрядѣ сквозь пальцы, боясь несвоевременными репрессіями возбудить неудовольствие въ британскихъ войскахъ. Словомъ, освѣщеніе исторіи военной экспедиціи англичанъ въ Тибетъ—односторонне. Какъ бы тамъ ни было, но насильственное вторженіе англичанъ въ Тибетъ есть совершившійся фактъ, какъ совершилось и еще болѣе грустное явленіе, даже по признанію самихъ англичанъ—это бойня при Гуру, гдѣ изъ пятисотъ тибетцевъ, предварительно погасившихъ фитили у своихъ примитивныхъ ружей, въ живыхъ осталось двѣсти человекъ, спасшихся бѣгствомъ.

Все вышеизложенное, въ связи съ живымъ представленіемъ далай-ламы о манерѣ англичанъ въ Индіи захватывать въ заложники правителей страны и вручать имъ договоры для личной подписи, принудило главу буддійской церкви секретно оставить Лхасу и быстро направиться въ Монголію, въ сосѣдство русской границы... Двадцать шестого іюля 1904 года, въ два часа ночи, далай-лама оставилъ Лхасу въ сообществѣ лишь самыхъ нужныхъ и преданныхъ лицъ: Агванъ Доржіева, Сойбонъ-хамбо, или такъ называемаго «дядьки», Чотбонъ-хамбо, эмчи-хамбо (доктора) и восьми человекъ прислуги. Участники небывалаго путешествія были верхами на лошадяхъ и запаслись всѣмъ необходимымъ только впоследствии, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ участниковъ каравана.

Первые дни далай-лама ѣхалъ, соблюдая incognito, но затѣмъ, около Накъ-чю, онъ уже не скрывалъ себя передъ народомъ. Последній, предчувствуя недоброе, повергся въ униженіе и горько плакать. Въ Накъ-чю была сдѣлана продолжительная, въ пять-семь дней, остановка, въ теченіе которой удалось записаться болѣе обстоятельно на предстоящую трудную, пустынную и малолюдную дорогу. Отсюда же далай-лама послалъ въ Лхасу дополнительныя распоряженія. Слѣдуетъ замѣтить, что лучшія драгоценности Потал-ы, или далай-ламскаго дворца, были своевременно вывезены и спрятаны въ укромныхъ мѣстахъ. Дальнѣйшій переѣздъ до Цай-дама былъ исполненъ безъ дневокъ и крайне утомилъ далай-ламу. На сколько было возможно, Агванъ Доржіевъ старался облегчить путь его святѣйшества, уѣзжая впередъ курьеромъ и приготавливая

въ людныхъ пунктахъ подводы, продовольствіе и проч. Народъ, прослышавъ о путешествіи главы буддійской церкви, быстро группировался въ извѣстныхъ молитвенныхъ центрахъ, гдѣ происходило торжественное богослуженіе въ присутствіи далай-ламы и куда единовѣрцы щедро несли дары мѣстной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета ихъ полную готовность служить ему на всемъ дальнѣйшемъ пути.

Такимъ образомъ, осенью 1904 года, въ Монголіи случилось замѣчательное событіе: въ эту страну прибылъ далай-лама и въ сѣверной ея части, въ Ургѣ, — своего рода монгольской Лхасѣ, — расположился на долгое пребываніе. Странно, однако, что мѣстныя китайско-монгольскія власти, съ богдо-гэгэномъ во главѣ, на основаніи приказа изъ Пекина «по поводу пріѣзда далай-ламы въ Ургу не проявлять излишняго восторга», не въ мѣру поусердствовали, въ особенности богдо-гэгэнь, который даже не соблюдалъ основныхъ правилъ благопристойности и не встрѣтилъ далай-ламу; мало этого, онъ, вскорѣ за тѣмъ, позволилъ себѣ не принять тронъ главы буддійской церкви въ одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему ургинскихъ монастырей. Съ теченіемъ времени, у далай-ламы и богдо-гэгэна отношенія все болѣе и болѣе обострялись. Недовольство главнаго ургинскаго хутухты не знало своихъ предѣловъ, потому, главнымъ образомъ, что народъ — монголы, буряты, калмыки — неудержимо стремился на поклоненіе далай-ламѣ и наводнилъ собою Богдо-Курень и ея окрестности. Престижъ далай-ламы не ослабѣвалъ, наоборотъ, поднимался; монастырь Ганданъ, гдѣ приютился его святѣйшество, приобрѣлъ большую популярность. Жизнь въ Ургѣ забила ключемъ. Кумирни денно и ночью призывали молящихся. Всѣ только и говорили о великомъ далай-ламѣ и о тибетцахъ; мѣстные обитатели, казалось, утратили всякій интересъ.

Съ своей стороны, верховный правитель Тибета страшно интересовался сосѣднимъ государствомъ, Россіей, съ которой такъ или иначе вошелъ въ соприкосновеніе черезъ посредство російскаго мѣстнаго консульства. Излишне говорить, до какого напряженія дошло вниманіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ близки и понятны интересы Тибета и которые слѣдили за каждымъ шагомъ англійской военной экспедиціи, болѣя душой за беззащитныхъ тибетцевъ...

Пятаго апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе о четырехмѣсячномъ командированіи меня въ Ургу, а пятнадцатаго апрѣля я уже выѣхалъ изъ Петербурга, имѣя съ собой переводчика монгольскаго языка, Афутина, и около двадцати пудовъ громоздкаго багажа. Моя поѣздка мотивировалась привѣтствіемъ далай-ламы и поднесеніемъ ему и его свитѣ подарковъ отъ имени императорскаго русскаго географическаго общества. Сибирскій поѣздъ насъ быстро помчалъ изъ Москвы въ юго-восточномъ направленіи. Вслѣдствіе скорыхъ сборовъ въ дорогу, мнѣ долгое время не вѣ-

Монастырскій флигель, въ которомъ проживалъ далай-лама,
будучи въ Ургѣ.

рилось, что я опять увижу знакомыя картины центрально-азиатской природы: красивый Байкаль, синѣющія горы Забайкалья и просторныя, убѣгающія за горизонтъ, долины Монголіи. Моему воображенію продолжали рисоваться травянистыя степи Куку-нора, стальная блестящая поверхность этого величественнаго бассейна,

а за нимъ, черезъ Южно-Кукунорскій хребетъ, и снѣговья цѣпи Тибета. Мысль далеко уносилась по пространству и по времени.

Однако, вернемся къ дѣйствительности. Первый день въ поѣздѣ проходитъ скоро; въ слѣдующіе два дня окончательно свыкаешься съ поѣздной обстановкой и удобствами. Нашъ express состоялъ преимущественно изъ военныхъ врачей и офицеровъ; штатскій элементъ былъ незначителенъ. Встрѣчные поѣзда и поѣзда, которые мы обгоняли, напоминали намъ текущія событія на Дальнемъ Востока... Вотъ показались и Уральскія горы, а за ними необъятная равнина западной Сибири, которую затѣмъ смѣняетъ болѣе дикая и привлекательная природа восточной. А вотъ, наконецъ, и глубокій Байкаль, окаймленный горами, въ верхнемъ поясѣ убранными снѣгомъ; онъ все еще спитъ подъ массивнымъ ледянымъ покровомъ, хотя и приближается время его весенняго пробужденія. Пока же озерная гладь рѣзко бѣлѣетъ отъ сплошного; слегка посинѣвшаго у береговъ, льда, среди котораго контрастно вырисовывался пароходъ-ледоколъ, пробивавшійся сквозь ледяную массу. Поѣздъ шель сравнительно скоро по Кругобайкальскому пути, проложенному очень искусно. Здѣсь пассажиры невольно лнутъ къ окнамъ и часами любуются видами. Поѣздъ то извивается у подножія горъ, то прячется въ туннели. Съ одной стороны, надъ поѣздомъ громоздятся скалы, дикіе утесы или мягкіе луговые увалы, сбѣгающіе отъ ближайшихъ гребней, съ другой, представляется однообразный просторъ, убѣгающій за горизонтъ. Болѣе массивныя горы на нашемъ пути облегалі юго-западный заливъ Байкала, за которымъ желѣзнодорожный путь постепенно отделяется отъ этого оригинальнаго бассейна.

Такъ доѣхали до Верхнеудинска, гдѣ произошла неожиданно для меня пріятная встрѣча съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Тибета, Агванъ Доржіевымъ, съ которымъ мы и поплыли по Селенгѣ. Небольшой пароходъ «Серафимъ» принадлежалъ частной компаніи, успѣшно обслуживающей незначительныя мѣстныя требованія. Въ начальный рейсъ, перваго мая, кромѣ Доржіева, инженера А. А. Лушниковъ, меня и нашихъ общихъ спутниковъ,плыли, въ качествѣ пассажировъ, буряты-паломники къ далай-ламѣ. Почему-то забайкальскіе буддисты питали ко мнѣ большое уваженіе и довѣріе. Въ ихъ обществѣ я чувствовалъ себя очень хорошо и не уставалъ вести съ ними разговоръ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Малооживленные берега Селенги, по случаю позднаго развитія весны и частыхъ сильныхъ вѣтровъ, омрачающихъ воздухъ тучами пыли, не представлялись отрадными, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ рѣка суживается вплотную подошедшими къ ней горами, придающими красоту общему пейзажу мѣстности. На одну изъ круто ниспадавшихъ къ Селенгѣ горокъ указываютъ, какъ на своего рода историческую легендарную горку, съ вершины которой бросился поли-

тическій ссыльный и убили на смерть. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ, по моему мнѣнью, и тотъ симпатичный приселенгинскій уголокъ, увѣнчанный бѣлымъobeliskомъ, гдѣ нѣкогда проживали сильные духомъ проповѣдники ученія Христа — миссіонеры-европейцы. Черезъ нѣсколько сутокъ мы были въ селеніи Усть-Кяхтѣ, откуда, прокативъ на почтовыхъ одну станцію, благополучно достигли историческаго торговаго пункта, слободы Кяхты, найдя пріютъ въ гостепріимномъ домѣ наслѣдниковъ Лушниковыхъ.

Въ Кяхтѣ мнѣ пришлось позаботиться о пріисканіи себѣ спутниковъ и о пріобрѣтеніи всевозможныхъ предметовъ, необходи-

«Ламанъ-хамбо».

Галсанъ.

«Сойбонъ-хамбо».

мыхъ въ путешествіи. Мои друзья и знакомые облегчили мнѣ и ту и другую задачу.

До Урги, отстоящей въ трехстахъ слишкомъ верстахъ къ югу отъ Кяхты, я раздѣлилъ свою маленькую экспедицію: ея снаряженіе отправилъ караваннымъ способомъ на восьми верблюдахъ, а самъ, на-легкѣ, въ собенниковскомъ тарантасѣ, слѣдовалъ на оригинальныхъ мѣстныхъ почтовыхъ. Монголы-ямщики везутъ нашъ русскій тарантасъ безъ упряжи по нашимъ понятіямъ, верховымъ способомъ, таща экипажъ за прикрѣпленную поперекъ оглоблей деревягу, называемую «доннуръ». Края доннура поднимаются всадниками на сѣдло, и они почти съ мѣста берутъ въ карьеръ по ровной мѣстности, чуть не со скоростью товаро-пассажирскаго поѣзда.

Кяхтинско-ургинская дорога была все время оживлена, главнымъ образомъ, паломниками, ѣдущими или идущими въ ту или другую сторону. На наше счастье, погода была хорошая, солнце пригрѣвало порядочно, холмы отраднo зеленѣли. Тамъ и сямъ бродили стада рогатаго скота, барановъ и болѣе или менѣе многочисленныя табуны лошадей.

Урга привольно раскинулась въ обширной долинѣ рѣки Толы и издали производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели вблизи; впрочемъ, это — общая характеристика почти всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ Азіи, хотя Урга своею ужасною грязью, вѣроятно, превосходитъ все, по крайней мѣрѣ, видѣнное мною въ Азіи. Здѣсь человѣческой лѣни потворствуютъ собаки, которыя являются даровыми и единственными санитарями. Ургинскіе уличныя псы очень свирѣпы, въ особенности въ ночное время, когда многіе обитатели опасаются нѣшкомъ выходить изъ дому изъ боязни подвергнуться съ ихъ стороны серьезнымъ нападеніямъ. Наиболѣе опасны собаки-людобѣды, пожирающіе трупы умершихъ туземцевъ или карауляющія появленія подобныхъ подачекъ. Въ высшей степени омерзительны картины поѣданія собаками покойниковъ, но не менѣе неприятны и тѣ, когда наблюдаешь, какъ ургинскіе нищія вступаютъ въ драку съ пищевыми псами при оспариваніи отбросовъ.

Къ югу отъ Урги красуется «дѣвственная» гора Богдо-ула, почитаемая многими за святую, съ чуднымъ лѣсомъ, ревниво оберегаемымъ со всѣмъ его животнымъ царствомъ заботами монастыря или, точнѣе, монастырей. Послѣднихъ здѣсь два — Ганданъ, въ которомъ нашелъ себѣ пріютъ далай-лама, и Майдерн. Между монастырями вклинились своими національными постройками русскія и китайскія торговыя колоніи. Немного выше, по долинѣ рѣки, устроены управленія владѣтелей края и ихъ цитадель съ незначительнымъ гарнизономъ. Еще восточнѣе расположены русское консульство и русско-китайскій банкъ, за которымъ, въ полутора-двухъ верстахъ, стоитъ китайскій городокъ Май-ма-ченъ.

Опрятнѣе и живописнѣе прочихъ расположена новая резиденція ургинскаго богдо-гэгэна, сиипатизирующаго русской архитектурѣ домовъ и вообще многому русскому и примѣняющемуся въ своей домашней обстановкѣ ко вкусу русскаго зажиточнаго класса людей. Его деревянный двухъ-этажный домъ скопированъ съ дома русскаго консульства; говорятъ, и внутри онъ обставленъ предметами европейской роскоши.

Я съ экспедиціей вступилъ въ Ургу въ двѣнадцатыхъ числахъ мая и остановился, согласно желанію далай-ламы, въ близкомъ со-сѣдствѣ съ монастыремъ Ганданъ.

Далай-лама нынѣ состоитъ въ тринадцатомъ перерожденіи и являетъ собою молодого тридцатилѣтняго изящнаго тибетца, съ

Галсанъ.

Н. Д. Дыльковъ.

темными глазами, съ лицомъ, слегка попорченнымъ оспой и послѣднимъ слѣды великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствіе сильно нарушено политикой англичанъ; онъ сталъ нервный, раздражительный. Спитъ далай-лама немного: встаетъ съ утренней зарей, ложится въ полночь, а то и позже. Весь день у

него наполненъ занятіями свѣтскими и религіозными. Помѣщается онъ въ небольшомъ красивомъ монастырскомъ флигелѣ, раздѣленномъ на два этажа. Въ верхнемъ этажѣ у далай-ламы — рабочій кабинетъ и спальня, въ нижнемъ—пріемная. Весь штатъ при немъ исчисляется въ пятьдесятъ человѣкъ тибетцевъ, наполовину принадлежащихъ къ чиновничьему духовному званію. Днемъ почти безотлучно при немъ состоятъ два министра и столько-же секретарей; ночью — такъ называемый «дядька», Сойбонъ-хамбо, и дватри молодыхъ тибетца, въ качествѣ приближенныхъ слугъ-охранителей. Дворъ свой далай-лама держитъ въ большой строгости.

Будучи отличнымъ проповѣдникомъ, мыслителемъ, говорятъ, даже глубокимъ философомъ въ области буддійской философіи, глава буддійской церкви, въ то же время, по отношенію къ свѣтскимъ дѣламъ,—незамѣнимый дипломатъ, заботящійся о благѣ народа. Ему не достаетъ лишь европейской утонченности. Со времени вступленія на престолъ, «верховный правитель Тибета» уже успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность слѣдующими отрадными явленіями: отмѣной смертной казни, обузданіемъ чиновничьяго произвола, устраненіемъ злоупотребленій китайскихъ властей, обиравшихъ тибетцевъ, поднятіемъ народнаго просвѣщенія и проч.

Надо полагать, что только однѣ выдающіяся умственныя способности помогли далай-ламѣ избѣжать превратности судьбы. Предшественникъ настоящаго перерожденца едва достигъ двадцатилѣтняго возраста, какъ уже и умеръ; одиннадцатый перерожденецъ жилъ еще менѣе—около восемнадцати лѣтъ. Въ тринадцатомъ или современномъ перерожденіи, по опредѣленію свыше, безъ метанія жребія, далай-лама обнаружилъ себя въ четырехстахъ верстахъ къ юго-западу отъ Лхасы, въ округѣ Дакъ-бо. Трехлѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ торжественно перемѣщенъ въ Лхасу, въ одинъ изъ ближайшихъ горныхъ монастырей, Ригя, гдѣ проживалъ до пятилѣтняго возраста. Позднѣе его перенесли съ установленными почестями въ Потал-ы и посадили на тронъ. Съ семи лѣтъ онъ началъ изучать грамоту, а къ двадцати или совершеннолѣтію закончилъ свое философское образованіе въ размѣрѣ курсовъ высшихъ лхаскихъ школъ и принялъ въ свои руки свѣтское управленіе Тибетомъ.

За малолѣтствомъ далай-ламъ, правителями страны назначаются регенты изъ знатнѣйшихъ тибетскихъ хутухтъ.

«Послѣ смерти пятаго далай-ламы,—говоритъ Цыбиковъ,—что однако вполне согласуется и съ моими данными,—въ теченіе почти сорока лѣтъ далай-ламы сдѣлались предлогомъ политическихъ интригъ разныхъ властныхъ властолюбцевъ, пока рядъ историческихъ событій не уничтожилъ въ Тибетѣ власти монгольскихъ и туземныхъ князей и пока, наконецъ, въ 1751 году, не было признано за далай-ламой преобладающее вліяніе, какъ духовное, такъ

и свѣтское. Избраніе далай-ламы до 1823 года — года выбора десятаго перерожденца — основывалось на предсказаніяхъ высшихъ ламъ и опредѣленіи прорицателей, что равносильно выбору вліятельныхъ лицъ, но, при выборѣ десятаго перерожденца, впервые было примѣнено въ практикѣ, установленное при императорѣ Цянь-Лунѣ, метаніе жребія, посредствомъ такъ называемой «сэрбумъ» или «золотой урны». Оно состоитъ въ томъ, что имена трехъ кандидатовъ, опредѣленныхъ прежнимъ порядкомъ, пишутся на отдѣльныхъ билетикахъ; послѣдніе кладутъ въ золотую урну, которая сначала ставится передъ большой статуей Чжово-Сакья-муни и возлѣ нея совершается депутатами отъ монастырей богослуже-

Домъ ургинскаго богдо-гегена.

ніе о правильномъ опредѣленіи перерожденца. Затѣмъ урна переносится въ Потал-ы, во дворецъ далай-ламы, и здѣсь, передъ дочечкой съ именемъ императора, въ присутствіи высшихъ правителей Тибета и депутацій отъ главнѣйшихъ монастырей, маньчжурскій амбанъ, посредствомъ двухъ палочекъ, замѣняющихъ у китайцевъ вилки, вытаскиваетъ одинъ изъ билетиковъ. Чье имя написано на этомъ билетикѣ, тотъ и возводится на далай-ламскій престолъ. Избраніе перерожденца обыкновенно привѣтствуется китайскимъ богдыханомъ въ видѣ торжественной присылки высшаго духовнаго или свѣтскаго лица, хранящаго императорскую духовную печать. Означенное лицо привозитъ художественно исполненные изъ золота или драгоценныхъ камней письменные знаки, означающіе имя и титулъ перерожденца».

У меня съ далай-ламой, послѣ двухъ-трехъ свиданій, установились наилучшія отношенія, благодаря которымъ я могъ свободнѣе наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что меня интересовало и составляло мою задачу по отношенію къ тибетцамъ, такъ равно и по отношенію къ монголамъ, въ особенности къ пріѣзжимъ изъ разныхъ уголковъ Монголіи монгольскимъ князьямъ, съ довѣріемъ и дружбой относящимся ко мнѣ.

Первое мое свиданіе съ далай-ламой состоялось перваго іюля, въ три часа дня. Я отправился въ телѣжкѣ, запряженной одиночкой, въ сопровожденіи своихъ двухъ спутниковъ, Телешова и Афутина, ѣхавшихъ верхами. У монастыря, передъ главныхъ входомъ, толпилось множество паломниковъ. Здѣсь меня встрѣтили: Дылыковъ, хоринскій бурятъ, почетный зайсанъ, состоящій при далай-ламѣ переводчикомъ съ монгольскаго на русскій языкъ, а также и въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, и двое-трое тибетцевъ, приближенныхъ къ далай-ламѣ. Войдя въ монастырскій дворъ и миновавъ нѣсколько юртъ и дверей, я очутился у далай-ламскаго флигеля, а минутою спустя, и у самого далай-ламы, торжественно возсѣдавшаго на тронѣ, противъ легкой сѣтчатой двери. Лицо великаго перерожденца было задумчиво спокойно, чего, вѣроятно, нельзя было сказать относительно меня, находившагося въ нѣсколько возбужденномъ состояніи: вѣдь я стоялъ лицомъ къ лицу съ самимъ правителемъ Тибета, съ самимъ далай-ламой! Не вѣрилось, что моя завѣтная мечта, взлелѣянная въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечталъ сначала увидѣть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затѣмъ уже ея верховнаго представителя. Случилось наоборотъ: не видя Лхасы, я встрѣтился съ далай-ламой, я говорилъ съ нимъ... Я невольно впился глазами въ лицо великаго перерожденца и съ жадностью слѣдилъ за всѣми его движеніями. Подойдя къ нему, я возложилъ на его руки свѣтлый шелковый хадакъ, на что въ отвѣтъ одновременно получилъ отъ далай-ламы его хадакъ, голубой и тоже шелковый. Почтительно, по европейски, кланаясь великому перерожденцу и произнося привѣтствованіе отъ имени императорскаго русскаго географическаго общества, я, вслѣдъ за этимъ, подалъ знакъ моимъ спутникамъ приблизиться съ подарками и передать ихъ, въ присутствіи далай-ламы, его свитѣ—министрамъ и секретарямъ. Далай-лама привѣтливо улыбнулся и сдѣлалъ указаніе поставить подарки вблизи его обычнаго мѣста, затѣмъ, пригласивъ меня сѣсть на заранѣе приготовленный русскій стулъ, сталъ держать по-тибетски отвѣтную рѣчь. Голосъ его былъ пріятный, тихій, ровный; говорилъ далай-лама спокойно, плавно, послѣдовательно. Его тибетскую рѣчь переводилъ на монгольскій языкъ одинъ изъ его секретарей, Канчунъ-сойбонъ, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ прожившій въ Ургѣ; съ

монгольскаго же языка на русскій переводилъ Дылыковъ. Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ словъ: «Какъ вы доѣхали до Урги, какъ себя чувствуете послѣ дороги?» и проч., далай-лама началъ благодарить русское географическое общество, его главныхъ представителей, а также и лицъ другихъ учреждений, способствовавшихъ осуществленію моей поѣздки въ Ургу. «Я уже имѣю удовольствіе знать императорское русское географическое общество,—говорилъ далай-лама,—оно вторично выражаетъ мнѣ знакъ своего вниманія и благорасположенія; вы же лично для меня интересны, какъ человѣкъ, много путешествовавшій по моей странѣ». Въ за-

Группа тибетцевъ изъ свиты далай-ламы.

ключеніе, далай-лама сказалъ, что онъ, съ своей стороны, будетъ просить меня, уѣзжая въ Петербургъ, не отказать принять нѣчто для географическаго общества. Въ промежуткахъ между рѣчью, далай-лама часто смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, и каждый разъ, когда наши взгляды встрѣчались, онъ слегка, соблюдая достоинство, улыбался. Вся его свита стояла въ почтительной позѣ и говорила, кромѣ лицъ переводившихъ, шепотомъ. Канчунъ-сойбонъ, выслушавъ рѣчь отъ далай-ламы, или переводя ему отвѣтную, стоялъ передъ правителемъ Тибета съ опущенной внизъ головою, наклоненнымъ туловищемъ, и самый разговоръ произносилъ вполголоса, словораздѣльно. Въ видѣ угощенія, передо мною стояли

«истор. вѣстн.», январь, 1907 г., т. сѣм.

16

чай и сласти. Далай-лама также спросилъ себя чаю и ему была налита чашка и подана на золотомъ оригинальномъ блюдцѣ, закрытая золотой массивной крышкой.

Въ теченіе всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо далай-ламы хранило величавое спокойствіе, но, какъ только вопросъ коснулся англичанъ, ихъ военной экспедиціи въ Тибетъ, оно тотчасъ переѣнилось,—покрылось грустью, глаза опустились и голосъ сталъ нервно обрываться. При прощаніи, я пожелалъ правителю Тибета полного успѣха его благимъ стремленіямъ, на что далай-лама пріятно улыбулся и вручилъ мнѣ второй хадакъ съ бронзовымъ изображеніемъ «Будды на алмазномъ престолѣ», замѣтивъ, что «мы будемъ часто видѣться». Обратнo я направился тѣмъ-же путемъ.

Этотъ день былъ для меня счастливѣйшимъ изъ всѣхъ дней, проведенныхъ когда-либо въ Азіи.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Ургѣ, мнѣ удалось перезнакомиться со всѣмъ дворомъ далай-ламы. Правитель Тибета любезно позволилъ моему сотруднику, Н. Я. Кожевникову, срисовать съ себя нѣсколько портретовъ, мнѣ-же лично сфотографировать какъ его флигель, такъ равно и лицъ, сопутствовавшихъ ему въ его поѣздкѣ до Урги. Среди лицъ далай-ламской свиты я встрѣтилъ моего стараго знакомаго тибетца, пріѣзжавшаго ко мнѣ, по порученію правителя Тибета, на верхній Ян-цзы-цзянъ, въ бытность мою съ экспедиціей въ Камъ или восточномъ Тибетѣ въ 1899—1901 гг. Старикъ Чжониръ-Жамьянъ, видимо, искренно обрадовался, и оба мы съ удовольствіемъ вспоминали о прошломъ совмѣстномъ пребываніи въ монастырѣ Чункоръ-гомба, замѣтивъ, что предсказаніе наше вновь свидѣться сбылось. Посланецъ далай-ламы отлично помнилъ фамиліи не только членовъ тибетской экспедиціи, но даже и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, разспрашивая меня, гдѣ каждый изъ участниковъ моего путешествія находится и какъ поживаетъ, и если они его еще помнятъ, то просилъ передать имъ поклоны.

Въ цѣляхъ коллектированія естественно-историческихъ образцовъ мои спутники ежедневно экскурсировали въ долины Толы и въ прилежащихъ къ ней горахъ, нерѣдко уѣзжая и внизъ по теченію рѣки, гдѣ имѣются лучшіе уголки, издавна облюбованные и насиченные нашими колонистами. Съ той же цѣлью, пользуясь всякимъ свободнымъ временемъ, я отправлялся въ заманчивыя ущелья Богдо-ула, выбирая теплые солнечные дни и періодъ низкой воды въ Толѣ. Обыкновенно мнѣ сопутствовали мои сотрудники, и мы, отправляясь верхомъ, захватывали съ собою, кромѣ предметовъ, необходимыхъ при коллектированіи, еще чайникъ, походныя чашки и кое-что изъ снѣди. Подышать чуднымъ горнымъ воздухомъ, погулять вволю по лѣсу, послушать пернатыхъ пѣв-

цовъ и полюбоваться чистотою небесной лазури, всегда доставляло мнѣ и моимъ спутникамъ величайшее удовольствіе. Въ подобныхъ поѣздкахъ охотно принималъ участіе и приватъ-доцентъ Петербургскаго университета, специалистъ по санскриту, Ѳ. И. Щербатской, командированный въ Ургу императорскою академіею наукъ.

Слѣдуя обратно внизъ по ущелью, мы нерѣдко любовались видомъ, открывавшимся къ сѣверу до отдаленныхъ горъ, огранивающихъ долину, заполненную населеніемъ Урги. Переправившись

Восточно-монгольскія
Княгиня Ахай. Княгиня Катунь. Княжна Нэнэ.

вбродъ черезъ быструю, прозрачную и обильную рыбой Толу, мы вскорѣ затѣмъ проѣзжали вблизи дома и кумиренъ ургинскаго богдо-гэгэна. Въ обширномъ гэгэнскомъ дворѣ, среди кумиренныхъ построекъ, приспособлены помѣщенія для звѣрей и рѣдкихъ птицъ. Изъ животнаго царства богдо-гэгэнъ гордится слономъ, къ которому ужъ нѣсколько лѣтъ напрасно старается прикупить другого для разведенія слоновяго потомства. Рѣзвые иноходцы и огромные доги составляютъ также слабость хутухты, и онъ приобретаетъ тѣхъ и другихъ, не жалѣя денегъ.

Судя по словамъ мѣстныхъ обитателей, богдо-гэгэнъ не стѣсняетъ себя ни въ чемъ; онъ даже не считается съ мнѣніемъ вѣрующаго въ него народа и открыто появляется чуть не вездѣ съ любимой имъ женщиной, монголкой, которую монголы, вѣроятно въ шутку, называютъ «Дарихэ»—богиня. Мѣстный святитель досугъ свой проводитъ въ различныхъ развлеченияхъ: въ ловлѣ на удочку рыбы, метаніи стрѣлъ, стрѣльбѣ изъ пушки холостыми зарядами, опрокидывающими тазъ съ заключеннымъ въ немъ провинившимся ламой. И во всѣхъ его подобныхъ занятіяхъ, равно при прогулкахъ и посѣщеніяхъ русскихъ домовъ, неизмѣнной спутницей является та-же «Дарихэ». По этому поводу, мнѣ, какъ и многимъ другимъ, интересовавшимся житьемъ-бытьемъ богдо-гэгэна, убѣленные сѣдинами старцы-монголы отвѣчали: «Напрасно вы думаете, что все это нехорошо! Наоборотъ, хорошо; нехорошее вамъ только чудится, мерещится! Нужно быть святымъ, какъ богдо-гэгэнъ, чтобы въ подобныхъ дѣяніяхъ не видѣть предосудительнаго». По этой же причинѣ богдо-гэгэну не вѣняется въ осужденіе и чрезмѣрное выпиваніе европейскихъ винъ до шампанскаго включительно; это послѣднее, вмѣстѣ съ коньякомъ, по вкусу приходится ургинскому хутухтѣ.

И тѣмъ обаятельнѣе, по чистотѣ и возвышенности, является представленіе о великомъ далай-ламѣ, живущемъ въ строгомъ подвижничествѣ, рядомъ со своимъ младшимъ, только-что обрисованнымъ нами, перерожденцемъ Даранаты.

Повторяю, въ Ургѣ, въ монастырскомъ городѣ, меня поразило невиданное ранѣе многолюдство и особенное оживленіе. Всюду видѣлись монголы, буряты, калмыки, маньчжуры, китайцы; рѣже русскіе. Отъ времени до времени сюда заглядывали и проѣзжіе иностранцы,—англичане, американцы, французы, нѣмцы, — старавшіеся, между прочимъ, если не увидѣть, то хоть узнать что-нибудь о далай-ламѣ и приобрѣсти кое-что изъ предметовъ преимущественно буддійскаго культа.

Среди преобладающихъ пестрыхъ толпъ туземцевъ рѣзко выдѣлялись тѣ русскіе торговцы, которые пріѣзжали закупать скотъ для нуждъ дѣйствующей арміи. По части щегольства и роскоши здѣсь также можно было найти на многіе вкусы, въ особенности въ китайскихъ лавкахъ, заранѣе приготовившихъ много шелковыхъ матерій, фарфора, издѣлій изъ бронзы, камня, слоновой кости и проч. Торговля шла бойко. Жизненные продукты поднялись въ цѣнѣ неимоვნно. Мѣстный людъ обогащался, главнымъ образомъ, на счетъ русской казны. Буддійскіе храмы были переполнены молящимися. Многочисленные паломники находили себѣ пристанище частью въ долинѣ Толы, частью въ монгольскихъ юртахъ и дворахъ (огороженныхъ частоколомъ), составляющихъ пригородъ.

Съ первыхъ дней моего приѣзда въ Ургу, далай-лама также проживалъ въ долинѣ рѣки Толы въ своей нарядной золотисто-желтой юргѣ, вокругъ которой группировались бѣлыя и сѣрыя, служившія жилищами для его свиты. Вообще говоря, тибетцы, спутники далай-ламы, показывались на глаза рѣдко, за исключеніемъ тѣхъ семи-восьми человѣкъ, которые, въ качествѣ торговцевъ тибетскими тканями, курительными свѣчами и проч., ежедневно располагали свой торговый лагерь на общемъ ургинскомъ базарѣ.

Монгольскій князь Шандурь-гунъ съ двумя адъютантами.

Особенно привлекали глазъ наблюдателя богатые нарядные кортежи монгольскихъ князей, оставлявшихъ нерѣдко десятки тысячъ рублей монастырямъ и городу. Многіе князья и отдаленные монголы только теперь и познакомились съ Ургой. Изъ такихъ князей восточной Монголіи наибольшого вниманія заслуживаетъ Сунито-цзасикъ-долото-лин-чжюнь-ванъ, пользующійся дружественными отношеніями далай-ламы и имѣвшій съ нимъ неоднократныя бесѣды, то подъ сѣнью далай-ламскаго жилища, то на своемъ стойбищѣ, располагавшемся на берегу Толы.

Чжюнь-ванъ, какъ водится, прїѣзжалъ чуть не всѣмъ своимъ домою, большимъ караваномъ. Князю сопутствовали: его жена, Катунь, бывшая принцесса китайскаго двора, красивая дочь князя, — княжна Нэнэ, другъ и прїятель княжеской семьи Шадурь-гунь (бывшій личный секретарь богдо-гэгэна) съ его женой Ахай, красивой молодой женщиной, отчасти напоминавшей собою и своимъ нарядомъ русскихъ боярынь. Со всей этой компаніей, въ сопровожденіи челоуѣкъ двадцати свиты, чжюнь-ванъ прїѣзжалъ ко мнѣ на квартиру и подолгу засиживался, охотно принимая угощеніе, состоявшее изъ сластей и чая. Въ одинъ изъ такихъ прїѣздовъ мнѣ удалось главныхъ гостей сфотографировать. У себя дома мои знакомые были еще болѣе привѣтливы и словоохотливы. На прощанье вся семья князя просила меня прислать имъ портретъ далай-ламы и непременно навѣстить ихъ въ мой слѣдующій прїѣздъ въ Монголію. «Прошу васъ вѣрить, — говорилъ растроганный чжюнь-ванъ, — моимъ искреннимъ чувствомъ и знать, что мои владѣнія, въ смыслѣ вашихъ научныхъ изученій и пользованій при переѣздахъ съ мѣсто на мѣсто, всегда готовы къ вашимъ услугамъ на какое угодно время». Послѣднимъ словомъ добродушнаго князя было: «Смотрите-же, не забывайте старика!»

На смѣну отѣѣзжавшихъ паломниковъ, прїѣзжали новые. На базарѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ можно было слышать что происходитъ на востокѣ, западѣ и югѣ Монголіи. Всѣхъ невольно влекъ къ себѣ далай-лама, служившій центромъ совѣщаній монгольскихъ князей, открыто выразившихъ главѣ буддѣйской церкви ихъ полную готовность дѣлать то, что онъ прикажетъ.

Такимъ образомъ, мнѣ было извѣстно положеніе дѣлъ въ Монголіи, почти совершенно спокойной и хорошо относившейся къ русскимъ, и въ Тибетѣ; въ послѣднемъ, конечно, настолько, насколько находилъ нужнымъ и возможнымъ знакомить меня съ этимъ вопросомъ самъ далай-лама, симпатизирующій Россіи. Благодаря громадному вліянію правителя Тибета на Монголію, дѣла этой страны идутъ рука объ руку съ политическими дѣлами Тибета.

Что касается до послѣдняго, до его интересовъ къ Россіи и обратно, то въ этомъ отношеніи Россіи необходимо заручиться пока лишь симпатіями правителя этой страны, гарантирующими русскимъ пассивную выгоду, воздѣйствіемъ на нашихъ многочисленныхъ буддистовъ-бурятъ и граничащихъ съ ними монголовъ, притомъ поступая крайней осторожно, но бдительно слѣдя за политикой Англій со стороны индѣйской границы. Будущее не замедлитъ обнаружить дальнѣйшіе шаги нашихъ сосѣдей — японцевъ, китайцевъ и англичанъ. Необходимо внимательно наблюдать за востокомъ и, по возможности, быть всегда готовымъ къ парированію коварныхъ замысловъ нашихъ сосѣдей, въ особенности японцевъ, старающихся пріобрѣсти дружбу и расположеніе того же правителя Тибета.

Изъ только что сказаннаго явствуетъ, что русскимъ съ далай-ламой нужно имѣть добрыя отношенія и скорѣе идти навстрѣчу его ближайшему совѣтнику и повѣренному въ дѣлахъ Тибета, Агванъ Доржіеву, которому далай-лама официально проситъ оказывать полное довѣріе и соотвѣтствующее положенію вниманіе.

Агванъ Доржіевъ—бывалый и очень свѣдущій человѣкъ. Онъ нѣсколько разъ прїѣзжалъ въ Москву, Петербургъ, неоднократно также видѣлъ Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Лондонъ. Знакомая съ западной Европой, затѣмъ съ Индіей, восточнымъ Китаемъ и Япоііей, онъ не забывалъ и внутренней или центральной Азіи. Последняя изъѣзжена имъ, что называется, вдоль и поперекъ. Любопытно вспомнить прошлое этого замѣчальнаго человѣка.

«Около тридцати лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Д. П. Першинъ— молодой лама, уроженецъ Харашибирскаго улуса, Харинской степной думы, покинулъ предѣлы Забайкалья съ тѣмъ, чтобы съ караваномъ паломниковъ пробраться въ трудно доступный Тибетъ. Что же влекло его туда? Неужели одно желаніе поклониться буддѣйскимъ святынямъ?»

«Несомнѣнно, имъ руководили другія цѣли... Для религіознаго паломничества онъ былъ слишкомъ молодъ; это былъ удѣлъ лишь пожилыхъ людей, а ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Дѣйствительно, его манилъ Тибетъ, какъ сокровище буддѣйской философіи, гдѣ онъ могъ лучше всего познать основное свойство «ученія, излагающаго сущность мудрости». Пытливый умъ молодого монаха не могъ мириться съ жалкимъ прозябаніемъ зауряднаго ламы у себя за Байкаломъ. Молодой Доржіевъ ясно понималъ и видѣлъ, что монгольскіе и бурятскіе ламы, пройдя въ Тибетъ полный курсъ избранной спеціальнойности и получивъ тамъ одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, приобрѣтеніе которыхъ въ Монголіи невозможно, всегда пользовались громаднѣмъ авторитетомъ среди прочаго ламства. На нихъ другіе ламы смотрѣли съ большимъ почтеніемъ и тайной завистью. Эти ученые ламы всегда занимали высшія мѣста въ ламской іерархіи и вліяли на весь строй жизни своихъ сородичей. Зная это, молодой монахъ, чтобы не остаться обыкновеннымъ ламой у себя на родинѣ, рѣшилъ набраться знаній въ Тибетѣ, чувствуя для этого въ себѣ достаточную энергію и способность. И вотъ, по прибытіи въ Лхасу, Доржіевъ дѣлается скромнымъ студентомъ, изучающимъ высшую догматику буддизма—цангитъ. Упорная работа и особенный складъ ума, умѣющаго легко разбираться въ дебряхъ буддѣйской схоластики, а также выдающійся талантъ Доржіева заставили обратить на него особое вниманіе старѣйшихъ ламъ. Мало-по-малу, проходя всѣ ступени буддѣйской іерархіи, онъ становится изъ безвѣстнаго ламы-пришельца крупной величиной среди лхаскаго ламства».

Впослѣдствіи, въ теченіе четверти вѣка, Агванъ Доржіевъ достигаетъ не только высшихъ ученыхъ ламскихъ степеней, но и становится ближайшимъ совѣтникомъ далай-ламы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководителемъ политики властителя Тибета. Насколько трудно было достичь этого, можно судить по тому, что къ престолу далай-ламы стремятся многія тысячи ламъ и десятки тысячъ глазъ ревниво слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается у престола перерожденца. Обладая исключительнымъ тактомъ и желѣзной волей, Доржіевъ шагаетъ черезъ головы тысячи ламъ, успѣшно проходить всѣ ступени буддійской схоластики и блистательно выдерживаетъ всѣ публичные диспуты и состязанія.

Въ настоящее время Агванъ Доржіевъ состоитъ при далай-ламѣ цанитъ-хамбо-ламой и имѣетъ высшую ученую степень лхарамбы. Насколько важна и почетна эта степень, ссылаемся на авторитетное показаніе профессора А. М. Позднѣва: «Ламы, прослушавшіе курсъ тарнистическаго ученія (отдѣлъ магіи и заклинаній), получаютъ степень нгарамбы. Наконецъ, выдержавшіе цанитское—высшее догматическое—состязаніе предъ кумиромъ лхаскаго Цзу, удостоиваются степени лхарамбы, но таковыхъ въ Монголіи, кажется, вовсе не имѣется—по крайней мѣрѣ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного лхарамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ, кто бы изъ монголовъ получилъ эту степень».

Такова въ общихъ чертахъ Одиссея нашего забайкальца, ставшаго повѣреннымъ въ дѣлахъ Тибета и ближайшимъ совѣтникомъ далай-ламы; послѣдній, какъ то и замѣчено выше, проживалъ въ Ургѣ въ монастырѣ Ганданъ, ламы котораго изучаютъ цанитъ—высшую догматику буддизма.

Въ отвѣтъ на высочайшій подарокъ,—драгоценный перстень съ портретомъ государя, врученный верховному правителю Тибета посланникомъ,—далай-лама передалъ мнѣ для представленія его величеству два большихъ его портрета, рисованныхъ г. Кожевниковымъ, карандашемъ, съ золочеными тибетскими письменами, выражающими титулъ далай-ламы, съ хадакомъ, причѣмъ вмѣнилъ въ обязанность довести до свѣдѣнія государя императора, что онъ никогда не давалъ срисовывать съ себя портрета, какъ никогда и не фотографировался; такимъ образомъ, привезенныя мною изображенія главы буддійской церкви единственныя въ своемъ родѣ.

Письмена на портретахъ художественно исполнены двумя писцами далай-ламы, съ рукописнаго наброска послѣдняго, и переведены съ тибетскаго языка на русскій Г. Ц. Цыбиковымъ. Онѣ гласятъ слѣдующее: «Портретъ владѣтеля всего свѣтскаго правленія и религіи всевѣдущаго Вадрадара, тринадцатаго перерожденца далай-ламы, держащаго бѣлый лотосъ сакьяскаго гелона (высшій духовный обѣтъ послѣдователей сакья-муни), чжэбцунъ-агванъ-ловсанъ-тубданъ-гіамцо-джигбралъ-ванчукъ-чоглай-намбаръ-гіамба (верхов-

ный владѣтель языка—ораторъ геніальный, всесильный—море—безстрашный, полноправный, совершенный, побѣдитель всего»).

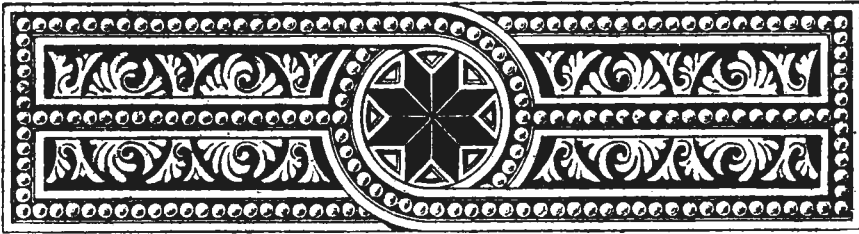
Какъ путешественникъ-ислѣдователь, располагавшій четырьмя спутниками-сотрудниками, я имѣлъ возможность организовать развѣдку мѣстности, сборъ естественно-историческихъ коллекцій, равно и приобрѣтеніе предметовъ по этнографіи. Весь фактическій матеріалъ составилъ достояніе зоологическаго музея императорской академіи наукъ. Въ непосредственное же распоряженіе императорскаго русскаго географическаго общества мною переданъ даръ далай-ламы обществу, состоящій изъ восемнадцати дорогихъ и очень интересныхъ предметовъ буддійскаго культа. При врученіи мнѣ этого дара, правитель Тибета извинялся передъ обществомъ за скромный и неполный подарокъ, такъ какъ далай-лама, находясь на чужбинѣ, не можетъ выполнить своего желанія въ надлежащей мѣрѣ, но непременно приведетъ его въ исполненіе по возвращеніи въ Лхасу, свободный входъ въ которую съ этого времени онъ обезпечиваетъ для русскихъ, желающихъ проникнуть въ Тибетъ съ научными или коммерческими цѣлями. Кромѣ того, при прощальной аудіенціи, далай-лама, трогательно напутствуя меня, далъ мнѣ нѣсколько тибетскихъ бурхановъ, съ хадаками, для поднесенія представителямъ вѣдомствъ или учреждений, принимавшимъ близкое участіе въ командированіи меня въ Ургу. Меня же лично далай-лама одарилъ двумя чудными изображеніями, Буддой на алмазномъ престолѣ и Майдэри, причемъ замѣтилъ, чтобы я съ ними никогда не разставался, въ особенности съ Майдэри, какъ съ Богомъ-покровителемъ путешествующихъ.

Наканунѣ дня моего отъѣзда изъ Урги, у меня перебивала почти вся свита правителя Тибета съ прощальнымъ визитомъ, передавая мнѣ обычные въ такихъ случаяхъ хадаки и кое-что, преимущественно тибетское сукно и тибетскія курительныя свѣчи, на память о Тибетѣ. Изъ другихъ предметовъ, подаренныхъ мнѣ свитой, я особенно цѣню уздечку, которою пользовался далай-лама на пути своемъ изъ Лхасы въ Ургу, и чайную чашечку, поднесенныя мнѣ секретаремъ далай-ламы, Канчунъ-сойбономъ.

Итакъ, моя одна завѣтная мечта, унаслѣдованная отъ моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго—увидѣть далай-ламу—исполнилась. Надо надѣяться, что, поддержанный довѣріемъ русскаго географическаго общества, я увижу и столицу Тибета—Лхасу.

П. Козловъ.

ПОЛЯРНАЯ ОБИТЕЛЬ.

ОСПОДА, я совѣтую вамъ осмотрѣть Печенгскій монастырь, — заявилъ намъ капитанъ парохода, на которомъ мы совершали лѣтомъ 1905 года путь къ Сѣверному Ледовитому океану, пробираясь въ Норвегію.

— Если хотите, я дамъ телеграмму изъ Вайдугубы, чтобы изъ монастыря прислали лошадей, — предлагалъ любезный капитанъ.

Въ этой удивительной странѣ, омываемой полярнымъ океаномъ, которая лежитъ всего лишь въ какихъ-нибудь двухъ тысячахъ верстахъ отъ сѣвернаго полюса и, тѣмъ не менѣе, поражаетъ путешественника своимъ жаркимъ лѣтомъ, гдѣ солнце не только день, но и всю ночь сіяетъ на небѣ, приходится до вѣряться указаніямъ бывалыхъ людей. Безъ такихъ указаній, при отсутствіи хорошо составленныхъ путеводителей по крайнему сѣверу, можно проглядѣть не одно изъ чудесъ приполярнаго міра. Разумѣется, нашъ, тѣсно сплотившійся за время путешествія, кружокъ, отвѣтилъ полнымъ согласіемъ и предоставилъ капитану дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

На другой день утромъ пароходъ свернулъ въ Печенгскую губу. Заработала паровая лебедка, загрохотала желѣзная цѣпь, увлекаемая якоремъ на дно залива, и пароходъ остановился. Солнце стояло уже высоко на небѣ и изливало потоки свѣта и тепла. На призывный свистокъ парохода отъ берега отчалило нѣсколько ло-

докъ, быстро приблизившихся къ нашему морскому гиганту. На палубѣ скоро можно было видѣть нѣсколько странныхъ человѣческихъ фигуръ. Особенно бросался въ глаза одинъ высокаго роста, съ длинными волосами мочалкою и некрасивымъ лицомъ, съ шишкообразнымъ носомъ, парень, одѣтый въ бѣлую замазанную парусинную куртку и такіе же штаны, заправленные за голенища высокихъ сапогъ, съ чернымъ колпакомъ на головѣ. Среди этихъ загадочныхъ существъ виднѣлась тщедушная фигура монаха въ черномъ подрясникѣ.

Это была присланная за нами по телеграммѣ монастырская свита: послушники и работники.

— Если ѣхать, такъ надо скорѣе,—торопили насъ капитанъ и послушникъ, игравшій роль распорядителя. — Скоро начнется отливъ, и тогда на лодкѣ трудно будетъ добратся.

Никто изъ насъ не имѣлъ представленія о томъ, гдѣ этотъ монастырь, и какъ до него слѣдуетъ ѣхать. Оказалось, что путь не близкій. Надо было плыть на лодкѣ версты 2 — 3 вглубь залива, а затѣмъ ѣхать на лошадахъ около 20-ти верстъ. Вся наша компанія, человѣкъ въ 10, размѣстилась въ большомъ баркасѣ; на весла усѣлись монастырскіе рабочіе, между ними и описанный великанъ, на рулѣ всталъ послушникъ. Тутъ же въ лодкѣ былъ матросъ, ѣхавшій съ нами изъ Архангельска, и какой-то мальчуганъ.

Сначала все шло благополучно. Гребцы налегали на весла, и лодка неслась впередъ. Но отливъ дѣлалъ свое дѣло, и, почти на полпути отъ берега, киль лодки сталъ бороздить песчаное дно бухты. Дѣлать было нечего. Послушникъ, монастырскіе рабочіе и матросъ сняли сапоги и, задравъ штаны, пошли вбродъ, подгалкивая и волоча лодку. Скоро пришлось послѣдовать ихъ примѣру и части пассажировъ. Въ лодкѣ остались двѣ барышни и трое мужчинъ. Остальные не безъ удовольствія воспользовались теплымъ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ, какъ ножною ванною.

Мало кто знаетъ о существованіи Печенегскаго монастыря. Между тѣмъ, его слѣдуетъ причислить къ тѣмъ чудесамъ, которыми такъ богатъ нашъ крайній сѣверъ. Обязанный своимъ возникновеніемъ просвѣтителю лопарей, преподобному Трифону, этотъ монастырь подвергался многимъ испытаніямъ, прежде чѣмъ достигнуть нынѣшняго, хотя и скромнаго, но благополучнаго положенія.

Относительно происхожденія преподобнаго Трифона существуютъ разногласія: по однимъ изслѣдованіямъ, онъ былъ крещеный еврей, по другимъ—сынъ священника изъ города Торжка. Кѣмъ бы, однако, ни былъ этотъ лопарскій апостоль, — онъ былъ выдаю-

щеюся личностью своего времени. Этотъ человекъ могучей воли и высоконравственныхъ убѣжденій, не боялся придти въ незнакомую полуночную страну, населенную дикарями, съ цѣлью просвѣтить ихъ христіанскимъ ученіемъ и внести въ ихъ среду начала культуры. Просвѣтительная дѣятельность преподобнаго Трифона относится къ началу XVI-го столѣтія. По изслѣдованію норвежскаго ученаго Friis'a, келья выстроена преподобнымъ Трифономъ въ 1524 году. Успѣху преподобнаго Трифона въ мисіонерской дѣятельности въ Лапландіи способствовала прирожденная лопарямъ мягкость характера и любовь проповѣдника къ меньшей братіи. Дѣло просвѣщенія быстро наладилось, слава о подвижнической дѣятельности преподобнаго Трифона распространилась до русскихъ областей, и вскорѣ къ преподобному Трифону потянулись богомольцы. Такъ былъ основанъ на Мурманскомъ берегу у устья рѣки Печенги, подъ 70° сѣверной широты, монастырь. Самъ преподобный Трифонъ въ 1556 году предпринялъ путешествіе въ Москву ко двору Іоанна Грознаго. Этотъ умный царь, находившійся въ то время въ наиболѣе цвѣтущемъ періодѣ своего царствованія, радушно принялъ своего сподвижника и, вѣроятно, столько же изъ религіозныхъ побужденій, сколько и въ цѣляхъ государственныхъ, богато одарилъ новый монастырь землями въ Лапландіи. Правда, эти земли до того времени не имѣли владѣльца, кромѣ лопарей, но для будущности монастыря было важно заручиться жалованною грамотою. Вѣроятно, это отлично понималъ преподобный Трифонъ, выхлопотавъ для монастыря наиболѣе цѣнные въ хозяйственномъ отношеніи земли вдоль побережья незамерзающаго океана.

Упрочивъ положеніе основаннаго имъ монастыря и пользуясь любовью и почитаніемъ лопарей, преподобный Трифонъ скончался въ 1583 году, предсказавъ монастырской братіи о предстоящихъ ей испытаніяхъ. Дѣйствительно, черезъ 6 лѣтъ послѣ кончины преподобнаго, монастырь былъ разрушенъ, а братія перебита шайкою шведскихъ или финскихъ разбойниковъ, до которыхъ, повидимому, дошли слухи о значительныхъ богатствахъ монастыря. Быть можетъ, предположенія хищниковъ найти богатую добычу имѣли твердыя основанія, такъ какъ, благодаря установленію въ царствованіе Іоанна Грознаго сношеній съ Англіей, для Печенгской обители представлялось возможнымъ использовать вновь открытый способъ товарнаго обмѣна съ заграничными государствами и накоплять средства для предстоящей цивилизаторской дѣятельности. Дѣйствительно, имѣются свѣдѣнія, что Печенгскій монастырь уже въ концѣ жизни преподобнаго Трифона усиленно развивалъ дѣятельность въ области китобойнаго и рыбнаго промысла, а также въ судостроеніи и солевареніи. Монастырь завелъ даже торговыя сношенія съ Антверпеномъ и Амстердамомъ, доставляя туда на продажу рыбу и тресковый жиръ.

Разгромъ монастыря разбойничьей шайкой уничтожилъ матеріальные результаты дѣятельности преподобнаго Трифона и его братіи, не устранивъ, однако, сѣмена вѣры, глубоко запавшія въ души лопарей, продолжающихъ отличатся религіозностью и нравственностью и до настоящаго времени. До сихъ поръ еще среди лопарей живутъ трогательныя поэтическія сказанія о дѣятельности преподобнаго Трифона и о горькой участи монастырской братіи.

Потеря монастыря для государства была громаднa. Дѣло приобщенія Лапландіи, этой богатѣйшей страны, къ жизни націи оставилось, и находится въ такомъ же положеніи до настоящаго времени. Кто знаетъ, чѣмъ была бы теперь для насъ Лапландія,

Монастырская гостиница на берегу р. Княжухи.

съ ея удобными гаванями и незамерзающимъ океаномъ, при непрерывномъ развитіи монастырской дѣятельности на Мурманскомъ побережьи. Быть можетъ, тамъ-то именно созданъ бы базисъ для нашего торговаго и военнаго флотовъ, котораго намъ такъ недостаетъ. Быть можетъ, вольный морской путь ускорилъ бы культурное развитіе нашего отечества, по крайней мѣрѣ, на одно столѣтіе.

Понимая все-таки государственное значеніе Печенгскаго монастыря, тогдашнее московское правительство приняло мѣры для его возстановленія, но, видя его беззащитность на далекомъ берегу, рѣшило перевести обитель въ городокъ Колу, подъ защиту бывшихъ тамъ укрѣпленій. Это была ошибка, тѣмъ болѣе, что фактъ убіенія беззащитныхъ людей и разгромъ монастыря вызвалъ, повидимому, непріятное впечатлѣніе въ смежныхъ съ Рос-

сією скандинавскихъ государствъ, хронографы которыхъ объясняли тогда этотъ злодѣйскій поступокъ грубостью финскихъ народовъ.

Послѣ перевода Печенгскаго монастыря въ Колу для него наступила эпоха упадка. Просвѣтительныя и цивилизаторскія цѣли были отброшены, братія больше занималась коммерческими дѣлами. Наконецъ, Петръ Великій, вообще, недолголюбивашій духовенство, убѣдившись, что въ Колѣ монахи совершенно забыли свою паству, упразднилъ Кольско-Печенгскій монастырь въ 1701 году.

Вопросъ о возобновленіи Печенгскаго монастыря возникъ лишь въ 1881 году. Дѣло шло медленно, но все-таки было доведено до конца. Въ настоящее время Печенгскій монастырь числится въ вѣдѣніи Соловецкаго монастыря, но, кажется, въ дѣйствительности, пользуется полною автономіею ¹⁾.

Наконецъ, мы добрались до берега. Здѣсь была расположена монастырская гостиница — большой домъ, еще какія-то деревянныя постройки и зданіе казенной почтово-телеграфной конторы, съ которой монастырь соединенъ телефономъ, сооруженнымъ собственноручно братіею. Мы были приняты въ гостиницѣ ожидавшими насъ монахами, радушно предложившими намъ чай. Намъ, однако, не давали засиживаться и поторапливали. Подали 3 экипажа, запряженныхъ каждый парю сытыхъ лошадокъ, съ монастырскими служками и матросомъ на козлахъ, и, не слѣша, повезли насъ въ путь-дорогу. Отѣхавъ версты 4, мы остановились у другой гостиницы, гдѣ опять на столѣ, въ ожиданіи насъ, кипѣлъ самоваръ. Здѣсь мы угощались квасомъ. Намъ повели осматривать небольшую деревянную церковь съ могилою, въ которой погребены останки убитой братіи. На этомъ мѣстѣ находился, основанный преподобнымъ Трифономъ, монастырь.

Отсюда до возстановленнаго монастыря 15 верстъ. Хорошо шоссированная дорога, съ проведеннымъ по одному боку ея телефономъ на столбахъ, тянулась непрерывной линіею, то поднимаясь на горки, то опускаясь въ овраги и перелетая рѣчки и ручьи крѣпко построенными мостами. Иногда попадалось по обѣимъ сторонамъ дороги тонокое болото, иногда дорога врѣзывалась въ сухіе торфяные пласты, ровные и высокіе срѣзы которыхъ чернѣли по

¹⁾ Литература о Печенгскомъ монастырѣ указана въ «Путеводителѣ по сѣверу Россіи», Д. Н. Островскаго, Спб., изд. 1899 г., стр. 107; см. также: «По студеному морю». — Евген. Львовъ, 1895; «Русскія Лапландія и ея промыслы. — Вл. Гулевичъ, 1891 г.; К. К. Случевскій—«По сѣверо-западу Россіи», т. I; А. П. Энгельгардтъ.—«Русскій сѣверъ», 1897 г.

сторонамъ шоссе. Какъ было пріятно проѣзжать мимо березовыхъ рощицъ, радовавшихъ своею зеленью глаза, отвыкшіе отъ вида деревьевъ въ теченіе пятидневнаго плаванія по океану мимо голыхъ скалистыхъ береговъ. Обочины дороги были густо покрыты кустиками спѣлой, сочной морошки. Сколько труда и средствъ потребовало проведеніе въ такой мѣстности шоссированной удобной дороги! Одно лишь было непріятно—это комары. Комары представляютъ бичъ сѣверныхъ странъ, они кусаютъ, щекотаютъ, заползаютъ всюду и причиняютъ тысячу безпокойствъ. Пришлось завязать головы носовыми платками и обмахивать поминутно лицо.

Пятнадцать верстъ проѣхали довольно скоро. Время коротали въ разговорахъ съ нашими монастырскими возницами. Оказалось,

Часовня надъ могилами убитыхъ иноковъ.

что большая часть монастырскаго населенія изъ Вологодской губерніи, и самъ настоятель монастыря, о. Іонафанъ,—вологжанинъ.

Вотъ, наконецъ, показался и монастырь. Если бы кто ожидалъ увидѣть что-нибудь, подобное нашимъ стариннымъ бѣлокаменнымъ монастырямъ, или тѣмъ изъ недавнихъ монастырей, которые пріютились неподалеку отъ столицъ и большихъ городовъ, то ошибся бы. Печенгскій монастырь, расположенный у подошвы высокой, оголенной горы, представляетъ небольшую деревянную церковь и нѣсколько домовъ для жилья братіи съ разными хозяйственными постройками.

Насъ приняли въ монастырѣ опять угощеніемъ: дали чай, молоко, квасъ и малосольную семгу. Немного отдохнувъ, мы имѣли удовольствіе познакомиться съ игуменомъ монастыря, архимандритомъ

томъ Ионафаномъ, подъ руководствомъ котораго совершили осмотръ этой далеко не блестящей, но богатой историческими воспомина- ниями и духовною силою современной братіи обители.

Знакомство съ монастыремъ мы начали съ осмотра церкви.

Когда мы съ о. Ионафаномъ приблизились къ храму, на крыльцѣ его ожидалъ пріѣхавшій съ нами матросъ, оказавшійся быв- шимъ служкою монастыря, взятымъ на военную службу, и нынѣ возвратившимся изъ запаса. Матросъ подошелъ подъ благослове- ніе игумена.

— Пришелъ поклониться преподобному хозяину нашему?— ласково спросилъ у него о. Ионафанъ и, съ этими словами, от- крылъ входныя двери.

Мы вошли. Полярное солнце проникало сквозь окна храма и обливало потоками свѣта его, незатѣйливья на глазъ столичнаго жителя, но роскошныя для лопарской пустыни, украшенія. Ядро храма составляетъ древняя церковь, построенная въ началѣ XVIII-го столѣтія надъ мощами преподобнаго Трифона, на подобіе первой, разрушенной разбойничьей шайкою, монастырской церкви. Эта постройка реставрирована и расширена боковыми крыльями и заключаетъ два придѣла: одинъ во имя преподобнаго Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, а другой во имя Успенія Божіей Матери. Весь храмъ освященъ во имя Срѣтенія Господня. Близъ вратъ, съ правой стороны, находятся гробницы самого ло- парскаго апостола, преподобнаго Трифона, и іеромонаха, преподоб- наго Германа, навшаго подъ ножами убійцъ въ ночь на Рожде- ство въ 1589 году въ царскихъ вратахъ во время повечерія. У лѣваго придѣла — гробница послушника преподобнаго Герасима, убитаго тогда же въ притворѣ храма.

По осмотрѣ храма, о. Ионафанъ повелъ насъ въ отгороженную отъ церкви ризницу, въ которой находилась церковная утварь и реликвіи—минерализированныя кости убитыхъ иноковъ. Тутъ же, на стѣнѣ, висѣла печатная копія древней царской грамоты.

Мы не преминули подняться на колокольню, съ которой от- крывался видъ на окрестности. Въ верхнемъ этажѣ храма нахо- дится кладовая, полная богатыхъ и разнообразныхъ церковныхъ облаченій.

Выйдя изъ храма, мы отправились за о. Ионафаномъ осматри- вать хозяйственныя постройки монастыря.

Чѣмъ только ни располагалъ монастырь, все находилось въ блестящемъ состояніи.

Мы видѣли обширныя хлѣва, съ отдѣленіями для коровъ и те- лятъ разныхъ возрастовъ. Скотъ былъ чистой холмогорской по- роды, и, можно безъ преувеличенія сказать, достигалъ высоты

почти человѣческаго роста. Намъ показали конюшни съ большимъ числомъ лошадей. Лошади были различныя, частью купленныя, частью пожертвованныя, частью своего завода. Отецъ Ионафанъ высказывалъ сожалѣнiе, что монастырю не удастся развести крупныхъ лошадей, сила которыхъ такъ нужна для многочисленныхъ и трудныхъ монастырскихъ работъ. Поднимались на сѣновалы, расположенные надъ конюшнями, изъ которыхъ сѣно спускается прямо внизъ черезъ продѣланные люки. Мы осмотрѣли квасоварню, обширные сараи для экипажей и хозяйственныхъ орудий, сапожную мастерскую, кузницу.

Хозяйственные склады монастыря поражали своими размѣрами и количествомъ имѣвшихся товаровъ. Въ нихъ было все, что тре-

Храмъ монастыря.

буется для монастырской братiи и окружающаго монастырь колонистскаго и лопарскаго населенiя. Здѣсь были сложены мѣшки съ мукою и крупю, груда разной домашней глиняной, стеклянной, желѣзной и деревянной посуды, нѣсколько охотничьихъ ружей, куски матерiй, готовая одежда, образки, крестики и др. предметы монастырскаго обихода.

Съ особенною гордостью показывалъ намъ о. Ионафанъ механическую мастерскую, въ которой находился, сдѣланный руками одного изъ братiи, громадный универсальный станокъ для строгальныхъ, сверлильныхъ и т. п. работъ. Подробно объяснялъ намъ игумень, какъ ему удалось приобрести отдѣльныя части для машинъ этой мастерской: это колесо онъ купилъ въ Норвегiи, эту

полосу—въ Архангельскѣ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ случайно пріобрѣтенныхъ частей, монастырскій инженеръ-самоучка сдѣлалъ стройно работающіе механизмы, которые были оцѣнены по достоинству бывшимъ въ нашей компаніи инженеромъ-путейцемъ изъ Минска.

Такимъ же образомъ, въ разныхъ мѣстахъ, по случаю, были пріобрѣтены о. Іонафаномъ и принадлежности телефонной установки.

Монастырь имѣлъ школу для дѣтей колонистовъ. Школа занимаетъ большое, свѣтлое, съ высокими потолками, помѣщеніе и снабжена необходимыми учебными пособиями. На стѣнѣ висѣлъ, видъ монастыря зимою, работы извѣстнаго художника Борисова жившаго въ Печенгскомъ монастырѣ.

Неутомимый о. Іонафанъ показалъ намъ помѣщеніе для послушниковъ и комнату инженера-самоучки, другою специальностью котораго было часовое дѣло. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть эту замѣчательную личность. Покончивъ съ постройками, мы осмотрѣли огородъ. Тощая почва и короткое лѣто не даютъ возможности вырѣть многимъ овощамъ. Изъ огородныхъ растений я замѣтилъ лукъ, огуречную траву (*Urago officinalis*), картофель.

Обозрѣніе монастыря закончилось осмотромъ водопровода. Ключъ, снабжающій монастырь водою, находился въ значительномъ отдаленіи. Солнце уже склонялось къ горизонту, и намъ пришлось идти до источника по густой посѣянной травѣ, влажной отъ покрывавшей ее росы. Вода идетъ къ монастырскимъ помѣщеніямъ самотекомъ, частью по металлическимъ трубамъ, частью по открытому каналу.

Отца Іонафана очень беспокоило быстрое заростаніе открытых бассейновъ какою-то водяною травою. Онъ боялся, не отражается ли это на доброкачественности воды. Разрѣшить этотъ вопросъ, однако, намъ не удалось, такъ какъ мы были отвлечены разговоромъ съ отцомъ Іонафаномъ, по поводу всего нами видѣннаго. Съ заслуженною, спокойною гордостью слушалъ о. Іонафанъ наши выраженія удивленія передъ энергіею его и братіи, благодаря которой монастырь обладаетъ почти всѣми благами культуры.

— А пушки вы сумѣете отлить? — въ шутку спросилъ у него путеецъ.

— Отчего же, — улыбаясь, отвѣчалъ о. Іонафанъ, — если понадобится, мы и съ этимъ справимся.

Утомленные осмотромъ, мы возвратились въ главное зданіе монастыря, гдѣ въ столовой насъ ожидалъ обильный, горячій ужинъ, состоявшій изъ сборной рыбной похлебки съ лукомъ и картофе-

лемъ, которую монахи называютъ «щами», семужей уха и рубленыхъ котлетъ изъ смѣси свѣжей трески, семги и палтусины. Эти котлеты напоминали по вкусу телячьи. Въ большихъ кувшинахъ подано было молоко и квасъ.

По окончаніи ужина, насъ просили вписать свои фамиліи въ книгу посѣтителей монастыря, въ которой, кажется, были подписи и иностранныхъ туристовъ. Мы приобрѣли, въ видѣ сувенировъ, нѣсколько деревянныхъ ложекъ монастырской работы и монашескихъ кушаковъ, выдѣланныхъ, кажется, изъ тюленьей кожи. И кушаки и ложки въ Петербургѣ производили впечатлѣніе.

Мѣстность около монастыря.

Радужные хозяева не требовали отъ насъ уплаты за проѣздъ и угощеніе. По монастырскимъ правиламъ, посѣтителіи могли сдѣлать пожертвованія сообразно, желанію и достатку, для чего имѣлась особая кружка.

Солнце не заходило за горизонтъ, и только роса и прохладная температура воздуха давали знать о томъ, что было 12 часовъ ночи. Съ изъявленіями благодарности распростились мы съ гостепріимнымъ монастыремъ, снабдившимъ насъ на дорогу, на случай холода, теплыми монашескими кафтанами. Приходилось опять торопиться, чтобы прибыть къ Печенгской губѣ до начала отлива. Отецъ Іонафанъ, имѣя какое-то дѣло къ капитану нашего парохода, поѣхалъ вмѣстѣ съ нами.

Припоминая все видѣнное въ Печенгскомъ монастырѣ, проникаешься невольнымъ удивленіемъ къ энергіи и трудолюбію его

обитателей—этихъ достойныхъ продолжателей работы преподобнаго Трифона въ лопарской тундрѣ.

Съ чѣмъ сравнить этотъ монастырь? Мнѣ кажется, онъ представляетъ живую иллюстрацію социаль-демократическихъ учений. Дѣйствительно, если мечты о социаль-демократической общинѣ когда-нибудь получаютъ осуществленіе, то не можетъ быть для этого лучше той формы, въ которой представляется устройство этого отдаленнѣйшаго монастыря.

Судя по объясненію о. Ионафана, іерархическія отличія членовъ братіи сведены до минимума. Всѣ одинаково несутъ трудъ, всѣ пользуются правомъ голоса. Всѣ обезпечены въ соотвѣтственной мѣрѣ. Когда мы въ первый разъ увидѣлись съ настоятелемъ монастыря, о. Ионафаномъ, въ немъ замѣтно было сильное утомленіе. Онъ только-что вернулся съ тяжелой рыбной ловли, въ которой участвовалъ на ряду съ простыми работниками. Со стороны монаховъ, послушниковъ и монастырскихъ работниковъ, не было замѣтно и тѣни какого-либо раболѣпства или стѣсненія передъ игуменомъ. Всѣ они держали себя просто и съ достоинствомъ.

Тотъ колоссальный трудъ, плоды котораго мы наблюдали при осмотрѣ, возможенъ лишь при дружномъ напряженіи и единеніи, а также при надлежащемъ разграниченіи силъ и умѣнья всѣхъ немногочисленныхъ членовъ обители. Эта длинная шоссированная дорога, инженерныя работы по осушенію почвы, гидротехническія сооруженія, высоко развитая сельско-хозяйственная техника, телефонъ, постройки, кирпичный заводъ — все указывало на ясное пониманіе простыми людьми требованій культуры. Эти люди на крайнемъ сѣверѣ работали на общую пользу, идя по пути прогресса, и не ожидая для себя какихъ-либо наградъ. Видно было, что въ плодотворномъ трудѣ братія имѣетъ источникъ удовлетворенія. Не было замѣтно истощенныхъ монашескихъ лицъ—результата изнуренія плоти. Всѣ жили здѣсь нормальною отшельническою жизнью, торопясь пополнить недостатокъ свѣдѣній путемъ самообразованія.

Интересы окружающаго населенія, болѣе слабого въ борьбѣ съ суровою полярною природою, не чужды монастырю. Онъ заботится о школьномъ образованіи, занимается дѣлами благотворенія. При насъ привели въ монастырь корову, отпущенную временно въ пользованіе одному бѣдному колонистскому семейству. Отецъ Ионафанъ дѣлился съ нами предположеніями снабдить какого-то обездоленнаго рыбака прочною лодкою, вмѣсто имѣвшейся у того плохой, мало устойчивой на водѣ, посудыны, въ которой онъ выѣзжалъ въ море на добычу вмѣстѣ со своими маленькими дѣтьми.

Нельзя не видѣть побужденій, приведшихъ людей къ описанной организаціи. Тотъ цементъ, который скрѣпляетъ братію, тотъ

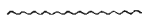
флагъ, подъ которымъ они дѣйствуютъ,—это твердая вѣра и почитаніе памяти и завѣтовъ преподобнаго Трифона. Не всѣмъ дано пользоваться такимъ могучимъ рычагомъ для поступковъ. Въ этомъ и есть разница между монастырскимъ общежитіемъ и социаль-демократическою общиною, для осуществленія которой въ настоящее время нѣтъ твердой опоры и не будетъ до тѣхъ поръ, пока все человѣчество не переродится духовно на отвлеченной почвѣ добра, справедливости и взаимнаго уваженія.

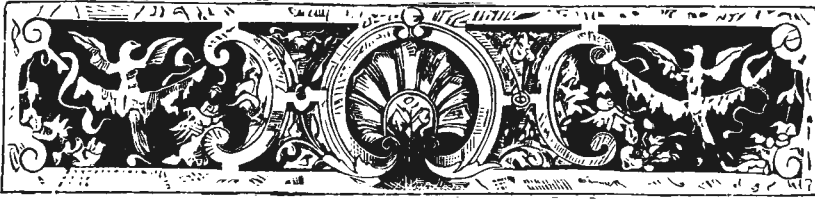
Описаніе монастыря представлялось бы неполнымъ безъ обрисовки выдающейся личности о. Ионафана, являющагося душою братіи Печенгскаго монастыря. Архимандритъ Ионафанъ лѣтъ 48, высокаго роста, съ энергичнымъ выраженіемъ лица. Видно, что это человѣкъ дѣла, съ практическимъ умомъ и твердою волею. Онъ задался цѣлью перенести монастырь на мѣсто его основанія ближе къ морю. Кажется, уже для этого приняты мѣры. Нѣкоторое неудовольствіе возникло у лопарей по поводу потребовавшегося обмѣна ихъ владѣній на монастырскую землю. Злые языки передаютъ, что лопари оказались обиженными. Они даже жаловались на это графу С. Ю. Витте, во время посѣщенія имъ, въ бытность министромъ финансовъ, въ 1894 году Печенгскаго монастыря при поѣздкѣ вдоль Мурмана. Въ этомъ вопросѣ министръ принялъ сторону монастыря. Во время нашего посѣщенія Печенгской обители, о. Ионафана преслѣдовала мысль устроить электрическое освѣщеніе всѣхъ монастырскихъ зданій. Онъ ясно видѣлъ всѣ имѣющіеся подъ руками источники для добыванія электрической энергіи. Порожистое теченіе, находящихся во владѣннн монастыря рѣкъ Печенги и Княжухи, громадныя залежи торфа должны облегчить ему эту задачу. При энергіи, какою обладаетъ о. Ионафанъ, я нисколько не удивлюсь, если черезъ 2—3 года Печенгскій монастырь будетъ соединенъ съ пароходною стоянкою подъ 70° сѣверной широты электрическимъ трамваемъ, и будетъ располагать флотиліею электромоторныхъ баркасовъ. Такой человѣкъ—кладъ для нашего заброшеннаго Мурманскаго берега.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы русскіе туристы—люди, ищущіе отдыха и развлеченія—обратили вниманіе на этотъ интересный уголокъ нашихъ полярныхъ владѣній, путешествіе къ которому лѣтомъ, на удобныхъ пароходахъ, изъ Архангельска очень пріятно, поучительно и не требуетъ большихъ издержекъ.

Обратный путь на пароходъ обопелся безъ приключеній. Морской гигантъ, со своими сонными обитателями, въ ожиданіи насъ, казалось, самъ спалъ подъ лучами утренняго солнца, лежа неподвижно на лонѣ водъ Сѣвернаго Ледовитаго океана...

А. Д. Григорьевъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

I. Ликвідація Николаевскаго режима.

I.

ВЪ ПРЕДЫДУЩИХЪ нашихъ историческихъ очеркахъ, посвященныхъ былымъ «Годамъ смуты и борьбы»¹⁾ и «Борьбѣ за конституцію»²⁾, мы обрисовали разнообразныя случаи проявленія народнаго и общественнаго неудовольствія противъ правительственной власти, отмѣтили поводы и обстоятельства, при которыхъ эти неудовольствія обнаруживались и въ какія формы выливались. Народное, т. е. простонародное, неудовольствіе воплощалось въ одномъ протяжномъ болѣзненномъ крикѣ—«земли и воли!», неудовольствіе интеллигентныхъ классовъ, съ одной стороны, сводилось къ сочувствію крѣпостной массѣ, искавшей воли и земли, а съ другой—распространялось и на весь установившійся государственный порядокъ вещей, на весь приказный строй, получившій въ царствованіе Николая I свое полное, такъ сказать, идеально-гармоническое завершеніе. Какъ мы указывали, сторонниковъ этого строя было очень немного среди интеллигенціи и привилегированныхъ классовъ, и свое сочувствіе ему несли лишь тѣ, кто такъ или иначе изъ этого порядка вещей

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» за 1905 г.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» за 1906 г.

извлекалъ извѣстныя выгоды и былъ связанъ съ нимъ тѣсными узами. Тѣ-же, кто относились къ системѣ внутренняго управленія конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ отрицательно и какимъ-либо способомъ обнаруживали это свое отрицательное отношеніе, встрѣчали со стороны правительства безпощадный отпоръ и подвергались гоненію. Духовная жизнь въ странѣ замерла и кажущаяся побѣда правительственныхъ силъ надъ силами общественными сіяла призрачнымъ блескомъ. Одинъ за другимъ сходили со сцены передовые представители оппозиціонной мысли, а тѣ, которые еще оставались на лицо, или обречены были на молчаніе и бездѣятельность, или проявляли свое настроеніе съ болѣею осторожностью и осмотрительностью. Наружная жизнь пребывала въ явномъ покоѣ, въ видѣ обширнаго моря стоячей, затхлой воды, и лишь глухое броженіе въ срединныхъ и нижнихъ пластахъ этого моря показывало, что свѣжіе родники русской мысли и русскаго духа не изсякли и что настанетъ часъ, когда эти родники забьютъ звончѣе и горячѣе и обратятъ заснувшія воды въ бурное море кипѣнія. Вопросъ сводился лишь ко времени.

Многочисленныя волненія крестьянъ постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ, и идеи земли и воли, рѣзко поставленныя впервые на очередь разрѣшенія Стенькой Разиннымъ и Емельяномъ Пугачевымъ, продолжали охватывать все большія и большія народныя массы и воплощаться въ явленія кроваваго и жестокаго характера. Подводя итогъ всѣмъ волненіямъ помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, изслѣдователь крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскій¹⁾, опредѣляетъ ихъ число въ 556, причемъ полагаетъ, что эта цифра преуменьшенная. Причина волненій, по словамъ изслѣдователя, вытекала изъ того, что «крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы по какимъ-нибудь, казавшимся имъ справедливыми, основаніямъ». Большая часть волненій, какъ и въ предшествовавшія эпохи, подавлялись съ помощью воинскихъ командъ, причемъ за усмиреніемъ обыкновенно слѣдовала и экзекуція. Въ другихъ случаяхъ безпорядки были прекращаемы или однимъ сѣченіемъ крестьянъ или ихъ удавалось успокаивать словесными убѣжденіями, но съ обязательнымъ преданіемъ суду зачинщиковъ. За неповиновеніе помѣщикамъ, напримѣръ, въ періодъ 1827—1846 г. было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ 1.030 человекъ.

Правительство Николая Павловича и самъ императоръ признавали, что настала уже пора для разрѣшенія самого большаго вопроса русской дѣйствительности, но, увы! дальше палліативовъ въ этомъ направленіи дѣло не шло. Были образовываемы раз-

¹⁾ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка»; томъ II.

ные «комитеты» для разсмотрѣнія вопроса, или въ его полномъ объемѣ или въ его частяхъ, но эти бюрократическія попытки освобожденія русской жизни отъ заѣдавшего ее соціального недуга не давали въ результатѣ ничего существеннаго. Г. Семевскій освѣщаетъ положеніе дѣла въ ту эпоху такъ: «...Императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи необходимости уничтоженія крѣпостного права, если не при немъ, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующее царствованіе, и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность девяти «секретныхъ», «келейныхъ» и «особыхъ» комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждавшія народъ—законъ объ обязательныхъ крестьянахъ и дозволеніе выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы: первая, — вслѣдствіе крайней инертности дворянства и равнодушія громаднаго большинства его къ крестьянскому вопросу, а вторая, — вслѣдствіе ея скорой отмѣны, и лишь дѣятельность десятого комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергичнаго генералъ-губернатора юго-западнаго края, Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ комиссій осталась безплодною была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказывать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно.»

Индифферентизмъ дворянства происекалъ, конечно, изъ эгоистическихъ побудительныхъ причинъ, хотя министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, въ своей запискѣ по крестьянскому вопросу, относящейся къ 1845 г., писалъ ¹⁾: «Время и новыя отношенія во все измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ какомъ-либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повиновенія; его владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить

¹⁾ Тамъ же.

эти обоюдно-невыгодныя отношенія. Къ сему повели, мало по малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, ко-

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

торый, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится».

Такимъ образомъ, правительство сознавало настоятельность радикальнаго переформированія соціального строя, но ничего рѣшительнаго по сему предмету не предпринимало; рабовладѣльческой классъ тоже чувствовалъ и понималъ необходимость отказаться отъ своей жестокой привиллегіи, но тоже очень слабо и нерѣши-

тельно реагировалъ на эту необходимость и пребывалъ въ состояніи индифферентизма, благо сама власть искусственно питала это настроеніе; оставалась одна передовая интеллигенція, которая во всѣхъ своихъ фракціяхъ тщетно пыталась подать по настоящему предмету свой голосъ, встрѣчая, однако, на этомъ пути—настоятельной и сознательной работы для Россіи—оппозицію «надменныхъ потомковъ, извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ, толпою рабскою стоящихъ у трона», по выраженію поэта. Борьба между этою интеллигенціею и бюрократіею, въ лицѣ Чернышевскихъ, Орловыхъ, Перовскаго, Адлерберга, Клейнмихеля и многихъ другихъ, представлявшихъ собою официальную Россію, начиная съ министровъ и кончая послѣднимъ будучникомъ, была въ этотъ періодъ неравною; побѣда, временная и внѣшняя, была за послѣдними, и самымъ разнообразнымъ представителямъ этой интеллигенціи не оставалось ничего другого, какъ выжидать удобнаго историческаго момента, дабы подать по коренному вопросу отечественной жизни свой голосъ, хотя бы на первое время и негромкій, келейный. Такимъ именно историческимъ моментомъ явилась Севастопольская война и наши пораженія на южной окраинѣ Таврическаго полуострова, взбудоражившія все русское море жизни во всѣхъ его пластахъ и теченіяхъ.

II.

Скверное положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій вызвало со стороны всѣхъ образованныхъ элементовъ общества необходимость откликнуться на событія политическаго дня и подвести итоги современному положенію дѣлъ, съ анализомъ происхожденія этого положенія.

Погодинъ въ своемъ, получившемъ въ тѣ дни большое распространеніе, октябрьскомъ (1854 г.) «политическомъ письмѣ», написанномъ въ тщетной надеждѣ, что оно будетъ передано Николаю Павловичу и имѣвшимъ темою «О вліяніи внѣшней политики на внутреннюю», между прочимъ, писалъ¹⁾: «Власть нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными сужденіями объ ея дѣйствіяхъ. Злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого онѣ касаются... Нѣтъ, указаніе злоупотребленій можетъ послужить пособіемъ власти, которая, принимая оное къ свѣдѣнію, подвергая гласности, сложить тѣмъ съ себя часть вины, докажетъ свою благонамѣренность и вмѣстѣ твердость. А безъ гласности всякая ложь, неправда, обманъ получаютъ право гражданства въ государствѣ, чему примѣръ и доказательство мы видимъ въ нашихъ официальныхъ отчетахъ, по которымъ Россія благоденствуетъ, Россія на дѣлѣ—алчущая, жа-

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина»; Николая Барсукова. Книга 13.

ждушая, тоскующая, не знающая, что дѣлать со своими силами, расточающая блудно Божіи дары... Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосыгаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мыслей закрыты — нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни аппеляціи, ни протеста, ни контроля». Таково же положеніе и министровъ и всѣхъ главныхъ начальниковъ: каждый изъ нихъ, по его мнѣнію, «представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя, и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счастье себя геніемъ непогрѣшимости, подобно далай-ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку: какъ мухи на медъ, налетаютъ они на наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата, въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка». Что же касается народа, благополучіе котораго отдано во власть такого преступнаго положенія вещей, то объ этомъ народѣ, «который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ, и между тѣмъ, дышетъ любовью, самою чистою преданностію къ царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты».

Очертивъ въ такихъ яркихъ краскахъ, которыя въ значительной степени пригодны и для нашего времени, состояніе правительственной механизмы, Погодинъ обращается ко власти имущимъ съ слѣдующею рѣчью: «Къ вамъ обращаю я рѣчь свою, милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. Ледрю Ролленъ со всѣми коммунистами не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою

Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перешагнетъ никто, а Стенька Разинъ, лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ которой стороны стѣна наша представляетъ про-

Александръ Ивановичъ Герценъ.

ломы;—перестаньте-же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ! Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, бессмысленный и беспощадный, сказалъ Пушкинъ, котораго государственныя способности не умѣли оцѣнивать близо-

рукіе и тупые современники, думавшіе, что онъ только стишки писать да шутить умѣетъ. Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасеніе въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшишь жизнь казеннаго крестьянина, — будьте увѣрены — заварится каша крутая. Да и теперь, не убиваютъ-ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достааетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терѣбнїа, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ Сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ-же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, будущность!»

Таково было мнѣніе Погодина по вопросу о современномъ ему состояніи Николаевской Россіи, мнѣніе, подъ которымъ несомѣнно охотно подписались бы и его принципиальные литературные враги.

Не менѣе рѣзко характеризовалъ Россію того времени и представитель славянофильства, А. С. Хомяковъ, въ стихотвореніи «Россіи», написанномъ въ мартѣ 1854 года, когда состоялся нашъ разрывъ съ Франціей и Англїей. Стихотвореніе это, подобно письму Бѣлинскаго къ Гоголю, получило въ свое время широкую огласку и популярность, несмотря на то, что его распространеніе совершалось рукописнымъ способомъ. Популярность эта пріобрѣталась не положительною лирическою частью, а тою—драматическаго характера, содержащею въ себѣ отрицательное отношеніе къ тогдашнему порядку вещей. Вотъ это стихотвореніе ¹⁾.

Р о с с і и .

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую,
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ,
Черезъ волны гнѣвнаго Дуная,
Туда, гдѣ, землю огибалъ,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога,
Земнымъ созданьямъ тяжело,
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,

¹⁾ Сочиненія А. С. Хомякова; т. IV.

А на тебя, увы! какъ много
 Грѣховъ ужасныхъ налегло!
 Въ судахъ черна неправдой черной,
 И игомъ рабства клеймена;
 Безбожной мести, лжи тлетворной,
 И лѣни мертвой и позорной,
 И всякой мерзости полна!
 О, недостойная избранья,
 Ты избрана! Скорѣй омой
 Себя водою покаянья,
 Да громъ двойнаго наказанья,
 Не грянетъ надъ твоей головой!
 Съ душой колѣнопреклоненной,
 Съ головой, лежащею въ пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совѣсти растлѣнной
 Елеемъ плача исцѣли!
 И встань потомъ, вѣрна призванью,
 И бросься въ пыль кровавыхъ сѣчь!
 Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
 Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
 Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Итакъ, въ этомъ стихотвореніи Хомяковъ считаетъ, что Николаевская Россія «всякой мерзости полна», и въ числѣ этихъ мерзостей поэтъ, подобно Погодину и западникамъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ рабство, неправый судъ, лесть, ложь и лѣнь, охватившія собою преимущественно правящія сферы. Что касается западниковъ, то главнымъ выразителемъ охватившаго ихъ въ тотъ періодъ душевнаго состоянія явился, со своими статьями и брошюрами за границую, А. И. Герценъ (Искандеръ), обратившійся къ концу царствованія Николая Павловича въ настоящаго политическаго трибуна, къ вольному голосу котораго начала чутко прислушиваться не только вся грамотная Россія, но и само правительство. При всѣхъ строгостяхъ тогдашняго административнаго режима, его сочиненія, хотя сначала и съ трудомъ, но все-же проникали за таможенный кордонъ, и администрація оказывалась безсильной въ борьбѣ съ этимъ вольнымъ голосомъ. За нимъ не было преступленія, придравшись къ которому и при содѣйствіи какой-нибудь дружеской державы, какъ то случилось, на примѣръ, съ Бакунинымъ, его можно было бы залучить въ свои сѣти. Онъ стоялъ твердою ногою въ свободной странѣ, поставилъ здѣсь первый вольный русскій станокъ, электрическіе токи отъ котораго, пробѣгая по громадному пространству, достигали и зимняго дворца, и съ береговъ Темзы бесѣдовали съ правительствомъ Николая I во всеоружіи своей неуязвимой свободы. Его политическія произведенія не были рукописными политическими письмами Погодина или рукописными стихами Хомякова—это были печатные обвинительные протоколы, доступные всему бѣлому свѣту, съ которыми приходилось серьезно считаться.

III.

Герцень въ послѣдніе годы царствованія Николая I былъ единственнымъ виднымъ представителемъ оппозиціонной русской мысли на западѣ, имѣвшимъ возможность и умѣвшимъ ясно и опредѣленно формулировать *via desideria* передовыхъ элементовъ русскаго общества по вопросамъ социальнымъ и политическимъ, ко-

Николай Платоновичъ Огаревъ.

торое было лишено возможности для такого рода дѣятельности у себя дома. Первый по времени выдающійся политической эмигрантъ, громко рѣшившійся бросить въ лицо правительству побѣдителя декабристовъ свои обвиненія¹⁾, въ то время уже томился въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости.

¹⁾ «Борьба за конституцію»; кн. 12 за 1906 г.

Произнесенная въ Парижѣ рѣчь создала Бакунину европейскую извѣстность и обратила на него, какъ на политическаго дѣятеля и оратора, вниманіе всѣхъ континентальныхъ державъ. «Вліяніе его рѣчи было огромно, — говоритъ Герценъ¹⁾.— Гизо его выслалъ изъ Парижа, но едва Бакунинъ осмотрѣлся въ Брюсселѣ, Парижѣ, въ свою очередь, выслалъ Гизо и Людовика-Филиппа изъ Франціи. Бакунинъ возвратился въ Парижъ и бросился съ увлеченіемъ въ раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартино-Марастовское правительство косо смотрѣло на людей, принявшихъ республику за слишкомъ серьезную правду, и охотно сплавляло ихъ направо и налево, лишь бы вонъ изъ Франціи. Оно обрадовалось, что Бакунинъ уѣхалъ. Въ затишьи славянскаго міра закипала тогда новая жизнь, въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ. На немъ, и еще болѣе на Прагскомъ конгрессѣ, Бакунинъ уже является сильнымъ дѣятелемъ; тамъ написалъ онъ свою соціально-славянскую программу, которую до сихъ поръ чехи не забыли, и дѣйствовалъ за-одно съ славянами до тѣхъ поръ, пока Виндингрець не разогналъ конгрессъ австрійскими пушками. Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ вѣрцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ графъ Л. Текели. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которую никогда не отрицали его враги; послѣ взятія Дрездена пруссаками, Бакунинъ отступилъ. Въ Хемницѣ онъ былъ предательски схваченъ съ двумя изъ своихъ товарищей и отправленъ въ Кенигштейнъ... Въ то самое время, какъ саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобы подписать смертныя приговоры Бакунину, Гейбнеру и Реккелю, нѣмецкіе публицисты писали въ журналахъ, что Бакунинъ — русскій агентъ, т.-е. агентъ русскаго правительства. Король пріостановился и измѣнилъ плаху на вѣчную тюрьму; Umwälzungsmänner'ы не остановились, и года черезъ два-три оспорили свои обвиненія.

«Въ маѣ 1850 г., Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на вѣчную тюрьму узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать; его около года оставили въ Грозницѣ, ничего не спрашивая. Въ мартѣ 1851 г., испугавшись слуха, что Бакунина хотять освободить, его перевели въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Затѣмъ австрійское правительство выдало его русскому. Носился слухъ, что Бакунина,

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиновъ; т. VI, изд. Ф. Павленкова.

привезеннаго скованнымъ по рукамъ и ногамъ на русскую границу, расковали. Такихъ нѣжностей не дѣлали. Австрійскія цѣпи были сняты съ него, какъ имперская собственность, и замѣнены отечественными, вдвое тяжелѣйшими желѣзами.

«Три томныхъ года просидѣлъ Бакунинъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и вышелъ изъ него въ 1854 году для того, чтобы ѣхать въ Шлиссельбургъ.

«Воцарился Александръ II, разныя амністіи были обнародованы. О Бакунинѣ ни слова. Въ 1857 году Бакунинъ былъ отправленъ на житье въ восточную Сибирь».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя Искандеромъ-Герценомъ о своемъ сотоварищѣ по эмиграціи и сотрудникѣ по «Колоколу»¹⁾. Къ сказанному можно прибавить, что, во время разспросовъ заключеннаго по поводу его дѣятельности за границу, онъ отвѣчалъ весьма определенно: «Принципы мои вы знаете, я ихъ никогда не тайлъ и высказывалъ громко—я желалъ единства демократизированія Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно слоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской имперіи; я взялъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобы судить меня. Больше же я ни на какіе допросы отвѣчать не стану». Черезъ два мѣсяца къ Бакунину явился графъ Орловъ отъ имени самого Николая Павловича съ предложеніемъ описать свои приключенія, «какъ духовный сынъ». Бакунинъ рѣшилъ выполнить желаніе императора, но безъ всякаго намѣренія въ чемъ-либо каяться и въ чемъ-либо просить прощенія. Онъ написалъ свою «исповѣдь», начавъ ее такъ: «Государь, вы хотите, чтобы я написалъ вамъ свою исповѣдь... Хорошо, я вамъ напишу ее, но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище—честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихъ мнѣ, а потому я не буду никого называть». Далѣе онъ изложилъ свои зарубежныя походы, выяснилъ свои политическіе взгляды, планы, даже теоріи, а также отмѣтилъ и промахи, по его мнѣнію, Николая, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Государь прочелъ записку Бакунина и сказалъ: «Онъ умный и хороший малый, но опасный человекъ, его надобно держать взаперти»; ему даже понравились дѣйствія бывшаго артиллерійскаго офицера, что онъ такъ находчиво и умѣло дѣйствовалъ въ Дрезденѣ: военному сердцу Николая доставило удовольствіе убѣдиться въ военныхъ способностяхъ и военной выучкѣ русскаго ex-артилле-

¹⁾ О томъ-же періодѣ дѣятельности М. Бакунина см. «Борцы освободительнаго движенія.—М. А. Бакунинъ». В. М. Андерсонъ; Людвигъ Кульчицкій. «М. А. Бакунинъ, его идеи и дѣятельность», переводъ съ польскаго; «М. А. Бакунинъ», гдѣ собраны: 1) статья А. И. Герцена о Бакунинѣ, 2) біографическій очеркъ Драгоманова и 3) рѣчи и воззванія.

риста. Но дѣлу это не помогло, и «умному и хорошему малому», наградами за духовную исповѣдь «сына» и за подвиги на театрѣ военныхъ дѣйствій, были Алексѣевскій равелинъ, Шлиссельбургская крѣпость и ссылка въ Сибирь...

Ссылка въ Сибирь была ему присуждена еще раньше, какъ то мы знаемъ, за отказъ на требованіе вернуться въ Россію, ну, а ревелинъ и крѣпость были, съ одной стороны, отвѣтомъ на парижскую рѣчь 1847 г., а съ другой—выраженіемъ пламенныхъ и священныхъ чувствъ къ Австрійскому императору, въ которыхъ нѣкогда Николай Павловичъ ему колѣнопреклоненно поклонился и за которыя Австрія такъ любезно отвѣтила Россіи въ страдныя Севастопольскіе дни. Такимъ образомъ, счеты съ Бакунинымъ были сведены; онъ былъ убранъ съ арены политической дѣятельности и въ наличности, за рубежомъ Россіи, оставался одинъ лишь Герценъ, на долю котораго и выпалъ весь трудъ критики Николаевского режима и указанія средствъ къ скорѣйшей ликвидаціи этого режима.

Явившись на «томъ берегу», сначала въ роли трубадура русской жизни, безъ строго опредѣленной активной политической программы дѣйствій, онъ, силою обстоятельствъ, постепенно переходитъ на амплу борца за свободу русскаго народа, и въ рядѣ брошюръ и изданій, сначала въ Германіи и Франціи, и потомъ въ Англии, широко развертываетъ свои крупныя силы настоящаго политическаго агитатора, и въ своей личности и въ своихъ изданіяхъ является центромъ всего того независимаго и свободнаго, чему не находилось мѣста на «русскомъ берегу».

IV.

Перекочевавъ изъ Россіи въ западную Европу на долгое тамъ житіе, Александръ Ивановичъ Герценъ, подобно Бакунину, точно въ реальное подтвержденіе положенія Достоевскаго о способности русскаго человѣка дѣлаться «всечеловѣкомъ», безъ утраты, однако, своего роднаго національнаго, дѣйствительно становится настоящимъ западно-европейскимъ политическимъ дѣятелемъ, принимающимъ активное участіе въ шумныхъ событіяхъ жизни «страны чудесъ». Революціонныя движенія во Франціи и Италіи, разные выдающіеся моменты изъ жизни Англии, Швейцаріи, Германіи получили въ его лицѣ ближайшаго участника, ставшаго въ самыя близкія и тѣсныя отношенія къ выдающимся представителямъ этихъ странъ. Въ своихъ неувядаемыхъ воспоминаніяхъ «Былое и Думы»¹⁾, гдѣ онъ является историкомъ того періода, читатели найдутъ своего рода лѣтопись этой шумной эпохи конца 40-хъ и начала 50-хъ го-

¹⁾ Собраніе сочиненій; т. III.

довъ и красиво выписанныхъ портретовъ дѣйствовавшихъ лицъ, какъ напр., Прудона, Гарибальди, Орсини, Маццини, Луи Блана и др. Шумный потокъ революціонныхъ и освободительныхъ движеній захватываетъ его всецѣло, и въ первое время начинаетъ казаться, что та дѣль, ради которой онъ перекочевалъ на «другой берегъ»¹⁾, окутывается туманомъ и покровомъ забвенья. Но это только кажущееся: въ событіяхъ революціонныхъ дней онъ, такъ сказать, пропелъ своего рода политическую школу, приобрѣлъ навыкъ политическаго борца и далъ нѣкоторый естественный выходъ силамъ, которыя такъ долго дома—и въ ссылкѣ, и на свободѣ—пребывали въ состояніи вынужденной общественной бездѣятельности. Николаевскій режимъ выбросилъ за порогъ дома челоуѣка громаднаго дарованія и обрекъ его на роль революціонера, революціонера-европейца и революціонера домашней складки. Но въ послѣднемъ отношеніи, какъ русскому революціонеру, ему суждено было пережить со временемъ громадную жизненную драму, когда событія отечественной жизни развернулись такимъ головокружительнымъ потокомъ, въ которомъ ему уже не нашлось мѣста. Онъ, такъ сказать, пережилъ самого себя и сталъ къ революціонной русской дѣйствительности со второй половины 60-хъ годовъ, когда она уже достаточно оформилась и обозначилась, въ отношенія почти враждебныя. Старый идеалистъ сороковыхъ годовъ, съ націоналистическимъ налетомъ патріотизма, отчасти родственнымъ славянофильству, рѣзко разошелся съ реалистами шестидесятыхъ годовъ и въ тогдашнемъ настоящемъ ему уже не находилось дѣла. Остались одни лишь воспоминанія, грустныя разочарованія и слава былого; но, въ началѣ 50-хъ годовъ, о коихъ сейчасъ идетъ рѣчь, его звѣзда только взошла, вспыхивая яркимъ блескомъ и привлекая къ себѣ любовное вниманіе всей интеллигентной передовой Россіи, выразителемъ взглядовъ которой ему суждено было стать.

Принявъ на себя роль трубадура русскаго народа среди его западно-европейскихъ собратьевъ, Герценъ уже съ перваго шага своей дѣятельности въ этомъ направленіи нѣсколько раздваивается. Онъ и защищаетъ русскій народъ отъ нападковъ на него и тутъ же является, въ довольно, впрочемъ, мягкой на первое время формѣ, обличителемъ Николаевскаго бюрократическаго режима. Въ отвѣтъ на письмо Мишле о Россіи и о легендѣ о Костюшкѣ, онъ издаетъ брошюру: «Le peuple russe et le socialisme»²⁾ (1851 г.), гдѣ, развивая мысль французскаго писателя, что сила и значеніе русскаго народа лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли, что придаетъ народной русской жизни коммунистическій ха-

¹⁾ «Борьба за конституцію»; 1906 г., кн. 12

²⁾ Сочиненія; т. V, изд. Ф. Павленкова.

рактерь, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Народъ начинаетъ ронтать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется и мѣшаетъ; онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему. Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено и съ освобожденіемъ земли; — что освобожденіе земли, въ свою очередь, — начало революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно, отодвинуть его рѣшеніе до слѣдующаго царствованія, конечно, легче, но, въ сущности, это только нѣсколько часовъ, потерянныхъ на скверной почтовой станціи безъ лошадей... Изъ всего этого вы видите, какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общины; какое счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла до самоотрицанія». Здѣсь Герценъ является своего рода родоначальникомъ, предтечей того народническаго у насъ движенія въ литературѣ, которое также сосредоточивало всѣ свои надежды и упованія на мужикѣ и на общинѣ, види въ нихъ живые элементы, которые должны привести всю жизнь страны къ новому соціальному строю на принципахъ соціалистическаго равенства. Черезъ два года онъ выпускаетъ брошюру уже на русскомъ языкѣ, «Крещеная собственность», посвященную цѣликомъ крестьянскому вопросу. Эту брошюру, какъ равно и рядъ послѣдующихъ своихъ трудовъ, онъ печатаетъ въ собственной уже, основанной имъ въ Лондонѣ, первой вольной русской типографіи которая послужила прообразомъ многихъ послѣдующихъ, организованныхъ позднѣйшими поколѣніями, какъ въ Англии, такъ, главнымъ образомъ; и въ Швейцаріи, а также Германіи и Франціи. Эти его работы были—«Письма къ Линтону», первые отрывки изъ «Былого и Думъ», первая книжка журнала «Полярная Звѣзда», который онъ началъ тогда періодически издавать при ближайшемъ сотрудничествѣ друга своего дѣтства, Н. П. Огарева. Такова была его литературно-издательская дѣятельность въ царствованіе Николая I.

Въ брошюрѣ «Крещеная собственность»¹⁾ онъ возвращается къ тѣмъ-же мыслямъ и положеніямъ, которыя были изложены въ отвѣтѣ Мишле, приводитъ здѣсь тѣ-же соціалистически-народническія воззрѣнія и настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго освобожденія крѣпостныхъ съ надѣленіемъ ихъ землею и съ сохраненіемъ сельской общины, какъ института коммунистическаго порядка. Тутъ-же мимоходомъ онъ касается и политики императора Ни-

¹⁾ Сочиненія, т. V.

колая I въ крестьянскомъ вопросѣ и говоритъ: «Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, но, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до известной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

«Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ;—чтобы остановить его, онъ искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

«Такимъ образомъ, онъ исказилъ основу Петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника по гражданской.

«Такимъ образомъ, онъ исказилъ Екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный цензъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

«Въ первомъ случаѣ, онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстрого пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

«Въ другомъ—онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

«Въ обоихъ—онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

«Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожать, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ».

Опуская все остальное, что Герценомъ говорилось по крестьянскому вопросу, и заимствуя изъ труда В. И. Семевскаго его формулировку требованій Герцена по данному вопросу, мы получаемъ слѣдующія положенія: 1) полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ; 2) освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеливанію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣпость; 3) необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которую они теперь пользуются; 4) необходимо сохранить общинное землевладѣніе; 5) если инициативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому противиться; 6) освобожденіе крестьянъ правительствомъ об-

легчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ: возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Приведа въ экстрактѣ и въ такой точной формулировкѣ программу Герцена по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, г. Семеvскій говоритъ: «Вотъ программа по крестьянскому вопросу, выставленная «свободнымъ органомъ» русской интеллигенціи въ концѣ царствованія императора Николая; нѣсколько лѣтъ позднѣе, она сдѣлалась и правительственною программю. Не было, однако, исполнено, при уничтоженіи крѣпостнаго права, одно изъ требованій Герцена— необходимость сохраненія за крестьянами всей земли, предоставленной имъ въ пользованіе помѣщиками. Такимъ образомъ, теоретическія основы будущаго освобожденія были выработаны лучшими представителями интеллигенціи; оставалось лишь сдѣлать ихъ достояніемъ большинства общества и примѣнить къ дѣлу: такова была задача, поставленная исторіею второй половины 50-хъ годовъ.» Эту-же программу, хотя бы въ ея принципиальной постановкѣ вопроса, слѣдовало представить уже въ болѣе или менѣе официальной формѣ самому правительству, что Герценъ и сдѣлалъ, немедленно по смерти Николая Павловича, въ своемъ письмѣ къ новому государю, которое мы и приводимъ ниже. Съ выполненіемъ желаній, выставленныхъ въ этомъ письмѣ, должна, по мысли Герцена, начаться ликвидація Николаевскаго режима и обновленіе всего соціального строя Россіи, послѣ чего наступила бы очередь разрѣшенія и другихъ вопросовъ, неминусемо имѣющаго привести нашу родину къ новому политическому порядку вещей въ духѣ завѣтовъ декабристовъ.

V.

Что же дѣлалось въ тѣ дни дома, тамъ на «родномъ берегу», гдѣ оставались всѣ единомышленники Герцена, какъ Петербургскіе, такъ и Московскіе, гдѣ томился въ заточеніи Бакунинъ, гдѣ крестьяне десятками вырѣзали помѣщиковъ, гдѣ надъ всѣмъ и вся царили Бенкендорфы, Дубельты, Перовскіе, Орловы и прочіе изъ славной стаи побѣдителя декабристовъ? Тамъ все было спокойно и благополучно, и, согласно официозному заявленію, провозглашалось— «le présent de la Russie est plus que magnifique: все оппозиціонное было подавлено—декабристы, это «amis du quatorze», уже основательно забыты къ тому времени, запряганы въ рудникахъ и по крѣпостямъ, къ нимъ въ придачу прибавлены Петрашеvцы, а вся интеллигенція положена подъ такой прессъ, изъ подъ котораго нельзя было обволвиться ни однимъ свободнымъ и откровеннымъ словомъ. Настроеніе общества до нѣкоторой, хотя и слабой, степени, отражалось лишь въ беллетристическихъ произведеніяхъ, гдѣ молодые авторы косвенно ходатайствовали передъ правительствомъ за судьбы Анто-

новъ Горемыкъ и Хорей и Калинычей, а также находили себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ рукописныхъ произведеніяхъ, которые передавались изъ дома въ домъ, изъ кружка въ кружокъ секретно и съ пугливою оглядкою. Николай Павловичъ торжествовалъ: его внутренняя политика, которою онъ лично дирижировалъ, разыгрывалась по нотамъ, куда вставлены были отрывки изъ военныхъ маршей, гимновъ, патріотическихъ и церковныхъ пѣснопѣній. Все кругомъ его славословило и за него возносило свои молитвы, хотя самъ виновникъ такого російскаго благополучія откровенно сознавался, что дѣло внутренняго управленія странною ему не по душѣ, ибо онъ, въ сущности, только, и только, «солдатъ», сынъ единой, великой и непобѣдимой русской арміи. «Что же касается другихъ дѣлъ,—говорилъ онъ,—бремя которыхъ на меня взвалило Провидѣніе, то я ими занимаюсь, потому что кому-нибудь нужно же ими заниматься, а я никого около себя не имѣю, кому бы могъ ихъ поручить. Но тѣ дѣла—не по мнѣ».

Не менѣе гладко, но видимости, шли и дѣла внѣшней политики, и раболѣпная Европа покорно склоняла свою голову передъ спасителемъ троновъ, побѣдителемъ мятежныхъ венгерцевъ и сокрушителемъ революцій и всего революціоннаго. Николай Павловичъ былъ настоящимъ вершителемъ судебъ Европы и насмѣшливо говаривалъ: «Достаточно русскому царю зѣвнуть, чтобы даже въ Испаніи всѣ куры на полъ-часа раньше собирались на насѣсти». Но такъ было до поры до времени. Европа не могла забыть русскихъ побѣдъ 1812 и 1813 гг., ея вмѣшательства во внутреннія ея дѣла, ея кажущейся силы и роста, которые, по мнѣнію многихъ политиковъ, являлись угрозою благоденствію и культурѣ запада. Надо было подыскать благопріятный моментъ, чтобы свести счеты съ восточною сосѣдкою и поставить ее на надлежащее мѣсто—подальше отъ западной границы и поближе къ Уралу и Сибири. Такимъ благопріятнымъ моментомъ явилась русско-турецкая война 1853 г., начатая Россіей въ интересахъ покровительства восточнымъ христіанамъ, но приведшая къ вмѣшательству въ эту войну западной Европы и образованію противъ Россіи европейской коалиціи.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣйствій того времени. Въ общедоступной формѣ и послѣдовательно онъ изложенъ, на основаніи русскихъ источниковъ, въ 13-ой книжкѣ обширнаго труда покойнаго Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», куда и отсылаемъ интересующихся. Эта война, какъ съ Турціей, такъ и съ вооруженными силами коалиціи, на морѣ и сушѣ, явилась знаменательнымъ и трагическимъ итогомъ всей внутренней политики императора Николая I, конечнымъ итогомъ установленнаго режима и грознымъ судомъ надъ нимъ самимъ. Здѣсь, на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ получилъ впервые возможность обнаружить себя и какъ «солдатъ», какъ организаторъ арміи, ея руко-

водитель, ея главный стратегъ и тактикъ. Пробылъ часть мірового историческаго экзамена Россіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, часть ея позора и славы, которыя въ этотъ періодъ такъ тѣсно и прихотливо переплелись между собою—позора для официальной бюрократической Россіи и славы для Россіи народной, гдѣ она проявила все величіе своего духа и богатство силъ.

Въ своихъ дивныхъ Севастопольскихъ разсказахъ великій писатель земли русской далъ намъ картины проявленія этого духа и выраженія силъ, а также отвѣтилъ на существенный вопросъ: кто же былъ героемъ тогдашней кровавой эпопеи, гдѣ безропотно и съ полнымъ сознаниемъ своего долга передъ родиною гибли войска и шель ко дну флотъ? Авторъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ ¹⁾: «Главное отрядное убѣжденіе, которое вы вынесли,— это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитро сплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли,—но видѣли и въ глазахъ, рѣчахъ, приѣмахъ, въ томъ, что называютъ духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что вы убѣждены, что они еще могутъ сдѣлать въ сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ-же спокойно живущихъ подъ ядромъ при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди непрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ. Только теперь разсказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся неприятелю,—о временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Греціи, Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «умремъ ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!»—только теперь разсказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью, фактомъ. Вы

¹⁾ Соч. графа Л. Н. Толстого: «Севастополь въ декабрѣ 1854, въ маѣ и августѣ 1855 г.».

ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти не за городъ, а за родину. Надолго оставить въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...».

Давъ въ этихъ разсказахъ рядъ портретовъ этого народа-героя, для котораго Николай Павловичъ не находилъ въ себѣ нравственной силы чтобы-нибудь сдѣлать, чтобы облегчить его крѣпостную участь, гр. Л. Толстой нарисовалъ не мало портретовъ тѣхъ тщеславныхъ, пустыхъ и трусливыхъ сыновъ Николаевскаго режима, которые командовали этимъ народомъ-героемъ и являлись вершителями его судебъ. Но наиболѣе сильно онъ представилъ всѣхъ этихъ господъ въ приписываемыхъ его перу двухъ Севастопольскихъ военныхъ пѣсняхъ, гдѣ поставилъ точки надъ ихъ именами и вывелъ ихъ на показъ всей Россіи. Приводимъ одну изъ нихъ:

Какъ восьмого сентября
Мы за вѣру и царя
Отъ французовъ ушли (bis).
И такъ храбро отступали,
Что всѣхъ раненыхъ бросали
Умирать въ степи.
Меньшикъ, умный адмиралъ,
Суденышки потоплялъ
Въ морѣ-дучинѣ.
Молвилъ: «счастія желаю»,
Самъ ушелъ въ Бахчисараю —
Ну васъ всѣхъ...
Сентъ-Арно позакопался,
Онъ учтиво обращался,
Саади обошелъ.
Кабы намъ да въ этотъ вторникъ.
Не помогъ святой угодникъ
Всѣхъ бы насъ забралъ.
Съ моря, съ суши обложили,
Севастополь нашъ громили
Изъ большихъ маркель.
Духовенство все молило,
Чтобъ француза потопило,
Вурю бъ Богъ послалъ.
Была сиверка большая,
Но французъ, не унывая,
На морѣ стоялъ.
И князья къ намъ пріѣзжали,
Да француза не спужали,
Все палить въ маркель.
Штуцеровъ мы поджидали,
Да гвардейцы ихъ забрали,
Видно имъ нужныѣй!

Изъ подъ града Кишинева
 Ждали войска мы большого;
 Войско подошло.
 Даненбергу поручили,
 Его очинно просили,
 Войска не жалѣть.
 Павловъ, Соймоновъ ходили,
 Круты горы восходили,
 Вмѣстѣ не сошлись.
 А Липранди хотъ видалъ,
 Какъ французъ одолѣвалъ,
 Руку не подалъ.
 Тысячъ десять положили,
 Отъ царя не заслужили
 Милости большой.
 Князь изволилъ разсердиться
 Нашъ солдатъ-де не годится,
 . . . у показали.
 Изъ сраженія большого
 Вышло только два героя,
 Ихъ высочества.
 Имъ повѣсили Егорья,
 Повезли назадъ на взморье,
 Въ Питерь на показъ.
 Зимой вылазки чинили,
 Много войска положили,
 Все изъ-за туровъ.
 Меньшикъ проситъ подкрѣпленья,
 Царь ему во утѣшенье
 Сакена пошлалъ.
 Меньшикъ, умный адмиралъ,
 Царю прямо отписалъ:
 «Батюшка нашъ, царь,
 Ерофѣичъ твой не крѣпокъ,
 Отъ твоихъ же малолѣтокъ
 Толку ничего».
 Царь на Меньшика серчалъ,
 И въ ту пору захворалъ
 На одномъ смотру.
 И отправился на небо,
 Видно въ немъ была потреба...
 И давно пора!
 А когда же умиралъ,
 Сыну крѣпко наказалъ:
 «Ты теперь смотри!»
 Сынтъ-же къ Меньшику писалъ:
 «Ты мой милый адмиралъ,
 Къ чорту, братъ, теби.
 Я пошлю туда другого,
 Того князя Горчакова,
 Къ турку что ходитъ:
 Много войскъ ему не надо,
 Будетъ пусть ему награда
 Красные штаны».

Посылали хотъ Хрулева
Выгнать турку изъ Козлова,
Наша не взяла.
И вотъ ждемъ и поджидаемъ
Севастополь защищаемъ,—
Скоро-ль отойдетъ?

Авторъ, такъ высоко вознесшій простой народъ въ своихъ разсказахъ, мѣтко и правдиво очертилъ въ стихахъ изнанку Севастопольской драмы, съ указаніемъ ея главнаго виновника и исполнителей его высочайшей воли.

Севастопольскій разгромъ былъ жестокимъ итогомъ всей политики Николая I, всего созданнаго имъ бюрократическаго показного режима, итогомъ, въ которомъ этотъ режимъ навсегда долженъ былъ рухнуть, оставивъ на поверхности русской жизни море Севастопольской крови. «Мнѣ отомщеніе, и Азъ воздамъ».

VI.

Николай Павловичъ, этотъ рыцарь, какъ человѣкъ въ личной жизни, и типичный вѣнценосецъ первой половины XIX столѣтія изъ всѣхъ прочихъ европейскихъ вѣнценосцевъ той эпохи, не выдержалъ позора, который выпалъ на долю его системы управленія, гнилостность которой такъ рельефно обнаружилась на Севастопольскихъ бастионахъ. Страданія его гордой и властолюбивой природы были воистину велики и онѣ сломили его богатырскую силу. Въ самый разгаръ Севастопольской боины, стало извѣстнымъ въ столицѣ 17 февраля 1755 года, что императоръ опасно боленъ. Бюллетень, за подписью врачей Мандта, Енохина и Карелля, гласилъ: «Болѣзнь его императорскаго величества началась легкимъ гриппомъ: съ 10-го же февраля, при слабыхъ подагрическихъ припадкахъ, обнаружилась лихорадка. Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка была довольно сильна. Ночь его величество провелъ безъ сна. Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе, и изверженіе легочной мокроты свободнѣе», а на слѣдующій день бюллетень носилъ уже совершенно опредѣленно зловѣщій характеръ: «Затруднительное отдѣленіе мокроты, конмъ страдалъ вчера государь императоръ, усилилось, что доказываетъ ослабляющую дѣятельность легкихъ и дѣлаеть состояніе его величества весьма опаснымъ. Государь императоръ сего числа, въ 3¹/₂ часа пополудни, изволилъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Тайнъ, въ полномъ присутствіи духа». Въ первомъ часу дня 18 февраля 1855 г. Николая Павловича не стало... О послѣднихъ минутахъ почившаго императора существуютъ трогательныя воспоминанія, рисующія передъ нами картину величественную и умиленную. Царь умиралъ въ полномъ сознаніи своего наступающаго послѣдняго часа, готовился къ переходу въ міръ иной и

дѣлалъ соответствующія распоряженія. Вотъ что повѣствуетъ по сему предмету баронесса М. П. Фредериксъ въ своей статьѣ «Изъ воспоминаній»¹⁾: «Раздается по Петербургу ночной унылый колокольный звонъ; народъ въ смятеніи бѣжитъ въ церковь, не понимая, что этотъ необычайный звонъ означаетъ... Всѣ начинаютъ съѣзжаться въ Зимній дворецъ; большой корридоръ, ведущій отъ Салтыковскаго до Иорданскаго подъѣзда, въ который имѣетъ выходъ комната государя, набитъ Петербургскимъ обществомъ и публикой; двери открыты для всѣхъ во дворцѣ. Съ отчаяніемъ на лицахъ, въ слезахъ, всѣ жаждутъ что-нибудь узнать... Я теперь стою уже у двери комнаты умирающаго. Мандтъ слѣдить за пульсомъ и объявляеть о его перемѣнахъ къ худшему. Черезъ 10 минутъ или четверть часа я выхожу въ корридоръ давать извѣстія лицамъ, собравшимся тамъ; извѣстія съ минуты на минуту становятся тревожнѣе... Государь въ полной памяти... Приводятъ и подносятъ на рукахъ всѣхъ царскихъ внуковъ, которыхъ онъ такъ любилъ, подъ благословіе умирающаго дѣда... Онъ говоритъ великому князю Николаю Александровичу: «Служи Россіи!» Онъ со всѣми прощается, всѣхъ благословляетъ... Когда подходитъ къ нему великая княгиня Елена Павловна, онъ говоритъ: «Eh bien, madame Michel, стоишь машина!»... Онъ твердъ и спокоенъ духомъ, но глаза грустно болѣе всего устремлены на его возлюбленную супругу и на своего наслѣдника... Онъ какъ бы ихъ соединяетъ въ своемъ, полномъ грусти, взглядѣ; они стоятъ у его изголовья... Онъ исповѣдуется, и такъ чудна его исповѣдь, что духовникъ рыдаетъ... Онъ приобщается Св. Таинствъ... Внезапно разнесся слухъ, что курьеръ прибылъ изъ Севастополя; ему докладываютъ... Онъ ничего не хочетъ больше знать о суетѣ мірской и поручаетъ своему наслѣднику принять курьера... Онъ весь въ Богѣ, земное все кончено для него... Восходитъ солнце этого ужаснаго дня, 18 февраля 1855 г. Страдальцу-императору дѣлается все хуже; агонія страшная. Его крѣпкая, сильная природа борется со смертью. Онъ до послѣдней минуты въ полной памяти и не спускаетъ глазъ съ жены... Безъ 10 минутъ въ 12 часовъ пополудни его высокая душа отлетаетъ къ Богу... Все замолкло, всѣ дрожатъ отъ ужаса. Не стало могучаго русскаго царя!.. Кажется всѣмъ, что сейчасъ разверзнется земля, и вся Россія пропадетъ... Баженовъ выходитъ изъ смертной комнаты и, рыдая, призываетъ присутствующихъ молиться...»

Прощаясь съ преемникомъ своего престола, наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, умирающій сказалъ ему: «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за вась. Послѣ Россіи, я вась любилъ болѣе всего на свѣтѣ».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ»; 1898 г., кн. 2.

Не стало Николая Павловича¹⁾, а съ нимъ вмѣстѣ закончилась и та эпоха, яркимъ выразителемъ которой онъ былъ. Созданному имъ режиму сразу наступилъ конецъ и въ воздухѣ повѣяло свободою тепломъ и волею. Передовая интеллигенція поспѣшила учесть историческій моментъ и обратилась къ молодому новому императору съ указаніемъ, съ чего надо начать ликвидацію старой Россіи, «клеямоной игомъ рабства». Уже 10-го марта Герценъ прислалъ Александру II слѣдующее деликатное и полное теплаго чувства письмо.

Письмо къ императору Александру второму²⁾.

Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеніи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Трорцомъ.
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣй быть царемъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби...

(К. Рылѣвъ.—«Ода в. к. Александру Николаевичу» 1828 г., августъ, 30).

«Государь!

«Ваше царствованіе начинается подъ удивительно счастливымъ созвѣздіемъ. На васъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, у васъ нѣтъ угрызений совѣсти.

«Вѣсть о смерти вашего отца вамъ принесли не убійцы его. Вамъ не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобъ сѣсть на тронъ, вамъ не нужно было казнями возвѣститъ народу ваше восшествіе.

«Лѣтописи вашего дома едва-ли представляютъ примѣръ такого чистаго начала.

«И это не все.

«Отъ васъ ждуть кротости, отъ васъ ждуть человѣческаго сердца.

«Вы необыкновенно счастливы!

«Судьба, случайность, все окружило васъ чѣмъ-то, говорящимъ въ вашу пользу. Вы одни изъ всѣхъ вашихъ родились въ Москвѣ и родились въ то время, какъ она воскресла къ новой жизни послѣ очистительнаго пожара. Бородинскія и Тарутинскія

¹⁾ Смерть императора, наступившая такъ неожиданно быстро, не обошлась безъ появленія на сцену и легенды о его самоубійствѣ, легенды, пока не подтвержденной никакимъ достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ.

²⁾ «Полярная Звѣзда» за 1885 г., издаваемая Искандеромъ. Лондонъ, 1858 г., изд. 2-е.

пушки, едва воротившіяся изъ-за границы, еще покрытыя парижской пылью, возвѣстали съ высотъ Кремля о вашемъ рожденіи. Я пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ ихъ, и помню.

«Рылѣевъ привѣтствовалъ васъ совѣтомъ (вѣдь вы не можете отказать въ уваженіи этимъ сильнымъ бойцамъ за волю, этимъ мученикамъ своихъ убѣжденій?) Почему именно ваша колыбель внушила ему стихъ кроткій и мирный? Какой пророческій голосъ сказалъ ему, что на вашу дѣтскую голову падетъ современемъ корона?»

«Васъ воспиталъ поэтъ, котораго любила Россія.

«Въ день вашего совершеннолѣтія была облегчена судьба нашихъ мучениковъ. Да, вы удивительно счастливы!

«Потомъ ваше путешествіе по Россіи. Я его видѣлъ—и больше, я его очень помню; черезъ ваше предстательство, моя судьба географически улучшилась: меня перевели изъ Вятки во Владимиръ—я не забылъ этого. Сосланный, въ дальнемъ заволжскомъ городѣ, я смотрѣлъ на простую любовь, съ которой шелъ вамъ навстрѣчу бѣдный народъ и думалъ: «Чѣмъ онъ заплатитъ за эту любовь?»

«Вотъ оно, время уплаты, и какъ она вамъ легка! Дайте волю вашему сердцу. Вы вѣрно любите Россію—и вы можете такъ много, много сдѣлать для народа русскаго.

«Я тоже люблю народъ русскій, я его покинулъ изъ любви, я не могъ, сложа руки и молча, остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники.

«Удаленіе мое не измѣнило чувствъ; среди чужихъ, среди страстей, вызванныхъ войной, я не свернулъ моего знамени. И на дняхъ еще во мнѣ англійскій народъ всенародно привѣтствовалъ народъ русскій.

«Разумѣется, моя хоругвь — не ваша. Я неисправимый социалистъ, вы самодержавный императоръ, но между вашимъ знаменами и моимъ можетъ быть одно общее — именно, та любовь къ народу, о которой шла рѣчь.

«И, во имя ея, я готовъ принести огромную жертву. Что не могли сдѣлать ни долготѣнія преслѣдованія, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучныя скитанія изъ страны въ страну—то я готовъ сдѣлать изъ любви къ народу.

«Я готовъ ждать, стереться, говорить о другомъ, лишь-бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сдѣлаете для Россіи.

«Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостатка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... намъ есть, что сказать міру и своимъ.

«Дайте землю крестьянамъ, — она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братьевъ—эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

«Отецъ вашъ, умирая,—не бойтесь, я знаю, что говорю съ сыномъ—признался, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что хотѣлъ для своихъ подданныхъ... Крѣпостное состояніе явилось какъ угрызеніе совѣсти въ послѣднюю минуту.

«Онъ не успѣлъ въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ!

«Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить...

«... Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствоваться, мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ вы также мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

«На первый случай намъ и этого довольно...

«Быть можетъ, на той высотѣ, на которой вы стоите, окруженный туманомъ лести, вы удивитесь моей дерзости, можетъ, даже, разсмѣетесь надъ этою потерянной песчинкой изъ семидесяти миллионъ песчинокъ, составляющъ вашъ пьедесталь.

«А лучше не смѣйтесь. Я говорю только то, о чемъ у насъ молчатъ. Для этого я и поставилъ на свободной землѣ первый русскій станокъ; онъ, какъ электрометръ, показываетъ дѣятельность и напряженіе сгнетенной силы...

«Нѣсколькихъ капель воды, не находящихъ выхода, достаточно, чтобъ разорвать гранитную скалу.

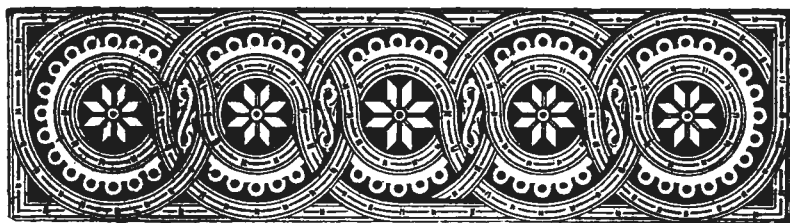
«Государь, если эти строки дойдутъ до васъ, прочтите ихъ беззлобно, одни—и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать искренній голосъ свободнаго русскаго.

«Искандеръ.»

10 марта 1855.

Какъ отнесся Александръ II къ программѣ ликвидаціи Николаевского режима, поднесенной ему представителемъ русской передовой интеллигенціи, всего нагляднѣе опредѣляется общимъ наименованіемъ эпохи, наступившей послѣ смерти его родителя. «Эпоха великихъ реформъ» открыла собою новую главу исторической жизни Россіи, но запозданіе ея наступленія повело за собою и быстрое наступленіе революціоннаго періода. Потокъ русской жизни, столь долго и сурово сдерживаемой въ узкихъ берегахъ искусственнаго Николаевского режима, съ ликвидаціей послѣдняго, хлынулъ съ неудержимой быстротой, ломая все на пути своего бѣга, обращая встрѣчное въ груды хаоса и унося съ собою безчисленныя и ненужныя жертвы. Наступленіе «эпохи великихъ реформъ» искусственно совпало, такимъ образомъ, и съ періодомъ русскаго революціоннаго движенія, въ которомъ воскресли, между прочимъ, и всѣ элементы, народженіе которыхъ было нами отмѣчено въ нашихъ статьяхъ: «Годы смуты и борьбы» и «Борьба за конституцію».

Б. Глинскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Проф. М. Веберъ. Переходъ Россіи къ призрачному конституціонализму.

ПРОФЕССОРЪ Гейдельбергскаго университета и соредакторъ журнала «Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik», Максъ Веберъ, въ послѣдніе годы обратился къ изученію Россіи и разыгрывающихся у насъ общественныхъ явленій.

Въ началѣ 1906 г. въ I тетради XXII тома названнаго журнала имъ напечатанъ обстоятельный трудъ: «Къ положенію гражданской демократіи въ Россіи», въ свое время очерченный въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾

Не претендуя на самостоятельное изслѣдованіе предмета, нѣмецкій ученый даетъ обстоятельный обзоръ литературы какъ періодической, такъ и книжной, русской и зарубежной, и основываясь на устныхъ показаніяхъ знакомыхъ ему ученыхъ представителей крайнихъ русскихъ партій, въ рядѣ фактовъ усматриваетъ симптоматическое доказательство силы, какую будто бы забираютъ демократическія вѣянія надъ судьбами Россіи.

Продолженіемъ этого труда, написаннымъ подъ тѣмъ-же угломъ зрѣнія, является, напечатанное въ XXXIII томѣ того-же журнала, изслѣдованіе профессора М. Вебера—«Russland Neber-

¹⁾ См. майскую книжку за 1906 г. Иностранцы о Россіи; стр. 607.

gang zum scheinconstitutionalismus» («Переходъ Россіи къ призрачному конституціонализму»), занимающее всю первую тетрадь этого тома (свыше 230 страницъ, причемъ большая часть текста для убористости набрана петитомъ).

Съ нѣмецкою добросовѣстностью использовавъ громадскій газетный и журнальный матеріалъ, на который вездѣ дѣлаются точныя ссылки, авторъ разсматриваетъ общую политику министерства Витте, разбираетъ политическое законодательство эпохи, дѣлаетъ характеристику новѣйшихъ государственныхъ преобразованій и избирательнаго права, распространяется объ общественныхъ и политическихъ условіяхъ, придавшихъ рѣзко оппозиціонную окраску первой государственной думѣ и даетъ характеристику ея четырехмѣсячной дѣятельности.

Не задаваясь въ короткой журнальной статьѣ передачею фактическихъ данныхъ, которыми изобилуетъ изслѣдованіе пр. Вебера, мы ограничимся лишь изложеніемъ общихъ выводовъ, дѣлаемыхъ ученымъ авторомъ.

Ближайшіе мѣсяцы съ момента изданія манифеста 17 октября и образованія министерства Витте до середины декабря представляютъ періодъ чрезвычайнаго замѣшательства и непрестанныхъ колебаній правительственныхъ сферъ и нагроможденія внезапныхъ захватовъ всевозможныхъ вольностей, на что правительство беспомощно взирало, не принимая твердыхъ рѣшеній, какъ бы не желая реагировать противъ проявленій захватнаго права.

Общимъ направленіемъ и руководствомъ стачечнымъ движеніемъ, принявшимъ послѣ инкубационнаго періода 1904 г. совершенно непредвидѣнные размѣры осенью 1905 г., завладѣлъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, выросшій изъ частной организаціи работниковъ печатнаго дѣла. Примѣру Петербурга не замедлили послѣдовать и иные провинціальныя города. Краткое, но вполне наглядное изображеніе того владычества, которое въ ноябрѣ захватили въ Харьковѣ мѣстные яacobинцы, даетъ князь Шаховской въ «Новомъ Времени», въ № 10.704, описывая засѣданія городской думы, окруженной рабочими, требовавшими открытаго голосованія, настаивавшихъ на удаленіи изъ города войскъ и полиціи и образованіи городской милиціи и на выдачѣ 10.000 рублей въ распоряженіе стачечной кассы. Равнымъ образомъ, проф. Нихно, издавшій статьи, печатавшіяся въ «Кіевлянинѣ» особую книгою, подъ заглавіемъ «Въ осадѣ», интересно освѣщаетъ типичныя событія тревожной эпохи съ точки зрѣнія контръ-революціи. 15 ноября въ Москвѣ состоялся съѣздъ делегатовъ почтово-телеграфныхъ служащихъ и объявилъ передъ роспускомъ почтово-телеграфную стачку, которая между 15—19 ноября охватила почти всю страну. Съ 1 декабря стачка эта уже насчитывала многочисленныхъ штрейкбрехеровъ, но арестъ предсѣдательствовавшего въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ Хруста-

лева-Носаря, впутовавшагося и въ почтово-телеграфную стачку, вызвалъ со стороны Петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, поддержаннаго крестьянскимъ союзомъ и социаль-демократической партіею, манифестъ, внушавшій населенію бумажныхъ денегъ не принимать, изъ сберегательныхъ кассъ выбирать сбереженія, податей и налоговъ не платить. Въ отвѣтъ на манифестъ, правительство отвѣчало арестомъ Петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ въ полномъ составѣ. Тогда руководство движеніемъ принялъ Московскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ и объявилъ съ 7 декабря всеобщую стачку, къ которой примкнули и нѣкоторыя желѣзныя дороги Московскаго узла. Стачка быстро разрослась и достигла кульминаціонной точки 9—12 декабря, а 19 уже покончилась. Ни въ пространственномъ, ни въ количественномъ отношеніи стачка эта не приближалась къ октябрьской, хотя на сей разъ въ движеніи принимали дѣятельное участіе такія крупныя организаціи, какъ крестьянскій, желѣзнодорожный и почтово-телеграфный союзы. Примижаніе элементовъ, чуждыхъ пролетариату, главнымъ образомъ, разношерстныхъ представителей идеологіи и диллетантовъ революціонной романтики, особенно усилилось, когда Московская стачка преобразовалась въ бунтъ, послѣ того какъ социальныя революціонеры достаточно наигрались съ поэтическими словечками, «вооруженное возстаніе».

10 дней продолжались безтолковое сооруженіе баррикадъ и перестрѣлки, причемъ количество участниковъ въ возстаніи едва-ли превысило 8.000 человекъ, возрастъ конхъ колебался между 30—20 годами; о социальномъ составѣ ихъ можно себѣ составить представленіе по 193 «политическимъ» — заарестованнымъ мятежникамъ, содержавшимся въ одной изъ Московскихъ тюремъ; здѣсь фигурировало 46 рабочихъ, 32 желѣзнодорожныхъ служащихъ, 23 почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ, 21 студентъ, 15 адвокатовъ, 11 врачей, 11 торговопромышленныхъ служащихъ, 10 земскихъ служащихъ, 9 техниковъ, 8 литераторовъ, 6 воспитанниковъ среднеучебныхъ заведеній, 4 учителя, 1 фабрикантъ, 1 священникъ, 1 музыкантъ и т. д. Вспышка и подавленіе Московскаго возстанія, а равно и стоявшей съ нимъ въ связи третьей общей стачки послужили толчкомъ для крутого поворота русской внутренней политики въ сторону реакціи.

Установить въ точности цифру разстрѣлянныхъ безъ суда, заарестованныхъ и сосланныхъ невозможно, такъ какъ показанія печати относительно двухъ послѣднихъ категорій колеблются между 17 и 70 тысячами пострадавшихъ. Несравненно, впрочемъ, важнѣе для политической оцѣнки тогдашняго положенія вопросъ о результатахъ, достигнутыхъ примѣненіемъ мѣръ строгости. Крупныя вспышки мятежей повсюду улеглись, массовое истребленіе помѣщичьихъ усадьбъ прекратилось, нанеся владѣльцамъ 17 разныхъ

губерній убытокъ до 31,3 милліоновъ рублей, изъ коихъ на долю одной Саратовской губерніи пришлось $9\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Изъ опубликованныхъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» за первое полугодіе 1906 г. свѣдѣній о революціонныхъ насиліяхъ, оказывается, что послѣднія не обнаруживали наклонности къ умаленію, что подтверждается и сообщеніями «Новаго Времени», отводившаго почти ежедневно не менѣе столбца подъ рубрику «Безпорядки». Въ среднемъ, напримѣръ, за апрѣль мѣсяцъ, ежедневно совершалось около 5 покушеній на убійство должностныхъ лицъ. Высшихъ среднихъ чиновъ администраціи болѣе или менѣе удавалось оберечь отъ покушеній, но съ тѣмъ большею силою обрушивались невзгоды этой малой войны на низшихъ чиновъ администраціи, а особенно полиціи; по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за первое полугодіе 1906 г. на полицейскихъ чиновниковъ совершено до 827 нападеній, изъ коихъ лишь въ 157 случаяхъ безуспѣшно.

Если, съ одной стороны, подавленіе покушеній на убійства и метаніе бомбъ не достигало цѣли, то, съ другой стороны, и самыя покушенія не оказывали видимаго устрашающаго вліянія на дальнѣйшее примѣненіе административныхъ воздѣйствій; такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ велась безъ пощады хроническая гражданская война въ ужасающей формѣ гверильи.

Параллельно съ не особенно удачными опытами обузданія крамолы въ интересахъ самообороны правительство предприняло рядъ опытовъ для созданія установленій, подтверждающихъ проведеніе въ жизнь манифеста 17 октября.

Временныя правила, выработанныя министерствомъ Витте, мало гарантировали личныя свободы въ духѣ Habeas corpus'a, но зато явочный порядокъ, въ которомъ съ октября мѣсяца начали по захватному праву открываться выроставшіе, какъ грибы, органы печати крайняго направленія, союзы и собранія, былъ въ значительной степени суженъ юридическими ограниченіями.

Если бы по осени 1904 г., еще до паденія Портъ-Артура, или 18 февраля 1905 г., вмѣсто неопредѣленнаго манифеста, была дарована конституція, хотя бы и опирающаяся на цензовое или классовое избирательное право, и тотчасъ же были бы произведены выборы, и вступило бы въ дѣйствіе народное представительство, такая буржуазная дума, вѣроятно, съ чрезвычайною признательностью и предупредительностью пошла бы навстрѣчу всѣмъ правительственнымъ начинаніямъ. Но интересы бюрократіи заставили пропустить этотъ благопріятный моментъ.

Точно также, если бы выборы въ цензовую думу по Булыгинскому проекту были произведены безъ промедленія въ началѣ августа, и созывъ думы фактически состоялся бы безъ задержекъ,— и въ этомъ случаѣ правительство получило бы такую палату, съ

которою легко бы справился Витте, при ореолѣ величія, какимъ его окружило заключеніе Портсмутскаго договора. Но тутъ нестатки разыгралась октябрьская забастовка, а послѣ манифеста 17 октября шансы стали складываться уже въ пользу демократіи. Съ бюрократической точки зрѣнія, поэтому выжиданіе въ отношеніи производства выборовъ въ думу представлялось тактически правильнымъ шагомъ. Введеніе конституціи и производство выборовъ въ думу напрашивались сами собою послѣ того, какъ декабрьскія волненія и крестьянскіе беспорядки оказали на общество отрезвляющее дѣйствіе. Если бы къ декабрю имѣлся на лицо новый законъ о выборахъ и, въ соответствіи съ нимъ, были бы изготовлены списки выборщиковъ, и правительство, вполнѣ естественно, опираясь на политическое соглашеніе съ руководящими кругами имущаго класса, тогда же назначило бы производство выборовъ, несомнѣнно, результаты выборовъ сложились бы для правительства несравненно благоприятнѣе, чѣмъ по прошествіи дальнѣйшихъ двухъ мѣсяцевъ.

Но тутъ все дѣло испортили затрудненія и промедленія, вызванныя самою техникою выборовъ, и эти затяжки спутали всѣ тѣ выгоды, которыя предполагалось извлечь изъ новаго избирательнаго закона. Продолжительность избирательной кампаніи позволила агитаціи усилиться, а такъ какъ характерную особенность современнаго эволюціонированія Россіи составляетъ то, что въ малоподготовленную народную среду, тяготящуюся къ завѣтамъ старины, вливаются совершенно негаданно сложныя явленія западно-европейской экономической и государственной цивилизаціи, то въ моментъ выборовъ волна разнообразныхъ профессиональныхъ интересовъ и партійныхъ программъ совершенно помутила разумѣніе у заурядныхъ избирателей.

Въ началѣ избирательной кампаніи положеніе демократіи складывалось далеко неблагоприятно. Соціально-революціонеры, соціально-демократическая партія, бундъ, равно какъ и свободныя организации, вродѣ «союза союзовъ», объявили думѣ бойкотъ и отъ выборовъ уклонились, явно же революціонный крестьянскій союзъ, послѣ ряда преслѣдованій, сильно порѣдѣлъ и утратилъ прежнее обаяніе въ глазахъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, изъ лѣвыхъ партій дѣятельно на выборахъ могли выступить лишь конституціоналисты-демократы.

Партія эта, далеко еще не сложившись, приобрѣла популярность по своей дѣятельности на обще-земскихъ сѣздахъ, но послѣ ноябрьскаго земскаго сѣзда, постановившаго резолюціи, далеко не сочувственно принятыя русскимъ обществомъ, прежній кружокъ освободженцевъ превратился въ политическую партію конституціонно-демократическую. Широкое выступленіе партіи въ печати состоялось по поводу второго ея сѣзда, открывшагося въ началѣ

января 1906 г. Настроение у участниковъ съѣзда было нѣсколько подавлено, такъ какъ изъ обмѣна мыслей на съѣздѣ выяснилось, насколько Московское возстаніе консервативно настроило широкіе круги русскаго общества.

Къ этому присоединялось впечатлѣніе неувѣренности и необеспеченности въ организаціи партіи и склонность ея къ теоретическимъ пререканіямъ изъ-за отвлеченныхъ понятій. Наконецъ, и самое воспріятіе въ партійную программу для привлеченія инородческихъ элементовъ революцій, мало отвѣчавшихъ русскому народному самосознанію, повидимому, безповоротно обрекало кадетовъ на образованіе въ думѣ, въ лучшемъ случаѣ, незначительной оппозиціонной группы.

Непостижимо на первый взглядъ дальнѣйшему успѣху кадетовъ на выборахъ способствовала, прежде всего, слабая организація всѣхъ правыхъ партій, малая разработка у нихъ техники въ приѣмахъ избирательной агитаціи и незначительность самоотверженныхъ силъ, достаточно подготовленныхъ въ научномъ и агитаціонномъ отношеніяхъ. Большую часть умственныхъ затратъ по агитаціи въ пользу союза 17 октября вынесъ на своихъ плечахъ доцентъ С.-Петербургскаго университета и сотрудникъ «Новаго Времени» Пиленко, интересы прогрессивно-экономической партіи поддерживались почти исключительно профессоромъ Озеровымъ, выдающіеся политики центра вродѣ Шипова, графа Гейдена, Стаховича и Гучковыхъ, держались большею частью въ тѣни, а партіи торгово-промышленная и правового порядка всѣ надежды на успѣхъ строили на общественномъ и экономическомъ вѣсѣ и вліятельности своихъ членовъ и на націоналистическихъ и антисемитическихъ особенностяхъ своихъ идеаловъ.

Съ другой стороны, успѣху кадетовъ способствовало то обстоятельство, что, въ моментъ выборовъ, подъ ихъ знамя встали представители крайне-лѣвыхъ партій, въ послѣднюю минуту извѣрившіеся въ цѣлесообразности бойкотированія думы.

Наконецъ, неожиданное подкрѣпленіе кадеты нашли въ лицѣ вспомогательной арміи сознательныхъ рабочихъ, коихъ безработица загнала на родину, гдѣ они среди односельчанъ и занялись пропагандированіемъ политическаго радикализма. Заручившись въ столицахъ поддержкою 14 органовъ либеральной печати (за исключеніемъ «Русскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостей», не пожелавшихъ подчиниться партійной дисциплинѣ), кадеты, подъ новымъ флагомъ «партіи народной свободы», въ одномъ Петербургѣ успѣли оборудовать до 200 избирательныхъ собраній. Несравненно большую службу сослужили кадетамъ запрещавшіяся по усмотрѣнію мѣстныхъ властей предвыборныя ихъ собранія въ провинціи. При агитаціи, какую кадеты успѣли развить, съ помощью періодической печати, брошюръ, циркуляровъ и воззваній, лишній обмѣнъ мнѣ-

ніями съ выборщиками и избирателями на митингъ особеннаго значенія имѣть не могъ, а самый фактъ воспрещенія кадетскихъ собраній дѣйствовалъ на массу въ городахъ и сельскихъ округахъ неотразимо, потому что отсюда дѣлался выводъ: если бюрократія ставитъ кадетамъ препоны и преграды, значитъ, они ставятъ предъ собою задачи, широко отвѣчающія интересамъ народной свободы. Такимъ образомъ, запретомъ кадетскихъ собраній, мѣстныя власти оказывали лишь санитарно-полицейское содѣйствіе совершенно издергавшимся ораторамъ, которые развивали силу въ смыслѣ непрестанной ораторской и публицистической агитаціи до невѣроятныхъ предѣловъ; являясь зачастую для изнеможеннаго оратора сущимъ благодѣяніемъ, запретъ собраній служилъ партіи даровою и наидѣйствительнѣйшею рекламою, существенно превосходящею выгоды, какія могъ бы доставить самый обмѣнъ мыслями съ избирателями.

Немаловажную роль въ политической агитаціи сыграло и студенчество.

Какъ протестъ противъ устава 1885 г., преслѣдовавшаго корпоративное единеніе студентовъ, постепенно начали слагаться подпольныя землячества, преслѣдовавшія по началу невинныя цѣли оказанія самопомощи нуждающимся, интересы коихъ объединялись происхожденіемъ изъ одной и той же мѣстности. Землячества вскорѣ разрослись и слились въ союзъ; въ концѣ XIX вѣка они уже терроризировали университеты, наблюдали за каждымъ неугоднымъ имъ шагомъ профессорской коллегіи, выражали имъ въ аудиторіяхъ *in optima forma* негодованіе и проводили частичныя забастовки. По мѣрѣ развитія подпольной дѣятельности политическихъ партій, послѣднія стали втягивать въ свои интересы и студенческія организаціи. Эти послѣднія не замедлили сойти съ почвы специально академическихъ интересовъ и, не примиренныя предоставленіемъ студенчеству права собираться для обсуждения собственныхъ нуждъ и интересовъ, начали заявлять требованіе объ обращеніи университетовъ въ недоступныя полицейскимъ воздѣйствіямъ убѣжища для политическихъ собраній при участіи постороннихъ университету лицъ въ цѣляхъ служенія революціонному дѣлу. Наряду съ выступленіемъ на разнообразныхъ митингахъ, самочинно собираемыхъ въ университетахъ, что и повело къ ихъ закрытію, студенчество окончательно отбилось отъ академическихъ занятій и обратилось къ активной агитаціи въ интересахъ крайнихъ партій

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того фактора агитаціи, какимъ явились многочисленные столичные и провинціальныя органы періодической печати крайняго направленія и равно безчисленные, наводнившіе русскій книжный рынокъ, переводы иностранныхъ брошюръ, преимущественно социалистическаго направленія. Изданія эти предпринимались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и вышу-

скались въ обращеніе по крайне дешевымъ цѣнамъ. Какая «умственная нища предлагается русскимъ читателямъ, глотающимъ ее безъ разбора и неистощимо,—замѣчаетъ профессоръ М. Веберъ,—можно судить уже по тому, что неосмысленныя и ребяческія вещи, вродѣ «этики» Каутскаго или Менгера, возбуждающія въ Германіи только презрительныя усмѣшки, въ Россіи пользуются колоссальнымъ успѣхомъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, вліяніе разнородной агитации, а, съ другой, новый поворотъ общества отъ охранительнаго настроенія въ сторону протеста противъ затянувшейся на многіе мѣсяцы реакціи и усиленія каръ, налагавшихся въ административномъ порядкѣ, породили непредвидѣнный результатъ выборовъ въ государственную думу.

Союзъ 17 октября понесъ неожиданное — и для его сторонниковъ, и для его противниковъ — пораженіе и оказался въ состояніи провести въ думу всего 13 членовъ; три конституціонно-монархическія партіи провели въ думу всего 52 члена; изъ лѣвыхъ же партій, партія народной свободы дала 140 официальныхъ представителей, а трудовая группа отъ 60 до 100 членовъ. По производствѣ дополнительныхъ выборовъ въ Сибири, Закавказьѣ и Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, т.-е. къ моменту роспуска думы, составъ партій, по свѣдѣніямъ «хозяйственнаго комитета думы», намѣчивался слѣдующими цифрами: кадетовъ 178, социаль-демократовъ 24, трудовой группы 101, партій демократическихъ реформъ 16; что касается попытки союза 17 октября, въ лицѣ 40 членовъ, и представителей другихъ умѣренныхъ партій объединиться съ безпартійными депутатами, подъ флагомъ партіи мирнаго обновленія, то и къ закрытію думы она осуществленія не получила ¹⁾.

¹⁾ Весьма любопытныя данныя о личномъ составѣ депутатовъ приводитъ профессоръ Веберъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ хозяйственнымъ комитетомъ думы:

1. По возрасту: 11 членовъ свыше 60 лѣтъ, 55 членовъ отъ 50 до 60 лѣтъ, 167 членовъ отъ 40 до 50 лѣтъ, 181 членъ отъ 30 до 40 лѣтъ, моложе 30 лѣтъ — 34 члена. Средній возрастъ кадетовъ — 41 годъ, трудовой группы — 35 лѣтъ.

2. По образованію: 189 членовъ съ высшимъ, 62 со среднимъ образованіемъ, 111 членовъ съ цензомъ народной школы, 84 члена самоучки и получившіе домашнее образованіе, 2 неграмотныхъ.

3. По вѣроисповѣданію: 339 членовъ православныхъ, 4 старообръ, 63 католика, 14 лютеранъ, 11 евреевъ, 14 магометанъ, 1 буддистъ, 1 баптистъ 1 «свободомыслящій».

4. По національностямъ: 265 (59%) великороссовъ, 62 малоросса, 12 бѣлоруссовъ, 51 полякъ, литовцевъ, эстовъ и леттовъ 20, нѣмцевъ 4, татаръ 8, башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, чеченцевъ, мордвинновъ, вотяковъ 9, евреевъ 13, болгаръ 7, чувашей и молдаванъ 3.

5. По сословіямъ: дворянъ 164, почетныхъ гражданъ 9, духовныхъ 14, кушцовъ 11, казаковъ 12, мѣщанъ 24, крестьянъ 204, неизвѣстныхъ 14 (въ

Крестьянскій элементъ, прошедшій въ думу и оказавшійся мало освоеннымъ съ государственными задачами, подлежащими разрѣшенію, сталъ искать руководящихъ взглядовъ у другихъ партій—программа кадетовъ крестьянскимъ депутатамъ показалась недостаточно народной; они у кадетъ открыли «дворянскій духъ», проявлявшійся въ желаніи сохранить въ неприкосновенности культурную часть крупнаго землевладѣнія съ удержаніемъ высокой арендной и низкой заработной платы. Это разочарованіе кинуло крестьянскихъ депутатовъ въ объятія соціалъ-революціонеровъ (въ смыслѣ агитаторовъ радикальнаго народничества). При ближайшемъ починѣ и участіи Аладьина, Аникина, Бондырева, Назаренка, Онипко, Жилкина и др. устраивались собесѣдованія съ крестьянскими депутатами и ихъ постарались убѣдить, что земля Божья, а потому каждому должна быть предоставлена въ размѣрѣ трудовой нормы, т.-е. такого количества земли, какое каждый поселанинъ можетъ обработать собственными руками; точно также велась усиленная агитація въ пользу полной отмены смертной казни, а мотивомъ для этого крестьянамъ выставлялось, что «каждый можетъ еще исправиться».

рядахъ кадетовъ, дворянъ насчитывалось 60%, крестьянъ 23,5%, въ рядахъ трудовой группы, дворянъ 2,8%, крестьянъ 81%.

6. По профессіямъ: землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ 176, ското-промышленниковъ 1, фабрикантовъ 2, торговцевъ 24, рабочихъ 25, духовныхъ 14, соотоящихъ на государственной службѣ 15, земскихъ и городскихъ служащихъ 61, профессоровъ 10, приватъ-доцентовъ 4, учителей 28, земскихъ врачей 19, адвокатовъ 38, инженеровъ 5, землемѣровъ 1, чертежниковъ 1, студентовъ 1, редакторовъ газетъ 6, литераторовъ 7.

Главнѣйшія категоріи профессій въ процентномъ отношеніи представлялись въ думѣ такъ: 24,3% сельскихъ хозяевъ, 14,4% помѣщиковъ, 13,3% земскихъ и городскихъ служащихъ, 8,5% адвокатовъ, 6,5% рабочихъ, 5,4% торговцевъ, 5,1% учителей, 4,2% врачей.

7. По социальнымъ классамъ: крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ 92, инженеровъ, врачей, адвокатовъ, духовныхъ, профессоровъ и литераторовъ 105, мелкихъ сельскихъ хозяевъ и рабочихъ 136, учителей народныхъ школъ, земскихъ и городскихъ служащихъ 99.

8. По имущественному положенію: изъ среды землевладѣльцевъ, представленной въ думѣ 276 членами (62%), одинъ владѣль свыше 100.000 десятинъ, 7 отъ 7 до 60.000 десятинъ, 33 отъ 1—5.000 десятинъ, 72 отъ 100 до 1.000 десятинъ, 58 отъ 10—100 десятинъ и 81 менѣе 10.

Безземельныхъ членовъ думы оказалось 162.

При значительномъ представительствѣ сельскаго и рабочаго пролетаріата (свыше 100 членовъ), землевладѣльческаго элемента (изъ коихъ 113 членовъ владѣли свыше 100 десятинъ), около трети членовъ думы представляли собою интеллигентный «третій элементъ», въ рядахъ котораго оказалось свыше 100 поборниковъ радикальныхъ пролетарскихъ взглядовъ. Эта специфическая особенность состава первой думы особенно рѣзко выступаетъ по сравненію съ полнымъ почти отсутствіемъ въ думѣ правительственнаго чиновничества и буржуазіи.

Искусившись и раньше въ агитаціи за народничество, вожаки, благодаря повышенію радикальнаго настроенія, добились того, что объединили подъ флагомъ трудовой группы, численностью въ 107 человекъ, социаль-революціонерныхъ интеллигентовъ, радикальныхъ крестьянъ и социалистическихъ рабочихъ; болѣе умѣренные крестьянскіе депутаты хотя и воздержались отъ вступленія въ партію, но фактически, при думскихъ голосованіяхъ, вотивовали за резолюціи трудовиковъ.

Рознь въ стремленіяхъ, преслѣдуемыхъ отдѣльными фракціями трудовой группы, сдерживалась только «земельнымъ голодомъ» у крестьянъ и ненавистью къ буржуазной государственности у социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ, причемъ на всю группу немалое вліяніе оказывала улица и «клубизмъ». Успѣхъ тщеславныхъ и вздорныхъ болтуновъ, вродѣ Аладына, Аникина и confratres, возымѣлъ своимъ послѣдствіемъ замѣтное пониженіе умственного уровня преній и въ государственной думѣ.

Уже тотъ фактъ, что соглашеніе кадетовъ (140 голосовъ) съ трудовиками (107 голосовъ) и прогрессистами (40 голосовъ) обезпечивало имъ неоспоримое большинство въ думѣ (открывшейся въ составѣ 441 члена), опредѣлилъ и самое направленіе дѣятельности перваго русскаго парламента.

Удаленный пѣкогда въ отставку, профессоръ Муромцевъ былъ избранъ думою въ предсѣдатели, а другой профессоръ, только что вернувшійся изъ административной высылки въ Архангельскъ (Гредескулъ), былъ избранъ въ товарищи предсѣдателя думы. Немедленно по открытіи думы, въѣ порядка дня, одинъ изъ ветерановъ освободительнаго движенія, состоявшій предсѣдателемъ конспиративнаго союза «Освобожденіе», съ момента образованія его въ тиши германскаго Шварцвальда, Петрункевичъ, подъ бурный громъ апплодисментовъ, выставилъ требованіе неограниченной амнистіи.

Такимъ образомъ открыла дума свою кампанію противъ стараго режима и относительно ея правительства, и думцы скоро пришли къ убѣжденію, что лебединою ея пѣснью едва-ли можетъ быть что нибудь другое, чѣмъ «порохъ и свинець».

Среди думы возможно было сліяніе партій въ двойкомъ направленіи: либо кадеты могли дѣйствовать, сообщая съ правымъ крыломъ трудовой группы, либо совмѣстно съ партіей мирнаго обновленія, къ которой графъ Гейденъ разсчитывалъ привлечь часть безпартійныхъ депутатовъ. Въ виду отсутствія достаточныхъ конституціонныхъ гарантій и всего своего прошлаго, кадеты предпочли протянуть руку трудовикамъ, отчасти и изъ того опасенія, что блокъ съ умѣренными партіями обрушитъ нападки на думу со стороны всѣхъ радикаловъ и социаль-демократовъ. Предположеніе о возможности образованія смѣшаннаго министерства изъ наиболѣе

умѣренныхъ представителей кадетской партіи съ привлеченіемъ Шипова, графа Гейдена и Стаховича вскорѣ рушилось, такъ какъ такое парламентское министерство сильно сомнѣвалось въ своей долговѣчности, въ виду непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій, вѣроятнаго обостренія отношеній къ представителямъ оппозиціонныхъ партій и той грозы, которую бы подняло въ думѣ разсмотрѣніе вопроса о предоставленіи автономіи Польши и инымъ обособившимся національностямъ.

Центръ тяжести злободневныхъ вопросовъ, настоятельно требовавшихъ разрѣшенія со стороны народнаго представительства, лежалъ въ аграрной реформѣ.

Программа, выставленная кадетами, уже при самой разработкѣ показала, что относительно предѣловъ, въ коихъ должно состояться принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, даже и вожаками партіи не могло быть достигнуто соглашеніе, а тѣмъ болѣе вѣроятнымъ представлялось опасеніе, что выступленіе съ защитой классовыхъ интересовъ крестьянства отшатнетъ отъ партіи массу крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ.

Да и по существу дѣла, если идея дополнительнаго надѣла не представляла ничего невозможнаго, то при созданномъ исторією положеніи вещей на пути этой реформы воздвигался непреодолимый хаосъ столкновенія разнородныхъ интересовъ. Ко всѣмъ прочимъ затрудненіямъ присоединилось еще и то, что крайнія революціонныя партіи постарались «пробудить крестьянское самосознаніе», вселивъ въ него совершенно несбыточныя упованія на экспроприацію всѣхъ земель въ пользу крестьянства безъ какого либо вознагражденія. Такимъ образомъ, дѣловое, вдумчивое и безпристрастное разрѣшеніе крайне запутаннаго аграрнаго вопроса совершенно исключалось на той точкѣ кипѣнія, до какой доведены были соціальныя и политическія страсти.

По мнѣнію профессора Вебера, если бы аграрная реформа въ духѣ кадетскихъ предложеній и впрямь была проведена, хотя бы отчасти, то совершился бы только подъемъ «естественно правового духа» по началамъ коммунизма, и вся политическая, соціальная и умственная физіономія Россіи дѣйствительно явила бы собою «нѣчто доселѣ невиданное», но, во всякомъ случаѣ, государство неминуемо подверглось бы на нѣсколько десятковъ лѣтъ полнѣйшему экономическому коллаксу, а фениксъ мелковладѣльческой Россіи если бы и возродился изъ пепла, то лишь послѣ неимовѣрныхъ потрясеній и накопленія дешевыхъ капиталовъ, которые находили бы выгоду въ интенсивной эксплуатаціи сельскаго хозяйства. Внесеніе въ думу кадетской аграрной программы вызвало отповѣдь со стороны министерства: подтвержденіе безусловной неприкосновенности частнаго землевладѣнія и рѣзкость формы, которую представитель министерства внутреннихъ дѣлъ придалъ своей

рѣчи, обращенной ad hominem и на которую Герценштейнъ отвѣчалъ еще рѣзче, только обострили отношенія между думою и правительствомъ.

Въ свою очередь, трудовики воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выступить съ предложеніемъ объ избраніи по четырехчленной системѣ прямыхъ выборовъ мѣстныхъ комитетовъ для разрѣшенія аграрной реформы на мѣстахъ, а 33 члена трудовой группы внесли новый упрощенный проектъ демократической аграрной программы: онъ въ общихъ выраженіяхъ провозглашалъ полную отмѣну поземельной собственности въ предѣлахъ русскаго государства, а равно признаніе права за каждою личностью на использование такого количества земли, которое бы, по уплатѣ земельного сбора, было достаточно для обезпеченія семьѣ здоровой жизни; въ этомъ проектѣ уже совершенно явственно отпечатлѣлось вліяніе видумскихъ социаль-революціонныхъ организацій на крайне лѣвую партію; дѣловая разработка вопроса по безцѣльности отбрасывалась ими въ сторону, а все значеніе думы низводилось на роль удобной арены и центра для дальнѣйшей революціонной пропаганды.

На почвѣ дальнѣйшихъ пререканій изъ-за аграрнаго вопроса рознь между думою и министерствомъ оказалась настолько непримиримою, что правительство оказалось вынужденнымъ 20 іюня выступить съ сообщеніемъ, напечатаннымъ въ № 137 «Правительственнаго Вѣстника», на которое дума послѣ роспуска, состоявшася 7 іюля, въ свою очередь, отвѣчала Выборгскимъ воззваніемъ.

Оставляя въ сторонѣ субъективныя мнѣнія, профессоръ Веберъ сознается, что на взглядъ нѣмецкой публики первая русская государственная дума обнаружила полную государственную неспособность и за четыре мѣсяца безконечныхъ преній не создала ничего положительнаго. Объясняется это тѣмъ, что русская освободительная борьба вообще не представляетъ никакихъ истинно великихъ чертъ, которыя бы могли дѣйствовать на чувство сторонняго наблюдателя. За исключеніемъ трудно постижимой для западнаго европейца аграрной программы, дума выставяла требованія, для Европы еще со временъ Кромвеля и Мирабо утратившія всякую прелесть новизны. Къ этому надо прибавить еще и то, что ни дума, ни министерство не выдвинули впередъ ни единого крупнаго воителя, который бы притягивалъ къ себѣ сочувствіе и интересъ сторонняго зрителя—утомительныя и безконечныя пренія въ думѣ, отводившія первенствующее значеніе тактическимъ, приѣмамъ и партійно техническимъ соображеніямъ, невольно напоминаютъ о какихъ-то неудачникахъ-эпигонахъ, такъ какъ всѣ ея безцвѣтныя разсужденія и постановленія отнюдь не являлись плодомъ могучаго творческаго почина но носятъ характеръ *expressis verbis* продукта собирательныхъ потугъ.

Русскую революцію не разъ уже сравнивали съ французскою, но, не говоря объ иныхъ многочисленныхъ различіяхъ, достаточно указать на то, что слывшее въ эпоху французской революціи за святыню понятіе собственности нынѣ изъемлется изъ списка тѣхъ благъ, коихъ добивается освободительное движеніе.

Такимъ образомъ, то, что на Руси свершилось за послѣдніе годы и можетъ еще свершиться, знаменуетъ кончину славянофильской романтики и старозавѣтной Руси. Но импортированная въ Россію самоновѣйшая мощь капиталистическаго уклада натывается на устарѣлыя понятія смутнаго мужичьяго коммунизма, а крайнимъ социалистическимъ стремленіямъ рабочаго класса противопоставляются враждебныя свободѣ установленія (вродѣ капиталистическихъ синдикатовъ, локаутовъ и т. п.). Чѣмъ разыграется упорная борьба между этими общественными силами, и по какой равнодѣйствующей направится дальнѣйшее развитіе Россіи, предсказать трудно, но и теперь уже все вѣроятности складываются въ пользу того, что святость собственности и несокрушимость капитализма возьмутъ верхъ надъ оторванною отъ трезвенной правды жизни социаль-революціонною идеологіею русскаго мужика и тою ничтожною, въ сущности, силою, какую представляетъ русскій промышленный пролетаріатъ съ его смутнымъ самосознаніемъ.

Врба. Революція въ Россіи. Статистическіе и социальнo-политическіе этюды ¹⁾.

Авторъ многочисленныхъ и объемистыхъ политическихъ и публицистическихъ трудовъ, Врба въ настоящей книгѣ взялся познакомить австрійское общество съ событіями освободительнаго движенія въ Россіи. Книга Врба представляетъ интересный и обширный сборникъ свѣдѣній о Россіи; авторъ, однако-же, прибѣгаетъ къ неудачному приему сопоставленія разнорѣчивѣйшихъ корреспонденцій о Россіи, появившихся въ періодическихъ органахъ европейской печати, и недостаточно ясно отдѣляетъ приводимыя цитаты отъ собственныхъ соображеній и разсужденій. Поэтому, чтобы разобраться въ обширномъ матеріалѣ, введенномъ въ текстъ книги Врба, необходимо въ нее вчитываться съ большимъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, книга Врба представляетъ, большой и двоякій интересъ: во-первыхъ, въ смыслѣ справочномъ, такъ какъ здѣсь болѣе или менѣе перепечатано все наиболѣе существенное и интересное, что дала періодическая литература германская, австрійская, французская и англійская. Съ другой же стороны, книга Врба интересна и по разсужденіямъ, которыя приво-

¹⁾ Vrba, Rudolf. Die Revolution in Russland. Statistische und social-politische Studien. Praga. 1906. 2 тома in 8°.

дятъ автора къ неблагопріятной оцѣнкѣ русскаго освободительнаго движенія.

Авторъ—убѣжденный антисемитъ и прослѣживаетъ очень настойчиво ту силу, которую евреи забираютъ надо всѣмъ міромъ, властвуя надъ нимъ деньгами и ворочая биржами. Благодаря государственной задолженности, всѣ культурныя страны находятся подъ еврейскимъ вліяніемъ и близятся къ рабству у избраннаго народа Іеговы.

Признаки надвигающагося рабства Врба усматриваетъ въ томъ, что евреи задаютъ тонъ въ печати, а отчасти и въ наукѣ, властвуютъ надъ модою, устанавливаютъ принципы въ области общественной и частной нравственности и всѣмъ этимъ воздѣйствіямъ безпрекословно подчиняютъ доблестныхъ германцевъ, упорныхъ чеховъ, пылкихъ итальянцевъ, неукротимыхъ венгерцевъ и подвижныхъ французовъ.

Поэтому Врба единственное спасеніе арійской расы усматриваетъ въ томъ, чтобы христіанскіе народы оберегали христіанскія свои вѣрованія и самобытность своихъ воззрѣній на жизнь и ея блага отъ семитическихъ посягательствъ.

Среди злободневныхъ вопросовъ, взбаламутившихъ Россію, Врба кардинальное значеніе приписываетъ земельному вопросу.

Опираясь на достовѣрныя свѣдѣнія официальной русской статистики, Врба указываетъ, что уже къ 1877—1878 гг. $\frac{1}{6}$ совокупной поземельной собственности, принадлежавшей дворянству, а именно около 14 милліоновъ десятинъ, путемъ продажи перешла въ руки крестьянъ и разночинцевъ. Одновременно съ этимъ начала усиливаться задолженность помѣщичьихъ имѣній настолько, что въ 1900 г. въ 68 губерніяхъ Россіи (кромѣ Польни и остзейскихъ губерній) помѣщичья собственность, уже въ количествѣ 53 милліоновъ десятинъ, была обременена долгами, въ общей суммѣ достигшими 1.753 милліоновъ. Такъ какъ оплата $\frac{0}{100}$ и долгосрочнаго погашенія по ссудамъ подъ земельное имущество достигаетъ въ среднемъ около 5 $\frac{0}{100}$, то имущество не выноситъ бремени долговъ; это подтверждается ежегоднымъ обращеніемъ земельными банками въ продажу за неплатежъ процентовъ отъ 10 до 12 $\frac{0}{100}$ всѣхъ помѣщичьихъ земель.

Очевидно, при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь культурномъ хозяйничаніи. Отсутствие самостоятельности, почина и предпримчивости, пренебреженіе скотоводствомъ и удобреніемъ въ цѣляхъ поднятія производительности почвы, безтолковое истребленіе лѣсовъ, обмеленіе и засореніе рѣкъ и привели Россію къ сельскохозяйственному кризису, тѣмъ болѣе ужасному, что крестьянское хозяйство, коимъ занимается до 80 $\frac{0}{100}$ населенія, жалуясь на малоземелье, дошло до оскуднѣнія, такъ какъ упорно придерживается старинныхъ экстенсивныхъ приѣмовъ при обработкѣ угодій, и, благодаря этому, теритъ убытки и отъ приарен-

довыванія около 50 милліоновъ десятинъ, за которыя уплачивають, въ видѣ натуральныхъ повинностей и арендной платы, до 300 милліоновъ рублей, что въ семь разъ превышаетъ расцѣнку выкупныхъ платежей.

Несмотря, на малоземелье и дороговизну аренды, оскудѣніе русскаго крестьянства, по мнѣнію Врба, слѣдуетъ обосновывать иными причинами. Въ доказательство авторъ ссылается на обстоятельно имъ изученныя условія сельскохозяйственной дѣятельности латышскихъ, бодемскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ въ губерніяхъ Псковской, Тверской и Волынской.

Колонисты, при сравнительно скверныхъ почвенныхъ условіяхъ и высокой арендной платѣ (выплачиваемой, однакоже, аккуратно), все-таки не тяготятся такими дорого стоящими работами, какъ дренажъ почвы, корчеваніе и расчистка порослей, облѣсеніе песковъ и т. п.; колонисты достигаютъ благосостоянія, обзаводятся сильнымъ рабочимъ скотомъ и хорошими лошадьми, усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями и значительно поднимаютъ производительность почвы, поступающей въ ихъ распоряженіе.

Объясняется это не однимъ тѣмъ, что латышскіе, чешскіе и нѣмецкіе колонисты приходятъ на чужбину съ твердо-усвоеннымъ сельско-хозяйственнымъ знаніемъ и ведутъ скромный, бережливый образъ жизни, не жалѣя, впрочемъ, расходовъ на воспитаніе дѣтей и обставленіе своихъ семей культурнымъ комфортомъ, тогда какъ русскій крестьянинъ изъ средняго ежегоднаго заработка въ 100 рублей 50 рублей тратитъ на водку, выпиваемую по случаю церковныхъ и домашнихъ празднествъ; не объясняется это и тяжестью взыскиваемыхъ съ русскаго крестьянина податей, потому что въ среднемъ онъ ежегодно уплачиваетъ 20 рублями меньше, чѣмъ колонистъ. Истинная причина крестьянской бѣдственности, по мнѣнію Врба, лежитъ въ недостаткахъ крестьянскаго правопорядка. Колонистъ является свободнымъ человѣкомъ и, будь то собственникъ или арендаторъ, онъ въ своемъ владѣніи независимъ, а потому имѣетъ весь интересъ вкладывать всѣ свои творческія силы въ обработку земли; онъ не знаетъ зависимости отъ общины, какъ русскій крестьянинъ, который сознаетъ себя только участникомъ въ коллективномъ владѣніи землею, періодически подвергаемой передѣламъ; не знаетъ колонистъ и той бюрократической системы, которая въ деревнѣ, какъ и вездѣ, опекаетъ крестьянина, лишая его всякой свободы и почина; благодаря этому, является сознаніе угнетенія, которое и превращаетъ русскаго мужика въ безвольное и малодѣятельное существо.

Разобраться во всей путаницѣ аграрныхъ отношеній можно было бы, только постепенно поощряя переходъ ликвидируемыхъ, вслѣдствіе задолженности, помѣщичьихъ хозяйствъ въ крестьянскія руки, способствуя расселенію населенія, скученнаго въ мало-

земельныхъ губерніяхъ, въ Сибирь и на Кавказъ и принимая мѣры къ поднятію сельско-хозяйственнаго и общаго образованія въ крестьянской средѣ.

Время для этого, однако-же, было упущено, и вся безурядица существующаго земельного строя внесла лишній и весьма серьезный элементъ броженія въ тотъ моментъ, когда правительству пришлось сосредоточить всѣ свои заботы на обновленіи русскаго государственнаго строя.

Переходя къ разсмотрѣнію «освободительнаго движенія», Врба замѣчаетъ: «Освободительныя и революціонныя движенія явились въ Россіи не со вчерашняго дня — чуть ли не сто уже лѣтъ всѣ онѣ разбиваются о безпримѣрное равнодушіе и апатію массы къ политическимъ и социальнымъ идеямъ. Единственно только наиболѣе естественное побужденіе земельного голода заставляло русское крестьянство откликаться на радикальныя аграрныя программы. Эту первобытность умственнаго крестьянскаго воспріятія разрушительные элементы не разъ уже силились использовать на пагубу русской государственности, но достигали неизмѣнно ничтожныхъ результатовъ, такъ какъ попытки вызвать крестьянскія смуты исключительно опирались на грубый обманъ, подложные царскіе указы и манифесты, что вскорѣ и безъ всякаго труда и выяснялось. По мѣрѣ того, какъ крайніе подпольные кружки убѣждались, что для революціонныхъ цѣлей русское крестьянство мало пригодно и, въ лучшемъ случаѣ, можетъ быть использовано лишь для мѣстныхъ мятежей, чуждыхъ политическаго значенія,—агитаторы обращали свое благосклонное вниманіе на рабочій классъ, но и здѣсь расчеты строились на совершенно ошибочныхъ основаніяхъ.

Русскій народъ по психическимъ предрасположеніямъ миролюбивъ и мало доступенъ революціоннымъ выступленіямъ. Народъ, конечно, легко можетъ быть вовлеченъ въ заблужденіе; подшпириваемый безсовѣстными искусителями онъ, пожалуй, можетъ даже создать скоропреходящія затрудненія для государственнаго порядка, но, съ другой стороны, русскій народъ гораздо легче можно утихомирить, чѣмъ инныя народныя массы при аналогичныхъ же условіяхъ. Рабочій вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ сложился въ европейскихъ промышленныхъ странахъ, въ Россіи пока не существуетъ. По сравненію съ 130-милліоннымъ населеніемъ, серьезнаго значенія не могутъ же представлять 3 милліона фабричныхъ рабочихъ обоихъ половъ, изъ коихъ двѣ трети, вдобавокъ, связаны съ сельскимъ бытомъ чрезъ соучастіе во владѣніи надѣльною землею. Кромѣ того, что бы ни рассказывали социаль-демократы, матеріальное положеніе русскаго фабричнаго рабочаго значительно превосходитъ обстановку крестьянъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Если русскіе фабричныя рабочіе, получая по мѣстнымъ условіямъ весьма приличную плату, тѣмъ не менѣе бѣдствуютъ,

то, въ значительной степени, по собственной винѣ — въ сущности они развращаются искушеніями городской жизни и злоупотребляютъ спиртными напитками; распространяться объ обездоленности «товарищей», — разъ маломальски знающій свое дѣло рабочій получаетъ отъ 3 до 4 рублей въ день, а чернорабочіе въ крупныхъ центрахъ зарабатываютъ отъ 60 копеекъ до 1 рубля, — можно только съ предвзятымъ пристрастіемъ. Несмотря на то, что правительственные промышленныя предприятия создаютъ для своихъ рабочихъ благоприятную умственную и матеріальную обстановку, несмотря на улучшенія въ области фабричнаго законодательства и постепенное увеличеніе ремесленныхъ и промышленныхъ школъ, общій уровень русскихъ рабочихъ и за послѣднее время не поднимается сколько-нибудь замѣтно. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что, пройдя курсъ ремесленно-промышленныхъ школъ, большинство воспитанниковъ не обращается къ прямому своему дѣлу, но ищетъ занять чиновничью или конторскую должность. Русская жизнь представляетъ ту характерную особенность, что всякій, хотя бы и скудно образованный, человѣкъ проникается форменнымъ отвращеніемъ къ физическому труду, а стремленіе разыгрывать роль «барина» перевѣшиваетъ все матеріальныя соображенія. Поэтому-то контингентъ рабочихъ и пополняется постоянно изъ среды сельскаго населенія.

При наличности такихъ фактовъ трудно допустить, чтобы низшіе слои русскаго народа, хотя бы и при стороннихъ подстрекательствахъ, были пригодны для сознательныхъ и планомерныхъ революціонныхъ выступленій и борьбы съ устоями монархической государственности.

Такое утвержденіе, впрочемъ, касается лишь здоровой массы русскаго народа. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ привилегированными и интеллигентными слоями населенія, которые, несмотря на сравнительную малочисленность, налагаютъ свою умственную печать на русскую государственность.

«Хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ усомниться въ существованіи русской націи, — говоритъ авторъ. — Несомнѣнно, существуетъ русскій православный народъ, достигающій внушительной цифры 80 милліоновъ душъ, но религіозное самосознаніе у него замѣняетъ то, что инныя народности почитаютъ неотъемлемымъ своимъ достояніемъ въ смыслѣ продуманныхъ и прочувствованныхъ національныхъ идей. Тѣсно сплоченной, проникнутой однородными интересами русской націи на самомъ дѣлѣ нѣтъ; всего удивительнѣе въ этомъ явленіи то, что вся эта гигантская масса и говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ, и исповѣдуетъ одинаковыя религіозныя вѣрованія и, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ полное непониманіе необходимости дружнаго единенія подъ стягомъ государственности. Объяснить это явленіе только

малою культурностью и географическими условіями нельзя. Основныя причины его лежатъ глубже и коренятся въ присутіемъ вообще славянскимъ народностямъ эгоизмъ. Во время, напримѣръ, безпорядковъ 1901 г., студенчество разразилось грандіозною петиціею, предъявленою министру народнаго просвѣщенія Ванновскому. Каково же было ея содержаніе? Наивный идеалистъ, конечно, предположилъ бы, что въ области политической студенчество домогалось конституціи, свободы, парламента. Ничуть не бывало: всѣ требованія сводились къ предоставленію евреямъ равноправія съ русскими. Точно также студенчество сочиняло драки въ театрѣ изъ-за представленія «Контрабандистовъ»—пьесы антисемитическаго содержанія, тогда какъ то же студенчество сочувственно хихикаетъ на безпощадную и пристрастную критику русской жизни и не подумаетъ дать отпора надругательствамъ надъ Россіею.

«Причина этой аномаліи заключается въ томъ, что тонъ въ университетахъ задаютъ евреи и иные ксенофильствующіе студенты, причѣмъ изъ тайственныхъ источниковъ добываются широкія средства на пропаганду самыхъ превратныхъ понятій среди студенчества. Я самъ знавалъ нѣкоего студента-голыша,—говоритъ Врба:—сдѣлавшись коноводомъ въ студенческихъ безпорядкахъ,—онъ получилъ возможность тратить на одну для себя квартиру до 70 рублей. Такіе молодчики, несмотря на изобличеніе въ агитациі, хотя и исключаются временно изъ университетовъ, однако, въ среднемъ каждый студентъ, прошедшій черезъ полную выучку, обходится государству около 8.000 рублей; поэтому какая же уйма денегъ безцѣльно израсходована и легла тяжелымъ бременемъ все на тотъ же народный кошель!

«А что собою представляетъ современно русское студенчество? Не жившіе еще почти, но преждевременно состарившіеся студенты и курсистки все находятъ безвкуснымъ, тяготятся жизнью, а наукою интересуются, лишь поскольку она поставляетъ матеріалъ для отрицанія постулатовъ нравственности. Весьма примѣчательно, что именно интищеанство среди русской учащейся молодежи вербуетъ многочисленныхъ поклонниковъ. Въ отношеніи исповѣданія политическихъ вѣрованій русскій студентъ за долгъ и за совѣсть проявляетъ непримиримый радикализмъ; разъ онъ осмѣливается придерживаться болѣе умѣренныхъ воззрѣній, онъ въ глазахъ товарищей слыветъ идиотомъ, негодяемъ, а, чего добраго, и шпиономъ.

«Значительная часть студенчества и ограничена и извращена. Россія и патріотизмъ—къ чорту, національность и панславизмъ—къ чорту, семья и государство—къ чорту, словомъ, все къ чорту, и все это замѣняется бессмысленнымъ космополитизмомъ, нигилизмомъ и анархизмомъ. Космополитъ, потворствующій чревоугодію и половымъ наслажденіямъ! Среди иныхъ бабскихъ свойствъ русская интеллигенція особенно падка на кокетничаніе. Русскій интелли-

гентъ ужасно любитъ похвастаться прогрессивными и отрицательными идеями; онъ силится, во что бы то ни стало, проявить оригинальность; отсюда преклоненіе предъ самымъ послѣднимъ словомъ въ области нравственной и умственной. Въ видѣ спорта русскій интеллигентъ занимается отрицаніемъ всѣхъ завѣтовъ государственности, религіи и семьи. Въ бесѣдахъ съ европейцами русскій умникъ смутить кого угодно разнузданностью своего политическаго радикализма; онъ всегда побьетъ рекордъ въ погонѣ за утопическими цѣлями государственныхъ и общественныхъ преобразованій на почвѣ анархизма. И такіе-то люди встали во главѣ освободительнаго движенія!»

Еще болѣе бессмысленна политическая арлекинада obstructiō научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, предпринятая студенчествомъ. Чего студенты этимъ хотѣли достигнуть совершенно необъяснимо и для нихъ самихъ.

Для характеристики русскихъ привилегированныхъ и интеллигентныхъ слоевъ весьма кстати напомнить замѣчаніе Бисмарка, что у иныхъ народовъ замѣчается преобладаніе женскихъ свойствъ. Это замѣчаніе вполне примѣнимо къ русской интеллигенціи. Женственность или бабство въ смыслѣ совокупности капризовъ, вихляній, кокетничанія, легкомыслія, лживости, сварливости, ненадежности и себялюбія глубоко проникли въ плоть и кровь русской интеллигенціи.

Таковы были народные факторы, приведшіе въ дѣйствіе и раздувшіе движеніе 1905 г.

А между тѣмъ движеніе это задалось несравненно болѣе сложными задачами, чѣмъ какія ставились въ 1789 г. Тогда революція добивалась преобразованія королевскаго абсолютизма въ болѣе или менѣе буржуазную республику, въ Россіи же каждый день порождалъ новыя фантазіи. Должно ли государство объединяться сильною центральною властью, или претвориться въ федерацію автономныхъ областей? Заправлять ли всѣмъ народнымъ хозяйствомъ сверху или предоставить широкій просторъ самоуправленію? Слѣдуетъ ли преслѣдовать задачи насажденія капитализма или коммунизма?

Принципиальной важностью постановки этихъ вопросовъ и гаданіями о вѣроятной развязкѣ этихъ экспериментовъ и объясняется интересъ, какой къ русскимъ текущимъ событіямъ проявляетъ Европа, вообще, и всемірная социаль-демократія, въ частности, которая въ заговорѣ Бабёфа представляла лишь жалкій зародышъ, но теперь окрѣпла и, чтобы взять верхъ надъ буржуазнымъ строемъ, должна разрѣшить такъ или иначе земельный, вопросъ.

Въ Россіи повстрѣчались не на почвѣ бесплодныхъ книжныхъ мудрствованій, но на почвѣ практическихъ опытовъ, учиняемыхъ надъ огромною имперіею *in anima vili*, социаль-демократы и со-

ціалъ-революціонеры. Тогда какъ первые направляютъ свою агитацию на постепенное насажденіе своихъ воззрѣній въ народныхъ массахъ и, въ видѣ орудія борьбы противъ существующаго строя, пользуются стачками, устройствомъ уличныхъ демонстрацій, при подходящихъ случаяхъ даже съ оружіемъ въ рукахъ, социаль-революціонеры доказываютъ, что именно анархическіе приемы и должны помочь осуществленію ближайшей цѣли—неограниченной политической свободѣ. «Если не поможетъ одно, такъ поможетъ другое. Можетъ быть, хорошую службу сослужитъ пожаръ съ помощью поджога, учиненнаго невѣдомо кѣмъ. Пригодятся намъ и темныя ночи, и пустынные дороги, и минированные мосты»,— гласитъ одна изъ прокламацій эсеровъ.

Эсдеки и эсеры неутомимы въ своихъ опытахъ борьбы, обѣ партіи требуютъ социализаціи средствъ производства, но относительно вопроса, наиболѣе интересующаго Россію, т.-е. разрѣшенія земельного вопроса, онѣ діаметрально расходятся во взглядахъ. Тогда какъ социаль-демократы съ доктринерскимъ упорствомъ проповѣдуютъ социализацію недвижимой собственности, осуществленіе которой для Россіи откладываютъ до полного торжества капиталистическаго уклада и ссылаются на то, что она пока должна служить интересамъ рабочаго класса, такъ какъ только онъ одинъ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ буржуазнымъ строемъ, эсеры восприняли въ свою программу пароль крестьянскаго союза: «земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ, т.-е. міру», и, такимъ образомъ, открыли свои объятія темной земледѣльческой массѣ. Русская же интеллигенція, которая по признаку грамотности не превышаетъ и 22⁰/₁₀₀ всего состава населенія, выставляетъ впередъ домогательства, колеблющаяся между умѣреннѣйшимъ конституціонализмомъ и самымъ откровеннымъ анархизмомъ. Среди безчисленныхъ специальныхъ съѣздовъ, происходившихъ съ конца 1904 г. и почитавшихъ за необходимое въ скромную сферу своей дѣятельности привлекать политику, едва ли можно насчитать хотя бы три резолюціи, которыя бы достиженіе поставляемыхъ одинаковыхъ цѣлей возлагали на приблизительно одинаковые способы, но всѣ съѣзды врачей, инженеровъ, техниковъ, учителей, пчеловодовъ и т. д. неизмѣнно угрожалъ прекращеніемъ профессиональных своихъ занятій, если требованія ихъ не будутъ выполнены.

Отъ Гельсингфорса до Томска вся Россія взволновалась, всѣ сословія и племена пассивно или активно захватывались движеніемъ. Но чрезъ всю эту бурную симфонию нисколько не проходитъ общій лейтмотивъ. Движеніе это отнюдь не представляетъ собою ни сознательной борьбы сильнаго народа за свободу, ни могучаго стремленія сбросить съ себя бюрократическія путы. Скорѣе это—дикія вспышки безирровѣтной умственной смуты, нрав-

ственной и политической анархіи, заражающія все болѣе широкіе круги. Каждая недѣля выноситъ на поверхность новую партію, которая мнитъ, будто открыла вѣрный способъ спасти государство. Но нигдѣ не объявляется твердаго самоограничивающаго и себя и сдерживающаго другихъ въ ихъ порывахъ; нигдѣ не всплываетъ на поверхность та могучая личность, которая мощнымъ и вѣщимъ словомъ уняла бы глупцовъ, а не имѣющихъ опоры подчинила бы силѣ своей властной воли.

Политическая незрѣлость и внутреннее безпутство—таковы волюющія особенности современной неурядицы. Изъ обоихъ же крупныхъ общественныхъ классовъ, которые въ началѣ политическаго движенія, какъ будто, наиболѣе угрожали государственности, крестьяне оказались совершенно чуждыми политикѣ, а рабочіе очень мало ее разумѣютъ и—какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ—вопросъ о хлѣбѣ насущномъ и улучшеніи матеріальнаго положенія первенствуетъ надо всеѣмъ прочимъ.

Для нихъ совершенно безразличны политическія судьбы Россіи, а по завѣтамъ старины ихъ міросозерцанію скорѣе отвѣчаетъ смутное представленіе о батюшкѣ-царѣ, вооруженномъ полнотою власти. Пусть имъ только обезпечать привольное житье, такъ они, пожалуй, охотно примирятся даже и съ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Поставивъ, такимъ образомъ, рѣзкій приговоръ русской революціи, Врба подводитъ ей весьма знаменательный итогъ.

Въ результатѣ революціонное движеніе къ 1 января 1906 г. дало такіе убытки: А) Непосредственные: 1) истребленіе нефтяныхъ промысловъ въ Баку—100 милліоновъ рублей; 2) 500 истребленныхъ пожаромъ и разграбленныхъ имѣній—50 милліоновъ рублей; 3) разграбленіе и поврежденія Одесскаго порта—50 милліоновъ рублей; 4) уничтоженіе и разрушеніе промышленныхъ предпріятій—40 милліоновъ рублей; 5) свыше 60 разграбленныхъ и опустошенныхъ городовъ, мѣстечекъ и поселеній, включая сюда Кіевъ, Одессу и Ростовъ-на-Дону (кроме Москвы)—60 милліоновъ рублей; 6) матеріальные убытки, понесенные арміею и флотомъ—50 милліоновъ рублей. Итого непосредственныхъ убытковъ насчитывается до 350 милліоновъ рублей. Б) Косвенные убытки: 1) желѣзнодорожныя потери отъ уменьшенія товарнаго движенія—40 милліоновъ рублей; 2) потери на заработной платѣ служащихъ вслѣдствіе стачекъ—200 милліоновъ рублей; 3) переводъ капиталовъ за границу эмигрировавшими изъ Россіи окончательно—200 милліоновъ рублей; 4) убытки, вызванные объявленіями несостоятельности и сокращеніемъ кредитованія въ банкахъ—100 милліоновъ рублей; 5) отвлеченіе золота за границу вслѣдствіе временнаго выселенія за границу русскихъ семей—100 милліоновъ рублей; 6) отливъ вкладовъ иностранныхъ фирмъ—100 милліоновъ рублей. Итого, косвенныхъ убытковъ насчитывается 740 милліоновъ рублей.

Что касается пониженія биржевой цѣнности государственныхъ и промышленныхъ бумагъ, то она уменьшила народное богатство Россіи, по исчисленіямъ свѣдущихъ людей, по крайней мѣрѣ на одинъ миллиардъ рублей. Такимъ образомъ, въ общемъ финансовый итогъ освободительнаго движенія оцѣнивается недохваткою свыше двухъ миллиардовъ рублей, т.-е. превысилъ общую сумму расходовъ, вызванныхъ злосчастною русско-японскою войною.

Какъ бы ни были сильны увлеченія идеологіею у русскихъ политическихъ партій и кружковъ, совершенно невѣроятно допустить мысль, чтобы вся революціонная авантюра съ ея послѣдствіями была съ легкимъ сердцемъ продѣлана русскими людьми, какіе бы ни были они беспочвенники и космополиты, потворствующіе Мамонѣ и Венерѣ.

Безцѣльные убытки, причиненные «освободительнымъ движеніемъ», отнюдь не могутъ быть разсматриваемы за стихійное бѣдствіе, опрокинувшее преднамѣчавшіяся цѣли. Наоборотъ, планомѣрность и послѣдовательность въ истребленіи объектовъ русскаго народнаго хозяйства должна была входить въ планы и интересы сторонняго *tertius gaudens*.

Что заправскіе руководители и зачинщики русской революціи дѣйствуютъ и управляютъ всѣми пружинами движенія исподтишка за предѣлами Россіи, о томъ не разъ высказывались смутныя догадки, и только недавно приподнялся краешекъ таинственной завѣсы, за которой дѣйствуютъ вдохновители революціонныхъ «петрушекъ». Парижскій сотрудникъ амстердамскаго анархическаго листка «*Volkstagsblad*», голландскій анархистъ Корнелиссенъ не утерпѣлъ похвастаться успѣхомъ экспедиціи, снаряженной на Кавказъ. Послѣ неудачной попытки доставить на пароходъ «Джонъ Крафтенъ» транспортъ оружія въ Финляндію, международный комитетъ возложилъ на Корнелиссена порученіе отвезти на Кавказъ 10 вагоновъ оружія и боевыхъ снарядовъ. Кладъ эта была перегружена на пароходъ «Сиріусъ», который, послѣ продолжительнаго крейсированія въ Средиземномъ и Черномъ морѣ, незамѣтно произвелъ въ ноябрѣ 1905 г. въ теченіе 5 дней въ одномъ изъ кавказскихъ портовъ выгрузку военнаго транспорта, который затѣмъ благополучно и былъ увезенъ въ горы.

Неопредѣленность обозначенія «международнаго комитета» получаетъ нѣкоторое освѣщеніе съ другой стороны.

Профессоръ Гиссенскаго университета, экономистъ Бирмеръ, въ публичной лекціи, прочтенной 23 декабря 1905 г. и посвященной очерку отношеній социаль-демократіи къ рабочимъ союзамъ, между прочимъ, высказался такъ: «Во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, теченіе которыхъ достаточно изучено, систематическимъ натравливаніемъ и возбужденіемъ разныхъ общественныхъ классовъ другъ противъ друга занимались агитаторы и литераторы еврейскаго про-

исхожденія. Я имѣю возможность доказать это документально. Равнымъ образомъ и неутѣшительныя ужасающія событія, происходящія въ Россіи, рисуются съ этой же точки зрѣнія въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какой имъ придается въ печати. Пора сказать прямо, что русскіе рабочіе и пролетаріатъ, среди которыхъ насчитывается не мало евреевъ, послѣ продолжительной подземной работы революціонныхъ союзовъ, выступаютъ, благодаря семитическому вліянію, въ забвеніи всякихъ границъ и, благодаря бѣшеннымъ выходкамъ, доведутъ таки дѣло до того, что реакція возьметъ верхъ надъ всѣмъ прочимъ».

Заграничныя еврейскіе союзы и еврейская пресса не скрывали даже своихъ ликованій по поводу бѣдствій, раздиравшихъ Россію.

Такъ l'Alliance Israélite не скрывала радости при пораженіяхъ русской арміи въ Маньчжуріи, провидя отсюда въ грядущемъ улучшение положенія для своихъ русскихъ единовѣрцевъ.

Вѣнская еврейская газета «Der Weg» въ ноябрѣ 1905 г. восклицала: «Революція въ Россіи побѣждаетъ. Пусть же радость и гордость засіяетъ въ вашихъ глазахъ, преисполняйтесь же благоговѣніемъ, такъ какъ именно ваши мысли и чувства, надежды и стремленія породили великій святой духъ современности. Осуществились величайшія желанія, на исполненіе коихъ настоящее поколѣніе только могло надѣяться. Мы получили удовлетвореніе за все прежнее наше горе и несокрушимое довѣріе къ будущему».

Другая юдофильская газета вѣщаетъ: «Буржуазныя крысы, жившія на счетъ плоти и крови рабочихъ, въ паническомъ страхѣ бѣгутъ изъ Россіи въ наивной и тщетной надеждѣ на спасеніе. Но русская революція—лишь начало другой, болѣе еще могущественной,—всеевропейской. Русская революція—только призывный сигналъ, изъ Петербурга она перекинется въ Парижъ, изъ Парижа въ Берлинъ и Вѣну; постепенно разростаясь и усиливаясь, революціонная буря все опрокинетъ и все смететъ».

«Аугсбургская Почтовая Газета» (въ № 302 за 1905 г.) въ своихъ обвиненіяхъ еврейства пошла еще дальше. «Завѣдомо извѣстно,—читаемъ мы здѣсь,—что евреи выступали въ качествѣ умственныхъ руководителей русской революціи и особенно въ началѣ движенія поддерживали агитацію и устно и въ печати. Нѣсколько времени тому назадъ, когда юдофильскія газеты въ Германіи начали усиленно пропагандировать сборъ пожертвованій въ пользу «жертвъ еврейскихъ погромовъ», мы предостерегали нѣмецкую публику, что большая часть собранныхъ денегъ послужитъ цѣлямъ революціоннымъ и, какъ оказалось впоследствии, не ошиблись: большая часть собранныхъ денегъ, по свѣдѣніямъ «Kölnische Zeitung», поступила въ распоряженіе еврейскаго бунда и пошла на вооруженіе социаль-революціонныхъ организацій и изготовленіе бомбъ, а

часть этихъ денегъ, предназначавшаяся для революціонной военной кассы Московскаго вооруженнаго возстанія подверглась конфискаціи одновременно съ арестомъ прибывшихъ изъ Женевы руководителей соціально-демократической партіи».

Насколько серьезна была помощь, оказанная международнымъ еврействомъ русской революціи, можно догадываться потому, что сборъ пожертвованій, по свѣдѣніямъ «Лондонской Еврейской Хроники», доставилъ въ Германіи 115.000 фунтовъ стерлинговъ, въ Англіи 149.341 фунтъ стерлинговъ и въ Америкѣ 240.000 фунтовъ стерлинговъ, а всего 775.776 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. свыше 7.000.000 рублей.

Что не матеріальною только поддержкою питало и питаетъ еврейство русскую революцію, тому, кромѣ участія еврейскихъ пособниковъ и подстрекателей въ многочисленныхъ покушеніяхъ и бомбометательствахъ, можно привести и болѣе разительные факты.

Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ центральнымъ комитетомъ бунда, оказывается, что за 10 мѣсяцевъ 1905 г. имъ распространено 2.000.000 летучихъ листовъ и 8 №№ еженѣсячника въ количествѣ 30.000 экземпляровъ cadaго номера. Кромѣ того, были еще отпечатаны 4 прокламаціи по 120.000 экзempl. каждой. Для напечатанія этой литературы центральный комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 5 центральныхъ типографій, при составѣ 20—25 рабочихъ въ каждой, содержаніе коихъ обходилось въ 1.350—1.500 рублей еженѣсячно, не считая прочихъ расходовъ. Въ этихъ же типографіяхъ было напечатано для мѣстныхъ комитетовъ 1.626.225 прокламацій. Кромѣ того, по октябрь 1905 г. изъ-за границы было водворено контрабанднымъ путемъ 266 пуд. 10 фунт. революціонной литературы, такъ что на кругъ ввозилось въ Россію еженѣсячно 214.746 брошюръ и 38.369 періодическихъ листовъ. Если сюда прибавить, что во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ пунктахъ, гдѣ имѣлись бундистскія организаціи, для обслуживания ихъ заведены и особыя мѣстныя типографіи, гдѣ печаталась масса революціонной литературы, можно себѣ представить, насколько рабочей классъ наводняется нездоровымъ чтеніемъ.

А вотъ и болѣе активное выступленіе еврейства: въ Одессѣ, имѣющей населеніе въ 600 тысячъ человекъ, изъ коихъ русскихъ православныхъ насчитывается не болѣе 200 тысячъ, а двѣ-трети остального населенія—евреи, революціонная «боевая организація евреевъ», соединившись съ портовыми рабочими, излюбленными типами Горькаго, 19 іюня 1905 г. разрушила арсеналь, а во время октябрьскихъ беспорядковъ еврейскія же организаціи, занявъ думу, провозгласили «Дунайско-Черноморскую республику», причемъ избрали въ президенты ея присяжнаго повѣреннаго Парламента.

Аналогичныхъ фактовъ въ свое время сообщала не мало и русская періодическая печать, но подобныя факты не пріемлются и

выдаются за «черносотенную» напраслину, будто бы рассчитанную на натравливаніе русскаго общества противъ евреевъ, повинныхъ только въ томъ, что они, наравнѣ съ другими русскими подданными, проявляютъ вполнѣ законное сочувствіе освободительному движенію.

Изъ приведенныхъ отзывовъ нѣмецкой печати, представляющей большой залогъ объективности, выносятся, однако-же, впечатлѣніе, далеко не обѣляющее еврейство отъ взводимыхъ на него обвиненій.

— Чего же хотятъ евреи отъ Россіи?—спрашиваетъ Врба.

Вдумчивые люди за границею прекрасно понимаютъ, что никакими уступками евреи и по прежнему не удовлетворятся, но, только видоизмѣнивъ тактику, будутъ гнуть свою линію. Изъ опасенія что сѣверная имперія своимъ могуществомъ и вліяніемъ на мировую политику сможетъ рано или поздно нарушить интересы западно-европейскихъ державъ, недруги Россіи, хотя порою и сами выступаютъ принципиальными и убѣжденными противниками еврейства, могутъ, разумѣется, только радоваться, что именно Россія и теперь уже имѣетъ такое обиліе еврейскихъ подданныхъ, какъ никакая другая страна; недруги Россіи и возлагаютъ свои дальнѣйшіе расчеты на то, что Россія и ея арійскому населенію въ будущемъ придется много, очень много считаться съ еврейскими своими подданными. На самомъ дѣлѣ происки и интриги евреевъ въ Россіи представляютъ явленіе, несравненно болѣе угрожающее, чѣмъ агитаціи еврейства и осемитѣвшейся социаль-демократіи въ иныхъ странахъ: эта послѣдняя довольно ничтожна по сравненію съ массою русскихъ евреевъ, которые при благопріятныхъ условіяхъ не преминутъ насѣсть на безпомощное коренное населеніе Россіи.

Большинство русскаго крестьянства очень ужъ просто, прямолинейно, скромно и чуждо злыхъ подозрѣній, а потому оказывается совершенно беззащитнымъ передъ изощренными ухищреніями и проницательствомъ самаго немудрящаго семита.

Что же произойдетъ, если евреи по конституціи окончательно эмансипируются въ Россіи, какъ имъ этого удалось достигнуть въ болѣе зрѣлыхъ конституціонныхъ государствахъ западной Европы и Америки? И на западѣ еврейство подчиняетъ высшіе и низшіе общественные слои своему нравственному, физическому и матеріальному гнету, да и самыя правительства нерѣдко ставятся въ тягостную зависимость отъ еврейской *haute finance*. Не говоря уже о томъ, что бывшее королевство Польское ¹⁾, благодаря бра-

¹⁾ Въ интересной статьѣ, напечатанной въ «Reichspost»¹⁾, подъ заглавіемъ «Могущество еврейства», приводятся, между прочимъ, слѣдующія любопытныя цифры: во Франціи евреи насчитываютъ 49 префектовъ и подпрефектовъ, 19 членовъ государственнаго совѣта, 10 членовъ кассационной палаты, 10 членовъ въ парижскихъ судахъ; далѣе, евреи занимаютъ 11 должностей въ министерствѣ

танію еврейства съ польскою шляхтою, обрекло себя на погибель, то же самое совершается на нашихъ глазахъ въ Венгріи, гдѣ еврейство все болѣе и болѣе прибираетъ къ рукамъ венгерскихъ магнатовъ, исподволь разоряя ихъ.

Въ мирномъ состязаніи съ семитизмомъ русскій народъ окажется гораздо менѣе устойчивымъ, чѣмъ въ многолѣтней борьбѣ съ азіатскими монголами—тамъ приходилось считаться только съ грубою физическою силою, которая и была медленно отгнана въ Азію; нравственныхъ же изворотовъ и умственной извращенности русскій народъ никогда не знавалъ, а потому съ лукавствомъ еврейства на всѣхъ ступеняхъ принужденъ будетъ считаться, какъ съ явленіемъ новымъ, и всю трудность приспособленія къ новымъ обстоятельствамъ вынесетъ на своихъ плечахъ. Конституція по западно-европейскимъ образцамъ обречетъ русское трудолюбивое скромное населеніе на явную пагубу, и это совершится въ гораздо болѣе короткій срокъ, чѣмъ въ былыя времена потребовалось на разореніе Польши, а нынѣ, вѣроятно, для обездоленія Венгріи.

Именно по этой причинѣ еврейство всѣми доступными ему способами и добивается коренныхъ преобразованій въ Россіи — социалистическія организаціи въ Россіи насчитываютъ до 200.000 евреевъ при 30.000 русскихъ «товарищахъ»; въ рядахъ конституціонно-демократической партіи на 20.000 христіанъ приходится 80 тысячъ евреевъ. Еврейская молодежь, въ лицѣ бундистовъ, націоналистовъ и сіонистовъ, вся сплошь высыпала на улицу и открыто занимается политикою и покушеніями, тогда какъ болѣе осторожные пожилые евреи работаютъ при помощи своей могущественной кагальной организаціи.

земледѣлія, 21 должность въ почтовомъ управленіи, 30—въ министерствѣ общественныхъ работъ, 27—въ министерствѣ финансовъ и 35—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія Наряду, съ этимъ, въ Парижѣ дѣйствуетъ не менѣе 100 еврейскихъ банкировъ; въ Алжирѣ надо всю мѣстную промышленностью и торговлею властвуютъ евреи. Газеты «Figaro», «Gaulois», «Temps» и многія другія находятся въ еврейскихъ рукахъ. Въ Марселѣ изъ 12 профессоровъ юридическаго факультета треть—евреи.

Въ Италіи важнѣйшіе банки и все министерство финансовъ находятся въ рукахъ евреевъ, которые насчитываютъ многихъ единовѣрцевъ и въ средѣ законодательнаго корпуса.

Въ Венгріи треть земель перешла въ еврейскія руки, и представители избраннаго народа, владѣя крупными помѣстьями, могутъ почитать себя магнатами. Въ Вѣнѣ изъ 6.800 слушателей—2.500 евреи, а австрійская армія, въ свою очередь, насчитываетъ 2.600 офицеровъ іудейскаго происхожденія. Венгерскій парламентъ насчитываетъ на 1 милліонъ еврейскаго населенія 17 представителей, тогда какъ словаки, численность коихъ превышаетъ 3 милліона душъ, съ трудомъ смогли провести въ тотъ же парламентъ 3 отъ себя представителей.

Въ Берлинѣ при апелляціонномъ судѣ изъ 54 адвокатовъ 36 евреевъ; въ нотариатѣ изъ 150 нотариусовъ 54 еврея; въ первой инстанціи суда на 150 христіанъ приходится 200 евреевъ.

Добившись конституціи, евреи не преминутъ совершить рядъ политическихъ метаморфозъ для окончательнаго порабоженія русской интеллигенціи. Пусть въ Россіи припомнятъ, чего семиты не добились въ Австро-Венгріи, играя такими хорошими словами, какъ вѣрность конституціи, либерализмъ, свободомысліе и пр., и пр.

Еврейство всеконечно станетъ разыгрывать и въ Россіи ту же политическую комедію, какую успѣшно продѣлывало и въ иныхъ конституціонныхъ странахъ, водя за носъ невѣжественныя массы при помощи хлесткихъ политическихъ фразъ. Пресловутыя «свободы» припасаются въ Россіи не для арійской расы, но для богоизбраннаго еврейскаго народа. Призадумайтесь только надъ тѣмъ, къ чему повело бы предоставленіе въ Россіи евреямъ невозбраннаго права пріобрѣтать земли, рудники, фабрики и т. д.: въ нѣсколько дееятковъ лѣтъ теперешніе владѣльцы, крестьяне и рабочіе, какъ въ Венгріи и Кроаціи, доведены будутъ до обнищанія и полнаго экономическаго рабства.

Нарисовавъ такія устрашающія перспективы для будущности Россіи при уравненіи евреевъ въ политическихъ и гражданскихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, Врба переходитъ къ характеристикѣ государственной думы перваго созыва.

Поэтому-то такую серьезною опасностью и явилась въ настоящее время дума, такъ какъ она служитъ орудіемъ для окончательнаго сбиванія съ толку крестьянъ. Революціонированіе крестьянъ производится по тому же самому рецепту, какъ революціонированіе Западной Европы съ помощью печати, агитаторовъ и депутатовъ. Въ самые захолустныя поселки заглядывали провозвѣстники соціальной революціи, убѣждавшіе крестьянъ, чтобы они вольно забирали все земли принадлежащія помѣщикамъ, монастырямъ, казніѣ и удѣламъ, такъ какъ-де и государь сочувствуетъ передѣлу. Тутъ начались захваты помѣщичьихъ земель, аграрныя убійства и грабежи. Русскіе крестьяне никогда путемъ не учились сколько нибудь разумной обработкѣ почвы: все ихъ хозяйство основывалось на трехпольной системѣ, безтолковомъ ковчиріи земли сохою и оставленіи части угодій подъ паромъ безъ всякаго почти удобренія. Разумѣется, при такихъ условіяхъ крестьянамъ, находящимся въ ихъ пользованіи, земель всегда оказывается слишкомъ мало. вмѣсто того, чтобы научить крестьянъ разумнымъ сельско-хозяйственнымъ приемамъ, широкому пользованію удобреній, плуговъ и усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, народолюбы искусственно втянули крестьянство въ революцію, увѣряя, будто все земли обязательно должны перейти въ ихъ распоряженіе безо всякаго вознагражденія. Въ эти бредни крестьянство настолько увѣровало, что включило ихъ въ указы, съ которыми и послало въ думу отъ себя представителей. Съ самаго же начала открытія дума зарвала, потребовавъ амни-

стію для всѣхъ грабителей, поджигателей и убійцъ подъ политическими предлогами. Руководители господствовавшихъ въ думѣ партій утратили послѣдній остатокъ здраваго смысла, выступая съ все болѣе дерзкими и грубыми интерпелляціями министерства. Они занесли такъ далеко, что и впрямь возомнили себя превыше и самой Россіи и ея государя. Черезъ какой нибудь мѣсяцъ послѣ принесенія присяги въ вѣрности самодержцу всероссійскому члены государственной думы уже не хотѣли признавать иного правительства, кромѣ «народной воли», истинными выразителями и истолкователями которой почитали только самихъ себя. Во имя этой народной воли они вступили въ открытую борьбу съ министерствомъ, словно какъ если бы въ Россіи уже перестала существовать верховная власть или была такъ далеко отгѣснена узурпаторами, что единственнымъ способомъ для проявленія служенія отечеству отнынѣ являлась беспощадная борьба для провѣрки того, за кѣмъ же останется сила.

Столкновенія между правительствомъ и думою настолько обострились, что немислимо сдѣлалось никакое миролюбивое соглашеніе, а единственный разумный выходъ изъ заколдованнаго круга недоразумѣній представилъ роспускъ думы. Но кто сможетъ оцѣнить безпристрастно и по достоинству истинныя силы страны, отъ реального соотношенія которыхъ будетъ зависеть исходъ борьбы устарѣвшихъ и пережившихъ себя формъ государственности съ невѣдомымъ будущимъ?

Во всякомъ случаѣ, свершившійся фактъ преобразования русскаго государственнаго строя на конституціонныхъ началахъ безповоротенъ и открываетъ широкія перспективы. Пусть, благодаря революціоннымъ и еврейскимъ влияніямъ, государственная дума и является на сегодняшній и завтрашній день печальнымъ разочарованіемъ, все-же,—когда въ ней возобладаютъ, наконецъ, здоровыя инстинкты и верхъ возьмутъ кровныя и ясно сознаваемые народныя интересы,—сложится и тотъ правопорядокъ, который обезпечитъ народъ отъ недочетовъ прежняго бюрократическаго уклада.

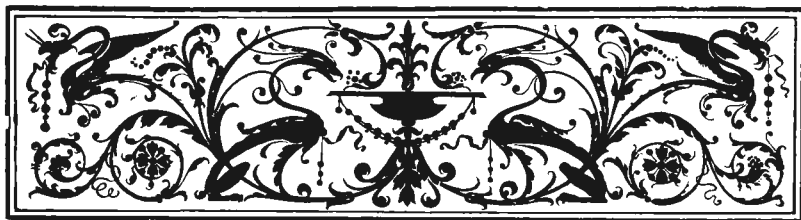
Несомнѣнно, государственная дума представляетъ собою такое установленіе, которое получить лишь то внутреннее содержаніе, которое вольютъ въ нее ея дѣятели. Черезъ ночь дума не можетъ преобразиться въ истинно-народный парламентъ, который бы сразу видоизмѣнилъ и всю политическую фізіономію Россіи. Пройдутъ, можетъ быть, десятки лѣтъ, прежде чѣмъ выяснится истинное значеніе государственной думы для будущихъ судебъ Россіи. Если русская интеллигенція, постепенно политически зрѣя, сроснется и объединится съ народомъ, чутко откликаясь на его истинныя потребности и справедливыя запросы, и если путемъ неустанной и планомерной работы, безъ скачковъ и нетерпѣливаго послѣпшенія, истинная соль земли добьется на верхахъ и въ

низахъ преклоненія предъ своею авторитетностью, то и государственная дума вполне естественно станетъ могучимъ и просвѣщеннымъ рычагомъ государственной мощи.

Наоборотъ, если въ русскомъ національномъ характерѣ и впредь будутъ преобладать черты дряблости, равнодушія и непостоянства, какія сказались въ безтолковости освободительнаго движенія, то государственная дума явится лишь удобнымъ средствомъ для разрушенія государственнаго единенія, которое составило плодъ тысячелѣтнихъ усилій собирателей Всероссійской имперіи.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Краткое описание новаго владѣнія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ городѣ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. Съ 29 фототипіями работы К. А. Фишера. Москва. 1906.

ВОСКОШНОЕ изданіе, полное заглавіе котораго мы привели, напечатанное на средства автора самаго «Описанія», — представляет собою краткій очеркъ хорошо извѣстнаго Москвѣ Щукинскаго музея, что на Малой Грузинской улицѣ, съ внѣшней его стороны, т.-е. описываются собственно зданія музея, всё прилегающія къ нему постройки и садъ. Очеркъ интересенъ во всѣхъ отношеніяхъ и какъ бы заключаетъ собою кругъ предшествовавшихъ ему трудовъ по описанію сокровищъ музея.

Весь свой музей, въ полномъ его составѣ: землю, зданія и всё заключающіеся въ нихъ предметы старины, восточную коллекцію, картинную галерею, собраніе рисунковъ и гравюръ, бібліотеку и рукописный архивъ, — П. И. Щукинъ принесъ въ даръ императорскому Россійскому историческому музею имени императора Александра III, о чемъ и увѣдомилъ управленіе музея письмомъ 13 апрѣля 1905 г.

Этимъ письмомъ и начинается очеркъ, который можетъ быть раздѣленъ на двѣ совершенно самостоятельныя части: въ первой излагается исторія даренія, во второй описываются самыя зданія музея. Описаніе дополняется 29-ю артистически выполненными фототипіями.

Новое владѣніе историческаго музея отнынѣ называется — «Отдѣленіе императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III—музей Петра Ивановича Щукина». Въ полномъ своемъ составѣ владѣніе это занимаетъ въ наиболѣе возвышенной мѣстности Грузинъ площадь въ 2022 квадрат. сажени. Главныя зданія—старый и новый музей и музейный складъ—выстроены въ саду, лѣтомъ густо разрастающемся; въ саду насчитывается 242 дерева и 193 куста; при садѣ оранжерея, въ которой 2.318 разныхъ растеній.

Постройка стараго музея, по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора Б. В. Фрейденберга, начата была въ маѣ 1892 г. и окончена въ сентябрѣ 1893 г. Проектъ постройки былъ на архитектурной выставкѣ въ Петербургѣ; на него обратилъ вниманіе покойный императоръ Александръ III и разспрашивалъ о музеѣ. Двухъэтажное зданіе музея выстроено изъ краснаго кирпича, съ кирпичными сводами... Большой барельефъ въ кокошникѣ главнаго фасада изображаетъ единорога; малый—надъ балкономъ боковаго фасада—птицу Сирину; для большой подвѣски моделью служила подвѣска въ церкви Іоанна Предтечи въ Ярославѣ.

Постройка новаго музея, по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора А. Э. Эрихсона, начата была въ маѣ 1897 г. и окончена въ августѣ 1898 г. Одновременно старый музей соединенъ съ новымъ подземнымъ туннелемъ. Двухъэтажное, съ полуподвальнымъ этажемъ, зданіе новаго музея выстроено изъ краснаго кирпича, со сводами и перегородками внутри зданія, по системѣ Монье.

Напротивъ новаго музея выстроено, по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора Ф. Н. Кольбе, изъ краснаго кирпича одноэтажный музейный складъ, назначенный преимущественно для архивныхъ бумагъ.

За старымъ музеемъ оранжерея съ холоднымъ и теплымъ отдѣленіями для цвѣтовъ. Рядомъ съ оранжереей каменная кухня. На заднемъ дворѣ двухъэтажный каменный флигель, въ которомъ нѣсколько комнатъ для служащихъ, кухня и прачешная; на этомъ же дворѣ каменная кладовая, съ чердакомъ и ледникомъ.

Въ составъ коллекцій Щукинскаго музея входятъ русскія и западныя старинныя вещи, восточныя вещи, старинныя и новыя картины, рисунки и гравюры, рукописныя и печатныя книги и рукописный архивъ.

Извѣстивъ управленіе историческаго музея о своемъ желаніи принести ему въ даръ свою сокровищницу,—Ш. И. Щукинъ просилъ этотъ его даръ «повергнуть предъ его императорскимъ величествомъ, государемъ императоромъ, и, въ случаѣ принятія его величествомъ, я немедля скрѣплю сіе мое предложеніе формальнымъ актомъ».

24 апрѣля того же 1905 г. князь Н. С. Щербатовъ представилъ государю императору въ Царскомъ Селѣ заявленіе Щукина и въ тотъ же день телеграфировалъ послѣднему: «Сейчасъ вернулся изъ Царскаго Села. Его величество очень обрадованъ вашимъ рѣшеніемъ и изволилъ мнѣ приказать благодарить васъ за даръ. Государю угодно было оставить у себя ваше заявленіе для положенія резолюціи. Въ субботу она передана будетъ министру».

7 мая была получена Щукинымъ телеграмма отъ министра народнаго просвѣщенія: «Счастливъ былъ доложить его императорскому величеству о щедромъ дарѣ вашего превосходительства на пользу историческихъ наукъ нашей великой родины, а нынѣ радъ привѣтствовать васъ монаршей милостью—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Генераль-лейтенантъ Глазовъ».

Далѣе въ очеркѣ слѣдуютъ: дипломъ или указъ правительствующаго сената по департаменту герольдіи отъ 23 іюня 1905 г. за № 2.049; рескриптъ председателя историческаго музея его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Александровича, отъ 16 мая 1905 г.; копія съ дарственной записи Щукина, явленной у нотариуса Сусорова, и дипломъ управления историческаго музея объ избраніи П. И. Щукина въ почетные члены музея.

Даръ этотъ оцѣнить по достоинству каждый любящій нашу исторію и археологическую науку, и въ этомъ отношеніи, среди всѣхъ изъясненій благодарности, особенную цѣнность представляетъ письмо маститаго нашего изслѣдователя старины Нв. Ег. Забѣлина, который 12 мая 1905 г. писалъ Щукину: «Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Петръ Ивановичъ! Удалившись изъ Москвы, по случайнымъ обстоятельствамъ, я только сегодня съ великою радостью узналъ о блистательномъ исполненіи всѣхъ вашихъ желаній и ожиданій по поводу вашего блистательнаго дара историческому музею и теперь посиѣшаю сердечно поздравить васъ съ великою царскою милостію, съ пожалованіемъ вамъ чиновнаго превосходительства, которое такъ достославно увѣнчиваетъ вашъ подвигъ, «превосходящій» своимъ значеніемъ и широтою все другіе подобныя подвиги. Дай вамъ Богъ здоровья и новыхъ силъ для укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія вашего музея въ доброплодномъ качествѣ славнаго отдѣленія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III. Какъ бы я желалъ поздравить васъ лично, но, къ великому сожалѣнію, ноги по старости отказались ходить, какъ бы слѣдовало. Преданный вамъ Нв. Забѣлинъ».

А. Р.—скій.

Августѣйшій генераль-фельдцейхмейстеръ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія его императорскаго высочества. Въ двухъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Составилъ Д. П. Струковъ. Спб. 1906.

25 января 1906 г. исполнилось «признанное самимъ августѣйшимъ генераль-фельдцейхмейстеромъ пятидесятилѣтіе пребыванія его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Николаевича, на отлученномъ посту». Еще въ 1901 г. главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ были сдѣланы распоряженія о составленіи ко дню пятидесятилѣтняго юбилея «историческаго обзора дѣятельности» великаго князя, въ связи съ его жизнеописаніемъ, въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что только «такое сочиненіе» можетъ быть признано «наиболѣе желательною формою выраженія истинныхъ чувствъ,

безпредѣльной любви и преданности артиллеристовъ къ особѣ августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера, намѣчавшею цѣлями: съ одной стороны—дать впервые артиллеристамъ возможность ознакомиться съ событіями всей жизни и высокими трудами великаго князя Михаила Николаевича, и съ другой—представить его императорскому высочеству несомнѣнное удовольствіе воскресить въ памяти событія и историческія детали минувшаго прошлаго» (стр. VI).

Таковы — происхожденіе и задачи труда г. Д. Струкова, труда весьма обширнаго и несомнѣнно очень дорого стодящаго издателямъ. Конечно, юбилейные очерки, да еще такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ его императорское высочество, великій князь, должны отличатся особымъ характеромъ, мало имѣющимъ общаго съ научными историческими трудами; тѣмъ не менѣе, и въ нихъ можетъ оказаться цѣнный историческій матеріалъ. На послѣдній въ особенности мы рассчитывали въ «очеркѣ жизнеописанія его императорскаго высочества», принимая во вниманіе доступность г. Д. Струкову архива министерства императорскаго двора, архива государственнаго совѣта и др. и обширную современную литературу по затронутымъ имъ вопросамъ, не исключая и многочисленныхъ «воспоминаній и записокъ». Но авторъ «Очерка» не оправдалъ нашихъ ожиданій. Послѣ краткаго и поверхностнаго изложенія дѣятельности и характеристикъ «предмѣстниковъ его высочества на посту генераль-фельдцейхмейстера», начиная съ XVII вѣка, онъ приступаетъ къ изложенію біографіи великаго князя и подробнѣе всего останавливается на чисто внѣшнихъ явленіяхъ его жизни. На основаніи почти однихъ официальныхъ данныхъ онъ широко описываетъ всевозможныя «посѣщенія» великаго князя, «обѣзды», парады, завтраки, обѣды; приводитъ цѣликомъ всѣ рѣчи, приказы и т. п. Все это излагается, конечно, безъ всякой внутренней связи, чисто хронологически. При описаніи же дѣятельности великаго князя, по управленію артиллеріей, на Кавказѣ, въ государственномъ совѣтѣ и т. д., онъ приводитъ довольно отрывочно одни общія мѣста и только кое-гдѣ указываетъ на личную инициативу великаго князя или его личные труды. Ограничивается, наирѣмѣе, въ XVIII главѣ «Военное управленіе и дальнѣйшія преобразованія управленія гражданскаго» (всего на 14 стр.) сообщеніями вродѣ слѣдующихъ: «поднято умственное образованіе офицеровъ (а какъ это достигнуто и въ чемъ сказалось — неизвѣстно), сокращены сроки дѣйствительной службы»..., называя въ то же время это «капитальными улучшеніями» (стр. 345); или, пересчитывая вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія на Кавказѣ, не называетъ ни одного имени изъ тогдашнихъ педагогическихъ дѣятелей; или, «возвращаясь къ лѣтописи событій внутренней жизни» великаго князя, онъ, прежде всего, «отмѣчаетъ» его зимнее и лѣтнее мѣстопробываніе, непосредственно затѣмъ говоритъ о назначеніи Л. П. Софіано товарищемъ генераль-фельдцейхмейстера, образованіи комиссіи при государственномъ совѣтѣ и т. д. (стр. 572 и слѣд.).

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ главы XXIV, XXV и XXVI, въ которыхъ говорится объ организаціи «артиллеріи», «матеріальной части артиллеріи» и «техническихъ артиллерійскихъ заведеній», но онѣ принадлежатъ перу подполковника В. В. Тавастерна.

Заканчивается «очеркъ», благодаря «счастливой случайности» — запозданію въ печатаніи, подробнымъ описаніемъ происходившаго 25 января торжественнаго чествованія августѣйшаго юбиляра.

Въ «приложеніяхъ» находимъ, между прочимъ, отчетъ великаго князя о «состояніи иностранной артиллеріи» и его же рапортъ императору Александру III объ осмотрѣ имъ войскъ Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ. Тотъ и другой извлечены изъ архива главнаго артиллерійскаго управленія.

Съ внѣшней стороны книга издана роскошно, многочисленные рисунки выполнены превосходно, и, во всякомъ случаѣ, она можетъ послужить нѣкоторымъ матеріальнымъ пособіемъ для будущаго біографа.

В. Рудаковъ.

А. Соболевскій. Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906.

Подъ такимъ названіемъ г. Соболевскій выпустилъ небольшую брошюру, отдѣльный оттискъ изъ «Вѣстника исторіи и археологій».

Однажды, разбирая рукописи московскаго Успенскаго собора, г. Соболевскій нашель уставъ XVII вѣка съ многорѣчивымъ послѣсловіемъ, въ которомъ оказалась и дата: «Въ лѣто 7114, мѣсяца сентябрія въ 3 день совершена бысть въ томъ же лѣтѣ 7114 мѣсяца апрѣля въ 24 день въ славномъ и преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царствованіи Гришки Отреньева, именуемаго Растргици, и при великомъ господинѣ Игнагін, патріархѣ московскомъ и всея Россіи, тому бо тогда на высококомъ сѣдольнѣмъ степеніи стоящу и правящу престолѣ соборныя и вселенскія пречестныя апостольскія церкви, въ Богоспасаемомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, трудолюбно писаніемъ трудившагося о Христѣ, многорѣшнаго и недостойнаго въ разумѣ, раба Божія Егорьевскаго вдового пона Константина, что на Варваринской улицѣ».

Затѣмъ, послѣ обширнаго и цѣлѣстнаго послѣсловія, понь Константинъ, пишетъ, что этотъ уставъ онъ продалъ въ Успенскій соборъ ключарямъ Григорію да Борису за 7 рублей.

Убѣжденный сторонникъ историковъ Щербатовской эпохи, не допускавшихъ мысли о нѣмъ пропехожденіи Дмитрія, — г. Соболевскій, обрадованный такой находкой устава, уже категорически заявляетъ, что въ Москвѣ и не сомнѣвались, что царствуетъ Растрига. «Отношеніе пона Константина къ своему Государю», говоритъ А. П. Соболевскій, «вполнѣ спокойное — онъ называетъ его такъ, какъ называла самозванца масса московскаго населенія, къ которой понь Константинъ принадлежалъ и взгляды которой онъ раздѣлялъ, какъ называли вѣ: онъ не обращаетъ вниманія, что самозванецъ 28 апрѣля 1606 г. еще царствовалъ и что нѣтъ признаковъ приближенія его царствованія къ концу, онъ пишетъ свою записку въ книгѣ, назначенной для продажи, т. е. легко могущей попасть въ руки самозванца и вызвать его гибель».

Но, однако, не представляется ли такое заключеніе относительно взглядовъ пона Константина ошибочнымъ? Г. Соболевскій оцѣнилъ изъ виду послѣднія

слова записи: «и при великомъ господиѣ Игнатіи», «тому бо тогда на высокому сѣдольнѣмъ степені стоящу и правящу». Г. Соболевскій недопускаетъ и мысли, что пошъ, начавшій писать уставъ въ сентябрѣ и окончившій самый текстъ устава въ апрѣлѣ, могъ свою записъ сдѣлать и послѣ убійства Димитрія и изгнанія Игнатія. Онъ не хочетъ задуматься о томъ, что если бы пошъ Константинъ съ такой записью понесъ продавать уставъ соборнымъ ключарямъ, то они едва ли бы таковой у него купили — вѣдь у нихъ былъ патриархомъ Игнатій, всецѣло зависившій отъ Димитрія. Затѣмъ, заключеніе г. Соболевскаго, что пошъ Константинъ называлъ Димитрія Разстригою по привычкѣ, какъ называла его тогда и масса московскаго населенія, къ которой пошъ принадлежалъ, тоже бездоказательно. Напротивъ того, масса населенія считала его за настоящаго царевича. Народъ любилъ Димитрія, о чемъ свидѣлствуютъ сказанія современниковъ, о чемъ проговорился даже и Палицынъ.

Впрочемъ, о переѣмчивости взглядовъ народныхъ массъ говорить не приходится. И въ болѣе отдаленныя отъ насъ священныя времена послѣ радостныхъ криковъ — «Осанна!» та же толпа черезъ пять дней нестово кричала: «Расши!»

Во всякомъ случаѣ, обнародованіе записи попа Константина, сдѣланное г. Соболевскимъ, очень интересно.

А. К.—о.

Профессоръ П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Третій выпускъ (1620—1621 г.г.). Спб. 1906.

Предлагаемый очеркъ профессора Жуковича составился изъ четырехъ статей, напечатанныхъ въ свое время въ «Христіанскомъ Читеніи». Первая изъ нихъ, составляющая въ настоящемъ выпускѣ первую главу, трактуетъ объ «историческихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возстановленію патриархомъ Теофаномъ высшей западно-русской православной церковной іерархіи». Здѣсь авторъ довольно подробно останавливается на возстановленіи іерархіи — самомъ выдающемся послѣ Брестской уніи событіи церковной исторіи юго-западной Россіи, — выясняетъ нѣкоторыя обстоятельства прибытія въ Кіевъ іерусалимскаго патриарха Теофана, его официальныя сношенія съ польскимъ правительствомъ и церковно-іерархическія мѣропріятія.

Въ первую четверть XVII вѣка на всѣхъ православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, былъ епископъ только во Львовѣ. Недостатокъ въ православномъ священствѣ только отчасти пополнялся пріѣзжавшими съ Востока епископами. И вотъ, пользуясь удрученнымъ настроеніемъ польскаго правительства, находившагося подъ впечатлѣніемъ повесеннаго поляками пораженія подъ Цецорой (6 октября 1620 г.), патриархъ Теофанъ, вмѣстѣ съ Софійскимъ митрополитомъ Неофитомъ и Стаговскимъ (изъ Фессаліи) епископомъ Аврааміемъ, посвятилъ межигорскаго игумена Псаю Конинскаго въ санъ епископа Перемышльскаго, Кіево-Михайловскаго Юва Борецкаго — въ санъ Кіевского митрополита, и извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго — въ санъ архіепископа Полоцкаго,

Эти три хиротонии официально были объявлены нарушением правъ и прерогативъ верховной власти, оскорбленіемъ королевскаго величества, даже государственной измѣной и предательствомъ! Въ правительственныхъ актахъ патриархъ Теофанъ и посвященные имъ митрополитъ съ епископами трактовались ни болѣе ни менѣе, какъ тайные агенты турецкаго правительства, подстрекавшіе казаковъ къ набѣгамъ на турецкія владѣнія, чтобы дать Турціи поводъ къ неурядивеннымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Польшѣ. Основываясь на данныхъ исторической науки, посвященной начальному періоду тридцатилѣтней войны, профессоръ Жуковичъ стремится доказать, что коренной причиной польско-турецкой войны 1620—1621 г.г. были польскіе казаки, посланные Сигизмундомъ III въ помощь Фердинанду II противъ чеховъ и Бетлемъ-Габора, за спиной котораго стояли турки, и вообще политика самого Сигизмунда, а вовсе не патриархъ Теофанъ или митрополитъ Іовъ Борецкій.

Вторая и третья главы III выпуска «Сеймовой борьбы» имѣютъ предметомъ изслѣдованія—первый польскій сеймъ послѣ возстановленія патриархомъ Теофаномъ западно-русской іерархіи, и пребываніе архіепископа Мелетія Смотрицкаго въ Вильнѣ въ первые мѣсяцы послѣ своей хиротоніи. Первый польскій сеймъ послѣ возстановленія православной іерархіи имѣлъ значительный интересъ въ виду смѣны на немъ больного московскаго вопроса вновь выдвинувшимися вопросами турецкимъ и шведскимъ. Сравнительно очень малый запасъ историческихъ извѣстій о борьбѣ съ церковною унией на сеймѣ 1620 г. профессоръ Жуковичъ восполняетъ отчасти данными сохранившагося въ Виллямовской (подъ Варшавой) библіотекѣ рукописнаго дневника этого сейма. Не давая никакихъ новыхъ фактическихъ указаній, касающихся церковной исторіи южно-русскаго православнаго духовенства, профессоръ Жуковичъ все же находитъ возможнымъ, пользуясь дневникомъ, установить то положеніе, что запорожское казачество прямого участія въ борьбѣ за возстановленную православную іерархію не принимало, и что сами земскіе послы какъ на этомъ сеймѣ, такъ и въ слѣдующемъ году, открыто не ставили вопроса о правительственномъ призваніи возстановленной православной іерархіи.

Мѣры, принятыя польскимъ правительствомъ противъ виновниковъ возстановленія іерархіи, выразились въ изданіи, въ февралѣ и мартѣ 1621 г., универсаловъ о поимкѣ и предавіи суду новоносвященныхъ православныхъ іерарховъ. Полоцкій православный архіепископъ Мелетій Смотрицкій, не побоявшійся открытъ «существованіе» православной іерархіи въ Вильнѣ, былъ подвергнутъ въ столицѣ Литвы церковной анаемѣ, а православные мѣщане—члены Вилленскаго Свято-Духовскаго братства—арестованы и посажены въ тюрьму. Относительно изданія этихъ универсаловъ и, въ частности, Вилленскаго пропещствія профессоръ Жуковичъ даетъ нѣкоторыя новыя дополненія, почерпнутыя изъ сохранившихся документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ.

Въ трудномъ дѣлѣ возстановленія вышей западно-русской православной іерархіи видную роль играли гетманы Петръ Ковашевичъ-Сагайдачный и Яковъ Неродичъ-Бородавка, особенно—первый. На Сагайдачнаго, вмѣстѣ съ епископомъ, княземъ Іосифомъ Курцевичемъ. —общимъ рѣшеніемъ церковнаго

собора и казацкаго круга лѣтомъ 1621 г. была возложена въ высшей степени отвѣтственная миссія къ Сигизмунду III по вопросу о признаніи польскимъ правительствомъ возстановленной православной іерархіи.

Описанію церковной и политической дѣятельности гетмановъ Бородавки и Сагайдачнаго и посвящена четвертая, послѣдняя глава третьяго выпуска «Сеймовой борьбы западно-русскаго православнаго дворянства съ церковной уніей». Работа написана тщательно, историческіе вопросы освѣщены умѣло, матеріалъ собранъ интересный.

А. Ив—ичъ.

А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. ч. императорскаго русскаго археологическаго общества И. А. Вахромѣву. Выпускъ пятый. М. 1906.

Лежащій передъ нами пятый весьма объемистый томъ описанія рукописей, принадлежащихъ И. А. Вахромѣву, появляется въ свѣтъ ровно черезъ девять лѣтъпослѣ напечатанія четвертаго тома, главнымъ образомъ, по объясненію Титова, изъ-за того, что онъ долгое время былъ занятъ изданіемъ въ свѣтъ описанія рукописей собственнаго собранія. О первыхъ четырехъ томахъ сообщалось въ свое время на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и указывалось на важное значеніе заключающихся въ нихъ документовъ по исторіи Ярославской губерніи. Въ настоящій томъ вошли рукописи № 851—1116, «преимущественно принадлежавшія Н. Н. Корсунскому» († 1899 г.). Среди этихъ рукописей, помѣщенныхъ иногда въ извлеченіи и даже полностью, обращаютъ на себя особое вниманіе историка «черновыя сочиненія» Н. Н. Корсунскаго по исторіи Ярославской семинаріи (подъ № 857 описанія). Н. Н. Корсунскій много лѣтъ собиралъ свои матеріалы, не разъ обращался къ мѣстному епархіальному начальству съ просьбою о помощи, но всякій разъ встрѣчалъ лишь «небрежное отношеніе». Объ этомъ онъ говоритъ въ особомъ прошеніи въ семинарское правленіе, и это характерное прошеніе его напечатано А. А. Титовымъ цѣликомъ.

Далѣе наиболѣе цѣнными являются: во 1) житія (№ 861) Ярославскихъ чудотворцевъ—автографъ Ярославскаго историка прошлаго вѣка С. Серебrenикова, причемъ эти житія дополнены родословіемъ Ярославскихъ князей, съ приложеніемъ списка погасшихъ ихъ родовъ; во 2) мѣсяцесловъ № 902, въ которомъ упоминается, какъ святой, ростовскій архіепископъ Вассіанъ; въ 3) списокъ церкви города Ярославля, съ указаніемъ времени ихъ постройки (№ 964); въ 4) сборники №№ 1017 и 1018, заключающіе въ себѣ слова и стихотворенія, относящіеся къ Владимирской и Вологодской епархіямъ, гдѣ особенно любопытны богословскія предложенія для публичнаго состязанія учениковъ Вологодской семинаріи, и разныя стихотворенія тѣхъ же учениковъ, посвященные архіепископу Ярославскому Арсенію (въ описаніи напечатано нѣсколько «стиховъ»). Затѣмъ интересны: во 1) сборникъ № 1025, гдѣ находится письмо Рязанскаго епископа Сергія Крылова по поводу открытія въ Рязани библейскаго общества. Любопытное письмо это напечатано А. А. Титовымъ цѣликомъ съ дословною точностью; во 2) сборникъ № 1028, въ которомъ находятся, между

прочимъ, вопросы начетчикамъ — Феодосѣвцамъ, предложенные въ 1777 г. Ростовскимъ архіереемъ, а впоследствии кievскимъ митрополитомъ, Самуиломъ и оставшіеся неизвѣстными нашимъ историкамъ-расколовѣдамъ, равно какъ и миссіонерская дѣятельность Самуила; въ 3) сборникъ № 1045, изъ котораго напечатаны въ описаніи: «стихи, говоренные митрополиту Платону его турецкомъ», и «Востокъ». извѣстное сатирическое стихотвореніе на государственныхъ дѣятелей временъ императора Александра I: Воронцова, Чарторижскаго, Кочубея. Троицкаго и др. въ 4) сборникъ № 1053, съ указателемъ статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», съ 1838 по 1890 гг.: въ 5) напечатанныя «дословно, какъ единственная рукопись», служба и акаѣистъ архіепископу Ростовскому св. Феодору, скончавшемуся въ 1395 г.: въ 6) описанія книги упраздненнаго Ростовскаго Спасо-сеоцкаго монастыря (№ 1107), Толгскаго Ярославскаго (№ 1108) и Романовскаго Островскаго (№ 1109), напечатанныя цѣлкомъ; въ 7) извлеченія изъ межевыхъ книгъ города Ростова и въ 8) напечатанныя въ приложеніи «Вкладныя и записныя книги Іосифова Волоколамскаго монастыря XVI вѣка и упраздненные монастыри и пустоши въ Ярославской епархіи», изъ рукописнаго «Церковно-историческаго и статистическаго описанія Ярославско-Ростовской епархіи» протоіерея І. Троицкаго.

Къ добросовѣстно выполненному описанію приложены два указателя собственныхъ именъ.

В. Рудаковъ.

В. Ө. Миллеръ. Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Спб. 1906.

Эпохи бурныя, богатыя бросающимися въ глаза событіями, какъ смутное время, несомнѣнно, должны оставлять извѣстный слѣдъ въ памятникахъ народнаго творчества. В. Ө. Миллеръ задумалъ прослѣдить въ этихъ памятникахъ прямое или отдаленное отраженіе фактовъ смутнаго времени и характера этой эпохи. Останавливаясь на наиболее яркихъ явленіяхъ, не прошедшихъ безслѣдно для народной мысли, В. Ө. Миллеръ поставилъ себѣ задачу доказать, что «смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, не только въ отдельныхъ чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинъ, но и въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца».

Прежде чѣмъ приступить къ основной задачѣ статьи, авторъ посвящаетъ около 95 страницъ обзору «московскихъ» историческихъ пѣсень, въ которыхъ народная фантазія останавливается на главнѣйшихъ дѣятеляхъ смутнаго времени — Кесвицъ, Лжедмитріи, Скопинѣ-Шуйскомъ, Василии Шуйскомъ, Мишинѣ, Пожарскомъ и др. Кромѣ одного незначительнаго объясненія, предлагаемаго въ видѣ догадки, о характерной вообще для народнаго творчества темѣ — замѣнѣ одного лица другимъ, какъ напримѣръ, въ пѣснѣ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, В. Ө. Миллеръ не прибавляетъ ничего новаго къ разработкѣ содержанія историческихъ пѣсень. Указавъ отзывы смутнаго времени

въ этихъ пѣсняхъ, онъ переходитъ къ главной своей задачѣ—изысканію тѣхъ наслоеній этого періода, которыя обрабатывались народной фантазіей, по мнѣнію автора, и втеченіе XVII столѣтія, когда завершилась эволюція нашего былевого эпоса.

Въ вышедшемъ два года назадъ сборникѣ Печорскихъ былинъ Н. Е. Ончукова имѣются три варианта пѣсенъ на тему о смерти любимаго народнаго героя смутнаго времени, князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Остановившаяся вкратцѣ на этихъ вариантахъ, Миллеръ причисляетъ «старинку» о Скопинѣ къ богатырскимъ былинамъ, тѣмъ болѣе, что она прикрѣплена къ циклу князя Владимира, и даже мѣсто дѣйствія перенесено въ Кіевъ. Начиная пѣсню обычнымъ шромъ у князя Владимира, который «распотѣшился» и спрашиваетъ княгиню Апраксию, кого поставить въ кумушки. Апраксія и говоритъ:

— Надо бы съѣздить во Галичу во Малую,
Въ ту же Карелу пребогатую,
Позвать удала добра молодца
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставить во кумушки.

Добрыня Никитичъ немедленно снаряжается ѣхать за Скопинымъ и приводить его. На шру Скопинъ во хмелю похваляется, что много онъ по землямъ бывалъ, много городовъ бралъ, не боялся «сорока полковъ сороктысецныхъ» и Малютину дочь—дочь Малюты-царя—полюбовницей держалъ, а «на остаткахъ дать князю во услуженіи». Тогда оскорбленная Скурката дочь Малютична идетъ въ погребъ, выноситъ чару зелья лютого и подноситъ Скопину. Но мать Скопина оказалась «преудалой» поленицей и расправилась по богатыреки съ отравительницей сына. Она ѣдетъ на конѣ въ Кіевъ и требуетъ виноватую. Узнавъ, что та въ полѣ, она ѣдетъ за нею, находитъ въ шатрѣ и закалываетъ. Варианты «старинки» незначительны. «Такимъ образомъ,—пишетъ В. Θ. Миллеръ,—на Печорѣ въ устахъ сказителей историческій князь Скопинъ-Шуйскій, народный герой смутнаго времени, погибшій преждевременною смертію и оплакиваемый народомъ, превратился въ богатыря князя Владимира, и вся эпическая обстановка—Кіевъ, Владимиръ, Апраксія, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ—явилась на сцену изъ эпическаго склада. Яркій примѣръ возникновенія былинны кіевскаго цикла изъ очень поздняго матеріала, изъ московской пѣсни XVII вѣка. Здѣсь мы знаемъ самое событіе, легшее въ основу пѣсни, и можемъ наблюдать ея постепенный переходъ въ былинну. И эти наблюденія даютъ намъ яркое понятіе о процессахъ народнаго творчества и оправдываютъ попытки изслѣдователей искать въ нынѣшнихъ «фантастическихъ» былинахъ отголосокъ историческихъ данныхъ въ сказочномъ содержаніи или фабулѣ».

Размѣры рецензіи не позволяютъ коснуться изслѣдованія В. Θ. Миллера о роли въ былинахъ Маріи Юрьевны Мнишекъ,—этой «и ненавистой, и соблазнительной особы». «Ея иноземное происхожденіе,—припоминаетъ авторъ,—пышный пріѣздъ въ Москву съ огромной свитой поляковъ и королевскими посланцами, небывалое на Русивѣнчаніе ея на царство еще невѣстой передъ свадебнымъ

обрядомъ, нарушеніе ради нея и ся свиты старинныхъ обычаевъ. драматизмъ ея судьбы постѣ убіенія Лжедмитрія, ея похождения съ тушинскимъ воромъ и съ Заруцкимъ, дившіяся притомъ нѣсколько лѣтъ въ самый разгаръ смуты— все это должно было поразить народное воображеніе и запечатлѣть надолго память объ этой и ненавистной, и соблазнительной особѣ». Отсылаемъ читателя къ страницамъ очерка В. Θ. Миллера, посвященнымъ, по выраженію Пушкина, «самой странной изъ хорошенькихъ женщинъ». Не менѣе удачно сгруппированъ матеріалъ и по другому основному вопросу—о томъ, какія отложенія въ былинахъ сохранились отъ казацкой смуты, игравшей выдающуюся роль въ ходѣ событій изслѣдуемаго періода, причемъ авторъ для выясненія вообще характера казачества пользуется мнѣніями историковъ С. Соловьева, Пловайскаго, Платонова, «Дневникомъ» Маскѣвича и др. Подробно останавливаясь на былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, авторъ стремится особенно подчеркнуть ту двойственность въ поступкахъ и словахъ стараго казака, тотъ внутренній разладъ, который, по мнѣнію автора, является «подъ дѣйствіемъ казацкихъ и простонародныхъ чувствъ, выплывшихъ вч. печальной эпопеей событій смутной эпохи».

Разобраться во всѣхъ перепутанныхъ и перемѣшанныхъ слѣдахъ смутнаго времени — задача крайне трудная. Несмотря на смѣлость и рискованность нѣкоторыхъ догадокъ В. Θ. Миллера, особенно въ обширномъ отдѣлѣ объ Ильѣ Муромцѣ, — все-таки большинство объясненій могутъ быть приняты за очень правдоподобныя.

А. Я.

В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. Спб. 1906.

Существовавшія до сихъ поръ «Исторіи» русской литературы теперь устарѣли и въ значительной степени утратили научное значеніе, напрямѣръ, А. Галахова, П. Порфирьева, Θ. Буслаява, А. Незеленова. Ихъ главный недостатокъ тотъ, что ни одинъ изъ авторовъ не сумѣлъ правильно освѣтить все русское литературное движеніе, хотя бы до Петра Великаго. Ни одна прежняя «исторія», не исключая и четырехтомнаго труда А. Н. Пыпина, не можетъ сравниться съ работой В. А. Келтуялы. Скромное названіе ея «Курсомъ», съ прибавкой еще болѣе скромнаго «Пособіе для самообразованія», которое далъ авторъ труду, слишкомъ неточно и даже невѣрно, такъ какъ историческій обзоръ русской литературы г. Келтуялы дастъ больше, чѣмъ любой университетскій курсъ. Авторъ представилъ такую осмысленную и правдоподобную картину литературныхъ явленій, какой до сихъ поръ, повторяемъ, не давалъ еще ни одинъ историкъ.

Главнымъ достоинствомъ книги г. Келтуяла служитъ то, что онъ не является проводникомъ одной какой-либо теоріи, но, примиря индивидуальную критическую школу съ эволюціонной исторической, признаетъ огромное вліяніе за средой и разсматриваетъ всю литературу, какъ продуктъ классового творчества. По его мнѣнію, сумма испытанныхъ авторомъ переживаній, его общественныя, умственныя и нравственныя стремленія—въ цѣломъ никогда

не составляют его личной принадлежности. Но г. Келтуяла не фанатичный последователь этого положения. Во всяком литературном явлении онъ, равнымъ образомъ, умѣетъ выдѣлнить и то, что носитъ отпечатокъ только личности автора, и то, что объясняется, какъ отраженіе эпохи и мѣстности. Г. Келтуяла стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что для широкаго пониманія литературнаго произведенія критикъ долженъ изучать его не столько въ связи съ біографіей автора, сколько въ связи съ состояніемъ того общественнаго класса, представителемъ котораго является авторъ. Это — первый факторъ, вліяющій на литературныя теченія и ихъ представителей. Общественное же и культурное состояніе всего народа г. Келтуяла ставитъ по значенію на второе мѣсто, давая такимъ образомъ совершенно иной порядокъ факторовъ, чѣмъ было принято раньше. За этими факторами авторъ ставитъ далѣе характеръ общественно-трудовыхъ воздѣйствій народа на природу (способы борьбы за существованіе), наконецъ—вліяніе сосѣднихъ, болѣе культурныхъ въ извѣстный моментъ, народовъ. Авторъ выдвигаетъ еще и другую причину, также до сихъ поръ не принимавшуюся во вниманіе при трактовкѣ литературныхъ явленій; это—отношенія народа къ природѣ, такъ сказать, техника его борьбы за существованіе, которая должна имѣть огромное вліяніе на общественный строй и отражаться въ литературныхъ произведеніяхъ.

Всѣ литературныя явленія г. Келтуяла разбиваетъ въ «Куресъ» на двѣ группы: народно-устное творчество, какъ исконное достояніе русскаго народа, и книжную—результатъ вліянія еврейско-византійско-болгарской культуры. Намѣренно или случайно, только авторъ не упоминаетъ о другихъ славянскихъ вліяніяхъ, кромѣ болгарскаго. Къ общенародному устному творчеству г. Келтуяла примѣняетъ ту же «классовую» точку зрѣнія; къ нему онъ относитъ все то, что не носитъ слѣдовъ племенного или классоваго различія: заговоры, заклинанія, праздничныя («обрядовыя») пѣсни и бытовыя сказки, пословицы, поговорки, загадки. Обычно у насъ былины относятъ къ этой группѣ народнаго творчества. Г. Келтуяла совершенно исключаетъ ихъ изъ нея, относя былины къ произведеніямъ не общенароднымъ, а къ устному творчеству княжеско-дружинному. Этотъ взглядъ также новъ, и не только для «Куресовъ», но и для научной разработки литературныхъ памятниковъ. Былины явились съ образованіемъ класса дружинниковъ, когда у насъ возникло и специально дружинное устное творчество, точно такъ же, какъ съ образованіемъ церкви возникло устное церковное творчество въ видѣ переработокъ апокрифовъ и церковныхъ сказаній «въ духовные» стихи.

Тотъ же самый взглядъ авторъ проводитъ и въ области письменнаго творчества. Дошедшія до нашего времени немногія произведенія княжеско-дружиннаго письменнаго творчества онъ разбиваетъ на двѣ группы: къ первой относитъ «Поученіе къ дѣтямъ Владимира Мономаха и Моленіе Даниила Заточника, ко второй— «Слово о полку Игоревѣ» и «Слово о погибелѣ русскои земли» (начала XIII вѣка), впервые внесенное г. Келтуялой въ «Исторію литературы».

Для первой группы авторъ считаетъ наиболѣе характернымъ произведеніемъ «Поученіе къ дѣтямъ», для второй—«Слово о полку Игоревѣ». Ему

кажется, что оба эти произведения, при сравнении, производят впечатлѣніе чего-то противоположнаго другъ другу: въ то время, какъ содержаніе «Поченія къ дѣтямъ» проникнуто византійско-христіанскимъ міропониманіемъ, — «Слово о полку Игоревѣ» является почти исключительнымъ въ древне-русской литературѣ образчикомъ національнаго русскаго міровоззрѣнія. Это радикальное различіе между двумя произведениями объясняется не случайностью: оно обусловлено различіемъ между неоднородными группами въ княжеско-дружинной средѣ.

Въ произведеніяхъ «церковно-дружиннаго» письменнаго творчества, т. е. такого, въ которомъ въ той или иной формѣ принимали участіе оба класса правящей Руси, г. Келтуяла видитъ тѣ же самыя явленія. Къ этому творчеству онъ относитъ прежде всего лѣтописи, причѣмъ держится того справедливаго взгляда, что извѣстныя до сихъ поръ лѣтописи не только нельзя называть памятниками общерусской литературы, но онѣ не отражаютъ въ себѣ чертъ общенародныхъ: тенденція ихъ скорѣе даже антидемократическая. Въ лѣтописяхъ «народъ безмолвствуетъ»; «смердовъ» для хронистовъ какъ будто не существуютъ: зато съ тѣмъ болѣею любовью останавливаются лѣтописцы на самыхъ ничтожныхъ событіяхъ княжескаго дома, съ охотою и много говорятъ о войнахъ, внѣшнихъ сношеніяхъ, грозныхъ знаменіяхъ, вносятъ въ свою работу княжеско-дружинныя преданія и т. д. Въ княжеско-дружинныхъ частяхъ-сводахъ, по мнѣнію г. Келтуялы, обнаруживается національное міровоззрѣніе только административно-военнаго сословія, съ его преклоненіемъ передъ коварствомъ, храбростью, какъ, напримѣръ, въ преданіяхъ о Вѣщемъ Олегѣ, Ольгѣ, Святославѣ. Кромѣ того, составитель лѣтописнаго свода находится подъ вліяніемъ узкой религіозно-нравоучительной тенденціи и на исторію смотритъ, какъ «на устроенную свыше арену» для воспитанія человѣка, согласно предназначеннымъ Богомъ цѣлямъ. Всѣ событія въ человѣческой исторіи, по убѣжденію лѣтописца, обязаны своимъ происхожденіемъ борьбѣ двухъ высшихъ міровъ — Бога и дьявола.

Г. Келтуяла доводитъ обзоръ литературы съ принятой имъ точки зрѣнія классоваго творчества до конца первой четверти XIII вѣка. Многіе его взгляды и новые выводы, несомнѣнно, будутъ приняты наукой, — и первый томъ его труда, можно быть увѣреннымъ, станетъ одной изъ первоклассныхъ серьезныхъ работъ въ числѣ устарѣвшихъ и узкихъ «исторій».

Наши замѣчанія касаются только архитектурки всего «Курса», общей идеи автора о древнемъ періодѣ русской литературы. Что же касается частныхъ, то здѣсь г. Келтуяла допустилъ рядъ ошибокъ, которыя объясняются прежде всего слабымъ (лучше сказать, случайнымъ) знакомствомъ его съ новѣйшими изданіями и изслѣдованіями. Синоскъ источниковъ, которыми онъ пользовался, не отличается полнотой, а для такого солиднаго труда, какъ его «Курсъ», незнаніе новыхъ взглядовъ специалистовъ — непростительно. Поэтому необходимо прежде всего обновить библиографическій синоскъ «устной словесности» (стр. 135 — 136), сказокъ (стр. 147 — 148). Келтуяла знаетъ только раннюю работу Плѣштова (стр. 154) и незнакомъ съ болѣе полной новой — «Сборникъ російскихъ пословицъ и поговорокъ» (Кіевъ, 1904), гдѣ

приведена почти вся литература о поговорахъ (см. стр. 13 — 54). Особенно жалка въ «Курсѣ» библиографія переводныхъ сказаній (стр. 308). Изъ мелочей замѣтимъ только нѣкоторыя. Нельзя говорить о «коллективномъ» творчествѣ (стр. 89 — 93 и м. др.), такъ какъ исторія поэзіи и всякаго искусства знаетъ творчество только индивидуальное: если дальнѣйшія объясненія автора и правильны, то, во всякомъ случаѣ, указанный терминъ — ненаучный. Корсунъ не Хереонъ (стр. 590), а Херсонесъ; чехи никогда не подчинялись Германіи (sic, стр. 12); болгары не турецкаго происхожденія (стр. 61); сочиненіе Антиоха называется «Пандекты», а не «Пандектъ» (стр. 64). Сомнѣнія относительно принадлежности Слова «о законѣ и благодати» митрополиту Натаніону (стр. 636 — 637) напрасны. Относительно Матріархата (стр. 17) въ настоящее время существуютъ новыя теоріи, и познакомить съ ними авторъ «Курса» могъ хотя бы по «Этнографіи» Н. Харузина, которой онъ не знаетъ: она оказалась бы ему полезной для рѣшенія и другихъ вопросовъ, особенно — первобытныхъ вѣрованій. Анимизму г. Келтуяла придаетъ слишкомъ большое значеніе, что въ последнее время въ наукѣ значительно ослаблено. Греческимъ уставомъ писались не только Евангеліе и важные документы (стр. 55), а все то, что и кирилловскимъ уставомъ. Съ богомильствомъ связаны не одни альбигойцы (стр. 69), но и другія секты: бегарды, братья св. духа, фратичеллы, спротки, табориты, адамиты и т. д. Термина краткогласіе (стр. 70) совсѣмъ не существуетъ въ лингвистической терминологіи. Для исторіи заговоровъ (стр. 99—100) нельзя обойтись безъ капитальнаго изслѣдованія проф. М. П. Соколова о «змѣвицахъ». Эпитетъ князя Владимира въ былинахъ ничего общаго не имѣетъ съ Дажь-богомъ (стр. 355): вообще, о мифологической теоріи, какъ совсѣмъ обанкротившейся, лучше не говорить. Слова Кирилла Туровскаго едва ли имѣютъ отношеніе къ нашимъ былинамъ (стр. 359); вѣдь приводимый отрывокъ это — риторическій приемъ византійскаго происхожденія. Слова шиндманъ не знаетъ наша древнерусская литература (стр. 363).

Другія замѣчанія сдѣлаемъ при разборѣ слѣдующаго выпуска интересной книги г. Келтуялы.

А. И. Яцимирскій.

Бирюковъ П. Л. Н. Толстой. Біографія. Т. 1. М. 1906.

Всякому, желающему болѣе или менѣе подробно познакомиться съ тѣмъ или инымъ писателемъ, прежде всего бросается на глаза скудость объ нихъ біографическихъ матеріаловъ и трудовъ. Уже не говоря о второстепенныхъ писателяхъ, у насъ нѣтъ хорошихъ біографій даже такихъ крупныхъ величинъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій и т. п. Эта область разработана у насъ очень слабо. Между тѣмъ давно признано, что всесторонняя и полная біографія имѣетъ весьма важное значеніе для пониманія писателя, его творчества, психологіи: мы должны разсматривать писателя не только въ связи съ окружающими его историческими и общественными условіями, но и въ связи съ обстановкой его жизни, окружающей средой. Вотъ почему появленіе обширной біографіи Л. Толстого, составленной Бирюковымъ, получаетъ особенное значеніе. Составитель — русскій эмигрантъ долгое время жилъ вмѣстѣ

съ великимъ писателемъ и теперь поддерживаеъ съ нимъ самыя дружественныя отношенія. Составленная имъ біографія предназначается для полнаго собранія сочиненій русскаго писателя, предпринятаго парижской книгоиздательской фирмой Стокъ; параллельно съ французскимъ изданіемъ, она будетъ выходить и на русскокъ языкѣ. Біографія будетъ заключаться въ трехъ большихъ томахъ. Вышедшій уже первый томъ, заключающій въ себѣ обширную книгу въ 477 страницъ убористой печати, содержитъ въ себѣ описаніе происхожденія Толстого, первыхъ періодовъ его жизни и кончается женитьбой. Второй томъ будетъ посвященъ 1863-1884 гг., т. е. періодамъ наибольшей славы, семейнаго счастья и богатства Толстого, пережитаго послѣ этого кризиса, и рожденію его къ новой жизни. III, наконецъ, третій томъ будетъ изображать жизнь писателя за послѣдніе годы.

Особенная цѣнность труда г. Бирюкова заключается въ томъ, что онъ составленъ при помощи самого Толстого, который сообщилъ біографу крайне цѣнныя свѣдѣнія, открылъ доступъ къ своимъ дневникамъ, къ тѣмъ богатымъ матеріаламъ, которые собраны супругою писателя и хранятся въ Московскомъ историческомъ музеѣ. Кромѣ всего этого, г. Бирюковъ использовалъ всю богатую, русскую и заграничную, литературу о писателѣ. Все матеріалы, служившіе составителю источникомъ его работы, онъ раздѣляетъ на четыре разряда по ихъ цѣнности. Къ первому онъ причисляетъ личныя автобіографическія замѣтки самого Толстого, его письма къ разнымъ лицамъ и выписки изъ дневника; ко второму — воспоминанія и біографическіе очерки лицъ, близко знавшихъ писателя: его родственниковъ, друзей, знакомыхъ, а также различные официальные докумены и архивныя матеріалы, какъ, напримѣръ послужные списки, метрическія свидѣтельства, различные докумены учебнаго начальства, копіи съ судебныхъ и административныхъ дѣлъ и т. п.; къ третьему — работы и статьи о писателѣ различныхъ авторовъ — болѣе цѣнныя и къ четвертому — менѣе цѣнныя.

Такое добросовѣстное отношеніе къ своимъ задачамъ и дало возможность г. Бирюкову составить дѣйствительно хорошую біографію, которой еще не имѣетъ ни одинъ изъ русскихъ писателей.

Главную цѣнность труду г. Бирюкова сообщили, какъ уже сказано выше, содѣйствіе самого Л. Толстого, исправленія котораго, примѣчанія, предоставленныя воспоминанія дали возможность составителю не сдѣлать промаховъ, проверить противорѣчія печатныхъ матеріаловъ, вѣрно представить жизнь великаго писателя. Его же содѣйствіе позволило г. Бирюкову привести различные портреты, снимки, изъ которыхъ многіе были еще неизвѣстны, какъ, напримѣръ, единственное сохранившееся изображеніе матери Л. Толстого, когда она была дѣвочкой.

Кромѣ своего литературнаго интереса, работа имѣетъ еще интересъ въ другомъ отношеніи. Толстой обладаетъ удивительнымъ самоанализомъ; это — натура, по своему существу, нищущая, мятущаяся, много думающая о различныхъ проблемахъ жизни. Прослѣдить ея развитіе, постепенный духовный ростъ великаго мыслителя имѣетъ глубокой интересъ для психолога.

А. Ф — нъ.

**С. П. Никоновъ, профессоръ Харьковскаго университета. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее.
Харьковъ. 1906.**

Книга профессора Никонова посвящена по преимуществу вопросамъ современного положенія русскаго крестьянства, но въ ней имѣется и довольно обширный историческій очеркъ. Очеркъ этотъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ содержится краткое, но весьма содержательное изложеніе нашей внутренней по крестьянскому вопросу политики въ девятнадцатомъ столѣтіи. Эту политику въ указанномъ вѣкѣ можно раздѣлить на двѣ эпохи: до 1861 г., когда неудержимо нарастало сознание необходимости освобожденія отъ крѣпостной зависимости и — послѣ 61 года, когда, послѣ сравнительно короткаго промежутка пребыванія крестьянства на основахъ реформы, появилось стремленіе стѣснить его въ правахъ и подчинить, вмѣсто помѣщичьей, правительственной опеки. Законъ о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. явился наиболѣе яркимъ выразителемъ такого стремленія. Относясь къ нему крайне отрицательно, авторъ требуетъ крестьянскихъ преобразованій на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Онъ настаиваетъ на отбѣи крестьянской обособленности, преобразованіи крестьянскаго управленія, волостнаго суда, свободы передвиженія, землепользованія, самыхъ широкихъ хозяйственныхъ реформахъ. Современное положеніе затрагиваемыхъ вопросовъ авторъ широко освѣщаетъ историческими данными изъ недавняго прошлаго, причѣмъ отводитъ значительное мѣсто матеріаламъ извѣстнаго сельскохозяйственнаго совѣщанія. Несомнѣнно, что крестьянская реформа является одной изъ важнѣйшихъ въ ряду преобразованій, связанныхъ съ манифестомъ 17 октября. Сознаніе этого глубоко проникло въ общество и въ правительство, чѣмъ и объясняются послѣдовавшіе недавно указы о продажѣ казенныхъ оброчныхъ статей на льготныхъ основаніяхъ и о различныхъ правовыхъ льготахъ для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи указъ 6 октября въ нѣкоторомъ смыслѣ идетъ даже далѣе пожеланій автора, предоставляя крестьянамъ всѣ права государственной службы и сохраняя за ними право оставаться членами сельскаго общества, несмотря на происходящіе измѣненія ихъ социальнаго положенія. Очень интересенъ въ книгѣ очеркъ прошлаго и настоящаго нашего переселенія, гдѣ рисуются поучительныя бытovyя картинки казеннаго отношенія съ столь важному государственно-хозяйственному дѣлу. Свой обширный трудъ г. Никоновъ заключаетъ указаніемъ на необходимость самаго широкаго просвѣщенія крестьянскихъ массъ, безъ котораго никакія преобразованія не приведутъ къ конечной желательной цѣли экономическаго благосостоянія крестьянъ. «Всякое мѣропріятіе, — справедливо замѣчаетъ авторъ, — направленное къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, къ повышенію производительности почвы, къ развитію дешеваго и скорого кредита, къ унорядоченію сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, къ организациі переселеній, можетъ лишь тогда имѣть вѣрный успѣхъ въ будущемъ, когда само населеніе окажется въ состояніи понимать смыслъ и пользу предпринимаемыхъ новшествъ и окажется способнымъ умѣть осуществлять ихъ на дѣлѣ». Книгѣ г. Никонова обезпечено сочувствіе широкихъ круговъ читателей. **В. Гр--скій.**

Матеріалы по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Записка члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, В. Э. Фриша, командированнаго за границу для изученія нѣкоторыхъ вопросовъ по охраненію государственнаго и общественнаго порядка и спокойствія въ западно-европейскихъ государствахъ. X; ч. I. Франція. Ч. 2. Австрія. Ч. 3. Германія. Ч. 4. Работные дома. Спб. 1906.

Этотъ трудъ г. Фриша имѣетъ прямое отношеніе къ производившимся въ послѣдніе два года въ правительственныхъ сферахъ работамъ по пересмотру дѣйствующихъ въ Россіи исключительныхъ законовъ.

Законы эти всѣмъ извѣстны. Главнѣйшими изъ нихъ являются постановленія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ и примѣненіи военнаго положенія и полевыхъ судовъ. Цѣлая четверть-вѣковая исторія этихъ законовъ неизгладимыми чертами заечатлѣлась въ сознаніи живущихъ поколѣній.

Не всѣ, однако, можетъ быть, обращали должное вниманіе на то, что современное примѣненіе этихъ законовъ находится въ извѣстномъ противорѣчій съ ихъ основнымъ требованіемъ.

Дѣло въ томъ, что законодатель, санкціонируя 25 лѣтъ назадъ эти законы, видѣлъ въ нихъ мѣру частнаго характера, средство борьбы съ проявленіями противогосударственной дѣятельности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (ст. 4 Пол. о мѣр. къ охр. гос. пор.). Для широкаго, общаго примѣненія законы эти совѣтъ не предназначались. Между тѣмъ, дѣйствіе ихъ въ послѣдніе годы распространено почти силою на пространствѣ всей Имперіи и законъ частнаго значенія принялъ силою обстоятельствъ на практикѣ совершенно не соответствующій ему и противорѣчащій основному взгляду законодателя общій характеръ. То, что законодатель призналъ годнымъ лишь для ограниченнаго приложенія при общихъ нормальныхъ условіяхъ, практикуется въ дѣйствительности въ качествѣ всеобщей мѣры борьбы съ определеннымъ общественнымъ движеніемъ въ цѣлой странѣ.

Но опытъ всѣхъ народовъ и нашъ собственный доказываетъ, что для борьбы съ революціей нужны совѣтъ другія средства, — не однѣ репрессіи, но и реформы; примѣненіе же только исключительныхъ законовъ, приобретающее характеръ объявленія войны всему народу, не способно дать успокоеніе и миръ странѣ.

Какъ бы, однако, ни было, во всякомъ случаѣ, наши исключительные законы примѣняются въ теперешнемъ масштабѣ вовсе не по первоначальной мысли законодателя, и уже по одному этому помянутыя работы по пересмотру этихъ законовъ являются какъ нельзя болѣе соответствующими одной изъ самыхъ неотложныхъ потребностей нашей внутренней жизни.

Работы эти, какъ извѣстно, сначала были возложены на особое совѣщаніе, а затѣмъ ими занималась междувѣдомственная комиссія, которая и выработала, пользуясь поступившими отъ совѣщанія матеріалами, соответствующій

законопроектъ, предназначенный къ внесенію въ государственную думу въ первую же очередь.

Связь разсматриваемаго труда г. Фриша со всѣми этими работами придаетъ ему особое значеніе. Она указываетъ, что вопросъ о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ поставленъ былъ въ названныхъ учрежденіяхъ довольно широко и онѣ стремились обосновать свою работу не только на данныхъ и соображеніяхъ, вытекающихъ изъ условій нашей страны, но и принявъ во вниманіе соответствующія законодательства другихъ государствъ. А это уже само по себѣ могло благоприятно отразиться на выработанномъ законопроектѣ.

Трудъ г. Фриша явился въ результатѣ порученія, даннаго ему предѣтелемъ вышеозначеннаго особаго совѣщанія. В. Э. Фришу было поручено съѣздить въ Германію, Францію и Австрію и изучить тамъ длинный рядъ вопросовъ, касающихся охраны государственнаго и общественнаго порядка въ этихъ странахъ. Требовалось выяснить предѣлы правъ и практику администраціи, въ частности полиціи, по дѣламъ охраны. Простой перечень поставленныхъ вопросовъ дастъ полное понятіе о задачѣ автора. Вотъ этотъ перечень: взысканія за нарушенія постановленій или полицейскихъ предписаній, прекращеніе пользования извѣстными предметами (закрытіе театровъ и т. п.), исполненіе нѣкоторыхъ дѣйствій за счетъ лицъ, не подчиняющихся требованіямъ администраціи или постановленіямъ суда (сломка ветхаго зданія и т. п.), надзоръ за нищими, хулиганами и т. п.

Это—по части охраны «общественнаго порядка». А вотъ и вопросы политическіе: права администраціи заключать подъ стражу лицъ при ожиданіи народныхъ волненій и т. п., задерживать подозрѣваемыхъ по политическимъ (и уголовнымъ) преступленіямъ, высылать и принуждать или воспрепятствовать жить въ опредѣленномъ мѣстѣ, отдавать подъ надзоръ полиціи, наблюдать за передвиженіемъ населенія, проживаніемъ въ гостиницахъ, меблированныхъ комнатахъ и т. п., за разнаго рода агентствами, конторами, расклейкою объявленій, храненіемъ и ношеніемъ оружія и т. п., закрывать союзы и общества, собранія, сборища и сходки, контролировать замѣщеніе должностей по государственной и общественной службѣ и требовать увольненія должностныхъ лицъ, привлекать дворниковъ и призывать войска для содѣйствія полиціи.

Требовалось также установить, въ какихъ случаяхъ считается необходимымъ вводить въ дѣйствіе исключительныя положенія, часто-ли онѣ вводятся и сколько времени обыкновенно дѣйствуютъ и принимаются-ли административныя мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, проявляющихъ противогосударственныя или преступительственныя стремленія, но не дающихъ основанія для привлеченія ихъ къ судебной ответственности.

Авторъ въ своихъ «матеріалахъ» дастъ полныя и вполне опредѣленные отвѣты по всѣмъ этимъ вопросамъ, поскольку, разумѣется, послѣдніе находятъ мѣсто въ указанныхъ конституціонныхъ странахъ, гдѣ, какъ видно и изъ труда г. Фриша, народъ пользуется гражданскими и политическими правами:—свобода и неприкосновенность личности, жилища и переписки вполне

обезпечена, существуютъ независимый судъ и самоуправленіе, строго отдѣлены судебныя функціи отъ административныхъ и администрація дѣйствуетъ въ строго опредѣленныхъ закономъ рамкахъ и поставлена подъ контроль мѣстнаго и общаго народнаго представительства.

Собранные авторомъ матеріалы состоятъ изъ законодательныхъ актовъ, распоряженій, циркуляровъ и т. п., относящихся къ правамъ, обязанностямъ и дѣйствіямъ административно-полицейскихъ органовъ въ Германіи, Франціи и Австріи, и въ частности — въ Берлинѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Кромѣ дѣйствующихъ постановленій, приведено не мало и существовавшихъ ранѣе, но уже отмѣненныхъ постановленій и актовъ, которые признаны авторомъ имѣющими значеніе для его цѣли.

Весь этотъ богатый сырой матеріалъ хорошо подобранъ и изложенъ въ удобномъ для пользованія порядкѣ. Въ каждой изъ четырехъ брошюръ онъ составляетъ отдѣльную часть — «Приложеніе».

Передняя часть брошюръ посвящена обработкѣ сырого матеріала. Здѣсь авторъ даетъ въ сжатомъ изложеніи систематическіе и исчерпывающіе очерки административнаго и общественнаго устройства названныхъ трехъ государствъ и ихъ главныхъ политическихъ центровъ, организаціи общей и частной полиціи (исправительной, безопасности, несчастныхъ случаевъ, порядка и нравовъ, желѣзнодорожной и т. п.), жандармеріи и административнаго суда разныхъ инстанцій, причемъ обрисовываются правовыя отношенія и практическая дѣятельность административно-полицейскихъ властей въ различныхъ областяхъ общественной жизни, промышленности и торговли. Словомъ, дается полная картина, охватывающая всѣ формы проявленія дѣятельности административныхъ учреждений по мѣстному и общему управленію, всѣ ихъ функціи и сферу ихъ примѣненія (ассоціаціи, собранія, печать, уличная жизнь, передвиженіе населенія, строительная и пожарная части, санитарія, медицина, рынки, афишированіе и т. д.). Приводятся также интересныя данныя о бюджетахъ полиціи.

Эта часть представляетъ собою большую и сложную работу, которая, въ сущности, далеко превышаетъ поставленную автору задачу и несомнѣнно потребовала отъ него особенно много труда, какъ со стороны изученія вопросовъ, такъ и въ смыслѣ технической разработки матеріаловъ. Очерки рисуютъ положеніе вопросовъ въ исторической перспективѣ и въ связи со всей системой административнаго устройства государствъ. Самое изложеніе, при общей сжатости разсказа, отличается полнотой, ясностью, точностью и опредѣленностью, — качествами весьма цѣнными въ каждой работѣ и особенно важными въ выполненномъ авторомъ излѣдованіи.

Отдѣльнаго упоминанія заслуживаетъ брошюра: «Работные дома». Она отличается особымъ богатствомъ матеріаловъ и всесторонней разработкой вопроса. Здѣсь авторъ не ограничился Германіей, Франціей и Австріей, но изучилъ предметъ и по законодательствамъ Англии, Бельгіи, Норвегіи, Россіи и Финляндіи. Въ кругъ изслѣдованія введены, кромѣ работныхъ домовъ, и дома трудолюбія и исправительные. Выдѣленіе этого предмета изъ системы государственной разработки всѣхъ вообще матеріаловъ въ отдѣльное изданіе слѣдуетъ признать весьма удачнымъ.

Несомненно, трудъ автора, какъ солидный и надежный источникъ очень цѣнныхъ свѣдѣній, могъ послужить существеннымъ подспорьемъ при окончательной выработкѣ вышепомянутаго законопроекта. И надо надѣяться, что междуведомственная комиссія широко воспользовалась примѣромъ Запада и нашла возможнымъ проектировать перенесеніе на русскую почву жизненныхъ началъ старыхъ конституціонныхъ странъ¹⁾. Въ этихъ странахъ, какъ свидѣтельствуемъ и изслѣдованіе автора, политическая ссылка и полицейскій надзоръ по административнымъ постановленіямъ не существуютъ; роль полиціи чисто исполнительная; карательная власть административно-полицейскихъ органовъ простирается лишь на самыя маловажныя дѣла и ограничена правомъ налагать штрафы въ нѣсколько десятковъ рублей или подвергать аресту на нѣсколько дней. Исключительныя и осадныя положенія, допускаемыя конституціями, поставлены въ строго ограниченныя рамки, не имѣютъ того драконовскаго характера, какъ въ Россіи и находятся подъ обязательнымъ контролемъ народнаго представительства.

В. К. Кузнецовъ.

**Н. Л. и Г. Бутми. Фран-масонство и государственная измѣна.
Вып. I. Спб. 1906.**

А. Нечволодовъ. Отъ разоренія къ достатку. Спб. 1906.

Объ этихъ двухъ брошюрахъ приходится говорить нѣсколько подробно, потому что онѣ составляютъ значеніе времени.

Есть люди, для которыхъ тяжелые историческіе кризисы объясняются не огромной совокупностью множества обстоятельствъ, а исключительно тайными кознями нѣкоторыхъ зловердныхъ лицъ, которыя обозначаются собирательнымъ словомъ «они». Въ это собирательное понятіе вкладывается, въ зависимости отъ обстоятельствъ, самое разнообразное содержаніе: «они» въ 60 годахъ—нигилисты, позднѣе—вообще люди, несочувствовавшіе старому режиму, наконецъ, «они»—это фран-масоны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ забили тревогу, предостерегая противъ козней сего страннаго, мало кому извѣстнаго общества. Появилось о масонахъ десятка полтора брошюръ и книжекъ алармистскаго характера, но, по своимъ натяжкамъ и неправдоподобію, не имѣли особаго успѣха. Теперь мода на масоновъ начинается и у насъ.

¹⁾ Здѣсь кѣати отмѣтить, что, помимо области исключительныхъ законовъ, трудъ автора отчасти служитъ матеріаломъ и при происходящемъ нынѣ пересмотрѣ общихъ административно-полицейскихъ узаконеній. Этимъ дѣломъ занята та же междуведомственная комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ тов. мин. внутр. дѣлъ А. А. Макарова, въ которой авторъ состоитъ членомъ. Комиссія вырабатываетъ проекты двухъ уставовъ: административно-полицейскаго, взаменъ архаическаго устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, и по органической реформѣ полиціи. Главной особенностью является уставъ административно-судебной организаціи, создаваемый по типу французскаго устава о комиссарахъ полиціи, стоящихъ надъ простыми полицейскими агентами послѣдней (городовыми и т. п.).

Если повѣрить г. Бутми и его товарищу Н. Л., масонское тайное общество въ сущности уже забрало въ свои руки управленіе человѣчествомъ: оно низводитъ и возводитъ монарховъ, устраиваетъ революціи, устраняетъ мѣшающихъ ей лицъ, сосредоточиваетъ, мало-по-малу, въ своихъ рукахъ деньги всего земного шара. Ужаснѣе всего то, что масонами оказываются всѣ лица, такъ или иначе проявившія себя въ исторіи: Бэконъ и Смитъ, Аоккъ и Гельвецій, Вольтеръ, Дидро и всѣ энциклопедисты; политическіе дѣятели: Робеспьеръ, Маратъ, Талейранъ, Фуше и множество другихъ; коронованныя особы: Людовикъ XVIII, Карлъ X, Герцогъ Брауншвейгскій и пр. — все это масоны. Масоны же и недавніе наши современники—Криспи, Вальдекъ Руссо и др. Къ масонству же причисляются и такія организациі, какъ итальянскіе карбонаріи и французскіе форестьеры, которые будто бы служатъ масонамъ боевой дружиной.

Откуда же, спроситъ читатель, черпаются столь поразительныя свѣдѣнія? Изъ французскихъ книжекъ, а тѣ, въ свою очередь, основываются на подозрительныхъ, по цинической откровенности, протоколахъ масонскихъ засѣданій, да на разоблаченіяхъ, время отъ времени дѣлаемыхъ какими-то бывшими масонами. Достаточно было, напримѣръ, Бэкону высказать въ своей «Новой Атлантидѣ» мысль, что когда-нибудь человѣчество будетъ управляться особымъ тайнымъ обществомъ (почти то-же самое высказывалъ и Платонъ, съ его кастой мудрецовъ), и новѣйшіе охранители, ничто же сумняшеся, спѣшатъ причислить его къ масонамъ. До какихъ нелѣпостей доводитъ авторовъ первой брошюры—ездѣ видѣтъ масоновъ, показываятъ слѣдующее обстоятельство. Со словъ одного француза, они увѣряютъ, что масоны, для устраненія неудобныхъ имъ людей, изобрѣли даже какой-то особенный «масонскій» ударъ въ шейную артерію, все удобство котораго заключается въ томъ, что для убійства достаточно двухъ человѣкъ. Сообщая объ этомъ «масонскомъ ударѣ», г. Бутми дѣлаетъ довольно недвусмысленное сопоставленіе, отмѣчая, что, при покушеніи на извѣстнаго публициста Крушевана, преступникъ-еврей пытался ударить его ножомъ именно въ шею... Вся брошюра г. Бутми держится именно на такихъ сопоставленіяхъ. Пользуясь его методомъ разсужденія, можно смѣло доказать, что и самъ г. Бутми—масонъ. Въ самомъ дѣлѣ, масоны, вѣдь, по его словамъ, изо всѣхъ силъ и всячески стараются мучить общество, съ тѣмъ, чтобы понемногу захватывать руководство надъ нимъ. Не то же ли самое дѣлаетъ г. Бутми, поднимая тревогу безъ достаточныхъ доказательствъ въ рукахъ? Развѣ не хочетъ онъ выставить себя какимъ-то трибуномъ, торжественно предостерегающимъ народъ противъ опасности, которую страннымъ образомъ никто не видитъ?

Брошюра г. Нечволодова болѣе опредѣленна по своему содержанію. Подъ масонами онъ, очевидно, разумѣетъ шайку международныхъ биржевыхъ дѣльцовъ и банкировъ, вродѣ Поляковыхъ, Блейхредеровъ, Ротшильдовъ и т. д. Эти «масоны» обвиняются въ томъ, что, стремясь овладѣть всѣми запасами денегъ въ человѣчествѣ, они, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, уговорили людей считать деньгами только золото, ввели вездѣ золотую валюту, т. е. разсчитъ на золото и, мало-по-малу, высасываютъ его изъ кармановъ человѣчества. По вычисленіямъ автора, весь запасъ золота на землѣ, служащаго деньгами, равняется 20 миллиардамъ, тогда какъ общая задолженность зем-

ного шара достигаетъ 45 миллиардовъ рублей. Процентовъ по этимъ долгамъ приходится уплачивать ежегодно $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей. А такъ какъ добыча золота въ годъ даетъ лишь 300 миллионновъ, то, очевидно, болѣе миллиарда рублей золотомъ вынимается изъ прежняго запаса этого металла и, такимъ образомъ, человѣчество начинаетъ страдать золотымъ малокровіемъ. Вездѣ чувствуется недостатокъ въ золотѣ, какъ въ средствѣ обмѣна. Отъ этого затрудняется обращеніе товаровъ и вообще происходитъ экономическое разстройство. Единственнымъ средствомъ парализовать печальное слѣдствіе масонской интриги—это выпустить неразмѣнныя на золото бумажныя деньги. По мнѣнію г. Нечволодова, произойдетъ слѣдующее: количество денегъ, какъ знаковъ обмѣна, сразу увеличится, торговля и коммерческія операціи пойдутъ бойче, и можно будетъ приступить къ удовлетворенію насущнѣйшихъ экономическихъ нуждъ. Словомъ, получится картина, которую не разъ рисовалъ и г. Шарановъ.

Не предшествуй брошюрѣ г. Нечволодова реклама того же г. Бутца, который называетъ ее «книгой огромнаго общественнаго интереса», не озадачивай г. Нечволодовъ простодушнаго читателя страшными и на первый взглядъ совершенно основательными разсчетами и выкладками,—объ его экономической теоріи не пришлось бы много говорить, равно какъ и о «масонахъ», прилежныхъ авторомъ, ради сенсаци и политической шумихи. Но, разъ передъ нами «книга огромнаго общественнаго интереса», мы обязаны сосчитаться съ ней по существу.

Утверждать, какъ дѣлаетъ г. Нечволодовъ, будто «масоны» уговорили человѣчество считать деньгами только золото, значить держаться договорной теоріи Руссо, которая теперь уже не пользуется никакимъ кредитомъ въ наукѣ. Невозможно себя представить, чтобы люди согласились на что-нибудь всемъ міромъ, всемъ народомъ. Что считать деньгами—зависитъ отъ условій сбыта и культуры. Кочевники считали деньгами скотъ, въ капиталистическомъ строѣ—золото, а въ будущемъ социалистическомъ государствѣ, если такое когда-нибудь наступитъ—деньгами, съ ограниченнымъ, конечно, обращеніемъ, будутъ служить рабочія марки-квитанціи. Золота не будетъ и вовсе не по взаимному соглашенію.

Самый страшный фактъ, которымъ пугаетъ авторъ неопытнаго читателя—это указаніе на разницу между наличностью золота въ монетѣ на всемъ земномъ шарѣ—20 миллиардовъ рублей—и задолженностью человѣчества «масонамъ» 45 миллиардовъ. Однихъ процентовъ приходится платить $1\frac{1}{2}$ миллиарда ежегодно, а между тѣмъ золота добывается въ годъ всего на 300 миллионновъ. На первый взглядъ кажется, что все государство въ неоплатномъ долгу предъ «масонами» и даже не въ состояніи уплачивать ежегодныхъ процентовъ. Но это только кажется. Г. Нечволодовъ закрываетъ глаза на тотъ фактъ, что деньги имѣютъ постоянное обращеніе, вслѣдствіе чего ихъ вовсе не нужно имѣть непрерывно столько же, сколько имѣется долговыхъ обязательствъ. Если вы получаете каждую недѣлю одинъ и тотъ же имперіаль, то въ мѣсяць вы имѣете 60 р. доходу, а въ годъ 720 р. и при помощи одного и того же имперіала можете погасить въ теченіе года большой долгъ. Чѣмъ скорѣе обращается имперіаль, чѣмъ скорѣе онъ къ вамъ возвращается, тѣмъ больше будетъ вашъ

годовой приходъ и тѣмъ большій долгъ вы можете имѣть полную возможность заплатить.

Г. Нечволодовъ особенно упираетъ на недостаточность количества денегъ, какъ знаковъ обмѣна, и предлагаетъ выпустить въ качествѣ таковыхъ деньги бумажныя. (Замѣтимъ, что г. Нечволодовъ постоянно путаетъ два совершенно разныхъ понятія—деньги, какъ цѣнность въ золотѣ, и деньги, какъ знаки для обмѣна). Но политическая экономія указываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ нужно хлопотать о развитіи и доступности кредита, при наличности котораго совершаются огромныя сдѣлки безъ всякаго участія золота. При существованіи же золота, бумажныя деньги, — собственно, не деньги, а товаръ, стоимость котораго колеблется очень значительно.

Ввести неразмѣнныя бумажныя деньги, по мнѣнію автора, необходимо, такъ какъ иначе «масоны» очень скоро выесутъ изъ человѣчества все золото, находящееся въ монетѣ. Авторъ забываетъ одно, что золото добывалось еще до появленія на исторической аренѣ грековъ и съ тѣхъ поръ не исчезало изъ рукъ людскихъ. Запасы его огромны; только оно большею частью находится не въ монетѣ, а въ вещахъ. Если бы золото убывало, то первымъ слѣдствіемъ явилось бы его постепенное вздорожаніе, а по статистикѣ выходитъ («Станлей»), что за послѣднюю четверть вѣка золото подешевѣло почти на 18⁰/. Наконецъ, если бы исчезли гдѣ-то въ масонскихъ погребахъ и подвалахъ золотыя деньги, то онѣ должны были бы подорожать, а это вызвало бы перечеканку въ деньги золотыхъ вещей, которыя стали бы рѣдкостью. Между тѣмъ, этого нѣтъ.

Отмѣтивъ здѣсь нѣкоторыя недоразумѣнія автора съ политической экономіей, укажемъ и на одно явное искаженіе фактовъ. На страницѣ 53 онъ пишетъ: «Россія... могла поправить свое экономическое положеніе... исключительно благодаря мудрой финансовой политикѣ гр. Канкринна, всецѣло основанной на неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ и только послѣ Крымской кампаніи, съ уходомъ гр. Канкринна, началось мирное завоеваніе нашего отечества капиталомъ».

Завоеваніе это началось не потому, конечно, что перемѣнилась финансовая политика, а потому, что выдвинулись такія огромныя экономическія задачи (напримѣръ, постройки жел. дорогъ), какихъ время гр. Канкринна не знало. А во-вторыхъ, и самъ гр. Канкринъ отлично понималъ весь вредъ бумажныхъ денегъ и уничтожалъ ихъ весьма энергично, путемъ девальваціи. Въ 1843 г. былъ объявленъ и размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, вопреки увѣренію г. Нечволодова, утверждающаго, что система гр. Канкринна была основана на неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ.

Въ результатъ финансовыхъ мѣръ гр. Канкринна было то, что въ 1853 г. металла въ государственномъ казначействѣ находилось на 123 милліона, ⁰/₀ бумагъ на 23 милліона и кредитныхъ билетовъ на 311 милліоновъ. Послѣ Севастопольской кампаніи число кредитныхъ билетовъ было болѣе 700 милліоновъ, а къ 1877 году—болѣе миллиарда.

Когда въ странѣ вмѣсто денегъ циркулируютъ лишь бумажные знаки обмѣна, тогда нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что начнется мирное завое-

ваніе страны капиталистами. Какъ воздухъ, такъ и капиталъ всегда хлынетъ въ сферу, наиболѣе разрѣженную. Масонскіе взгляды рѣшительно тутъ не причемъ.

Размѣры замѣтки не позволяютъ намъ подвергнуть положенія г. Нечволодова болѣе подробному разбору. Но читатель видитъ, какъ слабы даже самыя основы, на которыхъ онъ строитъ свои выводы. А. В.

Викторъ Обнинскій. Полгода русской революціи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (октябрь 1905—апрѣль 1906 гг.). Вып. I. М. 1906.

Бывшій членъ распушенной думы, г. Обнинскій торопится увѣковѣчить русскую революцію, вѣроятно, не безъ опасеній, какъ бы событіе это съ теченіемъ времени не представилось русскому обществу въ превратномъ видѣ, заслуживающемъ иного, менѣе громкаго названія. Уважая историческую науку, мы готовы привѣтствовать отпечатанный имъ сборникъ и даже признать въ немъ такъ называемый «цѣнный вкладъ въ науку». Кто занимался исторіей какого нибудь событія, тотъ знаетъ, какъ трудно бываетъ собирать относящіеся до него матеріалы, хотя бы событіе было и совѣмъ еще свѣжо. Приходится отыскивать документы, выбрасывать изъ нихъ всякую фальсификацію и явныя несообразности, отдѣлять достовѣрное отъ вздорнаго, словомъ, производить критическій анализъ. Въ качествѣ государственнаго человека *par excellence*, г. Обнинскій предоставляетъ продѣлывать эту работу ученымъ педантамъ и вводитъ совершенно новый упрощенный способъ собиранія матеріаловъ. Вооружившись полугодовымъ комплектомъ московской газетки «Русское Слово», собиратель «матеріаловъ» вырѣзываетъ изъ нея телеграммы «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ», распределяетъ ихъ по рубрикамъ: «митинги, резолюціи», «черносотенные погромы», «смертныя казни» и т. д., и сдабриваетъ эти рубрики собственными размышленіями и выводами. Пусть скептики твердятъ, что источникъ, изъ котораго съ такимъ упоеніемъ черпаетъ свои «матеріалы» г. Обнинскій, довольно таки мутенъ. Пусть указываютъ на то, что «Русское Слово», приспособившаяся къ спросу газетнаго рынка, ходко торговало краснымъ товаромъ, фальсифицируя его на всѣ лады. Г. Обнинскій, съ похвальной для государственнаго человѣка твердостью, вѣруеть въ правду печатнаго слова и для него то, что напечатано — одна святая истина; нужды нѣтъ, что потомъ такъ называемыя «черносотенныя» газеты удостовѣряють, что телеграммы «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ» говорятъ не о томъ, что было, а о томъ, что было бы желательнымъ для гг. корреспондентовъ. Намъ кажется, что г. Обнинскому слѣдовало бы во второмъ выпускѣ своего сборника собрать эти опроверженія и, въ свою очередь, хотя заднимъ числомъ, опровергнуть ихъ. Это ему было бы нетрудно, такъ какъ въ его распоряженіи явится обширный матеріалъ, собранный и «по слухамъ». Никто, напримѣръ, не знаетъ, сколько народу погибло въ Москвѣ, во время декабрьскаго бунта, а г. Обнинскому это хорошо извѣстно. «Называли цифру въ десять тысячъ однихъ казненныхъ въ Москвѣ», пишетъ онъ.

Читатель видитъ, какъ любопытны и достовѣрны данныя собранія г. Обнинскаго. Но еще любопытнѣе выводы автора, построенные на этихъ данныхъ. Оказывается, напримеръ, что послѣ объявленія манифеста 17 октября настроеніе революціонныхъ организацій (это социаль-революціонеровъ-то, которыхъ не удовлетворишь никакими конституціями: припомнимъ ихъ формулы: «черезъ, помимо!») сдѣлалось выжидательнымъ и онѣ, очевидно, (очень мило это «очевидно»!) готовились къ полному (!) прекращенію всякаго рода насильственныхъ актовъ. Многочисленныя дѣла о такъ называемыхъ политическихъ убійствахъ съ чрезвычайной наглядностью (?) указывали на то, что къ лицамъ, обвиняемымъ въ нихъ, менѣе всего (неужели менѣе всего?) можетъ быть примененъ эпитетъ «убійца» въ общепринятомъ его смыслѣ (а какой еще можетъ быть смыслъ?)—все это «люди, жаждущіе мирнаго обновленія социальнаго строя и лишь отчаявшіеся въ мирныхъ способахъ его разрѣшенія». Вотъ что значитъ быть истинно-либеральнымъ человѣкомъ. Если вы, читатель, вздумаете преобразовать общество такъ, чтобы все члены его ходили со свернутыми на бокъ головами, на манеръ свифтоскихъ лапутянцевъ, и наткнетесь на несогласіе и противодѣйствіе вашей реформы со стороны г. Обнинскаго, то вы можете быстро отчаяться въ мирныхъ способахъ разрѣшенія задуманнаго вами мирнаго обновленія социальнаго строя и отправить г. Обнинскаго въ лучший міръ, къ праотцамъ. Судя по вышеприведенной цитатѣ, онъ не будетъ за это на васъ въ претензіи и даже кости его отъ негодования винтомъ будутъ ходить въ гробу, если кто осмѣлится назвать васъ убійцей въ общепринятомъ смыслѣ этого слова! Отмѣтивъ совершенно справедливо нравственное растлѣніе общества, авторъ приводитъ ужасающія проявленія этой растлѣнности. Въ то время, какъ, по его подсчету, около милліона такъ называемыхъ «сознательныхъ» гражданъ хлопочутъ о приобрѣтеніи намъ, путемъ метанія бомбъ и манипуляцій съ браунингами, свободы, въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи, нашелся отецъ, который, въ концѣ концовъ, донесъ полиціи на свою дочь гимназистку, въ которой вдругъ обнаружился интересъ къ химіи взрывчатыхъ веществъ и къ снаряженію бомбъ. Въмѣсто того, чтобы подождать, пока осязательно обнаружится результатъ химическихъ изслѣдованій распропагандированной гимназистки, отецъ-черносотенникъ взялъ да и положилъ этому конецъ! *O tempora, o mores!*

«Матеріалы», собранныя г. Обнинскимъ, для историковъ имѣютъ еще одно огромное значеніе. Въ качествѣ государственнаго человѣка, собиратель этихъ матеріаловъ имѣетъ настолько обширный кругъ знакомства, что онъ охватываетъ собою весь народъ (русскій, или какой другой — это, впрочемъ, изъ «матеріаловъ не совсемъ ясно). Какъ древній эпическій поэтъ, г. Обнинскій своей персоной исчезаетъ въ этомъ народѣ и если говоритъ, то говоритъ не иначе, какъ отъ лица этого народа. Ему даже отлично извѣстно, что происходитъ въ самой глубинѣ души этого народа. Но крайней мѣрѣ, распространяясь по поводу казненныхъ въ Москвѣ «освободителей», которыхъ иные называютъ просто погибшими въ вооруженной борьбѣ съ правительственными войсками, г. Обнинскій, аки прозорливая Нинія, восклицаетъ: «Только суровый судъ надъ виновниками казней базъ приговоромъ усюкоитъ возмущенную совѣсть»

На сколько могли, мы постарались объяснить читателю всю безпристрастность г. Обнинскаго въ собираніи матеріаловъ, его глубокую и широкую осѣдомленность въ народныхъ чувствахъ и глубокомысліе его разсужденій. Но все-таки мы чувствуемъ всю слабость нашей попытки и почти увѣрены, что найдутся любители (конечно, не изъ числа насчитаннаго авторомъ «милліона сознательныхъ гражданъ»), которые матеріалы Обнинскаго, въ свою очередь, включатъ въ матеріалы къ исторіи революціоннаго беззащитнаго аганья. Какъ нельзя болѣе, къ г. Обнинскому примѣнны слова Мефистофеля: —

Und kurz und gut ich höh'n ihm das Vergnügen,
Gelegentlich sich etwas vorzulügen.
Doch lange hält er das nicht aus.

А. В.—въ.

М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному. Томы II—III. М. 1906.

Г. Кохъ. Очеркъ по исторіи идей и государственнаго управленія. Спб. 1906.

Книга Коха—новый переводъ стараго сочиненія, написаннаго 14 лѣтъ тому назадъ. Авторъ задаетъ цѣлью изложить взаимодѣйствіе между политическими писателями и государственнымъ строемъ XVII и XVIII вѣка. Онъ оставивается, съ одной стороны, на возрѣвняхъ наиболѣе выдающихся писателей, а съ другой стороны,— на условіяхъ внутренняго состоянія и развитія ихъ странъ.

Содержаніе книги Коха, до извѣстной степени, совпадаетъ съ 3-мъ томомъ прекраснаго труда М. М. Ковалевскаго, и, по всей вѣроятности, послѣдующіе томы сдѣлаютъ сочиненіе перваго совсемъ ненужнымъ.

Проф. Ковалевскій очень обстоятельно излагаетъ ученіе важнѣйшихъ политическихъ писателей и часто освѣщаетъ ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, онъ выдвинулъ Спинозу, которымъ до сихъ поръ занимались, почти исключительно, философы. Авторъ указываетъ на тотъ, имъ замѣченный фактъ, что Спиноза является ревнителемъ демократическаго устройства, въ обоихъ видахъ прямого народокластія и народоправства представительнаго, подобнаго тому, какое существовало въ его отечествѣ. Политическая доктрина Спинозы, по словамъ М. М. Ковалевскаго, представляетъ необходимое звено въ развитіи ученія о народномъ самодержавіи. Спиноза, отираваясь отъ ученія Бодена и Гоббса о неограниченности верховной власти и вполне принимаемая его, обращаетъ доводы Гоббса въ пользу неограниченнаго единовластія, въ сторону той-же неограниченности народоправства. Тѣмъ самымъ онъ подготавливаетъ путь къ развитію доктрины общественнаго договора и можетъ, поэтому, съ полнымъ правомъ считаться прямымъ предшественникомъ Жанъ-Жака Руссо и всего послѣдующаго развитія ученія о народномъ верховенствѣ.

Изъ книги М. М. Ковалевскаго съ очевидностью выступаетъ необходимость внимательнаго отношенія къ доктринѣ Спинозы во всякой исторіи политической мысли и возможность открыть въ ней, при всей ея отвлеченности,

ближайшую связь съ требованиями времени и характеромъ учреждений, впервые нарождавшихся въ XVII столѣтїи въ Европѣ и въ частности въ Нидерландахъ.

Нашъ русскій ученый сумѣлъ сказать не мало новаго и о такихъ извѣстныхъ писателяхъ, какъ Монтескье и Руссо. «Тайна того успѣха, — говоритъ Кохъ, — который имѣло произведеніе Монтескье «Духъ законовъ» при своемъ появленїи и еще долгое время спустя, кроется въ томъ, что оно было такъ мало оригинально. Онъ высказалъ только то, что уже много разъ говорилось до него, но онъ сдѣлалъ это въ такой блестящей и изящной формѣ, что оно явилось почти-что новымъ».

Съ этимъ несогласенъ М. М. Ковалевскій. По его мнѣнію, только убѣдившись на массѣ привлеченныхъ къ изслѣдованію фактовъ, что то или другое положеніе, ранѣе его высказанное, справедливо, Монтескье усваиваетъ его себѣ и вноситъ въ текстъ своего сочиненія. О простомъ заимствованїи, въ какомъ обвиняютъ его нѣкоторые нѣмецкіе критики, не можетъ быть и рѣчи. Въмѣсто того, чтобы списывать у другихъ, онъ провѣряетъ фактами чужіе взгляды, то принимая ихъ, то замѣняя собственными, каждый разъ смотря по тому, насколько они обоснованы и согласны съ его общими принципами.

Очень интересны страницы, посвященныя проф. Ковалевскимъ Руссо. Между теорїями Монтескье и Руссо обыкновенно не видятъ ничего общаго. Одинъ стоитъ за раздѣлъ власти верховной, другой — за ея единство, одинъ — за представительную систему, другой — за прямое народоправство. Но, не говоря уже о томъ, что писатели одной и той же эпохи, по вѣрному замѣчанію Эспинаса, при всемъ ихъ расхожденїи между собой имѣютъ много общаго, какъ не признавать, что, чѣмъ ближе мы знакомимся съ ученїями Руссо, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что въ немъ нельзя видѣть систематическаго отрицателя доктрины Монтескье.

Авторъ доказываетъ, что между ученїемъ Монтескье и Руссо лежитъ меньшая бездна, чѣмъ та, какую обыкновенно допускаютъ, и указываетъ на консервативную тенденцію, присущую ученію Руссо о правительствѣ и прежде не замѣченную. Если такъ, мы въ правѣ сказать, что на Руссо нельзя смотрѣть, какъ на родоначальника современной демократической доктрины, нельзя потому, что, во первыхъ, ранѣе его высказываемы были взгляды, существенно не расходившіеся съ его собственными, а во вторыхъ, потому что и самое его ученіе далеко не столь радикально, какъ привыкли считать его.

Такова новая точка зрѣнія на политическое ученіе Руссо, выставленная М. М. Ковалевскимъ и вполне заслуживающая вниманія. П. В.

Вопросы религіи. Религіозно-общественная бібліотека. Серія I. Выпускъ I. М. 1906. 8^о, стр. 1—334.

Въ первую серію (для интеллигенціи) «Религіозно-общественной бібліотеки» издателями предлагается включить рядъ сборниковъ, посвященныхъ вопросамъ философіи религіи, церковной жизни и христіанской общественности, подъ общимъ заглавіемъ «Вопросы религіи». «Отдѣльныя статьи, какъ

и вся «Библиотека», — пишут издатели, — будут объединяться общностью христианского мировоззрения. Но при этом авторам предоставляется полная свобода для выражения индивидуальных мнений и даже разногласий по вопросам второстепенной важности». Таким образом, видно, что разбираемый сборник, как и вся «Библиотека», к которой он относится, вызван несомненно существующим большим и живым интересом образованного общества к религиозной философии. Он состоит из шести статей: Вал. Свенцицкого, «Христианское отношение к власти и насилию» (5—38); проф. С. Н. Булгакова, «Церковь и культура» (38—53), «Церковь и государство» (53—102) и «Церковь и социальный вопрос» (298—334); В. Ф. Эрн, «Церковное возрождение. О приходъ» (102—143); П. А. Флоренского, «Къ почести вышняго званія» (143—174), «Письма архим. Серапіона Машкина» (174—221) и Волжскаго, «Проблема зла у Вл. Соловьева» (221—298). Въ видѣ общей характеристики статей слѣдуетъ сказать, что онѣ все замѣтнымъ образомъ проникнуты вѣрой въ истинность христианства, какъ религіи абсолютной, и глубокимъ убѣжденіемъ, что христианство вошло вѣ вѣ церкви. Однако, замѣчая, что въ современную церковную жизнь нами внесено много чуждаго святыхъ церкви, авторы статей стараются убѣдить читателя въ необходимости освободить ее общими силами отъ этого наноснаго элемента и возстановить церковную жизнь и церковныя учрежденія въ ихъ идеальной чистотѣ, поскольку и какъ она предносится духовнымъ взорамъ авторовъ. Эта черта очень симпатична въ сборникѣ. Особенно симпатична она въ статьяхъ Булгакова, написанныхъ очень спокойно, съ возможнымъ безпристрастіемъ, хотя по содержанию своему не во всемъ, съ нашей точки зрѣнія, основательныхъ. Мы разумѣемъ доказательство несовмѣстности церкви и самодержавія въ статьѣ «Церковь и государство», ибо вопросъ объ этомъ, кажется, можетъ имѣть совершенно обратную формулировку съ неменѣе вѣскою аргументаціей. И въ другихъ статьяхъ, кромѣ Булгакова, слышится проповѣдь всесторонней христианизаціи нашей жизни, что, несомнѣнно, нужно и желательно, однако не въ ущербъ самому христианству, а въ этомъ иногда замѣчаются увлеченія, наиримѣръ, въ статьѣ г. Эрн, написанной въ нѣсколько неспокойномъ, полемическомъ духѣ, съ натяжками и передержками. Также и статья г. Свенцицкого, въ которой для читателя можетъ быть очень любопытенъ необычный взглядъ автора на насилие. Чувствуется, что закраившееся въ души авторовъ недовольство современными политическими и социальными условиями жизни не даетъ имъ силы возвыситься до безстрастнаго созерцанія правды. Отсюда и рѣзкія полемическія выкладки противъ «самодержавія» и стараго «церковно-государственнаго режима». Зато чисто академическимъ спокойствіемъ вѣетъ отъ статьи Волжскаго о Соловьевѣ, который въ сборникѣ упоминается нерѣдко, какъ «учитель». Обращаетъ на себя вниманіе и статья Флоренскаго (съ приложеніемъ къ ней писемъ о. Серапіона), какъ горькимъ упрекомъ образованному обществу за его невниманіе къ самоотверженнымъ искателямъ истины, вродѣ о. Серапіона, такъ, особенно, очень теплыми отзывами о немъ самомъ.

Какъ уже сказано было, далеко не все мысли авторовъ статей можно было бы, по нашему, принять и раздѣлить. Тѣмъ не менѣе, какъ реальное изображеніе живого теченія къ вѣрѣ и церкви среди свѣтскаго общества, сборникъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

П. В. В.

М. А. Грибовская. Римъ и его окрестности. Спб. 1906.

На русскомъ языкѣ, за исключеніемъ старой книги Мордвинова, относящейся къ семидесятымъ годамъ, нѣтъ путеводителей по Риму. Въ этомъ отношеніи трудъ г-жи Грибовской пооплачиваетъ отрицательный пробѣлъ въ русской литературѣ предмета. При составленіи «Путеводителя» авторъ пользовался иностранными источниками, но обработалъ ихъ съ умѣніемъ лица, лично освѣдомленнаго въ дѣлѣ. Самое предисловіе съ краткимъ историческимъ очеркомъ и общей характеристикой Рима свидѣтельствуетъ о близости человѣка къ описываемымъ свойствамъ «вѣчнаго» города. Путеводитель предназначенъ для серьезнаго туриста: центръ тяжести книжки, какъ и подобаетъ, лежитъ въ описаніи древностей и собраній памятниковъ искусства. Здѣсь разсыпано много соответствующихъ историческихъ данныхъ; кое-гдѣ имѣются подстрочныя пояснительныя примѣчанія, но къ сожалѣнію, онѣ рѣдки. Система «Путеводителя» заключается въ томъ, что городъ раздѣленъ на нѣсколько частей, причемъ читателя ведутъ послѣдовательно по всемъ важнѣйшимъ улицамъ, съ остатками древностей или музеями, останавливая вниманіе на всехъ достопримѣчательностяхъ. Особый отдѣлъ посвященъ окрестностямъ Рима. Такимъ образомъ, «Путеводителю» сообщенъ археологически-художественный характеръ, за что авторъ археологическимъ институтомъ удостоенъ почетнаго званія члена-сотрудника. Практическія свѣдѣнія приведены самыя необходимыя: расписание дней и часовъ для посѣщенія музеевъ, галлерей, виллъ, Ватикана; указаніе гостиницъ, ресторановъ, книжныхъ магазиновъ, банкирскихъ конторъ и т. п. Приведена экипажная такса; приложены три плана: форума, собора св. Петра и важнѣйшихъ достопримѣчательностей «вѣчнаго» города. Для русскаго въ Римѣ «Путеводитель» г-жи Грибовской можетъ явиться очень полезнымъ спутникомъ.

В.

Юліанъ Кулаковскій. Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906.

Прошлое Тавриды со временъ Потемкина стало для нашихъ ученыхъ археологовъ предметомъ старательныхъ и почти непрерывныхъ изученій. Цѣлый рядъ специалистовъ, среди которыхъ встрѣчаются такія имена, какъ гр. А. С. Уваровъ и П. М. Леонтьевъ, посвящали свои силы изученію высоко почетнаго исторіи этого края. Но изслѣдованіе пошло особенно успѣшно съ тѣхъ поръ, какъ на Тавриду обратила свое вниманіе императорская археологическая коммисія, снарядившая туда цѣлый рядъ археологическихъ экскурсій и тѣмъ обогатившая наши древнехранилища собраніями весьма рѣдкихъ древностей, а также широко открывшая страницы своихъ изданій для ученаго изложенія результатовъ этихъ раскопокъ.

Въ самое послѣднее время комиссія выпустила изданіе, заглавіе котораго выписано выше. Здѣсь собраны воедино, при весьма доступной формѣ изложенія, результаты всего, что до сихъ поръ ученымъ удалось установить—и путемъ раскопокъ, и изученіемъ литературнаго преданія—относительно прошлаго одной изъ самыхъ интересныхъ для историка частей нашего отечества. Комиссія не могла сдѣлать лучшаго выбора, поручивъ составленіе этого труда проф. Кулаковскому, который опубликовалъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ самостоятельныхъ ученыхъ работъ въ этомъ направленіи и, что особенно важно, самъ принималъ дѣятельное участіе въ произведенныхъ тамъ раскопкахъ. Такъ, ему удалось, между прочимъ, открыть и научно обследовать знаменитую керченскую катакомбу 491 г., представляющую весьма любопытный памятникъ христіанства и обратившую на себя вниманіе иностранныхъ археологовъ.

Такимъ образомъ, проф. Кулаковскому пришлось въ значительной степени обобщать свои собственные труды. Но въ исторіи Тавриды столько инородныхъ наслоеній, и память о нихъ сохранилась въ такихъ разнообразныхъ источникахъ, что собрать все это воедино могъ только человѣкъ исключительной эрудиціи и большого литературнаго таланта. Правда, работа проф. Кулаковскаго усваивается читателями не легко: слишкомъ много фактовъ, смѣняющихся съ рѣдкой быстротой, уложено на какихъ нибудь полтора ста страницяхъ книги. Но эта вина не автора, а самого матеріала.

Исторія Тавриды одинаково подробно прослѣжена отъ времени появленія греческихъ колоній на югѣ Россіи вплоть до XVII вѣка. Къ историческому очерку приложенъ и обзоръ хода изслѣдованій Тавриды, съ указаніемъ важнѣйшей литературы. Быть можетъ, для читателя было бы удобнѣе, если бы этотъ очеркъ (стр. 129—141) предшествовалъ исторіи: тогда многое, особенно ссылка на матеріалы, было бы понятнѣе. Въ книгѣ такъ много географическаго матеріала, что приложеніе трехъ картъ явилось существенно необходимымъ. Изложеніе иллюстрировано нѣсколькими прекрасно исполненными рисунками, изъ коихъ нѣкоторые, напримѣръ, видъ Гурзуфа, пожалуй, безъ ущерба могли бы и отсутствовать. Вышность изданія при рѣдкой дешевизнѣ выше всякихъ похвалъ. Остается только пожелать, чтобы археологическая комиссія, проявляющая, подъ руководствомъ академика Латышева, столько издательской энергіи, пошла бы дальше и издала бы обзоры прошлаго и другихъ частей Россіи, поручая это дѣло такимъ же мастерамъ, какъ она это сдѣлала для перваго выпуска.

В. В.

Анна Догановичъ. Три. Бытовые рассказы. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1906.

Такъ авторомъ названъ его новый сборникъ, по числу помѣщенныхъ въ немъ рассказовъ, которые раньше всѣ были напечатаны въ «Русской Мысли» и одинъ изъ нихъ («Новая») — переведенъ на нѣмецкій языкъ. Слѣдующія два произведенія носятъ названія: «Старая» и «Шитеричка». Каждый очеркъ имѣетъ вполне законченный характеръ и самостоятельную фабулу. Но въ

то же время у нихъ существуетъ внутренняя связь въ эволюціи основного женскаго типа, который, при нарастаніи, претерпѣваетъ послѣдовательные фазисы своего развитія въ связи съ измѣненіями условій окружающей его среды. Подмѣчено это тонко и выражено полно и своевременно, такъ какъ, наряду съ ломкой общественной жизни, и женскіе типы отливаются въ новыя формы.

Языкъ разсказовъ—правильный, образный. Авторъ нигдѣ не вдается въ шаржъ или въ мелкую фотографію, что и придаетъ бытовымъ очеркамъ серьезное общественное значеніе.

Издана книжка прекрасно: обложка не кричащая, но красивая.

Н—ій.

Н. Θ. Сумцовъ. О литературныхъ нравахъ южнорусскихъ писателей XVII столѣтіи. Спб. 1906.

Небольшой очеркъ Н. Θ. Сумцова даетъ живую страничку изъ культурной жизни Украины XVII вѣка. «Семнадцатый вѣкъ,—пишетъ авторъ,—былъ бойкимъ временемъ въ политической и литературной жизни малороссовъ, временемъ проявленія значительнаго національнаго творчества. Въ литературномъ отношеніи творчество выразилось преимущественно въ формѣ созданія и распространенія думъ; но и въ книжномъ дѣлѣ обнаружилось пробужденіе народнаго духа и подъемъ общественной энергіи. Оживленіе выразилось въ многочисленности сочиненій, въ живомъ обмѣнѣ мыслей, въ быстромъ выходѣ полемическихъ трактатовъ, въ разнообразіи мнѣній по религіозно-нравственнымъ вопросамъ». Вообще, Н. Θ. Сумцовъ ставитъ малороссовъ XVII столѣтія, по силѣ ихъ національнаго и политическаго самосознанія, очень высоко, почему вполне понятенъ интересъ къ главнѣйшимъ дѣятелямъ данной эпохи.

Большую глубину политическаго пониманія положенія Украины высказывали многіе. Уже князь К. К. Острожскій предостерегалъ польскую знать, что допущеніе ими ограниченія свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ иновѣрцевъ будетъ имѣть слѣдствіемъ ограниченіе свободы и всего польскаго общества. Современникъ князя Острожекаго, Христофоръ Бронскій, въ сильныхъ, горячихъ выраженіяхъ «Апокриписа» къ польскимъ магнатамъ повторяетъ это же пророческое предостереженіе. Но если у нихъ политическое самосознаніе стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ современнымъ имъ политическимъ положеніемъ украинскаго народа, то были и такіе, какъ Коссовъ, Галытовскій, Кальнофобскій, у которыхъ иногда прорывається протинорфіе между ихъ національными и политическими взглядами и симпатіями. Идеализируя московское православіе, одни изъ нихъ обнаруживаютъ крайнюю наклонность къ Москвѣ, другіе же стремятся къ Польшѣ, видя въ ней оплоть культурности.

Однимъ изъ наиболее ревностныхъ поборниковъ политическихъ правъ украинскаго народа, вообще, и, въ частности, малорусскаго духовенства, безспорно, можно назвать Лазаря Барановича, котораго Н. Θ. Сумцовъ выдвигаетъ, какъ характернаго представителя украинскаго самосознанія. Къ сожалѣнію,

Н. Θ. Сумцовъ мало останавливается на личности Барановича, отмѣчая лишь его пылкое патриотическое настроеніе и предсказаніе, брошенное по одному частному случаю: «Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею». Украинскіе писатели пользовались обыкновенно роднымъ языкомъ, причѣмъ одни, какъ Іоаннъ Вышенскій, значительно приближались къ простонародной рѣчи, другіе же, какъ Карновичъ и Барановичъ, приближались къ западно-русской литературной формѣ, употребляя иногда и польскій языкъ.

Характерной особенностью украинскихъ писателей XVII вѣка были ихъ демократизмъ, стремленіе къ развитію просвѣщенія и благотворительности. Даже Барановичъ, человѣкъ безусловно не мягкаго и не безкорыстнаго характера, писавшій, что «овецъ должно стричь, чтобы не затронуть за живое, и чтобы шерсть росла», — и у того гуманное отношеніе къ крестьянамъ никогда не измѣнялось. Несмотря на общій религіозно-церковный тонъ настроенія литературы, Барановичъ не стѣснялся открыто выражать, что хорошее обращеніе съ людьми должно стоять выше поста и молитвы. Вообще, у южно-русскихъ писателей этого періода, какъ напримѣръ, у Антона Радивиловскаго, проглядываетъ отвращеніе къ противорѣчію между словомъ и дѣломъ, къ фальши и лицемерію. А такія произведенія, какъ посланія Іоанна Вышенскаго или замѣчательное «Слово о бездождіи» неизвѣстнаго автора, можно дѣйствительно признать, какъ говоритъ Н. Θ. Сумцовъ, украшеніемъ старинной украинской литературы.

Какъ свѣтлое и оградное проявленіе общественной жизни въ Малороссіи XVII вѣка, Н. Θ. Сумцовъ съ особенной симпатіей отмѣчаетъ взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напримѣръ, Лазаря Барановича, Інокентія Гизеля и Іоаннкія Галытовскаго, Барановича и Θεодосія Соновича, Димитрія Туптала и Стефана Яворскаго—въ второй половинѣ столѣтія. Такое дружное единеніе, по мнѣнію автора, объясняется прежде всего тѣмъ, что все эти писатели, не исключая и бѣлорусса Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того же высшаго учебнаго заведенія — Кіевской академіи. Съ другой стороны, у нихъ былъ одинъ общій врагъ—католицизмъ. «Духовному единенію южно-русскихъ писателей, — отмѣчаетъ Н. Θ. Сумцовъ, — содѣйствовала непогасшая искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой чертой самобытности отъ великороссовъ, которымъ охотно удѣляли часть своихъ познаній. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда, главнымъ образомъ, происходила нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Национальное самосознаніе согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвоило ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному побратимству».

Въ остальной части очерка Н. Θ. Сумцовъ касается полемическихъ пріемовъ писателей, какъ извѣстно, не страдающихъ чувствомъ мѣры и простой

деликатностью, останавливается на примѣрахъ увлеченія въ данную эпоху виршенлетствомъ, такъ называемой «эмблематической поэзіей» — выраженіе Лазаря Барановича по поводу увлеченія въ обществѣ гербами, наконецъ, касается внѣшнихъ формъ книжнаго издательства, способовъ распространенія книгъ, цензуры, излюбленныхъ шрифтовъ изданій и т. п. Небольшой, научно и просто написанный очеркъ Н. Ѳ. Сумцова читается легко и представляетъ интересъ не только для специалистовъ. А. Я.

Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Т. VIII. Письма. Примѣчанія П. О. Морозова и В. В. Каллаша. Спб. 1906.

Письма Пушкина, — какъ гласитъ предисловіе къ новому собранію ихъ, — «неисчерпаемый родникъ біографическихъ фактовъ, данныхъ для внутренней характеристики великаго поэта», «лучшій комментарий къ его творчеству», «образцовыя литературныя произведенія сами по себѣ», — заслуживаютъ лучшаго изданія, чѣмъ выпущенное фирмою «Просвѣщеніе». Насколько хорошо было по своему времени, редактированное П. Морозовымъ, изданіе ихъ (литературнаго фонда, т. VII, 1887 г.), настолько неудовлетворительно новое, появившееся въ наши дни, когда Пушкина издають съ особымъ тщаніемъ, и когда публика начинаетъ требовать строго-критическихъ изданій, съ богатымъ и сложнымъ аппаратомъ примѣчаній и, прежде всего, внимательно провѣреннымъ текстомъ. Не исчисляя подробно недостатковъ разбираемаго сборника, скажемъ только, что въ немъ есть пропуски; мѣстами невѣрно переданъ текстъ, не провѣрена хронологія; примѣчанія отрывочны, бѣдны, кое-гдѣ съ ошибками. Работа носитъ печать небрежности и рутинны. Варіанты къ письмамъ даны очень скупо; пропущена записка къ А. П. Полторацкому, относящаяся къ январю 1882 г., записка въ цензурный комитетъ, напечатанная въ «Русской Школѣ» 1877 г., черновое письмо къ Ш. А. Катенину, отрывки изъ котораго напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1884 г., май, 333, и друг. Особенно плохи тѣ примѣчанія, которыя не составлены, а, вѣрнѣе, набросаны г. Каллашемъ. Шрифтъ мелокъ, бумага плоха. Съ точки зрѣнія теперешнихъ требованій, это изданіе — шагъ не впередъ, а назадъ. М. М.

М. Довнаръ-Запольскій. Очерки по организациі западно-рускаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1905.

Новое изслѣдованіе кіевского профессора посвящено одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ стараго славянскаго права — исторіи западно-русской общины и ея распаденію. Литература вопроса довольно бѣдна и служила автору въ большинствѣ случаевъ лишь матеріаломъ для полемики.

Какъ извѣстно, первоначальной формой общинной организациі являлось такъ называемое «дворщинное» землевладѣніе съ семейно-родовымъ характеромъ. «Дворище» было собственностью или одной простой, или же сложной нераздѣлившейся семьи. Затѣмъ оно становится достояніемъ общины, и этотъ

характеръ оно получило вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, когда образовалась «дворицная» или «собранная» община съ общимъ пользованіемъ землей и общимъ хозяйствомъ. Въ трудахъ Ефименко, проф. Лучицкаго, проф. Владимирскаго-Буданова, Леонтовича и другихъ достаточно выяснены отношенія между членами этой общины и ея юридическія права. Но разложеніе дворицнаго землевладѣнія, причины и послѣдствія этого экономически-правоваго процесса — въ указанныхъ изслѣдованіяхъ затрагивались лишь вскользь. Прежде всего, г. Довнаръ-Запольскій располагаетъ лучшимъ историческимъ матеріаломъ, идущимъ изъ тѣхъ поднѣировскихъ мѣстностей, гдѣ долгое время существовали всѣ условія, способствовавшія живучести въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ древне-русскихъ архаичныхъ традицій. Правда, это — акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи и рѣдко касающіеся деталей внутреннихъ распоряжковъ областной жизни. Но привлеченіе авторомъ къ дѣлу современныхъ юридическихъ обычаевъ и разсмотрѣніе имъ общиннаго, волостного и сельскаго строя, въ сравненіи съ крестьянскими реформами Сигизмунда-Августа, позволило представить наглядную картину въ устройствѣ и управленіи западно-русскихъ крестьянъ великаго княжества Литовскаго въ XVI вѣкѣ.

А. Ив.—ичъ.

Jgn. Chrzanowski. Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa. 1906. in 8. стр. 280. (Игн. Хржановскій. Мартинъ Бѣльскій. Литературный этюдъ. Варшава)

Имя Мартина Бѣльскаго (р. 1495 † 1575 г.), автора: «Польской хроники», «Сатира», «Житій философовъ», «Хроники свѣта», «Sprawy Rucersk'ой» — хорошо знакомо людямъ, трудящимся на исторической нивѣ. Изъ книги г. Хржановскаго видно, что относительно дѣятельности и заслугъ М. Бѣльскаго до сихъ поръ существовали разнорѣчивые взгляды. Историки литературы и критики или совсѣмъ не читали Бѣльскаго, или судили объ немъ превратно. Заслуживаютъ вниманія взгляды Ф. М. Собѣщанскаго и проф. А. Брикнера. Первый писалъ о М. Бѣльскомъ въ 1860 г.; второй — нашъ современникъ. Мартинъ Бѣльскій — пишетъ Собѣщанскій — жилъ въ эпоху распространенія въ Польшѣ ученія Лютера и Кальвина, и принадлежалъ къ числу сочувствующихъ реформаци. Эта симпатія сильно просвѣчиваетъ въ его сочиненіяхъ, которыя вообще довольно рѣдки, такъ какъ католическое духовенство старалось вывести ихъ изъ употребленія. Бѣльскій былъ честолюбъ начитанный, зналъ языки латинскій, греческій, чешскій и русскій, философію, исторію всеобщую и польскую. По недостатку критики, не понималъ неточниковъ, но, какъ бы инстинктивно, угадывалъ смыслъ событій и зналъ, что политическая исторія, безъ связи съ внутренними дѣяніями народа, недостаточна. Онъ, первый изъ поляковъ, поставилъ исторію въ связь съ географіей. Онъ не былъ историкомъ, но только компиляторомъ, однако же проникнутымъ любовью къ своей родинѣ и ея населенію. По мнѣнію проф. Брикнера, Бѣльскій не былъ историкомъ: это средневѣковый грамотѣй, моралистъ, сатирикъ, дидактикъ, писалъ по-польски и «этимъ заслужилъ ве-

ликую благодарность» соотечественниковъ. Г. Хржановскій соглашается съ мнѣніемъ г. Брикнера. Такимъ образомъ, послѣднее слово исторической критики о Мартинѣ Бѣльскомъ сводится къ тому, что Бѣльскій не принадлежитъ къ числу выдающихся представителей золотого вѣка польской литературы. Сужденіе, высказанное г. Хржановскимъ о М. Бѣльскомъ, дѣлаетъ ему честь — свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ чуждъ «болѣзни», извѣстной въ литературѣ подъ номенклатурою *l'es Boswelliana*, которою заражено большинство біографовъ, находящихъ въ своемъ героѣ все человѣческія и даже сверхъ-человѣческія достоинства.

Г. А. Воробьевъ.

Gomulicki, W. Rewolucja 1830—1831 r. Warszawa i Lwów. 1906.
Pawlowski, Bronisław. Szkoła podchorążych piechoty a wybuch rewolucji 29 Listopada 1830. Lwów. 1906.

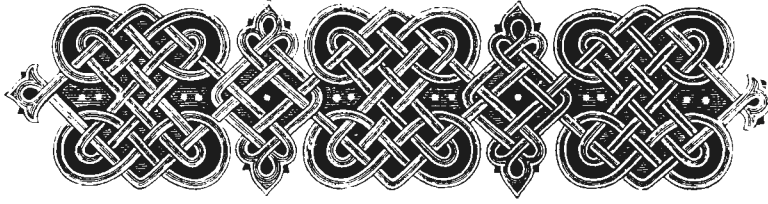
Относительная свобода печати въ послѣднее время дала возможность появиться на нашемъ книжномъ рынкѣ такимъ книгамъ, о которыхъ еще 2 — 3 года тому назадъ и упоминать нельзя было. Къ числу такихъ изданій слѣдуетъ отнести и двѣ книжки, заглавія которыхъ приведены. Появленіе ихъ вызвано исполняющимся въ текущемъ году 75-лѣтіемъ второй польской революціи. Авторъ первой книжки передаетъ ходъ ноябрьской революціи 1830 г. и войны 1831 г., авторъ второй — излагаетъ исторію варшавской школы подпоручиковъ - - гвѣзда заговорщиковъ. Школа подпоручиковъ возникла при общей реорганизаціи б. польскаго войска 28 іюня (н. с.) 1815 г. Ея цѣль заключалась въ подготовкѣ офицеровъ для арміи Царства Польскаго. Воспитанники школы, по сдачѣ экзамена, поступили на службу подпоручиками, въ случаѣ же неизмѣнія вакансій назначались въ полки инструкторами. Книжка г. Гомулицкаго украшена двумя рисунками, изображающими сцены памятной ночи 17 (29) ноябрю 1830 г. — на Красинской площади и у монастыря кармелитовъ. Къ книжкѣ г. Павловскаго приложенъ снимокъ съ современнаго рисунка — нападеніе заговорщиковъ на Бельведеръ, вечеромъ 17 ноябрю.

Г. В.

Tadeusz Korzon. Kościuszko, biografia z dokumentów wysnuta w Krakòwi. Warszawa. 1906.

Это огромный — около 700 страницъ — богато иллюстрированный томъ, изданный иждивеніемъ національнаго музея въ Раперсвилѣ, въ Швейцаріи. Біографія Костюшки написана на основаніи документовъ знаменитымъ польскимъ историкомъ Тадеушемъ Корзономъ и снабжена «генеалогіею» рода Костюшковъ - Сехновицкихъ. Книга вышла уже вторымъ изданіемъ и появленіемъ своимъ у насъ также обязана относительной свободѣ прессы въ послѣднее время.

Г. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЩЕ о Гомерѣ.—До сихъ поръ интересъ къ Гомеру еще не охладѣлъ, и почти ежегодно выходятъ о немъ на различныхъ языкахъ книги и брошюры, а въ последнее время преимущественно разбирается съ различныхъ точекъ зрѣнія вопросъ: былъ-ли Гомеръ одинъ опредѣленный бардъ или цѣлый рядъ баяновъ? Мечъ, сто лѣтъ назадъ данный Вольфомъ критикамъ всего свѣта, раздробилъ не только Гомера, но даже Фукидида и Ксенофонта. Главный ударъ, нанесенный Вольфомъ, заключался въ томъ, что поэмы Гомера не могли быть написаны, а переданы лишь устно, вслѣдствіе несуществованія въ ту эпоху греческой письменности. Теперь самъ Вольфъ подвергнется критикѣ: его мечъ оказался тупымъ, т. к. въ настоящее время достоверно извѣстно, что тогда существовала греческая письменность, а слѣдовательно «Иліада» и «Одиссея», по всей вѣроятности, могли быть написаны. Остается спорнымъ еще одинъ вопросъ: былъ-ли Гомеръ литературной единицей или конгломератомъ бардовъ? Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный англійскій публицистъ и критикъ, Андрю Лангъ, издалъ книгу: «Гомеръ, его поэтическія сочиненія», въ которой опровергалъ возраженія, предъявляемыя противъ литературнаго единства Гомера, а въ декабрѣ онъ напечаталъ другой небольшой трудъ подъ заглавіемъ: «Гомеръ и его эпоха». ¹⁾ Цѣль его въ настоящемъ случаѣ—доказать, что великій поэтъ описываетъ въ своихъ трудахъ жизнь одной краткой, культурной эпохи и что, слѣдовательно, его поэмы—плодъ одной эпохи, а не мозаика, принадлежащая нѣсколькимъ, но крайней мѣрѣ четыремъ различнымъ столѣтіямъ. «Естественно,—приба-

¹⁾ Homer and his age. By Andrew Lang. London, 1906.

вляеть авторъ, — если рисуемая имъ картина — гармонична, то она необходимо должна быть плодомъ одной эпохи, такъ какъ послѣдующіе барды не стали бы, конечно, входить въ мелкія подробности обычаевъ, законовъ, мѣнъ, одеждъ, оружія и домовъ, изображаемыхъ первобытнымъ авторомъ одной или нѣсколькихъ сагъ. Въ докритическія времена поэты не занимались архаизмами, но старались обставлять своихъ героевъ тѣми элементами, которые дѣйствительно принадлежали ихъ эпохамъ». Лангъ ссылается преимущественно на новѣйшія археологическія открытія для доказательства, что «Иліада» написана въ одну и ту же эпоху; онъ черпаетъ свои аргументы главнымъ образомъ въ Гомеровскомъ оружіи. Вольфгангъ Рейхель въ замѣчательной монографіи, которая появилась въ 1894 г., указалъ, что прежній взглядъ на Гомеровское оружіе былъ совершенно ложный, потому что онъ противорѣчитъ Микенскимъ открытіямъ. Такъ, обыкновенно принято было считать, что Гомеръ описываетъ щиты круглыми, въ Микенахъ-же найдены щиты не круглые, а въ видѣ цифры 8 и такого громаднаго размѣра, что ихъ едва-ли возможно носить на рукахъ, а надо было возить на колесницѣ. Рейхель объясняетъ это несоотвѣтствіе между выраженіемъ Гомера относительно оружія и фактической простой формой оружія — ошибкой переводчиковъ и удостоверяетъ, что Гомеръ говоритъ не «круглый щитъ», а «щитъ съ круглыми поверхностями», что соответствуетъ цифрѣ 8. Лангъ приводитъ это доказательство Рейхеля и вообще руководствуется въ своихъ объясненіяхъ Гомеровскаго оружія Микенскими открытіями. Описаніе въ «Иліадѣ» и «Одиссее», что употреблялись въ то время желѣзо и бронза, доказываетъ однообразіе примѣнявшагося тогда оружія, а это, слѣдовательно, подтверждаетъ, что данное время относится къ одной эпохѣ, а не ко многимъ столѣтіямъ. Гомеровскіе дома не походятъ на греческіе дома классическихъ временъ, а скорѣе на постройки исландскихъ вождей, но описаніе этихъ жилищъ одинаково во всѣхъ Гомеровскихъ поэмахъ.

На дняхъ, въ 1907 г., вышла въ Парижѣ любопытная брошюра о томъ-же предметѣ подъ заглавіемъ: «Для лучшаго познанія Гомера». ¹⁾ Въ этой изящно написанной брошюрѣ, ея авторъ, Мишель Бреаль, напоминаетъ, что объ Иліадѣ существовали всякаго рода теоріи, начиная отъ теоріи Вольтера, который полагалъ, что великій поэтъ зналъ лично героевъ Иліады, до Макса Мюллера, который признавалъ сущность Иліады въ ежедневной борьбѣ мрака со свѣтомъ. Что касается до Бреалья самого, то онъ отвергаетъ предположеніе о словесномъ изложеніи произведеній знаменитаго барда и относитъ его къ тому времени, когда уже цивилизація вышла изъ своей колыбели. Онъ одинаково отвергаетъ, что Иліада принадлежала къ Микенской эпохѣ, или что она была плодомъ одного опредѣленнаго періода историческаго развитія, какъ полагаетъ Лангъ. По его мнѣнію, поэма создана, какъ средневѣковый соборъ, и ея герои развились изъ полубожественныхъ палладиновъ, рѣшавшихъ сраженіе единоборствомъ. Періодомъ-же, когда возникла Иліада, онъ считаетъ полтора столѣтія — между 700 и 550 г.г. до Р. Х. Если невольно спросишь себя:

¹⁾ Pour mieux connaître Homère; par Michel Bréal. Paris, 1907.

«отчего «Иліада» и «Одиссея» не имѣли достойныхъ преемниковъ», то, по словамъ Бреалья, невольно получится отвѣтъ, что средняя Азія VI вѣка до Р. Х. сдѣлалась чѣмъ-то вроде маленькой персидской сатрапіи. Когда-же она приобрѣла свою самобытность, то времена совершенно измѣнились: нарушенная традиція не возстановляется. Между тѣмъ, геній континентальной Греціи развится до зрѣлости и она сдѣлалась преемницей средней Азіи. Замѣчательно, что, среди противорѣчій и непоследовательностей, которыя Бреаль замѣчаетъ въ постепенномъ развитіи поэмы и которыя обнаруживаютъ другія руки, встрѣчаются самыя удивительныя сцены поэмы, возбуждавшія во всѣ вѣка наибольшій восторгъ,—какъ на примѣръ, Елена у стѣнъ Трои, посольство Ахиллеса, прощаніе Гектора съ Андромахой, и особенно сцена, въ которой Пріамъ проситъ у Ахиллеса тѣло своего сына, и которая, по словамъ Готфрида Германа,—самое лучшее творческое созданіе въ литературѣ всѣхъ народовъ и время. Вообще, трудъ Бреалья внесетъ не малую пользу для лучшаго изученія Гомера.

— Популярная исторія Христофора Колумба. Уже много ученыхъ изслѣдованій и трактатовъ напечатано о Христофорѣ Колумбѣ и его великомъ открытіи Новаго Свѣта, но не лишней книгой можетъ служить двухтомное популярное изложеніе этого важнаго историческаго событія, составленное англійскимъ писателемъ Фильсономъ Юнгомъ. Авторъ, чрезвычайно скромный человекъ, прямо говоритъ, что не приписываетъ себѣ ни одной іоты новыхъ свѣдѣній о жизни Колумба. Свое произведеніе онъ признаетъ основаннымъ исключительно на чужихъ сочиненіяхъ, но, въ то же время, онъ сознается, что когда не можетъ привести достовѣрныхъ данныхъ, то позволяетъ себѣ полную игру воображенія и предположеній. Такъ, на примѣръ, говоря о семействѣ Доменико и Колумба, онъ приводитъ безъ всякаго историческаго факта или документа, что между ними существовала родственная вражда. Авторъ, руководствуясь словами Колумба, передаетъ, что въ первый разъ онъ пошелъ въ море четырнадцати лѣтъ, и считаетъ этотъ автобіографическій фактъ за несомнѣнный, но, описывая дальнѣйшее плаваніе молодого моряка по различнымъ портамъ, посѣщаемымъ генуэзцами въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ, Юнгъ откровенно сознается, что эти данныя основаны только на предположеніи, хотя и очень вѣроятномъ. Одинаково, представляя картину пребыванія юнаго Колумба въ Лиссабонѣ, онъ заявляетъ, что рѣшительно нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ этихъ событій, и онѣ только основаны на воображеніи. Конечно, ученые изслѣдователи не одобряютъ подобнаго отношенія къ дѣлу, но авторъ пишетъ не для нихъ, а для общихъ читателей, а поэтому его популярное сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія, какъ достойное, если не совершенной вѣры, то хотя бы вѣроятности, при чемъ данныя, приведенныя имъ лишь по соображеніямъ, служатъ какъ бы для приданія жизни и колорита тѣмъ небольшимъ свѣдѣніямъ извѣстнымъ уже намъ о молодыхъ годахъ Колумба. Права Колумба на благородное происхо-

1) Christopher Columbus and the New World of his Discovery. By Filson Young. London, 1906, 2 vol.

женіе, университетское воспитаніе и пребываніе на службѣ у короля Ренэ— очень благоразумно разсматриваются авторомъ только въ нѣсколькихъ словахъ, а дальнѣйшая жизнь и дѣятельность подробно описывается и съ большимъ интересомъ. Авторъ довольно рѣзко относится къ Колумбу, какъ къ человѣку. «Мы уже видѣли,—говоритъ Юнгъ,—хотя довольно туманно, чѣмъ была его юность, что онъ происходилъ отъ бѣдныхъ людей, которые не имѣли никакого значенія въ свѣтѣ, что онъ зарабатывалъ свой хлѣбъ, какъ простой рабочій, что онъ боролся изъ за общей великой идеи, которую, наконецъ, осуществилъ, и что онъ погибъ вслѣдствіи тѣхъ самыхъ стремленій, которыя были цѣлью его жизни. Онъ постоянно говорилъ о себѣ ложь и сочинялъ неправду, когда правда была для него неудобна; онъ былъ тщеславенъ и хвастливъ до неимоверной степени. Онъ былъ искренно религіозенъ и въ этомъ черпалъ свою силу, но онъ также способенъ былъ на лицемеріе и скрывалъ подъ личиной религіи жестокость и корыстолюбіе. Популярная книга Юнга тѣмъ болѣе кетати появилась въ концѣ прошлаго года, что въ маѣ мѣсяцѣ 1906 г. исполнилось четыреста лѣтъ со дня его смерти въ 1506 г. Конечно, всего занимательнѣе читается описаніе трехъ путешествій Колумба, во время которыхъ онъ открылъ острова и материкъ средней Америки, названной имъ восточной Индіей, такъ какъ великій мореплаватель не имѣлъ понятія, что онъ открылъ самостоятельный материкъ между Европой и Азіей, и мечталъ о томъ, что достигъ пресловутой Индіи. Кто не довольствуется легкимъ, общедоступнымъ изложеніемъ Юнга, напоминающимъ литературное сочиненіе Вашингтона Ирвинга о томъ же предметѣ, тотъ можетъ обратиться къ лучшимъ сочиненіямъ изъ современныхъ біографій Колумба: «*Christophe Colomb, son origine et sa vie*», Анри Ариса, изданное въ 1885 г. и итальянскому труду Чезаре Лолли: «*Cristoforo Colombo, nella leggenda e nella storia*».

— Четырехсотлѣтіе Джорджа Буканана. Осенью прошлаго года Шотландія и преимущественно университеты—въ Абердинѣ и въ Глазго—праздновали четырехсотлѣтній юбилей рожденія знаменитаго Джорджа Буканана, латинскаго поэта и гуманиста XVI вѣка. Но странной игрѣ случая, этотъ шотландецъ жилъ во Франціи съ четырнадцати до пятидесяти четырехъ лѣтъ и, по словамъ французскаго историка де-Ту, сдѣлался «нашимъ соотечественникомъ чрезъ усыновленіе». Поэтому не только Шотландія справляла юбилей Буканана, но имя поэта прославляли и французскіе журналы, особенно «*Revue Bleue*», гдѣ ему посвященъ панегирикъ ученымъ Г. Бонэ-Мори. Что же касается до Англии и Шотландіи, то этотъ юбилей праздновался въ іюлѣ, въ Абердинскомъ университетѣ св. Андрея, а въ ноябрѣ—въ университетѣ города Глазго, конечно, съ безконечными рѣчами, банкетами, торжественными академическими приѣмами, выставками старинныхъ предметовъ, относящихся до юбиляра и т. д. Большое количество біографическихъ статей о немъ появилось во многихъ журналахъ и газетахъ, которые вспомнили его давно забытую, замѣчательную фигуру. Джорджъ Букананъ родился въ февралѣ 1506 г., въ окрестностяхъ Килэрна, близъ Стерлинга, въ Шотландіи, въ бѣдномъ семействѣ мѣстныхъ земледѣльцевъ. Онъ принадлежалъ къ клану Леноксъ и всегда считался большимъ его приверженцемъ. Началъ свое воспита-

ніе въ сельской школѣ, а четырнадцать лѣтъ, отличаясь замѣчательнымъ умомъ, онъ былъ посланъ своимъ дядей, Геріотомъ, судьей графства Лотіана, въ Парижскій университетъ, гдѣ научился французскому и латинскому языкамъ и съ молодыхъ лѣтъ писалъ латинскіе стихи. Во время его пребыванія во Франціи, онъ отличался ревностной преданностью католической вѣрѣ, хотя постоянно боролся съ монахами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ гуманистовъ своего времени, по примѣру Эразма Роттердамскаго. Занимая должность ректора коллегіи св. Варвары, онъ прославился переводомъ на латинскій языкъ англійской грамматики Линагера, объяснялъ съ большимъ знаніемъ Виргилія и написалъ сатирическую поему: «О несчастномъ положеніи профессоровъ въ Лютеціи», а также своею автобіографію. Около трехъ лѣтъ Букананъ занимался преподаваніемъ въ Бордо, и знаменитый Монтэнъ, называвшій его великимъ шотландскимъ поэтомъ, поручилъ ему воспитаніе своего сына. Хотя по необходимости онъ былъ профессоромъ, но онъ чувствовалъ призваніе къ поэзіи на латинскомъ языкѣ. Онъ писалъ замѣчательныя поэмы, элегіи, ямбы, эпиграммы и лирическія, а также драматическія произведенія. Это не мѣшало ему глубоко изучать священное писаніе и перейти въ протестантскую вѣру, которую онъ официально принялъ въ 1560 г. По возвращеніи въ Шотландію, онъ игралъ важную роль въ политико-религіозныхъ дѣлахъ своей страны. Онъ былъ поэтомъ-лауреатомъ и секретаремъ Маріи Стюартъ до убійства Дарнлея, послѣ чего онъ отъ нея удалился и публично призналъ ея преступленіе. Тогда регентъ Мурей назначилъ его ректоромъ Абердинскаго университета св. Андрея, потомъ наставникомъ молодого короля Якова VI и, наконецъ, хранителемъ печати. Съ честью исполнивъ эти различныя должности, онъ умеръ 28 сентября 1582 г., осыпанный милостями, но въ бѣдности. Хотя память о Букананѣ давно официально померкла, но, какъ великій гуманистъ, онъ оставался всегда памятнымъ всѣмъ образованнымъ людямъ Шотландіи, а потому его юбилей праздновался самымъ блестящимъ образомъ профессорами, литераторами и всѣми образованными людьми. На юбилей профессоръ Медлэй припомнилъ, что Букананъ былъ скорѣе европеецемъ, чѣмъ шотландцемъ, но профессоръ Браунъ отвѣчалъ, что онъ былъ истымъ шотландцемъ, хотя и считался однимъ изъ избранныхъ европейскіхъ умовъ, одинаково замѣчательныхъ по своимъ знаніямъ, талантамъ и добродѣтелямъ.

— Корсиканскій король Теодоръ I. Французскій писатель, Поль Голо, помѣстилъ въ прибавленіи къ «Figaro» статью о судьбѣ корсиканскаго короля XVIII вѣка, Теодора I, — любопытной личности, незаурядной по своей предпримчивости и смѣлости, окончившей жизнь, однако, въ бѣдности¹⁾. Прежде чѣмъ совершилось 8 іюля 1768 г. окончательное присоединеніе Корсики къ Франціи, первой пришлось пережить много превратностей. То ее забирала подъ свою властную руку карагенцы, то римляне, а затѣмъ она перешла къ готамъ, вандаламъ и ломбардамъ. Потомъ папы объявили свое господство надъ нею, и Урбанъ подтвердилъ его, продавъ ее въ 1092 г.

¹⁾ Un roi de Corse au dix-huitième siècle. Par Paul Gaulot. «Figaro». 17 novembre 1906.

низанцамъ. У послѣднихъ старались Корсику отобрать генуэзцы, что имъ и удалось въ 1481 г. Съ этого времени она находилась подъ господствомъ генуэзцевъ, хотя номинально зависела отъ имперіи. Въ началѣ XVIII вѣка тяжелое подчиненное положеніе корсиканцевъ еще продолжалось, хотя ихъ ненависть къ своимъ владыкамъ стала столь сильной, что съ минуты на минуту грозила вырваться наружу. Наконецъ, въ 1729 г. корсиканцы не могли болѣе ее сдерживать и открыто всѣ, какъ одинъ, поднялись противъ притѣснителей — вспыхнула война за независимость. Генуэзцы не считали себя достаточно сильными, чтобы вступитъ въ борьбу съ возмущившимися и просили своего сюзерена, германскаго императора Карла VI, придти къ нимъ на помощь. Отрядъ австрійскихъ войскъ, подъ командою одного изъ принцевъ Вюртембергскихъ, двинулся на Корсику. Но, не раздѣляя ненависти къ корсиканцамъ, принцъ болѣе всего жаждалъ скораго примиренія враждующихъ и своего возвращенія на родину. Рѣшивъ, что онъ достаточно подготовилъ почву для примиренія, онъ спокойно покинулъ Корсику въ 1732 г. Но едва принцъ удалился, какъ освободившіеся отъ императорскихъ солдатъ корсиканцы снова взяли за оружіе и борьба вспыхнула ожесточеннѣе, чѣмъ прежде. Среди корсиканцевъ нашлись четверо отличныхъ предводителей: первый—Гаффери, грубый фанатикъ, но, въ сущности, добрый человѣкъ; второй—Гиацинтъ Паоли, изучившій медицину на континентѣ и возвратившійся на Корсику, уже набравшій цивилизаціи; третій—Гаффори, скромный и вмѣстѣ съ тѣмъ отважный и краснорѣчивый человѣкъ; четвертый—монахъ Ортикони, обладавшій даромъ воспламенять своими словами, руководить людьми и ловко вести дѣла. Эти четыре личности устроили въ январѣ 1735 г. общее собраніе всѣхъ общинъ, съ цѣлью придать единство возмущенію. При царствующемъ на немъ энтузіазмѣ были торжественно преданы сожженію кодексы генуэзскихъ законовъ и назначена смертная казнь тѣмъ изъ корсиканцевъ, которые отважатся предложить переговоры съ генуэзцами. Вскорѣ корсиканцы получили добрую вѣсть отъ монаха Ортикони, отправившагося въ Геную, для освобожденія соотечественниковъ, удержанныхъ въ качествѣ плѣнниковъ въ генуэзской крѣпости, Саванѣ. Онъ извѣщалъ ихъ, что нѣкая могущественная личность заинтересовалась ихъ судьбой и вскорѣ придетъ къ нимъ на помощь. Немного времени спустя, они узнали, что эта самая личность добилась освобожденія плѣнниковъ, собрала деньги и запасы, и скоро высадится на Корсикѣ. Дѣйствительно, 15 марта 1736 г. въ портѣ Алерія показался корабль съ англійскимъ флагомъ; съ него сошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, пріятной наружности, величественный, одѣтый по-турецки, съ чалмой на головѣ. Онъ роздалъ оружіе, порохъ и бросилъ нѣсколько пригоршенъ цехиновъ. Его привѣтствовали радостными кликами, благословляли его появленіе, какъ давно ожидаемаго освободителя, и отвели во дворецъ Сервіонъ, въ ожиданіи его торжественнаго провозглашенія королемъ. Въ сущности, появившаяся на Корсикѣ личность менѣе всего походила на освободителя. Это былъ авантюристъ изъ авантюристовъ—нѣмецкій баронъ Теодоръ фонъ-Нейхофъ, уроженецъ Вестфалии, сынъ капитана гвардіи Мюнстерскаго епископа. Его отецъ, ничего не имѣвшій, женился въ Литихѣ на дочери купца. Этотъ бракъ поссорилъ его съ родными и лишилъ прежняго

положенія. Съ помощью сестры, онъ добился у принцессы Орлеанской поста губернатора въ Менской области и тамъ у него родились двѣ дочери и сынъ— будущій корсиканскій король, Теодоръ I. Ихъ отецъ умеръ еще молодымъ и его жена осталась съ небольшими средствами. Дѣтей пристроила къ своему двору герцогиня Орлеанская и сдѣлала Теодора пажемъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ военную службу въ чинѣ поручика. Однако, молодой баронъ питалъ страсть къ расточительности; скромныя же средства не позволяли ему тратить много, и его охватила жажда разбогатѣть и добиться могущества. Къ тому же его подвижной характеръ былъ какъ бы созданъ для авантюръ, и онъ искалъ подходящаго случая, чтобы выбраться изъ своего скромнаго положенія. Тогда его соблазнилъ нѣмецкій баронъ Герцъ своимъ смѣлымъ планомъ— свергнуть Ганноверскую династію въ пользу Стюартовъ. Къ этому дѣлу присоединился и шведскій король Карлъ XII, который сдѣлалъ Герца своимъ первымъ министромъ. Для выполненія этого именно дѣла баронъ Нейхофъ, которому лестно было сдѣлаться дипломатическимъ агентомъ, и предложилъ свои услуги. Герцъ нашелъ, что онъ обладаетъ талантомъ для дипломатическихъ интригъ, и поручилъ ему отправиться въ Испанію къ хитрому кардиналу Альберони, сдѣлавшемуся министромъ Филиппа V, и сообщить ему свой планъ. Съ этой же цѣлью онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Англію съ опаснымъ порученіемъ переговорить съ шведскимъ посланникомъ, графомъ Гиллембургомъ, и не разъ рисковалъ своей жизнью. Заговоръ Герца противъ короля Георга I былъ обнаруженъ, но баронъ Нейхофъ удачно спасся изъ Англіи. Однако, Карлъ XII не успокоился и его любовь къ авантюрамъ натолкнула его на несчастную мысль вторгнуться въ Норвегію, присоединенную тогда къ Даніи, но здѣсь его ожидала смерть отъ руки своего же адъютанта, француза по происхожденію. Шведы, озлобленные несчастіями, причиненными фантазіями своего короля, выместили злобу на его министрѣ, баронѣ Герцѣ, и казнили его. Снова баронъ Нейхофъ очутился въ опасномъ положеніи, какъ фаворитъ казеннаго министра, и поэтому покинулъ Швецію. Воспользовавшись своими прежними сношеніями съ Альберони, онъ отправился въ Испанію и былъ принятъ очень любезно не только послѣднимъ, но и его преемникомъ, герцогомъ Ришарда, который вручилъ ему чинъ испанскаго полковника и женилъ его на дочери лорда Кильмарнока, лэди Форсфильдъ, придворной дамѣ испанской королевы. Баронъ Нейхофъ возлагалъ большія надежды на этотъ бракъ, но былъ разочарованъ, и какъ человѣкъ не очень щепетильный въ выборѣ средствъ для выхода изъ неудобнаго положенія—бросилъ свою жену, а также патентъ на званіе испанскаго полковника, и уѣхалъ во Францію. Обстоятельства какъ бы благопріятствовали его склонности къ авантюрамъ и онъ попалъ въ Парижъ въ тотъ моментъ, когда всѣ головы вскружилъ шотландецъ Ло, и парижане, очертя голову, бросались въ спекуляціи, теряя свои состоянія. Нейхофъ послѣдовалъ заразительному примѣру и былъ увлеченъ въ самый вихрь финансовой лихорадки—въ результатъ онъ остался безъ гроша, преслѣдуемый кредиторами. Вспомнивъ о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи, онъ добился у Карла VI мѣста резидента во Флоренціи. Борьба Корсики съ Генуей привлекла его вниманіе и вскорѣ онъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ

предводителей корсиканцев, монахом Ортикони, обманутымъ его вѣнскимъ блескомъ. Считая его отношенія къ императору болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, корсиканецъ старался возбудить въ немъ интересъ къ своему плѣнному соотечественнику Симону Рафаэлю, котораго надо было освободить изъ тюрьмы. Нейхофу ничего не стоило обѣщать все, что угодно, и на его счастье освобожденіе корсиканцевъ совпало какъ разъ съ назначеннымъ имъ самимъ срокомъ. Это обстоятельство придало ему въ глазахъ корсиканцевъ еще болѣе вѣса и, благодаря удачному для авантюриста обстоятельству, онъ вступилъ съ корсиканцами въ сношенія и высказалъ имъ свое мнѣніе, что успѣхъ можетъ быть достигнутъ, лишь когда они организуютъ сопротивленіе и выберутъ одного человѣка руководителемъ. Самымъ удобнымъ и способнымъ для этого шага человѣкомъ былъ, конечно, онъ. Корсиканцы повѣрили его словамъ, и баронъ Нейхофъ съ юношескимъ пыломъ принялся рыскать по всему свѣту, вышанивая солдатъ или, по крайней мѣрѣ, денегъ. Къ его несчастію, онъ не могъ показаться во многихъ странахъ, не попавъ въ руки своихъ кредиторовъ, а этихъ странъ было не мало — Швеція, Англія, Франція, Испанія и Германія Оставалась одно государство, гдѣ этотъ авантюристъ еще не выступалъ на свою арену дѣятельности — Турція. Не медля, собрался Нейхофъ туда и соединился съ двумя такими же бѣглецами, какъ онъ — венгерцемъ-графомъ Рагоцкимъ, изгнаннымъ императоромъ, и французомъ, только что перешедшимъ въ Исламъ, графомъ Бонневалемъ. Черезъ ихъ ходатайство Нейхофъ былъ принятъ султаномъ, но послѣдній мало интересовался Коренка и онъ отдѣлялся отъ авантюриста небольшою подачкой. Не добившись ничего въ Константинополѣ, онъ бросился въ Римъ и тамъ, въ монастырѣ св. Доминика, поймалъ въ свои сѣти двухъ дамъ, которыя, ослѣпленные его краснорѣчіемъ, отдали ему весь свой капиталъ. Мало того, онъ ухитрился добратъся до кассы одного Ливорнискаго еврея, отъ котораго получилъ крупную сумму денегъ, но все-таки далеко недостаточную для его грандіознаго плана. Его изобрѣтательный умъ подсказалъ ему отправиться въ Тунисъ и добратъся до самого бея. Этотъ планъ удался, и онъ представилъ предъ беемъ Корсику въ такомъ волшебномъ видѣ, что соблазнилъ его и тотъ рѣшилъ ее приобрести. Не имѣя намѣренія сдержатъ своихъ обѣщаній, Нейхофъ наобѣщавъ бею ее завоевать и для этого взявъ у него корабль, пушки, четыре тысячи ружей, триста пистолетовъ и тысячу цехиновъ. Теперь авантюристъ могъ смѣло явиться къ своимъ будущимъ подданнымъ, и объ его именно прибытіи оповѣстилъ корсиканцевъ Ортикони. Встрѣча была настолько торжественная, что Нейхофъ уже чувствовалъ на своей головѣ королевскую корону, но все-таки онъ считалъ не лишнимъ увеличить свое значеніе въ глазахъ своихъ подданныхъ. Поэтому онъ присвоилъ себѣ различныя титулы всѣхъ европейскихъ странъ, и корсиканцы, счастливые, что нашли такого вліятельнаго покровителя, готовы были оказать ему всевозможныя почести. Съ этой цѣлью, состоялось общее собраніе въ Алезамѣ 15 апрѣля 1733 г. и баронъ Нейхофъ появился на немъ въ пуриуровой мантіи, подбитой горностаемъ, и произвелъ своей величественной наружностью на корсиканцевъ впечатлѣніе. Ихъ предводители — Гиацинтъ Паоли, Гаффиери, Чиакальди, Гаффо-

рйо и Ортиконн не понались на его удочку, но, хотя не вѣрили ни въ его вліяніе, ни въ титулы, все-таки возбуждали въ народѣ энтузіазмъ въ его пользу. Они считали политической необходимостью воспользоваться имъ какъ орудіемъ для восславленія своихъ соотечественниковъ и, въ то же время, не выпустить дѣль страны изъ своихъ рукъ при главѣ изъ иностранцевъ. Кромѣ того, имъ казалось легче добиться поддержки другихъ королей противъ республиканской Генуи, когда у нихъ также будетъ король. Поэтому, на состоявшихся выборахъ, все единогласно выбрали барона Нейхофа королемъ Корсики, съ передачею королевскихъ прерогативовъ его наслѣдникамъ мужского пола, а за отсутствіемъ ихъ — женскаго пола. Въ случаѣ отсутствія таковыхъ наслѣдниковъ, ему предоставлялся выборъ себѣ преемника. Церемонія коронованія происходила въ Таваньской церкви, и на голову короля Теодора I, вмѣсто короны, возложили лавровый вѣнокъ. Опыяненный успѣхомъ, онъ серьезно вошелъ въ роль короля и окружилъ себя придворными чинами. Гаффіери и Паоли были сдѣланы графами и произведены въ генералиссимусы; Коста—графомъ и канцлеромъ и т. д. Мало того, Теодоръ I нашелъ необходимымъ обезпечить свое положеніе, составивъ гвардію изъ четырехсотъ человекъ. Затѣмъ онъ угрожалъ конфискаціей имущества тѣмъ лицамъ, которыя не будутъ его признавать королемъ. Онъ взялъ себѣ право располагать жизнью и смертью подданныхъ и приказалъ казнить трехъ корсиканцевъ, дравшихся между собою, а также разстрѣлять графа Казаколи, котораго онъ подозрѣвалъ въ шпіонствѣ въ пользу генуэзцевъ. Но этого было недостаточно для его авторитета, и онъ приказалъ выбить монеты—мѣдныя и серебряныя. Генуэзцы, узнавъ объ избраніи въ король Нейхофа, стали распространять нисьменные протесты, въ которыхъ называли его ужаснымъ человекомъ, чудовищно-порочнымъ, жестокимъ и ненавистнымъ всемъ. Онъ пробовалъ въ отвѣтъ снимать укрѣпленные посты, оставшіеся на островѣ въ ихъ владѣніи, но безъ денегъ и артиллеріи не имѣлъ успѣха. Его престижъ быстро сталъ уменьшаться, такъ-же какъ и довѣріе къ нему корсиканцевъ. Этому помогла еще его слабость къ женскому полу, благодаря которой онъ пошелъ въ смѣшное, унижительное положеніе. Однажды онъ замѣтилъ проѣздомъ въ одной деревнѣ красивую молодую дѣвушку, которая ему очень понравилась. Находя совершенно естественнымъ требованіе, чтобы дѣвушка удовлетворила его царственную фантазію, онъ хотѣлъ ее обезчестить, на что она, можетъ быть, и согласилась бы, но ея братъ, служившій въ гвардіи короля, оскорбился и сталъ ему угрожать, что его убьетъ, если онъ будетъ продолжать свои ухаживанья. Такая смѣлость подданнаго разгнѣвала Теодора, и онъ угрожалъ его повѣсить, если онъ будетъ противиться. Однако, никто не соглашался привести приговоръ въ исполненіе. Тогда Теодоръ I объявилъ, что онъ самъ исполнитъ роль палача. Гвардеецъ, высокій сильный человекъ, рѣшилъ отомстить ему собственоручно и взялъ въ руки ступль, чтобы нанести ударъ. Все присутствующіе вмѣшались и сумятица еще болѣе усилилась; другіе гвардейцы приняли сторону товарища и король едва успѣлъ спастись черезъ окно въ сосѣднемъ домѣ. Получивъ такой урокъ, король болѣе не пытался ухаживать за корсиканками, а довольствовался

привезенной съ собою французженкой. Вліяніе на корсиканцевъ Теодора I все уменьшалось и уменьшалось; они видѣли, что ихъ положеніе по-прежнему не улучшается. Напрасно король прибѣгалъ къ хитрости и посылалъ ложныхъ посланниковъ съ ложнымъ извѣстіемъ о скорой помощи— корсиканцы уже ему не вѣрили. Наконецъ, онъ схватился за послѣднюю надежду: одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, баронъ Дрозгъ, привезъ къ нему немного людей и оружія и Нейхофъ попытался захватить Бастію, но генуэзцы его оттѣснили. Восемимѣсячное царствованіе Теодора не принесло корсиканцамъ ни капли свободы, и король терялъ подъ ногами почву; тогда онъ придумалъ ловкій маневръ удалиться съ Корсикн, все-таки обезвечивъ себѣ право возврата при удобномъ случаѣ. Съ этою цѣлью, онъ собралъ въ Саргентъ всѣхъ главныхъ корсиканцевъ и повѣдалъ имъ свой планъ отправиться за границу за помощію. Во время его отсутствія, управление Корсикой переходило къ совѣту изъ 28 главныхъ дѣятелей, указанныхъ имъ самимъ: въ числѣ ихъ были Гаффіери, Паоли и Люкъ д'Орнано, которому онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставилъ и командованіе войскомъ. Принявъ рѣшеніе, онъ отплылъ на скромномъ провинціалномъ суднѣ изъ Алеріи, гдѣ его, полнаго надеждъ, торжественно встрѣчали восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Онъ уже былъ не въ блестящей одеждѣ, а въ скромномъ одѣяніи аббата, изъ опасенія встрѣчь съ кредиторами. Въ Римѣ баронъ опять посѣтилъ въ монастырѣ св. Доминика двухъ дамъ, которыя опять вручили ему небольшую сумму денегъ. Затѣмъ онъ отправился въ Туринъ и Парижъ, гдѣ надѣялся жить спокойно, но ошибся: тамъ его узнали кредиторы—и онъ бѣжалъ въ Голландію, гдѣ также не избѣжалъ встрѣчи съ кредиторами и, не успѣвъ отъ нихъ скрыться, попалъ въ тюрьму. Судьба какъ бы насмѣхалась надъ нимъ и никогда его королевскій престижъ не уважался такъ сильно корсиканцами, какъ въ время его заключенія. Дѣло въ томъ, что генуэзцы назначили цѣну за его голову, всѣми силами стараясь отъ него избавиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ распространяли повсюду слухъ, что корсиканцы, отдѣлавшись отъ него, признали свою ошибку. Однако, они этимъ не достигли цѣли: напротивъ, корсиканцы, не желавшіе казаться одураченными, въ видѣ протеста, издали прокламацію, выражая въ ней отсутствующему королю свою преданность, и это чувство въ нихъ поддерживалъ монахъ Ортикони своими пылкими рѣчами. Но положеніе барона Нейхофа въ роли Теодора I было все-таки шаткое, и надежды на прежнее царственное положеніе на Корсикѣ становились сомнительны, тѣмъ болѣе что сосѣднія государства, особенно германское, старались вмѣшаться въ ея дѣло: имъ было выгодно, чтобы она находилась подъ владычествомъ генуэзской республики и ни подъ какимъ видомъ не отдавалась бы какому-нибудь государству, которое могло изъ нея извлечь большую пользу, во вредъ другимъ правительствамъ. По этому случаю между французскимъ королемъ и нѣмецкимъ императоромъ состоялось соглашеніе, по которому Корсика осталась подъ властью Генуи и должна быть разоружена, но, взаменъ этого, отъ генуэзцевъ отнималось право произносить смертные приговоры надъ корсиканцами. Это вмѣшательство испугало корсиканцевъ едва-ли не болѣе, чѣмъ вооруженныя успія генуэзцевъ, но они не уняли духомъ и рѣшили бороться съ еще болѣе сильными врагами, чѣмъ

прежніе. У нихъ явилась даже надежда, когда они увидѣли, что никто не прибылъ къ нимъ и, повидимому, ни Франція, ни Германія не дѣлали для того никакихъ приготовленій. Генуя, однако, не дремала и, видя, что ей одной никогда не справиться съ Корсикой, предложила Франціи семьсотъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ за присылку шести батальоновъ и два миліона за шестнадцать батальоновъ, въ случаѣ, если первыхъ будетъ недостаточно. Это предложеніе было сдѣлано въ 1737 г. и вывело Францію изъ анатическаго положенія. Она послала экспедиціонный корпусъ изъ шести батальоновъ, подъ командою графа Буассе, который водворился въ Бастіи. Генуэзцами, однако, овладѣло опасеніе, какъ бы французы не водворились сами на Корсикѣ, и они стали возбуждать противъ нихъ корсиканцевъ. Это неблагородное поведеніе генуэзцевъ не смутило, однако, графа Буассе и онъ вступилъ въ сношенія съ Наоли, Гаффіери, Гаффоріо и Ортикони, результатомъ чего явилось соглашеніе, выгодное для корсиканцевъ. Но вдругъ французское правительство потребовало отъ нихъ шестерыхъ заложниковъ. Это возмутило патриотизмъ корсиканцевъ, но Гаффоріо и Ортикони уговорили ихъ согласиться, чтобы добиться спокойствія въ странѣ. Однако, внезапно распространился слухъ о появленіи близъ Корсики короля Теодора I, готоваго высадиться на берегъ. Предпринчивый, ловкій Нейхофъ, несмотря на то, что былъ засажень кредиторами въ тюрьму, не только удачно выпорхнулъ снова на свободу, но даже получилъ субсидію, оружіе и корабли, чтобы отправиться на завоеваніе своего государства. И все это ему стоило ни больше ни меньше, какъ города Аяччіо, который ему еще не принадлежалъ. Надо быть такимъ недюжиннымъ авантюристомъ, какъ баронъ Нейхофъ, чтобы отважиться на подобный смѣлый шагъ. Благодѣтелемъ явился его кредиторъ, нѣкій еврей, который, естественно, былъ подставнымъ лицомъ одной изъ державъ, именно Голландіи, зарившейся на плодородный островъ и важную морскую станцію въ стратегическомъ отношеніи. Съ перваго взгляда это предложеніе казалось бы легкомысленнымъ безуміемъ, но, въ сущности, оно было ни болѣе ни менѣе, какъ политическое и коммерческое предпріятіе — очень осуществимое, особенно при участіи такого смѣлаго авантюриста, какъ Нейхофъ. Превратившись снова въ Теодора I, онъ направился къ Корсикѣ въ 1738 г. Его появленіе было столь баснословно, что даже вызвало среди корсиканцевъ нѣкоторый энтузіазмъ. Онъ добился бы своей цѣли, если бы не присутствіе на Корсикѣ французскаго войска, во главѣ съ графомъ Буассе, который не допустилъ его высадиться на островъ. Видя, что его послѣдняя попытка возстановить свое царство на Корсикѣ сорвалась, онъ все-таки пытался настаивать, но помнилъ, однако, что долженъ отдать своимъ кредиторамъ Аяччіо — и отправился его завоевывать, уведоливъ Люкъ д'Орнано, который располагалъ нѣсколькими сотнями партизановъ, чтобы онъ атаковалъ городъ со стороны земли, самъ же хотѣлъ напасть съ моря. Но это ему не удалось: вѣтеръ отнесъ его корабли къ Неаполю. Графъ Буассе считалъ, что на этотъ разъ все кончено съ Нейхофомъ и предложилъ корсиканцамъ вступить съ французами въ соглашеніе. Они прикинулись, что подчиняются ему и отказываются отъ дальнѣйшей борьбы, но когда они явились въ назначенное мѣсто для передачи французамъ

своего оружія, то внезапно нанали на французозъ, которые принуждены были отступитъ. Тщетно Буассье взывалъ къ королю о присылкѣ подкрѣпленія— и его не послали. Обманутый генуэзцами, онъ видѣлъ, съ какой быстротою умывшаются его силы и въ отчаяніи просилъ, чтобы его отозвали. Когда же насталъ моментъ покинуть Корсику, онъ умеръ отъ истощенія въ Бастіи. Замѣнившій его ловкій генералъ Мельбуа началъ съ того, что распространилъ слухъ о смерти барона Нейхофа, чтобы окончательно обезкуражить остатки его партіи, которою руководилъ баронъ Дрозтъ, а затѣмъ уничтожилъ еще бродившія банды. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ островъ былъ умиротворенъ, но все-таки Корсика еще не сдѣлалась французскою, такъ какъ Англія имѣла намѣреніе вмѣшаться, и престарѣлый министръ, кардиналъ Флери, боялся войны и отозвалъ Мельбуа съ войсками. Между тѣмъ, Нейхофъ, достигнувъ Неаполя, явился въ голландское консульство; тамъ его ожидалъ далеко не дружескій пріемъ: онъ не достигъ цѣли, а потому оказался виновнымъ и его опять засадили въ тюрьму. Едва онъ освободился, какъ послалъ феллуку къ корсиканцамъ съ увѣдомленіемъ, что ихъ король живъ. Онъ собралъ денегъ, досталъ англійскій корабль и отправился на Корсику. На этотъ разъ никто не отвѣчалъ на его призывъ и, постоявъ у береговъ Изола-Росса, онъ удалился ни съ чѣмъ. Снова для него началась странствующая жизнь авантюриста. Несчастная мысль вошла ему въ голову отравиться въ Лондонъ, гдѣ кредиторы засадили его въ тюрьму на цѣлыхъ семь лѣтъ. Но братъ англійскаго министра, Горасъ Вальполь, съжалился надъ нимъ, открылъ подписку и освободилъ бывшаго Теодора I, который великодушно объявилъ, что предоставляетъ Корсику своимъ кредиторамъ. Еще нѣсколько лѣтъ протянулъ этотъ недюжинный авантюристъ, но его жизнь была несчастная, нищенская, и когда 11 декабря 1755 г. онъ умеръ и былъ похороненъ на кладбищѣ св. Анны, то Вальполь составилъ ему слѣдующую эпитафію: «Фортуна дала ему государство, но отказала въ хлѣбѣ».

— Исторія знаменитой фразы генерала Камброна. Извѣстный историкъ Наполеоновской эпохи, Анри Гуссэ, напечаталъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свое замѣчательное сочиненіе о событіяхъ 1815 г. и въ немъ обѣщалъ въ послѣдствіи обнародовать всѣ собранныя имъ доказательства и свѣдѣнія о знаменитой фразѣ генерала Камброна: «Гвардія умираетъ, а не сдается!» Теперь онъ исполнилъ свое обѣщаніе, помѣстивъ въ двухъ ноябрьскихъ нумерахъ «Revue Bleue» любопытную статью¹⁾ объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: «Гвардія умираетъ, а не сдается, исторія исторической фразы». Въ этомъ краткомъ, но обстоятельномъ изслѣдованіи ученый авторъ дѣйствительно собралъ всѣ имѣющіеся матеріалы о произнесенныхъ генераломъ Камброномъ памятныхъ словахъ. Съ самаго начала онъ подробно описываетъ тѣ обстоятельства достопамятнаго сраженія, которыя привели къ столь часто повторяемой уже почти сто лѣтъ исторической фразѣ. Какъ извѣстно, она была произнесена Камброномъ— въ то время командиромъ второго батальона

¹⁾ «La Garde meurt et ne se rend pas. Par Henry Houssaye; «Revue Bleue», 17—21 novembre, 1907.

перваго полка гвардейскихъ егерей, — въ отвѣтъ на предложеніе англійскихъ генераловъ и офицеровъ сдаться. Прежде всѣхъ, именно 24 іюня 1815 г., напечатать эту фразу «*Journal général de France*». Изъ этой газеты она перешла во всѣ другіе, какъ французскіе, такъ и иностранные, а затѣмъ въ безконечное количество книгъ и статей на всѣхъ языкахъ. Всѣ историки и журналисты — какъ французскіе, такъ и чужеземные — наперерывъ прославляли храбраго воина и его краснорѣчивыя слова. Несмотря на то, что онъ распространился повсюду, три года спустя послѣ произнесенія этой фразы, въ 1818 г., «*Journal des Débats*» напечатать, что самъ Камбронъ не помнитъ, произносилъ-ли онъ подобныя слова, а потому ихъ слѣдуетъ приписать сотруднику «*Journal général de France*», второстепенному драматургу, романисту и поэту, Палисону де-Ружмону. Но, все-таки, популярность всѣмъ известной фразы увеличивалась и ее повторяли даже депутаты въ парламентѣ и различные офицеры и генералы, присутствовавшіе при битвѣ подъ Ватерлоо. Всего замѣчательнѣе было удостовѣреніе маршала Сульта, который въ 1843 г. произнесъ въ парламентѣ: «Я былъ при Ватерлоо и находился рядомъ съ Камброномъ, когда онъ сказалъ: «Гвардія умираетъ, а не сдается!» Но теперешній изслѣдователь этого историческаго факта удостовѣряетъ, что Сультъ не находился въ Ватерлоо рядомъ съ Камброномъ, а скакалъ за императоромъ. Около того же времени умеръ генералъ Камбронъ, и его земляки, жители города Нанта, рѣшили поставить ему памятникъ. Тогда король Луи-Филиппъ получилъ прошеніе отъ дѣтей генерала Мишеля, убитаго при Ватерлоо, въ которомъ они просили, чтобы на памятникъ генерала Камброна не было выставлено памятной фразы, такъ какъ не онъ, а ихъ отецъ произнесъ ее. Въ доказательство они ссылались на присланный генераломъ Бертраномъ обломокъ камня съ Наполеоновской могилы, на которомъ находились слѣдующія слова: «Графинѣ Мишель, вдовѣ генерала Мишеля, убитаго въ битвѣ при Ватерлоо, когда на требованіе враговъ — сдаться, онъ отвѣчалъ знаменитой фразой: «Гвардія умираетъ, а не сдается». Это свидѣтельство, однако, нисколько не доказательно, и самъ Наполеонъ въ запискахъ генерала Гурго приводитъ ихъ, какъ слова Камброна. Наконецъ, адъютантъ Мишеля, капитанъ Берто, описывая его смерть, доказываетъ, что онъ не могъ произнести этой фразы, такъ какъ англичане вовсе съ нимъ не говорили, а самъ онъ, умирая, сказалъ только: «О, Господи! у меня еще и рука сломана». Съ 1862 г., когда Викторъ Гюго иначе прославилъ Камброна въ своихъ: «*Les Misérables*», приписавъ ему, вмѣсто знаменитой фразы, еще болѣе пресловутое слово, то посыпались безконечныя удостовѣренія современниковъ, что дѣйствительно генералъ произнесъ свою фразу. Шарль де-Линъ въ своей книгѣ: «*Contes d'un buveur de bière*» приводитъ разсказъ стараго гвардейскаго гренадера, Дэло, еще живого въ то время, что не только Камбронъ сказалъ свои слова, но даже всѣ солдаты ихъ повторили за нимъ. Англичане, однако, такъ упорно повторяли свое требованіе сдаться, что выведенный изъ терѣбнѣя Камбронъ сказалъ и слово ему приписываемое. Подлинность словъ Дэло — нѣсколько сомнительна по литературному ихъ изложенію и по тому обстоятельству, что самъ Дэло въ протоколѣ, составленномъ генераломъ Мессіа, въ присутствіи жены маршала Магъ-Магона,

повторилъ не приписываемое Камброню другое слово, а, напротивъ, заявилъ, что онъ не слышалъ, что именно сказалъ Камбронъ, выведенный изъ терпѣнія назойливостью англичанъ. Наконецъ, Гуссэ навелъ обстоятельную справку въ архивѣ военнаго министерства, гдѣ именно находился Дэло со своими гренадерами во время знаменитаго событія въ Ватерлоо, и волиѣ удостовѣрился, что онъ былъ въ 1,500 метрахъ разстоянія отъ Камброна. Кромѣ Дэло, егеръ Саль и гренадеръ Франкэнъ слышали, какъ произносилъ свою знаменитую фразу Камбронъ, но Гуссэ волиѣ доказательно обнаруживаетъ, что первый вовсе не былъ при Ватерлоо, а второй только повторяетъ разсказъ Дэло. Такимъ образомъ, очевидецъ не передаетъ того, что сказалъ Камбронъ; его солдаты и офицеры всѣ до одного убиты, а онъ самъ, тяжело раненый, увѣряетъ до конца жизни, что никогда не произносилъ ничего подобнаго, а только утверждалъ, что сказалъ другія слова—солдатскія, мѣнѣ блестящія, но болѣе энергичныя. Покончивъ съ исторической фразой Камброна, Гуссэ переходитъ къ слову, приписанному генералу Виктору Гюго. Это слово, грубое, солдатское, по французски «merd!», и оно звучитъ также, какъ французское слово *meurt* (умираетъ). Въ первый разъ оно упомянуто было, хотя и не буквально, въ «*Dictionnaire des contemporains*», Раббэ, изданномъ въ 1834 г. Подполковникъ Лемонье-Делафоссъ удостовѣряетъ, что онъ самъ слышалъ какъ Камбронъ произнесъ: «М...! Я не сдаюсь!» Женти, секретарь редакціи «*Mercur de France au XIX siècle*» увѣряетъ: «Камбронъ не произнесъ—«Гвардія умираетъ, а не сдается», а отвѣчалъ: «М...!» Дядя Камброна, аббатъ Дрюонъ-де-Брюно, часто говорилъ, что его племянникъ ему сознался, какое слово онъ сказалъ, но просилъ его объ этомъ никому не говорить. Бабушка, мать и отецъ подполковника Кретьена, двоюроднаго племянника Камброна, часто говорили ему, что Камбронъ именно произнесъ то слово, которое вспомнилъ Викторъ Гюго. Подводя итогъ всему сказанному, Гуссэ полагаетъ, что въ штыку битвы Камбронъ не могъ произнести цѣлой литературной фразы, а всего вѣроятнѣе, сказалъ грубое солдатское слово.

— Романъ въ музыкальной мелодіи. Недавно въ Парижѣ, въ залѣ бульвара Капуцинокъ, состоялся любопытный и оригинальный музыкальный вечеръ, посвященный всецѣло Шопену. Интересъ этого концерта въ томъ, что устроители его—Лео Кларетти и композиторъ Жоржъ Әссъ, поклонникъ и талантливый исполнитель произведеній гениальнаго музыканта, — представили предъ слушателями его романъ съ Жоржъ-Сандъ въ музыкальныхъ звукахъ. До сихъ поръ были извѣстны лишь письменные мемуары, теперь же впервые появились музыкальныя, которымъ предстоитъ увѣковѣчить любовь гениальнаго музыканта и талантливой романистки. Это тѣмъ болѣе пріятно поклонникамъ Шопена, что послѣ него не осталось никакого письменнаго свидѣтельства его любовной элегіи съ Жоржъ-Сандъ, такъ какъ, благодаря болѣе скромному характеру, чѣмъ у Мюссэ, онъ не выносилъ на судъ современниковъ своихъ любовныхъ неурядицъ съ нею. Единственныя оставшіяся документы—письма къ сестрѣ, но увѣренію нѣкоторыхъ, сгорѣли въ Варшавѣ. Впрочемъ, въ прошедшемъ году появилось нѣсколько изъ нихъ, о которыхъ мы уже говорили на стра-

ницах «Историческаго Вѣстника» ¹⁾), но ихъ было слишкомъ мало. Поэтому, мемуарами Шопена можетъ служить лишь серія четырнадцати вальсовъ, въ которыхъ, по словамъ Эсса, вылились всѣ движенія, волновавшія душу музыканта въ эпоху его романтической связи съ Жоржъ-Сандъ. Онъ никогда не создавалъ вальсовъ до романа съ нею, и первый изъ нихъ появился въ самомъ началѣ ихъ сближенія; вся-же серія была написана между 1839—1849 гг. какъ разъ въ эпоху ихъ романа. «Прочитайте, — говоритъ Эссъ, — первые четыре вальса Шопена—какая пламенная чувственность, какой порывъ восторга, отмѣченный смѣлыми, властными переливами, сладострастными трелями, криками радости и любви!» Затѣмъ Эссъ припоминаетъ первое свиданіе Шопена съ Жоржъ-Сандъ на одномъ музыкально-художественномъ вечерѣ, въ 1838 г. Шопенъ игралъ свою «Балладу Уланда»; у рояля стояла Жоржъ-Сандъ, блѣдная, со слезами на своихъ черныхъ, глубокихъ глазахъ. Шопенъ ее замѣтилъ— и оба артиста поняли другъ друга и взаимно влюбились. Съ этого момента появились его первые вальсы, полные лихорадочнаго удовольствія и надежды. Въ слѣдующихъ вальсахъ—именно, въ ля бемоль мажоръ, ребемоль мажоръ и утъ дѣзъ миноръ—уже слышенъ иной характеръ. Сначала мечтательные, безнечные, затѣмъ молящіе и взволнованные, эти вальсы говорятъ о внутренней тревогѣ, о бурной страсти, полной борьбы. Они относятся ко времени первыхъ ссоръ Шопена съ г-жею Жоржъ-Сандъ, послѣ возвращенія съ Майорки, когда причудливое, своенравное и сумрачное настроеніе Шопена начало ей надоѣдать, и ея мезгью явилась Лукреція Флоріанн. Эта переѣна стала всѣмъ замѣтна, и однажды Эженъ Делакруа сказать: «Шопенъ требователенъ; онъ дѣйствуетъ, какъ избалованный ребенокъ!»—«Въ этомъ виновата сама г-жа Сандъ,—отвѣтилъ ему Берье, — зачѣмъ ей захотѣлось придать своей любви материнскій оттѣнокъ. Дитя плачетъ, надоѣдаетъ, когда его хотятъ удалить».—«Если бы я былъ г-жа Сандъ,—внезапно заключилъ Рикомскій,—то сказать бы этому Шопену: «Я никогда не была вашей матерью, я больше не ваша любовница, такъ не принимаете-ли вы меня за вашу кормилицу?» Однако, никто изъ этихъ свѣтлыхъ головъ не добился истины: всѣ они ошибались, считая эту переѣну въ Жоржъ Сандъ разрывомъ между любовниками, тогда какъ это были лишь размолвки, и она никогда не отнимала своей любви у Шопена, что подтверждаютъ слѣдующіе вальсы, въ которыхъ порывы радости смѣняются облачкомъ грусти. Но, несмотря на свою грусть, Шопенъ былъ гордъ, и когда они однажды вечеромъ встрѣтились въ обществѣ и Жоржъ-Сандъ, подойдя къ нему, протянула ему руку и назвала его «Фредерикомъ», то онъ повернулся къ ней спиной— между ними все было кончено. Именно въ этотъ періодъ были написаны послѣдніе вальсы—несвязные, прерываемые то смѣхомъ, то рыданиями. Жоржъ-Сандъ, однако, не оставалась къ нему совершенно равнодушной, и изъ писемъ, напечатаннаго барономъ Лумброзо и помѣченнаго 1847 г., видно, насколько огорчала ее болѣзнь Шопена. Въ этомъ году у нея было много непріятностей, вслѣдствіе упорства мужа относительно

¹⁾ Journal des Débats. Revue hebdomadaire. Decembre, 1906.

брака ея дочери Солавжъ со скульпторомъ Клезингеромъ, но она все-таки нашла время написать Гутману, любимому ученику Шюпена, и въ нѣжныхъ, добрыхъ выраженіяхъ высказала свое огорченіе по поводу болѣзни послѣдняго. Но Шюпень обладалъ слишкомъ простой душой, чтобы понять сложную душу Жоржъ-Сандъ и даже не узналъ себя въ принцѣ Каролѣ. Онъ такъ и умеръ, нравственно страдая въ настоящемъ романтическомъ отчаяніи.

— Марксъ—плагіаторъ. Пророкъ социализма, нѣмецкій экономистъ Карлъ Марксъ, обвиняется на страницахъ «Journal des Débats» ни болѣе ни менѣе, какъ въ плагіатѣ. Авторъ этой статьи, Бурдо, собравъ всѣ появившіяся обвиненія противъ Маркса, приводитъ имена извѣстныхъ писателей, у которыхъ онъ заимствовалъ идеи и системы. Хотя, по его словамъ, открытія Маркса въ области социализма и равняются по значенію открытіямъ Кенлера, Ньютона и Дарвина, все-таки Леруа Болье въ своей критикѣ коллективизма указываетъ на заимствования, сдѣланныя Марксомъ у Прудона, котораго самъ-же онъ называетъ представителемъ мелкой буржуазіи. Другой ученый, австрійскій профессоръ, Антонъ Менгеръ, въ своей книгѣ «Право на полный продуктъ труда», съ исторической точки зрѣнія, въ свою очередь, тоже обвиняетъ Маркса, и выѣтъ съ нимъ—Робертуса, въ томъ, что они выдавали самыя важныя формулы англійскихъ и французскихъ ученыхъ за свои, не всегда называя имена авторовъ. Англійскій экономистъ, Сидней Веббъ, указываетъ въ своемъ трудѣ «Trade unions» на крупныя заимствования Маркса у англійскаго писателя Гочкинса, защитника труда противъ капитала. Поэтому выходитъ, что Марксъ пользовался вездѣ, гдѣ могъ, чужимъ матеріаломъ даже для своего «Капитала», что не мѣшаетъ, впрочемъ, обвинителямъ признавать его единственнымъ строителемъ своего зданія, впрочемъ, не оконченнаго, и въ настоящее время даже давняго тренцины. «Сами же социалисты,—говорится въ статьѣ,—во главѣ съ Бернштейномъ, предприняли его разрушеніе и онъ держится, только благодаря традиціямъ и рутинѣ. Напротивъ, «Коммунистическій Манифестъ» Маркса и Энгельса, написанный въ 1847 г., остается почти нетронутымъ и, повидимому, переживетъ ихъ, такъ какъ распространенъ среди миллионъ рабочихъ и сдѣлался самой международной книгой въ социалистической литературѣ. Это—краткая библія или коранъ рабочихъ, отъ Сибири до Калифорніи, пятидесятилѣтній юбилей котораго отпраздновали въ Германіи торжественно». Зомбартъ, авторъ вышедшей въ Берлинѣ книги о социализмѣ, говоритъ, что «Манифестъ» признается единственнымъ трудомъ на свѣтѣ и полонъ самыхъ баснословныхъ идей, особенно, если принять во вниманіе, что авторы были двадцатилѣтніе юноши; они положительно обладали двойнымъ зрѣніемъ, когда писали его, и чѣмъ болѣе его читаемъ, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новыхъ истинъ. Основной тезисъ его историческаго матеріализма слѣдующій: способъ экономическаго производства и распредѣленія создаетъ раздѣленіе классовъ, отсюда происходитъ въ каждую эпоху основаніе политической и

1) Karl Marx plagiaire, par J. Bourdeau «Journal des Débats» Revue hebdomadaire. 29 Novembre, 1906.

интеллектуальной исторіи. Всѣ экономическія революціи находятъ свое выраженіе въ несогласіи классовъ, результатами чего является борьба классовъ. Современное социалистическое движеніе—только организациія общественныхъ элементовъ, призванныхъ уничтожить господство буржуазіи и пріобрѣсть новыя силы социальнаго производства, что можетъ совершиться лишь при замятѣ частной собственности коммунизмомъ. Коммунисты же образуютъ партію воинствующаго пролетаріата, который вполне сознаетъ эту общую эволюцію и ея международный характеръ. Ихъ теоріи—только отраженіе дѣйствительности, существующей борьбы классовъ и преобразования, происходящаго предъ нашими глазами. Коммунисты, или, какъ они теперь называютъ себя, коллективисты, уже около полувѣка производятъ пропаганду своихъ идей среди рабочихъ, которая «доходитъ до чудовищныхъ химеръ и противорѣчій». Открывъ источникъ прогресса въ борьбѣ классовъ, порожденной экономическимъ производствомъ, Марксъ льститъ себя надеждой увидѣть эту борьбу оконченной, а человѣчество—доведеннымъ до золотого вѣка коммунизма, но коммунизма, которому будетъ служить наука, которая удесятеритъ производительныя силы общества на равную пользу всѣмъ. «Это,—замѣчаетъ нѣмецкій писатель Зомбартъ,—мечта о потерянномъ и возвращенномъ раѣ, входъ въ который, во всякомъ случаѣ, можетъ быть залитымъ кровью и заваленнымъ трупами». Идеи «Манифеста» Маркса и Энгельса, по увѣренію Зомбарта, далеко не исключительно ихъ собственныя, и теорія исторической роли борьбы классовъ перешла къ Марксу отъ Тьерри и Гизо. Другой критикъ Маркса, Андерсъ, не восторгающійся «Манифестомъ», какъ Зомбартъ, указываетъ на заимствования, сдѣланныя Марксомъ у Бабефа, Пекёра, Видаля и Луи Блана. Но еще большее открытіе сдѣлалъ нашъ соотечественникъ, Черкесовъ—анархистъ Бакунинскаго толка, ненавидящій Карла Маркса за его жестокия клеветы на Бакунина. Въ недавно напечатанной брошюрѣ по этому поводу, Черкесовъ представилъ Маркса и Энгельса, какъ самыхъ нахальныхъ плагиаторовъ. «Коммунистическій Манифестъ», съ момента его напечатанія въ 1847 г., прошесть, не обративъ на себя особеннаго вниманія, затѣмъ его читали изъ любопытства, а потомъ нѣмцы его стали считать за пробужденіе и обѣщаніе искупленія. Онъ также оказался не принадлежавшимъ вполне Марксу, а внушеннымъ ему брошюрой Консидерана, появившейся въ 1842 г. и вновь изданной въ 1846 г., которую теперь невозможно отыскать. Сдѣланныя изъ нея заимствования настолько безцеремонны, что даже названіе, распределеніе главъ и послѣдовательность идей поражаетъ сходствомъ. Пламенный марксистъ, Карлъ Каутскій, возмущается этимъ разоблаченіемъ и утвердительною тономъ Черкесова, но, однако, не отрицаетъ, что Марксъ позаимствовалъ ходячія тогда теоріи для своего «Коммунистическаго Манифеста», какъ финансовый феодализмъ, злоупотребленіе свободной конкуренціей, пауперизмъ массъ, сосредоточеніе капиталовъ, но признаетъ существенную разницу въ принципахъ. «Пронасть, раздѣлявшая французскихъ социалистовъ до 1848 г.,—говорится въ недавно появившейся итальянской книгѣ Сореля,—утопистовъ, какъ ихъ называлъ Марксъ, отъ ученыхъ социалистовъ,—состоитъ въ томъ, что первые были люди не борьбы, а социальнаго мира. Сень-Симонъ возстановилъ

народъ противъ буржуазіи, а Консидеранъ поставилъ лицомъ къ лицу буржуазію и промышленный пролетаріатъ. Онъ указалъ, что антагонизмъ, зарождаемый отъ положенія, созданнаго крупной промышленностью, ведетъ общество къ катастрофѣ,—къ полному разрушенію. Онъ кричитъ: «Берегитесь! вы бѣжите къ пропасти. Если вы хотите избѣжать ужасной революціи—поспѣшите признать права рабочаго, организуйте промышленность на тройственной ассоціаціи — работы, капитала и таланта. Такова должна быть задача гражданина». Дѣло идетъ о соединеніи интересовъ владѣльцевъ и пролетаріевъ, рядовыхъ и вождей промышленности. Союзъ классовъ долженъ слиться въ національное единство—въ человѣческую семью. Утописты воображаютъ, что общественный антагонизмъ можетъ улечся, если правящіе классы будутъ хорошо расположены къ народу, но Марксъ находитъ, что это—глубокая иллюзія. Эволюція капитализма—неизбѣжна; неминуемо должна происходить борьба классовъ до полного уничтоженія буржуазіи. Эта теорія борьбы классовъ, по словамъ Сореля, имѣетъ только общее названіе съ теоріей Тьерри, который смотритъ на нее, особенно съ точки зрѣнія исторической и этнической, какъ на скрытый конфликтъ между побѣдителями и побѣжденными. По его мнѣнію, капиталистъ—не феодальный баронъ и различается отъ пролетарія только обладаніемъ средствъ производства. По Марксу же выходитъ, что несогласія между этими двумя классами не должно сравнивать съ простыми конфликтами заинтересованной группы, какъ это происходитъ между крестьянами и фермерами, собственниками и т. д. изъ-за лучшихъ условій работы—конфликтами, которые улаживаются политикой и парламентомъ. Совѣтъ иначе смотритъ на это Марксъ и совершенно революціонно, опираясь на гегельянскую теорію оздоровительной и благотворной роли, какую играютъ въ свѣтѣ дурныя страсти, насиліе, «Voese». Правящіе классы создали систему закона, поддерживаемаго свойственной ему системой нравственныхъ, религіозныхъ и юридическихъ идей. Но поработенный классъ отрицаетъ эту систему и, благодаря собственной революціонной волѣ, какъ бы встаетъ внѣ этого закона. Пока подобное положеніе существуетъ—будетъ длиться жестокая борьба классовъ, неизбежная борьба, такъ какъ между двумя юридическими системами не можетъ быть соглашенія, возможной мировой сдѣлки, какъ это бываетъ между двумя заинтересованными группами. Наступленіе этой неизбежной революціи Марксъ и Энгельсъ пророчили очень близкимъ, когда въ 1848 г. писали свой «Манифестъ», но тогда они не думали, что она можетъ совершиться безъ переходовъ, въ единоборствѣ буржуазнаго капитализма и пролетаріата. Они предвидѣли, что мелкая буржуазія достигнетъ власти и будетъ принуждена, подъ постоянной угрозой отложенія пролетаріата, возможнаго возврата капиталистической реакціи, произвести реформы и временныя мѣры. Такимъ образомъ, радикальная республика и государственный социализмъ послужатъ необходимымъ проводникомъ къ социальной республикѣ. Всѣ эти предвидѣнія Маркса и Энгельса сбываются, и какъ бы ни былъ призраченъ ихъ коммунизмъ, пхъ «окончательная цѣль», но во Франціи уже достигли той фазы, когда радикалы увидѣли себя вынужденными выковать социальную коллективизму оружіе для собственного же истребленія. Это зарожденіе

борьбы классовъ. согласно мнѣнію марксистовъ, совершенно чуждо теоріи Консидерана. Карлъ Марксъ, съ глубокимъ предвидѣніемъ и съ помощью свойственнаго ему расѣ космополитизма, придавъ интернаціональный характеръ этой борьбѣ, словами: «Пролетаріи всѣхъ странъ—соединяйтесь». Его интернаціонализмъ ничто иное, какъ пролетарскій имперіализмъ, какъ его и объясняетъ Сейлеръ въ своей—«Der demokratische Imperialismus».

— Письма графа Гацфельда во время французско-германской войны. Послѣ трескучаго усѣха мемуаровъ Гогенлоэ, выходятъ, другъ за другомъ, воспоминанія и документы о событіяхъ эпохи установленія германскаго единства. Въ числѣ ихъ занимаютъ видное мѣсто только что напечатанныя въ Лейпцигѣ письма графа Гацфельда къ его женѣ, написанныя изъ главной квартиры германской арміи во Франціи въ 1870—71 гг. ¹⁾ Онъ былъ извѣстный германскій дипломатъ, помощникъ Бисмарка во время мирныхъ переговоровъ послѣ французской войны, и о немъ желѣзный канцлеръ говорилъ что «это лучшая лошадь на его конюшнѣ». Потомъ Гацфельдъ состоялъ посланникомъ въ Константинополѣ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и посломъ въ Лондонѣ. Графъ Павелъ-Густавъ Гацфельдъ былъ сынъ пресловутой графини Гацфельдъ-Вильденбургъ, бывшей другомъ Лассаля. Женился онъ на американкѣ, миссъ Муллонъ, къ которой и написаны означенныя письма по-французски, а теперь переведены на нѣмецкій языкъ. Въ сущности, эти письма составлены кратко и наскоро, во время пребыванія графа въ нѣмецкомъ лагерѣ и въ Версалѣ; въ нихъ нѣтъ ничего новаго о переговорахъ съ Франціей, и вообще онѣ не отличаются ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, но довольно интересны, потому что отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, медленную агонію Франціи, которая, несмотря на многіе упреки нѣмца, возбуждаетъ въ немъ своей отвагой невольное сочувствіе. Начинается эта перениска 16 сентября 1870 г. съ увѣренія автора, что французы скоро сдадутся, такъ какъ имъ ничего не остается лучшаго. «Надо надѣяться, — прибавляетъ онъ, — что эта исторія вскорѣ кончится. Бѣдный Парижъ, въ какомъ положеніи мы его застанемъ, когда вступимъ туда!» 7 октября письмо уже помѣчено изъ Версаля и съ тѣхъ поръ перениска до марта мѣсяца велась оттуда. Первую прогулку верхомъ по Версалю онъ совершилъ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ. «Мы были, — пишетъ онъ, — во дворцѣ съ визитомъ у раненыхъ. Странное зрѣлище представляютъ эти раненые, лежащіе на кроватяхъ въ громадныхъ залахъ. Повсюду на стѣнахъ развѣшаны въ золотыхъ рамахъ картины, изображающіе эпизоды изъ исторіи Франціи. Надъ однимъ храбрымъ баварцемъ висѣла картина: «Сраженіе при Рокруа». Оттуда мы отправились въ оранжерею; она удивительна. Въ ней есть одно лимонное дерево, которому четыреста лѣтъ, а другое, которое очень любилъ Людовикъ XIV. Что могло бы поразсказать это дерево!» Далѣе Гацфельдъ увѣряетъ, что нѣмцы не питаютъ къ французамъ никакой ненависти, а напротивъ, по его мнѣнію, французы послѣ мира вѣчно будутъ думать о реваншѣ. Поэтому необходимо присоединить къ Германіи Страсбургъ и Мецъ для самозащиты.

¹⁾ Leipzig, Heinrich Schmidt und Karl Günter, 1907.

Хотя онъ выражаетъ глубокое сожалѣніе о «своемъ старомъ, миломъ Парижѣ», но считаетъ необходимымъ его бомбардировать, такъ какъ иначе нельзя образумить «сумасшедшихъ французовъ». Когда сдѣлся Мецъ, то авторъ заявляетъ, что непостижимо, какъ это большая армія въ 173 тысячи человѣкъ, да еще подъ начальствомъ такихъ способныхъ генераловъ, не могла пробиться. Что касается до мирныхъ переговоровъ, начатыхъ Тьеромъ, то Гацфельдъ не вѣритъ въ ихъ надежность, такъ какъ «французскій народъ еще не убѣжденъ, что его побили. Правительство же народной защиты хочетъ еще нѣсколько недѣль сохранить власть, которую оно подобрало на улицѣ». 4 декабря Гацфельдъ впервые заявляетъ въ своихъ письмахъ нѣкоторое безпокойство: онъ говоритъ, что французы собрали сто тысячъ человѣкъ, и считаетъ это обстоятельство очень важнымъ. Если нѣмцы возьмутъ верхъ, то, конечно, по его мнѣнію, миръ будетъ заключенъ; въ противномъ же случаѣ, война затянется, что будетъ неприятно для обѣихъ сторонъ. 11 декабря авторъ пишетъ: «Транный народъ эти французы: они невѣжественны и легкомысленны въ высшей степени, лишены всякихъ принциповъ, всякой силы характера, но патриоты—до безумія. Нельзя не восторгаться ихъ абсолютной преданностью отечеству; она была бы достойна лучшей цѣли». Всего интереснѣе въ письмахъ Гацфельда то, что онъ говоритъ совершенно искренно о грабежахъ нѣмецкой арміи во Франціи. «Я навелъ справки о дѣлѣ Першоншера, — пишетъ онъ, — о которомъ ты мнѣ писала. Повидимому, вся добыча раздѣлена между придворными сановниками и они ее отослали цѣлыми фургонами своимъ семействамъ въ Берлинъ. Я вполне понимаю, что это произвело очень неприятное впечатлѣніе на общество, и очень радъ, что нисколько не участвовалъ въ этомъ воровствѣ. Положеніе, принятое королемъ въ этомъ дѣлѣ, объясняется очень просто. Ему сказали, что Сень-Клу принадлежитъ по праву завоеванія ему, но онъ не хотѣлъ оставить этой добычи за собой, а потому раздѣлилъ ее между принцами и царедворцами». 18 января произошло въ большой зеркальной галлерей Версаля торжественное признаніе Вильгельма императоромъ Германіи. Онъ былъ очень разстроенъ и, по словамъ Гацфельда, сильно дергалъ себя за усы, какъ всегда въ минуты нравственнаго волненія. «Вѣроятно, — прибавляетъ онъ, — Людовикъ XIV перевернулся въ эту минуту въ своемъ гробу». Въ этихъ письмахъ изъ Франціи любопытно только описаніе, какъ нѣмецкая армія вступила въ Парижъ послѣ его сдачи. «Въ Парижѣ, — пишетъ онъ, — естественно всѣ взбѣшены нашимъ вступленіемъ въ городъ. Но, повидимому, и наши войска недовольны, что такая малая часть города и на такое малое время занята нами; это доказываетъ, что, какъ всегда, нельзя удовлетворить обѣ стороны. Я помню, что однажды министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ: «Долго думали, что французы—умные люди, но это ошибка—они дураки». Я долженъ признаться, что все, видѣнное мною здѣсь въ теченіе шести мѣсяцевъ, вполне подтверждаетъ эти слова. Вступленіе нашихъ войскъ совершено 2 марта 1871 г. безъ всякихъ безпорядковъ. Населеніе Парижа, извѣстное, какъ наихудшее въ мірѣ, вполне вчера доказало, что оно самое дрянное. Оно кричало и свистало, но какъ только наши солдаты приближались, то трусливо разбѣгалось. Оставивъ позади войска, генералъ

Камекэ, съ четырьмя офицерами и тремя жандармами, проѣхалъ чрезъ весь отвѣденный намъ кварталъ и, несмотря на это, никто изъ французовъ не посмѣлъ сказать ему что нибудь оскорбительное». На другой день въ Лоншанѣ былъ парадъ германскихъ войскъ, и на немъ присутствовалъ Гацфельдъ, которому посѣщеніе Парижа доставило большое удовольствіе; онъ обѣдалъ очень вкусно у Ледуайена въ Елисейскихъ поляхъ съ «маленькимъ Гогенлоэ» и нѣкоторыми друзьями. День окончился блестящей зорей съ церемоніей, исполненной нѣмцами. При этомъ зрѣлищѣ, нѣмцы кричали «ура», а французы вели себя совершенно спокойно.

— Влюбленный Ибсенъ. Судя по женскимъ типамъ, созданнымъ Ибсеномъ въ его драматическимъ произведеніяхъ, какъ типъ Норы, очерченный авторомъ съ очевидной любовью и высокой идеей о женщинѣ, казалось, знаменитый драматургъ склоненъ видѣть въ женщинѣ самую дѣятельную силу противъ социальной лжи, пробуждающую и укрѣпляющую въ его драмахъ энергію. Но, повидимому, въ этомъ направленіи, его типы ушли далѣе создавшаго ихъ автора, если вѣрить слѣдующему разсказу. Однажды, члены феминистскаго клуба, вообразивъ Ибсена яркимъ сторонникомъ ихъ идей, пригласили его на банкетъ; онъ принялъ это приглашеніе, но за десертомъ произнесъ такую энергичную рѣчь, отрицавшую все качества феминистокъ, что совершенно разочаровалъ хозяекъ банкета. Вообще, героини Ибсена представлены не нормальными женщинами, а нѣсколько тронутыми и даже сумасшедшими, но ихъ безуміе не лишено величія и красоты. Вообще, по мнѣнію одного доктора, со времени Шекспира никто не создавалъ такихъ аномальныхъ типовъ, какъ Ибсенъ, и онъ это дѣлалъ изъ желанія показать ужасную отвѣтственность, какую несутъ люди относительно своихъ дѣтей. Все его пьесы основаны на паталогическихъ случаяхъ, и онъ такъ мастерски владѣетъ даромъ описывать болѣзни мозга, что его пьесы поучительны даже для докторовъ. Напримѣръ, онъ изобразилъ сына г-жи Альвингъ страдающимъ парезомъ, унаследованнымъ отъ отца, но проявившимся лишь вслѣдствіи развратной жизни въ Парижѣ; при этомъ, все явленія и переходы этой болѣзни переданы Ибсеномъ съ удивительной точностью. Гедда Габлеръ поражена тоже психозомъ. Ирена изъ «Когда мы мертвые пробуждаемся» страдаетъ самой опасной болѣзью, вѣрнѣе, подобіемъ болѣзни, которая угрожаетъ современному обществу и выражается въ нелѣпныхъ бредовыхъ идеяхъ, при сохраненіи умственныхъ способностей и болѣе или менѣе правильнаго мышленія, — паранойей. Рубекъ проявляетъ то же и поэтому они испытываютъ взаимное притяженіе. У Ибсена накоплено масса данныхъ и даже, можно сказать, опыта. Такой громадный запасъ послѣдняго заставляетъ призадуматься — не ради ли его семидесятилѣтній драматургъ разыгралъ въ жизни романъ съ молодой семнадцатилѣтней вѣнкой, дѣвницей Эмилией Бардахъ. Это случилось въ 1898 г. въ Тиролѣ, въ Гроссензасеѣ, во время лѣтняго пребыванія тамъ Ибсена. Молодая дѣвушка была тамъ съ родителями. Прекрасно декламируя стихи, она, однажды, во время своего чтенія поэзіи Ибсена, была ему представлена. Они сразу почувствовали другъ къ другу влеченіе и во все время своего пребыванія въ Гроссензасеѣ совершали уединенныя прогулки и вели бесѣды на

сентиментальныя темы. Когда наступило время разлуки, Ибсенъ вѣсть съ нею переписку, которую недавно напечатали. Въ первомъ письмѣ онъ пишетъ: «Отъ всего сердца благодарю васъ за такое любезное и доброе письмо, полученное отъ васъ предъ отъѣздомъ изъ Гроссензасса. Сколько, сколько разъ я его перечитывалъ! Какъ печальна была для меня эта недѣля». Въ слѣдующихъ строкахъ ясенъ намекъ на волновавшее его чувство увлеченія молодой дѣвушкой: «Во мнѣ волнуются новыя созидательныя силы, и я постараюсь ихъ примѣнить; онѣ передадутъ нѣлкія чувства, испытанныя мною во время этого сезона. Онѣ скажутъ, насколько горекъ былъ конецъ моей грѣзы. Простите, если мои письма скороспѣлы и составлены въ телеграфномъ стилѣ. Примите ихъ такими, какія онѣ есть». Черезъ недѣлю Ибсенъ жалуется, какая душевная пустота терзаетъ ему душу, вслѣдствіи отсутствія Эмилиі: «Тщетно я сажусь за мой столъ. Мой умъ слишкомъ полонъ вами, чтобы сосредоточиться на чемъ-нибудь другомъ. Если бы даже я хотѣлъ, то какъ могъ бы я забыть минувшее дѣло. Увы! изъ этихъ полныхъ поэзій дней я не способенъ извлечь никакого поэтическаго сочиненія. Не знаю, буду-ли я имѣть возможность когда нибудь выразить въ стихахъ все, что было прекраснаго въ эти моменты». Черезъ двѣ недѣли онъ прислалъ ей изъ Вѣны свой портретъ съ надписью: «Майскому солнцу отъ сентябрьской жизни». Г-жа Бардахъ обѣщала ему прислать свой фотографическій портретъ, но фотографъ долго не исполнялъ ея заказа. На это Ибсенъ отвѣтилъ ей: «Ваше дорогое и благородное лицо отпечаталось въ моихъ воспоминаніяхъ». Собственно, это лицо, судя по портрету, помѣщенному въ коллекціи писемъ Ибсена, появившейся въ «Die Litteratur», не представляетъ ничего выдающагося, какъ по красотѣ, такъ и по выразительности, и совѣтъ не напоминаетъ ничего ибсеновекаго. Это — просто типъ обыкновенной нѣмецкой дѣвушки, съ вздернутымъ носикомъ, гладко причесанными волосами, при полномъ отсутствіи какой нибудь идеальной черты. Но поэтъ, вѣроятно, въ своемъ воображеніи придавъ ей чертамъ идеалистическую красоту, что видно въ слѣдующихъ строкахъ: «Я васъ вижу въ обществѣ, на балахъ, на празднествахъ, въ театрахъ, съ тѣмъ таинственнымъ и томнымъ выраженіемъ въ глазахъ, которое дѣлаетъ ихъ столь дивными. Я хотѣлъ бы представить себѣ васъ дома, но это мнѣ труднѣе сдѣлать. Обожаемая принцесса, во многомъ мы еще остаемся чуждыми другъ другу». Съ Рождества Ибсенъ все рѣже и рѣже писалъ своей принцессѣ: новидимому, его стало мучить угрызеніе совѣсти. Все увеличивающаяся страсть, возможнаго выхода изъ которой не могъ себѣ найти строгій и суровый Ибсенъ, образумила его. Онъ рѣшился силой вырвать ее изъ своего сердца и написалъ г-жѣ Бардахъ слѣдующія строки: «Теперь, когда мы видимъ ясно въ нашихъ сердцахъ, я вамъ буду писать лишь изрѣдка. Такъ лучше, повѣрьте мнѣ. Но совѣсти, я чувствую, что мы должны положить конецъ нашей перепискѣ или, по крайней мѣрѣ, ее отложить. Ваша чуткая душа пойметъ мою мысль. Все-таки вы будете жить всегда въ моемъ сердцѣ, и чѣмъ рѣже будутъ наши письма, тѣмъ большее мѣсто вы будете занимать въ немъ лихорадочная переписка лишь прерываетъ мечту...» Г-жа Бардахъ не раздѣляла его угрызеній совѣсти, но писать перестала. Трудно сказать, было ли это дѣйствительно угрызеніемъ со-

вѣсти, или поэту хотѣлось пережить эту запоздалую любовь для пополненія своего авторскаго опыта. Какъ знать, если бы не умеръ Ибсенъ, то не прибавилось-ли бы еще одной ненормальной героиней болѣе въ его богатой коллекціи. Впрочемъ, быть можетъ, онъ дѣйствительно переживалъ сердечную драму, и въ слѣдующемъ письмѣ, посланномъ въ концѣ 1890 г., въ отвѣтъ на полученную въ подарокъ акварель ея работы, сквозитъ намекъ на его несвободное положеніе: «моя жена также находитъ, что вашъ пейзажъ восхитительно нарисованъ. Но, прошу васъ, не пишите мнѣ въкоторое время. Я вамъ скоро пришлю мою новую пьесу. Примите ее дружески, но молча». Г-жа Бардахъ повиновалась. Семь лѣтъ она не писала и только, когда сиравлили его семидесятилѣтній юбилей, она послала ему свое поздравленіе. Въ отвѣтъ Ибсенъ коротко отвѣчалъ: «Примите мою глубокую благодарность за ваше письмо. Лѣто, проведенное въ Гроссензассѣ, было самое прекрасное въ моей жизни. Я едва осмѣливаюсь о немъ думать. А все-таки я о немъ думаю всегда, всегда. Вашъ вѣрный Генрихъ Ибсенъ». Этимъ окончилась ихъ переписка. Быть можетъ, Ибсенъ унесъ съ собою въ могилу тайну романа, глубоко взволновавшаго его послѣдніе годы. Кто знаетъ?

— Религія Яіоніи. Интересный вопросъ относительно возможнаго массоваго перехода японцевъ въ христіанство поднятъ въ октябрьскомъ и ноябрьскомъ нумерахъ «Deutsche Revue» епископъ Вай-Вайа, по словамъ котораго ни одна изъ старинныхъ японскихъ религій не удовлетворяетъ вполне японцевъ. Самая древняя изъ нихъ, синтоизмъ—отъ слова «синто» т. е. путь боговъ,—была еще религіей племенъ, неизвѣстно откуда явившихся на японскіе берега, но фантастическому опредѣленію нѣмецкаго ученаго Гофмана въ 660 г., а по Вай-Вайа въ 667 г. до Р. X. Эти племена, подъ предводительствомъ Цзинъ-Му-Тенно, перваго японскаго микадо, праправнука богини солнца Ама — терасу или Тен-сѣ, завоевали страну, вытѣснивъ на сѣверъ айновъ (азума-ісбису), впоследствии прозванныхъ антропологомъ Катрафажемъ «русскими изъ Москвы», вследствие ихъ сходства съ русскими боролатыми крестьянами, и численность которыхъ не превышаетъ теперь 30000 человекъ. Согласно легендѣ, богиня Тен-сѣ послала управлять Яіоніей сначала сына своего Аме-но-оши-хо-мими, рожденнаго отъ бога морей Сусано, и получила ему зеркало, чтобы онъ смотрѣлъ на него, какъ на нее и никогда съ нимъ не разлучался; поэтому въ синтоистскихъ храмахъ зеркало считается изображеніемъ богини солнца. Сойдя на землю, онъ женился, и когда родился отъ этого брака духъ Хико-хо-ни-ниги, то онъ получилъ разрѣшеніе отъ богини Тенъ-сѣ вернуться на небо, уже навсегда. Сынъ же его остался навсегда въ Яіоніи. По тѣмъ же преданіямъ, ихъ ближайшіе потомки въ, общей сложности, царствовали 2,342,167 лѣтъ. Японскіе ученые съ этого времени считаютъ начало исторіи современнаго японскаго государства, и Цзэнъ-Му-Тенно официально считается основателемъ нынѣшней династіи. Благодаря тому, получается длинный рядъ микадо, царствовавшихъ, по словамъ японцевъ, въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ. Такую рѣдкую долговѣчность династіи они приписываютъ отчасти ея божественному происхожденію. Синтоизмъ—религія пантеистическая и заключается въ культѣ безчисленнаго количества боговъ, богинь, гениевъ,

звѣздъ, морей, рѣкъ, горъ, лѣсовъ. Такимъ образомъ, сущность ея сводится къ обожествленію силъ природы. Всѣ эти божества пребываютъ на ано-нѣчто вроде Олимпа или японскаго Валгаллы. Священными эмблемами синтоизма служатъ: дерево, зеркало и мечъ. По преданію, мечъ и зеркало получены земнымъ микадо отъ своей небесной прабабки, богини Тень-Сѣ, въ подарокъ, какъ необходимые предметы въ управленіи государствомъ, съ обѣщаніемъ продлить жизнь его потомковъ, пока существуетъ небо и земля, если онъ будетъ добросовѣстно царствовать. Эта религія холодная, официальная, и ея практической смыслъ и цѣль — утвержденіе сѣдой древности и божественнаго происхожденія японскаго микадо, а также народа. Къ поклоненію божествамъ присоединяется культъ предковъ, блаженныя души которыхъ пребываютъ на вершинѣ горы Такамагахера и покровительствуютъ потомкамъ. Синтоизмъ совершенно свободенъ отъ религіознаго духа — это просто культъ предковъ, безъ всякихъ догматовъ о существѣ боговъ, безъ ученія о безсмертіи, загробныхъ карахъ и наградахъ. Нравственныя заповѣди въ немъ отсутствуютъ, а предписываются физическая опрятность и особое подраздѣленіе предметовъ на чистые и нечистые. Мораль же его — «поступай согласно законамъ природы, но щади общественные законы». Для микадо эта религія выгодна, въ виду ея легенды объ его небесномъ происхожденіи, такъ какъ, находясь въ тѣсномъ общеніи съ своей прабабкой, Тень сѣ, онъ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ можетъ совѣщаться съ нею, и потому, «кто хочетъ идти путемъ боговъ, тотъ долженъ повиноваться волѣ микадо». Однако, японцы уже выросли изъ этой религіи и въ нее болѣе не вѣрятъ. Поэтому, съ III и IV вѣковъ нашей эры въ Японіи были распространены двѣ главныя китайскія системы религіозной философіи и нравственности — конфуціанство и таоизмъ. Конфуціанство являлось въ Японіи собственно не религіей, а моральной философіей. Таоизмъ болѣе идеальный, дѣйствующій на воображеніе, имѣлъ въ Японіи большій успѣхъ, чѣмъ почти матеріалистическое конфуціанство, столь привившееся въ Китаѣ. Насколько Конфуцій стремился ввести искусственныя правила и формы, настолько Лао-цзы хотѣлъ вернуться къ первобытному общественному строю, когда не существовало ни правилъ, ни формъ. Но въ VI вѣкѣ нашей эры въ Японію проникло ученіе Сакья-Муни — буддизмъ. Впрочемъ, чистый буддизмъ преобразовался въ Японіи въ грубое суевѣріе, болѣе понятное непросвѣщенной темной массѣ японскаго народа, чѣмъ сущность ученія Будды. Буддизмъ въ Японіи распался на множество сектъ, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на нѣсколько толковъ и различія между ними заключаются въ метафизическихъ тонкостяхъ. Но пессимизмъ и нигилизмъ, которые находятся въ основѣ ученія Будды, не могли привиться у японцевъ, какъ противные ихъ національному темпераменту. Привившійся въ Японіи буддизмъ угрожалъ официальному синтоизму, а вмѣстѣ съ нимъ, и авторитету микадо; поэтому, хотя многіе микадо были буддисты, но все-таки они стремились поддержать и даже воскресить древнюю національную вѣру. Съ этой цѣлью микадо Саго въ 1810 г. заново сталъ отстраивать запущенные синтоистскіе храмы и воздвигать новые: издалъ рядъ указовъ, предписывавшихъ буддійскимъ бонзамъ вести себя нравственно и не злоупотреблять легковѣріемъ японскаго народа.

Эти усилія дали благопріятные для правительства результаты, но все-таки сдѣлать синтоизмъ государственной религіей правительству не удалось, и болѣе развитые японцы все-таки перейдутъ скорѣе на сторону буддизма—не какъ религіи, а какъ философской системы. Попытки ввести въ Японию христіанство были сдѣланы еще въ XVI вѣкѣ, именно въ 1549 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ открытія Япониі португальцами. Эту миссію взялъ на себя іезуитъ, Франсуа Ксавье, высадившійся въ Когохимѣ. Несмотря на многія затрудненія и опасности, ему удалось перевести въ христіанство много тысячъ японцевъ. Главнымъ образомъ, ему помогли въ этомъ внутренніе раздоры въ странѣ, такъ какъ онъ явился въ Японию какъ разъ во время междоусобныхъ войнъ феодалныхъ князей. Миссіонеры, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что во время войнъ разрушались храмы, настроили католическихъ церквей. Послѣ отъѣзда Франсуа Ксавье, его ученики продолжали работу учителя, и въ 1580 г. въ Япониі было болѣе трехсотъ тысячъ христіанъ-католиковъ, а жители Нагасаки были цѣлкомъ обращены въ католичество. Конечно, этому не мало способствовали далеко не нравственные подстрекатели: португальскій и испанскій короли присылали золото, щедро раздаваемое среди японцевъ, а гдѣ оно не помогало, тамъ прибѣгали къ фиктивнымъ чудесамъ; кромѣ того, вмѣстѣ съ іезуитами явилась въ Японию и инквизиція. Въ началѣ семнадцатаго вѣка количество католиковъ превышало миллионъ, и среди нихъ были принцы королевской крови и даймюсы. Однако, такой усиленный переходъ въ христіанство угрожалъ водворенію государства въ государствѣ, и потому въ 1587 г. былъ изданъ въ Хида-си первый указъ противъ христіанъ, которымъ іезуитамъ было приказано удалиться изъ Япониі. Это были лишь легкія мѣры; настоящее же фанатическое преслѣдованіе началось въ 1614 г. Упорствовавшіе отречься отъ христіанства японцы жестоко преслѣдовались и послѣдніе изъ нихъ 40000, спрятавшіеся отъ преслѣдованій въ Сомбарѣ, были все перебиты въ 1638 г. Церкви, кресты и священныя изображенія истреблялись, и въ теченіи двухъ столѣтій имя Христа равнялось имени враждебнаго, злого духа; при каждахъ городскихъ воротахъ вывѣшивались поименованія величайшихъ преступленій, угрожавшихъ правительству и обществу спокойствію, среди которыхъ имя «Христосъ» было написано съ особымъ клеймомъ и поражало прохожихъ ужасомъ. Теперь, около сорока лѣтъ назадъ, когда Японию открыла свои порты для иностранныхъ товаровъ, снова обнаружилась дѣятельность миссіонеровъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и христіанство опять проникло во все слои японскаго общества, даже интеллигентные и правительственные. Въ первомъ японскомъ парламентѣ председателемъ палаты депутатовъ былъ христіанинъ; христіане занимаютъ видныя мѣста въ администраціи, верховномъ судѣ, войскѣ и во флотѣ. Въ Япониі насчитываютъ 60000 католиковъ, 40000 протестантовъ и 27500 православныхъ. Но эта цифра далеко не такъ велика, какъ прежняя, полученная во время первой попытки іезуитовъ ввести въ Японию христіанство. Авторъ статьи утвердительно ничего не говоритъ о полномъ введеніи тамъ христіанства, но находитъ, что это очень возможно. Хотя едва ли можно утверждать, будто японцы проникнуты духомъ христіанства, если принять во вниманіе взгляды

образованныхъ японцевъ на христіанство, которое они находятъ въ противорѣчіи съ наукой. Впрочемъ, среди японцевъ есть настолько увлеченные христіанствомъ, что мечтаютъ создать новое христіанство, къ которому, по ихъ мнѣнію, примкнуть евреи, такъ какъ оно будетъ неизмѣримо возвышеннѣе еврейскаго христіанства. Трудно проникнуть въ душу японца, но, большинство же изъ нихъ характерно относится къ религіямъ, находя, что между различными религіями такая же разница, какая между зеленымъ и чернымъ чаемъ и спорящимъ о религіи лучше всего самимъ испытать на свободѣ того и другого. «Жрецы похожи на продавцовъ чая, — говѣритъ Фукузава, — но по моему не слѣдуетъ одобрять ихъ стремленія хулить чужой товаръ, чтобы больше распродать своего. Единственно что они должны дѣлать — держать у себя хорошій товаръ и продавать его какъ можно дешевле». Такое отношеніе къ религіи можетъ очень легко сдѣлать японца христіанномъ на нѣкоторое время.

— Религіозная политика Вильгельма II. Вильгельмъ II привлекъ вниманіе итальянцевъ, благодаря перемѣнѣ его отношеній къ католической церкви, и по этому поводу въ «Rassegna Nazionale» появились статьи Верчези¹⁾, который описываетъ подлаживающуюся къ обстоятельствамъ политику германскаго императора. По его словамъ, Вильгельмъ II, какъ глава государства — патриотъ и прорицатель, не поддастся какой-нибудь исключительной страсти, идеѣ. Онъ прекрасно разсматриваетъ вопросы съ разныхъ точекъ зрѣнія, поддѣлывается подъ обстоятельства и иногда какъ бы раздвояется. Чтобы понять его религіозную политику, слѣдуетъ ясно различить въ немъ убѣжденнаго и усерднаго протестанта, пана евангелической церкви, заботливо относящагося къ своему долгу представителя религіи, впрочемъ, инстинктивно отождествляющаго германизмъ и лютеранство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и императора восемнадцати миллионныхъ католиковъ. Какъ государь католическихъ подданныхъ, онъ, естественно, стремится добиться ихъ любви, вѣрности и преданности и вполне сознаетъ громадную нравственную силу католицизма, а потому желаетъ привлечь его къ себѣ для блага государства. До 1900—02 г. Вильгельмъ II былъ ярымъ борцомъ за старое германское лютеранство, и въѣмъ памятны его рѣчи во время втораго путешествія въ Іерусалимъ въ 1898 г., чтобы лично присутствовать на торжественномъ освященіи новой евангелической церкви, выстроенной на государственныя деньги. Освященіе состоялось 31 октября 1898 г., въ триста восемьдесятъ первую годовщину начала реформъ въ Германіи. «Сами двери ада не устоятъ противъ нашей дорогой протестантской церкви!» — восклицалъ въ своей рѣчи Вильгельмъ II, цитируя слова Лютера и радуясь, что слово Божіе можетъ теперь быть проповѣдуемо въ Іерусалимѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ главные лютеранскіе органы протрубили объ этой важной нѣмецко-протестантской побѣдѣ. Пасторъ Гольценеръ въ «Evangelische Kirchen Zeitung» сравнивалъ поѣздку Вильгельма II съ Крестовыми походами, давая предпочтеніе первой. Поѣздку императора онъ сравнивалъ съ свѣтлымъ и горячимъ лучемъ солнца, освѣ-

¹⁾ «Rassegna Nazionale». 10 octobre, 15 novembre 1906.

тившаго Иерусалимъ; освященіе этой новой церкви онъ называлъ славнымъ прославленіемъ всѣхъ протестантскихъ церквей вселенной. Онъ приводилъ восторженные слова арабовъ и турецкихъ солдатъ при видѣ императорской четы. «Это не государь, — восклицали они, — а херувимы!.. и т. д.». Вильгельмъ злорадствовалъ надъ ревностью папы, котораго долженъ былъ взбѣсить аннексъ реформаціи. Но все перемѣнилось, когда Франція приступила къ осуществленію своего плана отдѣленія церкви отъ государства, начавъ съ того, что въ 1902 г. принялась изгонять различныя конгрегаціи, въ 1903 г. почти официально отказавъ въ покровительствѣ христіанамъ на востокѣ, въ 1904 г. прервавъ всѣ дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ и въ 1905 г. выразивъ свое нежеланіе возобновить конкордаты — и Вильгельмъ измѣнилъ курсъ. Всѣ европейскіе журналы и газеты задавали вопросъ, кто замѣнитъ старшую дочь католической церкви въ дѣлѣ покровительства католиковъ. Многіе прочили на эту роль германскаго императора, который около этого времени почувствовалъ горячее влеченіе къ католицизму и папѣ. Чѣмъ болѣе становилась пропасть между Франціей и папскимъ престоломъ, тѣмъ сильнѣе выражалъ Вильгельмъ желаніе заручиться прочной дружбой и соглашеніемъ съ папой, какъ это было въ 1902 г. въ Аахенѣ. Въ 1903 г. Вильгельмъ отправился въ Мецъ, принадлежавшій когда-то Франціи, для установки новыхъ дверей, принесенныхъ имъ въ даръ католическому собору и, воспользовавшись этимъ случаемъ, еще разъ выказалъ нѣжныя чувства къ католикамъ. Когда въ 1902 г. французскій парламентъ отдѣлилъ церковь отъ государства, Вильгельмъ устроилъ такъ, что получилъ католическій орденъ Гроба Господня, чрезъ латинскаго патріарха въ Иерусалимѣ, Павла, и пожелалъ его принять въ томъ же Мецѣ изъ рукъ кардинала Коша. Такимъ образомъ, онъ однимъ выстрѣломъ хотѣлъ убить двухъ зайцевъ, т. е. наслѣдовать отъ Франціи покровительство христіанъ на востокѣ, что выгодно отозвалось бы на торговлѣ и, въ то-же время завоевать сердца эльзасцевъ — ярыхъ католиковъ, съ печальнымъ сердцемъ слѣдившихъ за отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи. Окруженный кардиналами, епископами и высшими должностными лицами, Вильгельмъ выслушалъ любезности кардинала Коша, благодарившаго его за всѣ оказанныя благодѣянія и усердное покровительство католиковъ на востокѣ, и отвѣчалъ рѣчью, въ которой восхвалялъ память Льва XIII, восхитился Пиемъ X и вспоминалъ о своей поѣздкѣ въ Иерусалимъ, и все это говорилось совсѣмъ не прежнимъ тономъ. Но, судя по статьѣ Верчези, появившейся въ «Rassegna Nazionale», ухода Вильгельма за «антихристомъ», какъ называлъ Лютеръ римскаго первосвященника, едва-ли принесутъ ему ожидаемый плодъ. Причиной неудачи Верчези выставляетъ то обстоятельство, что Пруссія въ глазахъ всѣхъ остается все-таки великой лютеранской державой; несмотря на старанія ея правительства, Вильгельмъ всегда останется лютеранскимъ папой. Самъ онъ, а также его предки и окружающіе часто повторяли: «Пруссія — дочь Лютера и реформъ, и Гогенцоллерны — представители и борцы германскаго протестантизма». Посѣщеніе императоромъ папы и его рѣчи не могутъ вычеркнуть изъ исторіи цѣлыхъ четыре вѣка; толпа инстинктивно будетъ считать тожественнымъ слово «пруссакъ и лютеранинъ». Чтобы Вильгельмъ могъ получить изъ рукъ папы право на по-

кровительство католиковъ, надо, чтобъ его именовъ не преслѣдовали поляковъ. Итъ на свѣтъ болѣе приверженныхъ и вѣрныхъ католиковъ, какъ поляки въ Познанн, обѣихъ Пруссіяхъ и Силезіи, а ихъ-то въ Германіи и преслѣдуютъ. Ровно двадцать лѣтъ, какъ тамъ процвѣтаетъ «такатизмъ», т. е. система Гауссмана, Каннеманна и Тидеманна и знаменитая *Ansiedlung Kommission*, основанная государствомъ въ 1886 г. съ оффиціальной цѣлью передачи польскихъ земель въ нѣмецкія руки, чтобы германизировать поляковъ. Положимъ, что всѣ усилія этой комиссіи оказались неудачными: 350 милліоновъ марокъ пропали даромъ и поляки все-таки ни на одинъ шагъ не огерманились. Но тогда взбѣшенное правительство прибѣгло къ болѣе грубымъ приемамъ и запретило употребленіе польскаго языка въ школахъ, а дѣтей, неповиновавшихся этому распоряженію, приказывало бить, что нѣкоторые учителя исполняли очень усердно, до появленія крови у своихъ жертвъ. Протестовавшихъ матерей приговаривали къ наказанію, и Гитъзенскій судебный процессъ всѣмъ извѣстенъ по своей жестокости. Во всѣ времена поляки отождествляли слова «онѣмеченіе» и «анти-католичество». Въ Австріи также считаются синонимами «онѣмеченіе» и «протестантизмъ», и австрійскіе пангерманисты проповѣдуютъ отдѣленіе отъ Рима. Вотъ главное прѣпятствіе, которое помѣшаетъ Вильгельму сдѣлаться покровителемъ католиковъ.

— Смерть графа Шеста, Юліана Клячко и Фердинанда Брюнетъера. — Въ ноябрѣ мѣсяцѣ скончался въ Испаніи на девяносто шестомъ году жизни послѣдній представитель старинной Испаніи—донъ Хуанъ, маркизъ Пецуэло, графъ Шеста—испанскій грандъ первой степени. Онъ родился въ 1810 въ Лимѣ, столицѣ Перу, гдѣ отецъ его былъ испанскимъ вице-королемъ. Еще ребенкомъ его назначили капитаномъ стрѣлковъ въ Перу, откуда онъ восьми лѣтъ долженъ былъ ѣхать съ отцемъ по случаю революціи. На литературномъ поприщѣ онъ выступилъ съ юныхъ лѣтъ, и его поэма: «Осада Заморы», а также комедія: «Очарованія старости»—доставили ему значительную популярность, и въ 1845 г. онъ былъ избранъ въ члены академіи, а чрезъ тридцать лѣтъ былъ назначенъ ея президентомъ. Всю свою жизнь графъ Шеста слылъ ярымъ и даже слѣпымъ защитникомъ монархіи противъ карлистовъ, либераловъ и революціонеровъ. Въ сущности, для нашего времени это былъ живой анахронизмъ, и королева Изабелла, которую онъ пламенно защищалъ, спасаясь бѣгствомъ изъ Испаніи въ 1868 г., сказала, прощаясь съ нимъ: «Вы мой послѣдній конквистадоръ». Пока въ Испаніи происходили смутныя времена республики и итальянской монархіи, графъ Шеста жилъ въ изгнаніи въ Англій и Франціи. Съ возвращеніемъ на престолъ Бурбонской династіи, онъ игралъ значительную роль при Альфонсѣ XII и Альфонсѣ XIII, въ качествѣ генералъ-капитана, высшаго военнаго сановника, депутата, сенатора, морскаго министра и т. д. Послѣднее придворное торжество, въ которомъ маститый старецъ принималъ участіе, въ качествѣ старшаго кавалера древняго ордена Калатравы, было коронованіе теперешняго короля. При этомъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, графъ Шеста произнесъ: «Ваше величество, самый старый генералъ Европы привѣтствуетъ самаго молодого короля всего свѣта!» До послѣдней минуты своей жизни, несмотря на дряхлость,

онъ писалъ стихи, и когда его торжественно хоронили въ Мадридѣ, то всѣ испанцы говорили: «Вотъ уходитъ отъ насъ старинная Испанія».

Въ первыхъ числахъ декабря скончался въ Краковѣ польско-французскій писатель—Юланъ Клячко. Онъ родился въ 1828 г. въ Вильнѣ. Его отецъ, часовой мастеръ, былъ еврей. Воспитаніе Клячко окончилъ въ Кенигсбергскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ, и въ послѣднемъ онъ помогать Гервинусу въ его историческихъ трудахъ. Началъ же онъ свою литературную дѣятельность переводами польскихъ поэтовъ на еврейскій языкъ. Въ 1849 г. онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ писалъ въ «Revue des deux mondes» замѣчательныя статьи по современной политикѣ и дипломатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ его назначили помощникомъ бібліотекаря въ законодательномъ корпусѣ. Изъ его статей обратили на себя особенное вниманіе: «Кабинеты Европы въ 1863—64 гг.», «Передъ Садовой» и «Два канцлера». Въ послѣднемъ своемъ трудѣ онъ представилъ характеристику ненавистныхъ ему Бисмарка и князя Горчакова, противъ которыхъ онъ постоянно возставалъ. Когда графъ Бейстъ въ 1869 г. назначилъ его членомъ совѣта австрійско-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, то особенно этимъ назначеніемъ были недовольны въ Петербургѣ и Берлинѣ, а Бисмаркъ еще болѣе разсердился на него за то, что онъ во-время прусско-германской войны яро возсталъ противъ единства Германіи. Въ числѣ дальнѣйшихъ его сочиненій обратили на себя вниманіе: «Флорентійскія бесѣды», получившія премію отъ французской академіи, и «Юлій II». Кромѣ того, онъ много писалъ на польскомъ языкѣ о мѣстной польской литературѣ и былъ депутатомъ галиційскаго ландтага, а также директоромъ въ австрійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Умеръ онъ семидесяти девяти лѣтъ.

Продолжительная тяжелая болѣзнь гортани свела на днѣхъ въ могилу извѣстнаго французскаго литературнаго критика и публициста, а вмѣстѣ съ тѣмъ редактора «Revue des deux mondes»—Фердинанда Брюнетьера. Около четверти столѣтія онъ считался величайшей силой во французскихъ литературныхъ кружкахъ и, со времени смерти Тэна, не было другаго французскаго критика вліятельнѣе его. Онъ родился въ Тулонѣ въ 1849 г. и началъ свое ученіе въ Марселли, а окончилъ его въ Парижѣ безъ всякаго покровительства и средствъ. Послѣ этого около пяти лѣтъ онъ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Наконецъ, Брюнетьеръ принялся за литературу и первая его замѣчательная статья появилась въ «Revue Bleue»—это была критика на книгу Валлона: «Св. Людовикъ и его вѣкъ». Затѣмъ онъ написалъ много критическихъ трудовъ въ «Le Parlement» и, наконецъ, въ 1875 г. сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Revue des deux mondes», редакторомъ которой онъ состоялъ съ 1894 г.; въ то же время онъ сдѣлался «безсмертнымъ» французской академіи. Кромѣ своей литературной дѣятельности, преимущественно посвященной XVII вѣку и защитѣ Боссюэ, а еще болѣе борьбѣ съ современными натуралистами, начиная съ Золя, Брюнетьеръ былъ замѣчательнымъ лекторомъ по французской литературѣ въ нормальной школѣ и Сорбоннѣ. Въ послѣдніе годы онъ отличался крайнимъ клерикализмомъ, что не мѣшало ему попрежнему занимать одно изъ первыхъ мѣстъ во французской критикѣ.

С М Ъ С Ъ.

БИЛЕЙ англійскаго собранія. Въ скоромъ времени торжественнымъ раутомъ предположено праздновать 125 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго англійскаго клуба. Въ первые годы царствованія Екатерины II, многіе изъ иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ, большею частью англичане, люди торговые, собирались нѣсколько разъ въ недѣлю въ гостиницѣ, которую содержалъ голландскій выходець Корнелій Гардинеръ. Въ началѣ 1680 г. дѣла его разстроились и онъ принужденъ былъ закрыть свою гостиницу. Тогда одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей послѣдней предложилъ своимъ сотоварищамъ учредить клубъ. Такимъ образомъ въ 1781 г. созданъ древнѣйшій изъ русскихъ клубовъ— «Санктпетербургское англійское собраніе» съ девизомъ: «Согласіе и радость». Рѣшено было не принимать въ число членовъ лицъ, выше бригадирскаго чина, но правило это не могло устоять противъ натиска генераловъ, и въ 1801 г. было отмѣнено. Уже въ концѣ XVIII столѣтія англійскій клубъ сдѣлался весьма популярнымъ среди русской знати, а съ начала прошлаго вѣка мода посѣщать этотъ клубъ усилилась и продолжалась долго: быть членомъ англійскаго клуба значило имѣть свѣтское положеніе, принадлежать къ лучшему обществу. Членами его въ то время состояли Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Сперанскій, графъ Милорадовичъ, князь Кочубей, графъ Строгановъ и много высшихъ сановниковъ. Тамъ же, «въ палатѣ англійскаго клуба», ораторствовалъ Н. Я. Чаадаевъ. Императоръ Павелъ I почему-то хотѣлъ закрыть англійскій клубъ, но существованіе послѣдняго отстоялъ членъ его, князь Лопухинъ, въ честь котораго клубъ и учредить

звание почетнаго члена. Наоборотъ, императоръ Николай I нерѣдко справлялся, что говорятъ въ англійскомъ клубѣ о различныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Въ 1817 г. норма числа членовъ была опредѣлена въ 350 чело-вѣкъ, а въ 1853 г. повышена до 400, но, несмотря на это, въ пятидесятыхъ годахъ считалось до тысячи кандидатовъ, которые по старшинству и занимали открывавшіяся вакансіи. Выдающіеся люди домогались чести вступить въ число членовъ англійскаго клуба: князь Чернышевъ-Кругликовъ и министръ путей сообщенія, строитель Николаевской желѣзной дороги, графъ Клейнмихель, такъ и умерли, не попавъ въ число дѣйствительныхъ членовъ. Въ наше время доступъ въ члены англійскаго клуба значительно легче.

Нынче скромнѣ нашъ клубъ именитый,
Рѣдки въ немъ и не громки пиры.
Гдѣ ты, время ухи знаменитой?
Гдѣ ты, время безумной игры?

неволью приходятъ на память стихи поэта. Членскій взносъ при основаніи былъ опредѣленъ въ десять рублей ассигнаціями въ годъ; въ 1795 г. онъ былъ увеличенъ до пятидесяти рублей, въ 1817—до 110, въ 1820—до 150 рублей ассигнаціями; въ 1840 г. онъ былъ установленъ въ 35 рублей серебромъ, въ 1852 г. — въ 75 рублей, а съ 1860 г. составляетъ 150 рублей въ годъ. Старшинскіе журналы и протоколы велись первоначально на нѣмецкомъ языкѣ, какъ на болѣе памятномъ для русскаго общества, чѣмъ англійскій. Попытка въ 1808 г. вести журналы на русскомъ языкѣ не увѣнчалась успѣхомъ и лишь съ 1817 г. русскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ англійскаго клуба. Кухня и погреба стараго клуба вослѣды поэтами. Впро-чемъ, Некрасовъ находилъ, что, хотя

Петербургъ не лишень ѣдковъ,
Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
Этотъ типъ...

За 125 лѣтъ существованія англійскаго клуба званія почетныхъ членовъ со-бранія удостоились только 15 чело-вѣкъ, а именно: генераль-прокуроръ, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, генераль-фельдмаршалъ, князь Михайлъ Илларионовичъ Голенцевъ-Кутузовъ-Смоленскій, генераль-фельдмаршалъ, князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, с.-петербургскій главнокомандующій, графъ Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, генераль-отъ артиллеріи, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчевъ, генераль-фельдмаршалъ, графъ Плавъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, генераль-фельдмаршалъ князь Михайлъ Семеновичъ Воронцовъ, генераль-отъ артиллеріи, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, генераль-адъютантъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, генераль-адъютантъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ Редигеръ, генераль-адъютантъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, генераль-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, государственный канцлеръ ино-странныхъ дѣлъ, графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде, государственный канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ и

бывшій главный начальникъ сѣверо-западнаго края, министръ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, графъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ. Старшинами клуба въ настоящее время являются генераль отъ кавалеріи К. У. Арановъ, членъ государственнаго совѣта М. И. Галкинъ-Врасскій, генералъ-лейтенантъ С. П. Сперанскій и свиты его величества генералъ-маіоръ, графъ П. П. Толстой. Старшій членъ собранія — Александръ Васильевичъ Пальчиковъ (съ 1856), учившійся въ Александровскомъ лицѣѣ одновременно съ Пушкинымъ и Дельвигомъ.

Чествованіе памяти Н. И. Пирогова. Въ большой залѣ Пироговскаго музея собрались 23 ноября всѣ Петербургскія медицинскія общества и Русское общество охраненія народнаго здравія, для чествованія памяти покойнаго профессора-хирурга Н. И. Пирогова, со дня смерти котораго исполнилось двадцать пять лѣтъ. Не только залъ, но и хоры были переоборудованы публикой. Главнымъ магнитомъ для собравшейся публики была обѣщанная въ повѣсткѣ рѣчь извѣстнаго оратора А. Ѳ. Конн, по послѣдній, къ сожалѣнію, захворалъ и оказался не въ силахъ прибыть въ собраніе. Почетный уголь зала у каѳедры былъ украшенъ бюстомъ Н. И. Пирогова, утопавшимъ въ живой зелени и щедро освѣщеннымъ электричествомъ. Передъ собраніемъ, на которомъ присутствовали почти всѣ Петербургскія свѣтила медицины, товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, профессора военно-медицинской академіи и много дамъ, была отслужена панихида. Засѣданіе было открыто предсѣдателемъ Русскаго хирургическаго общества, Г. Ф. Цейдлеромъ, привѣтствовавшихъ отъ лица общества всѣхъ собравшихся, а также и присутствовавшихъ на чествованіи памяти родныхъ знаменитаго хирурга, и его сына, Владимира Николаевича. Почетнымъ предсѣдателемъ собранія былъ единогласно избранъ профессоръ-физиологъ П. П. Павловъ, которому по поводу этого избранія была сдѣлана овація. П. П. Павловъ открылъ засѣданіе рѣчью на тему о томъ, что думается вообще въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ нынѣшній. Основные положенія рѣчи были приблизительно таковы: «Только съ того момента, когда общество начинаетъ, по своей инициативѣ, чтить своихъ великихъ людей, — общество и государство вступаютъ въ сознательную жизнь. Когда общество начинаетъ чтить своихъ крупныхъ представителей, оно начинаетъ понимать, что именно должно дѣлать и какъ производить должно расцѣнку жизни. Первая общественная и государственная школа есть культъ почитанія своихъ великихъ людей, и мы, русскіе, еще только вступаемъ въ эту школу и проходимъ первые ея уроки. Теперь же, когда мы вступаемъ въ періодъ расширенія нашихъ правъ, намъ эта школа существенно необходима. Мы счастливы тѣмъ, что въ средѣ врачей имѣемъ великихъ людей, которые учатъ насъ и указываютъ, что намъ нужно дѣлать и какъ нужно дѣлать. Положеніе врача — исключительное: передъ нимъ человѣческая натура развертывается и распластывается во всей ея наготѣ. Врачъ первый замѣчаетъ и отмѣчаетъ въ человѣкѣ слѣды его общественной и личной жизни. Врачу доверяютъ, но и требуютъ отъ него многого. Но у него есть ресурсъ: онъ руководствуется въ своей работѣ высшимъ умомъ — умомъ естествоиспытателя. Передъ врачомъ раскрыта вся жизнь человѣка и общества, и медицина есть лучшая почва для расцвѣта талантливыхъ натуръ. И это явилъ намъ Н. И. Пи-

роговъ. Какъ хирургъ—онъ истинный врачъ и учитель; какъ учитель, онъ преслѣдовалъ одну только научную правду и, какъ педагогъ, онъ проповѣдывалъ и проводилъ въ жизнь главную основу воспитанія—свободу нравственной жизни». Рѣчь была покрыта громомъ аплодисментовъ. На кафедре выступилъ профессоръ-хирургъ Н. А. Вельяминовъ, произнесшій рѣчь на тему: «Пироговъ и вопросы частной помощи на войнѣ». Ораторъ принималъ участіе въ послѣдней японской войнѣ. Принимая на себя трудную обязанность хирурга на войнѣ, онъ считалъ за нужное возобновить въ своей памяти все то, что писалъ по вопросу о частной помощи на войнѣ Н. И. Пироговъ. Просматривая уже извѣстное, онъ, тѣмъ не менѣе, открылъ много новаго и пришелъ къ заключенію, что каждому хирургу, желающему принести пользу раненому, необходимо подробное изученіе сочиненій знаменитаго хирурга. Изложенію взглядовъ послѣдняго на вопросы частной помощи на войнѣ ораторъ и посвятилъ остальную часть своей рѣчи, покрытой потомъ рукоплесканіями.

Чествованіе Н. Н. Каразина. Въ зрительномъ залѣ желѣзнодорожнаго клуба, гдѣ еженедѣльно собирается общество художниковъ «Понедѣльники», 27-го ноября состоялось товарищеское чествованіе XXXV-лѣтняго юбилея художественной и литературной дѣятельности Н. Н. Каразина. Къ 10 ч. вечера залъ былъ полонъ. Почти всѣ члены общества, во главѣ съ предсѣдателемъ А. И. Куинджи и вице-предсѣдателемъ К. Я. Крыжицкимъ, были на лицѣ. Тутъ же присутствовали многіе художники другихъ обществъ и кружковъ, и многочисленные любители искусства и поклонники таланта юбиляра. Среди присутствовавшихъ были: профессора К. Б. Венигъ, В. П. Верещагинъ, Л. Н. Бенуа, Е. А. Сабанѣевъ, Ю. Ф. Бруни, академикъ А. Н. Бенуа и мн. др. Ровно въ 11 ч. пріѣхалъ Н. Н. Его появленіе было встрѣчено шумными рукоплесканіями. Встрѣча и привѣтствія товарищей были самыя теплыя и радушныя. Предсѣдатель общества, профессоръ А. И. Куинджи, прочелъ адресъ, роскошно иллюстрированный художниками Н. Д. Прокофьевымъ, К. Я. Крыжицкимъ и К. В. Вещиловымъ и подписанный всѣми членами общества. Вручивъ адресъ маститому юбиляру, А. И. Куинджи сказалъ нѣсколько теплыхъ сердечныхъ привѣтствій юбиляру отъ имени товарищей-художниковъ. «Кромѣ того,—продолжалъ А. И.,—я, только что вернувшись изъ засѣданія совѣта императорской академіи художествъ, имѣю порученіе выразить вамъ поздравленіе и сердечный привѣтъ всего совѣта академіи». Секретарь общества прочелъ массу привѣтственныхъ телеграммъ. Растроганный до слезъ чувствомъ дружеской симпатіи, юбиляръ въ ответственной рѣчи высказалъ свою искреннюю благодарность. Его слова были покрыты долгими аплодисментами. Вся группа художниковъ, окружившихъ дорогого юбиляра, была снята І. И. Глыбовскимъ. Торжество закончилось товарищескимъ ужиномъ, за которымъ были произнесены рѣчи и тосты, затянувшіеся далеко за полночь. Пмя юбиляра, какъ талантливаго художника, иллюстратора и литератора, общеизвѣстно. Самостоятельность творческой фантазіи, эффектность исполненія и замѣчательная плодовитость представляютъ характерныя особенности его таланта. Его семь большихъ картинъ масляными красками по батальной живописи, изображающихъ главные моменты завоеванія Туркестана, находятся въ Зимнемъ дворцѣ; его колоссальныя фризы—на тему—исторія развитія торговыхъ сношеній чело-

вѣщества— украшаютъ залъ Одесской биржи. Въ области иллюстрацій и акварельныхъ рисунковъ онъ, можно сказать, не имѣетъ среди современниковъ равнаго себѣ по несмѣтному количеству принадлежащихъ ему работъ. Имъ иллюстрированы роскошно изданіе путешествія государя императора Николая Александровича, въ бытность наслѣдникомъ цесаревичемъ, на Востокъ, множество собственныхъ литературныхъ произведеній и произведеній другихъ авторовъ, а также иллюстрированныхъ изданій. Какъ литераторъ, Н. Н. напечаталъ болѣе 25 томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ. Изъ болѣе крупныхъ его произведеній извѣстны: «На далекихъ окраинахъ», «Въ камышахъ», «Двуногий волкъ», «Голосъ крови», «Въ пороховомъ дымѣ». Наряду съ беллетристическими работами имѣются и научно-описательныя и по дѣтской литературѣ (роскошно изданныя «Воспоминанія стараго журавля» и «Мои сказки»). Юбилару въ настоящее время 65 лѣтъ, но онъ половъ жизни. По воспитанію, готовился къ военной карьерѣ и первые годы своей дѣятельности посвятилъ военной службѣ, получивъ за боевыя заслуги, при завоеваніи Туркестана, золотое оружіе и нѣсколько орденовъ съ мечами. Однако, художественный и литературный талантъ заставилъ его покинуть военную службу и всецѣло отдаться любимому дѣлу.

Юбилей А. Н. Альмедингена. Вчера, 10-го декабря, въ помѣщеніи редакціи дѣтскаго журнала «Родникъ», состоялось чествованіе редактора его, А. Н. Альмедингена, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія этого симпатичнаго и въ высшей степени интеллигентнаго дѣтскаго журнала. Чествованіе носило задушевный семейный характеръ. Къ 1 ч. дня уютная просторная квартира А. Н. была переполнена собравшимися гостями и представителями многочисленныхъ депутацій отъ редакцій журналовъ, учебныхъ заведеній, художниками и литераторами. Священникомъ, отъ Григоріемъ Петровымъ былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго онъ обратился съ привѣтственнымъ словомъ къ почтенному юбиляру. Въ теплой, задушевной рѣчи отъ Григорія Петрова обрисовалъ плодотворную дѣятельность «Родника», воспринявшаго въ себя высокіе завѣты свѣтлаго теченія 60-хъ гг. и вносившаго въ омертвѣвшую жизнь цѣлый рядъ десятилѣтій освѣжающую и обновляющую струю. На своихъ страницахъ «Родникъ» осуществлялъ идеи, брошенныя Пироговымъ и Стоюнинымъ. Послѣ рѣчи отъ Григорія Петрова, А. Н. привѣтствовалъ цѣлый рядъ депутацій. Литераторъ В. П. Авенаріусъ прочелъ привѣтственный адресъ юбиляру отъ имени сотрудниковъ «Родника». Писательница К. Лукашевичъ поднесла А. Н. подарокъ отъ имени сотрудниковъ и друзей. И. П. Вейнбергъ принесъ поздравленіе А. Н. отъ имени литературнаго фонда. Далѣе послѣдовали депутаціи отъ кассы литераторовъ и ученыхъ, родительскаго кружка, отъ редакціи «Русской Мысли», «Юной Россіи», «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», отъ «Дѣтскаго Читенія», отъ гимназіи Гедды, гимназіи Штемберга, Тенишевскаго училища. С. Ф. Годлевскій прочелъ привѣтствіе отъ имени литературно-музыкальнаго кружка Я. П. Полонскаго. Растроганный А. Н., въ отвѣтной рѣчи, благодарилъ собравшихся за вниманіе, причемъ указалъ на то, что онъ не можетъ всецѣло принять на себя всѣ эти привѣтствія, такъ какъ онъ относится ко всѣмъ тѣмъ, кто за эти 25 лѣтъ работалъ въ «Родникѣ». Очень милое и граціозное стихотвореніе, посвященное

«Роднику», прочла Н. А. Гриневская. Во время перерыва чествованія, всѣмъ присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ à la fourchette, фрукты и конфеты. Чествованіе закончилось въ 5-мъ часу дня и оставило по себѣ въ присутствовавшихъ самое отрадное и свѣтлое впечатлѣніе. Юбиларомъ полученъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Литературный юбилей А. А. Плещеева. 23 ноября исполнилось тридцать лѣтъ литературной дѣятельности А. А. Плещеева. Августѣйшій президентъ императорскаго театральнаго общества, великій князь Сергій Михайловичъ привѣтствовалъ его телеграммой. А. А. Плещеевъ получилъ много привѣтствій и поздравленій, между прочимъ отъ комитета общества драматическихъ писателей, за подписью г. Шпажинскаго, профессора В. В. Подвысоцкаго, лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона, В. П. Далматова, Н. С. Васильевой, А. А. Немировой-Ральфъ, В. Г. Авсеѣнко, П. М. Невѣжина, А. А. Бахрушина, М. Ф. Кшесинской, Е. Н. Гельцеръ, поэта, князя Ф. Н. Касаткина-Ростовскаго, Д. М. Ратгауза, М. И. Петина, Е. П. Карпова, И. И. Судьбинина, Я. А. Плюцескаго-Плющика, М. М. Петина, В. А. Мазуркевича, А. Р. Кугеля, О. И. Дымова и другихъ литераторовъ и артистовъ—столичныхъ и провинціальныхъ.

Освященіе памятника А. Р. Шуляченко. 21 ноября, на могилѣ заслуженнаго профессора и члена конференціи Николаевской инженерной академіи, А. Р. Шуляченко, состоялось открытіе и освященіе памятника, сооруженнаго по проекту академика фонъ-Гагена. Памятникъ представляетъ собою высокую колонну изъ темносѣраго гранита, на вершинѣ которой въ барельефѣ помѣщенъ вылитый изъ бронзы портретъ покойнаго. Колонна окружена чугунными столбиками съ цѣпами. По совершеніи панихиды, состоялось освященіе памятника на могилѣ, послѣ чего профессорами Бѣлелюбскимъ, Егоровымъ и начальникомъ академіи, г.-м. Крюковымъ, были сказаны рѣчи, посвященные памяти А. Р. Среди присутствовавшихъ находилась: сестра покойнаго, офицеры Николаевской инженерной академіи, представители министерства путей сообщенія, техническаго общества и общества архитекторовъ. Среди почитателей А. Р. возникла мысль объ увѣковѣченіи памяти покойнаго образованіемъ стипендіи его имени.

Общее собраніе кассы взаимопомощи писателямъ и ученымъ. 21 ноября, подъ предсѣдательствомъ г-жи Чебышевой-Дмитріевой, состоялось общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Первая часть засѣданія была посвящена памяти умершихъ членовъ—Кривенко, Бирюковича и Гольцева. Затѣмъ были избраны пять членовъ ревизіонной комиссіи: гг. Годлевскій, Чебышева-Дмитріева, Селивановъ, Лавриновичъ и Ливевъ, а также десять новыхъ членовъ кассы. Кромѣ того, была избрана комиссія въ составѣ шести членовъ, для разработки вопроса объ устройствѣ санаторіи на двухъ земельныхъ участкахъ въ Крыму, подаренныхъ кассѣ г. Романовымъ. Слѣдующій вопросъ, выставленный въ программѣ—объ увеличеніи суммы, предназначенной для освобожденія членовъ кассы отъ обязательныхъ взносовъ,—возбудилъ большія пререканія. По уставу кассы, отъ обязательныхъ взносовъ освобождаются учредители ея по истеченіи 25 лѣтъ и равнѣ, если позволяютъ средства кассы. Общее собраніе въ 1905 г. сократило этотъ срокъ до 15-

лѣтъ, освободивъ отъ взносовъ 20 человѣкъ; теперь заявляютъ желаніе быть освобожденными еще 12 человѣкъ; на покрытие этого расхода уже не хватитъ ассигнованной на этотъ счетъ 1,000 руб. фирсовскаго капитала. Многіе считали ошибкой постановленіе о правѣ быть освобожденными отъ взносовъ послѣ 15 лѣтъ пребыванія въ кассѣ: они полагали невозможнымъ ставить это освобожденіе въ зависимость отъ случайныхъ средствъ кассы и считали необходимымъ давать эту льготу по обсужденіи каждаго случая въ отдѣльности, сообразуясь со степенью нужды желающаго получить это право. Другіе считали, что это должно быть правомъ каждаго безъ различія, какъ это уже сдѣлано для 20 человѣкъ. Послѣ долгихъ преній, было принято предложеніе правленія, чтобы всѣ члены-учредители обязательно освобождались отъ взносовъ, если они заявятъ объ этомъ желаніи до конца текущаго года, и покрытіе этихъ расходовъ сдѣлано было изъ остатковъ капитала Фирсова.

Антропологическая и этнографическая выставка въ академіи наукъ. Въ 11 часовъ утра, 21 ноября, въ большомъ конференцъ-залѣ академіи наукъ открылась выставка послѣднихъ поступленій музея антропологии и этнографіи. Выставка довольно богата и для знатоковъ весьма интересна. Она заключаетъ въ себѣ: каменные орудія неолитической стоянки Балахнинскаго уѣзда и сосуды, добытые В. И. Каменскимъ; калки съ фресокъ буддійскихъ монастырей восточнаго Туркестана, коллекціи Н. И. Воробьева, собранныя въ Китаѣ, Японіи, Сіамѣ, Цейлонѣ и Египтѣ; предметы шаманскаго культа, собранныя Н. В. Васильевымъ; коллекціи съ о. Самоа; одежду и предметы культа вымирающаго племени енисейскихъ остяговъ изъ коллекціи В. И. Анучина; богатую коллекцію А. В. Журавскаго и много другихъ цѣнныхъ въ этнографическомъ отношеніи собраній. Весьма интересны вывезенные прямо съ мѣста гробница и гробъ съ хорошо сохранившимися останками шамана и всевозможными грубыми атрибутами шаманскаго служенія. Обращаютъ на себя также вниманіе бумажныя ткани изъ древесныхъ стружекъ, замѣчательныя по кропотливости выдѣлки: дѣдъ начинаетъ выдѣлку бумажнаго полотнища, сынъ продолжаетъ, а кончаетъ уже внукъ. Хороши діапозитивы, иллюстрирующіе поѣздку экспедиціи г. Васильева. Выставка въ общемъ заслуживаетъ вниманія. Кстати, она прекрасно иллюстрирована толково составленнымъ каталогомъ, что на выставкахъ составляетъ вообще рѣдкость.

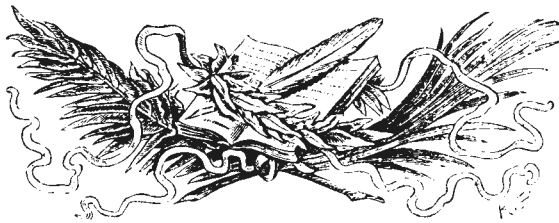
Послѣдняя Кіевская находка. Въ Кіевѣ, въ археологическомъ отношеніи, было очень богато, благодаря ряду интересныхъ находокъ. Послѣдняя изъ нихъ относится къ октябрю мѣсяцу, когда въ оградѣ Михайловскаго монастыря, при земляной работѣ, натолкнулись на глиняный горшокъ, наполненный вещами великокняжескаго періода XI и XII вѣка. Къ сожалѣнію, при этомъ много вещей было расхищено, за исключеніемъ 13 предметовъ, извлеченныхъ изъ кармановъ рабочихъ двумя сторожами-монахами. Вещи эти: двѣ золотыя ломанныя гривны Кіевскія; золотая серьга, на дугѣ которой расположены три кубической формы замысловато исполненныя фигуры; большой интересъ представляетъ пара серегъ съ византійскою эмалью, съ хорошо сохранившимися рисунками растений и птицъ; витое золотое кольцо. Серебряныя вещи менѣе интересны, за исключеніемъ пары серегъ, типа золотыхъ, напоминающихъ собою медальоны горневои работы, сквозныя; двѣ Кіевскія гривны; бра-

слетъ витой и рядъ обыкновенныхъ серегъ. На этой площади это уже не первая находка; всѣ онѣ являются очень цѣнными и, конечно, систематически расхищаются.

Кружокъ любителей русскаго языка въ Вѣнѣ. «Кружокъ любителей русскаго языка» возникъ въ Вѣнѣ въ 1897 г., съ разрѣшенія австрійскихъ властей. Онъ поставилъ себѣ задачей, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать удовлетворенію давно назрѣвшей среди славянъ, вообще, и среди славянъ въ Австро-Венгріи, въ особенности, насущной потребности въ изученіи русскаго языка. Усиѣхъ «кружка» съ самаго начала его существованія служитъ лучшимъ доказательствомъ, что потребность среди славянъ въ изученіи русскаго языка является дѣйствительностью. Онъ насчитываетъ уже теперь много членовъ, среди которыхъ находятся представители почти всѣхъ славянскихъ племенъ; даѣе, самъ фактъ возникновенія его послужилъ поводомъ къ тому, что подобныя же «кружки», въ видѣ отдѣленій вѣнскаго «кружка», возникли и во многихъ провинціальныхъ городахъ Австро-Венгріи, напр., въ Люблянѣ (1892), Пріостѣ (1900), въ Пильзнѣ (1901), въ Загребѣ (1904), въ Бернѣ Моравскомъ (1899), въ Хрудимѣ (1900), Индр. Градцѣ и во мн. др., всего до 20 «кружковъ». Во исполненіе намѣченной задачи, «кружокъ» организовалъ въ своемъ помѣщеніи правильное преподаваніе русскаго языка и словесности, положилъ основаніе русской библиотекѣ, устраивалъ русскіе литературные вечера, напримѣръ, Пушкина въ (1899), Гоголя (1902), Достоевскаго (1906), Гургенева и Верещагина. Съ энергіей и любовью начатое дѣло пошло усиѣшно, и дѣятельность «кружка» все болѣе и болѣе расширяется. Къ сожалѣнію, однако, средства «кружка» крайне ограничены. Большинство его членовъ принадлежитъ преимущественно къ средѣ славянской учащейся молодежи, которая не надѣлена земными благами. Размѣръ членскаго взноса былъ поэтому назначенъ самый скромный (6 кронъ или около 2 руб. 30 коп. въ годъ). Эти членскіе взносы составляютъ единственный источникъ доходовъ «кружка» и поглощаются цѣликомъ платою за наемъ квартиры и неизбѣжными мелкими расходами (преподаватели русскаго языка и словесности несутъ свои труды безвозмездно). Между тѣмъ, съ вопросомъ о расширеніи дѣятельности «кружка» тѣсно связанъ вопросъ о возможно большемъ обогащеніи библиотеки книгами оригинальныхъ русскихъ писателей и учебниками. А на эту-то важную статью расходовъ у «кружка» нѣтъ средствъ. Однако, дѣло, которому онъ служитъ, захватываетъ слишкомъ широкіе славянскіе интересы, чтобы русскіе просвѣщенные люди могли отнестись къ нему безучастно. «Кружокъ» твердо уповаетъ, что они не преминутъ откликнуться на его призывъ къ пожертвованіямъ. Каждый сдѣланный «кружку» даръ (въ особенности книгами) будетъ ему вдвойнѣ дорогъ — и какъ видимый знакъ симпатіи къ его дѣятельности съ той, именно, стороны, сочувствіе которой ему особенно цѣнно, и какъ орудіе, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависитъ усиѣхъ его дѣятельности.

Бахрушинскія пожертвованія. Покойной московскій богачъ В. А. Бахрушинъ завѣщалъ крупныя суммы на разныя благотворительныя цѣли. Такъ, имъ отказано 50,000 руб. Московскому городскому управленію для распределенія 0,00% съ капитала между городскими попечительствами. Затѣмъ имъ завѣщано 40,000 руб. на учрежденіе стипендій въ Московскомъ университетѣ.

тетѣ, Московской духовной академіи, Московской духовной семинаріи, практической академіи коммерческихъ наукъ и въ одной изъ казенныхъ гимназій Москвы, по 8,000 руб. на каждое учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы стипендіями пользовались лишь нуждающіяся лица православнаго вѣроисповѣданія. Зарайскому городскому управленію на благотворительныя цѣли завѣщано 25,000 руб.; кромѣ того, 3,000 руб. завѣщано на пособія учительскому персоналу при существующей въ Зарайскѣ Бахрушинской богадѣльнѣ. вспомогательной кассѣ купеческаго сословія въ Москвѣ завѣщано 25,000 руб.; вспомогательному обществу купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ—5,000 р.; обществу призрѣнія, воспитанія и обученія слѣпыхъ дѣтей—5,000 руб.; Арнольдо-Третьяковскому училищу для глухо-нѣмыхъ—5,000 руб.; Свято-Троицкой общинѣ, въ Тарусскомъ уѣздѣ,—10,000 руб.; вновь строящимся и ремонтируемымъ бѣднымъ храмамъ Россіи—12,000 руб., по 500 руб. на каждый храмъ; благотворительнымъ обществамъ при Бахрушинскихъ учрежденіяхъ по 3,000 руб.; вдовамъ въ домъ безплатныхъ квартиръ имени Бахрушинныхъ по 20 руб. на каждую семью. Кромѣ того, отказаны крупныя суммы монастырямъ, церквамъ, церковно-приходскимъ попечительствамъ и служащимъ.

НЕКРОЛОГИ.

СТАФЬЕВЪ, Н. А. Въ октябрѣ скончался, на 81 году своей жизни Николай Александровичъ Астафьевъ, извѣстный учредитель общества распространенія св. Писанія. Н. А. получилъ высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ этомъ же университетѣ, по окончаніи курса, онъ былъ оставленъ доцентомъ по всеобщей исторіи. Съ основаніемъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, Н. А. былъ назначенъ профессоромъ въ этомъ институтѣ по кафедрѣ всеобщей же исторіи. Въ 60 годахъ, онъ, съ нѣсколькими лицами, учредилъ общество распространенія св. Писанія и былъ предсѣдателемъ въ этомъ обществѣ почти до самой своей смерти. Въ качествѣ учредителя и предсѣдателя общества, онъ приобрѣлъ наибольшую извѣстность. Благодаря его стараніямъ, самыя глухіе уголки Россіи и самыя темныя массы населенія получили возможность приобрести св. Писаніе по самой дешевой цѣнѣ, а то и даромъ притомъ не только на церковно-славянскомъ языкѣ, но и на болѣе понятномъ русскомъ языкѣ, съ необходимыми поясненіями. При малой заботливости у насъ о духовномъ просвѣщеніи народа и при всяческихъ стѣсненіяхъ частной инициативы въ этомъ отношеніи, дѣятельность покойнаго на благо народу заслуживаетъ доброй памяти, и слѣдуетъ пожелать, чтобы общество, учрежденное имъ, продолжало свою дѣятельность, съ тою же любовью, съ какою относился къ ней покойный. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11027).

† **Гаринъ (Михайловскій) Н. Г.** 27 ноября скоростижно скончался въ редакціи «Вѣстника Жизни» Н. Г. Гаринъ (Михайловскій). Это была

несомнѣнно литературная сила. Талантъ Н. Г., всестороннему и широкому развитію котораго помѣшала сложная дѣятельность инженера, былъ, прежде всего, самостоятеленъ и не подчинялся узко-кружковому требованію. Н. Г. былъ литераторомъ, воспитаннымъ на лучшихъ завѣтахъ русской мысли и русскаго слова. Выйдя на литературное поприще поздно, сорока слишкомъ лѣтъ, въ 1892 г., съ повѣстью «Дѣтство Темы» (напечатанной въ «Русской Мысли»), Н. Г. сразу обратилъ на себя вниманіе, имя его стало извѣстнымъ, и покойный легко, на правахъ общаго признанія, вошелъ въ семью русскихъ писателей. Эта первая повѣсть Н. Г., послужившая началомъ трилогіи, носитъ характеръ художественной семейной хроники. Успѣхъ «Дѣтства Темы» былъ выдающійся. Вторая часть трилогіи—«Гимназисты»,—при всей яркости отдѣльныхъ эпизодовъ, характеризующихъ взаимоотношеніе русской семьи и школы въ эпоху особо тяжелаго и губительнаго гнета системы воспитанія и образованія гр. Д. А. Толстого, значительно блѣднѣе «Дѣтства Темы»; въ нихъ гармонія частей нерѣдко не соблюдена и второстепенное развито въ ущербъ главному, часто недосказанному. Послѣдняя часть хроники—«Студенты»—еще болѣе страдаетъ расплывчатостью и мы въ ней не находимъ всесторонней характеристики идейнаго и нравственнаго облика молодежи. Вскорѣ послѣ появленія этого перваго произведенія, Н. Г. впечаталъ въ «Русскомъ Богатствѣ» повѣсть «Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ». Она появилась послѣ памятной «голодной години», когда особенно обострился интересъ къ жизни крестьянъ, и Н. Г. сумѣлъ въ своей повѣсти дать захватывающія картины деревенской скорби, крестьянской нужды, сумѣлъ съ новой силой пробудить въ средѣ читателей лучшія чувства по отношенію къ страдающему «меньшому брату». Н. Г. писалъ не много, но его произведенія, черпавшія свое содержаніе и изъ народнаго быта, и изъ жизни интеллигентныхъ слоевъ, всегда являлись художественно-обработанными, всегда въ нихъ сказывались приемы настоящаго литератора, воспитаннаго на образцахъ роднаго гения. «Импрессионистскій» характеръ творчества покойнаго никогда не переходилъ въ крайности и согласовался съ вѣчными идеалами художественнаго слова. Выступалъ Н. Г. и какъ драматургъ. Его пьесы—«Орхидея» и «Въ деревнѣ» интересны по затронутымъ въ нихъ мотивамъ, хотя и страдаютъ техническими недостатками. Но эти блѣдныя произведенія для сцены не умаляютъ заслугъ Н. Г., какъ чуткаго писателя-психолога, даваша намъ художественныя картины жизни, и теперь еще не отошедшей въ область воспоминаній. Покойный былъ по образованію инженеръ путей сообщенія. Начавъ свою инженерную службу въ Болгаріи, затѣмъ при постройкѣ Батумскаго порта, черезъ 4 года Н. Г. задумалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, но трехлѣтнее хозяйствованіе въ Самарской губерніи ничего, кромѣ непріятностей и хлопотъ, покойному не доставило, и Н. Г. вновь поступилъ на желѣзно-дорожную службу; а въ послѣднюю русско-японскую войну состоялъ подрядчикомъ при маньчжурской арміи. Нерѣдко Н. Г. выступалъ также и со статьями по желѣзнодорожнымъ вопросамъ; статьи его этого рода печатались также и въ «Новомъ Времени». 30 ноября состоялись его похороны. Къ 10 ч. утра квартира покойнаго (въ

Свѣчномъ переулкѣ) наполнилась разнородной публикой, пришедшей отдать послѣдній долгъ покойному. Среди многихъ вѣнковъ отъ родственниковъ и знакомыхъ выдѣлялись вѣнки на красныхъ лентахъ отъ «Русскаго Богатства» («Гарину»), отъ редакціи «Вѣстника Жизни» («Дорогому товарищу и соратнику») и др. Въ провожавшей гробъ покойнаго толпѣ преобладали инженеры и писатели. Въ числѣ послѣднихъ были: Н. Ѳ. Анненскій, С. Н. Южаковъ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, С. Я. Елиатьевскій, С. Юшкевичъ, Чириковъ, Волынский и др. Похороненъ Н. Г. на литературскомъ Волковомъ кладбищѣ между могилами Н. К. Михайловскаго и М. Ю. Гольдштейна.

† **Гольцевъ В. А.** 18 ноября на 56 году жизни скончался одинъ изъ видѣйшихъ московскихъ журналистовъ, Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Жизнь его не богата вѣшними событіями, но весьма характерна для тѣхъ условій, среди которыхъ приходилось, да и теперь еще приходится работать русскому прогрессивному общественному дѣятелю. Покойный В. А. учился въ Тульской гимназіи и Московскомъ университетѣ, при которомъ онъ былъ оставленъ для подготовки къ профессорскому званію. Въ 1878 г. онъ получилъ степень магистра полицейскаго права и былъ избранъ приватъ-доцентомъ Новороссійскаго университета, но «независимыя обстоятельства» помѣшали ему даже начать чтеніе лекцій. Въ 1881 г. В. А. былъ избранъ и утвержденъ доцентомъ Московскаго университета, но уже въ 1882 г. «независяція обстоятельства» вынудили его подать въ отставку. Такая же судьба постигла В. А. и въ его попыткахъ легальной общественной дѣятельности: Тверскимъ губернскимъ гласнымъ онъ пробылъ лишь три года (1881—1884 г.), гласнымъ Московской городской думы онъ былъ избранъ въ 1893 г., но генералъ-губернаторъ предложилъ ему либо отказаться отъ избранія, либо отправиться въ «мѣста не столь отдаленныя». Единственнымъ поприщемъ для дѣятельности В. А. оставалась журналистика, гдѣ не требовалось «утверженій» и «благоволеній», но и здѣсь «независяція обстоятельства» оказывали свое дѣйствіе: В. А. то засаживали въ тюрьму, то высылали въ деревню... Въ другой странѣ, при другихъ политическихъ условіяхъ, В. А. провелъ бы счастливую, въ общественномъ смелѣтѣ этого слова, жизнь, полную кипучей разносторонней дѣятельности; въ Россіи—онъ былъ журналистомъ, за которымъ, какъ за дикимъ звѣремъ, охотились власть имущіе, преграждая ему дорогу ко всякому общественному труду. Но все препятствія и гоненія не помѣшали В. А. сдѣлаться крупной общественной фигурой. Въ эпоху первыхъ земскихъ сѣздовъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, В. А. былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ земскомъ стремленіи къ объединенію на почвѣ конституціонныхъ идеаловъ; эпоха послѣднихъ земскихъ сѣздовъ, только что пережитая нами, застала его больнымъ физически, но не сломленнымъ духовно, и Москва нашла въ немъ виднаго работника въ дѣлѣ политическаго воспитанія общества и насажденія въ немъ конституціонныхъ идей. Разсвѣтъ свободы, блеснувшей въ Россіи, озарилъ и предсмертные дни В. А. Ему, испытанному работнику на общественной нивѣ, судьба не дала утѣшенія дожить до полной побѣды конституціонныхъ идей въ Россіи. Писалъ В. А. очень много, и главная его работа сосредоточивалась въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, а съ

1885 г. онъ состоялъ редакторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ лучшаго въ свое время журнала въ Россіи «Русская Мысль», къ которому перешли подписчики и симпатіи отъ закрытыхъ къ тому времени «Отечественныхъ Записокъ». Въ «Русской Мысли» В. А. постоянно велъ «Политическое обозрѣніе»; литературная же и научная его дѣятельность чрезвычайно разнообразна: онъ писалъ по вопросамъ права, финансовъ, воспитанія, литературы, искусства, исторіи, философіи и пр. Нѣкоторыя изъ его работъ вышли и отдѣльными изданіями. (Некрологъ его: «Товарищъ», 1906 г., № 119).

† **Игнатъевъ, А. П.** Генераль-адъютантъ, графъ Алексѣй Павловичъ Игнатъевъ, происходилъ изъ старой дворянской семьи Тверской губерніи. Родился онъ 22 мая 1842 г. Произведенный по окончаніи пажескаго корпуса въ корнеты л.-гв. гусарскаго полка, онъ былъ допущенъ тогда-же къ экзамену въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой прошелъ блестяще и былъ изъ нея выпущенъ по первому разряду. По службѣ въ л.-гв. гусарскомъ полку, покойный подвигался быстро: 22 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже ротмистромъ и командовалъ эскадрономъ его величества; 26 лѣтъ, въ чинѣ полковника и флигель-адъютанта, временно командовалъ полкомъ, принималъ близкое и живое участіе въ жизни полка и, въ качествѣ его представителя, участвовалъ въ разнообразныхъ военныхъ комиссіяхъ. Послѣ двухлѣтняго командованія лейбъ-уланскимъ Курляндскимъ полкомъ, онъ въ 1873 г. получилъ въ командованіе кавалергардскій ея величества полкъ и находился во главѣ его въ теченіе восьми лѣтъ, командуя одновременно первой бригадой кавалерійской дивизіи. Тридцати шести лѣтъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества. Послѣдующая его служба начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса была непродолжительна. Въ 1885 г. онъ уѣхалъ въ восточную Сибирь въ качествѣ генераль-губернатора и командующаго войсками Иркутскаго военного округа, и съ этого года посвятилъ свою службу главнымъ образомъ административной дѣятельности. Восточной Сибирью онъ управлялъ четыре года, въ 1889 г. вернулся въ Петербургъ и въ маѣ 1889 г. былъ приглашенъ П. Н. Дурново, только-что назначеннымъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, занять постъ его товарища. Однако, на этомъ посту А. П. пробылъ всего три мѣсяца. Въ августѣ онъ былъ назначенъ Киевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генераль-губернаторомъ и управлялъ Киевскимъ генераль-губернаторствомъ 9 лѣтъ—по 1897 г. Затѣмъ покойный переселился въ Петербургъ и, въ качествѣ члена государственнаго совѣта, принималъ участіе въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. По военной службѣ А. П. считался однимъ изъ знатоковъ кавалерійскаго дѣла и постоянно привлекался къ разработкѣ разнаго рода кавалерійскихъ вопросовъ. Въ области административнаго управленія заслужилъ репутацію опытнаго и умѣлаго государственнаго дѣятеля. Въ послѣдніе годы, покойный привлекался къ руководительству особыми совѣщаніями, на которыя возлагалась, по высочайшей волѣ, разработка крупнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ законодательнаго характера. Такъ, онъ предсѣдательствовалъ въ совѣщаніяхъ: по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключи-

тельныхъ законоположеній и по пересмотру законоположеній по вопросамъ разныхъ вѣроисповѣданій. Въ эти совѣщанія покойный вносилъ много энергій и административной опытности. Въ Тверь онъ выѣхалъ 8 декабря жизне-радостный, не предвидя близкой смерти отъ руки террориста. На слѣдующій день, около 5 час. дня, передъ окончаніемъ занятій въ губернскомъ земскомъ собраніи, въ буфетной комнатѣ дворянскаго собранія, неизвѣстнымъ лицомъ онъ былъ убитъ. Подробности слѣдующія. Графъ подходилъ къ буфетной комнатѣ къ сидѣвшему за столомъ князю Путятину. Въ это время сидѣвшій въ сторонѣ неизвѣстный молодой человекъ, шившій пиво, подошелъ къ графу и произвелъ въ него 5 выстрѣловъ изъ револьвера, главнымъ образомъ въ животъ и въ плечо. Графъ жилъ нѣсколько минутъ и скончался на рукахъ посѣщившаго къ нему бывшаго губернатора Азанчевскаго. Убийца затѣмъ пошелъ въ биллиардную комнату и произвелъ въ себя выстрѣлъ, понавъ выше сердца. Убийца живъ, говорилъ нѣсколько словъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11044).

† **Клименко, В. В.** 28-го ноября скончался помощникъ директора больницы Св. Ольги, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Викторъ Васильевичъ Клименко. Покойный былъ весьма популярнымъ среди столичнаго населенія и пользовался репутаціей очень внимательнаго и отзывчиваго врача. Высшее медицинское образованіе В. В. получилъ въ военно-медицинской академіи. По своей специальности—электротерапіи В. В. состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ членомъ врачебнаго совѣщанія въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи. За послѣдніе годы онъ состоялъ помощникомъ директора больницы Св. Ольги и товарищемъ предсѣдателя медико-филантропическаго комитета. В. В. извѣстенъ и какъ общественный дѣятель; онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ учредителей братства Царицы Небесной, много работалъ по вопросу о прирѣзніи эпилептичныхъ, припадочныхъ и отсталыхъ дѣтей.

† **Клокова, О. С.** 29 ноября скончалась отъ сердечной астмы извѣстная дѣятельница на педагогическомъ поприщѣ, предсѣдательница совѣта Петербургскаго Фребелевскаго общества, О. С. Клокова, смерть которой является крупною утратою для нашего столичнаго общества, вообще, и ея меньшихъ и младшихъ представителей, въ частности. Покойная О. С. въ 1882 году, по окончаніи педагогическихъ курсовъ, была избрана членомъ совѣта общества и съ тѣхъ поръ принимала видное и горячее участіе во всѣхъ его дѣлахъ. Съ 1883 по 1885 годъ О. С. преподавала на курсахъ лѣпку, а съ 1889 г. исполняла обязанности казначея, а затѣмъ приняла на себя завѣдываніе курсами, а внослѣдствіи и дѣтскими садами. За свою многолѣтнюю полезную дѣятельность въ 1895 году была избрана въ почетные члены общества, а спустя два года предсѣдательницей. За этотъ промежутокъ времени, при содѣйствіи покойной, въ 1893 году былъ устроенъ народный садъ для дѣтей, въ возрастѣ отъ 4 до 8 лѣтъ, и учреждена школа для подготовленія образцовыхъ нянь. На гробъ покойной было возложено отъ разныхъ корпорацій свыше 15 вѣнковъ и помолиться у ея гроба на нанихидахъ и во время погребенія стекалось немало народа.

† **Коноваловъ, М. И.** 12-го декабря въ Кіевѣ скончался профессоръ химіи Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ. Покойный родился 1 ноября 1858 года въ Ярославской губерніи среди крестьянской семьи и, по окончаніи образованія въ Ярославской гимназій съ золотою медалью, состоялъ студентомъ Московскаго университета по естественному отдѣленію. Удостоенный кандидатура (1884 г.) и оставленный при университетѣ для усовершенствованія, онъ скоро приобрѣлъ званіе приватъ-доцента (1887 г.), степени магистра и доктора химіи (въ 1889 и 1893 годахъ), а затѣмъ занималъ профессорскую кафедру того-же предмета въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ (1896—1899 гг.) и въ Кіевскомъ политехникумѣ (1899—1906 гг.). Перу покойнаго, кромѣ диссертаци, принадлежало много специальныхъ работъ по химическимъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 302).

† **Лентовскій М. В.** 11-го декабря, послѣ тяжелой операціи, благоприятному исходу которой помѣшало истощеніе организма хронической болѣзнью почекъ (диабетъ), скончался въ Москвѣ, завоевавшій себѣ широкую популярность въ мірѣ сцены, прозванный москвичами «магомъ и волшебникомъ», Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій. Покойный былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ театралныхъ предпринимателей и несомнѣнно оригинальнымъ режиссеромъ. Юношей, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, покойный напелъ радушный пріютъ въ семьѣ великаго русскаго артиста М. С. Щепкина, который и устроилъ М. В. на казенную драматическую сцену. Убѣдясь, что ему не дадутъ ходу, Лентовскій ушелъ въ провинцію, гдѣ скоро занялъ видное положеніе и вернулся на казенную сцену уже актеромъ съ именемъ. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ репертуарѣ русской сцены водворилась оперетка, и здѣсь, благодаря красивой внѣшности и умѣнью пѣть, М. В. пользовался большимъ успѣхомъ. Одновременно игралъ онъ и драматическія роли, выступалъ даже въ «Гамлетѣ», но не здѣсь суждено ему было выдѣлиться и стать той оригинальной и крупной сценической фигурой, которая оставила свой слѣдъ въ исторіи русскаго театра. М. В. первый вступилъ въ борьбу съ монополіей казенныхъ театровъ и, начавъ послѣ ухода изъ казенной труины, съ маленькихъ антрепризъ, создалъ свое крупное дѣло въ московскомъ саду «Эрмитажъ». Это было царство легкаго жанра—оперетки, балета и фееріи, но и тутъ М. В. проявилъ артистическое чутье; въ его опереточной труппѣ выступали настоящіе пѣвцы (Зорина, Черновъ, Тартаковъ и др.). Въ 1883 году М. В. показалъ себя умѣлымъ организаторомъ грандіознаго народнаго гулянья во время коронаціонныхъ торжествъ императора Александра III-го, когда съ неистощимой фантазіей устроилъ аллегорическое шествіе группъ русскаго сказочнаго міра. За эту работу М. В. получилъ орденъ и пенсію въ 1.100 руб. въ годъ. Въ своихъ театралныхъ постановкахъ М. В. обращалъ особенное вниманіе на блескъ декораций и костюмовъ, на внѣшнюю эффектность, на грандіозность массовыхъ сценъ и ихъ красивую, оригинальную группировку. Это нравилось публикѣ, прощавшей случаи нарушенія жизненной правды въ спектакляхъ М. В. Въ 1887 году онъ создалъ народный театръ «Скоморохъ», въ которомъ давались преимущественно фееріи. М. В. былъ широкой натурой; въ этой ширинѣ таились и его недостатки. Сущность, идея театра у него заслонялась блескомъ зрѣлища;

онъ часто занимательность ставитъ впереди литературности и художественности. М. В., во всякомъ случаѣ, далъ толчокъ развитію въ театрѣ тщательности постановки, созданію возможно большей иллюзіи на сценѣ. (Некрологъ его: «Слово», 1906 г., № 21.)

† **Пушкаревъ, Н. Л.** 14 декабря въ семьѣ литераторовъ стараго времени однимъ идеалистомъ стало меньше. Скончался въ Петербургѣ поэтъ и драматургъ Николай Лукичъ Пушкаревъ — авторъ нѣсколькихъ драмъ въ стихахъ, одна изъ которыхъ «Ксенія и Лжедимитрій» шла въ свое время на сценахъ обѣихъ столицъ. Написать онъ очень много. Изъ его драматическихъ произведеній наиболѣе извѣстны: «Соломонія», «Правительница Анна», «Месть богини», «Самсонъ и Далила», «Молодость Юанна Грознаго» и др. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ написалъ неизданную еще пьесу: «Король-крамольникъ». Большинство его произведеній не могло быть поставлено на сценѣ по цензурнымъ условіямъ прежняго времени. По убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ плеядѣ людей шестидесятыхъ годовъ и выступилъ на литературную дорогу съ сатирическими стихотвореніями, многія изъ которыхъ были любимы у тцецовъ-артистовъ, произносившихъ ихъ со сцены. Стихи эти были выпущены покойнымъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ 1869 г. Теперь эта книга стала уже библиографической рѣдкостью. Многія произведенія иностранныхъ первоклассныхъ авторовъ онъ печаталъ въ переводахъ въ толстыхъ журналахъ («Вѣстникъ Европы»). Одно время, живя въ Москвѣ, онъ издавалъ журналы: «Московское Обозрѣніе», «Свѣтъ и Тѣни», «Европейскую Библиотеку» и «Мірской толкъ». Дѣла его шли блестяще, но одна изъ каррикатуръ, проскользнувшихъ въ «Свѣтъ и Тѣняхъ», вызвала внезапное запрещеніе его издательской дѣятельности. Онъ оказался разореннымъ и, чтобы поддерживать существованіе, пустился въ область изобрѣтеній, создалъ «Пушкаревскую свѣчу» и нѣсколько аппаратовъ для пожарной сигнализаци. Но и тутъ ему не повезло. Львиная доля барышей отъ его изобрѣтеній попадала въ чужіе карманы. Пера онъ не покидалъ до послѣдней минуты и послѣ себя оставилъ много трудовъ еще въ рукописяхъ. Умеръ онъ на рукахъ своего долгодѣтнаго и преданнаго друга, Н. А. Путята, доживъ до 65 лѣтъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова человекъ, чистый сердцемъ и идеалистъ, вѣрившій въ свѣтлое будущее Россіи. При жизни онъ пользовался общою любовью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11.050).

† **Соколовскій, П. А.** 26 ноября, въ 8 часовъ утра, послѣ мучительной болѣзни, скончался, на шестидесятомъ году жизни, извѣстный писатель Павелъ Александровичъ Соколовскій. Покойный сразу приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность двумя, изданными въ концѣ 70-хъ годовъ, произведеніями: «Очеркъ исторіи русской общины на сѣверѣ Россіи» и «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи передъ крѣпостнымъ правомъ». «Исторія общины на сѣверѣ Россіи» была первымъ сочиненіемъ, посвященнымъ спеціально исторіи русской общины, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попыткою вывести освѣщеніе даннаго вопроса изъ области гадательныхъ предположеній на почву документальныхъ данныхъ. На основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ писцовыхъ книгъ, авторъ старался показать, что первой исторически-извѣстной формой общиннаго зем-

левладѣнія въ Россіи была сложная, названнѣй имѣ «волостной», община, аналогичная германской маркѣ, описанной Мауреромъ. Къ сожалѣнію, забота о кускѣ хлѣба не дала возможности талантливому писателю продолжать такъ блестяще начатое изслѣдованіе даннаго предмета, къ которому его влекли не только научный интересъ, но и нѣжная—если умѣстно примѣнить здѣсь этотъ терминъ—любовь къ общинѣ, какъ къ продукту коллективнаго творчества народа, таящему задатки болѣе справедливаго общественнаго строя. П. А. поступилъ на службу въ Петербургскую публичную бібліотеку и, кромѣ того, состоялъ много лѣтъ секретаремъ Петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ и другихъ товариществахъ и артеляхъ. Здѣсь ему открылась возможность практически послужить другому дорогому для него дѣлу—развитію кооперативныхъ учрежденій въ Россіи. Къ этому времени относятся двѣ сводныя работы покойнаго, касающіяся русской литературы о мелкомъ кредитѣ, вообще, и о литературѣ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Нѣсколько ранѣе имъ былъ составленъ для русскаго изданія географіи Реклю очеркъ экономическаго быта населенія черноземнаго района Россіи. До послѣднихъ дней своей жизни П. А. не оставлялъ занятій въ публичной бібліотекѣ, гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ. Кому приходилось работать въ отдѣленіяхъ бібліотеки или обращаться туда за литературными матеріалами, тотъ не могъ не оцѣнить того вниманія и просвѣщеннаго содѣйствія, какое онъ всегда встрѣчалъ со стороны покойнаго. Такъ же внимательно относился онъ и къ многочисленнымъ запросамъ къ комитету о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ со стороны провинціальныхъ дѣятелей въ данной области. Оставивъ службу въ этомъ послѣднемъ, П. А. получилъ возможность свободнѣе отдаться научнымъ занятіямъ; но развитіе злого недуга, на который онъ не обращалъ, къ сожалѣнію, должнаго вниманія, тормозило его работу. Предметомъ его занятій теперь, какъ и ранѣе, были вопросы, такъ или иначе связанные съ бытомъ русскаго народа, потому что покойный, отъ начала и до конца своей сознательной жизни, оставался народникомъ, въ самомъ чистомъ значеніи этого слова; любить и цѣнить русскій народъ научился онъ еще въ дѣтствѣ, проведенномъ въ близкомъ общеніи съ крестьянами. (Некрологъ его: «Товарищъ», 1906 г., № 125).

† **де-Скροховскій, К. О.** Въ Прагѣ скончался извѣстный русскій дѣятель Константинъ Осиповичъ де-Скροховскій. Уроженецъ Волынской губерніи, К. О. получилъ солидное образованіе въ инженерномъ училищѣ военнаго вѣдомства. Вслѣдствіе слабаго здоровья, онъ не поступилъ на службу въ это вѣдомство, но принялъ гражданскую службу. Онъ былъ техникомъ, а затѣмъ начальникомъ инженерной дистанціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Изобрѣтя для зарубки шпаль особый станокъ, онъ взялъ на него привилегію, а продажей его разнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ скопилъ довольно крупный капиталъ. Покинувъ службу, онъ строилъ нѣкоторые участки желѣзныхъ дорогъ, причемъ, однако, потерялъ большую часть своего состоянія. Его имя сдѣлалось извѣстнымъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Когда, по воцареніи императора Александра III, былъ изданъ манифестъ, въ которомъ къ прекращенію хищеній призывались все вѣрнопопдан-

ные, безъ различія званій и состояній, К. О. выступилъ главнымъ облпчителемъ хищеній главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Назначенная, по высочайшему повелѣнiю комиссія, могла только подтвердить справедливость сдѣланныхъ К. О. обвиненій, а именно, что главное общество, въ теченіе долгихъ лѣтъ, не доплатило казнѣ 30 милліоновъ рублей. Правда, 15 милліоновъ пришлось скинуть со счетовъ за давностью, другіе же 15 милліоновъ были возвращены казнѣ. Послѣ этой блестящей побѣды, К. О. прослужилъ въ главномъ контролѣ еще лѣтъ десять. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку, получивъ небольшую, сравнительно, пенсію. Но энергичный характеръ К. О. не могъ успокоиться. Онъ искалъ новаго поприща для своей дѣятельности и бросился въ область для него мало извѣстную. Проживая долгое время въ Привислинскомъ краѣ, онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждался, что католицизмъ поляковъ служить главнымъ препятствіемъ къ примиренію ихъ съ русскими, что римская курія, сѣя среди поляковъ вражду къ русскимъ, поддерживаетъ этотъ сепаратизмъ. Поэтому онъ, со свойственною ему энергіей, возсталъ противъ римской куріи и папства. Онъ сталъ раскрывать злоупотребленія папства, издавая на польскомъ и русскомъ языкахъ брошюры и книги (большую частью, переводы сочиненій антиклерикальнаго направленія), въ которыхъ безошадно бичевалъ дѣянiя папъ и римской куріи. Кромѣ того, онъ хлоноталъ, чтобы склонить римско-католиковъ къ отпаденію отъ папы. Для этой цѣли онъ пріѣзжалъ и въ Прагу, когда ему стало извѣстно, что д-ръ Ишка основываетъ тамъ старо-католическую общину. Поддерживая Ишку и матеріально, и нравственно, онъ думалъ, что ему удастся всѣхъ чеховъ отвратить отъ Рима. По поводу теперешняго положенія Россіи, онъ писалъ статьи въ разныя газеты (между прочимъ, и въ «Московскія Вѣдомости»), направленные противъ поляковъ и евреевъ, которыхъ онъ считалъ злѣйшими врагами Россіи. Онъ придерживался девиза: «Россія для русскихъ» и утверждалъ, что инородческіе элементы не должны участвовать въ управленіи государствомъ. Умеръ онъ послѣ тяжелой болѣзни, отъ порока сердца. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 292).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ И. А. Худякова.

Къ любопытнымъ воспоминаніямъ И. А. Худякова («Историч. Вѣст.» 1906, октябрь—ноябрь) считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя данныя къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщаетъ о судѣ надъ нимъ и о слѣдствіи. Поль-

зуюсь при этомъ сборникомъ В. Богучарскаго «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

Изъ приговора верховнаго уголовного суда отъ 24 сентября 1866 г. видно, что домашній учитель Иванъ Александровъ Худяковъ былъ преданъ суду, по обвиненію «въ способствованіи государственному преступнику Каракозову совершить покушеніе на жизнь священной особы государя императора, снабженіемъ Каракозова деньгами на покупку пистолета, съ знаніемъ о преступномъ его намѣреніи, и въ подговорѣ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Андреева Ишутина учредить въ Москвѣ тайное революціонное общество съ цѣлью царевубійства». Въ резолютивной же части того же приговора значится, что судъ постановилъ: Худякова «незоблеченнаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь священной особы государя императора и въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго общества, лишить, на основаніи 3-й части 318 ст. Улож. 1866 г., всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири».

Членомъ верховнаго суда былъ Карніюлинъ-Пинскій [его фамилію неправильно пишетъ Худяковъ черезъ Корнеолинъ Пинскій].

Ишутинъ былъ приговоренъ къ повѣшенію. Обрядъ смертной казни былъ надъ нимъ совершень фактивно, и, какъ значится въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 4 октября 1866 г., № 79, «при исполненіи надъ осужденнымъ обряда публичной казни, прибылъ фельдъегерь и передалъ министру юстиціи всемілостивѣйшее его императорскаго величества повелѣніе — даровать Николаю Ишутину жизнь».

Изъ воспоминаній присяжнаго повѣреннаго Д. В. Стасова, защищавшаго Н. А. Ишутина, выясняются еще небольшія подробности этого процесса («Былое», 1906, апрѣль). Верховный судъ засѣдалъ съ 18 по 23 августа. «На судѣ,—пишетъ Стасовъ,— всѣ подсудимые держали себя достойно, не трусливо; на многихъ дѣйствовали способъ допросовъ, производившихся слѣдственною комиссіею, гдѣ предѣлательствовалъ знаменитый М. Н. Муравьевъ; одинъ подсудимый показалъ, что не помнитъ, что говорилъ, такъ какъ допросъ происходилъ до 3 часа ночи, когда сонъ смыкалъ глаза». Засѣданія происходили въ залѣ комендантской квартиры въ самой Петропавловской крѣпости; въ сосѣднихъ съ заломъ комнатахъ находилось и все слѣдственное дѣло, которое защитники изучали каждый день, но прочесть всего не было никакой возможности, такъ оно было огромно.

Мих. Соколовскій.

II.

Письмо въ редакцію.

Въ помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго 1906 года статья: «Къ покушенію 4 апрѣля 1866 года» сказано въ заключительныхъ словахъ: «Имя его (Осипа Ивановича Комиссарова), конечно, не перешло въ потомство...»

Будучи по службѣ въ 1905—1906 гг. въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, я жилъ нѣкоторое время у сына Осипа Ивановича, Александра, постоянно живущаго въ пожалованномъ его отцу имѣніи, Сомовка. Онъ уже женатъ и имѣетъ дѣтей.

Прилагаю, полученную отъ него, визитную карточку.

К. Плетеневъ.

ЗАПИСКИ ГЕРЦОГА ЛОЗЕНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. А. МАГСКОЙ

Приложеніе къ „Историческому Вѣстнику“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВТОРЪ этихъ мемуаровъ, герцогъ Лозенъ родился въ 1747 году, умеръ въ 1794 году. Первые годы своей жизни онъ провелъ въ гостиной маркизы Помпадуръ, а кончилъ ее на плахѣ, отъ руки палача, и въ мемуарахъ его мы видимъ передъ собой цѣлый калейдоскопъ женскихъ лицъ, наряду съ описаніемъ множества битвъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Благодаря своему происхожденію, богатству, уму и пріятной внѣшности, онъ сразу занялъ выдающееся мѣсто при Версальскомъ дворѣ и обратилъ на себя вниманіе королевы, но въ скоромъ времени его сумѣли очернить въ ея глазахъ и онъ немедленно перешелъ на сторону ея враговъ и добился огромной популярности среди нихъ.

Впродолженіи всей своей жизни Лозенъ встрѣтилъ только одну вполне честную и благородную женщину, которую онъ, однако, ненавидѣлъ и презиралъ—это была его жена. Ихъ обвѣнчали, когда имъ не было еще и двадцати лѣтъ, и они прожили вмѣстѣ еще двадцать пять лѣтъ, почти не встрѣчаясь у себя дома. Ж. Ж. Руссо съ восторгомъ отзываясь о молодой герцогинѣ Лозенъ, урожденной Буффлеръ. Своими идеальными воззрѣніями на жизнь, своей чистотой и непорочностью и безконечной своей добротой, она завоевала себѣ симпатіи всѣхъ своихъ современниковъ. Подобная добродѣтель не могла, конечно, придтись по вкусу молодому герцогу, жаждавшему любовныхъ приключеній, и онъ тотчасъ же послѣ свадьбы сталъ измѣнять женѣ, нисколько не стѣсняясь продѣлывать это открыто у нея на глазахъ. Она безропотно и терпѣливо переносила всѣ униженія, но когда онъ началъ безумно растрчивать ея приданое въ 150000 франковъ, ради которыхъ,

главнымъ образомъ, и женился на ней, терпѣніе ея истощилось и она приняла рѣшительныя мѣры, чтобы обезпечить себѣ свое состояніе.

Лозенъ, оскорбленный поступкомъ жены, впадшій какъ разъ въ это время въ немилость у королевы, рѣшилъ искать другихъ развлеченій на полѣ битвы и, благодаря своимъ связямъ, добился разрѣшенія отправиться въ Америку сражаться подъ знаменами Вашингтона, но тамъ военные его лавры, добытые имъ раньше на Корсикѣ и на африканскомъ берегу, сильно поблекли и онъ вернулся во Францію послѣ заключенія мира, на чемъ собственно и оканчиваются его мемуары.

Въ этотъ періодъ жизни, въ самомъ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, въ своемъ блестящемъ гусарскомъ мундирѣ, аристократъ съ головы до ногъ, красивый, изящный, остроумный, одинаково хорошо владѣющій шпагой и искусствомъ краснорѣчія, Лозенъ выдѣлялся среди своихъ современниковъ и пользовался огромной популярностью, благодаря также своей беззавѣтной храбрости, которую онъ не разъ проявлялъ на полѣ битвы. Несмотря на это, при дворѣ его приняли очень холодно и такъ какъ матеріальное положеніе его было тоже далеко не блестяще, онъ, на время, совершенно удалился отъ свѣта и посвятилъ себя всецѣло своимъ мемуарамъ, въ которыхъ не щадилъ себя и не старался казаться лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Какой-нибудь системы или предвзятаго плана въ его мемуарахъ нѣтъ, онъ записывалъ все событія въ такомъ порядкѣ, какъ онѣ ему вспоминались, и главную роль, конечно, въ нихъ играли женщины, которыми полна была его жизнь. Въ этихъ мемуарахъ отражается вся современная жизнь, развратная и безстыдная, невольна вызывающая порицаніе всему французскому обществу, находившемуся наканунѣ революціи.

Все это относится, однако, только къ первымъ тремъ четвертямъ мемуаровъ; послѣдняя четверть является полной противоположностью первымъ: здѣсь и рѣчи нѣтъ о любовныхъ приключеніяхъ, о которыхъ только и говорилось раньше.

Въ жизни Лозена происходитъ переворотъ: онъ встрѣчается съ мадамъ де-Коаньи, передъ которой потомъ благоговѣлъ всю жизнь, и подъ ея вліяніемъ онъ совершенно измѣняется и превращается въ человѣка серьезнаго, помышляющаго только о томъ, какъ бы загладить грѣхи своего прошлаго и принести посильную помощь въ дѣлѣ спасенія своей родины.

Какъ разъ въ этотъ періодъ своей жизни, Лозенъ получилъ въ наслѣдство титулъ своего дѣда, маршала Бирона, и съ этого времени начинается его болѣе активная дѣятельность, направленная противъ царствующаго дома. Онъ близко сошелся съ герцогомъ Орлеанскимъ и сталъ его правой рукой, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ происшествіяхъ знаменитой почти 4 ав-

густа и, по словамъ своихъ современниковъ, 6 октября, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ и Мирабо, много содѣйствовалъ возбужденію народа противъ обитателей Тюльери. Но, въ противоположность своему другу, герцогу Орлеанскому, отправившемуся ради своей безопасности на время въ Англію, Биронъ до конца оставался на своемъ посту. Несмотря на то, что ему даже предложили теперь мѣсто коменданта острова Корсики, котораго онъ раньше такъ добивался, онъ предпочелъ принести свое честолюбіе въ жертву дружбѣ и остался въ Парижѣ, гдѣ, однако, одно время держался выжидательной политики, которая многими истолковывалась не въ его пользу. Тогда онъ, по порученію національнаго собранія отправился сначала въ Мецъ, гдѣ ознакомился съ настроеніемъ войска, а потомъ въ Лондонъ, куда поѣхалъ вмѣстѣ съ Талейраномъ. Вернувшись обратно во Францію, онъ получилъ въ командованіе сѣверную армію, послѣ того какъ члены національнаго собранія убѣдились въ томъ, что онъ будетъ безпрекословно исполнять все предписанія собранія. И дѣйствительно, преданный исключительно своей идеѣ, онъ старался только о томъ, чтобы доблестно исполнить свой долгъ до конца, не помышляя о собственной славѣ и почестяхъ; такъ, напримѣръ, по первому приказанію національнаго собранія, онъ безпрекословно поступилъ со всемъ своимъ войскомъ въ распоряженіе генерала Жюстина, служившаго передъ тѣмъ подъ его начальствомъ. Поступокъ этотъ вызвалъ общее одобреніе со стороны его современниковъ. Вскорѣ, вслѣдъ затѣмъ, его отправили на южную границу командовать войсками, расположенными въ Альпахъ. Онъ искалъ здѣсь случая отличиться, но ошибся,—враги его, боясь возрастающей его популярности, добились его перевода въ Вандейскій округъ, гдѣ подъ его начальствомъ очутились совершенно недисциплинированныя войска, командованіе которыми являлось крайне отвѣтственнымъ и тяжелымъ дѣломъ. И тутъ впервые въ Биронѣ проснулось недоверіе къ собственнымъ силамъ и онъ началъ разочаровываться въ своихъ надеждахъ относительно блестящаго будущаго своего народа. Онъ видѣлъ вокругъ себя борьбу партій, борьбу страстей, со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ шпионами; агитаторы самыхъ различныхъ направленій возбуждали солдатъ противъ офицеровъ и возстановляли офицеровъ противъ высшихъ властей. Каждый день почти онъ посылалъ отчаянныя депеши въ военное министерство, съ требованіемъ выслать ему еще солдатъ, доставить нужный провіантъ, снабдить войско оружіемъ; ему отвѣчали на это постояннымъ отказомъ, ссылаясь на то, что и такъ уже Вандейскій округъ стоитъ очень дорого правительству. Онъ успѣвалъ обѣзжать всегда лично весь свой округъ, слѣдилъ положительно за всемъ и выказалъ себя прекраснымъ администраторомъ и великолѣпнымъ стратегомъ и оставался на своемъ посту

до конца, хотя вѣра его въ дѣло была уже подорвана и жертва, принесенная имъ республикѣ, казалась ему напрасной, такъ какъ она не достигла своей цѣли. Онъ считалъ, что настало время странѣ успокоиться и не могъ примириться съ тѣмъ, что инсургенты продолжали свое разрушительное дѣло, которое должно было привести къ гибели всю страну. Чтобы спасти ее, онъ предложилъ воспользоваться военной силой и положить конецъ этой междоусобной войнѣ, но прежде надо было организовать армию и дисциплинировать войско, чтобы можно было рассчитывать на его поддержку въ этомъ послѣднемъ рѣшительномъ актѣ кровавой революціи. Враги Бирона, преслѣдовавшіе личныя цѣли и стремившіеся къ полной анархіи, воспользовались первымъ попавшимся предложеньемъ, чтобы обвинить его въ измѣнѣ и немедленно предать суду. А между тѣмъ, трудно было найти человѣка, болѣе преданнаго своему дѣлу, болѣе ненавидѣвшаго монархическій образъ правленія и болѣе демократа, — чѣмъ онъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1790 г., онъ, одинъ изъ первыхъ, добровольно отказался отъ всѣхъ своихъ титуловъ и сталъ называться просто — Арманъ Гонто.

Явившись передъ революціоннымъ трибуналомъ, онъ совершенно спокойно, даже съ улыбкой, выслушалъ свой смертный приговоръ. Весь этотъ день онъ былъ тоже спокоенъ и ровенъ, такъ же какъ и на слѣдующее утро; онъ спалъ и ѣлъ хорошо, какъ всегда. Лицо его нисколько не измѣнилось и оставалось безстрастнымъ и холоднымъ до самаго конца. Когда къ нему вошелъ палачъ, онъ только что началъ дюжину устрицъ. — «Гражданинъ» — сказалъ онъ, — позвольте мнѣ докончить эту дюжину, — и, подавая ему стаканъ вина, добавилъ, — выпейте этого вина, такъ какъ вамъ необходимо запастись мужествомъ при вашемъ ремеслѣ», — и затѣмъ совершенно спокойно пошелъ на казнь. Онъ умеръ, 1 января 1794 г. отъ руки палача, все такимъ же республиканцемъ, какимъ былъ всю свою жизнь, не осуждая ни единымъ словомъ ту новую, созидательную силу, жертвой которой онъ палъ и не выражая никакого сожалѣнія по поводу гибели царствующаго дома, хотя нѣкоторые современники и приписывали ему громкую фразу, будто сказанную имъ въ защиту послѣдняго.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Биронъ не разъ выказывалъ поползновеніе помириться съ своей женой, достоинства которой онъ оцѣнилъ только послѣ того, какъ остепенился самъ, но ихъ раздѣляли теперь уже не только личные счеты, но и политическія воззрѣнія, такъ какъ жена его была до конца своей жизни яркой монархисткой и не могла примириться съ образомъ мыслей своего мужа. Она окончила свою жизнь тоже на эшафотѣ, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ смерти мужа, причемъ говорятъ, произошла роковая ошибка, благодаря которой ея имя было случайно внесено въ обвинительный актъ, составленный уже заранѣе для многихъ.

I.

1744—1777.

Личныя воспоминанія.— Герцогъ Гонто—отецъ Лозена и маркиза Помпадуръ.— Дѣтство Лозена.— Его семья.— Шоазели.— Увлеченія молодости.— Мадамъ д'Эспарбейль и графиня де-Стявиль.— Женитьба Лозена.— Разныя приключенія.— Леди Бенбюри.

Въ жизни моей было такъ много странныхъ приключеній, съ самаго дѣтства я былъ свидѣтелемъ столькихъ важныхъ событій, что считаю себя вправѣ оставить послѣ себя мемуары для близкихъ мнѣ людей. Написаны они мною исключительно для нихъ, такъ какъ потребовалась бы еще самая тщательная обработка, раньше чѣмъ они могли бы сдѣлаться достояніемъ читающей публики. Я буду придерживаться только одной правды и въ моемъ повѣствованіи я часто буду возвращаться къ одному и тому-же предмету, не соблюдая постепенности, какъ я никогда не соблюдалъ ее и въ моемъ поведеніи; я попеременно буду являться въ нихъ фатомъ, игрокомъ, человѣкомъ политики, военнымъ, охотникомъ, философъ, а часто—и тѣмъ, и другимъ — вмѣстѣ.

Прежде всего, я долженъ сказать нѣсколько словъ своимъ читателямъ о моемъ отцѣ, герцогѣ де-Гонто. Это былъ въ высшей степени честный, добрый и сострадательный человѣкъ, на котораго вполнѣ можно было положиться. Онъ не отличался большимъ умомъ или образованіемъ, но обладалъ здравымъ смысломъ, неподкупностью и въ совершенствѣ зналъ всѣ правила свѣтскихъ приличій и придворнаго этикета. Благодаря его выдержанности, его благородной и пріятной манерѣ говорить, его природной веселости и отвращенію къ интригамъ — его всѣ любили и уважали. Довольно серьезная рана, полученная имъ въ сраженіи при Эттингенѣ, дала ему возможность выйти въ отставку. Въ чинѣ генераль-лейтенанта онъ пристроился ко двору и сдѣлался близкимъ другомъ мадамъ де-Шатору, а слѣдовательно, находился въ постоянномъ общеніи съ королемъ. Многочисленныя услуги, оказанныя имъ своему другу въ болѣзни, отъ которой она потомъ и умерла, еще болѣе расположили къ нему короля. Съ мадамъ де-Помпадуръ онъ сумѣлъ войти въ такія же дружескія отношенія, какъ и съ ея предшественницей. Своимъ положеніемъ при дворѣ, онъ, однако, пользовался только для того, чтобы дѣлать добро другимъ, и я положительно не встрѣчалъ никогда людей, у которыхъ было бы такъ мало враговъ, какъ у моего отца.

Первые годы моей жизни протекли, такимъ образомъ, при дворѣ— я выросъ почти на рукахъ мадамъ де-Помпадуръ. Не зная, гдѣ-бы найти мнѣ подходящаго гувернера, отецъ мой рѣшилъ взять для этой цѣли лакея моей покойной матери, умѣвшаго читать и писать

довольно прилично; чтобы придать ему болѣе важности, его стали величать послѣ этого камердинеромъ. Впрочемъ, кромѣ того, ко мнѣ пригласили еще всевозможныхъ учителей, бывшихъ тогда въ модѣ, но мой воспитатель—его звали мосье Рохъ—не былъ въ состояніи руководить ихъ занятіями или дать возможность извлечь пользу изъ ихъ уроковъ.

Онъ ограничился тѣмъ, что выучилъ меня писать и научилъ меня читать громко и бѣгло, что въ тѣ времена считалось еще рѣдкостью во Франціи. Эти таланты способствовали потомъ тому, что я сдѣлался почти необходимъ мадамъ де-Помпадуръ, которая постоянно заставляла меня читать ей или писать за нее, а также иногда за короля. Мы стали послѣ этого посѣщать чаще Версаль и я еще болѣе забросилъ свои занятія. Впрочемъ, дѣтство мое проходило такъ-же, какъ у всѣхъ моихъ сверстниковъ одного со мной положенія—въ свѣтѣ насъ одѣвали роскошно на-показъ, а дома мы голодали и ходили чуть не голыми. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я уже поступилъ въ гвардейскій полкъ, причемъ король обѣщалъ мнѣ скорое повышеніе, и я уже зналъ, что обладаю огромнымъ состояніемъ и мнѣ предстолтъ самая блестящая карьера, безъ всякаго старанія съ моей стороны.

Графъ де-Стэнвиль и мой отецъ женились на двухъ родныхъ сестрахъ (моя мать была старшая и умерла при моемъ рожденіи) и это способствовало ихъ сближенію между собой. Дружескія отношенія моего отца къ мадамъ де-Помпадуръ дали ему возможность выхлопотать своему свояку мѣсто посланника сначала въ Римѣ, потомъ въ Вѣнѣ, затѣмъ онъ добился для него титула герцога Шоазеля и сдѣлать его министромъ иностранныхъ дѣлъ; благодаря своему уму и многочисленнымъ талантамъ, онъ быстро завоевалъ себѣ симпатіи маркизы, а велѣдъ затѣмъ и расположеніе короля. У герцога Шоазеля была сестра, канонисса въ Ремиремонтѣ; состоянія у нея никакого не было и она пользовалась доходами съ церковнаго имущества. Она обладала чисто мужскимъ складомъ характера и была способна совершать великіе подвиги или затѣвать великія интриги; братъ взялъ ее къ себѣ. Она была некрасива, но это не мѣшало ей нравиться всѣмъ и ее смѣло можно было назвать обаятельной женщиной. Она въ скоромъ времени приобрѣла огромное вліяніе на брата, но, чтобы придать себѣ еще больше вѣса и отклонить какія бы то ни было подозрѣнія на свой счетъ, она рѣшила выйти замужъ, но такъ, чтобы ни въ чемъ не стѣснятъ себя и не зависеть отъ мужа. Выборъ ея палъ на герцога Граммона, человѣка безхарактернаго и жившаго уже нѣскольکو лѣтъ вдали отъ свѣта, въ небольшомъ домикѣ, близъ Парижа, гдѣ онъ и проводилъ свое время среди музыкантовъ и дѣвицъ легкаго поведенія. Все это какъ нельзя болѣе подходило въ данномъ случаѣ, такъ какъ при первомъ признакѣ неповиновенія со стороны

герцога Граммона, его легко можно было выслать опять на прежнее мѣсто; отецъ мой принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, способствовалъ тому, что Граммону разрѣшили жить въ Парижѣ, что ему было раньше запрещено, и свадьба эта состоялась.

Мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и я былъ довольно красивый ребенокъ. Герцогиня де-Граммонъ приняла меня подѣ свое особое покровительство, съ намѣреніемъ, какъ я думаю, со временемъ подготовить себѣ будущаго любовника, который всецѣло принадлежалъ бы ей и ни въ чемъ бы не стѣснялъ ее: ея вліяніе или, вѣрнѣе, ея власть надѣ герцогомъ де-Шоазелемъ усиливалась съ каждымъ днемъ; герцогиня де-Шоазель, страстно любившая своего мужа, стала ревновать его и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, обѣ женщины ненавидѣли уже другъ друга. Мой отецъ, со свойственной ему корректностью, сумѣлъ себя поставить такъ, что не принялъ сторону ни той, ни другой, и былъ друженъ съ обѣими. Я былъ настолько счастливъ, что въ этомъ случаѣ послѣдовалъ егѣ примѣру, но, къ стыду своему, долженъ признаться, что въ душѣ, слѣдуя влеченію своего сердца, я былъ всецѣло на сторонѣ герцогини Граммонъ, которая была мнѣ за это очень благодарна. Какъ разъ въ это время, она отвезла меня въ Меннаръ, къ мадамъ де-Помпадуръ, проводившей много времени въ своемъ любимомъ замкѣ, отличавшемся необыкновенной архитектурой и великолѣпными садами. У герцогини де-Граммонъ была камеристка, мадемуазель Жюли, пользовавшаяся неограниченнымъ довѣріемъ своей госпожи, и рѣшившая, повидимому, что то, что госпожа ея бережетъ для себя, можетъ пригодиться и ей: она осыпала меня ласками и была очень предупредительна со мной, но не достигла своей цѣли, такъ какъ я былъ еще слишкомъ невиненъ въ то время, хотя, несмотря на это, охотно проводилъ у нея цѣлые часы и наслаждался безсознательно ея обществомъ; но мосье Рохъ очень быстро сообразилъ въ чемъ дѣло и очень рѣшительно, хотя и спокойно, запретилъ мнѣ всякое сношеніе съ Жюли, что меня крайне огорчило. Но въ скоромъ времени случилось событіе, заставившее меня если не забыть ее, то, по крайней мѣрѣ, сильно развлекшее меня въ моемъ горѣ. Герцогъ де-Шоазель, получившій въ это время какъ разъ постъ военнаго министра, выхлопоталъ своему младшему брату, графу Стэнвилю, чинъ генераль-лейтенанта и пристроилъ его при дворѣ. Состоянія у него не было, но положеніе его брата и милостивое расположеніе къ нему короля обезпечивали ему хорошую партію; выборъ палъ на m-lle де-Клермонъ-Рейнель, обладавшую прелестнымъ личикомъ и огромнымъ состояніемъ, которой въ то время исполнилось только-что пятнадцать лѣтъ. Все это было устроено и налажено, пока де-Стэнвиль находился еще въ арміи, гдѣ служилъ до этого времени, и когда настала зима, ему посланъ былъ приказъ явиться ко двору и, шесть часовъ спустя послѣ приѣзда

его въ Парижъ, состоялась его свадьба. Я увидѣлъ мадамъ де-Стэнвилъ въ первый разъ въ день ея свадьбы и она произвела на меня впечатлѣніе, которое никогда потомъ не могло уже изгладиться—я сразу влюбился въ нее. На мой счетъ, конечно, стали подсмѣиваться и вѣсть объ этомъ дошла до нея. Она была этимъ очень польщена, но герцогиня де-Шоазель зорко слѣдила за тѣмъ, что бы ея молодая невѣстка не увлеклась бы никѣмъ. Мадамъ де-Граммонъ, не любившая своего младшаго брата и опасавшаяся, чтобы молодая женщина не слишкомъ понравилась герцогу де-Шоазелю, который уже сталъ засматриваться на нее, ничего не имѣла противъ того, чтобы та завела себѣ любовника. Она въ этомъ не видѣла никакихъ препятствій, угрожающихъ ея собственнымъ планамъ, такъ какъ рассчитывала на то, что всегда сумѣетъ заставить меня вернуться къ ней, когда ей это будетъ удобно. Вслѣдствіе этого, она замѣтно покровительствовала нашей зарождающейся любви и часто приглашала насъ къ себѣ вмѣстѣ.

Мадамъ де-Стэнвилъ объявила мнѣ какъ-то, за обѣдомъ у де-Шоазель, что на слѣдующій день мы приглашены съ ней оба обѣдать къ герцогинѣ Граммонъ и можемъ провести у нея цѣлый день. Я былъ, конечно, внѣ себя отъ радости, но г. Рохъ, пронюхавшій какъ-то объ этомъ и строго слѣдившій за моею нравственностью, захотѣлъ на другое утро непременно вести меня въ церковь, такъ какъ это было воскресенье. Я сталъ возражать ему и мы поспорили; онъ пригрозилъ мнѣ пожаловаться отцу, котораго я очень боялся, и мнѣ пришлось уступить, несмотря на все мое отчаяніе. Онъ повелъ меня къ обѣднѣ—и я отъ ярости и горя лишился вдругъ чувствъ и очнулся только на паперти, окруженный какими-то старухами. Меня отвели домой и я чувствовалъ себя такъ плохо, что меня уложили въ постель. Тогда меня пріѣхала навѣстить герцогиня де-Граммонъ и привезла съ собою мадамъ де-Стэнвилъ. Я рассказалъ ей все, что произошло со мной; она разсмѣялась, поѣхала къ отцу, добилаь того, что тотъ выбранилъ моего воспитателя, и получила отъ него разрѣшеніе увезти меня обѣдать къ себѣ, чтобы окончательно способствовать моему выздоровленію. Этотъ день остался однимъ изъ лучшихъ дней въ моемъ воспоминаніи—я провелъ его почти весь наединѣ съ избранницей своего сердца; она ясно дала мнѣ понять, какъ ее трогаетъ мое чувство къ ней и охотно допускала тѣ небольшія фамиллярности, которыя, я, по своей невинности, позволялъ себѣ съ ней. Я цѣловалъ ея руки, она клялась мнѣ, что будетъ любить меня всю жизнь, и я больше ни о чемъ не мечталъ въ эту минуту.

Затѣмъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, ей пришлось высидѣть дома, такъ какъ у нея сдѣлался коклюшъ. Меня къ ней, конечно, не пускали и мы только изрѣдка, урывками, видѣлись съ ней и то всегда въ присутствіи мадамъ де-Шоазель. Доктора послали ее на

воды въ Коттере; ее отвезли туда весною, а зимой она вернулась обратно совершенно здоровая. Она стала очень много выѣзжать съ герцогиней де-Шоазель, танцевала она великолѣпно. Она имѣла огромны успѣхъ на балахъ, ее окружали, за ней ухаживали и ей стало неловко, что выборъ ея палъ на такого ребенка, какъ я. Она немедленно стала третировать меня свысока и увлеклась мосье де-Хокуръ. Я ревновалъ, возмущался, приходилъ въ отчаяніе—ничто не помогло, она осталась безжалостной ко мнѣ.

Мой отецъ въ это время устроилъ мою свадьбу съ m-ле де-Буффлеръ, внучкой и наслѣдницей вдовы маршала де-Люксембургъ—а слѣдовательно, великолѣпной партіей.

Я былъ очень огорченъ этимъ выборомъ отца, такъ какъ находился подъ вліяніемъ герцогини Граммонъ, ненавидѣвшей, и не безъ причины, бабушку моей невѣсты и наговорившей мнѣ много худого про нее. Рѣшено было, что я долженъ познакомиться съ своей будущей женой и мнѣ приказано было явиться на балъ къ женѣ маршала де-Мирпо. Я долженъ былъ придти заранѣе, такъ какъ m-ле де-Буффлеръ должна была обѣдать у нея, и дѣйствительно, ровно въ четыре часа я былъ уже тамъ и увидѣлъ очаровательную особу, которая мнѣ чрезвычайно понравилась и которую я и принялъ за свою невѣсту. Но, къ несчастью, я ошибся, это была m-ле де-Ротъ. Меня эта ошибка огорчила еще болѣе, когда, наконецъ, изъ будуара хозяйки дома вышла m-ле де-Буффлеръ, которая очень теряла, въ сравненіи съ очаровавшей меня дѣвушкой.

На этомъ балу были также мадамъ и m-ле де-Бово; трудно было бы найти въ комъ-нибудь больше граціи, природнаго ума и прелести, чѣмъ въ этой красавицѣ. Я встрѣчался съ m-ле де-Бово на всѣхъ балахъ, я часто видѣлъ ее также у герцогини де-Граммонъ, которая была очень дружна съ ея матерью. Я старался ей понравиться, она относилась къ моему ухаживанію очень благосклонно и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо больше подходила мнѣ, чѣмъ m-ле Буффлеръ. Я рѣшилъ жениться на ней и сказалъ объ этомъ герцогинѣ де-Граммонъ, которая одобрила мое рѣшеніе. Но когда я сказалъ объ этомъ отцу, онъ отнесся ко мнѣ очень сурово и заявилъ, что имъ уже дано слово и онъ сдержитъ его, во что бы то ни стало. Я рѣшилъ въ глубинѣ души, что, несмотря на это, все-же не позволю женить себя насильно. Моя привязанность къ m-ле де-Бово очень нравилась ея матери и, уѣзжая на долгое время въ Лорренъ, она выразила мнѣ желаніе, чтобы мечты мои сбылись и она, съ своей стороны, готова способствовать браку моему съ ея дочерью. M-ле де-Бово даже общалась, время отъ времени, вспоминать обо мнѣ. Но путешествіе ихъ длилось очень долго, а потомъ, передъ самымъ приѣздомъ въ Парижъ, мадамъ де-Бово заболѣла вѣтрянной оспой и умерла. M-ле де-Бово вернулась въ Парижъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и ее помѣстили въ монастырь Поръ

Руаяль. Я искренно сожалѣлъ о кончинѣ мадамъ де-Бово и несколько не перемѣнилъ своихъ намѣреній по отношенію къ ея дочери, но мнѣ хотѣлось узнать, какъ она теперь относится ко мнѣ. Я написалъ ей письмо и отправилъ его тайкомъ въ монастырь. Привожу его здѣсь цѣликомъ:

— «Я не хотѣлъ, мадемуазель, увеличивать ваше горе своимъ, но вы отдадите мнѣ должную справедливость, допуская мысль, что я утратилъ столько же, какъ и вы. Мой отецъ хочетъ меня женить, но чѣмъ больше я думаю о той чести, которую оказываетъ мнѣ м-ше де-Буффлеръ, тѣмъ больше я сознаю, что недостойнъ ея, тѣмъ больше я убѣждаюсь въ томъ, что мы не подходимъ другъ къ другу. Для меня возможно только одно счастье—способствовать вашему счастью, которымъ вы осчастливите и меня. Я не смѣю просить своего отца сдѣлать предложеніе отъ моего имени вашему отцу, пока не узнаю, не имѣете-ли вы чего-нибудь противъ этого. Дѣло идетъ о вѣчномъ союзѣ и мнѣ кажется, что вы, не стѣсняясь, можете принять или отказать мнѣ въ моемъ предложеніи.

«Я ожидаю вашего отвѣта съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ и тревогой, чѣмъ если бы дѣло шло только о моей жизни.

«Съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ остаюсь вашимъ преданнымъ и скромнымъ слугой.

«Графъ де-Биронъ».

Воспитательница м-ше де-Бово прочла мое письмо, раньше чѣмъ отдать его своей воспитанницѣ. «По настоящему, мнѣ не слѣдовало бы отдавать вамъ этого письма,—сказала она,—но оно содержитъ настолько важныя для васъ вещи, что я не только отдаю его, но и разрѣшаю вамъ отвѣтить на него.»

М-ше де-Бово прочла мое письмо, вложила его въ конвертъ, запечатала и вернула мнѣ обратно, не приписавъ ни единого слова; я былъ оскорбленъ этимъ поступкомъ, котораго не заслужилъ, и рѣшилъ исполнить желаніе своего отца, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы свадьба состоялась еще черезъ два года, и до тѣхъ поръ я буду пользоваться неограниченной свободой.

Я въ это время увлекался актрисой въ Версальскомъ театрѣ; ей было только пятнадцать лѣтъ, звали ее Евгенія Бобуръ и она была еще болѣе невинна, чѣмъ я, такъ какъ я уже прочелъ нѣсколько дурныхъ книгъ и искалъ только случая примѣнить на практикѣ прочитанное. Я рѣшилъ просвѣтить свою маленькую подругу, которая настолько любила меня и довѣряла мнѣ, что готова была исполнить всѣ мои желанія. Одна изъ подружекъ уступила намъ свою комнату или, вѣрнѣе, крошечную коморку, гдѣ она спала, такъ какъ тамъ была только постель и два стула. Но въ первое же наше свиданіе мы увидѣли огромнаго паука, котораго мы смертельно испугались—ни она, ни я не рѣшились убить его. Мы рѣ-

шили разстаться на этотъ разъ, чтобы свидѣться при болѣе подходящихъ обстоятельствахъ, гдѣ уже не будетъ пауковъ. Мой отецъ узналъ какъ-то объ этой связи, испугался ее почему-то и, недѣлю спустя, дочь и мать были уже высланы изъ Парижа.

Вскорѣ послѣ того я обратилъ на себя вниманіе графини д'Эспарбесъ, кузины маркизы де-Помпадуръ, хорошенькой и миловидной женщины. Она всячески выдѣляла меня и, наконецъ, мнѣ такъ польстило ея вниманіе, что я самъ влюбился въ нее. Однажды, когда король ужиналъ въ Фонтенебло съ мадамъ де-Помпадуръ и нѣсколькими приближенными, я ужиналъ въ городѣ съ мадамъ д'Эспарбесъ и мадамъ д'Амблимонъ, другой кузиной маркизы Помпадуръ. Послѣ ужина, послѣдняя удалилась къ себѣ, подъ предлогомъ, что ей надо написать письмо, а мадамъ д'Эспарбесъ, ссылаясь на сильную мигрень, прилегла. Я хотѣлъ удалиться, но она попросила меня остаться и прочесть ей небольшую комедію, подъ заглавіемъ «Къ счастью», которую мы играли съ ней какъ-то вмѣстѣ и послѣ которой она всегда называла меня «Мой маленькій кузень».

— Послушайте, мой маленькій кузень,—сказала она, нѣсколько минутъ спустя,—мнѣ надоѣла эта книга; садитесь ко мнѣ на постель и мы немного поболтаемъ, это меня развлечетъ».— Она увѣряла, что ей очень жарко и старалась раскрыться, какъ можно больше. Голова моя кружилась, я былъ весь какъ въ огнѣ, но я боялся ее оскорбить, я не рѣшался отважиться на что-нибудь большее и цѣловалъ только ея руки, не спуская глазъ съ ея бѣлой, прелестной шейки, что, казалось, очень нравилось ей. Она нѣсколько разъ уговаривала меня быть умникомъ, чтобы подчеркнуть, что я слишкомъ скромень, но я въ точности исполнялъ ея совѣты, я покрывалъ ее всю поцѣлуями, но не рѣшался на большее. Когда, наконецъ, она убѣдилась, что я дѣйствительно такъ наивенъ, какъ кажусь, она довольно холодно приказала мнѣ удалиться. Я повиновался ей безпрекословно, но только что я вышелъ, я сталъ упрекать себя за свою скромность и обѣщалъ вознаграждать себя въ слѣдующій разъ, если представится подходящий случай.

Я увидѣлся съ мадамъ д'Эспарбесъ опять въ Версалѣ; послѣ ужина, бывшаго у мадамъ Помпадуръ, я предложилъ ей руку, чтобы провести ее въ ея апартаменты, и какъ только мы очутились въ комнатѣ, она хотѣла меня выслать вонъ, но я сказалъ ей:

— Подождите минутку, моя милая кузина; теперь еще не поздно, и если я вамъ не слишкомъ наскучу, мы опять можемъ почитать немного.

Глаза мои блестѣли страстью, которой она еще не видала во мнѣ.

— Хорошо,—отвѣтила она,—но съ тѣмъ условіемъ, что вы будете также скромно вести себя, какъ въ тотъ разъ. Пройдите въ ту комнату, я раздѣнусь, и какъ только лягу, я позову васъ.

И дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, я вернулся опять къ ней. Я усѣлся у нея на постели, не спрашивая позволенія; она не противилась этому.

— Читайте-же,— сказала она.

— Нѣтъ, мнѣ такъ пріятно васъ видѣть, что я не могу читать, я не разберу ни одного слова.

Я пожиралъ ее глазами, книга упала изъ моихъ рукъ и, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны, я снялъ съ ея шеи платочекъ, закрывавшій ее. Она хотѣла что-то сказать, но я закрылъ ей ротъ поцѣлуемъ. Рано утромъ она, съ большими предосторожностями, проводила меня изъ своихъ комнатъ. Нѣсколько часовъ спустя, я получилъ отъ нея слѣдующую записку:

— Какъ вы спали, мой маленькій кузень? Видали меня во снѣ? Хотите снова повидаться со мной? Мнѣ надо отправляться въ Парижъ, по порученію маркизы Помпадуръ; приходите ко мнѣ пить шоколадъ до моего отъѣзда, и повторите мнѣ снова, что любите меня.

Подобное вниманіе тронуло меня; мнѣ казалось, что только я одинъ могъ вызвать къ себѣ такое чувство, мнѣ стало стыдно, что мадамъ д'Эспарбесъ предупредила меня, я быстро одѣлся и побѣжалъ къ ней. Я въ восторгѣ отъ нея. Она сама по себѣ мнѣ очень нравится и, къ тому же, я чувствую себя польщеннымъ, обладая такой женщиной. Я, конечно, былъ настолько честенъ, что никому не рассказывалъ объ этомъ, но очень радовался, если кто-нибудь догадывался объ этомъ.

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, она точно предугадывала мое желаніе и нисколько не скрывала своихъ отношеній ко мнѣ. Она вышила свое имя на кокардѣ, которую я одѣвалъ на смотръ короля, и этимъ ясно дала понять о моей побѣдѣ, которая, къ сожалѣнію, однако, длилась не долго, такъ какъ, еще лѣтомъ, она занялась принцомъ Конде. Я сердился, грозилъ, обижался, ничего не помогло. Она прислала мнѣ мою отставку въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мнѣ очень жаль, графъ, что мое поведеніе приводитъ васъ въ дурное настроеніе духа. Но, къ сожалѣнію, я ничего не могу измѣнить въ немъ, а тѣмъ болѣе жертвовать, ради вашей фантазіи, людьми, которые мнѣ нравятся. Надѣюсь, что общественное мнѣніе будетъ судить обо мнѣ не такъ строго, какъ вы. Надѣюсь также, что вы простите мнѣ за мою откровенность то горе, которое я причиняю вамъ, по вашимъ словамъ. Множество причинъ, которыя не стоить здѣсь перечислять, заставляютъ меня просить васъ посѣщать меня не такъ часто, какъ прежде. Я слишкомъ хорошаго о васъ мнѣнія, чтобы бояться чего-нибудь со стороны такого честнаго человѣка, какъ вы.

«Честь имѣю оставаться и т. д.».

Я попросил у нея еще одно послѣднее свиданіе, она согласилась на него безъ всякаго колебанія и встрѣтила меня такъ спокойно, что я смутился.

— Вы хотѣли меня видѣть,—сказала она;—въ подобномъ случаѣ, всякая другая на моемъ мѣстѣ не согласилась бы на такое свиданіе, но я считаю себя обязанной дать вамъ нѣсколько совѣтовъ, такъ какъ интересуюсь вами, какъ своимъ прежнимъ знакомымъ. Вы, дѣйствительно, рѣдкій ребенокъ! Ваши взгляды, ваши принципы совершенно не соотвѣтствуютъ духу времени. Вѣрите мнѣ, мой маленькій кузень, что недостаточно быть сентиментальнымъ, это только смѣшно и больше ничего. Вы мнѣ очень понравились, мой милый, но, право, я не виновата, что вы вообразили, что, съ моей стороны, это глубокая и вѣчная любовь. Что вамъ за дѣло до того, люблю ли я васъ еще, люблю ли другого или вовсе никого не люблю? У васъ много данныхъ, благодаря которымъ вы всегда будете нравиться женщинамъ; будьте увѣрены въ томъ, что, потерявъ одну, вы всегда найдете другую—это лучшее средство быть всегда счастливымъ и довольнымъ. Вы слишкомъ благородны для того, чтобы стараться мнѣ дѣлать непріятности, и, кромѣ того, онѣ вѣдь скорѣе повредятъ вамъ, чѣмъ мнѣ. У васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что произошло между нами, и вамъ никто и не повѣритъ, а если и повѣрятъ, такъ врядъ-ли это заинтересуетъ кого-либо. Если кто и зналъ, что я взяла васъ себѣ въ любовники, то вѣдь никто не сталъ бы думать, что я васъ всегда оставлю при себѣ. А, рано или поздно, мы разойдемся, не все-ли равно. Впрочемъ, дурное мнѣніе о васъ и недоувѣріе къ вамъ повредило бы вамъ въ глазахъ другихъ женщинъ, если бы вы вздумали метить мнѣ. Совѣты, которые я вамъ даю, доказываютъ вамъ, мой другъ, что мое расположеніе къ вамъ оказалось прочнѣе моей любви.

Я совершенно смутился и представлялъ изъ себя довольно глупую фигуру; началъ было оправдываться, увѣрялъ въ своей преданности; она вывела меня изъ этого глупаго положенія, позвонивъ своей горничной, чтобы одѣваться. Я постоялъ еще минуту, потомъ вышелъ.

Въ скоромъ времени, я утѣшился въ своей неудачѣ и нѣсколько времени оставался совершенно свободнымъ. Потомъ я нашелъ себѣ очень милую, красивую молодую дѣвушку, у одной изъ тѣхъ дамъ, ремесломъ которыхъ служитъ добываніе такихъ дѣвушекъ. Эта была особенно мила, еще очень неопытна и наивна. Она согласилась поступить ко мнѣ на содержаніе, не смущаясь тѣмъ, что я, по скудности своихъ средствъ, могъ ей предложить только маленькое помѣщеніе въ третьемъ этажѣ, очень плохо обставленное. Наша связь продолжалась, однако, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Она казалась совершенно довольной своимъ положеніемъ и не спрашивала

у меня больше денегъ, чѣмъ я могъ ей давать. Но, когда однажды я уѣзжалъ на педѣлю въ деревню и вернулся затѣмъ опять къ ней, прислуга ея дала мнѣ записочку слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ очень жаль разстаться съ вами, милый другъ, и мнѣ очень непріятно, что я огорчу васъ своимъ поведеніемъ, но я увѣрена, что бы не будете сердиться, узнавъ, что я предпочла перейти на болѣе выгодныя условія, которыя вы никогда не будете въ состояніи предложить мнѣ. Я открыто сознаюсь въ томъ, что боялась остаться на улицѣ, въ случаѣ, если бы вы перестали содержать меня. Прощайте, мой дорогой другъ; увѣряю васъ, что, несмотря на свой поступокъ, я васъ люблю и жалѣю васъ отъ всего сердца. Помните, что Розалія ваша никогда не забудетъ васъ».

Розалія была прелестная дѣвушка и я очень жалѣлъ, что потерялъ ее, но сердиться на нее, конечно, не могъ, такъ какъ она поступила благоразумно, выбравъ болѣе обезпеченное существованіе. Мнѣ только было обидно, что она скрыла это отъ меня и не имѣла мужества сознаться мнѣ въ этомъ раньше. Нѣсколько времени я, какъ и всѣ молодые люди моихъ лѣтъ, развлекался многими, не останавливаясь ни на одной. Смерть мадамъ де-Помпадуръ составляетъ первое важное событіе въ моей жизни: моя привязанность къ ней и ея дружеское отношеніе ко мнѣ заставляли меня глубоко скорбѣть объ ея утратѣ. Во время ея болѣзни, я близко сошелся съ принцомъ Гемене и я увѣренъ, что эта дружба будетъ длиться всю нашу жизнь. Затѣмъ, въ продолженіе цѣлаго года, я былъ исключительно занятъ своей болѣзнию, легкія мои сильно пострадали, и я думалъ только о томъ, чтобы опять выздороветь.

Принцъ Тингри-Монморанси женился въ 1765 году на m-lle де-Лорансъ, высокой, сильной и здоровой дѣвушкѣ, лѣтъ двадцати, хотя на видъ ей можно было дать цѣлыхъ тридцать. Это была добрая, веселая женщина, любившая повеселиться и равнодушная къ племяннику своего мужа, m-sic де-Люксембургу.

Я очень часто посѣщалъ ея родителей и тамъ постоянно встрѣчался съ мадамъ де-Тингри. Я ей, видимо, нравился, — это я сразу замѣтилъ — она тоже подходила мнѣ и я не имѣлъ ничего противъ того, чтобы водвориться въ качествѣ близкаго друга въ этомъ домѣ. Мадамъ Тингри не отличалась особеннымъ умомъ или значеніемъ свѣта, понять ее было иногда довольно нетрудно, и ея увлеченіе мною было вскорѣ всѣми замѣчено. Я послѣдовалъ за ней въ ея имѣніе, гдѣ мы должны были играть комедію, въ которой я старался выставить на видъ ея таланты, и, благодаря этому, заслужилъ глубокую благодарность; она въ это время явилась инициаторшей шутки, которая надѣлала столько шума, что о ней стоитъ упомянуть здѣсь.

Маркизь де-Кезвръ обладалъ прелестнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ близъ Фоптенебло и онъ отвелъ въ немъ самую плохую ком-

нату герцогинѣ д'Аврэ. Мадамъ Тингри напрасно уговаривала его уступить гостѣ свою комнату, онъ ни за что не соглашался на это. Тогда она рѣшила, что его вовсе не слѣдуетъ пускать въ его комнату; вечеромъ мы всѣ устроили засаду около дома, гдѣ онъ какъ разъ ужиналъ, и когда онъ вышелъ изъ него и сѣлъ въ свой экипажъ, мы остановили его и заставили пересѣсть въ нашъ кабриолетъ, а затѣмъ повезли его въ лѣсъ въ Фонтенебло и все время уговаривали подчиниться обстоятельствамъ и добровольно уступить свою комнату. Онъ не хотѣлъ исполнить нашей просьбы и мы поѣхали дальше съ угрозой, что будемъ ѣздить до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ мы хотимъ; мы переѣхали лошадей на постояломъ дворѣ за двѣ мили отъ Фонтенебло, онъ хотѣлъ было начать сопротивляться, но мы увѣрили всѣхъ, что это нашъ родственникъ душевно-больной, котораго мы веземъ въ его замокъ, гдѣ онъ и будетъ подвергнутъ одиночному заключенію. Нашъ разговоръ произвелъ такое впечатлѣніе, что, полчаса спустя, ямщики уже увѣрили, что видѣли его бѣгающимъ безъ толку по конюшнѣ. Не успѣли мы проѣхать и четверти мили отъ постоялаго двора, какъ онъ уже обѣщалъ намъ исполнить все, что мы хотимъ, и мы повезли его обратно. Въ шуткѣ этой принимали участіе: герцогъ д'Аврэ, маркизъ Руаянъ, отецъ молодого Люксембурга, принцъ де-Гемене и я; двое ѣхали въ кабриолетѣ съ нашимъ плѣнникомъ, остальные слѣдовали за ними верхомъ. Мы хохотали страшно, когда разстались, наконецъ, съ нимъ, и онъ даже не особенно сердился, но потомъ его камердинеръ увѣрилъ его, что онъ долженъ чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ, и онъ просилъ своего отца, герцога де-Трэмъ, донести обо всемъ королю.

Впродолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ меня бранилъ за эту выходку каждый, кто имѣлъ на это право, такъ что я, наконецъ, рѣшилъ ѣхать въ Парижъ и тамъ выжидать послѣдствій нашей путки. Нѣсколько часовъ спустя послѣ моего прибытія въ Парижъ, я получилъ записку отъ отца, который писалъ мнѣ, что рѣшено всѣхъ насъ посадить въ Бастилію и что, вѣроятно, это произойдетъ еще впродолженіе этой-же ночи. Я рѣшилъ закончить это происшествіе какъ можно эффектибѣе и пригласилъ къ себѣ нѣсколько хорошихъ хористокъ изъ оперы, чтобы въ ихъ обществѣ ждать рокового часа. Видя, однако, что ареста не послѣдовало, я набрался храбрости и отправился въ Фонтенебло, чтобы охотиться съ королемъ, но, впродолженіе всей охоты, онъ не сказалъ съ нами ни слова, такъ что, при видѣ такой немилости, съ нами даже перестали кланяться. Но я нисколько не смущался этимъ. Вечеромъ мнѣ пришлось стоять на караулѣ. Король подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «всѣ вы довольно пустыя головы, но все-же вы меня насмѣшили; приходите ужинать и приведите съ собой де-Гемене и Люксембурга». Съ этой минуты, всѣ какъ бы преобразились и намъ стали

оказывать опять то же уваженіе, которымъ мы пользовались за три дня до этого.

Мадамъ де-Граммонъ въ это время рѣшила опять заняться мною и не выпускала меня изъ виду. Мадамъ де-Стэнвиль становилась красивѣе рѣшительно съ каждымъ днемъ. Герцогъ Шоазель, конечно, это замѣтилъ. Мои отношенія съ нею были довольно натянуты, я не могъ забыть презрѣнія, съ которымъ она когда-то третировала меня, она не могла не замѣтить, что я вовсе не заслужилъ его, и что я самъ по себѣ очень недуренъ. Въ это время какъ разъ, ея мужъ нанялъ домъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ и отправилъ ее туда совершенно одну.

Интересъ, который выказывала ко мнѣ герцогиня Граммонъ, конечно, не могъ ускользнуть отъ мадамъ де-Стэнвиль и она стала выказывать мнѣ больше вниманія. Однажды она, прислала мнѣ сказать, что у нея болитъ голова и она не можетъ ѣхать обѣдать къ герцогу Шоазелю, а проситъ меня придти посидѣть съ нею. Я зашелъ къ ней изъ вѣжливости, думая, что визитъ мой ограничится нѣсколькими минутами, но она встрѣтила меня очень радушно и мы нѣкоторое время говорили о постороннихъ предметахъ.

— Вамъ предстоитъ играть впослѣдствіи большую роль,—сказала она вдругъ совершенно неожиданно,—вѣдь тѣ, на кого обратила вниманіе герцогиня Граммонъ, имѣютъ всегда огромный успѣхъ въ свѣтѣ.

— Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать,—отвѣтилъ я, немного смущенный,—вамъ должно быть извѣстно, что герцогиня всегда была очень расположена ко мнѣ, но этимъ все дѣло и ограничивается.

— Простите за мою нескромность,—сказала она,—но, право-же, я это замѣтила, и я бы себѣ никогда не простила, если бы знала, что вы попали въ подобную передѣлку, только благодаря тому, что я когда-то оттолкнула васъ отъ себя.

— Да, я никогда не забуду этого и я очень радъ, что вы вспомнили объ этомъ, такъ какъ думалъ, что вы забыли уже прошлое.

— Да, я должна теперь сознаться передъ вами, что была тогда неправа, но, въ оправданіе мнѣ, можетъ служить моя молодость. Вы знаете, что въ такіе годы всегда существуютъ разные предразсудки, и, кромѣ того, меня приводили въ ужасъ всѣ тѣ препятствія, которыя въ тѣ времена становились между нами; но теперь я откровенно сознаюсь въ томъ, что была неправа, что я смотрѣла на васъ иными глазами и думала, что вы не достойны моей любви.

Несмотря на то, что я былъ глубоко равнодушенъ въ то время къ мадамъ де-Стэнвиль и что она потеряла всякія права на мою любовь, я невольно былъ смущенъ ея словами.

— Послушайте,—сказалъ я ей,—развѣ вамъ не все равно, что со мной будетъ? Развѣ васъ касается то обстоятельство, что другая женщина хочетъ обладать тѣмъ, котораго вы оттолкнули отъ себя? Вѣдь у васъ есть любовникъ? Развѣ вы забыли тѣ муки, которыя причинили мнѣ когда-то, приблизивъ къ себѣ Жокура?

— Я, конечно, не буду отрицать своей связи съ Жокуромъ, но я должна вамъ сказать, что между нами все кончено, такъ какъ онъ слишкомъ проигрывалъ отъ сравненія съ вами. Я много разъ сожалѣла уже о происшедшемъ и не разъ собиралась вамъ сказать это, но каждый разъ меня останавливала мысль, что вы и такъ имѣете большой успѣхъ у женщинъ. Я прекрасно видѣла, однако, что ни одна изъ нихъ не сумѣла васъ привязать къ себѣ, какъ слѣдуетъ, и я всегда надѣялась на то, что, со временемъ, вы опять вернетесь ко мнѣ, но я должна сознаться, что моя золовка внушаетъ мнѣ серьезное опасеніе. Вы видите, какъ я откровенна съ вами, будьте-же такъ же откровенны со мной. Вы влюблены въ мадамъ де-Граммонъ? Или вы только имѣете въ виду карьеру, которую можете сдѣлать благодаря ей?

Я не могъ отвѣтить ей сразу—во мнѣ происходило что-то непонятное. Я не могъ отрицать того, что очень гордился тѣмъ, что понравился мадамъ де-Граммонъ и буду обладать этой женщиной, у ногъ которой пресмыкался весь дворъ; съ другой стороны, никогда мадамъ де-Стэнвиль не казалась мнѣ такой привлекательной и красивой. Отвѣтить—значило выбрать одну изъ нихъ. Я долго молчалъ, наконецъ, сказалъ:

— Я слишкомъ васъ любилъ и не въ состояннн запретить вамъ читать въ моей душѣ. Мадамъ де-Граммонъ имѣетъ полное право разсчитывать на мою благодарность; часъ тому назадъ, я готовъ былъ на все, чтобы доказать ей эту благодарность съ моей стороны, но теперь я опять почувствовалъ, что во мнѣ раскрылась старая рана; я не хотѣлъ бы оказаться неблагодарнымъ, но, въ то же время, я готовъ на все, чтобы доказать вамъ, какъ я васъ люблю.

— Я не хочу, чтобы вы оказались неблагодарнымъ,—отвѣтила она, протягивая мнѣ самую хорошенькую ручку въ мірѣ,—но я готова взять на себя обязанность руководить изъясненіями вашей благодарности. Вы можете выказывать ей дружбу, уваженіе и почтеніе, но все остальное принадлежитъ мнѣ. Я буду осторожна и скрытна, но я хочу, чтобы вы показывали мнѣ все, что она будетъ писать вамъ, и я должна знать все, что она будетъ говорить вамъ. Я не была бы такъ требовательна къ вамъ, если бы меньше любила васъ.

Все, что, вообще, можетъ дать молодость и красота, казалось, обѣщали мнѣ въ эту минуту глаза мадамъ де-Стэнвиль, и мадамъ де-Граммонъ пала жертвой этихъ глазъ. Но мы были такъ влюб-

лены другъ въ друга, что не могли скрыть нашу любовь отъ другихъ, какъ мы на это рассчитывали. Мадамъ де-Граммонъ сразу поняла, въ чемъ дѣло. Она была настолько умна, что ничего не говорила мнѣ, но обращалась со мной очень холодно, и возненавидѣла свою бѣдную невѣстку такъ жестоко, что не переставала преслѣдовать ее до конца. По возвращеніи въ Парижъ, мадамъ де-Стэнвиль сказала мнѣ, какъ-то.

— Мы съ вами квиты, мой другъ; у васъ есть очень могущественный соперникъ, который, однако, не въ состояніи затмить васъ своей особой. Герцогъ Шоазель сегодня утромъ предлагалъ мнѣ свою любовь и свое покровительство. Несмотря на мои холодные и недружелюбные отвѣты, онъ не переставалъ заклинять меня полюбить его. Я сдѣлала все, что могла, чтобы разрушить въ немъ всякія надежды и, кажется, въ концѣ концовъ мнѣ это удалось.

Но она ошиблась. Въмѣсто того, чтобы прекратить свои преслѣдованія, онъ только усилилъ ихъ. Онъ сталъ ревновать ее ко мнѣ и потребовалъ, чтобы она больше не принимала меня. Она отвѣтила ему рѣшительно, что онъ можетъ считать меня ея любовникомъ или нѣтъ—это все равно, но, во всякомъ случаѣ, она не перестанетъ принимать меня. Ея мужъ, наконецъ, тоже сталъ ревновать и запретилъ мнѣ показываться въ его домѣ. Маленькая ложа въ итальянской комедіи была теперь единственнымъ мѣстомъ, гдѣ мы могли встрѣчаться съ ней, но и это было далеко не безопасно. Надо сказать правду, всѣ люди въ домѣ боготворили ее, а такъ какъ я тоже всегда бывалъ очень щедръ и ласковъ съ ними, то и они всѣ были расположены ко мнѣ. Ея швейцаръ велѣлъ ей передать черезъ ея камеристку, что онъ всегда готовъ пропустить меня ночью, черезъ маленькую боковую дверь, гдѣ меня никто не увидитъ. Предложеніе это было, конечно, принято, съ нашей стороны, съ большой радостью и нѣсколько разъ все обошлось благополучно. Но одинъ разъ мы чуть было не попались. Случилось это такъ: мадамъ де-Стэнвиль объявила, что ѣдетъ дня на два-на три въ Версаль, а затѣмъ сказала мнѣ, что я могу ночью обратиться къ ней; я, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ и явился въ назначенный день на свиданіе. Раздѣться мнѣ было не долго и скоро я уже очутился въ объятіяхъ своей возлюбленной, какъ вдругъ кто-то сталъ стучать въ наружную дверь. Въ ту же минуту вбѣжала ея камеристка и воскликнула: — Все потеряно, это самъ графъ; теперь вамъ уже нельзя выйти отсюда черезъ дверь, скорѣе прыгайте въ садъ, отсюда васъ уже выпустятъ какъ-нибудь.—Я выпрыгнулъ изъ постели въ одной рубашкѣ и бросился по лѣстницѣ, ведущей въ гардеробную. Какъ разъ въ эту минуту графъ поднимался по ней, я, однако, не потерялъ присутствія духа и погасилъ единственную свѣчку, ос-

вѣщавшую ее. Онъ прошелъ такъ близко отъ меня, что задѣлъ меня краемъ своей одежды, и я почувствовалъ, что она вышита золотомъ. Безъ всякихъ приключеній я добрался до сада, но мнѣ казалось, что я замерзну въ немъ, такъ какъ я былъ въ одной рубашкѣ, и до самаго разсвѣта никто не приходилъ ко мнѣ на помощь. Наконецъ, я рѣшился перелѣзть черезъ стѣну, которая была довольно высока, но тутъ на улицѣ меня поймалъ конный жандармъ, принявшій меня за вора. За сто лудировъ мнѣ удалось добиться разрѣшенія послать за моими вещами и деньгами, и меня выпустили опять на свободу, послѣ того, какъ мнѣ дано было честное слово, что секретъ мой не будетъ никому выданъ. Нѣсколько недѣль спустя, насъ накрылъ одинъ изъ лакеевъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, и на этотъ разъ еще пришлось прибѣгнуть къ просьбамъ, къ угрозамъ, а главнымъ образомъ, къ деньгамъ. На другой же день онъ отказался отъ мѣста, и я принялъ всѣ нужныя мѣры, чтобы удалить его изъ города.

Но вотъ настало время моей свадьбы. Это было 4 февраля 1766 года, и мой отецъ радовался, что ему удалось соединить насъ, какъ будто онъ соединялъ два любящихъ сердца. Послѣ скучной брачной церемоніи, мы обѣдали у мадамъ де-Шоазель; на этомъ обѣдѣ присутствовала также мадамъ де-Стэнвиль, мы оба съ трудомъ скрывали свою печаль. Она уѣхала довольно рано и я пошелъ проводить ее до коляски, хотя это было очень неосторожно съ моей стороны. — Мой другъ, — сказала она, — я положительно не въ силахъ была переносить злорадную радость этого противнаго Шоазеля; онъ надѣется сильно на то, что вы привяжетесь къ этой нелюбезной особѣ, которая сдѣлалась вашей женой, а я отдамся ему, но онъ ошибается; я предпочту въ такомъ случаѣ смерть. Обѣщайте мнѣ, что вы не перемѣнитесь ко мнѣ, онъ такъ напугалъ меня сегодня.

Я не успѣлъ ей ничего отвѣтить, но мой взоръ лучше чѣмъ слова, открылъ ей все, что у меня было на сердцѣ. Я былъ внимателенъ къ своей женѣ, но она третировала меня всегда свысока, а другой на моемъ мѣстѣ не переносилъ бы это такъ легко, я же не считалъ себя вправѣ требовать чувства тамъ, гдѣ самъ ничего ровно не чувствовалъ.

Меня интересовала только одна мадамъ де-Стэнвиль, которая, казалось, съ каждымъ днемъ привязывалась ко мнѣ все больше. Намъ было очень трудно видѣться съ ней, такъ какъ днемъ я не имѣлъ къ ней доступа. Однажды, утромъ, она вдругъ послала за мной нарочнаго и велѣла придти къ ней черезъ маленькую садовую калитку. Когда я пришелъ, она сказала мнѣ:

— Герцогъ Шоазель просилъ у меня сегодня утромъ свиданія. Я хочу, чтобы вы присутствовали при этомъ; тогда, по крайней

мѣрѣ, вы можете убѣдиться въ томъ, какъ я отношусь къ вамъ. Спрячьтееъ въ этотъ шкафъ, гдѣ висятъ мои платья, и сидите тамъ неподвижно.— Не успѣлъ я спрятаться въ шкафъ, какъ уже въ комнату вошелъ Шоазель.

— Мнѣ давно хотѣлось повидаться съ вами наединѣ, милая сестрица,—сказалъ онъ;—мнѣ надо сообщить вамъ много важныхъ вещей, касающихся васъ и меня. Никто не можетъ васъ любить такъ, какъ я васъ люблю, мое дитя, и я готовъ доказать это на дѣлѣ; поэтому подумайте сами, какъ должно меня огорчать ваше поведеніе по отношенію ко мнѣ.

— Я не знаю, братецъ, на что вы жалуетесь,—отвѣчала она,— мнѣ очень жалко, что мое поведеніе вамъ не нравится, но, право же, я не могу себя упрекнуть въ недостаткѣ чувствъ, которыя я должна испытывать къ своему близкому родственнику.

— Дѣло не въ томъ, дѣло въ томъ, что я васъ люблю и если бы вы захотѣли, мы могли бы быть безконечно счастливы вдвоемъ.

— Но что сказалъ бы вашъ братъ, если бы слышалъ эти слова?—спросила она, улыбаясь.

— Я прекрасно знаю, что въ данномъ случаѣ вы заботитесь вовсе не о моемъ братѣ... Я увѣренъ въ томъ, что не будь у васъ уже любовника, вы не отказались бы раздѣлить ложе со мной, моя милая сестрица,—и онъ хотѣлъ обнять ее.

— У меня нѣтъ любовника и я вовсе не желаю обзаводиться имъ.

— Я увѣренъ, что вы еще одумаетесь,—сказалъ онъ и хотѣлъ поцѣловать ее въ шейку.

— Я прошу васъ вѣрить тому, что если бы хотѣла отдаться кому-нибудь, такъ сдѣлала бы это только по любви,—отвѣтила она сердито.

— Пожалуйста, не разыгрывайте недотрогу, сударыня. Раньше у васъ былъ Жокуръ, теперь при васъ состоитъ Биронъ; смотрите, берегитесь, я не позволю вамъ смѣяться надъ собой; вашъ любовникъ—молокососъ и къ тому же фатъ. Вамъ придется горько раскаться за сегодняшній день, вы пострадаете оба.

— Постарайтесь немного успокоиться,—отвѣтила она,—я надѣюсь, что вы не способны сдѣлать какую-нибудь подлость.

— Не дѣлайте себя врага изъ человѣка, безумно васъ любящаго, сестрица; я готовъ сдѣлать все, что вы пожелаете; не забудьте, что мнѣ ничего не стоитъ погубить такого жалкаго соперника, какъ этотъ мальчишка. (Онъ хотѣлъ опять приблизиться къ ней съ болѣе рѣшительными намѣреніями на этотъ разъ, но она встала, внѣ себя отъ гнѣва).

— Я знаю, что вы всемогущи, милостивый государь, но я васъ не люблю и не могу любить. Я должна вамъ сказать, что, дѣйствительно, де-Биронъ мой любовникъ. Вы сами вынудили у

меня это признаніе; онъ мнѣ дороже жизни и насъ не разлучать ни ваша любовь, ни ваши низкія угрозы! (Онъ тоже вскочилъ въ ярости).

— Помните, сударыня, что вы не избѣгнете моего мщенія, если кому-либо передадите сегодняшній нашъ разговоръ.

Мадамъ де-Стэнвиль высвободила меня потомъ изъ моей темницы и, обвиняя меня, сказала:

— Я не знаю, мой другъ, каковы будутъ послѣдствія всего этого, но все-же мы, въ концѣ концовъ, избавились отъ него, а это уже само по себѣ счастье.

Любя другъ друга и вооружившись мужествомъ, можно пренебречь положительно всѣмъ. Шоазель какимъ-то образомъ узналъ, что я былъ свидѣтелемъ ихъ разговора и ничего не сказалъ по этому поводу, но за то выказалъ свою ярость инымъ образомъ.

Однажды, ночью, выходя пѣшкомъ изъ воротъ дома мадамъ де-Стэнвиль, я былъ оглушенъ ударомъ, которой нанесъ мнѣ огромной дубиной человѣкъ, спрятавшійся за камень и поджидавшій меня около Бурбонскаго дворца. Къ счастью, ударъ пришелся по полямъ моей шляпы и только скользнулъ слегка по плечу. Я схватилъ шпагу и нанесъ этому человѣку ударъ, который, кажется, можно было назвать довольно мѣткимъ; изъ-за угла выскочили еще двое и бросились на помощь своему товарищу. Но въ эту минуту показалась карета, сопровождаемая нѣсколькими лакеями съ факелами; это спасло меня и обратило въ бѣгство моихъ преслѣдователей. Я говорилъ объ этомъ на слѣдующій день съ начальникомъ полиціи Сартинъ; онъ высказалъ мнѣніе, что это были обыкновенные пьяницы и посоветовалъ мнѣ лучше молчать объ этомъ. Всѣ эти препятствія и постоянная опасность, въ которой мы находились, наконецъ, повліяли на мадамъ де-Стэнвиль, и мы стали видѣться рѣже. Ея влеченіе ко мнѣ прошло и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мы съ ней были только пріятелями—я былъ искреннимъ и преданнымъ ея другомъ, любившимъ ее отъ всей души, но примирившійся со своимъ положеніемъ, такъ какъ я уже давно предвидѣлъ, чѣмъ все это должно было кончиться.

Король въ это время далъ мнѣ герцогскій титулъ, но, чтобы не назваться именемъ отца или моихъ дядей, я сталъ называться Лозеномъ.

Я не переставалъ, однако, видѣться съ мадамъ де-Стэнвиль. Она провела довольно много времени внѣ Парижа, такъ какъ уѣзжала въ Лорренъ съ своимъ мужемъ, который тоже пересталъ меня ревновать, такъ какъ я посѣщалъ ихъ уже не такъ часто, и, къ тому же, мы оба были теперь осторожиѣе, хотя, несмотря на это, я не перестовалъ принимать искренное участіе въ судьбѣ этой женщины. Однажды, я напелъ ее всю въ слезахъ и въ такомъ горѣ, что я присталъ къ ней съ разспросами, и она откры-

венно мнѣ создалась, что любить Клэрваля и взаимно любима имъ. Она уже тысячу разъ говорила сама себѣ все, что сказала я теперь ей по поводу ея позорной любви, которая могла повлечь за собой ужасныя послѣдствія. Я рѣшилъ обратиться ея опять на путь истинный, уговаривалъ и усовѣщевалъ ее, но она давала мнѣ обѣщанія исправиться и сама не держала этихъ обѣщаній. Я не могъ примириться съ тѣмъ, что эта особа, столь близкая моему сердцу, губить себя. Я позвалъ къ себѣ Клэрваля и растолковалъ ему всю опасность, которая грозитъ ему и мадамъ де-Стэнвиль; отвѣты его на мои вопросы вполне меня удовлетворили. Онъ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ и очень благородно:— Милостивый государь,—сказалъ онъ мнѣ,—если бы дѣло шло только обо мнѣ, я рисковалъ бы, чѣмъ угодно, такъ какъ одно ласковое слово мадамъ де-Стэнвиль вознаградило бы меня за потерю жизни—нѣтъ такой жертвы, которой бы я не принесъ ради нея, но если дѣло идетъ о ней самой и о ея безопасности, я готовъ послѣдовать всякому совѣту, который вы дадите мнѣ, благодаря которому я могу устранить съ ея пути всѣ неприятели.—Къ сожалѣнію, онъ также не исполнилъ свои обѣщанія. Вскорѣ возникли различныя подозрѣнія о ихъ связи. Герцогъ Шоазель и мадамъ де-Граммонъ сдѣлали все возможное, чтобы добиться отъ меня какихъ-либо свѣдѣній по этому поводу, но, конечно, все напрасно, такъ какъ я оставался вѣренъ ей до конца. Я старался запугать ее той грозной тучей, которая надвигалась надъ ея головой, но она нисколько не испугалась этого и только отдала мнѣ всѣ свои бумаги на храненіе.

Таково было положеніе вещей, какъ вдругъ въ Парижъ пріѣхала лэди Бенбюри съ своимъ мужемъ. Я какъ разъ находился въ это время въ Версалѣ и увидѣлъ ее не сразу. Мнѣ кажется, что я долженъ сообщить своимъ читателямъ нѣсколько подробностей, касающихся этой прелестной женщины.

Лэди Сарра Леноксъ была сестрой герцога Ричмондскаго. Большого роста, крупная немного, съ прекрасными черными, какъ смоль, волосами, она отличалась необыкновенной бѣлизной кожи и свѣжестью напоминала розу. Глаза ея, полные огня и страсти, ясно выказывали пылкость ея темперамента. Король англійскій былъ безумно влюбленъ въ нее и хотѣлъ на ней жениться, но онъ не нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы преодолѣть всѣ препятствія къ этому браку, и она вышла за обыкновеннаго баронета Сюффолькскаго округа. Лэди Сарра была добрая, чувствительная, нѣжная женщина, склонная къ откровенности и даже немного вспыльчивая, но, къ несчастью, большая кокетка и очень легкомысленна. Я находился какъ разъ по службѣ въ Версалѣ, впродолженіе первыхъ дней ея пріѣзда, и меня представилъ ей прищъ Конде. Онъ подвелъ меня къ ней и, съ свойственной ему

любезностью, сказалъ:—Позвольте вамъ представить, сударыня, моего друга, Лозена. Это немного сумасшедшій и эксцентричный, но, въ то же время, милѣйшій малый. Никто лучше его не сумѣетъ ознакомить васъ съ Парижемъ. Надѣюсь, что онъ произведетъ на васъ должное пріятное впечатлѣніе.—На это лэди Сарра отвѣтила обычнымъ низкимъ поклономъ и процѣдила сквозь зубы нѣсколько словъ.

Въ то время доложили, что ужинъ поданъ. Принцъ Конде усадилъ меня между лэди Саррой и мадамъ де-Камбисъ. Но я не обращалъ на послѣднюю никакого вниманія, такъ какъ всецѣло былъ поглощенъ красотой англичанки; я положительно не могъ думать ни о чемъ другомъ. Я постарался подружиться съ ея мужемъ, оказалъ ему нѣсколько услугъ, которыхъ онъ не могъ не оцѣнить и сумѣлъ сдѣлаться другомъ дома. Вскорѣ, велѣдъ затѣмъ, я объяснился ей въ любви, но она сдѣлала видъ, будто даже не слышала меня. Я изложилъ письменно обуревавшую меня страсть, письмо мнѣ вернули и при первомъ удобномъ случаѣ, мнѣ было сказано равнодушнымъ тономъ, безъ всякаго гнѣва:—Я не желаю обзаводиться любовникомъ, особенно французомъ; вѣдь вы все болтаете такъ много и доставляете столько неприятностей и волненій, что удовольствія не получается никакого; особенно вы, герцогъ, въ этомъ отношеніи пользуетесь дурною славою и поэтому не тратьте напрасно своего дорогого времени и не говорите мнѣ о своей любви, если желаете быть еще принятымъ у меня въ домѣ.—Я былъ настолько влюбленъ, что вовсе не пришелъ въ отчаяніе, а рѣшилъ пока молчать и выжидать болѣе удобнаго случая.

II.

(1767—1768).

Любовная драма; дѣйствующія лица: Клерваль и мадамъ де-Стэнвиль.—Вечеръ у маркизы Деффанъ.—Лозенъ, любимый мадамъ де-Бэнбюри.—Путешествіе въ Лондонъ и на воды.—Разрывъ.—Ужинъ съ ла-дю-Барри.

Мои любовныя походы были прерваны ужаснымъ событіемъ, послѣдствія котораго обѣщали стать гораздо ужаснѣе, чѣмъ онѣ потомъ были на самомъ дѣлѣ. Я уже говорилъ выше о несчастной страсти мадамъ де-Стэнвиль къ Клервалю и о томъ, что она изъ предосторожности отдала мнѣ все свои бумаги на храненіе. Онѣ лежали у меня въ кабинетѣ, куда никто не входилъ, кромѣ меня, и ключъ отъ котораго всегда находился у меня въ карманѣ. Кабинетъ этотъ соприкасался съ домомъ Шоазеля, такъ какъ мы жили съ нимъ рядомъ. Однажды, утромъ, ко мнѣ явился одинъ изъ старыхъ лакеевъ, служившій еще у отца и спросилъ, не хранятся ли у меня какія-нибудь деньги въ этомъ ка-

бинетъ. Такъ какъ я игралъ очень крупно въ тѣ времена, я сказалъ, что, дѣйствительно, у меня тамъ большія суммы.—Смотрите, будьте осторожныѣ,—сказалъ онъ мнѣ,— повидимому, васъ хотятъ обокрасть; вчера вечеромъ я видѣлъ, какъ какой-то человѣкъ старался раскрыть двери, ведущія изъ нашего дома въ сосѣдній.— Я поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и больше ничего не сказалъ по этому поводу. Отправляясь на ночь къ своей женѣ, я приказалъ камердинеру, слѣпо преданному мнѣ, сдѣлать видъ, что онъ идетъ къ себѣ наверхъ, а потомъ незамѣтно спуститься опять внизъ и лечь около самыхъ дверей кабинета, и въ случаѣ, если онъ услышитъ что нибудь подозрительное, тотчасъ же сообщить мнѣ объ этомъ, такъ какъ я оставляю дверь гардеробной открытой. Приблизительно часъ спустя, послѣ того какъ я легъ въ постель, мой человѣкъ явился ко мнѣ и доложилъ, что кто-то ходитъ въ кабинетъ. Я вооружился пистолетами и сейчасъ же направился туда. Дѣйствительно, дверь оказалась полуоткрытой, но было такъ темно, что я ничего не могъ различить. Я два раза спросилъ:—кто здѣсь?—но не получилъ никакого отвѣта. Чуть слышный шорохъ, раздавшійся около меня, заставилъ меня быстро рѣшиться и я хотѣлъ выстрѣлить прямо во что-то темное, казавшееся мнѣ силуэтомъ человѣка, но въ это время я ясно слышалъ шелестъ шелкового халата и рука моя невольно замерла въ воздухѣ; мнѣ пришло въ голову, не отецъ ли это, хотя мысль эта была очень мала вѣроятно. Человѣкъ этотъ вдругъ оттолкнулъ меня и бросился бѣжать въ сосѣдній домъ, захлопывая за собой всѣ встрѣчавшіяся ему двери. Я все время слѣдовалъ за нимъ и, наконецъ, ясно слышалъ, какъ съ шумомъ захлопнулась дверь, ведущая въ комнату моего отца. Можно себѣ представить, какія грустныя мысли волновали меня въ эту минуту. Я провелъ эту ночь въ своемъ кабинетѣ и на другое утро узналъ, что мадамъ де-Стэнвиль уѣхала съ мужемъ въ Нанси, гдѣ ее, по приказанію короля, должны были помѣстить въ монастырь.

Въ это время за мной прислалъ отецъ. Я пошелъ къ нему и засталъ у него герцога Шоазеля, который сталъ меня упрекать за то, что я пользовался довѣріемъ мадамъ де-Стэнвиль. Я сталъ объяснять ему, что большая разница между тѣмъ, чтобы поощрять дурное поведеніе своихъ ближнихъ или только свято хранить ихъ секреты. Онъ спросилъ у меня ея письма, я отказалъ ему наотрѣзъ; отецъ мой попробовалъ пустить въ ходъ свой авторитетъ, но и это не помогло. Мнѣ наговорили множество непріятныхъ вещей, я, конечно, тоже не остался въ долгу и кончилось тѣмъ, что я вышелъ отъ нихъ, поссорившись съ ними обоими.

Глубоко потрясенный несчастьемъ, случившемся съ мадамъ де-Стэнвиль, которую я очень любилъ, я нѣсколько дней не вы-

ходилъ изъ дому. Потомъ я опять принялся за прежній образъ жизни, но все-же не могъ отдѣлаться отъ чувства тоски, охватившаго меня послѣ этого печальнаго случая. Лэди Бенбюри вскорѣ замѣтила это и съ большимъ сочувствіемъ освѣдомилась, въ чемъ дѣло.

— Я только что потерялъ женщину, которую когда-то горячо любилъ,—сказалъ я ей,—и я чувствую, что никогда не обрѣту сердца той, которую люблю теперь безумно.— Я разсказалъ ей печальную повѣсть моей дорогой подруги и она была глубоко тронута ею; я по глазамъ ея видѣлъ, что она дѣйствительно сочувствовала мнѣ, но кто-то явился какъ разъ въ это время съ визитомъ къ ней и она только успѣла сказать: «Сегодня вечеромъ я буду ужинать у мадамъ де-Деффанъ».

Несмотря на то, что я уже лѣтъ пять или шесть не бывалъ у этой мадамъ де-Деффанъ, я все-же добился того, что мой другъ де-Люксембургъ повелъ меня въ этотъ вечеръ къ ней. Отношеніе лэди Сарры ко мнѣ совершенно измѣнилось. Глаза ея, устремленные на меня, говорили мнѣ о мѣгомъ, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать, и мнѣ все казалось, что только сожалѣнію обо мнѣ, обязанъ я этимъ взглядамъ. Ея обычная живость казалась смятенной какой-то необыкновенной томностью. Она была очень разсѣяна въ этотъ вечеръ, что я конечно объяснилъ самымъ лестнымъ для себя образомъ. Когда всѣ разошлись, она написала мнѣ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и сказала мнѣ: «Прочтите это, ложась спать». Можно себѣ представить, какъ я спѣшилъ вернуться къ себѣ поскорѣе, чтобы прочесть эти три слова: «I love you». Но я не зналъ ни одного слова по англійски, мнѣ казалось, что это непременно значить: «я люблю васъ»—но мнѣ такъ хотѣлось, чтобы я не ошибся, что я даже боялся вѣрить своему счастью. Я не спалъ всю ночь и предавался самымъ различнымъ размышленіямъ. Въ шесть часовъ утра я побѣжалъ купить себѣ англійскій словарь и тогда только убѣдился въ томъ, что я не ошибся и что я любимъ ею. Надо быть влюбленнымъ до такой степени, какъ я былъ влюбленъ тогда, чтобы понять охватившую меня радость. Я полетѣлъ къ лэди Саррѣ, какъ только могъ предположить, что она уже встала. «Я встала сегодня очень рано,—сказала она съ своей милой улыбкой,—такъ какъ думала, что вы не замедлите придти ко мнѣ. Пойдемте же пока завтракать вмѣстѣ, велите вашей каретѣ уѣхать, чтобы не знали, что вы у меня, а я прикажу никого не принимать сегодня. Мой мужъ, а также милордъ Карлейль, пріѣдутъ только къ обѣду и намъ никто не помѣшаетъ поболтать по душѣ.—Мы сѣли завтракать, она велѣла закрыть двери и между нами произошелъ, приблизительно, слѣдующій разговоръ:

— Я васъ люблю, Лозенъ,—сказала она,—и видя васъ такимъ несчастнымъ и грустнымъ, я не могла отказать себѣ въ удоволь-

ствѣи утѣшить васъ своимъ признаніемъ. Въ жизни французенки любовникъ—почти самое обыденное явленіе, у насъ, англичанокъ, это цѣлое событіе; съ этой минуты, все мѣняется въ ея жизни: она мучается и страдаетъ отъ того, что французенкѣ доставляетъ только одно удовольствіе, но, несмотря на это, и мы далеко не безгрѣшны. При выборѣ нашихъ мужей, требуютъ съ нашей стороны любви, и обмануть ихъ значитъ совершить преступленіе. Къ этому надо еще прибавить искреннее раскаяніе съ моей стороны при мысли о добротѣ ко мнѣ моего мужа, который только и заботится о моемъ счастьѣ. Мнѣ пріятно сказать вамъ: «я васъ люблю», но, несмотря на это, я все-же увѣрена въ томъ, что эта любовь принесетъ намъ только одно несчастье. Наши націи раздѣлены моремъ и еще чаще войнами. Три четверти нашей жизни пройдетъ въ разлукѣ и судьба наша всегда будетъ висѣть на волоскѣ, благодаря пустой случайности, какому-нибудь затерявшемуся письму или неосторожному слову. Кромѣ того, мы должны еще опасаться и милорда Карлейля: онъ уже давно влюбленъ въ меня, но пока еще очень благоразуменъ, такъ какъ думаетъ, что у меня нѣтъ любовника; если же онъ увѣрится въ противномъ, что легко можетъ случиться, онъ тогда будетъ способенъ на все рѣшительно. Кромѣ того, я должна васъ предупредить о своемъ характерѣ. Я должна вамъ признаться, что, по природѣ своей, я большая кокетка, я готова пожертвовать этой страстью ради васъ, если вы этого захотите; но, если вы будете ревновать, предупреждаю, вамъ придется невесело, также какъ и мнѣ, конечно. Не буду здѣсь говорить о томъ, что я рискую своей честью и своимъ именемъ, отдаваясь вамъ; въ этомъ, мнѣ кажется, я могу положиться на васъ. Ну, вотъ, теперь судите сами, смѣю-ли и могу-ли я обзаводиться любовникомъ?

— Я хочу, чтобы вы были счастливы,—отвѣтилъ я,—и нѣтъ такой силы въ мірѣ, которая могла бы мнѣ помѣшать боготворить васъ.—Мы дали другъ другу обѣщаніе быть какъ можно осторожнѣе и ничѣмъ не нарушать придворнаго этикета. Лэди Сарра, однако, очень любила меня, но положительно не хотѣла доказать этого на дѣлѣ. Въ обществѣ мы появлялись съ ней всегда вмѣстѣ, оба веселые и оживленные, лордъ Карлейль смотрѣлъ на насъ подозрительно, но утѣшался мыслью, что лэди Сарра скоро позабудетъ меня, какъ только вернется въ Англію. Наступило время ея отъѣзда и, наконецъ, настала роковой вечеръ. Бенбюри предложилъ намъ сопровождать его и жену часть дороги. Лордъ Карлейль и я, конечно, приняли это предложеніе и въ первый вечеръ нашего путешествія намъ пришлось ночевать близъ Шантильи. Никогда не забуду я этого вечера: одна свѣча освѣщала довольно темную и грязную залу, столъ обычную въ французскихъ гостиницахъ, Сэръ Чарли что-то писалъ, лордъ Карлейль сидѣлъ, опу-

стивъ голову на руки и казался погруженнымъ въ глубокое раздумье, старая англичанка, всегда сопровождавшая его и воспитавшая его, кажется, съ самаго ранняго дѣтства, слѣдила за мною глазами, полными ненависти и злобы. Лэди Сарра плакала и я также, несмотря на всѣ усилія, не могъ удержать нѣсколькихъ слезъ, тихо скатившихся по моимъ щекамъ. Я спалъ въ одной комнатѣ съ лордомъ Карлейлемъ. Онъ больше не могъ уже сдерживаться и предложилъ мнѣ драться съ нимъ на дуэли, какъ только мы вернемся въ Парижъ. Я зналъ, что я любимъ, слѣдовательно, я былъ совершенно спокоенъ и очень холодно изъясилъ ему согласіе, но съ тѣмъ, что бы ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія не пала на лэди Сару. Мы разстались въ Аррасѣ. Лордъ Карлейль не нашелъ въ себѣ силы воли разстаться съ любимой женщиной и поѣхалъ въ Англію, вмѣсто того, чтобы вернуться съ нами въ Парижъ и ѣхать потомъ въ Италію, какъ онъ сначала предполагалъ сдѣлать. Мнѣ кажется, что я долженъ здѣсь привести письмо, которое лэди Сарра поручила мнѣ передать принцу Конде, и другое письмо, которое она написала мнѣ изъ Калэ.

— Вы были такъ добры ко мнѣ, монсиньоръ—писала она принцу,— что я не могу покинуть вашу страну, не поблагодаривъ васъ еще разъ за все. Я никогда не думала, что мнѣ будетъ такъ трудно покинуть Францію, гдѣ я оставляю кусочекъ себя самой. Да, сердце мое разбито при мысли, что я должна вернуться на родину и оставить единственнаго человѣка, котораго я могла бы любить. Лозенъ меня любитъ больше всего на свѣтѣ и, не будучи въ состояніи слѣдовать за мной въ Англію, онъ готовъ, кажется, принести величайшую жертву, чтобы свидѣться со мной. Я дрожу при мысли, что онъ можетъ безъ разрѣшенія пріѣхать вдругъ въ Англію и этотъ поступокъ повлечетъ за собой большія неприятности для него. Будьте же снисходительны къ нему, монсиньоръ, и дайте ему это разрѣшеніе, которое осчастливитъ также и меня. Никто не можетъ чувствовать къ вамъ больше преданности и расположенія, чѣмъ ваша покорная слуга.

«Сарра Бенбюри».

Аррасъ. 4 Февраля, 1767 года.

— Вы совершенно разбили мнѣ сердце, мой другъ,—писала она мнѣ,—я грустна и печальна, и несмотря на то, что я испытываю столько горя, я только и дѣлаю, что думаю о своей любви къ вамъ. Я никогда не допускала мысли, что мое счастье можетъ зависеть отъ другого человѣка и особенно отъ француза, но что-же дѣлать—судьба судила иначе. Я много плачу. Сару Чарли я объявила, что у меня болитъ голова и онъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ... О, Боже мой, какая я дурная! Вѣдь до сихъ поръ я считала себя честной и прямой женщиной, а теперь я должна представляться и обману-

вать сразу двухъ людей, которыхъ я такъ уважаю. Они оба ушли и я осталась одна и могу теперь писать тому, кто мнѣ дороже моего покоя, который онъ унесъ съ собой. Я не смѣю послать это письмо на почту черезъ своихъ слугъ, и поэтому я передаю его одному изъ лакеевъ этой гостинницы—у него такой симпатичный видъ и онъ клятвенно обѣщаль мнѣ, что письмо будетъ доставлено по назначенію и онъ никому ничего не скажетъ о немъ; я совершенно не знаю, что я буду дѣлать, если онъ вдругъ предастъ меня. Мнѣ все такъ надоѣло, все меня раздражаетъ и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не увижу тебя. Приѣзжай, какъ только это можно будетъ сдѣлать, не рискуя слишкомъ многимъ, такъ какъ я запрещаю тебѣ совершать поступки, въ которыхъ ты потомъ будешь раскаиваться. Постарайся получить отпускъ. Принцъ де-Конде такъ добръ къ тебѣ, навѣрное, онъ поможетъ тебѣ въ этомъ. Приѣзжай и доставь мнѣ радость, которой не можетъ быть на землѣ. Я не боюсь того, что ты можешь не понять моего ужаснаго французскаго языка, сердца наши поймутъ другъ друга. Прощай, я боюсь, что меня застанутъ врасплохъ. Помни о томъ, что твоя Сарра живетъ только для тебя».

Калѣ. 6 Февраля 1787.

Я возвращался въ Парижъ верхомъ, въ самомъ ужасномъ настроеніи духа. Самая злокачественная лихорадка не могла бы измѣнить меня болѣе, чѣмъ любовь. Принцъ де-Конде былъ такъ польщенъ довѣріемъ лэди Сарры, что черезъ двѣ недѣли уже и получилъ отпускъ и разрѣшеніе ѣхать въ Лондонъ. Меня тамъ встрѣтили такъ, что любовь моя еще увеличилась, если это вообще было возможно.

Послѣ цѣлаго ряда представленій и визитовъ, которые я долженъ былъ сдѣлать, по настоянію графа де-Герши, нашего посланника въ Англии, я, наконецъ, очутился опять на свободѣ и могъ ѣхать въ деревню, вмѣстѣ съ лэди Саррой и ея мужемъ.

Время, проведенное мною у нихъ, можно считать самымъ счастливымъ періодомъ всей моей жизни. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, хозяинъ дома долженъ былъ отлучиться на цѣлыхъ три недѣли и я провелъ ихъ наединѣ съ его женой. Она выказывала мнѣ самую нѣжную любовь, но не хотѣла осчастливить меня совсѣмъ. Наконецъ, какъ-то вечеромъ, она сказала мнѣ, что я могу придти къ ней, когда всѣ лягутъ спать. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого давно желаннаго момента. Я нашелъ ее въ постели и рѣшилъ, что могу себѣ позволить нѣкоторую вольность по отношенію къ ней, но она такъ обидилась на это, что мнѣ пришлось отказаться отъ всякихъ поштытокъ въ этомъ отношеніи. Она позволила мнѣ лечь рядомъ съ ней, но съ условіемъ, что я буду держать себя скромно и тихо; подобныя сладостныя

муки продолжались нѣсколько ночей. Я уже пересталъ надѣяться на что-либо, какъ вдругъ, однажды, ночью, она крѣпко обняла меня обѣими руками и самое пылкое желаніе мое, наконецъ, исполнилось—я обладалъ ею.—Я не хотѣла, чтобы мой любовникъ думалъ, что я отдалась ему въ минуту слабости,—сказала она мнѣ,—и не хотѣла, чтобы онъ терялъ уваженіе ко мнѣ. Я хотѣла, чтобы онъ оцѣнилъ мою любовь, во имя которой я дала ему все, что могла. Теперь я вся твоя, навѣки!—На слѣдующій день мы ѣхали оба верхомъ и она вдругъ спросила меня:— Скажи, пожалуйста, любишь ли ты меня настолько, что согласился бы ради меня пожертвовать всѣмъ?—Да, конечно,—отвѣтилъ я безъ раздумья, такъ какъ думалъ то, что говорилъ.—Хорошо,—сказала она,—въ такомъ случаѣ, бросай все, разстанься со всѣмъ на свѣтѣ и поѣдемъ со мной на Ямайку; тамъ ты будешь жить только для меня одной. Тамъ у меня живетъ одинъ родственникъ, человѣкъ очень богатый и любящій меня безъ ума, онъ намъ дастъ все, что намъ надо.—Я хотѣлъ возразить ей, но она прервала меня, говоря:— Подожди, и хочу знать твой отвѣтъ не раньше недѣли; черезъ восемь дней ты мнѣ скажешь его.—То, что предлагала мнѣ лэди Сарра, казалось мнѣ высшимъ счастьемъ на землѣ. Я не пожалѣлъ бы ни о чемъ и готовъ былъ на всякую жертву ради нея, хотя зналъ, что она очень легкомысленна и большая кокетка. Мнѣ казалось, что она непременно въ одинъ прекрасный день разлюбитъ меня и раскается въ своемъ поступкѣ. Меня пугала возможность, что она потеряетъ ради меня все, возненавидитъ меня и будетъ несчастна со мной.

Прошла недѣля, я сообщилъ ей о своихъ опасеніяхъ.

— Прекрасно, мой другъ,—сказала она холодно,—вы гораздо разсудительнѣе и осторожнѣе меня; вы, по всей вѣроятности, правы, не будемъ больше говорить объ этомъ.—Она относилась ко мнѣ, повидимому, по прежнему, но я замѣчалъ въ ней какую-то неуловимую перемѣну. Вскорѣ пріѣхалъ ея мужъ и мы вернулись опять въ городъ. По совѣту врачей, сэръ Чарли, отличавшійся очень слабымъ здоровьемъ, долженъ былъ ѣхать на воды, что онъ и сдѣлалъ, оставивъ жену свою въ Лондонѣ. Мнѣ показалось, что слѣдуетъ для приличія поѣхать къ нему на нѣсколько дней. Лэди Сарра одобрила мое рѣшеніе и, казалось, была даже благодарна мнѣ за это. Я поѣхалъ въ понедѣльникъ, рассчитывая въ пятницу утромъ вернуться въ Лондонъ. Она обѣщала ждать меня и сказала, что проведетъ со мной цѣлый день. Я вернулся въ Лондонъ еще болѣе влюбленный чѣмъ всегда, и вдругъ, къ своему удивленію, я не нашелъ тамъ лэди Бенбюри и узналъ, что она поѣхала съ милордомъ Карлейлемъ въ Гудвудъ, къ герцогу Ричмондскому, его брату.

Въ сердцѣ моемъ кипѣла жгучая ревность и ярость. Я написалъ лэди Саррѣ письмо, виѣ себя отъ гнѣва и отчаянія, и по-

слать его въ Гудвудъ съ однимъ изъ своихъ людей. Я писалъ ей, что если она не вернется сейчасъ же въ Лондонъ, я буду считать ее самой злой, самой коварной и безчестной женщиной въ цѣломъ мірѣ. Я ожидалъ возвращенія своего гонца съ страшнымъ нетерпѣніемъ. Онъ вернулся и привезъ мнѣ отвѣтъ, написанный ласково и даже довольно нѣжно: она упрекала меня за то, что я отравляю нашу любовь своимъ необузданнымъ характеромъ и обѣщала пріѣхать въ Лондонъ черезъ два дня. Я ждалъ ее въ ея домѣ до полуночи. Впродолженіе всего времени, назначеннаго ею для своего пріѣзда, я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за каждымъ экипажемъ, приближавшимся къ дому—никогда еще я не проводилъ такого длиннаго и ужаснаго дня. Я, наконецъ, вынужденъ былъ вернуться къ себѣ и цѣлую ночь шагала по комнатѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ.

Въ шесть часовъ утра постучались въ мою комнату и доложили мнѣ, что лэди Сарра пріѣхала и желаетъ меня видѣть. Я побѣжалъ, или скорѣе, я полетѣлъ къ ней. Я нашелъ ее въ очень серьезномъ и сосредоточенномъ настроеніи духа; передъ ней былъ накрытъ столъ къ завтраку и въ комнатѣ находилось нѣсколько лакеевъ. Прошло болѣе часа, пока, наконецъ, мы остались съ ней одни.—Теперь, когда мнѣ нечего опасаться, что намъ помѣшаютъ, я могу говорить о вещахъ, интересныхъ для насъ обоихъ. Вы знаете, благодаря какимъ вашимъ достоинствамъ я полюбила васъ, и знаете также, что никогда еще никто не былъ такъ любимъ, какъ вы. Мнѣ даже понравилась вспышка ревности съ вашей стороны, я всегда охотно переносила всѣ ваши замѣчанія относительно своего кокетства и также охотно просила у васъ прощенія и старалась исправиться отъ своихъ недостатковъ. Я хотѣла отдаться вамъ совѣтъ и навсегда, но вы этого не захотѣли, слишкомъ мало вы имѣли довѣрія къ себѣ и ко мнѣ. Вы рѣшили, что можете обойтись и безъ меня, и не пожелали себя связывать неразрывными цѣнями со мной. Вы разбили мое сердце, и вашъ образъ поблѣднѣлъ въ немъ, но вы не переставали ревновать послѣ того, какъ вы утратили къ этому всякое право. Я этого никогда не забуду. Что было бы, если бы мой братъ вздумалъ потребовать у ме я ваше послѣднее письмо или его прочесть бы герцогъ Ричмондскій? Тогда все было бы потеряно и изъ за чего? Вы сами убили во мнѣ чувство, которое влекло меня къ вамъ, я васъ больше не люблю, но оно было настолько сильно, что еще до сихъ поръ я не могу отдѣлаться отъ извѣстнаго отголоска, который оно оставило въ моемъ сердцѣ и поэтому я попрошу васъ немедленно же покинуть Англію и довольствоваться той нѣжной дружбой, которую я буду чувствовать къ вамъ до конца своей жизни».

Ошеломленный этимъ неожиданнымъ жестокимъ ударомъ, я лишился чувствъ. Лэди Сарра почувствовала ко мнѣ великую жа-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1906 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

I. Богословіе.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. (Изложене въ повѣстической формѣ буддизма). Переводъ А. М. Федорова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями академика С. Ф. Ольденбурга. 2-е, иллюстр. изданіе. Съ 4 фототипіями, 4 автотипіями и 24 рисунками въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 коп.

Вновь на могилу высокопреосвященнаго митрополита Исидора. Митрополитъ Исидоръ въ его отношеніяхъ къ основанному имъ Исидоровскому епархіальному женскому училищу. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Гуревичъ, П. Религія и социалдемократія. Спб. 1907. Ц. 5 к.

Кузнецовъ, Н. Д. По вопросамъ церковныхъ преобразованій. 1) Учасіе духовенства и народа въ церковномъ управленіи. 2) Патріаршество. 3) Отношенія церкви и государства въ Россіи. Доклады, особыя мѣтнія и рѣчи въ Особомъ Присутствіи, учрежденномъ при Св. Синодѣ. М. 1907. Ц. 1 р.

пособіе при изученіи Евангелія отъ Марка. Спб. Ц. 35 к.

Православная богословская энциклопедія. Т. VII. Іоаннъ Скинопольскій—календарь.

«истор. вѣстн.», январь, 1907 г., т. сѣц.

Съ 18-ю рисунк. и картами. Составленъ подъ редакціей проф. Н. Н. Глубоковского. (Общедоступн. Богослов. библи. Вып. 18-й). Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Реманъ, Эрнестъ. Апостолы. Переводъ безъ всякихъ сокращеній съ 11-го изданія Е. В. Святловскаго. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

— Жизнь Иисуса. Полный переводъ съ 25-го изданія А. С. Усовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ академика Александра Веселовскаго. Съ портретомъ Ремана. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой Л. Н. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. IV. Въ чемъ моя вѣра? Критика догматическаго богословія. Спб. Ц. 65 к.

— Краткое изложеніе Евангелія. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Чамберленъ, Гаустонъ-Стюартъ. Явленіе Христа. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 3-е. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Штраусъ, Давидъ-Фридрихъ. Старая и новая вѣра. Съ портретомъ и факсимиле автора и біографіей его, составленной Э. Цаллеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго Ф. Капелюша. Спб. 1906. Ц. 1 р.

1/226

II. Философія, психологія, логика.

- Ансельдодъ, Л. (Ортодоксъ). Философскіе очерки. Отвѣтъ философскимъ критикамъ историческаго матеріализма. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Бердяевъ, Николай. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, социальныя и литературныя (1900—1906 гг.). Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Богачевъ, Н. Область науки и область вѣры. М. 1907. Ц. 20 к.
- Бюхнеръ, Людвигъ, проф. Сила и матерія. Очеркъ естественнаго міропорядка вмѣстѣ съ основанной на немъ моралью, или ученіемъ о нравственности. Въ общедоступномъ изложеніи. Переводъ съ 21 нѣм. изданія Н. Полилова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Вяземскій, Н. В. О психической жизни человечества. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- Гейфдингъ, Гаральдъ. Современные философы. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ 1902 г. Переводъ А. Смирнова подъ редакціей проф. А. Л. Погодина. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Кантъ. Критика чистаго разума. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Лоссаго. Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Кудрявцевъ, В. Начальныя основанія философіи. Изд. 6-е. Сергіевъ-Посадъ. 1906. Ц. 1 р. 75 к.
- Лавровъ, П. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретика сороковыхъ годовъ въ наукѣ и вѣрованіяхъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.
- Маннай, Дн. Г. Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Даманской. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Марксъ, Карлъ. Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля. Съ предисловіемъ П. Лаврова. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Ницше, Фридрихъ. Такъ говорилъ Заратустра. Книга для всѣхъ и ни для кого. Перев. съ нѣм. Ю. М. Антоновскаго. 3-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Спенсеръ, Гербертъ. Соціальная статика. Изложеніе социальныхъ законовъ, обуславливающихъ счастье человечества. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 коп.
- Толстой, Л. Н. Земля и трудъ. М. 1907. Ц. 15 к.
- Христіанство и патриотизмъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.
- Уайльдъ, Оскаръ. Душа человѣка при социализмѣ. Переводъ съ англійскаго М. А. Головкиной. М. 1907. Ц. 40 к.
- Челпановъ, Г., проф. Введеніе въ философію. 2-е изданіе. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Штирнеръ, Максъ. Единственный и его достоинствѣ. Съ предисловіемъ О. Виконта. Переводъ Л. И. Г. М. 1907. Ц. 1 р.
- Эйкенъ, Генрихъ. Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго В. Н. Линдъ. Со вступительною статью проф. И. М. Гревса. Спб. 1907. Ц. 4 р. 50 к.

III. Словесность.

- Александровскій, Г. В. Читенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. Изданіе 4-е, исправлен. и значительно дополненное. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р.
- Альбовъ, М. Н. Сочиненія т. II. До пристаніи. Спб. Ц. 1 р.
- Бebutova, Ольга. Книжница. Декабристы. Большой историческій романъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.
- Беме, Маргарита. Дневникъ погибшей. Переводъ съ нѣмецкаго Г. М. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Вильмина, Л. (Минская) Мой садъ. Сопеты и рассказы. Съ предисловіемъ В. В. Розанова. М. 1906. Ц. 1 р.
- Вихровъ, А. «Опасніе лепестки». М. 1906. Ц. 25 к.
- Волинъ, Ю. Рассказы. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Гиллусъ, З. Н. (Мережковская). Новые люди. Рассказы. 2-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Дингельштедтъ-Ф., Н. Покаянная ночь. Рассказъ изъ быта купцовъ и приказчиковъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Причуды жизни. Повѣсти и рассказы. Съ рисунк. Спб. 1907. Ц. 85 к.
- Сборникъ пьесъ: Шерлокъ Холмсъ. Третья молодость. Бюрократы. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Дибровъ, П. Жестокій городъ. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Дорошевичъ, В. М. Премьеръ. Завтрашняя быль. (Фантазія). М. 1907. Ц. 75 к.
- Достоевскій, Ф. М. Полное собраніе сочиненій. Изданіе 7-е. Т. XII. Спб. 1906. Ц. за 12 т. 12 р.
- Egalos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь заслуж. профессора Императорск. университета Св. Владиміра Николая Павловича Дашкевича. Кіевъ. 1906. Ц. 2 р.
- Ждановъ, Левъ. Царь и опричники. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Съ иллюстраціями К. В. Лебедева. Изданіе вполне переработанное для юношества. Спб. Ц. 3 р. 50 к.
- Зайцевъ, Борисъ. Рассказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Закревская-Рейхъ, Марія. Сонъ жизни. Стихотворенія, ч. I и II. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Зеленецкая, Л. Ю. Стихи. Сборникъ для выразительнаго чтенія. Подъ редакціей артиста Импер. театровъ Ю. М. Юрѣва. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Зелинскій, В. Критическіе разборы романа «Дымъ» И. С. Тургенева. М. 1907. Н. 40 к.
- Кампфъ, Леопольдъ. Наканунѣ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1907. Ц. 40 к.
- Козловъ, В. Д. Очерки и рассказы изъ мнущей войны. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Купринъ, А. Рассказы. Т. III. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Лейкинъ, Николай Александровичъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Съ 2 портретами и приложеніемъ писемъ къ нему Ан. П. Чехова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Ленсановъ, Евгений. Стихотворенія. Одесса. 1906. Ц. 40 к.

Луначарскій, А. Пять фарсовъ для любителей. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Мишуличъ, В. Мимочка. Очеркъ. I. Мимочка невеста. II. Мимочка на водахъ. III. Мимочка отравилась. Изд. 3-е. А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Милчъ, Ел. Старое и новое. Стихотворенія. (Тетрадь третья). Берлинъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, Н. М. Стихотворенія съ 1895 по 1904 г. М. 1906. Ц. 45 к.

Молодая Бельгія. Т. I. Поэты. Сборникъ, изданный подъ редакціей Маріи Веселовской. М. Ц. 1 р. 75 к.

Пановъ, Н. А. Впередъ! Стихотворенія послѣднихъ лѣтъ. Съ портретоми и факсимиле автора. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Петровъ, Г. С., свящ. Города и люди (Думы и впечатлѣнія). Спб. 1906. Ц. 50 к.

Покровский, В. И. Гавріиль Романовичъ Державинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. Ц. 30 к.

— Енатерина И. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. Ц. 40 к.

— Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. Ц. 40 к.

— Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

— Александръ Петровичъ Сумароковъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. Ц. 30 к.

Полиловъ-Свѣрцовъ, Г. Т. Наши дѣды-кушцы. Вытвоя картины начала XIX столѣтія. Съ 12-ю рисунками художника А. П. Апситя. Спб. Ц. 3 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е дополненное и пересмотр. изданіе. М. 1907. Ц. 2 р.

Радищевъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. М. 1907. Ц. 2 р.

Рафаловичъ, С. Рѣка идетъ. Пѣснь въ 3-хъ дѣйств. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Рязановъ, В. И. Изъ разсканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковского. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Рыдель, Люціанъ. День гнѣва. (Dies irae). Фантастическая мистерія. Переводъ съ польскаго и предисловіе Н. Лернера. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1906 годъ. Книга XIII. Спб. 1906. Ц. 1 р.

С—въ, А. Стихотворенія. Спб. 1906. Ц. 75 к.

— Экономическія недоразумѣнія. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Синклеръ, Антонъ. Дебри. Переводъ съ англійскаго. Съ предисловіемъ Эд. Евг. Риттера. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Сологубъ, Федоръ. Политическія сказочки. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Сумцовъ, Н. Ф. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ писателей XVII ст. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Толстой, Л. Н. Новыя произведенія. Вып. II. Вожеское и человѣческое. Повѣсть и другія произведенія. М. 1907. Ц. 25 к.

Тылова, Н. Валдушкинъ. Разсказъ изъ Манчжурской эпохи. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Уманскій, Б. Ф. Власть воспитанія или отцы и дѣти. Драма въ 4 дѣйств. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Устиновъ, С. М. Ладинъ. (Герой послѣдняго времени). Спб. 1907. Ц. 2 р.

Флоберъ, Густавъ. Испушеніе святого Антонія. Переводъ съ французскаго А. И. Шестаковой. Спб. 35 к.

Франсъ, Анатоль. Тансъ. Перев. съ французскаго Е. и Ю. Вромлей. М. 1906. Ц. 1 р.

Френсенъ, Густавъ. «Рукопись» изъ романа «Hilligenlei» (Жизнь Иисуса). Развѣшенный авторомъ переводъ съ послѣдняго переработаннаго изданія Арнольда Гюберта. Съ вступительными статьями А. Г. Горнфельда и И. И. Гюберта. Спб. 1907. Ц. 75 к.

З. Два якоря. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ съ эпилогомъ. М. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Шапиро, Ольга. Въ бурные годы. Романъ. I. Отливъ. II. Въ народъ. III. Впередъ! (1866—1877). Спб. 1907. Ц. 2 р.

Шаровольскій, И. Сказаніе о мечѣ Тюрфингъ (Hervagar saga ok Heideks). III. Историко-литературное изслѣдованіе. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Редакція Ив. Ал. Вѣлоусова. Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Съ портретоми и биографіей, состав. И. А. Вѣлоусовымъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Ярмонкинъ, В. Звуки сердца. 2-е изданіе. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

Антошевскій, И. Н. Еврей-христіане. Историко-генеалогическія замѣтки. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Бахъ, Манс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Вып. II. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Бриннеръ, А. Г. Смерть Павла I. Составъею В. И. Семевского. Перев. М. Челинской. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣляевъ, Д. Ф. Византина. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византискимъ древностямъ. Книга III. Богомольные выходы Византискихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя. Съ портретоми автора, 2 таблицами и 27 рисунками въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Власевъ, Г. А. Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословія. Т. I. Князья Черниговскіе. Часть II. Съ прило-

- женіемъ родословной таблицы. Спб. 1906. Ц. 7 р.
- Военскій, Н. Вананартъ и русскіе плѣнные (эпизодъ изъ исторіи франко-русскихъ отношеній въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка). Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Гейсманъ, П., проф. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. въ Европейской Турціи; в. I и II съ атласомъ чертежей. Спб. 1906. Ц. 4 р.
- Гизо, М. Въ борьбѣ за свободу. Очерки изъ жизни Вашингтона. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Достоевская, А. Библиографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ф. М. Достоевскаго, собранныхъ въ «музеѣ памяти Ф. М. Достоевскаго» въ московскомъ историческомъ музеѣ имени императора Александра III, 1846—1903. Спб. 1906. Ц. 3 р.
- Музеѣ памяти Фёдора Михайловича Достоевскаго въ императорскомъ российскомъ историческомъ музеѣ имени императора Александра III въ Москвѣ 1846—1903 гг. Съ портретами и видами. Спб. 1906. Ц. 5 р.
- Дубновъ, С. М. Всеобщая исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго на основаніи новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Книга III. Новое Время. (1498—1789). Спб. 1906. Ц. за 4 части 6 р.
- Зигель, проф. Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ социального и политическаго быта. Перев. съ англійскаго V. S. M. 1906. Ц. 20 к.
- Иловайскій, Д. И. Исторія Россіи, т. I. Періоды Кіевскій и Владимірскій. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. М. 1906. Ц. 4 р.
- Кенанъ, Дн. Сибирь и ссылка. Т. I. Полный переводъ съ англійскаго Э. Н. Журавской, съ примѣчаніями В. Л. Вурцева, съ рис. Спб. 1906. Ц. 1 р. 60 к.
- Ключевскій, В., проф. Краткое пособие по русской исторіи. Изд. 5-е. М. 1906. Ц. 60 к.
- Кутшеба, Станиславъ, д-ръ. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго Ядвиги Пашковичъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Монаховъ, Е. Я. Кто онъ? Сказаніе о загадочномъ сибирскомъ старцѣ Фёдорѣ Кузьмичѣ. Историческій очеркъ. М. 1906. Ц. 20 к.
- Оманъ, Ч., проф. Велико крестыянское возстаніе въ Англии. Переводъ съ англійскаго С. Г. Зайковского. М. 1907. Ц. 50 к.
- Пенціастъ, Альбертъ. Къ вопросу о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1906. Ц. 12 к.
- Розень, А. Е., баронъ. Записки декабриста. Съ портретами и приложеніями. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Романченко, Н. Ф. Древности Старой Ладоги въ памятникахъ зодчества. Вып. I. Церковь св. Дмитрія Солунскаго. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Вып. II. Церковь св. Георгія Побѣдоносца. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Савѣловъ, Л. М. Родословныя записки. Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Вып. I. М. 1906. Ц. 4 р.
- Симони, П. К. Къ XL-лѣтію учено-литературной дѣятельности проф. и академика А. Н. Веселовскаго. 1859—1902 г. Съ приложеніемъ библиографическаго списка его учено-литературныхъ трудовъ съ указаніемъ содержанія книгъ и статей и съ присоединеніемъ рецензій на нихъ съ 1859 по 1906 г. Спб. 1906. Ц. 1 р. 45 к.
- Трусовичъ, Я. И. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго востока. Съ приложеніемъ: 1) Меморандума по дипломатикѣ и 2) Хронологіи по исторіи Россіи, Франціи, Итали, Германи и Византии. Составлено по программамъ и чтеніямъ проф. П. П. Лихачева и по другимъ источникамъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.
- Хлѣбниковъ, П. X. Астрахань въ старыя годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Яриловъ, А. А. На память о создателѣ Минусинскаго музея, Николаѣ Михайловичѣ Мартыановѣ. Юрьевъ. 1906. Ц. 5 к.

V. Географія, этнографія, путешествія.

- Глейнеръ, А., д-ръ. Сибирь, Америка будущаго. По сочиненію Джона Фостера Фразера. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.
- Кузнецовъ, С. И. Культь умершихъ и захоронія въ рованія луговыхъ черемисъ. Вып. I. М. 1905. Ц. 75 к.
- Къ вопросу о Віарніи. М. 1905. Ц. 1 р.
- Погребальныя маски, ихъ употребленіе и значеніе. Казань. 1906. Ц. 70 к.
- Поездка къ древней черемисской святынь, извѣстай со временъ Олеарія. М. 1905. Ц. 50 к.
- Соловьевъ, Н. И. Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). Спб. 1906. Ц. 1 р.

VI. Сельское хозяйство.

- Богдановъ, С. М., проф. Плодородіе почвы по новѣйшимъ даннымъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.
- Геддъ, Е. М. Календарь «птицевода» на 1907 г. Спб. 1906. Ц. 30 к.
- Дорофеевъ, П. П. Краткій учебникъ пчеловодства. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 45 к.
- Добувава, А. Ф. Наглядное руководство въ картинахъ для организаціи нѣмѣй. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- Крюновъ, Н. А. Австралія. Сельское хозяйство въ Австраліи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ картою и 188 рисунками. М. 1906. Ц. 2 р.
- Хуторъ, сельскохозяйственный журналъ 1906 г. № 12. Спб. Ц. 40 к.
- Шнурбушъ, О. Водяное отопленіе оранжерей, теплицъ и другихъ культивационныхъ помѣщеній. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Г. Михайлова, подъ редакціею и съ дополненіями Н. И. Ключунова. Съ 137 рисунк. Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

VII. Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Абрамовъ, М. М. Введеніе въ курсъ механическихъ испытаній матеріаловъ. (Вып. I). Краткое руководство для студентовъ по практическимъ занятіямъ въ механической лабораторіи. Спб. 1906. Ц. 80 к.

— Испытаніе каменныхъ матеріаловъ. Краткое руководство для студентовъ по практическимъ занятіямъ въ механической лабораторіи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

— Испытаніе цементовъ. Краткое руководство для студентовъ по практическимъ занятіямъ въ механической лабораторіи. Спб. 1906. Ц. 1 р. 75 к.

— Къ вопросу о сквозныхъ балочныхъ фермахъ изъ жельзо-бетона. Спб. 1906. Ц. 30 к.

— Фермы-аркады системы проф. А. Vierendeel'а. Чертежъ П. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Блахеръ, М. Теплода въ заводскомъ дѣлѣ. Научно-техническое руководство для инженеровъ-практиковъ и студентовъ высшихъ учебн. заведеній. Съ 76 рисунк. и ссылками на оригинальную и рефератную литературу. Рига. 1905. Ц. 2 р. 80 к.

Бѣлелюбскій, Н. А. и Персонъ, В. С. Проектъ моста черезъ рѣку Вузанъ отв. 304.50 саж. Пояснительная записка и расчетъ двухконсольной фермы длиной 228 метровъ. Съ 9 таблицами чертежей.

— Тоже съ 4 таблицами и атласомъ чертежей. Спб. Ц. 12 р.

Венергъ, Э. Введеніе въ ученіе о сопротивленіи матеріаловъ съ приложеніемъ задачъ изъ области машиностроенія и строительнаго искусства. Руководство для техническихъ учебныхъ заведеній, а также пособие для самообразованія и практики. Съ разрѣшенія автора перевелъ съ нѣмецкаго Д. Д. Соколовскій подъ редакціей проф. М. А. Дешевого. Съ 221 фигурой въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Въ перепл. Ц. 3 р. 25 к.

Гехтъ, А. Какъ самому устроить домашніе электрическіе телеграфы, телефоны, освѣщеніе лампами накалыванія и т. п. Электрическій установщикъ для небольшихъ домашнихъ установокъ. Съ 68 рисунк. Переводъ съ нѣмецк. А. Меркулова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Гречихинъ, С. Телефонная сѣть. Устройство линий, проводовъ, центральныхъ стан-

цій, прокладка кабелей, исправленіе поврежденій и валовой ремонтъ. Съ 341 рисунками. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Денферъ-фонъ, П. В. Машины для обработки дерева. Пособіе для конструкторовъ, механиковъ и владѣльцевъ деревообдѣлочныхъ заводовъ. Т. I. Вып. I съ атласомъ въ 15 таблицъ. Рига. 1905. Ц. 6 р.

К—въ, Н. Популярныя очерки по исторіи архитектуры. Вып. I. Египетъ. М. 1903. Ц. 5 к.

— Тоже. Вып. II. Древній востокъ. М. 1903. Ц. 5 к.

Курдюновъ, Н. Популярныя очерки по исторіи архитектуры. Вып. III. Греція. М. 1907. Ц. 15 к.

— Вып. IV. Римъ. М. 1906. Ц. 15 к.

Кобелевъ, А. В., проф. Общая гражданская архитектура. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ императора Александра II. Кіевъ. 1907. Съ чертежами. Ц. 5 р. 25 к.

Радивановскій, Вл. И. Строительное искусство. Работы: земляныя, фанинныя, каменные, бетонныя, деревянныя, свайныя, металлическія, штукатурныя и малярныя. Изданіе 8-е, измѣненное и значительно дополненное. Съ 1,025 чертежами. Спб. 1907. Ц. 6 р.

Smithson, N. и Sharpe, E. R. Дуговыя лампы и уходъ за ними. Популярное руководство. 2-е изд., испр. и дополн. Переводъ съ англійск.-С. П. Вологодина. Съ 6 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Цѣны на строительныя работы, выработанныя обществомъ архитектурно-строительныхъ рабочихъ въ гор. С.-Петербургѣ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Шмишо, Л. П. и Венсанъ, А. А. Архитектурныя формы и детали. Часть I. Обработка кирпичныхъ и оштукатуренныхъ фасадовъ. (Пособіе при проектированіи фасадовъ зданій). Спб. 1905. Ц. 10 р.

Эйерманъ, В. Паровыя турбины. Пособіе при изученіи и построении паровыхъ турбинъ. Подъ редакціей проф. Г. Ф. Денпа. Перевелъ В. Захаровъ и А. Сперанскій. Съ 163 рисунками въ текстѣ и 6 таблицами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 3 р. 25 к.

VIII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Аграрный вопросъ на IV делегатскомъ съѣздѣ партіи народной свободы. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Ансельродъ, П. Б. Двѣ тактики. Докладъ, читанный на съѣздѣ въ Стокгольмѣ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

А. Р. Семья и женщина. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Базаровъ, В. Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Безобразовъ, П. В. Преступленіе противъ демократизма. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Бенеманскій, Михаи́лъ, 'О Рокејроспотос императора Васи́лія Македо́нянина («Закона градскаго главы различны въ четырехъ десятихъ гранѣхъ»). Его происхожденіе, характеристика и значеніе въ церковномъ правѣ. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1906. Ц. 3 р.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраній. Переводъ М. К. Спб. 1907. Ц. 1 р. Бернштейнъ, Эд. Анархизмъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

- Берсъ, Елизавета.** Вопросы нашего времени. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Б—овъ, М. и Данъ, Ф.** Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ. Спб. Ц. 60 к.
- Болье-Леруа, Анатолий.** Антисемитизмъ. Съ предисловіемъ автора, написаннымъ для настоящаго перевода. Переводъ съ французск. Иг. Ровъ. Кіевъ. 1906. Ц. 15 к.
- Бутневичъ, Т. И., проф.** Какъ Государственная Дума разрѣшила аграрный вопросъ? Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.
- Бутми, Н. Л. и Г. Иудей** въ масонствѣ и въ революціи. Франмасонство и Государственная Дума. Вып. II. Спб. 1906. Ц. 25 к.
- Бухъ, Левъ.** Основные элементы политической экономіи. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Съ предисловіемъ Эдуарда Вернштейна. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Бухъ-полтевъ, Николай.** Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Механико-экономическая параллель. Харьковъ. 1907. Ц. 30 к.
- Былое, Журналъ,** посвященный исторіи освободительнаго движенія. 1906 г. № 11. Ноябрь. Спб. Ц. 1 р.
- В. В.** Производство и потребление въ капиталистическихъ обществахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Вальденбергъ, Д. В.** Справочная книга о печати, I Дѣйствующія законоположенія о печати повременной и неповременной. II. Образцы заявленій о желаніи выпускать въ свѣтъ новое повременное изданіе. III. Перечни повременныхъ органовъ печати (съ указаніемъ рода изданія, издателей, редакторовъ и инкриминированныхъ номеровъ въ С.-Петербургѣ и иногороднихъ). IV. Алфавитный перечень изданій неповременной печати, на которыя наложенъ арестъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Васильевъ, Н. П.** Правда о кадетахъ. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Вольницевъ, О. Рѣчи А. О. Аладына** въ первомъ русскомъ парламентѣ. Спб. 1906. Ц. 35 к.
- Вѣтровъ, И.** Общедоступное ученіе о правѣ. Спб. 1907. Ц. 6 к.
- Гравъ, Ж.** Умиращее общество и анархія. Одесса. 1906. Ц. 1 р.
- Девизъ.** Современная скорбь! 2-е изд. Возваніе къ матерямъ! Въ чемъ заключается ошибка женщинъ-матерей. Союзъ матерей. Заброшенные. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Джорджъ, Генри.** Общественныя задачи. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М. 1907. Ц. 40 к.
- Држина, Ф., проф.** Университетъ будущаго. Переводъ съ чешскаго. Игн. Рона. Кіевъ. 1906. Ц. 8 к.
- Еллинекъ, Г. проф.** Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и со вступительной статьей В. А. Бистяковского. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Заговоръ противъ Россіи.** Спб. 1906. Ц. 5 коп.
- Законъ 4-го марта 1906 года** о союзахъ и обществахъ съ послѣдующими къ нему разъясненіями Правительствующаго Сената и М-ва Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.
- Законы** объ обществахъ и союзахъ и публичныхъ собраніяхъ съ примѣчаніями. Спб. 1906. Ц. 40 к.
- Змирловъ, И. П.** Измѣненія и дополненія общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и изданныя со второй половины 1903 года въ развитіе его узаконенія и правила, съ приложеніемъ сужденій Государственнаго Совѣта по поводу измѣненныхъ и дополненныхъ статей сего устава, рѣшеній кассационнаго Сената и замѣчаній составителя. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- Зноско-Боровскій, С. А.** Законовѣдѣніе. Вып. II. Очеркъ русскаго государственнаго права. Спб. 1906. Ц. 80 к.
- Зомбартъ, В. проф.** Международный факторъ въ социальномъ движеніи. Кіевъ. 1906. Ц. 12 к.
- Зомбартъ, Вернеръ.** Пролетаріатъ. Очерки и этюды. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Юрданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ. 2-е доп. изданіе. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Нампфмейеръ, П.** Очеркъ развитія нѣмецкой социаль-демократіи. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Современный пролетаріатъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. Е. Айзенштадта. М. 1906. Ц. 20 к.
- Современный пролетаріатъ. Переводъ съ нѣмец. М. 1907. Ц. 25 к.
- Наикаровичъ, И., д-ръ.** Проституція и общественный развратъ. Къ исторіи нравовъ нашего времени. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Катковъ, В. Д.** О русскомъ самодержавіи. Х. 1906. Ц. 10 к.
- Котельниковъ, А.** Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Спб. 1906. Ц. 10 к.
- Котляревскій, С. А.** Конституционное государство. Опытъ политико-морфологическаго обзора. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій обзоръ** социальныхъ теорій и партій. Спб. 1906. Ц. 5 к.
- Кропоткинъ, П.** Аграрный вопросъ. Переводъ и примѣчанія Н. Павловича. Спб. Ц. 12 к.
- Кульчицкій, Людвигъ.** Анархизмъ въ современномъ социально-политическомъ движеніи въ Россіи. Переводъ съ польскаго, разрѣшенный и просмотрѣнный авторомъ, и биографическій очеркъ Л. В—скаго. (Приложеніе: Комментированныя авторомъ постановленія послѣдняго съѣзда анархистско-коммунистовъ). Съ портретомъ Л. Кульчицкаго. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Кунцевичъ, Л. З.,** Изложеніе и разборъ ученія социализма. Популярный критическій очеркъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.
- Ларинъ, Юрій.** Широкая рабочая партія и рабочей съѣздъ. М. 1906. Ц. 20 к.
- Люксембургъ, Роза.** Карлъ Марксъ. Критическій очеркъ его ученія. Кіевъ. 1906. Ц. 5 к.
- Соціальная реформа или революція. Перев. съ нѣмец. Спб. 1907. Ц. 35 к.
- Майней, Джонъ Генри.** Анархисты. Культурные очерки конца XIX вѣка. Переводъ

- съ нѣмецкаго Я. М. Шабаль и В. С. Вейнберга, Подъ редакціей В. М. Невѣжиной. М. 1907. Ц. 75.
- Марксъ, Карлъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Кричевскаго. Съ введеніемъ Фридриха Энгельса. Одесса. 1906. Ц. 20 к.
- Къ критикѣ политической экономіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. П. Румянцева. Спб. 1907. Ц. 90 к.
- Маслова, П. И. Женщина о женщинѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Материалы по вопросамъ земельному и крестьянскому. Всероссийскій съездъ крестьянъ-старобрядцевъ въ Москвѣ, 22—25 февраля 1906 года. М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.
- Мени, Исаакъ. Любовь и свободный бракъ. Переводъ С. Зайцева. Киевъ. 1906. Ц. 10 к.
- Миничевъ, П. Г. Восемичасовой рабочий день. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Главныя федераліи современнаго міра. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Муретовъ, Д. Д. Самодержавіе и парламентаризмъ. Ихъ идейное содержаніе. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Новая мысль. Сборникъ на очередныя темы. 1906. М. Ц. 20 к.
- Организация и борьба. Итальянскій социалистическій сборникъ. Переводъ подъ редакціей В. О. Тотоміанца. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Орловъ, А. Кого выбирать въ депутаты. Спб. 1907. Ц. 8 к.
- Парнскій, Д. Причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей. Необходимыя реформы въ арміи. Спб. 1906. Ц. 60 к.
- Партія мирнаго обновленія. Проектъ аграрной реформы группы прогрессистовъ и программа партіи, выработанная во время заведенія Государственной Думы 27-го апрѣля—8-го юля 1906 г. 3-е изданіе. Спб. 1906. Ц. 5 к.
- Понровский, С. П. Министерская власть въ Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Ч. I и II. Ярославль. 1906. Ц. 3 р.
- Министерская власть въ Россіи въ освободительную эпоху. Часть III. Приложение. Ярославль. 1906. Ц. 60 к.
- Последнее политическое движеніе въ Періи по разсказамъ персовъ-тегерандцевъ. Съ 20-ю рисунками и съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. М. А. Выпускъ I. Спб. 1906. Цѣна 75 коп.
- Правила 17-го октября 1906 года о старообрядческихъ общинахъ и старообрядческихъ духовныхъ лицахъ (съ прибавленіемъ статей закона, на которыя сдѣланы въ правилахъ ссылки). Ростовъ-на-Дону. 1906. Ц. 10 к.
- Правила технической эксплуатаціи железныхъ дорогъ, открытыхъ для общаго пользованія. (Собр. узак. и расп. правит. 898 г., № 41), дополненныя по 1 ноября 1906 г. Спб. 1906. Ц. 75 к.
- Просьбинъ, С. А. Торгово-промышленный сборникъ. (Сводъ дѣйствующихъ узаконеній по части промышленности и торговли). Спб. 1907. Ц. 2 руб.
- Раппопортъ, Х. Л. Жюль Гедъ и французская рабочая партія. Спб. Ц. 15 к.
- Ренлю, Элизе. Эволюція, революція и анархическій идеалъ. Съ предисловіемъ А. А. Бороваго. М. 1907. Ц. 35 к.
- Родіоновъ, Л. М. Какъ быть съ землей? М. 1907. Ц. 15.
- Россовъ, С. Еврейскій вопросъ. О невозможности предоставленія полноправія евреямъ. 3-е изданіе. Спб. 1906. Ц. 15 к.
- Савинъ, Александръ. Англійская секуляризація. М. 1906. Ц. 3 р.
- Сахарновъ, Л. А. Заработная плата и участіе рабочихъ въ прибыляхъ. М. 1906. Ц. 10 к.
- Сборникъ индивидуализмъ. (Съ портретами Макса Штирнера и Вениамина Текера). М. 1907. Ц. 1 р.
- Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Подъ редакціей В. Водовозова. Вып. III, IV и V. Спб. 1906. Ц. по 10 к.
- Сводъ аграрныхъ программъ. Отчужденіе земли, поземельное устройство, община, переселеніе и разселеніе, аренда, крестьянскій банкъ, поземельный налогъ, усовершенствованіе хозяйства, государственная помощь, конечныя цѣли, литература. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Сибирскіе вопросы. Годъ II. № 4. Спб. 1906. Ц. 75 к.
- Сиворцовъ, А. И., проф. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Снарскій, А. Т. Автономія или федерація? Спб. 1907. Ц. 25 к.
- Сознательная Россія. Сборникъ на современные темы. № 3. Спб. 1906. Ц. 15 к.
- № 4. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Соноловъ, Н. И. Договоръ почтовой пересылки. Юридическое изслѣдованіе. Спб. 1906. Ц. 1 р. 20 к.
- Способный, И. В. Сообщение о Государственной Думѣ. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 15 к.
- «Статистическій справочникъ». Вып. I. Населеніе и землевладеніе Россіи по губерніямъ и сравнительныя данныя по нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ. Спб. 1906. Ц. 25 к.
- Стаховичъ, Александръ. Какъ и кого выбирать въ Государственную Думу. Что такое партійные выборы? Краткій обзоръ русскихъ политическихъ партій. М. 1907. Ц. 3 к.
- Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Спб. 1906. Ц. 2 р.
- Тобинъ, А. Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. Рига. 1906. Ц. 40 к.
- Толстой, Л. Н. О значеніи русской революціи. М. 15 к.
- Трудъ инженера и техника. Органъ защиты профессиональныхъ интересовъ. 1906 г. № 22. Спб. Ц. 15 к.
- Труды покойнаго лифляндскаго губернатора М. А. Зиновьева. 1) Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи. 2) О крѣпостной землѣ. Рига. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Унтерманъ, Эрнестъ. Антонио Лабриола и Иосифъ Дицгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго материализма. Перев. съ нѣм. И. Наумова, подъ редакціей П. Дауге. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Хвостовъ В. М., проф. Исторія римскаго права. Пособіе къ лекціямъ. 3-е изданіе исправл. и дополн. Вып. I. М. 1907. Ц. съ билетомъ на полученіе 2-го выпуска 2 р. 50 к.

Хлѣбниковъ, Н. В. и Евграфовъ, А. Г. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Т. I, ч. II. Съ разъясненіями Правительствующаго Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Цыпкинъ, П. С. Краткій курсъ теории статистики. По лекціямъ проф. Ю. Э. Янсона, съ измѣненіями и дополненіями. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Чамберленъ, Гаустонъ-Стюартъ. Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе 2-е А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Чарнолуслий, В. Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Черный, Левъ. Новое направленіе въ анархизмъ: ассоціаціонный анархизмъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Чертновъ, В. Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи. М. 1907. Ц. 25 к.

Чупровъ, А. И., проф. Исторія политической экономіи. Лекціи. М. 1906. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи политической экономіи. Лекціи. М. 1906. Ц. 75 к.

— Политическая экономія. Лекціи. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Шантауанъ, Амри. Принципы 1789 г. Декларация правъ и декларация обязанности чловека и гражданина. Спб. 1907; въ перепл. Ц. 30 к.

Юшкевичъ, П. О материалистическомъ пониманіи исторіи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Янжуль, И. И. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

IX. Медицина, гигиена и анатомія.

Гипнотизмъ и леченіе магнетизмомъ. Соч. Х.—Дж. (На англійскомъ языкѣ редактировано С. Флауэромъ). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Синга. Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Гундобинъ, Н., проф. Дѣтская смертность въ Россіи и мѣры борьбы съ нею. Спб. 1906. Ц. 40.

Назариновъ, А. В. д-ръ. Основы психологической гигиены въ связи съ психологической теоріей, психоневрозомъ и душевныхъ заболѣваній. Приложение. Психологическая гигиена алкоголиковъ. М. 1906. Ц. 40 к.

Ковалевскій, П. И., проф. Половое безсиліе и другія половыя извращенія и ихъ леченіе. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Норниловичъ, Н., д-ръ. Основы нормальной микроскопической анатоміи. Вып. I. Микроскопъ и его устройство. Съ 48 рис. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Муратовъ, А. А., проф. Клиническія лекціи по акушерству и гинекологіи, читанныя студентамъ. Вып. II. Съ 30 рисунками въ текстѣ и 1 таблицей. Киевъ. 1906. Ц. 2 р.

Онеръ-Бломъ, М. У дяди-доктора въ деревнѣ. (Весѣды по половому вопросу съ дѣтми). Переводъ Л. С. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Окулюсъ, Д.-р. Сифилисъ и полное его излеченіе въ связи съ вопросомъ о бражѣ и наследственности. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Rabow, S., проф. Способы прописыванія лекарственныхъ веществъ. Для врачей и студентовъ. Перевелъ съ 36-го испр. и дополн. нѣмецк. изданія съ прибавленіями д-ра А. С. Аршавскаго. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 60 к.

Разиньковъ, В. По поводу открытія проф. И. И. Мечникова. Микробы молока. Спб. Ц. 5 к.

Rambousek, Josef., д-ръ. Учебникъ промышленной гигиены. Съ 59 рисунк. и 3 литограф. таблицами. Переводъ съ нѣмецк. д-ра Г. М. Вубиса. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Рѣшетилло, Д. Ф., д-ръ. Леченіе лучами Рентгена съ предварительнымъ изложеніемъ рентгенологіи и рентгенодиагностики. Руководство для врачей и студентовъ. Съ 230 рисунками въ текстѣ, съ одной красочной таблицей спектра и съ 20 таблицами фото-и рентгенограммъ. М. 1906. Ц. 6 р.

Фейсмантель, д-ръ. Питиевая вода и инфузионныя болѣзни. Эпидемиологія, методы изслѣдованія, способы стерилизаціи. Перев. съ нѣмецк. д-ра П. В. Вакса. Спб. 1907. Ц. 60 к.

X. Искусство.

Бонеряновъ, И. Н. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Вып. 5 и 6. Спб. Ц. по подпискѣ за 8 вып. 12 р. Искусство быть красивой. 1906 г. № 11. Спб. Ц. 25 к.

Огни, журналъ изящной литературы, искусства и театра. 1906. № 2. Спб. Ц. 15 к.

Программа театра Литературно-Художественнаго Общества. Вып. VI. Ц. 15 к.

Программы театра Литературно-Художественнаго Общества. Вып. VII. «Новыя приключенія Шерлока Холмса». Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ по Конанъ-Дойлю, соч. М. А. С. и В. С. Г. Постановка Г. В. Гловацкаго. — «Экспроприация». Оригинальная сцена въ 1 дѣйств., соч. С. С. С., постановка Л. А. Ставскаго. Спб. Ц. 15 к.

Программы театра Литературно-Художественнаго Общества. Вып. IX. «Коринское

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

ФЕВРАЛЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1907 г.

СТРАН.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. IX—XIII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	404
II. Изъ дневника помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича. Н. И. Литвинова	418
III. Широкая натура. I—VIII. Н. Н. Потапенко	428
IV. Группы и портреты. (Листочки воспоминаній). II. (Продолженіе). Д. И. Стахѣва	464
V. Одинъ изъ убитыхъ министровъ. (Изъ воспоминаній о Д. С. Спягинѣ). А. М. Лѣвова	488
Иллюстраціи: Убийца Спягина Балашовъ.	
VI. Воспоминанія о П. Л. Лавровѣ. (Окончаніе). Н. И. Фирсова (Русвина)	491
VII. Смутное время въ Харьковѣ. (Матеріалы для исторіи русской революціи). IV—V. (Окончаніе). Князя М. Л. Шаховскаго	511
VIII. Клинскія «мощи». (Изъ деревенскихъ настроеній). Н. Н. Оглоблнна	546
IX. Арестъ и ссылка И. С. Тургенева. (Изъ цензурныхъ нравовъ прошлаго вѣка). Барона Н. В. Дризена	559
X. Разказы изъ прошлаго. Н. Н. Пономарева	570
XI. Къ біографіи А. Н. Апухтина. А. Р.	580
XII. Экскурсія по Литвѣ. (Путевыя замѣтки). Н. Н. Останковича	586
Иллюстраціи: 1) Видъ съ рѣки Виліи на Замковую гору.—2) Георгіевскій проспектъ въ Вильнѣ.—3) Знаменская церковь въ Вильнѣ.—4) Кафедральный костель въ Вильнѣ.—5) Николаевскій кафедральный соборъ въ Вильнѣ.—6) Часовня Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ.—7) Предмѣстье Свѣшпшгги въ Вильнѣ.—8) Кальварія близъ Вильны.—9) Развалины замка князей Литовскихъ въ Трокахъ.—10) Развалины замка князей Литовскихъ въ Лидѣ.—11) Паматникъ Скobelеву въ лагерь въ Оранахъ.—12) Тысячелѣтняя Колонжанская церковь въ Гроднѣ.—13) Замокъ князей Литовскихъ въ Гроднѣ.	
XIII. Музей императора Александра III. Князя Б. А. Щетинина	613
Иллюстраціи: Музей императора Александра III. (Гипсовая модель).	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	624
XV. Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. II. Наканунѣ реформъ. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	660
XVI. Критика и бібліографія	671

1) Записки княгини Дашковой. Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Записки княгини Дашковой. Спб. 1906. Изданіе Н. Врублевскаго. Е. шумигорскаго.—2) Корфъ, С. А., баронъ. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г. II.; 1906 г., 720 стр. м. к.—3) Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Томъ I. Составилъ В. К. Судравскій, капитанъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Спб. 1906. Е. шумигорскаго.—4) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ II. Выпускъ IV. Спб. 1906. с. ш.—5) Проф. И. Х. Озеровъ. Библиотека по общественно-эко- (См. слѣд. стран).

номических вопросам. I. Что должны иметь в виду рабочие. III. Фабричные комитеты или как рабочему добиться лучших условий труда. IV. Земельный вопрос в России. V. Финансовая реформа в России. Откуда у нас государство берет деньги и на что их расходует. Москва. 1906.—А. А. Исаевъ. Забастовки.—Смута и земельный вопрос.—П. Бялловъ, проф. Берлинскаго университета. Грядущіе экономическіе вопросы Россіи. Изд. т-ва Глаубусъ. Спб. 1906. В. н. н.—ва.—6) Опытъ Родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Л. М. Савёлова. Выпускъ I. Изданіе историко-родословнаго общества въ Москвѣ. М. 1906. В. Руданова.—7) Сочиненія Пушкина. Изданіе императорской Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ I (1815—1826). Спб. 1906. Н. Лернера.—8) Профессоръ Н. Н. Опрсовъ. Разиновщина какъ социологическое и психологическое явленіе народной жизни. Спб. 1907. С. в.—снаго.—9) Н. А. Рубакинъ. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста. Спб. 1906. А. Б.—10) М. Сударьянскій. Начальная народная школа въ Симбирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ. Изданіе симбирскаго губернскаго земства. Симбирскъ, 1906. В. Руданова.—11) Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгарова. Пушкинъ. Томъ I, вып. 1-й. Изданіе Вролгаузъ-Ефрона. Спб. 1907. Н. Лернера.—12) Металловъ, В. М. свящ., Вососуджебное пѣніе Русской Церкви. (Періодъ домонгольскій, ч. I—II). Москва. 1906. и. н.—13) Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной жизни. Томъ I—II. Спб. 1907. А. Фомина.—14) Проф. Іовънъ Цянничъ. Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ (sic). 1906. А. Якимир-снаго.—15) Н. Я. Новомбергскій. I. Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. II. Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. III. Колдовство въ Московской Руси XVII столѣтія. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Т. III, ч. I. Спб. 1906. VI. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906. Привать-доцента А. Н.—снаго.—16) Куропаткинъ. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. В. А. Спб. 1907. и. л.—17) Неидовъ, Ф. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Ч. I. Москва. 1906. А. Фомина.—18) Сиповскій, В. В. Исторія литературы, какъ наука. Изданіе т-ва Вольфъ. Спб. 1906. Я. Бирюнова.—19) Вл. Череванскій. Исчезнувшее царство (эпоха Семирамиды). Историческая монографія. 2 тома. Спб. 1906. А. Б.—20) Томасъ Карлейль. Теперь и прежде. М. 1906. А. Б.—ва.—21) Священникъ К. Цинцадзе. Историческая справка по вопросу объ автокефальности грузинской церкви. Тифлисъ. 1906. 103 стр. Ц. 60 к. А. Хах—ова.—22) С. Г. Рункевичъ. Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Выпускъ I. Спб. 1906. Цѣнъ 2 р. В. гр.—снаго.

XVII. Заграничныя историческія новостіи и мелочи 712

1) Погребеніе города.—2) Развѣчиваніе шведскихъ легендъ.—3) Записки генерала Венягсеца.—4) Ламенна.—5) Вильгельмъ Рустовъ.—6) Ротскій альманахъ.—7) Письма г-жи Мухановой.—8) Желѣзная корона румынскаго короля.—9) Абдуль-Гамидъ.—10) Дѣйствительно ли близко паденіе Англій.—11) Смерть леди Бурдэттъ-Буттъсъ, Фредерика Мэтландъ и персидскаго шаха Музаффера-Эддива.

XVIII. Смѣсь 744

1) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—3) Присужденіе премій проф. А. С. Попова.—4) 25-ти-лѣтіе газеты «Свѣтъ».—5) 25-ти-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Военскаго.—6) 35-ти-лѣтіе врачебной дѣятельности А. А. Троинова.—7) 50-ти-лѣтіе книгопродавческой дѣятельности Н. Г. Мартынова.—8) Музей пазннхъ искусствъ въ Москвѣ.—9) Работы по составленію діалектологической карты Россіи.—10) Библиотека В. А. Вильбасова въ Вѣнѣ.—11) Отъ императорской академіи наукъ.

XIX. Некрологи 758

1) Вяржскій, Іоаннъ.—2) Гуртъ, Я. И.—3) Дьяченко, С. В.—4) Живаго, П. М.—5) Кублицкій-Погухъ, Л. Г.—6) Малышевъ, К. И.—7) Менделѣвъ, Д. И.—8) Мешуткинъ, Н. А.—9) Мостовскій, М. С.—10) Перелыгинъ, Н. И.—11) Рубецъ, А. С.—12) Шайкинъ, А. К.

XX. Замѣтки и поправки 768

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Дмитрія Сергѣевича Сипягина.—2) Записки герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магской. III—V. (Продолженіе).

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1907 году

(дВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

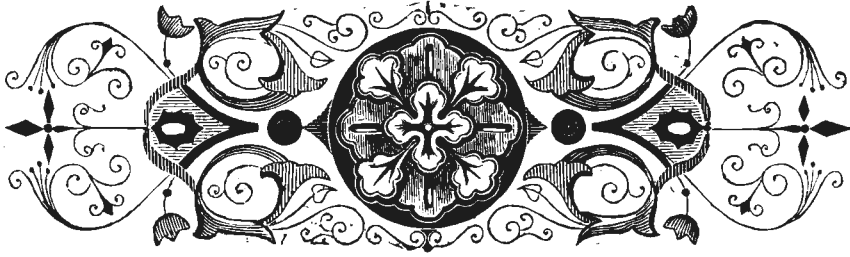
Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одесѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Д. С. Сипягинъ

ДМИТРИЙ СЕРГЪЕВИЧЪ СИПЯГИНЪ.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго.

IX.

Послѣдній менуэтъ.

АРКІЙ день клонился къ закату. Оживленіе въ счастливыхъ монастырскихъ садахъ еще увеличилось, такъ какъ ожидали танцевъ и прибыли кавалеры— гвардейская молодежь и воспитанники шляхетскаго корпуса. Составлялись пары. Завязывались и продолжались романы подъ тѣнистыми, старыми, пахнущими сладко медомъ, въ полномъ цвѣту, липами, въ уединенныхъ, зеленыхъ боскетахъ, аллеяхъ и среди цвѣтущихъ куртннъ. Взгляды, неуловимыя рукопожатія заставляли шибко, шибко биться не одно сердечко.

Между тѣмъ уже золотыя стрѣлы Феба, какъ выразился на риторическомъ языкѣ поэтъ Державинъ, скользили, прядая по глубинамъ, волнуемой потянувшимся свѣжимъ вѣтеркомъ, Невы. Уже вечеръ набрасывалъ туманную дымку и потемнялъ села Охтенскаго берега, въ то время какъ окна палатъ на островахъ пламенѣли.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 7.

Императоръ подалъ руку начальницѣ г-жѣ Делафонъ и открылъ шествіе въ бѣлый мраморный залъ монастыря. Придворный оркестръ встрѣтилъ безконечной лентой двинувшіяся изъ садовъ пары торжественными звуками.

Пламя заката, врываясь въ огромныя окна залы и въ верхнія круглыя окошки, странно мѣшалось съ блѣдными огнями сотенъ восковыхъ свѣчей въ люстрахъ и стѣнныхъ канделябрахъ. При такомъ смѣшеніи искусственнаго свѣта съ закатнымъ, всѣ краски мѣнялись, лиловато-пепельныя тѣни двоились, все принимало странный, призрачный видъ. Прелестныя, оживленныя личики дѣвицъ то попадали въ пучокъ лучей, бросаемыхъ огнями, отраженными тысячекратно въ венеціанскихъ, огромныхъ простѣлочныхъ зеркалахъ, то въ столбы небеснаго зарева, разгоравшагося за окнами. Разнообразныя цвѣта мундировъ у кавалеровъ, особенно мальтійскій пурпуръ, составляли необыкновенныя сочетанія и красочныя пятна. Пары обходили кругомъ зала, у стройныхъ коринфскихъ колоннъ, со статуями боговъ и героевъ въ промежуткахъ, и потомъ строились въ двѣ линіи съ широкимъ проходомъ посрединѣ. Овальной формы, куполообразный потолокъ украшенъ былъ цвѣточными гирляндами, которыя держали извивавшіяся хороводомъ нимфы, между тѣмъ какъ посрединѣ, окруженный богами и богинями, самъ Аполлонъ игралъ на лирѣ, на облачныхъ холмахъ Парнаса. Чудная живопись плафона, казалось, была оживлена и одухотворена. Пламенное вечернее небо за громадными окнами залы въ два свѣта, надъ стройными купами деревьевъ сада, ежеминутно измѣнялось. А вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялись и передвигались краски, лучи, тѣни, отраженія въ залѣ и на живописномъ плафонѣ.

Императоръ сказалъ двадцатилѣтнему поручику конной гвардіи Николаю Александровичу Саблукову, отмѣченному имъ за неподкупное благородство характера:

— Пригласи Екатерину Ивановну!

— Слушаю, государь,—отвѣчалъ Саблуковъ,—на какой танецъ прикажете?

— *Mon cher*,—сказалъ Павелъ Петровичъ,—*faites danser quelque chose de joli!*

— Что можно протанцовать красиваго, кромѣ гавота или менуэта,—подумалъ Саблуковъ, подходя къ Нелидовой.

Самый старомодно-изящный нарядъ ея возбуждалъ мысль объ этихъ утонченныхъ танцахъ цвѣтущей поры Версаля и Екатерининскаго Эрмитажа.

Пригласивъ Екатерину Ивановну съ низкими реверансами, Саблуковъ побѣждалъ предупредить оркестръ, въ первой скрипкѣ котораго находился самъ знаменитый Дицъ.

И вотъ раздались вступительныя звуки менуэта и Нелидова съ Саблуковымъ начали танецъ, подъ пристальными взорами импера-

тора и сотенъ внимательныхъ глазъ. Все было недвижно въ залѣ. Танцевала только эта пара. Нелидова знала, что это послѣдній танецъ ея передъ окончательнымъ удаленіемъ отъ свѣта и двора. Въ странномъ смѣшеніи алаго заката и безчисленныхъ искусственныхъ огней, въ тоскующей часъ прощанья отходящаго дня съ пышущей зноемъ цвѣтущей землею, въ послѣдній разъ въ полѣ зрѣнія монарха, платоническаго любовника ея, танцевала маленькая фаворитка въ старомодномъ нарядѣ, изящная, какъ фарфоровая маркиза, подъ изящные, старомодные звуки. Казалось, она въ это мгновеніе воплощала все прошлое вѣка Фридриха, послѣднихъ Людовиковъ, Екатерины. Принцъ Конде, графъ Шуазель и другіе французскіе эмигранты съ невольнымъ умиленіемъ и трепетомъ сердца внимали звукамъ прекраснаго танца и любовались танцорами. Нелидова превзошла себя и все, что было плѣнительнаго въ старой жизни, воплотила въ своемъ танцѣ.

Что за грацію выказала она, какъ прелестно выдѣлывала «pas» и повороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки, несмотря на ея высокіе каблуки!

И старые Екатерининскіе вельможи, улыбаясь, сочувственно покачивали головами, вспоминая бывшее.

— Точь-въ-точь знаменитая балерина Сантини, бывшая ея учительница!—говорили они.

И Саблуковъ не позабылъ уроковъ Джузеппе Канціони, балетмейстера и танцора Эрмитажнаго театра при Екатеринѣ. И при его «Гатчинскомъ» кафтанѣ à la Frédéric le Grand, оба точь-въ-точь имѣли видъ двухъ старыхъ портретовъ, вышедшихъ изъ рамъ.

Но это-то и восхищало императора Павла Петровича, идеаломъ котораго были Версаль и Санъ-Суси. Въ полномъ восторгѣ, съ разнообразными движеніями, слѣдя за танцами Нелидовой и Саблукова, во все время менуэта онъ поощрялъ ихъ восклицаніями:

— C'est charmant! C'est superbe! C'est délicieux!

И, съ свойственной ему неистощимой энциклопедичностью самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, Павелъ Петровичъ сталъ рассказывать близъ стоящимъ вельможамъ исторію менуэта, изъ сельскаго танца крестьянъ въ Пуату превращеннаго въ танецъ королей Версаля, самого Короля—Солнца!

— Это Пекуръ, господа,—объяснялъ Павелъ Петровичъ,—знаменитый оперный актеръ придалъ менуэту всю ту грацію, которой этотъ танецъ нынѣ отличается, перемѣнивъ форму «эсъ» (S), которая была главной фигурой танца, на форму «зетъ» (Z).

Императоръ самъ то становился въ позицію S, то въ позицію Z, искусно показывая разницу.

Оркестръ игралъ знаменитый менуэтъ d'Exaudet и Павелъ Петровичъ сиповатымъ своимъ голосомъ сталъ подбивать слова:

Cet étang
 Qui s'éteng
 Dans la plaine,
 Répète au sein de ses eaux
 Les verdoyants armeaux,
 Où le pampre s'enchaîne.
 Un ciel pur,
 Un azur
 Sans nuage,
 Vivement s'y réfléchit,
 Le tableaux s'enrichit
 D'ima—a—a—age...¹⁾.

Императоръ сдѣлалъ низкій реверансъ на послѣднемъ словѣ вельможамъ, которые, расплываясь въ улыбкахъ, подхватили нестройными, старческими голосами припѣвъ, случайно имѣвшій какъ-бы прямое указаніе на опасность постоянной перемѣны на строенія властелина:

Mais, tandis que l'on admire
 Cette onde où le ciel se mire,
 Un zéphyr
 Vient ternir,
 Sa surface
 D'un souffle il confond les traits,
 L'eclat de tant d'objets
 S'effa—a—a—ce²⁾.

Къ старымъ голосамъ вельможъ присоединились молодые— прелестныхъ монастырокъ и слѣдующую строфу за императоромъ напѣвала, улыбаясь, вся зала:

Un désir
 Un soupir,
 O, ma fille,
 Peut aussi troublez un coeur
 Où se peint la candeur,
 Où la sagesse brille.
 Le repos,
 Sur ces eaux,
 Peut renaitre;
 Mais il se perd sans retour
 Dans un coeur dont l'amour
 Est mai—ai—aitre...³⁾.

¹⁾ Этотъ прудъ, который ширится въ долинѣ, повторяетъ въ лонѣ своихъ водъ зеленѣющіе шипы, оцѣпленные виноградными лозами. Чистое небо, лазурь безоблачная тамъ живо отражаются, обогащая картину изображенія...

²⁾ Но въ то время, когда удивляются этой воляѣ, въ которую глядится небо, зефиръ летитъ и омрачаетъ ея поверхность. Единымъ дыханіемъ онъ смѣшиваетъ черты и блескъ столькихъ предметовъ и исчезаетъ.

³⁾ Желаніе, вздохъ, о моя дочь, можетъ также взволновать сердце, гдѣ начертана скромность, гдѣ блистаетъ мудрость. Спокойствіе на этихъ водахъ можетъ возродиться; но оно безвозвратно теряется въ сердцѣ, въ которомъ любовь стала господиномъ.

Вся зала разнообразно присѣла въ глубокомъ реверансѣ, вмѣстѣ съ императоромъ.

И выраженіе лица, и замѣчанія императора передавались придворнымъ и они восторгались, въ то же время тайно предаваясь разнообразнымъ чувствамъ — одни опасеній, другіе надеждъ. Восхищеніе императора не можетъ-ли стать возвращеніемъ фавора? Тѣмъ болѣе, что, казалось-бы, Нелидовой, если платонизмъ отношеній ея къ государю не выдуманъ, нечего и дѣлать съ новой фавориткой... Такъ думали, конечно, тѣ, кто не зналъ характера Екатерины Ивановны.

Сторонники Лопухиной, какъ сенсуалисты, не переставали питать увѣренность, что двадцать лѣтъ всегда возьмутъ верхъ надъ сорока годами. Однако, они не могли не отдать справедливости маленькой фавориткѣ. Нельзя было замѣтить лѣтъ въ оживленномъ огнемъ вдохновенія личикѣ ея и въ движеніяхъ стройнаго, маленькаго тѣла. Она влекла къ быстрымъ ножкамъ своимъ восхищеніе зрителей! Что-же, если мгновенная прихоть причудливаго властителя опять перевернетъ положеніе шахматъ и сложившіяся уже сочетанія придворныхъ партій!.. Менуэтъ принималъ неожиданно политическое, даже европейское значеніе...

Императрица сіяла, обрадованная успѣхомъ Екатерины Ивановны, такъ какъ фаворъ ея не отнималъ Павла Петровича у семьи. Графъ Кутайсовъ и графъ Ростопчинъ съ трудомъ скрывали неудовольствіе.

Невольно взоры всѣхъ съ танцующей пары переходили на новую фаворитку, ея отца и мачеху. Но князь Лопухинъ, казалось, не замѣчалъ происходящаго и бесѣдовалъ со своими старыми друзьями, Гагаринымъ и Долгорукимъ, которыхъ онъ съ семьями побудилъ переселиться изъ Москвы въ дома, стоявшіе рядомъ съ его, на набережной.

Княжна Анна Петровна, въ бѣломъ, воздушномъ хитонѣ, стояла у пьедестала статуи какого-то античнаго героя, остановивъ разсѣянно-задумчивый взглядъ глубокихъ, выразительныхъ глазъ на измѣнчивой картинѣ вечерняго неба въ противоположномъ окнѣ. Возлѣ нея разсыпался съ французскою живостью въ болтовнѣ конногвардеецъ, шестнадцатилѣтній хорошенькій мальчикъ, графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ. Красота Лопухиной носила кроткій, меланхолическій характеръ. Выросшая въ Москвѣ, чуждая двору и свѣту, въ эту минуту Анна Петровна была далеко отъ великолѣпной залы. Вспоминались ей родныя липы Московской усадьбы, игры дѣтства и товарищъ этихъ игръ, бывший въ эту минуту далеко, при арміи, начинавшей свой маршъ по Европѣ.

X.

Первый вальсъ.

Императоръ выразилъ Екатеринѣ Ивановнѣ восхищеніе, когда танецъ былъ оконченъ. Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько словъ графу Кутайсову, который съ довольнымъ видомъ направился къ оркестру, а потомъ подошелъ къ графу Рибопьеру и что-то ему передать.

Рибопьеръ сейчасъ же съ глубокимъ поклономъ пригласилъ княжну Анну Петровну Лопухину на ея любимый танецъ—вальсъ.

Шепотъ легкимъ шелестомъ пробѣжалъ по рядамъ придворныхъ. Теперь опять настроеніе перемѣнилось. Тѣ, кто было уныли—просіяли, другимъ стало понятно, что всегда рыцарственный въ отношеніи женщинъ императоръ Павелъ хотѣлъ выказать тонкую учтивость къ отставленной фавориткѣ, но не болѣе. Дамы были взволнованы. Въ первый разъ въ присутствіи августѣйшихъ особъ долженъ былъ исполняться модный танецъ. Этимъ окончательно снимался запретъ съ вальса, что составляло само по себѣ событіе большой важности.

Дицъ повелъ по струнамъ волшебнымъ смычкомъ своимъ и запѣлъ сладко и воздушно льющуюся мелодію; постепенно вступали прочіе инструменты и мелодія росла, усложнялась, вновь слабѣла, и вновь гремѣла, и упорительное круженіе звуковъ подняло и покорило всѣ сердца.

Уже полный вечеръ стоялъ въ садахъ и небеса гасли и бѣлѣли съ каждымъ мгновеніемъ. Золотой полоской блеснули вершины деревъ, блескъ сошелъ съ нихъ и сады погрузились въ тѣнь. Въ огромныя открытыя окна теплыя волны душистаго воздуха почти не вливали освѣженія. Но звѣзды не проступали на небѣ. Бѣлая, сѣверная, болѣзненно-загадочная ночь ложилась на стогна столицы, молочнымъ моремъ окутывая Смольный и удвоаясь въ бѣломраморномъ залѣ. Еще страннѣе теперь сіяли огни безчисленныхъ свѣчъ. Онѣ придавали какой-то мертвенный оттѣнокъ лицамъ. Старческія черты проваливались синеватыми пятнами тѣней и казались ослабленными черепами. Но и молодыя цвѣтуція лица поблекли и призрачно измѣнились. Чудесно измѣнилась и княжна Лопухина, но измѣнилась къ лучшему. Ея матовая блѣдность стала сверкающей бѣлизной слоновой кости. Подхваченная ловкимъ кавалеромъ, она понеслась по окружности зала, въ свободномъ его пространствѣ, и ея черныя кудри развѣвались какъ змѣи, ея черные печальные глаза стали бездонно глубоки, она вся была страсть и упоеніе и казалось, упавъ на руки юноши, переносилась волшебной силой вдохновенія.

Смычокъ Дица то рыдалъ, то замиралъ упоительно, то молилъ, то грозилъ, то смѣялся и въ растущей мелодіи появлялось что-то сатанинское. И тогда казалось, что это не дѣвушка танцуетъ, а чародѣйка въ ночные часы совершаетъ чарованія, носясь волшебными кругами.

— Да, это не менуэтъ!—шептали пораженные и плѣненные зрители.

Новая сила, новая власть, новая жизнь входила съ этими звуками, съ этимъ танцемъ, и какъ наивны теперь казались поклоны и граціозные повороты, и всѣ ухищренія стараго танца, послѣдняго менуэта отходящаго прошлаго!..

Екатерина Ивановна Нелидова вздрогнула при первыхъ звукахъ ненавистнаго ей вальса и затѣмъ уже не могла отвести глазъ отъ соперницы. Сначала ей все казалось только неприличнымъ и безобразнымъ въ этомъ грубомъ мѣщанскомъ танцѣ: и близость кавалера къ дамѣ, дерзко обнимающаго ея талию, и эти сплетшія ихъ руки, и однообразные па и повороты. На что тутъ было смотрѣть? Чѣмъ любоваться? Гдѣ искусство? Пристойно ли исполнять предъ очами императора низкую пляску грубыхъ нѣмецкихъ ярмарокъ и базаровъ! Всѣ чувства ея были оскорблены.

— *Quelle bassesse! Quelle bassesse!*—шептала она съ горечью.

И что сдѣлалась съ Длицемъ? Что такое онъ играетъ! Краска залила подъ румянами щечки маленькой фаворитки. Звуки скрипки перваго скрипача его величества казались ей крайне неприличными, даже дерзкими. Съ живостью перевела она взглядъ съ танцующей пары на императора. Къ величайшему своему удовлетворенію, она замѣтила, что императоръ во всякомъ разѣ доволенъ не былъ. Въ самомъ дѣлѣ, при первыхъ звукахъ вальса, при первыхъ круженіяхъ пары императоръ Павелъ Петровичъ характернымъ жестомъ вздернулъ голову и лицо его выразило удивленіе и почти неудовольствіе. Но, увы! Это было недолго! Вдругъ ноздри его стали раздуваться, глаза засверкали насмѣшливымъ огнемъ, щеки втянулись и губы искривила гримаса, онъ сталъ потирать руки, переступать съ ноги на ногу и, поворачиваясь въ разныя стороны, подмигивать окружающимъ придворнымъ. Тѣ, въ свою очередь, подхватывали и повторяли ужимки императора, какъ вѣрное зеркало, и скоро зала представляла интересную сцену многихъ вельможъ и генераловъ, въ допотопныхъ мундирахъ, съ буклями и косичками, подпрыгивающихъ, потирая руки, и такъ рѣзко помахивающихъ головами, что косички летали въ разныя стороны. Екатерина Ивановна отлично знала и ненавидѣла это странное, почти шутовское состояніе Павла Петровича, этотъ полу-искренній, полу-притворный насмѣшливый восторгъ его. Въ эти минуты сказывалась въ немъ, быть можетъ, кровь его отца, Петра третьяго, въ такомъ видѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ стаканомъ пунша въ

рукѣ выходявшаго на балконъ, кобенившася и кривлявшася тамъ, на соблазнъ народу, какъ паяцъ въ ярмарочномъ балаганѣ.

— *Quelle bassesse! Quelle bassesse!*—съ горечью повторяла Екатерина Ивановна.

Но скоро звуки и круженіе—ненавистной соперницы стали внушать ей чувство гнетущей тоски и ужаса. Прыжки и повороты императора становились все рѣзче, все нелѣпѣе, а вслѣдъ за ними и повторявшихъ ихъ придворныхъ, отлично знавшихъ, что нельзя было больше угодить императору, какъ дѣлая видъ, что совершенно понимаешь всѣ такіе жесты и неостижимыя восклицанія его. Звуки скрипки Дица принимали все болѣе томительно страстный, волнебно заклинающій характеръ, одуряющая власть круженія охватывала Нелидову, всю свою ненависть соединившую на кружившейся въ прозрачномъ, бѣломъ хитонѣ, съ змѣями—черными кудрями, дьяволицѣ.

Голова старой фрейлины стала кружиться. Ей было душно, тошно. И вдругъ ужасный, съ дѣтскихъ дней мучившій ее сонъ на яву представился ей. Представился ей глубокій, крутящійся черный омутъ стремительной рѣки, осѣненной старыми, мрачными мшистыми деревьями и надъ нимъ безумная, хохочущая и рыдающая дѣвушка, а изъ омута тянется и простираетъ къ ней руки полу-рыба, полу-женщина и манитъ къ себѣ. Омутъ вращается и затягиваетъ, и въ пучинахъ его страшныя, уродливыя существа движутся и скалятъ зубы... Съ ужасомъ отшатнулась Екатерина Ивановна отъ омута и, быть можетъ, упала-бы, если-бы ее незамѣтно для другихъ не поддержали дружественныя руки престарѣлой принцессы Тарантъ.

— Дорогая, вамъ дурно!—шептала она.—Обопритесь на мою руку! Выйдемте изъ душнаго многолюдства въ садъ.. Вы освѣжитесь!

И принцесса, одной рукой поддерживая трясущуюся челюсть, а другой ослабѣвшую Екатерину Ивановну, проскользнула къ выходу и вывела ее въ сумрачную колоннаду, а оттуда въ цвѣтники.

XI.

Высочайшая прогулка.

Никто не замѣтилъ удаленія изъ зала Екатерины Ивановны, такъ всѣ увлечены были зрѣлищемъ перваго вальса въ высочайшемъ присутствіи. Но это не укрылось отъ остраго взгляда императора Павла Петровича.

Онъ вдругъ прекратилъ свои чудаческіе жесты. Тонкая улыбка пониманія появилась на его губахъ. Взглядъ сталъ прекрасенъ, задумчивъ и мягокъ.

Онъ выразилъ желаніе, чтобы танцы продолжались и, подойдя къ княжнѣ Лопухиной и Рибопьеру, при приближеніи императора искусно закончившихъ туръ и обмѣнивавшихся взаимными глубокими реверансами, милостиво выразилъ похвалу искусству танцовровъ:

— Танецъ сей не весьма приличенъ, — замѣтилъ, однако, Павелъ Петровичъ, — и довольно воленъ. Но ты, Рибопьеръ, не выходишь изъ границъ благопристойности, а княжна все обращаетъ въ прелесть, до чего коснется, — съ любезнѣйшей улыбкой говорилъ императоръ.

Княжна Лопухина низко присѣла.

Императоръ отвѣчалъ классическимъ Версальскимъ поклономъ. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ изобразилось восхищеніе.

— Да, ты отлично танцевалъ, — продолжалъ Павелъ, кладя руку на плечо Рибопьера, который сталъ, повернувъ голову, цѣловать эту монаршую руку, какъ руку любовницы. Мальчикъ отлично зналъ, чѣмъ рисковалъ, пустившись вальсировать съ фавориткой императора, хотя и по его желанію. Вышше сіяя радостью, въ юношескомъ, но уже искушенномъ съ дѣтскихъ лѣтъ придворной жизнью еще при покойной монархинѣ, сердцѣ, онъ испытывалъ, во время безпечнаго порханія своего по огромной залѣ, смертный холодъ крайней опасности. Теперь онъ отдохнулъ и не зналъ отъ восторга, гдѣ находится — на землѣ или на небѣ.

— Танцуй, братецъ, всегда съ княжной вальсъ! — продолжалъ императоръ. — Доколѣ очамъ ея угоденъ. Только, пожалуйста, не по этой новѣйшей модѣ, ухватя за станъ обѣими руками, причемъ дама кладетъ руки на плечи кавалеру и оба смотрятъ другъ другу въ глаза. Это, братецъ, непристойно, скверно! Чтобъ этого, вообще, не допускалось на балахъ! — сказалъ онъ, поворачиваясь къ графу Кутайсову, незамѣтно очутившемуся въ сферѣ зрѣнія государя. — Составь въ этомъ смыслѣ приказъ и представь завтра къ подписанію нашему!

И давъ жестомъ знакъ продолжать танцы, императоръ направился къ выходу въ садъ. Тамъ онъ увидѣлъ графа Ростопчина.

— Пойдемъ, Ростопчинъ, — сказалъ онъ графу, — погуляемъ по саду «инкогнито»!

Всѣ знали, что это значить: съ этой минуты не должно было узнавать государя и намѣренно встрѣчаться съ нимъ. Императоръ, сопровождаемый графомъ, вышелъ въ цвѣтникъ. Взоръ его блуждалъ, кого-то отыскивая.

Замѣтивъ вдаль, на мраморной скамейкѣ, Екатерину Ивановну, которой принцесса Тарантъ давала нюхать флаконъ съ солями и мочила ей виски «водою венгерскаго короля», императоръ велѣлъ графу дожидаться въ цвѣтникѣ, а самъ направился туда «*privato mente*».

Екатерина Ивановна уже совершенно оправилась, и, когда императоръ подошелъ къ ней, съ достоинствомъ поднялась ему на встрѣчу.

— Я замѣтилъ,—сказалъ съ чарующей ласковостью Павелъ Петровичъ,—мгновенный недугъ вашъ, конечно приключившійся отъ духоты многолюдства, и удаленіе ваше. Не угодно-ли будетъ вамъ освѣжиться въ сей тѣнистой и прохладной перспективѣ,—предложилъ императоръ руку фрейлинѣ.—А васъ, принцесса,—сказалъ онъ принцессѣ Тарантъ,—прошу слѣдовать за нами въ приличномъ разстояніи.

Принцесса отвѣчала глубочайшимъ реверансомъ, опустивъ скромно глаза, съ выраженіемъ пониманія возлагаемой на нее обязанности. Екатерина Ивановна оперлась на руку государя и онъ повелъ ее въ длинную, крытую аллею, завитую сплошь дикимъ виноградомъ и каприфолью, такъ что въ ней было совершенно сумрачно даже въ эту бѣлую ночь. У входа въ аллею императоръ обернулся и глазами далъ знакъ графу Ростопчину, прогуливавшемуся въ отдаленіи, что надо стать у входа аллеи на караулѣ.

Принцесса Тарантъ дождалась, когда пара скрылась въ глубинѣ аллей, и потомъ двинулась сама, переживая вновь сцену былого Версальскихъ садовъ королевской придворной жизни, съ благородной осанкой дуэньи августѣйшаго свиданія и съ трепетомъ наслажденія отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Придерживая одной рукой высокіе воланы стариннаго наряда, а другой трясушую челюсть, переступая на высокихъ каблучкахъ старческой, колеблющейся походкой, углубилась она въ сквозныя тѣни таинственнаго хода.

Пустынные сады, окутанные молочнымъ сумракомъ сѣверной ночи, молчали, курясь ароматомъ спящихъ цвѣтговъ. Призрачно мелькали статуи на лужайкахъ. Изъ сѣвшаго зданія Смольнаго лились нѣжныя звуки.

Едва старая принцесса исчезла въ аллеѣ, графъ Ростопчинъ, нахмуренный, встревоженный, злой, саркастически кривя губы, сталъ на часахъ у ея входа, пробормотавъ любимую поговорку:

— Безъ дѣла и безъ скуки стою, сложивши руки!...

Принадлежа къ партіи Кутайсова и Лопухинныхъ, онъ испытывалъ весьма понятное безпокойство. Что могла принести эта таинственная прогулка въ крытой аллеѣ Павла Петровича съ ex-фавориткой? Предугадать было не легко.

ХІІ.

Счастіе императора Павла.

— Екатерина Ивановна,—сказалъ Павелъ Петровичъ Нелидовой, когда они вступили въ сумрачный ходъ подъ зыбкимъ сводомъ листовъ,—ваши чувства мнѣ понятны. Онѣ прямо благородны,

это мнѣ извѣстно. Но я не вижу причины вашего удаленія отъ двора. Скажите!

— Государь,—отвѣчала маленькая фаворитка,—пребываніе мое при дворѣ теперь излишне. Высокая честь дѣлать досуги государыни для меня сопряжена съ опасностями. Могу-ли не замѣтить перемѣны въ расположеніи нашего общаго друга, всегда бывшаго единой нашей мыслью, единой заботой! Ахъ, та прекрасная цѣль, къ которой мы обѣ всегда стремились, удалилась отъ насъ на разстояніе недосыгаемое!

— Значитъ, была цѣль? переспросилъ императоръ.

— Цѣль была одна.

— Какая?

— Счастіе Павла!

— Счастіе Павла!..— съ горечью повторилъ императоръ.—Гдѣ оно? Павелъ родился для несчастія. Оно недостижимо для него. И если оно когда-либо ему улыбалось, то невозвратно.

— Нани дружескіе заговоры направлены были къ тому, чтобы возвратить его Павлу.

— Заговоръ хотя-бы и дружескій, все-же заговоръ. Испорченная природа человѣка въ самомъ добрѣ себя проявляетъ,—сказалъ грустно Павелъ Петровичъ.

— О, государь! Въ этихъ подозрѣніяхъ вашихъ, въ ихъ возможности, не лучшее-ли доказательство того, что время удаленія моего и навсегда приспѣло?—съ огорченіемъ сказала Нелидова.

— Павелъ родился для несчастія,—повторилъ императоръ.—Это показано и въ гороскопѣ, составленномъ знатнѣйшими математиками для меня. Несчастный правнукъ великаго прадѣда, я возшелъ на окверненный и окровавленный тронъ. И я несчастенъ и друзья мои сострадаютъ со мною. Тяжелое вліяніе недоброй планеты тяготѣетъ на мнѣ. Прадѣдъ мой... Кажется, я его вижу!—загадочно сказалъ императоръ, устремивъ взоръ въ глубину аллеи, гдѣ бѣлый сумракъ сѣверной ночи сгустился.

— Всѣ страдающіе имѣютъ право на мое сочувствіе,— сказала Нелидова.—Но когда страдаетъ Павелъ, съ нимъ страдаетъ Россія и вся Европа. Какъ же высокъ жребій облегчать это страданіе! Вотъ что единственно имѣла я въ виду, приближаясь къ трону.

— Благородный другъ мой, люди не понимаютъ благородства. По подлости чувствъ и намѣреній своихъ они и о другихъ заключаютъ. Съ людьми слѣдуетъ обращаться какъ съ собаками, но они хуже собакъ. Такъ и наши отношенія въ ихъ глазахъ приняли значеніе низменной связи.

— Развѣ я когда-либо смотрѣла на васъ, какъ на мужчину?— вскричала Нелидова.—Клянусь вамъ, что я не замѣчала этого съ того времени, какъ къ вамъ привизана. Мнѣ казалось, что вы— моя сестра!

— Души не имѣютъ пола,—сочувственно отозвался Павелъ.

— Я не становилась между императоромъ и супругой его!— горячо продолжала фаворитка, волнуясь.— Я искала одного титла— титла друга императора Павла и друга страждущихъ. Я познала великую, прекрасную, добрую душу Павла, сквозь туманы злыхъ сновъ его и тучи мрачныхъ подозрѣній. Я нашла къ душѣ его дорогу и хотѣла всеѣмъ показывать путь къ ней! Вспомните всю мою жизнь: не была ли она исключительно посвящена на то, чтобы любить васъ и заставлять другихъ васъ любить? Вспомните, что, по вступленіи вашемъ на тронъ, я искала только одного: остаться покойной и быть забытой въ своемъ мирномъ уединеніи. Гдѣ найдете вы доказательства или даже проявленія моихъ честолюбивыхъ чувствъ и расчетовъ?

— Чего-же вы хотите отъ меня, другъ мой?—спросилъ Павелъ.

— Честный Бугсевденъ съ супругою удаляются въ замокъ Лоде,—сказала Нелидова.— Не воспользуйтесь, государь, своей властью для того, чтобы воспрепятствовать мнѣ послѣдовать за моей добродѣтельной подругой въ ссылку, куда вы ее отправляете!

Императоръ принялъ руку, на которую опиралась Нелидова, и, отступивъ, сдѣлалъ ей почтительный поклонъ. Екатерина Ивановна отвѣчала глубокимъ реверансомъ. Въ глубинѣ аллеи показалась принцесса Тарантъ. Императоръ сдѣлалъ ей знакъ приблизиться.

— Mademoiselle утомлена и желаетъ удалиться къ себѣ,—сказалъ онъ.— Прошу васъ сопровождать ее!

И повернувшись, Павелъ Петровичъ быстро пошелъ назадъ по аллеѣ.

Росточникъ, караули у входа въ нее, съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки свиданія, когда императоръ появился, двигаясь большими шагами. Въ сумракѣ бѣлой ночи нахмуренное лицо его приняло странный, мертвенный цвѣтъ. Подойдя къ Росточнику, онъ остановился и произнесъ торжественно:

— Графъ Росточникъ, замѣть, что скажу сейчасъ. Свѣтъ судитъ по себѣ и собственною подлостью чернитъ чужіе характеры. И я видѣлъ, какъ злоба выставляла себя судьей и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между Нелидовой и мною! Относительно этой связи клянусь тѣмъ Судилищемъ, предъ которымъ мы все должны явиться, что предстанемъ предъ нимъ съ совѣстью, свободно отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовать этого цѣною своей крови! Клянусь еще разъ всеѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ!

XIII.

Служеніе въ храмѣ Весты.

Когда императоръ возвратился въ залу, гдѣ шли одушевленные танцы, начальница Смольнаго господа Делатонъ почтительнѣйше просила разрѣшенія воспитанницамъ преподнести царственной именинницѣ заготовленный сюрпризъ.

Императоръ разрѣшилъ и велѣдъ затѣмъ открылось шествіе подъ звуки оркестра роговой музыки въ монастырскіе сады. Роговая музыка была скрыта въ куртникахъ, и нѣжная гармонія, казалось, сама рождалась въ блѣдныхъ сумракахъ благовонной ночи.

По спутаннымъ тропамъ между пригорками, дужайками, цвѣтущими кустами, вереница паръ двинулась къ кедровой рошѣ. Императоръ велъ императрицу впереди шествія.

Въ кедровой рошѣ открылся предъ царственной четой сверкающій огнями храмъ Весты. Сквозная круглая колоннада была увита гирляндами цвѣтовъ. Между столбами рѣяли на незримыхъ подвѣскахъ разноцвѣтныя кристалльныя лампы съ огнями внутри. Посрединѣ храма на пьедесталѣ высилось скульптурное изображеніе въ образѣ Весты самой Маріи Федоровны. Передъ нимъ на треножникѣ курился ароматическій дымъ.

Вдругъ изъ-за темныхъ могучихъ кедровъ вышелъ сонмъ дѣвицъ, въ бѣлыхъ хитонахъ. Головы ихъ были покрыты прозрачными фатами. Въ рукахъ онѣ держали цвѣты. Обойдя вокругъ жертвенника и павши на колѣни предъ статуей богини, онѣ запѣли подъ аккомпаниментъ арфъ:

О, счастливымъ земнороднымъ
Благостна, прекрасна мать!
Если взоромъ благосклоннымъ
Созволишь презирать
Дѣвъ тобою вскормленныхъ,
И прощенью вмемлешь ихъ:
То внуши молитвъ усердныхъ
Гласъ воспитанницъ твоихъ
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки твоей,
Благоправья въ блескѣ новомъ,
Непорочности стезей
Велѣдъ мы ходимъ за тобою
И достойными тебя
Будемъ живнью святою,
Добродѣтель вѣкъ любя.

Затѣмъ дѣвицы возложили цвѣты на курящійся треножникъ.

Императрица Марія Федоровна была глубоко тронута преданностью смолянокъ. Тутъ выступило прелестное дитя лѣтъ шести, съ русыми кудрями, обрамлявшими ея ангельское личико;

видимо робѣя, устремивъ большіе глаза на царственную чету, ребенокъ произнесъ на французскомъ языкѣ слѣдующее привѣтствіе:

— Chers objets de nos vœux, vous êtes nos divinités; oui, je vois Minerve, déesse de la sagesse, des sciences et des arts; Phébus, dieu de la lumière, et Hébé, ornement de l'empire: vous quittez l'Olympe pour embellir ces lieux; vous nous inspirez cette extase divine et cette joie céleste, que les dieux seuls ont le pouvoir de produire! (Дорогіе предметы нашихъ стремленій, вы наши божества; да, я вижу Минерву—богиню мудрости, наукъ и искусствъ; Феба—бога свѣта, и Гебу—украшеніе власти; вы оставили Олимпъ, чтобы плѣнить эти мѣста; вы внушили намъ этотъ божественный восторгъ и эту небесную радость, которые могутъ производить одни только боги!)

Императрица привлекла къ себѣ прелестную малютку и расцѣловала ее. Затѣмъ она, въ теплыхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, благодарила начальницу Смольнаго, воспитательницъ и благородныхъ дѣвушекъ.

Между тѣмъ, въ садахъ, въ крытыхъ аллеяхъ, въ рощахъ, въ боскетахъ и куртинахъ всюду зажглись разноцвѣтные огни. Парочки искали уединенія. Всюду мелькали ленты и воздушные хитоны монастырокъ и возлѣ нихъ яркіе мундиры юныхъ служителей Марса.

Поэтъ Державинъ, взирая на влюбленную юность, сказалъ стихами о монастыркахъ, что онѣ:

Здѣсь, съ невинностью питаи
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавляются, не зная
Сладостныхъ заразы любви;
И сокрывшись въ листья, въ гроты,
И облекшись въ блѣдну ночь,
Мѣтять тщетно въ нихъ Эроты,
И летать съ досадою прочь!

Но Эроты не летѣли прочь съ досадою и прелестныя пустынножительницы вовсе не отличались такимъ безстрастіемъ. Горячей волною приликала кровь къ нылающимъ сердечкамъ, не одна ручка трепетала и отвѣчала на тайное пожатіе, не одна головка невольно приближалась къ плечу стройнаго рыцаря и, подъезжая сумракомъ и таинственнымъ зеленымъ уголкомъ боскета или рощи, алыя уста сливались въ первомъ блаженномъ поцѣлуѣ...

Между тѣмъ, ночь быстро проходила и алый свѣтъ заструился, постепенно заливая сады. Огни иллюминаціи потонули и поблѣднѣли въ пламени наступавшаго утра. Сады дымились легкимъ туманомъ подъ перлами и брилліантами росы. Высочайшіе гости отбывали на яхтѣ и на главной аллеѣ опять собрались монастырки.

Онѣ провожали отбывающую чету радостными кликами. Затѣмъ, выстроенныя воспитательницами въ стройныя когорты, были отведены въ дортуары. Не одна вздыхала, проходя, опустивъ смиренно глаза, мимо кавалеровъ. Затѣмъ начался разѣздъ утомленныхъ гостей.

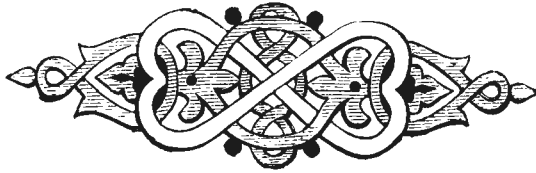
Допухина возвращалась въ экипажѣ родителя и юный Рибошьеръ, усаживая ее, имѣлъ удовольствіе слышать изъ устъ красавицы:

— Непремѣнно приходите къ Долгорукимъ танцевать вальсъ! Вы слышали, что императоръ приказалъ вамъ всегда танцевать вальсъ со мною!..

Н. А. Энгельгардтъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. П. ЛИТВИНОВА, ¹⁾

помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича.

II.

ОДЪ 1866, 4 апрѣля, понедѣльникъ. «...памятенъ для насъ этотъ день, и долго Россія возносить будетъ горячія молитвы въ годовщины этого дня.

«...Въ 2 часа поѣхалъ я съ великими князьями въ манежъ Аничкова дворца. Поѣздивъ верхомъ и погонявъ лошадей на волѣ, мы отправились обратно во дворецъ около 4^{1/2} часовъ: Александръ Александровичъ въ коляскѣ съ Алексѣемъ Александровичемъ, а я съ молодымъ Перовскимъ. На лѣстницѣ комендантскаго подъѣзда я встрѣчаю Георгія Тимофѣевича (Бока), съ лицомъ весьма разстроеннымъ. Онъ спросилъ меня, слышалъ ли я, что кто-то стрѣлялъ въ государя. Я кинулся на верхъ къ великимъ князьямъ и уже не засталъ ихъ у себя.

«Камердинеръ встрѣтилъ Александра Александровича на лѣстницѣ и, обливаясь слезами, сказалъ ему, что въ государя стрѣляли; Александръ Александровичъ побѣжалъ къ государю, не зная даже, что все кончилось благополучно. Увидѣвъ государя, онъ кинулся въ его объятія. Эта трогательная сцена произошла на глазахъ всего государственнаго совѣта, который прежде всѣхъ узналъ о событіи отъ Николая Максимиліановича

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 41.

и Маріи Максимиліановны, будучи въ сборѣ, какъ обыкновенно бываетъ по понедѣльникамъ. Государственный совѣтъ приносилъ государю поздравленіе уже послѣ молебствія, совершеннаго имъ въ большой церкви Зимняго дворца. Когда я пришелъ въ приемную, то тамъ собрались большею частью всѣ близкія государю лица. Всѣ мы поздравляли и цѣловали его. Самъ государь пошелъ въ спальню къ императрицѣ, разбудилъ ее и сообщилъ ей о случившемся. Она приняла это, какъ и всегда, съ необычайною твердостью.

«Когда собрались всѣ члены царской фамиліи, послали за дежурнымъ священникомъ, чтобы отслужить въ малой церкви благодарственный молебенъ. Государь пригласилъ всѣхъ присутствующихъ войти въ самую церковь. Пѣвчихъ на лицо было только два человѣка, но хоръ пополнился рейткнехтами и ѣздовыми; во время самой службы стали подходить и другіе пѣвчіе, такъ что многолѣтіе пропѣто было уже большимъ хоромъ басовъ и теноровъ. Въ 6^{1/2} часовъ велѣно было собраться офицерамъ гвардейскаго корпуса въ бѣломъ залѣ. Привели и того, чья рука избрана была Провидѣніемъ для избавленія дорогой жизни государя отъ опасности—Осипа Ивановича Комисарова. Какъ только государь съ императрицей и дѣтьми вошли въ залъ, стѣны заколебались отъ криковъ «ура».

«Подвели Комисарова; государь и императрица поцѣловали его въ уста.

— Чѣмъ могу наградить тебя,—сказалъ государь;—я сдѣлаю его дворяниномъ; надѣюсь, господа, что вы ничего не будете имѣть противъ этого.

«Въ отвѣтъ на это опять заколебались стѣны. Отъ слезъ не было возможности удержаться».

5 апрѣля, вторникъ. «...Въ 11 часовъ великіе князья отправились въ Исаакіевскій соборъ на благодарственное молебствіе. Народу было огромное стеченіе; изъ царской фамиліи не были только государь, императрица и Марія Александровна. Послѣ молебна великіе князья отправились къ государю и принимали поздравленія отъ дворянъ и представителей городскихъ сословій. Владимиру Александровичу очень понравилась рѣчь Орлова-Давыдова.

«Въ 2 часа оба великіе князя легли спать. Владимиръ Александровичъ велѣлъ коляску отпустить, полагая потомъ выѣхать съ Александромъ Александровичемъ. Вдругъ прибѣгаетъ человѣкъ отъ государя звать великихъ князей въ Лѣтній садъ на молебствіе къ 3^{1/2} часамъ. Владимиръ Александровичъ побѣжалъ къ брату; наслу дождавшись экипажа, они побѣжали и застали начавшееся уже молебствіе, на которомъ присутствовали ихъ величества и всѣ мужчины царской фамиліи. Молебенъ служили на томъ самомъ мѣстѣ и въ тотъ же часъ, въ который вчера слу-

чилось ужасное покушеніе. Народъ стоялъ по всей набережной у Лѣтняго сада сплошной массой, съ открытыми головами. Пробраться къ мѣсту молебна почти не было возможности. Когда запѣли «много-лая лѣта», поднялись восклицанія изъ народа, неумолкаемое—«много-лая лѣта», такъ что и пѣвчихъ уже не было слышно».

14 апрѣля, четвергъ. «Мы собирались ѣхать къ Бярятинскому и уже Владимиръ Александровичъ былъ въ полной парадной формѣ, какъ доложили о принцѣ Гогенлоэ. Медіатизированный монархъ пріѣхалъ поздравить государя и великихъ князей съ благополучнымъ избавленіемъ отъ покушенія 4 апрѣля. Онъ былъ съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 22-хъ, находящимся въ службѣ Вюртембергскаго короля и говорящимъ по-русски такъ чисто, какъ природный москвичъ. Говорятъ, что принцъ, его отецъ, обѣщалъ покойной императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, что сынъ его, пребывая всегда въ западной Европѣ, тѣмъ не менѣе, научится по-русски, и принцъ Гогенлоэ сдержалъ обѣщаніе, давъ своему сыну русскаго гувернера, г. Константинова».

25 мая, среда. «Встали въ 5^{1/2} часовъ и только что услѣли проглотить чашку чаю, какъ принуждены были сѣсть въ экипажи и отправиться въ Колпино. Оттуда мы тронулись въ 8 часовъ. Въ 10^{1/2} часовъ мы прибыли въ Москву. Какъ и нужно было ожидать, Москва иллюминировалась и запрудила всѣ улицы народомъ. Шталмейстеръ Голицынъ узналъ стороною, что народъ намѣренъ отпречь лошадей изъ кареты государя и довести его до Кремля на рукахъ. Чтобы избавиться отъ этой утомительной прогулки, приказано было кучеру ѣхать во весь духъ, чтобы не дать времени толпѣ образумиться, и дѣйствительно отъ желѣзной дороги до Иверской Божіей Матери государя доставили въ 9 минутъ. Великіе князья очень отстали отъ государя и Борису. Алексѣевичу (графу Перовскому) со мною удалось все время слѣдовать за ними»...

26 мая, четвергъ. «Послѣ чая великіе князья надѣли полную парадную форму и сдѣлали визиты генераль-губернатору, князю Долгорукову, и военному начальнику, генералу Гильденштубе. Вернувшись домой, они отправились на выходъ государя къ Чудову монастырю. Во дворцѣ была такая же толкотня и давка, какъ на Московской улицѣ. Расходившіеся москвичи тискались и лѣзли впередъ, несмотря на то, что дамъ было очень много и всѣ онѣ очень отъ этого страдали. Послѣ службы и завтрака отправились къ Лефортовскому дворцу, противъ котораго собраны были имѣющіяся подъ рукою войска. Сначала государь, а потомъ императрица объѣхали ряды войскъ, и затѣмъ войска прошли мимо государя два раза—по-ротнѣ развернутымъ фронтомъ, а потомъ—колоннами.

«Съ плацъ-парада государь поѣхалъ въ Елизаветинскій институтъ. Владимиръ Александровичъ заѣхалъ туда на минуту, да ско-

рѣе домой, потому что очень усталъ. Въ 7^{1/2} часовъ отправились въ театръ. Балетъ далеко уступаетъ нашему, да вдобавокъ танцовщицы какъ будто болѣе раздѣгы въ Москвѣ, нежели у насъ. Въ комедіи «Кохинхинка» играли лучшіе актеры, но пьеса не удалась—вышло какъ-то вяло. Государь былъ встрѣченъ въ театрѣ съ большимъ восторгомъ—въ газетахъ ничего не преувеличено».

27 мая, пятница. «Великіе князья съѣздили утромъ къ митрополиту съ графомъ Борисомъ Алексѣевичемъ (Перовскимъ). Александръ Александровичъ принялъ камеръ-юнкера Арапова, который его такъ заговорилъ о достоинствахъ Каткова, что я пришелъ выручать бѣднаго Александра Александровича. Потомъ Александръ Александровичъ сидѣлъ цѣлый день дома, а Владимиръ Александровичъ отправился со мною въ Зоологическій садъ. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ разразилась страшная гроза и мы принуждены были просить крова у директора Калиновскаго. Мы просидѣли у него около ³/₄ часа, и Владимиръ Александровичъ все время съ нимъ разговаривалъ весьма мило и умно. Когда прошла гроза, мы обошли весь садъ, который мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ. Владимиръ Александровичъ заходилъ въ фотографію, расположенную въ саду, и снялъ съ себя на память карточки и большой портретъ.

«Сегодня назначенъ большой парадный обѣдъ, который окончился около 7 часовъ. Сейчасъ послѣ обѣда, великіе князья простились съ родителями и отправились обратно въ Питеръ (чтобы отътуда ѣхать въ Данію)».

III.

1879 г., 2 апрѣля, понедѣльникъ, 2-й день Пасхи. «Минуть 20 десятаго часа по утру тревожный звонокъ. Василій (камердинеръ) прибѣгаетъ и говоритъ, что въ государя стрѣляли, но, слава Богу, не задѣли, и что всѣ собираются во дворецъ. Одѣться въ парадную форму и быть на улицѣ -- взяло не болѣе 5 минутъ. Жалкій, истрещанный «Ванька» предложилъ услуги и съ восхищеніемъ началъ рассказывать, какъ онъ везъ барина какъ разъ подлѣ того мѣста и въ то время, какъ злодѣй стрѣлялъ. «Должно быть, изъ студентовъ» добавилъ онъ. Я сильно въ этомъ усумнился. Внизу, на Салтыковскомъ подъѣздѣ встрѣчаю молодого жандармскаго офицера, съ изогнутой саблей въ рукѣ, и Мевеса ¹⁾. Мевесъ во время катастрофы тоже гулялъ. Услышавъ выстрѣлъ и узнавъ въ чемъ дѣло, онъ бросился сообщить Рылѣву ²⁾, а затѣмъ къ моему швейцару Вейнбергу. Я побѣжалъ въ пріемную государя, разспрашивая по дорогѣ Мевеса, что онъ знаетъ. Оказа-

¹⁾ Мевесъ, Ричардъ Трояновичъ, впоследствии командиръ Павловскаго полка.

²⁾ Рылѣвъ, Александръ Михайловичъ, генераль-адъютантъ.

лось, что у молодого жандармскаго офицера искривлена сабля оттого, что онъ ударилъ плашмя преступника, отчего тотъ упалъ на землю; тутъ его и схватили. Въ приѣмной государя я встрѣтилъ гр. Эдуарда Баранова, Грота, Грима, Воронцова-Дашкова и нѣкоторыхъ другихъ. У Баранова были слезы на глазахъ; кажется, его кухонный мужикъ былъ свидѣтелемъ части катастрофы и такъ какъ видѣлъ, что двое поддерживали государя, то и сообщилъ Баранову, что государь убитъ. Вотъ причина его неподдѣльнаго волненія. Вскорѣ государь вышелъ отъ императрицы нѣсколько взволнованный, но веселый и здоровый на видъ. Онъ насъ всѣхъ перецѣловалъ, но очень разсердился на толстяка Н. Ив. Бахметева ¹⁾, который началъ громко рыдать и подвывать, что было весьма некстати. Государь сердитымъ голосомъ сказалъ ему, чтобы молебствіе было послѣ обѣдни; потомъ началъ рассказывать намъ, присутствующимъ, какъ все это случилось.

«Въ это время вошла Евгенія Максимиліановна съ мужемъ и сыномъ и прервала весьма для меня интересный разговоръ. Поздоровавшись съ ними, государь вошелъ въ кабинетъ, не продолжая разсказа. Выйдя изъ приѣмной государя съ Воронцовымъ-Дашковымъ, мы стоворились заѣхать къ Зурову ²⁾, узнать что-нибудь о преступникѣ. Въ домѣ градоначальника насъ встрѣтилъ какой-то хожалый, предложившій намъ услуги, чтобы провести въ ту комнату, гдѣ находится стрѣлявшій. Черезъ приѣмную и столовую мы прошли въ небольшой коридорчикъ, изъ котораго дверь вела на черную лѣстницу. Поднявшись на одинъ этажъ выше, мнѣ бросилась въ глаза надпись на дверяхъ: «отдѣленіе приключеній»; въ эту дверь мы и вошли. Тутъ мы увидѣли очень длинный коридоръ, образованный съ одной стороны окнами, а съ другой стороны—деревянной бѣлой стѣной съ нѣсколькими дверями. Первая дверь направо вела въ темную комнату, биткомъ набитую солдатами въ полной амуниціи съ ружьями—это караулъ. Обязательный хожалый отворилъ дверь въ слѣдующую комнату, со словами: «онъ тутъ». Въ длинной, но свѣтлой комнатѣ въ одно окно было порядочно много народу. Тутъ были и статскіе, и военные въ адъютантской формѣ, и полицейскіе; тутъ же былъ и Федоровъ, помощникъ градоначальника. Налѣво, на кожаномъ диванѣ, въ полулежачемъ, въ полусидячемъ положеніи находился молодой человекъ, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, съ длинными русыми волосами и тонкими бѣлесоватыми усами. Онъ былъ въ толстомъ осеннемъ пальто, лѣвая рука его покоилась на колѣнѣ, головою онъ уткнулся въ уголъ дивана и правою рукою подпиралъ щеку. Онъ имѣлъ видъ человека въ обморочномъ состояніи. Подъ ногами на полу были

¹⁾ Завѣдующій пѣвческой капеллой.

²⁾ Градоначальникъ.

двѣ лужи. Федоровъ мнѣ объяснилъ, что его рвало; полагаетъ, что онъ отравился, а потому давалъ ему пить молоко. На это я замѣтилъ, что слѣдовало бы обратиться за врачебною помощію; но за врачами разсылали въ разныя стороны и никого не нашли. Тогда я предложилъ имъ послать во дворецъ за Головинымъ, котораго я только что видѣлъ и котораго, конечно, тамъ застанутъ.

«Юный жандармскій офицеръ, тотъ самый, у котораго изогнутая шашка не входила въ ножны, съ восторгомъ принявъ мое предложеніе, только просилъ меня провести его по комнатамъ дворца и вмѣстѣ отыскать Головина.

«Дорогой онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ, какъ кинулся на преступника и какую историческую роль разыграла его тульская шпаженка. Видно было, что онъ отъ радости не чувствовалъ земли подъ собой, и роль спасителя приятно ему улыбалась. Головина нашли, и онъ немедленно поѣхалъ въ домъ Зурова.

«Къ 12 часамъ ротонда передъ малою церковью и весь коридоръ были биткомъ набиты народомъ. Я насилу протискался въ ротонду, тѣснота была такая страшная, что во время молитвы съ колѣнопреклоненіемъ не всѣ могли встать на колѣни. По окончаніи службы, государь поцѣловался со всѣми бывшими тамъ дамами. Подъ руку съ императрицей государь тихо двигался въ толпѣ, которая рвалась поцѣловать его руку или въ плечо. Черезъ свою пріемную государь прошелъ въ комнаты императрицы и черезъ «золотую» гостиную направился въ бѣлый залъ, гдѣ собраны были всѣ чины гвардіи, флота и арміи.

«Оглушительное «ура» встрѣтило государя. Когда онъ сдѣлалъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, мгновенно послѣдовало молчаніе, и я изъ «золотой» гостиной ясно слышалъ его ровный и на этотъ разъ довольно громкій голосъ, безъ признаковъ хрипоты. Меня удивило то, что сильное волненіе и неизбѣжное утомленіе не оборвали его всегда слабаго голоса. Что онъ говорилъ, я разслышать не могъ, потому что былъ слишкомъ далеко; за концомъ его рѣчи опять былъ взрывъ восторга.

«Признаюсь, что любопытство страшно тянуло меня къ преступнику; я поддался легкости доступа въ моемъ мундирѣ и опять отправился въ домъ Зурова. На этотъ разъ меня ввели въ комнату, смежную съ той, гдѣ сидѣлъ несчастный. Это былъ обширный покой въ два или три окна, со многими столами,—ясный признакъ канцеляріи. На диванѣ за столомъ сидѣли нѣсколько штатскихъ,—то были доктора. Тутъ же былъ помощникъ Дрентельна, свиты его величества генераль-маіоръ Черевинъ. Я прямо прошелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ былъ Зуровъ. Тамъ обстановка перемѣнилась. Диванъ стоялъ уже не подлѣ стѣны, а посреди комнаты; на немъ во всю длину лицомъ къ свѣту лежалъ преступникъ. Волосы его были всклокочены, лицо блѣдное и истомленное, глаза нѣсколько

мутны. Его передъ тѣмъ только что сильно рвало, благодаря рвотнымъ средствамъ. Въ него влили нѣсколько противоядїй, и онѣ, конечно, произвели на него дѣйствіе совѣтъ не подкрѣпляющее силы. Подлѣ него на полу стояла умывальная чашка съ порядочнымъ количествомъ блевоты; въ ней замѣтны были кровавыя прожилки. Вѣроятно, только что передъ моимъ приходомъ онѣ очнулся и почувствовалъ себя легче (хорошо, должно быть, это легче!). Онъ попросилъ пашироску и кто-то съ необыкновенною предупредительностью подскокилъ къ нему съ ящичкомъ спичекъ и старательно чиркалъ ихъ. У изголовья преступника, граціозно облокотившись на ручку дивана и элегантно изогнувшись надъ нимъ, стоялъ господинъ среднихъ лѣтъ въ вицмундирѣ съ судейскимъ значкомъ и съ пресладкой улыбкой на устахъ. Замѣтивъ, что преступникъ заговорилъ и, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, какъ будто успокоился, онъ вкрадчивымъ голосомъ сдѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ, на которые молодой человѣкъ отвѣтилъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ. Улыбнувшись еще слаще и нагнувшись еще ниже, онъ вдругъ началъ такую рѣчь:

«Вы знаете, что въ вашемъ положенїи полная откровенность поведетъ къ тому благому результату, что никто изъ невинныхъ не пострадаетъ, тогда какъ въ противномъ случаѣ...» Преступникъ тихо приподнялся на локоть, посмотрѣлъ ему удивленно въ глаза и, махнувъ рукой, улегся снова на диванъ съ явнымъ намѣренїемъ умереть, но не отвѣчать. Признаюсь, я покраснѣлъ отъ стыда за этого служителя русской Немезиды. Можно ли было такъ глупо-рутинно говорить съ человѣкомъ, который, разумѣется, пошелъ на явную смерть и, конечно, предвидѣлъ допросы и въ ображенїи своемъ рисоваль, можетъ быть, и будущія пытки.

«Признаюсь, мнѣ стыдно было оставаться въ комнатѣ и, невольно подражательно махнувъ рукой, я ушелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ разсуждали эскулапы. Туда прїѣхалъ профессоръ Траппъ, патентованный фармацевтъ. Его бывшіе ученики показывали ему орѣшекъ, залѣпленный воскомъ и сургучемъ; по ихъ мнѣнію, оправданному Траппомъ, въ орѣшкѣ содержалась синильная кислота. Траппъ сказалъ, что если бы преступникъ разгрызъ орѣхъ и проглотилъ бы содержимое, то давно бы умеръ. Нужно полагать, что другого запаснаго орѣшка у него не было, что первоначальная рвота была слѣдствїемъ волненїя и, вѣроятно, нѣсколькихъ ударовъ, а кровавыя прожилки, можетъ быть, произошли отъ усиленныхъ противоядїй и рвотныхъ средствъ. По всему видимому можно заключить, что преступникъ будетъ здоровъ и жизнь его подвергается опасности не отъ отравленїя. На первомъ предварительномъ дознанїи онѣ показали, что состоитъ чиновникомъ министерства юстиціи и по фамиліи Соколовъ. Убѣжденъ, что показанїе его ложно.

3 апрѣля. «... Утромъ, часовъ въ 12, забѣжалъ во дворець узнать о здоровьѣ государя императора. Ночь проведена совершенно спокойно, астмъ не было никакихъ, и онъ находился въ бодромъ расположеніи духа. Слава Богу! Кажется, во дворцѣ ночевалъ на всякій случай Головинъ. Боткинъ пробылъ тамъ чуть не цѣлый день.

«Преступникъ открытъ. Какъ и слѣдовало ожидать, первое его показаніе было ложно. Онъ—Соловьевъ, 33 лѣтъ, сынъ отставного служителя при дворѣ великой княгини Елены Павловны, воспитывался въ 3-ей гимназіи и, кажется, былъ въ университетѣ, но не знаю, кончилъ ли тамъ курсъ».

1880 г., февраля 15-го. «... Прошло десять тяжелыхъ томительныхъ дней со времени послѣдней попытки террористовъ—погребсти подъ развалинами Зимняго дворца всѣхъ членовъ царской фамиліи; за все это время ни одна здравая мысль не лѣзетъ въ голову, перо вываливается изъ рукъ, и, конечно, было не до журнала! Однако, постараюсь передать все, что было, какъ помню.

«Ъ февраля обѣдалъ дома, а вечеръ провелъ, по обыкновенію, читая вслухъ. На другой день, опять таки по обыкновенію, благодушествовалъ за утреннимъ чаемъ съ «Новымъ Временемъ» въ рукахъ. И вдругъ читаю: «вчера въ 6 ч. 20 м. въ Зимнемъ дворцѣ произошелъ взрывъ въ подвальной этажѣ, подъ столовой государя; полагаютъ, что взрывъ произошелъ отъ скопленія свѣтильнаго газа.» Я не особенно встревожился: газетное предположеніе о газѣ вполне меня успокоило, и если что меня покорило, то скорѣе мысль о томъ, что подобный пустячный случай можетъ въ глазахъ публики принять чудовищные размѣры покушенія на жизнь государя.

«Въ 11 ч. я отправился на похороны бѣднаго барона Ливена. Поднимаясь по лѣстницѣ въ квартиру покойнаго, не помню, кто-то спросилъ меня, чѣмъ объясняется катастрофа;—я съ видомъ знатока отвѣтилъ, что взрывомъ газа. Уже въ гостиной, подлѣ гроба, я встрѣтилъ ген.-адъют. Салтыкова, который сообщилъ мнѣ, что въ 1 часъ молебствіе во дворцѣ. «Какъ,—воскликнулъ я,—развѣ это не газъ взорвало?»—«Какой тутъ газъ; просто 1½ пуда динамита, воспламененные съ такимъ расчетомъ времени, чтобы царская фамилія усѣбла сѣсть за столъ.» Я такъ и сѣлъ! Съ похоронъ я заѣхалъ домой, сообщилъ обо всемъ женѣ и, переодевшись въ парадную форму, отправился во дворець. Войдя съ Салтыковского подъѣзда, я не узналъ шинельной. Въ воздухѣ стояла столбомъ пыль и въ носъ било какой-то погребной затхлостью. Швейцаръ Николаевъ, старый мой знакомый, сказалъ, что не знаетъ, какъ остался живъ: въ его коморкѣ рама вылетѣла изъ окна, а онъ самъ былъ опрокинутъ чѣмъ-то навзничь. Поднимаясь по лѣстницѣ, я замѣтилъ, что дверь, ведущая въ коридоръ къ Рылѣ-

еву, заколочена досками. По лѣстницѣ на каждомъ шагу бросались въ глаза слѣды какого-то погрома: разбитые столы, искалѣченные стулья валялись на каждой площадкѣ; окна, выходящія изъ внутреннихъ покоевъ на лѣстницу, были безъ стеколъ; пыль першила въ горлѣ, а носомъ я ощущалъ присутствіе въ воздухѣ чего-то азотистаго. Когда я вошелъ въ большой коридоръ, меня обдало холодомъ, и я ясно чувствовалъ сильный токъ холоднаго воздуха,—сквозило. Оказалось, что во всѣхъ комнатахъ, выходящихъ на дворъ, во всѣхъ трехъ этажахъ ни одного стекла не осталось въ оконныхъ рамахъ. Всѣ прибывшіе во дворецъ на молебствіе торопились встать по своимъ мѣстамъ и съ томительнымъ чувствомъ ожидали выхода государя.

«Можетъ быть, я приписываю всѣмъ другимъ тѣ чувства, которыя невольно волновали меня! Какъ отразилась катастрофа на государѣ? Каково состояніе его духа?...

«Когда царская фамилія прошла въ церковь, немедленно всѣ начали разспрашивать свидѣтелей катастрофы обо всемъ ими видѣнномъ.

«5 февраля семейный обѣдъ назначенъ былъ по обыкновенію въ 6 часовъ, но позже вышла перемѣна; по случаю того, что принцъ Александръ Гессенскій не могъ прибыть раньше 6¹/₄ часовъ, обѣдъ отложили до 6¹/₂ часовъ. Только что принцъ Александръ прибылъ во дворецъ и въ гардеробной встрѣтилъ государя, вышедшаго изъ кабинета съ тѣмъ, чтобы идти со всѣми къ обѣду, какъ раздался страшный ударъ; затѣмъ всѣ газовые рожки погасли, а воздухъ наполнился удушливой пылью и, какъ мнѣ говорили, селитреннымъ запахомъ. Каково было ощущеніе всѣхъ присутствующихъ—передать не могу; знаю только, что черезъ нѣсколько времени,—когда уже причина уяснилась и первый переполохъ прошелъ,—цесаревичъ съ принцемъ Александромъ отправились въ главный караулъ, гдѣ своими глазами видѣли страшные слѣды проклятаго замысла: десять обезображенныхъ труповъ и 44 человѣка живыхъ, но искалѣченныхъ.

«Говорятъ, что въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ столовой государя, жили три столяра. Двое изъ нихъ, отсутствовавшіе во время катастрофы, вернулись домой, ничего не подозрѣвая, а третій ихъ товарищъ исчезъ безслѣдно. Разумѣется, все подозрѣніе пало на него. Притянули къ слѣдствію этихъ двухъ столяровъ и унтеръ-офицера Петровскаго, подъ чьимъ вѣдніемъ находилась вся рабочая команда. Столяры объяснили, что пропавшій рабочій сталъ имъ извѣстенъ только со времени встрѣчи ихъ во дворцѣ, т. е. съ сентября 1879 г., что онъ сначала съ ними водился и даже харчился, но потомъ сталъ мало-по-малу отставать и совсѣмъ пересталъ съ ними харчиться, отговариваясь тѣмъ, что обѣдаетъ съ земляками въ харчевнѣ. Затѣмъ объяснили, что

онъ подбилъ ихъ на то, чтобы имъ дали другое болѣе удобное помѣщеніе, и притомъ указалъ именно на тотъ подвалъ, подлѣ котораго произошелъ взрывъ. Резоны были приведены, вѣроятно, весьма основательные, и благодушное дворцовое начальство охотно уступило подвалъ подъ царской столовой тремъ лицамъ, благонадежность которыхъ вполне подтверждалась паспортами; не рассчитали только, что бываютъ и фальшивые паспорта. Говорятъ, онъ былъ отличный столяръ, и все начальство не могло достаточно нахвалиться его смысленностью и расторопностью.

«Онъ скоро сдѣлался какъ свой человѣкъ и занимался разными работами во всѣхъ внутреннихъ царскихъ комнатахъ.

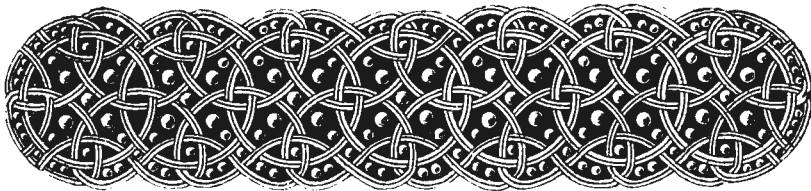
«Замѣчательна безпечность нашихъ русскихъ администрацій. Давно-ли подлѣ Загороднаго проспекта открыли складъ динамита, подпольныхъ брошюръ и даже подробный планъ Зимняго дворца. Въ заграничныхъ газетахъ безпрестанно появлялись статьи, намекавшія на имѣющія быть покушенія въ стѣнахъ самаго дворца. Планъ былъ давно въ рукахъ полиціи, и только послѣ взрыва открыли, что на планѣ подвалъ обозначенъ какимъ-то значкомъ. Теперь стали изучать планъ и, говорятъ, нашли еще значки въ тѣхъ комнатахъ 3-го этажа, которыя расположены надъ покоями государя и императрицы. Не знаю, насколько это правда, и не знаю, насколько это протретъ глаза администраціи!»

1881 г. 4 марта. «... Сегодня четвертый день, и я все еще не могу опомниться. Обезноженный трупъ могущественнаго монарха и прелестнаго человѣка лежитъ на походной своей кровати живымъ укоромъ нашей халатности, лѣни, недомыслия и своекорыстія.

«Лорисъ-Меликовъ предупреждалъ государя и просилъ его не ѣздить на разводъ, потому что наканунѣ схвачены были полиціей два важныхъ вожака террористовъ — Желябовъ и такъ называемый Милордъ. На допросѣ они сознались, что пріѣхали съ цѣлью привести въ исполненіе задуманный ими планъ убійства и съ нахальностью похвалялись тѣмъ, что мѣры такъ хорошо приняты, что и безъ нихъ обойдутся ихъ агенты и сподручники.

«Не задолго передъ катастрофой, А. М. Рылѣвъ просилъ государя сообщить ему тѣ улицы, по которымъ онъ будетъ возвращаться домой. «Благодарю покорно, — отвѣтилъ государь, — это для того, чтобы на моемъ пути собиравшеся толпы народа, привлекаемые присутствіемъ городскихъ; съ меня довольно и тѣхъ казаковъ, которые конвоируютъ меня и такъ раздражаютъ нервы, что я готовъ былъ бы не выѣзжать никогда изъ дворца.»

ШИРОКАЯ НАТУРА.

(Повѣсть).

I.

ВЪ ДОМѢ губернатора былъ вечеръ. Его нельзя было назвать баломъ, потому что не было той официальнойности, какой обыкновенно сопровождаются балы у первого человѣка въ губерніи.

Домъ былъ наполненъ мѣстной знатью, которой было въ городѣ вовсе не такъ много. Дамы были нарядны, мужчины ходили во фракахъ.

Хозяину было не больше 40—42 лѣтъ, но на видъ онъ казался еще моложе. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ, которые быстро бѣгутъ по лѣстницѣ служебной карьеры. Въ губернскомъ городѣ онъ былъ недавно, да и назначенъ сюда единственно для того, чтобы пройти установленный этапъ и затѣмъ сво-

бодно подниматься выше.

Хозяйка казалась замѣтно старше его: она сильно расплзлась въширь, но старалась, во что бы то ни стало, держаться въ приличныхъ предѣлахъ и для этого носила узкіе корсеты, искусно подводила глаза, наводила брови и всячески подмалевывала щеки. Всѣ въ городѣ знали, что бракъ ихъ неравный и что губернаторъ женился на губернаторшѣ ради ея большого состоянія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на почтенный уже возрастъ, она обладала великолѣпнымъ декольте, которымъ и блистала среди губернскихъ поклонниковъ.

Около нея всячески извивались и вертѣлись чиновники особыхъ порученій, люди все молодые, Петербургскіе, хорошо, однако, знавшіе службу, однимъ изъ главныхъ правилъ которой было ухаживаніе за губернаторшей. Для хозяйки это ухаживаніе не представляло никакихъ соблазновъ: она была влюблена въ своего губернатора и потому, снисходительно принимая официальное поклоненіе со стороны чиновниковъ особыхъ порученій, оставалась добродѣтельной.

Дамы особенно старались выказать свои достоинства передъ красивымъ прокуроромъ, совѣтъ молодымъ человѣкомъ, временнымъ гостемъ въ губернскомъ городѣ. Онъ смотрѣлъ въ судебную палату и дальше, такъ какъ въ Петербургѣ у него была большая протекція.

Огромный залъ губернаторскаго дома, лучшаго въ городѣ, былъ убранъ растеніями. Всюду были устроены уголки, которые манили къ себѣ своей таинственностью, и гдѣ уже помѣщались пары, сокрытыя отъ общаго вниманія. Среди шума и говора гостей, тамъ, за высокими пальмами, шли разговоры вполголоса, завязывались губернскіе романы.

У Лѣсничева здѣсь не было никого знакомыхъ. Въ губернскомъ городѣ онъ былъ человѣкъ пріѣзжій. Попалъ онъ на этотъ вечеръ въ качествѣ товарища хозяина по правовѣднію. Онъ нѣсколько дней уже гостилъ у губернатора.

Прокурора онъ когда-то встрѣчалъ въ Петербургѣ, гдѣ-то въ ресторанѣ, за завтракомъ, или въ театрѣ. Вся остальная публика была для него полной неизвѣстностью.

Съ губернаторомъ онъ былъ на «ты» и шутя говорилъ ему: «ты—ваше превосходительство». И такъ какъ онъ былъ одинокъ, то хозяинъ взялъ его подъ свое покровительство и весь вечеръ появлялся съ нимъ среди гостей рука объ руку.

Съ хозяйкой Лѣсничевъ познакомился только теперь. Онъ обращался съ нею изысканно вѣжливо, но не больше.

Онъ былъ замѣтенъ, его ни съ кѣмъ нельзя было смѣшать въ мѣстномъ обществѣ. Крупная, но не громоздкая фигура, выдающаяся грудь съ великолѣпной манишкой, какихъ въ губернскомъ городѣ не носили, дивно сидѣвшій фракъ, очевидно сшитый въ Петербургѣ у лучшаго портного,—все это сразу отличало его отъ другихъ. Въ его одеждѣ и манерахъ было что-то барское, элегантное и въ то же время беззаботное.

У него была очень красивая голова, украшенная массой волосъ—черныхъ, шелковистыхъ, слегка вьющихся, оригинально раздѣленныхъ густымъ сѣдымъ клокомъ.

Черты лица его были какія-то горделивыя и крупныя; большіе темные, вдумчивые глаза. Густая борода спускалась книзу остриемъ и какъ бы состояла изъ множества прядей.

— Болѣ интереснаго нѣтъ ничего?—спрашивалъ Лѣсничевъ губернатора, прохаживаясь съ нимъ по залѣ.

— Что же еще,—усмѣхаясь, отвѣчалъ губернаторъ,—это мѣстные сливки...

— Ну, не густыя онѣ... отозвался Лѣсничевъ, — я вижу, что честь управлять здѣшней губерніей не особенно веселая...

— Управлять вообще не весело, мой другъ. А впрочемъ...— вдругъ вспомнилъ хозяинъ:—я могу тебѣ показать кое-что... Есть одна особа—вотъ не могу вспомнить фамилію, у меня въ головѣ какъ-то не вмѣщаются эти купеческія фамиліи... — Мармоновъ, Мармуретовъ, что-то въ этомъ родѣ.

— Купецъ?—спросилъ Лѣсничевъ;—да зачѣмъ онъ мнѣ? Я ничѣмъ не торгую.

— Нѣтъ, купчиха.

— Ну, это чѣмъ-же лучше?

— Она вдова. Но купческаго въ ней нѣтъ ничего. Видишь-ли, она купчиха по мужу... То-есть, собственно, онъ былъ фабрикантъ; а сама—изъ нашего круга. Но я очень мало знаю ее.

— Что же, интересная?

— Да, если хочешь... На любителя. Не шикарна, но для интимной бесѣды вполне пригодна... Кромѣ того, она владѣетъ фабрикой—кожа, кажется, или клеенка, достовѣрно не могу тебѣ объяснить. Болѣе точныя свѣдѣнія ты можешь получить у жены, это ея знакомая, онѣ вмѣстѣ засѣдаютъ въ здѣшнемъ благотворительномъ комитетѣ.

— Ну, что-жъ, отлично, представь меня...

Они пошли по всему дому разыскивать купческую вдову и отыскали ее въ гостиной. Здѣсь засѣдала губернаторша, блистая своимъ великолѣпнымъ декольте передъ нѣсколькими чиновниками особыхъ порученій. Было также нѣсколько дамъ; подавали чай.

Хозяинъ ввелъ Лѣсничева подъ руку и прямо направился съ нимъ къ той дамѣ, съ которой хотѣлъ его познакомить. Она сидѣла на диванѣ, тогда какъ всѣ другія распредѣлились на стульяхъ и креслахъ.

Но едва хозяинъ успѣлъ назвать фамилію своего пріятели, какъ тутъ же пришелъ въ изумленіе. Лѣсничевъ съ разгону остановился, отступилъ на одинъ шагъ, она же подняла голову и смотрѣла на него какимъ-то остановившимся взглядомъ. Хозяину даже не удалось произнести обычную фразу, какой сопровождается представленіе.

— Вы? Евгенія Андреевна?—произнесъ Лѣсничевъ.

— Сергѣй Михайловичъ? Неужели?

— Какъ? Вы, значить, знакомы?—съ удивленіемъ спросилъ губернаторъ.

Но они даже не отвѣтили ему, потому что не слышали вопроса. Они крѣпко пожимали другъ другу руки и смотрѣли другъ на друга радостными глазами.

— Какимъ образомъ? Откуда? Когда?—задавали они вопросы другъ другу.

— Такъ вы знакомы?—вторично спросилъ губернаторъ.

— О, знакомы-ли!—промолвила Евгенія Андреевна, — но мы давниѣ-давниѣ друзья...

Лѣсничевъ сидѣлъ уже рядомъ съ нею на диванѣ. Всѣ присутствовавшіе здѣсь были согласны въ томъ, что давнихъ друзей надлежитъ оставить въ покоѣ. Было сказано нѣсколько общихъ фразъ, которыя могли интересовать и другихъ, затѣмъ губернаторъ вышелъ, губернаторша же, желая оказать услугу пріятелю мужа, усиленно стала занимать другихъ дамъ. На нихъ перестали обращать вниманіе, объ нихъ, можетъ быть, забыли.

— Пройдемтесь въ залъ,—сказалъ Лѣсничевъ своей дамѣ,— тамъ есть уголки... Мы можемъ совѣмъ уйти отъ общества.

Она поднялась безъ возраженія, дала ему руку и они вышли изъ гостиной.

Она рѣзко отличалась отъ всѣхъ другихъ дамъ, бывшихъ на вечерѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ. Уже три года она вдовѣла, давно оставила трауръ, но все какъ-то не рѣшалась нарядиться въ свѣтлое платье. Она точно сдѣлала привычку къ темнымъ цвѣтамъ. И платье ея было неопредѣленнаго цвѣта, скорѣе темнаго, — изящное и, какъ видно, дорогое, но не бьющее въ глаза.

Она была довольно высокаго роста, очень тонкая, въ ея движеніяхъ было что-то пластическое.

Лицо ея съ перваго взгляда казалось незамѣтнымъ, но когда къ нему присматривались, становилось интереснымъ, какъ будто постепенно въ немъ раскрывались какія-то скрытыя тайны. Оно было блѣдно, смуглаго оттѣнка, но въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ болѣзненности. Скорѣе оно говорило о крѣпкомъ здоровьѣ, о сильномъ организмѣ, о стойкихъ нервахъ и выработанномъ характерѣ.

Черезъ минуту они уже отыскивали уголокъ, къ которому было трудно пробраться. Кругомъ не было ни души. Въ отдаленіи раздавался шумъ голосовъ, но они не прислушивались къ нему. Ихъ уже ничто не интересовало.

II.

Точно захваченные какимъ-то внезапнымъ вихремъ, они оторвались отъ земли, забыли, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ находятся и занялись только собой.

Разомъ перенеслись они въ юность, когда ему было восемнадцать лѣтъ, а ей не больше тринадцати. Тогда они познакомились.

Лѣсничевъ сталъ бывать въ ихъ домѣ въ качествѣ правовѣда младшаго класса. Постепенно между ними установилась нѣжная дружба, которая года черезъ два-три перешла въ пылкую любовь.

Онъ — юный правовѣдъ, уже приближавшійся къ окончанію курса, она—дочь его дальняго родственника, въ то время значительнаго, замѣтнаго чиновника, обѣщавшаго въ скоромъ времени стать могущественнымъ.

Онъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ, гдѣ жизнь протекала шумно, весело, интересно, и среди множества ухаживателей за хозяйскою дочерью онъ, конечно, пользовался исключительнымъ успѣхомъ. Его наружность и тогда давала ему всѣ преимущества передъ другими.

Это была чистая юношеская любовь, безъ малѣйшей примѣси разчета, хотя онъ могъ бы подумать и объ этой сторонѣ дѣла, такъ какъ у него своихъ средствъ не было: жилъ онъ вмѣстѣ съ матерью на пенсію, которую оставилъ имъ отецъ и они едва-едва сводили концы съ концами.

Но онъ не думалъ о будущемъ, —безпечный, любившій жизнь саму-по-себѣ, помимо всякихъ условностей.

Они никогда не говорили о будущемъ, никогда между ними не подымались практическіе вопросы, никогда не приходила имъ въ голову даже мысль о возможности брака—это было такъ далеко отъ нихъ. Они просто пылали.

Онъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ, а ей исполнилось семнадцать лѣтъ, когда вдругъ все внезапно измѣнилось. Произошло что-то странное, невѣроятное, чему никто не хотѣлъ вѣрить, но это была настоящая катастрофа.

Отецъ Евгеніи Андреевны, этотъ человѣкъ, быстрыми шагами шедшій по дорогѣ къ могуществу, оступился и такъ основательно, что уже не могъ подняться и поправиться. Близкіе люди достоверно не знали, въ чемъ собственно дѣло. Оно было запутано. Не то растрата, не то подлогъ, или, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ,—но все полетѣло вверхъ дномъ.

Былъ судъ, былъ позоръ, разореніе и семья куда то исчезла безслѣдно, точно канула въ воду.

Это было давно, и они теперь въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя нахлынули на нихъ тучами, до этого момента не доходили.

— Помните тотъ вечеръ, когда мы въ первый разъ взглянули другъ на друга такъ, что поняли все?...—говорилъ Лѣсничевъ съ пылающими глазами.—Боже, что это было за дивное время! Безъ словъ, безъ жестовъ... Однимъ чувствомъ мы понимали другъ друга.

И глаза Евгеніи Андреевны при этихъ воспоминаніяхъ загорались какимъ-то дивнымъ огнемъ. Она вся отдалась прошедшему.

Они не только перенесли мыслью въ то далекое время, они вновь жили тамъ и чувствовали такъ же точно, какъ тогда.

Онъ не разспрашивалъ ее о томъ времени, когда они не встрѣчались, она сама какъ-то незамѣтно многое рассказала ему. На долю ихъ, послѣ того, какъ они исчезли изъ Петербурга, выпали настоящія бѣдствія—они испытали бѣдность, почти нищету. Отца взяли тогда и они больше его не видали. Онъ умеръ гдѣ-то въ ссылкѣ.

Они остались при матери—она, ея братъ и двѣ сестры. Въ далекой глуши у матери былъ клочекъ земли, куда они переселились и тамъ жили нѣсколько лѣтъ. Немного поправились и переѣхали въ городъ.

Здѣсь произошла встрѣча съ ея покойнымъ мужемъ. По возрасту они были подходящей парой: ей было тогда года двадцать два, а ему не больше тридцати; но онъ принадлежалъ совсѣмъ къ другому кругу. Они другъ друга почти не понимали и никогда не могли понять. Къ тому же, онъ былъ человѣкъ нездоровый и приговоренный—онъ не обѣщалъ жить долго.

Любилъ онъ ее безумно и слѣпо вѣрилъ ей, и не напрасно. Сдѣлавшись его женой, она какъ бы отдалась своему долгу. Она питала къ нему уваженіе, потому что онъ былъ человѣкъ съ большими достоинствами, слушалась его, но сердце ея не принимало въ этомъ никакого участія, оно оставалось не зажженнымъ.

Три года тому назадъ онъ умеръ, не оставивъ ей дѣтей, но оставивъ большую богатую фабрику и торговлю.

А онъ?

При этомъ вопросѣ онъ только махнулъ рукой. Жизнь его была неудачна. Кончивъ правовѣдѣніе, онъ не послѣдовалъ за своими товарищами, тотчасъ же поступившими на службу, онъ служить не сталъ—не могъ, не созданъ для этого.

Да, была и у него встрѣча. Была ли это ошибка, онъ не знаетъ, но на нее ушелъ десятокъ лѣтъ жизни. Впрочемъ, онъ ни о чемъ не жалѣетъ; вѣдь онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ; его вседневный оптимизмъ неизмѣнно приходилъ къ нему на выручку и спасалъ его.

Была глубокая разница въ томъ, какъ они рассказывали другъ другу о своемъ прошломъ. Она называла имена, факты, все такъ какъ она переживала. Онъ же говорилъ въ общихъ выраженіяхъ, не приводя ни именъ, ни фактовъ, и не объясняя даже, въ чемъ состояла его ошибка.

Но она и не нуждалась въ этомъ; она смотрѣла въ его красивые умные глаза и узнавала въ нихъ того, кого когда-то любила беззавѣтной любовью, какая бываетъ только въ юности. И сердце у нея билось, какъ тогда.

Въ залѣ слышна была музыка. Собирались танцевать. Раздвигали мебель, сдвигали растенія. Вотъ-вотъ и до нихъ дойдутъ.

«истор. вѣстн.», февраль, 1907 г., т. сѣн.

3

— Я увижу васъ у себя? Мой домъ извѣстенъ въ городѣ. Его укажетъ вамъ первый попавшійся прохожій,—сказала Евгения Андреевна.—Ахъ, да... Я вѣдь не сказала вамъ фамили: Муретова.

Она протянула ему руку, а онъ припалъ къ ней и поцѣловалъ.

Потомъ за ужиномъ они сидѣли рядомъ и рѣчи ихъ лились безъ умолку. Особенно краснорѣчивъ былъ Лѣсничевъ. Онъ выпилъ немного вина, глаза его загорѣлись какимъ-то радостнымъ блескомъ. Онъ смотрѣлъ на нее и для него было ясно, что она чувствовала такъ же, какъ онъ.

— Милый мой, да ты влюбленъ, — сказалъ ему послѣ ужина губернаторъ.

— О, уже пятнадцать лѣтъ,—отвѣтилъ Лѣсничевъ.

— Да? Такъ чего же лучше! У Муретовой фабрика, торговля, миллионное состоянiе, а ты... Ты вѣдь свободенъ...

— Представь, я объ этомъ вовсе не думалъ. Я былъ на небесахъ... А ты низводишь меня на землю.

— Ну, съ миллионнымъ состоянiемъ и на землѣ можно устроить небеса,—съ усмѣшкой сказалъ губернаторъ.

III.

И онъ не лгалъ. Прошлое захватило его, какъ и ее. Можетъ быть, она чувствовала глубже, но онъ ярче.

Свойственная ему безпечность—основная черта его характера, мѣшала ему обратить вниманiе на практическую сторону этой встрѣчи. Онъ любилъ жизнь и старался схватить ее обѣими руками, но мало думалъ о ней.

То, что онъ говорилъ о неудачахъ въ своей жизни, въ тотъ моментъ дѣйствительно такимъ и казалось ему, но, въ сущности, онъ до сихъ поръ былъ баловнемъ судьбы. Ему страшно везло.

Только въ послѣднiе два года въ его жизни что-то такое затормозилось, дѣла его сильно запутались и онъ никакъ не могъ выпутаться изъ нихъ. Но раньше онъ блаженствовалъ.

Его жена, которая была лѣтъ на десять старше его, когда онъ женился, смотрѣла на него, какъ на божество.

Увлекающійся, ловкiй, съ огромными связями въ Петербургѣ, онъ казался ей существомъ необыкновеннымъ. А его красивая голова покорила ее и лишила ее разума.

Влiянiе, какое онъ имѣлъ на свою жену, было совершенно исключительное: онъ и ее сдѣлалъ такою же безпечною, какимъ былъ самъ, ее, которая выросла въ семьѣ расчетливой, отказывавшей себѣ во многомъ, чтобы копить деньги и такимъ путемъ составившей большое состоянiе.

И оказалось, что копили деньги для него, потому что онъ не жалѣлъ ихъ и ее научилъ не жалѣть. Ихъ брачная жизнь была какой-то феерiей. Для нея она закончилась какъ разъ во время.

Наканунѣ окончательнаго разоренія, она умерла отъ какой-то пустой причины, отъ болѣзни вродѣ тифа. У нея было слабое сердце, которое не выдержало.

Два года жилъ онъ на остатки и кредитъ. Его блестящая наружность, его широкія свободныя манеры вызывали къ нему довѣріе. Разумѣтся, кой-чему помогали и связи. Онъ усиленно поддерживалъ знакомства.

Но мѣсяцевъ пять тому назадъ дѣла его совсѣмъ пошатнулись, онъ не оправдалъ довѣрія и кредитъ для него закрылся. Тогда жить въ Петербургѣ ему стало не въ моготу. Вѣдь ему нужно было поддерживать ту жизнь, которую онъ велъ раньше: прекрасно одѣваться, завтракать и ужинать въ дорогихъ ресторанахъ, ѣздить на приличныхъ лошадяхъ. Такъ дѣлалъ онъ прежде и всякая перемѣна была бы для него роковой.

Тогда онъ выдумалъ какую-то подходящую причину и скрылся изъ Петербурга. Въ провинціи было жить дешевле и ему кое-какъ хватало. Но жизнь его была крайне неопредѣленна, вездѣ онъ былъ одинокъ. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ подходящаго общества и былъ слишкомъ избалованъ и гордъ, чтобы заводить связи въ чуждомъ его кругу.

И вотъ онъ случайно попалъ сюда, къ старому товарищу. Онъ жилъ здѣсь уже дня четыре. Губернаторъ относился къ нему очень искренно и сочувственно. Ему хотѣлось устроить какъ-нибудь судьбу товарища. Былъ уже разговоръ о службѣ его въ губернскомъ городѣ. Губернатору было не трудно устроить ему чтонибудь подходящее, а отсюда можно было пойти и дальше при помощи его Петербургскихъ связей.

Но Лѣсничевъ колебался. Ему было это противно. Служба ужасала его и онъ никакъ не могъ рѣшиться на это.

Однако, жизнь складывалась такъ сурово, впереди не видѣлось никакихъ яркихъ надеждъ и, по всей вѣроятности, подумавъ, онъ принужденъ былъ бы согласиться. И вотъ всѣ эти колебанія и сомнѣнія были прерваны встрѣчей его съ Муретовой. На другой день онъ разыскалъ домъ Муретовой. Среди губернскихъ построекъ это была далеко не лучшая. Покойный мужъ Евгеніи Андреевны былъ человекъ простой, безъ широкихъ требованій вкуса. Онъ получилъ отъ своихъ предковъ старинный одноэтажный каменный домъ, съ небольшимъ садомъ и совершенно довольствовался имъ.

Но внутри этого дома были цѣлыя богатства. Домъ украшался уже подъ косвеннымъ вліяніемъ Евгеніи Андреевны. Среди обстановки, вынсанной изъ Москвы, попадались рѣдкія вещи. Рядомъ съ современной мебелью были экземпляры старинной, которымъ не было цѣны. На стѣнахъ висѣли картины, большую цѣнность которыхъ Лѣсничевъ сразу опредѣлил своимъ опытнымъ глазомъ.

И въ этомъ домѣ Евгенія Андреевна жила одна, рѣшительно одна. Фабрика была за городомъ, верстахъ въ четырехъ, но она самолично занималась ею. Съ утра являлись къ ней люди съ докладами. Она дѣлала распоряженія и все дѣлалось такъ, какъ она приказывала. Раза два въ недѣлю она поднималась очень рано и отправлялась на фабрику. И никто не находилъ, что въ ея рукахъ дѣло шло хуже, чѣмъ въ рукахъ ея покойнаго мужа. Въ замужествѣ у нея было много времени, чтобы приглядѣться къ дѣламъ, понять ихъ сущность и научиться вести ихъ.

Онъ просидѣлъ въ домѣ Муретовой почти цѣлый день и они, конечно, не замѣтили, какъ прошло время. Вчерашнее настроеніе сегодня превратилось въ чувство, которое только углубилось и окрѣпло.

Когда онъ уѣзжалъ отъ нея вечеромъ, ему уже было странно подумать, что изъ этого можетъ ничего не выйти, что они разойдутся, какъ послѣ случайной встрѣчи.

Ему казалось, что она всегда принадлежала ему, но обстоятельства помѣшали ему воспользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ.

И онъ былъ вполне искрененъ и до сихъ поръ подчинялся только непосредственному чувству и ни разу не подумалъ о ея фабрикѣ и миллионѣ.

Евгенія Андреевна Муретова въ глубинѣ души никогда не была счастлива. Она не могла назвать себя несчастной. Покойный мужъ ея былъ человѣкъ такихъ положительныхъ достоинствъ, что она не могла вспоминать о немъ иначе, какъ съ уваженіемъ къ его памяти и съ добрымъ чувствомъ благодарности.

Но это не было счастье, это было только отсутствіе несчастія.

И теперь, когда она думала объ этомъ послѣ встрѣчи съ Лѣсничевымъ, казалось, что она какъ бы затаила гдѣ-то глубоко въ душѣ свои чувства къ нему, сберегла ихъ и онѣ остались нетронутыми.

Лѣсничева она знала милымъ, прекраснымъ юношей. Увлекающійся, пылкій, онъ всегда мыслилъ благородно, возвышенно и былъ совершенно неспособенъ къ малѣйшему расчету. И теперь, глядя на него, по наружности уже такъ мало похожаго на того юношу, она видѣла его такимъ, какимъ онъ былъ тогда и не могла представить себѣ, чтобы онъ могъ быть другимъ.

Люди мѣняются по наружности, по чертамъ характера, но сущность души остается неизмѣнной. Это то, что дѣлаетъ ихъ самими собой.

И ей также, какъ и ему, представлялось логическимъ и естественнымъ послѣдствіемъ ихъ встрѣчи—полное сближеніе.

И сближеніе шло быстрыми шагами. Они не замѣчали, какъ связь между ними выростала и крѣпла и однажды увидѣли, что они уже не могутъ оторваться другъ отъ друга.

И вотъ губернскойіи городъ, жадный до новостей, въ особенности, когда онѣ касались лицъ извѣстныхъ, наконецъ, узналъ, что Муретова выходитъ замужъ за того самаго Петербургскаго красавца, который гостилъ у губернатора.

Это свѣдѣніе появилось недѣли черезъ три послѣ вечера у губернатора и никѣмъ не было опровергнуто.

IV.

У Муретовой была большая родня въ городѣ, по мужу. Отношенія ея съ этими родственниками были въ высшей степени деликатныя. Съ виду они относились къ ней почтительно, но, въ сущности, питали къ ней вражду.

Родство было не близкое, все—двоюродные, троюродные,—тѣмъ не менѣе при жизни Муретова всѣ питали надежду на полученіе послѣ его смерти наслѣдства. Онъ всегда считался, благодаря своей болѣзни, ненадежнымъ, ожидали его смерти, никто не рассчитывалъ что, помимо родственниковъ, могутъ явиться какіе нибудь другіе наслѣдники, а прямыхъ наслѣдниковъ не было. Муретовъ же взялъ и женился, а умирая, все свое имущество отказалъ женѣ.

Родня была не бѣдная, но ни у кого не было сколько-нибудь значительныхъ капиталовъ. Все это были мелкіе торговцы, кой-какъ сводившіе концы съ концами. Часто они впадали во временную нужду и въ такихъ случаяхъ за выручкой приходилось обращаться къ богатой родственницѣ, Евгеніи Андреевнѣ Муретовой. Евгенія Андреевна никому изъ нихъ не отказывала, но, помогая, держалась въ границахъ благоразумія. Она смотрѣла на это, какъ на неизбѣжный долгъ, который платила безъ всякаго удовольствія.

И слухи о предстоящемъ замужествѣ Муретовой буквально потрясли родственниковъ. Покойный оставилъ ей фабрику, торговлю и капиталъ безъ всякихъ оговорокъ. Она владѣла всѣмъ этимъ безконтрольно. Пока она оставалась вдовой, все же были нѣкоторыя надежды. Дѣтей отъ Муретова у нея не было. Съ выходомъ замужъ могутъ появиться и дѣти и тогда родня будетъ совершенно устранена.

Больше всего интересовались вопросомъ: что же это за птица такая, этотъ Лѣсничевъ, появившійся внезапно, неизвѣстно откуда? Внѣшній видъ его не внушалъ никакого довѣрія. Шикарь, баринъ, съ широкими замашками, онъ не подавалъ никакихъ надеждъ на то, что изъ него выйдетъ хорошій родственникъ. Положимъ, всѣ знали, что онъ съ губернаторомъ на «ты», но что же имъ отъ этого? Словомъ, общее мнѣніе было не благопріятно для будущаго мужа Муретовой.

И уже кой-что постарались узнать изъ его прошлаго. Шли разговоры о томъ, что онъ разорилъ свою первую жену. Не-

дружелюбная фантазія разыгралась и утверждали, что онъ не только разорилъ, но и свелъ ее въ гробъ.

Откуда появляются подобныя свѣдѣнія, никогда нельзя изслѣдовать. Въ губернскомъ городѣ Лѣсничева никто лично не зналъ, ни съ кѣмъ у него не было ничего общаго. Съ первой женой своей онъ жилъ въ Петербургѣ, никто о немъ здѣсь не думалъ. Но всегда найдется такой человѣчекъ, который слышалъ, встрѣчалъ и какимъ-то неистижимымъ путемъ получилъ свѣдѣнія.

Кажется, кому-то что-то сболтнуть прокуроръ, а онъ, въ качествѣ Петербуржца, считался достовѣрнымъ источникомъ.

Во всякомъ случаѣ, слухи эти пошли не отъ губернатора. Этотъ, напротивъ, всячески оберегалъ репутацію своего товарища. Ему ужасно хотѣлось, чтобы Лѣсничевъ устроился.

Правда, онъ съ сокрушеніемъ посматривалъ на фабрику и торговое дѣло Муретовой, не предвидя для нихъ особеннаго процвѣтанія въ будущемъ. Но состояніе Муретовой было огромное и онъ думалъ, что, несмотря на широкія замашки Лѣсничева, его болѣе чѣмъ хватить.

Онъ зналъ, что капиталъ прежней жены Сергѣя Михайловича былъ не особенно великъ. Какія нибудь двѣсти тысячъ—долго ли ихъ растратить? А здѣсь одна фабрика доставляла болѣе сотни тысячъ годового дохода, да торговля, да денежный капиталъ.

Притомъ же онъ присмотрѣлся и къ Муретовой. Въ эти три недѣли, благодаря Лѣсничеву, они ближе познакомились. Чуть не каждый день она пріѣзжала къ нимъ, а они также запросто стали ѣздить къ ней. Въ Евгеніи Андреевнѣ онъ не видѣлъ никакого легкомыслія. Она казалась ему даже черезчуръ дѣловитой, она отлично управляла фабрикой и торговлей, и губернаторъ былъ того мнѣнія, что какъ бы ни была она влюблена въ своего будущаго мужа, а все же сумѣетъ сдержать его порывы.

Октябрь приходилъ къ концу. Въ губернскомъ городѣ уже выпалъ снѣгъ и стали ѣздить на санихъ. Надвигался Филипповъ постъ. Пора было думать о вѣнчаніи.

И объ этомъ думали. Оба они — и Лѣсничевъ, и Евгенія Андреевна—какъ-то мчались къ счастью на всѣхъ парахъ. У нихъ не являлось никакихъ вопросовъ, никакихъ сомнѣній и недоумѣній.

Сергѣй Михайловичъ продолжалъ жить у губернатора, въ качествѣ гостя. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, такое долгое пребываніе могло бы показаться обременительнымъ, но, въ виду предстоящихъ событій, оно даже доставляло удовольствіе.

Лѣсничевъ пріѣзжалъ къ Евгеніи Андреевнѣ въ губернаторской коляскѣ, на губернаторскихъ лошадяхъ, которые, какъ это полагается, были одними изъ лучшихъ въ городѣ.

Шли усиленныя приготовленія, хотя, собственно, торжественной свадьбы не предполагалось. Больше сосредоточились на передѣлкахъ

въ домѣ. Почему то казалось, что для новой жизни старое распределение комнатъ не годится. Ломали стѣны, создавали новыя комнаты.

И надо сказать правду: Лѣсничевъ не смотрѣлъ на этотъ бракъ, какъ на средство устроиться. Было естественно, что онъ будетъ пользоваться богатствомъ, которымъ владѣетъ его жена. Это была удачная случайность—не болѣе, но онъ объ этомъ не думалъ и не принималъ этого въ расчетъ.

Увлекающійся, пламенный, онъ всецѣло отдавался чувству. Онъ весь горѣлъ имъ. Если бы онъ встрѣтилъ Евгенію Андреевну безъ ея фабрики, торговли и капитала, онъ точно такъ же рванулся бы къ ней и стремился бы къ женитьбѣ.

Ни разу у нихъ не было разговора о будущихъ имущественныхъ отношеніяхъ. Ей тоже казалось естественнымъ, что онъ будетъ пользоваться тѣми же благами, что и она. Она жаждала какъ можно скорѣе дать ему эти блага, она отлично понимала его затруднительное положеніе и думала только о томъ, чтобы сдѣлать его всесторонне счастливымъ.

Но это не мѣшало ей аккуратно заниматься дѣлами. Во время приготовленій къ свадьбѣ, въ разгаръ охватившаго ее пламеннаго чувства, она неизмѣнно каждое утро посвящала дѣламъ, принимала служащихъ, выслушивала доклады, дѣлала распоряженія и ѣздила на фабрику. Ни на одно мгновеніе не выпускала она изъ своихъ рукъ бразды. И это подавало надежду, что столь внезапный бракъ ничего не измѣнитъ къ худшему.

И вотъ наступилъ ноябрь. Сообщенія дома Муретовой съ губернаторскимъ домомъ сдѣлались оживленными и лихорадочными. Губернаторъ и его жена принимали самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ. Губернаторша ѣздила съ Евгеніей Андреевной по магазинамъ, къ портникамъ, давала ей совѣты, примѣняла свой изящный вкусъ. И городъ ждалъ блестящей свадьбы.

За три дня до начала поста произошло вѣнчаніе.

Оба стояли за скромную свадьбу. Но губернаторъ настаивалъ на пышности. Лѣсничеву, въ сущности, было все равно, онъ не твердо стоялъ за свое и соглашался на убѣжденіе губернатора. Но Евгенія Андреевна упорствовала. Она какъ-то очень ужъ привыкла смотрѣть на себя, какъ на вдову, ея постоянные цвѣта были темные и какъ-то странно было представить этотъ блескъ.

— Вотъ потому и нуженъ эффектный кризисъ. Нуженъ переломъ,—говорилъ губернаторъ. — Вы, признаться, немножко таки закисли на вашемъ вдовьемъ положеніи. Такъ вотъ и нужно сразу разрубить этотъ узелъ. Притомъ же если не Муретова, такъ кто же еще у насъ въ городѣ будетъ задавать пиръ!

И въ городѣ какъ то чувствовалось молчаливое требованіе пышной свадьбы. Городъ былъ довольно дальній, увеселенія въ

немъ бывали чрезвычайно рѣдко и на богатую свадьбу смотрѣли какъ на увеселеніе. Болѣе видные граждане, конечно, рассчитывали на приглашеніе, мелкота-же ни на что не рассчитывала, но просто пріятно было само по себѣ сознаніе, что вотъ, молъ, въ городѣ у насъ происходитъ веселый пиръ.

И Евгенію Андреевну такъ убѣдили. Надо было приступить къ снѣднымъ приготовленіямъ, такъ какъ ничто не было предусмотрено и это взялъ на себя Лѣсничевъ. Онъ прямо спросилъ Евгенію Андреевну:

— Какой кредитъ мнѣ назначается для устройства пира?

— О, это неограниченно...—сказала Евгенія Андреевна,—какой понадобится.

Такія широкія полномочія Лѣсничевъ успѣшилъ использовать полностью. Заработалъ губернской телеграфъ, телеграммы въ десятки и сотни словъ летѣли въ Москву.

Въ губернскомъ городѣ гастрономія стояла на довольно низкой ступени и пришлось все добывать изъ Москвы. Посыпались требованія на паштеты, закуски, дорогія рыбы, сласти, вино. Изъ Москвы-же пришлось выписать повара съ цѣлымъ штатомъ.

Евгенія Андреевна только улыбалась, глядя на все это, а губернаторъ съ удовольствіемъ потиралъ руки. Ему было просто пріятно смотрѣть на стараго товарища, который, очевидно, находился въ своей настоящей сферѣ: у Лѣсничева за всѣми этими хлопотами рѣшительно былъ художественно-вдохновенный видъ. Онъ все продѣлывалъ, какъ мастеръ своего дѣла.

Изъ Москвы-же пришлось выписать массу цвѣтовъ и всякихъ приспособленій для торжественнаго украшенія дома и все это было добыто въ какую-нибудь недѣлю.

И законѣла работа. Лѣсничевъ самъ входилъ рѣшительно во все, даже вмѣшивался въ кухню.

И вотъ наступилъ день вѣнчанія. Соборная церковь ярко была освѣщена, были зажжены все свѣчи, толпа народа наполняла храмъ, мѣстные первачи были, конечно, въ парадныхъ платьяхъ, дамы были разодѣты, какъ только могли, пѣли пѣвчіе, за оградой стояли экипажи.

Вечеромъ домъ Муретовой былъ весь залитъ огнями. Гремѣлъ оркестръ. Все мало-мальски приличное изъ мѣстнаго населенія было приглашено.

А улица вся была запружена любопытствующими обывателями, которые беззлобно и безъ малѣйшей зависти любовались на чужое счастье.

Богатство Муретовой давно уже снискало ей уваженіе среди мѣстныхъ жителей. Теперь все видѣли ея красиваго мужа и видѣли также, что на свадьбѣ «гуляетъ» губернаторъ, и что онъ съ

хозяевами запросто, даже за панибрата. И уваженіе отъ всего этого удесятерилось.

Уже потухли звѣзды на небѣ и загорѣлась утренняя заря, когда гости стали разъѣзжаться. И вотъ, въ ранній утренній часъ погасли всѣ огни и въ домѣ водворилась тишина. Это былъ рубежъ, за которымъ въ этомъ домѣ началась новая жизнь.

V.

На другой день домъ Муретовой принялъ исполнѣ будничной видъ. Лѣсничевъ какъ будто въ первый разъ какъ слѣдуетъ разглядѣлъ его.

Внутри все уже было передѣлано подъ его вліяніемъ, а во дворѣ все стояли какіе-то флигельки, амбарчики, шаблонный палисадничекъ, все хозяйственное, съ какимъ-то мѣщанскимъ оттѣнкомъ.

Прежде онъ какъ-то ничего этого не замѣчалъ, онъ являлся въ домъ съ улицы, съ параднаго хода и не заглядывалъ во дворъ. А теперь ему въ голову приходилъ вопросъ: какъ это Евгенія Андреевна, съ своимъ изящнымъ вкусомъ, могла жить въ такой обстановкѣ?

Но эта мысль только мелькнула у него въ головѣ, когда онъ случайно прошелся по двору. Его сейчасъ же захватили обязанности, вытекавшія изъ вчерашняго событія. Въ этотъ день они просто отдохали, но на слѣдующій день уже пришлось дѣлать визиты. Это было неизбѣжно. Подали коляску и Лѣсничевъ, опять таки въ первый разъ, присмотрѣлся къ ней какъ слѣдуетъ. Она была удивительно громоздкая, старомодная и неудобная. Лошади были какія-то безжизненныя, лишенныя всякаго темперамента, кучеръ не умѣлъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Все это замѣтилъ теперь Лѣсничевъ и обо всемъ этомъ подумалъ, но ни слова не сказалъ Евгеніи Андреевнѣ.

Прежде всего они, конечно, поѣхали къ губернатору. Губернаторъ былъ ужасно доволенъ. Онъ просто сіялъ отъ удовольствія, радуясь за своего пріятеля. По какому-то ничтожному предлогу онъ позвалъ его въ свой кабинетъ и сказалъ:

— Я ужасно радъ твоей удачѣ. Именно радъ тому, что это случилось здѣсь, въ нашемъ городѣ.

Отсюда они поѣхали къ другимъ. Въ городѣ было два-три чиновныхъ лица, на столько значительныхъ, что имъ необходимо было сдѣлать визитъ. Между прочимъ, они были и у прокурора.

Затѣмъ явился вопросъ о посѣщеніи родственниковъ Евгеніи Андреевны по первому мужу. Прежде чѣмъ они поѣхали къ нимъ, у нихъ произошелъ разговоръ.

— Это обязательно?—спросилъ Лѣсничевъ.

— Вот именно потому, что это необязательно и слѣдовало бы это сдѣлать,—сказала Евгенія Андреевна. Ей не хотѣлось, чтобы они почувствовали пренебреженіе.

Онъ не спорилъ и тотчасъ же подчинился и они поѣхали къ родственникамъ. Это все были купеческія семьи невысокаго сорта. Жизнь они вели какую то безвкусную, мѣщанскую. Но сейчасъ же было видно, что они ждали визита. Это явствовало изъ всего: мужчины сидѣли дома въ сюртукахъ, дамы, затянутыя въ корсеты и въ праздничныхъ платьяхъ. Визиты были чрезвычайно кратки, но все равно никто не имѣлъ права быть въ обидѣ.

Въ пять часовъ они были дома.

— О, какое это счастье, что больше никуда не надо ѣхать,—сказалъ Лѣсничевъ:—теперь мы будемъ отдыхать.

Въ этотъ день ихъ никто не беспокоилъ и они вполне принадлежали себѣ, но на слѣдующій день уже съ полудня раздались звонки: имъ отдавали визиты.

Лѣсничевъ смотрѣлъ на все это съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя. Хотя онъ и давно уже отсталъ отъ столичной жизни и шатался по провинціи, но ему какъ-то не приходилось вникать въ эту жизнь глубоко и теперь передъ нимъ удивительно ярко выступали всѣ ея курьезныя стороны. Онъ замѣтилъ, что здѣсь жизнь построена еще на обрядностяхъ и всевозможныхъ церемоніяхъ, которыя обязательно соблюдались, и эти церемоніи наполняли жизнь. Безъ нихъ, пожалуй, наступила бы смерть отъ скуки. Цѣлую почти недѣлю они специально занимались тѣмъ, что ждали гостей, а когда они пріѣзжали, говорили почти все одни и тѣ же любезности и въ этомъ заключалась общественная жизнь. Это были свадебныя послѣдствія, которыя ужасно утомили Лѣсничева, но онъ покорно выполнялъ ихъ.

Прошла недѣля, визиты всѣ кончились. Какъ-то за завтракомъ, когда они сидѣли вдвоемъ, Евгенія Андреевна, пробуя какое то кушанье, замѣтила:

— Удивительно, какъ все сдѣлалось теперь вкусно. Никогда я такъ вкусно не ѣла,— и моя кухарка научилась разнымъ штукамъ.

— Кухарка?—съ усмѣшкой спросилъ Лѣсничевъ,—но это вовсе не она, это дѣлаетъ поваръ.

— Какой поваръ?

— Тотъ самый, который пріѣхалъ изъ Москвы и готовилъ для нашей свадьбы. Вѣдь онъ остался.

— Зачѣмъ?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила Евгенія Андреевна.

— Но, мой другъ, развѣ возможно иначе?—сказалъ Лѣсничевъ, —вѣдь ты здѣсь занимаешь такое видное мѣсто, ты у всѣхъ на виду.

— Не все ли равно?

— Конечно, нѣтъ. Положеніе обязываетъ. Вотъ надо будетъ непременно губернатору дать обѣдъ. Развѣ тебя это обременяетъ? Я вѣдь, въ сущности, не имѣю никакого понятія о твоёмъ бюджетѣ. Разумѣется, если это затруднительно, то нечего объ этомъ и говорить.

— О, вовсе нѣтъ... Я совсѣмъ съ другой точки зрѣнія... Наши средства,—ты ихъ узнаешь. Ты долженъ знать ихъ непременно... Нѣтъ, мнѣ просто казалось, что это выходитъ немножко торжественно.

— Но это ничему не мѣшаетъ. Впрочемъ, въ сущности говоря, и мнѣ это безразлично. Я такъ счастливъ, я такъ захваченъ этимъ счастьемъ, что, право, если и говорю это, то только теоретически... Такъ, существуетъ у меня такой взглядъ, вотъ и все...

— Ну, это все равно; будетъ по твоему,—сказала Евгенія Андреевна, улыбаясь. — А въ самомъ дѣлѣ, мы должны пригласить губернатора на обѣдъ. Я думаю завтра же мы это и сдѣлаемъ.

— И прекрасно,—сказалъ Лѣсничевъ,—это давно пора. Вообще, съ ними надо поддерживать тѣсныя отношенія. Я мало знаю его жену, но самъ онъ славный малый. Мы вѣдь съ нимъ товарищи по правовѣдѣнію.

— Кто же долженъ это сдѣлать?

— Ты, конечно, ты... Ты должна сама съѣздить къ нимъ.

— Я это сдѣлаю сегодня же. Ну, вотъ и поваръ пригодился. Въ самомъ дѣлѣ, я замѣчаю, что стала много ѣсть, пожалуй, еще потолстѣю.

— А тебѣ это не мѣшаетъ... Только не много,—сказалъ Лѣсничевъ, взглянувъ на ея худощавыя плечи.

— Ну, значить, когда я потолстѣю ровно столько, сколько мнѣ надо, тогда мы и отправимъ твоего повара въ Москву.

— Превосходно. А до тѣхъ поръ ты такъ привыкнешь къ его кухнѣ, что ужъ безъ него и не обойдешься.

Послѣ завтрака подали коляску для Евгеніи Андреевны. Опять Лѣсничевъ взглянулъ на ея незатѣйливый выѣздъ и подумалъ: «удивительно, на какихъ лонадяхъ она ѣздитъ... Да и коляска время Очаковскихъ»....

Евгенія Андреевна поѣхала къ губернатору, пригласила ихъ на обѣдъ, они, конечно, приняли предложеніе и на другой день состоялся обѣдъ. Отъ свадьбы осталось прекрасное вино. Лѣсничевъ призвалъ къ себѣ повара и самъ заказалъ какой только могъ придумать тонкій обѣдъ и обѣдъ, дѣйствительно, вышелъ на славу. Губернаторъ просто не могъ нахвалиться.

— У васъ удивительный поваръ, Евгенія Андреевна. Неприлично простымъ гражданамъ имѣть повара лучше, чѣмъ у губернатора. Я, пожалуй, стану переманивать его.

— Объ этомъ вы переговорите съ моимъ мужемъ,—смѣясь, сказала Евгенія Андреевна,—вотъ онъ находитъ, что мнѣ необходимо немного потолстѣть. Когда это совершится, мы, пожалуй, вамъ и такъ уступимъ повара.

— Мы будемъ отпускать его къ тебѣ на гастроли,—сказалъ Лѣсничевъ,—когда у губернатора будутъ торжественные обѣды.

Всѣмъ было весело за этимъ обѣдомъ. Евгенія Андреевна не придавала большого значенія этому знакомству. Дружескими отношеніями къ губернатору она не особенно гордилась. Но семья губернатора, т. е. онъ самъ и его жена, была пріятная; они дѣйствительно казались ей милыми людьми, а одиночество такъ порядочно утомило ее. И, въ сущности, она была теперь довольна.

Семейство губернатора уѣхало довольно поздно. Евгенія Андреевна чувствовала себя утомленной. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, она сказала мужу:

— Ну, теперь надо заняться фабрикой и другими дѣлами. Я совсѣмъ запустила ихъ.

— Да, да, ты познакомь и меня. Я сперва поступлю къ тебѣ въ помощники, а затѣмъ, можетъ быть, получу и болѣе важную должность,—сказалъ Лѣсничевъ.

— Нѣтъ, сперва я наверстаю все пропущенное, а потомъ уже тебя познакомлю со всѣми дѣлами. Я хочу показать тебѣ ихъ въ порядкѣ.

— Ну, а если говорить серьезно, ты думаешь, что я въ нихъ чтонибудь пойму?

— Я думаю, что если я поняла, то ты тѣмъ болѣе поймешь,—сказала Евгенія Андреевна.

— А ты дѣйствительно такъ поняла?—съ удивленіемъ спросилъ Лѣсничевъ.

Онъ все еще никакъ не могъ постигнуть, какъ это прежняя изящная Евгенія Андреевна, чрезвычайно далекая отъ всякихъ дѣлъ, вдругъ сдѣлалась дѣловитой.

— О, да, я поняла вполне. Вотъ ты увидишь, когда примотришься поближе. Я настоящій бухгалтеръ...

Всѣ эти дни, когда продолжались еще «свадебныя послѣдствія», Евгенія Андреевна вставала поздно, потому что и ложиться приходилось поздно. Конторщики и разныя служебныя лица съ фабрики аккуратно являлись къ ней каждое утро, но, прождавши нѣсколько часовъ, расходились ни съ чѣмъ. Дѣла, разумѣется, шли правильно, потому что разъ навсегда были хорошо поставлены еще покойнымъ Муретовымъ. Но отсутствіе хозяйскаго глаза все-таки чувствовалось. И служащіе уже начали беспокоиться, какъ бы замужество ихъ хозяйки не повредило дѣлу.

На слѣдующій день Евгенія Андреевна встала въ 8 часовъ и сейчасъ же погрузилась въ дѣла. Ее ждали люди съ фабрики, изъ

конторы. Дѣлъ оказалось цѣлая куча. Она усердно занялась ими и не отрывалась отъ нихъ до двухъ часовъ.

Лѣсничевъ поднялся, по обыкновенію, въ двѣнадцать часовъ и ждалъ ее къ завтраку, а такъ какъ она не торопилась, то онъ нѣсколько разъ посылалъ за нею.

Около двухъ часовъ всѣ разошлись, остался только управляющій городской конторой. Онъ предложилъ ей нѣсколько счетовъ и, когда все это кончилось, онъ подалъ ей послѣдній счетъ.

— Это свадебные расходы,—сказалъ онъ.

Евгенія Андреевна взглянула на нихъ и съ удивленіемъ подняла голову. Тамъ было обозначено тридцать двѣ тысячи.

— Это не ошибка—тридцать двѣ тысячи?—спросила Евгенія Андреевна у управляющаго.

— Нѣтъ, это не ошибка. Счетъ сдѣланъ правильно. Подведено точка въ точку все до малѣйшаго расхода.

Евгенія Андреевна отложила счетъ, разчитывая сперва разсмотрѣть его, но потомъ раздумала и, не сказавъ больше по поводу его ни слова, утвердила и распорядилась произвести уплату.

Послѣ этого она отправились въ столовую. Тамъ уже давно поджидалъ ее мужъ.

— Охъ, я совсѣмъ проголодался,—сказалъ Лѣсничевъ, здороваясь съ ней.

— Ну, это не всегда такъ,—отвѣтила Евгенія Андреевна,—обыкновенно я къ двѣнадцати часамъ уже свободна, но сегодня я платилась за прогульные дни. Страшно много дѣлъ накопилось, ихъ хватитъ еще дня на четыре.

Лѣсничевъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ, что сегодня она не совсѣмъ такая, какъ всегда: въ лицѣ ея было что-то дѣловитое и даже, какъ ему показалось, что-то суховатое. Въ глазахъ онъ замѣтилъ нѣкоторую озабоченность.

Но говорила она съ нимъ такъ же просто и привѣтливо, какъ всегда.

Она хвалила, по обыкновенію, кушанья, приготовленные поваромъ, и шутила на его счетъ.

— Ахъ, да, я сегодня познакомилась, наконецъ, съ цифрой свадебныхъ расходовъ,—проговорила Евгенія Андреевна.

— Да? А это любопытно,—сказалъ Лѣсничевъ,—я совсѣмъ не представляю себѣ, во что это могло обойтись.

— Неужели? А я привыкла, чтобы для всякаго расхода составлялась смѣта.

— Ха, ха, ха... Смѣта на свадьбу. Это было бы очень оригинально. Нѣтъ, я совсѣмъ не умѣю составлять смѣты, а свадебныхъ и подавно. Но, однако же, должно быть получилась почтенная цифра?

— Да, все-таки... тридцать двѣ тысячи,—сказала Евгенія Андреевна.

— Только тридцать двѣ?—съ искреннимъ удивленіемъ воскликнулъ Лѣсничевъ.

— Только? Ты находишь, что это мало?

— Я ничего не имѣлъ бы, если бъ было еще меньше. Но, признаюсь, я ожидалъ большей суммы... Значить, это обошлось дешево.

— Ну, я этого не нахожу. По моему, тратить тридцать двѣ тысячи на свадьбу болѣе, чѣмъ роскошь.

— Да вѣдь это и была болѣе, чѣмъ роскошь. Развѣ ты не находишь, что свадьба была роскошной?

— О, да, это призналъ даже такой авторитетъ, какъ губернаторъ.

— Ну, вотъ видишь.

— А все-таки дорого, дорого... Впрочемъ, я утѣшаюсь тѣмъ, что вѣдь мы этого больше не повторимъ...

— Свадьбы?

— Да.

— Ну, я, положимъ, ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы праздновать ее каждый годъ.

— Годовщина?

— Назови ее, какъ хочешь.

— Я тоже ничего не имѣю, но, конечно, все это будетъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ.

VI.

Евгенія Андреевна далеко не сразу привела въ порядокъ запущенные за послѣднюю недѣлю дѣла. Ей потребовалось, по крайней мѣрѣ, дня четыре для этого. Она съѣздила на фабрику и тамъ пришлось ей просидѣть почти цѣлый день. Она удивительно добросовѣстно относилась къ своей роли хозяйки. Не было рѣшительно ни одной статьи, которую она лично не контролировала бы.

Наконецъ, когда все вошло въ норму, она сказала мужу:

— Ну, теперь, если хочешь, я могу тебя окунуть въ дѣла.

— Окунуть? Но это для меня выраженіе не подходящее. Едва-ли мнѣ удастся окунуться. Такъ, поплавать по поверхности, на это меня еще, пожалуй, хватитъ.

— Ты на себя клеветешь. Тебѣ никогда не приходилось стоять близко у дѣла, а главное, у тебя не было своего дѣла. А это между тѣмъ совсѣмъ особенное ощущеніе. Свое дѣло притягиваетъ къ себѣ. Его хочется самому дѣлать...

— Испытай. Пойдемъ въ контору.

Она начала знакомить его съ дѣлами съ городской конторы. Здѣсь не было никакой продажи, лежали только кучи образцовъ всѣхъ товаровъ, которые дѣлались на фабрикѣ. Образцы, конечно, очень опредѣленно отличались одинъ отъ другого добротой и цѣнностью, но Лѣсничеву они всѣ показались совершенно одинаковыми.

Нѣтъ, этимъ дѣломъ онъ не могъ заинтересоваться. Показывали ему книги, докладывали объ оборотахъ. Онъ и къ этому остался вполне равнодушенъ.

Иногда въ контору входили покупатели и заказчики и онъ присутствовалъ при томъ, какъ они говорили о товарѣ. Для него все это имѣло чисто любительскій интересъ. Хозяина онъ въ себѣ не почувствовалъ. Въ конторѣ ему было только скучно и когда они, окончивъ ознакомленіе, вышли на воздухъ, онъ вздохнулъ полной грудью.

— Фу... Наконецъ-то...

— А что, ты уже утомленъ?—спросила съ улыбкой Евгенія Андреевна.

— Я думаю... Два часа мы съ тобой провели среди какихъ-то клочковъ кожи.

— Но для насъ съ тобой эти клочки имѣютъ знаменательный смыслъ: они даютъ намъ доходъ.

— Ну, доходомъ я еще способенъ заинтересоваться, а клочками кожи, хотя бы они были гениальны, не могу.

— Какой ты странный! Ты упорно стоишь на своемъ.

— Я думаю, мой другъ, что у меня въ моей умственной организаціи есть дефектъ, который мѣшаетъ мнѣ заинтересоваться неинтересными вещами.

— Ну, а все-таки ты интересуешься. Я въ этомъ совершенно увѣрена. Завтра мы ѣдемъ на фабрику.

На другой день они въ самомъ дѣлѣ поѣхали на фабрику. Это была очень солидная постройка, отстоящая отъ города верстахъ въ четырехъ. Евгенія Андреевна, обыкновенно, ѣздила туда въ экипажѣ на своихъ лошадяхъ. Съ городомъ фабрика была соединена хорошо устроеннымъ шоссе. Работало здѣсь нѣсколько сотенъ человѣкъ.

Фабрика гораздо больше заинтересовала Лѣсничева чѣмъ контора. Здѣсь онъ нашелъ какое-то жизненное начало. И машины двигались, и люди суетились. И самый товаръ постоянно видоизмѣнялся, съ каждымъ шагомъ совершенствуясь.

— А я вижу, что ты заинтересовался.

— Этимъ? О, да. Меня интересуетъ все живое или, по крайней мѣрѣ, имѣющее такой видъ.

— Но ты долженъ еще зайти въ контору.

— Какъ? И здѣсь въ контору?

— Да, здѣсь совсѣмъ особенная контора. Ты долженъ познакомиться съ состояніемъ нашихъ счетовъ.

— Конечно, если долженъ...

Евгенія Андреевна разсмѣялась.

— Я вижу, что ты совсѣмъ безпомощенъ, но представь, я умираю и фабрика достается тебѣ...

— Не могу и не хочу представлять подобной гадости. Но, впрочемъ, я покорно слѣдую за тобой и самымъ внимательнымъ образомъ буду вникать въ каждую цифру.

И когда они пошли въ контору, онъ въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно старался вникнуть во всѣ эти цифровыя соотношенія. Но ему давалось это очень трудно. Умъ его какъ-то совсѣмъ не былъ приспособленъ къ этому. Когда передъ нимъ раскрывались страницы счетовъ, онъ невольно машинально смотрѣлъ въ нихъ на итогъ—результатъ всѣхъ цифръ, пестрѣвшихъ по всему листу.

И во всемъ этомъ предпріятіи, съ которымъ его знакомили, его болѣе всего интересовалъ результатъ. А результатъ, это онъ видѣлъ, былъ блестящъ. Съ каждымъ шагомъ онъ все больше и больше убѣждался, что Евгенія Андреевна, которая, несмотря на дѣйствительность, все еще рисовалась въ его воображеніи тоненькой, эфирной семнадцатилѣтней дѣвушкой, съ какимъ-то страннымъ, всегда вопросительнымъ выраженіемъ глазъ, всему удивляющимся и ничего непонимающимъ, дѣйствительно оказывалась толковой и въ высшей степени практичной хозяйкой огромнаго дѣла, понимающей въ немъ толкъ.

Потомъ онъ узналъ, что эти качества за нею признавали рѣшительно всѣ и всѣ удивлялись тому, какъ у нея прекрасно идетъ фабрика и многіе, не умѣвшіе обойтись, какъ слѣдуетъ, съ своими собственными предпріятіями, прямо таки завидовали ей.

И когда Сергѣй Михайловичъ Лѣсничевъ, шагъ за шагомъ сопровождая ее по фабрикѣ, убѣждался во всемъ этомъ, то ему было немного неловко за себя, но отчасти и страшно. Съ одной стороны, онъ совершенно ясно понималъ, что никогда самъ не будетъ способенъ погрузиться въ дѣла на столько, на сколько сдѣлала это она, а между тѣмъ, нельзя ему, будучи мужемъ, равнодушно смотреть на то, какъ за него работаетъ женщина.

Съ другой же стороны, когда онъ смотрѣлъ на Евгенію Андреевну, теперешнюю, въ сущности, такъ мало уже похожую на ту, которая еще жила въ его воображеніи, то ему начинало казаться, что такая женщина по необходимости должна носить въ своей душѣ нѣкоторую сухость и черствость.

Но всѣ эти мысли только слабо мелькали въ его головѣ. Онъ покорно сопровождалъ ее, всѣми силами старался понять то, что ему рассказывали и показывали, и со стороны имѣлъ видъ чловѣка, котораго за волосы притягиваютъ къ какому-то чуждому ему дѣлу.

И въ первые дни онъ даже не дѣлалъ попытокъ заняться чѣмъ нибудь. Но въ головѣ у него все время происходила своеобразная работа. Онъ постоянно думалъ о томъ, какъ бы поднять антуражъ, окружавшій Евгенію Андреевну. Ею слегка шокировала та обстановка, въ которой она жила, но какъ-то языкъ не поворачивался

заговорить съ нею объ этомъ. Если ему и случалось заговаривать, то почти шутя.

— Эта коляска,—говорилъ онъ иногда, когда они вмѣстѣ ѣхали,— могла бы служить недурнымъ украшеніемъ какого-нибудь музея.

— Развѣ она такъ стара? — смѣясь, спрашивала Евгенія Андреевна.

— Я думаю, что ее дѣлали въ тридцатыхъ годахъ.

Она хохотала, но практическаго вывода никакого не дѣлала. Другой разъ онъ заговорилъ о лошадяхъ.

— Хорошія лошади вовсе не такъ дорого стоятъ. Я знаю, здѣсь недалеко есть заводъ, гдѣ можно достать пару очень недурныхъ рысаковъ за двѣ съ половиной-три тысячи.

— И они будутъ давить прохожихъ, и я каждую минуту буду бояться за твою и свою жизнь,—возразила Евгенія Андреевна.

— Конечно, если на козлахъ будетъ сидѣть вотъ этотъ Чичиковскій Селифанъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ, указывая на полусогбенную спину дѣйствительно неискускаго кучера.

— Но онъ славный малый, этотъ Парфентій,—возразила Евгенія Андреевна.

— Ну, за это его можно сдѣлать ночнымъ сторожемъ или просто такъ дать ему пенсію.

И этотъ разговоръ не привелъ къ практическому результату. Случалось ему заговаривать и о капитальныхъ передѣлкахъ въ домѣ. Онъ беспощадно критиковалъ кучу пристроекъ, которыя безъ толку наполняли дворъ. Онъ проектировалъ чуть-ли не развалить весь домъ и на его мѣстѣ построить новый.

— Но, милый,—говорила ему Евгенія Андреевна,—тебѣ это такъ легко представляется потому, что ты не жилъ въ этомъ домѣ, а я жила съ каждымъ уголкомъ его. Такъ ты подумай, каково мнѣ будетъ присутствовать при его разрушеніи...

— Ну, это уже пахнетъ сентиментальностью. Если онъ будетъ разрушенъ, то для того, чтобы создаться вновь въ улучшенномъ видѣ.

— Ну, мы объ этомъ еще подумаемъ... — неопредѣленно говорила Евгенія Андреевна.—А главное, развѣ это имѣетъ значеніе?

— Конечно, имѣетъ,—горячо говорилъ Сергѣй Михайловичъ. — А что-же по твоему даетъ жизни всю ея прелесть и тотъ колоритъ, изъ-за котораго стоить бороться?

— По моему, внутреннее довольство, душевное равновѣсіе... Ну, я не знаю, какъ это назвать.

— Ну-да, такъ и назвать, внутреннее довольство. Но изъ чего же оно составляется? Изъ всего. Изъ мелочей, которыхъ мы даже не замѣчаемъ. Въ жизни долженъ быть стиль, это самое главное. Очень заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что стиль долженъ быть только въ искусствѣ. Жизнь тоже должна быть возвышена

до степени искусства. Да, жизнь—искусство. А значить, и въ ней долженъ быть стиль. А какой же это стиль! Ты сама существо тонкой духовной организаціи, а все, что тебя окружаетъ, грубо примитивно. Не тебѣ же поддѣлываться подъ окружающую обстановку. Гораздо естественнѣе, да и легче ее переработать въ твой стиль. Наконецъ, для чего существуетъ состояніе? Ты подумай—человѣкъ занимается дѣлами, ѣздитъ на фабрику, поддерживаетъ чрезвычайно сложное дѣло, можетъ быть, иногда страдаетъ отъ безпокойства, ночей не спитъ, очевидно для того, чтобы пользоваться результатомъ.

— Нѣтъ, можно дѣлать это просто для самого дѣла,— сказала Евгенія Андреевна.

— Это какимъ образомъ?

— Да вотъ представь себѣ, мнѣ все это дѣло, которымъ я занимаюсь, кажется живымъ, какъ человѣкъ. У него есть душа и тѣло, у него есть свои потребности. Если къ нему отнестись небрежно, оно начинаетъ хирѣть, болѣть, какъ хирѣть и болѣть человѣкъ отъ плохого питанія. А если совсѣмъ прекратить его, такъ это все равно, что совершить убійство. Такъ мнѣ это представляется, и иногда я это явственно чувствую.

— Откуда ты все это взяла?

— Да я такая всегда и была,—отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Я что-то не помню тебя такой.

— Но развѣ мы знали тогда другъ друга? Мы довольствовались тѣмъ, что смотрѣли другъ другу въ глаза и наслаждались отражавшимися въ нихъ тонкими переливами нашего неуволнимаго чувства. Да, наконецъ, развѣ то, что я говорю, грубо; развѣ оно ужъ такъ матеріалистично? Мнѣ кажется, наоборотъ, твой взглядъ грубѣе...

— Очень можетъ быть, но я смотрю разумно.

— Ну, надѣюсь, мы не споримъ?

— Нѣтъ, споримъ, но мирно... По дружески.

Изъ всего этого, однако, не вышло никакихъ практическихъ результатовъ. Они продолжали ѣздить въ старомодномъ экинажѣ, возили ихъ все тѣ же недурныя сильныя лошади, отличавшіяся удивительно спокойнымъ характеромъ, но очень далекія отъ тѣхъ заводскихъ рысаковъ, которые носились въ воображеніи Лѣсничева.

Уже два мѣсяца прошло со дня ихъ свадьбы. Евгенія Андреевна исправно занималась дѣлами, а онъ все не могъ ни къ чему себя приспособить.

Онъ чувствовалъ себя неловко. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его становилось съ каждымъ днемъ все непрятнѣе. Евгенія Андреевна, конечно, ни однимъ словомъ не намекнула ему на его бездѣлье, да, кажется, она ничего противъ этого и не имѣла, но онъ

самъ чувствовалъ, что такъ нельзя. Нужно ему играть еще какую-нибудь роль, кромѣ роли мужа. И онъ думалъ о томъ, что могло бы подойти къ его способностямъ изъ разнообразныхъ статей, составлявшихъ торгово-промышленное предпріятіе покойнаго Муретова? Онъ поѣхалъ на фабрику и внимательно присматривался ко всему, заставляя себя заинтересоваться чѣмъ-нибудь. Но рѣшительно ко всему онъ оставался холоденъ.

Между тѣмъ наступила уже весна. И вдругъ онъ почувствовалъ, что его точно какая-то невѣдомая сила поманила куда-то.

— Гдѣ мы проведемъ лѣто? — спросилъ онъ какъ-то Евгенію Андреевну.

— А ты не знаешь? Ахъ, да, вѣдь я тебѣ никогда объ этомъ не говорила. У насъ тутъ подъ городомъ есть дача. Тамъ очень недурной домъ, чудный садъ, среди котораго протекаетъ рѣчка. Тамъ превосходно лѣтомъ. Мы съѣздимъ туда.

Онъ ничего не возразилъ, хотя это было далеко отъ его идеала. Во всякомъ случаѣ, надо, по крайней мѣрѣ, хоть увидѣть.

— Вотъ въ воскресенье мы туда и поѣдемъ, — сказала Евгенія Андреевна. — Тамъ теперь уже хорошо.

«Въ воскресенье», — подумалъ онъ и у него почему-то мелькнула мысль, что о воскресеньи обыкновенно мечтаютъ ремесленники, которые цѣлую недѣлю заняты.

И вотъ наступило воскресенье и они поѣхали за городъ. Это было очень близко, всего полчаса ѣзды на лошадахъ. Окрестности города вообще были очень красивы, а дача Евгеніи Андреевны стояла на чудномъ мѣстѣ. Рѣка точно впадала въ садъ и скрывалась въ немъ, чтобы потомъ опять вынырнуть изъ него.

Домъ оказался очень удобнымъ, помѣстительнымъ и живописнымъ. Его окружалъ густой садъ, посрединѣ котораго протекала рѣчка. Сергѣй Михайловичъ рѣшительно ничего не могъ сказать противъ всего этого. Это было хорошо.

Тѣмъ не менѣе ему нисколько не улыбалось провести лѣто подъ губернскимъ городомъ. Ему совѣзмъ не хотѣлось отдыхать. Онъ и такъ слишкомъ много отдыхалъ въ послѣдніе годы, когда средства его были плохи. Онъ отдыхалъ отъ пріятной жизни.

Поэтому онъ твердо рѣшилъ во что бы то ни стало убѣдить жену провести лѣто за границей.

VII.

И вотъ, въ то самое время, когда Евгенія Андреевна была убѣждена, что подгородняя дача произвела на него пріятное впечатлѣніе, и что вопросъ о лѣтѣ уже можно считать рѣшеннымъ, онъ заговорилъ съ нею о поѣздкѣ за границу.

— Да зачѣмъ же, — сказала Евгенія Андреевна, — когда и здѣсь намъ хорошо?

— Но тамъ лучше. Развѣ ты въ этомъ сомнѣваешься?

— Я никогда не была за границей. И признаюсь, меня туда и не тянетъ.

— Но это потому, что ты слишкомъ приурочила себя къ этимъ дѣламъ. А я вотъ каждое лѣто бываю тамъ, только послѣдніе три года не ѣздилъ.

— И тебѣ это не надоѣло?

— Нисколько. Я всегда лучшее предпочитаю худшему. Но мы поѣдемъ, не правда-ли?

— Надо, чтобъ ты меня убѣдилъ въ этомъ, — шутя, сказала Евгенія Андреевна.

— Это задача: тебя прежде всего надо убѣдить, что дѣла безъ тебя здѣсь не погибнутъ.

— Да, и въ этомъ.

— Но забудемъ на минуту о дѣлахъ, подумаемъ только о себѣ. Ты вообрази: гдѣ-нибудь въ горахъ, на берегу чуднаго озера; вдвоемъ, только вдвоемъ, ты это представь. Дѣла, конечно, прекрасная вещь, хотя это и не въ моемъ вкусѣ, но нужно же иногда отвлекаться отъ той жизни, которую мы обычно ведемъ, иначе она сдѣлается невыносимой. Надо отвлечься отъ жизни. Вѣдь ты вспомни, лучшее время наше было то, когда мы съ тобой не интересовались жизнью, а только другъ другомъ. Я вѣдь помню, какая ты была, совѣмъ птичка, которая порхала подъ облаками. А потомъ для обоихъ насъ наступила грубая жизнь. Ну, должны-же мы, наконецъ, взять реваншъ. А? Развѣ я не правъ? Ты подумай, тамъ въ горахъ, близко къ облакамъ, совѣмъ на небесахъ, мы будемъ, какъ боги...

Онъ былъ краснорѣчивъ и, главное, искрененъ. Онъ увлекался и это подкупало Евгенію Андреевну.

— Все это прекрасно, заманчиво, — говорила она, — но фабрика никогда еще не оставалась безъ хозяина. Я боюсь, — вдругъ это повредитъ ей и пошатнетъ дѣла. Вѣдь мы зависимъ отъ дѣлъ...

И она говорила это уже не такъ твердо; онъ видѣлъ, что въ душѣ ея явилось колебаніе.

— Но неужели же у тебя не найдется вѣрныхъ людей, которымъ ты могла бы довѣрить дѣла?

— Есть, конечно, есть. Они всѣ вѣрны... Но, вѣдь, они не привыкли работать безъ надзора. Къ этому тоже нужно привыкнуть.

— Ну, вотъ они и будутъ привыкать.

Все же Евгенія Андреевна никакъ не могла рѣшиться. На подмогу ему въ этотъ день вечеромъ пріѣхалъ губернаторъ съ женой. Сергѣй Михайловичъ сейчасъ же заговорилъ съ ними о поѣздкѣ за границу.

— Да, это чудная мысль,—воскликнул губернаторъ, — и вы, Евгенія Андреевна, должны согласиться. Пусть это будетъ ваше свадебное путешествіе. Оно за вами.

Губернаторша тоже поддержала его. И они собирались за границу, но до сихъ поръ это было еще не опредѣлено, а теперь они тутъ же рѣшили: губернаторъ возьметъ отпускъ и они вмѣстѣ и поѣдутъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ все хорошо устраивается, — говорилъ Сергій Михайловичъ.—Слава Богу, у меня нашлись союзники и ты должна сейчасъ же дать свое согласіе.

Но Евгенія Андреевна только улыбнулась. Она не говорила ни да, ни нѣтъ. Потомъ, когда гости уѣхали, она сказала мужу:

— Значитъ, поѣздка вмѣстѣ съ губернаторомъ и губернаторшей? И мы все-таки будемъ съ тобой, какъ боги, — шутя сказала она.

— Ну, это ничего, — отвѣтилъ Лѣсничевъ, — неужели ты думаешь, я этого не принялъ во вниманіе? Мы выѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ какъ-нибудь ихъ изолируемъ. Ужъ это ты предоставь мнѣ. Это дѣлается очень просто. Гдѣ-нибудь проведемъ вмѣстѣ три дня, а тамъ что-нибудь выдумаемъ, какое-нибудь дѣло, телеграмму, необыкновенное приключеніе. И улизнемъ.

— Ну, милый, — сказала, наконецъ, Евгенія Андреевна, — тебѣ такъ этого хочется, что я больше не въ состояніи противорѣчить. Ѳдемъ.

Сергій Михайловичъ былъ въ восторгѣ и на другой же день полетѣлъ къ губернатору. Тотъ сейчасъ же послалъ въ Петербургъ просьбу объ отпускѣ. И начались сборы.

Евгенія Андреевна призвала всѣхъ служащихъ и каждому назначила опредѣленную роль. Она распорядилась, чтобы обо всемъ, мало-мальски важномъ, ей сообщали и спрашивали ея распоряженія и чтобы каждые три дня присылали ей отчетъ.

Извѣстіе о томъ, что хозяйка уѣзжаетъ на лѣто, на фабрикѣ и въ конторѣ произвело какое-то странное, какъ-бы подавляющее впечатлѣніе. Всѣ почувствовали, что теперь на каждомъ будетъ лежать отвѣтственность. Люди все были солидные и вѣрные. Ихъ подбиралъ еще покойный Муретовъ, который отлично умѣлъ распознавать людей.

Сергій Михайловичъ страшно торопился. Онъ не хотѣлъ сидѣть въ губернскомъ городѣ лишняго дня. Въ немъ замѣтно проснулись прежніе вкусы и привычки, когда онъ, нисколько не стѣсняясь, на полной волѣ широко разбрасывалъ деньги своей жены, не думая о завтрашнемъ днѣ.

— Не знаю, почему мнѣ такъ долго не шлютъ отпуска, — говорилъ губернаторъ. — Ну, да вотъ что, мы не станемъ васъ задерживать, поѣзжайте вы впередъ, а тамъ съѣдемся.

Такъ и было рѣшено. Евгенія Андреевна закончила всѣ свои распоряженія, паспортъ у нихъ былъ въ карманѣ, деньги были переведены на Женеву и вотъ они, провожаемые губернаторскимъ семействомъ и главными служащими на фабрикѣ и въ конторѣ, выѣхали.

По дорогѣ они останавливались для отдыха въ Вѣнѣ и черезъ недѣлю уже были въ Женевѣ. Затѣмъ они доѣхали до Монтре и поднялись въ горы.

Первое время Евгенія Андреевна была захвачена новыми впечатлѣнїями. Въ особенности ее чаровали дивные горные виды. До сихъ поръ она совсѣмъ не видала горъ. Губернскій городъ ютился на плоскомъ мѣстѣ.

Доклады и отчеты съ фабрики и конторы не могли отыскать ихъ, пока они не выбрали окончательно мѣста для остановки. И это тоже способствовало тому, что она могла свободно отдаться новымъ впечатлѣнїямъ.

Въ горахъ, въ чудномъ уголкѣ, вдвоемъ они, дѣйствительно, чувствовали себя, какъ боги.

Наконецъ, они получили телеграмму отъ губернатора. Былъ назначенъ день ихъ приѣзда въ Женеву. Лѣсничевы поѣхали туда, встрѣтили ихъ и провели тамъ вмѣстѣ три дня. На четвертый день Сергѣй Михайловичъ, по обыкновенію, пошелъ на почту и вернулся оттуда съ крайне озабоченнымъ видомъ.

— Нужно же, чтобы это именно теперь случилось, — сказалъ онъ.

— А что такое? — спросилъ губернаторъ.

— Да вотъ, видишь ли, въ Лейпцигѣ заказаны новыя машины для фабрики, и мы должны ихъ непремѣнно видѣть. Т. е., конечно, не я, а Евгенія... Я въ этомъ ничего не понимаю. И вотъ оказывается, что онѣ готовы и прежде чѣмъ ихъ выслать, хотятъ показать ей и мы должны туда мчаться... А предполагалось, что это произойдетъ въ августѣ.

— Ахъ, какъ это досадно, — воскликнулъ губернаторъ. — Значить, мы должны разстаться.

— Ну, потомъ мы опять съѣдемся какъ-нибудь. Напримѣръ, гдѣ-нибудь на Люцернскомъ озерѣ, тамъ очаровательно.

Все это Сергѣй Михайловичъ продѣлалъ такъ правдоподобно, что Евгенія Андреевна оставалось только похвалить его. Никакихъ машинъ ни въ Лейпцигѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не было заказано. Все это онъ выдумалъ. И когда они разстались съ губернаторомъ и его женой, то вовсе и не поѣхали въ Лейпцигъ, а выбрали совсѣмъ другое направленіе.

А потомъ какъ-то такъ все выходило, что они не могли отыскать другъ друга. Губернаторъ искалъ ихъ на берегахъ Люцернскаго озера, а они были въ это время въ Тиролѣ.

И когда они окончательно поселились въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ чудномъ уголкѣ среди Тюрингенскихъ лѣсовъ, гдѣ было прохладно и пахло сосной, Евгения Андреевна стала аккуратно получать доклады отъ своихъ служащихъ. И она усердно занималась дѣлами. Сергѣй Михайловичъ возмущался.

— Да вѣдь это рабство. Ты совсѣмъ поступила въ рабство къ своимъ дѣламъ.

— Но что же дѣлать, мой другъ? Если поступила, то ужъ надо исполнять обязанности. А иначе вѣдь дѣло обидится.

И она сидѣла по три часа каждый день, отвѣчала на письма и на телеграммы. А онъ въ это время обыкновенно гулялъ.

Однажды, вернувшись съ прогулки, онъ засталъ ее за работой и она посмотрѣла на него какими-то странными туманными глазами.

— Что это съ тобой? — спросилъ онъ, — ты, кажется, просто заработалась.

— О, нѣтъ, это у меня уже вошло въ привычку. Я вотъ всѣ эти дни, когда не получала ничего съ фабрики, чувствовала, что мнѣ чего-то не достаетъ.

— Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, полное рабство.

— Да, рабство. Что же дѣлать, мой другъ...

И она говорила это не совсѣмъ тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно говорила съ нимъ. Было въ этомъ тонѣ что-то, какъ-бы скрывавшееся за словами.

Да, она не высказала ему своихъ мыслей, но думала она о томъ, что какъ это странно: онъ говоритъ о рабствѣ, подозрѣваетъ, что она заработалась и ему не приходитъ въ голову хотя-бы только попробовать помочь ей раздѣлить съ ней работу. Онъ и не подозрѣваетъ, что одна даже такая попытка могла бы доставить ей удовольствіе и развлечь ее. Это казалось ей страннымъ и бросало довольно густую тѣнь на счастье, которое до сихъ поръ казалось безоблачнымъ.

Они провели уже за границей шесть недѣль. И вдругъ Евгения Андреевна начала торопиться.

— Зачѣмъ? Куда? Съ какой стати? — восклицалъ Сергѣй Михайловичъ.

— А вотъ видишь, получила телеграмму отъ управляющаго фабрикой и безпокоюсь. Тамъ какая-то неприятность: неудачная партія кожи. А это былъ заказъ... Ну, значитъ, клиенты и недовольны. Это надо какъ-нибудь уладить. Безъ меня этого они не сумѣютъ сдѣлать.

— Но, Боже мой, ты напиши, телеграфируй... Неужели изъ-за каждой неудачи ты должна мчаться туда?

— Нѣтъ, Сережа, это невозможно, — рѣшительно сказала Евгения Андреевна. — Если бы я осталась, это уже не доставило бы мнѣ удовольствія. Я измучилась бы отъ безпокойства.

— Но ты подумай, теперь только июнь, вѣдь тамъ въ губернскомъ городѣ это ужасное время, жара, духота, вонь.

— Ну, что-же дѣлать, что-же дѣлать?! Я привыкла, будемъ жить на дачѣ, тамъ хорошо, ты самъ призналъ это.

— Нѣтъ, это возмутительно. Вѣжать изъ очаровательныхъ мѣстъ въ какую-то губернскую дыру.

— А знаешь что, Сережа,—предложила Евгенія Андреевна.— Я поѣду одна, а ты останься.

— Ну, это будетъ ужъ совсѣмъ нелѣпо.

— Почему-же? Все равно я должна буду улаживать эти недоразумѣнія, это отнять у меня массу времени и тебѣ придется сидѣть одному... Такъ не лучше-ли это сдѣлать здѣсь...

— Но это какъ-то странно... Ты будешь тамъ одна...—говорилъ Сергѣй Михайловичъ, но уже далеко не рѣшительнымъ тономъ. Онъ колебался.

А Евгенія Андреевна дѣятельно уговаривала его. Хотѣла-ли она дѣйствительно поѣхать одна, чтобы на полной свободѣ заняться улаживаніемъ недоразумѣнія, или видѣла его пламенное желаніе остаться, но она очень настойчиво уговаривала его.

— Но что же я буду дѣлать здѣсь одинъ?—спросилъ Лѣсничевъ.

— Опять ищи своихъ друзей. Вы съѣдетесь и проведете остатокъ лѣта вмѣстѣ.

— Пожалуй, что такъ,—очень легко уступилъ Сергѣй Михайловичъ.—Я пошлю имъ телеграммы въ нѣсколько мѣстъ, всюду, гдѣ они могутъ быть. Гдѣ-нибудь да сыщутся.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Сейчасъ-же онъ отправился на телеграфъ и разослалъ запросы всюду, гдѣ только могъ предполагать губернатора. На другой день утромъ онъ получилъ отвѣтъ. Губернаторъ добросовѣстно сидѣлъ на берегу Люцернского озера и ждалъ ихъ.

Евгенія Андреевна не захотѣла остаться даже на одинъ день, сейчасъ же собралась и уѣхала. Она была озабочена и торопилась.

Въ дорогѣ, когда она была одна, она почувствовала, что въ сердцѣ у нея появилась какая-то холодная точка, словно въ этомъ мѣстѣ приложили холодное желѣзо. Подобное ощущеніе явилось у нея въ первый разъ со времени замужества. У нея не было никакихъ опредѣленныхъ мыслей, а просто чувствовалась какая-то новая тяжесть, будто на спинѣ у нея, прежде такой свободной, появилось лишнее бремя.

Она пріѣхала домой и погрузилась въ дѣла. Ей довольно скоро удалось уладить возникшее съ кліентами недоразумѣніе. На фабрикѣ она не нашла никакихъ замѣтныхъ безпорядковъ, но все-таки замѣчалась какая-то растерянность. И она теперь каждый день ѣздила туда и проводила тамъ полдня.

А возвращаясь домой, она находила тамъ письма отъ Сергѣя Михайловича. Онъ восторженно описывалъ природу тѣхъ мѣстъ,

гдѣ онъ бывалъ. Онъ уже переѣхалъ Богемскіе лѣса. Губернаторъ долженъ былъ торопиться. Его зачѣмъ-то вызвали въ Петербургъ и они разстались.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Евгенія Андреевна пріѣхала въ губернской городъ, отъ Лѣсничева была получена телеграмма съ просьбой о переводѣ ему десяти тысячъ франковъ. Она сейчасъ-же сдѣлала распоряженіе и деньги были высланы.

Въ письмахъ онъ обѣщаль въ концѣ августа вернуться, и вотъ около этого времени онъ опять прислалъ телеграмму о деньгахъ.

Эти требованія были, конечно, ничтожны въ сравненіи съ ея средствами и ей нисколько не было жаль денегъ; напротивъ, она всячески хотѣла доставить ему удовольствіе. Тѣмъ не менѣе, у нея явилось какое-то непріятное ощущеніе.

Въ концѣ августа Сергѣй Михайловичъ, дѣйствительно, пріѣхалъ. Она встрѣтила его радостно и забыла всѣ свои маленькія лѣтнія огорченія.

VIII.

Прошло еще мѣсяца полтора. Сергѣй Михайловичъ оставался безъ дѣла и началъ тяготиться этимъ. Однажды онъ сказалъ Евгеніи Андреевнѣ:

— Я нашелъ себѣ дѣло. Надо только, чтобъ ты согласилась на это. Ты занимайся фабрикой, конторой, а я буду завѣдывать устройствомъ нашей личной жизни.

— Что-же это значитъ?—спросила Евгенія Андреевна.

— О, тутъ много будетъ работы. Нужно устроить жизнь по новому. Нужно завести новые экипажи, хорошихъ лошадей, подходящихъ служащихъ. Вотъ, напримѣръ, поварь: я замѣчаю, что онъ уже распустился. Онъ долженъ поступить въ мое вѣдѣніе и непосредственное руководство. Потомъ иногда мы должны давать вечера. Невозможно вести такую затворническую жизнь. Ты по своимъ средствамъ должна занимать въ городѣ центральное положеніе. Ты вотъ увидишь, когда я всѣмъ этимъ займусь, ты будешь жить, какъ въ раю.

Евгенія Андреевна, въ сущности, была противъ всего этого. Она не чувствовала никакой потребности въ перемѣнѣ обстановки, но ей было больно смотрѣть на то, что ея мужъ болтается безъ всякаго дѣла. Ну, тутъ, конечно, предстоятъ лишніе расходы, но это не важно. По крайней мѣрѣ, онъ чѣмъ-нибудь будетъ занятъ.

— Хорошо,—сказала она,—занимайся устройствомъ для меня земного рая, хотя я и такъ чувствую себя въ раю...

— Но вѣдь есть семь небесъ, ты только на пятомъ,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ,—а я хочу вознести тебя на седьмое.

И онъ принялся за дѣло. Въ губернскомъ городѣ онъ не могъ найти ни одного сколько-нибудь приличнаго экипажа. Пришлось завязать переписку съ Москвой. И у него началась, дѣйствительно, оживленная дѣятельность. Онъ получалъ рисунки, описанія, десятки предложеній и весь былъ поглощенъ работой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ однажды Евгеніи Андреевнѣ,—заглазно ничего нельзя выбрать. Надо ѣхать въ Москву.

— Ну, поѣзжай, если нужно,—съ улыбкой сказала Евгенія Андреевна. Ей все-таки пріятно было видѣть, что онъ искренно увлекается, хотя бы и пустяками.

Онъ захватилъ съ собой порядочную сумму денегъ, по мнѣнію Евгеніи Андреевны, совершенно достаточную, чтобы купить три экипажа и уѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ провелъ недѣли двѣ и когда вернулся, то вмѣстѣ съ нимъ прибыли и экипажи. Дѣйствительно, это были прекрасныя вещи, изъ-за нихъ, пожалуй, стоило ѣздить въ Москву. Но вмѣстѣ съ ними былъ присланъ и счетъ, изъ чего Евгенія Андреевна должна была заключить, что денегъ онъ за нихъ не заплатилъ, а прожилъ ихъ въ Москвѣ. Но она ни слова не сказала ему объ этомъ.

Когда были получены экипажи, явился вопросъ о лошадяхъ. Конскій заводъ находился верстахъ въ тридцати отъ губернскаго города и Сергѣй Михайловичъ поѣхалъ туда. Онъ вернулся оттуда въ восторженномъ настроеніи. Его совершенно плѣнила пара рысаковъ, за которыхъ надо было заплатить семь тысячъ.

— Ну, нѣтъ, мой другъ, это невозможно,—сказала Евгенія Андреевна.

— Неужели тебѣ жаль этихъ денегъ?

— Нисколько, ты это очень хорошо знаешь, но это будетъ просто неприлично ѣздить на такихъ рысакахъ. И даже неудобно. Ты знаешь, что состояніе я получила отъ своего перваго мужа. Въ городѣ, конечно, узнаютъ цифру, уплаченную за лошадей и пойдутъ разговоры и дурно будутъ говорить не обо мнѣ, а о тебѣ... Всѣ видѣли, какъ я скромно жила прежде, и вдругъ... Ты долженъ принять это во вниманіе.

— Ну, хорошо, тамъ есть другая пара. Она стоитъ четыре тысячи...

— И это дорого... Нѣтъ ли тамъ чего-нибудь тысячи за полторы?

— Это совершенно невозможно... Такихъ лошадей не стоитъ и приводить.

— Ну, такъ будемъ ѣздить на старыхъ.

— Да вѣдь это же ужасно,—съ искреннимъ отчаяніемъ воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ.

И опять она видѣла, что для него это будетъ настоящее страданіе и согласилась купить рысаковъ за четыре тысячи.

У Сергѣя Михайловича точно руки чесались все къ новымъ и новымъ приобрѣтеніямъ. Изъ Москвы еще прислали разныя изящныя вещи для гостиной, потомъ нагрязнула совершенно новая спальня. И все это было ни къ чему не нужно, потому что спальня у нихъ и такъ была прекрасная. Каждый день у него являлась какая-нибудь новая затѣя и все это выражалось довольно крупными цифрами. Контора подносила Евгенію Андреевичу счета и она, скрѣпя сердце, подписывала ихъ.

Но въ душѣ у нея все-таки чувствовался разладъ. Она не могла формулировать своихъ ощущеній, но было такое чувство, какъ будто она всѣмъ этимъ постоянно совершала что-то ненужное, что тягивало ее куда-то въ какую-то тину. У нея являлся неопредѣленный страхъ передъ будущимъ. Такое ощущеніе бываетъ, когда человѣкъ до половины уже доведетъ какое-нибудь большое сложное дѣло, потребовавшее отъ него труда и хлопотъ и жертвъ, и вдругъ ему начинаетъ казаться, что дѣло это ненужное и даже, можетъ быть, вредное. И жаль ему потраченнаго труда и принесенныхъ жертвъ, а неувѣренность въ полезности дѣла сковываетъ его руки.

Между тѣмъ, Сергѣй Михайловичъ ужъ просто началъ фантазировать отъ бездѣлья. Вдругъ ему пришла мысль о катаньи верхомъ. У него загорѣлось желаніе имѣть прекрасную верховую лошадь. Онъ даже присмотрѣлъ для этого какой-то необыкновенный экземпляръ, который стоилъ, конечно, дорого.

— Хочешь сдѣлать мнѣ подарокъ?—спросилъ онъ какъ-то Евгенію Андреевну.

— Съ удовольствіемъ, милый,—отвѣтила она.

— Ну, такъ вотъ, подари мнѣ верховую лошадь. Я вѣдь чудно ѣзжу. Въ Петербургѣ славился, хотя и никогда не былъ кавалеристомъ.

Лошадь была приведена и оплачена. Онъ поѣздилъ на ней дня два, а затѣмъ сказалъ женѣ:

— Но мнѣ вѣдь скучно ѣздить одному. Теперь я тебѣ сдѣлаю подарокъ и мы будемъ ѣздить вмѣстѣ.

Евгенію Андреевнѣ сперва показалось, что онъ шутить, но онъ сдѣлалъ уже привычку немедленно осуществлять свои, даже шутливыя, мысли и верховая лошадь для нея была куплена и счетъ для подписи ей поднесенъ.

— Но я никогда въ жизни не ѣздила верхомъ!—возражала Евгенія Андреевна.

— Ну такъ что-жъ изъ этого? Ты начнешь ѣздить. Вѣдь это очень полезно и притомъ я считаю, что это самый красивый спортъ. Ты, конечно, сдѣлаешь мнѣ это удовольствіе. Ты такъ мало, въ сущности, двигаешься и дышишь хорошимъ воздухомъ.

Евгенія Андреевна, конечно, и на это согласилась; ужъ эта жертва была совсѣмъ небольшая. Онъ самъ обучалъ ее верховой ѣздѣ, возился съ этимъ, страшно увлекался. Она училась безъ всякой охоты, но все-таки выучилась.

И вотъ раза три они прокатились вмѣстѣ, потомъ ей что-то помѣшалось, а затѣмъ и ему надоѣло ѣздить и лошади были поставлены въ конюшню и стояли безъ всякаго дѣла.

Пришла середина зимы, минулъ новый годъ. Жизнь въ губернскомъ городѣ была необыкновенно однообразна и скучна. Сергѣю Михайловичу надоѣли уже заботы о домашнемъ благополучіи. Все, что можно было выписать для украшенія дома, онъ выписалъ; на капитальную передѣлку въ самомъ домѣ Евгенія Андреевна нашла въ себѣ силы не согласиться. И ему, въ сущности, больше ничего было дѣлать. Тогда въ головѣ его явилась новая блестящая мысль.

— Мой другъ,—сказалъ онъ однажды женѣ,—неужели мы проживемъ здѣсь всю зиму?

— Но какъ же иначе? Я рассчитываю прожить тутъ всю жизнь,—отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Ну, да, конечно, это будетъ нашимъ постояннымъ мѣстомъ жительства, но нельзя же обойтись безъ какихъ-нибудь этакихъ освѣжительныхъ экскурсій.

— Мы же ѣздили лѣтомъ за границу.

— То была лѣтняя экскурсія, а теперь намъ слѣдуетъ на время переѣхать въ Петербургъ.

— О, что ты?! Развѣ это возможно?—съ ужасомъ воскликнула Евгенія Андреевна.

— Я считаю, что это необходимо. Здѣсь нѣтъ совсѣмъ общества. Общество есть только въ Петербургѣ.

— Но я совсѣмъ не связана съ тѣмъ обществомъ.

— Во-первыхъ, съ нимъ связанъ я, а ты связана со мной. А во-вторыхъ, и это самое главное, тамъ многіе еще остались изъ прежняго общества и они отлично помнятъ тебя. Возобновить эти связи очень интересно. Нѣтъ, ты подумай,—уже съ водувешленіемъ агитатора говорилъ Сергѣй Михайловичъ,—насъ съ тобой обоихъ считаютъ тамъ неудачниками, можетъ быть даже, несчастными, жалѣютъ насъ... Подумай, если мы явимся побѣдоносно и покажемъ имъ, что мы вовсе не несчастны, а напротивъ, очень даже счастливы, какъ это будетъ эффектно!

— Но, милый, зачѣмъ же этотъ эффектъ? Мнѣ хочется жить для себя, а не для другихъ!.. Какое мнѣ дѣло до того, что какіе то совсѣмъ меня не интересующіе люди считаютъ меня несчастной или счастливой,—мнѣ это рѣшительно все равно.

Сергѣй Михайловичъ видѣлъ, что на этотъ разъ его агитація не имѣла успѣха и онъ сдѣлался страшно мраченъ. Перспектива

просидѣть всю зиму въ губернскомъ городѣ, гдѣ, кромѣ губерна-торской семьи, онъ, дѣйствительно, не находилъ для себя общества, просто ужасала его. Да и губернаторъ съ губернаторшей, хотя оба были неизмѣнно къ нему расположены, порядочно таки исчерпались для него.

И онъ теперь не могъ уже рѣшительно ничѣмъ заинтересо-ваться, ходилъ какъ въ воду опущенный и производилъ на Евге-нію Андреевну удручающее впечатлѣніе. Даже повара, которымъ онъ интересовался больше всего, онъ забросилъ и кухня сдѣла-лась плохой. Самъ онъ сталъ раздражителенъ.

Евгенія Андреевна видѣла, что онъ почти страдаетъ и она не могла такъ это оставить. Она заговорила съ нимъ объ этомъ.

— Кажется, я тебя очень огорчаю, Сережа!—сказала она ему.

— Ты? Нисколько,—отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ.—Не вино-вата же ты въ томъ что я такой пустой человѣкъ и не могу найти себѣ дѣла тамъ, гдѣ у тебя его по горло.

— Тебѣ очень скучно?

— Да, милый другъ, очень скучно. И ты не должна дѣлать изъ этого никакихъ выводовъ, потому что сама ты поглощена своими дѣлами. Три четверти дня у тебя уходитъ на нихъ, а мнѣ достается только четверть. Я признаю, что это необходимо, но если отъ этого для меня вытекаетъ скука, то и я тоже не виноватъ.

— Но какъ же этому помочь?

— Едва ли это возможно. Видишь ли, человѣкъ на поло-вину состоитъ изъ своего прошлаго. Я привыкъ совсѣмъ къ дру-гой жизни.

— Привыкъ?—съ какой то особенной чуткостью спросила Евге-нія Андреевна.

— Да, привыкъ. Я тебѣ никогда не рассказывалъ, какъ я про-жилъ нѣсколько лѣтъ, когда вступилъ въ первый бракъ. О, это была настоящая феерія,—говорилъ Сергѣй Михайловичъ и глаза его сдѣлались вдохновенными.—Мы жили какъ-то внѣ времени и пространства. Мѣсяца три мы проводили въ Петербургѣ, конечно, лучшіе сезонные мѣсяцы. Потомъ мы уѣзжали, выбирали какой-нибудь пунктъ, то въ Парижѣ, то въ Ниццѣ, то въ Римѣ, заби-рались даже въ Египетъ. Словомъ сказать, гдѣ было лучше, тамъ можно было встрѣтить насъ. И ужъ, конечно, мы пользовались всѣмъ, что только было прекраснаго въ жизни... Я согласенъ, что это дурныя привычки, но что же дѣлать, онѣ таковы...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ все это, Евгенія Андреевна замѣтно блѣднѣла и затѣмъ вдругъ молча вышла изъ комнаты. Только тогда онъ опомнился и понялъ, что рассказывать о своей прошлой жизни такимъ восторженнымъ тономъ передъ нею было не деликатно.

Онъ побѣжалъ вслѣдъ за ней, остановилъ ее, схватилъ ея руки и началъ цѣловать.

— Ну, прости меня, милая... Я увлекся. Это правда, я не долженъ былъ говорить обо всемъ этомъ. Но вся моя бѣда въ томъ, что я съ тобой искрененъ и не умѣю ничего прятать.

Евгенія Андреевна плакала. Это были первыя слезы за все время ихъ совмѣстной жизни. Но не было никакихъ бурныхъ выраженій чувства обиды. Она молча поплакала и перестала. Она умѣла какъ-то необыкновенно быстро и просто овладѣвать собой.

— Ну, ну, довольно... Обѣщаю тебѣ,—говорилъ Сергѣй Михайловичъ, искренно огорченный ея слезами,—обѣщаю тебѣ, что никогда больше не буду говорить ни о чемъ подобномъ... Даже о Петербургѣ...

Въ тотъ день онъ заѣхалъ къ губернатору. Тамъ замѣтили, что онъ былъ какой-то кислый, что совѣмъ не было ему свойственно, и его начали дружески спрашивать. Онъ раскисъ и кой-что рассказалъ о своихъ недоразумѣніяхъ съ женой. Онъ, впрочемъ, не жаловался на нее; напротивъ, оправдывалъ ее и говорилъ о ней сочувственно. Жизнь была для нея суровой школой. Она имѣетъ полную возможность наверстать потерянное, но эта ужасная привязанность ея къ противной фабрицѣ.

— Но согласитесь же, что такъ жить нельзя, не имѣетъ смысла...

— Можетъ быть, ты хочешь, чтобы я уговорилъ Евгенію Андреевну?—предложилъ губернаторъ.

— О, нѣтъ, ни за что. Я даже обѣщалъ ей, что больше объ этомъ не будетъ разговора.

Но онъ, очевидно, мало зналъ Евгенію Андреевну. Въ характерѣ ея была одна черта, которую онъ еще не успѣлъ замѣтить: она страшно боялась быть гнетомъ надъ личностью другого, а въ особенности его. И самое лучшее средство добиться отъ нея чего-нибудь—это было заставить ее рѣшить вопросъ безъ всякаго вліянія.

Послѣ разговора съ нимъ, послѣ слезъ и примиренія, она очень много думала обо всемъ этомъ въ одиночествѣ. И вотъ у нея явились такія мысли: отчего же въ самомъ дѣлѣ не поѣхать въ Петербургъ. Вѣдь молодость не повторяется. Хорошо, что вышло такъ счастливо, они встрѣтились вновь послѣ того, какъ совѣмъ потеряли другъ друга. Судьба заботится о нихъ. Она посылаетъ имъ счастье, несмотря на самыя неблагоприятныя обстоятельства, такъ неужели же она будетъ мѣшать этому?

И вечеромъ она вдругъ, неожиданно для него, сказала ему:

— Я подумала, Сережа... Ну, что, въ самомъ дѣлѣ съѣздимъ въ Петербургъ!

— Что такое?— съ изумленіемъ спросилъ Сергѣй Михайловичъ.

— Ты даже не вѣришь. Вотъ какъ значитъ испорчена моя репутация въ твоихъ глазахъ.

— Нѣтъ, да ты въ самомъ дѣлѣ?
 — Ну, конечно, въ самомъ дѣлѣ. Какъ же иначе?
 — Милая, да вѣдь это великолѣпная мысль. Именно потому она великолѣпна, что ты сама пришла къ ней.

— Ну, не совсѣмъ сама, тутъ есть немножко и твоего участія. Но только вотъ какъ мы сдѣлаемъ. Ты поѣдешь впередъ одинъ и все тамъ приготовишь. Вмѣстѣ неудобно: я буду только мѣшать тебѣ. Къ тому же мнѣ надо тутъ многое устроить, чтобы можно было оставить... Только, милый, не слишкомъ ужъ ты тамъ широко хватай: я знаю, ты вѣдь любишь все устраивать по королевски. Но мы съ собой все-таки не короли.

— О, не безпокойся, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ, — я буду стараться экономить...

— Воображаю, насколько это тебѣ удастся! — смѣясь, замѣтила Евгенія Андреевна.

И опять онъ сдѣлался прежнимъ. У него былъ видъ веселаго и довольнаго человѣка, онъ постоянно напѣвалъ, насвистывалъ. Понемногу онъ собирался въ дорогу, но нисколько не торопился. У него теперь была увѣренность и онъ вполне довольствовался ею.

Онъ постоянно былъ съ Евгеніей Андреевной, не хотѣлъ оставить ее даже на полчаса и порядочно таки мѣшалъ ей работать. Нѣжность его по отношенію къ ней выражалась необыкновенно ярко. И Евгенія Андреевна явственно чувствовала, что онъ ее любитъ. Она не могла сказать, чтобъ сомнѣвалась въ этомъ, но кой-какія колебанія иногда у нея бывали. Теперь она думала, что, можетъ быть, если уступить ему и создать жизнь по его плану, онъ еще больше привяжется къ ней.

Она такъ дорожила счастьемъ, котораго у нея никогда не было и которое теперь вдругъ пришло. Если это счастье такъ дорого себя цѣнить, что за бѣда — вѣдь у нея хватить на долгій вѣкъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. Зачѣмъ ей скарденничать и беречь?

Теперь ужъ и она начала торопить его.

— Да ты поѣзжай ужъ, а то вѣдь и сезонъ пройдетъ и ты не успѣешь насладиться Петербургомъ, — говорила она ему.

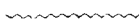
— Мнѣ не хочется разставаться съ тобой, — отвѣчалъ онъ, любовно глядя ей въ глаза.

— Ну, на какую-нибудь недѣлю... Поѣзжай, поѣзжай, а то въ самомъ дѣлѣ будетъ поздно.

Онъ согласился и, наконецъ, она его проводила.

И. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ ¹⁾.

II.

Писатели, пѣвцы, музыканты и ватное пальто.

РЕЖДЕ чѣмъ принять на себя редактированіе газеты «Русскій Міръ», я сотрудничалъ въ ней съ 1875 г. до отъѣзда М. Г. Черняева въ Сербію, писалъ о художественныхъ выставкахъ, составлялъ статьи для отдѣла «Мнѣнія и Отзвыы», заключавшія въ себѣ разъясненія, дополненія или опроверженія газетныхъ статей по разнымъ вопросамъ общественнаго значенія. Для составленія этого отдѣла нужно было ежедневно прочитывать столичныя и провинціальныя газеты, число которыхъ доходило до пятнадцати. На такое занятіе тратилось цѣлое утро, и затѣмъ, кромѣ оригинала, изготовленнаго для набора текущаго дня и отправленнаго въ типографію къ полудню, у меня оставалась еще огромная куча газетныхъ номеровъ со сдѣланными уже въ нихъ отмѣтками для работъ. Эту кучу, не имѣя силы одолѣть ее въ теченіе утра, я уносилъ потомъ къ себѣ на квартиру и значительную часть вечера проводилъ за составленіемъ «Мнѣній и Отзвыовъ». При такой постоянной, не прекращавшейся ни въ будни, ни въ праздникъ работѣ, свободнаго времени оставалось въ теченіе дня немного, тѣмъ болѣе потому, что въ то же время, т.-е. одновременно съ со-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 81.

трудничаньемъ въ «Русскомъ Мирѣ», на мнѣ лежала обязанность по редактированію журнала «Нива». Въ «Ниву» я приходилъ рано, часамъ къ девяти и, управившись тамъ съ работой, захвативъ тоже съ собою не малую часть «на выносъ», какъ шутя называлъ мои пачки бумагъ покойный секретарь «Нивы», Грюнбергъ,—я уходилъ въ «Русскій Миръ». Въ этомъ случаѣ для меня представляло большое удобство то, что квартиры «Нивы» и «Русскаго Міра» были близко одна отъ другой — обѣ въ концѣ Большой Морской, за два-три дома до Невскаго проспекта. Къ часу дня усталость отъ работы уже начинала чувствоваться и надо было сдѣлать небольшой антрактъ, отдохнуть и подкрѣпиться пищей. Для этого я—иногда одинъ, иногда въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ сотрудниковъ газеты—отправлялся въ «Малый Ярославецъ», который, какъ тогда, такъ и теперь, находится въ одномъ и томъ же домѣ, тоже въ недалекомъ разстояніи отъ того дома, въ которомъ помѣщалась редакція «Русскаго Міра». Стоило только перейти черезъ Невскій проспектъ на противоположную его сторону, во второй или въ третій (хорошо не помню) домъ отъ угла.

Въ «Маломъ Ярославцѣ» мы уединялись въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Иногда приходилъ туда самъ издатель газеты, М. Г. Черняевъ, но всегда не надолго. Онъ, нужно замѣтить, былъ весьма деликатный и привѣтливый человѣкъ, говорилъ всегда тихо и сдержанно, точно опасался, чтобы не оскорбить и не обидѣть кого-нибудь лишнимъ словомъ или высокомернымъ обращеніемъ. Но такимъ тихимъ и внимательнымъ къ каждому человѣку былъ онъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда обращавшійся къ нему человѣкъ стоялъ ниже его въ общественномъ отношеніи или, по крайней мѣрѣ, былъ равный съ нимъ. Но, когда онъ оказывался стоящимъ выше его по положенію, по чину, должности или по силѣ, на примѣръ, своего вліянія гдѣ-нибудь на службѣ—въ особенности, государственной—и если при этомъ высказывалъ чѣмъ-либо свое предъ нимъ преимущество, Черняевъ былъ неузнаваемъ, голову держалъ высоко, говорилъ рѣзко, хмурился, вообще, выражалъ каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ непріязненные къ нему чувства.

Войдетъ, бывало, въ занимаемую нами комнату въ «Маломъ Ярославцѣ»—и смутится.

— Ахъ,—скажетъ,—я опять мѣшаю вашему отдыху,—и повернетъ обратно.

— Михаилъ Григорьевичъ! Ваше превосходительство! Не уходите! Удѣлите намъ минуту-другую,—заявить, бывало, кто-нибудь изъ завтракающихъ.

Случалось, онъ оставался нѣкоторое время съ нами, всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда въ комнатѣ не было кого-либо изъ постороннихъ, выпивалъ рюмку настойки и уходилъ въ другія ком-

наты, поджидая встрѣчи съ нужнымъ ему человѣкомъ, всего чаще — съ комиссіонеромъ по отыскиванію денегъ для займа.

Съ деньгами, замѣчу кстати, онъ не умѣлъ обращаться и расходовалъ ихъ безъ счета. Такъ, бывало, утромъ, получивъ съ почты пакетъ съ деньгами, подписными на газету, онъ выберетъ изъ всѣхъ пакетовъ деньги, положитъ ихъ къ себѣ въ карманъ и, передавъ письма съ адресами подписчиковъ въ контору, преспокойно отправится изъ квартиры. Уходя, завернетъ съ опустошенными конвертами въ комнату конторы, уже одѣтый въ пальто и въ шляпѣ (тогда онъ носилъ, по возвращеніи изъ Туркестанскаго края, партикулярное платье). Конторщикъ, получая пустые пакеты, заявляетъ, бывало, о томъ, что въ кассѣ нѣтъ ни гроша, и что сотрудники давно ждутъ денегъ въ уплату за свои труды, но, на заявленія его, Михаилъ Григорьевичъ по обыкновенію, только кивалъ головой и отвѣчалъ всегда одними и тѣми же словами:

— Знаю, знаю. Хорошо. Деньги на-дняхъ будутъ.

Денежныя дѣла его тогда были крайне запутаны, да едва-ли и вообще были онѣ когда-либо въ порядкѣ. Онъ, не въ осужденіе сказать, былъ въ этомъ отношеніи человѣкъ безпечный, а на денежныя дѣла смотрѣлъ по своему, «по Черняевски». «Нѣтъ денегъ, что за важность—нужно занять, вотъ и будутъ», такъ рѣшалъ онъ этотъ вопросъ и съ комиссіонерами былъ поѣтому въ частыхъ, можно сказать, даже безпрестанныхъ сношеніяхъ. Относительно же того, что заемъ рано или поздно долженъ быть оплаченъ, объ этомъ онъ, кажется, никогда не задумывался. Сколько и кому онъ былъ долженъ, едва-ли и самъ хорошо зналъ. И сколько послѣ его издательства, да не только издательства, но и вообще послѣ всей его дѣятельности, осталось нераспутанныхъ дѣлъ, въ этомъ, пожалуй, не разберется никакой бухгалтеръ.

Доброты онъ былъ необыкновенной, вѣрнѣе сказать, тоже «Черняевской», т.-е. широкой, неразборчивой и не всегда обдуманной. Такъ, напримѣръ, однажды, зайдя въ типографію «Общественная Польза», гдѣ печаталась газета «Русскій Міръ», онъ услышалъ отъ наборщиковъ поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ (кажется, наканунѣ новаго года) и отдалъ на чай пятьдесятъ рублей—послѣднюю бумажку, бывшую у него въ карманѣ. Наборщики, разумѣется, разсыпались въ благодарностяхъ, а онъ, смущенный ихъ привѣтствіями, поспѣшилъ уѣхать изъ типографіи. Смущеніе его замѣтили многіе изъ служащихъ въ типографіи и долго потомъ высказывали восторженные похвалы его необыкновенной скромности. Но едва-ли они въ этомъ случаѣ не ошибались въ опредѣленіи причины, вызвавшей его смущеніе. Ошибиться было очень возможно, не имѣя точнаго понятія о положеніи денежныхъ дѣлъ Михаила Григорьевича. Денежныя дѣла его, какъ я сказалъ выше, были въ то время въ печальномъ положеніи: семья

жила въ Гатчинѣ, нуждаясь чуть-ли не въ самомъ необходимомъ, онъ метался по Петербургу, разыскивая чрезъ комиссіонеровъ займа денегъ и уныло хмурился при мысли о томъ, что у всѣхъ знакомыхъ своихъ, болѣе или менѣе состоятельныхъ, онъ давно уже сдѣлалъ позанмствованія и даже неоднократныя. Относительно причинъ, вызвавшихъ его отъѣздъ въ Сербію, можно бы много, много рассказать... Но «да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ».

Въ «Матомъ Ярославцѣ» онъ бывалъ частенько; тамъ въ буфетѣ имѣлась даже настойка его имени. Бывало, подойдетъ къ буфетной стойкѣ и, не говоря ни слова, покажетъ только рукой на рюмку,—буфетчикъ уже знаетъ, чего онъ хочетъ и наливаетъ «черняевской». Его товарищи и собесѣдники, приходившіе въ этотъ трактиръ для свиданій съ нимъ, очень хорошо знали ту настойку, которую онъ любилъ. Иногда онъ, попробовавъ рюмку-другую своего изобрѣтенія, находилъ, что она неправильно составлена.

— Какъ находите?—спрашивалъ онъ собесѣдниковъ.

— Ничего, Михаилъ Григорьевичъ, не дурна,—пить можно!

— Нѣтъ, что-то въ ней не то... Остроты нѣтъ. Что-то еще нужно прибавить,—задумчиво говорилъ онъ,—керосину развѣ немного?..

Однако, керосину онъ не прибавлялъ. Изъ какихъ травъ эта жидкость получала свои «остроты», не знаю. Помню, что въ нее входила и англійская горькая, и допель-кюмель, и двойная полынная, но, кромѣ нихъ, входило еще что-то, во всякомъ случаѣ,—не керосинъ. Пивалъ эту настойку и я, грѣшный, но откровенно скажу, что она была въ высокой степени отвратительнаго вкуса.

Завтракали мы не всегда въ уединеніи и не всегда въ одной и той же комнатѣ. Случалось, при многолюдномъ собраніи посѣтителей трактира, мы попадали въ тѣ комнаты, гдѣ завтракали, вѣрнѣе сказать, опустошали бутылки съ виномъ и пивомъ обычные завсегда-тай трактира. Всѣхъ ихъ по фамиліямъ не могу назвать, ибо со многими изъ нихъ знакомъ не былъ. Помню, что тамъ встрѣчалъ Мусоргскаго, возсѣдающаго за столомъ, уставленнымъ бутылками, Сергѣя Васильевича Максимова, рассказывающаго хриплымъ голосомъ о сибирскихъ горахъ, лѣсахъ и каторжникахъ, актера Павла Васильевича Васильева, тоже старательно опустошавшаго бутылки съ виномъ и пивомъ, и его однофамильца, опернаго баса, Владимира Ивановича Васильева. Владимиръ Ивановичъ отличался отъ всѣхъ собутыльниковъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ничего, кромѣ очищенной водки, не пилъ.

— Я, братъ ты мой,—басилъ онъ, въ отвѣтъ на предложеніе «чокнуться»,—я ничего цвѣтнаго не пью. Отечественнаго напитка, пожалуй, могу, когда угодно и сколько угодно, а эту заморщину

всякую отметаю... Ну-ка, любезный,—обращался онъ къ служителю, возвышая голосъ,—принеси-ка еще графинчикъ «разговорцу».

Отъ громогласнаго его баса собесѣдники смущались и отодвигали стулья подальше отъ него.

— Эка, рявкнулъ какъ!—замѣчали они.

— На томъ стоимъ, братцы; голосомъ только и дышемъ, на этомъ ужъ, пожалуйста, не обезсудьте. Сами знаете, безъ голоса нашему брату пропадать надо. Это справедливо. Мнѣ одинъ пріятель, скотина, сказалъ: «Ежели бы, говорить, у тебя не голосъ-басъ, давно бы ты свиней пасъ». Я ему хотѣлъ въ ухо запалить, да жалъ стало ладони—опоганишь. И врать, подлецъ,—свиней я бы ни въ какомъ случаѣ не пасъ, потому что я парень съ головой. Домикъ я себѣ на Петербургской приспособилъ, а этого, скажу вамъ, безъ головы не добудешь. Вотъ только долгу на немъ еще порядочно, тысячъ, пожалуй, пятнадцать. Надо ихъ запѣть. Да ничего, Богъ дастъ, запоемъ. Ну-ка, братъ,—обращался онъ къ лакею,—наливай намъ «разговорцу», пока по рюмочкѣ, а тамъ дальше помыслимъ повторить... Да что ты, братъ, какія рюмки ставишь... Давай настоящія, въ басовомъ, т.-е., ключѣ, «двуспальныя,» какъ говорятъ апраксинскіе купцы.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ, вслушиваясь въ его басистый разговоръ, вставлялъ свое одобрительное замѣчаніе.

— Хорошее сказано слово, Владимиръ Ивановичъ, мѣткое. «Разговорцу»!... Это легучее слово. Большого значенія слово—разсудку требуетъ...

— Погоди! Ты погоди: спервоначала выпей, — понимаешь. Завѣсти, сказано, лампадочку, а потомъ, по мѣрѣ надобности, подливай маслица, сколько потребно.

Владимиръ Ивановичъ наливалъ «двуспальную» рюмку, Максимовъ охотно къ нему присосѣживался, и «разговорецъ», спустя нѣкоторое время, вновь появлялся въ другомъ, принесенномъ на смѣну перваго, графинѣ.

Владимира Ивановича въ «Маломъ Ярославцѣ» приходилось встрѣчать не часто, въ особенности въ зимніе мѣсяцы. Товарищи, подобно ему, не чуждые выпивки, рассказывали, что отъ посѣщенія трактира онъ часто уклонялся.

— Не могу, говорить, теперь,—передавали они,—не тѣ времена. Тяжелыя, братцы мои, времена. Направникъ свирѣпъ—и надо держаться въ струнѣ. Пропусти репетицію — заклюеть. Ласково, тихимъ гласомъ разговоры ведетъ, улыбается, а по глазамъ видно, что лють и злобенъ. Во едину отъ субботъ—могу. Это мой день. По заповѣди содержи себя и субботу соблюдаю. Сказано: «помни день субботній». Могу я въ сей день закатиться до утренней зари воскресенья и даже, въ случаѣ надобности, за воскресенье захлестнуть. Такжеже и во дни Великаго поста могу «подвигомъ добрымъ

подвизаться» во славу очищенной всероссійской. Постъ, братцы мои, разлюбезное дѣло: пой себѣ стихиры на «Господи возвахъ» и никакой Направникъ препятствовать въ этомъ разѣ не можетъ.

Такъ, бывало, баситъ онъ, опустошая графинъ «разговорцу» и чокаясь съ Максимовымъ рюжками. Видалъ его я, повторяю, не часто, но Максимова, Горбунова и иныхъ, подобныхъ имъ приверженцевъ къ спиртнымъ жидкостямъ, встрѣчалъ въ «Маломъ Ярославцѣ» много разъ.

Помню, напримѣръ, такую картину. Лежитъ на диванѣ, развѣсясь во всю его длину, кто-то изъ пишущей или поющей братіи, около него другой, находящійся, повидимому, тоже «въ высокомъ градусѣ». Этотъ еще настолько въ силахъ, что можетъ держаться на ногахъ и даже произносить членораздѣльные звуки.

— Вставай! Слышь! Вставай, — безобразно!.. — бормочетъ онъ, раскачивая лежащаго обѣими руками.

Лежащій мычитъ что-то, не открывая глазъ.

— Вставай! Довольно... Пойдемъ!..

Максимовъ, прикурнувшій въ уголокъ дивана, приподнимается, оглядываетъ лежащаго и его будителя и хриплымъ голосомъ говоритъ:

— Оставь его. Пусть съ миромъ отходитъ...

— Почему—отходитъ? Куда отходитъ?

— Оставь, тебѣ говорю. Четверодневенъ бо и уже смердитъ...

Помню и еще одну картинку. Сидитъ Мусоргскій на стулѣ около стола, заставленнаго бутылками, и держитъ въ обѣихъ рукахъ развернутый газетный листъ. Сидитъ онъ, нельзя сказать, чтобы очень твердо, но спиной все-таки опирается о спинку стула довольно плотно и хотя немного покачивается, но равновѣсія не теряетъ. Развернутый листъ газеты служить, повидимому, указаніемъ на то, что Мусоргскій намѣревается заняться чтеніемъ. Однако, при внимательномъ взглядѣ на его лицо, опухшее отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, на его глаза, дико блуждающіе по сторонамъ газетнаго листа, можно безошибочно заключить, что онъ едва-ли въ состояніи разобрать хотя одну строку печати даже по складамъ. Въ комнатѣ тишина. Горбуновъ рассказываетъ что-то объ А. Н. Островскомъ, что-то о поѣздкѣ своей съ нимъ въ Лондонъ,—все хохочутъ, а Мусоргскій сопитъ себѣ подъ носъ.

— Заблудились мы съ Александромъ Николаевичемъ,—говоритъ Горбуновъ,—потеряли дорогу къ своему отелю. «Иванъ Ѳеодоровъ,—шепчетъ онъ,—объяснись, братецъ, съ городовымъ-то, разспроси, какъ намъ теперича отсюда выбраться, по какой улицѣ». Я говорю: «Александръ Николаевичъ, какъ-же я буду съ городовымъ объясняться? Вѣдь онъ—англичанинъ, а я по англійски ни слова не

знаю».—«И какъ тебѣ не стыдно, Иванъ Ѳедоровъ,—съ упрекомъ сказалъ онъ и закачалъ головой,—вѣдь у тебя жена нѣмка»!..

Хохоть усиливается. Мусоргскій сопитъ носомъ. Павелъ Васильевъ поднялся отъ стола, заставленнаго бутылками, и хочетъ подойти къ Мусоргскому. Максимовъ поспѣшно встаетъ и хватается его за руки.

— Не ворошь его, не ворошь: упадетъ! — хрипитъ онъ, потрясая бородой.

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, не въ осужденіе сказать, былъ тоже весьма склоненъ къ препровожденію времени за рюмкой вина. Въ годы моего сотрудничества въ «Русскомъ Мирѣ» я хотя и не часто, но все-таки встрѣчался съ нимъ въ «Маломъ Ярославцѣ». Тогда, въ годы Треповскаго градоначальства, Сергѣй Васильевичъ Максимовъ и Горбуновъ не были частыми посѣтителями «Малаго Ярославца», и если появлялись въ немъ по временамъ, то уже далеко послѣ полудня: такъ,—часа черезъ два, а то, пожалуй, и чрезъ три. Въ тѣ годы, т. е. во времена Треповскаго градоначальства, завтракали они чуть-ли не ежедневно у Христіановича—правителя Треповской канцеляріи. Христіановичъ, даруй ему Господь вѣчный покой! имѣлъ тоже не малую склонность выпить. Помню его записку къ Максиму (лично мнѣ показывать), въ которой онъ приглашалъ его къ себѣ слѣдующими стихами:

«Приди ко мнѣ въ чертогъ златой
Хватить по рюмкѣ, по другой».

Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Максимовымъ и Горбуновымъ. Вела ли начало ихъ дружба отъ взаимной склонности къ выпивкѣ, или къ этому началу, въ большей или меньшей степени, промѣшивалось расположеніе Христіановича къ талантливымъ представителямъ литературы,—не могу сказать. Знаю только то, что Христіановичъ покровительствовалъ и Максиму и Горбунову, въ особенности—Максиму. Максимовъ, не будучи годнымъ къ аккуратной ежедневной работѣ, былъ во все время начальствованія Христіановича редакторомъ «Вѣдомостей С.-Петербургскаго градоначальства». Работалъ за него въ газетѣ корректоръ, а на его обязанности оставалось только одно дѣло—получать жалованье. Онъ, такъ сказать, пожиналъ плоды дружбы и изъ незначительныхъ отношеній извлекалъ вещественные знаки, выражавшіеся въ весьма порядочной суммѣ редакторскаго жалованья. Онъ получалъ, помнится, что-то около двухъ сотъ пятидесяти рублей ежемѣсячно, и такое полученіе продолжалось много, много лѣтъ, пока Христіановичъ не умеръ. Умеръ онъ, кстати замѣтить, въ Венеціи, и, какъ рассказывалъ мнѣ самъ же Максимовъ, виновни-

цею смерти Христиановича оказалась бутылка коньяку, которую онъ выпилъ на радостяхъ послѣ болѣзни, не успѣвъ отъ нея достаточно оправиться.

Горбуновъ вещественныхъ плодовъ отъ дружбы съ Христиановичемъ, насколько мнѣ извѣстно, не извлекалъ, по крайней мѣрѣ—явныхъ; о тайныхъ—не могу сказать, но могу все-таки предполагать, что, находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ сильному человѣку, и онъ тоже былъ не прочь извлечь изъ нихъ какую нибудь вещественную пользу. Максимова я зналъ близко и съ давняго времени, именно съ тѣхъ лѣтъ, когда, по волѣ неисповѣдимаго Промысла, я блуждалъ по градамъ и весямъ отдаленной Сибири и Амурскаго края. Максимовъ тогда былъ посланъ въ Сибирь по распоряженію великаго князя Константина Николаевичъ съ литературными цѣлями. Цѣлей этихъ, по моему мнѣнію, онъ не осуществилъ и хотя много написалъ и статей и книгъ о Сибири, но точнаго, полезнаго и заслуживающаго серьезнаго вниманія въ книгахъ его, пожалуй, найдется не много. Да проститъ мнѣ покойникъ правдивое слово о немъ! Говорунъ онъ былъ большой и собесѣдникъ забавный, что, при его добродушіи и простотѣ обращенія, давало ему большія преимущества на общественное вниманіе. И онъ, и Горбуновъ, какъ замѣчено выше, были большіе бражники. Бражничать съ пріятелями, слетавшимися на него со всѣхъ сторонъ, какъ мухи къ меду, Горбуновъ былъ весьма не прочь. Я видалъ его за чужими столами и въ Мал. Ярославцѣ, и въ другихъ ресторанахъ. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, послѣ сотрудничества въ «Русскомъ Мірѣ» и его редакторованія, я встрѣчался съ нимъ у Карамышева, въ маленькомъ ресторанѣ, находящемся и теперь на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора. Въ этотъ ресторанъ я, бывало, заходилъ нерѣдко, возвращаясь съ прогулки, и пилъ тамъ чай съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Всего чаще въ этомъ случаѣ былъ мнѣ спутникомъ Д. В. Аверкиевъ, въ тѣ годы уже замѣтно больной и избѣгавшій «рюмочки». Отъ свиданій съ Горбуновымъ у меня сохранилось въ памяти нѣсколько разказовъ объ А. Н. Островскомъ и А. Ѳ. Писемскомъ. Не знаю, были-ли въ печати эти разказы. Если они даже и были когда-либо напечатаны, то полагаю, что повтореніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не убавитъ ихъ интереса.

Александръ Николаевичъ, по разказамъ Горбунова, былъ, при всемъ своемъ добродушіи, склоненъ иногда похвастаться успѣхами—не литературными, а вообще успѣхами во всемъ: въ музыкѣ, въ пляскѣ, въ языкознаніи. Не слыхалъ я о томъ, хвалился-ли онъ успѣхами въ живописи и въ архитектурѣ, но смѣю предположить, что, при склонности своей,—положимъ, безобидной и нѣ-

сколько даже комичной,—хвастаться успѣхами во всемъ, онъ, вѣроятно, способенъ былъ разсказать о своихъ архитектурныхъ, живописныхъ, а, можетъ быть, даже и скульптурныхъ произведеніяхъ. «На скрипкѣ,—говорилъ онъ,—я играю такъ, что самъ Вьестанъ хвалилъ и удивлялся, слушая меня». Ударъ,—говорить,—у васъ необыкновенный». Въ дѣйствительности, онъ не только никогда Вьестана не видывалъ и едва-ли даже когда-либо бралъ въ руки скрипку. При разговорѣ о томъ, что Моцартъ въ ранней юности, не умѣя еще держать въ рукахъ скрипки, уходилъ съ нею въ садъ и тамъ скрипѣлъ на ней, заливаясь при этомъ слезами, полный духовныхъ восторговъ,—Александръ Николаевичъ, при такомъ разговорѣ, тоже восторженно вдохновлялся, билъ себя кулаками въ грудь и шепталъ:—«А я! А я!.. я въ дни ранняго дѣтства плакалъ, играя на скрипкѣ. Ахъ, какія въ воображеніи моемъ создавались аріи и симфоніи. Да-а! Не судилъ Богъ!.. Другая дорога назначена была мнѣ въ жизни». Заходилъ разговоръ о русской пляскѣ, о мастерскихъ вывертахъ и присѣданныхъ плясунновъ,—Александръ Николаевичъ и тутъ оказывался первымъ изъ первыхъ.—«Да я,—разсказывалъ онъ собесѣдникамъ,—такъ пляну, что любого вашего плясуна могу въ этомъ отношеніи за поясъ заткнуть».—«И былъ случай,—разсказывалъ Горбуновъ,—собрались когда-то у Александра Николаевича гости, зашелъ разговоръ о пляскѣ, онъ началъ хвалиться, что кого угодно превзойдетъ въ этомъ искуствѣ, и вдругъ оказалось, что среди гостей есть настоящій плясунъ, именно кто-то изъ пишущей братіи, не помню фамиліи, кажется, Стаховичъ.—«А ну-ка,—обратился этотъ дѣйствительный плясунъ къ Александру Николаевичу,—давай спляшемъ,—кто лучше изъ насъ окажется».—«Давай, сдѣлай милость, я готовъ съ великимъ даже удовольствіемъ. Начинай ты первый». Плясунъ началъ первый и кончилъ при общихъ выраженіяхъ восторга. Александру Николаевичу, волей-неволей, пришлось показывать свое мастерство въ пляскѣ.—«Я, признаться, что-то не того...—забормоталъ было онъ,—и нога у меня правая немного что-то... и вообще...»—«Нѣтъ ужъ, братъ, не отговаривайся,—возразилъ плясунъ,—хвалился, такъ пляши. Я плясалъ, такъ и ты пляши».—«Да, да, Александръ Николаевичъ,—заявили и гости,—сдѣлайте одолженіе, доставьте удовольствіе! Очень намъ любопытно посмотрѣть!» Заплясалъ Александръ Николаевичъ, снявъ для этого даже и сапоги, чтобы удобнѣе было выдѣлывать всякіе выверты и... упалъ. Надо замѣтить, что былъ и онъ, подобно гостямъ, немного выпивши. Однако и упавъ, онъ не утерпѣлъ, порисовался своимъ положеніемъ: «Увы! — говоритъ плачевнымъ и слезливымъ голосомъ,—увы, пріятели мои, очень я ушибся и въ опасномъ положеніи нахожусь... Да-а!.. умру, стало быть!.. Похороните меня, милые мои собесѣдники и благопріятели, но только, пожалуйста, безъ почестей!»

Разсказывая о днях своей юности, онъ, по словамъ Горбунова, больше всего увлекался воспоминаніями о томъ, какое блестящее воспитаніе дано было ему и братьямъ.

— Языки у насъ,—говорилъ онъ,—изучались, такъ сказать, съ безпримѣрнымъ стараніемъ. Французскій языкъ въ особенности. Могу сказать, что французскій языкъ—мой родной языкъ: чуть не съ пеленокъ я на немъ и орудую. У насъ, знаете, и древніе языки—греческій, напримѣръ, латинскій, долбились тоже, ухъ какъ! Про англійскій и нѣмецкій и говорить нечего—здорово мы съ ними мучились. Съ ними мы и ложились, и вставали. Съ итальянскимъ дѣло шло, надо признаться, плоховато, хотя онъ съ французскимъ и близкій родственникъ. Да-съ, намучились мы съ этими иностранными діалектами.

Такъ разсказывалъ Александръ Николаевичъ однажды какому-то новому знакомому, провинціалу, пріѣхавшему въ Москву изъ далекой глуши. При разговорѣ этомъ находился въ комнатѣ его младшій братъ (не помню имени его, кажется—Иванъ). Слушалъ онъ разсказъ Александра Николаевича объ изученіи языковъ и, не вытерпѣвъ, возразилъ:—«Эхъ,—говорить,—Саша! Какъ тебѣ не стыдно врать!» и съ этими словами ушелъ изъ комнаты. Александръ Николаевичъ ни мало не смутился его грубымъ упрекомъ и, обратясь къ гостю, проговорилъ:

— Вы не вѣрите ему—онъ отъ другой матери!

Этими словами онъ хотѣлъ выразить ту мысль, что младшій братъ, будучи значительно моложе его, не могъ знать о томъ, когда и какіе языки изучались имъ.

Относительно французскаго языка, его «родного», какъ онъ называлъ, я слышалъ отъ С. В. Максимова, разсказывавшаго со словъ покойнаго А. Ѳ. Писемскаго слѣдующее.

— Поѣхали мы, понимаешь,—разсказывалъ Писемскій,—за границу. (Разговорный языкъ Писемскаго,—намѣренно или ненамѣренно, Богъ его знаетъ,—простонародный). Сманилъ меня и Александра Николаева Григоровичъ,—пріѣзжайте, да пріѣзжайте, я вамъ, говоритъ, услугу, вездѣ побываю и всякую, значить, всячину парижскую увидите. Александръ Николаевъ насчетъ языка тоже успокоилъ,—будь, говоритъ, безъ сумлѣнія—я могу, говоритъ, на всѣхъ языкахъ дѣйствовать даже довольно свободно. А я, понимаешь, и повѣрилъ; думаю, въ самомъ дѣлѣ, ежели, значить, человекъ говоритъ, что съ дѣтства орудовалъ и французскимъ и нѣмецкимъ, какъ ему, стало быть, не повѣрить. Вотъ и поѣхали, братецъ ты мой. Ыдемъ—ничего, за границу перевалили, покатали по нѣмецкой землѣ. Я гляжу, присматриваюсь, прислушиваюсь, замѣчаю, что мой Александръ Николаевъ что-то финтить, отмалчивается. Зайдемъ въ буфетъ—мычить что-то и больше руками дѣйствуетъ, и деньги въ буфетѣ показываетъ, а

языкомъ не шевелить. Что ты, говорю, Александръ Николаевъ, хвалился нѣмецкимъ языкомъ, а оказывается ты въ немъ—ни въ зубъ толкнуть.—«Нездоровится,—говорить,—что-то и слова забылъ, память, значить, отшибло».—Ну, думаю, Богъ съ нимъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ кое-что позабылъ онъ въ нѣмецкомъ. Нѣмецкая рѣчь, дѣйствительно, трудная,—языкъ обломаешь! Извѣстно, нѣмцы—колбасники и добраго отъ нихъ ждать нечего. Ну, думаю, это не бѣда: скоро нѣмецкую землю минуемъ, по французской покатымъ, тогда дѣло пойдетъ лучше. Во французскій-то я вѣрилъ: думаю, ежели говоритъ, что это его родной языкъ, такъ нечего, стало быть, сомнѣваться. И братъ его, Михайла Николаевъ, который теперича въ большіе чины произошелъ и въ министры мѣтитъ, по-французски, знаю, лопочетъ. И что же, братецъ ты мой, вышло въ концѣ концовъ. Понимашь — комедія! Оно теперь разсказывать-то и смѣшно, а тогда же до смѣху было. Ну, вотъ, слушай. Приѣхали мы, стало быть, въ Парижъ. Вышли изъ вагона, оглядываемся во всѣ стороны, ищемъ глазами Григоровича, который обѣщалъ насъ, по полученіи телеграммы, встрѣтить на вокзалѣ. Анъ не тутъ-то было. Григоровичъ тоже, ежели правду сказать, человѣкъ не надежный. Наговорить, наговорить,—а все вранье. Вралъ онъ, понимашь, иной разъ такъ, что мухи дохли. Ну, вотъ! Глядимъ, глядимъ,—нѣтъ нашего путеводаителя. Ну, что дѣлать!.. Стало быть, говорю, Александръ Николаевъ, поидемъ, значить, къ выходу на платформу, можетъ тамъ его встрѣтимъ, Григоровича-то. Пошли—и тамъ нѣтъ его. Народу, братецъ мой, на платформѣ видимо-невидимо. Извѣстно, Парижъ—столица свѣта.—«Ну,—вотъ,—говорю, Александръ Николаевъ, надулъ насъ Григоровичъ».—«Да,—говорить,—накакуратно вышло».—«Такъ вотъ,—говорю,—стало быть, нанимай извозчика, объясняйся съ нимъ на родномъ-то языкѣ». А онъ, понимашь, нахмурился, глазами-то въ разныя стороны наводитъ, все, значить, высматриваетъ, нѣтъ ли тутъ гдѣ въ толпѣ Григоровича.—«Слышишь,—говорю,—Александръ Николаевъ, объясняйся съ извозчикомъ-то, не ночевать же намъ тутъ». А онъ отвѣчаетъ: — «Ахъ ты, говоритъ, Алексѣй Теофилактовъ, какой ты недогадливый,—и головой закачалъ.—«Въ чемъ же,—спрашиваю,—моя недогадливость выразилась?»—«Да какъ же, говоритъ, я буду разговаривать съ извозчикомъ, когда у меня въ обѣихъ рукахъ сакножи»».

Въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Мира» были «всякіе». Говорю такъ, подражая нѣкоторой матери большого семейства, отвѣчавшей на вопросы о томъ, каковы у ней дѣти. «Всякія есть,—говорила она,—и умные, и глуповатые, и строптивые, и смиренные». Такъ и относительно сотрудниковъ газетъ можно сказать. Были всякіе, и

умные, и глуповатые, и честные, и плутоватые; умныхъ и честныхъ — меньше, глуповатыхъ и плутоватыхъ—больше. Покойный Евгеній Раннъ, писавшій «на разныя темы», хвалился, напримеръ, тѣмъ, что сотрудничаетъ и въ «Голосѣ», и въ «Русскомъ Мірѣ». «Въ «Голосѣ»,—говорилъ онъ,—ищу по вопросу о народномъ образованіи, а въ «Русскомъ Мірѣ», возражаю на этотъ вопросъ—и выходишь складно и ладно: и тамъ, и здѣсь получаю построчную плату». Впослѣдствіи, спустя нѣкоторое время послѣ сербской войны, онъ приобрѣлъ отъ покойнаго Черняева права на изданіе «Русскаго Міра», и въ два-три мѣсяца издательства уронилъ подписку до того, что изъ трехъ-четырехъ тысячъ подписчиковъ въ ней осталось ихъ сотни двѣ. Причина — понятна: онъ изъ консервативной газеты задумалъ сразу сдѣлать либеральную—и провалился. Рассказывать о другихъ сотрудникахъ много не буду. Богъ съ ними! Къ чему беспокоить тѣни отшедшихъ въ иной міръ, и къ чему раздражать воспоминаніями тѣхъ, которые еще влачатъ въ тѣлесномъ образѣ свое земное существованіе? Къ числу таковыхъ могу причислить и даже въ первую пару поставить Ѳедора Берга, стяжавшаго себя печальную извѣстность многими неудачными предпріятіями, казенными субсидіями, частными долгами и иными дѣяніями, о которыхъ тоже удержусь говорить, памятуя молитву св. Ефрема Сирина, просящаго у Бога помощи «зрѣти прегрѣшенія свои и не осуждати брата». Но не могу умолчать объ одномъ интересномъ и, можно еще сказать, забавномъ сотрудникѣ «Русскаго Міра» — переводчикѣ съ нѣмецкаго.

Онъ ежедневно приходилъ въ опредѣленный часъ въ контору газеты; не торопясь, молча, снималъ въ прихожей верхнее платье, смотрѣлся въ зеркало, расчесывая карманнымъ гребешкомъ свои свѣтло-рыжеватые волосы, весьма кудластые и стропливо непослушные, торчавшіе на головѣ его ежомъ. Затѣмъ, одернувъ свой сюртучишко, сильно помятый и поистертый, онъ шелъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно занимался переводами съ нѣмецкаго. На столѣ, къ его приходу, уже лежали двѣ-три нѣмецкія газеты со сдѣланными редакторомъ отмѣтками для статей, подлежащихъ переводу. Прежде чѣмъ взяться за нихъ, онъ бралъ номеръ «Русскаго Міра» этого дня, хмуро и озабоченно подсчитывалъ строчки своихъ переводовъ, напечатанныхъ въ вышедшемъ номерѣ, и вынувъ изъ бокового кармана памятную книжку, записывалъ въ ней число строкъ, напечатанныхъ въ немъ, и потомъ принимался за переводы. Онъ былъ всегда мраченъ, мало разговорчивъ и сидѣлъ за своимъ столомъ по цѣлымъ часамъ, не покидая его даже для того, чтобы подняться, расправить уставшіе члены, пройтись разъ-другой по комнатѣ. Сидитъ себѣ за столомъ, согнувшись надъ бумагами, точно прикованный, и только по временамъ встряхиваетъ кудластою головою и что-то бормочетъ себѣ подъ

ность, не то въ осужденіе переводимой статьи, не то въ порицаніе торчавшаго у него во рту окурка папиросы,—въ порицаніе за то, что онъ послѣдній, и за то, что въ карманѣ нѣтъ ни гроша для покупки новой пачки папиросъ. Такъ, не отрываясь отъ работы, сидѣлъ онъ до того времени, пока не подходилъ къ нему посыльный, отправляемый въ типографію редакторомъ.

— Готово у васъ?—спрашивалъ онъ.

Переводчикъ молча передавалъ ему листочки переводовъ и опять углублялся въ работу. Наконецъ, работа была сдѣлана вся. Онъ поднимался со стула, потягивался, расправляя спину, и шелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ за конторскими книгами кассиръ. Кассиръ, завидя его, тоже хмурился и принимался озабоченно перелистывать страницы кассовой книги.

— Вамъ сколько?

Переводчикъ только смотрѣлъ на него, не отвѣчая.

— Сколько вамъ надо, спрашивается. Что-же вы молчите?

— А зачѣмъ спрашивать?—мрачно мычитъ онъ,—тамъ въ книгахъ у васъ записано сколько—и дайте.

— Сегодня не могу. Завтра получите.

— Миѣ сегодня надо. У меня гроша нѣтъ...

— Вотъ возьмите пока три рубля. Завтра получите все, сколько причитается.

Онъ молча беретъ трехрублевую бумажку, небрежно суетъ ее въ карманъ жилета и, едва кивнувъ кудистой головой, уходитъ въ переднюю. Тамъ, натягивая на тощія плечи свое ветхое пальтишко, онъ что-то ворчитъ, разговаривая самъ съ собою—и уходитъ.

Одинъ изъ артельщиковъ, служившихъ въ конторѣ газеты, рассказывалъ, какъ этотъ молчаливый переводчикъ съ нѣмецкаго проводилъ время, выйдя изъ конторы, и какіе иногда вель разговоры въ пивныхъ лавочкахъ, куда заходилъ послѣ своихъ трудовъ отдохнуть и выпить кружку пива.

— Настоящихъ чувствъ въ людяхъ нѣтъ, — говорилъ онъ, — вотъ и причина моего бѣдственнаго положенія. И не только моего, а вообще отъ этого все зло и бѣдность, и скорби людскія. Я, напримѣръ, трезвый, трудящійся человѣкъ, въ какомъ положеніи нахожусь? Я теплой одежды не имѣю, а на дворѣ—зима, да еще какая—галки отъ мороза издыхаютъ. Того гляди, и я подохну отъ такихъ морозовъ, а развѣ я галка? Будь въ людяхъ чувство любви къ ближнему, я бы и одного дня не проходилъ въ такомъ лѣтнемъ, вѣтромъ подбитомъ, пальтишкѣ: первый же встрѣчный, болѣе или менѣе обезпеченный, далъ бы миѣ на теплое пальто десятокъ-другой рублей, непременно бы далъ.

На вопросъ о томъ, насколько въ немъ самомъ сильно чувство любви къ ближнему, онъ, обыкновенно, вздыхалъ, пожималъ плечами и грустнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Я—что? Я обиженный судьбою, я, такъ сказать, прижатый къ стѣнѣ одинокій скиталецъ на бѣломъ свѣтѣ, человѣкъ безъ имени, безъ роду и племени. Въ чемъ я могу выразить свои чувства, чѣмъ могу доказать свою горячую, беззавѣтную любовь къ ближнему?

Росту онъ былъ менѣе чѣмъ средняго, узкоплечій, сутуловатый, во всѣхъ движеніяхъ медлительный, говорилъ однотонно и вяло, тянулъ слово за словомъ, точно выдавливалъ ихъ изъ себя прессомъ, ходилъ какъ утка, переваливаясь съ ноги на ногу, и взглядъ его тусклыхъ сѣрыхъ глазъ былъ недоумѣвающимъ, какъ будто онъ только что проснулся и еще не въ достаточной степени пришелъ въ себя.

Какъ-то ему, наконецъ, посчастливилось. Судьба ли сжалилась надъ нимъ или случай, управляющій, будто бы, участью большихъ и малыхъ твореній міра, какъ предполагаютъ нѣкоторые умники, —этотъ ли случай помогъ ему—неизвѣстно и разсуждать объ этомъ не будемъ. Такъ или иначе, но въ одинъ счастливый для него день онъ неожиданно получилъ то, о чемъ часто задумывался и чего жадно желалъ.

Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Шелъ онъ въ обычный часъ по окончаніи своей работы съ Большой Морской въ одну изъ дальнихъ улицъ города, гдѣ квартировалъ. Встрѣтился ему на пути самъ издатель газеты «Русскій Міръ», М. Г. Черняевъ. Неожиданно столкнувшись на панели, Черняевъ обратилъ на него вниманіе. Видитъ, человѣкъ идетъ въ пальтишкѣ, подбитомъ вѣтромъ, руки засунулъ въ карманы и жметя. Черняевъ остановился, бросилъ пытливый взглядъ на его лѣтнее пальто и спросилъ:

— Холодно?

— Да, не тепло, ваше превосходительство.

— Почему вы знаете, что я превосходительство?

— А потому и знаю, что въ вашей газетѣ перевожу съ нѣмецкаго.

— А-а! То-то я присматриваюсь, лицо какъ будто знакомое. Такъ холодно?

— Да и очень. Вамъ-то, я смотрю, тепло. Пальто у васъ мѣховое.

Черняевъ задумчиво протянулъ: «да-а» и пошелъ дальше, едва кивнувъ ему головой.

Переводчикъ еще больше съежился и зашагалъ быстрѣе прежняго.

— Вотъ чортъ,—ворчалъ онъ потомъ, рассказывая артельщику о своей встрѣчѣ.—Пальто у него съ бобромъ. Хорошо въ такомъ пальто разговаривать. И улыбается. Не зябнетъ, конечно. А мнѣ каково? А еще въ разпросы пустился, холодно-ли. Разумѣется, хо-

лодно. О, люди! люди!.. Нѣтъ у васъ понятія о нуждахъ и скорбяхъ бѣднаго человѣка!..

Оказалось, однако, что сердился онъ и бранилъ родъ людской напрасно. Черняевъ на другой же день послѣ встрѣчи съ нимъ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Пьянствуете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,— мрачно отвѣтилъ переводчикъ,— въ этомъ не грѣшенъ. Вотъ пивкомъ иногда балуюсь, это вѣрно.

На его счастье, Черняевъ былъ въ этотъ день при деньгахъ и далъ ему на пальто тридцать рублей.

— Вотъ возьмите...

— Въ счетъ, стало быть, переводовъ?

— Берите, когда даютъ. Вычитать не буду...

Одѣлся переводчикъ въ пальто изъ толстаго сукна на ватѣ и даже съ мѣховымъ воротникомъ и заговорилъ другимъ тономъ.

— Вотъ настоящій человѣкъ, нашъ издатель! Да! Такъ вотъ и должны поступать всѣ. Нѣтъ у человѣка теплой одежды, дай ее ему. Въ бѣдѣ онъ — помоги ему, раздѣли съ нимъ горе, успокой, утѣши. Вотъ какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ сталъ щеголять въ тепломъ пальто, случилось несчастье: на какой-то постройкѣ на Малой Морской обрушились лѣса и задавили нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Услышалъ объ этомъ артельщикъ «Русскаго Мира» и, поспѣшно войдя въ комнату переводчика, испуганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы ничего не слышали?

— А что такое?

— Несчастье вѣдь случилось, и представьте, какое ужасное несчастье!..

Переводчикъ соскочилъ съ своего стула съ такой быстротой, точно никогда такимъ увальнемъ не былъ, и кинулся въ переднюю, удостовѣриться, тамъ-ли его пальто.

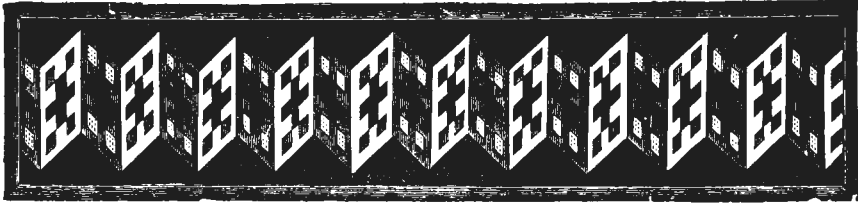
— Фу, какъ вы меня испугали!—проговорилъ онъ, вернувшись.

— Да вы куда собираетесь? На постройку, что-ли?

— Охъ, пойдите вы съ вашей постройкой. Говорите: «несчастье! несчастье!» Я думалъ, вы о пальто. Пальто тамъ, на вѣшалкѣ, какое же можетъ быть несчастье?!

Д. И. Стахѣвъ.

ОДИНЪ ИЗЪ УБИТЫХЪ МИНИСТРОВЪ.

(Изъ воспоминаній о Д. С. Сипягинѣ).

СЪ ДМИТРИЕМЪ Сергѣевичемъ Сипягинымъ мнѣ пришлось познакомиться лично, лѣтомъ 1894 г., когда онъ только что былъ переведенъ въ Петербургъ на должность товарища министра государственныхъ имуществъ. До этого его служба протекала сначала въ Москвѣ по выборамъ, а затѣмъ въ провинціи вице-губернаторомъ. Послѣдніе годы передъ переводомъ въ Петербургъ онъ былъ губернаторомъ въ Москвѣ.

Даже въ большомъ обществѣ невозможно было не замѣтить эту монументальную фигуру, съ крупными энергичными чертами лица, съ карими умными глазами, въ небольшихъ, по хохлацки висѣвшихъ, усахъ.

Впослѣдствіи онъ отпустилъ себѣ бороду, что удлиннило его лицо и придало ему болѣе пожилой видъ.

Одѣвался Сипягинъ всегда очень скромно и просторно, обыкновенно, во все черное и безъ малѣйшихъ претензій на щегольство и моду.

Отправляясь въ дорогу, — а это съ нимъ случалось нерѣдко, — Сипягинъ сверхъ всего надѣвалъ на себя зимою тулупъ, а осенью — желтый халатъ изъ деревенскаго сукна, вродѣ тѣхъ, которые носятъ въ холодную погоду извозчики и ломовики, а на голову нахлобучивалъ картузь обыкновеннаго мужицкаго покроя. Встрѣтивъ его въ такомъ костюмѣ, трясущимся къ кому-нибудь изъ знакомыхъ помѣщиковъ въ ямщичьемъ тарантасѣ идѣ-нибудь по не-

пролазной проселочной дорогѣ, очень легко было принять его за какого-нибудь Воронежскаго прасола, или купца средней руки, ѣдущаго по своимъ торговымъ дѣламъ. Никому изъ встрѣчныхъ не пришло бы и въ голову заподозрить въ этой мужикообразной фигурѣ одного изъ важныхъ Петербургскихъ сановниковъ.

Впослѣдствіи, наблюдая Сипягина въ Петербургѣ, я замѣчалъ, что тутъ ему совсѣмъ не по себѣ, что ему и тѣсно, и скучно въ Петербургскихъ гостинныхъ. Онъ не обладалъ способностью легко и непринужденно болтать о чемъ угодно, занимая и себя и другихъ; сплетни и мелкіе пересуды его не забавляли, словомъ,—фигура эта была совершенно не Петербургская. Отъ нея вѣяло стариной, патриархальной «столбовой» Москвой, съ ея «аглицкимъ» клубомъ, львами на воротахъ и стародворянскимъ «барскимъ» укладомъ. Временами казалось, что эта фигура прямо сошла къ намъ со страницъ «Войны и Мира». Тѣ же привычки, тѣ же наклонности, тотъ же духъ, что и у лучшихъ представителей Толстовской панорамы. Такъ, любя музыку, вообще, Сипягинъ былъ рьянымъ поклонникомъ цыганскаго пѣнія, но не того визгливаго и безшабашнаго, которымъ щеголяютъ цыганскіе хоры по ресторанамъ и отдѣльнымъ кабинетамъ, а стариннаго, когда слушать цыганскихъ солистовъ на ихъ концерты съѣзжалась вся Москва, когда отъ исполнителей требовался и голосъ, и умѣнье вложить въ него страстную силу и задухшевность. Когда Сипягину приходилось слушать цыганское пѣніе, цыгане по двумъ-тремъ замѣчаніямъ чужаки въ немъ знатока этого дѣла, оставляли обычную свою разухабистость и подтягивались.

Дмитрій Сергѣевичъ и самъ былъ немножко музыкантомъ и въ свободныя минуты, которыхъ у него было очень немного, любилъ играть на своей отличной віолончели. Уже будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ все собирался «вспомнить старину» и сыграть съ однимъ знакомымъ докторомъ, тоже віолончелистомъ, какой-то старинный дуэтъ. Уже и віолончель его была принесена къ его партнеру, оставалось только условиться о днѣ, когда можно будетъ разыграть этотъ дуэтъ, но неожиданная смерть положила конецъ музыкальнымъ планамъ Сипягина. Другимъ любимымъ удовольствіемъ для Сипягина была охота. Ей онъ посвящалъ все свое свободное время и каждый праздникъ или, вообще, свободный день аккуратно исчезалъ изъ Петербурга въ одно изъ заарендованныхъ для охоты мѣстъ и возвращался въ столицу или на другой день, или же, по возможности, съ послѣднимъ поѣздомъ. Въ этой страсти къ охотѣ опять-таки не было ничего моднаго, спортивнаго. Ему, прежде всего, доставляло огромное удовольствіе пребываніе среди природы, въ лѣсу, на прозрачномъ осеннемъ или зимнемъ воздухѣ, вдали отъ Петербургскаго тумана, канцелярій и злободневныхъ сплетенъ. Онъ самъ не разъ говаривалъ, что, при его сидячемъ образѣ жизни,

охота для него лучшее средство размяться и отдохнуть. Количественнымъ результатомъ охоты онъ, обыкновенно, интересовался мало и для него важнѣе было дать хорошій выстрѣлъ и убить одну птицу, чѣмъ палить безъ устали и набить цѣлые вороха добычи.

Ружье у него было старинное, одноствольное, заряжавшееся съ дула, работы какого-то знаменитаго «аглипкаго» мастера. Ны-

Убийца Сипягина С. В. Балмашевъ.
Съ фотографіи, снятой тотчасъ послѣ ареста.

нѣшнія усовершенствованныя скорострѣлки, рассчитанныя на массовое избиеніе дичи, онъ терпѣть не могъ.

На ружейную охоту Сипягинъ перешелъ, впрочемъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ. Въ молодости же, какъ говорятъ, онъ былъ страстнымъ борзятникомъ. Его свора въ охотничьихъ кружкахъ
«истор. вѣстн.», февраль, 1907 г., т. сѣч.

считалась когда-то знаменитой, а его большой, широкозадый калмыцкій конь, на которомъ онъ вихремъ носился за своей сворой, возбуждалъ зависть знатоковъ. Говорятъ, кому доводилось видѣть Сипягинскую охоту, тому невольно приходили на память охотничьи картины изъ «Войны и Мира».

Поговоривъ съ Сипягинымъ запросто пять-десять минутъ, всякій могъ убѣдиться, что передъ нимъ человѣкъ бывалый, а главное, бытовой, которому хорошо извѣстенъ вѣками сложившійся помѣщичій крестьянско-дворянскій бытъ. Онъ понималъ поэзію старыхъ дворянскихъ гнѣздъ съ ихъ «вольтеровскими» креслами, прекрасными библіотеками, портретами предковъ и фамильными архивами, понималъ, что съ старомъ бытѣ есть еще много жизнеспособнаго и, насколько можно, поддерживалъ, что еще могло пригодиться въ будущемъ.

Въ Клинскомъ уѣздѣ у него было небольшое имѣніе Клусово, доставшееся ему по наслѣдству отъ кн. Менцерекаго.

«Жизнь въ Клусовѣ, — говоритъ одинъ изъ его деревенскихъ гостей, — переноситъ въ даль прожитыхъ временъ при стройномъ сочетаніи многихъ условій стараго быта, бережно сохранившихся рядомъ съ новыми, вызываемыми жизнью и потребностями времени. И въ этомъ сочетаніи не было противорѣчія. Взаимно дополняясь въ стройное цѣлое, оно какъ бы опредѣляло и настоящее значеніе его (Сипягина) государственной и общественной дѣятельности: вѣрность преданіямъ, въ связи съ разумнымъ спокойнымъ разитіемъ».

Заглядывая въ свое Клусово всякій разъ, какъ была возможность освободиться отъ дѣлъ на болѣе или менѣе продолжительное время, Сипягинъ не упускалъ случая соприкасаться съ крестьянствомъ, сидѣвшимъ на землѣ. Они отлично понимали другъ друга, ибо Сипягинъ зналъ крестьянскія нужды, помогалъ, чѣмъ могъ, крестьянамъ, заводилъ у себя усовершенствованія, которыя оказывались пригодными и для деревень. И крестьяне твердо были увѣрены, что въ бѣдѣ Сипягинъ ихъ не выдастъ. Намъ самимъ приходилось видѣть ходоковъ, не только Клинскаго, но и соседнихъ уѣздовъ, знавшихъ о Сипягинѣ, которые являлись въ Петербургъ разыскивать здѣсь «барина Сипягина» и жаловаться ему на какіе-то чинимыя имъ неправды. Одни изъ такихъ ходоковъ попали случайно не къ Сипягину, а къ его знакомымъ, идѣ онъ былъ въ гостяхъ, дождались его выхода (дѣло было часа въ 4 дня) и тутъ же изложили ему свою просьбу, въ полной увѣренности, что попали на «вѣрнаго человѣка». И, дѣйствительно, Сипягинъ сдѣлалъ для нихъ все, что могъ. Онъ былъ добрый и сердечный, отзывчивый человѣкъ, всегда готовый помочь знакомому въ бѣдѣ. Случилось однажды одному изъ бывшихъ сослуживцевъ Сипягина по провинціи впасть въ крайность. Мыкался онъ, мыкался, пока не вспо-

мнилъ о Сипягинѣ. Робко пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и, съ бьющимся сердцемъ, отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ полной увѣренности, что тотъ его и не вспомнитъ. Оказалось, что Сипягинъ сразу узналъ своего давнишняго сослуживца, принялъ его тепло и, узнавъ о его положеніи, самъ лично принялся просить за него, гдѣ нужно. Но больше всѣхъ ему приходилось вырывать крестьянъ.

Отъ этого постоянного общенія съ землею, даже разговорная рѣчь Сипягина получила нѣкоторый простонародный оттѣнокъ. Попадались у него иногда словечки, мѣткія и колоритныя, но непонятныя, въ большинствѣ случаевъ, въ Петербургѣ, гдѣ, кстати сказать, говорятъ на какомъ-то удивительно блѣдномъ, обезличенномъ нарѣччіи. Помню, однажды, былъ такой случай: Сипягинъ, что-то читавшій, попросилъ своего собесѣдника отойти отъ окна и не «застить» ему. Тотъ не понялъ значеніе слова «застить» и началъ увѣрять, что такого слова вовсе и нѣтъ. Поднялся споръ. Наконецъ, принесли изъ библіотеки соответствующій томъ толковаго словаря Даля и оказалось, что слово «застить» не только существуетъ, но что оно старинное, чисто русское.

Въ другой разъ произошло такое-же филологическое недоразумѣніе по поводу употребленнаго Сипягинымъ выраженія—«спички ошмурыгались».

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, сознаніе необходимости поддерживать національную традицію проявилось у Сипягина весьма наглядно. Онъ пріобрѣлъ для себя въ самомъ концѣ Мойки небольшой двухъ-этажный домикъ, многимъ памятный по радушному гостепрѣимству хозяина. Передѣлывая его на свой вкусъ, Д. С. настоялъ на томъ, чтобы одна изъ комнатъ—столовая—была непременно отдѣлана въ древне-русскомъ стилѣ съ золоченымъ орнаментомъ и неизбѣжной принадлежностью старинной стѣнной росписи—птицами Сириномъ и Алконостомъ. Мебель была также въ русскомъ стилѣ, а въ углу былъ даже придѣланъ мѣдный умывальникъ съ поршнемъ и висѣло полотенце, расшитое красными пѣтухами.

Столовая, впрочемъ, всегда была въ квартирѣ Сипягина едва-ли не главной комнатой. Какъ типичный баринъ-москвичъ, онъ, естественно, былъ великимъ гастрономомъ и любилъ угощать своихъ гостей на славу. Но и тутъ у него проявлялась своеобразность московскаго вкуса: изъ всѣхъ блюдъ и деликатесовъ не было для него ничего выше знаменитаго Тѣстовскаго поросенка.

Обѣдъ для Сипягина былъ цѣлымъ священнодѣйствіемъ, которое онъ отправлялъ артистически. Глядя на него, всякій начиналъ неволью испытывать приступы аппетита: такъ заразительно смаковалъ онъ свои любимыя блюда.

Принимая у себя гостей или самъ бывая въ обществѣ, Сипягинъ не проявлялъ претензій быть «душой общества» и ограничивался ролью собесѣдника, не отстававшаго отъ компаніи, что бы она, потѣхи ради, не затѣяла. Несмотря на огромный кругъ его знакомства, «компанія» его всегда была довольно ограничена и состояла изъ друзей и сослуживцевъ его молодости и лицъ, съ которыми онъ былъ связанъ узами родства. Замѣчательно, что, несмотря на быстрое восхожденіе по ступенямъ бюрократической лѣстницы, Сипягинъ никогда самъ не порывалъ связи съ своими прежними сослуживцами-сверстниками, которыхъ онъ такъ далеко обогналъ. Несмотря на свое, иной разъ, очень скромное служебное положеніе, эти провинціальныя чиновники, попадая въ Петербургъ, всегда находили въ домѣ Сипягина радушный пріемъ, какъ старинныя знакомые, свидѣтели дней невозвратно минувшихъ.

Многіе, кому приходилось видѣть Сипягина уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, ставили ему въ вину, что, водворившись на Фонтанкѣ, онъ сильно загордѣлъ, «хватилъ генералшну», какъ выражались Горбуновъ. Дѣйствительно, оставаясь самимъ собою въ кругу знакомыхъ, въ официальныхъ сношеніяхъ Сипягинъ за послѣдніе годы сильно измѣнился, сталъ сосредоточеннѣе, мрачнѣе и недоступнѣе, но дѣло тутъ не въ «генералшнѣ», а въ непомѣрномъ обремененіи служебными дѣлами, въ угнетающихъ заботахъ и постоянномъ страхѣ за... многое. Онъ почти совсѣмъ пересталъ выѣзжать изъ дому, ложился спать на разсвѣтѣ, а въ девятомъ часу утра принималъ уже съ докладомъ директоровъ департаментовъ.

Глухое недовольство росло по всей странѣ, и революціонная пропаганда велась тысячами способовъ, неуволнимыхъ законами. Стоитъ только заглянуть въ любую брошюру о социаль-демократическомъ и революціонномъ движеніи въ Россіи, чтобы понять, съ какою быстротою росли тайныя революціонныя организации. На югѣ и юго-западѣ, кажется, не было города, гдѣ бы пропаганда не имѣла для себя укромнаго убѣжища. Другая бѣда была въ томъ, что самодержавіе, самодержавная власть, которая должна была быть въ непрерывномъ общеніи съ народомъ, была отрѣзана отъ него бюрократіей, безответственной и своекорыстной. Какъ и при Николаѣ I, Россіей продолжали править сорокъ тысячъ столоначальниковъ, не уважавшихъ закона и толковавшихъ его каждый по своему. Произволь, гешефтмахерство, радѣніе родному человѣчку стало отличительнымъ признакомъ нашей правящей машины конца вѣка. Конечно, это раздражало и другіе общественныя элементы, сами по себѣ спокойныя.

Сипягинъ считалъ необходимымъ бороться на два фронта. Твердо и послѣдовательно повелъ онъ войну съ революціонерами, но

такъ же твердо хотѣлъ онъ обновить, въ смыслѣ возможности обличенія царя съ народомъ, и нашъ бюрократическій строй.

Еще въ бытность свою главноуправляющимъ канцеляріей его императорскаго величества по принятію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, Сипягинъ выработалъ обширный планъ преобразования этого учрежденія. Онъ мечталъ о томъ, чтобы этотъ органъ милости государя превратить въ учрежденіе, гдѣ всякій могъ бы просить у государя высшей правды, высшаго суда въ тѣхъ случаяхъ, когда правда житейская побѣждается правдой формальной, духъ закона—его буквой. Сипягину, очевидно, вспоминался нашъ старыи институтъ челобитныхъ, когда послѣдній холопъ могъ просить у государя защиты противъ даже могущественнѣйшаго обидчика. Легко понять, какъ всполошился чиновный Петербургъ. Осуществленіе проекта Сипягина грозило бюрократическимъ «сферамъ» контролемъ, отъ котораго онѣ давно отвыкли. Противъ Сипягина поднялись страшные крики. Говорили, что онъ хочетъ сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ «контролера министровъ», забывая, что Сипягинъ самъ могъ уйти, а уставъ бы остался. Много распространялись о невозможности осуществить этотъ проектъ, такъ какъ-де понадобилось бы сильно увеличить штаты канцеляріи, какъ будто такое увеличеніе было для насъ необычайной новостью! Какъ и слѣдовало ожидать, проектъ Сипягина блистательно провалился. За него высказались лишь два министра: военный—Куропаткинъ и морской—Тыртовъ, т. е. какъ разъ тѣ самые, съ которыми Сипягину, въ качествѣ главноуправляющаго, меньше всего приходилось сталкиваться.

Потерпѣвъ неудачу въ реформаціонныхъ планахъ, Сипягинъ сталъ настойчиво стремиться къ обузданію самой бюрократіи, требуя отъ своихъ подчиненныхъ безусловнаго исполненія закона, не разсуждая о томъ, либераленъ онъ или отзывается отжившей стариной.

Былъ разъ такой случай.

Заходитъ къ Сипягину одинъ изъ старыхъ его сослуживцевъ по N-ой губерніи, нынѣ земскій начальникъ. Сипягинъ, уже управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, принялъ его съ распростертыми объятіями и непременно захотѣлъ отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ. За столомъ разговоръ велся оживленно, вспоминали старыхъ знакомыхъ, времена давно прошедшія. Настроеніе собесѣдниковъ дѣлалось все мягче и благодушнѣе. Но вотъ разговоръ какъ-то случайно повернулся на тѣлесное наказаніе крестьянъ.

— И много у тебя такихъ случаевъ набирается въ годъ?—спросилъ Сипягинъ.

— Ни одного.

— Какъ такъ?

— Да я не утверждаю такихъ постановленій крестьянскаго суда.

Нужно было видѣть, что сдѣлалось съ Сипягинимъ.

— Ты не имѣешь права этого дѣлать,—сказалъ онъ въ сильнѣйшемъ раздраженіи. — Пока законъ—худо-ли онъ, хорошо-ли онъ—существуетъ и существуютъ простушки, имъ караемые, ты обязанъ его исполнять безпрекословно. Иначе это что же такое?

Кое-какъ удалось замаять этотъ непріятный инцидентъ.

Но Сипягинъ слишкомъ опоздалъ съ своими оздоровительными планами: въ воздухѣ все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось присутствіе конституціонной идеи. Зналъ, конечно, о широкомъ конституціонномъ теченіи и Сипягинъ, но не только не сочувствовалъ ему, но, казалось, даже понять его не могъ. Идея конституціонализма и ограниченія самодержавной власти неразрывно связалась въ его мозгу съ представленіемъ о разложеніи и расчлененіи Россіи, а затѣмъ и съ окончательнымъ ея паденіемъ на степень мелкой державы. Терпимо относясь къ чужому мнѣнію,—не даромъ же его упрекали въ неискренности, говоря, что онъ одновременно ладитъ съ людьми діаметрально противоположныхъ направленій,—Сипягинъ какъ будто не хотѣлъ даже слушать своихъ противниковъ-конституціоналистовъ, хотя бы самаго умѣреннаго оттѣнка.

Однажды, въ его присутствіи, завязался жаркій разговоръ о необходимости создать, по старому примѣру, земскій соборъ, чтобы, при его помощи, распутать, наконецъ, хаотическое положеніе дѣлъ. Сипягинъ слушалъ, молча и мѣняясь въ лицѣ, наконецъ, въ раздраженіи, махнулъ рукой и отошелъ прочь.

Многіе находили, что, вслѣдствіе своей монархической прямолинейности и отсутствія способности къ компромиссамъ въ духѣ времени, онъ запоздалъ родиться и что политическую карьеру ему слѣдовало бы дѣлать при Николаѣ I-мъ, а не теперь. Но такое замѣчаніе, на первый взглядъ, какъ будто очень мѣткое, на самомъ дѣлѣ не совсемъ вѣрно. Отстаивая изо всѣхъ силъ неограниченное самодержавіе, Сипягинъ понималъ его не такъ, какъ понимали эту форму власти дореформенные бюрократы. Его возрѣнія на этотъ счетъ носили, насколько можно судить по отрывочнымъ, случайнымъ разговорамъ, славянофильскій оттѣнокъ. Стоя выше всѣхъ партій и частныхъ интересовъ, самодержавіе, по мнѣнію Сипягина, не только совмѣстимо съ различными свободами, но, и безъ всякаго разсужденія, можетъ вводить такія, сообразныя съ духомъ времени, реформы, которыя партійная борьба не даетъ провести при конституціонномъ устройствѣ.

Сипягинъ въ личной своей государственной дѣятельности, оставаясь убѣжденнѣйшимъ монархистомъ, многіе назрѣвшіе уже вопросы рѣшалъ такъ, какъ ихъ въ тѣ времена могъ рѣшить только либеральный министръ. Особенно занимала его мысль о болѣе свободномъ положеніи печати, и онъ давно носился съ планомъ от-

мѣны предварительной цензуры и передачи дѣлъ о преступленіяхъ въ печати въ вѣдѣніе суда. Планъ этотъ находили, однако, опаснымъ, къ тому же, и при всѣхъ наличныхъ стѣсненіяхъ печати, противоправительственная агитація продолжала разгораться. Реформу пришлось отложить. Но кое-что для облегченія печати Сипягинъ все-таки успѣлъ сдѣлать: была установлена срочность предостереженій, ограниченная однимъ годомъ.

Въ нашу статью не входитъ разсмотрѣніе дѣятельности Сипягина, какъ государственнаго человѣка. Мы не имѣемъ для этого ни матеріаловъ, ни возможности. Думается, что для такого разсмотрѣнія не настало еще и подходящее время. Здѣсь мы сдѣлали только общее замѣчаніе, что борьбу съ революціонными теченіями онъ считалъ своимъ первѣйшимъ долгомъ — чувство, которое въ немъ было развито въ высшей степени. Оно проявлялось не только въ служебной его дѣятельности, но и въ мелочахъ повседневной жизни. Вотъ одинъ изъ характерныхъ для Сипягина случаевъ.

Будучи, какъ сказано выше, страстнымъ охотникомъ, получилъ онъ, однажды, отъ кого-то изъ знакомыхъ приглашеніе на охоту, устроенную въ имѣніи одной помѣщицы. Сама помѣщица жила постоянно гдѣ-то за границей и наѣздъ къ ней въ усадьбу охотниковъ (съ ея, конечно, заочнаго разрѣшенія) совершался довольно часто. Ѣхать до этого мѣста приходилось довольно долго, сначала нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ десятка два верстъ трястись на деревенскихъ лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ, которыя осенью правильнѣе всего было бы называть путями разобщенія. Путешествіе для пожилого уже и грузнаго человѣка представлялось довольно утомительнымъ, но за то охота обѣщала быть великолѣпной. Этого было достаточно, и Сипягинъ, улучивъ нѣсколько неприсутственныхъ дней, тронулся въ одно дождливое осеннее утро въ путь. Измокшіе, голодные и порядочно помятые приближались подъ вечеръ охотники къ знакомой усадьбѣ, поддерживая себя утѣшительной надеждой очиститься отъ дорожной грязи, хорошенько поужинать и выпататься до завтрашней охоты. Но, увы! Обнаружилось, что, за нѣсколько дней до пріѣзда охотниковъ, неожиданно прибыла въ имѣніе его владѣлица и теперь живетъ у себя въ усадьбѣ. На охоту случайно пріѣхали какъ разъ тѣ, кто не былъ знакомъ съ помѣщицей. Возникла неловкость. Что дѣлать? Одни говорили, что нужно гдѣ-нибудь переночевать и утромъ уйти на охоту подальше. Другіе утверждали, что, какъ требуетъ вѣжливость, необходимо сначала ей представиться и попросить разрѣшеніе на охоту лично отъ нея. Сипягинъ рѣшительно стоялъ за второе предложеніе, которое и взяло верхъ. Но такъ какъ представляться въ охотничьемъ костюмѣ было бы неудобно, а другого платья у пріѣзжихъ не было, то, недолго думая, онъ рѣшилъ сейчасъ же повернуть назадъ и ѣхать обратно. И вотъ, несмотря

на довольно сильный протестъ, кортежъ печально потянулся назадъ къ маленькой захолустной станціи, на которой не оказалось и подобія буфета.

Нужно имѣть большую силу воли, чтобы поступить такъ.

Такую же силу воли и чувство долга проявлялъ Сипягинъ и въ своей дѣловой жизни. Взявшись за какое-нибудь дѣло, онъ велъ его не только за страхъ, но и за совѣсть: онъ изучалъ его до тонкости, дѣлалъ изъ него собственноручно множество замѣтокъ и извлеченій, писалъ на цѣлыхъ листахъ свои мотивировки, такъ что, получивъ дѣло изъ его рукъ, каждый легко могъ въ немъ разобраться, видѣть взглядъ на него Сипягина и сообразить, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ. Вообще, трудоспособность у него была колоссальная и состязаться съ нимъ было очень трудно. Истиннымъ наказаніемъ было, однако, разбирать его почеркъ: мелкій и убористый, онъ отличался убійственной неразборчивостью.

Сослуживцы Сипягина передавали, что, вслѣдствіе принятой имъ и неукоснительно соблюдаемой манеры изучать всякое дѣло, какъ бы просто оно не казалось на первый взглядъ, до мельчайшихъ подробностей, было очень нелегко ходить къ нему на докладъ. Докладчикъ могъ знать великолѣпно всѣ обстоятельства дѣла, могъ вооружиться всевозможными справками, но и въ такомъ случаѣ нельзя было ручаться, что докладъ сойдетъ благополучно. Сипягинъ вдругъ обнаруживалъ свою особенную точку зрѣнія на дѣло, подсказанную ему бытовыми условіями, въ которыхъ находился проситель. Или вдругъ задавалъ вопросъ, вытекающій изъ существа дѣла, на который докладчикъ, плохо знакомый съ укладомъ жизни среды просителя, не могъ дать никакого отвѣта и становился втупикъ.

Неизвѣстно какимъ образомъ, но публика хорошо знала о тщательности, съ которой Сипягинъ разсматриваетъ дѣла. Мнѣ лично неоднократно приходилось наблюдать, съ какой тревогой справлялись просители, будетъ ли ихъ дѣло доложено самому Сипягину. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, они уходили съ явными признаками довѣрія и удовольствія. Какой-то крестьянинъ по этому случаю разъ перекрестился даже, промолвивъ: «накоонецъ-то, самому! Слава тебѣ, Господи!»

И вотъ такой политически опредѣленный человѣкъ, съ твердымъ характеромъ и сильной волей, былъ поставленъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ рядахъ его политическихъ противниковъ слышалось громкое восклицаніе «реакція!», въ подпольныхъ организаціяхъ заневелились самые смѣлые, рѣшительные элементы, предчувствуя начинающуюся борьбу на жизнь и на смерть.

Сипягинъ, принимая назначеніе, сознавалъ ясно, на что идетъ. Примѣръ Боголѣпова, застрѣленнаго Карповичемъ незадолго до назначенія Сипягина, былъ у него передъ глазами. Но уклоняться отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ онъ не могъ и не хотѣлъ по тому же чувству долга.

«Получивъ назначеніе, Дмитрій Сергѣевичъ сидѣлъ однажды у письменнаго стола въ глубокомъ раздумьѣ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ графъ С. Д. Шереметевъ.—Онъ ясно сознавалъ всю важность предстоящаго дѣла, всю трудность задачи, всю силу принятой имъ на себя отвѣтственности... Долго сидѣлъ онъ, пока, наконецъ, не вошелъ въ комнату Ефимъ, его старый слуга.

«Д. С. къ нему обратился, объявилъ о своемъ раздумьѣ и заботахъ и спросилъ, что онъ на это скажетъ?»

«Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и полною убѣжденностью тотъ отвѣчалъ:

«— Что жъ, вѣдь кому-нибудь же нужно быть министромъ внутреннихъ дѣлъ!

«Отвѣтъ былъ такъ простъ и убѣдителенъ, что онъ, дѣйствительно, на время вернулъ Д. С. извѣстное спокойствіе.»

Но, конечно, спокойствіе это было только на время. Было очевидно, что дѣло Сипягина, по условіямъ современности, виситъ въ воздухѣ и что, имѣя передъ собою такого крупнаго и рѣшительнаго противника, революціонныя организациі не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы устранить его съ дороги. Съ начала 1902 г. даже люди, не знавшіе лично Сипягина, ждали катастрофы со дня на день. Слухи, одинъ другаго вздорнѣе, выплывали неизвѣстно откуда. Министръ дѣлался все непопулярнѣе и непопулярнѣе...

Сипягинъ и самъ хорошо зналъ о затѣваемыхъ противъ него махинаціяхъ. Незадолго до смерти, онъ получилъ извѣщеніе о готовящемся на него покушеніи и просилъ особенно тщательно охранять его. Почти наканунѣ катастрофы, сидя въ гостяхъ, Сипягинъ впалъ въ задумчивость и, какъ бы про себя, сказалъ:

— А вѣдь убійца-то мой теперь ѣдетъ въ Петербургъ!

И онъ не ошибался. Въ Выборгѣ и Петербургѣ уже налаживались преступныя махинаціи, которыя должны были погубить Сипягина.

За нѣсколько дней до убійства Сипягина, въ Выборгѣ, въ гостиницѣ Societaets-Hus, а затѣмъ «Континенталь», поселился молодой человѣкъ, нѣкто Степанъ Валеріановичъ Балмашовъ, саратовскій урженецъ. Какъ было установлено, отецъ и сынъ Балмашовы—оба принадлежали къ числу лицъ, хорошо извѣстныхъ политической полиціи. Отецъ Балмашова еще въ 1876 г. подвергался административной ссылкѣ за революціонную пропаганду; та же участь вторично постигла его незадолго до преступленія его сына.

Степанъ Балмашовъ пошелъ по дорогѣ, указанной отцомъ. Студентъ, сначала Казанскаго, а съ 1900 г. Кіевскаго университета Св. Владиміра, Балмашовъ принималъ дѣятельное участіе въ университетскихъ безпорядкахъ, былъ исключенъ изъ университета и, на основаніи временныхъ правилъ 29 іюля 1899 г., отданъ на одинъ годъ въ военную службу. Но въ солдатахъ, онъ, кажется, не былъ, такъ какъ противъ него поднялось новое уголовно-политическое дѣло по обвиненію его въ принадлежности къ противоправительственнымъ кружкамъ, образовавшимся среди студентовъ Кіева. Дѣло кончилось ссылкой его въ г. Рославль, Смоленской губерніи, подъ надзоръ военнаго начальства. Впослѣдствіи онъ былъ уволенъ въ отпускъ подъ предлогомъ необходимости поправить разстроенное здоровье и проживалъ по разнымъ городамъ имперіи, въ томъ числѣ въ Харьковѣ и Саратовѣ.¹⁾

И вотъ на этого-то ех-студента, съ дѣтства воспитаннаго въ революціонныхъ чувствахъ, озлобленнаго и взвинченнаго вѣчными невзгодами, и палъ жребій устранить Спягина, считавшагося уже «столпомъ реакціи». Къ тому же, самъ Балмашовъ оказался въ цѣпкихъ рукахъ какой-то долго неуловимой таинственной личности, впослѣдствіи оказавшейся Кіевскимъ провизоромъ Гершуни. Гершуни также былъ въ Финляндіи, видѣлся съ Балмашовымъ и затѣмъ скрылся за границу.

Этотъ Гершуни и былъ главнымъ режиссеромъ, подготовлявшимъ Балмашова и руководившимъ его дѣйствіями. Черезъ него, повидимому, получались и деньги, такъ какъ самъ Балмашовъ не располагалъ личными средствами и даже учился на чужой счетъ. Въ Кіевскомъ университетѣ онъ получалъ стипендію въ размѣрѣ 250 руб. въ годъ, да въ 1901 г. имѣлъ отъ одного Саратовскаго благотворительнаго общества пособіе по 10 руб. въ мѣсяцъ. Деньги, и большія, притекали, стало быть, къ нему со стороны.

За недѣлю до катастрофы Балмашовъ понемногу приступилъ къ осуществленію своего хитро обдуманнаго плана. 27 марта онъ, подъ именемъ Бычкова, заказалъ въ одномъ изъ магазиновъ готоваго платья на Невскомъ адъютантскую форму, которую и получилъ черезъ три дня. Уплативъ за нее 116 руб., Балмашовъ объявилъ прикащику, что форма эта нужна его брату, который служитъ будто бы въ Гельсингфорсѣ.

Въ слѣдующіе дни онъ, постепенно наѣзжая въ Петербургъ, приобрѣлъ себѣ шашку, погоны и другія принадлежности военнаго обмундированія. Наконецъ, все было готово. Наканунѣ убійства, 1 апрѣля, Балмашовъ рано утромъ выѣхалъ изъ Выборга и, оставивъ по дорогѣ свои вещи на пограничной съ Россіей станціи

¹⁾ Свѣдѣнія эти мы беремъ изъ брошюры: «Убіеніе 3 министровъ». С.-П.-Б. 1906.

Терріоки, явился въ Петербургъ. Въ одиннадцать часовъ онъ заказалъ у одного изъ извозпромышленниковъ на Бассейной улицѣ карету для «поручика Игнатьева» и велѣлъ этой каретѣ подъѣхать за нимъ на другой день около 12 часовъ къ кофейнѣ Филиппова, на углу Троицкой ул. и Невскаго.

Сдѣлавъ, такимъ образомъ, послѣднія приготовленія, Балмашовъ отправился назадъ въ Финляндію, но уже не въ Выборгъ, а въ Терріоки, гдѣ и ночевалъ на постояломъ дворѣ.

Въ роковой день, 2 апрѣля, Балмашовъ выѣхалъ изъ Терріокъ въ 6 часовъ утра на станцію Райвола. Онъ былъ уже въ офицерской формѣ. Пробывъ въ Райволѣ около часу, онъ двинулся въ Петербургъ и прибылъ сюда въ 9 час. 30 мин. утра. До 12 часовъ онъ бродилъ по городу, а къ назначенному для кареты времени явился въ булочную Филиппова. Вскорѣ подкачала и карета, и Балмашовъ отправился къ зданію государственнаго совѣта, гдѣ въ этотъ день назначено было засѣданіе бывшаго комитета министровъ, на которомъ, конечно, долженъ былъ присутствовать и министръ внутреннихъ дѣлъ.

Одно случайное обстоятельство едва не разстроило всего этого хитро задуманнаго плана убійства. Террористы, очевидно, не знали, что засѣданія высшихъ государственныхъ учрежденій начинаются не въ 12 часовъ, а всегда нѣсколько позже. Такъ было и на этотъ разъ.

Назвавъ себя адъютантомъ одного изъ великихъ князей, Балмашовъ приказалъ немедленно доложить о немъ министру внутреннихъ дѣлъ. Швейцаръ отвѣчалъ, что министра еще нѣтъ, но что онъ скоро будетъ.

Не достигнувъ намѣченной цѣли, мнимый адъютантъ бросился въ карету и приказалъ везти себя на Большую Морскую. Минутъ черезъ пять онъ во всю прыть вернулся обратно, объявивъ швейцару, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ карету министра внутреннихъ дѣлъ, который будетъ здѣсь сію минуту.

Когда Сипягинъ вошелъ въ подъѣздъ Маріинскаго дворца — лѣвый, если смотришь на дворецъ отъ Исаакіевского собора, и сталъ съ помощью швейцара снимать шубу, Балмашовъ быстро двинулся ему навстрѣчу и подалъ ему запечатанный пакетъ, говоря: «отъ его императорскаго высочества». Такихъ пакетовъ запасено было у Балмашова пять: три съ адресомъ Сипягина и два на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Очевидно, въ этотъ день долженъ былъ погибнуть либо Сипягинъ, либо Побѣдоносцевъ.

Пока министръ разрывалъ конвертъ, злоумышленникъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Первымъ же выстрѣломъ Сипягинъ былъ смертельно раненъ въ полость живота. У него подкосились ноги и онъ сталъ опускаться на колѣни. Тогда убійца, со словами: «не будешь больше писать циркуляровъ», выстрѣлилъ въ него вто-

рой разъ сверху внизъ. Пуля попала въ нижнюю часть шеи и застряла гдѣ-то внутри. Двумя слѣдующими выстрѣлами террористъ ранилъ сопровождавшаго министра въѣздного лакея министерства внутреннихъ дѣлъ, Льва Боброва, который, повидимому, пытался помѣшпать убійству. Пятая пуля, выпущенная, очевидно, уже во время борьбы, попала въ потолокъ вестибюля. Револьверъ, изъ котораго стрѣлялъ Балмашовъ, большого калибра, новой системы и бельгійскаго происхожденія.

Слухъ о покушеніи на жизнь Сипягина съ быстротою молніи разнесся по канцеляріямъ нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ учреждений, сосредоточенныхъ въ зданіи государственнаго совѣта. Со всѣхъ сторонъ къ мѣсту катастрофы хлынули уже собравшіеся на засѣданіе министры, явившіеся на службу чиновники, писцы, курьеры, сторожа. Всѣ были растеряны и какъ-то безпомощно жались другъ къ другу. Разстерянность была такъ велика, что долгое время не догадывались даже арестовать убійцу, который стоялъ тутъ же, скрестивъ руки на груди. Будь у него револьверъ, онъ свободно могъ бы бить присутствовавшихъ сановниковъ на выборъ.

По разказу врача канцеляріи бывшаго комитета министровъ, доктора медицины Петрова, который однимъ изъ первыхъ прибылъ на мѣсто происшествія, Сипягинъ въ глубокомъ обморокѣ лежалъ на полу въ спинномъ положеніи, въ шубѣ и безъ шапки. Съ помощью окружающихъ, разорваны были его жилетъ, рубашка, сняты галстухъ. Сипягина перенесли на ясеневый диванъ, которые обыкновенно бываютъ въ переднихъ присутственныхъ мѣстъ. Раненый былъ безъ пульса, но, послѣ вспыскиванія мускуса, пульсъ оживился, и больной пришелъ въ себя.

«Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть,—разказывалъ намъ другой очевидецъ,—но скоро началъ синѣть и темнѣть. Тонкой струйкой кровь бѣжала по воротнику разстегнутой сорочки. Раненому дали кислороду, лицо его прояснилось, глаза открылись, и онъ сказалъ: «послали ли за женой?» Затѣмъ онъ опять посинѣлъ и снова потерялъ сознание. Такъ повторялось нѣсколько разъ. И тѣмъ поразительнѣе, что среди растерявшихся, метавшихся въ разныя стороны людей, онъ одинъ понималъ, что нужно дѣлать, и продолжалъ распоряжаться, пользуясь минутами, когда сознание возвращалось къ нему. На вопросъ одного изъ окружавшихъ его лицъ, очень ли онъ страдаетъ, отвѣчалъ: «нѣтъ, ничего.» Затѣмъ, въ слѣдующій моментъ сознания, онъ сказалъ довольно явственно: «сообщите государю. Хочу видѣть государя. Я вѣрою и правдою служилъ государю и никому не желалъ зла.» Глаза раненаго опять закрылись. Опять ему даютъ кислорода. Синева проходитъ, глаза раскрываются. «Священника!» слышится его твердый голосъ. И опять глаза закрываются. Но вотъ сознание задержалось нѣсколько дольше.

— Скажите государю, что я умираю за него. Желаю ему здравія,— успѣваетъ сказать раненый.

«Между тѣмъ быстро явился дворцовый священникъ и черезъ окружающую раненаго толпу видно было, какъ онъ, высоко поднимая руку, напутствовалъ его Св. Дарами.

«Больной началъ метаться и въ полузабытїи хватался за раны. Дали знать въ сосѣдную Максимилиановскую лѣчебницу и оттуда немедленно явились носилки. Прибыли и хирурги Трояновъ и Вельяминовъ, но дѣлать имъ было нечего. Раненаго понесли въ лечебницу и послѣдними его словами были: «желаю счастья его императорскому величеству.»

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ доставленія въ больницу, Сипягинъ скончался отъ паралича сердца, вызваннаго двумя ранами.

Спѣшно прибывшіе въ лечебницу друзья и близкія къ убитому лица уже не застали его въ живыхъ: только голова его была еще горяча....

26 апрѣля, въ засѣданіи военно-окружнаго суда, состоявшемся въ зданіи С.-Петербургскаго окружнаго суда, Балмашовъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

О казни Балмашова въ Шлиссельбургѣ находимъ слѣдующія подробности въ юньской книжкѣ за 1906 г. «Былого.»—«День передъ казнью,—разсказываетъ неизвѣстный авторъ,—Балмашовъ провелъ въ канцеляріи крѣпости. Былъ слабъ и болѣзненъ и весь день провелъ, просматривая «Ниву.» Къ ночи переведенъ былъ въ старую тюрьму и помѣщенъ въ камерѣ. Крѣпко заснулъ. Въ 4 часу ночи былъ разбуженъ смотрителемъ тюрьмы. Объявленіе товарища прокурора объ ожидающей его смерти, видимо, очень взволновало его, ибо онъ не ожидалъ смерти; отъ исповѣди и причастія отказался; подошелъ къ окну и нѣсколько времени провелъ молча, смотря на небо. Затѣмъ обернулся и сказалъ: «я готовъ».

«На казнь шелъ, предшествуемый священникомъ, съ завязанными назадъ руками. Казнь была совершена во дворѣ за старой тюрьмой. Эшафотъ возвышался возлѣ забора, раздѣляющаго этотъ дворъ на двѣ части. Похороненъ Балмашовъ тутъ же въ десяти шагахъ отъ стѣны.»

Такъ погибли обѣ эти жертвы тяжелаго перелома русской жизни, мучительнаго пароксизма нашей государственности.

Остается добавить нѣсколько словъ о другомъ участникѣ этой драмы. Главный вдохновитель убійства, Кіевскій провизоръ Гершуни, какъ извѣстно, попалъ-таки въ руки полиціи, былъ сосланъ по суду въ Сибирь въ каторгу, откуда, какъ полагается, недавно благополучно бѣжалъ, вывезенный въ бочкѣ.

А. Лѣбовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О П. Л. ЛАВРОВѢ ¹⁾.

VI.

Въ 1860 г. Лавровъ, въ качествѣ одного изъ учредителей Литературнаго фонда, прочелъ въ пользу этого новаго учрежденія въ Петербургѣ лекціи о значеніи философіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ редактировалъ въ «Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ», издаваемомъ Краевскимъ, философскій отдѣлъ, гдѣ появились его статьи по тому же предмету. И то и другое возбудило противъ него негодованіе двухъ противоположныхъ лагерей: либеральная пресса, съ Антоновичемъ во главѣ, обвиняла Лаврова чуть не въ обскурантизмѣ; а ретроградная—въ посягательствѣ на государственныя основы. Тогда на него было обращено вниманіе общества и III отдѣленія. Общество имъ заинтересовалось, III отдѣленіе видѣло въ немъ болѣе чѣмъ неблагонадежнаго человѣка. Даже безобидный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій отзывался о Лавровѣ, какъ объ одномъ «изъ полудюжины напонасѣйшихъ революціонеровъ», изъятіе которыхъ «изъ обращенія» возстановило бы желанный порядокъ въ государствѣ навсегда. Если память намъ не измѣняетъ—первый обыскъ былъ сдѣланъ въ квартирѣ П. Л. послѣ рѣчи, произнесенной имъ на могилѣ Добролюбова. Но этотъ обыскъ не имѣлъ непосредственныхъ результатовъ, такъ какъ ничего, кромѣ антиправительственныхъ стихотвореній его собственнаго сочиненія въ бумагахъ не

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 95.

было найдено. Въ 1862 г. онъ, по рекомендаціи А. Н. Энгельгардта (бывшаго профессора химіи въ нашей академіи, а впослѣдствіи извѣстнаго научнаго агронома и писателя¹⁾), вступилъ въ тайное общество «Земля и Воля». Первоначальныя цѣли этого общества были весьма умѣренныя: едва ли онъ достигали въ среднемъ рамокъ программы нынѣшней думской конституціонно-демократической партіи. Насколько намъ извѣстно, сторонники «Земли и Воли» стремились къ тому, чтобы народъ былъ надѣленъ землей въ количествѣ, сообразномъ съ его потребностями, чтобы свобода прессы, собраній, совѣсти и проч. была значительно расширена. Вопросъ о конституціонномъ управленіи, а тѣмъ паче о націонализаціи земли только что вырабатывался въ первое время существованія общества. Посягательствъ на монархическую власть общество вначалѣ не имѣло въ виду; терроризацію считало излишней. Если впослѣдствіи изъ его рядовъ выступали личности и выдѣлялись другія политическія организаціи съ болѣе рѣзкими цѣлями и средствами, то это вызывалось несоразмѣрностью съ первоначальными цѣлями «Земли и Воли» консервативно предохранительныхъ мѣропріятій сверху. Если котель закипаетъ, то взрывъ можно предупредить, удаляя причину кипѣнія, а не усиливая давленіе. Последнее ведетъ къ результату обратному.

Около того же времени — 1862 г. Лавровъ сблизился съ Н. Г. Чернышевскимъ, который векорѣ былъ арестованъ и сосланъ. Лавровъ же не только оставался на свободѣ, но даже читалъ лекціи — и профессиональныя, и публичныя. Онъ собирався также по просьбѣ студентовъ читать имъ лекціи, кажется, въ залѣ думы, покуда университетъ оставался закрытымъ. Но это не было ему разрѣшено. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи общества женскаго труда, инициатива котораго исходила отъ извѣстной женщины-педагога Стасовой. Но, когда А. П. Философова и графиня Ростовцева, официально ставшія во главѣ этого учрежденія, отказались зачислить въ члены нѣсколькихъ полезныхъ лицъ, рекомендованныхъ Лавровымъ, то онъ не постѣснялся высказать публично свой взглядъ на неправильность постановки всего дѣла, «благодаря непониманію лицами высшихъ, обезпеченныхъ классовъ, истинныхъ нуждъ трудовыхъ слоевъ». Въ томъ же направленіи онъ выступалъ неоднократно, произнося рѣчи въ другихъ собраніяхъ, обществахъ и т. д., причемъ не стѣснялся называть по именамъ высокопоставленныхъ тогда лицъ, носящихъ, по его мнѣнію, либеральныя маски. Тѣмъ не менѣе до 1866 г. онъ все-таки оставался на свободѣ, и былъ арестованъ только три недѣли спустя послѣ Каракозовскаго покушенія. Военно-учебная комиссія, разбиравшая его дѣло, не нашла никакой непосредственной связи

¹⁾ Онъ печатался по преимуществу въ «Современникѣ» и «Вѣстникѣ Европы».

его дѣятельности съ преступленіемъ Каракозова, однако усмотрѣла слѣдующіе проступки: 1) Лавровъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ—личныхъ и письменныхъ,—съ такими опасными въ политическомъ отношеніи лицами, какъ Чернышевскій и Михайловъ, и сочувствовалъ имъ; 2) въ статьяхъ, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, онъ проводилъ вредныя для спокойствія государства идеи, и 3) у него на дому были найдены, сочиненные имъ, неуважительные, обращенные къ императору, стихи.

За эти проступки военно-судная комиссія приговорила Лаврова къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ содержанія подъ арестомъ. Но генералъ-аудиторъ¹⁾ нашелъ такое наказаніе слишкомъ умѣреннымъ и исходатайствовалъ у императора разрѣшеніе сослать Лаврова,—не лишая, однако, чина полковника—на безвыѣздное, подъ надзоромъ полиціи, жительство въ какую-либо внутреннюю губернію. И его сослали (въ началѣ 1867 г.), по опредѣленію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ городъ Тотьму, Вологодской губерніи.

Я провелъ значительную часть моей молодости на сѣверѣ Россіи; ѣздилъ не мало по Вологодской губерніи, вводя уставныя грамоты въ разбросанныхъ по ней оброчныхъ имѣніяхъ моего дѣда, и до сихъ поръ не могу себѣ представить, чѣмъ руководились тогдашніе администраторы, причисляя Тотьму къ городамъ внутренней Россіи. Это не внутренняя Россія, а чуть не край свѣта, хотя сѣвернѣе ея есть еще Архангельскъ, Соловки и Кола.

Не только въ Тотьму, но и въ Кадниковъ, который мнѣ знакомъ лучше, (въ мое, по крайней мѣрѣ, время) въ три года «ни изъ какого государства не доскачешь», а если и доскачешь, то тамъ «рветъ отъ скуки».

Лаврову, впрочемъ, было разрѣшено вскорѣ переѣхать въ Вологду, но онъ туда не попалъ, потому что нѣсколько мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ, очень полюбившихъ его, провожали его далеко за городъ. Вологодскій жандармскій полковникъ (кажется, Зоринъ)²⁾ отнесся къ такимъ оваціямъ неодобрительно, задержалъ П. Л. въ Кадниковѣ и пригвоздилъ его тамъ. Эта трущоба лежитъ между Тотьмой и Вологдой, отстоя отъ послѣдней всего на 40 верстъ. Вѣроятно теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и прочему техническому прогрессу, нарощенному временемъ, въ этихъ палестинахъ дышется легче. Но въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія буквально отъ пыли одной можно было задохнуться даже въ самой

¹⁾ Генералъ Философовъ.

²⁾ Въ 1862 г. Зоринъ прославился тѣмъ, что, пріѣхавъ въ имѣніе одного помѣщика, временно-обязанные крестьяне котораго не соглашались на нѣкоторыя условія уставной грамоты, созвалъ мужиковъ, приказалъ имъ выкопать огромную яму, а солдатамъ привести буквально возы розгъ; «запорю и въ эту яму зарю», окрикнулъ онъ протестантовъ и побѣдилъ ихъ упорство послѣ нѣсколькихъ секундъ.

столицѣ губерніи—ни мостовыхъ, ни водопроводовъ. Въ Кадниковѣ, правда, главная улица была покрыта досками, игравшими, какъ клавиши.

Но не отъ пыли одной можно было задохнуться и не въ одной уличной грязи увязнуть. Я едва не задохся отъ картъ, когда меня покойный Челищевъ, тогда губернской предводитель дворянства, впервые привезъ въ Вологодскій клубъ (дворянское собраніе), чтобы познакомить съ мѣстнымъ обществомъ. Самъ я въ карты не играю, а въ клубѣ все общество играло—и въ этотъ, и въ другіе разы, когда я туда заглядывалъ. Играли административные тузы, и помещельные аристократы, мелкая чиновная и дворянская сошка; играли вальжжныя барыни и—о, ужасъ! даже хорошенькія, молоденькія барышни. Книги же въ Вологдѣ, кромѣ модныхъ романовъ и даже французскихъ, рѣдко можно было увидѣть. Получались, правда, газеты и журналы, даже «Русское Слово» и «Современникъ», но они лѣниво разрѣзались и еще лѣнивѣе читались, хотя имена Чернышевскаго, Писарева, Добролюбова были извѣстны и большинствомъ помѣщиковъ—вообще, очень порядочныхъ людей—приносились съ ненавистью. О публичныхъ библиотекахъ и школахъ нѣкоторые барыни, въ досужія минуты, начинали какъ-то вздыхать, по камертону стараго либерала, мѣстнаго богатаго помѣщика Д. Но покуда дѣло ограничивалось красивыми и бѣглыми фразами.

Такъ было въ Вологдѣ, до которой Лавровъ не доѣхалъ. Какое же въ Кадниковѣ?

Людей тамъ не видно, не слышно на улицахъ. Развѣ у кабаковъ, да на соборной площади въ торговый день, развѣ въ недѣлю, когда изъ окрестныхъ деревень мужики—и больше бабы—тащили на продажу свои сырыя произведенія, коими поддерживали элементарное прозябаніе 4000 обывателей.

Одно время Лавровъ жилъ въ маленькомъ домишкѣ на главной улицѣ (ихъ и всего-то двѣ, онѣ перекрещиваются на соборной площади), которая выстлана трепетными досками, въ уваженіе того, что по ней проходилъ Архангельскій трактъ. Слѣдовательно, тутъ дважды въ день обязательно приносилась почта на звенящихъ тройкахъ, въ гремящихъ телѣгахъ, подъ которыми тесины плясали и хлопали, и хлопали (смотря по погодѣ). Въ остальное время дня развѣ услышишь, какъ перекликнутся лавочники, дремотно проводящіе жизнь подъ низенькимъ навѣсомъ рядовъ, неизвѣстно кому сбывающіе свои товары. Только подъ вечеръ—и то лѣтомъ—прогуливались чиновники, большею частью зрѣлые, желтые, гемо-риодальные, съ кокардами, полученными за выслугу лѣтъ.

Я, пріѣзжая въ Кадниковъ по дѣламъ, всегда изумлялся отсутствію уличной дѣтвора. Гдѣ она пряталась и, вообще, плодились ли кадниковцы—оставалось загадкой.

Общество же представлялось въ такомъ видѣ, когда тамъ проживалъ Лавровъ. Благодаря новымъ земскимъ, мировымъ и акцизнымъ учрежденіямъ, въ городѣ резидировало 6—7 человекъ такъ называемыхъ интеллигентовъ. Кой-кто наѣзжалъ иногда по дѣламъ. По преимуществу, это были помѣщики средней руки. Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ Лаврову приходилось водить знакомство, я хорошо знавалъ раньше, знавалъ, когда они, разбуженные реформами, были, словно съ просонокъ, оживлены. Мировые посредники конечно, были отборными перлами.

Вотъ бѣглыя очертанія типичнѣйшихъ.

Одинъ изъ посредниковъ Б., принадлежавшій къ одной изъ первыхъ помѣщичьихъ фамилій, человекъ образованный и недурного сердца, такъ былъ преданъ либеральнымъ вліяніямъ, что, однажды, какого-то старика-крестьянина съѣздивъ полѣномъ по головѣ, за то, что тотъ посмѣлъ сказать—не знаю—искренно или нѣтъ, «что безъ воли мужику легче было». Другой посредникъ, К. (обширный участокъ котораго равняется пространствомъ половинѣ Саксонскаго королевства) поражалъ меня своимъ заплеснѣвшимъ, зазубреннымъ либерализмомъ, а въ особенности своимъ отношеніемъ къ крестьянамъ, которыхъ, какъ онъ выражался, «устраивалъ поудобнѣ навѣки». Ему было лѣтъ подъ 60; всю жизнь онъ служилъ воспитателемъ въ одномъ изъ аристократическихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга. Свой домикъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ воздвигъ на юру бургристаго песчанаго холма, на которомъ разводилъ невозможное, при данныхъ условіяхъ, многопольное хозяйство, въ назиданіе мужичкамъ: «Вѣдь они, бѣдненькіе, знакомы только съ парениной»,—пояснялъ онъ. «Мужичковъ» онъ всѣхъ восхвалялъ и старался заботиться о нихъ; всегда улыбался имъ, какъ танцмейстеръ, но рѣдко понималъ, что они ему говорятъ, и самъ разговаривалъ съ ними непонятнымъ языкомъ. Поэтому возможно избѣгалъ приходиться съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Просто боялся ихъ. Изъ боязни же возбудить ихъ къ себѣ недоувѣріе, К. скрывалъ, что былъ лютераниномъ; желая пріобрѣсти популярность, ходилъ въ русскія церкви, ставилъ свѣчи къ образамъ, и во всѣ посты, а также по средамъ и пятницамъ, отравлялъ свой старческій желудокъ постной пищей. На мѣста, гдѣ было дѣло, (а дѣла ежечаснаго, понятно, было много: то былъ періодъ введенія уставныхъ грамотъ), ѣздивъ избѣгалъ и больше отписывался. А чтобы «мужички» лучше понимали его, писалъ предписанія волостнымъ старшинамъ нарочно безграмотно. Напримѣръ, вмѣсто «чтобъ»—штопъ; вмѣсто «еще» — нечо, и тому подобное. Большинство другихъ помѣщиковъ, съ которыми Лаврову приходилось встрѣчаться, были либо либералы, даже выражавшіе мечтанія о конституціонномъ образѣ правленія, однако, подъ условіемъ сохраненія ландлордства; либо недоумѣвающіе, сбитые съ позиціи, простяки, малькон-

танты. И всѣ были погружены въ картежъ, обильно приправленный выпивкой.

Существовали въ Вологодской губерніи съ давнихъ поръ административно-ссылные, но типа едва-ли встрѣчающагося теперь. Въ Вологодѣ и около нея проживалъ, напримѣръ, отцвѣтающій, но все еще опасный для сердець провинціальныхъ матронъ, красавецъ, князь Гагаринъ. Онъ былъ первоначально сосланъ въ Вятку (или Пермь) за то, что въ столицѣ публично, на пари, при разбѣдѣ изъ театра, обнялъ и поцѣловалъ знаменитую «Клеопатру Невы», княгиню Воронцову-Дашкову, про которую Лермонтовъ пѣлъ: «какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва, нарядна, какъ бабочка лѣтомъ». Изъ Вятки Гагарина перевели въ Вологду. На прощанье онъ задалъ Вятчанскимъ аристократамъ Лукулловскій завтракъ и, сѣвъ уже въ дормезъ, на ихъ пожеланія и благодарности за хлѣбъ-соль, растроганнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Да и вамъ, господа, спасибо! За ваше хлѣбосольство я для васъ на прощанье не пожалѣлъ моего любимѣйшаго пса: вы мнѣ сдѣлали честь скушать его сейчасъ въ кулебякѣ. На здоровье!— и крикнулъ ямщику:—пошелъ!

Перемѣна царствованія застала Гагарина еще въ Вологодѣ на положеніи ссылнаго. Онъ немного фрондировалъ противъ правительства. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, императоръ Александръ Николаевичъ, совершая путешествіе въ Архангельскъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Вологду. День и часъ его прибытія былъ заранѣе извѣстенъ. Изъ окрестныхъ селъ сошлись тысячи народа. Стѣхалось дворянство. Городъ украсился флагами. Архіерей въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, стоялъ на паперти, окруженный духовенствомъ въ праздничныхъ ризахъ; торжественная напряженность момента была чрезвычайная. Вдругъ вдали на большой дорогѣ показывается и, какъ стрѣла, мчится, приближаясь, и вѣзжаетъ въ городъ открытая коляска, шестерикомъ вороныхъ, а въ коляскѣ, несомнѣнно, императоръ въ обычной бѣлой военной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Колокола оглушительно зазвонили во всѣхъ церквахъ; на площади— «ура». Архіерей спускается съ паперти, пѣвчіе заливаются, отъ протодьяконскихъ басовъ, кажется, трепещетъ низенькій, сѣрый небосклонъ... Однако, ворона шестерня, не умаляя бѣшеннаго бѣга, проносится среди толпы разступившагося народа, мимо архіерея... Остается только густое облако пыли и экипажъ исчезаетъ въ противоположной перспективѣ Архангельскаго тракта.

Оказалось, что проѣхалъ вовсе не государь, а шутникъ Гагаринъ. Онъ, какъ служившій въ конногвардейскомъ полку, имѣлъ право носить бѣлую съ краснымъ околышемъ фуражку.

Это одна изъ выдающихся, но далеко не единственная его проделка, то, что англичане зовутъ practical joke.

Когда Гагаринъ скончался, дворянская опека назначила разбирать бумаги князя одного хорошо знакомаго мѣ помѣщика, который говаривалъ: «такой, батюшка, Казановщины, какъ въ его перепискѣ съ нашими дамами, мѣ и во снѣ не снилось. Куда тебѣ Мирабовская «Le Rideau leve»!

Къ категоріи ссыльныхъ, подобныхъ Гагарину, надо отнести князя Волконскаго, Вакселя и нѣкоторыхъ другихъ господъ, очень, можетъ быть, интересныхъ для «дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ» и очень забавныхъ для ихъ мужей; неглухихъ, остроумныхъ, но, конечно, мало интересныхъ для Лаврова. Однако, ему приходилось съ ними, какъ и съ другими помѣщиками, иногда встрѣчаться въ Кадниковѣ. Тамъ имъ интересовались, относились къ нему любезно туземцы и временно пріѣзжавшіе помѣщики, начиная съ исправника.

Вообще говоря, политическихъ ссыльныхъ въ Вологодской губерніи не было почти до половины 60 гг. Только въ 1862—64 гг. туда попали студенты, исключенные изъ университетовъ, мѣстные уроженцы; ихъ попечительная администрація возвратила въ нѣдра родимыхъ семей. Но они жили тихохонько, мало обращая на себя вниманіе помѣщиковъ и полиціи. Затѣмъ были высланы туда поляки послѣ повстанья. Вологжане сначала подозрительно косились на поляковъ; но провинціальная скучища была такъ сильна, что скоро одолѣла подозрѣнія. Большая часть поляковъ, какъ-то умѣвшихъ изворачиваться съ матеріальными средствами и блистать нѣкоторымъ образомъ въ обществѣ, и получила въ губернскихъ и уѣздныхъ кружкахъ права гражданства.

Петръ Лавровичъ, какъ онъ ни сторонился, иногда бывалъ вынужденъ *faire bonne mine au mauvais jeu*, встрѣчаться даже съ мѣстной аристократіей и со ссыльными высшаго полета. Это его очень тяготило, однако было необходимо для того, во-первыхъ, чтобы не лишиться возможности вести болѣе для него интересныя знакомства, а во-вторыхъ, чтобы заниматься безъ помѣхъ любимъ ему литературно-научнымъ трудомъ.

Болѣе же интересныхъ знакомыхъ онъ добывалъ частью среди вновь ссылаемой (уже за политику) въ Вологодскую губернію молодежи; а частью — изъ осѣвшихъ въ ней, около своихъ семействъ или маестностей, студентовъ, лишенныхъ права жить въ университетскихъ городахъ. Между тѣми и другими было не мало членовъ общества «Земля и Воля», къ которому принадлежалъ и онъ самъ. Почти все эти лица относились къ нему, какъ къ дорогому учителю и были ему — за немногими исключеніями — симпатичны. Однако, какъ мягко не относились къ П. Л. мѣстные власти, ихъ обращеніе съ нимъ все-таки напоминало, что существуетъ игра «кошки съ мышкой». Исправникъ сегодня любезно приглашалъ его на именинный пирогъ, но могъ безнаказанно для себя завтра же

воспретить ему продолжать знакомство съ тѣми, кто ему—исправнику—не нравился, и даже засадить его въ кутузку, какъ это въ то время и случилось въ сосѣднемъ уѣздѣ другой губерніи съ «политическими», послѣ того, что одинъ польскій ссыльный, котораго исправникъ Т. (глупый, галантерейный господинъ, еще не замѣтившій, что либерализмъ уже сталъ на верхахъ изъ моды выходить) считалъ вѣрнымъ семейнымъ другомъ, внезапно исчезъ за границу, захвативъ съ собой казенныя печати, паспортныя бланки полицейскаго управленія, да кстати, и хорошенькую жену своего высокопоставленнаго—въ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ,—друга.

Жить подъ Дамокловымъ мечемъ никому не сладко. Не могло это быть пріятно и для Лаврова. Но онъ, какъ всегда и при всяческихъ невзгодахъ, считался со всеми неудобствами не ради себя лично, а ради своихъ научныхъ трудовъ и цѣлей. Въ Кадниковѣ онъ былъ занятъ изложеніемъ «Историческихъ писемъ», которыя и появлялись съ 1868 г. въ «Недѣлѣ». Онъ придавалъ большое значеніе опубликованію ихъ именно безъ задержанія въ тотъ моментъ русской жизни¹⁾; впечатлѣніе, которое онѣ производили оправдывало его желаніе закончить ихъ скорѣе. А для этой работы ему надо было имѣть при себѣ и выписывать книги, періодическія изданія и, вообще, не порывать связь съ центрами цивилизации. Покуда на все это мѣстные официальные наблюдатели взирали сквозь пальцы. Но, при малѣйшей его оплошности, могли наложить на что хотѣли свое безапелляціонное veto. Поэтому ему приходилось волей-неволей, насколько позволяла ему прямота его характера и житейскій тактъ, не раздражать своихъ аргусовъ и не умалять ихъ снисходительности. Къ тому же, онъ и его друзья надѣялись на близкую возможность освобожденія его изъ Кадниковскаго заточенія. Слѣдовательно, нерасчетливо было бы возбуждать неудовольствіе или подозрительность властей преждевременно.

Въ концѣ февраля 1870 г., Кадниковскіе знакомые Петра Лавровича обратили вниманіе на то, что его давненько не видно. Замѣтили это и власти. Разумѣется, они навѣдались на его квартиру, въ которой, къ великому ихъ ужасу, поднадзорнаго обывателя не оказалось. Бѣжать онъ, по ихъ соображеніямъ, не могъ, ибо, какъ удостовѣрился исправникъ, съ тѣмъ поръ, какъ видѣли П. Л. въ городѣ, ни одна почтовая лошадь (кромѣ троекъ съ Архангельской почтой) никуда не отлучалась. Его домашніе не могли разъяснить недоразумѣнія, хотя высказывали предположеніе, что П. Л., можетъ

¹⁾ Около 1870 г. «Историческія письма», значительно исправленные авторомъ, вышли отдѣльной книжкой, и были приняты съ большимъ сочувствіемъ русской либеральной прессой, понявшей, что въ 61—62 гг. она неправильно оцѣнивала Лаврова.

быть, самовольно отлучился изъ города нѣшкомъ, или на дровняхъ проѣзжаго мужика, желая повидать кого-либо изъ знакомыхъ, проживающихъ внѣ города. Это онъ дѣлывалъ и прежде, не спрашиваясь полиціи, которая смотрѣла сквозь пальцы на его поѣздки. Однако, обшариваніе всѣхъ окрестностей Кадниковъ нигдѣ не обнаружило слѣдовъ Лаврова. Стали ходить слухи, что его, во время предполагаемой, хотя и не легальной, но невинной экскурсіи, убили разбойники. Приводились даже доказательства, толковали о какихъ-то окровавленныхъ саняхъ, найденныхъ въ лѣсу.

Но если и были найдены гдѣ-нибудь слѣды крови, то она не принадлежала Лаврову: когда его искали въ Вологодской губерніи, онъ находился уже въ Петербургѣ и жилъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ квартирѣ одного офицера, горячаго поклонника его статей, вообще, человѣка либеральнаго образа мыслей.

Попалъ же П. Л. въ Петербургъ такимъ образомъ. Онъ давно жаждалъ вырваться изъ стоячаго болота и пробиться на западъ, гдѣ бы могъ продолжать свою работу свободно. Объ его желаніи знали и его друзья, между прочимъ—и Герценъ, который хоть и жилъ въ Англіи, но, по своимъ связямъ, имѣлъ возможность оказать ему содѣйствіе въ Россіи. Они подготовляли понемногу побѣгъ. П. Л. былъ предваренъ, чтобы 15 февраля былъ наготовѣ. И дѣйствительно, въ этотъ день къ нему пріѣхалъ молодой русскій революціонеръ Г. А. Лопатинъ, человѣкъ очень энергичный и находчивый. Лошадей вольныхъ онъ нанялъ въ Вологдѣ, въ Кадниковъ и обратно. (Этимъ и объясняется неприкосновенность Кадниковскихъ почтовыхъ троекъ). Покуда лошади Лопатина кормились въ Кадниковѣ, сдѣлавъ 40-верстную упряжку, Лавровъ успѣлъ выбрать бороду и усы. Это совершенно измѣнило его наружность, ибо то и другое, особенно послѣднее, было у него поглощающихъ, такъ сказать, размѣровъ. Подстригъ волосы, одѣлся нѣсколько иначе, чѣмъ всегда. Сѣли они съ Лопатинымъ въ повозку и покатали въ Вологду; откуда—уже на почтовой перекладной—имѣли въ виду добратъ до первой станціи строившейся тогда желѣзной дороги. Отъ нея уже ходили поѣзда, какъ Лопатина удостовѣрили ранѣе. Однако удостовѣреніе это было ошибочно. Пріѣхавъ на эту станцію, они узнали, что она будетъ торжественно освящаться для открытія движенія только на другой день; главное—въ присутствіи публики и властей. А между послѣдними, кромѣ иныхъ лицъ, знавшихъ Лаврова лично, долженъ былъ присутствовать и самъ жандармскій полковникъ. Попадаться ему на глаза было бы очень рискованно. Поэтому путешественники рѣшились ѣхать далѣе на почтовыхъ до перваго дѣйствующаго желѣзнодорожнаго пункта. Такъ они проѣхали сначала въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Сначала Лаврова пріютили на квартирѣ вѣрныхъ и либеральныхъ друзей. Но безопасность ихъ была такъ невѣрна, что П. Л.

пришлось переѣхать на Конногвардейскій бульваръ къ вышеупомянутому офицеру. Офицеръ былъ, какъ полагали, внѣ политическихъ подозрѣній и опасностей. Однако, онъ былъ слишкомъ непріимчивъ: въ то самое время, какъ имъ былъ приглашенъ Лавровъ, онъ пріютилъ у себя барышню, убѣжавшую отъ родителей для того, чтобы выйти замужъ—фигтивно— за «нигилиста». Родители ее искали повсюду, разумѣется, при дѣятельномъ содѣйствіи полиціи, которая могла нагрянуть и, между прочимъ, открыть Лаврова, объ исчезновеніи котораго она была уже освѣдомлена изъ Вологды. Добрякъ офицеръ-хозяинъ, понимая опасность гостя, предложилъ ему скрыться изъ столицы: поѣхать на нѣсколько дней (была масляница и заграничнаго паспорта до чистаго понедѣльника не было ни малѣйшей надежды получить) къ его, офицера, знакомымъ, въ деревню, Лужскаго уѣзда. Тамъ было безопасно, но, оказалось, тоже не вполне. Еще на станціи между Петербургомъ и Лугою П. Л. и его спутнику-офицеру пришлось закусывать въ залѣ, гдѣ скопилось много Лужскихъ помѣщиковъ, между прочимъ, нѣсколько земцевъ, хорошо его прежде знавшихъ: онъ самъ былъ ранѣе Лужскимъ уѣзднымъ и Петербургскимъ губернскимъ земскимъ гласнымъ. Они могли его узнать, однако не узнали. Усадьба же, гдѣ ему предлагали гостепрѣимство, оказалась полна гостями, среди которыхъ были люди, тоже знавшіе его раньше. Тѣмъ не менѣе, какимъ-то чудомъ, благодаря отчасти его преобразенному внѣшнему виду, а главное тому, что, ссылаясь на нездоровье, онъ почти не выходилъ изъ отведенной ему комнаты, все обошлось благополучно. Не безъ промедленія П. Л. получилъ паспортъ, выданный въ Петербургѣ, на имя врача Веймара, вмѣстѣ съ билетомъ прямого сообщенія до Берлина, сѣлъ въ вагонъ и на другой день выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи.

Какъ тогда рассказывали въ Петербургѣ (при свиданіи съ Петромъ Лавровичемъ за границей я позабылъ провѣрить этотъ слухъ),—собственно черезъ границу, т. е. изъ русскаго вагона въ германскій,—его перенесли въ качествѣ парализованнаго больного русскіе жандармы. И онъ изъ Германіи написалъ письмо жандармскому начальству, прося передать благодарность изгнанника чело-вѣколюбивымъ Вержболовскимъ унтерамъ.

Въ Парижъ онъ пріѣхалъ въ мартѣ (1870 г.), но увидѣться съ Герценомъ ему не удалось: тогъ скончался нѣсколькими днями раньше. Тѣмъ не менѣе, П. Л. могъ тотчасъ же познакомиться съ интересовавшими его научными и политическими дѣятелями. Черезъ извѣстнаго типографика Варлена, вождя французскаго пролетаріата онъ вступилъ въ Интернаціональ. Французскіе ученые ввели его въ свои круги; провели его избраніе въ члены антропологическаго общества, а извѣстный Брока пригласилъ вступить въ редакцію «*Revue d'Anthropologie*», въ которой П. Л. могъ помѣщать свои статьи.

Годъ его прїѣзда въ Парижъ былъ роковымъ для Франціи. Зимой Парижъ былъ осажденъ пруссаками, и П. Л. принималъ одно время участіе въ качествѣ артиллерійскаго офицера при оборонѣ города. Переносилъ онъ голодъ и холодъ; помогалъ, кому могъ, не столько деньгами, которыхъ у него самаго было очень мало, но дѣломъ. Подъ его руководствомъ, между прочимъ, учинялись тайныя вылазки за прусскую цѣпь, имѣвшія цѣлью достать въ окрестностяхъ что-либо съѣстное. Бывало, что онъ самъ приносилъ на плечахъ мѣшки съ кукурузой, картофелемъ, рѣпой и т. п.

Когда, переживъ всѣ ужасы осады, Парижъ очутился во власти коммуны, то Лавровъ, сочувствуя ей, вѣря въ ея будущность, предложилъ взять на себя заботы по реорганизаціи школъ. Но коммунарамъ было не до того; ихъ усилія сосредоточились на борьбѣ съ Версальскимъ правительствомъ, превосходство силъ котораго было очевидно, матеріальныя же средства коммунаровъ изсякли скоро; Лавровъ, пробравшись на этотъ разъ уже не черезъ прусскую, а французско-версальскую цѣпь осаждающихъ, направился въ Бельгію, а потомъ въ Англію, имѣя въ виду получить помощь для Парижа отъ Интернаціонала. Но оказалось, что и тамъ, и тутъ это общество само находилось безъ всякихъ средствъ. Въ Лондонѣ, напр., у Интернаціонала не хватало средствъ для устройства демонстративнаго, въ пользу парижскихъ коммунаровъ, митинга. Однако, Лавровъ воспользовался своей неудачной поѣздкой съ другой стороны. Онъ ближе и всестороннѣе познакомился съ положеніемъ социалистическихъ партій въ Европѣ и пришелъ къ убѣжденію, что организація и распространенность ихъ оставляютъ желать многого. Въ Лондонѣ онъ сблизился лично съ Марксомъ, работы котораго изучалъ еще раньше и былъ давно проникнутъ сочувствіемъ къ его идеямъ, клонящимся къ борьбѣ съ капиталомъ.

Позднѣе, въ 1880 г., онъ опубликовалъ небольшую книгу, въ которой, со свойственной ему глубиной мысли, излагалъ исторію коммуны, причины слабости социалистическаго движенія въ Европѣ, вообще, и средства, которыя могли бы помочь усилію его. Тогда же онъ прочелъ нѣсколько лекцій объ этомъ предметѣ исключительно для русскихъ, которыхъ собралъ въ своей квартирѣ.

Я лично видѣлся съ Лавровымъ за границей всего четыре раза: въ 1874 г. въ Лондонѣ и въ 1880 г. въ Парижѣ, гдѣ, поѣздомъ въ Италію, пробылъ съ небольшимъ сутки. Жилъ онъ тогда—какъ, впрочемъ, и всегда въ столицѣ Франціи—въ улицѣ St. Jacques. Здѣсь же онъ и скончался въ 1900 г. Квартирка была маленькая, всего три—считая входную—небольшія комнатки. Онъ были завалены книгами, мѣстами до непроходимости. Простая желѣзная кровать, покрытая фланелевымъ одѣяломъ, и вообще обстановка напоминали мнѣ своей спартанской простотой обиталище Гарibaldi (котораго я зналъ съ 1862 г.), когда я посѣщалъ его въ Римѣ въ

послѣдніе годы его жизни. Даже группа русскихъ, которыхъ я однажды встрѣтилъ у Лаврова, напоминала, по своему отношенію къ хозяину, итальянцевъ, видѣнныхъ мною около Гирібальди. Всѣ они, не взирая на взаимную простоту отношеній, на полное отсутствіе сентиментальности, а тѣмъ паче мистицизма въ міросозерцаніи, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ учителя, казались пламенно любящими его, вѣрующими въ него. Правда, они, не стѣняясь, противорѣчили, если въ чемъ не соглашались съ нимъ, но Лавровъ самъ мягко относился къ противорѣчіямъ, зато такъ глубоко продуманно и прочувствованно развивалъ свои мысли и, если нужно было, опровергалъ противорѣчія, что не воспринимать ихъ было трудно. Такой же, неотразимо проповѣдническій характеръ имѣли его публичныя лекціи, которыя онъ, время отъ времени, читалъ почти во всё время своего пребыванія въ Парижѣ.

Въ брошюркѣ «Памяти П. Л. Лаврова»¹⁾ одинъ изъ «близкихъ друзей покойнаго» пишетъ, между прочимъ, что «никогда не забудеть впечатлѣнія, произведеннаго одной изъ рѣчей Лаврова на одного русскаго доктора,—типичнаго скептика *fin de siècle*»,—случайно попавшаго на студенческое собраніе Латинскаго квартала. «Куда дѣвалась злая насмѣшка доктора по адресу революціонныхъ мечтаній. Онъ слушалъ, затаивъ дыханіе, и къ концу не могъ удержаться отъ слезъ. На мой вопросъ, что его такъ растрогало, д-ръ отвѣтилъ:

«Этотъ замѣчательный старикъ обладаетъ удивительной силой внушенія. Онъ однимъ своимъ видомъ пробуждаетъ гражданскія чувства, и его рѣчь дѣйствуетъ какимъ-то специфическимъ образомъ на большую совѣсть русскаго индифферента. Я индифферентистъ неисправимый и ни во что не вѣрю, но этого никогда не забуду. Для болѣе же воспримчивыхъ субъектовъ, вѣрующихъ въ челоуѣчество, особенно для молодежи, этотъ патріархъ русскоіи революціи положительно опасенъ»...

Я не касаюсь вопроса, насколько Лавровъ былъ «опасенъ», но позволяю себѣ не согласиться съ докторомъ-скептикомъ касательно специфическаго образа внушенія (т. е. гипноза?). Я не слышалъ революціонныхъ лекцій Лаврова, но мнѣ случалось разговаривать съ нимъ въ молодости; кромѣ того, я слушалъ его лекціи высшей математики въ артиллерійскомъ училищѣ, и потомъ философско-историческія въ Петербургѣ, присутствовалъ разъ и въ Парижѣ при его бесѣдѣ съ молодежью, у него на квартирѣ. Бесѣду эту скорѣе можно назвать «рѣчью», и она, дѣйствительно, сильно дѣйствовала на слушателей. И изо всѣхъ моихъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что обаяніе его рѣчи исходило просто изъ глубины, до кристальной ясности продуманныхъ, знаній и его

¹⁾ «A la memoire de Pierre Lavroff». Женева. 1900 г.

несокрушимой вѣры въ цѣль, которой онъ посвящалъ свои силы, труды и время.

Въ только что цитированной нами брошюркѣ, между прочимъ, тоже говорится: «заклятый врагъ религіозной мистики и переживаній доисторическаго періода, Лавровъ оставался въ области личной и общественной нравственности самымъ вѣрующимъ человекомъ. Тайна обаятельнаго дѣйствія его личности на окружающихъ заключается въ этомъ чистомъ религіозномъ культѣ нравственной красоты и гражданскаго долга.»

И далѣе:

«О чемъ бы ни бесѣдовать Лавровъ со своими многочисленными учениками..., его строго абстрактная рѣчь мало-по-малу неизбежно заканчивалась грознымъ вопросомъ строгаго моралиста: «Что сдѣлалъ и что намѣренъ сдѣлать ты для великаго дѣла? Какое должно быть твое участіе въ великомъ процессѣ, около тебя и въ тебѣ происходящемъ? Ты, рѣшившійся бороться за правду, ты отвѣтственъ предъ твоимъ убѣжденіемъ за то, что ты сдѣлалъ, за то, что около тебя и въ тебѣ совершается.»

Требованіе такого же настойчиваго характера, чтобы человекъ оставался несокрушимо вѣренъ избранной имъ цѣли и долгу, обусловливаемымъ сдѣланнымъ выборомъ, — послѣдовательно и мощно проводилъ Лавровъ и въ скромной сферѣ преподаванія математики, когда онъ былъ нашимъ профессоромъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи. И тогда оно производило на насъ, его молодыхъ учениковъ, сильное впечатлѣніе, переходившее въ обаяніе. Но и тогда главная сила рѣчи Лаврова заключалась въ его собственной вѣрѣ и въ искренности его прекрасной личности.

Можно критически относиться къ политическимъ воззрѣніямъ Лаврова, но нельзя не согласиться, что, во время его заграничной дѣятельности, эта искренность убѣжденія, этическая красота личности выступила еще рельефнѣе. А искренность—сила великая, особенно, если она подкрѣпляется жизненно практическимъ примѣромъ проповѣдника.

Личность же его стояла всегда у всѣхъ на виду. Въ Парижѣ онъ былъ центромъ извѣстнаго либеральнаго слоя русской колоніи. Но его посѣщали часто и русскіе туристы самыхъ умѣренныхъ политическихъ воззрѣній, далеко не раздѣлявшие его политическихъ взглядовъ, и тѣмъ не менѣе, глубоко уважавшіе его, какъ человека. Къ слову сказать, эти посѣщенія иногда тяготили его, отнимая много времени, какъ онъ мнѣ говорилъ. Но собственно къ личностямъ, даже и не симпатичнымъ ему, онъ относился принципиально всегда терпимо. «Люди, стоящіе ниже желаемаго уровня — помню, говорилъ онъ, — рѣдко сами въ томъ виноваты. Было бы несправедливо не протянуть имъ руки, которая можетъ

быть и не бесполезна не только въ индивидуальномъ, но и въ общественномъ смыслѣ». Его дверь была открыта для всѣхъ. Жилье онъ такъ же открыто, какъ и скромно.

Онъ могъ бы получать изрядныя средства изъ домашнихъ источниковъ, но, по личнымъ соображеніямъ, не желалъ ими пользоваться. Ему было бы не трудно добывать себѣ постоянно журнальными статьями не малыя деньги, но онъ,—за рѣдкими исключеніями,—не прибѣгалъ и къ этому источнику, чтобы «не размѣниваться на пятакки» и не отрываться отъ главной работы, задуманной еще въ 1866 г.: «Исторія критической мысли.»

Онъ измѣнялъ этому труду, т. е. писалъ постороннія статьи иногда и въ русскихъ, такъ называемыхъ, легальныхъ журналахъ подъ разными псевдонимами, издавалъ журналъ «Впередъ», потомъ «Вѣстникъ Народной Воли», но только въ крайнихъ случаяхъ: или признавая это необходимымъ для практическаго развитія дѣла, которое считалъ важнѣйшимъ, или очень нуждаясь въ деньгахъ для покупки книгъ или помощи какому-нибудь бѣдняку. Вся его дневная дѣятельность была направлена къ успѣху главнаго труда и политической проповѣди. Вставалъ онъ около 7 ч. и все утро проводилъ за работой. Потомъ читалъ газеты или принималъ лицъ, имѣвшихъ до него надобность. Отдохнувъ немного послѣ легкаго завтрака, онъ читалъ книги, русскіе журналы, принималъ посѣтителей. Въ 6-мъ часу шелъ обѣдать въ дешевый ресторанъ; потомъ до ночи занимался. Онъ не ѣдалъ самыхъ невинныхъ развлеченій, ни вина, ни табаку. Да и въ пищѣ былъ болѣе чѣмъ умѣренъ и безчуждъ не разборчивъ. Неразборчивость же обусловливалась ограниченностью средствъ, которыя онъ позволялъ себѣ тратить на себя, и, какъ я полагаю, это было причиною болѣзни кишекъ, сведшей его въ могилу и начавшей его беспокоить еще въ Кадниковѣ.

Правда, его организмъ былъ такъ же силенъ, какъ и его умъ, и выдерживалъ то, что было бы не по силамъ обыкновенному человѣку.

Когда я его видѣлъ въ 1880 г., онъ мнѣ показался такимъ же свѣжимъ и крѣпкимъ, какимъ я его знавалъ 20 лѣтъ назадъ въ Петербургѣ. Сѣдина, правда, пробивалась настолько, что скрадывала рыжеватость волосъ, пышной бороды и усовъ. Но глаза смотрѣли, сквозь очки, попрежнему свѣтло и твердо; на высокомъ красномъ лбу—ни одной морщины; голосъ ясный, бодрый.

Только мнѣ показалось, что раздражительность, къ которой онъ былъ склоненъ,—не столько по натурѣ, сколько вслѣдствіе многолѣтнихъ упорныхъ занятій,—какъ будто усилилась. Къ чужому мнѣнію, какъ бы оно не расходилось съ его образомъ мыслей, онъ относился по-прежнему терпимо, но никогда не упускалъ случая вразумлять противника. Главнымъ же образомъ онъ возмущался

и выходилъ изъ себя по поводу политическихъ событій, указывающихъ,—какъ онъ говорилъ,—что массы никакъ не хотятъ понять что—зло, что—благо для ихъ будущаго. Болѣе же всего его волновало до боли, до слезъ, если кто-нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи, поступалъ нечестно.

Послѣ 1880 г. я не видалъ болѣе П. Л. Скончался онъ въ 1900 г. За этотъ періодъ онъ прочелъ въ Парижѣ много публичныхъ лекцій по философскимъ и социальнымъ вопросамъ и издалъ нѣсколько книгъ и брошюръ. Въ 1882 г., за участіе въ организаціи отдѣла общества «Краснаго Креста Народной Воли», онъ былъ высланъ изъ Парижа и перебрався въ Лондонъ. Но въ слѣдующемъ же году возвратился во Францію и, по просьбѣ исполнительнаго комитета русской революціонной партіи, началъ издавать журналъ «Вѣстникъ Народной Воли»¹⁾, причемъ его сотоварищемъ былъ Л. Тихомировъ, впоследствии разошедшійся съ революціонной партіей и перешедшій къ сторонникамъ Катковскаго направленія. Въ 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія Лавровъ принялъ участіе въ собираніи и редактированіи «Матеріаловъ для исторіи русскаго социальна-революціоннаго движенія». Въ этомъ изданіи, между прочимъ, была напечатана его статья о «Народникахъ-пропагандистахъ», часть которой представляетъ объективную, серьезную автокритику самого автора.

О послѣднихъ годахъ Лаврова, проведенныхъ имъ въ болѣзненномъ уже состояніи, и его кончинѣ, мнѣ подробно рассказывали два лица, почти ежедневно его выдавшія, а во время послѣдняго недуга дежурившія при больномъ и ходившія за нимъ. Правдивые рассказы моихъ знакомыхъ настолько сходны со свѣдѣніями, напечатанными въ упомянутой нами брошюркѣ, изданной въ Женевѣ черезъ 4 мѣсяца послѣ его смерти, что мы приводимъ только главныя черты того, что слышали. (Подробности желающіе найдутъ въ брошюркѣ).

П. Л. продолжалъ пользоваться завиднымъ здоровьемъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Застарѣлая болѣзнь кишекъ, правда, начинала беспокоить его по временамъ и тогда онъ охотно подчинялся предписаніямъ одного русскаго врача-пріятеля, въ медицинскія познанія котораго вѣрилъ. Но подчинялся, главнымъ образомъ, потому, что припадки болѣзни отрывали его отъ работы. Впрочемъ, благодаря крѣпости организма, они не были угрожающіе и довольно легко устранялись, хотя постоянно напряженный трудъ все чаще и чаще вызывалъ ихъ и усиливалъ постепенно ихъ интенсивность.

¹⁾ Какъ въ 1861—1863 г.г. статьи Лаврова подвергались нападкамъ съ двухъ сторонъ, такъ и многое, напечатанное имъ за границей, порицалось одними за опасный радикализмъ, другими—за слабость либерализма. Его называли «постепеновцемъ».

Въ 1895 г. онъ, однажды, утромъ проснулся, по самочувствію выпавшись; но удивился, что его окружаетъ еще мракъ. Зажегъ спичку—и все-таки мракъ. Онъ съ ужасомъ убѣдился, что ослѣпъ. Оказалось, что ночью его поразилъ ударъ, однако, легкій; зрѣніе быстро возстановилось, но, въ общемъ, силы стали измѣнять настолько, что скоро онъ долженъ былъ отказаться отъ чтенія лекцій; и обѣдъ ему стали приносить изъ трактира на домъ, ибо по улицамъ одному ходить было уже опасно. Однажды, его нога попала подъ колесо кареты и ступня была повреждена.

Стали появляться припадки удушья. Все-таки, не взирая на совѣты врача, онъ продолжалъ усердно заниматься, слѣдить за политикой, много говорить, когда къ нему приходили интересные русскіе. И вообще, былъ удовлетворительно бодръ и веселъ. Въ концѣ января 1900 г., внезапно поразившій его припадокъ астмы былъ, однако, такъ силенъ и такъ продолжителенъ, что докторъ и дочь почти насильно удерживали его отъ возобновленія работы, когда ему чуточку полегчало. Съ постели онъ послѣ этого уже не вставалъ, хотя часто порывался; требовалъ, чтобы къ кровати поставили его рабочій столикъ и все необходимое для письма; сильно раздражался категорическими отказами. Когда его астма не мучила до того, чтобы можно было ожидать ежеминутно кончины, то онъ только и толковалъ, что о своей работѣ, видимо, не теряя надежды, что скоро силы возстанутся. Но врачи—его другъ русскій и, приглашенный послѣднимъ, Шарко (сынъ извѣснаго психіатра)—далеко не раздѣляли этой надежды. Черезъ нѣсколько дней, П. Л. сталъ впадать въ безпамятство, а въ безпамятствѣ бредилъ цитатами изъ своего труда. То глубокой ночью ему казалось, что принесли посылку съ ожидаемыми книгами, то водилъ онъ по воздуху, правой рукой со сложенными пальцами, какъ будто держалъ перо, и воображалъ, что пишетъ. Бывали промежутки полного сознанія когда, наконецъ, онъ сталъ понимать, что, какъ самъ повторялъ теперь, «разсказъ конченъ», и даже желалъ смерти. Но все-таки имѣлъ силу нѣкоторые изъ этихъ промежутковъ наполнить ясными, интересными, видимо, продуманными рѣчами по всегда близкому его сердцу предмету. И два раза, при докторахъ и свидѣтеляхъ, высказалъ суть своего частнаго завѣщанія.

Его ни на минуту не оставляли одного. И французы и русскіе, и юноши и зрѣлые люди, и старые и недавніе знакомые, посѣщали постоянно его квартиру или заходили къ его дочери. Газеты оповѣстили о его болѣзни; и изъ разныхъ мѣстъ Европы посыпались телеграммы, въ которыхъ посылающіе справлялись о его здоровьи. Клемансо, его старинный пріятель, былъ самъ тяжело боленъ, но ежедневно присылалъ справляться.

Близкіе друзья дежурили при немъ и днемъ, и ночью. Они всѣ чувствовали себя глубоко несчастными. Онъ скончался 25-го января 1900 г.

Одинъ изъ близкихъ товарищей П. Л., человекъ совсѣмъ не сентиментальный, черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Лаврова, говорилъ: «Не могу ничего дѣлать. Все ходилъ бы... Ни читать, ни думать, ни работать не могу. Моментами чувствую себя осиротѣвшимъ ребенкомъ. Хочется плакать, жаловаться. Странное состояніе».

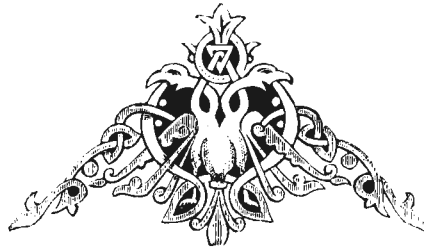
И не онъ одинъ испытывалъ это чувство сиротства¹⁾.

Вѣнки сотнями приносились на его похороны; телеграммъ было прислано больше тысячи. Процессія за гробомъ тянулась безконечная; было много людей разнородныхъ политическихъ отбѣнковъ. Но, натурально, преобладалъ социалистическій элементъ разнородныхъ національностей.

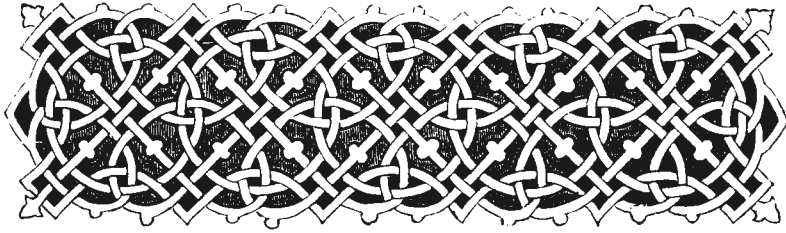
Рѣчи на могилѣ, между прочимъ, говорили—отъ русскихъ друзей покойнаго: Рубановичъ, Волховской, Зелинскій, Полетаевъ, Раппопортъ и много др.; отъ французской социалистической партіи—Аллеманъ; отъ нѣмецкой—Вальянъ; отъ бельгійцевъ—Гримаръ, и т. д. Всѣхъ рѣчей было произнесено около двадцати. Волховской прочелъ свое стихотвореніе, заключающее, между прочимъ, такую характерную строку:

«Для насъ онъ умеръ, но онъ жилъ для всѣхъ».

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

¹⁾ «Памяти Лаврова».

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВЪ ХАРЬКОВѢ ¹⁾.

(Материалы для исторіи русской революціи).

IV.

Городское общественное самоуправленіе.

ГОРОДСКІЯ общественныя самоуправленія въ печальныхъ событіяхъ описываемаго революціоннаго періода, во многихъ мѣстахъ Россіи заняли весьма видную роль. Значительные центры, въ томъ числѣ и Харьковъ, пережили и продолжаютъ переживать тяжелое время. Ихъ населеніе довольно успѣшно вовлечено въ цѣлый рядъ революціонныхъ вспышекъ. Агитація агентовъ различныхъ партій находила въ крупныхъ городскихъ поселеніяхъ подготовленный контингентъ въ группахъ: рабочихъ, третьяго элемента и въ общественныхъ организаціяхъ разнаго наименованія. Ей открылось широкое и благодарное поле дѣятельности и, надо сказать правду, она воспользовалась безсиліемъ власти съ большимъ успѣхомъ.

Еще въ ноябрѣ 1904 г., во многихъ городахъ, на сходкахъ и митингахъ, распространялось и внушалось, что Россія вступила на революціонный путь, что общественнымъ самоуправленіямъ, въ лицѣ представителей, надлежитъ занять руководящее положеніе.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 142.

Уполномоченные, отправлявшіеся на Петербургскій и Московскій съѣзды городскихъ земскихъ дѣятелей, отъ Харькова и губерніи, избирались на секретныхъ собраніяхъ, въ которыя приглашались участвовать только единомышленники, люди партійные. Работа указанныхъ съѣздовъ встрѣчала общественное сочувствіе въ интеллигенціи. Участники съѣздовъ привозили изъ столицъ резолюціи, широко распространяя ихъ въ массѣ населенія. Я буду говорить только о дѣятельности городского общественного самоуправления, въ періодъ мною разсматриваемый.

Харьковская городская дума къ сентябрю 1904 г. состояла изъ 42 гласныхъ вмѣсто 80, положенныхъ по росписанію. Ихъ было избрано на періодъ 1902—1905 гг. всего 64. Пополнять убывающихъ было нечѣмъ. Кандидатовъ не было. Изъ наличнаго состава многіе выбыли только потому, что никакъ не могли помириться съ направленіемъ группы, захватившей руководящую позицію, бросившуюся въ объятія внутренней политики и смуты. Непрерывныя, часто совсѣмъ не вызывающіяся надобностью, препирательства съ мѣстной администраціей, создали самый рѣзкій антагонизмъ между двумя учрежденіями одного и того же государственнаго механизма. Самая борьба выражалась обиліемъ пустаго словоговоренія, часто— и по формѣ, и по существу—только демонстративнаго. Стоитъ обратиться къ мѣстной печати, чтобы не сомнѣваться въ правильности сдѣланнаго заключенія. Упомяну объ одномъ характерномъ фактѣ. Нападки газетъ на городскую управу и думу были такъ ожесточенны,—писали все больше обыватели,—что городскому головѣ пришлось, по постановленію думы, издать брошюру въ 72 страницы подъ заглавіемъ: «Разъясненіе харьковской думѣ по поводу нареканій на городское управленіе въ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Гласные изъ числа интеллигентовъ были вполне подготовлены для активной оппозиціи правительству. Хотя слѣдуетъ упомянуть, что и изъ этой группы многіе дѣйствовали только по указкѣ. Когда же движеніе начало ознаменовываться возмущительными событіями, они отъ него отшатнулись, но дѣло было уже сдѣлано. Административная власть, нисколько не заботясь объ установленіи нормальныхъ отношеній съ общественнымъ самоуправленіемъ, вообще, также поступала и въ смутные дни. Если она не могла занять руководящаго положенія среди общества, по самому характеру ея организаціи, то имѣла всѣ средства къ тому, чтобы не создавать изъ общественнаго самоуправления враждебнаго лагеря, забывая, что только съ помощью общественныхъ силъ было бы возможно успѣшно бороться съ надвигавшейся на Россію бѣдой.

6 сентября 1905 г. было первое, послѣ каникулъ, засѣданіе городской думы. Въ немъ обсуждался докладъ городского головы «по поводу высочайшаго манифеста 6 августа». Разумѣется, за-

конъ этотъ не былъ одобренъ думой. Законосовѣщательный характеръ Государственной Думы рѣшительно осуждался. Осуждена была и система выборовъ. Въ особенности докладъ настаивалъ на не правильности организациі крестьянскаго представительства. Дѣлаю маленькую выдержку изъ доклада: «Крестьянскому представительству дано повидимому, самое широкое мѣсто въ будущей Государственной Думѣ. Но это представительство, какъ оно опредѣлено положеніемъ о выборахъ, сопровождается столь значительными характерными ограниченіями для остальныхъ гражданъ земли русской, что невольно вызываетъ смущеніе и неувѣренность въ плодотворности дѣятельности организуемой на такихъ началахъ Думы. Такъ, крестьянинъ, пока онъ остается земледѣльцемъ и имѣетъ объектомъ своей работы землю, надъ которой можетъ работать 2—3 мѣсяца въ году, такому крестьянину предоставлены права избирателя. Но если этотъ же крестьянинъ захочетъ перемѣнить объектъ своей работы на другой, такъ, чтобы имѣть возможность трудиться круглый годъ, или станетъ, вслѣдствіе этого, рабочимъ, а не земледѣльцемъ, если онъ захочетъ учиться и сдѣлается докторомъ медицины или присяжнымъ повѣреннымъ... то, при другихъ равныхъ условіяхъ, все это уже лишаетъ его правъ избирателя. Цензъ для крестьянъ не указанъ; но для всѣхъ другихъ гражданъ онъ имѣется, притомъ высокій и разнообразный, въ зависимости отъ мѣстностей и характера дѣятельности живущихъ тамъ лицъ. Вся примѣняющаяся шкала по городамъ и всяемъ земли русской въ опубликованномъ законѣ характеризуется слѣдующимъ положеніемъ: чѣмъ многолюднѣе центръ, тѣмъ выше цензъ, тѣмъ большая часть населенія устраняется отъ выборовъ въ Государственную Думу». Интересно то, что революціонное большинство было противъ преобладанія крестьянскаго элемента въ Государственной Думѣ, предполагая въ немъ встрѣтить консервативный элементъ. Такія надежды на крестьянъ возлагали и составители закона 6 августа, но, какъ оказалось на дѣлѣ, тутъ произошло крупное недоразумѣніе.

Докладъ вызвалъ массу рѣчей краснаго оттѣнка. Ораторы, забывая впередъ, по части свободы слова наговорились досыта. Тогда же составили слѣдующее постановленіе: «Харьковская городская дума высоко цѣнитъ законодательный актъ 6 августа объ учрежденіи Государственной Думы», какъ первый шагъ въ дѣлѣ призыва общественныхъ силъ къ участію въ законодательствѣ и управленіи государствомъ, выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что осуществленіе высокихъ намѣреній законодателя, начертанныхъ въ этомъ актѣ, возможно лишь при непремѣнномъ условіи немедленнаго дарованія всему населенію Россіи основныхъ правъ гражданственности, свободы слова, печати, собраній и союзовъ и неприкосновенности личности». Итакъ, первые

шаги Харьковской думы въ освободительномъ движеніи были тѣ же, что и въ другихъ общественныхъ организаціяхъ. Тѣ же требованія «свободъ», то же желаніе осуществить народное представительство съ законодательными функціями. Домогательство это поддерживалось группой гласныхъ въ числѣ 19 лицъ, остальные или же рѣшили совсѣмъ не посѣщать засѣданій думы или же безмолвно шли за девятнадцатью. При чемъ характерно то, что «Молчалины» руководились не убѣжденіемъ въ необходимости «свободъ, а только непротивленіемъ тѣмъ, кто ими руководилъ. Но и число этихъ послѣднихъ стало уменьшаться по мѣрѣ развитія освободительныхъ выступленій, такъ что назначаемыя засѣданія городской думы не могли состояться. Приходилось прибѣгать къ частнымъ совѣщаніямъ, которыя прямо вступили на революціонный путь, дѣлая различныя постановленія, выходящія за предѣлы компетенціи городского общественнаго самоуправленія. Опять и тутъ административная власть держалась принципа: «laisser faire, laisser passer». Между тѣмъ постановленія «союза 19» — такъ называлась на разговорномъ языкѣ кучка гласныхъ, вершавшая дѣла, — посылались въ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей, которыя принимались тамъ за выраженіе желаній думы, что то же — всего населенія города, или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ его представителей.

Между тѣмъ, вызывающія къ смутѣ дѣйствія революціонныхъ организацій не заставили себя долго ждать. 10 октября въ Харьковѣ началось мятежное выступленіе рабочихъ, учащихся и лицъ изъ третьяго элемента. Подробное его описаніе составитъ предметъ отдѣльной главы. Здѣсь же я постараюсь охарактеризовать дѣятельность «группы 19» въ дни Харьковской смуты. Напоминаю, что съ 14 октября городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, что оказалось единственной мѣрой для водворенія порядка, нарушаемаго въ теченіе трехъ дней вооруженными толпами.

Въ засѣданіи 19 октября думѣ былъ доложенъ высочайшій манифестъ 17 октября. Манифестъ былъ толкуемъ на разные лады. Красные остались имъ недовольны, умѣренные указывали, что въ немъ много недоговореннаго, а крайніе правые протестовали; лѣвые требовали распространенія избирательнаго права на всѣ слои населенія, настаивая, что только при этомъ условіи можно достигнуть укрѣпленія единства имперіи, ея могущества, славы и благополучія. «Радость наша, — говорилъ городской голова Погорѣлко, — будетъ еще выше, если мы будемъ видѣть, что всѣ граждане великой земли отнынѣ будутъ содѣйствовать къ охраненію себя взаимно и сообща отъ насилія, откуда бы оно не происходило». Въ числѣ насилій на первомъ мѣстѣ указывалось установленное военное положеніе, а потому было постановлено: «довести до свѣдѣнія г. председателя совѣта министровъ, графа С. Ю. Витте, о необходимости снятія военнаго положенія и усиленной охраны».

Это ходатайство предъявлялось въ періодъ, когда мирное населеніе находилось подъ страхомъ насилій со стороны революціонной толпы изъ разныхъ слоевъ населенія. Стрѣльба, баррикады, украшенныя красными флагами, разгромы магазиновъ съ оружіемъ,— вотъ та обстановка, среди которой жилъ обыватель въ памятные всѣмъ октябрьскіе дни. Стоитъ просмотрѣть дѣятельность городской думы въ эти дни, чтобы понять, насколько было возможно отмѣнить чрезвычайныя мѣры. Въ засѣданіи 12 октября было принято рѣшеніе ходатайствовать передъ администраціей о пропускѣ изъ зданія университета толпы вооруженныхъ мятежниковъ, организовавшихъ тамъ вооруженную засаду; въ засѣданіи 13 октября усиленно обсуждался вопросъ объ учрежденіи милиціи съ подчиненіемъ таковой городской управѣ и передачѣ ей всѣхъ полицейскихъ обязанностей; весьма серьезно дебатировали вопросъ объ исключеніи изъ смѣты суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе полиціи. Въ то же время интеллигенты, состоявшіе въ числѣ гласныхъ, сдѣлали ли хотя бы одинъ шагъ къ успокоенію разбушевавшейся черни? Сказала ли дума, собираясь въ частныя совѣщанія по поводу октябрьскихъ ужасовъ, хотя одно отрезвляющее слово, выражала ли она имѣвшимися у нея способами порицаніе вооруженнымъ уличнымъ демонстраціямъ, приводившимъ къ пролитію крови жертвъ фанатизма и увлеченія, и жертвъ невинныхъ, пострадавшихъ за легкомысленное любопытство? Напротивъ, «союзъ 19» во всемъ этомъ обнаружилъ то же попусценіе, котораго держалась административная власть, начинавшая проявлять свое существованіе только тогда, когда нужно было пускать въ ходъ пулеметы. Въ первый же день вооруженнаго возстанія при медицинскомъ обществѣ организовался комитетъ «общественной безопасности», который только по названію носилъ это имя. Обыватели дали ему кличку «конвента». Надо замѣтить, что медицинское общество еще въ началѣ 1904 года весьма опредѣленно измѣнило направленіе своей дѣятельности. На его засѣданіяхъ больше занимались общими политическими вопросами, а не вопросами медицины, такъ что предсѣдатель его, заслуженный профессоръ А. Х. Кузнецовъ счелъ невозможнымъ для себя занимать эту должность при создавшемся положеніи и въ сентябрѣ 1905 года ее оставилъ, а на мѣсто его былъ избранъ мало кому извѣстный въ мѣстномъ медицинскомъ мірѣ врачъ М. И. Свѣтухинъ, большой говорунъ, но и только. Въ составъ комитета вошли предсѣдатель, врачъ М. И. Свѣтухинъ, гласный думы, городской голова А. К. Погорѣлко, профессоръ Гредескулъ и др. Этотъ комитетъ каждый часъ вывѣшивалъ бюллетени о ходѣ борьбы толпы съ войсками, его члены служили парламентарями между губернаторомъ и революціонерами, требуя прекращенія военныхъ репрессій, освобожденія безъ преслѣдованія устроившихъ рядъ укрѣпленныхъ и вооруженныхъ фор-

товъ въ центрѣ города и настаивавшихъ на учрежденіи милиціи. Губернаторъ К. С. Старынкевичъ такъ растерялся, былъ такъ неосвѣдомленъ, какъ ему поступать, вслѣдствіе совершенно неопредѣленныхъ указаній изъ Петербурга, что, находясь подъ напоромъ самыхъ настойчивыхъ домогательствъ, разрѣшилъ учрежденіе милиціи; а «комитетъ общественной безопасности» ее немедленно организовалъ. Уже съ 4 часовъ пополудни 10 октября начали бродить по городу вооруженные отряды молодежи, преимущественно еврейской, наводя панику на мирнаго обывателя. Стали происходить столкновения между милиціей и войсками, еще болѣе развивавшія тревожное состояніе, опасность за завтрашній день. Милиціонеры врываются въ частныя квартиры даже ночью, требуя отъ жителей давать съѣстные припасы для тѣхъ, которые, забравшись въ зданія университета, зданіе старыхъ присутственныхъ мѣстъ и на соборную колокольню, угрожали разстрѣливать войска, оцѣпившія соборную площадь и безучастно, въ силу приказа, стоявшія въ ожиданіи распоряженій своего начальства. Утромъ, 11 октября, явившаяся въ мой домъ, еврейка Немирецкая объявила, что губернаторъ сдалъ городъ революціонерамъ. «У насъ ликуютъ» — восторженно говорила она. Я понялъ, гдѣ это «у насъ». Я зналъ и видѣлъ, что главные вожаки безумной, не отдававшей себѣ отчета толпы—евреи. Ликованіе ихъ было понятнымъ. Они сами не ожидали, что ихъ работа окажется такой блестящей. Надо предположить, что губернаторъ скоро понялъ опасность даннаго имъ разрѣшенія и милиція была разоружена рано утромъ 12 октября. И слабовольному администратору пришлось услышать отъ революціонеровъ такіе упреки: «губернаторъ обманулъ населеніе». Упреки эти исходили изъ освободительно-еврейскаго и еврействующаго лагеря. Населеніе же вздохнуло свободнѣе. Оно почувствовало, что однимъ безобразіемъ меньше.

Волненія на митингахъ и сходкахъ продолжались. Участники ихъ изъ разныхъ группъ населенія, до реалистовъ 4-го класса и выше, кричали: «долой военныхъ». Выкрикивали тотъ же лозунгъ босяки, кричала съ ними и Харьковская дума, справедливѣе сказать—«союзъ 19».

Возвращаясь къ постановленію думы 19 октября, мы встрѣчаемъ въ третьемъ его пунктѣ слѣдующее: «довести до свѣдѣнія г. предсѣдателя совѣта министровъ, гр. С. Ю. Витте о необходимости амнистіи по политическимъ и религіознымъ дѣламъ». Какими обстоятельствами и указаніями руководились гласные, доводя это пожеланіе до свѣдѣнія Витте, видно изъ преній въ этомъ засѣданіи. Амнистію желали распространить на главарей возстанія, на тѣхъ арестованныхъ вожаковъ, по милости которыхъ пролилась такъ безцѣльно и беспощадно человѣческая кровь. Несомнѣнно, населеніе не могло идти и не шло за выступленіями городской

думы, что было доказано новыми выборами, когда всѣ краснобан были забаллотированы. Между тѣмъ, всѣ эти постановленія шли отъ думы, отъ цѣлаго общественнаго учрежденія, постановленія, произвольно расширявшія компетенцію думы, постановленія, долженствовавшія встрѣтить законный протестъ со стороны ревизионной власти—губернатора, но власть олицетворялась тѣми, кто не отступалъ ни на одинъ шагъ отъ внушенной гр. Витте князю Святополкъ-Мирскому идеи: «предоставить революціонное движеніе его естественному теченію, дабы выяснить его организацію и его вдохновителей».

Городское общественное управленіе, въ лицѣ его «передовыхъ борцовъ за свободу», нисколько и не скрывало своихъ намѣреній. Многіе изъ гласныхъ говорили прямо, что ихъ захватила волна освободительнаго движенія и они пойдутъ на все, чтобы обновить несчастную родину. Каждому не могутъ быть поставлены на счетъ его убѣжденія и соотвѣтствующія имъ дѣйствія. Но врядъ-ли согласно съ элементарными требованіями политическаго такта выступать съ пропагандой подъ флагомъ какого бы то ни было учрежденія, организованнаго на началахъ представительства отъ всего населенія данной территоріи, дѣйствовать его именемъ тогда, какъ большинство такихъ мнѣній не раздѣляло. А въ этомъ случаѣ именно было такъ, что и вводило многихъ въ заблужденіе: мнѣнія и требованія, высказываемыя кучкой лицъ, принимались за мнѣнія и требованія всего населенія, всего народа.

Затихшія было на время выступленія пролетаріата, вѣрнѣе—сѣорганизовавшихся революціонеровъ, вновь начались. Забастовки типографій, заводовъ, фабрикъ, предпріятій общаго пользованія, дѣлали жизнь прямо невыносимой. Забастовали булочныя, забастовали рабочіе электрической станціи. Засорили буровую скважину водопровода. Въ булочныя и пекарни, не желавшія примкнуть къ движенію, являлись забастовщики, наливали въ тѣсто керосинъ или бросали битыя стекла. Что же дѣлало городское самоуправленіе для парализованія всѣхъ этихъ возмутительныхъ издѣвательствъ надъ мирнымъ населеніемъ? Облегчила ли городская управа, хотя какимъ-либо мѣропріятіемъ, тяжесть неожиданныхъ бѣдствій? Повліяла ли на вожаковъ и ихъ разрушительную шайку, съ цѣлью не лишать жителей города хотя бы первыхъ потребностей существованія? А вѣдь къ такому проявленію дѣятельности городское самоуправленіе, его заправили имѣли возможность. Популяризируя свое сочувствіе къ освободительному движенію, заправили городского хозяйства пользовались среди пролетаріевъ нѣкоторымъ авторитетомъ. Использовать его слѣдовало въ предѣлахъ возможности и извѣстнаго такта. Но дѣло въ томъ, что гласные изъ лагеря «красныхъ флаговъ» занимались философійей революціоннаго вопроса. Они говорили, что всѣ лишенія, даже къ

удовлетворенію насущныхъ нуждъ, должны пробудить массу, должны внушить ей, что армія освободителей—сила, «сила, съ которой—охъ какъ—нужно считаться, а считаясь, рѣшать на чью сторону слѣдуетъ стать: на сторону ли обветшалои бюрократіи, цѣпляющейся за власть изъ-за власти, или же въ ряды истинныхъ друзей народнаго блага». Все это подлинныя слова оратора, который этой болтовней создалъ въ глазахъ легковѣрныхъ и легкомысленныхъ слушателей имя мѣстнаго великаго борца «за свободы». Распространеніе такого взгляда было такъ обширно и такъ поработило мѣстное городское управленіе, что оно ничего болѣе лучшаго не придумало, какъ собрать въ залѣ думы 25 ноября собраніе изъ гласныхъ, изъ представителей всѣхъ революціонныхъ сообществъ и мѣстныхъ дѣятелей. Получилъ приглашеніе и я. Почти тридцать пять лѣтъ я служу общественному дѣлу, въ качествѣ или земскаго работника, или дѣятеля по городскому самоуправленію, и за этотъ періодъ я не видѣлъ ничего безобразнаго, ничего неприличнаго, какъ въ вечеръ 25 ноября. Цѣль этого пресловутаго собранія, по заявленію городского головы, заключалась «въ организаціи мѣропріятій для смягченія тяжелыхъ условій мѣстной жизни». На обсужденіе были предложены слѣдующіе вопросы: «1) о причинахъ нынѣшняго ненормальнаго теченія общественной жизни въ городѣ и способѣ устраненія таковыхъ и 2) о необходимости болѣе тѣснаго единенія населенія города съ городскимъ общественнымъ управленіемъ и способахъ его достиженія». Изъ кого же состояло созванное собраніе? Гласныя думы, явившіяся въ числѣ 38. Уполномоченные отъ рабочихъ, преимущественно паровозостроительнаго завода и городской электрической станціи. Представители отъ различныхъ революціонныхъ партій, или, лучше сказать, кружковъ и учрежденій общественнаго характера, какъ-то: юридическаго общества, общества грамотности, членовъ городской общественной бібліотеки, общества занимающихся письменнымъ трудомъ, общества трудящихся женщинъ, присяжныхъ повѣренныхъ, лицъ судебного вѣдомства, инженеровъ, домовладѣльцевъ, по избранію городского головы, и бастовавшихъ почтальоновъ. Всѣмъ приглашеннымъ были разосланы билеты, на которыхъ предупредительно значилось, на какой сторонѣ—«правой» или «лѣвой»—предлагается занять мѣсто. Разсылка приглашеній не была поставлена въ соотвѣтствіи съ равнымъ распредѣленіемъ въ зависимости отъ числа членовъ разныхъ организацій. Такъ, на примѣръ, юридическое общество, гдѣ орудовалъ проф. Гредескулъ, получило нѣсколько десятковъ билетовъ, а «Харьковскій отдѣлъ русскаго собранія»—два. Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ свидѣтельство того, что созванное головой собраніе по своему составу нисколько не выражало собою взгляда на текущія событія совокупности всего населенія, а, очевидно, уклонялось въ сторону представителей крайнихъ воззрѣній. Это видно

лучше изъ числа воѣхъ собравшихся: на долю «правыхъ» пришлось 68 мѣстъ, а крайніе занимали 228. Засѣданіе было открыто рѣчью городского головы. Не успѣли замолкнуть послѣднія слова оратора, какъ предсѣдатель «федеративнаго совѣта Харьковскихъ комитетовъ русской социаль-демократической и революціонной партій», еврей Бискъ потребовалъ слова внѣ порядка засѣданія. Онъ весьма энергично настаивалъ на немедленномъ удаленіи полицейскаго наряда, стоявшаго у внѣшнихъ входныхъ дверей и контролировавшаго право на входъ въ зданіе городской думы. Мотивировка была такова: «полиція грубо обращается съ толпой, собравшейся передъ зданіемъ думы, можетъ произойти кровопролитіе». Едва окончили еврей Бискъ, какъ въ залъ собранія вскочилъ какой-то типъ Горькаго и неистово завопилъ объ удаленіи драгунъ и казаковъ, охранявшихъ порядокъ на площади. «Драгуны пьяны», кричалъ этотъ освободитель,—обнажили шашки, офицеръ отказывается ихъ сдерживать, сейчасъ произойдетъ кровопролитіе». Нѣкоторые стали возражать противъ явнаго провокаторства, имѣвшаго цѣлью взволновать собраніе и создать инцидентъ для безпорядка. Требовали о невмѣшательствѣ въ распоряженіе властей, вѣроятно имѣвшихъ основаніе поставить на площади военную охрану. Входящіе въ залъ засѣданій городской думы, во время этихъ выступленій, удостоившія, что ничего подобнаго этимъ выкрикамъ на площади не происходитъ. Тѣмъ не менѣе, городской голова Погорѣлко, объявивъ перерывъ, отправился къ временному генералъ-губернатору и, отъ имени городской думы и представителей революціонныхъ организацій, просилъ удалить полицію и войска, а охрану порядка передать рабочимъ паровозостроительнаго завода. Генералъ-губернаторъ, какъ это ни странно, охотно согласился на предъявленную просьбу, а городской голова, возвратясь, заявилъ: «полицію и войска убрали». Затѣмъ представитель отъ мѣстнаго «союза союзовъ и организацій»; присяжный повѣренный Раппъ, также изъ евреевъ, потребовалъ, чтобы вопросы подвергались баллотировкѣ гласными думы тутъ же въ собраніи съ тою цѣлью, чтобы революціонныя организаціи знали «какъ на подлежащіе обсужденію вопросы реагируютъ гласные». Начались нескончаемые безпорядочные разговоры. Со стороны «правыхъ» представлялись возраженія, доказывавшія, что требованіе адвоката Раппа призываетъ къ насилію надъ гласными думы, но, какъ только раздавались протестующіе голоса, освободители изъ разныхъ кружковъ неистово прерывали, крича: «довольно», «молчать», «мы вамъ покажемъ», причемъ, для большаго вразумленія, потрясали кулаками. Хотя гл. фонъ-Дитмаръ и заявилъ: «мы васъ не боимся», но результаты показали несоответствіе этого возгласа съ состоявшимися постановленіями. Когда собраніе нѣсколько успокоилось, присяжный повѣренный Познанскій внесъ на рѣшеніе слѣдующія предложенія: 1) дума должна

сдѣлать постановленіе о пріисканіи и немедленномъ предоставленіи для народныхъ собраній удобныхъ помѣщеній, 2) относительно борьбы съ почтовымъ союзомъ дума должна предъявить требованіе, чтобы правительство уступило почтово-телеграфнымъ служащимъ, должна протестовать противъ арестовъ и ассигновать средства для поддержанія служащихъ, 3) не дожидаясь отвѣта правительства по вопросу объ учрежденіи городской милиціи, дума должна исключить изъ смѣты на 1906 годъ ассигнованіе на содержаніе полиціи, 4) сдѣлать ассигнованіе и учредить городскую милицію и 5) учредить бесплатныя столовыя для безработныхъ.

Вновь начались дебаты, въ той же обстановкѣ свободы слова, на которую мною указано. Въ особенности энергично ратовалъ проф. Гредескулъ, настаивая на снятіи военного положенія. Нестово жестикулируя, профессоръ кричалъ: «военное положеніе рушилось. Дальнѣйшее его существованіе чудовищно и бессмысленно. Командиры остались безъ войскъ» (намекъ на манифестацію 200 нижнихъ чиновъ съ 7 евреями-музыкантами, происходившую 23 ноября). «Японскій генераль распоролъ бы животъ въ этомъ случаѣ. Военное положеніе игнорировать»,—взывалъ расхрипевшійся профессоръ. Послѣ Гредескула почтово-телеграфный чиновникъ, не сказавшій своей фамиліи, какъ делегатъ отъ мѣстнаго почтово-телеграфнаго союза, охарактеризовалъ бѣдственное положеніе товарищей и умолялъ о денежномъ пособіи отъ города для забастовщиковъ. Объ этомъ пособіи уже сказано въ главѣ «почтово-телеграфная забастовка». Во время происходившаго кавардака, правая сторона порѣдѣла. Ушли и многіе гласные, осталось ихъ только 19. Нѣкоторые гласные подали письменное заявленіе такого содержанія: «Настоящее время настоятельно требуетъ отъ всякаго уполномоченнаго довѣріемъ общества свободнаго мнѣнія, а между тѣмъ въ засѣданіи 25 ноября этотъ принципъ былъ нарушенъ. Въ виду чего мы не считаемъ себя нравственно правыми участвовать въ рѣшеніи вопросовъ высокаго общественнаго значенія тамъ, гдѣ этимъ рѣшеніямъ предпосылаются угрозы и насилія». Тѣмъ не менѣе, всѣ пять пунктовъ предложенія г. Познанскаго и предложеніе Гредескула были приняты «союзомъ 19». Когда затѣмъ населеніе начало протестовать, въ особенности противъ субсидированія почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и противъ снятія военного положенія, и голосъ его былъ, наконецъ, услышанъ, расхрабрившійся губернаторъ также протестовалъ противъ законности постановленій думы 25 ноября, впрочемъ только потому, что онѣ состоялись при неустановленномъ числѣ гласныхъ. Городской голова съ этимъ не согласился и доказывалъ, что, на основаніи 70 ст. городского положенія, чрезвычайныя собранія законны при всякомъ числѣ гласныхъ, если онѣ созываются во время народныхъ бѣдствій. Но необоснованность этого мотива очевидна

сама по себѣ. Какія бы бѣдствія не произошли, расширять свою компетенцію, предѣлы вѣдомства до игнорирования военного положенія, упраздненія полиціи, ни одно общественное учрежденіе не можетъ, не рискуя водворить силу беззаконія. Собранное городскимъ головой совѣщаніе, разумѣется, никакого успокоенія не внесло; впрочемъ, на такой результатъ никто изъ благомыслящихъ людей и не могъ рассчитывать. Попытки городской думы привлечь рабочія и революціонныя организаціи къ обсужденію событій, выбывающихъ такъ деспотически нормальную жизнь изъ колеи, и найти въ этихъ организаціяхъ сторонниковъ водворенія порядка были безуспѣшными и до засѣданія 25 ноября. Такъ, 7 ноября засѣданіе думы съ приглашенными депутатами отъ рабочихъ нужно было закрыть, въ виду того угрожающаго положенія, которое заняли эти депутаты. То же произошло и на частномъ совѣщаніи, когда туда ворвалась публика и рабочіе, а гласные принуждены были бѣжать. Все эти выступленія только укрѣпили, съ одной стороны, мятежниковъ, увѣровавшихъ, что они представляютъ непреодолимую силу, а съ другой—дискредитировали въ глазахъ населенія городское управленіе, стремившееся идти навстрѣчу всеѣмъ требованіямъ, разъ онѣ исходили отъ революціонныхъ организацій, что, разумѣется, деморализовало населеніе. Объятая ужасами вооруженныхъ возстаній, различными проявленіями террора, мирная часть общества, притомъ составлявшая большинство населенія, куда-то скрылась, боясь протестовать противъ смуты, которая поддерживалась и развивалась его сочленами, ставшими во главѣ, такъ неудачно названнаго, «освободительнаго движенія». Въ частномъ совѣщаніи 7 ноября городскихъ гласныхъ профессоръ Багалый сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, съ цѣлью выяснитъ отношеніе Харьковской городской думы къ этимъ съѣздамъ. Я, разумѣется, не буду приводить даже выдержекъ изъ этого доклада: въ немъ повторялись общезвѣстныя восхваленія «работникамъ съѣздовъ, взявшимъ на себя починъ въ дѣлѣ завоеванія свободъ», доказывалось право членовъ съѣзда говорить и предъявлять требованія отъ имени всей Россіи. Рѣшеніе городской думы выразилось въ телеграммѣ, посланной князю Долгорукому для доклада съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей, предположенному къ созыву въ декабрѣ, слѣдующаго содержанія: «Харьковская городская дума выражаетъ твердую увѣренность, что и нынѣшній съѣздъ будетъ неуклонно стремиться, вмѣстѣ со всеѣми поддерживающими его общественными элементами, къ осуществленію демократической конституціи и энергично проводить въ сознаніе широкихъ круговъ общества идею о вредѣ реакціи, отъ кого бы она не происходила—отъ представителей правительственной власти или общественныхъ группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дума признаетъ полезнымъ

и соответствующимъ требованію момента, чтобы съѣздъ выразилъ готовность поддержать тѣ только дѣйствія министерства, которыя направлены къ практическому проведенію въ жизнь основныхъ началъ манифеста 17 октября, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ существенную часть программы съѣздовъ и даетъ возможность вотировать и обставить гарантіями основной законъ конституціонной монархіи».

Умѣренные на этотъ разъ пожеланія городской думы какъ только стали извѣстными революціоннымъ организаціямъ, тотчасъ вызвали съ ихъ стороны протестъ. Посыпались упреки городской думѣ въ заискиваніяхъ передъ бюрократіей, которую, по мнѣнію вожаковъ, слѣдовало смести безъ остатка, поставивъ взаменъ требованій конституціонной монархіи социаль-демократическую республику. Я нарушилъ хронологическій методъ изложенія, съ цѣлью дать объясненіе, почему Харьковская городская дума, въ лицѣ «союза 19», въ засѣданіи 25 ноября усиленно приняла вѣтво. Тутъ же я считаю нужнымъ отмѣтить, что гласный, проф. Багалъйи, легализировавшій дѣйствія съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей передъ городской думой, въ засѣданіи думы 30 ноября заявилъ, что бывшіе отъ Харькова представители на съѣздахъ не имѣли законныхъ полномочій, хотя и говорили отъ имени народа. Въ этомъ же засѣданіи были произведены выборы делегатовъ, но избранные проф. Багалъйи и гласный М. Д. Жуковъ отъ поѣздки отказались, какъ отказался и городской голова А. К. Погорѣлко.

Положеніе, занятое городской думой, дало надежду нѣкоторымъ группамъ населенія домогаться при ея посредствѣ осуществленія различныхъ требованій, съ цѣлью подорвать существующую власть и ея агентовъ. Думѣ, на примѣръ, было подано заявленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской судебной палаты. Совѣтъ, указывая на печальныя событія октябрьскихъ дней, обращалъ вниманіе на то, что эти событія имѣли неблагоприятный исходъ для присяжныхъ повѣренныхъ и просилъ городское управленіе ходатайствовать объ организаціи милиціи съ перенесеніемъ на нее обязанностей полиціи. Въ этомъ заявленіи, между прочимъ, совѣтъ отмѣчаетъ: «вполнѣ естественно стремленіе полиціи защищать старый строй, такъ какъ съ упраздненіемъ его теряется почва и полиціи». Въ заключеніе совѣтъ питаетъ надежду на благополучное разрѣшеніе такого ходатайства передъ новымъ правительствомъ, во главѣ котораго стоитъ графъ Витте, заявившій твердое намѣреніе идти по пути реформъ. Заявленіе совѣта возбудило пространныя пренія, въ которыхъ участвовала одобреніями или порицаніями ораторовъ публика, во множествѣ наполнившая залъ засѣданій. Дума постановила ходатайствовать о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города. Вопросъ объ организаціи ми-

лиціи былъ оставленъ открытымъ, хотя въ принципѣ рѣшенъ утвердительно. И тутъ мы видимъ, что рѣшенія думы, предшествовавшія засѣданію 25 ноября, по существу не разнились отъ требованій, предъявленныхъ на томъ засѣданіи революціонными организаціями.

Послѣ засѣданія 25 ноября, собрался «Харьковскій союзъ союзовъ» для обсужденія плана дѣйствій на продолженіи засѣданія 25 ноября, назначенномъ на 2 декабря. Въ рѣчахъ ораторовъ, какъ это значилось въ отчетахъ о засѣданіи, обнаружилось глубокое недовѣріе къ думѣ. Почти всѣ главари высказывали убѣжденіе о желаніи большинства гласныхъ «бойкотировать» совмѣстныя засѣданія и уклоняться отъ законнаго состава. На случай повторенія подобнаго явленія 2 декабря, «союзъ союзовъ» рѣшилъ тотчасъ же покинуть залъ засѣданія и вынести соотвѣтствующую резолюцію. Но 1 декабря губернаторъ увѣдомилъ голову, что созывъ экстреннаго засѣданія думы на 2 декабря не можетъ быть разрѣшенъ и допущенъ, и что такого состава совѣщанія могутъ быть осуществляемы въ собраніяхъ, установленныхъ закономъ 12 октября 1905 г. Въ томъ же сообщеніи губернаторъ указывалъ на незаконнѣрныя дѣйствія городского головы по отношенію засѣданія 25 ноября; ставилъ на видъ и незаконность этого собранія, но это указаніе, очевидно, было запоздалымъ, а то, что происходило на означенномъ засѣданіи, уже сдѣлало свое дѣло.

Нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ дѣятельности представителей администраціи и городского общественнаго управленія. Читателю уже извѣстно, что «союзъ союзовъ», черезъ мѣстный стачечный комитетъ, распоряжался забастовками рабочихъ. Давалъ приказанія «бастовать, оставлять жителей безъ хлѣба, воды и освѣщенія». Когда закрылись всѣ булочные и хлѣбопекарни, кромѣ военныхъ, и населеніе стало испытывать не столько острую нужду за неимѣніемъ хлѣба, сколько невозможность, для бѣдности въ особенности, платить по 6 коп. за фунтъ частнымъ лицамъ, то было рѣшено ходатайствовать передъ революціонными организаціями и «стаечнымъ комитетомъ» дать разрѣшеніе печь хлѣбъ. Былъ созванъ митингъ на паровозостроительномъ заводѣ, куда, по заранѣе установленному соглашенію, явился губернаторъ, предварительно заручившійся обѣщаніемъ «товарищей» «о неприкосновенности его личности». Рабочіе его встрѣтили, составили эскортъ и губернаторъ вошелъ въ толпу, гдѣ ораторъ-еврей только что окончилъ рѣчь съ призывомъ къ объединенію. Начальникъ губерніи изложилъ цѣль посѣщенія митинга. Послѣ долгихъ переговоровъ, г.г. главари изъ забастовщиковъ разрѣшили булочникамъ и пекарямъ стать на работы. Гораздо труднѣе было склонить «стаечный комитетъ» къ разрѣшенію открыть работы

на электрической станции. Комитетомъ было рѣшено не давать электрической энергіи частнымъ абонентамъ съ единственной цѣлью лишить освѣщенія квартиру временнаго генераль-губернатора. Городской голова не разъ вступалъ въ бесѣды по этому поводу съ рабочими станціи, которымъ, кстати сказать, было увеличено жалованье, сокращенъ рабочій день, но просьбы городского головы и его рѣчи не приводили ни къ чему. Инженеръ завѣдующій станціей, техники и рабочіе ни за что не хотѣли стать на работу до тѣхъ поръ, пока не получаютъ разрѣшенія стачечнаго комитета. Тогда генераль-губернаторъ призвалъ инженера и потребовалъ немедленнаго открытія дѣйствій станціи. На это инженеръ овѣчалъ: «Если я исполню приказаніе вашего превосходительства, то завтра буду повѣшенъ по предписанію комитета». Генераль-губернаторъ возразилъ: «а если вы не исполните моего приказанія, то я васъ прикажу повѣсить». «Вѣшайте, ваше превосходительство»,—сказалъ инженеръ и вышелъ изъ пріемной. Такъ до назначеннаго комитетомъ срока частные абоненты и оставались безъ освѣщенія. Оказывалось, комитетъ имѣлъ такую силу и власть, которой могло бы позавидовать и правительство. Угрозъ революціонеровъ боялись всѣ, къ нимъ подлаживались и содѣйствовали тѣмъ усиленію ихъ самоиѣнія. На другой, или третій день послѣ засѣданія 25 ноября, я и еще два общественныхъ дѣятеля пришли въ городскую управу для заявленія городскому головѣ, что созывать собранія, подобныя происходившему 25 ноября, нѣтъ никакого смысла и значенія. Онѣ не могутъ дѣйствовать успокоительно на населеніе, напротивъ—придаютъ особое значеніе революціоннымъ элементамъ, упрочиваютъ ихъ престижъ въ глазахъ терроризованнаго населенія, чѣмъ усложняютъ борьбу со смутой для законнаго правительства. На этихъ основаніяхъ мы просили не созывать такихъ собраній въ будущемъ. Но городской голова возразилъ доподлинно такъ: «извините, я долженъ считаться съ революціонными организаціями, долженъ искать соглашенія съ ними, долженъ ихъ выслушивать, такъ какъ не имѣю никакого желанія быть повѣшеннымъ. Вонъ, посмотрите,—продолжалъ городской голова,—сооруженія водопровода охраняютъ пулеметы, а буровую скважину «товарищи» все-таки засыпали пескомъ». Для обывателя послѣ всѣхъ такихъ эпизодовъ становилось яснымъ, что всѣ эти освободители захватили всю власть въ свои руки. Губернаторъ ходитъ къ нимъ на сходки, городской голова ищетъ разныхъ компромиссовъ, какъ средства дать населенію хлѣбъ и воду, а генераль-губернаторскіе приказы не только не имѣютъ, къ кому они обращены, никакого значенія, но надъ ними чуть не глумятся. Наступила всеобщая растерянность, страхъ передъ «товарищами», готовыми на всякія издѣвательства, и сознаніе, безъ преувеличенія, ужасное, что нѣтъ

власти, которая была бы въ силахъ возстановить нормальный ходъ жизни. Наступилъ такой періодъ, когда революція и ея вожаки стали господами положенія и свободно содѣйствовали, развивали и распространяли смуту по всей землѣ русской.

V.

Мятежъ и вооруженное возстаніе.

Все, что до сихъ поръ сказано, характеризуетъ участіе различныхъ классовъ населенія въ «освободительномъ движеніи». Несомнѣнно одно, что громадное большинство желало обновленія государственной жизни на новыхъ началахъ. Весьма немногіе стояли въ оппозиціи къ водворенію разумной свободы, равноправія всѣхъ гражданъ передъ закономъ, расширенія права участія въ устройствѣ государства на возвышенныхъ верховною властью основаніяхъ. Но рядъ дѣйствій революціонныхъ организацій подъ флагомъ «свободы» вносилъ смуту въ обывательскіе умы, дезорганизовывалъ жизнь и наводилъ страхъ на мирныхъ жителей. Благоразмыслящая часть общества не могла и не желала идти добывать «свободы» насиліемъ, терроромъ и, въ то же время, не проявляла активного противодѣйствія революціоннымъ элементамъ. Она какъ будто старалась ступешаться, скрыться, тогда какъ среди революціонныхъ организацій шла дружная работа. Добывалось разными путями и способами оружіе; на различныхъ заводахъ Харькова и Донецкаго бассейна изготовлялись особые желѣзные прутья и палки съ заостренными концами, происходили кражи пороха, динамита, устраивались склады взрывчатыхъ веществъ и лабораторіи, производилось обученіе стрѣльбѣ изъ ружей и браунинговъ. Въ Основянскомъ бору, въ окрестностяхъ Харькова, еврейская молодежь, учащаяся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній собиравались группами и производили тамъ практическую стрѣльбу. При появленіи полиціи, «дружинники», какъ они себя называли, разбѣгались, оставаясь нераззысканными. Лихорадочная работа различныхъ революціонныхъ кружковъ указывала, что «освободительное движеніе» начинаетъ принимать угрожающее для безопасности населенія направленіе. «Смести нынѣшнее правительство», поставить своихъ агентовъ, которые и потребуютъ созыва учредительнаго собранія для выработки основныхъ законовъ новаго государственнаго управленія,—вотъ его задачи. При арестованіи участниковъ революціоннаго движенія, у многихъ находили печатныя воззванія къ населенію, указаннаго содержанія. Забастовки, уличныя манифестаціи признавались необходимыми не только какъ одна изъ формъ протеста противъ существующаго режима, но какъ способъ объединенія революціонеровъ. Тому же служили и различные профессіо-

нальные союзы, весьма быстро сорганизовавшиеся, выдѣлившіе изъ своего состава членовъ мѣстнаго и центрального «союза союзовъ», «стачечнаго комитета» и «боевого исполнительнаго комитета». Евреи имѣли отдѣленіе «бунда» въ Харьковѣ и особый комитетъ «дружинниковъ». «Сіонисты», хотя и составляли обособленную группу, по идеѣ мирно настроенную, на дѣлѣ же присоединились къ революціонному движенію, доставляя изъ такъ называемаго «шекелеваго» сбора денежные средства на поддержаніе русской революціи.

Въ началѣ сентября, въ Харьковской синагогѣ «сіонисты» обсуждали свое положеніе къ революціи. Евреи стараго завѣта стояли за невозможность какого-либо вмѣшательства въ политическую жизнь Россіи, указывали на вредъ участія «сіонистовъ», имѣющихъ свои задачи мирнаго характера, несовмѣстимыя съ возбужденіемъ междуусобія, но молодежь, составлявшая большинство, энергично протестовала. Доказывалось, что «бундъ» есть организація, ставшая открыто за осуществленіе гражданскихъ правъ евреевъ въ Россіи, пограніе которыхъ и указало на необходимость розысковъ «Сіона» и укрѣпленія господства еврейской національности, каковое можетъ быть достигнуто только разрушеніемъ нынѣ существующаго государственнаго строя. «Ненависть къ евреямъ существуетъ какъ нѣчто дѣйствительно реальное только въ невольственныхъ массахъ,—говорилъ на сходкѣ 12 сентября лидеръ еврейской партіи, нѣкій г. Бискъ,—и поддерживается правительствомъ самодержавія. Свергните это иго и свободный русскій народъ откроетъ намъ новую эру нашей жизни».—«Наша святая обязанность,—говорилъ другой ораторъ,—вооружать русскую революцію, находиться въ ея рядахъ».

Какъ мы видѣли, сентябрь въ Харьковѣ прошелъ въ рядѣ митинговъ и сходокъ разныхъ группъ населенія, преимущественно рабочихъ, учащейся молодежи. Профессиональные общества, какковы, напримѣръ, медицинское, юридическое, общество грамотности, исключительно занимались политическими вопросами. Ихъ засѣданія превращались въ митинги, аудиторіи наполнялись разношерстной публикой, выкрикивавшей на разные голоса: «долой самодержавіе», «долой царя». Митинги смѣнялись банкетами, на которыхъ явства и питія были только вводнымъ аксессуаромъ. Все было сосредоточено на произнесеніи политическихъ цѣлей на вполнѣ опредѣленные задания главарей движенія; тутъ же открыто собирались деньги на оружіе. Въ обществѣ стали ходить настойчивые слухи о готовящейся въ серединѣ октября грандіозной демонстраціи съ требованіемъ немедленнаго осуществленія «свободы». Говорили, что предполагаемая демонстрація имѣетъ цѣлью поддержать резолютивную часть постановленій съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ формѣ общей политической забастовки, а также выяснить

на опытѣ силы революціи. Харьковскіе революціонныя — распорядительныя и исполнительныя — органы имѣли непосредственное сношеніе съ Москвой, откуда шли руководящіе приказы, чѣмъ объясняется возникновеніе въ Харьковѣ мятежа ранѣе того срока, который былъ назначенъ Петербургскимъ «союзомъ союзовъ», какъ сказано выше, на вторую половину октября.

Съ 1 октября началась усиленная дѣятельность исполнительныхъ органовъ революціи. То въ одной, то въ другой части города происходили почти ежедневныя столкновенія рабочихъ и учащихся съ полиціей, заканчивавшіяся, впрочемъ, довольно благополучно. Практиковались въ это время и другія выступленія съ цѣлью вызвать уличные беспорядки, вмѣшательство полиціи, отпоръ этому вмѣшательству и т. д. Такъ, напримѣръ, 1 октября возвращавшійся послѣ богослуженія народъ былъ свидѣтелемъ довольно страннаго зрѣлища: въ открытыхъ окнахъ университета студенты предлагали прохожимъ: «Иѣсни труда», «Рѣчь Робеспьера» и другія революціонныя изданія, призывавшія къ возстанію, что не встрѣчало съ чьей-либо стороны препятствій. Полиція проходила, останавливалась у оконъ, улыбалась и шла «съ миромъ» дальше. Распространеніе тѣхъ же брошюръ было организовано въ разныхъ мѣстахъ города. Кое-гдѣ ихъ продавали и тутъ же приглашали къ пожертвованіямъ на «великое дѣло». Ученики среднихъ учебныхъ заведеній, праздновавшіе забастовку, попарно проходили по улицамъ, съ пѣніемъ: «Вставай, поднимайся, русскій народъ» или «дубинушки». Одна изъ такихъ партій встрѣтила на Сумской улицѣ профессора Гредескула криками «ура»; профессоръ, высоко поднимая шляпу, любезно раскланивался. Встрѣчая на пути другую такую же группу праздновающихъ, молодежь обмѣнивалась сочувственными возгласами. Кому нибудь приходило въ голову разбить зеркальное стекло магазина и оно разлеталось отъ брошеннаго камня вдребезги. Были разбиты оконныя стекла въ домѣ редактора «Южнаго Края». Молодежь считала этотъ способъ наилучшимъ для настоянній измѣнить направленіе газеты, въ чемъ, какъ указываютъ послѣдующія обстоятельства, вполне успѣла. Разбивали окна и въ типографіи «Губернскихъ Вѣдомостей», но рѣже.

8 октября, въ 3 часа дня, къ Покровскому монастырю направлялась толпа учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Войдя во дворъ монастыря, толпа требовала явки высокопреосвященнаго Арсенія для переговоровъ. Архіерей, сказавшійся больнымъ, выйти къ толпѣ отказался, будучи заранѣе предупрежденъ объ этомъ оригинальномъ визитѣ. Гимназисты, реалисты и гимназистки начали буйствовать. Поднялся шумъ и крики трехсотъ голосовъ, требовавшихъ архіерея. Тогда къ толпѣ вышелъ о. архимандритъ. Делегаты, выступившіе изъ толпы, потребовали, чтобы немедленно была отслужена, въ присут-

ствіи учащихъся, панихида по застрѣлившемся въ г. Богодуховѣ, бывшемъ воспитанникѣ 2-й гимназіи, Гаркевичѣ. Товарищамъ самоубійцы было извѣстно, что, задолго до самоубійства, Гаркевичъ былъ признанъ врачами психически ненормальнымъ и самоубійство его не имѣло никакого отношенія къ текущимъ событіямъ. О. архимандритъ тотчасъ исполнилъ просьбу. Панихида была отслужена. Затѣмъ толпа, съ пѣніемъ «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой», направилась на Николаевскую площадь. Къ ней присоединились ожидавшія группы рабочихъ и любопытные, запрудивъ Сумскую улицу. Движеніе конки и экипажей пріостановилось. Толпа, шумѣвъ и покричавъ, разошлась безъ какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, паровозостроительномъ заводѣ, на станціи Харьковъ, на частныхъ квартирахъ вожаковъ движенія, 9 октября происходили оживленныя совѣщанія о порядкѣ проведенія возстанія. Составлялись записки, приказы къ разнымъ исполнительнымъ агентамъ, но спокойствіе уличной жизни въ этотъ день ничѣмъ не нарушалось. Всѣ организаціи были усиленно заняты подготовительными работами. На 10 октября ждали приказа отъ «союза союзовъ» всеобщей политической забастовки. По предварительнымъ распоряженіямъ, о которыхъ упомянуто выше, первые дни забастовки должны были протекать мирно, а затѣмъ, по данному сигналу изъ Москвы, надлежало приступить къ уличнымъ демонстраціямъ и схваткамъ съ полиціей и войсками, но разгоряченныя головы Харьковскихъ революціонеровъ предупредили событія.

Изъ главы о забастовкахъ видно, что телеграфисты ст. Харьковъ 9 октября утромъ получили приказъ бастовать, что ими было исполнено немедленно. Они же дали знать на всѣ фабрики и заводы, окружающіе Харьковъ, о началѣ забастовки. 10 октября рабочіе всѣхъ промышленныхъ заведеній стали стекаться толпами къ центру города. По дорогѣ они закрывали магазины и лавки, къ нимъ присоединялись приказчики и хулиганы. Нѣкоторые изъ торговцевъ не желали подчиниться требованіямъ рабочихъ, но ихъ избивали, били стекла въ магазинахъ, разбрасывали товаръ, угрожали револьверами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были перевернуты вагоны конно-желѣзной дороги. Кучера и кондуктора, ставшіе на работу послѣ своей забастовки только наканунѣ, протестовали противъ такого насилія: въ нихъ говорилъ голодъ, но результатомъ ихъ протеста было избіеніе, а одинъ изъ кучеровъ былъ раненъ «товарищемъ», разумѣется, не обнаруженнымъ. Толпы рабочихъ и другихъ лицъ, соединившись у Лопанскаго моста, направились по Екатеринославской улицѣ къ вокзалу, а затѣмъ къ сахаро-рафинадному заводу вблизи с. Данизовки, тамъ сняли рабочихъ и пошли къ Ващенковской левадѣ, гдѣ состоялся митингъ

при участіи 15.000 человекъ. Митингъ проходилъ при усиленно возбужденномъ состояніи рабочихъ. Ораторы—евреи, инженеры изъ евреевъ—говорили зажигательныя рѣчи, еще болѣе возбуждая толпу. Митингомъ были вынесены слѣдующія резолюціи. Требовать: 1) немедленнаго созыва учредительнаго собранія по четырехчленной формулѣ; 2) предоставленія свободы слова, печати, союзовъ и собраній и 3) немедленнаго освобожденія четырехъ делегатовъ отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, арестованныхъ, будто бы, въ Петербургѣ. Это послѣднее постановленіе состоялось на основаніи ложныхъ слуховъ. Делегаты въ Петербургѣ арестованы не были.

Почему были допущены массовыя сборища и демонстративныя шествія съ красными флагами и революціонными пѣснями? Дѣло въ томъ, что администрація была застигнута врасплохъ, хотя общество знало о готовящемся буйствѣ. Въ Харьковѣ были расквартированы три пѣхотныхъ полка: Старобѣльскій, Лебединскій и Богодуховскій. Ихъ численный составъ не отвѣчалъ даже мирному времени. Изъ этихъ полковъ комплектовались воинскія части, находившіяся въ Маньчжуріи (Тамбовскій, Пензенскій и Воронежскій полки). Находился въ Харьковѣ и 17 Донской казачій полкъ. Губернаторъ признавалъ наличное число войскъ для какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій недостаточнымъ и просилъ усилить Харьковскій гарнизонъ однимъ полкомъ кавалеріи, однимъ полкомъ пѣхоты и двумя батареями артиллеріи. Но требованіе губернатора было предъявлено далеко несвоевременно. Забастовка желѣзныхъ дорогъ еще болѣе замедлила приходъ войскъ и только Ингерманландскій драгунскій полкъ пришелъ во время изъ Чугуева, на разстояніи 36 верстъ отъ Харькова; остальные части войскъ запоздали.

По окончаніи митинга, рабочіе паровозостроительнаго завода и другихъ промышленныхъ заведеній, предводимые интеллигентами, направились обратно въ городъ. Желѣзнодорожные рабочіе разошлись, такъ какъ на митингѣ ихъ ораторы доказывали необходимость этимъ рабочимъ дѣйствовать самостоятельно. На возвратномъ пути толпа слилась съ другими группами изъ учащихся, присяжныхъ повѣренныхъ, профессоровъ и направились по Екатеринославской улицѣ къ Николаевской площади, гдѣ уже были разставлены воинскіе патрули и двигались казачьи разѣзды. Шествіе отличалось помпой. Впереди несли огромное знамя, вѣланное въ деревянныя рамки, съ надписью: «Долой царя», «да здравствуетъ социаль-демократическая республика.» Знамя освѣщалось факеломъ. Студенты, преимущественно технологи, гимназисты, реалисты и рабочіе, въ видѣ отдѣльнаго отряда, расчищали шествію дорогу. По взмаху палокъ раздавались крики: «Долой самодержавіе!» «Да здравствуетъ революція!»

Мирное населеніе пряталось по подваламъ. Истерическіе крики бѣгущихъ женщинъ, плачь дѣтей, все это сливалось въ какой-то дикій хаосъ, наводило паническій страхъ. Въ домахъ тушились огни, запирались ворота, заколачивались окна. При входѣ на Екатеринославскую улицу, патруль, весьма малочисленный по составу, вознамѣрился загородить путь, но изъ толпы раздались выстрѣлы: одинъ изъ солдатъ былъ убитъ, патруль долженъ былъ отступить. Двигаясь далѣе, толпа подошла къ оружейному магазину Тарнопольскаго и остановилась. Изъ нея выдѣлилась группа рабочихъ, студентовъ и гимназистовъ. Полукольцомъ ее окружили рабочіе. Предводимая господиномъ въ студенческой формѣ, эта группа, съ гиканіемъ, свистомъ и криками: «да здравствуетъ свобода», кинулась къ дверямъ магазина, которыя какъ-то предупредительно раскрылись и оружіе весьма легко было разграблено. Находившіеся тутъ казаки врѣзались было въ толпу, но по нимъ былъ данъ залпъ. Воздухъ огласился стонами раненыхъ. Одинъ казакъ былъ убитъ, другой раненъ. Ранено нѣсколько солдатъ и нѣсколько лицъ изъ любопытствующей публики. Зрители шарахнулись въ стороны, но студенты и другіе забастовщики съ бранью и угрозами загоняли народъ обратно въ толпу, чтобы тѣлами любопытныхъ прикрыть себя и оградить отъ выстрѣловъ солдатъ. Только послѣ залпа въ казаковъ и солдатъ былъ отданъ приказъ стрѣлять. Выстрѣлы были произведены большею частью вверхъ или внизъ по ногамъ, такъ что въ этомъ мѣстѣ оказались нѣсколько раненыхъ; убитыхъ не было. Толпа стала разбѣгаться.

Одновременно съ этимъ, на Николаевской площади сгруппировались массы буйствовавшего народа. Войска, разгонявшія буяновъ холоднымъ оружіемъ, преимущественно нагайками или ударами пашекъ плашмя, были встрѣчены градомъ камней и залпами изъ браунинговъ. Ранено было нѣсколько солдатъ и серьезно ушиблено камнями въ голову два казачьихъ офицера. И тутъ было приказано стрѣлять. Оказались убитые и раненые. На Московской улицѣ вооруженная группа интеллигентовъ напала на ружейный магазинъ «Охота» и его разграбила. На Николаевской площади, вблизи Дворянскаго собранія и Астраханской гостиницы, были устроены импровизированные склады патроновъ. На троттуарѣ стояли торговки, на разстояніи, съ корзинами яблокъ, подъ верхнимъ слоемъ которыхъ были ружейные и револьверные патроны. Торговки получали за эту службу особое вознагражденіе. Въ концѣ названной площади находится скверъ. Революціонеры избрали его базой и отсюда продольными залпами обстрѣливали войска. Было отдано приказаніе дать залпъ по скверу, которымъ убитъ одинъ и нѣсколько ранено.

Къ 11 часамъ вечера въ больницы было доставлено 38 раненыхъ, изъ нихъ 12 солдатъ и казаковъ. Многіе раненые развезены по

домамъ, нѣкоторые ушли сами. Пальба продолжалась до 12 часовъ ночи, послѣ чего «товарищи» стали расходиться съ пѣніемъ и криками. На окраинахъ дѣйствовала другая часть революціонной арміи: хулиганы и босяки. Они принялись громить греческія пекарни и булочныя. Избивали хозяевъ, захватывали выручку и товаръ. Перепуганные греки забивались въ мѣшки съ мукой. Нѣкоторые провели такъ всю ночь. Если хулиганы обнаруживали спрятавагося въ мѣшкѣ хозяина, то подхватывали мѣшокъ съ грекомъ и сильно ударяли о мостовую, производя эту безчеловѣчную расправу до тѣхъ поръ, пока жертва не выдавала всѣхъ денегъ, которыя имѣла. По улицамъ до глубокой ночи ходили группы «товарищей», оскорбляя женщинъ, случайно оказавшихся на улицѣ. Съ криками: «давай, стерва», выхватывали ридикюли и, упоенные успѣхомъ грабежа, вопили: «да здравствуетъ свобода»! Были случаи изнасилованія. Потерпѣвшія страшились заявлять о произведенныхъ надъ ними насиліяхъ, боясь мести. Да кому же можно было заявить? Полиція скрылась. Власти окружили себя военными кордонами и въ ужасѣ ожидали ихъ ареста, а можетъ быть—и худшаго. Толпа восторжествовала со всѣми безобразными послѣдствіями осуществленія дикаго произвола и насилія. Наконецъ, городъ замеръ. Гробовая тишина окутала площади, улицы, переулки. Слышенъ былъ лай собакъ и только.

Въ этотъ же день утромъ въ помѣщеніи службы тяги Харьковско-Николаевской дороги собрался митингъ. Отмѣчаю его, какъ иллюстрацію къ тому, какъ понимали участники этого митинга наступившій періодъ революціонныхъ выступленій, ихъ цѣль и задачу. На митингѣ участвовало до тысячи человекъ, преимущественно конторскихъ и правленскихъ служащихъ. Однимъ изъ первыхъ говорилъ ораторъ изъ конторщиковъ объ обманутыхъ надеждахъ пенсіонной кассы. За нимъ слѣдовалъ рабочій, безхитростно указывавшій на плохое экономическое положеніе «товарищей». «Нужно всѣмъ сообща требовать улучшеній»—говорилъ онъ. Крики «вѣрно!» «вѣрно!» были отвѣтомъ. Но вотъ на трибуну всходитъ инженеръ. Онъ начинаетъ рѣчь съ того, что экономическое улучшеніе быта рабочихъ стоитъ въ зависимости отъ политическихъ реформъ. Стронитъ политическія перспективы совершенно абстрактно, не связывая ихъ съ матеріальными улучшеніями быта служащихъ и обдаетъ фонтаномъ презрѣнія всѣхъ помогающихъ лишней пятерки къ мѣсячному жалованью или сокращенія занятій на часъ. Среди рабочихъ и конторщиковъ замѣчается неодобреніе оратору, слышится возгласъ: «Изъ-за чего мы должны идти подъ пули и штыки?» Интеллигенты-ораторы начинаютъ доказывать, что настоящее собраніе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, что оно отличается односторонностью состава. Нужно пригласить «паровозниковъ», «гельферихцевъ», а также и интеллигентовъ и выра-

ботать отношеніе всей трудовой среды къ надвигающимся событіямъ. Выбираютъ делегатовъ къ начальникамъ дорогъ и къ губернатору съ тѣмъ, чтобы объявить, что вечеромъ, въ 6 часовъ, въ помѣщеніи I класса состоится собраніе рабочихъ, служащихъ и другихъ лицъ, для выработки резолюціи. Пока делегаты исполняли свою миссію, ораторы продолжали доказывать, что ни въ какіе манифесты вѣрять не слѣдуетъ, ни на какія соглашенія не идти, а требовать созыва учредительнаго собранія. Когда нѣкоторые полубопытствовали знать, что такое представляетъ собою учредительное собраніе, то адвокатъ, въ особенности на немъ настаивавшій, безцеремонно закричалъ: «Не время давать такія объясненія»¹⁾! Аудиторія была полна недоумѣнія. Въ этотъ моментъ въ залъ вошелъ одинъ изъ делегатовъ и громкимъ голосомъ заявилъ: «Поздравляю, товарищи, съ первой побѣдой. Губернаторъ разрѣшилъ собраніе». Итакъ, на улицахъ Харькова шелъ формальный бунтъ, мостовыя унитывались кровью невинныхъ жертвъ, все населеніе или было въ состояніи паническаго ужаса или возбуждено, а администрація давала разрѣшенія на такія сборища, отъ которыхъ ни въ коемъ случаѣ успокоенія ждатель было нельзя. Въ условленный часъ на вокзалѣ въ залѣ I класса собралась толпа. Предварительно была разломана мебель, канделябры, вазы и все то, что не успѣли убрать. Большая зала сплошь была набита народомъ. Стояли на окнахъ, на уцѣлѣвшихъ столахъ—«грудь къ груди, плечо къ плечу», какъ выразился въ корреспонденціи въ газету «Русь» ея Харьковскій сотрудникъ. Начались тѣ же разговоры на разныхъ языкахъ. Рабочіе и мелкіе служащіе говорили о нуждахъ ихъ быта, интеллигенты-агитаторы путались въ общихъ мѣстахъ по экономическимъ вопросамъ, требуя единенія въ предстоящей борьбѣ за политическія свободы. Въ результатѣ предложеніе требовать учредительнаго собранія принято почти единогласно.

На слѣдующій день, т. е. 11 октября, съ ранняго утра на улицахъ появились толпы буйствовавшаго народа, группировавшагося около университетскихъ зданій, старыхъ присутственныхъ мѣстъ, на Николаевской и Павловской площадяхъ. Бродящія кучки, среди которыхъ замѣчалось значительное число учащейся молодежи и лицъ разныхъ свободныхъ профессій, держали себя вызывающе. Движеніе по улицамъ стало небезопаснымъ. Магазины заколочены досками. Присутственныя мѣста, банки, нотаріусы, конторы разныхъ наименованій бездѣйствуютъ. Судъ закрылъ свои засѣданія. Полиціи не видно. Казаки и отряды пѣхоты двигаются въ разныхъ направленіяхъ или расположены на перекресткахъ улицъ и площадей. Со стороны Екатеринославской улицы надвигается толпа

¹⁾ Письменные заявленія 6 участниковъ митинга.

манифестантовъ съ національными флагами. Впереди несутъ портретъ государя императора. Раздается пѣніе «Боже царя храни», «Спаси, Господи, люди Твоя». Слышатся крики «ура». Какъ только манифестанты выходятъ на Николаевскую площадь, революціонеры встрѣчаютъ ихъ градомъ камней и ругательствами. По толпѣ «освободители» даютъ залпъ изъ браунинговъ. Рабочій, несшій портретъ царя, падаетъ смертельно раненый. Портретъ съ гиганьями и свистомъ рвется на клочки, топчется ногами. Невооруженные патриоты бѣгутъ, кто куда попало, въ догонку летятъ пули. По дорогѣ бѣгущіе встрѣчаютъ студентовъ, проходящихъ по улицѣ, накидываются на нихъ и избиваютъ. Происходитъ нѣчто ужасное и возмутительное. Этотъ инцидентъ какъ бы послужилъ сигналомъ къ ничѣмъ не стѣснявшемуся мятежу. Прибывшіе къ мѣсту бойни казаки и пѣхотинцы были встрѣчены ружейными и револьверными выстрѣлами. Стрѣляли изъ толпы, съ крышъ домовъ, черезъ окна. Войскамъ былъ данъ приказъ обстрѣлять Николаевскую площадь. Площадь, мало-по-малу, пустѣетъ. Въ это же время возлѣ зданія присутственныхъ мѣстъ громятъ архивъ губернскаго правленія. Мостовая покрывается сплошь архивными разорванными дѣлами и книгами. На Николаевской площади толпа, руководимая студентами, бросилась къ оружейному магазину «Спортъ». Пущены были въ ходъ топоры. Желѣзную рѣшетку, закрывавшую окно магазина, разбили, но въ это время изъ магазина дали залпъ засѣвшіе тамъ служащіе. Нападавшіе съ проклятіями и бранью отшатнулись, но, ободряемые вожаками, вновь атаковали магазинъ и часть его разграбили. Казаки налетѣли на этотъ отрядъ, дали залпъ и вооруженіе отобрали. Убитые и раненые валялись на мостовой. Буйствовавшая толпа направилась къ университету.

Здѣсь творилось что-то необычайное. Къ университету и Соборной площади примыкаетъ Университетская улица, проходъ къ Университетской горкѣ, Горяиновскій, Шляпный и Соборный переулки. Окна университета открыты. Оттуда летитъ разная мебель, дрова и другіе предметы, не исключая книгъ изъ бібліотеки, а изъ стараго необитаемаго зданія присутственныхъ мѣстъ бросаютъ доски отъ взломанныхъ половъ. Въ разныхъ мѣстахъ, на этой же территоріи, вырываются и спиливаются телеграфные столбы. Разрушаютъ мостовую, сносятъ ворота и изо всего этого матеріала устраиваютъ баррикады. Ректоръ университета Рейнгардтъ въ это время находился въ своемъ кабинетѣ. По его словамъ, напечатаннымъ въ «Харьковскомъ Листкѣ», было назначено засѣданіе совѣта, такъ что о готовящемся занятіи зданій университета никто ничего не зналъ. Увидѣвъ описанную картину, ректоръ пытался остановить студентовъ, но возбужденная молодежь никакихъ увѣщаній слушать не желала. «Насъ убиваютъ», кричали студенты,

«мы должны защищаться». Дѣйствительно, наканунѣ, во время разсѣянiя толпы, былъ убитъ студентъ Константаниди. «Мы стали строить баррикады, когда войска на Павловской площади вновь стали стрѣлять по беззащитнымъ людямъ». Никакихъ выстрѣловъ утромъ 11 октября не было; это удостовѣрено, какъ произведеннымъ впоследствии дознанiемъ, такъ и свѣдѣнiями, собранными частными лицами и корреспондентами столичныхъ газетъ. Въ этомъ послѣднемъ отношенiи можно сослаться на корреспондента газеты «Русь», помѣстившаго въ ней письмо изъ Харькова подъ заглавiемъ «Октябрьскiе дни». Нѣкоторые сооруженiе баррикадъ приписывали только случайности, отрицая какую бы то ни было подготовку, но такое объясненiе заслуживало бы довѣрiя, если бы факты не говорили совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что обращенiе университетскихъ зданiй въ вооруженныя засады, какъ противодѣйствiе войскамъ, имѣло мѣсто не въ одномъ Харьковѣ, а почти во всѣхъ университетскихъ городахъ. Въ Харьковѣ заблаговременно въ аудиторiяхъ были заготовлены запасы провизiи и, какъ ходили слухи, запасы оружiя. Затѣмъ планы организации вооруженнаго сопротивленiя были составлены также заблаговременно и такъ подробно, что отнести ихъ появленiе къ случайному возникновенiю нѣтъ основанiй. Изъ дальнѣйшаго хода этой «затѣи» мы видимъ, что, еще до постройки баррикадъ, вступаетъ въ начальствованiе надъ организованными фортами комендантъ, избранный комитетомъ борьбы, составленнымъ изъ членовъ трехъ организаций: двухъ социаль-демократическихъ и одной социаль-революционной. Участники обороны раздѣляются на десятки, каждый десятникъ получаетъ отъ коменданта оружiе для своего десятка и т. д. Всѣ эти предположенiя были приведены въ исполненiе, согласно плану, въ точности съ той системой, которая исключаетъ всякое предположенiе о внезапности самаго организованiя. Интеллигенты, участвовавшiе въ построикѣ баррикадъ, на вопросы—что побудило ихъ къ такому выступленiю, отвѣчали: «Мы не знали, что предпринять, какъ использовать рвущiйся наружу избытокъ революціоннаго чувства, и стали строить баррикады». Весьма можетъ быть, и послѣдовавшiя за первыми шагами революціи убiйства городовыхъ, жандармовъ и другихъ представителей власти, были также результатомъ «рвущагося наружу избытка революціоннаго чувства», но развѣ это объясненiе.

Другой отрядъ революціонеровъ ринулся къ соборной колокольнѣ. Подъ ударами топоровъ свалились двери церковной ограды собора. Пробивъ двери храмовой колокольни, революціонеры заняли всѣ ея этажи, ударили въ набатъ, а рядомъ съ крестомъ взвились красные флаги, такіе же флаги взвились на крестѣ университетской церкви, на зданiи присутственныхъ мѣстъ. На другой день былъ кѣмъ-то пущенъ слухъ, что въ придѣлѣ, на-

ходящемся во второмъ этажѣ колокольни, гдѣ помѣщается чтимая всѣмъ населеніемъ чудотворная икона св. Николая, произведено ужасное поруганіе. Въ ликъ святого, будто бы, была вклеена папираса, а самый придѣлъ оскверненъ человѣческими экскрементами. Первое было опровергнуто осмотромъ чудотворной иконы, оказавшейся въ цѣлости. Второе обстоятельство весьма возможно, такъ какъ революціонеры пробыли на колокольнѣ почти сутки. Между тѣмъ, слухъ этотъ оказался чреватъ послѣдствіями. На Павловской площади собралась тысячная толпа, ничѣмъ не вооруженная, и, съ пѣніемъ «Боже царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя», направилась на баррикады. Студенты и «барышники», защитники баррикадъ, встрѣтили ихъ ругательствами, требовали не подходить близко, иначе будутъ стрѣлять и, не знаю уже для чего, вынесли портретъ государя императора и разстрѣляли его передъ народомъ. Разумѣется, толпа не выдержала. Невооруженная, она бросилась на баррикады и была встрѣчена залпами изъ браунинговъ. Толпа въ паникѣ разбѣжалась, оставивъ нѣсколько раненыхъ. Въ догонку отступающихъ изъ-за баррикадъ выскочило три студента, вооруженные маузеровскими ружьями и одинъ съ обнаженной пашкой. Настигнувъ убѣгавшую дѣвицу П., студентъ ранилъ ее въ плечо. Брызнула кровь на мостовую и въ этотъ моментъ часть толпы, несмотря на угрожавшую опасность, атаковала четырехъ революціонеровъ, отняла оружіе и сильно избила ихъ. Изъ противоположнаго баррикадамъ дома выстрѣлили въ толпу. Кто то крикнулъ: «евреи стрѣляютъ» и толпа бросилась къ дому, но была встрѣчена залпами студентовъ и рабочихъ паровозостроительнаго завода. Доступъ на баррикады, желающимъ присоединиться къ ихъ защитникамъ, былъ свободный. Оттуда слышались крики: «Идите къ намъ, кто хочетъ умереть за свободу»!

Главный перевязочный пунктъ находился въ медицинскомъ обществѣ, гдѣ было приготовлено все необходимое для раненыхъ. Аптеки, зубоврачебные курсы, Александровская больница, больница Краснаго Креста, также принимали раненыхъ, доставлявшихся въ каретахъ скорой помощи. Всѣхъ раненыхъ за два дня было доставлено въ разныя мѣста 150. «Комитетъ общественной безопасности» выпустилъ слѣдующее воззваніе «къ гражданамъ». «Въ городѣ образовался комитетъ общественной безопасности, который будетъ засѣдать непрерывно въ зданіи медицинскаго общества. Онъ принимаетъ къ себѣ представителей организацій и революціоннаго студенчества. Безсильныя охранять порядокъ, власти передаютъ охрану города народу. Если народъ окажется достойнымъ довѣрія, войска совсѣмъ будутъ выведены изъ города». Старались внушить, что Харьковъ уже въ рукахъ мятежниковъ. На улицахъ шла братоубійственная междуусобица, все усиливавшаяся, а представители интеллигенціи, съ городскимъ головой въ

первой роли, опубликовывали завѣдомо ложныя свѣдѣнія. Если дѣйствительно власть, въ лицѣ губернатора, бездѣйствовала, ждала распоряженій изъ Петербурга, то изъ этого не слѣдовало, что городъ сданъ въ управленіе революціонеровъ. Войска оставались вѣрными долгу и присягѣ. Ни единымъ дѣйствіемъ онѣ не выразили колебанія и ждали только приказа рѣшительными мѣрами водворить порядокъ.

Военныя власти распорядились, по указанію губернатора, оцѣпить Соборную площадь — территорію вооруженныхъ засадъ. Губернаторъ неофициально эту территорію объявилъ на военномъ положеніи, предложивъ не пропускать никого чрезъ линію оцѣпленія. Шелъ мелкій осенній дождь съ пронизывающимъ вѣтромъ. Войска стояли: кавалерія на коняхъ, пѣхота въ строѣ. Такъ продолжалось почти цѣлыя сутки. Несомнѣнно, такое бездѣйствіе, да еще при указанныхъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, не могло благопріятно дѣйствовать на нижнихъ чиновъ и ихъ командировъ. Невольно являлся вопросъ, для чего происходитъ этотъ изморъ, отсюда ропотъ, но не въ видѣ протеста противъ несенія полицейской службы, а противъ бездѣйствія, на которое они были обречены. Ропотъ усиливался еще и потому, что съ баррикадъ въ войска летѣли камни, изъ толпы слышались насмѣшки, посылались ругательства, и все это производилось безнаказанно. Войска должны были сносить все эти издѣвательства и онѣ ихъ терпѣли стойко, но въ душѣ, разумѣется, возмущались.

У губернатора происходили совѣщанія, что дѣлать, какъ поступать далѣе. Парламентеры изъ членовъ «комитета общественной безопасности» требовали войти въ переговоры съ осажденными. Въ числѣ доводовъ къ принятію этой мѣры былъ одинъ, дѣйствительно, заслуживающій вниманія. Кромѣ революціонеровъ, попали въ засаду семь служачихъ въ университетѣ, занимавшихъ квартиры въ зданіяхъ университета, сторожа, какъ этихъ зданій, такъ и зданія присутственныхъ мѣстъ, много лицъ съ улицы, совершенно не причастныхъ къ революціоннымъ выступленіямъ, были и женщины и дѣти. Они могли стать невинными жертвами, если бы войска прибѣгли къ разстрѣлу зданій. Сами засѣвшіе въ указанныхъ зданіяхъ рассказывали послѣ, что эта посторонняя публика была объята паническимъ ужасомъ. Женщины истерично рыдали, дѣти плакали, забивались въ углы и «значительно мѣшали настроенію». Ужасъ этотъ усилился, когда среди осажденныхъ былъ пущенъ слухъ, что зданія будутъ обстрѣливаться артиллеріей. Но, какъ я уже сказалъ, артиллерія въ Харьковѣ не было. Ее вытребовали изъ Ахтырки и Бѣлгорода, а прибыла она тогда, когда порядокъ уже былъ восстановленъ. Для чего распустились такіе слухи, — осталось неопредѣленнымъ. Революціонеры, зная ихъ нелѣпость, увѣщевали быть готовыми къ смерти въ ве-

ликой борьбѣ за свободу. Комендантъ, въ какихъ-то опереточныхъ украшеніяхъ, проходя по рядамъ мятущихся въ страхѣ, успокаивалъ истеричныхъ женщинъ. Ходилъ по крышѣ, осматривалъ въ бинокль расположеніе противника и затѣмъ объявлялъ: «пулеметовъ еще не видно». Все это мнѣ рассказывали сами революціонеры, участники засады и, какъ они ни старались быть серьезными, передавая эти комическія подробности, все же не могли скрыть, что въ эту исторію было внесено достаточно революціоннаго шарлатанства. Послѣ долгихъ и глубокомысленныхъ обсужденій, власти рѣшили вступить въ переговоры съ осажденными. Былъ командированъ комендантъ города Харькова, подполковникъ Горбаневъ, въ качествѣ парламентаря. Осажденные прежде всего заявили, что они сдадутся только на слѣдующихъ условіяхъ: холодное оружіе, ружья, нѣсколько пудовъ ружейныхъ патроновъ, они оставляютъ на храненіе въ университетѣ. Никто изъ сдающихся не долженъ быть обыскиваемъ при выходѣ и никого арестовать не имѣютъ права. Немедленно послѣ выхода долженъ быть разрѣшенъ митингъ на одной изъ площадей. На всѣ эти условія администрація согласіе изъявила и, такимъ образомъ, революціонеры, у каждаго изъ которыхъ было по браунингу, «сдались съ честью», т. е. съ оружіемъ въ рукахъ. Никто изъ нихъ не былъ задержанъ. Всѣ они толпой, до 1.000 человекъ, направились, въ предшествіи коменданта гор. Харькова, на Скобелевскую площадь, находящуюся въ центрѣ города, гдѣ поджидали ихъ рабочіе и разныя лица отъ освободительнаго движенія. По бокамъ чинно двигавшейся толпы, съ кривляньемъ и ужимками, не шли, а скакали «бундисты», то забѣгая впередъ, то врѣзываясь въ толпу, съ криками: «да здравствуетъ революція». Такъ дошли до Скобелевской площади, гдѣ были встрѣчены привѣтственными кликами участниковъ митинга. Начались рѣчи на обыденныя темы. На этомъ митингѣ было рѣшено забастовку не прекращать.

Къ 6-ти часамъ вечера баррикады были разобраны. Соборная площадь была занята войсками. Усиленно охранялся университетъ. По городу разбѣжали патрули. Несмотря на относительно поздній часъ, нѣкоторые магазины открылись. На другой день на площади передъ паровозостроительнымъ заводомъ былъ собранъ «грандіозный митингъ». Вотъ что говоритъ въ письменномъ изложеніи участникъ этого митинга. Въ трехъ мѣстахъ на Паровозной площади развѣвались красныя флаги. На одной изъ трибунъ рабочій изливалъ негодованіе по адресу самодержавнаго правительства. На другой появился профессоръ Гредескулъ и заявилъ, что, по требованію революціоннаго комитета, онъ прибылъ, какъ уполномоченный (?) отъ интеллигенціи гор. Харькова, что онъ торжественно извѣщаетъ о солидарности интеллигенціи съ рабочими и ихъ революціоннымъ движеніемъ и, «если образованные классы,—гово-

речь дальше ораторъ,—еще открыто не выступили противъ самодержавнаго правительства, то только потому, что сомнѣвались въ твердой сплоченности рабочихъ. Но теперь выяснилось, что сила революціи велика. Продолжайте идти по этому прямому пути, продолжайте политическую забастовку и мы, совмѣстными усиліями, добудемъ свободу русскому народу». На третьей трибунѣ ораторы смѣнялись одинъ за другимъ. Въ концѣ концовъ, взобрались на трибуну двѣ еврейки съ повязками Краснаго Креста, приглашая жертвовать на приобретение вооруженія. Имъ подали два ведра и онѣ стали обходить собравшихся. Митингъ продолжался до 4 часовъ и на немъ было рѣшено забастовку продолжать. На этомъ же митингѣ было рѣшено произвести погребеніе 17 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ по особому революціонному церемоніалу, причемъ требовать удаленія полиціи во время шествія похоронной процессіи и возложить охрану порядка во время похоронъ на рабочихъ паровозостроительнаго завода.

Всѣ эти требованія администраціей были удовлетворены.

Произведенной регистраціей установлено число пострадавшихъ: умершихъ отъ ранъ 17, раненыхъ 176. Это послѣднее число неточно: многіе раненые въ больницы не поступали, а лѣчились на дому или были увезены изъ города. Зарегистрированные пострадавшіе по профессіямъ распределяются такъ: рабочихъ 83, студентовъ 11, приказчиковъ и торговцевъ 15, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ 7, интеллигентныхъ профессій 5, остальные принадлежали къ разнымъ категоріямъ, въ большинствѣ къ лицамъ безъ опредѣленнаго положенія. Евреевъ пострадало 27. По поламъ пострадавшіе распределяются на 179 мужчинъ и 14 женщинъ. Преимущественный возрастъ отъ 17 до 30 лѣтъ.

14-го октября по всѣмъ улицамъ Харькова, съ ранняго утра, къ университетскимъ клиникамъ двигались толпы народа, куда свезены были всѣ трупы убитыхъ, приготовленные къ погребенію. Необычайный видъ представлялъ рядъ выставленныхъ гробовъ. Трупы мужчинъ были одѣты въ красныя рубахи, у каждаго въ рукахъ находился красный флагъ. Не могу не отмѣтить слѣдующаго весьма характернаго эпизода. Крестьянка А. Коростелева, служившая кухаркой у инспектора духовной семинаріи Страхова, узнала, что въ числѣ убитыхъ находится ея сынъ Григорій 20 л. Онъ давно отбился отъ семьи и сталъ обитателемъ такъ называемыхъ въ Харьковѣ «Пассажей», гдѣ собираются на ночлегъ герои «дна». Смерть «пропащаго» сына не произвела на Авдотью особаго впечатлѣнія. «Слава Богу, что Богъ прибралъ», говорила она. Тѣмъ не менѣе, она пожелала отдать Григорію послѣдній долгъ. Къ ней участливо отнеслась какъ семья г. Страхова, такъ и служащіе семинаріи, собравъ на похороны десять рублей. Коростелева

отправилась въ клиники, разыскала трупъ сына и просила отдать его для погребенія, но ей въ этомъ было отказано. Увидѣвъ Григорія въ красной рубахѣ съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, мать сильно взволновалась и слезно умоляла замѣнить красный флагъ крестомъ, который она принесла съ собою. Но распорядители похоронъ, въ числѣ которыхъ были и евреи, рѣшительно запротестовали и удалили плачущую Коростелеву изъ трупнаго покоя. Надо замѣтить, что похороны производились на городской счетъ, на что, неизвѣстно какимъ составомъ городской думы, было ассигновано 1000 рублей. Десятитысячная толпа собралась вблизи клиникъ. Всѣ прилегающія къ этому мѣсту улицы были запружены народомъ. Гробы съ тѣлами убитыхъ выносили одинъ за другимъ. За каждымъ гробомъ несли вѣнки, на красныхъ лентахъ которыхъ красовались революціонныя надписи: «Жертвѣ насилія и произвола», «Убитому въ борьбѣ за свободу». На нѣкоторыхъ были надписи: «Долой царскихъ опричниковъ», «Жертва самодержавія» и т. п. Во время выноса въ толпѣ былъ произведенъ выстрѣлъ. Публика, состоявшая больше изъ любопытныхъ, начала было разбѣгаться, но стрѣлявшій, пьяный рабочій, былъ схваченъ и обезоруженъ. Во главѣ процессіи шелъ оркестръ паровозостроительнаго завода, игравшій похоронный маршъ, подъ звуки котораго раздавалось крикливое пѣніе: «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Оркестромъ дирижировалъ еврей. Рабочіе, оцѣплявшіе процессію, перевязаны черными лентами съ красными каймами. Революціонная эмблема траура, въ видѣ повязки на лѣвой рукѣ, была у нѣкоторыхъ профессоровъ и присяжныхъ повѣренныхъ. Пѣніе чередовалось «марсельезой» или смѣнялось «дубинушкой». Духовенство, по «зрѣломъ обсужденіи», какъ элементъ провокаторскій, распорядителями допущено не было. Когда гробы поднесли къ общей могилѣ, вышелъ кладбищенскій священникъ о. Іоаннъ Пичета, прочелъ положенныя молитвы и немедленно удалился. Комья земли застучали по крышкамъ гробовъ, скоро возвысился холмъ и начались рѣчи: говорили профессора, студенты, рабочіе. Толпа, угнетенная невиданной доселѣ картиной революціоннаго церемоніала погребенія, расходилась медленно. Порядокъ нарушенъ не былъ. Состоявшійся послѣ погребенія митингъ на кладбищѣ прошелъ также безъ особыхъ инцидентовъ.

Наступило нѣкоторое успокоеніе. Городская жизнь стала принимать обычный видъ, нарушаемая, впрочемъ, время отъ времени, различными выходками забастовщиковъ, характеръ которыхъ описанъ выше (гл. I, II, III и IV).

Для полноты описанія необходимо остановиться на участіи войскъ въ буйныхъ манифестаціяхъ за разсматриваемый періодъ.

Революціонированіе арміи имѣетъ свою давнюю исторію. Болѣе или менѣе реальныя попытки внести смуту въ военную среду

относятся къ началу 80-хъ годовъ. Въ послѣднее же время пропаганда среди солдатъ достигла громаднхъ размѣровъ, велась съ удивительной настойчивостью. Казармы засыпались прокламаціями, въ особенности въ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ частяхъ. Агитаторы проникали въ казармы. Офицеры Харьковскаго гарнизона рассказывали, что они не въ состояніи что-либо сдѣлать противъ наводненія прокламаціонной литературы, а также предотвратить дѣятельныя сношенія солдатъ съ агитаторами. Въ отношеніи распространенія нелегальной литературы, исполнительные агенты революціонныхъ организацій были настоящими виртуозами. Прокламаціи, разныя брошюры находили въ матрацахъ, привозимыхъ въ казармы, въ сѣнѣ, доставляемомъ ротнымъ лошадямъ, въ сумкахъ, поступавшихъ изъ цейхаузовъ и т. д. Вольноопредѣляющіеся, нижніе чины изъ евреевъ, состояли главными поставщиками литературы такого рода. Какъ въ рабочихъ группахъ, такъ и среди войскъ революціонныя выступленія начинались съ протестовъ противъ внутренняго быта и тяжелыхъ условій службы солдата, неудовлетворительнаго положенія, въ отношеніи вещевого довольствія. Все это называлось экономическими нуждами. Составлялись петиціи по разъ установленному образцу, руководителями пропаганды предъявлялись начальству, которое требованій, въ нихъ заключавшихся, удовлетворить не могло по причинамъ законнаго порядка, затѣмъ создавались конфликты, на почвѣ которыхъ возникали групповые случаи неповиновенія, нарушенія элементарныхъ правилъ дисциплины,—и возмущеніе было готово. Не могло миновать это, совершенно искусственно сфабрикованное, движеніе и Харьковскаго гарнизона. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ все это происходило, но въ Харьковѣ, когда въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ было замѣчено броженіе среди нижнихъ чиновъ, начальство—съ цѣлью ли успокоенія, или же изъ желанія дать свободу нижнимъ чинамъ—индифферентно относилось къ солдатскимъ сходкамъ, происходившимъ въ дни всеобщаго броженія, обсуждавшимъ якобы экономическія нужды, на самомъ же дѣлѣ выработывавшимъ способы выступленія въ качествѣ силы, солидарной съ революціонерами. Результатомъ этихъ митинговъ появилась петиція, состоявшая изъ 31 пункта. Приводить ее цѣлкомъ нѣтъ надобности. Достаточно указать на нѣкоторые пункты, къ убѣжденію въ томъ, что нижніе чины въ резолюціяхъ посягали на разрушеніе существующаго строя. Такъ, въ 6-мъ п. требовалось установленіе свободы митинговъ, въ 18 п. солдаты требовали уничтоженія военныхъ судовъ и замѣны ихъ судомъ товарищескимъ. Въ 22 п. требовалась амнистія солдатамъ, пострадавшимъ за убѣжденія; наконецъ, въ 29 пунктѣ было сказано слѣдующее: «Признавая, что рабочіе и крестьяне борются за свободу, за освобожденіе нашей родины отъ произвола и насилія,

мы отказываемся отъ борьбы съ такъ называемымъ внутреннимъ врагомъ и не поднимаемъ ружей на своихъ братьевъ—рабочихъ и крестьянъ». Экономическія требованія объ улучшеніи жизни и быта солдата были очень широки. Невозможность ихъ исполнить, при какихъ бы то не было условіяхъ, была очевидна. Все содержаніе этой части петиціи разсчитано было на отказъ, который, какъ правильно предуказывали пропагандисты, создастъ остроту отношеній между солдатомъ и его командиромъ, а затѣмъ и смуту.

Къ петиціи присоединились части Богодуховскаго и Старобѣльскаго полковъ. Вся задача вожаковъ состояла въ томъ, какъ бы пореволюціоннѣе обставить врученіе петиціи начальству.

17 ноября, часовъ въ 6 утра, двѣ роты изъ расквартированныхъ въ Харьковѣ полковъ, вышли съ ружьями и музыкой, безъ офицеровъ, изъ своихъ казармъ и направились въ Москалевскія казармы. Тамъ ихъ встрѣтило начальство, къ которому они предъявили требованіе о скорѣйшемъ освобожденіи отъ службы тѣхъ изъ нихъ, кто выслужилъ обязательный срокъ. Выслужившіе сроки были задержаны вслѣдствіе того, что квартировавшіе въ Харьковѣ полки, какъ уже сказано, комплектовали убыль въ войскахъ Маньчжурской арміи, а именно—въ Тамбовскомъ, Воронежскомъ и Пензенскомъ полкахъ, почему числовой составъ полковъ Харьковскаго гарнизона былъ менѣе положеннаго даже по мирному времени.

Начальство на этотъ разъ успокоило манифестантовъ и они мирно возвратились въ казармы. Было ли произведено какое-либо разслѣдованіе, привлекался ли кто къ отвѣтственности по этому выступленію, осталось неразъясненнымъ. Весьма скоро, а именно 23 ноября, революціонная манифестація нижнихъ чиновъ повторилась, но уже приняла грандіозные размѣры и чуть не окончилась большимъ несчастьемъ.

Харьковская жизнь, послѣ пережитыхъ трагическихъ событій, начала было успокаиваться. Явилась надежда на болѣе или менѣе продолжительный перерывъ, который хотя немного успокоитъ истерзанные нервы. Но успокоеніе не наступало. Напротивъ, вновь городъ и его обитатели очутились въ тревожномъ состояніи, тѣмъ болѣе неприятномъ, что никто не могъ уяснить себѣ, чѣмъ все совершающееся можетъ окончиться.

Съ вечера 22 ноября по городу ходили настойчивые слухи, что на другой день должны состояться митинги на Николаевской площади нижнихъ чиновъ Харьковскаго гарнизона и рабочихъ на сосѣдней Павловской площади. Подтвержденіемъ этихъ слуховъ было то, что военныя власти еще ночью приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить въ центръ города участниковъ предполагаемыхъ митинговъ. Всюду были разставлены войска, были заняты мосты Харьковскій и Кузнечный, лежавшіе на пути слѣдо-

ванія «товарищей» и бунтующихъ нижнихъ чиновъ. По правому берегу рѣки Харьковъ разставили пулеметы. На Николаевской площади размѣстилась пѣхота. Демонстранты съ завода Гельферихъ-Саде двинулись отъ Конной площади прямымъ путемъ къ центру города, но на половинѣ дороги ихъ встрѣтила полусотня казаковъ 17 Донского полка. Рабочіе вернулись и пошли обходнымъ путемъ черезъ окраины города. Когда выяснилось, что демонстранты измѣнили направленіе, войска, стоявшія вблизи мостовъ Харьковскаго и Кузнечнаго, переведены были на Павловскую площадь, одну сторону которой заняли драгуны, другую—казаки. Въ серединѣ площади расположились пулеметы. Фронтомъ къ направленію движенія толпы выстроились части Луцкаго и Охотскаго полковъ, недавно прибывшихъ въ Харьковъ. Свободная часть площади была запружена народомъ. Нѣкоторые изъ толпы выходили къ войскамъ и увѣщевали «не проливать крови».

Въ казармахъ Старобѣльскаго, Лебединскаго и, частью, Богодуховскаго полковъ, между тѣмъ, происходило слѣдующее: нижніе чины изъ всѣхъ этихъ полковъ, въ числѣ 200 человекъ, забравъ ружья и сумки съ боевыми патронами, собрались вблизи Народнаго дома и рѣшили идти въ городъ для предъявленія петиціи, о которой я уже сказалъ. Все это происходило въ 9 часовъ утра. Къ солдатамъ начали прибывать рабочіе ближайшихъ къ Народному дому промышленныхъ заведеній и разныхъ мастерскихъ. Въ 10 часовъ утра на паровозостроительномъ заводѣ дали рядъ тревожныхъ свистковъ, подхваченныхъ на всѣхъ остальныхъ окраинныхъ заводахъ и фабрикахъ. Рабочіе бросили работу и пошли на соединеніе съ солдатами. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ также даны были тревожные сигналы, вслѣдъ за которыми паровозы, стоявшіе на путяхъ, были перевернуты, стрѣлки сведены и забаррикадированы опрокинутыми вагонами. Направлявшіеся въ Харьковъ поѣзда не могли войти на станцію. Прекративъ движеніе, желѣзнодорожные рабочіе направились на соединеніе съ толпой демонстрантовъ, во главѣ съ солдатами, несшими ружья на перевѣст. Впереди студенты и нѣкоторые изъ общества несли красные флаги съ надписями: «Долой царя», «Да здравствуетъ земля и воля», «Да здравствуетъ социаль-демократическая республика». Толпа шла сплошной стѣной по Екатеринославской улицѣ. Надо было видѣть, въ какой панической ужасъ пришли обыватели. Все попрыгалось куда кто могъ. Топотъ десятка тысячъ ногъ по мостовой производилъ жуткое впечатлѣніе. Двигалась масса головъ; сверхъ этой массы блестяли желѣзные пруты, у нѣкоторыхъ ружья, ломы, а у иныхъ за поясомъ топоры. Когда изъ-за угла Павловской площади появилась голова толпы, командовавшій своднымъ отрядомъ генераль-майоръ Нечаевъ подъѣхалъ верхомъ на конѣ къ толпѣ и командовалъ «стой». Солдаты остановились. Затѣмъ

генераль обратился съ увѣщаніемъ къ нижнимъ чинамъ, заявляя, что одинъ шагъ впередъ повлечетъ самыя ужасныя для нихъ послѣдствія. Сзади напиравшая толпа невольно двигала впередъ солдатъ, такъ что они приблизились къ войскамъ и, послѣ рѣчи генерала Нечаева, начали перебѣгать на сторону правительственныхъ войскъ. Другіе требовали выслушать ихъ петицію. На это генераль Нечаевъ объяснилъ, что требованія ихъ не могутъ быть разрѣшены мѣстнымъ начальствомъ, что онѣ должны быть рассмотрѣны законодательнымъ порядкомъ, а потому генераль просилъ немедленно командами по полкамъ возвратиться въ казармы. Произошло нѣкоторое колебаніе. Изъ толпы послышались протестующіе голоса, кричавшіе: «Опричники, не обманывайте народъ», «Не уйдемъ, пока немедленно не удовлетворите нашихъ требованій». Генераль вновь предупредилъ: «Еще одно сопротивленіе и войска, стоящіе на готовѣ, будутъ дѣйствовать оружіемъ. Одумайтесь, что вы дѣлаете». Солдаты, слыша такія рѣчи, какъ-то сами раздѣлились по командамъ и направились въ казармы. Толпа начала расходиться. Часть ея, смѣшавшись съ глазѣвшей публикой, имѣя отрядъ человекъ 40 солдатъ впереди, остановилась на Харьковскомъ мосту, гдѣ руководители потребовали выслушать оратора. Еврей-гастролеръ произнесъ рѣчь на тему о значеніи волненій среди войскъ, о необходимости помнить солдатамъ, что они тѣ же граждане, что, проливая братскую кровь, они совершаютъ преступленіе и т. д., и т. д. Но солдаты молча стояли, ихъ сумрачныя лица выражали полное несочувствіе ораторской проповѣди. Явственно обнаружился переломъ, и то, на что они пошли за вожакими, не было результатомъ сознательныхъ дѣйствій, а показало, что они не больше, какъ жертвы подстрекательства, жертвы стаднаго инстинкта въ рукахъ агитаторовъ, которымъ весьма мало дѣла до самихъ солдатъ съ ихъ нуждами. Главари освободительнаго движенія, организовавъ всю эту демонстрацію, воспользовались бунтомъ 200 нижнихъ чиновъ. Собравъ вокругъ нихъ десятитысячную толпу, учинили, какъ объявляли о томъ, воинскую манифестацію, которую сейчасъ же и утилизировали. Городской голова и гласные думы доказывали, что «фактически военное положеніе, установленное въ Харьковѣ 14 октября, не существуетъ», а профессоръ Гредескулъ истерически взывалъ къ «харакири» для всего военнаго начальства, о чемъ мною уже отмѣчено. Лѣвые органы печати изошрялись въ комментаріяхъ къ событію 23 ноября—«Моральная сила одержала побѣду надъ силой физической»...—«Войска разступились и пропустили буйствующую во имя правды толпу»... «Многотысячная народная толпа привѣтствовала войска криками «ура», продолжая торжественное шествіе». Но господамъ рептильнымъ мастерамъ не было извѣстно, что солдаты, участвовавшіе въ манифестаціи, сами сдали оружіе, на колѣняхъ со слезами просили прощенія, умоляли

разрѣшить присягнуть вновь на вѣрность «царю и родинѣ», просили судить ихъ за необдуманнѣй, подневольный поступокъ. Не знали также, что генераль-губернаторомъ былъ отданъ приказъ генералу Нечаеву встрѣтить толпу демонстрантовъ оружіемъ, что войска, выставленныя противъ мятежниковъ, готовы были безпрекословно исполнить долгъ присяги и что если этого не случилось, то только потому, что гуманный генераль Нечаевъ не хотѣлъ проливать кровь невинныхъ, не исполнилъ приказанія генераль-губернатора, за что и былъ уволенъ отъ службы.

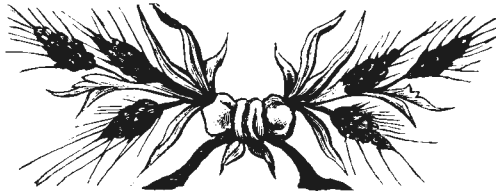
На описаніи вооруженнаго возстанія 12 декабря, продолжавшемся счетомъ три часа, я не буду долго останавливаться. По ходу событій, оно было осколкомъ смутныхъ событій въ октябрьскіе дни. Разница состояла въ томъ, что, въ качествѣ боевыхъ дружинъ, явились группы реалистовъ, гимназистовъ, студентовъ и рабочихъ, поголовно съ оружіемъ въ рукахъ. Главная масса участниковъ забралась въ зданіе завода Гельферихъ-Саде, откуда и начала стрѣльбу по войскамъ. На подмогу къ нимъ былъ высланъ отрядъ «паровозниковъ», атаковавшихъ войска. Но достаточно было одного залпа изъ пулеметовъ, чтобы дружинники сдались. Въ центрѣ города была также перестрѣлка, погибли неповинные люди. Свыше 250 человекъ были арестованы, изъ нихъ большая часть учащейся молодежи. Всего убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ этомъ столкновеніи было 24, раненыхъ 148. На другой день возстановилось спокойствіе. Жизнь приняла обычный характеръ. Магазины открылись, почта и телеграфъ дѣйствовали, заводы работали. Для чего была устроена послѣдняя феерія, озаглавленная вооруженнымъ возстаніемъ, этого, думаю, не объяснять и ея руководители. Развѣ съ цѣлью выяснитъ настроеніе войскъ, о которыхъ вожаки убѣжденно говорили, что стрѣлять онѣ не будутъ. Но и эти увѣренія ни на чемъ не были основаны, а между тѣмъ онѣ то и послужили основаніемъ къ вооруженному возстанію, при удачѣ котораго было рѣшено арестовать всѣ Харьковскія власти и объявить Харьковскую республику. Въ возможность такого исхода такъ вѣрили, что въ найденномъ планѣ при обыскѣ у одного изъ видныхъ «дѣлателей» революціи нашли распредѣленіе должностей отъ губернатора до управляющихъ разными губернскими учрежденіями. По росписанію, евреи должны были получить должности управляющаго и директоровъ конторы государственнаго банка. Фантазія эта, разумѣется, никогда не могла перейти въ дѣйствительность, по главари объ этомъ и не думали. Имъ нужна была смута, нуженъ былъ мятежъ, чего они и достигли.

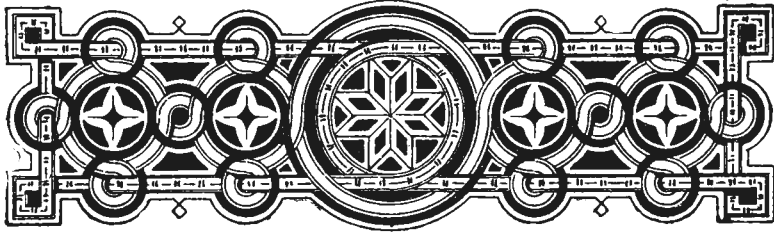
Все то, чѣмъ я подѣлился съ читателемъ, свидѣтельствуешь, какъ мало культурны наши революціонеры, какими грубыми пріемами они подымали народъ на безцѣльную бойню, какъ безжалостно вели невѣжественную толпу подъ штыки и пулеметы.

Большинство изъ видныхъ дѣятелей, руководившихъ революціонными выступленіями, осталось въ сторонѣ. Поплатились тѣ, которые, по легкомыслію, стали въ первые ряды, которые дѣйствовали, очертя голову, да и то понесли они наказаніе въ административномъ порядкѣ. Судебная же власть виновниковъ октябрьскаго мятежа не нашла и, за отсутствіемъ ихъ, дѣло прекратила.

Какимъ ужаснымъ упрекомъ совѣсти должны стоять 45 преждевременно ушедшихъ въ лучшей міръ, принесенныхъ въ жертву революціи передъ тѣми, кто ихъ повелъ подѣ разстрѣлѣть. Къ чему были эти жертвы? Это не объяснять даже агитаторы и пропагандисты изъ профессоровъ.

Князь Михаилъ Шаховской.

КЛИНСКАЯ «МОЩЬ».

(Изъ деревенскихъ настроеній).

ИДУЩИЙ историкъ переживаемой нами смуты съ крайнимъ недоумѣнiемъ остановится надъ многими ея явленiями, очень странными, чисто болѣзненными, уродливыми до невѣроятности, совершенно идущими въ разрѣзъ съ общимъ направлениемъ, тономъ и складомъ этого періода.

Такъ, на верхахъ современнаго русскаго общества историка поразитъ необычайное обиліе юмористическихъ журналовъ и листовъ, какъ грибы, народившихся послѣ «17 октября» и, подобно грибамъ, также недолговѣчныхъ. Одни изъ нихъ гибли, другіе нарождались чуть не каждый день, а въ общей массѣ число ихъ значительно превзошло количество новыхъ газетъ и другихъ изданій серьезной политической прессы, часто гнѣбувшихъ единственно влѣдствіе отсутствiя «поддержки общества». А юмористика плодилась, множилась, выростала до необычайныхъ размѣровъ, принося по вкусу и потребностямъ русской «интеллигенціи»...

Историкъ затруднится понять и объяснить, какъ въ такое трагическое время, полное слезъ, горя, крови, мученичества, какъ могла русская интеллигенція забавляться въ эти ужасные дни и мѣсяцы гаерствомъ и пошлымъ смѣхомъ уличныхъ листовъ? Никогда они не поднимались до степени серьезной политической сатиры, такъ понятной и столько необходимой въ подобные періоды

«переоцѣнки» всякихъ цѣнностей. Нашъ уличный юморъ ограничивался черезчуръ легкимъ шаржемъ на политическія злобы дня и больше пробавлялся насчетъ «клубнички» и т. п. незамысловатыхъ матерій, какъ разъ пришедшихся по вкусу «большой» русской публикѣ... Какъ будто въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ переворотовъ русской жизни послѣдняя всего больше накопила матеріаловъ для легкомысленнаго смѣха, гаерства, издѣвательства, шутки!..

Такъ «забавлялись» въ это страшное время верхи русскаго общества... А на низахъ его русскій мужикъ, самый реальный мужикъ, чуждый всякихъ тонкостей, нагрывушей со всѣхъ сторонъ на него, «политики» и захлопотавшійся подъ шумокъ единственно о приращеніи собственныхъ «животовъ», этотъ мужикъ вдругъ, среди своихъ чисто матеріальныхъ заботъ, ударился въ другую крайность—его потянуло къ небесамъ...

Кажется, ни въ публицистикѣ, ни въ литературѣ еще не отмѣчено это новое и оригинальное явленіе въ современной деревнѣ, которое можно назвать такъ—поиски новыхъ святостей. Какъ будто старыя святыни уже отслужили свою службу и перестали удовлетворять мужика. И онъ упорно сталъ искать новыхъ, отъ которыхъ ждетъ для себя неизвѣстныхъ, но обязательно какихъ-то «великихъ и богатыхъ милостей»...

Отмѣчу нѣсколько проявленій этого порядка, но подробнѣе остановлюсь на одномъ, случившемся въ знакомой мнѣ мѣстности.

I.

Весною 1906 г., по Владимирской губерніи прошла молва, что въ Суздальскомъ уѣздѣ «проявилась новая святыня», очень цѣлебная, даже «творящая чудеса». Молва быстро росла и скоро со всѣхъ концовъ губерніи началось паломничество «ко кресту», какъ называлъ народъ это «святое мѣсто». Находится оно въ 10 верстахъ отъ г. Суздаля, на крестьянскихъ поляхъ с. Корельская Слободка. Раньше село ничѣмъ не было замѣчательно, кромѣ, развѣ, своего имени, говорящаго, что первосельчанами его были корелы, вѣроятно, изъ числа «полоненниковъ» изъ Кореліи, захваченныхъ въ Ливонскихъ походахъ XVII или начала XVIII вѣковъ. Но теперь Корельская Слободка неожиданно прославилась, благодаря такому «чуду», проявившемуся черезъ посредство одного изъ мѣстныхъ мужиковъ.

Какъ-то послѣ Пасхи выѣхалъ этотъ мужикъ—самый зауряднѣйшій, не уличавшійся раньше ни нарочитою религіозностью, ни другими добродѣтелями,—выѣхалъ на свое поле и сталъ поднимать его подъ яровой сѣвъ. Дошелъ онъ до низинки на своей

«полоскѣ», гдѣ всегда косился на «потное мѣсто», т. е. влажное, мокроватое, на которомъ снѣговья и дождевыя воды дольше застаивались, а потому и всходы тутъ бывали слабѣе. Портило это «потное» мѣсто всю его полосу и онъ не могъ дожидаться новаго передѣла земли, чтобы спустить надоѣвшую полосу кому-нибудь изъ односельчанъ, а себѣ взять другую, болѣе выгодную.

Сдѣлалъ мужикъ одну борозду и другую, какъ вдругъ на самомъ «потномъ» мѣстѣ что-то звякнуло подъ плугомъ. Нагнулся онъ и поднялъ какую-то металлическую вещь, висѣвшую «на шнуркѣ». Очистилъ онъ ее отъ земли и оказался мѣдный натѣльный крестъ, съ изображеніями на одной сторонѣ распятія, а на другой—св. Θεодосія...

Если это изображеніе Θεодосія Черниговскаго, то, несомнѣнно, крестъ самого недавняго происхожденія. Дѣлали ли объ этомъ дознаніе мѣстныхъ духовныхъ власти? Существуютъ ли подобныя кресты съ изображеніемъ Θεодосія Черниговскаго? Не былъ ли кто изъ жителей Корельской Слободки въ Черниговѣ и не принесъ ли отсюда этого креста, а затѣмъ потерялъ его? Повидимому, никакого дознанія здѣсь сдѣлано не было, такъ какъ духовныя власти смотрѣли и смотрятъ сквозь пальцы на все, происходящее у «креста»...

Но если на найденномъ крестѣ изображенъ не Θεодосій Черниговскій, а другой одноименный святой, напримѣръ, извѣстный св. Θεодосій Печерскій (въ Кіевѣ), и тогда несомнѣнно, что крестъ кѣмъ-то потерянъ весьма недавно, такъ какъ даже шнурокъ, на которомъ онъ висѣлъ, еще не успѣлъ истлѣть въ землѣ.

Разумѣется, мужикъ, нашедшій крестъ, не пускался ни въ какія соображенія, но, заинтересовавшись находкой, сталъ рыться глубже. Никакихъ предметовъ онъ болѣе не нашелъ, но вдругъ открылся порядочный ключъ, съ обильной и хорошей водой...

Можетъ быть, находка одного креста не обратила бы вниманія народа на это обстоятельство, да врядъ-ли бы оно и стало извѣстно многимъ. Но открытіе креста на томъ мѣстѣ, гдѣ началъ бить новый родникъ, всполошило всю округу. Мужики заговорили о «святомъ ключѣ», такъ неожиданно открывшемся, стали собираться къ нему толпами, потребовали отъ мѣстнаго причта служенія тамъ молебновъ, стали пить «святую воду», умываться ею и проч. Фанатичныя натуры заговорили уже о «чудесахъ и исцѣленіяхъ» на «святомъ ключѣ» и у «креста»...

Крестъ сначала находился у сельскаго старосты, а потомъ перенесенъ въ церковь, гдѣ надъ нимъ стали служить молебны съ водосвятиемъ и проч. Богомольцы набираютъ воду въ св. ключѣ, въ свою посуду, или же получаютъ ее въ церкви, гдѣ въ нее погружаютъ крестъ во время молебновъ, а потомъ разливаютъ по сосудамъ богомольцевъ.

Надъ родникомъ поставленъ срубъ, а около устроены легенькія «загородочки» для желающихъ разоблачиться и омыть св. водою свое грѣшное тѣло. Жаждущихъ такъ много, что часто ключъ исчерпывается до грязи. И тогда даютъ ему отдохнуть и ждутъ, пока вода снова наберется въ достаточномъ количествѣ.

И толпами валитъ Володимирскій мужикъ «ко кресту» и св. «ключу», къ великому удовольствію мѣтнаго причта, зарабатывающаго, какъ говорятъ, до 1,000 руб. въ мѣсяцъ... Блаженствуетъ причтъ, да и мужики Корельской Слободки не въ накладѣ, получая отъ богомольцевъ мзду за ночлеги, съѣстные припасы и т. п.

Въ послѣднее время за мужиками потянулись ко «кресту» и представительницы «высшихъ» сословій, ради которыхъ собственно и устроены около св. «ключа» вышеупомянутыя «загородочки»... Словомъ, новая Суздальская святыня рѣшительно входитъ въ моду, по крайней мѣрѣ—во Владимирской губерніи, одной изъ самыхъ промышленныхъ, т. е. дѣловыхъ нашихъ губерній, гдѣ, казалось бы, нѣтъ мѣста никакимъ подобнымъ увлеченіямъ, да еще въ такое «прогрессивное» и «революціонное» время...

Но вотъ и другой—не менѣе дѣловой, торговый трактъ, на далекомъ югѣ Россіи, полною южной подвижности и энергіи, а и тамъ встрѣчаемся съ аналогичнымъ явленіемъ.

Въ іюлѣ 1906 г., въ какой-то газетѣ прочиталъ я извѣстіе, что въ г. Таганрогѣ какіе-то обыватели его «хлопочутъ объ открытіи «мощей» нѣкоего «благочестиваго человѣка», изъ мѣстныхъ же обывателей, по имени «Павла Павлыча», опочившаго въ Бозѣ всего около 15 лѣтъ назадъ!.. Былъ онъ домовладѣльцемъ въ Таганрогѣ, собиралъ около себя «благочестивыхъ людей» преимущественно женскаго пола, «поучалъ» ихъ чему-то и скончался—только и извѣстно изъ его біографіи. Но для поклонницъ его онъ является какимъ-то необычайнымъ «сосудомъ благодати», источающимъ даже теперь «чудеса», «видѣнія» и проч., когда отъ кончины его едва минуло 15 лѣтъ, а тѣло его еще «почіетъ подъ спудомъ». Поклонницы и поклонники «Павла Павлыча» подавали даже въ св. синодѣ челобитную объ открытіи мощей и канонизаціи этого Таганрогскаго домовладѣльца...

Можетъ быть, въ газетахъ были, но пропущены мною, и другіе аналогичные случаи поисковъ новой святыни въ дни современной смуты. О Суздальскомъ крестѣ и ключѣ читать не приходилось, и все вышерассказанное о нихъ сообщено мною со словъ ходившихъ туда богомольцевъ. Ниже приводимый случай также не былъ въ печати и свѣдѣнія о немъ собраны мною на мѣстѣ. Онъ также относится ко Владимирской губерніи, которой приходится, значить, отдать пальму первенства въ рассматриваемомъ отношеніи...

II.

Случай, о которомъ хочу разсказать, происходилъ въ сосѣднемъ съ Суздальскимъ уѣздѣ и, возможно, зародился не безъ вліянія толковъ о новой Суздальской «святыньѣ». Юрьевъ-Польской уѣздъ— одинъ изъ коренныхъ древне-русскихъ уголковъ. Многихъ смущаетъ придатокъ «Польской», но это производное не отъ Польши, а отъ «поль», равнины, каковую, дѣйствительно, занимаетъ этотъ уѣздъ, извѣстный въ геологіи и агрономіи особымъ видомъ чернозема, такъ и называемаго въ наукѣ «Юрьевскимъ». Придатокъ «Польской» (безъ мягкаго знака) вошелъ въ употребленіе съ XVII в., для отличія этого Юрьева отъ двухъ другихъ одноименныхъ городовъ— «Юрьева-Ливонскаго» (Дерптъ) и «Юрьева-Поволжскаго» (нынѣшній г. Юрвецъ, на Волгѣ, Костромской губ.).

Г. Юрьевъ-Польской подревнѣ Москвы (основанъ въ 1152 г.) и былъ «стольнымъ» городомъ Юрьевскаго удѣльнаго княжества въ XIII в., отъ временъ котораго сохранился замѣчательный памятникъ— Георгіевскій каменный соборъ (построенъ въ 1234 г.). Вблизи Юрьева находится мѣсто знаменитой «Липецкой битвы» между удѣльными князьями (1216 г.). Да и многіе пункты уѣзда говорятъ о сѣдой старинѣ и именно русской: достаточно указать на такія древне-русскія названія селеній, какъ— Смердово, Кривдино, Кащеево, Ратислово, Жирославское, Вески («весь»— деревня; д. Вески—родина извѣстнаго археографа Н. В. Калачова) и др., какъ древняя дорога Суромынка (изъ Москвы черезъ Юрьевъ во Владимиръ, предшественница «Владимирки»), «Шемякина дорога» (въ Богдановскомъ лѣсу, около с. Кузьминскаго), и т. п. Слѣды финскихъ аборигеновъ края сохранились только въ именахъ болѣе значительныхъ рѣчекъ— Пешта, Мурмога, Сега, Колокша и др., да очень рѣдкихъ селеній, какъ с. Сима—родина и вотчина извѣстнаго боярина XVI в. Хабары-Симскаго.

Въ этомъ-то древне-русскомъ уголкѣ, къ юго-западу отъ города Юрьева, верстахъ въ 16 отъ него, лежитъ небольшое село Клины, принадлежавшее, какъ говорятъ, къ вотчинѣ бояръ Романовыхъ, Существуетъ преданіе, что избранный на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ проѣзжалъ изъ Костромы въ Москву именно черезъ Клины (маршрутъ возможный: если не ошибаюсь, это село лежитъ на древней «Суромынкѣ») и здѣсь, въ своей вотчинѣ, имѣлъ ночлегъ.

Въ 1682 г. дворцовыя села: Клины, Смердово и Лычево пожалованы въ помѣстье боярынѣ Д. В. Апраксиной, родственницѣ, по женѣ, царя Ѳедора Алексѣевича, а въ прошломъ вѣкѣ принадлежали князьямъ Мещерскимъ; у нихъ имѣніе куплено удѣльнымъ вѣдомствомъ (большіе лѣса), за которымъ состоитъ и по-нынѣ.

Въ Клинской церкви хранится полотняный иконостасъ «походной церкви» одного изъ графовъ Апраксиныхъ (не Федора-ли Матвѣевича, извѣстнаго адмирала—сотрудника Петра Великаго?).

Къ имени же кого-то изъ графовъ Апраксиныхъ народная молва приурочиваетъ участіе въ одномъ таинственномъ кровавомъ событіи, случившемся «болѣе 100 лѣтъ назадъ», неожиданный эпилогъ котораго разыгрался на нашихъ дняхъ...

Правда, одинъ изъ сосѣднихъ священниковъ передавалъ, со словъ своего отца, священствовавшего въ Клинахъ, что одна изъ послѣднихъ владѣлицъ имѣнія—княгиня Мещерская, урожденная Апраксина, увѣряла, что въ ихъ роду «она не знаетъ никакихъ фамильныхъ преданій» о Клинскомъ событіи. Но народные толки упорно связываютъ это событіе съ именемъ какого-то Апраксина, основываясь на разказахъ «отцовъ и дѣдовъ», какъ современниковъ событія.

Кто правъ—судить трудно. Можетъ быть, истина раскроется современемъ, а пока можно только сказать, что въ таинственной исторіи «Клинскихъ мощей», какъ будто, есть доза чего-то историческаго...

III.

Въ началѣ лѣта 1906 г., въ Клинахъ и сосѣднихъ селахъ пошли неожиданные толки о томъ, что въ Клинахъ «открываются мощи», но что-то мѣшаетъ имъ проявиться, а мужики настойчиво «требуютъ открытія» ихъ...

Прежде всего заволновались, конечно, Клинскія бабы, потомъ мужики—и тамошніе, и сосѣдскіе,—и скоро о Клинскомъ «святомъ» и его «мощахъ» заговорила не безъ волненій вся округа. Толки дошли до уѣзднаго города и тамъ пали на самую благодатную почву—на монахинь Юрьевскаго дѣвичьяго монастыря. Послѣднія еще больше раздули славу Клинскаго «святого» и «мученика», увѣряя, что онѣ уже удостоиваются отъ него «чудесныхъ сновъ» и чуть ли не «видѣній», смыслъ которыхъ для нихъ ясенъ: самъ «мученикъ» требуетъ, чтобы его «мощи» перестали пребывать «подъ спудомъ»... «Чудесь» пока еще не было, но за ними не было бы остановки, если бы дѣло наладилось, какъ слѣдуетъ... Словомъ, монашки энергично поддержали мужиковъ и еще болѣе подлили масла въ огонь.

Поводомъ къ возникновенію всѣхъ этихъ толковъ, взволновавшихъ мужика, послужило самое пустое обстоятельство. Какъ-то около Пасхи, когда въ Клинахъ причтъ собирался перевести церковныя службы изъ зимней церкви въ лѣтнюю, каменную, построенную «болѣе 100 лѣтъ назадъ», переходъ оказался невозможнымъ, такъ какъ въ лѣтней церкви, посреди ея, почему-то про-

валился каменный полъ и образовалась значительная яма, шедшая глубоко и направлявшаяся подъ каменный крылосъ. До разслѣдованія этого провала, къ которому причтъ не могъ приступить за праздничнымъ недосугомъ, лѣтнюю церковь заперли и продолжали служить въ зимней.

Конечно, такое нарушеніе стараго обычая—открывать лѣтнюю церковь съ пасхальной службой—не прошло незамѣченнымъ среди мужиковъ. Они тотчасъ дознались о причинѣ, заставили отпереть лѣтнюю церковь, осматривали провалъ, судили-рядили о немъ. Пожалуй, дѣло тѣмъ бы и кончилось, если бы вдругъ Клинскіе старики и старухи не вспомнили о почти забытой ими исторіи, случившейся «болѣе 100 лѣтъ назадъ», т. е. одновременно съ постройкою мѣстной церкви. Эту исторію они слышали «отъ отцовъ и дѣдовъ» своихъ, а теперь вспомнили ее и передали мужикамъ.

А исторія эта гласила слѣдующее. Однажды, тогдашній Клинскій помѣщикъ, графъ Апраксинъ, приказалъ «всѣхъ мужиковъ и бабъ изъ Клиновъ погнать въ Юрьевъ и всѣмъ имъ гулять тамъ цѣлый день»... Приказъ помѣщика былъ строго исполненъ и Клины совсѣмъ опустѣли въ тотъ день. Разумѣется, мужиковъ очень заинтриговала такая небывалая «барская милость» и они, «погулявши» по приказу въ городъ и вернувшись къ вечеру домой, попытались разнюхать отъ дворовой челяди причину барскаго приказа. «Подъ угрозой смерти» графъ «запретилъ» дворовымъ «болтать» о томъ, что происходило въ тотъ день въ Клинахъ, пока мужики «гуляли» въ Юрьевѣ... Несмотря на такой запретъ, все-таки мужикамъ удалось тогда же кое-что разнюхать отъ родныхъ въ барской дворнѣ.

Именно, мужики дознались, что въ то время, какъ они были въ Юрьевѣ, въ графскую усадьбу въ Клинахъ «привезли невѣдомо откуда и неизвѣстно какого покойника, зашитаго въ воловью шкуру (по другой версіи—«въ лошадиную») и похоронили его» въ такомъ именно необычномъ видѣ, т. е. безъ гроба, гдѣ-то на усадьбѣ, а позже надъ могилою этого покойника построена была лѣтняя каменная церковь, во имя св. Владимира, тѣмъ же графомъ Апраксинымъ...

Больше ничего тогда не могли узнать Клинцы, но страшно заинтересовались этимъ таинственнымъ погребеніемъ, продолжая и дальше о немъ розыскивать. Дѣйствительно, кое-что имъ удалось узнать съ теченіемъ времени, когда смертный запретъ графа Апраксина ослабѣлъ, самъ грозный помѣщикъ уѣхалъ изъ Клиновъ, а затѣмъ и умеръ.

Такъ какъ лѣтняя церковь, построенная графомъ Апраксинымъ на мѣстѣ погребенія таинственнаго покойника, освящена во имя св. Владимира, то Клинцы стали увѣрять, можетъ быть, имѣя на то и болѣе вѣскія основанія, что покойникъ носилъ имя Влади-

мира, а дальше почему-то узнали, что это былъ князь, носившій фамилію Черниговскаго (не Черниговскаго, а съ удареніемъ на третьемъ слогѣ)...

Этотъ-то «князь Владимиръ Черниговскій» и «былъ замученъ» по приказу графа Апраксина и таинственно погребенъ въ Клинахъ, нарочито «зашитый въ воловью шкуру, чтобы отъ мощей его не было чудесъ», такъ какъ-де эта шкура обладаетъ свойствомъ «не пропускать благодати»...

И вотъ теперъ, лѣтомъ 1906 г., въ разгаръ «россійской революціи», Клинскіе мужики захлпотали о томъ, чтобы розыскать эти «мощи князя Владимира Черниговскаго» и «ослобонить ихъ изъ воловѣй шкуры» для полного дѣйствія «благодати»... Что именно за симъ воспослѣдуетъ—мужики не могли точно формулировать, или, вѣрнѣе, что-то таили на этотъ счетъ въ тайникахъ своихъ душъ, но какъ будто связывали какими-то непонятными путями эту будущую «благодать отъ мощей» съ благополучнымъ разрѣшеніемъ для нихъ вопроса о «прирѣзкѣ даровой землицы» и т. п. благахъ... Дѣло для мужика было самое кровное, о которомъ стоило похлопотать...

Нѣкоторые деревенскіе грамотѣи, чтобы придать бѣльшую цѣнность ожидаемымъ «мощамъ», додумались до удивительнаго открытія, будто въ Клинахъ «проявляются мощи равноапостольнаго кн. Владимира», просвѣтителя Руси!.. Велико было ихъ разочарованіе, когда они узнали, что мощи (кости и черепъ) этого святого давнымъ давно открыты и покоятся въ Кіевѣ (въ Лаврѣ и Десятинной церкви).

Не знаютъ Клинскіе грамотѣи, что былъ на Руси другой кн. Владимиръ—и именно Черниговскій—Владимиръ Мономахъ, а то и его не затруднились бы они сопричислить къ лику святыхъ и стали бы «открывать» его «мощи».

IV.

Болѣе основательные Клинскіе мужики, слѣдуя легендѣ, розыскали «князя Владимира Черниговскаго» поближе около себя...

Въ небольшомъ разстояніи отъ с. Клины, частью на крестьянскихъ поляхъ этого же села, а частью подъ лѣсомъ сосѣдняго землевладѣльца (въ с. Кузьминскомъ), лежитъ на рѣкѣ Сегѣ урочище, носящее имя—Черниги, или Черняги. Извѣстно документально, что на этомъ урочищѣ было село того же имени, съ церковью и усадьбой помѣщика. Еще недавно были замѣтны остатки каменныхъ фундаментовъ этой церкви и усадьбы, которые потомъ были разобраны сосѣдними крестьянами. Въ церквахъ ближайшихъ селъ—Клиновъ и Кузьминскаго—находятся иконы, книги и нѣкоторыя вещи бывшей церкви въ с. Черняги.

Это село, по преданію, сгорѣло до тла съ церковью и усадьбою, «лѣтъ 100 назадъ» (по другой версіи—«лѣтъ 150 назадъ»), а крестьяне его были «разобраны» сосѣдними помѣщиками, въ томъ числѣ и гр. Апраксинымъ, и переселены въ ближайшія села и деревни.

Въ этомъ-то с. Черняги, какъ говоритъ народная легенда о Клинскихъ «мощахъ», была усадьба именно «князя Владимира Черниговскаго», ближайшаго сосѣда гр. Апраксина въ Клинахъ. Между сосѣдами произошли-де какіе-то нелады, сильно обострившіеся и кончившіеся тѣмъ, что «князя Владимира» схватили, по приказу графа и при участіи другихъ сосѣдей-помѣщиковъ, «замучили» его, «зашили въ воловью шкуру» и похоронили въ Клинской усадьбѣ «подъ сторожкой». Тогда-то мужиковъ изъ с. Черняги «разобрали» сосѣдніе помѣщики, а самое село, съ церковью и усадьбою, сожгли до тла.

Такъ говоритъ народное преданіе, теперь всплывшее наверхъ и подтверждаемое несомнѣннымъ фактомъ существованія и исчезновенія с. Черняги. И въ разсказѣ легенды объ обстоятельствахъ убійства помѣщика этого села также нѣтъ ничего невѣроятнаго, если вспомнимъ разныхъ «самоуправцевъ» XVIII в., среди которыхъ немудрено было очутиться и одному изъ гр. Апраксиныхъ, представителю сановитой, богатой и вліятельной фамилии. Въ тогдашней глуши Юрьево-Польскаго уѣзда могучій графъ могъ продѣлывать невѣроятныя вещи, особенно надъ какимъ-то ничтожнымъ, но непокорнымъ сосѣдомъ-помѣщикомъ, «Владимиромъ Черняговскимъ»... Послѣдній могъ пасть жертвою дикаго произвола вельможнаго самоправца, вслѣдствіе какихъ либо личныхъ, или семейныхъ столкновеній на почвѣ близкаго сосѣдства.

Изъ народнаго преданія слѣдуетъ рѣшительно выбросить княжескій титулъ помѣщика с. Черняговъ. Думается, что онъ пристегнутъ совершенно случайно и единственно потому, что мужики знаютъ, что лѣтняя церковь въ Клинахъ освящена во имя «святого князя Владимира» и привыкли часто слышать на церковныхъ службахъ такое титулованіе этого святаго.

Если же отбросимъ княжескій титулъ, то останется вполне естественнымъ предположеніе, что помѣщикомъ с. Черняги могъ быть «Владимиръ Черняговскій», или, вѣроятнѣе — Черняховскій. Послѣдняя фамилія и теперь существуетъ въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Польшѣ. А Юрьево-Польскій уѣздъ съ давнихъ поръ имѣлъ случайныя связи съ этими окраинами: еще въ XV в. Юрьевъ находился «въ кормленіи» у выходца изъ Литвы, кн. Свидригайла Ольгердовича, явившагося сюда съ большою свитою; въ великое смутное время начала XVII в. въ сосѣднемъ Суздальѣ стоялъ польскій отрядъ Лисовскаго, дѣлая набѣги и на Юрьевскій уѣздъ. Выходцы изъ Западной Россіи могли и тогда, и позже осѣсть въ

Юрьевскомъ уѣздѣ, гдѣ и теперъ есть русскіе дворяне-землевладельцы съ польскими фамиліями (Красинскіе, Корицкіе и др.).

Такимъ же выходцемъ могъ быть и «панъ» Черняховскій, одинъ изъ помѣщиковъ котораго—помѣщикъ с. Черняги (Чернях?) былъ «замученъ» гр. Апраксинымъ и похороненъ въ с. Клины. И теперъ, въ началѣ XX вѣка, мстителями за невинно убіеннаго являются Клинскіе мужики, хлопочущіе о признаніи остатковъ ««того Владимира Черняховскаго» за новоявленные «мощи»...

Легенда, ходящая въ Клинахъ и окрестностяхъ, увѣряетъ, что первое «проявленіе» этихъ «мощей» было давнымъ-давно, еще при томъ же гр. Апраксинѣ, который «замучилъ» Владимира Черняховскаго. Дѣло было такъ, по словамъ легенды.

Долго спустя послѣ убійства, какіе-то плотники что-то работали въ Клинской усадьбѣ и были помѣщены въ той самой «сторожкѣ», подъ поломъ которой былъ схороненъ «Владимиръ». Одному плотнику двѣ noci подрядъ было «сонное видѣніе» — являлся этотъ Владимиръ и требовалъ, чтобы плотники вскрыли его могилу. Послѣ перваго «видѣнія» плотникъ промолчалъ, но послѣ втораго сказалъ товарищамъ и тѣ согласились приняться за дѣло.

Подняли полъ, вскопали землю и скоро нашли покойника, «зашиятаго въ воловью шкуру». Они раскрыли шкуру и нашли тѣло «нетлѣннымъ», съ какимъ-то «рукописаніемъ» въ рукахъ. Плотники взяли это «рукописаніе» и, какъ люди неграмотные, понесли показать его къ графскому управляющему. Но, когда они шли по двору съ «рукописаніемъ», послѣднее вдругъ «исчезло» у нихъ... Вернулись они въ сторожку, къ покойнику, и видятъ— «рукописаніе» снова у него въ рукахъ... Перепуганные плотники бросились къ управляющему и все ему рассказали, а тотъ графу. Послѣдній велѣлъ ночью перенести тѣло «въ оранжерею» и «молчать» о томъ.

Въ ближайшій же воскресный день, въ началѣ іюня, когда въ Юрьевѣ происходила ярмарка съ крестнымъ ходомъ, «вся Клинская вотчина» была послана «гулять» въ городъ (см. выше), а въ это время «графъ съ управляющимъ» и ближайшей дворней похоронили «Владимира Черниговскаго» на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ графъ построилъ лѣтнюю каменную церковь.

Вотъ все, что знаетъ народная легенда о Клинскихъ «мощахъ князя Владимира Черниговскаго». Остается рассказать, какъ лѣтомъ 1906 г. пытались мужики добыть эти «мощи»...

V.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что мѣстное духовенство въ этой исторіи оказалось вполнѣ на высотѣ своего положенія. Оно не только не раздувало ее, но всячески старалось затушить не-

лѣпое броженіе среди мужиковъ и принимало, въ лицѣ Клинскаго священника и мѣстнаго благочиннаго, настолько энергичныя мѣры противъ самовольнаго «открытія мощей», что мужики чуть не въ глаза бранили того и другого, говоря имъ:

— Супротивники вы!.. Не хотите, чтобы у насъ была своя святость...

Но «супротивники» мужицкаго каприза твердо стояли на своихъ законныхъ и разумныхъ мѣрахъ, не обращая вниманіе ни на брань, ни даже на угрозы расходившихся мужиковъ.

Волненіе послѣднихъ значительно усилилось послѣ такого случая. Какъ-то, въ праздничный день, явилась въ Клинскую церковь какая-то «70-ти-лѣтняя дѣвица», мѣстная уроженка, но теперь проживающая въ Юрьевѣ, и стала указывать «точное мѣсто погребенія князя Владимира Черниговскаго», основываясь на разсказахъ своей покойной матери, бывшей «дворовой» у гр. Апраксиныхъ. «Дѣвица» явилась со свѣчами, просфорами и проч., и потребовала, чтобы священникъ отслужилъ панихиду «по князю Владимірѣ». Но и священникъ, и случившійся тутъ же о. благочинный рѣшительно отказали дѣвицѣ, къ огорченію и ея, и мужиковъ...

Послѣдніе рѣшили было тотчасъ же приступить къ раскопкамъ, пользуясь «точными» показаніями «дѣвицы». Но благочинный, несмотря на «великій шумъ» мужиковъ въ церкви, энергично воспротивился тому, говоря, что, безъ разрѣшенія архіерея, не можетъ допустить никакихъ раскопокъ въ церкви, опасаясь за ея цѣлость. Мужики много галдѣли, шумѣли, бранились, но выпуждены были уступить и стали ждать архіерейскаго разрѣшенія.

Благочинный распорядился засыпать и подровнять провалившійся посреди церкви полъ, а яму, идущую подъ крылосъ, велѣлъ прикрыть каменной плитой. Церковь заперли, такъ какъ были серьезныя опасенія—не рухнулъ бы тяжелый каменный крылосъ, подъ который глубоко направлялась образовавшаяся яма. И именно на этотъ пунктъ указывала вышеупомянутая «дѣвица», какъ на «точно» ей извѣстное мѣсто погребенія «кн. Владимира».

Обо всемъ о. благочинный донесъ архіерею, отъ котораго, кажется, въ іюнѣ получилъ разрѣшеніе произвести предварительныя раскопки въ Клинской церкви, чтобы убѣдиться въ прочности ея стѣнъ и фундаментовъ.

Узнали объ этомъ Клинскіе мужики и всѣмъ міромъ явились на добровольную и даровую работу въ церкви. Работали горячо, рьяно, не покладая рукъ. Особеннымъ жаромъ въ работѣ отличался одинъ «слабоумный» мужикъ: онъ неистово рылся день и ночь, не отдыхая ни минуты, словно подгоняемый кѣмъ...

Взрыли все подполье, завалили всю церковь землею, докопались уже до стѣнъ и фундаментовъ, а «мощей» нѣтъ и нѣтъ!..

Однако, находки были, но мужики не придали имъ никакого значенія, хотя, быть можетъ, въ этихъ-то находкахъ и лежитъ разрѣшеніе народной легенды о «Владимирѣ Черниговскомъ».

А нашли вотъ что: двѣ истлѣвшія деревянныя «колоды» т. е. два выдолбленныхъ гроба, какіе употреблялись въ старину и сейчасъ въ ходу у старообрядцевъ, а мѣстами и у православныхъ, придерживающихся старинки.

Въ «колодахъ» были остатки костей, а въ одной изъ нихъ, кромѣ того, полуистлѣвшіе обрывки нѣкоторыхъ принадлежностей женскаго костюма, именно — «чепца» (кокошника), «пояса» и еще какія-то тряпки.

Только-то всего и нашли, но находка, по-моему, весьма значительная, какъ вносящая новый и фактическій матеріалъ въ легенду о Клинскихъ «мощахъ»...

Не забыла-ли народная легенда одного существеннаго обстоятельства, именно, что въ Клинской исторіи была не одна жертва—не одинъ «Владимиръ», а двѣ жертвы—«онъ» и «она»?

И невольно рисуется такая канва для цѣлаго историческаго романа, по началу очень шаблонная, но въ концѣ далеко не урядная.

Небогатый помѣщикъ села Черняговъ, захудалый «недоросль», но видный, красивый, молодой человѣкъ, любитъ и любимъ мѣстной красавицей—не изъ дворянокъ («100 лѣтъ назадъ» дворянки и въ такой глуши не носили уже «чепцовъ» - кокошниковъ), а изъ крестьянокъ, или горожанокъ, или же поповенъ... Въ той же глуши появляется, противъ своей воли, «Питерской слѣтокъ» и пожившій «петиметръ»—блестательный графъ, который отъ скуки влюбляется въ ту же красавицу, подружку сосѣда-недоросля, но встрѣчаетъ отпоръ и, въ отместку, придумываетъ обоимъ жестокую казнь... Графъ заманиваетъ ихъ къ себѣ, убиваетъ, «зашиваетъ въ воловью шкуру» и хоронитъ подъ «сторожкой», а усадьбу счастливаго соперника и село его сожигаетъ до тла... Все сошло съ рукъ сильному графу, но проходятъ годы, совѣсть заговорила въ немъ и онъ кается: достаетъ остатки своихъ жертвъ, освобождаетъ ихъ изъ «воловей шкуры», кладетъ ихъ отдѣльно «въ двѣ колоды» и, честь-честью, хоронитъ подлѣ старой церкви, а затѣмъ строитъ надъ ихъ могилами новую каменную церковь, во имя ангела убиеннаго имъ сосѣда—св. Владимира...

Эпилогъ романа черезъ 100 лѣтъ: картина, какъ мужики, въ разгаръ «великой россійской революціи», разыскивали «мощи» убиеннаго Владимира Черняховскаго...

Возвращаюсь, однако, къ этимъ мужикамъ и ихъ поискамъ.

Не обративши серьезнаго вниманія на найденныя «колоды», одна изъ которыхъ должна заключать останки искомаго «князя Владимира Черниговскаго», мужики усердно продолжали рыться

дальше и, наконецъ, дорылись до того, что стали подкапываться подъ стѣны и фундаменты церкви... Работа становилась крайне опасною и для мужиковъ, и для цѣлости церкви. Съ невѣроятными усиліями удалось о. благочинному уговорить расходившихся мужиковъ, чтобы они прекратили свою нелѣпую работу...

Мужики бросили раскопки и, какъ-то сразу, потомъ успокоились... «Мощи не дались имъ—«уилли» отъ нихъ... Что-жь! Божья воля!.. Знать не пришло еще время открываться мощамъ»... толковали мужики, «а придетъ оно—мощи и сами проявятся»...

И, когда въ концѣ іюля пришелъ архіерейскій приказъ «засыпать» провалъ подъ Клинскою церковью, и онъ былъ засыпанъ, мужики даже не шелохнулись, такъ какъ дѣло это было уже для нихъ «не касающимъ»... Нельзя, однако, ручаться, чтобы въ будущемъ снова не выплылъ у мужиковъ на свѣтъ вопросъ о Клинскиххъ «мощахъ»...

Н. Н. Оглоблинъ.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Изъ цензурныхъ нравовъ прошлаго вѣка).

ЕВРАЛЯ 15-го 1852 г. умеръ Гоголь. Это событіе произвело огромное впечатлѣніе въ кружкѣ русскихъ писателей. Давно носились слухи, что съ Гоголемъ что-то неладно, но никто не подозрѣвалъ, что развязка такъ близка. Въ это время въ Петербургѣ проживалъ И. Тургеневъ. Для него извѣстіе о смерти Гоголя было такой же неожиданностью. «Я находился на одномъ утреннемъ засѣданіи вскорѣ потомъ погибшаго общества посѣщенія бѣдныхъ, въ залѣ дворянскаго собранія,—разсказывалъ онъ впоследствии,—и вдругъ замѣтилъ И. И. Панаева ¹⁾, который съ судорожною поспѣшностью перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, очевидно, сообщая каждому изъ нихъ неожиданное и невеселое извѣстіе, ибо у каждого лицо выражало тотчасъ удивленіе и печаль. Панаевъ, наконецъ, подбѣжалъ и ко мнѣ и, съ легкой улыбочкой, равнодушнымъ тономъ, промолвивъ: «А ты знаешь, Гоголь померъ въ Москвѣ. Какъ же, какъ же.. Всѣ бумаги сжегъ, да и померъ» — помчался далѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, какъ литераторъ, Панаевъ внутренно скорбѣлъ о подобной уtratѣ — притомъ же и сердце онъ имѣлъ доброе — но удовольствіе быть первымъ человѣкомъ, сообщающимъ другому огорошивающую но-

¹⁾ Извѣстный писатель 1840-хъ годовъ, авторъ въ свое время популярныхъ романовъ «Львы въ провинціи», «Хлыщи» и др.

вость (равнодушный тонъ употреблялся для бѣльшого форсу)—этс удовольствіе, эта радость заглушала въ немъ всякое другое чувство»¹⁾. Тогда же явилась Тургеневу мысль написать свое знаменитое письмо, начинавшееся словами: «Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова?» и т. д.²⁾ Но въ Петербургѣ ему не посчастливилось. Статья, предназначенная для «Петербургскихъ Вѣдомостей», была сначала отослана въ цензурный комитетъ, гдѣ въ это время главенствовалъ попечитель Петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ³⁾. Дабы впоследствии болѣе не возвращаться къ этому лицу, опредѣлимъ за разъ его участіе въ этомъ дѣлѣ. Тургеневъ говоритъ о Мусинѣ-Пушкинѣ дважды. Въ первый разъ онъ касается его въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» и просто-на-просто обзываетъ его лгуномъ: «Мусинъ-Пушкинъ представилъ—изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ—все дѣло, какъ явное неповиновеніе съ моей стороны; онъ не поколебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе цензурнаго комитета печатать мою статью, а я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ»⁴⁾. Во второй разъ, онъ характеризуетъ его отношеніе къ Гоголю. Это заключено въ письмѣ къ И. С. Аксакову: «Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго здѣсь его смертью да будетъ вамъ достаточно знать, что попечитель здѣшняго университета, г. Мусинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ. Это случилась на-дняхъ по поводу нѣсколькихъ словъ, написанныхъ для «Петербургскихъ Вѣдомостей» о смерти Гоголя. Г. Мусинъ-Пушкинъ не могъ довольно надивиться дерзости людей, жалѣющихъ о Гоголѣ. Честному человѣку не стоитъ тратить на это своего честнаго негодованія. Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь,—на здоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя»⁵⁾. Самъ Мусинъ-Пушкинъ нѣсколько иначе объяснялъ свой поступокъ, хотя мотивы его, даже для Николаевского времени, представляются на рѣдкость произвольными. «Мнѣ казалось неумѣстнымъ,—отвѣчалъ онъ на запросъ графа Орлова,—писать о Гоголѣ въ такихъ пышныхъ выраженіяхъ, едва ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина, или нѣкоторыхъ

¹⁾ Сочиненія, изд. 4-е, т. X, 73.

²⁾ Тамъ же, 73—75.

³⁾ Мих. Никол. (1795—1862 гг.), извѣстенъ особеннымъ покровительствомъ восточнымъ языкамъ.

⁴⁾ Сочиненія, т. X, 76.

⁵⁾ Выписка изъ письма И. С. Тургенева И. С. Аксакову отъ 3 марта 1852 г. (изъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ ген.-ад. гр. Орловымъ. Архивъ деп. гос. полиціи, I экзп., № 92).

другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей и представить смерть Гоголя, какъ незамѣнимую потерю, а не раздѣляющихъ это мнѣніе—легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно представлять, какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія»¹⁾. —Такъ или иначе, но, потерпѣвъ неудачу въ С.-Петербургѣ, Тургеневъ обратился въ Москву: тамъ у него были старые пріатели: В. П. Боткинъ²⁾ и Е. М. Θεоктистовъ³⁾. Представляется страннымъ, почему онъ скрылъ отъ нихъ постановленіе Петербургской цензуры. Быть можетъ, онъ не зналъ его въ окончательной формѣ? Это отчасти вытекаетъ изъ его разсказа въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ». Отдавъ статью въ «Петербургскія Вѣдомости», Тургеневъ нѣсколько дней тщетно прождалъ ея появленія. Встрѣтившись затѣмъ съ издателемъ, онъ спросилъ его, что бы это значило? «Видите, какая погода, — отвѣчалъ онъ мнѣ иносказательно: — и думать нечего». — «Да вѣдь статья самая невинная», — замѣтилъ я. — «Невинная-ли, нѣтъ-ли», возразилъ издатель, — дѣло не въ томъ; вообще, имя Гоголя не велѣно упоминать. Закревскій на похоронахъ въ Андреевской лентѣ присутствовалъ: этого переварить не могутъ». Вскорѣ потомъ я получилъ отъ одного пріателя изъ Москвы письмо, наполненное упреками: «Какъ! — восклицалъ онъ: — Гоголь умеръ, и хоть бы одинъ журналъ у васъ въ Петербургѣ отозвался! Это молчаніе постыдно!» — Въ отвѣтъ моемъ я объяснилъ... причину этого молчанія и, въ доказательство, какъ документъ, приложилъ мою запрещенную статью»⁴⁾... Такъ разсказывалъ Тургеневъ, много лѣтъ спустя, вспоминая пережитыя волненія. Онъ совершенно забылъ, что въ цитируемомъ письмѣ онъ ни словомъ не обмолвился о причинахъ своего молчанія, а тѣмъ болѣе не сказалъ, что посланная статья была запрещенной. Судите сами. «Вы не можете себѣ представить, друзья мои, — пишетъ онъ Θεоктистову, — какъ я вамъ благодаренъ за сообщеніе подробностей о смерти Гоголя. Я уже писалъ объ этомъ Боткину. Я перечитываю каждую строку съ какой-то мучительной жадностью и ужасомъ. Я чувствую, что въ этой смерти этого человѣка⁵⁾, кроется болѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда и мнѣ хочется проникнуть въ эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко по-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Извѣстный писатель 1840-хъ годовъ, авторъ «Писемъ объ Испаніи». Пользовался огромной популярностью въ литературныхъ кругахъ, какъ отлично образованный человѣкъ и знатокъ искусства.

³⁾ Впослѣдствіи редакторъ журнала министерства народнаго просвѣщенія и начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ послѣдней должности Ѳ., какъ извѣстно, не отличался либеральными взглядами.

⁴⁾ Сочиненія, изд. 4-е, т. X, 75 и 76. Курсивъ мой. Н. Д.

⁵⁾ Курсивъ подлинника.

разило, такъ глубоко, что я не помню подобнаго впечатлѣнія. Притомъ, я былъ подготовленъ другими обстоятельствами, которыя вы, вѣроятно, скоро узнаете, если уже не узнали. Тяжело, Ѳооктистовъ, тяжело, мрачно и душно... Мнѣ, право, кажется, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ моей головой,—и я иду на дно, застывая и нѣмѣя. Но объ этомъ когда-нибудь, при личномъ свиданіи... А оно будетъ довольно скоро, если ничего не случится. Около 10 апрѣля я—въ Москвѣ, на Ѳоминой недѣлѣ. Вы мнѣ пишете о статьѣ, которую я долженъ написать въ «Современникъ»,—не знаю, удастся ли мнѣ? Въ этомъ случаѣ нельзя сѣсть и писать, не обдумавши,—надо попасть въ тонъ, а уже думать о необходимости попадать въ тонъ, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и жестоко. Я радъ, что его хоронили въ университетской церкви и, дѣйствительно, нахожу васъ всеѣхъ счастливыми, что удостоились нести его гробъ. Это будетъ одно изъ воспоминаній вашей жизни. Что вамъ сказать о впечатлѣніи, произведенномъ его смертью здѣсь? Все говорятъ о ней, но какъ-то вскользь и холодно. Однако, есть люди, которыхъ она глубоко огорчила. Другіе интересы тутъ все поглощаютъ и подавляютъ. Вы мнѣ говорите о поведеніи друзей Гоголя. Воображаю себѣ, сколько дрянныхъ самолюбій стануть взбираться на его могилу и примутся кричать пѣтухами и вытягивать свои головки—посмотрите, дескать, на насъ, люди честные, какъ мы отлично горюемъ и какъ мы умны и чувствительны. Богъ съ ними!.. Когда молнія разбиваетъ дубъ, кто думаетъ о томъ, что на его пнѣ вырастутъ грибы—намъ жаль его силы, его тѣни... Я послалъ Боткину стихи, внушенные Некрасову вѣстью о смерти Гоголя¹⁾; подъ впечатлѣніемъ ихъ нашелъ я нѣсколько словъ для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя посылаю вамъ при семъ письмѣ, въ неизвѣстности, пропуститъ ли ихъ и не исказитъ ли ихъ цензура?²⁾ Я не знаю, какъ онѣ вышли, но я плакалъ навзрыдъ, когда писалъ ихъ. Прощайте, мой добрый Евгений Михайловичъ! Скоро напишу вамъ опять. Жду отъ васъ и отъ Боткина все подробности, которыя вы только услышите. Жму вамъ дружески руку—вашу и графини³⁾—и остаюсь преданный вамъ Иванъ Тургеневъ. P. S. Кажется, нечего и говорить, что подъ статьей о Гоголѣ не будетъ выставлено моего имени. Это было бы безстыдствомъ и почти святотатствомъ. Вы жалуетесь, что я вамъ не пишу; я въ пятницу послалъ вамъ письмо⁴⁾.

¹⁾ Стихотвореніе «Блаженъ незлобивый поэтъ», появилось впервые въ «Современникѣ» 1852 г. № 3, стр. 147.

²⁾ Курсивъ мой. Н. Д.

³⁾ Графиня Салиасъ; у ея дѣтей Ѳ. былъ гувернеромъ.

⁴⁾ Письмо собственноручное, отъ 26 февраля 1852 г. (Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 экспед., № 92).

Гдѣ же здѣсь указаніе на Петербургскую исторію? О ней Тургеневъ даже не упоминаетъ. Любопытно, что, пока письмо къ Θεоктистову шло въ Москву и друзья «пристраивали» статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Петербургскія власти какимъ-то образомъ узнали о хлопотахъ Тургенева. Послѣдствіемъ сего была секретная бумага гр. Орлова Московскому генераль-губернатору гр. Закревскому: «М. г., графъ Арсеній Андреевичъ! До свѣдѣнія моего дошло, что здѣшній литераторъ Тургеневъ написалъ статью о Гоголѣ, которая г. председателемъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета къ печатанію воспрещена, и старается о помѣщеніи сей статьи безъ подписи его имени въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Считаю долгомъ предупредить о семъ ваше сіятельство, имѣю честь увѣрить васъ, м. г., въ истинномъ уваженіи и совершенной преданности»¹⁾. Но было уже поздно. Статья Тургенева появилась въ «Вѣдомостяхъ» за два дня до отсылки запроса, т. е. 13 марта. Графъ Закревскій могъ это только удостовѣрить. Обоюдное начальство начало дѣло. Прежде всего, спросили Закревскаго, «съ какой стороны» извѣстны ему В. П. Воткинъ и «нѣкто» Θεоктистовъ, по имѣющимся у Орлова свѣдѣніямъ, «содѣйствовавшіе» Тургеневу въ напечатаніи его статьи о Гоголѣ—«Какого званія они и ежели состоятъ на службѣ, то гдѣ именно?» Закревскій не сразу удовлетворилъ любопытство Петербургской канцеляріи. (Начала онъ послалъ въ Петербургъ подлинное письмо къ нему генераль-адъютанта Назимова (почетеля Московскаго учебнаго округа), которое заканчивалось слѣдующими словами: «Прилагая при семъ подлинную выписку изъ напечатаннаго въ № 32 «Моск. Вѣдомостей» письма Тургенева по случаю смерти Гоголя, честь имѣю доложить вашему сіятельству, что это письмо было предварительно подвергнуто цензурному разсмотрѣнію и напечатано вслѣдствіе одобренія цензора, который не нашелъ въ немъ ничего противнаго цензурнымъ постановленіямъ. Ни Московскій цензурный комитетъ, ни редація «Моск. Вѣдомостей» не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что означенное письмо не было допущено къ напечатанію въ С.-Петербургѣ и если председатель цензурнаго комитета имѣлъ какія-либо особыя причины воспрепятствовать обнародованію онаго, то нельзя не пожалѣть, что онъ немедленно не принялъ надлежащихъ мѣръ для сообщенія о томъ всѣмъ прочимъ цензурнымъ комитетамъ»²⁾). Затѣмъ, 5 апрѣля, Закревскій сообщилъ Орлову извѣстное ему о Воткинѣ и Θεоктистовѣ. По его свѣдѣніямъ, «Воткинъ имѣетъ званіе почетнаго гражданина и хотя принадлежитъ къ купеческому сословію, но торговли не производитъ, занимается литературой и зна-

¹⁾ Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 экспед., № 92.

²⁾ Тамъ же.

комство ведетъ съ иностранцами, учеными людьми и профессорами. Во время жительства въ Москвѣ извѣстнаго Бакунина¹⁾, впоследствии находившагося за границей, Боткинъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и, какъ говорятъ, даже помогалъ ему деньгами. Ведетъ онъ себя довольно скромно, но образа мыслей свободного и потому находится у меня подъ секретнымъ наблюдениемъ. Женатъ съ 1842 г. на модисткѣ, французенкѣ, съ которой теперь не живетъ, вслѣдствіе происшедшей между ними ссоры. Съ Тургеневымъ состоитъ въ тѣсной дружбѣ. — Евгений Михайловъ Теокистовъ выпущенъ въ 1851 г. изъ здѣшняго университета кандидатомъ юридическаго факультета, состоянія не имѣетъ, на службѣ нигдѣ не находится, а живетъ гувернеромъ въ домѣ графини Салиасъ и поддерживаетъ знакомство съ прогрессистами и литераторами. Съ Тургеневымъ онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ и потому вмѣстѣ съ Боткинымъ хлопоталъ о напечатаніи статьи о Гоголѣ²⁾. Графъ Орловъ былъ въ затрудненіи. Съ одной стороны, мнѣнія цензоровъ расходились и, при всемъ желаніи угодить Мусину-Пушкину, онъ, по справедливости, не могъ стать на его точку зрѣнія и признать ее безпристрастной. Съ другой стороны, его опытный глазъ администратора не усматривалъ въ дѣлѣ уголовщины. Да, Тургеневъ поступилъ легкомысленно, въ крайнемъ случаѣ—безтактно, но вѣдь подобныя поступки не караются ссылкой. Еще менѣ виноваты Боткинъ и Теокистовъ, не знавшіе подкладки дѣла. Такими соображеніями, по моему мнѣнію, объясняется чрезвычайно гуманное отношеніе шефа жандармовъ къ Тургеневу при направленіи его дѣла. Всеподданнѣйшій докладъ былъ составленъ въ томъ смыслѣ, что Тургенева, человека «нылкаго и предпримчиваго», слѣдуетъ пригласить въ III отдѣленіе (Боткина и Теокистова—къ Московскому генералъ-губернатору) и, сдѣлавъ имъ «строжайшее внушеніе», предупредить ихъ, что «правительство обратило на нихъ особенно-бдительное вниманіе», и «учредить за ними надзоръ полиціи». Но и въ этомъ видѣ докладъ былъ признанъ строгимъ и приказано составить другой, «помягче». Однако, когда дѣло пошло къ государю, Николай Павловичъ взглянулъ на него иначе. «Полагаю, этого мало,—написалъ онъ карандашемъ,—а за явное ослушаніе посадить его подъ арестъ, а съ другими предоставить гр. Закревскому распорядиться по мѣрѣ ихъ вины». Это распоряженіе было сообщено гр. Перовскому

¹⁾ Мих. Александр. Бакунинъ (1824—1875), русскій писатель-эмигрантъ, другъ Герцена.

²⁾ Архивъ департ. госуд. полиціи, I экзепд., дѣло № 92. Любопытная подробность: Тургенева при допросѣ спрашивали, какъ приходится ему Николай и Александръ Тургенева, на что И. С. отвѣчалъ, что «онъ въ родствѣ съ ними не состоитъ, а если они и приходится ему «дальними родственниками», то «не можетъ опредѣлить степень родства».

(министру внутреннихъ дѣлъ) и графу Закревскому. Свой арестъ на «сѣзжей» Тургеневъ отбылъ довольно хорошо и удобно. По словамъ его біографа¹⁾, судьба послала ему, въ качествѣ «спасительницъ», двухъ дочерей надзираваго за нимъ частнаго пристава. «Эти дѣвицы оказались почитательницами таланта Тургенева и, узнавъ, что этотъ интересный писатель сидитъ въ части, обрадовались случаю лично съ нимъ познакомиться и упростили своего отца дать ему пріютъ въ ихъ квартирѣ». Здѣсь, будто бы, Тургеневъ и прожилъ «двѣ-три недѣли». Последнее обстоятельство едва-ли вѣрно, такъ какъ противорѣчитъ бумагѣ, посланной генераломъ Дубельтомъ²⁾ наслѣднику цесаревичу, въ то время главнокомандующему гвардіей и С.-Петербургскимъ военнымъ округомъ. «Имѣю счастье донести вашему императорскому высочеству, что къ Тургеневу допускались посѣтители, но не иначе какъ съ разрѣшенія оберъ-полицеймейстера, на основаніи общихъ правилъ о содержащихся подъ арестомъ; самъ же Тургеневъ изъ мѣста его заключенія никуда не отпускается. Посѣтителей болѣе къ нему допускать не будутъ»³⁾. Съ другой стороны, въ дѣлѣ имѣется увѣдомленіе С.-Петербургскаго генераль-губернатора (на имя того же Дубельта), что «проживавшій въ С.-Петербургѣ помѣщикъ Орловской губерніи, Иванъ Тургеневъ выдержанъ одинъ мѣсяць подъ арестомъ и высланъ 18 мая на родину его»⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, это не помѣшало нашему писателю провести время достаточно пріятно и, пользуясь досугомъ, даже написать свою знаменитую «Муму». Гораздо тяжелѣе показалась ему ссылка въ деревню. Уже въ декабрѣ того же 1852 года встрѣчаемъ мы официальный запросъ министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанта Бибикова, препровождающаго прошеніе Тургенева и спрашивающаго о немъ заключеніе начальника III отдѣленія. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Послѣ раздѣла съ роднымъ братомъ (Нико-

1) Сочиненія, изд. 4-е, т. I, XXXI.

2) Леонтія Васильевичъ, управляющій III отд. соб. его величества канцеляріи и членъ главнаго управленія цензуры. См. о немъ «Ист. Вѣстн.» 1887, 10: «Рус. Стар.» 1872 г., №. 2.

3) Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 эксп., дѣло № 92. По общимъ отзывамъ, заключеніе съ Тургеневымъ не произвело въ тогдшнемъ Петербургскомъ свѣтѣ особеннаго впечатлѣнія. Въ то время Петербургское общество «относилось, въ своей массѣ, съ ползѣйшимъ равнодушіемъ къ русской литературѣ, вообще». Характернымъ образчикомъ такого отношенія можетъ служить примѣръ, рассказанный самимъ Тургеневымъ въ его сочиненіяхъ: «Одна очень высокопоставленная дама въ Петербургѣ находила, что наказаніе, которому я подвергся за эту статью, было незаслуженно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ строго, жестоко... словомъ, она горячо заступалась за меня. «Но вѣдь вы не знаете,—доложилъ ей кто-то,—онъ въ своей статьѣ называетъ Гоголя великимъ человекомъ!»—«Не можетъ быть!»—«Увѣряю васъ»—«А! въ такомъ случаѣ, я ничего не говорю: je regrette, mais je comprends qu'on ait dû sévir». (Сочин., X т., 75).

4) Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 экспед., № 92.

лаемъ Сергѣевичемъ), И. С. Тургеневу, кромѣ Орловскаго имѣнія, достались три другихъ, а именно: въ Тульской губ. — 600 дунговъ, Калужской—400 и Тамбовской—болѣе 400. Считаю необходимымъ лично осмотрѣть эти имѣнія, Тургеневъ просилъ разрѣшить ему выѣхать изъ Орловской губ. и, кстати, дозволить участвовать въ предстоящихъ дворянскихъ выборахъ по Тульской губ. Докладывая прошеніе, чиновники III отдѣленія снабдили его соответствующей справкой. Она гласила слѣдующее: «высочайшимъ повелѣніемъ, изъясненнымъ въ циркулярѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника гр. Блудова, въ апрѣлѣ 1838 г., разрѣшено: дворянъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, кромѣ прикосновенныхъ къ тайнымъ обществамъ и участвовавшихъ въ бывшемъ польскомъ возмущеніи, допускать къ дѣламъ дворянскихъ собраній и выборамъ, но, въ случаѣ избранія сихъ дворянъ въ должности, утвержденіе ихъ предоставлено усмотрѣнію самихъ начальниковъ губерній, сообразно свойству дѣлъ, по какимъ они подвергнуты полицейскому надзору». Тѣмъ не менѣе, Орловъ, однажды искушенный опытомъ, не рѣшился болѣе великодушничать. На прошеніи Тургенева его рукой написано: «подождать, чтобы увидѣть, какъ будетъ себя вести. Такъ недавно, что Г. (государь) теперь еще не согласится на настоящую перемѣну». Въ этомъ духѣ былъ посланъ отвѣтъ Вибикову. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1853 г., Тургеневъ вновь обратился съ прошеніемъ, на этотъ разъ къ наследнику цесаревичу Александру Николаевичу. «Ваше императорское высочество! Великій государь!—писалъ онъ,—сегодняшняго числа минулъ ровно годъ, какъ я имѣлъ несчастье подвергнуться гнѣву государя императора за перепечатаніе въ Москвѣ статьи о Гоголѣ, недопущенной въ С.-Петербургѣ. Сердечно каюсь въ моей винѣ, хотя невольной, и, желая только не быть сочтеннымъ за умышленнаго ослушника, дерзаю изложить передъ вашимъ императорскимъ высочествомъ слѣдующую мою всенижайшую просьбу. Пребываніе мое въ деревнѣ, хотя сопряженное съ тѣмъ значительнымъ неудобствомъ, что мнѣ не дозволено посѣщать прочія мои имѣнія, лежація въ сосѣдственныхъ губерніяхъ,—не было бы для меня слишкомъ тягостнымъ, если бы въ послѣднее время здоровье мое окончательно не разстроилось. Совѣщаніе съ столичными медиками сдѣлалось для меня необходимою; позволеніе видѣться съ ними я бы счелъ за отмѣнную милость. Приемлю смѣлость прибѣгнуть къ высокому предстательству вашего императорскаго высочества передъ государемъ императоромъ для полученія мнѣ подобнаго позволенія. Великодушная снисходительность вашего высочества составляетъ мнѣ единственную надежду—и малѣйшее вниманіе ваме, всемилостивѣйшій государь, къ моей участи усугубить то чувство глубочайшей благодарности и преданности, которое я навсегда посвятилъ въ сердцѣ своемъ вашему высочеству.

Вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшій Иванъ Тургеньевъ, отставной коллежскій секретарь. Село Спасское (въ Мценскомъ уѣздѣ).¹⁾

Но и это прошеніе, посланное Орлову гофмаршаломъ цесаревича, гр. Олсуфьевымъ, ожидала участь перваго. Орловъ написалъ на немъ: «рано» и не далъ дѣлу движенія. Біографъ Тургенева, рассказывая о ссылкѣ И. С., говоритъ, между прочимъ, что ограниченіе въ правѣ выѣзда за предѣлы с. Спасскаго не помѣшало Тургеньеву, во время ссылки, «нѣсколько разъ побывать въ Москвѣ». ²⁾ Это утвержденіе едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ. Иначе, какъ понять повторныя ходатайства Тургенева, сначала обращенныя къ Дубельту, а потомъ къ самому Орлову? ²⁾ Лейтмотивомъ ихъ было всегда одно и то же: «здоровье мое ухудшается; мнѣ необходимы совѣщанія съ опытными врачами». Наконецъ, 14 ноября 1853 г., состоялся докладъ государю. Орловъ заключалъ его слѣдующими словами: «принимая въ уваженіе, какъ раскаяніе, такъ и двухлѣтнее его нахожденіе подъ наказаніемъ, которое не можетъ не послужить ему должнымъ урокомъ на будущее время, и соображая, что онъ, кромѣ означеннаго случая, ни въ чемъ неблагонадежномъ замѣченъ не былъ, я обязываюсь вышеизъясненную просьбу его (т. е. объ отпускѣ его) всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе». ³⁾ Государь согласился съ мнѣніемъ шефа жандармовъ и положилъ слѣдующую резолюцію: «согласенъ, но имѣть подъ строжайшимъ здѣсь присмотромъ». Интересно отмѣтить, что освобожденію Тургенева особенно содѣйствовали гр. А. К. Толстой (извѣстный поэтъ) и А. О. Смирнова (Калужская губернаторша) ⁴⁾. По этому поводу въ разобранномъ нами слѣдственномъ дѣлѣ имѣется подробность, характерная для личности Александра II. Когда резолюція государя состоялась, Орловъ счелъ необходимымъ немедленно сообщить ее наследнику цесаревичу. Было составлено письмо, въ которомъ встрѣчалась, между прочимъ, такая фраза: «съ соизволенія вашего императорскаго высочества, церемоніймейстеръ графъ Толстой передалъ мнѣ желаніе ваше объ облегченіи высланнаго по высочайшему повелѣнію на родину, въ Орловскую губернію, коллежскаго секретаря Тургеньева». Въ это время Орловъ получилъ секретную записку Дубельта. Начальникъ III отдѣленія писалъ слѣдующее: «графъ Толстой

¹⁾ Письмо собственноручное, отъ 16 апр. 1853 г. (Архивъ деп. госуд. пол., I экспед., № 92).

²⁾ Сочиненія, т. I, изд. 4-е, стр. XXXII.

³⁾ Письмо къ Дубельту помѣчено 24 окт. 1853 г., къ гр. Орлову 17 ноября. Мы не приводимъ ихъ дословно, такъ какъ по содержанію онѣ представляютъ варіаціи въ прошеніе цесаревичу.

⁴⁾ Сочиненія, т. I, изд. 4-е, стр. XXXII.

быль у насъ и говорилъ, что государь наслѣдникъ не давалъ ему прямого разрѣшенія ходатайствовать о Тургеневѣ...¹⁾ Любопытнѣе отвѣтъ Орлова: «Если ты думаешь, что моя бумага къ цесаревичу лично сдѣлаетъ вредъ графу Толстому, то можешь ее и не посылать, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ самъ писалъ. Благодарю Крейца за извѣщеніе. Того только и нужно было». ²⁾ Вотъ почему бумага цесаревичу не была послана.

Въ заключеніе, два слова объ участи Боткина и Θεоктистова. Получивъ запросъ изъ Петербурга, Закревскій первымъ долгомъ озаботился узнать, какія причины побудили пріятелей Тургенева исполнить его просьбу. Слѣдствіемъ сего было два ихъ письменныхъ показанія, Боткинъ писалъ: «Я получилъ отъ г. Тургенева письмо, въ которомъ онъ писалъ, чтобы я передалъ г. Θεоктистову, что онъ желаетъ, чтобы присланная имъ г. Θεоктистову статья о Гоголѣ была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Когда я сказалъ это порученіе г. Θεоктистову, онъ отвѣчалъ мнѣ, что уже самъ вздумалъ ее напечатать и отдалъ нѣсколько дней назадъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей». Впослѣдствіи я узналъ, когда статья была напечатана, что она не дозволена г. Мусинымъ-Пушкинымъ къ печатанію въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ томъ же родѣ было показаніе Θεоктистова: «Вслѣдствіе приказанія вашего сіятельства, честь имѣю доложить, что 29 февраля настоящаго года получилъ я отъ г. Тургенева изъ С.-Петербурга письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что написалъ статью для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о смерти Гоголя и пришлетъ мнѣ ее для разсмотрѣнія. Хотя самъ Тургеневъ тѣмъ самымъ нисколько не поручалъ мнѣ, какъ это видно изъ приложеннаго мною при сей запискѣ подлиннаго письма его, ³⁾ печатать его статью въ Москвѣ, но я, по знакомству, показалъ ее редактору «Московскихъ Вѣдомостей», г. Каткову и спросилъ его, не годна ли она будетъ для напечатанія. По дружескимъ отношеніямъ моимъ съ г. Тургеневымъ, я зналъ, что онъ не разсердится, если его статья явится въ одно и то же время въ «Московскихъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», для которыхъ она предназначалась. Московская цензура одобрила статью къ напечатанію и она векорѣ явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». На 3-й же, или на 4-й день послѣ ея напечатанія, получилъ я увѣдомленіе отъ г. Тургенева, что статья его о смерти Гоголя была запрещена С.-Петербургской цензурой». ⁴⁾ Имѣя высочайшую санкцію поступить съ виновными по собственному усмотрѣнію, Закревскій, повидимому, не долго задумывался надъ этимъ вопросомъ. Его рѣ-

¹⁾ Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 экзед., № 92.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ См. вышеприведенное письмо Тургенева Θεоктистову.

⁴⁾ Архивъ деп. госуд. полиціи, 1 экзед., № 92.

шеніе можетъ служить образчикомъ административной политики Николаевскаго времени: «Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ отъ 15 апрѣля,— писалъ онъ Орлову,—я пригласилъ къ себѣ почетнаго гражданина Боткина и кандидата Московскаго университета Θεоктистова и убѣдился, что, состоя въ тѣсной дружбѣ съ литераторомъ Тургеневымъ, они, дѣйствительно, принимали участіе въ напечатаніи статьи сего послѣдняго о Гоголѣ; но, какъ видно изъ ихъ объясненій, оба узнали о запрещеніи въ С.-Петербургѣ сказанной статьи только тогда, когда она помѣщена уже была въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и Θεоктистовъ дѣйствовалъ прежде, чѣмъ получилъ на то дозволеніе отъ Тургенева. Честь имѣя препроводить при семъ на усмотрѣніе вашего сіятельства подлинныя показанія Боткина и Θεоктистова, долгомъ считаю увѣдомить васъ, м. г., что хотя въ поступкахъ Боткина и Θεоктистова по сему предмету не обнаруживается никакого преступленія противъ правительства, но, какъ Боткинъ торговыми дѣлами отца своего не занимается и имѣетъ свободный образъ мыслей, Θεоктистовъ же, получивъ образованіе въ университетѣ для гражданской службы, не избралъ до сего времени никакой должности, то я полагаю бы, учрежденное мною за Боткинымъ секретное наблюденіе обратить въ полицейскій надзоръ, а Θεоктистову, по учрежденіи за нимъ такого же надзора, приказать вступить немедленно въ государственную службу».¹⁾—На этой бумагѣ, рукою гр. Орлова, написано: «такъ».

Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Этого письма Тургенева въ дѣлѣ не имѣется.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

ОЙ ПОКОЙНЫЙ отецъ былъ другомъ дѣтства и однополчаниномъ извѣстнаго шефа жандармовъ—графа Бенкендорфа, любимца государя Николая Павловича. Однажды, отецъ, пріѣхавъ къ графу, засталъ его сильно взволнованнымъ. На вопросъ отца, что съ нимъ, графъ сказалъ:

— Я вчера не только потерялъ свои 20 тысячъ, но, что еще гораздо хуже, былъ поставленъ въ ложное и щекотливое положеніе. Ты знаешь В...го?

— Знаю,—отвѣтилъ отецъ.

— А вотъ слушай, въ какую я впутался исторію, только, пожалуйста, не разглашай ее; я не хочу сдѣлаться басней города. Почти всѣ считаютъ В. за величайшаго взяточника, объ немъ говоритъ весь Петербургъ, а между тѣмъ, онъ такъ тонко и умно устраниваетъ свои дѣла, что нѣтъ возможности уличить его въ злоупотребленіяхъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, государь сказалъ мнѣ: «Любезный графъ, до меня стали доходить слухи, что В..., ворочая сенатомъ, дѣлаетъ, что хочетъ и беретъ большія взятки. Не можешь ли ты добыть осязательныя данныя его виновности и тогда онъ получитъ примѣрное наказаніе».

«Но пріѣздѣ домой, я потребовалъ одного изъ лучшихъ агентовъ, который, неоднократно исполняя щекотливыя порученія, велъ себя съ большимъ тактомъ и, дѣйствительно, оказывалъ мнѣ

услуги. Изложивъ суть дѣла, я спросилъ его, возьмется ли онъ уличить В., и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освободилъ его отъ всѣхъ занятій.

«На-дняхъ, онъ явился ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ, что можетъ представить фактическое доказательство виновности В., если я дамъ ему 20 тысячъ. Слышавъ объ изумительной ловкости В..., я удивился сообщенію агента и потребовалъ полного отчета въ его розыскахъ. Суть его доклада заключалась въ томъ, что ему удалось не только познакомиться, но и сойтись на короткую ногу съ однимъ изъ столоначальниковъ того департамента сената, въ которомъ состоитъ В... Чиновникъ любитъ выпить и, во время одной попойки, когда зашла рѣчь о В..., такъ охарактеризовалъ своего начальника: «Врядъ-ли во всей имперіи отыщется такой юристъ, какъ В. Каждую статью гражданского закона знаетъ на память, въ какую сторону захочетъ, въ ту и повернетъ. Не подумай, что онъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ, ничуть, а все у него выходитъ гладко и на взглядъ строго законно. Ну, зато изъ бѣдняковъ — сдѣлался богачомъ, пожалуй, не одну сотнягу тысячъ имѣетъ.»

«На вопросъ агента, неужели онъ за взятку всякое дѣло повернетъ, онъ получилъ такой отвѣтъ:

— Да вотъ теперь, въ моемъ столѣ находится дѣло Херсонскаго помѣщика Григоренко, проигранное имъ въ уѣздномъ судѣ и въ гражданской палатѣ. Дѣло крупное, идетъ споръ о пяти тысячахъ десятинъ земли. Тягается онъ съ своимъ сосѣдомъ, который этою землею владѣетъ безспорно на правахъ полной собственности двадцать лѣтъ. Выиграть его нѣтъ возможности, а если бы Григоренко надумался, да поклонился нашему В., голову дамъ въ закладъ, что тотъ отыщетъ лазейку и дастъ ему возможность выиграть тяжбу».

«Узнавъ во всѣхъ подробностяхъ суть процесса, агентъ, подъ видомъ Григоренки, явился къ В..., который, выслушавъ его просьбу, приказалъ зайти за отвѣтомъ черезъ три дня. Когда агентъ явился вторично, то В... сказалъ, что трудно оспорить два десятилѣтія давности, но если истецъ не пожалѣетъ 20 тысячъ, то тогда тяжба будетъ рѣшена въ его пользу».

«Мнимый Григоренко изъявилъ согласіе и спросилъ» можно ли завтра доставить ему деньги, на что В... отвѣтилъ, чтобы онъ эту сумму принесъ въ пакетѣ въ ресторанъ Мишеля, противъ Псаа-кѣвскаго собора, куда онъ самъ зайдетъ за полученіемъ ровно въ 12 часовъ дня.

«Окончивъ докладъ, агентъ просилъ меня дать ему эту сумму сторублевыми бумажками, а номера каждой изъ нихъ записать. Когда В., получивъ взятку, выйдетъ изъ ресторана, надо было его арестовать и, чтобы лишить В. возможности выбросить конвертъ,

необходимо, чтобы офицеръ вмѣстѣ съ нимъ помѣстился въ каретѣ и зорко слѣдилъ за всѣми его движеніями.

«Я выдалъ 20 тысячъ и записалъ нумера. На другой день, во второмъ часу дня, мнѣ доложили, что жандармскій офицеръ задержалъ выходившаго изъ ресторана В. и привезъ его.

«Когда я его пригласилъ въ кабинетъ, онъ вошелъ сильно взволнованный и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ваше сіятельство, меня подвергли самому сильному оскорбленію. Занимаемый мной постъ могъ бы послужить гарантіей въ томъ, что я явился бы къ вамъ по вашему требованію, а между тѣмъ, меня схватили какъ преступника и подъ конвоемъ доставили сюда. Вѣроятно, это прискорбное недоразумѣніе, и я надѣюсь, что ваше сіятельство подвергнете виновника моего ареста строгому взысканію».

«Тонъ, которымъ была произнесена рѣчь, былъ очень вызывающій и поэтому я ему сказалъ:

— Ваше превосходительство, тотъ, на кого вы жалуетесь, былъ точнымъ исполнителемъ моего приказанія. Что же касается до меня, то я дѣйствовалъ въ силу высочайшаго повелѣнія».

«Послѣ этихъ словъ, В. смирился и заискивающе спросилъ, въ чемъ его обвиняютъ.

«Узнавъ въ чѣмъ дѣло, В. съ негодованіемъ сказалъ, что онъ жертва самой ужасной клеветы.

— Правда,—прибавилъ онъ,—меня сегодня какой-то помѣщикъ соблазнялъ взяткой въ 20 тысячъ, но я съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе».

«Самоувѣренность В. начала меня смущать, но я все-таки приказалъ его обыскать. Изъ его брюкъ былъ вынутъ бумажникъ съ 48-ю рублями, а изъ бокового кармана пакетъ».

— Теперь ты попался,—промелькнула у меня мысль; но представь себѣ мое положеніе, когда изъ пакета, вмѣсто моихъ сотенныхъ, вынули вчетверо сложенный докладъ по какому-то гражданскому процессу!

«Мнѣ пришлось извиниться передъ В., а онъ, выслушавъ извиненіе, сказалъ:

— Ваше сіятельство, вы теперь сами изволили убѣдиться, что мои враги взвели на меня гнусное обвиненіе. Вполнѣ убѣжденъ, что вы доложите объ этомъ государю. Что же касается до меня лично, то послѣ того, какъ меня могли заподозрить въ безчестномъ поступкѣ, я болѣе продолжать службу не въ состояніи. Завтра же буду имѣть счастье представить его величеству прошеніе объ отставкѣ».

«Когда В. вышелъ, я потребовалъ агента и, какъ только онъ явился, я его спросилъ, отчего онъ не предупредилъ жандармскаго офицера о томъ, что В. не взялъ взятки.

«При этихъ словахъ, лицо агента покрылось мертвенной блѣдностью.

— Какъ не взять?! — вскричалъ онъ. — Онъ положилъ пакетъ въ боковой карманъ. На радостяхъ угостилъ меня шампанскимъ и самъ заплатилъ по счету».

«Я вызвалъ къ себѣ арестовавшаго В. офицера, полагая, не выбросилъ ли онъ конвертъ. Офицеръ честью завѣрилъ, что ничего подобнаго не было.

«До сихъ поръ не знаю, кто меня одурачилъ, — сказалъ графъ. — Скорѣе склоненъ предполагать, что В. куда-нибудь успѣлъ спрятать деньги. Агента, несмотря на его мольбы, пришлось уволить, а жаль бѣднягу: онъ семейный человѣкъ и труженикъ».

Послѣ разсказа графа Бенкендорфа прошло болѣе года, а дѣло о 20 тысячахъ не было выяснено.

Еженедѣльно, по вторникамъ, собирались къ графу по вечерамъ самые близкіе къ нему люди и очень весело проводили время. Хозяинъ, радушный хлѣбосоль, въ интимномъ кружкѣ не любилъ никакихъ церемоній и, несмотря на занимаемое имъ выдающееся положеніе, держалъ себя просто и безъ всякой важности.

Вотъ, въ одинъ изъ этихъ вторниковъ, графъ, обращаясь къ моему отцу, сказалъ:

— А вѣдь мой агентъ оказался ни въ чемъ неповиннымъ. Я его вновь принялъ на службу, а чтобы исправить свою ошибку, дать ему награду, равносильную потерянному имъ содержанію, за время вынужденнаго нахожденія въ отставкѣ.

«Вотъ въ чемъ заключался фортель В.:

«Получивъ отставку, огорченный агентъ долго не могъ придти въ себя. Онъ никакъ не могъ понять, куда дѣвались деньги. Ломая голову надъ этой загадкой, онъ неожиданно припомнилъ одно обстоятельство, совершенно отъ него ускользнувшее. Когда былъ переданъ пакетъ, то В., вмѣсто того, чтобы положить его въ карманъ, небрежно бросилъ его въ свою шляпу. Немного погодя, слуга, подававшій завтракъ, по неосторожности, ее уронилъ. В. прочелъ ему нотацію и, приказавъ вычистить шляпу, сказалъ: «Не потеряй только пакетъ съ докладомъ». Весьма возможно, что слуга, увидѣвъ, что въ конвертѣ деньги, прикарманилъ ихъ, а взамѣнъ положилъ бумагу. Догадаться объ этомъ В. не могъ, потому что, отдавъ деньги за завтракъ, онъ положилъ конвертъ въ боковой карманъ. Если это предположеніе справедливо, то слуга, совершивъ кражу, спасъ В., а агента погубилъ.

«Придя къ этому заключенію, агентъ тотчасъ отправился въ ресторанъ, но подававшаго завтракъ лакея въ немъ не нашель. Изъ разспросовъ оказалось, что бывшій слуга недавно получилъ вольную отъ своего барина и приобрѣлъ въ собственность трак-

тирь. Это еще болѣе убѣдило агента въ справедливости его подозрѣній. Но каково же было удивленіе пострадавшаго, когда на его вопросъ, чей онъ былъ крѣпостной, ему сказали, что помѣщика В... Не теряя времени, онъ бросился разыскивать трактирщика.

«Оказалось, что хозяинъ уѣхалъ на родину и вернется черезъ три мѣсяца.

«По возвращеніи его въ Петербургъ,—ужь не знаю, при помощи какихъ ухищреній,—агенту удалось добиться полнаго сознанія.

«Бывшій слуга не былъ воромъ. В. помѣстилъ своего камердинера, въ честности котораго былъ убѣжденъ, въ ресторанъ Мишеля. Его баринъ очень часто приходилъ туда завтракать и съ нимъ постоянно являлись все новыя лица. На обязанности слуги лежало ронять шляпу барина, если онъ замѣтитъ въ ней пакетъ. Послѣ этого, онъ относилъ ее чистить, пакетъ бралъ въ свой карманъ и замѣнялъ другимъ. По закрытіи ресторана, онъ отправлялся къ В. и отдавалъ спрятанное, а взамѣнъ получалъ другой пакетъ. Послѣ выхода В. въ отставку, баринъ поблагодарилъ его за вѣрную службу и выдалъ вольную.

«Такимъ образомъ, ловкій дѣлецъ, изъ предосторожности, дома взятокъ не бралъ, а изъ ресторана, получивъ вознагражденіе, выходилъ съ пустыми карманами.

«Вызванный мною трактирщикъ вполнѣ подтвердилъ признаніе. Несмотря на это, я отказался отъ мысли возбудить противъ В. преслѣдованіе, не имѣя твердыхъ данныхъ. Слава Богу, что хотя выжили этого ловкаго взяточника, хотя это удовольствіе мнѣ обошлось очень дорого,—закончилъ графъ Венкендорфъ свой разсказъ.

II.

О деспотизмѣ графа Муравьева-Амурскаго разсказывали цѣлыя легенды. Въ сущности, эти разсказы были значительно преувеличены и выходили изъ лагеря его противниковъ, старавшихся какъ-нибудь повредить графу за то, что онъ былъ облеченъ громадною властью, которой не пользовался ни одинъ генераль-губернаторъ.

Мой родной братъ, по окончаніи курса въ императорскомъ лицейѣ, былъ отправленъ въ Иркутскъ курьеромъ. Ознакомившись съ личностью графа, о которомъ онъ въ Петербургѣ слышался ужасовъ, и убѣдившись въ ихъ полной неосновательности, братъ остался при графѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Графъ Муравьевъ былъ типъ русскаго вельможи. Безусловно честный, онъ всею душою ненавидѣлъ взяточниковъ и, дѣйствительно, всѣ злоупотребленія преслѣдовалъ съ беспощадной строгостью. Если кто нибудь обращался къ нему съ какой бы то ни было нуждою,

графъ приказывалъ наводить справки и, когда онѣ подтверждали просьбу, всегда оказывалъ щедрую помощь. Назначенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ Амурскимъ генераль-губернаторомъ, съ неограниченными полномочіями, графъ далъ слово, оправдать довѣріе обожаемаго имъ монарха. Онъ хорошо зналъ, что ѣдетъ въ ту мѣстность Россіи, въ которой творится такой произволъ, такое безпощадное взяточничество, что необходимо имѣть желѣзную силу воли, чтобы, хотя отчасти, оградить жителей отъ ненасытнаго аппетита мѣстныхъ чиновниковъ.

Съ новымъ генераль-губернаторомъ поѣхало много бывшихъ воспитанниковъ лица и правовѣднія. Золотая молодежь мечтала, что, состоя при графѣ, она будетъ жить въ свое удовольствіе въ Иркутскѣ и получать за это награды. Ихъ расчеты оказались ошибочны. Графъ убѣдилъ ихъ, что, ради народнаго блага, они должны занять мѣста становыхъ, исправниковъ и тюремныхъ смотрителей.

Вновь назначенные чиновники, какъ люди съ высшимъ образованіемъ, сразу внесли въ полицейскую службу безусловную порядочность, и въ ихъ районахъ взяточничество уже не имѣло мѣста.

Къ несчастью, всѣ эти должности не могли быть ими пополнены, да и, кромѣ того, эти новые полицейскіе чиновники, привыкшіе къ удовольствію и комфорту, старались перейти на службу въ Петербургъ. Чтобы судить о произволѣ, который царилъ въ этомъ отдаленномъ краѣ, приведу слѣдующій фактъ.

Въ Иркутскѣ проживалъ извѣстный миллионеръ, исключительно разбогатѣвшій на казенныхъ подрядахъ. Простой мужикъ, умѣвшій только подписать свою фамилію, онъ держалъ въ рукахъ не только администрацію, но и суды, которымъ посылалъ форменные приказы. Если бы во время ревизіи генераль-губернатора они не попались бы графу въ руки, трудно было бы повѣрить такому ненормальному явленію. Вотъ надъ этимъ-то богачемъ и самодуромъ пришлось генераль-губернатору показать примѣръ строгости.

Купецъ былъ поставщикомъ мѣстныхъ войскъ этапныхъ командъ. Однажды, пришелъ этапъ въ Иркутскъ, но почему-то пища для людей не была подготовлена. Этапный начальникъ, въ чинѣ подпоручика, лично отправился къ поставщику, игравшему у себя со своими гостями въ карты. Доложили.

Выходитъ лакей и передаетъ офицеру лаконическій приказъ поставщика: «Обождать».

Проходитъ часть времени. Видя, что купецъ не выходитъ, офицеръ, безъ доклада, вошелъ въ залъ, въ которомъ находился хозяинъ.

— Мои люди голодны,—сказалъ онъ,—пройдя 30 верстъ пѣшкомъ, нельзя же имъ въ теченіе сутокъ ожидать, пока вы отпустите провіантъ.

Услыхавъ эти слова, купецъ набросился на офицера, перечислилъ весь лексиконъ самыхъ грубыхъ ругательствъ и, въ довершеніе, приказалъ лакеямъ вытолкать его вонъ.

Оскорбленный до глубины души, офицеръ прямо отправился къ графу Муравьеву и рассказалъ ему прискорбное столкновение съ купцомъ.

Вслушавъ донесеніе, генераль-губернаторъ, блѣдный отъ негодованія, приказалъ двумъ жандармамъ немедленно доставить ему миллионера.

Богачъ, часто ѣздившій въ Петербургъ и имѣвшій кой-какія связи, смѣло предсталъ передъ грозныя очи администратора, причемъ лѣвую руку положилъ въ карманъ.

— Жандармъ, поправь руку купцу,—приказалъ графъ, что и было сейчасъ исполнено.

— Какъ ты смѣлъ оскорбить офицера?

— Погорячился малость, ваше сіятельство, ну, да это не бѣда, заплачу за обиду.

При этихъ словахъ графъ окончательно вспыхнулъ.

— Ну, такъ вотъ тебѣ моя резолюція: завтра въ 12 часовъ, на торговой площади, въ присутствіи войска, ты на колѣняхъ долженъ вымолить прощеніе у этапнаго начальника. Если ты на это не изъявишь согласіе, то немедленно будешь разстрѣлянъ, а потомъ пусть меня судить государь. Выбирай!

Купецъ предпочелъ колѣнопреклоненіе—смерти.

На другой день, съ ранняго утра, угнетенный богачемъ народъ повалилъ на площадьъ смотрѣть невиданное зрѣлище. Тотъ гордецъ, предъ которымъ мѣстныя власти гнули спины, будетъ на колѣняхъ молить пощады у подпоручика. Да развѣ это возможно?

При самой торжественной обстановкѣ, среди войска и массы народа, гордый своими миллионами купецъ, стоя на колѣняхъ, выпросилъ прощеніе.

Послѣ этого инцидента, всѣ трепетали при имени графа, а богачи убѣдились, что не все на свѣтѣ покупается.

Пожарная команда до назначенія графа находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Некормленныя лошади едва волочили ноги, а пожарные, изъ мѣстныхъ войскъ, одинаково голодные, какъ и ввѣренные имъ кони, имѣли жалкій видъ.

Назначенный графомъ «лихой полицеймейстеръ» скоро привелъ все въ порядокъ. Люди и лошади стали получать не только назначенный имъ паекъ, но даже излишекъ изъ суммъ начальника полиціи.

Въ скоромъ времени быстрога, съ которою выѣзжала пожарная команда, была просто изумительна. Для достиженія этой цѣли полицеймейстеръ, подполковникъ Д., прибѣгалъ къ крутому способу.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ дѣлалъ очень часто тревоги. Первый изъ пожарныхъ, выскакивавшій по тревогѣ, получалъ въ награду рубль, послѣдній—десять розогъ.

Д. былъ очень любимъ генераль-губернаторомъ за его безусловную честность и обожаемъ подчиненными.

По воскреснымъ днямъ у графа Муравьева-Амурскаго происходили торжественные выходы, на которыхъ присутствовали всѣ служащіе въ мундирахъ и только лицейсты и правовѣды во фракахъ.

На одномъ изъ такихъ выходовъ генераль-губернаторъ быстро подошелъ къ одному изъ мелкихъ чиновниковъ своей канцеляріи, Крюкову, о которомъ ему сообщили, что онъ взялъ взятку.

— Вы осмѣливаетесь производить у меня въ канцеляріи поборы,—грозно сказалъ графъ:—такъ знайте, что за это я васъ въ каторгу сошлю!

При этихъ словахъ Крюковъ страшно поблѣднѣлъ, но взглянулъ смѣло въ глаза начальнику и громко и отчетливо произнесъ слѣдующее:

— Ваше сіятельство, насколько мнѣ извѣстно, еще до сихъ поръ Крюковыхъ на каторгѣ не было, а Муравьевы были.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ залы.

Всѣ замерли. «Пропалъ несчастный», подумалъ мой братъ, любившій молодого человѣка. Графъ быстро направился къ кабинету, выпилъ стаканъ воды и, снова выйдя въ залъ, крикнулъ:

— Жандармы! вернуть Крюкова!

Когда его ввели, генераль-губернаторъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Прости меня, Крюковъ; вижу, что меня ввели въ заблужденіе. Человѣкъ, который осмѣлился мнѣ сказать то, что ты мнѣ сказалъ, не можетъ быть взяточникомъ.

Послѣ этихъ словъ графъ обнялъ его и поцѣловалъ.

Муравьевъ не ошибся; произведенное дознаніе выяснило, что Крюковъ былъ идеально честный чиновникъ, но въ виду того, что онъ, не бравъ самъ взятокъ, мѣшалъ брать другимъ, его и подвели.

Виновники были подвергнуты строгому наказанію, а Крюковъ приобрѣлъ у графа неограниченное довѣріе. Къ несчастью, онъ былъ слабогрудый и, несмотря на это, пилъ стаканами спиртъ. Когда у него сдѣлалась скоротечная чахотка, графъ ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ, а послѣ его смерти на свой счетъ устроилъ торжественныя похороны.

Гдѣ же здѣсь безсердечность, въ которой обвиняли завистники Муравьева?

Однажды графу пришлось уѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы. Въ Иркутскѣ прошелъ слухъ, что онъ уже болѣе не вернется въ Сибирь.

Одинъ изъ молодыхъ купчиковъ, сыночекъ богача, вскорѣ послѣ отъѣзда графа также отправился въ Петербургъ. Услыхавъ подтвержденіе этого слуха, онъ явился къ графу и былъ имъ принятъ. Войдя въ кабинетъ съ полной развязностью, онъ первый протянулъ графу руку и, не ожидая приглашенія сѣсть, развалился въ креслѣ. Подобное безцеремонное отношеніе хотя и покорило хозяина, но онъ и вида не подалъ.

— Я слышалъ, ваше сіятельство, что вы къ намъ больше не вернетесь. Жаль, мы къ вамъ привыкли.

Графъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и не сталъ разубѣждать незваннаго гостя. Продолжая разговоръ въ очень свободномъ тонѣ, купчикъ безъ церемоніи взялъ со стола сигару и закурилъ ее. Потомъ, простившись съ графомъ, онъ наконецъ уѣхалъ отъ него.

Прошелъ еще мѣсяць, и графъ, окончивъ дѣла, возвратился въ Иркутскъ. На другой день онъ послалъ полицеймейстера пригласить къ себѣ петербургскаго гостя. Едва передвигая отъ страха ноги и дрожа какъ въ лихорадкѣ, купчикъ переступилъ порогъ генераль-губернаторскаго кабинета. Графъ очень радушно его встрѣтилъ, усадилъ въ кресло и предложилъ сигару. У несчастнаго холодный потъ выступилъ на лбу, и онъ такъ растерялся, что зажженнымъ концомъ положилъ сигару въ ротъ.

Видя полную растерянность купчика, графъ простился съ нимъ очень дружелюбно, и молодой человекъ, за свое нахальство испытывавъ такой страхъ, долго не могъ позабыть муравьевской сигары.

Не могу не упомянуть еще о великодушіи графа. Въ одномъ изъ мѣстныхъ батальоновъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ назначаемъ состоялъ поручикъ С..., семейный человекъ. Это былъ добрякъ, какихъ мало можно встрѣтить.

Къ его несчастью, ротный командиръ проигралъ въ карты 500 руб. и, не имѣя возможности уплатить проигрыша изъ своихъ средствъ, затратилъ казенныя деньги. Такъ какъ взятая имъ сумма была необходима для покупки провіанта и выдачи солдатамъ жалованья, то онъ и попросилъ казначея спасти его отъ позора и суда. Добрякъ, также не имѣя средствъ, выдалъ ихъ изъ полкового ящика, надѣясь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ пополнить сумму. Какъ на грѣхъ, былъ совершенно неожиданно назначенъ инспекторскій смотръ. Несчастный казначей, спасая товарища, долженъ былъ самъ идти подъ судъ. Спасенія не было, и несчастный рѣшился пустить себѣ пулю въ лобъ.

Жаль ему было покинуть жену и ребятишекъ, но, чтобы избѣжать позора, не было другого исхода. Вдругъ его озарила мысль отправиться къ грозному графу Муравьеву, открыть ему всю правду, просить не покинуть несчастную семью, а потомъ покончить съ собою.

Явившись къ главному начальнику, онъ сказалъ ему всю правду. Каково же было удивленіе казначея и его радость, когда графъ, прочитавъ ему строгую нотацию, поблагодарилъ за довѣріе и вручилъ 500 руб.

Обращеніе графа съ политическими преступниками было болѣе, чѣмъ гуманно: они пользовались полною свободою, а между тѣмъ завистники и клеветники распускали слухъ, что онъ ихъ наказываетъ розгами.

И. Н. Пономаревъ.

КЪ БІОГРАФІИ А. Н. АПУХТИНА.

Е СЪ ЦѢЛЬЮ отнестись критически къ біографическому очерку поэта Апухтина, составленному г. Жиркевичемъ и помѣщенному въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1906 г., и не предполагая освѣтить болѣе рельефно своеобразный типъ поэта милостью Божьей, я лишь хочу сообщить нѣсколько дополнительныхъ чертъ по личнымъ о немъ воспоминаніямъ.

Я зналъ Апухтина въ ранней его молодости, въ бытность его въ старшихъ классахъ училища Правовѣдѣнія, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ то время Апухтинъ изображалъ собою небольшого ростомъ, худенькаго, бѣлокураго юношу, съ свѣтлоголубыми глазами и золотушнаго вида. Никто, конечно, не могъ бы вообразить себѣ тогда, что этотъ худенькій мальчикъ преобразится съ годами въ ту тушу, какую онъ изображалъ изъ себя впоследствии.

Въ училищѣ Правовѣдѣнія Апухтинъ отличался прекрасными природными способностями, но далеко не прилежаніемъ и благонавіемъ, что, однако, не мѣшало тому, что онъ былъ положительно баловнемъ, *enfant gâté* и начальства, и своихъ сверстниковъ по училищу. А начальство того времени, съ директоромъ училища, извѣстнымъ въ свое время генераломъ Языковымъ во главѣ, бывшимъ до того полицеймейстеромъ города Риги, далеко

не было похоже на мягкихъ и податливыхъ педагоговъ нашего времени, и ужъ, конечно, менѣ всего помышляло объ автономіи.

Самъ Языковъ изъ рижскихъ полицеймейстеровъ былъ назначенъ директоромъ училища Правовѣднія съ исключительною цѣлью вытравить изъ него вольный духъ Петрашевскаго и К^о, якобы проникшій туда со времени событій на Западѣ въ эпоху 1848 года. Задачей его было подтянуть, подмуштровать молодежь. Онъ и подтягивалъ, не останавливаясь иногда передъ очень суровыми мѣрами, до публичныхъ экзекуцій розгами включительно. И тѣмъ не менѣ, столь суровый педагогъ нянчился съ Апухтинымъ, какъ съ балованнымъ ребенкомъ. Причиной этого былъ поэтическій даръ, который проявилъ Апухтинъ еще въ Правовѣдніи. Онъ написалъ патріотическое стихотвореніе на тему дня. Стихотвореніе это было напечатано въ газетахъ и, благодаря рекламѣ, составило эпоху въ училищѣ. Языковъ, при всей своей военной суровости, при такъ называемомъ бурбонствѣ, какъ это встрѣчалось въ то время нерѣдко, былъ чрезвычайно свѣтскій человѣкъ и имѣлъ въ Петербургѣ множество знакомыхъ. Онъ рыскалъ по нимъ по цѣлымъ днямъ съ газетнымъ листкомъ въ рукахъ и читалъ всѣмъ произведеніе Апухтина.

Если не ошибаюсь, въ воображеніи высшаго начальства Правовѣднія, да и передъ его питомцами вообще, соперничавшими во всемъ съ Александровскимъ лицеемъ, до высокихъ воротниковъ и широчайшихъ обшлаговъ на рукавахъ мундировъ включительно, витала затаенная надежда предвосхитить старые лавры лицея. У лицея, дескать, былъ Пушкинъ, а у насъ будетъ Апухтинъ!

Сдается мнѣ также, что это школьное баловство, съ преждевременнымъ восхваленіемъ, наложило свою печать на несомнѣнный, вопреки мнѣнію великаго писателя русской земли Л. Н. Толстого (извѣстно, что Толстой печатно въ своихъ письмахъ объ искусствѣ отвергалъ всякое поэтическое дарованіе въ Апухтинѣ), поэтическій даръ Апухтина и повліяло на всю его будущность. Онъ такъ и остался на всю жизнь *enfant gâté*, баловалъ самъ себя и требовалъ баловства отъ другихъ. Думаю, что не будь этого баловства и пройди онъ болѣе суровую школу въ юности, его будущее было бы другое.

По выходѣ изъ училища, Апухтинъ, какъ и всѣ его сверстники, зачислился на службу въ министерство юстиціи. Но служба, серьезное къ ней отношеніе и карьера, очевидно, мало занимали юнаго поэта. Повидимому, въ его юномъ воображеніи, подъ вліяніемъ, быть можетъ, правовѣдскихъ наитій неволью виталъ образъ того же Пушкина и его бурная молодость. Онъ всей душой слился съ золотой молодежью Петербурга и раздѣлялъ ея увлеченія, съ ихъ ночами безумными.

И шалостей было не мало. Изъ нихъ мнѣ припоминаются двѣ. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ петербургскій *beau monde* на

Елагинской стрѣлкѣ, при созерцаніи заходящаго солнца, обратилъ вниманіе на очень оригинальную амазонку въ фантастическомъ костюмѣ, окруженную блестящею кавалерійскою молодежью. Кавалькада проскакала разъ, два, и многіе знакомые наконецъ, не безъ удивленія, признали въ таинственной амазонкѣ Апухтина. Затѣмъ другая: въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ подвизалась и имѣла большой успѣхъ итальянская пѣвица Лагруа. Но коронная роль ея репертуара была «Норма», а въ «Нормѣ» арія *Costa diva*, которую, по признанію меломановъ, она исполняла, какъ никто доселѣ. Въ одинъ вечеръ, когда въ Большомъ театрѣ была назначена «Норма», Лагруа, по болѣзни, пѣть не могла, и спектакль былъ измѣненъ. Поздно вечеромъ въ квартиру Лагруа на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ бывшемъ Демидова, порывисто позвонили, и горничная доложила своей больной госпожѣ, что явились два господина и настоятельно требуютъ ихъ принять по неотложному дѣлу. Лагруа предположила, что явились чиновники или доктора изъ дирекціи удостовѣриться въ ея болѣзни. Она велѣла ихъ принять. Вошелъ Апухтинъ съ пріятелемъ и заявилъ пѣвицѣ, что они орловскіе помѣщики, пріѣхали спеціально изъ Орла на одинъ день, чтобы услышать Лагруа въ «Нормѣ», и тотчасъ по окончаніи спектакля должны возвратиться въ Орель. Заявленіе было такъ категорично, съ присовокупленіемъ, что они ни за что не уйдутъ, пока Лагруа не споетъ имъ *Costa diva*. Нельзя же имъ возвратиться въ Орель, не услышавши ее! И Лагруа, сначала расхотавшаяся отъ претензій этихъ чудаковъ, поломалась, но кончила тѣмъ, что, какъ ни была охрипши, сѣла за фортепіано и пропѣла имъ *Costa diva*.

Пари было выиграно, что и требовалось доказать!

Много еще подобныхъ школьничествъ можно было бы рассказать за это время про Апухтина.

Такъ протекала его молодость.

Но, вѣроятно, въ сознаніи того, что надо же, наконецъ, приняться за какую-нибудь дѣятельность, онъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ училища Правовѣднія, принявъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при орловскомъ губернаторѣ. Но недолго ужился онъ въ провинціи и вскорѣ вновь появился на петербургскомъ горизонтѣ. Возобновилась прежняя жизнь и началась картежная игра. Апухтинъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ англійскаго и сельско-хозяйственнаго клубовъ и своимъ человѣкомъ во всѣхъ игорныхъ домахъ, какихъ въ Петербургѣ въ то время, да вѣроятно и теперь, не мало. Счастливо или нѣтъ игралъ Апухтинъ, сказать не могу, несомнѣнно одно, что капиталовъ à la Некрасовъ онъ не оставилъ, а оставилъ развѣ долги; но игралъ онъ запоемъ и при томъ въ играхъ коммерческихъ былъ большой искусникъ. При этомъ невольно рождается вопросъ, какъ и на какія средства жилъ Апухтинъ и велъ крупную игру, а жилъ онъ всегда прекрасно, ни въ

чемъ себѣ не отказывалъ, ѣздилъ, напр., не иначе, какъ въ каретѣ. Состоянія сколько-нибудь значительнаго онъ не имѣлъ, будучи сыномъ небогатыхъ орловскихъ помѣщиковъ, нигдѣ не служилъ, литературные труды его за это время не только не могли приносить ему ничего, но онъ долго и упорно отказывался ихъ печатать, и они ходили лишь переписанными по рукамъ въ кругу его знакомыхъ. Онъ имѣлъ, по собственнымъ его словамъ, непреодолимое отвращеніе къ литературному ремеслу и литературной plebs (черни), какъ онъ выражался, причисляя себѣ, безъ особеннаго, впрочемъ, на то права, къ родовитой аристократіи и сонму высшихъ міра сего. Сколько извѣстно, первое собраніе его сочиненій было издано въ свѣтъ извѣстнымъ петербургскимъ меценатомъ и милліонеромъ И. Ф. Базилевскимъ, на собственный его счетъ, и купившимъ ихъ у Апухтина за 10 тысячъ рублей, вѣроятно, въ минуту жизни трудную, или послѣ значительнаго его проигрыша въ карты.

Коснувшись этой стороны дѣла, я, во имя правды, долженъ заявить, что въ денежныхъ расчетахъ покойный поэтъ отличался, такъ сказать, большой поэтической вольностью.

Такъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Монте-Карло онъ проигрался въ рулетку такъ, что ему не съ чѣмъ было оттуда выѣхать. Одинъ пріятель, соотечественникъ, выручилъ его, ссудивъ ему 500 рублей. Долгъ долженъ былъ быть возвращенъ немедленно по прибытіи въ Петербургъ; но проходитъ мѣсяць, проходитъ два, пріятель встрѣчается у общихъ знакомыхъ, но должникъ о долгѣ и ухомъ не ведетъ. Займодавецъ, потерявъ наконецъ терпѣніе, пишетъ Апухтину: «Любезный другъ Алеша! Ты вѣрно забылъ, что взялъ у меня въ Монте-Карло 500 рублей и обѣщалъ возвратить мнѣ ихъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ; я вынужденъ тебѣ объ этомъ напомнить, тѣмъ болѣе, что самъ въ настоящее время нуждаюсь въ деньгахъ».

Апухтинъ отвѣчалъ: «Любезный другъ Коля! Я вовсе не забылъ, что долженъ тебѣ 500 рублей, но ты вѣрно забылъ, что ты еще съ прошлаго года долженъ мнѣ визитъ, котораго доселѣ не заплатилъ, а я твой визитъ цѣню гораздо дороже 500 рублей, а потому будемъ считать, что мы квиты!»

Желательно мнѣ думать, что Апухтинъ не ограничился, однако, этимъ проявленіемъ остроумія, и что пріятель впоследствии сосчитался.

По крайней мѣрѣ, я, лично, противнаго отъ этого его пріятели не слыхалъ.

Своимъ остроуміемъ и находчивостью, Апухтинъ вообще блисталъ и былъ этимъ извѣстенъ въ салонахъ Петербурга. Многія остроты его ходили по рукамъ.

Такъ, напр., уморительно переводилъ онъ буквально пословицы съ русскаго на французскій языкъ и тѣмъ лишалъ ихъ всякаго первоначальнаго смысла. Припоминаются мнѣ два такіе вольные перевода:

«Для краснаго словца не пожалѣетъ онъ отца» — «Pour un mot rouge il ne regrettera point papa!»

«На бѣднаго Макара всѣ шишки валятся» — «Sur le pauvre Masar tous les boutons tombent».

Апухтинъ былъ свѣтскій человѣкъ, по преимуществу, когда его не поглощала всецѣло его несчастная страсть къ картамъ; онъ охотно посѣщалъ гостиныя, княжескія и графскія по преимуществу. Аристократы и титулы были его слабостью, во многихъ такихъ гостиныхъ онъ былъ желанный гость. Усѣвшись въ кругу дамъ и дѣвицъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ на мягкомъ диванѣ и обязательно поджавъ подъ себя одну ногу, онъ, не заставляя себя просить, вперить очи въ потолокъ и тихимъ, какъ будто сдавленнымъ, голосомъ, какъ бы уходящимъ внутрь, часто шепотомъ, начиналъ декламировать свои стихи. Манера его чтенія была мастерская, и часто онъ производилъ имъ чарующее впечатлѣніе. Любимыми его, да и слушателей, пьесами были: «Годъ въ монастырѣ», «Разбитая ваза», «Ночи безумныя», «Пара гнѣдыхъ» и другія.

Но часто при этомъ онъ не ограничивался только своими произведеніями. Обладая изумительною памятью, онъ цитировалъ наизусть лучшія страницы Тургенева, любимаго его писателя, преимущественно по описанію красотъ природы, и съ необыкновеннымъ чувствомъ декламировалъ послѣднія страницы «Дворянскаго Гнѣзда», воспроизводя Лаврецкаго на скамейкѣ Калитинскаго сада. Въ его чтеніи эти высокохудожественныя страницы получали какъ бы новое освѣщеніе.

Затѣмъ, по временамъ, онъ, какъ бы слѣдуя завѣтамъ великаго Пушкина:—

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботы суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ»—

забывалъ свѣтъ и даже карты, запирался у себя на недѣлю, на двѣ, былъ ни для кого невидимъ, и послѣдствіемъ этого затворничества всегда являлось новое поэтическое произведеніе, часто высокохудожественное, и тотчасъ распространялось въ публикѣ его друзьями и поклонниками.

Но вдохновеніе проходило, и Апухтинъ погружался въ заботы суетнаго свѣта, и предавался своей страсти—карточной игрѣ. Съ годами, когда онъ сталъ сильно болѣзненно толстѣть, онъ тотчасъ послѣ обѣда въ клубѣ, съ трудомъ, пыхтя и зады-

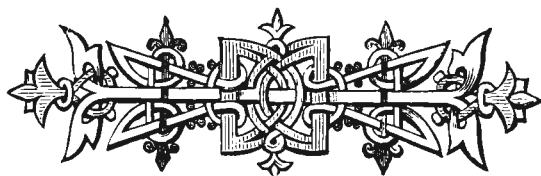
хаясь, добирался до перваго карточного стола и садился на первое свободное мѣсто, ни слова не говоря и взявъ карты въ руки; партнёры знали его манеру, такъ же молча подходили, одинъ за другимъ садились, и Апухтинъ, не проронивъ съ ними ни одного слова, даже не глядя на нихъ, а часто даже не зная, кто именно они, вскрывалъ карты и начиналъ сдавать... Щемящее чувство жалости охватывало при этомъ зрѣлищѣ его почитателей. За что, думалось, гибнетъ такой талантъ.

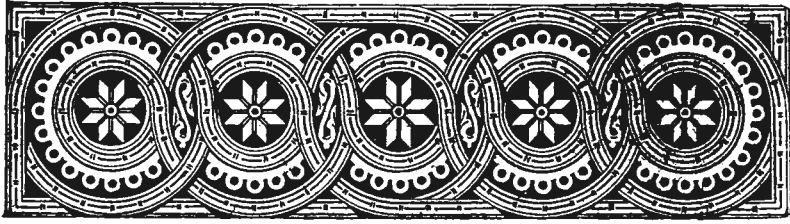
И чѣмъ дальше подвигался онъ по ступенямъ жизни, тѣмъ зрѣлище, которое онъ представлялъ собою за это время, дѣлалось грустнѣе и печальнѣе! Въ послѣдніе годы своей жизни бѣдный Апухтинъ былъ по истинѣ жалокъ; толщина его, въ связи съ сахарной и водяной болѣзнями, приняла прямо чудовищные размѣры; онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, протянувши страшно опухшія ноги во всю ширину своего широчайшаго турецкаго дивана, неизмѣнно въ шелковомъ пестромъ халатѣ, съ болтающейся папирской въ губахъ, дремалъ или жалобно мычалъ... По временамъ его посѣщали немногіе оставшіеся друзья и уносили отъ него по-истинѣ тягостное впечатлѣніе. Такъ онъ и умеръ, наконецъ, въ 1893 году, въ домѣ на Милліонной, противъ казармъ 1-го баталіона Преображенскаго полка. Тогдашній командиръ этого полка, великій князь Константинъ Константиновичъ, самъ извѣстный поэтъ К. Р., и многіе офицеры этого полка, въ кругу офицерскаго собранія которыхъ онъ провелъ не мало поэтическихъ вечеровъ, остались до конца его неизмѣнными поклонниками.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, былъ симпатичный и, въ существѣ, глубоко несчастный поэтъ, столь много обѣщавшій вначалѣ и столь мало сдержавшій изъ возлагавшихся на него надеждъ.

Миръ его праху!

А. Р.

ЭКСКУРСІЯ ПО ЛИТВѢ.

(Путевыя замѣтки).

В АНО утрѣмъ, въ дымкѣ бѣловатаго тумана, я невольно залюбовался изъ окна поѣзда, подходившаго къ Вильнѣ, на открывшуюся панораму города при восходящемъ солнцѣ. Городъ разстился на огромное пространство, окруженный зеленѣющими горами, съ массой башенъ, городскихъ храмовъ и ярко бѣлыми каменными громадными домами. Поѣздъ, приближаясь быстро къ Вильнѣ, пробѣгалъ въ это время мимо красиво расположенныхъ домовъ, задрапированныхъ зеленью и ютящихся между холмами, окружающими Вильну. Наконецъ поѣздъ остановился у вокзала. На немъ масса народа, кричащаго, шумящаго и суетящагося, причемъ языкъ преобладаетъ еврейскій и польскій, русскаго почти не слышно. Съ вокзала я отправился въ гостиницу, на лучшую улицу города, такъ называемый Георгіевскій проспектъ.

Вильна, бывшая столица великаго княжества Литовскаго, расположена на рѣкѣ Вилии, при впаденіи въ нее рѣки Вилейки. Вилия, очень быстрая рѣка, беретъ начало въ Минской губ., и въ Ковнѣ впадаетъ въ историческую р. Нѣманъ. Она не судорожна, такъ какъ не вездѣ достаточно глубока и, кромѣ того, имѣетъ много большихъ камней, мѣшающихъ даже дачному пароходнику дѣлать рейсы до г. Верокъ, но зато по Вилии сплавляется масса лѣса, который цѣлое лѣто запруживаетъ плотами почти всю рѣку. По-литовски она называется «Нерисъ», почему и горы

около Вильны называются Понерисъ или Понарскія, а названіе Вилія значитъ Великая. Рѣка Вилейка ранѣе называлась Вильна, т. е. виляющая или извилистая, и по ней получилъ названіе городъ. На Вилии два моста, а на Вилейкѣ четыре. Самый городъ расположенъ въ котловинѣ, причемъ его окружаютъ со всѣхъ сто-

Видъ съ рѣки Виліи на Замковую гору.

ронъ холмы или горы, изъ коихъ особенно красивы Замковая и Крестовая. Благодаря холмистой мѣстности, городъ съ каждаго высокаго пункта замѣчательно красивъ и величественъ, съ массою церквей и красивыхъ построекъ, окруженныхъ зеленью, да и окрестности Вильны представляютъ прелестную панораму. Кли-

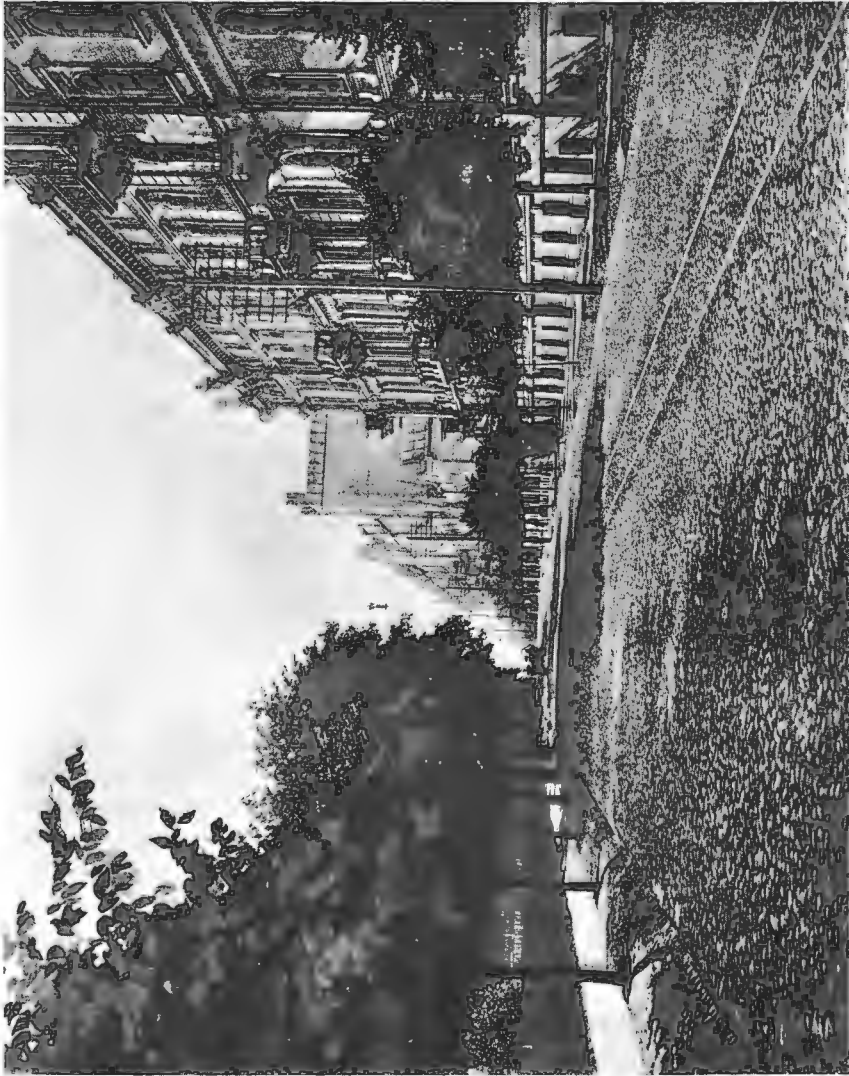
мать въ Вильнѣ хотя довольно теплый, но сырой и, вѣроятно, не очень здоровый, благодаря изобилію влаги и непостоянству погоды, что объясняется близостью Балтійскаго моря.

Жители въ Вильнѣ преимущественно евреи и католики, хотя въ настоящее время довольно и православныхъ; прочихъ же исповѣданій очень немного. Всего жителей въ Вильнѣ около 155 тысячъ, причѣмъ евреевъ около 65 тысячъ, католиковъ около 57 тысячъ, православныхъ не болѣе 30 тысячъ, остальные прочихъ исповѣданій.

Мнѣ, какъ туристу, не сидѣлось дома и поэтому я, несмотря на усталость, съ перваго же дня началъ осмотръ самаго города, но вблизи онъ не произвелъ на меня хорошаго впечатлѣнія, ибо самый центръ нечистоплотенъ и, при массѣ узкихъ улицъ и переулковъ, переполненныхъ грязными и вонючими еврейскими лавчонками, съ массой евреевъ и оборванныхъ грязныхъ ребятъ, производитъ очень непріятное впечатлѣніе. Даже главная улица, называемая «Большой», не оправдываетъ своего названія, потому что она кривая и узкая, съ очень узкими тротуарами, хотя и имѣетъ много старинныхъ и новыхъ прекрасныхъ зданій и порядочныхъ магазиновъ. Исключеніе представляетъ новая, недавно, сравнительно, проложенная улица, Георгіевскій проспектъ, прямая, широкая, обсаженная деревьями, съ великолѣпными громадными домами и шикарными магазинами.

Осмотрѣвъ эту часть города, я проѣхалъ на окраину, въ такъ называемый Звѣринецъ или Александрію (бывшій пригородъ, недавно вошедшій въ составъ города). Ранѣе это было имѣніе и нѣкогда дѣйствительно звѣринецъ кн. Радзивилловъ, а потомъ кн. Витгенштейна. Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Вилии, на большой возвышенности, на всемъ пространствѣ которой раскинулся прекрасный сосновый боръ. Тамъ теперь на разбитыхъ участкахъ построена масса красивыхъ дачъ и разбиты улицы. Надъ Виліей, на высокомъ холмѣ, высится прекрасная, недавно воздвигнутая каменная церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы, построенная православнымъ братствомъ Духовскаго монастыря. За Звѣринецкимъ лѣсомъ находится имѣніе Замечекъ, гдѣ до сихъ поръ сохранился курганъ, могила крестоносцевъ, разбитыхъ здѣсь литовцами надъ рѣчкой Судервянкой. Звѣринецъ соединенъ съ городомъ старымъ деревяннымъ мостомъ, но предвидится скоро постройка желѣзнаго. При обратномъ возвращеніи по Георгіевскому проспекту я осмотрѣлъ прекрасный памятникъ-часовню павшимъ православнымъ воинамъ при усмиреніи польскаго мятежа въ 1863 году. Вокругъ часовни разбитъ небольшой, но хорошенькій скверикъ, гдѣ всегда лѣтомъ много публики, такъ какъ онъ находится на перекресткѣ двухъ оживленныхъ улицъ—Георгіевскаго проспекта и Виленской улицы. За Георгіевскимъ проспек-

томъ—такъ называемая Каѳедральная площадь, гдѣ у подножія Замковой горы высится каѳедральный костель св. Станислава и здѣсь же недавно открытъ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, окруженный молодымъ, но обширнымъ скверомъ. Каѳедральный

Георгіевскій проспектъ въ Вильнѣ.

костель заложенъ въ 1387 году Ягелломъ. Полагаютъ, что онъ построенъ на мѣстѣ, на которомъ во времена язычества находился храмъ Перкуна, и что мѣсто, на которомъ горѣлъ священный огонь, находится подъ главнымъ алтаремъ. Въ костелѣ погребено много литовскихъ князей и другихъ лицъ и имѣется много инте-

ресныхъ памятниковъ старины. Тутъ же около памятника императрицы Екатерины II и костела распланированъ, сравнительно недавно, вокругъ Замковой горы Пушкинскій скверъ, при входѣ въ который поставленъ небольшой памятникъ Пушкину. Здѣсь же въ скверѣ находится, соприкасаясь съ Замковой горой, домъ командующаго войсками, а рядомъ съ нимъ расположены казармы и другія постройки военнаго вѣдомства. Все это перестроено изъ бывшихъ зданій, принадлежавшихъ замку на горѣ, отъ коего остались однѣ развалины, состоящія изъ одной стѣны и башни, впрочемъ, хорошо сохранившейся. Замковая гора это одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ въ Вильнѣ, богатый зеленью и тѣнистыми аллеями. Замокъ на вершинѣ построенъ былъ основателемъ города Гедиминомъ, и остатки его по возможности теперь поддерживаются городомъ. На гору устроенъ весьма удобный ходъ, проведены по всей горѣ дорожки, устроены скамейки, бесѣдки; видъ съ горы на городъ во всѣ стороны восхитительный. Около Замковой горы течетъ р. Вилія, въ которую здѣсь же впадаетъ р. Вилейка. Продолженіемъ Пушкинскаго сада служитъ такъ называемый Ботаническій садъ, который расположенъ на берегу Вилейки, тоже у подножія горы Замковой и горы Крестовой. Основанъ садъ въ началѣ XIX столѣтія профессоромъ бывшаго Виленскаго университета Юндзиломъ, и когда-то, дѣйствительно, былъ Ботаническій, съ многими рѣдкими и дорогими растеніями и оранжереями, но, по закрытіи университета, постепенно началъ приходить въ упадокъ, и теперь—это обыкновенный садъ для гулянія, освѣщаемый электричествомъ.

За нимъ находятся еще садъ, называемый Бернардинскимъ, тоже очень удобный для гулянья, когда-то принадлежавшій Бернардинскому монастырю. Отсюда мѣстность уже называется Зарѣчьемъ; здѣсь находится знаменитый въ исторіи православный Пречистенскій соборъ. Онъ основанъ, по мѣстному преданію, Ольгердомъ въ 1346 году, строили его зодчіе, вызванные изъ Кіева; много несчастій, разореній и погромовъ перенесъ многострадальный храмъ и разорялся нѣсколько разъ, но въ настоящее время заново отдѣланъ, какъ внутри, такъ и снаружи. Возвращаясь обратно изъ собора къ Кафедральной площади, я направился по главной Большой улицѣ вверхъ, въ центръ города. Здѣсь почти каждый домъ, каждая церковь интересны въ историческомъ отношеніи. Самая площадь окружена зданіями губернскаго правленія, казначействомъ и частнымъ банкомъ. Отъ казначейства идетъ Дворцовая улица, о которой скажу ниже. Когда поднимаешься немного вверхъ по Большой улицѣ, то обращаетъ на себя вниманіе громадный домъ почтовой конторы на углу Ивановской, нынѣ Благовѣщенской улицы. Этотъ домъ принадлежалъ нѣкогда виленскому капитулу, т. е. соборному духовенству, но въ началѣ XVI вѣка купленъ

кн. Радзивилломъ, который, будучи ревностнымъ послѣдователемъ ученія Кальвина, построилъ здѣсь Кальвинскій храмъ (зборъ); сыномъ же его храмъ былъ уничтоженъ и устроена часовня съ кельями для ксендзовъ; впоследствии домъ купленъ почтовымъ

Знаменская церковь въ Вильнѣ.

вѣдомствомъ. Далѣе, рядомъ съ Пятницкой церковью, находится домъ учебнаго округа, нѣкогда принадлежавшій, въ 1600 году, Ходкевичамъ. Здѣсь же домъ окружнаго штаба, принадлежавшій раньше известной въ Литвѣ фамиліи Ястиковъ, а затѣмъ Пацамъ.

Въ 1812 году въ этомъ домѣ виленское дворянство давало блестящія балы сначала императору Александру I, а потомъ Наполеону.

Упомянутая выше Пятницкая церковь, первая каменная въ Вильнѣ, построена въ 1345 году супругою князя Ольгерда, Марією Ярославною, во имя великомученицы Параскевы, которую на Руси чтили издревле подъ именемъ Пятницы. Немного выше красуется замѣчательной архитектуры со шпилемъ церковь во имя Николая Чудотворца. Это первая христіанская церковь въ Вильнѣ, такъ какъ она существовала еще во время Гедимина (1323—1340 г.г.). Около Николаевской церкви улица дѣлается шире, и здѣсь находится театральнѣйшій скверикъ, примыкающій къ Малому театру, бывшей ратушѣ. За театромъ, противъ Нѣмецкой улицы, высится величественный и прекрасный храмъ, Николаевскій православный кафедральный соборъ. Онъ находится почти въ самомъ центрѣ города, на площади, которая съ древнихъ временъ считалась главной въ Вильнѣ, такъ какъ въстарину здѣсь совершались важнѣйшія событія городской жизни. Видъ на соборъ со стороны Нѣмецкой улицы очаровательный. Заложенъ храмъ въ 1596 году, т. е. въ годъ объявленія уніи на Брестскомъ соборѣ кардиналомъ Фердинандомъ, сыномъ короля Сигизмунда; вскорѣ онъ попалъ въ руки іезуитовъ и лишь въ 1839 г. отошелъ въ православную церковь, а въ 1840 г., 8 сентября, былъ освященъ въ честь святителя Николая и сталъ кафедральнымъ соборомъ. Соборъ теперь теплый, освѣщается электричествомъ, а высокий иконостасъ, выкрашенный подъ розовый мраморъ, замѣчательно красивъ и эффектенъ. Выше по улицѣ находятся два православныхъ монастыря: Свято-Духовъ и Свято-Троицкій. Свято-Духовъ монастырь основанъ въ концѣ XVI столѣтія и все время находился въ рукахъ православнаго духовенства—единственная церковь, не попавшая въ руки уніатовъ. Въ храмѣ устроенъ посреди церкви около амвона входъ въ пещеру, гдѣ покоятся мощи св. мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія. Свято-Троицкій монастырь составляетъ одну изъ древнѣйшихъ православныхъ святынь въ Вильнѣ и во всей Литвѣ; съ нимъ соединено много отраднѣхъ и грустныхъ воспоминаній для русскаго человѣка; въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ онъ былъ разсадникомъ православной вѣры въ Литвѣ и почти столько же вѣковъ, насиліемъ отнятый у православныхъ, служилъ уніи и латинству. Исторія этого монастыря напоминаетъ злосчастную судьбу всего Сѣверо-Западнаго края. Монастырь построенъ на возвышенности, гдѣ нѣкогда была дубовая роща, которая въ XIV столѣтіи прославилась мученической кончиной бояръ великаго князя Ольгерда, Св. Антонія, Іоанна и Евстафія, замученныхъ язычниками за переходъ ихъ въ православіе, мощи коихъ, до перенесенія въ Свято-Духовъ монастырь,

Кафедральный костелъ въ Вильнѣ.

покоились здѣсь. Въ этомъ мѣстѣ потомъ стали селиться исключительно православные христіане, и мѣстность была прозвана «русскій конецъ». Въ настоящее время въ Троицкомъ монастырѣ помѣщается православная литовская семинарія. Далѣе, подымаясь по Большой улицѣ къ концу города, доходите до острыхъ воротъ, по мѣстному—Остробрама.

Не доходя воротъ высится прекрасный костель св. Терезіи, основанный Стефаномъ Пацомъ въ 1626 г.; здѣсь ранѣе былъ монастырь кармелитовъ. Фасадъ костела богато облицованъ шведскимъ мраморомъ и гранитомъ, внутри весь расписанъ альфреско и украшенъ статуями. Острыя ворота—единственныя уцѣлѣвшія отъ древней каменной стѣны, окружавшей городъ. Стѣна эта (остатки сохранились до сихъ поръ рядомъ съ воротами) построена въ 1498 году при князѣ Александрѣ. Надъ воротами, съ наружной стороны, находится лѣпное изображеніе всадника (гербъ Литвы). На воротахъ устроена часовня, въ которой помѣщается чудотворная икона пресв. Богородицы, называемая Остробрамской. Ворота, по польски брама, въ концѣ XVI вѣка получили названіе Острыхъ по имени мѣстности, называвшейся «острымъ концомъ»; отсюда и икона называется Остробрамской или Островоротной; икона привезена въ Вильну въ первой половинѣ XVI вѣка кн. Ольгердомъ изъ древняго Корсуна, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что икона явилась на виленскихъ воротахъ въ 1431 году, и считаютъ таковую явленной; въ прежнее время икона находилась у православныхъ жителей Вильны, но въ 1671 году кармелиты завладѣли иконой и часовней и соединили часовню съ костеломъ св. Терезіи. Послѣ мятежа въ 1832 году, когда многіе изъ костеловъ были закрыты, костель св. Терезіи съ часовней и иконой надлежало передать православному духовенству, но католики такъ ловко повели дѣло, что передача не состоялась и по настоящее время. Икона Остробрамской Богородицы, какъ древне-православная святыня, пользуется у мѣстнаго православнаго населенія большимъ уваженіемъ, но православное богослуженіе передъ нею не совершается. Всѣ, проходящіе и проѣзжающіе Острыми воротами, во всякое время дня и ночи, обязаны снимать шапки, не исключая евреевъ; обычай этотъ установленъ по ходатайству католиковъ въ 1795 году. Около часовни всегда можно видѣть молящійся колѣнопреклоненный народъ, но особенно много собирается сюда во время празднованія Покрова Пресв. Богородицы; тогда вся улица заполняется богомольцами и проѣздъ по ней закрывается.

Отъ часовни я возвратился обратно по Большой улицѣ до угла Ивановской, теперь Благовѣщенской, гдѣ находится замѣчательный костель св. Іоанна. На улицу онъ выходитъ только частью, а чтобы видѣть красивый фасадъ его, нужно войти во дворъ первой мужской гимназіи, помѣщающейся въ зданіи бывшаго уни-

Николаевскій кафедральный соборъ въ Вильнѣ.

верситета. Основаніе этому костелу положилъ Ягелло, въ 1388 году, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ языческій храмъ; колокольня св. Іоанна—самое высокое зданіе въ Вильнѣ; костель ранѣе былъ университетскимъ, замѣчательенъ своей красотой и величественностью. Зданіе бывшаго университета стоитъ на углу улицъ Благовѣщенской и Дворцовой. Университетъ тогда занималъ почти цѣлый кварталъ, ограничиваемый улицами Дворцовой, Благовѣщенской и Большой. Теперь въ этомъ зданіи помѣщаются: первая и вторая гимназіи, учительскій институтъ, городское училище, рисовальная школа, публичная бібліотека съ музеемъ, центральный архивъ и нѣкоторыя другія учрежденія. Сильное впечатлѣніе производитъ эта старинная постройка; стѣны до 2-хъ аршинъ толщины, и лѣстницы сдѣланы безъ ступеней, а прямо скатомъ, по которому постланы половики и ковры; окна небольшія, и комнаты классныя, особенно въ первой гимназіи, не особенно свѣтлыя, но зато просторныя. Въ одной первой гимназіи около 800 человѣкъ учащихся. Церковь и актовый залъ особенно интересны, съ массой колоннъ и верхними хорами. Надъ центральнымъ архивомъ возвышаются двѣ башни бывшей виленской обсерваторіи, основанной въ 1753 году профессоромъ Виленской академіи, іезуитомъ Жебровскимъ. Противъ зданія университета, по Дворцовой улицѣ, находится дворецъ, который занимаетъ всю прилегающую къ нему площадь. Мѣсто это извѣстно уже съ XIV вѣка, вскорѣ послѣ перенесенія въ Вильну столицы изъ Трокъ, такъ какъ любимецъ Ольгерда бояринъ Гапшгольдъ построилъ здѣсь свои палаты, въ которыхъ далъ приютъ приглашеннымъ въ Вильну францисканцамъ. Но язычники, въ отсутствіе кн. Ольгерда, напали на жилище францисканцевъ и многихъ убили, другіе же бѣжали на горы, но ихъ и тамъ настигли, убили и сбросили въ р. Вилейку. На мѣстѣ убіенія поставлены кресты и самая гора названа Крестовой и сохранила названіе это и по настоящее время. Послѣ присоединенія Литвы къ Россіи, въ 1795 г., домъ былъ назначенъ для помѣщенія высочайшихъ особъ на случай пріѣзда ихъ въ городъ и для постоянного пребыванія генераль-губернатора. Съ этой цѣлью онъ былъ передѣланъ соответствующимъ образомъ; во дворѣ во флигелѣ помѣщается Муравьевскій музей. Передъ дворцомъ воздвигнутъ величественный памятникъ М. Н. Муравьеву, бывшему генераль-губернатору, усмирителю и умиротворителю Сѣверо-Западнаго края. Вокругъ памятника за желѣзной рѣшеткой устроены цвѣтникъ. Отсюда сейчасъ же выходишь около казенной палаты на Кафедральную площадь, описанную выше. Съ этой площади идетъ конка на Антоколь, предмѣстье города, куда я и поѣхалъ. Антоколь тянется вдоль рѣки Вилии около трехъ верстъ и конка доходитъ почти до конца предмѣстья, что выгодно и удобно для бѣднаго класса, живущаго тамъ въ отдаленіи; вблизи же живутъ надъ рѣкой дачники, и здѣсь прекрасныя постройки.

Часовня Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ.

Антоколь—название Литовское и означаетъ «на той горѣ». Когда немного пройдешь на конкѣ вокругъ Замковой горы по берегу Вилии, открывается взору прекрасное возвышенное и живописное мѣсто съ костеломъ свят. Петра и Павла, который расположенъ на косогорѣ, съ одной стороны покрытомъ сосновымъ лѣсомъ, а съ другой—спускающемся къ р. Вилии. На темно-зеленомъ фонѣ сосноваго лѣса особенно рельефно выдѣляется прекрасный куполь костела съ двумя башнями на переднемъ фасадѣ; мѣсто, занимаемое костеломъ, по преданію, еще во времена язычества считалось священнымъ и до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохранился обычай въ день храмоваго праздника, 29 іюня, собираться сюда для плясокъ и хороводовъ; тутъ же въ этотъ день бываетъ ярмарка, по мѣстному «кирмашъ», на которую собирается почти весь городъ. Отъ костела начинаются покрытыя лѣсомъ горы, представляющія прекрасное мѣсто для гулянья. Неподалеку находится, обращенный нынѣ въ военный госпиталь, Сапѣжинскій дворецъ и садъ; мѣсто, занимаемое имъ, въ доисторическія времена было подъ храмомъ языческихъ боговъ. Казиміръ Сапѣга построилъ здѣсь въ 1691 г. костель, который нынѣ передѣланъ въ православную Михайловскую церковь. Въ самомъ концѣ предмѣстья начинается дорога въ Нѣмежинъ и Свѣнцяны, по которой въ 1812 году двигались арміи сначала русская, а затѣмъ и французская. Здѣсь, на самомъ берегу Вилии, находятся остатки бывшаго загороднаго дворца князей Литовскихъ, подъ названіемъ Вѣршуна.

Обратное возвращеніе мое въ городъ совершилось уже въ лодкѣ по р. Вилии внизъ по теченію до Зеленаго моста; я вполне наслаждался отдыхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любовался попутно прекрасной живописной мѣстностью.

На слѣдующій день я направился на извозчикѣ прямо къ Зеленому мосту и, перейдя его, очутился въ предмѣстьѣ, называемомъ Снѣпишки. Здѣсь на берегу большой холмъ и на немъ въ оградѣ и зелени каменная часовня-со статуей Спасителя, несущаго крестъ. Эта статуя у католиковъ считается чудотворною и пользуется большимъ почитаніемъ: около нея всегда можно встрѣтить молящихся, колѣнопреклоненныхъ и благоговѣнно обходящихъ вокругъ часовни. У многихъ религіозное усердіе доходитъ до того, что, начиная отъ этой статуи и до Кальваріи (костель), около 7 верстъ ползутъ на колѣняхъ. Особенно много молящихся бываетъ здѣсь въ лѣтнее время, когда въ Кальварію стекаются пилигримы со всего Сѣверо-Западнаго края; преимущественно, конечно, тянутся ряды женщинъ и непременно босыхъ, а обувь несутъ въ рукахъ. Бываютъ часто цѣлыя процессіи съ крестами и образами, съ пѣніемъ священныхъ молитвъ. У этого холма двѣ главныя улицы предмѣстья раздвоятся: налѣво идетъ Вилькомирская, по направленію къ холмамъ или горамъ Шешкине, съ которыхъ прекрасный видъ на

Предмѣстѣ Сивѣишки въ Вилѣиѣ.

Вильну, и Кальварійская направо, которая тянется черезъ все предмѣстье. Между этими двумя улицами въ разныя стороны расходится масса другихъ улицъ и переулковъ вплоть до рѣки, на громадной площади съ нѣсколькими заводами, такъ что предмѣстье Снѣпишки какъ бы составляетъ отдѣльный городъ съ довольно большимъ народонаселеніемъ; здѣсь же зимой квартируетъ много войска. Около холма, на берегу Вили, высится большой костель св. Рафаила, построенный въ 1703 году. Зданія, принадлежавшія костелу, заняты подъ казармы.

На половинѣ Кальварійской улицы, на базарной площади, находится православная Михайловская церковь, очень небольшая, съ двумя примыкающими флигелями, въ которыхъ помѣщаются мужская и женская школы.

Проѣхавъ всю улицу, я выѣхалъ на обширную равнину, извѣстную подъ именемъ Военнаго поля, которое играетъ видную роль въ исторіи. Здѣсь въ концѣ XIV вѣка происходила битва литовцевъ съ нѣмцами. Въ XVII столѣтіи русскія войска разбили здѣсь поляковъ и взяли въ плѣнъ гетмана Гонсевскаго. Въ 1705 г. Петръ Великій здѣсь расположилъ свои войска и дѣлалъ смотры во время войны со шведами. На этомъ же полѣ смотрѣлъ войска въ 1812 г. Александръ I и тутъ же старая гвардія Наполеона парадировала передъ своимъ вождемъ, кажется, въ послѣдній разъ въ величественномъ видѣ. Недалеко отъ Военнаго поля, на р. Вили, находятся лагеря для мѣстныхъ войскъ. Осмотрѣвъ Военное поле и проѣхавъ по шоссе черезъ сосновый лѣсъ, я очутился въ очаровательной мѣстности на берегу р. Вили, съ дачами, утопающими въ зелени; мѣстность эта называется Тринополь. Здѣсь лѣтомъ живутъ на дачѣ православные виленскіе архіепископы. Дача находится въ бывшемъ католическомъ монастырѣ тринитаріевъ, построенномъ въ 1703 г. По закрытіи монастырь перешелъ въ вѣдѣніе архіерейскаго дома, а костель въ 1849 году передѣланъ въ православную церковь, во имя святого Іосифа Обручника. При дачѣ прекрасный паркъ съ прудами, ручейками, мостиками и фруктовымъ садомъ. Въ громадномъ сосновомъ лѣсу, окружающемъ Тринополь, разбросаны безъ опредѣленнаго порядка небольшія каменные часовни съ изображеніемъ страстей Господнихъ и съ соответствующими надписями; часовни эти носятъ названіе станцій и изображаютъ собой крестный путь Спасителя. Дорожка, живописно извинаясь среди густаго лѣса отъ одной часовни къ другой, приводитъ къ костелу, расположенному на высокой горѣ. Этотъ костель вмѣстѣ съ часовнями и называется Кальваріей. Лѣтомъ, а особенно въ Духовъ день, тысячи паломниковъ собираются сюда со всѣхъ сторонъ края и, раздѣлясь на множество группъ, каждая подъ руководствомъ особаго вожаго, проходятъ отъ часовни къ часовнѣ, распѣвая духовные канты въ

Кальварія блізь Вільні.

память страстей Господнихъ. Костель заложенъ въ 1664 г. и былъ сначала деревянный, но въ концѣ XVIII столѣтія построенъ каменный. Въ 1812 году костель сильно пострадалъ отъ французовъ, устроившихъ здѣсь госпиталь и казармы, но нынѣ вновь отремонтированъ. Въ лѣтнее время здѣсь происходитъ продажа священныхъ предметовъ и съѣстныхъ припасовъ. Отъ Тринополя я поѣхалъ по дорогѣ, которая идетъ берегомъ Вилии въ имѣніе Верки, въ настоящее время превращенное въ городъ. Съ лѣвой стороны дороги поднимается довольно высокая гора, покрытая сосновымъ лѣсомъ, а съ правой у самыхъ ногъ извивается въ зеленыхъ берегахъ Вилия. Дорогу въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересекають ручейки, сбѣгающіе къ рѣкѣ съ сосѣдней горы. Дорога неважная, но пейзажъ мѣняется на каждомъ шагу, и глазамъ представляются все новыя картины, довольно живописныя.

Наконецъ я подѣхалъ къ Веркамъ, расположеннымъ на высокой и крутой горѣ, сверху донизу покрытой густымъ лѣсомъ. Верки по-литовски значить «плачь», такъ названа эта мѣстность, какъ гласитъ преданіе, по слѣдующему случаю: великій князь Гедиминъ, охотясь однажды въ этихъ мѣстахъ, нашелъ въ орлиномъ гнѣздѣ плачущаго ребенка, котораго онъ воспиталъ и сдѣлалъ жрецомъ Перкуна. Въ концѣ XIV столѣтія великій князь Ягелло назначилъ Верки подъ помѣщеніе католическихъ епископовъ, послѣ чего Верки переходили изъ рукъ въ руки и въ настоящее время находятся въ частной собственности. Садъ и цвѣтники въ Веркахъ чудо искусства; но что болѣе всего привлекаетъ сюда, такъ это видъ, открывающійся съ площадки на самомъ краю горы; трудно встрѣтить подобный величественный и очаровательный видъ на р. Вилию и окрестности. Интересенъ также дворецъ и въ немъ коллекція древнихъ рыцарскихъ доспѣховъ и оружія. Осмотрѣвъ Верки, я отпустилъ извозчика, а самъ отправился на устроенную у подножія горы маленькую пристань, гдѣ вскорѣ сѣлъ на паровой катеръ, чтобы возвратиться въ Вильну по Вилии и попутно еще разъ полюбоваться прекрасными видами окрестностей. Верки имѣютъ постоянное сообщеніе лѣтомъ съ Вильной посредствомъ парового катера по рѣкѣ, такъ какъ дорога лошадьми не особенно удобна. Возвратившись въ Вильну, мнѣ пришлось два дня просидѣть дома, благодаря ненастной погодѣ, хотя была середина лѣта. На третій день погода установилась опять хорошая, и я отправился осматривать западную часть города, подъ названіемъ Погулянка, о которой я выше упоминалъ. Большая Погулянская улица, усаженная по сторонамъ тѣнистыми деревьями, представляетъ собою тѣнистую аллею и оканчивается у сосноваго лѣса, подъ именемъ Закреть. Къ этому же лѣсу ведетъ и другая улица, названная по лѣсу Закретной. На Погулянкѣ находится громадное зданіе управленія Полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ, а на Закретной

Развалины замка князей Литовскихъ въ Трокахъ.

улицѣ—тоже довольно большое зданіе юнкерскаго училища. Въ концѣ Погулянки находится каменная высокая часовня, построенная въ 1796 г. первымъ генералъ-губернаторомъ Вильны Репнинымъ надъ могилой погребенной здѣсь его жены. Неподалеку отъ часовни находится глубокій оврагъ, куда возили больныхъ зачумленныхъ во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Вильнѣ въ 1710 г. За ними ухаживали іезуиты, которыхъ тамъ много и умерло, почему и мѣстность эта носитъ названіе іезуитской.

Закретскій лѣсъ одно изъ излюбленныхъ мѣстъ гулянья виленцевъ, такъ какъ примыкаетъ къ р. Вилии, которая отдѣляетъ лѣсъ отъ вышеописаннаго Звѣринца. Въ Закретскомъ лѣсу когда-то былъ каменный домъ, принадлежавшій генералу Бенигсену, въ которомъ не разъ бывалъ императоръ Александръ I, купившій этотъ паркъ, теперь принадлежащій дворцовому вѣдомству. Домъ же въ 1812 г. сгорѣлъ вмѣстѣ со многими несчастными больными французами, помѣщенными здѣсь, и самыя развалины разобраны. Отсюда я отправился обратно въ городъ и, по Большой и Островотной улицѣ доѣхавъ до Желѣзнаго моста, повернулъ налѣво въ гору и очутился за городомъ въ предмѣстьѣ подъ именемъ Россы. Здѣсь, оставивъ извозчика, я, пройдя немного, очутился передъ каменнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ глубокую выемку желѣзной дороги. Съ моста очень хорошій видъ на Вильну; немного дальше открывается на лѣвой рукѣ широко разстилающаяся долина, усаженная домиками и покрытая садами; это Поплавы, тоже предмѣстье Вильны. Поплавы имѣютъ чудный, чисто швейцарскій видъ. Далѣе, у третьей желѣзнодорожной будки, находится загородный ресторанъ подъ названіемъ «Желѣзная хатка»; иногда здѣсь играетъ полковая музыка. Разъ въ лѣто, на Ивановъ день, здѣсь бываетъ масса народа, такъ какъ въ долинѣ устраивается «кирмашъ» (ярмарка) съ плясками и пѣніемъ народныхъ пѣсень. Только къ вечеру я выбрался обратно въ городъ, довольно утомленный, но довольно осмотромъ дѣйствительно прекрасныхъ виленскихъ окрестностей. Жаль, что не вездѣ удобны дороги, да и извозчики виленскіе никуда не годятся за малыми исключеніями. На другой день я по желѣзной дорогѣ съѣздивъ за 9 верстъ полюбоваться Пожарскими горами и тоннелемъ желѣзной дороги, хотя небольшимъ, но довольно величественнымъ вблизи. Окрестности около тоннеля прямо восхитительныя. Вездѣ между горъ и перелѣсковъ разбросаны деревенскіе домики (такъ наз. выселки); это крестьяне, отдѣляясь отъ деревни, поселяются въ лѣсу между горъ и небольшихъ косогоровъ. Тамъ же лѣтомъ живетъ много дачниковъ. Отсюда я вернулся въ Вильну и отправился на Ново-Вилейскъ, большую желѣзнодорожную станцію возлѣ рѣки Вилейки въ живописной мѣстности, около которой начали понемногу возводиться постройки и теперь образовался громаднѣйшій поселокъ, превращенный

Развалины замка князей Литовскихъ въ Лидѣ.

недавно въ городъ. Въ Ново-Вилейскѣ находится большой заводъ и громадная отлично устроенная окружная больница для душевно-больныхъ, съ православной церковью. Лѣтомъ здѣсь живетъ масса дачниковъ, благодаря хорошему купанью, удобному сообщенію съ Вильной, частыми поѣздами, а главное—благодаря прекрасной мѣстности. Изъ Ново-Вилейска я взялъ билетъ до ст. Ландварово для поѣздки въ историческій городъ Троки. Приѣхавъ на ст. Ландварово (отъ Вильны около 20 верстъ), далѣе до Трокъ нужно было отправляться уже на лошадяхъ, почему, за поздней порой и изъ-за начавшагося дождя, я рѣшилъ заночевать близъ вокзала въ гостиницѣ.

На другой день я выбралъ получше возницу изъ жидковъ и направился въ г. Троки, находящійся отъ станціи въ 11—12 верстахъ. Хотя къ Трокамъ почти уже готово шоссе, но почему-то закрыто для проѣзда и потому приходится ѣхать рядомъ по дорогѣ, особенно послѣ дождей, весьма плохой. Кругомъ дороги по сторонамъ зеленѣютъ засѣянные поля, попадаются и перелѣски, въ общемъ, путешествіе было бы очень пріятно, если бы не плохіе извозчики и не скверная дорога съ выбоинами. Черезъ часа полтора я подѣзжалъ уже къ г. Трокамъ. Городъ раздѣляется на двѣ части; первая изъ нихъ называется Старые Троки или Гургани и принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ литовскихъ поселеній. Другую часть называютъ Новые Троки, извѣстные въ исторіи съ 1320 г., когда князь Гедиминъ построилъ здѣсь замокъ и перенесъ сюда изъ Кернова свою столицу. Новые Троки расположены на полуостровѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ водами озеръ Гальва и Бражольское. На берегу озера сохранились остатки замка, построеннаго Гедиминомъ. Другія развалины бывшаго замка сохранились на островѣ посреди озера Гальва, въ полуверстѣ отъ перваго. Съ берега, съ высокаго кургана городского сада, прекрасный видъ на замокъ, а также и на дворецъ графа Тышкевича, находящійся за озеромъ въ его имѣніи, называемомъ Затрочье. Дворецъ какъ бы колышется въ волнахъ озера. Замокъ Гедимина на островѣ сооруженъ былъ въ готическомъ стилѣ въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что занималъ собою весь островъ около двухъ десятинъ. Онъ имѣетъ двойную стѣну съ тремя башнями по оконечностямъ и высокой сторожевой башней. Остатки его и теперь величественны. Оба Троцкіе замка истреблены пожаромъ во время разоренія города въ войну 1655 г. Старая часть Трокъ—нынѣ только мѣстечко, а новая часть города занимаетъ положеніе уѣзднаго города съ населеніемъ свыше 2 тысячъ, преимущественно караимовъ, главный заработокъ которыхъ составляетъ разведение огурцовъ и ловля въ озерѣ прославленной въ краѣ рыбы-селявы. Когда-то Троки славились высокимъ положеніемъ православія и имѣли много церквей, въ настоящее же время въ городѣ одна пра-

Памятникъ Скобелеву въ лагерѣ въ Оранахъ.

вославная церковь и одинъ костелъ. Къ вечеру я уже возвратился обратно въ Ландварово и съ первымъ поѣздомъ отправился въ г. Лиду.

Лида, уѣздный городъ Виленской губ., нѣкогда столица удѣльнаго княжества, составляетъ древнѣйшее литовское поселеніе, возникшее на рубежѣ Литвы и Дейновскаго княжества, прекратившаго свое существованіе въ XII столѣтіи; въ настоящее время это не особенно большой городокъ, заселенный преимущественно евреями, стоитъ при желѣзной дорогѣ. Князь Гедиминъ, укрѣпляя свои границы, соорудилъ въ 1323 году здѣсь большой замокъ, развалины коего сохранились до настоящаго времени. Замокъ съ трехъ сторонъ окруженъ былъ озеромъ, въ настоящее время почти высохшимъ, а съ четвертой, къ городу, большимъ рвомъ; имѣлъ квадратную форму, каждая стѣна доходила до 30 саж. длины, 2 саж. толщины и болѣе 5 саж. высоты. Въ началѣ XVIII столѣтія, во время войны со шведами, замокъ, вмѣстѣ съ городомъ, былъ совершенно разрушенъ и болѣе уже не возобновлялся, только остатки стѣнъ его поддерживаются теперь городомъ. Въ городѣ много каменныхъ домовъ и замѣтна торговля, такъ какъ въ настоящее время у города проводится другая желѣзная дорога, Полоцкъ-Сѣдлецкая. Изъ Лиды я нарочно на лошадахъ сѣздили осмотрѣть находящуюся въ Лидскомъ уѣздѣ Маломожейковскую историческую православную церковь; характерная архитектура церкви напоминаетъ средневѣковые замки и наводитъ на мысль, что храмъ былъ не только домомъ молитвы, но и защитой и хранилищемъ людскаго скарба въ былое время опустошительныхъ войнъ и грабежей. Церковь сооружена въ 1407 году нѣкимъ Мацкевичемъ-Шклевскимъ; стѣны ея сложены изъ крѣпкаго, какъ желѣзо, кирпича, въ сажень толщиной, по угламъ ея устроены стрѣльчатая башни, въ которыя были проведены и въ церкви спиральными каменными лѣстницами особыя ходы. Подъ церковью устроены склепы, входъ въ нее защищался тяжелой желѣзной дверью на цѣпяхъ. Последній ремонтъ послѣ долгаго разрушенія церкви произведенъ былъ лишь въ 1873 году.

Отсюда я возвратился въ Лиду и, сѣвъ на поѣздъ, въ Вильну. Вскорѣ мнѣ пришлось побывать въ м. Оранахъ, Виленской губ., гдѣ расположены въ 5 верстахъ отъ мѣстечка лагеря артиллерійскіе и пѣхотные. Особенно красива мѣстность, гдѣ артиллерійскіе лагеря. Огромная площадь высится надъ рѣкой Оранкой и покрыта во многихъ мѣстахъ лѣсомъ, за которымъ идетъ шоссе въ Ораны. Въ лѣсу дачи начальствующихъ военныхъ лицъ. На крутомъ обрывѣ, въ концѣ лагеря, на берегу р. Оранки, поставленъ офицерами памятникъ доблестному Скобелеву, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покойный генералъ любилъ отдыхать въ кругу военной семьи и часто здѣсь сиживалъ среди офицеровъ; памятникъ не великъ,

Тысячелетняя Коложанская церковь въ Гроднѣ.

но богатый по мысли, и поставленъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ слышатся постоянно пушечные выстрѣлы на недалекомъ находящемся артиллерійскомъ полигонѣ. За рѣкой на песку видны копошащіяся солдатики, а въ лѣсу раздаются солдатская пѣсенка какого-нибудь проходящаго артиллериста.

Изъ Оранъ я вскорѣ отправился въ г. Гродну, давно интересовавшую меня. Гродна небольшой губернской городъ, но очень живописенъ и расположенъ на исторической величественной рѣкѣ Нѣманъ. Особенно красивъ городъ изъ-за Нѣмана съ слободы Форштадтъ отъ францисканскаго костела. Въ Гроднѣ масса зелени, и улицы по большей части довольно широкия и ровныя. Миѣ всего день пришлось пробыть въ Гроднѣ и вечеромъ уѣхать обратно въ Вильну, но все же я осмотрѣлъ достопримѣчательности города, а именно—Коложанскую церковь и замокъ князей Литовскихъ. На высокомъ берегу Нѣмана величественно красуется древнѣйшій памятникъ православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Коложанская церковь во имя Бориса и Глѣба. Название мѣстности Коложа произошло по слѣдующему случаю: литовскій князь Витовтъ, въ войну съ Псковомъ, захватилъ въ плѣнъ жителей предмѣстья Коложи, около одиннадцати тысячъ человекъ и, приведя ихъ въ Гродну, отвелъ имъ для поселенія мѣстность близъ церкви. Поселенцы, въ память своего прежняго мѣстожителства, и назвали это мѣсто Коложею. Коложанская церковь основана въ XII столѣтїи и подвергалась не разъ разрушенію, но въ настоящее время возобновлена и представляетъ собою замѣчательное произведеніе церковнаго зодчества. Построенная въ византійскомъ стилѣ, она сложена изъ прочнаго кирпича, въ стѣнахъ ея, для лучшаго резонанса, вставлены голосники въ видѣ кувшиновъ, обращенныхъ отверстіемъ внутрь храма, одинъ подъ другимъ, различной величины. Голосники представляютъ одинъ изъ признаковъ древности постройки. Голосники имѣются въ Кіевскомъ соборѣ, Черниговскомъ, Новгородскомъ и Овручскомъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ такъ много, какъ въ Коложанскомъ храмѣ. Наружныя стѣны храма украшены снизу разноцвѣтными большими камнями, а выше обложены крестами изъ желтыхъ и зеленыхъ изразцовъ.

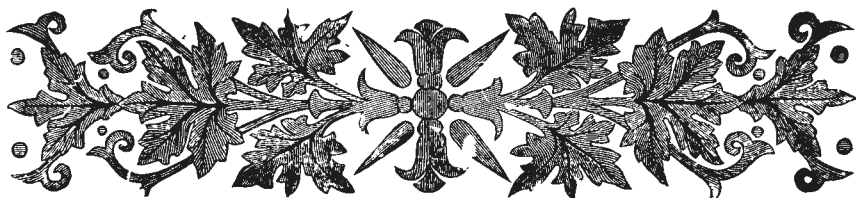
На противоположной высокой горѣ, тоже надъ Нѣманомъ, высятся бывшій замокъ князей Литовскихъ. Въ настоящее время зданіе отремонтировано и тамъ помѣщается офицерское собраніе. Между двумя этими горами въ глубокомъ оврагѣ протекаетъ маленькая рѣчка Коложа, впадающая тутъ же въ Нѣманъ, а по бокамъ ея ютятся неказистые домики бѣднаго населенія города. Въ общемъ, Литва произвела невыгодное на меня впечатлѣніе. Кромѣ квартиръ, все дорого, дрова и провизія. Благодаря нерасположенію къ труду литовцевъ, огороды здѣсь не процвѣтаютъ; овощи дороги и не всегда можно даже ихъ достать; въ Москвѣ и то они

Замок князей Литовскихъ въ Гродно.

дешевле. Мясо, а въ особенности рыба, тоже дороги. Еврейская скученность, главнымъ образомъ, вліяетъ на это. Много бѣдноты, какъ среди евреевъ, такъ и литовцевъ. Живутъ все грязно и не-решливо, но любятъ наряжаться при выходѣ изъ дому. Отноше-ніе къ евреямъ какъ русскаго, такъ и польскаго населенія нельзя назвать хорошимъ, хотя поляки и къ русскимъ относятся не лучше. Русскіе, подобно евреямъ, съ поляками говорятъ по-польски, конечно, за исключеніемъ пріѣзжихъ, между тѣмъ поляки обращаются къ русскимъ только по-польски и, при всякомъ удобномъ случаѣ, стараются поддержать свой языкъ и только уже въ крайности и при нежеланіи русскаго говорить и слушать по-польски, начи-наютъ разговоръ по-русски. Вообще грустно становится, что въ краѣ изстари русскомъ русскій человѣкъ чувствуетъ, что онъ какъ бы не дома. Поэтому я очень былъ радъ, когда, наконецъ, выѣхалъ отсюда, помолясь издали на храмы православные, и по-желалъ отъ души какъ можно больше наплыва русскаго корен-ного элемента, чтобы этотъ старинный русскій край сталъ, након-ецъ, опять настоящимъ русскимъ.

Н. Останковичъ.

МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

В НЕДАЛЕКОМЪ будущемъ, черезъ полтора или два года, Москва обогатится величайшимъ въ Россіи художественно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ, постройка котораго въ настоящее время почти уже завершена, это—музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, организуемый при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Музею этому, быть можетъ, суждено сыграть первенствующую роль въ дальнѣйшемъ эстетическомъ развитіи русскаго общества, такъ какъ здѣсь будетъ собрано все великое и вѣчное, что только создано доселѣ человѣческимъ гениемъ въ области искусства, по тремъ главнѣйшимъ его отраслямъ: скульптурѣ, архитектурѣ и живописи.

Скульптура будетъ изображена здѣсь въ гипсовыхъ слѣпкахъ, дѣлаемыхъ въ натуральную величину оригиналовъ и съ математической точностью въ лучшихъ мастерскихъ Западной Европы, преимущественно въ самихъ государственныхъ и частныхъ музеяхъ, гдѣ хранятся знаменитые оригиналы. Множество статуй, группъ, рельефовъ и бюстовъ уже давнымъ-давно прибыли въ Москву для будущаго музея изъ Лувра, Британскаго музея, Мюнхенской глиптотеки, Дрезденскаго Альбертинума, изъ Берлинскаго королевскаго музея, изъ національнаго музея въ Неаполѣ, изъ Ватикана и другихъ музеевъ Рима. Скульптура въ лучшихъ и главнѣйшихъ памятникахъ будетъ расположена въ музеѣ по странамъ и историческимъ эпохамъ: 1) Египетъ, 2) Ассирія и древняя Персія, 3) Финикія и Малая Азія, 4) Греція въ различ-

ные періоды процвѣтанія ея искусствъ (11 залъ и кабинетовъ), 5) Римъ, 6) средніе вѣка, 7) эпоха Возрожденія и 8) новыя времена и народы. Этотъ скульптурный музей въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ будетъ первымъ примѣромъ въ Россіи, создаваемымъ по образцу лучшихъ европейскихъ и американскихъ музеевъ гипсовыхъ слѣпковъ. Музея столь полнаго и систематическаго до сихъ поръ еще не было въ Россіи. Нѣкоторые отдѣлы его будутъ къ тому же заключать не только гипсовые копіи, но и цѣнные оригиналы, коихъ значительное количество въ настоящее время уже собрано.

Зодчество древнихъ и новыхъ временъ въ музеѣ Московскаго университета будетъ представлено въ моделяхъ храмовъ, театровъ и другихъ мѣстъ общественныхъ собраній, частныхъ сооружений и домовъ. При выборѣ матеріала главное вниманіе обращено на существенныя отличія памятниковъ главнѣйшихъ стилей строительнаго искусства въ разныя историческія времена, у разныхъ народовъ Востока, въ Греціи, Римѣ и Византіи, въ Европѣ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія.

Въ отдѣлѣ живописи обращено особое вниманіе на составленіе собранія пособій для изученія этого искусства въ его исторіи; сюда относятся фотографіи, рисунки, гравюры, художественныя изданія различныхъ европейскихъ галлерей, отдѣльные увражи, посвященные той или другой школѣ живописи или тому или другому великому мастеру. Весь этотъ обширный матеріалъ будетъ расположенъ въ рядѣ небольшихъ кабинетовъ по народностямъ, школамъ и мастерамъ. Живопись классической древности въ Помпѣѣ, Геркуланумѣ и Римѣ будетъ представлена въ художественныхъ копіяхъ, снятыхъ съ оригиналовъ. Для живописи римскихъ катакомбъ имѣется обширное собраніе картоновъ кисти русскаго художника Ѳ. П. Реймана, работавшаго въ подземельяхъ Рима двѣнадцать лѣтъ. За катакомбнымъ періодомъ будутъ слѣдовать образцы христіанской живописи и мозаики другихъ историческихъ эпохъ.

Кромѣ указанныхъ отдѣловъ, въ составъ музея входятъ еще слѣдующія учрежденія:

1) Антикварій музей, гдѣ предполагается помѣстить нумизматическій кабинетъ, собраніе камней и художественныхъ медалей, бронзъ въ видѣ бюстовъ, статуэтокъ, рельефныхъ досокъ, предметовъ домашняго и общественнаго быта у древнихъ народовъ, въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія. Здѣсь же займутъ мѣсто геркуланскія и помпейскія бронзы Неаполитанскаго музея въ художественныхъ репродукціяхъ лучшихъ итальянскихъ ателье.

2) Библіотека музея, которая будетъ имѣть спеціальныи, историко-художественный характеръ. Здѣсь предполагается сосредоточить всю существенно важную литературу для изученія искусствъ

и быта древнихъ и новыхъ народовъ: атласы, художественные увражи, обширныя изданія памятниковъ искусствъ, литературную разработку исторіи искусства въ трудахъ общаго характера и въ специальныхъ монографіяхъ на всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ.

3) Аудиторія музея, имѣющая свой особый входъ, помѣстительная и снабженная всѣми лучшими акустическими условіями; она специально предназначается для чтенія публичныхъ курсовъ по исторіи и различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ искусства.

Таковы составныя части этого колоссальнѣйшаго въ Россіи музея, къ исторіи возникновенія котораго мы сейчасъ перейдемъ.

Собственно говоря, первымъ проповѣдникомъ идеи о необходимости исторической скульптурной галлерей для Москвы и Московскаго университета былъ знаменитый профессоръ С. П. Шевыревъ, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка занимавшій кафедру русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Человѣкъ широкаго, многосторонняго образованія, горячій энтузіастъ Италіи и ея искусства, знатокъ и восторженный поклонникъ Данта, онъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ своимъ изящнымъ перомъ и увлекательнымъ словомъ служилъ художественному просвѣщенію нашей публики и университетскаго юношества. Помощникомъ и продолжителемъ дѣла Шевырева въ Московскомъ университетѣ, начиная съ сороковыхъ годовъ, былъ Ѳ. И. Буслась, явившійся на кафедру русской словесности послѣ продолжительнаго пребыванія за границей, преимущественно въ Италіи, гдѣ вниманіе молодого ученаго всецѣло было поглощено какъ античнымъ искусствомъ, такъ и памятниками художествъ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Болѣе полувѣка знаменитый профессоръ и ученый служилъ распространенію историко-художественныхъ знаній въ Россіи и съ кафедры и своими многочисленными сочиненіями, посвященными множеству самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Обладая небольшими матеріальными средствами, Буслаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся счастливымъ обладателемъ драгоценныхъ историко-художественныхъ коллекцій, собранныхъ отовсюду исключительно лишь силою любви и знанія.

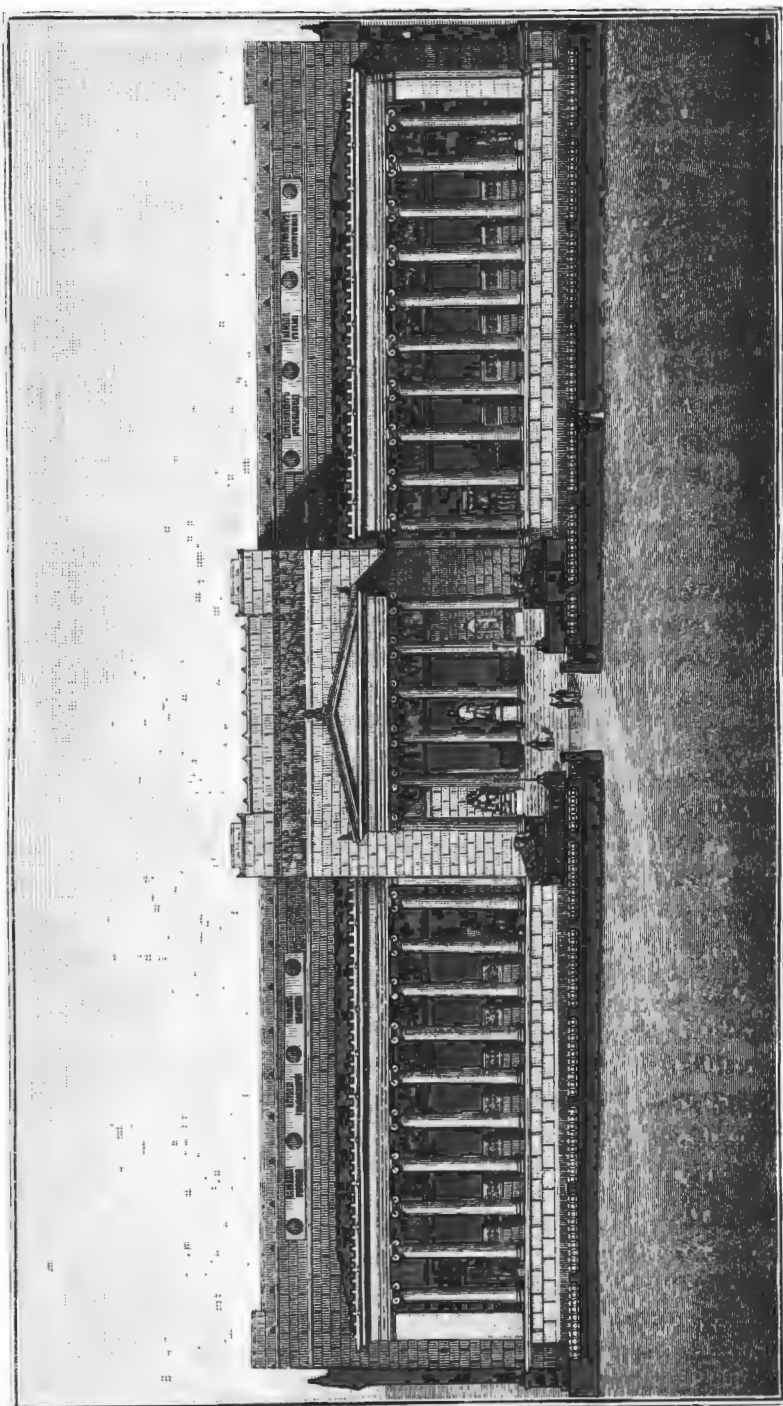
Подобно тому, какъ искусство античнаго міра, первыхъ вѣковъ христіанства, среднихъ вѣковъ, эпохи Возрожденія и древне-русское искусство нашли блестящую популяризацию въ лекціяхъ, личныхъ бесѣдахъ и ученыхъ трудахъ Ѳ. И. Буслаева, такъ искусство классическаго міра въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятихъ годахъ имѣло своего представителя въ Московскомъ университетѣ въ лицѣ даровитаго профессора П. М. Леонтьева. Еще до полученія профессуры, много путешествуя по Италіи и ея музеямъ, П. М. Леонтьевъ первый изъ москвичей принялся за осуществленіе идеи о скульптурномъ музеѣ при Московскомъ университетѣ, идеи, какъ мы сказали выше, еще занимавшей С. П. Шевырева.

И вотъ плодомъ его стараній явилось пріобрѣтеніе для нашего университета статуй Аполлона Бельведерскаго, Діаны Версальской, Венеры Медицейской, Венеры Таврической, Венеры Милосской, нѣсколькихъ статуй римской работы и нѣсколькихъ бюстовъ. Небольшая коллекція эта была первою въ Московскомъ университетѣ; къ тому же она составлялась въ такое время, когда въ Россіи желѣзныхъ дорогъ еще не было, когда доставка такихъ хрупкихъ предметовъ, какъ гипсовыя изваянія, соединена была съ затрудненіями, которыхъ и представить себѣ не могутъ люди нашего времени, привыкшіе къ быстротѣ и удобствамъ передвиженія. Отсюда понятно, какъ велико значеніе этой крошечной художественной коллекціи, послужившей основаніемъ для будущаго музея искусствъ.

Непосредственнымъ продолжателемъ дѣла созданія музея искусствъ при Московскомъ университетѣ послѣ Леонтьева былъ проф. Гёрцъ, который въ теченіе двадцати лѣтъ увеличивалъ отдѣленіе классическихъ древностей, пріобрѣтая для него греческія расписныя вазы, терракотты, бронзы, слѣпки съ древнихъ геммъ и камней, и до конца жизни мечталъ объ увеличеніи университетскаго музея античной скульптуры, основаннаго Леонтьевымъ. И вотъ ему суждено было дожить до такого осуществленія своей завѣтной мечты, какого онъ, вѣроятно, и не ожидалъ никогда. Въ 1868 г. В. П. Боткинъ коренной москвичъ по рожденію и воспитанію, оставилъ Московскому университету особый капиталъ на музей гипсовыхъ слѣпковъ. Черезъ 14 лѣтъ послѣ смерти завѣщателя совѣтомъ университета поручено было проф. Гёрцу отправиться за границу и произвести закупку тѣхъ копій памятниковъ античной скульптуры, которыя онъ найдетъ наиболѣе нужными для университетскаго музея. Порученіе это было имъ выполнено незадолго до кончины, и университетскій музей обогатился 27 статуями и рельефами греческой эпохи.

Такъ, мысль о созданіи музея античнаго искусства подъ сѣнію Московскаго университета, взлелѣянная въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ С. П. Шевыревымъ и черезъ двадцать лѣтъ осуществленная, хотя еще и въ весьма скромныхъ размѣрахъ, профессоромъ Леонтьевымъ, продолжала жить въ Москвѣ и, спустя пятнадцать лѣтъ, вызвала щедрое пожертвованіе со стороны В. П. Боткина.

Боткинскій даръ въ исторіи учрежденія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, имѣетъ особое значеніе прежде всего по своей идеѣ, не говоря уже о матеріальныхъ послѣдствіяхъ. Дѣло въ томъ, что покойный Боткинъ былъ первымъ въ Россіи человѣкомъ, который назначеніемъ своего дара указалъ, въ какую сторону должно быть направлено у насъ преподаваніе античнаго искусства, именно въ сторону возможно близкаго знакомства съ самими памятника-

Музей императора Александра III. (Гипсовая модель).

ми. Своимъ даромъ В. П. Боткинъ подтвердилъ значеніе той истины, что преподаваніе исторіи искусствъ требуетъ прежде всего нагляднаго знакомства съ предметомъ изученія. Нельзя описать зданія, не показавъ его плана, или общей формы его въ рисункахъ, фотографіяхъ или, еще того лучше, въ хорошо исполненной модели; никакимъ краснорѣчіемъ профессоръ не достигнетъ полного и вѣрнаго изображенія картины, не прибѣгнувъ къ копіи, сдѣланной тѣмъ или инымъ способомъ; останется бесплоднымъ всякое описаніе статуи, рельефа, геммы, камеи, художественно исполненной медали или монеты, если при этомъ не будутъ показаны или самъ оригиналъ, или хорошій гипсовый его слѣпокъ, фотографическое воспроизведеніе и т. д. Вотъ въ чемъ именно и заключается идейная сторона Боткинскаго дара. Благородный починъ В. П. Боткина вызвалъ большой притокъ пожертвованій со стороны щедрыхъ москвичей, пожертвованій столь обильныхъ, что волей-неволей долженъ былъ возникнуть тревожный вопросъ, гдѣ и какъ размѣстить всѣ эти сокровища, гдѣ выставить ихъ для общаго, свободнаго и удобнаго для всѣхъ изученія и пользованія. Возникъ, такимъ образомъ, для Московскаго университета большой и трудный вопросъ о постройкѣ новаго, значительныхъ размѣровъ, зданія, специально предназначеннаго для потребностей музея. Гдѣ достать необходимыя матеріальныя средства на постройку этого зданія? Вопросъ этотъ долгое время оставался открытымъ, но, разумѣется, рано или поздно онъ долженъ былъ получить благопріятное разрѣшеніе. 24 апрѣля 1894 г., на первомъ съѣздѣ русскихъ художниковъ и любителей художествъ въ Москвѣ, профессоръ И. В. Цвѣтаевъ произнесъ блестящую рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами: «Можетъ ли Москва, духовный центръ Россіи, центръ ея колоссальной торговли и промышленности, Москва—родина и мѣстожителство старыхъ и славныхъ аристократическихъ фамилій, между коими есть и всѣмъ извѣстныя своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, Москва, покрывшая себя славой широкихъ христіанскихъ и просвѣтительныхъ благотвореній,—можетъ ли такой городъ, въ которомъ бьется пульсъ благороднаго русскаго сердца, допустить, чтобы въ его всегда гостепріимныхъ стѣнахъ остались безъ подобающаго крова вѣковѣчныя созданія гениальнаго искусства, собранныя сюда со всего цивилизованнаго свѣта, и притомъ такія созданія, которыя въ очень большомъ числѣ впервые вступаютъ въ Россію, и двойниковъ которымъ нѣтъ въ нашемъ отечествѣ нигдѣ? Можетъ ли Москва это потерпѣть? Пусть вашъ внутренній голосъ подскажетъ вамъ, какъ и что нужно отвѣтить въ данномъ случаѣ».

Рѣчь эта была произнесена въ апрѣлѣ, а въ ноябрѣ того же года, когда подъ печальный перезвонъ колоколовъ вся Москва молилась о своемъ безвременно почившемъ государѣ, останки кото-

раго находились тогда въ Архангельскомъ соборѣ Кремля, угасала на Малой Дмитровкѣ замѣчательная русская женщина, всю жизнь свою посвятившая дѣлу благотворительности. Узнавъ о причинѣ траурнаго звона собѣднаго храма, она душеприказчикамъ своимъ завѣщала на словахъ выдѣлить Московскому университету, по ликвидации ея коммерческихъ дѣлъ, такую сумму, какая окажется возможною, для музея изящныхъ искусствъ и просить о присвоеніи этому учрежденію имени только что почившаго императора. Полгода употребили душеприказчики Варвары Андреевны Алексѣевой на исполненіе возложеннаго на нихъ порученія и весной 1895 г. принесли Московскому университету 150.000 рублей на постройку будущаго музея.

Когда состоялся этотъ даръ, открывшій радужныя перспективы новаго просвѣтительнаго учрежденія, какого не имѣли до сихъ поръ ни Москва, ни Россія, то возникъ вопросъ о мѣстѣ для новаго музея. И вотъ здѣсь большую службу сослужилъ Московскому университету графъ Н. А. Капнистъ, бывший тогда попечителемъ учебнаго округа. Площадь Колымажнаго Двора, близъ храма Христа Спасителя, первоначально была предназначена для постройки промышленнаго училища, но, когда гр. Капнисту была сообщена мысль объ отдачѣ названной площади подъ музей и о постройкѣ школы на Миусской площади, гдѣ для этой цѣли представлялось даже болѣе удобствъ, онъ собственноручно написалъ обширную записку объ отдачѣ Колымажнаго Двора музею изящныхъ искусствъ. Но сдѣлалъ онъ это лишь послѣ того, какъ лично убѣдился, что будущая школа не потерпитъ отъ этого никакого ущерба: больной и слабый на ноги, графъ долго измѣрялъ шагами мѣсто на Миусской площади, и, убѣдившись, что оно вполне соответствовало Колымажному Двору, приступилъ къ составленію своей превосходной записки.

Такимъ образомъ, вопросъ о мѣстѣ будущаго музея былъ рѣшенъ, оставалось лишь приступить къ его постройкѣ. Августѣйшее имя, присвоенное этому художественно-просвѣтельному учрежденію, драгоценное мѣсто, отведенное подъ его зданіе вблизи храма Христа Спасителя, и назначеніе самаго учрежденія служить эстетическому развитію учащихя поколѣній и нашего общества выдвинули на первый планъ вопросъ объ особо изящной формѣ и о желательныхъ размѣрахъ зданія музея. Съ этой цѣлью Московскій университетъ обратился съ ходатайствомъ къ императорской академіи художествъ о выработкѣ соответствующихъ проектовъ. Академія отнеслась весьма сочувственно къ высоко-просвѣтельнымъ стремленіямъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ и назначила архитектурный конкурсъ. И вотъ нѣсколько проектовъ, ею награжденных, послужили потомъ основаніемъ при выработкѣ новаго проекта, составленіе котораго было поручено московскому

архитектору, Р. И. Клейну. Согласно этому послѣднему проекту, главный фасадъ музея, съ центральнымъ портикомъ и двумя колоннадами по бокамъ его, исполненъ въ іоническомъ стилѣ лучшей эпохи древне-греческаго зодчества; боковые же фасады, въ силу необходимости, обработаны въ ново-греческомъ характерѣ.

Затѣмъ, для устройства музея соотвѣтственно его высокому назначенію постановлено было Московскимъ университетомъ ходатайствовать объ учрежденіи особаго комитета подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ великаго князя Сергія Александровича. Ходатайство это было удовлетворено, и въ 1897 г. издано «положеніе о комитетѣ по устройству при императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III».

Съ этого момента въ исторіи музея начинается блестящая эра, постройка его идетъ ускореннымъ темпомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣлахъ комитета сталъ принимать близкое участіе Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, назначенный вскорѣ товарищемъ августѣйшаго предсѣдателя этого комитета. Смѣло можно сказать, что музей всеѣмъ своимъ прошлымъ и настоящимъ обязанъ почти исключительно Юрію Степановичу, который принесъ дѣлу созиданія этого величайшаго въ Россіи художественно-просвѣтительнаго учрежденія и свою неустанную энергію, и свое время, и свои колоссальныя матеріальныя жертвы. Съ весны 1898 г., проводя въ Москвѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, Ю. С. жилъ одними только интересами и дѣлами создаемаго музея, и не было такого детальнаго вопроса, который не составлялъ бы предмета его неослабныхъ попеченій. Онъ и предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, и обсуждалъ дѣла строительной комиссіи, и велъ ежедневныя сношенія съ разными должностными лицами по постройкѣ музея, съ главнымъ поставщикомъ строительныхъ матеріаловъ, даже съ простыми рабочими-мастерами. Интересамъ музея, главнымъ образомъ, были посвящены и ежегодныя поѣздки Юрія Степановича за границу. Такъ, на примѣръ, въ Египтѣ онъ знакомился съ древностями и, при помощи такихъ специалистовъ, какъ Бругшъ, пріобрѣталъ для музея на собственные средства обширную коллекцію памятниковъ египетскаго искусства, статуи, бюсты, рельефы, папирусы, превосходные портреты начальныхъ вѣковъ христіанства и т. д. Все эти предметы высокой научной и денежной цѣнности наполняютъ собою особый, такъ называемый Египетскій залъ музея. Въ Лондонѣ Ю. С. сосредоточиваетъ все свое вниманіе на ассирійскихъ древностяхъ и на греческихъ скульптурахъ вѣка Фидія. Съ памятниковъ ассирійскаго ваянія имъ пріобрѣтено огромное количество превосходныхъ копій, въ томъ числѣ и копія съ пресловутыхъ колоссальныхъ крылатыхъ быковъ; кромѣ того, щедрый даритель поднесъ музею весь фризъ Парѣнона, впервые явившійся въ Рос-

сію въ полномъ своемъ объемѣ. Въ Греціи, помимо пріобрѣтенія копій съ памятниковъ античной скульптуры, Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ дѣлаеть небывалый въ исторіи классической археологіи заказъ воспроизведенія колоссальныхъ глиняныхъ сосудовъ съ живописью такъ называемаго «Дипилонскаго» періода. Тамъ же онъ пріобрѣтаетъ бронзовыя репродукціи цѣлаго собранія микенскихъ древностей—мечи, кинжалы, вазы, предметы мужского и женскаго убранства. Словомъ, вездѣ, гдѣ только ни путешествовалъ Ю. С., онъ всюду намѣчалъ предметы, необходимые для будущаго музея, и немедленно дѣлалъ заказы. Мало того, исключительно ему одному обязанъ музей изящныхъ искусствъ своей монументальной мраморной облицовкою. Когда Московскій университетъ просилъ въ 1896 г. императорскую академію художествъ объ архитектурномъ конкурсѣ на составленіе плановъ и фасадовъ музея, нельзя было и мечтать о возможности покрыть хотя бы главный фасадъ камнемъ. Лишь со вступленіемъ Ю. С. Нечаева-Мальцева въ высочайше утвержденный комитетъ музея вопросъ о каменной облицовкѣ трехъ сторонъ зданія, о выкладкѣ колоннады въ 35 сажень изъ камня и о гранитномъ цоколѣ всего сооруженія былъ рѣшенъ сразу и безповоротно, такъ какъ всѣ расходы этого предпріятія Ю. С. принялъ на себя. А каковы эти расходы, видно изъ того, что для стѣнъ и колоннъ музея понадобилось около 400 тысячъ пудовъ бѣлаго мрамора, не считая сердобольскаго гранита, идущаго на цоколь.

Въ исторіи сооруженія музея вопросъ объ облицовочномъ камнѣ едва ли былъ не самымъ жгучимъ, создавшимъ для комитета, въ частности же для Ю. С. Нечаева-Мальцева, больше всего хлопотъ и затрудненій. Первоначально для облицовки и колоннъ музея рѣшено было воспользоваться камнемъ изъ коломенскихъ копей, тождественнымъ по своему составу съ тѣмъ, который покрываетъ стѣны храма Христа Спасителя. Однако лучшіе пласты коломенскаго доломита оказались лежащими на глубинѣ 9 сажень и, главное, подъ водою рѣки Оки, въ такой мѣстности, которая была доступна разработкѣ только три мѣсяца въ году. При этомъ для удаленія верхнихъ слоевъ, негодныхъ къ употребленію, пришлось дѣлать слишкомъ большія матеріальныя затраты. Послѣднее обстоятельство въ связи съ чрезмѣрной потерей времени на обработку камня вынудило комитетъ оставить всякую надежду на коломенскій доломитъ и поискать облицовочнаго камня на Уралѣ. Для этой цѣли снаряжена была особая экспедиція, которая отправилась въ Уфимскую губернію, и тамъ, близъ станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги «Кусинская платформа», произвела изслѣдованіе залежей бѣлаго мраморовиднаго доломита. Такъ какъ этого камня найдено было въ изобиліи, и онъ оказался превосходнаго качества, то рѣшено было немедленно приступить къ его эксплуатаціи.

Секретарь комитета музея, проф. И. В. Цвѣтаевъ, присутствовавшій на ломкахъ этого камня въ Златоустовскомъ округѣ, даетъ любопытную картину предпріятія, которое, по его словамъ, можетъ развиться со временемъ въ особую и обширную вѣтвь отечественной промышленности, одинаково выгодную какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для казны—собственницы этихъ многочисленныхъ и могучихъ залежей уральскихъ мраморовъ различныхъ цвѣтовъ и породъ. По словамъ профессора Цвѣтаева, существованіе мраморовъ въ горахъ, составляющихъ Златоустовскій округъ, извѣстно издавна, и куски его, въ качествѣ интересныхъ образцовъ, издавна лежатъ въ витринахъ геологическихъ кабинетовъ и музеевъ. По причинѣ большой матеріальной цѣнности, а также и для потребностей будущаго, обширныя площади въ этихъ горахъ изъяты изъ частнаго употребленія, образуя «закрытыя казенныя дачи». Такова и дача Шинимской горы, находящаяся приблизительно въ 14 верстахъ не доѣзжая города Златоуста. Закрытая для частной эксплуатаціи, она до послѣднихъ лѣтъ принадлежала, какъ значится въ официальныхъ документахъ, къ числу «туне лежащихъ» казенныхъ земель, и никогда предприимчивая рука не касалась серьезнымъ образомъ мраморовъ, миллиардами пудовъ лежащихъ въ нѣдрахъ этихъ мѣстъ. Музеемъ изящныхъ искусствъ императора Александра III въ Москвѣ и его щедрому дарителю Ю. С. Нечаеву-Мальцеву суждено было вызвать этотъ мраморъ къ жизни и сдѣлать его широко извѣстнымъ въ настоящее время не только въ Россіи, но и за границей. И тамъ, гдѣ въ теченіе долгихъ вѣковъ шумѣлъ необъятный лѣсъ, тамъ нынѣ еще издалека сверкаетъ передъ глазами путешественника цѣлый мраморный городъ со своимъ населеніемъ и живою, энергическою дѣятельностью. Специально проложенная желѣзная дорожка вьется отъ него по горѣ до самаго полотна Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, и по ней то и дѣло едутъ, поднимаясь и опускаясь, платформы съ бѣлымъ мраморомъ.

«И эта поднимающая духъ картина мраморнаго города,—замѣчаетъ профессоръ Цвѣтаевъ,—особенно въ лѣтнюю пору привлекательная на фонѣ зеленой хвои окрестныхъ лѣсовъ и изумруднаго цвѣта горныхъ долинъ, во всякомъ русскомъ сердцѣ въ состояніи возбудить естественный вопросъ: неужели, съ окончаніемъ работъ для московскаго музея, большое дѣло, начатое съ такимъ трудомъ и съ такими матеріальными и нравственными жертвами, будетъ покинуто, не поддержанное энергичною волей и умѣлою рукой? Хочется вѣрить, что подлежащее вѣдомство не дастъ заглухнуть этой вызванной музеемъ Александра III жизни и напряженной дѣятельности, которая идетъ здѣсь уже четвертый годъ¹⁾ и кормитъ много семей мѣстнаго населенія».

¹⁾ Цитируемую «записку» проф. Цвѣтаевъ писалъ въ 1903 г.

Увы! Мы не можем раздѣлить оптимизма почтеннаго профессора и не вѣримъ, что «подлежащее вѣдомство» когда-либо возьметъ на себя инициативу въ столь благомъ дѣлѣ; мы думаемъ, наоборотъ, что въ данномъ случаѣ можно надѣяться только на частную предприимчивость, въ особенности тогда, когда послѣдняя найдеть себѣ лучшее приложеніе въ радикально измѣнившихся условіяхъ обновленной Россіи.

Какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, но минувшій годъ, исключительно бѣдственный и во всѣхъ отношеніяхъ злополучный для Россіи, былъ для музея изящныхъ искусствъ чрезвычайно удачнымъ и благоприятнымъ. Это былъ годъ полученій по преимуществу, и никогда еще дѣло собиранія художественныхъ коллекцій не шло здѣсь такимъ быстрымъ темпомъ, какъ въ эту тяжелую для нашего отечества годину. Даже тогда, когда расходъ по возведенію зданія музея уже значительно превысилъ полтора милліона рублей, и матеріальныя средства комитета, какъ отпущенныя правительствомъ, такъ и составившіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ, стали изсякать, счастье не покинуло музея: лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ,—хотя всякій легко можетъ догадаться, кто этотъ неизвѣстный!—заранѣе объявило, что работы по сооруженію и украшенію зданія музея отнюдь не должны прекращаться, такъ какъ всѣ расходы оно обязуется принять на себя.

Итакъ, будущее московскаго музея изящныхъ искусствъ обезпечено и, можетъ быть, не далѣе весны 1907 года передъ глазами москвичей встанетъ во всемъ блескѣ своей величавой красоты замѣчательное сооруженіе, которымъ въ правѣ будетъ гордиться Россія.

Князь Б. А. Щетининъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Взаимныя отношенія между Александромъ I и Людовикомъ XVIII въ 1804—7 г.г.

В ПОСЛѢДНЕЕ время во Франціи вышло много сочиненій о роялистскихъ эмигрантахъ въ эпоху революціи, консульства и имперіи. Изъ нихъ всего замѣчательнѣе труды извѣстнаго историка Эрнеста Додэ, обратившаго вниманіе преимущественно на все, что касается Людовика XVIII. Недавно онъ помѣстилъ въ «Revue hebdomadaire» интересныя данныя о дѣятельности будущаго короля и его сподвижниковъ въ различныхъ уголкахъ Европы, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованій Наполеона съ 1804 г. по 1807 г. ¹⁾ Для насъ, русскихъ, всего любопытнѣе, какъ относились другъ къ другу Александръ I и Людовикъ XVIII, тѣмъ болѣе, что значительную часть означенной эпохи державный изгнаникъ провелъ въ Россіи.

Какъ извѣстно, будущій король Людовикъ XVIII, тогда называвшійся графомъ Лильскимъ, до 1801 г. жилъ въ Митавѣ, но въ этомъ году онъ былъ изгнанъ оттуда императоромъ Павломъ, примирившимся съ Бонапартомъ, и поселился въ Варшавѣ, съ раз-

¹⁾ Souvenirs de l' Emigration (1804—1807) de Varsovie à Hartivell, par Ernest Daudet. La Revue hebdomadaire 28 juillet, 11 août, 25 août, 8 septembre.

рѣшенія прусскаго короля. Въ этомъ городѣ онъ пробылъ четыре года, занимаясь интригами, и когда, въ 1804 г., Наполеонъ сдѣлался императоромъ, то Людовикъ торжественно протестовалъ противъ этого, собравъ съѣздъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Подобный конгрессъ былъ неудобенъ въ Варшавѣ, и Людовикъ вздумалъ собрать его въ Стральзундѣ, находившемся въ Помераніи и принадлежавшемъ молодому шведскому королю Густаву IV, горячо преданному Бурбонамъ. На его письмо о собраніи конгресса Густавъ отвѣтилъ очень сочувственно и посоветовалъ Людовику прежде чѣмъ, отправиться въ путь, узнать у императора Александра, не найдетъ ли онъ неудобнымъ сборище французскихъ принцевъ внѣ предѣловъ своего государства. Этотъ совѣтъ Людовикъ нашелъ основательнымъ, тѣмъ болѣе, что два года передъ тѣмъ Александръ предлагалъ ему снова поселиться въ его владѣніяхъ. На этомъ основаніи Людовикъ написалъ императору письмо, прося его разрѣшенія созвать въ Вильнѣ или въ какомъ-нибудь другомъ русскомъ городѣ съѣздъ Бурбонскихъ принцевъ для торжественнаго протеста противъ принятія Наполеономъ императорскаго титула. Если же по какой-либо причинѣ это будетъ неудобнымъ, то онъ хотѣлъ отправиться въ Швецію, для чего просилъ прислать за нимъ военное судно въ одинъ изъ пунктовъ морского берега. Ожидать же отвѣта онъ вызывался въ Гроднѣ.

Дѣйствительно, будущій король такъ и поступилъ и, прибывъ въ Гродну, гдѣ жилъ графъ Бенигсенъ, генералъ-губернаторъ Лифляндіи, онъ получилъ черезъ него два письма—отъ императора Александра и отъ князя Адама Чарторыжскаго, бывшаго русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Последнее письмо было адресовано герцогу Серра-Каприолю, неаполитанскому посланнику въ Петербургѣ, которому Людовикъ поручилъ хлопотать о своихъ дѣлахъ. Отвѣтъ императора заключалъ рѣзкій отказъ и былъ вообще очень нелюбезенъ. Вотъ онъ цѣликомъ:

«Графъ, изъ письма, полученнаго отъ васъ изъ Варшавы, я съ огорченіемъ узналъ о предпріятомъ вами рѣшительномъ шагѣ. Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы меня увѣдомили заранѣе; тогда моя дружба къ вамъ и моя обычная откровенность понудили-бы меня, графъ, отсовѣтовать вамъ совершить предпріятыи вами поступокъ, который, при теперешнемъ кризисѣ, не только не принесетъ вамъ какой бы то ни было дѣйствительной пользы, но можетъ доставить вашимъ врагамъ новое орудіе и заставить ихъ сдѣлать ваше теперешнее положеніе еще болѣе затруднительнымъ. Къ тому же, не имѣя притязанія вмѣшиваться въ то, что до меня не касается, я не могу, съ своей стороны, согласиться на предъявленные вами ко мнѣ просьбы и не скрою отъ васъ, графъ, что предложеніе, которое я вамъ сдѣлалъ и снова сегодня повторяю—дать вамъ убѣжище въ моихъ владѣніяхъ въ томъ случаѣ,

если вамъ нельзя оставаться въ другомъ мѣстѣ,—имѣло цѣлью только предоставить вамъ мирное и спокойное мѣстопробываніе, гдѣ не возникнетъ вопроса о такомъ шагѣ, какой вы теперь намѣрены сдѣлать. Я считаю себя обязаннымъ говорить съ вами, графъ, безъ обиняковъ, такъ какъ убѣжденъ въ невозможности исполнить ваше желаніе въ Россіи, и считаю необходимымъ выразить мнѣніе о немъ. Однако, я убѣжденъ, что вы попрежнему не сомнѣваетесь въ моей готовности, во всякомъ другомъ случаѣ, доказать вамъ мое уваженіе и совершенное почтеніе».

Письмо Чарторыжскаго еще рѣзче выражало отказъ императора. Оно объясняло, насколько Александръ былъ удивленъ рѣшеніемъ графа Лильскаго, предпринятымъ безъ предупрежденія русскаго двора.

«Отношенія между Россіей и французскимъ правительствомъ,— писалъ Чарторыжскій,—еще не порваны, и потому никому не подлежитъ соразмѣрять, въ какой степени гармоніи или холодности онѣ находятся и тѣмъ болѣе предугадывать ихъ продолжительность. Поэтому императоръ принужденъ положительно отказать въ просьбѣ графа Лильскаго, какъ не могущей согласоваться съ отношеніями, которыя существуютъ между Россіей и Франціей и, не претендуя предписывать, какъ слѣдуетъ ему поступать, императоръ считаетъ благоразумнымъ отворотить его отъ плана—собрать всѣхъ Бурбонскихъ принцевъ, и посовѣтовать вести себя спокойно и отказаться отъ предположенныхъ рѣшеній».

Хотя графъ Бенигсенъ принялъ Людовика очень любезно, но будущему королю было ясно, что въ такихъ обстоятельствахъ нельзя долго оставаться въ Гроднѣ. Поэтому онъ рѣшилъ отправиться въ Ригу, а тамъ пересѣсть на корабль, готовый отплыть въ Швецію, но, получивъ извѣстіе, что такового вскорѣ не предвидится, онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Его вывелъ изъ затрудненія одинъ изъ курляндскихъ дворянъ, баронъ Генингсфельдъ, проживавшій въ небольшомъ мѣстечкѣ Бланкенфельдъ въ Курляндіи, на границѣ Литвы. Онъ предложилъ графу Лильскому убѣжище въ своемъ замкѣ, и Людовикъ, обрадованный этимъ предложеніемъ, написалъ Александру очень холодное и гордое письмо, увѣдомляя о своемъ отъѣздѣ въ Бланкенфельдъ, гдѣ предполагалъ остаться до своего отбытія въ Швецію. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, Людовикъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Ангулемскимъ, отправился въ Ригу, а оттуда перебрался въ Швецію, въ маленькій городокъ Кальмаръ.

Черезъ нѣсколько дней явился на англійскомъ военномъ кораблѣ графъ Артуа, братъ Людовика, будущій французскій король Карлъ X, и привезъ съ собою письма отъ другихъ Бурбонскихъ принцевъ, которымъ англійское правительство не дозволило ѣхать на сборище Бурбоновъ. Поэтому Людовику пришлось

довольствоваться совѣщаніемъ лишь съ однимъ братомъ. Оно касалось прокламаціи противъ объявленія Наполеона императоромъ. Графъ Артуа одобрилъ этотъ документъ, но совѣтовалъ не печатать его въ данное время. Несмотря на свое обѣщаніе, Густавъ IV въ Кальмаръ не пріѣхалъ а послалъ туда вмѣсто себя фельдмаршала графа Ферзена, бывшаго друга Маріи-Антуанетты и преданнаго приверженца Бурбоновъ. Отъ имени короля онъ объявилъ, что послѣдній, несмотря ни на какой рискъ, готовъ дать Бурбонамъ убѣжище въ Швеціи, если они не могли получить его нигдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Густавъ одобрилъ прокламацію и совѣтовалъ тотчасъ обнародовать ее, но только просилъ не подписывать ее на его территоріи. Такимъ образомъ, Кальмарскій планъ не удался, и, къ великому огорченію Людовика, онъ получилъ отъ Гарденберга, прусскаго канцлера, отношеніе о томъ, что Пруссія смотритъ на Кальмарское свиданіе, какъ на дѣйствіе, противное Франціи, а потому возвращеніе графа Лильскаго въ Варшаву становилось несогласнымъ съ нейтралитетомъ прусскаго короля. Изгнанный вторично изъ Пруссіи и опасаясь остаться въ Швеціи, благодаря интригамъ Наполеона, Людовикъ принужденъ былъ снова вернуться въ Ригу и еще разъ искать покровительства русскаго государя.

Въ Ригѣ Людовикъ получилъ отвѣтъ отъ русскаго императора, но далеко не благопріятный. Онъ соглашался пріютить его, но назначалъ убѣжищемъ Кіевъ, который, по словамъ эмигрантовъ, «былъ маленькимъ городкомъ на берегу Днѣпра, близъ Чернаго моря, и состоялъ изъ деревянныхъ домовъ, безъ одного магазина и банкирскаго дома; главное же, климатъ Кіева былъ суровый и восемь мѣсяцевъ онъ утопалъ или въ грязи, или въ снѣгу». Повѣривъ этому невѣроятному описанію Кіева, Людовикъ умолялъ Александра перемѣнить ему мѣстопребываніе на Вильну, но Александръ на это не согласился, а дозволилъ ему временно провести зиму въ Митавѣ. Конечно, этотъ городъ не представлялъ могилы для будущаго короля, какъ Кіевъ, но все-таки Людовикъ отчасти былъ тамъ погребенъ, преданъ забвенію, такъ какъ ему уже не предоставили прежней королевской роскоши, какъ во времена Павла I. «Неделикатность Россіи была въ этомъ случаѣ какъ бы лопатой земли, жестоко брошенной на меня,—писалъ брату графъ Лильскій, — Митава была для меня Сентъ-Жерменомъ, Вильна была бы другою Варшавой, а Митава будетъ только больничной койкой». Однако, несмотря на такой неблагопріятный отзывъ о Митавѣ, Людовикъ былъ очень доволенъ, когда весною слѣдующаго года Александръ позволилъ ему остаться въ этомъ городѣ, сколько онъ пожелаетъ. Первымъ дѣломъ онъ выписалъ изъ Варшавы свою жену, племянницу, аббата Эджворта и другихъ товарищей его перваго тамъ пребыванія.

Несмотря на то, что графу Лильскому не везло во всѣхъ отношеніяхъ, онъ продолжалъ развивать свой планъ о распространеніи прокламацій противъ Наполеона. Александръ былъ очень недоволенъ этой дѣятельностью и велѣлъ Чарторыжскому написать официальное письмо къ другу Людовика графу Аварэ. «Императоръ,—писалъ Чарторыжскій,—выразилъ свое мнѣніе о Кольмарскомъ свиданіи и результатахъ, могущихъ оттого произойти, и, естественно, принялъ соответствующее рѣшеніе при полученіи отъ графа Лильскаго его деклараціи. Мой августѣйшій государь съ удовольствіемъ узналъ объ этомъ новомъ доказательствѣ его довѣрія и, конечно, охотно исполнилъ бы его просьбы, если бы былъ убѣжденъ, что его настоящій шагъ—именно декларація—не причинитъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ враждебнаго результата и не сдѣлается противъ графа Лильскаго орудіемъ въ рукахъ Наполеона, столь способнаго руководить общественнымъ мнѣніемъ. Къ тому же, его величество уже рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи». Несмотря на выраженный такимъ образомъ рѣшительный отказъ Людовику, Александръ, съ своимъ обычнымъ двоедушіемъ, совѣтовалъ ему сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ деклараціи и объявить, «что онъ ждетъ только отъ доброй воли и согласія народа, созрѣвшаго, благодаря бѣдствіямъ, возвращенія къ его древнему государю». Людовикъ на это не согласился и сдѣлалъ только въ своемъ документѣ нѣкоторыя редакціонныя измѣненія. Когда же онъ напечаталъ его въ видѣ маленькой брошюрки, то она проникла лишь въ Германію и не получила доступа во Францію.

Такимъ образомъ, спокойно, но скучно и мрачно, провелъ онъ два года въ Митавѣ, и неудивительно, что его радость была велика, когда онъ получилъ отъ шведскаго короля, въ іюнѣ 1807 г., приглашеніе пріѣхать въ Стокгольмъ. Густавъ вздумалъ образовать изъ эмигрантовъ и французскихъ плѣнныхъ въ Россіи экспедиціонный корпусъ для дѣйствій противъ Наполеона, такъ какъ послѣдній въ то время воевалъ съ Россіей. Людовикъ съ тѣмъ большимъ восторгомъ встрѣтилъ это письмо, что оно было переслано ему русскимъ императоромъ. Это обстоятельство заставляло его думать, что Александръ одобрялъ планъ шведскаго короля. Но императоръ, по своему обыкновенію, велъ двойную игру. 31 мая онъ переслалъ письмо шведскаго короля къ Людовику, не предупредивъ его, насколько опасенъ планъ Густава, а 22 августа, узнавъ объ отбытіи изъ Митавы графа Лильскаго въ Стокгольмъ, открыто порицалъ его предпріятіе. Эта двойная игра объясняется тѣмъ, что въ промежутокъ между этими двумя числами произошло Тильзитское свиданіе, на которомъ Александръ помирился съ Наполеономъ, но не предупредилъ Людовика, что ему неудобно при новыхъ обстоятельствахъ ѣхать въ Швецію; конечно, послѣдній

принялъ бы это во вниманіе и послушался бы его. Въ тотъ же день, 22 августа, Александръ призвалъ къ себѣ Лессенса, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, и сказалъ ему слѣдующія памятные слова, которыя онъ долженъ былъ передать въ Парижѣ. «Въ маѣ мѣсяцѣ, когда я воевалъ съ Франціей, шведскій король писалъ мнѣ съ цѣлью убѣдить меня дать совѣтъ графу Лильскому поѣхать въ Стокгольмъ. Я удовольствовался пересылкой этого письма въ Митаву, не давъ графу никакого совѣта, а предоставивъ ему полную свободу дѣйствій. Я болѣе имъ не занимался, потому что признаю его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ, — за челоуѣка самаго ничтожнаго и незначительнаго въ Европѣ. Въ такомъ тонѣ я говорилъ о немъ императору Наполеону, который зналъ его такимъ же. Спокойный въ этомъ отношеніи, я болѣе о немъ не думалъ, какъ неожиданно вчера получилъ депешу отъ митавскаго губернатора, который увѣдомляетъ меня, что графъ Лильскій намѣренъ отправиться въ Швецію. Я тотчасъ отвѣчалъ, что онъ не мой узникъ, что я ему предложилъ у себя убѣжище и если оно стало для него тягостнымъ, то онъ воленъ искать себѣ другое. На этомъ основаніи я полагаю, что онъ уѣдетъ, но я ни въ чемъ тутъ не виноватъ. Графъ Лильскій нѣсколько разъ просилъ меня признать его королемъ, но я постоянно ему въ этомъ отказывалъ, такъ какъ убѣжденъ, что онъ никогда не вступитъ на престолъ».

На этомъ прекратились на нѣсколько лѣтъ всякія отношенія между русскимъ императоромъ и графомъ Лильскимъ. Что касается послѣдняго, то, послѣ краткаго пребыванія въ Швеціи, гдѣ его сношенія съ Густавомъ были неудачны, Людовикъ отправился въ Англію и поселился сначала у лорда Эссекса въ помѣстьѣ Госфильдъ, недалеко отъ Лондона, а потомъ у герцога Букингама въ Гортвеллѣ. Въ этомъ замкѣ онъ прожилъ семь лѣтъ, до 1814 г., когда самъ Александръ I, предсказывавшій, что Людовикъ никогда не будетъ царствовать, возвелъ его на престолъ подъ именемъ Людовика XVIII.

В. Т.

Наполеонъ I и поляки ¹⁾.

Исторія уже произнесла приговоръ надъ нѣкогда могущественной державой, которая простиралась отъ Чернаго до Сѣвернаго моря и обладала такими крупными центрами, какъ Варшава, Львовъ, Краковъ и Гданскъ. Поляки своими междуусобіями показали полную неспособность къ государственной самобытности, хотя и являли

¹⁾ Prof. Weber. Napoleon und die Polen. Prag. 1906.

много подвиговъ личной доблести и готовность безстрашно жертвовать жизнью за дѣло явно несостоятельное. Послѣдовательными раздѣлами 1772, 1793 и 1795 годовъ Польша расчленилась на части, перешедшія къ болѣе могущественнымъ и умѣлымъ сосѣдямъ; сохранивъ существованіе въ смыслѣ національномъ, она прекратила свое бытіе, какъ государство. Вполнѣ естественно, что поляки въ сердцахъ таили сожалѣніе о невозвратномъ прошломъ и не покидали мечтаній объ объединеніи въ сильный и жизнеспособный государственный организмъ отдѣльныхъ частей Польши, доставшихся Россіи, Пруссіи и Австріи. Въ спокойныя эпохи нормальныхъ международныхъ правоотношеній о возрожденіи Польши нельзя было и помышлять, но тѣмъ большая вѣроятность къ этому намѣтилась, когда буря, поднятая французскою революціею, взбудоражила Европу и выдвинула личность Наполеона Бонапарта, который не церемонился съ вѣковыми преданіями европейской политики и дипломатіи, если то или иное нарушеніе международнаго права входило въ интересы имперіи или просто тѣшило его безграничное властолюбіе.

Тонко предугадывая вѣроятность новыхъ политическихъ конъюнктуръ, съ незаурядною чуткостью, развившеюся въ эпоху бѣдствій, постигшихъ родину, поляки поспѣшили броситься въ объятія «корсиканскому выскочкѣ». Уже въ 1797 г., на поляхъ Ломбардіи отважно дѣйствуетъ польскій легіонъ, численностью въ 7000 человекъ; ревниво отстаивая національный свой костюмъ и языкъ даже въ военныхъ рядахъ, онъ разукрашивался французскими революционными кокардами и эполетами, съ претенціозною надписью на рогожкѣ «свободные люди и братья».

Польскія ожиданія использовать тогда же французскія побѣды надъ Австріею для освобожденія Галиціи Наполеонъ рѣшительно отклонилъ. Когда Наполеонъ предпринялъ экспедицію въ Египетъ, къ его войскамъ опять присоединилось многочисленное польское воинство, тогда какъ первый польскій легіонъ продолжалъ сражаться въ Ломбардіи и въ бояхъ при Нови и Требии подвергся почти полному истребленію. По возвращеніи изъ Египта, послѣ того, какъ Наполеонъ чрезъ государственный переворотъ 18 брюмера сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ Франціи, польскіе отряды усиленно приливаютъ въ ряды великой арміи и покрываютъ себя славою въ битвѣ при Гогенлинденѣ. За свою приверженность къ интересамъ Наполеона поляки имѣли нравственное основаніе ожидать, что онъ внемлетъ ихъ мольбамъ о возстановленіи Польши; но послѣ заключенія Люневильскаго и Аміенскаго трактатовъ счастливый завоеватель проявилъ черствое равнодушіе къ Польшѣ, а чтобы отдѣлаться отъ польскихъ легіоновъ, Наполеонъ сплавилъ ихъ, въ видѣ пушечнаго мяса, въ Санъ-Доминго, гдѣ, воюя при тяжелой обстановкѣ, бездомные удалыцы массами погибали отъ не-

возможныхъ климатическихъ условій. Этимъ завершилась первая эпоха польскаго соучастія въ Наполеоновскихъ походахъ.

Къ эпохѣ же подвиговъ польскихъ легіоновъ въ Италіи, кстати сказать, восходитъ сочиненный Выбицкимъ и сдѣлавшійся столь популярнымъ гимнъ «Jeszcze Polska nie zginieła». Казалось бы, въ виду неопредѣленности тогдашнихъ надеждъ польскихъ патріотовъ, гимнъ этотъ долженъ былъ бы отражать скорбь и уныніе, а между тѣмъ онъ запечатлѣнъ радостнымъ настроеніемъ, беззаботностью, примиреніемъ съ невзгодами настоящаго и беззавѣтною, упорною вѣрою въ лучшее будущее. «Не бѣда, Польша не сгинетъ! Маршъ, маршъ впередъ, Домбровскій! Какое счастье жить, пѣть и воевать!» поется тамъ.

Прошли еще четыре года, которые полякамъ пришлось пережить бездѣятельно, въ чаяніи лучшихъ временъ. Въ 1806 г., когда у Наполеона развязались руки для сведенія счетовъ съ Пруссіею, роковой день іенскаго погрома открылъ для поляковъ эру радужныхъ надеждъ. Готовясь къ борьбѣ противъ Пруссіи, Наполеонъ пустилъ въ ходъ все факторы для обезпеченія успѣха надъ врагомъ. Восторженная прокламація Наполеона призывала поляковъ стать подъ его знамена; предстоящіе военные подвиги должны были доказать императору, достойны ли поляки независимости. «Отъ васъ зависитъ,—говорилъ онъ,—вновь пріобрѣсти отечество. Вашъ мститель, вашъ спаситель уже тутъ! Покажите же ему, что вы готовы собственною кровью возродить отечество. Онъ знаетъ, что вы безоружны, но онъ дастъ вамъ оружіе». Эти заигрыванія достигли цѣли. При восторженномъ ликованіи польскаго населенія французскія войска вступили въ Познань и это ликованіе возросло до неистоваго восторга, когда Наполеонъ самолично триумфаторомъ въѣзжалъ сначала въ Познань, а затѣмъ и въ Варшаву.

Тотчасъ же начинается усиленный сборъ военныхъ силъ польскихъ, и во главѣ ихъ становится легендарный герой и красавецъ, князь Іосифъ Понятовскій ¹⁾.

Кромѣ поставки рекрутъ, въ видѣ особаго жертвоприношенія на алтарь корсиканскаго Молоха, польскою знатію чуть не силою была брошена въ его объятія одна изъ красивѣйшихъ женщинъ того

¹⁾ Легенда, впрочемъ, сильно разукрасила личность Понятовскаго. Большой мотъ и любитель женщинъ, племянникъ короля, князь Іосифъ хотя и обладалъ личною доблестію, но ни въ чемъ не проявлялъ особенныхъ талантовъ, если не причесть сюда довольно двусмысленную роль, сыгранную имъ въ сближеніи графини Валевской съ Наполеономъ. Когда Понятовскій безвременно погибъ при переправѣ чрезъ р. Эльстеръ (въ 1813 г.), его трупъ долгое время не могли разыскать, потому что все его помнили и знали молодежавымъ красавцемъ; трупъ, въ концѣ концовъ, былъ опознанъ только по драгоценнымъ часамъ, нашедшимся при покойникѣ,—маска старческаго лица оказалась совершенно неузнаваемой, все, начиная съ зубовъ и кончая кудрями, было только искуснымъ гримомъ, унесеннымъ водою.

времени, графиня Валевская. Романъ съ Валевскою, въ результатѣ котораго явился на свѣтъ будущій министр иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, пріобрѣлъ даже косвенное политическое значеніе; онъ убѣдилъ Наполеона, что причина безплодія въ бракѣ съ графинею Богариэ лежитъ всецѣло въ ней одной. Эта увѣренность и побудила Наполеона расторгнуть первый бракъ и въ династическихъ цѣляхъ искать брачнаго союза съ какимъ-либо изъ царственныхъ домовъ Европы.

Несмотря на жертвы, преданность и военныя доблести, проявленныя поляками въ бояхъ подъ Эйлау и Фридландомъ, все это сравнительно мало помогло осуществленію завѣтныхъ ихъ мечтаній. Реалистъ въ политикѣ, Наполеонъ, послѣ Тильзитскаго замиренія, отплату полякамъ за долготѣнную приверженность его интересамъ свелъ къ созданію, вмѣсто великодержавной Польши, довольно ничтожнаго герцогства Варшавскаго, судьбами котораго номинально долженъ былъ распоряжаться король саксонскій. Въ интересы Наполеона въ данномъ случаѣ входило только усилить Саксонію за счетъ Пруссіи; вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалось желаніе поставить поляковъ подъ опеку надежнаго и неопаснаго государя—поэтому-то выборъ Наполеона и палъ на никогда у него не выходившаго изъ послушанія саксонскаго короля. Этимъ путемъ будто бы возрождалась старинная связь, существовавшая въ эпоху 1697—1763 гг. между Саксоніею и Польшею, оплаченная тароватыми Августами достаточно высокою цѣною.

Новому государству, съ населеніемъ въ 2¹/₂ милліона, императоръ отъ неизреченныхъ милостей подарилъ конституцію, которая въ теченіе часа была продиктована секретарю и тутъ же утверждена. Конституція была придумана по французскому образцу, предусматривала 6 департаментовъ (Варшавскій, Калишскій, Познанскій, Бромбергскій, Полоцкій и Ломжинскій), съ префектами, государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ, палатою депутатовъ, освобожденіемъ крестьянъ и Наполеоновскимъ кодексомъ. Можетъ быть, теоретически все это и были прекрасныя вещи, но только поляковъ онѣ мало удовлетворили. Дворянство жаловалось на безправіе, крестьянство, обдѣленное землею, не знало, что начать со своею свободою. Торговля была въ застоѣ, потому что парализовалась континентальною системою. Налоги поступали туго, благодаря всеобщему разоренію. Казенныя польскія земли, свободныя отъ податнаго обложенія и имѣвшія цѣнность 26¹/₂ милл. фр., Наполеонъ пораздавалъ своимъ маршаламъ. Что касается пресловутаго кодекса Наполеона, то, и по введеніи его, чрезъ четыре года мало кто понималъ новые законы по той причинѣ, что никто не позаботился даже перевести кодексъ на польскій языкъ. Армія, поставленная подъ команду французскихъ военачальниковъ, была сформирована заново, но нуждалась въ самомъ необходимомъ, солдаты ходили

полуодѣтые въ установленную форму, несмотря на всѣ усилія маршала Даву и князя Понятовскаго упорядочить и обезпечить интендантскую часть. Между отдѣльными польскими генералами шли нескончаемыя пререканія и перебранки. Фридрихъ Августъ, по мѣрѣ силъ и возможности, старался, въ соотвѣтствіи съ оглашаемыми Наполеономъ намѣреніями, преобразовать Польшу въ государство, которое бы отвѣчало запросамъ современности, но, несмотря даже на такія преобразованія, какъ подчиненіе арміи общегражданской юстиціи, изъ начинаній герцога-короля вообще выходило мало проку—онъ не имѣлъ ни достаточной власти для осуществленія своихъ предначертаній, не имѣлъ и свободныхъ финансовыхъ источниковъ въ герцогствѣ для покрытія хотя бы вопіющихъ потребностей.

Въ то время, какъ поляки, вопреки дѣйствительности, мечтали о безкорыстной дружбѣ великаго императора, этотъ послѣдній, всѣми своими дѣйствіями и распоряженіями, вовлекалъ поляковъ въ явно невыгодныя для нихъ сдѣлки. На Польшу Наполеонъ цинично взиралъ только какъ на резервуаръ, изъ котораго можно было по его неограниченной волѣ черпать все новые и новые контингенты рекрутъ, а такъ какъ плодившіеся у него замыслы честолюбія все шире и шире раздвигали театръ военныхъ и политическихъ подвиговъ, то каштаны изъ огня для Наполеона приходилось таскать его вѣрнымъ союзникамъ. Какъ польское пушечное мясо, неизвѣстно зачѣмъ, зафрахтовывалось для совершенія подвиговъ въ Вестъ-Индіи, такъ, съ полнымъ безсердечіемъ и безпощадностью, Наполеонъ перебрасываетъ теперь польскія войска въ Испанію. Здѣсь поляки сражаются съ отчаянною храбростію, попрежнему носясь съ миражемъ, будто ихъ подвиги обезпечатъ въ будущемъ полное объединеніе Польши. Особенною славою покрыли себя поляки въ атакѣ при Соммосьеррѣ 30 ноября 1808 г., гдѣ ихъ конницѣ пришлось взбираться по отвѣснымъ крутизнамъ, для занятія горной позиціи. Въ такихъ безумныхъ предпріятіяхъ около трети польской арміи сложило кости въ Испаніи. А въ 1809 г. Наполеонъ опять уже призываетъ поляковъ къ новымъ подвигамъ — борьбѣ съ Австріею, сулитъ имъ освобожденіе Галиціи изъ-подъ владычества Габсбурговъ, но и здѣсь опять Наполеонъ обманываетъ всѣ ихъ надежды. Съ такими же мечтаніями поляки втягиваются въ войну противъ Россіи.

Всюду и неизмѣнно Наполеонъ безжалостно эксплуатируетъ польское самоотверженіе и преданность, требуетъ съ герцогства денегъ и людей, въ возмѣщеніе же даритъ поляковъ несбыточными посулами. Правда, впрочемъ, и то, что вѣроломство и итальянскій макіавелизмъ Наполеона компенсировался и польскимъ лукавствомъ, ибо въ теченіе всей Наполеоновской эпохи польскіе патріоты также вкрадчиво и преданно подолыщались и къ Александру I.

Финаль для герцогства наступилъ послѣ Березинскаго боя.

Варшавское герцогство и его населеніе оказались въ конецъ измученными и разоренными чрезъ вымогательства Наполеона и, кромѣ разочарованій, поляки ничего не получили.

Народное образованіе, богослуженіе, правосудіе, управленіе и финансы подъ конецъ не отправлялись вовсе или судорожно и съ перерывами. Храмы стояли заброшенными, церковная утварь была расхищена и осквернена, приходскія постройки разваливались, какъ краснорѣчиво жаловался польскій государственный совѣтъ. Отсутствовали даже просвѣщенные духовныя лица, которыя бы могли обучать народъ, духовные ордена отклонялись отъ первоначальнаго назначенія и, дезорганизованные, умирали медленною смертью.

Когда 13 января 1813 г. были упразднены французскія власти, лишь съ величайшими трудностями оказалось возможнымъ упорядочить судебную и административную части. Города почти не имѣли доходовъ, а частью были опустошены. Фабрики стояли безъ дѣла, торговля совершенно пала; дороги сдѣлались непроѣзжими, мосты были полуразрушены, плотины прорваны, почта больше не дѣйствовала, а жалкіе остатки польской арміи были разбѣяны по лицу земли.

Подъ русскимъ управленіемъ дѣла герцогства начали налаживаться.

Уже 8 января 1813 г. Кутузовъ въ своей прокламаціи обѣщалъ жителямъ герцогства личную и имущественную безопасность.

По занятіи Варшавы русскими войсками имп. Александръ I учредилъ временное правительство (*conseil superieur provisoire*), поставивъ во главѣ его сенатора В. С. Ланского. Вице-президентомъ былъ назначенъ другъ молодости государя Новосильцевъ, а членами Т. С. Вавжецкій, князь Ксаверій Друцкой-Любецкій и бывшій управляющій удѣльными имѣніями въ Саксоніи Г. Ф. Коломбъ.

Одновременно съ рядомъ финансовыхъ льготъ императоръ Александръ возвѣстилъ полякамъ о прекращеніи дальнѣйшихъ рекрутскихъ наборовъ и объ оставленіи административныхъ чиновниковъ герцогства въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Временное правительство въ теченіе всей войны руководило ходомъ управленія и поддержаніемъ государственнаго порядка, съ большою ловкостью соглашая специально польскіе интересы съ русскими планами будущаго устройства Польши.

Для завѣдыванія польскими войсками, которымъ было приказано вернуться изъ Франціи на родину, былъ учрежденъ военный комитетъ изъ 7 дивизіонныхъ и 1 бригаднаго генераловъ (Зайончека, Домбровскаго, Сѣраковскаго, Войчинскаго, Вьельгорскаго, Княжевича, князя Сулковскаго и Пашковскаго). Во главѣ комитета былъ поставленъ великій князь Константинъ Павловичъ, который,

по приѣздѣ въ Варшаву осенью 1814 г., обнадежилъ поляковъ, что хотя императоръ Александръ по вѣскимъ соображеніямъ затрудняется объявить, какія формы государственнаго устройства предполагается даровать Польшѣ, но проситъ къ себѣ довѣрія. Весь образъ дѣйствій императора Александра,—сохраненіе прежняго гражданскаго управленія, устройство временнаго правительства, милостивое отношеніе къ польскимъ войскамъ и амнистія, дарованная полякамъ, поддерживавшимъ Наполеона,—все это свидѣтельствуеетъ, что его величество и не помышляетъ осуждать польскаго патріотизма, который едва ли и стоитъ въ разрѣзъ съ государевыми интересами.

Подъ влияніемъ успокоительныхъ обнадеживаній временное правительство могло съ успѣхомъ приняться за уврачеваніе Польши.

Имущество католическаго клира было подвергнуто провѣркѣ и оцѣнкѣ, причемъ выяснилось, что оно можетъ дать доходъ, свыше чѣмъ въ 5 милліоновъ гульденовъ. Такимъ образомъ, при пособіи отъ правительства, оказалось возможнымъ приступить къ преобразованію епархій и приходовъ, ремонту церквей и церковныхъ домовъ, замѣщая свободныя мѣста приходскихъ ксендзовъ подходящими и знающими кандидатами. Духовныя семинаріи, поставленныя подъ надзоръ епископовъ, обезпечили дальнѣйшее пополненіе духовныхъ кадровъ, а при Варшавскомъ университетѣ съ 1817 г. открылся и богословскій факультетъ.

На ряду съ упорядоченіемъ университета подвергнулось обновленію и все народное образованіе. Были учреждены 10 палаткальныхъ школъ высшей степени и 16—низшей; вмѣсто существовавшихъ въ герцогствѣ, отчасти на бумагѣ, 1000 элементарныхъ школъ, дѣйствительно было открыто 868 школъ. Кромѣ того, былъ учрежденъ лицей и многочисленныя городскія школы въ Варшавѣ, кадетскій корпусъ въ Калишѣ, нормальная школа для подготовленія учителей въ Ловичѣ и горная школа въ Кѣльцахъ,

На первомъ же сеймѣ правительство внесло законопроекты о введеніи новаго уголовного уложенія, упорядоченіи ипотекъ, ограниченіи удѣльныхъ земель и т. д.

Равнымъ образомъ было обращено вниманіе на оздоровленіе польскихъ финансовъ; въ этой области особенно плодотворною оказалась дѣятельность кн. Феликса Любецкаго. Талантливый администраторъ и финансистъ, онъ былъ очень остороженъ въ своихъ сужденіяхъ и не ослѣплялся политическими иллюзіями, убѣжденный въ томъ, что истиннаго спасенія Польша можетъ ожидать только отъ честнаго примиренія и тѣснаго единенія съ Россією. Честолюбіе свое Любецкій полагалъ въ возстановленіи національнаго богатства Польши, а благодаря поддержкѣ, которую князь неизмѣнно находилъ въ государѣ и Новосильцевѣ, имъ были достигнуты блестящіе результаты.

Такимъ образомъ и въ Польшѣ императору Александру и его сподвижникамъ пришлось залечивать глубокія потрясенія, какимъ тогдашнюю Европу подвергло ненасытное честолюбіе Наполеона.

Воспоминаніе о Московскомъ паломничествѣ ¹⁾.

Воспоминанія эти первоначально составили предметъ рѣчи, произнесенной въ февралѣ 1906 г. въ Пражскомъ клубѣ.

Авторъ—извѣстный чешскій общественный дѣятель—въ своихъ воспоминаніяхъ касается фактовъ, о которыхъ, по собственному признанію, хранилъ молчаніе сорокъ лѣтъ. Побужденіемъ къ оглашенію воспоминаній Палацкаго послужило напечатаніе сначала въ испанской газетѣ «Prensa» (въ Буэносъ-Айресѣ), а затѣмъ и въ «Кельнской Газетѣ» апокрифическаго русско-прусскаго соглашения, состоявшагося будто бы 3 марта 1871 г. въ Версали по предмету раздѣла австрійскихъ коронныхъ земель.

Договоръ этотъ будто бы былъ написанъ Т. С. фонъ-Вестманомъ и Бисмаркомъ, а скрѣпленъ Стремоуховымъ. Перепечатанный въ «Кельнской Газетѣ», текстъ этого фактическаго соглашения гласитъ слѣдующее:

«Ст. 1. Со дня обмѣна настоящаго договора между его императорскимъ величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ императоромъ германскимъ и королемъ прусскимъ, какъ и въ былое время да будетъ вѣчно царствовать миръ, обязательный для наслѣдства обоихъ государей, ихъ подданныхъ и странъ.

«Ст. 2. Ихъ величества императоры всероссійскій и германскій въ интересахъ мира и благополучія народовъ, править конми они призваны милостію Божіею, проникшись убѣжденіемъ, что дружественный союзъ является лучшимъ залогомъ для обезпеченія мира и спокойствія среди ихъ народовъ, заключаютъ настоящій договоръ и принимаютъ на себя обязательство ни въ какія соглашенія, договоры и союзы съ иными европейскими державами не вступать и актовъ о семъ не подписывать, не условившись о томъ между собою напередъ.

«Ст. 3. Обѣ высокія договаривающіяся стороны на всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ взаимно обязываются дѣйствовать по обоюдному соглашенію при всѣхъ нынѣ возникающихъ и впредь могущихъ возникнуть случайностяхъ.

«Ст. 4. Въ случаѣ, если бы одна изъ высокіхъ договаривающихся сторонъ оказалась вынужденною силою событій взяться за оружіе противъ третьей державы, то ихъ величества императоръ всероссійскій и императоръ германскій, король прусскій въ сознаниі

1) Jan Palacky. Erinnerungen an die Moskauer Pilgerfahrt. Prag. 1906.

высокаго значенія подобнаго шага, немедленно соединяють вмѣстѣ свои войска и несутъ въ равныхъ частяхъ военныя издержки.

«Ст. 5. Такъ какъ ихъ величества императоръ всероссійскій и императоръ германскій, король прусскій заключили особую конвенцію, гдѣ опредѣлены численность и составъ ихъ сухопутныхъ войскъ и морскихъ силъ, имѣющихъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать сообща, то эта конвенція присоединяется къ настоящему договору и за нею признается такая же сила и дѣйствительность, какъ если бы она составляла неотъемлемую часть настоящаго договора.

«Ст. 6. Главнокомандующій соединенныхъ военныхъ силъ въ должное время назначается по соглашенію о томъ между обѣими высокими договаривающимися сторонами.

«Ст. 7. Если бы въ будущемъ между Германскою имперіею и Австріею произошли разногласія, которыя бы, вслѣдствіе угрозы всеобщему спокойствію, вызвали войну, то миръ подлежитъ заключенію между названными державами, если бы побѣда оказалась на сторонѣ соединенныхъ военныхъ силъ ихъ императорскихъ величествъ императора всероссійскаго и императора германскаго лишь на нижеслѣдующихъ условіяхъ: 1. Императоръ австрійскій отказывается въ пользу германской имперіи ото всѣхъ своихъ правъ и титуловъ на Богемію, Силезію, Моравію и герцогство Зальцбургское. 2. Равнымъ образомъ, императоръ австрійскій отказывается въ пользу Россіи отъ всѣхъ своихъ правъ на Галицію и Далмацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ оговаривается, что германская имперія и Россія вступаютъ въ державное владѣніе вышеупомянутыми областями на вѣчныя времена.

«Ст. 8. Въ тотъ день, когда оговоренное въ ст. 7 завоеваніе вышеозначенныхъ областей станетъ свершившимся фактомъ, его величество императоръ всероссійскій обязывается уступить императору германскому, королю прусскому города и порты Тельши, Либаву, Виндаву, Митаву и Ригу, а равно часть Курляндіи съ проведеніемъ границъ по прямой линіи отъ Риги до Юрбурга на Нѣманѣ, и откажется въ пользу германской имперіи ото всѣхъ правъ на вышеназванные города и порты и на помянутую часть Курляндіи.

«Ст. 9. Вслѣдствіе вышедоговореннаго германская имперія немедленно вступитъ въ державное владѣніе названными городами, портами и областью.

«На международную комиссію изъ представителей отъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ поровну возложена будетъ обязанность въ назначенный срокъ установить линіи границы обоюдныхъ владѣній, въ соотвѣтствіи съ настоящимъ договоромъ.

«Ст. 10. За уступку перечисленныхъ въ ст. 8 городовъ, портовъ и области со стороны императора всероссійскаго въ пользу гер-

манской имперіи его величество императоръ германскій и король прусскій, признавая нынѣ же недѣйствительность для Россіи постановленій трактата 1856 г., обязывается всѣ завоеванія Россіи на Востокѣ поддержать военными силами, той же числительности и состава, какъ и войска его величества императора все-россійскаго.

«Ст. 11. По завоеваніи Турціи раздѣлъ ея областей составитъ предметъ особаго договора, который ихъ величества императоръ германскій, король прусскій и императоръ все-россійскій имѣютъ заключить впослѣдствіи.

«Ст. 12. Такъ какъ настоящій договоръ между ихъ величествами является актомъ ихъ собственной державной неограниченной воли, то ихъ величества обязываются въ точности соблюдать всѣ опредѣленія настоящаго договора и всякое дѣйствіе, служащее ему въ ущербъ, будутъ разсматривать, какъ нарушеніе добровольно принятыхъ на себя обязательствъ.

«Ст. 13. Такъ какъ настоящій договоръ въ своихъ статьяхъ заключаетъ и всю суть соглашенія, состоявшагося между ихъ величествами въ 1866 г., то послѣднее по обмѣнѣ между высокими договаривающимися сторонами ратификацій настоящаго договора, утрачиваетъ свою силу.

«Ст. 14. Настоящій договоръ приводится въ дѣйствіе путемъ обмѣна ратификацій, который долженъ состояться въ Берлинѣ въ шестинедѣльный или по возможности болѣе короткій срокъ».

Опубликованіе этого фантастическаго договора произвело въ Германіи сенсацію. «Кельнская Газета», опираясь на извлеченія изъ воспоминаній Бисмарка, доказывала, что подобный договоръ не могъ отвѣчать видамъ тогдашняго руководителя внѣшней политики Германіи. «Гамбургскія Извѣстія» называютъ этотъ договоръ подлогомъ, продиктованнымъ враждою къ Германіи и опорочиваютъ его подлинность потому уже, что будь тутъ что-нибудь похожее на истину, канцлеръ объ этомъ не преминулъ бы въ свое время сообщить редакціи газеты, которой подъ рукою ввѣрилъ и соглашеніе о нейтралитетѣ, заключенное между Пруссією и Россією. Въ свою очередь, и «Fremdenblatt» выражаетъ полное сомнѣніе въ подлинности документа, всплывшаго на другомъ краю свѣта. Докладки, высказываемыя Палацкимъ, быть можетъ, освѣщаютъ этотъ инцидентъ, наиболѣе приближаясь къ истинѣ.

«Въ 1867 году, — рассказываетъ Палацкій, — мнѣ было сообщено, что на этнографическую выставку въ Москвѣ предполагается пригласить представителей науки и изъ Богеміи. Такъ какъ я являюсь единственнымъ представителемъ этнографическаго и географическаго знанія въ Пражскомъ университетѣ, то мнѣ предлагалось принять представительство чешскаго народа на московскомъ празднествѣ. Но правдѣ сказать, приглашеніе это мнѣ по различнымъ причинамъ было не по нутру.

«Кромѣ чеховъ, приглашеніе на славянскій съѣздъ въ Москву получили и другіе южные славяне, а въ числѣ гостей оказался нѣкій не-австрійскій подданный, о которомъ я умолчу. Нужно признать, что чешская делегація была составлена умно; лучше, пожалуй, и придумать было нельзя—никто обиженъ и обойденъ не былъ и делегація тотчасъ же приобрѣла всеобщія симпатіи. Занятый въ ту минуту на пражской сельско-хозяйственной выставкѣ, я заявилъ, что въ Москву поѣду нѣсколько позднѣе, что и сдѣлалъ. Характерно, съ какимъ почетомъ и гостеприимствомъ насъ всюду принимали. Уже въ Варшавѣ меня повлекли на ужинъ, который обошелся чуть ли не въ 150 руб. и хотя я увѣрялъ, что мнѣ ни пить, ни ѣсть не хочется, меня заставили «хоть чаю откушать», а всѣмъ прочимъ занялись русскіе господа».

По прибытіи въ Петербургъ, Палацкій могъ убѣдиться, что по началу никто въ высшемъ обществѣ ими не интересовался. Дружили съ ними кое-кто изъ военной молодежи, особенно князь Оболенскій и князь Святополкъ-Мирскій. Позднѣе совершился крутой поворотъ и началомъ его послужило, что какъ-то за устроеннымъ для нихъ обѣдомъ появился чудный букетъ изъ бѣлыхъ розъ. Палацкій явственно разслышалъ, какъ прошептали—«это отъ нея», и имѣетъ основаніе думать, что этотъ знакъ вниманія исходилъ отъ великой княгини Елены Павловны; въ ней Палацкій признаетъ не столько женскій, сколько выдающійся государственный умъ. Съ этого момента отношеніе петербургскаго общества къ чешской делегаціи сильно перемѣнилось.

«Съ нами начали очень любезничать. Я съ самаго начала рѣшилъ ограничиться ролью второстепеннаго члена делегаціи и предоставлялъ вездѣ первенство моему зятю Ригеру, такъ какъ изъ всѣхъ насъ онъ лучше другихъ владѣлъ русскимъ языкомъ. Весьма примѣчательно то, что съ нами вообще избѣгали заговаривать по-нѣмецки и бесѣды велись преимущественно на французскомъ языкѣ. При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что наши собесѣдники никогда не касались политическихъ темъ. О національностяхъ говорилось много, но не о политикѣ».

«До меня, впрочемъ, тогда же изъ освѣдомленнаго источника дошелъ слухъ о томъ, будто Бисмаркъ съ Горчаковымъ сговариваются насчетъ раздѣла Австріи, причемъ восточную часть коронныхъ земель, т. е. Галицію и Далмацію, взяла бы Россія, а западныя земли—Пруссія. Я имѣю основаніе думать, что объ этомъ планѣ тогда же было освѣдомлено и австрійское правительство и австрійскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, графъ Ревертера-ди-Саландра, который представлялъ насъ Государю... «Предполагаемый проектъ договора о раздѣлѣ австрійскихъ земель только теперь оглашенъ въ журналѣ «Prensoa», но для всѣхъ, знавшихъ Бисмарка, ясно, что онъ никогда не ввѣрилъ бы бумагѣ такого

важнаго дѣла; возможно, впрочемъ, что кто-нибудь изъ участвовавшихъ въ тогдашнихъ переговорахъ сдѣлалъ для себя отмѣтки, а онѣ-то впоследствии и выросли въ апокрифическій текстъ договора...

«Вернемся, однакоже, къ Петербургу. Особенно нами заинтересовалась военная молодежь, которая составляетъ сравнительно независимый общественный классъ въ Россіи—это явленіе тогда же объяснилъ мнѣ одинъ изъ русскихъ друзей: «кто хочетъ у насъ безнаказанно либеральничать, долженъ носить военный мундиръ, либо состоять на службѣ въ III отдѣленію». Устраивали для нашего развлеченія и казачью джигитовку и показывали всякія достопримѣчательности, а тамъ народилась и легенда о преувеличенной нашей вліятельности. По крайней мѣрѣ меня,—прибавляетъ Палацкій,—на приѣмѣ у министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого одно чиновное лицо серьезно уговаривало обратиться къ графу съ просьбою и убѣдить его предпринять шагъ, который бы составилъ эпоху въ исторіи Россіи,—предлагалось мнѣ добиться отъ Толстого, чтобы онъ принялъ мѣры къ подготовленію, въ лицѣ духовенства, просвѣщенныхъ проповѣдниковъ и наставниковъ для народа.

«Пожалуй,—прибавляетъ Палацкій,—мой собесѣдникъ въ существѣ дѣла былъ и правъ. Дѣйствительно, вездѣ, гдѣ господствуетъ православіе, народъ пребываетъ въ темнотѣ; потому что духовенство слишкомъ мало занимается его просвѣщеніемъ чрезъ проповѣди и свѣтское обученіе, а между тѣмъ самые мрачные іезуиты и католическіе патеры прилагаютъ непрестанныя заботы къ образованію народа, хотя бы и въ узко религіозномъ направленіи. Равнымъ образомъ нигдѣ, кажется, не существуетъ такихъ огромныхъ эксцентричностей въ религіозной области, какъ въ Россіи: здѣсь Бакунины и Герцены уживаются бокъ-о-бокъ съ изувѣрами расколничества. Впрочемъ, такъ и должно быть: каковы черные, таковы и красные, ибо послѣдніе являются плотью отъ плоти черныхъ.

«Вскорѣ мы представлялись государю въ Царскомъ Селѣ—я не ошибусь, если скажу, что мнѣ представляется торжественнымъ признаніемъ единства всѣхъ славянскихъ народовъ то знаменательное мгновеніе, когда самодержецъ всероссійскій въ милостивомъ своемъ привѣтствіи назвалъ насъ своими братьями. Послѣ высочайшаго приѣма насъ уже прямо стали носить на рукахъ. Въ Твери намъ поднесли хлѣбъ-соль, а московскій генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ, получившій на свой запросъ, какъ принимать чешскую делегацію, лаконическій отвѣтъ отъ государя «сѣмѣ той мѣмѣ», не зная, понять ли «той мѣмѣ» въ именительномъ или винительномъ падежѣ, устроилъ намъ почти триумфальное шествіе при посѣщеніи Кремля.

«Изъ южныхъ славянъ единственно Милетичъ выступалъ въ Москвѣ съ длинными рѣчами, затрагивая политическія темы и

трактуя ихъ словно на агитационныхъ собраніяхъ. Тѣмъ не менѣе, до меня дошли свѣдѣнія, будто австрійскія власти отдали приказъ: «какъ только Палацкій, Ригеръ и Браунеръ переступятъ австрійскую границу, немедленно же подвергнуть ихъ аресту». Я тотчасъ же поѣхалъ въ Прагу, представился намѣстнику Ригеръ ф. Ригергофену и потребовалъ отъ гофрата Нейбауэра выяснитъ наше положеніе. На другой же день меня посѣтилъ министръ Бангансъ и объяснилъ, что приказъ о нашемъ заарестованіи отмѣненъ, такъ какъ цислейтанская делегация не усматриваетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ ничего предосудительнаго, но что транслейтанская делегация на насъ косится.

«Послѣдствіемъ нашего національнаго выступленія было то, что Бейстъ пожелалъ вступитъ съ нами въ переговоры, но мы отъ нихъ, однакоже, уклонились, сознавая тщету мечтаній о реваншѣ; кромѣ того, мы были освѣдомлены и о предстоящемъ отъѣздѣ Бейста въ Лондонъ. Этотъ образъ дѣйствій многими, какъ, напр., княземъ Камилломъ Роганомъ, вмѣнялся чешской партіи въ вину, но, по существу, былъ совершенно правиленъ. Бейстъ искалъ втравитъ Австрію въ войну для отмщенія Пруссіи, но для этого Австрія была слишкомъ слаба. Тѣмъ не менѣе объ этомъ велись чрезъ ганноверскаго короля переговоры и для ремонта кавалеріи была даже произведена закупка 7,000 лошадей. По этому поводу Бисмаркъ замѣтилъ: «Зудь Палацкій вмѣсто меня германскимъ канцлеромъ, онъ и тутъ бы прекрасно понялъ, что не безъ вѣдома же министра-президента Гогенварта производится для кавалеріи закупка лошадей». Отрицательное отношеніе чешской партіи къ войнѣ вызвало негодованіе среди поборниковъ реванша и князь Адольфъ Ауерспергъ заявлялъ открыто: «На мѣстѣ министра я бы убралъ Палацкаго и Ригера—тогда бы чехи и пикнуть не посмѣли».

Изъ сопоставленія того, что Палацкій рассказываетъ о соглашеніи между Россією и Пруссією насчетъ раздѣла австрійскихъ земель и о замыслахъ австрійской военной партіи насчетъ австро-прусскаго реванша, можно догадываться, что утка о договорѣ, заключенномъ будто бы 3 марта 1871 г., была Бисмаркомъ подъ рукою пущена нарочно, чтобы запугать Австрію и унять воинственный азартъ Бейста. Добившись желаннаго результата, Бисмаркъ, не теряя времени, сталъ дѣйствовать и въ другомъ направленіи, на что намекаетъ дальнѣйшій рассказъ Палацкаго.

«Теперь Бисмаркъ началъ настойчиво добиваться соглашенія съ Австрією и славянскими ея элементами. Онъ совершенно правильно разсудилъ, что недостаточно заручиться дружбою только съ австрійскими нѣмцами и совѣтовалъ графу Таафе не дразнить чеховъ, такъ какъ этимъ отъ нихъ ничего не добьешься. Примѣчательно и то, что Бисмаркъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ идеи преобразованія въ Богеміи университета на національ-

номъ началѣ, доказывая, что съ панславизмомъ слѣдуетъ бороться, поощряя національное самосознаніе, и что слѣдуетъ удовлетворить все чешскія домогательства, дабы они перестали заглядываться на Россію».

«Если меня спросятъ,—пишетъ Палацкій,—какія же практическія послѣдствія принесло наше паломничество въ Москву, я укажу на тотъ примѣчательный фактъ, что Ригеръ въ Сокольникахъ выступилъ въ защиту русской Польши, да и вообще Московскій славянскій съѣздъ сдѣлалъ крупный шагъ на пути объединенія славянскихъ народовъ братскою связью, а нашему общему братству я, конечно, придаю первенствующее значеніе».

Такъ, впрочемъ, братья славяне разсуждали въ 70-хъ годахъ. Плачевный финалъ войны 1877 г. съ Турціею на Берлинскомъ конгрессѣ сильно подорвалъ панславистскія стремленія и упованія, а чехи, въ частности, примиренные съ Австріею полученными политическими уступками, въ лицѣ Ригера и Грегра, въ засѣданіи вѣнскаго государственнаго совѣта 8 декабря 1888 г., уже метали громы и молніи противъ панславизма. Что въ этомъ отношеніи чехи обнаружили дальновидность и политическое чутье, на то намекають сдержанныя заключительныя строки воспоминаній Палацкаго, посвященныя оцѣнкѣ современнаго положенія Россіи. Отнюдь не реакціонеръ, но прозорливый человекъ пустилъ въ оборотъ изреченіе, что свобода есть не что иное, какъ организованное буянство. Конечно, среди иныхъ добродѣтелей надежда занимаетъ видное мѣсто, но истинный прогрессъ станетъ возможнымъ, только когда общая вражда и взаимныя натравливанія смѣнятся сознаніемъ всеобщаго братства народовъ. Деакъ нѣкогда совершенно правильно замѣтилъ, что порывы страстности, словно порохъ, пожалуй, и крѣпость взорвутъ, но зиждительной силы не имѣютъ и не смогутъ создать даже собачьей конуры. Поэтому прежде всего созываемой нынѣ въ Россіи Государственной Думѣ надлежитъ помнить, что все русскіе люди прежде всего братья. Думѣ въ ея постановленіяхъ слѣдуетъ руководствоваться апостольскимъ завѣтомъ *caritas est consummatio legis* (благоволеніе есть осуществленіе закона), такъ какъ неизмѣнно и всюду три вещи нарождаются и гибнутъ одновременно, а именно свобода, просвѣщеніе и человѣчность.

Только осуществивъ у себя дома эти заданія, Россія приобрететъ непреходящую мощь и духовную гегемонію надъ единовѣрнымъ ей славянскимъ міромъ.

Западная культура въ восточныхъ странахъ ¹⁾.

Книга эта, написанная ориенталистомъ - семитомъ Вамбери, пользующимся уже давно преувеличенною славою ²⁾, трактуеть одинъ

¹⁾ Wambery. *Westerncultur in eastern lands*. London. 1906.

²⁾ Арминей или Германъ Вамбери, по національности—еврей, носившій первоначально фамилію Вейсса, родился въ 1832 г. въ Дюна-Чердагели и только что

изъ ядовитѣйшихъ вопросовъ міровой политики—о политической гегемоніи надъ Азіею, т. е., другими словами, вопросъ о томъ, какая изъ великихъ державъ завладѣетъ міровымъ владычествомъ. Персія, Афганистанъ и Тибетъ, словомъ сказать—центральная Азія, предназначены сдѣлаться ареною гигантской борьбы, которая, рано или поздно, обезпечитъ за побѣдителемъ господство надъ міромъ. Въ этой борьбѣ давно уже намѣтились два противника, не разъ уже примѣрившіеся другъ къ дружкѣ, т. е. Великобританія и Россія. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ названныя великія державы впервые поставили свою пяту на азіатскій материкъ, и постепенно все ближе и ближе сдвигаются сферы ихъ вліянія надъ азіатскимъ континентомъ. Къ концу XIX в. противники уже стали лицомъ къ лицу, и міръ, затаивъ дыханіе, ожидалъ, что вотъ-вотъ начнется борьба, исходъ которой грозитъ опрокинуть давно уже колеблющееся устои европейскаго политическаго равновѣсія. По теперешнимъ временамъ, при совершенствѣ военной техники, веденіе войнъ оказывается слишкомъ дорогою и губительною забавою; поэтому соперники къ этому *ultima ratio* разрѣшенія споровъ прибѣгаютъ неохотно и съ оглядкою, предпочитая использовать нныя средства борьбы. Не дальнобойныя орудія, не разрушительныя боевые снаряды и не броненосцы пускаются въ ходъ, а мирныя состязанія; рѣшающимъ здѣсь оружіемъ служатъ культурныя завоеванія. Мощное шествіе болѣе совершенной цивилизаціи не знаетъ преградъ и незамѣтно, но непреложно водружаетъ свое побѣдоносное знамя надъ захолустнѣйшими углами вселенной.

поступилъ въ Пештскій университетъ, когда вспыхнуло венгерское возстаніе. Участвуя въ освободительномъ движеніи Венгрии, Вейссъ-Вамбери при осадѣ Коморна былъ раненъ въ ногу и охромѣлъ. Это обстоятельство и злоба противъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ венгерскія дѣла и были первоначальнымъ той руссофобіи, которую Вамбери обнаруживалъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности. Эмигрировавъ по подавленіи мятежа въ Турцію, Вамбери въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ восточные языки, а затѣмъ предпринялъ путешествіе въ центральную Азію, въ которой не безъ основанія предполагалъ колыбель предковъ венгровъ—гунновъ. Вамбери былъ первымъ европейцемъ, проникшимъ въ Туркменскія степи подъ видомъ дервиша. Послѣ обстоятельнаго подготовленія къ этой роли при оттоманскомъ посольствѣ въ Тегеранѣ, Вамбери въ 1863 г. отправился въ путь, посѣтилъ Хиву и Бухару и, собравъ обширный географическій, этнографическій и лингвистическій матеріалъ, напечаталъ одновременно на венгерскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ «Описаніе путешествія въ центральную Азію, совершеннаго въ 1862—1864 годахъ самозваннымъ дервишемъ».

Занивъ, по возвращеніи въ Пештъ, должность профессора восточныхъ языковъ въ тамошнемъ университетѣ, Вамбери, кромѣ специально-лингвистическихъ трудовъ, неоднократно выступалъ въ области публицистической и политической литературы. Къ этой категоріи принадлежатъ нижеслѣдующія опубликованныя имъ сочиненія. «*Skizzen aus Mittelasica*», Лейпцигъ, 1868. «*Russische Machtstellung in Asien*» Лейпцигъ, 1871. «*L'Asie centrale et la question de la frontière russe-anglaise*» 1873. «*La lutte future pour la possession de l'Inde*» 1885 и т. д.

Въ центральной Азіи въ качествѣ знаменосцевъ современной европейской культуры и выступили сѣверный медвѣдь и коварный леопардъ.

Профессоръ Вамбери въ своей книгѣ дѣлаетъ попытку охарактеризовать культурную борьбу между соперничающими державами на азіатскомъ материкѣ ради выясненія вопроса о томъ, кто же изъ соперниковъ имѣетъ преимущество и кто выйдетъ побѣдителемъ въ великой борьбѣ изъ-за политической гегемоніи надъ азіатскимъ материкомъ?

Такъ какъ воздѣйствіямъ русской культуры на Азію безспорно принадлежитъ первенство, то Вамбери и отводитъ Россіи первую часть книги. Послѣ того, какъ Московскому государству удалось вырвать изъ рукъ тюркскихъ племенъ Казань, Іоаннъ Грозный въ 1552 г. открылъ себѣ свободный путь въ сибирскія равнины, а параллельно съ завоеваніемъ Сибири шло подчиненіе Московской державѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ племенъ татаръ, киргизовъ, туркменовъ, черемисовъ, вотяковъ и т. д. Поступательное движеніе Россіи на азіатскій востокъ съ самаго начала получило характеръ военнаго завоеванія. Іоаннъ Грозный водружалъ въ Сибири православіе и стремился къ приведенію подъ его высокую руку областей и племенъ, и эти же цѣли поныиъ являются рычагами русской политики на Востокѣ.

Оставляя въ сторонѣ приводимыя Вамбери историческія перипетіи, обезпечившія Россіи властвованіе надъ Азіею отъ Урала до Камчатки, мы обратимся къ конечнымъ результатамъ, внесеннымъ въ Азію русскою культурностью. Несмотря на все свое руссофобство, Вамбери прямо не рѣшается отрицать заслугъ Россіи въ этомъ отношеніи, особенно за послѣднее пятидесятилѣтіе. Когда Вамбери подъ видомъ дервиша въ 1863 г. совершалъ свое путешествіе въ Хиву, Бухару и Самаркандъ, его жизнь и безопасность ставились на карту, такъ какъ кочевники не знали пощады для европейцевъ, да и все путешествіе Вамбери представляло непрерывную цѣпь страданій и лишеній. Въ иномъ положеніи находятся теперь эти области послѣ подчиненія ихъ русской гражданственности; но достигнутый тамъ прогрессъ, на взглядъ Вамбери, весьма относителенъ. Конечно, нельзя оспаривать, что для насажденія въ Средней Азіи культуры Россіею сдѣлано очень много, но это «много» принимаетъ весьма скромные размѣры по сравненію съ тѣмъ, чего достигала противница Россіи въ иныхъ странахъ при тождественныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь только та нація, которая широко напоена изъ источника образованности и культурности, можетъ, и въ качествѣ насадительницы своей цивилизаціи, совершать дѣйствительно великія дѣла, русская же культурность по сей еще часъ носитъ на половину европейскій, на половину азіатскій характеръ. Русскій народъ и самъ еще полу-

образованъ и полуразвитъ, поэтому гдѣ же ему найти способы широко цивилизовать варварскія и полуварварскія подвластныя ему племена? Вѣдь и понынѣ даже въ европейской Россіи наблюдаются явленія и правоотношенія, оставляющія желать многого; что это не пристрастный оговоръ, увѣряетъ Вамбери, въ томъ любой его читатель можетъ убѣдиться по многочисленнымъ фактамъ, добросовѣстно приводимымъ симпатизирующимъ Россіи сэромъ Дональдомъ Мэккензи Уоллесомъ въ новѣйшемъ двухтомномъ изданіи его авторитетнаго изслѣдованія о Россіи ¹⁾. Присущіе русскому чиновничеству недостатки, надѣлавшіе столь много зла европейской Россіи, на далекихъ окраинахъ сказываются еще рѣзче, такъ какъ среди захолустнаго провинціального чиновничества, конечно, сильнѣе, чѣмъ въ культурныхъ центрахъ, обнаруживается небрежное отношеніе къ службѣ, невѣжественность, а подчасъ—и недобросовѣстность. Вамбери утверждаетъ, будто у русскаго чиновничества, служащаго въ центральной Азій, невѣжественность идетъ рука объ руку съ высокомеріемъ. Иной мелкій чиновничекъ весьма склоненъ почитать себя за особу болѣе могущественную, чѣмъ эмиръ бухарскій; при такихъ условіяхъ вполне естественно, что отправленіе правосудія оставляетъ желать очень многого; точно также скверно обставлено и народное обученіе—отъ казенныхъ школъ туземцы бѣгутъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того факта, что до русскаго владычества Средняя Азія не знала вовсе алкоголя и проституціи, а теперь эти язвы значительно уеслили смертность среди туземцевъ. Слѣдуя принципу *laissez faire, laissez passer*, русскій Молохъ въ Азій, по словамъ Вамбери, удовлетворялъ только вождельніямъ къ территоріальному расширенію, но дѣйствительно крупной созидательной культурной работы Россія въ Азій не совершила.

Устанавливая рѣзкій приговоръ о культурной дѣятельности Россіи, и самъ авторъ чувствуетъ за собою грѣхъ предубѣжденности и пристрастія, а потому старается себя обѣлить отъ этого упрека въ обширномъ предисловіи. «Читатель, пишетъ онъ здѣсь, —изъ самостоятельнаго добросовѣстнаго сличенія дѣятельности Россіи и Англіи на азіатскомъ Востокѣ и самъ убѣдился, что, приходя къ извѣстнымъ выводамъ, я отнюдь не руководился личною ненавистью, но выводы эти составляютъ плодъ добросовѣстнаго изученія всего, что сдѣлано обѣими державами, въ смыслѣ насажденія культуры въ Азій». Въ подкрѣпленіе своихъ сужденій авторъ обильно уснащаетъ книгу цитатами и изъ другихъ единомышленныхъ авторовъ.

Во всѣхъ нареканіяхъ на Россію замалчивается прежде всего то, что Россіи пришлось считаться съ дикарями-кочевниками,

¹⁾ О книгѣ Мэккензи Уоллеса въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ данъ отзывъ въ отдѣлѣ «Иностранцы о Россіи».

тогда какъ англійскіе остъ-индскіе купцы въ Индіи нашли весьма высокую культуру какъ среди магометанъ, такъ и среди индусовъ. Далѣе, несмотря на все попреки въ жестокости обрусительныхъ мѣръ, нигдѣ и никогда Россія не выступала въ колонизаторскихъ своихъ начинаніяхъ столь жестко и неумолимо, какъ это вообще практикуется западно-европейцами по отношенію къ низшимъ расамъ. Наконецъ, несмотря на все обвиненія чиновничества въ поборахъ, мздоимствѣ и злоупотребленіяхъ, Россія не только не обирала своихъ крайнихъ подданныхъ, но самая стоимость насажденія гражданственности всегда значительно превышала налоги, собираемые съ инородцевъ, которые никогда не обращались метрополію въ дойныхъ коровъ и не подвергались систематическому обиранію въ интересахъ процвѣтанія центра и экономическаго подавленія окраинъ.

Тѣ же недочеты и прорухи, какіе, быть можетъ, и сказываются въ управленіи окраинами, вызывалась общими условіями устарѣвшаго бюрократическаго строя, съ которыми теперь сводятся счеты. Разъ въ этой области будутъ достигнуты желательныя преобразованія, едва ли не только какой-нибудь сартъ или киргизъ, но и полякъ не предпочтетъ приемы русской колониальной политики болѣе просвѣщеннымъ, но неумолимымъ и обездоливающимъ низшія расы воздѣйствіямъ западно-европейскихъ культуртрегеровъ.

Вынеся суровый и беспощадный приговоръ культурно-творческой дѣятельности Россіи, Вамбери переходитъ къ восхваленіямъ Англій, но, конечно, ни о продажѣ опиума въ фискальныхъ цѣляхъ, ни о чванствѣ и всемогуществѣ англійскихъ резидентовъ и колониальныхъ чиновниковъ, ни объ унижительномъ трактованіи туземцевъ Вамбери нигдѣ не обмолвливается.

31 декабря 1600 г. королева Елизавета предоставила «Британской остъ-индской компаніи, за ея счетъ и въ ея выгодахъ, вести торгъ въ Остъ-Индіи, но такъ, чтобы это послужило къ чести Британскаго королевства». Такимъ образомъ, проникновеніе Англій въ Азію не являло собою ни завоеванія, ни подавленія туземныхъ національностей, ни насажденія христіанскаго вѣроученія. Англія своими коммерческими факторіями принесла туземнымъ племенамъ одни сплошныя благодѣянія и тогда какъ поселенія португальцевъ, испанцевъ и французовъ чинили грабежи надъ туземцами, вызывая въ послѣднихъ къ себѣ ненависть, англичане своими торговыми операціями будто бы снискивали у низшаго населенія расположеніе и способствовали поднятію ихъ благосостоянія. Оставляя на совѣсти Вамбери историческое изложеніе тѣхъ торгашескихъ благодѣяній и интригъ, путемъ которыхъ остъ-индская компанія систематически разоряла и развращала индійскихъ князьковъ и раджей, и хотя бы тѣ общественныя беззаконія и хищенія, какими ознаменовалась давно уже освѣщенная исторією дѣятельность зна-

менитаго генераль-губернатора Уоренъ Гастингса, мы перейдемъ къ тому моменту, когда въ 1858 г. истекъ срокъ концессіи остъ-индской компаніи и ея права перешли къ англійскому правительству, умѣло создавшему изъ остъ-индской имперіи драгоцѣннѣйшую жемчужину или, вѣрнѣе, дойную корову для эксплуатаціи многомилліоннаго населенія въ интересахъ торговаго могущества метрополіи.

Подъ покровомъ Рах Britannica современная Индія, по увѣреніямъ Вамбери, не знаетъ ни угнетенія туземныхъ племенъ, ни религиозныхъ преслѣдованій по дѣламъ вѣры, такъ какъ § 91 конституціи гласитъ, что «никто изъ туземныхъ жителей Британской Индіи или родившіеся тамъ подданные его британскаго величества не подлежатъ ограниченію въ правахъ на службу, ни въ исполненіи довѣренныхъ порученій, ни въ несеніи воинскихъ обязанностей изъ-за вѣрованія, рожденія, происхожденія или расы». О томъ, что туземцы не допускаются даже въ вагонъ, гдѣ помѣщаются ихъ благодѣтели-англичане, и разыгрываютъ весьма жалкую роль въ тѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, гдѣ первенствуютъ англійскіе коронные чиновники, Вамбери, конечно, не распространяется. Онъ увѣряетъ, будто свобода, равенство и братство неизмѣнно были тѣмъ оружіемъ, съ помощью котораго ничтожная горсть англичанъ приручила 300-милліонное населеніе.

Весьма благоразумно Вамбери умалчиваетъ хотя бы о возстаніи сипаевъ и жестокостяхъ англійской расправы съ ними.

Зато Вамбери очень расточителенъ въ восхваленіяхъ и, вопреки извѣстнымъ фактамъ, увѣряетъ, будто тысячи туземцевъ совершенно самостоятельно дѣйствуютъ въ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, будто въ составѣ индійской арміи преобладаютъ туземцы, при ничтожномъ контингентѣ англійскихъ солдатъ, и будто повсюду въ Индіи «царитъ полное согласіе между англичанами и туземцами», такъ какъ англичане не знаютъ полумѣръ, и всякій у нихъ, мелкій даже, чиновникъ является восторженнымъ и убѣжденнымъ насадителемъ культуры, почему англичане въ глазахъ туземцевъ и рисуются надежными руководителями и самоотверженными покровителями. Вѣроятно, въ этихъ же видахъ англичанами организуется и шпионская служба и систематическое воспитаніе ad hoc туземцевъ, что еще недавно и мастерски описано въ одномъ изъ романовъ Ричарда Кицлинга.

Далѣе Вамбери пускается въ богатую красками характеристику тѣхъ благодѣяній, коими британская метрополія осыпала индійскихъ своихъ подданныхъ. Народное образованіе сдѣлало въ Индіи разительные успѣхи—при пяти университетахъ и 150.000 школахъ чрезъ учебныя заведенія проходитъ около 3 мил. туземныхъ дѣтей обоюго пола, преимущественно индусовъ. Рука объ руку съ образованіемъ, разительно развивается туземная литература и повременная печать, насчитывающая почти тысячу органовъ.

Индія во всѣхъ направленіяхъ перерѣзана желѣзными дорогами, въ постройку которыхъ вложено 52 мил. фун. стерл.; въ странѣ, $\frac{1}{5}$ населенія которой занимаются земледѣліемъ, устройство канализаціи и искусственнаго орошенія должно играть огромную роль и, дѣйствительно, на этотъ предметъ израсходовано мѣстнымъ управленіемъ свыше 30 мил. фун. стерл.

Всѣ эти факты гораздо вѣрнѣе объяснять не альтруистическими побужденіями. Эти факты только показываютъ, что Англія умно хозяйничаетъ и создаетъ всѣ способы и средства для того, чтобы индійскія владѣнія давали метрополи все нужное сырьемъ, а, по переработкѣ его въ Англіи, затѣмъ, въ видѣ фабрикатовъ, потребляли его въ Индіи, доступъ куда иноземныхъ фабрикатовъ далеко не поощряется.

Что заботливость англичанъ объ индійскихъ подданныхъ не ахти какая, доказывается періодическимъ голодомъ, который скашивается въ Индіи милліоны существованій.

Всѣ тѣневые стороны остъ-индскаго управленія тщательно замалчиваются. Мало того, Вамбери увѣряетъ, что только политическіе недруги и заклятые англофобы порочатъ англо-индійскіе распорядки. Тщетно своими многолѣтними колонизаціонными опытами Великобританія доказывала, что, гдѣ бы ни взвился ея національный флагъ, онъ открываетъ широкія перспективы свободѣ, культурѣ и благосостоянію; тщетно британская нація непреходящими своими культурными заслугами завоевывала право на признаніе за нею неоспоримаго первенства,—все это ея враги, завистники и соперники знать не хотятъ, когда утверждаютъ, будто Англія высасываетъ свои колоніи и будто только желѣзныя цѣпи удерживаютъ угнетенныхъ туземцевъ отъ кровавыхъ возстаній.

Такимъ извращеніемъ будто бы истины Вамбери противопоставляетъ категорическое опроверженіе. Давно уже распространяются сказки о томъ, будто Россія—рано или поздно—изгонитъ англичанъ изъ Индіи. Изъ сопоставленія тѣневыхъ сторонъ русскаго окраиннаго управленія съ краснорѣчивыми благодѣяніями англійской колоніальной политики для Вамбери очевидно, что промѣнять британскую свободу на русское рабство никто не захочетъ и, ужъ разумѣется, обращать цвѣтущую индійскую имперію въ терпящую всякія невзгоды русскую Азію никому изъ индійскихъ туземцевъ и въ голову не придетъ.

Этимъ содержаніе книги Вамбери еще не исчерпывается. Въ третьей части, озаглавленной «Будущность Ислама», Вамбери разсматриваетъ судьбы тюркско-магометанскаго вопроса, который неразрывно связанъ со всею дальнѣйшею эволюціею Азіи, такъ какъ Азія насчитываетъ свыше 111 милліоновъ магометанъ, изъ коихъ на долю одной только Индіи приходится 62 милліона послѣдователей ислама.

Путемъ подбора болѣе или менѣе убѣдительныхъ аргументовъ Вамбери проводитъ ту мысль, что господству ислама въ существующихъ формахъ на Балканскомъ полуостровѣ наступаетъ неотвратимый конецъ. Если бы турецкій произволъ не праздновалъ безудержныхъ оргій и если бы отдѣльныя державы достигаемые ими въ Стамбулѣ успѣхи не парализовали взаимной завистью и интригами, то полумѣсяцъ давно уже былъ бы низвергнутъ съ купола Айя-Софія. Во всякомъ случаѣ приближается тотъ часъ, когда восточный вопросъ властно потребуетъ разрѣшенія, но одновременно съ этимъ возникаетъ рядъ и иныхъ вопросовъ огромнѣйшаго политическаго значенія. До сихъ поръ Малая Азія, Сирія, Аравія, Персія, Тибетъ и Афганистанъ играютъ только роль буферовъ, искусственно отдѣляющихъ сферы вліянія соперничающихъ державъ. Одновременно съ разрѣшеніемъ турецкаго вопроса придется такъ или иначе ликвидировать и всѣ искусственныя средостѣнія, и тутъ Вамбери опять пророчитъ Великобританіи львиную долю территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя, по прозорливымъ видамъ бывшаго индійскаго вице-короля Керзона, должны обезпечить индійской имперіи полную неприступность и съ западнаго фланга, и съ тыла. Не удивительно, что обширный панегирикъ Англіи, въ духѣ джингоизма, и оправданіе британскихъ интересовъ высшими научными и политическими соображеніями произвели въ Великобританіи большую сенсацію.

Вамбери удостоивается самыхъ лестныхъ знаковъ вниманія не только со стороны англійскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, но даже и самого короля и его министровъ, а англійское королевское общество, соответствующее нашей академіи наукъ, сочло умѣстнымъ въ честь Вамбери устроить нарочитое торжественное засѣданіе. На этомъ засѣданіи фельдмаршалъ лордъ Робертсъ выступилъ съ восторженною рѣчью, гдѣ распространился о заслугахъ Вамбери по всестороннему изученію и освѣщенію центрально-азіатскаго вопроса, и закончилъ свой спичъ знаменательною фразою: «Если намъ, англичанамъ, для утвержденія владычества надъ Индіею удалось возвести неприступные контрофорсы, то достоичному, пребывающему среди насъ, «distinguished foreigner» (знатному иностранцу) профессору Вамбери принадлежитъ та заслуга, что именно его усиліями подготовлены и собраны коренные устои для этихъ твердынь».

В. Ш.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ ¹⁾.

II.

Наканунъ реформъ.

ВЪ ИСТОРИИ Россіи XIX столѣтія наблюдаются три момента общественной и государственной жизни, имѣющіе между собою сходство и одинаковое, болѣе или менѣе, значеніе, если не по обстановкѣ, при которой они обнаружались, и не въ фактахъ, которые имъ сопутствовали, то въ психологическомъ значеніи ихъ и томъ общественномъ настроеніи, которымъ они окрашивались. Моменты эти соотвѣтствуютъ смѣнамъ на престолѣ самодержцевъ, каковыя смѣны окутываются повышенной общественною атмосферою, являющеюся результатомъ недовольства завершившимся царствованіемъ и ожиданія отъ новаго представителя династіи такихъ начинаній и дѣйствій, которыя опредѣляются изъ совокупности извѣстныхъ чаяній и надеждъ на лучшее будущее, причемъ послѣднее неизмѣнно толкуется въ смыслѣ долженствующаго послѣдовать расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ населенія и предоставленія ему желаемой для него воли и свободы. Смерть Павла I, Николая I и Александра III и, какъ вытекающее отсюда затѣмъ историческое явленіе, вступленіе на престолъ Александра I, Але-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1907 г., т. CVII, стр. 262.

ксандра II и Николая II, — вотъ тѣ три момента нашей исторической жизни, въ коихъ усматривается одинаковость, идентичность опредѣленнаго общественнаго настроенія: новый самодержецъ даетъ въ первомъ своемъ манифестѣ обѣщаніе слѣдовать въ дѣлѣ управленія политикѣ своихъ предшественниковъ, а населеніе или, правильнѣе, сознательные выразители его политическихъ вождельній именно этого-то слѣдованія не желаютъ и не признаютъ, ожидая, наоборотъ, каждый разъ установленія совершенно новаго политическаго курса, причемъ эти пожеланія, высказываемыя или черезъ посредство періодической печати, или черезъ посредство специально на этотъ случай подаваемыхъ особыхъ записокъ и адресовъ, звучатъ всегда опредѣленной увѣренностью въ осуществимости высказываемыхъ пожеланій. Въ разныхъ слояхъ населенія, въ связи съ этимъ, рождаются и нарастаютъ преувеличенные и малообоснованные съ фактической стороны слухи, «достоверныя свѣдѣнія» и легенды, которыя именно и создаютъ сказанную повышенную общественную атмосферу. Ходъ дальнѣйшихъ событій и отношеніе къ общественнымъ надеждамъ со стороны верховной власти сплошь и рядомъ не оправдываютъ повышенности соціальной пульсаціи—отсюда народное на первыхъ же порахъ разнаго рода недоразумѣній, разочарованій, влекущихъ за собою тѣ или иныя печальныя послѣдствія въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ.

Вступленію на престолъ Александра I, какъ уже читателямъ извѣстно, предшествовала кровавая ночь въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ очистительною жертвою суроваго и безумнаго государственнаго режима явился Павелъ Петровичъ. Понятно, передъ лицомъ окровавленнаго трупа бывшаго монарха новый вѣнценосецъ не могъ давать торжественнаго обѣщанія слѣдовать именно его политикѣ, той самой, за которую тотъ такъ ужасно поплатился. Поэтому онъ связываетъ свое предстоящее служеніе народу съ былыми традиціями своей бабки. Но, на самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно было, что въ своихъ юношескихъ политическихъ мечтаніяхъ Александръ Павловичъ шагнулъ далеко за рубежъ той политики, въ лѣтописяхъ которой стояли печальныя судьбы Новикова и Радищева. Это обстоятельство создало вокругъ его личности особый ореолъ будущаго реформатора въ конституціонномъ духѣ, ореолъ, который онъ сумѣлъ долго поддерживать и даже заставить въ него вѣрить. Не случись Отечественной войны, еще неизвѣстно, во что бы отличились событія внутренней жизни Россіи и какія бы испытанія въ духѣ соціальной неурядицы ей суждено было испытать. Борьба съ Наполеономъ и счастливое ея завершеніе пошли на пользу Александру I въ его обязанностяхъ передъ народомъ, которыя онъ до конца дней своихъ не успѣлъ выполнить. Поразительная разница между поданными имъ въ началѣ царствованія населенію надеждами и практическими результатами царствованія реализо-

вались заговоромъ декабристовъ, бунтомъ 14 декабря и пролитой на Сенатской площади кровью.

Александръ II вступилъ на престолъ, какъ это отмѣтилъ въ своемъ письмѣ къ нему Герценъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ для утвержденія въ населеніи вѣры въ свою личность, хотя событія политической жизни страны были до-нельзя сложны и запуганы, что безусловно ставило его во всѣхъ отношеніяхъ въ чрезвычайно трудное положеніе. «Все замолкло, всѣ дрожать отъ ужаса. Не стало могучаго русскаго царя!.. Кажется всѣмъ, что сейчасъ разверзнется земля, и Россія пропадетъ»...—такъ описывала впечатлѣніе отъ смерти Николая Павловича на окружающихъ баронесса Фредериксъ. Но... земля не разверзлась, Россія не пропала и Александръ Николаевичъ сумѣлъ овладѣть ходомъ событій такъ счастливо и удачно (въ первый періодъ, по крайней мѣрѣ, своего царствованія), что даже создалъ для Россіи особую эру исторической жизни, настолько яркую и знаменательную, равную которой по силѣ красокъ не часто встрѣтишь въ исторіи человѣчества. Онъ до извѣстной степени, и притомъ въ вопросѣ первостепенной социальной важности, оправдалъ то довѣріе, которое ему въ кредитъ оказали передовые элементы населенія, причемъ сумѣлъ найти въ себѣ самомъ настолько силы духа и воли, что сталъ много выше всѣхъ, кто его ближайшимъ образомъ окружалъ, и черезъ голову ихъ и своихъ предшественниковъ протянулъ руку и Радищеву, и тѣмъ изъ декабристовъ, которые усматривали въ освобожденіи крестьянъ единственный залогъ къ счастью нашей родины. Онъ въ точности оправдалъ и пылкое мечтаніе поэта, вошрощавшаго:

«... Увижу ль я народъ освобожденный
 И рабство, павшее по мановенію царя?»

Но этого подъема воли хватило у него не надолго, и за періодомъ прогрессивнаго характера послѣдовалъ періодъ регресса и реформаторскаго застоя, притомъ настолько быстро и, пожалуй, неожиданно, что между голосами славословія и порицанія не прошло и нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ. Виною такой метаморфозы была не столько личность самого самодержца, сколько тѣ, подчасъ неувидимыя, вліянія, тѣ давленія, которыя оказывали на него окружающіе его, тѣсно связанные своими мыслями, убѣжденіями и традиціями съ былыми временами. Во имя этихъ-то консервативныхъ традицій монарху-реформатору ставились по пути всяческія препоны и затрудненія, благодаря которымъ его реформаціонное выступленіе на авансцену русской жизни происходило съ сильнымъ запаздываніемъ, которое раздражало нетерпѣливыхъ современниковъ, склонныхъ разсматривать это запаздываніе, какъ актъ неустойчивости политическихъ убѣжденій самого монарха. Въ немъ же самомъ дѣйствительно боро-

лись два начала: сознание справедливости и законности того, во имя чего звучалъ общественный голосъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшимость разорвать съ традиціями, которыя связывали его съ наслѣдіемъ отцовской старины и тѣми, кто этой старинѣ когда-то служилъ и кто нынѣ явился носителями этихъ былыхъ преданій. Получалось трагическое положеніе, гдѣ нужно было или капитулировать передъ напоромъ времени или, опершись на сторонниковъ стараго порядка вещей, вступить съ этимъ временемъ въ борьбу. Внутреннее сознание говорило въ пользу перваго положенія, но привычка и отсутствіе связи съ народомъ и страной, установившееся съ издавнихъ поръ, о чемъ нами такъ много говорилось въ очеркахъ «Годы смуты и борьбы», внушало страхъ передъ невѣдомымъ новымъ будущимъ, страхъ, поддерживаемый угрозами и застрачиваніями со стороны представителей отцовской службы. Отсюда—колебанія, полумѣры, нерѣшительность и отсюда же усиленіе общественнаго напора, закипаніе политическихъ страстей въ странѣ и угрозы, что эти страсти рано или поздно перейдутъ въ бурю, которая поглотитъ именно того, вокругъ кого она поднялась.

Александръ I сумѣлъ пролавировать между политическими Сциллой и Харибдой и предоставилъ опасность подводныхъ камней своему замѣстителю. Александръ II очутился въ иномъ положеніи: ему довольно открыто былъ предъявленъ къ уплатѣ политическій вексель, онъ сознательно принялъ его къ погашенію, но только послѣ протеста на немъ; и отсюда первые предвѣстники будущей бури, потушить и ослабить которую можно было только при помощи совершенно новыхъ средствъ и мѣропріятій, образцовъ которымъ не находилось въ устарѣвшемъ государственномъ механизмѣ управленія. На созданіе же новаго, въ духѣ ли западно-европейскомъ, конституціонномъ, или московско-земско-соборномъ, не хватало ни рѣшимости, ни даже желанія. Въ послѣдній моментъ, въ день рокового 1 марта 1881 года нѣкоторый силуэтъ рисунка этого обновленнаго механизма какъ будто обозначился, но было уже поздно: пробилъ послѣдній часъ, налетѣлъ девятый валъ и... царя-освободителя не стало.

Это опозданіе было роковымъ и отвѣтственность за это лежитъ какъ на тѣхъ, кто былъ виновникомъ удержанія царя отъ рѣшительнаго шага, который подсказывали ему благожелательныя прогрессивныя общественныя фракціи, такъ и со стороны тѣхъ, которые въ своей террористической программѣ воздѣйствія на бюрократическія сферы предрѣшили насильственную смерть Александра II. На комъ еще большая отвѣтственность въ трагическомъ событіи 1 марта 1881 года — большой вопросъ, и если капли крови скатываются съ былыхъ листковъ «Народной Воли», то слѣды такихъ же капель можно найти и на страницахъ тѣхъ офиціозныхъ и покровительствуемыхъ изданій, которыя

благополучно на казенныя средства существуютъ и по-днесъ; если слѣды жестокихъ заговоровъ обрисовываются въ описаніи былыхъ конспиративныхъ квартиръ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, то такіе же слѣды можно найти и въ тѣхъ официальныхъ канцеляріяхъ и разнаго рода гостиныхъ и кабинетахъ, которымъ не для чего было кутаться мракомъ таинственности и бояться бдительнаго полицейскаго надзора...

Осуществленіе въ жизни того, на что не рѣшился его покойный родитель (освобожденіе крестьянъ) и даже противъ чего онъ боролся (цензурная и судебная реформы), создало Александру Николаевичу незабвенное имя въ русской исторіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяготѣніе къ бюрократическимъ формамъ управленія, выработаннымъ его предшественниками по трону и особенно укрѣпленнымъ побѣдителемъ декабристовъ, принесло ему мученичeskій конецъ. Свѣтлое радостное утро закончилось мрачною темною ночью, въ зловѣщей тишинѣ которой, по историческому недоразумѣнію и наперекоръ историческому опыту, пролито было не мало крови, загублено не мало силъ, сбереженію которой придавалось такъ мало значенія. Поднявшаяся въ 1855 г. общественная волна нѣсколько спала наканунѣ 1861 года и въ самый этотъ годъ; въ дальнѣйшемъ она опять нарастала, окрашенная притомъ съ каждымъ днемъ все большей человѣческой кровью и закончилась тѣмъ девятымъ валомъ, который выкинулъ на историческій берегъ 1881 года нѣсколько труповъ: царя-освободителя и организаторовъ его убіенія. Затѣмъ... затѣмъ, какъ и послѣ Александра I, начинается періодъ регрессивный, съ сильнымъ подъемомъ консервативной политики и съ усиленной, но скрытой мобилизаціей общественныхъ прогрессивныхъ силъ, которыя въ 1894 году снова, какъ нѣкогда въ 1801 и въ 1855 годахъ, предъявляютъ верховной власти свои политическія—довольно скромныя на первый разъ—пожеланія. Это предъявленіе, сопровождаемое со стороны интеллигентной массы въ самыхъ разнообразныхъ ея слояхъ преувеличенными ожиданіями, надеждами и, именно, легендами, не встрѣчаетъ не только сочувствія, но даже терпитъ суровый отпоръ. На сцену выступаютъ традиціи и завѣты предшествовавшаго царствованія, попытка продолженія столь, повидимому, крѣпко установленнаго политическаго курса, но отсутствіе въ исторической дѣйствительности той воли, которая создала режимы Николаевскаго царствованія и царствованія Александра III, ведетъ къ удивительному противорѣчію между реальной этою дѣйствительностью и принципиальными намѣреніями. Между рѣчью представителямъ земства въ 1894 году и актомъ 17 октября 1906 года лежитъ неизмѣримая и притомъ трагическая пропасть... Но объ этихъ новѣйшихъ къ намъ дняхъ рѣчь будетъ еще много впереди, а пока наши «очерки» должны, въ возможной для того хронологической послѣдовательности, представить

ходъ событій съ 1855 по 1881 годы, поскольку послѣднія отражали на себѣ разнообразныя настроенія правящихъ сферъ и общественныхъ элементовъ, и откуда родилось то революціонное движеніе, которое завершилось въ ту эпоху кровавой трагедіей на Екатерининскомъ каналѣ.

II.

Вступивъ на престолъ, Александръ II сознавалъ, что самая неотложная и трудная задача, которая ему предстоитъ, помимо той или иной ликвидаціи несчастной восточной войны, это разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Но свое намѣреніе по сему предмету онъ обнаружилъ не сразу и даже косвенно какъ будто далъ понять, что все должно оставаться по старому. Такъ, въ своемъ первомъ циркулярѣ предводителямъ дворянства вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской, смѣнившій Д. Бибикова, объявилъ, что императоръ повелѣлъ ему «ненарушимо охранять права, вѣнченными его предками дарованныя дворянству». Эти слова были истолкованы многими современниками, какъ показатель, что на реформы въ ближайшемъ будущемъ разсчитывать нечего. Но, рядомъ съ этимъ, отставка Клейнмихеля, этого ближайшаго сотрудника Николая Павловича и истиннаго столпа Николаевского режима, подавала надежду, что старое отцовское наслѣдіе не такъ уже долговѣчно и ненарушимо. По случаю этой отставки кн. Д. Оболенскій, служившій по морскому министерству, писалъ въ октябрѣ 1855 г. М. Погодину: ¹⁾ «Если вѣрить слухамъ, то, дѣйствительно, великая побѣда одержана нами противъ внутреннихъ враговъ. Клейнмихеля заставили подать въ отставку; эта вѣсть и здѣсь мигомъ разнеслась по всему городу, и радость общественная не знаетъ границъ; я, признаюсь, никакъ не ожидалъ, чтобы восторгъ былъ такъ силенъ... Въ моемъ департаментѣ, гдѣ чиновники не имѣютъ никакого дѣла съ Клейнмихелемъ, всѣ другъ друга отъ избытка чувствъ обнимали;—на улицахъ всѣ, встрѣчаясь, сообщали новость, какъ бы извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ. Кокоревъ пишетъ мнѣ, что, когда прочтеть приказъ объ увольненіи Клейнмихеля, то жертвуетъ на тысячу человѣкъ бѣдныхъ обѣдъ въ теченіе мѣсяца за здоровье царя. По рукамъ ходятъ уже стихи. Какое поразительное зрѣлище. Я читалъ объ этомъ въ Николаевѣ! Что же сказать послѣ того о правительствѣ, которое поставило себя въ такое отношеніе къ общественному мнѣнію? Можетъ ли и въ правѣ ли оно негодовать за то, что берутъ взятки и крадутъ казну. Какое же можетъ быть участіе къ общественному дѣлу, когда возможны подобные факты. Ежели бы объяснить государю все значеніе этой радости общественной при вѣсти о па-

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова, кн. XIV.

деніи Клейнмихеля, какъ бы, кажется, тогда не понять ему, въ чемъ дѣло. И сколько утѣшительнаго въ этомъ явленіи, какъ видно, что духовныя силы Россіи подавлены искусственнымъ гнетомъ и какъ при малѣйшемъ предлогѣ общество наше способно выразить негодованіе свое. Значить, не замерло въ немъ сознаніе, несмотря на всѣ усилія умертвить его, значить, вѣрно чувствуетъ оно, гдѣ истинный врагъ!»

Несмотря на то, что признаковъ реформированія Россіи въ социальномъ отношеніи на новый ладъ было очень немного, всѣмъ уже черезъ полгода по смерти Николая Павловича чувствовалось, что наше отечество, несмотря на всѣ не кончившіяся еще тогда бѣды военнаго времени, выходитъ на новый историческій путь и въ немъ уже бойко начинается биться пульсъ эпохи реформъ. Нѣкоторыя облегченія по дѣлу печати, какъ-то: новое болѣе облегченное изданіе сочиненій Пушкина и Гоголя, разрѣшеніе, по ходатайству «Современника», печатанія корреспонденцій съ театра войны, составлявшее до тѣхъ поръ монополію официальнаго «Русскаго Инвалида», разрѣшеніе, по почину М. Каткова, всѣмъ періодическимъ изданіямъ касаться вопросовъ вѣшной и внутренней политики, разрѣшеніе Каткову на изданіе «Русскаго Вѣстника» и особо-опаснымъ славянофиламъ на изданіе своего органа «Русской Бесѣды» подъ редакціей Т. И. Филиппова, упраздненіе знаменитаго Бугурлинскаго комитета, упраздненіе пресловутаго студенческаго комплекта въ университетахъ, уничтоженіе огромной пошлины на заграничныя паспорта и разрѣшеніе свободного выѣзда за границу—вотъ тѣ немногочисленныя, но для того времени знаменательныя и давно ожидаемыя ласточки, которыя предвѣщали русскому обществу наступленіе вешнихъ дней.

Въ длинномъ письмѣ къ Погодину отъ 30 января 1856 г. К. Кавелинъ такъ изображаетъ¹⁾ настроенія, царившія въ сѣверной столицѣ: «Здѣсь, въ Петербургѣ, общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ, и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится. Можетъ быть, и не слѣдуетъ, и еще рано, и глупо въ мои лѣта, а я не на шутку начинаю сердцемъ привязываться къ нынѣшнему царю, который... дѣлаетъ умно, и котораго доброе, исполненное вѣрнаго чутья сердце мало-по-малу выводитъ насъ изъ работы египетской. Дай-то Боже, чтобъ хватило у него силъ на благо, чтобъ негодяи его не осѣдали и гниль... опять не всплыла на-

¹⁾ Жизнь и труды М. И. Погодина. Николая Барсукова, т. XIV.

ружу. А очень ей этого хочется и сторожить она крѣпко. Меня также въ ужасъ приводитъ, что когда вымрутъ послѣдніе Александровскіе, ни одной головы не останется. Повѣрьте, что я не преувеличиваю и говорю, къ сожалѣнію, какъ по писанному, ибо предъ глазами у меня происходитъ. Какъ только намордники свалились, старичье разболталось и тутъ-то вы видите всю разницу между поколѣніемъ Александровскимъ и солдатами и писарями... Не Богъ знаетъ какъ густы графъ Киселевъ и графъ Блудовъ, а я просто боюсь, когда вспоминаю, что имъ обонмъ за семьдесятъ; за ними идутъ Долгорукіе, Норовы, Броки, Панины, Анненковы, Ростовцевы. Побывайте на кухнѣ, гдѣ готовятся государственные мѣры и законы, да послушайте этихъ господъ и васъ страхъ возьметъ; нѣтъ, лучше мужикъ изъ-за сохи, лучше торгашъ базарный, чѣмъ эти... годные только на мелкія интрижки... потерявшіе изъ-за нихъ простой здравый смыслъ, которымъ русскіе люди одарены такъ богато. Этому отребью человѣческаго рода, паріямъ русскаго міра, предстоитъ предсѣдательство въ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ, и самые сильные голоса, въ качествѣ министровъ. Киселевъ и Блудовъ еще держатъ ихъ въ порядкѣ, а что — когда ихъ не будетъ?.. Разстаюсь съ этой темой... чтобъ сообщить вамъ, а главное поговорить весьма серьезно объ одномъ дѣлѣ, о которомъ и у васъ и у всѣхъ честныхъ людей въ Россіи болитъ сердце. Объ этомъ, что сообщу, если будете говорить, говорите съ выборомъ. Я писалъ вамъ, что царь поднялъ самъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, въ разговорѣ съ двумя предводителями, воронежскимъ и рязанскимъ. Съ его легкой руки и пошли толковать, и теперь толкуютъ открыто, гласно, вездѣ, всюду, совѣщаются, идетъ обмѣнъ мыслей, и статей и проектовъ множество или уже написано, или пишутся и мысль созрѣваетъ. Замѣчательно, что то, чего... не могли добиться въ тридцать лѣтъ, то явилось само собою, готовое, въ одинъ годъ добраго, кроткаго, благонамѣреннаго и простосердечнаго правленія; общественное мнѣніе единогласно твердитъ, что непременно рѣшить этотъ вопросъ надо. Помѣщики, самые дикіе, осуждены на молчаніе, масса даже степныхъ баръ, приѣзжающихъ сюда, согласны, что положеніе невыносимо. А еще въ 1854 и въ февралѣ и мартѣ 1855 года государственный совѣтъ бился изъ-за того, чтобъ инвентарей не вводить въ Витебскую и Могилевскую губерніи. Просто, бездна раздѣляетъ 18 февраля 1855 года и 17 марта 1856 года! Партія, сколько я разумѣю, образуются въ правительствѣ такимъ образомъ: Киселевъ, старый боецъ, и его сторонники смотрятъ на дѣло односторонне и бюрократически: имъ бы все хотѣлось сдѣлать дѣло... безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Но этимъ только испортишь вопросъ, потому что владѣльцы, какъ и естественно, станутъ грудью за свои гражданскія права, т. е. за свой карманъ. Ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ молчатъ, не благопріятствуютъ этому вопросу. Ланской призывалъ даже предводителей, находящихся въ Петербургѣ, и самымъ пошлымъ образомъ доказывалъ невозможность и ненужность измѣнить теперешнее положеніе крѣпостныхъ и что совершенно достаточно только не тиранить ихъ, объявилъ, что государь и не помышляетъ дотрагиваться до крѣпостного права, и что онъ, Ланской, поручаетъ имъ объявить объ этомъ дворянству ихъ губерній.

«Вотъ одна тема. Другіе люди, тоже заслуживающіе полного довѣрія, прибавляютъ къ этой рѣчи нѣсколько словъ, которыя совершенно измѣняютъ смыслъ ея. Они утверждаютъ, будто бы Ланской заключилъ тѣмъ, что правительство теперь нимало не помышляетъ объ отгнѣнѣ крѣпостного права, но что если оно рѣшится принять какія-нибудь мѣры въ этомъ отношеніи, то оно непремѣнно и во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ это не безъ вѣдома дворянства. Если эти слова были сказаны, то они, вѣроятно, значатъ слѣдующее: ходятъ разные слухи и только; будьте спокойны. Правительство не рѣшится на это, какъ доселѣ было, втайнѣ, а непремѣнно, въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ дворянства, посоветуется съ нимъ. Какъ бы те ни было, но я могу вамъ сказать за вѣрное, что слова Ланского никого не испугали, никого не обрадовали и съ каждымъ днемъ объ этомъ вопросѣ толкуютъ громче и больше. Елена Павловна горой стоитъ за это дѣло; но ея вѣрный практическій тактъ указываетъ ей ясно, что безъ вознагражденія владѣльцевъ дѣло не пойдетъ. Константинъ и императрица не произнесли еще никакъ, но оба сильно интересуются вопросомъ и изучаютъ его. Марія Николаевна противъ, и это нехорошо, т. е. можетъ повредить дѣлу, по ея вліянію... Я, съ своей стороны, убѣжденъ и сердцемъ, и умомъ, и всѣмъ моимъ существомъ, что изъ всѣхъ вопросовъ—вопросъ, изъ всѣхъ золъ—зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ—несчастіе есть крѣпостное право. Не то, чтобъ мало было у насъ худого и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣплено къ этому крѣпостному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ».

Таково свидѣтельство современниковъ, чрезвычайно важное и по сдѣланной въ немъ группировкѣ фактическаго матеріала, благодаря которому мы знакомимся съ психологическимъ настроеніемъ правительственныхъ сферъ, и какъ голосъ умѣреннаго западника, намѣчающаго часть, и при томъ самую существенную, той политической программы, которую выставила для новаго правительства къ выполненію либеральная часть общества. Мы видимъ, что эта программа сходится съ тѣми пожеланіями, которыя, въ лицѣ Герцена, высказала и лѣвая общественная фракція. Кавелинъ ставитъ къ разрѣшенію только крѣпостной вопросъ, Герценъ беретъ дальше и проситъ «вольной рѣчи», говоря: «намъ есть, что сказать міру и своимъ».

Въ обоихъ случаяхъ, однако, мы не встрѣчаемъ никакого указанія на стремленіе со стороны общественныхъ группъ къ измѣненію формы правленія или обновленія правительственнаго механизма. Всѣ держатъ себя деликатно по отношенію новаго вѣнценосца и не предъявляютъ ему никакихъ повышенныхъ требованій и пожеланій.

Если Кавелинъ представилъ намъ обстоятельную съ фактической стороны картину психологіи правящихъ сферъ, то въ воспоминаніяхъ не безызвѣстнаго нынѣ общественнаго дѣятеля Н. Ф. Анненскаго, напечатанныхъ въ сборникѣ «На славномъ посту», посвященномъ покойному Н. К. Михайловскаго, по случаю его сорокалѣтняго литературнаго юбилея, мы встрѣчаемъ удачно нарисованную картину тогдашняго общественнаго настроенія.

III.

Въ очеркѣ «Сорокъ лѣтъ назадъ» Н. Ф. Анненскій, нарисовавъ предварительно мрачный фонъ дореформенной русской дѣйствительности и обращаясь затѣмъ къ первымъ годамъ новаго царствованія, говоритъ:¹⁾ «Но среди этого царства произвола, безправія, продажности и жестокости пробивался уже нѣкоторый свѣтлый лучъ. Старые порядки жизни держались еще внѣшнею силою, но исчезла уже увѣренность въ ихъ незыблемости и непоколебимости. Напротивъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось, что такъ идти далѣе нельзя, что неизбежно должны наступить другія времена и иные порядки. Это убѣжденіе, распространяясь все шире и шире, окрыляло надеждами однихъ, смущало и приводило въ уныніе другихъ. Представители стараго отживающаго строя какъ-то растерялись и потеряли прежнюю самоувѣренность. На почвѣ этой растерянности возникали иногда очень любопытныя неожиданности. Молодые побѣги новой жизни въ то время пробивали уже себѣ выходъ наружу. На общемъ, крѣпостномъ еще фонѣ русской дѣйствительности выступили мѣстами черты, совѣмъ съ нимъ не гармонировавшія. Однородность общей картины была нарушена. Среди сковывавшаго русскую жизнь ледяного покрова то тамъ, то сямъ показывались проталины. По большей части это были только единичные, отдѣльные факты, происходившіе на поверхности общественной жизни. Важны они были не сами по себѣ, а только какъ симптомъ начинавшагося процесса общественной перестройки. Но въ глазахъ современниковъ значеніе ихъ часто переоцѣнивалось. Переоцѣнивалось съ обѣихъ сторонъ—и со стороны тѣхъ, кто привѣтствовалъ новыя, наступающія времена, и со стороны тѣхъ, кто стоялъ на стражѣ старыхъ. Отсюда тѣ наив-

¹⁾ «На славномъ посту» (1860—1900 г.г.). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому.

ные и комичные восторги передъ проявленіями «русскаго прогресса», которые съ такимъ безпощаднымъ остроуміемъ и, временами, съ такою горечью бичевалъ Добролюбовъ въ «Свисткѣ». Конечно, вся эта маниловщина не могла способствовать успѣху общественной работы. Но недоразумѣніе и растерянность другой стороны сослужили свою службу обновительному движенію. Быть можетъ, многіе его слабые ростки безъ труда были заглушены и задавлены въ самомъ началѣ, если бы элементамъ ихъ вызвавшимъ и поддерживавшимъ не приписывались силы, гораздо большія тѣхъ, какими они на самомъ дѣлѣ обладали. Зачастую «натискъ пламенный» только потому не вызывалъ «отпоръ суровый», что растерявшіеся защитники порядка утратили перспективу того, что происходило кругомъ. Что-то новое выступало впередъ и властно о себѣ заявило,—но очертанія, размѣры и сила этого новаго представлялись еще очень смутно. Эта неопредѣленность и давала просторъ всякимъ неожиданностямъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, хотя бы нѣкоторыя явленія изъ жизни школы той эпохи. Въ нее вдругъ ворвалась струя свѣжаго, свободнаго воздуха; подъ грубою и суровою оболочкою дореформеннаго режима начала шевелиться мысль, развязывалась рѣчь. Оригинальную фигуру въ школѣ того времени представлялъ «учитель словесности»,—чаще всего именно на него выпадала роль проводника новыхъ вѣяній, зародившихся въ окружающей средѣ. Данный толчокъ будилъ работу мысли среди молодежи,—а виѣшняя дисциплина, при всей ея грубости, не ставила преградъ для этой работы. То же самое происходило и въ другихъ областяхъ общественной жизни: и здѣсь можно было натолкнуться на рѣзкіе контрасты между общимъ казеннымъ строемъ этой жизни и пробивающимися—то тутъ, то тамъ—проблесками совершенно иного порядка идей и отношеній. И здѣсь въ очень значительной степени играла роль тоже растерянность и неувѣренность въ своей почвѣ охранителей старыхъ устоевъ».

Ту растерянность правящихъ сферъ, на которую указываетъ г. Анненскій, отмѣчаетъ и официальный составитель небезызвѣстнаго конфиденціального изданія «Обзора революціоннаго движенія», гдѣ сказано: «Мишле былъ правъ, утверждая въ написанномъ въ 1851 г. на русскій народъ пасквилѣ (легенда о Костюшкѣ), что все, что онъ сказалъ о нравственномъ ничтожествѣ Россіи, слабо, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе. Правительство не только не возвышало голоса, но какъ бы само было оглушено шумнымъ потокомъ разыгравшихся въ литературѣ страстей, хлынувшихъ въ имъ же открытые шлюзы и съ тою стремительностью, которая всегда является результатомъ быстрого паденія преградъ послѣ принудительнаго застоя въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣятельность администраціи того времени похожа на отдыхъ послѣ бдительнаго надзора въ теченіе многихъ лѣтъ. Напримѣръ, надзоръ

за типографіями былъ до того небреженъ, что запрещенныя лондонскія изданія свободно литографировались въ Москвѣ подъ видомъ профессорскихъ лекцій и развозились студентами на извозчикахъ цѣлыми кипами, нисколько не упакованныя и ничѣмъ не покрытыя. Вліяніе лондонскаго станка съ 1856 по 1867 г.—фактъ несомнѣнный».

Хотя большая часть здѣсь сказаннаго относится скорѣе къ періоду 1859—1866 г., но элементъ растерянности, отмѣчаемый и г. Анненскимъ, и официальнымъ изданіемъ, дѣйствительно выступаетъ наружу очень рано, почти немедленно послѣ смерти Николая Павловича. Этой растерянности въ значительной мѣрѣ содѣйствовала та неизвѣстность дѣйствительныхъ плановъ относительно политическаго будущаго, которые принесъ съ собою на престолъ новый монархъ и тѣхъ дѣйствительныхъ принциповъ управленія, которыми онъ собирается руководствоваться. Если Николай Павловичъ въ первые дни послѣ смерти старшаго брата являлся для общества своего рода загадкою, то, какъ извѣстно, событія скоро помогли разгадать эту загадку, и въ разгромѣ декабристовъ разъ навсегда сказалась вполне опредѣленно его индивидуальность. Не такъ стоялъ вопросъ примѣнительно въ его сыну, который, оставляя въ сторонѣ вопросъ о личныхъ свойствахъ характера, какъ правитель, являлся для всѣхъ также настоящимъ сфинксомъ. Въ теченіе почти полугода онъ ничѣмъ себѣ не обнаруживаетъ, а его прошлое, какъ наслѣдника цесаревича, пріобщеннаго уже родителемъ въ дѣлу управленія, не даетъ основаній для опредѣленныхъ выводовъ. «Очень трудно сказать съ увѣренностью, какихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ придерживался императоръ Александръ II въ моментъ своего воцаренія,—говоритъ А. А. Корниловъ въ своихъ историко-культурныхъ очеркахъ «Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.»¹⁾. —Д. П. Хрущовъ, близко стоявшій въ то время къ высшимъ правительственнымъ кругамъ, свидѣтельствуетъ, что въ петербургскомъ обществѣ въ самые первые дни новаго царствованія «между разными толками и предположеніями ходило мнѣніе, что дворянство будетъ пользоваться при императорѣ Александрѣ особымъ покровительствомъ, аристократія подымется и утвердится». Слова, сказанныя государемъ въ первый день по кончинѣ императора Николая петербургскимъ дворянамъ, можно было растолковать какъ угодно». Кромѣ того, ходили слухи, что, будучи наслѣдникомъ престола и засѣдая въ одномъ изъ комитетовъ, работавшихъ по крестьянскому вопросу при Николаѣ I, Александръ Николаевичъ хотя и былъ склоненъ къ признанію правъ закрѣпощенной массы на освобож-

¹⁾ А. А. Корниловъ «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи».

деніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускалъ возможнымъ осуществленіе освобожденія безъ земельного надѣла. Такимъ образомъ, если около имени молодого государя создавалась повышенная общественная атмосфера, то она создавалась именно пока въ кредитъ. Тотъ, кто освободилъ университеты отъ гнета, кто далъ нѣкоторыя льготы печати, думалось, не можетъ стать съ прогрессивно настроеннымъ обществомъ во враждебныя отношенія по коренному вопросу русской жизни. Впервые только высочайшій манифестъ 19 марта 1856 г., изданный по случаю заключенія мира съ западными державами, разсѣялъ неопредѣленность, которая волновала интеллигентные и дворянскіе круги. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ: «При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подѣ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ».

Этотъ довольно кудряво составленный манифестъ ничего опредѣленнаго специально по крестьянскому вопросу не говорилъ, но въ текстѣ, въ понятіяхъ, здѣсь помѣщенныхъ, сказывалось, что правительство собирается стать на новый путь. Спустя нѣсколько дней послѣ манифеста, государь въ своей рѣчи депутатамъ отъ московскаго дворянства сказалъ: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія».

«Слова эти быстро разнеслись въ публикѣ, однихъ ошеломили, другихъ неслыханно обрадовали; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи крѣпостнаго права», говоритъ проф. И. Иванюковъ въ книгѣ «Паденіе крѣпостнаго права»¹⁾. Фразу же, что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнетъ отмѣняться снизу», изслѣдователь объясняетъ тогдашнимъ настроеніемъ народа, его лихорадочнымъ ожиданіемъ свободы, выразившимся особенно ярко въ періодъ 1854—

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи», сочиненіе И. Иванюкова.

1855 г.г. многочисленными крестьянскими волненіями въ районѣ девяти губерній, сопровождавшимися, согласно примѣру прошлыхъ временъ, пролитіемъ немалой крови и жестокими экзекуціями.

Если манифестъ 19 марта и московская рѣчь явились болѣе или менѣе опредѣленнымъ показателемъ настроенія государя по крестьянскому вопросу, то рескриптъ 20 ноября 1857 года объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ реальный отправной пунктъ крестьянской реформы.

IV.

Съ указаннаго послѣдняго момента начинается вполнѣ опредѣленная и активная роль самого Александра Николаевича. На него выпадаетъ задача борьбы на нѣсколько фронтовъ: подбодрять и вызывать къ самодѣятельности въ извѣстномъ освободительномъ направленіи дворянство и землевладѣльцевъ, противодѣйствовать окружавшей его бюрократіи въ ея регрессивныхъ тенденціяхъ и изъ ея сонма выбирать себѣ сотрудниковъ, которые бы находили въ себѣ силы отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій и убѣжденій и преисполниться волею монарха. Кромѣ того, приходилось сдерживать народныя страсти, а также общественный напоръ, считаться съ законностью котораго тогда еще не представлялось даже мыслимымъ. Занявъ въ крестьянскомъ вопросѣ позицію высшую всего своего правительства, Александръ II, однако, не рѣшился на довѣріе къ общественнымъ передовымъ и интеллигентнымъ силамъ страны. Надъ обществомъ продолжалъ тяготѣть приказъ молчанія по самому животрепещущему вопросу отечественной жизни. Традиціи Николаевской эпохи въ данномъ случаѣ владѣли молодымъ самодержцемъ въ полной силѣ, и всѣ упованія на благополучное и успѣшное разрѣшеніе назрѣвшаго дѣла возлагались исключительно на бюрократію и на дворянское сословіе, значеніе котораго, въ качествѣ «опоры трона», усиленно государемъ подчеркивалось. Раскачать, такъ сказать, дворянство, побудить его энергичнѣ пойти навстрѣчу желаніямъ монарха было, должно признаться, дѣломъ нелегкимъ. Для сего Александръ Николаевичъ въ своихъ рѣчахъ къ привилегированному сословію пускалъ въ ходъ просьбы, уговоры и даже угрозы. Тутъ необходимо отмѣтить совершенно новое явленіе, народившееся съ новымъ царствованіемъ въ русской жизни.

До сихъ поръ всѣ мѣропріятія государственнаго порядка и реформы, осуществляемыя правительствомъ, исходили отъ него самого: оно ихъ намѣчало, предрѣшало, разрабатывало и проводило въ отечественную дѣйствительность. Мнѣнія и содѣйствія по симъ предметамъ отъ соціальныхъ элементовъ родной земли не спрашивались и не требовались. Александръ II, въ настоящемъ случаѣ,

видоизмѣняетъ позицію и, вмѣсто того, чтобы разрубить завязавшійся Гордиевъ узелъ самолично, дѣлаетъ попытку довершить задуманное вкупѣ съ силами бюрократическими и земскими. Въ данномъ случаѣ въ распоряженіе дворянства давался очень благоприятный моментъ, который, при умѣломъ къ нему подходѣ, могъ бы быть очень хорошо использованъ, какъ удобный случай для проявленія своей самодѣятельности и ослабленія канцелярско-бюрократическаго строя. Но мы видимъ нѣчто совершенно обратное: дворянство будируетъ своего монарха и предпочитаетъ апатично ожидать, когда верховная власть возьметъ сословіе за шиворотъ и насильственно заставитъ идти по опредѣленной указкѣ. Привычка къ правительственной опеке и регламентаціи оказывается настолько крѣпкою, что даже интеллигентные люди сознаютъ себя безсильными взять предлагаемое дѣло въ свои руки и явить первый примѣръ въ петербургскомъ періодѣ русской исторіи XIX столѣтія совокупной работы силъ правительственныхъ и общественныхъ. Понятно, что главною двигающею причиною въ такой политикѣ противодействія волѣ монарха были соображенія корыстнаго характера, съ одной стороны, и испугъ передъ невѣдомымъ будущимъ, которое рисовалось въ огненныхъ и кровавыхъ краскахъ,—съ другой. Призраки былой пугачевщины тревожили недалководные умы...

Официальный біографъ Александра II, покойный нынѣ С. С. Татищевъ, такъ описываетъ¹⁾ ходъ событій, послѣдовавшихъ послѣ коронаціи, когда выяснилось, что рѣчь государя къ московскому дворянству въ 1856 года попала въ пустое пространство: «Въ концѣ 1856 года Ланской доложилъ государю, что, несмотря на слова, сказанныя имъ въ Москвѣ московскому дворянству и на подобныя же увѣщанія, обращенныя съ тѣхъ поръ его величествомъ къ нѣкоторымъ предводителямъ дворянства, являвшимся въ С.-Петербургѣ, несмотря также на собственныя его, министра, неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора приняться за дѣло, всѣ подобныя приглашенія остались безъ послѣдствій, и что дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ. Тогда императоръ призналъ своевременнымъ передать возбужденный имъ вопросъ на соображеніе и обсужденіе высшихъ государственныхъ сановниковъ, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ. Съ этою цѣлью самъ учредилъ подъ личнымъ своимъ предѣдательствомъ, негласный комитетъ, въ составъ котораго вошли: предѣдатель государственнаго совѣта князь Орловъ, съ правомъ предѣдательства въ комитетѣ въ отсутствіе государя, министры:—внутреннихъ дѣлъ—Ланской, императорскаго двора—графъ Адлербергъ, финансовъ—Брокъ и государственныхъ

¹⁾ Русскій Біографическій словарь, т. I.

имуществъ—замѣнившій больного Шереметева М. Н. Муравьевъ, главноуправляющіе: путями сообщенія—Чевкинъ и П отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи графъ Блудовъ; шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ и члены государственнаго совѣта: князь Гагаринъ, баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Завѣдываніе дѣлами комитета было ввѣрено государственному секретарю Буткову».

Работа этого комитета протекала, при явномъ неудовольствіи по сему предмету со стороны государя, медленно, вяло и нерѣшительно, такъ что вскорѣ спустя, при нѣкоторыхъ перетасовкахъ въ его составѣ, его предсѣдателемъ былъ назначенъ Константинъ Николаевичъ, человѣкъ широкихъ либеральныхъ взглядовъ, просвѣщенный, энергичный, въ цѣляхъ оживленія хода дѣла и придація ему большей интенсивности. По поводу медленнаго хода работъ въ комитетѣ Герценъ помѣстилъ въ № 1 основаннаго имъ къ тому времени (іюль 1857 года) періодическаго листка «Колоколь», долженствовавшаго служить дополненіемъ къ «Полярной Звѣздѣ», рѣзкую редакціонную статью подъ заглавіемъ «Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей?» Здѣсь мы читаемъ:

«Правительство учредило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова¹⁾, для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Нѣсколько проектовъ было представлено, на которые комитетъ не далъ никакого отвѣта, и, наконецъ, самъ комитетъ закрылся, ничего не сдѣлавъ. Результатомъ его бесплодныхъ засѣданій были только кое-какія цензурныя преслѣдованія.

«Вотъ слухи, еще требующіе подтвержденія. Но что выше вѣроятія, что не подвержено никакому сомнѣнію—это то, что съ вступленія на престолъ Александра II, несмотря на всѣ ожиданія и надежды, правительство ничего не сдѣлало для освобожденія крѣпостнаго сословія и не подвинуло ни на шагъ рѣшенія этого вопроса.

«Что же оно дѣлаетъ? Некогда ему, что ли? Или важное занятіе формою военнаго и штатскаго мундировъ до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дѣло не хватаетъ времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиленія, чувствуя себя не такимъ, какъ правительство «Незабвеннаго»,¹⁾ и далѣе ничего не хочетъ дѣлать? Или, сквозь шумъ праздниковъ и охотничьихъ трубъ цсарей, оно не умѣетъ разслушать кликъ народный?»

¹⁾ Это случайная описка. Блудовъ былъ не предсѣдателемъ, а лишь докладчикомъ нѣкоторыхъ записокъ. Вообще нельзя не отмѣтить, что фактическая сторона вопросовъ не всегда въ «Колоколѣ» отличалась особенною точностью. Но для насъ важны здѣсь не факты, а освѣщеніе ихъ.

²⁾ Такъ иронически всегда именовалъ Герценъ Николая Павловича.

«Приходится звонить въ колоколъ и сказать этому правительству: Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время. Ты можешь мирнымъ путемъ рѣшить вопросъ освобожденія крѣпостныхъ.

«Vivos voco! Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудить? Если оно не живое,—зачѣмъ же оно бралось за управление государствомъ? Отречься было бы благороднѣе, чѣмъ подавать надежды, на исполненіе которыхъ силъ не хватаетъ. Стало, оно хвастало своей любовью къ Россіи? Стало, оно насъ обманывало? Или оно думало, что Россію можно спасти безъ государственной мысли, а только маленькимъ добродушіемъ, доходящимъ до потачки государственнымъ ворами? Въ такомъ случаѣ оно только позорится передъ свѣтомъ.

«Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ, мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются—и кто будетъ виноватъ въ этомъ?—Правительство.

«Россія пострадаетъ, а на правительство исторія положитъ клеймо злонамѣренности или бездарности,—въ обоихъ случаяхъ позорное.

«Проснись! Работай не надъ мертвячиной формалистики, а надъ живымъ государственнымъ вопросомъ. Работай, пока время не ушло.

«Vivos voco!»

Черезъ полгода Герцену пришлось на время измѣнить тонъ своего писанія и привѣтствовать Александра II горячей статьей, когда сталъ извѣстнымъ крупный поворотъ въ политикѣ русскаго правительства,—поворотъ, благопріятный дѣлу освобожденія. Но объ этомъ нѣсколько позже. Пока же необходимо отмѣтить, что если бюрократическія силы въ негласномъ комитетѣ дремали, а дворянство держалось системы неподвижности, передовая интеллигенція не бездѣйствовала и спѣшила обратиться къ молодому императору съ рядомъ записокъ, затрогивавшихъ главнымъ образомъ крестьянскій вопросъ, но гдѣ можно найти и нѣкоторые принципы, выходящіе за предѣлы спеціальнаго вопроса. Главнѣйшія и наиболѣе серьезныя записки принадлежали: К. Кавелину, А. Кошелеву, М. Позену, Ю. Самарину, кн. В. Черкасскому и др.

V.

Самая ясная и простая формулировка способовъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса была сдѣлана К. Д. Кавелинымъ, который, настаивая на необходимости полного освобожденія крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что это освобожденіе должно быть осуществлено съ предоставленіемъ имъ полного земельного надѣла, которымъ они пользуются, а помѣщикамъ надлежитъ выдать сира-

ведливое вознагражденіе за землю и за личность крестьянъ, т. е. за утрату права пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Кавелинъ обстоятельно разработалъ ходъ выкупной операціи, сообразуясь въ своемъ проектѣ съ выгодами землевладѣльцевъ, каковыя онъ ставилъ въ связь съ интересами цивилизаціи. Записка Кавелина получила большое распространеніе въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ, была передана гр. Киселеву и великому князю Константину Николаевичу и разсматривалась, какъ примирительный голосъ доброжелательнаго человѣка, сумѣвшаго принять къ сердцу интересы обоихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословіи— дворянства и крестьянства.

Вторыми, по своему практическому значенію, должны считаться четыре записки А. И. Кошелева, въ которыхъ также обстоятельно разсмотрѣнъ и разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, причемъ авторъ полагалъ, что ликвидація крѣпостныхъ отношеній должна быть произведена «путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, при побужденіи со стороны правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозой произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ». Кошелевъ предполагалъ 12-лѣтній срокъ для полной ликвидаціи отношеній между помѣщиками и крѣпостными и планомерный ходъ событій здѣсь намѣченъ имъ въ слѣдующей послѣдовательности. Сначала долженъ былъ послѣдовать указъ, въ коемъ бы заявлялась непреклонная воля государя императора объ уничтоженіи крѣпостнаго права; одновременно съ нимъ должны быть учреждены комитеты для оцѣнки дворянскихъ имѣній. Срокъ производства этихъ оцѣнокъ намѣчался трехлѣтній, причемъ Кошелевъ надѣялся, что въ теченіе этого времени лучшіе изъ помѣщиковъ приступятъ къ добровольнымъ и полюбовнымъ соглашеніямъ съ крестьянами, чѣмъ будетъ положено основаніе для опредѣленія наиболее благоприятныхъ для крестьянъ нормъ. Слѣдующій трехлѣтній срокъ назначался для заключенія самыхъ сдѣлокъ, послѣ чего правительство назначаетъ въ каждомъ уѣздѣ по одному или по два посредника изъ числа помѣстныхъ дворянъ, уже освободившихъ своихъ крестьянъ, для содѣйствія по послѣдующимъ сдѣлкамъ. По истеченіи третьяго трехлѣтняго срока посредникамъ предполагалось предоставить право на заключеніе сдѣлокъ по принужденію, съ замѣною ими въ этихъ случаяхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые съ своей стороны не пришли къ миролюбивому соглашенію съ крѣпостными. Договоры крестьянъ съ помѣщиками должны были быть обусловлены слѣдующими главными правилами: 1) въ собственность крестьянъ поступаютъ по возможности угодья въ томъ количествѣ, въ какомъ оныя у нихъ ранѣе находились въ пользованіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ими владѣли; 2) сумма стоимости отводимыхъ крестьянамъ угодій не должна была превышать извѣстной

нормы, напримѣръ, 100 руб. на душу; 3) земля должна была поступать въ общественную собственность крестьянъ, которые отвѣчали за исправность платежей круговою порукою. При неисправности крестьянъ Кошелевъ предлагаетъ примѣнять къ нимъ суровую мѣру—принудительное переселеніе въ Сибирь цѣлыми обществами въ полномъ составѣ. Кошелевымъ подробно разработана и финансовая операція всей выкупной системы, предусмотрѣны всякія затрудненія въ ходѣ дѣла, обсуждены его детали, причемъ въ заключеніи своихъ записокъ онъ поставилъ и второй большой вопросъ того времени, а именно вопросъ о гласности, по крайней мѣрѣ, примѣнительно къ дѣлу эмансипаціи. «Въ заключеніе долгомъ считаю высказать глубокое убѣжденіе, — говоритъ онъ ¹⁾, — что для успѣха этого дѣла, для мирнаго и для всѣхъ равно выгоднаго рѣшенія онаго, необходимо снять съ него покрывало таинственности, которымъ его теперь окутываютъ. Опасность не въ гласности, а въ отсутствіи оной. Что печатается, то подлежитъ надзору, то можетъ быть обсуждено, утверждено или опровергнуто, а то, что говорится въ домахъ, на улицахъ, въ трактирахъ, кабакахъ и проч., то ничѣмъ и никѣмъ не можетъ быть контролируемо. Всякій надзоръ за частными дѣйствіями, всякое преслѣдованіе оныхъ производитъ всегда противное ожидаемому дѣйствію. Чѣмъ менѣе люди будутъ знать о дѣлѣ для нихъ близкомъ, кровномъ, тѣмъ болѣе они будутъ предаваться предположеніямъ, вѣрить самымъ недѣльнымъ слухамъ и распространять ихъ съ прибавками и измѣненіями. Большая по возможности гласность есть одно вѣрное средство противъ ложныхъ слуховъ и толковъ; а потому самый безопасный путь при производствѣ этого великаго переворота состоитъ въ томъ, чтобы издавать по сему предмету указы сколь возможно ясные, опредѣлительные и написанные языкомъ общепонятнымъ ²⁾; чтобы дозволено было печатать, подъ надзоромъ цензуры, всякія благонамѣренныя, съ знаніемъ дѣла составленныя разсужденія о предметахъ, относящихся къ этому дѣлу; чтобы общества сельскаго хозяйства приглашены были къ разъясненію и обсужденію вопросовъ по сему предмету; однимъ словомъ, чтобы вызвана была къ содѣйствію всякая опытность и чтобы ничто не оставалось въ туманной неизвѣстности и неопредѣлительности. Должно бояться не гласности въ обсужденіи сего вопроса, а ложныхъ толковъ и слуховъ, а они питаются лишь отсутствіемъ вѣрныхъ свѣдѣній, подавленіемъ всякихъ разсужденій и, пуще всего, таинствен-

¹⁾ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 гг.). Берлинъ; 1884. Приложение пятое.

²⁾ Здѣсь Кошелевъ дѣлаетъ любопытную оговорку, въ видѣ уступки консервативнымъ кругамъ: «Слово свобода, — говоритъ онъ, — отнюдь не должно быть употребляемо въ указахъ; это тѣмъ удобнѣе, что слова: отпускъ на волю однозначуци и не возбуждаютъ въ народѣ ложныхъ понятій».

ностью. Вопросъ не страшенъ самъ по себѣ, а грозенъ онъ по худому направленію, которое могутъ ему дать изъ ложнаго страха, по милости предосторожностей, которыми захотятъ его окружить, и отъ недостатка въ знаніи дѣла. По невѣдѣнію, можно сдѣлать зла столько, сколько же и даже больше, чѣмъ по злонамѣренности. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія есть дѣло святое; оно и должно совершиться на Божьемъ свѣтѣ, а не во мракѣ, — не тайно и не однимъ умомъ — разумомъ нѣсколькихъ лицъ, лишенныхъ по своему официальному положенію возможности знать дѣйствительный бытъ помѣщиковъ и крестьянъ, ихъ отношенія, ихъ нужды и потребности».

По поводу своего проекта по крестьянскому вопросу Кошелевъ въ своихъ «Запискахъ» сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности: «Объ этомъ составлявшемся мною проектѣ, котораго главныя основанія я охотно сообщалъ всѣмъ, кто только меня о томъ спрашивалъ, много заговорили въ Москвѣ; и въ декабрѣ 1857 г. я получилъ отъ князя Василія Андреевича Долгорукова, начальника III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, письмо, которымъ онъ, по высочайшему повелѣнію, просилъ меня прислать, для представленія государю императору, копію съ моего проекта. При этомъ онъ удостовѣрялъ меня, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ не какъ начальникъ III-го отдѣленія, а какъ мой знакомый и какъ генераль-адъютантъ. Я тотчасъ ему отвѣтилъ, что за счастье счесть бы немедленно исполнить волю государя императора, но что записки мои еще не готовы; что теперь, съ особеннымъ рвеніемъ, примусь за окончательную ихъ отдѣлку и что не премину ихъ къ нему, князю Долгорукову, препроводить, какъ скоро онѣ будутъ закончены. Тогда я сильно принялся за свои «Записки», а черезъ три недѣли онѣ были готовы. Въ одно и то же время подобныя же записки были составлены Ю. О. Самаринымъ и княземъ В. А. Черкасскимъ. Когда наши записки были готовы, т. е. въ январѣ 1858 г., мы ихъ прочли другъ другу, и оказалось слѣдующее: Ю. О. Самаринъ предлагалъ только расширить и сдѣлать болѣе удобоисполнимымъ прежній указъ объ обязательныхъ крестьянахъ. Князь Черкасскій имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ только съ усадьбами. Мой проектъ былъ самый радикальный... По выслушаніи моихъ записокъ, Ю. О. Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предлагаемыхъ мною мѣръ и сказалъ: «Нѣтъ! Не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ». А князь Черкасскій, напротивъ того, выразился такъ: «Нѣтъ! Отправьте ихъ непременно. Хотя ваши записки дѣйствительно радикальны, но не бѣда — изъ большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать». Записки мои были окончательно на бѣло переписаны въ трехъ экземплярахъ — для государя, для князя Долгорукова и для

министра внутреннихъ дѣлъ — и въ первыхъ числахъ февраля онѣ были отправлены въ Петербургъ. Впослѣдствіи мои записки, какъ и многія другія, были переданы сперва въ главный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, а потомъ въ редакціонныя комиссіи, учрежденныя подъ предѣдательствомъ І. И. Ростовцева. И тутъ, по отзывамъ членовъ комитета и комиссіи, мои записки оказались самыми радикальными; но мой радикализмъ остался таковымъ не на долгое время; вскорѣ онъ былъ значительно превзойденъ, и меня чуть-чуть не зачислили въ отсталые».

Изъ этихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Кошелевымъ, мы видимъ, что правительство начинаетъ понемногу сознавать, что ему собственными силами, какъ это практиковалось въ предыдущую эпоху, не обойтись, а потому оно, хотя и осторожно, но предусмотрительно, ищетъ себѣ связи съ общественными элементами и опору въ нихъ. И дѣйствительно, какъ показала дальнѣйшая практика, бюрократія не имѣла отъ себя что сказать существеннаго по вопросу русской жизни первостепенной важности, вопросу, которымъ она въ рядѣ комитетовъ въ теченіе многихъ лѣтъ такъ много занималась. Только записки частныхъ лицъ, какъ Кавелина, Кошелева, Самарина и др., и явились тѣмъ живымъ матеріаломъ, которой влилъ содержаніе въ дѣло и создалъ ему ту общественную базу, на которой впоследствии и было построено все зданіе обновленной Россіи.

Кромѣ Кошелева, какъ уже отмѣчено выше, записки были представлены еще Ю. Самаринымъ и княземъ Черкасскимъ, также отличавшимися значительно болѣе умѣреннымъ тономъ. «Умѣренность программы, выставленной Самаринымъ и Черкасскимъ, объяснялась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, составляя свои проекты вдали отъ центра общественной жизни и въ близкомъ соприкосновеніи съ малокультурными закоренѣлыми помѣщиками, они вдвойнѣ старались быть осторожны: съ одной стороны, они боялись испугать правительство болѣе смѣлыми предположеніями, съ другой — они надѣялись путемъ компромиссовъ сдѣлать свои проекты приемлемыми со стороны различныхъ группъ провинціального дворянства» — такъ объясняетъ А. А. Корниловъ нерѣшительность послѣднихъ двухъ авторовъ записокъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки княгини Дашковой. Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1907.

Записки княгини Дашковой. Спб. 1906. Изданіе Н. Врублевскаго.

УДѢЛА «Записокъ» княгини Дашковой имѣеть свою исторію. Написанныя еще въ 1807 г., онѣ завѣщены были Дашковой для изданія ихъ въ свѣтъ другу ея, г-жѣ Вильмогъ, но при отъѣздѣ ея изъ Россіи ея багажъ и она сама подвергнуты были обыску: правительство желало конфисковать рукопись «Записокъ», чтобы помѣшать ихъ обнародованію. По пріѣздѣ на родину, въ Англію, Вильмогъ сообщила о своемъ желаніи напечатать «Записки» брату Дашковой, извѣстному графу С. Р. Воронцову, натурализовавшемуся въ Англіи, но и здѣсь ее встрѣтили пренятствія: Воронцовъ, не дружившій съ знаменитой сестрою, употребилъ все силы, чтобы отговорить Вильмогъ отъ исполненія ея намѣренія, и въ концѣ концовъ добился того, что не только «Записки» не были напечатаны, но и самая рукопись ихъ очутилась у него въ бібліотекѣ.

Хотя послѣ смерти Воронцова «Записки» и напечатаны были въ Англіи въ 1840 г., но по неуровненному списку, и лишь въ 1881 г. П. П. Бартевевъ, отыскавшій въ бумагахъ Воронцовыхъ рукопись Вильмогъ, напечатать ее полностью въ «Архивѣ» князя Воронцова (томъ XXI), и лишь теперь переведена

она съ французскаго оригинала на русскій языкъ, спустя сто лѣтъ послѣ написанія, раздѣливъ въ этомъ отношеніи участь многихъ другихъ цѣнныхъ матеріаловъ для русской исторіи.

Дарованіе свободы печати для сочиненій научнаго характера является причиною появленія на книжномъ рынкѣ массы сырого историческаго матеріала. Русское общество, невѣжественное, и не по своей винѣ, въ области отечественной исторіи, доселѣ еще мало разработанной, нуждается при чтеніи историческаго сырья въ авторитетномъ руководствѣ, въ точномъ указаніи значенія предлагаемаго матеріала. Въ этомъ отношеніи изданіе «Записокъ» княгини Дашковой г. Суворина выгодно отличается отъ изданія г. Врублевскаго, представляющаго лишь текстъ «Записокъ»: оно снабжено прекраснымъ предисловіемъ Н. Д. Чечулина, критически уясняющаго научную цѣнность «Записокъ» княгини Дашковой въ связи съ характеристикой ея личности, четырьмя ея портретами, а также приложениями, дополняющими текстъ «Записокъ».

«Записки» Дашковой, какъ ни цѣнны онѣ сами по себѣ, представляютъ собою, однако, минимумъ того, что могла бы написать умная, образованная и много издавшая на своемъ вѣку княгиня: она писала ихъ только для того, чтобы оправдать себя и своего «друга», императрицу Екатерину, отъ ложныхъ обвиненій, существовавшихъ въ обществѣ и распространенныхъ во многихъ памфлетахъ, появившихся за границей. Поэтому «Записки» — не автобіографія, хотя и носятъ названіе: «*Mon histoire*», не бытовая или политическая картина эпохи, а преимущественно защитительная рѣчь по пунктамъ: 1, переворотъ 1762 г., 2, отношенія къ императрицѣ; 3, управленіе академіями; 4, отношенія къ дѣтямъ. Но даже и въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ рассказъ Дашковой страдаетъ односторонностію: ея личность — на первомъ планѣ, и оттого она лишь мимоходомъ иногда открываетъ край завѣсы, покрывающей историческія событія, и тутъ же предлагаетъ раздосадованному, обманутому въ ожиданіяхъ читателю подробную исторію о неблагодарности къ ней совершенно неинтереснаго Пушкина и длинный перечень своихъ заграничныхъ вояжей; она умалчиваетъ даже о своихъ заслугахъ при управленіи академіей, напримѣръ, по изданію «Собесѣдника любителей Россійскаго слова», печатаніи «Былей и небылицъ» императрицы, потому что, очевидно, здѣсь не могло быть вопроса о ея «виновности», или потому, что въ ея душѣ, на склонѣ лѣтъ, не осталось горькаго осадка... Занятая только собою, проникнутая только мыслью о своей реабилитаціи, Дашкова не считаетъ нужнымъ разсказывать вообще о томъ, что происходило вокругъ нея, что дѣлали другіе: свѣдѣніямъ о Панинѣ мы обязаны слепнѣ, что Дашкова будто бы была его любовницею, о Потемкинѣ — что онъ устраивалъ ея сына и даже думалъ сдѣлать его фаворитомъ, а она не одобряла этого плана и т. д. Поэтому мы не склонны предполагать въ «Запискахъ» Дашковой сознательнаго извращенія истины, гдѣ дѣло идетъ о фактахъ, не касавшихся ея самой. Она молчитъ, напримѣръ, о заслугахъ Орловыхъ въ переворотѣ 1762 г. потому, что опiewала лишь свое участіе въ немъ, не зная многого, что совершалось, не зная даже того, что еще въ 1761 г. Орловъ былъ уже фаворитомъ Екатерины, не зная даже, что за два мѣсяца до переворота родился Бобринскій. Не имѣя понятія объ общемъ фонѣ

картины, она естественно отвела себѣ большее мѣсто, чѣмъ слѣдовало, и отвела бы его себѣ во всякомъ случаѣ, потому что говоритъ главнымъ образомъ о своемъ участіи. Мнѣніе Соловьева, что Дашкова напрасно приписывала себѣ мысль о переворотѣ за шесть мѣсяцевъ до ея осуществленія, устраняется теперь недавно найденной автобіографической запиской самой Екатерины, гдѣ она свидѣтельствуетъ о большемъ, чѣмъ сама Дашкова, что незадолго до смерти императрицы Елисаветы мужъ Дашковой, капитанъ гвардіи, предлагалъ поднять гвардію для устраненія Петра отъ престола и что Екатерина лишь съ большимъ трудомъ убѣдила его отказаться отъ этого намѣренія. Несомнѣнно, что Дашковы, мужъ и жена, много сдѣлали для подготовки общественнаго мнѣнія въ пользу Екатерины, которая цѣнила дружбу къ себѣ Дашковой тѣмъ болѣе, что въ то время признанной фавориткой Петра III, даже, какъ говорили, будущей императрицей, была родная сестра княгини Дашковой, Елисавета Романовна Воронцова. Самовосхваленіе, которымъ проникнуты «Записки», въ общемъ не отражается на достовѣрности сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, хотя бы не подтверждаемыхъ другими свидѣтельствами: княгиня, напримѣръ, сообщаетъ, какіе комплименты говорилъ ей Дидро, и можемъ ли мы удивляться, что Дидро въ своемъ разсказѣ о встрѣчахъ съ Дашковой не считаетъ нужнымъ разсказывать о нихъ? Гораздо большее основаніе имѣетъ упрекъ, дѣлаемый Дашковой, что она въ отношеніяхъ къ окружающимъ обнаруживала сварливый, мелочный характеръ, а въ концѣ жизни страсть къ стяжанію. Въ «Запискахъ» не нашла себѣ мѣста исторія объ убитыхъ, по приказанію Дашковой, свиньяхъ Нарышкина, забравшихся къ ней въ садъ, наслѣдившая Екатерину и весь Петербургъ и сдѣлавшаяся предметомъ судебного разбирательства; въ «Запискахъ» не упоминается и о томъ, что статсъ-дама и кавалерственная дама ордена св. Екатерины 1 класса, другъ Дидро, живя на склонѣ лѣтъ въ Москвѣ, занималась отдачей денегъ въ ростъ. Историкъ можетъ сказать ей въ оправданіе, что склонность къ стяжанію у Дашковой была наслѣдственная: отецъ ея, графъ Романъ Воронцовъ, управляя намѣстничествомъ, получилъ однажды отъ Екатерины, узнавшей о его взяточничествѣ, пустой кошелекъ въ подарокъ, тогда какъ личная честность его дочери не вызывала ни у кого сомнѣній.

Во всякомъ случаѣ «Записки» Дашковой занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ мемуаровъ XVIII столѣтія и не могутъ быть обойдены при изученіи русской исторіи этого времени, и нельзя не привѣтствовать мысли сдѣлать ихъ доступными публикѣ путемъ русскаго перевода. Дай Богъ, чтобы въ русскомъ обществѣ развивалась потребность къ изученію родного прошлаго: тогда только оно получитъ возможность познать Россію и само себя.

Е. Шумигорскій.

Корфъ, С. А., баронъ. Дворянство и его сословное управление за столѣтіе 1762—1855 г. П. 1906 г. 720 стр.

Авторъ задался цѣлью «представить возможно полную картину исторіи дворянскаго сословнаго управленія, его юридическаго положенія и отношенія

«истор. вѣстн.», февраль, 1907 г., т. сѣч.

18

къ нему дворянства»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остановился «на вопросѣ отношенія дворянства къ его сословнымъ интересамъ», «къ выборной службѣ».

Авторъ внимательно слѣдитъ за законодательной дѣятельностью правительства по отношенію къ дворянству, начиная со времени указа о вольности дворянства (18 февраля 1762 г.) и кончая царствованіемъ Николая I. Г. Корфъ въ концѣ книги приходитъ къ такимъ выводамъ. При Екатеринѣ II правительство надѣлило дворянство широкими преимуществами, оно отвело дворянству весьма значительную роль въ мѣстномъ управленіи. Однако дворянство не могло воспользоваться въ полной мѣрѣ предоставленными ему преимуществами въ управленіи и самоуправленіи, «съ одной стороны благодаря своей невѣжественности, съ другой же—будучи отвлекаемо изъ провинціи соблазнительностью столичной жизни и блескомъ двора». Въ послѣдующее время правительство старалось «провести возможно полное подчиненіе всѣхъ областей жизни государственной онекъ», оно доводило централизацию до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего общественная жизнь въ провинціи затихла, мѣстное управленіе переходило въ руки мелкопомѣстной бѣдности.

Подобное положеніе существеннымъ образомъ отразилось на сословномъ управленіи дворянства. «Постепенно, но неотразимо шель впередъ процессъ обезличенія сословнаго управления и паденія его значенія, какъ въ глазахъ правительства, такъ и самого дворянства; и шель онъ рука объ руку съ равнымъ паденіемъ значенія и выборной службы». Предводители дворянства, почти единственный органъ сословнаго управления, «постепенно теряли свою сословную окраску; общеадминистративныя его функціи все расширялись, пока, наконецъ, не стали перевѣшивать надъ функціями сословнаго управления». Затѣмъ подавленіе самостоятельности дворянскаго управленія въ не малой мѣрѣ зависѣло отъ того, что въ XIX в., особенно во времена Николая I, начинаетъ усиливаться власть правительственныхъ органовъ. Подобное положеніе вещей пагубно отразилось на состояніи дворянства: оно грубѣло, оставалось въ «невѣжествѣ» и крѣпко держалось за свои привилегіи. «Дворянство, къ несчастью, не сознавало, что гораздо полезнѣе было бы для него не взывать къ правительству объ укрѣпленіи старыхъ и о дарованіи новыхъ привилегій и преимуществъ, а посвятить свою жизнь труду и ученью» (стр. 655—664).

Книга г. Корфа основана на изученіи законодательства второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., а также на изученіи значительнаго количества «общественно-историческаго матеріала». Она освѣщаетъ довольно широко вопросы, затронутые авторомъ, и, безъ сомнѣнія, является извѣстнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

Однако, далеко не всѣ взгляды г. Корфа представляются намъ правильными. Возьмемъ, напр., царствованіе Павла I. Авторъ отнесся къ нему съ большой суровостью; онъ, «изучая исторію этого царствованія, не находитъ вовсе созидательной работы»; по его словамъ, все вниманіе правительства было направлено лишь на искорененіе и разрушеніе стараго; Павелъ I своими мѣропріятіями принесь «только зло своему отечеству» (стр. 221—222). Правда, подобный взглядъ довольно распространенъ въ литературѣ. И на это конечно, есть извѣстное основаніе: въ минуты раздраженія Павелъ I былъ са

модуромъ и деснотомъ, весьма многіе его указы и повелѣнія были продиктованы личнымъ чувствомъ, несдержаннымъ и вспыльчивымъ характеромъ. Но въ послѣднее время историки начинаютъ относиться къ Павлу I съ большими спокойствіемъ и объективностью. Имъ указывается на рядъ указовъ, весьма благодѣтельныхъ для государства (напр., указъ о престолонаслѣдіи, указъ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной барщинѣ и др.), такъ что слова автора, что Павелъ I принесъ «только зло своему отечеству», далеко не согласуются съ фактами. Если же имѣть въ виду, что Павелъ былъ рѣшительнымъ противникомъ сословныхъ привилегій и старался облегчить положеніе крестьянъ, то можно сказать словами одного историка, что имъ «была заявлена новая программа», которая, впрочемъ, получила свое дальнѣйшее развитіе частью при Александрѣ I, частью значительно позже. Полемика г. Корфа противъ подобнаго взгляда (стр. 259 и др.) намъ не кажется убѣдительной.

Вообще говоря, книга г. Корфа далеко не представляетъ изъ себя строго научнаго изслѣдованія. Въ ней сильно замѣтенъ элементъ публицистическій.

М. К.

Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Томъ I. Составилъ В. К. Судравскій, капитанъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Спб. 1906.

Мы уже имѣли случай разъяснить читателямъ «Историческаго Вѣстника» и поводъ появленія «Исторіи кавалергардовъ», свой взглядъ на характеръ и значеніе полковыхъ исторій. Составленіе ихъ мы признаемъ дѣломъ весьма труднымъ по неопредѣленности цѣли, еще болѣе по недостатку архивнаго матеріала, давно уже въ большей своей части уничтоженнаго невѣжественными руками, какъ ни велико само по себѣ значеніе исторій войсковыхъ частей въ качествѣ вспомогательныхъ источниковъ при изученіи русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. «Исторія» г. Судравскаго является новымъ доказательствомъ высказанной нами мысли. При всемъ поразительномъ трудолюбіи автора и искусствѣ его группировать собранный матеріалъ, исторія Гренадерскаго полка представляется лишенной связи съ исторіей другихъ войсковыхъ частей, не видно значенія его въ средѣ всей русской арміи, а оттого и тишичесскій характеръ полка, какъ войсковой единицы, недостаточно ясенъ. Разбираемый нами I томъ заключаетъ въ себѣ исторію полка до царствованія Александра I и, можно сказать, вмѣщаетъ въ себѣ все, что сохранилось о полковой жизни въ печати и архивѣ. Къ сожалѣнію, мало, очень мало сохранилось свѣдѣній о внутренней жизни гренадеровъ: собранный матеріалъ состоитъ преимущественно изъ официальныхъ актовъ и участія полка въ войнахъ, веденныхъ Россіей во второй половинѣ XVIII вѣка. Боевая жизнь гренадеровъ за это время разработана авторомъ очень тщательно, хотя, конечно, съ полковой точки зрѣнія. Доблесть гренадеровъ, какъ и другихъ солдатъ русской арміи всѣхъ родовъ оружія, не подлежала и не подлежитъ сомнѣнію, и потому едва ли военному историку слѣдуетъ становиться на точку зрѣнія знаменитаго своего однополчанина, графа С. Р. Воронцова: «вся русская армія

знаеть, что 1-й Гренадерскій полкъ одинъ рѣшилъ побѣду въ сраженіи при Егерсдорфѣ, этотъ же полкъ наиболѣе другихъ отличился подъ Цорндорфомъ; онъ же рѣшилъ участь сраженія при Кунерсдорфѣ». Кто не знаетъ, что рѣшаетъ участь битвъ не какой-либо полкъ, а вся армія въ цѣломъ, что «рѣшать побѣду» могутъ наиболѣе сохранившіяся ея части послѣ того, какъ другія уже сложили свои головы на полѣ сраженія, что они, можетъ быть «безъ всякихъ отличій» «стояли и умирали», приготавливая такимъ образомъ для другихъ, болѣе счастливыхъ частей возможность «отличиться» и «рѣшать побѣды»? Кто, наконецъ, не понимаетъ, что мѣриломъ для оцѣнки боевыхъ достоинствъ арміи является общій ея духъ, общая ея подготовка?

Книга издана очень изящно, съ массою иллюстрацій, умѣло подобранныхъ: изъ нихъ многія являются впервые въ печати. Съ большимъ интересомъ ждемъ появленія слѣдующаго тома, посвященнаго жизни полка въ XIX вѣкѣ.

Е. Шумигорскій.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ II. Выпускъ IV. Спб. 1906.

Настоящимъ выпускомъ законченъ второй томъ монументальнаго изданія великаго князя Николая Михайловича. Отмѣчая выходъ каждаго выпуска, намъ приходится повторять одно и то же. Это изданіе представляетъ собою выдающееся явленіе въ нашей иконографіи, и могло быть предпринято только лицомъ, располагающимъ всеми необходимыми данными для его осуществленія: любовью и знаніемъ дѣла, возможностью пользоваться источниками, которые недоступны для другихъ, и готовностью пожертвовать значительныя матеріальныя средства для того, чтобы привести въ исполненіе столь сложную задачу. Четвертый выпускъ такъ же замѣчательенъ, какъ и предыдущій. Въ немъ воспроизведены 63 портрета съ оригиналовъ, принадлежащихъ какъ самому августѣйшему издателю, такъ и разнымъ учрежденіямъ и лицамъ: Эрмитажу, Зимнему и Петергофскому дворцамъ, архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, Румянцовскому и Историческому музеямъ, Третьяковской галлерей, академіи наукъ, князю Львову, князю Воронцову, графу Кассину, графу Строганову, графинѣ Воронцовой-Дашковой, г. Романову, принцессѣ Саксенъ-Альтенбургской, графинѣ Шуваловой, г. Балашову, князю Голицыну, князю Оболенскому, князю Гагарину, княгинѣ Козловской, князю Шаховскому, гг. Всеволожскому, Вилліе, Тютчеву, Бахрушину.

Особенно рѣдки портреты: митрополита Михаила Десницкаго, графа В. А. Перовскаго, Жозефины Фридрихсъ (фаворитки великаго князя Константина Павловича) съ сыномъ (Александровымъ), графовъ Семена и Александра Романовичей Воронцовыхъ, графини Екатерины Семеновны Воронцовой (леди Пемброкъ), князя Михаила Семеновича Воронцова, графа А. Х. Бенкендорфа, графа де-Местра, князя А. Н. Голицына и его жены, архимандрита Фотія, графини А. А. Орловой-Чесменской, лейбъ-медика Вилліе. П. А. Бекетова, графа Ожаровскаго, маркиза Пауллуччи, братьевъ князей Циціановыхъ, Н. М. Лонгинова, А. Д. Балашова и др.

Всѣ портреты исполнены фототипіей въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, какъ всегда, безукоризненно, а біографіи отличаются вѣрностью и сжатой полнотой свѣдѣній.

О. Ш.

Проф. И. Х. Озеровъ. Библиотека по общественно-экономическимъ вопросамъ. I. Что должны имѣть въ виду рабочіе. III. Фабричные комитеты или какъ рабочему добиться лучшихъ условій труда. IV. Земельный вопросъ въ Россіи. V. Финансовая реформа въ Россіи. Откуда у насъ государство беретъ деньги и на что ихъ расходуетъ. Москва. 1906. — А. А. Исаевъ. Забастовки. — Смуга и земельный вопросъ. — Н. Баллодъ, проф. Берлинскаго университета. Грядущіе экономическіе вопросы Россіи. Изд. т-ва Глобусъ. Спб. 1906.

Три «проклятыхъ» вопроса: земельный, рабочій и финансовый. А въ придачу къ нимъ, тоже никѣмъ не благословляемая, «смута». Въ довершеніе же, надъ всѣмъ этимъ прошедшимъ и настоящимъ — подобные же вопросы въ будущемъ.

Огромная сложная тема. И все это популяризируется въ маленькихъ, точныхъ брошюркахъ. Пріемъ вполне современный, но задача далеко не изъ легкихъ.

Земельный вопросъ трактуется всѣми тремя авторами. Но болѣе широкую постановку даетъ ему проф. И. Х. Озеровъ. Въ его популяризаціи получается наиболѣе полная и законченная картина. Общимъ фономъ этой картины служитъ малоземелье и перепроизводство «рабочихъ рукъ» въ сельскомъ хозяйствѣ. Средняя душевая норма земельного обезпеченія крестьянъ надѣломъ понизилась съ 4,8 десятины въ 1860 году до 2,6 десятины въ 1900 г. Паденіе на 46% въ сорокалѣтній періодъ. Избытокъ рабочихъ рукъ обоимъ пола въ сельскомъ хозяйствѣ и въ другихъ видахъ промышленности въ 1900 году по 50 губерніямъ Европейской Россіи достигалъ громадной цифры 23 миллионъ.

Земли мало, не хватаетъ, не на чемъ работать. Отсюда безплодная потеря силъ, а мы добавимъ—и одна изъ причинъ обѣднѣнія страны.

Поправить дѣло, по мнѣнію проф. Озерова, можно дополнительнымъ надѣленіемъ крестьянъ землею, которую нужно выкупить у владѣльцевъ за счетъ государства и отдать крестьянамъ въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе «за пониженную арендную плату». Кромѣ того, нужно озаботиться и организаціей переселеній, реорганизовать крестьянскій банкъ. Въ дополнительное надѣленіе должны поступить и земли государственныхъ, удѣльныхъ и монастырскія.

А. А. Исаевъ рассматриваетъ земельный вопросъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ, нарушаемыхъ аграрными волненіями.

Аграрныя волненія занимаютъ, по заявленію автора, главное мѣсто въ переживаемой нами «смутѣ». Они причиняютъ матеріальные убытки и тре

вожатъ всѣхъ, даже тѣхъ, «которые неприкосновенны къ владѣнію земель». Аграрныя волненія—явленіе стихійное, посящее въ себѣ «грозную опасность», благодаря «мирной проповѣди» «крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ», призывавшаго крестьянъ «прекратить работу во всѣхъ хозяйствахъ, которыя пользуются наемнымъ трудомъ, и запахивать силами крестьянъ и въ ихъ пользу земли помѣщиковъ, оставленныя безъ обработки».

На основаніи этой «мирной проповѣди» авторъ наполняетъ много страницъ изложеніемъ своихъ гаданій и продиоложеній о томъ, какія изъ сего произойдутъ послѣдствія. Ожесточенная борьба помѣщиковъ, ихъ семей, напятахъ стражниковъ и добровольныхъ помощниковъ, казаковъ съ нагайками и солдатъ съ пулеметами, борьба всей этой вооруженной силы съ безоружной крестьянской массой. А исходъ этой борьбы: никакихъ «крупныхъ измѣненій», только «разореніе всей страны».

«Умиротворить» все авторъ находитъ возможнымъ... путемъ «переселенія и разселенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ»... Въ Сибирь, въ Среднюю Азію, на Кавказъ! Взять часть церковныхъ земель и «земли удѣла», принудительно отчудить у частныхъ владѣльцевъ большіе участки — свыше 100 — 150 дес. — по пониженнымъ цѣнамъ и безплатно (участки болѣе 5.000 десятинъ). Деньги для выкупа взять поровну съ крестьянъ и «всѣхъ имущихъ классовъ, не владѣющихъ землею». Крестьянамъ же землю отдать въ «безсрочное держаніе».

Такое «умиротвореніе» возможно, однако, не скоро. Надо все сдѣлать путемъ законодательства и взаимнаго соглашенія постепенно.

Проф. Н. Баллодъ находитъ необходимымъ расширить крестьянское землевладѣніе путемъ выкупа части частновладѣльческихъ земель. Землю націонализировать и отдать крестьянамъ въ пожизненное или долгосрочное арендное пользованіе. Безлошадныхъ крестьянъ «выселить въ Сибирь, на окраины и т. д.». Мы, въ Россіи, привыкли думать, что «выселять» у насъ дальше «окраинъ» некуда. Г. профессоръ Н. Баллодъ изъ Берлина видитъ дальше, чѣмъ мы. Онъ готовъ «выселить» русскихъ крестьянъ... въ Китай— въ Сѣверную Манчжурію и Монголію, «которыя можно было бы просто куцить у китайскаго правительства за... военную контрибуцію...» Дальновидный и благотѣльный господинъ профессоръ!

Въ такой формѣ популяризуется нашими авторами настоящее и будущее главнѣйшаго изъ разсматриваемыхъ вопросовъ—земельнаго.

Рабочій вопросъ занимаетъ проф. П. Х. Озерова и А. А. Псаева. Первый въ двухъ брошюрахъ разбираетъ этотъ вопросъ по косточкамъ. Рабочему русскому живется скверно во всѣхъ отношеніяхъ. Помочь ему кореннымъ образомъ можетъ только его же собственная самодѣятельность. Необходимо объединяться въ союзы, образовывать кассы взаимопомощи, особыя бюро труда, фабричныя комитеты. Какаѣ отъ всего этого можетъ быть польза — указано въ брошюрахъ довольно подробно. Законодательство и правительство могутъ содѣйствовать улучшенію положенія.

Второй авторъ останавливается на стачкахъ и забастовкахъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на четыре части: стачки экономическія и политическія и забастовки

ставки студентовъ и учителей, адвокатовъ и т. п. Причина экономическихъ стачекъ—недовольство условіями работы и стремленіе къ измѣненію ихъ въ пользу рабочихъ. Много было стачекъ легкомысленныхъ. Надо дѣйствовать съ большей обдуманностью и стремиться къ возможному: увеличенію заработной платы на 10⁰/₀, девятичасовому рабочему дню...

Политическія стачки производятся во имя коренныхъ или крупныхъ измѣненій въ законодательствѣ. Право на политическія стачки принадлежитъ всѣмъ гражданамъ. Но повтореніе великой октябрьской забастовки возможно лишь въ крайнемъ случаѣ и съ сѣтвѣтствующей предварительной подготовкой.

Въ вопросѣ о студенческихъ забастовкахъ авторъ держится того взгляда, что стачки эти не страшны правительству, такъ какъ студенты — будущіе чиновники, которыхъ правительство безъ всякаго затрудненія можетъ замѣнить лицами безъ высшаго образованія. Важно, чтобы студенты учились...

Бастовали и учителя, и адвокаты. Нецѣлесообразно, бесполезно и вредно.

Въ общемъ—пролетарскія стачки сыграли видную историческую роль, всѣ же прочія были ненужны, вредны и... смѣшны...

Интересно иногда пишутъ нѣкоторые авторы о забастовкахъ!

Надъ финансовымъ вопросомъ много потрудился проф. И. Х. Озеровъ и сказалъ свое слово проф. Н. Баллодъ. Первый разобралъ подробно нашу финансовую систему, указалъ всѣ ея главные недостатки и слабыя стороны и находитъ необходимымъ введеніе подоходнаго налога, съ сохраненіемъ, однако, почти всѣхъ существующихъ налоговъ... Въ заключеніе авторъ привѣтствуетъ «настоящаго хозяина Россіи—Думу» и увѣренъ, что «съ новымъ хозяиномъ» дѣла живо поправятся...

Проф. Н. Баллодъ со свойственной ему рѣшительностью идетъ дальше проф. И. Х. Озерова. Вопреки послѣднему, онъ не находитъ возможнымъ сокращать государственные расходы. Какъ истинный сынъ своего фатерланда, онъ стоитъ за неприкосновенность арміи и флота. Впрочемъ... по балтійскому флоту возможны сокращенія... Зато необходимо ввести новыя монополіи: сахарную, табачную, чайную, нефтяную. Выкупить въ казну всѣ частные желѣзные заводы. А мужику... «подарите ему выкупные платежи—и ему не зачѣмъ будетъ продавать яйца»...

Да, это дѣйствительно.

В. К. К.—въ.

Опытъ Родословнаго словаря русскаго древняго дворянства
Родословныя записи Л. М. Савѣлова. Выпускъ I. Изданіе историко-родословнаго общества въ Москвѣ. М. 1906 г.

Неутомимый работникъ въ области изслѣдованій о древнемъ русскомъ дворянствѣ, предсѣдатель историко-родословнаго общества въ Москвѣ, дѣйствующаго съ 1905 г., Л. М. Савѣловъ предпринялъ громаднѣйшій трудъ—составить «Родословный словарь» всего древне-русскаго дворянства и уже напечаталъ первый его выпускъ, обнимающій буквы А и Б. Исчерпавъ всѣ данныя печатныхъ источниковъ, имѣющіяся въ его же извѣстныхъ «библиогра-

фических указателях» по родословию російскаго дворянства, онъ внесъ въ свой новый трудъ «выписки», сдѣланныя имъ въ «Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», Московскомъ депутатскомъ дворянскомъ собраніи, Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и др., имѣя въ виду, съ одной стороны, «лишь дать хотя бы слабую картину рода, показать службы представителей рода, ихъ земельныя владѣнія и т. п., и съ другой—помочь изслѣдователямъ родовъ въ архивныхъ работахъ», «облегчить историкъ рода его первые шаги въ архивахъ» (стр. 3).

Мы нимало не сомнѣваемся, что Л. М. Савѣловъ весьма добросовѣстно воспользовался представившимися ему архивными матеріалами и по возможности перепечаталъ печатные источники, что онъ вывелъ на свѣтъ Божій не мало новыхъ данныхъ о лицахъ и даже родахъ, тѣмъ не менѣе при чтеніи этого перваго выпуска мы испытываемъ въ значительной степени его неполноту и неудовлетворительность, если можно такъ выразиться, и въ особенности потому, что въ предпринятомъ Л. М. Савѣловымъ трудѣ видимъ крайнюю необходимость и придаемъ ему высокое научное значеніе.

Прежде всего мы ставимъ въ упрекъ составителю «Родословнаго словаря древняго русскаго дворянства» игнорированіе имъ архива департамента герольдіи, заключающаго въ себѣ дѣлопроизводство еще «герольдмейстерскихъ дѣлъ конторы», съ 1770-хъ годовъ, съ старинными документами отъ XVII и даже XVI вѣковъ. Пользованіе этимъ архивомъ не представило бы для него большихъ затрудненій и не потребовало бы значительнаго времени. Въ немъ дѣла объ утвержденіи въ древнемъ дворянскомъ достоинствѣ хотя и многочисленны, но легко выдѣлимы изъ общей многотысячной массы дворянскихъ дѣлъ. Пользуясь этими дѣлами, онъ не сообщилъ бы «гадательныхъ» свѣдѣній о нѣкоторыхъ представителяхъ родовъ, представилъ бы болѣе полныя родословныя и не обошелъ бы молчаньемъ ряда древнихъ дворянскихъ родовъ, утвержденныхъ въ этомъ достоинствѣ департаментомъ герольдіи (какъ, напримѣръ, Абаза, Абаносимовы, Аберучевы, Аблесимовы и др.), не говоря уже объ именованіи князьями родовъ, не утвержденныхъ въ этомъ званіи государственнымъ совѣтомъ.

Въ краткомъ отзывѣ мы здѣсь не можемъ привести всѣхъ замѣченныхъ нами разногласій архивныхъ герольдійскихъ данныхъ, которыя, впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ основаны на сообщеніяхъ изъ разряднаго архива, вошедшаго въ составъ Московскаго архива министерства юстиціи, съ напечатаннымъ въ первомъ выпускѣ «Родословнаго словаря», но замѣтимъ, что они весьма не рѣдки; напримѣръ, въ сообщеніяхъ объ Абабуровыхъ, Абетуровыхъ, Абашиевыхъ, Аблязовыхъ, Аблешевыхъ, Авдѣевыхъ, Албышевыхъ, Алашеевыхъ, Алачевыхъ, которыхъ нашъ авторъ упорно всюду называетъ Алачевыми, и мног. друг. Болѣе подробныя указанія на это нами будутъ сообщены въ особой статьѣ, которая появится на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія».

Второй, также бросившійся намъ въ глаза недостатокъ перваго выпуска «Словаря» это отсутствіе указаній на источники и пособія, откуда заимствованы тѣ или другія сообщенія, Правда, въ концѣ книги приведены въ алфа-

вѣтномъ порядкѣ фамиліи вошедшихъ въ первый выпускъ родовъ, съ такого рода указаніями: «Абабуровы 1) С. Г. Г. и Д.;—2) Акты М. Г. 2;—3) Истор. Библ. 10, 11.—4) А. Новг. Д.», или «Абашевы. Оп. Д. и В. IX», или «Агишевы. А. Ю; Ст. Москов. стола», и др.; но такихъ указаній, по нашему мнѣнію, недостаточно; каждое сообщеніе въ научной работѣ должно подкрѣпляться ссылкой на источникъ и пособіе, иначе оно будетъ голословнымъ и весьма трудно провѣряемымъ.

Наконецъ, если составитель задался цѣлью помочь «ислѣдователямъ» и «историкамъ» родовъ въ архивныхъ изысканіяхъ, то ему слѣдовало бы коснуться и архивовъ монастырскихъ, церковныхъ, историческихъ архивовъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и др. Вѣдь извѣстно, что наши синодики заключаютъ въ себѣ цѣлыя родословныя старинныхъ дворянскихъ и княжескихъ родовъ, а всевозможныя вкладныя и другія книги помогаютъ установить родственную связь между отдѣльными представителями фамилій. Несомнѣнно, что все это потребуетъ большой затраты силъ и времени, но мы вовсе и не думаемъ, что такой обширный трудъ, какъ «Родословный словарь», рассчитанный самимъ составителемъ на 15 томовъ, могъ бы быть исполненнымъ силами одного лица; напротивъ, полагаемъ, что большее число сотрудниковъ внесетъ только и желательную большую полноту и точность сообщаемыхъ свѣдѣній: слава же Л. М. Савѣлова, какъ инициатора этого предпріятія, оказавшагося не подъ силу цѣлому правительственному учрежденію, обязанному къ тому рядомъ высочайшихъ узаконеній (см. 983 и 984 ст. IX тома свода законовъ, изд. 1899 г.), останется прочной, при какомъ угодно числѣ его сотрудниковъ.

В. Рудаковъ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе императорской академіи наукъ. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ I (1815—1826). Спб. 1906.

Если второй томъ сочиненій Пушкина, издаваемыхъ академіей наукъ, не удовлетворилъ ожиданій, которыя можно было возлагать на подобное изданіе, то зато переписка Пушкина, судя по вышедшему недавно въ свѣтъ ея началу, представляетъ собою работу вполне «академическую», дающую богатый и добросовѣстный матеріалъ для научныхъ выводовъ. Главное достоинство новаго изданія въ томъ, что составляло слабую сторону прежнихъ изданій: въ чрезвычайной точности текста. Пушкинскій текстъ счищенъ г. Саитовымъ отъ разныхъ «редакторскихъ» поправокъ, ошибокъ и попросту искаженій и представленъ такимъ, каковъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Пушкина. Весьма поучительно положить передъ собою саитовское изданіе и прежнія изданія переписки Пушкина и сличать. Беремъ первое попавшееся письмо поэта—къ Н. П. Гнѣдичу, 29 апрѣля 1822 г. (у Саитова № 30). «Отдаю вамъ его въ полное распоряженіе», писалъ Пушкинъ; въ изданіи г. Морозова слово «его» пропущено; въ черновой этого письма читаемъ: «не связано ни съ какимъ происшествіемъ и [есть] ничто иное»...; а у г. Ефремова: «не связано съ происшествіемъ и есть не иное что»...; «недостатки этой повѣсти такъ явны», пишетъ

Пушкинъ, а г. Ефремовъ передастъ: «ясны». Такихъ примѣровъ можно привести не одну сотню, и всѣ они говорятъ о чрезвычайной небрежности прежнихъ редакцій. Всѣ письма Пушкина, дошедшія до насъ, были провѣрены г. Саитовымъ по подлинникамъ или по фотографическимъ снимкамъ. Пушкинская орфографія и пунктуация всюду строго сохранены, что позволяетъ съ большою ясностью судить о развитіи пушкинскаго языка и о работѣ гениальнаго мастера надъ матеріаломъ. Прежніе издатели, руководствуясь соображеніями «важности» того или иного черновика, нѣкоторыя черновыя письма печатали, а другія опускали; у г. Саитова помѣщены всѣ безъ исключенія отдѣльныя черновики и черновыя редакціи писемъ, извѣстныхъ въ бѣловикахъ. Въ изданіе внесены и расположены между письмами Пушкина письма его корреспондентовъ, что объясняетъ многое въ его письмахъ; они напечатаны особымъ шрифтомъ. Порядокъ расположенія писемъ — хронологическій. Въ этой области, нужно замѣтить, прежде было много ошибокъ и царилъ изрядная путаница. Г. Саитовымъ сообщено нѣсколько новыхъ точныхъ хронологическихъ датъ, и установленъ цѣлый рядъ приблизительно-точныхъ опредѣленій. Нѣкоторыя письма прежде неправильно дробившіяся на части, которыя печатались отдѣльно другъ отъ друга, соединены г. Саитовымъ въ одно цѣло.

Въ изданіи есть цѣлый рядъ новинокъ. Есть нѣсколько новыхъ писемъ Пушкина. Впервые печатается черновое письмо Пушкина, по всей вѣроятности, къ князю П. А. Вяземскому, изъ Одессы, 5 іюля 1824 г.: оно отчасти извѣстно, такъ какъ въ немъ повторены мысли, изложенныя въ черновикѣ письма поэта къ нему же 4 ноября 1823 г. Ново французское письмо Пушкина къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, 24 марта 1825 г. Впервые появляется очень интересное письмо изъ Михайловскаго, 13 сентября 1825 г., къ князю П. А. Вяземскому. Пушкинъ надѣялся тогда получить свободу для лѣченія болѣзни, и ему было разрѣшено лѣчиться... въ Псковѣ. Отъ этой милости онъ отказался. Вотъ что писалъ онъ Вяземскому: «Очень естественно, что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подѣ присмотромъ полиціи... Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ средствомъ къ избавленію, *ultima ratio libertatis*,— и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, поневолѣ голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю, но чортъ ли въ этой жизни! Гораздо ужъ лучше отъ не-лѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ, могила моя будетъ живымъ утѣкомъ»... (О томъ же писалъ Пушкинъ и своему заступнику—Жуковскому). Далѣе Пушкинъ сообщаетъ любопытныя подробности о своей работѣ надъ «Годуновымъ»: «сегодня кончилъ я вторую часть моей трагедіи,—всѣхъ, думаю, будетъ 4... Благодарю тебя и за замѣчаніе Карамзина о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригodiлось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки зрѣнія, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное». Любопытно письмо Пушкина, тоже къ Вяземскому, изъ деревни, въ началѣ мая 1826 г.: «письмо это тебѣ вручить очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Пола-

гаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ сколько ей понадобится, а потомъ отиравь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, ибѣухи и медвѣди)... При семь съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ не хочется, а нельзя ли его покаместъ отдать въ какую-нибудь деревню... Милый мой, мнѣ совѣстно, ей-Богу, но тутъ уже не до совѣсти!»—Вспоминаются стихи изъ описанія деревенской жизни Овѣгина: «порой бѣлянки черноокой молодой и свѣжій поцѣлуй»... Ново французское письмо Пушкина къ княгинѣ В. Ө. Вяземской, изъ Торжка, 3 ноября 1826 г.; въ немъ поэтъ упоминаетъ о С. Ө. Пушкиной, въ которую былъ тогда влюбленъ: «S. P. est mon bon ange»; извѣстно, что на сдѣланное Пушкинымъ предложеніе С. Ө. Пушкина отвѣтила отказомъ. Новы записки поэта къ брату Льву Сергѣевичу (№ 157) и къ А. А. Муханову (№ 275).

Среди писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину особенно интересны шесть французскихъ посланій его деревенской сосѣдки. Анны Николаевны Вульфъ. Письма эти—любовнаго характера, полны самаго безпардоннаго кокетства и показываютъ глубокую душевную пустоту корреспондентки поэта. Они рисуютъ Пушкина въ такіе моменты, когда онъ «среди дѣтей ничтожныхъ міра» стамъ бывалъ ничтоженъ и могъ заниматься пустой и вздорной перепиской съ безсодержательной женщиной.

Пропусковъ въ новомъ изданіи немного: записочка Пушкина къ А. П. Полторацкому, 1822 г., и прошеніе его, 1826 г.; есть и другіе пропуски, документовъ officialнаго свойства, повидному, преднамѣренные; вѣроятно, они будутъ внесены въ примѣчанія. Опечатокъ очень немного. Слѣдовало бы редактору въ примѣчаніяхъ, которыя ему предстоить выпустить, дать переводы французскихъ писемъ поэта.

Н. Лернеръ.

Профессоръ Н. Н. Өирсовъ. Разиновщина какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Спб. 1907.

Книжка профессора Өирсова является интересной попыткой дать соціологическое и психологическое объясненіе того широкаго революціоннаго движенія, которое охватило во второй половинѣ XVII вѣка низы населенія Московскаго государства и которое извѣстно подъ именемъ «Разиновщины». Авторъ подробно останавливается на выясненіи политическихъ и соціальныхъ условій возникновенія ея, разсматриваетъ соціальную физиономію ея участниковъ, характеризуетъ ея идеалы и, наконецъ, простѣживаетъ отраженіе ея въ позднѣйшей народной психикѣ.

Какъ извѣстно, о «Бунтѣ Стеньки Разина» въ нашей наукѣ господствуютъ, главнымъ образомъ, два мнѣнія, Соловьева и Костомарова. Первый различалъ въ немъ два элемента, элементъ «казацкій» и элементъ «земскій», собственно и придавшій ему соціальную окраску. Второй историкъ видѣлъ въ бунтѣ одинъ изъ наиболее яркихъ эпизодовъ борьбы двухъ исконныхъ началъ, «двухъ коренныхъ укладовъ русскаго быта, удѣльновѣчевого и единодержавнаго». Профессоръ Өирсовъ удачно скомбинировалъ и развилъ оба эти взгляда.

По его мнѣнію, въ этомъ движеніи нужно различать три стадіи: обыкновенный казачій «воровской» набѣгъ, вызванный жаждой добычи и грабежа, присоединеніе къ нему низшаго городского населенія волжскихъ городовъ и пнородцевъ, увидѣвшихъ въ немъ удобный случай подняться противъ ненавистной боярско-приказной администраціи, и наконецъ, возстаніе крестьянства, направленное преимущественно противъ помѣщиковъ. Другими словами, бунтъ, начавшійся «воровскимъ» набѣгомъ, быстро принялъ характеръ политическаго и соціальнаго движенія. Признавая такое пониманіе «Разиновщины» правильнымъ, нельзя не отмѣтить одинъ важный пробѣлъ въ работѣ профессора Ширсова: объясненіе имъ движенія страдаетъ существенной неполнотой. Остановившаяся на политическихъ мотивахъ его возникновенія—гнетъ московскаго государственнаго механизма, и соціальныхъ—закабаленія крестьянства помѣщиками, онъ совершенно игнорируетъ мотивы экономическіе. А между тѣмъ послѣдніе очень ярко отразились въ самой «Разиновщинѣ»— она между прочимъ, несомнѣнно, была протестомъ противъ новаго, денежнаго хозяйства, процессъ водворенія котораго въ Россіи именно въ то время особенно тяжело отражался на положеніи низшихъ слоевъ народа и вызвалъ ихъ на активную борьбу. Кроме того, эти же экономическіе мотивы въ значительной степени создали и тѣ политическія и соціальныя условія, которыя указаны авторомъ въ числѣ главныхъ причинъ появленія «Разиновщины», по которыя на самомъ дѣлѣ были производными и второстепенными. При отсутствіи экономическаго фактора даже не вполне понятно и то обстоятельство, почему «у Разина и казацкой вольницы не оказалось достаточныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ поддержать народъ, и послѣдній ничего не получилъ отъ разиновщины, кромѣ новаго горя по подавленіи мятежа».

Но несмотря на этотъ недостатокъ, присущій, впрочемъ, почти всѣмъ представителямъ нашей науки—игнорированіе «экономики»,—книжка профессора Ширсова, написанная живымъ и образнымъ языкомъ, является цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-популярную литературу по исторіи народныхъ движеній.

С. В—скій.

Н. А. Рубакинъ. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста. Спб. 1906.

Книжка г. Рубакина представляетъ собою сборникъ полубеллетристическихъ, подупублицистическихъ статей, посвященныхъ преимущественно современному настроенію деревни. Сборникъ начинается статьей «Читатели между строкъ», гдѣ случайный спутникъ автора по желѣзнодорожному купѣ, нѣкій земскій начальникъ, разговорившись съ сосѣдомъ, горько жалуется, что въ деревнѣ теперь житья не стало. А не стало потому, что мужики «сумлѣваются», т. е. истомленные долгимъ и страстнымъ ожиданіемъ помощи, начинаютъ перетолковывать по-своему каждую печатную строчку. Выходитъ, что написано одно, а мужики понимаютъ совершенно иначе, въ смыслѣ исполненія ихъ требованій. Легко себѣ представить, къ чему ведетъ и чѣмъ грозитъ такое «сумлѣніе». Казалось бы, долгъ людей, которымъ такое «сумлѣ-

ніе» чуждо, придти на помощь крестьянамъ, разъяснить имъ ихъ положеніе, указать, чего можно и должно добиваться и что надо бросить, какъ преступную затѣю. Но «борцы» поступаютъ иначе. Въ рассказѣ «Черносотенцы» «борецъ» — земскій докторъ — открыто дразнитъ и разжигаетъ крестьянъ несбыточной теоріей націонализаціи земли, пока не патыкается на субъекта, чуть-чуть не сволокшаго его, куда слѣдуетъ.

Тишиченъ для характеристики политическихъ симпатій автора «фанатикъ особаго рода». Этотъ фанатикъ — деревенскій книгомошн Морозовъ, высказывавшій удивительную, несокрушимую вѣру въ силу дѣйствія книги на крестьянскіе мозги. Но въ коробѣ его книги водились специфическія, все на тему о революціи да о борьбѣ за право. Но такъ какъ самъ Морозовъ велъ себя тихо, а книги были цензурованные, то власти и отступали отъ Морозова, ограничиваясь неодобрительнымъ покачиваніемъ головой. Къ несчастію, попался Морозовъ въ лучъ зрѣнія къ какому-то священнику, который сейчасъ же написалъ на него куда слѣдуетъ доносъ, завелъ противъ него интригу и добился того, что Морозову запретили книжную торговлю. И все это, какъ увѣряетъ авторъ, только потому, что Морозовъ не принялъ одной предосторожности и не держалъ въ своемъ коробѣ житія святыхъ и иныхъ духовныхъ книгъ. Скоро, впрочемъ, Морозову уже не зачѣмъ было скрывать истинный характеръ своей дѣятельности: въ 1904 г. во время революціонной вспышки на югѣ его имя упоминалось въ газетахъ. «И, странное дѣло, — говоритъ авторъ, — несмотря на всю мимолетность нашихъ встрѣчъ, Морозовъ заразилъ и меня своимъ настроеніемъ, и я словно слышу слова интеллигента-рабочаго, что книги и вправду дѣлаютъ свое вѣчное, боевое дѣло»...

Со стороны художественности очерки г. Рубакина довольно трафаретны, если такъ можно выразиться. Со времени Глѣба Успенскаго деревня не дается русскимъ бытописателямъ, потому ли, что она на первый взглядъ ужъ очень однообразна и бѣдна содержаніемъ и нуженъ острый взглядъ, — а онъ далеко не у всякаго, — чтобы заглянуть по другую сторону этой однообразной картинки, или потому, что у насъ о деревнѣ разсуждаютъ люди, сидящіе по городамъ и ведущіе о деревенскомъ житіи разговоры съ «товарищами» — рѣшати не берусь. Но дѣйствіе этихъ предполагаемыхъ причинъ сильно чувствуется въ повѣствованіяхъ г. Рубакина. Можно заранѣе предполагать, что земскій начальникъ выйдетъ у него ушитаннымъ, праздно болтающимъ всякій либеральный вздоръ; деревенскій священникъ непременно окажется изувѣромъ, интриганомъ и доносчикомъ, урядникъ чуть не підотомъ, рабочій — энергичнымъ «интеллигентомъ» и т. д. Словомъ, «знакомыя все лица!»

Лучше другихъ и теплѣе написанъ небольшой очеркъ «На рабочемъ кладбищѣ», гдѣ разсказана трагическая судьба инженера, все хотѣвшаго, чтобы народъ считалъ его своимъ и погибшаго за него въ шахтѣ. **А. В.**

М. Суперанскій. Начальная народная школа въ Симбирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ. Изданіе симбирскаго губернскаго земства. Симбирскъ. 1906 г.

Вышеназванный «очеркъ» г. М. Суперанскаго представляетъ собою весьма обстоятельное изслѣдованіе о начальномъ образованіи въ Симбирской губерніи, основанное на строгомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ, что не часто наблюдается въ подобнаго рода работахъ. Справедливо подраздѣляя все время существованія начальныхъ школъ, отъ конца XVIII вѣка и до настоящихъ дней, на два главныхъ періода: первый до паденія крѣпостного права и второй послѣ его паденія, онъ такъ характеризуетъ первый періодъ: «наиболѣе характерными чертами политическаго и соціальнаго строя того времени были строго проведенная централизація управленія, съ ея неизбежнымъ бюрократизмомъ, и сословность. Проникая всѣ части соціальнаго организма, эти начала, во всей ихъ силѣ, сказались и въ школахъ. Школы создавались по планамъ и программамъ, въ деталяхъ разработаннымъ центральной властью, и въ отношеніи управленія составляли «особую государственную часть». Открывая школы и регламентируя ихъ жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ, государственная власть не допускала и мысли о проявленіи въ этомъ дѣлѣ общественной самодѣятельности, творчества мѣстныхъ силъ. Дѣятели школы были чиновниками, «служившими по ученой части»; они не могли поступать иначе, какъ по предписаніямъ начальства, и въ своей дѣятельности не были отвѣтственны предъ мѣстнымъ обществомъ, которому разрѣшались лишь «жертвовать» на школы средства, вовсе не касаясь ихъ устройства... «Привилегированные классы имѣли свою школу, подготовляющую ихъ дѣтей къ государственной службѣ. «Большинству населенія, которое было податное и даже крѣпостное, эта школа была недоступна. У этого большинства не могло быть и своей, собственно народной, школы. Назначеніемъ народа было безпрекословное повиновеніе господствовавшему классу и тяжелый физическій трудъ, не требовавшій ни умственнаго развитія, ни совершенствованія техники...» (стр. 2 и 3).

Особенно подробно и много говоритъ нашъ авторъ въ первой главѣ: «Начальная школа до 1866 года», объ удѣльныхъ училищахъ, которыя въ Симбирской губерніи, какъ «удѣльной по преимуществу», были и болѣе многочисленны и разнообразны: тутъ были «удѣльныя приказныя училища», профессиональныя — мужскія земледѣльческія и женскія хозяйственныя, и «писарскія и церковно-приходскія школы въ удѣльныхъ имѣніяхъ».

Въ главѣ второй: «Исторія начальной школы съ 1866 года по 1904 годъ». г. М. Суперанскій, хотя и находитъ, что симбирскія земства, и въ особенности губернское, значительно отстали отъ многихъ другихъ земствъ въ дѣло развитія начальныхъ народныхъ училищъ, тѣмъ не менѣе справедливо отмѣчаетъ наибольшую изъ всѣхъ другихъ плодотворность земскихъ школъ и даетъ характеристику цѣлаго ряда выдающихся дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Въ заключеніе онъ говоритъ: «всеобщее обученіе. (о которомъ говорили и говорятъ многія земскія губернскія собранія) «даже и по расширенной про-

граммъ начальной школы не можетъ считаться послѣднею цѣлью дѣятельности въ сферѣ народнаго образования: такою, правда еще отдаленною, но достижимою цѣлью можетъ быть только народный университетъ, который уже дѣлается достояніемъ рабочаго класса и крестьянства въ наиболѣе передовыхъ странахъ. Общедоступная же, хорошо поставленная начальная школа—это первая ступень въ ходѣ народнаго образования, тотъ широкій и прочный фундаментъ, на которомъ только и возможна дальнѣйшая постройка зданія, отдѣльныя части котораго лишь намѣчаются въ настоящее время. Въ сложной системѣ народно-образовательныхъ учрежденій ближайшаго будущаго самое видное мѣсто должны занять библиотеки, склады книгъ, повторительные вечерніе и воскресные классы, а также народныя чтенія, т. е. учрежденія по такъ называемому внѣшкольному народному образованию» (стр. 321).

Коснувшись вкратцѣ всѣхъ этихъ «учрежденій», онъ говоритъ: «На этомъ мы и закончимъ свой очеркъ, имѣющій цѣлью сгруппировать и освѣтить матеріалы, характеризующіе прошлое и настоящее положеніе дѣла начального школьнаго образования въ Симбирской губерніи. Предъ нами будущее, прогнозъ котораго весьма труденъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переживаемый нами историческій моментъ является рѣшающимъ въ жизни народа вообще и въ отношеніи его образования въ частности. Уже занялась заря свободы. Свободный же народъ не можетъ оставаться «темнымъ», неграмотнымъ народомъ. Онъ долженъ имѣть свободную, не стѣсненную полицейскими конфессіональными требованіями, школу,—школу, сообщающую не одну грамотность, а и развитіе, которое освободило бы его отъ вѣковыхъ предрасудковъ и суевѣрій...» (стр. 326).

В. Рудаковъ.

Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Томъ I, вып. 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907.

Не успѣли книгоиздательства А. С. Суворина и «Просвѣщенія» выпустить свои крупныя, восьмитомныя собранія сочиненій Пушкина, редактированныя П. А. Ефремовымъ и П. О. Морозовымъ, какъ стало выходить въ свѣтъ новое, еще болѣе монументальное и дорогое изданіе, предпринятое фирмою «Брокгаузъ-Ефронъ», поручившею редакцію выдающемуся знатоку литературы и мастеру редакціонной техники С. А. Венгеру. Предъ нами начало его работы—первый выпускъ, составляющій четвертую часть I тома; всѣхъ томовъ по приблизительному расчету, будетъ шесть, по 40 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Редакторъ, приступившій къ дѣлу «съ понятнымъ волненіемъ предъ трудностью и отвѣтственностью задачи», излагаетъ свои руководящія приемы въ предисланномъ книгѣ небольшомъ введеніи. Къ изданію Пушкина, говоритъ онъ, «должны быть предъявлены требованія особенной полноты, детальности и тщательности. Основная черта предпринимаемаго изданія—широкое развитіе, которое предполагается дать комментарію. Изданіе въ такой же степени стремится быть собраніемъ Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ жизни и творчества». Послѣднее обѣщаніе, впрочемъ, совершенно неисполнимо

въ предѣлахъ и въ формѣ предпринятой г. Венгеровымъ работы, но читатель не постыжется, если ему дадутъ только хорошо разработанный текстъ, снабженный достаточными комментаріями. Для осуществленія этого плана даются отдѣльные біографическіе этюды: родъ и дѣтство Пушкина, его лицейская жизнь, періодъ «Зеленой Лампы» (хотя «Зеленая Лампа» врядъ ли можетъ сойти по своему значенію за центръ отдѣльнаго періода въ недолгой и богатой впечатлѣніями жизни великаго поэта), пребываніе въ Крыму, женитьба, дуэль и т. п.; біографическія замѣтки о близкихъ Пушкину людяхъ (Пушцинѣ, Галичѣ, А. Тургеневѣ, Иллещевскомъ, Чаадаевѣ и друг.); этюды о вліявшихъ на Пушкина русскихъ и иностранныхъ писателяхъ. Крупныя вещи будутъ сопровождаться сравнительно обширными введеніями, а сравнительно небольшія пьесы все безъ исключенія снабжаются пояснительными примѣчаніями, печатаемыми не по неудобной, «руколомной» системѣ въ концѣ книги, а параллельно тексту. Иллюстраціонный отдѣлъ отличается богатствомъ и не носитъ, подобно другимъ изданіямъ, чертъ случайности: даются все портреты Пушкина (акварельные и масляные будутъ воспроизведены въ краскахъ), портреты родныхъ и близкихъ ему людей, виды мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, изображенія всехъ памятниковъ, поставленныхъ ему, портреты писателей, съ которыми такъ или иначе соприкасалось его творчество, картины на его сюжеты. Самая внѣшность изданія по возможности соответствуетъ содержанію; обращено вниманіе на стильность орнаментовки и даже на прифѣтъ, напоминающій прифѣтъ пушкинской эпохи. Такъ обставлена внѣшняя сторона дѣла.

Внутренняя сторона изданія гораздо важнѣе и представляетъ больше затрудненій. Все безъ исключенія существующія изданія изобилуютъ ошибками и безусловно не отличаются полнотою. Всего же труднѣе вопросъ о текстѣ, представляющемъ неизбѣжный камень преткновения на издательскомъ пути. Г. Венгеровъ вполне справедливо отказывается подчиниться въ этомъ отношеніи какому-нибудь общему правилу, которое, будучи полезно въ одномъ случаѣ, вредило бы въ другомъ: «для каждаго частнаго случая есть свои особыя, рѣшающія основанія; нельзя подводить подъ одинъ ранжиръ тѣ разнообразныя мотивы, на основаніи которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ приходится остановиться на томъ или другомъ текстѣ». Отвергая непригодный принципъ «эстетическаго хозяйничанья» въ текстѣ, какъ субъективный и слишкомъ шаткій, редакторъ является сторонникомъ историческаго метода, но и его абсолютной власти надъ собою не признаетъ, считая «своего рода канцелярщиной» держаться всегда одного и того же принципа при выборѣ текста и позволяя себѣ даже «превышеніе власти» по отношенію къ ошибкамъ самого Пушкина. Приводимый имъ тутъ примѣръ, впрочемъ, неудаченъ. Известно, что Пушкинъ былъ въ пунктуаціи столь же небреженъ, какъ и въ орфографіи; въ «Пирующихъ студентахъ» онъ насмѣшливо обращается къ бездарному Кюхельбекеру: «Писатель за свои грѣхи || Ты съ виду всехъ трезвѣе». Г. Венгеровъ ставитъ восклицательный знакъ послѣ слова «писатель», такъ какъ иначе, по его мнѣнію, «выходитъ, что Кюхельбекеръ сталъ писателемъ за свои грѣхи — мысль совершенно непонятная» г. Венгерову; между тѣмъ эта мысль совершенно понятна, если вспомнить, что рѣчь шла о

горе-поэтъ, и что вообще Пушкинъ смотрѣлъ на удѣлъ писателей, какъ на «рядъ горестей»; итакъ нѣтъ основаній одну пунктуацию предпочесть другой, столь же возможной. Для сохраненія «историчности» впечатлѣнія г. Венгеровъ старается передавать пушкинскую орфографію, хотя этого принципа не придерживается въ строгой послѣдовательности¹⁾. Расположены произведенія Пушкина хронологически, но, конечно, не съ той безошадной и въ данномъ случаѣ ненужной послѣдовательностью, которая заставляла бы дробить отдѣльные произведенія и помѣщать ихъ въ видѣ оторванныхъ другъ отъ друга частей. Прозу и стихи также пришлось отдѣлить другъ отъ друга и ввести въ расположеніе прозы вѣтшія рубрики: «новѣсти», «критическія статьи», «историческія изслѣдованія»; впрочемъ, даже въ этихъ широкихъ рамкахъ нелегко будетъ размѣщеніе пушкинскихъ фрагментовъ.

Въ первомъ выпускѣ (10 печ. листовъ) помѣщены стихи 1812 г., большая часть стиховъ 1814 г. и рядъ статей и комментарий. Крупныя статьи принадлежатъ Б. Л. Модзалевскому («Родъ Пушкина», трудное и обстоятельное разысканіе о предкахъ Пушкина, основанное на множествѣ и архивныхъ разбросанныхъ печатныхъ матеріаловъ), В. В. Сиповскому («Дѣтство Пушкина»), З. Венгеровой («Гамльтонъ»), Н. О. Лернеру («Пушкинъ въ лицѣ» и «Сестра Пушкина»), П. О. Морозову («Пушкинъ и Батюшковъ»), Е. Балабановой и Н. Пиксанову («Пушкинъ и Оссианъ»). Послѣдняя статья занимаетъ 16 страницъ—щедрость совершенно излишняя, потому что Пушкинъ самъ не печаталъ своихъ «оссиановскихъ» стиховъ и, какъ вполнѣ справедливо говоритъ редакторъ и повторяетъ одинъ изъ комментаторовъ, Оссианъ былъ чуждъ его духу», «которому Пушкинъ не поддался», такъ что «вообще оссиановское вліяніе на Пушкина не могло быть сильнымъ». Сколько же листовъ отведетъ г. Венгеровъ Державину и вообще всей предшествовавшей Пушкину русской литературѣ? Примѣчанія къ стихотвореніямъ отличаются большой обстоятельностью; исторія текста задѣвается ими лишь мимоходомъ, такъ какъ ей будетъ посвящена особая глава; своею точностью они превосходятъ даже такой прекрасный образецъ, какъ примѣчанія Л. Н. Майкова къ I тому академическаго изданія, не говоря уже о положительно слабыхъ примѣчаніяхъ г. Якушкина къ II тому того же изданія. Излишни указанія на слабыя рифмы (стр. 132); читатель ихъ и самъ замѣтитъ, да къ тому же требованія, предъявлявшіяся къ метрику въ началѣ XIX столѣтія, были далеко не такъ строги, какъ теперь, въ вѣкъ утонченной версификаціи. «Измѣны» перенесены изъ 1812 г. въ 1815 г. вполнѣ основательно (Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 28). Жаль, что примѣчанія, помѣщенные не вѣдѣ за пьесами или подъ ними, а рядомъ, напечатаны однимъ съ ними шрифтомъ.

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ г. Венгеровъ дважды поправляетъ пушкинскую орфографію и печатаетъ «во тѣѣ» вмѣсто «во тѣмъ», такъ какъ это «такая существенная особенность произношенія пушкинскихъ временъ, что устранить ее значитъ погрѣшить противъ подлинной музыки пушкинскаго стиха»; между тѣмъ въ «Русланъ и Людмила» (см. II т. академич. изданія) находимъ и «тму» и «тѣму». Пушкинъ писалъ «первыѣ» и «во-первыхъ» (акад. изд. переписки II, т. I, стр. 154).

Иллюстраціи, изъ которыхъ нѣсколько появились въ первый разъ (портреты сестры Пушкина), превосходны; особенно хороши три хромолитографіи, впервые воспроизводящія въ краскахъ портреты родителей и сестры поэта. Также въ первый разъ воспроизведена метрическая записъ о рожденіи и крещеніи Пушкина въ церковной книгѣ; даны факсимиле автографовъ Пушкина и его рисунковъ. Статья о родѣ Пушкина стильно украшена русскими заставками; статья о пребываніи Пушкина въ лицей иллюстрирована портретами и карикатурами; фривольные лицейскіе рисунки украшены рисунками и вишнетками рококо. Опечатокъ очень немного (въ текстѣ ихъ вовсе нѣтъ), хотя при фаталитическомъ убѣжденіи, высказанномъ редакторомъ, что «нѣтъ ничего печатнаго безъ опечатокъ», ихъ могло бы быть больше. Но мѣрѣ своего выхода изданіе г. Венгерова, конечно, будетъ все болѣе улучшаться и займетъ въ нашей литературѣ видное мѣсто.

Н. Лернеръ.

Металловъ, В. М. свящ. Богослужбное пѣніе Русской Церкви (Періодъ домонгольскій, ч. I—II). Москва. 1906.

Всякій новый трудъ по исторіи русскаго церковнаго пѣнія слѣдуетъ привѣтствовать уже въ силу того, что русская историческая литература чрезвычайно бѣдна работами въ этой области отечественной науки. Трудъ же о. Металлова, профессора Московской консерваторіи и преподавателя Московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія и по своимъ крупнымъ научнымъ достоинствамъ. Заслуга почтеннаго автора предъ русскою историческою наукою состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ съ рѣдкою добросовѣстностью и трудолюбіемъ изслѣдовалъ и изучилъ древнѣйшіе памятники русскихъ пѣвческихъ рукописей, взявши на себя кропотливый и неблагодарный трудъ сличенія и сравненія разнообразныхъ редакцій ихъ текстовъ и надстрочныхъ пѣвческихъ знаковъ. На основаніи данныхъ указаннаго историко-археологическаго матеріала ученый изслѣдователь дѣлаетъ попытку (по нашему мнѣнію удачную) опредѣлить начало, происхожденіе и характеръ русскаго богослужбнаго пѣнія и прослѣдить его судьбы въ древнѣйшій домонгольскій періодъ русской исторіи.

Интересны выводы, къ которымъ приходитъ авторъ изслѣдованія, по вопросу о происхожденіи и характерѣ русскаго церковнаго пѣнія. Какъ извѣстно изъ лѣтописныхъ сказаній, Русь приняла крещеніе отъ грековъ. Но позднѣйшія разысканія и историческая критика заставляютъ считать истинными просвѣтителями русскихъ не иноземныхъ грековъ, а родственныхъ первымъ южныхъ славянъ—болгаръ. Византіи принадлежали лишь высшіе іерархи русской церкви—митрополиты и епископы, которые часто даже не знали русскаго языка и объяснялись съ паствою черезъ переводчиковъ. Константинопольская патріархія заботилась болѣе о расширеніи своихъ границъ за счетъ новокрещенныхъ, чѣмъ о ихъ христіанскомъ просвѣщеніи. Первыми наставниками и просвѣтителями русскихъ славянъ было низшее духовенство, первоначально болгарское, а потомъ собственно русское. Изъ богослужбныхъ книгъ

домонгольскаго періода сохранился только одинъ Благовѣщенскій кондакаръ XII в. со слѣдами греческаго языка въ текстѣ, въ видѣ отрывочныхъ словъ, и выражений, изображенныхъ къ тому же славянскими буквами и, повидимому предназначавшихся для совершителей богослуженія славянъ, а не грековъ; остальные же письменные памятники содержатъ одинъ славянскій текстъ, что служить неоспоримымъ доказательствомъ изначальнаго существованія у русскихъ богослуженія славянскаго. Въмѣстѣ съ общеподобослужебными книгами, естественно, проникли къ намъ отъ нашихъ просвѣтителей и книги пѣвческія—кондакари, стихирари, прологи, тріоди и др.—и притомъ въ двухъ видахъ: или съоднимъ текстомъ, или же съ текстомъ и нотными надъ нимъ знаками. Получивъ славянское богослуженіе, первыхъ его совершителей, священниковъ, клириковъ и пѣвцовъ, славянскую церковную письменность, богослужебныя уставныя, пѣвческія нотныя и не нотныя книги отъ южныхъ славянъ, русскіе и самыя церковныя напѣвы могли получить изъ того же источника. Славянинъ кievскій легче могъ понять соплеменнаго славянина, его ухо легче улавливало славянскія мелодіи, ритмъ и музыкальныя красоты, чѣмъ непривычныя и чуждые греческіе. Каково же было богослужебное пѣніе южныхъ славянъ въ періодъ крещенія Руси? Оболгарскомъ и вообще южно-славянскомъ пѣніи IX—X в. в. исторія не сохранила никакихъ свидѣтельствъ, а за отсутствіемъ послѣднихъ нельзя съ точностью рѣшить, имѣли ли вообще южные болгары богослужебныя книги, по которымъ можно было бы опредѣлить характеръ ихъ церковнаго пѣнія. Наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ слѣдуетъ считать слѣдующее положеніе: болгары IX—X в. в. не пользовались при своемъ богослужебномъ пѣніи ни своими нотными знаками за неимѣніемъ ихъ, ни греческими—за надобностью послѣднихъ. Живя среди грековъ, южные славяне могли отлично усвоить богослужебное пѣніе въ греческихъ напѣвахъ путемъ изустнаго изученія, на слухъ. Ни провѣряя усвоенныя напѣвы, ни увѣковѣчивать ихъ для будущаго они не имѣли надобности, такъ какъ всегда имѣли подъ рукою въ лицѣ смежныхъ грековъ достаточный критерій и ручательство въ ихъ сохранности. Но было бы ошибочнымъ, съ другой стороны, допустить, что южные славяне заимствовали свое богослужебное пѣніе цѣликомъ отъ грековъ. Племенное различіе наложило на характеръ заимствованныхъ напѣвовъ свою печать: славяне варіировали греческіе напѣвы по-своему, на свой ладъ и слухъ, обличая ихъ съ своей народной пѣсней и своими ритмами, и т. д. Такъ изъ греческихъ пѣвческихъ основъ, при отсутствіи нотныхъ записей и при изустномъ обученіи пѣнію и напѣвамъ, у славянъ выработался свой особый родъ богослужебнаго пѣнія, свои особыя богослужебныя напѣвы, особое своеобразное осмогласіе. Въ такомъ же смыслѣ отмѣчается вліяніе на южно-славянское церковное пѣніе и пѣнія латинскаго чрезъ западныхъ славянъ, и пѣнія греко-восточнаго или греко-сирійскаго чрезъ Аѳонъ. Такимъ образомъ, исторически русское церковное пѣніе ведетъ свое начало отъ южно-славянскаго и въ частности болгарскаго пѣнія, въ свою очередь возникшаго на основахъ пѣнія греческаго (византійскаго и восточнаго) при нѣкоторомъ вліяніи латинскаго.

Исслѣдованіе древнѣйшихъ русскихъ пѣвческихъ рукописей дастъ возможность точнѣе опредѣлить характеръ русскаго богослужебнаго пѣнія XI—

XII вѣковъ. Нотныя пѣвческія книги, будучи одинаковыми по тексту съ такими же не нотными, различаются между собою тѣмъ, что одиѣ изъ нихъ (кондакари) имѣютъ вычурное нотное шельмо, приближающееся по своему начертанію къ византійскому, другія же—наибольшая часть—имѣютъ шельмо упрощенное, отличное отъ византійскаго и чрезвычайно схожее съ симадійными пѣвческими знаками синайскаго стихираря X в., есфигменскаго пролога XI в. и др. пѣвческіхъ книгъ Востока. Сходство нотныхъ знаковъ по начертанію сопровождается такимъ же и по внутреннему ихъ значенію. Славяно-русская семиографія выражаетъ отдѣльными знаками не единичныя только ноты, какъ византійская и латинская, но преимущественно цѣлыя группы нотъ, цѣлыя музыкальные обороты, какъ это обычно въ семиографіи восточной, т. е. сирійской, арабской и коптской. Наконецъ, строй русскаго церковно-пѣвческаго звукоряда поразительно совпадаетъ съ греко-сирійскимъ строемъ музыки. Въ то время, какъ византійскій строй музыки (такъ называемая образцовая неизмѣняемая система) состоитъ изъ ряда соединенныхъ и раздѣленныхъ тетрахордовъ, строй русской церковной музыки, какъ и греко-сирійской, восточной, состоитъ изъ однихъ соединенныхъ тетрахордовъ. Впослѣдствіи подъ вліяніемъ азіатскихъ ордъ, монгольскихъ и турецкихъ, греко-сирійская музыка пріобрѣла чисто восточный (въ современномъ значеніи) характеръ, съ многочисленными мелизмами и трелями и интервалами въ треть и четверть тона; но первоначальный ея характеръ былъ простой, строгій діатонизмъ. Все эти данныя ясно свидѣтельствуютъ о восточномъ, т. е. греко-сирійскомъ, происхожденіи русской церковной музыки или, по меньшей мѣрѣ, о сильномъ на нее вліяніи. Византійское церковное пѣніе не могло оказать сколько-нибудь значительнаго вліянія на нарождающееся русское уже въ силу своего крайняго несходства съ послѣднимъ. Десятый и одиннадцатый вѣка для Византіи были временемъ господства напыщеннаго, крайне изысканнаго и театральна-искусственнаго церковнаго пѣнія съ его «сладкими», «органными», «царскими» напѣвами и вычурными украшеніями—«териремами», «анеанамы», «трелями» и проч. Восточное же пѣніе, греко-сирійское, было, напротивъ, въ той же мѣрѣ простымъ, строгимъ, соответствующимъ своему назначенію. Вполнѣ понятно, почему русская церковь въ вопросѣ о церковномъ пѣніи примкнула къ той сторонѣ, которая давала больше пищи уму и сердцу и отвѣчала религіозному чувству, которая имѣла напѣвы и мелодіи, ритмы и музыкальный строй, доступные простому музыкальному вкусу, чувству и пониманію непосредственной, но музыкальной натуры славянина. «На этой основѣ простыхъ и прочныхъ музыкальныхъ элементовъ даровитый славянинъ, руководясь своимъ природнымъ творчествомъ, самостоятельно и широко насадилъ и развилъ узоры своихъ вдохновенныхъ, народныхъ церковныхъ пѣсней, своеобразныхъ, сильныхъ, трогательныхъ, полныхъ жизни и чувства и религіознаго одушевленія, по характеру отличныхъ какъ отъ пѣнія византійскаго, такъ даже и отъ родственнаго ему восточнаго греко-сирійскаго».

Памятникомъ византійскаго вліянія на русское церковное пѣніе въ древнѣйшихъ пѣвческіхъ рукописяхъ осталось такъ называемое кондакарное или демественное пѣніе, записанное своеобразнымъ кондакарнымъ знаменемъ, по-

хожимъ на византійское нотное письмо. Имъ изложены наиболѣе торжественныя пѣснопѣнія православнаго богослуженія, какъ, напрямѣрь, пѣніе полелея, всякое дыханіе, кондаки (по имени которыхъ получили свое наименование этотъ родъ пѣнія)—все то, что и нынѣ въ особо праздничные дни исполняется причтомъ въ алтарѣ. Но кондакарное пѣніе не привилось русскимъ пѣвцамъ, и черезъ полтора вѣка советѣмъ забывается. Причины заобвѣнія кроются, вѣроятно, въ технической сложности кондакарной семиграфіи и трудности пѣнія по ней. Нотное письмо этого рода состоитъ изъ безчисленнаго множества пѣвческихъ знаковъ, двухъ родовъ, малыхъ, отчасти сходныхъ съ русскимъ крюковымъ знаменемъ, и большихъ, по начертанію весьма сложныхъ и замысловатыхъ. Поэтому и пѣніе по нимъ, подобно современной греческой нотной системѣ, гдѣ весьма много комбинацій пѣвческихъ знаковъ, съ разными ихъ значеніями—высоты, продолжительности, звуковъ носовыхъ, горловыхъ, паузы, ритмики, интерваловъ уменьшенныхъ и увеличенныхъ,—это пѣніе требовало отъ пѣвца виртуознаго искусства чтенія нотъ, съ одной стороны, а съ другой—не менѣе виртуознаго искусства владѣнія голосомъ для быстрыхъ переходовъ изъ одного строя въ другой, въ особенности при хроматизмѣ и энгармонизмѣ греческаго музыкальнаго строя, столь несвойственныхъ русскому. Исторія сохранила только пять кондакарей съ кондакарнымъ пѣніемъ и знаменемъ, и всѣ пять—домонгольскаго періода; со второй же половины XIII в. рукописей съ кондакарнымъ письмомъ больше не встрѣчается, и самое пониманіе послѣдняго совершенно изглаживается изъ памяти русскихъ пѣвцовъ. Но передаваемое устно, византійское пѣніе, заглохнувъ въ монгольскій періодъ, вновь ожило въ такъ называемомъ демественномъ пѣніи XV и XVI вѣковъ, со всеми существенными свойствами византійскаго пѣнія, столь возмущавшими ревнителей церковнаго благолѣпія и благочинія. Неизвѣстный авторъ одной рукописи названнаго времени приводитъ примѣръ демественнаго пѣнія церковной пѣсни «Чашу спасенія прииму»: «чашу сна хабивен се хехебуве ния анно хабубува е прииму...» «Есть ли здѣ умъ внушеніе, есть ли словесный разумъ, есть ли внимательный слухъ пѣній послушатель?»—въ негодованіи восклицаетъ онъ.

Для надобностей русской церкви и богослужебнаго чина не было настоятельной потребности въ кондакарныхъ, византійскихъ мелодіяхъ и напѣвахъ, такъ какъ рядомъ съ нимъ существовало свое русское «изрядное осмогласіе», образовавшееся изъ родстvenнаго ему по духу греко-сирійскаго, переработаннаго согласно національнымъ музыкальнымъ требованіямъ и вкусу. Свободное творчество въ области русскаго осмогласія и положило начало развившемуся въ послѣдующіе вѣка большому знаменному распѣву или столповому, въ то время какъ строго охраняемое старинное пѣніе образовало малый знаменный распѣвъ, который былъ и оставался всегда пѣніемъ обычнымъ, по преимуществу будничнымъ. Большой же знаменный распѣвъ сталъ пѣніемъ исключительно праздничнымъ, торжественнымъ, замѣнивши такимъ образомъ кондакарное, демественное пѣніе. Такимъ образомъ, малый знаменный распѣвъ и есть древнѣйшее пѣніе русскаго богослуженія. Изученіе стили этого эпически прѣстого и глубоко прочувствованнаго народнаго пѣнія русской древности,

по мнѣнію автора, могло бы быть для современности однимъ изъ лучшихъ путей «отрезвленія и успокоенія отъ нервно-порывистыхъ скачковъ, искусственныхъ и угловатыхъ движеній мелодіи и ритмики, напыщенности и драматизма фразировки, широты композиціи и чрезмѣрной роскоши нюансовъ позднѣйшей русской церковной музыки». Но и помимо практическаго значенія, изслѣдованіе судьбы русской церковной музыки должно имѣть серьезный интересъ для русскаго образованнаго общества; поэтому нельзя не пожелать автору разбираемой книги дальнѣйшихъ усилій въ разработкѣ историческихъ матеріаловъ даннаго предмета.

И. К.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Томы I-II. Спб. 1907.

Если фактической сторонѣ исторіи нашего умственнаго развитія посвященъ у насъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ о тѣхъ или иныхъ ея эпохахъ, дѣятеляхъ, то этого нельзя сказать о внутреннемъ содержаніи, сущности процесса развитія нашей общественной мысли. Эта область до сихъ поръ была почти не затронута. Только за послѣднее время появились попытки выполнить эту задачу. Первой является вышедшій въ 1905 г. трудъ г. Андреевича-Соловьева — «Опытъ философіи русской литературы», въ которомъ авторъ поставилъ себѣ задачу — очертить основную идею нашего литературнаго развитія. Ее онъ опредѣлилъ борьбой за освобожденіе, за свободную личность. Авторъ настоящаго труда, г. Ивановъ-Разумникъ, поставилъ рамки еще шире, его задачей является — выяснитъ внутреннее содержаніе не только исторіи одного лишь литературнаго развитія, но исторіи всей русской общественной мысли.

Работа изслѣдователя по серьезности затронутаго вопроса, по ширинѣ, съ которой онъ поставленъ, представляетъ громаднѣйшій интересъ. Отмѣтимъ ту схему, по которой разсматриваетъ авторъ исторію русской общественной мысли, тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ анализа процесса ея развитія. Это дастъ возможность сразу опредѣленный и ясный взглядъ на работу, ея значеніе.

Исторія русской общественной мысли, на взглядъ г. Иванова-Разумника, есть въ то же время исторія русской интеллигенціи, такъ какъ она является выразительницей этой мысли. Въ своемъ трудѣ авторъ не старается прослѣдить внѣшнюю фактическую сторону исторіи русской интеллигенціи, а главною своею цѣлью ставитъ выяснитъ внутреннее содержаніе ея, не исторію развертыванія фактовъ, а исторію развитія идей; внѣшней стороны авторъ касается лишь постольку, поскольку это нужно для пониманія зависимости идей отъ фактовъ. Такимъ образомъ, эта работа является не столько исторіей русской интеллигенціи, сколько философией этой исторіи, которую авторъ разсматриваетъ больше съ этической и философской точки зрѣнія, чѣмъ съ обычной историко-культурной. Въ одномъ этомъ уже заключается громаднѣйшій интересъ работы.

Сначала г. Ивановъ-Разумникъ старается, путемъ опредѣленія признаковъ, установить точно понятіе интеллигенціи. Указывая, что отдѣльные интеллигенты существовали уже въ XVI вѣкѣ — Курбскій, Іоаннъ Грозный, Θεодосій Косой, въ XVII вѣкѣ — Матвѣевъ, Котошихинъ, Хворостинъ, въ началѣ XVIII вѣка — Петръ Великій, Татищевъ, Ломоносовъ, авторъ однако не считаетъ возможнымъ говорить о русской интеллигенціи вплоть до середины XVIII вѣка, такъ какъ «отдѣльныя, разрозненныя группы не связаны другъ съ другомъ тѣсною преемственностью — ни логической, ни хронологической». Только съ середины XVIII вѣка, на взглядъ изслѣдователя, русская интеллигенція представляетъ непрерывный рядъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ поколѣній, соединенныхъ одними стремленіями, одной постепенно развивающейся идеей. Въ виду этого авторъ начинаетъ свою работу съ Новикова, Фонвизина, Радищева. Такимъ образомъ, первыми признаками понятія — интеллигенціи г. Ивановъ-Разумникъ выставляетъ — группна и преемственность. Другими признаками онъ считаетъ — внѣсословность и внѣклассовость. Сначала русская интеллигенція была классовой по своему составу, но неклассовой по цѣли и стремленіямъ, но съ 60-хъ годовъ она дѣлается внѣклассовой и по составу. Итакъ, по опредѣленію автора, интеллигенція есть внѣклассовая, внѣсословная, преемственная группа. Она характеризуется, на взглядъ г. Иванова-Разумника, творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ; интеллигентъ это тотъ человѣкъ, который постоянно ищетъ новыхъ путей, стремится къ воплощенію въ дѣйствительной жизни идеала. «Подъ интеллигенціей, — замѣчаетъ изслѣдователь, — вообще говоря, готовы понимать сумму лицъ, характеризуемыхъ опредѣленнымъ уровнемъ знанія; отождествляютъ всякаго «образованнаго» человѣка съ представителемъ интеллигенціи, забывая, что никакіе дипломы не сдѣлаютъ еще сами по себѣ человѣка «интеллигентнымъ»,

Діаметрально противоположнымъ, по мнѣнію автора, является — мѣщанство. Оно тоже — внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа. Характерной ея чертой является отсутствіе творчества, инициативы, ограниченность стремленій, узость идеаловъ. «Мѣщанство, — замѣчаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, — это узость формы, плоскость содержанія и безличность духа, иначе говоря, не имѣя опредѣленнаго міросозерцанія, мѣщанство характеризуется волюнѣ опредѣленнымъ отношеніемъ къ какому бы то ни было содержанію: самое глубокое оно дѣлаетъ самымъ плоскимъ, самое широкое — самымъ узкимъ, рѣзко-индивидуальное и яркое — безличнымъ, тусклымъ».

Борьба этихъ элементовъ — индивидуализма (интеллигенціи) и мѣщанства, — понимаемыхъ въ философскомъ смыслѣ слова, и составляетъ по выводамъ автора сущность исторіи русской интеллигенціи. «Мѣщанство, — говоритъ онъ, — было тѣмъ фономъ, на которомъ и въ борьбѣ съ которымъ шло впередъ развитіе русской интеллигенціи; эта борьба велась во имя личности и во имя индивидуальности». На всемъ протяженіи своего труда г. Ивановъ-Разумникъ старается раскрыть содержаніе исторіи русской интеллигенціи и подтвердить на анализѣ міросозерцаній наиболѣе видныхъ представителей тѣхъ или другихъ эпохъ развитія общественной мысли намѣченныя положенія.

Есть въ книгѣ, — да этого и не можетъ не быть въ такой сложной работѣ, — мысли, съ которыми можно не согласиться, оспаривать ихъ, но отдѣльная субъективная оцѣнка того или иного явленія, дѣятеля не имѣетъ большого значенія: важнее лишь общій выводъ, тотъ базисъ, на которомъ строить свой трудъ авторъ. А въ этомъ отношеніи нельзя не признать удачности схемы г. Пванова-Разумника. Идея о борьбѣ въ общественной жизни двухъ началъ—индивидуализма и мѣщанства—въ этико-философскомъ значеніи слова не нова: ее высказывалъ еще Герценъ, она указана уже многими изслѣдователями, намѣчена во многихъ работахъ. Но авторъ далъ этой идеѣ строго-формулированное опредѣленіе, развилъ ее, разсмотрѣлъ съ опредѣленной точки зрѣнія весь ходъ развитія общественной мысли. Его работа представляетъ большой интересъ, являясь первымъ опытомъ подробнаго обозрѣнія исторіи русской интеллигенціи, первой попыткой философіи этой исторіи.

А. Фоминъ.

Проф. Іованъ Цвичъ. Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ (sic). 1906.

Загляните въ любой каталогъ книгъ—будетъ ли это каталогъ систематическій, съ долей научности, или просто изданный съ цѣлями коммерческими,—и самымъ бѣднымъ отдѣломъ окажется отдѣлъ славянскій. Это печальное наблюденіе, особенно печальное для тѣхъ, кому дороги интересы славянства, заставляетъ рецензента относиться очень снисходительно ко всякой новой книгѣ, посвященной славянамъ, и останавливаться на хорошихъ сторонахъ ее. Таковъ, на примѣръ, переводъ статей бѣлградскаго профессора І. Цвичя, появившихся на русскомъ языкѣ подъ общимъ заглавіемъ «Македонскіе славяне».

Если припомнимъ, что споръ изъ-за Македоніи продолжается до нашихъ дней, что каждый почти день изъ этой злосчастной страны идутъ скорбныя вѣсти о братоубійственной враждѣ народовъ, населяющихъ Македонію, что болгары, сербы, румыны и греки всеми «дозволенными» или же болѣе реальными средствами стараются доказать свое единственное право на обладаніе этой турецкой провинціей,—то интересъ къ предмету разбираемой книги получается полный. И если въ результатъ чтенія симпатіи читателя окажутся на сторонѣ сербовъ, то онъ въ правѣ назвать книгу, какъ ему угодно: мало-научной, тенденціозной, быть можетъ, шовинистической и т. д.,—это все равно. Для насъ лично важны лишь факты, тѣ факты, которыми авторъ (а иногда переводчикъ) пользуется для доказательства основной мысли, что въ Македоніи живутъ, въ сущности, не болгары и не сербы, а «македонскіе славяне». Конечно, сербская точка зрѣнія проглядываетъ на каждомъ шагѣ, и мы, повторяемъ, не можемъ винить автора прежде всего потому, что онъ—сербъ. Даже при всемъ его желаніи (онъ не разъ подчеркиваетъ это) оставаться безпристрастнымъ историкомъ-этнографомъ,—все время чувствуетея, что читатель еще далеко отъ истины.

Между тѣмъ факты такъ интересны.

Проф. Цвингъ доказываетъ, что названіе «бугаринъ», которымъ называютъ себя славяне Македоніи, никоимъ образомъ не можетъ говорить о принадлежности ихъ къ болгарамъ; что терминъ «бугаринъ» опредѣляетъ лишь спеціальное, лишь экономическое положеніе извѣстнаго лица: «бугаринъ» значитъ человекъ, ведущій простой образъ жизни, крестьянинъ, селянинъ и т. п. Далѣе онъ говоритъ, что у македонскихъ славянъ совсѣмъ нѣтъ національнаго самосознанія, и оно легко можетъ вызваться и затѣмъ обратиться въ сторону тѣхъ, кто обѣщаетъ имъ реальную пользу, помощь въ ихъ надеждѣ на освобожденіе отъ турецкаго владычества. Что наблюдается теперь, — всегда было и въ старину. Поэтому профессоръ I. Цвингъ рисуетъ слѣдующую картину въ смѣнѣ разныхъ этническихъ названій въ прошломъ Македоніи. «Тѣ славянскія племена, которыя пришли въ Македонію въ эпоху переселенія народовъ, византійскіе писатели называли просто славянами, а ихъ страну иногда — Словеніей (Македонія). Во время болгарскаго владычества, особенно въ періодъ усиленія болгарскаго могущества при царѣ Симеонѣ, въ X вѣкѣ, македонскіе славяне, въ силу политическихъ условій, именовались болгарами, а ихъ страна — Болгаріей. Безъ сомнѣнія, это политическое имя началъ принимать и народъ, какъ это бываетъ и теперь въ подобныхъ случаяхъ. Позднѣе, въ XIII столѣтіи, Македонію заняли сербы. Есть много свидѣтельствъ въ пользу того, что славянскія племена, жившія около Скопья, Куманова, Тетова, въ Порчьѣ, — и до сербскаго завоеванія этнически были болѣе близки къ сербамъ, чѣмъ къ какому-либо другому народу. И въ настоящее время населеніе этихъ мѣстностей, по своимъ этнографическимъ и лингвистическимъ особенностямъ, ближе къ сербамъ, хотя уже замѣтно и нѣкоторое болгарское вліяніе. Съ XIII вѣка эта область была подъ властью сербовъ, а затѣмъ, въ періодъ турецкаго владычества, до 1767 г. входила въ составъ сербской пещкой патриархіи. Хотя еще съ 1871 г. здѣсь допущена (?) болгарская церковь, но все-таки до 1898 г. жители боролись противъ Турціи, какъ сербы, и просили Берлинскій конгрессъ присоединить ихъ къ Сербіи».

Авторъ имѣлъ возможность воспользоваться неизданными памятниками сербской шешменности, до появленія ихъ въ печати подъ редакціей Л. Ковачевича, и пришелъ къ тому выводу, что со времени сербскаго владычества славяне въ коренной Македоніи стали именоваться сербами, а политическое названіе «бугаринъ» скоро совсѣмъ вывелось. Въ царствованіе Милутина оно упоминается только одинъ разъ, рядомъ съ именами сербовъ и грековъ, а при Душанѣ исчезаетъ совсѣмъ. Въ «Закопникѣ» царя Душана упоминаются сербы, греки, валахи, албанцы и сасы, но нѣтъ ни одного слова о болгаряхъ. Между тѣмъ «Закопникъ» этотъ былъ утвержденъ на соборахъ въ Скопѣ (1349 г.) и Сересѣ (1354) и имѣлъ громадное значеніе для всего Душанова царства, простиравшагося отъ Дуная до южной границы Тессаліи. Во всѣхъ указахъ этого времени, касающихся македонскихъ областей, упоминаются сербы, греки, валахи, албанцы — и совсѣмъ не встрѣчается имени болгаръ. Императоръ византійскій Кантакузенъ, воевавшій въ Македоніи сначала съ царемъ Иоанномъ и царицей Анной, а затѣмъ съ Душаномъ, во многихъ мѣстахъ упоминаетъ о сербахъ. Такъ, онъ говоритъ о сербскихъ кре-

стьянахъ около Philippi и около города Пресѣка; а Хрелю, Душанова воеводу, который управлялъ Струмичей и Петричемъ и былъ македонскаго происхожденія, — называють сербомъ. Затѣмъ, послѣ смерти Душана, въ царствованіе его сына Уроша, когда нѣкоторые македонскіе воеводы отложились и образовали отдѣльныя государства, напримѣръ, король Вукашинъ — въ западной, а Деяновичи и Углена — въ восточной Македоніи, — то себя и своихъ солдатъ-македонцевъ они называли сербами. Въ концѣ XIV вѣка въ Македоніи вездѣ преобладало названіе «сербъ».

Затѣмъ слѣдуетъ такая же картина для слѣдующихъ вѣковъ, кончая основаніемъ въ 1871 г. болгарскаго экзархата и современной намъ болгарской, отчасти сербской пропагандой въ Македоніи.

Послѣднія двѣ главы («Этнографическія карты» и «Статистическія данныя») должны убѣдить читателей, что предшествующіе ученые не имѣли достаточныхъ данныхъ для того, чтобы считать Македонію «болгарской» страной. А такъ какъ почти никакихъ данныхъ не существуетъ для того, чтобы считать ее «сербской», — авторъ примиряется съ мыслью, что македонскіе славяне составляютъ особую этническую единицу.

А. Яцимирскій.

Н. Я. Новомбергскій. I. Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. II. Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. III. Колдовство въ Московской Руси XVII столѣтія. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Т. III, ч. I. Спб. 1906. VI. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906.

Н. Я. Новомбергскій съ необычайной энергіей и съ большимъ пониманіемъ дѣла собралъ, обследовалъ и опубликовалъ весьма богатые матеріалы по исторіи врачебнаго дѣла въ Россіи. Какъ извѣстно, до сихъ поръ настольной книгой для всѣхъ, кто интересовался исторіей у насъ медицины, служилъ трудъ покойнаго Рихтера: «Исторія медицины». Въ настоящее же время на первый планъ выступили уже труды г. Новомбергскаго по указанному предмету. Матеріалы для своихъ работъ авторъ извлекъ изъ московскихъ и др. архивовъ.

Содержаніемъ первой изъ названныхъ книгъ Н. Я. Новомбергскаго служатъ: вѣроятное происхожденіе врачебной экспертизы, ея казуистика и развитіе подъ вліяніемъ заботъ о предохраненіи царской семьи и войска отъ заразныхъ болѣзней; врачебная экспертиза по поводу кореньевъ и травъ, и осмотры ратныхъ людей; врачебная экспертиза по дѣламъ судебнымъ.

Въ составъ содержанія второй книги входятъ: свидѣтельства лѣтописей объ изоляціи зараженныхъ мѣстъ посредствомъ заставъ, костровъ и оцѣпленій; погребеніе умершихъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ и питьевыхъ водъ; установленіе смертной казни за прорывъ карантинной линіи; мѣропріятія противъ эпизоотій; религіозныя процессіи и покаянныя посты; усиленіе системы заѣкъ и переноска съ зараженными мѣстами; собраніе свѣдѣній объ эпидеміи и снятіе заставъ; приемы дезинфекціи; обезпеченіе продовольствіемъ находя-

щихся внутри карантина и специальныя средства противъ заразы; общая оцѣнка основъ борьбы.

Содержаніе второго тома: «Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи»: Былъ ли реформированъ въ 1672 г. аптекарскій приказъ въ аптекарскую палату? Связь аптекарскаго приказа съ другими приказами; роскошь приказнаго помѣщенія и царской аптеки; вышесываніе лекарствъ изъ-за границы (комиссіонеры) и покупка ихъ на внутреннемъ рынкѣ; дѣятельность травниковъ, что и какъ они собирали, надзоръ за ихъ дѣятельностью; производство настоекъ и духовъ; акклиматизація растений; снабж. ніе лекарствами полковыхъ аптекъ и порядокъ пользования ими; лекарскій персоналъ и выписка лекарей изъ-за границы; снабженіе военно-полковыхъ частей медицинскимъ персоналомъ; оцѣнка мѣропріятіи Петра I по выискѣ врачей; пріѣзды иноземныхъ специалистовъ, путевой кормъ, подводы, подарки и пожалованія; особый судъ и финансовыя льготы; опасныя, профѣзжія и свидѣтельствованныя грамоты; характеристика научной подготовки иноземныхъ врачей; подготовка русскихъ лекарей; школа лекарей въ Москвѣ въ 1654 г. и составъ ея учениковъ; практика лекарей и обращеніе къ нимъ духовныхъ; бесплатное леченіе; врачебная экспертиза; борьба съ эпидеміями; покаянные посты; карантинныя; попытка учета смертности; провѣдыванія (объ эпидеміи и политическія).

Въ первой части третьяго тома своихъ «Матеріаловъ» г. Новомбергскій излагаетъ господствующій взглядъ на положеніе колдовства въ Россіи, критикуетъ его, приводитъ частныя и общіе указы о запрещеніи колдовства, говоритъ о ссылкѣ и сожженіи колдуновъ. Въ той же книгѣ содержатся: казуистика процессовъ о вѣдовствѣ; вчинаніе процессовъ изъ личной неприязни, изъ матеріальныхъ выгодъ, изъ мести, обвиненіе въ порчѣ гостями хозяевъ, обвиненіе встѣдствіе похвальбы и угрозъ; дѣла объ учиненіи сконцомъ, объ отнятіи совокупленія, о приставливаніи килъ и грызъ; розыски волшебныхъ травъ и кореньевъ; вѣдовскія дѣла, возникавшія на почвѣ домашнихъ отношеній; вчинаніе вѣдовскихъ дѣлъ жителей цѣлыхъ мѣстностей должностными лицами ex-officio; значеніе этихъ матеріаловъ для историка медицины; черты процесса: публичный характеръ обвиненія, свидѣтельскія показанія, выемки, осмотры, новальный сыскъ, пытки, ихъ способы и послѣдствія; правосознаніе тогда и теперь.

Всѣ четыре книги составлены весьма интересно; изслѣдованія же автора прекрасно вводятъ читателя во всестороннее пониманіе приложенныхъ матеріаловъ. Языкъ у автора простой, ясный. Г. Новомбергскій говоритъ толково и послѣдовательно только о своемъ предметѣ, не отвлекаясь посторонними предметами (какъ это нерѣдко видимъ мы у современныхъ писателей).

Во всѣхъ книгахъ г. Новомбергскаго масса совершенно новыхъ и весьма курьезныхъ свѣдѣній, важныхъ не только для историка медицины въ Россіи, но и для лицъ, изучающихъ бытъ русскаго народа по намятникамъ племенинымъ, словеснымъ и вещественнымъ.

Для примѣра сдѣлаемъ нѣсколько замѣтованій хотя бы изъ послѣдней книги. Въ архивныхъ документахъ г. Новомбергскому удалось найти не мало

старинныхъ заговоровъ, наговоровъ, стиховъ и проч. Вотъ, наиримѣрь, кильный стихъ: «На морѣ-окіанѣ, на островѣ Буяніѣ стоитъ сырѣ-дубѣ крѣпковистѣ, на дубѣ сидитъ чернѣ воронѣ, во рту держитъ пузырь, и слетаетъ съ дуба на море, а самъ говоритъ: «ты, пузырь, наливайся, а ты, кила, у него развѣшайся». А ключѣ-де тому стиху, «какъ та птица воду пьетъ, а сама дуется, такъ бы того кила дулася по всякъ день и по всякъ часъ отъ ея приговору». Приворотныя слова: «какъ люди смотрятся въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся; а мыло сколь борзо смывается, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка какова на тѣлѣ была, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ». Заговоръ противъ жабы: «святый ангель-хранитель, умири и цецѣли у того имянемъ, у кого прилучится, болѣзнь сію». Одна знахарка во время пытки показала: «у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людямъ наговариваетъ на медь, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама наговариваетъ: «какъ-де пчелы ярыя роются да слетаются, такъ бы-де къ тѣмъ торговымъ людямъ для ихъ товаровъ кунцы сходилше». Она же совѣтовала женщинамъ ѣсть хлѣбъ съ солью и умываться мыломъ. Надъ хлѣбомъ съ солью она напентывала: «какъ-де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы-де мужъ жену любить»; а надъ мыломъ: «сколь-де скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь бы-де скоро мужъ жену полюбилъ». Та же жена тѣмъ, у кого случится сердечная болѣзнь или лихорадка или иная какая внутренняя болѣзнь, давала вино, чеснокъ и укусуе съ наговоромъ: «утѣши самъ Христосъ въ человекѣ болѣзнь сію, да Уваръ, да Христовъ [вѣроятно, Христофоръ] мученикъ, да Іоаннъ Креститель, Михаилъ Архангелъ, да Тихонъ святой». Слѣзная Дунька подъ пыткой созналась, что она «на брюха, у кого что пронадегъ, смотреть; а на кого скажутъ невѣрку, и она, посмотря на сердце, узнаетъ, потому что у него сердце трепещетъ». Женка Феулица показала, что она «грыжи людямъ уговариваетъ, а наговариваетъ на громовую стрѣлку, да на медвѣжьей ногу, да съ тою стрѣлки и съ ногтя дасть шить воду, а приговариваючи, говоритъ: «какъ-де ей старой женкѣ дѣтей не разивать, такъ бы-де у кого та грижа, и болѣзни не было».

Одна вѣдунья такъ испортила однажды «молодыхъ». Когда нѣкто Федука Филипповъ, «пріѣхавъ отъ вѣнчанья, пошелъ съ невѣстою въ клѣтъ по лѣбстницѣ, и та-де Дарыща [родуныя] зажгла лучину и тотъ лучъ подкинула подъ Федуку и подъ его невѣсту, подъ лѣбстницу, а подкиня стала, на тотъ лучъ, поднимъ фостъ, спать». Нѣкій Семень Борисъ, вынвивши браги, «новалился на улицѣ, а Некрасова жена, Дарыща, пришедъ и поднявши постанья, накрыла ему, Сенькѣ, фостомъ глаза, и съ тѣхъ-де мѣсть у него глаза болятъ, и стать киловать». Съ другой стороны, Сенька былъ хорошимъ лекаремъ для пепорченныхъ, онъ лечилъ простымъ средствомъ—чеснокомъ. Такъ, однажды, далъ онъ пепорченнымъ «по три зуба чесноку и велѣтъ имъ ѣсть. И тѣ Федоровы люди отъ того цецѣлѣли».

Вѣдмъ у насъ сжигали на кострахъ. Процессы о вѣдмахъ въ Россіи, говоритъ г. Новомбергскій, протекали съ такою же жестокостію, какъ и на Западѣ: къ этимъ процессамъ правительственная власть Московскаго государства привлекалась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ и протестантскихъ стра-

нахъ. Здѣсь разница лишь въ масштабѣ дѣятельности, а не въ существѣ ея. Еще можно добавитъ, что оригинальною чертою русской исторіи является отсутствіе демонологіи, религіозно-философскаго ученія о вѣдьмахъ, развившагося на Западѣ въ нѣдрахъ схоластики, подъ влияніемъ изученія памятниковъ классической древности и нѣкоторыхъ, до настоящаго времени еще не устраненныхъ, элементовъ язычества въ церковномъ христіанствѣ.

Приватъ-доцентъ А. Н — скій.

Куропаткинъ. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. В. А. Спб. 1907.

Небольшая брошюра подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ собою первую сводку сырого матеріала, въ обліи появившагося въ печати въ теченіе войны въ видѣ летучихъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій. Авторъ этой книжки, какъ официальный корреспондентъ официальной газеты, былъ поставленъ въ довольно благоприятныя условія относительно свѣдѣній о ходѣ событій и о характерѣ дѣйствующихъ лицъ: онъ былъ близокъ къ главной квартирѣ и къ сотрудникамъ ген. Куропаткина, такъ что могъ получать свѣдѣнія о немъ отъ близкихъ къ нему лицъ, такъ сказать, изъ первоисточника.

Фактическаго матеріала въ брошюрѣ весьма немного, да это и не входило въ задачу автора. «Душа бойцовъ, душа вождей, проявляющаяся въ мелочахъ повседневной жизни и рѣдко и трудно запечатлѣвающаяся въ документахъ, ускользаетъ, какъ всегда, отъ вниманія официальныхъ историковъ. Поэтому я,—говоритъ авторъ,—позволилъ себѣ собрать въ этой книгѣ все, что знать о человѣкѣ, который олицетворялъ душу, умъ и волю русской арміи въ эту несчастную войну съ Японіей».

Въ этихъ сведенныхъ вмѣстѣ впечатлѣніяхъ автора, конечно, много субъективнаго, и они не даютъ матеріала для полной оцѣнки дѣятельности командовавшаго манчжурской арміей; такая оцѣнка наступитъ послѣ спокойнаго и разносторонняго изслѣдованія весьма сложныхъ данныхъ, обусловившихъ собою печальный исходъ войны и требуетъ нѣкотораго удаленія отъ современности для полученія необходимой исторической перспективы. Критическая оцѣнка покажетъ, конечно, что исходъ событій зависѣлъ не отъ одного лица, а отъ совокупности многихъ, идущихъ весьма издалека обстоятельствъ, касающихся не только жизни арміи, но и жизни всей страны.

Тѣмъ не менѣе, характеристика Куропаткина, сдѣланная г. В. А., хотя и нѣсколько односторонняя, но написанная живо, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, будетъ имѣть свою цѣнность для будущаго историка. Авторъ начинается съ назначенія Куропаткина командующимъ манчжурской арміей и съ сформированія имъ громаднаго штаба, затѣмъ переходитъ къ прибытію Куропаткина къ арміи, описываетъ отношенія его къ войскамъ и къ командующему персоналу, указываетъ на тотчасъ же возникшія разногласія между наместникомъ и командующимъ арміею, описываетъ роль Куропаткина въ бояхъ подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Дашичао, Лаояномъ, Шахе и Мукденомъ. Въ

особенности ярко рисуетъ авторъ настроеніе войскъ подъ Лаояномъ. «Всѣ были убѣждены, что Лаоянь, эта столица манчжурской арміи, этотъ обнесенный оградой фортовъ пунктъ, подъ которымъ съ самаго начала войны всѣ ждали, какъ праздника, рѣшительнаго генеральнаго сраженія и вѣрили всѣ, до послѣдняго солдата, что отдать его японцамъ нельзя... И если что еще поддерживало духъ войскъ, угашаемый рядомъ отступленій, такъ это именно сближеніе съ Лаояномъ, ожиданіе боя подъ нимъ и вѣра въ побѣду, послѣ которой пойдѣмъ впередъ». Всѣ были въ повышенномъ, радостномъ настроеніи и даже раненые, обычные рассказы которыхъ о томъ, что «почитай все пропало», были совсѣмъ другіе. «Масса раненыхъ, встрѣченныхъ мною, — говоритъ авторъ, — въ эти дни при объѣздѣ позицій 1-го, 3-го и 10-го корпусовъ, поражали своимъ спокойствіемъ, своимъ самоотверженіемъ. Очень охотно, съ большимъ одушевленіемъ, они рассказывали объ обстоятельствахъ боя, радуясь, что все идетъ отлично, что мы удержимся, что мы погонимъ на этотъ разъ японцевъ».

— Это ничего, что меня ранило, говорили другіе, нашихъ еще много осталось... ато ужъ сегодня наша взяла... Наворотимъ!.. Легко раненые не хотѣли уходить. Другіе тащились и ковыляли сами, не позволяя товарищамъ себя провожать». Описывая настроеніе войскъ во время Лаоянской битвы, г. В. А. говоритъ, что оно создавало атмосферу героизма, стремленіе къ самоотверженію, и одно воспоминаніе о прожитыхъ дняхъ вызываетъ непривычное волненіе, смѣшанное «съ негодованіемъ противъ тѣхъ, которые ничего этого не видѣли и не слышали».

Какъ сказано выше, нельзя, конечно, дать оцѣнку главнокомандующему на основаніи впечатлѣній очевидца; тѣмъ не менѣе, въ брошюрѣ г. В. А., также какъ и во многихъ другихъ корреспонденціяхъ и этюдахъ о послѣдней войнѣ, есть указанія на безспорные недочеты и промахи Куропаткина. Громадный, слиткомъ широко обставленный штабъ, пополненный совершенно случайно попавшимися подъ руку людьми, показать, во-первыхъ, не только отсутствіе фактической подготовки къ войнѣ, но и полную несостоятельность подготовки бумажной, которая должна существовать въ каждой порядочной арміи; во-вторыхъ, этотъ штабъ далъ тонъ и тонъ дурной на всю кампанію. Можно безошибочно сказать, что если бы былъ назначенъ главнокомандующимъ кто-нибудь другой, хотя бы, напр., больной Драгомировъ, который по своему здоровью могъ бы выдержать лишь нѣсколько мѣсяцевъ кампаніи, то все-таки тонъ и настроеніе штаба арміи были бы нѣсколько иные, болѣе спартанскіе и болѣе напоминающіе о тягости и серьезности предстоящаго дѣла, чѣмъ о мирномъ пребываніи въ тылу арміи. Эти первые шаги и первыя впечатлѣнія сказываются потомъ въ теченіе всей кампаніи. Такой же упрекъ можно поставить Куропаткину и относительно невозможнаго перемѣшиванія частей, частой перетасовки командующихъ отдѣльными отрядами, попытокъ къ управленію боемъ и внимательства въ дѣйствія частныхъ, иногда совсѣмъ мелкихъ начальниковъ и проч. Нельзя не удивляться, какъ Куропаткинъ, безъ сомнѣнія, отлично знавшій всѣ эти элементарныя указанія военной науки, могъ, такъ сказать, ежечасно отъ нихъ отступать и ихъ игнорировать. Нельзя, однако, строго относиться къ нерѣшительности Куропаткина и неспособности его довести

дѣло до конца—это дѣло исключительныхъ натуръ, одаренныхъ свыше, и нельзя требовать того, чего данная натура дать не можетъ. Quod licet Iovi non licet bovi.

Къ числу субъективныхъ и необоснованныхъ заключеній автора надо отнести указаніе его на отсутствіе въ Куропаткинѣ «истинной безкорыстной любви къ солдату». Если любовь должна выражаться дѣлами, то со стороны Куропаткина дѣлаемо было все что возможно для солдата; забота о немъ, о всѣхъ подробностяхъ его жизни на походѣ и въ бою составляетъ не только общее мѣсто въ оцѣнкѣ Куропаткина, но есть неопровержимый фактъ, выразившійся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ солдата къ главнокомандующему, что подтверждается всѣми участниками войны. Дать же оцѣнку другой любви, т. е. извѣстному душевному состоянію Куропаткина, слишкомъ трудно, слишкомъ много будетъ въ этой оцѣнкѣ гадательнаго и фантастичнаго.

Вообще брошюра написана живо, хорошимъ литературнымъ языкомъ и картинно и правдиво рисуетъ нѣкоторые эпизоды войны. Вотъ какъ описанъ у автора одинъ изъ «сѣрыхъ»: «Ночь была холодная, особенно подъ утро. Земля промерзла, но снѣгу не было. Одѣтъ онъ (рядовой Петровскаго полка Локтевъ) былъ, по собственному его выраженію, въ «лѣтніе сапоги», т. е. кожаные, съ бумазейными портянками, въ ватные штаны, въ куртку съ овчиной до колѣнъ и шинель; на головѣ фуражка. «Папахи и то не у всѣхъ, объясняетъ онъ мнѣ, а валенокъ еще меньше. Въ ротѣ насъ 140 человекъ—а валенокъ всего 35 паръ». Въ 2 часа ночи въ такомъ костюмѣ онъ былъ поставленъ подчаскомъ, пробылъ имъ 2 часа, а затѣмъ сталъ на 2 часа часовымъ. Слѣнился въ 6 ч. утра, пробывъ такимъ образомъ безслѣнно наготовѣ четыре часа. Посты обходились ротнымъ и батальоннымъ командирами, но Локтевъ имъ ни на что не жаловался, и только тогда, когда онъ съ поста слѣнился, почувствовать, что «перстовъ какъ бы нѣтъ». Пошелъ—болжно. Сняли сапоги, ротный командиръ осмотрѣлъ ноги, покачалъ головой и велѣлъ отправить въ госпиталь. Онъ говорилъ все это спокойно, безъ раздраженія и его добродушное лицо съ рыжеватой клочковатой бородой и сѣрыми глазами освѣтилось дѣтски наивной улыбкой, когда сопровождавшая меня сестра милосердія громко выразила недоумѣніе, что человекъ въ «лѣтнихъ сапогахъ» заставили зимою простоять на одномъ мѣстѣ четыре часа. — «Нѣтъ, милая, валенокъ, и нѣтъ, отвѣчать Локтевъ. Откуда же ихъ взять».

Такихъ теплыхъ картинокъ съ натуры въ брошюрѣ немало.

Н. Л.

Нелидовъ, Ѳ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

Ч. I. Москва. 1906.

Авторъ этого труда поставилъ своею цѣлью дать популярный обзоръ русской литературы за XIX вѣкъ. Вышедшая первая часть обнимаетъ собою время отъ Екатерины II до 40-хъ годъ въ прошлаго столѣтія. «Въ наше изложеніе особенностей русской литературной исторіи,—говоритъ г. Нелидовъ,—мы не вносили ничего личнаго. Мы пользовались трудами академиковъ: Булаева

Тихонравова, Пыпина, Веселовскаго и другихъ русскихъ ученыхъ. Вездѣ мы старались указывать вѣрную, установившуюся въ наукѣ точку зрѣнія, какъ на цѣлыя литературные періоды, такъ и на отдѣльныя произведенія нашей старой и новой словесности». Такимъ образомъ, работа автора, по своему существу, является компилятивною, но это, конечно, не можетъ уменьшить ея значенія, какъ популярнаго труда. Мы имѣемъ рядъ солидныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, монографій по исторіи русской литературы. Знакомство съ ними для средняго читателя очень затруднительно, многія изъ нихъ представляютъ серьезные научные труды, прочтеніе которыхъ требуетъ переработки, синтеза, чѣмъ не обладаетъ всякій читатель. Между тѣмъ, популярнаго изложенія исторіи новой русской литературы, стоящаго на высотѣ современныхъ знаній, хорошо обобщающаго все имѣющееся въ научной литературѣ, у насъ не было. Работа г. Нелидова и представляетъ въ этомъ отношеніи первую попытку болѣе или менѣе удачную. Авторъ постарался обобщить все важное изъ выводовъ и изслѣдованій различныхъ ученыхъ и представить исторію русской литературы XIX вѣка въ связи съ исторіей общественности и образованности. Это обстоятельство является достоинствомъ работы г. Нелидова. Исторію русской литературы нельзя изучать и понять безъ изученія общественныхъ условій тѣхъ эпохъ, подъ влияніемъ которыхъ создавались тѣ или иные литературныя теченія, отдѣльныя произведенія.

Но, имѣя въ цѣломъ извѣстное достоинство и значеніе, трудъ въ частностяхъ имѣетъ недостатки и промахи. Объявляя въ предисловіи, что онъ старался «указать вѣрную, установившуюся въ наукѣ точку зрѣнія», авторъ иногда высказываетъ мысли не только не согласныя съ выводами современной науки, но и противорѣчащія его основному взгляду. Такъ, на страницѣ 4, г. Нелидовъ утверждаетъ, что XIII—XVI вѣка «представляются временемъ полнаго застоя. Многіе серьезные изслѣдователи нашей старинной письменности справедливо отказываютъ ей въ какомъ бы то ни было развитіи». Такое мнѣніе противорѣчитъ основному взгляду автора на исторію нашей литературы, какъ на одно цѣлое, непрерывно развивающееся, прогрессирующее. Разъ авторъ признаетъ этотъ взглядъ, то онъ себя противорѣчитъ, высказывая приведенное нами мнѣніе, такъ какъ въ жизни интеллектуальной и общественной, если ее разсматривать, какъ непрерывную эволюцію, нельзя найти ни одного такого періода, когда былъ бы полный застой: иначе развитіе прекратилось бы и съ новой эпохой началось бы съ первыхъ шаговъ. Въ извѣстное время развитіе можетъ выступать и обнаруживаться не такъ ярко, какъ въ другіе моменты, но, тѣмъ не менѣе, оно движется, жизнь идетъ впередъ. Указанныя авторомъ эпохи нельзя признать временемъ полнаго застоя, жизнь двигалась и тогда, только медленно, тихо. Что же касается утвержденія г. Нелидова, что такъ смотрятъ ученые, то замѣтимъ, что прежде, дѣйствительно, смотрѣли на старину, какъ на нѣчто совершенно неподвижное, мертвое, но теперь выдвинута эволюціонная теорія, и взглядъ этотъ достаточно устарѣлъ и мы не знаемъ теперь «серьезныхъ» изслѣдователей, проповѣдывающихъ подобныя мнѣнія.

Съ такимъ же одностороннимъ взглядомъ встрѣчаемся мы и въ характеристикѣ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка. «Оно (т.-е. это время),—говоритъ

авторъ, — отличается политическимъ индифферентизмомъ, равнодушiемъ къ общественнымъ дѣламъ, общей вялостью, апатiей. Это была реакція противъ идеаловъ предшествующей эпохи»... Авторъ забываетъ, что и въ эти годы общественная мысль работала лихорадочно, и что если значительная часть общества и впала въ апатiю, то, въ то же время, много силъ работало страстно надъ созданиемъ новыхъ формъ, искало новыхъ путей, какъ въ области искусства, такъ и въ области общественно-соціальныхъ ученiй.

Кромѣ взглядовъ ненаучныхъ и одностороннихъ, попадаются и взгляды, противорѣчащiе здравому смыслу. Указывая, напримѣръ, что мало прочитати произведенiя тѣхъ или иныхъ писателей, а надо еще быть знакомымъ съ исторiей литературы, чтобы ихъ произведенiя предстали, какъ продуктъ извѣстныхъ историческихъ условiй, г. Нелидовъ говоритъ, что читатель, не знающiй исторiи литературы, въ большинствѣ случаевъ, «не можетъ отнестись спокойно къ проводимымъ новѣйшими писателями идеямъ. А талантъ писателя дѣйствуетъ на него иногда такъ сильно, что онъ теряетъ всякую способность самостоятельно размышлять, задаваться какими бы то ни было вопросами и, предаваясь безотчетнымъ восторгамъ, послушно идетъ за нимъ въ данномъ направленiи». Мы отказываемся понять, какъ можетъ талантъ писателя такъ дѣйствовать на читателя, что онъ «теряетъ всякую способность самостоятельно размышлять, задаваться какими бы то ни было вопросами». Если даже читатель и незнакомъ съ исторiей литературы, то разъ онъ имѣетъ хоть какiе-нибудь взгляды, міросозерцанiе, онъ не пойдетъ слѣпо за писателемъ, чтенiе его произведенiя заставитъ призадуматься надъ своими взглядами, переработать ихъ, а не слѣпо слѣдовать за чужимъ словомъ. Такъ могутъ поступать только люди безъ всякаго личнаго душевнаго содержанiя.

Стремленiе быть какъ можно популярнѣе приводитъ автора иногда къ тому, что онъ высказываетъ такiя элементарныя истины, которыя извѣстны теперь даже самому среднему читателю, вродѣ того, что «значенiе поэтическаго произведенiя, главная его сила заключается вовсе не въ хитро придуманной завязкѣ или развязкѣ, не въ сложности и запутанности обстоятельствъ, введенныхъ въ него» и т. д.

Но, указывая недостатки и промахи автора, мы не желаемъ затемнить достоинства его труда въ цѣломъ. Несмотря на недочеты, трудъ этотъ заслуживаетъ вниманiя, какъ попытка изобразить популярно исторiю русской литературы XIX вѣка. Главное достоинство, какъ мы указали выше, заключается въ томъ, что г. Нелидовъ разсматриваетъ исторiю русской литературы въ связи съ исторiей общественныхъ теченiй и настроенiй, и, такимъ образомъ, читатель получаетъ представленiе о всемъ ходѣ умственнаго развитiя русскаго общества въ XIX вѣкѣ.

А. Фоминъ.

Сиповскiй, В. В. Исторiя литературы, какъ наука. Изданiе т-ва Вольфъ. Спб. 1906.

Исторiя литературы одна изъ самыхъ, можно сказать, неопредѣленныхъ наукъ, хотя считается за собою столѣтнюю давность. Другiя науки, имѣя «истор. вѣстн.», февраль, 1907 г., т. сѣт.

столь продолжительный періодъ существованія, успѣли не только разработать свои методы, но и опредѣлить свои границы. Исторія же литературы до сихъ поръ точно не установила свои предѣлы. До сихъ поръ еще точно не установлено, чтѣ же слѣдуетъ разумѣть подѣ «литературой». Одни опредѣляютъ «литературу» такъ: «литература, или словесность, есть совокупность произведеній человѣческаго слова», другіе нѣсколько суживаютъ это понятіе и говорятъ, что подѣ «литературой» слѣдуетъ разумѣть только то изъ совокупности произведеній человѣческаго слова, что записано, исходя изъ того, что слово «литература» взято изъ латинскаго языка, гдѣ оно обозначаетъ букву, письмо и вообще какое-либо письменное произведеніе. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, понятіе «литературы» все же обширно и неопредѣленно. Такая неопредѣленность происходитъ потому, что «литература», какъ и жизнь, подвержена эволюціи; сообразно съ этимъ, и требованія, предъявляемыя къ ней въ разные періоды ея существованія, бываютъ иныя. Поэтому гораздо легче дать опредѣленіе термину «литература» за какой-нибудь одинъ періодъ, чѣмъ за все время ея существованія. Если, напримѣръ, легко дать опредѣленіе «русской литературѣ», хотя бы послѣ-Гоголевской, то не такъ просто это сдѣлать, если давать опредѣленіе ей за ея тысячелѣтній періодъ, ибо очень трудно вложить въ однѣ и тѣ же рамки, съ одной стороны, «Слово о вѣрѣ латинской» преп. Феодосія и «Домострой» Сильвестра (вѣдь не причислимъ же мы теперь книгу «Хорошій тонъ» къ числу литературныхъ произведеній), съ другой—поэмы Пушкина, положимъ, и произведенія современныхъ писателей. Опредѣленіе «литературы», какъ таковой, г. Сиповскаго тоже нельзя отнести къ числу такихъ, которыя не требуютъ корректива. Впрочемъ, авторъ и самъ не считаетъ его за окончательное: «Я, — говоритъ онъ, — отнюдь не считаю свое опредѣленіе наиболѣе удачнымъ, но думаю, что въ немъ можно найти примиреніе «чистой» поэзіи съ «тенденціозной». Тѣмъ не менѣе, книжечка г. Сиповскаго заслуживаетъ вниманія русской читающей публики, ибо она есть сводъ всего, что говорилось и писалось учеными о «литературѣ» и «исторіи литературы» вплоть до нашего времени; написана книжечка живымъ, популярнымъ языкомъ, и стоитъ недорого (30 к.).

Я. Вирюковъ.

Вл. Череванскій. Исчезнувшее царство (эпоха Семирамиды). Историческая монографія. 2 тома. Спб. 1906.

Монументальный трудъ г. Череванскаго посвященъ исторіи, или, точнѣе сказать, исторіи культуры Ассиро-Вавилонскаго царства въ любопытнѣйшую эпоху ея существованія, когда она достигла высшей точки своего расцвѣта и могущества. Культура эта, богатая и пестрая, уже двадцать пять вѣковъ, какъ пчезла съ лица земли. На ушедшихъ подѣ землю храмахъ, дворцахъ, городскихъ стѣнахъ древнихъ монархій Месопотаміи теперь растутъ скудные посѣвы невѣжественныхъ туземцевъ, и не подозрѣвающихъ, какую почву они распахиваютъ,

Но не все погибло подъ развалинами. Преданія, культъ боговъ и кое-какіе обломки духовнаго міра Ассиро-Вавилоніи черезъ евреевъ и греческій міръ стали извѣстны и новому времени. Съ развитіемъ науки въ послѣднее столѣтіе ученые не могли, конечно, не устремиться на поиски за этимъ исчезнувшимъ своеобразнымъ міромъ. Возникаетъ цѣлая новая область знанія— ассиріологія, съ англичаниномъ Раулинсономъ во главѣ. Произведенныя на мѣстѣ библейскаго земнаго рая раскопки мало-по-малу обнаружили матеріальный бытъ давно сошедшихъ здѣсь въ могилу людскихъ поколѣній, а открытіе большихъ библиотекъ царей Ассурбанипала (по-библейски Сарданпала), Салманасара и др. обнажило передъ учеными и повседневную жизнь знаменитаго царства. Тысячи откопанныхъ глиняныхъ табличекъ, покрытыхъ убористыми клинообразными письменами, представляютъ самый разнообразный историческій матеріалъ: тутъ и полюбовныя записи о раздѣлѣ имущества, и рядныя записи о приданомъ, и векселя, судебныя рѣшенія, лѣтисписи и эротическая литература. Матеріалъ настолько богатый, что кое-гдѣ въ западныхъ университетахъ открылись даже самостоятельныя кафедры ассиріологіи, первымъ профессоромъ которой былъ извѣстный Юлій Ошергъ.

У насъ востоковѣдѣнію вообще до послѣдняго времени удѣлялась очень незначительная доза интереса. Лишь въ наши дни замѣтенъ, какъ будто, поворотъ въ этомъ направленіи, если судить по тому, что на книжномъ рынкѣ начинаютъ появляться компилятивные русскіе труды по этой части. Несмотря на свою несамостоятельность, труды эти все же претендуютъ на значеніе научныхъ историческихъ монографій.

Г. Череванскій выработалъ для своего труда совершенно другой планъ. Оставаясь на почвѣ научныхъ данныхъ, онъ написалъ нѣчто среднее между ученымъ изслѣдованіемъ и историческимъ романомъ. Въ «Исчезнушемъ царствѣ» онъ развертываетъ широкую панораму государственной, общественной и частной жизни Вавилона въ правленіе царя Нина и затѣмъ его вдовы Семирамиды. Изложеніе ведется въ формѣ связнаго разсказа, не чуждаго обычныхъ повѣствовательныхъ приемовъ: тутъ есть и романическая интрига, и разговоры дѣйствующихъ лицъ, намѣчаются и типы главныхъ героевъ повѣствованія. Но все это введено авторомъ постольку, поскольку даетъ возможность связать иной разъ отрывочныя и разнородныя извѣстія въ одно цѣлое и оживить свое изложеніе. Главное же его вниманіе сосредоточено на ознакомленіи читателя съ данными археологіи.

Множество рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ помогаютъ воображенію читателя и, въ связи съ живымъ изложеніемъ, дѣлаютъ трудъ г. Череванскаго хорошей популярной исторіей одного изъ древнѣйшихъ царствъ.

А. В.

Томасъ Карлейль. Теперь и прежде. М. 1906.

Чѣмъ дальше отходимъ мы отъ Карлейля, тѣмъ болѣе для самостоятельно мыслящихъ людей выясняется огромная важность его социальныхъ идей. Карлейль жилъ и писалъ въ эпоху, когда на политическое поприще побѣдоносно

выступила и быстро заняла преобладающее мѣсто демократія, принося съ собою новую идею, что не среда зависитъ отъ человѣка, а самъ человѣкъ не что иное, какъ продуктъ этой среды. Сильный, но капризный умъ Карлейля не могъ никогда примириться съ этой идеей, и онъ съ присущей ему страстностью, выступилъ противъ нея, выдвигая впередъ культъ героевъ, т. е. людей, дѣлающихъ исторію, преобразующихъ силою своихъ дарованій условия современной имъ жизни. Въ тѣ періоды исторіи, когда герои нѣтъ, мѣсто нихъ выступаетъ толпа, которая, сама того не замѣчая, устраиваетъ жизнь сообразно господствующимъ въ мозгахъ идеямъ и своимъ нравственнымъ потребностямъ. Съ созданной такимъ образомъ дѣйствительности снимаются затѣмъ разныя формулы, которыя, съ теченіемъ времени, начинаютъ приниматься за непреложные законы человѣческаго общежитія. Къ числу такихъ законовъ принадлежитъ и «железный законъ» политической экономіи—законъ спроса и предложенія. Для Карлейля это вовсе не законъ, а отвлечение, взятое изъ наблюденій надъ современной дѣйствительностью, уродливо сложенной людьми, которые утратили высшія идеи человѣческаго существованія и руководствуются только матеріалистическими инстинктами. Развитію этой мысли и посвященъ сборникъ соціально-экономическихъ статей «Теперь и прежде». Исторія аббата Самсона, настоятеля въ XII вѣкѣ монастыря св. Эдмунда,—это «Прежде». Нетрудящаяся аристократія, демократія, рабочій вопросъ и связанныя съ нимъ соціально-политическія явленія—это «Теперь». На первый взглядъ сдѣланное Карлейлемъ противоположеніе какъ будто не вполне удачно, какъ будто онъ сравниваетъ двѣ вещи, совершенно разнородныя. Но и аббата Самсона, и современныхъ вождей промышленности онъ сводитъ на почву, гдѣ сравненіе между ними напрашивается само собою. Карлейль замѣтилъ, что въ старинныхъ монастырскихъ хроникахъ (одну изъ нихъ онъ и кладетъ въ основу своего повѣствованія объ аббатствѣ св. Эдмунда) очень много говорится именно о хозяйственной, экономической дѣятельности монаховъ. И вотъ, принявъ въ расчетъ высокое душевное настроеніе, какъ самого аббата Самсона, такъ и братіи аббатства, Карлейль изслѣдуетъ вопросъ, дѣйствительно ли законъ спроса и предложенія оказывается «железнымъ» и въ отношеніи этихъ хозяевъ XII вѣка. Въ яркой картинѣ показываетъ онъ читателю, что если люди захотятъ руководствоваться въ своей экономической дѣятельности другими принципами, чѣмъ эгоизмъ и стремленіе, прежде всего, къ личной выгодѣ, то «железный законъ» оказывается совершенно безсильнымъ относительно нихъ. И наоборотъ, когда принципъ личного эгоизма кладется въ основу хозяйственной стороны жизни, неизбежными послѣдствіями являются злобы нашего времени. Такова основная мысль труда Карлейля.

Мы сочли необходимымъ выяснять ее здѣсь, такъ какъ читать Карлейля нелегко. Вы сбиги съ толку съ самаго начала,—говоритъ о немъ Тэнъ.— У него все ново—идеи, направленія, слогъ, постройка фразъ, даже самое употребленіе словъ. За все берется онъ по-своему и насилуетъ и выраженія, и мысли. Неплотовыми скачками носится онъ изъ конца въ конецъ своихъ мыслей, сливаетъ все направленія, мѣшаетъ все формы и валитъ въ одну кучу языческія воззрѣнія и выдержки изъ Библии, изъмеченія абстракціи и техни-

чекія выраженія, поэзію и воровскою языкъ. Нужно привыкнуть къ этой бурной рѣчи, переходящей отъ ядовитой проиы къ библейскому пафосу, и тогда Карлейль неотразимо захватываетъ читателя.

Легко понять, какой трудъ беретъ на себя всякій переводчикъ Карлейля. Къ чести г-на Горбова слѣдуетъ сказать, что онъ отлично справился съ своей задачей и русскій переводъ даетъ не только вѣрное понятіе объ идеяхъ Карлейля, но передаетъ и его стиль.

А. В — въ.

Священникъ К. Цинцадзе. Историческая справка по вопросу объ автокефальности грузинской церкви. Тифлисъ. 1906.

103 стр. Ц. 60 к.

Настоящая брошюра представляетъ отвѣтъ на статьи г. В. Самуилова, помѣщенныя въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» по вопросу объ автокефаліи грузинской церкви. Г. Самуиловъ пытался доказать, что въ VIII и IX вѣкѣ грузинской церкви была дарована автокефалія только лишь «въ смыслѣ права избирать и рукополагать католиковъ соборами мѣстныхъ епископовъ» и потому церковь эта до 1783 г., т. е. до заключенія союзнаго трактата между царемъ грузинскимъ Иракліемъ II и императрицей Екатериной II, оставалась канонически зависимою отъ антиохійскаго патріарха. Книжка священника Цинцадзе представляетъ сводъ основательныхъ возраженій на голословныя заключенія г. Самуилова. Авторъ собралъ свѣдѣнія, относящіяся къ спорному вопросу, а именно свидѣтельства монаха XI вѣка Ефрема Мцире, іеромонаха Никона Дивногорца XI вѣка, патріарха антиохійскаго XVII вѣка и антиохійскаго священника XVIII вѣка Михаила Брека, о томъ, что Грузія, получившая крещеніе чрезъ св. Евстаѳія, патріарха антиохійскаго, принадлежала въ церковномъ отношеніи антиохійскому патріарху, который рукополагалъ для нея епископа (архіерея католикоса) въ Антиохіи до блаженнаго Анастасія (602—610), послѣ котораго, ввиду занятія пути изъ Грузіи въ Антиохію агарянами, грузины оказались фактически автокефальными и въ VIII вѣкѣ при патріархѣ Теофилактѣ они получили право избирать и рукополагать себя католиковъ соборами мѣстныхъ епископовъ, но съ обязательствомъ въ молитвословахъ воспоминать антиохійскаго патріарха. Основаніемъ же для Грузіи полнаго отдѣленія отъ антиохійскаго трона послужила передача патріархомъ антиохійскимъ Іоанномъ III «для спасенія своей души» іерусалимскому патріарху Оресту 1,000 динаровъ, получавшихся антиохійскимъ престоломъ изъ Грузіи, и въ особенности этому содѣйствовало политическое ея развитіе при Багратѣ III, который посадилъ первымъ католикосомъ-патріархомъ энергичнаго Мельхиседека. Борьба иноковъ-грузинъ монастыря Св. Симониды на Дивной горѣ съ греками при антиохійскомъ патріархѣ Петрѣ III въ началѣ XI вѣка изъ-за вѣры и управления грузинской церковью кончилась признаніемъ автокефальности послѣдней при содѣйствіи Георгія Мтацминдели. Авторъ строго научно изслѣдуетъ исторію грузинской церковной автокефаліи, разбирая ложныя и противорѣчивыя показанія патріарха Макарія антиохійскаго, притязанія котораго на учительство Самуиловъ и кампанія трактуютъ

въ смыслѣ зависимости грузинской церкви отъ Антиохіи въ XVII вѣкѣ. Нужно признать, что работа священника Цинцадзе, написанная съ знаніемъ дѣла, разсѣиваетъ все сомнѣнія относительно каноничности грузинской церковной автокефаліи. Прекрасно анализирована цитата «совершеннѣйшаго законоискусника» антиохійскаго патріарха XII вѣка Феодора Вальсалика объ установленіи независимости грузинской церкви. Цитата эта гласитъ: «... если же находишь и другія независимыя (автокефальныя) церкви, какъ-то болгарскую, кипрскую и иверскую, не удивляйся этому. Архіепископа болгарскаго почитилъ императоръ Юстиніанъ..., архіепископа кипрскаго третій (вселенскій) соборъ, а архіепископа иверскаго опредѣленіе антиохійскаго собора». Это свидѣтельство подтверждаетъ еще канонистъ XIV вѣка солунскій іеромонахъ Матѳей Властарь и іерусалимскій патріархъ Досіеѳъ († 1707 г.).

Хах — овъ

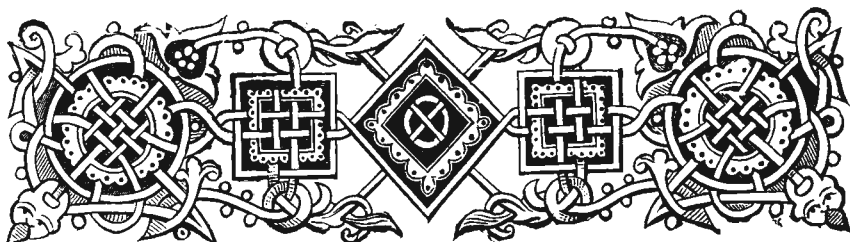
С. Г. Рункевичъ. Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Выпускъ I. Спб. 1906 г. Цѣна 2 р.

Неутомимый работникъ въ области церковнаго управленія начала восемнадцатаго вѣка г. Рункевичъ оказалъ новую услугу изслѣдователямъ формъ жизни названнаго столѣтія напечатаніемъ переписки архіереевъ Петровской эпохи съ Петромъ Великимъ. Какъ указываетъ самъ издатель любопытныхъ документовъ, въ названной перепискѣ живо и ярко выступаютъ облики нашихъ духовныхъ владыкъ Петровской эпохи со всеми ихъ достоинствами, недостатками, ближайшими и болѣе отдаленными интересами. Рѣзко обрисовывается изумительная несходственность предметовъ, занимавшихъ умъ постника-патріарха и реформатора-царя. Выпукло выдвигаются два рода епархіальныхъ архіереевъ: культурные, нервные, разнаго нравственнаго достоинства, образованные малороссы и тяжелые на подъемъ, но твердые въ убѣжденіяхъ, тоже различнаго нравственнаго достоинства великороссы. Тутъ проходитъ безвластный властитель духовный Стефанъ Яворскій; разжалованный изъ митрополитовъ въ епископы Сильвестръ Холмскій, снова поднявшійся до высшей ступени, но умершій въ заточеніи лишеннымъ сана, праведный старецъ Антонъ Козельскій, оставившій послѣ себя наслѣдство въ видѣ одной суконной рясы и отложенныхъ на поминъ души тридцати рублей; астраханскій епископъ Лаврентьевъ, оставившій память, какъ «человѣкъ нравный, съ подданными обходившійся не безъ труда и много бившій невинно». Любопытны образцы эпистолярнаго краснорѣчія: «Уже и Рыга славная изрыгнула горестно», пишетъ Стефанъ Яворскій, «яже прежде поглощала сладостно труды людей и наслѣдила многихъ потентатовъ богатства. Гдѣ твоя, Рига, нынѣ? Гдѣ твоя, Выборкъ, гордыня?» «При чесомъ уповаю на ваше государское превысочайшее благородіе», обращается Тихонъ Казанскій къ Екатеринѣ I, «слыша вашего благочестія вѣру и ревность къ Богу и Богородицѣ и къ притекающимъ всемъ челоуѣкамъ вашу государскую высокосклонную милость и щедроты и твердое представительство и заступленіе, аще вся благая отъ всещедрыя вашей десницы сподобляются воспримати, которыя ваши

государскія премногія благодати и милости, лиющіяся по всѣмъ чловѣкомъ, воистину во уши Господа Бога Саваофа сладостно гремятъ». Имѣются и письма чисто дѣловаго склада, далекаго отъ пышной реторики. Таковы, напри- мѣръ, писанія Сильвестра Холмскаго. Но во всѣхъ этихъ посланіяхъ, и сухихъ и риторичныхъ, обрисовывается положеніе какъ самихъ пастырей духовныхъ, такъ и ихъ подчиненныхъ имъ епархій, положеніе въ общемъ очень незавидное. Кромѣ бытовыхъ чертъ, письма епископовъ содержатъ и многія историческія данныя: такова, напри- мѣръ, переписка Стефана Яворскаго по поводу суда надъ еретикомъ Тверигиновымъ, въ лицѣ котораго обозначалась поддержи- ваемая царемъ склонность нѣкоторыхъ лицъ къ протестантизму. Кромѣ пи- семъ къ Петру, въ книгѣ Рункевича содержатся письма къ его кабинетъ-се- кретарю Макарову, тоже характерныя для эпохи. Умѣлое освѣщеніе приво- димыхъ писемъ историческими фактами и поясненіями дѣлаетъ самые доку- менты удобнымъ чтеніемъ.

В. Гр-скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОГРЕБЕННЫЕ ГОРОДА. Недавнія раскопки на островѣ Цейлонѣ дали богатые результаты, такъ какъ археологамъ посчастливилось откопать нѣсколько древнихъ городовъ, и въ январской книжкѣ «Scribner's Magazine» появилось ихъ описаніе въ статьѣ Розалии Мортонъ. Эти открытія обнаружили великолѣпную архитектуру, удивительную скульптуру, колоссальное величіе, глубокое религиозное чувство и высокую степень цивилизаціи народа, обитавшаго въ означенныхъ городахъ. Одинъ изъ нихъ, Полоннаруа, былъ столицею всего острова съ VIII по XIII вѣкъ, но съ тѣхъ поръ онъ окончательно исчезъ на сотни и сотни лѣтъ. Тамъ существовали великолѣпныя зданія, сооруженныя цейлонскимъ царемъ Параграмой-Баху, царствовавшимъ съ 1153 г. О его замѣчательныхъ государственныхъ способностяхъ свидѣлствуютъ постройки 1470 резервуаровъ для собиранія дождевой воды, такъ какъ онъ вѣстивалъ, чтобы ни одна капля этой драгоцѣнной влаги не пропала даромъ, говоря, что «въ моемъ царствѣ не должно находится ни одной пяди земли, не приносящей пользы человѣку». Для себя онъ выстроилъ дворецъ въ 4000 комнатъ. Многіе государи южной Индіи были его данниками. Характеристику Параграмы-Баху можно опредѣлить по надписи на одномъ изъ квадратныхъ камней вишней стѣны храма Зуба-Будды. Въ означенной надписи говорится: «Его величество царь Параграма, принадлежавшій къ расѣ Окака, обратилъ островъ Ланку въ мѣсто для празднествъ и по срединѣ посадилъ

¹⁾ The Buried cites of Ceylon; by Rosalie Morton; «Scribner's Magazine», January, 1907

древо желаний; туда стекались громадные толпы и съѣзжались цари окрестных странъ, искавшие покровительства Параграмы. Онъ обращался со всѣми съ большою добротою, а также строилъ не только на этомъ островѣ, но и въ различныхъ мѣстахъ Цейлона — богадѣльни для нищихъ, на которыхъ онъ щедро расходовалъ свои сокровища. Такимъ образомъ, уничтоживъ нищету жителей своей страны и сдѣлавъ много добра всѣмъ, а также поддержавъ религію, онъ всегда сидѣлъ на этомъ мѣстѣ для отдохновенія отъ тѣлеснаго утомленія». Въ томъ же городѣ найденъ храмъ, называемый Тунарама, стѣны котораго покрыты бѣлой мастикой, похожей на блестящій полированный мраморъ. При храмѣ имѣются развалины восьми громадныхъ жилищъ для жрецовъ, семидесяти помѣщеній для различныхъ изображеній Будды и значительное количество меньшаго размѣра для библиотекъ, кромѣ разныхъ другихъ построекъ. Самое интересное изъ открытій Поллонаруа — высокій монолитъ въ двадцать два фута вышины, шесть футовъ ширины и два фута толщины; онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Гальпота», т. е. каменной книги, такъ какъ имѣетъ сходство съ томомъ изъ пальмовыхъ листьевъ и снабженъ надписью о великихъ дѣлахъ и добродѣтеляхъ царя Нисанги, царствовавшего въ 1192 — 1201 г. Между прочимъ, въ этой надписи говорится, что «его величество заставлялъ ежегодно взвѣшивать себя въ коронѣ и царскомъ одѣяніи, вмѣстѣ съ царицей, сыномъ и дочерью, и потомъ, увеличивъ общій ихъ вѣсъ въ пять разъ, выдавалъ соответствующее количество различныхъ вещей жрецамъ и бѣднымъ». Самой поразительной развалиной служитъ Джеттаванарама, куда поднимаются по лѣстницѣ, высѣченной изъ камня, со ступенями въ двадцать футовъ длины. Часть стѣны, еще до сихъ поръ возвышающейся на восемьдесятъ футовъ, украшена въ индусскомъ вкусѣ. Наконецъ, въ храмѣ Галь-Вигара находятся три колоссальныя фигуры изъ гранита, и одна изъ нихъ, въ сорокъ футовъ длины, изображаетъ Будду въ лежачемъ положеніи; при этомъ работа фигуры такъ художественно выполнена, что подушка подъ головою Будды кажется мягкой. Его лицо выражаетъ совершенное спокойствіе и во всей фигурѣ разлито сознаніе Нирваны. Далѣе къ югу, простираются пещеры Дамбуллы и Алувигары, гдѣ въ 103 г. до Р. Х. одинъ цейлонскій царь былъ принужденъ скрываться отъ враговъ и въслѣдствіи, изъ набожности, онъ превратилъ эти пещеры въ храмы. Въ Алувигарѣ около девяноста лѣтъ до Р. Х. другой царь собралъ ученыхъ буддистскихъ отшельниковъ и заставилъ ихъ написать все ученіе Будды, которое передавалось до тѣхъ поръ изъ устъ въ уста. Буддистскія книги заключаются въ многочисленныхъ длинныхъ, узкихъ страницахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, соединенныхъ вмѣстѣ кюнками. Каждая книга обернута шелковой матеріей, а затѣмъ еще другою тканью, положена въ длинный, узкій, деревянный ящичекъ и сирягана въ каменной нишѣ. Величайшая и самая красивая изъ пяти пещеръ отличается прохладной темнотою и тишиною буддистскаго, умозерцанія. Ея длина 160 футовъ, ширина 50 и высота 23. Въ центрѣ ея потолка изображенъ Будда со всею славою, окруженный поклоняющимися ему богами, царями и жрецами.

— Развѣнчиваніе швейцарскихъ легендъ. Еще съ одной легендой приходится окончательно проститься. Оказывается, что Вильгельма Телля никогда

не существовало: теперь это вполне доказано немецким историком и публицистом Гансом Дельбруком, редактором «Preussische Jahrbücher». Он удостоверяет, что не только не было Вильгельма Телля, но даже необычайная эпопея нескольких тысяч мирных крестьян, которые без предводителя, без организации, почти без оружия, а лишь воодушевленные любовью к свободе, привели в смятение громадную императорскую армию, — была не болше, как миф. Милиция соединенных кантонов была уже давно правильно организована, дисциплинирована и умела владеть оружием. Мало того, в XIV веке многие швейцарцы служили наемными солдатами, и Рудольф Габсбургский в одном кантоне Швиц нанимал не менее полутора тысяч солдат для своей Бургундской экспедиции 1289 г. Во время гражданской войны, следовавшей за убиством короля Альбрехта (1308) тысячи горцев местных кантонов поступали в отряды Генриха VII Люксембургского, а затем Людовика IV Баварского, боровшихся против Габсбургских претендентов. Наконец, швейцарская милиция, находившаяся под командой рыцаря Вернера фон-Штауффахера, превосходного генерала, вполне опытного и храброго, отличилась в жестокой войне с могущественным аббатом Эйнзидельна, ярым сторонником Фридриха Габсбургского, претендента на империю (против Людвига Баварского). Вслед за этой экспедицией швейцарской милиции, герцог Леопольд Габсбургский собрал армию из двух-трех тысяч человек, чтобы наказать наглых горцев, своих вассалов по праву, хотя, в сущности, они уже давно ими не были. Из этого видно, что никакому Вильгельму Теллю не нужно было убивать никакого Геслера, чтобы вызвать эту австрийскую экспедицию. Навстречу австрийцам вышел избранный кантоном Швиц рыцарь Вернер фон-Штауффахер, ландман или военный предводитель, с своими старыми товарищами по оружию, к которым присоединились несколько небольших подкреплений из милиции кантонов Арга и Ури. Он командовал тремя или четырьмя тысячами хорошо вооруженных солдат; у многих из них были только что изобретенные алебарды, которыми они могли попеременно колоть и рубить рыцарей. Мессер Штауффахер занял очень удобную позицию и, благодаря дисциплине его солдат и их быстрому и правильному передвижению, одержал славную Моргартенскую победу над австрийцами 15 ноября 1315 г. Таким образом, легенда о Вильгельме Телле, вдохновлявшая Шиллера и Россини, к сожалению, навсегда исчезла. Тот же немецкий историк, если не уничтожил еще другой швейцарской легенды, то, во всяком случае, изменил эпоху, к которой она относилась, не изменив однако ее героя, Арнольда фон-Винкельрида. Согласно этой легенде, швейцарский герой Унтервальденского кантона, благодаря своей преданности родине, одержал Зембахскую победу в 1386 г. при следующих обстоятельствах. Австрийский герцог Леопольд, во главе швабского и швейцарского дворянства, появился в Зембахе, близ Люцерна, с целью нанести поражение свободным швейцарским горожанам и крестьянам. Последние, в количестве 1400 человек, героически сражались с неприятелем, которого было 4000 кавалеристов, составивших непроницаемую фалангу, вооруженную длинными пиками. Винкельрид, видя, что его

товарищи приняли въ замѣшательство, выскочилъ изъ рядовъ своего войска и, воскликнувъ: «Позаботьтесь о моей семьѣ: я открою вамъ проходъ!»—бро-сился на непріятельскія пики и, падая мертвымъ, открылъ брешь, черезъ которую прошелъ его легкій пѣхотный отрядъ. Тяжелая же феодальная кавалерія, ряды которой оказались совершенно разстроенными, не могла устоять про-тивъ этой атаки и была побѣждена. Вотъ какъ до сихъ поръ разсказывали эту легенду. Дельбрукъ же доказываетъ, что это событіе случилось не въ 1386 г., а въ 1522 г., во время кроваваго сраженія при Бикокъ, когда фран-цузская армія, подъ командой Лотрека, была побѣждена императорскою гвар-діей, послѣ чего французы посѣбно перешли Альпы. Во время этого сраженія Арнольдъ Винкельридъ, швейцарскій капитанъ на французской службѣ тщетно пытался прорвать ряды ландскнехтовъ и, наконецъ, вырвавъ у непрі-ятелей нѣсколько пики, вонзилъ ихъ себѣ въ грудь, справа и слѣва, благодаря чему образовались два небольшие прохода для его товарищей—и цѣль была достигнута. Швейцарцы очень этимъ гордятся, но такъ какъ они естественно не очень дорожатъ воспоминаніемъ о пораженіи при Бикокъ, когда ихъ инфан-терія, принудивъ Лотрека къ сраженію, первая была опрокинута, то сдѣлали изъ героической смерти Винкельрида эпизодъ побѣды при Зембахъ, одержан-ной ихъ предками въ 1382 г.

— Записки генерала Беннигсена. Почти къ годовщинѣ столѣтія со дня сраженія при Прейсишъ-Эйлау (26 и 27 января (7, 8 февраля) 1807 г.), въ которомъ ген. Беннигсенъ, командуя русскими войсками, далъ первый рѣ-шительный отпоръ французской арміи, предводительствуемой лично Наполео-номъ I, въ Парижѣ нѣкто г. Казала издалъ, подъ руководствомъ историческаго общества генеральнаго штаба французской арміи, два тома записокъ графа Леонтія Леонтьевича Беннигсена, въ которыхъ помѣщены записки его о войнѣ 1806—7 г., изложенныя въ формѣ писемъ къ его бывшему дежурному генералу и большому пріятелю, также русскому генералу Александру Борисо-вичу Фоку ¹⁾. Къ этимъ письмамъ г. Казала присоединилъ не мало примѣча-ній, сдѣланныхъ на основаніи множества сочиненій, болѣе или менѣе касаю-щихся той же самой войны, и предпослалъ небольшой біографическій очеркъ самого Беннигсена, ганноверца по происхожденію, но посвятившаго всю свою службу Россіи. Родившись въ 1745 г. въ Бантельнѣ близъ г. Ганновера, Л. Л. Беннигсенъ уже 14 лѣтъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, въ составѣ ган-новерской пѣхоты, а затѣмъ въ 1773 г. перешелъ, съ чиномъ премьеръ-майора, въ русскую службу и участвовалъ въ турецкой войнѣ 1774 г. подъ командою графа П. А. Румянцева, а затѣмъ, командуя Изюмскимъ легкоконнымъ полкомъ, отличился въ войнѣ 1789 и 1790 г. подъ Очаковымъ и при взятіи Бендеръ. Въ слѣдующую затѣмъ войну съ Польшею онъ вмѣстѣ съ генераломъ Ферзе-номъ овладѣлъ г. Несвижемъ и участвовалъ въ пораженіи конфедератовъ 2

¹⁾ Memoires du general Bennigsen, avec une introduction, des annexes et des notes du capitaine du genie breveté E. Cazalas, publiés sous la direction de la société historique de l'Etat major de l'armée. Paris. 1906. Tome I et 2. Campagne de 1806—1807.

июня 1793 г. За сраженіе при Солахъ Беннигсенъ въ 1794 г. произведенъ въ генераль-майоры, послѣ чего разбилъ поляковъ подъ Олитою и подъ г. Вильною и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ 1796 г. Беннигсенъ отличился въ персидской войнѣ взятіемъ г. Дербента. Произведенный въ 1797 г. въ генераль-лейтенанты, онъ одно время управлялъ Бѣлоруссіею и войсками, въ ней расположенными, а затѣмъ проживать въ послѣдніе годы царствованія Павла I въ Петербургѣ и принимать участіе въ событіи 11 марта 1801 г., доставившемъ престолъ Александру I. Объ участіи своемъ въ этомъ событіи Беннигсенъ подробно писалъ своему другу А. Б. Фоку, какъ это извѣстно уже читателямъ «Историческаго Вѣстника», а потому, не останавливаясь на этомъ, скажемъ, что, вскорѣ послѣ этого событія, Беннигсенъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ томъ же 1801 году, а затѣмъ, когда наши войска подъ начальствомъ Кутузова и Буксегвена двинулись на помощь Австріи въ войнѣ ея съ Наполеономъ, Беннигсену вѣрена была особая сѣверная армія, которая должна была идти имъ на подкрѣпленіе. Дойдя до Бреслава, Беннигсенъ узналъ о совершившемся разгромѣ подъ Аустерлицемъ 5 декабря 1805 г. и о заключеніи австрійцами мира. Беннигсенъ возвратился въ предѣлы нашего отечества и готовился двинуться въ Турцію, съ которою мы вели долго тянувшуюся войну, какъ получить назначеніе командовать особымъ корпусомъ войскъ и сѣннить на помощь прусскому королю, потерѣвшему жестокаго пораженія отъ Наполеона при Іенѣ и Ауерштедтѣ въ 1806 году. Беннигсенъ двинулся къ Пултуску, куда скоро прибылъ и престарѣлый графъ Мих. Фед. Каменскій, назначенный главнокомандующимъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ французовъ. Но онъ скоро покинулъ самовольно лагерь, приказавъ войскамъ послѣпно отступать къ Остроленкѣ, гдѣ находился Буксегвенъ, которому онъ передать командованіе. Между тѣмъ Беннигсенъ, не отступая, немедленно далъ сильный отпоръ французскимъ войскамъ при Пултускѣ 14 (26) декабря 1806 г. и удостоился за это сраженіе получить орденъ св. Георгія 2-й степени и подарокъ въ 5,000 червонцевъ. Вскорѣ послѣ этого главное начальствованіе надъ русскою арміею вѣрено было Беннигсену, письмомъ императора Александра I, полученнымъ имъ 30 декабря (11 января) 1806 года въ Тикочинѣ. Не излагая хода дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій войны 1806—7 годовъ, напомнимъ, что, послѣ большихъ успѣховъ при Прейсшигъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и другихъ мѣстахъ, Беннигсенъ потерпѣлъ неудачу подъ Фриландомъ 14 іюня 1807 г., послѣдствіемъ которой явился Тильзитскій миръ. По словамъ Беннигсена, этотъ миръ вовсе не являлся необходимымъ послѣдствіемъ неудачнаго сраженія. Россія обладала всеми средствами, необходимыми для дальнѣйшаго веденія войны, особенно въ предѣлахъ самой имперіи. Послѣ заключенія мира и знаменитаго Тильзитскаго свиданія, Беннигсенъ былъ не только уволенъ отъ командованія арміею, но долженъ былъ пребывать вдали отъ столицы; онъ жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Закретъ подъ Вильною и занимался составленіемъ своихъ записокъ о войнѣ 1806—1807 г., которыя пересылать въ копіи для прочтенія своему большому пріятелю, бывшему дежурному генералу его арміи, Александру Борщевичу Фоку, тяжело раненому въ Гейльсбергскомъ сраженіи. На-

ступившая Отечественная война 1812 года призвала Беннигсена снова къ боевой дѣятельности. Онъ былъ одно время начальникомъ штаба нашей главной арміи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, руководилъ известнымъ сраженіемъ при Тарутинѣ и затѣмъ, по непріятностямъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, былъ удаленъ и снова обреченъ жить въ Закретѣ, откуда въ 1813 году онъ снова былъ вызванъ для командованія такъ называемою литовскою (или польскою) арміею. Съ этою арміею Беннигсенъ разбилъ близъ Дрездена маршала Сенъ-Сира, отличился въ знаменитой битвѣ подъ Лейпцигомъ и въ числѣ первыхъ вступилъ въ этотъ городъ. За Лейпцигскую битву Беннигсенъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Послѣ этого онъ былъ отряженъ къ обложенію и осадѣ крѣпостей Торгау, Магдебурга и Гамбурга, которыя и были имъ заняты. При заключеніи Парижскаго мира онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени и назначенъ начальникомъ 2-й арміи, которую командовать недолго: въ 1818 году онъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ на свою родину въ Ганноверъ, занимался составленіемъ записокъ о войнѣ, какъ 1812 г., такъ и слѣдующихъ годовъ, и въ этихъ занятіяхъ умеръ въ Бантельѣ, среди своей семьи, въ 1826 году. Оставшіяся послѣ него бумаги, исключительно на французскомъ языкѣ, были приобрѣтены русскимъ правительствомъ, доставлены въ С.-Петербургъ и сданы въ архивъ канцеляріи военного министерства, въ которомъ и хранились вдали отъ глазъ любопытныхъ изслѣдователей. Можно даже полагать, что самъ г. Михайловскій-Данилевскій, дѣлающій въ своемъ «Описаніи второй войны императора Александра I съ Наполеономъ въ 1806—1807 годахъ» ссылки на означенныя записки Беннигсена, пользовался не экземпляромъ оныхъ, хранившимся въ военномъ министерствѣ, но таковымъ, находящимся и по настоящее время въ семействѣ генерала А. В. Фока, который, какъ уже сказано, былъ во время войны 1806—1807 годовъ дежурнымъ генераломъ въ арміи Беннигсена, пользовался большимъ его расположеніемъ и получалъ отъ него для прочтенія копии съ составляемыхъ имъ записокъ, изложенныхъ въ формѣ писемъ къ ген. Фому. Съ этимъ экземпляромъ записокъ ознакомился предварительно и П. М. Майковъ, авторъ изслѣдованія «П. П. Бецкой», удостоеннаго преміи графа Уварова, также недавно выпеднаго историческаго очерка П отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, а также прочихъ архивныхъ изысканій. Онъ первый сдѣлалъ имъ переводъ и напечаталъ его на страницахъ «Русской Старины» въ 1897—99 годахъ. Но при переводѣ оказалось, что нѣкоторыхъ писемъ или главъ, относящихся къ событіямъ войны 1806—1807 г., совершившимся послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау 26—27 января (7, 8 февраля) 1807 года, какъ-то: къ отсутствію Беннигсена къ Кенигсбергу, къ устройству арміи на зимнее время, къ дѣламъ при Браунсбергѣ, Гутштадтѣ, къ прибытію императора въ Бартештейнъ, къ дѣлу при Гейльсбергѣ не находится въ бумагахъ ген. А. В. Фока: они были, какъ онъ самъ пишетъ къ Беннигсену, затеряны при одномъ изъ его перѣздовъ. Это побудило П. М. Майкова ходатайствовать въ военномъ министерствѣ о дозволеніи ему ознакомиться съ хранящимися въ его архивѣ бумагами Беннигсена и списать все необходимое. Бывшій въ то время военнымъ министромъ А. П. Куропаткинъ, какъ

истинно просвѣщенный человекъ, отнесся вполне сочувственно къ этой просьбѣ, и все хранившіяся въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства бумаги Беннигсена были препровождены въ архивъ военно-ученаго комитета, въ которомъ г. Майковъ списалъ все ему необходимое, относящееся до военной дѣятельности Беннигсена, и затѣмъ перевелъ на русскій языкъ. Однако запискамъ Беннигсена о войнѣ 1806—1807 г. не суждено было появиться въ то время на русскомъ языкѣ въ полномъ видѣ, несмотря на то, что въ редакцію «Русской Старины» былъ представленъ полный ихъ переводъ на русскій языкъ. Редакторъ журнала въ то время, бывший непремѣнный секретарь академіи наукъ, генералъ-лейтенантъ Дубровинъ, исключительно по своему усмотрѣнію, не счелъ нужнымъ помѣстить всю главу объ осадѣ Данцига французами въ 1806—1807 году, въ оборонѣ котораго участвовали и войска Беннигсена, также различныя подробности, относящіяся до войны 1806—1807 г., особенно въ зимнее время, многія письма маршала Нея, перехваченныя казаками и т. д., не представлявшія, по мнѣнію редактора, интереса для читателей «Русской Старины». Тѣмъ не менѣе, появленіе записокъ Беннигсена на русскомъ языкѣ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, не ускользнуло отъ вниманія военныхъ лицъ за границею, и одинъ изъ нихъ, офицеръ французской арміи, иѣкто г. Казала, обратился къ г. Майкову съ просьбой доставить ему копію съ записокъ Беннигсена на французскомъ языкѣ, намѣреваясь издать таковыя для распространенія среди своихъ соотечественниковъ свѣдѣній о графѣ Беннигсенѣ и его военныхъ дѣйствіяхъ. Г. Майковъ не отказалъ въ этомъ желаніи и доставилъ г. Казала возможность издать въ полномъ ихъ объемѣ записки графа Беннигсена о войнѣ 1806—1807 годовъ и тѣмъ обогатить военную историческую литературу вообще новымъ матеріаломъ. Издатель, г. Казала, снабдилъ записки очень многими примѣчаніями и сравнилъ сообщаемое Беннигсеномъ со множествомъ другихъ свѣдѣній о войнѣ 1806—1807 годовъ, разсѣянныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ, которыя подробно поименованы въ особомъ спискѣ. Кроме того, къ каждому тому приложены очень хорошія географическія карты, а также подробный алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ запискахъ, съ біографическими о нихъ свѣдѣніями. Изданіе во всехъ отношеніяхъ очень удовлетворительно и заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія въ свѣтъ обѣщаннаго 3 тома записокъ Беннигсена, въ которомъ будутъ помѣщены письма и записки его о войнѣ какъ 1812 г., такъ и 1813 годѣ.

— Ламеннэ. Въ первомъ декабрьскомъ номерѣ «La Revue» помѣщена блестящая, но краткая характеристика извѣстнаго французскаго философа, богослова и писателя, Фелиситэ-Роберта-Ламеннэ, написанная Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и переведенная Винштокомъ съ русской рукописи. Левъ Николаевичъ представляетъ послѣдовательное преобразование духовнаго міросозерцанія Ламеннэ, сначала бывшаго защитникомъ католицизма и папства, а затѣмъ кончившаго отпаденіемъ отъ католической церкви. Ламеннэ—уроженецъ Бретани, гдѣ появился на свѣтъ въ 1782 г., а тридцати четырехъ лѣтъ былъ посвященъ въ патеры. Съ дѣтства онъ былъ религиозенъ, однако сугану надѣлъ не по своему желанію, или призванію. Изъ его писемъ слѣ-

дуетъ, что онъ вступилъ въ духовный санъ, единственно повинуваясь настояніямъ ближнихъ: его родители, видя его набожныя чувства и привязанность къ вѣрѣ, хотѣли сдѣлать изъ него служителя Бога. И дѣйствительно, Ламеннэ, сдѣлавшись патеромъ, посвятилъ все свои силы на служеніе католической церкви, въ истинѣ которой онъ не сомнѣвался. Свидѣтель упадка религіи въ обществѣ и народѣ, онъ пытался ее возстановить. Прежде всего онъ пробовалъ доказать ея истину; его главнымъ доказательствомъ было, что католическая религія самая распространенная въ мірѣ и большая часть человечества ея сторонники. По его тогдашнему мнѣнію, истина не могла познаваться индивидуальнымъ разумомъ, его критеріемъ было всемірное соглашеніе: большинство признавало католицизмъ, значитъ, истина католичества—неоспорима. Но, если католичество представляетъ высшую истину, государство должно передъ ней преклониться: — государство не можетъ существовать безъ церкви, а церковь безъ папы. Таково было въ тотъ моментъ убѣжденіе Ламеннэ. Въ подобномъ смыслѣ онъ написалъ свое первое сочиненіе. Это была первая фаза его душевнаго состоянія: вѣра безъ тѣни сомнѣнія. Считая, что государство должно пользоваться своей властью, чтобы покровительствовать и защищать католическую религію, Ламеннэ логически дошелъ до сближенія съ крайними защитниками монархической партіи и началъ сотрудничать въ «Conservateur». Онъ занималъ въ этой газетѣ исключительное положеніе: въ то время какъ другіе сотрудники писали въ защиту монархіи и служа ей, Ламеннэ всегда и прежде всего имѣлъ въ виду религію: власть монархіи интересовала его только въ той мѣрѣ, насколько послѣдняя могла помочь торжеству католицизма. Однако, вскорѣ онъ замѣтилъ, что интересы власти и религіи не только не тождественны, но большею частью такъ противоположны другъ другу, что иногда выгоднѣе для власти преслѣдовать религію. Какъ только его взгляды измѣнились, онъ перешелъ въ другую газету. Тамъ онъ уже болѣе не требовалъ отъ власти оказывать помощь религіи и вступать съ нею въ союзъ; онъ хотѣлъ ее исполнѣ свободную, безусловно независимую. Ламеннэ не могъ остановиться на этомъ пути; онъ шелъ далѣе: онъ требовалъ отдѣленія церкви отъ государства и, осуждая правительственную власть, въ силу вещей, перешелъ на сторону революціонеровъ—и оправдалъ революцію 1830 г. Это была вторая фаза его душевнаго настроенія. Во время революціи 1830 г., въ сотрудничествѣ съ Монталамберомъ и Лакордэромъ онъ основалъ «Avenir», газету, въ которой требовалъ: 1) Отдѣленія церкви отъ государства; 2) неприкосновенности человеческой личности; 3) упраздненія палаты пэровъ и крайностей централизаціи; 4) отлѣны ценза и установленія общаго голосованія. Кромѣ того, въ той же газетѣ онъ выражалъ, что церковь не должна болѣе вмѣшиваться въ государственныя дѣла, а свѣтская власть не должна вмѣшиваться въ церковныя дѣла, доходя до того, что папа долженъ отказаться отъ свѣтской власти, а духовенство отъ жалованья, уплачиваемаго государствомъ. Подобныя идеи не могли быть пріятны Риму; Ламеннэ предвидѣлъ это и отправился въ Ватиканъ, надѣясь убѣдить папу въ необходимости этой уступки, чтобы удержать народъ подъ властью церкви. Но онъ не могъ добиться аудіенціи и на его предложеніе не послѣдовало ника-

кого отвѣта. Уже обманутый въ своей надеждѣ возстановить католицизмъ, Ламеннэ вернулся въ Парижъ; онъ продолжалъ еще нѣкоторое время печатать свою газету, гдѣ выражалъ идею о необходимости измѣнить форму католицизма, чтобы онъ могъ имѣть авторитетъ надъ народомъ. Это была третья фаза его душевнаго состоянія. Въ 1832 году Григорій XVI въ изданной энцикликѣ порицалъ всѣ доктрины Ламеннэ. Какъ ни было тяжело для него это рѣшеніе, онъ долженъ былъ отвергнуть все, во что онъ вѣрилъ и что чувствовалъ: онъ призналъ, что католицизмъ неприкосновененъ и неизмѣняемъ. Но съ тѣхъ поръ, порвавъ всю связь съ Римомъ, онъ написалъ въ формѣ библейскихъ псалмовъ и евангельскихъ притчъ свое знаменитое сочиненіе: «Parole d'un croyant», гдѣ нападалъ на существующій экономическій и политическій порядокъ, который считалъ противорѣчающимъ требованіямъ религіи. Это сочиненіе была немедленно проклята, и тогда Ламеннэ открыто отдѣлился отъ церкви и предался исключительно народному дѣлу. Это была четвертая и послѣдняя фаза его душевнаго состоянія. Послѣдніе годы своей жизни Ламеннэ провелъ вдали отъ политической дѣятельности, почти въ одиночествѣ и бѣдности, вполне посвятивъ себя литературной работѣ. Тамъ онъ окончилъ свое «Esquisse d'une philosophie» и написалъ одинъ изъ лучшихъ комментаріевъ для своего перевода евангелія. Главная, основная идея Ламеннэ, которую онъ выражаетъ во всѣхъ своихъ книгахъ, статьяхъ и рѣчахъ, произнесенныхъ, когда онъ былъ депутатомъ въ парламентѣ, та, что народъ долженъ быть собственнымъ судьей своей судьбы и строителемъ своей жизни. Избравъ старый принципъ, который служилъ ему путеводителемъ въ защитѣ католической церкви, онъ утверждаетъ, что истина и нравственное усовершенствованіе не могутъ быть индивидуальны, но что онѣ принадлежатъ всѣмъ людямъ, толпѣ, націи, человѣческому роду. Признавая верховную власть народа, Ламеннэ однако старался доказать, что никакая реформа, никакая внѣшняя перемѣна въ формѣ государства не можетъ укрѣпить положенія народа, если онъ непрерывно не стремится къ нравственному усовершенствованію. «Желайте единственно того, что справедливо, — сказалъ онъ народу, — справедливость всегда восторжествуетъ. Уважайте права даже тѣхъ, которые будутъ поирать ваши. Да будутъ для васъ священны безопасность и собственность всѣхъ безъ исключенія: долгъ обязателенъ всюду для всѣхъ. Если вы однажды нарушили долгъ, чѣмъ вы кончите? Безпорядки не прекращаются безпорядками. Въ чемъ васъ обвиняютъ ваши недруги? Въ желаніи замѣтнить ихъ господство вашимъ, въ желаніи злоупотребить властью, какъ они это дѣлаютъ, въ составленіи плана отмищенія, тираническихъ намѣренійхъ. Отсюда эта смутная боязнь ума, чѣмъ очень ловко пользуются ваши враги, чтобы продлить ваше рабство. Ничто не возможно въ соціальной области безъ нравственной работы въ глубокихъ слояхъ общества». Ламеннэ всегда былъ враждебенъ социалистической и коммунистической системѣ. По его мнѣнію, эти ученія не принимаютъ въ расчетъ законовъ человѣческой природы и замѣняютъ естественный ходъ жизни насиліемъ власти. Онъ не соглашался съ этими ученіями, особенно потому, что они имѣютъ въ виду только матеріальную цѣль и не признаютъ необходимости въ религіи. Для соціального порядка онъ считалъ

необходимой духовную цѣль, достигаемую побѣдой разума и долга надъ страстью. Съ 1850 года здоровье Ламеннэ стало плохо; чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ позвать своего друга Барбэ, котораго назначить душеприказчикомъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ требовалъ быть похороненнымъ съ бѣдными и какъ нищій; онъ также включилъ, чтобы на его могилѣ не воздвигали никакого памятника и похоронили безъ духовенства. Несмотря на всѣ попытки духовенства вернуть его къ церкви, Ламеннэ оставался непреклоненъ и на своемъ смертномъ одрѣ отказался принять патера. Онъ умеръ спокойно и съ твердостью, храня живую вѣру въ Бога, съ какою онъ жилъ въ продолженіе всей своей сознательной жизни. Его послѣдними словами были: «Я думаю, что пришелъ конецъ, надо подчиниться волѣ Бога; я почувствую себя хорошо, когда буду съ Нимъ». И прежде, чѣмъ, испустить духъ, онъ еще нѣсколько разъ повторилъ: «Это счастливый моментъ!» Онъ умеръ 27 февраля 1854 года. Сочиненія Ламеннэ, по словамъ Толстого, велики, но далеко не оцѣнены по достоинству. Какъ всѣ возвышенные умы и пламенные сердца, онъ начерталъ путь, по которому неизбѣжно пускается въ путь человѣчество, гдѣ оно уже идетъ: путь, на которомъ оно освободится отъ внѣшней религіи, псевдо-христіанской, не имѣющей никакой связи съ жизнью, и гдѣ водворится основательное христіанское ученіе, которое преобразуетъ жизнь индивидуума, общества и всего человѣчества.

— Вильгельмъ Рустовъ. Во время революціи 1848 г. въ Германіи было нѣсколько офицеровъ, одушевленныхъ республиканскими стремленіями и которые впоследствии остались заклятыми врагами Бисмарка и имперіализма. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ извѣстный военный писатель, Вильгельмъ Рустовъ, біографическій очеркъ¹⁾ котораго помѣстилъ нѣмецкій публицистъ М. Гервегъ въ послѣднихъ книгахъ «Revue Nouvelle». Вильгельмъ Рустовъ родился 21 мая 1821 г. въ Бранденбургѣ, гдѣ его отецъ, происходившій изъ древняго дворянскаго вендскаго рода, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ въ окрестностяхъ Новаго-Рунцина. Воспитаніе его началось дома, а окончилось въ Бранденбургской гимназіи, гдѣ онъ основательно изучилъ греческій языкъ и другіе классическіе предметы. Его родители имѣли различные взгляды относительно его послѣдующей карьеры; отецъ хотѣлъ сдѣлать его адвокатомъ, а мать, пламенная католичка изъ рейнскихъ провинцій, намѣревалась посвятить его духовному званію. Сначала желаніе матери взяло верхъ, и четырнадцатилѣтній Рустовъ былъ отданъ въ іезуитскую школу; но черезъ два года, по настоянію отца, молодой человѣкъ перешелъ въ Гейдельбергскій университетъ на юридическій факультетъ. Однако, въ концѣ концовъ онъ послѣдовалъ своему личному призванію и пошелъ въ военную службу. Въ десять или двѣнадцать послѣдующихъ лѣтъ въ его жизни не произошло ничего замѣчательнаго: онъ старательно посѣщалъ артиллерійскую академію въ Берлинѣ и былъ произведенъ въ офицеры. Въ 1848 г. его причислили къ генеральному штабу корпуса генерала Врангеля и послали

¹⁾ Guillaume Rustow: р. Herwegh. «La Nouvelle Revue, 16 Decembre, 15 Janvier, 1907.

въ Познань для усмиренія вснхнувшаго тамъ возстанія. Это прямо противорѣчило, какъ его убѣжденіямъ, такъ и характеру; поэтому, несмотря на его высокія военныя достоинства, онъ своими либеральными идеями повредилъ себѣ во мнѣніи высшаго начальства, въ особенности, когда въ 1850 г. издалъ брошюру: «Военное положеніе Германіи прежде и во время революціи 1848 г.». Въ ней онъ откровенно и свободно выразилъ свои убѣжденія, за что его предали суду по обвиненію въ оскорбленіи величества, государственной измѣнѣ и оскорбленіи министра. Послѣ предварительнаго ареста въ теченіе семи недѣль, онъ предсталъ предъ военнымъ судомъ по одному обвиненію въ оскорбленіи величества и былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года. Но король кассировалъ приговоръ, официально назвалъ Рустова «презрѣннымъ» и настоялъ на другомъ приговорѣ, который присудилъ молодого человѣка къ тюремному заключенію на тридцать одинъ годъ, а затѣмъ къ десятилѣтнему полицейскому надзору. Заключенный въ одну изъ крѣпостей Познани, несчастный только и думалъ о томъ, какъ спастись бѣгствомъ? Но это было не легко. Однако Рустовъ принялся за дѣло очень энергично; получивъ отъ друзей нахлобъ, онъ началъ ежедневно подпиливать рѣшетку на окнѣ, маскируя сдѣланную работу хлѣбной мякишью. Когда работа значительно подвинулась, то онъ получилъ отъ неизвѣстнаго друга въ тарелкѣ съ супомъ длинный шелковый шнурокъ, который немедленно спряталъ подъ постель. Вдругъ распространился слухъ, что Рустова переведутъ въ Силезію, въ крѣпость Логау, а, слѣдовательно, попытку къ бѣгству надо было устроить немедленно. Однажды ночью, пользуясь минутой, когда часовой повернулся къ нему спиною, онъ снялъ съ окна подпиленную рѣшетку и съ помощью шелковаго шнурка, прикрѣпленнаго къ одной изъ перекладинъ, спустился на сосѣднюю крышу. Спрыгивая съ крыши нижняго зданія, онъ обратилъ на себя вниманіе двухъ рабочихъ, которые донесли обо всемъ начальнику тюрьмы. Послѣдній приказалъ бить тревогу, и такъ какъ сразу бѣглеца не поймали, то за его голову была объявлена награда въ сто талеровъ. Однако Рустовъ благополучно избѣгъ опасности вторично попасть въ тюрьму и укрылся на остальную ночь у одного своего пріятеля. На другой день онъ перодѣлся молодой дамой и счастливо выбрался изъ города, а велѣдъ затѣмъ изъ Германіи, перекочевавъ въ Швейцарію, гдѣ вскорѣ добрался до Цюриха. Всѣ подробности этого бѣгства очень интересно переданы самимъ Рустовымъ въ его рукописныхъ «Мемуарахъ», до сихъ поръ не напечатанныхъ, но находившихся у Гервега. Очувшившись на свободѣ, онъ посвятилъ себя литературнымъ трудамъ и написалъ нѣсколько военныхъ сочиненій, которыя имѣли значительный успѣхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего переселенія въ Цюрихъ онъ купилъ въ одномъ ближнемъ селеніи свидѣтельство на право мѣстнаго гражданства, вступилъ въ швейцарскую армію въ чинѣ капитана и женился; впрочемъ, о послѣднемъ событіи имѣются самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Напротивъ, о своемъ новомъ гражданствѣ онъ говоритъ въ «Мемуарахъ»: «Я сдѣлался швейцарцемъ, гражданиномъ Швейцаріи и пересталъ быть нѣмцемъ. Я долженъ прибавить, что никогда не сожалѣлъ о Германіи, а всякій разъ, какъ мнѣ приходилось покинуть Швейцарію, я чувствовалъ на-

стоящую тоску по родинѣ. Собаки—называющіе себя либералами и конституціоналистами—вы увѣряете, что я все-таки тевтонецъ, но напрасно! Уѣ люди, которыхъ вы преслѣдуете, дѣйствительно, мнѣ—земляки, но они живутъ далеко за границей Бисмарковской Германіи: съ вами же я не имѣю ничего общаго». Въ маѣ 1860 г. Гарибальди предпринялъ свою знаменитую экспедицію въ Сицилію и ему дѣятельно содѣйствовалъ Рустовъ, взявшій временную отставку у швейцарскаго правительства. Итальянскіе патріоты произвели его въ бригадные генералы, и онъ отличился въ сраженіи при Кануѣ, а также при Вальтурно, гдѣ подъ нимъ были убиты три лошади. Вступивъ съ необходимыми войсками Гарибальди въ Неаполь, онъ присутствовалъ при передачѣ бывшаго Неаполитанскаго королевства—Виктору-Эммануилу и потомъ вернулся въ Швейцарію, гдѣ снова поступилъ на военную службу, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая свои литературные труды. Между прочимъ, онъ написалъ воспоминанія объ итальянской кампаніи и опровергнулъ всѣ клеветы, взведенныя на него газетами. Черезъ два года онъ познакомился съ извѣстнымъ Фердинандомъ Лассалемъ и былъ его секундантомъ при его дуэли съ валахомъ Раковичемъ, который убилъ народнаго трибуна. Рустова многіе обвиняли въ неумѣніи предупредить этотъ поединокъ, но онъ писалъ своему другу, также прусскому эмигранту, поэту Генриху Гервегу: «Мнѣ взваливаютъ на спину всю эту исторію, и каналы не перестаютъ кричать, что я—причина смерти Лассала, тогда какъ никто болѣе меня не сожалѣетъ объ его кончинѣ; но эта дуэль была неизбежна. Тщетно пытались бы сами боги бороться съ такой велѣицей». Кромѣ Гервега, у Рустова были закадычными друзьями Маццини, Германъ Оргъ, полковникъ Гофштетеръ и французы: полковникъ Кольсонъ и генераль Ларклезъ, переводчикъ многихъ изъ военныхъ сочиненій Рустова. Во время войнъ Пруссіи съ Австріей и Франціей онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ, пламенно разнося Бисмарка за его политику «железа и огня». Однако, несмотря на его ненависть къ германскому канцлеру, послѣдній вѣсколько лѣтъ пытался переманить его на свою сторону, но получалъ всегда гнѣвный отказъ. Произведенный въ полковники главнаго штаба швейцарской республики, Рустовъ получалъ нѣсколько важныхъ порученій осматрѣть личные корпуса и попрежнему занимался изданіемъ военныхъ трудовъ, число которыхъ достигло громадной цифры—тридцати восьми. Изъ этихъ произведеній, уважаемыхъ военными кругами всѣхъ странъ, наиболѣе замѣчательны: «Исторія пѣхоты», «Генеральная тактика», «Военное искусство въ XIX столѣтіи», «Первыя кампаніи Наполеона въ Италіи и Германіи» и т. д. Съ приближеніемъ старости Рустовъ началъ приходить въ унылое разочарованіе: его сочиненія, выражавшія повсюду республиканскія идеи, мало цѣнились общей публикой, и онъ началъ считать, что сталъ некому не нуженъ, даже своимъ дѣтямъ. «Я умру отъ окружающей подлости»,—писалъ онъ вдовѣ Гервега незадолго до своей смерти. А въ послѣднемъ прощальномъ письмѣ къ своимъ двумъ дочерямъ онъ увѣрялъ, что его смерть освобождаетъ даже ихъ. При этомъ онъ проситъ посадить на своей могилѣ розовый кустъ, а не воздвигать никакого памятника. Несмотря на такіа, предсказывавшія его смерть, слова, никто не ожидалъ, что онъ самъ наложитъ на себя руку,

но это случилось 14-го мая 1878 г. Въ видѣ характеристики всей его жизни, онъ писалъ г-жѣ Гервегъ за нѣсколько лѣтъ до своей роковой кончины: «Настоящее время исключаетъ всѣхъ, которые, какъ я, сохранили въ себѣ хоть малѣйшую искру идеала». Чуждый всѣмъ политическимъ партіямъ, искренній демократъ, не принадлежавшій ни къ одному изъ клубовъ, Вильгельмъ Рустовъ питалъ вѣру въ народъ и часто говорилъ: «Спасеніе придетъ снизу».

— Готскій альманахъ. Черезъ шесть лѣтъ минетъ полтора вѣка знаменитому международному ежегоднику, который однако не самый старѣйшій изъ подобныхъ изданій. Его предшественникомъ были французскій «Almanach Royal», но его, конечно, совершенно затмилъ до сихъ поръ издающійся соперникъ—«Готскій Альманахъ». Въ первомъ номерѣ «Scribner's Magazine» мы находимъ любопытный очеркъ его происхожденія и существованія. Онъ былъ основанъ въ 1763 г. и полный комплектъ его ежегодныхъ томовъ находится только въ редакціи, въ Готѣ. Первоначально названіе альманаха было «Готскій генеалогическій и авторскій календарь», и онъ появился подъ покровительствомъ предсѣдателя королевскаго кабинета, оберъ-гофмейстера и наставника наслѣднаго принца Саксенъ-Гота-Альтенбургскаго, а чрезъ годъ онъ принялъ свое теперешнее заглавіе: «Готскій Альманахъ». Содержаніе его было одинаковое со всѣми календарями, и онъ отличался отъ нихъ лишь генеалогическимъ спискомъ всѣхъ державныхъ и высокопоставленныхъ въ Европѣ особъ съ обозначеніемъ ихъ именъ и дней рожденія. Съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе распространялись въ альманахѣ генеалогическія подробности, и въ 1768 г. введены иллюстраціи, которыя съ 1832 г. ограничиваются исключительно одними портретами. Издатель «Готскаго Альманаха» не призналъ французской революціи, но Наполеонъ взялъ въ свои руки ежегодникъ и сдѣлался, въ сущности, его редакторомъ. Такъ какъ предкомъ Наполеона былъ онъ самъ, то естественно, что первымъ дѣломъ онъ запретилъ печатать генеалогическое древо знатныхъ лицъ и настаивалъ на томъ, чтобы списокъ коронованныхъ особъ начинался съ него. Но это редактированіе длилось недолго, и редакторскія права Наполеона исчезли вмѣстѣ съ императорскими въ 1814 г. «Готскій Альманахъ» только въ 1824 г. удостоился признать Соединенные Американскіе Штаты заслуживающими занять мѣсто на его страницахъ; въ настоящее время онъ упоминаетъ въ своемъ изданіи обо всѣхъ правительствахъ на свѣтѣ, какія бы они не были. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1822 г. въ альманахѣ появился и списокъ посланниковъ всѣхъ державъ. Содержаніе альманаха состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый—исключительно генеалогическій и въ немъ помѣщены не только всѣ державныя династіи Европы, но и тѣ, которыя потеряли свои престолы съ 1815 г. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ подробный перечень пятидесяти шести медатизированныхъ родовъ или тѣхъ, которые потеряли свою прямую юрисдикцію, но сохранили свои владѣнія и равенство по рожденію съ царствующими.

¹⁾ The Almanach de Gotha. By Francis Gribble, «Scribner's Magazine». January 1907.

щими домами. Не слѣдуетъ забывать, что самый скромный представитель самаго низшаго медиатизированнаго рода не имѣетъ права жениться на представительницѣ самаго высшаго дворянства, не совершивъ при этомъ мезальянса. Ко второму отдѣлу присоединяется еще третій подотдѣлъ, въ который входятъ все аристократы не державнаго рода, все князья и герцоги; графы и бароны внесены въ особое приложеніе. Редакторъ ежегодника опредѣляетъ самъ, кто заслуживаетъ и кто не заслуживаетъ быть внесеннымъ въ его изданіе. О немъ говорятъ: «Редакторъ «Готскаго Альманаха» болѣе роялистъ, чѣмъ короли, и болѣе аристократиченъ, чѣмъ самый чистокровный аристократъ. Въ альманахѣ помѣщены также свѣдѣнія обо всехъ высшихъ официальныхъ бюрократахъ каждой страны и официальные данныя о военныхъ и морскихъ силахъ всего свѣта. Онъ печатается фирмой Юстуса Пергуса съ 1817 г. Его редакторъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и издатель, г. Вендельматъ, вполне посвященъ во все, что касается геральдики, генеалогіи и статистики.

— Письма г-жи Мухановой. На дняхъ вышли въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ письма г-жи Мухановой, по первому браку Галерджи, племянницы бывшаго канцлера графа Нессельроде. Ея отецъ, братъ канцлера, былъ нѣмецъ, а мать полька; большую часть своей жизни г-жа Муханова провела въ Германіи и во Франціи. Отличаясь красотой, воспитанной не однимъ европейскимъ великимъ поэтомъ, блестящимъ образованіемъ, знаніемъ многихъ языковъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ славилась артистическими талантами и была другомъ Шопена, Листа и Вагнера. Ея переписка имѣетъ громадный успѣхъ въ Германіи и обнимаетъ собою эпоху современной исторіи отъ 1853—74 г. Въ письмахъ, касающихся войнъ Пруссіи съ Австріей и Франціей, интересна характеристика прусской королевы предъ войной. Въ откровенномъ разговорѣ съ авторомъ прусская королева оправдала вполне то высокое мнѣніе объ ея умѣ и сердцѣ, которое имѣла о ней г-жа Муханова. «Невозможно,—говоритъ она,—судить съ большею справедливостью о современной политикѣ и питать къ Бисмарку большую неприязнь, какъ королева; она всегда относилась съ отвращеніемъ къ войнѣ съ Даніей и очень опасается, чтобы исторія не обвинила за нее короля, каковъ бы ни былъ результатъ новой войны. Въ концѣ разговора она воскликнула: «Я была нѣмкой, прежде чѣмъ сдѣлаться пруссачкой; я буду страдать со всякимъ нѣмцемъ, который пострадаетъ отъ этой роковой войны!» Я вышла отъ королевы вся въ слезахъ,—прибавляетъ г-жа Муханова, — и только изъ этикета не бросилась къ ней на шею». Постъ быстро и побѣдоноснаго для пруссаковъ окончанія войны, г-жа Муханова замѣчаетъ, что «императоръ Наполеонъ почти принужденъ общественнымъ мнѣніемъ потребовать отъ Пруссіи какой-нибудь территоріальной уступки, но говорятъ, что Бисмаркъ ему въ этомъ откажетъ.» Произошла бы величайшая исторія, если бы Франція была въ состояніи вести войну, но она этого не можетъ». Черезъ мѣсяць она снова писала о томъ же предметѣ: «Французы все еще безумствуютъ о Рейнской границѣ; я не могу слышать безъ отвращенія, когда говорятъ о народѣ, какъ о скотинѣ, которую берутъ, не спросивъ ея согласія. Друзанъ де-Люисъ (французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) хотѣлъ тотчасъ объявить войну Пруссіи, но императоръ,

нѣсколько ослабленный своей болѣзью и гораздо разумнѣе окружающихъ, требуетъ отсрочки. Онъ рассчитываетъ на то, что всемірная выставка произведетъ перемѣну въ общественномъ мнѣніи; надо надѣяться, что за нимъ останется перевѣсъ. Пруссія можетъ въ настоящее время поставить на военную ногу 750.000 человекъ, и всякій германецъ возьмется за ружье въ случаѣ иностраннаго вторженія. Это было бы разомъ—доставить успѣхъ Гогенцоллернамъ и единству Германіи, которое придетъ само собою, но медленно, вмѣстѣ съ свободой *und mit dem Aufgehen Preussens in Deutschland...*» Несмотря на торжество Пруссіи и Бисмарка, г-жа Муханова выражаетъ мнѣніе, что Австрія еще не погибла, а напротивъ, въ будущемъ займетъ еще болѣе могущественное положеніе въ политикѣ. Что же касается до Бисмарка, то она, такъ же, какъ прусская королева, попрежнему его ненавидѣла и сожалѣла, что король наивно вѣрилъ въ свою божественную миссію. При этомъ она увѣряетъ, что въ газетахъ преувеличенъ энтузіазмъ Берлина, и что если Бисмаркъ не подыметъ знамени свободы, то ему придется бороться съ тяжелыми затрудненіями. Однако, это мнѣніе оказалось ложнымъ, и Бисмаркъ отъ австрійскихъ побѣдъ перешелъ къ французскимъ. Г-жа Муханова даже сама стала раздѣлять германскій патріотизмъ. Въ августѣ 1870 г. она писала: «У всей Германіи теперь одно сердце и одна душа; все совершается здѣсь спокойно, съ достоинствомъ, безъ ненависти и хвастовства: я каждый день обѣдаю во дворцѣ (въ Штутгартѣ у короля Виртембергскаго) и очень поражена тѣмъ приличіемъ, которое тамъ царитъ. Никто не произноситъ ни одного оскорбленія противъ французовъ, но всѣ ихъ сожалѣютъ. Что касается до своей маленькой, храброй арміи, то король ею очень гордится. Здѣсь всѣ говорятъ о деморализаціи французской арміи, но я боюсь, чтобы во Франціи не поднялся весь народъ. Сердце мое болѣзненно бьется при разговорахъ о походѣ на Парижъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ война очень затянется.» Г-жа Муханова снова ошиблась, и въ нѣсколько мѣсяцевъ война была окончена, Парижъ былъ взятъ, и Франція стояла на краю гибели. Какъ ярая сторонница консерватизма, г-жа Муханова сожалѣла Францію, но приписывала всю вину великой революціи 1793 г. и увѣряла, что «надо сослать въ Кайенну всѣхъ, кто ею восхищался». Послѣ заключенія мира, она уже не говоритъ ни слова противъ Бисмарка, а отъ новаго германскаго императора приходитъ въ восторгъ; она видѣла его въ сентябрѣ 1871 г. въ Баденѣ и говоритъ: «Этотъ герой-старикъ, символъ германскаго единства и основатель новой эры, мнѣ кажется новымъ существомъ. Какое необыкновенное счастье было бы моему отцу дожить до этой радостной минуты. Но надо сознаться, что императору нисколько не перемѣнился въ своихъ обычныхъ привычкахъ: онъ, какъ всегда, скромнень, дружественъ и привѣтливъ со всѣми».

Желѣзная корона румынскаго короля. Жена Карла I, извѣстная подъ литературнымъ псевдонимомъ Карменъ Силва, помѣстила въ январскомъ номерѣ «Pall-Mall Magazine» любопытную статью¹⁾ о происхо-

¹⁾ How the king of Roumenia was crowned with an iron crown. By «Carmen Sillva». «Pall-Mall Magazine» January, 1907.

жденіи румынской короны. Румынскій король Карль I, сынъ герцога Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, родился въ 1839 г., воспитывался въ Боннскомъ университетѣ. Потомъ онъ служилъ въ прусской арміи, а въ 1866 г. румынскій народъ избралъ его своимъ княземъ. Сначала ему приходилось вести, кромѣ борьбы вѣншей съ турецкимъ султаномъ, который не хотѣлъ его признавать, и внутреннюю. Карль дружилъ то съ либералами, то съ консерваторами, проводя въ странѣ административныя и экономическія реформы. Черезъ три года онъ женился на Елисаветѣ Виддъ, а черезъ одиннадцать вступилъ въ союзъ съ Россіей противъ Турціи. Во время послѣдней Турецкой войны онъ прославилъ себя многими побѣдами и покрылъ славой свое государство. Послѣ мира его подданные приставали къ нему съ просьбою принять королевскую корону, но онъ всегда отвѣчалъ: «Наши побѣды одержаны безъ этого титула. Что же касается до меня, то я довольствуюсь тѣмъ титуломъ, который я получилъ при рожденіи и котораго меня не можетъ лишить никакое вѣншее событіе. Что же касается страны, то она не нуждается ни въ какомъ новомъ названіи для того, чтобы народъ вѣрилъ въ ся юную жизненность». Но послѣ убійства императора Александра II румыны въ монархическомъ нылу провозгласили своего князя королемъ, и Карменъ Сильва слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ это случилось. «Мы оба, — пишетъ она, — сидѣли за своей работой, когда депутаты и сенаторы ворвались во дворецъ, потащили насъ въ нашей будничной одеждѣ въ тронную залу и тамъ объявили насъ королемъ и королевой, а страну королевствомъ. Это было трогательное зрѣлище, на которомъ присутствовало много лицъ, пострадавшихъ за родину и ради ея изгнанныхъ въ ссылку и сидѣвшихъ въ тюрьмахъ; по ихъ морщинистымъ щекамъ теперь струились слезы, а въ ихъ глазахъ блестѣла радость при видѣ совершившейся давно дѣланной ими надежды. Но румынамъ недостаточно было провозглашенія Карла I королемъ: они требовали также церемоніи, требовали коронаванія, а такъ какъ коронація не могла обойтись безъ короны, то они предложили заказать ювелирамъ золотую корону; однако новый король рѣшительно на это не соглашался. «Что мнѣ дѣлать?» — говорилъ онъ, оставаясь наединѣ съ Карменъ-Сильва — «я не хочу современной короны и особенно заказанной за границей; кромѣ того, я никогда не соглашусь на подобный бессмысленный расходъ. Но чѣмъ же намъ угодить нашимъ подданнымъ — взрослымъ дѣтямъ, которые не будутъ довольны отсутствіемъ короны, по ихъ мнѣнію, служащей обезпеченіемъ существованія королевства? Для насъ же мысль о коронѣ совершенно излишня, такъ какъ мы не привыкли жить съ ненужными великолѣпіемъ и торжественностью. Напротивъ, мы всегда существовали просто и даже одно время бѣдно. Я солдатъ — и больше ничего; я спалъ во время войны въ палаткѣ, и по утрамъ снѣгъ такъ высоко ее заносилъ, что приходилось откапывать входъ. Я былъ тогда совершенно счастливъ среди моихъ храбрыхъ солдатъ, съ которыми я раздѣлялъ лишенія и трудности; я всегда ненавидѣлъ роскошь и церемонію. Наше государство новое и свободное, съ такими либеральными учрежденіями, какъ рѣдко встрѣчается въ республикѣ, а теперь отъ меня требуютъ, чтобы я короновался и надѣлъ корону, — однимъ словомъ, подвергся церемоніи, какъ

въ театрѣ. Это, право, ужасно». Его жена ясно видѣла, что при такихъ обстоятельствахъ ему не заснуть всю ночь: и ей самой было очень неприятно перемѣнить родной, старинный титулъ «Марія Та», т. е. валие высочество. На другое утро, однако, король съ улыбкой сказалъ ей: «Я нашелъ единственное средство дать нашей новой коронѣ такое же значеніе, какое имѣютъ легендарныя короны древнихъ монархій; мы пошлемъ въ арсеналъ за одной изъ взятыхъ у турокъ пушекъ, расплавимъ ее и изъ того же самага чугуна, который погубилъ столько румынъ, мы сдѣлаемъ корону; она будетъ символомъ того, что мы приобрѣли ее на полѣ брани и кушили своей кровью». Эта мысль всѣхъ изумила и обрадовала: они даже не хотѣли вѣрить, что она вошла въ голову королю, а не Кармень-Сильвѣ—поэту по призыванію. Но послѣдняя отвѣтила съ торжествомъ: «Развѣ вы не знали, что король также поэтъ, но онъ пишетъ стихи не перомъ, а мечомъ, и что ихъ поютъ не подъ звуки лиръ, а подъ звуки барабановъ и трубъ, подъ грохотъ несущихся на враговъ эскадроновъ». Какъ бы то ни было, румыны ни за что не хотѣли оставить королевы безъ золотой короны, и она никакъ не могла сопротивиться общему желанію. Во время коронаціоннаго торжества король, послѣ краснорѣчивой рѣчи къ народу, простеръ руку къ поднесенной ему на подушкѣ коронѣ. Всѣ ожидали, что онъ ее надѣнетъ, но онъ, напротивъ, высоко поднявъ ее, простеръ надъ головами присутствующихъ, словно говоря: «Я короную свой народъ, а не себя; я освящаю эту страну, какъ королевство, на всѣ времена». Всѣ румыны поняли значеніе этого движенія руки и раздались несмолкаемые крики радости. Отказавшись надѣть корону, король ясно говорилъ, по словамъ Кармень-Сильвы: «Я первый слуга государства».

— Абдуль-Гамидъ. Одинъ изъ бывшихъ турецкихъ подданныхъ, судя по его имени—Зеферъ-Бей, а теперь, очевидно, злѣйшій врагъ султана Абдуль-Гамида, очертилъ въ «La Revue» нѣтимныя стороны характера Абдуль-Гамида, представивъ его нравственный обликъ въ самой непривлекательной окраскѣ. Авторъ не удовольствовался подобной оцѣнкой личности султана, а попутно отдать должное и европейскимъ державамъ, поддерживающимъ съ султаномъ дружественныя отношенія, отвелъ европейцамъ мѣсто въ рядахъ продажныхъ сообщниковъ по дезорганизациі турецкой имперіи, для которыхъ «чѣмъ скорѣ Турція придетъ въ упадокъ, тѣмъ легче для насъ дѣлать ся бранные останки». Вся статья полна желчи озлобленнаго человѣка, повидимому, лишеннаго родины, и если она черезчуръ односторонна, пристрастна и не считается съ обстоятельствами, то, во всякомъ случаѣ, въ ней много горькой правды относительно европейцевъ. Какъ извѣстно, царствовавшій съ 1830—70 г. предшественникъ теперешняго султана, не считая больного Мурада, былъ наказанъ за свое коварство по отношенію къ народу. Раздразнивъ съ самага начала своего вступленія на престолъ обѣщаніями реформъ надежды несчастнаго турецкаго народа, задыхающагося подъ тяжестью деспотизма, онъ векорѣ измѣнилъ свою тактику и проявилъ совершенно обратное, доведя свой деспотизмъ до крайней жестокости. Притомъ онъ проявилъ такую расточительность за счетъ народа и полную политическую неспособность, что его присутствіе на тронѣ было опасно и неспособно даже турецкому народу, при-

вычному гнуть спину подъ тяжестью султанскаго ига. Поэтому неудивительно, что Абдуль-Азису пришлось за все расплатиться, и 30 мая 1876 г. въ 4 часа утра между нимъ и генераломъ Редифомъ-пашою, делегатомъ военнаго министра, Гуссейномъ-Авни-паши, явившимся къ нему въ опочивальню, произошелъ слѣдующій разговоръ:—«Государь, съ прискорбіемъ сообщая вамъ, что нація съ общаго согласія свергла васъ съ престола и назначила главою болѣе достойнаго управлять ею», сказалъ Редифъ-паша.—«Какая нація и кто вы такой, что говорите отъ ея имени?» спросилъ султанъ.—«Ваше величество, вамъ стоитъ бросить взглядъ на улицу и вы увидите, что дворець окруженъ войсками, которыя сами являются делегатами націи, повидимому, вамъ неизвѣстной».—«Вы не что иное, какъ бунтовщики и неблагодарные. Редифъ, ты самый виновный изъ разбойниковъ, замыслившихъ мое паденіе, такъ какъ ты обязанъ мнѣ всеѣмъ—и своимъ повышеніемъ, и своимъ положеніемъ». Часъ спустя послѣ этой сцены на Сераскеріатской площади прогремѣла пушка, а на минаретѣ мечети Бешикъ-Ташъ муэзинъ громко объявлялъ народу, что на тронъ Османа вступилъ султанъ Мурадъ V. Сверженіе съ престола Абдуль-Азиса было обсуждено на общемъ совѣтѣ министрами: иностранныхъ дѣлъ—Рашидъ-пашою, морскимъ—Кэсарли-пашою, военнымъ—Гуссейнъ-Авни-пашою, председателемъ государственнаго совѣта—Мидхадомъ-пашою и великимъ визиремъ Рихди-пашою. Среди этихъ сановниковъ находилось нѣсколько тѣлохранителей, которымъ предстояло играть роль въ предстоящей драмѣ. Черезъ недѣлю адъютантъ свергнутаго султана, кавказецъ по происхожденію, явился въ совѣтъ министровъ, собравшихся въ конакъ Мидхада-паши и внезапно пять разъ выстрѣлилъ изъ револьвера, убивъ при этомъ двухъ министровъ и ранивъ еще четырехъ присутствующихъ. Между тѣмъ народу объявили, что султанъ Абдуль-Азисъ окончилъ жизнь «самоубійствомъ»—предлогъ, часто употребляемый въ Турціи. Это «самоубійство» было официально оформлено подписью двадцати врачей. Только что вступившій султанъ Мурадъ, потрясенный сверженіемъ съ престола дяди и его трагической смертью, узнавъ о происшедшемъ убійствѣ въ конакѣ, совершенно сошелъ съ ума. Сообщники, покончившіе такъ рѣшительно съ Абдуль-Азисомъ, дѣлали невозможныя усилія, чтобы скрыть это обстоятельство отъ народа и оставить у власти душевнобольнаго Мурада. Это имъ временно удалось, но черезъ три мѣсяца все-таки пришлось обнаружить предъ народомъ истину и замѣтить больнаго Мурада его братомъ Абдуль-Гамидомъ. Однако, прежде чѣмъ вручить ему бразды правленія, паши, изъ предусмотрительности и предосторожности, заставили его подписать документъ, которымъ онъ обязался даровать народу конституцію и уважать законы и традиціи имперіи, и вручили его на сохраненіе шейху уль-Исламу, Гайтрулаху-Эффенди. Пока совершались эти событія въ Константинополѣ, внѣшнее положеніе имперіи становилось все болѣе критическимъ: въ Босніи и Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе, а затѣмъ въ Болгаріи и Сербіи. Последнее послужило предлогомъ для Русско-турецкой войны. Поэтому Турціи угрожала, съ одной стороны, внѣшняя война, съ другой—внутренняя революція. При такихъ обстоятельствахъ вступилъ на престолъ Абдуль-Гамидъ и потому неудивительно, что онъ вложилъ въ свою тактику хитрость и подозрительность, доходящая до фанатизма. Ему

предстояло утвердиться на тронѣ и удалить лицъ, помогшихъ ему встать у власти. Прежде всего онъ покинулъ обычную резиденцію султановъ и поселился на вершинѣ холма Ильдизъ, предварительно укрѣпивъ его, какъ будто ему предстояло подвергнуться жестокой осадѣ. Въ то же время онъ сослалъ великаго визиря въ Спрукахъ, Мидхада-пашу въ Бриндизи, а Гайтрулаха-Эффенди въ Таифъ. Для исполненія этой смѣлой операціи онъ прибѣгнулъ къ тому же Редифу-пашѣ, который представилъ Абдуль-Азису ультиматумъ объ его сверженіи съ престола, и ради этого отложить на время планъ отдѣлаться отъ стѣпенительнаго чловѣка, но внослѣдствіи, несмотря на мольбы своей любимой сестры, приказать его задушить въ Таифѣ. Когда Берлинскій трактатъ былъ подписанъ 13 іюня 1878 г., Абдуль-Гамидъ сосредоточилъ все свои мысли на созданіи особаго правительственнаго режима, по словамъ Зеферъ-Бея, «единственнаго въ своемъ родѣ въ исторіи по своей деспотической тенденціи, до какой никогда еще ни одинъ деспотъ не могъ додуматься». Достигнувъ преждевременно власти, благодаря заговору, онъ, естественно, во все свое долгое царствованіе думалъ лишь объ одномъ: какъ бы и съ нимъ не случилось неприятой неожиданности въ родѣ той, какой подвергся его дядя Абдуль-Азисъ. Поэтому, чтобы предупредить заговоры, онъ старался не допускать миролюбивыхъ отношеній между лицами, благодаря которымъ онъ занялъ тронъ Османа. Его мысли сосредоточивались на одномъ—удержать за собою престолъ во что бы то ни стало, даже цѣною будущности имперіи, судьбы и счастья довѣреннаго ему турецкаго народа, имени, какое онъ оставитъ въ исторіи, и интересовъ династіи. Для достиженія этого онъ составилъ слѣдующій планъ: прежде всего привести къ одному знаменателю, подчинить, а если необходимо, то уничтожить въ административныхъ, юридическихъ, военныхъ и дипломатическихъ учрежденіяхъ всѣхъ лицъ, оставшихся со времени его предшественниковъ. Ради этого Абдуль-Гамидъ не пренебрегалъ никакими средствами и началъ съ того, что стеръ съ лица земли лицъ, доставившихъ ему власть, и удалить весь прежній придворный персоналъ. Онъ составилъ себѣ новый гражданскій и военный штатъ изъ молодыхъ людей, только что окончившихъ лицей въ Галатъ-Сарай и военную школу, и далъ имъ направленіе по своему усмотрѣнію. Затѣмъ онъ изгналъ всѣхъ генераловъ, независимый характеръ которыхъ его пугалъ, раздѣлилъ армію въ Константинополѣ на два отдѣла, которые назвалъ первымъ и вторымъ корпусомъ. Одинъ изъ корпусовъ находился подъ номинальной командою военнаго министра, за которымъ слѣдили оберъ-офицеры, въ свою очередь подвергнутые надзору шпионовъ, тоже не оставленныхъ безъ надзора. Другой корпусъ составлялъ его личную гвардію, которая расположена въ казармахъ и баракахъ вокругъ Ильдиза и живетъ въ полномъ довольствѣ, совершенно противоположно остальнымъ войскамъ въ Константинополѣ и провинціяхъ. Султанъ завелъ громадный альбомъ съ фотографическими карточками его офицеровъ, отъ которыхъ онъ тщательно отбираетъ ихъ біографическія подробности, и военный министръ не только не имѣетъ власти перемѣстить кого-нибудь изъ нихъ, но даже никого не знаетъ въ лицо и по имени. Маршалъ, командующій этимъ корпусомъ, положительно осыпанъ золотомъ и не имѣетъ никакого соотношенія съ своимъ іерархи-

ческимъ начальникомъ. Такимъ образомъ, у султана имѣется подъ рукою армія, готовая его защищать и жертвовать собою ради него. Его осторожность и предусмотрительность доходятъ до того, что онъ старается посягать недобѣріе другъ къ другу въ своемъ войскѣ, возстановляя албанцевъ противъ сирійцевъ, турокъ изъ Малой Азіи и даже негровъ. Начальниками албанцевъ непремѣнно должны быть турки, а турокъ—албанцы, и такъ введено во всѣхъ батальонахъ и полкахъ. Кромѣ того, при каждомъ сформированномъ отрядѣ находится отрядъ шпионовъ, за которыми, въ свою очередь, слѣдятъ другіе шпионы. Въ низверженіи его дяди флотъ принималъ дѣятельное участие, а потому султанъ поставилъ во главѣ его преданнаго пашу, на обязанности котораго лежитъ единственная задача—радикально уничтожать эту морскую силу, держа ее запертой въ Золотомъ Рогѣ, который она никогда не можетъ переступить. «Послѣ двадцатилѣтняго отдыха въ этотъ мутномъ каналѣ,—говоритъ Зеферъ-Бей—она никуда не будетъ годиться, а пока, командуя флотомъ, этотъ паша грабитъ свое министерство, зная, что въ благодарность за его службу онъ не подвергнется наказанію». Правосудіе султанъ тоже передѣлалъ на свой ладъ, посадивъ судьями людей, даже не подозревающихъ о существованіи свода законовъ, и потому приговоры произносятся по усмотрѣнію султана и руководствуясь его страстями. Всякое попятное къ независимости наказуется отрѣшеніемъ отъ должности и изгнаніемъ, изъ опасенія, чтобы новый социальный слой не вмѣшался въ общественную жизнь и не критиковалъ администраціи. За всѣми военными школами учрежденъ надзоръ лицами, рабски преданными султану, роль которыхъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы какъ можно болѣе ограничивать программу преподаванія. Если какой-нибудь несчастный вздумаетъ прочитать запрещенную книгу—а другого чтенія нѣтъ,—его въ ту же ночь арестуютъ, закуютъ въ цѣли и отправятъ во внутрь Триполитана или въ знойныя аравійскія степи, и родные не смѣютъ справляться объ его судьбѣ, рискуя подвергнуться той же участи. Въ дипломатическомъ мірѣ султанъ также произвелъ перемѣну персонала, давъ ему миссіей, по словамъ Зеферъ-Бея, не защиту интересовъ Турціи, а лично султана. На обязанности посольства лежитъ надзоръ за прессой съ цѣлью, чтобы «она не обнаруживала истины его тлетворнаго царствованія, Султанъ постоянно возбуждаетъ вражду между расами, натравляя одну на другую, и благодаря такой игрѣ онъ разорилъ многія изъ турецкихъ прекрасныхъ провинцій, а нѣкоторыхъ совсѣмъ лишилъ. Мало того, онъ учредилъ въ Константинополѣ отрядъ шпионовъ, набравъ извѣстныхъ разбойниковъ, которые должны доставлять ежедневно тысячи доносовъ не только о томъ, что они слышали и видѣли, но и о томъ, что лично изобрѣли и создали съ цѣлью держать общество все время въ возбужденномъ состояніи. Вышеаго начальства для провѣрки этихъ доносовъ не существуетъ, но зато учреждены многіе отдѣлы, которые провѣряютъ другъ друга и постоянно доносятъ одинъ на другой. За иностранными посланниками, ихъ женами, дѣтьми и секретарями учрежденъ надзоръ, и съ этою цѣлью подкупаются драгоманъ. На эту постыдную должность выбираютъ большею частью видныхъ чиновниковъ, не мусульманъ, и поэтому въ Турціи является столько скандальныхъ богатствъ и вѣнучныхъ должностей. Телеграфъ и почта находится въ

рукахъ султана, и прежде, чѣмъ адресатъ прочитаетъ телеграмму или письмо, она побываетъ въ рукахъ чиновниковъ. Телефонъ и электричество запрещены во избѣжаніе злыхъ умысловъ, чиновники не могутъ посѣщать театровъ, чтобы не видѣться между собою и не составлять заговоровъ. Никакое свадебное пиршество или похороны не совершаются безъ высшаго разрѣшенія. У войска не имѣется снарядовъ, а пушки заперты въ казарменныхъ помѣщеніяхъ, двери которыхъ запечатаны. Министры видятся лишь въ совѣтѣ, во дворцѣ. Каждый изъ нихъ, желающій сохранить свой портфель, долженъ, по окончаніи засѣданія, написать донесеніе султану обо всемъ, что ему удалось слышать. За командирами армейскихъ корпусовъ, губернаторами и другими начальствующими лицами слѣдятъ ихъ помощники, называемые официально инспекторами, которые—не что иное, какъ шпіоны, имѣющіе право во всякое время арестовать своихъ начальниковъ, уже не говоря о томъ, что они же телеграфируютъ обо всемъ султану. Этимъ рабски покорнымъ слугамъ султанъ отплачиваетъ за преданность повышеніемъ ихъ по должности, орденами, синекурами и концессіями. Одному изъ нихъ разрѣшено торговать орденами, и онъ устроилъ настоящее торговое бюро съ правильными торговыми книгами; другой получаетъ монополію на поставку хлѣба и т. д., однимъ словомъ, «за счетъ государства, — говоритъ Зеферъ Бей, — творятся скандалы». Въ государственномъ совѣтѣ всегда засѣдало ограниченное количество членовъ, не превышавшее числа тринадцати, но Абдуль-Гамидъ увеличилъ его до трехсотъ, среди которыхъ есть дѣти и прежніе слуги. То же самое творится и въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ, гдѣ при его предшественникахъ засѣдало лишь двѣнадцать членовъ и теперь насчитывается полтораста — все это въ награду за шпіонство. Есть учрежденія, гдѣ для всѣхъ членовъ не хватаетъ мѣста, и потому они совѣмъ тамъ не бываютъ, а лишь посылаютъ своихъ слугъ за полученіемъ жалованья. Въ виду того, что они считаются «клиентами султана», никто не смѣетъ ихъ спрашивать, отчего они не бываютъ на засѣданіяхъ. Если какой-либо патріотъ осмѣлится сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, то полетятъ доносы и его вышлютъ въ аравійскія степи, а то чаще всего «сотрутъ съ лица земли». Затѣмъ авторъ перечисляетъ имена почетныхъ турокъ, «исчезнувшихъ» или влачащихъ свое существованіе въ нищетѣ и несчастіи, благодаря Абдуль-Гамиду. Ученики и профессора военной и медицинской школы и факультета правъ высылаются сотнями изъ Константинополя. Общественная совѣсть настолько отравлена, а нравы такъ загрязнились, что даже самые лучшіе изъ турокъ, которые живутъ вдали отъ этой грязи и сегодня проливаютъ слезы отъ стыда и гнѣва, завтра поддаются соблазнамъ и совѣсть ихъ атрофируется. «Нельзя довести всю имперію до такой степени глубокой низости безъ могущественныхъ средствъ, — говоритъ Зеферъ-Бей, — т. е. не съя пригоршнями золота. Поэтому въ теченіе тридцати лѣтъ Турція превратилась въ большой базаръ: на каждомъ переулкѣ и на углу каждой улицы, на лбу каждаго прохожаго можно прочесть огненные буквы: «продается совѣсть». Отецъ выдаетъ сына, жена доноситъ на мужа, другъ дѣтства шагаетъ черезъ трунъ прежняго товарища. Какой несравненный знатокъ людей этотъ недостойный монархъ. Приходишь въ смущеніе, видя, какъ этотъ некультурный человѣкъ,

необразованный даже элементарно и безъ всякаго природнаго дара, дошелъ до того, что такъ ловко управляетъ себѣ подобными, спекулируетъ на ихъ слабостяхъ и извлекаетъ пользу изъ глубокой униженности своихъ подданныхъ». Но держать въ рукахъ двадцать милліоновъ подданныхъ и управлять ими, не выходя изъ своей комнаты, нельзя, не обладая громадными средствами — и Абдуль-Гамидъ имѣетъ такія средства, какими не располагали его предшественники, несмотря на ихъ постоянные займы и на болѣе значительное пространство имперіи. Впрочемъ, они тратили на армію и флотъ, тогда какъ теперешній султанъ занятъ исключительно своей личностью. Кроме того, подъ предлогомъ удовлетворенія иностранныхъ держателей турецкихъ фондовъ, онъ основалъ знаменитую кассу государственнаго долга, которая сначала имѣла ограниченныя полномочія, а впоследствии, благодаря честолюбію и интересамъ нѣкоторыхъ лицъ, сдѣлалась превосходнымъ орудіемъ для добыванія финансовъ, при содѣйствіи услужливыхъ и мало совѣтливыхъ сообщниковъ. Это позволяетъ Абдуль-Гамиду дѣлать колоссальныя займы за границей, особенно во Франціи, не имѣя вида, что дѣлается заемъ, а подъ фирмой послѣдовательныхъ конверсій. Затѣмъ онъ превратилъ гражданскій листъ въ дренажную организацію и все государственныя земли стали его владѣніями. Во главѣ этой администраціи поставленъ самый безсовѣстный чиновникъ, не мусульманинъ, и его продѣлки приносятъ турецкой коронѣ отъ трехъ до тридцати милліоновъ въ годъ. Прибавивъ къ этому двадцать милліоновъ таможеннаго дохода, десять милліоновъ кадастра, десять или двадцать милліоновъ дохода съ прекрасныхъ провинцій — на гражданскій листъ получится фантастическая сумма. Личность султана авторъ рисуетъ такъ: «Этотъ маленькій, худой, тщедушный человекъ, съ землянымъ цвѣтомъ лица и бѣгающими глазами, отличается такой ловкостью, что съ перваго взгляда очаровываетъ и плѣняетъ своимъ обворожительнымъ обращеніемъ. Говоритъ онъ самымъ пріятнымъ голосомъ и на всехъ аудіенціяхъ жалуется на невозможность сдѣлать все то хорошее, чего бы онъ хотѣлъ, вѣроломно наговариваетъ на окружающихъ, признаетъ ихъ неспособными, алчными и обвиняетъ министровъ въ неспособности и порочности. Онъ мнитъ себя вѣротерпимымъ, но на дѣлѣ это самый нетерпимый человекъ; лично онъ не вѣритъ — ни въ Бога, ни въ чорта, хотя выказываетъ набожность и клянется каждую минуту съ предвзятою мыслью не исполнить своей клятвы. Онъ не знаетъ другой цѣли, какъ только обмануть своего собесѣдника, и лишь только тотъ удаляется, онъ хвастается, что надулъ его. Злопамятный и вульгарный, онъ трусъ, всегда чего-то боится и одержимъ галлюцинаціями. Ударъ грома внушаетъ ему безумный страхъ, крикъ вѣтуха его раздражаетъ, кошка, пробѣжавшая по саду, заставляетъ его запереться у себя на нѣсколько дней, такъ какъ онъ считаетъ это за плохое предзнаменованіе. Если кошка — черная, то онъ не спитъ нѣсколько ночей. Въ немъ странныя противоположности — пронизательности и непонятливости, чрезмѣрнаго скептицизма и крайняго суевѣрія. Онъ не принялъ проекта освѣщенія города газомъ, потому что его увѣрили, будто въ газовыя трубы можно положить динамитъ и взорвать ихъ. Онъ болѣе не бѣдитъ по улицамъ Перы изъ опасенія, что въ водопроводныя трубы могутъ

положить взрывчатые вещества. При немъ находятся два авантюриста — нѣмецъ и бельгiецъ, которыхъ онъ и произвелъ въ генералы — Цеки-паша и Джемилъ-паша, которые въ трудныя минуты вызываютъ на совѣтъ духъ умершихъ великихъ людей; это они продѣлывали нѣсколько разъ во время Русско-турецкой войны, болгарской революціи и событій въ Арменіи. Окружающіе его придворные набраны изъ самыхъ подонковъ всѣхъ расъ, населяющихъ имперію, и одинъ изъ его фаворитовъ, внушившій ему избіеніе армянъ, по просьбѣ посланниковъ изгнанъ за воровство изъ коммерческаго суда, гдѣ онъ предѣлательствовалъ. Когда великій князь Николай Николаевичъ во время Турецкой войны приблизился къ Константинополю, Абдуль-Гамидъ не могъ сидѣть на мѣстѣ отъ волненія и вмѣсто того, чтобы защитить свою столицу, поспѣшно принялся складывать свои сундуки и все время держалъ наготовѣ яхту, чтобы скрыться въ Брюссель. Ночь 20 марта 1878 г. была для него самой трагической, и если бы не его деверь Махмудъ-паша, то султанъ, быть можетъ, навсегда покинулъ бы Константинополь, чтобы никогда туда не возвращаться. Затѣмъ авторъ переходитъ къ бичеванію европейцевъ и безъ обвиняковъ обвиняетъ дипломатическій корпусъ всѣхъ странъ во взяточничествѣ, также какъ и государей, исключая покойной королевы Викторіи, которая къ «чести человѣчества, не поддавалась на подкупъ». Что касается европейской прессы, то онъ считаетъ ее прямо продажной и особенно французскую. «Что можно сказать, — восклицаетъ онъ, — о такъ называемой прессѣ съ виднымъ фасадомъ, аристократической, финансовой, которая иногда предпринимаетъ на себя защиту Абдуль-Гамида, чѣмъ возмущаетъ человѣческую природу. Такіе большіе листы, подписчиками которыхъ состоятъ крупныя аристократы Франціи, охотно извращаютъ истину, потому что султанъ обѣщалъ имъ пятьсотъ-шестьсотъ подписчиковъ». Другія газеты, еще накануне называвшія турецкаго посланника воромъ и интриганомъ, на другой день вдругъ безъ всякаго стыда мѣняли мѣніе, получивъ денежную субсидію. «Для такихъ газетъ, — говоритъ Зеферъ-Бей, — отъ Капитолія до Тарпейскаго холма разстоянія всего бумажный квадратъ. Если газета имѣетъ какое-нибудь финансовое значеніе и ея хроникеръ вкрадчивъ и безсовѣстенъ, то султану нечего беспокоиться, такъ какъ синдикатъ финансистовъ, заинтересованныхъ въ турецкихъ интригахъ, прибѣгнетъ къ необходимымъ аргументамъ, чтобы зажать ротъ этой печати. Если же она попытается сказать истину, то въ редакцію ожесточенно начнутъ звонить телефонныя звонки и дождемъ посыплются нисѣма съ предложеніемъ, во что бы то ни стало, умалить слишкомъ очевидныя факты и постыдныя поступки надшаха. Нерѣдко представители подобной прессы появляются въ Константинополѣ — нѣмцы, австрійцы, американцы и французы, настоящіе *commiss voyageurs* спеціальной и постыдной торговли. Эти личности переполняютъ коридоры блестящей Нурты, задворки Пльдица, переднія Оттоманскаго банка, добиваясь, если не аудіенціи султана, то хотя бы его благосклоннаго взгляда, и готовы на все за пятьсотъ, шестьсотъ подписчиковъ или за хорошую субсидію, гарантируемую Оттоманскимъ банкомъ. Одни изъ нихъ хвалятся, что у нихъ расходится до трехъ милліоновъ экземпляровъ газеты, другіе — что они располагаютъ

всѣмъ высшимъ и финансовымъ міромъ, эти — мпистерствомъ и палатой, тѣ — имѣютъ связи при императорскихъ и королевскихъ дворахъ. Матеріальные интересы не мѣшаютъ имъ добиваться и орденовъ, и въ царствованіе Абдуль-Азиса только одинъ или два французскихъ журналиста получили микроскопическій Меджидіе, теперъ же иностранные корреспонденты увѣшаны турецкими орденами. Зато и европейцы не скупаются на награды, раздавая ихъ турецкимъ шпіонамъ, и ордена Св. Маврикія, Св. Лазаря и особенно Почетнаго Легіона украшаютъ многихъ изъ нихъ». Авторъ статьи однажды спросилъ французскаго посла, за что получила Почетнаго Легіона личность, единогласно признанная въ Константинополѣ безчестной, и въ отвѣтъ услышалъ: «Должно быть, за общественную безопасность». «Султану извѣстны всѣ подробности этой отвратительной кухни, — говоритъ Зеферъ-Бей, — и онъ смѣется подъ свой носъ, записываетъ въ своей Золотой Книгѣ каждого актера этой безчестной комедіи. При такихъ условіяхъ, какъ же вы хотите, чтобы онъ дорожилъ мнѣніемъ европейцевъ?» Европейскія державы служатъ какъ бы соучастниками султана въ угнетеніи народа. «Припомните на минуту дипломатическую исторію за тридцать послѣднихъ годовъ, — говоритъ Зеферъ-Бей, — поведеніе посольствъ и ихъ преступное равнодушіе относительно Абдуль-Гамида. Съ первыхъ дней своего восшествія на престолъ султанъ нашелъ точку опоры за объявленіе войны Россіи въ британскихъ государственныхъ людяхъ. Если у Англіи была предвзятая мысль истощить Россію въ долгой и упорной борьбѣ, Абдуль-Гамидъ, вызывая свою могущественную сосѣдку, имѣлъ одну опредѣленную цѣль: воспользоваться этой безразсудной мыслью, чтобы избавиться отъ личностей въ администраціи и арміи, на которыхъ онъ не могъ разсчитывать. Въ то время какъ першети войны поставили его въ скверное положеніе, онъ воспользовался общими безпорядками, чтобы изгнать всѣ элементы, подозрѣваемые въ независимости и честности, и чтобы привести вокругъ себя все къ одному знаменателю. Слѣдовательно, Англія — безсознательно первая сообщница султана въ дезорганизаціи имперіи. Такой же безсознательной сообщницей явилась впоследствии Франція, вручивъ въ руки этого деспота самыя ужасныя средства для исполненія его гнусныхъ плановъ. Благодаря алчности нѣкоторыхъ банкировъ, такъ называемыхъ французскихъ, но въ сущности космополитическихъ, и благодаря безусловному невѣжеству нѣкоторыхъ изъ ея государственныхъ людей, Франція сдѣлалась добродѣтельнымъ казначеемъ Абдуль-Гамида, а слѣдовательно, какъ прямое слѣдствіе, поставщикомъ золота для нѣмецкихъ заводовъ. Такимъ образомъ, Франція была прямой соучастницей въ злосчастной работѣ султана». «Если бы не деньги, занимаемая во Франціи, онъ не могъ бы держать сорокъ тысячъ шпіоновъ» — заключаетъ авторъ и переходитъ къ упрекамъ Германіи, «той Германіи, которая провозглашала себя такъ часто, особенно въ XIX вѣкѣ, вполне нравственной, честной, поэтической, философской и добродѣтельной и предъявляла права на роль передовой современной мыслительницы. У нея одно намѣреніе: обогатиться, достать своимъ чиновникамъ и офицерамъ, которыми она не можетъ воспользоваться сама, богатая синекуры, получить заказы для своихъ фабрикъ и заводовъ по самой дорогой цѣнѣ — и тогда Абдуль-Гамидъ можетъ истощить свою имперію,

сколько ему угодно. Недостойная политика Германии такова, что у самого сверхаго царедворца-куртизана великаго султана она вызывает отвращеніе. Одна высокопоставленная придворная особа и въ то же время интимное довѣренное лицо нѣмецкаго посланника сказала мнѣ: «Если мы настолько гадки, что исполняемъ мысли султана, то наше поведеніе извинительно: наше безсиліе нѣчто въ родѣ внушенія, которое овладѣло нами уже долгіе годы. Мы не способны отъ него отдѣлаться. Но что вы думаете объ императорѣ, который, посѣтивъ Босфоръ и увезя съ собою 125 ящиковъ драгоценныхъ предметовъ, вернулся на другой день боины, когда 10.000 труповъ покрывало улицы, чтобы подкрѣпить султана? Какой необходимости повиновался онъ, чтобы поддерживать того, кто пролилъ столько невинной крови». Россія, Италия и Австрія тоже не забыты авторомъ статьи. Поведеніе Россіи относительно Абдуль-Гамида Зеферъ-Бей находитъ одинаково непохвальнымъ. Русское правительство, прежде всегда вмѣшивавшееся въ дѣла Турціи относительно христіанъ, вдругъ сдѣлалось, по словамъ Зеферъ-Бея, услужливымъ адвокатомъ султана, его естественнымъ защитникомъ и на отчаянные воли и жалобы преслѣдуемыхъ расъ отвѣтило: «non possumus». Пусть гибнутъ хоть всѣ восточные народы, лишь бы султанъ спокойно продолжать свою работу. «Ни для кого не тайна, — говоритъ Зеферъ-Бей, — и тому свидѣтель Синяя книга англичанъ, что 200.000 армянъ, благодаря подстрекательству Лобанова, были умерщвлены въ теченіе двухъ лѣтъ. «Пусть ихъ убиваютъ!» предписалъ благородный дипломатъ — и султанъ не заставилъ себя просить». Впрочемъ, надъ вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, надъ ихъ мнимыми угрозами султанъ насмѣхался и презиралъ ихъ, отлично зная, что всѣ онѣ — его сообщницы. Онъ ихъ прекрасно всѣхъ распозналъ чрезъ поведеніе ихъ посланниковъ, какъ монархическихъ, такъ и республиканскихъ. Ихъ ухаживаніе за султаномъ превращается въ какую-то гонку, доходящую до того, что если нѣмецкій посланникъ обѣдалъ у султана, то французскій готовъ на все, чтобы добиться того же; готовы жертвовать они даже интересами своего правительства. Зеферъ-Бей, наконецъ, прямо говоритъ, что посланникъ, получающій 400,000 франковъ ренты, не находитъ несчастнымъ, если султанъ подаритъ его женѣ парюръ въ 50,000 франковъ, а первый драгоманъ не считаетъ недостойнымъ, если будетъ уплаченъ его карточный долгъ. Во время избіенія армянъ султанъ послалъ въ подарокъ одному государю на 1,200,000 жемчуговъ и рубиновъ. «Султанъ, — говоритъ авторъ, — изучилъ души европейцевъ до тонкостей и зная, что ихъ можно кунить, рѣшилъ всѣхъ забрать въ свои руки, что находилъ вполне возможнымъ: вопросъ только въ цѣнѣ и формѣ. Если чекъ и орденъ не удовлетворяли намѣченной личности, то Абдуль-Гамидъ доставалъ изъ своего волшебнаго сундука концессию на разработки минъ, на постройку набережной или желѣзной дороги. Если дѣло было очень отчаянное, то предлагалъ привилегію на постройку пушекъ, ружей, судовъ, подводныхъ лодокъ, по цѣнѣ 500 за 100». Ни одинъ изъ турецкихъ султановъ не подвергалъ Турцію столькимъ территоріальнымъ потерямъ, какъ Абдуль-Гамидъ, здоровье котораго очень плохо, несмотря на увѣренія услужливыхъ газетъ, что все это ложь и онъ не такъ серьезно боленъ.

— Дѣйствительно ли близко паденіе Англій? Антимилитаристское движеніе, охватившее почти всѣ европейскіе народы, вызвало протесты въ одной части англійскаго общества и по этому поводу въ «Nineteenth Century» появилась статья, въ которой раздается чуть ли не воинственный кличъ. Авторъ ея, Эллисъ Бармеръ, упрекаетъ англичанъ за антимилитаризмъ, стремленіе совершенно забросить земледѣліе ради заводскихъ и фабричныхъ заработковъ и вообще за изнѣженность, дряблость, даже едва ли не вырожденіе. Онъ напоминаетъ имъ о превратностяхъ судьбы древнихъ, тоже нѣкогда богатыхъ морскихъ и торговыхъ государствъ, какъ Аѳины, Карфагенъ, Римъ, Константинополь, и приводитъ доказательства, что морскія державы, экономически процвѣтавшія, никогда долго не оставались въ рукахъ одного какого-нибудь народа, а переходили изъ рукъ въ руки, отъ государства къ государству. Всегда онѣ завоевывались однимъ способомъ, сохранялись однимъ методомъ и погибали по одной и той же причинѣ, благодаря чрезмѣрному богатству, которое вело за собою изнѣженность, развратъ и безнечную лѣнь—трехъ братьевъ-близнецовъ, являющихся, по несчастью, почти всегда, гдѣ есть другіе три близнеца: торговля, промышленность и цивилизація. Первенствующей торговой и промышленной державой прежде всѣхъ была Финикія, довольно бѣдная и гористая область, но прекрасно расположенная среди самыхъ древнихъ цивилизованныхъ государствъ — Ассирій, Вавилона, Персіи, Египта и Греціи. Моряки Тира и Сидона сначала занимались рыболовствомъ (Сидонъ по-финикійски означалъ «рыболовство»); затѣмъ, не безъ усилій и кровавой борьбы, они мало-по-малу начали забирать въ руки международную торговлю, завели конторы въ Ниневію, Мемфисъ и въ сотнѣ другихъ городовъ, покрывъ колоніями берегъ Средиземнаго моря и даже Атлантическаго океана. По словамъ знаменитаго греческаго географа Страбона, они основали на западномъ берегу Африки триста городовъ или конторъ, и принялись разрабатывать золотыя, серебряныя и мѣдныя руды въ Испаніи и оловяныя въ Корнуайлѣ, а ихъ флотъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды за двѣ тысячи лѣтъ до посѣщенія его Васко-де-Гамой. За развитіемъ торговли послѣдовало развитіе промышленности: финикіяне обдѣлывали сырой матеріалъ, который къ нимъ привозили со всего свѣта. Такимъ образомъ, Тиръ сдѣлался громадной мануфактурой свѣта, а сама Финикія колоссальнымъ складочнымъ мѣстомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мировымъ просвѣтителемъ, такъ какъ ея цивилизація была одной изъ самыхъ передовыхъ и древній міръ обязанъ финикіянамъ изобрѣтеніемъ азбуки, цифръ, монетъ, мѣры и вѣса, а если вѣрить Геродоту, то и постройкой судовъ; храмъ Соломона въ Иерусалимѣ былъ выстроенъ тоже финикійскими архитекторами. Но финикіяне почтили на лаврахъ среди своего богатства и избытка: они изнѣжились, разучились сражаться и предоставили своимъ противникамъ вырастать, а затѣмъ вырвать у нихъ монополію. Ихъ же колоніи, особенно Карфагенъ, возстали противъ нихъ и превратились въ ихъ конкурентовъ. Греческіе моряки—бѣдные, но предприимчивые и воинственные—грабили ихъ конторы, захватывали ихъ корабли и воспользовались уроками, полученными отъ нихъ же, чтобы лучше ихъ побѣдить и разорить. Наконецъ, они окончательно вытѣснили ихъ съ азіатскаго рынка и перехватили тор-

говлю съ Персіей. Потому, хотя финикіяне и сдѣлались самымъ миролюбивымъ народомъ, но имъ все-таки, въ концѣ концовъ, пришлось вести смертельную войну. Тиръ и Сидонъ, уже разучившіеся воевать, подстрекали на это Персію и доставили ей корабли. Но Персія была побѣждена и финикійскіе корабли потоплены или сожжены при Саламинѣ, а кароагенская армія, отправившаяся, подъ командою Гамилькара, атаковать Грецію и Сицилію, была уничтожена Гелономъ въ битвѣ при Гимерѣ. Могущество Финикіи окончилось: она потеряла свое политическое и военное значеніе, а вскорѣ и экономическое, послѣ чего наступило полное паденіе ея могущества. Выродившейся Финикіи наследовали герои битвы при Марафонѣ и Саламинѣ—аѣнныяне, получившіе политическое, торговое и экономическое значеніе, благодаря своему побѣдоносному оружію и флоту. Теперь столицей цивилизованнаго міра стали Аѣнины, и вскорѣ монополія морской торговли перешла вся къ нимъ:—онѣ сдѣлались складочнымъ мѣстомъ, биржей, академіей Европы и Малой Азіи, усяявъ весь берегъ своими колоніями, конторами; сотни городовъ признали ихъ могущество и превратились въ ихъ данниковъ. Ихъ богатство настолько возросло, что, по словамъ Ксенофонта, «имъ не надо было трудиться, чтобы наслаждаться всѣми произведеніями земли». Такое благоденствіе породило чрезмѣрную роскошь, а съ нею безпечность и малодушіе. Народъ разучился работать и сражаться, а только развлекался удовольствіями, публичными празднествами, церемоніями и политикой. Демагоги, забравъ власть въ свои руки, принялись растрчивать богатства государства и подати вассальныхъ народовъ на пышныя празднества и раздачу денегъ и хлѣба толпѣ. Народу платили за все: за присутствіе на празднествахъ, за голосованіе и даже за слушаніе рѣчей. Вскорѣ вассальныя государства поднялись: Спарта возстала во главѣ «лиги Пелопонеса» и суровые, бѣдные и воинственные спартанцы разорили богатыя Аѣнины. Въ это время Кароагенъ также воспользовался упадкомъ Финикіи и захватилъ политическую и экономическую гегемонію на западномъ берегу Средиземнаго моря. Онъ также разбогатѣлъ и кормить себя заставилъ подчиненныхъ иностранцевъ: испанцевъ, африканцевъ и сицилійцевъ; но съ ними случилось то же, что и съ другими разбогатѣвшими народами: они также извѣжились и ослабили въ чрезмѣрномъ богатствѣ, не хотѣли болѣе сражаться, набирали наемныя войска и, въ результатѣ, несмотря на геній Аннибала, пали отъ руки римлянъ—народа, въ то время бѣднаго, но воинственнаго. Теперь Римъ сдѣлался владыкой міра и оныя величію римскаго народа способствовало оружіе: жестокія войны и отдаленныя побѣды дали имъ политическое могущество, а ихъ политическая гегемонія обезнечила имъ несмѣтныя богатства, которыми они наслаждались нѣсколько вѣковъ. «Правда, — говоритъ авторъ, — что римляне были не торговой или промышленной націей, а крестьянской и воинственной, но богатства и торговое первенство попадаютъ не въ наиболѣе ловкія руки, а въ наиболѣе сильныя и энергичныя». Римъ-побѣдитель могъ навязывать всему свѣту, сколько ему было угодно, монополію и тарифы, и въ итальянскіе города со всего свѣта стекалось богатство и крестьяне побросали свои поля, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлежѣ выгодъ. Италия переполнилась иностранными рабами, конкуренція которыхъ въ конецъ убила мелкое земледѣліе. Рим-

скіе граждане, сдѣлавшіеся порочными и выродившимися, облѣнились, превратились въ безнечныхъ лѣнтяевъ и забросили трудъ и оружіе; народу представлялось, сколько ему угодно, *panem et circenses*, а потому онъ ни о чемъ другомъ и не помышлялъ. Египетскій и нумидійскій хлѣбъ продавался ему по самой ничтожной цѣнѣ или раздавался даромъ. Во времена Цезаря раздавали даровой хлѣбъ на 320,000 римлянъ и эта цифра безконечно возрастала; затѣмъ послѣдовала даровая раздача говядины, соли, масла и вина. Римская армія теперь уже набиралась изъ варваровъ, а легіонами командовали готы или герулы. Когда подобный режимъ принесъ весь достойный его плодъ, то было достаточно нѣсколько тысячъ разьединенныхъ и нерѣшительныхъ германцевъ для паденія римской имперіи. Риму попробовалъ наслѣдовать Константинополь, и тѣ же пороки привели его къ паденію и окончательному разрушенію. Аравійская имперія достигла высшей точки цивилизаціи и благоденствія въ VIII вѣкѣ, баснословно развивъ свою торговлю въ Европѣ, такъ что многія арабскія слова, какъ магазинъ, базаръ, тарифъ, фрегатъ, адмиралъ — привились къ европейскимъ языкамъ. Но она также пала отъ безнечности и лѣни, какъ назойливыхъ слутниковъ богатства и благоденствія. Затѣмъ такимъ же счастьемъ и развитіемъ пользовались итальянскія республики, обязательные посредники между латинскимъ и восточнымъ мірами. Въ X вѣкѣ въ Амальфи насчитывалось до шестидесяти тысячъ жителей, и по своему богатству и цивилизаціи онъ превышалъ всѣ остальные города Европы, а ихъ морской законъ (*Tabulae Amalfitanae*) и монеты ввелись повсюду. Но пизанцы, самый воинственный народъ въ средніе вѣка, побили амальфитянъ, ограбили, разорили ихъ городъ и уничтожили торговлю. Затѣмъ, въ свою очередь, они приобрѣли господство на Средиземномъ морѣ, побѣдили Корсику, Сардинію и Балеарскіе острова; ихъ цивилизація настолько развилась, что въ XI вѣкѣ они создали итальянскую архитектуру, а въ XIII — скульптуру. Но и они кончили тѣмъ же, чѣмъ ихъ предшественники: ихъ флотъ былъ уничтоженъ генуэзцами при Мелоріи въ 1292 г., и пизанцы были въ свою очередь доведены до разоренія и паденія. Ихъ мѣсто заняла Генуя и стала вести войну съ Венеціей, оспаривая море и первенство въ торговлѣ, пока морскія открытія Колумба, Веспуччи и Васко-де-Гамы не отставили ихъ на второй планъ. На сѣверѣ за первенство боролись ганзеатическіе нѣмецкіе города съ Фландріей, и въ XIV, а также XV вѣкахъ фламандскіе города достигли небывалаго благоденствія. Брюггенъ сдѣлался громаднѣмъ складочнымъ мѣстомъ между сѣверомъ и югомъ и количество его жителей достигло двухсотъ тысячъ человѣкъ; поэтому, по богатству и количеству народонаселенія, онъ превышалъ Лондонъ и Парижъ. Тогда фламандцы совершенно забросили хлѣбопашество, покинули деревни и бросились въ города, чтобы заняться исключительно торговлей и промышленностью. Они сдѣлались богаты, но разучились пахать землю и не хотѣли знать военнаго дѣла, а потому, въ концѣ концовъ, также были побѣждены герцогомъ Бургундскимъ, разорены и подверглись преслѣдованію испанцевъ, тогда какъ голландскіе рыболовы и крестьяне, послѣ героической борьбы, сбросили съ себя испанское иго. Наконецъ, испанцы, господствуя надъ Италіей, Фландріей и половиной американскаго континента, пренебрегли трудомъ, предпочитая кор-

миться за счет побѣжденныхъ народовъ, которыхъ они безсовѣстно эксплуатировали; но и они подверглись той же участи, вскорѣ дойдя до паденія. Голландія, во время жестокой войны, длившейся почти безпрерывно восемьдесятъ лѣтъ, достигла свободы, могущества и богатства, благодаря этой войнѣ. Она вытѣснила изъ морской торговли Фландрію, Португалію, Испанію, основалась на Антильскихъ островахъ, Малагѣ, въ Индіи, на мысѣ Доброй Надежды, и наконецъ у нея появилась соперница—Англія. Во времена Кромвеля послѣдняя была націей крестьянъ и рыбаковъ; о торговлѣ и промышленности англичане еще не помышляли и достигли процвѣтанія, только благодаря оружію и двухвѣковой побѣдоносной войнѣ. Кромвель и Карлъ II побѣдили превосходство Голландіи, Вильгельмъ Оранскій и четыре Георга побѣдили Францію, отобрали у нея ея колоніи и уничтожили ея господство на морѣ. «Англіи дали богатство и могущество,—говоритъ авторъ,—не мирные изобрѣтатели или экономисты, а Мальборо, Вольфы, Нельсоны и Веллингтоны. Англія разбогатѣла, очень разбогатѣла, и дѣлаетъ тѣ же ошибки, что совершали государства, обладавшія прежде нея морской гегемоніей, торговлей и промышленностью: она почла на своихъ лаврахъ и мѣшкахъ съ деньгами, пренебрегаетъ своими соперниками и застыла въ опасной безпечности: ея народонаселеніе болѣе и болѣе скучивается въ городахъ, бросая земледѣліе и выписывая изъ-за границы хлѣбъ. Мало того, что она далека отъ мысли, наконецъ, образовать у себя обязательную военную службу, но еще начинаетъ пристраживаться къ идеѣ призрачнаго мира, говорить о сокращеніи наличнаго состава войска и видитъ, какъ ея флотъ мало-по-малу уменьшаетъ свое превосходство предъ тѣмъ или другимъ иностраннымъ флотомъ». Всегда тѣ же самыя причины производятъ тѣ же слѣдствія, а потому дѣйствительно ли Англія идетъ по дорогѣ къ паденію и Германія съ Соединенными Штатами, у которыхъ промышленность, торговля и флотъ развиваются съ такой страшной быстротой, призваны раздѣлить между собою наслѣдіе Альбіона? «Исторія тридцати вѣковъ,—заключаетъ Бармеръ,—учитъ насъ, что всѣ хорошія вещи на этомъ свѣтѣ—территорія, богатство, торговля и навигація—не для миролюбцевъ и слабыхъ, но для сильныхъ и воинственныхъ, не для безнечныхъ, вооруженныхъ «учеными» формулами, какія вырабатываютъ ученые теоретики, а для людей, энергично дѣйствующихъ, честолюбивыхъ и вооруженныхъ здравымъ смысломъ. Исторія учитъ насъ, что богатство и могущество сохраняются только военной силой, что богатство не можетъ занять мѣсто могущества, что могущество легко можетъ превратиться въ богатство, но что, наоборотъ, не бываетъ, чтобы денежный сундукъ не могъ самъ защищаться, что сила лучше богатства и что всѣ крупныя государства съ торговымъ прошлымъ, начиная отъ Финикіи до Голландіи, погибли именно потому, что пренебрегали оружіемъ, дали погибнуть земледѣлію и что большіе города пожираютъ силы страны». Будущее покажетъ, кто правъ—громадное ли большинство мирной прогрессивной Англіи, или меньшинство милитаристовъ, съ которыми, однако, все-таки надо считаться.

— Смерть лэди Бурдэттъ - Куттесъ, Фредерика Мэтландъ и персидскаго шаха Музаффера-Эддина. Въ концѣ прошлаго года вся

Англія оплакивала потерю одной изъ самыхъ популярныхъ англійскихъ женщинъ, лэди Бурдэттъ-Куттъсъ, о которой король Эдуардъ VII сказалъ: «Послѣ моей матери это самая замѣчательная женщина Англій XIX вѣка». Эти слова онъ произнесъ, еще будучи герцогомъ Уэльскимъ, а впоследствии подтвердилъ ихъ королемъ, когда, послѣ ея смерти, онъ разрѣшилъ, съ согласія всей страны, похоронить ее въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, чего удостоились очень немногія женщины. Она умерла въ преклонномъ возрастѣ—девяноста двухъ лѣтъ, и въ послѣдніе годы уже была только тѣнью великой женщины. Тридцать лѣтъ тому назадъ лэди Бурдэттъ-Куттъсъ все считали такою же благотворительницей, какъ извѣстнаго англійскаго благодѣтеля, лорда Шафтесбюри. Анджела-Джорджина Бурдэттъ родилась 1814 г., была дочерью знаменитаго англійскаго государственнаго человѣка, радикала, сэра Фрэнсиса Бурдэтта, котораго все называли другомъ народа. Ея мать была дочерью придворнаго банкира Томаса Куттса, который оставилъ внучкѣ свою фамилію и до пятидесяти милліоновъ, посвященныхъ ею добрымъ дѣламъ. До шестидесяти семи лѣтъ она ничѣмъ инымъ не занималась, какъ самой широкой благотворительностью, которая преимущественно была посвящена постройкѣ протестантскихъ церквей въ различныхъ углахъ Англій и ея колоній, а также школъ во всевозможныхъ городахъ и селахъ и, наконецъ, основанію безчисленныхъ учреждений для неимущихъ женщинъ. При этомъ она заботилась объ устройствѣ многочисленныхъ общественныхъ зданій, въ томъ числѣ красивыхъ фонтановъ, въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона и оказывала громадную помощь эмиграціи женщинъ. Еще г-жа Бурдэттъ-Куттъсъ извѣстна какъ благодѣтельница турокъ во время русско-турской войны, когда она раздавала тысячи фунтовъ стерлинговъ несчастному крестьянскому населенію разоренныхъ турецкихъ округовъ. Что же касается до ея частной благотворительности, то ее невозможно опредѣлить, но ея помощь распространилась на многихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ художниковъ и артистовъ. Выѣтъ съ тѣмъ она славилась не одной только щедростью, но и гостепріимствомъ, которыя относились не къ однимъ богатымъ и знатымъ, но также къ бѣднымъ и малолѣтнимъ. Въ ея великолѣпномъ паркѣ находили гостепріимство и королевскія особы, и тысячи неимущихъ школьниковъ. Въ іюнѣ 1871 г. миссъ Бурдэттъ-Куттъсъ получила отъ королевы предложеніе принять нэрство, и съ тѣхъ поръ она сдѣлалась баронессой. Кромѣ этой необыкновенной и рѣдкой для женщины почести, она получила отъ городовъ Лондона и Единбурга званіе почетной гражданки. Въ продолженіе большей части своей жизни она никогда не думала лично о себѣ и отказывала многимъ женихамъ, въ томъ числѣ принцу Луи-Наполеону, будущему французскому императору Наполеону III. Но подъ старость лѣтъ, на шестьдесятъ восьмомъ году жизни, она вышла замужъ за своего секретаря, Вильяма-Амиды Барглэтта, которому въ то время было всего тридцать лѣтъ. Этотъ бракъ былъ для нея самый счастливый, хотя баронесса не согласилась носить фамилію мужа, а, напротивъ, съ разрѣшенія королевы, присоединила свою фамилію къ мужниной.

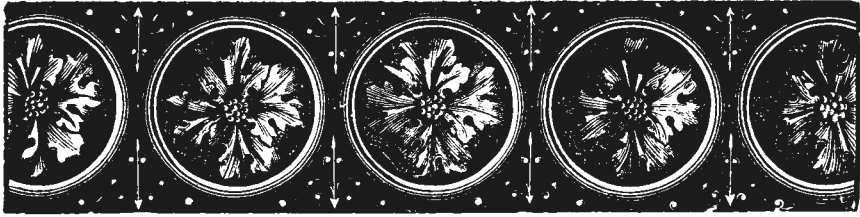
Скончавшійся на дняхъ въ Лондонѣ Фредерикъ Мэтландъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ историковъ. Родившійся въ 1850 г., онъ вос-

питывался въ Итонской школѣ и Кэмбриджскомъ университетѣ, а по окончаніи курса наукъ пятнадцать лѣтъ занимался адвокатурой. Потомъ онъ посвятилъ себя изученію юридическихъ древностей, подъ руководствомъ профессора Виноградова и написалъ нѣсколько ученыхъ трудовъ по этой отрасли. Затѣмъ, въ 1888 г., его назначили профессоромъ англійскаго законодательства въ его родномъ университетѣ. Это мѣсто онъ сохранилъ до своей смерти, и хотя, послѣ кончины лорда Актона въ 1902 г., ему была предложена кафедра современной исторіи, но онъ не принялъ ея, такъ какъ болѣзнь заставляла его ежегодно проводить зиму на Канарскихъ островахъ. Это былъ историкъ единственный въ своемъ родѣ, — и со времени Гиббона никто не соединялъ въ себѣ въ такой степени художественное и научное достоинство. Онъ неутомимо работалъ въ архивахъ и съ удивительнымъ искусствомъ излагалъ свои лекціи, а потомъ превращалъ ихъ съ такимъ же талантомъ въ книги. Хотя предметъ его преподаванія былъ довольно сухой, но онъ умѣлъ придавать ему интересъ. Изъ самыхъ замѣчательныхъ его сочиненій первое мѣсто занимаетъ «Исторія англійскихъ законовъ» и «Domes day Book and Beyond». Кромѣ того, онъ принималъ живое участіе въ издающейся теперь, по плану лорда Актона, «Кэмбриджской современной исторіи» и въ ней написалъ своимъ обычнымъ великобѣннымъ языкомъ «О законахъ Елисаветы». Онъ не только читалъ ученые лекціи и писалъ глубокомысленные труды, но недавно издалъ популярную біографію своего закадычнаго друга, извѣстнаго писателя Лесли Стивэна. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ по историческимъ статьямъ въ газетѣ «Atheneum».

8 января настоящаго года скончался персидскій шахъ Музафферъ-Эддинъ на пятьдесятъ второмъ году жизни и одиннадцатомъ своего царствованія. Онъ родился 25 марта 1853 г. и вступилъ на престолъ послѣ убійства своего отца Насръ-Эддина въ 1896 г. Съ самаго начала своего царствованія, онъ обнаружилъ способности образованнаго европейскаго государя, потому что молодымъ человѣкомъ учился европейскимъ языкамъ, ботаникѣ, исторіи, географіи и музыкѣ. Нося въ своей странѣ титулъ царя царей, онъ любилъ заниматься земледѣліемъ, а также слѣдилъ съ любопытствомъ за всѣми научными открытіями и изобрѣтеніями, и потому пріобрѣталъ все послѣднія новинки по электричеству и автомобилямъ. Въ своей столицѣ Музафферъ-Эддинъ дѣлилъ время между управленіемъ своей громадной имперіей и чтеніемъ европейскихъ газетъ и журналовъ, для отдохновенія же онъ отправлялся на охоту и, кромѣ того, ежедневно нѣсколько часовъ посвящалъ семейной жизни. Его пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени были путешествіе, и онъ съ любовью посѣщалъ все европейскія страны, съ одинаковымъ удовольствіемъ принимая въ Тегеранѣ европейскихъ путешественниковъ. По этому поводу въ декабрьской книжкѣ «Deutsche Rundschau» германскій генераль Гофмейстеръ, посѣтившій Персію во время Русско-японской войны, интересно описываетъ любезный пріемъ шаха. «Шахъ разговоривалъ со мною по-французски, — пишетъ онъ, — безъ переводчика и выразилъ свое удовольствіе видѣть меня, особенно потому, что я пріѣхалъ прямо изъ Китая. Потомъ онъ спросилъ меня объ императорѣ и

распространился о моей родинѣ, великомъ герцогствѣ Баденскомъ, которое онъ посѣтилъ во время своихъ нѣмецкихъ путешествій и о которомъ сохранилъ очень пріятное воспоминаніе. Затѣмъ, спросивъ подробности о моихъ странствованіяхъ по Китаю и о томъ, сколько времени я намѣренъ остаться въ Персіи, онъ поднесъ руку къ своему мѣховому «толпаку». Аудіенція продолжалась всего двѣнадцать минутъ. По мнѣнію нѣмецкаго генерала, Музафферъ-Эддинъ производилъ впечатлѣніе очень болѣзненнаго человѣка, но, какъ государь, зналъ хорошо свое ремесло и питалъ особое расположеніе къ Россіи и Франціи и ненавидѣлъ нѣмцевъ, которые причиняли разочарованіе мусульманскимъ государямъ, относившимся съ большимъ энтузіазмомъ ко всему нѣмецкому. Въ послѣднее время персидскій шахъ сильно страдалъ тяжелымъ недугомъ, но это не мѣшало ему заниматься государственными дѣлами. Неограниченный азіатскій деспотъ, онъ согласился, незадолго до своей смерти, даровать своему народу конституцію и его наслѣднику Магомету-Али предстоить развить парламентское управленіе въ Персіи.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе академіи наукъ. Въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 29 декабря, въ часъ дня, въ присутствіи августѣйшаго президента состоялось торжественное засѣданіе. Среди почетныхъ гостей присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія, городской голова и нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Вообще же публики было очень мало. По открытіи засѣданія былъ прочитанъ отчетъ о жизни и дѣятельности академіи за истекающій 1906 г. Академія за годъ потеряла: академикомъ Ф. В. Овсянникова, Ф. Ф. Бейльштейна и А. Н. Веселовскаго, почетнаго члена В. И. Вешнякова и пять членовъ-корреспондентовъ: физика Больцмана, біолога Шаудинна, историка Сореля и филологовъ П. В. Помяловскаго и Ф. Г. Мищенко. Въ отчетномъ году академія

впервые была призвана къ участию въ законодательной дѣятельности и изъ шести лицъ, избранныхъ въ члены Г. Совѣта, четыре принадлежали составу конференціи академіи. Во всѣхъ академическихъ учрежденіяхъ шла постоянная работа и къ участию въ этой работѣ привлекается все большее и большее число лицъ и увеличивается число изданій, но къ сожалѣнію матеріальныя средства возрастаютъ далеко не соответственно. Такъ, бібліотека не имѣетъ ни подходящаго помѣщенія, ни достаточно средствъ для порядочнаго существованія, ни нужнаго для всѣхъ текущихъ работъ личнаго состава—и хранящее, столь богатое драгоцѣннѣйшими научными пособіями, постоянно приходится въ упадокъ. То же приходится сказать и о всѣхъ ученыхъ учрежденіяхъ академіи и музеяхъ. Въ бібліотеку поступило цѣннѣйшее собраніе рукописныхъ матеріаловъ по исторіи сектантовъ въ Россіи. Физическій кабинетъ, помимо своихъ обычныхъ работъ, былъ занятъ устройствомъ новой сейсмиче-

ской станціи въ подвалахъ астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ. Станція начала уже дѣйствовать. Геологическій, ботаническій и зоологическій музеи обогатились новыми коллекціями. Въ азіатскій музей поступило 140 индійскихъ рукописей; въ музей антропологій прибыло свыше 5,000 новыхъ предметовъ. Въ Николаевской астрономической обсерваторіи открыта новая малая планета и шла подготовка экспедиціи въ Туркестанъ для наблюденія солнечнаго затмения и организована экспедиція въ Крымъ, на гору Ай-Петри, для изученія зодіакальнаго свѣта. Севастопольская біологическая станція жалуется на недостатокъ средствъ. Капиталы академій возросли до 1,400,000 руб., уваровскій капиталъ достигъ 100,000 руб. Работы академиковъ шли въ обычномъ порядкѣ. Собраніе международнаго союза академій происходило въ 1906 г. въ Вѣнѣ. Туда были командированы академики О. А. Баклундъ и К. К. Залеманъ. С.-Петербургское бюро по международной библиографіи занималось регистраціею русской литературы по естествознанію и математикѣ и отсылкою библиографическаго матеріала въ Лондонъ для включенія въ международную библиографію. Расширена сѣтъ сейсмическихъ станцій. Окончательное утвержденіе положенія о «Домѣ Пушкина» въ Петербургѣ близко къ осуществленію. Въ «Домѣ» уже приобретена бібліотека А. С. Пушкина, хранившаяся доселѣ въ с. Ивановскомъ, Бронницкаго уѣзда, Московской губ. Фондъ въ 116,140 р., хранящійся въ академіи, рѣшено употребить исключительно на памятникъ поэту. Премія и награда П. Н. Батюшкова въ видѣ почетнаго отзыва была присуждена г. Довнаръ-Запольскому за сочиненіе: «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ». Кіевъ. 1905 г. Рецензенту, проф. Н. К. Любавскому, давшему отзывъ объ этомъ трудѣ, выдана установленная золотая медаль. Астрономическая премія жены академика Анны Бредихиной, за изслѣдованіе одной большой кометы, присуждена г. Р. Егерману. Награда имени академика К. М. Бэра въ количествѣ 1,000 р. присуждена М. Д. Рузскому, за сочиненіе «Муравьи Россіи». Второстепенная премія въ 500 р. выдана Ф. К. Волкову за трудъ: «Variations squelettiques du pied chez les primates et dans les races humaines». Юбилейная медаль академика К. М. Бэра за крупныя пожертвованія въ музеи и бібліотеку академіи присуждена Н. К. Срединскому. Преміи Н. В. Гоголя присуждены: въ 1,000 р. А. С. Крыловскому за «Львовское Ставропигіальное братство» и др. сочиненія; въ 500 р. А. И. Малинкѣ за «Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору» и почетный отзывъ В. П. Милорадовичу за «Житіе-бытіе лубенскаго крестьянина» и другія сочиненія. Установленные золотыя медали были выданы рецензентамъ гг. Голубеву, Гринченко и г-жѣ Русовой. Премія имени проф. С. А. Иванова присуждена профессору Михайловской артиллерійской академіи В. Н. Пиатъеву за работу по химіи. Ломоносовская премія, малая, въ 500 р., присуждена Б. П. Вейнбергу за сочиненіе «() внутреннемъ треніи льда». Не присужденными остались: премія С. Н. Батюшковой и премія К. Д. Ушинскаго. Учреждено нѣсколько новыхъ премій. Кромѣ того, академія возвратила тамбовскому дворянству капиталъ послѣдняго въ 50,000 р. и отказалась отъ принятія капитала въ 3,000 р., завѣщаннаго ей т. с. Константиномъ Анлоновичемъ Скальковскимъ за изданіе дешеваго руководства для народа для

истребленія клоповъ и таракановъ. Въ настоящемъ году избраны академіей: въ дѣйствительные члены: В. И. Вернадскій и Н. В. Насоновъ; въ почетные академики: А. Н. Веселовскій и Н. А. Котляревскій и въ члены-корреспонденты: В. фонъ-Бецольдъ, Ольга Ал. Федченко, проф. В. М. Шимкевичъ, Ф. Бовери, В. И. Саитовъ, В. И. Срезневскій, В. Е. Якушкинъ, О. Ашбогъ, Л. Нидерле, А. Менье, Ю. А. Кулаковскій и О. А. фонъ-Леммъ. Чтеніе отчета по отдѣленію русскаго языка и словесности было открыто упоминаніемъ о трудахъ покойныхъ А. Н. Веселовскаго, В. В. Стасова, М. С. Дринова и Ф. Бартоша. Разрядъ изящной словесности имѣлъ семь засѣданій. Въ одномъ изъ нихъ была составлена записка о кандидатурѣ графа Л. Н. Толстого на премію Нобеля для представленія въ Стокгольмскую академію. Почетные академики принимали также участіе въ трудахъ комисіи по разсмотрѣнію сочиненій, поступившихъ на соисканіе преміи имени А. С. Пушкина. Комисія по составленію діалектологической карты Россіи вступила въ четвертый годъ своего существованія и вступила въ сношенія съ академіями въ Краковѣ и Прагѣ, съ науковымъ товариществомъ имени Шевченка и галицко-русской магичей во Львовѣ. Преміи имени графа Д. А. Толстого были присуждены: денежная, въ 800 р., П. Г. Васенку за «Книгу степенную царскаго родословія»; золотая медаль въ 300 р. А. М. Лукьяненку за «Кайвакское нарѣчіе» и почетный отзывъ доктору медицины Я. Трусевичу за «Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы». Рецензенту послѣдняго труда Е. Ф. Карскому академія выразила искреннюю благодарность. Высочайше учрежденная при академіи постоянная комисія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ имѣла 22 совѣщанія, разсмотрѣла 567 ходатайствъ, удовлетворила 454 и отклонила 106. Израсходовано 50,615 р. 58 к. Единновременныя пособія выданы въ 333 случаяхъ, на сумму 11,654 р.; пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, выдано 112 лицамъ, на сумму 23,303 р.; пенсіи имени императора Николая II выдавались 42 лицамъ, на сумму 15,659 р. Нѣсколько лицъ внесли пожертвованій на сумму 275 р. 50 к. Запасный капиталъ составляетъ нынѣ 1,134 р. Въ гимназіяхъ М. А. Лохвицкой-Скалонъ и Я. Г. Гуревича обучаются на льготныхъ условіяхъ двое дѣтей писателей. За годъ академіей выпущено въ свѣтъ 531³/₈ печатныхъ листовъ ея изданій.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ Географическаго общества 31 декабря, въ 2¹/₂ часа дня, состоялся одно за другимъ два засѣданія Литературнаго фонда—обыкновенное общее и чрезвычайное общее, подъ предѣтельствомъ Н. И. Вейнберга. Первое было открыто поминовеніемъ памяти скончавшихся за послѣднее время писателей Гольцева, Михайловскаго-Гарина и Пушкирева. По обычаю, послѣ краткой характеристики ихъ дѣятельности, память ихъ была почтена вставаніемъ. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ секретаря, изъ котораго видно, что съ 21 октября по 31 декабря комитетъ имѣлъ пять засѣданій, въ которыхъ состоялось 173 постановленія. Всѣхъ ходатайствъ было подано 120; изъ нихъ удовлетворено 84 и отклонено 36. Денежныхъ пособій было выдано на сумму 5.900 р., а именно: единновременныхъ пособій 63 лицамъ на сумму 1.125 р., продолжительныхъ пособій было возобновлено и вновь назначено 18 лицамъ на сумму 3.470 р. На воспитаніе было назначено

семи лицамъ 895 р. (въ томъ числѣ двѣ стипендіи на 570 р.); срочныхъ ссудъ было выдано четыремъ лицамъ на 350 р. и безсрочная ссуда въ 60 р. выдана одному лицу. Затѣмъ слѣдоваль отчетъ казначея о движеніи суммъ фонда. Онъ представляется за срокъ съ октября по декабрь въ слѣдующемъ видѣ. Въ капиталѣ неприкосновенномъ состояло на 1 октября 37.411 р. 57 к. Эта цифра осталась безъ движенія. По счету именныхъ неприкосновенныхъ капиталовъ на 1 октября состояло: 599.402 р. 85 к. За отчетные три мѣсяца поступило: отъ изданій общества 11.564 р. 91 к. Израсходовано: на изданіе сочиненій Надсона, Костомарова и Джаншиева 4.744 р. 70 к. Состоить на 31 декабря 606.223 р. 6 к. Капиталь Н. Ф. фонъ-Дамича состоялъ изъ 40.008 р. 88 к. Выдано изъ него пособій молодымъ ученымъ 310 р. На 31 декабря состоитъ 39.298 р. 88 к. Капиталь ссудный состоялъ изъ 214 р. 45 к. За истекшіе 3 мѣсяца возвращено 649 р. и выдано 350 р., остается 299 р. Капиталь расходный. Съ 1 октября по 31 декабря поступило 6.585 р. Израсходовано на а) пенсіи 1.556 р.; б) продолжительныя пособія 2.510 р.; в) единовременныя пособія и безсрочныя ссуды 1.415 р.; г) стипендіи 805 р.; д) на воспитаніе и обученіе 320 р.; е) по завѣщанію Г. З. Елисеѣва 72 р.; ж) дѣлопроизводство, почтовые расходы и т. д. 231 р. 90 к. Всего израсходовано 6.909 р. 90 к. Взамѣнъ выбывающихъ по очереди и умершихъ лицъ въ составъ комитета предложены къ избранію, которое состоится 2 февраля будущаго года: гг. Анненскій, Корнѣевъ, Радловъ, Котельниковъ, Ольденбургъ, Баранцевичъ, Елплатевскій, Посниковъ и Клеменецъ. Литературный фондъ 19 февраля, по случаю исполнившейся двадцатой годовщины смерти С. Я. Надсона, устраиваетъ въ залѣ Тенишевой литературно-музыкальный вечеръ, посвященный его памяти. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ чрезвычайномъ общемъ собраніи разсматривался вопросъ объ образованіи запаснаго капитала. Вопросъ этотъ былъ поднятъ ревизіонной комиссіей. Въ настоящее время его, къ сожалѣнію, пришлось рѣшить отрицательно: времена—тугія, денегъ у фонда мало и еле-еле хватаетъ на удовлетвореніе насущныхъ потребностей текущей жизни. Откладывать что-либо въ запасный капиталъ не изъ чего. Но въ принципѣ капиталъ этотъ весьма желателенъ и осуществленіе его будетъ поставлено на первый планъ, лишь только денежныя дѣла фонда улучшатся.

Присужденіе преміи проф. А. С. Попова. 31 октября въ электротехническомъ институтѣ состоялось торжественное засѣданіе совѣта профессоровъ и делегатовъ отъ учреждений и обществъ, основавшихъ премію имени изобрѣтателя безпроводнаго телеграфа, бывшаго директора института А. С. Попова, скончавшагося ровно годъ тому назадъ. Участіе въ учрежденіи преміи приняли: физическое отдѣленіе физико-химическаго общества, VI отд. Императорскаго техническаго общества, минный офицерскій классъ, общество инженеровъ-электриковъ и электротехническій институтъ. Разсмотрѣно всего 6 работъ, въ томъ числѣ нѣкоторыя—по указанію членовъ совѣта института и делегатовъ обществъ. Единственно достойнымъ преміи, назначенной на первый разъ въ размѣрѣ 500 рублей, было признано сочиненіе проф. В. Ф. Миткевича, помѣщенное въ «Извѣстіяхъ петербургскаго политехническаго института» за 1905 г. подъ заглавіемъ: «Исслѣдованіе о вольтовой дугѣ». Слѣдующее присужденіе преміи А. С. Попова состоится 31 декабря 1910 г.

25-лѣтіе газеты «Свѣтъ». 31 декабря праздновала свое 25-лѣтіе газета «Свѣтъ». Послѣ молебствія въ квартирѣ издателя В. В. Комарова начался рядъ привѣтствій: отъ имени сотрудниковъ (сотрудники поднесли альбомъ съ своими автографическими произведеніями), отъ «Русскаго Вѣстника» и группы писателей, отъ Русскаго собранія, отъ Славянскаго общества и Галицко-Русскаго братства, отъ Московскаго славянскаго общества, привѣтствія отъ разныхъ изданій и газетъ, въ томъ числѣ: отъ «Русскаго Инвалида», отъ гг. Каспари, Пропнера и пр. Цѣлый рядъ привѣтствій былъ изъ славянскихъ земель, изъ Сербіи, изъ чешской Праги, отъ обществъ, кружковъ, клубовъ, отъ газеты «Народни Листы», г. Голячека и пр. Князь Николай Черногорскій прислалъ телеграмму на французскомъ языкѣ: «С.-Петербургъ. Комарову. Изъ уваженія къ вашимъ заслугамъ по отношенію къ сербскому народу, какъ на мирномъ поприщѣ въ области печати, такъ и на боевомъ поприщѣ съ мечомъ въ рукахъ на поляхъ шуматовскихъ, жалею вамъ нынѣ орденъ св. Данила 1 степени. Николай». Гр. С. Ю. Витте прислалъ слѣдующее письмо: «Весьма сожалею, что получилъ только сегодня, 27 декабря, сообщеніе комитета по празднованію XXV-ти-лѣтія газеты «Свѣтъ» и почтеннѣйшаго его основателя, душевно уважаемаго Виссаріона Виссаріоновича. Меня связываетъ съ Виссаріономъ Виссаріоновичемъ воспоминаніе о времени зарожденія газеты «Свѣтъ» и о его работахъ съ моимъ дядей, Ростиславомъ Андреевичемъ Фадѣевымъ. Я не принималъ въ этихъ работахъ никакого участія, но былъ свидѣтелемъ всѣхъ опасеній и чаяній, которыя въ то время выражались въ кружкѣ, центромъ котораго были Фадѣевъ и Комаровъ, у которыхъ для обмѣна мысли собирались выдающіеся люди, въ особенности изъ военныхъ. Разговоры того времени мнѣ въ особенности вспоминаются въ настоящіе дни нашихъ несчастій. Невольно иногда сверлитъ голову мысль: а что, если бы не относились съ полнымъ отрицаніемъ къ тому, что въ то время говорили эти лица, можетъ быть, мы не пережили бы всего позора въ Манчжуріи. Прошедшаго не вернешь, но не слѣдуетъ ли, ради будущаго, хотя бы немного, вспомнить это прошедшее? Со своей стороны я не могу въ память прошедшаго не пожелать Виссаріону Виссаріоновичу здоровья и долгоденствія! Честный русскій человекъ! Графъ Витте». В. В. Комаровъ въ отвѣтной рѣчи высказалъ, что газета «Свѣтъ» всегда отстаивала русскія народныя начала и боролась съ тѣми, кто хотѣлъ отнять ихъ изъ сознанія народнаго, ибо безъ нихъ не быть Россіи, какъ государству. «Свѣтъ» всегда стоялъ за единеніе съ славянами. Нѣмецкой интригѣ, которая хотѣла всегда отдѣлить Россію отъ славянъ и достигла этого на свиданіи трехъ императоровъ въ Скерневицахъ, мы обязаны тѣмъ, что занялись Дальнимъ Востокомъ, оставивъ славянъ, и результатъ этого — пережитый позоръ и ослабленіе Россіи и славянства. Газета «Свѣтъ» никогда не измѣнила ни народнымъ началамъ Россіи, ни завѣтамъ славянства.

25-ти-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Военскаго 19-го декабря исполнилось 25-лѣтіе служебной и литературной дѣятельности библиографа и изслѣдователя эпохи Отечественной войны Константина Адамовича Военскаго. Родился въ 1860 году, изъ дворянъ Саратовской губ. Окончивъ въ 1881 году Императорскій Александровскій лицей, К. А. поступилъ въ азіатскій

департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ былъ назначенъ состоящимъ при дипломатической миссіи нашей въ Японіи съ возложеніемъ на него обязанностей секретаря, въ каковой должности находился до 1885 года. За это время онъ изучилъ японскій языкъ и исторію, при чемъ имѣлъ командировки въ Корею, въ сѣверную и южную Японію, сопровождая во время путешествія по Японіи въ 1884 г. генерала М. В. Черняева. По возвращеніи въ Россію временно командированъ въ посольство наше въ Римѣ, а затѣмъ продолжалъ службу въ азіатскомъ департаментѣ и въ 1890 году перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ назначеніемъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при курляндскомъ губернаторѣ, а затѣмъ совѣтникомъ курляндскаго губ. правленія. Съ 1896 года К. А. Военскій перешелъ на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати, гдѣ около 10 лѣтъ исполнялъ обязанности помощника правителя дѣлъ. Въ это время ему даютъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ порученій и работъ, широко эксплуатируя его литературное образованіе и знаніе иностранныхъ языковъ, но держатъ на правахъ причисленнаго, сначала даже безъ содержанія. Нужно искать средствъ къ жизни. Въ это время К. А. получаетъ предложеніе работать въ качествѣ второго редактора въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», гдѣ подъ его редакціей въ теченіе ряда лѣтъ печатается цѣлый рядъ переводовъ иностранныхъ писателей. Въ то же время онъ продолжаетъ свои любимыя историческія работы и печатаетъ статьи въ «Историч. Вѣстникѣ», «Рус. Старина» и др. журналахъ и газетахъ. Изъ служебныхъ работъ К. А. слѣдуетъ упомянуть объ исторической запискѣ по поводу отмѣны «цензурныхъ ограниченій въ малорусской письменности», которая была напечатана академіей наукъ и передана въ комитетъ министровъ, гдѣ въ числѣ другихъ матеріаловъ послужила основаніемъ для отмѣны ограниченій для малорусской литературы. Въ настоящее время К. А. Военскій состоитъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ откомандированіемъ въ распоряженіе е. и. в. великаго князя Михаила Александровича, по порученію котораго занимается разработкой матеріаловъ по бытовой и дипломатической сторонѣ Отечественной войны 1812 года, изготовляемыхъ къ юбилейному 1912 году. Почти одновременно со служебною началась и литературная дѣятельность К. А. Военскаго, любовь котораго къ исторіи началась со школьной скамьи подъ вліяніемъ талантливаго профессора лицея, покойнаго историка Е. А. Бѣлова, вмѣстѣ съ которымъ онъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, посѣщалъ костомаровскіе «Вторники». Къ тому же времени относится его знакомство съ А. К. Шеллеромъ (Михайловымъ), редакторомъ «Живописнаго Обзорѣнія», въ которомъ и появилась первая статья К. А., посвященная театру временъ Шекспира. Изъ главнѣйшихъ печатныхъ трудовъ его можно назвать: «Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX вѣка», «Очерки курляндской старины», «Систематич. росписъ актовъ и документовъ курляндскаго герцогскаго архива», «Императоръ Николай I и Польша въ 1830 г.», «Записки Саблукова о временахъ Императора Павла I», «Отечественная война въ русской журналистикѣ» и множество историч. статей въ «Русской Старинѣ», «Историч. Вѣстникѣ», «Русск. Архивѣ», «Вѣстникѣ Европы» и др. журналахъ и газетахъ. Въ послѣднее время онъ напечаталъ рядъ статей по эпохѣ

1812 года въ «Военномъ Сборникѣ». К. А. не чуждъ и литературно-драматической дѣятельности. Въ 1899 году на сценѣ Литературно-художественнаго театра шла его переводная пьеса «За королеву», написанная въ содружествѣ съ Н. П. Мердеръ.

35-лѣтіе врачебной дѣятельности А. А. Троянова. 30-го декабря исполнилось 35-лѣтіе врачебной дѣятельности извѣстнаго хирурга и одного изъ нашихъ популярнѣйшихъ докторовъ, Алексѣя Алексѣевича Троянова. Ему не было еще и 23 лѣтъ (онъ родился въ 1849 г.), когда онъ окончилъ петербургскую медико-хирургическую академію лекаремъ «cum eximia laude», а черезъ годъ поступилъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ Александровскую больницу для чернорабочихъ въ память 19 февраля. Хотя въ то же время онъ былъ ассистентомъ профессора Е. И. Богдановскаго въ частной хирургической лечебницѣ, т. е. блестяще началъ свою докторскую карьеру въ Петербургѣ, — жажда усиленной дѣятельности и желаніе принести помощь тамъ, гдѣ въ ней больше всего нуждались, потянули молодого врача въ провинцію. Тутъ онъ работалъ, получивъ въ свое завѣдываніе земскую больницу въ городѣ Шацкѣ, Тамбовской губерніи. Въ Петербургъ А. А. Трояновъ вернулся, чтобы усовершенствоваться въ избранной имъ спеціальности, и пробылъ здѣсь два года, работая въ клиникахъ медицинской академіи. Въ 1876 г. начали строить Уральскую горно-заводскую желѣзную дорогу, и А. А. былъ приглашенъ завѣдывать временными госпиталами на постройкѣ. Послѣ трехлѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ, давшихъ ему огромную и разнообразную практику, онъ вновь ѣдетъ въ Петербургъ, два года работаетъ тамъ въ лабораторіи экспериментальной патологіи при академіи и въ 1882 г. получаетъ степень доктора медицины. Талантливость въ соединеніи съ удивительной трудоспособностью и постояннымъ стремленіемъ обогатить свои знанія сдѣлали свое, и молодой докторъ былъ приглашенъ профессоромъ С. П. Коломнинимъ занять мѣсто ассистента въ клиникѣ Вилліе. Въ это время русская медицинская наука переживала періодъ своего процвѣтанія и почти въ каждой спеціальности дала цѣлый рядъ блестящихъ именъ. Тогда въ одномъ Петербургѣ жили и дѣйствовали Воткинъ, Эйхвальдъ, Чудновскій, Крассовскій, Кошляковъ, Мержеевскій, Склифасовскій, Е. Павловъ, Коломнинъ, Богдановскій и другіе, и поэтому надо было обладать исключительнымъ талантомъ и знаніями, чтобы составить себѣ имя. И этого по заслугамъ достигъ уже тогда А. А. Въ 1886 г. городская больничная комиссія избрала его помощникомъ главнаго доктора Обуховской больницы; въ его вѣдѣніе поступило мужское хирургическое отдѣленіе больницы. Трудно себѣ представить, въ какомъ положеніи была эта часть больницы до поступленія доктора Троянова. Простой народъ — именно къ нему принадлежитъ большинство пациентовъ этой больницы — относился съ ужасомъ къ одному имени Обуховской больницы, и если безысходная нужда заставляла переступить ея порогъ, то всегда была увѣренность, что только какое-нибудь особенное счастье вернетъ человѣка къ жизни. Но прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ молва о новомъ докторѣ сразу измѣнила эту печальную репутацію, и въ больницу шли уже лечиться, а не умирать. Она расположена въ томъ районѣ, гдѣ находятся Сѣнная площадь, знаменитая Вязем-

ская лавра, рынки и т. п. Безпокойное населеніе чуть ли не каждый день давало нѣсколько раненыхъ или изувѣченныхъ. Очень часто среди нихъ были люди, опустившіеся на дно жизни, но въ А. А. все они одинаково встрѣчали какую-то неисчерпаемую заботливость и доброту, прикрытую наружной суровостью. Но эта суровость не могла никого обмануть, и появленіе доктора въ палатахъ вызывало каждый разъ радостное возбужденіе, и изъ-подъ повязокъ на сумрачныхъ лицахъ смотрѣли на него ласковые глаза, и сдерживались стоны, чтобы не мѣшать доктору, медленно обходявшему своихъ пациентовъ. А когда они покидали больницу, и при нихъ случайно заходила рѣчь о Трояновѣ, у нихъ на лицѣ показывалась такая улыбка, какая бываетъ, когда вспоминаютъ самыхъ дорогихъ людей. Двадцать лѣтъ проработалъ д-ръ Трояновъ въ Обуховской больницѣ. Здѣсь труды его были такъ огромны, что, напримеръ, такія операции, какъ лапаротоміи (грыжеисчѣненія) по Bassini исчисляются нѣсколькими тысячами. Онъ ввелъ въ производство операций много совершенно самостоятельныхъ приемовъ и сдѣлалъ возможной борьбу съ страданіями, считавшимися раньше безнадежными. Будучи продолжателемъ началъ, положенныхъ въ основу русской хирургіи И. В. Буяльскимъ и Н. И. Пироговымъ, А. А. образовалъ цѣлую школу врачей-хирурговъ, которая по справедливости можетъ быть названа «трояновской» (Цейдлеръ, Вальтеръ и другіе). Несмотря на то, что онъ не былъ профессоромъ, онъ избранъ почетнымъ академикомъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему предложили мѣсто директора Марининской больницы, «Обуховка» разсказывалась съ нимъ съ горячимъ сожалѣніемъ. Ту же неутомимую дѣятельность, ту же сердечную доброту проявилъ онъ и на своемъ новомъ мѣстѣ. Впрочемъ, для того, чтобы характеризовать Троянова, достаточно привести одинъ случай, когда онъ весь высказался. Его пригласили къ дифтеритному ребенку, которому надо было сдѣлать операцию. При разрѣзѣ горла у ребенка хлынула кровь; минута—и онъ бы задохся. Но А. А. не потерялъ присутствія духа: крѣпко обнявъ ребенка, онъ сталъ высасывать кровь и спасъ ему жизнь, рискуя своей жизнью. Сердечныя отношенія между нимъ и его больными лучше всего характеризуются тѣмъ, что все они—отъ богача до нищаго-поденщика—называютъ его просто «Алексѣемъ Алексѣевичемъ».

50-лѣтіе книгопродавческой и издательской дѣятельности Н. Г. Мартынова. 14 января состоялось чествованіе Н. Г. Мартынова по случаю 50-лѣтія его книготорговой и издательской дѣятельности. Н. Г. родился 17-го іюня 1843 г., 14 января 1857 г., т. е. на 14-мъ году своей жизни, поступилъ къ книгопродавцу Я. А. Исакову, слѣдовательно, съ самаго ранняго, почти съ отроческаго возраста и до настоящаго времени является все столь же неутомимымъ работникомъ, съ любовью и даже страстью весь отдается книжному дѣлу, изыскиваетъ и предлагаетъ въ своихъ статьяхъ и безчисленныхъ докладахъ все новые способы и мѣры облагородить и поднять эту сферу практической и вмѣстѣ просвѣтительной и культурной дѣятельности. Первая статья Н. Г., написанная имъ, была помѣщена въ «Книжномъ Вѣстникѣ» въ 1864 г., а въ 1867—68 онъ составилъ первый полный каталогъ русскихъ книгъ. Покойный В. П. Межовъ пользовался каталогомъ Н. Г. какъ основнымъ матеріаломъ при составленіи перваго своего каталога для А. Θ. Базунова въ

1869 г. Магазинъ Исакова, открытый еще въ 1829 г., былъ извѣстенъ не только въ столицахъ, но и во всей Россіи и даже за границей, — отсюда понятно, что Н. Г., поступивъ къ Исакову въ мальчики въ ученіе, могъ въ его школѣ развить свои коммерческія и интеллектуальныя способности и, дѣйствительно, онъ въ теченіе 21 года проработалъ у Исакова во всѣхъ отдѣленіяхъ его магазина и изъ мальчика-подручнаго со временемъ дѣлается довѣреннымъ лицомъ, посылается имъ въ Москву и вообще по Россіи по торговымъ дѣламъ для обмѣна и закупки товара на десятки тысячъ рублей при полномъ неограниченномъ довѣрїи хозяина — сперва пользуясь его указазіями и совѣтами. Наконецъ въ заглядываніе Н. Г. переходитъ все издательское дѣло фирмы Исакова, особенно же въ то время, когда самъ Исаковъ увлекся предсѣдательствомъ въ обществѣ взаимнаго кредита и почти не посвящалъ своего вниманія книготорговому и издательскому дѣлу. Пройдя такую прекрасную школу, въ которой его руководителями и товарищами были извѣстные дѣятели, служившіе тоже у Исакова, М. О. Вольфъ, Г. В. Беренштамъ, Ф. И. Колесовъ, Ф. Т. Михинъ и братъ его Ив. Гавр. Мартыновъ, основавшій впоследствии первую въ Россіи антикварную книжную торговлю и первый начавшій издавать періодически каталоги рѣдкихъ антикварныхъ книгъ. Послѣ нихъ Н. Г. получилъ полную довѣренность на веденіе дѣлъ фирмы Я. А. Исакова, когда она получила полный расцвѣтъ. Въ его управленіе обороты магазина ежегодно доходили до милліона рублей. Отдѣлившись отъ Исакова, Н. Г. открылъ 6 декабря 1878 г. свою книжную торговлю и приступилъ къ собственной издательской дѣятельности. Изъ главныхъ его изданій надлежитъ отмѣтить изданныя сочиненія: Д. В. Григоровича (12 т.), И. И. Панаева (6 т.), Л. А. Мея (5 т.), А. Н. Островскаго (10 т.), С. Т. Аксакова (6 т.), П. Р. Фурмана (11 т.), А. Н. Незеленова (6 т.), И. Д. Ахшарумова (3 т.), Л. Н. Модзалевскаго (2 т.) и рядъ учебно-воспитательныхъ сочиненій. Всѣ эти сочиненія онъ издавалъ отдѣльными брошюрами, начиная съ 15 коп., чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными, и сверхъ того полныя собранія русскихъ авторовъ продавалъ въ разсрочку, что вызвало вскорѣ подражаніе у многихъ издателей. Тетчасъ же по открытіи собственнаго магазина Н. Г. разработалъ вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ уставъ общества книгопродавцевъ и издателей, котораго онъ и былъ учредителемъ, и одновременно вступилъ въ члены Лейпцигскаго книгопродавческаго общества. Въ 1904 г. Н. Г. организовалъ специальный ежемѣсячный журналъ «Книжная Виржа», органъ сближенія интересовъ авторовъ, издателей, книгопродавцевъ и читателей. Въ этомъ журналѣ ежемѣсячно дѣлится онъ съ читателями своими мыслями, основанными на 50-лѣтнемъ опытѣ о наилучшей у насъ въ Россіи организационной торговли и издательства. Работы его по статистикѣ, библиографіи, каталогизации и вообще о способахъ распространенія книгъ, какъ главнаго рычага просвѣщенія, заслуживаютъ полнаго вниманія и ознакомленія съ ними. Первая статья, написанная имъ, была помѣщена въ «Книжномъ Вѣстникѣ» въ 1864 г., а въ 1867—8 г.г. онъ составилъ первый полный каталогъ русскихъ книгъ. Покройный В. П. Межовъ пользовался каталогомъ Н. Г., какъ основаніемъ при составленіи перваго своего каталога для А. Ф. Базунова въ 1869 г. По

иниціативѣ Н. Г. основано общество взаимнаго кредита дѣятелей печатнаго дѣла; имъ разработанъ также вопросъ о ссудахъ подѣ книги во всѣхъ его деталяхъ. Чествованіе Н. Г. началось рѣчью директора публичной бібліотеки г. Кобеко, который отмѣтилъ серьезныя заслуги Н. Г. въ дѣлѣ организациі и развитія книжной торговли въ Россіи. Отъ имени главнаго управленія по дѣламъ печати привѣтствовалъ г. Вельгардъ, отъ типографовъ Р. Р. Голике, отъ редакціи «Наборщика» А. А. Филишовъ, отъ харьковскаго историко-филологическаго о-ва г. Пароніаць, отъ кружка друзей и книготорговцевъ А. М. Уманскій, а затѣмъ привѣтствовали: бібліотекаръ академіи наукъ г. Вольтеръ, председатель о-ва книгопродавцевъ Е. М. Вольфъ и капитанъ Я. Н. Художилловъ. Потомъ читались привѣтственные письма и телеграммы, отъ К. П. Побѣдоносцева и другихъ.

Музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ. Минувшій годъ въ дѣлѣ организациі художественныхъ и научныхъ коллекцій былъ для музея временемъ *полученія* копій съ лучшихъ образцовъ скульптуры, зодчества, мозаики и живописи изъ разныхъ городовъ Западной Европы: а) По искусству *Ассиріи* получены гипсовые слѣпки съ знаменитыхъ оригиналовъ Ниневіи изъ Британскаго музея; по искусству древней *Персіи* поступили отливки памятниковъ зодчества и скульптуры Персеполя изъ музея Лувръ въ Парижѣ. б) По *греческой и римской* скульптурѣ коллекціи музея пополнились очень большимъ количествомъ образцовъ изъ Аѳинъ, Рима, Берлина, Парижа и Лондона; по *греческому* зодчеству приобрѣтены слѣпки съ лучшихъ памятниковъ стилей дорическаго (уголъ Парѳенона), ионическаго (портникъ Кариатидъ храма Эрехѳейона въ Аѳинахъ) и коринтскаго (хорагическій памятникъ Лисекрата), всѣ въ натуральную величину оригиналовъ по моделямъ музея Ecole des Beaux Arts въ Парижѣ; по чеканному дѣлу древнихъ римлянъ получена въ даръ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. А. Колесникова гальвано-пластическая копія съ серебромъ и золотомъ знаменитаго серебрянагоклада, найденнаго близъ города Гильдесгейма въ провинціи Ганноверъ и заключающаго столовую посуду эпохи Августа, всего 38 предметовъ; по эллино-римской живописи трудилась для музея вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Е. Н. Самарина, рожденная Рахманова, надъ оригиналами Ватикана (такъ называемая «Свадьба Альдобрандини» и пейзажи изъ Одиссеи) и Луврскаго музея (образцы изъ коллекціи Самрапа). в) По *древне-христіанскому* искусству окончено исполненіе заказовъ, сдѣланныхъ проф. Цвѣтаевымъ въ 1903 г. въ Равеннѣ, по мозаикѣ и скульптурѣ V и VI вв.: какъ большая мозаическая картина «Добрый Пастырь» мавзолея Плакиды и ранѣе полученная Божія Матерь и Ангель храма S. Apollinare Nuovo, «Выходъ императора Юстиніана и Феодоры въ храмъ» изъ ц. S. Vitale, такъ слѣпки со скульптурныхъ памятниковъ ц. S. Apollinare in Classe и другихъ церквей Равенны исполнены въ копіяхъ для музея впервые, не имѣя собою предшественниковъ ни въ одномъ музее міра. г) По *искусству среднихъ вѣковъ* въ Германіи приобрѣтены бронзироваанныя двери со скульптурными изображеніями XI в. соборовъ Гильдесгейма и Аугебурга, купель гильдесгеймскаго собора, образцы чеканнаго дѣла въ серебрѣ саксонскаго школы X—XI в. въ Гильдесгеймѣ, большая группа

Богоматерь и ап. Іоаннѣ изъ расіятія XII в., работы южно-нѣмецкой школы и др. с) По скульптурѣ *эпохи возрожденія* въ Италиі и Германіи получено окончаніе исполненія прежнихъ заказовъ по изваяніямъ Якопо делла Кверчья, Брунеллески, Гиберти, Донателло, Луки, Андреа и Джіованни делла Роббіа, Дезидеріо да-Сеггиньяно, Бенедетто да-Майано, Мино да-Фьезоле, Антоніо Росселлино, Верроккіо и Микель Анджело: гипсовые отливки исполнялись во Флоренціи, Сіеннѣ, Римѣ и Парижѣ, по мѣсту нахождения оригиналовъ. Лучшія и знаменитѣйшія произведенія мастеровъ итальянскаго Ренессанса будутъ представлены въ новомъ музеѣ съ возможной полнотой, превосходя въ этомъ отдѣлѣ всѣ однородные музеи Западной Европы. Нѣмецкій Ренессансъ въ скульптурѣ нашелъ выраженіе лучшими произведеніями Фейта Штосса (Veit Stoss 1450—1533 гг.), Адама Крафта, Рименштейдера, Юрга Сирлина и Петра Фишера по оригиналамъ, хранящимся въ Нюрнбергѣ, Штуттгартѣ, Ульмѣ и другихъ городахъ южной Германіи. Пожаръ въ декабрѣ 1904 года уничтожилъ очень большой складъ ящиковъ со скульптурами Египта, пріобрѣтенными Ю. С. Нечаевымъ-Мальцовымъ въ Каирѣ въ 1898 году, со многими художественными памятниками греко-римскаго міра, а равно и нѣсколькихъ христіанскихъ эпохъ. Восполненіе этой большой потери должно служить заботой на цѣлый рядъ лѣтъ для лицъ, которыя станутъ во главѣ музея изящныхъ искусствъ при Московскомъ университетѣ.

Работы по составленію діалектологической карты Россіи. Уже въ теченіе трехъ лѣтъ при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ особая коммиссія работаетъ надъ серьезнымъ и обширно задуманнымъ предпріятіемъ по составленію діалектологической карты Россіи. При самой своей организаціи коммиссія, подъ предѣлательствомъ академика Ѡ. Е. Корша, намѣтила планъ собиранія и обработки матеріала для составленія діалектологической карты русскаго языка. За три года своего существованія коммиссія, въ отвѣтъ на подробно разработанныя академическія программы, получила изъ разныхъ губерній имперіи рядъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые и обрабатываются, по мѣрѣ поступленія, по особо намѣченной системѣ. Поступающій матеріаль регистрируется, и составляется особый карточный каталогъ книгъ и статей по діалектологіи и исторіи русскаго языка. Пока-что, каталогъ этотъ печатается въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, необходимыхъ въ качествѣ рабочихъ экземпляровъ при продолженіи работъ по регистраціи матеріаловъ. Когда же будетъ закончена разработка всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи коммиссіи матеріаловъ, будетъ выпущенъ полный каталогъ. Коммиссія, для пополненія своихъ матеріаловъ, вступила въ сношеніе съ академіями наукъ въ Краковѣ и Прагѣ, съ «научнымъ товариществомъ имени Шевченка», галицко-русской матицей во Львовѣ и другими организаціями. Благодаря этому, бібліотека коммиссіи пополнилась цѣнными собраніями трудовъ и изданій послѣднихъ. Для болѣе широкаго и тѣснаго общенія съ этими организаціями предполагается даже установитъ безоплатное полученіе коммиссіей заграничныхъ изданій, печатаемыхъ кириллицей. Однимъ изъ важныхъ по своимъ результатамъ способовъ полученія цѣнныхъ для коммиссіи матеріаловъ являются поѣздки членовъ коммиссіи съ діалекто-

логической цѣлью въ глубь Россіи. Такимъ путемъ, наиримѣръ, приватъ-доцентъ московскаго университета Н. Н. Дурново собралъ и обработалъ цѣнные для составленія карты матеріалы по южно-великорусскимъ говорамъ. Имъ же собранъ обширный матеріалъ для составляемаго комиссіей библиографическаго списка трудовъ по русскому языку. Труды Н. Н. Дурново привели къ заключенію комиссіи, что южно-великорусское нарѣчіе слышится лишь въ 10 центральныхъ и черноземныхъ губерніяхъ. Рядомъ съ этимъ, другими членами комиссіи изслѣдовался вопросъ объ опредѣленіи границъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоромъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній, а также разрабатывались вообще матеріалы по говорамъ отдѣльныхъ уѣздовъ различныхъ губерній. Поднять также вопросъ о грамматикѣ языка А. С. Пушкина и разрабатываются другіе діалектологическіе матеріалы. Въ общемъ за свое трехлѣтнее существованіе комиссія собрала и обработала довольно много цѣнныхъ матеріаловъ, имѣющихъ большое значеніе вообще для изученія исторіи русскаго языка.

Библиотека В. А. Бильбасова въ Вѣнѣ. Вѣнская университетская бібліотека, по словамъ вѣнскихъ газетъ, получила въ даръ отъ князя Франца Лихтенштейна, бывшаго австрійскаго посла въ Петербургѣ, пріобрѣтенную имъ бібліотеку покойнаго В. А. Бильбасова, замѣчательную по полнотѣ и тщательности подбора книгъ и сочиненій по исторіи Россіи и славянства. Она заключаетъ въ себѣ 10,000 томовъ, считая въ томъ числѣ полные комплекты такихъ журналовъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русскій Архивъ», «Голоколь» Герцена и проч. 40,000 кронъ, полученныхъ за бібліотеку О. А. Бильбасовой, пожертвованы Петербургскому университету; на проценты съ этого капитала должны быть учреждены стипендіи для тѣхъ изъ историко-филологовъ, которые по окончаніи курса въ Спб. университетѣ пожелады бы продолжать свое ученое образованіе за границей. 109 ящичковъ съ книгами бібліотеки Бильбасова уже получены въ Вѣнѣ. По отзыву нѣмецкихъ газетъ, Вѣнскій университетъ благодаря этому пріобрѣтенію доставитъ нѣмцамъ наиболѣе благопріятныя условія для изученія славянства.

Отъ Императорской академіи наукъ. Императорская академія наукъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: **I.** Въ академіи состоится въ текущемъ 1907 году конкурсы по нижеслѣдующимъ преміямъ: 1) С. Н. Батюшковой—за историческое описаніе административной дѣятельности графа М. Н. Муравьева по званію генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края. Срокъ представленія трудовъ 1 октября, срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. 2) Ломоносовская—за труды по русской и славянской филологіи и по исторіи языка и литературы русскаго и другихъ славянскихъ народовъ. Срокъ представленія трудовъ 1 іюня, срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. 3) Имени графа Д. А. Толстого—за сочиненія по русской исторіи, греческой и римской словесности и древностямъ, восточной словесности и древностямъ, статистикѣ и политической экономіи. Срокъ представленія трудовъ 1 мая, срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. **II.** Въ академіи состоится въ текущемъ 1907 году присужденіе слѣдующихъ премій, по которымъ представленіе работъ на конкурсъ состоялось въ 1906 г.:

1) Имени императора Александра II учрежденныя симбирскимъ дворянствомъ, за труды, имѣющіе предметомъ какую-либо изъ главнѣйшихъ реформъ царствованія императора Александра Николаевича, а именно: освобожденіе крестьянъ, преобразование суда, земскія учрежденія и воинскую повинность. Срокъ представленія трудовъ истекъ 1 января 1907 года, срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. 2) Профессора А. А. Котляревскаго— за изслѣдованія: а) по славянскимъ древностямъ; б) по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности, и в) по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи. Срокъ представленія трудовъ истекъ 1 января 1907 года, срокъ присужденія 19 октября 1907 года. 3) За ученое жизнеописаніе Ломоносова— за полное жизнеописаніе Ломоносова, съ изображеніемъ всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнкою всѣхъ его трудовъ, а также за сочиненія, обнимающія дѣятельность Ломоносова въ области: 1) физики и химіи, 2) минералогіи, геологіи и металлургіи, 3) филологіи и словесности, 4) географіи, статистики, политической экономіи и русской исторіи. Срокъ представленія трудовъ истекъ 1 января 1907 года, срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. 4) Митрополита Макарія— за самостоятельныя труды въ области русскаго языка и словесности и славяно-русской филологіи вообще. Срокъ представленія трудовъ истекъ 19 сентября 1906 года, срокъ присужденія 19 сентября 1907 года. 5) А. С. Пушкина— за ученныя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, за произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ и за обстоятельныя критическія разборы выдающихся произведеній русской изящной словесности. Срокъ представленія трудовъ истекъ 29 января 1906 года, срокъ присужденія 19 октября 1907 года. 6) Графа Уварова— за сочиненія на рускомъ языкѣ, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, а также къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художествъ въ этихъ странахъ. Срокъ представленія трудовъ истекъ 25 сентября 1906 года, срокъ присужденія 25 сентября 1907 г. 7) Имени К. Т. Солдатенкова— за труды по наукамъ философскимъ на заданныя темы, объявленныя академію въ номерѣ «Правительственнаго Вѣстника» отъ 28 февраля 1906 года: 1) «Григорій Сковорода и его философія» и 2) «Нравственность, какъ экономическій факторъ въ производствѣ и распредѣленіи цѣнностей». Срокъ представленія трудовъ истекъ 1 января 1907 г., срокъ присужденія 29 декабря 1907 года. 8) Ф. Ф. Шуберта— за ученныя работы по теоретической астрономіи. Срокъ представленія трудовъ истекъ 15 августа 1906 года, срокъ присужденія 12 февраля 1907 года. III. Печкають сроки представленія работъ на конкурсы 1908 года по нижеслѣдующимъ преміямъ: 1) Астрономическая премія жены академика Анны Бредихиной— за продолженіе трудовъ академика Бредихина по строгому механическому изслѣдованію развитія кометныхъ формъ. Срокъ представленія трудовъ 10 сентября 1907 года, срокъ присужденія 29 декабря 1908 года. 2) А. М. Кожевникова— за научную обработку грамматики и словаря языковъ арійскаго корня, за исключеніемъ древнеклассическихъ и новыхъ литературныхъ языковъ, но не нарѣчій послѣднихъ. Срокъ представленія трудовъ

1 января 1908 года, срокъ присужденія 29 декабря 1908 года. 3) А. С. Пушкина — за ученныя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, за произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ и за обстоятельныя критическіе разборы выдающихся произведеній русской изящной словесности. Срокъ представленія трудовъ 29 января 1908 года, срокъ присужденія 19 октября 1909 года. 4) Графа Уварова — за сочиненія на русскомъ языкѣ, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, а также къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художествъ въ этихъ странахъ. Срокъ представленія трудовъ 25 сентября 1907 года, срокъ присужденія 25 сентября 1908 года. Подробныя правила о конкурсахъ на указанныя преміи можно получить въ канцеляріи конференціи Императорской академіи наукъ.

НЕКРОЛОГИ.

ВРЮЖСКІЙ, Іоаннъ. 3 января въ Александрo-Невской лаврѣ на братскомъ кладбищѣ похороненъ архимандритъ лавры Іоаннъ Врѹжскій. По окончаніи курса въ вологодской духовной семинаріи въ 1842 г., онъ десятки лѣтъ былъ сельскимъ священникомъ, затѣмъ нѣкоторое время учителемъ и наконецъ городскимъ священникомъ въ Вологдѣ. Въ началѣ 80-годовъ постригся въ монашество въ Александрo-Невской лаврѣ и былъ затѣмъ настоятелемъ въ двухъ небольшихъ монастыряхъ Новгородской епархіи. Последніе годы своей жизни провелъ опять въ Александрo-Невской лаврѣ, проживая на покоѣ въ кинoвнѣ. Будучи въ лаврѣ іеромонахомъ, о. Іоаннъ находился въ командировкахъ отъ лавры на судахъ Балтійскаго флота и сдѣлалъ путешествіе на Аѳонъ и въ Палестину. Имъ составлены сборники: «Катехизическія поученія о семи Святыхъ таинствахъ

Православной церкви», «Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвижавшихся въ Вологодской епархіи, прославляемыхъ всею Церковью и мѣстно чтимыхъ» и рядъ поученій («Девять бесѣдъ о Святой Землѣ на Святой Землѣ и др.). Одно перечисленіе трудовъ литературныхъ почившаго духовнаго писателя показываетъ уже, что покойный архимандритъ провелъ свою жизнь не въ праздности, «подвигомъ добрымъ честно и прилежно подвижался» и въ сокровищницу отечественной церковной литературы внесъ свою посильную лепту. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.071).

† **Гуртъ, Я. И.** 31 декабря минувшаго года наша наука понесла крупную утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году жизни заслуженнаго пастора доктора философіи Я. И. Гурта. Покойный, эстонецъ по происхожденію, всю жизнь работалъ надъ изученіемъ и собираніемъ матеріаловъ по этнографіи и фольклору своего народа. Имъ собраны свыше 200.000 номеровъ сказокъ, преданій, загадокъ, повѣрій, записанныхъ и распределенныхъ по категориямъ, крайне облегчающимъ возможность пользованія этими матеріалами. Свои уче-

ные труды покойный пасторъ Гургъ издавалъ на языкахъ нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ. Въ 1905 г. императорское Русское географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль—за его научныя работы и въ частности за его фундаментальный трудъ по изученію сугкезовъ (исковскихъ эстовъ). Докторъ Гургъ былъ ученымъ по призванію; почти никогда не имѣлъ никакихъ поддержекъ въ своей научной дѣятельности и никогда не былъ официальнымъ ученымъ. Всегда съ поразительной скромностью и съ чисто юношескимъ пыломъ онъ брался за научныя работы и выполнялъ ихъ быстро и въ высшей степени тщательно. Это былъ рѣдко симпатичный и всѣми знавшими его уважаемый человекъ и выдающійся ученый. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 1).

† **Дьяченко, С. В.** Въ Казани скончался предѣдатель мѣстнаго окружнаго суда Сергѣй Викторовичъ Дьяченко. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Ему особенно многимъ обязана Казань, гдѣ онъ былъ около десяти лѣтъ городскимъ головою. Благоустройство Казани, мѣстное начальное образованіе, больничное и санитарное дѣло, трамваи, устройство въ Казани промышленной выставки—все это имѣло въ лицѣ покойнаго дѣятельнаго радѣтеля и заботника. Казань выросла, украсилась и приняла болѣе или менѣе культурный видъ главнымъ образомъ подъ его руководствомъ. С. В.—сынъ извѣстнаго драматурга, автора «Гувернера» и другихъ пьесъ,—родился въ Харьковѣ 4 октября 1846 года. Въ молодости его привлекала сцена, и онъ неоднократно выступалъ въ качествѣ любителя въ разнообразныхъ спектакляхъ даже съ заправскими артистами. Кончивъ Харьковскій университетъ кандидатомъ правъ, онъ избралъ для своей дѣятельности судебное поприще. Началь службу въ харьковской судебной палатѣ, затѣмъ перевелся въ Петербургъ, былъ помощникомъ судебного слѣдователя и помощникомъ секретаря третьяго уголовного отдѣленія петербургскаго окружнаго суда. Въ 1870 г. онъ отправился на ревизію въ Казань чиновникомъ при сенаторѣ князѣ Шаховскомъ. Въ этомъ году въ Казани ввѣдидлась новая судебная реформа. Дьяченко былъ назначенъ секретаремъ гражданскаго департамента казанской судебной палаты, 29 лѣтъ былъ членомъ казанскаго окружнаго суда, въ 1883 г. товарищемъ предѣдателя по уголовному отдѣленію. Женившись, получилъ имущественный цензъ и какъ мѣстный выдающійся дѣятель сталъ выбираться въ гласные мѣстной думы и мѣстнаго земства. Въ 1888 г. былъ избранъ казанскимъ городскимъ головою. Съ этого года дѣятельность его приняла широкій общественный характеръ. При повторныхъ выборахъ въ 1893 г. онъ былъ избранъ городскимъ головою единогласно—рѣдкій случай, хорошо характеризующій личность и дѣятельность покойнаго. Оставивъ городскую дѣятельность, онъ вновь началъ службу въ судебномъ вѣдомствѣ и въ послѣдніе годы былъ предѣдателемъ казанскаго окружнаго суда. Воспитанный въ литературной средѣ, С. В. посвящалъ свои досуги литературнымъ занятіямъ, сотрудничалъ въ вѣсколькихъ газетахъ («Волжскомъ Вѣстникѣ» и др.), написалъ пьесы «Сила соломѣ ломитъ» и «Грѣхи молодости». Какъ дѣятель, онъ былъ замѣчателенъ по своей энергіи, доброжелательству и умѣнью направить общественныя силы

на служеніе общественной пользы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.074).

† **Живаго, И. М.** Въ четвергъ, 4 января, тихо скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Живаго. Потрудившись въ теченіе тридцати лѣтъ на посту инспектора московской практической академіи, въ 1896 г. покойный вышелъ въ отставку. Смерть Ивана Михайловича является поистинѣ тяжелою утратой для людей, близко знавшихъ его и имѣвшихъ счастье воспитываться подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ и пользовавшихся его отеческимъ попеченіемъ и заботами. Иванъ Михайловичъ Живаго воспитывался на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета и, выпущенный первымъ кандидатомъ въ 1857 г., состоялъ преподавателемъ и инспекторомъ кievскаго военного училища, а съ 1866 г.—инспекторомъ московской практической академіи, до 1896 г., когда вышелъ въ отставку. Покойный, вмѣстѣ съ извѣстнымъ славистомъ А. А. Котляревскимъ, велъ отдѣлъ «Старина и народность» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1861 г. съ № 263). Ему же принадлежали переводы «Мифологіи» Макса Мюллера (Москва 1863 г.) и «Персики Екатерины II съ императоромъ Юсифомъ II» («Русскій Архивъ» 1880 г., книга 1). Наконецъ, имъ издано учебное пособие: «Christmas Carol» Диккенена, съ примѣчаніями и словаремъ. Уповаемъ, что Господь Богъ упокоитъ его прекрасную душу и скажетъ ему: «рабе благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 5).

† **Кублицкій-Шотухъ, Л. І.** Внезапно скончался 9-го января извѣстный военный педагогъ, директоръ Владимірскаго кievскаго кадетскаго корпуса, Л. І. Кублицкій-Шотухъ... Покойный родился 15 декабря 1849 года, по окончаніи образованія во Владимірской кievской военной гимназіи поступилъ въ Николаевское инженерное училище, которое и окончилъ въ 1870 г. съ назначеніемъ въ 5-й саперный батальонъ. Въ 1873 году Л. І. состоитъ уже слушателемъ Николаевской инженерной академіи, которую и оканчиваетъ въ 1875 году. Въ этомъ же году Л. І., уволившись отъ военной службы, поступаетъ въ строительное училище мин. внутрен. дѣлъ (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ императора Николая I), которое и кончаетъ въ 1877 г. съ званіемъ «архитекторскаго помощника съ правомъ производства строительныхъ работъ». Но призваніе сдѣлало свое дѣло... И вотъ мы видимъ, что въ 1878 г. Л. І. уже держитъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній испытаніе пробными уроками на право преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ математики и блестяще выдерживаетъ его... Въ октябрь того же года Л. І.—уже воспитатель 1-й военной гимназіи (нынѣ 1-й к-ій корпусъ). Въ 1880 г. энергичный Л. І. держитъ опять экзаменъ при Николаевской инженерной академіи на право преподаванія фортификаціи въ военныхъ училищахъ и опять блестяще выдерживаетъ его. Въ 1886 г. Л. І. получаетъ мѣсто штатнаго преподавателя въ Павловскомъ военномъ училищѣ, а въ 1897 году мы его видимъ въ должности инспектора классовъ I-го кадетскаго корпуса. Выдающіяся «педагогическія» способности Л. І. обратили на него вниманіе высшаго начальства, и въ 1900 г., съ производствомъ въ генераль-майоры,

онъ получаетъ высокое и отвѣтственное мѣсто директора только что основаннаго Сумскаго кадетскаго корпуса. Много трудовъ положилъ Л. I., дабы заложить основательный фундаментъ дѣлу обученія и воспитанія въ молодомъ корпусѣ, который, по справедливости, считалъ своимъ любимымъ «дѣтищемъ». Кадеты горячо любили своего «отца-директора», а «педагогическій» персоналъ глубоко уважалъ Л. I. за его «мужественное» отношеніе къ правдѣ... Въ 1905 г. Л. I. получилъ въ завѣдываніе то военно-учебное заведеніе, гдѣ провелъ «золотые» годы своей юности, а именно Владимірскаго кievскаго кадетскаго корпуса... Всѣ, кто близко зналъ Л. I., кто имѣлъ счастье принадлежать къ числу его учениковъ, тѣ, конечно, знаютъ, какое «чудное сердце» было у этого съ виду суроваго челоуѣка... Преподаватель онъ, во истину, былъ образцовый: строгій, требовательный, но и въ высшей степени справедливый. Юнкера горячо любили и уважали его. Предметъ свой онъ зналъ превосходно и преподавалъ живо и крайне интересно... (Некрологъ его: «С. Петербургскія Вѣдомости», 1907 г., № 9).

† **Малышевъ, К. И.** 3 января скончался извѣстный юристъ Кронидъ Ивановичъ Малышевъ, немного не доживъ до 65 лѣтъ. К. И. былъ около 20 лѣтъ профессоромъ с.-петербургскаго университета, гдѣ онъ читалъ русскій гражданскій процессъ, а затѣмъ посвятилъ себя законодательной дѣятельности по II отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, преобразованному позднѣе въ кодификаціонный отдѣлъ Г. Совѣта; послѣ отказа отъ предложенной ему должности сенатора гражданскаго кассационнаго департамента К. И. состоялъ до смерти въ должности члена консультаціи при министрѣ юстиціи, на которой принималъ ревностное участіе въ трудахъ комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. Кронидъ Ивановичъ происходилъ изъ духовнаго званія (онъ былъ сыномъ челябинскаго священника Оренбургской губ.) и послѣ окончанія курса въ уфимской семинаріи поставилъ себѣ задачей добиться высшаго образованія. Путь до Москвы ему за недостаткомъ средствъ пришлось продѣлать пѣшкомъ, частью пользуясь обозами. Рѣшивъ покончить съ духовною карьерою, онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ первое время ему пришлось сильно бѣдствовать отъ недостатка средствъ и даже перенести тяжелый брюшной тифъ, образовавшійся на почвѣ дурнаго питанія и иныхъ лишеній. Въ это время поддержку ему оказалъ извѣстный тогда богачъ Базилевскій, получившій о немъ свѣдѣнія съ Урала. Но не таковъ былъ Кронидъ Ивановичъ, чтобы жить на чьихъ бы то ни было хлѣбахъ, и представившимся ему знакомствомъ онъ воспользовался для полученія литературной работы, принявъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ народныхъ изданіяхъ — «Солдатской Бесѣдѣ», «Народномъ Читеніи» и другихъ. Поступивъ студентомъ с.-петербургскаго университета по юридическому факультету въ 1864 г., въ возрастѣ выше обычнаго, онъ быстро и основательно пополнилъ свое знакомство съ иностранными языками, а занятіями по предметамъ своей специальности обратилъ на себя вниманіе и професоровъ, и своихъ товарищей; послѣдніе въ студенческихъ кружкахъ того времени заслушивались его рефератами по общимъ вопросамъ права, обнаружившими полеть мысли и способность референта къ широкимъ и смѣлымъ обобщеніямъ. Но

успѣхности въ работѣ съ К. И. никто не могъ выдержать сравненія, и постепенно К. П. сталъ въ буквальный смыслъ схимникомъ, зарывшимся въ книгахъ, которыя поглощали все его время. Никогда его не останавливало незнаніе языка, и, встрѣчаясь съ необходимостью одолѣть новый языкъ, онъ рѣшительно приступалъ къ этой дѣли и быстро достигалъ ея. Уже въ концѣ своего студенчества К. П. приходитъ къ мысли, которая у него болѣе и болѣе крѣпла, что наука права имѣетъ единственное основаніе въ правѣ положительномъ, почему научное изслѣдованіе права состоитъ въ уразумѣніи и точномъ изложеніи положительнаго права, и юристъ обязанъ воздерживаться отъ всякихъ личныхъ мнѣній, которыя составляютъ матеріалъ, отдѣльный отъ права положительнаго и чуждый ему; подѣ правомъ же положительнымъ онъ склоненъ былъ понимать право всѣхъ народовъ, или по крайней мѣрѣ народовъ культурныхъ, міровое право; поэтому онъ съ такою жадностью стремился знакомиться съ положительнымъ правомъ разнородныхъ народовъ, удерживая свой умъ отъ всякихъ личныхъ обобщеній, отклонившихся отъ матеріала положительнаго. Труды К. И. приобрѣли объективную обоснованность, сближавшую ихъ съ трудами Кавелина, и такой характеръ имѣютъ его прекрасный курсъ русскаго гражданскаго судопроизводства и появившееся въ печати начало его курса русскаго гражданскаго права. Но свободный полетъ мысли и широта взглядовъ отъ нихъ отходить, такъ что нельзя не сожалѣть о томъ постепенномъ самоубійствѣ мысли, которое достигнуто К. П. изумительнымъ напряженіемъ его воли. Въ послѣдніе годы К. П. не выступалъ въ литературной области, отдавшись всецѣло работамъ законодательнымъ. К. П. велъ жизнь схимника, совершенно уклоняясь отъ всякихъ общественныхъ сношеній, единственное развлеченіе ему доставляла скринка. По внѣшности онъ производилъ впечатлѣніе угрюмаго нелюдима, крайне подозрительнаго въ личныхъ отношеніяхъ и сухаго книжника. Но по своей внутренней сущности онъ до конца дней оставался добрымъ буршемъ, неловкимъ и порою наивнымъ, но глубоко проникнутымъ вѣрою въ силу знанія и глубокимъ убѣжденіемъ въ пользѣ послѣдняго для народнаго блага. Эту вѣру онъ доказалъ послѣдними своими распоряженіями; всю свою богатѣйшую бібліотеку, которую онъ собиралъ всю жизнь съ такою любовью, и все свое имущество (слышно, около 20 т. рублей) онъ завѣщалъ въ даръ наиболѣе восточному русскому университету. Къ числу капитальныхъ работъ покойнаго, пользующихся большою популярностью среди юристовъ, между прочимъ, принадлежатъ: Курсъ гражданскаго судопроизводства (Сиб. 1874—79 гг.), Курсъ общаго гражданскаго права Россіи (Сиб. 1878 г.), Гражданскіе законы и обычное право Россіи, въ общемъ ихъ сводѣ, со включеніемъ законовъ Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края, Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ (Сиб. 1880 г.) и Общее уложеніе и дополнительные къ нему законы Финляндіи (Сиб. 1891 г.). (Некрологи его «Новое Время» 1907 г., № 11. 069, Московскія Вѣдомости» 1907 г. № 7).

† **Менделѣвъ, Д. И.** Наука понесла невознаградимую потерю: скончался одинъ изъ ея жрецовъ—всемирно извѣстный химикъ, открывшій знаменитый периодическій законъ элементовъ, Дмитрій Ивановичъ Менделѣвъ. Д. П.

родился 27 января 1834 г. въ Tobольскѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ мѣстной гимназіи. 10-ти лѣтъ онъ остался на единственномъ попеченіи своей матери, женщины выдающагося ума, имѣвшей большое вліяніе на своего сына. Сторонница свободнаго развитія природнаго дарованія, мать Д. И. предоставила ему въ его дѣтскіе и гимназическіе годы возможность развиваться самобытно и независимо. Окончивъ гимназію, Д. И. поступилъ въ с.-петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ слушалъ лучшихъ въ то время профессоровъ: химика Воскресенскаго, физика Ленца, математика Остроградскаго, астронома Савича, зоолога Брандта. Будущій знаменитый химикъ сказался въ Д. И. еще на студенческой скамьѣ, гдѣ онъ написалъ свое первое сочиненіе «Объ изоморфизмѣ». Окончивъ институтъ, Д. И. уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ занялъ мѣсто преподавателя сначала въ симферопольской гимназіи, а потомъ—въ одесской. Въ 1856 году онъ вернулся въ Петербургъ, поступилъ приватъ-доцентомъ въ Петербургскій университетъ и здѣсь защитилъ диссертацию «Объ удѣльныхъ объемахъ», получивъ степень магистра. Послѣ этого молодой ученый уѣхалъ за границу, въ Гейдельбергъ, гдѣ устроилъ свою небольшую лабораторію и произвелъ въ ней рядъ изслѣдованій о капиллярности жидкостей. Къ этому же времени относятся его сочиненія о расширеніи жидкостей и о температурѣ абсолютнаго кипѣнія. Вернувшись въ Петербургъ, Д. И. опять поступилъ приватъ-доцентомъ въ Петербургскій университетъ и вскорѣ выпустилъ въ свѣтъ свой курсъ неорганической химіи. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ профессоромъ Петербургскаго технологическаго института и въ этотъ періодъ много занимался различными вопросами техники, ѣздилъ на Кавказъ для изученія нефти, производилъ разные сельско-хозяйственные опыты и издалъ «Химическую технологию», которая вскорѣ превратилась въ «Техническую энциклопедію», выходящую въ теченіе 6 лѣтъ. Черезъ три года онъ защитилъ диссертацию на тему «О растворахъ спирта по удѣльному вѣсу», получилъ степень доктора и былъ избранъ профессоромъ химіи Петербургскимъ университетомъ. Съ этихъ поръ его научная дѣятельность принимаетъ колоссальные размѣры. Въ 1868—70 г.г. онъ издалъ свои знаменитыя «Основы химіи», переведенныя на многіе языки, гдѣ впервые проводится принципъ періодической системы элементовъ, давшей возможность предвидѣть существованіе новыхъ, еще не открытыхъ элементовъ, и съ точностью предсказать свойства какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ разнообразныхъ соединений. Отсюда начинается всемірная слава Д. И. Доказавъ зависимость самыхъ существенныхъ химическихъ свойствъ элементовъ отъ ихъ атомныхъ вѣсовъ, замѣтивъ промежутки между атомными вѣсами, не отвѣчавшіе непрерывной послѣдовательности атомныхъ вѣсовъ извѣстныхъ уже элементовъ, — Д. И. смѣло заполнилъ пустыя мѣста предсказанными имъ новыми, еще неизвѣстными, элементами, для которыхъ онъ указалъ не только опредѣленный атомный вѣсъ, но и опредѣленные физическія и химическія свойства. Черезъ нѣсколько лѣтъ предсказанія Д. И. блестяще подтвердились: были открыты недостающіе элементы. Въ 1876 году Д. И., по порученію правительства, ѣздилъ въ Пенсильванію для осмотра американскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій, и затѣмъ—нѣсколько разъ на Кавказъ для изученія экономическихъ

условія добычи нефти, что повлекло за собою развитіе нефтяной промышленности въ Россіи. Изучая вопросъ о происхожденіи нефти, касаясь вопросовъ воздухоплаванія и сопротивленія жидкостей, изслѣдую спиртные растворы по ихъ удѣльному вѣсу, Д. П. широко опубликовывалъ свои выводы, которые находили себѣ послѣдователей среди химиковъ всего міра. Ему же обязаны своимъ первымъ серьезнымъ изслѣдованіемъ экономическія условія донецкой каменноугольной промышленности. Не ограничиваясь тѣсными рамками теоретическихъ и кабинетныхъ работъ, Д. П. шелъ навстрѣчу и практическимъ нуждамъ правительства. Оставивъ въ 1890 году профессуру, Д. П. былъ назначенъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ, а вскорѣ былъ командированъ военнымъ и морскимъ вѣдомствомъ въ Англію и Францію для обсужденія вопроса о перевооруженіи арміи и флота и для изобрѣтенія особаго состава бездымнаго пороха. Основавъ специальную научно-техническую лабораторію, Д. П. въ 1892 году указалъ требуемый типъ бездымнаго пороха, легко приспособляемый ко всякаго рода огнестрѣльнымъ орудіямъ, названный широколодійнымъ, универсальнымъ. Въ то же самое время онъ былъ назначенъ консультантомъ при управляющемъ морскимъ министерствомъ. Участвуя затѣмъ въ выработкѣ системы правительственнаго покровительства для русскои промышленности, Д. П. былъ въ 1903 году, назначенъ ученымъ хранителемъ во вновь открытой палатѣ мѣръ и вѣсовъ, при которой онъ издавалъ и редактировалъ особый «Временникъ», со всѣми измѣрительными изслѣдованіями палаты. Человѣкъ живой и чрезвычайно разносторонній, Д. П. отзывался на многіе вопросы первостепенной важности и, между прочимъ, написалъ большое изслѣдованіе о спиритизмѣ. Съ 1880 года Д. П. началъ собирать художественныя коллекціи и въ 1894 г. былъ избранъ въ дѣйствительныя члены академіи художествъ. Не перечать всѣхъ трудовъ Д. П., но число написанныхъ имъ статей, какъ и работъ, достигаетъ 150. Его мощное слово звучало рѣшительно во всѣхъ вопросахъ современности. Не такъ давно вышли въ свѣтъ «Завѣтныя мысли» Д. П. Менделѣева, благодаря которымъ много оригинальныхъ и интересныхъ мыслей сдѣлалось достояніемъ публики. У него, напр., новая исторія характеризуется преобладаніемъ и развитіемъ индивидуальныхъ интересовъ, а новѣйшая исторія должна дать наибольшій просторъ и широкое развитіе интересамъ социальнымъ. Нельзя не отмѣтить, что Д. П. — первый и покуда единственный изъ русскихъ ученыхъ, почтенный въ 1889 г. приглашеніемъ прочесть лекціи въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ (19 мая) и въ англійскомъ химическомъ обществѣ (22 мая). Наши соотечественники, однако, отнеслись къ знаменитому ученому съ гораздо меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ англичане, и въ послѣдніе годы Д. П. подвергался цѣлому ряду совершенно незаслуженныхъ имъ, несправедливыхъ нападокъ и обвиненій, которыя заставили его сильно страдать и всецѣло уйти въ себя. Д. П. скончался 20 января, въ 5 час. 20 мин. утра. Недѣлю тому назадъ онъ заболѣлъ воспаленіемъ праваго и части лѣваго легкаго. Въ теченіе цѣлой недѣли врачи колебались въ переходѣ болѣзни. Д. П. лѣчили проф. Яновскій и докторъ Покровскій. Скончался Д. П. на 73 году отъ рожденія. Послѣ покойнаго осталась супруга, два

сына, одинъ — студентъ с.-петербургскаго университета, другой — реальистъ, и двѣ дочери — одна замужемъ за поэтомъ Блокомъ и другая — дѣвица. Похороненъ Д. П. на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ со своей покойной матерью и сыномъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 16; «Новое Время» 1907 г. № 11085).

† **Меншуткинъ, Н. А.** 23 января скончался профессоръ Политехническаго института Николай Александровичъ Меншуткинъ. Его ученые труды обнимаютъ различныя области химіи. Въ первые годы своей ученой дѣятельности онъ занялся изслѣдованіемъ неорганическихъ кислотъ, затѣмъ посвятилъ свои работы органической химіи, занявшись изслѣдованіемъ производныхъ мочевой кислоты и вообще амидовъ кислотъ. Съ 70-хъ годовъ работалъ по физической химіи, разрабатывая различныя вопросы химической механики. Работы покойнаго имѣли строго научный характеръ и доставили покойному крупную извѣстность. Русское физико-химическое общество присудило ему еще въ 1878 г. премію имени Н. Н. Соколова за изслѣдованіе вліянія изомеріи спиртовъ и кислотъ на образованіе сложныхъ эфировъ. Его «Аналитическая химія», напечатанная для облегченія изученія химическаго анализа, переведена на нѣмецкій и англійскій языки и разошлась въ оригиналѣ въ восьми изданіяхъ и въ нѣмецкомъ переводѣ въ трехъ изданіяхъ. Его «Лекціи органической химіи» выдержали также нѣсколько изданій. Покойный родился въ Петербургѣ 12 октября 1842 г. въ купеческой семьѣ. Въ Петербургскомъ университетѣ на него особенное вліяніе оказалъ профессоръ химіи Н. Н. Соколовъ, благодаря которому онъ и избралъ своей специальностью химію. По окончаніи университетскаго курса кандидатомъ естественныхъ наукъ Н. А. отправился за границу, работалъ въ лабораторіяхъ Штрекера въ Тюбингенѣ, Вюрца въ Парижѣ и Кольбе въ Марбургѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ 1865 г., онъ защитилъ диссертацию «О водородѣ фосфористой кислоты, неспособномъ къ замѣщенію металломъ» на степень магистра химіи и сталъ читать въ Петербургскомъ университетѣ лекціи по химіи. Съ 1867 г. въ качествѣ доцента читалъ аналитическую химію и спеціальныя курсы по органической химіи, завѣдывалъ аналитическимъ отдѣленіемъ химической лабораторіи. Съ 1885 г. оставилъ преподаваніе аналитической химіи, сосредоточивъ свои лекціи исключительно на органической химіи, и принялъ на себя завѣдываніе отдѣленіемъ органической химіи. Его докторская диссертация въ 1869 г. была посвящена «Синтезу и свойствамъ уреидовъ». Читая лекціи въ качествѣ снѣрва доцента, затѣмъ ординарнаго и заслуженнаго профессора, Н. А. руководилъ практическими занятіями студентовъ по качественному и количественному химическому анализу. Въ 70-хъ годахъ онъ былъ секретаремъ, въ 80-хъ — выборнымъ деканомъ физико-математическаго факультета. Свою преподавательскую дѣятельность онъ всецѣло посвятилъ университету (одинъ годъ читалъ органическую химію на Владимірскихъ курсахъ) и въ послѣдніе годы Политехническому институту. Досуги посвящать физико-химическому обществу, журналъ котораго редактировалъ, обществу вспомошествованія студентамъ (былъ товарищемъ председателя этого общества) и университетскому музыкальному комитету, образованному для завѣдыванія студенческимъ оркестромъ и хоромъ. Онъ былъ пред-

сѣдателемъ музыкальнаго комитета и принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи студенческихъ оркестра и хора. Кромѣ того, въ качествѣ землевладѣльца состоялъ гласнымъ сиб. губернскаго земскаго собранія и членомъ губернскаго училищнаго совѣта. Н. А. принималъ также дѣятельное участіе въ дѣлахъ литературнаго фонда, состоя распорядителемъ его изданій. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.088).

† **Мостовскій, М. С.** 14 января скончался тайный совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Мостовскій, долгое время завѣдывавшій иностраннымъ отдѣленіемъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора. Покойный, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 году, посвятилъ около 20 лѣтъ педагогической дѣятельности въ московской 3-й гимназій, Межевомъ, Николаевскомъ и Екатерининскомъ институтахъ. Въ этотъ періодъ М. С. Мостовскій издалъ въ свѣтъ: 1) этнографическіе очерки Россіи (характеристика 49 народовъ), 2) географію Россіи, пережившую 8 изданій, и 3) подготовительный курсъ всеобщей и русскою географіи. Въ 1875 году бывшій московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ пригласилъ покойнаго на службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій и назначилъ его правителемъ канцеляріи комиссіи для построенія храма Христа Спасителя, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ составить историческое описаніе этого всероссійскаго памятника Отечественной войны 1812 г. Три года посвятилъ М. С. Мостовскій разработкѣ и обработкѣ архивнаго матеріала, накопившагося въ теченіе 60 лѣтъ со времени закладки храма на Воробьевыхъ горахъ, и къ освященію храма окончилъ свой трудъ. Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III удостоилъ автора за поднесенный его величеству экземпляръ историческаго описанія храма Христа Спасителя слѣдующими словами: «Я съ удовольствіемъ подписалъ вашу награду; благодарю васъ за трудъ. Знаете, что книга ваша лежитъ у меня на столѣ». По упраздненіи вышеуказанной комиссіи М. С. Мостовскій былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ московскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и прослужилъ въ этой должности три года. Затѣмъ покойному было поручено завѣдываніе иностраннымъ отдѣленіемъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ занятіяхъ комитета политехническаго музея и комиссіи по устройству водопровода и канализаціи. Независимо отъ перечисленныхъ занятій М. С. Мостовскій около 25 лѣтъ въ качествѣ инспектора завѣдывалъ учебною частью въ двухъ пріютахъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Покойный былъ однимъ изъ учредителей литературно-художественнаго кружка и въ первое время состоялъ председателемъ дирекціи кружка. Перу покойнаго принадлежитъ также трудъ: «Вѣра и Отчизна»—книга для народнаго чтенія. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 13).

† **Перелыгинъ, Н. И.** 22 декабря въ Сергіевскомъ посадѣ скончался на 73 году своей жизни художникъ и литераторъ Николай Ивановичъ Перелыгинъ. Родился онъ 17 іюля 1834 г., кончилъ образованіе въ Строгановскомъ училищѣ, а затѣмъ отъ петербургской академіи художествъ получилъ званіе художника. Почти всю свою жизнь почившій посвятилъ педагогической дѣятельности, хотя въ свободное отъ казенныхъ и частныхъ уроковъ время много

занимался живописью. Онъ служилъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, въ первой женской гимназіи съ самаго ея основанія, въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Комиссаровской технической школѣ и др. Прослуживъ въ этихъ заведеніяхъ слишкомъ 30 лѣтъ, воспитавъ не одно поколѣніе и заслуживъ всеобщую любовь и уваженіе какъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, такъ и сослуживцевъ, Н. П. вышелъ въ 1888 г. въ отставку, чтобы всецѣло отдаться своимъ любимымъ занятіямъ: литературѣ и живописи. Какъ художникъ, онъ нарисовалъ много цѣнныхъ акварелей, которыя появлялись временами на выставкахъ и силою своихъ красокъ и необычнымъ для акварелей размѣромъ привлекали къ себѣ вниманіе. Онъ былъ по преимуществу пейзажистомъ - акварелистомъ, хотя писалъ масляными красками портреты, иконы, а также и жанровыя картины. Его литературныя труды были также очень разнообразны. Онъ писалъ и оригинальныя произведенія и дѣлалъ переводы съ польскаго, французскаго и своего любимаго малороссійскаго языка. Произведенія его можно встрѣтить во многихъ періодическихъ журналахъ. Между прочимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны его рассказы: «Изъ семейной хроники», «Провидѣніе», «Воспоминанія погибавшаго человѣка» и «Семинарскій бытъ прошлаго времени». Имъ его не чуждо было и въ дѣтской и духовной литературахъ, такъ какъ онъ сотрудничалъ во многихъ дѣтскихъ и духовныхъ журналахъ, издаваемыхъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Изъ оригинальныхъ его произведеній, изданныхъ отдѣльно, назовемъ: «Свѣтъ и Тьма», романъ, давно уже распроданный, нѣкоторые дѣтскіе рассказы, какъ, напримѣръ, «Божья Мысль», одобренные и допущенные въ библіотеки, и сборникъ стихотвореній «Вечерніе Досуги». Всѣ эти произведенія выдержали 2 и 3 изданія. Изъ переводныхъ можно указать на его переводы Сенкевича, Оржешко, Гринченко, Коцюбинскаго и др. Послѣ него осталось не мало и неизданныхъ произведеній, какъ-то: «Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта», «Рассказы изъ русской исторіи», «Рассказы изъ міра животныхъ», составленные почившимъ какъ учебныя пособія, и путевыя записки объ Италіи подъ заглавіемъ: «Страна чудесъ природы и искусства». Отъ природы добрый и отзывчивый къ чужому горю, Н. П. всю свою жизнь былъ примѣрнымъ христіаниномъ. Строгий и крайне скромный въ своихъ требованіяхъ, онъ весь свой заработокъ раздавалъ сначала нуждавшимся ученикамъ и знакомымъ, а впослѣдствіи семьѣ, для блага которой работалъ не покладая рукъ даже и тогда, когда зрѣніе его ослабло и онъ едва могъ писать. Онъ и умеръ съ перомъ въ рукахъ, оставивъ еще недосохшую страницу начатаго новаго рассказа. За свою тридцатилѣтнюю безпорочную службу онъ былъ награжденъ многими русскими и иностранными орденами, а также подарками изъ кабинета его величества и отъ высочайшихъ особъ.

† **Рубецъ, А. С.** 27 декабря послѣ продолжительной болѣзни умеръ извѣстный петербургскій врачъ, докторъ медицины, тайный совѣтникъ Александръ Саввичъ Рубецъ. Покойный, происходя изъ дворянъ Могилевской губ., родился въ 1837 г. и по окончаніи курса третьей петербургской гимназіи поступилъ въ Сиб. медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію. Выпущенный отсюда въ 1859 г. со званіемъ лѣкаря, онъ первое время

служилъ, въ качествѣ военнаго врача, при Харьковскомъ уланскомъ, 2-мъ пѣхотномъ Софійскомъ, 2-мъ гренадерскомъ Ростовскомъ и др. полкахъ, а затѣмъ въ 1870 г. былъ прикомандированъ къ родной ему медико-хирургической академіи и назначенъ старшимъ докторомъ при Спб. 1-мъ Невскомъ пѣхотномъ полку. Въ 1872 г. А. С. Рубецъ съ успѣхомъ защитилъ свою диссертацию на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ «О вліяніи калийныхъ и натровыхъ солей на питательность и вывариваніе мяса». Дальнѣйшая служебная дѣятельность покойнаго протекала, между прочимъ, въ Сибири, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ главнымъ врачомъ Иркутскаго военнаго госпиталя и помощникомъ восточно-сибирскаго медицинскаго инспектора. Поселившись затѣмъ въ Петербургъ, А. С. Рубецъ пользовался здѣсь до самой кончины большою популярностью, какъ опытный врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ. Среди печатныхъ трудовъ покойнаго заслуживаетъ особеннаго вниманія его книга—уходъ за грудными дѣтьми (Сиб. 1882 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1906 г., № 314).

† **Шайкинъ, А. К.** 3 января, въ 6 ч. вечера, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался въ Маріинской больницѣ одинъ изъ незамѣтныхъ тружениковъ повсѣдневной печати Алексѣй Кондратьевичъ Шайкинъ. Умеръ онъ сравнительно молодымъ—ему не было пятидесяти лѣтъ. Уроженецъ города Сенгиля, Симбирской губерніи, онъ происходилъ изъ купеческой семьи, образованіе получилъ въ учительской семинаріи, но курса не кончилъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ открылъ небольшой чайный магазинъ на Забалканскомъ пр., но торговля его была непродолжительна и неудачна. Оставшись безъ средствъ, онъ занялся репортажемъ и работалъ въ «Петербургской Газетѣ» въ теченіе двадцати лѣтъ, ведя судебную хронику коммерческаго суда и давая отчеты о купеческихъ, мѣщанскихъ и ремесленныхъ обществахъ. (Некрологъ его: «Петербургская Газета» 1907 г., № 4).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ: «Критика и библиографія» помѣщена рецензія П. В. В., подъ заглавіемъ: «Проф. М. Красноженъ, докторъ церковнаго права. Пновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Юрьевъ 1906. — Его же. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906. Съ приложеніемъ. Границы вѣротерпимости. Юрьевъ 1906. — Его же. Старые и новые законы о разводѣ. По поводу изданія проекта новаго гражданскаго уложенія. Юрьевъ 1906». (стр. 612).

Въ виду того, что книга проф. Красножена «Пновѣрцы на Руси» (3-е изд.), помѣченная 1906 г., въ дѣйствительности вышла въ 1903-мъ г., а сочиненіе того же автора «Старые и новые законы о разводѣ» напечатано въ 1904-мъ году, а не въ 1906 г., какъ ошибочно указано рецензентомъ, изложенныя въ рецензіи разсужденія лишены всякаго основанія.

лость; она опустилась на колѣни рядомъ со мной и поддерживала мнѣ голову, обливаясь слезами. Въ это время въ комнату вошла мадамъ Джонсъ, сестра самого Бенбюри. Она очень удивилась при видѣ зрѣлища, представившагося ея глазамъ. «Подойдите, Джонсъ,— сказала лэди Бенбюри,— это мой любовникъ, поручаю его вашимъ заботамъ», и, говоря это, она поспѣшно вышла, сѣла въ экипажъ и поѣхала на воды, къ своему мужу. Я скоро пришелъ въ себя, оправился совершенно и вернулся къ себѣ домой. Я хотѣлъ ѣхать верхомъ за лэди Саррой, мнѣ хотѣлось сказать ей такъ много, я былъ увѣренъ, что, если бы она выслушала меня, дѣло мое было бы выиграно. Но не проѣхалъ я и нѣсколькихъ миль, какъ почувствовалъ себя опять дурно, у меня пошла кровь горломъ и я принужденъ былъ остановиться и не могъ ѣхать дальше.

Только съ большимъ трудомъ удалось мнѣ опять добраться до Лондона, гдѣ я опасно заболѣлъ и поправился, только благодаря нѣжнымъ заботамъ обо мнѣ мадамъ Джонсъ.

Лэди Сарра написала мнѣ письмо и просила приѣхать проститься съ ней на воды, раньше чѣмъ я покину навсегда Англiю. Я не могъ противиться желанiю увидѣть ее и поговорить съ ней, въ послѣднiй разъ. Она встрѣтила меня очень радостно и привѣтливо, но обращенiе ея со мной такъ перемѣнилось, въ сравненiи съ прежнимъ, что я первый поспѣшилъ теперь уѣхать отъ нея. Я вернулся во Францiю совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ уѣзжалъ оттуда; я не могъ отдѣлаться отъ охватившей меня глубокой грусти. Лэди Сарра писала мнѣ, однако, очень аккуратно. Я зналъ, что послѣ меня у нея не было любовниковъ, но я не могъ забыть, что я любилъ ее еще, а она уже больше не любила меня. Вдругъ я узналъ, что лэди Сарра заболѣла въ Лондонѣ. Я немедленно поѣхалъ туда, не взявъ отпуска, не запасшись даже папиромъ. Она была мнѣ очень благодарна за это доказательство моей любви къ ней. «Уѣзжайте завтра же,—говорила она мнѣ,— не забудьте, что я для васъ теперь только другъ. Ради этого одного не стоитъ рисковать послѣдствiями, которыя можетъ имѣть вашъ необдуманнiй поступокъ». По своемъ возвращенiи во Францiю, я сталъ получать отъ нея письма уже значительно рѣже и, наконецъ, онѣ совершенно прекратились. Я испробовалъ всѣ средства, чтобы забыть ее и не могъ разлюбить ее, несмотря ни на что. Я хотѣлъ вести тотъ-же образъ жизни, который велъ до знакомства съ нею, но я не могъ привязаться ни къ одной женщинѣ; всѣ онѣ теряли всякую прелесть въ сравненiи съ нею. Меня какъ будто подмѣнили и я сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Я потерялъ всю свою прежнюю веселость, за которую меня всѣ такъ любили и не чувствовалъ ни малѣйшаго наслажденiя отъ тѣхъ удовольствiй, которыми пользовался раньше.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1907 г., т. сѣн.

Несмотря на это, я перепробовалъ всё средства, чтобы развлечься немного, но ничего не помогало.

Въ это время, какъ разъ, герцогъ Шоазель рѣшилъ завладѣть Корсикой и отправилъ туда маркиза де-Шовелинъ съ шестнадцатю батальонами. При мысли о томъ, что я могу, наконецъ, попасть въ дѣло, я не выдержалъ и сталъ хлопотать, чтобы послали и меня, тѣмъ болѣе, что мои родственники относились ко мнѣ такъ холодно, что нисколько не дорожили моею жизнью. Меня сдѣлали адъютантомъ де-Шовелина.

Экспедиція эта была снаряжена съ цѣлью закрѣпить окончательно за Франціей островъ Корсику, который, по трактату отъ 1768 года, былъ проданъ ей за деньги, но часть жителей не признавала надъ собой власти французовъ и продолжала вести ожесточенную борьбу съ ними за свой родной островъ. Начальникомъ этой экспедиціи былъ назначенъ де-Шовелинъ.

III.

(1768—1772).

Война съ Корсикой; битва при Барбаджю.—Возвращеніе въ Версаль; приемъ со стороны короля и ла-де-Барри.—Герцогъ Шоазель въ изгнаніи.—М-ль Одно—изъ оперы.—Балъ у супруги дофина.

Я отправился въ Корсику въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ 1768 году. Въ Тулонѣ я встрѣтился съ г. Шардономъ, управителемъ Корсики, который везъ съ собою свою жену, восемнадцатилѣтнюю женщину, очень красивую, которая сразу же показалась посланной мнѣ съ неба. Я сейчасъ же, конечно, сталъ оказывать ей всяческія услуги, однако, она принимала ихъ очень холодно.

Мнѣ отданъ былъ приказъ не ѣхать въ Корсику безъ де-Шовелина, котораго я еще оставилъ въ Парижѣ. Но я слышалъ, что онъ останется тамъ еще нѣсколько времени и поэтому, не долго думая, сѣлъ на королевское судно и хотѣлъ отправиться въ Сентъ-Флоранъ. Но г. Бомбюз, командующій эскадрой, приказалъ мнѣ немедленно высадиться на берегъ. Я, конечно, долженъ былъ исполнить это приказаніе и только одной мадамъ де-Шардонъ открылъ тайну, что провелъ ту ночь въ рыбацкѣй лодкѣ. Де-Шовелинъ пріѣхалъ три недѣли послѣ меня и, первымъ долгомъ, посадилъ меня подъ арестъ на нѣсколько дней.

Я принималъ самое дѣятельное и живое участіе въ этой войнѣ, какъ человекъ, желающій отличиться на полѣ брани. Мои дѣла съ мадамъ Шардонъ не подвинулись ни на одну іоту—она была со мной очень вѣжлива, но и только. Для моего полнаго счастья не доставало только любовницы, но я еще не терялъ надежды найти ее. Первые успѣхи де-Шовелина были не вѣчны; пѣхота королевскихъ легіоновъ, гренадеры Лангедока и т. д. были всё

заперты въ Борго, плохо укрѣпленномъ и осажденномъ, въ продолженіе уже тридцати пяти дней, самыми опасными силами всей Корсики. Де-Шовелинъ рѣшилъ придти на помощь осажденнымъ, но съ такими незначительными силами, что можно было предвидѣть заранѣе ужасное пораженіе, которое намъ пришлось испытать въ этотъ день, и мнѣ никогда въ жизни не приходилось видѣть такое смятеніе, такой ужасъ, какіе царили въ Бастіи, когда мы покинули его; каждый считалъ, что насталъ его послѣдній день и всѣ только и думали объ этомъ. Мадамъ Шардонъ подарила мнѣ на память бѣлое перо, которое я прикрѣпилъ къ моему головному убору и, по всей вѣроятности, оно дѣйствительно принесло мнѣ счастье, такъ какъ я не былъ убитъ, хотя, благодаря этому перу, я служилъ прекрасной мишенью для выстрѣловъ, направлявшихся въ меня въ огромномъ количествѣ. Всѣ знаютъ, конечно, какъ грустно окончился этотъ день при Борго для нашей маленькой арміи. Сраженіе было потеряно. Де-Шовелинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, принужденъ былъ отступать съ такой поспѣшностью, что снаряды попадали даже въ полевой лазаретъ.

Тутъ только замѣтили, что Марбефъ, который былъ командированъ въ Корсику, во главѣ первой экспедиціи, уже въ 1755 году, съ третьей частью своего войска оказался вдругъ отрѣзаннымъ отъ всякаго общенія съ нами по ту сторону Голо и только вдоль берега моря оставалась узкая полоса земли, которую онъ могъ занять своими гренадерами, чтобы поддерживать сношеніе съ нами, но прежде надо было найти его, чтобы сообщить ему объ этомъ, а для этого требовалось очень точное и подробное знакомство съ краемъ, въ которомъ мы находились. Кромѣ меня, никто не могъ похвастать этимъ, я же уже былъ разъ въ Корсикѣ, подъ командой Марбефа. Я предложилъ взять на себя эту миссію и выѣхалъ одинъ, въ сопровожденіи одного только гусара. Не проѣхали мы и пятидесяти шаговъ, какъ въ меня уже нѣсколько разъ выстрѣлили, но я, конечно, не останавливался и погналъ лошадь изо всѣхъ силъ, но въ скоромъ времени меня встрѣтили такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что я догадался, что наткнулся на главныя силы корсиканцевъ, и немедленно повернулъ назадъ съ тѣмъ, чтобы добраться окольными путями до берега моря, но отрядъ де-Шовелина, привлеченный выстрѣлами, выстроился въ боевомъ порядкѣ и тоже началъ стрѣлять, такъ что я очутился между двумя огнями, въ полномъ смыслѣ этого слова. Невольно я подумалъ, что насталъ мой конецъ; однако, мнѣ удалось какъ-то добраться до своихъ, и какъ только они узнали меня, то немедленно прекратили огонь, а я счастливо и невредимо, какъ и хотѣлъ, окольными путями добрался до берега моря и тамъ по утесамъ пробрался дальше къ Марбефу, котораго яростно преслѣдовали корсиканцы; въ ту минуту, какъ я говорилъ съ нимъ, ра-

нили его и двухъ его адъютантовъ, стоявшихъ рядомъ. Я показалъ ему ближайшую дорогу, по которой онъ могъ идти, чтобы соединиться съ де-Шовелиномъ, что онъ и сдѣлалъ, причемъ на этотъ разъ все обошлось безъ всякихъ приключеній. Де-Шовелинъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и сказалъ, что собственные несчастья не мѣшаютъ ему чувствовать ту важную услугу, которую я оказалъ ему, и что какъ только онъ очутится опять въ Парижѣ, онъ непременно выхлопочетъ мнѣ орденъ Святого Людовика. Надо, однако, сказать правду,—потомъ онъ больше никогда не заикался объ этомъ.

Въ главной квартирѣ я нашелъ записочку отъ мадамъ Шардонъ. Она уже слышала о нашемъ пораженіи и писала мнѣ съ просьбой беречь меня для той, которая сумѣетъ меня осчастливить, когда я вернусь къ ней живъ и невредимъ. Армія подвигалась медленно по направленію къ Бастіи и я опередилъ ее на два часа, двигаясь одному мнѣ извѣстными окольными путями. Мадамъ Шардонъ отдалась мнѣ, какъ и обѣщала, и при этомъ выказала столько нѣжности, что я никогда не могъ этого забыть потомъ. Ея мужъ, уже давно ревновавшій ее ко мнѣ, захотѣлъ испытать ее и, такъ какъ воображалъ, что я ѣду въ арберггардъ, сказалъ ей, тотчасъ же по своемъ приѣздѣ, что все потеряно, что армія разбита, что много знакомыхъ убито и я между ними. «Въ такомъ случаѣ, я воскресила его изъ мертвыхъ,—отвѣтила, смѣясь, молодая женщина,—такъ какъ онъ находится въ сосѣдней комнатѣ, очень утомленный и усталый, но совершенно здоровый».

Послѣ несчастной битвы при Борго, мы испытали еще нѣсколько неудачъ. Ружейные выстрѣлы раздавались даже подъ самыми стѣнами Бастіи и подобный образъ жизни приводилъ меня въ восхищеніе: мнѣ нравилось проводить дни на полѣ битвы, а вечера въ обществѣ своей любовницы. Ревность ея мужа отравляла однако, наше счастье. Мнѣ отъ души было жалко бѣдную молодую женщину, которой приходилось многое терпѣть отъ него, но вѣдь за каждую минуту счастья всегда приходится расплачиваться!

Когда уѣхалъ де-Шовелинъ, меня взялъ къ себѣ Марбефъ, который выказывалъ мнѣ всегда особенное вниманіе и дружбу. Былъ январь мѣсяцъ, все кругомъ какъ-бы утихло, я отпросился у него на два дня въ лагерь корсиканцевъ, онъ далъ свое разрѣшеніе. Въ мое отсутствіе онъ вдругъ узналъ, что Клементъ Паоли, главный предводитель мятежныхъ корсиканцевъ, собирается пробраться сквозь его редуты и внезапно напасть на него со всѣхъ сторонъ. Въ ту минуту, какъ Марбефъ узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ же долженъ былъ приступить къ дѣйствию: важно было занять Монтебелло, находившійся впереди Бастіи. Онъ хотѣлъ послать меня туда съ отрядомъ гренадеръ, но меня не было, а они

должны были выступить въ тотъ же день. Онъ спрашивалъ нѣсколько разъ мадамъ Шардонъ, не вернусь ли я въ этотъ день. Она замѣтила, что онъ спрашиваетъ не просто, стала допрашивать его и скоро узнала въ чемъ дѣло. Она бросилась со слезами на глазахъ на шею Марбефа, который очень любилъ ее. «Вы вѣдь хорошо знаете Лозена—говорила она,—и знаете, почему онъ мнѣ такъ дорогъ; онъ никогда не простилъ бы мнѣ, если бы, благодаря моей небрежности, онъ пропустилъ случай отличиться, хотя бы и рисковалъ при этомъ своей жизнью. Я пошлю къ нему гонца, не говоря въ чемъ дѣло, и, по моей просьбѣ, онъ немедленно вернется назадъ и будетъ здѣсь, раньше чѣмъ выступитъ отрядъ». Я, конечно, пріѣхалъ, какъ только получилъ ея записку. «Не теряй времени, — сказала она мнѣ,—отправляйся къ Марбефу, онъ хочетъ поговорить съ тобой. Онъ докажетъ тебѣ, что я люблю твою славу такъ же, какъ самаго тебя». Мнѣ удалось, дѣйствительно, овладѣть Монтебелло раньше, чѣмъ подошли корсиканцы. Я провелъ бы тамъ цѣлую ночь, дрожа отъ холода, если бы намъ не пришлось отогрѣваться, отражая все время бѣшенныя атаки. Рано утромъ въ долинѣ показался Марбефъ, мы, съ пиками на перевѣсѣ, пробившись сквозь толпу осаждавшихъ насъ корсиканцевъ и соединились съ нимъ. Корсиканцы заперлись въ небольшомъ городкѣ Барбаджіо, который мы и подвергли канонадѣ со всѣхъ сторонъ, въ продолженіи цѣлаго дня, но довольно безуспѣшно.

На слѣдующій день многіе пріѣзжали изъ Бастіи, чтобы посмотреть на эту осаду. Мы стояли такъ, что пріѣзжающіе находились въ полной безопасности и могли оставаться простыми зрителями. Пріѣхала также и мадамъ де-Шардонъ, она не отходила все время отъ Марбефа; ея мужъ вернулся въ городъ, чтобы устроить второй полевой лазаретъ, такъ какъ число раненыхъ все увеличивалось. Довольно большой корсиканскій отрядъ занялъ маленькую долину, откуда они могли прекрасно обстрѣливать нашу батарею и, дѣйствительно, много нашихъ канонировъ было перебито въ тотъ день. Марбефъ приказалъ мнѣ взять драгуновъ и очистить эту долину отъ корсиканцевъ. Мадамъ Шардонъ выразила желаніе ѣхать со мной, я хотѣлъ остановить ее силой, но она вырвалась изъ моихъ рукъ и понеслась впередъ, говоря: «Неужели вы воображаете, что женщина можетъ рисковать жизнью только въ родахъ, и неужели она не имѣетъ права слѣдовать за своимъ любовникомъ?» Она спокойно встрѣтила ружейный огонь, направленный прямо на насъ и послѣшно роздала всѣ находившіяся у нея въ карманѣ деньги окружавшимъ ее солдатамъ. Никто изъ присутствующихъ не выдалъ потомъ ея безумной выходки ея мужу; всѣ, какъ бы сговорясь, хранили по этому поводу глубокое молчаніе, которое рѣшительно никто не нарушилъ, зная, что можетъ навлечь на нее большія неприятности.

Всѣмъ, конечно, извѣстны послѣдствія этой битвы при Барбаджіо, когда скромность Марбефа, не хотѣвшаго послать офицера съ свѣдѣніемъ о своей побѣдѣ, испортила все дѣло и изъ-за нея онъ лишился чести командовать арміей. Почтовый пароходъ, везшій его депешу, застрялъ у итальянскихъ береговъ и когда вѣсть о побѣдѣ дошла до Парижа, командующимъ арміей былъ уже назначенъ графъ де-Во.

Чтобы нѣсколько успокоить ревность Шардона, я отправился на цѣлыхъ шесть недѣль въ Роскану. Когда я вернулся въ Корсику, я узналъ тамъ о женитьбѣ де-Барри на m-lle Вобернии, за которой я раньше когда-то ухаживалъ. Я продолжалъ потомъ еще служить подъ начальствомъ де-Во, въ качествѣ его старшаго адъютанта, причемъ за это время не случилось ни одного выдающагося событія. 24 іюня онъ приказалъ мнѣ отправляться въ Парижъ съ извѣстіемъ о томъ, что Корсика окончательно покорилась и де-Паоли навсегда покидаетъ ее. Я уѣзжалъ изъ Корсики съ глубокимъ сожалѣніемъ, такъ какъ провелъ здѣсь одинъ изъ самыхъ счастливыхъ годовъ своей жизни. Я ѣхалъ день и ночь и, наконецъ, почти умирая отъ голода, прибылъ въ С.-Губеръ 29 іюня 1769 года, ровно въ пять часовъ дня.

Король находился какъ разъ въ совѣтѣ. Я велѣлъ доложить о себѣ герцогу де-Шоазелю и передалъ ему привезенныя мною депеши. Король велѣлъ мнѣ немедленно явиться къ нему, принялъ меня отменно ласково и приказалъ остаться тутъ же, несмотря на то, что я былъ въ высокихъ сапогахъ и дорожномъ костюмѣ. Мнѣ очень хотѣлось посмотреть скорѣе молодую де-Барри, которую я зналъ дѣвушкой, подъ названіемъ «ангела»: ее прозвали такъ за ея необыкновенную фигуру. Я сталъ ждать въ салонѣ окончанія засѣданія; она вышла ко мнѣ ласковая и пріятливая, какъ всегда, и сказала мнѣ, обнимая меня со смѣхомъ: «Думали ли мы, что встрѣтимся когда-либо здѣсь? Вѣдь я никогда не могла помышлять о томъ, чтобы быть представленной ко двору». Король, видя, что она обращается со мной запросто, спросилъ, былъ ли я раньше знакомъ съ ней. Она, нисколько не смущаясь, отвѣтила, что знаетъ меня уже давно. Герцогъ де-Шоазель захотѣлъ вдругъ помириться со мной и сдѣлался очень внимателенъ и предупредителенъ, такъ что я привязался къ нему и всегда остался бы его искреннимъ другомъ, еслибы онъ этого захотѣлъ. Меня наградили орденомъ св. Людовика за привезенное мною извѣстіе, и такъ какъ честь эта выпадаетъ весьма рѣдко на долю такихъ молодыхъ людей, какъ я, то я, конечно, не могъ не чувствовать себя очень польщеннымъ этимъ отличіемъ.

Я послѣдовалъ за королемъ въ Компьенъ и онъ относился ко мнѣ очень хорошо, также какъ и мадамъ де-Барри. Король предложилъ маршалу Бирону предоставить мнѣ первую вакансію въ

французскій гвардейскій полкъ, но тотъ не пожелалъ этого и, сославшись на мою молодость, отклонилъ это предложеніе. Герцогъ де-Шоазель хотѣлъ сдѣлать меня командиромъ корсиканскаго полка, который онъ формировалъ какъ разъ. Предложеніе это было крайне лестно, такъ какъ у меня былъ бы цѣлый полкъ, состоящій изъ четырехъ батальоновъ. Но я отказался отъ этого предложенія и рѣшилъ остаться въ своемъ полку, подъ начальствомъ своего отца, изъ уваженія къ нему.

Возвращаясь изъ Компьена, де-Барри вдругъ объявилъ мнѣ, что желаетъ говорить со мной по секрету и назначилъ мнѣ свиданіе въ лѣсу, на которое я, конечно, и отправился. Онъ сталъ жаловаться на то, что герцогъ де-Шоазель не долюбливаетъ его жену и его самого; онъ говорилъ, что она преклоняется передъ нимъ, какъ передъ мудрымъ министромъ, и желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ и согласіи, а поэтому будетъ лучше, если онъ не будетъ вооружать ее противъ себя, что она имѣетъ большее вліяніе на короля, чѣмъ даже сама маркиза Помпадуръ, и что ей будетъ очень неприятно, если онъ принудитъ ее употребить это вліяніе во вредъ ему. Онъ просилъ меня передать этотъ разговоръ де-Шоазелю и постараться при этомъ увѣрить его въ своемъ расположеніи къ нему. Герцогъ выслушалъ меня съ видомъ человѣка, которому женщины не даютъ покоя и которому бояться нечего. Такимъ образомъ, загорѣлась вражда на смерть между нимъ и любовницей короля, и мадамъ Граммонъ при этомъ своими рѣзкими нападками на всѣхъ, даже на самого короля, портила еще больше все дѣло.

Въ концѣ 1769 года очень хорошенькая балерина изъ оперы, подъ именемъ m-ле Одино, стала меня вдругъ упрекать въ томъ, что я ее не узнаю. Оказалось, что я видѣлъ ее раньше въ другомъ театрѣ, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ. Трудно было найти болѣе очаровательное созданіе. Мы очень понравились другъ другу, но долгое время дѣло и ограничивались только этимъ. Она жила на содержаніи у маршала Субизъ, и ее охраняла всегда мать и еще нѣсколько лицъ. Она жила во второмъ этажѣ въ улицѣ Ришелье, въ старомъ домѣ, который трясся весь до основанія отъ каждаго, мимо проѣзжавшаго, экипажа. Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; я купилъ ея горничную и добылъ себѣ ключъ отъ квартиры балерины; потомъ я нанялъ старую англійскую коляску, которая производила страшный шумъ, съ тѣмъ, чтобы, въ опредѣленные часы, когда я входилъ и уходилъ изъ квартиры, коляска эта проѣзжала мимо дома. Она, дѣйствительно, шумѣла до такой степени, что мать, спавшая рядомъ въ комнатѣ, ничего не слышала. Такъ продолжалось почти цѣлую зиму. Наконецъ, хитрость наша была открыта, но уже дѣло нельзя было поправить и намъ не мѣшали видѣться. Эта дѣвушка очень любила меня, она собиралась даже бросить

маршала, но я отговорилъ ее. Онъ узналъ какъ-то объ этомъ, былъ мнѣ очень за это благодаренъ и даже разрѣшилъ видѣться съ ней. Онъ даже принялъ на себя всѣ заботы по воспитанію ребенка, который скоро родился у нея, но ребенокъ этотъ прожилъ не долго и умеръ.

Война между герцогомъ де-Шоазель и близкими ему женщинами съ мадамъ де-Барри достигла своего апогея.

Они всячески старались повредить де-Барри, которой были обязаны такъ многимъ, что, конечно, очень вредило имъ въ глазахъ всѣхъ другихъ. Мой отецъ и съ этой любовницей короля былъ въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ, какъ и съ предыдущими, хотя относился къ ней нѣсколько холоднѣе, изъ за герцога де-Шоазеля. Я посѣщалъ ее довольно рѣдко и сильно разсердилъ ее тѣмъ, что сказалъ какъ-то, что никогда не позволю своей женѣ навѣщать ее. Противъ герцога де-Шоазеля еще очень сильно интриговали также Ришелье и герцогъ д'Эгильонъ, а когда къ нимъ присоединился еще и принцъ Конде, отставка его была рѣшена и онъ подвергся изгнанію въ Шантелу, въ 1776 году. Никогда не могла бы никакая милость сдѣлать этого министра столь популярнымъ, какъ его сдѣлала эта немилость. Его отставка вызвала общее смятеніе и каждый старался выразить, какъ могъ, опальному министру свою привязанность и свое уваженіе.

Я, конечно, не задумываясь, рѣшилъ раздѣлить его участь. Я запасся деньгами и чеками во всѣ банки Европы и приготовился сопровождать его въ изгнаніи. Всѣ были убѣждены въ томъ, что смерть его—только вопросъ времени и поэтому всѣ думали, что онъ покинетъ навсегда Францію. Передъ отъѣздомъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ двухъ въ высшей степени самоотверженныхъ поступковъ: m-Ne Одино прислала мнѣ все свое состояніе—4000 франковъ, чтобы я употребилъ ихъ на дѣло спасенія де-Шоазеля и была въ отчаяніи, что я отказался принять ея даръ. Я пробылъ три недѣли въ Шантелу и собирался затѣмъ вернуться въ Версаль, но, по дорогѣ въ Парижъ, получилъ письмо и нашелъ лошадей ожидавшихъ меня. То и другое было мнѣ прислано де-Геменэ. Онъ сообщалъ мнѣ, что на совѣтѣ было предложено заключить меня въ Бастилію и только одинъ маршалъ Субизъ былъ противъ этого. Особенно мадамъ де-Барри настаивала на томъ, что меня надо проучить за то, что я безъ позволенія поѣхалъ въ Шантелу и передалъ герцогу де-Шоазелю письма отъ его друзей. Я прекрасно зналъ, что въ самомъ Парижѣ меня не посмѣютъ остановить, но боялся, что меня задержатъ у заставы и поэтому я уже рѣшилъ въ душѣ, что, если въ Вареннѣ увижу что-нибудь подозрительное, я брошусь бѣжать изо всѣхъ силъ и потомъ проплыву большой кусокъ по Сенѣ, но я проѣхалъ заставу безъ всякихъ приключеній и очутился у себя дома, гдѣ меня уже ждали всѣ друзья герцога де-Шоазеля.

Вечеромъ я былъ на балу у сунруги дофина и произвелъ своимъ появленіемъ сенсацію. Всѣ меня спрашивали, что новаго въ Шантелу, и, повидимому, всѣмъ очень понравилась моя храбрость. Никогда въ жизни я не игралъ болѣе благодарной и благородной роли. Сунруга дофина подошла ко мнѣ, со свойственной ей одной граціей и милой улыбкой, и спросила меня: «какъ поживаетъ герцогъ де-Шоазель? Когда увидите его, скажите, что я никогда не забуду, чѣмъ я обязана ему и всегда буду относиться къ нему тепло и сердечно». Отбывъ свое дежурство по полку, ради котораго я пріѣхалъ, я опять вернулся въ Шантелу и оставался тамъ все свободное отъ службы время. Впрочемъ, я въ это время впалъ уже въ немилость: король совершенно пересталъ говорить со мной.

IV.

(1772—1774).

Путешествіе въ Лондонъ.—Французскій посланникъ.—Затворничество лэди Сарры.—Миссъ Харландъ.—Любовныя письма.—Скачки въ Англіи.—Встрѣча съ княгиней Чарторыжской.

Я прибылъ въ Лондонъ 22 декабря 1772 г., и въ тотъ же вечеръ графъ де-Гвинъ, французскій посланникъ, повелъ меня на балъ къ милэди Гаррингтонъ. Тамъ я встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ. Въ это время въ залъ вдругъ вошла дама, причесанная и одѣтая лучше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у англичанокъ. Я спросилъ, кто это; мнѣ отвѣтили, что это полька, княгиня Чарторыжская. Небольшого роста, но съ замѣчательной фигурой, съ красивыми волосами, красивыми зубами, красивыми глазами и замѣчательной ножкой,—она производила чарующее впечатлѣніе, благодаря также своей безконечной добротѣ, несмотря на то, что лицо ея было испорчено вѣтряной оспой и не отличалось особенной свѣжестью. Она доказывала только на дѣлѣ, что, не будучи красивой, можно быть очаровательной. Я узналъ также, что любовникомъ ея былъ князь Рѣпнинъ, русскій человекъ выдающихся достоинствъ, бывшій посланникъ въ Варшавѣ, бросившій все, чтобы слѣдовать за той, которую онъ любилъ безумно. Она показала мнѣ веселой, кокетливой и очень любезной, но тотъ, кто сказалъ бы мнѣ, что она будетъ имѣть такое огромное вліяніе въ моей жизни, очень удивилъ бы меня. Грустный, при мысли о томъ, съ чѣмъ мнѣ пришлось разстаться во Франціи, я былъ очень не прочь развлечься теперь немного.

Графъ де-Гвинъ въ то время находился въ связи, которую онъ афишировалъ, насколько могъ, съ одной прелестной, красивой женщиной, славившейся своимъ тщеславіемъ на всю Англію. Но она была такъ проста и мила, эта лэди Крэвенъ, что трудно было не заинтересоваться ею.

Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи увидѣть снова лэди Сарру. Я узналъ, что она живетъ на небольшой фермѣ, подъ названіемъ Энникеръ, находящейся въ паркѣ герцога Ричмондскаго, въ Гутвудѣ, и что живетъ она въ полномъ уединеніи, не принимая никого. Я поѣхалъ одинъ изъ Лондона верхомъ и, наконецъ, въ девять часовъ вечера, зимой, очутился у ея дверей. Я нѣсколько разъ постучалъ въ нее, но мнѣ не отворяли. Наконецъ, пришла какая-то маленькая дѣвочка и спросила, что мнѣ угодно. Я сказалъ ей, что я лакей милэди Холландъ и долженъ передать записку ея госпожѣ.

— Войдите,—сказала она.

Я поднялся по темной лѣстницѣ, очутился въ большой, тоже темной комнатѣ и направился въ другую комнату, гдѣ видѣлся свѣтъ. Я открылъ въ нее дверь и увидѣлъ лэди Сарру: она стояла ко мнѣ спиной, такъ какъ въ это время кормила ужиномъ маленькую, очень хорошенькую дѣвочку. Лэди Сарра увидѣла меня, взяла ребенка на руки, поднесла его ко мнѣ и сказала:

— Поцѣлуйте мою дочь, Лозенъ; прошу васъ, не презирайте ея мать и подумайте о томъ, что, если я потеряю ее, у меня никого не останется на свѣтѣ, кромѣ васъ.

Лэди Сарра, вдали отъ свѣта, одѣтая въ простое синее платье, съ короткими, не пудреными волосами, казалась еще болѣе прекрасной и привлекательной, чѣмъ когда-либо. Послѣ шести лѣтъ разлуки, мы, конечно, не могли не волноваться, глядя другъ на друга. Я обѣщалъ ей, что всегда буду заботиться о ея дочери и, конечно, ни единымъ словомъ не попрекнулъ ее. Она меня поблагодарила за мое отношеніе къ ней, и мы съ ней разстались, проболтавъ часа два.

У меня не было никакихъ занятій въ Лондонѣ, но въ скоромъ времени мнѣ пришлось принять серьезное участіе въ интригѣ, завязавшейся между нашимъ посланникомъ и лэди Крэвенъ. Онъ такъ гордился ею и такъ мало скрывалъ эту связь, что скоро дѣло кончилось огромнымъ скандаломъ. Онъ старался уговорить ее развестись съ мужемъ и присоединиться къ его побѣдоносной колесницѣ; онъ давалъ ей такіе нелѣпые совѣты по этому поводу, что милордъ Крэвенъ подалъ на него жалобу въ судъ и его присудили заплатить 10.000 фунтовъ стерлинговъ. Все это, въ связи съ ужаснымъ процессомъ, который онъ, кромѣ того, имѣлъ еще съ своимъ секретаремъ, окончательно испортило ему карьеру, какъ посланнику. Я старался помочь ему, насколько могъ, и добился даже извѣстнаго успѣха, но все зависело отъ отвѣтовъ лэди Крэвенъ, которую мужъ заперъ у себя въ деревнѣ, и къ которой никого не допускали.

Княгиня Чарторыжская сумѣла добиться, однако, свиданія съ нею и научила ее, какъ дѣйствовать, чтобы спасти себя и своего

любовника. Этотъ случай впервые познакомиль меня съ доброй и отзывчивой душой княгини. Случай также открыль ей мою исторію съ лэди Саррой и познакомиль ее со всѣми послѣдствіями, какія онъ имѣлъ для нея. Я, незамѣтно самъ для себя, очень привязался къ княгинѣ и поняль это только тогда, когда наступилъ срокъ ея отъѣзда. За нѣсколько дней до ея отъѣзда въ Спа, посланникъ устроилъ въ честь ея обѣдъ, на которомъ присутствовали еще и другія дамы изъ ея знакомыхъ. Она мнѣ сказала, что отправить дѣтей и своихъ слугъ впередъ, а сама догонитъ ихъ потомъ уже въ Калэ, и созналась мнѣ, что немного боится путешествовать одна. Я, конечно, съ большою готовностью предложилъ ей проводить ее. Она поблагодарила меня и съ радостью приняла мое предложеніе, хотя замѣтила, что, пожалуй, это будетъ дурно истолковано свѣтомъ. Всѣ присутствующіе стали увѣрять ее, что никто въ этомъ не видитъ ничего худого, и только одинъ посланникъ какъ бы слегка былъ недоволенъ этимъ.

На слѣдующій же день я отправился къ княгинѣ. Мы говорили съ ней о предстоящемъ путешествіи. Она высказала мнѣ свою благодарность за мою услужливость, но, въ концѣ концовъ, заявила, что не можетъ воспользоваться ею по многимъ соображеніямъ. Я съ такой горячностью убѣждалъ и уговаривалъ ее, что она, наконецъ, согласилась и, повидимому, была очень польщена тѣмъ жаромъ, съ которымъ я защищалъ свое дѣло. Мы рѣшили выѣхать вмѣстѣ. Но послѣ меня у нея побывалъ еще де-Гвинъ, и, когда я снова пришелъ къ ней, какъ разъ въ то время онъ выходилъ отъ нея; я сразу угадалъ, что онъ отговаривалъ ее отъ этой совмѣстной поѣздки.

— Я не настаиваю ни на чемъ,—сказалъ я,—такъ какъ вы боитесь послѣдствій нашей поѣздки вдвоемъ, но я очень сожалѣю, что не могу доказать вамъ на дѣлѣ, что моя репутація гораздо хуже меня самого.

Я увидѣлъ по ея глазамъ, что въ ней вдругъ заговорило любопытство, желаніе ближе узнать меня и даже какъ будто отблескъ болѣе глубокаго чувства.

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтила она, — можете быть спокойны: я не лишу васъ удовольствія, о которомъ вы просите, тѣмъ болѣе, что не хочу лишать этого удовольствія и себя; это мое послѣднее слово, мы поѣдемъ съ вами вмѣстѣ.

Она протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, и въ эту минуту она должна была чувствовать, что я готовъ полюбить ее, если она этого захочетъ. Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ дня.

Я въ назначенное время былъ, конечно, уже у княгини, но она сказала мнѣ: «Мои дѣла задержать меня еще до пяти часовъ, поѣдете пока со мной къ мадамъ де-Пускенъ, она уѣзжаетъ въ

Бристоль». Прощаніе между дамами оказалось очень трогательнымъ, было пролито немало слезъ. Я наклонился тихонько къ княгинѣ и сказалъ ей на ухо: «Я былъ бы еще несчастнѣе васъ обѣихъ, если бы не могъ ѣхать съ вами». Въ пять часовъ я опять поѣхалъ къ ней, но мнѣ сказали, что ей нездоровится и она прилегла. Это мнѣ показалось очень подозрительнымъ. Я зашелъ въ ближайшій ресторанъ и написалъ ей записку, въ которой просилъ меня увѣдомить, не раздумала-ли она ѣхать со мной. Въ отвѣтъ я сейчасъ же получилъ письмо, въ которомъ она писала мнѣ, что отъѣздъ ея отложенъ до утра и она увѣдомитъ меня заблаговременно о часѣ, когда мы должны выѣхать.

Трудно передать, сколько мыслей пронеслось при этомъ у меня въ головѣ. Я, къ своему огорченію, убѣдился теперь въ томъ, что де-Гвинъ, еще оплакивавшій потерю леди Крэвенъ, уже задумалъ новую побѣду, причемъ совершенно забылъ, насколько обязанъ княгинѣ и мнѣ, помогавшимъ ему въ трудную минуту. Я сразу понялъ, что самолюбіе его значительно превышаетъ всякое другое чувство, и что человѣкъ этотъ можетъ оказаться крайне неблагодарнымъ. Но я настолько любилъ княгиню, что рѣшилъ быть терпѣливымъ и не компрометировать ее напрасно. Я поѣхалъ къ посланнику, гдѣ долженъ былъ ужинать вмѣстѣ съ милордомъ Сэндвичемъ, но не вытерпѣлъ и сѣлъ тамъ писать княгинѣ. Я писалъ ей, что увѣренъ въ томъ, что де-Гвинъ сумѣлъ опять отговорить ее отъ побѣдки со мной и что я этимъ крайне огорченъ, что я вполне сочувствую ему въ томъ, что онъ не можетъ жить, не видя ее, и что нельзя не боготворить ее, познакомившись съ ней ближе, что я не хочу говорить ничего дурного про де-Гвина, но я долженъ сказать про себя, что готовъ посвятить ей всю свою жизнь, и что я вполне независимъ и могу располагать своей судьбой по своему усмотрѣнію. Я привожу тутъ въ полности отвѣтъ княгини, такъ какъ ея короткая записка такъ-же хорошо характеризуетъ ее, какъ это сдѣлало бы и болѣе длинное письмо:

«Ничто въ мірѣ не удивило бы меня такъ, какъ то, что вы мнѣ писали, но что меня нисколько не удивило и никогда не удивитъ, это необыкновенная откровенность, свойственная вашей чувствительной душѣ. Но насъ раздѣляютъ непреодолимые препятствія, въ которыхъ де-Гвинъ не играетъ никакой роли, клянусь вамъ въ этомъ. Я не могу и не смѣю имѣть любовниковъ, но вы мнѣ внушили къ себѣ чувство, которое будетъ вѣчно жить во мнѣ, гдѣ бы мы съ вами не находились; какова бы ни была ваша судьба, я требую, чтобы вы мнѣ всегда сообщали о ней, моя нѣжная дружба къ вамъ даетъ мнѣ на это право. Мы не можемъ ѣхать вмѣстѣ въ Дувръ, но приходите повидать меня до моего отъѣзда».

Посланникъ предложилъ мнѣ тогда вмѣстѣ съ нимъ проводить княгиню до Дувра; я отказался съ самымъ равнодушнымъ ви-

домъ. Всю ночь я провелъ въ такой ярости, въ такомъ отчаяніи, что самъ удивлялся себѣ; я положительно боялся себя: мнѣ кажется, я не могъ бы отвѣчать за себя, если бы встрѣтилъ де-Гвина у княгини. Я рѣшилъ принять мѣры предосторожности въ данномъ случаѣ, и заперся у себя, причемъ поручилъ одному изъ своихъ слугъ караулить отъѣздъ княгини изъ дому и тотчасъ доложить мнѣ о немъ, чтобы я могъ догнать ее на дорогѣ и имѣть съ ней объясненіе, которое было такъ важно для насъ обоихъ.

Въ такомъ состояніи я пробылъ цѣлыхъ пять часовъ. Де-Гвинъ пришелъ самъ ко мнѣ и постучалъ въ дверь, чтобы спросить, не хочу ли я обѣдать. Я открылъ дверь; онъ сообщилъ мнѣ, что княгиня уѣхала уже въ полдень и была очень удивлена, что я не пришелъ проститься съ ней. Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ громомъ. Я отвѣтилъ де-Гвину, что не могу обѣдать у него; я понялъ, что человекъ, посланный слѣдить за княгиней, былъ подкупленъ имъ. Я побѣжалъ въ конюшню, собственноручно осѣдлалъ первую попавшуюся лошадь и стремглавъ полетѣлъ по направленію къ Дувру. Я узналъ, что княгиня опередила меня всего на шесть миль и что она уже нагнала своихъ дѣтей и своихъ слугъ; я побоялся скомпрометировать ее. Я написалъ ей письмо, полное отчаянія и любви. Потомъ я поспѣшилъ вернуться въ Лондонъ. Я вернулся такъ рано, что успѣлъ еще зайти въ клубъ и тамъ затѣялъ настолько крупную игру, что присутствіе мое не могло остаться незамѣченнымъ, и никому въ голову не могло придти, что я въ этотъ день уѣзжалъ изъ Лондона. На слѣдующій день я получилъ грустное и трогательное письмо отъ княгини—она писала, что очень расположена ко мнѣ и, повидимому, ее огорчало то чувство, которое привязывало меня къ ней.

V.

(1774—мартъ 1775).

Спа: триумфъ конюшенъ Лозена.—Связь Лозена съ княгиней Чарторыжской.—Путешествіе въ Голландію.—Ревность князя Рѣпина.—Отъѣздъ въ Польшу.—Тайственный домъ.—Лозенъ, официальный посланникъ; русскій союзъ.—Костюмированный балъ въ Варшавѣ.

Нѣсколько дней спустя, я получилъ письмо отъ шеваље д'Орэвонъ. Онъ видѣлъ, проѣздомъ въ Брюссель, княгиню; она была больна и, повидимому, страдала отъ какого-то тайнаго горя. Я оставался еще болѣе мѣсяца въ Англіи и побывалъ въ Портмутѣ вмѣстѣ съ королемъ. Наконецъ, я рѣшилъ, что могу теперь ѣхать спокойно въ Спа. Мы простились довольно холодно съ нашимъ посланникомъ; я прекрасно понялъ этого человека и сознавалъ, что только мѣшаю ему теперь.

Наконецъ, я прибылъ въ Спа. Княгиня встрѣтила меня очень холодно и казалась больше чѣмъ когда либо привязанной къ князю Рѣпнину. Де-Гвинъ, съ своей стороны, послѣ ея отъѣзда, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы убѣдить меня въ томъ, что онъ любимъ ею: онъ показывалъ портретъ ея, который она ему дала, и я рѣшилъ теперь покончить съ ней навсегда, а потому относился къ ней съ напускнымъ равнодушіемъ. Я находился въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Рѣпнинымъ, который и не подозрѣвалъ, что я влюбленъ въ княгиню. Князь говорилъ о посланникѣ нашемъ въ Лондонѣ съ такимъ пренебреженіемъ, что мнѣ захотѣлось заставить княгиню думать, что я интересуюсь кѣмъ-то другимъ, но, къ несчастью, никто не могъ заставить меня разлюбить ее.

На вечерахъ и собраніяхъ мнѣ въ это время пришлось познакомиться съ мадамъ и м-ле де-Сенъ-Леже. Обѣ онѣ были ирландки. Матери было лѣтъ отъ сорока до сорока пяти, она была когда-то очень красива и, повидимому, была и теперь еще не прочь, при сохраненіи внѣшнихъ приличій, заняться немного флиртомъ. Дочь ея, восемнадцати лѣтъ, была очень красива и мила; я танцевалъ съ ней, катался верхомъ. Обѣ—мать и дочь—привязались ко мнѣ. Мать, хотя и ревновала дочь и стала даже придирается къ ней за послѣднее время, все-же понимала, что навсегда потеряетъ меня, если запретитъ мнѣ видѣться съ ней, и поэтому меня принимали охотно, и я очень часто бывалъ у нихъ въ домѣ.

Княгиня смѣялась надо мной по этому поводу, но я нисколько не смущался и продолжалъ ухаживать за м-ле де-Сенъ-Леже, хотя въ то же время чуть не имѣлъ изъ-за нея дуэль съ нѣкимъ Браницкимъ, что должно было доказать княгинѣ, что я, въ дѣйствительности, не пересталъ интересоваться ею.

Браницкій былъ уже очень давно влюбленъ въ княгиню, но такъ какъ она относилась очень сухо къ его ухаживанію, то онъ позволилъ себѣ непочтительно отозваться о ней въ обществѣ. Этого я, конечно, не стерпѣлъ и мы съ нимъ поговорили довольно горячо. Если бы не лэди Спенсеръ, дѣло зашло бы, конечно, и дальше. Княгиня узнала, съ какой горячностью я ее защищалъ и была мнѣ за это очень благодарна. Вскорѣ были назначены скачки и одна изъ моихъ лошадей выиграла первый призъ, который я поднесъ м-ле де-Сенъ-Леже публично при всѣхъ. Въ ту же минуту княгинѣ сдѣлалось дурно и она уѣхала домой. Я не обратилъ на этотъ инцидентъ особеннаго вниманія и, конечно, не подумалъ, что я—причина этого обморока. Княгиня, однако, опасно заболѣла и я не отходилъ отъ нея во все время болѣзни, причемъ оказывалъ ей всевозможныя услуги. Когда ей стало лучше, я снова отдался отъ нея.

Всѣ уѣзжали уже изъ Спа; я тоже собирался ѣхать съ мадамъ и м-ле де-Сенъ-Леже, но князь Рѣпнинъ, который нисколько не

ревновалъ меня, сказалъ мнѣ, что онъ вынужденъ остаться въ Спа еще двѣ недѣли, чтобы отвезти потомъ мадамъ Чернышеву, и просилъ меня вернуться вмѣстѣ съ княгиней Чарторыжской въ Парижъ. Я, конечно, не заставилъ себя просить, такъ какъ княгиня была мнѣ гораздо дороже, чѣмъ онъ думалъ. Мы поѣхали съ ней вмѣстѣ, а князь Рѣпинъ проводилъ насъ часть дороги. Мы ѣхали очень медленно и все время на моихъ собственныхъ лошадяхъ. Княгиня была еще слаба и чувствовала себя очень усталой; когда мы пріѣхали въ Брюссель, она не захотѣла даже ужинать и легла спать. Я остался около нея, чтобы ей не было скучно. Мы заговорили объ Англии и разговоръ вскорѣ перешелъ на Гвина и лэди Крэвенъ. Я рассказалъ ей подробно все, что перенесъ тогда изъ-за ея отъѣзда; она слушала меня со слезами на глазахъ. «Кончимъ этотъ опасный для насъ разговоръ,—сказала она,—и никогда больше не будемъ возвращаться къ нему». Но было уже поздно, судьба судила иначе: княгиня не выдержала и сказала мнѣ, что любитъ меня. Но счастье ея отравлялось мыслью, какія ужасныя послѣдствія могла имѣть наша любовь. Она хотѣла остаться вѣрной своему долгу, и мы разстались съ ней, скрѣпя сердце, и провели оба тревожную ночь.

Будучи уже въ Парижѣ, князь Рѣпинъ предложилъ намъ всѣмъ поѣхать въ Анверъ, чтобы посмотреть тамъ коллекцію картинъ, которую онъ намѣревался купить. Рѣшено было, что княгиня поѣдетъ со мной въ маленькомъ фаэтончикѣ, который я взялъ съ собой изъ Англии и которымъ она нерѣдко правила въ Спа. Какъ только мы очутились съ ней вдвоемъ, между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я вовсе не хочу скрывать отъ васъ, Лозенъ, что я васъ люблю,—сказала она,—но въ то же время я должна вамъ сказать, что эта любовь, которая для меня дороже жизни, должна повлечь за собой ужасныя послѣдствія для насъ обоихъ, если мы не найдемъ въ себѣ силы разстаться немедленно. Слушайте меня внимательно и вы убѣдитесь въ томъ, что признаніе, которое я вамъ сейчасъ сдѣлаю, дѣйствительно доказываетъ, насколько я васъ люблю. Обладая извѣстной способностью нравиться и очаровывать людей, я уже съ раннихъ лѣтъ привыкла къ поклоненію со стороны мужчинъ; оно всегда льстило моему самолюбію, и съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я всегда была склонна къ кокетству. Я вышла замужъ не по любви, но зато я всегда уважала своего мужа и уважаю его съ каждымъ днемъ все больше. Изъ всѣхъ моихъ поклонниковъ самымъ ревностнымъ былъ польскій король. Мнѣ очень льстило, что онъ предпочелъ меня самой красивой женщиной въ Варшавѣ, но, тѣмъ не менѣе, я не желала стать его любовницей. Князь Рѣпинъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ,

тоже влюбился въ меня, но я относилась къ нему очень сухо. Смуты, раздѣлившія мою несчастную родину, дали ему возможность показать въ скоромъ времени на дѣлѣ свою любовь ко мнѣ. Мои родители и мой мужъ очень разсердили императрицу своимъ постояннымъ неповиновеніемъ ея волѣ. Князь Рѣпининъ получилъ приказъ поступить съ ними какъ можно строже. Но князья Чарторыжскіе продолжали себя вести попрежнему и все оставалось для нихъ безнаказаннымъ. Императрица, раздраженная этимъ, приказала князю Рѣпинину арестовать ихъ и конфисковать все ихъ имущество. Она писала ему, что его жизнь находится въ зависимости отъ его послушанія. И мои родные погибли бы, если бы у Рѣпинина не нашлось мужества противиться волѣ государыни. Я считала, что должна принести себя въ жертву изъ благодарности и, скажу больше, въ то время мнѣ казалось, что благодарность моя даже перешла уже въ любовь. Въ скоромъ времени оказалось, что князю Рѣпинину не оставалось ничего на свѣтѣ, кромѣ меня. Онъ потерялъ постъ посланника, потерялъ все свое состояніе и впалъ въ немилость у императрицы; и благодаря тому, что онъ любилъ меня, этотъ человѣкъ, поражавшій всю Польшу роскошью своей жизни, принужденъ былъ довольствоваться ежегоднымъ доходомъ, не превышавшимъ и тысячи дукатовъ. Онъ не могъ вернуться уже въ Россію и просилъ меня ѣхать путешествовать съ нимъ по Европѣ. Я, конечно, не задумалась бросить все, чтобы слѣдовать за нимъ. Одинъ изъ его родственниковъ постарался примирить его съ государыней и она позволила ему опять вступить въ должность командира полка въ арміи Румянцева. Но онъ отказался и отъ этой чести и этимъ окончательно возстановилъ противъ себя государыню. Мы жили съ нимъ очень хорошо и никогда не ссорились до тѣхъ поръ, пока онъ не пріревновалъ меня къ де-Гвину. Тутъ онъ началъ мнѣ дѣлать такія жестокія сцены, что часто страшно оскорблялъ меня; мнѣ казалось, что я заслуживаю больше довѣрія со стороны человѣка, которому пожертвовала всею собою. Но я переносила его выходки съ большимъ терпѣніемъ, хотя должна сознаться, что де-Гвинъ нравился мнѣ гораздо болѣе его, и мнѣ очень льстило вниманіе, которое онъ оказывалъ мнѣ; мнѣ кажется, я въ состояніи была бы даже полюбить его, если бы онъ только самъ не былъ такъ влюбленъ въ себя. Я сдѣлала надъ собою усиліе и подавила всякое чувство къ нему. Этому много помогло и то обстоятельство, что я познакомилась тогда съ вами. Я слишкомъ скоро почувствовала разницу между вами. Но все-же я должна сказать вамъ, что, хотя мнѣ предстоитъ жить и умереть несчастной отъ неудовлетворенной любви, я останусь вѣрна своему князю, который потерялъ все на свѣтѣ изъ-за меня.

— Бѣгите же отъ меня, оставьте бѣдную женщину, которая не могла бы васъ осчастливить, даже при всемъ своемъ желаніи. Вѣрьте мнѣ, что любовь, не основанная на довѣріи, является только источникомъ вѣчныхъ страданій, а какое вы имѣете основаніе вѣрить въ меня? Можете ли вы питать довѣріе къ той, которая обманула князя Рѣппина и чуть не полюбила де-Гвина? Всякое доказательство въ моей любви только еще болѣе убѣдитъ меня и васъ въ томъ, что женщина можетъ любить нѣсколько разъ, и поэтому довѣрять ей нельзя. Ужъ если я могла разлюбить и обмануть князя, которому обязана рѣшительно всею, какая же у васъ гарантія быть любимымъ мною вѣчно, когда я рѣшительно ничѣмъ не обязана вамъ? Къ тому же вы и не подозреваете, какъ я буду мучиться моей любовью къ вамъ, какъ я буду несчастна при мысли, что измѣню князю?! Вѣдь каждый день я буду упрекать себя въ томъ, что отношусь нечестно къ своимъ дѣтямъ, къ своимъ роднымъ, къ мужу, къ князю... Однимъ словомъ, это будетъ не жизнь, а адъ, и долго продолжаться она не можетъ.

— Вы слишкомъ многимъ обязаны князю Рѣппину,—сказалъ я,—и я считаю, что изъ насъ двоихъ вы должны, конечно, отдать предпочтеніе ему, но позвольте мнѣ еще нѣсколько дней побыть вблизи васъ, чтобы въ послѣдній разъ насладиться вашей близостью, а затѣмъ я уѣду и мы разстанемся съ вами навѣки. Помните, что я любилъ васъ безумно, любилъ настолько искренно и горячо, что нашелъ даже въ себѣ силу бѣжать отъ васъ, когда вы стали мнѣ такъ дороги; можетъ быть, я совершу ради васъ подвигъ, который будетъ не меньше, чѣмъ сдѣлалъ для васъ князь. О, самая благородная, самая честная женщина въ мірѣ, помни, что, только благодаря твоей любви, я не сдѣлался чудовищемъ, забывшимъ все челоуѣческія чувства; только благодаря твоему великодушію, я остался честнымъ челоуѣкомъ; это, по крайней мѣрѣ, будетъ служить утѣшеніемъ для насъ обоихъ.

Мы говорили это оба вполне искренно и честно, но мы и не подозревали о томъ, какъ мы на самомъ дѣлѣ любимъ другъ друга. Когда мы пріѣхали въ Анверъ, мы не нашли тамъ коллекціи картинъ, которую князь хотѣлъ купить; она была уже продана, но ему сказали, что онъ можетъ найти въ Амстердамѣ другую коллекцію, которая понравится ему навѣрно еще больше. Это навело его на мысль совершить путешествіе въ Голландію. Я отказался наотрѣзъ участвовать въ этой поѣздкѣ и до самаго кануна ихъ отъѣзда крѣпился, но одинъ взглядъ княгини заставилъ меня забыть все и я принялъ предложеніе князя ѣхать туда втроемъ.

Счастье, и въ то же время опасность, постояннаго общенія другъ съ другомъ положительно совершенно вскружило намъ головы. Все наши спутники спали ночью, и тогда мы оба, наконецъ, давали волю своему чувству: я видѣлъ, что по щекамъ княгини

катились слезы и невольно плакалъ самъ. Вѣдь впереди насъ ждали только страданія и надѣяться на счастье мы не могли. Въ одиннадцать часовъ вечера, мы остановились, наконецъ, для ночлега въ маленькой гостиницѣ; княгиня и ея камеристка, Богдановичъ, старая полька, всегда сопровождавшая ее, легли спать въ одной комнатѣ, а мы, мужчины,—въ другой.

Нѣсколько минутъ спустя, я вдругъ услышалъ крики Богдановичъ. Всѣ вокругъ меня спали, я же быстро вскочилъ и бросился въ ту комнату, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подъ кроватью Богдановичъ сидѣлъ человѣкъ, забравшійся туда уже съ вечера. Мнѣ стоило много усилій выпроводить его изъ комнаты. Княгиня тоже проснулась и позвала меня; я бросился къ ней, всталъ на колѣни передъ ея постелью и смотрѣлъ на нее глазами, полными слезъ и мольбы. Она поняла то, что они такъ краснорѣчиво говорили ей, и сказала:

— Вашѣ страданія, мой другъ, разбиваютъ мнѣ сердце, но все-же онѣ мнѣ безконечно дороги: мнѣ такъ пріятно, что мы страдаемъ вмѣстѣ; если мы не можемъ быть счастливы, будемъ, по крайней мѣрѣ, постоянны и безупречны.

Мы опять обѣщали другъ другу быть осторожными и не терять мужества.

Мы выѣхали изъ гостиницы успокоенные и въ гораздо болѣе веселомъ настроеніи духа. Затѣмъ мы пріѣхали въ Мэрдикъ и я оставался все время въ каютѣ-кампаніи съ княгиней, въ то время какъ всѣ остальные вышли на палубу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Я читалъ княгинѣ вслухъ романъ Дора «Жертвы любви»; нѣкоторыя страницы этого романа описывали, казалось, наше положеніе и поэтому мы не могли читать его безъ глубокаго волненія и огромнаго интереса. Потомъ мы остановились еще на ночь въ Роттердамѣ и на другой день прибыли въ Гаагу, гдѣ князя и княгиню встрѣтилъ съ распростертыми объятіями испанскій посланникъ съ своей женой, которая, видимо, очень заинтересовалась мною; черезъ нѣсколько минутъ знакомства она болтала со мной непринужденно и весело, какъ будто мы были знакомы съ ней уже много лѣтъ. Она то и дѣло спрашивала княгиню обо мнѣ или прямо обращалась съ разспросами ко мнѣ, что, конечно, не мало смущало насъ обоихъ.

Мы уже два дня жили въ Гаагѣ, какъ вдругъ, въ два часа ночи, ко мнѣ въ комнату вбѣжала Богдановичъ и сообщила, что княгиня умираетъ, чтобы я скорѣе шелъ къ ней, такъ какъ князя не было въ Гаагѣ—онъ уѣхалъ къ герцогу Оранскому. Я, конечно, быстро спустился къ княгинѣ и нашелъ ее лежащей безъ чувствъ. Только нѣсколько минутъ спустя, мнѣ удалось привести ее въ чувство. Она протянула мнѣ руку и сказала: «Я рада, что могу умереть на рукахъ любимаго человѣка, чувствуя при этомъ, что

мнѣ не за что упрекать себя». Впродолженіе всего слѣдующаго дня она еще нѣсколько разъ падала въ обморокъ. Я зналъ, что въ Лейдѣ живетъ старый профессоръ, славившійся по своей специальности, немедленно отправился къ нему и рассказалъ ему подробно всю болѣзнь княгини, начиная со Спа и кончая настоящимъ временемъ, не называя ее, конечно, по имени. Онъ спросилъ меня, не жена ли это моя; я отвѣтилъ ему, что это моя сестра. Онъ спросилъ меня, не докторъ ли я. И на мой отрицательный отвѣтъ, покачалъ головой и замѣтилъ: «Въ такомъ, случаѣ вы самый внимательный и любящій братъ въ цѣломъ мірѣ». Онъ успокоилъ меня насчетъ княгини, сказалъ, что опасности никакой нѣтъ и очень сожалѣлъ, что, изъ-за своей подагры, не можетъ самъ навѣстить ее; онъ подробно рассказалъ мнѣ режимъ, которому она должна слѣдовать, чтобы быть здоровой, и просилъ сообщить объ успѣхѣхъ леченія, причемъ выразилъ надежду, что, когда она оправится настолько, чтобы выѣзжать, она пріѣдетъ къ нему и онъ осмотритъ ее лично. Я вернулся въ Гаагу и передалъ весь нашъ разговоръ княгинѣ. Она была мнѣ очень благодарна за мои заботы о ней.

Мы рѣшили съ ней, что я провожу ихъ обратно до Брюсселя, причемъ постараемся какъ можно дольше затянуть свое пребываніе въ Голландіи, а затѣмъ я уѣду въ Италію. Любящіе въ этомъ отношеніи напоминаютъ дѣтей: имъ кажется, что если они выгадали нѣсколько часовъ счастья, то потомъ ничего не стоитъ расплачиваться за нихъ цѣною жизни, и имъ представляется, что часы эти будутъ тянуться вѣчно. Княгиня мало-по-малу успокоилась и поправилась, я ничего не требовалъ отъ нея, что могло бы опять взволновать и огорчить ее, и довольствовался сознаніемъ, что я люблю ее. Но въ это время я вдругъ совершенно неосновательно испыталъ такой острый пароксизмъ ревности, что долженъ упомянуть о немъ здѣсь.

Я видѣлъ какъ-то уже въ Лондонѣ молодого князя Понятовскаго, племянника короля и двоюроднаго брата князя Чарторыжскаго. Онъ воспитывался въ Англіи и я никогда не обращалъ на него особеннаго вниманія. Княгиня сообщила мнѣ, между прочимъ, что его ждуть въ Гаагу, и я ничего не имѣлъ противъ этого, развѣ только, что онъ могъ помѣшать своимъ присутствіемъ нашимъ свиданіямъ наединѣ. Однажды, вечеромъ, когда мы сидѣли въ театрѣ, вмѣстѣ съ Рѣппинимъ и княгиней, вошелъ лакей и доложилъ князю, что пріѣхалъ молодой Понятовскій и желаетъ его видѣть. Трудно передать чувства, волновавшія меня въ эту минуту: мнѣ казалось, что молодой князь, благодаря своимъ родственнымъ отношеніямъ къ княгинѣ, будетъ часто видѣться съ ней и непремѣнно овладѣетъ ея сердцемъ. Не помня себя отъ горя, я выскочилъ изъ ложи и уѣхалъ домой.

Я рѣшилъ, что княгиня все равно уже потеряна для меня и, не медля ни минуты, велѣлъ приготовить лошадей и подать коляску, чтобы сейчасъ же ѣхать отсюда и отправиться затѣмъ въ Италію. Княгиня, которая должна была ужинать у испанскаго посла, очень удивилась, не заставъ меня тамъ; подъ первымъ понавшимся предлогомъ, она вышла на улицу, сѣла въ пролетку и пріѣхала обратно въ нашу гостиницу, гдѣ мы всѣ жили. Она очень удивилась, увидѣвъ дорожный дормезъ, стоявшій уже у воротъ дома. Она спросила, гдѣ я и вошла прямо ко мнѣ въ комнату.

— Что это значитъ?—воскликнула она,—куда вы уѣзжаете?

— Я хочу ѣхать умереть вдаль отъ васъ,—отвѣтилъ я,—такъ какъ не въ силахъ больше переносить подобныхъ страданій.

— Я васъ не понимаю,—сказала она,—но прежде всего успокойтесь; я еще никогда не видѣла васъ въ такомъ состояніи... Что съ вами?»

Глаза княгини смотрѣли прямо на меня и они сразу успокоили всѣ мои подозрѣнія: я понялъ, что тревога моя была напрасна. Мнѣ было стыдно за свой поступокъ и я не зналъ, какъ признаться въ немъ. Въ концѣ концовъ, конечно, пришлось, однако, покаяться во всемъ. Княгиня не стала упрекать меня или шутить надо мной, она обняла меня и сказала: «Никогда не бойся того, что сердце мое можетъ перестать принадлежать тебѣ; мнѣ неприятно, что ты такъ страдалъ, но зато я тѣмъ больше цѣню твою любовь. А теперь не будемъ терять больше времени и отправимся къ испанскому посланнику, тамъ мы объяснимъ какъ-нибудь свое долгое отсутствіе.

И, выходя изъ комнаты, она сказала моему камердинеру: «Онъ не поѣдетъ, онъ никуда больше не поѣдетъ». Мы отправились, вслѣдъ затѣмъ, въ Амстердамъ и оттуда заѣхали въ Лейдъ, гдѣ княгиня поѣхала къ профессору, у котораго я былъ незадолго передъ тѣмъ. Онъ долго разговаривалъ съ ней.

— Есть болѣзни, сударыня,—сказалъ онъ,—очень опасныя для женщинъ, которыя, однако, доктора не могутъ излѣчить. Вашъ братъ,—прибавилъ онъ, смѣясь,—знаетъ объ этомъ, вѣроятно, болѣе меня. Будьте осторожны и постоянны и вы навѣрно будете счастливы. Я никогда не видѣлъ, чтобы можно было такъ любить женщину, какъ онъ васъ любитъ.

Въ Амстердамъ мы ѣхали водою, я сидѣлъ въ глубинѣ темной лодки. Была уже ночь, я держалъ въ своихъ рукахъ ручку княгини и даже украдкой обнималъ ее, чему она не противилась. Она легла на этотъ разъ тоже безъ ужина, и, по обыкновенію, я остался сидѣть у ея постели. Какъ только мы остались одни, мы нѣжно стали обнимать другъ друга; я не могъ подавить въ себѣ страстное желаніе, охватившее меня и раздѣляемое, казалось, и ею, и осмѣлился позволить себѣ немного болѣе обыкновеннаго, но тотчасъ былъ наказанъ.

— Я никогда не думала,—сказала она съ горечью и грустью,— что любимый мной человекъ такъ быстро забудетъ всѣ свои обѣщанія и что онъ готовъ, ради минутнаго удовольствія, пожертвовать счастьемъ моей жизни.

Въ это время вошла ея камеристка и она отослала меня.

Нѣтъ болѣе непрятнаго чувства, какъ возбудить гнѣвъ той, которую любишь. Я провелъ почти всю ночь безъ сна, горько раскаиваясь въ своемъ проступкѣ. На слѣдующій день, въ восемь часовъ утра, за мной зашелъ одинъ господинъ, съ которымъ мы и отправились осматривать достопримѣчательности Амстердама и его окрестностей, и я вернулся домой только въ восемь часовъ вечера. Княгиня обращалась со мной очень холодно, но она настолько любила меня, что не могла долго выдержать характера и сказала мнѣ, какъ-то, шепотомъ: «Я, право, не въ состоянїи тебя наказывать, я увѣрена въ томъ, что ты не захочешь больше огорчать меня». Эти слова вернули мнѣ опять жизнь. Ужинъ прошелъ очень весело, а на другой день мы должны были уѣхать изъ Амстердама. Кѣмъ-то было предложено ѣхать въ маленькихъ кабриолетахъ, попарно, съ тѣмъ, чтобы править самимъ. Мнѣ предоставили везти княгиню, какъ лучшему кучеру; она сначала стала отказываться ѣхать со мной, но, видя сколько отчаянїя было въ моихъ глазахъ, согласилась, наконецъ, на это. Мы поѣхали; она была очень серьезна; я спросилъ, что съ ней. «Я не могу тебя бранить,—сказала она,—но подобное впечатлѣнїе не скоро изглаживается, я сердита не на тебя, а на себя, и должна упрекать только себя за то, что имѣла слишкомъ много довѣрїя къ тебѣ». Я, насколько могъ, разсѣялъ ея грустныя мысли. Мы проѣхали затѣмъ еще цѣлую недѣлю въ Гаагѣ.

Наконецъ, настало время возвращаться въ Брюссель, гдѣ мы рассчитывали расстаться съ нею. Мнѣ казалось, что мы оба умремъ съ горя—я харкалъ кровью, княгиня чувствовала себя не лучше меня: она чуть не умерла въ тотъ день, когда мы проѣзжали черезъ Мэрдикъ. Я провелъ цѣлую ночь у нея: «Мнѣ кажется,—говорила она,—мы приняли рѣшенїе, которое выше моихъ силъ. Можетъ быть, сила твоей любви такова, что спасетъ насъ обоихъ. Можетъ быть, ты будешь въ состоянїи жить по близости отъ меня и предоставить тѣло мое князю, въ то время, какъ вся душа моя будетъ принадлежать тебѣ безраздѣльно». Мы составили себѣ новый планъ жизни, съ твердымъ намѣренїемъ привести его въ исполненїе, но онъ потерпѣлъ фіаско, какъ и всѣ остальные. Мы остановились только на одинъ день въ Брюсселѣ и вернулись затѣмъ въ Парижъ.

Я разстался съ княгиней въ Санли и провелъ цѣлыя сутки въ Хотъ-Фонтэнъ, совершенно другимъ человекомъ, чѣмъ я выѣхалъ оттуда. На другой день, въ девять часовъ вечера, я прїѣхалъ въ

Парижъ и остановился въ томъ же отелѣ, гдѣ княгиня. Тамъ я встрѣтился съ княземъ Рѣпнинымъ; онъ встрѣтилъ меня спокойно, но былъ замѣтно холоденъ и сухъ. Княгиня лежала въ постели, она жаловалась на нездоровье и скоро отпустила насъ обоихъ. Она успѣла мнѣ передать, однако, маленькій свертокъ, въ которомъ я нашелъ нѣжную записочку отъ нея и прядь волосъ, о которой я давно уже мечталъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, въ комнату ко мнѣ вошелъ д'Орзонъ.

— Я только что разстался съ сумасшедшимъ,—сказалъ онъ,—которому я обѣщалъ придти завтра рано утромъ, чтобы успокоить его. Вотъ изъ-за чего, собственно, я явился къ вамъ, несмотря на поздній часъ. Князь Рѣпнинъ вбилъ себѣ въ голову, что вы влюблены въ княгиню, а она въ васъ. Я говорилъ ему, что увѣренъ въ томъ, что это неправда и что у васъ есть другая привязанность, но, для большой увѣренности въ этомъ, я еще пришелъ къ вамъ, чтобы переговорить съ вами». Мое смущеніе и испугъ ясно доказали ему, что онъ ошибается. Тогда онъ сказалъ: «вы самый странный и легкомысленный изъ людей. А развѣ вы не любите уже больше хорошенькую Маріанну?»

Я рассказалъ ему все, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Лондонъ. Онъ сталъ бранить меня и, кажется, сожалѣлъ даже, но утѣшить, конечно, ничѣмъ не могъ.

Цѣлую ночь я не могъ спать, подъ наплывомъ самыхъ разнообразныхъ мыслей. На другой день я отправился къ княгинѣ, чтобы узнать о ея здоровьѣ; она чувствовала себя не лучше, чѣмъ наканунѣ. Князь Рѣпнинъ, съ которымъ я встрѣтился тамъ, казался мнѣ въ довольно спокойномъ настроеніи духа, княгиня же отнеслась ко мнѣ очень холодно. Я, конечно, не смѣлъ на это жаловаться и терпѣливо переносилъ все. Нѣсколько дней прошло такимъ образомъ. Рѣпнинъ ни на одну минуту не оставлялъ насъ однихъ; самъ онъ казался довольнымъ и спокойнымъ. Я не могъ ни спать, ни ѣсть. Кровь шла у меня постоянно горломъ и часто носовой платокъ мой былъ въ крови; однажды, онъ, такимъ образомъ, выдалъ меня.

— Что я вижу? — воскликнула княгиня тихо, — приходите сегодня въ семь часовъ вечера, я буду одна, намъ надо поговорить. Я, конечно, былъ точенъ, какъ всегда.

— Другъ мой,—сказала она, входя въ комнату,—неужели дѣло дошло уже до этого? Неужели одинъ изъ двухъ дорогихъ мнѣ людей долженъ умереть, чтобы дать дорогу другому? Что съ вами? Откройте мнѣ вѣду душу. Я хочу, я требую этого, я прошу васъ объ этомъ на колѣняхъ!

— Я совершенно здоровъ,—говорилъ я, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, — но мнѣ надо запастись опять мужествомъ, которое

только вы одна можете вселить въ меня. Скажите мнѣ, что вы меня любите, я такъ страстно хочу опять услышать это изъ вашихъ устъ.

— Да, мой другъ, я люблю васъ, я васъ боготворю, и нѣтъ такой силы, которая могла бы запретить мнѣ говорить это вамъ. Имѣйте терпѣніе и ведите себя и дальше съ такимъ достоинствомъ, которое заставляетъ такъ уважать васъ. Вы умѣете ладить съ княземъ и васъ при этомъ нельзя обвинить ни въ фальши, ни въ излишней сухости. Я горько упрекаю себя за страданія, которыя причиняю вамъ. Но зато мнѣ и самой не легко обращаться съ вами въ его присутствіи, какъ съ постороннимъ мнѣ лицомъ. Но, только благодаря этому, мы можемъ еще скрывать отъ него нашу любовь, иначе все было бы потеряно и намъ пришлось бы нести страшныя послѣдствія нашей неосторожности. Не сердись, мой другъ, и главное, береги свое здоровье; не забудь, что каждая капля крови въ тебѣ принадлежитъ мнѣ и я готова купить ее цѣною собственной жизни.

— О, мой другъ,—воскликнулъ я,—ваши слова дѣйствуютъ на мою душу, какъ бальзамъ, я чувствую, что становлюсь достойнымъ васъ и заслуживаю теперь вашу любовь! Я отдаю князю полную справедливость рѣшительно во всемъ, и не дай Богъ, чтобы онъ сдѣлался когда-нибудь несчастнымъ изъ-за меня. Будемъ оберегать его отъ лишняго горя. Одинъ взглядъ вашъ успокоитъ и вознаградитъ меня за всѣ лишенія, такъ какъ онъ напомнитъ мнѣ, что душа ваша всецѣло принадлежитъ мнѣ, и я никогда не заставлю васъ упрекать себя въ чемъ-либо.

Князь Рѣпнинъ вернулся домой, когда мы его менѣе всего ожидали и, несмотря на всѣ старанія, мы замѣтно смутились, что, конечно, не могло ускользнуть отъ него. Онъ не могъ справиться съ ревностью, охватившей его, но, такъ какъ зналъ, что всякая сцена вредна здоровью княгини, и видя, что не можетъ справиться съ собой, немедленно вышелъ изъ комнаты. Однажды, вечеромъ, онъ отправился къ мадамъ л'Юлье и сказалъ ей:

— Я положительно не могу больше выносить подобной муки; я долженъ, наконецъ, открыться кому-либо. Лозенъ влюбленъ въ княгиню и она, кажется, боготворитъ его. Онъ также гордъ и ревнивъ, какъ я, и, должно быть, ненавидитъ меня; его честное и благородное поведеніе доказываетъ, какое вліяніе на него имѣетъ ваша подруга, княгиня Чарторыжская. Мы не можемъ, конечно, вступить съ нимъ въ какое-либо соглашеніе, остается только, чтобы одинъ изъ насъ умеръ. Такъ какъ онъ отнимаетъ у меня единственное сокровище, оставшееся мнѣ на землѣ, то, конечно, я буду защищать его до послѣдней капли крови.

Напрасно мадамъ л'Юлье старалась успокоить и уговорить его; на другой день я получилъ отъ него записку слѣдующаго содержанія:

«Вы знаете мое уваженіе и мою ненависть къ вамъ; будемъ же драться изъ-за той, которую мы не можемъ раздѣлить между собою; одинъ изъ насъ долженъ погибнуть отъ руки другого. Я предоставляю вамъ выборъ мѣста, времени и оружія.

«Николай Васильевичъ Рѣпнинъ».

Я отвѣтилъ ему такъ:

«Князь Рѣпнинъ не можетъ подозрѣвать меня въ трусости. Я уважаю его настолько, что отказываюсь отъ той чести, которую онъ готовъ оказать мнѣ. Я не могу согласиться на поединокъ, который долженъ компрометировать лицо, которое я глубоко уважаю, и благодаря которому, это лицо лишится одного изъ своихъ друзей. Если князь и сдѣлаетъ мнѣ честь напасть на меня первымъ, я докажу ему, что не согласенъ проливать кровь человѣка, которому княгиня обязана всѣмъ.

«Лозень».

Получивъ мой отвѣтъ, онъ велѣлъ передать мнѣ, что будетъ у меня утромъ на слѣдующій день. Онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ назначенный часъ ко мнѣ на квартиру и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ.

Князь Рѣпнинъ:

— Выслушайте меня, и я увѣренъ въ томъ, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ. Я беру въ свидѣтели своего соперника, своего врага, чтобы онъ могъ судить о томъ, что мнѣ остается дѣлать въ моемъ отчаянномъ положеніи. Меня назначили посломъ въ Варшаву, тамъ я познакомился съ княгиней и сразу же влюбился въ нее. Я пожертвовалъ ради нея всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы доказать ей мою любовь. Ея семья часто оскорбляла русскую императрицу, я получилъ приказъ поступить какъ можно строже съ ея родителями, но я не трогалъ ихъ и пальцемъ. Меня, конечно, за это не погладили по головкѣ и даже объявили, что жизнь моя въ опасности. Но князья Чарторыжскіе продолжали себя вести попрежнему и оставались все-же безнаказанными. Я потерялъ довѣріе государыни, меня вызвали въ столицу, чтобы судить, и только вліяніе моего дядя, графа Панина, спасло мнѣ, если не мое состояніе, то, по крайней мѣрѣ, мою жизнь. Меня, конечно, отставили отъ должности и я продолжалъ жить въ Варшавѣ, какъ частное лицо. Княгиня Чарторыжская считала себя обязанной мнѣ за столько оказанныхъ ей услугъ.... и я былъ осчастливленъ ея вниманіемъ. Въ это время государыня приказала мнѣ поступить въ армію Румянцева, но я отказался повиноваться ей. Мнѣ осталась только крошечная пенсія, на которую я съ трудомъ могъ существовать, послѣ того какъ одно время приводилъ всю Варшаву въ удивленіе роскошью своего образа жизни. Кня-

гиня согласилась покинуть со мной Варшаву, гдѣ я не могъ больше оставаться, такъ какъ жизнь моя была въ опасности. Она поѣхала путешествовать, я, конечно, послѣдовалъ за ней. Она повсюду встрѣчала поклоненіе и не знала счета своихъ поклонниковъ, но зато она хорошо знала имъ цѣну. Она прекрасно видѣла тщеславіе, честолюбіе и эгоизмъ окружавшихъ ее мужчинъ. Она поѣхала въ Лондонъ, нѣсколькими недѣлями позже меня, я встрѣтилъ ее въ Калэ и мы вмѣстѣ съ ней переѣхали каналъ. Шевалье д'Орезонъ, котораго я уже давно зналъ, часто говорилъ мнѣ о васъ; ваша привязанность къ лэди Саррѣ была извѣстна во всей Англии и придавала вамъ особый интересъ. И я съ первой же минуты сталъ опасаться васъ. Но вскорѣ я немного успокоился, такъ какъ увидѣлъ, что вы начали ухаживать за хорошенькой и достойной особой. Тщеславная личность вашего посланника въ Лондонѣ не внушала мнѣ особыхъ опасеній. Я поѣхалъ въ Спа и вы вскорѣ пріѣхали туда же. Княгиня въ это время была всегда печальна и блѣдна, но вы ухаживали за m-ле де-Сенъ-Леже и я не понималъ, въ чемъ дѣло. Обстоятельства сложились такъ, что я долженъ былъ непременно проводить мадамъ Чернышеву въ Парижъ и я до того преисполнился довѣрія къ вамъ, что даже былъ радъ, что вы поѣхали съ княгиней. Вниманіе, съ которымъ вы всегда относились ко мнѣ, наша совмѣстная жизнь въ Спа, заставили меня полюбить васъ, если бы судьба не судила мнѣ васъ возненавидѣть. Я не получалъ никакихъ извѣстій о княгинѣ, продолженіе всего ея путешествія въ Голландію, и ужасъ объялъ меня: я почувствовалъ, что мнѣ грозитъ какое-то ужасное несчастіе. Когда мы вернулись въ Парижъ, я узналъ, наконецъ, истину—княгиня любитъ васъ. Я знаю ее настолько, что прекрасно понимаю, какъ ее мучаютъ угрызенія совѣсти, она не можетъ видѣть меня безъ раскаянія, безъ отвращенія. Она будетъ страдать и впредь невыносимо; а безъ васъ, я вѣдь былъ для нея всѣмъ на свѣтѣ. Если же ей нельзя будетъ разстаться ни съ однимъ изъ насъ, она потеряетъ насъ обоихъ. Я не могу вернуться къ себѣ на родину, которую я бросилъ ради нея. Пока я буду живъ, вы не можете спокойно обладать сердцемъ, цѣну которому вы узнали, и пока вы будете живы, это сердце будетъ скорѣе принадлежать вамъ, чѣмъ мнѣ; и каждую минуту мы можемъ ожидать новыхъ страданій и новыхъ припадковъ мучительной ревности.

Лозенъ:

— Ваша ненависть ко мнѣ вполне справедлива и, хотя я навлекъ ее на себя, помимо своей воли, я сознаю, что вполне заслуживаю ее: но сердце мое достойно васъ и того поклоненія, которымъ оно полно по отношенію къ княгинѣ. Я долго старался подавить въ себѣ эту страсть, которая должна была только при-

нести съ собой одни страданія. И больше всего я беспокоился о томъ, что, благодаря мнѣ, будетъ нарушенъ миръ, царившій въ вашей душѣ. Охваченный, помимо своей воли, этой ужасной страстью, я прекрасно знаю, что она можетъ возбуждать только угрызения совѣсти; я готовъ на всѣ жертвы съ своей стороны, но не могу требовать ихъ отъ другихъ; я знаю всѣ ваши преимущества надъ собой и знаю, что только могу нарушить вашъ покой, но зато вы можете совершенно уничтожить любовь ко мнѣ въ сердцѣ княгини. Но, тѣмъ не менѣе, я не могу согласиться драться съ вами на дуэли, чтобы получить потомъ цѣною вашей жизни призъ, который не будетъ для меня уже тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь. Я не хочу, чтобы княгиня могла меня упрекнуть въ томъ, что я занесъ свою руку на того, кому она обязана всѣмъ. Если бы погибъ я, то, конечно, моя смерть была бы гораздо болѣе понятна, а если бы умерли вы, княгиня навѣрное вскорѣ послѣдовала бы за вами. Я уѣду, я поѣду искать опасности, въ которыхъ найду себѣ забвеніе. Мнѣ и жаль васъ, я васъ уважаю, но въ то же время и ненавижу, но знайте, что выступать въ поединкѣ противъ васъ я не могу и не стану; я васъ предупреждаю, что, даже принявъ вашъ вызовъ, я не стану стрѣлять въ васъ.

Князь Рѣпининъ:

— Довольно, милостивый государь! Я долженъ поблагодарить за откровенность своего благороднаго противника. Я постараюсь не компрометировать княгиню, но и постараюсь употребить все свое вліяніе на нее, чтобы она уѣхала изъ этой страны, гдѣ она уже не можетъ быть счастлива. Я васъ предупреждаю объ этомъ и прошу васъ дать мнѣ честное слово, что вы не послѣдуете за нею.

Лозенъ:

— Я никогда не дамъ вамъ этого слова, такъ какъ настолько дорожу покоемъ княгини, что никогда ничѣмъ не нарушу его и не сдѣлаю ничего такого, чего бы не могъ оправдать въ собственныхъ глазахъ.

Князь Рѣпининъ ушелъ отъ меня и отправился къ княгинѣ, а я цѣлый день не могъ застать ее одну. Мнѣ казалось, что она чѣмъ-то глубоко огорчена и опечалена. Она сказалась больной, заперлась у себя въ комнатѣ и не пожелала видѣть ни князя, ни меня. Я на этотъ разъ испыталъ истинную любовь, которая забываетъ совершенно о себѣ и только страдаетъ за любимаго человѣка. Мнѣ казалось, что я самъ готовъ перенести самыя ужасныя несчастія, только бы не заставлялъ страдать ее. Она читала въ моихъ глазахъ всѣ мои чувства и не могла не быть тронута ими—въ ея глазахъ я тоже читалъ любовь и отчаяніе; она любила меня и не могла отдѣлаться отъ этого чувства, несмотря на всѣ усилія со своей стороны, но я настолько любилъ ее, что готовъ былъ ей

даже помочь въ этомъ, только бы она чувствовала себя счастливой. Я сумѣлъ вселить въ нее такую увѣренность въ себя, что она уже не избѣгала меня, но ея спокойное отношеніе ко мнѣ возбудило во мнѣ ревность и недовѣріе къ ней: я сталъ вѣрить въ то, что она стала благоразумнѣе, такъ какъ сердце ея перестаетъ принадлежать мнѣ; я сталъ выказывать ей чувство, волновавшее меня; она могла перенести все, но только не разлуку со мной. Я собирался въ это время уѣхать на недѣлю, такъ какъ все еще служилъ въ гвардіи и долженъ былъ отбывать карауль въ Фонтенебло.

Княгиня почувствовала, что единственный способъ успокоить меня, это отдаться мнѣ совершенно. Я съ ужасомъ вспоминаю объ этомъ, я дрожу еще теперь, записывая эти строки, но я далъ священную клятву и долженъ исполнить этотъ тяжелый долгъ.

Это было 5 ноября, я долженъ былъ черезъ день ѣхать уже въ Фонтенебло. Противъ своего обыкновенія, княгиня велѣла въ этотъ день не принимать никого, даже князя Рѣппина. Я былъ совершенно одинъ съ нею и упрекалъ ее за то, что она грустна и молчалива.

— Я рѣшила отдаться вамъ,—сказала она вдругъ,—можете пользоваться своими правами; это необходимо, я этого хочу.

Трудно себѣ представить мое положеніе въ ту минуту, какъ я обладалъ любимой женщиной: я не чувствовалъ ни одной секунды удовольствія, слезы ея струились по моимъ щекамъ, она оттолкнула меня и сказала:

— Теперь все конечно, я переступила послѣднюю границу, теперь начнутся страданія до конца. Уходите отсюда.

Я хотѣлъ остаться, она бросилась передо мной на колѣни и сказала: «Ради Бога, уходите, умоляю васъ, уходите!» Пораженный, какъ громомъ, я, конечно, не могъ больше оставаться и вернулся къ себѣ. Проведя ночь въ ужасныхъ мученіяхъ, о которыхъ не хочется вспоминать, я пришелъ къ ней рано утромъ. Пологъ кровати ея былъ еще задернутъ, я отдернулъ его. Она лежала безъ чувствъ, а изо рта ея прямо на грудь текла кровь. Маленькая открытая коробочка, лежавшая на постели, сразу навела меня на мысль, что она отравилась.

Я подумалъ, что она умерла и съ жадностью проглотилъ порошокъ, еще остававшійся въ коробкѣ. Впродолженіе цѣлаго дня у меня были сильные нервные припадки. Я не помню, что со мной было впродолженіе цѣлыхъ сутокъ, помню только, что потерялъ очень много крови, и, вѣроятно, это только и спасло меня. Въ это время за мной заѣхала моя жена, которая и повезла меня въ Фонтенебло, куда мы должны были явиться вмѣстѣ съ ней. Я находился въ такомъ состояніи, что отъ слабости ничего не могъ сообразить. Я попросилъ ее подождать немного, съ большимъ тру-

домъ всталъ съ постели и одѣлся. О княгинѣ я еще ничего не зналъ, но вскорѣ мнѣ доложили, что она еще при смерти, но, несмотря на это, мнѣ пришлось ѣхать въ Фонтенебло, гдѣ я велъ себя, какъ сумасшедшій. Въ свободное отъ дежурства время, я никого не принималъ, такъ какъ я, дѣйствительно, былъ боленъ; наконецъ, я получилъ отъ княгини письмо, которое и привожу здѣсь цѣликомъ:

«О, мой другъ, мой любовникъ, ты, котораго я боготворю, ты, которому принадлежитъ все мое сердце, тебя больше нѣтъ со мной. Ты уѣхалъ, я этого хотѣла, но зачѣмъ ты послушался меня? Если бы ты зналъ, среди какихъ ужасовъ я живу, если бы ты зналъ, какая будущность предстоитъ мнѣ; я потеряла всякую надежду на счастье. Я не смѣю больше ничего обѣщать, такъ какъ нарушила свои клятвы. Пусть же твоя любовь будетъ мнѣ наградою за мои страданія, пусть она будетъ замѣной всего, что я потеряла. Но, увы, я говорю о будущемъ, а между тѣмъ я умираю, и я не буду настолько жестока, чтобы приказывать тебѣ жить безъ меня. Я не знаю, что со мной происходитъ, я еще чувствую на губахъ твои поцѣлуи, а между тѣмъ я только умѣю вздыхать теперь. Приѣзжай и умремъ въ объятіяхъ другъ друга, чтобы въ послѣднюю минуту испытать и горе, и радость. Нѣтъ, не слушай меня! Пусть мои угрызенія совѣсти искупятъ мою вину. Пусть снова вернется ко мнѣ сознаніе собственнаго достоинства и уваженія, которыя я потеряла».

Это письмо, написанное дрожащей рукой и залитое слезами, окончательно смутило меня. Какъ только настала ночь, я уѣхалъ совершенно одинъ въ Парижъ. Я назначилъ княгинѣ свиданіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто уже не могъ помѣшать намъ. Слабость ея была такъ велика, что она постоянно лишалась чувствъ.

Я, съ своей стороны, чувствовалъ себя не лучше ея. Но я не буду утруждать своихъ читателей описаніемъ нашихъ страданій; если они сами не любили, они никогда не поймутъ ихъ и онѣ могутъ имъ быть только скучны. Я скажу только, что этотъ разговоръ, съ одной стороны, принесъ намъ большую пользу, а съ другой—причинилъ огромный вредъ. Я вернулся въ Фонтенебло, отдежурилъ необходимое число часовъ и опять вернулся въ Парижъ. Наше поведеніе становилось, конечно, крайне подозрительнымъ и такъ продолжалось нѣсколько недѣль. Князь Рѣппинъ былъ очень снисходителенъ къ намъ обоимъ; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что княгиня скоро уѣдетъ, и самъ успокаивался при этой мысли. Тѣмъ болѣе, что онъ думалъ, что я никогда не вижу наединѣ княгиню; но онъ очень ошибался, я видалъ ее иногда наединѣ и не у нея дома. Моя осторожность, моя сдержанность устранили, повидимому, опасность, которая такъ пугала ее. Но за то любовь и природа требовали свое. Какъ можно отказать любовнику тогда,

когда онъ ничего не просить. Княгиня отдавалась мнѣ, готовая перенести за это все на свѣтѣ. Намъ казалось, что этимъ счастьемъ мы должны пользоваться, чтобы искупить ужасное будущее. Я ни о чемъ не думалъ и никого не видѣлъ, кромѣ княгини,—я или сидѣлъ у нея, или ждалъ ее къ себѣ, а въ ту минуту, какъ я терялъ надежду увидѣть ее до слѣдующаго дня, я ложился скорѣе спать, такъ какъ не могъ перенести мысли, что въ этотъ день больше не увижу ее. Князь Рѣпинъ опять началъ ревновать. Княгиня замѣтила, что онъ устроилъ тайный надзоръ за ней; она рѣшила, что нѣтъ ничего хуже, чѣмъ обманывать его, и поэтому лучше сказать ему все. Это признаніе, сдѣланное благородной душой, было принято такъ же благородно, какъ оно было сдѣлано. Князь Рѣпинъ не позволилъ себѣ ни упрекнуть ее, ни пожаловаться на что-нибудь, онъ только сказалъ: «Будьте счастливы, но я чувствую, что я не въ состояніи оставаться здѣсь свидѣтелемъ вашего счастья. Я уѣду черезъ двѣ недѣли и поступлю опять въ русскую армію». Мы рѣшили, что не должны отправлять ему моимъ присутствіемъ послѣдніе дни его пребыванія въ Парижѣ и поэтому я сдѣлалъ надъ собой усиліе и поѣхалъ къ герцогу де-Шоазелю въ Шантелу, чтобы пробить у него до отъѣзда князя.

Я уѣхалъ... Каждый день я получалъ вѣсточку отъ княгини, но я страдалъ и не могъ положительно жить безъ нея. Когда я пріѣхалъ обратно, князя уже не было. Тотъ, кто испыталъ, что значитъ воздержаніе, можетъ понять, что чувствуешь, когда обрѣтешь наконецъ, свободу. Мое счастье нарушалось только тѣмъ, что я зналъ, что оно не вѣчно и должно скоро кончиться. Мы все время думали только о томъ, нельзя-ли устроиться такъ, чтобы никогда не разставаться. Иногда въ сердца наши закрадывалась надежда, но судьба дѣтей беспокоила насъ. Любя ихъ мать, я невольно привязался и къ нимъ и часто глаза мои наполнялись слезами, когда я ласкалъ ихъ.

Я готовъ былъ скорѣе самъ перенести всѣ несчастія, чѣмъ лишить ихъ матери, не сравненной ни съ одной изъ другихъ матерей. Она вполне понимала чувства, волновавшія меня, и только больше любила меня за это. Она знала, что я готовъ былъ бы отдать полжизни, чтобы мнѣ остался хоть одинъ изъ этихъ дѣтей, къ которымъ я испытывалъ отеческое чувство. Мы почти не разставались теперь съ ней и два раза въ день уѣзжали верхомъ, чтобы оставаться наединѣ и избавиться отъ визитовъ, отъ которыхъ не было другого спасенія. Наконецъ, насталъ день ея отъѣзда. Я рѣшилъ проводить ее какъ можно дальше и по возможности такъ, чтобы никто не зналъ этого, и, дѣйствительно, я разстался съ ней, только двѣ мили не доѣзжая Варшавы. Это путешествіе было очаровательно и княгиня съ каждымъ днемъ была есе нѣж-

нѣе ко мнѣ. Минута нашей разлуки была ужасна. «Мой другъ,— сказала она,—пора, наконецъ открыть тебѣ тайну, которую я съ трудомъ скрывала отъ тебя. Ты такъ желалъ оставить у себя одного изъ моихъ дѣтей... Я оставляю тебѣ одного, который будетъ частью меня самой; я беременна и не жила съ своимъ мужемъ съ тѣхъ поръ, какъ сошлась съ тобой. Я найду въ себѣ мужество открыть все мужу и добьюсь того, что тебѣ перешлютъ это новое существо, которое свяжетъ меня навѣки съ тобой». Это извѣстіе такъ подѣйствовало на меня, что я лишился чувствъ, а когда пришелъ въ себя, княгини уже не было. Ея свекоръ, пріѣхавшій встрѣчать ее, заставилъ ее покинуть меня. Она оставила при мнѣ одного изъ своихъ слугъ, чтобы онъ ухаживалъ за мной. Я находился въ такомъ положеніи, что почти ничего не сознавалъ. Меня отвезли въ Бреславль и все время я не ѣлъ, ни пилъ и не говорилъ ни слова. Но тамъ я узналъ кое-что о княгинѣ и это сразу возстановило немного мои силы и я могъ доѣхать до Франкфурта, гдѣ узналъ, что король опасно боленъ вѣтряной оспой.

Когда я узналъ о смерти короля, я почувствовалъ, что не въ состояніи ѣхать представляться новому королю, и остался въ Шампани, въ городѣ Музонъ, гдѣ какъ-разъ стояли королевскіе легионеры, полковникомъ которыхъ я считался. Я жилъ тамъ въ полномъ уединеніи и видѣлся только съ офицерами своего полка. Все мое время было раздѣлено между воинскими упражненіями и княгиней. Я зналъ, что она больна и груститъ, но она писала мнѣ съ каждой почтой. Вдругъ письма прекратились, и я немедленно послалъ туда курьера, который съѣздитъ взадъ и впередъ очень быстро. Онъ привезъ мнѣ извѣстіе, что княгиня была опасно больна и около нея не было ни одной особы, черезъ которую она могла бы дать мнѣ знать объ этомъ. Силы ея надломились послѣ ужаснаго признанія, которое она сдѣлала своему мужу. Правда, признаніе ея было встрѣчено со стороны мужа съ большой деликатностью и добротой, но всѣ эти волненія, въ связи съ ея настоящимъ положеніемъ, такъ потрясли ее, что она слегла. Ей страшно хотѣлось увидѣть меня, но на это не было никакой надежды. Я спросилъ у своего командира де-Конфланъ, не можетъ ли онъ дать мнѣ трехнедѣльный отпускъ, который я собираюсь провести въ деревнѣ около Франкфурта. Я уѣхалъ одинъ и въ самомъ большомъ секретѣ отъ всѣхъ. Но въ послѣдній день я сбился съ пути и заѣхалъ въ первый попавшійся домъ, чтобы спросить тамъ, какъ проѣхать дальше. Я очень удивился, заставъ въ этомъ домѣ цѣлую англійскую семью; оказалось, что это былъ садовникъ княгини. Я зналъ, что не трудно войти и въ паркъ, но мнѣ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь узналъ меня, и я боялся, что патруль казаковъ поймаетъ меня и начнетъ спрашивать, такъ что мнѣ уже не удастся тайкомъ пробраться къ княгинѣ.

Насталъ, наконецъ, вечеръ. Въ одинадцать часовъ, я рѣшился войти въ садъ, но тамъ на меня напали двѣ огромныя собаки, которыхъ всегда спускали съ цѣпи на ночь. Одна изъ нихъ сразу; признала меня, такъ какъ я подарилъ ее княгинѣ еще въ Англии я назвалъ ее по имени, она сейчасъ же подошла и приласкалась ко мнѣ. Вдали я увидѣлъ двухъ женщинъ, медленно прогуливавшихся по саду; одна изъ нихъ затѣмъ вошла въ домъ, другая еще осталась. Въ послѣдней я узналъ мадамъ Паризо, камеристку княгини, которую я когда-то рекомендовалъ ей. «Идите скорѣе, — сказала она, увидѣвъ меня, — она ждала васъ, сердце ей подсказало, что вы близко отъ нея». Княгиня немедленно заключила меня въ свои объятія. «Сердце мое всегда подсказываетъ мнѣ всѣ твои дѣйствія, — сказала она, — я знала, что ты не будешь въ состоянii не видѣть меня такъ долго, что ты сжалишься надъ моимъ одиночествомъ и пріѣдешь утѣшить меня». Я провелъ двое сутокъ въ ея замкѣ и все здѣсь интересовало меня, но пора было уѣзжать. Я принялъ всѣ мѣры, чтобы быть опять у нея ко времени родовъ.

Я вернулся на этотъ разъ въ свой полкъ гораздо болѣе спокойный, чѣмъ въ первый разъ. И сейчасъ же я занялся тѣмъ, что сталъ добывать себѣ всѣ мемуары и записки относительно положенія дѣлъ въ Польшѣ, Россіи и Пруссіи. Послѣ цѣлаго ряда прочтенныхъ мною сочиненій по этому вопросу, я, наконецъ, вынесъ опредѣленный взглядъ на политическое состоянiе этихъ трехъ странъ. Я составилъ довольно длинную докладную записку по этому поводу, которую и послалъ князю Адаму. Онъ сообщилъ о ней Штакельбергу, русскому министру въ Варшавѣ, а тотъ послалъ ее въ Москву, о чемъ я даже и не зналъ. Надежда сдѣлаться французскимъ посланникомъ или министромъ въ Варшавѣ придавала мнѣ рвеніе и дѣлала меня неутомимымъ въ этомъ отношеніи. Княгиня вполне одобрила мою мысль, и съ каждой почтой приходили все болѣе утѣшительныя извѣстія.

Но въ сентябрѣ мѣсяцѣ она написала мнѣ, что мужъ ея начинаетъ ее беспокоить. Онъ узналъ про мой пріѣздъ и она боялась, что мнѣ не придется пріѣхать ко времени ея родовъ, такъ какъ меня ожидаетъ тамъ слишкомъ много непріятностей и препятствій, но, — что она умретъ, если я не пріѣду. Въ концѣ сентября, я, наконецъ, выѣхалъ въ Польшу, но въ Страсбургѣ я получилъ эстафету отъ княгини: она умоляла меня отложить мой пріѣздъ. Въ Франкфуртѣ я нашелъ другую эстафету, въ которой уже ясно говорилось о нерасположеніи князя ко мнѣ. Но я ни за что не согласился бы остаться вдали отъ княгини во время родовъ и послалъ къ ней одного поляка, по имени Мусковскій, котораго я привезъ для этого нарочно съ собой, а самъ остался ждать въ маленькомъ городкѣ Торнѣ, на Вислѣ.

Наконецъ, я получилъ отвѣтъ княгини. Она писала мнѣ, что не можетъ быть такъ близко отъ меня и не видѣть меня, но что чрезвычайно важно, чтобы другіе не увидали меня; поэтому она предлагала мнѣ остановиться у мадамъ д'Юлье, къ которой она и хотѣла пріѣхать, чтобы видѣться со мной. Я, конечно, не медлилъ ни минуты и поѣхалъ туда. Усталость, волненіе и безпокойство до такой степени измѣнили меня, что я сталъ неузнаваемъ.

— Сегодня вы не увидите княгини,—сказала мнѣ добрая мадамъ д'Юлье, обнимая меня,—у нея начались довольно сильныя боли и се уложили въ постель, но за ночь это, вѣроятно, пройдетъ и завтра она будетъ здѣсь.

Но на слѣдующій день боли, наоборотъ, усилились, и я съ трудомъ добился того, что меня провели въ ея замокъ и тамъ Паризо спрятала меня въ ея шкафъ съ платьями, стоявшій у ея изголовья. Она мучилась впродолженіе трехъ сутокъ. Я слышалъ ея крики и думалъ каждую минуту, что она кончается. Я не берусь описывать того, что происходило въ моей душѣ... Мнѣ казалось, что я только расплачиваюсь теперь за свой проступокъ, и что я долженъ буду принести въ жертву ему то, что было для меня дороже всего на свѣтѣ. Наконецъ, эти муки кончились, мнѣ разрѣшили подойти къ княгинѣ. Я наклонился къ ней, обливаясь слезами, и не могъ сказать ни слова.

— Ты мнѣ спасъ жизнь,—сказала она,—я знала, что ты близко отъ меня и, только благодаря этому, нашла въ себѣ силы и волю перенести эти ужасныя страданія. Поцѣлуй этого ребенка—онъ мнѣ и теперь уже дороже всѣхъ остальныхъ. Но для него было бы слишкомъ опасно, если бы тебя нашли здѣсь... Уѣзжай отсюда, отправляйся на маленькую ферму, принадлежащую мнѣ; вотъ эта записка откроетъ тебѣ ея двери и хозяева тебя примутъ съ распростертыми объятіями. Мы вскорѣ опять увидимся и каждый день я буду посылать тебѣ вѣсточку о себѣ.

Я отправился въ указанное мнѣ мѣсто и нашелъ скромный, но уютный домикъ, гдѣ чистота была доведена до роскоши. Тамъ меня встрѣтилъ почтенный старикъ, лѣтъ шестидесяти, и его жена, немного моложе его, но, очевидно, очень красивая въ дни молодости. Кромѣ этого, въ семьѣ еще были двѣ молодыхъ женщины, изъ которыхъ одна должна была скоро родить, и маленькая дѣвочка. Я подалъ имъ письмо, слѣдующаго содержанія:

«Домбровский, я попрошу васъ пріютить у себя подателя этого письма. Я поручаю вамъ того, кто мнѣ дороже всего на свѣтѣ и этимъ доказываю, что мое довѣріе къ вамъ безгранично.

«Изабелла Чарторыжская.»

— Вы здѣсь у себя дома,—сказалъ мнѣ Домбровский,—вы можете располагать всѣми нами, потому что мы привязаны всѣ къ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ **бесплатно**, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

I. Богословіе.

Базаровъ, Іоаннъ, протоіер. Виблейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завета. Съ 110 рисунками. Изданіе 34-е. Спб. 1906. Ц. въ папкѣ 1 р.

Баязитовъ, А. Отношеніе Ислама къ наукѣ и кь инновѣрцамъ. Изданіе 2-е. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Брадинскій, Ал. Выѣденное яйцо и аппетиты. Естественноразговорное представленіе во многихъ актахъ. Къ вопросу о церковномъ соборѣ. Какъ идутъ дѣла въ предсоборномъ присутствіи. М. 1907. Ц. 20 к.

Гладновъ, Б. И. Виблія въ общедоступныхъ разсказахъ. Вып. I. 1) О Богѣ. 2) О сотвореніи міра и человѣка. Спб. 1907. Ц. 20 к.

— Нагорная проповѣдь и царство Божіе. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Іанинъ, монахъ. Описаніе религіи ученыхъ. Гор. Пекинъ. 1906. Ц. 1 р.

Крымскій, Кондратъ. Изложеніе сущности конфуціанскаго ученія. Гор. Пекинъ. 1906. Ц. 60 к.

Личевскій, М. З., протоіерей. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ и автобіографіей. Т. I. Автобіографія, научныя и другія сочиненія. Т. II. Слова, поученія и рѣчи. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. А. Калачинскаго. Кіевъ. 1907. Ц. т. I—1 р. 50 к., т. II—2 р. 50 к.

Памятники эіопской письменности. IV. «Повѣствованіе о Дабра-Либаносскомъ монастырѣ». Переводъ и замѣчанія В. Тураева. Спб. 1906. Ц. 50 к.

— V. Нѣкоторыя житія абиссинскихъ святыхъ по рукописямъ бывшей коллекціи M'abbadie. Эфкерана-Эгаіе. — Фаддей Вартарваскій. — Самуилъ Вальдебскій. — Такла-хаварьятъ. Переводъ и изслѣдованіе В. Тураева. Спб. 1906. Ц. 75 к.

— VI. «Сказаніе Іисуса». Апокрифъ о послѣднихъ временахъ міра. Изданіе текста и переводъ И. Вайнберга. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Смирновъ, П. А. Жизнь и ученіе пророка священнаго Теофана Вышенскаго затворника. Въ память десятилѣтія со дня блаженной кончины святителя. Пецкъ. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Спасскій, А. проф. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Т. I. Сергіевъ Посадъ. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Хельмицкій, Петръ. Съяты вѣры. Съ чешскаго изложилъ Ю. С. Анненковъ. М. 1907. Ц. 40 к.

Чамберленъ, Гаустонъ Стюартъ. Явленіе Христа. Религія опыта. — Будда и Христость. — Галилеяне. — Религія. — Христость. — не Еврей. — Отношеніе еврейства къ Христу. — Воля у Евреевъ. — Величіе Христа. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 4-е. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Штраусъ, Д. Старая и новая вѣра. Перев. съ нѣм. подъ ред. Е. Шехтера. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Юнгеръ, П. Частное историко-критическое введене въ священны ветхозавѣтныя

книги. Вып. I. Книги законоположительныя, историческія и учительныя. Казань. 1907. Ц. 2 р.

— Вып. II. Пророческія и неканоническія книги. Казань. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Аткинсонъ, В. В. Сила мысли въ дѣловой и повседневной жизни. Переводъ съ англійскаго В. Синга. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Доливо-Добровольскій, А. I. Вѣконы пчелки. (Мысли о научномъ міропониманіи). Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Лебедевъ, Б. Н. Попытка построения новой научной гипотезы. Ц. 20 к.

Лейфельдъ, П. Э., проф. О гипотетическихъ сужденіяхъ. Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.

Линицкій, П., проф. Философская преподавателя. Харьковъ. 1906. Ц. 25 к.

Ниче, Фр. Антихристъ. Переводъ Н. Н. Подилова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

— Сумерки идоловъ или какъ философ-

ствуютъ молотомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Подилова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Пясковский, Николай, д-ръ. Кризисы и проблемы въ области гигиены духа и тѣла. Публичныя лекціи. М. 1907. Ц. 25 к.

Тархановъ, И. Р. Внушеніе, гипнотизмъ и чтеніе мыслей. Съ 10 рисунками. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Янубанисъ, Генрихъ. Эмпедоклъ, философъ, врачъ и чародѣй. Данные для его пониманія и оцѣнки. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р.

Ярній лучъ небеснаго свѣта. Опытное доказательство несомнѣнности души и загробной жизни. Переводъ съ французскаго. Харьковъ. 1906. Ц. 30 к.

III. Словесность.

Александровъ, Арн. Должна ли? Разсказъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Беръ, Б. В. Сонеты и другія стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Богемскій, Д. А. Сумерки. Четыре будничныхъ картины. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Брюсовъ, Валерій. Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 коп.

Гамсунъ, Кнутъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Въ сказочной странѣ. Пережитое и передуманное на Кавказѣ. Переводъ Е. Лютшъ. М. 1906. Ц. 1 р.

Гауптманъ, Г. Ткачи. Драма. Переводъ Э. Маттерна. М. 1907. Ц. 15 к.

Гончаренко, Юрій. Вечерніе огни. Стихи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Городецкій, Сергѣй. Ярѣ. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Грядущій день. Сборникъ I. Изданіе Спб. литературнаго студенческаго кружка. Спб. 1907. Ц. 70 к.

Демчинскій, Борисъ. Христосъ въ революціи. (Фантазія). Спб. 1907. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрихъ. Врагъ народа. (Докторъ Штокманъ). Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. Ц. 10 к.

— Гедда Габлеръ. Драма въ 4-хъ дѣйств. М. Ц. 10 к.

— Нора или Кукольный домъ. Драма въ 3-хъ дѣйств. М. Ц. 10 к.

— Призраки. Семейная драма въ 3-хъ дѣйств. М. Ц. 10 к.

— Строитель Сольнесъ. Драма въ 3-хъ дѣйств. М. Ц. 10 к.

Ивагоро, Мацубара. На днѣ Токио. Переводъ С. Н. Сыроматникова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Ивановъ, Вячеславъ. Эросъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Календарь-Альманахъ «Стрекозы» на 1907 годъ. Спб. Ц. 50 к.

Касатинъ-Ростовскій, Ф. Н., кн. Стихотворенія (1900—1906). Спб. 1907. Ц. 2 р.

Левицкій, Н. Г. Новый путь. Гор. Минскъ. 1906. Ц. 25 к.

Леонидовъ, В. Ф. Одолжи мнѣ свою жену. Комедія-шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Лобовъ, Л. Алмазовъ и Эдельсонъ. Славянофильство и его литературные представители. Спб. Ц. 25 к.

— Въ защиту славянофиловъ. По поводу книги М. Д. Чадова «Славянофилы и народное представительство». Спб. Ц. 10 к.

— Кохановская (Соханская). Литературная характеристика. Спб. Ц. 20 к.

— Н. Я. Данилевскій и современная смута. Спб. Ц. 15 к.

— Памяти А. И. Копелева. Къ сотой годовщинѣ со дня рожденія. Спб. Ц. 10 к.

— Юрій Самаринъ и окраинный вопросъ. Спб. Ц. 15 к.

Луначарскій, А. Три кадета. Pamphletъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Львовъ-Рогачевскій, В. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Минувшій, А. Стихотворенія рабочаго. Спб. 1906. Ц. 12 к.

Митти-де, Жанъ, и Ребель, Гуго. Дневникъ лакея. Переводъ съ франц. Е. В. Богдановской. М. 1907. Ц. 1 р.

Мопасанъ-де, Гюи. Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Новыя приключенія Шерлока Холмса. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ по Конанъ-Дойлю. М. А. С. и В. С. Г. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Отъ мрана къ свѣту. Русская исторія отъ Гостомысла. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Пасхаловъ, К. Сборникъ статей, воззваній, записокъ, рѣчей и проч. Мартъ 1905 — августъ 1906. М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

«Переваль», журналъ свободной мысли. 1906 г., № 1 и 2. М. Ц. по 50 к.

- Пушкинъ. Сочиненія подъ редакціей С. А. Венгерова. Вып. I. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Пищевъ, Станиславъ. Вѣчная сказка. Драматическая поэма. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ С. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Ремизовъ, Алексѣй. Посолонь. М. 1907. Ц. 1 р.
- Рылѣевъ, К. Ѳ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Его портретъ и статьи: А. И. Герцена, Н. А. Вестужева, Г. Валицкаго. М. 1906. Ц. 75 к.
- Садовскій, М. Э. Сцена. Сборникъ русскихъ, еврейскихъ популярныхъ куплетовъ и разнообразныхъ разсказовъ. 2-е изданіе. М. Ц. 75 к.
- Сервантесъ. Донъ-Кихотъ Ламанскій остроумно изобрѣтательный идалго. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. (Съ примѣчаніями, биографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса). Рисунки дона Рикардо Валака. Ч. I. Спб. 1907. Ц. за 2 части 7 р.
- С. лейтенантъ (К. К. Случевскій). Стихотворенія. Съ портретомъ автора и биографіей. Спб. 1907. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 1 р. 50 к.
- Тверитиновъ, Алексѣй. Объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространеніи его сочиненій на французскомъ языкѣ въ Западной Европѣ и о многомъ другомъ. Съ рисунками художницы Т. Гипіусъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Тетмайеръ, Назиміръ. Отрывки. Стихотворенія въ прозѣ. Бездна. (Собраніе сочиненій. Т. I). Переводъ А.—Фьевой, Тучаиской и др. М. 1907. Ц. 1 р.
- Толстой, Л. Н. О Шекспирѣ и о драмѣ. Критическій очеркъ. М. 1907. Ц. 20 к.
- Памятка русскаго солдата Спб. 1907. Ц. 5 коп.
- Фриче, В. Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. (Англія, Германія, Австрія, Скандинавія). М. 1906. Ц. 50 к.
- Хейденстамъ-фонъ, Вернеръ. Лѣсъ шумитъ. Со шведскаго, переводъ В. Т. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Хризопрасъ. Художественно-литературный сборникъ. М. 1906—7 г. Ц. 60 к.
- Федоровъ, А. М. Сонеты. Спб. 1907. Ц. 40 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Агафоновъ, Николай. Изъ Казанской исторіи. Казань. 1906. Ц. 1 р.
- Казань и Казанцы. I. Казань. 1906. Ц. 75 к.
- Блосъ, В. Исторія французской революціи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Бѣлосельскій, Э. Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Біографическій очеркъ. Спб. Ц. 10 к.
- Врадій, В. П. Описаніе и первый каталогъ коллекціи Благовѣщенскаго музея. (Съ краткими данными объ исторіи возникновенія музея). Благовѣщенскъ. 1900. Ц. 1 р.
- Герценъ, А. (Искандеръ). Заговоръ 1825 г. Съ приложеніемъ письма объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Переводъ Н. Жуковской. М. 1907. Ц. 15 к.
- Двадцатипятилѣтіе женской гимназіи М. Н. Стоюниной 1881—1906 гг. Спб. Ц. 50 к.
- Зубковъ, Вас. Петр. Записки о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго, портретами и рисунками. Спб. 1906. Ц. 60 к.
- Козловскій, И. Ѳ. М. Ртищевъ. Историко-біографическое вслѣдованіе. Кіевъ. 1906. Ц. 2 р.
- Купферъ, К. Р. Изъ недавняго прошлаго Рижскаго Политехническаго института. Матеріалы для исторіи академической жизни за періодъ 1896—1906 гг. Переведено съ нѣмецк. Рига. 1906. Ц. 1 р.
- Лависсъ и Рамбо, проф. Исторія XIX вѣка. (Западная Европа и внѣевропейскія государства). Переводъ съ французскаго съ дополнителными статьями профессоровъ П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Т. VI. М. 1906. Ц. по подпискѣ за 8 т. 22 р.
- Линдовъ, Г. Великая французская революція. Предисловіе прив.-доц. Н. А. Рожкова. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Орси, Пьетро. Современная Италія. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія на престолъ Виктора-Эмануила III. Переводъ съ итальянскаго О. Шенрокъ подъ редакціей проф. Г. Форстена. Спб. 1907. Ц. 2 р. 25 к.
- Петръ, архимандритъ. Записка объ Албаницахъ 9 января 1831 года въ Пекинѣ. Гор. Пекинъ. 1906. Ц. 30 к.
- Пироговъ, Н. И. Севастопольскія письма 1854—1855. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Ю. Г. Малиса. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Сергѣевъ, Н. А. Указатель русскихъ старинныхъ и новыхъ рѣдкихъ монетъ, чеканенныхъ изъ жѣди, серебра, золота и платины. Съ 1700 по 1900 г. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Цебрикова, М. И. Каторга и ссылка. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Шустеръ, Георгъ. Тайныя общества, союзы и ордена. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. А. Л. Погодина. Т. II. Спб. 1907. Ц. за 2 тома 3 р.
- Эригье, Луи. Исторія французской революціи 1848 г. и Второй республики. Переводъ съ нѣмецкаго Гинзбурга. Спб. 1907. Ц. 90 к.

V. Сельское хозяйство.

- Абозинъ, И. И. Доходное птицеводство въ мелкихъ хозяйствахъ. Съ 34 рисунками въ текствѣ. 2-е изданіе, исправл. и дополн. Спб. 1906. Ц. 75 к.
- Будринъ, П. Результаты опытовъ по примѣненію удобреній и изученію сѣвооборотовъ на горно-нижскомъ опытномъ полѣ Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсовод.

ства въ Новой Александріи (Люблинской губ.). Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Гозаловъ, Н. И. Курсы виноградарства. Руководство для виноградарей, народныхъ учителей, сельско-хозяйств. учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ 94 рис. Гор. Аккерманъ. 1907. Ц. 1 р.

Книримъ, В., д-ръ. Сельско-хозяйственный календарь. 1907. Рига. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Рындина, А. А. Поварская книга. Изд. 2-е. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Тиць, Б. Н. Землемѣріе. Какъ мѣрить землю и что для этого нужно знать? Съ рисунк. и чертежами. М. 1907. Ц. 6 к.

Хуторъ, сельско-хозяйственный журналъ. 1907 г. № 1. Спб. Ц. 40 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

Белленъ, фанъ-дерь, Евгений. Наша золотопромышленность 1906 г. М. 1906. Ц. 1 р.

Вайсбейнъ, М. И., инж.-техн. Производство брикетовъ. Практическое руководство для изученія брикетирования каменноугольной мелочи. Съ 104 чертежами, проектами и смѣтами брикетныхъ фабрикъ. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Ежегодникъ общества архитекторовъ-художниковъ. Вып. I. Спб. 1906. Ц. 4 р. 50 к.

Материалы для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условий. Вып. VII. Затоны и мѣста для зимовки

судовъ на рѣкахъ Волгѣ и Камѣ. Съ атласомъ. Казань. 1906. Ц. 3 р. 50 к.

Материалы для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условий. Вып. X. Ледяной наносъ и зимніе затоны на рѣкѣ Невѣ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 70 к.

Поповъ, С. П. Описание одного каменноугольнаго рудника. Примѣръ потолкоустиной системы работъ. Харьковъ. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Яцыма, Вяч. Наивыгоднѣйшее проектированіе земляного полотна при оцѣнкѣ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, шоссе и сооруженій большой площади. Спб. 1906. Ц. 3 р.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Башмаковъ, А. А. За смутные годы. Публицистическія статьи и рѣчи. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Боголѣповъ, Н. Учебникъ исторіи римскаго права. Посobie къ лекціямъ. Изданіе 3-е, безъ переизмѣнъ. М. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Брянчининъ, А. Н. Роспускъ Государственной Думы. Причины—последствія. Съ приложеніемъ официальныхъ документовъ. Псковъ. 1906. Ц. 60 к.

Герье, В. И., проф. О конституціи и парламентаризмѣ въ Россіи. М. 1906. Ц. 10 к.

Государственная Дума. Указатель къ стенографическимъ отчетамъ (понименный и предметный) 1906 годъ. Сессія первая. Редактировалъ А. Л. Пиленко. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Д. 1905 и 1906 годъ въ Петербургскомъ университетѣ. Сходки и митинги. (хроника). Совѣтъ старостъ (очеркъ). Спб. 1907. Ц. 40 к.

Дженксъ, Эд., проф. Происхожденіе верховной власти. Переводъ Э. Серебрякова. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Джорджъ, Генри. 1) Всѣ могутъ быть богаты. 2) Возрастающее значеніе общественныхъ вопросовъ. Переводъ съ англійскаго. Л. П. Никифорова. М. 1906. Ц. 5 к.

Законъ о повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ. М. Ц. 35 к.

Законъ 15 ноября 1906 года объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Камбуровъ, В. Г., проф. Идея государства у Гоббса. Посмертное изданіе съ предисл. І. В. Михайловскаго, проф. Томскаго университета. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р.

Кампфмейеръ, П. Исторія общественныхъ классовъ въ Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Карцовъ, Ю. Семь лѣтъ на Влжкнмъ Востоку 1879—1886. Воспоминанія политическія и личныя. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Корниловъ, А. А. Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. (Происхожденіе земской избирательной системы 1864 г. и ея дальнѣйшія измѣненія). Спб. 1906. Ц. 20 к.

Крживицкій, Людвигъ. Аграрный вопросъ. Переводъ Р. В. Крживицкой. Подъ редакціей, съ предисл. и дополн. автора къ русскому изданію. Спб. 1907. Ц. 70 к.

Лемке, Мих. Политическіе процессы: М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ документамъ). Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Лозинскій, Евгений. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? (Критико-соціологическій опытъ) Спб. 1907. Ц. 1 р.

Лопатинъ, П. Русско-польское соглашеніе. Спб. 1907. Ц. 5 к.

Лум, Поль. Рабочій и государство. Сравнительная исторія рабочаго законодательства въ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Ц. 1 р. 75 к.

Максимовъ, В. Законъ 2-го января 1906 г. о дополнительномъ промысловомъ налогѣ съ предпріятій, обязанныхъ и необязанныхъ публичною отчетностью и на личныя промысловыя занятія и инструкціонныя правила по примѣненію закона 2-го января 1906 г. М. 1906. Ц. 1 р.

Марголинъ, А. Д. Изъ области уголовного права. 1) Основные черты новаго уголовного уложения. Критическій очеркъ съ предисловіемъ проф. Люнскаго университета Р. Гарро. 2) Элементъ чувства въ институтъ наказанія и другія статьи. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.

Марисъ, Н. Рѣчь передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ. Съ предисловіемъ Фр. Энгельса. Перев. съ нѣмецк. И. Давидсона, подъ редакц. В. Засуличъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Микулинъ, А. Рабочій вопросъ и пути къ его рѣшенію. Кіевъ. 1907 г. Ц. 15 к.

Милюновъ, П. Годъ борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Могиланскій, Мих. Первая Государственная Дума. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Немировский, Мануилъ. Отношеніе приговора къ обвиненію. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1906. Ц. 3 р.

Письма къ ближнимъ. 1906 г. Изданіе М. О. Меньшикова. Спб. Ц. 2 р.

Полный сборникъ платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій. Съ приложеніемъ Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнѣйшаго доклада графа Витте. 21 политическая программа. Изданіе 4-е допол. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. (Сводъ законовъ, т. I, ч. II, изд. 1906 г.) Съ разъясненіями Правительствующаго Сената и М-ва Внутреннихъ Дѣлъ, приложеніемъ циркуляровъ и инструкцій министра внутреннихъ дѣлъ и циркуляровъ министра юстиціи. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Правила и распоряженія М-ва Финансовъ объ отпускѣ денатурированнаго спирта. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Прудонъ, П. Ж. Что такое собственность? или изслѣдованіе о принципѣ права и власти. Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Реклю Элизе. Богатство и нищета. Переводъ съ франц. подъ редакціей Л. П. Никифорова. М. 1906. Ц. 10 к.

Ренаръ. Рѣчи о будущемъ (что значитъ быть социалистомъ). Переводъ подъ редакціей Л. П. Никифорова. М. 1907. Ц. 10 к.

Ризположенскій, Р. Въ защиту правъ русскаго народа. IV. За порядокъ въ школахъ. V. Изъ родительскихъ собраній при Казанской 3-й гимназіи. VI. За единеніе съ союзомъ русскаго народа. Казань. 1906. Ц. 15 к.

Рожновъ, Н. Судьбы русской революціи. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Романовъ, И. ѳ. (Рцм). Червоточина исторіи. Сборникъ статей. Спб. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Рѣчи членовъ партіи демократическихъ реформъ въ первой Государственной Думѣ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Сибирскіе вопросы, годъ II, № 5. Спб. 1906. Ц. 60.

Сибирскіе вопросы, годъ II, № 6. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Смирнова, С. И. Борцы за свободу. Сборникъ фельетоновъ. Спб. 1907. Ц. 25 к., на лучшей бумагѣ—40 к.

Среди революціи. «Рѣчи агитаторовъ». М. 1906. Ц. 40 к.

Трудъ инженера и техника. 1906 г. № 24 и 25 Спб. Ц. по 15 к.

Трусовичъ, К. И. Систематическій сборникъ законовъ по учрежденію и выборамъ въ Государственную Думу и Госуд. Советъ (Т. I, часть II, св. зак. изд. 1906 г.). Со всѣми новѣйшими сенатск. и минист. разъясненіями, краткою схемою выборовъ въ Госуд. Думу и практич. объясненіями автора. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Уголовные законы переходнаго времени. М. 1906. Ц. 50 к.

Успенскій, И. И. Систематическое изложеніе законовъ о Государственной Думѣ. Ставрополь, губ. 1906. Ц. 70 к.

Хвостовъ, В. М., проф. Исторія римскаго права. Пособіе къ лекціямъ. 3-е изданіе, исправл. и дополнен. Вып. II. М. 1907. Ц. за 2 вып. 2 р. 50 к.

— Система римскаго права. I общая часть. Конспектъ лекцій. Изданіе 3-е, М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Хроника социалистическаго движенія въ Россіи. 1878—1887. Официальный отчетъ. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Хряпинъ, Р. Что необходимо знать избирателямъ въ Государственную Думу. Освѣщеніе различныхъ фазисовъ избирательной кампаніи 1906—1907 гг. Предвыборный періодъ.—Практическое осуществленіе избирательнаго закона.—Представительство рабочихъ на выборахъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Чамберленъ, Гаустонъ Стюартъ. Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 3-е, А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Чулновъ, Георгій. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Шепердь, Е. Мужчина и женщина. Вып. II. Какъ долженъ относиться мужчина къ женщинѣ и къ ихъ будущему ребенку. Перев. съ англійскаго Е. Л. Дунаевой. М. 1907. Ц. 10 к.

Штампферъ, Фр. и Вандервельдъ, Э. Соціалъ демократія и религія. I. Штампферъ, Фр. Религія—частное дѣло. (Комментаріи къ 6-му пункту Эрфуртской программы). Переводъ съ нѣмецк. П. Вандервельдъ, Э. Рабочая партія и религія. Переводъ съ франц. М. 1907. Ц. 25 к.

Штиглицъ, А. Н. Россія и славянство. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Шульговскій, Н. И. Идеаль чловѣческаго поведенія. Правнополитическое изслѣдованіе. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Южановъ, С. Женщина-избирательница. (Къ вопросу о реформѣ русскаго избирательнаго права). М. 1906. Ц. 3 к.

Эттингенъ-фонъ, Э. Къ аграрному вопросу. Записка. Ц. 40 к.

VIII. Медицина, гигіена и анатомія.

Almeiras, д-ръ. Маркизь-де-Садъ, Половая психопатія (садизмъ) и жизнь маркиза де-

Садъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Габричевский, Г. Медицинская бактериология. 3-е значительно дополненное издание. Съ 62 рис. и съ 5 таблиц. Спб. 1907. Ц. 4 р.

Городецкий, А. М. Два предразсудка въ дѣлѣ предохраненія людей отъ простуды. Кіевъ. 1906. Ц. 15 коп.

Дирюу, д-ръ. Проституція въ древности и половыя болѣзни. Перев. съ 6-го французскаго изданія д-ра Л. В. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Жуновскій, В. П., д-ръ. Мелена. Желудочно-кишечныя кровотеченія у дѣтей новорожденныхъ. (Melaena neonatorum). Съ 2-мя рисунками въ текстѣ. Исторія, этиологія, клиническія симптомы, патологическая анатомія, распознаваніе и леченіе. Казуистика (29 собств. случаевъ). Спб. 1907. Ц. 50 к.

Медицинскій календарь «эскулапъ» для помощниковъ врачей всѣхъ вѣдомствъ и фельдшерницъ-акушеровъ на 1907 годъ. Записная и справочная книжка съ 20 рисун-

ками съ текстѣ. Редакція д-ра Б. А. Окса. Съ приложеніемъ карманной книжки для леченія дѣтскихъ болѣзней (съ рецептами). Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Половъ, Г. Медицинская этнографія, какъ элементъ университетскаго образованія. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Пясновскій, Николай, д-ръ. Кризисъ и проблемы въ области гигиены духа и тѣла. Публичная лекція. М. 1907. Ц. 25 к.

Сальге, Б., д-ръ. Карманная книжка для леченія дѣтскихъ болѣзней. Перев. съ нѣмецк. и примѣчанія д-ра М. Д. Тумповскаго. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Снегиревъ, В. Ф., проф. Маточныя кровотеченія. Этиологія.—Диагностика.—Леченіе. Съ изложеніемъ метода изслѣдованія женскихъ половыхъ органовъ, ихъ анатомія и хирургія. (Съ таблицей 1000 случаевъ чревоушибеній и съ методомъ ихъ производства). Съ 328 рисунк. и 10 таблицами. 4-е испр. и допол. изданіе. М. 1907. Ц. 7 р. 50 к.

IX. Искусство.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусства. 3-е изданіе. Вып. I. Съ 3 раскрашен. табл. 3 рисунка на фонѣ и 184 рисунк. въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р., за все изданіе въ 12-ти выпускахъ 12 р.

Зайчичъ, Робертъ. Люди и искусство итальянскаго возрожденія. Переводъ съ нѣмецк. Е. Герстфельдъ, подъ редакціей профессора Г. Форстена. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Искусство быть красивой. 1906. № 12. Спб. 25 к.

Очерки по исторіи русскаго искусства. Древне-русская живопись. (XV—XVIII вв.).

72 снимка со статей А. И. Успенскаго. М. 1906. Ц. 10 р.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. II, вып. IV. Спб. 1906. Ц. за 4 вып. 50 р.

«Театръ и искусство». 1906. № 51. Спб. Ц. 20 к.

Театръ и искусство. 1906. № 52 (юбилейный). Спб. Ц. 40 к.

Эллинская культура въ изложеніи Фр. Ваумгартена, Фр. Полаанда, Рих. Вагнера. Переводъ М. И. Бергъ подъ редакціей проф. Ф. Ф. Зѣянскаго. Вып. III. Спб. Ц. 1 р.

X. Военное и морское дѣло.

Лобачъ-Жученка, Б. М. Морскія паровыя турбины. Ихъ описаніе, примѣненіе на судахъ и расчетъ. Съ 111 рисунками. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Морской календарь на 1907. г. Одесса. Ц. 1 р. 20 к.

Парский, Д. Воспоминанія и мысли о послѣдней войнѣ (1904—1905 гг.). Спб. 1906. Ц. 75 к.

Послѣ войны, военно-общественный сборникъ статей. 1906 г. 15 декабря. Спб. Ц. 30 к.

Розеншильдъ-Паулинъ. Боевая подготовка личнаго состава арміи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Соловьевъ, Л. З. Указанія опыта текущей войны на боевыя дѣйствія пѣхоты. Впечатленія ротнаго командира. Съ 3 чертежами. Изданіе 3-е, просмотр. и дополн. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Ш-тъ, Б. Новое о войнѣ. Воспоминаніе о морскихъ походахъ 1904—1905 гг. Спб. 1907. Ц. 1 р.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

А. Х. Конспектъ Русской Исторіи. Составленный по учебникамъ К. Елпатьевскаго и др. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Гундобинъ, Н. П., проф. Воспитаніе и леченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Спб. 1907. Ц. 2 р. 40 к.

Дьюн, Дюнъ, проф. Школа и общество. Переводъ съ англійскаго. М. 1907. Ц. 30 к.

Исаинъ, іеромонахъ. Краткая китайская грамматика. Съ приложеніемъ о мѣрахъ, всахъ и деньгахъ (по Матусовскому). Изданіе 3-е. Пекинъ. 1906. Ц. 1 р.

Лесгафтъ, Э. Отечествовѣдѣніе. Курсъ средне-учебныхъ заведеній (V классъ ре-

альныхъ училищъ и классическихъ гимназій). Спб. 1907. Ц. 90 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. Съ 60 рисунками въ текстѣ. М. 1906. Ц. 30 к.

Палладинъ, В. И., проф. Учебникъ физиологій растений для 6-го класса реальныхъ училищъ. Съ 5-ю портретами и 69 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Roussy, A. Cours de langue française. 1-е partie. Kief. 1906. Ц. 1 р.

Сэнума, Иванъ. Практическое руководство къ самостоятельному изученію японскаго разговорнаго языка. Токио. 1905. Ц. 65 к.

Толстой, л. н. О просвѣщеніи — воспита-
ніи и объ образованіи—обученіи. Избран-
ныя мысли. М. 1907. Ц. 35 к.

Успенскій, м. и. Юный гражданинъ. Кни-
га для чтенія въ школь и дома. Спб. 1907.
Ц. 25 к.

ХII. Книги для дѣтей и юношества.

Вагнеръ, Ю. проф. Разказы о томъ, какъ
устроены и какъ живутъ растенія. Съ 41 ри-
сунк. Изданіе 2-е. М. 1906. Ц. 18 к.

Горбуновъ-Посадовъ, и. и др. Кругомъ
свѣта. Географическая хрестоматія. Пособіе
при обученіи географіи. Часть I. Земля—
жилище человѣка. Со множеств. рисунковъ
и чертеж. Изданіе 4-е. М. 1907. Ц. 1 р. 60 к.

— Библиотека для дѣтей. Желѣзная до-
рога. Разказы и стихи. М. Ц. 40 к.

— Лѣсные звѣри. М. Ц. 40 к.

— Любимая книжка. М. Ц. 40 к.

— Первые цвѣточки. Разказы и стихи
для маленькихъ дѣтей. М. Ц. 12 к., въ
папкѣ 22 к.

— Пѣснь о рабочемъ народѣ. Сборникъ
стихотвореній. М. 1907. Ц. 25 к.

Домой и другіе разказы изъ жизни дѣ-
тей трудового народа. Н. Телешова, В. По-
пова, Г. Сенкевича, О. Тищенко, А. Сера-
фимовича, С. Семенова, А. Комарской,
И. Данилина, Н. Васильковской, В. Измай-
лова. М. 1907. Ц. 1 р., въ папкѣ 1, р. 25 к.

Елачичъ, Евгений. Валя, или то, что можетъ
случиться съ каждымъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.,
въ папкѣ 40 к.

— Пять разказовъ и фыр-фырка. Для
дѣтей младшаго возраста. Спб. 1907.
Ц. 30 к.

Капитанъ Январь. Разказъ съ англійск.
Съ 22 рисунк. Изд. 2-е. М. 1907. Ц. 35 к.,
въ папкѣ 50 к.

Клейнъ, Карлъ. Подъ громомъ пушекъ.
Разказы-воспоминанія изъ франко-прус-
ской войны 1870 г. Переводъ съ нѣмецкаго
С. А. Норѣцкаго. Съ рисунками. Изд. 2-е.
М. 1907. Ц. 80 к.

Коржинская, О. Рождественская ночь. Ри-
сунки Е. Ващенко. Спб. Ц. 70 к.

Крамбамбули. Исторія собаки. Разказъ
Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ. (Съ нѣм.) Ц. Двѣ
бѣлки. Разказъ В. Стільмана. (Съ англ.).
III. Осень въ Альпійскихъ горахъ. Разказъ
И. Видмана. (Съ нѣмец.) Переводы Сергѣя
Орловскаго. Съ 6-ю рисунк. Изданіе 2-е.
М. 1907. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Кругловъ, А. В. Живая бумага. Повѣсть.
Съ рисунками П. Ф. Яковлева. М. Ц. 1 р.
Луньянская, В. Другъ за дружкой. Разка-
зы для маленькихъ дѣтей. М. Ц. 40 к., въ
папкѣ 60 к.

Нечаевъ, А. п. Что говорятъ камни?
Жизнь минераловъ и ихъ круговоротъ въ
природѣ и въ техникѣ. Для самообразованія
и юношества. Съ 226 рисунками въ текстѣ.
Съ приложеніемъ краткаго руководства для
составленія коллекцій, списка русскихъ
музеевъ и библиографическаго указателя.
По книгѣ Г. Петерса «Картины минераль-
наго міра». Съ предисловіемъ проф. А. А.
Иностранцева. 2-е исправл. и значительно
дополни. изданіе. Спб. Ц. 2 р., въ пере-
плетѣ 2 р. 40 к.

Рождественскій подарокъ. Разказы для
дѣтей. М. Ц. 15 к.

Ростовская, м. Жучка. Разказъ для дѣ-
тей. 4-е изданіе съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Спасенный и другіе разказы для юноше-
ства. Виктора Гюго, Ч. Диккенса, А. Тен-
нисона, Эркмана-Шатриана и другихъ. Съ
рисунк. Изданіе 2-е. М. 1907. Ц. 1 р., въ
папкѣ 1 р. 20 к.

Штормъ, Теодоръ. Безъ вѣсти пропавшій.
Разказъ. Съ англійск. Съ рисунк. Изда-
ніе 2-е. М. 1907. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

ХIII. Народныя книги.

Буановъ, н. Народныя былинны о русскихъ
могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и
народныхъ школъ. Съ объяснительныхъ
словаремъ и примѣчаніями. Составлено по
сборникамъ: Кирши Данилова, Кирѣвскаго,
Рыбникова и др. Изданіе 3-е, исправленное.
М. 1906. Ц. 40 к.

Бутми, г. Земля—Вожія. Спб. 1906. Ц.
5 к.

— Шулеръ. Спб. 1906. Ц. 5 к.
в. п. Учитель Букеръ. М. 1906. Ц. 20 к.
Мезьеръ, А. В. Турція. Очеркъ. Съ 17 ри-
сунк. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Новиковъ, А. Наши братья. Ц. 4 к.

XIV. Естествознаніе.

Беклей, А. Б. Краткая исторія есте-
ственныхъ наукъ. Переводъ съ англій-
скаго подъ редакціей и съ дополненіями
В. Н. Львова. Съ 78 рисунками. М. 1907.
Ц. 2 р.

Труды Общества землѣдѣнія при Импе-
раторскомъ Спб. университетѣ. Изданы
подъ редакціей проф. П. И. Броунова. I.
(1903—04 и 1904—05). Съ 5 табл. и 12
рисунк. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

XV. Физика, химія, математика.

Вейнбергъ, Б. п. О внутреннемъ треніи
льда. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

«Метеорологическій Вѣстникъ» 1906 г. № 12.
Спб. Ц. 50 к.

Поссе, н., проф. Курсъ дифференціаль-
наго и интегральнаго исчисленій. 2-е испра-
вленное и дополненное изданіе. Вып. II. Спб.
1907. Ц. 2 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНЮЮ ГАЗЕТУ

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Редакторъ-издатель А. И. Гучковъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ	9	руб. —	коп.
» 6 мѣс.	4	» 50	»
» 3 »	2	» 25	»
» 1 »	—	» 75	»

За границу вдвое.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: на первой страницѣ за строку петита 40 коп., на послѣдней страницѣ за строку петита 20 коп. Стороннія сообщенія за строку петита 50 коп.

Пріемъ подписки и объявленій открытъ:

- 1) Въ Главной Конторѣ: Тверская, д. Бахрушина, кв. 23.
- 2) Въ Центральномъ Комитетѣ «Союза 17-го октября»: Мясницкая, д. Кузнецова.
- 3) Въ городскихъ и иногороднихъ отдѣлахъ «Союза 17-го октября.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
МАРТЪ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1907 г.

СТРАН.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XIV—XIX. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	769
II. Изъ дневника помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича. Н. П. Литвинова	789
III. Широкая натура. IX—XVII. (Окончаніе). Н. Н. Потапенко	800
IV. Группы и портреты. (Листочки воспоминаній). III. Д. И. Стахъева	846
V. Хищеніе башкирскихъ земель. (Изъ воспоминаній оренбургскаго сторожика). Н. П. Жакмона	855
VI. Южно-русская республика. (Изъ исторіи освободительнаго движенія). С. С. Орлицкаго	875
VII. Къ исторіи одного таланта. Барона Н. В. Дризена	902
Иллюстраціи: 1) Марія Николаевна Ермолова. — 2) М. Н. Ермолова въ роли Евлали въ «Невольникахъ». — 3) М. Н. Ермолова въ роли Маріи Шотландской. — 4) М. Н. Ермолова въ роли Евлали въ «За право и правду». — 5) М. П. Ермолова въ роли Делоресъ въ «Графъ Ризооръ».	
VIII. Мордовцевы въ Саратовѣ. (Новые матеріалы къ біографіи). П. Л. Юдина	922
IX. Изъ практики сыщика. (По рассказамъ полицейскаго чиновника). Н. Б. Маркузе	939
X. Воспоминанія о П. А. Плетневѣ. Алексѣя Плетнева	952
Иллюстрація. Петръ Александровичъ Плетневъ.	
XI. Историко-литературныя разысканія. IV. Запрещенная книга. Д. Д. Языкова	965
XII. Дипломатъ изъ державныхъ государей. I—II. В. И. Штейна	969
XIII. Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. II. Наканунѣ реформъ. (Продолженіе). В. Б. Глинскаго	994
XIV. Достопримѣчательности Иркутска. А. К. Хребтова	1014
Иллюстраціи: 1) Городской музей. — 2) Домъ бывшаго декабриста князя Волконскаго. — 3) Древнее кладбище. — 4) Московскія ворота.	
XV. Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. В. Данилова	1021
Иллюстрація. Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля.	
XVI. Критика и бібліографія	1033
1) Предсоборная литература. 1) Н. Д. Кузнецовъ, присяжный повѣренный. Церковь, духовенство и общество. Москва. 1906. 2) Очъ же. Преобразование въ русской церкви. Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва. 1906. 3) Іаковъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій. Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 года и предметъ его занятій. Ярославль. 1906. 4) И. М. Лихницкій. Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. Спб. 1906. Проф. М. Красножена. — 2) Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907. Н. А. Энгельгардта. — 3) Акты и документы, относящіяся къ исторіи кievской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). (См. слѣд. стран).	

Томъ III. Съ введѣніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906. А. я.—
 4) Краткій историческій очеркъ Виленской комиссіи для разбора и изданія
 древнихъ актовъ. 1864—1906 гг. Составилъ членъ комиссіи Ар. Турцевичъ.
 Вильна. 1906. Приватъ-доцента А. И.—снго.—5) Финляндія, ея прошедшее и
 настоящее. П. М. Майкова. Спб. 1906. н. н.—6) Профессоръ Н. О. Сумцевъ.
 Изъ украинской старины. Харьковъ. 1906. А. я.—7) К. Военскій. Гончаровъ
 въ неизданныхъ письмахъ къ графу Валубеву. Спб. 1906. А. ф.—8) Музей
 памяти О. М. Достоевскаго въ Историческомъ музее въ Москвѣ. Составила
 А. Достоевская, съ портретами и видами. Спб. 1906. А. ф.—на.—9) Крестьян-
 скіе наказы Самарской губерніи. (Опытъ собранія материаловъ русской
 революціи). Съ вступительными статьями А. А. Васильева и В. А. Кудря-
 вцева. Самара. 1906. Мих. Могиланскій. Первая Государственная Дума.
 Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1907. в. Кузнецова.—10) И. И. Янжулъ. Изъ
 воспоминаній и перписей фабричнаго инспектора перваго призыва. (Мате-
 риалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодатель-
 ства). Спб. 1907. г.—аго.—11) Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Переводъ Э. Н.
 Латернера. Спб. 1906. Антихристъ. Переводъ В. Кауфмана. Спб. 1906.
 А. б.—а.—12) Л. К. Двѣ поэтессы народнаго горя. (Ада Негри и Марія
 Кополицкая). Выпускъ издательства «Свобода и Христіанство», подъ
 редакціей архимандрита Михаила. Спб. 1906. и. Алесандрова.—13) А. Вес-
 нинъ. Сѣверо-американскіе тресты. Спб. 1906. в. г.—14) В. Грагамъ. Соціалъ-
 низмъ новый и старый. Спб. 1906. п. б.—15) В. М. Гривовъ кѣд, приватъ-
 доцентъ Спб. университета. Настоящее и будущее европейскаго парла-
 ментаризма. (Общедоступный очеркъ). Спб. 1906. м.—16) О. К. Граве. Жен-
 скій возрастъ. Спб. 1907. А. Фаресова.—17) В. С. Янушкинъ. Государствен-
 ная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Изд. Г. О. Льво-
 вича. Спб. 1907. с. в.—снго.—18) Львовскіе историко-родословнаго общества
 въ Москвѣ. 1906. Выпускъ 4-й. Годъ второй. М. 1906. в. Руданова.—19) Куръ-
 анъ Мухаммеда. Грузинскій переводъ. Первое изданіе. Тифлисъ. 1906.
 А. х.—а.—20) Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петръ-
 павловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 годъ. Съ предисловіемъ и
 примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906. в. Руданова.—21) Яковъ Рей-
 тенфельдъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козьмѣ III о Моско-
 вѣ. Падуа. 1680. Издвденіемъ книгопродавца Петра Маріи Фрамботти. Съ
 латинскаго перзвелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва. 1905. х.—вз.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1068

1) Древній ирландскій саги. — 2) Послѣднія три жены Генрика VIII—
 3) Останки Вольтера. — 4) Мемуары графини де-Буанъ.—5) Столѣтіе Прей-
 сиахъ-Эллауской битвы. — 6) Жолтьке у себя дома и его мнѣніе о Вашинг-
 тонѣ.—7) Февральскія годовщины въ Америкѣ.—8) Итальянскіи французы
 въ Сѣверной Африкѣ.—9) Изнанка германской нравственности.—10) Смерть
 Даніэля Олириса, графини Лаперузъ, г-жи Вентцонъ и Виктора Анри.

XVIII. Смѣсь 1100

1) Пушкинское лицейское общество.—2) Въ общества любителей древней
 письменности.—3) Годовое собраніе Географическаго общества.—4) Годовое
 собраніе Литературнаго фонда.—5) Отчетъ правленія кассы взаимопомощи ли-
 тераторовъ и ученыхъ за 1906 годъ.—6) 175-лѣтіе 1-го кадетскаго корпуса.—
 7) Двадцатипятилѣтіе публицистической дѣятельности М. В. Юревича.—
 8) 30-лѣтіе врачебно-научной дѣятельности М. И. Афанасьева. — 9) Къ
 судьбѣ имѣнія А. С. Пушкина.—10) Преміи при комитетѣ о трудовой по-
 мощи.—11) Аукціонъ древнихъ монетъ.—12) Огъ Императорскаго общества
 исторіи и древностей русскіихъ.

XIX. Некрологи 1111

1) Александровскій, С. В.—2) Анюповъ, И. А.—3) Базаровъ, А. И.—4) Ге-
 деоновъ, И. М.—5) Дершту-Фонъ, Н. К.—6) Завьяловъ, А. А.—7) Зарембо,
 А. М.—8) Львовъ, В. Н.—9) Модестовъ, В. И.—10) Остроглазовъ, В. М.—
 11) Соголозь. Н. А.—12) Стааль, Г. Р.—13) Хартуларі, В. П.

XX. Письмо въ редакцію 1119

Огъ учрежденія «общества военной старцы». Михаила Соноловскаго,
 члена Импер. Спб. Археол. Института.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Павловича Литвинова. — 2) Записки
 герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магской. VI—VII. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО СЕДЬМОГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1907 года).

	СТРАН.
Окровенный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. Н. А. Энгельгардта	7, 404, 769
Изъ дневника помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича. Н. И. Литвинова . 41, 418,	789
Заговорщикъ. Историческій разсказъ. В. Г. Авсъенко	52
Грунны и портреты. (Листочки воспоминаній). Д. И. Стахъева . 81, 464,	846
Воспоминанія о П. Л. Лавровѣ. I—V. Н. И. Фирсова (Рускина)	95, 494
Подъ думскимъ режимомъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	120
Смутное время въ Харьковѣ. (Матеріалы для исторіи русской революціи). Князя М. Л. Шаховскаго	142, 511
Воспоминанія о В. А. Гольцевѣ. Князя Б. А. Щетинина	185
Записная книжка П. А. Каратыгина. Сообщилъ баронъ Н. В. Дризень	200
Памяти Н. П. Барсукова. Б. Б. Глинскаго	209
Иллюстраціи: Николай Платоновичъ Барсуковъ.	
Тибетскій Далай-Лама. П. К. Козлова	230

Иллюстраціи: 1) Монастырскій флигель, въ которомъ проживалъ далай-лама, будучи въ Ургѣ.—2) «Ламанъ-хамбо». Галсанъ. «Сойбонъ-хамбо».—3) Галсанъ. Н. Д. Дылыковъ.—4) Домъ Ургинскаго богдо-гегена.—5) Группа тибетцевъ изъ свиты далай-ламы.—6) Восточно-монгольскія: княгиня Ахай, княгиня Катунъ, княжна Нэна.—7) Монгольскій князь Шандуръ-гувъ съ двумя адъютантами.

Полярная обитель. А. Д. Григорьева	250
<i>Иллюстраци:</i> 1) Монастырская гостиница на берегу р. Княжухи.—2) Часовня надъ могилами убитыхъ ивоковъ.—3) Храмъ монастыря.—4) Мѣстность около монастыря.	
Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. I. Ликвидация Николаевского режима. II. Наканунѣ реформъ. Б. Б. Глинскаго	262, 660, 994
<i>Иллюстраци:</i> 1) Михаилъ Александровичъ Вакуниинъ.—2) Александръ Ивановичъ Герцевъ.—3) Николай Платоновичъ Огаревъ.	
Иностранцы о Россіи. В. Ш.	288, 624
Широкая натура. И. Н. Потапенко	428, 800
Одинъ изъ убитыхъ министровъ. (Изъ воспоминаній о Д. С. Сицягинѣ). А. М. Лѣбова	488
<i>Иллюстрація.</i> Убійца Сицягина Балмашовъ.	
Клинскія «мощи». (Изъ деревенскихъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	546
Арестъ и ссылка П. С. Тургенева. (Изъ цензурныхъ правовъ прошлаго вѣка). Барона Н. В. Дризена	559
Разказы изъ прошлаго. И. Н. Пономарева	570
Къ біографіи А. Н. Апухтина. А. Р.	580
Экскурсія по Литвѣ. (Путевыя замѣтки). Н. Н. Останковича	586
<i>Иллюстраци:</i> 1) Видъ съ рѣки Видли на Замковую гору.—2) Георгіевскій проспектъ въ Вильнѣ.—3) Знаменская церковь въ Вильнѣ.—4) Кафедральный костелъ въ Вильнѣ.—5) Николаевскій кафедральный соборъ въ Вильнѣ.—6) Часовня Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ.—7) Предмѣстье Сивяпшки въ Вильнѣ.—8) Кальварія близъ Вильны.—9) Развалины замка князей Литовскихъ въ Трокахъ.—10) Развалины замка князей Литовскихъ въ Лидѣ.—11) Памятникъ Скобелеву въ лагерь въ Ораняхъ.—12) Тысячелѣтняя Колочанская церковь въ Гроднѣ.—13) Замокъ князей Литовскихъ въ Гроднѣ.	
Музей императора Александра III. Князя Б. А. Щетинина	613
<i>Иллюстрація:</i> Музей императора Александра III. (Гипсовая модель).	
Хищеніе башкирскихъ земель. (Изъ воспоминаній оренбургскаго сторожила). П. П. Жаконова	855
Южно-русская республика. (Изъ исторіи освободительнаго движенія). С. С. Орлицкаго	875
Къ исторіи одного таланта. Барона Н. В. Дризена	902
<i>Иллюстраци:</i> 1) Марія Николаевна Ермолова.—2) М. Н. Ермолова въ роли Евладіи въ «Невольникахъ». — 3) М. Н. Ермолова въ роли Маріи Шотландской.—4) М. Н. Ермолова въ роли Евладіи въ «За право и правду».—5) М. Н. Ермолова въ роли Долоресъ въ «Графъ Ризоаръ».	
Мордовцевы въ Саратовѣ. (Новые матеріалы къ біографіи). П. Л. Юдина	922
Изъ практики сыщика. (По разказамъ полицейскаго чиновника). И. Н. Маркузе	939
Воспоминанія о П. А. Плетневѣ. Алексѣя Плетнева	952
<i>Иллюстрація.</i> Петръ Александровичъ Плетневъ.	

Историко-литературныя разысканія. IV. Запрещенная книга. Д. Д. Языкова	965
Дипломатъ изъ державныхъ государей. В. И. Штейна	969
Достопримѣчательности Иркутска. А. К. Хребтова	1014
Иллюстраціи: 1) Городской музей. — 2) Домъ бывший декабриста, князя Волконскаго. — 3) Древнее кладбище. — 4) Московскія ворота.	
Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. В. Данилова	1021
Иллюстрація. Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	317, 671, 1033

1) Краткое описаніе новаго владѣнія императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ городѣ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. Съ 29 фототипичныя работы К. А. Фишера. Москва. 1906. А. Р.—снаго.—2) Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія его императорскаго высочества. Въ двухъ частяхъ, съ 77 рисунками и картою Кавказа. Составилъ Д. П. Струковъ. Спб. 1906. В. Руданова.—3) А. Себоловскій. Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906. А. н.—о.—4) Профессоръ Н. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (съ 1609 г.). Третій выпускъ (1620—1621 г.г.). Спб. 1906. А. ив—ича.—5) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. ч. императорскаго русскаго археологическаго общества И. А. Вахромѣеву. Выпускъ пятый. М. 1906. В. Руданова.—6) В. Ф. Миллеръ. Отголоски смутнаго времени въ быдинахъ. Спб. 1906. А. я.—7) В. А. Келтуяла. Курсы исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. Спб. 1906. А. и. Яцимирскаго.—8) Вирюковъ П. Л. Н. Толстой. Биографія. Т. I. М. 1906. А. ф—на.—9) С. П. Никоновъ, профессоръ Харьковскаго университета. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Харьков. 1906. В. Гр—скаго.—10) Матеріалы по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Записка члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, В. Э. Фриша, командированнаго за границу для изученія нѣкоторыхъ вопросовъ по охраненію государственнаго и общественнаго порядка и спокойствія въ западно-европейскихъ государствахъ. X, ч. I. Франція. Ч. 2. Австрія. Ч. 3. Германія. Ч. 4. Работные дома. Спб. 1906. В. н. Кузнецова.—11) Н. Л. и Г. Бутми. Фран-масонство и государственная измѣна. Вып. I. Спб. 1906. А. Неволодовъ. Отъ разоренія къ достатку. Спб. 1906. А. Б.—12) Викторъ Обнинскій. Полгода русской революціи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (октябрь 1905 г.—апрѣль 1906 г.). Вып. I. Спб. 1906. А. Б.—ва.—13) М. Ковалевскій. Отъ прямого народопрательства къ представительному. Томъ II—III. М. 1906. Г. Кохъ. Очеркъ въ исторіи идей и государственнаго управления. Спб. 1906. п. Б.—14) Вопросы религіи. Религиозно-общественная бібліотека. Серия I. Выпускъ I. М. 1906. 8° стр. 1—334. п. в. в.—15) М. А. Грибовская. Римъ и его окрестности. Спб. 1906. в.—16) Юліанъ Булаковскій. Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906. Б. в.—17) Анна Догановичъ. Три. Вытовые рассказы. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1906. н—аго.—18) Н. Ф. Сумцовъ. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ писателей XVII столѣтія. Спб. 1906. А. я.—19) Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Т. VIII. Письма. Примѣчанія П. О. Морозова и В. В. Калаша. Спб. 1906. м. м.—20) М. Доинаръ-Запольскій. Очерки по организациіи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1905. А. ив—ича.—21) Jgn. Chrzanowski. Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa. 1906. in 8, стр. 280. (Игн. Хржановскій. Марцинъ Бѣльскій. Литературный этюдъ. Варшава). Г. А. Воробьева.—22) Gomulicki, W. Rewolucja 1830—1831 r. Warszawa i Lwow. 1906. Pawlowski, Bronislaw. Szkoła podchorążych piechoty a wybuch rewolucji 29 listopada 1830. Lwów. 1906.—23) Tadeusz Korzon. Kościuszko, biografia z dokumentow wysnuta w Krakowie. Warszawa. 1906. г. в.—24) Записки княгини Дашковой. Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Записки княгини Дашковой. Спб. 1906. Изданіе Н. Врублевскаго. Е. Шумигорскаго.—25) Корфъ. С. А., баронъ. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г. II;

1906 г., 720 стр. м. н. — 26) История лейб-гвардии Гренадерского полка. Том I. Составил В. К. Судравский, капитан лейб-гвардии Гренадерского полка. Спб. 1906. Е. Шумигорского. — 27) Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание великого князя Николая Михайловича. Том II. Выпуск IV. Спб. 1906. с. ш. — 28) Проф. И. Х. Озеровъ. Библиотека по общественно-экономическим вопросам. I. Что должны иметь в виду рабочие. III. Фабричные комитеты или как рабочему добиться лучших условий труда. IV. Земельный вопрос в России. V. Финансовая реформа в России. Откуда у нас государство берет деньги и на что их расходует. Москва. 1906. — А. А. Исаевъ. Забастовки. — Смута и земельный вопрос. — II. Валлодь, проф. берлинского университета. Грядущие экономические вопросы России. Изд. т-ва Глобусъ. Спб. 1906. в. к. н.—ва. — 29) Опыт Родословного словаря русского древнего дворянства. Родословныя записи Л. М. Савёлова. Выпуск I. Издание историко-родословного общества в Москвѣ. М. 1906. В. Руданова. — 30) Сочинения Пушкина. Издание императорской Академии Наукъ. Переписка, под редакцией и съ примѣчаниями В. И. Саитова. Том I (1815—1826). Спб. 1906. Н. Лернера. — 31) Профессоръ Н. Н. Ойрсовъ. Разиновщина какъ социологическое и психологическое явление народной жизни. Спб. 1907. с. в.—снаго. — 32) Н. А. Рубакинъ. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста. Спб. 1906. А. Б. — 33) М. Суперанский. Начальная народная школа в Сибирской губернии. Историко-статистический очеркъ. Издание симбирского губернского земства. Симбирскъ, 1906. В. Руданова. — 34) Библиотека великихъ писателей, под редакцией С. А. Венгерова. Пушкинъ. Том I, вып. 1-й. Издание Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907. Н. Лернера. — 35) Металловъ, В. М. свящ., Богослужбное пѣние Русской Церкви. (Періодъ домонгольскій, ч. 1—11). Москва, 1906. и. н. — 36) Ивановъ-Разумникъ. История русской общественной жизни. Том I—II. Спб. 1907. А. Фомина. — 37) Проф. Юванъ Цвинчъ. Македонские славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ (sic). 1906. А. Яцимирскаго. — 38) Н. Я. Новомбергскій. I. Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. II. Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906. III. Колдовство въ Московской Руси XVII столѣтія. Матеріалы для истории медицины въ Россіи. Т. III, ч. I. Спб. 1906. VI. Матеріалы по истории медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906. Приватъ-доцента А. н.—снаго. — 39) Куропаткинъ. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. В. А. Спб. 1907. н. л. — 40) Нелидовъ, Ѳ. Очерки по истории новейшей русской литературы. Ч. I. Москва. 1906. А. Фомина. — 41) Синовскій, В. В. История литературы, какъ наука. Издание т-ва Вольфъ. Спб. 1906. Я. Бирюнова. — 42) Вл. Череванскій. Исчезнувшее царство (эпоха Семирамиды). Историческая монографія. 2 тома. Спб. 1906. А. Б. — 43) Томасъ Карлейль. Теперь и прежде. М. 1906. А. Б.—ва. — 44) Священникъ К. Цинцадзе. Историческая справка по вопросу объ автореальности грузинской церкви. Тифлисъ. 1906. 103 стр. Ц. 60 к. А. Хак—ова. — 45) С. Г. Рункевичъ. Архіерей Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Выпуск I. Спб. 1906. Пѣна 2 р. В. Гр.—снаго. — 46) Предсоборная литература. М. н. 1) Н. Д. Кузнецовъ, пріязный повѣренный. Церковь, духовенство и общество. Москва. 1906. 2) Онъ же. Преобразования въ русской церкви. Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва. 1906. 3) Іаковъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій. Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 года и предметъ его занятій. Ярославль. 1906. 4) И. М. Дихницкій. Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. Спб. 1906. Проф. М. Красножона. — 47) Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907. н. А. Энгельгарда. — 48) Акты и документы, относящіеся къ истории Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Томъ III. Съ введеніемъ и примѣчаниями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906. А. я. — 49) Краткій историческій очеркъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906 гг. Составилъ членъ комиссіи Ар. Турцевичъ. Вильна. 1906. Приватъ-доцента А. н.—снаго. — 50) Финляндія, ея прошедшее и настоящее. П. М. Майкова. Спб. 1906. н. н. — 51) Профессоръ Н. Ѳ. Сушидовъ. Изъ украинской старины. Харьковъ. 1906. А. я. — 52) К. Военскій. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу Валдеву. Спб. 1906. А. ф. — 53) Музей памяти Ѳ. М. Достоевскаго въ историческомъ музѣ въ Москвѣ. Составила А. Достоевская, съ портретами и видами. Спб. 1906. А. ф.—на. — 54) Крестьянскіе наказы Самарской губернии. (Опытъ собранія матеріаловъ русской революціи). Съ вступительными статьями А. А. Васильева и В. А. Кудряцева. Самара. 1906. Мих. Могиланскій. Первая Государственная Дума. Издание М. В. Пирожкова. Спб. 1907. В. Кузнецова. — 55) И. И. Янжуль. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. (Матеріалы для истории русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства). Спб. 1907. г.—аго. — 56) Эрнестъ Ренавъ. Апостолы. Переводъ Э. Н. Латернера. Спб. 1906. Антихристъ. Переводъ Вл. Кауф-

мана. Спб. 1906. А. 5-ва.—57) Л. К. Двѣ поэты народнаго горя. (Ада Негри и Марія Козоницкая). Выпускъ издательства «Свобода и Христіанство», подъ редакціей архимандрита Михаила. Спб. 1906. И. Александрова.—58) А. Весниш. Северо-американскіе гресты. Спб. 1906. В. г.—59) В. Грагамъ. Соціализмъ новый и старый. Спб. 1906. П. Б.—60) В. М. Григовскій, приватъ-доцентъ Спб. университета. Настоящее и будущее европейскаго парламентаризма. (Общедоступный очеркъ). Спб. 1906. М.—61) О. К. Граве. Женскій вопросъ. Спб. 1907. А. Фаресова.—62) В. С. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Изд. Г. О. Львовича. Спб. 1907. С. В.—снаго.—63) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1906. Выпускъ 4-й. Годъ второй. М. 1906. В. Рудакова.—64) Куранъ Мухаммеда. Грузинскій переводъ. Первое изданіе. Тифлисъ. 1906. А. Х.—ва.—65) Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской вѣрности по дѣлу 14 декабря 1825 года. Съ предисловіемъ и прилѣжаніями В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906. В. Рудакова.—66) Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козьмѣ III о Москвитинѣ Падуа. 1680. Издѣніемъ книгопродавца Петра Марія Фрабботти. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва. 1905. X—ва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 352, 712, 1068

1) Еще о Гомерѣ.—2) Популярная исторія Христофора Колумба.—3) Четырехсотлѣтіе Джорджа Буканана.—4) Корсиканскій король Теодоръ I.—5) Исторія знаменитой фразы генерала Камбрана.—6) Романъ въ музыкальной мелодіи.—7) Марксъ—плагиаторъ.—8) Письма графа Гацфельда во время Французско-германской войны.—9) Влюбленный Ибсенъ.—10) Религія Японіи.—11) Религіозная политика Вильгельма II.—12) Смерть графа Шеста, Юліана Клячко и Фердинанда Брюнстера.—13) Погребеніе города.—14) Развѣчиваніе швейцарскихъ легендъ.—15) Записки генерала Беннгсена.—16) Ламенна.—17) Вильгельмъ Рустовъ.—18) Готскій алмамахъ.—19) Письма г-жи Мухановой.—20) Желѣзная корона румынскаго короля.—21) Абдуль-Гамидъ.—22) Дѣйствительно ли близко паденіе Англіи.—23) Смерть леди Бурдэттъ-Куттсъ, Фредерика Мэтландъ и персидскаго шаха Музаффера-Эддина.—24) Древнія ирландскія саги.—25) Послѣднія три жены Генриха VIII.—26) Останки Вольтера.—27) Мемуары графини де-Буанъ.—28) Столѣтіе Прейсмишъ-Эйлауской битвы.—29) Молитке у себя дома и его мнѣніе о Вашингтонѣ.—30) Февральскія годовщины въ Америкѣ.—31) Итальянцы и французы въ Сѣверной Африкѣ.—32) Изнанка германской нравственности.—33) Смерть Даніэля Озириса, графини Лаперузъ, г-жи Вентонъ и Виктора Анри.

СМѢСЬ 381, 744, 1100

1) Юбилей англійскаго собранія. 2) Чествованіе памяти Н. И. Пирогова. 3) Чествованіе Н. И. Каразина. 4) Юбилей А. Н. Альмедингена. 5) Литературный юбилей А. А. Плещеева. 6) Освященіе памятника А. Р. Шуляченко. 7) Общее собраніе кассы взаимопомощи писателей и ученыхъ. 8) Антропологическая и этнографическая выставка въ академіи наукъ. 9) Кружокъ любителей русскаго языка въ Вѣнѣ. 10) Вахрушинскія пожертвованія.—11) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—12) Въ литературномъ фондѣ.—13) Присужденіе преміи проф. А. С. Попова.—14) 25-ти-лѣтіе газеты «Свѣтъ».—15) 25-ти-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Военскаго.—16) 35-ти-лѣтіе врачебной дѣятельности А. А. Троинова.—17) 50-ти-лѣтіе книгопродавческой дѣятельности Н. Г. Мартынова.—18) Музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ.—19) Работы по составленію діалектологической карты Россіи.—20) Вибліотека В. А. Вильбасова въ Вѣнѣ.—21) Отъ императорской академіи наукъ.—22) Пушкинское лицейское общество.—23) Въ обществѣ любителей древней письменности.—24) Годовое собраніе Географическаго общества.—25) Годовое собраніе Литературнаго фонда.—26) Отчетъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ за 1906 годъ.—27) 175-лѣтіе 1-го кадетскаго корпуса.—28) Двадцатипятилѣтіе публичнскаго дѣятельности М. В. Юркевича.—29) 30-ти-лѣтіе врачебно-научной дѣятельности М. И. Афанасьева.—30) Къ судьбѣ мѣтніи А. С. Пушкина.—31) Преміи при комитетѣ о трудовой помощи.—32) Аукціонъ древнихъ монетъ.—33) Отъ Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ.

НЕКРОЛОГИ 390, 758, 1111

1) Астафьевъ, Н. А.—2) Гаринъ, Н. Г. (Михайловскій)—3) Гольцевъ, А. В.—4) Игнатьевъ, А. П.—5) Клименко, В. В.—6) Клокова, К. С.—7) Коноваловъ, М. И.—8) Лентовскій, М. В.—9) Путикарвъ, П. Л.—10) Соколовъ

скій, П. А.—11) де-Скороховскій, К. О.—12) Вържскій, Іоаннъ.—13) Гуртъ, Я. И.—14) Дьяченко, С. В.—15) Живаго, И. М.—16) Кублицкій-Потухъ, Л. І.—17) Малышевъ, К. И.—18) Менделѣвъ, Д. И.—19) Мешуткинъ, Н. А.—20) Мостовскій, М. С.—21) Перелыгинъ, Н. И.—22) Рубецъ, А. С.—23) Шайкинъ, А. К.—24) Александровскій, С. В.—25) Аноповъ, И. А.—26) Базаровъ, А. И.—27) Геденовъ, И. М.—28) Дершау-фонъ, Н. К.—29) Завьяловъ, А. А.—30) Зарембо, А. М.—31) Львовъ, В. П.—32) Модестовъ, В. И.—33) Остроглазовъ, В. М. 34) Соколовъ, Н. А.—35) Стааль, Г. Г.—36) Хартуларі, В. П.

ЗАМѢТКИ П ПОПРАВКИ 398, 768

1) Къ воспоминаніямъ М. И. Худикова. Мих. Сооловснаго,—2) Письмо въ редакцію.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ 1119

Объ учрежденіи «общества военной старины». Михаила Сооловснаго, Члева Импер. Сиб. Археол. Института.

Приложенія: 1) Портреты П. Л. Лаврова, Д. С. Спягина и Н. П. Литвинова.—
2) Записки герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магской. I—VII.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ЛИТВИНОВЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1907 году

(дВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Орлоблина.

~~~~~

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ временъ императора Павла I.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Нимфа, постой. Если агница отъ волка, лань отъ льва, и трепетная голубка убѣгаетъ отъ когтей орла, то каждая остерегается своего врага. Но меня любовь заставляетъ тебя преслѣдовать.

Метаморфозы Овидія.

Въ моемъ несчастіи — мое оправданіе; одинокая, запертая, преслѣдуемая отвратительнымъ человѣкомъ, ужаси я совершаю преступленіе, пытаюсь изъавиться отъ рабства?

Бомарше. Севильскій брадобрей.

XIV.

Въ золотыхъ сѣтяхъ.

ИЛАЯ Анета, прелесть моя, поздравляю съ успѣхомъ выше мѣры! Ты была ужасъ какъ мила! — сказала по-русски мачеха княжны Анны Петровны Лопухиной, не по лѣтамъ ярко одѣтая и всячески подновлявшая дебелыя прелести, тщеславная и суетная московская боярыня Екатерина Николаевна, рожденная Шетнева, влѣзая вслѣдъ за падчицей въ обширную семейную карету.

Занявъ собою большую часть широкаго сидѣнья и прижавъ княжну къ углу кареты, наполенной пурпурнымъ сіяніемъ разгоравшейся зари, Екатерина Николаевна бурно отдувалась и обмахивалась вѣеромъ.

— Оеденька полковникъ! Какая радость! — продолжала она. — Да, да! уже переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 403.

Она говорила о своемъ возлюбленномъ Фодорѣ Петровичѣ Уваровѣ, который по настоянію ея былъ переведенъ чиномъ выше изъ Москвы. Дѣвушка молчала. Между тѣмъ и отецъ ея, поддерживаемый гайдучкомъ, вошелъ въ карету и величественно помѣстился на противоположномъ сидѣньи. Карета тронулась. Княжна закрыла глаза и предалась обычнымъ своимъ грустнымъ мечтаніямъ, между тѣмъ какъ родители ея обсуждали всѣ чрезвычайныя обстоятельства дня.

Карета неслась по безконечной Невской перспективѣ, въ вереничѣ другихъ экипажей и всадниковъ. Въ открытое окно врывался свѣжій утренній вѣтерокъ, и стукъ колесъ не могъ заглушить воодушевленныхъ птичьихъ хоровъ.

Солнце всходило и заливало горячимъ свѣтомъ окрестность, сады и загородныя усадьбы.

Княжну не радовали ея успѣхи. Посѣщенія императора Павла Петровича въ опредѣленный часъ *incognito*, днемъ, дома ея родителей на набережной Невы внушали дѣвущкѣ только безотчетный, стихійный страхъ, хотя никто не могъ быть столь рыцарски учтивъ и болѣе любезенъ, какъ царственный поклонникъ княжны Анны. Она не могла привыкнуть къ Петербургу. Свѣтъ и дворъ, гдѣ осыпали ее лестью и утомляли низкопоклонствомъ, подъ которымъ скрывались всевозможные своекорыстные расчеты, были ей чужды, и она чувствовала себя одинокой и затерянной въ этомъ человѣческомъ лѣсу. Отъ природы имѣя доброе, отзывчивое и простое сердце, чрезвычайное вліяніе на государя она рѣшалась употребить только на благотвореніе. А между тѣмъ и ея отецъ, и ея мачеха, и домочадцы уже вели обширную торговлю этимъ вліяніемъ и всячески побуждали несчастную княжну выпрашивать милости у императора. Эти милости различнымъ особамъ отплачивались благодарностью ихъ отцу и домашнимъ княжны. Если же она противилась настояніямъ, если природная деликатность возмущалась въ ней, то отецъ гнѣвался, мачеха дѣлала ей грубыя сцены, а *madame Gerber, dame de compagnie* фаворитки, и *mademoiselle Goscougne*, дочь англичанина, придворнаго доктора, любовница князя Лопухина, преслѣдовали ее тонкими шпильками. Княжна не могла понять, при полной неопытности своей, тѣхъ сложнѣйшихъ интригъ и комплотовъ, въ центрѣ которыхъ находилась. Она только чувствовала себя игрушкой чужой воли, чужихъ низкихъ расчетовъ, и была несчастна, какъ птичка въ тѣсной клѣткѣ. Вельможи, посѣщавшіе ея отца, графъ Кутайсовъ, Ростовчинъ, осыпали ее любезностями, подарками, устраивали для нея всевозможныя забавы, но ихъ-то всего болѣе она и ненавидѣла. Они казались ей злыми пауками, огромной паутиной окунувшими дворъ и свѣтъ, а она была несчастной мошкой, занутанной въ нитяхъ злой сѣти. Но кромѣ этой, еще были три причины неисцѣлимой грусти княжны

Анны. У нея не было въ сущности родной семьи и родного дома. Отецъ ея—холодный эгоистъ, открыто имѣлъ связь съ наглою и дерзкою англичанкой. Мачеха также откровенно жила съ Уваровымъ, и въ то же время оба, и мачеха, и отецъ, слѣдуя развращеннымъ нравамъ вѣка, срывали поздніе цвѣты плотскихъ удовольствій безъ всякаго стѣсненія, гдѣ только выпадалъ подходящий случай. Тщеславная мачеха теперь, когда фаворъ падчерицы пролилъ потокъ милостей на Лопухина, когда все пресмыкалось и искало не только у самого князя, но и у послѣдняго служителя ихъ дворни, не знала уже предѣловъ снеси и удержу страстямъ своимъ. Только воспоминаніе о покойной матери свѣтлымъ лучомъ озаряло угрюмый холодъ одиночества бѣдной фаворитки, счастіемъ которой завидовалъ теперь весь Петербургъ.

Второй причиной грусти и вмѣстѣ постоянного страха княжны была давняя привязанность ея къ товарищу дѣтскихъ игръ въ Москвѣ. Что, если императоръ узнаетъ объ этихъ отношеніяхъ? Что будетъ съ ней, и особенно что будетъ съ нимъ!.. Неудовлетворенная потребность въ любви и ласкѣ томила ее, а возможность соединить судьбу свою съ любимымъ человѣкомъ съ каждымъ днемъ становилась неосуществимѣе. Необходимость лгать предъ государемъ, котораго она смертельно боялась, но въ то же время глубоко уважала, томила княжну, и при немъ она теряла всю живость и казалась мраморной статуей, воплощающей задумчивую грусть. Отвѣты ея были односложны, движенія неловки. А между тѣмъ не было существа отъ природы болѣе беззаботнаго и способнаго всей душой дѣтски отдаваться невиннымъ играмъ и забавамъ.

Третьей причиной непереносимой грусти княжны Анны было переселеніе въ Невскую столицу изъ родной Москвы, гдѣ она провела всю жизнь. Тамъ все было близко, дорого! Тамъ осталась ихъ обширная усадьба, цѣлое помѣстье съ садами, огородами, парками, съ множествомъ старыхъ, преданныхъ слугъ и сѣнныхъ дѣвушекъ. Тамъ остались знакомые, многочисленная родня. Большой тесовый домъ, старинное произведеніе искусныхъ плотниковъ, съ чердаками, переходами, перилами, свѣтлицами, воздвигнутое изъ необыкновенной толщины матерыхъ бревенъ еще въ концѣ XVII-го столѣтія и пощаженное огнемъ непрестанныхъ московскихъ пожаровъ; саранъ съ берлинами, гуслисть, бандуристь, содомъ шутовъ и дурь, приживалки, бѣдные дворяне, и даже двѣ ручныя болтливыя сороки, вмѣстѣ съ крикливыми поселеніями грачей на старыхъ деревьяхъ, все это вмѣстѣ съ воспоминаніями дѣтства осталось тамъ. Правда, часть прислуги прибыла и въ Питеръ, и между ними шутъ Иванушка, столь отличившійся уже на придворной службѣ, но быстро, кромѣ дѣвушекъ, камеръ-юнгферъ, которыхъ она отстояла, эти близкіе, привычные, вѣрные люди были

замѣнены новыми интриганами и соглядатаями; имъ нельзя было довѣряться, съ ними не о чемъ было вспоминать и предъ ними должно было скрывать всякое движеніе сердца, бояться обронить лишнее слово.

Отдыхомъ для княжны были только часы, ежедневно проводимые ею въ домѣ московскаго пріятеля ея отца, князя Юрія Владимировича Долгорукова, переѣхавшаго вслѣдъ за Лопухинымъ въ столицу. Семейство Долгоруковыхъ занимало домъ на Дворцовой набережной бокъ-о-бокъ съ домомъ, который занимали Лопухины. Въ брандмауерахъ пробили дверь, и такимъ образомъ оба дома соединились въ одинъ. Тщеславная мачеха наполнила великолѣпнымъ убранствомъ огромные покои лопухинскаго дворца съ безмѣрно высокими потолками. Она учредила утомительный этикетъ и своею московскою вульгарностью сама нарушала его поминутно, но связывала имъ каждый шагъ падчерицы, постоянно ей внушая, что она теперь какъ бы на положеніи августѣйшей. А въ домѣ Долгоруковыхъ все было по-московски и по-деревенски, множество маленькихъ комнатъ, переходы и чуланы, антресоли, московская старинная обстановка, привезенная на множествѣ подводъ, московскіе слуги, и вольный, веселый, безалаберный бытъ, съ не сходящей ѣдой со стола, съ толпой обоего пола молодежи, устраивавшей игры, пѣвшей и танцовавшей во всѣ часы дня и ночи. А главное, сюда не досягалъ взоръ и скрипучій голосъ мачехи, которая была на ножахъ съ хозяйкой. Здѣсь княжна была безопасна и отъ наблюденій домашнихъ шпионовъ. Никто бы не узналъ въ ней грустную, блѣдную красавицу торжественныхъ выходовъ. Простая, милая, веселая, безпечная дѣвушка рѣзвилась, хохотала, пѣла, танцевала. Юный Рибопьеръ съ товарищами по полку довольно часто посѣщали радушный домъ Долгоруковыхъ. Пріятный, безконечно веселый, истинно французскій характеръ Рибопьера плѣнялъ всѣхъ, и съ княжной Анной Петровной онъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

XV.

По рекомендаціи Вольтера.

Рибопьеръ принадлежалъ къ младшей швейцарской линіи древней рыцарской фамиліи, владѣвшей обширными землями и замками въ Лотарингіи. Король-Солнце Людовикъ XIV упрочилъ все наслѣдіе дома Рибопьеровъ за дочерью графа Іоганна Рибопьера, Екатериною-Агатою, бывшей въ замужествѣ за Христіаномъ III, графомъ палатиномъ Рейнскимъ и Биркенфельдскимъ, изъ Бишвейлерской отрасли Баварскаго дома.

Сія Екатерина-Агата была прабабкой по прямой линіи перваго баварскаго короля Максимилиана, внесшаго въ полный королевскій

титулъ наименованіе Herr zu Rappolstein или по-французски — Sire de Ribauripierre.

Дѣдъ графа Александра Ивановича владѣлъ имѣніемъ Ла-Лигьеръ на берегу Женевскаго озера. Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Вольтеромъ, и въ имѣніи имѣлся особый домикъ, «вольтеровскій павильонъ», гдѣ гостилъ не разъ мудрецъ. Тамъ находилась часть его библиотеки. Великолѣнные дубы украшали старинный садъ, и тамъ, подъ ихъ пріятной сѣнью, созерцая дивные ландшафты озера и окружающихъ его горъ, великій писатель бесѣдовалъ съ избраннымъ пріятельскимъ кружкомъ. Эту связь съ Вольтеромъ поддерживалъ отецъ юноши, вальсировавшаго съ Лопухиной, Иванъ Рибопьеръ. Именно въ Ферней у Вольтера онъ наслушался восторженныхъ разсказовъ о мудрости, славѣ, блескѣ двора великой русской монархини, «Семирамиды сѣвера», открывшей въ гиперборейской странѣ «златой вѣкъ Астрей», въ своемъ «Наказѣ» преобладавшей подданнымъ великія истины, добытыя философами вѣка. Впрочемъ, о Россіи и Екатеринѣ онъ много слышалъ и раньше отъ князя Юсунова и графа Апраксина, съ которыми подружился въ Тюбингенскомъ университетѣ. Отецъ добылъ было ему патентъ на чинъ лейтенанта въ швейцарскій полкъ, который находился на службѣ у Голландскихъ Соединенныхъ штатовъ и былъ подъ командою близкаго родственника Рибопьеровъ, барона Раля. Но похвалы Вольтера, газетныя извѣстія, разсказы русскихъ друзей вскружили голову молодому швейцарцу. Что ему былъ патентъ и скучная служба у голландскихъ торгашей, когда въ Россіи красивому, смѣлому, талантливому и образованному человѣку открыто было чрезвычайное поприще, и милости государыни осыпали счастливца рѣкою чиновъ, золота, почестей и славы. Съ рекомендательнымъ письмомъ Вольтера въ карманѣ молодой Рибопьеръ отправился въ Петербургъ и, дѣйствительно милостиво принятый монархиней, назначенъ офицеромъ, а затѣмъ взятъ въ адъютанты къ свѣтлѣйшему князю Потемкину. Женитьба на дочери знаменитаго Бибикова породнила Рибопьера съ лучшими фамиліями имперіи, дружба съ фаворитомъ Мамоновымъ открыла ему доступъ въ интимный кружокъ императрицы, въ «малый эрмитажъ», и всѣ вечера онъ проводилъ во внутреннихъ покояхъ дворца. Природный даръ придворнаго открылся въ немъ, и чрезвычайная сдержанность Рибопьера подала поводъ государынѣ дать ему названіе «*dieu du Silence*» (богъ молчанія). И правда, Рибопьеръ умѣлъ молчать пріятно, мудро и даже интересно. Отъ брака съ Аграфеною Александровною Бибиковою родились у Ивана Степановича три дочери: Анастасія, Елизавета, Екатерина, и сынъ Александръ. Онъ родился 20 апрѣля 1781 года и воспреемникомъ его былъ маленькій великій князь Александръ Павловичъ. Ребенокъ былъ необыкновенно красивъ и съ прелестнымъ правомъ, и когда подросъ, всѣ его любили и ла-

скали. Мудрый «*dieu du Silence*» часто водилъ своего мальчика къ фавориту Мамонову, а затѣмъ его пожелала видѣть и сама государыня. Для этого стоило только снести ребенка по внутренней витой лѣстницѣ, соединявшей комнаты, обычно занимаемые по очереди фаворитами, съ покоями «Семирамиды сѣвера».

Государыня засыпала ласками прелестнаго Сашу, какъ она съ тѣхъ поръ звала мальчика, и вскорѣ такъ привыкла къ ребенку, что постоянно посылала за нимъ и держала при себѣ въ рабочемъ кабинетѣ. Если являлись вельможи съ докладами, монархиня отсылала Сашу играть съ великими княжнами. Она сама вырѣзывала ему лошадокъ съ кучеромъ и санками изъ бумаги, подолгу съ нимъ разговаривала, любясь золотымъ сердцемъ и острымъ, быстрымъ умишкомъ мальчика. Великолѣпны были игрушки, которыя дарила ему императрица. Подарила охоту за оленями. Игрушку заводили, и олень бѣгалъ, собаки лаяли и гнались за нимъ, егеря скакали на лошадяхъ, трубилъ рогъ. Когда Сашѣ Рибопьеру пошелъ пятый годъ, государыня пожаловала его офицеромъ въ конную гвардію, что по арміи давало ребенку чинъ ротмистра. Такой милостью въ долгое царствованіе Екатерины воспользовались лишь десять мальчиковъ: внуки «великолѣпнаго князя Тавриды», три Голицына и Браницкій, приходившіеся двоюродными братьями Сашѣ Рибопьеру, два сына фельдмаршала графа Салтыкова, графъ Шуваловъ и графъ Валентинъ Эстергази.

Когда возникъ вопросъ о томъ, кого пригласить воспитателемъ любимаго внука императрицы, великаго князя Александра Павловича, Иванъ Степановичъ Рибопьеръ указалъ друга своего дѣтства въ Швейцаріи, женевского гражданина Цезаря Лагарпа, который и получилъ почетное предложеніе монархини. Глубокую признательность хранилъ къ семейству Рибопьеровъ благородный женевецъ. Съ воцареніемъ императора Павла, впрочемъ, его уважавшаго, Лагарпъ удалился на родину. Онъ испыталъ тамъ превратности политическаго поприща и всѣ терніи «народоправія», какъ диктаторъ Гельветической республики. Лагарпъ находился въ постоянной перепискѣ съ Иваномъ Степановичемъ.

Матушка Саша Рибопьера была фрейлиной Екатерины. Честь необыкновенная, ибо тогда фрейлинъ было только двѣнадцать. Вообще число придворныхъ великой монархини было очень немногочисленно, ибо для того потребно было имѣть выдающіяся качества ума, породы, воспитанія. Нелегко было попасть въ славную стаю Екатерининскихъ орловъ и орлицъ. Кромѣ же первыхъ и вторыхъ чиновъ двора, было лишь двѣнадцать дѣйствительныхъ камергеровъ, въ чинѣ генераль-маіоровъ, и двѣнадцать камеръ-юнкеровъ въ чинѣ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ. Они постоянно дежурили при государынѣ и наслѣдникѣ, составляли ихъ ежедневное обще-

ство и представляли высшую школу и разсадникъ государственныхъ людей ¹⁾).

Въ кругу избранныхъ людей Екатерины росъ «маленькій Рибопьеръ», какъ его называли, постоянно приглашаемый подросткомъ еще и на «большіе» эрмитажи, на которыхъ бывалъ обыкновенно балъ съ ужиномъ, иногда же маскарады, и число приглашенныхъ доходило до 200 человѣкъ, и на «средніе»; эти начинались театральнымъ представленіемъ, пѣніемъ, танцами артистовъ императрицы, чтеніемъ и ея произведеній и русскихъ прославленныхъ авторовъ, а продолжались разными играми: въ играхъ, вставъ послѣ картъ, для отдохновенія занѣмѣвшихъ отъ сидѣнія членовъ, принимала участіе и сама императрица. Тутъ «маленькій» Саша Рибопьеръ проявлялъ всю грацію, ловкость, ему врожденныя, и безконечную откровенную веселость. На «среднихъ» эрмитажахъ бывало не болѣе 50—60 гостей. Но Саша былъ свой и въ тѣснѣйшемъ кружкѣ «малаго эрмитажа».

Безпредѣльная любовь и благоговѣніе къ великой монархинѣ воспитались въ сердцѣ Саши Рибопьера съ младенческихъ лѣтъ. Государыня подарила Сашѣ большой поясной портретъ свой, и это изображеніе онъ хранилъ и чтить, какъ святыню. Сіяніе генія Екатерины озарило годы наступающей юности его и навѣки плѣнило его сердце! Дворъ ея былъ не только величавъ и великолѣпенъ. Онъ былъ еще образцомъ хорошаго вкуса и самаго изысканнаго тона. Это было безпрестанное изліяніе царскаго величія, не теряшаго никогда своего достоинства, и безпредѣльной благодати, а со стороны подданныхъ такой же безпредѣльной любви. Такъ мнилось мальчику. Изъ любимцевъ Екатерины онъ зналъ Мамонова, роскошнаго красавца Зорича. Когда ему было восемь лѣтъ, онъ очень испугался, когда его вдругъ поднялъ во дворцѣ могучими своими руками Потемкинъ, богатырь ростомъ и осанкой, одѣтый въ широкій шлафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами.

Царствованіе Павла Петровича показалось юношѣ угрюмымъ облакомъ, тѣнью нашедшимъ на блестящій дворъ неподражаемой царицы и эникурейцевъ-вельможъ и преторіанцевъ ея. Суровый духъ Павла Петровича, рыцарскій и мистическій характеръ его были непонятны и даже ненавистны воспитанникамъ скептическаго прихода французской энциклопедіи. «Маленькій» Саша Рибопьеръ видѣлъ прежде всего, что императоръ облекъ въ старомодные мундиры, ботфорты, плоскія треуголки съ косицами не однихъ военныхъ, но и всѣхъ придворныхъ, которые до тѣхъ поръ облекались въ изящнѣйшее и богатѣйшее платье по своему усмотрѣ-

---

¹⁾ При императорѣ Николаѣ Павловичѣ было уже 324 камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и 180 фрейлинъ.

нію. Исчезли эти сочетанія иѣжныхъ цвѣтовъ, эти потоки брильянтовъ, кружева, дивныя табакерки...

Императоръ снялъ фасонъ шитья для полной парадной формы гвардейскаго мундира со стараго бирюзовскаго кафтана. А кафтанъ этотъ увидѣлъ онъ на Ненчини, пѣвцѣ-буффѣ итальянской оперы...

XVI.

Дѣловое утро князя Лопухина.

Переднія комнаты въ домѣ князя Петра Васильевича Лопухина наполнялись просителями съ ранняго утра. Терпѣливо стояли и сидѣли здѣсь люди, перешептываясь, вздыхая и провожая завистливыми глазами тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которые, едва появившись, сейчасъ же почему-то получали доступъ во внутренніе покои. А между тѣмъ часто это были просто длиннородые купцы въ длиннополыхъ кафтанахъ или евреи съ огромными пейсами въ традиціонныхъ лапсердакахъ. Секретарь князя и два его помощника то и дѣло появлялись въ переднихъ и, опытнымъ взглядомъ окинувъ собраніе, къ однимъ подходили и что-то шептали имъ на ухо, послѣ чего лица послѣднихъ вытягивались, и они, вздыхая и сторбившись, удалялись. Другихъ постоянно тщательно обходили, несмотря на умоляющіе ихъ взгляды.

Время шло. Кареты вельможъ одна за другой подкатывались къ парадному подъѣзду, загромаждая набережную. Въ гостиныхъ происходило другое собраніе. Тамъ прохаживались военные и штатскіе, сидѣли, ведя пріятное «козри», разодѣтыя дамы. Но и тѣмъ одни немедленно получали доступъ къ князю, другіе ждали его выхода, третьи не знали, удостоятъ ли онъ замѣтить ихъ и подойти.

Князь въ это время сидѣлъ въ уборной предъ трехстворнымъ большимъ зеркаломъ, завѣшанный пудермантелемъ. Въ то время какъ парикмахеръ чесалъ его волосы, устраивалъ «гарбейтель» и укрѣплялъ по обѣимъ сторонамъ его шишковатаго объемистаго черепа искусственныя крупныя огромныя букли на проволочныхъ каркасахъ, секретарь докладывалъ дѣла ожидавшихъ просителей, и этотъ именно докладъ опредѣлялъ ихъ дальнѣйшую судьбу. Въ то же время поминутно камердинеръ князя, итальянецъ въ бѣло-снѣжномъ жабо и малиновомъ кафтанѣ—мальтійскій цвѣтъ былъ данъ самимъ императоромъ князю для ливрей,—докладывалъ о прибывающихъ вельможахъ и дамахъ. Однихъ князь просилъ немедленно пожаловать, другихъ—подождать. Предъ княземъ смѣнялись униженные, низко кланяющіяся фигуры допущенныхъ къ нему просителей и полныя достоинства, съ разной степенью однако независимости, разодѣтыя фигуры вельможныхъ посѣтителей, са-

дившихся съ табакеркой въ одной рукѣ и надушеннымъ платкомъ въ другой въ кресла около князя и сообщавшихъ новости двора и свѣта. Нѣкоторыхъ князь встрѣчалъ легкимъ крикомъ и поднимался и шелъ имъ навстрѣчу, причеъ вокругъ головы его носилось цѣлое облако пудры, и такъ же привѣтливо провожалъ. Другимъ только кланялся въ зеркало.

Принимая дамъ, князь разсыпался въ извиненіяхъ за домашній костюмъ, цѣловалъ ихъ ручки, а нерѣдко и уста, порою увлека для интимной бесѣды въ маленькій, смежный съ уборною кабинетикъ, убранный зеркалами и картинами игривой французской школы, съ мягкой, прихотливо изогнутой мебелью.

Черезъ нѣсколько дней послѣ монастырскаго праздника князь на утреннемъ приѣмѣ волновался и сердился. Къ нему привели дурака Иванушку, дерзкимъ поведеніемъ навлекшаго гнѣвъ императора и уже лишеннаго своего своеобразнаго придворнаго званія.

— Дуракъ, болванъ!—кричалъ князь, потрясая сжатыми кулаками передъ носомъ старичишки, однако не смѣя его ударить. Княжна Анна Петровна покровительствовала старому шуту и просила за него самого государя. Только это избавило Иванушку и отъ болѣе чувствительнаго наказанія.

— Какъ смѣлъ ты столь дерзко говорить предъ лицомъ монаршимъ!—кричалъ Лопухинъ.

— А зачѣмъ же вы мнѣ, дураку, поручали предъ нимъ говорить!—дерзко отвѣтилъ старый шутъ.

— Молчать! Съ глазъ моихъ долой! Отоилю въ Москву съ обозомъ въ собачьей клѣткѣ!—кричалъ князь.

— Что жъ, пеамъ-то у баръ лучше житье, нежели людямъ!—сказалъ шутъ.

— Вонъ!—завопилъ князь.

Шутъ поклонился и вышелъ, не торопясь.

— Какова дерзость,—отдуваясь, сказалъ князь секретарю.

— Дураки и сумасшедшіе у всѣхъ народовъ находились всегда на особливомъ положеніи, ваше сіятельство,—почтительно замѣтилъ секретарь, блѣдный молодой человекъ изъ духовнаго званія.

— Да; это такъ! Для дураковъ законъ не писанъ, хотя бывало въ исторіи, что и дураки законы писывали, а умные должны были ихъ исполнять. Ха, ха!—самъ своей остротѣ засмѣялся князь.

Секретарь тоже засмѣялся тоненькимъ голоскомъ, выразивъ восхищеніемъ остроумнымъ замѣчаніемъ князя на блѣдномъ лицѣ.

— Къ тому же мы, ученые... Nous autres savants... Любимой поговоркой князя были слова—«мы, ученые...» Онъ считалъ себя ученымъ, потому что имѣлъ богатое книгохранилище, каталогъ коего составилъ собственноручно.

— Мы, ученые,—продолжалъ онъ,—должны показывать примеръ снисходительности къ лишеннымъ просвѣщенія. Ахъ, любез-

нѣйшій,—продолжалъ князь важно и въ носъ:—философу тяжела суета дворской жизни. Я не знаю счастья выше, какъ уйти въ мою библіотеку, зарыться въ фоліанты... Эти приемы, празднества, выходы, выѣзды! Эти надутые вельможи! Сколь питательнѣе для ума и сердца бесѣда съ ученымъ мужемъ, хотя бы и простого званія... *Bonheur d'aller couler des jours paisibles et consacrés aux Muses, à l'ombre du laurier de Virgile!* Да, да! Счастье въ томъ, чтобы дни текли въ тиши, посвященные музамъ, подъ тѣнью Виргиліева лавра! Но... докучная суета стучится въ дверь! Много у насъ дѣлъ рѣшенныхъ и подписанныхъ?—озабоченнымъ тономъ спросилъ князь.

— Есть таки достаточно-съ!—отвѣчалъ секретарь.

— Вылеживаются?

— Такъ точно, ваше сіятельство, вылеживаются.

— Ахъ, братецъ, что же ни одно не вылежалось, что ли? Какъ бы не зачичкали! А мнѣ, братецъ, необходимо... Ну... понимаешь!..

— Точно такъ, ваше сіятельство, понимаю. Но дѣла рѣшены, подписаны и просители по нимъ уже вызывались мною и побывали въ переднихъ вашего сіятельства.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Вѣдь знаютъ, что безъ подорожной не отпущу отъ себя, хоть три года ходи. Что же не представляютъ подорожныя?

— Сейчасъ многимъ представилъ дѣла для просмотра. Надо думать, ваше сіятельство, снабдили подорожными,—невозмутимо сказалъ секретарь и досталъ изъ папки кипу дѣлъ. Онъ подавалъ ихъ одно за другимъ князю, который встряхивалъ ихъ за корешокъ, при чемъ изъ листовъ дождемъ сыпались крупныя ассигнаціи и кредитивы и скоро кругомъ князя весь полъ былъ ими усыпанъ.

— Пстой,—отстраняя рукой оставшіяся въ рукахъ секретаря дѣла, сказалъ князь.—Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль... Мы, ученые... *Nous autres savants...* воспитанные на образцахъ классической поэзіи... Помнишь, какъ Юпитеръ сошелъ къ прелестной смертной золотымъ дождемъ? Вотъ и мнѣ, глядя на эти «подорожныя», пришла въ голову удачная мысль... Сними пудермантель и подай мнѣ шлафрокъ,—приказалъ князь парикмахеру. — Да поднимите же эти листочки!—небрежно носкомъ узорной туфли отпихнувъ нѣсколько кредитивовъ, валявшихся на полу, продолжалъ онъ.

Парикмахеръ, секретарь и камердинеръ бросились поднимать «подорожныя». Собравъ ихъ, они совокупили пачку довольно толщины. Секретарь выколотилъ изъ нея приставшую пудру и съ низкимъ поклономъ подалъ князю.

Лопухинъ небрежно сунулъ пачку за подкладку шлафрока.

— Теперь эти дѣла можешь отправить просителямъ безъ замедленія,—приказалъ онъ секретарю.—А эти подай мнѣ.

И, взявъ пачку дѣлъ подъ мышку, князь удалился изъ уборной, пощелкивая туфлями.

Секретарь, парикмахеръ и камердинеръ-итальянецъ посмотрѣли ему вслѣдъ и многозначительно переглянулись.

XVII.

Новый Юпитеръ.

Любовница князя, юная красавица-англичанка, была дочерью стараго англичанина, придворнаго медика, состоявшаго и постояннымъ врачомъ англійскаго посланника лорда Уитворда. Мужъ госпожи Госконнь, родомъ шотландецъ, былъ директоромъ Олопецкихъ заводовъ и занималъ значительное масонское положеніе. Изъ Шотландіи онъ вывезъ не только металургическія тайны, но и важные секреты своего ордена.

Госпожа Госконнь занимала отдѣльные роскошно обставленные покои, въ близкомъ сосѣдствѣ съ кабинетомъ и спальней стараго князя. Пройдя узкимъ коридорчикомъ, черезъ скрытую въ стѣнѣ маленькую дверь князь вошелъ въ обширную уборную красавицы. Лай собачекъ, крикъ попугая, визгъ обезьяны на длинной золотой цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ поясу, бѣгавшей въ углу, возвѣстили его появленіе.

— Кто тамъ?—раздался гармоничный голосъ изъ спальни.— Мистеръ Френсисъ, посмотрите, кто тамъ?

— Это я, моя прелесть, это я!—подобострастно сказалъ князь, запахивая шлафрокъ и держа кипу дѣлъ подъ локтемъ.

Въ уборную вышелъ человѣчекъ, одѣтый съ необычайной роскошью въ кафтанъ французскаго покроя, пуговицы котораго были залиты драгоцѣнными камнями, съ брильянтами на пряжкахъ башмачковъ, въ тончайшихъ кружевахъ. Башмачки были на высочайшихъ красныхъ каблучкахъ, а дѣтская головка карлика, впрочемъ сложеннаго совершенно правильно и пропорціонально, вѣнчалась высокимъ парикомъ. Всѣ старанія крохотнаго человѣчка увеличить свой ростъ и до послѣдней степени надменная манера себя держать не достигали цѣли. Карликъ казался оживленной фарфоровой куколкой. Онъ почти неотлучно состоялъ при госпожѣ Госконнь, какъ пажъ, повѣренный всѣхъ ея тайнъ, чтецъ и забавникъ, льстецъ и сплетникъ. вмѣстѣ съ собачками, мартышкой, попугаемъ и княземъ Лопухинымъ мистеръ Френсисъ былъ необходимой подробностью ея жизни. Тоже англичанинъ родомъ, онъ началъ карьеру при англійскомъ дворѣ и служилъ Георгу III-му, великому гастроному и любителю благъ міра сего, особливо красивыхъ женщинъ. Король подарилъ карлика, съ богатымъ гардеробомъ и пенсіей, своей любовницѣ, знаменитой красавицѣ и фрейлинѣ Екатерины Великой, блгставшей

и при дворѣ Людовика XVI-го, пока революція не изгнала ее изъ Парижа, esprit fort, знавшей творенія энциклопедистовъ, особлюю Вольтера, наизусть, сестрѣ Платона Зубова Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой. Она и привезла въ Россію мистера Френсиса, ужъ затѣмъ въ Петербургѣ перешедшаго со своимъ значительно здѣсь увеличившимся гардеробомъ къ прелестной соотечественницѣ. Мистеръ Френсисъ былъ очень богатъ и ссужалъ подъ хорошіе проценты легкомысленныхъ щеголей, сыновей знатныхъ родителей.

Теперь крошка надменно стоялъ предъ княземъ, рѣшительно протянутой ручкой заграждая ему входъ въ спальню красавицы.

— Madame еще въ постели, князь!—говорилъ онъ по-французски.

— Ну, что жъ изъ того!—возразилъ заискивающе Лопухинъ.— Я пришелъ къ ней съ сюрпризомъ!—громко прибавилъ онъ.

— Сюрпризъ? Что у него такое, мистеръ Френсисъ?—спросилъ голосъ красавицы изъ спальни.

— Я ничего не вижу, кромѣ кипы пыльныхъ дѣлъ въ рукахъ князя,—отвѣчалъ карликъ.

— Юлія, позвольте мнѣ войти,—воскликнулъ князь.—Вы не раскаетесь!.

— Ну, хорошо, войдите, несносный! Пойдите! Пойдите!

Любопытство заставило Юлію покинуть постель, и она едва успѣла прыгнуть обратно въ роскошное ложе подъ балдахиномъ, украшеннымъ страусовыми перьями, и закрыться одѣяломъ, съ такою стремительностью старый князь воспользовался милостивымъ разрѣшеніемъ.

Это была дѣйствительно прелестная женщина, съ бѣлокуроыми локонами, огромными голубыми глазами, лебединой шеей и перловой грудью—истинный образецъ англійской красоты.

Князь почтительно приблизился къ ложу и, склонивъ одно колѣно, осыпалъ поцѣлуями протянутыя ему ручки англичанки.

— Что это вы принесли? Купчія на тѣ земли, которыя обѣщались мнѣ купить изъ конфискованныхъ императоромъ?—спросила англичанка.

— Nous autres savants...—сказалъ князь любимую поговорку.— Вы помните, прелестная Юлія, какъ въ древности Юпитеръ сошелъ къ красавицѣ золотымъ дождемъ?...

И князь вдругъ, вскочивъ, простеръ руку съ кипой дѣлъ надъ ложемъ госпожи Госконнъ и потрясъ ихъ. Ассигнаціи и кредитивы, дѣйствительно, дождемъ посыпались. Но князь не предусмотрѣлъ одного обстоятельства. Бумаги дѣлъ были засыпаны пескомъ, и этотъ перепачканный песокъ посыпался на красавицу, черня лицо, шею, плечи и обнаженные руки ея.

— Вы сошли съ ума, князь! что вы дѣлаете!—въ величайшемъ гнѣвѣ и испугѣ закричала Юлія.—Френсисъ! Френсисъ!—Совер-

тленно ошеломленный неожиданнымъ слѣдствіемъ мифологическаго сюприза, подражатель Юпитера стоялъ неподвижно, держа въ рукахъ дѣла, изъ которыхъ продолжалъ сыпаться песокъ уже на него самого. Въ спальню вбѣжалъ карликъ и нѣсколько болонки; и карликъ и болонки вцѣпились въ шлафрокъ князя изъ великолѣпной бухарской шали и тащили его отъ кровати, на которой стояла въ одной прозрачной рубашкѣ красавица, продолжая кричать въ испугѣ и совершенно увѣренная, что престарѣлый любовникъ ея помѣшался.

Если она дѣйствительно напоминала въ эту минуту античную статую, слегка очерненную пылью вѣковъ, то князь Лопухинъ имѣлъ весьма отдаленное сходство съ Юпитеромъ.

— Боже мой, Юлія! Что я сдѣлалъ!—наконецъ взмолился онъ.— Успокойтесь, я въ здоровомъ умѣ и полной памяти. Простите мою неловкость, мою несообразительность! Я никакъ не ожидалъ, что золотой дождь сопровожденъ будетъ песочнымъ!... Мистеръ Френсисъ, перестаньте меня теревить за шлафрокъ и уймите собачекъ. Ихъ острые зубки даютъ мнѣ себя чувствовать.

— Э,—сказалъ мистеръ Френсисъ, оставляя въ покоѣ князя и при помощи скамеечки влѣзая на кресло, стоявшее рядомъ съ ложемъ его прелестной госпожи.

— Да это въ самомъ дѣлѣ золотой дождь! Это кредитивы,— продолжалъ карликъ, взявъ нѣсколько бумажекъ и разсматривая ихъ.—И съ самыми благонадежными подписями. Это цѣлое состояніе!

Такое извѣстіе благотворно подѣйствовало на госпожу Госконнь. Понявъ, въ чемъ дѣло, она разразилась неудержимымъ хохотомъ. Радостно засмѣялся и князь, захихикалъ карликъ, а собачки, увидѣвъ переѣмну общаго настроенія, залились уже ликующимъ лаемъ, прыгая кругомъ великолѣпной кровати.

Красавица прыгнула съ нея и подбѣжала къ огромному зеркалу, въ которомъ отражалась съ головы до ногъ.

— Что вы со мной сдѣлали, князь!—сказала она со смѣхомъ.— Вы превратили меня въ негритянку. Это достойно, въ самомъ дѣлѣ, «Метаморфозъ» Овидія.

— *Nous autres savants...*—пробормоталъ князь, радуясь, что все кончилось благополучно.

— Что жъ, золото обычно находятъ смѣшаннымъ съ пескомъ,—сказалъ карликъ, собирая ассигнаціи и кредитивы въ увѣсистую пачку.—Ого!—продолжалъ онъ, видно, что это руда изъ государственнаго богатѣйшаго рудника.

Князь поспѣшно взялъ стоявшее на пузатомъ комодѣ серебряное блюдо и, положивъ на него пачку, собранную карликомъ, поднесъ ее красавицѣ, преклонивъ колѣно.

— Тутъ въ самомъ дѣлѣ много?—сказала та безпечно.— Спасибо, милый князь. А мнѣ такъ нужно... Я видѣла чудное оже-

релье... И мнѣ такъ хотѣлось его купить, чтобы быть въ немъ сегодня вечеромъ у г-жи Шевалье. Вы знаете, князь, что сегодня вечеромъ она ожидаетъ васъ? Будутъ еще: Жеребцова, лордъ Уитвордъ, графъ Кутайсовъ и фонъ-деръ-Паленъ. Шевалье надѣнетъ свои серьги, подарокъ государя. А я... это ожерелье!

И, поднявъ князя, она поцѣловала его въ лобъ. Затѣмъ оттолкнула:—Я должна смыть слѣды вашего золотого дождя. Да и вы, мой милый Юнитеръ, изрядно перепачкались. Что скажутъ наши домочадцы, если встрѣтятъ васъ въ такомъ неблагопристойномъ видѣ! Идите и приведите себя въ порядокъ въ моей умывальной. Я помогу вамъ.

И Юлія, какъ быстроногая нимфа, по толстому ковру, устилавшему ея спальню, побѣжала въ умывальную. Тамъ стоялъ огромный сосудъ, полный водою, высѣченный изъ монолита, гдѣ красавица купалась каждое утро.

Стѣны здѣсь были сплошь зеркальныя. Потолокъ расписанъ животворящей кистью одного изъ корифеевъ французской школы. Мягкіе, широкіе и низкіе диваны стояли по сторонамъ. Мраморный полъ былъ изъ плитъ, вывезенныхъ изъ Рима, изъ развалинъ дворцовъ. Нѣкогда стопы Нерона и Калигулы попирали эти мраморы...

XVIII.

Родимыя пятна госпожи Шевалье.

Домъ первой пѣвицы и актрисы придворнаго театра, какъ и домъ Долгоруковыхъ, стоялъ рядомъ, стѣна къ стѣнѣ, съ домомъ князя Лопухина на Невской набережной и также былъ соединенъ внутреннимъ ходомъ. По тѣснымъ связямъ обитателей всѣ три дома эти составляли одно цѣлое, и всегда въ одной части было извѣстно, что готовится или что происходитъ въ другой.

Актриса Шевалье, высокая, величественная женщина, несравненной красоты брюнетка, съ божественнымъ голосомъ, прибыла въ Россію по приглашенію его высокопревосходительства господина оберъ-гофмаршала, надъ зрѣлищами и музыкою главнаго директора, разныхъ орденовъ кавалера Александра Львовича Нарышкина, и во французскомъ контрактѣ ея значилось: «*Que madame Chevalier est engagée pour jouer sans distinction tous les rôles, qui lui conviendront dans l'opéra français*». (Что госпожа Шевалье ангажирована, чтобы играть безъ различія всѣ роли, какія къ ней подойдутъ во французской оперѣ). Жалованье ей положено было 7000 руб. и разъѣздныхъ 300 руб. Мужъ красавицы, пронырливый, алчный французикъ, скоро занялъ важное положеніе балетмейстера, такъ какъ знаменитый Ле-Пикъ, ставившій танцы еще на празднествѣ великолѣпнаго князя Тавриды, уже былъ старъ и при матушкѣ государынѣ, а теперь совершенно одрях-

дѣль. Скоро высочайшимъ указомъ мужъ прекрасной Шевалье назначенъ отнынѣ впредь навсегда быть сочинителемъ балетовъ. Это важное назначеніе находилось въ связи съ ролью, которая не прописана была въ контрактѣ, быстро занятой красавицей-пѣвицей. Затмивъ соперницу свою, пѣвицу Вальвиль, новая примадонна вступила въ интимную связь съ оберъ-гардеробмейстеромъ и брадобреемъ императора графомъ Кутайсовымъ. Страстный и ревнивый турокъ держалъ себя, какъ верховный визирь. Сераль его былъ обширенъ и постоянно полонъ прелестницами. Но госпожа Шевалье одна занимала царственное положеніе въ сердцѣ графа, и для нея отдѣланъ былъ дворецъ, рядомъ съ домомъ князя Лопухина, сказочная роскошь коего достойна была воображенія Шахеразады. Шевалье сама отличалась безпечнымъ и благороднымъ характеромъ, но алчность ея супруга не имѣла предѣловъ, и онъ, искусно пользуясь влияніемъ красавицы на Кутайсова, проводилъ чрезъ нее дѣла не менѣе важныя, чѣмъ тѣ, которыя снабжались «подорожными» для отсылки отъ князя Лопухина къ просителямъ. Огромные доходы давало балетмейстеру влияніе супруги, но этимъ не ограничивалась его дѣятельность. Тайны величайшей важности были ему извѣстны. Якобинецъ и масонъ, балетмейстеръ явился въ Россію по вызову тайныхъ, могущественныхъ покровителей. Живой связью между отцомъ фаворитки княземъ Лопухинымъ и актрисой Шевалье являлась госпожа Госконнь. Именно ея покои и даже самая спальня были соединены потайной дверью и лазейкой чрезъ брандмауеры домовъ съ покоями и спальней Шевалье... Императоръ благосклонно относился къ интимности своего брадобрея и пѣвицы. Лукавый турокъ сумѣлъ придать чувственной связи возвышенный романическій характеръ такого же рыцарскаго, платоническаго обожанія, какое пока питалъ Павелъ Петровичъ къ княжнѣ Аннѣ. Брадобрей увѣрялъ, что добродѣтель пѣвицы тверже алмаза и что часы, проводимые имъ въ ея домѣ, проходятъ въ самыхъ чистыхъ мечтаніяхъ и поэтическихъ бесѣдахъ.—Если свѣтъ судить иначе объ семъ, то его величество знаютъ цѣну людскому мнѣнію и пристрастному подлому суду людскому! Будь чистъ, какъ ангелъ, клевета тебя сдѣлаетъ чернѣе демона!—Эти слова Кутайсова встрѣчали полное довѣріе и сочувствіе императора Павла, на себѣ испытавшаго, какъ далекъ свѣтъ отъ пониманія всего утонченнаго и чистаго. Такъ и возвышенныя отношенія императора къ Нелидовой дали поводъ придворной и свѣтской толпѣ къ гнуснымъ клеветамъ! Людская толпа о всемъ судить по своимъ грязнымъ побужденіямъ и величіе душъ избранныхъ ей непонятно.

Почти ежедневно, въ опредѣленный часъ дня, государь садился съ графомъ Кутайсовымъ въ карету, обыкновенную, не придворную, съ прислугой, одѣтой въ мальтійскаго цвѣта малиновыя ли-

вреи, и Ъхальт incognito на свиданіе съ княжной Анной. Полиція и всѣ встрѣчные обязаны были не узнавать императора и Кутайсова подѣ страхомъ жесточайшаго наказанія. Дорогой государь обыкновенно развивалъ свои обширные планы о возстановленіи мальтійскаго рыцарства и о возрожденіи при его помощи дворянства всѣхъ націй, долженствующаго стать на защиту христіанства и монархическаго принципа въ Европѣ. Государь развивалъ въ пламенныхъ картинахъ быстро воображенія своего, какъ возродится опять культъ высокой рыцарской чести и платоническаго обожанія женщины, чрезъ что очистятся и умячатся нравы и россійскаго шляхетства, погрязшаго въ маелностяхъ своихъ въ грубое, темное провозженіе времени среди грязныхъ оргій съ крѣпостными женщинами, въ пьянствѣ, въ травляхъ русаковъ. Россійское шляхетство вступить въ ряды европейскаго рыцарства и облагородится. Отсюда начинались пламенныя картины воображенія его величества, какъ меркнетъ навсегда блескъ полумѣсяца, возстановляется крестъ на св. Софіи, св. гробъ Господень освобождается, и престолъ Палеологовъ занимается гроемейстеромъ мальтійскаго ордена.

Себя и Кутайсова государь почиталъ служителями рыцарскаго культа платоническаго обожанія женщины. Онъ сперва завозилъ Кутайсова къ Шевалье, а затѣмъ уже подѣзжалъ къ дому Лопухиной. Но по двойственности и противорѣчивости загадочной природы своей Павелъ Петровичъ часто среди самыхъ возвышенныхъ разсужденій вдругъ впадалъ въ буффонство и пускался въ довольно рискованные разспросы о расположеніи родимыхъ пятенъ на прелестномъ тѣлѣ Шевалье, рука, шея и грудь которой были украшены самыми очаровательными родинками. Императоръ, какъ всегда блистая неистощимой энциклопедичностью свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ областей, оказывался тонкимъ знатокомъ галантной науки угадыванія по родинкамъ на открытыхъ частяхъ тѣла женщины количества и расположенія ихъ на сокрытыхъ прелестяхъ. Графъ Кутайсовъ долженъ былъ признаться, что государь или обладалъ глубокими познаніями въ этой наукѣ, или получилъ откуда-либо свѣдѣнія о самыхъ интимныхъ особенностяхъ пѣвицы. Во всякомъ случаѣ очевидно было, что въ сущности Павелъ Петровичъ не вѣритъ самъ платонизму отношеній Кутайсова и Шевалье, отлично знаетъ о вечерахъ актрисы, куда дамы являлись въ столь открытыхъ и прозрачныхъ платьяхъ, что и безъ научныхъ выкладокъ можно было узнать всѣ особенности ихъ сложенія. Но Павелъ Петровичъ такъ увлекался благородными фантазіями своими, что хотѣлъ, чтобы было такъ и въ суровой дѣйствительности.

Императоръ Павелъ Первый былъ человѣкъ добродѣтельный и ненавидѣлъ распутство. Но 28 января 1798 года, рожденіе вели-

каго князя Михаила, положило начало роковому отчужденію императора отъ державной супруги его.

Беременность государыни и разрѣшеніе ея сопровождалось чрезвычайно опасными предувѣдомленіями. Полагали, что причиною была привычка Маріи Ѳедоровны затягиваться при интересномъ положеніи, для сохраненія стройности талии. Въ самомъ дѣлѣ императрица въ годы полной зрѣлости чудесно обладала станомъ олимпійской богини. Но корсетъ будто бы отозвался гибельно на ея организмѣ. Хотя теченіе послѣдней беременности государыни не показывало чего-либо болѣе особеннаго, чѣмъ во время девяти предыдущихъ, однако приглашенъ былъ акушеръ изъ Геттингена; ученый профессоръ заявилъ, что основанія его науки и правила его искусства несомнительно его удостовѣряютъ, что при дальнѣйшемъ супружескомъ сожитіи и плодовитости императрицы слѣдующая беременность грозитъ ей смертью.

Императоръ съ ужасомъ выслушалъ заключеніе профессора, предъявленное имъ на латинскомъ языкѣ, и объявилъ, что жизнь императрицы для него безконечно драгоценна, долгъ любви заставляетъ его поэтому внять голосу науки, принимая къ тому же во вниманіе, что Небо послало ему многочисленное потомство и съ этой стороны государство обезпечено. Императрица, преданная супружескимъ обязанностямъ, какъ всѣ добродѣтельныя женщины, проявила отвращеніе къ сему рѣшенію и называла нѣмецкаго профессора невѣждой и наглецомъ, тѣмъ не менѣе профессоръ возвратился въ отечество, осыпанный золотомъ и подарками, а съ этого самаго дня императоръ сталъ опочивать въ особой спальнѣ¹⁾.

XIX.

Уши госпожи Шевалье.

Тѣсный кружокъ собрался вечеромъ въ салонахъ актрисы. Рядъ комнатъ, отдѣланныхъ съ изумительнымъ вкусомъ и роскошью, съ полами розоваго и иныхъ драгоценныхъ деревьевъ, съ росписью потолковъ и стѣнъ, надъ которой трудились великіе артисты въ лучшихъ мастерскихъ Парижа и которая, произведенная на какихъ-то хрупкихъ матеріалахъ, затѣмъ несена была на рукахъ нарочито до самаго Петербурга, причемъ на сіе отъ границы Россійской имперіи употреблены были крѣпостные крестьяне огромныхъ имѣній Кутайсова, и затѣмъ съ величайшимъ искусствомъ прикрѣплена на свое мѣсто! А мебели, статуи, вазы, люстры и канделябры, библіотека драматическихъ авторовъ и музыкальныхъ сочиненій, драгоценныя арфы и клавесины! А посуда, фар-

¹⁾ Golovkine. La cour de Paul I-er, pp. 170—172.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1907 г., т. сѣм.

форъ, серебро и самые напитки и яства ужиновъ актрисы! Но въ этотъ вечеръ наиболѣе цѣннымъ и роскошнымъ предметомъ салоновъ красавицы, привлекавшимъ все вниманіе и изумленіе гостей, были изящныя, маленькія ушки хозяйки, или, точнѣе, тѣ брильянты-солитеры, которые переливались дивными огнями и несравненнымъ малиновымъ «мальгійскимъ» цвѣтомъ, подвѣшенные къ симъ очаровательнымъ ушкамъ!

Мужчины уже были въ сборѣ. На дивномъ креслѣ, представлявшемъ раковину, обитую бархатомъ, подражавшимъ розоватому перламутру и вполне достойнымъ принять Афродиту въ мгновеніе ея чудеснаго рожденія изъ пѣны морской, покоилась сама хозяйка. Была ли она одѣта, или раздѣта? Черные волосы ея искусно заплелъ въ корону артистъ-парикмахеръ. Прозрачныя ткани только оттеняли ея дивное тѣло съ желтоватымъ колоритомъ кожи. Драгоценный поясъ, свитый изъ золотыхъ нитей и перловъ, охватывалъ ея станъ. И, тихо покачиваясь, горѣли на ушахъ брильянты, подарокъ императора, надѣваемые красавицей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и положительно не имѣвшие цѣны. У ногъ ея на скамеечкѣ сидѣла одѣтая фригійскимъ пастушкомъ, въ красномъ колпачкѣ *ше virago courtisane*, молоденькая актриса Сюзетъ, похожая болѣе на хорошенькаго, курчаваго, съ вздернутымъ носикомъ и ямочкой на кругломъ подбородкѣ, мальчика. Она не спускала влюбленныхъ глазъ съ Шевалье и порою благоговѣйно цѣловала ея розовыя ноги, тонувшія въ волнахъ тончайшихъ, драгоценныхъ кружевъ.

Сюзетъ была ближайшей подругой куртизанки и спала около ея ложа на полу, на тюфякѣ, обитомъ мѣхомъ чернобурыхъ лисицъ. Шевалье безпокойно спала. Ее преслѣдовали видѣнія изъ трагическихъ французскихъ пьесъ, которыя она играла, и Сюзетъ ухаживала за нею во время ночной тревоги и внезапныхъ пробужденій съ воплями и плачемъ. Изъ женщинъ кружка Шевалье была еще Ольга Александровна Жеребцова. Зрѣлая, чисто русская красота ея была такъ же почти лишена покрововъ, какъ и прелести самой хозяйки.

Изъ мужчинъ всѣ обычные посѣтители ужиновъ куртизанки были налицо: красивая неаполитанская лисица изъ адмиралтейства де-Рибасъ, англійскій посланникъ лордъ Уитвордъ, меланхоличный, невысокій и скромный князь Платонъ Зубовъ, графъ Кутайсовъ въ пурпурѣ и съ бѣлымъ хохломъ, обычно напоминавшій какаду, лейбъ-медикъ императора и постоянный докторъ Ливеновъ, входяій въ тѣснѣйшій кружокъ императрицы и великаго князя Александра Павловича, англичанинъ мистеръ Бекъ, князь Лопухинъ, поминутно покушавшійся вести съ Беккомъ ученый *colloquium*, начиная неизмѣнной присказкой—«*vous autres savants*». Около хозяйки сидѣлъ, только что возвращенный государемъ изъ

Курляндін, куда былъ высланъ по отставленіи отъ службы, и получившій вновь съ милостью государя важнѣйшее назначеніе на постъ петербургскаго генераль-губернатора фонъ-деръ Паленъ. Уста его змѣлились тончайшей улыбкой, а глаза поражали умомъ. Онъ сыпалъ анекдотами, каламбурами и смѣшилъ хозяйку. Въ искусствѣ забавлять женщинъ Паленъ не имѣлъ соперниковъ, и обыкновенно онѣ встрѣчали его, какъ самаго милаго, безпечнаго, добраго весельчака. Но, быть можетъ, не одна изъ свѣтскихъ его пріятельницъ упала бы въ обморокъ, если бы заглянула въ мрачныя ущелья души этого интригана, холодно совершавшаго преступленія самыя вопіющія, разъ требовалось расчистить путь для ненасытнаго его честолюбія. На столикѣ передъ Паленомъ стоялъ неизмѣнный графинъ съ лафитомъ, пополамъ съ водой. Жажда постоянно мучила Палена, и въ этомъ отношеніи онъ сравнивалъ себя съ древнимъ Танталомъ. Это непрестанное питье воды съ лафитомъ, эта палая жажда была какъ бы единственнымъ проявленіемъ тайныхъ страстей, пожирившихъ внутреннее этого человѣка, сквозь ледяную маску притворнаго благодушія.

Извѣстно было, что всѣмъ, кого постигала немилость Павла Петровича, если они являлись, дрожащія, блѣдныя, умоляющіе о помощи, къ Палену и сообщали о ссылкѣ ихъ самихъ, ихъ семьи, родителей, знакомыхъ, родныхъ, конфискаціи имущества, курляндецъ неизмѣнно говорилъ:

— Вотъ такъ исторія! Не хотите ли стаканъ лафита?..

Ждали появленія госпожи Госконнъ. А между тѣмъ бесѣда вертѣлась около солптеровъ, горѣвшихъ въ ушахъ Шевалье. Она рассказывала, какъ страшилась ѣхать въ Россію, гдѣ круглый годъ, какъ ей говорили, идетъ свѣтъ, обитатели ходятъ въ звѣриныхъ шкурахъ и ѣдятъ салныя свѣчи по воскресеньямъ, какъ праздничное блюдо, въ городахъ по улицамъ бѣгаютъ волки и медвѣди, а окрестности обросли дремучими лѣсами клюквы и брусники... Ей говорили, что при покойной императрицѣ Петербургъ и Царское Село дѣйствительно превращены были въ оазисъ, гдѣ жизнь текла совершенно подобно Парижу, Версалю и Трианону. Но что будто бы новый государь превратитъ свою столицу въ скучный прусскій городокъ, въ кордегардію, гдѣ пахнетъ одними солдатами...

— Вамъ говорили истину, признаться должно! — проговорилъ сквозь зубы, глядя на ногти, князь Платонъ Зубовъ въ этомъ мѣстѣ разсказа.

Шевалье продолжала. Петербургъ, куда они прибыли съ мужемъ осенью, показался ей такимъ угрюмымъ, непривѣтливымъ. На каждой улицѣ полосатыя будки и заставы съ рогатками черно-желто-краснаго цвѣта... Къ тому же одинъ изъ артистовъ предъ дебютомъ увѣрилъ ее, что если пѣніе не понравится императору,

то онъ не задумается, какъ восточный деспотъ, отрубить уши пѣвицѣ!..

— И не задумался бы, вамъ сказали правду! — опять пробормоталъ, лоца ногти, князь Платонъ Зубовъ.

Дебютъ сошелъ такъ удачно, что императоръ въ восторгѣ не зналъ, чѣмъ одарить артистку...

— Вотъ тутъ я и рассказалъ императору, — перебилъ хозяйку Кутайсовъ, — страхи нашей богини! Его величество хохоталъ полчаса, услышавъ исторію съ ушами. Признаюсь, я весьма опасался за исходъ, ибо негодный актеришка, навравшій это дивѣ, поспѣшилъ послать въ иностранныя газеты, какъ о совершившемся. И всюду стали печатать, что, разсердившись на пѣвицу, императоръ Россійской имперіи приказалъ отрубить ей уши. Газеты ужасались варварству восточнаго деспотизма. Видя милостивое настроеніе его величества, я и о семъ донесъ. Что жъ, веселости не было конца!

— Какъ не веселиться! Анекдотъ для насъ выдуманъ! — прошептала Жеребцова, повела роскошными плечами, словно ей было холодно, и обнаженную грудь ея взволновалъ глубокой вздохъ.

— Веселости не было конца! — блестя глазами, повторилъ графъ Кутайсовъ. — Государь сейчасъ же велѣлъ принести эти серьги съ солитерами, игрой которыхъ мы однако менѣе въ эту минуту любимся, чѣмъ живымъ огнемъ очей ихъ обладательницы, — ввернулъ комплиментъ Кутайсовъ, за что и былъ награжденъ улыбкой куртизанки, — и, передавая мнѣ, изволилъ приказать: «Вези сейчасъ эту бездѣлицу Шевальевнѣ и скажи, чтобы вечеромъ на спектаклѣ во дворцѣ въ моихъ сережкахъ была. Полагаю, что тогда Европа разсмотреть, цѣлы у ней уши, или нѣтъ!»

Всѣ мужчины захохотали при эт. мѣ; громко, грубо, злобно и насмѣшливо. Но госпожа Шевалье недовольнымъ жестомъ остановила ихъ хохотъ.

— Государь такъ былъ съ тѣхъ поръ милостивъ ко мнѣ! Это — рыцарь. И какъ онъ ученъ. Онъ знаетъ всѣ мои роли изъ Расина наизусть и столько рассказываетъ мнѣ изъ исторіи, что я начинаю понимать многое такое въ монологахъ, о чемъ раньше и не подозрѣвала. Государь — мой благодѣтель. И если бы онъ подарилъ мнѣ не эти солитеры, а прѣстыя стекла, я носила бы ихъ съ такимъ же восторгомъ!

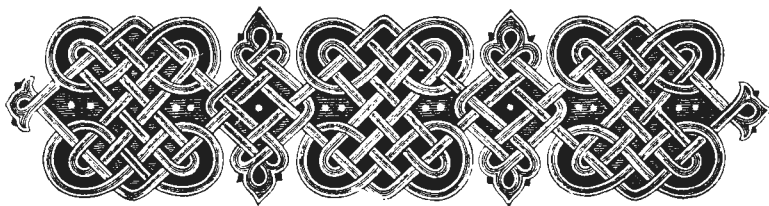
Мужчины кусали насмѣшливо губы и опускали глаза при этихъ словахъ куртизанки.

— Но что же долго нѣтъ нашей божественной Юліи, князь? — спросила актриса у Лопухина.

Прежде, чѣмъ старый князь успѣлъ отвѣтить, въ покой вошла госпожа Госконнь, въ сопровожденіи своего карлика.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. П. ЛИТВИНОВА ¹⁾.

(Помощника воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича).

Путешествіе императора Александра II въ Финляндію въ 1863 г.

ВО ВТОРНИКЪ, 16 іюля 1863 г., въ 12 часовъ пополночи мы поѣхали на желѣзную дорогу и въ половинѣ перваго двинулись въ путь. На пароходъ «Александрію» мы сѣли во второмъ часу и прибыли на «Штандартъ» въ исходѣ третьяго, такъ что въ 3 часа машина была въ ходу. Затѣмъ мы ужинали. Проходя по Малому рейду, государь и великіе князья вышли на шканцы. Легли спать въ 4 часа. Въ 9 часовъ утра, когда великіе князья уже проснулись, со «Штандартомъ» случилось маленькое несчастіе—крыло потерпѣло поврежденіе, и мы потеряли за починкою полтора часа времени.

Яхта «Штандартъ» рѣшительно пренесчастное судно. Каждый разъ, что государь на него сядетъ, оно непременно терпитъ какія-нибудь аваріи. Не успѣли пройти какой-нибудь часъ времени послѣ первой починки колеса, оно снова повредилось. Приключенія наши кончились тѣмъ, что мы принуждены были пересаживаться со всѣми нашими багажами на слѣдовавшій за нами пароходъ-фрегатъ «Олафъ». «Олафъ»,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 418.

конечно, не ожидалъ такой чести, а потому на немъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для пріема высокаго пассажира. Государь помѣтился въ рубкѣ, которую пришлось отворять за немѣнѣемъ ключей—топоромъ. Великіе князья съ Николаемъ Максиміановичемъ расположились въ одной каютѣ, а свита кое-какъ, кто на палубѣ, а кто въ остальныхъ каютахъ. Государь выказалъ истинно ангельское терпѣніе; онъ не выразилъ никакого неудовольствія ни одному изъ тѣхъ лицъ, которыя были прикосновенны къ дѣлу. Всего больше я жалѣю нашего славнаго моряка, Дмитрія Захаровича Головачева, который во всемъ этомъ виноватъ столько же, сколько Иисусъ передъ жидами. Но нѣтъ худа безъ добра, такъ и на этотъ разъ переселеніе государя на «Олафъ» можно было принять какъ за хорошее предзнаменованіе, весьма пріятное для финновъ, потому что «Олафъ» построенъ въ Финляндіи. Онъ дослужилъ уже свой срокъ и, можетъ быть, этотъ переходъ съ государемъ есть его послѣдній подвигъ. Всѣ эти неудачи отняли у насъ по крайней мѣрѣ пять часовъ времени, и мы пришли въ Гельсингфорсъ не въ 5 часовъ пополудни, какъ предполагалось, а въ 10. Финны встрѣтили государя съ большимъ энтузіазмомъ. Гельсингфорсъ сдѣлалъ огромныя приготовленія для встрѣчи царственнаго посѣтителя; къ несчастью, позднее прибытіе уменьшило эффектъ на половину. Всѣ суда на рейдѣ и зданія въ городѣ, также вся набережная—были иллюминированы флагами, разукрашены гирляндами цвѣтовъ и увѣшаны вензелями; все было рассчитано на дневной свѣтъ, а никакъ не на ночную тьму. Зато все, что было потеряно для зрѣнія, народъ наверсталъ на нашемъ органѣ слуха и нашихъ бокахъ. Вся набережная была биткомъ набита народомъ, оглашающимъ воздухъ неумолкаемымъ «ура»; давка была немовѣрная. Только государь съ великими князьями могъ свободно и удобно дойти до дворца; намъ же, его свитѣ, пришлось собственными боками измѣрить весь восторгъ народа. Во дворцѣ государь оставался не болѣе 1½ часовъ времени; около 12 часовъ онъ уже былъ въ вокзалѣ Тавастгусской желѣзной дороги. Въ вокзалѣ встрѣтила государя Аврора Карловна Карамзина. Старшіе воинскіе чины войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, а также генераль-губернаторъ Рокасовскій и гражданскій губернаторъ Валленъ сопровождали государя въ Тавастгусъ. Не стану наполнять страницъ безпрестанными повтореніями о неумолкаемыхъ «ура»; довольно сказать, что вездѣ, гдѣ поѣздъ проходилъ по населеннымъ мѣстамъ, весь народъ былъ на ногахъ, несмотря на поздній часъ ночи, и оглашалъ воздухъ восторженными криками. На одной изъ промежуточныхъ станцій гостей угостили чаемъ; тутъ была хозяйкой, кажется, м-ме Линдеръ (?), урожденная Пушкина. Въ Тавастгусъ пріѣхали въ 4 часа утра. Такъ какъ здѣсь государя ожидали около полуночи, и приготовленія сдѣланы были съ расчетомъ на ночную тьму, то и здѣсь, какъ и

въ Гельсингфорсѣ, эффектъ былъ нѣсколько ослабленъ восходящимъ солнцемъ. Но мы вознаграждены были по крайней мѣрѣ тѣмъ, что вдоволь могли налюбоваться на миленькихъ дѣвочекъ и дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя кисейныя платья съ вѣнками на хорошенькихъ головкахъ; онѣ стояли въ два ряда отъ воротъ по всему двору и даже по лѣстницѣ, ведущей въ комнаты государя, и осыпали путь его живыми цвѣтами. Встрѣча въ Тавастгусѣ была трогательна до слезъ; все населеніе было на ногахъ, и народъ кишмя кишѣлъ на площади передъ дворцомъ всю ночь напролетъ. Великіе князья ужинали съ государемъ и пришли въ отведенный для нихъ домъ въ исходѣ пятаго часа. Хозяинъ нашего дома, желая встрѣтить великихъ князей съ возможно большимъ торжествомъ, распорядился зажечь всѣ какія только были свѣчи въ люстрахъ, канделябрахъ и подсвѣчникахъ и никакъ не рѣшался ихъ потушить, несмотря на то, что солнце уже было высоко и свѣтило, какъ говорится, во всѣ лопатки.

17 июля (среда). На другой день встали мы въ 9 часовъ. Съ нами пилъ чай Альфонсъ Карловичъ Валленъ. Послѣ чая великіе князья поѣхали съ нимъ и со мною въ Тавастгусскій паркъ. Мѣсто прелестное, весь паркъ расположенъ на горѣ, круто спускающейся къ довольно большому озеру. На вершинѣ горы устроенъ павильонъ, съ террасы котораго открываегся чудесный видъ на городъ, озера и на далеко распространяющуюся холмистую мѣстность, однимъ словомъ характеръ пейзажа совершенно Финляндскій. Между паркомъ и городомъ на отдѣльномъ холмѣ, командующемъ окружающею мѣстностью, расположенъ замокъ очень угрюмаго вида; высокій валъ, глубокій водяной ровъ и подъемный мостъ придаютъ ему много воинственнаго; красная краска, покрывающая стѣны замка, и самая архитектура его, тяжелая, неуклюжая и угловатая, наводятъ на душу какую-то безотчетную тоску и отбиваютъ всякую охоту сводить близкое знакомство съ этимъ негостепріимнымъ зданіемъ. Да никому и не совѣтую, потому что въ немъ расположены долговая тюрьма и исправительный домъ! Говорятъ, что замокъ этотъ построенъ лѣтъ 500 тому назадъ какимъ-то ревнителемъ христіанства, прибывшимъ изъ Скандинавіи. Должно быть, этотъ шведъ обращалъ финновъ въ христіанство не однѣми мѣрами кротости, судя по тому, какъ онъ укрѣпился; мнѣніе это подтверждается еще тѣмъ, что въ замкѣ откопали какую-то деревянную статую, изображающую проповѣдника съ зажженнымъ факеломъ въ одной рукѣ и съ кнудомъ въ другой; туземные археологи и антикваріи относятъ статую ко времени построенія замка и думаютъ, что она изображаетъ этого самаго суроваго скандинавскаго проповѣдника.

Замѣчу еще, что паркъ, о которомъ я говорилъ выше, особенно понравился великимъ князьямъ за то, что въ немъ въ какія-ни-

будь пять минутъ времени они нашли до 15-ти подосиновыхъ грибовъ; нашъ возница, увидя это произведеніе финской флоры, сомнительно покачалъ головой: финны не дѣлаютъ большого различія между разными сортами грибовъ и всѣхъ ихъ относятъ къ роду поганокъ.

Въ 12 часовъ назначенъ былъ смотръ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ Тавастгуса. Мѣстность подлѣ лагеря была весьма удобна для маневрированія. Говорятъ, что за нѣсколько недѣль до нашего прѣзда тутъ было болото, что подтверждается множествомъ кочекъ и бугровъ; если это справедливо, то нужно полагать, что болото высушено чудомъ. На правомъ флангѣ лагеря на возвышеніи поставлены были двѣ ставки, одна для государя, другая для великихъ князей. Отрядъ состоялъ изъ гвардейскаго финскаго стрѣлковаго батальона, 2-го батальона Выборскаго пѣхотнаго полка, девяти поселенныхъ финскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, финляндской нарѣзной № 2-й батареи и сотни Донскаго казачьяго 16-го полка. Всѣхъ числомъ свыше 4,000 человекъ. Чтобы вѣрно передать впечатлѣніе, произведенное видомъ собранныхъ войскъ, нужно прежде всего объяснить, какого рода воины выступили на царскій смотръ. Самое видное мѣсто по числу занимаютъ поселенные батальоны; они-то и приковали къ себѣ общее вниманіе. Наборъ и формированіе этихъ батальоновъ не имѣютъ ничего подобнаго набору и формированію частей войскъ, производимымъ у насъ въ Россіи. Это организація чисто шведская, ведущая свое начало еще съ XVII столѣтія, со временъ Карла XI. Извѣстно, что съ легкой руки Густава II Адольфа, перваго короля, проложившаго шведскому оружію путь къ воинской славѣ и завоеваніямъ на континентѣ Европы, съ его легкой руки шведскимъ королямъ стало не сидѣться на мѣстѣ и вмѣсто того, чтобы мирно править въ своемъ угрюмомъ государствѣ своими не менѣе угрюмыми подданными, они стали безпрестанно задирать соеѣдей и пытались слѣдовать завоевательной политикѣ своего гениальнаго предшественника. Слѣдствіемъ этого было истощеніе населенія безпрестанными наборами, тѣмъ болѣе тягостными, что они неравномѣрно ложились на различныя области и никогда не могли быть предвидѣны ни по числу требуемыхъ рекрутъ, ни по сроку и времени набора. Шведы не вытерпѣли, и Далекарлія первая выступила съ требованіемъ ограничить тягости рекрутской повинности. Она предложила Карлу XI поставить три полка, обмундировать и вооружить ихъ и постоянно держать ихъ въ готовности, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы короли свыше этого ничего не требовали отъ этой области. Подобная сдѣлка очень понравилась Карлу XI, и онъ ввелъ подобную же организацію во всѣхъ частяхъ своего обширнаго государства, не исключая и Финляндіи, принадлежавшей тогда Швеціи. Такой порядокъ существовалъ въ ней до самаго 1809 г.,

когда Финляндія отошла къ Россіи. Императоръ Александръ I, желая дать странѣ оправиться, избавилъ ее отъ всякаго рода наборовъ на 50 лѣтъ, и только въ 1854 г., по волѣ Николая Павловича, приступлено было снова къ формированію поселенныхъ батальоновъ, и исполненіе этого дѣла поручено было графу Аминову, отъ котораго я имѣлъ случай лично получить объясненіе по этому предмету. Не забудемъ, что объясненіе происходило на желѣзной дорогѣ и на ломанномъ французскомъ языкѣ, что должно сильно повліять на правдивость моего разсказа, но не станемъ останавливаться передъ этими пустяками. Такъ какъ Финляндія выставляетъ 9 поселенныхъ батальоновъ, то она, вѣроятно, раздѣлена на 9 участковъ. Въ каждомъ участкѣ всѣ землевладѣльцы и всякіе собственники раздѣляютъ между собою число падающихъ на нихъ солдатъ по возможности равномѣрно, т. е. такъ, чтобы каждый солдатъ выставлялся однимъ и тѣмъ же состояніемъ, измѣряемымъ или доходомъ съ земель, или капиталомъ; отъ этого происходитъ, что каждый солдатъ выставляется обществомъ, состоящимъ изъ 3, 4 и больше жителей, имѣющихъ въ совокупности извѣстный доходъ. Эти общества называются гейматами, и каждый гейматъ долженъ выставить причитающееся на него число солдатъ. Повинность геймата, будь она изъ одного или нѣсколькихъ солдатъ, называется «роота». Если гейматъ состоитъ, положимъ, изъ пяти жителей-владѣльцевъ, то они выбираютъ изъ среды своей одного, которому всѣ остальные четверо выплачиваютъ деньги, а онъ (пятый) долженъ поставить роота, за что онъ и называется «роота-гельтеръ». Роота-гельтеръ добываетъ себѣ охотника, обмундировываетъ его и даетъ ему извѣстный участокъ земли въ полное владѣніе, пока онъ несетъ службу. Оружіемъ снабжаетъ его правительство. Всякій финнъ съ охотою идетъ въ поселенные солдаты, послѣ чего онъ дѣлается собственникомъ, и землю своею онъ не только пользуется во время службы, но и можетъ передать въ потомство, если только одинъ изъ сыновей его, а затѣмъ одинъ изъ внуковъ, пожелаетъ быть солдатомъ. Поселенные солдаты обязаны собираться на шесть недѣль въ окрестности Тавастгуса для обученія воинской службѣ.

Итакъ, въ числѣ войскъ, назначенныхъ къ смотру, находились вооруженные и обмундированные по-солдатски мужики, надъ наружнымъ видомъ которыхъ мы собирались потѣшиться. Каково же было наше удивленіе, когда, проскакавъ по фронту всего отряда, мы не нашли ни одной части, которая бы по своему наружному виду чѣмъ-нибудь отличалась отъ обыкновенныхъ хорошо обученныхъ войскъ такого разбора, какъ, напримѣръ, финскій стрѣлковый батальонъ. Признаюсь, что я, въ своей наивности, хотѣлъ даже обратиться съ вопросомъ: «да гдѣ же поселенныя войска?» Общее изумленіе еще болѣе возросло, когда государь сталъ про-

пускать отрядъ церемоніальнымъ маршемъ. Шагъ, равненіе, точность построеній такіе, что лучшихъ и желать не нужно. Издали можно было узнать поселенцевъ только по незначительному протяженію фронта ихъ батальоновъ, находившихся въ весьма незначительномъ составѣ 350 человѣкъ. Говорятъ, что въ случаѣ войны или какой бы то ни было необходимости финны съ радостью выставятъ на каждыи батальонъ еще по 1,000 человѣкъ, такъ что на эти батальоны можно смотрѣть, какъ на кадры. Нечего и говорить, что государь былъ очень доволенъ смотромъ и лично благодарилъ графа Аминова и барона Виллебрандта. Подъ конецъ ученя была цѣльная стрѣльба финляндской № 2 батареи. Сдѣлано 32 выстрѣла, изъ нихъ 19 попало въ мишень, что по оцѣнкѣ составляетъ «отлично».

По окончаніи смотра государь объѣзжалъ всѣ части войскъ и благодарилъ каждую отдѣльно за усердное выполненіе своихъ обязанностей. Командиры частей переводили на финскій языкъ слова государя своимъ солдатамъ, а эти послѣдніе отвѣчали дружнымъ «ура». Всѣ замѣтили, что особенно хорошо переданы были слова государя командиромъ 2-го поселеннаго батальона подполковникомъ Розенбергомъ. Онъ перевелъ рѣчь государя съ особенной энергіей и съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ. Какъ будто электрическая искра пробѣжала по его батальону; возгласъ его былъ самый задушевный, а заявленіе горячихъ чувствъ вышло даже нѣсколько поштатски, потому что финскіе солдатики, забывъ сгоряча о строгостяхъ военной дисциплины, неистово заболтали на воздухѣ руками. Проѣзжая мимо 6-го Тавастгусскаго поселеннаго батальона, государь подозвалъ великаго князя Владимира Александровича и отрекомендовалъ его какъ шефа этого батальона. Конечно, это принято было съ восторгомъ. Командиръ этого батальона—подполковникъ Костіандеръ 1-й. Черезъ часъ времени Владимиръ Александровичъ уже надѣлъ мундиръ поселенныхъ стрѣлковъ; натуральное дѣло, что шить ему не могли, и этимъ онъ обязанъ былъ усердію одного офицера, который поднесъ ему свою мундирную пару, еще ни разу не надѣванную; оказалось, что она была какъ будто спита на Владимира Александровича.

Въ 4 часа назначенъ былъ большой обѣдъ въ обширномъ баракѣ. Приглашены были всѣ офицеры отряда и нѣсколько представителей тавастгусскаго дворянства и купечества. Въ числѣ гостей обратили на себя вниманіе, во-первыхъ, офицеръ шведской службы, присутствовавшій на смотру; онъ попалъ совершенно нечаянно и очень хорошо сдѣлалъ, потому что можетъ кое-что засвидѣтельствовать у себя на родинѣ, что поуменьшитъ разнаго рода надежды и предположенія. Второй не менѣе замѣчательный гость былъ финскій поселенинъ, попавшій какими-то судьбами на обѣдъ, что, вѣроятно, произведетъ хорошии эффектъ. Баракъ, въ которомъ

мы обѣдали, былъ окруженъ толпой народа, который такъ и дѣлалъ въ двери и окна, но все было чрезвычайно сносно и въ порядкѣ; музыка финскаго гвардейскаго стрѣлковаго батальона играла подъ окнами. Государь предложилъ тостъ за здоровье и преуспѣянье финскихъ войскъ; потомъ генераль-маіоръ Виллебрандтъ предложилъ тостъ за здоровье государя и всего царствующаго дома, и съ этимъ вмѣстѣ раздался финскій гимнъ «Gotland» и страшное, потрясающее ура внутри и внѣ барака. Напротивъ, когда играли «Боже Царя храни», то настала такая торжественная и глубокая тишина, что какое-то благоговѣніе охватило душу; какъ-то чувствовалось, что желанія и мысли всѣхъ слились въ одну общую внутреннюю молитву. Финны играютъ гимнъ очень протяжно и съ соблюденіемъ forte и piano, отчего мотивъ молитвы выходитъ какъ-то особенно убѣдительнымъ.

Послѣ обѣда государь тотчасъ же поѣхалъ смотрѣть цѣльную стрѣлбу стрѣлковыхъ батальоновъ. Направленіе мишеней было выбрано очень неудачно: заходящее солнце было прямо въ глаза стрѣлкамъ, что значительно повліяло на вѣрность выстрѣловъ; однако, государь все-таки остался очень доволенъ. Въ 8 часовъ государь поѣхалъ кататься со всею свитою въ паркъ; въ павильонѣ были приготовлены городскимъ обществомъ чай и фрукты. Потомъ онъ сѣлъ на маленькій пароходъ и катался по озерамъ. Мѣста на пароходѣ было очень мало, и я счелъ за лучшее туда не соваться. Вообще на этихъ прогулкахъ я ужасно бѣдствовалъ: экипажей было очень мало, а тѣ, которые были назначены для великихъ князей, на этотъ разъ куда-то пропали; Александръ Александровичъ и Владимиръ Александровичъ отыскивали, конечно, себѣ мѣсто, а я долженъ былъ силою врываться въ чужія коляски, выбирая, разумѣется, тѣ, въ которыхъ я рассчитывалъ на меньшее сопротивленіе моему насилию. Такъ какъ на другой день назначены были маневры, то государь приказалъ великимъ князьямъ ночевать въ лагерѣ. Когда я наконецъ въ 10 часовъ сошелся съ великими князьями въ Тавастгусѣ, то оказалось, что намъ не въ чемъ было ѣхать въ лагерь. Положеніе было критическое. Къ счастью, въ то время, какъ мы разсуждали о перевозочныхъ средствахъ, на площади показался какой-то рыдванъ, окрашенный въ желтую краску и имѣющій поразительное сходство съ жирнымъ откормленнымъ паукомъ. Мы отчаянно замахали руками и тѣмъ обратили на себя вниманіе возницы; много труда стало намъ объяснить финну, чего мы отъ него хотимъ; наконецъ онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и взялся сдѣлать 15 верстъ за два рубля серебромъ. Оказалось, что экипажъ нашъ не лишенъ былъ музыкальныхъ способностей, при движеніи онъ издавалъ звуки трубъ и литавръ. Этотъ инструментъ доставилъ насъ благополучно въ лагерь къ 11 часамъ. Тамъ мы поужинали, великіе князья легли спать въ

палаткахъ съ графомъ Борисомъ Алексѣвичемъ (Перовскимъ), а я отправился обратно въ городъ за неизмѣнимъ мѣста въ лагерѣ.

18 іюля (четвергъ). Александръ Александровичъ всталъ въ 4^{1/2} часа утра и въ 6 часовъ выступилъ изъ лагеря съ финскимъ гвардейскимъ стрѣлковымъ батальономъ. Онъ не былъ во фронтѣ, а только состоялъ при батальонѣ, и потому ѣхалъ верхомъ. Владимиръ Александровичъ выступилъ изъ лагеря въ половинѣ восьмого при 6-мъ поселенномъ стрѣлковомъ батальонѣ. Съ нимъ былъ графъ Борисъ Алексѣвичъ. Братья были въ различныхъ отрядахъ: Александръ Александровичъ въ южномъ, а Владимиръ Александровичъ въ сѣверномъ. Между этими-то двумя отрядами и долженъ былъ происходить бой.

Въ 9 часовъ государь выѣхалъ изъ дворца и объѣхалъ позиціи враждующихъ отрядовъ. Часовъ въ 10 начались маневры. Александръ Александровичъ находился, какъ я сказалъ, при южномъ отрядѣ, который дѣлалъ наступленіе. Маневры производились въ отличномъ порядкѣ и съ большимъ смысломъ, такъ что ничего лучшаго не нужно было бы желать и для тѣхъ войскъ, которыя маневрируютъ ежегодно въ окрестностяхъ Краснаго Села. Ни разу не случилось, чтобы отдѣльныя части враждебныхъ отрядовъ перепутывались между собою, или чтобы какой-нибудь слишкомъ храбрый офицеръ съ какимъ-нибудь полувзводомъ упрямо отстаивая позицію, на которую напираютъ цѣлыя колонны противниковъ, какъ это случается иногда у насъ; напротивъ, по всему видно было, что не только офицеры, но даже и солдаты взвѣшивали тѣ обстоятельства, при которыхъ они находились, и дѣлали все, соображаясь со здравымъ смысломъ. Мѣстность, по которой двигались войска, была чрезвычайно пересѣчена; на пути встрѣчались горы, холмы, ущелья и лѣса. Виды были прелестныя. Государь, конечно, остался очень доволенъ маневрами. Когда мы приѣхали обратно въ городъ, то государь приказалъ ѣхать Владимиру Александровичу опять въ лагерь къ своему батальону, который хотѣлъ угостить новаго своего шефа завтракомъ. Съ Владимиромъ Александровичемъ поѣхалъ графъ Борисъ Алексѣвичъ. Миѣ говорили, что великій князь держалъ себя тамъ очень хорошо; на тостъ онъ отвѣчалъ тостомъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ отъ себя и государя, сказанныхъ съ такимъ тактомъ и чувствомъ, что графъ Борисъ Алексѣвичъ порадовался за него. Офицеры схватили Владимира Александровича и подкинули на ура съ такимъ жаромъ, что панталоны Владимира Александровича развѣхались на двѣ отдѣльныя части.

Александръ Александровичъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы ѣхать купаться съ Николаемъ Максимиліановичемъ и со мною. Финны имѣютъ странную привычку утвердительно мотать головою и безусловно соглашаться на все то, что имъ говорятъ и

чего они не понимаютъ. Отъ этого бываютъ пресмѣшныя недоразумѣнія. Такъ вышло и теперь; кучеръ-финнъ, взявшійся показать намъ, гдѣ можно купаться, привезъ насъ въ баню, въ которой, кажется, была только одна женская прислуга. Мы были очень скандализованы, особенно Александръ Александровичъ. Намъ, однако, удалось отыскать мѣсто на озерѣ, гдѣ бы можно было выкупаться; но дно оказалось такое тинистое и грязное, что мы на силу отмылись отъ всякихъ гадостей.

Въ половинѣ третьяго назначенъ былъ обѣдъ, къ которому приѣхали великіе князья Алексѣй Александровичъ и Николай Константиновичъ. Къ обѣду приглашены были всѣ начальники отдѣльных частей гойскъ. Послѣ обѣда въ половинѣ пятаго мы отправились въ Гельсингфорсъ по желѣзной дорогѣ. Уже стемнѣло, когда мы въѣхали въ городъ; всѣ улицы и дома были иллюминированы, и толпа народа встрѣтила государя у вокзала, провожала его бѣгомъ до дворца. Тамъ мы помѣстились очень удобно и широко. Вечеромъ великіе князья захотѣли ѣхать на яхту «Забава». Владимиръ Александровичъ поѣхалъ на пристань въ коляскѣ съ Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Густавовичемъ¹⁾; только что они показались на улицѣ, народъ гаркнулъ «ура» и замахалъ шапками въ воздухѣ. Эта встрѣча такъ испугала Александра Александровича, что онъ упросилъ меня идти съ нимъ инкогнито черезъ одну изъ черныхъ лѣстницъ. Нужно сказать, что инкогнито наше еле-еле удалось, потому что Александръ Александровичъ шелъ такимъ великимъ княземъ, что остается удивляться только, какъ его не узнали. Наконецъ мы добрались до какой-то лодочки, наняли ее за цѣлковый и перебрались на «Забаву» очень благополучно. Видъ на рейдъ былъ волшебный; весь берегъ горѣлъ огнями и отражался въ водѣ; всѣ суда иллюминированы разноцвѣтными фонарями, а борты обставлены фальшфейрами; гдѣ-то вдали высоко на темномъ небѣ вдругъ явился огромный ^A_{ii} изъ малиноваго бенгальскаго огня; ярко погорѣвъ въ воздухѣ нѣсколько секундъ, онъ исчезъ на мгновеніе и снова загорѣлся яркимъ зеленымъ пламенемъ. На судахъ играли гимнъ, а матросы кричали «ура»; этими восклицаніями дирижировали мы съ «Забавы». Въ это время на берегу финляндцы устроили передъ дворцомъ серенаду. Напившись чаю на яхтѣ, мы вернулись домой. Государь взялъ великихъ князей прокатиться по иллюминированному городу. Затѣмъ они ужинали и легли спать около половины 2 часа.

19 іюля (пятница). Сегодня встали въ половинѣ восьмого и отправились купаться на катерѣ къ Минеральнымъ водамъ. Купальни

---

¹⁾ Н. Г. баронъ Шиллингъ, помощникъ воспитателя при великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ.

устроены отлично. Зданіе раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ просторныхъ номеровъ со спусками въ открытое море. Въ водѣ было $9\frac{1}{2}^{\circ}$, и въ самое жаркое время года рѣдко бываетъ выше 12° . Мы прибыли въ водѣ не болѣе трехъ минутъ; больше нельзя было выдержать. Послѣ купанья прошлись на скалу, на которой устроена батарея съ претолстымъ землянымъ брустверомъ и съ орудіями весьма почтеннаго калибра. Батарея эта имѣетъ весьма важное назначеніе: длинный фасъ ея направленъ въ море навстрѣчу непріятельскимъ кораблямъ, а короткій фасъ обстрѣливаетъ узкій проходъ въ рейдѣ между скалами. Въ 12 часовъ назначенъ смотръ войскамъ, въ Гельсингфорсѣ расположеннымъ. По окончаніи смотра, государь объѣхалъ замѣчательнѣйшія зданія; въ общей суматохѣ я никакъ не могъ дать себѣ отчетъ, гдѣ мы были и что видѣли; знаю только, что въ одномъ какомъ-то городскомъ зданіи (должно быть, ратушѣ) мы видѣли огромный, великолѣпный залъ, стѣны котораго были густо увѣшаны гербами шведскихъ дворянскихъ фамилій, поселившихся въ Финляндіи. Тамъ я прочелъ много знаковыхъ именъ, о шведскомъ происхожденіи которыхъ я и не подозревалъ. Приѣхавъ домой, мы едва успѣли позавтракать, какъ насъ подняли ѣхать осматривать Свеаборгъ. Мы такъ быстро прошли по всеѣмъ веркамъ и укрѣпленіямъ, что самый опытный глазъ не могъ бы вывести никакого заключенія о достоинствахъ крѣпости. Одно общее впечатлѣніе выразилось на всеѣхъ лицахъ по осмотру работъ, а именно: голодъ и усталость,—два съ половиною часа мы непрерывно то взбирались, то спускались по скаламъ, по брустверамъ и рвамъ. Работы въ крѣпости производятся подъ руководствомъ ген.-майора Геннериха, инженера, заслужившаго отличную репутацію при защитѣ Севастополя и весьма умнаго и дѣльнаго человѣка, насколько я его знаю, по личнымъ отношеніямъ. Вооруженіе Свеаборга состоитъ изъ большого числа орудій значительныхъ калибровъ; между ними особенно замѣчательны 60 ф. пушки полковника Майевскаго. Часть артиллерійская находится въ вѣдѣніи ген.-майора Берха и полковника Рота. Говорятъ, что между артиллеристами и инженерами царствуетъ полное согласіе, а это не всегда бываетъ при такихъ работахъ, какія производятся нынче въ Свеаборгѣ. Измученные и голодные, мы приѣхали домой около половины четвертаго. Отдохнувши съ часъ времени, мы поѣхали обѣдать. Столъ накрытъ человѣкъ на восемьдесятъ. Часовъ въ семь великіе князья отправились въ театръ, что было сдѣлано по просьбѣ Валлена. При входѣ великихъ князей въ партеръ занавѣсъ поднялся и человѣкъ 15 актеровъ и актрисъ запѣли «Боже Царя храни»; затѣмъ одна прехорошенькая актриса выступила впередъ и продекламировала какую-то нѣмецкую оду, придавая своему голосу слишкомъ много торжественности, выпренности и манерности. Все это было устроено неудачно и некстати.

Мы насилу высидѣли слѣдующую затѣмъ пьесу и въ 8 часовъ уѣхали на балъ къ генераль-губернатору Рокасовскому, данный на Минеральныхъ водахъ. Тамъ пробыли только два часа, но зато очень пріятныхъ. Великіе князья сначала было не рѣшались пускаться въ танцы, но потомъ, когда разошлись, то и дѣло просили отрекомендовать ихъ гельсингфорскимъ барышнямъ. Однимъ словомъ, балъ удался, и когда наступилъ роковой часъ, то великіе князья оставили его съ замѣтнымъ сожалѣніемъ, а ужъ про оставленныхъ нами дамъ и говорить нечего, онѣ чуть не плакали. Всѣ дамы, съ которыми приходилось говорить мнѣ, такъ восторгались государемъ и великими князьями, что будь это въ другомъ мѣстѣ и въ иное время, то это показалось бы неловкимъ, но тутъ какъ-то невольно вѣрилось искренности каждаго слова.

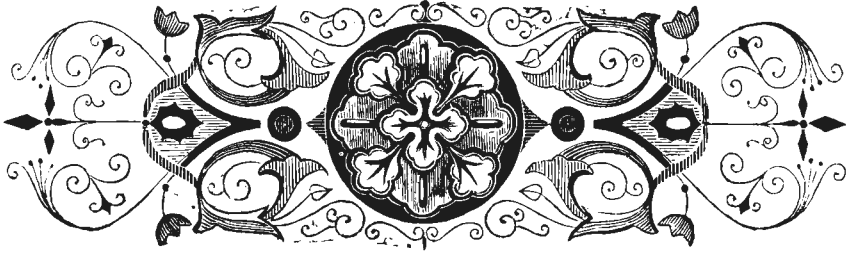
Въ 10 часовъ вечера мы отчалили отъ береговъ гостепріимной Финляндіи, полные пріятныхъ впечатлѣній въ настоящемъ и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ.

«Штандартъ» стоялъ въ открытомъ морѣ, потому что выходъ изъ рейда ночью опасенъ. Мы доставлены были на яхту пароходомъ «Стрѣльна». Въ половинѣ двѣнадцатаго «Штандартъ» поднялъ якорь, а мы сѣли ужинать. Легли спать около часу, весьма утомленные сегодняшними тревоженіями.

20 іюля (суббота). Обратное плаваніе въ Петербургъ было совершено благополучно; мы прибыли въ городъ около четверти шестого, а въ половинѣ седьмого были уже въ Царскомъ.

ШИРОКАЯ НАТУРА ¹⁾.

(Повѣсть).

IX.

ОГДА поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Сергѣй Михайловичъ, остановился подъ широкимъ навѣсомъ Николаевскаго вокзала, онъ вышелъ и потомъ, взявъ экипажъ, ѣхалъ по Невскому проспекту, его охватило состояніе какой-то дикой радости. Больше всего захватывало его сознание, что вотъ онъ въѣзжаетъ въ Петербургъ не жалкимъ, добровольнымъ изгнанникомъ, какимъ уѣхалъ отсюда, а счастливымъ и могущественнымъ.

Все, что попадалось ему на глаза, было знакомо ему и мило, все это были пункты, которые имѣли определенное мѣсто въ его сердцѣ. Здѣсь, въ этомъ большомъ городѣ, который онъ такъ любилъ, онъ выросъ, здѣсь учился и здѣсь переживалъ первые восторги юношескаго чувства, здѣсь же прошла главная часть его феерической жизни съ первой женой.

Онъ проѣхалъ прямо въ Европейскую гостиницу, взялъ, конечно, самый дорогой номеръ и сейчасъ же принялъ все мѣры, чтобы ни въ чемъ не нуждаться; онъ завелъ великолѣпный экипажъ съ наемными рысаками, и экипажъ этотъ съ того момента

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 428.

уже всегда съ утра до поздней ночи стоялъ у подъѣзда гостиницы и былъ къ его услугамъ.

Приведя себя въ порядокъ, онъ послалъ Евгеніи Андреевнѣ телеграмму о благополучномъ приѣздѣ и въ тотъ же день занялся своими знакомыми.

Цѣлыхъ три года его не видѣлъ Петербургъ, о немъ уже стали забывать, считая его навсегда погибшимъ для общества, а въ прежнее время онъ занималъ здѣсь далеко не послѣднее мѣсто.

Его появленіе въ петербургскихъ гостининыхъ произвело настоящую сенсацію. Петербургскій сезонъ былъ въ самомъ разгарѣ, въ домахъ давались вечера и балы, въ театрахъ ставились новыя пьесы.

— Да неужели это вы?—съ сочувственнымъ изумленіемъ спрашивали его знакомые:—гдѣ же вы пропадали и почему пропадали?

— Пропадалъ потому, что не везло мнѣ... А вдругъ повезло,—просто и прямо отвѣчалъ Сергѣй Михайловичъ.

Теперь онъ уже могъ не скрывать своего прежняго положенія, потому что оно такъ блестяще зачеркивалось новымъ, и онъ совершенно откровенно говорилъ о томъ, какъ разстроились его дѣла и какъ онъ бѣжалъ отъ общества.

— А теперь вотъ судьба послала мнѣ свою улыбку. Я женился и скоро покажу вамъ, господа, свою жену.

Конечно, его спрашивали о женѣ. Кто она, какъ встрѣтились и гдѣ? Многіе очень хорошо помнили семью Евгеніи Андреевны.

— Вотъ удивительная роковая встрѣча,—говорили старые знакомые:—и если принять во вниманіе, что разлука принесла вамъ обоимъ нѣсколько милліоновъ... то, право же, начнешь вѣрить въ судьбу...

Несомнѣнно, что тутъ имѣли значеніе прежнія симпатіи, какими онъ былъ окруженъ въ петербургскомъ обществѣ, но не безъ значенія были и милліоны, которые стояли за его спиной. Въ обществѣ это всегда производитъ благопріятное впечатлѣніе, и всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его окружали, онъ дѣлался центральнымъ лицомъ, ему были искренно рады.

У него не было отбоя отъ приглашеній, всюду звали его и онъ, какъ голодный, на все откликался охотно. Каждый день у него были приглашенія или на обѣдъ, или на вечеръ. Онъ не замѣчалъ, какъ летѣли дни.

А между тѣмъ прошло уже нѣсколько дней его жизни въ Петербургѣ, а онъ и не думалъ устраваться. Наконецъ, онъ объ этомъ подумалъ. Но сдѣлалъ онъ это чрезвычайно просто. Онъ вообще не любилъ навязывать себѣ хлопотъ. Къ чему это, когда то же самое сдѣлають другіе.

Онъ сѣздалъ въ контору, и ему сейчасъ же показали великолѣпный особнякъ, роскошно обставленный. Конечно, ему назвали

совершенно дикую цѣну, но онъ даже и не разслышалъ. То, что ему нравилось, конечно, должно было дорого стоять, онъ это зналъ заранѣе.

Осмотрѣвъ помѣщеніе и вполне одобривъ его, онъ въ тотъ же день рѣшилъ взять его. Подписалъ договоръ на три мѣсяца и далъ крупный задатокъ.

Послѣ этого онъ съѣздивъ на телеграфъ и сообщилъ Евгениі Андреевнѣ: «Все готово. Приѣзжай поскорѣй, жду съ нетерпѣніемъ».

И ночью, когда онъ вернулся отъ знакомыхъ къ себѣ домой, онъ нашелъ отвѣтъ Евгениі Андреевны. Она извѣщала: «Должна устроить дѣла. Маленькая задержка. Раньше, какъ черезъ недѣлю, не могу выѣхать».

И онъ, зная уже навѣрное, что онъ цѣлую недѣлю будетъ одинокъ, опять искренно отдался свѣтской жизни.

Вездѣ онъ обѣщаль скоро показать свою жену и страшно заинтересовалъ общество предстоящимъ приѣздомъ Евгениі Андреевны. Онъ добросовѣстно дѣлалъ ей самую блестящую рекламу.

Зная всѣ требованія свѣтской жизни, онъ побывалъ въ модныхъ мастерскихъ и довольно серьезно занимался вопросомъ о фасонахъ ея платьевъ. Между прочимъ онъ присмотрѣлъ кой-что готовое и велѣлъ отложить до ея приѣзда. Онъ зналъ, что у нея въ гардеробѣ не было ничего блестящаго и что платья сейчасъ же понадобятся ей для выѣздовъ.

И къ концу недѣли онъ началъ съ нетерпѣніемъ ждать Евгениі Андреевну. Какъ-то случайно познакомившись съ состояніемъ своего бумажника, онъ къ ужасу своему увидѣлъ, что деньги, взятыя изъ дома, совершенно истощились.

— Куда я это ихъ дѣвалъ,—спрашивалъ онъ себя:—вѣдь ихъ было ужасно много.

Они какъ-то незамѣтно вылетѣли, точно помимо его.

Тогда онъ послалъ Евгениі Андреевнѣ поощрительную телеграмму, онъ просилъ ее поторопиться и наконецъ она отвѣтила: «завтра выѣзжаю».

Наступилъ день, когда она должна была приѣхать; онъ отправился на вокзалъ и встрѣтилъ ее. Онъ усадилъ ее въ свой изящный экипажъ, и они поѣхали. Онъ былъ искренно радъ ей и, правда-таки, соскучился по ней.

— Боже, сколько лѣтъ я не была въ этомъ городѣ,—говорила Евгениі Андреевна, глядя по сторонамъ:—и какія воспоминанія!..

И разомъ въ нѣсколько секундъ бѣгло промелькнула передъ нею жизнь въ Петербургѣ, она не останавливалась ни на одномъ фактѣ, а какъ-то разомъ охватила все.

— Ты, конечно, въ гостиницѣ?—спросила она.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Развѣ это возможно? У насъ своя квартира. Мы совсѣмъ будемъ жить дома.

— Неужели? Зачѣмъ же это?

— Но какъ же иначе? Всѣ интересуются нами, тобой въ особенности, всѣ ждутъ тебя. У меня уже для тебя десятки приглашеній. Ты и не замѣтишь, какъ промелькнетъ время. Но если мы будемъ бывать у другихъ, то и сами должны звать къ себѣ. А развѣ это можно сдѣлать въ гостиницѣ? Мы что-нибудь устроимъ у себя, и не разъ... Надѣюсь, ты захватила порядочно денегъ.

— Не особенно,— съ улыбкой сказала Евгенія Андреевна, которая уже догадывалась, что онъ совсѣмъ истратился; она успѣла уже изучить его манеру распорядиться деньгами.

— Напрасно. Я совсѣмъ банкротъ.

— Но это ничего. Деньги вѣдь всегда можно потребовать.

— Конечно, конечно... Оказалось много твоихъ старыхъ знакомыхъ и поклонниковъ. Помнишь Ладожскаго?

— Помню. Онъ вздыхалъ по мнѣ. Боже, какъ это было глупо.

— Ну, вотъ, онъ существуетъ. У него жена и четверо дѣтей... А Кузминскаго помнишь?

— Ну, какъ же, какъ же! Онъ даже дѣлалъ мнѣ предложеніе, но я была тогда безумно влюблена въ тебя.

— Ну, и онъ тоже женатъ, только бездѣтный. Да тутъ найдется много изъ твоихъ старыхъ знакомыхъ.

Вотъ они пріѣхали. Когда Евгенія Андреевна взглянула на особнякъ, на всюду торчавшихъ лапеевъ, на обстановку, она сразу поняла, что это стоитъ колоссальныхъ денегъ, и тутъ же подумала о томъ, что Сергѣй Михайловичъ хватилъ черезъ край. Не было никакой надобности устраивать цѣлый дворецъ.

Но это было не въ ея характерѣ высказывать изумленіе или укоры. Она всегда прежде всего ограничивалась тѣмъ, что только думала.

Да и при томъ же это было бесполезно. Разъ онъ такъ сдѣлалъ, то это ужъ такъ и останется. Большая сумма денегъ, какая потребуется на все это, ее не смущала. За нѣсколько лѣтъ скромной жизни въ одиночествѣ она сдѣлала богатый запасъ сбереженій, не говоря уже о тѣхъ сбереженіяхъ, которыя оставилъ ей Муретовъ.

Но прибавилась еще одна черта къ его фигурѣ. Онъ считалъ, что имѣетъ право самовольно распорядиться ея суммами, и даже не спросилъ ее, возможно ли устроить все такъ широко, по силамъ ли это будетъ ей? А между тѣмъ легко могло случиться, что она была бы не въ состояніи оплачивать весь этотъ шикъ безъ ущерба для своихъ дѣлъ.

Замѣтила она въ себѣ еще одну новую черту: прежде она всегда какъ-то боялась этихъ мыслей о немъ и, когда онъ приходили ей въ голову, она чувствовала себя какъ будто преступной передъ

нимъ и всячески гнала ихъ прочь. Теперь же она свободно обсуждала его поступокъ.

Въ тотъ же день, когда Евгенія Андреевна еще не успѣла отдохнуть какъ слѣдуетъ послѣ дороги, онъ потащилъ ее къ модисткѣ. Она тоже считала это необходимымъ. Тратить много времени на заказы и примѣрки не приходилось. Надо было сейчасъ же приниматься за выполнение тѣхъ обѣщаній относительно ея, которыя онъ надавалъ.

Въ особенности она чувствовала себя обязанной передъ его знакомыми, но ей хотѣлось встрѣтиться также поскорѣе и со своими старыми знакомыми.

Больше всего утѣшало ее во всемъ этомъ то, что онъ въ самомъ дѣлѣ искренно ее любитъ. Она это видѣла во всѣхъ его движеніяхъ и въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Какъ онъ ярко выражалъ свою радость по поводу ея пріѣзда, какъ заботливо ухаживалъ за нею, старался доставить ей всевозможныя удобства, какъ былъ нѣженъ съ нею. И она знала очень хорошо, что онъ не умѣетъ прикидываться, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ней. И тѣмъ больше ей было замѣчать въ немъ такія черты, которыя ее слегка отталкивали.

Какимъ страннымъ сдѣлала его жизнь и какъ досадно, что у нихъ было такое разное прошлое.

Все-таки Евгеніи Андреевнѣ два дня пришлось никуда не выѣзжать. Правда, нашлись два совершенно готовыхъ платья, которыя онъ велѣлъ для нея отложить. Она вполне одобрила его вкусъ. Но все-таки ихъ пришлось передѣлывать и это потребовало времени.

— А знаешь, я ужасно радъ, что мы хоть два дня будемъ принадлежать только себѣ,—говорилъ Сергій Михайловичъ.—Признаться, меня-таки порядочно утомила эта свѣтская жизнь. Я совсѣмъ отвыкъ отъ нея. И мнѣ такъ пріятно побыть только съ тобой.

Платья наконецъ были готовы, и они выѣхали къ знакомымъ. Сергій Михайловичъ устроилъ чудный выѣздъ, красивый, элегантный, шикарный. Евгенія Андреевна никогда въ жизни такъ не ѣздила. Отецъ ея, хотя и занималъ видное положеніе и проживалъ порядочно, но никогда не держалъ шикарныхъ лошадей, а мужъ и не мечталъ объ этомъ.

Сперва они посѣтили старыхъ знакомыхъ Евгеніи Андреевны. Боже, какъ они всѣ перемѣнились, до какой степени все это мало похоже на прежнее. Тогда это были скромные и робкіе юноши, которые съ трепетной надеждой смотрѣли ей въ глаза, а теперь это были почтенные мужи, отцы семействъ, общественные дѣятели, занимавшіе важныя и видныя должности.

Но встрѣча доставила Евгеніи Андреевнѣ искреннее удовольствіе. Она мысленно переносилась въ тотъ прежній міръ, о кото-

ромъ у нея остались такія чудныя воспоминанія. Это было такъ сказочно, что они теперь появляются въ Петербургѣ вдвоемъ съ Сергѣемъ Лѣсничевымъ. Въ тѣ времена всѣ знали о ихъ романѣ и всѣ ждали, когда этотъ романъ завершится бракомъ. Но этого не произошло. Ужасная катастрофа въ семьѣ заставила Евгенію Андреевну удалиться отъ свѣта. Лѣсничевъ еще нѣсколько лѣтъ мелькалъ блестящимъ метеоромъ на петербургскомъ горизонтѣ, но потомъ тоже исчезъ. И вдругъ они являются вмѣстѣ, соединенные брачными узлами и при такой феерической обстановкѣ.

Всюду ихъ радушно принимали, всюду звали, устраивали для нихъ обѣды, вечера.

Когда она перебывала у всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ, она начала являться у знакомыхъ Сергѣя. И она съ удовольствіемъ видѣла, что вездѣ онъ былъ желаннымъ и игралъ замѣтную и красивую роль. Это было ей приятно. Словомъ, съ этой стороны Евгенія Андреевна была вполне удовлетворена. Онъ, несомнѣнно, былъ членомъ лучшаго общества и ее ввелъ въ это общество. Среди его знакомыхъ не было совсѣмъ сомнительнаго элемента.

Каждый вечеръ они проводили или у знакомыхъ, или въ театрѣ. И совершенно незамѣтно прошли уже три недѣли, какъ пріѣхала Евгенія Андреевна. Въ это время иногда собирались и у нихъ, было нѣсколько легкихъ завтраковъ и дружескихъ обѣдовъ, но гостями у нихъ бывали только мужчины, хорошіе пріятели Лѣсничева.

— Ну, мой другъ, мы должны устроить что-нибудь значительное, сказалъ однажды Сергѣй Михайловичъ:—какой-нибудь банкетикъ.

Евгенія Андреевна согласилась съ нимъ. Радущіе, съ которыми ихъ принимали всюду, обязывало къ этому.

— Ужъ это ты, Сережа, долженъ взять на себя,—сказала она.

— О, конечно. Ужъ это мое дѣло.

И онъ сейчасъ же вдохновился, глаза его загорѣлись, и онъ началъ дѣлать всевозможныя предположенія: красивые проекты относительно убранства дома чрезвычайно легко возникали въ его головѣ. Въ сущности все это было тамъ готово. Это были копии со всего того, что онъ видѣлъ за всю свою жизнь.

— Но только условіе: ты даешь мнѣ *carte blanche*!

— Конечно, милый, но только ради Бога не преувеличивай.

Но онъ, разумѣется, преувеличилъ. Онъ хотѣлъ устроить что-нибудь необыкновенное. Воображеніе его напрягалось, чтобы создать вечеръ шикарный, показной, изумительный, чтобы всѣхъ положить въ лоскъ, чтобы это было замѣчено не только тѣми, кто будетъ веселиться, но и всей столицей, чтобы объ этомъ долго говорили. Несмотря на то, что Сергѣй Михайловичъ былъ человѣкъ неглупый, въ этомъ странномъ образомъ заключалось его

тицеславіе. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно занятъ мыслью о томъ, чтобы произвести на знакомыхъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе.

— Наше положеніе особенное,—говорилъ онъ.—Хотя насъ и видятъ теперь такими, каковы мы есть, но у всѣхъ слишкомъ глубоко засѣло представленіе о насъ, какъ о неудачникахъ. Насъ слишкомъ привыкли жалѣть. Пусть же мы явимся передъ ними и исчезнемъ, какъ метеоры. Надо оставить неизгладимые слѣды въ воображеніи, тогда только мы вытѣсимъ прежній взглядъ и объ насъ будутъ думать такъ, какъ мы хотимъ.

— Да мнѣ все равно, какъ обо мнѣ думаютъ! сказала Евгенія Андреевна.

— А мнѣ далеко не все равно. Еще обо мнѣ пусть думаютъ, что хотятъ, но о тебѣ они должны думать то, что я хочу.

И сейчасъ же у нихъ вышелъ горячій споръ изъ-за платья. Евгенія Андреевна сшила себѣ уже такое множество платьевъ, что ей казалось излишнимъ заботиться еще спеціально для этого вечера. Но Сергѣй Михайловичъ этого мнѣнія не раздѣлялъ. Онъ находилъ, что у нея не было еще ни одного платья, пригоднаго для роли хозяйки. Все это дѣлалось для другихъ цѣлей. Между тѣмъ, по его мнѣнію, для каждой роли долженъ быть особый стиль. И, конечно, у него создался уже фасонъ, который представлялъ собой цѣлую поэму.

Евгенія Андреевна, которая уступала ему въ болѣе важныхъ вещахъ, конечно, уступила и въ этой. Но онъ самъ поѣхалъ хлопотать о платьѣ для нея. И ему удалось найти какую-то необыкновенную парижскую модель, которая должна была поразить всѣхъ дамъ. И онъ сейчасъ же потащилъ въ мастерскую жену.

Евгенія Андреевна подчинилась ему, но въ глубинѣ души чувствовала легкое раздраженіе противъ него. Это чувство было ей крайне неприятно. Она страшилась его и хотѣла во что бы то ни стало отдѣлаться отъ него, но не могла. Заказывая платья и примѣряя, она все время питала противъ мужа чувство недовольства. Онъ какъ бы навязывалъ ей роль, которая была совершенно ей несвойственна.

Потомъ они занялись приглашеніями. Это нельзя было дѣлать письменно, пришлось объѣзжать всѣхъ. А знакомыхъ у нихъ набралось множество. Нужно было потратить почти цѣлыхъ три дня.

Ей казалось удивительнымъ, почему всѣ такъ заинтересовались этимъ вечеромъ. Вечеровъ было уже много, и они могли достаточно надоесть. Ей по крайней мѣрѣ уже надоели. Но вечеръ у Лѣсничевыхъ вызвалъ какое-то особенное любопытство.

Всѣ видѣли, что у Евгеніи Андреевны большое состояніе. Но Сергѣй Михайловичъ такъ красиво тратилъ деньги, такъ широко захватывалъ, что знакомые еще преувеличивали ея богатство. И

состояніе ея казалось всѣмъ сказочнымъ. Поэтому Лѣсничевъ былъ совершенно правъ, когда утверждалъ, что отъ нихъ многого ждали.

И вотъ наступилъ знаменитый вечеръ у Лѣсничевыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вышелъ необыкновенно эффектнымъ. Здѣсь было все, что только нашлось въ это время замѣчательнаго въ Петербургѣ. Пѣли лучшіе итальянскіе пѣвцы, декламировали и даже разыгрывали сценки французскіе артисты. Былъ приглашенъ пріѣзжій скрипачъ, гремѣвшій въ это время на всю Европу. Въ убранствѣ было много блеска и вкуса. Но само собой разумѣется, что вѣнцомъ вечера былъ ужинъ, во время котораго гости пили чудныя вина. Стоило только взглянуть на фізіономіи гостей, чтобы понять, что всѣ довольны и никто не разочарованъ.

Евгенія Андреевна вела себя, какъ милая, любезная хозяйка, но въ душѣ она чувствовала, что выступаетъ въ чужой для нея роли. Она дѣлала все такъ, какъ слѣдовало, съ виду казалась веселой и живой, но въ продолженіе всего вечера ее не покидало чувство какого-то принужденія. Добровольно она не взяла бы на себя этой роли.

Всю ночь шумно веселились въ особнякѣ Лѣсничевыхъ. Впечатленіе отъ вечера было огромное, Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ.

Уже два мѣсяца они проводили въ Петербургѣ, и Евгенія Андреевна вдругъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявила, что пора ѣхать домой.

— Ну, какъ можно теперь ѣхать, когда на носу весенній сезонъ... Начнутся интересныя гастроли, концерты... Вѣдь ты все это уже забыла.

— Все это такъ,—сказала Евгенія Андреевна:—но я не могу оставлять дѣла на такой продолжительный срокъ.

— О, эти дѣла,—воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ.—Они способны свести меня съ ума.

— На нихъ виждется наше благополучіе, Сергѣй.

— Да устраиваются же люди какъ-то иначе. И дѣла у нихъ огромныя идутъ, и сами они живутъ.

— Но неужели ты можешь сказать, что мы не живемъ? Кажется, мы достаточно прожили въ эти два мѣсяца.

— Жить, считая каждый день, это ужасно...

— Не каждый день, но все-таки нельзя обходиться и безъ счета, и я поѣду. Я поѣду одна. Я скоро вернусь... Мнѣ достаточно будетъ двѣ недѣли...

— И ты увѣрена, что не останешься тамъ надолго? спросилъ Сергѣй Михайловичъ.

— О, да. Вѣдь навѣрное тамъ все въ порядкѣ. Но мнѣ будетъ отравлять жизнь безпокойство. Надо только убѣдиться въ этомъ, и больше ничего. Вѣдь такъ?

На этотъ разъ Лѣсничевъ безъ труда согласился на ея предложеніе. Когда она уѣзжала лѣтомъ изъ-за границы, ему дѣйствительно казалось страннымъ остаться одному. Но тамъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ одинъ, а здѣсь было огромное общество. При томъ же онъ уже не могъ представить себя не здѣсь, по крайней мѣрѣ въ это сезонное время. Столько интересныхъ было у него приглашеній, столько проектовъ на эти ближайшіе дни. Онъ какъ-то опьянѣлъ и ему трудно было сразу отрезвиться.

— Ну вотъ и прекрасно,—сказалъ Лѣсничевъ:—только ты не обмани меня. Больше двухъ недѣль я тебѣ дать не согласенъ.

Евгенія Андреевна грустными глазами смотрѣла на него. Въ эту минуту у нея явилось какое-то странное, чрезвычайно непріятное предчувствіе. Въ сердцѣ у нея что-то нарастало,—какъ сорная куча; сперва случайно что-нибудь незначительное и никто ее не замѣчаетъ, потомъ прибавляется и она становится все выше и выше, образуется цѣлая гора, которую не знаютъ куда дѣвать.

И дня черезъ два Евгенія Андреевна дѣйствительно собралась и уѣхала. Провожалъ ее только мужъ.

X.

Когда Евгенія Андреевна ѣхала въ поѣздѣ одна, у нея явилось странное чувство бѣгства, какъ будто бы ей удалось благополучно избѣжать чего-то грозившаго ей, чего-то непріятнаго и тяжелаго. Она чувствовала себя такъ, какъ будто теперь только очнулась отъ кошмара. Все, что она пережила въ эти дни, было несвойственно ей ни по ея натурѣ, ни по привычкамъ, ни по взглядамъ. Она смотрѣла на жизнь серьезно. Ей казалось, что въ жизни непремѣнно должна быть какая-нибудь задача, какая-нибудь цѣль. И разъ избравши ее, надо непремѣнно идти къ ней. У нея была такая цѣль—это ея дѣло, на которое она потратила уже много вниманія и труда. И вотъ она измѣнила ему, своему дѣлу.

Да, оно большое, богатое, противъ этого нельзя спорить, но тѣмъ легче расшатать его, и чѣмъ больше дѣло, тѣмъ труднѣе будетъ потомъ вновь укрѣпить его, если оно дѣйствительно расшатается.

То, что наступило послѣ встрѣчи съ Сергѣемъ, несомнѣнно, было счастьемъ; но это было странное счастье: какое-то показное, у всѣхъ на виду. Если нѣтъ этого, если онъ счастливъ только вдвоемъ съ нею, въ тиши губернскаго города, безъ большой публики, безъ помпы, онъ дѣлается мраченъ и счастья какъ будто бы ужъ и нѣтъ.

Только такое счастье онъ считаетъ настоящимъ, которое видятъ всѣ. Онъ какъ будто бы счастливъ не для себя, а для другихъ.

Да, теперь все это ей представляется яснымъ. Она наконецъ поняла, въ чемъ дѣло. Сергѣй въ высшей степени искрененъ, въ

этомъ она ни на минуту не сомнѣвается. Но его счастье для нея совсѣмъ не составляетъ счастья, и во всемъ этомъ скрывается какъ бы зародышъ трагедіи. Она это чувствовала. У нея какъ разъ наоборотъ, она представляетъ полную противоположность ему. Это присутствіе другихъ при ея счастья только уменьшаетъ его, и—она боится, что оно можетъ довести ея счастье до нуля.

И теперь, оглядываясь назадъ и размышляя обо всемъ, она испытывала страхъ передъ будущимъ.

Въ губернскомъ городѣ губернаторское семейство встрѣтило ее радостно и обласкало ее. Они соскучились по Лѣсничевымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ было скучно. Губернаторъ еще могъ занять себя, погрузившись въ усиленное управленіе губерніею, а жена его не знала, что съ собой дѣлать. И Евгеніи Андреевнѣ пришлось сейчасъ же отдать имъ цѣлый день. Они ее не оставляли. Она должна была рассказывать имъ про Петербургъ, про знакомыхъ, среди которыхъ оказалось много общихъ, и про все то, что тамъ дѣлалось. И она добросовѣстно рассказывала.

Но въ дѣловыхъ сферахъ города она почувствовала какъ бы нѣкоторую холодность. Никто, конечно, не смѣлъ обнаружить отрицательнаго отношенія къ ней, но это чувствовалось. Произошла какая-то перемѣна во взглядахъ на нее.

Она была образцовой наслѣдницей. Когда Муретовъ умеръ и оставилъ ей все свое состояніе, въ особенности же фабрику, всѣ довольно долго ахали.

— Ну, теперь все полетитъ вверхъ дномъ!—говорили скептики:— неизвѣстно только, для чего человѣкъ все это заводилъ...

И Евгенія Андреевна очень скоро доказала противное. Она показала всѣмъ, что умѣетъ поддерживать дѣло, такъ хорошо поставленное ея мужемъ. И всѣ уже научились такъ на нее смотрѣть. Хотя доходомъ фабрики никто не пользовался, кромѣ ея, тѣмъ не менѣе всѣ какъ бы чувствовали себя заинтересованными въ сохраненіи такого прекраснаго дѣла.

А теперь, послѣ того, какъ Евгенія Андреевна дважды оставляла дѣло на произволь судьбы, они стали думать иначе.—А дѣло-таки полетитъ, и еще какъ!—поговаривали въ дѣловыхъ сферахъ города.

Какимъ-то чудомъ дошли изъ Петербурга слухи о томъ, что бывшая Муретова съ своимъ новымъ мужемъ ведутъ жизнь дорогую, свѣтскую, швыряютъ деньгами, не считая ихъ. Трудно сказать, какимъ путемъ доходятъ подобныя свѣдѣнія. Но очевидно, что они были справедливы.

И въ городѣ говорили цинично: «Вотъ нашла-таки молодца, столичнаго красавца. Долго крѣпилась и не выдержала. Вотъ что значитъ баба. Повисла на шеѣ, ошалѣла... Вотъ онъ и протретъ глаза ея денежкамъ...»

И Евгенія Андреевна стала замѣчать нѣкоторую сдержанность, даже недовѣріе среди тѣхъ лицъ, съ которыми ея фабрика имѣла дѣло..

Когда она сдѣлала визитъ на фабрику, то пришла въ ужасъ. Тамъ она нашла полнѣйшій беспорядокъ. Къ ея изумленію, управляющій, который всегда былъ замѣчательно дѣловитымъ, аккуратнымъ и честнымъ человѣкомъ, не оправдалъ довѣрія. Онъ, очевидно, былъ честенъ, пока чувствовалъ надъ собой строгій надзоръ хозяйки, пока его держали въ струнѣ. А когда почувствовалъ, что вожжи ослабѣли, онъ сейчасъ же распустился и показалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ.

Мало того, что онъ небрежно относился къ дѣлу, онъ еще явно злоупотреблялъ, и уже нѣкоторыя статьи принесли убытокъ.

Евгенія Андреевна пригласила къ себѣ управляющаго конторой, старика, посѣдѣвшаго въ этой же конторѣ, и совѣтовалась съ нимъ. Управляющій сказалъ:

— Мы, Евгенія Андреевна, всѣ бываемъ честны, пока эту нашу честность замѣчаютъ и цѣнятъ. И вотъ, пока хозяйскій глазъ присматривалъ, честность-то и обнаруживалась. Все же, знаете, хозяйка видитъ и при случаѣ за это тебя и наградить можетъ... А вотъ столько времени хозяйки уже никто не видалъ. Ну, и разсуждаютъ: будешь ли ты честенъ, или безчестенъ, все одно тебя не похвалятъ, потому что хвалить некому, никто твоей честности и не видитъ. Иной всю жизнь могъ бы остаться честнымъ человѣкомъ, да почувствовалъ попущеніе, ну и сдрейфилъ... Добро-то хозяйское подъ носомъ лежитъ, трудно его не взять...

Всѣ эти обстоятельства наводили Евгению Андреевну на самыя мрачныя думы. Повидимому, приходилось выбирать одно изъ двухъ: или ликвидировать все дѣло, пока не поздно, или самой вести его и быть всегда при немъ. Вотъ какая получилась дилемма. И она стояла передъ нею и требовала быстрого рѣшенія.

Если ликвидировать дѣло, то это значитъ отдать себя той жизни, какую она сейчасъ вела въ Петербургѣ. Больше не для чего; ничѣмъ другимъ не вызывается это. А между тѣмъ та жизнь ей противна. Значитъ, это она сдѣлаетъ только для Сергѣя. Если же остаться при дѣлѣ, то это значитъ отказывать ему во всѣхъ его проектахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ.

Но эти колебанія Евгенія Андреевна переживала не долго. Въ сущности у нея былъ характеръ. Всѣ эти мѣсяцы, что она жила съ Сергѣемъ Михайловичемъ, она не проявляла своего характера, но она дѣлала это сознательно.

Что у нея былъ характеръ, она это уже доказала. Развѣ это не проявленіе характера—быть вѣрной и хорошей женой нелюбимаго Муретова, настолько хорошей, что онъ не задумываясь отказалъ ей все свое состояніе, обойдя всѣхъ родственниковъ. А эта

способность отдаться дѣлу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ хорошо поддерживать его...

И вотъ теперь онъ выступилъ, онъ пришелъ къ ней на помощь и она дала ему полную волю. Нѣтъ, она дѣла не оставитъ. Никакими приманками къ другой жизни, болѣе разнообразной и интересной, нельзя ее отвлечь отъ дѣла, которому она посвятила уже столько силъ.

Не она должна перемѣнить жизнь, а Сергѣй долженъ переработать себя. Вѣдь это же ужасно, что онъ, такой милый, славный, хороший, превращаетъ себя въ какой-то несимпатичный, отталкивающий типъ.

И она цѣлую недѣлю, погруженная въ дѣла, молчала. Теперь она еще не могла писать ему. И вотъ отъ него было получено письмо. Письмо было полно описанія петербургскаго веселья. Онъ весь былъ поглощенъ сезономъ. Онъ сообщалъ, что у знакомыхъ назначено нѣсколько вечеровъ и всѣ они назначены съ такимъ расчетомъ, чтобы дождаться ея. Да, только ее и ждутъ. Безъ нея не хотятъ веселиться. Онъ спрашивалъ, когда она выѣдетъ, и ни на минуту не допускалъ сомнѣнія, что больше двухъ недѣль ея отсутствіе не продлится.

И вотъ она твердой рукой написала ему: «Милый Сергѣй, говорю тебѣ очень серьезно, что я должна отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ. Доканчивай поскорѣе свой сезонъ, навеселись вволю, ликвидируй съ нашимъ временнымъ особнякомъ и приѣзжай сюда. Этимъ ты доставишь мнѣ высокое удовольствіе. Я думаю, что ты не сомнѣваешься, что я скучаю здѣсь безъ тебя. Но приѣхать туда рѣшительно не могу».

Въ отвѣтъ на это письмо она получила страницы, полныя изумленія и краснорѣчивыхъ доказательствъ того, что она должна измѣнить свое рѣшеніе. Они, такимъ образомъ, обманутъ всѣ ожиданія. Нѣкоторые вечера были отложены специально для нея. И множество другихъ доводовъ въ такомъ родѣ.

А Евгенія Андреевна столь же твердо, какъ и прежде, отвѣтила ему: «Мой милый Сережа, должна тебѣ сказать, что мы чуть было не погубили дѣло. Не могу тебѣ объяснить все въ письмѣ, слишкомъ это сложно. Приѣзжай, и все объясню. А только теперь ужъ знай это навѣрное: въ Петербургъ я не приѣду. Кланяйся всѣмъ добрымъ знакомымъ и друзьямъ и попроси у нихъ за меня извиненія, если въ самомъ дѣлѣ я заставила ихъ ждать. Сосчитай, сколько тебѣ нужно денегъ—я знаю, что ихъ надо много,—и сообщи, я сейчасъ вышлю ихъ».

Цѣлую недѣлю не было отъ него письма. Онъ, очевидно, разсердился. Но Евгенія Андреевна уже теперь вполнѣ овладѣла собой. Несмотря на его молчаніе, она написала ему что-то въ своемъ обычномъ твердомъ и спокойномъ тонѣ.

Наконецъ отъ него была получена телеграмма: онъ требовать довольно крупную сумму и ничего больше не прибавлять. Она не возразила ни слова и послала ему деньги.

Сергѣй Михайловичъ рѣшительно отказывался вѣрить въ то, что Евгенія Андреевна такъ твердо устоитъ на своемъ. Увлеченный свѣтской жизнью, онъ слишкомъ плохо наблюдалъ ее. Между тѣмъ онъ тогда еще могъ бы замѣтить, что хотя она и выполняла добросовѣстно всѣ навязанныя ей обязанности, но что жизнь эта была ей не по нутру. И онъ скорѣе склоненъ былъ объяснять ея упорство капризомъ, нѣкоторымъ консерватизмомъ по отношенію къ привычнымъ формамъ жизни, но не такъ, какъ это было въ дѣйствительности.

И своимъ знакомымъ въ Петербургѣ онъ пока не говорилъ, что жена совѣмъ разсчитываетъ не пріѣхать. Такъ, полушутя намекалъ на то, что она увлеклась тамъ дѣлами и чего добраго застрянетъ, но никому и въ голову не приходило, что Евгенія Андреевна совѣмъ не пріѣдетъ.

Въ сущности ихъ внезапное появленіе замѣтно оживило скуку обширнаго круга, въ которомъ они вращались. Лѣсничевъ обладалъ удивительной изобрѣтательностью въ развлеченіяхъ, а въ устройствѣ ихъ онъ проявлялъ настоящій артистическій темпераментъ. Казалось, это и было его истиннымъ призваніемъ.

И Евгению Андреевну дѣйствительно ждали для какихъ-то черевъ, которые были отложены до ея пріѣзда.

И когда онъ получилъ ея первое письмо, въ которомъ она прямо заявляла, что не пріѣдетъ, онъ сказалъ себѣ: «Пустое, это только такъ... Это перемѣнится».

У него уже былъ на этотъ счетъ опытъ. Сколько разъ она уже упорствовала и, казалось, ни за что не согласится на какой-нибудь его проектъ, но въ концѣ концовъ дѣлала такъ, какъ онъ хотѣлъ. Онъ былъ увѣренъ, что и теперь такъ будетъ.

И онъ написалъ ей письмо, полное самыхъ, какъ ему казалось, неопровержимыхъ доводовъ. И въ отвѣтъ на это письмо онъ получилъ новое подтвержденіе ея первой воли. Да, это была какая-то новая твердость, до сихъ поръ ей несвойственная. Онъ явственно почувствовалъ это при чтеніи письма. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ надѣяться на себя, на свое вліяніе и краснорѣчіе. Онъ написалъ еще письмо въ болѣе рѣшительномъ тонѣ, а она отвѣтила новымъ, столь же твердымъ отказомъ и предложила деньги.

А деньги дѣйствительно были ему нужны. Онъ сразу взялъ такой широкой масштабъ жизни, что сузить его хоть немного значило бы показать слабость и навести общество на кой-какія неблагопріятныя для него мысли. Въ особенности массу денегъ поглощать особнякъ, содержаніе котораго странно дорого обходилось.

«Нѣтъ, надо самому ѣхать. При личномъ разговорѣ она не устоитъ», подумалъ онъ. И казалось бы, ему слѣдовало дѣйствительно поѣхать въ губернской городъ. Но было три десятка назначенныхъ уже развлеченій. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи присутствовать на нихъ. Онъ зналъ, что это разочаровало бы все общество, а ему было такъ пріятно играть въ этомъ обществѣ видную роль. Онъ отложилъ поѣздку и потребовать денегъ.

И теперь онъ уже долженъ былъ заявить всѣмъ, что жена не пріѣдетъ.

— У нея тамъ какія-то непріятныя осложненія на фабрикѣ... Она принуждена была остаться,—сказалъ онъ.

А въ это время особняку какъ разъ вышелъ срокъ, и ему приходилось рѣшить вопросъ, оставить его за собой или отказаться. Въ воздухѣ между тѣмъ уже нахло приближеніемъ весны. Скоро наступитъ лѣто; во всякомъ случаѣ, если ему и удастся повліять на жену, въ Петербургѣ незачѣмъ будетъ оставаться. И у него хватило мужества отказаться отъ особняка. Онъ опять переѣхалъ въ Европейскую гостиницу.

Онъ переѣзжалъ, разумѣется, всего только на нѣсколько дней. По крайней мѣрѣ онъ мысленно рѣшилъ скоро уѣхать домой. Но наступилъ постъ, его задержали концерты, пріѣзжіе гастролеры, и онъ остался.

Съ Евгеніей Андреевной у него была частая и оживленная переписка. Въ письмахъ все шло мирно, никогда она его не упрекала, а онъ старался не вызывать ее на это. Въ каждомъ письмѣ онъ обязательно сообщалъ о своемъ скоромъ выѣздѣ. Ее онъ уже не звалъ въ Петербургъ. Во-первыхъ, онъ ликвидировалъ съ особнякомъ, а во-вторыхъ, на носу было лѣто, и онъ рѣшилъ, что лѣтомъ онъ непременно убѣдитъ ее и будущую зиму они всю проживутъ въ Петербургѣ.

XI.

Сергій Михайловичъ плохо наблюдалъ. А если бы онъ былъ повнимательнѣе, то могъ бы замѣтить происшедшее въ послѣднее время какъ бы нѣкоторое охлажденіе къ нему со стороны общества.

Его всею попрежнему принимали, но какъ-то сдержанно. Не было уже прежняго радушія, онъ уже не являлся центральнымъ лицомъ, съ нимъ не такъ охотно проводили время, не такъ настойчиво приглашали его.

Но однажды это ему бросилось въ глаза. Гдѣ-то былъ маленькій вечерокъ, и онъ, можетъ быть, въ первый разъ замѣтилъ, что ему страшно скучно. Онъ скучалъ и раньше, но не замѣчалъ этого или объяснялъ случайными причинами. Между тѣмъ имъ уже почти не занимались.

И на этомъ вечерѣ, когда онъ сидѣлъ въ сторонѣ совершенно одинъ и съ нѣкоторымъ изумленіемъ вдумывался въ эту перемѣну, къ нему подошелъ одинъ старый пріятель и товарищъ его по правовѣднію, членъ суда Рыбчинскій.

— Что это у тебя такой скучающій видъ? — спросилъ его Рыбчинскій.

— Оттого, что скучно, — неохотно отвѣтилъ Лѣсничевъ.

— Тебѣ скучно? Вотъ какъ странно это звучитъ! Ты самъ извѣстный разрушитель скуки. Ты такъ хорошо умѣешь устраивать развлеченія.

— Ты говоришь такъ, какъ будто это моя специальность. Я вовсе не антрепренеръ лѣтнихъ развлеченій, — раздраженно сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Я этого и не говорю, но... — онъ остановился и какъ бы выжидалъ съ его стороны поощрительнаго вопроса.

— Что же но? — спросилъ Лѣсничевъ.

— Но не замѣчаешь ли ты странную вещь: что къ тебѣ какъ будто немножко охладѣли?

— Да? — съ сильнымъ любопытствомъ промолвилъ Сергѣй Михайловичъ: — а ты это замѣчаешь? Тебѣ, можетъ быть, даже это извѣстно?

— Какъ настроеніе, да.

— Что же это за загадка такая? Ты, можетъ быть, объяснишь мнѣ?..

— Я могъ бы постараться, если бы сумѣлъ...

— Я очень просилъ бы тебя сдѣлать усиліе.

— Ты въ Европейской?

— Да, я туда переѣхалъ.

— Отъ двѣнадцати до двухъ ты бываешь дома?

— Могу быть, если назначишь.

— Ну, такъ завтра я къ тебѣ приѣду.

Эти намеки встревожили Сергѣя Михайловича, и онъ плохо спалъ эту ночь. На другой день въ половинѣ перваго къ нему приѣхалъ Рыбчинскій.

— Ты меня встревожилъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ: — пожалуйста будь откровененъ.

— Да вѣдь это будетъ только мое мнѣніе. Или, лучше сказать, впечатлѣніе, — отвѣтилъ Рыбчинскій. — А, конечно, говорить, такъ ужъ откровенно. Итакъ, ты самъ замѣчаешь нѣкоторое охлажденіе?

— Да, я теперь это вижу, но рѣшительно не понимаю причины.

— Да, видишь ли, фактической причины и нѣтъ. Ты не совершилъ ничего дурного и никто этого не думаетъ. Но настроеніе дѣйствительно переизмѣнилось.

— Да почему же, почему?

— Вотъ я и постараюсь выяснитъ тебѣ... Хотя, признаюсь, это трудно. Видишь ли, вотъ была здѣсь твоя жена, прелестная Евгенія Андреевна. Мы всѣ ее видѣли. Она по характеру холодновата, сдержанна, осторожна, никогда не скажетъ лишняго слова, можетъ быть, даже и немножко не совсѣмъ искренна, но не болѣе того, что требуется свѣтской жизнью. Но она симпатична, на всѣхъ она произвела самое благопріятное впечатлѣніе.

— Я въ этомъ и не сомнѣвался.

— Да, да. Это иначе и быть не могло. Ну-съ, и вотъ прожила она здѣсь два мѣсяца, а затѣмъ вдругъ ее позвало дѣло, она уѣхала къ своему дѣлу. И она тамъ усердно занимается дѣлами, мы всѣ это знаемъ. О, мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ ты думаешь.

— Это какимъ же образомъ?—спросилъ Лѣсничевъ.

— Да вѣдь въ каждомъ губернскомъ городѣ найдется случайно заброшенный туда членъ здѣшняго общества. Всегда есть сношенія. Тамъ теперь живетъ прокуроръ Калмыковъ. Вѣдь онъ вышелъ изъ нашего же круга. Ну, вотъ многіе съ нимъ въ перепискѣ... Остальное понятно.

— Что же вамъ доложилъ прокуроръ Калмыковъ?—саркастически спросилъ Сергѣй Михайловичъ.

— Въ сущности ничего того, чего бы мы не знали. Что Евгенія Андреевна серьезная женщина и вся предана своему большому дѣлу, которое процвѣтаетъ, благодаря ея личной работѣ и руководству. Итакъ, видишь ли, мой другъ, дѣло стоитъ такимъ образомъ, что она является главой большого предпріятія, она, женщина, и отдаетъ ему все свое время, а ты, мужчина, мужъ, ты здѣсь порхаешь.

— Порхаешь! Что за слово?.. Но въ такомъ случаѣ здѣсь всѣ порхають.

— Да, каждый за свой рискъ и страхъ.

— Но позволь... Развѣ я измѣняю моей женѣ? Я вѣренъ ей, какъ Филемонъ Бавкидѣ.

— Никто въ этомъ не сомнѣвается. Но согласись, что все это имѣетъ странный видъ. Всѣ знали, что у тебя дѣла были страшно разстроены. Ты уже одинъ разъ былъ женатъ. У тебя не было своего состоянія и ты нѣсколько лѣтъ шикарно жилъ, благодаря средствамъ твоей первой жены. Теперь ты опять живешь шикарно. И опять на средства жены, уже второй. И дѣло не въ этомъ. Очень многіе, не имѣя состоянія, женятся на богатыхъ и живутъ на средства своихъ женъ. Но они обыкновенно занимаются дѣлами, становятся отвѣтственными лицами. Ты же не работаешь, ты предоставляешь ей заниматься дѣлами, а самъ только... Здѣсь я долженъ опять прибѣгнуть къ этому слову: порхаешь. Ну, вотъ тебѣ картина. А отъ нея получается естественное впечатлѣніе.

— Значитъ, свѣтъ меня судить?

— Да, судить. Онъ всегда судить. Онъ очень строгъ, даже черезчуръ строгъ. Онъ имѣетъ видъ, правда, легкомысленный. Но ему нельзя отказать въ чуткости. Онъ фильтруетъ. Ты меня извини, Сергѣй Михайловичъ, я говорю это тебѣ по-дружески.

— Я тебѣ благодаренъ,—сухо сказалъ Лѣсничевъ:—не всякій имѣлъ бы мужество это сказать.

— И тѣмъ не менѣе ты противъ меня раздраженъ?—спросилъ Рыбчинскій.—Но это такъ и должно быть. Мы всегда чувствуемъ себя враждебно по отношенію къ тому, кто намъ сообщаетъ непріятности, хотя бы онъ самъ былъ здѣсь ни при чемъ.

— Можетъ быть, ты и правъ, но все-таки я тебѣ благодаренъ.

Рыбчинскій уѣхалъ, а Сергѣй Михайловичъ дѣйствительно разсердился на него. Это было очень глупо, но у него не хватало мужества на то, чтобы безпристрастно взглянуть на самого себя.

Дѣла, заниматься дѣлами! Хорошо имъ говорить, когда ихъ дѣла въ Петербургѣ, они ѣздятъ въ свои канцеляріи и департаменты, отсиживаютъ тамъ извѣстное число часовъ и получаютъ за это жалованье. Но его хотятъ засадить на какую-то фабрику гдѣ-то въ губернскомъ городѣ. Но онъ не можетъ, не въ силахъ. Да и дѣлу отъ этого будетъ не польза, а только вредъ. Вѣдь онъ же все перепутаетъ, наконецъ онъ будетъ ненавидѣть самое дѣло и будетъ мстить ему за то, что оно существуетъ.

А, прокуроръ, вотъ онъ источникъ, вотъ его врагъ. И вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на себя, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ затаить злобу противъ прокурора. Онъ, конечно, тутъ же далъ себѣ слово, когда побѣдетъ въ губернскій городъ, первымъ дѣломъ учинить Калмыкову какую-нибудь непріятность.

Однимъ словомъ, сообщеніе Рыбчинскаго произвело на него совсѣмъ не то впечатлѣніе, на которое онъ рассчитывалъ. До сихъ поръ Лѣсничевъ удивительно добродушно относился къ жизни и какъ-то по-дѣтски срывалъ цвѣты наслажденія, какіе она представляла ему. Теперь у него явилась злобность. Ему мѣшали, ему становились поперекъ дороги.

Весенній сезонъ былъ совершенно испорченъ. Онъ больше не былъ въ состояніи наслаждаться имъ. Все удовольствіе было отравлено.

Сергѣй Михайловичъ не поѣхалъ больше ни въ одинъ домъ. Даже съ лучшими своими друзьями онъ не простился. Онъ никому теперь не довѣрялъ.

Онъ не успѣлъ истратить и половины тѣхъ денегъ, которыя недавно получилъ отъ Евгеніи, и это былъ первый случай, что онъ везъ въ губернскій городъ крупную сумму. Онъ расплатился съ гостиницей и уѣхалъ. И опять это имѣло видъ какого-то внезапнаго исчезновенія, какъ тогда, въ первый разъ.

Въ губернской городъ онъ прѣхалъ злой и раздраженный. Съ женой онъ сдерживалъ себя. Она только могла догадываться о его настроеніи, но онъ не проявлялъ его.

Но когда онъ бывалъ у губернатора, онъ давалъ волю своему настроенію. Онъ ни слова не говорилъ по существу, но безпощадно бранилъ петербургское общество.

— Они сами не знаютъ, чего хотятъ. Они веселятся и какъ будто все время оглядываются, какъ бы кто не подсмотрѣлъ и не упрекнулъ ихъ за это. Нѣтъ настоящаго увлеченія, нѣтъ искренности и цѣльности.

Губернаторъ защищалъ петербургскій кружокъ.

— Ты несправедливъ,—говорилъ онъ:—при томъ же это странная перемѣна,—ты еще недавно былъ восторженнымъ поклонникомъ петербургскаго общества; помнишь, какъ ты соблазнялъ Евгенію Андреевну, и помнишь, какія письма писалъ мнѣ, когда вы были тамъ. Ты не находилъ словъ для похвалъ.

— Пустяки, просто я проголодался, три года я былъ лишень всякаго общества, но въ сущности оно пустое... И я жалѣю о потерянномъ времени.

Однажды такой же разговоръ завязался у нихъ и при Евгеніи Андреевнѣ. И когда она услышала его филиппики, то лицо ея просіяло.

— Наконецъ-то ты это понялъ,—воскликнула она:—я этому очень рада.

Но онъ не слишкомъ обрадовался такому заключенію.

— Ты не совсѣмъ такъ поняла меня, я вовсе не хочу сказать, что все общество никуда не годится. Общество есть, но намъ просто не повезло, это былъ неудачный подборъ.

— Какое же, по-твоему, должно быть общество?

— Ну, этого я такъ не могу объяснить, но у меня есть идеалъ... Если мы когда-нибудь повторимъ нашу поѣздку, то я постараюсь найти его.

Губернаторъ слушалъ всѣ эти разговоры и даже спорилъ съ нимъ, но, въ сущности, онъ изъ дружбы къ нему былъ не совсѣмъ искрененъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ Петербургомъ, Рыбинскій былъ и его товарищемъ, и ему давно уже былъ извѣстенъ настоящій смыслъ раздраженія Сергѣя Михайловича и однажды онъ рѣшился поговорить съ нимъ. Онъ приступилъ къ дѣлу чрезвычайно осторожно.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ тобой, какъ другъ. Въ томъ, что я желаю тебѣ добра, ты не можешь сомнѣваться. Ты помнишь, какъ я искренно былъ радъ твоей встрѣчѣ съ Евгеніей Андреевной и тому, что ты такъ хорошо устроился. Но теперь... Понимаешь ли, мой другъ, все это идетъ какъ-то не такъ, какъ слѣдуетъ, и я долженъ тебѣ сказать, что и въ Петербургѣ такъ на это посмотрѣли.

Сергѣй Михайловичъ вскипѣлъ.

— Я не понимаю, чего отъ меня хотятъ и кому какое есть дѣло до моей жизни... Пусть бы оставили меня въ покоѣ.

— Но ты же самъ не отрицалъ общества, ты искалъ его,—осторожно сказалъ губернаторъ.

— Да, конечно, искалъ. Не могу я жить пустыннымъ. Но, наконецъ, пусть дадутъ мнѣ какое-нибудь дѣло, какое было бы мнѣ по душѣ... Не уродъ же я какой-нибудь. Вѣроятно, есть такое дѣло на свѣтѣ...

— А какое дѣло тебѣ по душѣ?—спросилъ губернаторъ.

— Этого я не знаю.

— Ну, вотъ видишь. Въ какое затруднительное положеніе ты ставишь своихъ друзей. Ты же помнишь, я предлагалъ тебѣ служить. Ты началъ бы со скромнаго, а потомъ могъ бы переѣхать въ Петербургъ,—ты отказался. Между тѣмъ тогда былъ бы смыслъ въ этомъ переѣздѣ, и, можетъ быть, и Евгенія Андреевна посмотрѣла бы иначе. Жена предоставляла тебѣ заниматься, чѣмъ ты хочешь — фабрикой, конторой, коммерціей, даже, если я не ошибаюсь, завести какое-нибудь новое дѣло. Ты и отъ этого отказался. Я понимаю, бываютъ такія натуры, которыя неспособны къ практическому дѣлу, но это художники. Ты не художникъ, ни архитекторъ, ни литераторъ, ни музыкантъ... Ну, понимаешь ли, получается очень странный видъ. Я говорю тебѣ это изъ самаго искренняго желанія тебѣ добра.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ Лѣсничевъ, прервавъ его:—тебѣ извѣстно, что и жена моя раздѣляетъ это мнѣніе?

— О, нѣтъ. Мнѣ ничего этого не извѣстно. Я никогда не говорилъ объ этомъ съ Евгеніей Андреевной. Я не считаю себя въ правѣ.

Но у Сергѣя Михайловича теперь засѣла мысль—узнать, дѣйствительно ли такъ же точно думаетъ о немъ жена. Онъ давно уже собирался поговорить съ нею. Сама по себѣ она ничего не высказывала. Съ нимъ она была необыкновенно сдержанна и осторожна. Она избѣгала говорить съ нимъ о дѣлахъ. Когда она обращалась къ нему, на губахъ ея всегда играла полуулыбка, но при этомъ морщился лобъ и было что-то принужденное въ ея глазахъ.

И онъ все какъ-то не рѣшался затѣять разговоръ, какъ будто боялся или предугадывалъ что-то непріятное.

А нужно было рѣшать вопросъ, гдѣ они проведутъ лѣто. Объ этомъ онъ какъ-то спросилъ жену.

— Конечно, здѣсь, на дачѣ, —просто отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Какъ, все лѣто?

— Все, милый...

— Да вѣдь это же утомительно.

— Да, но ничего нельзя подѣлать. Видишь ли, я тебѣ еще не рассказала... Когда я пріѣхала изъ Петербурга, я нашла на фа-

брикъ настоящей разгромъ. Но это я уладила очень скоро; а что было мнѣ крайне неприятно, это та холодность, которую я встрѣтила въ дѣловыхъ сферахъ. Ко мнѣ стали относиться недоувѣрчиво.

— Какъ это странно! Рѣшительно всѣ вмѣшиваются въ нашу жизнь.

— Да, потому что наша жизнь связана съ жизнью другихъ. И огорчилъ меня очень управляющій фабрикой. Я убѣдилась, что на него нельзя положиться.

— И послѣ этого ты все-таки оставила его на службѣ?

— Но почему же? Вѣдь онъ отличный работникъ.

— И плуть?

— Ну, въ этомъ я сама была виновата. Мой управляющій конторой, человекъ, которому я безусловно довѣряю, совершенно правильно объяснилъ мнѣ: нельзя оставлять дѣло безъ контроля, отъ этого даже честные люди портятся.

— Нѣтъ, я этого совсѣмъ не понимаю—оставлять людей, на которыхъ нельзя положиться. Это благотворительность какая-то.

— Но, мой другъ, вѣдь и на меня нельзя положиться. Покойный Муретовъ, оставляя мнѣ фабрику, очевидно, на меня полагался, а я уѣхала на два мѣсяца въ Петербургъ и чуть не погубила дѣло. Нельзя требовать отъ другихъ того, чего не даешь самъ.

Это напоминаніе о Муретовѣ взорвало Сергѣя Михайловича.

— Ты, кажется, хочешь дать мнѣ пощечину, — сильно вспылывъ, воскликнулъ онъ.

— Что ты, что ты, Сережа!

— Да, это напоминаніе о Муретовѣ... Я это очень хорошо понимаю.

— Ты именно не понялъ. Я хотѣла только указать на серьезность нашей съ тобой отвѣтственности.

— А! люди создаютъ себѣ отвѣтственность всюду. Они удивительно какъ любятъ быть отвѣтственными. Итакъ, лѣто сидимъ здѣсь?

— По крайней мѣрѣ, я.

— Но ты очень хорошо знаешь, что если ты, то и я.

— Тѣмъ лучше, милый. Но увѣряю тебя, что мы проведемъ прекрасное лѣто.

И эта твердость, съ которой теперь говорила Евгенія, приводила его въ отчаяніе. Онъ видѣлъ, что уже потерялъ всякое вліяніе на нее. Что же это? Она тоже усвоила петербургскую точку зрѣнія? И ему очень хотѣлось поскорѣе объясниться съ нею, но онъ не находилъ для этого ни мужества ни словъ.

Наступило лѣто. Они переѣхали на дачу. Сергѣй Михайловичъ развлекался, какъ ребенокъ, катаньемъ на лодкѣ, рыбной ловлей. Онъ устроилъ себѣ какую-то необыкновенную паровую лодку, завелъ самыя разнообразныя принадлежности для рыболовства и тѣшился этимъ.

Евгенія Андреевна, наоборотъ, усиленно занималась дѣлами. Она каждый день ѣздила на фабрику и иногда проводила тамъ цѣлый день. Съ нимъ она была необыкновенно мила, но обращалась какъ съ ребенкомъ. А онъ продѣлывалъ всякіе пустяки, но въ душѣ у него нарасталъ протестъ. Его тянуло куда-нибудь на курортъ и въ особенности манило его почему-то въ Трувиль. Тамъ онъ когда-то провелъ два превосходныхъ лѣта.

Однажды Евгенія Андреевна вернулась съ фабрики разстроенная. Тамъ случилось несчастье, сломалась машина. Цѣлое отдѣленіе должно было остановиться.

— Что жъ ты намѣрена дѣлать? — спросилъ Сергѣй Михайловичъ. — У тебя такой видъ, какъ будто тебя постигло безутѣшное горе.

— Необходимо сейчасъ же выписать новую машину, — отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Откуда?

— Изъ Лейпцига.

И вдругъ его осѣнила мысль.

— Не лучше ли мнѣ съѣздить за нею?

Она пристально посмотрѣла на него, и чуть замѣтная усмѣшка промелькнула у нея на губахъ. Она подумала: «Ему страшно хочется поѣхать за границу, и это поводъ. О, какой онъ слабый человѣкъ!».

— Да, конечно, лучше, — отвѣтила она: — въ самомъ дѣлѣ съѣзди.

Онъ замаялся. Онъ видѣлъ, что она просто-напросто хочетъ быть великодушной.

— Но, — слабо возразилъ онъ, — я вѣдь ничего не понимаю въ машинахъ.

— А ты возьми съ собой механика...

— Хорошо... Такъ я поѣду...

Онъ схватился за эту мысль. Быстро собрался онъ и прихватилъ съ собой механика.

— Ну, — сказала, провожая его, Евгенія Андреевна: — ты все-таки немного поразвлекись тамъ. Ты не очень засидишься? — съ улыбкой спросила она.

— О, что ты. Я совѣмъ не имѣю этого въ виду. Ну, недѣлку лишнюю... Все-таки надо воспользоваться тѣмъ, что я буду тамъ, и слегка проѣхаться.

И онъ говорилъ это вполнѣ искренно. Онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что неловко будетъ такъ уже явно злоупотребить ея великодушіемъ.

Онъ поѣхалъ прямо въ Лейпцигъ. Тамъ, конечно, у него не было ничего головокружнаго. Машину выбиралъ механикъ, онъ же служилъ только переводчикомъ, потому что механикъ не говорилъ по-нѣмецки.

Вопросъ о машинѣ былъ рѣшенъ въ два дня. Механикъ остался въ Лейпцигѣ, чтобы хлопотать о перевозкѣ, а Сергѣй Михайловичъ подумалъ: «Куда же мнѣ двинуться?».

И укатилъ въ Трувилъ.

ХII.

Въ Трувилѣ онъ сперва очутился одинъ. И ему было очень приятно гулять по берегу моря, вспоминать прежніе веселые дни и, главное, никого не встрѣчать.

Но вотъ однажды ему показалось, что онъ видитъ какъ будто знакомыхъ. Онъ присмотрѣлся поближе и узналъ того самаго Кузминскаго, который когда-то былъ поклонникомъ Евгеніи Андреевны. Петербуржецъ былъ съ женой. И Сергѣй Михайловичъ замѣтилъ въ себѣ странное движеніе: у него явилось желаніе не встрѣчаться съ ними, и онъ нѣкоторое время просто избѣгалъ ихъ.

Онъ остановился на этомъ своемъ новомъ состояніи. Почему,—спрашивалъ онъ себя, — почему я избѣгаю ихъ? — И онъ прежде всего объяснилъ это злобой противъ нихъ за то пристрастіе, которое они обнаружили къ нему въ Петербургѣ, за несправедливость. Но это объясненіе удовлетворяло его только поверхностно. Все-таки его сильно беспокоило это новое положеніе, въ какомъ онъ никогда не находился.

Избѣгать долѣе становилось неудобно, при томъ же, кажется, его уже замѣтили во время одной прогулки. Вотъ Кузминскій уже издалека приподнял шляпу и кланяется ему. Пришлось подойти.

Съ виду казалось, что они обрадовались ему и обращались съ нимъ въ высшей степени привѣтливо.

— Вы съ женой, конечно?—спросили его Кузминскіе.

— Нѣтъ, я одинъ,—отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ и сейчасъ же прибавилъ:—я ненадолго, проѣздомъ. Тутъ въ Лейпцигѣ смотрѣлъ машины, было нѣсколько свободныхъ дней, вотъ я и заѣхалъ подышать морскимъ воздухомъ.

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ это, онъ чувствовалъ, что какъ будто ненавидитъ самъ себя. Съ какой стати онъ говорилъ имъ это? Какое имъ до всего этого дѣло? При чемъ тутъ машина? Почему это онъ заговорилъ о машинѣ? Онъ точно искалъ оправданія для своего присутствія здѣсь.

Больше онъ не встрѣчался съ Кузминскими. Теперь ужъ онъ избѣгалъ ихъ самымъ основательнымъ образомъ. Онъ чувствовалъ себя какимъ-то Кланомъ, который долженъ скитаться вдали отъ людей.

Онъ очень скоро уѣхалъ изъ Трувила. Онъ просто бѣжалъ отсюда и выбралъ Уайтъ, какъ находящійся въ сторонѣ и при томъ островъ. Ужъ здѣсь онъ никакъ не рассчитывалъ встрѣтить знакомыхъ.

И съ недѣлю онъ чувствовалъ себя прекрасно. Дѣйствительно, никто не попался ему изъ петербуржцевъ, и вообще русскихъ совсѣмъ не было. И вдругъ однажды онъ, случайно попавъ на парходную пристань, лицомъ къ лицу встрѣтился съ Рыбчинскимъ, который прѣхалъ и шелъ съ пристани, а позади его носильщикъ тащилъ чемоданъ.

— Батюшки, откуда ты, почему ты здѣсь?—невольно воскликнулъ Лѣсничевъ, увидѣвъ своего стараго товарища.

— Прибылъ для здоровья, — отвѣтилъ Рыбчинскій: — видишь, какъ отощаль.

Дѣйствительно, Рыбчинскій видимо былъ боленъ. У него были распатаны нервы, онъ былъ худъ и цвѣтъ лица у него былъ болѣзненный.

Они встрѣчались довольно часто, и Сергѣй Михайловичъ замѣтилъ, что вотъ уже въ теченіе трехъ дней Рыбчинскій ни однимъ словомъ не упомянулъ объ Евгеніи Андреевнѣ. Онъ совсѣмъ не спросилъ о ней, какъ будто ея и не существовало, и это его просто-таки взбѣсило.

— Почему это ты не спрашиваешь меня о моей женѣ?—прямо спросилъ онъ Рыбчинскаго.

— Я ея не вижу...—неопредѣленно отвѣтилъ Рыбчинскій.

— Да, вотъ именно потому, что не видишь, казалось бы, долженъ бы спросить, здѣсь ли она, здорова ли, жива ли? Право, вѣдь это неестественно. Значитъ, ты осторожничаешь со мной...

— Да право... Просто не пришло въ голову; вижу, что Евгеніи Андреевны здѣсь нѣтъ...

— Да, но все-таки...

— Однако, какъ ты сталъ подозрителенъ, Сергѣй Михайловичъ.

— Да, я сталъ подозрителенъ, потому что въ самомъ дѣлѣ за мной слѣдятъ, какъ за преступникомъ. Всѣ точно только и заняты вопросомъ, правильно ли я живу, осуществляю ли свое призваніе...

— А знаешь ли, мнѣ почему-то это напоминаетъ исторію о Юпитерѣ, который сердится...

— Потому что виноватъ? Ну, да, еще бы, всѣ правы, кромѣ меня. Я одинъ кругомъ виноватъ... Впрочемъ, мы вѣдь скоро разстанемся. Я вѣдь здѣсь ненадолго, проѣздомъ...

— Проѣздомъ черезъ Уайтъ? — поймалъ его на словѣ Рыбчинскій.

Лѣсничевъ на секунду смѣшался. Дѣйствительно, это было странно. Онъ сказалъ это слово какъ-то машинально. Но онъ нашелся.

— Да вѣдь я былъ въ Лондонѣ. У насъ на фабрикѣ сломалась машина, такъ нужно было посмотреть.

Рыбчинскій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и, очевидно, не вѣрилъ въ машину, но онъ ничего не сказалъ по этому поводу.

— Отсюда я ѣду прямо домой, — прибавилъ Сергѣй Михайловичъ.

И опять онъ поймалъ себя на враньѣ. Къ чему это, съ какой стати? Точно онъ зависить отъ этихъ людей. И почему это онъ теперь все время чувствуетъ себя какъ будто отравленнымъ? Онъ не находилъ себѣ покоя.

И онъ вдругъ взялъ и уѣхалъ съ острова, даже не простившись съ Рыбчинскимъ. Теперь онъ рѣшительно не зналъ, куда дѣваться. Онъ не находилъ себѣ мѣста. Попробовалъ было заѣхать въ Швейцарію, но эта страна кишить русскими. Рѣшительно во всѣхъ уголкахъ онъ встрѣчалъ петербуржцевъ и даже встрѣтилъ какого-то чиновника изъ губернскаго города. Онъ вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ русскимъ и, какъ только слышалъ въ какой-нибудь группѣ русскій языкъ, тотчасъ же бѣжалъ безъ оглядки.

Куда же ему теперь забраться? Въ Испанію, въ Египетъ, въ Алжиръ? Но во всѣхъ этихъ странахъ теперь жара нестерпимая. Право, ему придется, кажется, тащиться на сѣверный полюсъ.

Отовсюду онъ исправно посылалъ письма Евгеніи Андреевнѣ. Оригинальность этой поѣздки заключалась въ томъ, что онъ ни разу не потребовалъ у нея денегъ. Хотя онъ захватилъ съ собой вовсе небольшую сумму, но денегъ ему было не нужно. Онъ жилъ удивительно скромно. Когда онъ одинъ, когда нѣтъ никого, кто его знаетъ, то ему какъ-то не на что тратить, онъ вѣдь тратилъ обыкновенно напоказъ. И его главное удовольствіе состояло въ томъ, чтобы другіе видѣли, какъ онъ получаетъ удовольствіе.

Всего три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Лейпцига. И вдругъ Евгенія Андреевна была изумлена лаконической телеграммой отъ него:

«Пріѣду во вторникъ».

И онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ. Онъ явился похудѣвшій, блѣдный. Евгенія Андреевна никакъ не ожидала встрѣтить его такимъ.

— Что съ тобой, милый?—спросила она его при встрѣчѣ.—Ты не боленъ ли?

— Нѣтъ, ничего,—коротко отвѣтилъ онъ.

Но она не повѣрила, слишкомъ необычно это было для него. У него всегда было цвѣтущее лицо. Онъ вообще почти не умѣлъ страдать, и потому на лицѣ его не было никакихъ тѣней.

Она дала ему отдохнуть послѣ дороги и дня два не тревожила его разспросами. Потомъ она рѣшила допросить его. Такъ она и сказала ему:

— Хочу допросить тебѣ, Сережа. Ты долженъ мнѣ сказать это. Ты страдаешь...

И вдругъ она услышала отъ него такое признаніе, какого никогда не ожидала.

— Да, Женя, да, страдаю... неудержимо вырвалось у него:—ахъ, если бь ты знала, какъ я измученъ. Ты только вообрази, въ Трувилѣ я встрѣтилъ Кузминскаго, на Уайтѣ Рыбчинскаго, въ Швейцаріи какого-то здѣшняго чиновника, и всѣ смотрѣли на меня подозрительно, всѣ говорили со мной осторожно. И всѣхъ я боялся, всѣмъ лгалъ... Ты пойми, я сталъ бояться встрѣчи, я началъ лгать уже какъ слѣдуетъ... Я чувствовалъ себя Каиномъ, отверженнымъ. На меня всѣ смотрятъ какими-то странными глазами. Я живу на счетъ моей жены... Ты понимаешь, что этого вынести невозможно... Слушай, Женя, нѣтъ, ты не думай обо мнѣ такъ дурно. Ты не думай, что мнѣ это нужно во что бы то ни стало: я готовъ отказаться... И я откажусь... Но вѣдь я же знаю, что ты меня любишь и будешь страдать... Ну, что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать? Ужъ я теперь боюсь ѣздить въ твоемъ экипажѣ, на твоихъ лошадяхъ. И при этомъ какое-то необыкновенное единомысліе, всѣ одинаково думаютъ обо мнѣ. Вотъ губернаторъ, онъ мой другъ. Ты думаешь, онъ иначе смотритъ? Нѣтъ, точно такъ же, какъ и всѣ... Мнѣ кажется, что когда я иду по улицѣ, весь городъ на меня пальцами показываетъ.

И онъ искренно страдалъ. Евгенія Андреевна это видѣла, глаза его горѣли мукой, голосъ какъ-то сухо дрожалъ.

— Успокойся, милый Сережа, сказала она:—никто этого не думаетъ, и ты не долженъ такъ думать. Но это твои собственныя мысли, и я ихъ понимаю. Я понимаю, что тебѣ должно быть тяжело. Но вѣдь это же хорошо, что у тебя явились такія мысли, это значитъ, что ты можешь измѣнить свою жизнь. Ну, знаешь что? Давай, будемъ вмѣстѣ работать. Подумай, какъ это будетъ хорошо. Ты не понимаешь въ дѣлахъ, но вѣдь ты будешь со мной, ты понемножку будешь вникать во все, я буду сама все дѣлать, а ты только будешь со мной и понемногу все узнаешь, все поймешь.

— И ты будешь терпѣть рядомъ съ собой эту бессмысленную фигуру, которая не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей и отъ всего скучаетъ?

— Ты только вначалѣ будешь скучать, а потомъ ты непременно заинтересуешься. Ну, хочешь, я тебя, какъ лѣниваго школьника, буду понукать, чтобы ты всюду ѣздить со мной?

— Хочу ли я? О, да, я хочу, чтобы изъ меня насильно извлекли какую-нибудь полезность, какую-нибудь пригодность.

— Такъ рѣшено?

— Если тобой рѣшено, то и мной... Ты хочешь спасти меня... Не можетъ быть, чтобъ тебѣ это не удалось. Я начинаю вѣрить въ это.

Это былъ у него искренній порывъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ радовался, что Евгенія Андреевна пришла такая мысль, и всею душой собирался достигнуть желанной цѣли.

Она же мало надѣялась на это, но думала теперь только о соблюденіи приличій для него. Всѣ будутъ видѣть, что они вмѣстѣ занимаются дѣлами, и мало-по-малу привыкнутъ думать, что онъ участвуетъ въ дѣлахъ такъ же, какъ и она. И тотъ странный взглядъ, какой теперь установился на него и который теперь такъ его мучаетъ, мало-по-малу замѣнится другимъ.

Словомъ, это успокоитъ и другихъ и его.

ХІІІ.

Сергѣй Михайловичъ взялъ себя въ руки. Дѣйствительно, онъ пережилъ тяжелый кризисъ. Никакъ онъ не могъ забыть своего недавняго заграничнаго путешествія. Онъ испыталъ какія-то необычныя ощущенія. Вѣдь это была настоящая травля. Правда, на половину онъ все это создалъ въ своемъ воображеніи. Общество не до такой уже степени интересовалось имъ и его образомъ жизни. Но для него это было безразлично: дѣйствительныя или выдуманныя ощущенія, все равно они были имъ пережиты.

Онъ не думалъ, что общество до такой степени интересуется своими отдѣльными членами. Теперь пришлось ему въ этомъ убѣдиться. Онъ почувствовалъ новый родъ отвѣтственности—передъ обществомъ за свою жизнь.

Согласившись искренно на предложеніе Евгеніи Андреевны, онъ однако не ясно представлялъ, чѣмъ онъ собственно будетъ при дѣлахъ. Когда онъ рисовалъ себѣ картину его появленія всюду рядомъ съ Евгеніей Андреевной, то ему казалось даже, что это будетъ нѣсколько смѣшно.

Но онъ говорилъ себѣ: это, очевидно, нужно не только ради меня. Вѣдь нынѣшнее положеніе накладываетъ смѣшную тѣнь и на нее, на Евгенію Андреевну, какъ на жену его.

И когда это началось, Евгенія Андреевна очень скоро убѣдилась, что никакихъ понужденій для него не требовалось. Онъ не былъ школьникомъ. Напротивъ, онъ самымъ строгимъ образомъ слѣдилъ за собой.

Никакого торжественнаго «пріобщенія къ дѣлу» не было. Они поѣхали вмѣстѣ на фабрику.

Очень помогло ему совпаденіе: какъ разъ въ это время привезли изъ Лейпцига новую машину, и это казалось такъ естественно, что по случаю привоза машины хозяева пріѣхали вмѣстѣ.

Нѣсколько дней устанавливали машину, потомъ производили пробу. И здѣсь явилось одно обстоятельство, которое сдѣлало Сергѣя Михайловича не только полезнымъ, но даже необходимымъ: съ машиной пріѣхалъ нѣмецкій мастеръ, и Сергѣю Михайловичу пришлось говорить съ нимъ по-нѣмецки. Евгенія Андреевна совсемъ позабыла этотъ языкъ и очень плохо объяснялась на немъ. И

Лѣсничевъ явился въ качествѣ переводчика, потому что никто на фабрикѣ не понималъ языка, которымъ говорилъ пріѣзжій техникъ.

Евгенія Андреевна большей частью сидѣла въ конторѣ фабрики, а онъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ возилъ съ машиной. Иногда онъ являлся въ контору, но онъ не сидѣлъ тамъ постоянно и не могъ даже оставаться долго, потому что его постоянно отвлекали къ машинѣ, когда нѣмцу нужно было что-нибудь объяснить. И такимъ образомъ онъ, случайно вникая то тамъ, то здѣсь, невольно усваивалъ новое.

Эта машина была предназначена для очень важнаго отдѣленія, въ которомъ давалась послѣдняя отдѣлка кожъ. И ему пришлось попутно заинтересоваться другими отдѣленіями и прослѣдить весь ходъ фабричной работы.

Сергѣй Михайловичъ сразу замѣтилъ, что нѣмецъ работаетъ необыкновенно чисто, что онъ, будучи простымъ мастеромъ, тѣмъ не менѣе въ своемъ дѣлѣ очень свѣдуецъ, и онъ подаль мысль Евгеніи Андреевнѣ.

— Фабрика старая, — сказалъ онъ: — можетъ быть, уже десятки лѣтъ въ ней новыя открытія не примѣнялись, а между тѣмъ техника сдѣлала большіе шаги впередъ. Воспользуемся присутствіемъ европейскаго мастера и поручимъ ему осмотрѣть всю фабрику.

Евгенія Андреевна согласилась, и вотъ онъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ, которому была предложена за это особая плата, тщательно осматривалъ фабрику. Нѣмецъ былъ разговорчивъ и все время дѣлился съ нимъ впечатлѣніями. Онъ много объяснилъ Сергѣю Михайловичу. Оказывалось, что для того, чтобы дѣло поставить на должную высоту, нужно было многое обновить, а кой-что и совсѣмъ перемѣнить. Дѣло ушло впередъ. На фабрикѣ было много такихъ старинныхъ приспособленій, которыя вызывали у нѣмца неудержимый смѣхъ.

— Я попрошу васъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ нѣмцу, — составить проекты и подробную смѣту всего того, что нужно для фабрики. Это не значитъ, что я все это сдѣлаю. Это зависитъ не отъ меня только, а и отъ моей жены. Но все равно, сдѣлайте это.

Нѣмецъ посидѣлъ нѣсколько дней, сдѣлалъ подробную смѣту и проектъ и явился къ нему въ городъ. Здѣсь онъ все показалъ и объяснилъ ему и, когда онъ ушелъ, Сергѣй Михайловичъ принялся убѣждать Евгенію Андреевну. Все это нужно сдѣлать, говорилъ онъ, потому что тогда фабрика будетъ работать по настоящему и капиталъ будетъ давать повышенный процентъ.

Онъ растолковывалъ Евгеніи Андреевны сущность проекта и убѣждалъ ее не пугаться смѣтныхъ расходовъ, хотя они были значительны. Оказывалось, что этотъ же самый нѣмецъ брался и произвести всѣ работы. Для этого ему требовалось года полтора.

— Но эторискъ,—говорила Евгенія Андреевна.—Ты недостаточно еще усвоилъ дѣло, чтобы судить, а нѣмцу этому, можетъ быть, просто выгодно взять работу.

Но Сергѣй Михайловичъ протестовалъ. Онъ на дѣлѣ доказывалъ ей, что дѣло ему хорошо уже извѣстно и что нѣмецъ правъ.

— Ты просто слишкомъ привыкла къ старымъ формамъ,—говорилъ онъ:—ты консервативна, ты думаешь, что лучше сохранить то, что есть, чѣмъ гнаться за большимъ, но невѣрнымъ. Но ты вникни и увидишь, что это вѣрно. Ты только подумай, какія открываются для фабрики перспективы. Теперь она удовлетворяетъ только низшему и, пожалуй, до извѣстной степени среднему вкусу, наша кожа идетъ на самыя невзыскательныя подѣлки, а тогда ее будутъ требовать всюду. У насъ почти нѣтъ такихъ фабрикъ, нѣкоторое время мы будемъ вѣ конкуренціи.

Онъ пламенно убѣждалъ ее. Для него это былъ вопросъ самолюбія. Онъ искалъ цѣли и не могъ найти ея. Можетъ быть, случайно онъ заинтересовался этой стороной дѣла и, увидѣвъ впереди широкіе горизонты, онъ уже стремительно двигался къ нимъ, какъ къ намѣченной цѣли.

— Не знаю, не знаю,—говорила Евгенія Андреевна, которая въ самомъ дѣлѣ не была въ состояніи охватить всѣ выгоды, намѣченныя расширеніемъ фабрики:—но я просто люблюю твоимъ увлеченіемъ, мнѣ пріятно видѣть, что ты наконецъ пробудился, и я соглашаюсь.

И вотъ началась работа. Нѣмецъ усердно принялся за дѣло, а Сергѣй Михайловичъ безъ всякихъ понужденій, не замѣчая усталости и уже нисколько не скучая, все время былъ съ нимъ. Онъ только ночевать пріѣзжалъ въ городъ, остальное время проводилъ на фабрикѣ.

— Ты совсѣмъ затеръ меня,—говорила Евгенія Андреевна:—мнѣ за тобой не угнаться.

А онъ вѣдь чувствовалъ себя отвѣтственнымъ въ большомъ, имъ же предпринятомъ дѣлѣ; теперь это былъ для него вопросъ самолюбія. Онъ долженъ былъ доказать и ей и всѣмъ другимъ, что онъ правъ.

Вѣдь на нихъ смотрѣлъ весь городъ. Нечего и говорить о томъ, что на фабрикѣ къ его новшествамъ относились въ высшей степени скептически. Управляющій, двадцать лѣтъ проработавшій при старыхъ порядкахъ и нисколько не интересовавшійся усовершенствованіями въ дѣлѣ, конечно, въ глаза ему не смѣлъ возражать, но тихонько на сторонѣ всюду объявлялъ, что затѣя Сергѣя Михайловича дѣтская и что она только погубитъ дѣло. Миѣніе это воспринималось въ городѣ, который тоже не былъ склоненъ къ новшествамъ, и на фабрику Муретова смотрѣли уже съ сожалѣніемъ, какъ на присужденную къ гибели.

— Лучше бы онъ уже просто швырялъ деньгами, какъ дѣлалъ это прежде,—говорили про Сергѣя Михайловича.—Фабрика какъ-нибудь еще вынесла бы это. А то, что теперь дѣлается, снесетъ ее съ лица земли.

Занятый своимъ дѣломъ, увлеченный имъ и вдохновленный, Сергѣй Михайловичъ манкировалъ своими дружескими связями. Онъ уже мѣсяца два не видался съ семействомъ губернатора. Они заѣзжали къ нимъ не разъ, но никогда не заставляли его. Онъ всегда былъ на фабрикѣ.

И вотъ однажды они встрѣтились. Губернаторъ просто не узнавалъ его. Онъ измѣнился даже по внѣшности, какъ-то подтянулся, выровнялся, похудѣлъ, къ нему вернулась прежняя стройность, которая въ послѣднее время уже стала покидать его.

— Какая прекрасная перемѣна,—сказалъ губернаторъ, обнимая его, какъ послѣ долговременной разлуки.

— Да, вотъ ты спроси объ этомъ Евгенію Андреевну!—сказалъ шутя Лѣсничевъ:—она затянула меня въ дѣло, а теперь и сама не рада. Но ужъ я иначе не могу. Вѣдь эта фабрика работала такими приспособленіями, которыя были заведены при Адамѣ.

И онъ прочиталъ губернатору цѣлый трактатъ по техникѣ. Кабинетъ его былъ заваленъ нѣмецкими и англійскими книжками, которыя онъ выписалъ специально для своихъ работъ на фабрикѣ... Онъ просто переродился.

И вотъ прошло полгода. Онъ еще не могъ привести доказательствъ своей правоты полностью, но нѣкоторые отдѣлы фабрики уже начали работать по новому. И для всѣхъ было очевидно, что продукты выходили изъ нихъ безъ сравненія лучшими. Сергѣй Михайловичъ приглашалъ всѣхъ желающихъ сличать товаръ прежняго производства и нынѣшняго, онъ возилъ съ собою на фабрику и губернатора, и жену его, и разныхъ вліятельныхъ лицъ. Всѣ сравнивали и въ самомъ дѣлѣ поражались разницей.

Изъ конторы же получались такія свѣдѣнія, отъ которыхъ у Сергѣя Михайловича кружилась голова: совсѣмъ другой спросъ пошелъ, явились новые заказчики. Стали давать новыя названія товару. Товаръ прежней выдѣлки называли «муретовской кожей», а новому товару дали названіе «лѣсничевской кожи». Ужъ это была настоящая побѣда, при томъ закрѣпленная формально.

Нѣмецъ не только оправдалъ возложенныя на него надежды, но сдѣлалъ больше: онъ кончилъ всю передѣлку въ одинъ годъ. И вотъ всѣ отдѣлы фабрики уже въ полномъ ходу, и теперь ужъ пошли прямо чудеса. Образцы новаго товара были посланы въ Петербургъ и Москву и ихъ стали требовать для болѣе тонкихъ работъ.

Служащіе на фабрикѣ, видимо, перемѣнили свой взглядъ. Управляющій пришелъ къ Сергѣю Михайловичу съ повинной.

— Я передъ вами виноватъ, Сергѣй Михайловичъ, — сказалъ онъ:—не вѣрилъ я въ эти новшества, да такъ всѣмъ и говорилъ,

что не вѣрю. А вотъ теперь самъ вижу, и ужъ не могу не повѣрить.

Евгенія Андреевна съ своей стороны рукоплескала ему и отдавала ему должное.

И вотъ нѣмецъ уѣхалъ. Лѣсничевъ остался единственнымъ носителемъ его идей. Въ это время отъ удивительно тонко изучилъ всѣ особенности фабрики и чувствовалъ на ней себя, какъ дома. Все, что было связано съ новыми приспособленіями, было ему до тонкости извѣстно. Онъ обращался съ дѣломъ, какъ специалистъ. Безъ него уже тамъ не могли обходиться. Чуть встрѣчалось какое-нибудь недоразумѣніе съ новыми машинами, ужъ должны были обращаться къ нему.

И онъ чувствовалъ теперь, что совершилъ огромную побѣду: надъ собой. Уже не только онъ былъ необходимъ для дѣла, но и дѣло было необходимо для него. Онъ чувствовалъ себя кровно связаннымъ съ нимъ, потому что потратилъ на него массу энергій, труда и изобрѣтательности.

XIV.

Дѣло вошло въ колею. Каждый день съ утра онъ отправлялся на фабрику и уже дѣлалъ все по заведенному порядку. Ничего больше не надо было изобрѣтать ему, для всего созданысь опредѣленныя нормы. Новое, такъ удивлявшее всѣхъ, сдѣлалось обычнымъ. И служащіе и рабочіе вполне приспособились къ нему.

Сергій Михайловичъ не скучалъ. Напротивъ, онъ всегда былъ озабоченъ и занятъ, но умъ его не могъ спокойно довольствоваться разъ навсегда установленнымъ. Ему нужно было постоянное движеніе впередъ, нужно было ощущеніе какого-нибудь творчества.

И вотъ Евгенія Андреевна, все время ликовавшая по поводу происшедшихъ съ нимъ переменъ, стала замѣчать въ лицѣ его какъ бы нѣкоторое утомленіе.

— Тебѣ слѣдовало бы немного развлечься, Сережа, — сказала она ему однажды.

— Чѣмъ это?—спросилъ онъ.

— Ну, съѣздить куда-нибудь, проѣхаться!

— Да безъ меня тутъ все станетъ... Развѣ ты не видишь, что при малѣйшемъ недоразумѣніи они тащатъ меня...

И это была правда. Безъ него все, что было новое, очень скоро сбилось бы на старую форму и начало бы работать по-старому.

— А почему ты подумала, что мнѣ надо развлечься?

— Такъ мнѣ показалось, что ты нѣсколько утомленъ, — отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Нѣтъ, не то,—возразилъ онъ:—утомленія я не чувствую, но есть какая-то неудовлетворенность.

— Какъ? Еще неудовлетворенность?

— Да, представь. Въ самомъ нашемъ дѣлѣ, какъ мнѣ кажется, чего-то еще не хватаетъ.

— Чего же еще?—съ недоумѣніемъ спросила Евгенія Андреевна.

— Да вотъ, видишь ли, мы выдѣлываемъ кожу и получаемъ восемь процентовъ прибыли. Это очень хорошій процентъ. А вотъ я встрѣтилъ нѣсколько отчетовъ предпріятій, дѣлающихъ изъ кожи разныя вещи, такъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ двадцать два процента. Вотъ такое предпріятіе есть въ Гамбургѣ. Капиталь у насъ лежитъ почти въ мертвомъ видѣ—онъ въ бумагахъ, которыя приносятъ четыре съ половиной процента.

Евгенія Андреевна смотрѣла на него большими глазами. Нѣтъ ли чего-нибудь опаснаго въ его прожектерствѣ? Онъ и здѣсь хватаетъ черезъ край, какъ и во всемъ другомъ.

— Можетъ быть, ты и права,—сказалъ онъ:—я хватаю черезъ край, но это ничего не значить, потому что мы не сдѣлаемъ больше того, что можемъ. Ты—консервативное начало—ты всегда сумѣешь удержать. Но, понимаешь ли, моя душа не можетъ довольствоваться ничѣмъ среднимъ. И въ этой области, разъ она въ нее вошла, она уже должна стремиться къ высшему... Вотъ у меня и рисуется въ головѣ проектъ фабрики кожаныхъ вещей...

— Но для этого нужны огромныя деньги,—съ опасеніемъ сказала Евгенія Андреевна.

— Не больше, а гораздо даже меньше тѣхъ, какія у насъ есть въ запасѣ. Требуются сотни тысячъ, этого я отъ себя не скрываю.

— Боюсь, не спѣшишь ли ты съ этимъ, — сказала Евгенія Андреевна.

— Да зачѣмъ же медлить? Вотъ вы, господа, всѣ обвиняли меня въ сездѣли, и это была правда, но, по-моему, если ужъ человѣкъ принялся за работу, такъ долженъ работать во всю. Тутъ нечего останавливаться на половинѣ. Да, я былъ бездѣльникомъ, но и бездѣльникъ я былъ художественный. Я ни въ чемъ не терплю умѣренности, буржуазной середины, а въ особенности въ развлеченіяхъ, которымъ я такъ предавался. Ты же помнишь, какіе я закатывалъ вечера и во что они обходились... Таковъ же точно я и въ дѣлѣ. Не выношу умѣренности. Что изъ того, что мы будемъ сидѣть на мѣстѣ и получать опредѣленный доходъ! Вѣдь обѣднѣніе намъ не грозитъ, если даже мы и ухлопаемъ миллионъ на новую фабрику и, допустимъ, она не оправдаетъ себя, мы потеряемъ этотъ миллионъ,—вѣдь у насъ достаточно останется для того, чтобы жить недурно... Нуженъ нѣкоторый рискъ. Безъ риска всякое дѣло становится мертвымъ.

— Экій ты неугомонный, Сережа! Я этого даже не ожидала отъ тебя.

— Ну, теперь можешь раскаиваться, сколько хочешь, а ужь меня не остановить. И я вот что думаю: прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, надо изучить дѣло на практикѣ. Необходимо поѣхать въ Москву, въ Петербургъ, гдѣ существуютъ такія фабрики, и посмотреть ихъ.

Когда Евгенія Андреевна услышала эти слова, у нея вдругъ мелькнула въ головѣ мысль: «Ну, поѣдетъ, и кончено. Пожалуй, вернется къ старому». И онъ точно прочиталъ эту мысль въ ея глазахъ.

— Ты не думай, пожалуйста, что я поѣду и увлекусь чѣмъ-нибудь другимъ... Ты ошибаешься, если такъ думаешь. Теперь ужь для меня одно развлеченіе—дѣло.

На нее производили впечатлѣніе его страстныя убѣжденія, но все-таки она сильно побаивалась, какъ бы не хватить черезъ край. Тѣмъ не менѣе она не чувствовала себя въ силахъ противодѣйствовать ему. Онъ просто подавлялъ ее своимъ увлеченіемъ и своей бѣшеной вѣрой въ дѣло.

— Ты даже меня не зовешь съ собой?— сказала она съ усмѣшкой.

— Нѣтъ, не зову, мой другъ. Я вѣдь буду рыскать день и ночь. Вѣдь ты отъ меня отстала и было бы безчеловѣчно таскать тебя съ собой по фабрикамъ.

— Это правда, мнѣ за тобой не угнаться.

— Ну, а потомъ, когда мы создадимъ новое дѣло, мы съ тобой поѣдемъ и въ Петербургъ и за границу и покутимъ. Надо завести вѣрныхъ людей, т. е. такихъ, которые понимали бы въ дѣлѣ, особенно одного. Ну, я и объ этомъ позабочусь.

Евгенія Андреевна отпустила его и онъ поѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ дѣйствительно сейчасъ же приступилъ къ дѣлу. Онъ отыскалъ все то, что заслуживало вниманія, изучалъ, но остался недоволенъ. Одну недѣлю всего посвятилъ онъ Москвѣ, познакомился со всѣмъ, что было въ ней относящагося къ его цѣли, но ему показалось, что все это крайне несовершенно.

Каждый день онъ докладывалъ Евгеніи Андреевнѣ въ письмахъ обо всемъ, что видѣлъ. Онъ подробно описывалъ фабрики и критиковалъ способы, какіе на нихъ употреблялись, находя ихъ рутинными, а товаръ среднимъ.

Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ больше доволенъ. Тутъ онъ нашелъ нѣчто лучшее, но все же это было не то, чего онъ искалъ.

Встрѣчалъ онъ кой-кого изъ своихъ знакомыхъ, но этими встрѣчами и ограничивался. Онъ нигдѣ не бывалъ, потому что это обязало бы его посвятить знакомымъ много времени, а ему было некогда. Онъ стремительно шелъ къ своей цѣли.

Когда онъ познакомился съ дѣломъ въ Петербургѣ, то у него тутъ же явилась мысль, что необходимо поѣхать за границу. Онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ Евгеніи Андреевнѣ.

Онъ написалъ ей объ этомъ властно, какъ о необходимомъ, неизбежномъ фактѣ. Онъ попросилъ ее перевести деньги въ Гамбургъ и сейчасъ же выѣхалъ.

За границей онъ побывалъ въ нѣсколькихъ городахъ. На одной изъ фабрикъ, которая особенно понравилась ему и которой онъ усердно занялся, онъ встрѣтилъ нѣмецкаго инженера, разговорился съ нимъ и завязалъ болѣе тѣсныя отношенія. Инженеръ понравился ему, онъ отлично понимаетъ дѣло. И онъ началъ соблазнять инженера ѣхать съ нимъ въ Россію. Это было именно то, чего онъ искалъ. Самъ онъ, несмотря на то, что, насколько могъ, изучилъ дѣло, все-таки далеко не обладалъ специальными познаніями.

Онъ предложилъ инженеру блестящія условія, и тотъ-таки соблазнился. Тогда онъ показалъ своему будущему хозяину тайны производства, и тутъ Сергій Михайловичъ убѣдился, что затѣялъ вовсе не плохое дѣло. По этому вопросу онъ даже не совѣтовался съ Евгеніей Андреевной, а просто рѣшилъ его самъ. Онъ какъ-то удовольствовался сознаниемъ, что это необходимо.

И вотъ Евгенія Андреевна получила телеграмму, въ которой онъ увѣдомлялъ, что выѣзжаетъ и притомъ не одинъ, и просилъ приготовить на фабрику помѣщеніе для инженера.

Евгенія Андреевна, получивъ эту телеграмму, поѣхала къ губернатору. Она была встревожена.

— Какіе замыслы!—говорила она:—боюсь, не слишкомъ ли онъ довѣряетъ себѣ. Боюсь, какъ бы мы не взяли на себя дѣло, котораго не въ состояніи будемъ выполнить. Выдержитъ ли самое дѣло?..

Губернаторъ успокаивалъ ее. Онъ почему-то безусловно вѣрилъ въ счастливую звѣзду Сергія Михайловича.

— Вы видите, что въ немъ таились какія-то силы. Онѣ только скрывались въ немъ. При томъ же вы будете слѣдить въ оба и не допустите, чтобъ онъ зарвался.

Евгенія Андреевна уѣхала отъ него, немного успокоенная. Теперь она съ нетерпѣніемъ ждала мужа.

Они пріѣхали. Онъ еще больше былъ проникнутъ мыслями о новой фабрике. За границей его планы превратились въ грандіозные. И когда онъ началъ излагать ихъ Евгеніи Андреевнѣ, она пришла въ ужасъ. Дѣло требовало не меньше милліона.

Инженеръ, по фамиліи Миллеръ, говорилъ по-французски, такъ что могъ объясняться съ Евгеніей Андреевной. Онъ произвелъ на нее очень пріятное впечатлѣніе своей необыкновенной серьезностью и простотой. Она и съ нимъ много говорила о планѣ Сергія Михайловича, и Миллеръ съ своей стороны изложилъ ей дѣло чрезвычайно просто, безъ паюса. Изъ его объясненій она поняла гораздо больше.

Да, она видѣла, что дѣло дѣйствительно прекрасное и тѣмъ не менѣе ее не покидалъ страхъ передъ предстоящей затратой.

— А я все-таки боюсь, боюсь,—говорила она мужу.—Вижу, что хорошо, и Миллеръ твой мнѣ нравится, а все-таки у меня какой-то страх...

— Это потому, что ты привязана къ брэнному,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ.—Ты слишкомъ долго накопила. Ты чувствуешь себя связанной съ капиталомъ неразрывными узами и когда часть его приходится выдѣлить, то тебѣ больно.

— Да, это почти такъ,—сказала Евгенія Андреевна.

— Ну, вотъ видишь. А для меня капиталъ только средство для созиданія. Собственно ему я никакого значенія не придаю. Прежде онъ былъ для меня средствомъ для жизни, пріятной жизни, а теперь для творчества. А главное, мой другъ, никакъ нельзя идти назадъ.

— Какъ? значить, во что бы то ни стало?

— Да, ужъ теперь во что бы то ни стало. Вѣдь я не даромъ ѣздилъ за границу, я сдѣлалъ тамъ заказъ. Тамъ ужъ заказанъ весь инвентарь. Вѣдь все равно, здѣсь ничего не сумѣютъ сдѣлать. Всѣ машины и станки, всякую мелочь, все оттуда доставить и все это теперь уже дѣлается. А заказывалъ я отъ имени солидной фирмы, значить возврата нѣтъ. Черезъ два-три мѣсяца все будетъ готово.

Евгенія Андреевна въ сущности была подавлена всѣми этими сообщеніями, но остановить его у нея не хватало рѣшимости. Заказы еще не такъ пугали ее. Легче было бы заплатить неустойку, чѣмъ зарыться въ такое грандіозное дѣло. Въ послѣднее время она научилась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ губернаторскому семейству. Она и теперь поѣхала къ нимъ. Губернаторъ познакомился съ Миллеромъ и изслѣдовалъ его. Миллеръ и ему понравился. Выборъ, сдѣланный Сергѣемъ Михайловичемъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ самъ серьезно относился къ дѣлу.

Евгенія Андреевна высказала ему свои страхи.

— Простите,—сказалъ губернаторъ:—у васъ сколько въ запасѣ есть свободныхъ денегъ?

— Больше двухъ милліоновъ,—сказала Евгенія Андреевна.

— Значить, вы рискуете однимъ. Вы или получите огромную выгоду, или онъ пропадетъ. Въ первомъ случаѣ къ выгодѣ присоединится еще уступка, которую вы сдѣлаете Сергѣю Михайловичу. А если вы пріостановите, пожалуй, это на него вредно подѣйствуетъ, и онъ опять впадетъ въ апатію. Взвѣсьте все это на вѣсахъ вашего сердца и посмотрите, что перевѣситъ.

Она взвѣсила и рѣшила: уступить.

XV.

На фабрику былъ небольшой домъ. Нижній этажъ занималъ управляющій съ семействомъ, верхній же не имѣлъ опредѣленнаго назначенія и служилъ для случайныхъ надобностей. Его-то и отдѣляли для Миллера. А одну комнату специально отвели для Сергѣя Михайловича, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду проводить здѣсь большую часть своего времени.

Обширная площадь, примыкавшая къ дому, была занята садомъ. Это было очень удобное мѣсто, близкое къ рѣкѣ. Близость воды была очень важна для фабрики.

— Придется вырубить садъ,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ, предварительно посоветовавшись съ Миллеромъ.

Это для Евгеніи Андреевны была рана въ сердце.

— Помилуй, можно ли вырубить такую прелесть... Вѣдь это же безчеловѣчно!—воскликнула она.

Садъ былъ старый, онъ не давалъ никакого дохода, но къ нему такъ привыкли. Онъ украшалъ и оживлялъ мѣстность, и дѣловитая фабрика, благодаря ему, не казалась такой скучной.

— Ну, что же дѣлать, мой другъ, когда это необходимо. Ужъ тутъ не приходится намъ сантиментальничать.

И она должна была согласиться на вырубку сада. Однако оставили часть, за которой скроется будущая фабрика.

Площадь расчистили, все мѣсто распланировали и приступили къ кладкѣ фундамента.

И это было въ началѣ весны. Вдругъ прихлынуло много рабочихъ. Ихъ взяли усиленный составъ, потому что рассчитывали непременно къ зимѣ кончить. Около старой фабрики началась жизнь бойкая, кипучая. Стали замѣтно вырастать стѣны.

Сергѣй Михайловичъ первое время каждый день ѣздилъ на фабрику, проводилъ тамъ цѣлый день, а вечеромъ возвращался. Они жили на дачѣ. Приходилось продѣлывать довольно сложный путь. Прямо съ фабрики не было удобной дороги на дачу. Надо было заѣзжать сперва въ городъ. Благодаря этому, пріѣзжалъ онъ всегда поздно и не успѣвалъ даже отдохнуть какъ слѣдуетъ.

Въ июлѣ прислали машины, станки и весь инвентарь. Рассчитано было такъ, чтобы вмѣстѣ съ стройкой устанавливались и машины. Инженеръ при спѣшной работѣ не справлялся, и Сергѣю Михайловичу пришлось совсѣмъ переѣхать на фабрику и поселиться тамъ. Онъ расположился въ приготовленной для него комнатѣ.

Старая фабрика была въ полномъ ходу. Ею занималась Евгенія Андреевна. Она тоже пріѣзжала сюда каждый день, но у нея работы было всего часа на два на три. Потомъ она была совсѣмъ свободна.

Она отыскивала мужа гдѣ-нибудь на постройкѣ. Онъ обыкновенно былъ страшно озабоченъ и почти не замѣчалъ ея. Когда она обращалась къ нему съ вопросами, онъ отвѣчалъ разсѣянно.

Она прекрасно понимала, что онъ очень занятъ, что въ головѣ его совсѣмъ не то, о чемъ она спрашиваетъ, и все-таки ей было это неприятно.

Онъ даже по воскресеньямъ не всегда пріѣзжалъ домой, хотя въ эти дни работы на фабрикѣ не было. Но тутъ они вмѣстѣ съ Миллеромъ готовили планъ для будущей недѣли.

И вотъ однажды, отыскавъ его такимъ образомъ на постройкѣ, она спросила его:

— Ты будешь въ воскресенье дома обѣдать?

— Прости, голубчикъ, у меня сейчасъ голова занята другимъ, — отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ, даже не взглянувъ на нее, потому что дѣйствительно что-то важное его занимало.

— Но ты, пожалуйста, на минуту забудь объ этомъ своемъ и подумай и отвѣть, — промолвила Евгенія Андреевна.

— А, ну, да... Сейчасъ... Въ чемъ дѣло?

— Ты даже не слышалъ?

— Прости, милая, дѣйствительно не разслышалъ, — простодушно сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Я спросила: будешь ли ты въ воскресенье обѣдать?

— По всей вѣроятности. Хотя у насъ съ герромъ Миллеромъ важное совѣщаніе. Понимаешь ли, въ понедѣльникъ мы ставимъ главную машину. Ну, тутъ надо многое сообразить. Эта машина будетъ голова всей фабрики... Но я все-таки урвусь и пріѣду обѣдать. Можетъ быть, и Миллера привезти?

— Сережа, мнѣ, право, надоѣлъ твой Миллеръ.

— А что такое? Онъ славный нѣмецъ.

— Не спорю, но вѣчно съ нимъ и съ нимъ... Право, мнѣ хочется иногда побыть съ тобой.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... Ну, хорошо. Такъ я не привезу Миллера...

И все это онъ говорилъ какъ-то на лету, легко и невнимательно. И Евгенія Андреевна чувствовала себя какъ будто обиженной. Онъ, конечно, занятъ, она это видѣла, но все же онъ могъ бы отнестись къ ней нѣсколько иначе.

Въ воскресенье онъ пріѣхалъ къ обѣду. И опять, страшно торопясь, за столомъ онъ говорилъ о завтрашней постановкѣ машины.

— Ты непременно будь, Евгенія. Нужно, чтобы ты была, — это такое важное у насъ событіе... И губернатора съ губернаторшею привези. Ты увидишь, какъ это грандіозно. Ну, что тамъ еще? — прибавилъ онъ, обернувшись къ прислугѣ: — сладкое, что ли? Такъ поскорѣй, пожалуйста.

— Какъ, развѣ ты уѣзжаешь?

— Да, необходимо сейчасъ же уѣхать. Цѣлый вечеръ будемъ ходить съ Миллеромъ по постройкѣ—съ фонарями. Хотимъ завтра пораньше начать. Такъ ужъ ни минуты даромъ потратить нельзя.

— Да неужели же ты не можешь остаться на одинъ день? Вѣдь сегодня воскресенье.

— Евгенія... И это ты говоришь? Мнѣ? Какъ перемѣнились наши роли! Прежде я жаловался на то, что ты всегда занята дѣлами, а я бездѣльничалъ тогда...

— Но я совсѣмъ не такъ была занята... У меня находилось достаточно времени для тебя. А ты, кажется, ужъ даже меня не замѣчаешь...

— Не говори такъ... Не нужно этого. Я занимаюсь дѣломъ изъ любви къ тебѣ. Изъ любви къ тебѣ я работаю, ты это очень хорошо знаешь. Если бы не было этой любви, я ничего этого не задумалъ бы и ничѣмъ этимъ не занимался бы. А ты стала малодушна, какъ слабая женщина. Прежде ты была сильной, такъ будь же ею и теперь. Дай кончить начатое, вѣдь это не только моя, но и твоя гордость. Согласись, что, если мы не будемъ торопиться, если постройка застоитъ на зиму, вѣдь это же будетъ совсѣмъ не то. Ну, надѣюсь, я тебя убѣдилъ? Вотъ и прекрасно! сказалъ онъ, не получивъ, впрочемъ, отъ нея отвѣта.

Онъ поцѣловалъ ее, быстро вышелъ во дворъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ!

Евгенинъ Андреевичъ сдѣлалось ужасно грустно. У нея было такое чувство, какъ будто она сама старалась о томъ, чтобы потерять его... Прежде она могла потакать ему, ѣхать съ нимъ за границу, когда у него являлся такой капризъ, или въ Петербургъ, и онъ былъ всегда съ нею, и занимался ею, а теперь она вдругъ осталась ни при чемъ. Всѣ его мысли заняты новой фабрикой. Она вытѣснена изъ его души.

Въ ней было задѣто самолюбіе женщины. Она понимала, что можно отдаваться дѣлу, можно увлекаться имъ, зарыться въ него съ головой, но зачѣмъ такъ преувеличивать?

И она даже разсердилась. Она провела очень дурной вечеръ и плохо спала ночь, а утромъ встала хмурая.

Приѣхавъ на фабрику, она на этотъ разъ даже не зашла къ нему. И это было какъ разъ въ понедѣльникъ, когда предстояла торжественная установка самой главной машины.

Сергѣй Михайловичъ ждалъ ее и, не дождавшись, прислалъ за нею въ контору.

— Васъ ждутъ Сергѣй Михайловичъ,—сказалъ посланный:—они безъ васъ не начнутъ.

— Скажи, что я занята, не могу придти,—отвѣтила она.

Черезъ пять минутъ онъ самъ приѣхалъ въ контору и началъ укорять ее.

— Помилуй, мой другъ, ты могла бы на полчаса отложить твои конторскія книги. Вѣдь это капитальная машина. Да, а что же нѣтъ губернатора съ губернаторшей? Развѣ они не согласились?

— Я и не просила ихъ,—отвѣтила Евгенія Андреевна.

— Ай, какъ же это ты такъ!.. А мы съ Миллеромъ надѣялись и ждали.

— Напрасно. Я вчера тоже надѣялась и ждала, что ты будешь по крайней мѣрѣ хотъ внимательно относиться ко мнѣ.

— Что?

Онъ посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами.

— И ты это серьезно?

— Да, очень серьезно.

— Такъ ты вотъ какъ на это смотришь!

— Да.

Лицо Сергѣя Михайловича сдѣлалось строгимъ, и брови сдвинулись, онъ больше не произнесъ ни слова и ушелъ.

Во время установки машины Миллеръ обратилъ вниманіе на то, что онъ былъ какой-то хмурый и молчаливый. Обыкновенно они всегда находили, о чемъ говорить. Они цѣлые дни ходили по постройкѣ. Миллеръ съ трубкой въ зубахъ, а Сергѣй Михайловичъ съ сигарой, и разговаривали. Теперь онъ отвѣчалъ Миллеру односложно и видимо неохотно. Тогда Миллеръ пересталъ задавать ему вопросы и замолчалъ.

Когда установка машины далеко еще не была окончена, Сергѣй Михайловичъ вдругъ, точно вспомнивъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, попрощался съ Миллеромъ и сказалъ, что долженъ ѣхать домой.

У него при постройкѣ была одноколка и лошадь. Коляска Евгеніи Андреевны стояла около старой фабрики запряженная, но онъ приказалъ заложить одноколку. Онъ скомандовалъ, чтобы сдѣлали это какъ можно скорѣе, сѣлъ и уѣхалъ, минуя старую фабрику.

Евгенія Андреевна кончила свою работу въ конторѣ и затѣмъ, отправилась къ нему, чтобы все-таки побывать при установкѣ машины и затѣмъ вмѣстѣ ѣхать домой.

— Они уже уѣхали, сказали ей.

— Когда?

— Да съ часъ тому. Велѣли заложить одноколку и уѣхали въ городъ.

У нея сердце сжалось. Очевидно, она еще слишкомъ мало знала его. И по всей вѣроятности, въ немъ еще долго будутъ раскрываться для нея новыя стороны.

Она съ тревожнымъ чувствомъ возвращалась домой. Сперва она заѣхала въ городъ, но его тамъ не оказалось. Тогда она поѣхала на дачу. Онъ былъ уже здѣсь.

— Ты уже здѣсь?!—сказала она:— почему же ты не подождать меня?

— Настроение было не подходящее. Я былъ бы несносенъ въ дорогѣ,—отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ и при этомъ посмотрѣлъ довольно мрачно.

— Почему?

— Такъ... Видишь ли, я больше не поѣду на фабрику.

— Что? Ты не поѣдешь? Что это за новость?

— Да это очень просто. Ты находишь, что я слишкомъ много занимаюсь ею, слишкомъ поглощенъ... Ты ставишь это въ связь съ чувствомъ... Я съ этимъ не согласенъ, но, очевидно, я не такъ понимаю дѣло, какъ ты. Это порождаетъ недоразумѣнія; ты могла сегодня отплачивать мнѣ за мое вчерашнее, какъ ты думаешь, невниманіе и ты отплатила тѣмъ, что не пришла посмотрѣть на вещь, которую я считаю важной.

Евгенія Андреевна была въ ужасѣ отъ его рѣчей.

— Помилуй, ты говоришь невѣроятныя вещи! Ты довелъ дѣло до половины и вдругъ хочешь бросить его...

— Это ничего, Миллеръ докончитъ. Онъ превосходный инженеръ. Вѣдь не я же тамъ главный, а онъ.

— Да, но все-таки... Я считаю, что ты душа дѣла.

— Ну, если и такъ, то дѣло можетъ обойтись и безъ души.

— Я не понимаю.

— Милый другъ, все дѣло въ томъ, что я ничего не умѣю дѣлать умѣренно. Ты, напримѣръ, не понимаешь, что въ этой моей работѣ любви къ тебѣ больше, чѣмъ въ прежнемъ бездѣльи... Ну, и Богъ съ тобой. Я буду дѣлать по-твоему. Я выгоню изъ головы фабрику, и знаешь, если говорить правду, послѣ того, что сегодня произошло, она ужъ мнѣ непріятна.

Тогда Евгенія Андреевна испугалась и начала убѣждать его.

Ну, да, она, конечно, виновата. Она поступила по-женски, но вѣдь она женщина, это простительно.

— Да, по-женски, по-женски... Это ты правду сказала. У васъ все основано на чувствѣ. Фабрика должна стоять не на фундаментѣ, а на чувствѣ. Моя голова была занята въ то время, когда ты говорила со мной, но нѣтъ, нужно сдѣлать усилие надъ мозгомъ, чтобы доказать любовь. Но неужели она еще не доказана? Вѣдь эта постройка, вся эта перемѣна во мнѣ, словомъ сказать, все то, что я теперь собою представляю, вѣдь это же все доказательства. Наконецъ, я же прекрасно знаю, что ты никогда и не сомнѣвалась, а такъ, просто, свое женское существо требуетъ, чтобы ему вѣчно доказывали любовь.

Евгенія Андреевна плакала, когда онъ говорилъ эти рѣчи. И при этомъ она объяснила свои слезы: «Я плачу потому, что оказалась такой маленькой въ сравненіи съ тобой. Вотъ видишь, я не смогла понять тебя, но теперь ужъ этого больше не будетъ, и я умоляю тебя, перемѣни свое рѣшеніе, поѣзжай на фабрику, я

никогда больше не буду обижаться. Я теперь уже буду понимать тебя, буду скучать, сколько угодно, только, пожалуйста, забудь объ этомъ».

Какимъ-то чудомъ въ домѣ губернатора узнали, что въ этотъ день на фабрикѣ произошло какое-то недоразумѣніе между Лѣсничевыми, что-то вродѣ размолвки. Въ провинціи это дѣлается какими-то незримыми путями. Кто-то изъ служащихъ пріѣхалъ въ городъ, кто-то изъ близкихъ къ губернатору людей съ нимъ поговорилъ, встрѣтившись гдѣ-то въ лавкѣ, и сейчасъ же извѣстіе дошло до губернаторскаго дома, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ. Выходило такъ, что Лѣсничевы чуть ли не переругались всенародно.

И вотъ въ самый разгаръ ихъ объясненія губернаторская коляска вкатилась во дворъ дачи. Они даже не замѣтили гула. Пріѣхали оба, губернаторъ и его жена, выскочили изъ экипажа и ввалились прямо въ домъ.

Увидѣвъ, что они оба дома, они нѣсколько успокоились, но подозрительнымъ показался ихъ взволнованный видъ. У Евгеніи Андреевны щеки были красны, кромѣ того, при ихъ появленіи разговоръ какъ-то многозначительно оборвался.

— Что такое случилось? Слава Богу, застаемъ васъ вмѣстѣ. А мы ужъ вообразили Богъ знаетъ что.

— Да почему же вы вообразили? — спросилъ Сергѣй Михайловичъ.

— Да, ужъ дошло до насъ...

— Да, мы чуть не поссорились, — промолвилъ Сергѣй Михайловичъ.

— Собирались даже расходиться, — улыбувшись сказала Евгенія Андреевна.

— Ну, подобныя вещи даже шутя нельзя произносить.

— Почему? — спросила Евгенія Андреевна: — мало ли что можетъ случиться.

— Да вотъ не угодно ли вамъ разобрать нашу тяжбу.

И Сергѣй Михайловичъ разсказалъ губернатору все, какъ было. Губернаторъ сейчасъ же принялъ его сторону, а жена его присоединилась къ нему.

— Нѣтъ, вы, Евгенія Андреевна, на него смотрите не такъ, какъ на всѣхъ. Онъ у насъ оказался орломъ. Онъ пряталъ свои крылья, а теперь проявилъ ихъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, господа, орелъ сейчасъ улетитъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Какъ, куда?

— Да ужъ я разъ остался при постройкѣ, то долженъ летѣть. Мой нѣмецъ тамъ недоумѣваетъ, и сегодня у насъ очень важный день.

— Ну, такъ ѣдемъ вмѣстѣ,—сказалъ губернаторъ:—совершимъ увеселительную поѣздку; право, будетъ весело!

Евгенія Андреевна согласилась, и они всѣ поѣхали на фабрику, тамъ провели съ полчаса, а затѣмъ Сергѣй Михайловичъ опять погрузился съ Миллеромъ въ постройку.

XVI.

Лѣто подходило къ концу. У Лѣсничевыхъ теперь былъ миръ. Больше ни разу не возникало у нихъ недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ того, какъ постройка приближалась къ концу, зданіе все больше и больше внушало ей уваженіе и довѣріе. Миллеръ проявилъ себя великолѣпнымъ мастеромъ своего дѣла. Все было у него удивительно аккуратно, изящно и удобно. Зданіе было красиво снаружи, внутри было много воздуха. Мѣста не жалѣли.

И вотъ оно уже готово. Устроили пробу, на которую былъ приглашенъ только губернаторъ съ женой. Пустили всѣ машины, и все оказалось въ порядкѣ. Впечатлѣніе было превосходное.

Назначили день освященія и открытія новой фабрики.

— Ну, теперь кутнемъ,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ.—Праздникъ тоже я устрою, ужъ этого никому не уступлю.

— Воображаю, что ты навдумаешь!—сказала Евгенія Андреевна.

— Да ужъ... Онъ долженъ быть достоинъ сооруженія.

И онъ принялся устраивать праздникъ. Изъ Москвы, правда, ничего не выписывали на этотъ разъ. Много разныхъ приспособленій праздничныхъ осталось отъ свадьбы. Они такъ и лежали на чердакѣ нетронутыми, выписать пришлось только электрическія лампочки. На новой фабрикѣ было устроено электрическое освѣщеніе, котораго хватало и для старой.

Приглашенія были разсланы чуть не половиной города. Для молебствія былъ приглашенъ архіерей съ хоромъ, мѣстныя власти и всѣ достойные уваженія обыватели. Сергѣю Михайловичу хотѣлось сдѣлать необычайную помпу.

И вотъ наступилъ день открытія, гости съѣхались. Празднество рассчитывали пріурочить такъ, чтобы былъ обѣдъ и чтобы вечеромъ можно было показать эффектное освѣщеніе.

Два нѣмецкихъ мастера, выписанныхъ Миллеромъ изъ Германіи, уже съ мѣсяцъ обучали рабочихъ и теперь только для нихъ требовалась практика. Съ утра были пущены машины. Отъ фабрики шель гулъ.

Гости пріѣзжали заранѣе и всѣ спѣшили на новую фабрику, чтобъ посмотреть ее. О ней такъ много было разговоровъ въ губернскомъ городѣ.

Самъ Сергѣй Михайловичъ показывалъ и все объяснялъ, и всѣ видѣли, что онъ дѣло понимаетъ. Миллеръ только ходилъ съ нимъ

да покрывалъ. Однако онъ времени даромъ не терялъ и успѣлъ уже порядочно обучиться по-русски. Онъ усердно занимался языкомъ и дѣлалъ успѣхи. Онъ только не рѣшался говорить съ гостями, но съ рабочими объяснялся какъ нельзя лучше.

XVI.

Когда все съѣхались, началось молебствіе. Оно было очень торжественно. На фабричномъ дворѣ подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи множества пріѣзжихъ гостей и рабочихъ, служили архіереи и раздавалось стройное пѣніе хора. Затѣмъ духовенство ходило по всей новой фабрикѣ и кропило святой водой дѣйствовавшія уже машины и все приспособленія.

Затѣмъ былъ обѣдъ, который затянулся очень поздно. Вечеромъ фабрика перестала гудѣть, машины остановились. Рабочіе тоже праздновали.

Оба зданія—и старой и новой фабрики—загорѣлись электрическими огнями. Это произвело необыкновенно эффектное впечатлѣніе. Въ губернскомъ городѣ вовсе не было электрическаго освѣщенія. Миллеръ дѣйствіе фабричныхъ машинъ приложилъ для добыванія электричества и это, кажется, былъ самый блестящій номеръ изъ всѣхъ, какіе были показаны гостямъ. Разумѣется, были пущены фейерверки, по рѣкѣ плавали лодки, освѣщенные разноцвѣтными огнями. Словомъ, Сергій Михайловичъ по-своему позаботился объ эффектахъ.

Торжество вышло очень удачно.

Уже былъ конецъ сентября. Новая фабрика начала правильную дѣятельность. Миллеръ согласился остаться на ней директоромъ, въ то же время онъ принялъ управленіе надъ старой фабрикой.

Онъ былъ человекъ осторожный и практичeskій. Первые мѣсяцы фабрика производила товаръ въ незначительномъ количествѣ, сообразно требованію.

Надо было еще знакомить публику съ товаромъ. Здѣсь механическимъ способомъ выдѣлывались чемоданы, готовилась тисненная кожа для обивки, для переплетовъ. Все, куда шла кожа, было здѣсь предусмотрено, но публика относилась съ недоверіемъ къ этому способу выдѣлки и ее нужно было убѣждать.

Сергій Михайловичъ заботился о распространеніи. Онъ разослалъ образцы всюду и дѣлалъ всевозможныя рекламы. Фабрика была все время въ дѣйствиіи, но возложенныя на нее надежды далеко еще не оправдывала. Былъ замѣтенъ успѣхъ, но очень медленный.

Мѣсяца три уже дѣйствовала фабрика, а Сергій Михайловичъ все еще не давалъ себѣ отдыха. Только теперь начались довольно

солидные заказы изъ Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ.

Наконецъ онъ сказалъ Евгениі Андреевиѣ:

— Ну, знаешь, я усталъ. Дѣйствительно усталъ. Хочу отдохнуть.

— О, ты имѣешь на это всѣ права.

— Еще бы. Тѣмъ больше, что Миллеру мы можемъ вполне довѣриться.

— Ты такъ увѣренъ въ немъ?

— Безусловно. Онъ честенъ не по-русски, а по-нѣмецки. Это значитъ—изнутри. Твои довѣренные люди были честны потому, что за ними строго присматривали, а онъ честенъ по совѣсти. Однимъ словомъ, я безусловно ему довѣряю. Куда же намъ ѣхать?

— Куда хочешь. Ужъ я теперь передъ тобой совѣмъ спасовала.

— У меня проснулось желаніе общества. Но не знаю, въ состояніи ли я буду вынести теперь Петербургъ.

— А ты очень золь на него?—спросила Евгениі Андреевна.

— Въ сущности не на него, а на себя; это же гораздо хуже. Я золь за то, что поставилъ себя въ такое глупое положеніе. И мнѣ, пожалуй, непріятно будетъ появиться тамъ; а все-таки я считаю, что необходимо реабилитировать себя. Правда, я измѣнился радикально. Даже по внѣшнему виду я не похожъ на прежняго. Я нѣсколько запустилъ себя, обросъ. Посмотри, у меня явились даже сѣдые волосы.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала Евгениі Андреевна, присмотрѣвшись къ его волосамъ.—Отчего это?

— Ну, во всякомъ случаѣ, не отъ горя, — настоящего горя у меня не было. Должно быть, отъ работы. Вѣдь я никогда ничего не дѣлалъ и вдругъ развилъ такую страшную энергію. Ну, да и тотъ періодъ критическій тоже не прошелъ мнѣ даромъ. Нѣсколько сѣдинъ именно тогда появились, я это замѣтилъ. Итакъ, что жъ, въ Петербургъ?

— Отлично, ѣдемъ въ Петербургъ.

И они собрались и выѣхали. Евгениі Андреевна замѣтила, что и прежніе вкусы у него теперь какъ будто пропали. Они ѣхали въ купе, и онъ не высказывалъ никакихъ проектовъ о петербургской жизни, не намекалъ на предстоящій шикъ, какъ это было въ прежнія поѣздки. Кажется, онъ не думалъ ни о чемъ этомъ.

Въ Петербургѣ они остановились въ гостиницѣ, взяли три комнаты, и этого съ нихъ было совершенно достаточно. Они не задавались никакими особенными цѣлями и не назначали себѣ никакого срока.—Проживемъ, сколько понравится, вотъ и все.

— Нѣтъ, правда, я дѣйствительно прежде старался жить какъ будто бы не для себя, а для общества,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ:—и въ этомъ было что-то дѣтское; давай-ка жить для себя!

Они побывали у знакомыхъ. Ихъ встрѣтили съ любопытствомъ, въ особенности его. Къ нему присматривались, очевидно, находя въ немъ много перемѣнъ.

О новой фабрикѣ и—главное—о новомъ настроеніи Сергѣя Михайловича и о его дѣятельности здѣсь узнали все доподлинно. Губернаторъ сообщилъ Рыбчинскому, а тотъ всѣмъ остальнымъ. Были получены также свѣдѣнія и отъ прокурора Калмыкова. И къ нему относились совсѣмъ иначе. На него теперь смотрѣли какъ на солиднаго человѣка и его серьезно стали принимать въ расчетъ.

Опять, конечно, было множество приглашеній на вечера и обѣды, но они рѣдко соглашались, большею частью уклонялись подъ благовиднымъ предлогомъ. Почти каждый вечеръ они бывали въ театрѣ. Здѣсь для нихъ было много новаго.

— Не хочешь ли посмотреть здѣшнія фабрики по нашей части?— предложилъ Сергѣй Михайловичъ:— ты увидишь, какая разница.

Она, конечно, хотѣла, и они посмотрѣли нѣсколько фабрикъ. Да, теперь она поняла, что такое Миллеръ. Все это было такое жалкое и маленькое въ сравненіи съ ихъ фабрикой.

Сергѣй Михайловичъ не терялъ изъ виду и дѣла. Онъ познакомился съ торговцами кожаными предметами и завязалъ съ ними сношенія. Ихъ товаръ, какъ производимый машиннымъ способомъ, былъ дешевле, чѣмъ у другихъ. Сперва сомнѣвались въ его изяществѣ. Сергѣй Михайловичъ выписалъ образцы и одержалъ побѣду.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ-то сосредоточился и успокоился. Его чувство къ женѣ выступило на первый планъ и сдѣлалось главнымъ. Для него теперь было самымъ пріятнымъ—быть съ нею. Лучше всего они чувствовали себя вдвоемъ. И что всего болѣе было странно: онъ постоянно думалъ о губернскомъ городѣ, его туда тянуло.

— Это потому, что ты оставилъ тамъ свой трудъ, свою энергію, свое созданіе,—сказала Евгенія Андреевна.

— Такъ вотъ въ чемъ счастье, чортъ возьми!—говорилъ Сергѣй Михайловичъ.—Значитъ, я долженъ быть благодаренъ Петербургу за то, что онъ далъ мнѣ тогда щелчокъ.

Былъ у него разговоръ съ Рыбчинскимъ.

— Ну, что же ты, братъ, на меня теперь не серднись? Помнишь нашу встрѣчу на Уайтѣ? Вѣдь ты тогда бѣжалъ отъ меня самымъ постыднымъ образомъ.

— Сознаюсь въ этомъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ: — но если бъ ты зналъ, какія у меня тогда были ощущенія! Я былъ похожъ на Каина, всѣми отверженнаго, и бѣжалъ тогда прямо домой. Съ этого и началось.

Рыбчинскій устроилъ ему сюрпризный обѣдъ, что-то вродѣ чествованія. На этомъ обѣдѣ говорились рѣчи о творческомъ геніи, который способенъ двигать горами, когда захочетъ.

Многіе говорили о предрасудкѣ, будто бы русскій интеллигентъ, а въ частности дворянинъ, способенъ только скучать и проживать доходы, если они у него есть. Вотъ онъ, правда, дѣлалъ и то и другое, пока творческія силы въ немъ спали, а когда онъ проснулись, онъ показалъ себя.

Это былъ небольшой кружокъ наиболѣе близкихъ людей, всего человекъ пятнадцать. Но Сергѣю Михайловичу этотъ обѣдъ далъ большое удовлетвореніе.

Петербургъ для нихъ какъ-то очень скоро исчерпался.

— Вотъ видишь, прошло два года, а они живутъ все такъ же, какъ и прежде, все возвращаются въ томъ же старомъ кругу. Мы съ тобой ушли Богъ знаетъ какъ далеко, а они все топчутся на мѣстѣ. Не махнуть ли намъ за границу?

Евгенія Андреевна рѣшительно на все была согласна. Послѣ того кризиса она какъ-то безусловно привязалась къ нему и какъ бы нуждалась въ его покровительствѣ, она чувствовала себя передъ нимъ слабой.

Они не дожили въ Петербургѣ даже двухъ мѣсяцевъ и переѣхали за границу. Теперь онъ повезъ ее въ Парижъ. Такъ начинался сезонъ. Онъ показалъ ей театры, музеи, онъ какъ бы занимался ея образованіемъ. Самъ онъ давно со всѣмъ этимъ познакомился, а она была здѣсь первый разъ.

Это была какая-то тихая, спокойная поѣздка. Никакихъ инцидентовъ, ни размолвокъ, недоразумѣній у нихъ не было. Они теперь во всемъ понимали другъ друга.

«Мы достигли счастья!» говорила себѣ Евгенія Андреевна. «Но, видно, оно не даромъ достается. Сколько надо было пережить, перепробовать».

Отъ Миллера они получали аккуратно извѣстія, точно также какъ и изъ конторы. Дѣло развивалось не стремительно, но солидно и вѣрно. Евгенія Андреевна уже ясно видѣла, что не сдѣлала ошибки.

Парижъ ей очень понравился. Ей даже не хотѣлось уѣзжать, и они прожили тамъ до весны. А оттуда поѣхали прямо въ губернский городъ.

На фабрикѣ они все нашли въ полномъ порядкѣ, какъ будто вчера только оставили ее. Миллеръ удивительно точно велъ свою линію. Евгеніи Андреевнѣ оставалось только признать, что наконецъ есть человекъ, на котораго можно положиться и безъ постоянного надзора.

Обѣ фабрики работали на всемъ ходу, заказы расширялись. Лѣтомъ была приготовлена партія для посылки на нижегородскую ярмарку. Сергѣй Михайловичъ въ первое время по старой привычкѣ ѣздилъ на фабрику, но скоро убѣдился, что тамъ ему нечего дѣлать. Миллеръ все поставилъ на рельсы, и дѣло само собой двигалось.

— Мнѣ нечего дѣлать! — сказалъ своей женѣ Сергѣй Михайловичъ.

— И не надо, — отвѣтила она: — мы теперь оба можемъ поживать на дачахъ.

Слѣдующую зиму они провели въ Москвѣ, они не хотѣли отдаваться въ рабство Петербургу. Жили и тамъ и здѣсь, ѣздили за границу, а лѣто почти всегда проводили у себя на дачѣ.

Сергѣй Михайловичъ полюбилъ этотъ небольшой домъ и рѣку и садъ.

И. Потапенко.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ ¹⁾.

III.

(Максимовъ, Писемскій, Стрепетова и портретъ, похожій на свинью).

ЩЕ ДВА-ТРИ слова о Писемскомъ. Мало я съ нимъ былъ знакомъ, точнѣе—почти незнакомъ, встрѣтился однажды у его земляка, тоже костромича, С. В. Максимова,—и не надолго. Максимовъ, знакомя насъ, сказалъ:—вотъ такой-то... сибирякъ, молодой писатель, вятчанинъ.

— Ишь ты! гм...—промычалъ Писемскій и, вопросительно взглянувъ на Максимова, проговорилъ:—какой же сибирячекъ, ежели вятчанинъ.

— По рожденію—вятчанинъ, по рожденію, а по мѣсту жительства—сибирячекъ. Встрѣчались мы съ нимъ въ отдаленныхъ мѣстахъ,—на Амурѣ, братъ ты мой, встрѣчались въ Благовѣщенскѣ, вотъ гдѣ!.. Онъ, надо тебѣ сказать, землепроходець, да! Онъ на Амурѣ, въ Ека-терино-Никольской станицѣ сѣялъ пшеницу!..

Максимовъ говорилъ отрывисто, хриплымъ голосомъ и при этомъ всегда какъ-то странно трясъ бородой.

— А—а! Вотъ оно что... такъ... гм... гм... Ишь ты куда чело-вѣка занесло! мрачно замѣтилъ Писемскій.

— Да, братъ ты мой, врагъ силенъ: горами качаетъ.

— Это-то что! гм... гм...

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 464.

Писемскій былъ во время этого свиданія не въ духѣ, тяжело отпыхивался, говорилъ неохотно и хмурился. Стряслась у него, какъ рассказывалъ потомъ Максимовъ, какая-то тогда неприятность въ театральномъ комитетѣ. Не помню точно, въ какомъ году это произошло, и не помню, изъ-за какой пьесы онъ тогда волновался. Помню только, что онъ съ видимой неохотой отвѣчалъ Максиму и явно былъ недоволенъ моимъ приходомъ, неожиданно порвавшимъ нить ихъ дружеской бесѣды. Онъ долго отпыхивался, сидя въ развалку въ креслѣ, враждебно поводилъ глазами по картинамъ комнаты, но потомъ какъ будто нѣсколько поуспокоился и сталъ продолжать прерванный моимъ приходомъ разговоръ.

— Это, понимаешь,—заговорилъ онъ, поднявшись съ кресла и потрясая въ воздухѣ обѣими руками:—это свинство. Это все равно, ежели обухомъ по лбу... Я теперь все равно, что вродѣ какъ бы на смертномъ одрѣ...

Максимовъ отвѣчалъ что-то въ успокоительномъ тонѣ, тоже размахивалъ руками и трясъ бородой, а самъ въ то же время тревожно взглядывалъ на дверь сосѣдней комнаты, видимо поджидая оттуда кого-то или что-то.

— Говорю тебѣ: это—свинство. Понимаешь? Съ такими людьми, по-моему, и разговаривать нечего—проходи мимо. Да! Пипешь, стараешься, душу, такъ скажемъ, измочаливаешь и за все про все—придирки... Нѣтъ ли красенькаго?..

— Сейчасъ, сейчасъ подадутъ...

Максимовъ подошелъ къ сосѣдней двери, откуда въ это время ужъ появилась горничная съ подносомъ, уставленнымъ бутылками и тарелками съ закуской.

Что потомъ еще говорилъ Писемской—не помню, но вышеприведенныя слова и крутой переходъ къ вопросу о «красенькомъ» памятны мнѣ до сихъ поръ, несмотря на то, что со времени нашей встрѣчи прошло, пожалуй, лѣтъ сорокъ.

О Писемскомъ я слыхалъ отъ Максимова не мало разказовъ, изъ которыхъ, увы, многое позабыто. Максимовъ, несмотря на хриплый голосъ и отрывистую рѣчь, передразнивалъ разговоръ Писемскаго до смѣшного точно. Такъ же, подобно ему, порывисто вскакивалъ съ кресла, воодушевляясь разговоромъ, такъ же потрясалъ въ воздухѣ руками и стрѣлялъ направо и налево гнѣвными взглядами.

Нужно замѣтить,—какъ я сказалъ выше,—покойный Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій въ разговорѣ часто употреблялъ простонародныя выраженія: «таперича, понимаешь, домъ-отъ большой» и т. п. И чуть ли, по словамъ Максимова, онъ не намѣренно «ломалъ мужика». Но по впечатлѣнню, какое онъ произвелъ на меня, рѣчь его была не притворная и говорилъ онъ «по-мужицки» не нарочно, а такъ по привычкѣ, усвоенной, вѣроятно, съ дѣтства, и по лѣни,

ему свойственной, не старался исправлять свою рѣчь, да, можетъ быть, даже иной разъ и намѣренно рисовался ею—вотъ, молъ, слушайте вы, чортъ васъ побери, питерщики, какъ наши костромичи разговариваютъ!

Относительно «красненькаго» и другихъ душеуладительныхъ напитковъ склонность онъ имѣлъ не малую и, скрывать нечего, попить и поѣсть любилъ вволю. Въ трактирахъ, въ особенности въ московскихъ, заказывая для себя обѣды, входилъ въ большія подробности именно насчетъ того, какъ будетъ приготовлено то или другое блюдо. Онъ напоминалъ въ такихъ случаяхъ гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха. «Поджарь, молъ, да подпеки, да дай пропрѣть хорошенько, чтобы его прососало»... Вматриваясь въ него, бесѣдовавшаго съ половымъ, казалось, что онъ повторяетъ вышеприведенныя слова Пѣтуха. Аппетитъ у него былъ образцовый, насчетъ жаренаго гуся онъ не разъ говаривалъ, что гусь — птица странная и именно тѣмъ, что «одного мало, а съ двумя не справиться». Поросенка подъ хрѣномъ очень одобрялъ и любилъ, чтобы онъ былъ поданъ на столъ «во всей его неприкосновенности». Къ напиткамъ тоже, какъ сказано выше, былъ весьма дружелюбно расположенъ.

Въ Москвѣ, не помню, въ чьемъ именно винномъ погребѣ, продавалось съ шестидесятыхъ годахъ красное вино съ такою на этикетахъ бутылокъ надписью: «По особому заказу Алексѣя Теофилактовича Писемскаго». Но, однако, несмотря на такую надпись, знатокомъ винъ едва ли можно его признать. Вѣрнѣе предположить, что надпись была сдѣлана не по его «особому заказу», а, можетъ быть, даже безъ его вѣдома. Всего вѣроятнѣе, что самъ хозяинъ погреба, бойкій и сообразительный торговецъ, задумалъ извлечь выгоду изъ такого торговаго приѣма—«вотъ, молъ, достопочтенные господа покупатели, какое вино у меня въ погребѣ имѣется: самъ господинъ Писемскій, извѣстнѣйшій и высоко-талантливый сочинитель, дѣлаетъ на это вино «особые заказы».

По словамъ Аполлона Николаевича Майкова, Писемскій не былъ разборчивъ въ винахъ.

— Нечего грѣха таить,—разсказывалъ Аполлонъ Николаевичъ:— Писемскій въ пріятельскихъ собраніяхъ пивалъ все, что попадется подъ руку. На вечеринкахъ у покойнаго Мея, тоже любившаго пображничать, я видалъ его, и не однажды, въ значительномъ подпитіи. Надо сказать правду, интересенъ онъ былъ въ такомъ состояніи, воодушевлялся и сыпалъ остроумными выраженіями, въ особенности сначала, пока еще не ослабѣвалъ въ борьбѣ съ хмелемъ. У Мея на вечеринкахъ вина всегда было большое изобиліе, но плохенькаго, дешевенькаго; гости собирались у него тоже не-

затѣйливые, къ Иващкѣ Хмельницкому весьма дружественные— и выпивали изрядно. Самъ Мей былъ въ этомъ случаѣ для нихъ примѣромъ: бывало, прежде другихъ порядочно хлебнетъ винца и начнетъ декламировать стихи, только что испеченные въ этотъ день. Алексѣй Теофилактовичъ тоже не отставалъ отъ другихъ въ поклонахъ Иващкѣ Хмельницкому и, правду надо сказать, не только не отставалъ, а даже перегонялъ многихъ. Стихи у Мей частенько бывали скороспѣлые, попросту сказать, плохіе, и Писемскій не разъ обрывалъ его, не давая окончить декламаци. «Ты, братъ, того, да, ты перестань, не смущай честной народъ», громко возматшалъ онъ: «давай лучше, чокнемся и ну ихъ къ чорту, твои стихи».—«Ну, что жъ, чокнуться можно», бормоталъ Мей уже замѣтно заплетающимся языкомъ: «давай».—«Ну, стало быть, будь здоровъ и не суесловъ», подхватывалъ Писемскій: «помни: «Служенье музъ не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво... Понимаешь»? Однажды, во время ужина, Писемскій, разговаривая и волнуясь, налилъ вмѣсто вина въ стаканъ уксусу, опорожнилъ почти весь стаканъ въ два-три глотка—и не поморщился. Я замѣтилъ и говорю: что вы, голубчикъ, пьете,—вѣдь это уксусъ!—«Оно точно что... пожалуй, похоже...» задумчиво отвѣтилъ онъ: «да все равно,—винишко у Мей всегда дрянь!

По происхожденію своему, Писемскій принадлежалъ къ старинному роду костромскихъ дворянъ, но вѣтвь, отъ которой онъ происходитъ, была совершенно захудалая. Дѣдъ его, какъ писалъ онъ въ своей автобіографіи (Исторія литературы, Н. Полевого, стр. 490), былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Но изъ отдаленныхъ его предковъ одинъ былъ думный дворянинъ, ѣздившій посломъ отъ Грознаго царя къ Елисаветѣ, королевѣ англійской (въ августѣ 1582 г.), а другой предокъ удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмъ которыхъ доселѣ именуется Макаріемъ Писемскимъ, и мощи его почіуютъ въ Макарьевскомъ, на рѣкѣ Унжѣ, монастырѣ. Судьбу отца Алексѣя Теофилактовича устроилъ богатый родственникъ, малороссійскій помѣщикъ: онъ взялъ его къ себѣ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, пообмылъ, пообчистилъ, выучилъ грамотѣ и опредѣлилъ потомъ въ военную службу солдатомъ. Отецъ прослужилъ въ арміи тридцать лѣтъ и вернулся на родину въ Костромскую губернію въ чинѣ майора, но вернулся «пѣшкомъ». Такъ рассказывалъ объ этомъ самъ Алексѣй Теофилактовичъ, но почему отецъ его возвратился на родину пѣшкомъ—объ этомъ неизвѣстно. Что путешествіе его съ мѣста службы въ родныя палестины пѣшкомъ не вызывалось никакими провинностями, объ этомъ свидѣтельствуется то обстоятельство что по возвращеніи на

родину, онъ получилъ мѣсто на государственной службѣ,—былъ городничимъ въ Велугѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство Алексѣй Теофилактовичъ.

Несмотря на захудалость его рода, дворянскія наклонности замѣчались у Писемскаго во многомъ,—и въ манерѣ держаться, и въ выборѣ блюдъ для стола, всегда затѣйливыхъ, и вообще во всемъ образѣ жизни. Такъ, на примѣръ, онъ, живя въ Москвѣ, отправлялся зимою въ театръ не иначе, какъ въ сопровожденіи лакея, котораго сажалъ на козлы рядомъ съ извозчикомъ (Во второй половинѣ жизни онъ переселился изъ Петербурга въ Москву и служилъ тамъ въ губернскомъ правленіи совѣтникомъ). Была у него «при комнатахъ» какая-то дѣвочка-подростокъ, которую онъ называлъ «дѣвка-Малашка». За невозможностью почему-либо взять съ собою лакея, онъ бралъ эту «Малашку», сажалъ ее тоже на козлы извозчичьихъ саней, но непремѣнно лицомъ къ себѣ и строго-настрого внушалъ, чтобы она отмахивалась даннымъ ей въ руки зонтикомъ отъ извозчиковъ, ѣхавшихъ позади его.

— Ты, дѣвка-Малашка, тычь въ морду лошадей, которыя ежели наѣзжаютъ на насъ. Понимашь, тычь въ морду!

— Слушаю, баринъ, мнѣ что... Я буду тыкать, только извозчики-то ругаются.

— Чортъ ихъ побери, пусть ругаются, брань на вороту не виснетъ, а ты знай свое дѣло, тычь, которые ежели...

«Сидитъ, бывало, въ саняхъ», рассказывалъ Максимовъ: «коренастый, суголоватый, въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и обвязанный иной разъ при непогодѣ сверхъ воротника еще шерстянымъ шарфомъ, и ворчитъ:

«— Что ты, дѣвка-Малашка, уши-то развѣсила, вишь, напираютъ сзади. Тычь, говорю, лошадь въ морду, ахъ ты, немытая образина!..»

Въ выраженіяхъ онъ не стѣснялся и, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не лазалъ.

Покойная Стрепетова, прославившаяся впоследствии исполненіемъ роли въ его пьесѣ «Горькая судьбина», рассказывала о ея первомъ свиданіи съ нимъ.—«Прихожу, говоритъ, къ нему, прошу прислугу доложить... «Нельзя», шепчуть и переглядываются между собою, обѣ—деревенскія дѣвочки, подростки, грязновато одѣтыя.—Почему нельзя?—спрашиваю.—А потому,—говорятъ,—что спитъ еще.—Какъ спитъ? Второй часть дня.

— Ночь цѣлую,—говорятъ,—не спалъ, все за бумагами сидѣлъ. И не знаю ужъ, услыхалъ, что ли, онъ нашъ тихій разговоръ въ передней, или случайно вышелъ изъ кабинета, только вижу, что это онъ самый и есть, Писемскій, по портрету его узнала.—Вамъ,

спрашиваетъ, что надо?—Такъ и такъ, говорю, имѣю до васъ дѣло...

— Гм... Дѣло? Какое дѣло?...

Я замаялась, оглянулась на дѣвочекъ и думаю, неужели мнѣ тутъ въ прихожей и при нихъ объяснять ему свое дѣло. Онъ догадался, видя мое смущеніе, и пригласилъ въ кабинетъ, но пригласилъ уже, не говоря «вы», а перешелъ сразу на ты.

— Ну, иди,—говорить,—сюда.

Я вошла за нимъ слѣдомъ въ кабинетъ. Онъ бухнулся въ кресло, ногу на ногу закинулъ и уставился на меня своими большущими выпуклыми глазами и правой рукой молча показалъ на другое кресло, стоявшее около письменнаго стола.

— Ну, стало быть, говори, какое у тебя ко мнѣ дѣло?

— Да вотъ, такъ и такъ, говорю, имѣю страсть къ театру желала бы на драматическія роли...

— Гм... гм...—закряхтѣлъ онъ,—я-то тутъ при чемъ?

— Пришла къ вамъ за совѣтомъ...

— Похвально. Это похвально. Молодымъ въ особенности подобаетъ съ старшими совѣтоваться. Такъ, такъ... Ну, въ чемъ же совѣтъ желаешь имѣть?

— Да вотъ именно въ томъ, куда мнѣ слѣдуетъ обратиться... Вы къ театру близки, укажите дорогу, какъ и къ кому надо путь держать...

— Гм... гм... Путь держать, говоришь. А на какія роли желаніе у тебя?

— На драматическія.

— На драматическія?—переспросилъ онъ и пытливо оглянулъ меня съ головы до ногъ.—Ишь ты! Фигурой ты, милая, не вышла,—вотъ что. Фигура плоховата—и мала и не того... понимаешь, не очень складна.

— Но вѣдь не въ одной фигурѣ вопросъ... Гм... гм...

— Да, да. Это точно...

Онъ покрякалъ, покашлялъ, оглянулъ меня опять съ головы до ногъ, помолчалъ потомъ минуту-другую, вотъ будто что-то соображая, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, брякнулъ:

— А любовникъ есть у тебя?

Я смутилась и чуть слышно прошептала:

— Нѣтъ.

— И не было?

— И не было и нѣтъ... Къ чему, говорю, вы объ этомъ?

— Э... э!..—протянулъ онъ и порывисто поднялся съ кресла.— Къ чему? А вотъ къ тому, стало быть, что ты для этого дѣла не годишься... Вотъ что!

— Какъ такъ? Почему не гоюсь?

— А потому и не годишься, что конфузлива очень, жизнь-то тебя еще не потеряла, не обтесала. Да. Какая же ты можешь быть актриса, ежели у тебя любовника не было. Да еще и на драматическія роли! Ишь что выдумала. Это не резонъ! Нѣ-ѣ-тъ, не та матерія! Вотъ ежели бы ты, понимаешь, имѣла любовника, да онъ бы тебя, значитъ, бросилъ, и ты бы пошла тошиться, да тебя бы добрые люди изъ воды вытащили, и стала бы ты послѣ этого пробираться Христовымъ именемъ изъ деревни въ деревню, верстъ этакъ, примѣрно, полтораста или двѣсти, до какого-нибудь, скажемъ, родственнаго пристанища,—вотъ тогда бы изъ тебя драматическая актриса вышла...

Изумилъ онъ меня всѣмъ, и разговоромъ своимъ, и безцеремонностью обращенія, и обстановкой его жизни.—Однако,—заключила она,—когда онъ выслушалъ два-три моихъ монолога, измѣнилъ обо мнѣ мнѣніе.

Писемскій былъ чистѣйшій русскій самородокъ. Одинъ изъ современниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ: «Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходишь, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными въ средѣ тогдашнихъ образованныхъ людей. Онъ отлично зналъ Россію, коренную Россію, не по учебникамъ и не по журнальнымъ статьямъ, а по личному опыту изученія и долговременнаго въ ней пребыванія. Поэтому онъ являлся несокрушимымъ противникомъ въ спорахъ со всѣми идеалистами и теоретиками».

Помню рассказъ о немъ уже изъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда онъ, огорчаемый равнодушіемъ публики къ его «Масонамъ» и общимъ молчаніемъ о нихъ печати и семейными своими невзгодами, сопѣлъ и отпыхивался и бранился.

— Свиньи,—ворчалъ онъ:—хрюкають, а дальше своего корыта ничего не видятъ...

Какъ-то разъ на вопросъ, почему онъ пересталъ писать романы, онъ глубоко вздохнулъ, посмотрѣлъ гнѣвнымъ взглядомъ на спрашивавшаго и отвѣтилъ:

— Написано довольно, пора и перестать.

— Почему—пора?

— А потому, что всякому овощу свое время. Понимаешь? Сказано: «время обниматься и время уклоняться отъ объятій».

— Но вѣдь Тургеневъ пишетъ. Почему и вамъ не слѣдуетъ его примѣру?

— Эва! Тургеневъ! Ха, ха!.. Иванъ Сергѣевъ, говоришь, пишетъ?.. Что жъ изъ этого? Онъ, значить, самъ по себѣ, а я, стало быть, тоже самъ по себѣ.

— Но онъ не старше васъ.

— А кто его знаетъ, можетъ—старше, можетъ—моложе. Я на его крестинахъ не былъ. Моложе ли, старше ли,—это его дѣло, оно, значить, при немъ и останется. А я вотъ что тебѣ скажу,—года тутъ ни при чемъ. Стало быть, Ивану Сергѣеву и книги въ руки. Пишетъ, значить,—можетъ. Слыхалъ я, что онъ еще и съ бабами путается, а меня ужъ грѣхъ-отъ оставилъ.

Сохранился у меня въ памяти еще разговоръ его о портретѣ, написанномъ съ него В. Г. Перовымъ по заказу для Третьяковской галереи, подаренной впоследствии Третьяковымъ городу Москвѣ.

— Ну, одолжилъ!—ворчалъ Алексѣй Теофилактовичъ:—штобъ ему ни дна, ни покрышки. Знай я объ этомъ раньше, не согласился бы позировать.

— Почему же, —спрашивали знакомые:—развѣ нехорошъ портретъ?

— Гм.. Не знаю. Говорятъ, хорошъ. По работѣ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ хорошъ, а по-моему—скверно.

— Въ чемъ же скверно? Что именно?

— А вотъ то именно, что на портретѣ—не я. Парень я—всѣ говорятъ—не глупый, а онъ свинью нарисовалъ!

— Извините, Алексѣй Теофилактовичъ,—дозвольте сдѣлать вамъ одно маленькое замѣчаніе.

— Ну? Что такое, насчетъ чего?

— А насчетъ того именно, что рисуютъ карандашами и перомъ, а красками пишутъ...

— Ну вотъ еще выискался какой объяснитель. Убирайся-ка ты отъ меня къ семи чертямъ!..

Впоследствии, спустя лѣтъ десять или пятнадцать послѣ моей встрѣчи съ нимъ у С. В. Максимова, мнѣ еще разъ пришлось увидѣть его въ Петербургѣ. Тогда онъ уже совсѣмъ перекочевалъ въ Москву и появлялся въ Петербургѣ только временно на нѣсколько дней. Шелъ онъ сторбившись, уныло поникнувъ большой головой, и хмуро поводитъ глазами направо и налево, точно опасаясь какой-нибудь непріятной встрѣчи. Я, не будучи съ нимъ близко знакомъ, перешелъ намѣренно на противоположную сторону тротуара и всего болѣе именно потому, что замѣтилъ, въ какомъ онъ мрачномъ настроеніи духа находился,—и не пожелалъ напо-

мнить ему о себѣ, о нашей когда-то встрѣчѣ у Максимова. Можетъ быть, опять были у него непріятности по сценѣ, послѣ которыхъ онъ, по отзывамъ лицъ, близко его знавшихъ, часто сваливался въ постель и собирался умирать. Въ стихахъ покойнаго Б. О. Алмазова есть даже о немъ такія строки:

А Писемскій часто при мнѣ умиралъ,
 Разъ сорокъ. Какія страданья!
 Отходную грустно предъ нимъ я читалъ,
 А онъ диктовалъ завѣщанье.

Скончался онъ на 61 году (родился 10 марта 1820 года † 21 апрѣля 1881 года). Въ память двадцатипятилѣтія, прошедшаго со дня его смерти, и въ заключеніе моихъ о немъ воспоминаній скажу: миръ его праху! Интересный и въ высокой степени оригинальный былъ онъ человѣкъ.

Д. И. Стахѣвъ.

ХИЩЕНИЕ БАШКИРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Изъ воспоминаній оренбургскаго старожила).

ВЪ 1866 ГОДУ ходили въ высшихъ военныхъ сферахъ упорные слухи, дошедшіе и до Оренбурга, что оренбургскимъ генераль-губернаторомъ будетъ назначенъ генераль-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ, оренбургскій дворянинъ и владѣлецъ богатаго имѣнія Ташла (находящагося въ разстояніи 100 верстъ отъ Оренбурга) и еще пяти или шести окрестныхъ деревень, составляющихъ въ общей сложности до 100 тысячъ десятинъ земли. Про знаменитое имѣние Ташлу, лежащее въ самой живописной мѣстности Башкиріи, ходило легендарное преданіе, что всю эту землю приобрѣлъ себѣ отецъ А. Е. Тимашева, занимавшій постъ наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска, купившій эту землю у башкиръ очень дешево, а именно приобрѣтая десятину за 1 фунтъ дешеваго чая, или на деньги платя по 50—70 коп. за десятину въ вѣчное потомственное владѣніе. Случалось даже, что башкиры бились съ нимъ объ закладъ и отдавали ему бесплатно столько десятинъ земли, сколько онъ могъ обскакать безъ отдыха на своемъ любимомъ верховомъ конѣ.

При извѣстіи о назначеніи будто бы оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Александра Егоровича Тимашева оренбургское дворянство воспрянуло духомъ, надѣясь имѣть твердую опору въ лицѣ новаго генераль-губернатора въ поддержаніи своихъ владѣльческихъ интересовъ, такъ какъ въ Оренбургской губерніи крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, не хотѣли принимать надѣ-

ловъ и платить за нихъ выкупныхъ денегъ, потому что въ то время было еще много свободныхъ башкирскихъ земель, которыя крестьяне брали въ картомъ или въ аренду, платя башкирамъ по 20 коп. за пахотную десятину и по 10 коп. за луговую.

Но слуху о назначеніи А. Е. Тимашева оренбургскимъ генераль-губернаторомъ не суждено было осуществиться, и онъ вскорѣ занялъ болѣе значительный постъ и сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. На постъ оренбургскаго генераль-губернатора и командующаго войсками оренбургскаго военного округа былъ назначенъ весною того же 1866 года генераль-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій. Любимецъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II, онъ выдвинулся какъ-то быстро и неожиданно. Пріѣздъ его въ Оренбургъ состоялся лѣтомъ того же 1866 года, причѣмъ онъ прибылъ одинъ и поселился на дачѣ въ роцѣ за рѣкою Ураломъ. Слухи ходили, что назначенію своему на постъ генераль-губернатора онъ обязанъ былъ дядѣ своему, генераль-адъютанту Александру Павловичу Безаку, получившему высшее назначеніе кievскаго генераль-губернатора и командующаго войсками кievскаго военного округа.

Н. А. Крыжановскій, артиллеристъ и офицеръ генеральнаго штаба, считался въ то время генераломъ изъ ученыхъ, т. е. получившимъ высшее военное образованіе, что заставляло предполагать, что съ его прибытіемъ народное образованіе поднимется значительно въ Оренбургскомъ краѣ; но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Н. А. Крыжановскаго занимали вопросы чисто военного характера и отчасти только идеи развитія и поднятія экономическихъ силъ обширнаго края и усиленіе его производительности посредствомъ устройства Оренбургской желѣзной дороги, которой суждено было ввести отдаленный Оренбургъ въ обширную семью русскихъ городовъ и приблизить его къ обѣимъ столицамъ, давая ему такимъ образомъ возможность сбывать свои продукты на заграничные рынки при помощи такихъ портовыхъ городовъ, какъ Рига и Либава.

Оренбургскій край, организаторомъ котораго являлся вновь назначенный въ него генераль-губернаторомъ Н. А. Крыжановскій состоялъ въ то время изъ губерній: Оренбургской, Уфимской, Самарской, изъ областей: Тургайской и Уральской со всѣми степными укрѣпленіями и кочевьями киргизовъ вплоть до города Перовска на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Это обширное пространство земель составило территорію въ 12.000 квадратныхъ миль, т. е. равную по своей площади территоріи Франціи до отдѣленія отъ нея Эльзаса и Лотарингіи. На всемъ обширномъ пространствѣ земель Оренбургскаго края обитатели его представляли собой самый разнохарактерный конгломератъ народностей, различающихся между собою не только племенными отличіями, религіей и языкомъ, но даже и законоположе-

ніями, которыми они управлялись. Такъ, напиримѣръ, киргизы управлялись на особыхъ законныхъ началахъ, основанныхъ на ихъ обычаяхъ и родовыхъ началахъ; двухмилліонное населеніе башкиро-мещерякского войска представляло собою по своей административной организаціи нѣчто среднее между казаками и крестьянами. Башкирскіе попечители пользовались правами земскихъ начальниковъ, вѣдая башкирское хозяйство, а кантонные начальники, начальникъ штаба и командующій башкирскимъ войскомъ представляли собою военную власть. Башкиры при этомъ владѣли самыми лучшими земельными угодьями и лѣсными дачами, сплавления лѣсъ по рѣкамъ Уралу и Сакмарѣ и снабжая такимъ образомъ Оренбургскую и Уфимскую губерніи дровами и строевымъ лѣсомъ. Оренбургскіе и уральскіе казаки тоже управлялись особыми законоположеніями, сохраняя и до настоящаго времени по своей внутренней организаціи особыя привилегіи по отношенію къ пользованію земельными угодьями и рыбными промыслами. Между тѣмъ въ 1866 году съ назначеніемъ въ Оренбургъ генераль-губернаторомъ Н. А. Крыжановскаго въ Средней Азіи началась агрессивная политика нашего военного министерства и сознавалась потребность и возможность присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ частей средне-азиатскихъ владѣній, а потому генераль-адъютантъ Крыжановскій, отложивъ до болѣе благоприятнаго времени ознакомленіе съ исторіей Оренбургскаго края и присущими ему потребностями, весь ушелъ въ военную политику, вообразивъ себѣ, что онъ призванъ самую судьбою къ роли завоевателя обширнаго новаго края на далекихъ восточныхъ окраинахъ. На поприщѣ полководца и воина Н. А. Крыжановскаго ожидало полное разочарованіе и вскорѣ даже совершенная неудача, такъ какъ на мѣсто его выдвинулись новыя молодыя силы, совершившія при иныхъ условіяхъ то, что послось только въ воображеніи мнимаго героя. Проживая въ Оренбургѣ, за двѣ слишкомъ тысячи верстъ отъ Ташкента и Самарканда, какъ могъ Н. А. Крыжановскій знакомиться съ условіями жизни средне-азиатскихъ владѣній, ихъ населеніемъ, бытовыми условіями и тактикой и стратегіей азіатовъ и средствами ихъ обороны въ крѣпостяхъ на случай предпринятой нами противъ нихъ экспедиціи при помощи регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, сконцентрированныхъ въ фортахъ и укрѣпленіяхъ. Въ то время не было у насъ ни картъ, ни основанныхъ на точныхъ изслѣдованіяхъ описаній азиатскихъ земель. Рѣдкіе путешественники, проникавшіе въ Среднюю Азію, были по большей части иностранцы, преимущественно англичане, и сочиненія ихъ не были переведены на русскій языкъ, такъ что Средняя Азія была для насъ еще terra incognita, о которой ходили какія-то легендарныя преданія. Единственные люди, освѣдомленные о ней, были наши русскіе полуграмотные приказчики купцовъ: Ключарева, Дѣвухъ, Мякинковыхъ и Оглодко-

выхъ и другихъ, ходившіе съ караванами ежегодно въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Самаркандъ. Но люди эти, кромѣ своей торговли въ самомъ узкомъ смыслѣ, состоявшей только изъ мѣны нашего хлѣба, желѣза и морозовскихъ ситцевъ на азіатскій хлопокъ, сухіе фрукты и халаты, не имѣли ровно никакого понятія о странѣ посѣщаемыхъ ими рынковъ и не могли дать никакого серьезнаго матеріала для ознакомленія съ этимъ обширнымъ краемъ.

Задавшись идеей создать изъ Оренбургскаго края намѣстничество, по примѣру Кавказа и Польши, генераль-адъютантъ Крыжановскій затѣялъ прежде всего огромную переписку съ военнымъ министерствомъ и, пользуясь громаднымъ довѣріемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II, проводилъ во всѣхъ своихъ представленіяхъ одну исключительную идею о необходимости централизаціи и усиленіи административной власти въ краѣ. Въ подтвержденіе этой идеи онъ приводилъ такіе факты, какъ неисправные платежи киргизами кибиточнаго сбора, на средства котораго содержались учебныя заведенія въ Оренбургскомъ краѣ, и открытое неповиновеніе властямъ киргизовъ, которые при требованіи уплаты кибиточнаго сбора стремились откочевать къ предѣламъ Хивинскаго ханства или даже далѣе, къ границамъ Китая, и даже по прошествіи года многіе аулы еще не приняли новаго положенія, становившагося для всѣхъ оренбургскихъ киргизовъ обязательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ среди киргизовъ оренбургскаго вѣдомства возникли волненія вслѣдствіе того, что генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій назначалъ вмѣсто природныхъ киргизовъ изъ султанскаго рода на мѣста уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ кавалерійскихъ офицеровъ изъ числа своихъ приближенныхъ, людей совершенно бездарныхъ и неспособныхъ, большею частью ротмистровъ, которыхъ нужно было произвести въ подполковники, чтобы дать имъ дальнѣйшій ходъ по службѣ. Люди эти были совершенно незнакомы съ бытовыми условіями и нарѣчіями киргизовъ и своими строгими и неумѣстными требованіями порождали частыя недоразумѣнія, которыя возбуждали киргизовъ къ неповиновенію предержащимъ властямъ. По полученіи генераль-губернаторомъ донесеній отъ уѣздныхъ начальниковъ о возмущеніи нѣкоторыхъ киргизскихъ ауловъ Н. А. Крыжановскій тотчасъ же посылалъ въ степь для усмиренія ихъ небольшія команды отъ линейныхъ и стрѣлковыхъ частей и тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ военному министру, раздувая до невѣроятности самое ничтожное происшествіе.

Такъ же точно искусственной агитаціей возникли и волненія среди уральскихъ казаковъ. Н. А. Крыжановскій, совершенно незнакомый съ бытовыми условіями уральцевъ и въ особенности съ ихъ религіозными воззрѣніями, представилъ въ военное министерство проектъ объ измѣненіи порядка отправленія службы уральскими

казаками. Согласно этого новаго положенія казаки обязаны были по прочтеніи этого новаго регламента скрѣпить его подписями съ приложеніемъ печатей. Между тѣмъ среди уральскихъ казаковъ не только въ тѣ времена, но и до сихъ поръ очень мало православныхъ. Большинство уральцевъ принадлежитъ къ раскольничьему вѣроученію австрійскаго толка и въ особенности къ сектѣ безпоповцевъ. Въ силу раскольничьихъ вѣрованій приложеніе печати есть фактъ антирелигіозный, такъ какъ онъ знаменуетъ собою поклоненіе дьяволу и печати антихриста. Понятно, что старъ и младъ взволновались, а старики прямо-таки отказались отъ приложенія подписи и печати—знаменія антихриста, предпочитая лютую смерть этому позорному дѣянію. Такимъ неумѣлымъ распоряженіемъ былъ возбужденъ религіозный фанатизмъ въ особенности коренныхъ низовыхъ казаковъ, которые открыто возмутились и повліяли, въ свою очередь, на всѣхъ станичниковъ. вмѣсто кроткихъ увѣщаній генераль-губернаторъ Крыжановскій пустилъ сразу въ ходъ крутыя мѣры. Испробовавъ неуспѣшно арестованіе мнимыхъ мятежниковъ и тѣлесныя наказанія надъ казаками всѣхъ возрастовъ, онъ сталъ ссылатъ непокорныхъ уральскихъ казаковъ на берега Сыръ-Дарьи, гдѣ эти поселенцы образовали изъ себя большіе поселки и станицы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и гдѣ они близъ Казалинска завели обширныя рыбныя промыслы. Въ настоящее время казалинская икра и красная рыба начинаютъ конкурировать съ уральскими и астраханскими рыбными промыслами. Только недостатокъ хорошей соли мѣшаетъ усовершенствованію казалинскихъ рыбныхъ промысловъ. Но прежде, чѣмъ казаки прижились на этихъ мѣстахъ и обосновались на нихъ прочно, они подверглись на мѣстахъ своихъ новыхъ поселеній лишеніямъ, разоренію, болѣзнямъ и вымиранію и только поѣздка въ Петербургъ природнаго уральскаго казака генерала Визянова выяснила, къ несчастью слишкомъ поздно, мотивы печальныхъ недоразумѣній, создавшихъ это искусственное возмущеніе. Стѣдуя неуклонно своей военной политикѣ, Н. А. Крыжановскій успѣлъ вскорѣ провести въ высшихъ военныхъ сферахъ Петербурга идею необходимости завоеванія Хивинскаго ханства, которое давало вѣрное прибрежище непокорнымъ киргизамъ, откочевывавшимъ къ хивинскимъ предѣламъ, когда наступало время поступленія съ нихъ кибиточнаго сбора. Результатомъ этой агрессивной политики былъ хивинскій походъ 1871 года, предпринятый весною подъ командою генераль-лейтенанта Веревкина. Въ этомъ походѣ приняли участіе стрѣлковыя и линейныя батальоны оренбургскаго военнаго округа, а также казачья артиллерія и оренбургскіе казаки. Раннею весною войска эти выступили изъ Оренбурга въ самое благоприятное время года, и походъ этотъ не представлялъ собою никакихъ военныхъ трудностей. Да и самое Хивинское ханство, государство мирное и тор-

говое, не имѣвшее почти войска, защищалось только въ силу принципа самообороны, такъ какъ солдаты его не имѣли не только настоящей военной организаціи, но даже вооруженія, стрѣляя изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ ружей, которые устанавливались на подставкахъ, и, конечно, хивинцы потерпѣли пораженіе и наши войска послѣ небольшихъ стычекъ приступили къ штурму крѣпости и вошли побѣдоносно въ Хиву, а всѣ участники этого похода были щедро награждены орденами и не въ зачетъ выданными имъ окладами жалованья. Хивинскій ханъ въ качествѣ заложника былъ отосланъ на жительство въ Оренбургъ, изъ котораго впоследствии бѣжалъ и пропалъ безслѣдно. Хотя Хивинское ханство и не вошло въ то время въ составъ русской территоріи, но надъ нимъ былъ учрежденъ протекторатъ, дававшій Россіи всѣ права по внутренней и внѣшней организаціи этого ханства.

Во время этихъ событій въ составѣ офицеровъ генеральнаго штаба находился въ числѣ прочихъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, бывшій уже въ чинѣ полковника. Онъ не поладилъ съ Н. А. Крыжановскимъ, который аттестовалъ его какъ малоспособнаго офицера и наконецъ откомандировалъ его въ Петербургъ въ главный штабъ, ссылаясь на то, что ему онъ не нуженъ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ М. Г. получилъ секретное порученіе по изслѣдованію внутренняго положенія средне-азиатскихъ областей. Изучивъ хорошо киргизскія нарѣчія, языкъ сартовъ и бухарцевъ, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ вскорѣ по прибытіи своемъ въ Среднюю Азію, имѣя при себѣ очень незначительное войско, состоявшее изъ оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ при нѣсколькихъ орудіяхъ и небольшихъ отрядахъ пѣхоты, позаимствованныхъ изъ ближайшихъ фортовъ, сумѣлъ заставить азіатовъ уважать силу русскаго оружія и престижъ царской власти. Снискавъ мало-по-малу дружбу аксакаловъ (губернаторовъ степныхъ областей), старшинъ и многихъ вліятельныхъ лицъ, онъ убѣдилъ ихъ всячески, что жестокость ихъ законовъ часто лишаетъ ихъ подданныхъ возможности заниматься мирнымъ трудомъ и что даже имущество и жизнь могутъ быть у нихъ отняты путемъ насилій. Такимъ нравственнымъ вліяніемъ онъ подготовилъ благоприятную почву для нашей агрессивной политики. Результатомъ явилось въ 1867 году завоеваніе безъ большого труда Ташкента. Громкіе успѣхи генерала М. Г. Черяева нанесли страшный ударъ самолюбію Н. А. Крыжановскаго. Постѣдній, желая, въ свою очередь, принять активное участіе въ покореніи новаго края, организовалъ также экспедицію изъ Оренбурга, ставъ лично во главѣ ея. Но жалкіе трофеи достались на долю Н. А. Крыжановскаго. Ему удалось только взять жалкую крѣпостцу Ура-Тюбе, которая не особенно упорно защищалась и при взятіи которой едва не погибъ гражданскій чиновникъ статскій совѣтникъ Николай Ми-

хайловичъ Бекчуринъ, сопровождавшій Н. А. Крыжановскаго въ качествѣ переводчика и попавшій случайно подъ непріятельскіе выстрѣлы. За эту экспедицію Н. М. Бекчуринъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира съ мечами, а Н. А. Крыжановскій монаршимъ благоволеніемъ.

Это былъ послѣдній военный подвигъ генераль-адъютанта Н. А. Крыжановскаго. Съ этой минуты онъ круто измѣнилъ свою воинственную политику и посвятилъ остальное время своей генераль-губернаторской дѣятельности вопросамъ мирной политики и внутренняго благоустройства обширнаго Оренбургскаго края. Все еще не теряя надежды осуществить идею созданія намѣстничества изъ нѣсколькихъ губерній, составлявшихъ оренбургское генераль-губернаторство, присоединеніемъ къ нему части завоеванной генераломъ М. Г. Черняевымъ средне-азиатской территоріи, онъ составилъ планъ организациі въ намѣстничествѣ нѣсколькихъ новыхъ генераль-губернаторовъ. Желая ускорить осуществленіе своего плана, Н. А. Крыжановскій самъ отправился въ С.-Петербургъ и сталъ также хлопотать объ утвержденіи концессіи на Оренбургскую желѣзную дорогу, которая должна была связать Оренбургъ съ Самарою и ввести отдаленныя степныя области въ семью русскихъ городовъ, обезпечивъ имъ прочную связь съ обѣими столицами. Но оказалось, что концессія на Самаро-Златоустовскую желѣзную дорогу съ побочною вѣтвью на Оренбургъ была уже утверждена и даже начата была укладка рельсовъ на новомъ пути, а ходатайство Н. А. Крыжановскаго о намѣстничествѣ осталось опять въ числѣ проектовъ, положенныхъ подъ сукно. Тогда генераль Крыжановскій задумалъ громадный проектъ, который, по его мнѣнію, являлся проявленіемъ высокаго альтруизма по отношенію къ бѣдному чиновному люду и офицерству, служившему въ Оренбургскомъ краѣ. Изъ инвентаря обширныхъ земельныхъ участковъ ввѣреннаго ему края Н. А. Крыжановскій узналъ, что за надѣленіемъ подушно каждаго башкира 30-ю десятинами земли остаются еще свободными въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ до 2 милліоновъ пахотной и луговой земли и до 600 тысячъ десятинъ мачтоваго и строевого лѣса въ Кара-Кипчатской волости. И вотъ онъ задумалъ составить проектъ о раздѣленіи всей этой земли на крупныя и мелкія участки и о раздачѣ всѣхъ этихъ участковъ въ вѣчное и потомственное владѣніе чиновникамъ и офицерамъ, служащимъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ разсрочкою за землю платежей на 39 лѣтъ, по самой низкой по тому времени оцѣнкѣ, этой тучной и превосходнаго качества земли со всѣми ея рыбными богатствами и звѣринными промыслами. Составленіе этого грандіознаго проекта было поручено правителю канцеляріи оренбургскаго генераль-губернатора Аполлону Дмитриевичу Холодковскому. Это была въ своемъ родѣ замѣчательная личность, воро-

чавшая всѣми дѣлами Оренбургскаго края, или, какъ его прозвали, временщикъ, такъ какъ самъ по себѣ Н. А. Крыжановскій былъ только военнымъ бюрократомъ и вообще плохимъ практикомъ, а гражданское управленіе краемъ было ему совершенно чуждо, да и вообще онъ относился къ нему совершенно индифферентно. А. Д. Холодковскій былъ типомъ петербургскаго департаментскаго чиновника. Въ высшей степени корректный, утонченно вѣжливый, льстивый и низкопоклонный со старшими и пренебрежительно горделивый съ маленькими и бѣдными людьми, онъ понижавалъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ, изучая ихъ до подробностей, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ возможную пользу, не дѣлая самъ для нихъ ровно ничего. Язвительная улыбка никогда не сходила со складокъ его рта, когда онъ бесѣдовалъ съ подчиненными, а вкрадчивый голосъ старался западать въ душу и выворотить ее на изнанку, когда онъ говорилъ съ лицомъ ему чѣмъ-нибудь полезнымъ. Бесѣдуя съ нимъ, можно было думать, что онъ воспитывался въ иезуитской школѣ. Короче сказать, это было то, что французы называютъ *ше угаіе рате d'enfer* (онъ былъ сотворенъ изъ тѣста, изготовленнаго въ аду).

Проектъ Н. А. Крыжановскаго не представлялъ вовсе для Д. А. Холодковскаго неразрѣшимой проблемы, такъ какъ съ самаго прибытія своего въ Оренбургъ А. Д. Холодковскій какимъ-то чутьемъ сразу успѣлъ сблизиться и жить на дружеской ногѣ со всѣми крупными землевладѣльцами губерній Оренбургской и Уфимской, скупившими за безцѣнокъ большіе участки башкирскихъ земель. Оставалось только привести въ цифру всѣ свободныя башкирскіе участки, опредѣлить степень ихъ настоящей и будущей цѣнности и затѣмъ уже приступить къ раздробленію самихъ участковъ. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ башкирскими землями А. Д. Холодковскій пришелъ къ заключенію, что при распредѣленіи душевыхъ надѣловъ по 30 десятинъ на каждого башкира, по настоящему мѣсту жительства этихъ аборигеновъ, придется имъ отдать въ душевой надѣлъ самыя лучшія черноземныя поля, а на долю чиновниковъ и офицеровъ, и въ особенности знатныхъ бюрократовъ, могутъ пасть менѣе доходныя участки степныхъ земель и даже неплодныя солончаки или сыпучіе пески. А потому, лично заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, т. е. желая получить въ вѣчное и потомственное владѣніе нѣсколько тысячъ десятинъ превосходной пахотной башкирской земли съ ея серебристыми рѣчками, изобилующими форелью, онъ предложилъ Н. А. Крыжановскому прежде, чѣмъ надѣлить башкиръ землею, и не приступая еще къ раздачѣ свободныхъ участковъ чиновникамъ, переселить всѣхъ башкиръ на степныя участки Орскаго и Челябинскаго уѣздовъ съ тѣмъ, чтобы самыя тучныя земли остались свободными отъ надѣловъ и могли бы достаться бюрократамъ.

Этотъ макіавеллистическій маневръ вполнѣ удался А. Д. Холодковскому и, согласно представленія и распоряженія, сдѣланнаго высшей администраціей изъ Петербурга, благодаря высокому довѣрію, которымъ пользовался при императорѣ Александрѣ II Н. А. Крыжановскій, ходатайство его о переселеніи башкиръ на иныя земли получило надлежащую санкцію. Такимъ образомъ до 100 тысячъ башкиръ были выселены изъ богатыхъ черноземныхъ уѣздовъ губерній Оренбургской и Уфимской на степные участки и солончаки, гдѣ хлѣбопашество вообще не процвѣтаетъ и гдѣ кобылка и сусликъ часто совершенно истребляютъ посѣвы. Послѣдствіемъ этого переселенія было разореніе башкиръ и появленіе среди нихъ голоднаго тифа и даже сильная смертность. Совершивъ переселеніе башкиръ на бесплодныя земли, А. Д. Холодковскій принялся за осуществленіе проекта раздачи башкирскихъ земельных участковъ. Чтобы самая строгая правительственная цензура не мѣшала осуществленію плана раздачи, нужно было провести дѣло такъ тонко, чтобы, какъ говорится, комаръ носу не подточилъ, или, говоря иначе, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. А потому А. Д. Холодковскій составилъ списокъ лицъ, которымъ слѣдуетъ выдѣлить свободныя участки башкирскихъ земель. Въ этотъ списокъ прежде всего были включены лица, занимавшія въ то время высшія государственныя должности, и представители всѣхъ министерствъ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ лицъ и отказались отъ надѣленія ихъ башкирскими земельными участками, но другія воспользовались случаемъ приобрести за безцѣнокъ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе на льготныхъ условіяхъ. За высшими петербургскими сановниками слѣдовали генераль-губернаторы: туркестанскій—Константинъ Петровичъ Кауфманъ, получившій 10 тысячъ десятинъ башкирской земли, и оренбургскій генераль-губернаторъ, Николай Андреевичъ Крыжановскій—тоже 10 тысячъ десятинъ самой богатой и плодородной башкирской земли. За ними слѣдоваль правитель канцеляріи генераль-губернатора А. Д. Холодковскій, получившій до 3 тысячъ десятинъ самой лучшей пахотной башкирской земли, а за нимъ всѣ генералы, занимавшіе въ Оренбургскомъ краѣ должности начальниковъ отдѣльныхъ частей. Генеральскіе участки по чинамъ генераль-майора и генераль-лейтенанта нарѣзывались въ размѣрѣ отъ 1 до 3 тысячъ десятинъ земли каждому. Даже нѣкоторые отставные генералы, какъ, напримѣръ, В. И. Черновъ, служившій когда-то въ молодости въ башкирскомъ войскѣ и, благодаря доходному мѣсту попечителя, успѣвшій составить себѣ капиталецъ, получилъ участокъ земли, заключавшій въ себѣ болѣе 2 тысячъ десятинъ, хотя былъ холостой. За военными генералами слѣдовали статскіе въ чинахъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и статскихъ совѣтниковъ, надѣленные также участками отъ 1 до 3 тысячъ

десятинъ башкирской земли. Къ лицамъ этой категоріи принадлежали: попечитель оренбургскаго учебнаго округа Лавровскій, окружные инспекторы Великановъ и Владимірскій. Надѣлены также участками башкирскихъ земель: директоръ Неплюевского кадетскаго корпуса Ѳ. М. Самоцвѣтъ, инспекторъ этого же корпуса и всѣ воспитатели и преподавательскій персоналъ, а также начальница оренбургской женской гимназіи баронесса Марія Ивановна Гершау. Когда же дѣло дошло до мелкой сошки, то тутъ стали раздавать участки только лицамъ, пользовавшимся особымъ благоволеніемъ оренбургскаго генераль-губернатора Н. А. Крыжановскаго и его правителя канцеляріи А. Д. Холодковскаго. Зато адъютантамъ и чиновникамъ особыхъ порученій Н. А. Крыжановскаго достались генеральскіе участки, хотя они были въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Мелкіе участки, или такъ называемые оберъ-офицерскіе, составляли отъ 400 до 500 десятинъ очень хорошей пахотной земли. Они раздавались преимущественно чиновникамъ генераль-губернаторской канцеляріи, а также лицамъ, состоявшимъ въ родствѣ съ генераль-губернаторскою прислугою. Насколько было выгодно пріобрѣтеніе въ вѣчное и потомственное владѣніе такихъ участковъ, можно заключить изъ слѣдующаго: такъ, напримѣръ, учитель гимнастики оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса Дорманъ, переименованный еврей, выслужившій пенсію, исполнѣ обезпечивавшую безбѣдное житье его семьи, и все-таки продолжавшій служить въ кадетскомъ корпусѣ, получая и жалованье и пенсію, былъ награжденъ участкомъ земли въ Уфимской губерніи въ количествѣ 400 десятинъ. Участокъ этотъ состоялъ изъ превосходнаго чернозема, съ котораго башкиры были незадолго передъ тѣмъ выселены, но что еще важнѣе того, на этой землѣ была построена владѣльцами ея башкирами мельница, отданная въ долгосрочную аренду по 800 рублей въ годъ и хотя прошло только два года со дня заключенія контракта, доходъ съ этой мельницы былъ тоже предоставленъ въ пользованіе учителя гимнастики Дормана. Другой, тоже прекрасный участокъ въ 350 десятинъ пахотной земли съ обильною рыбною рѣкою достался учителю гимнастики и строевого образованія оренбургской военной прогимназіи поручику Томашевскому. Этотъ участокъ земли былъ сданъ башкирами-общественниками въ долгосрочную аренду по 900 рублей въ годъ и эта аренда вмѣстѣ съ землею сдѣлалась достояніемъ поручика Томашевскаго. За всѣ участки башкирской земли, доставшейся въ награду чиновникамъ, новые владѣльцы ихъ обязаны были вносить въ продолженіе 39 лѣтъ по нѣсколько копеекъ, которыя должны были составить въ общей сложности отъ 80 коп. до 1 руб. 20 коп. за десятину. Конечно, въ сравненіи съ существовавшею въ то время дѣйствительною стоимостью земли (22 рубля за десятину) это составляло такую низкую плату,

что многіе изъ этихъ вновь испеченныхъ помѣщиковъ успѣли внести за свои участки деньги сразу, запродавъ тотчасъ же съ большими барышами эти участки кореннымъ жителямъ Оренбурга. Эта раздача башкирскихъ земель по инициативѣ генераловъ Крыжановскаго и Холодковскаго была извѣстна подъ именемъ расхищенія башкирскихъ земель, и о ней въ газетахъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ создались цѣлая литература съ подробнымъ перечнемъ лицъ, награжденныхъ этими участками. Началась травля корреспондентовъ, исключеніе ихъ изъ службы, административная высылка и преслѣдованіе и обвиненіе въ неблагонадежности. Но печать работала безъ устали, обличая хищниковъ, и фактъ расхищенія башкирскихъ земель остался все-таки живымъ, неопровержимымъ и вполне доказаннымъ фактомъ, такъ что даже великій его вершитель, правитель канцеляріи Крыжановскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Холодковскій, почувствовалъ, что престижъ его подорванъ и что петербургская высшая администрація начинаетъ относиться къ нему съ крайнимъ недоверіемъ. Но зло было непоправимо, и вскорѣ до государя Александра II дошли слухи, что раздача башкирскихъ льготныхъ земель не только разорила башкиръ, но не обогатила и бѣднѣйшихъ чиновниковъ, давно служащихъ въ Оренбургскомъ краѣ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ ни малѣйшаго клочка земли, которая вся была роздана людямъ случайнымъ, пользовавшимся протекціей генералъ-губернатора. Къ несчастію, генералъ-губернаторъ Крыжановскій имѣлъ слабость героя Грибоѣдовской комедіи Фамусова и могъ бы по справедливости сказать вмѣстѣ съ этимъ типичнымъ москвичемъ: «при мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки, все больше сестрины, свояченицы дѣтки». И въ самомъ дѣлѣ всѣ его адъютанты, чиновники особыхъ порученій и состоящіе въ его распоряженіи по званію командующаго войсками военного округа и начальники отдѣльныхъ частей были все люди, связанные съ нимъ узами крови и родства. Такъ, на примѣръ, родственникъ его полковникъ Бобарыкинъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и занялъ постъ оренбургскаго военного губернатора и наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска. Постъ этотъ былъ очень почетный и выгодный. Кромѣ большого оклада жалованья, присвоеннаго этому лицу, совмѣщавшему въ себѣ двойное представительство власти, Бобарыкинъ занималъ въ казенномъ зданіи караванъ-сарая большую и роскошную квартиру въ двѣнадцать комнатъ при огромномъ садѣ съ оранжереями. Братъ жены генерала Бобарыкина, подполковникъ Кашкинъ, занималъ должность адъютанта при генералѣ Крыжановскомъ по званію его командующаго войсками оренбургскаго военного округа. Но Бобарыкину не посчастливилось на атаманскомъ посту. Къ нему нѣсколько разъ являлся съ просьбою объ опредѣленіи его на службу

вольноюопредѣляющимъ г. Естихѣвъ. Бобарыкинъ не хотѣлъ принять его на службу, и вотъ когда однажды онъ отказалъ ему въ его просьбѣ, Естихѣвъ въ припадкѣ отчаянія бросился на Бобарыкина и ударилъ его два раза по лицу. На другой день послѣ этого происшествія всѣ офицеры оренбургскаго казачьяго войска, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣвымъ. И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Бобарыкина съ полученіемъ оплеухи.

Н. А. Крыжановскій, желая дать ходъ по службѣ своимъ сыновьямъ, Андрею и Михаилу, служившимъ оберъ-офицерами въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, сформировалъ даже для одного изъ нихъ конный башкирскій полкъ. Въ 1855 году, во время Крымской кампаніи, было сформировано 4 башкирскихъ конныхъ полка, которые были посланы въ прибалтійскіе порты въ видѣ береговой стражи. Съ окончаніемъ войны полки эти были расформированы. Н. А. Крыжановскій ухватился за идею сформированія кавалеріи изъ туземцевъ и ему удалось испросить разрѣшеніе военнаго министра на сформированіе одного коннаго башкирскаго полка, командованіе которымъ онъ поручилъ старшему своему сыну, ротмистру гвардіи Андрею Николаевичу Крыжановскому. Такимъ образомъ очутившись во главѣ башкирскаго коннаго полка и переименованный изъ ротмистровъ гвардіи въ полковники, А. Н. Крыжановскій оказался въ двойномъ выигрышѣ. Къ несчастію, этотъ молодой человекъ любилъ широко пожить. Вино и карты были его излюбленными развлечениями, и вскорѣ онъ такъ запутался, что проигралъ нѣсколько тысячъ рублей казенныхъ денегъ, предназначенныхъ на пищевое довольствіе башкиръ и на фуражъ полковыхъ лошадей. Во время лагерной стоянки въ башкирскихъ деревняхъ офицеры этого полка вели тоже очень разсѣянную жизнь. Вино и карты были ихъ главными занятіями, и вотъ однажды послѣ попойки они устроили въ деревнѣ нѣчто въ родѣ похищенія сабинянокъ и когда дѣвушки стали сопротивляться этой атакѣ, то гг. офицерами были пущены въ ходъ пашки и одной изъ башкирокъ отрубили ухо, а другой нѣсколько пальцевъ на рукѣ. Результатомъ этого скандала была уплата большой суммы денегъ потерпѣвшимъ, чтобы потушить исторію. Вскорѣ отъ такой жизни у командира башкирскаго полка Андрея Николаевича Крыжановскаго оказалось столько долговъ, что на покрытіе ихъ пошли всѣ деньги, вырученныя отъ продажи десяти тысячъ десятинъ башкирскаго земли, доставшихся самому генералъ-губернатору Н. А. Крыжановскому. Однажды, помню я, горничная моей жены пришла ко мнѣ въ кабинетъ и объявила, что на кухнѣ у насъ какой-то босякъ, который желаетъ меня видѣть. Я поспѣшилъ выйти къ этому господину. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, брюнетъ средняго роста, худощавый.

Одѣтъ онъ былъ очень плохо. Несмотря на суровую зиму, на немъ былъ офицерскій бѣлый замазанный китель, на которомъ не было погоновъ и болтались только двѣ серебряныя пуговицы съ орлами. Сѣросинія брюки съ красными кантами были сильно поношены и мѣстами изорваны, а ноги босыя были обуты въ дырявыя валежныя галоши. Въ рукахъ онъ мялъ фуражку съ бархатнымъ околышемъ, но безъ офицерской кокарды. Онъ поспѣшилъ отрекомендоваться сыномъ генерала *Z.*, очень заслуженнаго и извѣстнаго въ то время лица въ Петербургѣ.

— Pardon, monsieur, je vous dérange peut-être! Mais c'est que je m'ennuie à mort au milieu de ce tas de gens qu'on appelle jeunesse dorée et qui joue un si grand rôle en province. Me croirez-vous ce sont des fainéants qui passent leur vie à jouer aux cartes et à faire la noce dans les faubourgs cosaques. Ils assoment les bourgeois, courant après leurs femmes et leurs filles et au bout du compte ce sont des ignorants qui ne lisent rien et qui ne sont que des savants en fricassée ¹⁾

Я попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ, куда намъ вскорѣ подали завтракъ, состоявшій изъ горячихъ котлетъ и бутылки портвейна, но собесѣдникъ мой отказался отъ вина и попросилъ вмѣсто него водки, которой онъ выпилъ быстро одну за другою чепыре или пять рюмокъ и только послѣ нихъ сталъ закусывать.

— Да!—продолжалъ онъ свою прерванную рѣчь.—Отецъ мой сдѣлалъ большую ошибку, не отпустивъ меня въ Италію. Je suis peintre par vocation ²⁾ и я убѣжденъ, что изъ меня никогда не выйдетъ хорошаго офицера генеральнаго штаба. Изъ угожденія отцу я пошелъ въ военную академію и вотъ я теперь не старше двадцати пяти лѣтъ отъ роду капитанъ генеральнаго штаба. Mais que peut-on faire dans ce maudit trou. C'est à en y perdre la raison. Но о чемъ, спрошу я васъ, можно говорить съ нашими адъютантами и чиновниками особыхъ порученій. Они не читали даже Тургенева и не подозрѣваютъ о существованіи Чернышевскаго и Добролюбова. А служба наша штабная. Развѣ это живое дѣло? Чѣмъ занимаются у насъ офицеры генеральнаго штаба? Составленіемъ по десяти разъ однѣхъ и тѣхъ же вѣдомостей о нарядѣ на службу пѣхотинцевъ и казаковъ въ степныя укрѣпленія и форты. И клянусь вамъ, что для этого вовсе не нужны академики. Любой пи-

¹⁾ Простите я можетъ быть беспокою васъ, но я до смерти скучаю среди этой кучи людей, которыхъ называютъ золотою молодежью и которая играетъ такую видную роль въ провинціи. Повѣрите ли вы мнѣ, это празднолюбцы, которые цѣлыми вечерами только играютъ въ карты и пьянствуютъ въ казачьихъ форштадтахъ. Они избиваютъ мѣщанъ и ухаживаютъ за ихъ женами и дочерьми и въ концѣ концовъ это неучи, которые ничего не читаютъ и которыхъ можно назвать обжорами и знатоками въ разныхъ фрикасахъ.

²⁾ Я живописецъ по призванію.

сарь можетъ составить такія вѣдомости, пожалуй, даже и лучше офицера генеральнаго штаба. Ну, поневолѣ среди такой безмысленной и безцѣльной жизни запьешь и одичаешь. *Sependant je vous embête et il serait inconveniant d'abuser de votre complaisance.* (Однако я вамъ надоѣдаю, и было бы непристойно злоупотреблять вашимъ снисхожденіемъ),—сказалъ онъ, хватаясь за свою потертую фуражку. Я велѣлъ крикнуть извозчика, на котораго его усадили нѣсколько захмелѣвшаго, такъ какъ онъ выпилъ весь графинъ водки. На прощанье я снабдилъ его нѣсколькими французскими книгами изъ моей скромной библіотеки. Мы разстались большими друзьями, и черезъ мѣсяць послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ его братъ и привезъ мнѣ мои книги, объявивъ при этомъ, что увозить брата въ Петербургъ, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлался неизлечимымъ алкоголикомъ.

Въ 1865 г. въ Оренбургѣ, кромѣ кадетскаго корпуса, было открыто еще новое учебное заведеніе — оренбургская классическая гимназія, и незадолго передъ тѣмъ оренбургская женская гимназія, причемъ всѣ учебныя заведенія Оренбургской губерніи находились въ вѣдѣніи директора гимназіи, носившаго званіе директора училищъ Оренбургской губерніи. Въ 1875 г. совершилась реформа въ педагогическомъ дѣлѣ, и въ Оренбургѣ былъ открытъ учебный округъ, въ составъ котораго вошли учебныя заведенія губерній: Оренбургской, Уфимской, Пермской и областей: Тургайской и Уральской, причемъ на постъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровскій. Это былъ ярый классикъ, и онъ привезъ съ собою въ Оренбургъ нѣсколько чеховъ, которымъ и препоручилъ преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіи. Въ числѣ ихъ былъ чехъ Малина, преподаватель латинскаго языка, который заставлялъ учениковъ заучивать множество стиховъ и басенъ на латинскомъ языкѣ, такъ что классная бесѣда носила характеръ разговорной рѣчи. Ревизуя гимназію, попечитель Лавровскій пришелъ въ восторгъ отъ ученическихъ латинскихъ разговоровъ на лекціяхъ преподавателя Малины и выставилъ его всѣмъ, какъ образцоваго преподавателя. Но и на этомъ солнцѣ оказались пятна. Въ одинъ печальный день къ женѣ преподавателя Малины пріѣхала въ Оренбургъ дама, доказавшая съ документами въ рукахъ, что она законная супруга Малины, а онъ бѣглый ксендзъ, нарушившій два раза монашескій обѣтъ. Въ этотъ же день скрылся изъ Оренбурга самъ Малина, а вторая супруга его, урожденная Шрамекъ, съ которою онъ прижилъ двоихъ дѣтей, уѣхала въ Петербургъ къ своему отцу, директору одной изъ петербургскихъ гимназій. Были еще и другіе курьезы во вновь открытомъ оренбургскомъ учебномъ округѣ. А именно въ числѣ окружныхъ инспекторовъ при попечителѣ Лавровскомъ былъ нѣкто Владимірскій, эстетикъ и любитель женскаго тѣла.

Однажды онъ явился въ десять часовъ вечера въ пансіонъ женской гимназіи и отправился прямо въ спальню дѣвиць. Когда доложили объ этомъ начальницѣ гимназіи, она чуть не упала въ обморокъ, но Владимирскій преспокойно прошелъ черезъ весь дортуаръ отъ одного конца до другого, подъ предлогомъ осмотра одѣяль и простынь у спящихъ дѣвиць, и навелъ панику на все учебное заведеніе.

Любопытна была также и ревизія, произведенная генералъ-губернаторомъ Крыжановскимъ въ учебныхъ заведеніяхъ Оренбургскаго учебнаго округа. Онъ являлся на уроки во время занятій въ сопровожденіи своихъ дежурныхъ адъютантовъ, чиновниковъ особыхъ порученій и неизмѣнно всюду сопровождавшаго его пристава 1-ой части города Оренбурга Николая Михайловича Соловьева. Войдя въ классъ и не обращая вниманіе на преподаваемый въ данную лекцію предметъ, Н. А. Крыжановскій тотчасъ же начиналъ производить ученикамъ экзамень. Онъ начиналъ съ Закона Божія, не справляясь даже при этомъ съ требованіями программы въ данномъ классѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ переходилъ къ русскому языку, къ математикѣ и къ новымъ языкамъ. Задавая произвольно вопросы, на которые, конечно, ученики не могли отвѣчать, онъ разносилъ тутъ же директора, инспектора и преподавателей. Такимъ образомъ были обревизованы имъ всѣ учебныя заведенія, входившія въ составъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Но вотъ наступилъ тяжелый 1879 годъ, воспоминаніе о которомъ навѣрно не изгладится изъ памяти оренбуржцевъ, его пережившихъ, до конца ихъ дней. Весна открылась въ тотъ годъ очень рано и въ первыхъ числахъ апрѣля наступили жары, доходившія до 40° по Реомюру. 16-го апрѣля надъ городомъ разразилось страшное, небывалое бѣдствіе. Во время урагана, когда силою вѣтра срывало крыши съ домовъ, загорѣлся на дворѣ бухарскаго купца Адамова складъ хлопка и порывами вѣтра его горящія хлопья стало разносить по сосѣднимъ сѣноваламъ и деревяннымъ крышамъ, а потомъ горящіе клубки полетѣли, подхваченные вѣтромъ, въ отдаленные кварталы. Крыши сараевъ, бань, деревянныхъ надворныхъ строеній моментально воспламенялись, какъ свѣчи, и среди рева бури цѣлое море огня бушевало въ городѣ прежде, чѣмъ на помощь этому бѣдствію могла прискакать мѣстная пожарная команда. Нечего и говорить, что въ то время средства къ борьбѣ съ разрушительной стихіей были самыя жалкія и плохо организованныя. Черезъ часъ послѣ начала пожара цѣлые кварталы были объяты пламенемъ, силою вѣтра огонь шелъ по верхамъ и загорались вторые этажи домовъ. Горѣли: лавки, магазины, аптеки, гостиницы, винныя и керосиновые склады, церкви, колокольни, а внизу какіе-нибудь деревянные лари и лавчонки стояли нетронутыми, пока изъ домовъ не повыбрасывали въ окна всю мебель и домашнія вещи, которыя, сваленныя въ кучи, загорались тутъ же на улицахъ.

Вскорѣ пожаръ принялъ грандіозныя размѣры, и борьба съ огнемъ сдѣлалась невозможною. Сгорѣли пожарныя бочки и большая половина пожарнаго обоза, а пожарные спаслись, ускакавъ на своихъ лошадяхъ. Линія огня вытянулась на нѣсколько верстъ, охвативъ городъ и самыя большія его предмѣстья, и наконецъ огонь дошелъ до крайнихъ мелкихъ деревянныхъ построекъ, примыкавшихъ къ рельсамъ желѣзной дороги. Къ вечеру того же 16 апрѣля насчитывалось до 3 тысячъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, истребленныхъ пожаромъ, и до 20 тысячъ жителей остались безъ крова и лишились своего имущества. Среди жителей была паника. Предоставивъ на жертву огня свое имущество, отцы и матери думали только о спасеніи своихъ дѣтей. Всѣ бѣжали изъ города, и кто успѣлъ добраться до станціи желѣзной дороги, тѣ помѣстились съ семьями въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, захвативъ съ собою во время этого бѣгства одѣяла и подушки и уцѣлѣвшую отъ пожара одежду, остальные принуждены были жить на открытомъ воздухѣ вдоль стѣнъ, огораживающихъ городское кладбище, устроивъ себѣ палатки изъ простынь и ковровъ. Были и такіе несчастные, которые вмѣстѣ съ дѣтьми спали на кладбищѣ на могилкахъ. Съ 16 апрѣля пожарное бѣдствіе стало обычнымъ явленіемъ въ жизни оренбуржцевъ. Не проходило дня безъ того, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, и такъ какъ пожары сопровождались сильными вѣтрами, то борьба съ разрушительнымъ дѣйствіемъ огня становилась крайне затруднительною, и, чтобы локализовать пожары, приходилось при помощи войскъ ломать всѣ сосѣднія съ горѣвшими домами деревянныя постройки, что возбуждало ропотъ и недовольство домохозяевъ. Но однажды, въ первыхъ числахъ мая того злополучнаго 1879 года, жителямъ города Оренбурга угрожала страшная опасность. Вокругъ порохового погреба, очутившагося съ уничтоженіемъ крѣпостнаго вала въ чертѣ города, загорѣлись сложенные въ большомъ количествѣ бревна строевого лѣса, предназначеннаго къ отправленію въ степныя укрѣпленія. Въ пороховомъ погребѣ въ этотъ день хранилось до 800 пудовъ пороха и, воспламенивъ этотъ порохъ, въ городѣ не уцѣлѣло бы ни одного второго или третьяго этажа и ни одной колокольни, не упоминая о неизбѣжной гибели множества людей отъ такого взрыва. Противъ порохового выхода какъ разъ раскинулись постройки Казачьяго форштадта, въ которомъ насчитывалось до 4 тысячъ жителей. Въ близкомъ разстояніи отъ этого порохового выхода находилось и городское кладбище, на которомъ пріютилось нѣсколько тысячъ погорѣльцевъ. На этотъ разъ паника была еще сильнѣе, и жители форштадта кинулись прямо къ Уралу, чтобы перенлыть его на лодкахъ и укрыться на другомъ берегу въ Зауральной рошѣ, ожидая ежеминутно оглушительнаго взрыва обвѣятаго пламенемъ порохового погреба. Но бѣдствіе миновало.

Артиллерійскій чиновникъ Ефремовъ, которому было ввѣрено спасеніе порохового погреба, заложилъ въ немъ всѣ окна, затѣмъ закрылъ весь погребъ сукномъ и кошмами, которыя при неослабныхъ усиліяхъ двухъ пѣхотныхъ батальоновъ были поливаемы водою, а горящія бревна стали откатывать какъ можно дальше отъ порохового выхода, и къ вечеру пожаръ былъ потушенъ. Черезъ мѣсяцъ со дня начала пожарныхъ бѣдствій Оренбургъ почти весь выгорѣлъ и представлялъ собою груды развалинъ, изъ которыхъ торчали только печи и полуразвалившіяся дымовыя трубы. Жители города и предмѣстій дошли до ужасающей нищеты и полного изнеможенія. По кладбищу и по предмѣстьямъ развозили для продовольствія жителей бочки съ горячими щами и тянулись телѣги, нагруженныя ломтями нарѣзаннаго хлѣба. Погибло множество скота, лошадей, коровъ, овецъ и множество домашней птицы. Сгорѣло 9 человекъ, захваченныхъ огнемъ во время сна. Приближалась зима 1879—1880 гг. Погорѣльцы рассчитывали на полученіе большихъ денежныхъ ссудъ, обѣщанныхъ имъ начальствомъ, и надѣялись построить новые дома на мѣстѣ сгорѣвшихъ. Но большая часть пострадавшихъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. На помощь бѣднякамъ пришло общество Краснаго Креста, и, благодаря розданнымъ имъ пособіямъ частью строительными матеріалами, частью деньгами, предмѣстья успѣли обстроиться маленькими домиками изъ дерева и воздушнаго кирпича до наступленія поздней осени. Но постройки изъ воздушнаго кирпича оказались на практикѣ непригодными для жилья и съ наступленіемъ осени вслѣдствіе сырости сдѣлались очагами заразныхъ болѣзней, въ особенноти тифа, скарлатины и дифтерита. По недостатку денежныхъ пособій и чрезмѣрной дороговизнѣ строительныхъ матеріаловъ въ центрѣ города оставалось множество незастроенныхъ мѣстъ и квартиры поднялись значительно въ цѣнѣ. На бѣду еще зима наступила суровая и снѣжная. На всѣ предметы первой необходимости цѣны стали быстро повышаться, а къ дровамъ не было пріступу, такъ какъ лѣсъ сплавляли въ Оренбургъ изъ Башкиріи по Уралу, а въ тотъ годъ вслѣдствіе засухи и мелководья рѣкъ лѣсъ пришлось выгружать верстъ 50 не доходя до города и везти его гужомъ. Такимъ образомъ цѣна кубической сажени дровъ доходила до 75 и до 80 рублей. Даже топливо, приготовляемое изъ навоза и извѣстное подъ названіемъ кизяковъ, погорѣло въ большомъ количествѣ во время пожаровъ и продавалось за сотню кирпичей по 1 р. и 1 р. 20 к., а съ наступленіемъ холодовъ дошло до 1 р. 80 к. за сотню. Среди бѣднаго люда началась голодовка, а когда въ концѣ зимы образовались по линіи Оренбургской желѣзной дороги снѣжные заносы, доходившіе до 12 аршинъ въ вышину, то сначала администрація дороги пробовала бороться съ этимъ бѣдствіемъ, а когда вьюги стали сопровождаться сильными

морозами, то рельсы покрылись такимъ толстымъ слоемъ замерзшаго снѣга, который образовалъ цѣлыя ледяныя горы, и наконецъ движеніе поѣздовъ между Оренбургомъ и Самарою совершенно прекратилось. Прошло двѣ недѣли, и Оренбургъ очутился изолированнымъ отъ цѣлаго міра. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ не только по желѣзной дорогѣ, но и по всѣмъ грунтовымъ дорогамъ тоже прекратился. Самый послѣдній сортъ муки продавался по 3 р. за пудъ и дороже, мясо доходило до 25—30 к. за фунтъ, а масло до 70 к. за фунтъ и вскорѣ совсѣмъ исчезло съ рынка.

Между тѣмъ еще въ началѣ зимы генералъ-губернаторъ Крыжановскій, вызванный въ С.-Петербургъ по поводу поступившихъ на него жалобъ по переселенію башкиръ на безплодныя земли, результатомъ чего являлось обнищаніе башкиръ и появившаяся среди ихъ смертность отъ голоднаго тифа, сидѣлъ себѣ преспокойно въ Петербургѣ и отписывался, ссылаясь на свои доклады и проекты и опираясь на своего правителя канцеляріи Холодковского, находившагося въ это время при немъ въ Петербургѣ. Но вотъ дѣло дошло наконецъ до того, что вслѣдствіе прекращенія движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ подвозъ провіанта и мяса въ Оренбургъ совершенно прекратился, мука вздорожала до невозможности, да и привозъ ея совершенно прекратился, а изъ мясныхъ продуктовъ можно было достать только киргизскую баранину, которая очень жестка и непріятна на вкусъ и отличается притомъ дурнымъ запахомъ, такъ какъ киргизы нажираютъ своихъ барановъ только въ курдюкѣ, не заботясь о качествѣ мяса, а считая только важнымъ полученіе отъ нихъ наибольшаго количества сала. Въ виду отсутствія въ Оренбургѣ всякихъ пищевыхъ продуктовъ, наступилъ уже настоящій голодъ, сопровождавшійся желудочными заболѣваніями со смертнымъ исходомъ. И съ каждымъ днемъ процентъ смертности сталъ значительно увеличиваться. Тогда, по почину оренбургскаго городского головы, въ Оренбургѣ было созвано экстренное засѣданіе думы, на которое, кромѣ гласныхъ, были приглашены всѣ болѣе или менѣе опытные и уважаемые домовладѣльцы города, а также исправлявшій обязанность оренбургскаго генералъ-губернатора вице-губернаторъ Василій Разумниковичъ Жуковъ. Въ засѣданіи этомъ обсуждались необходимыя мѣропріятія для предотвращенія голодовокъ, и въ числѣ главныхъ условій было постановлено послать по телеграфу депешу, адресованную на имя министра внутреннихъ дѣлъ, съ просьбой о принятіи энергическихъ мѣръ къ прекращенію разившейся среди городского населенія голодовки. Въ концѣ засѣданія депеша была уже составлена переписана набѣло и покрыта двумя тысячами подписей и подписью испр. обязанность генералъ-губернатора, вице-губернатора Жукова. Какъ только депеша эта дошла до Петербурга, министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ же доложилъ о ней государю

императору въ присутствіи находившагося въ то время въ кабинетѣ его величества государя наслѣдника цесаревича Александра Александровича (впослѣдствіи въ Бозѣ почившаго императора Александра III). Государь императоръ тотчасъ же приказалъ дать знать объ этомъ министру путей сообщенія, приказавъ, чтобы путь отъ Самары до Оренбурга былъ немедленно очищенъ отъ снѣжныхъ заносовъ. Между тѣмъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ тотчасъ же приказалъ послать за оренбургскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ, и когда тотъ явился къ его высочеству, то государь наслѣдникъ встрѣтилъ его слѣдующей фразой:

— Вы ничего не слышали, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ озадаченный Н. А. Крыжановскій.

— У васъ въ Оренбургѣ страшное бѣдствіе, люди умирають отъ голода.

— Но я ничего не могу подѣлать. Уже болѣе десяти дней сообщеніе по желѣзной дорогѣ прервано между Оренбургомъ и Самарою. Я бы самъ давно уѣхалъ.

— Государь приказалъ министру путей сообщенія немедленно расчистить путь, поѣзжайте тотчасъ же къ министру путей сообщенія, а главное, надо дѣйствовать быстро и безотлагательно. Вотъ вамъ чекъ на полученіе изъ банка 20 тысячъ рублей и распорядитесь тотчасъ же, чтобы на эти деньги было куплено мясо и хлѣбъ и какъ только путь будетъ свободенъ, отсылайте немедля эту первую помощь въ Оренбургъ, а мы съ женою приготовимъ вамъ еще такую же сумму денегъ на помощь голодающимъ оренбуржцамъ.

Н. А. Крыжановскому оставалось только благодарить его высочество и повиноваться. На другой день изъ Петербурга было направлено нѣсколько товарныхъ поѣздовъ съ мясомъ и хлѣбомъ въ Оренбургъ и когда поѣзда эти прибыли въ Самару, то имъ пришлось еще простоять цѣлыя сутки въ этомъ городѣ, пока, наконецъ, нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ удалось расчистить путь отъ двѣнадцатиаршинныхъ снѣжныхъ заносовъ. Съ этого дня стали постепенно подвозить въ Оренбургъ съѣстные припасы и навезли ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что городской муниципалитетъ раздавалъ въ теченіе мѣсяца бесплатно всѣмъ жителямъ муку, мясо, чай, сахаръ, табакъ и даже конфеты и плоды, жертвуемые доброхотами. Такъ окончилась страшная оренбургская голодовка, поглотившая не малое число жертвъ.

Между тѣмъ Н. А. Крыжановскій, по прибытіи своемъ въ Оренбургъ, потребовалъ къ себѣ вице-губернатора В. Р. Жукова и, сдѣлавъ ему строгій выговоръ, разнесъ въ пухъ и въ прахъ городского голову и всѣхъ чиновниковъ за подачу министру внутреннихъ дѣлъ телеграммы о голодовкѣ, наступившей въ Оренбургѣ. Пока

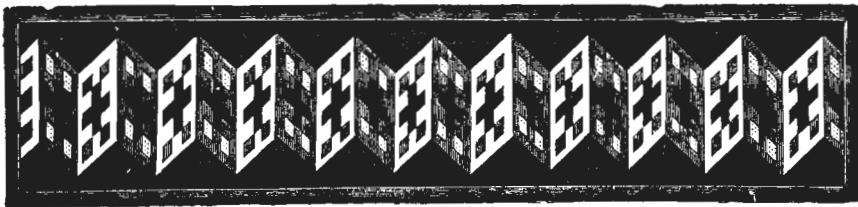
Н. А. Крыжановскій разносилъ своихъ подчиненныхъ, высшая администрація Петербурга одобрила мѣропріятія вице-губернатора В. Р. Жукова, и онъ удостоился даже повышенія по службѣ.

Свершилось страшное злодѣяніе 1-го марта 1881 года. Обожаемый монархъ, Царь-Освободитель былъ убитъ рукою злодѣя на улицѣ своей столицы въ ту минуту, какъ вышелъ изъ кареты, чтобы посмотрѣть, въ какой мѣрѣ пострадали отъ взрыва окружавшіе его люди изъ народной толпы случайныхъ прохожихъ. Вся Россія приуныла, оплакивая кончину этого ангела, снявшаго рабскія цѣпи съ многомилліоннаго населенія закрѣпощенныхъ невольниковъ и даровавшаго странѣ судъ правый и скорый.

Между тѣмъ въ оренбургскомъ генераль-губернаторствѣ дѣла шли все хуже и хуже, и по множеству возгорѣвшихся вслѣдствіе раздачи башкирскихъ земель споровъ и земельныхъ тяжбъ возникла масса новыхъ дѣлъ и подача тысячи жалобъ въ сенатъ, и всѣ эти дѣла и споры требовали быстрого разрѣшенія. Въ виду этихъ аграрныхъ споровъ, весною 1882 года была послана въ Оренбургъ сенаторская ревизія, обнаружившая массу злоупотребленій со стороны правителя генераль-губернаторской канцеляріи дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Д. Холодковскаго. Въ надеждѣ какъ-нибудь смягчить печальные результаты этой ревизіи генераль-губернаторъ Крыжановскій отправился въ маѣ мѣсяцѣ того же года въ Петербургъ, но онъ успѣлъ доѣхать только до Самары, гдѣ встрѣтился съ фельдъегеремъ, который вручилъ его высокопревосходительству пакетъ отъ государя императора Александра Александровича. Это была чистая отставка, съ лишеніемъ званія генераль-адъютанта, безъ пенсіи и безъ мундира, а правитель канцеляріи Холодковскій былъ уволенъ въ отставку по 3 пункту съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не опредѣлять. Такъ окончилась башкирская эпопея, поглотившая тысячи жизней погибшихъ отъ голода инородцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и упраздненіе оренбургскаго генераль-губернаторства и оренбургскаго военного округа.

П. Жакмонъ.

ЮЖНО-РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Изъ исторіи освободительнаго движенія).

I.

ВЪ ОДЕССУ я попалъ въ самый круговоротъ начинавшагося освободительнаго движенія. Весьма симпатичный и образованный еврей, Сергѣй Самуиловичъ Цукербергъ, предложилъ мнѣ побывать на митингѣ.

— Вотъ вы увидите и услышите, какъ далеко нашъ пламенный Югъ опередилъ вашъ дремлющій Сѣверъ,— заговорилъ онъ дорогою.

— По какому пути опередилъ?—спрашиваю.

— По пути освобожденія народа отъ гнета администраціи.

— Чтобы подвергнуть его гнету партійному?

— Но гнетъ партійный парламентскихъ правыхъ партій все же легче гнета самодержавной бюрократіи.

— Легче ли—это еще вопросъ. Но гдѣ же и въ чемъ собственно освобожденіе?

— Подождите, наступитъ и настоящее освобожденіе. Мы провозгласимъ социальную, пролетарскую республику.

«Ого! вотъ здѣсь до чего уже дошло», подумалъ я и счелъ удобнѣе промолчать.

Мы шли мимо казармъ, по улицѣ, запруженной шумящими солдатами, евреями, торгующими всякою дрянью. Налѣво лежало пустынное поле, такъ называемый одесскій ботаническій садъ.

Заборъ отсутствовалъ. На притоптанной муравѣ валялись въ непринужденныхъ позахъ солдаты, женщины, хохлы и полунагіе люди — ракло по-здѣшнему. Мы торопливо минули это опасное собраніе.

Митингъ собрался въ убѣжищѣ имени Пушкина, созданномъ на общественныя пожертвованія Навроцкимъ. Теперь убѣжище очутилось въ распоряженіи какого-то еврейскаго комитета. Какъ оно попало въ цѣпкія руки израиля,—не умѣю объяснить. Еврейская одесская печать усердно ругала Навроцкаго при посредствѣ кривотолковъ и инсинуацій. Какъ всегда водилось на Руси, Навроцкій и его комитетъ обидѣлись и вышли въ отставку. Сейчасъ же на общемъ собраніи одесскаго литературнаго общества, впрочемъ, весьма слабо литературнаго, съ еврейскимъ большинствомъ, былъ избранъ новый комитетъ изъ евреевъ, который и постановилъ закрыть убѣжище имени Пушкина, за немѣннимъ якобы средствъ его содержать.

Нечего и говорить, что о приобрѣтеніи средствъ еврейскій комитетъ и не подумалъ.

— Печально такое рѣшеніе комитета,—говорю Цукербергу.

— Почему?—удивился тотъ.—Тутъ догораютъ полтора десятка стариковъ—и только. Пусть уходятъ умирать въ другое мѣсто. Зданіе это намъ нужно.

— Безчеловѣчно и несправедливо такое рѣшеніе.

— Вы забываете о необходимости работать въ дѣлѣ освобожденія. Поглядите, какое удобное мѣсто это для митинговъ: огромный театральный залъ на 800 человекъ, эстрада и уборныя съ особымъ ходомъ во дворъ, по внутренней лѣстницѣ. На случай появленія полиціи, кому надо ускользнуть — ускользнетъ. Домъ расположенъ за городомъ. Надзора почти нѣтъ. Рядомъ казармы. На митинги попадаютъ солдаты, а это важно... Мы хлопчемъ о пробужденіи сознательности въ войскахъ. Моряки уже съ нами, за освободительное движеніе. Сегодня, надѣмся, въ собраніи будетъ и бравый лейтенантъ Шмидтъ. Вотъ увидите и услышите будущаго адмирала Черноморскаго флота, когда мы завладѣемъ эскадрой.

— Когда вы завладѣете эскадрой?—воскликнулъ я, пораженный заявленіемъ, по моему тогдашнему убѣжденію, казавшимся совершенно нелѣпнымъ.

— Чему удивляетесь? Матросы на нашей сторонѣ. Офицеровъ, которые несогласны, Шмидтъ обѣщаетъ побросать въ воду. А разъ броненосцы будутъ наши—весь югъ будетъ нашъ. Здѣсь создается Южная республика съ Крымомъ и плодороднѣйшими землями Волыни и Подолія. Такая республика имѣетъ всѣ шансы на существованіе и будетъ признана. Пусть старая насильница, некультурная Москва, погибаетъ отъ внутреннихъ раздоровъ. Это насъ, южанъ, не касается. Польша будетъ восстановлена, и съ этою со-

сѣдкою Южная республика будетъ въ мирѣ и союзѣ. Какая великая и свѣтлая будущность ждетъ нашъ югъ! Къ чорту самодержавіе и взлелѣянную имъ вороватую и глупую бюрократію! У насъ будетъ чудное, незамерзающее море и лучшія пшеничныя земли, виноградники и шелководство, первоклассные порты и крѣпость Севастополь съ броненоснымъ флотомъ. Да вѣдь это же много больше того, что можетъ предъявить и теперь какая-нибудь Румынія или Сербія. Южная одесская республика будетъ, и это не мечта. Что насъ связываетъ съ Москвою—нищими внутренними губерніями и ихъ полудикимъ населеніемъ? Ничего—одно ничего. Не указывайте на петербургское правительство... Кровь закипаетъ при этомъ отъ негодованія. Сто лѣтъ, какъ оно, благодаря случаю, господствуетъ на берегахъ Чернаго моря и... что оно сдѣлало для края? Обирало, грабило, насильничало.

— Пойдите,—останавливаю я Цукерберга:—назовите мнѣ народъ, который будетъ населять вашу Южную республику, и тогда рѣшится вопросъ: желаетъ ли онъ вашей республики, или тянетъ къ Москвѣ, какъ въ дни Хмѣльницкаго.

— Народъ!—презрительно пожимая плечами, возразилъ мой собесѣдникъ.—Эти волопасы-хохлы пойдутъ за интеллигенцію.

— А интеллигенція кто же? Вы—еврей?

— А хотя бы и мы.

— Не уживетесь съ хохлами. Не любятъ они еврейства.

— Уживутся. Заставимъ ужиться. У насъ капиталы, наука, энергія; мы господа въ торговлѣ и политикѣ. Заставимъ, коли добромъ не уживутся.

Поглядѣвъ пристально въ глаза восторженнаго одесскаго еврея-революціонера, я въ душѣ согласился, что, точно, пламенный Югъ, если не по дорогѣ прогресса, то по дорогѣ разрушенія русской имперіи далеко обогналъ не только дремлющій Сѣверъ, но и старую нашу соперницу Варшаву.

Создастся ли, не создастся ли Южная республика на берегахъ Чернаго моря—вопросъ будущаго. Но многое изъ того, что говорилъ энтузіастъ Цукербергъ, какъ будто и правда. Связь съ центромъ очень слаба. Петербургъ мало сдѣлалъ для края. Какъ нерасчетливый эксплуататоръ-хозяинъ, онъ все бралъ, ничего не возвращая истоцаемой почвѣ—народу. Теперь все здѣсь въ рукахъ еврейства, революціонеровъ.

Но, невзирая на всѣ справедливыя упреки, бросаемыя петербургскому правительству, опиравшемуся болѣе вѣка исключительно на грубую силу—на солдатъ, и знавшему одного бога—произволь, мнѣ стало и жалко и страшно при мысли о возможности распадѣнія старой Россіи, на которую теперь яростно нападаютъ и армяне, и грузины, и финны, и эсты, и даже случайно заброшенные къ намъ евреи. Ужъ имъ-то слѣдовало бы помолчать, а ѡни

ожесточеніе другихъ. Кто защититъ нераздѣльность имперіи не одною, разумѣется, грубою силою, а мощью высшаго порядка? Менѣе всего на это готовы сами русскіе. Они готовы сами себя ликвидировать: вспомнимъ только московскій съѣздъ. Русскимъ стало какъ будто ненавистнымъ то, что официально, изъ вѣка въ вѣкъ, заставляли называть Россіей и что въ сущности было только объектомъ чиновничьяго произвола и грабежа. Но не чиновники же создали великую имперію. И русскій не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Некрасовъ, правда, написалъ: «Создалъ онъ пѣсно подобную стону и навѣки духовно почилъ». Но не вѣрится этому, а впрочемъ...

Моихъ грустныхъ размысленій я, однако, Цукербергу не общалъ.

— Ваша Южная республика, говорю ему, съ столицею Одессою будетъ, вѣ сомнѣнія, царствомъ евреевъ?

Цукербергъ на это усмѣхнулся.

— А хотя бы и такъ. Пусть будетъ снова царство семитовъ. Въ Россіи его основать удобнѣе, чѣмъ на пескахъ Палестины, или гдѣ-то въ Угандѣ,—на Черномъ морѣ воскресимъ Кароагенъ.

— И поработите хохловъ, какъ кароагеныяне поработили берберовъ.

— Никто не помѣшаетъ вашимъ хохламъ выйти поскорѣе изъ состоянія безсознательнаго стада и приобрѣсти значеніе.

— Улита ѣдетъ, да скоро ли будетъ. Ну, а пока это совершится?

— Ну, пока это совершится, евреи будутъ на первомъ планѣ. И это никого не должно смущать и тревожить. Мы, евреи, создадимъ торговое государство, создадимъ капиталы, торговлю, коммерческій флотъ. Если мы не сдѣлали этого до сихъ поръ, то единственно потому, что Москва у насъ сидѣла на шеѣ. Занимать деньги современемъ Европа будетъ у насъ, въ Одессѣ, а не въ Парижѣ или Берлинѣ. Славянское племя на такую работу неспособно.

— И посему сѣдьюю опредѣлено ему быть илотомъ еврея?

— А теперь хохолъ—илотъ чиновника, голодный, обобранный, битый. Авось гегемонія развитаго еврея и жизнь въ богатой Южной республикѣ не будутъ для него ни губительны, ни тяжелы.

— Не согласенъ я съ вами, Сергѣй Самуиловичъ. Хохлу будетъ въ вашей Южной республикѣ тѣсно. худо, хуже, чѣмъ въ древней Рѣчи Посполитой. Кароагенъ былъ жестокъ къ подчиненнымъ расамъ.

II.

Мы вошли въ вестибюль такъ называемаго убѣжища имени Пушкина. Прекрасный, большой домъ, высокія залы, широкіе коридоры, бѣломраморная лѣстница и... и изъ разныхъ угловъ пуг-

ливо на насъ выглядывали какія-то обтрепанныя личности — это прирѣваемые. Между ними есть и литераторы. Ихъ плохо кормятъ и строго держатъ въ этихъ палатахъ. Распорядителямъ-евреямъ не до нихъ. Насъ встрѣтила толстая еврейка съ двойнымъ подбородкомъ, огромнымъ животомъ, крупнымъ носомъ и смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ черныхъ холодныхъ глазъ. На меня она взглянула подозрительно, но, пошептавшись съ Цукербергомъ, рассыпалась въ привѣтствіяхъ. Я понялъ изъ ея намековъ, что она сочла меня за петербургскаго «товарища», пріѣхавшаго посмотреть, что у нихъ дѣлается.

Къ намъ сейчасъ же подскочилъ тощій еврейчикъ, маленькаго роста, съ гнилыми зубами и бѣгающими глазами. Низкій лобъ и суетливыя манеры не говорили въ пользу его ума,—онъ оказался мужемъ толстой еврейки Добы, но Цукербергъ рекомендовалъ мнѣ его, какъ выдающагося сотрудника мѣстныхъ газетъ и даже одного изъ столповъ возродившагося въ ту пору въ Петербургѣ радикальнаго «Сына Отечества».

— Республиканецъ и социалистъ,—шепталъ мнѣ Цукербергъ.— Онъ и митинги организуетъ.

— Ну, конечно, жена его Доба помогаетъ и руководить? Она, кажется, умнѣе.

— О, да! самъ Шмидтъ ее уважаетъ.

Идемъ дальше въ сопровожденіи шумящей и галдящей толпы, тоже поднимающейся по лѣстницѣ. Народу много; все больше разряженные, красиваго типа еврейки, очевидно, изъ достаточнаго класса. Шныряютъ молодые евреи, большинство изъ учебныхъ заведеній. Робко, какъ бы не довѣряя себѣ, толкаются солдатики; матросы посмѣлѣе. Были тутъ и христіане-мѣщане, но въ гомосопнатической дозѣ.

Зала театра была во второмъ этажѣ, и мы поднялись туда. Тощій еврей носился по лѣстницѣ вверхъ и внизъ, жалъ руки подходившимъ, шептался съ какими-то евреями, однимъ высокимъ, съ кислымъ лицомъ, другимъ — карликомъ, съ фizioноміей очень оживленною. Этотъ послѣдній постоянно жестикулировалъ. Оба, какъ я узналъ, составляли комитетъ, управлявшій убѣжищемъ. Слышались фразы:

— Итакъ, не будетъ? жаль...

— Опасается. Опять же вызванъ экстренно въ Севастополь...

Еще мнѣ послышались слова: «Потемкинъ... готовъ и начнетъ». «Зачѣмъ», подумалъ я, «упоминается здѣсь имя этого екатерининскаго вельможи? Между митингомъ и имъ, давно усоншимъ любимцемъ счастья, кажется, ничего нѣтъ общаго»? Я еще не догадывался, что рѣчь шла о броненосцѣ «Князь Потемкинъ-Таврическій», готовомъ взбунтоваться. Огромнаго, чернаго, какъ уголь, еврея, титуловали профессоромъ, но онъ оказался только прозекторомъ

при университетѣ. Сообщение, что Шмидтъ не пріѣдетъ, было принесено имъ, и тощій еврей поспѣшилъ мнѣ выразить сожалѣніе, что я не познакомлюсь съ такимъ выдающимся борцомъ за освободительное движеніе.

— Матросы его обожаютъ. Онъ будетъ, пока все устроится, протекторомъ нашей Южной республики. Затѣмъ выберемъ президента.

«Еврея, конечно»,—подумалъ я: «адвоката Пергамента, какъ я уже раньше слышалъ».

Въ фойе театра мнѣ прежде всего бросился въ глаза заплаканный царскій портретъ. Какой-то золотушный еврейчикъ при мнѣ залѣпилъ дополнительный плевокъ въ злополучный портретъ. Стоявшій рядомъ солдатъ возмутился:

- Это что же ты дѣлаешь?—окрысился онъ на него.
- Тирана предаю позору.
- А вѣдь влетитъ тебѣ за это. Амператоръ, вѣдь. А?
- Отъ кого влетитъ?
- А хоша бы отъ меня.

Прибѣжавшая Доба поспѣшила прекратить начинавшійся скандалъ; увела солдата, а радикаль-еврейчикъ поспѣшилъ ретироваться. Неровень часъ. Солдатъ, хотя и «сознательный», искалѣчить, пожалуй. Въ залѣ солдатика окружила цѣлая толпа дамъ и студентовъ и засыпали его фразами о гнетѣ правительства, самоуправіи полиціи, всеобщемъ воровствѣ чиновниковъ, крупныхъ и мелкихъ, о позорѣ флота и арміи въ Манчжуріи, гдѣ солдатъ мортятъ голодомъ, а генералы, бездарные и трусливые, утопаютъ въ роскоши. Солдатикъ только хлопалъ глазами, повторяя:

— Такъ-то оно такъ, а все же не годится плевать. Амператоръ вѣдь, отецъ, выходитъ, нашъ. И вдругъ, энто, плевокъ...

— Этотъ еще не совсѣмъ готовъ,—шевели своимъ крупнымъ носомъ, шепнула мнѣ Доба.—Но другіе солдаты совсѣмъ готовы. А про матросовъ и говорить нечего. Революціонеры и социалисты всѣ поголовно.

— Социалисты? Это наши-то сѣренькіе матросики!

— А что вы думаете? Они уже не прежніе: мы ихъ перевоспитали. Наши почти постоянно живутъ въ ихъ казармахъ, развиваютъ сознание, втолковываютъ. Работа, правда, тяжелая.

— Начальство не препятствуетъ? Или и оно революціонизировано тоже?

— Не скажу этого. Но, вѣдь, когда же оно и заглядываетъ въ казармы? Живетъ на дачахъ. Раза два въ недѣлю заглянетъ къ матросамъ на часокъ. Старшіе злоупотребляютъ, наживаются, молодежь—ничтожна. Нашимъ просторъ. Повѣрьте, матросы первые начнутъ.

— И скоро начнутъ?

— Ждемъ сигнала, а у насъ въ городѣ все давно готово.

III.

Описывать митингъ не стану. Тутъ было все то же, что и всегда бываетъ на всѣхъ митингахъ: сплошное безтолковое галдѣніе. Черный еврей, прозекторъ, говорилъ обрывисто, съ ожесточеніемъ, точно его лично русскіе обидѣли; проклиналъ буржуазію и общалъ стереть ее съ лица земли. Красивыя еврейки, въ шелку и перьяхъ, въ необъятныхъ шляпкахъ, неистово ему аплодировали. Въ своемъ энтузіазмѣ нѣкоторые были поразительно хороши, а красота всегда и вездѣ—сила. Моя сосѣдка по мѣсту даже поднялась со стула, хлопая въ ладони. Свѣтлыя перчатки лопнули. Она ихъ бросила, и маленькія ручки, съ выхоленными пальчиками, захлопали еще бойчѣе. Овальное лицо, матовая нѣжная кожа, большіе черные, миндалинами глаза, горѣвшіе огнемъ, и стройный станъ были безукоризненно прекрасны.

— Долой подлюю буржуазію съ ея самодержавіемъ!—кричала она.—Да здравствуетъ пролетаріатъ! Соціальная республика и ни на чемъ меньшемъ мы не помиримся. Къ чорту компромисы и умѣренныхъ болвановъ.

— Сарра! успокойся,—увѣщевала ее толстая Доба.—Наша молодежь огонь,—обратилась она ко мнѣ.

— Если налицо огонь, то не миновать пожара.

— И не минуемъ,—подтвердила Сарра, вскинувъ на меня глазами.

Какіе глаза! Невольно вспомнились мнѣ Эсоиръ и Артаксерксъ.

На каедрѣ очутился Цукербергъ. Этотъ говорилъ о притѣсненіяхъ администраціи, объ избіеніяхъ арестованныхъ въ полиціи, о всероссійскомъ казнокрадствѣ; о томъ, что въ тылу арміи совершаются миллионныя хищенія, а бездарный главнокомандующій, окруженный бездарными придворными фаворитами, людьми, которымъ придворныя бабушки ворожатъ, отступаетъ и отступаетъ.

— Наши министры, генераль-губернаторы, губернаторы, генералы, все это воспитанники Пажескаго корпуса!—воскликнулъ ораторъ.—Другимъ не пробиться сквозь стѣну этихъ эксъ-пажей. И что же? Недавнее медицинское изслѣдованіе воспитанниковъ Пажескаго корпуса показало, что девяносто восемь процентовъ изъ нихъ—дегенераты по строенію зубовъ, черепа и инымъ аномальностямъ сложенія. Выходитъ: выродившіеся дегенераты управляютъ и будутъ управлять великою имперією. Что же ждетъ Россію въ грядущемъ? Или, можетъ быть, кто полагаетъ, что каста придворныхъ, братство этихъ эксъ-пажей и иныхъ воспитанниковъ привилегированныхъ заведеній, изъ патріотизма, добровольно уступитъ свои теплыя мѣстечки болѣе талантливымъ? Никогда...

— А на что же бомбы! истребимъ ихъ бомбами!—заорали сотни голосовъ. Остальные стучали ногами и неистово хлопали.

На кафедре влѣзъ тощій еврей и что-то забормоталъ, должно быть, очень радикальное, такъ ему много аплодировали. Но я не слушалъ. Меня заинтересовала моя красавица-сосѣдка Сарра. Оказалась она очень неглупой дѣвушкой, образованной (кончила высшіе курсы) и ярой сторонницей Южной республики. Оппонировалъ въ разговорѣ съ нею я очень слабо.

Сарра пригласила меня къ себѣ, говоря:

— Завтра у меня будетъ домашній митингъ. Приходите. Столкнемся.

Она оказалась дочерью одного изъ богатѣйшихъ коммерсантовъ Одессы.

Толстенькій, въ золотыхъ очкахъ, элегантно одѣтый пожилой господинъ смѣнилъ на кафедрѣ тощаго еврея.

— Это профессоръ Щукинъ,—сказали мнѣ.—Свѣтило нашего университета.

Профессоръ заговорилъ о наступленіи эпохи не то социализма, не то—настоящаго анархизма; живописалъ грядущее міра даже безъ того фиговаго листка, которымъ обыкновенно прикрываютъ утопическія грезы коммунизма, чтобы не испугать слушателей—трусливыхъ буржуа.

— Поземельной собственности не будетъ; введется націонализація земли,—гласилъ онъ.—Фабрики сдѣлаются собственностью рабочихъ, деньги уничтожатся.

Нѣсколько евреевъ и евреекъ, для которыхъ деньги были богомъ, неистово аплодируютъ профессору и не подумайте, что неискренно. Напротивъ, отъ всей души. Таково воздѣйствіе минуты.

Профессоръ продолжаетъ:

— Брака не будетъ. Любовь свободна... Это естественный законъ природы. Узы брака, какъ всякія узы,—стѣсненіе. Всѣ должны быть свободны, безусловно свободны. Форменный судъ отмѣняется. Преступленія не продуктъ злой воли, а только слѣдствіе уродливой дегенераціи, только результатъ неправильныхъ гражданскихъ отношеній, неравенства людей и ограниченія ихъ свободы. Улучшите человѣчество, и нормально перестроенное общество не будетъ нуждаться въ судѣ. Въ царствѣ животныхъ нѣтъ судовъ и кодексовъ наказаній. Въ людскомъ обществѣ суды и наказанія порождены деспотизмомъ. Армія—орудіе насилій и убійствъ. И армія подлежитъ уничтоженію въ обновленномъ мірѣ...

Отмѣну военной службы слушатели-евреи привѣтствовали, какъ мнѣ показалось, еще искреннѣе и съ еще большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все прочее, высказанное Щукинымъ.

Я не могъ долѣе выдержать и потихоньку выбрался изъ залы митинга. Внизу въ вестибюлѣ стоялъ старичокъ—одинъ изъ прирѣзаемыхъ, бывший почтамтскій чиновникъ, едва ли литераторъ.

— Вы слышали?—остановилъ онъ меня.

— Слышаль.

— Вотъ до чего дожили. А насъ эти евреи просто голодомъ морятъ и грозятъ закрыть пріютъ и выгнать всѣхъ. Какъ вы думаете: могутъ они это сдѣлать?

IV.

Когда я возвращался съ митинга, ко мнѣ приставали солдатики въ травяного цвѣта рубашкахъ, очевидно, вернувшіеся съ Дальняго Востока, и просили милостыни.

— Голодаемъ, говорили. Никакого распорядка добиться не можемъ.

Лица у нихъ почернѣвшія, худыя; темпераментъ приподнять. Они если еще не революціонизированы, то во всякомъ случаѣ недовольные, озлобленные люди.

Былъ у Сарры Файнбергъ. Дома, въ богатой обстановкѣ, красота ея еще поразительнѣе. Отецъ—бѣлобородый, солидный еврей; немного ожирѣвшій среди торговыхъ удачъ и роскоши, но очень неглупый. Крайнія темы онъ старательно обходилъ въ разговорѣ, съ дочерью не спорилъ.

— Южная республика, еврейское царство на берегахъ Чернаго моря,—говорилъ онъ, улыбаясь неопредѣленною улыбкою.—Ну, пусть будетъ и Южная республика и наше царство на Черномъ морѣ. Ничего въ этомъ нѣтъ дурного. А вы какъ думаете?—обратился онъ ко мнѣ.

— Думаю, что до этого еще очень далеко. И много крови прольется раньше: Москва не скоро выпуститъ добычу.

Черный прозекторъ, очутившійся тутъ же въ салонѣ Файнберга, набросился на меня, доказывая, что трусливое правительство безсильно. Вотъ Витте...

Но и Витте (тогда еще онъ не былъ графомъ) я, конечно, защищать не сталъ.

Сарра декламировала съ увлеченіемъ на тему приниженаго положенія евреевъ:

— Насъ увѣряютъ, что мы, евреи, въ Россіи равноправны? Это ложь. Да, господа офицеры теперь не ѣздятъ уже на жидяхъ, не запрягаютъ ихъ и не подгоняютъ плетью. Но это не оттого, что евреямъ дана такая льгота, а оттого, что деньги въ ихъ рукахъ. Мы покупаемъ даже земли, но на чужое имя; имѣемъ право жить въ столицахъ, заплативъ 1-ю гильдію. Выходитъ, кто въ силахъ уплатить казнѣ нѣсколько сотъ рублей, тотъ не вредоносецъ и ему можно жить, гдѣ угодно, а кто не въ силахъ оплачивать 1-ю гильдію, тотъ вреденъ. Гдѣ же справедливость? Въ де-

ревняхъ еврею нельзя жить. Въ городахъ онъ голодаетъ... Гдѣ же ему жить? А ограниченіе въ правахъ образованія!.. Евреи трудомъ и настойчивостью проникли во все отрасли дѣятельности. Они доктора, адвокаты, профессора, литераторы, они издають больше половины всѣхъ газетъ въ Россіи и ни одной регроградной, черносотенной. Замѣьте это! Найдутся евреи чиновники, коммерсанты, банкиры. Въ насмѣшку насъ называютъ «талантливой націей»... Ну, да! мы талантливая нація и имѣемъ право основать свое царство. Погромы не останоятъ стремленія талантливаго, дѣятельнаго народа въ поискахъ за независимостью. Многие перенесли евреи, перенесемъ и нынѣшнее: погромы, выбрасываніе стариковъ изъ оконъ, разбиваніе еврейскихъ головъ камнями мостовой, набиваніе животомъ евреекъ пухомъ...

Въ числѣ слушателей филиппики красавицы Сарры оказался толстый господинъ въ золотыхъ очкахъ, чиновникъ градоначальника, и онъ ни словомъ не возразилъ на рѣчи энтузіастки-дѣвушки.

Послѣ чая Сарра взяла меня подъ руку и мы вышли на балконъ. Я былъ подъ вліяніемъ и ея красоты и ея краснорѣчія. Мы оба молчали. Луна сіяла на темноглубомъ южномъ небѣ. Изъ-за ряда зданій виднѣлась морская гладь и доносился шумъ вѣчно бурливаго Чернаго моря. Балконъ былъ уставленъ цвѣтами, и запахъ ихъ наполнялъ тихій мракъ великолѣпной вешней одесской ночи. Внизу шумѣла многолюдная толпа на ярко освѣщенной улицѣ. Около кондитерскихъ и кафе, за столиками, засѣдали мирные буржуа, отдыхая послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ душныхъ торговыхъ конторахъ. Дѣвушка молчала и глядѣла въ туманную даль. Думала ли она, что скоро конецъ этому миру и тишинѣ: подойдетъ броненосецъ «Потемкинъ» и начнетъ бомбардировать Одессу, выпугивая начальство изъ города.

— О чемъ вы думаете?—спрашиваю.—Поэтизируете, смотря на бѣлѣющіе въ морекоемъ туманѣ паруса лодокъ?

— Поэтизирую? Нѣтъ, теперь не такое время, чтобы мечтать и поэтизировать. Я высматриваю появленіе «Потемкина-Таврическаго». Мы наканунѣ великихъ событій.

— Скажите: великой бойни.

— Пусть и такъ. Будетъ сперва бойня, а потомъ—Южная республика.

Хорошенькая ручка сжала мою руку, и голосъ дѣвушки сталъ рѣзкимъ, металлическимъ.

— Богачамъ-евреямъ, которые теперь скупаются на революцію, достанется. Ихъ склады сожгутъ, дома разграбятъ. Будутъ убитые, раненые, оскверненныя синагоги. Мы къ этому готовы. Это не больше, какъ дешевая расплата за грядущее возстановленіе царства семитовъ на Черномъ морѣ. Не въ далекой Палестинѣ или Аргентинѣ оно должно воскреснуть, а здѣсь, гдѣ миллионы евреевъ живутъ уже сотни лѣтъ.

— Но какія же вы имѣете права на побережья Чернаго моря?

— Такія же, какія имѣли на Палестину наши предки. Они говорили: землю Ханаанскую Богъ имъ далъ. Никто у Бога не справлялся. Ну, а эту землю мы сами возьмемъ, а если возьмемъ, значить и намъ ее Богъ далъ.

— Можетъ пострадать вашъ отецъ, Сарра.

— Можетъ. Я у него единственная дочь и еще есть двое сыновей. И какъ только подойдетъ «Потемкинъ», всѣ переберемъ на него... Тамъ образуется комитетъ, который и будетъ руководить всѣмъ. Слуги правительства даромъ не отдадутъ города. Начнемъ бомбардировку. Бризантные снаряды скоро ихъ образумятъ, а когда завладѣемъ Одессой и генералы убѣгутъ,— тогда двадцатитысячная милиція явится на помощь. Помните изъ римской исторіи: Помпей говорилъ: топну о землю ногою, и изъ нея выйдутъ легіоны. И мы вызовемъ въ Одессѣ изъ земли легіоны.

Я ничего не отвѣтилъ. Легіоны, о которыхъ заговорила Сарра, еврейская самооборона. Сомнительно, чтобы ея было 20,000. Да и что она значить противъ массъ народа, ненавидящаго евреевъ?

— Вы сочувствуете освободительному движенію?—вдругъ спросила меня Сарра

— Вполнѣ сочувствую.

— Присоединяйтесь къ намъ. Перейдемъ на «Потемкина», какъ только онъ появится. Вы будете членомъ комитета и дальше—членомъ временнаго правительства Южной республики.

— Никогда!

— Но почему же? Вѣдь вы за освобожденіе.

— Да! Но не за раздѣлъ Россіи.

— Какъ вамъ дорога эта Россія! Историческая Россія — насильническое государство. Что можетъ васъ связывать съ ней? Но, послушайте: Южная республика не значить еще раздѣлъ Россіи. Это только независимый штатъ свободной федераціи, долженствующей рано или поздно замѣнить насильническое государство.

— Сарра! слушайте: я никогда не буду заодно съ взбунтовавшимися матросами и солдатами; никогда не буду пассивно глядѣть, какъ будутъ топить офицеровъ.

— Тогда поѣзжайте на броненосецъ изъ любопытства и посмотрите...

— Посмотрѣть, какъ будутъ топить несогласныхъ офицеровъ! Никогда.

Ласковое, улыбающееся лицо Сарры вдругъ сдѣлалось холоднымъ, серьезнымъ. Она отвернулась и ушла съ балкона.

Остатокъ вечера прошелъ безъ одушевленія, монотонно. Самъ Файнбергъ ушелъ раньше, извинившись дѣлами. Когда я откланивался, Сарра задержала мою руку и сказала:

— Вы человекъ честный?

Я ждалъ, что будетъ дальше, и, не отъбчая, смотрѣлъ ей въ глаза.

— Полчаса назадъ между членами комитета былъ разговоръ о васъ. Вы знаете очень много. И такое знаніе грозитъ опасностью не только намъ, но и великому дѣлу. Правило революціонеровъ вамъ, конечно, извѣстно: кто не съ ними, тотъ ихъ врагъ.

— И меня, выходитъ, рѣшено убрать.

— Нѣтъ, не рѣшено, хотя на этомъ настаивали два члена комитета. Я поручилась за васъ. Если вы измѣните, донесете— убьютъ меня. У насъ поблажки нѣтъ никому. Итакъ?!

— Спите покойно,—отвѣтилъ я, пожимая узенькую, нѣжную руку красавицы.—Я не донесу и васъ не убьютъ.

На лѣстницѣ меня обогналъ черный прозекторъ и еще рыжій еврей, котораго въ салонѣ не было. Оба пристально, враждебно оглядѣли меня.

«Вотъ и убійцы», подумалъ я. Но въ карманѣ моемъ былъ браунингъ и идти приходилось недалеко. Оба еврея исчезли въ сумеркахъ уже опустѣвшей улицы.

V.

Прошла недѣля. Послѣ жаркаго знойнаго дня одесское вѣчно бирюзовое небо начали заволакивать тяжелыя тучи. Вѣтеръ гналъ ихъ съ разбушевавшася и покрытаго высокими бѣлогривыми волнами Чернаго моря. Не успѣвала пролетѣть одна стая тучъ, какъ изъ-за окраины горизонта поднималась другая, еще чернѣе и зловѣщѣе. И конца имъ, казалось, не будетъ... Не такъ ли теперь на твоёмъ политическомъ горизонтѣ, моя бѣдная родина! Совсѣмъ просто и въ открытую дебатируютъ во всѣхъ углахъ о ниспроверженіи правительства, о раздѣлѣ территоріи. Цукербергъ говорилъ мнѣ, что Россія—мѣшокъ, въ который насильно, на скорую руку затисканы десятки племенъ. Мѣшокъ завязанъ накрѣпко. Племенамъ тѣсно, неловко; они задыхаются и рвутся на свободу. Старый мѣшокъ треснулъ по всѣмъ швамъ. Недалекъ и день освобожденія.

Наступило 14 іюня. Проснувшись, освѣдомляюсь: что и какъ въ городѣ? Этотъ вопросъ я дѣлаю каждый день, живя въ Одессѣ. Коридорный Иванъ, принесшій мнѣ кофе, весело доложилъ:

— Таперича, покамѣстъ, все спокойно. Къ полудню зашевелиятся.

— Ты почему же это знаешь?

— Сказывали. Опять же мяса на базарѣ нѣтъ. Ходилъ, хозяйева посылали,—и ятки (лавки) всѣ закрыты. Не сумлѣвайтесь, зашевелются.

— Пусть ихъ шевелятся. Но какъ же мы будемъ безъ мяса?

— Въ яткахъ не продадутъ. Запрещено. Ужъ не знаю, какъ и быть. Супротивъ запрещенія не пойдутъ.

— Кто же запретилъ?

— Да все они же — сицилисты наши. Однимъ словомъ, жидъ забунтоваль.

— Не оставаться же мнѣ безъ обѣда. У васъ не дадутъ?

— Нѣтъ, не дадутъ. И поваръ сбѣжалъ, и печь не растапливали. Толкнитесь развѣ въ ресторанъ, который на Дерибасовской. Може и дадутъ поѣсть. Только врядъ ли. Рестораны всѣ запрещены.

— Сицилистами этими?

— Ими, самыми этими жидовскими сицилистами. Жидовки ходятъ и жиденятки съ ними и вездѣ требуютъ прекращенія торговли.

— А полиція что же?

— Что полиція супротивъ бабъ и дѣтвора подѣлаеть. Баба, таперича, освободилась и властвуетъ.

Иду по безконечной Ришельевской улицѣ. Ни одного рабочаго, или ракло не встрѣтилъ. Кое-гдѣ собираются и о чемъ-то секретно переговариваются юные еврейчики. Магазины полуприкрыты. Евреекъ на панеляхъ много. Очень красивъ типъ здѣшнихъ евреекъ: большіе, задумчивые глаза; правильный овалъ лица, роскошная грудь и волоса слегка вьющіеся. Носы, правда, немного велики, но у молоденькихъ это почти незамѣтно. Туалетъ безукоризненный—варшавянкамъ подражаютъ. По двѣ, по три красавицы эти ходятъ и дѣлають революцію. Впереди бѣгутъ подростки-еврейчата.

— Просимъ прекратить на сегодня торговлю! просимъ запереть магазинъ! учтиво предлагаютъ революціонерки.

И торговцы, хотя и не съ большою охотою, повинуются такому распоряженію.

Гдѣ только прошли эти еврейскія Фрины, вездѣ двери на замкахъ и ставни магазиновъ закрыты. Изъ любопытства слѣжу за ними. Вотъ контора Лионскаго кредита: зеркальныя цѣльныя стекла, рѣзная дверь и величественный швейцаръ. Одна изъ ослѣпительныхъ розъ Сіона входитъ въ контору и, постукивая дорогимъ зонтикомъ, говоритъ:

— Просимъ закрыть контору.

— Почему же закрыть?—удивляется комми.

— Начнутся беспорядки. Вы можете пострадать.

— Мы пошлемъ за полиціей.

— Ахъ, такъ вы такъ-то!—сердится красавица.—Лія, подайте сигналъ!

Рыжеватая, ослѣпительная Лія поднимаетъ ручку съ платочкомъ. Дамы отходятъ въ сторону, а толпа еврейчатъ вооружается камнями, осколками кирпичей, и въ окна конторы Ліонскаго кредита летитъ сокрушительный градъ. Звенятъ разбитыя дорогія стекла; кого-то больно зашибли; слышатся стоны, брань. Но двери конторы быстро запираются; на окна падаютъ рѣшетки, а находившихся въ конторѣ посѣтителей торопливо выпускаютъ черезъ заднюю дверь. Бѣдняки, съ трясущимися руками, держась въ тѣни стѣнокъ, удираютъ изъ развоеваннаго банка.

— Что же ты болваномъ стоишь и ничего не предпринимаешь?—обращаюсь къ городовому.

— Да вы здѣшній, что ли? одесскій?—спрашиваетъ городской.— А коли здѣшній, такъ что и спрашивать? Ну, я барыню эту жидовскую цопъ за руку. Только вѣдь до участка все едино не доведу: жиды дорогой отобьютъ, а и доведу, толку не будетъ: отъ начальства попадетъ за грубое обращеніе съ женщиною. И завтра въ газетахъ меня вотъ какими колерами размалуютъ. А то жидки эти и проще распорядятся: изъ-за угла запустятъ кирпичомъ въ голову, и все тутъ. Поглядите, сколько ихъ, еврейчатъ, шныряетъ, и у каждаго камень въ рукѣ наготовѣ.

Было около трехъ часовъ. Очень захотѣлось ѣсть. Захожу въ ресторанъ. Дверь полупритворена, не заперта. Ресторанъ модный, всегда въ немъ толпа посѣтителей; сегодня—пустъ, ни души.

— Нельзя ли порцію чего-нибудь? Что у васъ въ запасѣ?—спрашиваю.

— Невозможно. На кухнѣ и огня нѣтъ,—отвѣчаетъ служитель, безъ дѣла слонявшійся по заламъ.

— Забастовали?

— Нѣтъ-съ, бастовать пока что не намѣрены, а приказано закрыть на сегодня ресторанъ. Говорятъ, Одессу нашу жечь станутъ.

— Кто будетъ жечь? Кто приказалъ закрыть ресторанъ?

— Комитетъ приказалъ, ихній—еврейскій, а жечь учнетъ броненосецъ, съ моря придетъ и бомбы начнетъ пущать.

— Что ты врешь? Какой броненосецъ? Турецкій, что ли?

— Зачѣмъ турецкій—нашъ. Забунтовалъ.

— Отъ кого ты это слышалъ?

Служитель наклоняется и конфиденціально шепчетъ:

— Сынъ нашего хозяина сказывалъ, Шлема Давыдсонъ. Онъ ѣздилъ въ Севастополь съ другими евреями. Всю зиму тамъ бунтовали матросиковъ и сегодня, какъ только приплыветъ броненосецъ, на него переселятся и начальствовать тамъ станутъ.

Аппетитъ мой прошелъ отъ этихъ вѣстей. Но я еще не успѣлъ выйти изъ ресторана, какъ въ двери заглянула черноглазая красавица и строго спросила:

— Вы продолжаете торговать?

— Никакъ-съ нѣтъ,—оправдывался служитель.

— Но у васъ посѣтители, дверь не заперта...

Красавица исчезла, и чрезъ минуту цѣлый градъ кирпичей и каменье въ полетѣлъ въ окна рестораника; стекла со звономъ посыпались. Одинъ камень угодилъ въ меня. Хорошо еще, что не больно ушибъ.

— Уходите, господинъ! Ради Бога уходите,—приступилъ ко мнѣ блѣдный служитель.—Уходите, а то разнесутъ заведеніе.

На улицѣ я увидѣлъ на тротуарѣ, въ сторонѣ, полдюжины евреекъ. Всю улицу запружали подростки-еврейчата: кричали, свистали, ругались и бомбардировали камнями злосчастный ресторанъ, да кстати и еще какую-то лавочку, оказавшуюся не запертою. Полиціи нигдѣ не было.

Къ бульварамъ валить народъ. Слышны въ толпахъ фразы:

— Съ моря уже виденъ!

— Идетъ... стрѣлять будутъ... разнесутъ... Охъ!

Кто-то, вовсе незнакомый, торопливо сообщаетъ мнѣ:

— Войска изъ лагеря вызваны. Казаки на соборной площади.

— А что они подѣлаютъ противъ броненосца?

— Такъ-то. Но, знаете, ракло наши опасны. Вотъ противъ нихъ.

Густыя толпы еврейской молодежи тоже бѣгутъ на бульвары. Шумятъ, но особенной тревоги среди нихъ не замѣтно. Смѣются, галдятъ, оживленно жестикулируютъ. Женщины въ необъятныхъ шляпкахъ, дѣлавшія революцію, присоединились къ нимъ. Пойду и я. Надо поглядѣть, что тамъ, на морѣ; говорятъ, уже виднѣтся!

VI.

Я немного заспался, запоздалъ. «Потемкинъ-Таврическій» пришелъ въ 4 часа утра 15 іюня. По рассказамъ, сейчасъ же отчалила шлюпка съ матросами, привезшими тѣло матроса Омельчука. Офицеръ застрѣлилъ его за дерзость. Тѣло положено на видномъ мѣстѣ, на молу, съ бумагою, гласившею, что если начальство распорядится убрать трупъ, или задержать матросовъ, его привезшихъ, броненосецъ начнетъ стрѣлять по городу.

Но гдѣ же начальство?

Къ удивленію всѣхъ, его активнаго присутствія въ Одессѣ въ роковой день 15 іюня никто не ощущалъ. Тамъ, гдѣ-то, далеко отъ порта, копошились полицейскіе, маячили въ толпахъ даже самъ приставъ. Но какое же это начальство.

Я прошелъ въ портъ. Туда валила толпа, все больше рабочіе. Шли и евреи. Чему-то всѣ радовались. Очевидно, сегодня на ихъ сторонѣ былъ праздникъ.

Какъ хоронили Омельчука, не видалъ. Говорили: четырнадцать матросовъ шли за кортежомъ. Священникъ провожалъ и пѣлъ. Его заставили провожать и пѣть, и іерей былъ очень блѣденъ.

— Задержать бы этихъ бунтарей-матросовъ, — слышалось въ толпахъ.

— А какъ задержать? Броненосецъ палить станетъ по городу.

— Ишь ты! небывалое дѣло: цѣлый корабль забунтовалъ. Жидь тутъ всему дѣлу голова.

— Не иначе. Теперь всякое дыханье бунтуетъ.

Всякое дыханье бунтуетъ! вотъ мѣтко выразился.

Попробовали слѣдователь и товарищъ прокурора прибыть для опроса. И одинъ срамъ вышелъ. Заругали ихъ матросы и прогнали. Пока тѣло лежало на молу, разные краснорѣчивые Цибульберги и Пейсензоны говорили зажигательныя рѣчи о прелестяхъ республики, объ удобствахъ избивать угнетающее народъ начальство. Команду «Потемкина», убившую командира, старшаго офицера и еще нѣсколькихъ, выставляли героями освобожденія. Слушатели этихъ рѣчей, голодные портовые рабочіе и ракло, понимали изъ нихъ одно: пограбить въ порту теперь можно... Еще рѣчи революціонныхъ Мирабо не кончились, какъ грабежъ уже начался. Всѣ Мирабо, числомъ до 40, частью одураченные христіане, но большинство евреи, сѣли въ шлюпку и отчалили къ броненосцу.

Броненосецъ потребовалъ, чтобы ему доставили провизію, воду и уголь.

— У кого потребовалъ? Кто доставилъ требуемое?—спрашиваю у замѣшавшагося въ толпѣ члена управы.

Отмахивается только рукою.

— Молчите,—говорить.—Вы некстати любопытны. Наша хата съ краю—ничего не знаю.

— А городской голова?

— Въ Москву уѣхалъ на съѣздъ выработывать статьи грядущей конституціи.

О, Господи! какъ много у насъ на Руси головъ и рукъ, занятыхъ выработкою статей этой конституціи, и какъ мало головъ и рукъ для защиты хотя бы такого города, какъ Одесса.

Солнце давно уже своротило съ полдня. Жара спала. Съ моря повѣяло прохлагою. Было около четырехъ часовъ, я только что хотѣлъ ѣхать на Малый Фонтанъ, откуда броненосецъ виднѣе, какъ вдругъ вижу—въ порту загорѣлось...

Неожиданности, впрочем, тутъ не было. Программа движенія заранѣе была составлена и извѣстна. Но когда вспыхнуло пламя въ разныхъ мѣстахъ, на сердцѣ сдѣлалось жутко. Горѣли миллионы...

Пробило 8 часовъ. Это былъ срокъ, къ которому должны были вернуться на броненосецъ матросы, хоронившіе Омельчука. Четверо, по слухамъ, были убиты, остальные — запоздали. И взбунтовавшаяся команда начала пальбу по городу. Дала, впрочемъ, только два выстрѣла и то учебными снарядами. Боевыхъ на броненосцѣ не оказалось. Счастливая случайность.

Плохо, впрочемъ, пришлось бы городу и отъ учебныхъ снарядовъ, но, къ счастью, комиссія изъ «двадцати», управлявшая броненосцемъ, состояла болѣе чѣмъ на половину изъ штатскихъ одеситовъ, пріѣхавшихъ на «Потемкинъ» для провозглашенія Южной республики. Стрѣлять по зданіямъ столицы своей республики они нашли неудобнымъ. Въ Одессѣ были ихъ отцы и матери; въ лучшихъ частяхъ города — ихъ же имущество. И комиссія «двадцати» успѣшила убѣдить команду прекратить стрѣлбу.

Но, Боже! что сдѣлалось съ трусливыми евреями, когда съ оглушительнымъ трескомъ пролетѣлъ первый снарядъ.

Всѣ въ испугѣ бросились по своимъ квартирамъ. Магазины, только что открывшіеся, тотчасъ же снова закрылись. По улицамъ несея характерный, оглушительный еврейскій гевальтъ. Затряслись библейскія бороды, вытянулись лица, и даже поблѣднѣли горбатые носы. Вчера еще храбрыя до нахальства, розы Сіона заматались, какъ полоумныя, ища, куда бы спрятаться. Снарядъ съ броненосца угодилъ въ угловой домъ нѣкоего Гирша Фельдмана, на углу Нѣжинской и Спиридоньевской улицъ. Домъ словно застоналъ отъ удара и, вздрогнувъ весь своимъ корпусомъ, скрылся въ облакахъ дыма и пыли. По Нѣжинской, Спиридоньевской и Гулевой улицамъ послышались раздирающіе крики прохожихъ, оглушенныхъ паденіемъ бомбы. Громадный кусокъ карниза съ частью крыши рухнулъ на тротуаръ. Въ фасадѣ зазіяла огромная брешь, а камни и обломки отбросило силою удара на сосѣднюю крышу дома Таранова и пронесло на высотѣ 2-го этажа дома Селиванова.

Въ Одессѣ, какъ это ни удивительно, но еще существуютъ присяжные повѣренные не евреи. Это типъ уже вымирающій. Одинъ изъ такихъ вымирающихъ, нѣкто Кизилевъ, сидѣлъ съ женою на балконѣ въ моментъ паденія снаряда. Барыня съ крикомъ убѣжала въ комнаты, а Кизилевъ буквально осатанѣлъ. Опомнившись, онъ увидѣлъ себя посрединѣ грудъ кирпичей, досокъ и чугуна. Что случилось, на первыхъ порахъ онъ не могъ понять и, перегнувшись черезъ перила балкона, спросилъ дворника:

— Что это случилось? Гдѣ взорвало?

— Не! — отвѣтилъ дворникъ. Бомбы съ моря пароходъ пушаетъ. Забунтовалъ!

Стоявшій у воротъ портной Леви, хотя остался невредимъ, поднявъ вверхъ руки, завылъ. Жильцы полуразрушеннаго дома выбѣжали на дворъ, и, такъ какъ это были по большей части евреи, то, ломая руки, проливая слезы, они подняли жалостный вопль, точно снарядъ всѣхъ ихъ переранилъ. И въ сосѣднихъ домахъ перетрусившій израиль прятался въ подвалы. Но врожденная страсть торговать сейчасъ же сказала: еврейчики подобрали осколки бомбы и принялись продавать ихъ публикѣ, очень быстро скопившейся около дома Фельдмана. За тяжелый винтъ снаряда дѣна возросла до десяти рублей. Только явившаяся полиція прекратила этотъ гешефтъ, отобравъ и осколки, разумѣется, не всѣ, и винтъ, для приобщенія къ дѣлу какъ вещественныя доказательства.

Съ толпою и я подошелъ къ дому Фельдмана. Брешь очень велика. По сторонамъ торчатъ доски и обрѣшетка. Слава Богу, что онѣ не загорѣлись. Бомба не была начинена взрывчатымъ составомъ.

— Не боевая, а учебная это бомба,—поучалъ кто-то въ толпѣ.

— А може такая ужъ ейная фабрикація, что не разрывается, послышалось возраженіе.

— Японская безпремѣнно бы разорвалась и запылила...

— Ну, то японская, а наша,—не! наша казенная.

Появились три фотографа и принялись фотографировать домъ Фельдмана.

Второй выстрѣлъ съ броненосца мигомъ очистилъ улицы отъ любопытныхъ. Снарядъ перелетѣлъ чрезъ весь городъ и упалъ на Богаевкѣ. Я тамъ не былъ, но сказывали:—снарядъ пробилъ двѣ стѣны въ домѣ Стрепетова, донесся до Александровскаго завода, разбилъ стѣну сада и зарылся въ землю, не разорвавшись.

Больше пальбы не было. Провозгласители «Южной республики» изъ евреевъ воспротивились бомбардировкѣ. Разрушить Одессу это значило нанести израиллю огромные убытки. Кромѣ того, отсутствовалъ и поводъ для разрушенія: вода и съѣстные припасы были доставлены на бортъ броненосца—къмъ? я не могъ узнать,—и матросы, хоронившіе Омельчука, благополучно вернулись.

VII.

Хорошо помню я эту страшную ночь съ 15-го на 16-е іюня.

Одесса оканчивается къ морю бульваромъ и далѣе крутымъ спускомъ. Знаменитая большая мраморная лѣстница, нѣкогда ведущая къ морю на пляжъ, теперь ведетъ къ массѣ грязныхъ портовыхъ и иныхъ строеній. Море далеко ушло отъ Одессы. И все это огромное пространство, пониже бульваровъ, превратилось въ огненный адъ. Горѣло въ согнѣ мѣсть. Съ бульвара видно было,

какъ огонь добирался до пароходовъ, какъ загорались огромныя морскія суда и ихъ относило на средину бухты, гдѣ они и вспыхивали голубымъ и краснымъ пламенемъ, пока взрывъ и клубы чернаго дыма не поглощали все. Горѣли товарные склады, конторы, сооруженія таможни, карантинныя зданія, помѣщенія начальника порта, желѣзной дороги, и посреди этого хаоса бушевала многочисленная толпа озвѣрѣвшаго люда. Винъ и спирту нашлось вдоволь. Грабители, напившись до безчувствія, сами десятками сгорали въ ими же устроенномъ пожарищѣ. Некому было ихъ вытаскивать и спасать.

Раза два толпа грабителей порывалась броситься на городъ. Но на этотъ разъ военное начальство предусмотрѣло бѣду: всѣ подъемы были оберегаемы солдатами. Войска стали лагеремъ на площадкѣ, а конные и пѣшіе патрули двигались по улицамъ. Можетъ быть, толпа гдѣ-либо и прорвалась бы, но тѣ люди, которые вдохновляли бунтъ, хорошо знали, что, прорвись ракло и пьяные рабочіе, въ Одессѣ начнется уже не революція, столь пріятная ихъ сердцамъ, а простое жидотрѣпаніе, погромъ... И эти-то таинственные руководители освободительнаго движенія употребили все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы городъ остался нетронутымъ. Я долго простоялъ на бульварѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ на постаментѣ покоится пушка съ англійскаго парохода «Тигръ», взятая въ 1854 году. Рядомъ со мною сидѣлъ на тумбѣ господинъ, закутанный въ крылатку, въ шляпѣ, надвинутой на глаза. Но временамъ онъ глубоко вздыхалъ, стоналъ.

— Что они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ? воскликнулъ я, когда крыша большого пакгауза рухнула и миллионы головней и искръ взлетѣли вверху высоко и рассыпались фейерверкомъ по сторонамъ. Дикій ревъ пьяныхъ донесся издали.

Сосѣдъ мой поднялся съ тумбочки и, поправляя шляпу, срываемую вѣтромъ, сказалъ:

— Это они убиваютъ свою мать.

— Мать? переспросилъ я.

— Да, мать. Одесса была имъ матерью, кормила тысячи этого народа. Въ этомъ одесскомъ портѣ люди, теперь его разрушающіе, имѣли заработокъ, жили имъ. Конецъ Одессѣ! На пятьдесятъ, шестьдесятъ миллионѣвъ разграблено, разрушено, сожжено. Городъ никогда уже не подымется изъ праха.

— Кто же совершилъ это злое дѣло? Нельзя же всю отвѣтственность возлагать на темную толпу.

— Нельзя, конечно. Многіе виноваты и... и никто не виноватъ. То, что теперь творится и не въ одной Одессѣ, а чуть ли не повсемѣстно, выросло и созрѣло у насъ за много лѣтъ...

Въ эту минуту пламя пожара поднялось высоко. Спиртъ и керосинъ, бочками выброшенный въ море, горѣлъ на водѣ. И

захваченныя этимъ огненнымъ моремъ суда загорались и пылали яркимъ высокимъ факеломъ. Стало свѣтло, какъ днемъ. Лицо моего сосѣда освѣтилось... Большая библейская борода, горбатый носъ, продолговатый разрѣзъ глазъ и крупныя губы сразу показали, что предо мною еврей. При второмъ взглядѣ я узналъ Файнберга, отца красавицы-революционерки Сарры. Точно что кольнуло меня въ сердце. Я не удержался и сказалъ:

— Евреи виноваты и евреи интеллигенты, а не та темная, нищая еврейская толпа, которая теперь трепещетъ въ ожиданіи погрома.

— Да, наша молодежь тутъ многому причинна,—послышался холодный отвѣтъ Файнберга.

— И вы, солидные, дѣловые люди, которыхъ все состояніе зависитъ отъ сохраненія спокойствія и порядка, какъ же вы не пытались удержать вашу молодежь? Чего они ищутъ? Чего добиваются? Призрака Южной республики—еврейскаго царства, скажемъ прямо? Но развѣ ревъ и вой этой озвѣрѣдой толпы, которая, если бы не сдерживали ее штыки, сейчасъ бы бросилась истреблять евреевъ, не говоритъ о нелѣпости подобнаго замысла. Требуютъ евреи равноправности, но они отъ нея были недалеко до этихъ бунтовъ и уличныхъ убійствъ, а теперь очень возможно, что они отъ нея дальше, чѣмъ были полвѣка назадъ.

— Подождите, хотя вы и правы во многомъ,—перебилъ меня Фейнбергъ.—Вчера и даже сегодня утромъ я былъ богатымъ, уважаемымъ негоціантомъ; кредитъ мой былъ твердъ, дѣла въ порядкѣ. Я былъ счастливый отецъ, добрый семьянинъ. Теперь я нищій, обезщетенный банкротъ, безсемейный бродяга. Тамъ—онъ указалъ на горящій портъ—погибли мои товарные склады, конторы, суда, словомъ все. Я не знаю, гдѣ преклонить голову, чѣмъ буду сытъ завтра. Жену удалось отправить въ Волочискъ, бѣжать за границу. Но мои оба сына, моя единственная дочь Сарра—вы ее видѣли?

Голосъ старика дрогнулъ при этихъ словахъ, но онъ справился и докончилъ:

— Всѣ они перебрались, со многими другими, на броненосецъ «Потемкинъ». Тамъ и двѣ мои племянницы—они окончили высшіе курсы... И всѣ они среди грубыхъ матросовъ; каждую минуту могутъ подвергнуться оскорбленію, насилію. Что же, вы думаете, я ихъ туда послалъ? Или, быть можетъ, я не пытался ихъ удержать? Я развѣ врагъ себѣ? Охъ!

— Но откуда же этотъ духъ разрушенія и бунта?

Файнбергъ снова заговорилъ:

— Мы, евреи, народъ смиренный, торговый; пусть—и обособленный, исключительный. Пока сохранялся въ еврействѣ святой законъ, ненарушимый какъ въ мелочахъ, такъ и въ важномъ, мы были только евреи—гонимое племя. Но разрушителями мы не были.

Много революцій прошло въ Европѣ, и всѣ прошли безъ участія евреевъ. Мы блюли чистоту своей расы и своего закона. Кому это вредило? Теперь не то. Вы насъ заставили перемѣшаться съ нееврействомъ. Но мы не слились, а только перемѣшались съ неевреями. Законы Моисея мы благодаря этому уже не чтимъ, а ваши законы чтить не научились. Да вы сами развѣ ихъ читаете? Новое поколѣніе и ваше и наше—беззаконники. Ну, и что вы хотите отъ такого поколѣнья? Не говорите, что вы цивилизовали еврея; нѣтъ, вы его развратили. Ваше святое не свято для него, а свою древнюю святыню цивилизованный еврей привыкъ презирать. И вотъ онъ разрушитель—полюбуйтесь. Наша молодежь не дома, не въ семьѣ учится крайнимъ воззрѣніямъ. Мы отдаемъ въ ваши учебныя заведенія овецекъ, а оттуда выходятъ волки социализма.

Еврей замолчалъ и отошелъ въ сторону.

Я подумалъ: да, тяжело твое положеніе, еврей давней формациі. Золотого тельца, которому столько вѣковъ ты поклонялся, игнорируя иныхъ боговъ, новая жизнь если не упразднила вовсе, то отодвинула на второй—десятый планъ.

Еврейская молодежь увлеклась социализмомъ, стремящимся исправить несправедливости историческаго строя жизни, заставить исторію идти не тѣмъ путемъ, какимъ она идетъ, а инымъ; увлеклась миражами революціи. Какая ея цѣль? Еврейство желаетъ быть всемірной интеллигенціею, стремится къ паневрейской гегемоніи. Но вѣдь евреи чужаки среди народовъ Европы, а гегемонія чужаковъ и трудно достижима и не бываетъ прочна. Несомнѣнно одно: пусть грызутся славянскіе и англо-германскіе народы—это свои собаки. Но чужая собака, еврей, пусть не вмѣшивается въ драку—или ее разорвутъ. Если еврейство богато, тѣмъ ему хуже въ вихрѣ революцій. Нѣтъ болѣе старосвѣтскаго жидка, смѣшного, въ малахаѣ, пейзахъ и пантуфляхъ, со спустившимися до пятокъ грязными чулками, надъ которымъ добродушно подсмѣивались; нѣтъ болѣе гонимаго племени, а есть—волчье племя социаль-революціонеровъ Оно на всѣхъ поднимаетъ руку, и всѣ могутъ поднять на него свои мстящія руки. Легко вызвать демона революціи, но не легко обуздать его, а ждать отъ него исправленія вѣковыхъ неправдъ, якобы претерпѣваемыхъ евреями, положительный абсурдъ. Демонъ остается всегда демономъ, и добра отъ него не жди.

VIII.

Послѣ почти безсонной ночи на 17 іюня я всталъ поздно. Мнѣ хотѣлось ѣсть. Наканунѣ мнѣ удалось подкрѣпиться только нѣсколькими ломтями ветчины. Соквартирантъ и я сами согрѣли

самоваръ. Иванъ отъ услугъ прямо отказался, заявивъ, что пойдеть въ портъ, попользоваться тамъ чѣмъ можно.

— Грабить, значить, собираешься, Иванъ?—говорю ему.

Усмѣхается въ свои черные, казакскіе усы. Смуглое, южное, длинноносое лицо его точно солнечный лучъ озаряетъ.

— Теперь намъ тамъ все вольно,—говоритъ.—Жидки, сказываютъ, республику объявили.

— А ты понимаешь, что такое республика?

— Какъ не понимать,—объяснили. Отъ всякихъ тяготъ народъ ослобонится: отъ солдатчины, отъ податей и отъ начальства. Живи себѣ на полной волѣ, паши землю, идѣ хочешь и какую хочешь! Потому земля Божья. Али тамъ иначе какъ работай. Ни полици, ни сѣдовъ, однимъ словомъ, никакого утѣсненія не будетъ.

— Вотъ и врешь, Иванъ,—перебиваю его.—Вѣдь евреи останутся? А ты же утверждалъ, что отъ нихъ хохламъ утѣсненія.

— Останутся. Некуда жидамъ дѣваться. Ишь ихъ въ одной Одессѣ, что муравьевъ въ муравейникѣ.

Подумавъ немного, личарда мой такъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія.

— Оно точно отъ жидовъ намъ, хрестьянамъ много утѣсненій и неправды. Такъ вѣдь это оттого, что ихъ начальство оберегаетъ и защищаетъ. А не станеть начальства, жидъ помирнѣеть, а не то мы его трепать станемъ. Всѣ его бебехи и рухлядь по вѣтру пустимъ. Не криви въ дѣлахъ, уважай народъ. Громада—великій человекъ и разсудить справедливо.

«Немного выиграють евреи,—подумалъ я,—если бы осуществилась ихъ республика».

Иванъ ушелъ въ портъ, какъ истый казакъ временъ Хмѣльницкаго, въ чайніи пограбить. Духъ запорожцевъ, чего добраго, воскреснетъ, и еврейская интеллигенція, чего добраго, не въ пору развозилась съ своею Южною республикою.

Прошелъ я по Екатерининской улицѣ до Дерибасовской и просто диву дался: вся Одесса бѣжала. Всѣ выѣзжаютъ изъ города; сумасшедшія деньги платятъ за подводы. Извозчики менѣе рубля до станціи довести не берутъ. Слышится повсемѣстный, жалостный гевультъ. Въ особенности поспѣшно убираются еврейки. Вчерашнія дѣлательницы революціи, пышныя розы Сіона, сегодня, въ ожиданіи прорыва пьяной толпы ракло въ городъ, стали совсѣмъ смиренны и уже безъ свиты и авангарда изъ подростковъ-еврейчиковъ пробираются на вокзалъ. Убѣгающіе евреи всѣ съ мѣшками и портфелями. Захватили, что успѣли,—и трепещутъ.

Счастье, что не всѣ солдаты революціонизированы и хранятъ дисциплину, не допуская ракло до богатыхъ улицъ.

На рейдѣ происходитъ какая-то трагикомедія нимало не успокоительнаго свойства. На развѣтѣ 17 іюня показалась со взморья эскадра изъ трехъ броненосцевъ, идущихъ въ кильватеръ (гусемъ) другъ за другомъ. Началась сигнализациа, и мятежный «Потемкинъ», отвѣчая на сигналы, пошелъ навстрѣчу эскадрѣ. Была попытка окружить «Потемкина» и прижать его къ пустынному Дажиновскому берегу. Но тутъ вдругъ у мятежниковъ взвился красный боевой флагъ.

«Несомнѣнно, — подумалъ я, — наши республиканцы на борту «Потемкина». Это ихъ флагъ. Посмотримъ, что будетъ дальше».

Дальше однако ничего не было. «Потемкинъ» повернулъ обратно къ городу и сталъ на наружномъ рейдѣ, позади Карантиннаго мола. Эскадра ушла въ море. Очевидно, не столковались...

Подъ вечеръ мы снова увидѣли приближающуюся эскадру, на сей разъ болѣе многочисленную. Шли броненосцы: «Ростиславъ», «Синопъ», «Три Святителя», «Двѣнадцать Апостоловъ» и «Георгій Побѣдоносецъ». За ними плыли крейсера «Козарскій» и шесть миноносцевъ. Груды наши вздохнули вольнѣе: теперь ужъ навѣрное бунтарей на «Потемкинѣ» заставятъ сдаться. И если не будетъ обычной на Руси судебной волокиты, то, чего добраго, штатскихъ республиканцевъ не замедлятъ перевѣшать на рейдѣ. Не матросы же главные виновники. Нѣтъ, не они... Не палка виновата, а рука, которая направляетъ палку.

Но ничего подобнаго не случилось.

Или, вѣрнѣе, случилось то, чего никто не ожидалъ. «Потемкинъ» снялся съ якоря и пошелъ навстрѣчу эскадрѣ, казалось, готовый самъ атаковать ее. Вотъ онъ прорѣзалъ линію судовъ, не вызвавъ ни одного выстрѣла, ни одной попытки со стороны миноносцевъ пустить мину. Что же это такое?

«Очевидно, — подумалъ я, — адмиралъ не рассчитываетъ на своихъ матросовъ; зараза коснулась, значитъ, и другихъ экипажей». Съ борта броненосца «Георгій Побѣдоносецъ», по рассказамъ, въ честь «Потемкина» сдѣлана была даже оваціа; команда съ шканцевъ кричала «ура!» На высотѣ Малаго Фонтана — ближайшая къ городу дачная мѣстность — бунтующій броненосецъ отдѣлился отъ судовъ эскадры и направился опять къ городу и сталъ на прежнее мѣсто у Карантиннаго мола.

Эскадра осталась въ виду Одессы: десять судовъ противъ бухты и два броненосца на высотѣ Большого Фонтана. Публика съ дачныхъ береговъ, скалистыхъ и высокихъ, и со всѣхъ вышекъ городскихъ домовъ съ замираніемъ сердца слѣдила за эволюціями на морѣ.

И, признаться, изъ непосвященныхъ, не бывавшихъ на митингахъ, никто не ожидалъ того, что случилось: къ бунтарямъ присоединились «Георгій Побѣдоносецъ» и миноносецъ № 267. Штатскіе съ «Потемкина» на шлюпкѣ переѣхали на «Георгій Побѣдоносецъ»

и первымъ дѣломъ предложили командамъ: бросить арестованныхъ офицеровъ въ воду.

Южные республиканцы были очень рѣшительны и безпощадны къ слугамъ тиранства. Но топить начальство матросы не согласились и свезли офицеровъ на берегъ. На утро посрамленная эскадра ушла отъ береговъ Одессы. Иванъ мой, вернувшись изъ своей разбойной экспедици, передавалъ:

— Таперича вся морская сила на сторонѣ этихъ жидовскихъ республиканцевъ. И стрѣлять оба броненосца будутъ по городу и по войскамъ.

— Избави Господи отъ этого!

Иванъ, подумавъ, повторилъ за мною: «Избави Господи нашу Одессу отъ этого».

— Что же ты дѣлалъ цѣлыя сутки въ порту?—спрашиваю.

— Пили тамъ, и я пилъ. Всякихъ винъ и водокъ премножество: бери и пей кто желаетъ. Вотъ закусывать такъ нечѣмъ было. И погорѣло же пьянаго народа безъ числа. Напьется, завалится, огонь захватить и сгорить. Ночью ракло дрались; меня тоже били, я и ушелъ.

— Не понравилась республика, выходитъ?

Иванъ нахмурился.

— И какая тамъ республика. Нешто пьяные ракло сдѣлаютъ республику? Все развоевали и пожгли безъ толку. Очухаются, не будетъ имъ заработковъ—завоютъ волкомъ. Все жидъ соблазнилъ. Будь онъ проклять.

IX.

Встрѣтилъ на улицѣ знакомаго, того самаго, который снабдилъ меня ветчиною. Идетъ такой невеселый.

— Обѣдалъ сегодня?—спрашиваю.

— Гдѣ тамъ обѣдать. Ветчиною питался и ту всю пріѣлъ. Померъ бы съ голоду во дни провозглашенья Южной республики розами Сиона, матросами и пьяными ракло. Однако войска не измѣнили, и генераловъ не выпугали изъ Одессы.

— Что же думаешь дѣлать?

— Думаю уѣхать въ Петербургъ. Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Карету мнѣ, карету,—какъ восклицаетъ Чацкій у Грибоѣдова.

— Ну, карету, т. е. мѣсто въ вагонѣ, теперь добыть не легко.

Предостереженье насчетъ трудности добыть мѣсто въ вагонѣ оказалось даже болѣе чѣмъ справедливымъ. На станціи я нашелъ толпу, заполнявшую и залу I-го класса и огромныя помѣщенія багажной и билетной кассъ. Все это пестрое сборище волновалось, шумѣло, причитало и жаловалось. Потери у многихъ дѣйствительно были велики: много вчерашнихъ богачей разорилось, обѣднѣли люди средняго достатка, и цѣлыя тысячи остались безъ заработка,

т. е. безъ куска хлѣба. Десяносто процентовъ изъ пострадавшихъ были евреи. И какъ же они вопили! И кого, кого только не винили!

Полиція являлась козломъ отпущенія. Губернаторъ виновать былъ, зачѣмъ допустилъ пожаръ въ порту. А что могла сдѣлать полиція и губернаторъ? Еврейская молодежь выглядѣла невесело. Три дня назадъ они смотрѣли совсѣмъ иначе. На митингѣ эти провозглашатели Южной республики проклинали военную силу, а теперь разсыпались въ обвиненіяхъ и упрекахъ: зачѣмъ солдаты не защитили городъ и портъ?

Когда настала пора садиться въ вагонъ, всѣ бросились очертя голову. Заталтывали слабыхъ и стариковъ, яростно отбрасывали въ сторону отъ самыхъ подножекъ вагоновъ восхитительныхъ розъ Сіона. Многія важныя одесскія дамы, которыя много лѣтъ уже иначе не объяснялись, какъ по-французски, когда ихъ сжали въ толпѣ, завопили родное «гевультъ! о вей миръ!» на самомъ чистѣйшемъ бердичевскомъ жаргонѣ. Толстые негодянты, потерявъ все свое величіе и выпучивъ глаза, перли въ вагоны, заботясь не столько о женахъ и дѣтяхъ своихъ, сколько о цѣлости портфелей, находившихся у нихъ подъ мышками.

Одинъ очень полный еврей сѣлъ около меня на скамью и, отирая потъ со лба, отдуваясь, какъ кузнечный мѣхъ, произнесъ:

— Уфъ! кажется, я въ вагонѣ и ѣду.

— Чего вы испугались?—спрашиваю.

— Ну, какъ не испугаться! Они сожгли портъ и могутъ каждую минуту броситься на городъ. И что тогда?

— Войска не допустятъ.

— Вы вѣрите, что смогутъ и захотятъ не допустить? Захотятъ защитить насъ, евреевъ?

— Вѣрю вполне.

— Пхе! зачѣмъ же допустили сжечь портъ? У меня тамъ сгорѣлъ пароходъ и сожжена контора? Зачѣмъ эскадра не взяла «Потемкина»? Вы знаете, если ракло прорвутся, прежде всѣхъ и больше всѣхъ кто пострадаетъ?

— Разумѣется, еврей.

— За что же мы вездѣ первые страдаемъ? Скажите мнѣ: за что?

Очень было бы невеликодушно начинать споръ съ огорченнымъ человѣкомъ. Я промолчалъ, занялся разсматриваніемъ населенія вагона и сталъ прислушиваться къ рѣчамъ.

Рѣчи были въ особенности интересны.

Въ одномъ углу вагона студентикъ-еврей съ большимъ носомъ и оттопыренными ушами, надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча и доказывалъ неизбѣжность федерацій по народностямъ.

— Только такой порядокъ можетъ удовлетворить населеніе и предотвратить революцію!—воскликнулъ онъ.

Четыре розы Сіона, устремлявшіяся въ Петербургъ въ консер-

ваторію, на драматическіе, акушерскіе и иные курсы, заплотировали оратору.

Онъ продолжалъ:

— Никакія инія уступки насъ не удовлетворяютъ. Земскій соборъ только законодательный, а не учредительный—что же это? Тьфу—и только. Власть останется въ такомъ случаѣ въ рукахъ министровъ, чиновничій гнетъ и расхищенье бюджета не прекратятся. Ни одна народность, входящая въ составъ имперіи, этимъ не удовлетворится. Если такъ, то лучше ужъ пусть будетъ революція.

— Отъ которой вы, однакоже, бѣжите,—прерываю его.—Но удовлетворятся ли законодательнымъ собраніемъ, или не удовлетворятся народности, составляющія имперіи, это нашъ домашній вопросъ. Вы-то здѣсь при чемъ? Вѣдь вы еврей?

— Ну, я еврей. А развѣ шесть милліоновъ евреевъ, живущихъ въ имперіи, не составляютъ народности?

— Они, можетъ быть, и народность, но только не являются составною частью имперіи и при ея переустройствѣ не должны имѣть голоса.

— Почему же? Это абсурдъ.

— Совсе не абсурдъ. Въ Румыніи евреи не имѣютъ политическихъ правъ и считаются иностранцами. Знаете ли вы титулъ русскихъ государей? Конечно, знаете. Въ немъ перечислены всѣ племена, составляющія имперію: есть и царь Казанскій, и царь Астраханскій, даже Обдорскій край помянуть. Но въ титулѣ нѣтъ: ни царь цыганскій, ни царь еврейскій. Ясно, что хотя на территоріи имперіи евреевъ много, но они не могутъ фигурировать, какъ составная часть имперіи. Израиль — случайный гость въ Россіи. И какъ мы, законныя дѣти государства, переустроимъ его—наше дѣло, и евреямъ пока лучше всего помолчать.

Ораторъ назвалъ меня черносотенцемъ, зачѣмъ-то упомянулъ Грингмута и пересѣлъ въ другое отдѣленіе.

— Ъхать-то мы ѣдемъ, а доѣдемъ ли—Богъ знаетъ,—замѣтилъ мнѣ скуластый, веселый батюшка. Онъ везъ дочь въ институтъ.

— Почему вы думаете, что не доѣдемъ?

— А вдругъ на пути рельсы снимутъ и устроятъ крушенье.

— Ну, вотъ! Невѣроятное предполагаете.

— И очень вѣроятное. Во всемъ, что творится теперь у насъ, прежде всего нѣтъ логики. Зачѣмъ что-либо дѣлается, никто не скажетъ. Нужна смута—и смуту создаютъ. Во что обходятся забастовки, никто не считаетъ и тѣмъ не менѣе всѣ охотно бастуютъ.

Кто-то со стороны добавилъ:

— А въ нашемъ городѣ чуть не состоялось курьезной забастовки: хотѣли бастовать всѣ жены и всѣ дѣвицы!

— Какъ такъ? Не можетъ быть! — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— А очень просто! Клубъ у насъ женскій существуетъ. Въ клубѣ этомъ энтузіастки и порѣшили: женамъ не жить съ мужьями, дѣвицамъ не выходить замужъ и вдовамъ тоже, пока не будетъ созвано учредительное собраніе. Противъ подобной забастовки не устояла бы никакая черносотенная клика.

— Абсурдъ это, чепуха.

— Нимало не чепуха. И чѣмъ эта бабья забастовка менѣе разумна, чѣмъ, напримѣръ, забастовки аптекъ, докторовъ, присяжныхъ повѣренныхъ. И забастовка женщинъ, кромѣ того, была бы болѣе сильнымъ средствомъ. Вообразите себѣ: по всей Россіи всѣ женщины забастовали отъ жены министра до жены околоточнаго и городского? Министры, генералы, сенаторы окажутся разлученными съ женами. Влюбленные самой высокой марки получаютъ въ отвѣтъ: я ваша, но не прежде, чѣмъ будетъ собрано учредительное собраніе. Что вы на это скажете?

— Ничего. Забастовка женщинъ — дѣйствительно средство радикальное. Но однако, чѣмъ же окончилась забастовка женщинъ въ вашемъ городѣ?

Разсказчикъ засмѣялся.

— Кончилось курьезомъ. Наиболѣе ярая проповѣдница забастовки, женаодного сановника, вдругъ родила. Вдова-радикалка тоже оказалась въ интересномъ положеніи. Не выдержали. Мужей они охотно устранили до греческихъ календъ, но вообще не выдержали.

На каждой станціи въ вагоны лѣзли новые пассажиры, мужчины и женщины, все больше еврей. Чудовищные слухи ходили о совершившемся въ Одессѣ. Разсказывали: городъ разрушенъ, весь флотъ взбунтовался и сухопутныя войска приняли сторону мятежниковъ.

Но вотъ что поразительно: тѣ самые люди, которые больше всѣхъ хлопотали, чтобы ослабить въ войскахъ дисциплину, сдѣлать солдатъ «сознательными», при слухѣ объ истребленіи Одессы громче всѣхъ кричали: «Что же войска! Если они не защищаютъ мирныхъ гражданъ — не нужно ихъ. Необходима самооборона...»

Только пріѣхавъ въ Вильну, всѣ нѣсколько успокоилось. Батюшка, приглашая меня на вокзалѣ выпить рюмку водки, сказалъ:

— А вѣдь доѣдемъ до Петербурга.

— Доѣдемъ, нѣтъ сомнѣнія, но и революція тоже доѣдетъ до столицы.

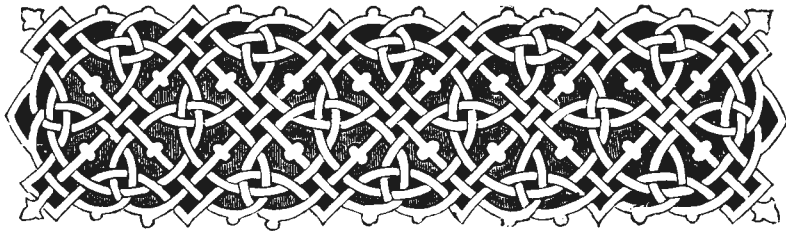
— Вотъ еще! Питеръ не Одесса, не допустятъ.

Петербургъ однако былъ невеселъ. Населеніе оказалось въ приподнятомъ настроеніи; на фабрикахъ орудовалъ попъ Гапонъ. Только въ административныхъ сферахъ еще не вѣрили опасности.

А она, какъ тать, подкрадывалась...

С. С. Орлицкій.

КЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ТАЛАНТА.

I.

ТО БЫЛО пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ играли «Татьяну Рѣпину» А. С. Суворина съ М. Н. Ермоловой въ заглавной роли. Говорили, что это случилось по личному требованію императора Александра III, пожелавшаго увидѣть московскую артистку въ названной пьесѣ. Хорошо помню мои впечатлѣнія объ этомъ спектаклѣ. Петербуржцы почему-то всегда критически относятся къ москвичамъ, хотя артистическая Москва не разъ дарила имъ образцы высокаго художественнаго интереса. Этимъ можно объяснить, что имя Ермоловой на афишѣ не произвело того впечатлѣнія, котораго оно заслуживало. Не сумѣю сказать хорошенько, была ли даже наполнена зала. Тѣмъ не менѣе, М. Н. имѣла шумный успѣхъ. Я помню, какъ меня, тогда впервые видѣвшаго Ермолову, поразилъ ея голосъ, низкій, густого тембра, рѣзко отличавшійся отъ голосовъ прочихъ артистовъ. Играла она удивительно просто, безъ всякой рисовки, если хотите, даже однотонно, но именно такъ, какъ «играютъ» люди въ дѣйствительной жизни. И замѣчательная вещь! Едва Ермолова вышла на сцену, едва сказала первыя слова, какъ всѣ ея партнеры по спектаклю (а составъ былъ хорошій: Сазоновъ, Свободинъ, Читау), словно повинуваясь смычку волшебника концертмейстера, заговорили въ одинъ тонъ съ нею, такъ же просто, такъ же увлекательно... Чудный, незабвенный вечеръ! Какъ будто

Марія Николаевна Ермолова.

сама жизнь ворвалась на мгновение въ условныя рамки всегда немного чопорнаго Михайловскаго театра.

Эта картина невольно воскресла въ моей памяти, когда я прочиталъ вновь вышедшее изданіе А. А. Бахрушина подъ заглавіемъ: «Марья Николаевна Ермолова». Мы вообще не привыкли при жизни человѣка воздвигать ему памятникъ, даже литературный. Это почти равносильно поставить точку на томъ мѣстѣ, гдѣ есть полное осно-

ваніе ожидать продолженія. Но такова ужъ Москва; ея артистическій пульсъ бился всегда сильнѣе петербургскаго, ея страсти выражались оригинальнѣе. Для правовѣрнаго москвича Ермолова такая же достопримѣчательность, какъ царь-пушка, Грановитая палата, Третьяковская галлерей... А потомъ М. Н., какъ сценическій дѣятель, вполне опредѣленная художественная величина. Какъ бы значительны ни были ея позднѣйшія артистическія заслуги, книга ея жизни драгоцѣнна и безъ послѣдней главы. На сценѣ, какъ и въ литературѣ, значеніе художника познается не количествомъ, а качествомъ его произведеній. Грибоѣдовъ прославился однимъ «Горе отъ ума», имя Сухово-Кобылина не умретъ, пока живетъ его «Свадьба Кречинскаго»; то же самое можно сказать и въ отношеніи созданныхъ М. Н. Ермоловой ролей въ безсмертныхъ произведеніяхъ Шекспира, Шиллера, Лессинга и др. Но здѣсь является вопросъ, тѣсно связанный съ содержаніемъ названной книги. Дѣло въ томъ, что наши актеры не любятъ вообще писать о своемъ искусствѣ. Они полагаютъ, что такого рода объясненія вредятъ артистической натурѣ, разрушаютъ театральную иллюзію, вносятъ въ отвлеченный міръ артиста что-то мелкое, будничное, повседневное... Трудно согласиться съ подобными взглядами. Мнѣ думается, что исповѣдь артиста о своемъ творчествѣ не только не вредитъ ему, но составляетъ наиболѣе интересное въ его жизни. Не лишнее, конечно, знать, въ какомъ обществѣ вращался Мочаловъ, что онъ читалъ, съ кѣмъ дружилъ, но все это въ концѣ концовъ аксесуары, *de la litterature*, какъ говорятъ французы. Гораздо существеннѣе усвоить отношеніе даннаго артиста къ извѣстной роли, способы изученія ея, средства, которыми онъ пользовался, чтобы замыселъ автора превратить въ живой, художественный образъ. Это отлично поняли иностранные актеры, когда большую часть своихъ «Воспоминаній» посвятили критическому разбору самихъ себя въ извѣстныхъ роляхъ классическаго или современнаго репертуара. Вспомните мемуары покойной А. Ристори, Т. Сальвини, Коклена-старшаго. Для всякаго, изучающаго драматическое искусство, это не только наглядные образцы высокихъ сценическихъ подвиговъ, но и готовые рецепты, какъ ихъ достигнуть. Обращаясь къ изданію г. Бахрушина, мы прежде всего видимъ, что цѣли, подобныя указаннымъ, вовсе не были въ виду у составителей сборника. Требовалось изобразить жизнь М. Н. Ермоловой, а для этого что нужно? Ну, прежде всего даты ея рожденія, дебюта, перваго бенефиса. Затѣмъ свѣдѣнія о воспитаніи, біографіи родителей, наставниковъ. Наконецъ, болѣе или менѣе обстоятельный перечень ролей, сыгранныхъ за 35 лѣтъ службы, съ объясненіями, по какому случаю она ихъ играла и съ какимъ успѣхомъ. Но неужели этими свѣдѣніями исчерпалась-таки вся Ермолова? Неужели для потомка, никогда лично не видѣвшаго артистки, эти данныя скажутъ больше, чѣмъ

обыкновенный формуляръ какого-нибудь чиновника въ отставкѣ? Разумѣется, нѣтъ.—Намъ возразятъ, что примѣръ Ристори вовсе не подходящій для Ермоловой. Изъ скромности Ермолова никогда

М. Н. Ермолова въ роли Евлаліи въ «Невольницахъ».

не рѣшилась бы посвятить публику въ святая святыхъ своего сценическаго «я»! Допустимъ, что такъ; но на что же ея біографы? Нельзя повѣрить, чтобы и проф. Стороженко, и Лавровъ, и Эфросъ,

составляя сборникъ, не «интервьюировали» артистку по поводу различныхъ эпизодовъ ея жизни, и что у Ермоловой не нашлось ничего большаго для психологіи своего творчества, чѣмъ свѣдѣнія о впечатлѣніяхъ перваго дебюта, чувствахъ по случаю перваго бенефиса и т. д. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Я полагаю, что намеки на такіе «вопросы» были, и довольно значительные, но потерялись въ общей массѣ свѣдѣній историко-біографическаго характера, повидному, наиболѣе желательныхъ для біографовъ. Напримѣръ, проф. Стороженко замѣчаетъ (и эта мысль проходитъ красной нитью по всему его очерку), что М. Н. Ермолову увлекало по преимуществу все трагическое. Только въ сферѣ наивысшаго подъема человѣческихъ страстей, только среди героевъ и *übermensch*'овъ, чувствовала она себя свободно и отдавалась всецѣло вдохновенію. Почему такъ? Очевидно, у самой Ермоловой въ тайникахъ ея души есть готовый отвѣтъ на такой вопросъ. Очевидно, что она гораздо ярче и опредѣленнѣе всякихъ біографовъ можетъ объяснить свою симпатію къ Іоаннѣ д'Аркъ, Эмилиі Галотти, Маріи Стюартъ и др. Однако, *le vin est tiré, il faut le boire*. Какъ бы существенны ни представлялись съ нашей точки зрѣнія недостатки изданія г. Бахрушина, жизнь М. Н. Ермоловой сама по себѣ очень интересна. Постараемся изложить здѣсь наиболѣе выдающіеся ея моменты.

II.

30 января 1870 г. въ московскомъ Маломъ театрѣ предстоялъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль. Въ бенефисъ любимицы публики Н. М. Медвѣдовой впервые исполняли «Эмилию Галотти» Лессинга, при этомъ роль Эмилиі играла воспитанница Ермолова. Тотъ, кто знаетъ закулисные нравы, отлично пойметъ, что значатъ эти слова: «роль Э. Галотти сыграетъ воспитанница». Въ книгѣ Бахрушина приведенъ интересный рисунокъ-кариатура, относящійся къ позднѣйшей эпохѣ дѣятельности Ермоловой, когда она играла Катерину въ «Грозѣ» Островскаго. Рисунокъ такъ и называется: «Закулисная гроза». Онъ изображаетъ нѣсколько дамъ, которыя въ разныхъ позахъ, кто руками, кто ногами, стараются припереть дверь передъ входящей въ комнату актрисой съ ролью Катерины въ рукахъ. Внизу надпись: «Ветеранки: — Нѣтъ, дерзкая, не удастся тебѣ пройти, не пустимъ».—Приблизительно такое настроеніе было въ труппѣ, когда, по настоянію Медвѣдовой, роль Эмилиі, за болѣзнью Ѳедотовой, поручили никому неизвѣстной дочери суфлера Ермолова. Но чтобы понять эти чувства, нужно знать вкратцѣ, что предшествовало такому событію. По обычаю, довольно обыкновенному въ жизни нашихъ сценическихъ дѣятелей, самыхъ выдающихся, ихъ школьная пора начиналась съ балета. Когда Ермолову отдали въ театральное училище, она не избѣгла общей

участи. По словамъ профессора Стороженко, «весь центръ школьной жизни былъ въ балетномъ классѣ, въ обученіи танцамъ, которые отнимали у ученицъ все время, и днемъ и вечеромъ, когда

М. Н. Ермолова въ роли Маріи Шотландской.

снаряжали въ Большой театръ изображать въ оперѣ пажей и увеличивать толпу кордебалета». Кто зналъ Ермолову въ дни отрочества, тотъ невольно подивится системѣ, безъ разбору валившей въ одинъ мѣшокъ предметы разнородные по содержанию. Кромѣ

нравственнаго отвращенія къ балету, которое наша артистка почувствовала съ первыхъ дней своего опредѣленія въ школу, у нея не было никакихъ физическихъ данныхъ, требуемыхъ этимъ искусствомъ. «Дѣвочка она была неграціозная, съ движеніями вялыми, угловатыми, ноги отказывались выдѣлывать хитрыя па, некрасиво висѣли руки, не шла къ серьезному, всегда задумчивому и грустному лицу обязательная балетная улыбка. Манохинъ, обучавшій танцамъ младшій классъ (старшій вель Фредерикъ), сразу зачислилъ суфлерскую дочку въ разрядъ безнадежныхъ и, теперь это дѣло прошлое, давно минувшихъ дней, и можно говорить откровенно,—часто издѣвался надъ нею, дѣлалъ ее предметомъ своихъ довольно-таки злыхъ и грубыхъ шутокъ и остротъ... Конечно, не объ этомъ мечтала юная головка, поступая въ училище! Она привыкла видѣть въ театрѣ, въ лицахъ, служащихъ ему, нѣчто совсѣмъ другое, что-то красивое, блестящее, ласкающее... Еще маленькой дѣвочкой сопровождала она отца, суфлера Малаго театра, въ его будку и тамъ съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивалась къ спектаклю, впервые познала притягательную силу кулисъ. Театръ, театральные интересы были единственными впечатлѣніями ея дѣтства. О нихъ больше всего говорили въ домѣ стариковъ Ермоловыхъ. По нимъ юная М. Н. училась понимать жизнь и людей. Даже первая книжка Ермоловой, послѣ букваря, была театральная пьеса. «Въ памяти всѣхъ, кто зналъ Ермолову ребенкомъ и въ отроческіе годы», рассказываетъ ея біографъ, «она навсегда осталась съ неизмѣнною пьесою въ рукахъ. Въ этомъ чтеніи была вся ея отрада. На изображеніи чужихъ радостей и горестей отдыхала она отъ собственной, небогатой свѣтомъ жизни, между забитою, доброю, но боявшеюся проявить свою нѣжность матерью и задерганнымъ, дрожащимъ передъ другими, суровымъ дома отцомъ». Понятно, какъ это согласовалось съ обязанностью, вопреки здравому смыслу, изучать балетную науку, не чувствуя къ ней никакого призванія. По счастью, не долго продолжалось это мученіе. Сначала театральное начальство, а потомъ самъ Н. А. Ермоловъ обратили вниманіе на душевное состояніе дѣвушки. Гдѣ только позволяли обстоятельства, страсть М. Н. къ драмѣ проявлялась съ особенной силой. «Набравъ у нянюшекъ всякихъ платковъ, шалей и кофтъ, устроивъ изъ нихъ шлейфы и мантіи, а скамейки и стулья превративъ слюю пылкаго дѣтскаго воображенія въ роскошные сады и колонныя залы, дѣвочки, руководимыя Ермоловою и ея подругою Бороздиной ¹⁾, разыгрывали самыя отчаянныя драмы, подчасъ импровизируя сами и ихъ содержаніе. Глазъ опытный, который захотѣлъ бы повнимательнѣе присмотрѣться къ этимъ играмъ, подмѣтилъ бы

---

¹⁾ Теперь г-жа Музиль, жена артиста Н. П. Музиля.

и въ этихъ дѣтскихъ шалостяхъ воспитанницы Ермоловой нѣчто особое, признаки большого дарованія». По отзывамъ подругъ Ермоловой, съ которыми приходилось бесѣдовать біографу артистки, въ

М. Н. Ермолова въ роли Евлаліи въ «За право и правду».

ней и тогда уже была чрезвычайная искренность, сила, трепетала душа. и дѣвочки, инстинктомъ почувствовавъ это, платили Ермоловой дань наивнаго, дѣтскаго восхищенія»... Тѣ же игры продолжались и дома, когда Ермолову отпускали на праздники къ роди-

телямъ. «Закравшись куда-нибудь подальше, чтобы, Боже избави! не увидалъ отецъ, сестры часами разыгрывали всякія сцены, чаще всего сцену у фонтана Дмитрія Самозванца съ Мариной, или сцены Чацкого съ Софьей, Доринны съ Маріанной (изъ Мольеровскаго «Тартюфа»). Это были въ ту пору любимыя пьесы подростка чутъемъ умѣвшаго отличить золото отъ мишуры... Однажды эти игры подсмотрѣла инспектрисса училища г-жа Никольская-Лабро и не только не помѣшала имъ, но выхлопотала дѣвочкамъ разрѣшеніе «перенести свои упражненія изъ угла дортуара и классной на маленькую, но удобно устроенную сценку съ декорацией сада и павильономъ». Это былъ уже огромный шагъ впередъ. «Игры превратились въ болѣе или менѣе правильные спектакли» и хотя велись не систематично, безъ всякаго руководителя, какъ Богъ на душу положитъ, но принесли огромную пользу Ермоловой, давъ первый основательный толчокъ ея дарованію. Онѣ же, вѣроятно, побудили отца М. Н. обратиться къ знаменитому Самарину съ просьбою провѣрить способности его дочери, «завявшись» съ нею во время каникулъ. Въ жизни нашей артистки это очень характерный моментъ. «Самаринъ снизошелъ къ просьбѣ товарища, которому говорилъ «ты», но котораго любилъ и порою помогалъ деньгами. Ермолову, дрожащую отъ страха, привезли на дачу къ козырному тузу въ колодѣ Малаго театра. Самаринъ недовѣрчиво оглядѣлъ угловатую дѣвочку съ большими руками, въ нескладномъ платьѣ, у которой отъ волненія и страха лицо приняло какое-то злое выраженіе. Ермолова что-то прочитала; Самарину не понравилось. Но онъ все-таки сталъ заниматься, позанился день, другой—и отослалъ ученицу къ ея отцу.

— «И заниматься не стоитъ. Никакого проку не будетъ. Развѣ это актриса? Пусть себѣ пляшетъ «у воды»,—отвѣчалъ Самаринъ растерявшемуся Николаю Алексѣевичу»...

Такъ вотъ какія обстоятельства предшествовали знаменательному дню 30 января 1870 г. Изъ приведеннаго разсказа видно, что не совсѣмъ безосновательнымъ представлялось негодованіе тѣхъ, кто были противъ выступленія ученицы въ отвѣтственной роли. Самаринъ могъ, правда, ошибаться, но не въ такой степени, чтобы драгоценный алмазъ принять за простое стеклышко. Повидимому, это соображеніе раздѣляла и Н. М. Медвѣдева, когда долгое время колебалась, отклонять ли предложеніе «попробовать» Машеньку, или нѣтъ?

— Дика она очень, неуклюжа!

— Ну, ради Бога попробуйте. Только попробуйте. А вдругъ!..

«Семенова (подруга Ермоловой) просила такъ горячо, восхвѣталась такъ искренно, что Н. М. Медвѣдева наконецъ сдалась и—не раскаялась. Передадимъ ея собственными словами впечатлѣнія о первой репетиціи:

— «Когда она выбѣжала изъ-за кулисъ на маленькую сцену своимъ низкимъ, груднымъ голосомъ, въ которомъ чувствовались слезы волненія, проговорила лишь первыя слова: «Слава Богу! Слава Богу!»—мурашки забѣгали у меня по спинѣ. Я вся

М. Н. Ермолова въ роли Долоресъ въ «Графъ Рицооръ».

ведрогнула. Тутъ было что-то особенное, сразу сказался громадный сценическій темпераментъ. Многое было очень плохо: и не овѣзмъ вѣрно понято, и не красиво; особенно жесты. Руки совсемъ не слушались. Но было главное—талантъ, сила. И я сразу

поняла, что судьба направила меня въ вѣрную сторону и столкнула съ настоящею актрисою»...

Конечно, это была только репетиція; настоящую оцѣнку долженъ былъ дать спектакль. Любопытно, что по странной случайности тому же Самарину пришлось готовить М. Н. къ дебюту. Неожиданная нервная болѣзнь Медвѣдовой «помѣшала ей самой заниматься ролью съ дебютанткой». Легко повѣрить, что «каждая репетиція была пыткой для дѣвушки. Она видѣла всюду презрительныя усмѣшки, злые взгляды, долеталъ и совсѣмъ бранный шопотъ»... Но вотъ и 30 января. Интересъ момента заставляетъ проф. Стороженко посвятить ему особую главу. Это понятно. Не только въ жизни М. Н., но и въ исторіи русскаго театра это особая глава... Съ ранняго утра началось страшное волненіе. Ермолова то и дѣло брала роль, начинала читать и оставляла, не въ силахъ продолжать. Она подходила къ подругамъ, заговаривала съ ними, но сейчасъ же вспоминала про роль и опять бѣжала къ ней. «Такъ прошелъ день», рассказываетъ М. Н.: «было часовъ пять. Я пробѣжала еще разъ роль и стала бродить по коридору. Кажется, въ эти минуты я уже ничего не чувствовала, какъ будто забыла, что вечеромъ играю... По крайней мѣрѣ, когда меня позвали и сказали, что за мной пріѣхала карета, я не сразу поняла, въ чемъ дѣло: на меня все это произвело впечатлѣніе какой-то неожиданности»... Въ театрѣ ее встрѣтила мать. Отъ волненія слезы стояли въ добрыхъ глазахъ старушки. Дебютантку провели въ чью-то уборную, стали завивать, одѣвать. Ермолова была попрежнему спокойной. Все въ ней точно замерло. Когда туалетъ окончился и М. Н. очутилась въ безобразномъ, плохо сшитомъ казенномъ портнымъ костюмѣ, ее провели въ уборную Медвѣдовой.

— Очень мило, очень мило... проговорила гримированная артистка, но не въ силахъ была сдержать улыбку. Молоденькая дебютантка поняла истинный смыслъ этой улыбки. Костюмъ дѣлалъ ее смѣшной... Медвѣдова приколола совсѣмъ растерявшейся дѣвушкѣ, почти дѣвочкѣ, вуаль, велѣла не снимать его и перекрестила.

— Ну, ступай съ Богомъ...

По дорогѣ Ермолову встрѣтилъ Ив. Вас. Самаринъ, игравшій отца Эмили, Одоардо. И ему стало жаль дѣвочки. Онъ ласковѣе обыкновеннаго заговорилъ съ нею, ободрилъ ее, сказалъ, что бояться ей нечего; что все сойдетъ хорошо, или что-то въ этомъ родѣ.

Начался спектакль. Въ первомъ актѣ Эмилиа не участвуетъ. Когда поднялся занавѣсъ для второго, спокойствіе оставило Ермолову. «Меня охватилъ ужасный, паническій страхъ. Я вся задрожала, заплакала, лихорадочно крестилась. Меня подвели къ

кулисъ. Со сцены доносились чьи-то голоса, но я ничего не могла разобрать. Въ ухахъ былъ какой-то гулъ. Страхъ все росъ. Возлѣ меня у кулисы стояла мама, сама дрожавшая не меньше меня. Екатерина Ивановна (классная дама въ школѣ) держала мой платокъ и стаканъ съ водой. Не отходилъ отъ меня и Охотинъ¹⁾, шутилъ, чтобы меня успокоить, увѣрялъ, что выходить на сцену совсѣмъ не страшно, что онъ никогда не боится. А у самого голосъ дрожалъ отъ волненія. Мнѣ казалось, что я забыла роль, что я не скажу ни слова. Вдругъ меня кто-то толкнулъ сзади— и я была на сценѣ»...

Ощущенія дебютантовъ почти всегда одинаковы. Сцена, особенно въ отношеніи тѣхъ, которые касаются ее впервые, имѣетъ свойство совершенно исключительнымъ образомъ дѣйствовать на психику человѣка. Она парализуетъ иногда физическую энергію артиста, но одновременно даетъ просторъ его духовной сущности.

— Мнѣ казалось,—разсказываетъ Ермолова:—будто я провалилась въ какую-то дыру. Я была въ сумасшедшемъ страхѣ. Передъ глазами, вмѣсто зрительной залы,—громадное черное пятно, а на немъ два какихъ-то огня. Я сама не знаю, какъ произнесла первые слова. Раздались громкіе аплодисменты. Это меня поразило. Я не понимала, въ чемъ дѣло. Потомъ сообразила, что аплодируютъ мнѣ. Весь страхъ слетѣлъ съ меня. Какъ я играла, я не знаю, но меня вызвали «за сцену» (тогда это еще разрѣшалось) и послѣ акта—одну.

Художественное чутье не обмануло нисколько подругъ Ермоловой. Молоденькая актриса имѣла успѣхъ необычайный, возраставшій съ каждымъ актомъ. Справедливость требуетъ сказать, что роль Эмили какъ нельзя лучше подходила къ дебюту. Естественное волненіе при первомъ появленіи на сценѣ могло быть истолковано лишь въ пользу актрисы. Такъ полагалось по пьесѣ. Но, разъ оправившись, сдѣлавъ удачно первый шагъ, М. Н. имѣла значительно больше возможности спокойнѣе отнестись ко второму, вложить въ него присущую ей искренность и правдивость. Это во всякомъ случаѣ облегчило ея задачу. Обращаясь теперь къ оцѣнкѣ дебюта Ермоловой, мы видимъ, что обстоятельство, заставляющее до сихъ поръ считать ее актрисой «божьей милостью», было причиной и первоначальнаго успѣха ея у публики. Всѣхъ прежде всего поразили ея природный даръ, ея чудный голосъ, голосъ, котораго по своему тембру я не знаю ни у одной европейской актрисы, не исключая даже Э. Дузе. Этотъ голосъ былъ совершенной неожиданностью. «Въ зрительномъ залѣ знали, что Эмилию Галотти будетъ играть шестнадцатилѣтняя воспитанница, почти

¹⁾ Талантливый артистъ Малаго театра, теперь уже покойный; мужъ Н. М. Медвѣдовой.

дѣвочка, и ждали обычную, начинающую ипѣе, съ хрупкимъ, звенящимъ голоскомъ, съ немножко сантиментальною манерою говорить, полную обязательной театральной наивности. И вдругъ вмѣсто всего этого—что-то сильное, мощное, густыя, изъ груди идущія и отдающіяся въ сердцѣ ноты...

— «Это было что-то до того необычайное,—разсказывалъ автору статьи одинъ изъ присутствовавшихъ на дебютѣ:—что публика невольно зааплодировала, едва Ермолова произнесла первую фразу»...

Артистическая Москва была всегда очень чутка къ талантамъ. Появленіе какого-нибудь дарованія обыкновенно вызывало цѣлую бурю въ художественныхъ кружкахъ первопрестольной. Спорящіе дѣлились на партіи, каждая партія считала обязанностью отстаивать свой идеалъ, ломала за него копья и т. д. Въ игрѣ Ермоловой было, разумѣется, очень много недостатковъ. Но въдѣ въ кучѣ песку, сопутствующаго золото въ мѣстахъ его находеній, опытный человѣкъ всегда отличить драгоцѣнный металлъ отъ постороннихъ примѣсей. Всѣ недочеты Ермоловой (неровность, порывистость, лишніе и угловатые жесты), все искупалось такими блестками опредѣленной цѣнности, что не было сомнѣнія въ ихъ происхожденіи. И въ кулуарахъ театра впервые пронеслось слово «талантъ», проникло въ залъ и долетѣло до кулисъ, гдѣ, прижавшись къ размалеванной декорации, вся трепещущая, но счастливая, Машенька Ермолова ждала своего приговора.

— Меня поздравляли, обнимали,—разсказывала она потомъ своему биографу:—говорили, что ничего подобнаго и ожидать было невозможно. За кулисы пришелъ Пельтъ (управляющій конторою московскихъ императорскихъ театровъ). Онъ не былъ еще на спектаклѣ и не видалъ меня.

— Ну что, недурно?—спросилъ онъ у Вильде.

— Да, очень недурно.

— По крайней мѣрѣ, есть пониманіе?

— Даже больше. Есть талантъ.

— Вотъ какъ! Что жъ, очень радъ...

Ермолова стояла въ нѣсколькихъ шагахъ! Можно себѣ представить, что должна была чувствовать дѣвушка при этомъ разговорѣ, который въ ту же ночь занесла въ свой дневникъ! Произнесено завѣтное слово—талантъ!.. Къ напряженному возбужденію дебютантки присоединялось радостное возбужденіе неожиданной побѣдительницы. Ермолова была въ какомъ-то экстазѣ. Къ концу спектакля, сопровождавшагося все нарастающимъ успѣхомъ, возбужденіе дебютантки дошло до крайняго предѣла. Когда, въ пятомъ актѣ, Одоардо, чтобы избавить свое дорогое дитя отъ позора, закалываетъ Эмилию, и умирающая дѣвушка падаетъ на полъ, Ермолова, несмотря на все напряженіе воли, не могла сдержать

себя, и—говорилъ ей потомъ Живокини — «трупъ» все время бился въ страшнѣйшей лихорадкѣ...

III.

Въ жизни сценическаго дѣятеля удачный дебютъ вовсе не означаетъ, что дальнѣйшая карьера артиста обезпечена. Требуется еще масса разныхъ условій, въ томъ числѣ умѣнье пролѣзть, чтобы за человѣкомъ утвердилось право играть что ему хочется. Эту истину М. Н. Ермолова лучше всего познала на собственномъ опытѣ. Удачное выступленіе въ роли Эмилиі, сочувствіе печати, восторги публики—не помѣшали ей, послѣ нѣсколькихъ повторныхъ спектаклей, вновь погрузиться въ тѣнь, сойти на нѣтъ. Правда, какъ ученица театральнаго школы, она и не могла разсчитывать занять сразу самостоятельное мѣсто въ театрѣ, но и окончаніе курса нисколько не измѣнило существа дѣла. Ермолову принимаютъ въ труппу, но даютъ ей играть почти «безсловесныя» роли. То какую-то Машеньку въ «Рабствѣ мужей», ту же Машеньку въ «Бельэтажѣ и подвалѣ» и опять Машеньку въ «Карьерѣ»... «Недавнюю Эмилию Галотти выпускаютъ на сцену для того, чтобы цѣлый актъ, на глазахъ у публики, причесывать ей волосы». Подобное отношеніе къ даровитому человѣку, довольно обычное въ казенномъ театрѣ, вѣроятно, сгубило не мало талантовъ. Меньшинство—самостоятельное—вырывалось изъ тисковъ и пробивало себѣ дорогу иными путями, большинство же закулисная жизнь засасывала, и они не выходили изъ разряда «полезностей». По счастью, Ермолова была иного склада. Суровое дѣтство закалило ея характеръ. Она знала, чего хотѣла, а, главное, понимала что только упорное стремленіе достигъ завѣтнаго и трудъ—единственные проводники къ цѣли. Какое завидное упрямство проявила она въ отношеніи своей дебютной роли! Въдѣ домашніе были противъ дебюта, совѣтовали ей не рисковать попустому. Она одна стояла на своемъ. Что-то давно ей говорило, что не напрасны ея усилія, что она будетъ актрисой и «не какой-нибудь, а первой актрисой и на Малой сценѣ». Вотъ почему близорукость театральнаго начальства нисколько не смутила М. Н. Она воспользовалась отсутствіемъ серьезной сценической работы и съ пыломъ горячаго, молодого сердца отдалась самоусовершенствованію. Отъ чуткаго къ правдѣ и критически относящагося къ себѣ человѣка не могутъ укрыться всѣ дефекты его натуры. М. Н. прекрасно видѣла, въ чемъ заключались ея недостатки. При условномъ характерѣ сценическаго выраженія, всякая мелочь выступаетъ очень рельефно. Поэтому угловатость движеній въ жизни становится уродствомъ и безобразіемъ на сценѣ. Жесткуюяція и мимика играютъ второстепенную роль въ жизни, въ большинствѣ случаевъ мы ихъ

не замѣчаемъ. Напротивъ, на сценѣ онѣ иллюстрируютъ душевныя движенія и должны строго согласоваться съ поступками дѣйствующаго лица. Отсюда разница между неопытнымъ любителемъ и сложившимся артистомъ; въ то время, какъ у перваго жесты совершенно не соотвѣтствуютъ данному психологическому моменту, у законченнаго артиста каждый жестъ, каждое движеніе лицевыхъ мышцъ логически вытекаютъ изъ переживаемаго на сценѣ дѣйствія. Разумѣется, такой строгой координаціи движеній физическихъ и душевныхъ не могло быть въ распоряженіи юной Ермоловой. Даже голосъ ея, то естественное богатство, которымъ судьба надѣлила М. Н., и тотъ нерѣдко измѣнялъ ей. Не было желательной гибкости, красоты, «свѣта», какъ мѣтко выражается проф. Стороженко. Наконецъ, большой артистъ познается не столько рабскимъ осуществленіемъ намѣреній автора, сколько проникновеніемъ въ его духовную сущность, умѣніемъ превратить ее въ живые образы. Все это въ значительной степени дается образованіемъ. И съ этой стороны Ермолова нуждалась въ большихъ «поправкахъ», такъ какъ современная школа дала ей до смѣшнаго мало. Изъ приведеннаго перечня видно, какой огромный трудъ предстоялъ М. Н. Но она справилась съ нимъ, справилась съ тѣмъ «святымъ огнемъ», который отпущенъ только избраннымъ натурамъ, людямъ большого таланта и огромной нравственной выдержки... Къ сожалѣнію, біографъ артистки очень недолго останавливается на ея *Lehr und Wanderjahre*. Онъ лишь мимоходомъ отмѣчаетъ, какъ она работала («по цѣлымъ часамъ простаивала передъ зеркаломъ, ломая себя»), совершенно не выясняя техники этой работы. Особенно это чувствуется въ отношеніи самообразованія артистки. М. Н. посчастливилось выступить на общественномъ поприщѣ въ началѣ 70-хъ годовъ минушаго вѣка. Въ это время образованная Россія еще жила плодами предшествовавшаго десятилѣтія, наслѣдіемъ знаменитыхъ шестидесятниковъ. Волна увлеченія захватила и Ермолову. Вращаясь среди молодежи, преимущественно студенческой, она не могла избѣжать вліяній, присутствующихъ обыкновенно идейной дѣятельности. «Въ квартирѣ Ермолова появляются какія-то новыя лица, какія-то странныя книги, раздаются необычныя неслыханныя прежде рѣчи». Ермолова понемногу «вбираетъ» въ себя «всѣ смѣлыя идеи», становится «самымъ страстнымъ ихъ адептомъ». Наконецъ, она же платитъ «большую дань» всѣмъ этимъ увлеченіямъ. Такъ повѣствуетъ біографъ. Почему-то онъ обходитъ молчаніемъ названія этихъ книгъ, не называетъ фамиліи «новыхъ лицъ», не объясняетъ, что за дань уплатила М. Н... Среди весьма характерныхъ признаковъ чувствуется что-то недоговоренное, какіе-то намеки, полуслова... Послѣднее тѣмъ болѣе досадно, что «выстрадавшая муза» Ермоловой получила бы новое и весьма интересное толкованіе.—Къ той

же эпохѣ относится знакомство М. Н. съ извѣстнымъ критикомъ и писателемъ С. А. Юрьевымъ, имѣвшимъ на нее огромное вліяніе. Тому же Юрьеву обязана она главнымъ образомъ истиннымъ направлениемъ своего таланта. Такъ какъ это второй выдающійся моментъ въ жизни артистки, то да позволено будетъ остановиться на немъ подольше вниманіе читателя. Проф. Стороженко съ большимъ юморомъ рассказываетъ подробности перваго знакомства С. А. Юрьева съ Ермоловой. Юрьевъ, великій идеалистъ и большой знатокъ театра, едва ли не съ первыхъ дней появленія М. Н. на сценѣ, записался въ ея поклонники. Однако, они не были еще знакомы лично. Въ 1875 году, послѣ пятилѣтней службы съ окладомъ въ 600 р. ежегодно, дирекція заблагоразсудила, наконецъ, прибавить Ермоловой полбенефиса¹⁾. Приходилось впервые подумать о собственномъ спектаклѣ, выбрать и разучить какую-нибудь интересную пьесу. Это представляло большую трудность; было много пьесъ, но ни одной, которая бы цѣликомъ захватывала М. Н. Въ это время Стороженко повстрѣчался въ одномъ обществѣ съ С. А. Юрьевымъ. Случайно онъ коснулся затруднительнаго положенія Ермоловой и услышалъ въ отвѣтъ, что «роль, вполне подходящая къ таланту М. Н., у него готова, именно главная роль въ пьесѣ Лопе-де-Вега «Севильская звѣзда», переводъ которой онъ только что окончилъ». Слово за слово, Стороженко поспѣшилъ передать радостную вѣсть Ермоловой, и они условились, когда произойдетъ чтеніе пьесы. Вотъ тутъ и произошелъ курьезъ, характерный для писателя, извѣстнаго своею разсѣянностью. Въ назначенный часъ Стороженко пріѣхалъ за Юрьевымъ и «засталъ его, что называется, на излетѣ». Онъ забылъ объ обѣщаніи и собирался куда-то ѣхать. «Увидѣвши меня», рассказываетъ Стороженко, «онъ, впрочемъ, вспомнилъ свое обѣщаніе, извинился и усѣлся со мной на извозчика, но дорогой предупредилъ, что ему нужно предварительно заѣхать въ правленіе какого-то земельного банка, на Никольскую, а оттуда на Поварскую къ А. И. Кошелеву, но что эти заѣзды не займутъ и часа времени. Оставивъ меня на извозчикѣ съ драгоценной рукописью въ рукахъ, С. А. поднялся наверхъ къ агенту банка. Что онъ тамъ дѣлалъ, я не знаю, но знаю, что я промерзъ порядочно и что послѣ двукратныхъ напоминаній мнѣ удалось вызвать его оттуда. У Кошелева повторилось то же самое, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что, проболтавъ около часу съ любезной хозяйкой, С. А., уходя, второпяхъ забылъ кашне, за которымъ пришлось возвращаться чуть не съ половины дороги». Въ концѣ-концовъ къ Ермоловой они попали только въ 3 часа, вмѣсто назначенныхъ 12-ти, причемъ бесѣда заключилась вовсе не тѣмъ, что

¹⁾ За эти пять лѣтъ Ермолова успѣла сыграть множество ответственныхъ ролей, въ томъ числѣ Катерину въ «Прозѣ» Островскаго.

предполагали и для чего компанія собиралась. Прочтя «Севильскую звѣзду» и даже объяснивъ значеніе этой трагедіи въ литературѣ, Юрьевъ неожиданно сказалъ слѣдующее: «Эта роль хороша, но у меня есть другая, которая больше подойдетъ къ вашему таланту— роль Лауренціи въ драмѣ Лопе-де-Вега «Овечій источникъ». Это перлъ его творчества и въ ней вы будете великолѣпны. Я теперь работаю надъ ея переводомъ, во всякомъ случаѣ она поспѣетъ къ бенефису». По словамъ Стороженко, С. А. сдержалъ свое обѣщаніе. Въ концѣ 1875 года драма была готова, а 7 марта 1876 года прошла впервые въ бенефисъ М. Н.—Юрьевъ оказался настоящимъ пророкомъ. Не только роль Лауренціи, какъ нельзя лучше подходила къ средствамъ Ермоловой, но она же, что весьма важно, положила грань въ ея сценической карьерѣ, была той исходной точкой, отъ которой затѣмъ протекала вся дальнѣйшая ея дѣятельность. Такъ часто случается въ жизни. Человѣкъ, въ поискахъ своего настоящаго призванія, пробуетъ себя на разныхъ поприщахъ. Какъ новое платье, оно ему въ одномъ мѣстѣ узко, въ другомъ — широко. Но вотъ кто-то сказалъ: возьмите вотъ это, оно вамъ, вѣроятно, подойдетъ. И человѣкъ надѣлъ платье и, о чудо!— оно какъ будто для него шито. И съ тѣхъ поръ трудно представить себѣ его въ иномъ видѣ, въ иныхъ формахъ, это его настоящій обликъ. Трагедія Лопе-де-Вега «Овечій источникъ» давно снята со сцены, но и простой пересказъ ея содержанія оставляетъ сильное впечатлѣніе. Поселокъ «Овечій источникъ» (Фуента Овехуна) изнываетъ подъ жестокою рукою своего владѣльца, дона Фернандо Гомеца, великаго командора ордена Калатравы. Это — истинный деспотъ; алчности, злобѣ и произволу его нѣтъ предѣла. Онъ насмѣхается надъ правами жителей «Овечьего источника», попираетъ ихъ свободу и играетъ честью ихъ женъ и дочерей; сластолюбіе его такъ же ненасытно, какъ безгранична жестокость. Командоръ намѣтилъ новую жертву, юную дочь алькада Эстеваля, прекрасную, чистую, какъ первый вешній ландышъ Лауренцію, и преслѣдуетъ дѣвушку своею грязною любовью. Но Лауренція любитъ Фрондато, онъ—ея женихъ, и эта любовь помогаетъ Лауренціи выдержать борьбу съ всевластнымъ деспотомъ. Послѣдній, котораго это сопротивление, разжигаемая желаніе, доводитъ до изступленія, рѣшается на крайнее средство—на открытое насиліе. Войска его врываются въ «Овечій источникъ», какъ разъ во время брачнаго шествія Лауренціи съ Фрондато, схватываютъ жениха и уводятъ его въ тюрьму, оскорбляютъ алькада-отца въ присутствіи дочери. Лауренція въ экстазѣ бросается на командора, вивается ему въ горло, стараясь сорвать съ него командорскій знакъ. По приказу командора солдаты уносятъ дѣвушку. Лауренція въ рукахъ дикаго звѣря... Дѣвушкѣ удается вырваться изъ звѣриныхъ лапъ, и она, страшно измѣнившаяся, обезсиленная, съ горящими лихорадочнымъ огнемъ глазами, съ

разсыпавшимися по плечамъ волосами, въ изодранномъ подвѣнечномъ платьѣ, прибѣгаетъ въ домъ отца, гдѣ собралась тайная сходка, чтобы обсудить, какъ быть, что дѣлать въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Собравшіеся поселяне объаты ужасомъ, они готовы склонить головы, покорно снести ударъ и ждать новыхъ... Дѣвушка, вся—негодованіе, доведенная совершеннымъ надъ нею насиліемъ до чрезвычайной экзальтаціи, бросаетъ сходкѣ въ лицо страшные упреки, зоветъ ихъ «трусами низкими» и своею зажигательною рѣчью воспламеняетъ народъ. Онъ съ криками бѣжитъ во дворецъ командора. Туда же устремляется толпа женщинъ. Народъ совершаетъ судъ надъ тираномъ и восстанавливаетъ свою свободу. Трагедія заканчивается появленіемъ короля, который прощаетъ жителей «Овечьего источника» и соглашается взять этотъ поселокъ въ непосредственное свое управленіе. Ермолова играла Лауренцію и провела эту роль съ необыкновеннымъ подъемомъ. Особенно удался ей монологъ 3-го дѣйствія, гдѣ Лауренція призываетъ народъ къ возстанію. По общимъ отзывамъ, талантъ артистки въ этомъ мѣстѣ достигъ наибольшей силы. «По всей зрительной залѣ пробѣжалъ электрическій токъ, всѣмъ сообщилось сильнѣйшее возбужденіе; зритель, дрожавшій какъ въ лихорадкѣ, кажется, готовъ былъ сорваться съ своего мѣста, побѣжать за дѣвушкой-героиней и отомстить за поруганную честь, за поправную свободу «Овечьего источника». Успѣхъ М. Н. имѣла колоссальный. Этотъ замѣчательный спектакль раскрылъ всѣмъ глаза. Въ Ермоловой привыкли видѣть талантъ преимущественно элегическій, она умѣетъ передавать тихую грусть, затаенную тоску, словомъ, весь атрибутъ душевныхъ страданій, которыми особенно богата русская женщина чуть ли не со временъ татарщины. И вдругъ страстный порывъ, определенное требованіе смотрѣть на вещи другими глазами, горячій протестъ противъ рутины, пошлости, безправія. Маленькая драматическая інженце сразу выросла въ большую трагическую актрису. Воскресли времена Жоржъ, Семеновой, Каратыгина-старшаго... Справедливо замѣчаетъ Стороженко: «Стремленіе идеализировать своихъ героинь приобрѣтаетъ иной характеръ. Онѣ являются уже въ окраскѣ не тихой грусти и смѣнившей ее скорби, но бурнаго протеста и, вмѣстѣ, восторженнаго экстаза. Онѣ—именно героини... И одушевляетъ ихъ, приводитъ въ этотъ экстазъ, ведетъ на подвигъ — народолобіе, идея общественнаго блага и негодованіе противъ тираніи надъ личностью». Сценическій подвигъ Ермоловой рѣзко мѣняетъ окружающую ее обстановку. Публика уже не дѣлится на нѣсколько партій, а единогласно признаетъ М. Н. крупной артистической величиной. Восторженно гремитъ печать. Въ квартирѣ Ермоловой появляются авторы-драматурги и наперерывъ предлагаютъ ей свои услуги. Даже дирекція, доселѣ не благоволившая къ артисткѣ, старается заглядить прежнюю вину передъ ней:

во-первыхъ, прибавкой жалованья, во-вторыхъ, явнымъ предпочтеніемъ другимъ актрисамъ. Но это сравнительно мелочи, а вотъ главное: случается наблюдать, какъ появленіе даровитаго человѣка въ обществѣ сразу подчиняетъ ему это общество. Такой эффектъ можно сравнить только съ дрожжами, брошенными въ квашню. Успѣхъ Ермоловой въ героической драмѣ невольно перенесъ симпатіи отъ актрисы къ объекту ея творчества. Этимъ можно объяснить, что въ репертуарѣ 80-хъ годовъ замѣтно преобладаетъ «героиня новаго склада», женщина сильная духомъ, страдающая подъ гнетомъ окружающей среды, но противопоставляющая этому гнету гордое сознаніе своей правоты и на этой почвѣ вступающая съ нимъ въ борьбу.

Таковы: Эльвира въ «Лучшій алькадь—король», Юдиѳъ въ «Уриэль-Акоста», Наталья въ «Посадникѣ», Лонина «На порогѣ къ дѣлу», такова и Жанна д'Аркъ — послѣднее звено въ героической цѣли чудесныхъ созданій Ермоловой.

IV.

Мы подошли къ грани, которой совершенно точно опредѣляется характеръ дарованія М. Н. Ермоловой. Для полноты картины недостаетъ только исполненія роли Орлеанской дѣвы. Изображеніемъ шиллеровской героини завершается трилогія сценической дѣятельности М. Н. Три этапныхъ пункта: Э. Галотти, Лауренція, Жанна д'Аркъ—исчерпываютъ до дна всю ея творческую фантазію. Все, что встрѣчается въ промежуткахъ между этими ролями, не исключая и Маріи Стюартъ, — есть только болѣе или менѣе удачное повтореніе сказаннаго раньше. Артистка постоянно копируетъ себя, множится, сказали бы французы (*se multiplie*). Такъ поступаютъ художники въ отношеніи картинъ, ставшихъ знаменитыми. Они дѣлаютъ съ нихъ многочисленные снимки, которые хотя и повторяютъ прежній сюжетъ, но не лишены возможности проявить извѣстную оригинальность. М. Н. давно лелѣла мысль сыграть Жанну д'Аркъ. Въ ея представленіи поэтической образъ нѣмецкаго романтика сливался съ мощнымъ протестомъ противъ людской несправедливости. Съ другой стороны, отъ нея не могло укрыться, что богатая канва трагедіи давала широкой просторъ сценическому рисунку. Являлась возможность въ однѣхъ рамкахъ исчерпать цѣлую гамму разнообразныхъ ощущеній, отъ тихой грусти отъ бурнаго экстаза, отъ пастушеской идилліи до страстныхъ порывовъ расхлывшагося урагана. Стороженко, разбирая игру Ермоловой въ «Орлеанской дѣвѣ», объясняетъ ея успѣхъ въ этой трагедіи духовнымъ родствомъ артистки съ героями Шиллера. «Она актриса Шиллера—по преимуществу. У нихъ столько точекъ соприкосновенія». Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться,

но съ оговоркой. Юношеская страстность шиллеровскихъ героевъ была, конечно, сродни Ермоловой; родственно имъ, быть можетъ, и то, что называетъ Стороженко сценическимъ оптимизмомъ, т. е. стремленіе видѣть въ своихъ герояхъ лишь свѣтлыя, симпатичныя стороны, а несимпатичныя оставлять въ тѣни. Но это и все. Далѣе Ермолова поступаетъ совершенно самостоятельно. Воспринимая образы, она претворяетъ ихъ въ русской душѣ. Всякій, кто видѣлъ М. Н. въ Жаннѣ д'Аркъ, вѣроятно, согласится со мной, что это была плоть отъ плоти, кость отъ костей русская Жанна. По внѣшности столько же, сколько по внутреннему содержанию. Ничего общаго съ пастушкой изъ Домреми, еще меньше съ прототипомъ шиллеровской музы. Для Ермоловой были ясны формы протеста, его причины, мотивы, но если она воплощала ихъ въ комъ-нибудь, то скорѣе въ образахъ родной ей стихіи: въ женахъ декабристовъ, въ сестрахъ милосердія, въ сельскихъ учительницахъ...

Это ея настоящія героини!

Нашъ очеркъ-рецензію мы поневолѣ должны закончить грустнымъ аккордомъ. Лауренціи, Жанны д'Аркъ, Эмили Галотти принадлежатъ все-таки минувшему. Что же осталось для настоящаго? Нужно сознаться, М. Н. Ермолова, какъ актриса, явленіе исключительное. Едва ли современныя теченія въ искусствѣ дадутъ намъ скоро что-либо подобное? Геній, конечно, въ правѣ ломать существующія формы, но и геній — продуктъ своего времени. Нашъ вѣкъ не можетъ похвастаться оптимизмомъ. Наши герои,—все эти Астровы, Тригорины, дяди Вани — неспособны внушить радость къ жизни. Если на темномъ фонѣ мелькнетъ иногда свѣтлое пятнышко, проблескъ минувшаго, героическій подвигъ въ прежнемъ стилѣ, то это только на секунду. Его тотчасъ смѣнятъ новѣйшія настроенія, скука, недовольство собой, безсиліе... При такихъ условіяхъ мудрено ожидать артистку съ героическимъ темпераментомъ, жаждою свѣтлаго будущаго. Общество не пойметъ ее, не оцѣнитъ. А какъ хочется вѣрить, что это скоро настанетъ!— «Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата». Пьеса подходит къ концу. Самые величественные акты уже прошли. Сиротливо становится въ театрѣ. Великое спасибо артисткѣ, которая умѣетъ до сихъ поръ возвращать зрителя къ веснѣ его жизни, но если бы было возможно еще воскресить уснувшихъ боговъ!..

Баронъ Н. В. Дризенъ.

МОРДОВЦЕВЫ ВЪ САРАТОВѢ.

(Новые матеріалы къ біографіи).

I.

ТРУДОВОЙ и литературной жизни покойнаго писателя Даниіла Лукича Мордовцева писалось у насъ много. Встрѣчаются въ печати и нѣкоторыя данныя о писательствѣ его супруги. Но очень мало свѣдѣній о ихъ частной и общественной жизни, особенно въ Саратовѣ, гдѣ Д. Л. провелъ свои лучшіе годы: учился, долгое время служилъ и женился на женщинѣ, которая едва ли не первая натолкнула его на тотъ путь, гдѣ онъ составилъ себѣ имя, и которая на первыхъ порахъ была его ближайшей помощницей.

Судьба какъ бы нарочно соединила ихъ, преданныхъ одному дѣлу и однимъ стремленіямъ, и одинаково энергичныхъ и честолюбивыхъ, хотя отличавшихся нѣкоторыми отгѣнками своихъ характеровъ, чтобы потомъ разъединить на долгіе годы. Имъ обоимъ пришлось не мало перенести перипетій и невзгодъ. Поэтому, при описаніи жизни Даниіла Лукича, невольно приходится коснуться и дѣятельности его супруги, игравшей въ свое время большую роль въ саратовскомъ обществѣ.

Д. Л. родился 7 декабря 1830 г. въ слободѣ Даниловкѣ, Донской области. (Удя по его формуляру, происходилъ онъ «изъ купеческаго званія»¹⁾). Четырнадцатилѣтнимъ юношей родные отвезли

¹⁾ Дѣло канцеляріи саратовскаго губернатора за 1872 г. № 119. Но въ «Словѣ» 1905 г., № 177, г. Быковъ называетъ отца его «управляющимъ этой слободы и

его въ Саратовѣ, гдѣ помѣстили во 2-й классъ «губернской» гимназіи. Мальчикъ оказался настолько способнымъ и прилежнымъ, что сразу выдѣлился изъ среды своихъ сверстниковъ. На другой же (1846) годъ, при переходѣ изъ III въ IV классъ ему дали «за успѣхи» награду 1-й степени—похвальный листъ и книгу (лексиконъ)¹⁾, и съ этихъ поръ, какъ можно предполагать по архивнымъ документамъ, онъ переходитъ изъ класса въ классъ съ наградами ежегодно вплоть до окончанія въ 1850 году гимназическаго курса, когда Мордовцевъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, откуда черезъ годъ перешелъ въ университетъ Петербургскій.

Окончивъ курсъ въ 1854 г. «съ званіемъ кандидата и награжденіемъ золотой медалью за диссертацию, написанную на заданную тему²⁾, Д. Л. почему-то не поѣхалъ на родину, въ свою Даниловку, гдѣ, очевидно, по его соображеніямъ, нечего было дѣлать, а возвратился въ Саратовъ, который принялъ его на первыхъ порахъ, однако, не совѣмъ радушно. Почти два года прожилъ онъ безъ опредѣленныхъ занятій, перебиваясь уроками. Тамъ вскорѣ по пріѣздѣ онъ познакомился съ вдовой коллежскаго совѣтника Никандра Васильевича Пасхалова, Анной Никаноровной (урожденной Залетаевой), жившей на широкую ногу. Пасхалова по тому времени считалась выдающейся женщиной въ Саратовѣ. Она славилась умомъ и образованіемъ, писала подъ псевдонимомъ А. Б.—цѣ

довѣреннымъ лицомъ ея владѣльцевъ Ефремовыхъ» (очевидно, потомковъ донскихъ атамановъ), но не указываетъ его сословія. А въ «Саратовскомъ Листкѣ» за тотъ же годъ, № 117, г. Горизонтовъ, неизвѣстно, по какимъ даннымъ, увѣряетъ, что Мордовцевъ былъ «казакомъ по происхожденію».

¹⁾ Дѣло 1-й саратовской гимназіи за 1846 г., № 46. Между тѣмъ въ «Словѣ» П. Быковъ пишетъ: «Въ августѣ 1844 г. старшій братъ отвезъ его (Мордовцева) въ Саратовъ и помѣстилъ въ гимназію. Здѣсь онъ въ первый же мѣсяцъ (?) попалъ на «золотую доску» рядомъ съ А. Н. Пыпинымъ и Г. А. Захарьинимъ. Насколько это вѣрно—не беремся судить, такъ какъ въ архивѣ гимназическомъ не сохранилось за этотъ годъ документовъ». Изъ указаннаго же дѣла видно, что послѣ экзаменовъ 2—29 августа 1846 г. Павелъ Александровичъ Ровинскій переведенъ въ VI классъ, Пыпинъ въ V, Мордовцевъ въ IV, причѣмъ первый получилъ похвальный листъ, Пыпинъ награжденъ книгой — «Русская Исторія». Захарьинъ же въ этомъ году вмѣстѣ съ извѣстнымъ Александромъ Клаусомъ перешелъ изъ VI въ VII классъ. Такимъ образомъ Мордовцевъ не могъ одновременно съ ними, да еще въ первый мѣсяцъ, попасть на «золотую доску». Не вѣрно также сообщеніе г. Быкова, что «дружбѣ съ Пыпинымъ, росшимъ съ нимъ въ одной семьѣ (?), Д. Л. были обязаны работой надъ своимъ образованіемъ». По разсказамъ родныхъ А. Н.—ча, Мордовцевъ не жилъ никогда и не могъ жить вмѣстѣ съ Пыпинымъ ни во время пребыванія въ гимназіи, ни послѣ окончанія гимназическаго и университетскаго курсовъ.

²⁾ Изъ формулярнаго списка Мордовцева. Къ сожалѣнію, по архивнымъ документамъ нельзя узнать, что это была за тема. Г. Быковъ въ некрологѣ Д. Л.—ча («Слово» 1905 г., № 177) пишетъ, будто медаль дана ему за диссертацию «О языкѣ Русской Правды», написанную имъ еще на третьемъ курсѣ (?).

статьи и стихи (съ 1842 г.), собирала вмѣстѣ съ Костомаровымъ чародныя пѣсни мѣстнаго края и издавала сборники ихъ. Еще до прїѣзда Мордовцева А. Н—на помѣстила въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ» (1854 г., т. III, л. XX—XXI, стр. 317—328) нѣсколько пѣсенъ и былинъ, записанныхъ ею въ окрестностяхъ города ¹⁾.

Она занимала обширную квартиру въ домѣ матери на углу Царицынской и Большой Сергіевской улицъ ²⁾, приносившемъ значительный доходъ. Кромѣ того, мать имѣла небольшое помѣстье въ окрестностяхъ Саратова. Да и у А. Н—ны остались послѣ мужа кое-какія деньжонки, которыми она, какъ опекунша надъ малолѣтними дѣтьми ³⁾, распорядилась довольно умѣло, отдавая ихъ въ ростъ подѣ закладныя ⁴⁾.

Чѣмъ она очаровала и привлекла къ себѣ Мордовцева—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ не красотой и молодостью, такъ какъ ей въ то время шелъ 32 годъ. Должно быть, какія-нибудь ужъ очень критическія обстоятельства заставили Д. Л. осенью того же 1854 года жениться на женщинѣ старѣе себя (А. Н. родилась въ 1823 году).

¹⁾ Кромѣ того Мордовцевой и Костомаровымъ были помѣщены въ «Истописяхъ русской литературы и древностей за 1862 г.», т. IV, собранныя въ Саратовской губерніи пѣсни: Лукьянъ Берендѣвичъ, Добрыня, Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Суворецъ, Ивашъ Грозный, Тушинскій воръ, Михайло Скошннъ, Алексѣй Михайловичъ, Петръ I, казацкія пѣсни.

²⁾ Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ г-жѣ Калединой и въ немъ помѣщается глазная лечебница д-ра Волкова.

³⁾ Послѣ Пасхалова осталось двое сыновей: Викторъ (родив. въ 1841 г.), впоследствии композиторъ и авторъ извѣстной пѣсенки: «Дитяtko, милость Господня съ тобою», и Клавдій, и дочь Наталья, вышедшая потомъ замужъ за профессора Варшавскаго университета Первольфа. Изъ дѣтскихъ лѣтъ композитора мнѣ рассказывали такой случай.

А. Н—на почему-то не любила музыки, хотя сама училась играть на фортепьяно. У нея сложилось убѣжденіе, что всѣ музыканты пьяницы. Чтобы избавить отъ этого порока своихъ дѣтей, она изгнала изъ своего дома всѣ музыкальные инструменты. Особенно она оберегала покой своего любимца Виктора, котораго старалась даже не вывозить къ тѣмъ знакомымъ, гдѣ была музыка. Ребенокъ росъ до 7 лѣтъ, не слыша «неизвестнаго» звука. Но какъ-то разъ А. Н—на съ матерью собралась въ театръ. Послѣ настойчивыхъ просьбъ и слезъ взида съ собой и Виктора. Мальчикъ былъ внѣ себя отъ восторга, когда услышалъ звуки плохенькаго театральнаго оркестра и, возвратясь домой, сталъ просить мать, чтобы она учила его музыкѣ. А. Н—на не могла устоять передъ мольбами сына и подчинилась его требованію. Мальчикъ сталъ прилежно учиться и въ короткій срокъ оказалъ свои блестящія музыкальныя способности, сдѣлавшись потомъ извѣстностью.

⁴⁾ Въ архивѣ саратовскаго губернскаго правленія сохранилось дѣло за 1867 г. № 267, изъ котораго видно, что А. Н. дала въ 1857 г. мѣщанинѣ Кузьминю 2 т. руб., принадлежащихъ сыну Клавдію, подѣ залогъ дома на Часовенной улицѣ, изъ 8 годовыхъ. А въ 1863 г. продала эту закладную коллежскому регистратору Щеголькову за 2,722 руб. 63 коп.

Такимъ путемъ обезпечившись въ матеріальномъ отношеніи, Мордовцевъ, по словамъ г. Быкова ¹⁾, «сталъ готовиться къ ученой карьерѣ». Съ этой цѣлью, очевидно, подъ руководствомъ Н. И. Костомарова, онъ началъ собирать былины, пѣсни, легенды, задумавъ издать особый сборникъ на малороссійскомъ языкѣ, чтобы «распространить и сбечечь» этотъ языкъ. Но первая попытка потерпѣла неудачу, такъ какъ въ ту пору, послѣ извѣстнаго костомаровскаго инцидента съ Кирилло-Меодѣевскимъ обществомъ, на распространеніе южно-русскихъ нарѣчій у насъ смотрѣли косо. Предпринятая Мордовцевымъ въ октябрѣ 1854 года поѣздка въ Петербургъ, чтобы получить цензурное разрѣшеніе на изданіе задуманной книги, не увѣнчалась успѣхомъ. Выпускъ «Малорусскаго литературнаго сборника» ²⁾ пришлось отложить на неопредѣленное время.

Это такъ обезкуражило Мордовцева, что онъ отложилъ всякое попеченіе объ ученой дѣятельности, ибо чувствовалъ къ тому же, что по своему характеру не способенъ быть кабинетной знаменитостью. Натура его искала живого дѣла, кипучей работы, проявленія своихъ силъ на пользу народа, въ защиту сирыхъ и угнетенныхъ.

Всѣ мыслящіе люди въ то время старались такъ или иначе внести новую струю въ жизнь общественную, освѣжить захламленное прошлое, дать толчокъ къ прогрессивному направленію настоящему. Севастопольскій погромъ открылъ многимъ глаза на язвы нашего приказнаго строя и царившіе въ государственномъ механизмѣ рутину, произволъ и невѣжество. Образованная часть общества варьировала на разные лады текущія событія. Составлялись кружки, гдѣ интеллигенція проводила большую часть времени въ горячихъ, хотя, увѣ, бесплодныхъ, спорахъ на политическія темы.

Въ Саратовѣ такой кружокъ группировался около Н. И. Костомарова и учителя мужской гимназіи, тоже историка, Е. А. Бѣлова, гдѣ принимали близкое участіе и Мордовцевы. Такъ какъ въ кружокъ входили преимущественно люди изъ чиновничьяго и помѣщичьяго міра, то Д. Л. вскорѣ успѣлъ пріобрѣсти выгодныя для себя знакомства. Среди кружковцевъ, на примѣръ, были замѣтны предсѣдатель мѣстной казенной палаты И. А. Ганъ, управляющій удѣльной конторой Н. А. Мордвиновъ, начальникъ отдѣ-

¹⁾ «Слово», 1905 г., № 177.

²⁾ Сборникъ изданъ въ 1859 г. См. о немъ въ нашей статьѣ «Костомаровъ въ ссылкѣ» («Историч. Вѣстникъ», 1905 г., IV, 149). — По сдѣланной на предисловіи къ этому изданію помѣткѣ—10 октября 1854 г., слѣдуетъ признать начало литературной дѣятельности Мордовцева съ этого числа. Между тѣмъ у насъ почему-то считаютъ, что эта дѣятельность его началась въ 1855 г., и поэтому лишь въ маѣ 1905 г. справлялся ему 50-лѣтній юбилей.

ленія той же палаты Вознесенскій и друг. ¹⁾ При помощи новыхъ друзей Мордовцеву удалось, наконецъ, послѣ полутора лѣтъ безплоднаго скитанія, пристроиться къ дѣлу и выбиться на торную дорогу.

7 іюля 1856 года вышелъ въ отставку начальникъ газетнаго стола губернскаго правленія И. У. Палимсестовъ. Д. Л. воспользовался этимъ случаемъ и подалъ губернатору Игнатьеву ²⁾ прошеніе объ опредѣленіи на «означенную должность». Губернаторъ, зная его какъ молодого человѣка, подающаго большія надежды, отнесся къ его просьбѣ благосклонно, и 14 августа Д. Л. былъ «допущенъ къ исправленію должности» не только начальника газетнаго стола «съ исполненіемъ обязанности переводчика того же правленія», но и редактора неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей». Высочайшій приказъ по гражданскому вѣдомству отъ 13 сентября за № 187 утвердилъ его въ обѣихъ должностяхъ «съ чиномъ коллежскаго секретаря».

Мордовцеву такимъ образомъ открылось широкое поле для труда на пользу мѣстнаго края. Онъ нашелъ добрую почву и обрѣлъ дорогу для сродной ему работы. Съ этого момента начинается та его дѣятельность, которая, развиваясь годъ отъ года, сравнительно довольно быстро создала ему и имя и почетное положеніе въ литературѣ. Всѣ свои силы посвящаетъ онъ на изданіе единственнаго въ губерніи органа, всѣми мѣрами стараясь его возвысить. Много пишетъ самъ и привлекаетъ къ участию въ изданіи другихъ лицъ. Пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, онъ совершаетъ поѣздки по губерніи, роется въ архивахъ ³⁾, занимается статистикой, археологіей, этнографіей, помѣщая по этимъ предметамъ статьи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Первый его трудъ— «Значеніе ярмарокъ для Саратовскаго края»—былъ напечатанъ въ №№ 10—14 «Вѣдомостей» за 1857 годъ ⁴⁾.

¹⁾ О саратовскомъ кружкѣ см. въ нашихъ статьяхъ: «Чернышевскій въ Саратовѣ» («Историч. Вѣстн.» 1905 г., XII) и «Е. А. Бѣловъ» («Русская Старина», 1905 г., XII).

²⁾ Т. с. Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ былъ саратовскимъ губернаторомъ съ 1854 по 1861 г.

³⁾ Г. Горизонтовъ («Саратов. Листокъ», 1905 г., № 117) увѣряетъ, что Мордовцевъ пользовался для своихъ сочиненій и матеріалами астраханскихъ архивовъ. Это едва ли вѣрно, такъ какъ послѣдніе находились внѣ вліянія саратовской администраціи. При томъ же, если бы это было такъ, то въ сочиненіяхъ Д. Л. о понизовой вольницѣ не встрѣчалось бы такихъ пробѣловъ и ошибокъ, которые опровергаются именно документами астраханскихъ архивовъ.

⁴⁾ Вотъ перечень его работъ (мало извѣстныхъ читающей публикѣ), которыя онъ помѣстилъ въ «Вѣдомостяхъ»:

За 1857 г.—«Опытъ собранія матеріаловъ для нравственной статистики». №№ 21—23, 25, 26.—«Статистическія свѣдѣнія по посаду Дубовкѣ за 1856 г.» №№ 26 и 28.—«Актъ въ Саратовской гимназій», № 27.—«Городъ Балашовъ»

Мало того, онъ издаетъ разные сборники и другія сочиненія¹⁾, участвуетъ въ трудахъ различныхъ ученыхъ обществъ, наконецъ, находитъ время сотрудничать въ столичныхъ изданіяхъ²⁾. Въ декабрѣ 1857 г. «за содѣйствіе къ изготовленію въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ для великаго князя Константина Николаевича путеводителя по Россіи» ему была «объявлена искренняя благодарность его высочества»³⁾.

По словамъ П. В. Быкова («Слово» 1905 г., № 177), въ 1859 г. Д. Л. «былъ арестованъ за обличеніе въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» безобразій въ одномъ полку и за проницательное отношеніе къ «крымскимъ героямъ». Его ждало сидѣніе въ крѣпости, но, по совѣту губернатора Игнатѣва, Мордовцевъ отправился въ Петербургъ, и ему удалось получить прощеніе».

№№ 30—32.—«Данныя для статистическаго описанія Камышинскаго у.», №№ 36, 42—45.—«Очерки заводскаго и фабричнаго производства въ г. Кузнецкѣ и его уѣздѣ», №№ 46—48.—«Соображенія относительно соединенія Саратовскаго края съ югомъ Россіи», № 48—51. (Выпущена отдѣльнымъ изданіемъ).

1858 г.—«Сарепта», № 1—3.—«Историко-статистическій очеркъ г. Царицына», № 5—8.—«О движенія волжскаго пароходства», № 15—16.—«О началѣ изысканій по линіи саратовско-московской жел. дороги», № 16.—«Значеніе предполагаемой сарептско-ейской жел. дороги», № 26.—«Описаніе дороги отъ Царицына до Камышина, сдѣланное въ 1766 г.», №№ 28 и 29.—«О разбойникахъ въ Саратовской губ. прошлаго столѣтія», № 30—33.—«Замѣтка о гимназіяхъ вообще и частію о саратовской», № 36.—«Неизданные матеріалы, относящіеся къ исторіи Саратова», № 49 и 51.

1859 г.—«Характеристика поволжскаго населенія», № 7—10.—«Мѣстныя замѣтки» (О перемѣщеніи г. Саратова вверхъ по Волгѣ, о купечествѣ, балахъ и проч.), № 1.—«Результаты послѣдней ревизіи по Саратовской губ.», № 2—4.—«Статистическія свѣдѣнія по г. Петровску за 1858 г.», № 18—21.—«По поводу предполагаемаго изданія въ Саратовѣ «Полицейскаго листка», № 19.—«Замѣтки о школахъ, количествѣ выпитаго вина, крестьянскихъ посѣвахъ» (смѣсь), № 25.—«Отъ Саратова до Аткарска», №№ 26—28, 30.

1860 г.—«Статистич. свѣдѣнія о Саратовѣ, записанныя въ 1775 г.», № 15—16

1861 г.—«Мѣстныя замѣтки и лѣтопись Саратова», № 46—52 и 1862 г., № 1—16.—«Матеріалы для статистическаго описанія г. Балашова», № 32.

1862 г.—«О движеніи населенія въ г. Саратовѣ», №№ 31, 34, 35.

¹⁾ Помимо «Малороссійскаго сборника», Д. Л. напечаталъ рядъ статей въ «Памятныхъ книжкахъ Саратовской губ.» и «Нѣсколько данныхъ изъ матеріаловъ для статистическаго описанія Саратовской губ.» (въ двухъ книжкахъ: за 1858 и 1859 гг.). «Картинныя судоходства на Медвѣдицѣ и по Дону» (1858 г.) и «Саратовская губ. въ прошломъ вѣкѣ въ отношеніи къ нынѣшнему ея составу» (1860 г.).

²⁾ До 1863 г. имъ написано: «Медвѣдицкій бурлакъ» («Русск. газета» 1859 г., № 25 и 26); «Замѣтаевъ» («Рус. Днев.», № 7 и 8); «Самозванецъ Богомодовъ» («Парусъ» 1860 г., № 1); «Понизовая вольница» («Рус. Слово» 1860 г., № 12); «Самозванецъ Хавинтъ» («Рус. Вѣст.», № 6); «Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ» (тамъ же, 1862 г., № 2).

³⁾ Изъ его формулярнаго списка.

Насколько это вѣрно, можно судить уже по тому, что съ 1 июня того же 1859 года Мордовцевъ занялъ еще должность секретаря мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета (и слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, июнь мѣсяцъ находился въ Саратовѣ)¹⁾, послѣ чего ему былъ разрѣшенъ четырехмѣсячный отпускъ «за границу», откуда, «по случаю болѣзни», онъ, однако, «на срокъ не явился»²⁾. А обязанности секретаря комитета и редактора «Вѣдомостей» «въ теченіе многихъ мѣсяцевъ» несъ за него преподаватель мужской гимназіи М. А. Лакомте³⁾.

По возвращеніи въ Саратовъ, Д. Л. не могъ съ прежней энергіей отдаться литературнымъ занятіямъ и архивнымъ изысканіямъ, такъ какъ текущія дѣла отнимали у него много свободнаго времени, вслѣдствіе того, что въ ту пору дѣльныхъ, развитыхъ и образованныхъ чиновниковъ въ провинціи было еще мало, и губернская администрація навязывала на зарекомендовавшаго себя дѣловитостью Мордовцева много другихъ порученій, помимо его прямыхъ обязанностей. Такъ, въ 1861 году губернаторъ д. с. с. Е. И. Барановскій (1861—1862) назначилъ его (31 августа) старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій «при своей особѣ», помимо занимаемыхъ имъ четырехъ должностей⁴⁾. Въ слѣдующемъ году его командировать членомъ и дѣлопроизводителемъ во временную комиссію, учрежденную по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, «для составленія соображеній для преобразования городского общественнаго управленія и городского хозяйства», за какую «отлично-усердную службу и особые труды» ему жалуютъ (17 июня) орденъ св. Анны 3 степени, а 6 ноября производятъ въ коллежскіе ассессоры. Въ августѣ того же 1862 г. онъ назначается членомъ временной комиссіи «для разсмотрѣнія положенія о доходахъ и расходахъ г. Саратова». Наконецъ, по приказу 3 июня 1863 г. Мордовцевъ получаетъ должность ассессора (по нынѣшнему—совѣтника) губернскаго правленія.

Служебная карьера его упрочилась и можно было ожидать дальнѣйшихъ повышеній. Но, къ сожалѣнію, онъ не сошелся съ губернаторомъ, княземъ Владим. Алексѣев. Щербатовымъ (1863—1869),

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Дѣло архива саратовскаго губернскаго правленія за 1871 г., № 119.— Г. Быковъ добавляетъ еще въ некрологѣ Д. Л.—ча, что «въ эту поѣздку онъ много работалъ въ Публичной библиотекѣ», а потомъ уѣхалъ въ Саратовъ, «гдѣ занималъ мѣсто правителя канцеляріи губернатора». Въ дѣйствительности, послѣднюю должность Мордовцевъ получилъ слишкомъ черезъ 10 лѣтъ послѣ указанного времени.

³⁾ Изъ его «Воспоминаній» въ «Трудахъ саратовской ученой архивной комиссіи» за 1903 г., в. 23, стр. 2.

⁴⁾ Начальника газетнаго стола, переводчика, редактора «Вѣдомостей» и секретаря комитета.

бывшимъ до того саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и желавшимъ посадить на мѣсто Д. Л.—ча кого-то изъ «своихъ». 4 іюля 1864 г. Мордовцевъ былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ тамъ, при помощи перекочевавшаго туда въ 1859 г. Костомарова, литературнымъ трудомъ пробить себѣ дорогу. Но, увы, надежды его не оправдались. Какъ нарочно въ этотъ именно періодъ ни одно столичное изданіе не удѣлило мѣста хотя бы одному изъ его произведеній. Въ силу необходимости пришлось искать должности, потому что отъ уроковъ онъ отвыкъ, да и мудрено было найти ихъ скоро въ Петербургѣ, чтобы на такой заработокъ прожить въ столицѣ.

1 марта 1865 г. Мордовцевъ поступилъ младшимъ столоначальникомъ въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ своими знаніями и опытностью вскорѣ также обращаетъ на себя вниманіе начальства, и черезъ годъ, по предписанію министра (13 апрѣля), ему предлагаютъ участвовать въ трудахъ учрежденной при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ комиссіи «о пособіи, получаемомъ городомъ (Саратовымъ?) изъ казны взаимнѣ дохода съ питей».

Но онъ не ужился и тутъ, благодаря, должно быть, своему «строптивому» характеру. 8 марта 1867 года его причислили къ министерству съ увольненіемъ отъ должности, а затѣмъ 31 мая вовсе уволили отъ службы. Пришлось по необходимости отправиться въ родной Саратовъ, гдѣ его все-таки больше знали и гдѣ было легче пристроиться къ дѣлу. Какъ разъ на ту пору тамъ открылась такъ называемая «комиссія народнаго продовольствія», куда требовался правитель дѣлъ. Вслѣдствіе поданнаго 17 іюня прошенія губернатору, «особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе» въ тотъ же день сдѣлало постановленіе объ опредѣленіи на эту должность коллежскаго асессора Д. Л. Мордовцева¹⁾. Вскорѣ князь Щербатовъ назначилъ его цензоромъ единственной въ Саратовѣ газеты «Справочный (что нынѣ «Саратовскій») Листокъ» и, наконецъ, 1 августа того же года сдѣлалъ секретаремъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Д. Л.—чу снова улыбнулось счастье на саратовскомъ горизонтѣ, такъ что когда (6 февраля 1868 г.) комиссія народнаго продовольствія была упразднена, то, чтобы не лишитъ его мѣста, ему дали должность младшаго помощника правителя губернаторской канцеляріи «для завѣдыванія производствомъ дѣлъ какъ по особому о

¹⁾ Дѣло губернскаго архива за 1867 г., № 332. Какъ можно догадываться, благодаря этой должности, ему удалось собрать весьма цѣнные матеріалы о крестьянскихъ волненіяхъ въ Саратовской губерніи, которые послужили ему основой для составленія извѣстной книги «Наканунѣ воли», конфискованной (въ 1890 г.) по распоряженію цензуры.

земскихъ повинностяхъ присутствію, такъ и по дѣламъ земскихъ учреждений». Тутъ Мордовцевъ близко познакомился съ земскимъ дѣломъ и успѣлъ собрать не мало документовъ, послужившихъ ему потомъ матеріаломъ для составленія надѣлавшаго въ свое время много шума «Десятилѣтія русскаго земства».

Черезъ годъ онъ проскочилъ въ правители дѣлъ губернаторской канцеляріи и одновременно (21 августа 1869 г.) секретаремъ статистическаго комитета, съ жалованьемъ по первой должности 1500 руб. и послѣдней 750 руб.

Казалось бы, лучшаго нечего было ожидать для провинціального дѣятеля. Но Мордовцева, повидимому, не удовлетворяла жизнь въ Саратовѣ и онъ тяготился дѣятельностью провинціального чиновника. Можетъ быть, поэтому за послѣдній періодъ саратовскаго пребыванія онъ ничего не удѣлил мѣстнымъ изданіямъ, за исключеніемъ сухихъ, официальныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ статистическаго комитета за 1869 и 1871 г., изданныхъ отдѣльными брошюрами, первый въ 153, а послѣдній лишь въ 20 страницъ текста. Зато много писалъ онъ историческихъ очерковъ и статей для столичныхъ изданій. Провинціальная пресса для него теперь имѣла уже мало привлекательности, когда имя его становилось извѣстнымъ на всю Россію. Конечно, онъ жаждалъ лучшаго. Окрылившись на литературномъ поприщѣ, онъ рвался на просторъ болѣе широкой и плодотворной дѣятельности.

Между тѣмъ къ концу 60-хъ годовъ Саратовъ былъ уже не тотъ, что представлялъ собой въ началѣ ихъ. При чрезмѣрной подозрительности полицейскаго начальства и самомъ бдительномъ наблюдении за якобы развивающейся политической пропагандой, людямъ мыслящимъ становилось жить тяжело въ постоянномъ страхѣ, какъ бы за неосторожно выпущенное слово не попасть въ каменный мѣшокъ и не быть сосланнымъ въ мѣста отдаленныя. Лично для Мордовцева Саратовъ еще потому утратилъ свою привлекательность, что въ немъ никого не осталось изъ прежнихъ его друзей, съ кѣмъ бы можно было обмѣняться мыслями, отвести душу. Всѣ они, въ томъ числѣ Костомаровъ, Бѣловъ, Ганъ, давно перебрались въ столицы. Кромѣ того, у него пошли неурядицы въ семьѣ, да и губернаторъ М. Н. Галкинъ-Враской¹⁾ прочилъ на его мѣсто другого.

Неожиданно для окружающихъ собрался Д. Л. и 2 августа 1872 г. уѣхалъ въ двухмѣсячный отпускъ «въ Москву, Петербургъ и другіе города». Къ концу отпуска (23 сентября) онъ выслалъ изъ Петербурга²⁾ прошеніе, въ которомъ просилъ объ уволь-

¹⁾ Т. с. Галкинъ-Враской назначенъ саратовскимъ губернаторомъ въ 1870 г. на мѣсто князя С. П. Гагарина, смѣнишаго въ 1869 г. князя Щербатова.

²⁾ Д. Л.—чь жилъ тогда на Большой Морской, въ д. № 9, кв. 15.

неній отъ обѣихъ должностей и о высылкѣ аттестата. Такъ какъ кандидатъ на его должность уже имѣлся, нѣкто П. А. Титовъ, любимецъ и правая рука Галкина во всѣхъ дѣлахъ, и котораго боялись въ городѣ и губерніи больше, чѣмъ самого губернатора,—то задержки въ просьбѣ Д. Л.—ча, конечно, не было, и 7 октября его уволили въ отставку, выслать въ Петербургъ аттестатъ. Тѣмъ и закончилась въ Саратовѣ служебная карьера Мордовцева.

II.

Окунувшись въ водоворотъ кипучей столичной жизни, Д. Л. почти совсѣмъ забылъ и о Саратовѣ и о своей покинутой семьѣ, предоставивъ женѣ самой заботиться о своемъ пропитаніи и воспитывать оставшуюся въ Саратовѣ единственную его дочь Вѣру, рожденную на другой годъ ихъ брака (27 іюля 1855 г.).

По словамъ г. Горизонтова ¹⁾, «дочь была сдана на попеченіе бабушки Залетаевой, древней старухи, у которой проживали такія же дряхлыя сестры, которыя и составляли общество дѣвушки-подростка. Жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно было видѣть 14—15-лѣтнюю дѣвочку, блѣдную, съ большими черными глазами, окруженную тремя старосвѣтскими помѣщицами съ трясущимися головами, слѣдившими за каждымъ движеніемъ ихъ общаго идола и готовыми исполнить малѣйшій его капризъ».

Мать очень мало заботилась о дочери. Она вспомнила о ней лишь тогда, когда Вѣрѣ Даниловнѣ исполнилось 17 лѣтъ и ей нужно было получить свидѣтельство за полный гимназическій курсъ (такъ какъ она училась дома). Эксцентричная, капризная А. Н. написала правителю дѣлъ Титову письмо, настоятельно требуя выдачи ей «поскорѣе» засвидѣтельствованной копіи съ формуляра или указа объ отставкѣ Д. Л., для представленія гимназическому начальству, такъ какъ «на Өоминой недѣлѣ Вѣра должна сдавать экзаменъ». Зная хорошо, что за особа г-жа Мордовцева, Титовъ, несмотря на то, что дѣло было на Пасху (13 апрѣля 1873 г.), тотчасъ же распорядился исполнить ея просьбу, но, должно быть, забылъ сообщить и успокоить нервную женщину. Этого было достаточно, чтобы заставить А. Н. на другой день послать ему новое письмо съ еще болѣе настойчивыми требованіями, хотя формуляръ ужъ былъ готовъ и отправленъ по назначенію.

Послѣ отъѣзда мужа, Мордовцева впала въ какое-то оригинальное душевное настроеніе: она обращала ночь въ день, день въ ночь. Всю ночь работала, говорила, спорила (спорщица она была жестокая), а день почти весь спала и отдыхала. Комнаты у ней были обиты войлокомъ и затянута черной матеріей, и она,

¹⁾ «Саратовскій Листокъ», 1906 г., № 117.

при желтомъ свѣтѣ лампы, сидя въ глубокомъ креслѣ въ широкомъ капотѣ и блестя своей сѣдой стриженной головой, ораторствовала безъ умолка». Не то, что она была нервно больна, она просто нервничала. Но послушать ее сходились многіе саратовцы и засиживались у нея далеко за полночь.

А. Н. разыгрывала изъ себя роль покинутой жены, сѣтовала на свою судьбу, надоѣдала чуть не всѣмъ своими бѣдствіями и несчастіями и жаловалась на измѣну и безсердечіе мужа. Насколько она была права въ своихъ жалобахъ—трудно сказать съ увѣренностью. Можетъ быть, дѣйствительно обстоятельства сложились такъ, что ей по необходимости приходилось просить и требовать: вѣдь «нужда не свой братъ».

15 января 1875 г. она писала Галкину-Враскому: «Мужъ мой, покидая меня, не оставилъ мнѣ никакого вида, и вотъ уже два года, какъ я не могу его себѣ выправить». А въ письмѣ на имя правителя дѣлъ Титова она, жалуясь на свое бѣдственное положеніе, говорила: «Если бы я могла ждать отъ мужа, а то и этой надежды не имѣю, ибо онъ трижды повторяетъ, точно изъ «Роберта»: «нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ».

Неудивительно, если Д. Л. не могъ ничего удѣлить женѣ изъ своего скуднаго литературнаго заработка, но является очень страннымъ, что А. Н., имѣя послѣ перваго мужа деньги и доходъ съ дома и имѣнія матери, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ отъѣзда Мордовцева впала въ такое бѣдственное состояніе, что рѣшилась продать скопленную годами свою и мужнину довольно цѣнную библіотеку. 3 іюля 1873 г. она отправила Галкину-Враскому слѣдующее слезное письмо¹⁾:

«Милостивый Государь

«Михаилъ Николаевичъ!

«Въ старые годы каждый обыватель считалъ себя въ правѣ, въ затрудненіяхъ своихъ, обращаться къ начальнику края, какъ къ отцу, обязанному поддерживать несчастнаго сына, какъ къ старшему другу, могущему выручить изъ бѣды младшаго.

«Не признавая за собою никакихъ правъ, я обращаюсь къ вамъ просто и прямо, какъ къ человѣку, увѣренная, что вы, какъ губернаторъ, пользующійся небывалымъ уваженіемъ и любовью всего общества, можете, если захотите, сдѣлать мнѣ великое добро.

«До сихъ поръ я еще не теряла вѣры въ торжество правды и ждала конца несправедливому осужденію на голодную смерть невинной семьи честнаго человѣка, а потому и не отказывалась отъ поддержки добрыхъ друзей въ этотъ несчастный годъ²⁾).

¹⁾ Дѣло саратов. губерн. архива за 1873 г., № 212.

²⁾ Т. е. въ годъ увольненія Д. Л. отъ должности, такъ надо понимать.

«Теперь, когда я знаю, что ни ждать, ни желать мнѣ, кромѣ смерти, нечего, мнѣ хотѣлось бы умереть честно, исполнивъ мои послѣднія обязанности: сдать матери вѣренное мнѣ дитя и расплатиться съ добрыми людьми, великодушно поддерживавшими меня въ горькіе и тяжелые дни.

«Для этого мнѣ нужно полторы тысячи рублей.

«У меня нѣтъ ничего, кромѣ сокровища бѣдняковъ—библіотеки, стоящей, такъ какъ она почти вся въ переплетахъ, вѣроятно, не менѣе 2000 р. и, какъ нельзя болѣе, по составу своему, пригодной для воспитательнаго заведенія, такъ какъ можетъ доставить и развивающее, и облагораживающее, и вполне русское чтеніе. Для меня въ этой библіотекѣ—единственный шансъ спасенія. Но продавать ее по частямъ или разыгрывать въ лотерею—и долго, и бесполезно: это поведетъ только къ порчѣ цѣлага, а изъ бѣды не выручить.

«Всѣмъ извѣстно, что все губернское общество, такъ единодушно и горячо васъ уважающее, готово слѣдовать каждому указанію вашему, предупредить всякое ваше желаніе, дѣйствовать по одному вашему слову, и если бы вы только намекнули о приобрѣтеніи моей библіотеки для пріюта ли вашего имени, или для исправительнаго заведенія малолѣтнихъ преступниковъ, общество, несомнѣнно, поспѣшило бы поднести ее вамъ.

«Поможете ли вы мнѣ въ этомъ? Скажете ли спасительное для меня слово?

«Это для меня вопросъ честной смерти, или до конца горькой жизни—и я прошу, горячо прошу ваше превосходительство скорѣе или освѣтить надеждой мракъ послѣднихъ дней моихъ, или опустить топоръ на лежація подъ нимъ цѣлый годъ головы наши.

«Простите, Бога ради, что пишу не официальнымъ и не элегантнымъ языкомъ: горе—грубо, болѣзнь—неизящна, и голова, подъ ихъ гнетомъ, неизобрѣтательна.

«Вѣрьте только, что исполненіемъ моей великой просьбы вы сдѣлаете великое добро и прибавите горячую, какъ душа, безконечную благодарность къ чувствамъ глубочайшаго почтенія и преданности, съ которыми

«имѣю» честь быть

«Вашего Превосходительства

«покорною слугою

«Анна Мордовцева».

Къ сожалѣнію, намъ не удалось разузнать отъ саратовскихъ старожиловъ, чье дитя было вѣрено опека и попеченію А. Н., мало заботившейся въ послѣднее время и о своихъ дѣтяхъ.

Судя по другимъ ея письмамъ, задолжала она 900 руб. по-мѣщикамъ Бистромъ и Жегинымъ и 300 руб. г-жѣ Левашовой

однако не въ этотъ только «несчастный» годъ, а нѣсколько ранѣе. По всему видно, что, благодаря ея расточительной жизни, получаемого Д. Л. въ Саратовѣ содержанья свыше 2¹/₂ т. р. въ годъ имъ не хватало на прожитіе даже съ доходами отъ дома и поддержкой отъ матери. Неудивительно поэтому, что А. Н., оставшись послѣ Мордовцева съ очень ограниченными средствами, впала въ сильное нервное состояніе и въ каждомъ письмѣ губернатору и Титову (а отправила она ихъ имъ въ теченіе 1¹/₂ лѣтъ цѣлыхъ 14-тъ) жаловалась на свою болѣзнь, увѣряя, что послѣдняя идетъ crescendo, у ней открылся ревматизмъ, онѣмѣніе рукъ, слабость глазъ и проч., тратила большія деньги на лекарства и докторовъ¹⁾. Дѣло дошло до того, что изъ барскаго помѣщенія родительскаго дома она принуждена была въ концѣ 1874 г. переѣхать на квартиру, занявъ одну комнату, и наконецъ въ январѣ 1875 года ушла въ больницу.

Губернаторъ не согласился принять бібліотеку въ указанные ею учрежденія, такъ какъ «содержаніе ея не соответствовало курсу ученія въ этихъ заведеніяхъ». Онъ взялъ лишь на себя трудъ разыграть ее въ лотерею. По его требованію, А. Н. заготовила на свой счетъ 16 печатныхъ листовъ по 100 билетовъ въ каждомъ. Цѣна билета 1 р., выигрышей 271, цѣнностью отъ 1 до 20 руб. «и даже болѣе». И всѣ 1600 билетовъ передала въ губернаторскую канцелярію, откуда только въ началѣ сентября они были разосланы полицеймейстерамъ, исправникамъ, старшинамъ клубовъ при особыхъ циркулярахъ, въ которыхъ, между прочимъ, указывалось, что «весьма стѣсненное положеніе, въ коемъ находится семейство г. Мордовцева, послужить достаточнымъ основаніемъ къ возбужденію теплаго сочувствія къ сему дѣлу»²⁾.

Галкинъ-Враской увѣрялъ А. Н., что билеты разберутъ въ одинъ мѣсяцъ и она въ октябрѣ получитъ всѣ деньги полностью. Но прошелъ мѣсяцъ, другой, третій, а дѣло съ лотереей не спорилось. Имя Мордовцева въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (напримѣръ, въ Балашовскомъ и Сердобскомъ) даже было неизвѣстно публикѣ. При томъ же по губерніи ходило много другихъ подписныхъ листовъ.

«Въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ», писалъ 14 ноября балашовскій исправникъ, «мною получено для раздачи по городу и уѣзду 150 билетовъ Кавказской лотереи, 100—на пріюты М. Н. Галкина-Враского, независимо отъ сего были открыты подписки на учительскія стипендіи Милютина, на музыкальное общество и на голодающихъ самарцевъ. Ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не осталось ни одного состоятельнаго лица, къ которому бы полиція не обращалась въ короткое время по нѣсколько разъ съ предложеніемъ

¹⁾ Ее лечилъ извѣстный впослѣдствіи докторъ Красовскій.

²⁾ Дѣло сарат. губернскаго архива за 1873 г., № 212, л. 8.

билетовъ или подписки». Отъ лотереи по тѣмъ же причинамъ отказались и другіе исправники.

Между тѣмъ А. Н. все настойчивѣе и рѣшительнѣе надоѣдала и губернатору, и вице-губернатору, и правителю дѣлъ своими слезницами съ требованіемъ обязательной присылки денегъ, которія ей были «страшно» нужны, такъ какъ сроки долговъ истекли и кредиторы будто бы тревожили ее своими просьбами. Вице-губернаторъ Набоковъ (въ декабрѣ 1873 г.) разослалъ поэтому исправникамъ строжайшія предписанія, въ которыхъ, «не раздѣляя допущеннаго» ими «уклоненія отъ исполненія обращенной» къ нимъ «просьбы начальника губерніи», настаивалъ на немедленной раздачѣ билетомъ.

Намъ неизвѣстно, зналъ ли объ этихъ дѣйствіяхъ своей сурруги Д. Л., такъ какъ изъ архивныхъ дѣлъ этого не видно. Но, вѣроятно, А. Н. распорядилась достояніемъ мужа не безъ его вѣдома и согласія, хотя онъ лично ни единой строчкой не потревожилъ администрацію для распродажи своей библіотеки.

Несмотря на всѣ принятія мѣры, деньги за билеты поступали въ губернскую канцелярію туго. Ужъ А. Н. согласилась отдать библіотеку, вмѣсто 1600 р., за 1200 р., лишь бы поскорѣе расплатиться съ долгами. Но только черезъ годъ ей собрали 900 руб., которые она, по ея словамъ, тотчасъ же отдала Бистромъ и Жегинымъ. Лотерея окончательно «развинтила» ея нервы.

«Болѣзни мои идутъ crescendo и crescendo», писала она 2 августа 1874 г. Галкину-Враскому: «даже уже и исходъ близокъ. А между тѣмъ нужда заставила мою мать сдать весь домъ; слѣдовательно, я теряю и возможность въ немъ оставаться. Я должна до 15 числа перебраться куда-нибудь, пока не холодно; денегъ у меня ни гроша, аптеки сильно начинаютъ меня прижимать, и я того гляжу, что къ опасному для меня времени останусь безъ лекарствъ. Скарбъ, имѣющійся въ домѣ, сильно стѣсняетъ меня. Вдобавокъ, публика очень сильно и непріятно ропщетъ на замедленіе розыгрыша библіотеки; а что мнѣ дѣлать? Я и такъ много уступила и мнѣ уже невозможно отказаться отъ послѣдней надежды на обѣщанные еще около Пасхи 300 руб., изъ которыхъ, по словамъ Титова, большая часть тогда уже была въ сборѣ».

Она Богомъ просила губернатора «немного недостающее до обѣщанной суммы взять изъ иного какого сбора, который еще можетъ или долженъ продолжаться, а мнѣ поскорѣе отдать 300 р. и книги отъ меня взять, такъ какъ мнѣ и дѣвать ихъ въ новомъ жилищѣ будетъ некуда. Будьте добры, войдите въ мое тяжелое положеніе и распорядитесь, чтобъ меня болѣе не томили, а публику — удовлетворили. И такъ ждать смерти тяжело, а тутъ еще эти нареканія».

Ропотъ на затыжку лотереи слышался отъ публики не въ одномъ только Саратовѣ; поступали такія же заявленія изъ уѣз-

довъ. Но розыгрышъ произвести было нельзя, такъ какъ не всѣ еще билеты были розданы.

Наконецъ, 10 августа канцелярія выдала Мордовцевой 100 р., 27 ноября еще сто и, наконецъ, 3 марта 1875 г. остальные 100 р. Розыгрышъ былъ произведенъ 30 марта въ фойе городского театра, и о результатѣ лотереи распорядители дали отчетъ въ отдѣлѣ «хроники» мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» (отъ 3 апрѣля 1875 г., № 73). Было перечислено 1575 билетовъ и 393 выигрыша.

Къ прежнимъ выигрышамъ (271) А. Н. добавила еще нѣсколько томовъ классиковъ на греческомъ языкѣ. Но всей суммы за 1600 билетовъ она не получила...

III.

Намъ неизвѣстно, какъ послѣ описаннаго случая устроилась жизнь Мордовцевой. По словамъ г. Горизонтова¹⁾, Д. Л. «наѣзжалъ въ Саратовъ довольно частенько». Но каковы были ихъ отношенія, помогаль ли онъ ей, или она поправилась и вышла изъ тягостнаго положенія «горькой» нужды собственными силами и средствами... Почерпнуть неоткуда. Спустя годъ мы видимъ ее вновь на горизонтѣ общественной и литературной дѣятельности.

Это было въ памятный 1876 годъ, когда на Балканскомъ полуостровѣ открылись волненія, вызванныя произволомъ турецкихъ властей. Все русское общество сочувственно откликнулось на угнетенное положеніе братьевъ-славянъ. Во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, среди разнообразныхъ слоевъ населенія начались сборы въ пользу беззащитныхъ и обездоленныхъ болгаръ и герцеговинцевъ. Какъ женщина пылкая, эксцентричная, не отставала отъ общаго настроенія и А. Н., хотя изъ желанія отличиться, а, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, захотѣла нѣсколько оригинально выразить свою жертву, и почему-то лишь въ пользу однихъ «осиротѣвшихъ дѣтей Черногоріи». Она задумала собрать всѣ написанныя ею за время съ 1842 по 1877 г. стихотворенія и издать ихъ отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Отзвуки жизни», чтобы на вырученныя деньги закупить бѣлья и одежды и непосредственно отъ себя переслать эти вещи по назначенію.

Здоровье ея за послѣдніе два года значительно поправилось, только осталась «ревматическая боль руки», да и въ финансовомъ отношеніи, видимо, она не страдала. Жила А. Н. въ это время въ Варшавѣ у Первольфовъ (Дѣльная, 7), а въ Саратовѣ за выпускомъ печатавшагося въ типографіи Феокритова изданія ея наблюдала дочь Вѣра Даниловна.

¹⁾ «Саратовскій Листокъ» 1905 г., № 117.

Книга «изъ чистилища поступила въ типографію 23 октября 1876 г. и, по договору, должна была отпечататься недѣли въ 3—4», однако Феофритовъ такъ медилъ, что изданіе не было выпущено даже послѣ Новаго года. Это вызвало столь сильный гнѣвъ А. Н., что она, по старой привычкѣ, ничего лучшаго не придумала, чтобы расправиться съ лѣнивымъ типографщикомъ, какъ обратиться съ жалобой къ губернатору. 7 марта она прислала Галкину-Враскому изъ Варшавы письмо, въ которомъ увѣряла, что если книга не выйдетъ въ скоромъ времени, до Пасхи, когда «для сбыта ея самое лучшее и удобное время, такъ какъ распутица и близость праздника всѣхъ держитъ на мѣстѣ,—то дѣло голодающихъ сиротъ пропало безвозвратно». «Дѣвочка моя (т. е. Вѣра Даниловна) впала уже въ полное отчаяніе отъ невозмутимости типографщика, на котораго не дѣйствуютъ ни договоры, ни убѣжденія, ни даже слезы, ею проливаемые предъ этимъ гранитнымъ человѣкомъ». А. Н. просила Михаила Николаевича «заставить эту скалу выпустить изъ нѣдръ своихъ поглощенную имъ (?) мышъ—книгу мою»¹⁾

Должно быть, Галкинъ-Враской имѣлъ возможность повліять на «гранитнаго» типографщика: къ концу марта книга была выпущена, но «въ такомъ неприлично-безобразномъ видѣ», что, какъ сообщала матери В. Д., ее можно было назвать «кабацкой» по гнусности вида, шрифта, печати и бумаги; между тѣмъ, по договору, образцомъ изданія по формату, шрифту, бумагѣ и изяществу должно было служить изданное въ Петербургѣ «собраніе стихотвореній А. Н. Майкова»; только А. Н. хотѣла выпустить свою книгу въ обложкѣ «перловаго цвѣта съ траурной каемкой». Но она забыла одно обстоятельство: въ Саратовѣ, гдѣ типографское дѣло еще только начиналось, нельзя было требовать такого искусства, какое могъ проявить Петербургъ, гдѣ печаталась книга Майкова. Благодаря этому явилось недоразумѣніе, чрезмѣрныя требованія и рядъ безпричинныхъ вспышекъ.

«Выходить», жаловалась она Враскому²⁾: «что моя несчастная книга, сначала бѣдная содержаніемъ, потомъ оборванная и оципанная цензурою, имѣла одинъ шансъ—изящнаго изданія и была еще въ такомъ разѣ извинительна, какъ средство, оправдывающее цѣль. Теперь же и это послѣднее качество у нея несправедливо... отнято».

Мордовцева призывала громы небесныя на провинившагося типографщика. Сѣтованіе ея дошло до того, что она допускала воз-

¹⁾ Дѣло канцеляріи саратовскаго губернатора за 1877 г. № 134 (хранится въ саратовской ученой архивной комиссіи). Одновременно съ этимъ письмомъ Мордовцева «подносила» Галкину-Враскому «полный экземпляръ своихъ жалкихъ (какъ она сама называетъ) пѣсень, такъ какъ имѣющія пойти въ продажу черезчуръ ужъ поочищены цензурой».

²⁾ Въ письмѣ отъ 24 марта.

возможность со стороны его «мазурничества», что «онъ можетъ, отпечатавъ свыше заказа количество экземпляровъ, пустить книгу въ продажу въ свою пользу и тѣмъ подорвать интересы сиротъ¹⁾, ради которыхъ книга издается, и помѣшать продажѣ настоящихъ книгъ, потому что задерживаетъ рукопись, разрѣшенную цензурою».

«Заклинаю васъ Богомъ», вопила она: «не допустите его хоть до этого и вырвите у него мою рукопись. Вѣра не сладить съ нимъ; она даже заболѣла отъ этого».

Очевидно, А. Н. рассчитывала, что стоитъ только книгѣ съ ея именемъ, да еще съ благотворительной цѣлью, появиться въ свѣтъ, какъ ее раскупятъ нарасхватъ. Но въ томъ она жестоко ошиблась, несмотря на обѣщанную помощь губернатора.

Изъ 150 экземпляровъ «Отзвуковъ жизни», разосланныхъ чрезъ посредство его канцеляріи полицеймейстерамъ и исправникамъ, было продано въ теченіе года по всей Саратовской губерніи только 145 экз. на 289 руб. 29 коп. (за вычетомъ почтовыхъ расходовъ), такъ что дохода не хватило на уплату типографіи за печатаніе изданія, которое (въ количествѣ 300 экз.) обошлось въ 300 руб.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ лотереѣ, А. Н. слишкомъ понадѣялась на свое близкое знакомство съ мѣстными административными сферами, когда населеніе оказывало мало довѣрія полиціи и ея «предложеніямъ». Но если бы она, пользуясь извѣстностью въ городѣ, обратилась за содѣйствіемъ къ какому-либо частному благотворительному учрежденію, въ книжный магазинъ или, наконецъ, къ своимъ знакомымъ, то «Отзвуки жизни», можетъ быть, имѣли бы больше успѣха. При томъ же назначенная цѣна 2 руб. за экземпляръ была многимъ, особенно изъ сѣрой уѣздной публики, не совсѣмъ доступна.

Возвратившись къ осени 1877 года въ Саратовъ, А. Н. получила 30 октября изъ канцеляріи губернатора 25 руб. за проданные экземпляры книги и, намѣреваясь приложить къ нимъ «еще имѣющіяся у нея деньги», хотѣла «послать пока для 20 малютокъ полную обмундировку съ ногъ до головы, включая и теплую одежду». Но исполнила ли она это свое намѣреніе, дѣла архивныя не указываютъ, и неизвѣстно такъ же, какъ далеко распространилась въ данномъ случаѣ ея филантропическая дѣятельность.

Въ своихъ письмахъ къ Титову она все жаловалась на свою болѣзнь. «Я пишу безъ глазъ—совсѣмъ больны они, и запрещено писать»... Однако, несмотря на постоянное недомоганіе, А. Н. проscriпѣла еще восемь лѣтъ, окончивъ расчеты съ жизнью лишь въ 1885 году...

П. Юдинъ.

¹⁾ Вотъ полный заголовокъ книги, напечатанный на обложкѣ: «А. Б.—цѣ (А. Н. Мордовцева). «Отзвуки Жизни» (1842—187...). Посвящено своимъ дѣтямъ. Продается въ пользу осиротѣвшихъ малютокъ-дѣвочекъ Черногоріи». Тип. П. С. Феокритова. Саратовъ. 1877 г.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СЫЩИКА.

(По разсказамъ полицейскаго чиновника).

ЕСЯТАГО октября 1906 г. скончался отъ разрыва сердца Сергѣй Ильичъ Иниховъ, съ 1899 г. занимавшій должность помощника начальника петербургскаго сыскаго отдѣленія. Ранѣе этого покойный въ Петербургѣ былъ полицейскимъ приставомъ.

С. И., по происхожденію изъ потомственныхъ дворянъ Московской губерніи, послѣ окончанія курса Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, по склонности ли, по нуждѣ ли (скорѣе всего въ силу матеріальныхъ невзгодъ), поступилъ на службу въ полицію. Наши Лекоки и Шерлоки Холмсы еще спятъ въ туманной дали будущности, и если намъ и приходилось слышать о нѣкоторой виртуозности въ искусствѣ сыщика покойнаго нынѣ Путилина, имя котораго долгое время пользовалось легендарною славою русскаго чуть ли не Лекока, очень преувеличенною, конечно, то этимъ, кажется, пока и исчерпывается весь нашъ запасъ знаменитыхъ сыщиковъ за преемное время по уголовнымъ дѣламъ.

И С. И. Иниховъ не обладалъ, кажется, данными, которыя бы его выдѣлили на избранномъ имъ поприщѣ. Онъ былъ, однако, добросовѣстнымъ, исполнительнымъ, съ образованіемъ выше средняго, чиновникомъ. Но что мнѣ въ немъ нравилось и что меня заставляетъ взяться за перо и возстановить на память то, что мнѣ приводилось слышать отъ него въ бесѣдахъ, которыя я имѣлъ съ покойнымъ при встрѣчахъ съ нимъ въ его служебномъ кабинетѣ, куда меня заносили иногда мои обязанности журналиста-

хроникера,—это несомнѣнное, сквозившее въ дѣятельности С. И. Инихова желаніе служить обществу съ пользой, именно обществу, а не начальству. Его трогало несчастье людское, онъ не отворачивался отъ мелочей жизни, воплиѣ сознавая, что все существованіе человѣка опутано мелочами, какъ паутиною, и онъ иногда изъ нея не можетъ выбиться безъ посторонней помощи.

Одно изъ полицейскихъ учреждений, посвященное удовлетворенію такой именно потребности общества въ мелкой помощи, когда нагрянетъ одна столь обыденная непріятность, какова случившаяся потеря вами чего-либо цѣннаго,—это такъ называемый «столъ находокъ» при сыскной полиціи. Учрежденіе это пользовалось большимъ вниманіемъ С. И. Онъ съ заботливостью относился ко всякимъ заявленіямъ о пропажахъ и находкахъ и съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не упустить возможность вернуть утерянную вещь своему владѣльцу. Въ этомъ маленькомъ дѣлѣ, подчасъ связанномъ съ большою кутерьмою, не обходилось иногда безъ различныхъ, трагикомическихъ столкновений. Имущественныя потери, какъ результатъ чаще всего разсѣянности или неуравновѣшенности, несмотря на удручающее значеніе почти каждой утраты для пострадавшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда почти имѣютъ и свою смѣшную сторону. С. И., при всемъ своемъ добродушіи, не прочь былъ и самъ подтрунить надъ дѣйствующими лицами «комедіи потери», въ особенности, когда дѣло кончалось ко всеобщему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ. Одна исторія, о потерѣ цѣнныхъ брильянтовъ, рассказанная мнѣ С. И. изъ его практики, прямо «просится», какъ справедливо полагалъ рассказчикъ, «въ водевиль». Дѣло происходило такъ:

Гвардейскій ротмистръ князь В. утерялъ брильянты своей любовницы, артистки французскаго театра, m-lle М. Французенка дала ему свои драгоценныя украшенія съ порученіемъ отвезти ихъ къ ювелиру для какихъ-то передѣлокъ и починокъ. Князь сунулъ свертокъ въ карманъ пальто, но когда усѣлся въ пролетку извозчика, вынулъ свертокъ, который ему мѣшалъ, и положилъ его на задокъ экипажа. Подѣхавъ къ ювелиру, князь разсчитался съ извозчикомъ и быстро вбѣжалъ въ магазинъ, гдѣ вступилъ сперва въ бесѣду съ хозяиномъ, потомъ сталъ разсматривать разныя предлагавшіяся его вниманію драгоценности, а затѣмъ, вспомнивъ о своемъ порученіи, хватился наконецъ свертка и обнаружилъ, что его нѣтъ при немъ. Тутъ онъ вспомнилъ объ извозчикѣ, но того уже и слѣдъ простылъ. Онъ уѣхалъ и увезъ съ собою забытые княземъ брильянты.

Князь В., встревоженный пропажей, помчался къ градоначальнику (генералу Клейгельсу), которому сообщилъ о случившемся съ просьбою разыскать извозчика, похитившаго, какъ онъ полагалъ, оставленный въ его экипажѣ цѣнный свертокъ. Соответствующее

распоряженіе, конечно, было сдѣлано тотчасъ же, и полиція въ теченіе нѣсколькихъ дней усердно искала извозчика.

Тѣмъ временемъ князю, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не мало пришлось перестрадать отъ гнѣвныхъ выходокъ скупой и вздорной его дамы сердца. Артистка не хотѣла вѣрить въ его рассказъ о потерѣ ея цѣнностей. «Ты лжешь», кричала она: «ты продалъ и прокутилъ мое добро. Понимаю, все понимаю!..» Увѣренія князя не могли убѣдить ее и въ пароксизмъ досады, послѣ бурной сцены, она выгнала его изъ своей квартиры, наказавъ не возвращаться безъ брильянтовъ. Онъ ушелъ отъ нея огорченный и въ самомъ угнетенномъ настроеніи человѣка, честь котораго была задѣта за живое этими пошлыми обвиненіями, этимъ несправедливымъ и недостойнымъ подозрѣніемъ его въ какой-то темной продѣлкѣ.

Прошла цѣлая недѣля, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, въ градоначальство является нѣкій чиновникъ X. и заявляетъ, что онъ случайно сдѣлался обладателемъ свертка съ брильянтовыми вещами и желаетъ вернуть находку владѣльцу, притомъ безъ всякаго вознагражденія за услугу, такъ какъ въ такомъ не нуждается и считаетъ награду за возвратъ находки не отвѣчающею достоинству его, какъ порядочнаго человѣка. Градоначальникъ, котораго инцидентъ сильно безпокоилъ въ виду близости князя В. къ придворному кругу, лично принялъ г. X. и предложилъ ему рассказать, при какихъ обстоятельствахъ сдѣлана была находка. Чиновникъ передалъ слѣдующее.

— Какъ то разъ, съ недѣлю назадъ, нанялъ я на Невскомъ проспектѣ извозчика и поѣхалъ къ себѣ въ Лѣсной. По дорогѣ я остановился у гастрономическаго магазина, гдѣ накупилъ разныхъ закусокъ и консервовъ. Свертки съ этимъ товаромъ я размѣстилъ на задкѣ пролетки, а когда пріѣхалъ домой, то приказалъ служанкѣ закупки свои отнести на ледникъ. Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ дней, мнѣ подавали на столъ мои закуски, а въ концѣ концовъ служанка достала съ ледника и подала на столъ пакетъ, въ которомъ, къ всеобщему нашему удивленію, вмѣсто предполагаемой жестянки съ консервами, оказалась коробка съ футлярами, и въ послѣднихъ сверкающія алмазами и рубинами кольца, броши и кольца. Конечно, я понялъ сейчасъ, что эти вещи были кѣмъ-либо забыты въ пролеткѣ моего извозчика и поспѣшилъ сюда, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ.

Брильянты были вручены по принадлежности, послѣ чего вновь водворились миръ и согласіе между кн. В. и его строитивой любовницей.

Извозчикъ, который везъ князя В., такимъ образомъ оказался совершенно ни при чемъ во всемъ инцидентѣ, такъ какъ, очевидно, даже и не подозрѣвалъ о цѣнностяхъ, забытыхъ княземъ въ его пролеткѣ. Но бываетъ и такъ, что иной извозчикъ, добравшись

послѣ ѣзды до дому, при осмотрѣ экипажа дѣлаеть въ немъ находку. Забывчивость князя В. далеко не исключительное явленіе, ею отличаются очень многіе петербуржцы; то и дѣло сѣдоками забываются въ извозчичихъ экипажахъ (и на конкѣ) тросточки, зонтики, покупки и даже портфели съ дѣловыми бумагами, а иногда и съ деньгами и даже большими. О случаѣ находки извозчикомъ забытыхъ въ его экипажѣ денегъ С. И. рассказалъ мнѣ, желая показать примѣръ необычайной честности въ бѣдномъ петербургскомъ извозчикѣ.

Человѣкъ этотъ явился въ «столъ находокъ» съ портфелемъ, набитымъ кредитками. Ихъ было тамъ на двадцать тысячъ рублей. Извозчикъ нашелъ портфель при уборкѣ своихъ саней. Въ сыскной полиціи уже имѣлось заявленіе одного должностного лица объ утерѣ имъ портфеля. Деньги были казенныя. Принимая отъ извозчика портфель, С. И. спросилъ его, намѣренъ ли онъ потребовать предоставленную закономъ въ его пользу часть находки.

— Намъ, ваше-скородіе, никакихъ частей не надо, — отвѣтилъ извозчикъ.

— Ну, такъ желаешь награду. Это понятно. Ты человѣкъ бѣдный, — продолжалъ бесѣду съ нимъ С. И.: — время потерялъ на хожденіе сюда. Тебѣ господинъ, потерявшій деньги, съ удовольствіемъ дастъ вознагражденіе, въ благодарность за услугу.

— Время мнѣ не дорого, — возражалъ извозчикъ: — потому какъ мы сегодня на деревнѣ престолъ празднуемъ, такъ на работу все равно не вышли. Заслуга наша тутъ не велика. Не великъ трудъ.

Извѣщенный по телефону о находкѣ владѣлецъ портфеля быстро явился въ сыскную полицію, счастливый и радостный. Онъ засталъ С. И. въ разговорѣ съ извозчикомъ. Вручая владѣльцу портфель, С. И. сообщилъ ему, что извозчикъ отъ законной части отказался и вообще вознагражденія не требуетъ.

— Отъ васъ все-таки зависитъ поблагодарить этого честнаго человѣка въ той мѣрѣ, въ какой вы сами найдете нужнымъ, — добавилъ С. И.

Чиновникъ подалъ извозчику триста рублей. Тотъ первоначально отпѣкивался отъ денегъ. Когда же наконецъ рѣшился принять ихъ, то замѣтилъ, что на эти деньги онъ многое можетъ сдѣлать для поправленія своихъ домашнихъ обстоятельствъ. Тутъ оказалось, что и ветхая у него избушка починки требуетъ, и «коровенку купить бы надоть» и пр. Словомъ, деньги были нужны, пожалуй, даже крайне нужны, и тѣмъ не менѣе бѣднягъ и въ голову не приходило требовать ихъ какъ должное, по праву, которое онъ, по наитію своей чуткой души, отказывался признавать за собою.

Былъ и такой случай.

Одна барыня заявила, что потеряла два билета, стоящихъ 700 руб. О потерѣ она публиковала въ газетахъ. На другой день

послѣ публикаціи къ ней является оборванецъ и сообщаетъ, что нашелъ ея билеты, но вручить ихъ ей не можетъ, потому что опустилъ найденные билеты въ почтовый ящикъ. Барыня не повѣрила оборванцу, однако взяла его адресъ и сообщила о немъ сыскной полиціи. А на слѣдующій день туда же поступила изъ почтамта бумага съ извѣщеніемъ, что при выборкѣ писемъ изъ одного ящика въ немъ нашли два билета съ пришпиленной къ нимъ запиской: «я, такой-то, нашелъ эти билеты, а потому прошу меня не забыть». И онъ не былъ забытъ. Владѣлица билетовъ ничего не имѣла противъ вознагражденія его въ размѣрѣ законной третьей части.

Изъ области курьезовъ въ этой категоріи человѣческихъ приключеній приведу еще слѣдующій маленькій эпизодикъ, рассказанный мнѣ однажды С. И.

Какъ-то является въ управленіе сенаторъ Х. и заявляетъ, что только что, во время прогулки по Морской, утерять свои золотые карманные часы. Одновременно приходитъ другой господинъ и предъявляетъ сдѣланную имъ только что на той же Морской находку. Это были—золотые часы. С. И. немедленно показываетъ ихъ сенатору.

— Должно быть, ваши,— высказываетъ онъ убѣжденное предположеніе, предвкушая торжество учрежденія, которымъ гордится и организациіи котораго онъ съ такою ревностью посвящаетъ часть своихъ обремененныхъ и безъ того различными служебными трудами часовъ,— торжество «стола находокъ». Но его постигаетъ разочарованіе. Сенаторъ, едва взглянувъ на часы, съ сожалѣніемъ отстраняетъ ихъ.

Часы чужіе. Оказывается, что почти одновременно два человека, совершавшихъ беззаботно прогулку по одной и той же улицѣ, какъ-то странно, въ одно и то же время, оплошали, обронивъ свои цѣнные карманные часы. Обронили и прошли, не замѣчая пропажи.

Часы сенатора такъ и не появились на свѣтъ Божій и возвращены по принадлежности не были. Не всѣ находки попадаютъ въ руки людей съ доброй совѣстью, и не всякій «счастливый» обладатель находки готовъ разстаться съ нею по доброй волѣ.

Есть и еще одинъ разрядъ находокъ, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ предметомъ, о которомъ шла рѣчь до сихъ поръ. Бываютъ находки трагическія... такія, о которыхъ извѣщается не «столъ находокъ», существующій не для нихъ, а извѣщается вся полиція нарочными телеграммами для принятія мѣръ къ обнаруженію лица, владѣвшаго или пользовавшагося найденнымъ предметомъ и исчезнувшаго какимъ-то образомъ, такъ что объ немъ, о его мѣстопребываніи никто ничего не знаетъ. Такъ, напримѣръ, отъ времени до времени прибываются волнами Финскаго залива

къ окраиннымъ берегамъ столицы разныхъ типовъ мелкія суда: ботики, шлюпки, челноки. Кому принадлежали эти суденышки? Гдѣ ихъ владѣльцы? Выѣхала компанія молодежи на лодкѣ покататься въ Маркизовой лужѣ, тамъ попала подъ шквалъ—и пошла ко дну. Лодку вынесло, она блуждала по взморью и, наконецъ, застряла гдѣ-либо на мели или ее выбросило на берегъ. И вотъ начинаются поиски, во всемъ городѣ производится провѣрка свѣдѣній о безвѣстно пропавшихъ за послѣднее время людяхъ.

Сыскная полиція принимаетъ дѣятельное участіе въ этихъ поискахъ. Объ одномъ такомъ случаѣ С. И. передалъ мнѣ слѣдующее.

Однажды туда обратился съ заявленіемъ о безвѣстной отлучкѣ сына контръ-адмиралъ Н. Юноша 18 лѣтъ выѣхалъ на парусной шлюпкѣ къ стоявшему въ Морскомъ каналѣ военному судну, для посѣщенія находившейся на немъ сестры, недавно вышедшей замужъ и собиравшейся вмѣстѣ съ мужемъ въ дальнее плаваніе. Юноша хотѣлъ проститься съ ними. Но они его не видѣли въ тотъ день и никто его не встрѣчалъ болѣе съ тѣхъ поръ. Отецъ исчезнувшаго юноши началъ поиски. Въ это-то время была найдена шлюпка съ обломанной мачтой, и о находкѣ было разослано сообщеніе по телеграфу. По полученіи телеграммы С. И. немедленно вызвалъ контръ-адмирала Н.

— Получено свѣдѣніе о прибитой на Лахтѣ къ берегу шлюпкѣ,— обратился къ нему С. И.

— Ахъ, такъ... шлюпка. А какая, узнать можно?—спрашиваетъ взволнованнымъ голосомъ отецъ.

— Шлюпка (С. И. беретъ въ руку телеграмму и читаетъ при- мѣты):

— Парусная, съ одною мачтой.

— . . . Парусная, — повторяетъ дрожью и блѣднѣя адми- раль.

— Внутри отдѣлана краснымъ деревомъ.

— . . . Краснымъ деревомъ, — уже надтреснутымъ голосомъ вторитъ адмираль.

— Бортъ выкрашенъ бѣлой краской...

— . . . Бѣлой краской...—голосъ адмирала падаетъ, и на гла- захъ его показываются слезы.

— Имя шлюпки «Бризъ».

— . . . «Бризъ»... рыдая повторяетъ несчастный отецъ.

Это была шлюпка его сына. Съ ея находкою уже не оставалось никакого сомнѣнія въ его гибели.

Все на ту же тему о находкахъ С. И., припоминая факты изъ своей розыскной дѣятельности, сообщилъ мнѣ однажды слѣдую- щія любопытныя данныя объ одной отрасли дѣятельности профес- сіональных мошенниковъ особаго типа.

Существуетъ категорія ихъ, посвятившая себя исключительно эксплуатаціи слабости иныхъ людей къ легкой наживѣ. Игра ихъ всецѣло основана на инстинктѣ, грубомъ и безнравственномъ, къ присвоенію находки чужого добра. Аферисты, симулируя, инсценируя даже формальнымъ образомъ, такъ сказать, притомъ экспромптомъ, конечно, потерю и находку, вводятъ въ соблазнъ намѣченную жертву и въ результатѣ обкрадываютъ ее безпощадно и къ тому же открыто, нагло, на ея собственныхъ глазахъ. Дѣлается это такимъ образомъ.

Шайка «подкидывателей»,—такъ называется по-своему ремесло этихъ профессионаловъ на языкѣ полицейскаго сыска, тогда какъ сами они себя называютъ на своемъ воровскомъ жаргонѣ «счастливицами»,— караулитъ въ какомъ-либо банковскомъ учрежденіи или у мѣняльной лавки. Высмотрѣвъ, что кто-либо получилъ денежный кушъ или купилъ процентныя бумаги, шайка затѣмъ устраиваетъ облаву на это лицо. На улицѣ одинъ изъ участниковъ шайки вступаетъ съ нимъ въ бесѣду и тутъ, вдругъ въ минуту безлюдья или пользуясь пустынною мѣстности, мошенникъ начинаетъ «дѣйство». Онъ показываетъ видъ, что замѣтилъ лежащій на мостовой кошелекъ или денежный пакетъ, быстро беретъ и прячетъ что-то, а затѣмъ предлагаетъ своей жертвѣ посмотреть и подѣлать находку.

Собесѣдникъ, ничего не подозрѣвая о готовящейся плутнѣ, иногда поддается чувству жадности или просто изъ любопытства слѣдуетъ за мошенникомъ въ первую подворотню, гдѣ ихъ тотчасъ же накрываетъ другой членъ шайки, заявляющій, что онъ потерялъ деньги и что подозрѣваетъ ихъ въ присвоеніи. Онъ требуетъ, чтобы ему показали, какія у нихъ деньги. Всѣ охотно показываютъ, тогда онъ беретъ изъ рукъ жертвы деньги или билеты, смотритъ, объявляетъ, что это не тѣ, заворачиваетъ въ газетную бумагу и возвращаетъ. Этимъ представленіе заканчивается, и послѣ этого мошенники быстро улечиваются.

Затѣмъ слѣдуетъ апопееозъ, когда жертва обнаруживаетъ пропажу своихъ денегъ, вмѣсто которыхъ, какъ оказывается, была возвращена пачка нарѣзанной газетной бумаги, которою подмѣнены были деньги мошенникомъ, обладающимъ для этого большою ловкостью рукъ.

Иногда «счастливицы» вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ программу своей продѣлки. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, они обобрали одного старика-купца, разыгравъ передъ нимъ комедію находки цѣннаго медальона съ брильянтами. Чтобы убѣдить свою жертву въ значительности и цѣнности находки, мошенникъ, игравшій роль счастливаго обладателя находки, повелъ купца къ ювелиру. У входа въ магазинъ послѣдняго ихъ встрѣтилъ сообщникъ мошенника, который, выдавая себя за самого ювелира, тутъ же

на улицѣ занялся оцѣнкой брильянтовъ на медальонѣ и объявилъ стоимость ихъ въ шесть тысячъ рублей. Послѣ этого первый мошенникъ предложилъ купцу 300 руб. въ видѣ отступного, прося его за эту сумму отказаться отъ своего права на находку. Тутъ все рассчитано на психологію. Купецъ попадаетъ въ ловушку, ибо видитъ передъ собою вполнѣ реальную атаку на свои интересы. Онъ отказывается отъ уступки и, съ своей стороны, предлагаетъ комбинацію, которая ему кажется болѣе выгодною. Она состоитъ въ предложеніи съ его стороны уступить ему находку за 1500 руб., и онъ очень доволенъ тѣмъ, что комбинація его принимается. Онъ раскошелливается и остается одинъ на одинъ съ самимъ собою и при оставленномъ въ его рукахъ медальонѣ. Мошенники исчезли. «Какъ будто въ землю провалились», говорилъ онъ потомъ. Нечего и добавлять, что медальонъ оказался грубою фальсификаціею грошевой цѣнности.

«Счастливики» часто переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, нигдѣ не засиживаясь. Роли распределены между участниками шайки, одинъ членъ ея отыскиваетъ жертву, выслѣживаетъ, изучаетъ, затѣмъ онъ же симулируетъ находку. Другой является въ роли хозяина потерянной вещи, онъ обладаетъ необходимою для успѣшнаго подмѣна ловкостью рукъ. Третій наблюдаетъ за общимъ ходомъ предпріятія или помогаетъ, какъ актеръ, въ разныхъ роляхъ. Мошенническая продѣлка практикуется издавна упомянутыми приемами, она груба въ сущности, но, какъ полагалъ С. И., быть можетъ, благодаря именно этой простотѣ и грубости, пользуется постояннымъ успѣхомъ. При несовершенствѣ нашей полиціи эти грабители почти никогда не попадаютъ въ руки правосудія, услѣдить за ними для полиціи невыполнимая задача. Задержать кого-либо изъ такой шайки удастся лишь случайно, отъ времени до времени, и то не благодаря искусству сыщиковъ, отъ встрѣчъ съ которыми мошенники успѣшно уклоняются.

Не менѣе неуловимы, говорилъ мнѣ С. И., опасные и крайне предприимчивые хищники, преимущественно евреи и еврейки, обкрадывающіе въ гостиницахъ безпечныхъ путешественниковъ. Специальность этихъ воровъ на тюремномъ аргю именуется кражею «на гутморгенъ» или «на доброе утро», въ буквальномъ переводѣ нѣмецко-еврейскаго термина. Воръ или воровка въ ранніе утренніе часы втирается въ гостиницу подъ видомъ рабочаго, парикмахера, полотера, молочницы, прачки, посыльнаго съ письмомъ и пр. Иногда воръ даже проживаетъ въ гостиницѣ подъ видомъ «знатнаго иностранца», или коммивояжера, пѣвицы и др. Въ то время, когда въ домѣ все еще погружено въ покой сна, хищникъ, скользя неслышными шагами вдоль коридоровъ, ощупываетъ двери, отыскивая оставленную постояльцемъ незапертою. Найдъ такую дверь, онъ тихо отворяетъ ее и входитъ въ номеръ. Постоялецъ

спить, но можетъ проснуться отъ шума. Поэтому воръ, входя, не выпускаетъ его изъ вида. Отвѣшивая поклоны, медленно подвигаясь впередъ, онъ быстро шарить въ вещахъ, корзинахъ, чемоданахъ, шкапахъ, даже подъ подушками спящаго постояльца. Если бы тотъ проснулся въ это время, то увидѣлъ бы предъ собою человѣка, вѣжливо извиняющагося за безпокойство и объясняющаго свое присутствіе либо занятіемъ по уборкѣ комнаты, либо другою причиною, смотря по находчивости вора. Воровка, обыкновенно молодая и миловидная, захваченная врасплохъ, въ этомъ затруднительномъ для нея положеніи, готова разыграть роль влюбленной Аспазіи. Развратъ ее не пугаетъ. Она боится только тюрьмы. Примѣромъ наглости, съ которою, очутившись въ опасности, умѣютъ изворачиваться этого рода воры, можетъ служить эпизодъ, бывший, какъ мнѣ передавалъ С. И., если не ошибаюсь, въ 1902 году. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ варшавскаго генераль-губернатора, престарѣлаго генераль-адъютанта Черткова, всегда останавливавшагося въ гостиницѣ «Франція», генераль проснулся однажды рано утромъ отъ шума въ спальнѣ и увидѣлъ передъ собою неизвѣстнаго господина. Внезапно приподнявшись, генераль спросилъ рѣзко:

— Что такое, что нужно?

Неизвѣстный, поклонившись ему, сказалъ спокойно:

— Ваше превосходительство, имѣю честь представиться. Я лейбъ-медикъ Гиршъ. По приказу его императорскаго величества, долженъ освидѣтельствовать ваше превосходительство.

Генераль, озадаченный первоначально странностью этихъ словъ, нѣсколько секундъ глядѣлъ молча на стоявшаго передъ нимъ субъекта, а затѣмъ протянулъ руку къ кнопкѣ звонка и нажалъ ее. Незвѣстный продолжалъ стоять, не трогая съ мѣста. Вскорѣ дверь открылась, и въ комнату заглянулъ заспанный, полуодѣтый коридорный. Въ то же мгновеніе неизвѣстный, предупредивъ генерала, крикнулъ коридорному властно:

— Это что за неприличіе! Одѣться! Принести сигару для генерала!..

И онъ бросился къ дверямъ навстрѣчу къ оторопѣвшему слугѣ. Тотъ моментально отретировался, чтобы исполнить приказаніе, а неизвѣстный выскочилъ вслѣдъ за нимъ и былъ таковъ.

Генераль-адъютантъ Чертковъ продолжалъ звонить и добился того, что вскорѣ вся администрація гостиницы была на ногахъ и явилась въ его номеръ. Но было уже поздно. Незвѣстный исчезъ. Оповѣщенная сыскная полиція не могла напасть на его слѣдъ, хотя трудовъ на это дѣло, понятно, не жалѣла и, изъ угодливости къ высокопоставленному сановнику, готова была перерыть все петербургское «дно», въ поискахъ за мышленкомъ, нарушившимъ генеральскій покой. Въ концѣ концовъ какимъ-то образомъ созда-

лась легенда, что таинственный утренний посетитель гостиницы «Франція» был сумасшедший... известный полициі... ну, а съ сумасшедшаго взыскивать нечего. На этомъ и остановились розыски.

По поводу этой легенды, такъ кстати выручившей въ данномъ случаѣ петербургскую полицію, С. И., отчасти склоняясь къ тому, чтобы допустить реальную подкладку ея, передалъ мнѣ слѣдующее:

— Хитрость, проявляемая нерѣдко преступниками, — сказалъ онъ, — иногда граничитъ съ геніальностью... или именно съ сумасшествіемъ. У сумасшедшихъ она наблюдается нерѣдко въ высокой степени и она помогаетъ имъ въ разныхъ случаяхъ, между прочимъ, и въ особенности, въ побѣгахъ. Они умѣютъ обманывать своихъ стражей съ виртуозностью, которая способна побороть всякую предусмотрительность. Сумасшедшій Кононовъ, стрѣлявшій въ начальника главнаго военно-суднаго управления генералъ-лейтенанта Маслова, былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу, изъ которой бѣжалъ 7 августа 1902 года. Кононовъ покинулъ больницу, надѣвъ поверхъ халата пальто и въ шляпѣ, похищенной имъ изъ передней больницы. Получивъ извѣстіе о его побѣгѣ, начальникъ сыскной полициі немедленно извѣстилъ объ этомъ главное военно-судное управленіе въ томъ предположеніи, что Кононовъ, какъ маніакъ, покушавшійся на жизнь генерала Маслова изъ мести за обвинительную рѣчь, произнесенную генераломъ въ качествѣ военнаго прокурора, по всей вѣроятности, вновь будетъ искать случая напасть на него. Предположеніе оказалось вѣрнымъ. Сумасшедшій прямо изъ больницы отправился въ военный судъ, гдѣ и былъ при своемъ появленіи тотчасъ же задержанъ. На мой вопросъ, какъ ему удалось бѣжать, онъ отвѣтилъ: «Да очень просто. Въ больницѣ смотрятъ за тѣмъ, чтобы не убѣжали изъ оконъ и черезъ заднія двери. А изъ парадной уйти можно всегда». Такъ онъ и сдѣлалъ. Выждавъ минуту, когда на парадной лѣстницѣ не было швейцара, который зачѣмъ-то ушелъ въ свою комнату, Кононовъ, спокойно гулявшій передъ тѣмъ по больничному коридору, юркнулъ въ вестибюль, захватилъ съ вѣшалки пальто и шляпу и вышелъ безпрепятственно на улицу.

Мы сидѣли во время этого разговора въ крошечномъ служебномъ кабинетѣ Сергѣя Ильича. Мимо открытой двери сновали служащіе, ходили взадъ и впередъ какіе-то посторонніе люди, мужчины и женщины, мелькали «типы», которыхъ сопровождали конвойные. Рассказъ о сумасшедшемъ Кононовѣ навелъ меня на мысль, невольно заставившую меня обратить вниманіе на отсутствіе всякихъ мѣръ предосторожности, которыя обезпечивали бы начальство сыскной полициі отъ какихъ-либо случайностей. Я высказалъ эту мысль Сергѣю Ильичу.

— Подумать только, — сказалъ я: — что входъ въ ваше учрежденіе открытъ для всякаго. Любой убійца или сумасшедшій можетъ свободно ворваться сюда и надѣлать Богъ знаетъ какихъ бѣдъ.

Сергѣй Ильичъ улынулся.

— Если вы хотите указать на опасность, которая угрожаетъ намъ постоянно, какъ лицамъ, ведущимъ непрерывно борьбу съ преступностью, то это и понятно, и, пожалуй, справедливо съ вашей точки зрѣнія, т. е. со стороны чловѣка, незнакомаго ни съ организаціей нашего дѣла, ни съ выработанною у насъ практикой. Но уже помимо всего этого, замѣьте, что, сколько извѣстно, до сихъ поръ въ стѣнахъ этого учрежденія никогда не было покушеній на служащихъ со стороны кого бы то ни было. Наконецъ, и то сказать: та обстановка, въ которой мы работаемъ, конечно, пріучила насъ презирать опасность, которая, все же, можетъ быть, и существуетъ. Въ моей практикѣ былъ даже случай, если хотите, похожій на покушеніе на меня. О, только не пугайтесь: совершенно безкровнаго характера. Наоборотъ, оно было скорѣе даже пикантнаго свойства. Хотя не скрою, что пріятности въ немъ для меня было мало, и вы, конечно, повѣрите мнѣ, узнавъ, въ чемъ было дѣло.

А было вотъ что. Одинъ морякъ просилъ оградить его отъ притязаній особы, съ которою онъ ранѣе имѣлъ интимныя отношенія. Теперь онъ порвалъ ихъ, но оказалось, что особа не желаетъ уступать своихъ правъ на его персону и разойтись съ нимъ на мирныхъ условіяхъ не соглашается. И вотъ дама эта врывается къ нему на квартиру, производитъ дебоши съ боемъ стеколъ въ окнахъ и зеркалахъ включительно, словомъ, дѣйствуетъ такъ, что заставляетъ своего прежняго друга прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи. Даму вызвали и такъ какъ начальникъ былъ въ то время въ отпуску, то принята она была мною. Ко мнѣ въ кабинетъ вошла молодая, красивая женщина. Садится. Объясняю ей претензію. И вотъ, едва узнавъ, что на нее принесена жалоба, она вдругъ заговорила, быстро, съ плачемъ, съ рыданіями. Посыпались жалобы на моряка, на страданія, которыя онъ ей причинялъ, на побои и вдругъ, совершенно неожиданно, молодая женщина, видимо не помня себя, начинаетъ раздѣваться. Въ одинъ мигъ сброшенъ лифъ, снятъ корсетъ, спущена съ плечъ сорочка. Теперь, все еще рыдая, она начала показывать мнѣ свои синяки на груди.

— Вотъ, — кричала она, — доказательства истязаній, побоевъ, причиненныхъ мнѣ этимъ злодѣемъ!..

Пораженный этою неожиданною сценою, я, невольно понижая голосъ, сталъ просить ее успокоиться и поскорѣе, ради Бога, одѣться. И тутъ она, къ моему ужасу, вдругъ вскакиваетъ со стула и бросается ко мнѣ. И теперь она уже не плакала. Я слышу какой-то страстный шопотъ. Она старается обнять меня за шею, прижаться ко мнѣ. Едва-едва, вѣрите ли, съ помощью сбѣжавшихся сторожей и чиновниковъ, удалось мнѣ освободиться изъ ея объятій. Убѣдившись, наконецъ, что она ведетъ себя неприлично, какъ бы очнувшись, она быстро одѣлась, и тутъ опять полились

у нея слезы, и она снова стала жаловаться на своего моряка. Но я уже не сомнѣвался въ оцѣнкѣ этихъ слезъ и жалобъ. Это была психопатка. И меня долго послѣ того коробило при воспоминаніи о ея нападеніи.

С. И. показалъ мнѣ фотографію этой женщины, снятую съ нея въ сыскной полиціи и хранящуюся на ряду со множествомъ фотографій преступниковъ, какъ пособіе при розыскахъ. Оказывается, что въ дѣлѣ сыска придается значеніе фотографіямъ многихъ людей, хотя и не привлеченныхъ еще къ отвѣтственности, но уже зарегистрированныхъ полиціей въ качествѣ подозрительныхъ и поднадзорныхъ, по свойству своихъ ненормальныхъ, угрожающихъ наклонностей, образа жизни, дѣятельности. Такъ, напримѣръ, полиціей не упускаются изъ виду, между прочимъ, лица, занимающіяся гаданіемъ, какъ профессіей, религіозные шарлатаны, развратники на почвѣ полового извращенія и т. д.

Такъ, однажды у С. И. я видѣлъ карточку, на которой фигурировала очень красивая брюнетка въ шляпкѣ, въ платьѣ съ большимъ вырѣзомъ и съ вѣеромъ въ рукахъ.

— Какъ вы думаете, что здѣсь изображено, — спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта, добавилъ: — мужчина, наряжающійся въ женское платье для того, чтобы прельщать мужчинъ.

Оказывается, что субъектъ этотъ, по профессіи фотографъ, владѣлецъ одной изъ крупныхъ фотографій въ Петербургѣ, занесенъ въ полицейскіе списки за свои похождения на поприщѣ панельной дамы... И промыселъ, которому предался этотъ типъ, процвѣтаетъ въ Петербургѣ. Зарегистрированы многіе десятки профессионаловъ этого разбора...

— Это люди нравственно слѣпые, — твердилъ С. И. и утверждалъ, что и большинство преступниковъ тоже нравственно слѣпые.

Вотъ нѣсколько характеристикъ преступниковъ, какія мнѣ пришлось слышать отъ покойнаго С. И., и онѣ, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ являются не плодомъ теоретическихъ только выводовъ, а основываются на непосредственномъ наблюденіи. Когда въ январѣ 1903 года была совершена знаменитая кража изъ Исаакіевскаго собора брильянтовъ на 50 тысячъ рублей и былъ задержанъ въ Новгородѣ Констанскій, совершившій эту кражу, С. И. очень сокрушался по поводу судьбы арестованнаго.

— Человѣкъ съ чистымъ прошлымъ, изъ почтенной семьи, интеллигентный труженикъ и вотъ теперь погибаетъ въ безднахъ позора, — говорилъ онъ. — И замѣьте, когда были извлечены изъ подполья, въ домѣ его матери, спрятанные имъ тамъ брильянты, то, какъ вы думаете, чѣмъ отозвался онъ на этотъ фактъ? Онъ воскликнулъ: «Каково курьезно все это для меня кончилось!» Курьезнымъ онъ находилъ это странное и роковое приключеніе, этотъ ночной погромъ храма съ проломомъ окна со стороны пло-

щади, въ которое онъ влѣзъ подобно настоящему громилѣ, оскверненіе чудотворной иконы. Какъ хотите, такіе, какъ Констанскій, преступники, дѣйствительно, являются загадками и, если примѣниться къ употребленному имъ выраженію, курьезами. Возьмите хоть такой случай. Недавно, въ отсутствіе хозяевъ, обокрали квартиру. При разслѣдованіи случая было обращено вниманіе на то обстоятельство, что въ квартирѣ оказались переломанными всѣ безъ исключенія замки. А между тѣмъ изъ вещей все найдено въ цѣлости и украдены только деньги, всего въ количествѣ четырехъ рублей съ копейками. Воръ проникъ въ квартиру черезъ форточку, которую разбилъ. Онъ оставилъ на окнѣ слѣдъ микроскопической ноги. По этому слѣду онъ и былъ обнаруженъ. Это оказался девятилѣтній мальчикъ, жившій въ томъ же домѣ. Онъ тотчасъ же сознался и объяснилъ, что кражу совершилъ одинъ. Вещей онъ не бралъ, потому что опасался показаться съ ними въ ломбардѣ, справедливо разсуждая, что по его малолѣтству никто не повѣритъ въ принадлежности ему вещей. Найденныя въ квартирѣ деньги онъ сейчасъ же израсходовалъ на покупку себѣ каски, сабли и пистолета. Въ этомъ вооруженіи онъ бѣгалъ потомъ по цѣлымъ днямъ по двору, пока не была открыта его продѣлка.

Въ кровавомъ преступленіи въ конторѣ нотариуса Држевецкаго, когда былъ убитъ артельщикъ конторы и раненъ его племянникъ, убійцы оказались мальчиками въ 16—17 лѣтъ. По дорогѣ въ контору они купили два ломика, топоръ и четыре бутылки съ керосиномъ для того, чтобы послѣ убійства поджечь контору и такимъ путемъ скрыть слѣды. Совершивъ убійство и ограбивъ на шестьсотъ рублей, они отправились покупать себѣ новое платье, бѣлье и галстуки, а затѣмъ на другой день снова сошлись въ одной кофейнѣ, гдѣ спокойно стали угощаться въ обществѣ барышень. Здѣсь они были схвачены, ихъ привезли въ сыскное отдѣленіе—и что же? Съ изумленіемъ я увидѣлъ трехъ молодыхъ юнцовъ, съ беззаботными, веселыми лицами, и они, чуть не улыбаясь, рассказывали, какъ убивали. А на мой вопросъ, какъ это они могли рѣшиться на такое дѣло, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Нужны были деньги, не на что было купить платье». — Только изъ-за этого? — «Ну, тоже погулять хотѣлось», сказалъ другой, и всѣ разсмѣялись. И долженъ вамъ сказать, что иное, болѣе сознательное отношеніе къ своему дѣянію, пониманіе значенія совершеннаго преступленія, раздумье о послѣдствіяхъ весьма рѣдки и не только у преступниковъ молодыхъ, но и у людей въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Эти люди—нравственные калѣки, духовно слѣпые. Они нуждаются въ леченіи, но попадаютъ въ тюрьмы и тамъ пропадаютъ окончательно, слѣпнутъ и глоснутъ безвозвратно...

И. К. Маркузе.

ВОСПОМИНАНІЯ О П. А. ПЛЕТНЕВѢ.

ТЯЖЕЛОЕ, смутное время, нами переживаемое, такъ больно отражающееся въ сердцѣ всякаго русскаго, тѣмъ болѣе, что выходъ изъ него остается все такимъ же загадочнымъ и неяснымъ, невольно уноситъ утомленную и изстрадавшуюся мысль къ тѣмъ недавнимъ, но уже далеко ушедшимъ, невозвратнымъ годамъ, когда при всемъ несовершенствѣ человѣческихъ установленій Россія, казалось, шла нормальнымъ историческимъ путемъ къ завоеванію прогресса и культуры, не посредствомъ насилія, а борьбой мысли, одной силою нравственнаго торжества добра надъ зломъ. То было время высшаго расцвѣта нашей литературы, представленной цѣлой плеядой громкихъ именъ, остающихся не превзойденными и до сихъ поръ.

На ряду съ «легальными» писателями — Гоголемъ, Гончаровымъ, Тургеневымъ и др. — борцы «другого» лагеря, каковы — Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Герценъ — заняли своими выдающимися произведеніями не меньшее мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія. И замѣчательно, что между этими представителями разныхъ лагерей, можно сказать, разныхъ міровъ — существовало близкое общеніе мысли, часто дружеская связь и взаимоуваженіе. Это были все лучшіе русскіе люди, которыхъ одинаково связывала любовь къ Россіи и которые только расходились темпераментами и въ оцѣнкѣ политической тактики для достиженія завѣтной, но одной и той же цѣли: прогресса и преуспѣянія родины.

Мой отецъ, Петръ Александровичъ Плетневъ, домъ котораго составлялъ центръ литературнаго движенія того времени, ярко отражалъ въ себѣ, если можно такъ сказать, рыцарскій духъ литераторовъ этой эпохи, выразившійся не только уваженіемъ, но и благожеланіемъ даже къ «инако» мыслящему противнику. Литература въ его глазахъ была той священной ареной, на которую выступивъ всякій этимъ самымъ приобрѣтала особенную привилегію на общественное къ себѣ вниманіе.

Этотъ принципъ заставлялъ его выслушивать и оказывать содѣйствіе и помощь начинающимъ писателямъ не только въ качествѣ редактора «Современника», который къ нему перешелъ отъ Пушкина, но и какъ ректоръ Петербургскаго университета и профессоръ русской словесности.

Такимъ отношеніемъ ему посчастливилось ободрить не только первые литературные шаги Гоголя, пріѣхавшаго въ Петербургъ мало извѣстной величиной, но и многихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ авторовъ, которые всю жизнь не забывали этого добраго къ нимъ расположенія. Къ такимъ авторамъ, между прочимъ, принадлежитъ и извѣстная писательница Саханская-Кохановская, чуть ли не первая женщина-писательница у насъ, обязанная отцу тѣмъ, что ея талантъ былъ своевременно оцѣненъ широкимъ кругомъ читателей.

Лучшей и безсмертной характеристикой нравственнаго облика моего отца служитъ посвященіе ему Пушкинымъ «Евгенія Онѣгина»:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣ тебя...
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я не имѣю другой цѣли, какъ вспомнить послѣдніе два года жизни этой «прекрасной души» челоуѣка, проведенные имъ въ Парижѣ, куда онъ переѣхалъ съ нашимъ семействомъ для хирургической операціи у извѣстнаго хирурга Нелатомъ и гдѣ онъ скончался два года спустя въ улицѣ Марбефъ, 29 декабря 1865 года.

Хотя мнѣ было всего 11 лѣтъ, когда умеръ отецъ, но эти годы нашего переселенія во Францію остались въ моей памяти особенно яркой полосой. Этому способствовали, конечно, совершенно новыя условія жизни, мягкій климатъ роскошной столицы, поразившей мое дѣтское воображеніе, новое незнакомое общество и нравы, посѣщеніе французскихъ школъ, словомъ, скорое и прочное превращеніе меня въ полуфранцузскаго мальчика, почти незамѣтная на-

турализация въ другую націю, такъ легко происходящая въ дѣтскомъ возрастѣ и оставившая неизгладимые слѣды на всю жизнь и міросозерцаніе.

Прошу снисхожденія читателей за нестройность и малозначительность этихъ воспоминаній, въ виду ихъ отдаленности, а также извиняюсь, если вперемежку съ воспоминаніями объ отцѣ промелькнутъ и личныя впечатлѣнія, трудно отдѣлимые отъ этой, теперь точно сказочной, поры моей жизни.

Здѣсь необходимо небольшое историко-біографическое отступление, относящееся къ первымъ годамъ моей жизни передъ отъѣздомъ нашимъ въ Парижъ, когда мой отецъ занималъ мѣсто ректора Петербургскаго университета.

Мой отецъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака у него была единственная дочь Ольга Петровна, вышедшая замужъ за Александра Борисовича Лакіера¹⁾ и умершая черезъ годъ послѣ брака отъ родовъ²⁾.

Я и мой старшій братъ, Александръ Петровичъ, были единственными дѣтьми отъ втораго брака моего отца съ моей матерью Александрой Васильевной, урожденной княжной Щетининой. Мой отецъ женился, когда ему уже было 56 лѣтъ. Несмотря на возрастъ, сердце его еще было «исполнено святой мечты», какъ выразился Пушкинъ, и онъ идеально-возвышенно полюбилъ мою мать, имѣвшую всего 22 года, которая, съ своей стороны, глубоко увлеклась свѣтлой личностью отца.

Въ то время такіе неравные по возрасту браки были не рѣдкость, особенно въ литературномъ мірѣ, насыщенномъ романтическими вѣяніями. То же было и съ поэтомъ Жуковскимъ, другомъ отца, женившимся приблизительно въ такихъ же условіяхъ, при большой разницѣ лѣтъ сравнительно съ невѣстой. Нужно сказать еще, что то поколѣніе было куда крѣпче физически и нравственно, чѣмъ нынѣшнее, издерганное политическими волненіями и новыми столь вредными для здоровья условіями общественной жизни. Фундаментъ русской государственной жизни казался навѣки непоколебимымъ, сообщая вѣру въ непогрѣшимость правительства, а почти 30-тилѣтнее царствованіе Николая I приучило общество къ строгой дисциплинѣ, къ безотвѣтному поклоненію передъ властью.

Интеллигентное общество интересовалось наукой и литературой, блиставшей въ то время литературными именами первой величины.

¹⁾ А. В. Лакіеръ совершилъ рѣдкое въ то время путешествіе въ Америку, которое описалъ въ книгѣ, удостоенной отзыва Добролюбова.

²⁾ Ея сынъ Петръ Александровичъ Лакіеръ воспитывался до семи лѣтъ моей матерью, затѣмъ провелъ отрочество въ Таганрогѣ у ея отца и наконецъ переселился въ Швейцарію, гдѣ и умеръ.

Клубы и карты не завоевали того мѣста, какъ теперь, и общество искало отдыха въ чистой атмосферѣ интимныхъ семейныхъ вечеровъ, въ чтеніи и бесѣдахъ.

Какъ сообщала мнѣ впоследствии моя мать, отецъ только разъ въ жизни, будучи еще бѣднымъ юношей, съ трудомъ зарабаты-

Петръ Александровичъ Плетневъ.

вавшимъ себѣ средства къ жизни, проигралъ въ карты рублей десять и впоследствии болѣе ни разу не прикасался къ картамъ.

Зато правильная жизнь и въ преклонномъ возрастѣ надѣлила его крѣпкимъ здоровьемъ и бодростью духа. Вставалъ онъ всегда рано и совершалъ прогулку пѣшкомъ, а иногда верхомъ, большею частью на Петровскій островъ.

До сихъ поръ помню, какъ отецъ иногда бралъ насъ съ собой на эти прогулки.

Помнится слѣдующій знаменательный случай. Однажды мы перешли Дворцовый мостъ и шли по тротуару около самаго Зимняго дворца. Вдали вдругъ показалась высокая стройная фигура военнаго, идущаго намъ навстрѣчу. «Шапки долой!»—скомандовалъ намъ отецъ, къ нашему удивленію, снимая самъ шляпу съ головы.

Это былъ государь императоръ Александръ II. Онъ также вышелъ на прогулку, которую обычно совершалъ по утрамъ по Дворцовой набережной.

Поровнявшись съ нами, государь остановился и милостиво заговорилъ съ отцомъ. При прощаніи государь взглянулъ на меня съ улыбкой и потрепалъ рукой по щекѣ.

Эта мирная уличная встрѣча съ государемъ, относящаяся къ невозвратнымъ патріархальнымъ временамъ русской исторіи, живо запечатлѣлась въ моей памяти.

Часто можно было видѣть, какъ у крыльца, къ которому государь возвращался съ прогулки во дворецъ, стояли на колѣняхъ просители изъ простого народа съ положенными на преклоненныхъ, открытыхъ головахъ прошеніями. Государь всегда приказывалъ своему дежурному адъютанту отобрать эти прошенія, которыя по возможности удовлетворялись. *Tempi passati!*

Когда теперь мнѣ приходится проходить на Васильевскомъ островѣ мимо зданія университета, гдѣ я родился, сохранившаго еще точь-въ-точь свой прежній внѣшній видъ,—цѣлый рядъ воспоминаній, точно невидимыя, но живыя души ушедшихъ свѣтлыхъ тѣней, осаждаютъ мой умъ.

Я вспоминаю эти свѣтлые годы моего дѣтства, всякую комнату ректорскаго дома, старинную мебель, бібліотеку, нашу дѣтскую, изъ которой мы смотрѣли на комету 1860 года съ ея пышнымъ хвостомъ, вижу какъ сейчасъ доброе лицо нашей гувернантки-француженки *m-elle Tallet*, которую я любилъ дразнить по поводу ея длиннаго носа, добродушныя лица прислуги, изъ которой нѣкоторые были еще крѣпостными, мою кормилицу, мою няню, рыжее лицо ламповщика Адама, рябого кучера Захара и даже сърыхъ въ яблокахъ лошадей на конюшнѣ.

Съ этимъ кучеромъ Захаромъ произошелъ интересный и характерный казусъ въ день обнаруженія Высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Отецъ собралъ прислугу въ гостиную и прочелъ имъ манифестъ. Захаръ, бывший нашимъ крѣпостнымъ, понялъ манифестъ въ томъ смыслѣ, что теперь каждый крестьянинъ будетъ самъ жить бариномъ и получить отъ государства все необходимое. Въ виду этого онъ сейчасъ же попросилъ отца освободить его отъ должности, куда-то исчезъ и нѣсколько дней пропалъ. Только

черезъ недѣлю онъ вернулся съ повинной, бухнулся въ ноги отцу и просилъ снова принять на службу, убѣдившись, что все равно безъ труда не обойтись. Тогда, какъ и теперь, государственная реформа сильно взбаламутила народную массу, только со временемъ уяснившую себѣ истинный смыслъ новыхъ законовъ.

Изъ лицъ, которыя въ то время насъ часто посѣщали, я вспоминаю Якова Карловича Грота съ семействомъ¹⁾, Петра Петровича и Николая Петровича Семеновыхъ, князя Вяземскаго, писательницу Александру Осиповну Ишимову, Ивана Давыдовича Деянова, Ѳедора Ивановича Тютчева, молодого поэта Николаевского, профессора академіи художествъ Ѳедора Ивановича Юрдана, женаго на единоутробной сестрѣ матери и многихъ другихъ.

Я не засталъ періода, когда моего отца посѣщали Пушкинъ, Жуковский, Гоголь и другіе корифеи нашей литературы, но память о нихъ какъ бы витала не только въ разговорахъ, но запечатлѣлась на окружающихъ предметахъ, точно говорившихъ стихами Жуковского:

Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію—были!

Раньше, чѣмъ разстаться съ дѣтскими воспоминаніями, связанными съ зданіемъ университета, приведу случай, который хорошо обрисовываетъ духъ того отдаленнаго времени. Я опасно заболѣлъ воспаленіемъ мозга. Призванный докторъ велѣлъ поставить мнѣ пиявки, чѣмъ однако мало мнѣ помогъ. Тогда моя мать отправилась во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны (нынче зданіе Государственнаго совѣта), гдѣ по соизволенію великой княгини, бывшей моей крестной матерью, матушкѣ выдали изъ дворцовой церкви хранившіяся тамъ и считавшіяся чудотворными ветхую ризу и эпитрахиль св. Серафима (Саровскаго). На меня возложили эти святыни, и я дѣйствительно скоро оправился отъ болѣзни.

Послѣ манифеста 19 февраля 1861 года въ университетѣ начались волненія, сильно отразившіяся на мягкой и впечатлительной душѣ моего отца, такъ любившаго порученную его попеченіямъ молодежь. Иногда безпорядки принимали острую форму, и я помню, какъ одинъ разъ, ничего не понимая о причинѣ такого происшествія, я видѣлъ въ окно гостиной, какъ жандармы съ саблями наголо преслѣдовали по Университетской набережной группы волнующихся студентовъ, между которыми были и студентки.

---

¹⁾ Два сына Я. К. Грота были приблизительно нашихъ лѣтъ. Изъ нихъ Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ философіи, умеръ въ 1899 г., а Константинъ Яковлевичъ Гротъ, бывшій профессоръ славянскихъ языковъ Варшавскаго университета, занимаетъ мѣсто управляющаго архивомъ министерства двора.

Однажды въ актѣвой залѣ, биткомъ набитой молодежью, моему отцу пришлось выдержать настоящую бурю протестовъ со стороны студентовъ, предъявлявшихъ громкія требованія о новомъ уставѣ. Испуганная долгимъ отсутствіемъ изъ дома отца, моя мать пошла за нимъ въ актовую залу. Узнавъ ее, какъ жену ректора, студенты ее успокоили, сказавъ, что отцу не угрожаетъ отъ нихъ ни малѣйшей опасности, и провели ее къ самой кафедрѣ, съ которой отецъ уговаривалъ молодежь.

Занялась заря новыхъ порядковъ... Прежняя тихая университетская жизнь пришла къ концу. Цѣлая эпоха quasi патриархальнаго существованія высшей школы канула въ вѣчность...

Съ этой эпохой совпала и болѣзнь отца, заставившая его покинуть почетный постъ ректора Петербургскаго университета, который онъ занималъ болѣе 20-ти лѣтъ.

Болѣзнь моего отца началась съ простуды, перешедшей въ плевритъ съ образованіемъ гнойнаго очага въ лѣвой сторонѣ груди подъ самымъ сердцемъ. Въ то время въ Петербургѣ очень славился одинъ шведскій докторъ Нордстремъ, которому отецъ очень довѣрялъ. Система леченія доктора Нордстрема была для того времени новая. Онъ лечилъ всѣ болѣзни холодной водой. По отношенію къ отцу, онъ не принялъ во вниманіе его годы, а потому и система его оказалась для него губительной. Когда болѣзнь приняла угрожающее развитіе, и только операція могла его спасти, было рѣшено отправиться въ Парижъ, гдѣ славился хирургъ Нелатонъ, лейбъ-хирургъ Наполеона III, прославившійся еще тѣмъ, что спасъ Гарибальди отъ полученной имъ пулевой раны въ ногу.

Я не помню подробностей нашего переѣзда въ Парижъ, а только хорошо помню, когда, по приѣздѣ нашемъ въ Парижъ, гдѣ мы остановились сперва въ меблированной квартирѣ на Елисейскихъ Поляхъ, былъ тотчасъ созванъ консилиумъ изъ слѣдующихъ трехъ свѣтилъ врачебной и хирургической науки: Нелатонъ, Вельпо и Труссо. Осмотрѣвъ отца, послѣдніе два хирурга высказали мнѣніе, что нужно сдѣлать отцу проколъ черезъ спину съ выходомъ въ грудь.

Только Нелатонъ держался мнѣнія, что достаточно сдѣлать проколъ вглубь со стороны груди. Его діагнозъ былъ принятъ и оказался болѣе вѣрнымъ.

Отецъ не согласился подвергнуться хлороформу и стойко выдержалъ операцію въ полномъ сознаніи. Послѣдствіемъ операціи было моментальное облегченіе его дыханія отъ накопившагося гноя и, улыбаясь матери, онъ радостно сказалъ, что чувствуетъ себя сразу почти выздоровѣвшимъ. И дѣйствительно, послѣ установки въ рану дренажа, онъ настолько оправился, что скоро могъ встать, ходить, читать и писать.

Рана однако въ виду его возраста не закрывалась, хотя не очень его беспокоила, и Нелатону приходилось время отъ времени дѣлать ему операцію извлеченія изъ раны нараставшаго костоѣда. Моя мать всей душой отдалась дѣлу ухода за больнымъ отцомъ, возбудивъ глубокую симпатію своею любовью и самоотверженностью доктора Нелатона, ставшаго съ того времени истиннымъ другомъ нашего семейства.

Докторъ Нелатонъ былъ самъ удивительно симпатичный человекъ съ громадными знаніями, достигнувшій всемірной славы своимъ искусствомъ и оставшійся скромнымъ, доброжелательнымъ и человѣколюбивымъ. Онъ былъ сыномъ простого, бѣднаго консьержа и былъ обязанъ единственно труду и способностямъ своимъ высокимъ положеніемъ. Онъ говорилъ, что всякая операція, дѣлаемая имъ, стоитъ ему частички жизни, и онъ дѣйствительно умеръ въ 1873 году отъ болѣзни сердца, сердца, столь сочувствовавшаго человѣческому страданію.

Мало-по-малу мы стали акклиматизироваться въ условіяхъ совершенно новой жизни и новой страны, переѣхали на новую квартиру, отыскались русскіе знакомые, живущіе и пріѣзжавшіе въ Парижъ, и жизнь тихо потекла по новому руслу. Изъ этихъ русскихъ упомяну: Ивана Сергѣевича Тургенева, московскаго профессора Шевырева, профессора Порошина и Николая Ивановича Тургенева съ семьей. Послѣдній былъ когда-то подъ опалой, въ царствованіе Николая I, потомъ получилъ прощеніе, но навсегда переѣхалъ въ Парижъ, женившись на англичанкѣ, отъ которой имѣлъ дочь и двухъ сыновей. Изъ нихъ теперь остается въ живыхъ одинъ младшій сынъ, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, извѣстный въ Парижѣ подъ названіемъ Pierre Tourguenew. Н. И. Тургеневъ имѣлъ очень значительное состояніе, приобрѣлъ имѣніе около Парижа въ Буживаль, а также большой каменный домъ въ аристократической улицѣ Парижа де-Лиль. Хотя онъ былъ женатъ на иностранкѣ и навсегда поселился во Франціи, рѣдко можно было бы найти русскаго, болѣе горячо и искренно любящаго Россію, чѣмъ онъ. Когда онъ навѣщалъ отца, то между ними шла горячая бесѣда о Россіи и только о Россіи...

Грустная судьба постигла это милое семейство. Тургеневъ, его жена, старшій сынъ и дочь все умерли въ нѣсколько лѣтъ скоро послѣ Франко-прусской войны.

Оставшійся единственный сынъ, Петръ Николаевичъ, по типу чисто русскій человекъ, холостъ, занимается скульптурой, какъ богатый диллетантъ, и доживаетъ свой вѣкъ въ роскошномъ домѣ, наполненномъ дорогими и живыми воспоминаніями прошлаго. Послѣ Парижа я встрѣтился въ Петербургѣ съ его матерью, куда она пріѣхала съ нимъ, чтобы приобрести рекрутскую квитанцію, — только для того, говорила г-жа Тургенева, чтобы ей сынъ имѣлъ право,

если ему вздумается, прїѣхать въ Россію и чувствовать себя въ ней полноправнымъ гражданиномъ. У нихъ было чудное имѣніе на Сенѣ въ Буживалѣ по названію Vert-Bois, куда мы съ матерью иногда ѣздили ихъ навѣщать и которое также посѣщаль Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Переселившись въ Парижъ, отецъ и мать подумали о нашемъ дальнѣйшемъ воспитаніи. Рѣшено было отдать насъ во французскую школу приходящими учениками, а дома брать уроки русскаго языка у русскаго учителя.

Первая школа, которую мы стали посѣщать, находилась по близости Булонскаго лѣса и содержалась двумя аббатами-іезуитами съ характерными именами: Dufaix и Vilain. Французскіе товарищи смотрѣли на насъ съ большимъ удивленіемъ, къ которому иногда присоединялась и политическая окраска, навѣянная воспоминаніями о памятной еще всѣмъ Крымской войнѣ. Приходилось выслушивать комплименты о томъ, какъ французы насъ побили при Севастополѣ, называли насъ «казаками», а также серьезно спрашивали, не ѣдимъ ли мы салныхъ свѣчей. Но въ общемъ отношенія были дружескія, а условія французской школьной жизни, такой свободной, проходящей на половину на дворѣ, на открытомъ воздухѣ, въ движеніи и играхъ, мнѣ лично очень нравились.

Въ этомъ пансіонѣ интересны были отношенія учителей къ воспитанникамъ. Учителя въ глазахъ учениковъ дѣлились на любимыхъ и нелюбимыхъ. Первые могли дѣлать съ учениками все, что хотѣли, а вторые были прямо мучениками.

Помню такой случай. Между учениками были уже взрослые, жившіе совсѣмъ въ пансіонѣ въ отдѣльныхъ комнатахъ и готовившіеся въ высшія училища. Эти «старшіе» не церемонились въ обращеніи съ учителями и особенно съ «педелами», присматривавшими за поведеніемъ учениковъ. Однажды, когда мы сидѣли въ классѣ, произошла слѣдующая сцена. Взрослый ученикъ во время ученія захотѣлъ пройти черезъ классъ въ свою комнату. Но учитель строго закричалъ на него и приказалъ ему вернуться на мѣсто, покуда не окончится урокъ. Тотъ преспокойно прошелъ дальше къ двери мимо каедръ. Учитель кинулся на него, и тутъ передъ всѣмъ классомъ произошла рукопашная схватка между учителемъ и воспитанникомъ. Самое интересное было то, что воспитанникъ одержалъ верхъ, повалилъ учителя на полъ и торжественно вышелъ изъ класса.

Со стороны учителей педагогическія мѣры были также иногда очень примитивныя. Такъ, когда какой-нибудь ученикъ вмѣсто того, чтобы слушать учителя или читать учебникъ, занимался вырѣзываніемъ своего вензеля на попирѣ, то учитель очень ловко съ каедръ кидаль въ него латинской или греческой грамматикой.

Но зато какое оживленіе, какіе веселые крики раздавались на дворѣ пансіона во время переменъ! Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось посѣщать русскую гимназію и когда я вспоминалъ о французской школѣ, мнѣ казалось, что я попалъ въ мрачную тюрьму...

Во время переменъ дѣтямъ раздавали огромные ломти бѣлаго хлѣба съ намазаннымъ на нихъ вареньемъ, что служило часто причиной дракъ между тѣми, которые хотѣли овладѣть кускомъ съ болѣе толстымъ слоемъ варенья... Тутъ же во дворѣ играли въ игру, называемую—баръ (barres), состоявшую въ томъ, что нужно было перебѣжать изъ одного лагеря въ другой, не будучи на бѣгу застигнутымъ противникомъ.

По воскресеньямъ мы посѣщали русскую церковь, незадолго передъ тѣмъ сооруженную въ Парижѣ стараніями извѣстнаго протоіерея отца Васильева, впослѣдствіи замѣщеннаго отцомъ Прилежаевымъ.

Отецъ Васильевъ былъ интеллигентный, дѣятельный священникъ, симпатичный образъ котораго остался у меня въ памяти.

Ему же пришлось напутствовать Св. Тайнами моего отца передъ его смертью.

Первое лѣто нашего пребыванія во Франціи мы провели на дачѣ въ окрестностяхъ Парижа—въ мѣстечкѣ Вилль Даврай, впослѣдствіи прославившемся тѣмъ, что здѣсь умеръ Гамбетта.

Для насъ пригласили учителя изъ пансіона, гдѣ мы учились, Бренюса, который готовился быть священникомъ. Бренюсъ умѣлъ возбудить къ себѣ довѣріе и любовь своихъ воспитанниковъ и любилъ заниматься естественной исторіей, зоологіей и ботаникой. Почти каждый день онъ бралъ насъ съ собою на экскурсіи въ лѣсъ, гдѣ собиралъ экземпляры растений, а также ловилъ для насъ ящерицъ, бабочекъ и птичекъ. Онъ же научилъ насъ, какъ ловить летучихъ мышей. Вечеромъ онъ вооружался длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго прикрѣплена была натянутая круглая сѣтка, и ударялъ ею по безпокойно летающимъ по дорогѣ взадъ и впередъ летучимъ мышамъ. Онъ умѣлъ ихъ препарировать въ чучела, чѣмъ возбуждалъ наше дѣтское любопытство.

Когда мы вернулись осенью въ Парижъ, то переѣхали на улицу Марбефъ и были отданы, по совѣту доктора Нелатона, въ другой пансіонъ, въ улицѣ Дюроше, гдѣ воспитывался также сынъ Нелатона—Шарль, впослѣдствіи также сдѣлавшійся хирургомъ по примѣру своего отца и пользующійся теперь отличной репутаціей искуснаго врача.

Состояніе здоровья нашего отца было приблизительно то же самое. Окруженный заботами матери, онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо, могъ выходить на небольшія прогулки и велъ переписку съ друзьями въ Петербургѣ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ время отъ времени къ намъ заглядывалъ, и я помню хорошо тембръ его

голоса и оживленную и выразительную манеру говорить, нѣсколько нараспѣвъ. Въ Россіи тучи все медленно, но непрерывно надвигались, и наше положеніе было часто предметомъ бесѣды автора «Отцовъ и дѣтей».

Въ одно изъ своихъ дружескихъ посѣщеній нашего дома, я помню, какъ Иванъ Сергѣевичъ, который, при всей сознательной любви своей къ Россіи, всегда болѣлъ сердцемъ за ея недостатки и выражался объ этомъ безъ обиняковъ, какъ-то замѣтилъ по поводу нашего тогдашняго общественнаго настроенія, что «мы со-всѣмъ изолгались».

Увы! Эти слова нашли свое глубокое подтвержденіе во весь послѣдующій періодъ нашей исторіи, открывшій глубокія язвы нашего бюрократическаго режима.

Второй пансіонъ, который мы стали посѣщать, былъ гораздо выше перваго по составу учителей и серьезности преподаванія. Здѣсь я впервые принялся за изученіе латинскаго языка, преподаваемого во Франціи совершенно иначе, чѣмъ у насъ.

Его учатъ главнымъ образомъ по латинскимъ источникамъ, болѣе, чѣмъ по сухимъ правиламъ грамматики. Дѣтей заставляютъ учить наизусть цѣлыя страницы не только стиховъ, но и прозы. Слѣдствіемъ этого является то, что ученики достигаютъ такого знакомства съ латинскими словами и выраженіями, что часто свободно могутъ на немъ объясняться.

Въ этой школѣ мы завели уже болѣе прочныя знакомства съ французскими товарищами и ихъ семьями. Въ одномъ изъ такихъ семействъ, Джексонъ, устраивали домашнія театральныя представленія, и я въ первый разъ и единственный въ жизни выступилъ десятилѣтнимъ мальчикомъ на сценѣ въ роли, въ которой мнѣ пришлось сказать... одно слово! И то я очень боялся за свою роль...

Однимъ изъ событій этого времени жизни отца было посѣщеніе его великой княгиней Маріей Николаевной, очень цѣнившей и любившей отца, бывшей когда-то съ великой княжной Ольгой Николаевной его ученицей по русской словесности.

Такъ прошла наша вторая зима въ Парижѣ. На лѣто мы переѣхали въ новое дачное мѣсто, въ историческій городокъ около Парижа—Сенъ-Жерменъ, обладающій чудеснымъ замкомъ и большимъ лѣсомъ. Здѣсь мы научились ѣздить верхомъ, и этотъ спортъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ развлеченій. Отецъ интересовался нашими успѣхами въ этомъ дѣлѣ и не разъ экзаменовалъ меня, умѣю ли я какъ слѣдуетъ держать поводья. Въ теченіе этого лѣта насъ посѣтилъ пріѣхавшій въ Парижъ бывший профессоръ университета, нынѣ маститый редакторъ «Вѣстника Европы» Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, обрадовавшій отца своимъ визитомъ. М. М. собирался издавать свой

журналъ и встрѣтилъ горячее сочувствіе въ этомъ предпріятіи со стороны отца, который за шесть дней до смерти собственноручно написалъ въ редакцію журнала статью, съ которой и началось плодотворное и долготѣнее существованіе «Вѣстника Европы» на литературной нивѣ.

Статья эта была послана при письмѣ, еще нигдѣ не напечатанномъ, и которое я здѣсь привожу:

«23 декабря 1865 (4 января 1866). Парижъ. Rue Marbeuf, 73.

«Вотъ вамъ, любезный другъ Михаилъ Матвѣевичъ, обѣщанное. Посылая его, я только очищаю совѣсть. Вы должны повѣрить моей искренности, если я скажу, что совѣмъ не желаю видѣть эти строки въ печати, если вы или Николай Ивановичъ почувствуете, что онѣ, кромѣ скуки, ничего не внесутъ въ журналъ. Программа ваша очень умно составлена и прекрасно написана. По моему почерку вы, конечно, догадываетесь, что мое здоровье не въ цвѣтущемъ состояніи. На бѣду, одинъ мой глазъ, и прежде слабый, теперь ослабѣлъ еще болѣе. Полагаю, что всѣ эти недуги пришли ко мнѣ отъ этихъ коротенькихъ дней, въ концѣ декабря и въ началѣ января, мучащихъ все живое, особенно же нездоровое.

«Порошину я говорилъ о вашемъ желаніи. Онъ готовъ участвовать. Если вы еще не писали ему, то напишите: S. Germain. Laue. Avenue de Lorraine 9. Прошу васъ побывать у княгини К. Н. Мещерской и поблагодарить ее отъ меня за память и участіе. Участіе гр. А. К. Толстого въ «Вѣстникѣ Европы» было бы очень кстати. Онъ талантливый писатель. Жду вашихъ книгъ. Примите отъ меня и жены моей поздравленіе съ Р. X. и Новымъ годомъ, что передайте и Любви Исаковнѣ.

«Душевно преданный вамъ

«П. Плетневъ».

Съ наступившей зимой 1865 года, мы опять переѣхали въ Парижъ и продолжали посѣщать тотъ же пансіонъ.

Эта зима была послѣдняя въ жизни отца.

Однажды, въ декабрѣ, днемъ, когда мы находились въ школѣ, внезапно потребовали насъ домой.

Оказалось, что утромъ за чаемъ, скоро послѣ нашего ухода, его поразилъ ударъ, отнявшій движеніе правой руки, но не тронувшій его сознанія.

Когда я увидѣлъ его лежащимъ на кровати и глубокую скорбь матери, я не могъ удержаться отъ слезъ.

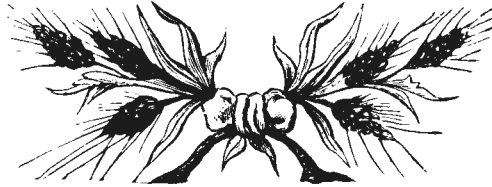
Съ удивительнымъ мужествомъ отецъ думалъ только объ успокоеніи окружающихъ. Онъ призвалъ меня ближе къ себѣ и просилъ перевести латинскія слова: *Initium sapientiae est timor Domini*. Когда я ихъ перевелъ, онъ поцѣловалъ брата и меня и насъ увелъ изъ комнаты.

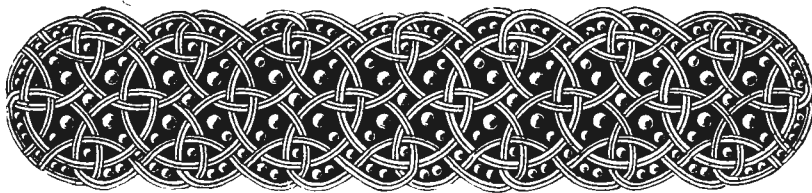
Три дня сильный организмъ его не поддавался смерти. Вечеромъ на 29 декабря онъ впалъ въ забытiе и ночью тихо скончался, имѣя 74 года отъ роду.

Его тѣло было положено въ склепъ русской церкви въ Парижѣ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было перевезено въ Петербургъ, гдѣ онъ и похороненъ среди столькихъ близкихъ ему друзей на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Моя мать, прожившая послѣ отца 36 лѣтъ, всю жизнь свято берегла его свѣтлую память и по какому-то небесному предопредѣленiю скончалась въ одинъ день и въ одинъ мѣсяцъ, какъ и столь чтимый и любимый ею отецъ нашъ, 29 декабря 1901 года.

Алексѣй Плетневъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗЫСКАНІЯ ¹⁾.

IV.

Запрещенная книга.

ОЧТИ полвѣка тому назадъ въ московскомъ литературномъ мѣрѣ совершилось рѣдкое событіе: большое сочиненіе, просмотрѣнное въ рукописи цензоромъ и уже отмѣченное извѣстною фразою: «печатать позволяется», по выходѣ въ готовомъ видѣ изъ типографскаго станка подверглось вторичному цензорскому пересмотру — и не было выпущено на Божій свѣтъ въ кругъ русскихъ читателей.

Все это мы говоримъ о книгѣ подъ заглавіемъ: «Житійскія сцены» П. Жадовскаго (М. 1859 г., VI+432 стр.). Въ самомъ дѣлѣ, представленная въ московскій цензурный комитетъ въ началѣ 1858 г. еще рукописью, она получила 16 мая того же года цензурное одобреніе отъ члена комитета Н. П. Гилярова-Платонова, а затѣмъ по отпечатаніи присланная изъ типографіи С. Селивановскаго въ іюнь 1859 г. для полученія «выпускнаго билета» снова была просмотрѣна тѣмъ же цензоромъ и по его «докладной запискѣ» отъ 26 іюня была «запрещена къ обращенію и перепечатанію въ Россіи» ²⁾.

¹⁾ Три «историко-литературныхъ разысканія» помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1906 г., кн. 9, 10 и 12).

²⁾ Эта «Докладная записка», извлеченная кн. Н. В. Шаховскимъ изъ архива московскаго цензурнаго комитета, напечатана въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1898 г., кн. 2).

Такая странная судьба большой, уже отпечатанной книги давно останавливала наше вниманіе: намъ хотѣлось разгадать причины ея несчастной доли, но, не находя ни одного экземпляра «Житейскихъ сценъ» въ извѣстныхъ намъ бібліотекахъ, даже не встрѣчая упоминанія о нихъ въ книжныхъ каталогахъ, мы до послѣдняго времени были лишены возможности ознакомиться съ «запрещенною книгою».

Только недавно, благодаря вниманію извѣстнаго московскаго бібліофила Вас. Мих. Остроглазова, мы могли увидать «Житейскія сцены», можетъ быть, въ рѣдчайшемъ экземплярѣ, хорошо сохранившемся въ замѣчательной коллекціи книгъ этого собирателя, и въ настоящее время имѣемъ возможность представить краткое историко-литературное изслѣдованіе о забытомъ трудѣ П. Жадовскаго.

Что же представляетъ собою эта «запрещенная» книга?

Она—не драматическое произведеніе, какъ можно было бы думать по одному заголовку, и не сборникъ разнородныхъ «очерковъ», какіе въ изобиліи стали появляться въ нашей литературѣ съ легкой руки такъ называемой «натуральной школы». Нѣтъ, «Житейскія сцены»—это рядъ «эпизодовъ» изъ будничной жизни одного уѣзднаго городка (Беристоля), объединенныхъ участіемъ въ нихъ, двухъ главныхъ героевъ—штабсъ-капитана Сборина и поручика Голышева. Эти два пѣхотные офицера, при своей стоянкѣ въ названномъ городѣ, сходились и знакомились съ разными его представителями, а это сближеніе дало возможность автору нарисовать рядъ любопытныхъ типовъ.

При чтеніи «Житейскихъ сценъ» предъ нами въ довольно живыхъ образахъ проходятъ оригинальныя лица уѣзднаго захолустья. Вотъ, на примѣръ, беристольскій городничій: «выйдя въ отставку, купилъ себѣ триста душъ, а всѣ знаютъ, что, поступивъ на мѣсто градоначальника, онъ не имѣлъ, кромѣ своей души, ни одной» (стр. 73—74). Отъ него далеко не отстали частный приставъ и квартальный: первый, послѣ ухода просителей, «сосчиталъ всю сумму денегъ, каждый билетъ смотрѣлъ на свѣчкѣ, не фальшивый ли, потомъ гладилъ его рукой, нюхалъ, цѣловалъ и откладывалъ въ потайной ящикъ» (стр. 190); второй «какъ только почувствовалъ въ рукѣ запечатанный конвертикъ (со вложеніемъ), сейчасъ же измѣнилъ тонъ—и распоряженіе» (стр. 178). Вотъ также уѣздный судья Пудъ Прокофьевичъ Черепелкинъ «толкуетъ законы вкривъ и вкосъ, т. е. въ ту сторону, которая болѣе выгодна для его кармана» (стр. 25), а становой приставъ Кубышкинъ «съ помѣщиками не ссорился, маленькіе грѣшки ихъ прикрывалъ и, какъ практическій мудрецъ, умѣлъ примѣнять законъ себѣ въ пользу, а другимъ не въ обиду» (стр. 252).

Такія «характеристики», довольно схожія съ «обрисовками» дѣйствующихъ лицъ въ «Губернскихъ очеркахъ» Щедрина—того же

времени—конца пятидесятихъ годовъ, естественно, еще не могли вызывать особенно строгаго преслѣдованія для «Житейскихъ сценъ» П. Жадовскаго. Но авторъ не удовольствовался представленными выше «характеристиками»: онъ въ своей книгѣ близко коснулся еще двухъ особенно чувствительныхъ и больныхъ сторонъ тогдашней жизни—съ одной стороны, «офицерства» съ его «грубой капральщиной», кутежами, картежничествомъ и дебоширствомъ, даже нѣкоторыми злоупотребленіями по службѣ (стр. 289—293), а съ другой—«крѣпостничества» съ необузданными проявленіями «господской власти» (стр. 26, 151, 199, 235, 237) и съ ужасною местию «забитыхъ рабовъ», доведенныхъ до отчаянія (стр. 334—335)... Вотъ эти-то «житейскія сцены», совершавшіяся въ глухомъ уѣздномъ уголкѣ, несомнѣнно, и послужили поводомъ къ «запрещенію» книги П. Жадовскаго, тѣмъ болѣе, что, по признанію самого Н. П. Гилярова-Платонова, тогда существовали даже «повторительныя предписанія начальства» объ особенной осторожности въ пропускѣ статей, касающихся крѣпостного права, и въ особенности «которыя излагаютъ съ неблагопріятной стороны крѣпостныя отношенія въ беллетристической формѣ легкихъ разсказовъ».

Но теперь спрашивается: какимъ же образомъ цензоръ, даже при предварительномъ просмотрѣ сочиненія Жадовскаго еще въ рукописи, не могъ замѣтить такихъ «выразительныхъ житейскихъ сценъ» и не примѣнилъ къ нимъ «повторительныхъ предписаній начальства?»...

Рѣшенію этихъ вопросовъ именно и была посвящена «докладная записка» Гилярова-Платонова. По его объясненію, въ годичный промежутокъ времени, отъ предварительнаго просмотра сочиненія и до отпечатанія его, съ авторскою рукописью произошла «удивительная метаморфоза»: въ первый разъ цензоръ прочиталъ ее внимательно, исключилъ красными чернилами всѣ «подозрительныя мѣста» и по листамъ скрѣпилъ своею подписью, а спустя годъ, при вторичномъ сличеніи рукописи съ напечатанною книгою, онъ, къ удивленію, нашелъ авторскую тетрадь въ очень странномъ видѣ: страницы съ вычеркнутыми строками явились вновь переписанными въ первобытной формѣ, аккуратно были вшиты въ тетрадь и скрѣплены чужою рукою, очевидно, поддѣлывавшеюся подъ цензорскій почеркъ...

Конечно, подобное «чудесное превращеніе», набросившее черную тѣнь и на всѣ остальные «житейскія сцены», не могло пройти безнаказаннымъ для цѣлой книги: она была заарестована, занесена въ «каталогъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи»¹⁾ и, по указанію Г. Н. Геннади стала «библиографическою рѣдкостью»²⁾.

¹⁾ См. два такіе «Каталога». Спб. 1870 и 1894 гг.

²⁾ Геннади. «Книжныя рѣдкости». Спб. 1872 г., стр. 142.

Въ заключеніе этого «разысканія» считаемъ нелишнимъ сообщить свѣдѣнія объ авторѣ «злосчастной книги», собранныя нами для приготовляемаго къ печати одиннадцатаго выпуска нашего «Обзора жизни и трудовъ русскихъ писателей» и значительно дополняющія краткое указаніе о немъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза.

Павель Валеріановичъ Жадовскій, родной братъ извѣстной русской поэтессы Юліи Валеріановны Жадовской, родился въ 1825 г. среди дворянской семьи и, послѣ домашняго воспитанія, учился въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Выпущенный въ офицеры, онъ служилъ въ 1-мъ Московскомъ пѣхотномъ полку, съ которымъ участвовалъ въ войнѣ по усмиреніи Венгріи и въ Севастопольской кампаніи, причемъ нѣсколько разъ былъ раненъ; съ 1860 г. состоялъ городничимъ въ городѣ Кузнецкѣ (Саратовской губерніи), а позже воинскимъ начальникомъ въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Умеръ же онъ въ Петербургѣ 24 іюля 1891 года.

До своихъ «Житейскихъ сценъ» П. В. Жадовскій нѣсколько разъ выступалъ, какъ военный мемуаристъ; такъ, напримѣръ, ему принадлежали «Записки о Молдавіи и Валахіи», напечатанныя въ «Пантеонѣ» (1854 г., кн. 7; 1856 г., кн. 1—2) и «Отрывки изъ воспоминаній о Крымѣ», 1855—1856 гг., помѣщенные на страницахъ «Сборника въ память Смирдина» (т. IV и V). Но затѣмъ, среди досуговъ отъ службы, онъ болѣе отдавался «стихотворству». Намъ извѣстны его «Басни и стихотворенія» (М. 1857 г.), два изданія «Стихотвореній» (М. 1859 и 1872 гг.) и одинъ томъ «Полнаго собранія сочиненій» (Сиб. 1886 г.), куда вошли какъ раннія, такъ и позднія поэтическія произведенія П. В. Жадовскаго.

Дим. Языковъ.

ДИПЛОМАТЪ ИЗЪ ДЕРЖАВНЫХЪ ГОСУДАРЕЙ.

НЯЗЬ ХЛОДВИГЪ Гогенлоэ Шиллингфюрстъ, осенью 1900 г. сложившій санъ государственнаго канцлера, праздновалъ 31 марта 1901 г. въ Кольмарѣ, въ семьѣ своего старшаго сына, 82-ую годовщину своего рожденія. Послѣ обѣда онъ неожиданно подошелъ къ профессору Фр. Курціусу и освѣдомился, не согласится ли тотъ помочь князю въ составленіи записокъ о его жизни. Князь предполагалъ остатокъ дней посвятить приведенію въ порядокъ своихъ дневниковъ и хотѣлъ перевести въ Шиллингфюрстъ обширный свой архивъ. При пересмотрѣ дневниковъ и различныхъ документовъ, которые предполагалось включить въ «Записки», князь собирался оживить послѣднія воспоминаніями и анекдотическими подробностями, но, не осуществивъ этого намѣренія, лѣтомъ 1901 г. умеръ, а литературное его наслѣдіе, перешедшее къ младшему сыну, князю Александру, было приведено въ порядокъ и издано въ свѣтъ проф. Курціусомъ.

Матеріаломъ для этого послужили записи журнала, которыя княземъ велись весьма аккуратно съ 1866 г. Дополненіемъ послужили черновыя официальныхъ документовъ и писемъ, которыя по автобіографическому ихъ интересу сохранены были княземъ.

За эпоху, предшествовавшую веденію журнала самимъ княземъ, были заготовлены описанія его многочисленныхъ путешествій, рядъ замѣтокъ по тогдашнимъ злободневнымъ политическимъ вопросамъ и заброшенный дневникъ, начатый еще въ 1842 г.

Для пополненія этого разнообразнаго матеріала, въ распоряженіе Курціуса была предоставлена переписка князя Хлодвига съ его матерью и его свояченицею, княгинею Маріею, женою Константина Гогенлоэ, урожденной княжною Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, и сестрами, княжною Амаліею и княгинею Элизою фонъ-Сальмъ-Горстмаръ.

Записки кн. Гогенлоэ, обнимающія два убористыхъ тома, около 1,000 печатныхъ страницъ, представляютъ значительный интересъ для Германіи потому, что на примѣрѣ Баваріи здѣсь ясно обрисовываются причины, почему второстепенныя нѣмецкія государства, несмотря на весь партикуляризмъ, естественно должны были примириться съ главенствомъ Пруссіи въ возрожденной послѣ Франко-прусской войны Германской имперіи. Равнымъ образомъ изобилуютъ записки и любопытными біографическими данными о личностяхъ короля Людвига Баварскаго, императоровъ Фридриха-Вильгельма, Фридриха и Вильгельма II, кн. Бисмарка, гр. Герберта Бисмарка и т. д.

Не мало послужили популярности записокъ кн. Гогенлоэ разсыпанныя по книгѣ описанія столкновеній Бисмарка съ императрицей Августою, старымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и, наконецъ, изложеніе ближайшихъ причинъ, вызвавшихъ въ императорѣ Вильгельмѣ II негодованіе противъ желѣзнаго канцлера и удаленіе его отъ дѣлъ.

Послѣдній эпизодъ возбудилъ противъ наслѣдниковъ кн. Гогенлоэ нападки съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, императоръ Вильгельмъ отнесся очень нетерпимо къ разоблаченіямъ, находя неприличнымъ, что близкій къ нему кн. Филиппъ-Эрнстъ Гогенлоэ (онъ съ нимъ съ дѣтства былъ на ты) допустилъ въ печать записки, касающіяся интимной стороны его, Вильгельма, царственной дѣятельности. Князь Гогенлоэ на это отвѣчалъ немедленно прошеніемъ объ отставкѣ, а въ письмѣ къ императору Вильгельму объяснилъ, что не имѣлъ никакого касательства къ опубликованію мемуаровъ, которые княземъ Хлодвигомъ завѣщаны были младшему его сыну, князю Александру.

Съ другой стороны, не по нутру пришлись обличенія желѣзнаго канцлера въ властолюбіи, нетерпимости и стремленіи дѣлать свою политику помимо императора и преподносить ему въ качествѣ свершившихся фактовъ подготовленные канцлеромъ исподтишка и даже противъ воли самого государя—договоры и союзы съ иностранными державами.

Независимо отъ этихъ общихъ причинъ, придающихъ острый интересъ скандала суховатымъ и отрывочнымъ запискамъ кн. Гогенлоэ, онѣ для русскаго читателя представляются особенно любопытными, потому что князь Гогенлоэ, породнившись чрезъ свою жену, княгиню Марію, и свояченицу, княгиню Марію же, съ семьею

князей Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, близкой къ русскому царственному дому (по родственнымъ отношеніямъ Витгенштейновъ съ императрицею Маріею Александровною),—отъ самой молодости интересовался русскою политикою, былъ связанъ съ Россіею поземельною собственностью, неоднократно и подолгу гащивалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Варшавѣ и Петербургѣ, въ Парижѣ поддерживалъ тѣсныя сношенія съ тамошнею русскою аристократическою колоніею, во главѣ которой стояла теща кн. Гогенлоэ, княгиня Леонила Сайнъ-Витгенштейнъ, урожденная Барятинская, и, наконецъ, принималъ видное участіе въ занятіяхъ Берлинскаго конгресса.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы и будемъ останавливаться преимущественно на тѣхъ сторонахъ дѣятельности кн. Гогенлоэ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Россіи, и попутно вкратцѣ очертимъ важнѣйшіе біографическіе факты для большей вразумительности роли и значенія этого государственнаго чловѣка.

I.

Молодость и начало государственной дѣятельности кн. Гогенлоэ.

Отецъ князя Хлодвига, Францъ-Іосифъ, получивъ образованіе во францисканскомъ духовномъ институтѣ въ Пармѣ, а затѣмъ въ вѣнскомъ *Teresianum*'ѣ, поступилъ на военную службу въ Австріи, а затѣмъ перешелъ въ баварскую армію и въ чинѣ гусарскаго майора сдѣлался по праву первородства членомъ баварской палаты господъ.

Женитьба на двоюродной сестрѣ, княжнѣ Констанціи Гогенлоэ-Лангенбургъ, и полученіе наслѣдства изъ боковыхъ линій облегчили князю хозяйничаніе въ родовомъ его имѣніи Шиллингфюрстѣ, обремененномъ крупными долгами.

Принадлежа къ самымъ густымъ сливкамъ нѣмецкой аристократіи, въ качествѣ державнаго, хотя и медиатизированнаго, князя, Францъ-Іосифъ однакоже далъ сыновьямъ «мѣщанское» образованіе въ гражданскихъ гимназіяхъ Анспаха и Эрфурта. По полученіи аттестата зрѣлости въ 1837 г., восемнадцатилѣтній князь Хлодвигъ обратился къ изученію права; по нѣмецкому обычаю перекочевывая изъ одного университета въ другой, такимъ образомъ онъ прослушалъ полный курсъ въ Геттингенѣ, Боннѣ и Гейдельбергѣ. Прилежное слушаніе лекцій у такихъ столповъ науки, какъ Сахаріэ, Цѵпфль и Рейхлинъ-Мельдегъ, не мѣшало князю Хлодвигу, совмѣстно съ братомъ Викторомъ, будущимъ герцогомъ Ратиборъ, поддерживать великосвѣтскія связи. Еще гимназистами, оба брата въ Веймарѣ являлись обычными посѣтителями семьи великаго

герцога Карла-Фридриха, а въ Боннѣ князь особенно сошелся со своими коллегами по университету, наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ и принцами Саксенъ-Кобургъ-Готскаго дома Эрнестомъ (впослѣдствіи царствовавшимъ герцогомъ) и Альбертомъ (будущимъ мужемъ королевы Викторіи). При посѣщеніи Гейдельберга принцемъ прусскимъ Вильгельмомъ, студенты Гогенлоэ часто бывали и у него. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ князь Хлодвигъ, описывая свои державныя знакомства, отмѣчаетъ: «Какъ видите, мы для будущаго собираемъ зернышки, которыя могутъ принести полезные плоды».

По окончаніи университета, что совпало со смертью его отца князя Франца-Иосифа († 14 января 1841 г.), князь Хлодвигъ выдержалъ весною 1841 г. государственный экзаменъ въ Кобленцѣ на званіе аускультатора. Вполнѣ обезпеченное состояніе позволяло ему сдѣлаться крупнымъ независимымъ землевладѣльцемъ, но врожденная склонность къ политической и административной дѣятельности побудила князя поступить въ кобленцкій судъ кандидатомъ на судебныя должности и продолжать научныя занятія. «Особенно серьезно занимаюсь я государственнымъ правомъ,—писалъ онъ сестрѣ.— Ничто не можетъ быть столь опасно, какъ пассивность въ изученіи государственной правовой науки. Разъ не заручишься обстоятельными знаніями, легко можно сдѣлаться—особенно на государственной службѣ—слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ молодчиковъ, держащихъ носъ по вѣтру; въ лучшемъ же случаѣ сдѣлаешься одностороннимъ, а потому будешь неизбѣжно легкою добычею какой-нибудь партіи».

Въ 1843 г. князь Хлодвигъ выдержалъ второй государственный экзаменъ на званіе референдарія и, совершивъ обширное путешествіе по Швейцаріи, южной Франціи и верхней Италіи совмѣстно съ братомъ Густавомъ (будущимъ кардиналомъ), поступилъ временно на службу въ бреславльское гражданское управленіе, не рѣшивъ окончательно, остановиться ли ему на административномъ или дипломатическомъ поприщѣ. Судьба сама рѣшила этотъ вопросъ за него. Неожиданная смерть брата, князя Филиппа-Эрнеста († 3 мая 1845 г.), сдѣлала Хлодвига владѣтельнымъ княземъ Шиллингфюрста и членомъ баварской палаты господъ.

«Мои планы пока не опредѣлились—пишетъ Хлодвигъ матери изъ Шиллингфюрста отъ 20 іюня 1846 г.—Пока я выжидаю, назначить ли меня король предсѣдателемъ сельскохозяйственнаго центрального союза, и вотъ тогда я отправлюсь въ Мюнхенъ ориентироваться въ новомъ положеніи. Здѣсь, помимо хозяйства, я усиленно занимаюсь чтеніемъ сельскохозяйственныхъ сочиненій, чтобы получить возможность впослѣдствіи говорить съ знаніемъ дѣла объ улучшеніяхъ въ обработкѣ почвы и тому подобныхъ важныхъ матеріяхъ. Предложенный мнѣ постъ поставилъ меня въ тѣсное

соприкосновеніе съ наслѣднымъ принцемъ и предназначаетъ силою вещей въ посредники между наслѣднымъ принцемъ и королемъ; такимъ образомъ я попадаю въ сложное, но поучительное положеніе, обѣщающее дальнѣйшіе служебные успѣхи. Такъ какъ это мѣсто было предложено мнѣ, недавнему жителю Мюнхена, безъ всякихъ съ моей стороны искательствъ, то это слишкомъ почетно, чтобы отказываться».

«Когда живешь въ уединенномъ замкѣ,—пишетъ Хлодвигъ своей сестрѣ Амаліи,—среди свиста вѣтра безъ общенія съ людьми; когда предаешься только чтенію и охотѣ и тѣмъ не менѣе поддерживаешь въ себѣ бодрость духа, то объясненіе этому надо искать въ цѣлительности здѣшняго воздуха. Эта же цѣлительность воздуха поощряетъ меня къ тому, чтобы находить удовольствіе и въ новой, открывшейся для меня, дѣятельности. Несомнѣнно, здѣшнее сельское хозяйство—хозяйство хищническое; потому-то я и изучаю съ такимъ рвеніемъ сельскохозяйственныя сочиненія. Передъ мною постепенно открывается новое поле знанія, цѣлый новый міръ, я начинаю глядѣть и на людей и на животныхъ иными глазами, проникаюсь почтеніемъ къ личностямъ и стремленіямъ, которыхъ прежде дарили презрѣніемъ, и все болѣе и болѣе нахожу подтвержденій старинному положенію, что любая философія и абстракція только и имѣетъ цѣнность, опираясь на конкретную основу широкаго и положительнаго знанія».

Сдѣлаться въ 27 лѣтъ льбомудрымъ, впрочемъ, вовсе не отвѣчало ни вкусамъ, ни темпераменту кн. Хлодвига. Осенью 1846 г. князь предпринимаетъ путешествіе по Германіи и пишетъ сестрѣ: «... Въ Кельнѣ г. фонъ-Верко сообщилъ мнѣ, что въ Швальбахѣ ожидаютъ Витгенштейновъ. Другъ дяди Константина фонъ-Мюленсъ изъ Франкфурта близко знакомъ со всею этою семьею. По его отзыву вся семья превосходная, а г. фонъ-Мюленсъ, несомнѣнно, человѣкъ почтенный, вполне порядочный и доброхотный. La raisonne principale — истое чудо любезности, непринужденности, доброты и т. д. Конечно, я былъ бы грубымъ животнымъ, если бы упустилъ случай къ этому знакомству. Особа эта, несмотря на свои 17 лѣтъ, весьма самостоятельна и покорить ее не легко. Доступъ для меня въ семью Витгенштейновъ оказался чрезвычайно простъ. Въ Остенде я повстрѣчался съ г-жою Лазаревою и княгиней Фанни Биронъ; онѣ поддерживаютъ очень дружественныя отношенія съ Витгенштейнами. Сердца обѣихъ дамъ я покорилъ своею откровенною любезностью, прогулками по морю при лунномъ свѣтѣ и пѣніемъ и съ меня взято слово пріѣхать въ Швальбахъ, гдѣ онѣ прогостятъ недѣлю у Витгенштейновъ».

Благодаря пріятельскому посредничеству Лазаревой и Биронъ, кн. Гогенлоэ сблизился съ Витгенштейнами и 16 февраля 1847 г. былъ уже счастливымъ, влюбленнымъ и безпокойнымъ супругомъ княжны Маріи.

Поселились новобрачные на первое время въ Корвеѣ, и князь Хлодвигъ признавался сестрѣ: «Мы здѣсь ведемъ самое разумное, безоблачное и чудеснѣйшее существованіе, какое только можетъ достаться въ удѣлъ смертному. Такое счастье усугубляется и тѣмъ еще, когда знаешь, что отнюдь не обреченъ на одно идиллическое прозябаніе, но можешь принять дѣятельное участіе въ коллоратѣ политическихъ событій и въ то же время знаешь, что бремя матеріальныхъ заботъ не втискиваетъ тебя въ грязь и скуку знатной захудалости».

За послѣдующіе послѣ 1846 годы наличный архивный матеріалъ оказался скуденъ для связнаго изложенія жизни и дѣятельности князя Гогенлоэ по подлиннымъ его записямъ. Переписка съ сестрами и матерью въ эту эпоху приобретаетъ иной характеръ, такъ какъ князь въ нихъ касается не столько общихъ вопросовъ, сколько интимной стороны жизни, обусловленной счастливымъ супружествомъ. Существенный интересъ представляютъ черновые наброски къ статьѣ, съ которою князь собирался выступить въ печати на тему о политическомъ состояніи Германіи, его опасностяхъ и средствахъ къ устраненію зла. Наброски эти характеризуютъ тогдашнее общественное настроеніе Германіи, представляющее нѣкоторыя аналогіи съ тѣмъ, что мы переживаемъ теперь въ Россіи.

«Существенную опасность для Германіи— по мнѣнію князя— представляютъ не партіи социалистовъ, коммунистовъ и радикаловъ, которыя всегда существовали во всѣхъ странахъ и во всѣ времена; опасностью этою не являются ни дѣйствующіе втихомолку отцы обществъ Иисуса, ни ихъ друзья, которые въ держаніи народа во тьмѣ видятъ единственный якорь спасенія отъ современныхъ бѣдствій. Нѣтъ, истинною опасностью является всеобщее и вполне обоснованное недовольство, которое политическія партіи и стараются искусно использовать. Въдѣ и отдѣльная личность, пройдя чрезъ юношескую выучку и запасшись опытомъ, когда достигнетъ самосознанія и свободы самоопредѣленія, рѣшительно отстраняетъ всякую руку, которая пытается вести ее на помочахъ. Личность упорно желаетъ проторять путь, который признаетъ за вѣрный. Точно также и народы въ своей исторіи вступаютъ неизбѣжно въ такую эпоху, когда достигаютъ самосознанія и преисполняются стремленіемъ къ свободѣ самоопредѣленія. Въ такія времена самыя благожелательнѣйшія дѣйствія хотя бы и лучшихъ правительствъ опорачиваются, самое ревностное выполненіе долга бюрократами-опекунами признается никуда негоднымъ, разъ правительство и чиновничество не признаетъ за народомъ политическаго совершеннѣйшаго и, по старой ли привычкѣ, или по неправильному пониманію интересовъ, силится держаться прежняго пути.

«Въ Германіи и дошли до такой точки. Куда ни посмотришь, всюду въ народныхъ кругахъ шевелится интересъ къ обществен-

нымъ дѣламъ. Но правительства словно игнорируютъ это движеніе. Они во всемъ движеніи усматриваютъ или хотятъ видѣть только происки радикальной пропаганды и преисполняются подозрительнымъ недоувѣріемъ. Истинная же причина недовольства, повсемѣстно распространеннаго въ Германіи и болѣзненно ощущаемаго любымъ вдумчивымъ нѣмцемъ, коренится въ сознаніи ничтожества Германіи по сравненію съ другими странами. Вся глупая болтовня о единствѣ Германіи и нѣмецкаго народа останется смѣшнымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ, пока слова эти изъ области фантазмагоріи добродушнаго оптимизма не претворятся въ дѣйствительность и пока мы не станемъ сознательными гражданами великой и единой Германіи....

«Было бы непростительнымъ заблужденіемъ воображать, будто либеральныя преобразованія въ отдѣльныхъ государствахъ предотвратятъ революцію и коренной переворотъ въ союзномъ государственномъ устройствѣ Германіи. Свобода печати, конечно, необходима, а прогрессъ составляетъ непремѣнное условіе для самаго существованія государствъ. Но правда вѣдь и то, что если мы хотимъ освободить печать отъ стѣсненій, то должны же мы знать и отчетливо уяснить себѣ, что же именно печать станетъ говорить и повторять умамъ нѣмецкихъ гражданъ и какіе плоды она въ нихъ насадитъ. Мы должны себя спросить: хотимъ ли мы и впрямь такихъ плодовъ? Разъ мы идемъ впередъ, мы должны идти впередъ съ открытыми глазами и широко ихъ открывать. Прежде, чѣмъ мы всей странѣ дадимъ идти по извѣстному направленію, намъ самимъ слѣдуетъ узнать, куда ведетъ новый путь. Достойное сожалѣнія заблужденіе нашихъ благонамѣренныхъ государственныхъ дѣятелей въ томъ именно и заключается, что на дальнѣйшій прогрессъ при теперешнемъ положеніи Германіи они взираютъ какъ на нѣчто безвредное. А между тѣмъ прогрессъ неизбѣжно приведетъ къ революціи».

Истинную цѣль своей статьи кн. Гогенлоэ поясняетъ такъ. «Статью эту надо изложить такъ, чтобы выяснить, насколько теперешній прогрессивный шумъ влечетъ насъ къ революціи, если не приняться за дѣло съ надлежащаго конца. Доколѣ отдѣльныя правительства серьезно и самоотверженно не приступятъ къ преобразованію германскихъ союзныхъ отношеній, до тѣхъ поръ всѣ прогрессивныя мѣры и уступки будутъ только питать революцію. Пока не народится такое стремленіе, я предпочитаю оставаться консерваторомъ—въ консерватизмѣ я усматриваю гораздо большую гарантію для успокоенія страны. Я отнюдь не хочу быть пособникомъ революціи и если на Германію обрушится революція въ духѣ 1789 г., съ уничтоженіемъ дворянства и прочими напастями, то я не хочу дѣлать себѣ же еще упрековъ въ томъ, что собственное неразуміе завлекло меня на этотъ путь».

Быстро разыгрывавшіяся событія революціи 1848 г. приводили кн. Хлодвига въ немалое смущеніе, и онъ задавался вопросомъ: уляжется ли буря и пойдетъ ли Германія мирно къ цѣли политическаго объединенія, или наступитъ интермедія кровопролитныхъ ужасовъ анархіи?

«Франкфуртское собраніе,— пишетъ князь отъ 7 марта 1848 г.,— приняло рѣшеніе созвать въ четырехнедѣльный срокъ учредительное народное собраніе.

«Прилагая къ этому предпріятію свои руки, правительства нѣмецкихъ государей сами себя губятъ. Учредительное народное собраніе станетъ обсуждать преобразование Германіи и не преминетъ обратиться къ рѣшенію вопроса о томъ, быть ли Германіи республикою, или конституціонною монархіею, какимъ правительствамъ и впредь обезпечить существованіе и какія уничтожить?

«Такимъ образомъ, въ самомъ благоприятномъ случаѣ государи получаютъ изъ рукъ народа свои вѣнцы и мандатъ царствовать впредь. Въ менѣе благоприятномъ же случаѣ учредительное собраніе попроситъ государей очистить мѣсто агентамъ временнаго правительства.

«Спрашивается, насколько подобная вѣроятность упраздненія существующаго строя вытекаетъ изъ истинной воли германскаго народа, или же является вождедѣніемъ революціоннаго меньшинства, сознательно, либо безсознательно толкающаго насъ въ бездну. Во истину я съ ужасомъ констатирую тотъ фактъ, что отъ спячки, въ которой правительства держали нѣмецкій народъ послѣднее тридцатилѣтіе, нѣмцы и посейчасъ еще не вполне очнулись. Нѣмецкій народъ откроетъ глаза, только когда губительныя волны анархіи обрушатся на его головы. Тогда наступитъ всеобщее недомѣніе, какимъ образомъ маленькой, но дѣятельной кучкѣ республиканцевъ и коммунистовъ удалось загубить Германію».

Пессимистическія опасенія князя не оправдались: закономъ 28 іюня 1848 г. впредь до окончательнаго учрежденія общегерманской правительственной власти была установлена временная центральная власть въ лицѣ имперскихъ союзныхъ пословъ (Reichsgesandte) для завѣдыванія обще-имперскими дѣлами; къ кругу этихъ дѣлъ отнесено было, между прочимъ, дипломатическое и торгово-политическое представительство Германіи.

Тутъ и князь Хлодвигъ получилъ отъ временнаго правительства дипломатическое порученіе къ дворамъ папскому, тосканскому и афинскому, что и привело его къ продолжительному путешествію по юго-восточной Европѣ, вплоть до посѣщенія Палестины.

По возвращеніи въ Германію, кн. Гогенлоэ нашелъ обстоятельства сильно измѣнившимися. Что касается международной демагогической партіи, вынесшей изъ изученія гегеліанства отрицательное отношеніе къ церкви и государству, то, по утверженію Гогенлоэ,

сколько онъ ни изучалъ писанія вожаковъ демагогіи, никогда не могъ постигнуть, какими положительными дарами собираются демагоги облагодѣтельствовать человѣчество. Тамъ, гдѣ демагоги силою обстоятельствъ вынуждались къ практическимъ дѣйствіямъ, стремленія осуществить мерещившіяся имъ теоріи разбивались о чисто отрицательный характеръ этихъ теорій. Маццини въ Италіи, Пьеръ Леру во Франціи, Карлъ Фохтъ въ Германіи—сумѣли проявить свою мощь развѣ только въ отрицаніи. Будь эта партія въ силахъ создать новый церковный и общественный строй, то развѣ только послѣ полного разрушенія всего существующаго уклада жизни, но здѣсь, конечно, партіи пришлось бы посчитаться съ сопротивленіемъ всѣхъ благоразумныхъ людей.

Что касается революціонеровъ по преходящимъ побужденіямъ и политически взбудораженныхъ людей, взвинченность которыхъ стихаетъ, какъ укладываются морскія волны по минованіи бури, то они уже перестали быть опасными. Когда, въ 1848 г., увлеченіе объединеніемъ Германіи обуяло всю страну, во главѣ движенія стали благородные люди, убѣждавшіе народъ успокоиться, такъ какъ они сумѣютъ закономѣрнымъ путемъ добиться объединенія Германіи. Народное собраніе было созвано, народъ успокоился и мирно выжидалъ цѣлый годъ. За этотъ годъ окончательно улеглась революціонная буря, правительства окрѣпли, и наступила реакція. Увлеченіе идеею германскаго единства у многихъ прошло, иные изъ бывшихъ франкфуртскихъ депутатовъ утратили даже всякую охоту къ осуществленію этого объединенія. А когда съ большими усиліями и затрудненіями была утверждена союзная конституція, вѣянія времени и совсѣмъ уже измѣнились. То, что въ 1848 г. терпѣлось, потому что ничто помѣшать тому не могло, теперь почиталось уже чуть ли не преступленіемъ. Изъ тронныхъ рѣчей нѣмецкихъ государей постепенно выяснялось, насколько осуществленіе германскаго союзаго государства въ духѣ современности нарушило бы тѣ священные трактаты, на которыхъ держится, будто бы, самое существованіе европейскихъ монархій и все политическое равновѣсіе Европы.

Разочарованный въ давнишней надеждѣ видѣть Германію объединенною и сильною, кн. Гогенлоэ въ эпоху реакціи 50-хъ годовъ уклоняется отъ политической дѣятельности и предпринимаетъ рядъ продолжительныхъ путешествій. Въ концѣ 1850 г. князь вмѣстѣ съ женою на нѣсколько мѣсяцевъ поселяется въ Парижъ.

Здѣсь Гогенлоэ сдѣлался частымъ посѣтителемъ салона княгини Ливенъ. «Миѣ было,—пишетъ онъ,—очень любопытно встрѣчаться тамъ и знакомиться съ преинтереснѣйшими людьми. Гизо по первому же взгляду производитъ сильное впечатлѣніе. Это единственный человѣкъ, какого я повстрѣчалъ въ парижскомъ свѣт-

скомъ обществѣ, въ томъ смыслѣ, что, разговаривая съ собесѣдникомъ, онъ не думаетъ о постороннихъ вещахъ. Впрочемъ, дѣйствительно требуется не мало напряженія воли, чтобы въ безтолковомъ гомонѣ парижскаго салона и среди разнообразнѣйшихъ гостей не потерять голову».

Не ограничиваясь посѣщеніемъ свѣтскихъ салоновъ, князь слушалъ лекціи у Мишеля Шевалье и Мишле въ Collège de France и у Бланки въ Conservatoire des arts et métiers.

Этотъ пестрый образъ жизни былъ весною 1851 г. нарушенъ соглашеніемъ, состоявшимся между кн. Гогенлоэ и его тестемъ, княземъ Сайнъ-Витгенштейномъ, предложившимъ кн. Хлодвигу взяться за управленіе русскими имѣніями старой княгини, доставшимися ей по наслѣдству отъ ея матери, княгини Стефаніи Радзивиллъ.

Поселившись осенью 1851 г. близъ Вильны въ роскошномъ имѣніи Радзивилловъ «Верки», князь Хлодвигъ писалъ сестрѣ:

«Мы живемъ здѣсь уже два дня и нельзя сказать, чтобы здѣшній край и люди производили на меня непріятное впечатлѣніе. Будь я на десять лѣтъ моложе, ожидай я еще очень многого отъ жизни и осуществленія моихъ идеаловъ, меня, конечно, меланхолически настраивали бы разъѣзды по здѣшнему малолюдному, печальному краю, о которомъ не сумѣешь и сказать, пережилъ ли онъ уже свое прошлое величіе, или ему еще только предстоитъ блестящая будущность. Вѣрнѣе всего—ни то ни другое. Край этотъ едва ли былъ инымъ и прежде, да, пожалуй, никогда и не измѣнитъ своей фізіогноміи. Его нужно брать такимъ, каковъ онъ есть. Въ литовскихъ дубравахъ и безграничныхъ нивахъ чувствуется величественность и успокаивающая благотворная тишина одиночества... Сегодня былъ я у виленскаго генераль-губернатора Бибикова,—очень умный человекъ. Мы здѣсь останемся еще нѣсколько дней, а въ концѣ октября поселимся въ Петербургѣ, гдѣ для насъ снятъ флигель въ домѣ Бярытинскаго».

Зиму 1851—1852 г. княжеская семья провела въ Петербургѣ, а къ веснѣ вернулась въ Верки, гдѣ прожила до лѣта 1853 года.

Князь усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ, часто охотился, много рисовалъ и вмѣстѣ съ женою предавался изученію естественныхъ наукъ и химіи въ частности.

Разойдясь съ тестемъ, кн. Витгенштейномъ, во мнѣніяхъ насчетъ веденія хозяйства въ литовскихъ имѣніяхъ, кн. Гогенлоэ отказался отъ управленія ими въ 1853 г. и водворился на нѣсколько лѣтъ въ Шиллинфюрстѣ, откуда на зиму переѣзжалъ въ Мюнхенъ для участія въ занятіяхъ верхней палаты и нерѣдко предпринималъ продолжительныя путешествія по Италіи, Германіи и Англии.

Осенью 1860 г. кн. Хлодвигъ опять гоститъ у тестя въ Веркахъ.

Въ дневникѣ князя подѣ 22-мъ сентября значится:

«Сегодня мы были приглашены на обѣдъ къ генераль-губернатору Назимову, который живетъ въ Свивенецѣ, хорошенькой дачѣ на Вилии.

«Званы мы были къ 4 часамъ, запоздали, и обѣдъ начался только въ 5^{1/2} ч. Генераль-губернаторъ маленькій человѣчекъ съ кустистыми бровями и большими усами. Его жена была нѣкогда красавица и сохранила слѣды красоты посейчасъ. Она очень толковая, любезная женщина, на которой держится весь домъ. Генераль старается придать себѣ воинственный видъ, но довольно ничтоженъ, хотя и добродушенъ. Обѣдъ былъ прескверный и плохо сервированъ. Такъ какъ по русскимъ обычаямъ нечиновный князь въ счетъ не идетъ, то два гражданскихъ губернатора, какъ только насъ позвали къ столу, бросились къ хозяйкамъ дома и повели ихъ къ обѣду, а я пошелъ въ хвостъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома и княземъ Петромъ¹⁾. Я сидѣлъ возлѣ генераль-губернатора, который за обѣдомъ несъ чепуху по части «высшей политики», а слѣва моею сосѣдкою была барышня, занимавшая свою сосѣдку разговорами на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Я, конечно, не могъ найти повода къ вмѣшательству въ эту бесѣду.

«Послѣ обѣда мы прогулялись по парку, окружавшему домъ, и видѣли двухъ зубровъ... Въ 7 часовъ мы откланялись, усѣлись въ экипажъ и поѣхали назадъ въ Верки, гдѣ забавлялись астрономическими наблюденіями. Тутъ пришелъ пасторъ Липинскій и я завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ о новѣйшихъ движеніяхъ въ нѣмецкой протестантской церкви. Пасторъ по этой части оказался невѣжественнымъ, и мои слабыя познанія возсіяли въ полномъ блескѣ. Энциклопедическая моя мудрость была однакоже вскорѣ исчерпана, а тутъ наступила всеобщая сонливость.

13 октября въ Вильну пріѣхалъ государь. «Въ воскресенье 14-го былъ большой парадъ,—пишетъ Гогенлоэ.—Послѣ его окончанія я поторопился вернуться въ Верки, такъ какъ туда собирались съ визитомъ прусскіе принцы Карлъ и Альбрехтъ и принцъ Фридрихъ Гессенскій. Вскорѣ они и пріѣхали въ сопровожденіи адъютанта, все съ вниманіемъ осматривали и завтракали въ большомъ залѣ. Адъютантъ принца Альбрехта не выпускалъ изъ рукъ записной книжки и заносилъ туда, какія набитыя чучела осматривалъ принцъ, предъ какими картинами останавливался и т. д.—вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ оживить воспоминанія своего принца.

«Вечеромъ у губернатора былъ балъ. Всѣ въ мундирахъ и нарядныхъ платьяхъ, гражданскіе чиновники во фракахъ. Изъ старыхъ знакомыхъ я здѣсь повстрѣчался съ Леономъ Радзивил-

¹⁾ Князь Петръ Витгенштейнъ—(1831—1887)—братъ княгини Гогенлоэ.

ломъ, графомъ Александромъ Адлербергомъ и разными прусскими офицерами. Въ ту минуту, когда прѣхалъ государь, я случайно стоялъ около старой графини Шуазель, къ которой государь подошелъ прежде остальныхъ, а затѣмъ замѣтилъ меня и удостоилъ нѣсколькими милостивыми словами къ зависти многочисленныхъ русскихъ гостей. Старуха Шуазель имѣла фероньерку на лбу съ гранатными подвѣсками и цѣпочкою, обвивавшею ея сѣдые волосы, въ ухахъ—какія-то жемчужныя кисти, а сзади на головѣ болтался нелѣпный тюлевый вуаль. Тѣмъ не менѣе я на эту чудную старуху взиралъ съ большимъ почтеніемъ, припомнивъ недавно еще слышанный объ ней анекдотъ, дѣлающій ей большую честь. На выходѣ Наполеона въ Вильнѣ она оказалась единственною изъ дамъ, рѣшившеюся надѣть на себя шифръ императрицы Маріи Ѳеодоровны. «*Qu'est ce que c'est que cela?*» обратился къ ней императоръ.—«*C'est le chiffre de S. M. l'impératrice Marie.*».—«*C'est bien de le porter en face de l'ennemi!*» похвалилъ Наполеонъ графиню.

«15-го опять была военная церемонія, а въ 2 часа открытіе желѣзнодорожнаго туннеля государемъ. Отъ временнаго вокзала, сооруженнаго изъ дерева въ мавританскомъ стилѣ, государь со свитою и многочисленными дамами поѣхалъ въ одномъ вагонѣ, а я, князь Петръ, Леонъ Радзивиллъ и генералитетъ въ другомъ. У туннеля мы всѣ вышли изъ вагоновъ и прослѣдовали пѣшкомъ за государемъ въ туннель, освѣщенный люстрами. Духовенство послѣдовало за царемъ до середины туннеля, гдѣ государь въ облицовку и заложилъ камень. Его примѣру послѣдовалъ великій герцогъ Веймарскій и исполнилъ работу каменщика съ большою граціею. Потомъ мы бѣглимъ шагомъ прошли до конца туннеля и такъ же поспѣшно вернулись обратно. Прогулка была не изъ пріятныхъ: всѣ шли съ непокрытыми головами и по лицу скатывались капли воды съ сырого свода. Обратный путь совершили опять въ вагонахъ. Разставленные у полотна желѣзной дороги рабочіе привѣтствовали государя громкими криками «ура». Зато въ Вильнѣ евреи выкликали «ура», точно овцы блеяли. Несмотря на эту вѣрноподданническую демонстрацію, полиція, при проѣздѣ государя, нетерпѣливо осаживала еврейскую толпу; не обошлось тутъ, конечно, безъ колотушекъ, но это вполне понятно: я нигдѣ не видывалъ болѣе безстыдной толпы, чѣмъ польскіе евреи; вѣчно они лѣзутъ даже туда, гдѣ имъ вовсе не подобаешь быть».

Въ апрѣлѣ 1864 г. князь Хлодвигъ получилъ отъ своей тетки, княгини Ѳедоры Гогенлоэ Лангенбургъ, письмо, въ которомъ та передавала ему просьбу своей сестры королевы Викторіи. Королева жаловалась, что со смертію принца Альберта ея отношенія къ Германіи до нѣкоторой степени норвались—ни отъ кого ей не доводится выслушивать независимыхъ откровенныхъ и безпартій-

ныхъ взглядовъ насчетъ текущихъ событій. Питая полное довѣ-
ріе къ князю, какъ къ давнишнему другу принца-супруга, коро-
лева выражала князю Гогенлоэ желаніе быть поставленной au courant
общественныхъ и политическихъ отношеній Германіи, вызванныхъ
шлезвигъ-гольштейнскимъ столкновеніемъ. Согласно желанію коро-
левы, князь Хлодвигъ, весною 1864 г., а потомъ въ 1865 г. откро-
венно изложилъ королевѣ свое политическое вѣроисповѣданіе,
въ духѣ объединенія Германіи, которому и ему лично вскорѣ от-
крылась возможность послужить на отвѣтственномъ посту бавар-
скаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Послѣдовавшую черезъ два года Австро-прусскую войну Гоген-
лоэ оцѣнилъ совершенно трезво: она была неизбѣжна, такъ какъ
противорѣчіе интересовъ обѣихъ державъ требовало развязки и
предпочтительнѣе было, чтобы она наступила теперь, а не десятью
годами позже. Развязка эта была благотворна потому, что смела
въ Германіи устарѣвшіе и обветшавшіе распорядки и воочью под-
твердила средне- и южно-германскимъ государствамъ ихъ ничто-
жество и негодность.

Насколько шагъ, предпринятый Пруссіею противъ Австріи,
былъ смѣлымъ нарушеніемъ всѣхъ традицій, засвидѣтельствовалъ
и Бисмаркъ, лично признававшійся князю Гогенлоэ. «Увѣряютъ,—
говорилъ онъ:—будто я тогда плавалъ въ волнахъ торжества, но,
увѣряю васъ, никогда я не переживалъ болѣе страшнаго времени.
Въ главной квартирѣ чуть ли не всѣ смотрѣли на меня, какъ на
измѣнника и не разъ, стоя у высокихъ оконъ замка, я задавалъ
себѣ вопросъ: «А не лучше ли тебѣ выброситься изъ окна внизъ
головою?» Нерѣдко я переживалъ на совѣщаніяхъ такія сцены,
что выскакивалъ вонъ, хлопая дверьми, бросался на постель и
начиналъ выть словно собака». Было вполне естественно, что
обездоленные и лишенные владѣній мелкіе нѣмецкіе государи
интриговали предо всѣми иноземными дворами, взывая къ вмѣ-
шательству въ германскія дѣла; официальные и тайные дипло-
матическіе агенты сбивались съ ногъ, а заурядные нѣмцы вели
степенныя рѣчи и только ругались въ то время, какъ безъ вся-
каго ихъ соучастія подготовлялись событія, которыя потомъ пред-
стали удивленной массѣ въ качествѣ свершившихся фактовъ,—
послѣдніе только оставалось привѣтствовать въ молчаніи да рас-
плачиваться за нихъ изъ своего кошелька. Такъ, впрочемъ, всегда
бывало и то же будетъ повторяться неопредѣленно долгое еще
время.

Исходъ Австро-прусской войны поставилъ второстепенныя гер-
манскія государства, и въ ихъ числѣ Баварію, въ шаткое поло-
женіе: одни изъ сѣверо-германскихъ государствъ были оконча-
тельно присоединены къ Пруссіи, а другія имѣли образовать бо-
лѣе тѣсный союзъ съ Пруссіею; прежняя союзная связь, объеди-

нявшая отдѣльныя государства и примирявшая ихъ интересы, теперь была расторгнута. Австрія была отдалена отъ дальнѣйшаго тѣснаго единенія съ Германіею, а упраздненіе таможеннаго союза угрожало Баваріи не только утратою прежней политической роли, но и существеннымъ нарушеніемъ хозяйственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ для второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ являлись обязательными дальновидная осторожность и змѣная мудрость, чтобы при внутреннихъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ съ болѣе могущественными сосѣдями благополучно удержать за собою независимость. Пражскій договоръ, правда, оставилъ южно-германскимъ государствамъ то утѣшеніе, что имъ предоставлялось заключить между собою болѣе тѣсный союзъ, а для установленія національнаго единенія съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ предполагалось, что оба союза вступятъ въ особое соглашеніе.

Въ свою очередь, Бисмаркъ открыто высказывалъ, что совершенно чуждыя желанія насильственно присоединить южно-германскія государства и нѣмецкія земли Австріи къ Пруссіи—онѣ-де заключаютъ слишкомъ разнородные элементы для немедленнаго образованія сколько-нибудь прочнаго государственнаго организма. Поэтому Бисмаркъ совершенно искренно рѣшилъ къ южно-германскимъ государствамъ относиться съ выжидательною пассивностью, такъ какъ полное объединеніе Германіи являлось дѣломъ сложнымъ и для успѣшнаго осуществленія этого предпріятія потребовалось бы по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

По широтѣ своего государственнаго міросозерцанія князь Гогенлоэ всегда тяготился узкимъ партикуляризмомъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, а потому ему вполне было естественно въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ воздерживаться отъ дѣятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ Баваріи. Являясь убѣжденнымъ поборникомъ идеи объединенія Германіи, хотя бы путемъ компромисса между отдѣльными государственными единицами, князь Гогенлоэ всѣмъ своимъ прошлымъ и независимостью личнаго своего положенія намѣчался для выступленія въ качествѣ руководящаго государственнаго дѣятеля въ любомъ изъ южно-германскихъ государствъ въ цѣляхъ установленія болѣе тѣсной связи съ Пруссіею, гегемонія которой уже начинала ясно вырисовываться въ образованіи союза сѣверо-германскихъ государствъ.

Дѣйствительно, Гогенлоэ прочили въ члены министерства въ королевствѣ Вюртембергскомъ при перемѣнѣ царствованія; равнымъ образомъ сулили ему и руководящую роль въ правительствѣ Баваріи.

31 декабря 1866 г. баварскій король Людвигъ II наконецъ предложилъ князю Гогенлоэ постъ министра королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ съ правомъ предсѣдательства въ совѣтѣ ми-

нистровъ, вполне одобрявъ политическую программу князя. Въ этой программѣ князь Гогенлоэ доказывалъ, что въ качествѣ второстепенной державы Баварія можетъ обезпечить себѣ прочность существованія лишь чрезъ тѣсный союзъ съ великою державою. Единственнымъ союзникомъ, къ которому могла и должна была примкнуть Баварія, по мнѣнью князя, была Пруссія. Союзъ этотъ не могъ ограничиться исключительно мирными цѣлями,—при современныхъ условіяхъ военнаго дѣла разъ Баваріи были бы представлены опредѣленныя гарантіи насчетъ неприкосновенности державныхъ правъ ея короля, она должна въ военномъ отношеніи подчиниться Пруссіи и по соглашенію съ нею преобразовать и военныя свои силы, согласно требованіямъ времени.

Распространяться о приведеніи въ исполненіе княземъ Гогенлоэ намѣченной имъ программы и останавливаться на его дѣятельности въ качествѣ руководителя баварской политики мы не станемъ. Мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, несмотря на чудачества короля Людвига II, князь умѣло ладилъ и съ нимъ и съ палатами, не ссорился даже съ композиторомъ Рихардомъ Вагнеромъ, нерѣдко дѣлавшимъ вторженія въ чуждую ему область государственныхъ дѣлъ. Въ 1870 г., при обострившихся отношеніяхъ къ ультрамонтанской партіи, князь Гогенлоэ пожелалъ получить отставку, которая и была принята королемъ 7 марта 1870 г.

Благодаря усиленнымъ занятіямъ баварскими государственными дѣлами, князь Гогенлоэ въ теченіе 1866—1870 г.г. не находилъ времени для излюбленныхъ имъ путешествій и только осенью 1869 г. удосужился побывать въ Вѣнѣ у своего брата Константина и съѣздить въ Россію.

О пребываніи въ Россіи мы извлекаемъ изъ дневника князя нижеслѣдующія подробности.

По приѣздѣ въ Варшаву 10 августа князь былъ встрѣченъ адъютантомъ фельдмаршала графа Берга и варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

«На слѣдующее утро послѣ завтрака,—пишетъ онъ,—сдѣлавъ прогулку по Саксонскому саду, я отправился съ визитомъ къ фельдмаршалу. Принялъ онъ меня очень любезно въ своемъ кабинетѣ — обширной залѣ, поддерживаемой колоннами, — и полтора часа занималъ меня бесѣдою о высшей политикѣ.

«Графъ Бергъ исходилъ изъ мысли, что въ Европѣ установится окончательное спокойствіе, которое позволитъ приступить къ разоруженію, лишь когда Россія, Австрія и вся Германія придутъ къ прочному соглашенію. Соглашеніе это, однакоже, трудно достижимо, и графъ подробно мнѣ объяснилъ причины почти непримиримой вражды между Россіею и Австріею. Для поясненія этого графъ Бергъ обратился къ исторіи 1840—1854 г.г. Первымъ яблокомъ

раздора былъ Краковъ. Фельдмаршалъ разсказалъ въ подробности, какъ ему удалось настоять въ Берлинѣ на упраздненіи Краковской республики¹⁾. При заключеніи въ Берлинѣ договора съ Каницемъ и Фикельмономъ, Бергъ предложилъ, чтобы Австрія продавала соль, добываемую въ копяхъ Велички, Россіи по опредѣленной цѣнѣ и обязалась не укрѣплять Кракова. Императоръ Николай I договора въ предложенной формѣ не утвердилъ, и Австрія вскорѣ принялась возводить въ Краковѣ укрѣпленія, что обидѣло государя Николая Павловича.

«Въ 1849 г., когда австрійцамъ пришлось круто въ Венгріи, императоръ австрійскій взмолился къ Николаю о помощи. Бергъ былъ командированъ въ Вѣну для переговоровъ о подготовленіи военной кампаніи. Графъ подробно описалъ свою поѣздку въ Брюннъ къ Францу-Иосифу, затѣмъ въ Вѣну къ князю Шварценбергу и въ Прессбургъ. Соглашеніе произошло быстро и дружелюбно. Императоръ Николай пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ его не замедлилъ посѣтить Францъ-Иосифъ, и между государями были договорены подробности совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій безъ затрудненій, за исключеніемъ вопроса о главномъ командованіи. Императоръ Николай настаивалъ на назначеніи главнокомандующимъ князя Паскевича, зная его самолюбіе. Францъ-Иосифъ уперся и объявилъ, что такое назначеніе было бы равносильно поруганію его чести, такъ какъ рѣчь вѣдь идетъ о войнѣ противъ его подданныхъ.

«Plutôt périr, qu'agir contre mon honneur!» восклицалъ Францъ-Иосифъ. Николай его обнялъ, успокоилъ и уступилъ и въ этомъ. Паскевичъ озлился, надулся и сдѣлалъ все, чтобы обставить кампанію возможно хуже, но достигъ этимъ только того, что облегчилъ австрійскому генералу его благодарную роль.

«Третьей причиною недоразумѣній было то, что въ концѣ Крымской кампаніи Австрія выставила цѣлую армію въ Галиціи, и это отозвалось неблагоприятно на исходѣ войны и на русскихъ интересахъ. Въ это время и въ средѣ русскаго народа разгорѣлось недоброжелательство къ Австріи.

«Графъ Бергъ, повидимому, является сторонникомъ прежняго Сѣвернаго союза. Онъ хотѣлъ бы видѣть его возрожденнымъ и жалуется на Горчакова, зачѣмъ тотъ отклонилъ предупредительныя предложенія, съ которыми выступалъ Бейстъ въ Петербургѣ. Графъ, впрочемъ, выражаетъ надежду, что Россія вернется въ той политикѣ, которая одна можетъ обезпечить спокойствіе Европѣ.

«Если Россія, Австрія и Пруссія будутъ держаться вмѣстѣ—присмирѣетъ Франція, а Англія не замедлитъ присоединиться къ

¹⁾ Этотъ эпизодъ между прочимъ разсказанъ и историкомъ Трейчке въ его «Deutsche Geschichte», т. V, стр. 546.

союзникамъ. Сегодня послѣ обѣда графъ обѣщалъ мнѣ озертить политику русскаго правительства по отношенію къ римско-католической церкви.

«Въ 4 часа графъ Бергъ пожаловалъ ко мнѣ для продолженія своихъ политическихъ откровеній. Онъ описалъ мнѣ мятежъ 1863 г. Никогда бы поляки его не затѣяли, не заручись они отъ Франціи и Англій обѣщаніемъ поддержки. Опираясь на эту базу, главари движенія и подняли инсurreкцію. Тутъ графъ Бергъ коснулся дѣятельности министра маркиза Велепольскаго, который и самъ былъ кругомъ обманутъ своими земляками; потомъ Бергъ перешелъ къ тому времени, когда управление Польшею перешло къ нему. Вся полиція находилась въ польскихъ рукахъ. Поэтому графъ подобралъ 60 офицеровъ и 3,000 солдатъ и въ нѣсколько дней создалъ новую полицію. Три раза ему удавалось перелавливать и осуждать тайное національное правительство и три раза возрождалось оно вновь, пока послѣ послѣдней расправы съ Ржондомъ поляки сами уже отказались отъ этой затѣи.

«При политическихъ розыскахъ, которые затѣмъ послѣдовали, духовенство оказалось сильно скомпрометированнымъ. Поэтому графу ничего другого не оставалось сдѣлать, какъ удалить нѣсколько ксендзовъ. Что касается состава епископовъ, то, въ общемъ, онъ былъ благонамѣренный. Когда умеръ архіепископъ варшавскій Фіалковскій, по рекомендаціи г-жи Меггендорфъ, на варшавскую кафедру былъ возведенъ служившій въ Петербургѣ молодой прелатъ Фелинскій. Какъ впоследствии выяснилось, Фелинскій подвизался вмѣстѣ съ Мѣрославскимъ, строилъ даже баррикады и только несчастная любовь загнала его въ монастырь. Фелинскій и въ Варшавѣ принималъ дѣятельное участіе въ революціонныхъ безобразіяхъ, пока его не убрали. О Лубенскомъ графъ Бергъ рассказывалъ, что по началу онъ проявлялъ большую разсудительность, а потомъ словно переродился и вступилъ въ переписку съ Ледоховскимъ и Чиги, которые его постоянно подзуживали. Умеръ Лубенскій въ путешествіи, обѣвшисъ плодами и получивъ сильное разстройство желудка, которое вздумалъ лечить обильнымъ употребленіемъ крѣпкихъ винъ».

Послѣ интимнаго обѣда у намѣстника князь Гогенлоэ вмѣстѣ съ племянниками графа Берга на цѣлую недѣлю уѣхалъ охотиться въ свои имѣнія и описываетъ свои подвиги по этой части весьма подробно.

«Выѣхавъ въ 11^{1/2} часовъ изъ Бяло,—читаемъ мы въ дневникѣ отъ 20 августа 1869 г.,—мы въ 5^{1/2} часовъ уже пріѣхали въ Варшаву. Оба молодые Берга ожидали меня на вокзалѣ съ экипажемъ своего дяди и отвезли въ гостиницу. Послѣ обѣда заѣхалъ фельд-маршалъ и пригласилъ меня на завтра обѣдать. Онъ мнѣ привезъ свертокъ извлеченій изъ иностранныхъ газетъ, которыя для него

ежедневно готовятся въ дипломатической канцеляріи. Привезено это мнѣ было затѣмъ, чтобы я могъ ориентироваться въ текущей политикѣ. Старикъ фельдмаршалъ проявляетъ трогательную нѣжность къ племянникамъ и пріемнымъ сыновьямъ. Онъ охотно о нихъ распространяется и очень доволенъ тѣмъ, что я молодыхъ Берговъ собираюсь позвать къ себѣ въ Баварію на охоту на дикихъ козъ. Вообще графъ Бергъ очень хорошій человѣкъ, отправляетъ свои многотрудныя обязанности съ большимъ тактомъ и необычайною осмотрительностью.

«Съ каждымъ днемъ для меня все больше выясняется, что между поляками и русскими не можетъ установиться прочнаго замиренія. Антипатія тутъ обуславливается чисто расовыми отличіями. Русскіе энергичны, умны, ни передъ чѣмъ не останавливаются и особенно чувствительностью не грѣшатъ. Поляки страстны, мало выносливы, обидчивы и чувствительны — словомъ, сами величаютъ себя «les français du Nord». Подавленіе одной расы другой теперь наблюдается особенно рѣзко—а это, конечно, только раздуваетъ ненависть. Иные воображаютъ, что уже вѣхали въ Россію, пересѣкнули границу въ Сосновицахъ. На самомъ же дѣлѣ попадаешь въ край далеко не русскій, и мѣстные жители пребудутъ русскими, доколѣ будутъ чувствовать надъ собою гнетъ солдатъ, чиновничества и духовенства. Теперь поляки возлагаютъ свои упованія на Австрію и неминуемую будто бы въ Россіи революцію. Мнѣ думается, они сильно ошибутся въ расчетахъ. Русскій колоссъ навалился на Польшу вплотную, и я сомнѣваюсь, чтобы они могли его съ себя сбросить надолго».

II.

Назначеніе на постъ посланника въ Парижъ.—Одиннадцатилѣтнее пребываніе во Франціи.

Съ уходомъ съ министерскаго поста для кн. Гогенлоэ открылось болѣе широкое поприще, когда онъ вступилъ въ 1870 г. въ только что образованный германскій рейхстагъ, а въ слѣдующую уже сессию, 23 марта 1871 г., былъ избранъ въ вице-президенты рейхстага большинствомъ 193 голосовъ изъ 213. вмѣстѣ съ тѣмъ Гогенлоэ уже и тогда прочили въ преемники Бисмарку, вслѣдствіе особеннаго довѣрія, выражаемаго императоромъ къ его личности и дѣйствіямъ, и онъ самъ допускалъ возможность, что ему будетъ сдѣлано предложеніе замѣнить канцлера, такъ какъ императоръ оказывалъ ему неизмѣнное благоволеніе и однажды высказался въ такомъ смыслѣ, что къ какому бы дѣлу Гогенлоэ ни приложилъ руки, изъ этого всегда выходитъ полный толкъ. Довѣренность императора простиралась такъ далеко, что по поводу навязаннаго ему Бисмаркомъ дипломатическаго признанія переворота,

совершеннаго въ Испаніи маршаломъ Серрано, Фридрихъ-Вильгельмъ жаловался кн. Гогенлоэ, что Бисмаркъ чуть ли не диктуетъ ему приказанія и злоупотребляетъ угрозой подати въ отставку, какъ только императоръ начинаетъ противиться властнымъ внушеніямъ канцлера. «Бисмаркъ вѣчно кипитъ и не приходитъ въ равновѣсіе; одинъ Богъ знаетъ, куда онъ своими отважно-дерзкими поступками заведетъ его, старика. За послѣдніе годы Пруссіею достигнуто достаточно много, теперь уже наступила пора обратиться къ болѣе консервативной политикѣ. Прекрасно это сознается и самимъ Бисмаркомъ, но развѣ можно обуздать его неукротимость».

Хотя Бисмаркъ и проявлялъ къ кн. Гогенлоэ самое дружеское расположеніе, для властолюбія его, конечно, несносно было имѣть подъ бокомъ соперника и преемника *in spe*. Поэтому канцлеръ избралъ благоую часть — удалить кн. Гогенлоэ подъ благовиднымъ предлогомъ изъ Берлина, чтобы устранить все большее его сближеніе съ королемъ.

Предлогомъ для этого послужили безтактныя политическія разоблаченія гр. Гарри Арнима, приведшія его постепенно съ поста посланника въ Парижѣ къ заключенію въ крѣпость по приговору суда. Перемѣны въ личномъ составѣ посольствъ при великихъ державахъ выдвинули и кандидатуру кн. Гогенлоэ на постъ посланника въ Лондонѣ, но кн. Гогенлоэ рѣшительно отказался принять это назначеніе; затѣмъ ему предложенъ былъ посланническій постъ въ Парижѣ. Императоръ находилъ, что князь въ Парижѣ окажется совѣмъ на мѣстѣ и сумѣетъ способствовать постепенному примиренію Франціи съ Пруссіею. Что касается самого князя Гогенлоэ, то ему очень улыбалась мысль переселиться въ Парижъ, тѣмъ болѣе, что своякъ князя, князь Петръ Витгенштейнъ, занимавшій въ то время должность русскаго военнаго уполномоченнаго въ Парижѣ, увѣдомлялъ князя, что въ Парижѣ ему обезпечено сочувствіе въ высшихъ сферахъ.

Предъ отправкою въ Парижъ (аккредитивныя грамоты князю были вручены 29 апрѣля 1874 г.) Бисмаркъ неоднократно откровенничалъ съ кн. Гогенлоэ насчетъ политическихъ своихъ видовъ, зазывая князя на интимныя обѣды, во время которыхъ поражалъ гостя прожорливостью, истребляя въ немовѣрномъ количествѣ устрицы, селедки и ветчину и заливая ихъ въ изобиліи пивомъ и содовою водою.

Въ отношеніи общей политики Бисмаркъ не уставалъ увѣрять, что Германія имѣетъ весь интересъ поддерживать дружескія отношенія къ Австріи и Россіи и будетъ всячески устранять столкновенія между послѣдними, потому что если бы Австрія и Россія серьезно повздорили, пришлось бы откровенно стать на сторону одной и раздражить другую, а это опасно; самъ Бисмаркъ собирался съѣздить въ Петербургъ, «чтобы парализовать вліяніе и

нашептыванія старыхъ бабъ, которыхъ Европа натравливала на благодушнаго и слабохарактернаго императора Александра II».

Въ отношеніи Франціи князю Гогенлоэ рекомендовалось всемѣрно поддерживать республику, ибо для Европы французская республика менѣе страшна, чѣмъ возстановленіе монархіи съ орлеанскими или бонапартистскими принцами, которые не преминутъ взбудоражить Европу новыми интригами. Въ свою очередь, старый императоръ внушалъ князю Гогенлоэ, что хотя Бисмаркъ придаетъ особое значеніе ослабленію и изолированію Франціи, императоръ признаетъ неприличнымъ, чтобы Германія подкапывалась подъ Францію и своими интригами старалась бы вызвать тамъ внутреннія смуты. Заговоривъ о бонапартистахъ, Фридрихъ-Вильгельмъ сообщилъ князю Гогенлоэ, что императоръ Александръ и Горчаковъ удостовѣряютъ объ усиленіи во Франціи бонапартистскаго вліянія. «Возвращеніе бонапартистовъ къ власти,—говорилъ императоръ,—нисколько не повредитъ интересамъ Германіи, но я не могу себя представить, какъ 18-тилѣтній юноша справится съ такою странною, какъ Франція».

По восточному вопросу Германія, по мнѣнію Бисмарка, могла обнаруживать полное равнодушіе—турецкія дѣла не затрагиваютъ непосредственно нѣмецкихъ интересовъ. «Мы можемъ держаться въ сторонкѣ,—пояснялъ Бисмаркъ,—и благожелательно заботиться объ одномъ, чтобы Россія и Австрія заранѣе согласились между собою. Если изъ-за наслѣдія «большого человѣка» сосѣднія державы сдѣлаются, Германія очутится въ очень скверномъ положеніи: вѣдь если Австрія будетъ совершенно уничтожена, Германія отъ этого особыхъ выгодъ не извлечетъ ибо если и присоединитъ къ себѣ нѣмецкія земли, то не будетъ знать, что дѣлать со славянами и Венгеріею. Къ тому же пойти войною противъ Австріи въ союзѣ съ Россіею не позволило бы и общественное мнѣніе Германіи. Къ тому же уничтоженіе Австріи усилило бы положеніе Россіи и сдѣлало бы ее опасною для Германіи; влія же на Австрію, исподволь можно всегда обуздывать Россію».

Съ такою же откровенностью высказывался Бисмаркъ передъ Гогенлоэ и относительно своихъ личныхъ отношеній—онъ жаловался на недоброжелательство наслѣднаго принца и кронпринцессы Викторіи и предостерегалъ Гогенлоэ, чтобы тотъ не ввязывался въ интимную переписку, которую принцесса ему предлагала,—такая переписка возбудитъ-де неудовольствіе и подозрительность въ старомъ императорѣ.

Предостерегалъ Бисмаркъ князя Гогенлоэ и противъ интригъ престарѣлой императрицы Августы (супруги Фридриха-Вильгельма). «Императрица при помощи Шлейница, Гольтца, Нессельроде и др. возстановляетъ стараго императора противъ меня,—жаловался Бисмаркъ,—понуждаетъ своихъ клеветовъ дѣлать ей довѣренныя со-

общенія и прочитываетъ ихъ за завтракомъ своему высокому супругу, который затѣмъ пишетъ мнѣ пренепрятныя своеручныя записки». При этомъ канцлеръ пояснилъ, что истинная причина затаенной вражды къ нему императрицы восходитъ еще къ 1842 г. Тогда въ средѣ соединеннаго ландтага поднималась рѣчь о томъ, чтобы заставить короля и наслѣднаго принца (будущаго императора Фридриха-Вильгельма) отказаться отъ престола, а регентство, за малолѣтствомъ принца Фридриха, ввѣрить кронпринцессѣ Августѣ. Въ этомъ смыслѣ съ принцессою небезуспѣшно затѣяны были переговоры депутатомъ Винке, и когда объ этомъ узналъ Бисмаркъ, то не замедилъ положить конецъ интригѣ, пригрозивъ Винке преслѣдованіемъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ много- и противорѣчивыхъ наставленій и внушеній кн. Гогенлоэ отправился къ новому дипломатическому посту, поощряемый любезными завѣреніями Бисмарка, говорившаго: «Мнѣ вѣдь незачѣмъ вамъ внушать, чтобы вы не проявляли слишкомъ много торопливой ретивости. Вы и сами имѣете достаточную опытность въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и прекрасно понимаете, что всякую вещь надо зрѣло обдумать, прежде чѣмъ выступать съ активными дѣйствіями. На этотъ счетъ вы, впрочемъ, достаточно осторожны».

Президентъ Тьеръ на приемѣ довольно неожиданно объявилъ князю Гогенлоэ, что давно питаетъ пріязнь къ нѣмецкому канцлеру, а веденіе съ нимъ въ 1870 г. мирныхъ переговоровъ только усилило эти добрыя чувства. Бисмаркъ въ значительной степени облегчилъ положеніе уполномоченныхъ версальскаго правительства, такъ какъ предложенныя Германією условія мира, что бы ни говорили, были весьма умѣренны и при данныхъ условіяхъ вполне приемлемы, «*Je ne dis pas cela à mes compatriotes, qui trouvent qu'on a été beaucoup trop dur*»¹⁾. Но таково искреннее его убѣжденіе, а потому онъ считаетъ себя много обязаннымъ Бисмарку.

Заговоривъ затѣмъ о старости, Тьеръ освѣдомился, сколько князю лѣтъ. Оказалось 56. «Завидные годы,—сказалъ Тьеръ.— Между нами разница въ лѣтахъ на цѣлыхъ 22 года. *Vous pourriez m'en céder la moitié, 56 ans—c'est la jeunesse*»²⁾. О начинавшемся въ Герцеговинѣ движеніи Тьеръ отозвался, что изъ него выйдетъ для Европы такой же *gâchis* (неразбериха), какъ по испанскимъ дѣламъ.

Конечно, можно было бы Герцеговину и Боснію прикинуть Австріи, но это послужило бы сигналомъ къ раздѣлу Турціи. А если бы Турція распалась, возникъ бы неразрѣшимый вопросъ,

¹⁾ Я не говорю этого моимъ соотечественникамъ, которые находятъ, что условія были очень суровы.

²⁾ Вы могли бы уступить мнѣ половину: 56 лѣтъ—это юность.

что сдѣлать съ Константинополемъ. Воображеніе и тутъ помогло подвижному Тьеру.—«Самое простое было бы водворить тамъ папу. Il ne serait pas à plaindre».

Въ свою очередь, министр иностранныхъ дѣлъ Симонъ, ссылаясь на авторитетное свидѣтельство французскаго посла въ Петербургѣ, генерала Лефло, увѣрялъ, будто Россія ищетъ сближенія съ Англіей, и симпатіи императора Александра къ Германіи вовсе не раздѣляются его подданными, настроенными враждебно противъ нѣмцевъ. «Я на это возразилъ Симону,—пишетъ Гогенлоэ:—что хорошо знаю русскихъ и увѣренъ, что вообще къ фронтдирующимъ политическимъ разсужденіямъ россиянь слѣдуетъ относиться такъ же равнодушно, какъ къ вызывающимъ рѣчамъ иныхъ русскихъ барынь».

Тамъ не менѣе кн. Гогенлоэ внимательно прислушивался къ этимъ «вызывающимъ» рѣчамъ, и въ его парижскомъ дневникѣ часто встрѣчаются записи, указывающія на его интимныя отношенія къ «русскимъ барынямъ».

Такъ онъ отмѣчаетъ: «Княгиня Трубецкая, изъ безсвязныхъ сообщеній которой всегда можно выудить кое-что интересное, рассказывала мнѣ, что южно-славянское населеніе Сербіи, Босніи и Герцеговины стремится къ созданію южно-славянской республиканской конфедераціи, а резиденціею для президента ея намѣчается Константинополь. Епископъ Штросмейеръ, отъ котораго княгиня почерпала эти свѣдѣнія, тоже не прочь примкнуть къ идеѣ южно-славянской республики. Княгиня Трубецкая увѣряетъ, будто война откроется въ началѣ будущаго года (записано лѣтомъ 1875 г.) и что на одной сторонѣ стануть Россія съ Германіею, а на другой Австрія, Франція и Англія».

Княгиня Елена Кочубей старалась выпытать у князя, насколько онъ убѣжденный сторонникъ бисмарковской политики, и намекала, что лично къ князю Гогенлоэ императрица Августа питаетъ большое довѣріе и особенную признательность за то, что онъ ставитъ отношенія Германіи къ Франціи на дружескую ногу.

Постепенно всѣ дипломатическіе интересы князя Гогенлоэ даже и въ Парижѣ сосредоточиваются на восточномъ вопросѣ, который волновалъ тогда всѣ европейскіе дворы.

Въ виду болгарской рѣзни Тьеръ находилъ возраставшее противъ Турціи недовольство Европы вполне естественнымъ. «L'Europe a des nerfs», твердилъ онъ. Въ свою очередь, и императоръ германскій высказывался предъ французскимъ посланникомъ довольно опредѣлительно: «Si on massacre les chrétiens, l'Europe ne peut pas assister sans rien faire» ¹⁾.

¹⁾ Если избиваютъ христіанъ, то Европа не можетъ присутствовать при этомъ, ничего не дѣлая.

Европейскіе дипломаты съ обычною близорукостью возлагали радужныя надежды на приведеніе въ исполненіе рѣшеній берлинскаго меморандума, которымъ обезпечивалось перемиріе между Портою и возставшими ея провинціями, но турецкій посолъ въ Парижѣ, не обинуясь, высказывалъ, что перемиріе направлено «pour tuer la Turquie goutte à goutte», такъ какъ когда придетъ лѣто, Турція лишится возможности нанести рѣшительный ударъ инсургентамъ.

Хотя миролюбіе императора Александра II оставлялось внѣ сомнѣнія и по всей Европѣ быстро пронеслись успокоительныя слова, высказанныя имъ въ Ливадіи лорду Лифтусу: «Avant tout imprimez vous bien trois pointes: 1) le testament de Pierre le Grand n'existe pas, 2) je ne ferai jamais des conquêtes aux Indes, 3) je n'irai jamais à Constantinople»,—но императору Александру, можетъ быть и противъ воли, пришлось считаться съ стихійнымъ движеніемъ, разгоравшимся среди его подданныхъ въ защиту поработченныхъ славянъ. Уже въ маѣ 1876 г. князь Гогенлоэ отмѣчалъ, что по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ имъ и изъ финансовыхъ круговъ (черезъ барона Гирша) и изъ дипломатическихъ источниковъ (черезъ герцога Деказа), «не подлежитъ сомнѣнію, что болгарское движеніе поддерживается сочувствующею ему Россіею—не правительствомъ, но именно русскимъ народомъ».

При малой вообще освѣдомленности Европы въ дѣлахъ Россіи и Востока пріѣздъ бывшаго російскаго посланника при оттоманскомъ дворѣ графа Н. П. Игнатьева произвелъ въ Парижѣ великую сенсацію.

«Сегодня, — пишетъ князь Гогенлоэ подъ 8 марта 1877 г., — ко мнѣ заѣзжала княгиня Урусова съ предложеніемъ пріѣхать къ ней въ 5 часовъ вечера познакомиться съ ея двоюроднымъ братомъ Игнатьевымъ. Я отправился въ назначенный часъ и уже засталъ у княгини Игнатьева. Внѣшность его обращаетъ на себя вниманіе: широкое лицо, сильно развитый подбородокъ и легко складывающіяся въ улыбку уста. Игнатьевъ завелъ рѣчь о Берлинѣ и Бисмаркѣ. Съ нѣкоторымъ самодовольствомъ подчеркивалъ онъ сходство въ характерѣ и привычкахъ, которое усматривалъ между собою и Бисмаркомъ, и, играя скромностью, назвалъ себя ученикомъ канцлера. На самомъ дѣлѣ Игнатьевъ далеко скромностью не отличается и представляетъ собою личность значительную, которой даже и не пристало скромничать. Несомнѣнно, онъ сдѣланъ изъ такого тѣста, что ему въ пору была бы роль государственнаго канцлера. Нисколько не стѣсняясь въ высказываніи своихъ мыслей, онъ проявляетъ большой умъ и лукавство.

---

¹⁾ Прежде всего хорошо запечатлѣйте три пункта: 1) завѣщанія Петра Великаго не существуетъ; 2) я никогда не сдѣлаю завоеваній въ Индіи; 3) я никогда не пойду въ Константинополь.

«По восточному вопросу Игнатъевъ высказывается безъ обиняковъ. При первой же встряскѣ Турція начнетъ рушиться, а отсюда произтекутъ всевозможныя затрудненія. «Если бы мы могли бережно уложить Турцію въ вату или замариновать ее въ уксусъ, мы, конечно, это сдѣлали бы. Но такое промежуточное существованіе не можетъ долго тянуться».

«По мѣрѣ развитія и осложненія событій Европа,—замѣчаетъ Гогенлоэ,—начинала терять голову. Англія со страху обезумѣла, а Італія тѣщится выудить что-нибудь для себя изъ мутной водицы. Когда я сегодня послѣ полудня посѣтилъ Деказа, только что вернувшася изъ Канны, я у него засталъ Орлова. Орловъ былъ совершенно подавленъ. По отъѣздѣ Орлова Деказь распространился о современномъ положеніи. Онъ не предвидитъ, чтобы Россія смогла извлечь выгоды отъ восточной войны. Для Россіи важно было бы обезпечить себѣ выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, но война поведетъ лишь къ тому, что Англія завладѣетъ Дарданеллами. Это мнѣніе неоднократно высказывалъ и Тьеръ. Поэтому, заключалъ Деказь, если восточная война станетъ разгораться, задачей Германіи и Франціи явится приложить обоюдныя старанія и усилія къ тому, чтобы локализовать войну. «Tous les conseils que vous me donnerez à ce sujet, je les accepterai avec la plus grande confiance et je m'enpresserai à m'y conformer» ¹⁾.

Деказь подтверждалъ, со словъ Альфонса Ротшильда, и ту утѣшительную вѣсть, что, хотя бы русская армія и повела успѣшное наступленіе на Турцію, Австрія останется спокойною. Андраши торжественно заявилъ Ротшильду: «Nous ne bougerons pas», находя для Австріи невыгоднымъ присоединеніе Босніи цѣною войны.

Послѣ лѣтнихъ и осеннихъ плевненскихъ неудачъ Бисмаркъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что Россія и думать не можетъ о замиреніи, прежде чѣмъ не возстановитъ своего военного престижа. Если бы въ случаѣ несчастнаго исхода и второй кампаніи Россія оказалась вынужденною заключить миръ, внутри имперіи возникли бы серьезныя безпорядки и Россія опять поставлена была бы въ необходимость затѣять новую войну хотя бы съ Австрією. Бисмаркъ, впрочемъ, смотрѣлъ на военное положеніе Россіи вовсе не безнадежно—разъ Россія возьмется за дѣло ловчѣе и исправитъ допущенныя въ веденіи войны промахи, конечно, побѣда останется на ея сторонѣ.

Иначе смотрѣлъ на дѣло банкиръ Блейхредеръ: въ теченіе двухчасовой бесѣды съ Гогенлоэ онъ силился доказать, будто финансовое положеніе Россіи совершенно отчаянное—послѣ Рожде-

¹⁾ Въсь совѣты, которые вы мнѣ дадите по этому предмету, я приму съ величайшимъ довѣріемъ и постараюсь съ ними сообразоваться.

ства 1877 г. она уже не въ силахъ будетъ продолжать войну. Русское государственное казначейство уже теперь ухлопало на войну 500 милліоновъ рублей, а затянись война еще на весну, потребуется затрата новыхъ 500 милліоновъ. А между тѣмъ, жаловался Блейхредеръ, Бисмаркъ и слышать не хочетъ о мирномъ посредничествѣ, такъ какъ не безъ основанія опасается, что вся вина гнилого мира падеть на Германію.

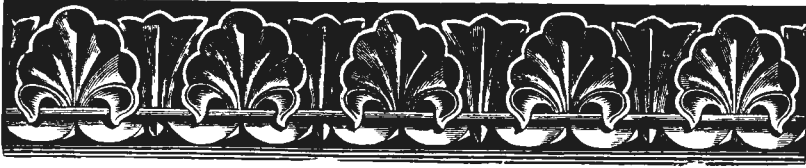
Тѣмъ не менѣе мысль о посредничествѣ стала постепенно пробивать себѣ дорогу, особенно, когда послѣ рѣшающихъ шипкинскихъ боевъ русская армія неудержимо стала подвигаться къ Румелин.

«Послѣдніе дни,—записываетъ кн. Гогенлоэ подь 28 февраля 1878 г.,—были очень безпокойны: днемъ усиленная работа, а по вечерамъ безпрестанные выѣзды. Существуютъ вѣскія опасенія, что возгорится новая война между Англією, Россією и Австрією. Всѣ возмущаются русскою притязательностью и высказываются пожеланія, чтобы Германія предприняла шаги для понужденія Россіи къ миру. Бисмаркъ, конечно, правъ, уклоняясь отъ этой неблагодарной задачи.

«Если бы Германія и впрямь взялась въ это дѣло и совмѣстно съ Англією и Австрією объявила императору Александру шахъ и мать, Россія за это насъ бы не поблагодарила. Если бы дѣло дошло до войны и побѣда досталась бы Англіи и Австріи безъ участія Германіи, и въ этомъ случаѣ никакой особой благодарностью отъ обѣихъ союзницъ мы не заручились бы, но вызвали бы къ себѣ со стороны Россіи вражду и очутились бы въ совершенно изолированномъ положеніи въ Европѣ».

В. И. Штейнъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССИИ ¹⁾.

II.

Наканунъ реформъ.

VI.

ВЪШИТЕЛЬНЫМЪ поворотнымъ и отправнымъ пунктомъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, а вмѣстѣ съ тѣмъ во взаимоотношеніяхъ силъ общественныхъ и правительственныхъ явился рескриптъ 20 ноября 1857 г., вызванный донесеніемъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова о желаніи помѣщиковъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній замѣнить существовавшія доселѣ крѣпостныя отношенія добровольными соглашениями помѣщиковъ и крестьянъ по образцу прибалтійскихъ губерній. Это донесеніе послужило для Александра II, въ значительной мѣрѣ подпавшаго въ тотъ періодъ подъ вліяніе либеральныхъ вѣяній, выразителями коихъ въ Петербургѣ явились великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна, сильной точкой опоры въ его отношеніяхъ и къ вяло дѣйствовавшему комитету и къ будировавшему и неподвижному дворянству. Государь далъ повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ составить въ нѣсколько

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1907 г., т. СVII, стр. 652.

дней знаменитый рескриптъ на имя Назимова, въ которомъ высказана была уже безповоротная его воля, чтобы по крайней мѣрѣ въ трехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ немедленно было приступлено къ выработкѣ проектовъ по улучшенію быта крестьянъ, причемъ основаніями къ такому улучшенію намѣчалось, что: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они приобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщика; 2) крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція и 3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ оброковъ.

Для выработки болѣе подробныхъ основаній всей предположенной въ сказанномъ направленіи реформы въ губерніяхъ учреждались особые комитеты. Въ заключеніе рескрипта было сказано: «открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участию въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей, и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ». Но вслѣдъ за этими словами въ видѣ извѣстнаго предостереженія по адресу крестьянъ, съ одной стороны, и нѣкотораго утѣшенія дворянства, съ другой, было прибавлено: «Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повинненіи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ».

Этотъ рескриптъ былъ освѣщенъ болѣе ясно дополнительнымъ къ нему отношеніемъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ между прочимъ категорически говорилось, что упоминаемое въ рескриптѣ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ въ сущности обозначаетъ простое ихъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости послѣ переходнаго срока, высшій предѣлъ котораго опредѣлялся двѣнадцатью годами.

Сначала предполагалось и самый рескриптъ и дополненіе къ нему министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать строго конфиденціальными и тѣмъ какъ бы не нарушать завѣтовъ бюрократической старины, но самъ Александръ II мужественно сдержнулъ съ нихъ

задуманную завѣсу канцелярской таинственности, сообщивъ о нихъ представлявшемуся ему воронежскому губернатору. Этотъ откровенный поступокъ со стороны монарха имѣлъ самыя благія послѣдствія: было рѣшено оба акта разослать при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства «для свѣдѣнія и соображенія» на случай, если бы дворянства и прочихъ російскихъ губерній пожелали послѣдовать почину, сдѣланному въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Рескриптъ Назимову является однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ моментовъ того періода «кануна реформъ»—онъ создалъ цѣлую историческую эпоху первостепенной важности, гдѣ реакціонно-оппозиціонному дворянству былъ нанесенъ рукою самого императора рѣшительный ударъ, послѣ чего этому дворянству, несмотря на всю бушевавшую въ немъ злобу и неудовольствіе, осталось только покориться велѣніямъ неумолимой судьбы. Самъ царь становился во главѣ опредѣленнаго движенія и недовольнымъ элементамъ приходилось до времени смириться съ тѣмъ, чтобы исподволь и въ тиши ловкими ходами испортить впечатлѣніе великаго историческаго часа. И эта подспудная работа не замедлила обнаружиться въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя петербургскаго военнаго генераль-губернатора Игнатѣва, вызванномъ ходатайствомъ петербургскаго дворянства о дозволеніи ему «приступить къ составленію предположеній объ улучшеніи быта его крестьянъ». По поводу этого ходатайства и послѣдующихъ дѣйствій столичнаго дворянства г. Иванюковъ говоритъ¹⁾: «что только близостью къ трону и непосредственнымъ на него вліяніемъ императора, а не великодушнымъ стремленіемъ отказаться отъ отжившихъ сословныхъ привилегій, можно объяснить фактъ, что это дворянство первое выступило съ ходатайствомъ,—очевиднымъ свидѣтельствомъ тому служить составленный петербургскимъ комитетомъ проектъ положенія о крестьянахъ. Ни въ одномъ комитетскомъ проектѣ, за исключеніемъ развѣ костромскаго, не выразились такъ ярко поползновенія крайней помѣщичьей партіи. Проектъ «положенія» петербургскаго дворянства стремился сохранить весь букетъ и матеріальные интересы крѣпостныхъ порядковъ, присоединивъ къ нимъ чуждые русской жизни юридическіе институты, въ родѣ майоратовъ, привилегій рыцарскихъ имѣній и другіе остатки феодализма, которыми пользуется остзейско-прусское юнкерство. Фактъ этотъ многознаменателенъ. Титулованное, чиновное дворянство первой столицы Россіи и здѣсь, какъ и всегда, разошлось съ требованіями народной жизни и обнаружило полное незнаніе Россіи».

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи.»

Обращеніе петербургскаго дворянства вызвало отвѣтныи рескриптъ, гдѣ, въ противность рескрипту Назимову, тонъ нѣсколько мѣняется и на первый планъ выдвигается именно выраженіе: «улучшеніе быта крестьянъ»,—выраженіе, которымъ яркость освободительной мысли въ рескриптѣ 20 ноября значительно затемняется. Происходитъ очень знаменательная сама по себѣ, хотя и мало замѣтная на первый взглядъ фальсификація: «освобожденіе» подмѣняется «улучшеніемъ быта», каковое выраженіе съ этого момента становится официальнымъ. Реакція сдѣлала первую ставку и выиграла ее, но плоды этого выигрыша не сразу сказались; общее же, такъ сказать, всероссійское впечатлѣніе оставалось не отъ рескрипта Игнатьеву, а отъ рескрипта Назимову, на который какъ-никакъ, а приходилось хоть и съ болью въ сердцѣ откликнуться.

Государь и сочувствующіе реформѣ ожидали съ явнымъ нетерпѣніемъ голоса русскаго дворянства, причемъ царило убѣжденіе, что первая заговоритъ первопрестольная. Но тамъ сидѣлъ знаменитый гр. Закревскій, крѣпостникъ самъ и личный другъ кн. Орлова, такого же крѣпостника, какъ и онъ. Подъ вліяніемъ Закревскаго московское дворянство стало выжидать хода событій въ Петербургѣ, при чемъ ему говорили, что имѣются оттуда достовѣрныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія о ближайшей «перемѣнѣ въ дѣлахъ». Губернаторы прочихъ губерній силились склонить дворянства вѣрннхъ имъ губерній къ скорѣйшему отвѣту на царское обращеніе, и первый, кто успѣлъ въ этомъ направленіи, былъ нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ, старый масонъ и декабристъ, поплатившійся за свои убѣжденія въ свое время каторжными работами.

17 декабря 1857 г. нижегородское дворянство подписало всеподданнѣйшій адресъ, гдѣ выразило «единодушное желаніе принести его императорскому величеству полную готовность исполнить его священную волю, на основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать». Починъ былъ сдѣланъ, и Александръ II въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ успѣшилъ поблагодарить тѣхъ, кто первый пошелъ навстрѣчу его волѣ. Ледъ дворянскаго равнодушія былъ сломанъ, и адреса посыпались изъ губерній въ столицу къ подножію престола. Отвѣты не замедлили слѣдовать, при чемъ не лишне отмѣтить, что наиболѣе холодныя отношенія установились между монархомъ и московскимъ дворянствомъ. Послѣднее представило свой адресъ съ нѣкоторою туманною оговоркою, которая рѣзнуло царское ухо, столь чутко въ тѣ дни настроенное. Отвѣтъ послѣдовалъ холодный, даже какъ бы съ нѣкоторою долею пренебреженія, явившагося своего рода отместкою за запоздалое выступленіе на историческую сцену привилегированнаго сословія той самой первопрестольной, на которую такъ еще недавно возлагалось столько надеждъ.

«Рядъ рескриптовъ и министерскихъ отношеній въ отвѣтъ на подаваемые дворянствами прошенія о разрѣшеніи приступить къ устройству быта крестьянъ былъ только географическимъ развитіемъ началъ, высказанныхъ въ первыхъ двухъ рескриптахъ и дополнительныхъ отношеніяхъ министра, съ незначительными измѣненіями, вызванными мѣстными особенностями нѣкоторыхъ губерній,—говорить г. Иванюковъ.—Вслѣдъ за рескриптами послѣдовали избранія въ члены дворянскихъ комитетовъ и открытія ихъ, а 21 апрѣля 1858 г. препровождена была къ начальникамъ губерній и подробная программа занятій губернскихъ комитетовъ, составленная и рассмотрѣнная по повелѣнію императора въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу».

VII.

Если дворянство такъ трудно было поднять на отвѣтъ царю, то совершенно иная картина рисуется изъ положенія, занятаго въ тѣ дни русской интеллигенціей. Здѣсь сразу послѣ рескрипта Назимову началось настоящее ликованіе, и потомки Радищева съ полнымъ энтузіазмомъ встрѣтили твердый шагъ государя императора по пути эмансипаціи. Отъ полноты своей прекрасной души отозвался на развертывавшіяся событія въ Россіи Герценъ, который еще такъ недавно грозно восклицалъ: «vivos voco!» Въ № 9 «Колокола» за 1858 года онъ помѣстилъ вдохновенную статью «Черезъ три года». Приводимъ ее цѣликомъ:

«Ты побѣдилъ Галилеянинъ! и намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ-за дѣла, кто его сдѣлалъ, тому и честь.

«Середь общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣсновавшихся реакціонеровъ и солдатъ пьяныхъ отъ крови, середь нелѣпой войны и глубокаго паденія всего западнаго материка—мы со страхомъ гадая обращали взглядъ нашъ на молодого человѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ, котораго тяжелыя ножки далеко вдавились въ нашу грудь.

«Отъ васъ ждуть кротости», говорили мы ему: «отъ васъ ждуть человѣческаго сердца — вы необыкновенно счастливы!» и робко, мучимые сомнѣніемъ, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову! Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго состоянія».

«И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ, надѣясь, негодую, прислушиваясь къ движенію, къ вѣстямъ. Послѣ тридцатилѣтняго ожиданія—нетерпѣніе простительно...

«Книга Корфа ¹⁾ оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ безощадно напомнила намъ свинцовое время, въ которое мы столько страдали.

¹⁾ Посвященная Николаю Павловичу.

«...А тамъ это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мѣшающія ему идти впередъ... надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся въ мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

«Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

«Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая—а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами—для великаго будущаго.

«Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ!

«Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое—пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе законѣло въ помѣщикахъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе.

«И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣряться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое великое искомое современной Россіи—въ гласность. Гласность ихъ казнить, прежде нежели дойдетъ до правительственнаго бича или до крестьянскаго топора.

«Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами! Выходите же на арену—дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ, вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши? Знаете что—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской! это мужика-то и не поѣчь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться. Помѣряйтесь!

«Вамъ можно было бы отпустить грѣхъ неправаго наслѣдства, преемственнаго стяжанія, преступленія — вашихъ злодѣевъ-отцовъ, вашихъ изверговъ-матерей, за раскаяніе, за молчаніе, за умѣнне понести потерю, за угрызенье совѣсти. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю отвѣтственность. Вы никогда не осмѣливались даже поверчать, когда вашихъ дѣтей ссылали въ Сибирь, когда съ вами обращались, какъ съ холопами, и вы осмѣливаетесь теперь показывать зубы. Исторія васъ разсудитъ съ императоромъ Александромъ II и съ народомъ русскимъ—смотрите только, какъ бы она для васъ не настала слишкомъ скоро. Подумайте объ этомъ!

«Что касается до насъ—нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ, и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію,—но также сильно любятъ и свободу, «которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ».

«Но, ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе освободителя крестьянъ. «Ты побѣдилъ Галилеянина!»

«Искандеръ».

Рядомъ съ Герценомъ отозвался на событія въ Россіи и Н. Огаревъ, помѣстившій въ томъ же № письмо, гдѣ писалъ:

«Другъ Искандеръ!»

«Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла—освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобы дѣлать что-нибудь не въявь и неоткровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы Р. Р., которыхъ таинственность основывалась на недовѣрїи къ власти.

«Н. Огаревъ».

И дѣйствительно, вслѣдъ за симъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей друга Герцена, посвященныхъ главнымъ образомъ разработкѣ крестьянскаго вопроса и проектовъ по сему предмету, поданныхъ уже полнымъ именемъ автора. Такъ радостно, съ до- вѣрїемъ и сердечно отнеслась зарубежная русская литература къ

почину государя императора и не менѣе ея горячи были чувства, высказываемыя дома на зарѣ новой отечественной жизни со стороны писателей прогрессивныхъ лагерей, какъ въ Петербургѣ, такъ и Москвѣ.

«Современникъ», «Отечественныя Записки», «Атеней», «Библиотека для чтенія», «Русскій Вѣстникъ»—все эти главнѣйшіе органы тогдашней ежемѣсячной печати стали въ отношеніи серьезнаго историческаго момента, переживаемаго родиною, въ положеніе, благопріятствующее правительству на его реформаціонномъ пути. Крестьянскій вопросъ, бывшій столь долго запретнымъ для прессы, получаетъ право гражданства, хотя далеко и не полное на первое время, и многіе журналы отводятъ вопросу спеціальныя рубрики. Въ Москвѣ даже открылся при «Русской Бесѣдѣ» особый еженедѣльный журналъ подѣ редакціей А. И. Кошелева, «Сельское Благоустройство», посвященный исключительно дѣлу преобразования сельскаго быта, гдѣ въ первомъ № между прочимъ говорилось: «Примитесь же дружно за подлежащее намъ дѣло, люди разныхъ мнѣній! Соединитесь во имя великой задачи, выдвинутой государственною жизнью нашего отечества и благовременно сознанный мудростью и благодушіемъ нашего царя! Имъ подайте высокій примѣръ. Онъ призвалъ насъ всѣхъ къ дѣлу; пусть и каждый изъ насъ словомъ и дѣломъ призываетъ всѣхъ и каждого къ разъясненію и утвержденію собственныхъ своихъ мнѣній объ основной задачѣ нашего времени».

Но наиболѣе восторженно привѣтствовалъ новый правительственный курсъ младшій представитель славянофильства, И. С. Аксаковъ, встрѣтившій наступившій 1858 г. слѣдующимъ стихотвореніемъ:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепеть слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день!
Съ сонныхъ вѣждъ стяхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Влещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!

Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
 Ни вражды, ни мести нѣтъ.
 Все простить имъ безъ расчета,
 Устоявшій въ дни тревогъ,
 Онъ, чей духъ годину гнета
 Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
 Пѣсню радости поетъ:
 Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
 Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
 Людямъ миръ, благословенье,
 Долгихъ мукъ исчезнеть слѣдъ.
 Дню вчерашнему забвенью,
 Дню грядущему привѣтъ!

Представители печати не только въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, но и въ совершенно новой до тѣхъ поръ формѣ проявленія своихъ чувствъ спѣшили съ привѣтомъ зарѣ новой жизни и виновнику этой зари. Впервые нарождаются общественные банкеты, гдѣ раздаются горячія рѣчи, отзвуки которыхъ прокатились по всей родной землѣ.

VIII.

Инициаторомъ банкетовъ явился Кавелинъ, который и положилъ начало ихъ организаціи въ Москвѣ, въ цѣляхъ собрать на обѣдъ по случаю рескрипта 20 ноября 1857 г. всѣ литературныя силы первопрестольной и соединить ихъ «въ духѣ примиренія». Единомышленно съ Кавелинымъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи Катковъ, тогда великій англофилъ и поклонникъ англійскаго конституціонализма. Однако, задуманное соединеніе всѣхъ партій не могло состояться, ибо славянофилы отказались въ полномъ своемъ составѣ на немъ участвовать. Мотивъ отказа былъ изложенъ Ю. Самаринымъ въ письмѣ на имя М. Погодина ¹⁾. «Сейчасъ былъ у меня Кавелинъ,—писалъ онъ.—Отъ него я узналъ, что обѣдъ дается безъ вѣдома мѣстнаго начальства, слѣдовательно, оно не связано изъявленіемъ согласія и можетъ представить дѣло какъ ему вздумается. Въ добромъ его расположеніи, кажется, нельзя сомнѣваться. Обѣдъ дается профессорами, учеными, журналистами, т. е. людьми болѣе или менѣе, въ качествѣ пишущихъ, состоящими въ подозрѣніи. Что вы дѣлаете! Завтра Закревскій, вся Москва первыхъ четырехъ классовъ, весь Петербургъ прокричитъ: «Вотъ какихъ союзниковъ приобрѣлъ государь. Красные всѣ за него!...» Это все какъ разъ въ руку противникамъ эмансипаціи. Лучшаго для нихъ нельзя было ничего при-

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсуковъ. Кн. пятнадцатая.

думать. Вы имъ подвѣртываете полный, неисчерпаемый доводъ въ то самое время, какъ у нихъ выбито изъ рукъ оружіе, такой доводъ, котораго нельзя опровергнуть, потому что онъ основанъ на понятіи о личной благодарности того и другого лица. Какъ вы думаете: сочувствіе Павлова, Кетчера, ваше, заявленное во всеуслышаніе, подкрѣпитъ государя въ его убѣжденіяхъ или заставить его призадуматься? И это все въ то время, какъ вышло по цензурѣ предписаніе не пропускать никакихъ толковъ о циркулярѣ ни pro, ни contra. Я понимаю ихъ, но васъ рѣшительно не понимаю. Я отказался рѣшительно отъ всякаго участія въ манифестаціи, которую считаю вредною, несвоевременною, отъ которой не можетъ быть никакой пользы, а можетъ произойти большой вредъ для дѣла. Я знаю, какъ это будетъ перетолковано, и иду на все. Пусть думаютъ, что хотятъ. Недалеко то время, когда каждому дастся возможность заявить свое убѣжденіе не количествомъ налитыхъ и разбитыхъ рюмокъ, не звонкими фразами, а дѣломъ».

Точно такъ же формулировалъ свой отказъ отъ участія въ обѣдѣ и А. Кошелевъ въ письмѣ на имя А. Попова¹⁾: «Вѣроятно, вы уже знаете, что въ Москвѣ вздумали давать обѣдъ въ честь рескриптовъ. Сперва мы было согласились въ немъ участвовать, потому что намъ говорили, что дворянство и официальные лица принимаютъ въ немъ участіе; но, узнавши, что никого изъ официальныхъ лицъ изъ дворянства московскаго не будетъ, мы, разумѣется, отказались. Въ такую важную минуту должно не раздражать и безъ того взволнованныя страсти; не съ кулебякою во рту и не съ бокаломъ шампанскаго должно начинать дѣло, а съ молитвою, съ полнымъ чувствомъ великаго дѣла, намъ предлежащаго, съ любовью и миромъ должно приступать къ дѣлу. Вотъ почему мы отказались отъ обѣда. Господамъ учредителямъ хотѣлось поговорить, а намъ предстоитъ дѣйствовать. Съ болтовнею дѣла не сдѣлаешь».

Таковы были причины отказа славянофиловъ отъ участія въ обѣдѣ, причины, въ которыхъ мы слышимъ не мотивы партійнаго раздора, которымъ всегда была полна наша литературная среда, а соображенія высшаго порядка. Они, которымъ готовилась такая выдающаяся и, скажемъ, рѣшающая роль въ проведеніи великой реформы, какъ бы съ благоговѣніемъ готовились къ своему отвѣтственному служенію родинѣ и съ особенною осторожностью оберегали и самое дѣло и свои силы, которыя къ тому времени уже болѣе или менѣе въ лицѣ Н. Милютина, Ю. Самарина и отчасти А. Кошелева мобилизовались около дѣла эмансипаціи.

Но какъ бы тамъ ни было, а первый по времени не научно-

---

¹⁾ Тамъ же.

литературный и юбилейный, а настоящий общественный банкетъ съ идейной политической подкладкой состоялся 28 декабря 1857 г. въ залахъ купеческаго собранія съ участіемъ въ немъ до 180 человѣкъ. Одушевленіе присутствовавшихъ было громадное, многіе плакали отъ умиленія, обнимались и поздравляли другъ друга съ наступленіемъ въ Россіи новой эры. Первый тостъ былъ провозглашенъ М. Катковымъ, который началъ свою рѣчь словами ¹⁾: «Бываютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе въ жизни — эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ своего собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и общемъ чувствѣ,—благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи. Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху». Въ заключеніе ораторъ провозгласилъ: «Да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ правды и блага для нашей родины! Отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго провозглашаю тостъ за здравіе государя императора».

За Катковымъ говорили А. Станкевичъ, М. Погодинъ, Павловъ, И. Бабстъ, К. Кавелинъ, В. Кокоревъ. Павловъ началъ свою рѣчь словами: «Господа, новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи!»... Свою рѣчь Кавелинъ произнесъ при непрерывныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ «браво!» Онъ говорилъ, между прочимъ: «... 20 ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей... Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей».

Но особенное, такъ сказать, историческое значеніе имѣла рѣчь представителя Московскаго купечества В. Кокорева, этого замѣчательнаго и оригинальнаго представителя народа, которому, по словамъ поэта, «рѣчь въ народномъ русскомъ стилѣ миллионы принесла». Рѣчь этого оратора началась такъ: «Свѣтъ и тьма—въ вѣчной борьбѣ. (Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется чело-вѣ-

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15.

чество, добръбетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма — настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ челобѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но зато сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II. Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена и согрѣта вся русская земля. Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому 1858 году! Для 15.000,000 людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого мы всѣ вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся, пульсы наши бьютъ иначе: ровно, твердо, сильно, мы можемъ теперь сравнить свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взобраться кверху. Не мало на этомъ непротопанномъ пути мы встрѣтимъ колючихъ растений. Но намъ ли бояться препятствій въ то время, когда на горѣ стоитъ нашъ царь и призываетъ насъ къ себѣ? Мы видимъ это сквозь открывшіеся промежутки частокола. И та гора, къ которой подвело насъ время, есть гора упованія. Царь уповаетъ на народъ, народъ уповаетъ на царя... Первое и главное зерно обновленія — судьба 15.000,000 крестьянъ — вложено царемъ въ общественную мысль. Да исполнитъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ, ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ и выражала бы очевидную удобоприимлемость къ жизни, этому трудному дѣлу вѣришій другъ и помощникъ — свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ». Затѣмъ Кокоревъ обратился къ купечеству съ надеждой, что оно, само недавно вышедшее изъ крестьянъ, поспѣшитъ составить фондъ для пособія крестьянамъ при выкупѣ ими усадебъ. Онъ говорилъ: «Будемъ откровенны и искренны въ такіе великіе дни отечественныхъ событій и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнымъ образомъ отъ крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ; ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатства, ими же сообщенныя!»

Рѣчь Кокорева, въ особенности, когда она появилась въ цѣломъ видѣ на страницахъ «Русскаго Вѣстника» и получила широкое распространеніе, вызвала неодобреніе правительственныхъ сферъ, все еще не могшихъ отрѣшиться отъ былыхъ традицій рабской рѣчи, о чемъ еще будетъ говорено далѣе, и даже нашла себѣ

откликъ на страницахъ «Колокола». По поводу ея Герценъ писалъ: «Мы не думаемъ, чтобы В. А. Кокореву было непріятно увидѣть свое имя въ «Колоколѣ»; «Колоколъ» нашъ ему звонитъ не такъ, какъ Закревскимъ и Панинымъ,—а празднично и дружески за его благородное, прекрасное предложеніе, сдѣланное на московскомъ предпразднованіи грядущаго освобожденія крестьянъ. Примѣръ, поставленный В. А. Кокоревымъ, его имя не будетъ забыто исторіей. Мы тѣмъ болѣе должны оцѣнить рѣчь г. Кокорева, что, будучи самъ откупщикомъ, онъ публично призналъ вредъ и недобросовѣтность системы винныхъ откуповъ».

Со всѣмъ размахомъ своѣй широкой натуры Кокоревъ не ограничился общественною рѣчью на обѣдѣ 28 декабря, а успѣшилъ организовать еще и второй и третій обѣды, при чемъ новый обѣдъ долженъ былъ быть данъ въ честь нижегородцевъ, откликнувшихся первыми на царскій призывъ къ свободѣ. Кокоревскій обѣдъ состоялся въ январѣ и на него явились уже тѣ, кто уклонились отъ участія въ банкетѣ въ купеческомъ собраніи. Здѣсь также лились рѣчи представителей русской науки, литературной общестственности, и всѣ въ духѣ сочувствія и любви къ новому государю и съ выраженіями надеждъ на скорое осуществленіе освобожденія крестьянъ.

Итакъ, интеллигенція ликовала, и въ то время, когда помѣстное дворянство очень неохотно и съ тяжелымъ подъемомъ шло навстрѣчу царскому призыву, люди мысли и пера самымъ теплымъ образомъ и отъ всей души раскрывали монарху свои чувства. Профессоръ И. Иванюковъ¹⁾, описавъ вкратцѣ обѣдъ 28 декабря и изложивъ произнесенныя тутъ рѣчи, говоритъ: «Вотъ тѣ чувства, золотыя чувства, выраженія которыхъ запрещала администрація; вотъ представители той живой, честной литературы, которая подвергалась стѣсненіямъ въ обсужденіи вопросовъ историческаго переворота, вопросовъ полнаго преобразованія государственнаго и социальнаго быта Россіи! Спрашивается: гдѣ же были настоящіе сподвижники царской мысли—въ дворянствѣ, большинство котораго надо было толкать только еще для заявленія ходатайства о разрѣшеніи заняться «улучшеніемъ быта крестьянъ», или въ литературѣ, обнаруживавшей въ полномъ смыслѣ энтузіазмъ при первой вѣсти о великомъ дѣлѣ? Литература, бывшая въ то время вѣрнымъ отголоскомъ передовой Россіи, ликовала и превозносила до небесъ благородныя чувства самодержца, призывающаго народъ къ новой жизни и открывающаго для Россіи врата широкаго будущаго. Но этотъ шумъ, этотъ восторгъ пробудившагося общества были не въ интересахъ охранителей, испугали рутину. Они указали на попытки литературы подать свой голосъ въ дѣлѣ разрѣшенія колоссаль-

¹⁾ «Паденіе крѣпостного права въ Россіи».

наго преобразованія, какъ на опасное явленіе, и литература была стѣснена».

Такимъ образомъ, между царемъ и лучшими сынами народа послѣдила въ радостный весенній день отечественной жизни статья бюрократія и это было однимъ изъ очень чреватыхъ послѣдствіями моментовъ, гдѣ искусственно создавалось неудовольствіе общественныхъ элементовъ и гдѣ монархъ, только что начавшій сближаться со своими вѣрноподданными, выдавался головою наиболѣе нетерпѣливымъ и страстнымъ представителямъ передовой мысли. Старый порядокъ мстилъ ему за попытки освободительнаго новаторства и приготавлиалъ въ Россіи ту политическую рознь и смуту, которая впослѣдствіи отмѣтилась такими трагическими эпизодами и событіями.

IX.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ провинціи образовывались, открывались и начинали свою работу по крестьянскому дѣлу губернскіе комитеты, шло постепенное обновленіе и состава въ центральномъ правительственномъ механизмѣ. Такъ, во-первыхъ, бывшій секретный комитетъ былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу и при немъ образована комиссія, въ составѣ графа Панина, С. Ланского, М. Муравьева и I. Ростовцева, гдѣ должны были сосредоточиваться и быть разсматриваемы проекты, имѣвшіе поступать изъ губернскихъ комитетовъ; во-вторыхъ, все вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ перешло изъ рукъ А. Левшина къ славянофилу Милютину, впослѣдствіи назначенному на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. При благосклонной поддержкѣ Милютина славянофилы получаютъ значительное вліяніе въ губернскихъ комитетахъ, причемъ Кошелевъ явился членомъ отъ правительства въ рязанскомъ комитетѣ, а князь Черкасскій—въ тульскомъ. Самаринъ вошелъ въ составъ самарскаго комитета, гдѣ и выдѣлился своими радикальными воззрѣніями по крестьянскому вопросу.

О бокъ съ славянофилами получаютъ въ провинціальныхъ комитетахъ большое значеніе возвращенные по манифесту объ амнистіи изъ Сибири петрашевцы и декабристы, и въ особенности послѣдніе. Вернувшись изъ ссылки и встрѣченные горячими оваціями, бывшіе политическіе преступники 1825 года были по закону лишены права жительства въ столицахъ, вслѣдствіе чего имъ пришлось расселиться по провинціальнымъ центрамъ, гдѣ они съ 1858 г. и получили возможность проявить свое политическое вліяніе въ прогрессивномъ направленіи на ходъ работы въ губернскихъ комитетахъ, куда они оказались избранными. Особенно благотворною явилась дѣятельность Е. П. Оболенскаго и П. Свистунова въ Калугѣ, М. Муравьева-Апостола и Европеуса въ Твери,

А. Муравьева и И. Анненкова въ Нижнемъ. Съ большою силою сказалося вліяніе декабристовъ въ Твери, гдѣ мѣстные крѣпостники кричали даже, что дѣятельность тверского комитета принимаетъ вредное, крамольное направленіе, именно благодаря участію въ немъ декабристовъ. Изъ этого родились печальные инциденты, о коихъ еще рѣчь будетъ впереди.

Нельзя не отмѣтить, что особенно выдающееся положеніе въ тѣ дни занялъ князь Е. П. Оболенскій, бывший другъ юности Ростовцева, къ тому времени поставленнаго Александромъ II во главѣ всего крестьянскаго освободительнаго дѣла. Оболенскій, пользовавшійся еще въ 20-хъ годахъ большимъ вліяніемъ на своихъ единомышленниковъ, сохранилъ значеніе нравственнаго авторитета въ глазахъ Ростовцева и по возвращеніи съ каторги. По многимъ вопросамъ приближенный къ государю вельможа считалъ долгомъ совѣтоваться съ своимъ опальнымъ другомъ, ему онъ давалъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и къ нему же онъ апеллировалъ противъ Герцена, когда тотъ въ «Колоколѣ» обрисовывалъ въ неблагоприятномъ освѣщеніи его дѣятельность. Оболенскій же именно съ особенною силою протестовалъ противъ возникшей тогда въ правительственныхъ сферахъ мысли объ учрежденіи повсемѣстно генераль-губернаторствъ и особыхъ участковыхъ начальниковъ въ цѣляхъ пресѣченія предполагаемыхъ проявленій злой воли освобожденнаго крестьянства, онъ же требовалъ надѣленія крестьянъ землею въ размѣрѣ, коимъ они владѣли прежде, и т. д.

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ по сравненію съ прошедшею эпохою любопытную и знаменательную перестановку силъ: силы официальныя и бюрократическія отходятъ на задній планъ, теряютъ свое первенствующее значеніе, а на авансцену выступаютъ силы общественныя, которыя и вліяютъ на все окружающее въ прогрессивномъ направленіи, придавая этому вліянію значительную интенсивность. Два фактора выступаютъ съ особенною рельефностью въ тѣ годы весенняго расцвѣта русской жизни: самъ царь и силы общественныя, при чемъ до извѣстной степени обѣ стороны дѣйствуютъ болѣе или менѣе согласно-въ направленіи ломки стараго строя, по крайней мѣрѣ по отношенію крестьянскаго дѣла. Бюрократія стоитъ внѣ этого союза и въ цѣляхъ его скорѣйшаго расторгенія спѣшитъ возстановить царя противъ призваннаго къ дѣятельности общества, рисуя послѣднее въ опасныхъ краскахъ и пугая этими красками мысль и воображеніе сначала довѣрчиво настроеннаго государя. Ея старанія, какъ увидимъ далѣе, во многомъ удались, и налаживавшійся было союзъ скоро распался, образовавъ въ русской жизни снова ту пропасть, которая имѣетъ назначеніемъ отдалить царя отъ народа. Вскорѣ эта пропасть снова наполнилась бюрократическимъ элементомъ и такимъ обра-

зомъ послѣдній опять получаетъ свое первенствующее значеніе около престола, значеніе, которое этотъ элементъ начиналъ утрачивать въ исходѣ пятидесятихъ годовъ.

Если оживленіе русской жизни и придача ей свѣтлаго колорита въ значительной степени обязаны, съ одной стороны, примирительному и вполне лояльному характеру тогдашней печати и, съ другой—выступленію на первый планъ общественныхъ силъ, пріобрѣтающихъ въ глазахъ населенія особое довѣріе и авторитетъ, то рядомъ съ этимъ этому же оживленію и этому колориту въ громадной степени содѣйствуетъ и энергичная дѣятельность государя императора. Его рескрипты, отвѣты на адреса дворянству и, наконецъ, предпринятое имъ путешествіе по Россіи, по праву могущее быть разсматриваемымъ какъ орудіе и средство общественной агитаціи—всѣ эти стороны его дѣятельности въ истинномъ смыслѣ слова ставятъ его во главу эпохи, окружаютъ его имя свѣтлымъ ореоломъ, лучи котораго падаютъ на окружающую дѣйствительность.

Въ первую очередь государь посѣтилъ самыя сѣверныя губерніи—Архангельскую и Вологодскую—и отвѣчалъ здѣсь на привѣтствія дворянства, но эти рѣчи его не имѣли особеннаго принципиальнаго значенія для крестьянскаго вопроса; иначе дѣло обстояло въ его вторую поѣздку, когда онъ объѣхалъ обширный районъ, посѣтивъ губерніи Тверскую, Ростовскую, Костромскую, Нижегородскую, Владимирскую, побывавъ въ Москвѣ и прослѣдовавъ далѣе въ Смоленскъ, Минскъ, Ковну, Гродну, Вильну и Варшаву. Здѣсь вездѣ пришлось ему говорить съ дворянствомъ, и нѣкоторыя его рѣчи уже получаютъ большое значеніе, какъ опредѣленная правительственная директива, преподанная обществу съ элементами въ ней частію одобренія, частію подбадриванія, частію назиданія. Изъ этихъ рѣчей¹⁾ заслуживаютъ особеннаго вниманія рѣчи, сказанныя имъ дворянствамъ тверскому, московскому, владимирскому, нижегородскому.

Въ Твери Александръ II говорилъ: «Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны... Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ... Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ; поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 18.
«истор. вѣстн.», мартъ, 1907 г., т. сѣн.

нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ черезъ министерство на мое утверженіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго разсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣннн положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя; наши цѣли однѣ—общая польза Россіи... Убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать».

Въ этой рѣчи особеннаго вниманія заслуживаетъ обѣщаніе государя, что избранные депутаты будутъ присутствовать въ главномъ комитетѣ, т. е. что имъ будутъ даны извѣстныя права при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи по существу. Само собою, такое обѣщаніе было очень знаменательно и свидѣтельствуетъ о первоначальномъ намѣреніи государя расширить компетенцію общественнаго элемента. Увы! это обѣщаніе въ послѣдствіи исполнено не было—депутаты въ комитетъ не попали, а лишь въ редакціонныя комиссіи на положенія какъ бы только экспертовъ и свѣдущихъ людей, къ голосу которыхъ прислушиваются, но имъ не руководятся. Это нарушеніе даннаго обѣщанія было своего рода печальною ошибкою, посѣявшею раздоръ и охладившею приподнятое въ лучшемъ смыслѣ слова настроеніе представителей провинціальной общественности и нѣсколько разочаровавшею руководителей нашей прогрессивной печати.

Въ Нижнемъ государь выразилъ свое неудовольствіе по поводу возникшихъ въ мѣстномъ дворянствѣ счетовъ и «личностей». «Но я слышу съ сожалѣніемъ,—говорилъ онъ:—что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ»... Узнавъ во Владимирѣ, что одинъ изъ мѣстныхъ дворянъ предпринялъ насильственное переселеніе крестьянъ въ Сибирь, Александръ II выразилъ по этому случаю неудовольствіе, строго замѣтивъ: «Надѣюсь, что слова мои не останутся втуне». Московскому дворянству онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что оно не первое отозвалось на его призывъ, и еще разъ подчеркнул свое первоначальное положеніе, что реформу лучше провести сверху, нежели если она будетъ взята силою снизу.

Разсматривая путешествіе государя, какъ чувствительный ударъ реакціонерамъ, профессоръ И. Иванюковъ замѣчаетъ ¹⁾: «Путешествіе это, первое послѣ вступленія на престолъ, было весьма торжественно и разсѣяло ходившіе въ провинціи слухи о реакціонномъ поворотѣ начатаго дѣла. Въ первый разъ послѣ войны и объявленія рескриптовъ, императоръ сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ дворянствомъ. Давно уже на Руси утратился обычай бесѣды

¹⁾ «Паденіе крѣпостного права въ Россіи».

государя съ сословіями объ общихъ народныхъ интересахъ. Но теперь минута была слишкомъ торжественна, задуманное дѣло слишкомъ серьезно, необходимо было высказаться, еще разъ заявить всенародную волю императора и тѣмъ разсѣять ложные слухи и надежды на благопріятный для помѣщиковъ поворотъ дѣла... Это знаменательное путешествіе..., рѣчи, сказанныя... дворянствамъ, имѣли огромный отголосокъ по всей Россіи. Реакціонная партія, до сихъ поръ не терявшая надежды остановить преобразование сельскаго быта, поняла, что расчеты ея на это разрушены. Отнынѣ она вступаетъ въ новую фазу агитаціи. Цѣлями стремленій ея становится: подавить распространяющуюся въ обществѣ болѣе или менѣе мысль о выкупѣ крестьянской земли въ собственность, удержать въ возможно большихъ размѣрахъ вотчинную власть помѣщиковъ и выгородить дворянство, какъ привилегированное сословіе, отъ прочихъ классовъ черезъ расширеніе его политическихъ правъ, вѣнцомъ которыхъ должна быть дворянская государственная дума, члены которой выбираются дворянскими собраніями изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ это же время усиливается значеніе тѣхъ изъ немногихъ лицъ высшаго правительства, которыя сочувствовали преобразованію.»

Х.

Къ осени 1858 г. работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ реализовались уже опредѣленными проектами, которые и начали поступать въ главный комитетъ.

Въ общемъ, проекты обнимали собою крестьянскій вопросъ достаточно полно и основательно, носили на себѣ просвѣтительный отгѣнокъ, что до извѣстной степени между прочимъ объясняется благотворнымъ вліяніемъ тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, по словамъ профессора И. Иванюкова, «непрестанно вело, особенно по земскому отдѣлу, упорную борьбу противъ препятствій къ свободному и правильному развитію дѣла, выставленныхъ противниками освобожденія. Оно было совершенно одно и должно было вести борьбу съ сильными врагами, не пренебрегавшими никакими средствами для нападеній на министерство. Министерство, съ своей стороны, не ограничивалось разрушеніемъ козней враговъ крестьянскаго дѣла; оно употребляло все усилія, чтобы вывести дѣло на прежнюю дорогу, а потомъ показать путь къ дальнѣйшему его развитію.» Главная борьба въ данномъ направленіи шла съ главнымъ комитетомъ, отличавшимся крѣпостническимъ направленіемъ, и въ результатѣ этой борьбы было именно воздѣйствіе министерства черезъ посредство губернаторовъ на губернскіе комитеты, благодаря чему многія предположенія комитета, туда поступившія, успѣха не имѣли и терпѣли фіаско.

Когда губернскіе проекты поступили въ Петербургъ въ достаточномъ количествѣ, то, по мысли Ростовцева, рядомъ съ комитетомъ были основаны и редакціонныя комиссіи, во главѣ которыхъ, по личному желанію Александра II, былъ поставленъ Ростовцевъ. Принимая на себя предсѣдательствованіе въ комиссіи, послѣдній писалъ князю Орлову:

«Милостивый государь князь Алексѣй Ѳеодоровичъ! Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ комиссіи составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, «если только я буду на это согласенъ», какъ изволилъ выразиться Его Величество, привимаю не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

«Съ молитвою—къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя;

«съ благоговѣніемъ—къ Государю, удостоивающему меня такого святого призванія;

«со страхомъ—передъ Россією и потомствомъ;

«съ чувствомъ долга—передъ моею совѣстью.

«Да проститъ мнѣ Богъ и Государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я подымаю на себя ношу не по моимъ силамъ; но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

«Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало.

«Съ душевнымъ уваженіемъ и искреннею преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. I. Ростовцевъ».

Это письмо чрезвычайно характерно для обрисовки личности бывшего изобличителя заговорщиковъ 14 декабря 1825 г. Мы видимъ, что вновь назначенный предсѣдатель редакціонныхъ комиссій приступилъ къ порученному ему дѣлу съ настоящимъ благоговѣніемъ и сочувствіемъ, понимая все великое историческое значеніе переживаемого момента. Изъ такого чувства и проистекло то, что онъ успѣшилъ привлечь въ комиссіи по большей части людей либерально настроенныхъ, на которыхъ онъ могъ положиться въ ихъ сочувствіи освободительнымъ началамъ. Такихъ экспертовъ-депутатовъ было приглашено изъ провинціи 18 человекъ, причемъ 11 изъ нихъ оказались лицами ярко-прогрессивнаго направленія и 7 консервативнаго склада мысли. Въ общемъ въ комиссіи вошло 36 человекъ, причемъ правительственныхъ членовъ было 11 человекъ, членовъ экспертовъ—18 и членовъ финансовой комиссіи—7. Ростовцевъ постарался при содѣйствіи

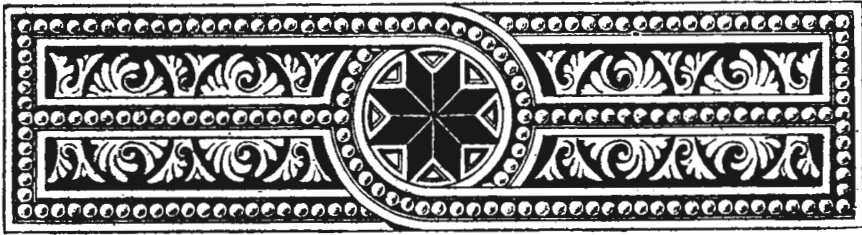
и по указаніямъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ организовать дѣло такъ, чтобы въ финансовую комиссію вошли лица, составившія себѣ уже имена въ наукѣ и финансовой практикѣ. Къ числу таковыхъ относятся: Бунге, Милютинъ, Гатемейстеръ, Рейтернъ и другіе.

Пріѣздъ депутатовъ произвелъ большое впечатлѣніе въ столицѣ и по поводу ихъ прибытія скоро въ городѣ родились легенды и всяческіе слухи, которые особенно усилились во второй періодъ занятій комиссій и депутатовъ. Хотя засѣданія комиссій бывали очень бурными, въ нихъ кипѣли страсти и происходила обостренная борьба между людьми консервативнаго и прогрессивнаго образа мыслей, однако, въ общемъ работы подвигались довольно благополучно. Главные инциденты разыгрались во второмъ періодѣ занятій комиссій, когда составъ депутатовъ отъ провинціи уже по выборамъ былъ значительно усиленъ и когда опредѣлился антагонизмъ между вновь прибывшими и прежними членами комиссій, когда и на мѣстахъ, въ губерніяхъ, не все оказалось такъ, какъ того желала правительственная власть и когда между представителями общественности и администраціи тоже создались враждебныя отношенія. Всѣ эти моменты и событія совпадаютъ и съ нѣсколькими измѣнившимся настроеніемъ передовой печати, въ которой уже начинаютъ явно проскальзывать ноты недовѣрія къ правительству, причемъ Герценъ въ «Колоколѣ» изъ тона словословія Александра II переходитъ къ страстнымъ филиппикамъ. Къ этому же времени и въ университетахъ среди молодежи начинается замѣчаться повышенное настроеніе, грозящее перейти и уже переходящее постепенно въ состояніе броженія политическаго характера. Видимо, на столь еще недавно чистомъ небосклонѣ начинаютъ набѣгать маленькія тучки, которыя, сгущаясь постепенно, раздражаются то здѣсь, то тамъ пока кратковременными грозами перешедшими въ грозы затяжныя.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКА.

ЖЕЛЪЗНОДОРОЖНАЯ забастовка въ октябрѣ 1905 г. застала меня около Иркутска и задержала на 13 дней. Невольно пришлось отъ скуки знакомиться съ достопримѣчательностями города, въ которомъ я былъ ранѣе лѣтъ около 20 назадъ, когда о желѣзной дорогѣ не было и помина; Иркутскъ теперь неузнаваемъ, такъ онъ выросъ и перемѣнилъ свою фizioномію.

Въ былыя времена улицы представляли собою рядъ ухабовъ и рытвинъ, съ деревянными по сторонамъ лачужками, а теперь въ центрѣ все каменные ящики-великаны, безъ вкуса, аляповато настрѣнные, съ отсутствіемъ какого-либо архитектурнаго стиля.

Какъ на одно изъ лучшихъ украшеній города, слѣдуетъ указать на зданіе городского музея, красиво расположенное на берегу рѣки Ангары, противъ дворца (домъ генералъ-губернатора, такъ его называютъ иркутяне), въ концѣ большой улицы, построенное въ 1883 г.

Зданіе музея интересно снаружи и не менѣе заслуживаетъ вниманія внутри: этнографическій, національный отдѣлъ края бѣденъ, равно и историческій; это удѣлъ всѣхъ нашихъ хранилищъ. Но зато невольно вниманіе каждаго посѣтителя обращается на культъ шаманства, замѣчательно полно и всесторонне представленный; большой интересъ представляютъ также наглядныя картины бы-

товой жизни инородцевъ; китайщина богата своими божествами, какъ изъ металла, такъ и дерева; послѣднія вообще особенно цѣнны.

Нижній этажъ зданія наполненъ всевозможными ботаническими,

Городской музей.

минеральными и тому подобными коллекціями, причемъ удѣлено вниманіе археологіи, какъ каменнаго вѣка, такъ и новѣйшей; также имѣется нѣсколько витринъ со скелетами, раскопки которыхъ составляютъ трудъ и занятіе мѣстныхъ сотрудниковъ.

Можно сказать, что музей извѣстенъ своими богатствами далеко за предѣлами своей родины и нерѣдко участвуетъ на многихъ заграничныхъ выставкахъ, а насколько это полезно, вопросъ иной.

О церквахъ и соборахъ повторять не буду; они достаточно описаны археологами и любителями, какъ, напримѣръ, святыня Сибири, Иннокентьевскій монастырь, расположенный въ 5-ти верстахъ отъ города, вверхъ по р. Ангарѣ, (вблизи его, на противоположномъ берегу, находится женскій монастырь), старый архіерейскій храмъ, также и новый соборъ; замѣчательность его и гордость горожанъ заключается въ алтарѣ, который весь сдѣланъ изъ чернаго камня, кажется, мрамора, съ золотыми украшеніями; при бѣдности общаго фона внутренности церкви, сѣро-голубого цвѣта, алтарная часть издали кажется чернымъ пятномъ и впечатлѣнія не производитъ, но что соборъ единственный въ своемъ родѣ, это правда. Наружный видъ его хорошъ, при томъ, находясь на огромной площади, гдѣ былъ раньше старый, сгорѣвшій гостиный дворъ Иркутска, онъ еще болѣе кажется величавымъ, выигрывая своимъ одиночествомъ среди небольшихъ каменныхъ зданій, по близости расположенныхъ.

Когда приближаешься къ городу со стороны Иннокентьевскаго монастыря, по московскому тракту черезъ рѣку Ангару, на противоположномъ берегу выдѣляются чудной архитектуры ворота, въ стилѣ емпіге, относящіяся ко времени Александра I (дата на нихъ: «1811 года, марта 12 дня»). Эти, такъ называемыя ворота московской заставы, со шлагбаумомъ по срединѣ, въ зимнее время и теперь еще исполняютъ заставное назначеніе; перевозъ въ старые года находился здѣсь, но по капризу Ангары переносится на лѣто ниже по теченію.

Рисунокъ, изображающій ворота, въ достаточной степени указываетъ на заботливость о нихъ, при чемъ интересно то, что внутри ихъ находятся мѣстные архивы всевозможныхъ учреждений и посѣщаются они, видимо, только однѣми крысами да галками, которыя свободно проникаютъ во всевозможныя отверстія оконъ и дверей; крыша уже давно поросла разными кустарниками.

На ряду съ подобнымъ интереснымъ зданіемъ существуетъ еще болѣе древній памятникъ, напоминающій московское лобное мѣсто; форму онъ имѣетъ продолговатую, какъ восьмигранникъ, длиной не болѣе 30 саж., шириной до 10 саж.

Сколько я ни попытывался узнать причину возникновенія этихъ стѣнъ кладбища, со всѣхъ сторонъ однородной постройки, безъ входа внутрь, узнать ничего не могъ. Старожилы говорятъ, что погребены здѣсь три казака, первые завоеватели края и первые его засельники. Взобравшись на кучерское мѣсто извозчика, я увидѣлъ могилы-склепы, которыхъ оказывается 5 или 6 штукъ; по

Домъ бывшій декабриста князя Волконскаго.

своей кладкѣ они относятся къ XVIII столѣтію и начинаютъ уже разрушаться, а падавшій снѣгъ мѣшалъ хотя немного прочитатъ находящіяся на нихъ надписи. Въ лѣтнее время здѣсь все покрывается бурьяномъ, а невысокая стѣна даетъ возможность каждому желающему туда перелѣзть, находя себѣ спокойный ночлегъ, какъ это рассказывали извозчики.

Древнее кладбище.

Въ ста саженьяхъ находятся еще другія, деревянные ворота, построенныя въ 1850-хъ годахъ, съ надписью, гласящей: «выходъ къ Тихому океану».

Помимо указанныхъ памятниковъ старины, жизнь г. Иркутска тѣсно связана съ исторіей пребыванія здѣсь декабристовъ; изъ числа ихъ проживалъ здѣсь и кн. Волконскій со своей семьей, домъ котораго и по сіе время сохранился въ городѣ, на одной изъ окраинныхъ улицъ; онъ деревянный, двухъэтажный, съ тремя балконами наверху, крайніе два крытые глухіе, средній небольшой открытый, по фасаду состоитъ изъ 7 оконъ; въ настоящее время находится въ городскомъ управленіи и въ немъ устроена ремесленная школа; при домѣ есть огромный садъ, а большой дворъ съ массою надворныхъ построекъ скорѣе напоминаетъ небольшую усадьбу-«заимку» (это сибирское названіе, обозначаетъ лѣтнее мѣстопребываніе горожанъ-сибиряковъ, замѣняющее собою наши дачи, хотя всѣ заимки безусловно приурочены къ зимней жизни).

Въ 4-хъ верстахъ отъ города, внизъ по Ангарѣ, къ Байкалу, на правомъ берегу рѣки, расположена небольшая деревенька Разводная, гдѣ есть также домъ князя Волконскаго. Здѣсь его семейство проживало лѣто; это была княжеская заимка, гдѣ они пользовались всѣми прелестями удивительно быстроводной рѣки, чистой, какъ кристалль, и притомъ необъяснимо холодной воды, несмотря на лѣтній зной; обиліе и разнообразіе рыбы также большое. Теперь домъ находится во владѣніи крестьянина и обстроенъ кругомъ крестьянскими хатами; а одинъ предприимчивый богачъ, иркутянинъ, лѣтъ двадцать назадъ, положилъ начало въ зимнее время устраивать сюда наѣзды, въ бывшій домъ князей Волконскихъ, ввелъ пикники—«пирушки», отправляясь изъ города на тройкахъ въ «кошевахъ» (типъ нашихъ розвальней, но съ задней и боковыми стѣнками, обитыми иногда дорогами коврами); домъ же еще оказался благодаря обширной въ немъ залѣ, пригоднымъ для танцевъ.

Было бы несправедливо. умолчать о началѣ освободительнаго движенія въ Сибири, а въ частности въ г. Иркутскѣ. При мнѣ началась и окончилась всеобщая забастовка и здѣсь предполагалось создать нѣчто въ родѣ иркутской республики. Городъ въ теченіе 13 дней былъ во власти какого-то правленія. Войска въ городѣ въ теченіе первыхъ трехъ дней отсутствовали, а находящіяся оберегали дворецъ. Шутники острили, говоря: «правительство убрало солдатъ и полицію, не желая разжигать страсти черни», а ихъ попросту было мало. Въ городѣ жизнь сразу совершенно затихла, а поднявшаяся снѣжная вьюга еще тому способствовала, и съ трудомъ возможно было что-либо купить изъ продуктовъ первой необходимости; зато митинговъ было множество; въ городскомъ театрѣ, клубѣ, на толкучкѣ устраивались говорильни, раз-

давались всевозможные листки, брошюры и тому подобныя произведенія. Первый же митингъ въ театрѣ ознаменовался скандаломъ: въ то время, когда на сценѣ находящемуся тамъ комитету во главѣ съ предсѣдателемъ, длиннымъ, худымъ, въ очкахъ и со львиной шевелюрой господиномъ какой-то высшій желѣзнодорожный чи-

Московскія ворота.

новникъ докладывалъ о положеніи дѣлъ на станціи, спрашивая у комитета приказаній, какъ дѣйствовать дальше, — вдругъ съ правой стороны верхняго яруса была брошена предсѣдателю въ лобъ развернутая пачка нюхательнаго табаку. Онъ былъ глубоко сконфуженъ, возмущенъ и, пораженный такимъ вниманіемъ слушателей, закричалъ: «господа граждане, въ средѣ нашего уважаемаго собранія нашелся провокаторъ; въ меня сейчасъ сверху была брошена четвертка нюхательнаго табаку». Поднялся невообразимый

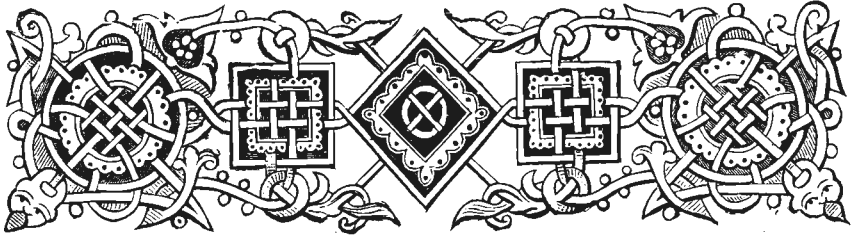
хоть сознательныхъ гражданъ, визгъ и пискъ еврейской молодежи, особенно женской; конечно, провокатора нашли и вывели, по увѣщеванію предсѣдателя: не проливать напрасно крови сего достойнаго мужа. На посторонняго человѣка видѣнное въ театрѣ производило впечатлѣніе, будто все это разыгрывалась смѣшная комедія, при чемъ театръ все-таки былъ на половину пустъ.

День 17 октября прошелъ оживленно, и полученныя свободы комментировались на разные лады, а слухи изъ Россіи были нелѣпѣ одинъ другого. Интересно, что начало забастовкѣ положили телеграфное и почтовое учрежденіе, потомъ желѣзная дорога, наконецъ учащаяся молодежь и только подъ угрозой разноса черню лавокъ примкнулъ торговый людъ.

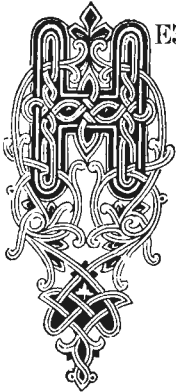
А такъ какъ Круго-и Забайкальская дороги находились въ военномъ вѣдѣніи, гдѣ работали желѣзнодорожные батальоны, то онѣ не переставали доставлять поѣзда въ Иркутскъ, а потомъ доставили нѣсколько эшелоновъ войскъ, которыя и способствовали восстановленію порядка. Мѣстнаго комерсанта, жида Канцера, прочили въ президенты, и видимо настолько серьезно, что на одномъ собраніи представителей купечества, въ городскомъ управленіи, послѣдніе нашли возможнымъ собрать между собой 11 тысячъ рублей на дѣла правленія революціи, т.-е. поддержанія безпорядковъ; правда, теперь мѣстное купечество отъ этого факта отказывается, сваливая все это на представителей «избраннаго народа», но фактъ остается фактомъ.

А. Хребтовъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А. Н. ПОЛЯ.

МЕЗНАКОМЫЕ съ Екатеринославомъ, проѣзжая на трамваѣ по аллеѣ главной улицы города, Екатерининскому проспекту, мимо высокихъ фабрикъ въ началѣ проспекта, у вокзала Екатерининской желѣзной дороги, а далѣе мимо большихъ и иногда красивыхъ магазиновъ, не предполагаютъ, что въ этомъ самомъ Екатеринославѣ съ его громадными заводами, представляющими послѣднее слово европейской культуры, еще не исчезли слѣды первобытной культуры ново-каменнаго вѣка. Если подняться по трамваю на гору и обогнуть до половины Соборную площадь, то, пройдя небольшой Соборный переулокъ, выходишь къ Потемкинскому дворцу и громадному, разстилающемуся по склонамъ берега Днѣпра, саду.

Когда-то свѣтлѣйшій князь Потемкинъ облюбовалъ это мѣсто и намѣревался воздвигнуть на немъ чудный дворецъ. Но замыселъ осуществленъ не былъ, подобно тому, какъ не осуществилась его же мысль сдѣлать Екатеринославъ столицей имперіи. Екатеринославъ не шелъ дальше захолустнаго губернскаго города, пока вокругъ него не закипѣла горная промышленность, а дворецъ, хотя и былъ отстроенъ, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это предполагалось. Въ 20—30 гг., какъ передаютъ, дворецъ Потемкина былъ совсѣмъ запущенъ, и священники, пріѣзжавшіе къ архіерею, подворье котораго находится недалеко отъ дворца, оста-

навливались здѣсь съ повозками и лошадьми. Въ настоящее время дворецъ Потемкина — самое просторное помѣщеніе въ городѣ. Въ 1905 году въ его стѣнахъ происходилъ XIII археологическій съѣздъ.

За оградой дворца тянется Потемкинскій садъ, выходящій къ Днѣпру. Растительность въ саду довольно жидкая; лѣтомъ здѣсь не найдешь прохлады. Но екатеринославская публика охотно посѣщаетъ садъ весною, когда въ него стекаются тысячи гуляющихъ. Лѣтомъ онъ пустѣетъ, и посѣщать его становится опаснымъ, такъ какъ можно подвергнуться нападенію «товарищей», ходящихъ сюда распѣвать «марсельезу» и пьянствовать.

Самый садъ не интересенъ. Но интересны крутые каменистые берега Днѣпра, къ которому спускается садъ. Отъ воды поднимаются каменные глыбы, нагроможденные одна на другую. Беспорядочно, но грозно онѣ лѣпятся одна къ другой и образуютъ мощную стѣну, кое-гдѣ покрытую травой и кустарниками. А внизу ея Днѣпръ быстро несетъ свою воду, шумя и пѣнясь. Смотришь на эти каменные громады, нависшія надъ Днѣпромъ, и изъ глубины вѣковъ несетъ звучный, какъ крикъ кукушки, плачъ-причитаніе молодой Ярославны: «О, Днѣпре Словутцю! ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую!»

Здѣсь-то, между этими камнями, и вверху надъ ними, въ песокъ, особенно послѣ дождя, можно отыскать нѣсколько черепковъ битой посуды каменнаго вѣка. Одни изъ нихъ гладки, другіе орнаментированы. Не для научныхъ, конечно, но, по крайней мѣрѣ, для учебныхъ цѣлей, не производя раскопокъ, въ этомъ мѣстѣ можно собрать интересную коллекцію образцовъ орнамента неолитическаго періода, начиная отъ простаго орнамента, произведеннаго на глинѣ толстымъ грубымъ ногтемъ человѣка каменнаго вѣка, и кончая веревочнымъ и чеканнымъ орнаментомъ, уже болѣе сложными. Попадаютъ тутъ и нѣкоторые другіе предметы.

Прошли тысячелѣтія, какъ на мѣстѣ Потемкинскаго сада была стоянка человѣка каменнаго вѣка. И за это время много разныхъ народовъ видѣлъ старикъ Днѣпръ Словутичъ, много народовъ онъ поилъ своею тогда еще чистою водою, не загрязненною отбросами заводовъ и города.

Здѣсь, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, царскіе скины съ великими почестями погребали своихъ царей, хороня съ ними утварь, оружіе и золото.

Тутъ же, совсѣмъ близко къ Екатеринославу, въ каменистыхъ порогахъ прятался печенѣжскій князь Куря, поджидая побѣдителя византійцевъ, Святослава. А тотъ не предусмотрѣлъ внезапнаго нападенія и былъ убитъ. Куря сдѣлалъ чашу изъ его черепа и пилъ ею, можетъ быть, ту же днѣпровскую воду.

Напротивъ Потемкинскаго сада на Днѣпрѣ протянулся длинный островъ. Теперь на немъ лѣтомъ устраивается увеселительный

садъ, теперь здѣсь поютъ шансонетки, и люди проводятъ тутъ веселыя ночи... Но, то было давно, на этомъ самомъ островѣ раздавались звуки церковнаго пѣснопѣнія, а ночь служила для уединен-

Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля.

ной молитвы и покаянія. Въ IX вѣкѣ на этомъ островѣ греческіе монахи основали монастырь, отчего островъ до сихъ поръ называется Монастырскимъ, хотя въ просторѣчии это историческое названіе забыто.

Когда Ольга, познавши свѣтъ христіанства, отправилась въ Царьградъ принять новую вѣру, на пути ее застигла буря на Днѣпрѣ, и она укрылась на островѣ, въ монастырѣ, чтобы переждать ненастье. Монастырь существовалъ до 1240 года, когда онъ былъ разрушенъ татарами.

Таковы древнѣйшія воспоминанія, связанные съ мѣстностью, на которой расположенъ Екатеринославъ.

Потомъ здѣсь появились казаки и не такъ далеко отъ нынѣшняго Екатеринослава основали могучую твердыню украинской вольности—Запорожскую Сѣчь.

Потомъ... гусары Екатерины II разорили Сѣчь, и сама императрица прокатилась по Днѣпру и заложила въ Екатеринославѣ соборъ, грандіозный по замыслу, больше собора св. Петра въ Римѣ. Но положенный ею первый камень оказался въ то же время предпоследнимъ. Второй и послѣдній положилъ императоръ Іосифъ II, и соборъ не былъ выстроенъ.

Какъ ни бѣгли всѣ наши воспоминанія, но ясно, сколько исторической пытливости и вниманія должна возбуждать Екатеринославская губернія. Но не только одна историческая сторона привлекаетъ вниманіе къ Екатеринославской губ. Вѣдь по народонаселенію это цѣлый калейдоскопъ различныхъ племенъ: украинцы, сербы, болгары, нѣмцы, греки, молдоване, валахи, татары и др.— вотъ составъ Екатеринославской губерніи, представляющій большой интересъ для этнографа. Наконецъ, крупный интересъ представляютъ ископаемые богатства края, создавшія такую кипучую промышленную дѣятельность въ немъ.

Все это само собою подавало мысль о созданіи въ Екатеринославѣ научнаго центра, хранилища старины и показателя природныхъ богатствъ края и его культуры. Эту мысль проводили Екатеринославское научное общество и бывший екатеринославскій губернаторъ графъ Ѳ. Э. Келлеръ, погибшій въ Японскую войну. Наслышавшись объ извѣстномъ историкѣ Запорожья проф. Д. И. Эварницкомъ, какъ о человѣкѣ, хорошо освѣдомленномъ въ исторіи края и его бытѣ, графъ Келлеръ обратился къ нему съ просьбою взять на себя трудъ устройства областного екатеринославскаго музея.

Д. И. Эварницкій не только согласился принять на себя дѣло созданія музея, но даже предложилъ пожертвовать въ даръ музею всю свою богатую коллекцію древностей, за которую ему давали не одну тысячу рублей.

— Теперь у насъ будетъ музей,—сказалъ графъ Келлеръ, выслушивъ согласіе Д. И. Эварницкаго.

И покойный графъ не ошибся: благодаря неусыпнымъ трудамъ Д. И. Эварницкаго, въ Екатеринославѣ выросъ интересный и большой для провинціального и при томъ не университетскаго города областной музей имени А. Н. Поля.

Имя Александра Николаевича Поля, выдающагося культурнаго дѣятеля, насадителя горной промышленности въ Екатеринославской губерніи, какъ нельзя болѣе умѣстно украшаетъ названіе екатеринославскаго музея. А. Н. Поля былъ практическимъ дѣвателемъ и ученымъ; онъ собралъ громадную и драгоцѣннѣйшую коллекцію древностей, которая нынѣ находится въ музеѣ.

Музей былъ открытъ 6 мая 1902 года въ зданіи коммерческаго училища, которое само тогда обладало сравнительно небольшимъ помѣщеніемъ. Поэтому вскорѣ явилась необходимость перенести музей въ болѣе удобное помѣщеніе. Здѣсь на помощь пришелъ губернской предводитель дворянства М. И. Миклашевскій, отведшій подъ помѣщеніе музея Потемкинскій дворецъ, принадлежащій екатеринославскому дворянству. Хотя музей и занимать во дворцѣ три большихъ комнаты, но ютиться въ чужомъ, неприспособленномъ зданіи все же было неудобно. Кто знаетъ, какъ бы осуществилась возможность помѣщаться музею въ своемъ зданіи, если бы за проведеніе послѣдняго въ жизнь не взялся предсѣдатель губернской земской управы М. В. Родзянко, нынѣ членъ Государственнаго совѣта. Благодаря его мощной энергіи и настойчивости, въ настоящее время музей помѣщается въ большомъ, свѣтломъ зданіи, служащемъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Вначалѣ губернское земство ассигновало 35 тысячъ на постройку музея, но впослѣдствіи эта сумма возросла до 100 тысячъ. Постройка была начата съ расчетомъ окончить ее ко времени XIII археологическаго съѣзда, по плану и подъ наблюдениемъ талантливаго архитектора Г. И. Панафутина, помощника известнаго московскаго архитектора Шефтеля. Строенъ музей въ дорическомъ стилѣ и украшенъ какъ внутри, такъ и снаружи лѣпными фигурами.

Къ началу XIII археологическаго съѣзда музей былъ заполненъ преимущественно предметами изъ раскопокъ Д. И. Эварницкаго, раскопавшаго до 150 кургановъ Екатеринославской и Таврической губерній. Въ основу музея, какъ мы выше сказали, легла коллекція самого Д. И. Эварницкаго, главнымъ образомъ обнимающая запорожскія древности. Затѣмъ имъ было добыто болѣе 20 частныхъ коллекцій, обогатившихъ музей, какъ, напр., коллекціи А. А. Иваненка, Н. С. Бѣлаго, Я. П. Новицкаго, графа И. В. Канкринна, Н. П. Корнилова, В. Е. Магденка, А. И. Чепова, П. А. Гана, Г. И. Масловскаго, С. Н. Родзянка, В. А. Тихомирова и др.

Такъ созданъ историко-археологическій отдѣлъ музея. При этомъ богатый церковно-археологическій отдѣлъ есть созданіе исключительно одного Д. И. Эварницкаго. Въ послѣднее время имъ было получено разрѣшеніе св. синода объѣхать церкви екатеринославской епархіи и собрать въ нихъ церковныя древности. Въ результатѣ этой поѣздки музей обогатился различными церковными пред-

метами: старыми иконостасами, чашами, числомъ до 40, евангеліями, числомъ до 50, крестами, числомъ до 100, и проч.

Этнографическій отдѣлъ музея былъ составленъ народнымъ учителемъ изъ Харьковской губ. В. А. Бабенкомъ въ сотрудничествѣ съ супругою. Губернское земство широко поставило вопросъ объ устройствѣ этнографическаго отдѣла и отпустило для этой цѣли 9 тысячъ рублей. По программѣ, составленной Д. И. Эварницкимъ, В. А. Бабенко посѣтилъ главные культурные очаги Екатеринославской губ. и собралъ богатую этнографическую коллекцію, а также массу этнографическихъ снимковъ. Кромѣ того, плодомъ поѣздки В. А. Бабенко явилась книга: «Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края». Минералогическій отдѣлъ музея составился изъ поступленій отъ учреждений горнаго вѣдомства.

Сдѣлаемъ теперь бѣглый осмотръ музея и остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе замѣтныхъ предметахъ.

При входѣ въ музей васъ встрѣчаютъ каменные бабы, снятыя со степныхъ кургановъ. Онѣ видны на фотографическомъ снимкѣ музея.

Первая комната, налѣво отъ входа, украшенная портретомъ Вирхова, посвящена древностямъ доисторическимъ. Здѣсь много костей мамонта, дикаго оленя и первобытнаго быка, кремневыхъ ножей, каменныхъ топоровъ-молотовъ, посуды, украшеній и прочихъ предметовъ неолитическаго періода, преимущественно изъ раскопокъ Д. И. Эварницкаго. Часть витринъ этой комнаты посвящена бронзовому вѣку (копья, кельты, серпы, бляхи, браслеты, зеркала) и греко-скифской эпохѣ. Изъ отдѣльныхъ предметовъ первой комнаты обращаютъ вниманіе рога первобытнаго быка длиною между верхними конечностями въ 1½ аршина, найденные въ Днѣпрѣ, колоссальныхъ размѣровъ рога доисторическаго оленя и отдѣльная витрина, содержащая цѣлое коллективное погребеніе скорченныхъ и окрашенныхъ въ красный цвѣтъ скелетовъ ново-каменнаго вѣка.

Затѣмъ вторая комната, съ портретомъ А. Н. Поля, заключаетъ въ своихъ витринахъ древности изъ погребеній тюрко-татарской народности, раскопанныхъ Д. И. Эварницкимъ, древности классическія, славянскія, восточныя, предметы старины XVII—XVIII—XIX вв. и нумизматическій отдѣлъ. Всѣ указанные отдѣлы, кромѣ перваго, составились изъ случайныхъ вкладовъ и находокъ.

Большой археологическій интересъ представляютъ указанныя погребенія тюрко-татаръ XIII—XIV вв. Можно установить слѣдующій типъ погребенія ихъ. Скелеты находились въ колодахъ или ладьяхъ. При нихъ найдены предметы вооруженія и обихода. вмѣстѣ съ человѣческими скелетами въ погребеніяхъ оказывались скелеты лошадей, большею частью въ стоячемъ положеніи, для чего вырывались особыя ямы, ниже поверхности погребенія, для переднихъ и заднихъ ногъ лошади, которая такимъ образомъ ставилась. На

лошадяхъ были находимы принадлежности сбруи: удила, стремяна и пр. Женщины погребались безъ челнока, но въ богатомъ убранствѣ, таково погребеніе знатной и, можетъ быть, царственной даже женщины, открытое Д. И. Эварницкимъ въ с. Афанасьевѣ Новомосковского уѣзда. Оно опредѣленно датируется XIV вѣкомъ, такъ какъ въ погребеніи была найдена мѣдная, золотоордынская монета Джанибекъ-Хана (1341—1355 гг.). Раскопка эта произведена настолько тщательно, что передъ нами изъ глубины вѣковъ встаетъ чуть не живой образъ богатой татарки. Въѣтъ съ нею положили въ могилу красную двухколесную колесницу; это была прочная, окованная желѣзомъ и обитая гвоздями колесница. Бѣлые костяные кружочки съ орнаментомъ въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ украшали ее. Сама госпожа была одѣта въ платье изъ парчи, подбитой легкой шелковой матеріей краснаго цвѣта съ черными полосками. Пелли платья были серебряныя, проволочныя; украшали его около пятнадцати серебряныхъ вызолоченныхъ ажурныхъ бляшекъ въ формѣ сердца, въ которыя были вставлены жемчужины. Платье было расшито, украшено жемчугомъ и другими украшениями. А на плечахъ красовались два большихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и украшенныхъ жемчугомъ аграфа, въ видѣ коронокъ, части которыхъ представляютъ лиліи и ажурную звѣзду. На головѣ у татарки была шапочка, сдѣланная изъ плотной шелковой матеріи, вышитой серебромъ и жемчугомъ. На нее были нашиты гагуны и мелкіе серебряные бубенчики. На правой рукѣ у татарки было золотое кольцо съ яшмою; въ ушахъ — золотыя серьги. Татарка, видно, была красавица, и положили ее въ могилу со всеми принадлежностями ея туалета, чтобы не пропала ея красота на томъ свѣтѣ. Дали ей въ могилу серебряное остріе для пробиранія волосъ, щипчики для вырыванія ихъ на лицѣ, серебряныя копоушки и большое бронзовое зеркало, украшенное звѣринымъ орнаментомъ. Это зеркало сохранило часть черныхъ волосъ татарки, прилипшихъ къ нему, а все остальные красоты азіатской красавицы погибли безвозвратно. Только безглазый черепъ ея зловѣще смотритъ на насъ изъ-подъ стекла витрины.

Изъ принадлежностей тюрко-татарскаго вооруженія въ коллекціи музея обращаютъ вниманіе два колчана: одинъ изъ нихъ костяной, украшенный изображеніями животнаго и растеній; другой — берестовый, по которому были выгиснены для украшенія прямыя лініи.

Изъ этой комнаты мы переходимъ въ комнату, посвященную запорожскимъ древностямъ. Это наиболѣе интересный и понятный отдѣлъ для всехъ посѣтителей музея. Посѣтителя, входящаго въ запорожскій отдѣлъ, встрѣчаютъ три «грязныя гарматы», какъ поется въ украинскихъ думахъ, грозныя пушки, которыя были

найлены въ Днѣпрѣ, въ чайкѣ (ладѣ). Одна изъ нихъ заряжена еще самими запорожцами.

По стѣнамъ комнаты въ большомъ количествѣ висятъ портреты дѣятелей украинской исторіи или въ старинныхъ оригиналахъ, или въ копіяхъ съ нихъ. Тутъ же любимыя запорожскія картины про казака Мамаю, который «колы не пѣе, такъ воши бѣе, а все жъ не гуляе». Одна изъ запорожскихъ картинъ представляетъ слѣдующую сцену изъ жизни запорожцевъ. Одинъ казакъ играетъ на бандурѣ, другой танцуетъ; двое другихъ до крови дерутся, при чемъ у одного въ рукахъ трубка для куренья, у другого—скрипка; третья пара угощается горилкою изъ михайлика, деревянной запорожской посуды, въ которую входитъ 8—10 нашихъ столовыхъ рюмокъ.

Здѣсь же въ одной изъ витринъ можно видѣть самые михайлики. Особенно интересенъ одинъ изъ нихъ: къ одному его краю прирѣзана ручка, а съ другого края вырѣзана изъ дерева рука, показывающая кукишъ, такъ что, когда кто-либо пилъ изъ этого михайлика, тотъ, кто смотрѣлъ на пившаго, получалъ кукишъ. Любили посмѣяться славные рыцари Украины!

И. Е. Рѣпинъ гениальною кистью изобразилъ этотъ запорожскій смѣхъ въ своей знаменитой картинѣ «Запорожцы, сочиняющіе письмо къ турецкому султану». Только фотографическій снимокъ съ названной картины украшаетъ запорожское гнѣздо музея. Но зато здѣсь на насъ смотрятъ сами запорожцы. Смотрятъ они однѣми глазами впадинами безъ самыхъ глазъ, смѣются однѣми челюстями и бѣлыми зубами безъ губъ: то—запорожскіе черепа. Умныя были это головы: на одномъ черепѣ продольный шовъ доходитъ до самаго носа! Вотъ черепъ, съ котораго И. Е. Рѣпинъ писалъ зубы для своей названной выше картины. А вотъ черепъ съ хорошо сохранившимися волосами.

Посмотрите затѣмъ въ висяція на стѣнѣ два запорожскихъ зеркала. Кто бы не захотѣлъ увидѣть въ нихъ не свое отраженіе, а стараго запорожца, какъ невѣста, гадающая на святкахъ, хочетъ увидѣть въ зеркалѣ своего милаго?

— «Стой, выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́мъ ляхамъ!» И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ, на сушѣ, и въ походахъ, и дома. — Хотите посмотрѣть эту роковую люльку, погубившую стараго атамана? Люлька́мъ отведена цѣлая витрина. Тутъ и маленькія люлечки, изъ бѣлой, сѣрой, желтой и прочихъ цвѣтовъ глины: вотъ такую потерялъ Бульба. Одна изъ нихъ изображаетъ характерную голову казака. Тутъ и большія, турецкой работы люльки, длинныя, оправленные въ мѣдь. Есть среди нихъ люлька длиною въ два аршина или около этого.

А вотъ онѣ, знаменитыя шаровары, «шириною въ Черное море», которыя всегда заставляли васъ смѣяться. На нихъ шло 12 аршинъ матеріи. Рядомъ съ ними виситъ запорожскій, синяго цвѣта жупанъ съ серебрянымъ галуномъ и нѣсколько поясовъ. Между ними есть четырехцвѣтные, такъ называемые, «случкіе» пояса. Они надѣвались сложенными вчетверо опредѣленнымъ, сообразно съ обстоятельствами, цвѣтомъ вверхъ: голубымъ дома, зеленымъ—въ праздникъ, краснымъ—въ гости и бѣлымъ—на свадьбу. Есть также пояса персидской работы, съ персидскими печатями.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ укажу на громадныхъ размѣровъ потолочный брусъ, «сволокъ», изъ дома кошевого Игнатовича. На немъ вырѣзана слѣдующая славянская надпись: «Божіимъ изволеніемъ и помощію создася домъ сей, а стараніемъ Якіма Игнатова, товарища куреня вищестеблевского 1746 года м—ціюля 9.» Дальше—деревянный якорь отъ запорожской чайки, и штофъ съ горилкою, найденный въ одномъ изъ запорожскихъ погребеній. Помните ли въ «Страшной мести» Гоголя?—«Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили пошить»...

Въ числѣ украшеній Тарасовой хаты Гоголь упоминаетъ «хитро обдѣланный рогъ для пороху». Цѣлыхъ три такихъ рога—натруски—можно видѣть въ музеѣ. Сдѣланы они изъ кости и орнаментированы. На одномъ изъ нихъ листья, цвѣты, двуглавый орелъ и надпись: «Сію натруску робивъ (дѣлалъ) Іванъ Пугачъ Ведмедовскій Герасиму Ісаенку 1759 году марта 6 дня».

Вообще запорожскій отдѣлъ—лучшая иллюстрація къ безсмертной повѣсти Гоголя. Тутъ и сабли, и пистолы, и рушницы, и пушки, и даже «цвѣтные, пестрые изразцы», упоминаемые Гоголемъ. Мало того, мы услышимъ тутъ «глаголь времянь, металла звонъ»—бой запорожскихъ часовъ.

Есть между вещами запорожскаго отдѣла предметы драгоцѣнные. Такова, напримѣръ, трость кошевого атамана Филиппа Фѣдоровича Лантуха, умершаго въ 1764 г. въ Самарскомъ Запорожскомъ монастырѣ, на 101 году жизни. Ручка трости украшена богато: по перламутру украшена золотыми купидонами, брилліантами, рубинами, сапфирами, а наверху ручки золотой жукъ въ родѣ египетскаго скарабея, изъ корнеоля.

Изъ предметовъ, относящихся къ исторіи Запорожья, упомяну также планъ Днѣпра 1779 г., принадлежавшій полковнику Михаилу Фатѣеву, строителю Екатеринослава. Планъ представляетъ собою единственный точный матеріалъ для изученія топографіи бывшаго Запорожья. Онъ изданъ Д. И. Эварницкимъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Планы части рѣки Днѣпра 1779 и 1780 г.г.»

Наконецъ, въ запорожскомъ же отдѣлѣ, въ особой витринѣ, хранятся такіе дорогіе для всякаго образованнаго человѣка пред-

меты, какъ свѣтло-голубой жилетъ Н. В. Гоголя, подлинность котораго удостовѣряется имѣющимъ при немъ письмомъ П. А. Кулиша къ одному изъ его екатеринославскихъ друзей и надписью Кулиша на самомъ жилетѣ; затѣмъ, манускриптъ Т. Г. Шевченка, содержащій въ себѣ его автобіографію, письмо его же къ М. С. Щенкину отъ 4-го января 1858 года и дѣла о пребываніи Шевченка въ ссылкѣ въ Новонетровской крѣпости.

Слѣдующія двѣ комнаты посвящены церковнымъ древностямъ. Послѣдній отдѣлъ можно назвать богатѣмъ. Д. И. Эварницкій приложилъ всѣ усилія, чтобы собрать изъ церквей екатеринославской епархіи рѣдкія древности.

Здѣсь можно найти много любопытнаго. Такова, напр., чаша 1639 г. съ двумя записями на ней—Лаврентія Ленца Суходскаго и Феодора Пльина, «попа успенскаго», изъ которыхъ первый «надалъ», подарилъ «келихъ» въ церковь «объ ласки», изъ любви къ храму, а другой «спорядилъ», исправилъ его, когда онъ, очевидно, былъ испорченъ. Таковъ чугунный литой образъ апостола Іоанна Богослова, найденный крестьянами въ Днѣпрѣ; за эготъ образъ они съ Д. И. Эварницкаго сначала стали просить 100 рублей, а потомъ сошлись на 50 копеекахъ. Образъ, повидимому, византійской работы. Какимъ образомъ онъ попалъ на дно Днѣпра? Можетъ быть, здѣсь кроется какая-нибудь кровавая драма на его волнахъ? Можетъ быть, онъ брошенъ въ воду для умилостивленія разбушевавшагося Днѣпра. Можетъ быть, на русскихъ, шедшихъ изъ Царьграда, напали кочевники, разбили ихъ, и во время схватки образъ вмѣстѣ съ людьми пошелъ ко дну... Безмолвный свидѣтель старыхъ дѣяній, онъ не выдастъ своей роковой тайны, а другой свидѣтель, Днѣпръ, давно уже забылъ про нее...

Любопытна также «стасидія», особаго устройства деревянное кресло съ подвижнымъ сидѣніемъ, на которомъ кошевые атаманъ стояли и сидѣли въ церкви во время богослуженія.

Не останавливаясь на другихъ предметахъ, которые въ небольшомъ очеркѣ трудно перечислить даже кратко, приведу описанія весьма занимательныхъ иконъ стараго письма.

Икона «Покровъ Пресвятыя Богородицы». Богородица стоитъ на облакахъ, съ распростертымъ омофоромъ; по сторонамъ св. Николай и архистратигъ Михаилъ. Внизу запорожскія знамена, клейноды и пушка, по обѣ стороны которыхъ стоятъ двѣ группы запорожцевъ въ красныхъ и зеленыхъ жупанахъ и красныхъ сапогахъ, въ молитвенныхъ позахъ; между ними правдоподобно находится кошевой П. И. Калнишевскій, войсковой судья П. Я. Головатый и писарь Иванъ Глоба. Отъ губъ крайняго справа идетъ кверху надпись: «Молимъ, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави насъ отъ всякаго зла». Надъ нимбомъ Богоматери надпись: «Избавлю и покрюю люди моя. Исх. VIII.» По преданію, икона

написана въ виду грозившихъ Запорожью несчастій предъ наде-
ніемъ Сѣчи. Изъ соборной церкви м. Никополя. (Д. И. Эварницкій.
«Запорожье въ остаткахъ старины», т. I, стр. 58).

Икона, рисованная на аналоѣ, находившемся въ церкви послѣд-
ней Сѣчи на рѣкѣ Подпильной.—Богородица въ короткой туникѣ
и красной обуви, съ распростертыми руками, стоитъ на облакѣ,
окруженная святителями въ архіерейскихъ облаченіяхъ; справа
два колѣнопреклоненныхъ запорожца въ зеленыхъ жупанахъ и
желтыхъ кафтанахъ. Фонъ черный; надъ головами стоящихъ
широкое золотое полукружіе. Въ числѣ молящихся, предположи-
тельно, царь Петръ и Іоаннъ Алексѣевичъ, въ коронахъ. (Д. И.
Эварницкій: *lib cit.*, стр. 192).

Икона «Святый Іеронимъ». Въ пещерѣ, открытой до половины,
сидитъ нагой старецъ св. Іеронимъ. Передъ нимъ лежатъ очки и
часы съ роговою крышкою, и стоитъ огарокъ свѣчки въ деревян-
номъ круглѣ подсвѣчникѣ. Старецъ читаетъ книгу, на страни-
цахъ которой находятся слѣдующія слова: «Три суть вещи, которы
меня заставляютъ плакать. Первое мнѣ несносно есть, что знаю
себѣ быти смертна. Второе рыдаю о томъ, что смертный часъ мнѣ
неизвѣстенъ. Я о третьемъ плакать не престану, что не знаю, гдѣ
по смерти жити буду». Вдали за пещерою открывается пейзажъ.
Лентою извиивается рѣка, надъ которою стоитъ вѣтряная мельница;
рядомъ съ нею домъ. Постройки по архитектурѣ не украинскія.
Можно предполагать, что икона уніатскаго происхожденія.

Холщевый иконостасъ, состоящій изъ нѣсколькихъ частей,
доставленный изъ церкви с. Саксагань-Поюровка. Одна изъ
частей обращаетъ вниманіе замѣчательно красивымъ дѣвическимъ
лицомъ Варвары Великомученицы, изображенной на ней. Одѣта
она въ длинную розовую мантию, опущенную горностаемъ и застег-
нутую золотою пряжкой. На головѣ ея вѣнецъ и вѣнокъ изъ
цвѣтовъ; въ рукѣ оливковая вѣтвь. Это художественное произве-
деніе какого-то неизвѣстнаго талантливаго художника. Вокругъ
центральной фигуры нарисованы сцены изъ житія Варвары Вели-
комученицы, но уже простой работы.

Икона «Видѣніе св. Евстафія». Св. Евстафій стоитъ колѣно-
преклоненный. Передъ нимъ, на нѣкоторомъ возвышеніи, олень, у
котораго между рогами на головѣ распятіе. Икона замѣчательна
своею рамою, для которой послужили, соответственно съ содержа-
ніемъ иконы, выкрашенные въ синій цвѣтъ и позолоченные рога
олени.

Двѣ иконы на холстѣ, изъ которыхъ одна изображаетъ Іоанна
Крестителя, а отъ другой остались только куски красокъ, съ слѣ-
дующею записью на оборотѣ каждой изъ нихъ: «Сія икона Пре-
святія Богородицы взята изъ города Москвы французскими войсками,
а в побѣгѣ ихъ изъ Россіи, в сраженіи пры рѣчкѣ Березовкѣ, близъ

города Борысова в деревнѣ Брылѣ прошлаго 1812 года ноября в 18 день сыскана въ отъ битомъ отъ ныхъ обозѣ между бумагами порутчикомъ именемъ Кисловскимъ и подарена тогда жъ г. генераль-маіору Семену Гангеблову, которая и посвящена села его Богодаровки в церквѣ С-я Троицы ноября 30 дня. 1813 г. Иерей Василей Деонисиевъ».

Изъ рукописей церковнаго отдѣла упомяну учительное евангеліе конца XVI в., весьма сходное съ Пересопницкимъ евангеліемъ по письму (юсы) и говору (волынскій).

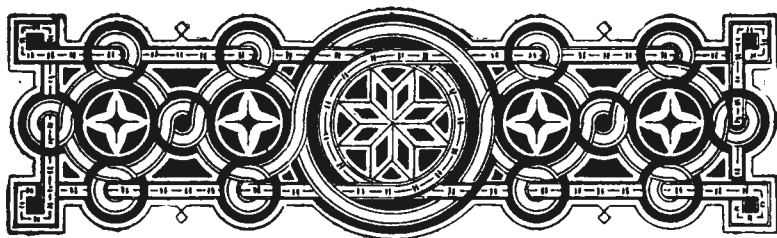
Средняя главная зала музея посвящена украинской этнографіи. Здѣсь находимъ большую коллекцію писанокъ, принадлежности свадебнаго ритуала, орудія различныхъ промысловъ, музыкальные инструменты, гончарныя издѣлія, одежду, ковры, рушники, модели построекъ и пр. Этнографіи же посвящена первая входная комната, наполненная преимущественно предметами домашняго обихода.

Двѣ комнаты направо отъ послѣдней заняты коллекціями минералогическою, зоологическою, ихтіологическою, энтомологическою и ботаническою, изъ которыхъ особенно богата первая.

Таково вкратцѣ достояніе екатеринославскаго областного музея. Не говоря уже о томъ, что для екатеринославцевъ онъ представляетъ незамѣнимое научное и образовательное учрежденіе, значительно расширяющее кругозоръ историческихъ знаній, обычныхъ въ публикѣ, онъ интересенъ для всякаго, посѣщающаго Екатеринославъ, такъ какъ въ немъ собрано все, что такъ или иначе знакомитъ съ прошлою и современною жизнью Екатеринославскаго края, съ его исторією, бытомъ и съ его природными богатствами.

Владимиръ Даниловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ПРЕДСОВОРНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОЗВАНІЕ помѣстнаго собора православной русской церкви съ давнихъ поръ является предметомъ пламенныхъ желаній всѣхъ лицъ, искренно преданныхъ православной церкви. Неудивительно поэтому, что вопросомъ о будущемъ помѣстномъ соборѣ интересуется и общество, и печать.

И вотъ часъ открытія помѣстнаго собора русской церкви, повидимому, уже не далекъ. Быть можетъ, уже скоро наступитъ моментъ, который долженъ положить начало новому періоду въ исторіи русской церкви и подготовить возможность лучшихъ условий для развитія церковной жизни. Быть можетъ, намъ предстоитъ увидѣть сбывающимся то, о чемъ многие изъ нашихъ предковъ лишь мечтали.

Но сколько нужно совершить предварительной подготовительной работы! Въ будущемъ помѣстномъ собору придется заняться переустройствомъ почти всѣхъ сторонъ церковной жизни, требующей во многихъ отношеніяхъ обновленія и исправленія. И неудивительно. Въ соборовъ на Руси не было болѣе чѣмъ 200 лѣтъ; болѣе 200 лѣтъ такой жизненный организмъ, какимъ является церковное общество, живетъ мертвою бюрократическою жизнью, не по своей, впрочемъ, винѣ.

Для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ церковномъ соборѣ, было высочайше учреждено, подъ предѣдательствомъ с.-петербургскаго митрополита Антонія, особое присутствіе, собравшее въ

короткій промежутокъ времени¹⁾ обширный и весьма цѣнный матеріалъ по вопросамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію предстоящаго собора²⁾.

Не малую пользу въ дѣлѣ выясненія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ принесла также печать, удѣлившая, несмотря на нынѣшнее тревожное на Руси время, достаточно вниманія и интереса къ предстоящему въ русской церкви знаменательному событію: въ теченіе короткаго времени появилось нѣсколько весьма цѣнныхъ трудовъ по разнаго рода церковнымъ вопросамъ, стоящимъ въ связи съ созваніемъ собора. На нѣкоторые изъ этихъ трудовъ считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе. Печать служитъ отраженіемъ желаній и надеждъ общества, знакомство съ которыми является не излишнимъ; небезынтересно также видѣть, насколько взгляды на предстоящія церковныя реформы, выраженные въ печати, совпадаютъ съ составленными уже заключеніями высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія.

М. К.

1) Н. Д. Кузнецовъ, присяжный повѣренный. Церковь, духовенство и общество. Москва 1905.

2) Онъ же. Преобразованія въ русской церкви. Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва 1906.

Н. Д. Кузнецовъ является однимъ изъ немногихъ свѣтскихъ лицъ, серьезно интересующихся современною церковною жизнью и желающихъ своими трудами помочь, по мѣрѣ силъ, православной русской церкви въ разрѣшеніи многихъ назрѣвшихъ церковныхъ вопросовъ.

Въ своихъ трудахъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что въ настоящее время является въ особенности необходимымъ живое участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ.

Первая изъ названныхъ выше книгъ отличается весьма стройною системою изложенія. Въ началѣ книги Н. Д. Кузнецовъ отмѣчаетъ характерныя черты отношенія къ религіи и духовенству въ Западной Европѣ и, между прочимъ, констатируетъ фактъ отрицательнаго отношенія къ нимъ новаго общественнаго явленія — социализма, въ основѣ котораго лежитъ чистѣйшій атеизмъ. Вѣра въ личнаго живого Бога сторонниками социальныхъ реформъ разсматривается какъ начало и главная причина бѣдственнаго общественнаго положенія: не будетъ спасенія на землѣ, внушаютъ они, пока человекъ будетъ стремиться къ небу (стр. 12). Социализмъ разными способами старается пріучать къ мысли, что самое наступленіе его мечтаній находится въ зависимости отъ ослабленія и уничтоженія тѣперешнихъ религіозныхъ стремленій въ

¹⁾ Присутствіе, раздѣлившись на семь отдѣловъ, работало съ 8 марта по 13 июня и съ 2 ноября по 15 декабря 1906 года.

²⁾ Въ настоящее время уже напечатаны два обширные тома «Журналовъ и протоколовъ высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія» (Т. I. Стр. I—XIII и I—694. Т. II. Стр. 1—674. С.-Петербургъ. 1906). Вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ III томъ.

людяхъ: какъ только громадная масса пролетаріата, по его разъясненію, перестанетъ безпокоиться о небесномъ отечествѣ, то приблизится часъ, когда разрушится преобладаніе однихъ классовъ общества надъ другими.

Сказанное о Западной Европѣ вполне примѣнимо и къ намъ. Какъ только проникъ въ Россію потокъ европейскихъ идей въ формѣ философіи XVIII вѣка, идеи эти нашли широкое распространеніе въ культурной и вліятельной части общества. Среди него даже образовалось особое направленіе, представители котораго получили названіе «вольтеріанцевъ». Между прочимъ характеристической чертой вольтеріанцевъ служило легкое насмѣшливо-скептическое отношеніе къ христіанской религіи и рѣшенію ею высшихъ вопросовъ жизни. Уже въ XVIII вѣкѣ взаимное довѣріе и необходимая духовная связь между духовенствомъ и обществомъ оказались подорванными (стр. 15—28). То же явленіе, еще въ большей степени, замѣчается и въ позднѣйшее время. И вотъ, уже не одно поколѣніе въ Россіи воспиталось въ томъ убѣжденіи, что интересы религіозные есть дѣло исключительно духовенства и правительства, а каждому человѣку вполне достаточно посѣщенія въ мѣру богослуженій, участія въ таинствахъ и въ признанныхъ правительствомъ пожертвованій на церковь. Такъ стали думать болѣе или менѣе вѣрующіе. Невѣрующіе же въ подобномъ положеніи церковныхъ дѣлъ стали находить подтвержденіе раздѣляемому и проводимому ими европейскимъ взглядамъ на религію, какъ на политическое средство (стр. 29).

Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ подъ заглавіемъ: «Преобразованія въ русской церкви», Н. Д. Кузнецовъ ставитъ себѣ цѣлью познакомить русское общество съ положеніемъ дѣла о столь ожидаемыхъ преобразованіяхъ нашего церковнаго строя. Онъ приводитъ въ подлинникъ рядъ документовъ, относящихся къ вопросу о церковной реформѣ, и даетъ рядъ критическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ сдѣланную постановку вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ съ точки зрѣнія современныхъ церковныхъ нуждъ и потребностей (стр. 3). По мнѣнію г. Кузнецова, дѣло реформы должно начаться съ немедленнаго исправленія самой церковной жизни, возстановленія въ церкви соборнаго начала, чтобы не только епископамъ, но и другому духовенству и мірянамъ была предоставлена возможность живого участія въ дѣлахъ церковныхъ и чтобы самая реформа была проведена не иначе, какъ соборно. Между тѣмъ соборное начало почти никогда не дѣйствовало въ русской церкви, какъ это требовала идея христіанской церкви (1 Кор. XII) и какъ это устанавливается вселенскими соборами. По разнымъ причинамъ въ Россіи сейчасъ же стала усиливаться власть митрополита въ ущербъ развитію областного управленія, окружныхъ соборовъ, самостоятельности епархіальной жизни и т. п., составляющихъ необходимыя черты соборности. Съ полученіемъ русскою церковью независимости отъ константинопольскаго патріарха значеніе и власть митрополита сдѣлались еще больше, а начало соборности еще незамѣтнѣе. Не соборы, собиравшіеся на Руси, руководили митрополитомъ, а онъ самъ оказывалъ на нихъ то или иное вліяніе (стр. 31—33). Введеніе на-

тріаршества, нисколько не содѣйствовавшаго созданію у насъ истиннаго свободнаго народнаго архипастырства (стр. 56), сопровождалось на Руси образованіемъ такой политической единоличной церковной власти, да притомъ еще смѣшанной, съ воздѣйствіемъ и на чисто мірскія стороны, что власть эта совершенно обезличила передъ собою не только духовенство вообще, но и самихъ епископовъ и при ней сдѣлалось почти уже невозможнымъ какое-либо живое проявленіе соборнаго начала (37).

Такимъ образомъ возвращеніе къ до-Петровскому церковному строю не гарантировало бы для русской церкви свободнаго развитія въ ней соборнаго начала (38).

Г. Кузнецовъ вообще рѣшительно высказывается противъ возстановленія на Руси патріаршества — этого проявленія роста іерархіи въ высоту. Въ наше время, пишетъ онъ, при значительномъ разъединеніи общества и духовенства, такой ростъ іерархіи не только не нуженъ, но и прямо вреденъ. Созданіе духовнаго главы съ особымъ званіемъ еще болѣе выдѣлитъ его изъ окружающаго общества, а широкія полномочія патріарха въ дѣлахъ церковныхъ, которыя, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ при желаніи можетъ увеличить, могутъ способствовать еще большому закрѣпленію мысли, что дѣла церковныя составляютъ лишь обязанность духовенства, и, кромѣ того, все это можетъ доставить значительную опору столь пагубному для насъ клерикализму, возможному при сосредоточеніи церковнаго управленія исключительно въ рукахъ духовенства (стр. 64).

Уже и теперь, еще до фактическаго введенія въ Россіи патріаршества, одинъ изъ русскихъ епископовъ, участвовавшихъ въ составленіи всеподданнѣйшаго доклада св. синода, поясняетъ, что при патріаршествѣ высшая церковная власть будетъ получена однимъ, а всѣ остальные архіереи «изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его послушниками: семеро непосредственными, а прочіе послушниками митрополита, а затѣмъ уже патріарха».

Весьма интереснымъ представляется мнѣніе почтеннаго автора по весьма важному вопросу о составѣ предстоящаго всероссійскаго помѣстнаго собора. Изъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ онъ дѣлаетъ выводъ о необходимости допущенія на соборъ, кромѣ епископовъ, клира и мірянъ (стр. 121). Прежде императоры считались представителями народа на соборахъ. При теперешнемъ положеніи государей и ихъ отношеніи къ задачамъ церкви участіе ихъ однихъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ уже не можетъ достаточно гарантировать принятіе церковныхъ постановленій народомъ и даже государствомъ. Для обезпеченія реценціи соборныхъ постановленій всею церковью должно допустить на соборъ по возможности всѣхъ ея членовъ и отнюдь не устранять отъ него мірянъ. Присутствіе мірянъ въ настоящее время особенно необходимо въ виду значительнаго духовно-нравственнаго разъединенія между ними и духовенствомъ, такъ что голосъ мірянъ по дѣламъ церковнымъ всего лучше можетъ быть выраженъ только ими самими и всего менѣе, новидимому, епископами (стр. 126). И дѣйствительно, въ настоящее время институтъ народнаго представительства является уже достаточно развитымъ и вошедшимъ въ жизнь многихъ православныхъ церквей, какъ-то: церкви констан-

тинопольской, болгарской, сербской, румынской, въ карловицкой митрополіи въ Венгріи, въ сибирской митрополіи въ Австро-Угріи. Относительно того, съ какимъ голосомъ явятся на соборъ клиръ и міряне, съ рѣшающимъ или совѣщательнымъ, авторъ проводитъ слѣдующій взглядъ. Строго говоря, въ исторіи вселенскихъ соборовъ мы не находимъ вполне достаточно данныхъ для рѣшенія такого современнаго вопроса. Это вполне и понятно. На соборы, какой бы составъ ихъ ни былъ, отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на что-то въ родѣ нашихъ парламентовъ. Въ жизни парламентовъ дѣйствительно играетъ важную роль большинство, которое только въ силу своего числа подавляетъ соображенія меньшинства, хотя бы меньшинство не только не соглашалось съ большинствомъ, но и питало къ его мнѣніямъ самую непримиримую вражду. При такихъ условіяхъ вопросъ о правѣ голосованія, естественно, получаетъ громадное значеніе и выступаетъ на первый планъ. Церковные же соборы прежде всего покоились на духовно-нравственной основѣ и ставили своей задачей, какъ это можно подтвердить многими документами того времени, чтобы при общемъ согласіи всѣхъ по изслѣдованіи всей истины и по устраненіи всякаго пристрастія яснѣе открылась истина и чтобы уже не могло быть никакого сомнѣнія и разномыслія. Соборы имѣли цѣлью установить въ томъ или иномъ отношеніи духовно-нравственное единеніе членовъ церкви и отъ соборовъ-то по преимуществу требовалось исполненіе наставленія апостола Павла блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. (Еф. IV, 3) (стр. 136). Во всякомъ случаѣ допущенные на соборъ представители духовенства и мірянъ не должны играть роль молчаливо-внимающихъ людей (стр. 136).

Не со всѣми высказанными авторомъ положеніями можно согласиться; но нельзя отказать ему въ оригинальности и искренности взглядовъ и въ обширной эрудиціи. Труды г. Кузнецова, имѣющіе цѣлью способствовать разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ о церковной реформѣ заслуживаютъ особаго вниманія.

3) Іаковъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій. Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 года и предметъ его занятій. Ярославль. 1906.

Въ своемъ трудѣ высокопреосвященный Іаковъ даетъ обстоятельные и весьма цѣнные отвѣты не только на тѣ вопросы, которые намѣчены святѣйшимъ синодомъ для обсужденія на предстоящемъ всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ, но также касается цѣлаго ряда другихъ вопросовъ вѣры и жизни христіанской, вопросовъ обрядовыхъ, касающихся богослуженія, и вопросовъ церковнаго домостроительства (о пересмотрѣ постановленій собора 1667 года, о клятвѣ на раскольниковъ, о смѣшанныхъ бракахъ православныхъ со старообрядцами и инославными христіанами и др.).

Говоря о составѣ ожидаемаго помѣстнаго собора русской церкви, почтенный авторъ, на основаніи цѣлаго ряда доказательствъ, основанныхъ на церковныхъ правилахъ и церковной практикѣ (см. стр. 3—13), приходитъ къ тому заключенію, что рѣшающій голосъ на церковныхъ соборахъ имѣли

только епископы, но вмѣстѣ признаетъ, что «желательно и благопотребно, чтобы на этомъ соборѣ присутствовали пресвитеры и другіе клирики, монашествующіе, міряне съ правомъ совѣщательнаго голоса, каковымъ пользовались подобныя лица въ древности» (стр. 16).

Особенно интересными являются замѣчанія архіепископа Іакова о преобразованіи церковнаго суда. Совершенно справедливо замѣчаетъ онъ, что первая и существенная потребность духовнаго суда состоитъ въ пересмотрѣ, обработкѣ и приведеніи въ систему нашего дѣйствующаго церковнаго права и въ изданіи церковнаго уложенія, которое бы устраняло произволь церковной власти и лично ея усмотрѣніе какъ въ опредѣленіи состава проступковъ, такъ и въ примѣненіи къ нимъ мѣръ взысканія и исправленія (стр. 41). Что касается дѣйствующаго церковнаго судоустройства, въ которомъ мы находимъ крайнюю централизацію власти, а также церковнаго судопроизводства, въ которомъ формы слѣдствія устарѣли, не отличаются опредѣленностью и не обезпечиваютъ достаточными гарантіями интересовъ ни сторонъ, ни суда, — то авторъ рѣшительно настаиваетъ на необходимости реформы того и другого, примѣнительно къ судебнымъ уставамъ 1864 года.

Не менѣе интереснымъ является взглядъ высокопреосвященнаго Іакова на реформу духовно-учебныхъ заведеній, находящихся нынѣ въ печальномъ положеніи. Архіепископъ Іаковъ предлагаетъ существующія мужскія духовныя училища преобразовать въ шестиклассныя или семиклассныя гимназій съ гимназическимъ курсомъ наукъ, такъ расположеннымъ, чтобы всегда возможенъ былъ безпрятственный переходъ изъ духовныхъ училищъ въ министерскія гимназій и наоборотъ, а по окончаніи курса выходъ въ университетъ и въ другія высшія учебныя заведенія, наравнѣ съ министерскими гимназіями; но при этомъ въ духовныхъ училищахъ преподаваніе катехизиса, въ виду исключительной важности этого предмета, должно быть поставлено какъ можно болѣе прочно и основательно. Нынѣшнія шестиклассныя семинаріи авторъ предлагаетъ преобразовать въ трехклассныя пастырскія училища, что дастъ возможность устроить въ нихъ не только общежитія для всѣхъ учащихся, но и квартиры для всѣхъ преподавателей и воспитателей (стр. 54 — 58).

Весьма желательно, чтобы эти пожеланія высокопреосвященнаго автора были осуществлены на дѣлѣ.

4) И. М. Лихницкій. Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI — XVII вѣкахъ. Спб. 1906.

Работа И. М. Лихницкаго, въ виду предстоящаго созванія русскаго помѣстнаго собора, представляетъ большой интересъ. Особенно любопытны тѣ страницы труда г. Лихницкаго, на которыхъ почтенный авторъ трактуетъ о составѣ «освященнаго собора», о мѣстѣ и времени и обычномъ порядкѣ соборныхъ засѣданій. Въ этомъ отношеніи исторія прошлаго можетъ служить наилучшимъ примѣромъ для будущаго.

Освященный соборъ, какъ соборъ русской помѣстной церкви, по своему первоначальному идейному замыслу, долженъ былъ олицетворять въ себѣ

всю помѣстную русскую церковь, а потому требовать участія въ соборныхъ засѣданіяхъ всѣхъ наличныхъ іерарховъ русской церкви (стр. 23). Какъ учрежденіе церковно-государственное, освященный соборъ состоялъ, съ одной стороны, изъ членовъ духовныхъ, и при томъ лицъ всѣхъ іерархическихъ степеней русской церкви — какъ высшихъ (епископовъ), такъ и низшихъ (лицъ бѣлаго и чернаго духовенства), а съ другой, изъ членовъ свѣтскихъ — царя, наслѣдника престола, членовъ боярскаго думы (послѣдніе присутствовали преимущественно на тѣхъ соборахъ, на которыхъ обсуждался какой-нибудь вопросъ, близко касавшійся и свѣтскаго правительства, напр., вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ и т. п.). Непремѣнными членами, безъ которыхъ не могъ пройти ни одинъ освященный соборъ, былъ ли онъ созванъ по малому или великому дѣлу, считались епископы, призываемые на соборъ такъ называемыми «извѣстительными грамотами» за подписью и печатью царя. Только получивши такъ называемую «извѣстительную грамоту», епископъ могъ явиться на соборъ; въ противномъ случаѣ епархіальному епископу строго воспрещалось оставлять мѣсто своего служенія, даже въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ это для соборныхъ цѣлей.

Соборы происходили въ Москвѣ (стр. 31 — 32), обыкновенно въ патриаршей палатѣ, рѣже въ Успенскомъ соборѣ, или, какъ тогда выражались, «въ дому Пречистыя Богородицы пречестнаго Ея и славнаго Успенія», а иногда въ палатахъ царскаго дворца, золотой и столовой. Соборы собирались не періодически, а совершенно произвольно. Можно сказать, что тутъ все зависѣло отъ того или другого состоянія церковной-религіозной жизни въ извѣстный историческій моментъ: былъ поводъ, стоялъ на очереди вопросъ — созывался соборъ, повода не было, дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ — и соборная жизнь замирала на долгое время. Отсюда приходится наблюдать въ исторіи нашихъ освященныхъ соборовъ XVI — XVII вв. такой фактъ, что въ иное время, когда религіозная жизнь и дѣятельность повышается, какъ, напримѣръ, въ началѣ XVI вѣка и въ срединѣ XVI и XVII вв., то соборная дѣятельность такъ учащается, что соборы устраиваются не только ежегодно, но даже по нѣсколько разъ въ годъ; и наоборотъ, какъ только въ жизни, благодаря тѣмъ или другимъ неблагоприятнымъ условіямъ, наступаетъ пониженіе церковной дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вв., то и соборная жизнь на долгое время прекращается (стр. 59).

Въ самый день открытія собора совершалось въ соборной церкви Успенія Богородицы торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовали всѣ члены собора и боярская знать во главѣ съ царемъ. Послѣ литургіи совершался торжественный молебенъ съ моштвеннымъ воззваніемъ о небесной помощи въ предстоящемъ важномъ дѣлѣ. По окончаніи богослуженія всѣ направлялись въ палаты государя. Здѣсь при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи членовъ боярскаго думы и всей чиновной знати, и происходило самое торжество открытія собора. Вся важность событія заключалась въ тѣхъ рѣчахъ, которыя, съ одной стороны, произносилъ царь, а съ другой — въ отвѣтъ ему, кто-либо изъ членовъ предстоящаго собора. Обѣ рѣчи, какъ царская, такъ и отвѣтная, имѣли одинъ смыслъ — указать цѣль и значеніе

предстоящаго собора и затѣмъ характеръ тѣхъ вопросовъ, рассмотрѣннѣ которыхъ желательно на данномъ соборѣ. Выслушавъ рѣчь царя и совершивъ всѣ предварительныя церемоніи, члены собора приступали къ самымъ совѣщаніямъ, началу которыхъ предшествовало чтеніе особой рѣчи, обращенной къ соборнымъ людямъ; въ этой рѣчи подробно излагалась сущность предметовъ, подлежащихъ рассмотрѣнію собора. Послѣ прочтенія докладной рѣчи соборнымъ людямъ предлагалось «поразмислить» о всемъ слышанномъ и высказать по обсуждаемымъ вопросамъ свое мнѣніе, при этомъ свобода мнѣній — иногда даже очень рѣзкихъ и обидныхъ для присутствующихъ на соборѣ лицъ — не нарушалась и высказывать дозволялось не только лицамъ, занимающимъ важныя іерархическія положенія въ церкви, но и обыкновеннымъ клирикамъ, лишь бы только высказываемыя мнѣнія имѣли существенное и прямое отношеніе къ дѣлу. Самая аргументація соборныхъ сужденій носила на себѣ характеръ строгой каноничности и стояла въ тѣсной и непосредственной связи съ тѣми нормами канона, которыми управлялась вся тогдашняя дѣятельность въ русской церкви (стр. 64 — 68).

Послѣ того, какъ всѣ нужныя справки были сдѣланы и предварительное сужденіе вопроса было доведено до той полноты, какая оказывалась, по мнѣнію присутствующихъ, достаточной, соборъ приступалъ къ окончательной формулировкѣ своихъ постановленій, стараясь отыскать такую форму, которая бы удовлетворила по возможности всѣхъ присутствующихъ.

Окончательное закрытіе засѣданій освященнаго собора ознаменовывалось обычно составленіемъ соборнаго акта или протокола, въ которомъ болѣе или менѣе подробно излагался весь ходъ дѣла на освященномъ соборѣ.

Засвидѣтельствованіемъ путемъ приложенія печатей и такъ называемыхъ «рукоприкладствъ» соборнаго акта заканчивалась вся соборная процедура, и члены собора, надѣленные копіями протоколовъ, разъѣзжались по мѣстамъ своего постоянного жительства (стр. 72 — 74).

Проф. М. Красноженъ.

Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907.

Объективному изслѣдованію эпохи императора Павла Перваго, критической повѣркѣ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ краткому и столь трагически закончившемуся царствованію преемника Екатерины, строго научному безпристрастію въ дѣлѣ оцѣнки его личности и дѣяній, можно сказать, только лишь полагается начало. Но, какъ и во всемъ, самое трудное именно положить доброе начало, а въ особенности въ данномъ случаѣ, какъ скажетъ всякій, занимавшійся эпохой Павла. Истинная исторія этого царствованія была прямо завалена горами анекдотическаго и памфлетическаго мусора самыхъ противорѣчивыхъ розказней, и требовалась острая аналитическая прозорливость и чутье исторической правды, чтобы провидѣть истину сквозь столѣтнія напластованія разнохарактерной сплетни; надо было потратить много труда, чтобы установить хотя нѣкоторыя отправныя точки научнаго изученія

фактических данных Павловскаго періода русской исторіи. Честь этого добраго начала всегда будет принадлежать автору разбираемаго нами сочиненія Е. С. Шумигорскому, наравнѣ съ покойнымъ Н. К. Шильдеромъ.

Новый трудъ Е. С. Шумигорскаго является вкладомъ въ дальнѣйшее объективно-критическое изложеніе исторіи Павловской эпохи и въ краткомъ, но весьма содержательномъ, продуманномъ и обоснованномъ очеркѣ даетъ общее обзорнѣе жизни и царствованія императора Павла, въ существенныхъ ихъ чертахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ краткаго предувѣдомленія къ книгѣ усматриваемъ, что она въ свою очередь является какъ бы этюдомъ большой картины—духотомной «Исторіи императора Павла», приготовляемой авторомъ. Въ то обширное сочиненіе отнесено и болѣе подробное изложеніе событій, а главное, весь научный аппаратъ изслѣдованія, критическій анализъ использованныхъ матеріаловъ. Въ данномъ очеркѣ, поэтому, мы находимъ лишь общіе выводы, итоги, результаты изслѣдованія, и авторъ не отягчилъ колоритныхъ и краснорѣчивыхъ страницъ книги такъ называемымъ «нижнимъ этажомъ» мелкаго шрифта, важнымъ для специалистовъ. Книга имѣетъ въ виду широкій кругъ читателей.

За краткимъ введеніемъ авторъ даетъ біографическій очеркъ, посвященный дѣтству и многолѣтнему «гатчинскому» періоду жизни Павла Петровича, еще великаго князя. Затѣмъ самое четырехлѣтнее царствованіе изложено въ пяти главахъ, причѣмъ послѣдняя глава посвящена изложенію заговора и событій въ ночь съ 11 на 12 марта, пресѣкшихъ дни несчастнаго государя. Въ концѣ книги имѣется приложеніе весьма важныхъ документовъ.

Общую свою точку зрѣнія на царствованіе Павла I авторъ опредѣляетъ такъ въ предисловіи книги: «Краткое четырехлѣтнее царствованіе непосредственнаго преемника Екатерины, императора Павла I, было прямымъ послѣдствіемъ естественнаго, логическаго хода русской исторіи, и, отмечая внѣшнее, случайное, личное, полагаемъ, что оно завершило собой XVIII вѣкъ въ русской исторіи не даромъ: ярко отражая въ себѣ современное положеніе русскаго общества и народа, царствованіе императора Павла было, съ одной стороны, до нѣкоторой степени коррективомъ къ царствованію его гениальной матери, а съ другой, во многихъ отношеніяхъ, началомъ новаго періода государственной жизни русскаго народа». Итакъ, авторъ ставитъ себѣ три общія задачи: 1) доказать внутреннюю цѣлесообразность и необходимость избраннаго періода, какъ опредѣленнаго момента въ логическомъ ходѣ русской исторіи, найти прагматическую нить, какъ бы порывавшуюся до сихъ поръ на царствованіи Павла I и связать ея концы; 2) выяснитъ, что царствованіе Екатерины, столь, повидимому, блестящее, дѣйствительно требовало корректива, естественной во многихъ отношеніяхъ реакціи, и 3) выяснитъ, въ чемъ именно царствованіе Павла I представляло начинанія въ государственной русской жизни, пережившія несчастнаго правнука великаго прадѣда, Петра I, и развивавшіяся уже въ послѣдующую эпоху, въ первой половинѣ XIX вѣка. Для разрѣшенія столь обширныхъ и, дѣйствительно, основныхъ задачъ изслѣдованія Павловской эпохи требуется, конечно, весьма обширная работа изученія

военной и гражданской системъ, введенныхъ Павломъ I, чему опять-таки только еще положено начало.

Очеркъ «гатчинскаго» періода въ бытность Павла Петровича цесаревичемъ весьма кратокъ и, видимо, въ данномъ сочиненіи авторъ не въ немъ полагаетъ центръ тяжести своего изслѣдованія. Очеркъ этотъ не даетъ чего-либо существенно новаго противъ уже имѣющихся монографическихъ изложеній этого интереснаго времени. Гораздо болѣе новаго даютъ двѣ первыя главы изложенія самаго царствованія Павла. Авторъ критически оцѣниваетъ наслѣдіе Екатерины Великой, выясняя темныя стороны ея царствованія и усилія Павла, направленные къ исцѣленію вопіющихъ язвъ внутренняго управленія огромной имперіи. Въ оцѣнкѣ гражданской системы Павла авторомъ пролито много свѣта и собрано много данныхъ для совершенно новаго взгляда на эту сторону кипучей дѣятельности императора, въ особенности въ области мѣропріятій, облегчавшихъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, чему положило начало извѣстное изслѣдованіе г. Трефилева, но у послѣдняго есть стремленіе, отъ котораго трудно удержаться тому, кто идетъ противъ установившагося взгляда и впервые ему противопоставляетъ иное воззрѣніе, — стремленіе къ излишней идеализаціи; г. Шумигорскій выдерживаетъ ровный тонъ безстрастія, необходимый историку. Нельзя сказать, что военная система Павла оцѣнена въ книгѣ съ достаточной критической полнотой. Въ этомъ отношеніи даже собранныя въ изслѣдованіи г. Панчулидзева данныя говорятъ больше. Конечно, задача оцѣнки военной «гатчинской» системы всего лучше можетъ быть выполнена специалистами военнаго дѣла. Нельзя не пожалѣть, что г. Шумигорскій въ новомъ трудѣ своемъ не выдѣлилъ въ особую главу вопросъ о внѣшней политикѣ Павла и перемѣнѣ въ ней послѣ Маренго и Люневильскаго міра. Яркое освѣщеніе этого вопроса одно можетъ выяснитъ значеніе внезапной гибели Павла I, какъ для Англій, такъ и для всей Европы. Наконецъ освѣщеніе внѣшней политики Павла I будетъ неполно, если ее не сопоставитъ съ политикой его преемника Александра I. Но, во всякомъ случаѣ, общій очеркъ дипломатіи, внутренняго управленія и военной системы Павла I у г. Шумигорскаго сдѣланъ мастерски и заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать «большой» его исторіи, гдѣ изслѣдователь, конечно, развернетъ въ широкомъ масштабѣ эту существеннѣйшую часть.

Загадочныя отношенія императора Павла къ Нелидовой выяснены были г. Шумигорскимъ съ полнотою еще въ біографіи послѣдней. Конечно, въ общемъ очеркѣ, каковъ лежащій передъ нами, онъ не могъ удѣлить особенно много мѣста романической исторіи платоническаго фавора фрейлины, равно какъ и роману съ Лопухиной. Въ изслѣдованіи психическаго и физическаго состоянія Павла Петровича, конечно, важнѣйшее значеніе имѣютъ переданныя самой императрицей Маріей Феодоровной признанія императора, которыя приведены на 157 стр. книги г. Шумигорскаго. Специальная экспертиза ученаго психіатра уже прилагалась проф. П. П. Ковалевскимъ къ личности Павла, столь единодушно ославленного современниками безумцемъ. Но профессоръ Ковалевскій, считая какъ бы постулатомъ фактъ душевной болѣзни Павла, въ то же время этому совершенно сомнительному факту щелетъ объясненія на

самой шаткой въ данномъ случаѣ почвѣ настѣдственности и въ «натурѣ отца». Принимая во вниманіе извѣстное мѣсто въ запискахъ Екатерины Великой, о «натурѣ отца» мы должны говорить гадательно. Но несомнѣнная неуравновѣшенность характера Павла и особенное ея обостреніе въ періодъ времени съ 28 января 1798 г. весьма удовлетворительно могутъ бытъ объяснены всякимъ докторомъ именно на основаніи вышеупомянутого показанія императрицы и собственнаго свидѣтельства Павла I о состояніи его мужественности.

Приложеніе къ книгѣ заключаетъ полный текстъ «Наинской конституціи» и само по себѣ является весьма цѣннымъ.

Нельзя не признать трудъ г. Шумигорскаго весьма полезнымъ, при бѣдности исторической литературы безпристрастными трудами по исторіи высокопоучительной Павловской эпохи. Какъ необыкновенная личность властителя, такъ и злосчастная его судьба обставлены такими грандіозными событіями, такими яркими и оригинальными фигурами современниковъ, такъ связаны какъ съ гремящимъ вѣкомъ Екатерины и ея орловъ, такъ и съ послѣдующимъ царствованіемъ, имѣютъ такое значеніе въ судьбахъ не только одной Россіи, но и всей Европы, что попытка внесенія въ эту область, гдѣ до сихъ поръ какъ нарочно полновластно распоряжался анекдотъ и сплетня, свѣта исторической критики, несомнѣнно, является сама по себѣ заслуживающей всякаго поощренія и обѣщаетъ для науки плодотворнѣйшія слѣдствія.

Н. А. Энгельгардтъ.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ III. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906.

Настоящій томъ посвященъ исторіи кіевской академіи въ эпоху царствованія Екатерины II. Въ предисловіи профессоръ Н. И. Петровъ намѣчаетъ три періода въ развитіи реформаціонныхъ стремленій императрицы въ отношеніи южно-русской церкви и кіевской академіи. Это: 1) эпоха попытокъ правительства ввести реформы въ жизнь южно-русской церкви и южно-русскаго духовенства, упорной оппозиціи южно-русскаго духовенства этимъ попыткамъ и стремленія его отстоять свои прежнія права и преимущества; 2) эпоха правительственныхъ стремленій подготовить малорусское духовенство къ воспріятію этихъ реформъ и 3) періодъ проведенія этихъ реформъ въ жизнь. Эти три эпохи почти совпадаютъ со временемъ управленія кіевской епархіей трехъ митрополитовъ, вѣ—въ царствованіе Екатерины II, Арсенія Могилянскаго († 1770 г.), Гавріила Кременецкаго († 1783 г.) и Самуила Миславскаго († 1796 г.). Соответственно этому, исторія кіевской академіи въ царствованіе императрицы Екатерины II займетъ три обширныхъ тома—IV, V и VI. Только что появившійся первый изъ нихъ относится къ эпохѣ митрополита Арсенія Могилянскаго.

Арсеній Могилянскій вступилъ на кіевскую митрополию при Елизаветѣ Петровнѣ. Руководящею нитью его дѣятельности, съ особенной интенсивностью

проявившейся въ царствованіе Екатерины II, были предприняты послѣднюю церковныя и воспитательныя реформы. Отобрание въ 1762 г. въ сѣверной Россіи духовныхъ имѣній въ казну, учрежденіе штатовъ духовенства и преобразование сѣверо-русскихъ духовныхъ школъ—эти наиболѣе существенныя реформы Екатерины II по духовному вѣдомству—не могли не отозваться на судьбахъ кievской академіи. Преобразование духовно-учебныхъ заведеній по новому типу, основныя начала котораго были провозглашены высочайшею инструкціей учрежденной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ 29 ноября 1762 г., могло пошатнуть то первенствующее и руководящее значеніе, которое при выкла занимать кievская академія. Въ соотвѣтствіе проекту преобразования сѣверо-русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, ректоръ академіи и главный помощникъ Арсенія Могилянскаго, архимандритъ Самуилъ Зборовскій, вырабатываетъ подробную инструкцію, касающуюся почти всѣхъ сторонъ академической жизни. Главное вниманіе составителя инструкціи было обращено, конечно, на богословскія науки. Курсъ преподаванія богословія былъ четырехлѣтній, по системѣ Теофана Прокоповича, съ расчлененіемъ богословія на догматическое и нравственное, и съ прочими подраздѣленіями и указаціями. Нѣкоторой новизной было введеніе сокращенной російской поэзіи въ классѣ ѳитики. Но главная задача инструкціи Самуила Зборовскаго — удержать кievскую академію на высотѣ высшаго руководящаго учебнаго заведенія—не была разрѣшена даже въ слабой степени. Въ академической инструкціи совершенно не упоминается объ исторіи церковной и гражданской, географіи, начаткахъ математики и практической философіи, которыя проводились въ жизнь высочайшею инструкціей 29 ноября 1762 г.

Такимъ образомъ, за время Арсенія Могилянскаго кievская академія, не сообразуясь съ требованіями времени, не предпринимала ничего, что могло бы дать ей залогъ прочнаго и устойчиваго будущаго. Между тѣмъ, потребность въ коренной реформѣ академіи сознавалась многими. Гетманъ К. Г. Разумовскій въ докладѣ о возстановленіи правъ малороссійскаго казачества ходатайствовалъ въ 1763 г. о желательности преобразования академіи въ университетъ. Посланные въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія депутаты южно-русскаго шляхетства также имѣли въ числѣ своихъ мандатовъ заявленія о необходимости учрежденія въ Малороссіи университетовъ или кадетскихъ корпусовъ. Ходатайствуя объ учрежденіи университета, стародубское шляхетство въ наказѣ своему депутату писало, что существующія въ Малороссіи латинскія школы (въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ) «къ большому просвѣщенію разума человѣческаго и къ полученію другихъ нужныхъ для службы государственной и къ пользѣ всеобщей наукъ суть недостаточны». Даже харьковскій коллегіумъ, дѣтище академіи, оставилъ ее далеко позади себя, такъ какъ въ немъ были прибавлены никогда не существовавшіе въ кievской академіи классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, рисованія, инженерныя науки, артиллерія и геодезія. Не пользуясь общественнымъ довѣріемъ, кievская академія была сильно скомпрометирована и передъ правительствомъ, въ лицѣ бывшаго своего питомца, ростовскаго митрополита Арсенія Маѣвевича, открыто и смѣло выступившаго съ протестомъ.

стомъ противъ отобрания Екатериною II монастырскихъ, архіерейскихъ и церковныхъ имуществъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ нравственнаго авторитета кievской академіи быстро уменьшалось и ея матеріальное благосостояніе. Правительственные указы, одинъ за другимъ, отнимали отъ нея прежнія права; особенно чувствительно было для академіи уничтоженіе высочайшимъ указомъ 17 февраля 1765 г. монополіи кievскихъ воспитанниковъ на занятіе іерархическихъ и учительскихъ мѣстъ въ Велико-росіи. Отмѣнены были сборы съ вѣчныхъ памятей, одинъ изъ главныхъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія кievской академіи, денежные сборы за поставленіе священно-и церковно-служителей и за выдаваемые отъ архіереевъ агиминсы, понижены также за духовныя требы и т. д.

Насколько бѣдственно было положеніе студентовъ академіи за данный періодъ, видно, напримѣръ, изъ документа 1769 г. Это — «билетъ, выданный ученику риторики Ивану Хижковскому на испрошеніе милостыни», гласящій буквально слѣдующее: «объявитель сего академіи кievской студентъ, ученикъ школы риторики, Иванъ Хижковский, по прежнему обыкновению (т. е. и раньше, значить, уже былъ обычай отпускать студентовъ на собираніе милостыни), яко немущій ни откуду въ ученіи своемъ снабженія, отпушенъ для испрошенія милостыни за Днѣпръ въ малоросійскіе и слободскіе полки по первое число сентября мѣсяца сего 1769 г.». Несмотря на относительно большое число студентовъ (напримѣръ, въ 1764 и 1765 учебномъ году ихъ было 1.159 человекъ), въ академіи не было своего врача, и студенты часто принуждены были лечиться у «неапробованныхъ въ медициніи людей» — невѣжественныхъ шарлатановъ и знахарей.

Изъ напечатанныхъ Н. П. Петровымъ документовъ многіе представляютъ бытовую интересъ, являясь показателемъ нравственнаго уровня учащихся и студентовъ академіи. Несмотря на строгій надзоръ, студенты доходили и до учыовныхъ «поступковъ». Характеръ эпохи выказывался, напримѣръ, въ за-протоколированной официально «дракѣ студентовъ кievской академіи съ гусарами и артиллеристами», или въ широкой практикѣ тѣлесныхъ наказаній, обильно примѣнявшихся къ младшимъ ученикамъ, но нерѣдко постигавшихъ и взрослыхъ студентовъ, какъ свидѣлствуетъ сохранившійся документъ «о наказаніи студента богословія кievской академіи Петра Яновскаго за его продерзости» и т. п. Изъ другихъ документовъ отмѣтимъ: о возмущеніи студентовъ противъ префекта (1763 г.), мнѣніе ректора академіи о дозволеніи префекту Петулинскому преподавать до вакаціи философію «не по инструкціи, а такъ, какъ онъ сможетъ», объ изобіеніи бурсака Подгорскаго магистратскимъ служителемъ Сидоромъ Климовымъ и о тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ послѣднему бурсаками, о пожертвованныхъ митрополитомъ книгахъ для академіи, письмо префекта Петулинскаго къ кievо-подольскому протопопу съ жалобой на священника Лобко и «съ препровожденіемъ его пасквильныхъ писемъ», о дозволеніи «неспокойному іеромонаху» Саввѣ быть менторомъ слабоумнаго княжича Д. Долгоруккаго, объ отводѣ болгарскимъ поселенцамъ земли, указъ святѣйшаго синода митрополиту кievскому — прислать въ синодъ для размо-

трѣнія составленную іеромонахомъ Іаковомъ Блонницкимъ славянскую грамматику, указъ кievской консисторіи «о воспрещеніи студентамъ академіи шататься по ночамъ», о порученіи академіи перевести съ греческаго на русскій языкъ письма молдавскаго митрополита Гавриила къ Арсенію Могиланскому и др. Въ концѣ прибавленъ дополнительный сводный списокъ извѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ изъ воспитанниковъ академіи.

А. Я.

Краткій историческій очеркъ виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864-1906 гг. Составилъ членъ комиссіи Ар. Турцевичъ. Вильна. 1906.

Какъ извѣстно, виленская комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ принадлежитъ къ числу почтенныхъ ученыхъ учреждений, зарекомендовавшихъ себя съ лучшей стороны многополезною и благоусибною дѣятельностію. За время своего существованія (съ 1864 г.) комиссія напечатала XXX томовъ «Актовъ» и, кромѣ того, 12 отдѣльныхъ изданій. Въ XXX названныхъ томахъ помѣщены акты гродненскаго земскаго суда (1514-1795 гг. см. I т.), брестскаго земскаго суда (1431-1795 гг., см. II т.), брестскаго городского суда (1401-1799 гг., см. III и IV т.т.), брестскаго и гродненскаго городскихъ судовъ (1388-1783 гг., т. V), поточные акты брестскаго городского суда, акты брестскаго подкоморскаго суда, брестской магдебургин, кобринской магдебургин, каменецкой магдебургин (1564-1756 гг., т. VI), гродненскаго городского суда (1496-1780 гг., т. VII), виленскаго городского суда (1576-1797 гг., т. VIII), виленскаго земскаго суда, магистрата и магдебургин (1493-1797 гг., т. IX и X), главнаго литовскаго трибунала (1395-1749 гг., т. XI, XII и XIII), инвентаръ XVI вѣка (т. XIV), декреты главнаго литовскаго трибунала (1637-1686 гг., т. XV), документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи (т. XVI), акты гродненскаго земскаго суда (1539-1565 гг., т. XVII), акты о конныхъ судахъ (XVI-XVII вв., т. XVIII), акты, относящіеся къ исторіи бывшей холмской епархіи (1428-1603 гг., т. XIX), акты, касающіеся города Вильны (т. XX, 1529-1804 гг.), акты гродненскаго земскаго суда (1555-1568 гг., т. XXI), слонимскаго земскаго суда (1555-1570 гг., т. XXII), холмскаго городского суда (1604-1691 гг., т. XXIII), акты о боярахъ (1491-1796 гг., т. XXIV), инвентари и разграничительный актъ 1558-1748 гг., т. XXV), документы изъ актовъ книги унитскаго городского суда (1585-1587 гг., т. XXVI), акты холмскаго городского суда (1692-1756 гг.; т. XXVII), акты объ евреяхъ (1517-1795 гг., т. XXVIII и XXIX), акты трокекаго подкоморскаго суда (за 1585-1613 гг., т. XXX).— Изъ отдѣльныхъ изданій виленской комиссіи назовемъ слѣдующія: ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, 1559 г.; ординація королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, 1641 г.; писцовая книга бывшаго пшекаго староства, 1561-1566 гг.; ревизія кобринской экономіи, составленная въ 1563 г.; писцовая книга гродненской экономіи; пшецовая книга пшекаго и клецкаго

княжества 1552-1555 гг.; сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства Сѣверо-Западнаго края при императрицѣ Екатериинѣ II-ой; краткія таблицы, необходимыя для исторіи, хронологіи, вообще для всякаго рода археологическихъ изслѣдованій и, въ частности, для разбора древнихъ актовъ и грамотъ Западнаго края Россіи и царства Польскаго, сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранившихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библиотекѣ. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ дана масса интереснаго историческаго матеріала, распадающагося на слѣдующіе отдѣлы: церковный, административный, юридическій и экономическій. Къ чести комисіи должно отнести то, что она, освободившись отъ всякой тенденціозности, имѣла въ виду исключительно научныя цѣли и старалась содѣйствовать выясненію, главнымъ образомъ, тѣхъ вопросовъ, которые выдвигались современною историческою наукою. Дѣятельность виленской комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ можетъ вполнѣ служить примѣромъ для научной и созидательной работы въ нашихъ столичныхъ архивахъ. Если бы послѣдніе такъ же успѣшно занимались своимъ прямымъ дѣломъ, то ученымъ, работающимъ по архивнымъ документамъ, значительно была бы сокращена и облегчена работа; по крайней мѣрѣ, не приходилось бы убивать массы времени на (часто безполезныя) розыски по старымъ архивнымъ реестрамъ, а иногда и по самымъ связкамъ документовъ.

Приватъ-доцентъ А. Н—скій.

Финляндія, ея прошедшее и настоящее. П. М. Майкова. С.-Петербургъ. 1906.

Наша историческая литература, какъ видно изъ обстоятельнаго труда М. Бородинки «Финляндія въ русской печати», изобилуя сочиненіями и изслѣдованіями по отдѣльнымъ болѣе или менѣе важнымъ событіямъ, совершавшимся въ завоеванной русскимъ оружіемъ Финляндіи, не имѣетъ однако общей исторіи этого края съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней. Дополнить этотъ пробѣлъ, ощутительный въ особенности въ настоящее время, при обсужденіи такъ называемаго финляндскаго вопроса, взялъ на себя г. П. М. Майковъ, давно занимающійся Финляндіею. По множеству печатныхъ статей и сочиненій, подробно указанныхъ въ особомъ спискѣ, онъ составилъ довольно объемистую книгу подъ заглавіемъ: «Финляндія, ея прошедшее и настоящее», въ которой историческій очеркъ Финляндіи изложенъ въ слѣдующихъ пяти главныхъ отдѣлахъ, или періодахъ, именно: первый—отъ древнѣйшихъ историческихъ временъ Финляндіи до Орѣховецкаго договора 1323 г., которымъ въ первый разъ разграничены были владѣнія шведовъ и русскихъ между прочимъ и въ Финляндіи.

Второй періодъ—отъ Орѣховецкаго договора 1323 г. до великой Сѣверной войны 1700 г.; въ этомъ періодѣ Швеція овладѣваетъ вполнѣ всею Финляндіею.

Третій періодъ—отъ великой Сѣверной войны 1700 г. до Фридрихсгамскаго мира 1809 г., въ продолженіе котораго совершилось постепенное завоеваніе Финляндіи Россійскою имперією.

Затѣмъ четвертый періодъ заключаетъ въ себѣ очеркъ судебъ Финляндіи въ продолженіе почти столѣтняго уже владычества ея Россією, отъ 1809 г. до нашихъ дней, т. е. до 1905 года.

Важность для Финляндіи Фридрихсгамскаго трактата и послѣдовавшихъ за нимъ преобразованій въ этомъ краѣ побудила автора изложить этого періода раздѣлить на двѣ отдѣльныя главы, причѣмъ въ первой изложить ходъ предшествовавшихъ Фридрихсгамскому трактату военныхъ событій и послѣдовавшихъ затѣмъ мѣропріятій нашего правительства въ отношеніи Финляндіи; въ главѣ же второй изложить краткій очеркъ Финляндіи подъ властію пяти руссійскихъ самодержцевъ, императоровъ: Александра Благословеннаго, Николая I, Александра II, Александра III и нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II.

Равнымъ образомъ подчиненіе Финляндіи сперва Швеціи, а затѣмъ Россіи заставило автора при составленіи предлагаемаго очерка, для большей ясности его изложенія, коснуться также и важнѣйшихъ событій, совершавшихся какъ въ Швеціи, такъ и въ Россіи во время господства ихъ въ Финляндіи, безъ чего изложеніе историческаго очерка послѣдней было бы не полно и недостаточно ясно.

Такое раздѣленіе на періоды оправдывается самымъ ходомъ историческихъ событій въ Финляндіи, которая никогда не составляла отдѣльнаго самостоятельнаго государства, но, по своему географическому положенію, находясь между двумя государствами, Россією и Швецією, съ давнихъ поръ являлась предметомъ завоевательныхъ стремленій могущественныхъ ея сосѣдей. Еще въ средніе вѣка Финляндією владѣли шведы, въ XVII вѣкѣ прочно утвердившіеся во всей странѣ до крайнихъ предѣловъ ея, т. е. до береговъ Ладожскаго озера и рѣки Невы, причѣмъ русскіе неоднократно опустошали Финляндію не только до г. Выборга, но и до самаго города Або. Съ XVIII столѣтія начинается постепенное, прочное завоеваніе Финляндіи Россійскою имперією, завершившееся въ 1809 году Фридрихсгамскимъ миромъ, по которому вся Финляндія до волнъ Ботническаго залива вошла въ составъ Россійской имперіи и составляетъ нераздѣльную часть оной. До 1863 г. Финляндією управлялъ генераль-губернаторъ, назначаемый императоромъ, вмѣстѣ съ сенатомъ, безъ всякаго сейма. Императоръ Александръ II въ первый разъ созвалъ въ Финляндіи сеймъ въ 1863 году (самый уставъ сейма утвержденъ въ 1869 г.), получившій дальнѣйшее развитіе при Александрѣ III, который въ 1886 г. предоставилъ сейму право законодательнаго почина, т. е. право сословій вносить по своему усмотрѣнію на разсмотрѣніе сейма совѣмъ разработанные проекты объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія государя императора съ земскими чинами. Учрежденіе сейма и предоставленныя ему русскими императорами права очень благотворно повліяли на нравственное и матеріальное развитіе Финляндіи. Авторъ горячо стоитъ за сеймъ, но отвергаетъ всѣ дальнѣйшія,

ни на чемъ не основанныя домогательства финляндцевъ, заявленныя ими въ послѣднее время. При этомъ самое изложение отличается безпристрастіемъ и спокойствіемъ. Излагая ходъ историческихъ событій въ Финляндіи, П. М. Майковъ сообщаетъ также много свѣдѣній объ ея экономическомъ положеніи и состояніи просвѣщенія въ Финляндіи. Очень любопытны также свѣдѣнія о распространеніи православной вѣры въ Финляндіи и Кареліи и о гоненіяхъ на православіе даже со стороны такого короля, какимъ былъ Густавъ Адольфъ! Изложение событій доведено до назначенія генераль-губернаторомъ Финляндіи князя Оболенскаго, послѣ убійства генерала Бобрікова въ 1904 г. и до самаго закрытія, по истеченіи установленнаго срока, занятій очередного сейма въ апрѣлѣ 1905 года, который, собственно говоря, ничего не дѣлалъ, въ ожиданіи высочайшаго отвѣта на большую петицію, поданную 31 декабря 1904 года.

Книга снабжена указателемъ именъ собственныхъ и очень подробною картою Финляндіи.

Н. Н.

Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ. Изъ украинской старины. Харьковъ. 1906.

Эпиграфомъ къ своей книгѣ профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ взялъ слѣдующія слова Вирхова: «Не будемъ напрасно лишать себя всякой поэзіи. Мы, дѣти суроваго и чисто прозаическаго времени, все же хотимъ оставить за собою право вызывать въ нашей старости вновь тѣ картины, которыя наполняли нашу юношескую фантазію». Сборникъ «Изъ украинской старины» и имѣетъ цѣлью возсоздать исчезнувшія теперь бытовья стороны минувшей жизни Малороссіи.

Еще въ 1902 г., къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ, Н. Ѳ. Сумцовымъ былъ изданъ небольшой сборникъ статей, озаглавленный «Очерки народнаго быта», составившійся изъ наблюдѣній и матеріаловъ, добытыхъ авторомъ во время этнографической экскурсіи въ Ахтырскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Въ составъ настоящаго сборника вошли какъ прежде напечатанныя статьи (въ переработанномъ или дополненномъ видѣ), такъ и вновь написанныя, въ числѣ четырехъ. Всего въ сборникѣ двѣнадцать статей. Каждая изъ нихъ представляетъ и спеціальныи, и общій интересъ. Поэтому приведемъ заглавія нѣкоторыхъ и затѣмъ остановимся на двухъ-трехъ, чтобы охарактеризовать манеру Н. Сумцова трактовать историко-культурные вопросы: «Къ исторіи украинской иконописи», «Бытовая сторона «Энеиды» И. Котляревскаго», «Просвѣтительная дѣятельность А. Д. Палицмына», «Г. Квитка-Основащенко, какъ этнографъ», «П. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ», «Суббота св. Дмитра» И. Щеголева», «Современное изученіе кобзарства», «Духовныя сочиненія» Н. Флавицкаго» и «Бесѣды неизвѣстнаго священника 1823 г.».

Три небольшихъ статьи (страницы 82—113) профессоръ Сумцовъ посвятилъ Т. Г. Шевченку и его поэзіи. Особенно цѣнна статья «Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка». Съ цѣлью дать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія «Кобзаря» по мотивамъ, авторъ группируетъ здѣсь послѣдніе

по внутреннему ихъ средству и отчасти комментируетъ ихъ; цифровыя данныя приводятся при указаніи каждаго мотива поэзіи Шевченка въ большомъ числѣ. Статья носитъ научный характеръ и имѣетъ значеніе для будущаго полнаго и разносторонняго изслѣдованія главныхъ мотивовъ поэзіи Шевченка.

Изъ другихъ статей сборника болѣе значительный интересъ представляетъ небольшое изслѣдованіе «Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына» который много сдѣлалъ для насажденія началъ культуры въ Украйнѣ и, живя въ селѣ Поповкѣ, собралъ вокругъ себя кружокъ образованныхъ людей, ставшій извѣстнымъ подъ шутивымъ названіемъ «Поповской академіи». Профессоръ Сумцовъ считаетъ Палицына, служившаго до своей жизни въ Поповкѣ адъютантомъ у фельдмаршала Румянцова и познакомившагося въ Петербургѣ со многими литераторами, непосредственнымъ предшественникомъ Квитки-Основьяненка, называетъ его для лучшей и наиболѣе населенной части Харьковской губерніи «разсадникомъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы XVIII вѣка». «Дѣятельность Палицына, — пишетъ далѣе Н. О. Сумцовъ, — совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, основателя харьковскаго университета, — и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи. Ближайшій ихъ преемникъ по общественной и литературной дѣятельности, Г. О. Квитка, пошелъ далѣе Палицына и далѣе Каразина, внесши въ сознаніе мѣстной интеллигенціи идею о необходимости просвѣщенія не только дворянскаго сословія, довольно уже сильнаго въ культурномъ отношеніи и выставившаго уже такихъ свѣтлыхъ дѣятелей, какъ Палицынъ, Алферовъ, Каразинъ, Квитка, но всей массы народной, и одновременно внесъ идею о необходимости прилежаться къ ней, изучить ея языкъ, бытъ, нравы, обычаи».

Кромѣ Палицына, профессоръ Сумцовъ посвящаетъ еще нѣсколько страницъ памяти малорусскаго поэта Я. П. Щеголева († 1898 г.), оставившаго два сборника стихотвореній подъ названіями «Ворскла» и «Слобожанщина». Затѣмъ онъ разбираетъ духовныя сочиненія Н. Флавицкаго, харьковскаго писателя начала XIX вѣка, мало извѣстнаго и почти совсѣмъ забытаго; останавливается, наконецъ, на «Бесѣдахъ неизвѣстнаго южно-русскаго сельскаго священника 1823 г.». Сумцову удалось переписать семь бесѣдъ этого священника — всѣхъ бесѣдъ было семнадцать. Въ нихъ проповѣдникъ обращается къ паствѣ на украинскомъ языкѣ со словами поученія и любви, выступая прямымъ сторонникомъ свободы совѣсти, просвѣщенія, необходимости дѣлать добро.

Небольшой сборникъ профессора Сумцова даетъ въ общемъ не мало интереснаго. Разнообразныя, мелкія черты народной жизни въ пѣломъ ярко воссоздаютъ картину теперь уже совсѣмъ исчезнувшаго стараго малорусскаго быта. Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ — Палицына, Квитки, Щеголева, лучшаго изъ современныхъ бандуристовъ Пархоменко, и еще нѣсколько хорошо исполненныхъ фотографій мѣстнаго интереса.

А. Я.

К. Военскій: Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу Валеву. Спб. 1906.

Какъ извѣстно, Гончаровъ въ своемъ завѣщаніи просилъ не опубликовать его писемъ, желая, чтобы послѣ смерти его судили не по случайнымъ, вылившимся подъ влияемъ того или иного настроенія, взглядамъ, а исключительно лишь на основаніи его произведеній, которыя обдумывались годами, явились продуктомъ долгихъ размышленій. По этому поводу многіе указывали, что отъ выполнения воли писателя общество ничего не потеряетъ, такъ какъ психика, личность и душевная организація творца «Обломова» такъ несложны, что объ нихъ можно легко составить представленіе по однимъ произведеніямъ. Намъ кажется, что такое сужденіе—слишкомъ поспѣшное, когда дѣло касается душевнаго склада: часто мы думаемъ, что хорошо знаемъ того или иного человѣка, какъ вдругъ какой-нибудь случайно обнаруженный фактъ открываетъ намъ совершенно новыя, даже не подозрѣваемые черты въ его характерѣ. Въ извѣстной степени это подтверждаетъ книга г. Военскаго, вносящая нѣкоторые новые штрихи въ нравственный портретъ писателя. Многіе составили себѣ понятіе о Гончаровѣ, какъ о неподвижномъ, уравновѣшенномъ, спокойномъ человѣкѣ. Публикуемая г. Военскимъ переписка писателя съ графомъ Валевымъ по поводу его романа «Юринъ» и очерка самого Гончарова—«Литературный вечеръ», относящаяся къ 1877—1882 гг., даетъ данныя на то, что въ душѣ его происходилъ серьезный душевный разладъ, что онъ мучился тѣми вопросами, которые съ неизбѣжной необходимостью выдвигала жизнь. Этотъ разладъ коренился въ розни міросозерцанія и стремленій молодого и стараго поколѣній. Принадлежа къ послѣднему, Гончаровъ не могъ примириться съ тѣми новыми началами въ искусствѣ и жизни, которыя выдвигало молодое поколѣніе, онъ не могъ понять, что русская литература должна была пережить эту эпоху, что она вызвана ходомъ историческихъ событій. «Я не понимаю, — пишетъ Гончаровъ, — тенденціи «новыхъ людей» лишити рамокъ и вообще всякой художественности произведеніе чувства любви и замѣнить его другими чувствами и страстями, когда въ самой жизни это чувство занимаетъ такъ много мѣста». «Искусству, — замѣчаетъ писатель въ другомъ мѣстѣ, — навязываютъ какую-то черезчуръ практическую исполнительную роль, деспотически требуя отъ него рабской службы моменту». Очень интересно для выясненія міросозерцанія Гончарова то мѣсто письма, гдѣ онъ говоритъ объ идеѣ своего «Обрыва». По словамъ писателя, въ Вѣрѣ онъ хотѣлъ изобразить новое поколѣніе, молодую интеллигенцію, въ бабушкѣ—старое. «Въ ней, — пишетъ онъ, — отразилась сильная, властная, консервативная часть Руси. Она идетъ впередъ медленно, нехотя уступая времени, но идетъ, потому что, несмотря на старыя вѣковыя свои привычки, она честна и практически мудра и знаетъ, что ни стоять, ни назадъ идти нельзя... Вѣра, совсѣмъ оторвавшись отъ воли бабушки, воротилась подъ родное крыло, не найдя въ пустой дали той прочной основы, которую оставила». Не трудно понять, что симпатіи Гончарова на сторонѣ бабушки.

Особенное значеніе получаютъ публикуемая г. Военскимъ письма въ виду того, что они представляютъ не случайно высказанныя мнѣнія, а являются

продуктомъ долгой работы мысли: это видно сразу по той послѣдовательности, съ которой развиваетъ свои взгляды писатель. Такимъ образомъ, завѣщаніе Гончарова не нарушено, такъ какъ онъ, какъ правильно полагаетъ г. Военскій, не хотѣлъ, чтобы составляли о немъ взглядъ по мыслямъ, высказаннымъ случайно, подъ вліяніемъ той или иной минуты. Публикуемыя письма не носятъ такого характера, они, безъ сомнѣнія, являются выраженіемъ прочно сложившагося міросозерцанія писателя. Въ виду этого они могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для обрисовки его нравственного облика.

У насъ очень часто публикуютъ такія письма писателей, которыя не имѣютъ никакого общественнаго или литературнаго интереса, не вносятъ ничего новаго въ пониманіе ихъ личности, душевной организаціи. Г. Военскій же публикуетъ письма, имѣющія большой интересъ, дающія интересныя данныя для характеристики литературныхъ и общественныхъ идеаловъ Гончарова.

А. Ф.

Музей памяти Ф. М. Достоевскаго въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Составила А. Достоевская, съ портретами и видами. Спб. 1906.

Не разъ уже отмѣчалось, что у насъ почти нѣтъ хорошихъ біографій нашихъ писателей, имѣющихъ громадное значеніе для изученія ихъ дѣятельности, творчества, для пониманія психологіи. У насъ никто послѣ смерти писателя не заботится собрать все, имѣющее отношеніе къ его дѣятельности, чтобы дать возможность послѣдователямъ всесторонне изучить ее. Всего удобнѣе было бы дѣлать это родственникамъ и ближайшимъ знакомымъ: они могутъ собрать то, чего не въ силахъ сдѣлать постороннее лицо. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ родственники и знакомые нашихъ писателей мало заботились объ этомъ, не старались собирать матеріалы, они пропадали, терялись, а потомъ уже при всемъ стараніи было очень трудно найти пропавшее, розданное въ разныя руки.

Въ виду этого труды г-жи Достоевской, собравшей въ московскомъ историческомъ музеѣ богатый матеріалъ для изученія дѣятельности и творчества своего супруга и теперь издавшей объемистый указатель, заслуживаютъ большого вниманія. Г-жа Достоевская съ рѣдкимъ стараніемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ собирала все, относящееся къ жизни Федора Михайловича, начиная съ его автографовъ, кончая театральными отчетами о представленіи на сценѣ пьесъ, передѣланныхъ изъ произведеній писателя. Всего собрано 4700 предметовъ, сочиненій, работъ и т. п. Матеріалы эти можно раздѣлить на нѣсколько группъ: 1) подлинныя рукописи, письма, автографы, книги съ собственноручными замѣтками писателя; 2) официальные документы, приказы, дипломы, относящіеся къ его жизни; 3) изданіе его сочиненій; 4) журналы и книги, въ которыхъ помѣщены его произведенія; журналы и газеты, издававшіеся подъ его редакціей; 5) сочиненія, книги, сборники, журналы и газеты, въ которыхъ помѣщены статьи и замѣтки о немъ и его творчествѣ; 6) переводы произведеній и статьи объ нихъ

въ иностранныхъ литературахъ, начиная съ французской, нѣмецкой и английской, кончая хорватской; 7) портреты и бюсты писателя, его родственниковъ, современниковъ, имѣющихъ отношеніе къ его служебной или литературной дѣятельностямъ; 8) виды мѣстностей, зданій, съ которыми соединены воспоминанія объ немъ, снимки съ любимыхъ имъ произведеній искусства, ноты нравившихся ему музыкальныхъ пьесъ, книги, читанныя въ дѣтствѣ; 9) иллюстраціи къ сочиненіямъ; 10) проекты памятника надъ могилой, виды ея до и послѣ постановки памятника, вѣнки и ленты отъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ; 11) вещи, принадлежавшія писателю и его матери; 12) музыкальныя произведенія и стихотворенія, посвященныя ему и его памяти; 13) изданія для дѣтскаго и народнаго чтенія, въ которыхъ помѣщены его произведенія; 14) драматическія сочиненія, въ которыхъ сюжеты заимствованы изъ его произведеній, отчеты о представленіяхъ ихъ на сценѣ и 15) телеграммы общественныхъ учрежденій и лицъ по поводу кончины, литературныя работы, носящія характеръ подражанія, беллетристическія произведенія, въ которыхъ есть упоминанія о писателѣ, карикатуры на него и пр.

Одинъ только перечень всего собраннаго показываетъ, сколько труда и заботливости приложила г-жа Достоевская, чтобы собрать все, относящееся къ дѣятельности ея мужа. Но она не удовлетворилась собираніемъ матеріаловъ и устройствомъ музея, но, понимая, что пользованіе матеріаломъ въ виду его обширности безъ хорошаго систематическаго указателя затруднительно, много потрудила еще надъ тѣмъ, чтобы выпустить подробный указатель, который въ настоящее время и вышелъ изъ печати въ двухъ большихъ изданіяхъ. Одно изъ нихъ роскошное, съ великолѣпными двумя портретами, изъ которыхъ одинъ, относящійся къ 1876 году, не былъ еще извѣстенъ, со снимками зданія, въ которомъ родился писатель, памятника надъ его могилой и внутренняго расположенія музея, — стоитъ 5 рублей, а другое, болѣе доступное, 3 рубля.

Работа г-жи Достоевской имѣетъ большое значеніе. Достоевскій — крупная величина нашей литературы. Между тѣмъ у насъ до сихъ поръ его дѣятельность и творчество не изучены въ достаточной степени, мы не имѣемъ даже хорошей его біографіи. Составлять послѣднюю до настоящаго времени представляло большую трудность: отсутствіе библиографическаго указателя стѣсняло работу, приходилось разыскивать тѣ или иныя изданія, затрачивать много времени на предварительныя библиографическія изысканія. Теперь же, благодаря трудамъ супруги писателя, въ распоряженіи біографа собранъ богатый матеріалъ, и при томъ въ одномъ мѣстѣ, и выпущенъ прекрасный указатель. Жаль только, что статьи о писателѣ перечислены лишь до 1902 года и новѣйшія работы не упомянуты. Но это, конечно, не можетъ уменьшить значенія труда. Въ собираніи матеріаловъ, въ приведеніи ихъ въ систематическій порядокъ, въ составленіи указателя выдающаяся заслуга г-жи Достоевской предъ русскимъ обществомъ. Позабывшимся собрать и привести въ систематическій порядокъ все, относящееся къ дѣятельности мужа, она выполнила свой долгъ предъ обществомъ, своими трудами реальнымъ обра-

зомъ почтила память своего супруга, воздвигла ему прекрасный, прочный памятникъ, подобнаго которому пока еще не воздвигла своему мужу ни одна изъ женъ русскихъ писателей.

А. Ф.—въ.

Крестьянскіе наказы Самарской губерніи. (Опытъ собранія матеріаловъ русской революціи). Съ вступительными статьями

А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Самара. 1906.

Мих. Могилянской. Первая Государственная дума. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1907.

Матеріалы для исторіи современнаго политико-соціального движенія въ Россіи съ каждымъ днемъ нарастаютъ и накаплиются все въ большемъ и большемъ количествѣ. Въ массѣ ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: частные конкретные факты и событія, ежедневно отмѣчаемые въ газетахъ, и отдѣльные изданія и спеціальныя журнальныя статьи синтетическаго характера—сборники, обзоры и т. п.,—посвященныя разнымъ фазисамъ и эпизодамъ изъ цѣпи явленій совершающагося переворота и основанныя на матеріалахъ первой категоріи, личныхъ воспоминаніяхъ и другихъ источникахъ.

Эти матеріалы второй категоріи могутъ имѣть огромное значеніе для будущаго историковъ русской революціи начала двадцатаго вѣка. Для нихъ, для этихъ историковъ, безъ сомнѣнія, окажется совершенно непосильнымъ и невозможнымъ непосредственное пользованіе всѣмъ тѣмъ огромнымъ первичнымъ матеріаломъ, который въ безчисленномъ множествѣ разбѣянъ по столбцамъ сотенъ тысячъ газетныхъ листовъ. Всякія предварительныя литературныя работы по собранію, обработкѣ и освѣщенію первичныхъ матеріаловъ могутъ поэтому облегчить трудъ историковъ и послужить существеннымъ подспорьемъ въ ихъ общихъ работахъ. И съ этой точки зрѣнія каждый подобный трудъ заслуживаетъ привѣтствія, и слѣдуетъ желать, чтобы какъ можно больше литературныхъ работниковъ занялись этимъ дѣломъ и своевременно печеривали, обобщали, систематизировали и подвергали предварительной обработкѣ весь ежедневно накапливающійся сырой, первичный матеріалъ.

Двѣ брошюры, названія которыхъ выписаны въ заголовкѣ, принадлежатъ къ разряду именно такихъ литературныхъ работъ, и мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ ихъ появленіе.

Матеріалъ обѣихъ брошюръ относится къ одному и тому же предмету—первой Государственной думѣ, но самъ по себѣ существенно различенъ. Г. Мих. Могилянской обработалъ и издалъ, такъ сказать, свои собственные матеріалы, свои личные «думскія наблюденія и замѣтки» и свои статьи и замѣтки, написанныя въ провинціи въ періодъ второй половины дѣятельности думы и въ Петербургѣ «подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ роспуска думы и событій, послѣдовавшихъ за этимъ роспускомъ», а содержаніе брошюры А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева составляютъ изложенные цѣлкомъ и въ выдержкахъ приговоры сходовъ, письма, телеграммы и т. п. «наказы» крестьянъ

Самарской губерніи съ выводами изъ нихъ и сопоставленіемъ «двухъ старыхъ порядковъ въ казакахъ» французовъ 1789 года и русскихъ 1906 года.

Въ зависимости отъ рода матеріаловъ, трудъ г. Мих. Могилянскаго окрашивается яркимъ субъективизмомъ, тогда какъ содержаніе второй брошюры отличается своею объективностью.

Субъективизмъ въ работѣ г. Мих. Могилянскаго имѣетъ, впрочемъ, и другой источникъ. Трудъ автора преслѣдуетъ двойную цѣль: дать фактическій матеріалъ, относящійся къ первой Государственной думѣ, и изобразить «живое примѣненіе определенной (конституціонно-демократической) политической тактики» и «популяризировать ее».

Благодаря послѣдней цѣли, изложеніе фактовъ изъ дѣятельности думы и событій, связанныхъ съ этой дѣятельностью, соутствующавшихъ ей и совершившихся послѣ роспуска думы, перешлетено съ выпадами противъ несогласныхъ съ «ка-детской» тактикой лицъ и органовъ печати и вообще съ полемическими разсужденіями и какъ бы вставлено въ рамку «ка-детскихъ» стремленій, чувствъ и настроеній.

Этой своей стороною работа г. Мих. Могилянскаго примыкаетъ къ чисто партійной литературѣ, и будущій историкъ едва ли остановитъ на ней свое вниманіе.

Въ концѣ брошюры приложены «Очерки крестьянскихъ настроеній» въ предвыборный періодъ, скомпилированные изъ разныхъ «отрывковъ» и «впечатлѣній» и пропитанные тѣми же особенностями субъективизма и партійно-политическаго доктринерства.

Болѣе однородная и цѣльная по своему содержанію брошюра А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева въ состояніи возбудить интересъ не однихъ только будущихъ историковъ, но и дѣятелей текущаго историческаго момента. «Наказы» крестьянъ касаются такихъ вопросовъ, которые не поблекли отъ времени и съ неизмѣнной полнотой и силой продолжаютъ и до сей минуты занимать умы и волновать чувства всего населенія нашей страны. Важнѣйшія требованія самарскихъ «наказовъ» сводятся къ слѣдующему: разрѣшеніе земельнаго вопроса, гражданская свобода и политическія права народа, амнистія, отмена смертной казни, исключительныхъ и военнаго положеній, женская равноправность, переходъ отъ Государственной думы къ учредительному собранію, отмена земскихъ начальниковъ, улучшеніе суда и администраціи, широкое мѣстное самоуправленіе и самообразованіе, подоходный налогъ, всеобщее на государственный счетъ образованіе, какъ низшее, такъ и высшее.

«Наказы» эти собраны авторами («почти все») въ числѣ 76, изъ которыхъ было послано: Государственной думѣ 31, трудовой группѣ 9, самарскимъ депутатамъ 2, одиннадцати отдѣльнымъ депутатамъ 34.

Самарскіе «наказы» составляютъ лишь небольшую часть драгоценныхъ документовъ этого рода, со всѣхъ концовъ Россіи массами доставлявшихся отъ населенія въ Государственную думу, въ трудовую группу и отдѣльнымъ депутатамъ. Въ высшей степени желательно, чтобы примѣры нашихъ авторовъ вызвали широкое подражаніе и чтобы всѣ такого рода документы были опубликованы въ возможно скорѣйшее время.

В. Кузнецовъ.

И. И. Янжуль. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. (Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства). Спб. 1907.

Воспоминанія г. Янжула представляютъ собою въ значительной степени скорбную повѣсть. Какъ извѣстно, фабричная инспекція у насъ появилась въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ ту эпоху, когда, по мнѣнію многихъ начальствующихъ лицъ и самихъ промышленниковъ, имѣлись рабочіе, но рабочаго вопроса еще не существовало. Такимъ образомъ во мнѣніи сильныхъ міра фабричная инспекція имѣла характеръ нѣкоторой роскоши, измышленія увлекающихся неположительныхъ людей. Бунге поддерживалъ инспекцію, несмотря на слѣдовавшіе на нее навѣты всякаго рода, но Вышнеградскій рѣшительнымъ образомъ высказался противъ постановки ея на европейскій ладъ. «Я постараюсь передать фабричныхъ инспекторовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ, между прочимъ, Вышнеградскій бывшему московскому городскому головѣ Алексѣеву: — пусть изъ инспекторовъ сдѣлають станovýchъ приставовъ». А между тѣмъ дѣятельность инспекціи, при всей слабости ея наличныхъ силъ и средствъ воздѣйствія на фабрикантовъ, достигла благотворныхъ результатовъ. Рабочіе узнали, что есть кто-то, кому близки ихъ насущные интересы, кому можно жаловаться на безконечныя притѣсненія хозяевъ, имѣвшихъ до того времени поддержку въ лицѣ представителей власти.

Инспекція понемногу сдѣлалась популярной, но популярность зато дорого досталась самимъ инспекторамъ, въ томъ числѣ и прежде всего неумолимо посядательному г. Янжулу. Промышленники выставляли его какимъ-то чудовищемъ и щедро посылали доносы въ чиновный Петербургъ. Не мало энергіи инспекторовъ и всяческихъ ихъ стремленій поставить дѣло на должную высоту разбивалось о ругину и заскорузлость петербургскихъ канцелярій при самомъ Бунге... Министерство Вышнеградскаго подорвало все дѣло. Воспоминанія г. Янжула даютъ цѣлый рядъ любопытныхъ картинъ тогдашнихъ общественныхъ настроеній, характеризуютъ многихъ видныхъ должностныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей, въ родѣ пресловутаго Ланина, издававшего либеральную газету одной рукой и угнетавшаго своихъ несчастныхъ рабочихъ другой. Близорукость чиновничьяго самовластія и безжалостность предпринимательской эксплуатаціи привели наконецъ къ тому, что рабочіе, брошенные на произволъ судьбы, понемногу всецѣло подпали вліянію пропагандистовъ всякаго рода. Прошло тридцать лѣтъ, и не существовавшій рабочій вопросъ всталъ передъ растерявшимися властями во весь свой ростъ, показавшійся на этотъ разъ уже гигантскимъ. И тѣ же власти и промышленники, которые для рабочихъ не находили у себя ничего, кромѣ суроваго окрика, вдругъ признали въ рабочемъ ту силу, которой въ дѣйствительности у него не было и нѣтъ пока. На это обстоятельство, между прочимъ, указываетъ почтенный авторъ, благодушно подшучивая надъ «пролетарскимъ величествомъ», въ Россіи зависящимъ отъ покровительственныхъ пошлинъ и выносливости спины русскаго пахаря. Это подшучиванье, конечно, будетъ поставлено на счетъ почтенному академику, но, видимо, свойство его природы таково, что заставляетъ его всегда

идти противъ теченія и вызывать нападки и даже преслѣдованія со стороны поклонниковъ минуты и ся господъ. Къ книгѣ г. Янжула приложенъ интересный документъ: «Докладная записка автора на имя В. К. фонъ-Плева по поводу фабричнаго закона 3 июня 1886 г. Г—ій.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Переводъ Э. Н. Латернера. Спб. 1906. Антихристъ. Переводъ Вл. Кауфмана. Спб. 1906.

Если итальянская поговорка «traduttori—traditori» справедлива вообще, то она въ особенности справедлива относительно переводчиковъ Ренана. Переводить классическіе труды автора «Жизни Иисуса», въ одно и то же время, чрезвычайно легко и въ высшей степени затруднительно. Дѣло въ томъ, что языкъ Ренана необыкновенно простъ, слова, которыя онъ употребляетъ, самыя обыкновенныя. Но этими обыкновенными словами Ренанъ, при помощи своего таланта, умѣетъ передавать весьма сложные оттѣнки чувствъ, укладываетъ въ нихъ глубокія мысли, умѣетъ рисовать широкія картины далекаго прошлаго. Читая его, удивляешься почти кристальной прозрачности и легкости изложенія захватывающихъ духъ вопросовъ. Не даромъ же онъ считается однимъ изъ лучшихъ стилистовъ Франціи.

Съ точки зрѣнія стилистической, оба перевода оставляютъ желать лучшаго. Переводъ г. Кауфмана сдѣланъ старательно—въ немъ нѣтъ искаженій Ренана, какъ у г. Латернера, но мы не понимаемъ, почему переводчикъ взялъ для перевода 9-е, сравнительно старое, изданіе. Мы имѣемъ подъ рукою изданіе 1873 г., по счету уже тринадцатое, и тамъ введеніе обработано Ренаномъ значительно полнѣе. Кромѣ того, въ обоихъ переводахъ выпущены всѣ примѣчанія, а въ нихъ у Ренана содержится не только указаніе на источники и цитаты, но очень нерѣдко и подробное развитіе мыслей, мимоходомъ брошенныхъ въ текстѣ. Изъ уваженія къ великому писателю не слѣдовало бы сокращать его по своему произволу.

Г. Латернеръ не указываетъ, съ какого изданія онъ перевелъ, но въ сравненіи съ 13-мъ изданіемъ, которымъ мы пользовались для свѣрки, его переводъ далеко не полонъ и въ немъ недостаетъ цѣлыхъ абзацовъ. Переводъ «Апостоловъ», кромѣ того, и далеко неточенъ. «Нѣсколько словъ Учителя, которыя припомнили послѣ смерти Его, съ особенності слова о будущемъ Его пришествіи, могли быть сказаны въ томъ смыслѣ, что Онъ возстанетъ изъ гроба», значителъ, напримѣръ, у г. Латернера на стр. 32. Въ подлинникѣ же стоитъ *interprétés*, то есть истолкованы, а не сказаны, что даетъ мысли иной оттѣнокъ, въ которыхъ для переводчика Ренана и лежитъ главная трудность. Слово *egoipse* переводчикъ передаетъ словомъ «вѣра», тогда какъ надо «вѣрованіе», что не одно и то же. Такихъ промаховъ можно указать много. Но хуже всего то, что мѣстами г. Латернеръ совершенно искажаетъ смыслъ подлинника и приписываетъ Ренану явныя недѣлюности. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Ренанъ говоритъ, что въ историческихъ событіяхъ, гдѣ вѣрно только цѣлое, а подробности почти всѣ наводятъ на сомнѣніе, благодаря ле-

гендарному характеру документовъ, гипотеза необходима (indispensable). Г. Латернеръ, вѣрно передавъ смыслъ первой половины фразы, въ заключеніи пишетъ: «тутъ гипотеза недопустима», что уже совершенно нелѣпо (стр. 5). Нѣсколько далѣ Ренанъ говоритъ, что онъ много думалъ (beaucoup réfléchi) по поводу апокрифичности четвертаго Евангелія. Въ русскомъ переводѣ значитъ: «Я недавно думалъ» (ст. 7). Грустно смотрѣть, какъ за переводъ величайшихъ твореній человѣческаго ума принимаются люди, не знающіе даже какъ слѣдуетъ языка подлинника. По истинѣ—l'insolence de l'ignorance!

А. В.—въ.

Л. К. Двѣ поэтессы народнаго горя. (Ада Негри и Марія Конопницкая). Выпускъ издательства «Свобода и Христіанство», подъ редакціей архимандрита Михаила. Спб. 1906.

Авторъ брошюры, скрывшійся подъ инициалами Л. К., передастъ содержаніе поэзіи итальянской поэтессы Ады Негри и польской Маріи Конопницкой, посвятившихъ свои произведенія изображенію быта трудящихся классовъ. Популяризовать въ широкихъ кругахъ сочиненія талантливыхъ поэтессъ, особенно мало извѣстной у насъ Ады Негри, — задача благодарная. Можно только привѣтствовать тотъ фактъ, что признана, наконецъ, необходимость практическаго осуществленія подобныхъ задачъ. Но исполненіе не соответствуетъ самой по себѣ хорошей идеѣ.

Для того, чтобы написать популярную статью, по мнѣнію составителя книжки, достаточно взять нѣсколько стихотвореній, разсказать кое-какъ нѣкоторыя, переписать цѣлкомъ остальные, пустить въ промежуткахъ нѣсколько бьющихъ на чувствительность словечекъ, наиримѣрь, о гуманности, бѣдности, угнетенности, страданіи, несчастіи, сочувствіи къ горю и страданію народа и т. д. до безконечности, — и авторъ можетъ считать себя скороспѣлымъ «литераторомъ»! Спѣшность, скудный выраженіями слогъ, довольствующійся, наиримѣрь, восьмикратнымъ спряженіемъ на двухъ небольшихъ страницахъ понавшейся въ руки автора несчастной «бѣдности», наконецъ, отсутствіе всякой систематичности въ изложеніи и перескакиваніе отъ одного произведенія къ другому съ такими соединительными періодами, какъ «а вотъ есть разсказъ», — все это не считается молодыми авторами популярныхъ статей за нѣчто абсолютно недопустимое въ какой бы то ни было работѣ, имѣющей претензіи называться литературною. Статья популярная — можно значить писать кое-какъ: сойдетъ!.. И выходятъ въ печати такіе «шедевры» слога, которые стыдно было бы подать въ письменномъ сочиненіи гимназиста среднихъ классовъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, ярко характеризующій недопустимый слогъ автора. На страницѣ 9-й читаемъ: «Поэтическое міросозерцаніе Ады Негри — чисто народное. Въ ея стихахъ чувствуется присутствіе народной души, тѣсная связь съ народомъ. Изображая народную жизнь, А. Негри не отдѣляетъ себя отъ народа: она говоритъ его языкомъ, смотритъ его глазами, оцѣниваетъ его мѣркою. Поэтесса

такъ сливается съ народомъ, такъ правдиво передаетъ его настроеніе, такъ ярко рисуетъ его бытъ, что получается впечатлѣніе, будто мы слышимъ и бесѣдуемъ съ самимъ народомъ. Судьба А. Негри связана съ судьбой народа», и т. д.

Повторяемъ: подобное уродованіе языка рѣшится сдѣлать не всякій гимназистъ. А между тѣмъ подобныя вещи печатаются, слѣдовательно, совершается покушеніе на обезображиваніе чьего-то вкуса. Ясно, что для того, чтобы написать удовлетворительную статью, требуется много труда, усидчивости, любви къ дѣлу. Но, вмѣсто этого, легче наболтать на модную тему, что выступаютъ на мировую сцену новые элементы—люди труда, рабочіе,—къ которыми начинаютъ прислушиваться, съ которыми считаются и т. п. Даже выписки приведены авторомъ безъ указанія на источники.

И. Александровъ.

А. Веснинъ. Сѣверо-американскіе тресты. Спб. 1906.

Возникновеніе промысловыхъ синдикатовъ вообще и среди нихъ могущественныхъ американскихъ трестовъ представляетъ собою въ одно и то же время и замѣчательное и печальное явленіе. Замѣчательной является возможность соединенія для промышленныхъ цѣлей невѣроятныхъ денежныхъ средствъ, печальнымъ—экономическое подчиненіе не только рабочаго, но и потребителя этимъ гигантскимъ предпринимательскимъ союзамъ. На основаніи отчетовъ специальной сѣверо-американской индустриальной комиссіи и литературы предмета г. Веснинъ еще разъ удостовѣряетъ, что до настоящаго времени война съ трестами нутемъ соответствующаго законодательства не привела ни къ какимъ благотѣльнымъ послѣдствіямъ. Законъ въ данномъ случаѣ пока является безсильнымъ; правовая борьба возможна только въ будущемъ, и до того времени приходится только наблюдать тресты и изучать ихъ природу.

Такую постановку вопроса и имѣетъ въ виду послѣдній законъ 1903 г. Между прочимъ этимъ закономъ президенту республики предоставлены большія полномочія по оглашенію различныхъ свѣдѣній о темныхъ сторонахъ дѣятельности американскихъ синдикатовъ. Для этой цѣли даже учреждено особое справочное бюро; но и при этихъ условіяхъ трудно предположить въ президентѣ наличность достаточной энергіи и независимости, чтобы осуществить данное ему право. Такъ сильны американскіе миллиардеры. Книжка г. Веснина написана съ большимъ знаніемъ дѣла и читается съ интересомъ.

В. Г.

В. Грагамъ. Соціализмъ новый и старый. Спб. 1906.

Среди крайняго увлеченія соціализмомъ книга Грагама появляется очень кстати, въ ней читатель найдетъ серьезную и безпристрастную критику соціалистическихъ ученій.

19*

Авторъ дѣлаетъ очень основательныя возраженія Марксу, онъ доказываетъ, что полученіе капиталистомъ процентовъ напрасно выѣняется ему въ преступленіе, что хотя проценты наряду съ наслѣдованіемъ являются главной причиной современнаго неравенства богатствъ, но, быть можетъ, они оказываются въ концѣ концовъ благотѣльными и притомъ для большинства. Марксова теорія цѣнности и теоретическое основаніе социализма, по мнѣнію Грагама, ошибочны и непримѣнимы на практикѣ.

Авторъ указываетъ на дурныя стороны воображаемаго социалистическаго государства. Ничего нельзя будетъ произвести въ сферѣ матеріальной или интеллектуальной безъ одобренія начальниковъ или директоровъ департаментовъ производства. Если бы случайно кто-нибудь пожелалъ не имѣющихся въ производствѣ вещей, ихъ нельзя было бы получить, не убѣдивъ раньше директоровъ, такъ какъ государство будетъ владѣть и управлять всѣми орудіями производства.

Государство будетъ печатать или запрещать книги по усмотрѣнію, такъ какъ оно же будетъ распоряжаться всѣми печатными станками и платить типографщикамъ. По мнѣнію Леруа Болье, въ этомъ заключается источникъ духовнаго деспотизма, нѣкогда не виданнаго міромъ и далеко превосходящаго инквизицію.

Главные распорядители будутъ вялы, обыкновенные работники не слишкомъ прилежны, а государство трусливо; слѣдствіемъ всего явится замедленіе прогресса, уменьшеніе производства богатствъ, и въ концѣ концовъ весьма вѣроятное распространеніе бѣдности, которая, помимо присущаго самой ей зла, угрожаетъ всѣмъ высшимъ интересамъ человѣчества.

«Я не говорю, — пишетъ Грагамъ: — что социализмъ, даже въ формѣ коллективизма, не можетъ выставить какого-нибудь принципа распредѣленія, который оказался бы справедливейше настоящаго и былъ бы практически примѣнимымъ. Я только говорю, что ничего такого не содержится въ ученіяхъ Маркса или въ его теоріи цѣнности, а туманно намѣченный нѣкоторыми коллективистами принципъ какого-то грубаго равенства представляется безусловно неосуществимымъ; хотя если бы даже мыслимо было ввести послѣднее посредствомъ неумолимаго деспотизма, при еще болѣе аскетическихъ начальникахъ, чѣмъ Сень-Жюсть и Робеспьеръ, при самыхъ неподкупныхъ служителяхъ, вполне преданныхъ началу равенства долей и готовыхъ рѣшительно его поддерживать, то въ результатѣ общество скоро было бы приведено къ бѣдности и цивилизація возвратилась бы къ младенчеству. Равенство, конечно, не принесло бы съ собою свободы и еще меньше братства. Оно не принесло бы ни удовлетворенія, ни мира, если даже предположить, что измѣнившаяся человѣческая природа можетъ хоть на короткій промежутокъ времени помириться съ подобнымъ порядкомъ вещей.

«Я не утверждаю, что большое неравенство при настоящей системѣ ведетъ къ наилучшему, или что существующее распредѣленіе богатства, зависящее частью отъ свободныхъ договоровъ, частью отъ нашихъ законовъ о собственности, является идеальнымъ справедливымъ и совершеннымъ; далеко нѣтъ, но оно лучше и справедливѣе, чѣмъ было бы равенство, предлагаемое социали-

стат. Лучшее и болѣе равномѣрное распредѣленіе возможно безъ полнаго разрыва съ настоящей системой, и государство можетъ достигнуть этого посредствомъ законодательства и иными путями».

Грагамъ правъ, и при свѣтѣ критики социалистической строй утрачиваетъ свою привлекательность.

П. В.

В. М. Грибовскій, приватъ-доцентъ Спб. университета. Настоящее и будущее европейскаго парламентаризма. (Общедоступный очеркъ). Спб. 1906.

Такъ называемые парламентаризмъ и дуализмъ, понятія изъ области теоріи конституціоннаго права, внезапно сдѣлались у насъ боевыми партійными лозунгами. Парламентаризмъ характеризуетъ обязанность монарха назначать министровъ исключительно изъ среды большинства парламента, -- дуализмъ сохраняетъ за главой государства право выбирать своихъ совѣтниковъ, составляющихъ кабинетъ, изъ какихъ угодно круговъ. Свобода выбора министровъ, конечно, даетъ королю возможность приглашать на министерскіе посты и общественныхъ дѣятелей, наиболѣе внушающихъ довѣріе какъ королю, такъ и народу; поэтому съ указанной стороны дуализмъ соприкасается съ парламентаризмомъ, но существенное различіе между ними кроется въ юридическихъ свойствахъ обѣихъ системъ. При парламентаризмѣ права монарха въ дѣлѣ назначенія министровъ ограничены, при дуализмѣ -- нѣтъ. Эту сторону того и другого института отмѣчаетъ г. Грибовскій. По слѣдамъ Р. Моля и Еллинека авторъ указываетъ, что для господства парламентаризма требуется извѣстное политическое воспитаніе народа, существованіе прочныхъ вліятельныхъ политическихъ партій, молодость династіи, отсутствіе у нея заслугъ въ государственномъ прошломъ данной страны. Парламентаризмъ въ чистомъ видѣ въ зависимости отъ указанныхъ условій прочно утвердился только въ Англіи и въ Бельгіи и то не безъ борьбы. Первые короли изъ ганноверскаго дома въ Англіи, чужіе въ этомъ государствѣ, выпустили изъ рукъ право формированія кабинета по усмотрѣнію, но когда Георгъ III и Вильгельмъ IV пожелали вернуть утраченную прерогативу, имъ пришлось наткнуться на ожесточенное сопротивленіе и въ концѣ концовъ уступить; въ общемъ борьба за парламентаризмъ въ Англіи продолжалась болѣе ста лѣтъ; точно также и въ Бельгіи принципъ этотъ утвердился далеко не сразу. Тамъ же, гдѣ династіи имѣютъ историческіе корни, гдѣ партіи слабы и враждуютъ другъ съ другомъ, тамъ парламентаризмъ является призрачнымъ и даетъ широкій просторъ усмотрѣнію монарха. Книжечка г. Грибовскаго написана простымъ доступнымъ языкомъ, вполне соответствующимъ изданіямъ такого рода.

М.

О. К. Граве. Женскій вопросъ. Спб. 1907.

Въ своемъ изслѣдованіи по «женскому вопросу» авторъ прежде всего утверждаетъ, что мозгъ женщины, по составу своему, тождественъ съ мужскимъ, но, будучи воспитанъ въ своеобразныхъ условіяхъ жизни, усвоилъ принижаящія его привычки. Благодаря дѣтороженію и частымъ недомоганіямъ, женщина въ грубомъ и первобытномъ обществѣ очень скоро была подчинена мужской тираніи, и въ основу ея мозговой дѣятельности и характера легли черты кокетства, притворства, лжи и мелочности. Забывая развращающее вліяніе на всякаго человѣка рабства, авторъ старается отрицательныя черты женщины признать орудіями ея защиты въ борьбѣ съ мужчиной и снисходительно замѣчаетъ по ея адресу: «Это не обманъ, а комедія, жизненная комедія, въ которой женщина фигурируетъ не какъ обманщица, а какъ актриса, хорошо исполняющая на жизненныхъ подмосткахъ свою роль» (стр. 14).

Едва ли здѣсь авторъ не проглядѣлъ того, что «актриса» сжплась съ своею ролью и ложь стала ея второй натурой; что въ культурномъ обществѣ борьба съ «актрисой» совершенно не по силамъ благородному мужчинѣ и что въ концѣ концовъ онъ уступаетъ поле битвы испорченному вѣками существу, какъ это мы видимъ въ жизни профессора у Ан. Чехова въ его «Трехъ сестрахъ».

Вообще вся книга г. Граве, съ подробнымъ анализомъ женской жизни, начиная съ изображенія ея характера, всевозможныхъ женскихъ типовъ, параллелей съ мужскими и ея будущности—исполнена весьма спорныхъ положеній, направленныхъ, правда, къ тому, чтобы задуматься надъ судьбою женщины и помочь ея эмансипаціи.

Подраздѣляя женщинъ на пять категорій: на женщину очага, женщину гостиницы, женщину чувственную, женщину сцены и женщину высшаго интеллекта, авторъ полагаетъ, что «идеаломъ современной женщины не можетъ уже быть ни одна изъ категорій, взятая въ отдѣльности, въ чистомъ видѣ, а только въ совокупности, воплощающей въ себѣ все наилучшія стороны всѣхъ пяти категорій, другъ друга умѣряющихъ и дополняющихъ.» (стр. 127).

Нужно ли говорить, что подобная смѣсь женскихъ чертъ въ одинъ типъ крайне усложняетъ представленіе объ идеальной женщинѣ и что гораздо проще рисовать себѣ послѣднюю по типу, обязательному вообще для идеальнаго человѣка, имѣющаго прообразомъ своемъ тотъ духовный смыслъ исторіи, ради котораго стоило человѣку родиться и жить. Всемирный смыслъ человѣческой жизни—одинаково дорогъ, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ; измѣрить его пятью указанными категоріями, конечно, невозможно.

Идеаленъ человѣкъ, который одухотворилъ «даръ мгновенный, даръ случайный» и опоры жизни ищетъ въ абсолютномъ значеніи человѣческой личности, стремящейся слиться въ философскомъ смыслѣ съ Богомъ. Если своимъ настроеніемъ человѣкъ доросъ до Бога, до совершенства творческой силы и предчувствуетъ его,—то лучшаго типа едва ли и нужно искать.

Этимъ духовнымъ ростомъ челоуѣка уничтожаются и тѣ «параллели» между мужчиной и женщиной, которыми авторъ измѣряетъ не только прошлое, но и будущее челоуѣческаго прогресса.

Предположивъ, что мужчина до сихъ поръ исключительно распоряжался судьбами челоуѣчества и довелъ его до поголовной развращенности, а женщина по преимуществу сохранила этическія начала, автору, конечно, весьма уже легко утверждать, что «мужчина управляетъ міромъ въ прошедшемъ, а женщина будетъ управлять имъ въ будущемъ; что она призвана исправить то, что сдѣлано дурно мужчиной; что мужчина ведетъ міръ къ гибели, а женщина поведетъ его къ обновленію» и т. д. (стр. 139—140). Разумѣется, подобные комплименты по адресу женщинъ вполнѣ условны и едва ли могутъ имѣть научное значеніе. Тѣмъ не менѣе, книга г. Граве, исполненная тонкихъ наблюденій и благородныхъ мыслей, прочтется съ удовольствіемъ и не безъ пользы по существу женскаго вопроса.

А. Фаресовъ.

В. С. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1907.

Въ настоящее время, когда однимъ изъ очередныхъ вопросовъ дня является реформа нашего государственнаго строя на основѣ народнаго представительства, работа г. Якушкина должна бы представлять не только теоретическій, но и практический интересъ. Она посвящена выясненію тѣхъ моментовъ нашей прошлой жизни, въ которыхъ наиболѣе ярко проявилась дѣятельность живыхъ общественныхъ силъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразилась ихъ роль и значеніе въ общемъ ходѣ русской исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Въ ней разсматриваются, во-первыхъ, существовавшія въ Россіи представительныя учрежденія, во-вторыхъ, конституціонныя движенія общественныхъ группъ и, въ-третьихъ, проекты конституціонныхъ преобразованій, выдвигавшіеся какъ правительствомъ, такъ и отдѣльными частными лицами.

Такъ какъ книга г. Якушкина предназначается для широкой публики, то мы въ правѣ требовать отъ автора не только живости и занимательности изложенія, но также и осторожнаго обращенія съ историческимъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, послѣднее автору не вездѣ удалось: подъ часъ онъ высказываетъ взгляды или прямо ошибочные, или слишкомъ спорные. Для примѣра укажемъ хотя бы на утвержденіе его, будто вѣчевой строй былъ разрушенъ татарскимъ игомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣднее лишь ускорило естественный процессъ его отмиранія, начавшійся задолго до этого, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ перенесенія центра народной жизни съ юга на сѣверо-востокъ; далѣе, слишкомъ преувеличено значеніе земскихъ соборовъ въ смыслѣ участія ихъ въ законодательствѣ и управленіи, равно какъ и степень сознательности, съ какою отнеслось населеніе къ выбору депутатовъ, и пониманія послѣдними общегосударственныхъ задачъ въ комиссіи 1767 г.; наконецъ, авторомъ не указаны историческіе прецеденты (верховный тайный совѣтъ и кабинетъ министровъ), послужившіе для Панина на ряду со шведскою конституціей источникомъ при составленіи имъ своего проекта.

Кромѣ этихъ частныхъ положеній, намъ кажется неправильнымъ и то общее освѣщеніе, какое даетъ г. Якушкинъ разсматриваемымъ явленіямъ. Слишкомъ преклоняясь передъ абстрактной идеей народнаго представительства, онъ, при описаніи конкретныхъ формъ ея проявленія, мало удѣляетъ вниманія вопросу, какими социальными группами онъ выдвигались, чьи именно интересы онъ преслѣдовали. Благодаря этому, недостаточно подчеркнута неполнота народнаго представительства на земскихъ соборахъ, ярко выражавшая ихъ классовый характеръ (крестьянство было представлено лишь на одномъ изъ нихъ); слишкомъ затушеваны аристократическія тенденціи верховниковъ, Панина и членовъ комитета общественнаго спасенія, противорѣчія сословно-классовыхъ интересовъ въ комиссіи 1767 г.; совершенно не указана узко-націоналистическая струя въ движеніи шляхетства въ 1730 г. и даже въ проектѣ Пестеля и т. д. Говоря же о декабристахъ, авторъ прямо старается выставить ихъ какими-то «подклассовыми» интеллигентами, демократами чистой воды, хотя помѣщенная въ приложеніи конституція Никиты Муравьева наглядно опровергаетъ подобную попытку.

Въ виду всего этого, въ общемъ интересная книга г. Якушкина не можетъ быть рекомендована читателю, мало знакомому съ разсматриваемыми въ ней конституціонными движеніями и попытками, проявившимися въ русскомъ обществѣ за послѣднія три столѣтія. С. В—скій.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1906. Выпускъ 4-й. Годъ второй. М. 1906.

Первый отдѣлъ вышеназваннаго выпуска «Лѣтописи» открывается статьею М. П. Смирнова: «Къ родословной князей Мещерскихъ», гдѣ онъ, на основаніи рукописной родословной книги, принадлежавшей купцу Мясникову и подаренной имъ въ 1862 г. въ императорскую публичную бібліотеку (Т. IV, № 264), вводитъ не мало поправокъ и дополненій къ имѣющимся о князьяхъ Мещерскихъ свѣдѣніямъ, какъ въ Бархатной книгѣ, такъ и въ различныхъ печатныхъ источникахъ. Далѣе помѣщены составленныя Н. А. Баумгартеномъ: «Старшая вѣтвь черниговскихъ Рюриковичей» (колѣно отъ Рюрика X, XI, XII, XIII и XIV) и «Старшая вѣтвь Мономаховичей» (колѣно VII, VIII, IX, X и XI). Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которыя приводитъ о черниговскихъ Рюриковичахъ Г. А. Власевъ въ своей книгѣ «Потомство Рюрика» (т. I, ч. I); новѣйшему, послѣдняя въ моментъ составленія г. Баумгартеномъ своихъ родословныхъ не была ему извѣстна.

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» находимъ письма канцлера свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича Горчакова къ его двоюродному дядѣ, сенатору Алексѣю Никитичу Пещурову, княгини Анны Ивановны Горчаковой, рожденной Пещуровой, и князей Пвана Романовича и Михаила Алексѣевича Горчаковыхъ, которыя, по отзыву Б. Л. Модзалевскаго, сообщившаго ихъ, «представляютъ нѣкоторый интересъ—первыя въ бытовомъ отношеніи, а послѣднія для біографіи канцлера и его отца». При этомъ Б. Л. Модзалевскій сообщаетъ

краткія біографическія даннія о А. Н. Пещуровѣ и вообще всюду присоединяетъ къ встрѣчающимся собственнымъ именамъ свои хотя краткія, но точныя примѣчанія. Вслѣдъ за этимъ помѣщены Ю. В. Татищевымъ «Письма князя А. А. Безбородки къ Я. Л. Бакуринскому». «Письма эти, — говоритъ Ю. В. Татищевъ, — являются совершенно новымъ и неизвѣстнымъ до сихъ поръ матеріаломъ для біографіи Безбородки; они не были извѣстны даже его почтенному біографу г. Н. Григоровичу, собравшему въ приложеніи къ своей цѣнной и до сихъ поръ единственной въ своемъ родѣ монографіи «Канцлеръ князь А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени» значительное количество его писемъ къ разнымъ лицамъ» (стр. 35).

Въ видѣ приложенія къ разсматриваемому выпуску находимъ: «Савеловъ, Л. М. Родъ дворянъ Черноятовыхъ». Въ предисловіи къ «Роду дворянъ Черноятовыхъ» — небольшая замѣтка Л. М. Савелова о «Службѣ провинціального дворянства въ XVI вѣкѣ». Это изданіе «Рода дворянъ Черноятовыхъ» является повторнымъ (первое было въ 1905 г.) и заключаетъ въ себѣ новые матеріалы, «значительно пополняющіе прежнее родословіе».

В. Рудаковъ.

Куранъ Мухаммеда. Грузинскій переводъ. Первое изданіе. Тифлисъ. 1906.

Давно чувствовалась необходимость дать грузинамъ-мусульманамъ ихъ священную книгу на родномъ языкѣ. Кому извѣстны трудности изученія арабскаго языка, на которомъ написанъ куранъ, тотъ оцѣнитъ почтенный трудъ неизвѣстнаго переводчика, проникшагося благороднымъ желаніемъ сдѣлать доступнымъ своимъ соотечественникамъ завѣты основателя ислама. Переводъ исполненъ хорошимъ, выразительнымъ языкомъ, соответствующимъ трактуемой матеріи. Нѣкоторая архаичность стиля не только не нарушаетъ благопріятнаго впечатлѣнія, но вполне согласуется съ духомъ религіознаго произведенія. Жаль, что переводчикъ, по какимъ-то соображеніямъ, скрылъ отъ читателя, пользовался ли онъ оригиналомъ корана, или европейскими переводами. Подъ руками мы имѣли лишь куранъ въ русскомъ переводѣ Николаева, снятый имъ съ французскаго перевода, сдѣланнаго Казимірекимъ (въ 1864 г.); другого русскаго перевода — Сабиткова, равно и иностранныхъ, я не привлекалъ къ сравненію съ грузинскимъ изданіемъ корана. Сопоставленіе же послѣдняго съ переводомъ Казимірскаго - Николаева открываетъ нѣсколько различій, хотя несущественныхъ. Но въ чемъ нельзя согласиться съ переводчикомъ, такъ это съ заглавіемъ его труда: онъ называетъ его Куранъ, хотя арабская кафъ (начальная буква въ словѣ Куранъ) имѣетъ эквивалентъ въ звукѣ q, такъ что слѣдовало назвать Куранъ, а не Куранъ. Во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ появленіе въ грузинскомъ переводѣ священной книги мусульманъ

А. X — въ.

Записки Василя Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 года. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906.

Публикуя впервые въ 1905 г. весьма цѣнное письмо А. С. Пушкина къ Василю Петровичу Зубкову (отъ 1 декабря 1826 г.), найденное въ бумагахъ Б. Н. Чичерина и содержащее «драгоценную автохарактеристику» нашего великаго поэта, А. Θ. Кони пишетъ: «Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныя. Онѣ исполнены историческаго и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ слѣдственной комиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени».

Въ настоящее время эти «Записки» вышли въ свѣтъ, изданныя академіей наукъ, но безъ перевода ихъ на русскій языкъ. «Запискамъ» Б. Л. Модзалевскій предпослалъ довольно обстоятельную біографію ихъ автора, «насколько удалось обрисовать его по печатнымъ и другимъ источникамъ». Воспитанникъ извѣстнаго московскаго учебнаго заведенія для колонновожатыхъ, основаннаго Н. Н. Муравьевымъ, подпоручикъ съ 1819 г., затѣмъ совѣтникъ 2 департамента московской палаты гражданскаго и уголовнаго суда, директоръ ярославскаго Демидовскаго лицея (1838 г.), оберъ-прокуроръ 1 департамента сената и наконецъ сенаторъ, В. П. Зубковъ написалъ свои «Записки» въ Петербургѣ, вѣкоръ послѣ освобожденія изъ крѣпости, еще до окончанія процесса декабристовъ. Къ нимъ онъ приложилъ пять рисунковъ: 1) планъ части Петропавловской крѣпости, въ которой находился его казематъ, 2) планъ и внутренній видъ самаго каземата, 3) планъ Адмиралтейства и Зимняго дворца съ указаніемъ комнаты, въ которую онъ былъ помещенъ до перевода въ крѣпость, 4) видъ комнаты, въ которой засѣдалъ комитетъ и 5) планъ квартиры коменданта, въ которой происходили засѣданія комитета. Изъ этихъ рисунковъ воспроизведены въ текстѣ «Записокъ» рисунки 2, 4 и 5, и, кромѣ того, приложены еще: портретъ В. П. Зубкова и общая вмѣстѣ съ нимъ группа его друзей (И. И. Пущина, И. Н. Гореткина, В. К. Данзаса, А. П. Бакунина, П. П. Колошина и князя П. Д. Черкаскаго).

Въ концѣ книжки Б. Л. Модзалевскимъ напечатаны его цѣнныя примѣчанія біографическаго характера по поводу упоминаемыхъ въ «Запискахъ» лицъ.

В. Рудаковъ.

Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Падуа. 1680.

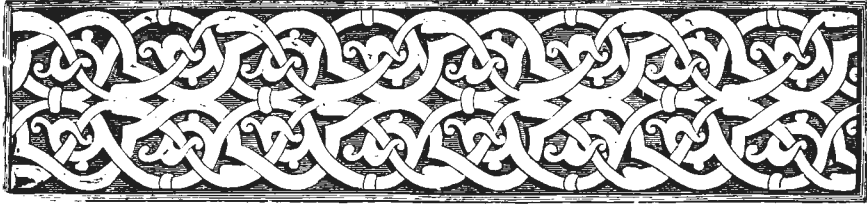
Иждивеніемъ книгопродавца Петра-Марія Фрамботти. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва. 1905.

Скудные свѣдѣнія объ авторѣ вышеназванныхъ сказаній сохранились въ сообщеніи издателя его сочиненія «въ предувѣдомленіи къ просвѣщенному читателю». Сынъ польскаго вельможи, пользовавшагося у короля Казимира

большимъ значеніемъ, Яковъ Рейтенфельсъ былъ въ большой милости у герцога тосканскаго Козьмы III, жилъ нѣкоторое время при немъ, не занимая официальной должности, и по желанію своего благодѣтеля составилъ для него сказанія о Московіи (*De rebus moscovitis*). Никодимъ Селлій называетъ Рейтенфельса курляндцемъ. Какимъ образомъ онъ попалъ въ Москву — неизвѣстно, во всякомъ случаѣ онъ не былъ посломъ тосканскаго герцога къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1670 г. По двумъ документамъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ можно заключить, что онъ былъ племянникъ главнаго врача царя, нѣкоего датчанина Юганна Розенбурга. Похороны царя Алексѣя онъ описываетъ какъ свидѣтель-очевидецъ. Рейтенфельсъ неоднократно проситъ снисхожденія за отрывочный характеръ своихъ сказаній, объясняя это тѣмъ, что они писались имъ во время скитаній и тревогъ. Поэтому русскій переводчикъ заключаетъ, что Рейтенфельсъ постоянно записывалъ все видѣнное и слышанное, а живя у тосканскаго герцога, онъ собралъ въ одно цѣлое отдѣльныя записки. Когда онъ покинулъ Москву, куда онъ уѣхалъ и гдѣ умеръ — пока неизвѣстно. Такъ же скудны свѣдѣнія о подлинной рукописи сказаній. Она была передана герцогомъ Козьмой III на храненіе въ библіотеку, находившуюся въ завѣдываніи знаменитаго ученаго Антоніо Мальябекки. Заѣзжій германецъ заинтересовался ею и снялъ съ нея точную копію, которую онъ уступилъ книгопродавцу Фрамботти въ Падую. Онъ ее-то и напечаталъ въ 1680 г., а подлинная рукопись и копія съ нея исчезли. Недоумѣнія возникаютъ относительно языка, на которомъ писаны сказанія, — на латинскомъ или нѣмецкомъ. Изданіе 1680 г. неудовлетворительно: въ немъ много опечатокъ. Извлеченія изъ него на русскомъ языкѣ были сдѣланы извѣстнымъ ученымъ Венелинымъ въ 1836 г., но не были напечатаны и сохранились въ его бумагахъ. Въ 1839 г. съ сказаніями Рейтенфельса познакомилъ русскую публику археологъ Тарнава-Боричевскій. Полный же переводъ появляется нынѣ благодаря неутомимымъ разысканіямъ Алексѣя Станкевича. Книга заключаетъ въ себѣ четыре части: 1) Происхожденіе московитовъ и обзоръ царствованій; 2) Дворъ и нынѣшнее правленіе; 3) Сословіе подданныхъ и нравы и 4) Природныя богатства государства и его обширность. Третья часть представляетъ большой интересъ, ибо въ ней собраны наблюденія очевидца. Переводъ сдѣланъ прекраснымъ языкомъ и читается легко. Въ концѣ книги имѣется подробный указатель.

X—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДРЕВНІЯ ирландскія саги. — Теперешній президент Сѣверо-Американскихъ штатовъ Теодоръ Рузевельтъ извѣстенъ не только какъ государственный человѣкъ и политическій дѣятель, но также, какъ литераторъ, публицистъ и журналистъ. Въ первомъ отношеніи онъ между прочимъ издалъ «Исторію морской войны 1812 г.» и нѣсколько біографическихъ очерковъ знаменитыхъ американцевъ, а въ послѣднемъ онъ написалъ много интересныхъ статей по экономіи и охотѣ. Наконецъ, въ январской книжкѣ «Century Magazine» онъ попробовалъ свои силы въ исторической монографіи и написалъ интересный, талантливый очеркъ «Древнія ирландскія саги»¹⁾. По его словамъ, въ послѣднее десятилѣтіе германскіе, ирландскіе, французскіе и англійскіе ученые много сдѣлали по изслѣдованію древнихъ кельтическихъ легендъ, и только американцы въ томъ отношеніи очень отстали. Поэтому, онъ полагаетъ, что болѣе чѣмъ желательно изученіе американцами сѣверныхъ сагъ, для чего было бы очень полезно открыть въ университетахъ кафедры кельтическихъ и скандинавскихъ языковъ. Выѣстъ съ тѣмъ онъ находитъ, что не лишне и популярное изложеніе первобытныхъ британскихъ, скандинавскихъ и ирландскихъ поэмъ, за что онъ и берется въ своей статьѣ. Кельтическія саги для удобства раздѣлены на циклы, хотя нѣсколько искусственно. Самый интересный изъ нихъ Кучултэнскій, хотя до послѣдняго времени онъ былъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ Оссіановскій, который повѣствуетъ о подвигахъ финскихъ героев и героинь. Эти поэмы касаются языческихъ временъ Ирландіи, совершенно отрѣзанной отъ всякихъ сношеній съ вымиравшей цивилизаціей Рима и еще

¹⁾ The Ancient Irish Sagas. By Theodore Roosevelt. «Century Magazine». January 1907.

сохранившей старинные обычаи, исчезнувшие из памяти людей вездѣ въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ герои Кучулэнскихъ сагъ все еще сражались на колесницахъ, управляемыхъ храбрыми возницами, друзьями героевъ. Въ тѣ времена главнымъ элементомъ борьбы были боевыя колесницы, количество которыхъ у славныхъ вождей доходило до девяносто. Саги повѣствуютъ, что эти колесницы были желѣзныя и что въ нихъ воевали дѣти Эрина, бывшіе въ одно и то же время охотниками, земледѣльцами, скотоводами, бардами, кудесниками, а главное воинами. Эринъ былъ совершенно независимымъ народомъ, встрѣчавшимся иногда въ борьбѣ съ британцами и племенами континентальной Европы. У него были свои цари и царицы, вожди и рабы; послѣдніе принадлежали первымъ, какъ стада и табуны лошадей. Главная одежда вождей и ихъ женъ была красная, желтая и зеленая; они носили золотыя и серебряныя кольца, а ихъ посуда была желѣзная и отчасти серебряная. Всѣ ихъ саги напоминаютъ скандинавскія и кельтическія; ихъ легенды были такія же, какъ артуровскія, ролландовскія и зигфридовскія. Герои этой первобытной поэзіи были великолѣпные, громадные дикари, высокаго роста, красной наружности, часто бѣлокурые, но нерѣдко — черные, и главное ихъ достоинство заключалось въ физической силѣ. Они быстро бѣгали, неустранимо прыгали, громко кричали и ознаменовывали себя подвигами, воспѣваемыми въ Нибелунговыхъ поэмахъ. Но между героями ирландскихъ сагъ были также люди умные, ловкіе, хитрые, друиды, кудесники, маги. Что же касается до женщинъ, то въ ирландскихъ сагахъ онѣ во многомъ отличались отъ скандинавскихъ и кельтическихъ. Въ пѣняхъ Ролланда, напримѣръ, женщины не играютъ никакой роли, а въ скандинавскихъ и германскихъ легендахъ онѣ являются скромными, благородными матерями великой расы, но ни одна изъ нихъ не похожа на героиню съ современнымъ настроеніемъ, какъ Эмера, возлюбленная Кучулэна, или Деирдра, любимца сына Уснаха. Эти ирландскія героини отличаются романтической любовью, хотя въ нихъ проявлялись архаическіе вкусы въ сравненіи съ дамами сердца рыцарей Круглаго Стола. Эмера, дочь Фургала, заслужила любовь Кучулэна, потому что обладала «шестью достоинствами дѣвы»: красотой, нѣжнымъ голосомъ, сладкой рѣчью, умомъ, умѣніемъ работать иглой и цѣломудріемъ. Долго оба, и женихъ и невеста, ухаживали другъ за другомъ и наконецъ поженились. Они любили другъ друга и отличались вѣрностью до самой послѣдней минуты, когда онъ былъ убитъ въ бою. Все это свидѣтельствуетъ, что древне-эринская героиня подходит подъ типъ средневѣковыхъ и нашихъ современныхъ героинь, а не равняется съ тѣми, которыя олицетворяли другія варварскія цивилизаціи. То же можно сказать о Деирдрѣ, прекрасной дѣвѣ, бросившей своего жениха, царя Ульстра, изъ любви къ ирландцу Нази и бѣжавшей съ нимъ въ Шотландію. Послѣ нѣкотораго времени они вернулись въ Ирландію, и возлюбленный Деирдры былъ измѣннически убитъ. Сага о Деирдрѣ чрезвычайно поэтически излагается во многихъ вариантахъ. Были и еще ирландскія героини, болѣе общаго варварскаго типа: такова знаменитая боевая царица Мива — красивая, высокаго роста, бѣлолицая, свѣтлорусая, страшная въ бою на своей колесницѣ. Ея добродѣтели относились къ тѣмъ, которыя составляли особенность

воиственнаго, варварскаго царя, и она требовала признанія за собой широкой свободы въ нравственномъ отношеніи. Ея мужъ былъ Алнлтъ, коннотекій царь, и Мива объяснила ему, что ихъ бракъ былъ связью, въ которой она требовала отъ мужа обращенія съ нею согласно ея взглядамъ и условіямъ; она требовала, чтобы онъ былъ храбръ, великодушень и не ревнивъ. Свѣтлокурая Мива была мифомъ, богиней и мало-по-малу превратилась въ сказочную царицу Мэбъ. Но среди древнихъ кельтовъ ея изображеніе походило на многихъ историческихъ боевыхъ царицъ. Ея фигура въ ирландскихъ сагахъ совершенно одинакова съ британской королевой Баодицеей, въ латинскихъ легендахъ, а также напоминаетъ и королеву Зигриду, мудрѣйшую женщину, которой до того надобли мелкіе короли, искавшіе ея руки, что она велѣла умертвить послѣднихъ двухъ жениховъ среди великолѣпнаго банкета. Несмотря на этотъ рассказъ и на ея прозвище «Зигрида» — гордая, она была уже не легендарнымъ, а историческимъ характеромъ, который жилъ нѣсколько сотенъ лѣтъ послѣ Эмеры, Деирдры и Мивы. Что же касается до этихъ послѣднихъ героинь древнихъ сагъ, то, по словамъ Рузевельта, «онѣ представляли средоточіе этическихъ поэмъ несравненныхъ по своему разнообразію, красотѣ, мистицизму и прородному великолѣпію. Означенныя саги вполнѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманія».

— Послѣднія три жены Генриха VIII. — Брачные эпизоды англійскаго короля Генриха VIII были раздѣлены на двѣ серіи, и каждая изъ нихъ состояла изъ трехъ катастрофъ, которыя представлялись совершенно тождественными. Въ первой серіи — Екатерина Аррагонская развелась, Анна Болейнъ была казнена ¹⁾, Дженъ Симоръ умерла естественной смертью; а во второй точно также четвертая жена короля согласилась на разводъ, пятая — взшла на эшафотъ, а при шестой тоже не обошлось безъ смерти — умеръ самъ король. Какъ рельефно Альбертъ Ревиль охарактеризировалъ въ «Revue Bleue» первыхъ трехъ женъ Генриха, такъ драматично онъ представилъ трехъ послѣднихъ супруговъ короля. Четвертый бракъ Генриха VIII отличался комической подкладкой. Онъ не только самъ былъ склоненъ еще разъ жениться, но его министры, и особенно самый вліятельный изъ нихъ, Томасъ Кромвель, желали сосватать королю новую невѣсту, но болѣе изъ политическихъ и религіозныхъ видовъ, чѣмъ изъ какихъ-либо другихъ. Они ему прислали будущую жену изъ нѣмецкаго герцогскаго рода Клэвъ, если не знатнаго и не богатаго, то преданнаго лютеранской церкви. Герцогиня Анна Клэвская славилась въ Германіи прекраснымъ воспитаніемъ и рѣдкимъ образованіемъ. Генрихъ съ удовольствіемъ согласился, но пожелалъ видѣть ея портретъ. Ему показали удивительное произведеніе Гольбейна, который изобразилъ герцогиню очаровательной красавицей. Генрихъ VIII плѣнился ею — и дѣло было рѣшено Кромвелемъ по порученію короля. Невѣста была отправлена въ Калэ. Генрихъ встрѣтилъ ее въ Рочестерѣ, стораю отъ нетерпѣнія увидѣть воочию оригиналь портрета Гольбейна. Но, къ величайшему своему разочарованію, онъ увидѣлъ

¹⁾ Le Roi Henri VIII et ses femmes, par Albert réville. «Revue Bleue» 17 Novembre, 29 Decembre 1906, 12 Janvier 1907.

вмѣсто красавицы отвратительнаго уroda, съ пожелтѣвшимъ лицомъ, большими бычачьими глазами и лицомъ, лишенными всякаго выраженія. Король пробормоталъ нѣсколько словъ и съ ужасомъ убѣжалъ отъ своей невѣсты. Но дѣлать было нечего: бракъ былъ неизбеженъ вслѣдствіе государственныхъ, политическихъ и религіозныхъ причинъ. Онъ дѣйствительно совершился, но тотчасъ послѣ него Генрихъ подалъ просьбу о разводѣ въ верховный духовный совѣтъ, на томъ основаніи, что его обманули. Даже католическое духовенство присоединилось къ протестантскому, чтобы освободить короля отъ новыхъ брачныхъ узъ. Что касается самой герцогини Клевской, то она была очень довольна, что ей вернули свободу съ титуломъ принцессы королевской крови, большимъ помѣстьемъ, роскошнымъ дворцомъ и громадною пенсіей. Она осталась доживать свои дни въ Англіи и могла повторять до своей смерти слова Шекспира: «Все хорошо, что хорошо кончается».

Несмотря на общій смѣхъ всей Европы, вызываемый брачными злополучіями короля, Генрихъ VIII въ томъ же году (1500) женился въ пятый разъ на Екатериנѣ Говардъ, внучкѣ герцога Норфольскаго. Ему тогда было уже сорокъ восемь лѣтъ, а ей двадцать семь. При этомъ она выдѣлялась среди придворныхъ дамъ своей красотой, холодностью и сдержанностью. Вообще королева вела себя очень гордо и молчаливо, не требуя ни празднествъ, ни увеселеній. Король былъ ею очень доволенъ и полагать, что она думала объ одномъ— нравиться ему. Но вскорѣ возникли придворныя интриги, и архіепископъ Кранмеръ началъ сплетничать относительно поведенія королевы до ея замужества, когда у нея будто бы уже было два любовника — Дергамъ и Манно. Король сначала счелъ это за клевету, но все-таки сообщилъ обо всемъ своимъ министрамъ и приказалъ имъ учинить тайное разслѣдованіе. По несчастію для Екатерины Говардъ, изслѣдователи сдѣлали неблагопріятное заключеніе, и Генрихъ, обливаясь слезами, предписалъ безпристрастнымъ лицамъ—дѣду королевы герцогу Норфольку, лорду Суссексу, канцлеру и Кранмеру—допросить королеву. Екатерина сначала отрицала свою виновность, но когда ей объяснили, что ея вина была извѣстна, то она созналась въ своихъ старыхъ двухъ грѣхахъ. Узнавъ объ этомъ, король утѣшалъ себя однако тѣмъ, что вина его жены относилась къ старому, добрачному времени и слѣдовательно можно было удовольствоваться ея удаленіемъ изъ дворца. Но судебное слѣдствіе продолжалось и открыло новые факты: королева взяла къ себѣ на службу одного изъ прежнихъ любовниковъ, благодаря чему онъ имѣлъ съ нею продолжительныя свиданія; мало того, ея третій любимецъ, по имени Кульпенеръ, видался съ нею во дворцѣ по ночамъ, при содѣйствіи леди Рокфоръ. Дѣлать было нечего: Генрихъ въ отчаяніи предать свою преступную жену казни, вмѣстѣ съ придворной дамой. Екатерина Говардъ встрѣтила свою судьбу съ удивительными твердостью и достоинствомъ. Она даже потребовала, чтобы ей принесли въ тюремную келью плаху для предварительнаго приготовленія ко дню казни. Входя на эшафотъ, она произнесла нѣсколько словъ, поручая свою судьбу божественному милосердію, признавая справедливость суда по отношенію къ ней и умоляя народъ всегда повиноваться королю.

Несмотря на старость и тучность, Генрихъ все-таки еще разъ женился: его шестая и послѣдняя жена была красивая Екатерина Паръ, вдова лорда Лартимера. Она была образованная и любила искусство, особенно живопись, которою сама занималась. Въ религіозномъ отношеніи, она была лютеранка, и большинство англичанъ привѣтствовали ее съ удовольствіемъ. Спокойная, умѣренная во всемъ, она довольствовалась ролью не жены, а сидѣлки. Три съ половиной года протекло благополучно, но въ концѣ 1546 г. Генрихъ VIII умеръ на 56 году. Черезъ годъ его вдова вышла замужъ за генерала Томаса Симора, конечно, предварительно отказавшись отъ званія вдовствующей королевы. Впрочемъ, она недолго пользовалась своимъ спокойнымъ благополучіемъ и чрезъ десять мѣсяцевъ также скончалась.

Останки Вольтера. — Недавно въ Парижѣ былъ рѣшенъ вопросъ о памятникахъ Вольтеру и Руссо, покоящимся въ Пантеонѣ. Онъ вызвалъ цѣлую полемику нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда были вскрыты оба гроба съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли во время второй реставраціи трупы мыслителей были осквернены. По поводу этого рѣшенія Р. Боньфонъ вспоминаетъ въ «*Revue Bleue*» о вскрытіи гробницъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ относительно сердца и мозга Вольтера: вскрытіе произошло въ присутствіи дюжины свидѣтелей, между которыми находились Сарду и профессоръ Бертло. Когда наступила торжественная минута и крышки гробовъ были сняты, то присутствующіе убѣдились, что останки обоихъ философовъ не тронуты. Склонившись надъ останками Вольтера, превратившимися въ скелетъ, Бертло взялъ въ руки черепъ философа и, высоко поднявъ, чтобы всѣ его видѣли, громко произнесъ: «вотъ голова Вольтера!» Наоборотъ, Руссо оказался настолько сохранившимся, что когда открыли крышку его гроба, то присутствующіе увидѣли настолько сохранившееся лицо, какъ будто онъ спалъ. Но, увы, это длилось лишь съ минуту: отъ соприкосновенія съ воздухомъ оно моментально превратилось въ прахъ и отъ Руссо остался также одинъ только скелетъ». «Такая быстрая перемѣна была острымъ драматическимъ моментомъ», говоритъ Боньфонъ. Черепъ Вольтера уже давно покоился безъ мозга, который былъ вынутъ во время бальзамированія и взятъ его аптекаремъ Митуаромъ, присутствовавшимъ при этой операци. Сердце же, какъ извѣстно, осталось у маркиза Виллета, мужа любимицы Вольтера, «*Belle et bonne*», какъ онъ называлъ воспитанницу г-жи Донъ, его племянницы. Затѣмъ слѣдъ существованія мозга Вольтера совершенно затерялся и, несмотря на многократныя попытки нѣкоторыхъ почтителей обнаружить его мѣстонахожденіе, онъ оставался не отысканъ. Какъ извѣстно, смерть Вольтера ускорила торжественный пріемъ, сказанный ему въ Парижѣ, который онъ посѣтилъ послѣ 27-лѣтняго отсутствія, вопреки запрещенію доктора Троншена. Встрѣча, устроенная парижанами, была настолько трогательная и пышная, что восьмидесятилѣтній Вольтеръ сильно волновался и его слова: «Вы хотите задушить меня розами» — сбылись: онъ заболѣлъ и негодовалъ на себя за

¹⁾ A propos des restes de Voltaire, par Paul Bonneton «*Revue Bleue*» 16 Fevrier 1907.

ослушаніе Троншена, а чрезъ нѣсколько дней скончался въ домѣ своей любимицы «Belle et boule». Его кончина по своей внезапности поразила всѣхъ и вопросъ, какъ поступить съ похоронами, всѣхъ озабочивалъ. Всегда занятый своимъ личнымъ спокойствіемъ и въ то же время довольный, что можетъ по своему подшутить надъ близкими, Вольтеръ никогда не выражалъ опредѣленно своей послѣдней воли, а водилъ всѣхъ за носъ. То онъ говорилъ одно, то другое, то предполагалъ, что если бы это было въ Фернеѣ, гдѣ философъ проживалъ послѣдніе годы своей жизни и даже получилъ прозвище фернейскаго патріарха, онъ приказалъ бы устроить свою могилу такъ, чтобы одна половина ея находилась въ церкви, а другая на кладбищѣ. «Тогда скажутъ,— шутилъ онъ,— что я ни тутъ ни тамъ». Однако въ Парижѣ подобныя увертки были невозможны и, какъ извѣстно, парижскіе патеры вовсе отказались его хоронить. Тогда его прахъ наскоро былъ отправленъ въ аббатство Сельерь, въ Шампанн, гдѣ находился его племянникъ аббатъ Миньо. Однако не удалось еще выяснитъ всѣхъ обстоятельствъ его кончины. Извѣстно, что его тѣло наскоро было набальзамировано: изъ сухого официального и мало объясняющаго протокола видно, что эту операцію исполняли докторъ Розъ-де-Ленинуа и хирургъ Пиллэ, въ присутствіи аптекаря Митуара, и что сердце Вольтера удержалъ у себя маркизъ де-Вильетъ противъ желанія родныхъ Вольтера, а Митуаръ сохранилъ у себя мозгъ. При вскрытіи черепа всѣ были удивлены величиной мозга и недостаточной толщиной костныхъ стѣнокъ черепа. Мозгъ вынули цѣликомъ, и Митуаръ положилъ его въ кияничій алкоголь для отвердѣнія, чтобы затѣмъ сохранять его въ спирту. Неизвѣстно, сдѣлана ли была съ лица Вольтера маска,—объ этомъ въ протоколѣ ничего не упоминается. Хотя авторъ статьи видѣлъ одну маску, повидимому, сдѣланную съ лица Вольтера, но утверждать это не рѣшается. Вынувъ сердце и мозгъ, на тѣло Вольтера надѣли халатъ и помѣстили въ карету шестерней въ положеніи снѣщаго человѣка, чтобы тайно перевезти въ Шампань, подъ надзоромъ вѣрнаго лакея. Въ Сельерѣ останки мыслителя покоились двѣнадцать лѣтъ, пока продажа аббатства не заставила правительство возбудить вопросъ о перенесеніи ихъ въ Пантеонъ, гдѣ наконецъ они нашли себѣ въ 1791 г. достойное мѣсто упокоенія. Что же касается сердца и мозга, то потомки Вольтера продолжаютъ негодовать противъ маркиза Вильета, присвоившаго себѣ его сердце съ корыстной цѣлью, такъ какъ еще при жизни мыслителя онъ старался извлекать изъ него пользу, насколько могъ. Однако всѣ ихъ старанія получить обратно сердце не увѣнчались успѣхомъ, и оно осталось въ семьѣ Вильета до смерти послѣдняго въ родѣ, завѣщавшаго его, по странной прони судьбы, епископу Муленскому, но затѣмъ духовная въ пользу родственниковъ Вильета была уничтожена; сердце перешло наконецъ въ собственность государства и передано въ національную бібліотеку, гдѣ сохраняется и теперь. Судьба мозга Вольтера была почти тождественна: сынъ аптекаря Митуара въ письмѣ къ министру Франсуа Невшато предложилъ эту реликвию государству; на это полученъ былъ отвѣтъ, что ему совѣтуютъ подать прошеніе съ предложеніемъ помѣститъ эту реликвию въ національную бібліотеку вмѣстѣ съ произведеніями философа. Однако дѣло почему-то затянулось, и мозгъ остался у Митуара.

конецъ въ 1799 г. онъ представилъ его въ филوماتическое общество, гдѣ ему сказали, что хотя мозгъ прекрасно сохранился, но онъ превратился, какъ это случается съ теченіемъ времени и съ другими животными субстанціями — въ жирную массу и осѣлъ въ объемъ. При этомъ будто бы изслѣдователямъ пришла мысль къ нему приблизить огарокъ свѣчки и они увидѣли послѣ этого, какъ онъ воспламенился и «еще бросать искрыя лучи свѣта». Такъ разсказываетъ тайный свидѣтель этого страннаго зрѣлища. Послѣ этого Мигуаръ замолчалъ и не предлагалъ болѣе своей реликвіи до іюльской монархіи, когда вдругъ онъ снова принялся писать министрамъ, предлагая мозгъ Вольтера, но не получалъ отвѣта. Наконецъ, переходя изъ рукъ въ руки, мозгъ остался у стараго служащаго въ аптекѣ Мигуара, который сохранялъ его до своей смерти. Какая участь затѣмъ постигла мозгъ — неизвѣстно, но почитатели Вольтера все еще надѣются когда-нибудь его отыскать. Кромѣ этихъ двухъ реликвій французскаго просвѣтителя, сохранились еще двѣ, хотя утверждать ихъ подлинность — трудно. Одна изъ нихъ — пяточная кость Вольтера — хранится въ нѣкоей шампанской семьѣ; другая — его зубъ — у потомковъ барона Денона, бывшаго главнаго директора музеевъ во время имперіи и страстнаго коллекціонера. Обладатель пяточной кости Вольтера увѣряетъ, что онъ ее взялъ во время перенесенія тѣла мыслителя въ Пантеонъ; однако провѣрить, дѣйствительно ли у Вольтера осталась только одна пятка — никому не пришло въ голову, когда открывали гробъ.

— Мемуары графини де-Буанъ. — На-дняхъ появятся въ Парижѣ мемуары графини де-Буанъ, одной изъ замѣчательныхъ французскихъ женщинъ XVIII и XIX вѣковъ, игравшей не менѣе видную роль въ эту эпоху, чѣмъ г-жа Рекамье и княгиня Бельджюджозо. Графиня де-Буанъ написала два романа, которые, впрочемъ, не принесли ей славы; но зато ея мемуары интересны, какъ историческій документъ XVIII и XIX вѣковъ. По обычаю французскихъ издателей, выдержки¹⁾ изъ нихъ уже напечатаны въ «Revue hebdomadaire», прежде чѣмъ вышли въ свѣтъ сами мемуары, и представляютъ нѣкоторыя любопытныя подробности характера Маріи-Антуанеты и жизни при французскомъ дворѣ. Графиня де-Буанъ родилась въ 1781 г. въ старинной аристократической семьѣ Осмонъ и воспитывалась, по ея выраженію, «на колѣняхъ королевской семьи», какъ дочь придворной дамы принцессы Аделаиды, старшей дочери Людовика XV. Во время революціи она уѣхала съ своей семьей въ Англію, гдѣ окончила свое воспитаніе. Смѣсь англійскихъ идей и французскихъ теорій, завезенныхъ изъ Франціи эмигрантами, создали въ ней либеральное направленіе, рѣдкое и замѣчательное для легитимистки того времени. Незадолго до своего возвращенія во Францію она вышла замужъ за офицера графа де-Буанъ, который добился чина генерала послѣ долгаго пребыванія въ Индіи. На тридцать лѣтъ моложе его, она не могла его любить, тѣмъ болѣе, что у него былъ непріятный характеръ. Впрочемъ, это не мѣшало ей оставаться ему преданной до самой его смерти въ 1830 г. Свой парижскій салонъ она открыла по возвращеніи изъ Англіи и принимала въ

¹⁾ Memoires de madame de Boigne, «La Revue hebdomadaire», 2 Fevrier 1907,

немъ блестящее и многочисленное общество почти до дня своей смерти въ 1866 г. Ея салонъ посѣщали всѣ знаменитости того времени и онъ представлялъ своего рода маленькій дворъ. Она была близка съ Маріей-Амаліей Неаполитанскою, женою короля Луи-Филиппа, съ герцогомъ Паскье, Сантъ-Бевомъ, Ламартинонъ, Гизо и сотнею другихъ извѣстныхъ лицъ. Поддерживая сношенія со всею Европою, она много видѣла и сумѣла все удержать въ памяти, а потому во Франціи ее относятъ къ лучшимъ составителямъ мемуаровъ. До сихъ поръ въ «Revue hebdomadaire» напечатана только одна глава: «Конецъ Версаля». Какъ мы уже говорили, ея мать была придворной дамой и поэтому была обязана находиться хотя одну недѣлю въ мѣсяцъ при версальскомъ дворѣ, что не очень нравилось ея мужу, не любившему придворной суеты и притомъ не обладавшему большимъ состояніемъ. Двойное хозяйство въ Версалѣ и Парижѣ очень его обременяло, и ея мать уговорила его поселиться въ Версалѣ. Вскорѣ послѣ переезда въ Версалъ у нихъ родилась дочь, будущая графиня де-Буанъ. Ея отецъ понемногу полюбилъ придворную жизнь въ Версалѣ, куда по субботамъ и воскресеньямъ пріѣзжали цѣлыя толпы парижанъ и, начиная съ министровъ, всѣ придворные давали ужины и обѣды. Кромѣ того, за счетъ короля всегда былъ сервированъ почетный столъ для лицъ, не получившихъ приглашеній на ужинъ или обѣдъ къ знакомымъ; но онъ всегда пустовалъ, считаясь второстепеннымъ, хотя накрывался для придворныхъ, и пріѣзжіе, не имѣвшие знакомыхъ, предпочитали лучше покупать въ лавкѣ жареную курицу, чѣмъ сидѣть за этимъ столомъ. Общество въ Версалѣ раздѣлялось на двѣ категоріи: на придворныхъ самостоятельныхъ и придворныхъ подчиненныхъ. Первые получали приказаніе отъ самихъ главныхъ чиновъ, напримѣръ, первый шталмейстеръ, получающій приказанія отъ оберъ-шталмейстера, считался придворнымъ, шталмейстеръ же, получавшій распоряженія отъ перваго шталмейстера, принадлежалъ къ классу подчиненныхъ, и придворные его не принимали у себя. Такіе второстепенные обитатели Версаля составляли свою партію и во главѣ ея была г-жа Арженвилле, жена завѣдывающаго постройками. У нея собиралось пріятное общество—артисты, ученые, писатели, но придворные не могли бывать. Тамъ очень веселились, и Осмонъ часто сожалѣлъ, что не можетъ посѣщать этого кружка. Впрочемъ, нѣкоторымъ придворнымъ удавалось туда попадать— вмѣстѣ съ княземъ де-Нуа, губернаторомъ Версаля. Влюбленный въ одну изъ горничныхъ королевы, очень красивую женщину, принадлежавшую къ высшей буржуазіи, онъ, подъ предлогомъ своего административнаго положенія, будто бы заставлявшаго его находиться въ сношеніяхъ съ завѣдывающимъ постройками, бывалъ въ домѣ г-жи Арженвилле къ величайшему неудовольствію придворныхъ дамъ. Гвардейскіе офицеры, которыхъ называли «messieurs bleus», причислялись ко второму разряду и въ то время еще не имѣли мундировъ, а ходили въ кафтанахъ, отличаясь отъ другихъ только большими черными палками съ набалдашиникомъ въ видѣ яблока изъ слоновой кости. Марія-Антуанета вачала приглашать ихъ на балы, но они никогда не обѣдали за королевскимъ столомъ; въ такомъ же положеніи были и епископы. Осмонъ особенно не могъ примириться съ обычаемъ приглашать на королевскіе «ужины въ кабине-

тахъ», на которыхъ присутствовала королевская семья и человекъ тридцать приглашенныхъ. Эти ужины подавались въ комнатахъ короля, настолько тѣсныхъ, что приходилось накладывать доски на бильярдъ для устройства буфета, и по этому случаю король принужденъ былъ торопиться окончаніемъ партіи. Дамъ предупреждали объ ужинахъ утромъ или наканунѣ, и онѣ надѣвали вышедшія изъ моды платья, которыя не годились для другихъ случаевъ. Приглашенные собирались въ маленькой театральной залѣ, гдѣ для нихъ уже была поставлена особая скамья. Послѣ представленія онѣ слѣдовали за королевской семьей въ кабинеты. Положеніе мужчинъ было менѣе пріятное: желавшіе попасть на «ужинъ въ кабинеты» занимали мѣста на скамьяхъ въ театрѣ, и король, находившійся въ ложѣ одинъ, направлялъ на нихъ свой большой оперный лорнетъ, а затѣмъ на глазахъ всѣхъ записывалъ карандашомъ имена лицъ, которыхъ хотѣлъ пригласить. Послѣ спектакля мужчины собирались въ залѣ, предшествовавшей кабинетамъ. Подобное сидѣнье на театральныхъ скамьяхъ называлось «представяться для кабинетовъ». Вскорѣ королевскій тѣлохранитель, со свѣчой въ рукѣ и запиской короля въ другой, пріотворялъ дверь и провозглашалъ имя приглашеннаго; счастливцевъ дѣлалъ общій поклонъ и входилъ въ святая святыхъ. Дверь за нимъ затворялась, а затѣмъ снова отворялась и вызывался другой приглашенный. Когда послѣдній гость входилъ, то королевскій тѣлохранитель, согласно этикету, громко захлопывалъ дверь, что означало окончаніе церемоніи и приглашеній; оставшіеся знали, что съ этимъ шумомъ исчезали ихъ надежды на приглашеніе, и уходили всегда нѣсколько сконфуженные, хотя заранѣе знали, что кандидатовъ больше, чѣмъ приглашенныхъ. Нѣкоторые являлись изъ Парижа на эти «представленія къ ужину» въ теченіе десяти лѣтъ и ни разу не получали приглашенія. О балахъ королевы предупреждали заблаговременно, и желающихъ попасть на нихъ было не мало въ виду ихъ необычайнаго веселья. Они давались въ деревянныхъ домахъ, выстроенныхъ на версальскихъ террасахъ и оставшихся на время карнавала. Однако, несмотря на доброту и привѣтливость королевы, эти балы у многихъ вызывали чувство негодованія вслѣдствіе царствовавшего на нихъ нелѣпаго этикета, унижавшаго даже лицъ дворянскаго происхожденія, но не состоявшихъ при дворѣ. Дворянство и капиталисты жили въ сущности мирно, какъ въ военныхъ кругахъ, такъ вообще и въ парижскихъ обществахъ, и, несмотря на нелѣпый приказъ, богатые и воспитанные люди имѣли доступъ къ военной карьерѣ. Но когда давались балы въ Версалѣ, то такихъ смѣльчаковъ, явившихся сюда, грубо изгоняли, и это возмущало высшую буржуазію. Кромѣ того, въ Версалѣ «пороки проходили безслѣдно, но смѣшное положеніе убивало», какъ мѣтко выразился герцогъ Куаньи, предупреждавшій своихъ дочерей въ день представленія королевы, — и потому каждый неловкій шагъ никогда не забывался. Сестра г-жи Осмонъ, жена президента парламента и видной личности въ Бордо, Лави, хотѣла посмотрѣть на балъ королевы, и сестра устроила ей мѣсто на скамьѣ. Королева замѣтила г-жу Лави и спросила ее сестру: показывала ли она ей балльную залу? Узнавъ, что г-жа Лави еще ее не видала, такъ какъ не принадлежить къ числу приглашенныхъ, королева сказала: «Надо ей показать:

я уведу короля». И, взявъ подъ руку мужа, Марія-Антуанета удалилась изъ бальной залы, пока г-жа Лави ее осматривала. Это такъ оскорбило мужа послѣдней, что онъ вернулся въ Бордо еще болѣе приверженцемъ Фронды: онъ былъ назначенъ депутатомъ и выказалъ себя вполне революционеромъ, и ему хотѣлось унижить придворную знать. Для чрезвычайныхъ празднествъ и загородныхъ поѣздокъ существовалъ особый этикетъ. Желавшіе быть приглашенными являлись къ первому камергеру и собственноручно записывали свои имена. По этому листу выбирали, кого пригласить, лица же не удостоившіяся приглашеній считались какъ бы получившими немилостивый отказъ. Когда король ѣздилъ въ Рамбулле, то обыкновенно на нѣсколько дней и въ мужскомъ обществѣ; тамъ приглашенныхъ принимали, какъ въ домѣ богатаго частнаго лица, и къ ихъ услугамъ предоставлялось все, и они не тратили ни одного су. Въ Трианонѣ, гдѣ королева проводила немного времени и въ небольшомъ обществѣ, было такъ же; въ Марли приглашеннымъ давались помѣщенія, мебель и кушанье; они обѣдали за счетъ короля, но за столомъ принцевъ и принцессъ, а затѣмъ отправлялись въ большой залъ, гдѣ собирался дворъ. Въ Фонтенебло приглашеннымъ удавалось добиться только помѣщенія; мебель, бѣлье и проч. приходилось доставать самимъ. Обѣды и ужины получать было легко, такъ какъ всѣ придворные имѣли свои квартеры и собственнаго повара, а потому приглашали на обѣды къ себѣ; но помѣщенія не хватало на всѣхъ приглашенныхъ, вслѣдствіе чего приходилось жить въ городѣ. Несмотря на всѣ эти неудобства, пребываніе двора въ Фонтенебло было самое блестящее и стоило очень дорого, а въ его маленькомъ театрѣ давались первыя представленія, отличавшіяся тщательной постановкой; тамъ и король бывалъ всегда любезнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, но никакъ не могъ побороть застѣнчивости, къ которой присоединялась грубая свобода въ обращеніи, оставшаяся у него съ дѣтства. Съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ быть внимательнымъ и любезнымъ онъ конфузился и у него ничего не выходило. Намѣтивъ кого-нибудь, король подходилъ къ нему такъ близко, что прижималъ его къ стѣнѣ и, если ничего не находилъ что сказать, а это съ нимъ случалось часто, то онъ раздражался громкимъ смѣхомъ, поворачивался на каблучкахъ и отходилъ. Подвергшійся такому обращенію попадалъ въ глупое положеніе и если не былъ обычнымъ посѣтителемъ двора, то уходилъ въ полной увѣренности, что король хотѣлъ его оскорбить. Людовикъ самъ часто жаловался, что не получилъ хорошаго воспитанія. Онъ никогда не игралъ ни въ трикъ-тракъ, ни въ маленькіе эю и однажды сказалъ крупнымъ игрокамъ, которые были его партнерами: «Я понимаю, что вы играете по крупной, если васъ это веселитъ: вы играете на свои деньги, но я, я играть бы на чужія деньги». Въ то время, когда король велъ такую рѣчь, графъ Артуа и королева играли по такой крупной ставкѣ, что имъ трудно было найти партнеровъ и они должны были допускать въ свое общество людей съ занягнанной репутаціей во всей Европѣ. Вслѣдствіе этой несчастной привычки, такъ какъ это не было страстью ни у той, ни у другого, стали появляться клеветы, говоритъ графиня де-Буанъ, «причинившія нашей несчастной королевѣ столько горя даже прежде, чѣмъ начались для нея историческія несчастія. Кто осмѣлился бы обвинить королеву Франціи въ продажѣ

себя за ожерелье, если бы не видѣли ее у стола съ золотомъ, жаждавшей выиграть его у своихъ подданныхъ. Безъ сомнѣнія, она въ сущности не очень дорожила выигрышемъ, но когда играютъ, то хотятъ выиграть, и невозможно избѣжать, чтобы не произвести впечатлѣнія страсти къ деньгамъ. Впрочемъ, принцы, привычные, чтобы имъ все уступалось, плохіе игроки, и это служить одной причиною болѣе избѣгать крупной игры. Но если королева не любила играть, зачѣмъ же она играла? Ахъ, да потому, что у нея была другая страсть— подражать модѣ. Она наряжалась, чтобы быть по модѣ, она играла, чтобы быть по модѣ, она кокетничала, чтобы быть по модѣ. Быть красивой женщиной и самой модной— титулъ, который казался ей самымъ желательнымъ и эта причуда, недостойная великой королевы, была единственной причиною обвиненій, которыя такъ жестоко преувеличили». Королева хотѣла, по словамъ графини де-Буанъ, окружать себя самыми приятными молодыми людьми, какіе находились при дворѣ, и съ бѣльшимъ удовольствіемъ принимала похвалы, предназначенныя ей, какъ красивой женщиной, чѣмъ какъ королевѣ. Поэтому она была внимательнѣе къ легкомысленной молодежи, чѣмъ къ людямъ серьезнымъ и полезнымъ для страны, а это вызывало зависть и ревность, порождавшія клеветы. Но главная вина королевы въ томъ, что она позволяла молодежи легкомысленно говорить о королѣ и въ грубой формѣ шутить надъ нимъ, причѣмъ и сама въ томъ участвовала. Кромѣ того, желаніе нравиться заставило ее впасть въ другую ошибку, которая увеличила число ея враговъ. Она имѣла большое вліяніе, причѣмъ была рада, что объ этомъ все знаютъ, и любила пользоваться имъ лишь какъ средствомъ для успѣха въ обществѣ, но въ дѣла серьезно не входила. Она хотѣла раздавать мѣста, но по дурной привычкѣ одно мѣсто обѣщала нѣсколькимъ просителямъ; не было полка, гдѣ бы полковникъ не назначался по просьбѣ королевы, а такъ какъ этотъ постъ былъ обѣщанъ уже десятерымъ, то естественно являлись девять недовольныхъ и одинъ благодарный. Относительно любовныхъ похужденій королевы графиня де-Буанъ говоритъ, что все это вымыселъ, и ея родители, зная все происходившее при дворѣ, говорили, что это не имѣетъ никакого основанія. Она питала только одну сильную любовь и, можетъ быть, даже слабость къ графу Ферзену, «красивому, какъ ангелъ, и во всѣхъ отношеніяхъ воспитанному». Королева была съ нимъ кокетлива, какъ со всеми иностранцами, явившимися ко двору, потому что они были въ модѣ; онъ же страстно въ нее влюбился. Это ее, конечно, тронуло, но она устояла и заставила его удалиться отъ двора. Ферзенъ отправился въ Америку, гдѣ пробылъ два года и былъ такъ боленъ, что возвратился въ Версаль на десять лѣтъ старше и почти лишенный своей красоты. По словамъ графини, все думали, что эта переменна тронула королеву, и для близкихъ лицъ не было сомнѣнія, что она поддалась этой страсти. Онъ за эту жертву былъ ей преданъ безгранично, питалъ къ ней искреннюю, почтительную любовь и дѣлалъ все, чтобы ее не скомпрометировать. Поэтому, хотя объ ихъ связи догадывались, но она не подавала повода къ скандаламъ, и если бы близкія къ королевѣ лица не были болтливы и отличались безкорыстіемъ Ферзена, то на королеву посыпалось бы менѣе клеветъ. Вообще только одна графиня де-Буанъ утверждаетъ, что связь съ Ферзеномъ существовала, современ-

ные же историки это отрицаютъ. Особенно для нея роковойъ была г-жа Полиньякъ, женщина не злая, но далеко не умная, безстрастная и интриганка по слабости характера. Надъ нею господствовала ея невѣстка, графиня Діана, честолюбивая, съ сомнительными нравами и желавшая захватить всѣ королевскія милости себѣ и своей семьѣ. Она подчинялась своему любовнику, графу Водрейль, легкомысленному, безнравственному человѣку, который посредствомъ королевы грабилъ казну вмѣстѣ съ такими же товарищами. Онъ дѣлалъ г-жѣ Полиньякъ сцены, когда его требованіи немедленно не исполнялись, и королева, находя свою фаворитку въ слезахъ, немедленно старалась ее утѣшить. Что же касается до состоянія самой г-жи Полиньякъ, то она ничего не просила и ограничивалась лишь тѣмъ, что небрежно принимала милости королевы, подготовленныя интригами графини Діаны, а Марія-Антуанета принимала это за безкорыстіе. Она вѣрила ей, искренно ее любила и нѣсколько лѣтъ безгранично ей довѣряла. Легкое охлажденіе въ отношеніяхъ королевы послѣдовало послѣ назначенія близкаго къ ея фавориткѣ Калонна членомъ королевскаго совѣта, что состоялось противъ желанія Маріи-Антуанеты. Она была такъ этимъ недовольна, что охладѣла къ г-жѣ Полиньякъ. Если бы желаніе нравиться не имѣло нѣкоторыхъ неудобствъ, то, по словамъ графини де-Буанъ, оно дѣлало бы королеву очаровательной, и какъ только она могла забыть о своей роли «модной женщины», то становилась вполне прелестной, достойной и можно было сдѣлать изъ нея настоящую королеву, если бы у кого-нибудь хватило отваги поговорить съ нею серьезно. Въ семьѣ королеву очень любили: она была привѣтлива и всегда старалась уладить маленькія непріятности. Графъ Прованскій не любилъ ея. Честолюбивый и угрюмый царедворецъ, онъ предвидѣлъ, что когда королева сдѣлается менѣе легкомысленной, то серьезно захватитъ власть, на которую онъ самъ мѣтилъ, и опасался себя скомпрометировать, слишкомъ ясно выказавъ свое желаніе. Довольно шикантную подробность сообщаетъ графиня де-Буанъ о женѣ Артуа, некрасивой, притомъ глупой, неграціозной и угрюмой женщинѣ. Въ измѣнахъ мужа она утѣшалась съ гвардейцами, и ея беременность, результатомъ которой была дѣвочка, показала Артуа подозрительной, поэтому онъ рѣшилъ не давать предлога для увеличенія семьи, уже состоявшей изъ двухъ принцевъ. Но, не взирая на принятія мѣры, принцесса опять забеременѣла и была принуждена признаться во всемъ королевѣ, прося ея защиты въ случаѣ гнѣва короля и Артуа и моля выпросить у нихъ прощеніе. Марію-Антуанету очень взволновало это порученіе и когда къ ней пришелъ Артуа, то прежде, чѣмъ дойти до сути дѣла, она начала съ длиннаго предисловія. Артуа стоялъ предъ нею съ шляпой въ рукѣ, но когда узнать, о чемъ идетъ рѣчь, то бросилъ шляпу на полъ и, подперевъ кулаками бока, разразился громкомъ смѣхомъ, восклицая: «Ахъ, бѣдняга, бѣдняга, какъ мнѣ его жаль; онъ довольно наказанъ». — «Право, вы принимаете это такъ легко, что я сожалею, зачѣмъ ожидала васъ съ трепещущимъ сердцемъ; ступайте къ королю и скажите, что вы простили графиню». — «Ахъ, это — отъ всего сердца! Ахъ, бѣдняга!» Король отнесся къ дѣлу суровѣе и виновника сослалъ въ колоніи. Сестра короля, принцесса Аделаида, разсказывая объ этомъ матери графини де-Буанъ, прибавила: «Но, дорогая, надо было со-

слать туда всёхъ гвардейцевъ». Сестра короля, Елисавета, не играла никакой роли до революціи, но затѣмъ ей пришлось много выстрадать. Ея дворъ, по словамъ графини де-Буанъ, былъ непримечителенъ, такъ какъ ея придворной дамой состояли Діана де-Полиньякъ, «лицетвореніе скандала», и г-жа Канильякъ, изъ-за которой дрались на дуэли герцогъ Бурбонскій и графъ Артуа, съ которымъ она находилась въ любовной связи, совершенно безкорыстной. Обыкновенно въ девять часовъ вечера вся королевская семья собиралась на ужинъ къ женѣ старшаго брата короля. Рѣдко кто-нибудь изъ членовъ королевской семьи не являлся, и то представивъ уважительныя причины, такъ какъ это не нравилось королю, и даже графъ Артуа не смѣлъ нарушать этого обычая. Послѣ ужина всё расходилось: король отправлялся «au coucher». Отходъ ко сну совершался въ 9½ час., когда въ его спальню собирались придворные и принцы. Король выходилъ изъ внутренней комнаты безъ орденовъ и, ни на кого не обращая вниманія, направлялся за балюстраду кровати, затѣмъ его духовникъ бралъ изъ рукъ лакея молитвенникъ и, пока король читалъ краткую молитву, онъ держалъ подсвѣчникъ. Потомъ король опять выходилъ изъ-за балюстрады и духовникъ передавалъ подсвѣчникъ первому лакею, а тотъ относить его къ указанному королемъ придворному, который держалъ его все время, пока короля укладывали спать. Это считалось особою честью, которой многіе добивались, и потому придворнымъ, возвратившимся съ церемоніи отхода короля ко сну, задавался первый вопросъ: «Кто держалъ подсвѣчникъ?» Затѣмъ съ короля снимали кафтанъ и рубашку, и онъ оставался обнаженнымъ до пояса. При этомъ король чесалъ и погиралъ себѣ тѣло, какъ будто былъ одинъ, не обращая вниманія на придворныхъ и даже почетныхъ иностранцевъ. Первый камеръ-лакей подавалъ его рубашку самому почетному изъ присутствующихъ, принцу королевской крови, если таковой присутствовалъ. Если это было близкое лицо, то король часто продолжалъ различныя шутки, прежде чѣмъ надѣтъ рубашку: проходилъ мимо него, заставляя преслѣдовать себя и сопровождалъ всё эти шутки грубымъ смѣхомъ, что заставляло страдать искренно ему преданныхъ лицъ. Надѣвъ рубашку, онъ накидывалъ халатъ; три лакея распускали ему поясъ штановъ, которые спускались къ ступнямъ, и король въ такомъ смѣшномъ видѣ, не имѣя возможности ходить, принимался, волоча ноги, обходить всёхъ присутствующихъ. Подобныя церемоніи длились иногда нѣсколько минутъ, но случалось и около часа; все зависѣло отъ того, бывали ли при этомъ «televeurs», т. е. лица, умѣвшія заставить короля разговариваться. Особенно графъ Куаньи отличался этой способностью и умѣлъ навести разговоръ на подходящую тему. Поэтому чаще всего подсвѣчникъ приходилось держать ему, что очень не нравилось многимъ лицамъ, желавшимъ поскорѣе отдѣлаться отъ своей обязанности присутствовать при церемоніи отхода ко сну. Когда король достаточно наговорился, то, волоча ноги, пятился спиною къ креслу, которое подвигали ему на средину комнаты и опускали въ него, приподнимая обѣ ноги, затѣмъ два пажа на колѣняхъ принимались его разувать, согласно этикету съ шумомъ бросали башмаки, и тѣлохранитель, отворивъ дверь, произносилъ: «Пожалуйте, господа!» Всё удалялись, и церемонія оканчивалась. Впрочемъ, придворный, державшій подсвѣч-

никъ, могъ еще оставаться, если хотѣлъ сказать королю что-нибудь особенное. Это обстоятельство было главной причиною, почему все такъ добивались чести держать подвѣщникъ.

— Столѣтіе Прейсшпъ-Эйлауской битвы.—8 февраля нынѣшняго года минуло сто лѣтъ кровопролитному бою подъ Эйлау между французами, подъ начальствомъ Наполеона, и русскими—подъ командой генерала Беннигсена. До сихъ поръ та и другая сторона приписываютъ себѣ побѣду, и Наполеонъ называетъ этотъ знаменитый бой не сраженіемъ, а рѣзней. Но такъ какъ русскіе вечеромъ того же дня отступили съ поля битвы, а Наполеонъ простоялъ на этомъ мѣстѣ около десяти дней, то онъ имѣлъ полное право, по словамъ безпристрастныхъ историковъ, между прочимъ Шильдера и французскаго современнаго военнаго хроникера Шарля Мало, назвать себя побѣдителемъ, хотя Наполеонъ же два года спустя говорилъ Чернышеву: «Если я назвалъ себя побѣдителемъ при Эйлау, то потому только, что вамъ угодно было отступить». Такимъ образомъ Эйлауская битва остается нерѣшительной и, въ сущности, хотя ее признаютъ французы за свою побѣду, но, на основаніи же словъ Наполеона, лишь въ официальномъ, внѣшнемъ отношеніи. Въ настоящее время эта историческая военная годовщина воспоминалась, особенно во Франціи, съ большимъ интересомъ, и Шарль Мало написалъ о ней замѣчательный, хотя и краткій очеркъ въ «Journal des Débats»¹⁾. По его мнѣнію, въ длинной и блестящей карьерѣ Наполеона эта битва составляетъ настоящій поворотъ, начало новой фазы, если не прямого упадка, но крайней мѣрѣ наступленія эпохи, затруднительной въ военномъ и политическомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ наступилъ конецъ невѣроятнаго и даже дерзкаго успѣха великаго полководца. Прежде побѣда шла за побѣдой и одинаково были побѣждены австрійцы, пруссаки и русскіе, какъ вмѣстѣ, такъ и по одиночкѣ, теперь же, въ началѣ 1807 г., по словамъ Мало, Наполеонъ впервые встрѣтилъ, если не поражение, то сильный отпоръ, хотя у русскихъ потеря была значительно больше, около тридцати тысячъ убитыхъ и раненыхъ, а у французовъ не болѣе десяти тысячъ. Еще ни разу Наполеонъ не видалъ сопротивленія не только со стороны непріятельскаго войска, но и физической природы. «Природа,—говоритъ Мало,—или, лучше сказать, географія, дала ему первый урокъ, доказавъ, что военный геній можетъ скорѣе командовать обстоятельствами, чѣмъ стихіей; 1807 г. былъ предупрежденіемъ 1812 г.».

По случаю эйлаускаго юбилея вышли довольно замѣчательныя статьи²⁾, въ «Revue hebdomadaire» французскаго историка Эдуарда Гашо, о событіяхъ, предшествовавшихъ знаменитому сраженію, и книга на нѣмецкомъ языкѣ доктора Эрика Юганна, относительно обстоятельствъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Очеркъ француза обнимаетъ захваченныя императорскою жандармеріей письма нѣмцевъ и русскихъ, начиная отъ битвы подъ Іеною до памятнаго дня Прей-

¹⁾ Eylau (8 Fevrier 1807) par Charles Malo. «Journal des Débats», «Revue hebdomadaire» 15 Fevrier 1907.

²⁾ Lettres interceptées pendant la campagne de Prusse. Par E. Gachot. «La Revue hebdomadaire» 9 Fevrier 1907. Napoleon in Finckenstein von Dr Erich Johann, Berlin, 1907.

сипш-Эйлау. Эти документы заключаютъ въ себѣ много любопытнаго для насъ, русскихъ; особенно интересны тѣ изъ нихъ, которые относятся къ офицерамъ русской арміи. Впрочемъ, также любопытно письмо одного нѣмца, фамилію котораго Эдуардъ Ганно скрылъ, и которое адресовано одному, также неизвѣстному, прусскому государственному человѣку. Оно заключаетъ въ себѣ описаніе его пребыванія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ Россіи, именно въ Ригѣ въ 1806 г. Онъ увѣряетъ, что въ Эстоніи и Ливоніи все ожидали французовъ, особенно крестьяне, которые терпѣли большія притѣсненія отъ бароновъ. Они говорили имъ: «Погодите, французы вамъ зададутъ и заставятъ васъ образумиться». Крестьяне такъ были увѣрены въ появленіи французовъ, что не хотѣли работать, и потому естественно, что русскіе, не довѣряя преданности низшихъ классовъ, распустили милицію. Они потребовали отъ дворянства по двѣнадцать человѣкъ съ сотни для образованія національных отрядовъ. «Только недостаетъ теперь, — пишетъ нѣмецъ, — вооруженія и продовольствія. Англичане обѣщали двѣсти тысячъ ружей, но о нихъ ничего не слышно. Что касается всей русской арміи, собравшейся за границей, то въ ней насчитываютъ до 170,000 человѣкъ, но офицеры увѣряютъ, что отъ болѣзни и сраженій она сократилась до 100,000». Видаея съ графомъ Лильскимъ, авторъ письма свидѣтельствуетъ, что онъ въ восторгѣ отъ Наполеона и его побѣдъ, причѣмъ прибавляетъ: «Какая бы это была правая рука у короля». Въ концѣ своего письма прусскій офицеръ говоритъ: «Вотъ все, что я могу сообщить вамъ о Россіи. Я увѣренъ, что она не побѣдитъ Наполеона: ей предстоитъ только заключить миръ. Точно также нашему королю, по словамъ одного знатнаго вельможи, слѣдуетъ лишь броситься въ объятія Наполеона». Гораздо интереснѣе письмо русскаго офицера Петра Филиппова къ своему дядѣ Черепеву въ Кошотонъ: «Мы прибыли въ Варшаву, — пишетъ онъ, — и стоимъ въ Прагѣ въ сорока верстахъ отъ главнаго города Польши. Прибытіе нашей арміи успокоило Польшу, но все-таки все знатнѣйшіе поляки приготовляются встрѣтить французовъ и вступитъ въ ихъ легіоны. Пруссія находится въ самомъ несчастномъ положеніи: французы вошли въ Берлинъ и взяли Кюстринъ, а также другія важныя крѣпости. Какъ пруссаки ни сражались храбро и съ достоинствомъ, но французы всюду ихъ побѣждали: неизбѣжно одерживало верхъ большинство, а также ловкая хитрость». Тотъ же офицеръ писалъ своей женѣ, что его положеніе грустное, нестерпимое. Онъ выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое сожалѣніе, что не можетъ послать ей нѣсколько модныхъ шляпокъ, такъ какъ уѣхавшая въ Россію офицерская жена его обманула. Перехваченныя французами депеши Беннгсена и письмо Орлова изъ корпуса князя Багратіона дерзко хвастаютъ тѣмъ, что «русскіе одержатъ верхъ надъ славнымъ парижскимъ императоромъ и дадутъ ему знать, какъ мужественна святая Русь». Однако русскимъ пришлось отступитъ отъ Прейсшпш-Эйлау, хотя Беннгсенъ и увѣрялъ, что уничтожилъ французскую армію.

Авторъ нѣмецкой книги, Эрикъ Юганнъ, собралъ, кромѣ воспоминаній графа Дона, владѣльца Финкенштейнскаго замка, въ которомъ жилъ Наполеонъ послѣ Эйлауской битвы, еще много другихъ интересныхъ данныхъ о пребываніи Наполеона въ этомъ памятномъ замкѣ восточной Пруссіи. Императоръ при-

былъ 1 апрѣля 1807 г. и оставался тамъ до 6 іюня, т. е. до кануна его славной побѣды при Фридрихландѣ надъ Беннигсеномъ. Наполеону было очень удобно и снокойно жить въ замкѣ графа Дона, и отведенныя ему комнаты отличались комфортомъ и великолѣбіемъ, главное потому, что были снабжены печками,—а Наполеонъ любилъ тепло. Здѣсь онъ велъ жизнь самую дѣятельную: писалъ много писемъ и депешъ, наблюдалъ за больными и доставкой арміи продовольствія, сносился съ Парижемъ, переговаривался съ Турціей и Персіей, велъ дѣла съ Пруссіей, Австріей и Англійей—и проч. проч. Кромѣ того, Наполеонъ принималъ въ Финкенштейнѣ многихъ интересныхъ лицъ, въ томъ числѣ турецкаго и персидскаго посланниковъ, Блюхера и графиню Валевскую, съ которой онъ познакомился въ Польшѣ. Что касается до Блюхера, то онъ болѣе часа провелъ у императора въ кабинетѣ и, выйдя оттуда, сказалъ своимъ адъютантамъ: «Слушайте, ребята, это чортъ, а не человѣкъ: онъ такъ былъ любезенъ со мною, что я потерялъ всякую ненависть къ нему. Подъ конецъ мы совершенно поняли другъ друга. Онъ началъ съ того, что пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что счастливъ познакомиться съ самымъ храбрымъ генераломъ прусской арміи. Я также сказалъ, что имѣлъ живѣйшее желаніе увидѣть французскаго императора, но очень сожалѣю, что не умѣю говорить по-французски. Наполеонъ на это отвѣтилъ, что ничего не значитъ, такъ какъ онъ также мало говоритъ по-нѣмецки. Вообще мы разговоривали съ нимъ кое-какъ по-французски, латински и польски, и такимъ образомъ дѣло пошло на ладъ». Одинъ изъ адъютантовъ, по фамиліи Эйзенаргъ, сожалѣлъ, что Наполеонъ такъ очаровалъ Блюхера, потому что послѣдній, оставаясь съ нимъ наединѣ у открытаго окна, могъ бы выбросить его въ паркъ. «Чортъ возьми!» воскликнулъ Блюхеръ: «я объ этомъ и не подумалъ, а видитъ Богъ, какъ это было легко.» Впрочемъ, не одинъ Блюхеръ поддавался чарующей силѣ Наполеона, такъ какъ главный его врагъ, королева Луиза, послѣ свиданія съ нимъ говорила: «Мнѣ кажется, что, увидавъ его, я была освѣщена лучами его славы». Относительно графини Валевской очень характерно замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Дона. «Варшавская идиллія продолжалась въ Финкенштейнѣ: графиня восторгалась Наполеономъ, воображая его спасителемъ Польши. Она часто завтракала и обѣдала съ нимъ, но въ глубокой тайнѣ. Въ безмолвномъ уединеніи Финкенштейна Наполеонъ находилъ возлѣ графини тѣ же удовольствія, какъ и съ французженками». Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Финкенштейнѣ Наполеонъ пошелъ съ своей арміей на Фридрихландъ и на другой день послѣ знаменитой побѣды писалъ Жозефинѣ: «Мои ребята достойно отпраздновали годовщину Маренго, и битва подъ Фридрихландомъ будетъ такой же славной и знаменитой для всего народа».

— Молитке у себя дома и его мнѣніе о Вашингтонѣ.¹⁾—Въ Лондонѣ только что вышла переводъ интересной нѣмецкой книги Дресслера о домашней жизни «Великаго Молчальника». На англійскій языкъ ее перевела мистриссъ Барреттъ-Ленаръ, а предисловіе написалъ извѣстный генераль лордъ Метэнъ, который сравниваетъ простоту и утонченность фельдмаршала съ грубо-

¹⁾ Moltke in his Stome. By Dressler. By C. E. Barrett Lennard. London. 1907.

стью и искусственностью другого создателя Германской империи—Бисмарка. Хотя лордъ Метэнъ не представляетъ въ свою очередь контраста между Мольтке и Фридрихомъ Великимъ, но указываетъ, что первый былъ джентльменъ, а второй пѣтъ. Вообще, по его словамъ, Мольтке представлялъ «примѣръ солдатамъ, какъ работать для другихъ, а не для себя, и не стараться лишь въ пользу своего интереса и для своего возвышенія». Что касается до характеристики Мольтке, то Дресслеръ не говоритъ много новаго, но его книга любопытна, какъ сборникъ замѣчательныхъ чертъ характера знаменитаго воина. Подробно рисуя его частную жизнь, онъ относился къ нему съ трезвой справедливостью: такъ, на примѣръ, онъ говоритъ, что Мольтке не любилъ проигрывать въ карты, и его семья старалась устраивать, чтобы онъ всегда выигрывалъ. Когда торжественно праздновали девяностолѣтнюю годовщину дня его рожденія, онъ на ухо сказалъ своему адъютанту: «Если бы я проигралъ хоть одно сраженіе, то меня назвали бы старымъ осломъ». Быть можетъ, это замѣчаніе было справедливо, такъ какъ онъ дѣйствительно ни разу не проигралъ сраженія.

Такимъ образомъ, Мольтке, какъ необходимый стратегъ, былъ строгимъ критикомъ стратегическихъ дѣйствій другихъ знаменитыхъ полководцевъ, а потому очень кстати въ февральскомъ номерѣ «Century Magazine» американскій дипломатъ Вильямъ Слоанъ вспоминаетъ свой разговоръ ¹⁾ съ Мольтке относительно стратегіи Вашингтона. Этотъ разговоръ произошелъ въ 1874 г., когда авторъ былъ секретаремъ Джоржа Банкрофта, американскаго посланника въ Берлинѣ. На торжественномъ пріемѣ посланника молодой американецъ увидалъ какого-то прусскаго генерала средняго роста, сухощаваго, который, подойдя къ нему, спросилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ: «Вы, вѣроятно, американецъ?»—«Я отвѣчалъ: «да»,—разсказываетъ Слоанъ,—и мы начали разговаривать съ этимъ незнакомцемъ объ недавней американской войнѣ, которая мнѣ казалась необыкновенно громадной борьбой».—«Вы правы,—отвѣчалъ Мольтке,—это великая борьба, но это не великая война, и въ военномъ, научномъ отношеніи, она даже вовсе не война».—«Я старался, насколько могъ, защитить нашихъ сѣверныхъ генераловъ отъ его замѣтнаго неодобренія, и онъ тогда сказалъ формально: «Позвольте мнѣ вамъ представиться, я—фельд-маршалъ, графъ Мольтке». Молодой американецъ извинился за рѣзкость своего разговора и предоставилъ Мольтке одному говорить. Онъ продолжалъ обругать американскую гражданскую войну вообще теоретически, указывая на американскія ошибки въ стратегическомъ отношеніи, но не упоминая по именамъ неудачныхъ генераловъ и не выхваляя ни одного изъ сѣверныхъ героевъ, кромѣ Макклелена. «Но,—окончилъ онъ свою рѣчь,—если у васъ не было въ послѣднее время великихъ стратеговъ, то прежде Америка дала свѣту одного изъ его величайшаго военныхъ геніевъ, Джоржа Вашингтона. Никогда не было болѣе совершенныхъ стратегическихъ движеній, какъ переходъ черезъ Джерси, переправа черезъ Делаваръ въ первый и во второй разъ, съ цѣлью побудить

¹⁾ Von Moltke's View of Washington's Strategy. By William Sloane. «The Century Magazine» 7 February 1907.

неприятеля выстроиться въ длинную узкую линію, стычка подъ Ассампинкомъ, гдѣ англійскій генералъ былъ чрезвычайно искусно обойденъ и наконецъ обращеніе болѣе многочисленнаго врага въ бѣгство у Принктона. Хотя карьера Вашингтона отмѣчена многими замѣчательными стратегическими движеніями, но онъ всего болѣе выказалъ свои силу и талантъ въ первой его кампаніи, которую онъ окончилъ тѣмъ, что оставилъ многочисленнаго и хорошо вооруженнаго неприятеля заблокированнымъ въ Нью-Йоркѣ. Какъ ни велики были послѣдующія военныя дѣйствія Вашингтона и какъ вообще онъ ни прославился во время всей войны, но онъ никогда не превосходитъ въ стратегіи успѣха своей первой кампаніи, апоэозомъ которой была битва при Принктонѣ». — «На этомъ окончился нашъ разговоръ, — прибавляетъ авторъ: — хотя въ послѣдствіи я часто разговаривалъ съ Мольтке, но мнѣ никогда не удавалось слышать отъ него болѣе любопытныхъ историческихъ замѣчаній»

— Февральскія годовщины въ Америкѣ. — Тотъ же номеръ того же журнала посвященъ преимущественно Вашингтону, Линкольну и Лонгфелло, которые всѣ родились въ этомъ мѣсяцѣ — первый сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, второй — восемьдесятъ два года и третій — сто лѣтъ. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году будутъ праздновать столѣтіе поэта Лонгфелло, то о немъ въ послѣдствіи будетъ сказано подробно въ «Century Magazine», а теперь упоминается лишь кратко въ общей статьѣ о кэмбриджскомъ домѣ, гдѣ жилъ прежде Вашингтонъ, а потомъ Лонгфелло, дочери котораго принадлежатъ теперь это историческое жилище. Статья объ этомъ домѣ принадлежитъ Френсиу Ле-Барону и онъ подробно описываетъ, какъ Вашингтонъ въ первую свою кампанію жилъ въ немъ, потому что это жилище понравилось ему болѣе отведеннаго ему мѣстнымъ муниципалитетомъ. Гостепримство, царствовавшее въ его собственномъ помѣстьѣ Маунтъ-Вернонъ, было перенесено въ городъ Кэмбриджъ и въ немъ собирались всѣ патріоты для переговоровъ. Отсюда писались Вашингтономъ замѣчательныя письма, организовавшія революцію. Жена главнокомандующаго большую часть времени провела вмѣстѣ съ нимъ, и Франклинъ пріѣзжалъ туда для совѣщанія съ будущимъ отцомъ отечества. Когда англичане покинули Бостонъ, то Вашингтонъ перешелъ изъ этого дома въ свою главную квартиру при корусѣ генерала Говэ. Въ послѣдствіи въ 1843 г. тесть поэта Лонгфелло, Френсисъ Ашльтонъ, купилъ для своей дочери и зятя этотъ памятный домъ, гдѣ поэтъ жилъ до своей смерти. Если не прямо до Вашингтона, то до его предковъ касается другая статья подъ заглавіемъ: «Гробницы трехъ Вашингтоновъ», въ которой Генри Поттеръ сообщаетъ подробности о дѣдѣ и объ другихъ родственникахъ Вашингтона. Еще въ общемъ обзорѣннн этого номера «Century Magazine», подъ заглавіемъ: «Вопросы нашего времени», упоминается въ нѣсколькихъ словахъ о годовщинѣ Вашингтона, достоинство и глубокій разумъ котораго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе запечатлѣваются въ головѣ американцевъ. Наконецъ помѣщена четвертая статья о Вашингтонѣ: «Воспомнанія французскаго офицера, служившаго при Вашингтонѣ и Рошамбо», составленная Винтрихомъ Бовеномъ. Этотъ офицеръ, однако, былъ не французъ, а нѣмецъ изъ Баваріи, баронъ фонъ-Клозель, адъютантъ главнокомандующаго французскимъ отрядомъ,

графа Рошамбо. Онъ родился въ 1753 г. близъ Мюнхена и во время войны за независимость Америки служилъ капитаномъ въ Цвейбрюккенскомъ полку, когда ему вздумалось пойти съ французами на помощь американцамъ. Последніе очень любили его и онъ былъ особенно друженъ съ Вашингтономъ, его женой, Джерферсономъ и Лафайетомъ. Возвратясь въ Европу, онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ французской арміи и продолжалъ служить Франціи при директоріи, консульствѣ и имперіи. Въ эпоху реставраціи онъ былъ назначенъ государственнымъ совѣтникомъ и умеръ въ 1830 г. семидесяти пяти лѣтъ. Только въ прошедшемъ году въ его родовомъ мюнхенскомъ замкѣ найдены были потомками любопытные рукописные мемуары Клозена въ двухъ томахъ и книга различныхъ портретовъ, въ томъ числѣ его самого, Вашингтона и его жены, а также цѣлый рядъ силуэтовъ работы самого барона фонъ-Клозена, съ извѣстныхъ американскихъ красавицъ и между прочимъ дочери Вашингтона. Наконецъ въ тѣхъ же бумагахъ оказалась интересный рисунокъ, изображавшій военный подвигъ барона при Вашингтонѣ и его свитѣ. Означенные документы доставлены были нынѣшнему американскому президенту Рузвельту, который приказалъ снять съ нихъ копію для библіотеки конгресса въ Вашингтонѣ. Всего любопытнѣе въ запискахъ Клозена описаніе его личнаго подвига въ 1781 г. близъ острова Мангатана. Дѣло было въ томъ, что во время стычки съ англичанами онъ потерялъ свою шляпу съ перомъ и, вспомнивъ, что есть французская поговорка «Ah, il a perdu son chapeau!» не захотѣлъ, чтобы надъ нимъ смѣялись, а потому, соскочивъ съ лошади, поднялъ шляпу подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Узнавъ объ этомъ случаѣ, Вашингтонъ сказалъ офицеру: «Любезный баронъ, наша армія не знаетъ вашей французской поговорки, но она узнаетъ о вашемъ хладнокровномъ мужествѣ среди опасности». Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе Клозенъ привязывался къ Вашингтону и американцамъ. «Я не могъ, — говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, — постоянно не усиловать своего восторга предъ американцами. Дѣйствительно замѣчательно, что войска, состоявшія изъ бѣлыхъ и черныхъ, изъ стариковъ и пятнадцатилѣтнихъ дѣтей, полуобнаженныхъ, дурно накормленныхъ солдатъ — такъ упорно противостояли непріятелю. Но еще болѣе я восторгался ихъ предводителемъ, на котораго они смотрѣли, какъ на своего отца и друга. Съ каждымъ днемъ я находилъ въ Вашингтонѣ новыя достоинства, при которыхъ главныя были непоколебимое спокойствіе и увѣренность въ себѣ среди самыхъ сложныхъ военныхъ операцій. Сколько бы ни говорили хорошаго о немъ, никогда не скажутъ этого слишкомъ много».

О Линкольнѣ «Century Magazine» вспоминаетъ въ трехъ статьяхъ: первая, полковника Бурга, озаглавлена: «Мнѣніе Линкольна объ его умѣниі разсказывать исторіи»; вторая — Кларка Карра: «Какъ Линкольнъ былъ выбранъ вторично» и третья — Локкетта Авари: «Воспоминаніе о Линкольнѣ на югѣ». Полковникъ Буртъ разсказываетъ, что во время борьбы за освобожденіе рабовъ онъ ѣздилъ по порученію нью-йоркскаго губернатора Симора къ президенту Линкольну вмѣстѣ съ полковникомъ Ванъ-Буреномъ для объясненія неблагоприятныхъ газетныхъ отзывовъ о немъ. Въ Вашингтонѣ къ нимъ присоединился племянникъ Симора, фамилію котораго авторъ изъ деликатности не

называетъ, потому что онъ былъ всегда пьянъ и въ такомъ видѣ отправился къ президенту. Послѣдній не обратилъ на него никакого вниманія и очень любезно объяснился съ уполномоченными относительно порученія нью-йоркскаго губернатора. Когда они уже откланивались президенту, то майоръ громко закричалъ: «Г-нъ президентъ, расскажите намъ одну изъ вашихъ забавныхъ исторій». Авторъ, рассказывающій этотъ анекдотъ, говоритъ, что онъ и Ванъ-Буренъ едва не провалились сквозь землю отъ стыда, но Линкольнъ, не смотря на майора, спокойно произнесъ: «Я дѣйствительно полагаю, что имѣю большую репутацію хорошаго рассказчика, но въ сущности я не заслуживаю этой славы. Собственно, меня не интересуютъ самые рассказы, но ихъ цѣль и значеніе: я иногда избѣгаю длиннаго разсужденія и безконечныхъ объясненій, замѣняя ихъ краткимъ рассказомъ, который вполнѣ выражаетъ то, что я хочу сказать. Такимъ образомъ рѣзкость отказа или грубость выговора можетъ быть сглажена подходящимъ рассказомъ, который вполнѣ будетъ кетати, но однако не оскорбитъ слушателей. Нѣтъ, я не просто рассказчикъ, но рассказываніе исторій мнѣ даетъ возможность часто ступшевывать неприятность и сглаживать рѣзкости». Произнеся эти слова, Линкольнъ любезно съ своими посѣтителями раскланялся и попрежнему не обратилъ вниманія на пьянаго майора. Каррь въ свою очередь повѣствуетъ, какъ Линкольнъ во время своихъ вторыхъ выборовъ въ президенты, чувствуя, что ему не быть выбраннымъ безъ голосованія, предложилъ своимъ сторонникамъ и не хлопотать объ этомъ, а предоставить его противникамъ подавать голосъ за генерала Гранта. Такимъ образомъ оказалось, что за Линкольна подано было четыреста восемьдесятъ четыре голоса, а двадцать два намѣревались подать за Гранта, но въ минуту голосованія избиратели перемѣнили свое мнѣніе и голосовали за Линкольна. Онъ оказался выбраннымъ единогласно, хотя и по выбору. Наконецъ Локкеттъ Авари доказываетъ въ своемъ воспоминаніи о Линкольнѣ, какъ этотъ великій государственный человѣкъ былъ добръ и великодушенъ даже къ врагамъ. Въ 1865 г. состоялись мирные переговоры между президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и вице-президентомъ южной конфедераціи Стивенсомъ, но они ни къ чему не повели и переговаривающіяся стороны разстались безъ всякаго результата. — «Ну, Стивенсъ, — сказали, прощаясь съ нимъ, Линкольнъ: — мы ничего не можемъ сдѣлать для нашей страны: но не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для васъ лично». — «Ничего, — отвѣчалъ тотъ; но чрезъ минуту прибавилъ съ просіявшимъ лицомъ: — развѣ вы пришлете мнѣ моего племянника, находящагося у васъ въ плѣну». Линкольнъ также просіялъ и произнесъ: «Съ удовольствіемъ, скажите только мнѣ его имя». И онъ записалъ, гдѣ именно содержался въ плѣну на сѣверѣ молодой человѣкъ. Вернувшись въ Вашингтонъ, Линкольнъ тотчасъ телеграфировалъ на Джонсонскій островъ, гдѣ находился плѣнный, чтобъ его доставили къ нему. Увидѣвъ поручика, онъ объявилъ ему, что обѣщаль дядѣ возвратитъ его, и чрезъ нѣсколько дней отправилъ офицера въ Ричмондъ съ письмомъ къ Стивенсу, котораго просилъ обмѣнять его на какого-нибудь сѣвернаго офицера. Конечно, просьба была исполнена, и письмо Линкольна до сихъ поръ виситъ въ рамкѣ у наследниковъ Стивенса.

— Итальянцы и французы въ Сѣверной Африкѣ. — Сближеніе Франціи съ Италіей не мало волнуетъ нѣмцевъ, дрожащихъ за тройственный союзъ, и по этому поводу въ декабрьскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau» г. Фигнеръ пугаетъ итальянцевъ призрачной опасностью, грозящей имъ отъ этого сближенія. «Италія все болѣе и болѣе сближается съ Франціей», говоритъ онъ; политики остаются вѣрны тройственному союзу, но народъ «теченіемъ неотразимой симпатіи влечетъ къ старшей латинской сестрѣ», и несмотря ни на что подобное состояніе души, почти общее, неизбѣжно вліяетъ на официальную политику: это хорошо было видно въ Алжезирассѣ. По словамъ автора, претенденты только и интересуются, что «разлученными братьями» Триеста, Далмаціи и итальянскаго Тироля; они хотятъ забыть Савойю, колѣбель династіи; Ниццу, родину ихъ любимаго Гарибальди; Корсику, которая прежде, чѣмъ сдѣлаться французской, была ишанской и генуэзской. Они также забыли, что въ Алжирѣ и Тунисѣ тысячи итальянцевъ теперь сдѣлались французскими подданными, что въ особенности въ Тунисѣ итальянцы предшествовали французамъ, отнявшимъ у нихъ его благодаря численности, и что 26 лѣтъ какъ французы имѣли смѣлость водвориться безъ предупрежденія въ этой богатой странѣ, которой Италія давно добивалась. Сама природа, по мнѣнію Фигнера, поберегала Тунисъ для итальянской колонизаціи. Обѣ страны—близкіе сосѣди: съ мыса Бонъ въ ясную погоду видны Сицилійскія горы, удаленныя отъ тунисскаго берега только на 150 километровъ. Сицилія и Тунисъ съ самой глубокой древности почти всегда принадлежали однимъ и тѣмъ же хозяевамъ: финиціанамъ, карфагенянамъ, римлянамъ, вандаламъ, византійцамъ и сарацинамъ. Только съ XII вѣка ихъ судьба измѣняется: арабы, изгнанные изъ Сициліи нормандскими баронами, не сумѣли ее вновь завоевать; но всѣмъ извѣстно, какимъ ужаснымъ опустошеніемъ они оплатили за это униженіе: цѣлые вѣка варварскіе пираты грабили и опустошали сицилійскіе берега, сжигали порта и уничтожали морскую торговлю упоретвующаго острова. Очевидно, Фигнера беспокоитъ вопросъ, не думаютъ ли французы завоевать Сицилію и угрожать Италіи, которую Корсикой и Тунисомъ они окружили со всѣхъ сторонъ. Громадныя укрѣпленія Бизерты не внушаютъ ему довѣрія къ миролюбивымъ планамъ Франціи. Когда въ 1881 г. французы навязали свой протекторатъ Тунису, количество итальянцевъ, проживавшихъ тамъ, достигало по меньшей мѣрѣ 25000, французовъ же всего 300. Голетто и Порто-Фарина на Тунисскомъ заливѣ были заселены исключительно итальянскими рыбаками, рабочими и огородниками. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ Тунисъ прибываютъ новые итальянскіе эмигранты; всѣ они почти исключительно сицилійцы и большинство изъ провинцій Палермо и Трапани. Согласно официальной статистикѣ 1904 г. въ тотъ годъ въ Тунисѣ было 86000 итальянцевъ, 12000 мальтійцевъ, изъ которыхъ половина итальянцевъ по языку и расѣ, и только 28000 французовъ, и въ это число входятъ нѣсколько тысячъ чиновниковъ и натурализованныхъ. По свѣдѣніямъ частныхъ статистиковъ, количество итальянцевъ доходило даже до 130000. Кромѣ того, каждое лѣто на тунисскіе берега пріѣзжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ сицилійскіе рыбаки и огородники. Италія гордится положеніемъ своихъ финансовъ, но, по словамъ Фигнера, у этой прекрасной ме-

дали довольно дурная оборотная сторона: народъ, особенно на югѣ, буквально придавленъ тяжестью налоговъ. Ежегодно безпощадная казна продаетъ за недоимки имущество бѣдняковъ, во многихъ областяхъ заработная плата рабочихъ изъ года въ годъ понижается землевладѣльцами; сицилійскіе виноградари зарабатываютъ въ день не болѣе 90 сантимовъ. Южная Италія занята крупными землевладѣльцами, и страшная нищета крестьянъ доводитъ ихъ до настоящаго рабства. Все это объясняетъ страшное количество ежегодно эмигрирующихъ изъ Италіи, почти исключительно южанъ, доходящее въ 1905 г. до цифры 368000, не считая болѣе 300000 сѣверныхъ итальянцевъ, временно отправляющихся на заработки за границу на дѣтнее время. Переѣздъ въ Тунисъ на парусномъ суднѣ имъ обходится въ пять и даже два франка. Такимъ образомъ въ Тунисѣ 40000 итальянцевъ приходится на 10000 французовъ, изъ которыхъ 2000 чиновниковъ. Въ 1904 г. ихъ было 3800 въ Суссѣ, 3800 въ Сфаксѣ, 4700 въ Бизертѣ и 5000—въ Ферривиллѣ, новомъ городѣ, основанномъ въ 1895 г. близъ Бизерты и населенномъ особенно арсенальными рабочими. Они исполняютъ все ремесла, довольствуются малымъ и никогда ни на что не жалуется и откладываютъ деньги съ жалованья, котораго едва хватило бы французу, чтобы не умереть съ голода. Они не брезгаютъ никакой работой и даже трудятся на фортификаціяхъ, въ арсеналахъ, въ портахъ, которые, быть можетъ, въ одинъ прекрасный день послужатъ для завоеванія Италіи. Часто случается, что, заработавъ немного денегъ, они покупаютъ клочокъ земли и съ ожесточеніемъ принимаются ее обрабатывать, поэтому теперь въ Тунисѣ 1500 итальянцевъ превратились въ землевладѣльцевъ. Напротивъ, Франція не посылаетъ туда своихъ колонистовъ; ея народонаселеніе не увеличивается, и ей не надо опредѣлять къ мѣсту молодежь, которая не обладаетъ ни инициативой, ни умомъ способнымъ къ предпріятіямъ: ея сыновья остаются въ родительскомъ гнѣздѣ, наследуютъ отцамъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, рабочіе оплачены хорошо и не имѣютъ никакого желанія конкурировать съ голодными сицилійцами. Франція если и отправляетъ въ Тунисъ своихъ сыновъ, то это или чиновники, или солдаты, или крупные капиталисты, спекулирующіе на земляхъ, также не мало купцовъ, но ни рабочихъ ни колонистовъ, и во всемъ Тунисѣ нѣтъ пятидесяти французскихъ крестьянъ. Наоборотъ, Франція почти взяла монополію на торговлю; въ то время, какъ итальянцы ежегодно ввозятъ на 5 милліоновъ товара и вывозятъ на 6 милліоновъ, французы ввозятъ на 66 милліоновъ и вывозятъ на 71 милліонъ. Громадныя предпріятія по транспортірованію и промышленности находятся также въ ихъ рукахъ. Но въ Тунисѣ живутъ не одни бѣдные рабочіе итальянцы, тамъ находится значительная колонія банкировъ, врачей, судей и крупныхъ купцовъ, большинство которыхъ евреи изъ Ливорно. Все они тратятъ значительныя суммы на школы и благотворительныя учрежденія. Они основали гимназію, коммерческое училище, на которое трое членовъ колоніи затрачиваютъ по 50000 франковъ каждый, что не мѣшаетъ 5000 итальянскихъ дѣтей учиться во французской школѣ, а 7—8000 оставаться совсѣмъ безъ ученія за недостаткомъ мѣста въ школахъ. Итальянцевъ также много въ Алжирѣ и въ особенности въ провинціи Константинъ; въ общемъ по стати-

стикъ численность ихъ доходитъ до 40000, и только эмигрантовъ, оставшихся итальянскими подданными, кромѣ значительной цифры натурализованныхъ французовъ, такъ какъ французскіе законы въ Алжирѣ очень облегчаютъ натурализацию: всѣ жители не туземцы, родившіеся въ Алжирѣ, пользуются правами, одинаковыми съ французами, если только не заявятъ противоположнаго желанія. Въ виду важныхъ привилегій, какими пользуются французы, многіе итальянцы переходятъ во французское подданство; такъ съ того времени, какъ монополія на рыбную ловлю на алжирскихъ берегахъ предоставлена исключительно французамъ, итальянцы массами стали натурализоваться. Алжирскіе итальянцы предпочитаютъ оставаться на берегу, не проникая во внутрь страны, потому что въ большинствѣ они рыбаки и торговые рабочіе. Они встрѣчаются на всемъ берегу до Мерсь-ель-Кёбира въ Оранской провинціи, но ихъ главная квартира Филиппвилль и двѣ трети изъ нихъ живутъ въ провинціи Константинъ. Менѣе пятой части всей численности, т. е. 568 человекъ,—землевлдѣльцы и 7500 занимается земледѣльствомъ. Напротивъ, испанцы, теперь превышающіе цифру 160000, поселяются внутри страны, въ южной части Алжира. Они заурядили провинцію Оранъ, гдѣ превышаютъ численностью французскихъ колонистовъ и разводятъ предпочтительно виноградники и альфу. Если не считать натурализованныхъ иностранцевъ, солдатъ и чиновниковъ, то французовъ въ Алжирѣ гораздо менѣе иностранцевъ. Всѣ они—французы, испанцы и итальянцы—живутъ между собою мирно, и мало-по-малу происходитъ между ними скрещиванье, такъ что медленно вырабатывается новая раса съ латинской кровью и французскимъ языкомъ—алжирская нація—пылкая, энергичная, любящая свободу и независимость, а также въ общемъ мало стѣсняющаяся ненужными предразсудками, какіе овладѣваютъ боязливыми душами.

— Изнанка германской нравственности. — Нападки нѣмецкой печати на Францію за ея откровенную безнравственность наконецъ вывели изъ себя французовъ, и въ «La Revue» появилась статья, обнаружившая изнанку пресловутой нѣмецкой цѣломудренно добродѣтельной нравственности. Авторъ этого бичеванія нѣмцевъ, Е. Рейбель, отмстилъ за Францію, раскрывъ нравственныя язвы, затуланныя пластыремъ лицемѣрія, не только высшихъ правительственныхъ сферъ, но даже частныхъ нѣмецкихъ кружковъ. По его словамъ, особенно за послѣднія пятнадцать лѣтъ, въ Германіи слѣдуетъ скандалъ за скандаломъ, какъ въ высшемъ, такъ и въ среднемъ классахъ общества, и нѣкоторые изъ нихъ положительно легендарны, какъ, на примѣръ, приведенный Бильзомъ въ своемъ «Маленькомъ гарнизонѣ». Порочность завоевала себѣ въ Германіи не меньшія права на существованіе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и проявляется во всѣхъ слояхъ общества. Мало того, Рейбель говоритъ даже о вырожденіи германской расы, ссылаясь на оскуднѣніе въ Германіи по части крупныхъ политическихъ личностей и парламентскихъ главарей, о чемъ громко поговариваютъ нѣмецкія газеты, даже умѣреннаго на-

---

*) La corruption politique et administrative en Allemagne. Par Reybel. «La Revue» 15 Janvier 1907.

правления. Лучшие лидеры—все умерли: у социалистов остался один только Бебель; католический центр потерял своего вождя, хитрого и тонкого Виндгорста; либералы—Ласкера и Беннгсена; радикалы—Рикерта и Евгения Рихтера; клерикалы Рейхенбергера и Либера. Таким образом все замѣчательные члены рейхстага тоже умерли, а ихъ преемниками оказались ничтожные политиканы, грубые интриганы или честолюбивые демагоги. Одинъ только старикъ Бебель можетъ прилично обсуждать вопросы высшей политики, что признаетъ даже правительственная печать, и поэтому Бюловъ всегда отвѣчаетъ ему на вопросы высшей политики. Остальные представители различныхъ партій: клерикальной—Спанъ, національ-либераловъ—Биссерманъ, либераль-радикаловъ—Германъ Мюллеръ, депутатъ отъ Сагана,—только посредственности. Правительственный персоналъ, по мнѣнію Рейбеля, не лучше: князь Бюловъ—цвѣтистый, многорѣчивый ораторъ, остроумный, любезный свѣтскій человѣкъ, ловкій и хитрый дипломатъ—но и только. Онъ совѣтъ не перво-классный государственный человѣкъ, а третьеклассный, безъ всякой основы, довольствующійся тѣмъ, что правитъ государствомъ со дня на день. О другихъ министрахъ и государственныхъ секретаряхъ и прочемъ персоналѣ нечего и говорить. Только государственный секретарь, графъ Посадовскій - Вегнеръ, представляетъ исключеніе, какъ политикъ и администраторъ. Правительственный центръ состоитъ изъ людей высокоумныхъ, болтливыхъ, завистливыхъ, безъ существеннаго образованія, безнравственныхъ и на рѣдкость недобросовѣстныхъ, среди которыхъ выдѣлялся единственный честный, способный, прямодушный человѣкъ—канцлеръ Гаприви. Бисмаркъ съ искусствомъ, достойнымъ его генія, умѣлъ примѣнять къ дѣлу парламентскій и политическій подкупъ. Съ начала имперіи большая часть депутатовъ въ рейхстагѣ и палатѣ были чиновники и, какъ таковыя, подчинялись правительству, его волѣ и даже капризамъ. Беннгсенъ, состоявшій болѣе двадцати пяти лѣтъ лидеромъ наиболѣе могущественной въ 1867—1880 гг. партіи національ-либераловъ, былъ генераль-президентомъ прусскихъ провинцій въ Ганноверѣ; депутатъ консерваторовъ графъ Штольбергъ-Вернигероде—бургмистромъ восточной Пруссіи; депутатъ консерваторовъ-либераловъ Гампъ служилъ въ министерствѣ торговли. Такимъ образомъ представители народа находились въ рукахъ правительства, отъ котораго зависѣло ихъ матеріальное благополучіе, и все повышенія и милости, которыхъ они добивались, зависѣли отъ степени ихъ подслуживанія Бисмарку. При малѣйшемъ посползновеніи къ независимости желѣзный кулакъ сурово опускался на нихъ, и потому они скоро были приручены: Беннгсенъ не замедлитъ позабыть либеральные принципы и сдѣлался вѣрнымъ слугою Бисмарка. Депутаты, не привязанные къ правительству узами высокихъ должностей, шли на другую приманку: дворянамъ-помѣщикамъ предлагались награды за дистипрование алкоголя, разведеніе свекловичны, давалось повышеніе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбное зерно, на скоть и говядину, чтобы они могли дороже продавать собственные продукты. Заводчики и купцы получали заказы отъ государства. Сыновья, зятья и проч. родственники правительственныхъ депутатовъ почти все служили въ арміи или администраціи, а потому политическое поведеніе ихъ родственниковъ вляло на ихъ судьбу.

Бисмаркъ съ возмутительнымъ цинизмомъ прибѣгалъ къ грубымъ способамъ для добыванія источника подкупа. Когда въ 1866 г. ганOVERскій король не хотѣлъ признать своего паденія и присоединенія своего королевства къ Пруссіи, то Бисмаркъ отобралъ его личное имущество и, прибавивъ къ нему въ 1885 г. имущество покойнаго герцога Брауншвейгскаго, основалъ «черную кассу» для политическаго подкупа—такъ называемые «гвельфскіе фонды» или «фонды пресмыкающихся». Предлогомъ для ихъ основанія Бисмаркъ представилъ необходимость уничтоженія пропаганды ганOVERскихъ гвельфовъ или предполагаемаго заговора противъ безопасности имперіи. По его словамъ, онъ хотѣлъ преслѣдовать «зловредныхъ пресмыкающихся даже въ ихъ норахъ». Изъ «гвельфскихъ фондовъ» брались деньги на подкупъ любезныхъ депутатовъ и особенно журналистовъ, находившихся на жалованьи у Бисмарка; послѣднихъ такъ и называли «пресмыкающимися». Конечно, нѣмецкое правительство отрицало подобное расходованіе чужихъ денегъ, однако въ 1893 г., когда вслѣдствіе единодушнаго порицанія общества оно уничтожило «гвельфскіе фонды», то значительно увеличило «тайные фонды», и даже назывались имена многихъ депутатовъ, получавшихъ изъ нихъ субсидіи. Всѣ правительственные органы печати и ихъ главные сотрудники получали субсидіи также отсюда, и преемники Бисмарка продолжали примѣнять этотъ политическій подкупъ. Въ рейхстагѣ, собранномъ въ 1903 г., находилось болѣе сотни чиновниковъ и всѣ почти принадлежали къ правительственному большинству, не считая многочисленныхъ депутатовъ, состоявшихъ подъ тѣснымъ контролемъ военныхъ властей, какъ, наиримѣръ, резервные офицеры. Такимъ образомъ, большинство состояло изъ 240 депутатовъ, считая католическій центръ и національ-либераловъ. Въ бюрократической монархіи, милитаристской и на половину абсолютистской, депутаты-чиновники не могутъ находится въ оппозиціи, не рискуя своимъ положеніемъ. Три факта доказываютъ все значеніе этого парламентарнаго подкупа—могущество бюрократической іерархіи, царящей въ Германіи, недостаточность средствъ нѣмецкаго дворянства и лишеніе депутатовъ въ рейхстагѣ парламентарнаго вознагражденія, которое только съ нынѣшняго года стало выдаваться въ размѣрѣ 3,000 марокъ въ годъ, съ вычетомъ 25 марокъ за неприбытіе. Такимъ образомъ депутаты вынуждены обезпечить себѣ доходъ въ парламентской дѣятельности, не теряя того, что извлекаютъ изъ своихъ публичныхъ и другихъ обязанностей,—вотъ почему правительство производитъ на нихъ сильное давленіе. Депутаты-чиновники находятся во всѣхъ партияхъ, даже самыхъ передовыхъ, либеральныхъ, конечно, за исключеніемъ социалистской. Депутаты Генрихъ Мюллеръ изъ Мейнингена, Борманъ и Гермесъ изъ либерально-демократической группы принадлежатъ къ администраціи, а потому правительство никогда не позволитъ имъ слишкомъ энергично противодѣйствовать себѣ. Парламентарскій подкупъ особенно примѣняется относительно національ-либераловъ и депутатовъ католическаго центра. Правительство всегда умѣло сохранить на своей сторонѣ первыхъ, какая бы ни была его политика, и все благодаря тому, что лидеры этой партіи получали и еще теперь получаютъ выгодныя синекюры. Но особенно католическій центръ можно обвинить въ политическомъ

подкупѣ. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ находился въ оппозиціи, теперь же представляетъ главную дѣйствующую силу правительственнаго большинства къ выгодѣ около трети своихъ членовъ, принадлежащихъ къ администраціи. Съ тѣхъ поръ онъ преданно поддерживаетъ правительство, и его начальники получаютъ блестящія повышенія. Многіе депутаты изъ скромныхъ провинціальныхъ судей были назначены въ Берлинъ или другіе большіе города, и среди нихъ племянникъ Виндгорста. Случай съ депутатомъ Спаномъ, теперешнимъ лидеромъ правой, поднялъ цѣлую бурю негодованія во всей Германіи. Его 25-лѣтній сынъ, докторъ Мартинъ Спанъ, несмотря на энергичное и даже насильственное сопротивленіе всѣхъ профессоровъ, былъ въ 1901 г. назначенъ правительствомъ въ Страсбургскій университетъ профессоромъ исторіи, не имѣя никакого серьезнаго ученаго ценза, что совершенно противно университетскому уставу, требующему отъ состава преподавателей серьезныхъ научныхъ правъ. Кроме того, сынъ депутата Спанъ былъ назначенъ два года назадъ председателемъ высшей судебной палаты. Оба эти назначенія служили наградой за усердное привлеченіе католическаго центра къ правительственному большинству. Депутатъ Риффъ изъ Страсбурга за свою умѣренность въ парламентѣ и за борьбу противъ социалистовъ одинаково закономерно былъ награжденъ одной изъ самыхъ значительныхъ нотаріальныхъ конторъ. Его коллега, эльзасецъ, докторъ Геффель, крайній германофилъ и правый, былъ османъ милостями и матеріальными наградами. Депутатъ Мугданъ, изъ либераль-демократовъ, былъ произведенъ въ тайные совѣтники, какъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ социалистовъ и убѣжденный сторонникъ соглашения съ умѣренными партіями и правительствомъ. Демократъ Пайеръ изъ Виртемберга добился дворянскаго званія, благодаря уменьшенію своего оппозиціоннаго пыла. Нѣкоторые изъ депутатовъ были замѣшаны въ неприятные скандалы, какъ, напримѣръ, либеральный депутатъ Сарторіусъ, приговоренный къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за продажу поддѣльнаго вина, очень вреднаго и опаснаго для общественнаго здоровья. Баронъ Гаммерштейнъ, отпрыскъ старинной дворянской семьи изъ Бранденбурга, краснорѣчивый и талантливый журналистъ, вступилъ въ консервативную партію. Сдѣлавшись редакторомъ «Крестовой газеты», онъ сильно вліялъ на нѣмецкую политику, направляя свою партію на путь анти-семитизма, клерикализма, на разрывъ съ національ-либералами и ведя ожесточенную войну противъ Каприви, окончившуюся паденіемъ послѣдняго. Но, отетавая христіанскую религію и христіанскую мораль, безпрестанно повторяя, что политика имперіи и національная жизнь должны быть проникнуты чистыми евангельскими принципами, онъ самъ вдругъ оказался въ 1897 г. воромъ, поддѣльвателемъ и развратникомъ. Цѣлые годы онъ обманывалъ банкировъ и обворовывалъ кассу журнала, поддѣлывая ордера. Мало того, его обвиняли даже въ дѣтубійствѣ въ сообщничествѣ съ любовницей, дамой полусвѣта, еврейкой. Разслѣдованія доказали, что другіе лидеры дворянской партіи—графъ Финкенштейнъ, фонъ-Левецковъ, Штольбергъ и баронъ Мантейфель знали обо всемъ и старались все скрыть. Гаммерштейна, однако, приговорили къ трехлѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Въ другомъ отношеніи,

по словам Рейбеля, дѣла Германіи обстоятъ не лучше, и завѣренія нѣмецкихъ патриотовъ, что у нихъ «администрація находится въ наилучшемъ порядкѣ, наиболѣе экономная и самая проицательная, чѣмъ гдѣ-либо» — не искренни, хотя Бисмаркъ любилъ это часто повторять. Правда, что въ прежнее время бюрократы могли хвастаться безукоризненной честностью, дѣятельностью, образованностью, воспитаніемъ и желаніемъ совершенствоваться на своей службѣ, и дѣйствительно, государство процвѣтало, прогрессировало и могло считаться однимъ изъ самыхъ экономныхъ и дѣятельныхъ, — но это было давно. Теперь же другое дѣло: въ бюрократію проскользнула подкупъ; высшіе сановники думаютъ лишь о собственномъ обогащеніи и ради него злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ. Прежняя неподкупность, которой такъ гордилась Германія, идетъ по пути къ исчезновенію. Первый примѣръ этого исчезновенія подать нѣмцамъ Бисмаркъ, въ теченіе двадцати лѣтъ продававшій администраціи за баснословную цѣну дрова изъ своихъ обширныхъ лѣсовъ, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ во главѣ правительства. Точно также онъ былъ главнымъ поставщикомъ на армію мяса и сельскихъ продуктовъ, доставляемыхъ изъ великолѣпныхъ громаднхъ имѣній, подаренныхъ ему Вильгельмомъ I. Поощрительныя преміи, за которыя онъ голосовалъ въ пользу землевладѣльцевъ, скотоводовъ и винокуровъ, по большей части переходили въ его личную кассу, и сколько разъ даже консервативныя газеты обвиняли его въ томъ, что онъ принималъ участіе въ нечестныхъ спекуляціяхъ банкира Влейхредера — еврея. Его примѣру послѣдовали теперешніе бюрократы, и политическій подкупъ среди нихъ какъ въ имперіи, такъ и ея колоніяхъ, вполне процвѣтаетъ. Особенно это замѣтно въ послѣднихъ. Такъ, въ Камерунѣ одинъ изъ губернаторовъ, сынъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и сотрудника Бисмарка, Иеко Шуттгаммеръ можетъ служить образцомъ полной деморализаціи. Этотъ сатрапъ обратилъ губернаторскій дворецъ въ домъ для кутежей, и бюджетъ колоній служить ему для удовлетворенія различныхъ удовольствій. Но такъ какъ этихъ денегъ ему не хватало, то онъ мало того, что отнимаетъ имущество у несчастныхъ негровъ, но еще принуждаетъ ихъ нести барщину, какъ рабовъ, и наполняетъ свои карманы; ослушниковъ же бросаютъ въ тюрьмы. Суммы, предназначенныя правительствомъ на сооруженіе дорогъ и улучшеніе страны, тратятся на губернаторскія пышныя празднества; дорогъ же порядочныхъ существуетъ только одна, совершенно бесполезная для коммерческихъ цѣлей, но зато ведущая къ любимому губернаторомъ морскому берегу. Онъ беззащѣнно воспользовался ста тысячами марокъ, предназначенныхъ для уплаты рабочимъ-неграмъ и бралъ крупныя взятки съ финансовыхъ учреждений, добывавшихся концессіи на публичныя работы и плантаціи. Выписавъ себѣ даму полусвѣта Марію Эккэ, онъ превратилъ ее въ баронессу, собственноручно засвидѣтельствовавъ ея подложныя бумаги, и, выдавая за двоюродную сестру, поселилъ въ губернаторскомъ дворцѣ. Она участвовала на всѣхъ официальныхъ иршествахъ, но ея вульгарный языкъ и невоспитанность вскорѣ обнаружили ея происхожденіе, а введенные ею во дворецъ обычаи берлинскихъ кафе-шантановъ смутили нѣкоторыхъ серьезныхъ людей и они отказались сидѣть съ нею за однимъ столомъ. Всего любопытнѣе, что члены рейхстага, посѣтившіе

въ 1905 г. Камерунъ, нашли его, по ихъ словамъ, въ цвѣтущемъ состояніи, тогда какъ Путткамеръ его совершенно разорилъ. Вильгельму II, по мнѣнію Рейбеля, не везетъ относительно выбора губернаторовъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ послалъ въ восточную Африку губернаторомъ аристократа князя Аренберга, который съ невообразимой жестокостью обращался съ неграми. Кромѣ вышеприведенныхъ двухъ губернаторовъ, многіе и другіе отличались жестокостью и безирравственностью и между прочимъ докторъ Карлъ Петерсъ въ восточной Африкѣ. Въ нынѣшнемъ году Бюловъ возбудилъ дѣло противъ Горна, прежняго губернатора Того, который также принималъ государственную казну за свою, при этомъ обращался съ неграми, какъ съ лучшемъ мясомъ и никто изъ чиновниковъ не рѣшался воспротивиться жестокимъ приказаніямъ истязать негровъ. Еще теперь общественное мнѣніе занято дѣломъ Путткамера, такъ какъ недавно вспыхнулъ скандалъ, наложившій тѣнь на всю дѣятельность администраціи. Депутатъ социалистовъ Эрцбергъ обвинилъ чиновниковъ центральной администраціи во взиманіи взятокъ съ крупныхъ поставщиковъ на армію и по этому поводу былъ арестованъ майоръ Фишеръ, который велъ жизнь на широкую ногу за счетъ подрядчиковъ. Главный изъ нихъ, Типпельскирхъ, поставившій на колоніальныя войска военную обмундировку, былъ особенно съ нимъ близокъ: ухаживалъ за нимъ и задавалъ празднества въ честь его. Еще въ 1896 г. онъ получилъ монополію на поставку обмундировки для всѣхъ колоніальныхъ войскъ, а съ 1903 г. правительство заключило съ нимъ условіе до 1911 г. Типпельскирхъ, конечно, постарался извлечь съ помощью Фишера наибольшую себѣ прибыль изъ этой поставки и вмѣсто того, чтобы самому изготовлять обмундировку, онъ скупалъ ее вездѣ понемногу, а правительству продавалъ по невообразимо дорогой цѣнѣ. При этомъ товаръ сдавался дурной, а Фишеръ принималъ его за хорошій. Вообще назначеніе Фишера на отвѣтственное мѣсто было необъяснимо, въ виду того, что онъ въ теченіе тридцати лѣтъ слылъ за авантюриста, гоняшагося за деньгами. Но затѣмъ оказалось, что назначеніе его послѣдовало благодаря тайному покровительству министра земледѣлія Подбельскаго, друга Вильгельма II. Этотъ министръ оказался соучастникомъ въ торговомъ предпріятіи Типпельскирха, и въ одинъ прекрасный день нѣмцы съ величайшимъ удивленіемъ узнали, что во главѣ министерства находится вѣроломный измѣнникъ. «Толстякъ Подъ», какъ его прозвали товарищи, живой, веселый собесѣдникъ, умѣвшій за бутылкой шампанскаго разсказать пикантныя исторіи и снискавшій расположеніе Вильгельма благодаря своему хладнокровію, увѣренности и юношескому веселію, оказался человѣкомъ болѣе чѣмъ практичнымъ. Въ тотъ моментъ, когда Германія сдѣлалась имперіалистскою и пустилась въ міровую и колоніальную политику, онъ основалъ съ Типпельскирхомъ знаменитый торговый домъ военной обмундировки и взялъ себѣ сорокъ процентовъ акцій. Совѣтникъ посольства Бумиллеръ оставилъ за собою столько же, а Типпельскирхъ только пять процентовъ. Бумиллеръ, какъ служившій въ посольствѣ, старался о процвѣтаніи этого торговаго предпріятія, доставляя ему заказы для колоній. Въ 1897 г. Подбельскій назначается государственнымъ совѣтникомъ имперскихъ почтъ, и съ этого момента торговый домъ начинаетъ богатѣть.

Компаньоны принимаются дѣйствовать уже безъ всякаго стѣсненія. Новый министр, заранѣе зная планы правительства, между прочимъ касающіеся и преобразованія обмундировки, предупреждалъ объ этомъ своихъ товарищей по торговлѣ. Послѣдніе принимали мѣры и тайно приготавливали новые мундиры прежде, чѣмъ другіе конкуренты успѣвали узнать о новомъ проектѣ. Поэтому когда правительство официально объявляло объ этомъ, они предлагали въ тотъ же день доставить обмундировку немедленно и, конечно, ихъ предложеніе всегда принималось. Подбѣельскій предлагалъ своимъ подчиненнымъ почтальонамъ не покупать обуви въ другомъ мѣстѣ иначе, какъ у Тишельскирха, и это давало ему въ годъ тысячи марокъ. Во время занятія нѣмцами Кіао-Чао въ Китаѣ, товарищество выстроило тамъ домъ, и Подбѣельскій нанялъ въ немъ два этажа отъ имени почтовой администраціи и помѣстилъ тамъ своихъ служащихъ. Цѣна за помѣщеніе была предложена столь значительная, что за эту сумму можно было выстроить для почтамта цѣлый домъ. 40% съ дома шли въ карманъ государственнаго совѣтника, заключившаго такимъ образомъ контрактъ на помѣщеніе съ самимъ собою, какъ министръ и какъ владѣлецъ дома. Мало того, торговый домъ Тишельскирха былъ тѣсно связанъ съ пароходной компаніей Вермана, добившагося выгодной монополіи оиать-таки съ помощью Подбѣельскаго, имѣвшаго акціи этого предпріятія, дававшего ему 70%. На него посыпались со всѣхъ сторонъ нападки, и уже въ 1900 г. нѣкоторые совѣтники посольства указывали на его участіе въ торговомъ предпріятіи Тишельскирха. Но веселый фаворитъ Вильгельма II вывернулся изъ этого неудобнаго положенія, передавъ всѣ акціи женѣ и потребовавъ имущественнаго съ нею раздѣла; теперь онъ утверждаетъ, что никогда не разговаривалъ съ нею о торговыхъ дѣлахъ, которыми она одна занималась, а онъ только довольствовался барышами. Запрещеніе ввоза свинины и датскаго молока тоже послѣдовало по его настоянію, въ виду того, что иностранные товары мѣшали ему вести торговлю свиньями по дорогой цѣнѣ. Онъ не брезгаетъ прибѣгать къ поддѣлкѣ своихъ молочныхъ продуктовъ, несмотря на то, что ему доказали фальсификацію, и продолжаетъ посылать въ колоніи подобный товаръ. Вообще въ колоніяхъ творится невообразимый безпорядокъ, и въ этомъ виноваты всѣ чиновники безъ исключенія — одни вслѣдствіе своей продажности, другіе благодаря небрежности. Но и въ самомъ центрѣ императорскаго правительства, по словамъ Рейбея, не лучше, что доказываетъ недавняя полемика въ «Zukunft» между барономъ Гольштейномъ, слывающимъ за вдохновителя анти-англійской политики и мароккской авантюры, и значительными политиками, среди которыхъ находится и государственный секретарь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — Чирскій. Въ своемъ отвѣтѣ Гольштейнъ обвинялъ противниковъ въ низости и интригахъ и, дѣйствительно, они напечатали обвиненіе Гольштейна съ цѣлью, разчитывая, что въ виду самозащиты онъ обнаружитъ государственную тайну, а потому подвергнется наказанію, не взирая на 75 лѣтъ. Нѣмецкая армія также не избѣжала нравственнаго разложенія, и когда-то образцовые дисциплинированные воины превратились въ настоящее время въ пьяницъ, игроковъ и развратниковъ. Большинство изъ нихъ запуталось въ долгахъ и живуть на мало почтенные доходы. Отъ нѣ-

мецких писателей подобное разложение не укрылось, и они вывели в своих произведениях все пороки современной немецкой армии. Масса судебных процессов служат доказательством распространенного пьянства среди войска, а губернатор юго-западной Африки, полковник Димлинг, клеймит пьянство, как обычное явление, служащее стыдом колонии. Другой губернатор говорит, что, поскоблив каждый дюйм земли в колониях, найдешь непременно пустые бутылки. Войска, стоящая в самой Германии, не менее порочны и недавно обнаружили среди офицеров обширную организацию, целью которой были картежная игра и разврат. Она распространила свое поле действия не только на всю Германию, но и на Швейцарию и Австрию, держа игорные и увеселительные дома во всех городах, где стояли гарнизоны. К ней присоединились ростовщики и самые визкопрозные дамы полусвета, и ее старонниками состоит цвет германской, баварской и австрийской аристократии. Во главе этого учреждения находится майор Эгмонт фон-Вебский, военный attaché при прусском посольстве в Мюнхене, человек уже в зрелом возрасте. Это настоящий профессор кутежей, инициатор и завлекатель несчастных юношей, бессознательно пошавших в вихрь удовольствий. Разврат в этом учреждении доходит до самой низменной гнусности, и некоторые офицеры совершенно потеряли всякую нравственность. Балы представляют грязную оргию, достойную сатурналий и римского падения. Средств на такую жизнь у офицеров не хватает, а потому ростовщики работают себя на славу. Мюнхен служит центром для этих финансовых операций, которые, конечно, порождают подложные векселя, а иногда доводят офицеров до самоубийства, как случилось недавно с молодым графом Прейсингом, сыном лидера католического центра. Герцог Людвиг-Вильгельм Баварский оказался скомпрометированным в этом скандале, как соучастник в подложном векселе одного из офицеров. Французский автор, представив такую непривлекательную картину германского разложения, обещает дать такой же очерк порочности при германском дворе. Как бы в дополнение к этой статье появилось в «Débats» сообщение о забавном приключении с статуей графа Роона, бывшего военного министра. Воздвигнутая на Герлицкой площади в 1895 г., она при снятии полотна представляла тучную фигуру, которая служила как бы символом военной силы германской армии. При снятии полотна официальный оратор, обращаясь к ней, произнес: «Мы воздвигли тебя, Роонъ, из бронзы и камня вечный памятник нашей благодарности». С тех пор прошли годы, и вдруг статуя похудела. На все вопросы иностранцев немцы, стыдясь сказать правду, отмалчивались. Однако французским репортерам удалось добиться объяснения этой метаморфозы у одного немецкого скульптора, и оказалось, что в Германии, также как и в других странах, есть недобросовестные люди, эксплуатирующие даже свой vaterland. Эта статуя, как оказалось, несмотря на довольно высокую цену, 25000 марок, была сделана не из бронзы, как уверял оратор. Она вылита из гипса, покрытого слоем бронзы, тонким, как лист писчей бумаги: на ней под влиянием дождя с годами мало-помалу образовалось маленькое отверстие, через которое протекала вода во внутрь ста-

туи, и гниетъ, соединяясь съ водою, превратился въ кашу, такъ что статуя постепенно съживалась, и Роонъ изъ сильнаго мускулистаго воина превратился въ худощаваго. Конечно, такое превращеніе дало пищу для злорадныхъ острогъ враговъ Германіи, находившихъ въ этомъ превращеніи символическій намекъ на оскудѣніе военнаго могущества Германіи.

— Смерть Даніэля Озириса, графини Ланерузъ, г-жи Бентцонъ и Виктора Анри.—Въ Парижѣ недавно умеръ крупный капиталистъ, Даніэль Озирисъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ оставилъ послѣ себя наслѣдство въ 50 милліоновъ, завѣщанныхъ имъ на различныя полезныя дѣла. По происхожденію онъ былъ еврей, и хотя не очень фанатически относился къ своей религіи, но все-таки оставался ея адептомъ до послѣдней минуты своей жизни, несмотря на то, что былъ женатъ на католичкѣ. Съ молодости онъ служилъ въ банкѣ, но никогда самъ не имѣлъ никакой банкирской конторы или финансоваго предпріятія. Нажилъ онъ свое состояніе ловкими денежными предпріятіями, и въ 1880 г. уже владѣлъ состояніемъ въ 10 милліоновъ франковъ, а въ двадцать пять лѣтъ унятерилъ его. Въ продолженіе всей своей жизни, даже когда разбогатѣлъ, Озирисъ велъ скромную жизнь и жертвовалъ свои деньги только на научныя, литературныя, общественныя и благотворительныя предпріятія. Самыми замѣчательными его пожертвованіями была покупка Мальмезона, который онъ совершенно обновилъ и пожертвовалъ государству. Наконецъ въ своемъ завѣщаніи онъ оставилъ 25 милліоновъ институту Пастера. Хотя у него былъ великолѣпный домъ, блестяще украшенный всевозможными рѣдкостями, но онъ жилъ очень просто и его даже называли скрягой. «Пусть смѣются надъ моею бѣдностью,—говорилъ онъ:—мнѣ все равно. Мнѣ пріятно думать, что этимъ пользовались бѣдные люди и что, въ сущности, я работалъ для нихъ». Озирисъ умеръ 82 лѣтъ.

Графиня Ланерузъ, недавно скончавшаяся девяноста одного года въ своемъ замкѣ въ Провансѣ, была дочерью извѣстнаго генерала Монтолона, который слѣдовалъ за Наполеономъ на островъ св. Елены. Она была дважды замужемъ—за виконтомъ Кергулекомъ и графомъ Ланерузомъ. Въ сущности она не представляла ничего замѣчательнаго, но до самой своей кончины вспоминала о Наполеонѣ, котораго видѣла на островѣ св. Елены. Передъ самой своей смертью она иногда яено вспоминала, какъ императоръ сажалъ ее къ себѣ на колѣни и, весело смѣясь, заставлялъ подирогивать. «Я помню,—разсказывала она:— что онъ много говорилъ о Жозефинѣ, очевидно, предпочитая ее Маріи-Луизѣ. «О, моя милая Жозефина!—восклицалъ онъ не разъ:—она никогда меня не оставила бы, какъ Луиза». Графиня Ланерузъ вспоминала еще о Гудсонѣ Ло и, по ея словамъ, даже Наполеонъ отдавалъ ему справедливость, какъ человѣку, исполнявшему свои обязанности совершенно прилично.

Почти въ то же время въ Парижѣ скончалась извѣстная французская писательница, Марія Бланъ, скрывавшаяся подъ псевдонимомъ Теодоръ Бентцонъ. Она родилась въ 1840 г. и съ молодыхъ лѣтъ начала заниматься переводами англійскихъ и американскихъ романовъ на французскій языкъ. Потомъ она продолжала писать переводы и оригинальные романы, сотрудничая преимущественно въ «*Revue des deux mondes*». Кромѣ того, она писала многочисленные

очерки по иностранной литературѣ въ «Revue Bleue». За нѣсколько недѣль до ея смерти она была награждена орденомъ Почетнаго легіона, но добрая, скромная женщина замѣтила, качая головой: «Этотъ крестъ украситъ мой гробъ».

Французская наука и историческая литература лишились на дняхъ почтеннаго, ученаго филолога, профессора Сорбонны, Виктора Анри. Онъ принадлежалъ къ семейству, преданному педагогической дѣятельности, и родился въ 1850 г. Окончивъ курсъ въ Кольмарскомъ лицѣ, гдѣ его отецъ и одинъ изъ дядей были учителями, Анри поступилъ въ Страсбургскій университетъ. Послѣ этого онъ около десяти лѣтъ занималъ въ высшей коммерческой школѣ въ городѣ Лиля каѣдру по различнымъ предметамъ, начиная съ политической экономіи и кончая правомъ. Впослѣдствіи онъ занимался лингвистикой и занялъ въ Сорбоннѣ каѣдру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и санскритскаго нарѣчія. Онъ издалъ грамматику греческаго и латинскаго языковъ, а затѣмъ такую же грамматику англійскаго и нѣмецкаго. Рядомъ съ своими филологическими занятіями онъ изслѣдовалъ многіе вопросы древней исторіи; такъ, на примѣръ, еще въ послѣднее время помѣщалъ въ «Revue Bleue» рядъ статей подѣ заглавіемъ: «Доисторическая исторія». Эта серія обнаруживаетъ глубокое знаніе и отличается блестящимъ изложеніемъ; за нѣсколько дней до его смерти вышелъ одинъ изъ этихъ очерковъ, именно любопытный этюдъ о древнихъ германцахъ.

С М Ъ С Ь.

ПУШКИНСКОЕ лицейское общество. 29 января, подъ предѣтельствомъ А. С. Ермолова, состоялось годовое общее собраніе Пушкинскаго лицейскаго общества. Почтивъ вставаніемъ память скончавшихся въ теченіе года членовъ общества: академика А. Н. Веселовскаго, В. А. Цезя, А. А. и П. А. Слѣщевыхъ, Н. В. Гаевского и С. В. Соловьева, и утвердивъ отчетъ комитета, собраніе выслушало подробный докладъ о присужденіи преміи, учрежденной обществомъ за сочиненіе о жизни и произведеніяхъ А. С. Пушкина. Комисія по присужденію преміи (въ составѣ: предѣдатель А. С. Ермоловъ и члены: Д. Ѳ. Кобко, А. Ѳ. Конн, академикъ Н. А. Котляревскій, проф. А. К. Бороздинъ, С. А. Андреевскій, А. Л. Соколовскій, члены комисіи при академіи наукъ по изданію сочиненій Пушкина: Б. Л. Модзалевскій, В. И. Сантовъ, П. Е. Рейнботъ и А. Н. Яхонтовъ) — единогласно признала заслуживающею полной преміи (въ 1,000 р.) книгу Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», изданную академіей наукъ. По мнѣнію комисіи, капитальный трудъ Н. О. Лернера (27 печатныхъ листовъ in 8°), въ которомъ со всею возможною полнотою и тщательностью исчерпаны въ строго хронологическихъ рамкахъ разнообразныя отношенія Пушкина: литературныя, общественныя, служебныя, дѣловыя, семейныя, дружескія и т. п., является необходимымъ пособіемъ для всякаго изучающаго не только «Труды и дни Пушкина», но и современную ему русскую литературу 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. По окончаніи доклада комисіи, предѣдатель общества доложилъ собранію, что Гоеударю Императору благоутодно было пожертвовать Пушкинскому лицейскому обществу рѣдчайшій экземпляръ отдѣльнаго изданія первой главы «Евгенія Онегина» (1825 года), находившійся въ личной библіотекѣ императора Александра I. Общее собраніе поручило предѣ-

дателю просить министра двора принести Его Императорскому Величеству върнопоуданнѣйшую признательность Пушкинскаго лицейскаго общества за даръ вдвойнѣ драгоцѣнный его членамъ, какъ выраженіе милостиваго вниманія Его Императорскаго Величества и какъ память о незабвенномъ основателѣ лица. Велѣдъ затѣмъ секретарь общества П. Е. Рейнботъ доложилъ собранію о другихъ пожертвованіяхъ и приобрѣтеніяхъ, поступившихъ въ Пушкинскій музей и бібліотеку, указавъ, что истекшій годъ былъ особенно благопріятенъ для общества. Такъ, приобрѣтенъ драгоцѣнный автографъ «Кавказскаго альбюма», подробно описанный В. О. Боцяновскимъ въ сборникѣ, посвященномъ памяти Л. Н. Майкова, четыре автографа Пушкина переданы въ музей изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства народнаго просвѣщенія, одинъ автографъ поэта (письмо въ стихахъ къ Великопольскому) подаренъ обществу С. А. Андреевскимъ. Изъ архива министерства народнаго просвѣщенія переданы въ музей 14 дѣлъ бывшихъ цензурныхъ учреждений, среди которыхъ имѣется любопытная рукопись, задержанная цензурою и до сихъ поръ не видавшая свѣта. Это романъ Лунскаго (литературный псевдонимъ Софіи Келлеръ, въ замужествѣ Путиловой) подъ заглавіемъ: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, романъ для дѣтей». Затѣмъ собранію доложено о цѣнномъ дарѣ Л. А. Пушкина (внука Льва Сергѣевича Пушкина) — два рисунка карандашомъ, по семейнымъ преданіямъ принадлежащіе А. С. Пушкину, одинъ рисунокъ перомъ Лермонтова и 23 письма: Льва Сергѣевича и Наталіи Николаевны Пушкиныхъ, Жуковскаго, Чаадаева, Веневитиновыхъ, бар. Вревскаго и др. лицъ. А. С. Ермоловъ принесъ въ даръ музею бюстъ Пушкина (бюквитъ) работы Императорскаго фарфороваго завода; Е. Н. Тевяшевъ — рѣдкій офортъ Козлова (ученика Бруни) къ «Борису Годунову»; П. А. Картавовъ — офортъ кн. Гагарина къ «Шиковой дамѣ» и нѣсколько интересныхъ бумагъ, касающихся первыхъ изданій сочиненій Пушкина; П. Е. Рейнботъ пожертвовалъ музею и бібліотекѣ свою обширную пушкинскую коллекцію, состоящую изъ 710 книгъ и брошюръ, 4 оригинальныхъ рисунковъ и около 1,000 гравюръ, литографій, дубочныхъ картинъ, фотографій и т. п., составляющихъ почти полную иконографію къ сочиненіямъ Пушкина за время съ 1820 по 1906 годъ. Въ коллекціи этой имѣется и значительное количество иностранныхъ произведеній и рисунковъ, посвященныхъ Пушкину, и между прочимъ японскій рисунокъ въ краскахъ къ «Капитанской дочкѣ», изданной въ 1905 г. въ Токио, во время минувшей войны. Общее собраніе произвело затѣмъ выборы на предстоящее трехлѣтіе взаимныхъ выбывшихъ по очереди. Избраны: предѣдателемъ А. С. Ермоловъ; членами комитета: П. Я. Дашковъ, А. А. Ильинъ, Б. Е. Малютинъ и М. А. Остроградскій. Членами ревизіонной комиссіи: Л. С. Биркинъ, В. П. Вуичъ, А. М. Терне, С. П. Тимашевъ и А. А. Штофъ. Передъ закрытіемъ засѣданія, узнавъ о поступленіи въ продажу коллекціи рисунковъ извѣстнаго собирателя В., бывшіе въ собраніи члены общества, по особой между собой подпискѣ, приобрѣли для Пушкинскаго музея рисунки Брюллова къ «Бахчисарайскому фонтану».

Въ Обществѣ любителей древней письменности. 26 января и 9 февраля состоялись собранія общества любителей древней письменности. Въ пер-

вомъ засѣданіи гр. С. Д. Шереметевъ прочелъ духовное завѣщаніе княгини Евдокіи Васильевны Черкасской, которая, по словамъ Олеарія, слыла первой красавицей того времени. Распредѣляя свое имущество, княгиня благословляетъ богатыми иконами и крестами царя Михаила Теодоровича съ царицей, царевичемъ и царевнами. Затѣмъ Ѳ. П. Успенскій сообщилъ о рукописи XII в. — осмикнижии съ миниатюрами изъ Серальской бібліотеки (№ 8). Такихъ лицевыхъ рукописей всего 5; въ серальской рукописи интересна записка, свидѣтельствующая о передѣлкѣ предисловія къ переводу Библии однимъ изъ членовъ византійскаго императорскаго дома Исаакомъ Комненомъ. Маргинальныя замѣтки на этой рукописи важны, какъ восходяція къ оригеновскимъ текстамъ, и даютъ дополненія къ тексту, изданному Фильдомъ. Изъ сопоставленія всѣхъ 5 извѣстныхъ списковъ осмикнижія можно установить одинаковость художественнаго матеріала и количество рисунковъ (400); несмотря, впрочемъ, на тождество рисунковъ, они отражаютъ на себѣ индивидуальныя черты, а также черты времени и національности; изученіе этихъ миниатюръ возможно лишь путемъ сопоставленія съ мозаиками древнихъ церквей: S. Maria, св. Марка и Палатинской капеллы. Въ засѣданіи 9 февраля А. С. Николаевъ прочелъ рефератъ о сочиненіяхъ Ивашки Пересвѣтова, писателя XVI в., проводившаго въ нихъ мысль, что царь—охранитель православной вѣры и правды, одаренный прирожденной мудростью, что эту мудрость діаволь черезъ своихъ слугъ старается отнять, исказить, и тогда царство, не охраняемое царемъ, погибаетъ, какъ и было съ Царьградомъ. Пересвѣтовъ, указавъ на рядъ административныхъ и судебныхъ злоупотребленій, обращается къ Грозному съ просьбой опомниться и предлагая рядъ реформъ для спасенія Московскаго государства. То обстоятельство, что программа Пересвѣтова проводилась въ жизнь даже много лѣтъ спустя послѣ разрыва Грознаго съ своими совѣтчиками, заставляетъ предполагать, что Пересвѣтовъ—псевдонимъ лица, стоявшаго въ центрѣ кружка, руководившаго молодымъ царемъ. Пророчденія Пересвѣтова входятъ въ ту цѣпь сказаній, которыя къ половинѣ XVI в. дали Московской Руси національно-политическую теорію. Второе сообщеніе Н. Н. Виноградова касалось поддѣлокъ рукописей въ Вологодской губ. въ настоящее время. Поддѣлки подвергаются лицевыя рукописи XVII—XVIII вв., для чего берется старая (архивная) бумага, стираются филигранныя, бумага варится въ сусольномъ квасу, кошится, въ краски вводятъ особый составъ, уменьшающій блескъ красокъ, и т. д.; всѣ эти поддѣлки сбываются на нижегородской ярмаркѣ. Отличить эти поддѣлки можно по малому формату рукописи (8^о), разнообразію филигранныхъ, подклеить краевъ и другимъ признакамъ.

Годовое собраніе Географическаго общества. На состоявшемся 24 января, подъ предѣтельствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, общимъ шестьдесятъ первымъ годовомъ собраніи Географическаго общества были объявлены и розданы почетныя награды, присужденныя обществомъ въ нынѣшнемъ году за научныя труды и изслѣдованія. Константиновская медаль присуждена Ѳ. Ѳ. Витраму за общую совокупность его трудовъ по географіи математической; медаль Ѳ. П. Литке В. В. Кузнецову за общую его дѣятельность по изученію верхнихъ слоевъ атмосферы. Медаль П. П. Семенова П. Ю.

Шмидту за труды по изученію физико-географическихъ условій водъ Россіи. Серебряная медаль имени П. П. Семенова В. К. Бражникову. Малыя золотыя медали присуждены кн. В. П. Масальскому за дѣятельность его, какъ секретаря отдѣленія статистики; П. В. Палибину за гео-ботаническіе труды; С. А. Совѣтову за работы по метеорологии, медаль имени Н. М. Пржевальскаго присуждена Н. А. Бушу за многолѣтнія гео-ботаническія и ледниковыя изслѣдованія Кавказа; серебряныя медали гг. Дубянскому, Аскиназе, Нездюрову и отъ отдѣленія этнографіи М. А. Большакову, П. С. Абрамову, М. Б. Эдемскому, П. М. Мартыновичу, В. А. Шангину и А. М. Путинцеву. Затѣмъ секретарь общества А. А. Достоевскій прочелъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ; первая часть отчета была посвящена по обыкновенію памяти умершихъ членовъ. Въ этомъ же засѣданіи П. С. Бутурлинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о совершенной имъ экспедиціи въ Колымскій край. Въ заключеніе состоялись выборы новыхъ членовъ Географическаго общества и въ томъ числѣ въ почетные члены избраны два иностранныхъ ученыхъ: Rockhill Will. Woodville—изслѣдователь Тибета, и Amundsen Roald—изслѣдователь полярныхъ странъ.

Годовое собраніе Литературнаго фонда. 2 февраля состоялось подъ предѣтельствомъ Ф. Д. Батюшкова общее годовое собраніе Литературнаго фонда. Открывъ засѣданіе, предѣтель посвятилъ нѣсколько словъ памяти умершихъ въ истекшемъ году членовъ фонда, Меншуткина, Спасовича и друг. Затѣмъ онъ указалъ на затруднительность послѣднихъ двухъ лѣтъ для фонда въ матеріальномъ отношеніи, причемъ выразилъ убѣжденіе, что избрѣтенный П. П. Вейнбергомъ проектъ особой лотереи покроетъ дефицитъ фонда. Изъ прочитанныхъ отчетовъ секретаря и казначея явствуетъ, что, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, суммы фонда въ 1906 г. возросли съ 685,141 р. до 691,942 р., т. е. почти на 7 тысячъ руб. Объясняется это главнымъ образомъ хорошимъ сбытомъ изданій общества, увеличеніемъ доходовъ отъ спектаклей и нѣкоторыми частными пожертвованіями. Всего членовъ фонда на 1 января 1907 г. состоитъ 404, изъ нихъ 83 пожизненныхъ. Изъ боязни перерасхода, въ 1906 г. были уменьшены количество и размѣръ ссудъ и пособій. Въ числѣ денежныхъ пособій, въ томъ числѣ пособій на воспитаніе семействъ членовъ фонда, за 1906 г. выдано 28,570 руб., менѣе чѣмъ въ прошломъ году на 13,318 руб. Отказано въ пособіяхъ 167 лицамъ. Фактически 1906 г. закончился, собственно говоря, безъ дефицита, такъ какъ дефицитъ, проставленный въ отчетѣ въ количествѣ 1,093 руб., заключаетъ въ себѣ суммы, не относящіяся къ 1906 г., а покрывающія платежи 1907 г. Изъ обычныхъ поступленій фонда за 1906 годъ были 1,000 руб. пожалованы его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ и 1,000 руб. отъ министерства народнаго просвѣщенія. Былъ прочитанъ отчетъ ревизіонной комиссіи, которая отмѣтила между прочимъ крайнюю медленность возврата ссудъ. Комитетъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и указалъ на трудность полученія этихъ ссудъ: на каждаго должника приходится разсылать до 13 писемъ и тратить на переписку болѣе 1 руб. 50 к. Нѣкоторые извѣстные общественные дѣятели не только уклоняются отъ уплаты этихъ ссудъ, но и отъ всякихъ отвѣтовъ на напоминанія о

нихъ. Г. Колубовскій сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно денежнаго отчета и внести предложеніе о томъ, чтобы, при сохраненіи полной анонимности лицъ, которымъ выдается пособіе, классифицировали ихъ по возможности по специальности, что могло бы дать почву къ разработкѣ нѣкоторой статистики. Предложеніе было поддержано и внесено на обсужденіе въ комитетъ. Затѣмъ собраніемъ были произведены выборы въ совѣтъ по управленію домомъ имени В. Ф. Голубева и шести членовъ комитета. Въ первый избраны Н. С. Таганцевъ и гг. Слонимскій и Котельниковъ, а во второй гг. Анненскій, Баранцевичъ, Богучарскій, Карѣевъ, Писниковъ и Радловъ.

Отчетъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ за 1906 годъ. 1906 г. былъ тяжелымъ годомъ для учрежденій, вѣдающихъ помощь писателямъ. Экономическія потрясенія, вызванныя всѣмъ извѣстными событіями, не потерявши своей остроты и по настоящее время, новое направленіе общественнаго вниманія въ сторону, которая потребовала и новыхъ дѣятелей въ области литературы и журналистики, существенно затронули матеріальные интересы и литературной среды. При видимомъ обиліи изданій заработокъ большинства писателей сравнительно съ недавнимъ временемъ не только не увеличился, но пошелъ на убыль, такъ какъ ближайшіе интересы минуты отодвинули на второй планъ и даже сдѣлали ненужными, внѣ сирова, — конечно, временно, — нѣкоторыя отрасли литературнаго труда. Явленіе это замѣчено, конечно, всѣми, кто слѣдитъ за текущею литературою и положеніемъ книжнаго рынка, и потому нѣтъ надобности останавливаться на немъ подробнѣе. Въ учрежденіяхъ, вѣдающихъ помощь писателямъ въ видѣ ссудъ и пособій, это явленіе отразилось наплывомъ прошеній о ссудахъ и пособіяхъ и крайнимъ сокращеніемъ размѣра и тѣхъ и другихъ; въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ оно сказалось, вмѣстѣ съ другими причинами, увеличеніемъ недоимщиковъ. Тяжелыя условія 1906 г. усугублялись еще и крайне стѣсненнымъ положеніемъ фондоваго рынка. Процентныя бумаги, въ которыя, согласно уставу, обращаются капиталы кассы, въ теченіе всего 1906 г. расцѣнивались такъ низко, что размѣнъ ихъ въ случаѣ надобности былъ бы убыточенъ для кассы. Между тѣмъ въ самомъ началѣ года значительная часть оставшихся къ 1906 г. наличныхъ денегъ, а именно 10247 руб. 13 коп., была обращена въ процентныя бумаги. Для выхода изъ этого затрудненія, въ виду невозможности по условіямъ времени предъявлять слишкомъ настойчивыя требованія къ недоимщикамъ, правленію кассы пришлось воспользоваться кредитомъ подъ обезпеченіе своихъ процентныхъ бумагъ изъ 8¹/₂ процентовъ годовыхъ и позаимствовать этимъ путемъ для пополненія оборотныхъ средствъ кассы 4.567 руб. 26 коп. Такимъ образомъ, сумма долга значительно меньше той суммы, которая была обращена въ процентныя бумаги. Для кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ 1906 г. былъ тяжелымъ и по другимъ причинамъ, только отчасти осложненнымъ тревогами пережитаго отчетнаго времени. 1906 г. былъ шестнадцатымъ со времени основанія кассы. По уставу, самые младшіе изъ членовъ-учредителей ея были въ возрастѣ 25 лѣтъ. Если всѣ они здравствуютъ и понынѣ, то имъ теперь 41-й годъ. Но значительно больше и первоначально, и позже было лицъ гораздо старше

низшаго предѣльнаго возраста, дающаго право на вступленіе въ кассу. Средній возрастъ членовъ кассы и въ первый годъ ея существованія, въ 1891 г., былъ 41—43 года, поэтому шестнадцатая годовщина кассы не могла не совпасть для значительнаго числа ея членовъ со временемъ критическимъ въ жизни человѣка, и смертность отчетнаго года, къ сожалѣнію, подтвердила это предположеніе. Со времени учрежденія кассы по конецъ 1906 г. было объявлено, по одной основной группѣ, 96 обязательныхъ платежей, въ среднемъ, шесть платежей ежегодно. Но въ первый годъ существованія кассы былъ всего одинъ смертный случай въ ея составѣ (безъ объявленія платежа), а въ 1906 г. ихъ было 20, т. е. немногимъ менѣе четверти всѣхъ смертныхъ случаевъ со дня основанія кассы, связанныхъ съ объявленіемъ обязательныхъ платежей. По расчету на 100 членовъ основной группы это составляетъ 4 процента, т. е. на 1 процентъ выше положеннаго въ основу кассы расчета изъ трехъ процентовъ, которые и то считались преувеличенными. Тяжелый 1906 г. является въ то же время показателемъ стойкости и жизнеспособности кассы. Несмотря на небывало высокій процентъ смертности и въ отчетномъ году касса безпрепятственно производила всѣ выдачи и въ общей сложности израсходовала 50,245 руб., т. е. опередила въ этомъ отношеніи всѣ учрежденія, вѣдающія помощь писателямъ. Выдавъ безпрепятственно эту крупную сумму и ставъ такимъ образомъ въ рядъ солиднѣйшихъ вспомогательныхъ учрежденій, созданныхъ взаимною поддержкою людей, соединившихся во имя высокої цѣли взаимопомощи, касса въ то же время предоставляла самыя широкія льготы тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, не имѣли возможности вносить своевременно свои обязательные платежи. На основаніи постановленія общаго собранія, по предложенію правленія, въ 1906 г. были освобождены отъ обязательныхъ платежей всѣ члены-учредители кассы, пожелавшіе воспользоваться этою льготой устава. Членамъ кассы, отъ которыхъ поступали соотвѣтствующія заявленія, назначались ссуды на покрытіе обязательныхъ платежей. Число пенсіонеровъ въ 1906 г. увеличилось, другимъ увеличены оклады ихъ пенсій до размѣровъ, предусмотрѣнныхъ правилами. Наконецъ, въ 1906 г. касса приходила на помощь своимъ членамъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, обусловленныхъ особенностями переживаемаго Россіей времени. Эти краткіе общіе итоги дѣятельности кассы въ тяжелый 1906 г. должны, казалось бы, тѣнѣе сплотить вокругъ нея литературную семью, привлечь новыхъ дѣятелей на пользу общаго дѣла и примирить съ кассой лицъ, которыя по разнымъ причинамъ, а чаще по недоразумѣнію, цѣнятъ ее ниже ея заслугъ. Въ семнадцатый годъ своего существованія касса вступаетъ съ капиталомъ почти въ 250.000 руб. (въ кредитной валютѣ).

175-лѣтіе 1-го кадетскаго корпуса. Свое 175-лѣтіе первый кадетскій корпусъ праздновалъ 17 февраля въ Царскомъ Селѣ парадомъ въ Высочайшемъ присутствіи, въ Большомъ царскосельскомъ манежѣ. Красивою линіею во всю длину манежа протянулись кадеты и персоналъ корпуса. На правомъ флангѣ стоялъ хоръ музыки изъ кадетъ, возлѣ корпусные барабанички и горнисты, строевая рота (старшая) съ ружьями, 3 прочія роты, воспитательскій персоналъ корпуса, бывшіе кадеты, линія нынѣшнихъ кадетъ въ историческихъ формахъ

съ офицеромъ во главѣ и малыши-питомцы пансіона приюта имени Государыни Императрицы Александры Θεодоровны. Передъ фронтомъ 1-й роты находились въ строю 6 знаменъ корпуса: знамя императрицы Анны Іоанновны, знамя Елизаветы Петровны, штандартъ Елизаветы Петровны конной роты корпуса, знамена Екатерины II, Александра I и Николая I. Оригинальна была линія кадетъ въ историческихъ формахъ: нѣкоторыя очень красивы, нѣкоторыя теперь кажутся чисто маскарадными. Взводомъ кадетъ въ историческихъ формахъ командовалъ офицеръ въ пышномъ мундирѣ временъ императрицы Анны Іоанновны: въ свѣтло-зеленомъ кафтанѣ на обшитомъ золотымъ галуномъ бѣломъ камзолѣ, бѣлыхъ брюкахъ, съ широкимъ съ позументомъ краснымъ шарфомъ черезъ плечо, съ треугольной шляпой съ галуномъ и плюмажемъ, надѣтой съ поля, на груди офицерскій знакъ, въ рукахъ высокій эспантонъ, вѣнчающійся никою, на головѣ парикъ съ косичкою въ шелковомъ мѣшечкѣ. Первые 3 кадета: конной роты, фузилеръ и гренадеръ, были въ формахъ временъ Анны Іоанновны, двое въ формахъ Екатерины II, изъ нихъ одинъ егеръ въ курткѣ со пшуррами и черной кожаной каскѣ, похожей на каску пожарнаго или на жокейскую. Яркій зеленый цвѣтъ мундировъ красивъ, но долженъ быть страшно марокъ. Двое кадетъ временъ Павла I, двое Александра I, Николая I, Александра II въ каскѣ съ султаномъ и 3 позднѣйшихъ. Офицеры корпуса имѣли на эполетахъ пожалованный къ сему дню сшетенный вензель I. A. I.— императрица Анна Іоанновна. Передъ пріѣздомъ Государя линію кадетъ обходили и здоровались великій князь главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній и военный министръ. Въ царскую ложу, убранную тропическими растеніями, вошли Государыни Императрицы, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, великая княгиня Елизавета Маврикіевна и княжна Татіана Константиновна. Полк. Михель имѣлъ счастье вручить августѣйшимъ особамъ букеты изъ розъ, орхидей и сирени, перевитые красными лентами, вышитыми золотомъ. Государь Императоръ вошелъ съ бокового входа. Его Величество былъ въ мундирѣ л.-гв. 1 стрѣлковаго Своего батальона. Хоръ кадетъ заигралъ «встрѣчу». Склонились знамена. Государь, принявъ ранортъ, обошелъ фронтъ кадетъ, поздравилъ ихъ съ годовщиной основанія корпуса. Громкіе отвѣтные клики и «ура» кадетъ разносились по манежу вмѣстѣ съ звуками гимна кадетскаго оркестра. По обходѣ фронта къ аналою передъ царской ложей были отнесены знамена и туда же изъ строя вызваны кадеты пѣвчіе. Протопресвитеръ военнаго духовенства Желобовскій соборнѣ совершилъ торжественное молебствіе, закончившееся возглашеніемъ царскихъ многолѣтій, вѣчной памяти императорамъ, начиная съ Петра III, и императрицамъ Аннѣ Іоанновнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II и бывшимъ кадетамъ, животь свой за вѣру, царя и отечество положившимъ, и многолѣтіе росіейскому воинству, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Послѣ молебствія Государь подошелъ къ царской ложѣ, поднялъ малютку Наслѣдника Цесаревича, и когда протопресвитеръ съ крестомъ въ рукѣ пошелъ по фронту кадетъ, окропляя ихъ св. водой, Государь съ Царственнымъ сыномъ на рукахъ сопровождалъ протопресвитера. Окончилось богослуженіе, вернулись знамена на свои мѣста, и подь музыку своего хора пошли кадеты церемоніальнымъ маршемъ со знаменами во главѣ. На

правомъ флангѣ проходилъ военный министръ, великій князь Константинъ Константиновичъ и его помощникъ ген. Анчутинъ. Два раза прошли кадеты, слыша царское спасибо. За строемъ маршировали историческій взводъ поодиночкѣ, причѣмъ кадеты въ формахъ до императора Александра II маршировали темпистымъ медленнымъ шагомъ того времени. Снова построились кадеты, и Государь изволилъ сказать имъ, что въ теченіе 175-лѣтняго существованія своего 1-й кадетскій корпусъ далъ много честныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ слугъ Престолу и Россіи. Во всѣхъ войнахъ многіе изъ бывшихъ питомцевъ сложили свои головы за честь и славу Родины, и нынѣ Государь увѣренъ, что завѣты, существовавшіе съ самаго начала корпуса, останутся неизблемыми и въ нынѣшнемъ и въ будущихъ поколѣніяхъ. Чтобы возстановить память того времени, когда прадѣдъ Его Величества, императоръ Николай I, былъ шефомъ 1 корпуса, Государь изволилъ принять на Себя шефство въ 1-мъ корпусѣ и повелѣлъ на погонахъ роты Его Величества носить вензеля императора Николая I. Государь выразилъ при этомъ увѣренность, что и сыну Его Величества 1-й корпусъ будетъ служить такъ же честно и вѣрно, какъ служили предкамъ.

Двадцатипятилѣтіе публицистической дѣятельности М. В. Юркевича. Четверть вѣка тому назадъ въ одномъ изъ только что освобожденныхъ тогда отъ турецкаго ига болгарскихъ городовъ, Свищовѣ (Систовѣ), появилось 30 января періодическое изданіе «Просвѣщеніе»; издателемъ этой газеты, имѣвшей цѣлью содѣйствовать духовному росту болгаръ, расширять ихъ кругозоръ и способствовать ихъ ознакомленію съ своею освободительницею Россіей, явился тогда еще юный русскій партизанъ войны 1876—8 гг. М. В. Юркевичъ. Издатель «Просвѣщенія» съ самаго начала славяно-турецкой освободительной войны принималъ участіе въ походахъ въ качествѣ четника и добровольца, сотрудничалъ въ «Летучемъ Военномъ Листкѣ» и по окончаніи военныхъ дѣйствій поселился въ Свищовѣ, гдѣ, женившись на мѣстной болгаркѣ, выступилъ въ роли учителя исторіи и старо-славянскаго языка, и въ роли издателя-публициста и политическаго дѣятеля возродившейся къ новой жизни страны. Въ то же время началось и сотрудничество почтеннаго юбиляра въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ съ глубокимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ онъ знакомитъ въ теченіе уже четверти вѣка русское общество съ болгарами и славянскимъ вопросомъ на Балканахъ вообще. Стойкость убѣжденій и прямота создали г. Юркевичу не мало политическихъ недруговъ, и во время печальной памяти стамбуловщины онъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ болгарскихъ дѣятелей, принужденъ былъ покинуть Болгарію и посвятить себя литературно-публицистической дѣятельности въ Россіи. Онъ сотрудничалъ въ «Спб. Вѣд.», велъ славянскій отдѣлъ «Варшавскаго Дневника», писалъ въ «Русскомъ Трудѣ», «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и др. изданіяхъ. За смѣлость въ высказываніи порой горькой правды по адресу нашихъ дипломатовъ и администраціи въ отношеніи къ славянамъ онъ имѣлъ неприятели и въ Россіи: генералъ Роопъ въ Одессѣ за рѣзкую статью М. В. Юркевича въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» о безцеремонномъ обращеніи съ одесскими болгарами распорядился о высылкѣ публициста въ восточныя гу-

берни; лишь заступничество графа Н. П. Игнатьева, по свидѣтельству г. Юрсевица, спасло его отъ этой высылки. Были неприятели у нашего публициста и изъ-за изданія имъ брошюры по поводу фиктивного присоединенія къ православію малороссовъ-уніатовъ царства Польскаго, но онъ продолжалъ смѣло нести свое знамя, не считаясь и съ тѣмъ, что въ Россіи съ 80 годовъ чуть не до самаго послѣдняго времени вопросъ о славянахъ былъ очень непопуляренъ. По минованіи въ Болгаріи режима «палочниковъ», г. Юркевичъ возвращается въ Болгарію и, поселившись въ Софіи, продолжаетъ работать въ русскихъ и болгарскихъ газетахъ, а съ 1898 года всецѣло предается труду, который долженъ послужить къ чести безпристрастнаго труженика. Это его грандіозно задуманное и приближающееся по характеру къ замѣчательному труду П. А. Ровинскаго о Черногоріи сочиненіе «Двадцатипятилѣтніе итоги княжества Болгаріи». Вышедшіе пока въ свѣтъ два тома труда М. В. Юркевича свидѣтельствуютъ о богатствѣ матеріаловъ, которыми располагаетъ авторъ, о тщательности ихъ разработки, а самое изданіе, снабженное массой иллюстрацій, картъ, статистическихъ таблицъ и т. д., производитъ самое отрадное впечатлѣніе; критика русская и болгарская отнеслась уже весьма сочувственно къ труду почтеннаго юбиляра, который, будучи поглощенъ этимъ главнымъ теперь дѣломъ его жизни, оставался сотрудникомъ лишь «Сиб. Вѣд.» и «Разсвѣта» (въ 1905 г.).

30-лѣтіе врачебно-научной дѣятельности М. И. Афанасьева. 12 февраля истекло тридцатилѣтіе врачебно-научной дѣятельности популярнѣйшаго въ Петербургѣ терапевта профессора Императорскаго клиническаго института М. И. Афанасьева. Вопреки желанію юбиляра, настойчиво отклонявшаго отъ себя всякія чествованія, ближайшіе его помощники поднесли ему адресъ въ художественно исполненномъ бюварѣ съ изображеніемъ эмблемъ его многосторонней дѣятельности (на поприщѣ бактеріологіи, патологической анатоміи, частной патологіи и терапіи), поставившей его имя въ ряды лучшихъ терапевтовъ и снискавшей ему громкую извѣстность далеко за предѣлами Россіи. Горячо и одушевленно привѣтствовала профессора на лекціи многочисленная аудиторія врачей-слушателей. Одинъ изъ врачей-слушателей въ длинной прочувствованной рѣчи далъ подробную и справедливую оцѣнку заслугъ юбиляра передъ врачами и обществомъ.

Къ судьбѣ имѣнія А. С. Пушкина. Высочайше утверждено положеніе совѣта министровъ о передачѣ въ собственность псковскому дворянству состоящаго въ вѣдѣніи государственнаго дворянскаго земельного банка имѣнія село Михайловское (Опочецкаго уѣзда Псковской губ.), принадлежавшаго поэту А. С. Пушкину, и о представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Императорскою академіей наукъ, утвердить проектъ «Положенія объ имѣніи Михайловскомъ и о колоніи въ селѣ Михайловскомъ имени поэта Пушкина».

Преміи при комитетѣ о трудовой помощи. Срокъ для представленія сочиненій на соисканіе учрежденныхъ при комитетѣ попечительства о трудовой помощи премій имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны истекаетъ 1 мая 1907 г. Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2000 р. и три малыхъ—первая въ 1000 р., а остальные по 750 р.

Къ соисканію премій допускаются сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся.

На конкурсѣ сего года комитетомъ были предложены слѣдующія темы: 1. Историческій обзоръ мѣръ общественнаго призрѣнія и благотворительности. 2. Современная система призрѣнія бѣдныхъ въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. 3. Объ источникахъ средствъ на мѣропріятія въ пользу бѣдныхъ. 4. Учрежденія трудовой помощи въ Россіи. 5. Библиографическій указатель русской литературы по вопросамъ общественнаго призрѣнія, благотворительности и мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся. 6. Значеніе церкви въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія и благотворительности. 7. Дѣятельность земствъ и городскихъ общественныхъ управленій въ области попеченія о бѣдныхъ. Сочиненія могутъ быть присылаемы въ канцелярію комитета попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, д. 41).

Аукционъ древнихъ монетъ. Императорское общество поощренія художествъ (С.-Петербургъ, Морская ул., д. 38) рѣшило время отъ времени производить аукционы древнихъ монетъ и первый изъ нихъ назначило на 11 марта этого года изъ 580 русскихъ монетъ великокняжескихъ, удѣльныхъ и императоровъ Петра I и Екатерины I, принадлежавшихъ Н. К. Граббе. Составленъ и разсылается каталогъ этихъ монетъ, а прейсъ-курантъ цѣнъ, за которыя монеты будутъ проданы, отпечатается по распродажѣ. Правила аукціона примѣнены къ заграничнымъ. У насъ это дѣлается въ первый разъ, тогда какъ за границею фирмы бр. Эггеръ (въ Вѣнѣ), Гиршъ (въ Мюнхенѣ) и многія другія ежегодно производятъ подобныя аукционы, издавая великолѣпные каталоги древнихъ монетъ, и вообще это дѣло совершенно необходимое для обмѣна монетъ и пополненія коллекцій. Кстати, осуществилось и давнишнее желаніе любителей археологій: въ Петербургѣ начали выходить «Записки нумизматическаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества».

Отъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ открываетъ первое соисканіе преміи имени А. П. Бахрушина за сочиненія по исторіи и археологій города Москвы и Московской губерніи. Срокъ представленія сочиненія истекаетъ 1 мая 1909 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ въ декабрѣ того же года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія премій, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. § 2. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія по исторіи и археологій города Москвы и Московской губерніи.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть приняты также: а) систематическіе обзоры находящихся въ томъ или другомъ архивѣ матеріаловъ по исторіи и археологій гор. Москвы и Московской губерніи, съ изложеніемъ содержанія ихъ, опредѣленіемъ ихъ значенія и отмѣткой того, что уже изъ нихъ напечатано, и б) систематическіе обзоры печатной литературы по тѣмъ же предметамъ, съ указаніемъ содержанія той или другой работы и отмѣткой значенія ея.

§ 4. Преміи выдаются: а) или полная въ количествѣ 800 руб., б) или малыя, по 400 руб. § 8. Часть преміи, оставшаяся неприсужденною, можетъ быть употреблена на вознагражденіе рецензентовъ или на изданіе памятниковъ русской старины по Московской губерніи. § 9. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-го мая предшествующаго конкурсену года. § 10. На соисканіе допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ рукописныя, такъ и печатныя, вышедшія въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, предшествовавшихъ соисканію. Авторамъ рукописныхъ сочиненій предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи. § 11. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и члены общества. § 12. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія. § 13. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи А. П. Вахрушина не допускаются. § 14. Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій. § 15. Въ началѣ мая мѣсяца года, предшествующаго конкурсену, общество избираетъ изъ среды себя особую комиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи. § 16. Члены этой комиссіи не могутъ участвовать въ соисканіи преміи и получать вознагражденія за рецензии. § 17. Комиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ членовъ общества, а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ. § 18. Письменныя рецензии на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1 ноября конкурснаго года. § 19. Въ декабрѣ мѣсяцѣ комиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи и постановленіе ея объявляется въ декабрьскомъ засѣданіи общества. § 20. О результатахъ каждаго присужденія общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензій увѣнчаннаго преміей сочиненія.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, С. В. Въ ночь на 26-е января въ Пензѣ нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убитъ пензенскій губернаторъ камергеръ двора Его Величества Сергій Васильевичъ Александровскій. Покойный родился 28-го декабря 1863 г. и происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ. Воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1868 г. былъ произведенъ въ корнеты и началъ службу въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку, причѣмъ съ 1894 г. командовалъ эскадрономъ этого полка. Въ 1899 г. С. В. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ финансовъ, а два года спустя чиновникомъ особыхъ порученій V класса при томъ же министрѣ. Въ томъ же году при возникновеніи безпорядковъ въ Китаѣ С. В. былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ уполномоченнаго отъ Краснаго Креста и за боевое отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами. Въ 1903 г. С. В. былъ генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ. Съ началомъ Русско-японской войны С. В. уѣхалъ на Дальній Востокъ въ качествѣ главноуполномоченнаго отъ общества Краснаго Креста, а по возвращеніи съ войны былъ назначенъ исправляющимъ должность скатеринославскаго губернатора, въ прошломъ же году—пензенскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Покойный, обладавшій большей энергіей, неоднократно былъ командировемъ отъ Краснаго Креста въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая (Некрологъ см. «СПб. Вѣдомости» 1907 г., № 21).

† **Аноповъ, И. А.** 18 января скончался послѣ тяжелой болѣзни бывшій председатель учебнаго комитета министерства финансовъ и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Иванъ Алексѣевичъ Аноповъ. Покойный принадлежалъ къ выдающимся дѣятелямъ по техническому и промышленному

образованію въ Россіи. Когда въ 1889 г. вопросъ о профессиональномъ образованіи въ Россіи настолько назрѣлъ, что было образовано при министерствѣ народнаго просвѣщенія особое отдѣленіе техническихъ и профессиональныхъ школъ, гр. П. Д. Деляновъ поручилъ это дѣло П. А. Анопову, и покойный руководилъ имъ болѣе 10 лѣтъ, успѣвъ открыть въ это время множество школъ по разнымъ техническимъ специальностямъ, причѣмъ особенное вниманіе обратилъ на центръ Россіи. Онъ одинъ изъ первыхъ отказался отъ чиновной рутинѣ и въ дѣлѣ насажденія специальныхъ знаній приобѣтъ къ содѣйствію съѣзда профессиональныхъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи покойный былъ всегда внимателенъ къ мѣстнымъ нуждамъ, и земскіе дѣятели въ своихъ хлопотахъ о развитіи мѣстной промышленности находили въ немъ дѣятельнаго пособника. При Н. П. Боголюбовѣ покойный перешелъ въ министерство финансовъ и тамъ продолжалъ свою дѣятельность въ качествѣ председателя учебнаго комитета. П. А. родился въ 1845 г. По окончаніи курса въ сиб. технологическомъ институтѣ, онъ занимался технической частью въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, затѣмъ былъ преподавателемъ и инспекторомъ лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища и съ 1880 г. по 1889 г. директоромъ сиб. ремесленнаго училища Цесаревича Николая. Одновременно онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ техническомъ обществѣ, въ особенности въ постоянной комиссіи по техническому образованію. Въ послѣдніе годы П. А. былъ товарищемъ председательствующаго въ совѣтѣ дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей и завѣдывалъ ремесленнымъ училищемъ Цесаревича Николая. Какъ человекъ, П. А. отличался замѣчательнымъ доброжелательствомъ, пріятливой доступностью и всегдашней готовностью оказать содѣйствіе (иногда вліятельное) всякому полезному начинанію и предпріятію. Покойный былъ почетнымъ гражданиномъ г.г. Саратова, Юрьевца, Киржача, Касимова, Вязниковъ, Таганрога и Александровска. (Некрологъ см. «Новое Время» 1907 г., № 11084).

† **Базаровъ, А. И.** Недавно скончался редакторъ журнала «Плодоводство», членъ ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія Александръ Ивановичъ Базаровъ. Покойный, сынъ протоіерея І. І. Базарова, родился въ Висбаденѣ, учился въ петербургской духовной семинаріи, а затѣмъ въ гимназіи. Высшее образованіе онъ получилъ въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, занимаясь изученіемъ химіи въ тюбингенскомъ, лейпцигскомъ и берлинскомъ университетахъ у знаменитыхъ химиковъ. Получивъ въ Лейпцигѣ степень доктора философіи, А. И. возвратился въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ свои занятія въ лабораторіи А. М. Бутлерова. Въ 1870 г. молодой ученый былъ приглашенъ кіевскимъ университетомъ на должность лаборанта. Въ слѣдующемъ году онъ защитилъ диссертацию на степень магистра химіи подъ заглавіемъ: «О строеніи нѣкоторыхъ азотистыхъ соединений» и затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ читалъ въ кіевскомъ университетѣ лекціи въ качествѣ доцента по химіи. Въ 1875 г. онъ защитилъ докторскую диссертацию при харьковскомъ университетѣ. Въ 1881 г. А. И. былъ назначенъ директоромъ императорскаго Никитскаго сада и Никитскаго училища садоводства и винодѣлія. Избравъ для своей дѣятельности новое поприще, покойный занялся культурой винограда въ разстилку, улучшеніемъ способовъ

культивированія и вопросомъ о борьбѣ съ филлоксерой въ Крыму. Въ послѣднее время покойный принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ ученаго комитета министерства земледѣлія и одновременно редактировать журналъ «Плодоводство». А. П. принадлежитъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ по химіи и виноградарству. (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости», 1907 г., № 38).

† **Геденовъ, И. М.** 20 января скончался сенаторъ генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Михайловичъ Геденовъ. Покойный дожилъ до глубокой старости, умеръ онъ на 92-мъ году жизни. Свои лучшіе годы онъ посвятилъ развитію въ Россіи межевого дѣла, Человѣколюбиваго общества и общества Краснаго Креста. И. М. родился 6 января 1816 г., образованіе получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Начавъ службу въ л.-гв. Вольнскомъ полку, онъ вскорѣ опредѣлился въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи академическаго курса былъ приглашенъ читать военную статистику и географію въ нѣколѣ гвардейскихъ подпорщиковъ и въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Затѣмъ читалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба въ качествѣ адъюнкта-профессора. Одновременно сотрудничать въ разныхъ спеціальныхъ военныхъ сборникахъ и изданіяхъ. Послѣ трехлѣтней службы инспекторомъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ былъ назначенъ въ 1854 г. предѣдателемъ межевой канцеляріи въ Москвѣ. Съ этого времени въ теченіе 16 лѣтъ всецѣло отдалъ себя межевому дѣлу; сперва въ качествѣ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ и съ 1862 г. въ качествѣ управляющаго, И. М. былъ душой военно межевого вѣдомства, обративъ особенное вниманіе на подготовку умѣлыхъ межевыхъ инженеровъ и на обновленіе и приведеніе въ систему всѣхъ дѣйствующихъ по межевой части законоположеній. При немъ чертежные и писцовые архивы были приведены въ порядокъ, въ межевомъ институтѣ введены самостоятельныя геодезическія работы, изданы въ шести томахъ матеріалы для преобразованій межевого вѣдомства и пересмотра узаконеній, составлены главныя начала для размежеванія Малороссіи. Словомъ, при немъ кипѣла работа. Къ сожалѣнію, послѣ его ухода изъ вѣдомства, реформы по межевой части остались невыполненными и въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ царитъ сумятица, жаждающая новаго реформатора. Управляя межевымъ корпусомъ, И. М. былъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ, членомъ главнаго военно-учебнаго комитета и съ 1865 г. сенаторомъ, присутствующимъ въ межевомъ департаментѣ. Въ 1876 г. покойный былъ назначенъ помощникомъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго общества и въ своемъ новомъ званіи работалъ съ замѣчательной энергіей надъ развитіемъ дѣятельности общества въ теченіе десяти лѣтъ. При немъ Человѣколюбивое общество обогатилось 72 новыми благотворительными учрежденіями, капиталы увеличились на 1.100.000 руб., недвижимое имущество на 3.300.000 руб. По его инициативѣ учрежденъ учебный комитетъ общества, преобразованъ хозяйственно-техническій комитетъ, открытъ ремесленный пріютъ, организовано попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. Въ исторіи Человѣколюбиваго общества дѣятельности покойнаго, направленной къ добру и пользѣ ближнихъ, будеть отведено, несомнѣнно, видное мѣсто. Кромѣ того, И. М. принималъ вид-

ное участіе въ обществѣ Краснаго Креста, состоя съ 1867 г. однимъ изъ его учредителей, затѣмъ членомъ главнаго управленія и товарищемъ предсѣдателя. Во время Русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. онъ предсѣдательствовалъ въ исполнительной комиссіи по оказанію помощи раненымъ внутри Россіи и за границей. Въ 1903 г. нездоровье покойнаго заставило его сократить свою дѣятельность и ограничить ее участіемъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1892 г. Покойный оставилъ по себѣ хорошія воспоминанія. Всегда отзывчивый къ нуждающимся, скромный въ обращеніи, доступный и добрый, онъ пользовался общими симпатіями и уваженіемъ. Въ день столѣтняго юбилея Человѣколюбиваго общества покойному былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11087).

† **Дершау-Фонъ, Н. К.** 22 января опустили въ могилу одного изъ строителей Псаакіевскаго собора, старѣйшаго инженера путей сообщенія, члена технического комитета главнаго интендантскаго управленія, барона Николая Карловича фонъ-Дершау. Н. К. родился въ 1820 г., кончилъ курсъ въ корпусѣ инженеро-путей сообщенія въ 1836 г. и уже въ 1841 г. строилъ Аничковъ мостъ, который заканчиваетъ черезъ 10 мѣсяцевъ. Съ 1844 по 1854 г. Н. К. выполнялъ всѣ работы изъ мрамора, малахита и яшмы въ Псаакіевскомъ соборѣ, ставилъ каріатиды и производилъ мраморныя работы въ Эрмитажѣ. Покойный является строителемъ дома министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, Александровской больницы, часовни на Николаевскомъ мосту и въ Сергіевской пустыни. Въ 1852 г. Н. К. строилъ Троицкій мостъ и всѣ мосты черезъ Большую и Малую Невку, устраивалъ въ Маринской родовспомогательной больницѣ вентиляцію своего изобрѣтенія. Проекты этой вентиляціи были выставлены въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ 1878 г., во время выставки въ Парижѣ, на конгрессѣ инженеровъ избранъ единогласно пожизненнымъ почетнымъ членомъ въ Société des Ingenieurs Civils. Покойный изобрѣлъ и паровое отопленіе поѣздовъ. Съ 1888 г. и до конца дней Н. К. всецѣло посвящаетъ себя разработкѣ очень важнаго для арміи дѣла постройки военно-сухарныхъ заводовъ. Въ августѣ 1906 г. покойный возвратился изъ Сибири съ постройки послѣдняго военно-сухарнаго завода, произведенной въ смутное и военное время при очень тяжелыхъ условіяхъ. Несмотря на 86-ти-лѣтній возрастъ, Н. К. былъ полонъ энергіи, силъ и желанія работать, болѣзнь свела его въ могилу въ 4 дня. Въ частной жизни Н. К. отличался отзывчивой душой и въ теченіе всей своей жизни постоянно дѣлился своимъ достаткомъ съ нуждающимися. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11090).

† **Завьяловъ, А. А.** 9 февраля вечеромъ скончался весьма извѣстный въ духовномъ мірѣ главный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ въ Россіи, дѣйств. ст. сов. Алексѣй Александровичъ Завьяловъ. Почившій уроженецъ Тверской губерніи, питомецъ тверской семинаріи и петербургской духовной академіи, курсъ которой онъ окончилъ со степенью кандидата богословія, затѣмъ удостоенъ былъ степенью магистра богословія. По окончаніи образованія А. А. поступилъ на службу въ 1886 г. въ центральное управленіе

духовнаго вѣдомства въ качествѣ секретаря. Въ 1890 г. занималъ должность начальника архива св. синода, причѣмъ обратилъ серьезное вниманіе на приведеніе въ порядокъ цѣнныхъ археологическихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того онъ назначенъ былъ на должность помощника управляющаго синодальною канцеляріей, откуда въ 1904 г. переведенъ былъ правителемъ дѣлъ московской синодальной конторы. Постъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ скончавшіяся занималъ съ прошлаго года. А. А. пользовался громадными симпатіями своихъ сослуживцевъ. Въ литературно-духовномъ мірѣ онъ извѣстенъ многими своими историко-археологическими трудами. Ему, между прочимъ, принадлежитъ весьма цѣнный сборникъ циркулярныхъ указовъ св. синода, представляющій собою незамѣнимую справочную книгу въ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства.

† **Зарембо, А. М.** Въ послѣднихъ числахъ января, въ Сасинахъ, Ломжинской губ., скончался ксендзъ-каноникъ плочкой епархіи, домашній прелатъ папы римскаго, Александръ Маргиновичъ Зарембо, на 50 году отъ роду. Покойныя въ продолженіе многихъ лѣтъ состоялъ профессоромъ плочкой духовной семинаріи и визитаторомъ монастырей. Былъ глубокимъ знаткомъ священнаго писанія. По смерти плочкаго епископа Михаила Новодворскаго (1896 г.), предпринявшаго изданіе цѣннаго въ литературѣ славянскихъ народовъ труда «Церковная энциклопедія» («Encyklopedja Kóscielna»), по плану извѣстной богословской энциклопедіи Ветцера и Вельте, Зарембо продолжалъ это изданіе. Внезапная кончина епископа Новодворскаго прервала изданіе замѣчательнаго труда, обнимающаго собою: библейскія науки (исторію, географію, археологію, критику и герменевтику), апологетику, богословіе догматическое и нравственное, гомилетіку, литургіку, исторію церкви, христіанскую археологію, исторію ересей, патрологію, церковное право, церковную литературу и исторію религій нехристіанскихъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ къ церкви вселенской, на 21 томѣ. Томъ 22 вышелъ въ 1898 г., подъ реакцію ксендза А. Зарембо. Всего подъ редакцію А. М. вышло семь томовъ, послѣдній, 28-й, въ 1905 г., обнимаетъ собою буквы S—T (Toul). Не мало статей въ нихъ принадлежитъ редактору. Нельзя не пожалѣть, что неумолимая смерть помѣшала почтенному ученому прелату довести столь солидный трудъ до конца.

† **Львовъ, В. Н.** 26-го января скончался профессоръ московскаго университета Василій Николаевичъ Львовъ. Въ лицѣ покойнаго общество потеряло талантливаго ученаго, блестящаго популяризатора и замѣчательнаго чело-вѣка, жизнь котораго могла бы быть поучительна для многихъ. Но, къ великому прискорбію, мало кто видѣлъ и слышалъ его: онъ много лѣтъ болѣлъ, будучи постоянно прикованъ къ постели или, въ лучшемъ случаѣ, къ креслу. Въ первые годы своей ученой дѣятельности, когда болѣзнь не успѣла еще всецѣло овладѣть имъ, покойный В. Н. работалъ надъ самостоятельными изслѣдованіями въ области эмбриологіи и гистологіи, и здѣсь наблюденія его послужили толчкомъ къ переработкѣ твердо установившихся въ наукѣ воззрѣній на закладку зародышевыхъ листковъ и на развитіе соединительной ткани. Достаточно было уже этихъ работъ покойнаго, чтобы составить себѣ имя со-

лиднаго ученаго въ біологіи, но это было только начало его творческой дѣятельности, и всѣ знавшіе его были увѣрены, что онъ много сдѣлаетъ для науки. Однако болѣзнь все болѣе и болѣе разыгрывалась, и съ нею В. Н. пришлось постоянно бороться. Вѣчно больной, истощенный, онъ не могъ уже продолжать своихъ талантливыхъ наблюдѣній, требующихъ лабораторной обстановки: на смѣну имъ явилась литературная дѣятельность: В. Н. сталъ заниматься переводами, писать учебники для высшихъ и среднихъ школъ, редактировать переводы, сдѣланные его учениками. А учениковъ было у В. Н. немало и главнымъ образомъ въ области чистой науки, гдѣ онъ проявлялъ широту воззрѣній, умѣнье руководить и знаніе микроскопической техники. Если не въ лабораторіи, то чаще на квартирѣ находили больного В. Н., чтобы получить отъ него совѣтъ и выяснить то или иное недоумѣніе. Домъ его постоянно былъ открытъ для всѣхъ ищущихъ его, а такихъ было немало. Къ нему шли не только для разъясненія какихъ-либо частныхъ, специальныхъ, вопросовъ, а шли просто какъ къ человѣку съ вѣчно молодою душой, всѣмъ интересующемуся, полному энергіи и жизнеспособности. Чувствовалось минутами, какъ онъ страдаетъ, будучи лишень воздуха, способности двигаться, говорить громко, но онъ все это забывалъ, постоянно работая и лишь отдыхая въ кругу семьи и знакомыхъ, гдѣ велись разговоры о текущей жизни. Тѣмъ болѣе сознавался драматизмъ его положенія, что онъ, вѣчно больной, очень любилъ жизнь, былъ здоровъ душой, вѣрилъ въ человѣка, въ прогрессъ науки; какъ юноша, былъ охвачень освободительнымъ движеніемъ; слѣдить за искусствомъ; каждому новому теченію въ области проявленія духа человѣческаго могъ находить соотвѣтствующее мѣсто, — и всѣхъ заражалъ своею вѣрою въ лучшее будущее, своею энергіею въ работѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 23.

† **Модестовъ, В. И.** Покойный родился въ 1839 году въ Новгородской губ. Окончивъ новгородскую семинарію, В. И. поступилъ въ главный педагогическій институтъ, гдѣ учился до 1859 г. Когда институтъ былъ закрытъ, В. И. перешелъ въ петербургскій университетъ. Окончивъ курсъ послѣдняго, В. И. былъ оставленъ при университетѣ. Сдавъ затѣмъ магистерскій экзамень, В. И. былъ командированъ въ 1862 году за границу. Въ 1864 году, по защитѣ диссертациі «Тацитъ и его сочиненія» при петербургскомъ университетѣ, В. И. былъ назначенъ доцентомъ римской словесности въ новороссійскій университетъ, откуда въ 1867 году перешелъ въ Казань. Въ 1868 году онъ уже защищаетъ диссертацию на степень доктора: «Римская штеменность въ періодъ царей» (нѣмецкій переводъ ея — «Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen» — вышелъ въ Берлинѣ въ 1871 г.) и становится экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1869 г. В. И. перешелъ въ Кіевъ, гдѣ, кромѣ университета, читалъ лекціи и въ кіевской духовной академіи. Пробывъ здѣсь восемь лѣтъ, В. И. въ 1877 году уѣхалъ за границу. Въ 1878 году В. И. перешелъ профессоромъ въ петербургскую духовную академію. Послѣ появленія въ 1879 году его статей въ «Голосѣ» о крайностяхъ нашей классической системы В. И. долженъ былъ выйти въ отставку. Съ этого періода В. И. началъ заниматься публицистической дѣятельностью: онъ помѣщаетъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ политики, общественной жизни, литературы и фило-

софін въ «Нови», «Голосѣ», «Новостяхъ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и многихъ другихъ. Въ 1889 году В. П. вновь былъ назначенъ профессоромъ въ новороссійскій университетъ. Въ 1893 году, выслуживъ 25 лѣтъ, В. П. вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ подолгу жилъ въ Римѣ. Какъ профессоръ и какъ публицистъ, В. П., при разносторонности и широтѣ свѣдѣній и познаній, богато былъ одаренъ даромъ живого изложенія, придающимъ не только его политическимъ и публицистическимъ статьямъ, но и чисто ученымъ, теоретическимъ и специальнымъ его работамъ характеръ доступности широкому кругу читателей. Не измѣняя своей спеціальности, В. П. всегда относился съ большою отзывчивостію и къ явленіямъ современной дѣйствительности и написать цѣлый циклъ книгъ и статей, отразившихъ въ себѣ самыя разнообразныя стороны европейской жизни и научной мысли за послѣднюю четверть XIX столѣтія и начало XX вѣка. Къ числу крупнѣйшихъ его сочиненій, кромѣ диссертаций, слѣдуетъ отнести: «О Германіи: наука, школа, парламентъ, стремленія», «О Франціи», «Современная Италия», «Ученая жизнь въ Римѣ», «Статьи для публики по вопросамъ историческимъ, общественнымъ и философскимъ». Исторіи русскаго просвѣщенія посвящены: «Русская наука въ послѣднія 25 лѣтъ», «Школьный вопросъ», «Воспоминанія объ университетахъ: новороссійскомъ, казанскомъ, кіевскомъ», «Н. М. Благовѣщенскій», «Воспоминанія о профессорѣ А. Ф. Кустиковскомъ», «Н. А. Добролюбовъ». Между прочимъ, В. А. въ своей очень интересной статьѣ «Университетскій вопросъ», разоблачая язвы русскаго университета, возстааетъ противъ тенденціи копировать нѣмецкій, противъ необезпеченности моральнаго и матеріальнаго положенія людей, желающихъ посвятить себя наукѣ. Изъ научныхъ трудовъ профессора Модестова выдѣляются: «Лекціи по исторіи римской литературы», «Исторія римской литературы», «Сочиненія К. Тацита», «Замѣтки по Тациту», рядъ статей по вопросу о греческомъ чтеніи и произношеніи, «Избранныя сатиры Горація», «Избранныя оды Горація» и многіе другіе. Подъ редакціей В. П. изданы: «Этика Б. Спинозы», «Реальный словарь классической древности Фр. Любкера» и много другихъ. Наконецъ, В. П. помѣстилъ нѣсколько статей по римской литературѣ и исторіи въ «Энциклопедическомъ словарѣ Ф. А. Брокгауза и П. А. Эфрона и т. д. (Некрологъ: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 36).

† **Остроглазовъ, В. М.** 2 февраля скончался начальникъ московскаго врачебнаго управленія тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Остроглазовъ. Покойный получилъ медицинское образованіе въ Московскомъ университетѣ, окончивъ курсъ въ 1859 году со званіемъ уѣзднаго лекаря и акушера. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ мѣсто уѣзднаго врача въ Бронницахъ, гдѣ прослужилъ около шести лѣтъ. Въ 1866 году покойный былъ назначенъ членомъ медицинской конторы; впослѣдствіи онъ занялъ въ этой конторѣ мѣсто инспектора. Въ 1872 г. В. М. удостоенъ былъ степени доктора медицины за представленную научную диссертацию. Должность начальника московскаго врачебнаго управленія покойный занималъ съ 1885 г. Состоя въ этой должности, онъ одновременно былъ совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета при медицинскомъ департаментѣ. За время продолжительной службы въ

московскомъ врачебномъ управленіи В. М. призывался къ участию въ работахъ разныхъ комиссій и, между прочимъ, состоялъ членомъ комиссіи по наблюденію за устройствомъ водопровода и канализаціи въ Москвѣ. Между прочимъ имъ была разработана статистика смертности въ Москвѣ. Кромѣ службы при врачебномъ управленіи, покойный состоялъ долгое время врачомъ Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта. Въ лицѣ покойнаго сходить въ могилу одинъ изъ истинно-русскихъ людей, вѣрный сынъ своей родины, глубоко скорбѣвшій о безотрадномъ состояніи отечества и мучившійся ея тяжелыми муками. Смута, несомнѣнно, ускорила его кончину. Послѣ В. М. осталось большое собраніе рѣдкихъ книгъ, которыя онъ собиралъ въ теченіе своей долгой жизни. Покойный самъ не чуждъ былъ литературной дѣятельности и печаталъ свои труды въ «Русскомъ Архивѣ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдом.» 1907 г., № 28).

† **Соколовъ, Н. А.** 2 февраля скончался извѣстный геологъ Николай Алексѣевичъ Соколовъ, бывшій около двадцати лѣтъ старшимъ геологомъ геологическаго комитета. Покойный произвелъ цѣлый рядъ изслѣдованій донныхъ образованій и третичныхъ отложеній юга Россіи и ихъ фаунъ, преимущественно въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской и въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи. Имъ же составленъ 48 листовъ общей геологической карты Европейской Россіи (Мелитополь — Брянскъ). Н. А. родился въ Петербургѣ въ 1856 г. Въ петербургскомъ университетѣ онъ окончилъ курсъ по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета и былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ геологій. Въ 1881 г. былъ избранъ хранителемъ геологическаго кабинета петербургскаго университета. Свои первыя изслѣдованія онъ посвятилъ дюнамъ побережья Финскаго залива и въ 1884 г. защитилъ диссертацию: «Дюны, ихъ образованіе, развитіе и внутреннее строеніе» на степень магистра минералогіи и геогнозій. Въ началѣ 80-хъ годовъ участвовалъ вмѣстѣ съ Н. В. Кудрявцевымъ въ геологическихъ изслѣдованіяхъ Орловской губерніи, производимыхъ подъ руководствомъ профессора А. А. Иностранцева. Въ 1885 г. покойный перешелъ на службу въ геологическій комитетъ и съ этого времени занимался по порученію комитета геологическими изслѣдованіями юга Россіи. Докторскую диссертацию «Нижне-третичныя отложенія южной Россіи» онъ защитилъ въ 1893 г. Его многочисленныя ученые работы печатались въ специальныхъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.103).

† **Стааль, Г. Г.** Скончавшійся въ Парижѣ баронъ Георгій Георгіевичъ Стааль хорошо извѣстенъ своею дипломатическою дѣятельностью, какъ русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ. Онъ былъ посломъ въ Лондонѣ въ теченіе восемнадцати лѣтъ, съ 1884 по 1902 г., и во все время своего дипломатическаго представительства дѣятельно заботился о сохраненіи мирныхъ отношеній къ Англій и поддержаніи дружественнаго согласія съ нею. Особенныя труды выпали на долю покойнаго послѣ боя на Кушкѣ въ 1885 г., когда присоединеніе Пендинскаго округа къ нашимъ владѣніямъ встревожило англичанъ. Ему не только удалось возстановить чуть было не нарушенныя друже-

ственные отношенія, но и упрочить ихъ. Афганскій вопросъ, какъ извѣстно, разрѣшился въ 1887 г. установленіемъ афганской границы соединенными силами нашихъ и англійскихъ делегатовъ. При открытіи созванной по инициативѣ Императора Николая II въ Гаагѣ мирной конференціи въ 1900 г. на барона Стаала была возложена задача представительства Россіи, и онъ съ честью выполнилъ многосложныя обязанности предсѣдателя этого мирнаго собранія. Въ 1902 г. Г. Г. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. Его уходъ съ дипломатическаго поприща сопровождался высочайшимъ рескриптомъ на его имя и пожалованіемъ ему ордена св. Андрея Первозваннаго. Покойный по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ поступилъ въ 1845 г. на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Числясь съ 1850 г. въ составѣ русской миссіи въ Константинополь, онъ былъ откомандированъ въ 1853 г., по случаю войны съ Турціей, къ главнокомандующему дѣйствующей арміи и состоялъ при немъ во время походовъ 1853—1855 гг. и славной обороны Севастополя. Затѣмъ послѣдовательно былъ секретаремъ генеральнаго консульства въ Бухарестѣ, старшимъ секретаремъ миссіи въ Афинахъ, секретаремъ и совѣтникомъ миссіи въ Константинополь; съ 1873 г. посланникомъ въ Штутгартѣ, при дворахъ Баварскомъ, Баденскомъ и Гессенскомъ. Въ 1884 г. его дипломатическія дарованія, трудолюбіе и опытность вызвали назначеніе покойнаго русскимъ посломъ въ Лондонъ. Умеръ онъ 83 лѣтъ, живя часто въ послѣдніе годы въ Парижѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.108).

† **Хартулари, В. И.** 12 февраля скончалась отъ склероза сердца извѣстная благотворительница Вѣра Павловна Хартулари. Дѣлу благотворительности и по преимуществу попеченія о дѣтяхъ покойная отдавалась много лѣтъ съ рѣдкой отзывчивостью и энергіей; помимо собственныхъ пожертвованій она умѣла изыскивать денежныя средства и привлекать жертвователей. Начавъ свою дѣятельность въ благотворительномъ обществѣ «Муравей», пробывъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ предсѣдательницей «Братскихъ яслей», она положительно возродила къ жизни выборгско-охтенскій отдѣлъ общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ и въ послѣдніе годы довела его до высокаго положенія. Какъ женщина образованная и съ большой начитанностью, она умѣла находить истинную бѣдноту и во время прѣдти ей на помощь, отчего добрая память о ней среди столичной бѣдноты останется на долгое время. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1907 г., № 11.109).

Объ учрежденіи «общества военной старины».

(Письмо въ редакцію).

Въ настоящее время несомнѣнно увеличился интересъ общества къ старинѣ и назрѣла необходимость объединенія лицъ, занимающихся русской военной стариной, въ самостоятельное частное общество, посвященное разработкѣ всевозможныхъ вопросовъ по военной старинѣ и военной археологій.

Признавая, что подобное общество должно сложиться, какъ результатъ самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ, по добровольному ихъ почину, а также, что процвѣтаніе этого общества обусловлено учрежденіемъ его внѣ опеки какого-либо «департамента» и внѣ другихъ обществъ, преслѣдующихъ свои собственныя цѣли, имѣю честь чрезъ посредство «Историческаго Вѣстника» обратиться къ лицамъ, дорожающимъ военной стариной, съ покорною просьбою почтить меня (по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 10 линія, домъ 15) сообщеніемъ своихъ соображеній по поводу задуманнаго мною общества. Всякій лишній голосъ имѣетъ большое значеніе.

18 февраля 1907 г.

Михаилъ Соколовскій, членъ Импер. Сиб. Археол. Института.

княгинѣ не столько за ея благодѣянія, сколько изъ чувства благодарности къ ней.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату, даже не поужинавъ. На другой день я получилъ извѣстіе о томъ, что княгинѣ лучше и она чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ этого можно было ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ.

Я прогуливался по довольно большому саду съ самимъ Домбровскимъ. Онъ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни. Родился онъ довольно богатымъ человѣкомъ и женился потомъ на извѣстной красавицѣ, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей.

Онъ пользовался прекраснымъ положеніемъ въ свѣтѣ и находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ княземъ Радзивилломъ, который и уговорилъ его поступить въ члены польской конфедерации. Два молодыхъ поляка, которые безумно любили его двухъ дочерей, считали, что лучшимъ доказательствомъ ихъ любви будетъ, если они послѣдуютъ примѣру ихъ отца. Но всѣ они были ранены, взяты въ плѣнъ и отправлены въ Сибирь, ихъ дома были сожжены, всѣ имѣнія конфискованы въ пользу правительства. Мадамъ Домбровская, которая родилась въ имѣніи княгини Чарторыжской Каменцѣ и въ дѣтствѣ видѣла ее у графа Флемминга, бросилась къ ея ногамъ и просила ее сдѣлать для нихъ, что можно. Княгиня, конечно, не заставила себя долго просить и горячо занялась судьбой этой несчастной семьи. Она добилась того, что всѣхъ троихъ простили и вернули изъ Сибири, выдала замужъ молодыхъ дѣвушекъ за любившихъ ихъ юношей и дала послѣднимъ довольно хорошія мѣста, а всей семьѣ Домбровскихъ подарила прекрасный клочокъ земли, гдѣ они и жили всѣ вмѣстѣ, благословляя княгиню.

Каждый день я получалъ свѣдѣнія о княгинѣ, и хозяева мои старались, чтобы я чувствовалъ себя у нихъ какъ можно лучше. Такимъ образомъ я провелъ почти цѣлый мѣсяцъ въ этомъ тихомъ уголкѣ. Однажды, когда я уже безпокоился о томъ, что не получаю писемъ отъ княгини, она явилась вдругъ лично подъ большимъ секретомъ. Насъ оставили однихъ.

— Мой другъ, — сказала она: — я должна многое разсказать вамъ. Я тогда нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы разсказать все мужу; онъ сжалился надъ моимъ тогдашнимъ состояніемъ и ни въ чемъ не упрекнулъ меня. «Я готовъ оставить вамъ этого ребенка въ полное ваше распоряженіе», сказалъ онъ: «но съ тѣмъ, что вы дадите мнѣ слово, что никогда больше не увидите его отца». Мои слезы были единственнымъ отвѣтомъ на эти слова. Развѣ я могла обѣщать не видѣться больше съ тобой? Ты знаешь моего мужа. Благодаря наговорамъ злыхъ людей, онъ можетъ быть вспыльчивъ, но на самомъ дѣлѣ онъ добръ и очень снисходителенъ. Онъ нисколько не ревнивъ и въ скоромъ времени будетъ

въ состояніи встрѣтиться съ тобой безъ отвращенія. Поѣзжай на время въ Дрезденъ или въ Берлинъ, такъ чтобы не подумали, что ты пріѣхалъ только спеціально въ Варшаву; тогда, я надѣюсь, мнѣ можно будетъ снова открыто встрѣтиться съ тобой.

Въ то время, какъ происходилъ нашъ разговоръ, старшая дочь Домбровскаго какъ разъ родила. Мы крестили ребенка съ княгиней и назвали дѣвочку Изабеллой-Армандой-Фортюнэ. Княгиня уѣхала затѣмъ въ Варшаву, а я въ Дрезденъ.

Весь городъ и курфюрестъ грустили настолько, насколько курфюрестина была весела. Въ скоромъ времени она стала замѣтно отличать меня, но холодность, съ которой я принималъ знаки ея вниманія, заслужили мнѣ особое расположеніе со стороны курфюреста. Тогда курфюрестина рѣшила высказаться яснѣе. Однажды, во время пріема при дворѣ, она взяла меня подъ руку и увела въ амбразуру окна.

— Для француза вы удивительно мало галатны и непонятливы (и такъ какъ я молчалъ). Неужели же надо ставить вамъ вопросы, для того, чтобы заставить васъ говорить? Неужели при нашемъ дворѣ нѣтъ ни одной женщины, за которой бы вы ухаживали?

— Совершенно вѣрно, ни одной.

— Почему такъ, позвольте васъ спросить?

— Старухи меня не прельщаютъ, а у молодыхъ у всѣхъ уже есть любовники.

— У всѣхъ?! Вы, въ такомъ случаѣ, ничего не знаете; есть такія, у которыхъ ихъ нѣтъ, и которыя не прочь бы сдѣлаться предметомъ вашего поклоненія, если бы оно было искренно. Отгадайте, про кого я говорю?— сказала она, глядя на меня весьма выразительно.

Въ это время подошелъ курфюрестъ и прервалъ разговоръ, который уже обратилъ на себя вниманіе окружающихъ. Я рѣшилъ, что незачѣмъ доводить курфюрестину до повторенія его и уѣзжалъ изъ Дрездена.

Я получалъ очень аккуратно извѣстія отъ княгини, но она не позволяла мнѣ еще пріѣзжать въ Варшаву. Я занимался тѣмъ, что старался какъ можно ближе ознакомиться съ военной и внутренней администраціей Пруссіи, и послалъ нѣсколько докладныхъ записокъ маршалу де-Мью и де-Верженну, въ отсутствіи де-Пари, посланнику короля въ Берлинѣ. Фрейлина королевы прусской де-Гартфельдъ, которая только что передъ тѣмъ была страстно влюблена въ де-Гвина и знала, что я женатъ на его племянницѣ, относилась ко мнѣ очень хорошо. Между нами скоро завязалась тѣсная дружба; она рассказала мнѣ откровенно о своей любви къ де-Гвину, и въ концѣ концовъ влюбилась въ меня. Письма княгини получались все такъ же аккуратно, но они становились замѣтно

холоднѣе и въ нихъ говорилось о томъ, что еще надо отсрочить мой приѣздъ въ Варшаву.

Я въ это время очень тѣсно сошелся съ мистеромъ Гаррисомъ, англійскимъ посломъ, и эта дружба сильно скрашивала мое пребываніе въ Берлинѣ. Онъ водилъ меня повсюду, и скоро я былъ здѣсь у себя, какъ дома, въ Парижѣ. Король вернулся въ Потсдамъ, и мнѣ часто приходилось бывать при дворѣ; король относился ко мнѣ съ большой добротой и очень отличалъ меня, принцъ Генрихъ также привязался ко мнѣ. Я проводилъ съ нимъ почти все время и слышалъ, съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ о военной жизни и вообще о военныхъ. Онъ былъ такъ добръ, что сообщилъ мнѣ, что отецъ его хочетъ, чтобы меня назначили французскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ и что онъ поручилъ мнѣ передать, что сдѣлаетъ все нужное, чтобы выхлопотать мнѣ этотъ постъ.

Но такъ какъ мнѣ этого вовсе не хотѣлось, то я поблагодарилъ и отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что люблю военную карьеру и не чувствую себя способнымъ быть дипломатомъ. Принцъ Генрихъ не разъ настаивалъ на своемъ, но я остался твердъ и не поддался на его просьбы.

Въ это время м-ле де-Гартфельдъ, которую я видѣлъ очень часто, влюбилась въ меня настолько, что я принужденъ былъ сказать ей, что люблю другую. Это, однако, нисколько не охладило ея пыла, и я невольно былъ тронутъ ея безкорыстной любовью и сталъ къ ней внимательнѣе, чѣмъ къ другимъ, хотя никогда не былъ ея любовникомъ и оставался вѣренъ княгинѣ. Последней, конечно, въ скоромъ времени донесли, однако, о томъ, что я ухаживаю за другою, и я получилъ отъ нея очень холодное письмо, въ которомъ она писала, что пора прекратить нашу связь, и просила меня не приѣзжать въ Польшу.

Отвергнутый княгиней, я думалъ сначала, что умру. Я готовъ былъ бы отдать свою жизнь за четверть часа разговора съ нею, тысячи сумасбродныхъ идей и плановъ возникали въ моей головѣ. Но княгиня была мнѣ такъ дорога, что я не рѣшался компрометировать ее и собирался уже ѣхать во Францію, но наканунѣ моего отъѣзда ко мнѣ пришелъ французскій офицеръ, служившій въ Польшѣ, и отъ имени князя Адама передалъ мнѣ письмо, въ которомъ тотъ просилъ меня по весьма важному дѣлу приѣхать въ Варшаву, хотя бы на двадцать четыре часа, при чемъ прибавлялъ, что, если я не хочу, чтобы меня видѣли, я всегда могу скрыться отъ постороннихъ глазъ. Я, конечно, ни одной минуты не медлилъ и поѣхалъ въ тотъ же вечеръ; я отправилъ всѣхъ своихъ людей въ Лейпцигъ и оставилъ при себѣ только одного поляка-лакея, котораго я нанялъ въ Берлинѣ. Я поѣхалъ въ легкомъ открытомъ экипажѣ, чтобы скорѣе быть на мѣстѣ и увидѣть княгиню и при

этомъ такъ былъ занятъ мыслью о ней, что даже не замѣтилъ ужаснаго холода, отъ котораго въ ту ночь погибло много людей. По приѣздѣ я остановился въ Маривилѣ, у дю-Рюлькура, того самаго французскаго офицера, который привезъ мнѣ письмо князя Адама. Князь тотчасъ же пришелъ повидаться со мной. Онъ сообщилъ мнѣ, что далъ мою докладную записку о Польшѣ и Россіи—Штакельбергу на просмотрѣніе, а тотъ послалъ ее къ своему двору, гдѣ она произвела такое впечатлѣніе, что онъ захотѣлъ переговорить со мной, такъ какъ убѣдился въ томъ, что если Франція на это не согласится, то невозможно будетъ возстановить могущество царства Польскаго. Я сказалъ князю, что съ удовольствіемъ повидаюсь съ барономъ Штакельбергомъ, но что я самъ лично не имѣю никакихъ полномочій и что трудно мнѣ было бы предугадать намѣренія министра, котораго я почти совѣмъ не зналъ. Штакельбергъ приѣхалъ ко мнѣ въ ту же ночь и мы долго говорили съ нимъ. Результатомъ нашего разговора были двѣ докладныя записки, которыя мы послали: я—въ Версаль, онъ—въ Москву. Я, конечно, не могъ скрываться до возвращенія посланныхъ нами курьеровъ, и поэтому просилъ, чтобы меня представили ко двору.

Княгиня Чарторыжская въ это время какъ разъ была въ деревнѣ, откуда и приѣхала черезъ два дня послѣ моего приѣзда. Я увидѣлъ ее въ театрѣ. Трудно передать мое волненіе при видѣ ея. Я вошелъ къ ней въ ложу, она встрѣтила меня очень холодно и мнѣ съ трудомъ удалось добиться отъ нея разрѣшенія видѣть ее безъ свидѣтелей. На другой день она была также холодна со мной и едва выслушала всѣ мои оправданія, и затѣмъ потребовала отъ меня свои письма и свой портретъ. Я исполнилъ ея требованіе и вернулся къ себѣ домой, не помня себя отъ горя. На другой день она прислала за мной, я нашелъ ее уже болѣе спокойной и не такой строгой. Она стала спрашивать меня подробно о томъ, что произошло между мною и m-He Гартфельдъ; я сжегъ при ней всѣ письма этой особы и ея портретъ и обѣщаль сдѣлать то же самое съ тѣми, которыя еще могъ получить отъ нея. М-He Гартфельдъ единственная женщина, по отношенію къ которой я поступилъ не совѣмъ благородно, чего она, конечно, не заслужила и въ чемъ я часто потомъ раскаивался.

Княгиня меня простила со свойственной ей очаровательной добротой. Но когда я хотѣлъ возобновить наши прежнія отношенія, она не согласилась на это и сказала, что это могло бы стоить жизни ей и мнѣ. Генералъ Браницкій ухаживалъ въ это время за ней больше, чѣмъ когда-либо, и каждый день доказывалъ свою любовь къ ней разными сумасбродными выходками. Но она относилась къ нему очень плохо и очень рѣдко принимала его у себя дома. Изъ-за этого меня совершенно перестали принимать въ нѣ-

которыхъ домахъ и намъ приходилось видѣться гораздо рѣже, чѣмъ бы этого хотѣлось. Мнѣ казалось, что княгиня сама въ этомъ виновата, и я довѣрился ея подругѣ Люлли, которой и излилъ свое горе.—«Она васъ любитъ» сказала Люлли: «но она дорожитъ вами и не хочетъ нарочно ни съ кѣмъ дѣлиться. Если вы возбудите немного ея ревность, она станетъ относиться къ вамъ лучше и это придастъ ей мужество устранить все то, что теперь мѣшаетъ вамъ часто видѣться. Выѣзжайте побольше и не показывайте такъ ясно, что всѣ женщины въ мірѣ, кромѣ нея, вамъ глубоко безразличны». Къ несчастью, я послѣдовалъ совѣту Люлли. Любовникъ княгини Чарторыжской уже и безъ того давно возбуждалъ общій интересъ и участіе, и многія стали оказывать мнѣ особое вниманіе. Такъ, между прочимъ, графиня Потоцкая, племянница генерала Огинскаго, у котораго я постоянно встрѣчался съ ней, стала особенно выдѣлять меня.

Я сдѣлалъ видъ, что тоже заинтересовался ею; она стала кокетничать со мной еще больше. Однажды на костюмированномъ балу я велъ ее подъ руку; она стала мнѣ говорить, при какихъ обстоятельствахъ согласилась бы стать моею любовницею и даже ѣхать со мной во Францію. Мнѣ вовсе не хотѣлось, чтобы дѣло заходило такъ далеко, и я отвѣтилъ очень уклончиво. Въ это время маска, сидѣвшая рядомъ со мной, вдругъ быстро поднялась съ мѣста и исчезла въ толпѣ. Я тогда не обратилъ на это никакого вниманія. На другой день, какъ всегда, я пошелъ прогуляться въ паркъ, вскорѣ туда же пріѣхала и княгиня, но когда она увидѣла меня, то велѣла повернуть коляску и ѣхать обратно. Я все же попробовалъ приблизиться къ ней, но она отдала приказаніе ѣхать какъ можно скорѣе, и я остался въ полномъ недоумѣніи въ паркѣ одинъ. Въ тотъ же день я три раза побывалъ у нея, но она не приняла меня. Я написалъ ей, что ничего не понимаю и что голова моя кружится отъ горя и печали, на что она отвѣтила:

— Я все видѣла, все слышала, я никогда не повѣрила бы другому, что это возможно, теперь я убѣдилась въ томъ, что вы измѣняете мнѣ—изъ-за Потоцкой.

— Вы погубили меня,—сказалъ я тогда Люлли.

Когда я вернулся къ себѣ, со мной сдѣлалась сильная лихорадка и я потерялъ сознаніе. Люлли поѣхала къ княгинѣ и увѣдомила ее объ этомъ.

— Что вы сдѣлали, — сказала она: — Лозенъ умираетъ, и вы одна—причина его смерти.

Княгиня тотчасъ пріѣхала ко мнѣ и провела у меня цѣлый день и ночь, но я не узнавалъ ее и, наконецъ, когда я очнулся, то увидѣлъ ее у своей постели, плачущей на колѣняхъ передо мной. Такой быстрый переходъ отъ полного отчаянія къ счастью былъ такъ неожиданъ, что чуть не стоилъ мнѣ жизни. Я поправлялся

очень медленно, но не жаловался на это, такъ какъ все время княгиня ухаживала за мной съ нѣжной заботливостью. Браницкій сталъ громко укорять ее за это, тогда она разсердилась и сказала:

— Я васъ не люблю, не заставляйте же меня возненавидѣть васъ!

— Хорошо, сударыня,—сказалъ онъ съ яростью:—я увижу, достоинъ ли Лозенъ счастья, которое я готовъ былъ бы купить цѣною своей крови.

— Да,—съ гордостью возразила на это княгиня:—онъ знаетъ, что моя жизнь связана съ нимъ, и онъ сумѣетъ защитить ее, большаго я и не прошу у него.

Браницкій успокоился, и все пошло своимъ чередомъ. Но меня предупредили, что для него ничего нѣтъ святого и я легко могу пасть отъ руки головорѣзовъ, которыми онъ всегда былъ окруженъ, но я, конечно, не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, и все обошлось хорошо.

Я сталъ опять выѣзжать въ свѣтъ, отношеніе княгини ко мнѣ еще болѣе усиливало общее любопытство. На смотру гусарскаго полка собрался почти весь варшавскій бомондъ, который затѣмъ и перешелъ въ помѣщеніе, гдѣ давался блестящій банкетъ.

Тамъ я увидѣлъ опять мадамъ Потоцкую, которую не видалъ съ того, памятнаго для меня, вечера. Она вынула изъ своихъ волосъ перо цапли и сказала мнѣ:

— Помѣняйтесь перьями.

— Простите,—отвѣтилъ я довольно холодно:—но я очень дорожу своимъ перомъ, хотя оно и сожжено слегка.

Княгиня Чарторыжская, слышавшая нашъ разговоръ, улыбнулась своей очаровательной улыбкой и сказала:

— Дайте мнѣ вашу фуражку, чтобы я могла приколоть вамъ свое перо, мнѣ тоже теперь нравится ваше сожженное перо.

Браницкій былъ такъ взбѣшенъ этимъ происшествіемъ, что всталъ и ушелъ.

Вечеромъ, на костюмированномъ балу въ оперѣ, онъ, повидимому, искалъ предлога завязать со мной ссору.

— Кончимте, наконецъ, этотъ вопросъ, генераль,—сказалъ я:—пять минутъ разговора и конецъ всему.

Онъ согласился, и мы рѣшили драться съ нимъ на слѣдующій день въ восемь часовъ утра. Король, узнавъ объ этомъ, очень разсердился, позвалъ къ себѣ Браницкаго и долго говорилъ съ нимъ. На другой день тотъ явился ко мнѣ съ большой свитой и публично выразилъ сожалѣніе въ происшедшихъ между нами недоразумѣніяхъ. Пришлось, конечно, помириться, князь Казимиръ Понятовскій, братъ короля, заставилъ насъ даже обняться и поцѣловаться. Въ то же утро княгиня прислала мнѣ великолѣпнаго

коня, пару пистолетовъ и саблю, при чемъ велѣла передать мнѣ, что, навѣрное, они принесутъ мнѣ счастье.

Въ тотъ же вечеръ прибыли наши курьеры изъ Версаля и изъ Москвы.

Императрица вполне одобрила мои предложенія, написала мнѣ длинное письмо и дала довольно обширныя полномочія. Де-Верженнъ писалъ мнѣ, чтобы я какъ можно скорѣе возвращался во Францію. Я назначилъ свой отъѣздъ на другой день вечеромъ. И въ этотъ день обѣдалъ еще у княгини. Я долго сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ и съ трудомъ вырвался отъ нея, съ болью въ сердцѣ. Хотя мы оба надѣялись опять въ скоромъ времени увидѣться, но мнѣ кажется, что въ ту минуту я уже предчувствовалъ, что намъ больше не суждено встрѣтиться съ ней въ этомъ мірѣ.

VI.

(1775).

Дѣла въ Польшѣ.—Лозенъ—фаворитъ королевы.

Я прибылъ въ Парижъ въ концѣ марта мѣсяца 1775 г. Де-Верженнъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, встрѣтилъ меня, конечно, съ большимъ вниманіемъ, котораго и заслуживали важныя дѣла, порученныя мнѣ. Онъ хвалилъ меня за мое поведеніе и говорилъ, что черезъ нѣсколько дней мнѣ придется ѣхать въ Петербургъ, но потомъ онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Ему вовсе не было желательно, чтобы меня назначили посломъ къ русскому двору, хотя русская императрица, повидимому, этого очень хотѣла. Назначили на этотъ постъ его близкаго друга, де-Жюньи. Де-Верженнъ въ это время игралъ двойственную игру, дѣлалъ видъ, что хочетъ назначить меня, тянулъ дѣло и приходилъ отъ этого, для вида, въ отчаяніе. Я проигралъ за это время процессъ въ восемьдесятъ тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода, но это меня не особенно огорчило, такъ какъ я вообще мало интересовался моимъ состояніемъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ я засталъ королеву въ тѣсной дружбѣ съ мадамъ Геменэ и мадамъ Диллонъ. Онѣ не разъ говорили ей обо мнѣ и возбудили ея любопытство настолько, что ей захотѣлось ближе познакомиться со мной. Она встрѣтила меня очень благосклонно; я имѣлъ счастье часто встрѣчаться съ ней у мадамъ Геменэ, и она всегда удостоивала меня особеннымъ вниманіемъ: я постоянно ѣздилъ съ ней верхомъ и мѣсяца черезъ два находился уже на положеніи фаворита. Но, къ сожалѣнію, настало время вернуться въ свой полкъ. Королева пожелала, чтобы мой полкъ придвинули ближе къ Парижу, чтобы я никуда не уѣзжалъ, но я отклонилъ это предложеніе и уѣхалъ. Она, повидимому, была очень

этимъ огорчена и въ день моего отъѣзда пріѣхала къ мадамъ де-Геменэ въ Монтрель, чтобы проститься со мной, и предложила мнѣ опять хлопотать о моемъ переводѣ у короля, но я снова отклонилъ это предложеніе.

Вопросъ относительно Россіи казался совершенно забытымъ. Напрасно я старался заставить де-Верженна дать мнѣ окончательный отвѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что все время не перестаетъ думать объ этомъ и вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ текущее лѣто и что король можетъ во всякое время приказать мнѣ вернуться изъ моего полка. Въ тотъ вечеръ, когда я уже хотѣлъ уѣхать, королева прислала мнѣ сказать, чтобы я еще отложилъ свой отъѣздъ на двѣнадцать часовъ и утромъ пріѣхалъ бы переговорить съ ней въ Монтрель.

— Не уѣзжайте еще,—сказала она мнѣ:— дѣло въ томъ, что около Парижа произошло возмущеніе въ сосѣднихъ деревняхъ изъ-за подвоза хлѣба и, вѣроятно, къ Парижу теперь стянутъ войска; можетъ быть, и вашъ полкъ будетъ призванъ сюда.

Я поблагодарилъ ее, но сказалъ, что намѣренъ остаться въ полку и раздѣлить во всемъ его участь. Она размѣялась и сказала мнѣ:

— Глупецъ!

Въ это время въ комнату вошелъ баронъ де-Віомениль, которому поручено было завѣдываніе передвиженіемъ войскъ. Королева обратилась къ нему и сказала:

— Пожалуйста, устройте такъ, чтобы полкъ, въ которомъ служить этотъ глупецъ, придвинулся какъ можно ближе къ Парижу, чтобы намъ не разставаться съ нимъ.

Баронъ отвѣтилъ, что въ точности исполнить приказаніе королевы, но, повидимому, былъ имъ очень удивленъ, такъ какъ я просилъ его не дѣлать никакихъ измѣненій въ его планахъ. После этого я еще охотился въ лѣсахъ Фонтенебло вмѣстѣ съ королевой; она все время говорила со мной и съ этой минуты мое положеніе фаворита установилось настолько прочно, что я былъ очень радъ, что могъ выѣхать изъ Парижа въ эту же ночь.

Письма княгини становились все рѣже и все короче, мнѣ писали изъ Варшавы, что она очень увлекается Браницкимъ, который почти не выходитъ отъ нея. Я написалъ ей рѣзкое письмо, полное упрековъ, которые, конечно, очень разсердили ее. Тогда, не помня себя отъ горя и гнѣва, я потребовалъ, чтобы она прислала мнѣ моего ребенка, такъ какъ я не хотѣлъ, чтобы онъ воспитывался среди моихъ враговъ. Но, конечно, она не исполнила моего требованія, и мы окончательно разсорились и перестали писать другъ другу.

Я вернулся опять въ Парижъ и мой пріѣздъ былъ для меня такимъ же торжествомъ, какъ и мой отъѣздъ; я положительно на-

чиналъ входить въ моду, королева всячески отличала меня. Я все время проводилъ въ Фонтенебло и мнѣ оказывали такое вниманіе, что съ тѣхъ поръ у меня явилось такъ много враговъ, какъ никогда не было раньше.

Въ это время де-Верженнъ окончательно прекратилъ всякія переговоры съ Россіей, и хотя императрица была этимъ обижена, но все же не переставала жалѣть объ этомъ. Я началъ сильно привязываться къ королевѣ, доброта и довѣріе которой положительно трогали меня. Мнѣ хотѣлось видѣть ее во главѣ огромнаго государства, мнѣ хотѣлось, чтобы въ двадцать лѣтъ она являлась самой могущественной монархиней въ мірѣ. Я осмѣлился обратиться къ русской императрицѣ и предложить ей войти въ тайное соглашеніе съ Маріей-Антуанеттой, съ тѣмъ, чтобы составленъ былъ договоръ, выгодный для Франціи и въ то же время такой, котораго нечего было бы стыдиться и Россіи, оформленный по всеѣмъ правиламъ, и этотъ договоръ былъ бы переданъ прямо въ руки королевы, которая, вооруженная подобнымъ оружіемъ, явилась бы къ королю и его совѣту и стала бы сама защищать свое дѣло. Я не ошибся въ своихъ расчетахъ на императрицу; она очень охотно согласилась на мое предложеніе, дала мнѣ широкое полномочіе и велѣла мнѣ, какими угодно способами, заставить королеву согласиться войти съ нею въ союзъ и заключить договоръ между Франціей и Россіей. Королева выслушала меня не безъ удивленія. Грандіозность плана, повидимому, произвела на нее большое впечатлѣніе, но она попросила у меня времени на размышленіе, и я понялъ, что все потеряно. Но я больше всего боялся сдѣлать какой-нибудь торопливый и вредный шагъ и поэтому предпочелъ выжидать и пока не предпринимать ничего.

Въ это время мой фаворъ достигъ своего апогея. Королевѣ казалось, что нѣтъ ничего, чего бы она не могла сдѣлать для человѣка, который собирался сдѣлать для нея все. Можетъ быть, впрочемъ, она въ данномъ случаѣ руководилась больше обаяніемъ, которое имѣло на нее мое безпорядочное существованіе и вся моя личность, чѣмъ желаніемъ исполнить свой долгъ по отношенію ко мнѣ. Она очень рѣдко выѣзжала безъ меня, не позволяла мнѣ отлучаться отъ двора, который въ это время находился въ Фонтенебло, постоянно заставляла меня садиться рядомъ съ ней во время игры, разговаривала со мной всегда, каждый вечеръ приходила къ мадамъ де-Геменэ и сразу приходила въ дурное настроеніе духа, если тамъ было много народа, такъ что она не могла заниматься мною однимъ. Конечно, невозможно было, чтобы подобнаго рода поведеніе осталось незамѣченнымъ, но такъ какъ я не позволялъ себѣ никакихъ фамиллярностей, не интриговалъ, не просилъ ничего ни для себя, ни для другихъ, — многіе, не зная еще выска-

заться ли за или противъ меня, старались извлечь изъ меня какъ можно больше пользы.

Графиня Ламбаль, оберъ-гофмейстерина королевы и ея самая интимная подруга, пріѣхала въ Фонтенебло и дала роскошный ужинъ, на который были позваны самыя близкія къ королевѣ лица, но меня почему-то не пригласили. Королева велѣла мнѣ придти на этотъ ужинъ, но я настолько хорошо зналъ графиню, что понималъ, что это не ошибка съ ея стороны, а сдѣлано съ намѣреніемъ, и не пошелъ. Королева на слѣдующій же день привела меня къ ней и сказала: «Я попрошу васъ любить какъ брата этого человѣка, который мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ, и которому я очень многимъ обязана; надѣюсь, что довѣріе ваше къ нему будетъ такъ же безгранично, какъ и мое».

Мадамъ де-Ламбаль имѣла полное право послѣ этого разговора считать меня самымъ близкимъ другомъ королевы и думать, что королева гораздо болѣе расположена ко мнѣ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ и, въ связи съ этимъ, она и стала поступать далѣе.

Въ это время Люксембургъ, къ которому королева передъ тѣмъ очень хорошо относилась и который считался своего рода фаворитомъ графа д'Артуа, попросилъ у королевы частной аудіенціи и въ подробностяхъ сообщилъ ей планъ о томъ, какъ бы сдѣлать графа д'Артуа королемъ Польши. Королева выслушала его въ большомъ смущеніи и холодно замѣтила, что она вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Она послала за мной и передала мнѣ только что приведенный разговоръ; я этимъ воспользовался и сталъ умолять ее высказаться окончательно относительно договора съ Россіей, но убѣдился въ томъ, что въ данномъ случаѣ у нея не хватитъ ни силъ, ни мужества на подобное дѣло. Она выказала столько боязни и такое отсутствіе характера, что я понималъ, что разсчитывать на нее нельзя. Но тѣмъ не менѣе королева сочла своимъ долгомъ постараться обезпечить мнѣ хорошее положеніе при дворѣ и дать возможность поправить свое состояніе. Она хотѣла просить объ этомъ короля, но я отклонилъ ея предложеніе и на ея вопросъ, почему я отказываюсь, я отвѣтилъ ей:

— Я ни въ какомъ случаѣ не желаю оставаться навсегда при дворѣ, ваше величество, чтобы имѣть возможность удалиться отъ него, какъ только расположеніе вашего величества перестанетъ защищать меня отъ моихъ враговъ.

— Однако, вы не особенно любезны, — сказала она: — и вы осмѣливаетесь говорить это мнѣ?

— Да, государыня, я вѣдь знаю тайную силу интригъ, я долженъ быть готовъ ко всему, я долженъ приготовиться къ тому, что королева перестанетъ оказывать мнѣ свое довѣріе и осчастливливать своимъ вниманіемъ, и тогда я не могу уже больше оставаться при дворѣ.

Разговоръ этотъ былъ кѣмъ-то прерванъ и возобновился только въ концѣ той же недѣли.

Графиня де-Булльонъ смѣялась надо мной въ домѣ мадамъ де-Геменэ и увѣряла, что у меня грустный и разочарованный видъ, такъ какъ, вѣроятно, я влюбленъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ я,—любовь моя несчастна, такъ какъ я вижу очень рѣдко предметъ своей любви.

— Я думала наоборотъ,—отвѣтила мадамъ де-Булльонъ:—мнѣ кажется, напротивъ, вы очень хорошо приняты.

— Въ такомъ случаѣ, назовите мнѣ предметъ моей любви,—мнѣ кажется, я имѣю право знать его имя.

— Дѣло идетъ о такой высокой особѣ, что называть ея имя не годится, но въ комнатѣ, впрочемъ, такъ мало народа, что я могу сказать вамъ по секрету, что это сама королева.

Мадамъ де-Геменэ при этомъ покраснѣла и смутилась.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я довольно холодно,—надо будетъ сейчасъ ее увѣдомить объ этомъ, не называя, конечно, именъ (я посмотрѣлъ на мадамъ де-Булльонъ, она совершенно растерялась),—и, говоря это, я вышелъ изъ комнаты.

Я поднялся къ королевѣ и, встрѣтивъ ее идущей на молитву, упросилъ ее дать мнѣ полчаса аудіенціи послѣ молитвы. Она велѣла мнѣ подождать и какъ только вернулась, приказала позвать меня въ свой кабинетъ и спросила:

— Что скажете новаго?

— Я хотѣлъ предупредить, ваше величество, что нашлись люди, которые осмѣлились истолковать въ дурную сторону мою рабскую привязанность къ вашей особѣ, и что дерзость дошла до того, что осмѣлились даже смѣяться надъ вашей безконечной добротой по отношенію ко мнѣ. Я пришелъ просить васъ быть болѣе осторожной въ обращеніи со мной, не оказывать мнѣ столько знаковъ вниманія и позволить мнѣ являться рѣже ко двору.

— Вы такъ думаете?—спросила она съ гнѣвомъ:—неужели вы думаете, что я испугаюсь дерзкихъ сплетенъ и ради нихъ пожертвую человѣкомъ, на котораго могу рассчитывать и привязанность котораго мнѣ такъ дорога?

— Да, ваше величество должны это сдѣлать и я долженъ умолять васъ объ этомъ и, какъ мнѣ ни тяжело на время отказаться отъ счастья лицезрѣть свою монархиню, я долженъ попросить васъ отпустить меня; я хочу на время совершенно уединиться въ убѣжищѣ, предлагаемомъ мнѣ одной графиней, чтобы избѣгать козней враговъ, окружающихъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Такъ, значить, вы думаете, что я не буду въ состояніи защищать васъ?

— Я попрошу, ваше величество, я даже позволяю себѣ требовать, во имя моей привязанности къ вамъ, чтобы вы не компро-

метировали себя, оказывая мнѣ поддержку; я самъ сумѣю себя защитить.

— Какъ?! Вы хотите, чтобы я была такъ низка?... Нѣтъ, Лозенъ, мы связаны другъ съ другомъ, вы не погибнете, пока не погибну я.

— Государыня, развѣ можно принимать во вниманіе отдѣльную личность и ставить ее на одну доску съ королевой?...

— Но вѣдь личность эта не кто иной, какъ вы, Лозенъ! Не покидайте меня!

Глаза ея наполнились слезами; тронутый до глубины души, я упалъ къ ея ногамъ....

— Какъ ужасно, что я даже цѣною жизни не могу отплатить за вашу доброту, за ваше великодушіе, ваше величество.

Она протянула мнѣ руку, я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ жаромъ. Не мѣняя своей позы, она наклонилась ко мнѣ, и когда я поднялся, она очутилась въ моихъ объятіяхъ. Я прижалъ ее къ своей взволнованной груди, она покраснѣла, но на лицѣ ея не было видно слѣдовъ гнѣва.

— Итакъ,—сказала она, отходя немного отъ меня,—неужели же я ничего не достигну?

— Неужели вы думаете, что я еще могу принадлежать себѣ?—воскликнулъ я:—я весь у вашихъ ногъ. Я буду служить только вамъ, вы моя единственная владычица, да, вы моя королева, вы королева Франціи!—замѣтилъ я съ грустью.

Глаза ея, видимо, умоляли меня назвать ее другимъ именемъ. Я вдругъ почувствовалъ желаніе овладѣть счастьемъ, которое казалось столь близкимъ и возможнымъ. Но меня остановила сначала одна мысль, потомъ другая. Первая была та, что я еще никогда не пользовался минутной слабостью женщины, которая потомъ могла бы вызвать въ ней раскаяніе въ происшедшемъ, а, во-вторыхъ, я подумалъ о томъ, что, можетъ быть, княгиня Чарторыжская припишетъ мое охлажденіе къ ней честолюбію съ моей стороны. Я быстро оправился и сказалъ почти спокойно:

— Я ничего не предприиму безъ приказанія моей монархини, пусть она располагаетъ моей судьбой по своему усмотрѣнію.

— Уходите теперь, — сказала она: — разговоръ нашъ длился довольно долго и, вѣроятно, уже всеми замѣченъ.

Я отвѣсилъ глубокой поклонъ ея величеству и вышелъ изъ комнаты.

Очутившись въ своей комнатѣ, я снова обдумалъ все и мнѣ ясно представились опасности, которыми я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Къ счастью, я надѣлалъ еще меньше глупостей, чѣмъ могъ бы ихъ сдѣлать.

Положеніе мое становилось съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе и тяжелѣе. Королева не оказалась ни мужественной, ни скрытной. Министры короля уже знали о томъ, какую роль я хотѣлъ

заставить ее играть, и только искали случая засадить меня въ Бастилію и обвинить въ государственной измѣнѣ.

Я получилъ на той же недѣлѣ письмо отъ русской императрицы, въ которомъ она, не входя въ подробности, говорила о нашемъ планѣ, какъ о чемъ-то, что уже не составляетъ для нея никакого интереса; она предлагала поступить мнѣ на службу къ ней на самыхъ блестящихъ условіяхъ. Я написалъ королевѣ и просилъ ее назначить мнѣ аудіенцію у мадамъ де-Геменэ. Она пришла въ тотъ же вечеръ, я не сталъ скрывать отъ нея, что меня могутъ арестовать ежеминутно во Франціи и что мнѣ предлагаютъ въ Россіи такой высокой постъ, который не часто выпадаетъ на долю простого смертнаго. Она нѣсколько разъ повторила:

— Счастливая русская императрица, а я несчастная!—и затѣмъ прибавила:

— Лозень, я давно уже предвидѣла, что вы будете потеряны для насъ....

— Государыня,—отвѣтилъ я: — я вѣдь уже много разъ повторялъ, что пока буду счастливъ сознаніемъ вашего расположенія къ себѣ, я ничего не боюсь и готовъ на все. Я не покину Франціи, какъ преступникъ, я не уйду со службы короля безъ его позволенія и онъ не осудитъ меня, не выслушавъ. Пусть меня арестуютъ, всѣ мои бумаги въ надежномъ мѣстѣ, и моя корреспонденція съ его министрами послужитъ мнѣ оправданіемъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда я буду свободенъ предложить свои услуги тамъ, гдѣ ихъ сумѣютъ оцѣнить.

— Васъ не посмѣютъ арестовать, Лозень, вѣдь всѣ знаютъ, что это значить имѣть дѣло со мной, но что вы намѣрены отвѣтить въ Россію?

— Я приму предложеніе императрицы, но съ тѣмъ, что я перейду къ ней на службу только тогда, когда мнѣ удастся покинуть Францію открыто и честно, значить, не ранѣе полгода, примѣрно.

— Дайте мнѣ одинъ годъ, этого будетъ достаточно, чтобы найти средство защитить васъ и привязать васъ навсегда къ себѣ. У меня уже есть одно такое средство: де Теесе намѣренъ, кажется, выйти въ отставку, и я могу предложить вамъ его мѣсто, хотите быть моимъ первымъ шталмейстеромъ?

— Я глубоко тронутъ вашей добротой, но не могу воспользоваться ею. Вѣдь этотъ постъ сразу подтвердитъ всѣ тѣ гнусныя предположенія, которыя дѣлались на нашъ счетъ, и я снова повторяю вашему величеству, что я несогласенъ позволять себя осыпать благодареніями, результатомъ чего можетъ явиться подозрѣніе, что я дѣлаю все изъ расчета, а не отъ чистаго сердца. Я подожду еще годъ, такъ какъ моя королева этого хочетъ, но я нисколько не обманываюсь насчетъ того, что мнѣ придется покинуть Францію. Я увѣренъ въ томъ, что этого срока будетъ болѣе чѣмъ достаточно,

чтобы ваше величество отнеслись совершенно равнодушно къ моему отъѣзду изъ Франціи.

Слезы покатались изъ глазъ королевы.

— Вы обращаетесь со мной очень жестоко, Лозенъ,—и, обращаясь въ сторону мадамъ де-Геменэ, она добавила:— послушайте, помогите мнѣ уговорить нашего общаго друга не покидать насъ. Если бы у меня былъ сынъ,—сказала она, краснѣя:—я была бы счастлива, если бы вы могли быть его воспитателемъ.

— Я могъ бы желать только одного,— отвѣтилъ я:— служить ему такъ же вѣрно, какъ вамъ, но я не чувствую въ себѣ способностей быть воспитателемъ короля.

— Мало такихъ людей, какъ вы, и я не хотѣла бы его видѣть въ другихъ рукахъ, чѣмъ въ вашихъ.... Я увѣрена, что графиня раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Вы, можетъ быть, разсердитесь на меня, ваше величество; но вѣдь вы знаете, насколько мнѣ дорогъ Лозенъ, а между тѣмъ я не могу не согласиться съ нимъ, что онъ поступилъ умно, отклонивъ ваше милостивое предложеніе и принявъ приглашеніе русской императрицы, такъ какъ тамъ его оцѣнятъ гораздо больше, чѣмъ въ родной странѣ.

Разговоръ въ этомъ духѣ продолжался еще нѣсколько времени, потомъ королева сказала что-то шопотомъ мадамъ де-Геменэ, та подошла ко мнѣ и, смѣясь, сказала мнѣ:

— Скажите, пожалуйста, вы очень дорожите бѣлымъ перомъ, которое было на васъ въ тотъ день, когда вы уѣзжали отсюда? Королевѣ очень хочется имѣть его. Неужели вы откажете ей въ этой просьбѣ.

Я отвѣтилъ на это, что самъ не осмѣлился бы предложить его ей, но попрошу мадамъ де-Геменэ передать его отъ себя. Я немедленно послалъ курьера въ Парижъ за этимъ перомъ и на слѣдующій день вечеромъ вручилъ его мадамъ де-Геменэ. На другой же день я увидѣлъ его на королевѣ и, когда я пришелъ къ обѣду, она спросила меня, хорошо ли она причесана? — Прекрасно! — отвѣтилъ я. — Никогда я не чувствовала себя въ такомъ дорогомъ головномъ уборѣ, какъ сегодня,— отвѣтила она съ невыразимой граціей:— мнѣ кажется, будто я обладаю изъ ряда вонъ выходящимъ сокровищемъ. Лучше было бы, если бы она не сказала этого, такъ какъ герцогъ Коаньи услышалъ нашъ разговоръ и понялъ, откуда у королевы это перо. Она стала увѣрять его, покраснѣвъ, что я привезъ это перо изъ своихъ путешествій и подарилъ мадамъ де-Геменэ, а та отдала его ей. Герцогъ де-Коаньи въ тотъ же вечеръ говорилъ еще по этому поводу съ мадамъ де-Геменэ, высказалъ свое неудовольствіе по отношенію ко мнѣ, сказавъ, что я очень афиширую свое отношеніе къ королевѣ и онъ только удивляется, что она допускаетъ и поощряетъ это. На это онъ полу-

чиль очень сухой и холодный отвѣтъ и съ тѣхъ поръ сталъ изыскивать средство удалить меня.

Я, съ своей стороны, разсчитывалъ, что лучшее, что я могу сдѣлать, это провести большую часть зимы въ Италіи, но королева никогда бы на это не согласилась и, чтобы удалиться хоть на нѣсколько дней отъ двора, я предпринялъ путешествіе въ Шантелу, гдѣ всѣ, оказалось, очень были заняты и интересовались расположеніемъ ко мнѣ королевы. Особенно герцогиня Граммонъ возлагала большія надежды на мою близость къ королевѣ. Она не замедлила заговорить со мной по этому поводу и заявила, что я могу добиться отъ королевы всего, разъ ей такъ нравлюсь. На это я отвѣтилъ ей, что королева ко мнѣ очень милостива, но я не состою съ ней въ близкихъ отношеніяхъ и поэтому не знаю, да и не хочу вовсе знать, что она сдѣлаетъ для меня, чего нѣтъ. На это герцогиня замѣтила, что она, конечно, вовсе не напрашивается на мою откровенность, но что вполне естественно предполагать, что, благодаря такому отношенію королевы ко мнѣ, я давно уже сталъ ея любовникомъ, и поэтому она твердо вѣрить въ то, что я, съ своей стороны, приложу всѣ усилія, чтобы опять сдѣлать министромъ герцога Шоазеля. Я сталъ увѣрять герцогиню, что она ошибается въ своемъ предположеніи и я вовсе не такъ близокъ къ королевѣ, какъ она это думаетъ, и вовсе не намѣренъ заниматься интригами при дворѣ или давать ей совѣты, какъ поступать, и что если я, дѣйствительно, когда-нибудь буду имѣть какія-нибудь права на нее, то, конечно, не воспользуюсь ими для того, чтобы заставить ее вмѣшиваться въ дѣла короля и его министровъ; что всѣ знаютъ, насколько я преданъ герцогу Шоазелю, и что я оказалъ бы ему худую услугу, если бы сталъ хлопотать теперь о томъ, чтобы онъ снова сталъ во главѣ тогдашняго министерства. — Но почему же? — поспѣшно спросила меня герцогиня. — Потому, что теперь герцогъ могъ бы только проиграть отъ такого положенія дѣлъ; вѣдь никто не пользовался во всей Франціи такимъ почетомъ и славой, какъ онъ, а между тѣмъ, если бы онъ опять занялъ теперь постъ премьеръ-министра, его, пожалуй, сдѣлали бы, или, по крайней мѣрѣ, считали бы отвѣтственнымъ за всѣ промахи и недочеты его предшественниковъ, которые должны, по всей вѣроятности, повлечь за собой весьма грустныя послѣдствія. — Герцогъ и герцогиня Шоазель вполне согласились въ этомъ со мной, но де-Граммонъ увѣряла, что всѣ тѣ, кто искренно любилъ и почиталъ герцога, должны были мечтать о томъ, чтобы снова видѣть его во главѣ управленія великимъ государствомъ и всѣми силами стараться о томъ, чтобы снова ему вернули прежнюю власть и могущество. Но я не далъ себя уговорить и остался при своемъ мнѣніи. Я прекрасно понималъ, что, несмотря на расположеніе королевы къ герцогу Шоазелю, врядъ ли она будетъ довольна, что снова вернется ко двору его

властолюбивая и честолюбивая сестра. Я оставался въ Шантелу еще нѣсколько дней, тамъ всѣ относились ко мнѣ очень хорошо, но герцогиня Граммонъ съ тѣхъ поръ возненавидѣла меня всѣми силами своей души.

Я вернулся въ Парижъ и былъ крайне удивленъ, когда въ первый же день прїѣзда нашелъ у себя записку отъ мадамъ Харлэндъ, въ которой она увѣдомляла меня, что она въ Парижѣ и будетъ очень рада видѣть меня. Шевалье Харлэндъ, только что прибывшій изъ Англии, прїѣхалъ во Францію на нѣсколько недѣль, чтобы повидать своего сына, воспитывавшагося тамъ. Мое поведеніе по отношенію къ Маріаннѣ было такъ осторожно и осмотрительно, что бѣдная милэди Харлэндъ еще разъ исполнѣ довѣрилась мнѣ и ничего не имѣла противъ того, чтобы я поддерживалъ съ ней сношенія.

Маріанна, кокетливая и остроумная, какъ всегда, созналась мнѣ, что во время моего отсутствія изъ Парижа она вовсе не думала обо мнѣ и больше заботилась о томъ, чтобы найти подходящаго мужа, чѣмъ обзаводиться новымъ любовникомъ. Но все же она должна была сознаться, по ея словамъ, что съ радостью увидѣла меня и что рѣшительно всѣ мужчины теряли всякую цѣну въ ея глазахъ, въ сравненіи со мной. М-ле Харлэндъ, которая положительно не выносила жизни въ Англии, добилась отъ своихъ родителей позволенія остаться во Франціи и поселилась въ монастырѣ, а родители ея опять уѣхали въ Лондонъ. На этотъ разъ Маріанна разсталась со мной съ самымъ искреннимъ огорченіемъ.

Я всегда нѣжно любилъ Фанни, которая выказывала по отношенію ко мнѣ столько восторга и искренно интересовалась мною. Я сталъ часто посѣщать ее, но, къ сожалѣнію, живая и впечатлительная, она настолько увлеклась мною, что я счелъ блѣе честнымъ по отношенію къ ней, а особенно по отношенію къ Маріаннѣ, посѣщать ее какъ можно рѣже и въ концѣ концовъ совершенно прекратилъ свои посѣщенія. Она велѣла передать мнѣ, что она очень цѣнитъ мое честное поведеніе по отношенію къ ней, но въ то же время глубоко несчастна вслѣдствіе этого; затѣмъ она совершенно перестала писать мнѣ, и я больше ничего не зналъ о ней.

VII.

(1776—1777).

Партія Полиньяковъ.— Новая увлеченія: лэди Берриморъ.— Марія-Антуанетта и Лозенъ.— Королевскіе драгуны.— Кредиторы Лозена.

Королева съ нѣкотораго времени оказывала особое расположеніе къ графинѣ Юліи де-Полиньякъ. Красивая наружность, кроткій и прямой характеръ послѣдней способствовали тому, что расположеніе это увеличивалось съ каждымъ днемъ. Герцогъ де-Коаньи

обратился тогда къ ней, чтобы образовать противъ меня враждебную партію. Къ этой партіи сейчасъ же примкнула и герцогиня де-Грамонъ, въ лицѣ своего представителя барона Безенваля, который былъ искренно преданъ герцогу Шоазелю и находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ королевой. Баронъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли насмѣшками и издѣвательствами надо мной, но дурной тонъ и неумѣніе дѣлать все въ мѣру сослужили ему плохую службу. Графиня Юлія имѣла гораздо больше успѣха въ этомъ отношеніи, благодаря своему уму, граціи, такту и ровному спокойному расположенію духа, однако я въ скоромъ времени совершенно обезоружилъ ее.

Отношеніе королевы ко мнѣ было все прежнее. Она выказывала мнѣ полное довѣріе во всемъ и почти не позволяла отлучаться изъ Версаля, но я велъ себя всегда очень осторожно и только весьма неохотно подчинялся тѣмъ преимуществамъ, которыми она выдѣляла меня передъ всѣми. Королева, напротивъ, казалось, нарочно афишировала свои отношенія ко мнѣ и дѣлала видъ, будто я имѣлъ огромное вліяніе на нее. Вскорѣ всѣ при дворѣ заговорили о томъ, что я уже состою или скоро буду состоять въ числѣ ея любовниковъ. Мадамъ де-Геменэ, которая видѣла насъ постоянно вмѣстѣ, была въ этомъ увѣрена еще больше другихъ и говорила, что радуется тому, что королева попала въ руки человѣка, который никогда не заставитъ ее рѣшиться на поступки, недостойные ея сана. Королева также особенно выдѣляла мадамъ де-Геменэ; она, видимо, собиралась все время въ чемъ-то открыться ей, но каждый разъ сдерживалась и ничего не говорила, но зато постоянно говорила съ ней обо мнѣ съ живѣйшимъ интересомъ и очень тепло. Многіе просили меня похлопотать за нихъ передъ королевой; я принималъ всѣхъ очень вѣжливо и всегда совершенно серьезно увѣрялъ всѣхъ, что не пользуюсь никакимъ вліяніемъ на королеву и поэтому не могу просить ни за кого. Графъ д'Артуа, который въ подобныхъ случаяхъ служилъ всегда самымъ вѣрнымъ мѣриломъ, не только выказывалъ мнѣ глубокую привязанность, но и особенное почтеніе и такъ стремился всегда находиться въ моемъ обществѣ, что иногда положительно становился невыносимъ.

Королева любила крупную игру и знала, что это не нравится королю. Это ее заставляло скрывать нѣсколько, что она играетъ, и она выбирала себѣ партнеровъ въ самомъ ограниченномъ числѣ и съ большимъ выборомъ. Я доказывалъ ей, что это очень неосторожно съ ея стороны и даетъ поводъ къ разнымъ нелѣпымъ толкамъ. Я умолялъ ее играть въ залахъ своего дворца въ такія игры, которыя могли быть на виду у всѣхъ, и дѣлать что хочетъ только въ помѣщеніи де-Геменэ. Это быть единственный совѣтъ, въ связи съ совѣтомъ обращать больше вниманія на короля, который я вообще когда-либо осмѣлился ей дать. Она приняла его съ благо-

дарностью и тонкимъ тактомъ, которымъ она всегда отличалась.

Чтобы не слишкомъ было замѣтно, что я всегда нахожусь въ ея обществѣ, я часто участвовалъ также въ охотахъ, предпринимаемыхъ кородемъ, при чемъ всегда смертельно скучалъ; она прекрасно знала это. И поэтому въ эти дни она всегда старалась кататься верхомъ или тоже участвовать въ охотѣ, чтобы видѣть меня. Король меня всегда отсылалъ къ ней съ приказаніемъ остаться при ней. Онъ, видимо, ничего не имѣлъ противъ ея расположенія ко мнѣ; хотя уже и до него дошли различные слухи о нашей возможной близости, но онъ отнесся къ нимъ очень недоброжелательно и сталъ ко мнѣ особенно ласковъ и привѣтливъ. Однажды утромъ онъ узналъ, что графъ д'Артуа выѣхалъ очень рано утромъ изъ дому. Онъ очень обезпокоился этимъ, такъ какъ думалъ, что, пожалуй, тутъ замѣшана въ дѣло дуэль, но, когда онъ узналъ, что я поѣхалъ съ нимъ, онъ сразу успокоился и сказалъ: «Ну, если съ нимъ Лозенъ, я увѣренъ, что все обстоитъ благополучно, такъ какъ тотъ непременно предупредилъ бы королеву, если бы подозрѣвалъ какую-нибудь опасность для графа!» Вотъ каково было мое положеніе при дворѣ въ началѣ 1777 года. Но зато потомъ начались всяческія интриги и козни, благодаря которымъ достигли, наконецъ, моего окончательнаго удаленія отъ двора.

Въ концѣ 1775 года я случайно встрѣтился въ театрѣ съ милэди Берриморъ, моей давнишней знакомой, съ которой я, однако, видѣлся очень рѣдко въ свои пріѣзды въ Англию. Она была очень красива, остроумна и очень граціозна. Я зналъ, что она опасна для многихъ, но мнѣ она нравилась и я не считалъ ее опасной для себя. Я бывалъ у нея нѣсколько разъ и всегда встрѣчалъ у нея виконта де-Понъ, который, видимо, рисовался своимъ положеніемъ въ этомъ домѣ и, вѣроятно, не безъ основанія. Я вообще не люблю идти по чьимъ-либо слѣдамъ и хотѣлъ уже совершенно перестать бывать у нея, какъ вдругъ мой кузень, де-Сенъ-Блакаръ, объявилъ мнѣ, что милэди Берриморъ прелестна и что ужасно обидно, что этотъ пустой человекъ де-Понъ позволяетъ себѣ компрометировать ее, хотя, кажется, не имѣетъ на нее никакихъ рѣшительно правъ. Онъ посоветовалъ мнѣ убѣдиться въ томъ, насколько онъ близокъ къ ней и, въ случаѣ, если онъ не имѣетъ никакихъ основаній разыгрывать роль, которую взялъ на себя, изблечить его въ этомъ публично.

Хотя это было не въ моемъ характерѣ, но такъ какъ мнѣ она нравилась и я находилъ ее хорошенькой, то рѣшилъ довести ее до того, чтобы она созналась, въ какихъ она отношеніяхъ съ де-Понемъ. Она скоро стала увѣрять меня, что между ними рѣшительно ничего нѣтъ. Тогда я предложилъ себя на его мѣсто; она разсмѣялась и сказала: «А королева?» Я сталъ увѣрять ее, что всѣ ея

предположенія на этотъ счетъ лишены положительно всякаго основанія. «Послушайте», сказала она на это: «я считаю, что я красивѣе королевы и настолько молода, что, вообще, не желаю служить вамъ для отвода глазъ». Мнѣ стоило большого труда убѣдить ее въ томъ, что я вовсе не навязываю ей подобной роли. Она, наконецъ, мнѣ повѣрила, наградила меня поцѣлуемъ и тотчасъ между нами установились отношенія, о которыхъ я просилъ. На другой день она объявила де-Пону, что позволяетъ ему бывать у себя, какъ и раньше, но изъ уваженія ко мнѣ, котораго она любить, она вовсе не желаетъ, чтобы онъ разыгрывалъ у нея роль, на которую не имѣетъ никакого права. Я былъ очень доволенъ, что наконецъ-то опять обзавелся любовницей. Но случай этотъ произвелъ весьма нежелательное впечатлѣніе въ Версаль: мадамъ де-Геменэ пришла въ отчаяніе и старалась увѣрить меня въ томъ, что королева очень оскорблена этимъ. Королева, дѣйствительно, стала относиться очень плохо къ милэди Берриморъ, едва говорила съ ней и вообще ясно показывала, что она недовольна моимъ поведеніемъ. Несмотря на то, что я никогда не пользовался дѣйствительнымъ ея расположеніемъ, она все же снисходила до того, что ревновала меня ко всѣмъ женщинамъ, на которыхъ я обращалъ вниманіе. Но, несмотря на это, я все еще находился въ фаворѣ и посѣщалъ попрежнему аккуратно Версаль. Королева и графъ д'Артуа не могли ступить шага безъ меня. Но тогда опять начались интриги и первая изъ нихъ состояла въ слѣдующемъ.

Я поѣхалъ на балъ вмѣстѣ съ лэди Берриморъ, которая никогда не пропускала ни одного бала; я не зналъ, что королева будетъ на этомъ балу. При встрѣчѣ со мной она взяла меня подъ руку и долго говорила со мной шопотомъ. Это, конечно, было замѣчено всѣми. Нѣсколько дней спустя, я сидѣлъ у себя дома, такъ какъ сильно простудился. Ко мнѣ пріѣхалъ Эстергази и сталъ говорить о томъ, что онъ такъ давно считаетъ меня своимъ другомъ, что не можетъ не предупредить меня о томъ, что королева очень недовольна моимъ поведеніемъ, что я слишкомъ компрометирую ее, что и постоянно слѣдую повсюду за ней и не скрываю, что влюбленъ въ нее, что еще въ послѣдній разъ на балу я держалъ себя такъ, что мое поведеніе было замѣчено всѣми. Я спросилъ Эстергази, почему онъ думаетъ это. Онъ сказалъ, что ему передавала объ этомъ мадамъ де-Ламбаль, съ которой королева говорила по этому поводу, и просилъ меня хранить этотъ разговоръ въ тайнѣ. — Я не могу вамъ обѣщать этого, — сказалъ я:— королева, я увѣренъ, никогда не стала бы меня предупреждать черезъ третье лицо о томъ, что она недовольна мною. Эстергази, повидимому, очень испугался моего рѣшенія написать обо всемъ королевѣ, но не смѣлъ отговаривать меня и очень быстро ретировался. Я сейчасъ же написалъ королевѣ и передалъ ей весь нашъ разговоръ. Она обо-

пласть очень холодно съ Эстергази, сдѣлала ему выговоръ и написала мнѣ, что я самъ долженъ видѣть, что въ томъ, что онъ говорилъ, нѣтъ ни слова правды.

На большомъ балу, который давала герцогиня Шартръ въ честь королевы, лэди Берриморъ измѣнила мнѣ впервые, съ тѣхъ поръ какъ мы съ ней находились въ близкихъ отношеніяхъ. За этой измѣной вскорѣ послѣдовали другія. Послѣ бала въ Пале-Роялѣ лэди Берриморъ отправилась на балъ въ оперу, тамъ она находилась въ ложѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Шартрскимъ и графомъ д'Артуа, и Богъ знаетъ что тамъ произошло. На слѣдующій день мнѣ рассказалъ обо всемъ герцогъ, который зналъ, что я имѣлъ права на лэди Берриморъ. Я сталъ упрекать ее, но она отвѣтила очень развязно, что, дѣйствительно, на нѣсколько времени осталась въ ложѣ одна съ графомъ, но что это ровно ничего не значитъ, такъ какъ нѣсколько минутъ спустя она уже вышла изъ нея. Я не особенно любилъ ее и поэтому не ревновалъ и повѣрилъ ея словамъ. Но съ каждымъ днемъ, несмотря на ея измѣну, я сталъ привязываться къ ней все сильнѣе, и только ея легкомысленное поведеніе оставивало меня иногда. Я не имѣлъ особенныхъ основаній быть недовольнымъ ея поведеніемъ, но въ это время совершенно случайно одинъ изъ слугъ графа д'Артуа, долго служившій передъ тѣмъ у меня и очень привязанный ко мнѣ, думалъ, что окажетъ мнѣ этимъ услугу и пришелъ предупредить меня, что лэди Берриморъ находится въ связи съ графомъ въ одно время со мной и при этомъ доставилъ мнѣ доказательства, подтверждающія его слова. Я былъ шокированъ ея измѣной и сталъ упрекать ее, но она отнеслась къ моимъ упрекамъ такъ хладнокровно, что смутила меня. «Я въ этомъ сознаюсь и давно бы сказала вамъ это», замѣтила она: «но боялась вашего живого и безпокойнаго характера; я, собственно говоря, вовсе не хотѣла васъ обманывать»—Я хотѣлъ прервать съ ней всякія сношенія, но она сказала мнѣ:

— Лозенъ, напрасно вы хотите бросить меня. Вы мнѣ очень нравитесь, вы подходите мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но моя свобода дороже мнѣ всего. Я вовсе не желаю ею жертвовать ради васъ, я не хочу, чтобы мой любовникъ сдѣлался вторымъ мужемъ, требовательнымъ, ревнивымъ и настаивающимъ на томъ, чтобы я оставалась ему вѣрна. Я вовсе не влюблена въ графа д'Артуа, но въ то же время я не хочу прерывать съ нимъ сношенія и приносить этимъ жертву вамъ. Я думаю остаться съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что не люблю его. Чтобы доказать вамъ, что я совершенно равнодушна къ нему, вотъ возьмите этотъ портфель, онъ полонъ письмами отъ него, можете жечь ихъ или дѣлать съ ними, что вамъ угодно, только знайте одно—съ вашими письмами я такъ никогда не поступлю.

Я былъ такъ удивленъ, что ничего не могъ ей отвѣтить на это. Она продолжала:

— Не будемъ ссориться, Лозенъ, изъ-за пустяковъ; ухаживание графа д' Артуа меня забавляетъ и льститъ моему самолюбию; это для меня игрушка, которую я не позволю отнять у себя. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы вы находили во мнѣ всѣ прежнія чувства къ вамъ. Можете быть увѣрены, что вы настолько мнѣ нравитесь, что никогда я не отдамъ ему ни одной изъ тѣхъ минутъ, которыя я могу провести съ вами. Я никогда еще не интересовалась никѣмъ такъ сильно, какъ вами; я не желаю быть вашей рабыней, но въ то же время я была бы очень огорчена, если бы мнѣ не пришлось больше быть вашей любовницей.

Говоря это, миледи лежала въ небрежной позѣ на оттоманкѣ, въ довольно откровенномъ костюмѣ и такая хорошенькая, что я совѣмъ потерялъ голову и снова былъ въ ея объятіяхъ.

— Вы считаете меня умной,—говорила она, осыпая меня жгучими ласками:—но я нахожу, что и вы не глупы. Я увѣрена вполне, что была бы гораздо счастливѣе, если бы вамъ удалось привить мнѣ свои взгляды и принципы, но я сомнѣваюсь вообще, чтобы это было возможно.

Нечего и говорить о томъ, что мы опять помирились съ нею.

Что касается графа д' Артуа, она сдержала слово и мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ нимъ у нея. Но зато и она никогда не предъявляла мнѣ никакихъ требованій; я самъ старался каждую ночь, которую я проводилъ не въ Версалѣ, проводить съ нею. Свиданія ея съ графомъ меня нисколько не касались. Она иногда заставляла его просиживать въ экипажѣ на площади цѣлыми часами, несмотря на то, что зима была ужасно суровая, и я выходилъ отъ нея, когда мнѣ этого хотѣлось.

Благодаря мнѣ, у бѣднаго Артуа сдѣлался страшный кашель. Онъ, конечно, зналъ, что виной этому—я, но никакъ не подозрѣвалъ, что мнѣ объ этомъ извѣстно.

Въ началѣ 1776 года де-Сенъ-Жерменъ рѣшилъ расформировать всѣ легіоны, вмѣсто того, чтобы увеличить ихъ число, какъ этого ждали отъ него. Королева узнала объ этомъ раньше, чѣмъ это стало извѣстно въ публикѣ, и пришла къ мадамъ де-Гёменэ, не зная, какъ сообщить мнѣ объ этомъ. Я видѣлъ, что ее мучило что-то, но не зналъ, въ чемъ дѣло, пока не вошелъ герцогъ д' Аркуръ.

— Поздравляю васъ,—сказалъ онъ какъ-то въ разговорѣ:—вѣдь, кажется, почти навѣрняка рѣшенъ вопросъ, что Сенъ-Жерменъ значительно увеличитъ легіоны и доведетъ ихъ до двухъ тысячъ человѣкъ.

Королева слегка вскрикнула и вышла изъ комнаты, мадамъ де-Геменэ въ испугѣ послѣдовала за ней.

— Я въ отчаяніи,—сказала ей королева:—вы слышали, что сейчасъ говорили про легіоны. Ихъ дѣйствительно расформировали, вашъ другъ будетъ теперь, вѣроятно, очень огорченъ этимъ и теперь уже ничто не удержитъ его при дворѣ.

— Да, дѣйствительно,—отвѣтила мадамъ де-Геменэ:—онъ, кажется, очень привязанъ къ своему легіону, но если вообще его можетъ что-нибудь удержать здѣсь, такъ это только милостивое отношеніе къ нему вашего величества; лучше всего будетъ, если вы сами сообщите ему эту новость.

Она позвала меня въ эту комнату.

— Мнѣ ужасно жаль, Лозенъ, но это, кажется, правда, что легіоны будутъ подвергнуты различнымъ реформамъ.

— Я очень радъ этому—отвѣтилъ я:—такъ какъ такимъ образомъ я получу свою свободу, которой такъ давно добиваюсь. Надѣюсь, что наша королева не допуститъ того, чтобы съ нашими храбрыми и доблестными воинами поступили не такъ, какъ они этого заслуживаютъ.—Она прервала меня.

— Нѣтъ, я уже позаботилась о томъ, чтобы они ничего не потеряли при новомъ положеніи дѣлъ. Но что же вы думаете дѣлать сами?

— Что касается меня, ваше величество, то, конечно, если я вообще еще буду служить, такъ только не во Франціи.

— Итакъ, значитъ, все зависѣло только отъ Сенъ-Жермена; онъ отнялъ у насъ человѣка, на котораго я больше всего рассчитывала.

Я увидѣлъ на глазахъ ея слезы и былъ очень этимъ тронутъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—сердце мое никогда не будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; вы и теперь можете располагать моею судьбой. Теперь я буду служить уже не королю, а королевѣ; изъ этого вы видите, что я вовсе не хочу покидать двора.

Она протянула мнѣ руку, не говоря ни слова; я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ жаромъ. И, обращаясь къ мадамъ де-Геменэ, она сказала: «Я вошла въ эту комнату очень несчастной, а выхожу изъ нея счастливой».—И она вышла.

Сенъ-Жерменъ отправился вслѣдъ затѣмъ къ королевѣ и доложилъ ей, что вовсе не собирался меня лишать возможности служить въ легіонахъ, реформируя ихъ, и уже испросилъ у короля позволенія назначить меня командиромъ отдѣльнаго корпуса въ 1200 конныхъ стрѣлковъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ соответственное распоряженіе, и на дѣлѣ выяснилось, что я не только ничего не потерялъ, но, напротивъ, только выигралъ, такъ какъ командовалъ тѣмъ же легіономъ, но только подъ другимъ названіемъ

и въ болѣе увеличенномъ видѣ. Мнѣ не приходилось, конечно, на это жаловаться, а королева была тоже очень довольна.

Но не прошло и двухъ недѣль, какъ де-Сенъ-Жерменъ съ грустью сообщилъ мнѣ, что его планъ основать новый корпусъ въ 1200 стрѣлковъ потерпѣлъ неудачу и поэтому онъ попросить де-Штромберга уступить мнѣ командованіе своимъ драгунскимъ полкомъ, но это рѣшеніе было сдѣлано безъ спроса Штромберга. Когда ему сказали о немъ, онъ, конечно, запротестовалъ.

Сенъ-Жерменъ первый сообщилъ объ этомъ королевѣ и, видимо, былъ огорченъ этой неудачей; онъ говорилъ, что еще все можно поправить, что, можетъ быть, де-Шамборанъ откажется отъ командованія своимъ гусарскимъ полкомъ, и что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы передать этотъ полкъ мнѣ. Онъ даже поручилъ мнѣ самому отправиться къ де-Шамборану вести переговоры по этому случаю, съ тѣмъ, чтобы я могъ вернуться затѣмъ съ его согласіемъ, которое, вѣроятно, онъ дастъ очень легко. Эта комбинація очень понравилась королевѣ, такъ какъ она мечтала меня видѣть командующимъ венгерскимъ полкомъ.

Но и тутъ наши расчеты не оправдались, де-Шамборанъ не только не принялъ моего предложенія, но очень обидѣлся на него и написалъ очень рѣзкое письмо Сенъ-Жермену, въ которомъ прямо наотрѣзъ отказался уступить свой полкъ.

Въ Версалѣ совершенно не были подготовлены къ подобному исходу дѣла и, когда я вернулся въ Парижъ, королева поднесла мнѣ великолѣпную саблю и была потомъ страшно огорчена, когда узнала, что я не получилъ полкъ Шамборана. Тогда она рѣшила просить у короля для себя особенный венгерскій гвардейскій полкъ, который хотѣла передать мнѣ, но я постарался увѣрить ее въ томъ, что это назначеніе вызоветъ только лишнее осложненіе и будетъ истолковано очень невыгодно для насъ обоихъ. Я старался не говорить вообще о своей военной карьерѣ, и прошло нѣсколько мѣсяцевъ, во время которыхъ о ней совсѣмъ не упоминалось.

Въ это время общее вниманіе было обращено на случай съ Гвиномъ, въ которомъ и мнѣ пришлось принять участіе. Въ продолженіе карнавала мадамъ де-Гёменэ давала каждую субботу балы для королевы. Въ двухъ комнатахъ играли, а въ другихъ— танцевали.

Это было какъ разъ въ тѣ времена, когда уже начали циркулировать въ городѣ самые невозможные пѣсни и пасквили на королеву, къ счастью, въ нихъ еще ни разу не упоминалось моего имени, но съ каждымъ днемъ положеніе мое становилось все затруднительнѣе, и я не сомнѣвался въ томъ, что враги мои только и помышляютъ о томъ, какъ бы погубить меня. Я игралъ какъ разъ въ карты съ графомъ д'Артуа, съ герцогомъ де-Шартръ и еще съ двумя лицами, какъ вдругъ въ комнату вошла

мадамъ де-Геменэ съ такимъ видомъ, какъ будто она только что узнала объ ужасномъ несчастіи, она подошла ко мнѣ и сказала: «Сейчасъ бросайте вашу игру, мнѣ необходимо сказать вамъ что-то весьма важное».

Я не сомнѣвался въ томъ, что отданъ былъ приказъ арестовать меня и что меня сейчасъ же отведутъ въ Бастилію. Я всталъ и вышелъ за ней. Она сказала мнѣ, что только что отозвали отъ англійскаго двора Гвина, самымъ униженнымъ для него образомъ, что его обвиняли въ томъ, что онъ дѣйствовалъ наперекоръ даннымъ ему инструкціямъ и что онъ вообще очень компрометировалъ французскій дворъ въ Англии.

Мнѣ показалось, что невозможно было, чтобы де-Гвинъ надѣлалъ столько глупостей, и я рѣшилъ еще разъ сослужить ему службу, не ожидая отъ него за это благодарности. Въ это время подошли къ намъ королева и герцогъ де-Коаньи и рѣшено было, что королева не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Я всѣми силами возсталъ противъ этого рѣшенія и сталъ доказывать, что королева не имѣетъ права оставлять въ нуждѣ этого человѣка, къ которому она всегда такъ благоволила. Герцогъ де-Коаньи стоялъ за то, чтобы королева все-таки не вмѣшивалась въ это дѣло; тогда я сталъ настаивать еще сильнѣе. Я говорилъ, что вовсе не требуется, чтобы королева просила за него, она должна только настоять на томъ, чтобы его не осудили, не выслушавъ прежде. Я настаивалъ на томъ, что, въ противномъ случаѣ, никто не можетъ положиться на доброе отношеніе къ нему королевы и что и по собственному опыту могу судить о томъ, какъ это повліяетъ на всѣхъ окружающихъ. «Довольно», сказала королева: «я рѣшила, что послѣдую совѣту моего друга Лозена, я поступлю въ данномъ случаѣ такъ, какъ вы хотите, Лозенъ».—Послѣ этого она вернулась въ танцевальный залъ. Мадамъ де-Геменэ раздѣляла мое мнѣніе съ самаго начала разговора, но зато Коаньи страшно обозлился на меня.

Де-Гвинъ пріѣхалъ изъ Лондона. Королева настояла на томъ, чтобы король выразилъ ему свою благодарность и далъ ему титулъ герцога. Она послала за нимъ впервые (она никогда раньше не приглашала его къ себѣ) около девяти часовъ утра, чтобы сообщить ему объ этой милости короля, при этомъ она сказала ему: «Пойдите, передайте объ этомъ Лозену, такъ какъ только ему вы обязаны благопріятнымъ исходомъ вашего дѣла. И попросите его немедленно придти ко мнѣ».

Я проигралъ большую часть ночи и находился еще въ постели, когда пришелъ де-Гвинъ; онъ выразилъ мнѣ при этомъ свою живѣйшую благодарность. Я быстро одѣлся и поспѣшилъ къ королевѣ.

— Ну, что же, вы довольны мною?—спросила она:—не правда ли, я вѣдь послѣдовала вашему совѣту?

— Развѣ я могу быть недоволенъ, видя вамъ справедливость и вашу доброту?—отвѣтилъ я.

— Но неужели вы всегда будете просить меня о другихъ,— сказала она,— и мнѣ никогда не придется оказать услугу вамъ лично?

— Нѣтъ, ваше величество, вѣдь вамъ извѣстны мои убѣжденія, я никогда не измѣню имъ.

— Гордый, странный, необыкновенный человѣкъ, меня это сердитъ и возмущаетъ!—воскликнула она и вышла изъ комнаты.

Въ началѣ весны было множество бѣговъ, и вездѣ въ бѣгахъ участвовали мои лошади; королева всегда ставила на нихъ, что многіе находили крайне неприличнымъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля я пустилъ одну изъ своихъ лошадей состязаться съ лошадью герцога де-Шартръ, при чемъ ставка была настолько значительна, что лошадь положительно этого не стоила. Королева очень этимъ интересовалась, пріѣхала сама на бѣга и за минуту до старта подозвала меня къ себѣ и сказала: «Я такъ боюсь и волнуюсь за васъ, что мнѣ кажется, что если ваша лошадь проиграетъ, я расплачусь».—Это, конечно, тоже было замѣченно многими и подверглось также осужденію. Лошадь моя, однако, взяла призъ, и публика, относившаяся ко мнѣ лучше, чѣмъ къ герцогу де-Шартръ, долго еще аплодировала мнѣ. Королева не скрывала своей радости по этому поводу. Мнѣ стоило большого труда уговорить ее держать себя корректнѣе и отказаться отъ мысли сейчасъ же велѣть осѣдлатъ себѣ мою лошадь. Тотъ фактъ, что мнѣ удалось ее отговорить это сдѣлать, доказывалъ, что я дѣйствительно имѣлъ на нее большое вліяніе.

Нѣсколько дней спустя, на охотѣ въ Булонскомъ лѣсу, королева замѣтила одну изъ моихъ лошадей, которую держалъ наготовѣ мой конюхъ, часто достаивавшійся чести разговаривать съ нею; она спросила его, хороша ли эта лошадь и годится ли она подъ дамское сѣдло; тотъ отвѣтилъ, что ручается, что трудно найти болѣе кроткую и удобную лошадь; тогда королева объявила мнѣ, что хочетъ взять эту лошадь себѣ. Я наклонился къ ней и шутя, шопотомъ сказалъ: «А я не хочу вамъ ее отдавать».—Тогда она подозвала моего конюха, велѣла обмѣнять мою лошадь на другую изъ ея конюшни и при этомъ сказала мнѣ громко: «Такъ какъ вы не хотите добровольно разстаться съ этой лошадью, я беру ее силой».—Послѣднія слова были услышаны герцогомъ де-Коаньи, который какъ разъ подѣхалъ въ это время къ намъ; они его положительно шокировали, какъ онъ самъ потомъ выразился.

Фаворъ мой не могъ, кажется, уже достигнуть болѣе высокой степени и дѣйствительно сталъ теперь клониться къ закату. Король тоже сталъ относиться ко мнѣ очень хорошо, какъ вдругъ

де-Сенъ-Жерменъ, который все время обманывалъ меня разными обѣщаніями, предложилъ мнѣ командованіе драгунскимъ полкомъ, который считался самымъ отчаяннымъ и недисциплинированнымъ изъ всѣхъ полковъ Франціи. Я отказался очень холодно, не проявляя нисколько своего гнѣва.

Король послалъ за мной въ Марли и говорилъ со мной по этому поводу съ такой добротой и съ такой заботой обо мнѣ, что положительно я былъ этимъ тронутъ. Онъ просилъ меня взять на себя командованіе драгунскимъ полкомъ и обѣщалъ мнѣ отдать въ полное распоряженіе первый же полкъ, пѣхотный или конный, который будетъ сформированъ вновь, затѣмъ, выходя изъ комнаты, онъ обратился къ Сенъ-Жермену и сказалъ: «Все устроилось, Лозенъ возьметъ драгунскій полкъ».

Сенъ-Жерменъ объявилъ мнѣ, что позволяетъ мнѣ располагать этимъ полкомъ совсѣмъ по моему желанію, я могу устроить гарнизонъ, гдѣ я хочу, и что хотя цѣна этого полка 40.000 экю, но король отдастъ мнѣ его даромъ.

Въ концѣ той же недѣли королева въ Марли узнала, что мадамъ де-Ламбаль, ея самая близкая подруга, заболѣла краснушкой въ Пломбьерѣ. Она очень боялась за своего друга и ей все казалось, что отъ нея скрываютъ, что та больна очень тяжело, она никому не вѣрила, и я предложилъ ей прежде, чѣмъ ѣхать къ своему полку, заѣхать въ Пломбьеръ, тамъ все хорошенько разузнать и увѣдомить ее затѣмъ обо всемъ подробно. Она съ благодарностью приняла мое предложеніе, цѣлый слѣдующій день провела за своимъ письменнымъ столомъ и вручила мнѣ при отъѣздѣ толстый пакетъ, въ которомъ, какъ она сказала, много говорилось обо мнѣ. Я поѣхалъ сейчасъ же и, прибывъ въ Пломбьеръ, нашелъ тамъ герцогиню Граммонъ, которая, разсчитывая, что я имѣю вліяніе на королеву, дѣлала мнѣ тысячу авансовъ и всячески старалась разузнать, не посланъ ли я туда съ какимъ-нибудь секретнымъ порученіемъ.

Мадамъ де-Ламбаль чувствовала себя превосходно и тотчасъ же написала письмо королевѣ, которое я и отправилъ съ своимъ курьеромъ, а самъ я поѣхалъ въ Саргеминъ, къ своему прежнему леіону, съ которымъ не могъ не проститься, такъ какъ былъ искренно привязанъ къ своимъ солдатамъ. Наше прощеніе было поистинѣ трогательно, они разставались со мной очень неохотно.

Я отправился затѣмъ въ Саръ-Луи, гдѣ находился мой теперешній полкъ, и тамъ, къ своему удивленію, узналъ, что Сенъ-Жерменъ остался вѣренъ своей тактикѣ со мной и взыскалъ съ меня 40000 экю за полкъ, который, по его словамъ, король отдалъ мнѣ даромъ. Мой полкъ, который въ продолженіе тридцати лѣтъ находился подъ начальствомъ крайне безопасныхъ командировъ, вовсе не заботившихся о немъ, достигъ въ это время полной де-

организации, и поэтому солдаты ждали меня со страхомъ, но въ скоромъ времени мы прекрасно поладили съ ними, я никогда не встрѣчалъ еще полка, гдѣ бы такъ стремились исполнять мои приказанія, какъ этотъ полкъ, пользовавшійся такой дурной репутаціей.

Я не могу обойти молчаніемъ довольно комичный случай, бывшій со мной въ мою бытность въ Саръ-Луи. Дѣло въ томъ, что въ полумили отъ города находился монастырь канониссъ, гдѣ воспитывались благородныя дѣвицы, изъ самыхъ лучшихъ аристократическихъ фамилій. Я часто посѣщалъ этотъ монастырь, и меня встрѣчали тамъ всегда очень радостно, сама начальница его, нѣмка по происхожденію, очень благоволила ко мнѣ, но больше всего вниманія мнѣ оказывала одна изъ дѣвиць, звали ее м-лле де-Сюренъ, она была очень красива, весела и такъ мила, что съ каждымъ днемъ нравилась мнѣ все больше, кромѣ того, она держала себя очень свободно и нерѣдко подъ столомъ прижималась ко мнѣ колѣнями или наступала нарочно на ногу. Я, конечно, не преминулъ бы воспользоваться этимъ явнымъ ко мнѣ расположеніемъ, если бы начальница не предупредила меня, что эта дѣвушка изъ очень хорошей семьи и въ высшей степени наивна и непорочна; я, конечно, не рѣшался просвѣщать ее въ желательномъ мнѣ направленіи и поэтому всячески сдерживался въ ея присутствіи и все свое свободное время посвящалъ одной замужней женщинѣ, звали ее мадамъ Дюпреэль, которая не отличалась особенной красотой, но была всегда весела и мила. Каково же было мое удивленіе, когда, уѣзжая изъ Саръ-Луи, я вдругъ узнаю что эта самая м-лле Сюренъ находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ пятью офицерами моего полка, доказательствомъ чему служили ея болѣе чѣмъ откровенныя письма къ нимъ, которыя они мнѣ показали.

Я получилъ въ Саръ-Луи черезъ курьера письмо отъ мадамъ де-Геменэ, которая передавала мнѣ отъ имени королевы, что графиня де-Полиньякъ просила у нея мѣста оберъ-штабмейстера для своего мужа, но что королева не можетъ обѣщать ей исполнить ея просьбу, такъ какъ предлагала когда-то это мѣсто мнѣ и поэтому не считаетъ себя въ правѣ располагать имъ теперь по своему усмотрѣнію, не зная, пріятно ли мнѣ это будетъ. Я отвѣтилъ, конечно, какъ и долженъ былъ отвѣтить, что никогда не рассчитывалъ на это мѣсто и поэтому буду очень радъ, если королева будетъ располагать имъ совершенно какъ ей заблагоразсудится. Я постарался написать какъ можно естественнѣе и непринужденнѣе, чтобы королева не подумала, что я обидѣлся на это. Я вернулся въ Парижъ въ началѣ октября. На другой день я поѣхалъ въ Шоази, гдѣ находился король. Королева встрѣтила меня очень хорошо, была со мной очень ласкова и милостива и долго гово-

рила со мной наединѣ, наконецъ я вышелъ изъ комнаты и, уходя, я слышалъ, какъ герцогъ де-Коаньи сказалъ ей: «Ваше величество не сдержали слова, вы слишкомъ много говорили съ нимъ и обращались съ нимъ далеко не какъ со всѣми».—Я, конечно, догадался, что рѣчь шла обо мнѣ. Нѣсколько минутъ спустя, ко мнѣ опять подошла королева, но я сказалъ ей, что боюсь, что ее снова будутъ бранить за это; она очень смутилась, но потомъ разсмѣялась и стала шутить надъ этимъ вмѣстѣ со мной.

Опасенія близкой войны заставляли правительство обратить свое вниманіе на Индію. Велѣно было по этому поводу составить особую записку де-Бюсси, который долго жилъ въ Индіи. Мнѣ очень захотѣлось тоже поѣхать въ Индію, я объ этомъ сказалъ де-Вога, который уже въ продолженіе десяти лѣтъ выказывалъ мнѣ самую искреннюю дружбу, и де-Бюсси выразилъ свое согласіе взять меня съ собой въ Индію въ качествѣ своего помощника. Я сказалъ объ этомъ королевѣ, но она воспротивилась этому и заявила, что никогда не согласится на это, и отказалась наотрѣзъ говорить объ этомъ съ королемъ. У меня не было другихъ связей въ данномъ случаѣ, такъ какъ я никогда не видалъ де-Морепа, котораго королева не любила и къ которому она никогда не позволяла мнѣ ходить.

Въ продолженіе всего путешествія въ Фонтенебло королева выказывала мнѣ необыкновенное расположеніе, приводившее меня въ сильное смущеніе; я сознавалъ, что общество, окружавшее ее, ненавидитъ меня, и поэтому положеніе мое было очень незавидное. Королева, оставаясь со мной наединѣ, выказывала мнѣ особое вниманіе, но потомъ, при другихъ, сдерживалась и едва говорила со мной, это, видимо, радовало моихъ враговъ, которые думали, что наконецъ-то наступаетъ начало конца и скоро я уже совершенно утрачу расположеніе королевы. Я все время умолялъ королеву отпустить меня въ Индію, такъ какъ этимъ путемъ все бы уладилось, но она и слышать ничего не хотѣла объ этомъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоялись опять очень интересные бѣга, гдѣ лошадь графа д'Артуа состязалась съ лошадью герцога де-Шартръ, королева держала пари за графа д'Артуа, а я за герцога, и лошадь герцога выиграла; тогда королева, сходя съ трибуны, сказала мнѣ громко: «Чудовище, вы были увѣрены въ томъ, что выиграете».—Подобное фамиллярное обращеніе страшно перепугало моихъ враговъ, и они снова возобновили свои тайныя козни.

Въ тѣ времена у меня были огромные долги и что бы тамъ ни говорили, въ этомъ не было ничего удивительнаго: моя жена принесла мнѣ въ приданое только 150.000 ливровъ ежегоднаго дохода. Но впереди намъ предстояло получить еще не одно наследство и поэтому будущность не пугала насъ. Моими дѣлами руко-

водили въ высшей степени плохо, пока я былъ еще несовершеннолѣтній, и я потерялъ тогда очень много денегъ, благодаря неопытности моихъ руководителей. Потомъ я самъ, благодаря моей небрежности, моей склонности къ мотовству, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ еще больше разстроилъ свое состояніе. Я долженъ былъ болѣе 1.500.000 ливровъ, обладая состояніемъ болѣе чѣмъ въ четыре милліона. Мои кредиторы не особенно меня притѣсняли и ждали терпѣливо, когда я буду въ состояніи уплатить свои долги. Я со всѣми ими переговорилъ по возвращеніи изъ Фонтенебло, такъ какъ надѣялся уѣхать въ Индію.

Всѣ они вполне были согласны съ тѣми комбинаціями, которыя я имъ предложилъ, и все шло отлично, какъ вдругъ большинство моихъ векселей было скуплено официальными лицами. Они настолько страстно желали обладать этими векселями, что даже платили иногда больше, чѣмъ они стоили.

Когда, наконецъ, все это было довольно искусно подстроено, меня пригласила къ себѣ бабушка моей жены, вдова маршала Люксембурга, и хотѣла запугать меня, объявивъ, что я прожилъ все свое состояніе и теперь у меня нѣтъ положительно никакихъ средствъ къ существованію. Я отвѣтилъ ей на это, что это неправда, и она очень смутилась, увидѣвъ, что я больше знаю о своихъ дѣлахъ, чѣмъ она думала. Чтобы напугать меня, она стала говорить о томъ, что семьѣ моей дана власть учредить надо мною опеку. Я объявилъ, что и этого не боюсь, такъ какъ права такого никто ей не давалъ. Тогда она сказала, что у нея есть вексель, который подлежитъ къ уплатѣ черезъ два дня, и сумма его равняется 100.000 франковъ, что если я не уплачу этой суммы въ назначенный срокъ, лицо, обладающее этимъ векселемъ, подастъ ко взысканію и у меня опишутъ всю мебель, которая собственно принадлежитъ моей женѣ. Я вышелъ отъ нея очень недовольный всѣмъ этимъ разговоромъ, а главное самимъ собою.

Что касается моей жены, она находилась въ такомъ затрудненіи, что, несмотря на то, что мнѣ было вовсе не до смѣха, я не могъ не посмѣяться надъ ней. Она хотѣла бы казаться очень благородной и даже щедрой, но такъ, чтобы ей это ничего не стоило и чтобы не брать на себя ни малѣйшаго обязательства. Но это, конечно, мѣшало ей разыгрывать ту роль благодѣтельницы, которую она охотно взяла бы на себя, и вслѣдствіе этого ей приходилось молчать, что она и дѣлала.

Я отправился къ отцу, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, просилъ его не вмѣшиваться въ это дѣло и только дать мнѣ слово, что онъ предупредитъ меня, если дѣйствительно меня захотятъ за долги засадить въ Бастилію. Онъ ничего не имѣлъ противъ назначенной ему роли, такъ какъ она тоже не стоила ему ровно ничего и онъ могъ держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ дразгъ.

Прямо отъ него я поѣхалъ къ тому человѣку, у котораго находился мой вексель на 100.000 франковъ и, конечно, упрекнулъ его за то, что онъ собирается подать его ко взысканію. Онъ разсказалъ мнѣ, что ему заплатили большую сумму за то, чтобы онъ подалъ его ко взысканію и онъ, конечно, не могъ отказаться отъ случая заработать нѣсколько сотъ франковъ. Я разсказалъ ему, въ какое положеніе онъ меня поставитъ своимъ поступкомъ и какія послѣдствія онъ будетъ имѣть для меня. Тогда онъ предложилъ мнѣ слѣдующаго рода комбинацію; онъ далъ мнѣ самъ эти 100.000 франковъ, за большіе проценты, конечно, съ тѣмъ, чтобы я ими уплатилъ сейчасъ же по векселю, который такъ беспокоилъ меня. Нечего и говорить, что я съ радостью принялъ его предложеніе.

На другой день я собралъ всѣхъ своихъ кредиторовъ и они оказались очень стоворчивыми, за исключеніемъ тѣхъ, которые недавно скупили мои векселя по проискамъ моихъ родныхъ, но, къ счастью, таковыхъ было немного и у меня нашлось настолько наличныхъ денегъ, что я сейчасъ же могъ расплатиться съ ними. Я рѣшилъ, что немедленно продамъ всѣ свои земли и насколько возможно скорѣе расплачусь съ долгами, а затѣмъ поѣду путешествовать, соблюдая какъ можно большую экономію, а всѣ оставшіяся у меня деньги я раздѣлю поровну между собою и моею женою, чтобы она не могла жаловаться, что я обидѣлъ ее.

Въ это время ко мнѣ пришелъ де-Воазэ и сказалъ со свойственной ему простотой: «Говорятъ, что вы совершенно разорились, мнѣ положительно не хочется вѣрить этому, но, конечно, это можетъ быть, и вотъ какого рода предложеніе я вамъ могу сдѣлать. У меня есть земля въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Ормса, домъ на ней очень порядочный и обстановка тоже вполне приличная. Я предлагаю вамъ пользоваться этою землею и ея доходами до тѣхъ поръ, пока вамъ это понадобится. Если вамъ больше нужны деньги, чѣмъ земля, я могу ее продать, за нее предлагаютъ миліонъ; я передамъ его вамъ и вы можете располагать имъ по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, этотъ вопросъ меня не интересуетъ, я, кажется, вообще въ дѣлахъ понимаю не больше вашего». Я глубоко былъ тронутъ тѣмъ, что хотѣлъ для меня сдѣлать де-Воазэ. Но я поблагодарилъ его и отказался отъ его предложенія, такъ какъ могъ обойтись безъ посторонней помощи, но при этомъ я сказалъ, что если помощь мнѣ эта понадобится, я скорѣе обращусь къ нему, чѣмъ къ своимъ родственникамъ. Надо отдать справедливость, что это была бы не особенно большая жертва съ моей стороны, такъ какъ никто изъ родственниковъ не предлагалъ мнѣ до сихъ поръ своей помощи. Я боялся только того, чтобы не возстановили противъ меня короля, и я рѣшилъ лучше самъ открыть ему настоящее положеніе моихъ дѣлъ и письменно сообщить ему объ этомъ.

Я поѣхалъ въ Версаль и просилъ королеву, чтобы она доставила мнѣ случай передать письмо королю, она, видимо, была смущена и сказала, что очень жалѣетъ мою жену, такъ какъ она вела себя по отношенію ко мнѣ въ высшей степени благородно и честно. Я отвѣтилъ на это, что, конечно, мадамъ де-Лозенъ всегда проявитъ свое благородство тамъ, гдѣ оно нужно, но что я никогда не буду прибѣгать къ ея помощи въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ. Королева спросила, что она можетъ сдѣлать для меня, и предложила мнѣ похлопотать за меня, но это заставило меня тотчасъ прекратить этотъ разговоръ. Я просилъ ее извиненія за то, что осмѣлился беспокоить ее разговоромъ о моихъ личныхъ дѣлахъ и этимъ привелъ ее въ немалое смущеніе, такъ что мнѣ даже стало жаль ее.

Я пошелъ къ де-Морепа, съ которымъ я еще никогда не говорилъ. Я рассказалъ ему о положеніи своихъ дѣлъ и попросилъ передать мое письмо королю. Онъ отвѣтилъ на это: «Нельзя терять времени, я пойду сейчасъ къ королю, подождите меня здѣсь». Онъ вернулся черезъ четверть часа и сообщилъ мнѣ, что король былъ тронутъ моимъ довѣріемъ къ нему и велѣлъ передать мнѣ, что я могу рассчитывать на его расположеніе ко мнѣ, которое онъ скоро намѣренъ доказать на дѣлѣ. Де-Морепа увѣрялъ меня, что такъ какъ часть моего состоянія ушла на исполненіе моихъ обязанностей по отношенію къ государству, король намѣренъ дать мнѣ единовременное пособіе и, кромѣ того, назначить большую пенсію. Я отвѣтилъ на это, что мнѣ не надо ни того ни другого и что я могу вполне обойтись тѣми суммами, которыя еще останутся у меня послѣ уплаты всѣхъ моихъ долговъ. Я присутствовалъ въ этотъ вечеръ при томъ, какъ король ложился спать, и онъ все время обращался со мной очень милостиво.

Я вернулся въ Парижъ. Тамъ я узналъ, что де-Гвинъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы выставить меня въ самомъ некрасивомъ видѣ и этимъ еще болѣе поднять престижъ моей жены въ глазахъ цѣлаго свѣта. Я позволилъ себѣ сострить по этому поводу, онъ немедленно явился ко мнѣ для разъясненій, но я не принялъ его и вообще съ тѣхъ поръ совершенно игнорировалъ его и всѣ его выходки, направленные противъ меня.

Мнѣ гораздо болѣе грустно было слышать, что герцогъ де-Шоазель, къ которому я всегда былъ такъ привязанъ, отзывался обо мнѣ тоже въ очень оскорбительной формѣ. Что касается герцогини Граммонъ, та прямо называла меня чуть ли не воромъ и мошенникомъ. Тогда я рѣшилъ, что я совершенно лишній въ обществѣ этого достойнаго брата и его сестры, и пересталъ бывать у нихъ. Мнѣ очень жаль было, что при этомъ мнѣ пришлось отказаться и отъ надежды увидѣть герцогиню де-Шоазель, которая относилась ко мнѣ такъ хорошо, хотя я не всегда заслуживалъ

этого. Тогда братъ и сестра объявили, что я неблагодарный, а между тѣмъ вѣдь герцогъ никогда ничего не сдѣлалъ для меня, несмотря на что, я выказывалъ ему всегда самую глубокую преданность.

Въ обществѣ распространился слухъ, что я промоталъ все состояніе своей жены и продалъ ея брильянты, что я выдалъ векселя на случай смерти своего отца, маршала Бирона, герцогини де-Шоазель и мадамъ де-Люксембургъ. Я долженъ былъ реабилитировать себя въ глазахъ свѣта; къ счастью, это оказалось не особенно труднымъ.

Я продалъ свои земли де-Геменэ съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ часть моихъ долговъ, на что онъ и согласился. Кромѣ того, я продалъ много королю, который при этомъ платилъ очень щедро. И покончилъ со всѣми своими дѣлами ровно въ шесть недѣль.

Я совершенно отказался отъ всякой помощи со стороны своей жены и доказалъ, что она никогда ни въ чемъ не являлась поручительницей за меня. Въ концѣ концовъ у меня осталось состояніе, дающее мнѣ 80.000 ливровъ въ годъ и оставленное въ рукахъ де-Геменэ; кромѣ того, у меня наличными деньгами имѣлась крупная сумма въ 500.000 франковъ и хорошенкій домъ, такъ что существовать еще я могъ, но и только.

Я хотѣлъ раздѣлить это состояніе съ моей женой, но она отказалась. Ее взяла къ себѣ ея бабушка и даже велѣла ей отослать мнѣ брильянты, которые я ей подарилъ, я, конечно, отослалъ ихъ обратно, и они такъ и остались лежать у нашего нотаріуса.

Королева продолжала относиться ко мнѣ очень хорошо, но сейчасъ замѣтно было, что я уже пользуюсь далеко не тѣмъ фаворомъ, какъ раньше. Ей уже сообщили, что я сошелся съ Морепа чтобы интриговать противъ нея. И дѣйствительно, этотъ министръ былъ, повидимому, очень расположенъ ко мнѣ и выказывалъ мнѣ большую дружбу.

Таково было положеніе моихъ дѣлъ въ началѣ 1777 г. Больше меня ничто не задерживало во Франціи, и я рѣшилъ ѣхать въ Индію, несмотря на то, что Морепа старался отговорить меня отъ этого. Но я все же пристроился къ де-Бюсси. Я редактировалъ его мемуары, которые были полны драгоцѣнныхъ свѣдѣній, но очень плохо написаны. Его предложенія принимались вездѣ съ большимъ одобреніемъ, но дѣло дальше не подвигалось.

Въ это время лэди Берриморъ, которая была мною предоставлена всецѣло въ распоряженіе ея многочисленныхъ любовниковъ, ѣхала въ Англію, но когда она узнала, что я разорился, она немедленно вернулась въ Парижъ.

— Послушайте, — сказала она мнѣ: — я должна вамъ сказать нѣчто весьма важное, только пожалуйста не прерывайте меня. Говорятъ, вы разорились, я богата, молода и совершенно независима.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

І. Богословіе.

Анинскій, И. Псевдохристіанство какъ тормозъ прогресса. (Всѣды съ братьями по духу). М. 1907. Ц. 60 к.

Бочнаревъ, В. Стоглавъ и исторія собора 1551 года. Историко-каноническій очеркъ. Гор. Юхновъ, Смол. губ. 1906. Ц. 2 р.

Бредло, Чарльзъ. Атеизмъ. (Естественная религія. Начала социальной науки) Спб. 1907. Ц. 20 к.

Вилинскій, С. Г. Посланія старца Артемія. (XVI вѣка). Одесса. 1906. Ц. 2 р.

Голосовъ, Александръ, свящ. На досугъ. (Пастырскія думы по разнымъ вопросамъ времени). Рига. 1907. Ц. 50 к.

Грантъ-Алленъ, проф. Эволюція идеи Божества. Исслѣдованіе о происхожденіи религій. Переводъ съ нѣмецк. Е. А. Волкъ, подъ редакціей В. В. Витнера. Спб. 1906. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к.

Гретцъ, И., проф. Исусъ Христосъ и христіанство. Переводъ съ нѣмецк. Е. А. Волкъ, подъ редакціей В. В. Витнера. Съ прилож. статьи «Жизнь Исуса» Эрнеста Ренана. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Зѣлинскій Ѡ., проф. Соперники христіанства. Статьи по исторіи автичныхъ религій. (Изъ жизни идей, т. III). Спб. 1907. Ц. 1 р. 80 к.

Молоховецъ, Е. Ветхозавѣтная исторія Іакова и семьи его, какъ прообразъ исторіи христіанства новозавѣтнаго. Спб. 1906. Ц. 25 к.

— Краткая исторія домостроительства вселенной. Съ приложеніемъ карты (въ краскахъ). Часть I. Спб. 1906. Ц. 60 к.

— Сокровенная исторія: православной Россіи, католичества и протестантства вообще. Священная война 1877—1878 г. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Преображенскій, Василій, протоіер. Святыя учителя вѣры и благочестія. Духеспасительныя чтенія на каждый день года. Т. IX, сентябрь. Спб. 1907. II. 60 к.

Рашковъ, С. А. Чтенія по средневѣковой исторіи. Четыре представителя духовной жизни XII-го вѣка. Норбертъ Премонстратенскій. — Петръ Ключійскій. — Арнольдъ Врешіанскій. — Папа Адрианъ IV. М. 1907. Ц. 75 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолъ Павелъ. Полный переводъ безъ всякихъ сокращ. съ послѣд. французск. изданія. Спб. 1907. Ц. 1 р. 10 к.

Толстой, Л. н. Полное собраніе сочиненій, вышедшихъ за границей. Напечатано, согласно указанію автора, съ оригиналовъ В. Г. Черткова. Т. II. Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность? Краткое изложеніе Евангелія. — Соединеніе, переводъ и исслѣдованіе 4-хъ евангелій, Спб. 1907. Ц. 1 р.

Троцанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у Якутовъ. Съ 10 фигурами и 4 приложен. Казань. 1902. Ц. 2 р.

Штрауссъ, Д. Ф. Жизнь Исуса, полный переводъ М. Свияскаго подъ редакціей Н. М. Никольскаго. Т. I. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

— Чудеса Христа. Научно-критическое изслѣдованіе. Переводъ съ 18-го нѣмецк. изданія. Спб. 1907. Ц. 40 к.

II. Философія, психологія, логика.

Буссе, проф. и Геффдинг, проф. Міровоззрѣнія великихъ философовъ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. В. В. Витнера. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Геккель Э., проф. Богъ въ природѣ. Пер. съ нѣмецк. Г. Солина, подъ редакц. В. В. Витнера. Спб. 1906. Ц. 35 к.

— Происхожденіе человѣка. Рѣчь, произнесенная на международномъ конгрессѣ въ Кембриджѣ. Перев. Г. Г. Оршанскаго. Харьковъ. 1907. Ц. 30 к.

Жаковъ К. ѳ. Принципъ эволюціи въ гно-

сеологіи, метафизикѣ и морали. Спб. 1907. Цѣна 25 коп.

Карлейль, Т. Этика жизни. Трудиться и не унывать! Переводъ Е. Синерукой, подъ ред. и съ предисловіемъ В. В. Витнера. Съ портретомъ Карлейля и многими рисунк. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Тейхманъ, проф. Жизнь и смерть. Проблема жизни. Перев. съ нѣмецк. Г. Солина, подъ редакцій В. В. Витнера. Съ рис. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Тухолна, С. Оккультизмъ и магія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р.

III. Словесность.

Анзиміровъ, В. А. «Крамольники». Хроника изъ радикальскихъ кружковъ семидесятихъ годовъ. М. 1907. Ц. 50 к.

Афанасьева-Уральская, Марія. Сказка о свободной. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Беллами, Э. Равенство. Перев. съ англ. В. Винницкой. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Блонъ, Александръ. Стихи о прекрасной дамѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Брюкнеръ, проф. Исторія русской литературы въ ея историческ. развитіи въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Г. Савинскаго подъ редакціей В. В. Витнера. Съ портретами и снимками съ картинъ. Часть I и II. Спб. 1906. Ц. ч. I—70 к., ч. II—1 р. 60 к., обѣ части вмѣстѣ 2 р.

Viola, Paul. Прелюдія творчества. Стихотворенія. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 5 к.

Ганжулевичъ, Т. Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Г—нъ, Б. Призраки. (Продолженіе повѣсти И. С. Тургенева). М. 1907. Ц. 15 к.

Горный, М. Т. VII. Песны. Дачники.—Дѣти солнца. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Градовскій, Г. Н. Двѣ драмы: 1) «Старый либераль», въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2) «Во имя любви», въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р.

Деворъ, Д. А. «Слѣпое поклоненіе—безуміе». Трагикомедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Еврейновъ, Н. Красивый деспотъ. Последній актъ драмы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Женофобовъ, А. Разказы изъ жизни настоящихъ русскихъ интеллигентовъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Женщины. Разказы: Женщины Г. Омштеда. Перев. съ нѣм. Е. А. Дунаева-Бигарро. Андре Терье. Перев. съ франц. М. Н. Ермолова.—Дѣвушка изъ «этого» дома (изъ дневника художницы) Илизы Фрапанъ, перев. съ нѣм.—Къ чему жить? Эрнеста Альгрена. Перев. со шведск.—Идиллія въ красномъ галчѣ. Бретъ-Гарта. Перев. съ англійск. М. 1907. Ц. 50 к.

Ивинскій, Борисъ. Разказы. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Инфантьевъ П. «Кресты». (С.-Петербургская одиночная тюрьма). Изъ личныхъ воспоминаній. М. 1907. Ц. 30 к.

Кампанелла, Томасъ. Государство солнца (Civitas solis). Переводъ съ латинскаго съ биографическ. очеркомъ, примѣч. и доп. А. Г. Генкеля. Съ портретомъ Т. Кампанеллы. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Карповъ, Евтихій. Недруги. Пьеса изъ современной жизни, въ 5-ти дѣйств. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Коробка, Н. И. Опытъ обзора исторіи русской литературы для школъ и самообразования. Ч. III. Эпоха реалистическаго романа. Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Котъ-мурлыка. Безъ свѣта. Новый годъ. Спб. 1907. Ц. 12 к.

— Любовь великая. Счастье. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Кругловъ, А. в. Дневникъ писателя, ежемѣсячное общедоступн. изданіе. М. 1907. Январь. Ц. 30 к.

Крыловъ, И. Четыре басни. Съ неизданными рисунками. А. Орловскаго. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Крюковъ, ѳ. Казацкіе мотивы. Очерки и разказы. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Кунцевичъ, Г. З. «Ябеда», комедія В. В. Капниста. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Лебланъ, М. Необычанныя приключенія Арсена Люпэна. Перев. съ франц. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Матвѣевъ, А. А. Стихотворенія. М. 1907. Ц. 20 к.

Мерингъ, Ф. Легенда о Лессингѣ. Съ приложеніемъ статьи объ историческомъ материализмѣ. Съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Луначарскаго. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Минъева, Е. В. Элегія. Спб. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Озеровъ, В. А. Трагедія. Эдипъ въ Афинахъ. — Фитгалъ. — Дмитрій Донской. — Объяснительныя статьи. (Русская классная бібліотека подъ редакціей А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы, вып. XXXIII). Спб. 1907. Ц. 45 к.

Олесь, О. З'журбою радість обнялась. Поэзія т. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

«Переваль», журналъ свободной мысли. 1907 г. № 3. М. Ц. 50 к.

Петровъ, Г. С. свящ. Горацій Маннъ. Народные печальники. Спб. 1907. Ц. 5 к.

— Думы и впечатлѣнія. Спб. 1907. Ц. 50 к.

- Искальченна правда. Спб. 1907. Ц. 5 к.
 — Кровавый Молохъ. Спб. 1907. Ц. 5 к.
 — Подвигъ жертвы. Спб. 1907. Ц. 3 к.
 — Цѣнный свидѣтель. Спб. 1907. Ц. 5 к.
 Понровскій, В. И. Николай Ивановичъ Новиковъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
 — Александръ Николаевичъ Радичевъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907. Ц. 75 к.
 Серафимовичъ, А. Рассказы. Т. II. Спб. 1907. Ц. 1 р.
 Сниталець. Рассказы и пѣсни. Т. II. Спб. 1907. Ц. 1 р.

- Танъ. На тракту. Повѣсть изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. М. 1907. Ц. 10 к.
 Уайльдъ, Оскаръ. Душа человѣка при социализмѣ. Перев. съ англійск. М. А. Головкиной. М. 1907. Ц. 40 к.
 — Социализмъ и душа человѣка Спб. 1907 г. Ц. 60 к.
 Хахановъ, Александръ. Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. IV. Литература XIX вѣка. М. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
 Шато, Генрихъ. Осель, обезьяна и философъ. Перев. съ франц. Мих. Маликовъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
 Шевченко, Т. Кобзарь. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
 Штиглиць, А. Н. Памяти Ивана Сергѣевича Аксакова. Спб. 1907. Ц. 15 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Будде, В. Ф., проф. Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Федоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ ордѣнѣ въ 1638 г. (По рукописи А. Ф. Мейенъ въ селѣ Назаровѣ Рузскаго у. Московской губ. (Памятники древней письменности и искусства СЛXV) Спб. 1906. Ц. 80 к.
 Воеводскій, В. Ф. Великій князь литовскій Витовтъ и его время. Спб. 1907. Ц. 25 к.
 Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Т. V. Спб. 1907. Ц. 5 р.
 Тоже на французскомъ языкѣ 5 р.
 Ильинскій, Г. А. Грамота бана Кулина. Опытъ критическаго изданія текста съ комментаріями. Съ приложеніемъ фототипическаго снимка. (Памятники древн. письменности и искусства. СЛXIV). Спб. 1906. Ц. 30 к.
 Исторія Россіи въ картинахъ по столѣтіямъ. Спб. Ц. 3 р.
 Оларъ, А. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики (1789—1804). Изданіе 2-е, переводъ съ французск. Н. Кончевской. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
 Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1904—1906 гг. Съ приложеніями. Спб. 1906. Ц. 30 к.
 Петрищевъ, А. Б. Отъ смуты до смуты. Спб. 1907. Ц. 30 к.
 Романченко, Н. Ф. Надписи и девизы на русскихъ печатяхъ моего собранія. Спб. 1905. Ц. 1 р.
 Сеньобосъ, проф. и Уоллесъ-Менензи. Исторія Россіи въ XIX—XX столѣтіи. Ч. I. проф. Сеньобосъ. Россія въ XIX ст. Ч. II. Менензи Уоллесъ. Очеркъ исторіи револю-

- ціоннаго движенія въ Россіи съ 60-хъ годовъ. Перев. Ерогина и Н. Михайлова подъ редакціей В. В. Вигнеръ. Съ рис. и портрет. Спб. 1906. Ц. 60.
 Симои, Павелъ. Къ исторіи обихода книгописца, переплетчика и иконнаго писца при книжномъ и иконномъ строеніи. Матеріалы для исторіи техники книжнаго дѣла и иконописи, извлеченныя изъ русскихъ и сербскихъ рукописей и другихъ источниковъ XV—XVIII столѣтій. Съ вводною статьей и объяснительными примѣчаніями. Вып. I. Текстъ и примѣчанія I—XXI. Съ приложеніемъ 14-ти таблицъ снимковъ и рисунками въ текстѣ. (Памятники древней письменности и искусства СЛXI). Спб. 1906. Ц. 3 р.
 Францевъ, В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906. Ц. 4 р.
 Холоневскій, А. Несостоявшееся польское возстаніе 1877 г. Переводъ съ польскаго. Спб. 1907. Ц. 30 к.
 Шумигорскій, Е. С. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
 Якимирскій, А. И. Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи. Незвѣстныхъ произведенія Григорія Цамблака, подраженія ему и переводы монаха Гавріила. Съ 4 автотипическими снимками. (Памятники древней письменности и искусства СЛXIII). Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
 — Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи XV—XVII вв. Введеніе къ изученію славянской литературы у румынъ. Тырновскіе тексты молдавскаго происхожденія и замѣтки къ нимъ. Съ 9 автотипическими снимками. (Памятники древней письменности и искусства СЛXII). Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

V. Сельское хозяйство.

- Глазеннаппъ, М., проф. О необходимости распространенія въ Россіи искусственныхъ удобрильныхъ туковъ. Къ разрѣшенію крестьянскаго аграрнаго вопроса въ Россіи. Съ рисунками въ текстѣ и планомъ завода суперфосфата. Рига. 1907. Ц. 80 к.

- Заломановъ, Н. П. Смѣшанные посѣвы и сидерация. (Крестьянскіе посѣвы). Екатеринбургъ. 1906. Ц. 30 к.
 Ивановъ, Ил. И. Искусственное оплодотвореніе у млекопитающихъ. Экспериментальное изслѣдованіе. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

- Ипатозичъ-Горанская, О. Н. Русскій способъ откорма куръ. Спб. 1906. Ц. 20 к.
- Клаусень, Э. К. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододства, особенно для юга Россіи. Часть I. Огородничество. 6-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Клейнъ, I. Практическое молочное хозяйство. Краткое наставленіе для хозяевъ и хозяекъ. Переводъ съ нѣмецк. съ добавленіями и измѣненіями примѣнительно къ русскимъ условіямъ С. П. Фридолина. Съ 48 рисунк., въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 45 к.
- Котельниковъ, В. Г. Вѣсды по земледѣлію. Вып. VII. О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ: свеклы сахарной и кормовой, моркови и рѣпы или турнепса. Изданіе 7-е, исправл. и доп. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Кузминская, Т. Вегетаріанскій столъ. Съ 416 рецептами. Изданіе 3-е А. С. Суворина Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Потѣхинъ, Д. И. Выборъ лошади безъ содѣяствія барышниковъ. М. 1907. Ц. 10 к.
- Ручной трудъ, ежемѣс. журн. кустарно-ремеслен. и сельско-хоз. промышленности и торговли. 1907. № 1. Спб. Ц. 40 к.
- «Хуторъ», сельско-хоз. журналъ, 1907 г. № 2. Спб. Ц. 40 к.
- Шмулевичъ, А. М. Ветеринарный календарь на 1907 г. Подъ редакціей проф. Н. Н. Мари. Спб. 1907. Ц. 1 р. 10 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусство.

Ремесла.

- Архитектурный ежегодникъ 1906. Спб. Ц. 3 р. 50 к.
- Гольднеръ, Гуго. Газовые, нефтяные и прочіе двигатели внутренняго сгоранія. Ихъ конструкция и работа, ихъ проектированіе. 812 фигуръ въ текстѣ и 26 листовъ чертежей. Переводъ съ нѣмецк. К. В. Кирша и Н. К. Пафнютъева, подъ редакц. проф. В. И. Гриневецкаго. Вып. II (последній). М. 1907. Ц. за 2 вып. 11 р.
- Консторума, И. Спутникъ инженера, фабриканта, механика, техника и электротехника. Съ 140 чертеж. въ текстѣ. Рига. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

VII. Правовѣдніе и общественныя науки.

- Аграрный вопросъ. Т. II. Сборникъ статей Л. К. Брейдера, М. Вруна, Н. И. Воробьева, проф. М. Я. Герценштейна, проф. В. Э. Дена, А. А. Кауфмана, Н. Н. Кутлера, проф. В. Л. Левитскаго, проф. А. А. Мануйлова, И. И. Петрункевича, О. А. Хауке, проф. А. И. Чупрова и В. Е. Якушкина. М. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
- Анциферовъ, А. Н. Кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.
- Бакунинъ, М. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей А. И. Бакунина. Т. II. Спб. Ц. 70 к.
- Блоссъ, К. Марисъ, Д. Стернъ, Шернъ. Народныя движенія 1848 года въ Европѣ. Подъ редакц. В. В. Витнера. Съ рисунк. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Бобриковъ, Г. И. Государственность въ современности I. Политическая смута. II. Дальній Востокъ. III. Государственная обора. IV. Со страницъ исторіи. V. Съ тѣхъ же страницъ. VI. Источники силы. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Бончъ-Осмоловскій, И. Работы первой Государственной Думы. По стенографическимъ отчетамъ. Подъ редакціей С. И. Вондарева. Изданіе сиб. комитета трудовой группы. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.
- Бутми, Эмиль. Политическая психологія англійскаго народа въ XIX вѣкѣ. Переводъ съ второго франц. изданія. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Василевскій, И. Р. Государственный контроль, какъ охранитель народныхъ интересовъ за границей и въ Россіи. (Популярно-критическій очеркъ). Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Васильевъ, И. П. Что такое трудовики. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Великороссовъ, М. Задачи русской политики съ національной точки зрѣнія. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Гаазе. Классовое правосудіе. Переводъ съ нѣмецк. Н. Жданковой и Ал. Витина. Съ предислов. и примѣчаніями Ал. Витина. Съ вступлен. и подъ редакц. П. Н. Малантовича. М. 1907. Ц. 30 к.
- Гаммеджъ, Р. Исторія чартизма. Перев. съ англ. А. В. Пожеговой. Спб. 1907 г. Ц. 2 р.
- Гартъ. Революція и наши партіи. Монархисты-реакціонеры, конституціоналисты-демократы, социаль-демократы: меньшевики, большевики, социальсты-революціонеры: централисты, максималисты; итоги и выводы. М. 1907 г. Ц. 25 к.
- Герье, В. Первые шаги бывшей Государственной Думы. М. 1907 г. Ц. 40 к.
- Гольштейнъ, М. Л. Движеніе угольного процесса. Практическіе примѣры. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Гольштейнъ, I. М. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Изслѣдованія. Т. I. Синдикаты, задачи торговой политики и будущая роль Россіи. М. 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Горяиновъ, С. Восфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ архивахъ. Съ 10 портретами. Спб. 1907 г. Ц. 2 р.
- Гурляндъ, Михаилъ. «Дума народнаго гнѣва». Избранныя мѣста изъ рѣчей, произнесенныхъ въ первой русской Думѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Д. Л. И. Объ ожиданіи бывшей Государственной Думы. Спб. 1907. Ц. 15 к.

- Дицгенъ, Юсифъ. Теорія познанія въ свѣтъ марксизма. Со вступительной статьей А. Паннекока и портретъ автора. Перев. В. Будзиловича, под редакціей Г. Шпетта. Кіевъ. 1907 г. Ц. 50 к.
- Докладная записка къ вопросу о реорганизации народнаго хозяйства Россійской Имперіи. В. У. Харьковъ. 1906 г. Ц. 15 к.
- Жоресъ, Ж. Избранныя рѣчи и статьи. Переводъ съ французск. А. Герингъ, под редакціей В.-Ф. Тотоміанца Спб. 1907. Ц. 90 к.
- Зельгеймъ, В. Въ единеніи сила. 1) Общій союзъ труда. 2) О потребительныхъ обществахъ. 3) Какіе союзы нужны кустарямъ. 4) Союзы крестьянъ - земледѣльцевъ. 5) Крестьянскія товарищества въ Германіи. 6) Указатель литературы по объявленію трудящихся. М. 1907. Ц. 15 к.
- Ильбертъ, К. Техника англійскаго законодательства. Изложеніе и переводъ барона Александра Нольде. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Исаевъ, А. А., проф. Вопросы социологіи. Спб. 1906. Ц. 1 р. 60 к.
- Наутснй, Карлъ. Очерки и этюды. Собраніе и переводы Г. Ф. Львовича, Изданіе 4-е, исправ. и допол. Спб. 1907 г. Ц. 80 к.
- Кечеджи-Шаповаловъ, М. В. Экономическое положеніе Японіи. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Т. I. А.—I. Спб. 1907. Ц. 5 р.
- Коршъ, Ф. Голосъ изъ партіи 17-го октябръ. М. 1907 г. Ц. 10 к.
- Косининъ, Ал. Что такое Государственная Дума? Конституционная монархія. Права и обязанности народныхъ представителей. Выборы. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Кувшинская, Е. Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англии. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Къ чему приводитъ владычество буржуазіи. Перев. съ франц. М. Д. Гродецаго. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Лабріола, Артуръ. Синдикализмъ и реформизмъ. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Лагардель, Губертъ. Всеобщая стачка и социализмъ. Международная анкета. Мѣнія и документы. Перев. съ франц. Г. Оленевъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- М. Е. Голосъ русской женщины. По поводу государственнаго и духовно-религиозно-нравственнаго возрожденія Россіи. Спб. 1906. Ц. 40 к.
- Менгеръ, Антонъ, проф. Завоеваніе рабочимъ его правъ.—Право на полный продуктъ труда въ историческомъ изложеніи. Перев. съ 3-го нѣмецк. изданія А. И. Люблинскаго, под редакціей и съ предисловіемъ В. В. Витнера. Со многими портретами. Спб. 1906. Ц. 40 к.
- Менгеръ, Антонъ. Народная политика. Переводъ съ нѣмецк. Мих. Кадышъ. Съ предисловіемъ прив.-доц. В. Устинова. М. 1907. Ц. 35 к.
- Мигулинъ, П. П., проф. Русскій государственный кредитъ (1769—1906). Т. III. Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго (1893—1906). Вып. V, послѣдній. Итоги министерства Витте и обзоръ кредитныхъ государственныхъ операцій. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Моррисонъ-Давидсонъ, В. Предшественники Генри Джоржа. Перев. А. Александровой. М. 1907. Ц. 30 к.
- Н. А. Удѣльные имущества, съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства. М. 1907. Ц. 10.
- Нечволодовъ, А. Русскія деньги. Сиб. 1907. Ц. 50 к.
- Норма, Л. Миръ еще возможенъ! (Совладѣльчество). Тифлисъ. 1906. Ц. 30 к.
- Озеровъ, Ив., проф. На борьбу съ народной тьмой. М. 1907. Ц. 10 к.
- Охрана памятниковъ и родины въ современныхъ законодательствахъ. Перевелъ съ нѣмецк. Г. Зоргенфрей. Сиб. Ц. 20 к.
- Памятная книжка первой Государственной Думы. Вып. III. Спб. 1906. Ц. 75 к.
- Пахарнаевъ, А. I. Междудумскія распоряженія правительства въ 1906 году. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Погожевъ, А. В. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. Материалы по статистикѣ труда. Съ прилож. таблицъ и 18 картодиаграммъ. Спб. 1906. Ц. 5 р.
- Ренаръ, Ж. Проф. Социалистическій строй. Его политическія и эконоимическія основы. Перев. съ 5-го франц. изданія, под редакціей В. В. Витнера. Сиб. 1906. Ц. 44 к.
- Россовъ, С. Для выборовъ въ Государственную Думу. Спб. 1907. Ц. 3 к.
- Россовъ, С. «Талмудъ», «Кагалъ» и еврейская печать. Спб. 1907. Ц. 5 к.
- Румянцевъ, А. Финляндія вооружается! Союзъ «Сила» («Voima»). Время Н. Н. Герарда, А. Ф. Лаггофа, Лео Мехелина и К^о. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Сапелкинъ, В. Потребительныя и сельскохозяйственныя общества Россійской Имперіи. Спб. 1906. Ц. 4. р.—въ перел. 4 р. 50 к.
- Сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго 7 (20) юлія 1906 г. Библиотека Окраны Россіи № 1. Изданіе проф. Н. Д. Сергѣевского. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Сибирскіе вопросы. Годъ III. № 1. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Соновинъ, П. Н. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Съ поуызными данными по 46 губерніямъ Европейской Россіи. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.
- Тардъ. Сравнительная преступность. Переводъ съ французскаго. М. 1907. Ц. 80 к.
- Тенеръ, Веніаминъ. Социализмъ, коммунизмъ, методы. Съ предисловіемъ О. Виконта. (Портретъ В. Текера). М. 1907. Ц. 75 к.
- Тенкленбургъ, Адольфъ. Пропорціональные выборы, какъ идея права. Съ приложеніемъ: соединеніе пропорціональныхъ выборовъ съ системой трехклассныхъ выборовъ въ гамбургскій сенатскомъ законопроектѣ отъ 10 мая 1905 г. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Терманъ, М. Религія и классовые противорѣчія. Переводъ съ еврейскаго. Вильна. 1906. Ц. 20 к.
- Тихоновъ, Т. И. Земство въ Россіи и на окраинахъ. Спб. Ц. 1 р.

Тургеневъ, Николай. Россія и русскіе. Первое русск. изданіе. Ч. I. Портретъ и статьи. (Библиот. Декабристовъ, в. II). М. 1907. Ц. 80 к.

Утинъ, В. А. Процессуальныя нарушенія правъ залогодержателей. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Фогтъ, Андрей, проф. Соціальныя утопіи. Переводъ Н. Стороженко. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Хилквитъ, Моррисъ. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Перев. съ посл. англійск. изданія, подъ редакціей Е. Смирнова. Спб. 1907. Ц. 90 к.

Черняевъ, Н. И. Изъ записной книжки русскаго монархиста. Харьковъ. 1907. Ц. 75 к.

Шершеневичъ, Г. Ф., проф. учебникъ торговаго права. 3-е исправл. изданіе. Спб. 1907. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

Барштанъ, Владимиръ. Кефиръ (лечебный напитокъ изъ коровьяго молока). Популярный очеркъ. Происхожденіе кефирнаго бродила и напитка. Способъ приготовления и химическій составъ напитка. Лечебное значеніе напитка. Харьковъ. 1907. Ц. 15 к.

Брейтманъ, М. Я., д-ръ. Питаніе и вскармливаніе дѣтей съ современной точки зрѣнія. Съ 66 рисунк. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Готье, А., проф. Питаніе и режимы для здороваго и больного человѣка. Перев. съ франц. д-ра М. А. Раскиной. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

«Домашній Докторъ», ежемѣс. народн. медиц. журналъ подъ редакц. д-ра Б. А. Окса.

и акад. И. Р. Тарханова. 1907. № 1. Спб. Ц. 15 к.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. Подъ редакц. д-ра П. Н. Вулатова. 1907 г. Спб. Ц. 2 р.

Кенигъ (Konig) проф. Учебникъ общей хирургіи для врачей и студентовъ. 2-е изданіе, соверш. переработанное проф. О. Hildebrand омъ. Перев. съ нѣмец. д-ра С. З. Серебренниковъ. Съ 102 рисунк. Т. I. Спб. 1907. Ц. 3 р. 50 к.

Пашкисъ, (Paschkis) проф. Косметика въ изложеніи для врачей. Съ 6 рисунк. Перев. съ нѣмец. д-ра М. Я. Брейтмана и П. И. Лурье Гибермана. 3-е, перераб. и расширен. изданіе. Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

IX. Искусство.

Волнова, С. С. О древнерусскихъ церковныхъ папѣвахъ и о значеніи ихъ для будущности русскаго музыкальнаго искусства. (Памятники древней письменности и искусства. СѣIX) Спб. 1906. Ц. 15 к.

Габриловичъ, А. Музыкальный календарь. Справочная и записная книжка на 1907 г. Ц. 1 р.

Ганина, Рост. Шуманъ и его фортепианное творчество. Спб. Ц. 75 к.

«Золотое Руно», ежемѣс. художеств. детературн. журналъ. 1906 г., №№ 11—12. М. Ц. 3 р. 60 к.

Императорскій фарфоровый заводъ. (1744—1904). Спб. Ц. 35 р.

Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ. Съ объяснительнымъ текстомъ А. И. Сомова. Вып. IX. Спб. Изданіе А. С. Суворина. Ц. по подпискѣ за 12 вып. 75 р.

Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Текстъ Игоря Грабаря. Вып. 3, 4 и 5. М. 1906. Ц. по подпискѣ по 1 р. за выпускъ.

Могутъ ли я стать артисткой? Практическія указанія и руководство для желающихъ поступить на сцену и для любителей драматическаго искусства. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Портреты русскихъ писателей въ геллогравюрахъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція В. В. Калаша. Вып. 14 и 15. М. Ц. по подпискѣ по 2 р. за выпускъ.

Сонни, С. М., проф. Теорія постановки голоса въ связи съ физиологіей органовъ, воспроизводящихъ звукъ. (Тутъ же практическіе совѣты учащимся пѣнію и артистамъ). 6-е изд., пересмотрѣнное и значительно дополн. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Старые годы, ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907 г. № 1. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Театръ и искусство. 1907. № 1—5. Спб. Ц. по 20 к.

Финдейзень, Н. Полное собраніе писемъ Михаила Ивановича Глики. Т. I. (1822—1847). Спб. 1907. Ц. 1 р.

X. Военное и морское дѣло.

Бой «Варяга» у Чемульпо 27 января 1904 г. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Вѣстникъ военной иностранной литературы. Январь 1907. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣстникъ русской конницы 1907 г., №№ 1 и 2. Спб. Ц. по 40 к.

Епанчинъ, Н. Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи. Ч. III (послѣдняя). Переходъ черезъ Балканы. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Зиновій (Дроздовъ), іеромонахъ. Съ эскадрой до Цусуми. (Письма съ пути). Вятка. 1906. Ц. 60 к.

Мартыновъ, Е. И. Изъ печальнаго опыта русско-японской войны. Изданіе 2-е. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Николаевскій, С. Ф. Сборка судовыхъ машинъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 80 к.

Новицкій, В. Ѳ. Сандоу. Стратегическій очеркъ наступленія 2-й Манчжурской ар-

міи въ январѣ 1905 г. (Съ 7-ю чертежами).
Изданіе 2-е. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Павловъ, Е. На Дальнемъ Востокѣ въ
1905 году. Изъ наблюдений во время войны
съ Японіей. Съ автотипіями въ текстѣ.
Спб. 1906. Ц. 4 р.

Тонаревскій, А. Разбивка чертежей желѣз-
ныхъ судовъ на планѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Федоренно, В. Годъ у вѣмцевъ. Замѣтки
офицера. Вильна 1907. Ц. 50 к.

Фленъ-Фонъ, Рихардъ. Исслѣдованіе Му-
денскаго сраженія. Съ 15 по 25 февраля
1905 года (съ 6-ю схемами). Переводъ съ
нѣм. П. Х. Попова. М. 1907. Ц. 50 к.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Березинъ, Н. Географическія экскурсіи
Тенишевскаго училища. Съ 22 иллюстр.
Спб. 1906. Ц. 60 к.

Битнеръ, В. В. Пути самообразования и
служенія обществу. Ч. I. Просвѣтительная
работа. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Богачевъ, Т. П. Причины паденія нрав-
ственности. (Посвящается всѣмъ родите-
лямъ). М. 1907. Ц. 30 к.

Гладновъ, Б. И. Священная исторія Нового
Завѣта. Руководство для гимназій, прогим-
назій, реальныхъ училищъ и другихъ сред-
нихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Калачинскій, П. Будущее нашей народной
школы. Кіевъ. 1906. Ц. 30 к.

— Краткія свѣдѣнія изъ элементарной
теоріи музыки. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.

Козьявинъ, И. Г. Новая метода для прак-
тическаго изученія Французскаго языка
безъ учителя. Одесса. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Кривцовъ, С. Ф. Элементарный учебникъ
ботаники. Съ 158 рисунк. въ текстѣ. Изда-
ніе 2-е, исправл. и дополненное. Спб. 1907.
Ц. 50 к.

Маушинъ, А. И. врачъ. Популярная ги-
гіена. Для среднихъ учебныхъ заведеній и

для учителей начальныхъ школъ, какъ по-
собіе при гигиеническихъ бесѣдахъ съ уча-
щимися. Съ 106 рис. Ч. I. Анатомія и физио-
логія. Томскъ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Мальцевъ, А. П., прот. Основанія педаго-
гикп. Изданіе 4-е исправл. и дополненное.
Спб. 1907. Ц. 1 р.

Мироносицкій, П. П. До-ми-соль. Нотная
пѣвческая грамота для школъ и самообу-
ченія. (Метода подвижнаго До). Съ 20-ю
дѣтскими пьесами въ текстѣ. Спб. 1907.
Ц. 50 к.

Пясецкій, Л. Я. Алгебра для среднихъ учеб-
ныхъ заведеній. Ч. I. Дѣйствія надъ дѣ-
льными одночленами и многочленами. Спб.
1907. Ц. 25 к.

Спѣшновъ. Краткія дидактическія указа-
нія для готовящихся къ преподательской
дѣятельности. Изданіе 3-е. Рига. 1907.
Ц. 30 к.

Страховъ, Н. Методика русской грамоты
и начальныхъ упражненій въ русскомъ
языкѣ. 6-е изд. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р.

Чернышевъ, В. Забытые труды К. Д. Ушин-
скаго. Спб. 1907. Ц. 20 к.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

Демольдеръ, Э. Сердце бѣдныхъ. Раз-
сказы для дѣтей. Перев. съ франц. С. Ор-
ловскаго. Съ рисунк. Кутюрье. Изд. 2-е. М.
1907. Ц. 60 к.

Дугласъ-Виггинъ, Кэтъ. Три бѣглеца или
веселая рѣчка. Разсказъ. Съ рисунк. Оли-
вера Герфорда. Перев. съ англ. Изд. 2-е. М.
1907. Ц. 50 к.

Котляръ, Г. А. Не сказка, а правда о жи-
вотныхъ. М. 1906. Ц. 65 к.

Красныя зори. Иллюстр. журналъ для дѣ-
тей. 1907. № 2. Спб. Ц. 20 к.

Лонгъ, В. Богатырь лѣсовъ и другіе раз-
сказы. (Школа лѣсовъ. В. III). Перев. съ
англійск. А. Ульяновой. Съ рисунк. Копе-
ланда. М. 1907. Ц. 40 к.

— Маленькіе строители и другіе разска-
зы. (Школа лѣсовъ. В. IV). Перев. съ англ.

Н. Петровской. Съ рис. Копеланда. М. 1907.
Ц. 30 к.

Позняковъ, Н. И. Рыцари. Повѣсть изъ
школьной жизни. Съ рисунк. въ текстѣ. М.
1906. Ц. 60 к.

Сахаровъ, И. П. и Сахарова, Л. П. Наши
родные поэты, ихъ жизнь и произведенія.
Книга для дѣтскаго чтенія въ старшихъ
классахъ начальныхъ школъ, въ низшихъ
учебныхъ заведеніяхъ и въ младш. клас-
сахъ средн.-уч. заведеній, а также и для
подарковъ. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Фарадей, М. Исторія свѣчки. Съ прилѣ-
чаніями и биографическимъ очеркомъ Санъ-
Клеръ-Девіля. Съ 56 рисунк. въ текстѣ.
Съ франц. перев. и дополн. П. Федорова.
Изданіе 2-е. Спб. 1907. Ц. 60 к.

XIII. Естествознаніе.

Бедельянъ. Классификаціонныя таблицы
растительныхъ семействъ. Спб. Ц. 75 к.

Бельше, В. Родословная животнаго царст-
ва. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей В. В.
Витнера. Съ рисунк. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Геннелъ, А. Краткій очеркъ анатоміи и
физиологии растений. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Граціановъ, В. И. Краткій очеркъ исторіи
Императорскаго русскаго общества аккли-
матизація животныхъ и растений за 50 лѣтъ
существованія 1857 — 1907. М. 1907.
Ц. 50 к.

Детмеръ, В., проф. Краткій практическій
курсъ физиологии растений. Руководство для

слушателей высших учебных заведений и преподавателей естествознания. Перевод дополненный и исправленный по второму немецкому изданию С. Ф. Нагибина. Съ 163 рисунками въ текстѣ. М. 1907. Ц. 2 р.

Лебедевъ, Г. проф. Учебникъ минералогіи, Часть описательная (физиографія минераловъ). Съ 698 политажа. въ текстѣ. Изданіе 2-е, совершен. перераб. и дополн. Спб. 1907. Ц. 5 р. 50 к.

Пабстъ, проф. и Зипертъ, проф. Минералогія и геологія. Ч. I. Минералогія и петрографія. Ч. II. Геологія и палеонтологія. Перев. съ нѣмецк., подъ общей редакціей В. В. Битнера. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Ячевскій, А. А. Болѣзни растений (фитопатологія). Вып. I. Спб. 1907. Ц. 50 к.

XIV. Физика, химія, математика.

Бернштейнъ, Р., проф. и Марквальдъ, В., проф. Физика видимаго и невидимаго. Переводъ съ нѣм. подъ редакц. В. В. Битнера. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Гудайль, проф. Практическая метеорологія. Съ приложеніемъ статьи проф. А. И. Воейкова «Климатъ Россіи». Составлено Э. К. Д., подъ редакц. В. В. Битнера. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Кривцовъ, С. Ф. Краткій курсъ физики. Съ 197 рисунок. въ текстѣ. 2-е исправленное и дополнен. изданіе. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Мартенсъ, Б., Практическая математика.—Приемы вычисленій.—Коммерческая арифметика.—Опредѣленіе поверхностей и объемовъ.—Справочныя таблицы. Подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Морозовъ, Николай. Периодическія системы строенія вещества. Теорія образованія химическихъ элементовъ. М. 1907. Ц. 3 р.

Pareleg. G. Начала анализа безконечно-малыхъ въ элементарномъ изложеніи. Переводъ съ франц. подъ редакц. проф. А. П. Котельникова съ историческимъ очеркомъ анализа безконечно-малыхъ проф. А. В. Васильева. Вып. I. Казань. 1906. Ц. 1 р.

Ройе, Клемансъ и Мейеръ. Проф. Астрономія. Ч. I. Исторія неба. Ч. II. Солнце и звѣзды. Перев. съ фран. и нѣмец. Г. Сонина, подъ редакціей В. В. Битнера. Съ рисунок. и отдѣльною большою картою луны. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Шустеръ, Августъ, проф. Популярныя лекціи низшей и высшей математики. Перев. съ нѣмецк. Л. Д. Исакова, подъ редакціей В. В. Битнера и введеніемъ: «Значеніе математики и ея краткая исторія». Со многими портретами и чертежами. Спб. 1906. Ц. 1 р. 60 к.

XV. Географія, этнографія, путешествія.

Гейльборнъ, А., проф. и Бергъ, Л., проф. Антропологія и этнографія въ основныхъ чертахъ. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. В. В. Битнера. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Живая Старина, періодическ. изданіе Отдѣленія этнографіи Импер. Русск. Географич. Общ. 1906 г., вып. IV Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Нолонольникова, В. Очерки Афганистана, Белуджистана и Персіи. М. 1907. Ц. 25 к.

Природа и населеніе Россіи. Въ четырехъ частяхъ. Составлено М. Н. Т., подъ редак-

ціей В. В. Битнера. Ч. I. Народы Азіатской Россіи. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 40 к.

— Ч. II. Народы Европейск. Россіи. Сѣверный край, Приуралье, Финляндія, Прибалтійскій край, Озерная область, Поволжье, Центръ. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 45 к.

— Ч. III. Народы Европейской Россіи, вып. II. Низовая Волга и Заволжье, земля Войска Донскаго. Малороссія, Новороссія, Западный и Сѣверо-Западный край. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 40 к.

— Ч. IV. Крымъ и Кавказъ. Съ рисунок. Спб. 1906. Ц. 45 к., 4 Всѣ части вмѣстѣ 1 р. 20 к.

XVI. Коммерческія науки.

Поповъ, Н. У. Математическій методъ бухгалтеріи. Красноярскъ. Ц. 2 р. 50 к.

Талалай, А. А. Таблицы дѣйствительной доходности всѣхъ процентныхъ бумагъ. 100

табл. и 36 статей текста. Руководство для болѣе вѣрнаго и выгоднаго помѣщенія капитала. М. 1907. Ц. 5 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

